Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Цѣна «Нивы» 1914 г. съ приложеніями (полное собраніе сочиненій въ 27 книгахъ **В. Г. Короленко**, полное собраніе сочиненій въ 8 книгахъ **А. Н. Майкова**, полное собраніе сочиненій въ 5 книгахъ **Эдм. Ростана**, 12 книгъ журнала **„Ежемѣсячныя литературныя и популярно-научныя приложенія“** и проч.).

7 р. Пересылка въ Европ. Россіи — **2 руб.**, а въ Азіатскую Россію—транспортомъ или почтою (за **30 ф.** по почтовой таксѣ).

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1914 годъ.

СТРАН.

V. Текущія событія.

Вопросы внутренней жизни:

VI. Новыя изобрѣтенія и открытія. Технологія.

VII. Политическое обозрѣніе.

VIII. Смѣсь.

IX. Парижскія моды.

X. Тиражи выигрышей и погашенія билетовъ Госуд. Банка.

XI. Картины, рисунки и иллюстраціи.

а) Картины и рисунки.

б) Иллюстраціи.

Москва.

Памятники:

Петроградъ.

в) Великая Европейская война: иллюстраціи и рисунки.

г) Карты.

д) Національные гимны союзныхъ державъ.

XII. Портреты и біографіи.

XIII. Библіографія.

XIV. Къ рисункамъ.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 1.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

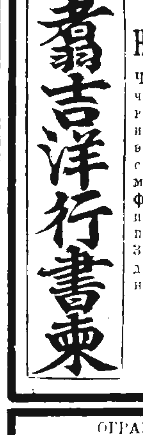
XLV г. изданія

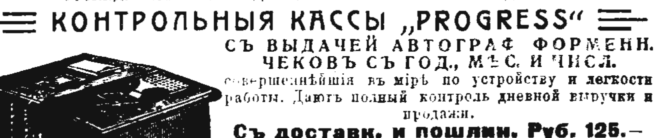
Выданъ 4 января 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—25 к., съ перес. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за январь.





ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 1 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4 января 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р.** Цѣна этого №—25 к., съ перес. 30 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Январь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Январь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 27 рис. дамскихъ рукодѣлій и 3) „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ“ на 1914 годъ, отпечатанный красками.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

I.

Еще не кончилось вѣнчаніе, когда Майновъ и Прозоровъ вышли на паперть одной изъ самыхъ старыхъ, скромныхъ петербургскихъ церквей.

Несмотря на то, что церковь была почти пустая, и воздуху было много, оба глубоко передохнули съ такимъ удовольствіемъ, точно вышли изъ склепа, и не сразу надѣли шляпы.

И тотъ и другой съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ не посѣщали церкви, и было непривычно провести цѣлыя полчаса подъ высокими каменными сводами, больше освѣщенными скуднымъ мерцаніемъ свѣчей и лампадъ, чѣмъ дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь высокія узкія окна.

Отъ запаха воска, деревяннаго масла, которымъ пропитались не только деревянныя иконы, но и самые камни, особенно же отъ запаха ладана, который въѣлся во все, въ головѣ подымалась муть, и теперь пріятно было прикосновеніе къ волосамъ и къ кожѣ сыроватаго весенняго воздуха, согрѣтаго теплыми солнечными лучами.

Пасха была поздняя, и запоздала весна. Уже прошла Ѳомина недѣля, а еще земля не просохла отъ снѣга. Конечно, въ Петербургѣ снѣга не было давно: онъ оставался за городомъ, да и то въ низинахъ, но и оттуда онъ посылалъ сюда свой холодокъ и сырость и туманъ, и еще вчера выпалъ не то снѣжокъ, не то дождь.

Но нынче только облака, талыя, задымленныя городомъ, закрывали иногда солнце, да на камняхъ мостовой все никакъ не могли просохнуть грязь и мокредь.

Послѣ гулкой тишины церкви было что-то по-весеннему возбуждающее въ голосахъ и шумѣ громаднаго города. Гдѣ-то что-то грохотало, ревѣло, гремѣло, звенѣло, но далеко отъ этой тихой церкви, и, можетъ-быть, потому всѣ эти голоса и звоны отдѣляли отъ себя какую-то мелодію жизни, въ которой больше всего ощущалась весна.

Гдѣ-то близко пропѣлъ рожокъ автомобиля, и послышался нервный стукъ его. Минута—и самъ автомобиль остановился около церкви.

Оттуда вышелъ человѣкъ невысокаго роста, съ стройной, изящной фигурой, съ смуглымъ худощавымъ лицомъ и по-англійски подстриженными черными усами.

К. Маковскій. Задорная.

Большіе безпокойные глаза на одно мгновеніе остановились на стоящихъ на паперти молодыхъ людяхъ.

— Скажите вѣдь здѣсь вѣнчаніе профессора Шугаева?

Форма этого вопроса показалась имъ почему-то нѣсколько смѣшной, они переглянулись и утвердительно отвѣтили.

Пріѣзжій чуть-чуть тронулъ свой котелокъ, опустилъ длинныя темныя рѣсницы и быстро прошелъ въ церковь.

На старыхъ, сухихъ, точно сѣдыхъ плитахъ паперти остались влажные слѣды его ботинокъ.

Оба посмотрѣли ему вслѣдъ и на эти слѣды, которые солнце тутъ же принялось усердно высушивать, но не сказали о немъ другъ другу ни слова. Мало ли кто изъ знакомыхъ Шугаева могъ пріѣхать на эту свадьбу, хотя и была она чрезвычайно скромна и интимна.

Майновъ вздохнулъ, покачалъ головой, надѣлъ на голову мягкую съ непомѣрно большими полями для его роста шляпу, печально взглянулъ на врата церкви и тронулъ товарища за руку:

— Какъ ты думаешь, будетъ она счастлива?

Прозоровъ посмотрѣлъ на его круглое, добродушное лицо и поправилъ иронически, какъ вообще любилъ относиться ко всему:

— Ты хочешь спросить, будутъ ли они счастливы?

Взялъ своего товарища подъ руку и подсадилъ на извозчика, дожидавшагося у церкви.

Они поѣхали къ Шугаевымъ.

Майновъ какъ будто даже нѣсколько обидѣлся на поправку:

— Нѣтъ, я именно спросилъ о ней. Для счастья профессора достаточно покоя.

Колеса слегка прыгали на резиновыхъ шинахъ по мостовой, и подковы лошади гулко отбивали ровный тактъ.

— Право, —возразилъ Прозоровъ: —не стоитъ задумываться надъ будущимъ не только чужого счастья, но и своего собственнаго. Счастье имѣетъ лишь настоящее время: я счастливъ, ты счастливъ... впрочемъ, нѣтъ, ты несчастливъ, —съ улыбкой поправился онъ.

Майновъ, огорченный, укоризненно взглянулъ на него:

— Хорошъ другъ. Ты можешь надо мною издѣваться въ такую минуту!

— Э, братъ, довольно, если изъ двухъ друзей одинъ будетъ плакать.

Майновъ покачалъ головой и печально сознался:

— Ахъ, мнѣ такъ тяжело, что дѣйствительно хочется заплакать.

Прозоровъ съ шутливой серьезностью чуть-чуть отъ него отодвинулся:

— Предупреждаю, если ты намѣренъ со слезами упасть ко мнѣ на грудь, я соскочу съ извозчика.

— Но слезы дрожатъ у меня въ груди.

Дѣйствительно, голосъ его выдавалъ искреннее волненіе, но круглое, добродушное лицо стало только какъ-то по-дѣтски безпомощнымъ и не вызывало у насмѣшливаго товарища серьезнаго сочувствія.

— Пиши плаксивые стихи, но не порти чужіе жилеты. Непріятно быть на такомъ торжествѣ въ измятомъ и испорченномъ, хотя бы слезами друга, жилетѣ. Посмотри-ка лучше,— обратилъ онъ вниманіе товарища на клочокъ синяго неба, съ пухлымъ бѣлымъ облакомъ, поднимавшимся изъ-за деревьевъ Таврическаго сада, еще голыхъ, но уже подернутыхъ красноватымъ тономъ набухающихъ почекъ.— Это хорошо. Пріятныя отношенія.

Онъ говорилъ объ отношеніяхъ красочныхъ пятенъ.

— Надо запомнить. Тутъ есть очень весеннее.

Майновъ раздраженно и безнадежно отвѣтилъ:

— Ну, что тутъ можетъ быть въ Петербургѣ весенняго! Гниль одна. Уѣхать бы куда-нибудь подальше, гдѣ настоящее солнце, море...

И правда, не успѣли они доѣхать, какъ небо затянулось сѣрыми, мутными облаками, и все вокругъ потускнѣло, насупилось и перестало вѣрить веснѣ.

II.

Встрѣтила ихъ Арина Ивановна, мать профессора, сѣдая, крѣпкаго закала старуха, съ грубоватымъ лицомъ, но необыкновенно добрыми, всегда влажными глазами, выдававшими старушечью чувствительность и нѣкоторую слабость къ вину, которую она скрывала главнымъ образомъ отъ сына.

Арина Ивановна пышно разодѣлась въ свое старомодное платье и на плечи накинула старинную красивую шаль, которою Прозоровъ сразу залюбовался.

— Отличное пятно! — воскликнулъ онъ при видѣ этой шали.

— Какое, милый, пятно?—испугалась старуха, осматривая пестрый кашемировый платокъ.

Художникъ поспѣшилъ успокоить ее и объяснилъ, что разумѣлъ подъ словомъ „пятно“.

Она опять съ достоинствомъ облеклась шалью:

— Что это вы ужъ больно скоро? Развѣ уже все кончилось?

— Еще не совсѣмъ.

— Такъ чего же вы убѣжали изъ церкви?

Прозоровъ кивнулъ головой на Майнова:

— Да вотъ мой пріятель не выноситъ вѣнчальнаго ѳиміама.

— Нехорошо. Слѣдовало бы вамъ въ церкви помолиться за счастье новобрачныхъ.

— Я-то плохой молельщикъ, —сознался Прозоровъ: —а вотъ поэтъ...

Но Майновъ сердито остановилъ его:

— Это уже наконецъ безсовѣстно!

Арина Ивановна добродушно махнула рукой:

— И то, какой вашъ братъ молельщики.

— Да нѣтъ, —поспѣшилъ оправдаться Майновъ. —Мы такъ... вообще... Пріѣхали раньше, чтобы предупредить, помочь и вообще...

Старуха прошла въ столовую и съ гордостью осмотрѣла столъ, приготовленный для новобрачныхъ.

— Да что ужъ помогать. Кажется, все есть: и вино, и закуски, и гіацинты.

— Пиръ дадите настоящій, —поддержалъ ее Прозоровъ.

Арина Ивановна была скуповата.

— Гдѣ ужъ тутъ настоящій. И это-то стало въ копеечку.

— Ну, ради такого торжества можно кутнуть.

Арина Ивановна задумалась и сомнительно вздохнула.

— Да, торжество, —пробормотала она про себя. Обратилась къ гостямъ съ гостепріимной улыбкой: —Пока молодые пріѣдутъ, можетъ-быть, хотите выпить чего-нибудь?

Майновъ охотно отозвался:

— Я бы съ удовольствіемъ: что-то не по себѣ.

Прозоровъ разсмѣялся:

— Завидно ему, Арина Ивановна. Самому жениться хочется.

Старуха серьезно поглядѣла на него и наставительно замѣтила:

— Молодъ еще. Не уйдетъ. Слышали, какъ въ старой пѣснѣ поется: „Коли женишься—перемѣнишься, потеряешь свою молодость“. Пожалуйте. Вамъ красненькаго или бѣленькаго?

Она подошла къ столу и стала наливать имъ вино.

Прозоровъ, уже при встрѣчѣ съ старухой кое-что замѣтившій, обратился также къ ней:

— А вы, Арина Ивановна? Можетъ-быть, и вы съ ними?

— Пожалуй, и я... мадерки.

— А я сначала коньяку,—мрачно заявилъ Майновъ.

Забулькало вино. Майновъ поднялъ рюмку и чокнулся съ Ариной Ивановной:

— За ваше здоровье, Арина Ивановна.

— И за торжество,—добавилъ Прозоровъ.

Арина Ивановна неторопливо потянула изъ рюмочки, вытерла губы и спокойно отвѣтила:

— Кому торжество, а матери — забота.

Эта откровенность немного удивила обоихъ: они всего третій разъ видѣлись со старухой, но, несмотря на это и на то, что оба были знакомые со стороны невѣсты, Арина Ивановна не особенно церемонилась съ ними: молоды, да и не такой у нея характеръ, чтобы лукавить.

Прозоровъ не скрылъ своего удивленія:

— Почему? Вотъ странно. Я думалъ, и вамъ радость.

Но Майновъ точно обрадовался ея заявленію:

— А я вовсе не думалъ этого.

Старуха повела на него влажными глазами:

— По видимости—торжество, а вникнуть... совсѣмъ другое. Тридцать семь лѣтъ Гришенька былъ мой. Тридцать семь лѣтъ

вся моя жизнь въ Гришину жизнь шла, а теперь пришелъ чужой человѣкъ и оторвалъ.

Это было нѣсколько не то объясненіе, котораго ожидалъ Майновъ. Однако онъ изъ приличія спросилъ:

— Развѣ вы не вмѣстѣ будете?

Старуха задумалась ревниво:

— Оно и вмѣстѣ и врозь. Что я ему теперь?.. Старая клюка.

Вздохнула:

— Налейте-ка мнѣ еще мадерки.

Майновъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе. Не забылъ и о себѣ:

— И я еще выпью рюмку коньяку. Это облегчаетъ.

Арина Ивановна присѣла на стулъ, и гости также расположились рядомъ.

Съ удовольствіемъ потянувъ изъ рюмки вино, Арина Ивановна одобрительно замѣтила Майнову:

— Правда, облегчаетъ.

Лицо ея закраснѣлось отъ выпитаго вина. И не только глаза, а и голосъ стали еще чувствительнѣе.

— Вотъ не любитъ Гриша, что я пью мадеру,—чистосердечно высказалась она.—А изъ-за него же я и привыкла къ ней. Особенно, когда Гришенька ушелъ изъ дому. Трудно было ему жить въ домѣ съ отцомъ. Крутой былъ человѣкъ отецъ. Мы вѣдь изъ Сибири, а тамъ народъ не то, что здѣсь: ужъ если упрется—камень. На ученье денегъ ни-ни. Пускай, говоритъ, онъ желѣзомъ торгуетъ, такъ же, какъ и дѣдъ и я. А я, знаете, деньги, между прочимъ, утаивала, изъ конторки тихонько на ученье брала. Дознавался—бѣда. И сколько я отъ него тиранства изъ-за Гришенькинаго ученья приняла!.. Когда ужъ невмоготу было, я къ этому средству...—она просто указала на вино.—Оно какъ будто немножко и полегчаетъ. Да и меня тоже не легко было согнуть. Довела Гришеньку до настоящаго. Понялъ все это Гришенька, оцѣнилъ. Померъ отецъ, онъ ужъ такъ меня покоилъ...

Она задумалась и какъ будто забыла о гостяхъ. Влажные глаза сощурились и помутнѣли. Съ глубокимъ вздохомъ поднялась, какъ будто сразу выросшая и строгая, поправила шаль на плечахъ и, уже не обращаясь ни къ кому изъ нихъ, закончила, какъ бы размышляя вслухъ:

— А теперь что — не знаемъ мы хорошенько. Какъ-то ужъ очень скоро содѣялось.

Майновъ нѣсколько обидѣлся за Лидію Михайловну и горячо произнесъ:

— О, это достойнѣйшая женщина. Необыкновенная! Ужъ одно ея присутствіе дѣлаетъ человѣка счастливымъ.

И, сознавая, что теперь наступаетъ конецъ даже этому счастью, онъ снова выпилъ рюмку коньяку.

— Да, въ отдѣльности оно такъ бываетъ: и тотъ и другой хороши, а сойдутся—шипятъ, какъ огонь съ водой.

— Ну, зачѣмъ же такъ загадывать...—вмѣшался Прозоровъ.

Она поспѣшила согласиться:

— И то: ему будетъ хорошо, и мнѣ будетъ хорошо.—И тутъ же оживилась: — Ну, для встрѣчи у меня все готово: и иконы и хмель. Кто вотъ только хмелемъ будетъ осыпать?

Прозоровъ, смѣясь, указалъ на Майнова:

— Вотъ онъ спеціалистъ по хмелю.

Арина Ивановна кивнула головой:

— И хорошо. Я принесу хмель да пойду посмотрю, все ли готово для пути. Какъ только поужинаютъ, такъ и въ дорогу.

Едва она ушла, Майновъ снова сталъ наливать себѣ коньякъ, оправдываясь передъ товарищемъ:

— Мнѣ необходимо подкрѣпить себя.

Выпилъ и съ горечью въ лицѣ не то отъ коньяку, не то отъ печали сталъ упрекать товарища:

— И зачѣмъ ты меня звалъ присутствовать при этой церемоніи! И зачѣмъ я пришелъ сюда!

Онъ печальнымъ взглядомъ обвелъ столовую, развелъ руками и опустилъ голову.

Прозоровъ ядовито замѣтилъ:

— Конечно, не затѣмъ, чтобы ты наконьячился раньше пѣтуховъ.

Но Майновъ не обратилъ вниманія на его тонъ. Уныло вздыхая, онъ продолжалъ плаксивымъ голосомъ:

— Я чувствую, какъ у меня сердце блѣднѣетъ отъ горя, и подкашиваются ноги.—Въ доказательство онъ сѣлъ на стулъ.—Подумать только: тамъ теперь все кончено...—Тутъ онъ неожиданно вскочилъ и ударилъ кулакомъ по спинкѣ стула: — И почему она вышла за него замужъ? Что у нихъ общаго? Нѣтъ, ты скажи мнѣ... говори!

— Да что ты присталъ!—снова смѣясь, отвѣтилъ товарищъ. Я свахой у нихъ не состою. А на твой вопросъ—я думаю, и сама бы она не отвѣтила. Развѣ ты не знаешь, что за человѣкъ Лидія Михайловна? Впрочемъ, и онъ человѣкъ незаурядный.

Прозоровъ помолчалъ и окинулъ своего товарища не то ласковымъ, не то ироническимъ взглядомъ.

— А знаешь, я не ему завидую, а тебѣ: до чего ты дьявольски молодъ, несмотря на твою лысинку и наливающееся брюшко. Для тебя нѣтъ блаженства выше сознанія, что ты страдаешь отъ безнадежной любви.

Прозвонилъ звонокъ, хлопнула дверь, и послышались шаги.

Майновъ забылъ свое отчаяніе, засуетился:

— Идутъ, идутъ, а хмеля нѣтъ! Арина Ивановна! Гдѣ Арина Ивановна?

Онъ метнулся къ двери, гдѣ Арина Ивановна уже стояла съ тарелкой хмеля, и, выхвативъ это у нея, побѣжалъ въ переднюю. Тамъ онъ столкнулся съ двумя шаферами, молодыми художниками, „вѣчнымъ шаферомъ" Сизовымъ и усатымъ Вострухинымъ, которые, торопливо сбрасывая пальто, возвѣстили:

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! Сейчасъ будутъ!

— Чудесно! Мы ихъ осыплемъ хмелемъ, — волновался Майновъ.—Чтобы радость и удача обвивали ихъ, какъ хмель.

— Стихи! Чудесно! Вѣдь вы пишете стихи. Кантату новобрачнымъ!

— Онъ годится сейчасъ только для надгробныхъ эпитафій,— не оставлялъ его въ покоѣ Прозоровъ.

На минуту подошла Арина Ивановна:

— Такъ вы ужъ тутъ не пропустите. Осыпьте ихъ хмелемъ. Это счастье приноситъ. А я возьму икону. Иконой встрѣчу, благословлю. Жалко, посаженаго отца нѣтъ... не по обычаю.

III.

За окномъ послышался стукъ экипажа, который тутъ же и замолкъ.

— Подъѣхали! Подъѣхали!—закричали шафера.

Рѣшимость покинула Майнова. Онъ передалъ Вострухину тарелку съ хмелемъ:

— Мнѣ сдѣлается дурно. Я долженъ подкрѣпить себя.

Шаферъ проворно поставилъ стулъ къ двери и вскочилъ на него, высоко поднявъ тарелку.

— Я ихъ осыплю хмелемъ, какъ дождемъ.

Прозоровъ наставительно увѣщевалъ уходящаго въ столовую Майнова:

— Смотри, братъ, ты отъ этихъ подкрѣпленій въ концѣ концовъ останешься безъ ногъ.

— Тс!..—остановилъ шумъ и бесѣду шаферъ, указывая глазами на дверь, за которой слышались приближающіеся шаги.

Прозоровъ распахнулъ навстрѣчу дверь, но не успѣлъ еще предупредить товарища, какъ тотъ высыпалъ изъ тарелки весь хмель прямо на голову впорхнувшей въ переднюю дѣвушкѣ.

— Ай-ай-ай, что вы дѣлаете!—послышался молодой голосъ вмѣстѣ съ звонкимъ смѣхомъ.

Стряхивая хмель съ пышно причесанной головы и плечъ, дѣвушка подняла милое смѣющееся личико на шафера, у котораго вырывалъ тарелку Прозоровъ:

— Постой! Постой! Оставь для новобрачныхъ!

Но тотъ, понявъ свою ошибку, дурачливо сыпалъ послѣдніе остатки хмеля на голову дѣвушкѣ, которая, защищаясь, закрыла руками лицо. Но смѣхъ и голосъ какъ будто брызгалъ сквозь ея тонкіе бѣленькіе пальчики.

— Что вы дѣлаете! Что вы дѣлаете!—Убѣдившись, что хмеля больше нѣтъ, она открыла лицо, быстро мигая рѣсницами, съ безпокоившими ихъ пушинками хмеля. — Вы погубили мою будущность! Это—скверная примѣта. Теперь я никогда не выйду замужъ.

Прозоровъ въ тонъ ей шутливо воскликнулъ:

— Господа, опровергнемъ эту примѣту!

Шаферъ соскочилъ со стула:

— Всѣ, всѣ предлагаемъ вамъ себя въ рабы!

Направникъ. Сметана. Горакъ. Бендль. Римскій-Корсаковъ. Ласковскій. Даргомыжскій. Балакиревъ. Кн. Одоевскій. Глинка. Верстовскій. Бортнянскій. Турчаниновъ. Львовъ. Гуриле́въ. Сѣровъ. Шопенъ. А. Рубинштейнъ. Гр. Огинскій. Н. Рубинштейнъ. Липинскій. Монюшко.

И. Е. Рѣпинъ. Славянскіе композиторы.

Майновъ вышелъ на этотъ шумъ и крики.

Прозоровъ дернулъ его за руку.

— Восемь рукъ, четыре сердца. Женихи, на колѣни! Становись!—потянулъ онъ упиравшагося Майнова.

И всѣ, выстроившись въ рядъ, опустились на колѣни передъ заливавшейся смѣхомъ дѣвушкой.

— Еще и еще хуже, — еле могла она выговорить сквозь смѣхъ:— сразу четверо, значитъ—не будетъ ни одного жениха.

Увлеченные этой шуткой, они и не замѣтили, какъ въ дверяхъ появились Шугаевъ съ Лидіей Михайловной.

Новобрачные съ улыбкой остановились передъ этой сценой. Замѣтивъ ихъ, тѣ быстро вскочили на ноги, и это было какъ разъ вò-время, такъ какъ Арина Ивановна уже торжественно вышла, держа въ рукахъ икону.

Въ глазахъ ея стояли слезы, отъ волненія она не могла говорить.

Новобрачные нѣсколько растерянно остановились передъ иконой: они уже считали, что со всей церемоніей покончено, а забавная сцена, которую застали въ передней, и вовсе разсѣяла то ощущеніе неловкости, смущенія и почти благоговѣйнаго безотчетнаго трепета, который охватывалъ ихъ въ церкви. А тутъ опять эта подъятая въ дрожащихъ материнскихъ рукахъ икона.

Профессоръ торопливо двинулся къ матери; его широкое, чисторусское лицо, съ красивой бѣлокурой бородой, прильнуло къ лицу старухи, и, звучно поцѣловавъ ее, онъ мягко проговорилъ:

— Не надо слезъ, мама, это—большое счастье для меня.

Протянулъ руку женѣ и привлекъ ее къ матери.

Та какъ-то неловко ее поцѣловала, оставляя руку въ рукѣ мужа: но этотъ порывъ заставилъ мать расчувствоваться еще болѣе, и она, передавъ икону сыну, согнувшись, суетливо направилась въ столовую, бормоча на ходу то, чтò должна была сказать при встрѣчѣ:

— Благослови васъ Господь на счастливую жизнь.

Саша отъ смѣха сразу перешла въ умиленное настроеніе и готова была проливать радостныя слезы при видѣ брата съ невѣсткой, такой прекрасной и трогательной въ бѣломъ платьѣ и съ небольшой вѣточкой цвѣтовъ флеръ д'оранжа, такъ умѣло приколотыхъ и особенно нѣжно бѣлѣвшихъ въ изгибахъ черныхъ, блестящихъ волосъ, красиво и сильно поднимавшихся надъ невысокимъ лбомъ.

У Саши не было никакихъ сомнѣній въ ихъ счастьѣ, и даже то, что новобрачные были почти одного роста, также представлялось ей залогомъ ихъ согласія.

Видя, что братъ не знаетъ, куда дѣвать икону, она быстро приняла ее въ свои руки; онъ машинально снялъ съ ея волосъ запутавшійся цвѣтъ хмеля и тутъ только замѣтилъ, что хмелевымъ цвѣтомъ осыпанъ весь полъ.

— Откуда это? — удивился онъ. Поднесъ къ нѣсколько близорукимъ глазамъ блѣдно-зеленые лепесточки и шутливо произнесъ:—Homalus Lupulus или просто—хмель. Обладаетъ лазящимъ стеблемъ, который кружитъ и вьется вправо, по наслѣдственной привычкѣ, находящейся въ зависимости отъ особыхъ свойствъ конституціи и живой протоплазмы.

Онъ добродушно обвелъ своими спокойными сѣрыми глазами молодую компанію и сдѣлалъ видъ, что готовится продолжать.

Прозоровъ такъ же шутливо взмолился къ молодой:

— Лидія Михайловна, вступите въ свои права, остановите профессора, а то онъ готовится прочесть намъ лекцію.

Лидія Михайловна весело обернулась къ мужу:

— Въ самомъ дѣлѣ, артисты—такая неблагодарная аудиторія. Пойдемте въ столовую.

IV.

Она нѣжно обняла Сашу, которая благодарно прижалась къ ней, и пошла съ такой простотой, какъ будто сразу почувствовала здѣсь себя дома.

Дѣвушка казалась совсѣмъ маленькой и еще болѣе юной около своей высокой невѣстки. Поднявъ бѣлокурую головку, она растроганно любовалась ею и, поправляя въ ея черныхъ волосахъ готовый упасть цвѣтокъ, нерѣшительно задержала на немъ свою руку.

— Лидія Михайловна, здѣсь оторвался маленькій цвѣточекъ; позвольте мнѣ его взять на память.

— Пожалуйста, Шурочка.

Съ благодарной нѣжностью дѣвушка взяла цвѣтокъ:

— Я сохраню его въ воспоминаніе объ этомъ днѣ. Ничего не можетъ быть лучше невѣсты. Вы были такъ красивы.

Сизовъ коварно напомнилъ Шурочкѣ:

— Чтò же, вы услѣдили, Александра Матвѣевна, кто первый вступилъ на коверъ?

Саша обратилась къ брату съ торжествомъ:

— Знаешь, Гриша, ты первый вступилъ.

Шугаевъ съ не покидавшей его лицо разсѣянно-снисходительной улыбкой взглянулъ на Лидію Михайловну:

— Слышите, жена моя: по этой примѣтѣ я буду глава дома.

Арина Ивановна, уже совсѣмъ оправившаяся, улыбающаяся и спокойная, пригласила всѣхъ къ столу:

— Пожалуйте, господа, пожалуйте. Нечего время терять, молодымъ скоро уѣзжать надо.

Шугаевъ спросилъ ее:

— А онъ, мама, не пріѣзжалъ?

— Не пріѣзжалъ, — отвѣтила Арина Ивановна.

Лидія Михайловна знала, о комъ идетъ рѣчь. На свадьбѣ обѣщалъ быть другъ Шугаева, вмѣстѣ съ которымъ они и должны были выѣхать къ нему въ имѣніе.

Аринѣ Ивановнѣ не нравилось это присутствіе посторонняго лица въ свадебной поѣздкѣ. „Все какъ-то не по-людски, — думала она:—но разъ сынъ такъ находилъ нужнымъ, такъ оно и должно быть“.

До полуночи, когда отходилъ поѣздъ, времени было достаточно, и спутникъ ихъ вотъ-вотъ могъ явиться.

Лидію Михайловну стѣсняло ея бѣлое подвѣнечное платье, а такъ какъ для дороги все равно необходимо было переодѣться, она обратилась къ гостямъ:

— Вы садитесь за столъ, а я пойду перемѣню этотъ торжественный нарядъ.

— Позвольте, я помогу вамъ, — вызвалась Саша. — Ваши вещи перевезли въ мою комнату.

И они уже направились къ двери, но горничная въ эту минуту внесла шампанское.

Майновъ взволнованнымъ голосомъ остановилъ ихъ:

— Лидія Михайловна, пока вы не сняли цвѣты и вообще... мнѣ хотѣлось бы поздравить васъ и выпить за ваше счастье...

Прозоровъ подхватилъ рѣчь товарища:

— За вѣчный союзъ науки и искусства!

— Да, да, за вѣчный, дружный союзъ науки и искусства!— повторили шафера и стали разбирать бокалы.

Раздался нѣжный звонъ хрусталя, и было что-то странно-общее въ этихъ легкихъ и печальныхъ звукахъ съ сѣренькими сумерками вечерняго заката. Всѣмъ стало сразу и невольно безотчетно грустно, и спокойная, ровная рѣчь профессора въ отвѣтъ на эти привѣтствія зазвучала страннымъ диссонансомъ:

— Спасибо вамъ, господа. Надѣюсь, этотъ союзъ будетъ дѣйствительно дружный и вѣчный. Мы оба вышли изъ народа, изъ той среды, которой еще не коснулось нравственное разложеніе, въ крови которой много еще... этого... много еще...

Насколько профессоръ легко и безъ заминки говорилъ обо всемъ, чтò касалось науки, настолько трудно ему было объясняться въ чувствахъ, и поэтому онъ поспѣшилъ сократить свою рѣчь:

— ...много еще цемента, дѣлающаго бракъ нашъ прочнымъ и нерушимымъ. Не правъ ли я? — обратился онъ къ женѣ.

— Да, да, несомнѣнно,—поспѣшила отвѣтить она.

И всѣ также закивали головами. Только первый шаферъ простодушно заявилъ:

— И все-таки вы были подъ вѣнцомъ сосредоточенны, даже грустны.

Она покраснѣла. Другой же шаферъ веселымъ тономъ поправилъ товарища:

— Обыкновенное дѣло. Вотъ я двадцать восьмой разъ шаферомъ и замѣтилъ, что невѣста подъ вѣнцомъ всегда грустна.

Шугаевъ удивился:

— Вы были грустны?

— Нѣтъ, наоборотъ. Но... — Она опять покраснѣла, и самой ей стало досадно за это непонятное смущеніе: —меня... мнѣ было неловко отъ взгляда... отъ этого упорнаго, страннаго взгляда.

Я старалась не смотрѣть и все же чувствовала взглядъ на себѣ. И до сихъ поръ мнѣ какъ-то непріятно.

Профессоръ еще болѣе недоумѣвалъ:

— Какой взглядъ?

Не глядя на него и чувствуя снова приливъ почти жуткаго настроенія или воспоминанія объ этомъ, Лидія Михайловна говорила, какъ будто сама удивляясь и стараясь улыбнуться надъ собою:

— Лицо было въ тѣни, я не разсмотрѣла его. Я видѣла только эти устремленные на меня глаза.

Прозоровъ чуть-чуть подтолкнулъ Майнова и насмѣшливо шепнулъ ему на ухо:

— Ужъ это не твои ли глаза?

— Оставь меня,—огорченно отвѣтилъ тотъ. — Я съ трудомъ владѣю собою.

Саша, которую совсѣмъ не занималъ этотъ мистическій разговоръ послѣ разсмѣшившаго ее заявленія Сизова, лукаво спросила его:

— А вы сами когда же женитесь, господинъ шаферъ?

— Никогда, — отвѣтилъ тотъ съ комической торжественностью.—Я—шаферъ по призванію

Майновъ, все время не сводившій глазъ съ новобрачной, перебилъ этотъ пустой разговоръ, слегка заикаясь и краснѣя, съ нѣсколько мрачной значительностью:

— Лидія Михайловна, вы позволите мнѣ... Я долженъ написать вамъ.

Она удивленно обратила на него глаза, но тутъ же не безъ лукавства улыбнулась.

Странно, къ этимъ взрослымъ и даровитымъ людямъ, уже обладавшимъ нѣкотор ми именами, она относилась нѣсколько покровительственно, почти какъ къ мальчикамъ. О чувствахъ Майнова она догадывалась, но смотрѣла и на нихъ шутливо. теперь ей почему-то особенно показалось все это незначительнымъ. Она спросила чуть слышно:

— О чемъ?

Прозоровъ поспѣшилъ опередить пріятеля:

— Не спрашивайте его, Лидія Михайловна, а то онъ опять будетъ искать подкрѣпленія.

— Это предательство!—воскликнулъ не на шутку разсерженный Майновъ.—Такъ друзья не дѣлаютъ.

Онъ даже повернулся спиной къ Прозорову.

Лидія Михайловна не безъ кокетства отвѣтила ему:

— Напишите, я буду очень рада,—и тутъ же обратилась къ мужу, который тихо бесѣдовалъ о чемъ-то съ матерью, повидимому, успокаивая ее:—Григорій Матвѣевичъ, сообщите Майнову нашъ адресъ.

Майновъ съ благодарностью взялъ ея руку и поцѣловалъ розовые, красивые пальцы.

И, снова обнявъ Сашу, она пошла, улыбнувшись неопредѣленно-ласковой улыбкой товарищамъ:

— Пойдемте, Саша.

Прозоровъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Скорѣе, Лидія Михайловна; намъ будетъ скучно безъ васъ!

И шафера прибавили свое слово:

— Мы безъ васъ за столъ не сядемъ.

V.

Шугаевъ принялъ въ серьезъ слова объ адресѣ и, написавъ его на карточкѣ, передалъ Майнову.

Майновъ взялъ карточку съ черезчуръ почтительнымъ поклономъ и сунулъ ее въ карманъ. Онъ уже успѣлъ забыть обиду, нанесенную ему Прозоровымъ, и снова ощутилъ потребность подѣлиться съ нимъ своими чувствами, не стѣсняясь тѣмъ, что Шугаевъ тутъ же рядомъ:

— Замѣтилъ ты, какіе у Лидіи Михайловны умные, чуткіе пальцы?

Прозоровъ на этотъ разъ серьезно отозвался на восторгъ пріятеля:

— Да, она—талантъ до ногтей. Истинное удовольствіе смотрѣть, когда она лѣпитъ.

Шугаевъ пропустилъ мимо ушей эту пустую для него фразу и пояснилъ Майнову адресъ:

— Это—отличное мѣстечко на Черномъ морѣ. Мой пріятель на цѣлое лѣто предлагаетъ у себя дачу.

Сизовъ тихо и насмѣшливо шепнулъ вѣчному шаферу:

— А это скуповатому профессору и на руку.

Шугаевъ продолжалъ, занятый всегда своими интересами больше, чѣмъ окружающимъ:

— Это предложеніе мнѣ какъ нельзя болѣе кстати. Я, видите ли, занятъ изученіемъ клѣточныхъ сочетаній у бурыхъ водорослей и у багрянокъ.

Вѣчный шаферъ не выдержалъ и съ дѣланной робостью замѣтилъ:

— А это, должно-быть, скучно все-таки, профессоръ?

Шугаевъ простодушно и довольно безцеремонно отвѣтилъ:

— Наоборотъ. Вотъ вы занимаетесь беллетристикой, и мнѣ это дѣйствительно кажется скучноватымъ. Ничего новаго послѣ Библіи и Шекспира, по-моему, нельзя написать о человѣческихъ отношеніяхъ. А въ томъ вопросѣ, который я изучаю, много есть такого, что̀ можетъ пролить свѣтъ и на вашу область. Я вѣдь тоже занятъ вопросомъ брака, размноженія и, можетъ-быть, измѣны тамъ... подъ водою... у растеній и животныхъ. Я успѣлъ даже заинтересовать этимъ мою жену.

Онъ какъ-то особенно четко произносилъ эти два слова „мою жену“. Майновъ съ гримасой шепнулъ Прозорову:

— Слышать не могу, какъ онъ повторяетъ это: „моя жена“... „мою жену“.

— А ты выпей по этому случаю еще рюмку коньяку.

Сизовъ обидѣлся за беллетристику:

— Но, мнѣ кажется, и послѣ Библіи и Шекспира было написано довольно новаго.

Но Шугаевъ стоялъ на своемъ:

— Больше интереснаго, чѣмъ новаго.

Онъ протянулъ руку къ твердому, красному крымскому яблоку и съ трескомъ откусилъ сразу чуть ли не половину его непріятно ровными бѣлыми зубами, никогда не знавшими табачнаго дыма.

Со вкусомъ и съ тѣмъ же трескомъ куснувъ нѣсколько разъ яблоко, онъ проглотилъ часть его и, дожевывая остальное, снисходительно докончилъ, предупреждая такимъ образомъ возраженіе, которое, очевидно, представлялось ему не новымъ и неинтереснымъ:

— Впрочемъ, я хочу главнымъ образомъ сказать, что надо изучать жизнь вездѣ, во всей ея сложности и совокупности, чтобы понять ея сущность.

Прозоровъ не то въ серьезъ, не то съ тонкой усмѣшкой поддержалъ его:

— Это правда. Искусство должно опереться на глубокую и стройную науку, чтобы освѣжиться и двинуться впередъ... Взять хотя бы поэзію...—уже не скрывая улыбки, обратилъ онъ глаза на Майнова.

Но тотъ горячо перебилъ его:

— Искусство всегда шло впереди науки, и странно, что ты... художникъ...

Прозоровъ продолжалъ уже явно подзадаривать его:

— Я—карикатуристъ. А вотъ ты, кажется, не только впереди, а и позади врядъ ли въ состояніи будешь пойти.

Но Шугаевъ не понялъ этой шутки и, доѣдая яблоко, отвѣчалъ уже Майнову:

— Знаю... Знаю... Вы сошлетесь на сказки и прочее... Хорошо... хорошо. Искусство иногда забѣгаетъ впередъ науки. Но концентрическіе круги, которые оно описываетъ, дошли до своего предѣла.

Майнова раздражалъ все больше этотъ увѣренный тонъ, но онъ не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь даже въ научномъ спорѣ:

— Чѣмъ же обусловленъ этотъ предѣлъ?

Шугаевъ съѣлъ яблоко со всѣмъ, съ кожей и съ сердцевиной, и, ни на минуту не задумываясь, отвѣтилъ:

— Радіусомъ. Этимъ радіусомъ чаще всего служитъ непосредственное чувство или то, что̀ вы называете вдохновеніемъ. Искусство, знаете, напоминаетъ само по себѣ вотъ тотъ самый хмель: ему нужна какая-нибудь опора, чтобы вокругъ нея обвиться...

Онъ почувствовалъ себя на своемъ конькѣ и, уже совсѣмъ овладѣвъ своей темой, продолжалъ рѣчь, не замѣчая, какъ вошелъ тотъ самый господинъ, котораго Прозоровъ и Майновъ видѣли при выходѣ изъ церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ж. Грюнъ. Черезъ часъ послѣ Новаго Года.

О картинѣ „Славянскіе композиторы".

Воспоминанія **И. Е. Рѣпина**.

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ въ Москвѣ было усиленное движеніе къ славянамъ. Москва всегда поддерживалась великими традиціями славянофильства, еще ранѣе сороковыхъ годовъ; имена Самариныхъ, Аксаковыхъ, въ связи съ воспоминаніями о Кирѣевскомъ, Гоголѣ и др., болѣе цѣльныхъ, дѣятеляхъ объединенія всего славянства никогда собственно и не умирали въ Москвѣ.

Въ 1870—72 гг. зимою по заказу строителя „Славянскаго Базара" А. А. Пороховщикова я писалъ картину, представляющую группу славянскихъ композиторовъ: русскихъ, поляковъ и чеховъ.

Вл. Вас. Стасовъ, съ которымъ я только-что познакомился, принялъ очень близко къ сердцу идею этой картины и совершенно платонически радовался ея разработкѣ; онъ, съ большими жертвами для себя, гдѣ только могъ, доставалъ мнѣ необходимые портреты уже давно сошедшихъ со сцены и умершихъ дѣятелей въ музыкѣ и доставлялъ мнѣ всѣ необходимыя знакомства съ живыми еще музыкантами, состоявшими въ моемъ спискѣ, чтобы написать ихъ съ натуры.

Огромная картина, предназначенная на довольно большую высоту, должна была быть написана декоративно, т.-е. широко— „на даль", такъ какъ плата за нее опредѣлялась скромная—въ 1.500 рублей, и срокъ былъ короткій.

Опытные художники не могли скрыть своего презрѣнія ко мнѣ, выскочкѣ: „Вѣдь вы только цѣны портите. Ну, гдѣ же вамъ справиться съ этимъ размѣромъ. Вѣдь вы большихъ картинъ не писали? Попробуйте-ка... Ужъ самое бѣдное 15.000 рублей надо за нее взять" и т. д.

Несмотря на всѣ эти мелкія непріятности и скудныя условія, мы съ Вл. Вас. Стасовымъ возлюбили сію картину и прилагали всѣ старанія, чтобы ее сдѣлать и художественною и значительною. Самые серьезные укоры перенесъ я отъ художниковъ уже съ именами. Этотъ заказъ сначала направился-было къ К. Маковскому; тотъ запросилъ 25.000 рублей.

Пороховщиковъ откровенно признавался мнѣ, что ему это дѣло вновѣ, и для него возможно удѣлить на картину изъ суммъ всей роскошной декораціи концертной залы только полторы тысячи, и если я не возьмусь писать за эту цѣну картины, то они затянутъ пано драпировкой, вотъ и все... Огромная зала „Бесѣда", объяснялъ онъ мнѣ, кромѣ всей затѣйливой рѣзьбы колоннъ, мебели и рамъ на портреты русскихъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ культуры, которыхъ около ста портретовъ по всѣмъ закоулкамъ, имѣетъ русскій узоръ, и это ихъ страшно заѣло.

Откровенно признаюсь: мнѣ, какъ конкуренту, только-что окончившему курсъ Академіи Художествъ, эта цѣна за картину представлялась огромной, и я только изъ приличія умалчивалъ о своей радости отъ этого богатаго заказа.

Въ какомъ дивномъ свѣтѣ заблистала передо мною вся вечерняя жизнь большихъ сборищъ, большихъ фойе театровъ! Въ залѣ Дворянскаго Собранія я упивался эффектными освѣщеніями живыхъ группъ публики и новыми образами: пламенѣя уже отъ новыхъ мотивовъ свѣта и комбинацій фигуръ, съ нетерпѣніемъ спѣшилъ утромъ въ мастерскую.

Часто В. В. Стасовъ, едва перешагнувъ порогъ моей академической мастерской, по своему мажорному обычаю, еще не затворивъ двери, уже издали кричалъ мнѣ откровенныя и громкія одобренія. Его могучій восторгъ подымалъ меня, и я бросался къ его портфелю, гдѣ—я былъ увѣренъ—уже есть новые портреты лицъ, которыхъ у меня еще не было, или ихъ новые повороты изъ откопанныхъ гдѣ-то старинныхъ снимковъ, дагеротиповъ, старыхъ литографій и т. д.

— Но знаете ли, вамъ необходимо помѣстить въ картинѣ еще двѣ фигуры молодыхъ нашихъ тузовъ (могучей кучки)—это Мусоргскаго и Бородина,—говоритъ серьезно Владиміръ Васильевичъ.

Я вполнѣ съ нимъ соглашаюсь: А. П. Бородина любили всѣ—онъ былъ заразительно красивъ и новъ; а М. П. Мусоргскаго хоть и не всѣ цѣнили, но всѣ бывали поражаемы его смѣлостью и жизнью, и никто не могъ устоять отъ громкаго хохота при исполненіи, имъ самимъ особенно, его комическихъ типовъ и неожиданно-живыхъ характерныхъ речитативовъ.

Ахъ, нельзя безъ тоски вспомнить и сейчасъ, что Владиміру Васильевичу не посчастливилось дожить до нашихъ дней признанія всей Европой нашего самороднаго генія русской музыки — Мусоргскаго!.. Въ тѣ времена, всѣ строго воспитанные въ наркотически-сладкихъ звукахъ романтизма, наши опекуны вкусовъ музыки даже не удостаивали запомнить имя тогда уже вполнѣ опредѣлившагося родного генія. И такіе излюбленные, даже популярные писатели, какъ Салтыковъ-Щедринъ, когда поклонники Мусоргскаго, заинтересовавшись его мнѣніемъ о Мусоргскомъ, познакомили его, полагая, что онъ узритъ близкое своей натурѣ въ звукахъ новаго явленія комической музыки, отвѣтилъ талантливой карикатурой своего сатирическаго пера. Весь Петербургъ читалъ этотъ пасквиль на молодой талантъ: смѣшно разсказывалось, какъ, закисая отъ смѣха, нѣкій громкій эстетъ выставилъ на судъ знатоковъ своего доморощеннаго таланта, и какъ сей протрезвѣвшій едва-едва талантъ промычалъ свою новую арію на гражданскую тему извозчика, потерявшаго кнутъ. Но я все-таки обратился къ Пороховщикову — разрѣшить мнѣ прибавить въ группу русскихъ музыкантовъ Мусоргскаго и Бородина.

— Вотъ еще: вы всякій мусоръ будете сметать въ эту картину! Мой списокъ именъ музыкантовъ выработанъ самимъ Николаемъ Рубинштейномъ, и я не смѣю ни прибавить ни убавить изъ списка, даннаго вамъ... Одно мнѣ досадно, что онъ не вписалъ сюда Чайковскаго. Вѣдь мы—вся Москва—обожаемъ Чайковскаго... тутъ что-то есть... Но, что дѣлать... А Бородина я знаю: но вѣдь это дилетантъ въ музыкѣ: онъ — профессоръ химіи въ Медико-Хирургической академіи... Нѣтъ, ужъ вы всякимъ мусоромъ не засоряйте этой картины. Да вамъ же легче: скорѣе! Скорѣе! Торопитесь съ картиной, ее ждутъ...

Во всѣхъ большихъ публичныхъ залахъ меня плѣняли широкій верхній свѣтъ и свѣтлые фоны. Свѣтлая зала, сцены, картины надо было держать непремѣнно въ русскомъ стилѣ, потому что Москва, славянство, „Славянскій Базаръ"—требовали этого.

Николай Леонтьевичъ Гунъ, работавшій по сосѣдству съ моей мастерской, имѣлъ богатѣйшій матеріалъ новыхъ образчиковъ орнаментики русскаго стиля, который въ то время уже начали жестоко опошлять пѣтухами, топорами и рукавицами и т. д. Гунъ, изящный художникъ и орнаментистъ русскій, неисчерпаемо чертилъ бумагу новыми мотивами изъ-подъ его плодовитаго карандаша. Этотъ милый, добрый талантъ, какъ истинный художникъ-архитекторъ, предоставилъ мнѣ на выборъ богатѣйшій матеріалъ совсѣмъ новыхъ собственныхъ своихъ композицій.

Пороховщиковъ благоговѣлъ предъ Николаемъ Рубинштейномъ. Въ Москвѣ онъ обѣщалъ мнѣ сеансъ съ него прямо съ натуры, въ картину, когда картина будетъ привезена туда.

Большинство лицъ было сдѣлано по портретамъ. Только М. А. Балакиревъ и Н. А. Римскій-Корсаковъ, тогда еще морской офицеръ, и Направникъ рисовались мною съ натуры. Но, чтобы не сбиться отъ боковыхъ освѣщеній жилыхъ комнатъ, я рѣшилъ съ живыхъ лицъ снять только контуры въ рисункѣ, чтобы имѣть свободу въ картинѣ освѣщать ихъ верхнимъ свѣтомъ, который меня такъ очаровывалъ на свѣтлыхъ фонахъ, подъ вечерними люстрами.

— Ну что, скажите, какъ нашелъ вашу работу съ него Милій Алексѣевичъ? Былъ онъ доволенъ?—спрашивалъ меня В. В. Стасовъ, который устраивалъ мнѣ эти сеансы и былъ страшно любопытенъ.

— А Милій Алексѣевичъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на мой рисунокъ, — отвѣчаю я правду. — Онъ былъ очень-очень любезенъ, безукоризненно постоялъ мнѣ въ своей позѣ, въ полъ-оборота, почти спиной, и мы разстались, совершенно довольные другъ другомъ.

Н. А. Римскій-Корсаковъ также не могъ восхититься моимъ сухимъ контуромъ его фигуры... Да едва ли они когда-нибудь впослѣдствіи видѣли эту картину. Въ концертной залѣ „Славянскаго Базара" она помѣщалась довольно высоко, на своемъ мѣстѣ подъ сценой, и освѣщалась только во время спектаклей и концертовъ.

II.

Пороховщиковъ зналъ людей и умѣлъ шевелить москвичей; и низшіе и высшіе слои были имъ сильно возбуждаемы по надобности.

— Ребята!—кричалъ онъ громко рабочимъ:—завтра у насъ будетъ великій князь; ужъ вы всю ночь не спите—работайте, но чтобы къ утру все было кончено!..

Вотъ прорвался шлюзъ, вотъ загремѣли рубанки, завизжали пилы, застучали топоры—и скоро, съ быстротой водопада, уже полотеры вслѣдъ всему несутся морскою волною... Какъ въ сказкѣ, работа поспѣла гораздо раньше назначеннаго срока...

А вотъ и самое торжество пришло. Теперешній ресторанъ „Славянскаго Базара“ былъ еще тогда дворомъ, на него выходили магазины. Къ назначенному часу открытія вечеромъ зашипѣли щегольскія шины красивыхъ новыхъ каретъ; великолѣпные гайдуки, ливрейные джентльмены въ высокихъ цилиндрахъ, разодѣтыя дамы—и панство, панство безъ конца; все уже дворянствомъ стало, о „степенствѣ“ и помину уже не было; мундиры, мундиры! А вотъ и само его преосвященство. Сколько дамъ, дѣвицъ свѣта въ бальныхъ туалетахъ! Ароматы духовъ, перчатки до локтей — свѣтъ, свѣтъ! французскій, даже англійскій языки!

Появился даже нѣкій заморскій принцъ съ цѣлой свитой; самъ высокаго роста, въ кавалерійскомъ уланскомъ мундирѣ; фраки съ ослѣпительными грудями...

Пороховщиковъ торжествуетъ. Какъ ужаленный, онъ мечется отъ одного высокопоставленнаго лица къ другому, еще болѣе высокопоставленному.

Свѣтъ пущенъ во-всю.

Портреты нашихъ великихъ особъ въ залахъ, ярко освѣщенные, всѣ красуются въ рамахъ русскаго стиля; мелкая разнообразная раскраска русской рѣзьбы, какъ-то дребезжа, разсыпается во всѣ закоулки и наполняетъ залу, сливаясь съ музыкой,—не забудьте: все время торжественный тушъ трубачей — какимъ-то волшебствомъ сказочнаго терема въ новомъ стилѣ.

Весело и живо наполнены богатствомъ новешенькія фантастическія хоромы... Какъ сонъ изъ Руслана.

И вообразите, все-таки главнымъ центромъ и тутъ заблистала моя картина. Особы и даже иностранцы повлеклись къ ней и надолго приковали свое просвѣщенное вниманіе. Идутъ толки, разговоры и разспросы на разныхъ языкахъ, и слышно въ общемъ большое одобреніе.

Пороховщиковъ сіяетъ счастіемъ и блеститъ, раскраснѣвшись, коситъ глазомъ, вижу, ищетъ меня.

— Гдѣ же вы? Вѣдь вы и не воображаете, какой успѣхъ! Всѣ васъ спрашиваютъ, хотятъ видѣть; а иностранцы даже не вѣрятъ, что картина писана въ Россіи... Пойдемте скорѣе, я васъ представлю... Прежде всего къ его высокопреосвященству; но вы не забудьте ради Бога подойти подъ благословеніе...

Вотъ и здѣсь я долженъ сказать правду: Великій Зиждитель не скупился на признаніе моихъ посильныхъ трудовъ въ любимомъ дѣлѣ. Я былъ щедро награждаемъ славой и успѣхомъ выше мѣры. И здѣсь торжество было неожиданно и громко.

III.

Но я не могъ не вспомнить и въ эту торжественную минуту словъ Ив. Серг. Тургенева, который забраковалъ эту мою картину.

Было такъ: какъ обѣщалъ Пороховщиковъ, съ Николая Рубинштейна я писалъ съ натуры: это было единственное лицо, писанное съ натуры и прямо въ картину, кромѣ рисунка, сдѣланнаго съ него же.

Консерваторія помѣщалась тогда на Мясницкой ул.; картину доставили туда, и мы съ Ник. Григ. Рубинштейномъ пріятно бесѣдовали во время сеанса.

Вдругъ доложили:—Тургеневъ...

Вся моя картина, въ небольшой залѣ, занятой двумя роялями, освѣщалась плохо; но это еще полбѣды. Тургеневъ былъ утомленъ и—я чувствовалъ—вовсе не расположенъ ко мнѣ. Окинувъ ее разсѣяннымъ взглядомъ, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ съ досадой, не дослушавъ объясненій о лицахъ и цѣли картины.

— Ну что это, Рѣпинъ? Какая нелѣпая идея соединять живыхъ съ давно умершими! — съ мѣста въ карьеръ ошарашилъ меня Тургеневъ, да такъ и остался съ этимъ дурнымъ впечатлѣніемъ отъ моей картины.

— Въ сюжетѣ я не виноватъ,—оправдывался я:—мнѣ списокъ лицъ данъ заказчиками, и я не смѣлъ даже отступить отъ состава изображаемыхъ мною фигуръ.

— Ну что же, тѣмъ хуже для васъ, а я не могу переварить этого соединенія мертвыхъ съ живыми.

— Да вѣдь и живые музыканты не вѣчны, Иванъ Сергѣевичъ,—лепеталъ я смущенно.—А вспомните полукругъ парижской Академіи Художествъ: тамъ соединены лица художниковъ на разстояніи трехъ вѣковъ средневѣковья, да еще сверху во святыхъ сидятъ античные греки за пятнадцать вѣковъ раньше, и всѣ на одной картинѣ,—горячусь я.

— Да, а я все же этого не перевариваю: это—разсудочное искусство... литература...

На торжествѣ открытія я вижу издали великолѣпную сѣдую русскую голову, выше всѣхъ цѣлой головой,—Тургенева, протискиваюсь къ нему, и онъ въ толпѣ передъ моей картиной.

— А, и вы?—ласково жметъ онъ мнѣ руку, въ бѣлой перчаткѣ, мягко-аристократически.—Видите? Вы имѣете успѣхъ...

— Да,—конфужусь я:—но вы не измѣнили вашего мнѣнія о картинѣ отъ моего успѣха?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ: мое мнѣніе есть мое, и я съ идеей этой картины примириться не могу...

IV.

Какъ умный человѣкъ и большой практикъ, А. А. Пороховщиковъ позаботился о привлеченіи сюда и прессы (великой силы). Разумѣется, болѣе всего дорожили вліятельные, солидные люди мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. И сюда, въ „Славянскій Базаръ“, „университетская“ (тогда еще) газета внесла свой судъ и свой высокій авторитетъ. Мнѣ особенно досталось за полутонъ на лицахъ и фигурахъ перваго плана и за свѣтовой эффектикъ изъ полуотворенной двери, отраженный на паркетѣ.

Объ излюбленномъ мною полутонѣ говорили съ досадой: онъ испортилъ всю картину. „Если насъ спросятъ, видѣли ли мы картину г. Рѣпина, мы скажемъ: видѣли и даже наслаждались ею; но ни одного лица такъ заботливо обдуманныхъ программой заказчиковъ изъ представленныхъ въ картинѣ портретовъ-фигуръ мы не видали: они рисуются черными силуэтами на свѣтломъ фонѣ, и, сколько мы ни старались, разсмотрѣть ихъ невозможно, а слѣдовательно—и судить о нихъ, о ихъ сходствѣ немыслимо. Такимъ образомъ пропадаетъ самая важная сторона картины. И хотя г. Рѣпинъ старается отдѣлаться мелкими бликами отъ свѣта въ сосѣдней комнатѣ, отражающимися на паркетѣ у ногъ Шопена, но эти мелочи только непріятно раздражаютъ неудовлетворенное требованіе зрителей и мѣшаютъ главной сути этой картины“.

Извиняюсь,—все это я передаю своими словами, разумѣется, не точно, почти 40 лѣтъ прошло!

Въ мою защиту стихійно взрывался В. В. Стасовъ и такъ разсуждающихъ писателей сравнивалъ съ заказчиками собственныхъ портретовъ, требовавшими отъ художниковъ тѣнь подъ носомъ убрать на другое мѣсто...

Лѣтъ 15 назадъ, будучи въ Москвѣ за завтракомъ въ ресторанѣ „Славянскаго Базара“ съ однимъ другомъ, я разсказалъ ему, что тутъ есть картина, писанная мною; онъ пожелалъ ее видѣть, и я былъ очень не прочь взглянуть на нее послѣ 25 лѣтъ. Офиціантъ сказалъ, что надо достать ключъ отъ главнаго; онъ постарается.

Днемъ картина плохо освѣщается, но мы внимательно осматривали заодно и всю залу. Поблагодаривъ провожавшаго насъ слугу, я спросилъ, не знаетъ ли онъ, кто писалъ эту картину?

— Не могу знать,—отвѣтилъ онъ.—Это за границей писали...

Въ 1892 году, когда я устраивалъ выставку своихъ картинъ, я хотѣлъ и „Славянскихъ Композиторовъ“ выставить въ Академіи Художествъ, гдѣ была моя выставка (такъ какъ эта картина еще неоконченной была увезена въ Москву, и Петербургъ ее никогда не видѣлъ),—но, несмотря на всѣ мои хлопоты и всѣхъ лицъ Москвы, начиная съ П. М. Третьякова и С. П. Мамонтова, очень сочувственно относившихся ко мнѣ, мнѣ не удалось добыть картины: она была уже собственностью цѣлаго общества на паяхъ, и для разрѣшенія моей просьбы надо было собирать общее собраніе; а это бываетъ періодически, да и никто не взялъ бы на себя отвѣтственности за общую собственность.

П. М. Третьяковъ очень желалъ пріобрѣсти эту картину для своей галлереи, но его отклонили огромной цѣной.

Новый Годъ.

Онъ пришелъ... онъ стоитъ на порогѣ.
Поклонитесь ему: это—Рокъ!
Онъ пришелъ вамъ напомнить о Богѣ,
Какъ законъ, непреклоненъ и строгъ.
Не смягчать его пышныя встрѣчи,
Не задобрять ни тосты ни рѣчи,
Это—Рокъ: онъ безстрастно-жестокъ.
Не встрѣчайте его: это—Время;
Это смерти стоитъ часовой,
Онъ не властенъ снять съ плечъ вашихъ бремя,
Ни законъ измѣнить мировой.
Возлюбите другъ друга, какъ братья,
Вознесите молитвы къ Творцу!
Полночь бьетъ... У подножья Распятья
Позабудьте вражду и проклятья:
Годомъ ближе вы стали къ Концу.

А. Д. Львова.

Домой.

Разсказъ **Баннистеръ Мервинъ**.

Съ англійскаго.

I.

Маленькое, хрупкое существо торопливо вбѣжало въ почтовую контору,—худенькая женщина въ старомъ черномъ платьѣ. Пряди сѣдыхъ съ желтымъ отливомъ волосъ, выбившіяся изъ-подъ зеленой шляпки, едва отличались цвѣтомъ отъ ея худого и блѣднаго лица. У нея были обострившійся носъ, тонкія губы и блуждающій, безпокойный взглядъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Эти глаза нельзя было бы назвать невыразительными: но выраженіе въ нихъ то вспыхивало, то пропадало, и нельзя было уловить его значеніе.

Новый священникъ, поднявъ глаза отъ письма, которое онъ читалъ, взглянулъ на нее, и ему показалось, что ее принесъ „противъ ея воли“ съ улицы ноябрьскій вѣтеръ: казалось, она не знала, что ей здѣсь нужно. Онъ уловилъ ея быстрый, растерянный взглядъ.

Потомъ она рѣзкимъ движеніемъ бросилась къ почтовому ящику и дрожащей рукой опустила въ него письмо, которое трепетно прижимала къ груди. Услышавъ, какъ оно зашуршало, упавъ въ кучу другихъ писемъ, она тихо засмѣялась и выбѣжала опять на холодный вѣтеръ, который теперь понесетъ ее—подумалъ священникъ—къ мяснику, къ булочнику или, можетъ-быть,—домой? И каково-то это „домой“?

Почтмейстеръ, молча наблюдавшій священника, нарушилъ ходъ его мыслей.

— Это — вдова Варнэмъ,—сказалъ онъ.—Ее можно видѣть въ церкви каждое воскресеніе и во всякую погоду.

— Вдова Варнэмъ?—повторилъ священникъ.

— Насколько я помню, она уже двадцать лѣтъ такая,—продолжалъ почтмейстеръ, усаживаясь удобнѣе.—Вы понимаете,—она немножко...—и онъ постучалъ себѣ пальцемъ по лбу.—Впрочемъ, она совершенно безвредна. Зарабатываетъ себѣ на пропитанье шитьемъ.

— Какъ это грустно,—замѣтилъ священникъ.

— Д-д-да, конечно... Но къ этому какъ-то привыкаешь. И, кромѣ того, она, право, совершенно безопасна.

— Грустно для нея, а не для насъ,—рѣзко возразилъ ему священникъ.

— А, да, да!—почтмейстеръ кивнулъ головой, признавая и эту точку зрѣнія.—Это случилось съ нею изъ-за сына,—продолжалъ онъ.—Лѣтъ 25 назадъ или больше онъ былъ убитъ во время катастрофы гдѣ-то на Западѣ. Она не сознаетъ, что онъ погибъ. Она то и дѣло пишетъ ему письма и приноситъ сюда; адресуетъ ихъ то въ Денверъ, то въ Чикаго, то въ Нью-Іоркъ. Никогда не наклеиваетъ марокъ. Раньше я ихъ отдавалъ ей назадъ, но теперь я просто ихъ рву. Лучше пусть бѣдняжка не знаетъ,—прибавилъ онъ, стараясь попасть въ тонъ священнику.

— Да,—задумчиво согласился тотъ.

— Напримѣръ, вотъ это письмо,—началъ снова почтмейстеръ, добывая письмо изъ ящика:—видите, марки нѣтъ. И адресовано оно... Ого! Что же это?—Онъ посмотрѣлъ на священника глазами человѣка, сдѣлавшаго неожиданное открытіе.—Представьте, оно адресовано въ редакцію „Вечерней Звѣзды“, Нью-Іоркъ. Что вы объ этомъ думаете?

— Мнѣ кажется, слѣдовало бы отослать его,—сказалъ священникъ.

— Да, если бъ была марка,—возразилъ смущенно почтмейстеръ. Онъ взвѣсилъ письмо на рукѣ и прибавилъ:—даже двѣ марки. Тяжелое. Тутъ, очевидно, деньги! Ну!..

Священникъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько марокъ и подалъ ихъ почтмейстеру.

— Право, не знаю, законно ли это будетъ?—замѣтилъ тотъ:—но, — онъ смочилъ марки языкомъ, — пусть ужъ, такъ и быть!

II.

Брижъ усталъ. Нельзя не уставать иногда, будучи корректоромъ и секретаремъ такой большой газеты, какъ „Вечерняя Звѣзда“: но за послѣднія двѣ недѣли эта усталость давала себя знать особенно сильно. Ныла спина, и сильно болѣлъ затылокъ; минутами сознаніе почти покидало его. Онъ не смѣлъ просить отпуска. Развѣ это не было бы равносильно признанію своей неспособности къ дѣлу? А на его мѣсто нашлось бы сколько угодно желающихъ. И Брижъ тоскливо старался скрыть правду отъ самого себя.

— А вѣдь вы плохо выглядите, Брижъ,—замѣтилъ ему одинъ изъ секретарей редакціи, подходя къ нему послѣ завтрака.

— Ерунда! — возразилъ Брижъ.—Просто ваши глупѣйшія ошибки могутъ довести человѣка до сѣдыхъ волосъ!

Но онъ самъ почувствовалъ, что въ его отвѣтѣ нѣтъ увѣренности, а улыбка собесѣдника, казалось, подтверждала это.

Первый оттискъ перваго изданія мокро шлепнулся на столъ передъ нимъ, и онъ ухватился за этотъ предлогъ, чтобъ прекратить разговоръ.

Онъ развернулъ газету и просмотрѣлъ ее торопливо. Сколько ошибокъ! Потомъ взглядъ его упалъ на столбцы объявленій. И одно изъ нихъ вдругъ выступило впередъ и точно обожгло его: „Дитя мое, вернись домой! Вернись домой къ празднику! Мама“.

Брижъ медленно отвелъ глаза въ сторону. Стѣна конторы точно растаяла, и за нею онъ увидѣлъ далекую милую картину. Какъ знакома и дорога ему эта старушка въ глубокомъ мягкомъ креслѣ! Какъ хорошо онъ помнитъ эту комнату и даже эту гравюру Роджерса надъ каминомъ!

Далекъ Иллинойсъ; но вѣдь не безконечно далекъ. А между тѣмъ уже десять лѣтъ онъ не былъ тамъ, не смотрѣлъ въ милое любящее лицо... Десять лѣтъ!

Онъ рѣшительно сложилъ газету и прямо направился въ кабинетъ редактора.

— Я ухожу отъ васъ, мистеръ Фарлей,—сказалъ онъ.—Я ѣду домой къ празднику.

— Куда домой?—спросилъ съ внезапнымъ интересомъ редакторъ.

— За тысячи миль отсюда,—сказалъ Брижъ.—Но я ѣду.—Кленденнинъ можетъ занять мое мѣсто.

— Да вы не волнуйтесь,—улыбнулся редакторъ.—Вамъ, правда, нуженъ отдыхъ. Отдохните недѣльку-другую, а потомъ возвращайтесь къ намъ. Непремѣнно. Вы нужны намъ, Брижъ.

Брижъ почувствовалъ, какъ у него вдругъ прошла эта боль въ затылкѣ и спинѣ.

— Домой!—воскликнулъ онъ.—Подумать только, домой!

Когда онъ ушелъ изъ конторы, онъ унесъ съ собой оттискъ „Вечерней Звѣзды“. Онъ рѣшилъ, что сохранитъ ее навсегда. Тѣмъ не менѣе, выходя изъ вагона подземной желѣзной дороги, онъ забылъ ее тамъ.

III.

Когда Деланей вошелъ въ вагонъ подземной желѣзной дороги, чтобы ѣхать въ пятидесятую улицу къ миссъ Бэрди Клэръ, онъ увидѣлъ на скамейкѣ газету и машинально поднялъ ее. Просмотрѣвъ биржевыя извѣстія, онъ, выходя, такъ же машинально сунулъ ее въ карманъ.

— Это вы, Гарри?—спросила его миссъ Клэръ, пріотворивъ дверь на вершокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Деланей.

— Ну, такъ стойте здѣсь, пока не услышите, что дверь въ спальню закроется,—сказала она.—И тогда входите и ждите меня въ гостиной. Люсиль меня причесываетъ.

— Согласенъ,—отвѣтилъ Деланей.—Куда жъ мы сегодня?

— Къ Ректорсъ?

— Отлично!

Сидя въ гостиной, Деланей въ сотый разъ осмотрѣлъ знакомую комнату съ портретами миссъ Клэръ во всѣхъ видахъ: въ видѣ сильфиды изъ „Бурныхъ волнъ“, купидона изъ „Стрѣлъ любви“ и т. д. Онъ закурилъ папиросу и снова принялся читать газету: онъ, казалось, скучалъ; слишкомъ часто ему приходилось сидѣть въ такихъ же гостиныхъ, у всевозможныхъ миссъ Клэръ, миссъ Фифи и т. д.

Миссъ Клэръ наконецъ вышла. Ея волосы были въ самомъ изящномъ и очаровательномъ безпорядкѣ благодаря Люсиль; костюмъ старательно подчеркивалъ тонкую талію. Глаза были прелестно-лукавы. Деланей посмотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ. Правда, казаться хорошенькой было частью ея ремесла, но онъ долженъ былъ сознаться, что это выходило у нея чрезвычайно мило. Ему даже захотѣлось-было поцѣловать ее, но потомъ онъ рѣшилъ, что лучше не измѣнять удобныхъ и ни къ чему не обя-

зывающихъ отношеній. Замѣтивъ, что она все еще не совсѣмъ готова, онъ опять развернулъ газету.

— Вотъ смѣшно,—замѣтилъ онъ вдругъ:—какъ вамъ это нравится?

И онъ указалъ ей на что-то въ газетѣ. Она подошла къ нему сзади и наклонилась надъ газетой, такъ что перья ея шляпы коснулись его щеки. Она прочла. Медленно выпрямилась и молча отошла къ окну.

— Какъ же „дитя" будетъ знать?—смѣялся Деланей.—Мамаша почему-то не догадалась подписаться.

Миссъ Клэръ отвѣтила не сразу. Она смотрѣла въ темное окно. Наконецъ она медленно сказала:

— Гарри, а у васъ есть домъ?

— Еще бы!—отвѣтилъ онъ.—Нью-Іоркъ, Америка.

— Нью-Іоркъ?

— Да, я здѣсь родился,—сказалъ онъ.—А что?

Она молчала. Онъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— У васъ что-то есть на умѣ, милочка,—замѣтилъ онъ.—Выкладывайте-ка!

— У меня?—сказала она разсѣянно и повернулась къ нему.— Я только-что вспомнила, Гарри, что я сегодня занята и не могу итти съ вами.

Деланей подмигнулъ ей:

— Кто же „онъ", Бэрди?

— Никто. Не спрашивайте, пожалуйста. Уйдите, будьте добры!

Онъ всталъ.

— Что вы собираетесь устроить?—спросилъ онъ.

— О, вамъ нечего безпокоиться!—сказала она устало.

— Ну, ладно!—Онъ взялся за шляпу.—Желаю вамъ счастливыхъ праздниковъ!

Едва дверь закрылась за нимъ, миссъ Клэръ крикнула горничную.

— Люсиль, — приказала она:—вотъ деньги, возьмите сейчасъ же билеты на ночной поѣздъ въ Портлэндъ. Мы сегодня ѣдемъ!

Деланей, выйдя на улицу, вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, какое нахальство!—пробормоталъ онъ.—Такъ обойтись со мной! Со мной!

Онъ сердито отшвырнулъ отъ себя сложенную газету, которая, описавъ въ воздухѣ кругъ, упала на сидѣнье большого блестящаго автомобиля, стоявшаго у подъѣзда.

IV.

Идя съ мужемъ къ автомобилю, Мистрисъ Эджертонъ чувствовала, что нервы ея, страшно напряженные за послѣднее время, не выдержатъ. Почему ея мужъ всегда желалъ отъ нея невозможнаго? Гордо поднявъ голову, она вошла въ автомобиль и сѣла, стараясь держаться какъ можно дальше отъ мужа. Она не смотрѣла на него, но и не глядя знала, что на его лицѣ сейчасъ то выраженіе терпѣливой доброты, которое раздражало ее сильнѣе всего.

Самъ Эджертонъ чувствовалъ себя плохо: онъ зналъ, что сдѣлалъ глупость, преждевременно заговоривъ съ женой о томъ, что такъ ее взволновало. Ему слѣдовало подождать болѣе благопріятной минуты.

Онъ поднялъ сложенную газету, лежавшую на сидѣньѣ, и, не развертывая ея, старался при смутномъ свѣтѣ пробѣгающихъ фонарей разсмотрѣть отдѣльныя слова. Вдругъ онъ опустилъ руку съ газетой и задумчиво посмотрѣлъ прямо передъ собой; потомъ, видимо, что-то рѣшивъ, онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и старательно обвелъ чертой одно объявленіе. Автомобиль остановился на углу пятой улицы, пережидая трамвай.

— Филлисъ,—сказалъ онъ:—прочитай это!

Она нехотя повернулась, когда онъ вложилъ ей газету въ руку, взяла ее и прочла. И, читая эти немногія слова, она хотѣла, но не могла побѣдить въ себѣ нѣжность, которая невольно овладѣла ея сердцемъ.

— Это—всеобщій крикъ, Филлисъ,—тихо сказалъ ей Эджертонъ.—„Дитя мое, вернись домой!"—это—крикъ всѣхъ матерей. Мы здѣсь одиноки въ этой большой чужой столицѣ; но, слава Богу; и у насъ есть куда поѣхать „домой". Конечно, если мы поѣдемъ съ тобой въ Кливлэндъ, тебѣ не придется выѣзжать на праздникахъ; конечно, тебѣ будетъ скучно,—тебѣ всегда скучно въ моей семьѣ,— но, Филлисъ, если ты и поскучаешь немножко, это успокоитъ твои нервы, и ты отдохнешь. А моя мать ждетъ насъ, Филлисъ. Подумай объ этомъ!

Мистрисъ Эджертонъ нагнула голову и уронила газету на мостовую.

— Не говори больше!—прошептала она.—Мы поѣдемъ.

Автомобиль тронулся.

V.

Билль изъ Миссури подобралъ газету, смятую колесами и копытами. Въ ночлежномъ домѣ на третьей улицѣ, куда онъ направлялся и гдѣ могъ за 10 центовъ провести ночь, пріятно будетъ почитать что-нибудь; кромѣ того, по прочтеніи, газету можно было употребить вмѣсто подушки.

Миссурійскому Биллю было лѣтъ сорокъ; онъ былъ толстъ, съ водянистыми глазами и рыжей щетиной на подбородкѣ. Средства къ существованію зарабатывалъ онъ своимъ краснорѣчіемъ и серьезной искренностью голоса.

Въ этотъ вечеръ онъ прочелъ газету отъ доски до доски, и очерченное карандашомъ объявленіе естественно привлекло его вниманіе. Но, за неимѣніемъ подходящихъ слушателей, онъ пока воздерживался отъ комментаріевъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго въ ночлежный домъ забрелъ молодой Чарли. Въ глазахъ Билля онъ былъ еще мальчишкой,—ему было лѣтъ двадцать. Что изъ того, что на лицѣ его лежала печать порока, а въ глазахъ независимое выраженіе! Развѣ онъ не былъ молодъ? И Билль началъ:

— А куда ты собираешься на праздники?

— Въ „Армію Спасенія"!—иронически отвѣтилъ Чарли.

Билль серьезно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— А откуда,—началъ онъ снова:—тебя занесло сюда, въ Нью-Іоркъ?

— Изъ Шенектеди.

— Родные тамъ, вѣрно?

— Должно-быть, что такъ. Я ужъ четыре года тамъ не бывалъ.— Молодой Чарли зѣвнулъ. — Старикъ-то на фабрикѣ работаетъ. Я раньше тоже работалъ.

— Вотъ!—миссурійскій Билль медленно протянулъ ему сложенную газету.—Вотъ тутъ есть кое-что, прямо-таки для тебя написано: „Дитя мое, вернись домой! Вернись домой къ празднику".— Билль прочелъ это съ большимъ выраженіемъ.

— И подписано: „Мама",—прибавилъ онъ.

Молодой Чарли отвернулся.

— Мнѣ-то что за дѣло!—пробормоталъ онъ

— А почему бы тебѣ и не съѣздить?—настаивалъ Билль.

— Поѣзжай самъ!—возразилъ молодой Чарли.

— Нѣтъ, это дѣло другое! — сказалъ Билль.—Мнѣ, братъ, этой роли не сыграть. Я ужъ слишкомъ давно здѣсь живу. Вотъ ты,— ты всего четыре года, какъ съ родины. Дай матери-то взглянуть на тебя. Поѣшь тамъ индѣйки и всякой штуки. Со старикомъ выкуришь трубочку, другую. Наври имъ, что ты на службѣ у Моргана, и что у тебя нѣтъ времени часто бывать у нихъ. И тебѣ будетъ пріятно, и матери радость. Что скажешь?..

— Да зачѣмъ все это?—спросилъ сердито молодой Чарли.

— А я почемъ знаю?—отвѣтилъ Билль изъ Миссури.—Я тебѣ только совѣтъ далъ. Поѣзжай-ка ты завтра же. Хорошо проведешь время, право! Наври имъ только съ три короба, чтобъ доставить удовольствіе. А потомъ удирай сюда. Думаю, что, если блудный сынъ не совсѣмъ былъ глупъ, онъ тоже удралъ на другое утро. Зачѣмъ показывать старикамъ, чѣмъ ты сталъ? А сразу они не разберутъ.

— А ты вѣдь, пожалуй, правду говоришь!—задумчиво сказалъ молодой Чарли.

VI.

Худенькая женщина съ изжелта-сѣдыми волосами стояла у окна своего домика въ Коннектикутской деревнѣ. Въ комнатѣ былъ накрытый бѣлоснѣжной скатертью столъ; изъ кухни доносился запахъ вкусныхъ вещей; но женщина смотрѣла съ тоской и ожиданьемъ на улицу. Новый священникъ, проходя, увидѣлъ ее у окна.

— Бѣдная вдова Варнэмъ!—сказалъ онъ.—Некому сегодня раздѣлить съ нею праздникъ! — И, вспомнивъ, какъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее на почтѣ, онъ прибавилъ:—Хотѣлось бы мнѣ знать, что сталось съ тѣмъ письмомъ, которое она тогда послала?

Между жизнью и смертью.

(Теорія анабіоза проф. П. И. Бахметьева).

Очеркъ прив.-доц. **П. Ю. Шмидта.**

Вопросъ о сущности жизни—самый захватывающій, жгучій и наиболѣе близко касающійся каждаго изъ насъ вопросъ изъ всѣхъ разсматриваемыхъ біологической наукой. Дѣйствительно, каждый живетъ и ощущаетъ жизнь въ любомъ своемъ движеніи, въ любой мысли, пронизывающей молніей его сознаніе. Между тѣмъ что такое жизнь—никто не знаетъ; пока для насъ это—великая тайна, ревниво оберегаемая природой!

Снять покровъ таинственности съ вопроса о жизни, разгадать вѣковую загадку давно уже старается наука, посвященная жизни: біологія. Она подходитъ къ рѣшенію различными путями. Прежде всего она старается выяснить механизмъ жизненныхъ явленій, ихъ зависимость отъ внѣшнихъ условій, ихъ связь съ живымъ веществомъ. Затѣмъ она изучаетъ строеніе живого вещества, его составъ изъ отдѣльныхъ элементовъ (клѣтокъ), взаимную связь и соотношенія между послѣдними, ихъ тончайшую структуру. Наконецъ она изслѣдуетъ соотношенія между живыми существами, законы ихъ развитія и возникновенія.

Имѣется однако и еще одинъ путь къ уясненію сущности жизни, это—изученіе смерти, представляющей собою полное отрицаніе жизни. На этотъ путь біологическая наука вступила лишь недавно, и только первые шаги пока сдѣланы ею на немъ. Не малыя заслуги въ этомъ направленіи принадлежатъ столь преждевременно утраченному наукою русскому ученому, профессору Софійскаго университета, Порфирію Ивановичу Бахметьеву, просла-

вившемуся своимъ замѣчательнымъ открытіемъ совершенно особаго состоянія организма,—состоянія, находящагося между жизнью и смертью—такъ называемаго анабіоза.

Это состояніе, впрочемъ, было и ранѣе извѣстно у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ. Въ илу и тинѣ прудовъ и канавъ водятся мелкія существа, называемыя коловратками и тихоходками. По строенію своему первыя ближе всего стоятъ къ червямъ, вторыя къ паукамъ. Относительно нихъ зоологи давно уже знали, что, извлеченныя изъ воды, они способны совершенно высыхать и превращаться въ безформенный комочекъ, не обнаруживающій никакихъ признаковъ жизни. Но затѣмъ, какъ только такой комочекъ попадетъ снова въ воду, — жизнь пробуждается съ немъ, организмъ оживаетъ и начинаетъ какъ ни въ чемъ ни бывало двигаться, питаться и размножаться. Его состояніе въ засохшемъ видѣ можно сравнить съ состояніемъ зерна растенія, таящаго въ себѣ жизнь и ничѣмъ ее не про-

бить крыльями, температура ея повышалась на 20—25° Ц. Бахметьевъ попытался затѣмъ опредѣлить, до какихъ предѣловъ можно безнаказанно повышать искусственно температуру тѣла насѣкомаго. Оказалось, что при 39° Ц. бабочка начинала сильно безпокоиться, а при 46° Ц. неминуемо погибала, очевидно, отъ свертыванія соковъ и всего ея живого вещества.

Тогда Бахметьевъ принялся за выясненіе вопроса, что происходитъ съ температурой бабочки при пониженіи температуры окружающаго воздуха, и при этомъ-то и натолкнулся на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ явленій.

Онъ помѣстилъ бабочку въ сосудъ, въ которомъ, съ помощью окружавшей его охладительной смѣси, поддерживалась температура въ—20° Ц. Температура тѣла бабочки опредѣлялась съ помощью электрическаго термометра, позволявшаго непосредственно слѣдить за ея колебаніями. И вотъ обнаружилось, что при дѣйствіи сильнаго холода температура тѣла насѣкомаго постепенно

Директоръ Императорской Публичной Библіотеки Д. Ѳ. Кобеко.

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки. Фасадъ зданія Библіотеки на Александринской площади. По фот. К. Булла.

являющаго до наступленія благопріятныхъ условій. Такое состояніе, промежуточное между жизнью и смертью, и было названо „анабіозомъ“.

П. И. Бахметьевъ открылъ, что анабіозъ свойственъ не однѣмъ низшимъ, но и высшимъ формамъ животныхъ и получается не только при высушиваніи, какъ въ приведенномъ случаѣ, а и подъ вліяніемъ низкихъ температуръ. На это открытіе онъ первоначально натолкнулся случайно. Его интересовалъ вопросъ относительно температуры тѣла насѣкомыхъ, и съ этою цѣлью онъ предпринялъ рядъ изслѣдованій надъ различными насѣкомыми, преимущественно надъ бабочками. Въ тѣло насѣкомаго вводилась игла электрическаго термометра, чрезвычайно чувствительнаго къ измѣненіямъ температуры. Показанія этого термометра опредѣляются отклоненіемъ магнитной стрѣлки гальванометра (приборъ для опредѣленія силы гальваническаго тока), при чемъ отклоненія эти отсчитываются путемъ наблюденія подзорной трубой за отражающимися въ маленькомъ зеркальцѣ цифрами скалы. Способъ этотъ даетъ возможность опредѣлять малѣйшія колебанія температуры, обнаруживающіяся вокругъ конца иглы.

Оказалось, что въ спокойномъ состояніи температура тѣла насѣкомаго совершенно соотвѣтствуетъ температурѣ окружающей среды, но при движеніяхъ насѣкомаго она сильно повышается. Такъ, когда бабочка, выйдя изъ спокойнаго состоянія, начинала

падала, достигла нуля и продолжала падать далѣе. Наконецъ она спустилась до—9,3° Ц. и затѣмъ вдругъ поднялась снова до—1,7° Ц., при томъ въ очень короткое время. Температурная кривая сдѣлала какъ бы рѣзкій скачокъ вверхъ, далѣе температура тѣла стала падать вторично, снова достигла—9° Ц. и начала спускаться еще ниже, пока не сравнялась съ температурой окружающей среды, т.-е. пока не достигла—20° Ц.

Спрашивается прежде всего: отъ чего зависитъ этотъ рѣзкій скачокъ температуры? Почему послѣдняя вдругъ повысилась, какъ будто выдѣлилось откуда-то тепло?

Каждому, кто знакомъ съ законами физики, извѣстно, что любую жидкость можно переохладить, т.-е. охладить до температуры, значительно болѣе низкой, чѣмъ температура ея замерзанія. Стоитъ, напр., на поверхность воды налить масла, и такую воду можно охладить до—20° Ц., и она не превратится въ ледъ. Но затѣмъ, когда температура дойдетъ до этого предѣла, вдругъ наступитъ быстрое замерзаніе, и при этомъ выдѣлится тепло, такъ что температура сразу поднимается до нуля. Точно такъ же легко переохлаждаются жидкости въ тонкихъ волосныхъ трубочкахъ.

Очевидно, и при замерзаніи соковъ тѣла бабочки наблюдается первоначально такое же переохлажденіе, а затѣмъ одновременно съ внезапнымъ повышеніемъ температуры („температурнымъ скачкомъ“) начинается замерзаніе соковъ тѣла. Это и на самомъ

дѣлѣ было доказано Бахметьевымъ путемъ опытовъ замораживанія выдавленнаго сока бабочекъ,—температура замерзанія его была—1,5° Ц.

Но, спрашивается, что же происходитъ далѣе съ бабочкой, и когда же наступаетъ ея смерть? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Бахметьевъ сталъ прерывать охлажденіе бабочки на разныхъ стадіяхъ пониженія температуры ея тѣла, иначе говоря, въ разныхъ точкахъ температурной кривой.

Опыты показали, что если вынуть бабочку изъ холода до первой минимальной температуры ея тѣла въ—9,3° Ц., то она очень быстро оживаетъ и улетаетъ. Если выждать, когда температура ея тѣла начнетъ вторично понижаться послѣ „температурнаго скачка", то она нѣсколько дольше пребываетъ въ оцѣпенѣломъ состояніи, но затѣмъ все же оживаетъ. Но когда температура ея тѣла вторично достигнетъ — 9° Ц., ничто ужъ не въ состояніи пробудить насѣкомое отъ вѣчнаго сна, оно погибло безвозвратно! Здѣсь при — 9° Ц., слѣдовательно, находится какъ бы „точка смерти" на кривой температуры тѣла, и, разъ перейдя за эту точку, насѣкомое уже не можетъ быть возвращено къ жизни.

Можно было бы думать, что эта точка смерти совпадаетъ съ моментомъ окончательнаго превращенія соковъ въ твердое состояніе, т.-е. съ ихъ окончательнымъ замерзаніемъ. Различными опытами и соображеніями П. И. Бахметьевъ доказалъ однако, что соки тѣла бабочки замерзаютъ гораздо раньше, именно они окончательно приходятъ въ твердое состояніе при температурѣ тѣла—4,5° Ц. Слѣдовательно, все время, пока температура тѣла насѣкомаго понижается отъ—4.5° до—9° Ц., соки его оказываются уже совершенно замерзшими, твердыми и неподвижными! Между тѣмъ при своевременномъ оттаиваніи насѣкомое и при этихъ температурахъ оживаетъ! Спрашивается, въ какомъ же состояніи находится оно между — 4,5° и — 9,0° Ц.? Оно не живетъ, такъ какъ соки его тверды, какъ камень, и, слѣдовательно, невозможно ни кровообращеніе, ни дыханіе, ни пищевареніе,—но, оно и не мертво, такъ какъ жизнь теплится въ немъ и при повышеніи температуры каждую минуту можетъ вернуться. Однимъ словомъ, насѣкомое находится въ состояніи анабіоза, — въ состояніи, промежуточномъ между жизнью и смертью.

Бахметьевъ приводитъ очень удачное сравненіе: „Вотъ часы,—говоритъ онъ: — съ обыкновеннымъ маятникомъ; они идутъ, издавая „тикъ-такъ",—они живутъ. Мы останавливаемъ рукою маятникъ—и часы останавливаются, они умолкаютъ,—они болѣе не живутъ; но они не умерли, такъ какъ стоитъ только толкнуть маятникъ—и они снова пойдутъ, заживутъ прежней жизнью. Состояніе часовъ, когда ихъ маятникъ былъ остановленъ,—состояніе безжизненное, подобное тому состоянію насѣкомаго, которое я назвалъ анабіотическимъ состояніемъ".

Конечно, такое состояніе не вѣчно, но оно все же можетъ быть достаточно продолжительнымъ, и, слѣдовательно, долгое время въ неподвижномъ, твердомъ, какъ камень, трупѣ насѣкомаго можетъ таиться скрытая жизнь, способная проявиться въ любой моментъ. Какъ только наступятъ благопріятныя температурныя условія—насѣкомое воскресаетъ.

Для различныхъ насѣкомыхъ, находящихся въ разныхъ условіяхъ, состояніе анабіоза привязано къ не совсѣмъ одинаковымъ температурамъ: положеніе „точки температурнаго скачка" и „мертвой точки" на температурной кривой можетъ мѣняться въ нѣкоторыхъ границахъ. Повидимому, чѣмъ менѣе совершенна организація, тѣмъ легче переносится анабіотическое состояніе.

Послѣднее обстоятельство позволяетъ думать, что анабіозъ—достояніе лишь низшихъ животныхъ и никоимъ образомъ недопустимъ у теплокровныхъ позвоночныхъ съ постоянной высокой температурой тѣла. Дѣйствительно, у птицъ и у млекопитающихъ внутреннее тепло, вырабатываемое путемъ сложныхъ химическихъ процессовъ въ крови, играетъ огромную роль въ жизни, и стоитъ температурѣ тѣла упасть на нѣсколько градусовъ, чтобы наступила неминуемая смерть. Мыслимо ли представить себѣ, чтобы у нихъ былъ возможенъ анабіозъ?

Имѣются между тѣмъ млекопитающія, у которыхъ температура тѣла непостоянна и можетъ сильно понижаться при охлажденіи: таковы всѣ животныя, впадающія въ зимнюю спячку, напр., сурки, суслики, летучія мыши. Бахметьевъ и взялъ для своихъ опытовъ летучихъ мышей, находящихся въ спячкѣ. Онъ произвелъ надъ ними такіе же точно эксперименты, какъ надъ насѣкомыми, и получилъ совершенно тожественные результаты. Точно такъ же и у летучихъ мышей кривая температура тѣла дѣлаетъ скачокъ, послѣ котораго всѣ соки начинаютъ замерзать и наконецъ затвердѣваютъ, при чемъ животное не утрачиваетъ способности возвращаться къ жизни, пока температура его тѣла не опустится до „мертвой точки".

Въ одномъ изъ опытовъ летучая мышь была вынута изъ окружавшей ее холодной атмосферы, когда температура тѣла достигла 7° Ц. У нея тотчасъ же вскрыли грудную клѣтку, и оказалось, что сердце ея—совершенно твердое, замерзшее, какъ ледышка. Однако по прошествіи нѣсколькихъ минутъ сердце оттаяло и слабо забилось, затѣмъ его біеніе становилось все сильнѣе и сильнѣе, достигнувъ 64 ударовъ въ минуту. „При этомъ опытѣ получалось странное впечатлѣніе,—пишетъ Бахметьевъ:—передъ нами лежала летучая мышь съ распоротой грудной клѣткой и бьющимся сердцемъ, но она не дышала и не двигала своими членами; словомъ, мы имѣли передъ собою какъ бы мертвый трупъ, но съ бьющимся сердцемъ. Я знаю, что слѣдовало бы только залѣпить сдѣланный разрѣзъ коллодіумомъ—и мышь начала бы снова дышать, но коллодіума въ 3 часа ночи негдѣ было достать. Отъ потери крови летучая мышь къ утру погибла".

Такимъ образомъ былъ открытъ анабіозъ и у млекопитающихъ. Оставалось доказать, что онъ возможенъ у теплокровныхъ, а не только у тѣхъ, которыя впадаютъ въ спячку. Неумолимая смерть, застигшая нашего высокоталантливаго ученаго въ разгарѣ работы, помѣшала ему довести до конца уже намѣченные опыты, и надо надѣяться, что они будутъ произведены другими. Успѣшный результатъ ихъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ. По наблюденіямъ Дюбуа, причина зимней спячки сурковъ лежитъ въ накопленіи въ крови животнаго углекислоты. Изъ этого Дюбуа сдѣлалъ выводъ, что, быть-можетъ, и другихъ млекопитающихъ можно превратить въ животныхъ съ перемѣнною температуры крови, если заставить ихъ вдыхать углекислоту. Онъ продѣлалъ такой опытъ надъ кроликами, и оказалось, что дѣйствительно они впадаютъ въ летаргическій сонъ, и температура ихъ тѣла можетъ быть значительно понижена. Очень возможно, слѣдовательно, что примѣненіемъ различныхъ пріемовъ удастся добиться анабіотическаго состоянія и у всѣхъ теплокровныхъ животныхъ и, можетъ-быть, даже у человѣка.

Въ смыслѣ выясненія сущности жизни анабіозъ представляетъ огромный интересъ. Мы видимъ, что жизненные процессы могутъ временно пріостанавливаться и находиться какъ бы въ состояніи нѣкотораго подвижного равновѣсія: небольшой толчокъ въ одну сторону даетъ жизнь, въ другую—смерть!

Не малый интересъ имѣетъ анабіозъ однако и въ практическомъ отношеніи,—уже и при современномъ состояніи вопроса возможны нѣкоторыя приложенія анабіоза къ практической жизни; если же оправдается возможность полученія анабіотическаго состоянія у всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, то примѣненія этого явленія будутъ неисчислимы, и очень трудно учесть, какое они будутъ имѣть значеніе для человѣчества!

Бахметьевъ правильно указываетъ, что уже и сейчасъ, будучи знакомы съ анабіозомъ насѣкомыхъ, мы могли бы воспользоваться этимъ явленіемъ въ двухъ случаяхъ.

Извѣстно, какой страшный вредъ наносятъ иногда сельскому хозяйству различныя насѣкомыя—жучокъ-кузька, бабочка-монашенка, озимая совка и множество другихъ вредителей, и несомнѣнно, что вредъ ихъ

Бюстъ Императора Александра I, Основателя Библіотеки. Внизу надпись: „Открыта на пользу общую 2-го января 1814-го года".

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,
и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Москвы до ...

Москва, ... 15 дня 1825 года.

Рѣдкій документъ—Подорожная, выданная 15 декабря 1825 года по указу Императора Константина Павловича.

былъ бы еще больше, если бы у нихъ не было враговъ среди насѣкомыхъ же—въ родѣ различныхъ хищниковъ, наѣздниковъ, откладывающихъ въ ихъ тѣла свои яйца, и т. п. Эти крылатые враги являются настоящими спасителями нашихъ полей, садовъ и огородовъ. Къ сожалѣнію, насѣкомыя-спасители не всегда имѣются въ наличности въ достаточномъ количествѣ, когда на наши посѣвы нападаютъ насѣкомыя-разрушители. И вотъ въ состояніи анабіоза можно было бы постоянно держать въ холодильныхъ складахъ большое количество насѣкомыхъ-спасителей и разсылать ихъ всюду, гдѣ нужна ихъ помощь, а ожививъ — выпускать на волю для истребленія нашихъ шестиногихъ враговъ! Извѣстно также, что пчеловодамъ приходится терпѣть большіе убытки изъ-за того, что пчелы во время зимовки съѣдаютъ огромное количество меда. Между тѣмъ, если бы пчелъ приводить на зиму въ анабіотическое состояніе, содержаніе ихъ ничего бы не стоило пчеловодамъ!

Если же удалось бы овладѣть анабіозомъ и высшихъ животныхъ, то какъ упростились бы всѣ условія перевозки живой рыбы, птицы и четвероногихъ животныхъ! Ихъ можно было бы перевозить въ анабіотическомъ состояніи и затѣмъ оживлять.

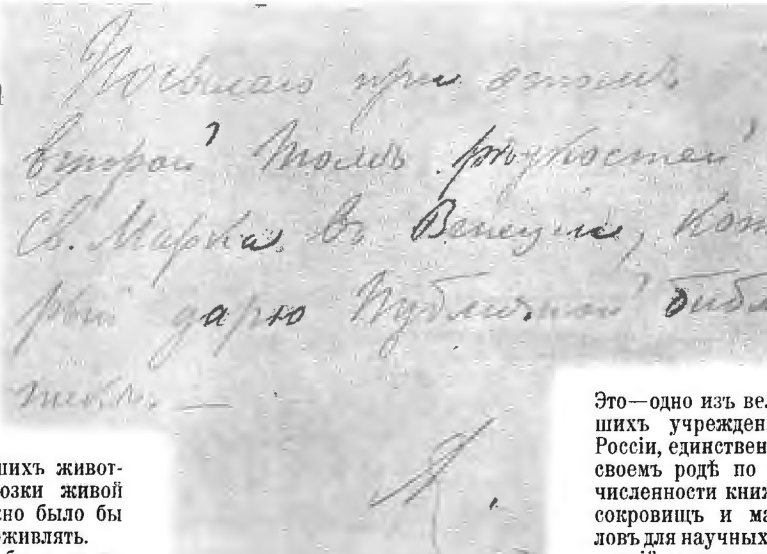
Наконецъ—почемъ знать?—быть-можетъ, сбылась бы и мечта многихъ фантазеровъ и утопистовъ о сохраненіи человѣка въ анабіотическомъ состояніи въ теченіе мѣсяцевъ, годовъ или даже десятилѣтій! Намъ это кажется пока невѣроятнымъ, но вѣдь многое изъ того, что мы сейчасъ видимъ осуществленнымъ, казалось въ свое время—и не такъ еще давно—точно такъ же немыслимымъ.

Наука нерѣдко создаетъ мечты, но наука же часто мечты и осуществляетъ!

Столѣтіе Императорской Публичной Библіотеки.

Очеркъ **П. В. Быкова**. (Съ 11 рис. и портр.).

Высящееся предъ памятникомъ императрицѣ Екатеринѣ Великой, на площади Александринскаго театра, длинное красивое зданіе, воздвигнутое по повелѣнію этой императрицы, украшенное великолѣпной колоннадой въ дорическомъ стилѣ съ десятью колоссальными статуями греческихъ философовъ, нѣсколькими барельефами и величественнымъ изваяніемъ богини мудрости Минервы на фронтонѣ зданія, — Императорская Публичная Библіотека, наша національная краса и гордость.


Посылаю при этомъ второй томъ рукописей Св. Марка въ Венеціи, которые дарю Публичной библіотекѣ.

А.

Собственноручная записка Императора Александра III.

Моя нянинька! посылаю вамъ гостинцы; пожалуйте подѣлитесь съ моими Катиньками и поклонитесь имъ отъ меня. Я васъ люблю и буду всегда помнить.

Николай.

Маія 11. дня 1803 года.

Письмо семилѣтняго Великаго Князя Николая Павловича — впослѣдствіи Императора Николая I.

Это—одно изъ величайшихъ учрежденій въ Россіи, единственное въ своемъ родѣ по многочисленности книжныхъ сокровищъ и матеріаловъ для научныхъ изысканій, пользованіе которыми доступно всѣмъ и каждому.

Двери Публичной Библіотеки гостепріимно открыты были для публики 2-го января 1814 года. Но существуетъ книгохранилище наше несравненно давнѣе. Время возникновенія того, что послужило впослѣдствіи главной основой Публичной Библіотеки, опредѣлить въ точности едва ли возможно. Оно относится къ двадцатымъ годамъ XVIII вѣка, когда графы Залусскіе, двое братьевъ, основали на собственныя средства общедоступную библіотеку въ Варшавѣ. Одинъ изъ нихъ, Іосифъ Залусскій, былъ завзятый библіоманъ, и сперва на родинѣ, а потомъ во Франціи, когда онъ тамъ владѣлъ аббатствомъ, онъ всѣ доходы тратилъ на увеличеніе сокровищъ своего книгохранилища. Сосланный въ Калугу въ 1767 году, онъ и въ ссылкѣ, гдѣ пробылъ до 1773 года, продолжалъ заботиться о немъ, хотя въ отсутствіе владѣльца оно подверглось расхищенію въ значительной степени. По смерти Іосифа Залусскаго, книгохранилище сдѣлалось нераздѣльной собственностью республики. Вскорѣ подоспѣли политическія событія, способствовавшія охранѣ книгохранилища отъ порчи и расхищенія и рѣшившія его дальнѣйшую судьбу. Осенью 1794 года русскія войска подъ командою Суворова взяли Прагу, а затѣмъ имъ сдалась и Варшава,—и книгохранилище по трактату досталось Россіи. Въ 1795 году оно было отправлено въ Петербургъ, при чемъ много потерпѣло отъ сырости въ дорогѣ во время переѣздки. Часть его сокровищъ, именно рукописныхъ, улетучилась изъ плохо упакованныхъ ящиковъ. Одинъ польскій магнатъ воспользовался такой плохой упаковкой и выкралъ все мало-мальски цѣнное.

Извѣстный статсъ-секретарь императрицы Екатерины, Василій Степановичъ Поповъ по Высочайшему повелѣнію **былъ назна-**

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки (1814—1914). Изъ собранія Библіотеки.

По фот. К. Глыбовской.

ченъ попечителемъ привезеннаго книгохранилища, которое было временно помѣщено въ домѣ близъ Аничковскаго дворца и взято подъ покровительство Императорскаго Кабинета. Между тѣмъ мудрая правительница стала заботиться о зданіи будущей библіотеки и еще въ 1795 г. повелѣла придворному архитектору Соколову составить планъ. Первоначально предполагалось соорудить громадное помѣщеніе для библіотеки и тутъ же отвести залы для пособій по всѣмъ отраслямъ знаній, теоретическихъ и практическихъ, а на самомъ верху зданія должна была находиться обсерваторія. Зданіе проектировалось посредствомъ роскошнаго зимняго сада и портиковъ, украшенныхъ статуями, фонтанами и гимнастическими приспособленіями, соединить съ Аничковскимъ дворцомъ. Но Екатерина скончалась — и весь этотъ проектъ былъ оставленъ, и начата постройка зданія для одной библіотеки по новому плану архитектора-француза Луиса Руско. Зданіе возведено при графѣ Строгановѣ въ 1801 году и составляетъ ту часть библіотеки, которая въ нынѣшнемъ видѣ выходитъ на Невскій и образуетъ закругленный слегка уголъ на Садовую улицу. При Павлѣ I управленіе библіотекой было поручено французскому литератору графу Шуазель-Гуфье, который завѣдываніе ею, въ свою очередь, поручилъ своему соплеменнику эмигранту Д'Огару, и оба галла усердно занимались расхищеніемъ книгохронилища около двухъ лѣтъ. Мало того, Шуазель-Гуфье хлопоталъ, чтобы библіотеку раздать по частямъ разнымъ учрежденіямъ.

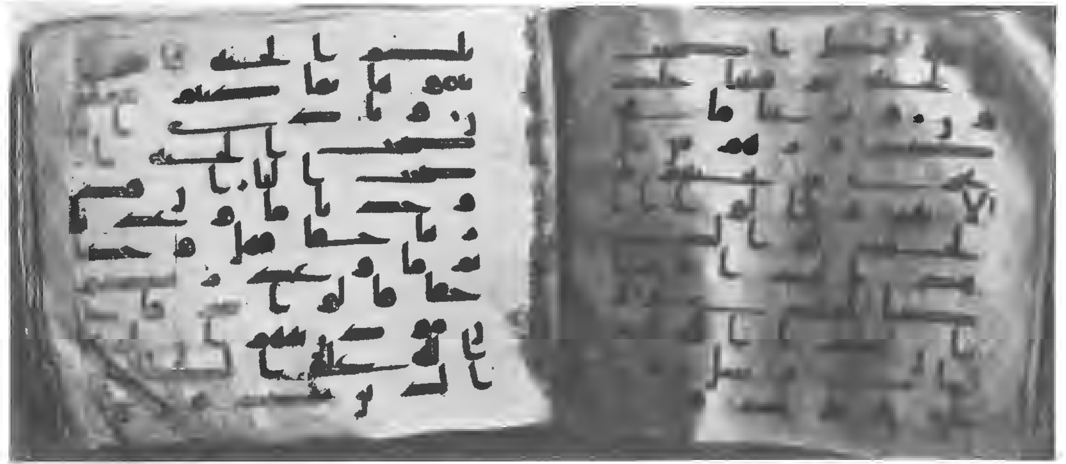
По счастью, хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, самъ онъ былъ уволенъ отъ должности, и для библіотеки учреждено было особое управленіе, во главѣ котораго сталъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русскихъ, ревнитель просвѣщенія и покровитель искусствъ графъ А. С. Строгановъ, въ званіи главнаго директора библіотеки. При немъ книгохранилище стало расти, обогатилось богатой коллекціей рукописей, содержащей много рѣд-

Дворянскій гербъ семилѣтняго Александра Оспеннаго, которому Высочайше пожаловано было потомственное дворянство 24 ноября 1768 г. — какъ первому въ Россіи лицу, которому привита была оспа.

Объявляемъ ВСѢМЪ общe и каждому особливо чрезъ сію НАШУ жалованную грамоту, что МЫ по дарованной НАМЪ отъ всемогущаго бога самодержавной власти и по особливой НАШЕЙ милости и щедротѣ, приявъ въ справедливое уваженіе общую пользу, происходящую отъ прививанія Оспы, всему роду человеческому, ... вѣйше спознали, семилѣтняго младенца Александра Данилова сына Оспеннаго, отъ котораго НАМЪ съ божіею помощію таль благополучно привита Оспа, что МЫ нынѣ благодаря Всевыш... отъ сея язвительныя болѣзни въ ... безопасности осталися, прошлаго 1768 го да Ноября 24 дня какъ его самого такъ и потомковъ его мужескаго и женскаго пола нисходящія линіи, въ честь и достоинство НАШЕЯ ... россійскія Имперіи дворянства возвести, ... быть и пожаловать; якоже МЫ симъ и силою сея НАШЕЯ жалованныя грамоты, его Александра О... леннаго и законныхъ его потомковъ мужескаго и женскаго пола нисходящія линіи, въ честь и достоинство дворянское НАШЕЯ всероссійскія Имперіи возводимъ, поставляемъ и жалуемъ, и въ число прочего ... Имперіи дворянства такимъ образомъ

Высочайшая грамота о пожалованіи потомственнаго дворянства Александру Оспенному, которому впервые въ Россіи была привита оспа въ 1768 г.

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.



Страницы Корана калифа Омара. За чтеніемъ этой священной книги онъ былъ убитъ, и на страницахъ ея видны пятна крови.

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки (1814—1914). Изъ собранія Библіотеки.

По фот. К. Глыбовской.

костей, памятниковъ письменности, документовъ и автографовъ знаменитыхъ дѣятелей разныхъ странъ. Коллекцію эту принесъ въ даръ императору Александру I ученый Адріанъ Дубровскій, бывшій студентъ Петербургской Академіи Наукъ, затѣмъ писатель, переводчикъ „Заиры" Вольтера и т. д. Въ его рѣдкомъ собраніи заключались образцы всѣхъ разнородныхъ графическихъ школъ Европы съ IV вѣка до изобрѣтенія книгопечатанія, памятники миніатюрной живописи до Рафаэля включительно, мемуары государей Европы и разныхъ историческихъ лицъ. Даръ Дубровскаго императоръ пожаловалъ библіотекѣ, а бывшаго владѣльца коллекціи назначилъ хранителемъ рукописей книгохранилища съ назначеніемъ Дубровскому приличнаго пожизненнаго содержанія.

Несмотря на увольненіе Шуазеля-Гуфье, его протежэ, кавалеръ Д'Огаръ, все еще оставался управляющимъ библіотекой и лишь въ 1808 году былъ наконецъ отстраненъ отъ должности. Его мѣсто заступилъ бывшій впослѣдствіи президентомъ Академіи Художествъ и членомъ Государственнаго Совѣта Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей александровской эпохи. Въ домѣ его и въ домѣ гр. Строганова сосредоточивалось все сколько-нибудь выдающееся въ нашей столицѣ въ области литературы и искусствъ. Много труда положилъ Оленинъ, переименованный въ директоры Публичной Библіотеки, на ея устройство, окруживъ себя помощниками изъ членовъ своего кружка, болѣе или менѣе извѣстными въ литературѣ, что вошло въ обыкновеніе и дальше въ теченіе многихъ лѣтъ. Библіотекаремъ русскаго отдѣленія назначенъ былъ большой книговѣдъ, библіографъ В. С. Сопиковъ, составитель многотомнаго „Опыта россійской библіографіи", а его помощникомъ нашъ знаменитый баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Другими отдѣленіями завѣдывали Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, переводчикъ „Иліады", извѣстный языковѣдъ Александръ Христіановичъ Востоковъ, по грамматикѣ котораго училось столько поколѣній, и наконецъ переводчикъ „Ифигеніи" Расина, стихотворецъ и драматургъ М. Е. Лобановъ. Нѣсколько позднѣе въ библіотечное управленіе вступили извѣстный поэтъ баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ и историческій романистъ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Крыловъ, прослужившій библіотекаремъ около тридцати лѣтъ (1812—1841), не отличался особенной ретивостью и, по свидѣтельству Плетнева, убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ, усѣвшись съ ногами на диванъ и забывая обо всемъ окружающемъ. Не лучше былъ и Гнѣдичъ. Тотъ лѣтомъ постоянно выходилъ во дворъ библіотеки и прогуливался въ тѣни. За всѣхъ работалъ Сопиковъ, а когда онъ умеръ, пришлось и Крылову стряхнуть съ себя лѣнь. При Оленинѣ 2 января 1812 года библіотеку посѣтилъ императоръ и собирался сдѣлать распоряженіе объ открытіи ея для публики.

Библіотеку постигла вновь превратность судьбы. Наступали событія Двѣнадцатаго года, и правительство позаботилось на всякій случай о спасеніи ея сокровищъ. Все сколько-нибудь цѣнное было упаковано въ громадные ящики и подъ присмотромъ Сопикова отправлено воднымъ путемъ въ деревню Устланку, Олонецкой губерніи, гдѣ и хранилось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ. (Къ 35-лѣтію служебной дѣятельности).

С. И. Тимашевъ. (Портр. на этой стр.).

Въ концѣ минувшаго года исполнилось 35-лѣтіе государственной службы министра торговли и промышленности С. И. Тимашева.

Сергѣй Ивановичъ Тимашевъ является главою самаго молодого изъ нашихъ министерствъ. Министерство Торговли и Промышленности было учреждено всего 8 лѣтъ тому назадъ, будучи выдѣлено въ самостоятельное учрежденіе вслѣдствіе исключительно быстраго развитія промышленныхъ силъ Россіи. Министромъ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ состоитъ уже четыре года, будучи призванъ на этотъ постъ въ декабрѣ 1911 года. За это время юбиляръ-министръ проявилъ себя энергичнымъ и талантливымъ дѣятелемъ въ данной области. Онъ всегда обращалъ и обращаетъ чуткое вниманіе къ голосу представителей промышленности и торговли. При немъ и отчасти по его иниціативѣ возникъ рядъ постоянныхъ органовъ торгово-промышленнаго представительства, которые принимаютъ близкое участіе въ подготовкѣ и разрѣшеніи хозяйственныхъ мѣропріятій. Затѣмъ при С. И. Тимашевѣ были учреждены заграничныя агентуры министерства и организована справочная часть по внѣшней торговлѣ. Много вниманія удѣляется С. И. Тимашевымъ устройству промышленныхъ выставокъ. При немъ же получили разрѣшеніе такіе важные въ государственномъ хозяйствѣ вопросы, какъ государственное страхованіе рабочихъ и поощреніе судостроенія и сельскохозяйственнаго машиностроенія. Наконецъ дѣятельность С. И. Тимашева должна быть отмѣчена еще портостроительствомъ, на которое отпущено 90 милліоновъ рублей, и которое начато въ широкихъ размѣрахъ.

Дѣятельность С. И. Тимашева вообще отличается широкимъ кругозоромъ, дальновидностью и умѣньемъ быстро оріентироваться въ насущныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ нуждахъ государства и своевременно на нихъ откликаться. Живой и энергичный характеръ этой дѣятельности отразился на нашей промышленности быстрымъ ростомъ послѣдней.

С. И. Тимашевъ — воспитанникъ Александровскаго Лицея, по окончаніи курса въ которомъ въ 1878 году онъ поступилъ на службу въ Св. Сенатъ. Въ 1882 г. онъ отправился за границу для изученія политической экономіи. Въ то же время имъ было написано нѣсколько сочиненій по финансовымъ и народно-хозяйственнымъ вопросамъ. По возвращеніи изъ-за границы С. И. Тимашевъ вступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Въ 1893 году онъ занялъ должность товарища управляющаго Государственнымъ банкомъ, а въ 1903 году былъ назначенъ на постъ управляющаго. Въ теченіе шести лѣтъ онъ руководилъ дѣятельностью нашего высшаго государственнаго финансоваго учрежденія—и притомъ въ самое трудное время, когда вспыхнули русско-японская война и за нею безпорядки 1905 года. Эта пора ничѣмъ не отразилась на банкѣ, благодаря тактичной и осторожной дѣятельности С. И. Тимашева и его мѣропріятіямъ въ области кредита и денежнаго обращенія.

Юбилей застаетъ С. И. Тимашева въ расцвѣтѣ его силъ и энергіи, и можно надѣяться, что его дѣятельность принесетъ еще много добрыхъ результатовъ въ области государственнаго хозяйства.

Нобелевскіе лауреаты.

(Съ 6 портр. на стр. 18 и 19).

Въ минувшемъ году преміи имени Нобеля были распредѣлены между шестью избранниками, въ число которыхъ впервые попалъ не-европеецъ — индійскій поэтъ Рабиндранатъ-Тагоръ (ему будетъ посвящена отдѣльная статья). Остальные пять лауреатовъ — обитатели Европы: французскій ученый, профессоръ физіологіи, Шарль Ришэ, голландскій ученый, профессоръ физики, д-ръ Кеммерлингъ-Оннесъ, нѣмецкій химикъ, проф. Альфредъ Вернеръ и наконецъ извѣстные дѣятели въ области международныхъ отношеній: бельгійскій сенаторъ Лафонтенъ и американскій сенаторъ Роотъ.

Нобелевскій лауреатъ по отдѣлу медицины профессоръ Шарль Ришэ имѣетъ европейское имя, какъ выдающійся ученый въ области физіологіи. Сынъ знаменитаго въ свое время хирурга, Альфреда Ришэ, онъ родился въ 1850 году, окончилъ парижскій медицинскій факультетъ и съ 1887 года занимаетъ тамъ каѳедру физіологіи. Онъ создалъ себѣ ученое имя первымъ же своимъ крупнымъ трудомъ: „Физіологія мускуловъ и нервовъ". Позднѣе Ришэ прославился трудами и открытіями по вопросамъ механизма дыханія, регулированія тепла въ организмѣ и вліянія питанія на кровообращеніе. Онъ же создалъ почву для серотерапіи опытами надъ прививкой заразныхъ началъ животнымъ. Нобелевская премія присуждена ему преимущественно за его позднѣйшія работы по открытію и изслѣдованію такъ называемой анафилаксіи. Подъ анафилаксіей понимается нѣчто прямо противоположное иммунитету. Ришэ удалось найти своеобразный законъ, согласно которому организмъ, привыкая къ извѣстнымъ дозамъ ядовъ, становится чрезвычайно воспріимчивымъ къ малымъ дозамъ тѣхъ же ядовъ. Такъ, напримѣръ, животное, могу-

щее безнаказанно переносить сильныя дозы той или иной субстанціи, погибаетъ отъ ничтожной ея дозы.

Это открытіе способствовало установленію новыхъ взглядовъ и методовъ въ серотерапіи и теперь всегда принимается во вниманіе при лѣченіи прививками. Во всякомъ случаѣ Ришэ сказалъ здѣсь, какъ ученый, вѣское и значительное новое слово, достойное увѣнчанія Нобелевской преміей. Ришэ не чуждается и изящной литературы: его перу принадлежатъ драмы „Сестра Марта“ и „Смерть Сократа“ и много болѣе мелкихъ произведеній.

Въ области физики Нобелевская премія въ этомъ году присуждена профессору Лейденскаго университета, д-ру Кеммерлингъ-Оннесъ. Этотъ ученый родился въ 1853 году. Высшее образованіе получилъ въ Лейденскомъ университетѣ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по изученію физическихъ особенностей тѣлъ, подвергнутыхъ дѣйствію низкихъ температуръ. Въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ онъ уже давно занимаетъ каѳедру физики, Оннесъ устроилъ замѣчательно оборудованную „лабораторію холода“ и здѣсь работаетъ надъ превращеніемъ газовъ въ жидкое состояніе. Между прочимъ, ему здѣсь удалось превратить въ жидкость гелій, который до сихъ поръ считался практически непереводимымъ въ это состояніе. Въ этой же „лабораторіи холода“ Оннесъ подвергалъ планомѣрному дѣйствію низкихъ температуръ всевозможныя тѣла и наблюдалъ ихъ. Труды Оннеса, опубликованные преимущественно на англійскомъ языкѣ, доставили ему громкую научную извѣстность. Извѣстно его имя и въ прикладной техникѣ, для которой изслѣдованія лейденскаго физика доставили немало матеріала.

Премія за труды по химіи присуждена нѣмецкому ученому, профессору А. Вернеру. Уроженецъ Эльзаса, д-ръ Вернеръ занимаетъ въ настоящее время каѳедру въ Цюрихскомъ университетѣ. Онъ много работалъ у знаменитаго Бертело въ Парижѣ, спеціализировавшись надъ систематикой элементовъ. Въ этой области Вернеръ внесъ нѣчто новое въ извѣстную „періодическую систему элементовъ“ и извѣстенъ также своими изысканіями касательно такъ называемой валентности элементовъ. Какъ ученый, Альфредъ Вернеръ извѣстенъ всему научному міру, и его труды по химіи пользуются заслуженнымъ авторитетомъ и популярностью.

Наконецъ премія за дѣятельность по распространенію идеи всесвѣтнаго мира выпала двумъ дѣятелямъ въ этой области: бельгійскому сенатору Анри Лафонтену и американскому сенатору Рооту.

Сенаторъ Лафонтенъ принадлежитъ къ виднымъ пацифистамъ, и его имя пользуется среди нихъ большимъ уваженіемъ. Онъ извѣстенъ, какъ сторонникъ того взгляда, согласно которому Бельгія признается наиболѣе подходящимъ государствомъ для роли государства-посредника въ международныхъ спорахъ и конфликтахъ. Сенаторъ Лафонтенъ родился въ 1854 году въ Брюсселѣ. Его дѣятельность въ области мирной международной политики началась уже давно. Въ настоящее время онъ стоитъ во главѣ Международнаго Союза Мира въ Бернѣ и принадлежитъ также къ числу членовъ Междупарламентскаго Союза. Идея международнаго объединенія на почвѣ культурной работы привела его къ созданію извѣстнаго Международнаго Библіографическаго Института въ Брюсселѣ. Кромѣ того, онъ издаетъ журналъ „La Vie Internationale“, пользующійся большимъ вліяніемъ въ области международной политики.

Анри Лафонтенъ извѣстенъ и какъ ученый: онъ занимаетъ профессорскую каѳедру въ Брюссельскомъ университетѣ, читая тамъ международное право. Съ 1895 года онъ принадлежитъ къ составу бельгійскаго сената.

Его товарищъ по Нобелевской преміи, американскій сенаторъ Роотъ, родился въ 1845 году въ штатѣ Нью-Іоркъ. Прекрасный юристъ, Роотъ вначалѣ былъ прокуроромъ въ Нью-Іоркѣ, затѣмъ предсѣдателемъ юридической секціи на одномъ изъ мѣстныхъ конгрессовъ по законодательству, а въ 1899 году вошелъ въ составъ кабинета президента Макъ-Кинлея въ качествѣ военнаго министра. Американскіе Штаты обязаны ему многими существенными реформами. И характерно то, что, будучи высшимъ представителемъ военнаго сословія въ Америкѣ, Роотъ сталъ дѣятельнымъ и убѣжденнѣйшимъ сторонникомъ мира.

При Рузвельтѣ Роотъ состоялъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, а съ 1909 года онъ занялъ постъ республиканскаго сенатора отъ штата Нью-Іоркъ и, какъ пацифистъ, получилъ извѣстность и въ Западной Европѣ, будучи командированъ въ Гаагу въ качествѣ одного изъ судей постояннаго Гаагскаго международнаго трибунала.

Роотъ считается трезвымъ и реальнымъ политикомъ въ области мирныхъ международныхъ сношеній. Онъ чуждается всякой излишней сентиментальности и мечтательности въ этой области, и въ этомъ отношеніи его миротворческая дѣятельность способна дать болѣе реальные результаты, чѣмъ дѣятельность многихъ и многихъ пацифистовъ иного типа.

Бельгійскій сенаторъ Анри Лафонтенъ, получившій премію мира.

Индійскій писатель Рабиндранатъ-Тагоръ, получившій премію по литературѣ.

Профессоръ Альфредъ Вернеръ, получившій премію по химіи.

Нобелевскіе лауреаты 1913 года.

Къ рисункамъ.

Подъ звонъ бокаловъ, въ толпѣ веселыхъ, сверкающихъ нарядами и улыбками людей прилетѣлъ Новый годъ. Новый годъ изъ безконечной цѣпи грядущихъ годовъ, въ которые все еще не устало вѣрить человѣчество, и отъ которыхъ все еще ждетъ оно осуществленія своихъ вѣковыхъ надеждъ. И еще не угасли улыбки людей, встрѣтившихъ новаго загадочнаго Гостя. И еще не погасли праздничные огни: всего только часъ прошелъ послѣ Новаго года. Но тѣмъ, кто собрался на праздникѣ новыхъ надеждъ и новаго счастья, уже кажется, что Новаго года не наступало, но надъ землей царитъ попрежнему Время, не знающее ни годовъ ни минутъ, но только одно непрерывное стремленіе все далѣе и далѣе — волна за волной навстрѣчу новымъ переживаніямъ: радостнымъ для молодежи и печальнымъ для стариковъ. И оттого на этомъ праздникѣ Новаго года улыбки уже стали перемѣшиваться съ задумчивыми взглядами, улыбки молодости—съ задумчивостью тѣхъ, кого Время уноситъ въ колыбель смерти...

Этимъ настроеніемъ полна красивая картина Ж. Грюна „*Черезъ часъ послѣ Новаго года*“.

Портретный эскизъ К. Маковскаго „*Задорная*“ отличается, какъ и всѣ произведенія этого мастера кисти, свѣжестью красокъ и рѣдкой граціозностью. Красивая дѣвушка въ старинномъ русскомъ нарядѣ цвѣтетъ молодостью, красотой и жизненностью. Она—настоящее олицетвореніе молодого и бодраго Новаго года, обѣщающаго и красоту и радость въ нашей сѣрой жизни.

Итоги года.

(Политическое обозрѣніе).

Политическое наслѣдіе минувшаго года является какимъ-то неопредѣленнымъ и спорнымъ, подобно наслѣдству любившаго хорошо пожить родственника, обремененному множествомъ долговыхъ обязательствъ и самыхъ неожиданныхъ претензій. Получивъ такой даръ, наслѣдники нерѣдко долго колеблются и не знаютъ, стоитъ ли его принимать, и не лучше ли совсѣмъ отказаться отъ сомнительнаго богатства. Отъ политическаго наслѣдства отказываться можно только, отказываясь въ то же время и отъ своей исторической національной личности, что уже гораздо

труднѣе и рискованнѣе. Его принимаютъ, каково оно есть—или какъ радостное пріобрѣтеніе, или какъ тяжкое бремя, которое надо нести до конца. Минувшій годъ несомнѣнно далъ намъ очень много цѣннаго въ смыслѣ окончательной ликвидаціи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, но въ то же время онъ былъ свидѣтелемъ и цѣлаго ряда глубоко горестныхъ событій въ родѣ преступнаго междоусобія вчерашнихъ союзниковъ, обратнаго отобранія турками Адріанополя, суженія поля сербско-черногорскихъ завоеваній на берегахъ Адріатическаго моря съ присужденіемъ всей береговой линіи и крѣпости Скутари въ пользу Албаніи и пр., и пр. Разумѣется, здѣсь было много и плюсовъ и минусовъ, но въ конечномъ итогѣ положительные результаты все-таки возобладали надъ отрицательными: сравнительно съ недавнимъ прошлымъ славянское дѣло оказалось въ большомъ и безусловномъ выигрышѣ. Удвоеніе территоріи и населенія Сербіи и Черногоріи, быстро налаживающійся новый балканскій союзъ съ участіемъ Греціи и Румыніи, рѣшительный переворотъ въ политическомъ настроеніи Болгаріи, требующей возстановленія братскаго союза съ сербами, — все это открываетъ передъ ними самыя широкія перспективы въ будущемъ. Сербское правительство должно пойти навстрѣчу требованіямъ болгарскаго народа, смягчить горечь старой розни смягченіемъ суроваго режима въ Македоніи и другими, соотвѣтствующими психологическому моменту, мѣрами. Несомнѣнно, что осуществленіе самыхъ кровныхъ интересовъ Сербіи на сѣверо-западѣ и Болгаріи на юго-востокѣ

Профессоръ Каммерлингъ-Оннесъ, получившій премію по физикѣ.

Профессоръ Шарль Ришэ, получившій премію по медицинѣ.

Сенаторъ штата Нью-Іоркъ—Олиху Роотъ, получившій премію мира.

Нобелевскіе лауреаты 1913 года.

обязываетъ ихъ къ взаимной дружбѣ, а не враждѣ. Ихъ минутная вражда, посѣянная и на этотъ разъ, какъ раньше, благодѣтелями извнѣ, сослужила службу только видамъ Австріи и Турціи. Но если антинародная и антиславянская политика вызвала такой протестъ со стороны всего болгарскаго народа, то о продолженіи ея не можетъ быть и рѣчи. Политическое нравоученіе и завѣтъ минувшаго года, ознаменованнаго братоубійственной войной и внутреннимъ болгарскимъ разваломъ, а также успѣхомъ Сербіи, сумѣвшей согласовать свои требованія съ интересами сосѣдей—румынъ и грековъ, совершенно ясны: они указываютъ на гибельность слѣпого національнаго эгоизма и ставятъ передъ балканскими политиками задачу объединенія всѣхъ балканскихъ народовъ. Несправедливое разграниченіе Македоніи, Албаніи и пр. опасно только до тѣхъ поръ, пока балканскіе народы, искусственно распаленные въ національной розни, находятся другъ съ другомъ въ раздѣленіи и враждѣ, но при союзническомъ объединеніи противъ угрожающихъ имъ пришельцевъ—турокъ, итальянцевъ и австрійцевъ—эти мелочные вопросы сразу утрачиваютъ свою остроту и кажутся нестоящими пустяками. Только въ союзѣ съ Сербіей Болгарія можетъ снова взять Адріанополь, всю Ѳракію и приблизиться къ „вратамъ Цареграда"; только въ союзѣ съ Болгаріей Сербія можетъ присоединить къ себѣ сербскія провинціи Австро-Венгріи; только въ союзѣ съ той и другой и при поддержкѣ Россіи Румынія можетъ возсоединиться съ четырьмя милліонами венгерскихъ румынъ; только опираясь на ту же коалицію, албанцы и греки Эпира и острововъ могутъ отстоять себя отъ итальянскаго или австрійскаго захвата. Такимъ образомъ главный завѣтъ минувшаго года балканскимъ дипломатамъ заключается въ томъ, чтобы они выработали болѣе широкую, гуманную и примиряющую всѣ мѣстные интересы формулу рѣшенія восточнаго вопроса: Балканы для балканцевъ!

Кромѣ временной неполноты рѣшенія балканскаго вопроса, правильная постановка котораго обѣщаетъ дать новое направленіе всей европейской политикѣ, наиболѣе чувствительной дипломатической неудачей Россіи было внѣдреніе германскаго вліянія на Босфорѣ въ видѣ назначенія германскаго генерала и офицеровъ во главѣ I-го корпуса, стоящаго въ Константинополѣ. Принимая во вниманіе, что еще со временъ Олега Россія вела борьбу за подступъ къ Царьграду и могла только съ грѣхомъ пополамъ временно мириться на обладаніи проливами слабой, разваливающейся Турціей, захватъ Дарданеллъ генералами могущественной Германіи нельзя толковать иначе, какъ ликвидацію тысячелѣтней мечты всего русскаго народа. Отдача Константинополя подъ команду нѣмецкаго генералитета наступала на такіе основные интересы всего славянскаго міра, что ее можно было понять только какъ намѣренный вызовъ русской арміи, какъ перчатку, брошенную намъ милыми сосѣдями, постоянно увѣряющими насъ въ своей неизмѣнной дружбѣ. Такъ какъ Германія въ настоящій моментъ вовсе не желаетъ войны, то имѣлись всѣ данныя за то, что послѣ соотвѣтствующихъ разъясненій съ русской стороны вся комбинація рухнетъ сама собою. Однакоже факты сложились иначе. Когда русская дипломатія предъявила протестъ въ Берлинѣ, тамъ отвѣтили, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ Константинополѣ, а пока русская дипломатія успѣла сказать свое слово на берегахъ Босфора—тамъ было уже обнародовано ирадэ султана о назначеніи генерала Сандерса, и даже состоялась торжественная встрѣча дорогихъ гостей. Русскому послу г. Гирсу пришлось протестовать противъ уже совершившагося факта — и нечего удивляться, что слишкомъ запоздалые и нерѣшительные протесты до сихъ поръ остаются безплодными. Однакоже перемѣны, происшедшія на Балканахъ, даже при возможности рѣшительнаго столкновенія славянскаго и германскаго міровъ, сдѣлали наше положеніе значительно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ оно было годъ назадъ. Мы косвеннымъ образомъ учитываемъ въ свою пользу выигрыши, полученные другими, болѣе счастливыми и болѣе активными, игроками, быть-можетъ, игравшими на свой страхъ, но отчасти и на наши деньги. Удачно проведенное и столь осуществимое послѣ пережитаго Болгаріей краха фердинандовской политики объединеніе Балканъ сдѣлаетъ нашъ выигрышъ еще болѣе значительнымъ и рѣшающимъ. Наиболѣе проигравшей стороной явится, разумѣется, наша дипломатическая противница — Австрія, сумѣвшая возбудить къ себѣ заслуженную ненависть сербовъ, но все-таки не предупредившая быстраго политическаго роста побѣдоносной Сербіи. Только въ самое послѣднее время австрійское правительство перешло въ своей внутренней политикѣ отъ систематическаго гоненія противъ сербовъ къ попыткамъ примиренія съ сербами. Подъ впечатлѣніемъ сербскихъ побѣдъ оно пошло на уступки, отмѣнило военное положеніе въ Хорватіи, возстановило конституцію, разрѣшило переименовать по-хорватски мѣстныя желѣзнодорожныя станціи, допустило хорватскій языкъ на желѣзнодорожныхъ дорогахъ, составило проектъ новаго избирательнаго закона въ Галиціи, дающаго гражданскія права русинскому большинству, угнетаемому польскимъ меньшинствомъ, и пр., и пр. Усиленіе славянскаго элемента въ Австріи, разъ начавшись, въ концѣ концовъ должно отразиться и на общемъ направленіи ея внѣшней политики. Австрія или сдѣлается славянской державой, или перестанетъ существовать, какъ государство. Во всякомъ случаѣ ея роль слѣпого подсобника воинствующаго германизма скоро будетъ кончена.

Крушеніе республики въ Китаѣ и подчиненіе колоссальной по численности населенія страны единодержавной власти честолюбиваго президента Юаньшикая ставитъ Россію лицомъ къ лицу передъ желтой опасностью. Европейскія и русскія въ томъ числѣ

деньги пошли на укрѣпленіе завтрашняго врага, и вмѣсто того, чтобы способствовать возможно большему раздробленію грознаго колосса путемъ поддержки стремящагося къ отдѣленію Южнаго Китая, наша и европейская дипломатія заботливо охраняли китайское государственное единство. Идея созданія буфернаго государства въ видѣ Монголіи тоже получила только половинчатое осуществленіе. Значительную часть Монголіи, такъ называемую Внутреннюю, русско-китайскій договоръ оставилъ во владѣніи Китая, да и заранѣе обезсиленной Внѣшней Монголіи мы упорно отказываемъ въ помощи по широкой организаціи вооруженія. Наши инструкторы старательно переучиваютъ идеальныхъ кавалеристовъ монгольскихъ степей пѣшему строю вмѣсто того, чтобы приспособить военную технику къ особенностямъ мѣстнаго быта. Въ результатѣ помощь оружіемъ монголы получаютъ отъ японцевъ, а вмѣсто русскихъ военныхъ инструкторовъ и тамъ внѣдряются германскіе. Но будемъ надѣяться, что и въ военной и въ дипломатической областяхъ начавшійся годъ подаритъ насъ болѣе крупными и болѣе активными успѣхами русской политики и на Востокѣ и на Западѣ.

Отъ распада къ возрожденію.

(Вопросы внутренней жизни).

Чѣмъ будетъ отмѣченъ минувшій годъ въ исторіи внутренней жизни Россіи? Естественнымъ центромъ общественной и государственной жизни страны съ момента своего учрежденія сдѣлалась Гос. Дума. Окончаніе срока полномочій членовъ третьей Думы и созывъ четвертой Думы не внесли ничего существенно новаго и обновляющаго, не открыли никакихъ новыхъ горизонтовъ государственнаго возрожденія. Самый ходъ выборовъ до нѣкоторой степени отразилъ значительное поправѣніе правительства, выразившееся прежде всего въ ослабленіи поддержки фаворитнымъ партіямъ центра, и вызвалъ въ отвѣтъ рѣзкое полѣвѣніе тѣхъ парламентскихъ группъ, которыя вчера еще считались надеждою и опорою правительства. Наиболѣе популярный вождь октябристовъ, смѣло выступившій въ одномъ изъ наиболѣе щекотливыхъ запросовъ обличителемъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, оказался забаллотированнымъ на московскихъ выборахъ, да и вся его партія нѣсколько утратила свое господствующее положеніе благодаря энергичному участію въ избирательныхъ собраніяхъ многочисленныхъ и дисциплинированныхъ кадровъ духовенства. Многолѣтній союзъ, заключенный при Столыпинѣ, былъ разорванъ, а главная правительственная партія передвинута въ ряды непримиримой оппозиціи. Особенно выдающуюся роль въ полѣвѣніи октябристовъ сыгралъ А. И. Гучковъ. Своею рѣчью и предложенными въ ней резолюціями на кіевскомъ съѣздѣ городскихъ дѣятелей съ рѣзкими протестами противъ бюрократическаго произвола и повтореніемъ тѣхъ же по духу резолюцій на съѣздѣ октябристовъ въ Петербургѣ онъ какъ бы предопредѣлилъ новый курсъ октябристовъ. Ихъ готовность къ рѣшительной и энергичной борьбѣ за право и законъ встрѣтила горячее одобреніе всѣхъ общественныхъ круговъ. Къ сожалѣнію, она очень плохо вязалась и съ традиціями и съ психологіей той партіи, при поддержкѣ которой въ теченіе всей третьей Гос. Думы проводился цѣлый рядъ рѣзко антиконституціонныхъ мѣропріятій въ порядкѣ пресловутой 87 статьи. Не только по своему прошлому, но и по самой своей глубоко мирной природѣ октябристы оказались неспособными слѣдовать своимъ собственнымъ гордымъ резолюціямъ и въ третьемъ же совѣщаніи парламентской фракціи, долженствовавшей осуществлять партійныя постановленія, откровенно отступились отъ своихъ призывныхъ кличей. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ лѣвое крыло фракціи въ числѣ 15 депутатовъ вышло изъ ея состава, вслѣдъ затѣмъ отдѣлились въ особую группу 45 умѣренныхъ октябристовъ-земцевъ, и человѣкъ 15 остались въ качествѣ правыхъ октябристовъ.

Такимъ образомъ главная дѣйствующая партія нашего молодого парламента раздробилась на три группы и политически умерла, „раздѣлившись на ся". Такую же, въ сущности, драму внутренняго раздѣленія переживаютъ и всѣ остальныя наши партіи, начиная отъ книжныхъ соціалъ-демократовъ, расколовшихся на непримиримо-враждующія между собой „шестерку" и „семерку" (большевиковъ и меньшевиковъ). О вѣчныхъ междоусобіяхъ крайнихъ правыхъ, доходившихъ до кулачныхъ боевъ, и говорить не приходится: тамъ всегда шла борьба между Дубровинымъ и Пуришкевичемъ, марковцами и союзниками и пр., и пр. Расколъ въ партіи націоналистовъ, недавно угрожавшій взрывомъ, подавленъ какими-то экстраординарными мѣрами; партія осталась подъ главенствомъ г. Балашева и сохранила свое единство цѣною самообреченія на внутренній застой, безплодность и бездѣятельность. Несомнѣнно, такое же внутреннее разномысліе по самымъ основнымъ вопросамъ общественно-государственной жизни таится и въ рядахъ наиболѣе организованной изъ нашихъ политическихъ партій — кадетовъ. Въ истекшемъ году Россія видѣла только начало духовнаго распада политическихъ партій, не отвѣчающихъ своими программами истиннымъ запросамъ общественно-государственной жизни великой страны, созданіе же новыхъ программъ и новыхъ партій составляетъ неотложную задачу, завѣщанную новому году, новой эпохѣ. Наша общественная мысль зашла въ какой-то тупикъ, она уже больше не вѣритъ самой себѣ и путемъ безконечнаго раздробленія политическихъ формулъ ищетъ новыхъ путей жизни. Формальное провозглашеніе переживаемаго кризиса общественно-государственной мысли составляетъ самое крупное и богатое послѣдствіями событіе прошлаго года. На ряду съ нимъ приходится отмѣтить развѣ только такой многообѣщающій фактъ, какъ первая попытка организаціи въ Гос. Думѣ крестьянской партіи, въ составѣ которой намѣчается уже около 80-ти членовъ. Крестьянская партія въ крестьянскомъ царствѣ, какимъ до сихъ поръ остается Россія по соціальному положенію огромнаго большинства своего населенія, это—первый шагъ къ реальной постановкѣ всей нашей политической жизни, первый шагъ къ освобожденію ея отъ умерщвляющаго деспотизма книжной доктрины, первый шагъ къ выработкѣ путей органическаго прогресса страны, предуказанныхъ ея прошлою исторіею и особенностями ея соціальнаго строенія, первый шагъ къ насажденію реальной свободы. Таковъ завѣтъ минувшаго года, и дай Богъ, чтобы начавшійся годъ явился свидѣтелемъ благополучнаго рѣшенія завѣщанной нашему поколѣнію великой задачи и отмѣтилъ въ своей лѣтописи начало внутренняго возрожденія нашей родины и перестройки ея жизни на священныхъ началахъ закона и свободы, права и правды въ полномъ согласіи съ интересами и разумѣніемъ многомилліонаго русскаго крестьянства, на могучемъ горбѣ котораго держится и офиціальная и интеллигентная Россія.

Библіографія.

„Незабудка".—Было это давно, въ первые дни творенья. Только-что созданъ былъ рай, и прекрасные благоухающіе цвѣты зацвѣли въ первый разъ. Самъ Господь проходилъ по раю и давалъ цвѣтамъ названія. Но одинъ маленькій голубой цвѣточекъ, устремивъ въ восхищеніи свое золотое сердечко къ Богу и не думая ни о чемъ, кромѣ Него, позабылъ свое имя и смутился.

Отъ стыда зарумянились кончики его лепестковъ, а Господь посмотрѣлъ на него ласковымъ взоромъ и промолвилъ: «За то, что ты забылъ себя ради Меня, Я тебя не забуду. Называйся впредъ Незабудкой, и пусть люди, глядя на тебя, также учатся забывать о себѣ ради Меня».

Этой красивой легендой открывается новый дѣтскій ежемѣсячный журналъ «Незабудка», редактируемый и издаваемый извѣстнымъ духовнымъ дѣятелемъ и педагогомъ, о. прот. А. Темномѣровымъ. Редакція этого изящнаго и содержательнаго журнальчика приводитъ легенду о незабудкѣ, какъ лозунгъ самого журнала: въ основу журнала кладется идейное начало, проникнутое высшими побужденіями и запросами человѣческаго духа. Возбуждать и воспитывать такіе запросы—дѣло доброе и заслуживающее всяческаго уваженія и похвалы. Въ этомъ отношеніи «Незабудка» несомнѣнно должна рѣзко выдѣляться въ хорошую сторону среди большинства многихъ современныхъ журналовъ, въ основу которыхъ кладется нѣчто совершенно случайное, и которые поэтому ведутся недостаточно послѣдовательно и цѣлесообразно въ отношеніи развитія дѣтскаго духа.

Только-что вышедшая первая книжка (январская) журнала «Незабудка» составлена обстоятельно и полно. Разсказы изъ дѣтскаго быта («Любимчикъ», «На родной нивѣ» и др.), написанные литературно и съ знаніемъ дѣтской психики, смѣняются очерками образовательнаго характера (картинка древней Руси «Царица-печальница», ботаническій очеркъ Д. Кайгородова «Подъ снѣгомъ», очеркъ В. Павловскаго «На днѣ морскомъ» и др.) и различными интересными и полезными свѣдѣніями изъ повседневной жизни. Очень интересенъ и живо написанъ полуэтнографическій, полубеллетристическій очеркъ А. Мирской изъ жизни Алтая—«Двое». Всѣ эти очерки и разсказы въ общей сложности даютъ дѣйствительно прекрасное и содержательное и притомъ идейное чтеніе для дѣтей.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производитъ внѣшность новаго журнала: много рисунковъ, и рисунковъ хорошихъ и хорошо воспроизведенныхъ. Четкій шрифтъ, отличная бумага. Въ общемъ надо признать «Незабудку» однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ дѣтскимъ журналомъ въ настоящее время. Журналъ назначенъ для 8—12-лѣтняго возраста, но кое-что въ немъ годится и для дѣтей болѣе ранняго возраста.

По цѣнѣ (4 р. въ годъ съ дост. и пер.) «Незабудка» является вполнѣ общедоступнымъ журналомъ и даетъ за эту плату множество матеріала для чтенія.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія за Январь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Январь 1913 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину, 27 рис. дамскихъ рукодѣлій и „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ" на 1914 годъ, отпечатанный красками.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

„ЛЕМАНЪ“.

СПБургъ, Екатерининскій кан., 91.

Мастерская сущ. съ 1889 г.

Скрипки, альты, віолончели, смычки и книги о скрипкѣ. Пріемъ инструментовъ въ починку, точная и совершенная гардеровка. **Струны** итальянскія и французскія, провѣренныя. **Смычки** англійскіе, французскіе и нѣмецкіе. **Дерево** и инструменты для построенія скрипокъ. **Лаки** собственнаго изготовленія. **Футляры** и все, что нужно для струнныхъ инструментовъ, отъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній до самыхъ доступныхъ. Заказные инструменты выполняются по моделямъ Лемана и извѣстныхъ итальянскихъ мастеровъ. Все требуемое высылается наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ 1/4 стоимости выписываемаго товара.

Каталогъ высылается безплатно. 215.

Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: **„УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ“** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974,

Г. Давыдову. 2130

ТРЕБУЙТЕ только духи фирмы БЕЙЛЕ Лондонъ !

САМЫЕ ЛУЧШІЕ ДУХИ

ЭССЪ БУКЕТЪ, МАЙ ВІОЛЕТЪ, КЛИКЪ-КЛИКЪ

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ

ДАВАЙТЕ

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПЕРЕУТОМИВШИМСЯ СЛАБО СЕБЯ ЧУВСТВУЮЩИМЪ НЕРВНЫМЪ ВЗРОСЛЫМЪ и СЛАБЫМЪ ОТСТАЛО РАЗВИТЫМЪ ДѢТЯМЪ

ГЕМАТОГЕНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ

ИСПЫТАННОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО и вы будете довольны успѣхомъ.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекар магазинахъ: требуйте настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ

Литература и брошюры съ отзывами врачей высылаются БЕЗПЛАТНО

Заводъ ГЕМАТОГЕНА Д-ра ГОММЕЛЯ, СПБ., Смоленская 33

Вѣдомства Министерства Торговли и Промышленности

СЧЕТОВОДНЫЕ и КОНТОРСКІЕ КУРСЫ АБОЛТИНА

С.-Петербургъ, Подольская, 2. Тел. 456-39.

Отдѣленія: обще-бухгалтерское, спеціально-бухгалтерское, стенографическое, нѣмецкаго языка и конторское. Продолжительность обученія 5 мѣсяцевъ, съ 10 января по іюнь. По окончаніи аттестаты и рекомендація на мѣста. 2-3 2053

СЛУХОВОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

Mears-Ear-Phone C-o,

въ Нью-Іоркѣ, разрѣшенный Медицинскимъ Совѣтомъ въ С.-Петербургѣ,

даетъ возможность ТУГОУХИМЪ и ГЛУХИМЪ слышать обыкновенную разговорную рѣчь, посѣщать концерты, театръ, общество и проч.

Этотъ карманный аппаратъ легокъ, красивъ и удобенъ.

Представитель для всей Россіи **М. М. КАНЦЕЛЬ,**

Главн. складъ: **Москва, Кузнецкій пер., д. 3, кв. 27.**

Требуйте проспектъ. 2144

ОДНОГОДИЧНЫЕ КУРСЫ

ОГНЕСТОЙКАГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Съ разрѣшенія и подъ наблюденіемъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія при Первыхъ С.-Петербургскихъ Политехническихъ Курсахъ открывается одногодичная подготовка техниковъ по сельскому огнестойкому строительству.

На Курсы принимаются лица, имѣющія образовательный цензъ не ниже 4-хъ классовъ городского училища по положенію 31 мая 1872 года, при чемъ предпочтеніе отдается имѣющимъ строительную практику.

Успѣшно окончившіе Курсы будутъ рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія Землеустроительнымъ Комиссіямъ, земскимъ учрежденіямъ, сельскохозяйственнымъ обществамъ, кредитнымъ товариществамъ и частнымъ лицамъ.

Подробныя условія пріема и правила Курсовъ огнестойкаго Строительства, а также условія пріема на всѣ отдѣленія Первыхъ СПБ. Политехническихъ Курсовъ выдаются и высылаются Канцеляріей Курсовъ (*С.-Петербургъ, Б. Ружейная ул., 6, тел. 99-90*). 2160

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Депо во всѣхъ аптекахъ.

ЛѢЧЕНІЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ

(Воспаленія всякаго рода, поносъ, запоръ, диспепсія)

Lactobacilline

ОБ-ВА "LE FERMENT" ВЪ ПАРИЖѢ

(ЛЕПЕШКИ-ПОРОШОКЪ)

Во избѣжаніе подделокъ или подражаній, слѣдуетъ непремѣнно требовать **настоящаго Lactobacilline Общества "LE FERMENT" въ Парижѣ,** снабженнаго клеймомъ и надписью «**единственный поставщикъ профессора МЕЧНИКОВА**».

Продается во всѣхъ главн. аптекахъ

И. Г. КАРЛСОНЪ въ г. Воронежѣ

Сѣменная торговля, питомникъ и садоводство.

Сѣмена огородныя, сельско-хозяйственныя, цвѣточныя и древесныя высшаго качества и испытанной всхожести, цвѣточныя луковицы, георгины и пр.

Иллюстрированный каталогъ высылается безплатно.

Плодовыя и декоративныя деревья, ягодные кустарники и розы.

Произведенія фирмы удостоены высшихъ наградъ на всероссійскихъ и международныхъ выставкахъ. 2132

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстука.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ

Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7.

С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1561 (7)

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

КТО желаетъ имѣть изъ первыхъ рукъ недорого Уральскіе драгоцѣн. **КАМНИ** издѣлія изъ нихъ, минералы въ сыромъ видѣ, коллекціи и проч., просятъ обращаться къ старѣйшей на Уралѣ фирмѣ: **„Лагутяевъ преемники“** въ г. Екатеринбургѣ. Немедленное исполненіе всевозможныхъ требованій. Выполняются заказы по гравировкѣ и огранкѣ камней, ювелир. издѣл. и пр. въ соб. мастерскихъ. Каталоги безплатно. Гарантія добросовѣстнаго исполненія—почти столѣтнее безупречное существованіе фирмы.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 28-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

5-3 *МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова.* 2047

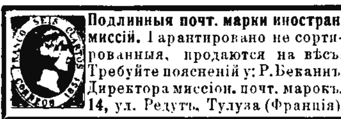
10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,000 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.



Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у: Р. Беканнъ. Директора миссіон. почт. марокъ. 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

АТТЕСТАТЪ Университета, волот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать.** За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Профес. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО,** Дерибасовская, д. № 19.

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
ИСЦѢЛЯЮЩИМИ
БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ

Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ“, въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“ высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на почтовые и другіе расходы (заказнымъ 28 коп.; наложен. плат. НЕ высылается)

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА
С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.

Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ иногороднимъ письменные совѣты Плата 50 к.

Народный лѣчебникъ Деринера. 4-е изд. Цѣна 1 р.

БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

Théodore CHAMPION
13, RUE DROUOT
PARIS
МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ
преисъ-курантъ
безплатно.

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ.

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ,**
1718 **ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Отд. Н.** (4)

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ СѢДЫХЪ !!!

только помада **ФОТО-ХРОМЪ** ПОСТАВЩИКА АНГЛІЙСКАГО ДВОРА *Парижъ* **Е. РИММЕЛЬ** *Лондонъ*

ВОЗВРАЩАЕТЪ сѣдѣющимъ и уже посѣдѣвшимъ волосамъ ихъ утерянный натуральный цвѣтъ. Многочисленные анализы компетентныхъ врачей и химиковъ установили **АБСОЛЮТНУЮ БЕЗВРЕДНОСТЬ ФОТО-ХРОМА.** Успѣхъ достигается послѣ трехдневнаго употребленія. Не смѣшивайте помаду **ФОТО-ХРОМЪ** съ безусловно вредными различнаго вида красками для волосъ. Цѣна флакона **ФОТО-ХРОМА** 5 рублей. Высылается наложен. платежомъ.
4-3 1068

Центральн. складъ для всей Россіи: Москва, Петровскія линіи, 9—3.
Въ С.-Петербургѣ продается: у В. Бюлеръ, Т/Д. Б. Шаскольскій, Русск. О-ва торг. аптек. товар., Англійскомъ магазинѣ, Гр. Пузанъ, М. Ф. Ушаковой, Г. И. Кошкинъ и друг. аптек. и парфюм. маг., также въ лучшихъ парикмахерскихъ.

ЗАМѢНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ВЕЗДѢ...
ВЪ ХУТОРАХЪ, ЭКОНОМІЯХЪ, ПОСЕЛКАХЪ, НА ФАБРИКАХЪ
СИЛА СВѢТА 400-600-750-1200-1500 СВѢЧ.
ЦѢНЫ отъ 27 р. 50 к.
ЛУЧШІЕ КЕРОСИНО-КАЛИЛЬНЫЕ ФОНАРИ

БЕЗЪ НАКАЧИВАНІЯ-САМОТЕЧНЫЕ ВИСЯЧІЙ ИНВЕРТНЫЙ СВѢТЪ
ИДЕАЛЬНО ПРОСТЫ И ЭКОНОМНЫ (1 Ф. КЕРОС СГОРАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ 4 ЧАСОВЪ)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **БР. РОМАНОВЫ** ХАРЬКОВЪ, РОСТОВЪ н/Д., ВАРШАВА
КІЕВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ, Крещатикъ. 6/н

ЭЛАСТИЧН. ПОЯСА отъ 10 руб

ЭЛАСТИЧНЫЕ КОРСЕТЫ РУССЕЛЬ.

Современный обычный корсетъ представляетъ собою несомнѣнное зло, которое терпятъ, но отъ котораго всѣ стараются освободиться. Въ корсетѣ Руссель Вы найдете неисчислимыя преимущества и удобства, о которыхъ Вы мечтаете. Не стѣсняя дыханіе, онъ великолѣпно стягиваетъ фигуру, убираетъ лишнія или ожирѣвшія мѣста, придаетъ линіямъ тѣла изящную стройность и гибкость. При всемъ этомъ корсетъ Руссель можно свободно носить неограниченное время безъ усталости.

Иногда можно ограничиться ношеніемъ полукорсета или пояса Руссель; онъ незамѣнимъ при отвислости или ожирѣніи живота и боковъ, въ послѣднемъ случаѣ—это гигіеническая мѣра для уменьшенія ожирѣній. Полный иллюстрированный каталогъ **безплатно.** Продажа только **въ собственныхъ магазинахъ.**

ЭЛАСТИЧН. КОРСЕТЫ отъ 18 руб.

Отдѣленія парижской фирмы: **Ж. РУССЕЛЬ,**
МОСКВА, Столешниковъ пер., 5.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, уг. Невскаго пр., Фонтанка, 29.

ОБУЧЕНІЕ ЗАОЧНО **ГАЗЕТНОМУ и ЖУРНАЛЬНОМУ ТРУДУ** (статьи, корресп. и пр.) обезп. раб. въ газетѣ, побочн. зараб. всякому, подробныя свѣдѣнія требуйте безплатно. Адрес.: Редакція журн. „СОТРУДНИКЪ ПЕЧАТИ“, С.-Петербургъ, Коломенская, 27—5. 2123

ЗАЧѢМЪ ОСТАВАТЬСЯ ТОЛСТЫМЪ?

Каждый толстый человѣкъ, мужчина или женщина, можетъ пріобрѣсти всегда изящную естественную фигуру, если онъ будетъ регулярно принимать порошки д-ра Маркони, являющіеся единственно пріятными и совершенно безвредными. Какъ бы дородность ни была велика, она не устоитъ противъ удивительнаго дѣйствія этого чуднаго лѣкарства, такъ прекрасно снимающаго жиръ. Оно тысячамъ возвращало нормальный вѣсъ и естественные граціозные размѣры, а также здоровый цвѣтъ лица и силу и энергію юности. Порошки эти не только удаляютъ излишнія и обременительныя жировыя вещества, но являются также въ высшей степени укрѣпляющимъ средствомъ. Уже это одно дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными. Они укрѣпляютъ весь пищеварительный аппаратъ, придаютъ здоровый, хорошій аппетитъ и способствуютъ процессу пищеваренія, питанія и ассимиляціи. Такимъ образомъ, дородный человѣкъ укрѣпляется питательной, формирующей мускулы пищей (никакихъ непріятныхъ ограниченій въ смыслѣ діэты при этомъ нѣтъ), кровь обогащается, нервная система укрѣпляется, а уменьшеніе вѣса вѣрно и надежно идетъ впередъ, не причиняя никакихъ непріятныхъ ощущеній и неудобствъ. Фигура, ноги, черты лица, даже и пальцы,—все принимаетъ нормальный видъ, мускулы становятся сильными и принимаютъ красивыя формы. Порошки д-ра Маркони молодятъ человѣка, возвращая ему чувство веселости и тѣлеснаго довольства,—ощущенія, которыя совершенно чужды очень полнымъ лицамъ.

Еженедѣльное уменьшеніе вѣса на 4 фунта.

Многіе теряютъ въ вѣсѣ въ теченіе недѣли четыре фунта, другіе теряютъ три фунта, третьи лишь два фунта, въ зависимости отъ размѣровъ и состоянія полноты. Лишь только достигнутъ нормальный вѣсъ, уменьшеніе его прекращается, а потомъ не мѣшаетъ лишь иногда принимать порошки, какъ средство, предохраняющее отъ полноты. Мы посылаемъ наши порошки прямо по почтѣ каждому потребителю. По полученіи 3-хъ рублей переводомъ или кредитнымъ билетомъ, включая уже почтовые расходы и пошлины, мы посылаемъ количество, достаточное для одного мѣсяца. Выписывающіе наши порошки съ наложеннымъ платежомъ, посылаютъ одинъ руб. задатка и остальныя деньги уплачиваютъ на почтѣ при полученіи посылки. За наложенный платежъ прибавляется въ Европейской Россіи 10 к., въ Азіатской Россіи 40 к.

Если кому-либо угодно сначала испробовать это средство, прежде чѣмъ его выписывать, то мы просимъ написать намъ и приложить 20 коп. почтовыми марками на пересылку, послѣ чего мы пришлемъ на пробу количество нашего порошка, достаточное на два дня и уже въ эти два дня каждый убѣдится въ чудномъ его дѣйствіи, при полной его безвредности для организма.

СИМЪ ЗАЯВЛЯЕМЪ,

что въ составъ **порошковъ д-ра Маркони, о-ва „Факиръ“ въ Берлинѣ,** не входятъ никакія вредныя для здоровья и никакія сильнодѣйствующія вещества, какъ, напр., препараты изъ щитовидной железы (тиреоидинъ) или подобные опасно дѣйствующіе на сердце составы. Во избѣжаніе недоразумѣній также заявляемъ, что порошки д-ра Маркони не имѣютъ слабительнаго дѣйствія, каковымъ отличаются почти всѣ другія средства отъ ожирѣнія, содержащія или слабительныя соли, или вытяжки изъ нѣкоторыхъ фруктовъ или морскихъ растеній, а также они не содержатъ въ своемъ составѣ іодъ, который окончательно портитъ желудокъ. Напротивъ, счастливый составъ **порошковъ д-ра Маркони,** снимая жиръ, вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно вліяетъ на сердце и желудокъ, исправляя и подкрѣпляя пищевареніе. 2114

ПОРОШКИ д-ра МАРКОНИ продаются въ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ въ Москвѣ у Е. БЕВЕРЪ, Покровка, 9.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1406 Адресъ: (12)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

СЛУЧАЙНЫЯ

УНТЕРВУДЪ, РЕМИНГТОНЪ и друг. системъ, стоящія 275—300 рублей —

ЗА БЕЗЦѢНОКЪ

2112 (отъ 35 руб.). 2 2

Каталогъ по требованію

— ТОРГОВЫЙ ДОМЪ —

„ПИШУЩАЯ МАШИНА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 88/1.

Новые мелодичные **ВАЛЬСЫ**

Мерцающій огонекъ, Созвѣздіе, За что?, Отвѣтъ, Дорогой цѣной, Сила воли, Привѣтъ, Въ грустную минуту, Впечатлѣніе, Воспоминаніе, маршъ Впередъ, мазурка Энергія и Венгерка. 2152

сочиненія **Димитрія Николаевича СѢРИКОВА**

Продаются въ музыкальныхъ магазинахъ: въ Петербургѣ—„Сѣверная Лира“, Владим. пр., № 2, въ Москвѣ—„Симфонія“, Никитс. и Гутхейль, Кузн. м., № 6, въ Харьковѣ—Гергарда, Московская улица, № 20, въ Кіевѣ—Идзиковскаго, Крещатикъ, № 29, въ Варшавѣ—Гебетнеръ и Вольфъ, Новосѣнная, № 9, въ Одессѣ—Густавсонъ, Дерибасовская, № 20, въ Ялтѣ—Пфейферъ, Набережная ул., въ Ростовѣ н/Д.—Адлеръ, Садовая ул., въ Екатеринославѣ—Циммерманъ, Проспектъ. Въ Казани—Брюно, Воскресенская улица, № 25, въ Воронежѣ—„Лира“, Дворянская улица, № 32, въ Полтавѣ—Калливода, ул. Котляревск., № 28, въ Саратовѣ—Тидеманъ, Нѣмецк. ул., въ Смоленскѣ—Лапина, въ Оренбургѣ—Новицкаго, Николаевск. улица, въ Баку—Іиндржишекъ, Микютинская. У автора, Харьковъ, Москалевская улица, д. № 17. Партитуры для военнаго оркестра—въ Симферополѣ—муз. маг. Богорада и у автора.

ЛАИНЪ

СЕРГѢЯ РОСТЕНЪ нынѣ **А. Т. Филипповой**

МАРКА

замѣчательное средство, исцѣляющее очень быстро и успѣшно

Торг. знакъ, утвержд. правит. за № 1792, безъ котор. Лаинъ — поддѣлка.

ЭКЗЕМУ,

2146

ЛИШАИ, СЫПЬ, ПРЫЩИ, ОЖОГИ и т. д.

Зудъ и боль проходятъ моментально.

Цѣна **1** руб. **50** коп.

Контора А. Т. Филипповой, бывш. С. Ростенъ, остается попрежнему **Казанская, 26 (бель-этажъ)**, С.-ПЕТЕРБУРГЪ и никакихъ другихъ отдѣленій не имѣетъ.

Имѣется въ аптекарск. магаз. и аптекахъ въ продажѣ чудное мыло „Лаинъ“ противъ недостатковъ кожи, кус. 75 к., ½ дюж. 4 р., гигіеническая пудра „Лаинъ“ кор. 1 р., личной кремъ „Лаинъ“ банка 2 р. и „НАБОРЪ ТРАВЪ“ для внутренняго употребленія, марка „Человѣкъ съ фонаремъ“.

Пересылка наложен. платежомъ по почт. тарифу за счетъ покупателя.

Появившаяся поддѣлка на мои препараты подъ названіемъ „Лаинъ“ есть не что иное, какъ грубая и вредная поддѣлка, которой прошу остерегаться.

Единственная въ своемъ родѣ

— НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ —

МГНОВЕННО дѣлаетъ руки абсолютно чистыми, мягкими и бархатистыми

ИДЕАЛЬНО БѢЛЫЯ РУКИ

кто желаетъ имѣть вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ пусть употребляетъ настоящее безвредное

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО АНЖЕЛО да КОСТА

въ видѣ бѣлоснѣжнаго душистаго крема.

продается въ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

1828 Ц. 75 к. Тысячи благодарностей. 6-3

Вышло изъ печати новое юбилейн. издан. **„ШКОЛА-КРОЙКИ“** для дамскаго **нижняго, верхняго, дѣтскаго** платья и **бѣлья**. Содержитъ **массу рисунк.** Сист. по сант. и по масштабу на основаніи 5-ти главн. мѣрокъ. Это руководство **признано всѣми наилучшей** системой, даже для дѣтей школьнаго возраста. Цѣна книги **„ШКОЛА-КРОЙКИ“** со вспомог. линейкой для черченія **въ переплетѣ 3 р. 75 к.**, перес. 55 к. На складѣ имѣются масштабы рез. Манекены, выкройки и модные журналы. Катал. безплат.; адр.: **„Школа-кройки“** З. Левитануса. **РИГА.**

ТАЙНЫ МАГІИ.

Какъ провести безъ скуки время, стать любимцемъ об-ва и настоящ. магомъ, зарабатывая много денегъ? Всему этому научитъ васъ въ коротк. время наша новоизд. цѣн. книга **„Тайны магіи“**, содержащ. 539 стр. и снабжен. 318 объяснительн. фигур., по котор. кажд. мож. легко изуч. 240 сенсаціон. и серьезн. магич. фокус. съ картами, монетами, кольцами, часами и т. д., словомъ, продѣл. всѣ тѣ чудеса, которыми такъ пораж. зрителей всемірн. профессора магіи. Напримѣръ, превратить 4 карты изъ восьмерокъ въ двойки, изъ черн. въ красныя и т. д. Платокъ разрѣзан., сожжен. и наконецъ найден. въ свѣчѣ. Висѣніе человѣка въ воздухѣ и очень много др. интер. фокусовъ. Въ виду больш. сбыта, цѣна этой цѣн. и интер. книги на полов. понижена, вм. 3 р. 50 к. (съ перес. 4 р.) **высыл. ее теперь въ дорог. переплетѣ съ золот. тисненіемъ только за 2 р. съ перес.** Зад. не треб. Адресъ: **Изд. Т-ву „Профитъ“, Варшава, 71.** Цент. почт. ящ. 305. 2140

Не оправд. прин. кн. обр. и верн. деньги.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать подпись: L. Midy

На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ

БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ

(безъ кубебы—безъ спринцованій)

свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій

на каждой капсюлѣ

находится имя МИДИ

СКЛАДЪ

Главныхъ Аптекахъ Россіи.

2118 12-2

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

НУЖНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

повсемѣстно, по пріему заказовъ на увелич. портретовъ. Зараб. громадный, затратъ никакихъ. Условія и инстр. высыл. за 4 коп. марк. „Ателье изящ. свѣтописи“ Г. Д. Шинкарева. С.-Петербургъ. Пантелеймонская, 8.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІЯ

Заочн. преподав. Обширн. программа. 14 кн. Отдѣлы: **Коммерч. ариѳметики, правописанія** рус. яз. и проч. **Аттестатъ бухгалтера.** Курсъ 2 мѣс. Плата **5 руб. Конспекты** высыл. **безплатно.** Адр.: **Вильна, издательство „КРУГЪ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ“**, Трокская, 1. 2134

ЛѢПНЫЯ БУМАЖНЫЯ

архитектурн. украшенія. На междунар. строит. выстав. получ. серебр. медаль 1908 г. Всѣ стили: для отдѣл. домовъ, дачъ, церквей, торгов. помѣщ., парадн. лѣстн. и т. п., какъ-то: розеты, углы, карнизы, фризы, тяги, баг., цѣлые потолки: панели, рамки и всевозм. украш. для стѣнъ. Деш., красивы и практичн., легки для перевоз. и при постан. Рекоменд. **фабрика издѣлій изъ бумаги А. Г. Ильина, СПБ., Литовскій рын., № 6, соб. д. Лит. В.** Иллюстр. пр.-кур. выс. по получ. 75 к. марк.

75 рублей еженедѣльно легко зарабатываются.

Здѣсь представляется Вамъ случай! Собирайте громадныя деньги, ожидающія Васъ. Будьте фотографомъ помощью аппарата для открытыхъ писемъ **„пушка-діамантъ“. Случай, представляющійся Вамъ въ жизни, путешествовать** и видѣть свѣтъ; не требуется никакихъ познаній. Обезпеченная должность, покрывающая всѣ Ваши путевые расходы и дающая Вамъ на каждый гривенникъ 8 коп. чистой прибыли.

Аппаратъ для открытыхъ писемъ „пушка-діамантъ“ величайшее американское изобрѣтеніе нынѣшняго вѣка. Даетъ изображенія 5-ти различныхъ величинъ. Пленки, пластинки, темныя комнаты не требуются. Все образуется въ пушкѣ. Каталоги на русскомъ языкѣ и образцы БЕЗПЛАТНО.

Пишите намъ еще сегодня. Отрѣжьте нижеслѣдующій адресъ и наклейте таковой на Вашъ конвертъ.

International Metal & Ferro Co.

2153 Desk F. Chicago. Amerika. 2-1

Страдающіе мужской неврастеніей

требуйте брошюру, указывающую какъ **немедленно** избавиться отъ вашихъ страданій, приложивъ 30 коп. почтов. марками.

Адресъ: Nova mechanika, 708. Budapest. Hauptpost-Postfach, 40.

Корреспонденція только на нѣмецк., французскомъ или польскомъ языкѣ. 2108 (2)

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время. 2154

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, Парижъ.

Въ С.-Петербургѣ: обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; Русск. О-во Торговли Аптек. Тов., Казанская, 12; **въ Москвѣ:** аптека Бруиса, Маросейка и у К. Феррейна; **въ Кіевѣ:** Южн. Русск. О-во Торг. Аптек. Товар.; **въ Вильнѣ:** Торг. Домъ Б. Сегаллъ и К°; **въ Одессѣ и Ростовѣ н/Д:** у Ламме и К°; **въ Варшавѣ:** Людвигъ Списсъ и Сынъ; **въ Тифлисѣ:** Кавк. Фармацевт. О-во въ Тифлисѣ.

ХОДИ ПРЯМО!
НЕ СГОРБИВШИСЬ!

2163 13-1

„РЕЛКЕБЪ“ даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 руб. 60 коп. наложен. плат. съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10“, г. Ревель.

ДЕПО СѢМЯНЪ

обширные **ДРЕВЕСНЫЕ ПИТОМНИКИ,** 2161 5-1

массовая **КУЛЬТУРА РОЗЪ.**

Богато иллюстрир. каталоги высылаетъ **безплатно** садоводство **В. Б. ШТАММЪ,** Одесса.

Фирма сущ. съ 1864 г.

Открыта подписка на 1914 г., на юмористическiй журналъ

Изданія годъ ШЕСТОЙ. **„ОСТРЯКЪ“.** Подписная цѣна: на 1 годъ 2 руб. на 1/2 года 1 руб.

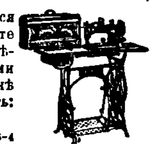
„Острякъ“ острить шестой годъ, значитъ полюбился читателю. „Острякъ“ даетъ въ 1914 году **100 №№** журнала и **50** премій: **36** юмористическихъ иллюстрирован. **альманаховъ** и **14 книгъ** анекдотовъ, шутокъ и т. п. Кромѣ того год. под. безпл. **альбомъ** художественныхъ рисунковъ, стоящій 1 руб. Высыл. по 4 №.

Адресъ: Москва, Домниковская, 6, въ контору журнала „Острякъ“. 1236

НАШИ ПЕРВОКЛАССНЫЯ

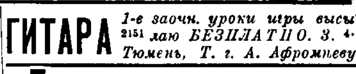
ШВЕЙНЫЯ и ВЯЗАЛЬНЫЯ МАШИНЫ,

ПРИЗНАННЫЯ ЛУЧШИМИ,



при выпискѣ непосредственно отъ насъ изъ Берлина обходятся **вдвое дешевле,** такъ какъ при этомъ Вы минуете перекупщиковъ и получаете машины по оптовымъ цѣнамъ. Нашъ русскій каталогъ съ цѣнами, включающими уже стоимость всѣхъ расходовъ по пересылкѣ, пошлинѣ и пр., высылается по требованію безплатно. Адресъ: Международный Экспортъ **Х. ФИНКЕЛЬШТЕЙНЪ.** **Германія, Берлинъ, ул. Кантъ, 120/1.** 1961 5-4

ФОТогр. снимки парижскихъ красавицъ, новые каталоги съ выборомъ до 200 разн. серій, высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 коп. марки за пер. Адр.: **М. ЛИПМАНОВИЧЪ, Лодзь,—5.** ящ. 526 (сокр. адр.). 2052 10-2



ГИТАРА *1-е заочн. уроки игры высылаю БЕЗПЛАТНО. З.* 2151 4-1 *Тюмень, Т. г. А. Афромѣеву.*

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. **А. Вейссъ,** Вѣна, Австрія. I. Адлергассе, 8. 1094

НУЖНЫ ДѢЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

для распространенія заграничнаго предмета, необходимаго каждой конторѣ, канцеляріи, банкамъ, учрежденіямъ и пр. Предложенія адресовать: Кіевъ, Почтовый ящ. № 311. 2148 4-1

НОво, ОРИГИНАЛЬНО, ИНТЕРЕСНО для фотографовъ-любителей. Подробности безплатно. **Рославль, фотографическое Издательство. 1.** 1946 5-3

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ.** Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2159 5-1

"Grand Prix" Ростовъ н/Д 1912 г. Парижъ 1912 г.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
ДЛЯ ВСѢХЪ

НЕ ТРЕБ. НИКАКИХЪ ЗНАНІЙ.

Простѣйшіе самоучители:

1) Устр **долговѣч. электр. освѣщ.** безъ машинъ и станц., домаш. сред. Выс. за **60** к., съ нал. пл. **75** к.

2) Изгот. **электр. аккумуляторовъ,** карм. и перен., уходъ, зарядка и пр. Выс. за **50** к., съ нал. пл. **65** к.

3) Изготов. **сухихъ батареекъ** для карм. фонар. Изг. обх. 3—5 к., возобн. 2—3 к. Выс. за **40** к., съ нал. пл. **55** к.

4) Устан. **телефон.** и **электр. звонковъ,** сигн. отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за **60** к., съ нал. пл. **75** коп.

5) Устр. **лѣчебн. электр. аппарата.** Обход. въ 5—6 разъ дешев. покупн. Выс. за **50** к., съ нал. пл. **65** к.

6) **Гальванопластика,** никкел., золочен., серебр., изгот. клише и пр. Выс. за **1** р. **10** к., съ нал. пл. **1** р. **25** к.

7) Уст. **динамо-машинъ и электро-моторовъ** домаш. сред. Выс. за **1** р. **30** к., съ нал. пл. **1** р. **45** к.

Перес. 2 кн. и болѣе обх. значит. дешевле. Всѣ **7** книгъ выс. за **4** р. **25** к., съ налож. платеж. **4** р. **40** к.

Проспекты высыл. **безплатно.** Адр.: Техн. **М. А. БОГОЛѢПОВУ,** Москва, Бол. Козихинскій пер., д. **4-65.** 2155

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
САМООБУЧЕНІЯ и САМООБРАЗОВАНІЯ
„ШКОЛА ДЛЯ ВСѢХЪ“

Журналъ даетъ познанія въ объемѣ **средней школы и готовитъ къ различнымъ экзаменамъ,** какъ-то: **на аттест. зрѣлости, на аптекар. учен., на классн. чинъ, на учит. зван.** и пр. и пр. Въ журналѣ, **какъ** ученые редакторы, принимаютъ участіе: **проф. С. А. Венгеровъ, Николай Ал. Морозовъ, проф. В. Н. Сперанскій, проф. Л. А. Чугаевъ, Лекторъ Импер. Алекс. Лицея Р. А. Теттенборнъ, прив.-доц. Н. С. Державинъ, заслуж. орд. проф. П. И. Броуновъ** и пр. и пр. (Подробн. списокъ будетъ объявленъ при первомъ №).

Подписная цѣна 12 руб. въ годъ (52 №№ журнала и 26 книгъ приложеній).

Допускается разсрочка въ 4 срока.

Первый № выйдетъ 1 февраля.

Деньги и запросы адресовать: **Петербургъ, Рижскій пр., 14 — 3, Конторѣ журнала „Школа для всѣхъ“.** 2164 3-1

Подробные проспекты высылаются безплатно.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

И ДРУГ. КОММЕРЧ. НАУКАМЪ.
ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ И УСЛОВІЯ
БЕЗПЛАТНО.

С.-Петербургъ, „Кругъ самообразованія“, Невскій, 92.—30. 1848 (7)

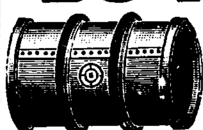
ЖІОКОНДА!!!

Великолѣпн. копія **велик. Леонардо да Винчи,** отдающая всѣ прелести міров. картины **большого формата** только 95 к. Такія же копіи **Рафаэля, Рубенса** и др. **вел. художн.** по 80 коп. **10 копій наиболѣе извѣстн. картин** только 5 р. 95 к. Перес. до 10 шт.—30 коп. Альбомы всѣх картин Лувра 2 р. 90 к. с перес. Адр.: **Charles Wohll Paris XVc,** Boite de com. 29.

2031 5-3

Ни хищеній!
Ни утечки! Ни ремонта!

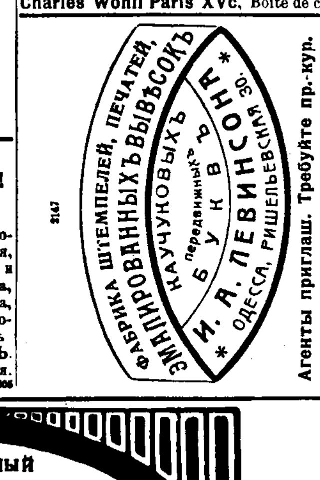
БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.**

Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья. Прейсъ-курантъ безплатно. 2111 37005

2147



Агенты приглаш. Требуйте пр.-кур.

СПЕРМИНЪ

Сперминъ-Пеля единственный настоящій сперминъ, всесторонне испытанъ и, благодаря достигнутымъ блестящимъ результатамъ, рекомендуется извѣстнѣйшими учеными всего міра при **неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, общей слабости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго лѣченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебояхъ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, переутомленіи** и проч. Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе

СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ

и остерегаться малоцѣнныхъ негодныхъ подражаній, **т. н. вытяжекъ изъ сѣмянныхъ** железъ, которыя со Сперминомъ-Пеля ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго не имѣютъ и часто содержатъ вредныя для здоровья вещества. Литература высылается безплатно. Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Докторъ ПЕЛЬ и С-вья. Спб.

Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

1806 11-18

БОЛЬНЫМЪ.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. **„Мертвое тѣло“.** Т. II. **„Разбитая жизнь“.** Т. III. **„Ольшанскій молодой баринъ“.** Т. IV. **„Грызуны“.** Т. V. **„Грезы“.** Т. VI. **„Грачевскій крокодилъ“.** Изящное изданіе in 8°. Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** въ перепл. **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 руб.**

МЕЙ, Л. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 3-хъ томахъ. Новое изданіе in 8°. Цѣна 3 томамъ—**5 р.,** съ перес. **5 р. 50 к.;** въ 3-хъ перепл. **6 р. 50 к.,** съ перес. **7 р.**

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Сочиненія М. Л. МИХАЙЛОВА.

Вышли изъ печати:

Томъ I. Стихотворенія.

Томъ II. „Въ провинціи“. Содержаніе: **Адамъ Адамычъ.** Повѣсть.—**Онъ.** Дневникъ уѣздной барышни.—**Кружевница.** Повѣсть.—**Поэтъ.** Разсказъ.—**Скромная доля.** Разсказъ. — **Сынокъ и маменька.** Разсказъ. — **Кумушки.** Сцены изъ простонароднаго быта.—**Скрипачъ.** Разсказъ.—**Изгоевъ.** Повѣсть.

Томъ III. „Перелетныя птицы“. Содержаніе: **Перелетныя птицы.** Романъ.—**Голубые глазки.** Разсказъ.—**Африканъ.** Разсказъ.

Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** въ перепл. **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 р.**

Стернъ, А. В. ПОЛНОЕ СОБР. СОЧИНЕНІЙ. Т. I. **„На конкурсѣ“.** Т. II. **„Выродокъ“.** Т. III. **„Забытая тетрадь“.** Т. IV. **„Гордость семьи“.** Т. V. **„Изъ гнѣзда“.** Т. VI. **„Бракъ по любви“.** Т. VII. **„Очнулась“.** Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** въ перепл. **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 руб.**

Гейне, Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 6-ти томахъ, in 8°. 2-е дополнен. изданіе. Цѣна каждому тому **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 р.;** въ перепл. **2 р. 35 к.,** съ перес. **2 р. 60 к.**

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «АРМАТИНОМЪ», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гонноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Больные хронической гонорреей вылѣчиваются по принятіи 4-хъ или 6-ти коробокъ. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.

ЧТО ПИШУТЪ БОЛЬНЫЕ, ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ ОТЪ ХРОНИЧЕСКОЙ ГОНОРРЕИ СРЕДСТВОМЪ „АРМАТИНЪ“.

„М. Г., г. А. Я. Акуліанцъ! Очень благодаренъ Вамъ за Ваше средство Арматинъ, дѣйствіе котораго сказалось сразу въ благопріятную сторону. Трудно вѣрится въ рекламу, но Ваше объявленіе не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей, а предлагаетъ больнымъ здоровье. Въ этомъ я убѣдился и еще разъ высказываю Вамъ свою глубокую признательность. Подпоручикъ Б. П. Раздольное, Прим. обл., 2/XII, 1912“.

„Многоуважаемый г. Акуліанцъ! Благодарю Васъ за изобрѣтенное Вами средство Арматинъ, которымъ я совершенно излѣчился отъ гонорреи, мучившей меня въ теченіе 11-ти лѣтъ. По принятіи 6-ти кор. Арматина я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, что и подтвердилось двукратнымъ изслѣдованіемъ мочи. Не откажите выслать 4 кор. для моего товарища. Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю М. В.“. Макѣевка. Донск. обл., 11 авг. 1912 г. 1169 (13)

ТРЕБУЙТЕ „НЕСТОР“ ВЕЗДѢ.

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

ФОТОГР. АППАРАТЫ

ЛУЧШІЕ ПОДАРКИ. Фотограф. аппараты со всѣми принадлежн. и печатн. наставл. въ Руб. 4.—, 6.—, 15.—, 60.— и дороже.
Волшебные фонари исключит. высшаго сорта отъ 1.65 до 100 руб.
Кинематографы въ 4.50, 7.—, 10.—, 19.—, 28.— и дороже.

2029 4-3 **НОВОСТЫ!** Для семейства и школъ:
Проэктоскопъ проэктируетъ на экранѣ или на стѣнѣ вездѣ, гдѣ есть электричество, ясно и отчетливо любой **непрозрачный** предметъ, какъ, напр., фотографію, открытку, цвѣты, бабочку и т. п. въ оригинальныхъ краскахъ, около 3-хъ аршинъ величины. Цѣна его съ штепселемъ и шнуромъ, но безъ лампъ Руб. 15.—. Прейсъ-куранты безплатно. **Бруно Зенгеръ и К°.** Казанская, № 1 (уг. Невскаго).

ВЪ ВѢДѢНІИ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ К. С. ЛИЛІЕНТАЛЬ

МОСКВА, ТРОИЦКІЙ ПРОѢЗДЪ (ПРОТИВЪ МАНЕЖА) 1.
ПРІЕМЪ НА КУРСЫ ОТКРЫТЪ.
НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, СО ВСЯКИМЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ.
СВѢДѢНІЯ, ПРОГРАММЫ И УСТАВЪ КУРСОВЪ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
КАНЦЕЛЯРІЯ КУРСОВЪ ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО. ТЕЛЕФОНЪ 4-49-01. 1989 4-4

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
2049 3-2
А. Б. МЕЙЕРЪ.
МОСКВА, Мясницкая, № 45—32.
СѢМЕНА: ОГОРОДН., ЦВѢТОЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ и др. наилучш. качества и испытанной всхожести, по умерен. цѣнамъ.
Цвѣточныя луковицы и клубни, Розы, Георгины и цвѣтущія зимующ. растенія.
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

МАРІЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСООБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЙ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ. 1850 18-1

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

для оркестра, школы и дома

Прейсъ-курантъ струнныхъ инструм. безплатно.

Скрипки итальянскія, французскія, нѣмецкія, старыхъ мастеровъ.

Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Москва, Рига. 2138

ГРЫЖА

Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомическо-пневматическій бандажъ безъ пружинъ констр. д-ра МАРКОНИ, и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. кач. пл. 5 р.; двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больного паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошоночная.
С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 6, отд. 20. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 1949

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT**, Ph[ien], 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.

INSTITUT de BEAUTÉ

PARIS - 26, pl. Vendôme **MERLE** 26, pl. Vendôme - PARIS

ПАРФЮМЕРІЯ — КОСМЕТИКА
Единственная фирма въ мірѣ

Гигіеническій и вѣрный способъ для поддержанія молодости и красоты. — **Спеціальные аппараты для предупрежденія и уничтоженія морщинъ.** — Всѣ издѣлія чисто растительныя, абсолютно безвредныя, и всѣ одобрены городской лабораторіей Парижа.

С.-Петербургъ 1903

Не имѣетъ никакихъ Отдѣленій въ Россіи.
Во избѣжаніе поддѣлокъ необходимо требовать на каждомъ издѣліи охранительное клеймо. — Продается во всѣхъ лучшихъ парикмахерскихъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Единственный представитель для всей Россіи: **Б. С. ВЕЙНШТЕЙНЪ**, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Князя Гагарина, кв. 44. 1921 7-2

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 2.

XLV г. изданія

Выданъ 11 января 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 1.

№ 2. 11 Января 1914 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1914 г.

А. И. Куинджи. Эффектъ заката. Эскизъ 1901 г. Собственность Общества имени А. И. Куинджи.

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

(Продолженіе).

VI.

Мутные отсвѣты дня уступали сумеркамъ; какъ будто пепломъ покрылись предметы и теряли свою реальность. Даже накрытый столъ, на которомъ перестали блестѣть грани хрусталя и металлическіе предметы, утратилъ свою грубую самоувѣренность, и парадная скатерть его уже не кичилась такъ своей бѣлизной.

Вошедшій благодаря всему этому не былъ замѣченъ никѣмъ. Онъ молча слушалъ, какъ профессоръ говорилъ съ привычными спокойствіемъ и убѣдительностью:

— Мало того, господа. Что особенно замѣчательно, такъ это то, что, разъ коснулся стебель хмеля ствола, въ немъ прекращается это загадочное круженіе растущихъ побѣговъ. Безъ опоры стебель хирѣетъ и чахнетъ, волочась по землѣ.

Онъ остановился, можетъ-быть, намѣреваясь снова перейти къ литературѣ, къ оправданію своего равнодушія къ ней, но въ эту минуту всѣ, вздрогнувъ отъ неожиданности, обернулись на отчетливый, сдержанный голосъ, продолжавшій разглагольствованія профессора въ его тонѣ:

— ...А если два родственныхъ другъ другу стебля не находятъ поблизости опоры, они обвиваютъ другъ друга и сами поднимаются надъ землею.

Майновъ и Прозоровъ сразу вспомнили и узнали его, но, должно-быть, мѣшали сумерки, а можетъ-быть, по неожиданности фигура его сейчасъ показалась всѣмъ, кромѣ профессора, загадочной, и даже слова, бывшія, въ сущности, продолженіемъ того же, что они слышали передъ тѣмъ, прозвучали особенно значительно и западали въ память случайнымъ, но не безразличнымъ намекомъ.

Только профессоръ не почувствовалъ ничего подобнаго. Онъ весело улыбнулся навстрѣчу вошедшему и протянулъ къ нему свои коротковатыя, мужицкія руки:

— Ты! Вотъ легокъ на поминѣ. Ну, я радъ! Ужасно, какъ радъ... Я ужъ опасался, что ты не придешь.

— Прости, запоздалъ немного... Были на то нѣкоторыя причины.

Бросилось въ глаза, что онъ не шевельнулся у двери, а Шугаевъ подошелъ къ нему и обнялъ его, и по звуку поцѣлуя, имѣвшему что-то общее съ тѣмъ, какъ профессоръ откусывалъ яблоко, ясно было, что цѣловалъ гостя хозяинъ.

— Ты вошелъ, какъ привидѣніе,—продолжалъ Шугаевъ все тѣмъ же повышеннымъ тономъ.—Тебя и не замѣтили. Вошелъ и молчишь.

— Я ждалъ... ждалъ конца твоей рѣчи...

Онъ говорилъ ровно, монотонно, почти не повышая и не понижая голоса, и даже, когда двинулся навстрѣчу вошедшей Аринѣ Ивановнѣ, не измѣнилъ этого тона:

— Здравствуйте, Арина Ивановна. Давно мы съ вами не видались.

— Да, много воды утекло. Мало-мало, прошло двадцать лѣтъ.

Они подержались за руки, внимательно глядя въ глаза другъ другу при сумеречномъ свѣтѣ, который дѣлалъ ихъ встрѣчу еще болѣе смутной. Но Арина Ивановна съ той простотой, которая у старыхъ людей никогда не кажется безцеремонностью, тотчасъ отошла отъ гостя безъ дальнихъ словъ и стала помогать прислугѣ зажигать лампу, висѣвшую надъ столомъ.

Шугаевъ очень оживленно сталъ знакомить гостя съ присутствующими:

— Господа. Вотъ мой товарищъ по университету—Эльмонтъ. А это—все товарищи моей жены. Пожалуйста, господа, называйте сами себя, а то я всегда перевираю фамиліи.

И въ то время, какъ руки сходились и расходились, профессоръ докладывалъ Эльмонту, все такъ же преувеличенно громко:

— Мы по-студенчески справили свадьбу. Видишь, изъ моей компаніи даже нѣтъ ни одного экземпляра. Такъ-то оно лучше...

Онъ перемѣнилъ тонъ и съ гостепріимнымъ жестомъ указалъ гостямъ на столъ:

— Вы извините, господа... Идите къ столу... Пейте... кушайте... будьте, какъ дома. А мы съ пріятелемъ побесѣдуемъ. Сто лѣтъ не видались. Мама, угощай.

Лампа загорѣлась, покачиваясь, и сразу свѣтотѣни заколыхались во всѣхъ углахъ. Старуха остановила лампу, и все сразу успокоилось и побуднѣло. Больше не было ничего необыкновеннаго ни въ гостѣ, ни въ звукѣ его голоса, ни въ чемъ.

Арина Ивановна радушно усадила гостей:

— Пожалуйста... пожалуйста.

Шугаевъ на ходу наклонился къ ней и тихо шепнулъ съ любовнымъ укоромъ:

— Только, мама, прошу васъ. Вѣдь обѣщали...

— Хорошо, хорошо, знаю,—вслухъ и недовольно отвѣтила Арина Ивановна.

— Да нѣтъ, я собственно потому... Вы ужъ и такъ немного...

Арина Ивановна смутилась и тоже шепнула тихо сыну, видя, что онъ догадался:

— Не буду больше, Гришенька, не буду. День такой.

Шугаевъ взялъ подъ руку Эльмонта и пошелъ съ нимъ въ гостиную. Тамъ онъ усадилъ его на диванъ и почему-то засмѣялся, потрепавъ пріятеля по плечу и заглядывая въ его глаза:

— Да, да, мать права: много воды утекло. Въ письмахъ всего не напишешь. Иногда вотъ такъ взглянешь въ лицо — и гораздо больше поймешь.

Онъ покачалъ головой не то съ укоромъ, не то съ сожалѣніемъ:

— Измѣнился ты... Постарѣлъ... И въ глазахъ что-то такое...

Тотъ отвелъ свои глаза, не поворачивая однако головы, и отвѣтилъ:

— А ты мало измѣнился.

Шугаеву пріятенъ былъ этотъ отвѣтъ. Онъ очень слѣдилъ за собой и зналъ это. Съ удовольствіемъ сказалъ:

— Моя жизнь кабинетная. Мы разно живемъ. Хотя, конечно, я не могъ замкнуться въ тѣсную раковину. Бродятъ еще прежнія дрожжи... И въ самой наукѣ я ищу свѣта для жизни...

Ему еще хотѣлось поговорить о себѣ, но замѣтилъ разсѣянное выраженіе въ глазахъ гостя и спросилъ его, однако какъ будто по необходимости, изъ приличія:

— Ну, а какъ ты? Все тотъ же?

Эльмонтъ шевельнулъ своими нервными губами, но тотчасъ же сомкнулъ ихъ и уже открылъ не сразу и совсѣмъ, видимо, съ другими словами, чѣмъ пронеслось у него раньше:

— Я живу, какъ и прежде. Только для себя.

Шугаевъ нѣсколько смутился, понявъ, что не совсѣмъ ловко обернулась его рѣчь.

— Ты меня не понялъ... Я... Э, да что объ этомъ!—воскликнулъ онъ съ настоящей симпатіей къ нему.—Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ,—рано или поздно, ты что-нибудь сдѣлаешь выдающееся. Значитъ, не только для себя. Талантъ не можетъ не выразиться и остаться особнякомъ.

— Спасибо за утѣшеніе.

— Какое тамъ утѣшеніе! Ахъ, ты!..

Рѣчь его какъ будто зацѣпилась за что-то.

Эльмонтъ закурилъ папиросу, поискалъ глазами пепельницу и, не найдя, обратилъ въ пепельницу коробочку отъ спичекъ, благо она была уже пустая. Закружился, засинѣлъ дымокъ папиросы, и молчаніе таинственнымъ образомъ сочеталось съ нимъ.

Профессоръ еле замѣтно шевельнулъ плечами.

— Странное дѣло,—произнесъ онъ, ощущая неловкость молчанія.—Кажется, такъ много накопилось, а встрѣтишься—не знаешь, съ чего начать...

Эльмонтъ спокойно возразилъ:

— Признаюсь, мнѣ нечего. Обо мнѣ и меня лучше не касаться.

Но Шугаевъ и этого заявленія не могъ оставить безъ объясненія:

— Понимаю. Иногда лучше все претворять въ себѣ.

И тутъ же сдѣлалъ новое заключеніе:

— Вѣдь вотъ, разные мы люди, а влечетъ меня къ тебѣ.

Эльмонтъ, продолжая курить, неопредѣленно отвѣтилъ:

— Да, это бываетъ.

Подумалъ о чемъ-то своемъ и, любуясь повисшимъ, какъ кисея, и медленно расползающимся дымомъ, какъ бы про себя закончилъ:

— У судьбы, вѣрно, есть свои цѣли.

Профессоръ на свое интимное слово ждалъ не того и, слегка разочарованный его отвѣтомъ, нѣсколько иронически спросилъ:

— А ты попрежнему вѣришь въ судьбу?.. И во все таинственное?

Эльмонтъ пересталъ курить, положилъ папиросу въ коробочку, и лицо его, худощавое и смуглое, стало еще болѣе строгимъ и печальнымъ:

— Послѣ того, что происходитъ всегда... Что случилось недавно... я не могу не вѣрить еще больше.

Вѣрно, это недавно случившееся было на самомъ дѣлѣ очень значительно, потому что профессоръ уже не иронизировалъ болѣе, а сочувственно поджалъ свои розовыя ровныя губы.

VII.

Вошла Лидія Михайловна, переодѣтая въ сѣрое дорожное платье, такъ же хорошо на ней сидѣвшее, какъ и подвѣнечное, но то красиво обтягивало ея фигуру и застегивалось на спинѣ, между тѣмъ какъ это было разсчитано на то, чтобы обходиться безъ посторонней помощи. И, какъ всегда женщина въ другомъ платьѣ, она казалась не та, что была въ бѣломъ: какъ-то спокойнѣе и, пожалуй, естественнѣе.

Цвѣты, конечно, были сняты, и даже измѣнена прическа на обычную, по настоянію Шурочки, которая шла за своей невѣсткой, любуясь и гордясь ею съ дѣтскимъ восторгомъ.

При видѣ гостя, Лидія Михайловна остановилась, пораженная: онъ смотрѣлъ на нее прямо и пристально внимательнымъ, какъ будто что-то выпытывающимъ, взглядомъ. О, она сразу узнала его по этимъ глазамъ. Это онъ былъ въ церкви. Но зачѣмъ же такъ таинственно? Почему онъ тамъ же не подошелъ и не поздравилъ послѣ вѣнчанія, а скрылся куда-то такъ внезапно, что его появленіе по временамъ представлялось ей видѣніемъ?

Правда, она слышала отъ Шугаева, что пріятель его не безъ странностей, но это уже слишкомъ.

Почему—слишкомъ? Она сама не могла бы дать себѣ настоящаго отчета, но то смутное безпокойство, которое не покидало ея съ того самаго момента, какъ изъ полутемной глубины церкви ее встревожилъ этотъ взглядъ, обратилось сейчасъ почти въ суевѣрное чувство жуткаго недоумѣнія. Ясно было, что это и есть тотъ пріятель, котораго ожидалъ Шугаевъ. Къ нему-то и поѣдутъ они на цѣлое лѣто.

Такое открытіе не то, чтобы испугало ее, а остановило. Ей, конечно, не приходило въ голову перемѣнить рѣшеніе. Если бы даже по одному ея слову Шугаевъ согласился поѣхать за границу, какъ предполагалось раньше, она не заикнулась бы объ этомъ. Билеты были взяты. Все готово къ отъѣзду.

Но это не главное. Вмѣстѣ съ безпокойнымъ, почти непріятнымъ ощущеніемъ, поднявшимся въ ней помимо воли,—защекотало какое-то острое любопытство, значеніе и смыслъ котораго она не только не оцѣнивала, но, можетъ-быть, и не сознавала, какъ надо.

Шугаевъ, любуясь ею и гордясь своимъ выборомъ передъ пріятелемъ, съ наивно-довольной улыбкой, свѣтившейся среди густыхъ бѣлокурыхъ усовъ, обратился къ женѣ, поднявъ въ ея сторону руку, нѣсколько, какъ ей показалось, на этотъ разъ слишкомъ по-хозяйски:

— Моя жена.—И, другой рукой указывая на Эльмонта:—тебѣ, Лида, не надо называть его.

Нѣкоторое время онъ такъ и остался съ растопыренными руками.

Эльмонтъ ступилъ нѣсколько шаговъ къ Лидіи Михайловнѣ, не сводя съ нея своихъ выпытывающихъ глазъ.

Она, опуская рѣсницы, протянула ему руку и услышала его монотонный, сдержанный голосъ:

— Я также знаю васъ. Примите мое искреннее поздравленіе.

И вмѣстѣ съ этимъ голосомъ почувствовала она пролившійся тепломъ на ея пальцы поцѣлуй.

Онъ тотчасъ отошелъ къ Шурочкѣ и совсѣмъ по-товарищески обратился къ ней:

— Здравствуйте, Александра Матвѣевна.

Шурочка была очень благодарна, что онъ не помянулъ о томъ, какъ она выросла, и прочее. Ей онъ показался очень постарѣвшимъ: въ черныхъ волосахъ уже свѣтилась сѣдина. Она знала кое-что о его несчастьѣ,—было его жаль, но почему-то сразу не нашлись слова для привѣтствія: а тутъ и Лидія Михайловна обратилась съ вопросомъ къ нему:

— Вы только-что пріѣхали?

Эльмонтъ обернулся къ ней:

— Къ вамъ? Да.

— А въ Москву?

Шугаевъ не далъ ему отвѣтить и поспѣшилъ подчеркнуть:

— Это—скрытый упрекъ тебѣ, что ты опоздалъ къ вѣнцу.

А. И. Куинджи. Украинская ночь. (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

Но Лидія Михайловна не остановилась на этихъ вопросахъ. У нея опять зародилось сомнѣніе, и хотѣлось и не хотѣлось, чтобы это сомнѣніе оправдалось...

— Вы сказали, что знаете меня.

Но эта настойчивость не смутила его. Онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Да, я видѣлъ...—замялся онъ, и отъ ея сомнѣнія не осталось и тѣни:—видѣлъ въ салонѣ вашу работу „Макъ".

— Ахъ, вотъ оно что!

Сердце почему-то начинало биться сильнѣе, и было досадно за эту неожиданную нервность.

Онъ продолжалъ невозмутимо:

— Въ ней много угаданнаго. Есть порывъ.

Пріятно было, что онъ знакомъ съ ея лучшей работой, имѣвшей въ Парижѣ успѣхъ, но раздражало то, что она мысленно называла „игра", то, что онъ скрывалъ почему-то, что былъ въ

— Лидія Михайловна, — вотъ ваше мѣсто. Гриша, куда ты? Садитесь рядомъ.

Но Шугаевъ въ эту минуту былъ возлѣ матери. Она сѣла-было въ уголкѣ, а онъ взялъ ее нѣжно подъ руку и сталъ усаживать рядомъ съ собою:

— Нѣтъ, нѣтъ, мама. Вамъ принадлежитъ первое мѣсто по праву.

Въ то время, какъ къ Лидіи Михайловнѣ онъ обращался иногда на „ты" довольно свободно, съ матерью всю жизнь онъ разговаривалъ на „вы", несмотря на ихъ кровную и сердечную глубокую близость. И то и другое было просто въ обычаѣ.

Аринѣ Ивановнѣ было ужасно пріятно вниманіе сына. Она даже покраснѣла отъ умиленія; все же, смущенная, покачала головой:

— Что ты конфузишь меня, старуху.

А. И. Куинджи. **Финляндія.** (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

церкви. Она рѣшила тотчасъ заставить его сознаться въ этомъ, но Шугаевъ и тутъ перебилъ ей путь. На этотъ разъ онъ, впрочемъ, уже обратился къ ней на „вы".

— Гордитесь его похвалой: это—человѣкъ, понимающій въ искусствѣ. Да въ чемъ онъ не понимаетъ! Тутъ онъ блеснулъ такимъ знаніемъ въ ботаникѣ...

Эльмонтъ поспѣшилъ закончить эту любезную похвалу:

— Которое извѣстно каждому огороднику.

Арина Ивановна показалась изъ столовой:

— Гриша, что же ужинъ-то? Вѣдь ты съ утра ничего не ѣлъ.

Молодежь также высыпала оттуда. Они успѣли выпить.

Сизовъ съ восторгомъ подхватилъ:

— А ужъ какой ужинъ!

— Къ столу! Къ столу! — весело призывала Саша.

— Идемъ!—откликнулся Шугаевъ и на ходу все еще продолжалъ аттестовать гостя:—Онъ причастенъ также къ искусству, да не къ одному... Ты какимъ искусствомъ сейчасъ занимаешься?

— Музыкой, — вскользь отвѣтилъ Эльмонтъ.

VIII.

Въ столовой, гдѣ пахло аппетитно и сочно, и гдѣ ароматъ гіацинтовъ сливался съ запахомъ кушанья и вина, Шурочка распоряжалась съ привѣтливой ловкостью:

Но всѣ дружно и ласково поддержали ея сына:

— Вѣрно, вѣрно... Самое почетное мѣсто Аринѣ Ивановнѣ!

— За здоровье Арины Ивановны,—ура!—воскликнулъ Прозоровъ, поднимая стаканъ съ виномъ.

Всѣ стали подходить къ ней и чокаться.

Сизовъ подалъ Аринѣ Ивановнѣ стаканъ съ виномъ.

— Позвольте мнѣ налить вамъ вина, Лидія Михайловна? — вызвался „вѣчный шаферъ" и, не дожидаясь ея согласія, налилъ бокалъ.

Она, чтобы оправдать разсѣянность, съ которой отнеслась къ чествованію старухи, поспѣшила отозваться:

— У меня что-то кружится голова,—но дайте.

Подошла къ Аринѣ Ивановнѣ и чокнулась съ нею:

— За ваше здоровье, мама.

Слово „мама" въ первый разъ сказала она, и это слово прозвучало какъ-то особенно для нея самой. Никогда не знала она настоящаго смысла этого слова, и то, что въ немъ сказалось сейчасъ, было не то, чтобы фальшиво, а какъ-то механически. Однако старуху такое обращеніе растрогало:

— Спасибо, что вы меня такъ назвали.

Но тутъ же прежнее огорченіе вспыхнуло въ ней, хотя безъ особенной остроты. Она, чтобы окончательно растворить его въ сыновней нѣжности, произнесла:

— Да что мое здоровье! Кому оно теперь нужно?

И сынъ тотчасъ отозвался, какъ она и ожидала:

— А мнѣ-то, мамочка!.. А намъ-то!..—поправился онъ, и по мужицкой простотѣ, которая жила въ немъ рядомъ съ его ученостью, а еще болѣе изъ желанія окончательно развеселить ее, лукаво намекнулъ: А можетъ-быть, впослѣдствіи и еще для кого-нибудь...

Но Саша даже обидѣлась на укоръ матери:

— А меня вы, что же, мама, и знать не хотите?

Арина Ивановна, совсѣмъ развеселившаяся, съ нѣжнымъ смѣшкомъ отвѣтила дочери:

— Ну, ты и безъ меня лису перегонишь.

— Что, скушали?—подхватилъ „вѣчный шаферъ", съ которымъ дѣвушка все время пикировалась.

— Съ аппетитомъ! живо откликнулась она.—Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ быть въ хвостѣ.

— Да еще двадцать восьмой разъ.—поддержалъ ее Прозоровъ.

Арина Ивановна еще разъ налила стаканы и обратилась къ гостямъ:

— Вотъ за милыхъ дѣтокъ моихъ прошу выкушать! —Расчувствовавшись, она обернулась къ Лидіи Михайловнѣ:—Люби его, Лидушка. Онъ у меня однолюбъ будетъ, какъ былъ его отецъ.

А. И. Куинджи. Лѣсъ. (Рисунокъ изъ собранія И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).

Шугаевъ, нѣсколько взволнованный отъ бокала выпитаго вина, котораго вообще въ ротъ не бралъ, и отъ всего событія и тостовъ, сказалъ матери, которая вдругъ стала ему еще дороже, чѣмъ всегда:

— Стой, мама, за насъ достаточно пили. Дай сказать нѣсколько словъ тебѣ. Гости, надѣюсь, извинятъ меня за интимное отклоненіе.

Профессоръ подошелъ къ матери, положилъ ей руки на плечи и любовно посмотрѣлъ въ ея глаза:

— Раньше дай при всѣхъ обнять тебя, родная.

Онъ обнялъ ее и трижды поцѣловалъ, ощущая на своей щекѣ влагу слезъ, выкатившихся изъ материнскихъ глазъ.

— Спасибо тебѣ за все, что ты для меня сдѣлала. Если я теперь достигъ того, о чемъ мечталъ, я обязанъ этимъ моей матери. Я былъ бы преступникъ, если бъ не оправдалъ ея горя и слезъ изъ-за меня.

Арина Ивановна всплакнула отъ всей души:

А. И. Куинджи. Ночь на Днѣпрѣ. (Собственность Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича).

— Ахъ, сынокъ мой! Женщина я простая. Дѣлала такъ, какъ велѣло мнѣ сердце.

Шугаевъ горячо ухватился за эти слова. Ему, видимо, хотѣлось сблизить сейчасъ этихъ двухъ дорогихъ для него женщинъ—мать и жену, которая, онъ зналъ, также вышла изъ низшей среды, и которую онъ полюбилъ дѣйствительно, какъ сказала мать, и какъ чувствовалъ самъ — навсегда, хотя не умѣлъ этого высказать вполнѣ, да и стыдился.

А. И. Куинджи. Дарьяльское ущелье. (Собственность общества имени А. И. Куинджи).

Что именно плѣнило его въ ней, кромѣ ея красоты,—онъ не могъ себѣ уяснить, да и не пытался. Люди они были разные, и не только по своему положенію и интересамъ, но и по характеру.

Полюбила ли его она такъ, какъ онъ ее? О, конечно, нѣтъ. Это было невозможно не только для нея, но и вообще, по его мнѣнію, для женщины. Вѣроятно, ее просто тронули его чувство, робость перваго признанія, въ которомъ, при его учености, при этой большой бородѣ и сильной фигурѣ, было что-то новое ей и привлекательное.

Довольно было, что она согласилась стать его женой. Это возбуждало въ немъ свѣтлую гордость и удивленіе къ своему счастью. Въ новомъ беззавѣтномъ чувствѣ на время какъ бы потонула даже любовь къ матери. Теперь стало нѣсколько стыдно за это забвеніе, и онъ съ воодушевленіемъ продолжалъ:

— Да, мама, ты—женщина простая. И въ лицѣ моей матери я поднимаю свой бокалъ за простую русскую женщину—и за ту, которая стоитъ у сохи, у рабочей лодки, и за ту, которая стремится оттуда сама или ведетъ дѣтей своихъ къ наукѣ и красотѣ. Но и оставаясь тамъ и возвышаясь изъ своей среды, пусть она сохранитъ въ себѣ драгоцѣннѣйшее свое качество: пусть остается простой русской женщиной. Итакъ, за нашихъ простыхъ женщинъ! За нашихъ простыхъ матерей!

Цѣлый хоръ громкихъ восклицаній взорвался въ отвѣтъ на эту рѣчь:

— Ура! Браво! Браво!

Подходили и чокались съ Ариной Ивановной, которая уже не стѣснялась своихъ слезъ, затѣмъ съ Лидіей Михайловной. Эльмонтъ обошелъ столъ и также чокнулся съ обѣими женщинами.

Арина Ивановна не хотѣла остаться въ долгу. Смахнувъ слезы, она отвѣтила, не торопясь и не ища словъ и складныхъ выраженій:

— Спасибо вамъ всѣмъ. И тебѣ, сынокъ мой, спасибо. Только по совѣсти говорю, не за что меня чествовать такъ: какая бы я была мать, если бы своему сыну добра не желала? Я чуяла материнскимъ сердцемъ, что мои старанія и заботы впрокъ пойдутъ. Вотъ ты и сталъ, мой Гришенька, извѣстнымъ, умнымъ, большимъ человѣкомъ, профессоромъ Григоріемъ Матвѣевичемъ Шугаевымъ.

Она гордо оглянула всѣхъ и особенно пристально-ревниво обратила свой взглядъ на невѣстку.

Но ея наивность никому не показалась смѣшной. Только профессоръ улыбнулся снисходительно и любовно:

— Милая мамочка,—для васъ я навсегда хотѣлъ бы остаться прежнимъ Гришей. Только вы преувеличили касательно моего ума и извѣстности.

Но новые крики: „браво!“ „ура!“—покрыли его возраженіе. Всѣ оживленно и дружно привѣтствовали Арину Ивановну.

— Ахъ, ну васъ! Совсѣмъ вы меня растревожили,—снова прослезившись, отмахнулась старуха отъ окружавшей ее молодежи и пошла изъ-за стола въ гостиную.

А. И. Куинджи. Березовая роща. (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

Лидіи Михайловнѣ показалось, что она недостаточно внимательно и прочувствованно отозвалась на материнскій порывъ, и она направилась вслѣдъ за нею.

Поцѣловавъ старуху, она съ искренней горячностью воскликнула:

— Клянусь вамъ, мама!.. — Эта ничтожная оговорка сбила ее съ тона, она поспѣшно поправилась: — клянусь вамъ, мама, я постараюсь сдѣлать все, чтобы Григорій Матвѣевичъ былъ счастливъ со мною!

Но уже слова эти прозвучали фальшивымъ паѳосомъ, и она сама покраснѣла за ихъ тонъ.

Вѣрно, старуха уловила неестественность, но не поняла, что это изъ-за пустой оговорки, и съ невольной холодностью отвѣтила:

— Зачѣмъ клясться? Клятва — грѣхъ. Коли любишь его — такъ ему и безъ твоего старанія будетъ хорошо. А не любишь — такъ сердцу не закажешь.

Лидія Михайловна также сразу охладѣла и, досадуя на себя втайнѣ за такой неожиданный переломъ, отвѣтила тоже сдержанно:

— Я такъ уважаю Григорія Матвѣевича и такъ люблю свое искусство, что ясно вижу всю жизнь впереди.

Фраза оказалась не только непонятной старухѣ, но и не совсѣмъ уясненной ею самой. Но уже поправить было нельзя. И Арина Ивановна, ухвативъ только послѣднія слова, на нихъ и отвѣтила съ мудростью человѣка, опытомъ провѣрившаго превратности бытія:

— Большая она, жизнь-то. Многаго не угадаешь въ ней. Какъ люди иной разъ ни сторонятся, а отъ бѣды не схоронятся.

Неожиданно губы ея вздрогнули, перекривились, и изъ глазъ брызнули слезы.

Она торопливо и хмуро рванула ихъ платкомъ.

— Охъ, я со своими слезами... Вотъ ужъ не къ мѣсту. Пойду одна выплачусь. Извините.

Она рѣшительно повернулась и пошла въ свою комнату, полную иконъ и пропахнувшую деревяннымъ масломъ

Лидія Михайловна хотѣла-было остановить ее:

— Да о чемъ же плакать, мама?

Но та, даже не оглянувшись, переступила порогъ. Лидія Михайловна остановилась, опѣшѣвшая, огорченная, чувствуя, что сейчасъ случилось что-то еще не сознанное, но знаменательное.

„Въ сущности, что тутъ такого?“ — спросила она себя. Было ясно, что дѣло не въ оговоркѣ и даже не въ недовѣріи матери, явно пробившемся сейчасъ, а въ чемъ-то всколыхнувшемся въ ней самой, въ какомъ-то заострившемся испугѣ, котораго прежде не ощущала.

Она склонила голову и замерла съ отяжелѣвшими и опустившимися руками.

IX.

Изъ столовой доносились веселые шумные голоса, но ей представилось, что все это сразу ушло куда-то страшно далеко и какъ будто оторвалось отъ нея. Лишь одно живое темное пятно шло оттуда все ближе и ближе.

Она съ жуткимъ чувствомъ прислушалась.

Несомнѣнно, онъ стоялъ уже за ея спиной, но она боялась обернуться сразу, чтобы не вскрикнуть отъ неожиданности. Собравшись съ силами, придала лицу спокойное выраженіе и все же, когда увидѣла его, слегка вздрогнула.

— Что съ вами? — наклонившись къ ней, спросилъ онъ.

— Ничего, — отвѣтила она, досадуя на себя за свою слабость. — Пустяки. Вы незамѣтно вошли.

— Черезъ часъ мы ѣдемъ, — объявилъ онъ такъ твердо и рѣшительно, какъ будто все зависѣло отъ одного его.

Лидія Михайловна уже совсѣмъ спокойно спросила:

— Вы ѣдете этимъ же поѣздомъ?

— Да, я пріѣхалъ только за вами.

Онъ выговаривалъ слишкомъ отчетливо, и потому казалось, что въ его словахъ двойной смыслъ. И особенно казалось это еще потому, что онъ смотрѣлъ опять-таки прямо въ глаза.

До сихъ поръ она не могла сказать себѣ, смотрятъ ли такъ же въ глаза во время разговора съ кѣмъ бы то ни было. Сейчасъ, несомнѣнно, нѣтъ. И можетъ-быть, ей только чудится, что онъ смотритъ какъ-то особенно, а на самомъ дѣлѣ и всѣ такъ смотрятъ. И можетъ-быть, онъ истолковываетъ какъ-нибудь неблагопріятно для нея то, что она опускаетъ рѣсницы подъ его взглядомъ.

Она заставила себя такъ же прямо взглянуть на него и отвѣтила умышленно банально:

— Это очень любезно съ вашей стороны. — Но когда онъ промолчалъ на эту фразу, она поспѣшила прибавить съ вспыхнувшимъ противъ него раздраженіемъ: — Григорій Матвѣевичъ ждалъ, что вы будете въ церкви. — Онъ произнесъ:

— Я опоздалъ.

Странно, его слова какъ будто были сами по себѣ и, какъ монета, имѣли двѣ стороны: одна сторона — обычная ходовая цѣна ихъ, другая — чуть ли не символъ.

Она принужденно разсмѣялась, умышленно принимая только одну первую сторону:

— Вы опоздали. Но глаза ваши были въ церкви.

Онъ не сразу отвѣтилъ:

— Вы въ этомъ увѣрены?

Нѣтъ, она не умѣла и не могла смотрѣть такъ прямо, какъ онъ. Да и невозможно было, глядя прямо въ глаза, говорить такимъ тономъ.

Она взволнованно продолжала:

— Я не разглядѣла въ темнотѣ лица, но хорошо запомнила этотъ взглядъ.

Тогда онъ просто сознался.

— Вы правы. Я былъ тамъ.

Притворившись удивленной, она спросила:

— Зачѣмъ же вы скрыли это?

Онъ съ странной искренностью и прямотой отвѣтилъ:

— Мнѣ хотѣлось прежде, чѣмъ я узнаю васъ, услышу вашъ голосъ... издали опредѣлить: будетъ ли счастливъ этотъ бракъ?

Эти слова обожгли ее, какъ горячій уголь. Поблѣднѣвъ, она съ бьющимся сердцемъ гордо встряхнула головой. Какъ онъ смѣетъ высказывать сомнѣнія? Это чуть ли не дерзость.

— Конечно, да! — строго отвѣтила она.

Но, несмотря на возмущеніе и строгость, слова ея какъ будто вывернулись наизнанку, какъ зонтикъ, въ который ударилъ вихрь.

Стало горько и обидно за свою безпомощность. И когда на мгновеніе онъ остановилъ ея взглядъ своимъ упорнымъ, выпытывающимъ взглядомъ, она едва не растерялась.

Однажды въ Парижѣ одинъ влюбленный комедіантъ грозилъ застрѣлить ее; она стояла передъ поднятымъ дуломъ револьвера, но ей хотѣлось разсмѣяться: чувствовала, что онъ даже не подниметъ курка. А сейчасъ курокъ поднятъ. Вотъ-вотъ, одинъ нажимъ — и онъ смертельно ранитъ ее, ранитъ однимъ словомъ: — Нѣтъ. — Она уже готовилась отозваться на это слово такъ, чтобы онъ не смѣлъ больше позволять себѣ подобныхъ выходокъ.

Но въ эту минуту Майновъ запѣлъ въ столовой неожиданнымъ для его маленькой фигурки сильнымъ басомъ эпиталаму изъ „Нерона“:

> Эросъ, богъ любви: меня-а—при-зы-ва-етъ.
> Не-вѣс-ту про-во-жа-ютъ въ чер-то-ги мои...

Его „нѣтъ“ потерялось въ хлынувшей сюда волнѣ этого баса. Какъ бы то ни было, она сдѣлала видъ, что не слышала его отвѣта.

Прозоровъ, тоже успѣвшій подвыпить, появился въ дверяхъ столовой.

— Лидія Михайловна! — съ укоромъ взывалъ онъ оттуда. — Это несправедливо. Зачѣмъ вы бросили насъ? Вѣдь сегодня еще пока вы намъ принадлежите. Вы нашъ товарищъ.

Она обрадовалась этому голосу изъ міра, который опять сталъ ей близокъ. Она съ преувеличенной горячностью воскликнула:

— И я останусь вашимъ товарищемъ навсегда!

Шугаевъ также вышелъ слѣдомъ за всѣми. Ей хотѣлось стряхнуть съ себя окончательно наважденіе, даже разсмѣяться надъ нимъ.

Громкимъ и напряженнымъ голосомъ она обратилась къ мужу, скользнувъ по своему собесѣднику неспокойнымъ взглядомъ:

— А знаете, Григорій Матвѣевичъ, вашъ другъ очень... — Слова летѣли впереди мыслей. Было намѣреніе сказать что-нибудь язвительное, но сказала только:

— ... оригинальный человѣкъ.

А. И. Куинджи. Вечеръ въ Малороссіи.
Собственность Общества имени А. И. Куинджи.

Профессоръ простодушно обрадовался:

— О, я былъ увѣренъ, что вы сойдетесь и будете друзьями.

Она была недовольна на себя за свою нерѣшительность и неняходчивость и не хот[illegible] примириться. Все такъ же вызывающе громко она продолжала, уже прямо смотря на Эльмонта:

— Онъ сказалъ мнѣ сейчасъ... очень забавную вещь.

И опять было не т[illegible] Она обрадовалась, когда профессоръ спросилъ, видя въ ея повышенномъ тонѣ и словахъ шутку

— Именно?

Лидія Михайловна повернула голову къ Эльмонту:

— Сказать?

Онъ отвѣтилъ просто.

— Скажите.

Она, дѣля слова, начала:

— Вашъ другъ сказалъ...—запнулась, и сразу стало неловко за бравирующій тонъ, за нелѣпый размахъ.—Пустое,—сказала она, застѣнчиво улыбаясь, совсѣмъ просто:—неудачное стремленіе къ пророчеству.

Сизовъ подалъ ей бокалъ съ шампанскимъ, принесенный для нея изъ столовой:

— Мы не хотимъ пить безъ васъ.

Она выпила вино съ какой-то жадностью, и оно сразу обволокло ея встревоженное сердце нѣжностью и сладкой печалью. Хотѣлось быть ясной и [illegible]рогательной, и, отвернувшись отъ Эльмонта и Шугаева, опять ухв[illegible]тилась за брошенный ей со стороны конецъ.

— Да, друзья мо[illegible] я на всегда останусь вашимъ товарищемъ. Насъ связываетъ чу[illegible]ство, свѣтлое и радостное, какъ молодость. Я до сихъ поръ принадлежала только искусству. Я почти не помню отца, не помню матери... Я не имѣла никакой другой привязанности, кромѣ привязанности къ искусству. Это было мое счастье... Оно останется со мною...—Хотѣлось такъ и оборвать рѣчь, но мелькнула мысль, что такъ будетъ кому-то обидно, и она прибавила:—... что бы ни было... чѣмъ бы ни загорѣлось еще мое сердце...—Протянула руку съ бокаломъ художникамъ и дружески проговорила:—Я чокаюсь съ моими товарищами за нашу нерушимую связь!

Тостъ былъ принятъ особенно радостно.

Майновъ съ такимъ чувствомъ вливалъ въ себя вино, что Прозоровъ выразилъ съ притворнымъ испугомъ, какъ бы тотъ не проглотилъ въ честь Лидіи Михайловны бокалъ.

Шугаева эта рѣчь гдѣ-то въ глубинѣ задѣла за живое. Онъ, конечно, понималъ, что не можетъ вытѣснить всего, что связывало его съ прошлымъ, да и странно было бы ревновать ее къ искусству. Пожалуй, не ввернн она явно въ угоду ему нѣсколькихъ словъ, онъ не принялъ бы ея рѣчь такъ близко къ сердцу. Онъ рѣшилъ затушить въ себѣ нечаянно обжегшую его искорку и радушно обратился къ художникамъ:

— Господа, вы должны пріѣхать къ намъ... туда... на берегъ моря. Она къ вамъ привыкла и будетъ тосковать. Я вѣдь человѣкъ, далекій искусству.

Лидія Михайловна также чистосердечно пригласила:

— Непремѣнно пріѣзжайте. Я дѣйствительно буду скучать о васъ.

Всѣмъ пришлось по душѣ это приглашеніе, кромѣ Арины Ивановны: только-что изъ подъ вѣнца, а ужъ скучать собирается. Обидѣлась она за сына.

— Пріѣдемъ. Пріѣдемъ... Спасибо. Непремѣнно прикатимъ всѣ.

Шугаевъ не остановился на этомъ.

— Къ твоимъ товарищамъ прибавится еще одинъ,—указалъ онъ на Эльмонта:—также артистическая натура. Онъ-то будетъ постоянно съ нами.

Лидія Михайловна обратила свое лицо къ Эльмонту.

Тотъ утвердительно наклонилъ голову:

— Да. Я внизу, вы—наверху.

Она спросила съ внезапно зажегшейся мечтой:

— Отъ насъ видно море?

— Ваши окна выходятъ въ открытое море. Когда буря и волны бьются объ утесы, весь домъ звучитъ, какъ раковина. Васъ это не будетъ безпокоить?—освѣдомился онъ съ чуткимъ опасеніемъ.

Лидія Михайловна радостно улыбнулась:

— Наоборотъ, это удивительно. Засыпать и просыпаться подъ шумъ моря.

Она остановилась, необыкновенно живо представляя себѣ все это, взволнованная не только этой картиной, но и сладостно связавшимися съ ней словами. И неожиданно эти слова отворили какія-то давнишнія, наглухо запертыя дверцы. Смутные далекіе образы и воспоминанія, какъ птички, вылетѣли оттуда, и она, сама изумленная этими зашевелившимися снами прошлаго, какъ бы про себя заговорила:

— Такъ было въ моемъ дѣтствѣ.—Блаженный холодокъ охватилъ ее, и она, вѣря и не вѣря своей памяти, продолжала, точно ловя и лаская этихъ маленькихъ птичекъ—воспоминанія:—Широкій берегъ... Песокъ... Рыбачья палатка. Такъ было въ моемъ дѣтствѣ.

Шугаевъ съ прорвавшейся нѣжностью пояснилъ:

— Вѣдь она родилась у моря. Ей будетъ это особенно пріятно.

Эльмонтъ, ловившій ея слова съ напряженнымъ вниманіемъ, задалъ вопросъ, какъ докторъ, который хочетъ поставить вѣрный діагнозъ:

— Съ тѣхъ поръ вы не видѣли моря?

Лидія Михайловна сразу пришла въ себя. Воспоминанія исчезли, какъ исчезаютъ сны, какъ только открываются глаза. Но настроеніе осталось, и она, не скрываясь, отвѣтила:

— Я не видѣла моря съ тѣхъ поръ. Мнѣ становится жутко: я вдругъ опять стану съ нимъ лицомъ къ лицу. До того жутко, что я и хочу и боюсь этой встрѣчи.

Такое ощущеніе только сейчасъ опредѣлилось такъ ясно, и въ этомъ какимъ-то непонятнымъ образомъ былъ замѣшанъ этотъ загадочный человѣкъ.

— Вы вѣрите въ предчувствія?—все такъ же пытливо и прямо задалъ ей снова вопросъ Эльмонтъ.

Шугаевъ полушутливо отвѣтилъ за нее:

— Она вѣритъ во все. Вообще вы, артисты, народъ суевѣрный.

И ужъ совсѣмъ шутливо онъ закончилъ:

— Однако я надѣюсь, что близость науки излѣчитъ ее отъ этого недостатка.

Эльмонтъ пожалъ плечами.

— Почему же излѣчитъ? Развѣ наука не имѣетъ дѣла съ явленіями, болѣе таинственными? Электричество. Магнетизмъ. Разъ можетъ существовать телеграфъ безъ проводовъ, какъ можно отрицать передачу чувствъ на разстояніи или предвѣдѣніе? Я увѣренъ,—закончилъ онъ съ спокойной твердостью:—что достаточно вглядѣться въ глаза человѣка, чтобы угадать, будетъ онъ мнѣ близокъ, или нѣтъ.

Онъ не смотрѣлъ на нее въ эту минуту, но ей казалось, что взглядъ его почти касается ея. Она рѣшила шуткою перебороть неловкость:

— Вы опасны. Не занимаетесь ли вы колдовствомъ?

Онъ нисколько не смутился и съ ясной простотой, которая обычно такъ не вязалась съ значительностью словъ его, отвѣтилъ:

— Да, такъ же, какъ и вы. Искусство—тоже своего рода колдовство.

— Ну, пошла музыка!—съ снисходительной усмѣшкой махнулъ рукой профессоръ.

Этотъ жестъ, очевидно, задѣлъ Эльмонта. Онъ такъ же насмѣшливо отпарировалъ:

— Человѣческія отношенія возникаютъ гораздо таинственнѣе, чѣмъ это думаютъ профессора.

Но Шугаевъ нисколько не обидѣлся. Онъ продолжалъ стоять на своемъ:

— Ты, братъ, не иронизируй насчетъ профессоровъ. Что же таинственнаго, напримѣръ, въ моихъ отношеніяхъ съ женой? У насъ—уваженіе... общность интересовъ, хотя мы и люди разныхъ профессій... Кажется, тутъ нѣтъ ничего таинственнаго.

Онъ произносилъ всѣ эти слова съ видимой ясностью, а на самомъ дѣлѣ за ними ему самому мерещилось что-то болѣе сокровенное: вѣдь эта женщина, которую онъ и узналъ-то такъ недавно, пришла и завладѣла его сердцемъ.

Эльмонтъ спросилъ:

— Что же ты уважаешь въ человѣкѣ?

— Что за вопросъ! То, что составляетъ человѣческое достоинство, что человѣчествомъ завоевано вѣками.

— Въ данномъ случаѣ это не важно.

— Что не важно?

— То, что не составляетъ человѣческаго достоинства,—прямо отвѣтилъ Эльмонтъ.

Но Шугаева такая прямота смутила.

— Вотъ какъ!..—только и нашелся проговорить онъ.

Эльмонтъ, не смущаясь, продолжалъ все съ тѣмъ же непреложнымъ сознаніемъ своей правоты:

— Вспышка молніи, порывъ вѣтра, даже ароматъ цвѣтка иногда значатъ больше, чѣмъ то, что, какъ ты выразился, человѣчество завоевало вѣками.

Шугаевъ обратился къ Лидіи Михайловнѣ и, какъ и прежде, когда желалъ побороть неловкость своихъ новыхъ отношеній съ ней, назвалъ ее—жена:

— Что скажетъ на это моя жена?

Эльмонтъ поморщился не то въ серьезъ, не то шутливо:

— Жена. Какое странное слово. Мнѣ въ немъ слышится смутный, безнадежный звонъ.

Арина Ивановна, опустившаяся на стулъ у двери гостиной съ тѣхъ поръ, какъ вошла, встала, недовольно покачала головой и ушла въ столовую.

Майновъ, которому съ перваго же взгляда не понравился новый гость, отправился за нею, ворча:

— Этотъ Дельфійскій оракулъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы прикусилъ себѣ языкъ, а глаза разрядилъ, а то они у него, того и гляди, выстрѣлятъ.

Лидію Михайловну удивила смѣлость Эльмонта. Какъ онъ угадалъ то, что ее нѣсколько царапало? Она, стараясь улыбкой смягчить свои слова, тоже подтвердила:

— Это вы тонко замѣтили... про звонъ...

И, обратившись къ мужу, какъ будто извиняясь и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждая:

— Я еще не привыкла къ этому слову. Оно какъ будто роняетъ... хоронитъ... меня, прежнюю... есть только — жена.

Шугаевъ, покраснѣвъ, оглянулся. Слава Богу, матери не было. Его не поняли, но объяснять было неумѣстно. Онъ принудилъ себя сказать:

— Если тебѣ это непріятно, я такъ называть не буду.

Но она видѣла, что обидѣла его, и незаслуженно:

— Ты не обижайся.

Шугаевъ уже нѣсколько суше возразилъ:

— Я не обижаюсь. Я знаю, что у артистовъ есть свои особенности... свои... тонкости.

Слова вырвались не тѣ, которыя онъ хотѣлъ сказать, и упали они холодно и тяжело, установивъ сразу напряженное и непріятное молчаніе.

Эльмонтъ взглянулъ на часы и, какъ ни въ чемъ не бывало, заявилъ:

— Одиннадцать. Черезъ часъ уходитъ поѣздъ. Я буду ждать васъ на вокзалѣ.

И онъ сдержанно и равнодушно поклонился.

Шугаевъ, спохватившись, что могъ обидѣть его, предложилъ съ усиленной мягкой ласковостью:

— Мы можемъ выѣхать изъ дома вмѣстѣ.

Но тотъ отвергъ его предложеніе:

— Я долженъ заѣхать за вещами. Онѣ въ гостиницѣ.

Поклонился художникамъ, съ молчаливымъ вниманіемъ и, пожалуй, недоумѣніемъ слушавшимъ этого любопытнаго человѣка:

— Господа, мы съ вами, надѣюсь, встрѣтимся на вокзалѣ.

Направился къ выходу.

Шугаевъ пошелъ проводить его.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

Пѣсня сердца—пѣсня птицы,
Голосъ свѣтлаго ключа.
Зажжены мои страницы
Золотымъ крыломъ зарницы,
Нитью радужной луча.

Міръ лучистыхъ пѣсенъ проситъ
Для защиты отъ грѣха.
Вдохновенье жемчугъ броситъ —
И его въ просторъ уноситъ
Золотой потокъ стиха...

Нѣжно затканы страницы
Нитью призрачной луча.
Пѣсня сердца—пѣсня птицы,
Серебристый зовъ зарницы,
Голосъ свѣтлаго ключа!

Николай Мезько.

Звѣздный сафиръ.

Сказка Наталіи Грушко.

Вмѣстѣ съ расцвѣтающей утренней зарей входила она въ городскія ворота и скромно садилась у стѣны, подъ тѣнью молчаливаго вѣкового бука.

Никто не зналъ, какого она возраста, красива или безобразна. Ея лицо всегда было закрыто густымъ покрываломъ.

Корзина, которую она приносила съ собой, была наполнена цвѣтами, и ни у одной изъ цвѣточницъ не было такихъ пышныхъ розъ, какъ у кроткой Лидіи,—такъ звали ее,—отъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ на вершинахъ горъ, до темно-красныхъ, какъ зерна граната.

Всѣ знали, что она не посѣщаетъ храмовъ и не приноситъ жертвъ богамъ, а исповѣдуетъ какую-то невѣдомую религію любви и всепрощенія, но снисходили къ ней и охотно покупали у нея цвѣты.

Ея мягкій, ласковый голосъ подкупалъ людей своей искренностью; особенно же любили ее дѣти. Они избрали для своихъ игръ площадку передъ букомъ и часто, перессорившись, бѣжали къ Лидіи. Она внимательно разбирала ихъ маленькія дѣла, и обидчикъ и обиженный легко подчинялись ея приговору.

Нерѣдко, собравшись въ тѣсный кружокъ, дѣти слушали разсказы Лидіи о далекой знойной странѣ, гдѣ нѣкогда жилъ Великій Учитель, принесшій міру любовь.

Тихимъ голосомъ разсказывала она, какъ въ догорающій лѣтній вечеръ однажды вступилъ Онъ въ городъ. Несмѣтныя толпы народа въ пестрыхъ одеждахъ выходили къ Нему навстрѣчу и радостными кликами привѣтствовали Его приближеніе, а Онъ, тихій и ясный, какъ этотъ догорающій день, медленно ѣхалъ на осликѣ, а люди, бросая Ему подъ ноги пальмовыя вѣтви, кричали: „Осанна, Осанна!“

И жадно раскрывались глаза маленькихъ слушателей Лидіи: затаивъ дыханіе, они старались не проронить ни одного изъ ея словъ, и грезился имъ невѣдомый городъ въ далекой Палестинѣ, золотой отблескъ догорающаго вечера и звонкіе дѣтскіе голоса, привѣтствующіе Назаретскаго Учителя.

Лидія жила далеко за городомъ, въ горахъ, въ маленькой хижинѣ, оставленной пастухами, ушедшими съ своими стадами въ другія мѣста.

Усталая пробиралась она по крутымъ тропинкамъ къ своему жилью. На половинѣ дороги навстрѣчу къ ней выходилъ мальчикъ, почти юноша, и, взявъ изъ ея рукъ пустую корзинку, шелъ вмѣстѣ съ нею къ хижинѣ. Тамъ, совершивъ молитву, они садились у очага, и хотя ужинъ у нихъ былъ скуденъ, они чувствовали себя довольными.

Мать неутомимо слѣдила, какъ развивался и крѣпъ ея сынъ, котораго звали Климентомъ, и, видя его мужественнымъ и сильнымъ, съ радостью думала, что ему не будетъ страшна никакая борьба, исполненная трудовъ и лишеній. А когда онъ дѣлился съ нею своими мыслями и наблюденіями надъ окружающей природой, она видѣла, что умъ его ясенъ, а душа чиста и прекрасна, какъ тѣ розы, которыя собирала она въ своемъ маленькомъ садикѣ.

Они не говорили другъ другу ласковыхъ словъ, но каждый взглядъ ихъ былъ полонъ нѣжности и свидѣтельствовалъ о томъ, что эти двое живутъ только другъ для друга.

Часто онъ задавалъ ей вопросы о жизни, которой онъ не зналъ, и о людяхъ, которыхъ видѣлъ такъ рѣдко и случайно, и она обогащала его умъ своими наблюденіями и познаніями. Она отвѣчала на всѣ его вопросы, и только одинъ оставался безъ отвѣта, и это какъ будто стояло между ними и грустной тѣнью омрачало его свѣтлые глаза.

То былъ вопросъ о перстнѣ, который она, никогда не снимая,

носила на правой рукѣ. Странный перстень съ зіяющей пустотой въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ вдѣланъ камень. Откуда этотъ перстень? Какое онъ имѣлъ значеніе? Куда дѣвался украшавшій его нѣкогда драгоцѣнный камень, и что̀ это былъ за камень? На всѣ эти вопросы, которые онъ возобновлялъ отъ времени до времени, она отвѣчала только глубокимъ вздохомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Климентъ выросъ и сталъ красивымъ и сильнымъ юношей, но сама она отъ скуднаго питанія, отъ утомительнаго каждодневнаго хожденія въ городъ и обратно по крутымъ и извилистымъ горнымъ тропинкамъ, а также отъ тайной скорби, которая, какъ ни старалась она скрыть ее даже отъ самой себя, истощала ея сердце,—ослабѣла.

Стали дрожать ея ноги, трудно уже было ей нагибаться, чтобы срѣзать розы съ вѣтвей кустарниковъ, и съ каждымъ днемъ угасало ея зрѣніе. Вотъ уже она не могла различать бѣлыхъ розъ отъ красныхъ и, идя въ городъ, чтобы продать цвѣты и на вырученныя деньги купить хлѣба и для себя и для сына, принуждена была ощупывать дорогу посохомъ.

Сколько разъ сынъ умолялъ ее послать его въ городъ, а самой остаться въ жилищѣ,—она не соглашалась. Она боялась, чтобы соблазны города не вселили въ его сердце несбыточныхъ надеждъ и не замутили его кристально-чистую душу.

И видѣлъ Климентъ, что съ каждымъ днемъ падаютъ ея силы, и невыразимая скорбь охватывала его при мысли, что онъ ничѣмъ не въ состояніи помочь ей.

Однажды, послѣ захода солнца, подоивъ козъ, молоко которыхъ составляло главную часть ихъ скуднаго стола, онъ вошелъ въ хижину и увидѣлъ мать безсильно лежащей на постели. Съ испугомъ онъ бросился къ ней, а она нѣжной улыбкой успокоила его, взяла его за руку и усадила у изголовья своей постели. Она сказала:

— Слушай, Климентъ. Ты часто спрашивалъ меня о перстнѣ, что̀ никогда не разстается съ моей рукой. Знай же, что въ этомъ перстнѣ вся моя прошлая жизнь. Я молчала, потому что мнѣ больно вспоминать о прошломъ. Но теперь ты видишь, какъ мало у меня осталось силъ. Богъ, Которому мы молимся, позволяетъ человѣку жить на землѣ столько, сколько онъ заслужилъ, и никто не знаетъ Его воли. Можетъ-быть, Онъ завтра захочетъ взять меня къ Себѣ. И потому настало время, чтобы ты узналъ, какъ все это было.

„Слушай же, Климентъ, мой милый сынъ. Далеко-далеко, въ томъ краю, гдѣ солнце грѣетъ только половину года, въ остальное же время его застилаютъ сѣрыя облака, а земля покрывается бѣлой пеленой снѣга, гдѣ море изрѣзало берега острыми извилистыми линіями, гдѣ нѣтъ такихъ, какъ здѣсь, широколиственныхъ деревьевъ и причудливо окрашенныхъ пышныхъ цвѣтовъ, гдѣ люди, рослые и сильные, живутъ въ хижинахъ, построенныхъ изъ стволовъ древесныхъ, одѣваются въ бѣлыя льняныя ткани, зимой же прикрываютъ тѣло звѣриными шкурами, а поклоняются и приносятъ жертвы деревяннымъ истуканамъ,— жилъ человѣкъ, которому повиновалась обширная страна.

„Онъ былъ могуществен и жестокъ. Любилъ ходить на охоту и на войну, вѣчно ссорился и дрался съ своими сосѣдями, а у себя дома проводилъ время въ веселыхъ празднествахъ и пирахъ. Въ тѣхъ пирахъ неизмѣнно участвовала и его любимая жена, на которую онъ глядѣлъ и не могъ наглядѣться, за чье здоровье онъ всякій разъ, когда колоколъ на дворцовой башнѣ возглашалъ наступленіе новаго часа, подымалъ кубокъ, наполненный виномъ.

„Ихъ любовный союзъ, какъ имъ казалось, навѣки скрѣпилъ дивный малютка-сынъ, рожденіе котораго радостно привѣтствовала вся страна.

„Однажды среди веселаго пира въ за̀мокъ явился странникъ дивнаго вида — высокій, бѣловолосый, съ кроткимъ взглядомъ ясныхъ глазъ, съ тихой, всепримиряющей улыбкой на устахъ.

„Посреди роскошной, тысячью свѣтильниковъ ярко освѣщенной залы остановился онъ, величественнымъ движеніемъ руки сдѣлалъ знакъ молчанія и глубокимъ, въ душу проникающимъ голосомъ заговорилъ о Великомъ Пророкѣ изъ Назарета, учившемъ любить и прощать не только близкихъ, но и враговъ, и о высокомъ примѣрѣ, который Онъ показалъ людямъ Своею жизнью, принявъ за нихъ страданіе и простивъ даже тѣхъ, что̀ распяли Его.

„И слушали всѣ и со страхомъ смотрѣли на смѣлаго старца, не зная, какъ приметъ это суровый властелинъ. Но тотъ былъ милостивъ къ старцу. Своими странными и новыми рѣчами старецъ развлекъ его, которому уже пріѣлись нехитрыя и грубыя выдумки придворныхъ шутовъ.

„И онъ сказалъ:

„— Старецъ говоритъ вздоръ. Не найдется на свѣтѣ ни одного человѣка, который, если онъ не безуменъ, любилъ бы и прощалъ своихъ враговъ. Я ненавижу моихъ враговъ и не знаю высшаго наслажденія, какъ убить врага. Но онъ такъ живописенъ въ этой рамкѣ сѣдыхъ волосъ и такъ пламенно вѣритъ въ свою дѣтскую сказку... Пусть же накормятъ его и дадутъ ему пріютъ въ нашемъ за̀мкѣ.

„И старецъ остался въ за̀мкѣ. Въ долгіе зимніе вечера, когда властелинъ уѣзжалъ съ дружиной къ сосѣдямъ или на охоту, онъ приходилъ въ покои жены властелина. Здѣсь, въ то время, какъ она вмѣстѣ съ другими женщинами занималась сученіемъ пряжи и тканьемъ одеждъ для себя и для мужа, а прекрасное дитя играло у ея ногъ, дивный старикъ разсказывалъ ей о земной жизни своего Пророка, Котораго онъ называлъ Богомъ, о Его страданіяхъ за весь человѣческій родъ, о смерти, чудесномъ воскресеніи и вознесеніи на небо. И такъ пламенны были его рѣчи, такимъ неземнымъ огнемъ загорались его глаза, что женщина повѣрила его словамъ и въ душѣ поклонилась его Богу.

Однажды, когда мужъ ея былъ на охотѣ, посѣтилъ ее старецъ и сообщилъ, что пришло время ему оставить за̀мокъ. И женщина протянула къ нему руки и со слезами молила его остаться.

„Но онъ твердо покачалъ головой и сказалъ:

„— Дитя мое, моя жизнь принадлежитъ не мнѣ, а Ему, Которому я служу. Я подъялъ на себя сладкое бремя —сѣять на землѣ истину, и этотъ долгъ призываетъ меня. Но такъ какъ ты своимъ чистымъ сердцемъ полюбила Его, то—крестись, и тогда Онъ вѣчно пребудетъ съ тобою.

„И женщина радостно согласилась, и старецъ крестилъ ихъ обоихъ—ее и маленькаго сына, а передъ тѣмъ, какъ уйти, онъ подарилъ ей дивный перстень съ драгоцѣннымъ сафиромъ и, возложивъ на ея голову руки, сказалъ:

„— Тому, въ чьемъ сердцѣ горятъ завѣщанныя Имъ любовь и прощеніе, этотъ перстень да будетъ никогда не гаснущей путеводной звѣздой!

„И, промолвивъ эти слова, онъ ушелъ изъ за̀мка и покинулъ страну. А когда послѣ его ухода женщина надѣла себѣ на палецъ драгоцѣнный перстень, въ глубинѣ здѣланнаго въ него сафира вдругъ тихимъ небеснымъ свѣтомъ зажглась звѣзда, и женщина смотрѣла на нее и не могла оторвать глазъ отъ нея.

„Услышавъ звукъ охотничьяго рога, извѣщавшаго о возвращеніи мужа, она, радостная, побѣжала къ нему навстрѣчу и показала ему перстень. Властелинъ съ изумленіемъ глядѣлъ на горѣвшую неподдѣльнымъ свѣтомъ звѣзду и воскликнулъ:

„— О, да, онъ—кудесникъ, этотъ таинственный старецъ! Я прикажу ему зажечь такія же звѣзды во всѣхъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, украшающихъ мои праздничныя одежды и вѣнецъ.

„— Но онъ ушелъ, онъ покинулъ нашу страну, чтобы больше никогда въ нее не возвращаться.

— „Ну, такъ я призову всѣхъ кудесниковъ моей страны и прикажу имъ проникнуть въ тайну его волшебства. Дай мнѣ перстень!

„— Я не могу разстаться съ нимъ и на мгновеніе,— отвѣтила женщина.

„Тогда въ припадкѣ сильнаго гнѣва онъ схватилъ ея руку и, силясь сорвать съ ея пальца ослѣпительно сіяющій перстень, вырвалъ изъ него только камень. И въ тотъ же мигъ погасла звѣзда, и въ рукѣ его лежалъ безжизненный кусокъ камня.

„Чувствуя себя обманутымъ и оскорбленнымъ, не помня себя отъ бѣшенства, размахнулся онъ рукой изо всей силы и съ проклятіемъ швырнулъ камень на далекое пространство.

„Напрасно искали его приближенные и слуги, напрасно и она сама съ своими женщинами обошла всю поляну, прилегавшую къ за̀мку, обшаривъ каждую щель и каждый стебелекъ росшей на ней травы — камень не засіялъ ей, въ немъ не зажглась звѣзда. Онъ затерялся въ кучѣ пыли.

„А властелинъ въ тотъ день обезглавилъ двѣнадцать своихъ вѣрныхъ слугъ, которые ни въ чемъ не провинились, и приказалъ выбрать самыхъ красивыхъ юношей изъ народа, чтобы принести ихъ въ жертву его богамъ. Онъ не зналъ, чѣмъ еще насытить злобу.

„Въ ту ночь изъ за̀мка потайнымъ ходомъ вышла женщина съ закутаннымъ въ покрывало лицомъ, неся на рукахъ спящаго мальчика. А къ утру она перешла границу страны, и никакая погоня уже не была ей страшна.

„Много дней и недѣль и мѣсяцевъ шла она, питая подаяніемъ себя и сына, пока не достигла благословеннаго края, гдѣ солнце никогда не перестаетъ согрѣвать землю, и гдѣ цвѣты пышнѣе всѣхъ царственныхъ красавицъ міра, а щедрая природа даетъ человѣку все необходимое для жизни, не требуя отъ него непосильнаго труда.

„Остальное ты знаешь, потому что та женщина была твоя мать, Климентъ, и тебя она принесла въ этотъ край на своихъ рукахъ, а властелинъ — твой отецъ“.

Утомленная разсказомъ, Лидія умолкла и долго лежала неподвижно съ закрытыми глазами, какъ бы еще разъ внутренно переживая всю прошедшую жизнь.

Климентъ сидѣлъ у постели, боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить ея покоя. Все, что̀ онъ услышалъ отъ нея, казалось ему сказкой, и по временамъ ему даже чудилось, что бѣдная мать его бредитъ.

Онъ — сынъ властелина какой-то страны, такъ непохожей на здѣшнюю, гдѣ онъ выросъ и сжился съ каждымъ поворотомъ тропинки и съ каждымъ изгибомъ скалы! Онъ, никогда не знавшій иной пищи, кромѣ хлѣба, овощей и фруктовъ, и другого напитка, кромѣ козьяго молока и прозрачной ключевой воды!.. Какъ все это мало похоже на жизнь подъ высокими сводами роскошнаго дворца, среди пировъ и празднествъ!

Но ни на одну минуту не шевельнулся въ его сердцѣ укоръ

матери за то, что она лишила его этихъ благъ. Беззавѣтно любя ее, онъ любилъ и ту жизнь, которая была съ нею, и все, что она сдѣлала или рѣшила, для него было непреложнымъ закономъ.

Лидія открыла глаза.

— Ты еще здѣсь, мой Климентъ? — тихо спросила она, нащупывая его руку. — Я еще должна досказать тебѣ... Милый мой сынъ, мнѣ тяжело было бы умереть, не исполнивъ завѣтной мечты, которую я лелѣяла въ душѣ такъ много лѣтъ. Твой отецъ живъ, я это знаю. Людская молва и въ этотъ отдаленный край приноситъ вѣсти о жестокостяхъ властелина сѣверной страны. Но мы съ тобой, владѣющіе истиной, не должны оставлять его въ языческомъ заблужденіи. Если мнѣ, бѣдной, незначительной женщинѣ, не удалось просвѣтить его душу, то это сдѣлаешь ты, мой сынъ. Ты пойдешь къ нему и отыщешь его... Но прежде ты долженъ отыскать камень отъ этого перстня, хотя бы тебѣ пришлось для этого трижды обойти всю землю. Я вѣрю, что ты найдешь его, и отъ любви твоей въ немъ зажжется погасшая звѣзда, и отецъ твой просвѣтится ея божественнымъ сіяніемъ. Иди же, мой сынъ, возьми посохъ и обойди города и селенія и найди, найди его, тотъ камень.

— Но могу ли я рѣшиться уйти отъ тебя, моя любимая, единственная, самое дорогое существо во всемъ мірѣ? Какъ я оставлю тебя, такую слабую и безпомощную? — попытался возразить ей Климентъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не бойся. Я не умру. Я знаю, что Великій Страдалецъ дастъ мнѣ силы дождаться твоего возвращенія, увидѣть еще разъ сіяніе вновь загорѣвшейся звѣзды и благословить твой путь на поиски отца. Вотъ я снимаю съ моего пальца перстень и надѣваю его на твой... Я осѣняю тебя крестомъ, я прижимаю тебя къ груди... Я благословляю тебя... Иди, иди...

Не могъ ослушаться матери Климентъ, взялъ въ руки посохъ и отправился въ путь. Но, отойдя отъ дома разстояніе не болѣе, какъ на сутки, утомленный, онъ сѣлъ на берегу тихой и прозрачной рѣки и задумался.

Къ чему поведетъ его путешествіе? Развѣ можно допустить хоть малѣйшую надежду найти этотъ камень, который тогда не могли сыскать приближенные и слуги и сама мать его съ своими женщинами? Развѣ они плохо искали его?

А земля такъ огромна, что, сколько бы ни обошелъ онъ городовъ и селеній, онъ никогда не будетъ имѣть права сказать, что исходилъ ее всю. А это значитъ, что путешествіе его будетъ длиться безъ конца.

И въ это время бѣдная мать его умретъ отъ голода и болѣзней, и онъ никогда, никогда больше не увидитъ ее. И если суждено ей отойти въ вѣчность, кто закроетъ ей глаза, кто предастъ землѣ дорогіе останки, кто совершитъ молитву надъ ея могилой?

И въ то время, какъ онъ такъ думалъ, взглядъ его упалъ на камешекъ, лежавшій среди другихъ такихъ же, смѣшанныхъ съ пескомъ, на берегу рѣки.

Маленькій осколокъ гранита, обтесанный и округленный водой и волною выброшенный на берегъ. И ему показалось, что онъ по своимъ размѣрамъ и по формѣ пригоденъ для перстня.

Онъ поднялъ его, поднесъ къ перстню и примѣрилъ. Были незначительныя шероховатости, которыя безъ труда сумѣетъ устранить любой мастеръ.

„Пусть такъ и будетъ, — сказалъ себѣ Климентъ: моя мать все равно ничего не увидитъ. Бѣдняжка, она совсѣмъ утратила зрѣніе. Я скажу ей, что нашелъ тотъ самый камень, что подарилъ ей старецъ, и что въ немъ яснымъ свѣтомъ горитъ звѣзда, и она мнѣ повѣритъ. Я обману ее, но справедливый Богъ видитъ мои чистыя намѣренія и проститъ мнѣ этотъ обманъ".

Онъ всталъ и пошелъ въ ближайшій городъ и, отыскавъ мастера, попросилъ его вставить въ перстень поднятый имъ на берегу кусочекъ горнаго камня. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него мастеръ.

„Это, должно-быть, связано съ какимъ-нибудь незабвеннымъ воспоминаніемъ", — подумалъ онъ и исполнилъ желаніе Климента.

Климентъ надѣлъ на палецъ перстень съ вставленнымъ въ него камнемъ и отправился въ обратный путь.

Когда онъ среди глубокой ночи пришелъ домой и вошелъ въ хижину, тамъ была тишина. Сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ въ хижину проникалъ блѣдный свѣтъ мѣсяца, слабо освѣщая постель и недвижно лежавшую на ней женщину.

Скорбная мысль, какъ острая отравленная стрѣла, ударила въ его мозгъ: „Умерла!"

Дрожащими руками онъ нащупалъ свѣтильникъ и хотѣлъ зажечь его, но въ немъ не оказалось ни капли масла, и даже фитиль догорѣлъ до основанія.

Тогда, тихо ступая, онъ приблизился къ постели и, наклонившись, осторожно прикоснулся къ рукѣ матери. Она была тепла. Лидія зашевелилась и приподняла голову.

— Кто это? — едва слышнымъ голосомъ произнесла она. — Неужели это ты, Климентъ, мой сынъ? Такъ, значитъ, я не замѣтила, какъ прошли мѣсяцы, а можетъ-быть, и годы, пока ты исходилъ всю землю и нашелъ драгоцѣнный камень отъ моего перстня.

— Да, я нашелъ его... Вотъ онъ, — сказалъ Климентъ. — Развѣ ты не чувствуешь, дорогая, какъ дивно сіяетъ въ немъ звѣзда, освѣщая нашу скромную хижину и превращая ее въ палату роскошнаго замка?

При этихъ словахъ онъ поднесъ къ ея рукамъ перстень и далъ ей ощупать его. И вдругъ какъ будто милліоны свѣтильниковъ зажглись въ хижинѣ — вся она озарилась яркимъ сіяніемъ.

Въ простомъ камешкѣ, въ осколкѣ гранитной скалы, когда-то выброшенномъ волнами на берегъ рѣки, дивнымъ свѣтомъ загорѣлась звѣзда, и самый камень превратился въ драгоцѣнный сафиръ.

Съ радостнымъ изумленіемъ осматривался вокругъ Климентъ и видѣлъ, что любовь его совершила чудо.

Улыбка счастья озарила мертвенно-блѣдное лицо Лидіи.

— Ты нашелъ его, ты нашелъ, милый мой сынъ. Да будетъ же онъ тебѣ путеводной звѣздой. Да горитъ онъ небеснымъ сіяніемъ, пока въ груди твоей будетъ биться теплое сердце. Да поможетъ онъ тебѣ честно пройти твой путь и мужественно совершить назначенный тебѣ подвигъ жизни: найти твоего отца и просвѣтить его умъ божественной истиной. Вотъ и мои глаза открылись, и ко мнѣ вернулось зрѣніе, чтобы я могла въ послѣдній разъ увидѣть черты твоего дорогого лица. Теперь я могу спокойно умереть.

Она возложила свои руки на его склоненную голову, и руки эти вдругъ похолодѣли. Сердце ея перестало биться.

Климентъ закрылъ глаза матери и, вырывъ могилу неподалеку отъ хижины, съ молитвой похоронилъ въ землю ея останки. Изъ горнаго камня высѣкъ онъ крестъ и поставилъ его надъ могилой.

И до сихъ поръ еще путники останавливаются для отдыха у этого безмолвнаго креста, въ теченіе вѣковъ почернѣвшаго и обросшаго мхомъ.

Самъ же Климентъ пошелъ на сѣверъ и отыскалъ страну, гдѣ властелиномъ былъ его отецъ. Звѣзда, ярко горѣвшая въ его перстнѣ, помогла ему доказать свое происхожденіе.

Усталый отъ битвъ и пировъ и собственной жестокости, преждевременно состарившійся властелинъ нашелъ сладостный отдыхъ на груди такъ чудесно вернувшагося къ нему сына.

Передъ смертью онъ принялъ крещеніе. Климентъ же, вступивъ въ управленіе страной, кротостью и справедливостью привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ подданныхъ, и весь народъ пожелалъ присоединиться къ его вѣрѣ.

И былъ счастливъ народъ, и процвѣтала страна подъ его управленіемъ. А въ перстнѣ его никогда не переставала яркимъ сіяніемъ горѣть звѣзда, зажженная его любовью.

Первый русскій импрессіонистъ.

А. И. Куинджи.

Очеркъ **М. Невѣдомскаго.**

(Съ 8 снимками съ картинъ и портретомъ на стр. 21, 23—26, 28 и 33).

Нѣкогда въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія — имя А. И. Куинджи было боевымъ и, такъ сказать, спорнымъ.

Каждая новая картина его вызывала горячіе дебаты и ожесточенные споры: одни превозносили и восхваляли, радовались и гордились; другіе недоумѣнно пожимали плечами или сердито ворчали, а то и негодовали. Въ тѣ дни Куинджи являлся новаторомъ, былъ, по выраженію И. Н. Крамского, „ошеломляюще новъ", пролагалъ пути и открывалъ горизонты. Это была эпоха, когда въ нашей живописи царилъ передвижническій реализмъ, съ его уклономъ въ сторону „протокольности", съ его специфическимъ и узкимъ пониманіемъ художественной правды.

Сейчасъ для Куинджи уже настала исторія. Каждый судящій о немъ можетъ и долженъ высказываться спокойно и безпристрастно, именно исторически. Его миссія и значеніе въ эволюціи русской живописи вообще и пейзажной нашей живописи въ частности обозначены въ самомъ заглавіи настоящей замѣтки. Онъ пролагалъ у насъ пути импрессіонизму. А вѣдь за протекшее съ той поры тридцатилѣтіе принципъ импрессіонизма завоевалъ и покорилъ всю нашу живопись и пластику вообще. (Да и одну ли пластику? Не то же ли надо сказать и про поэзію?); въ Западной же Европѣ еще со временъ Тернера и Коро искусство неуклонно развивалось подъ знакомъ именно этого принципа. Это уже не только не новшество, а нѣчто уже давно завоеванное, общая база, на которой все строится. За это тридцатилѣтіе выдвинулись и другіе новые идеи и запросы, искусство обогатилось новыми методами — символизма и стилизаціи: народился вобравшій въ себя эти пріемы неоимпрессіонизмъ (я ужъ не говорю о пѣтушиномъ крикѣ самоновѣйшихъ изъ новаторовъ — „кубистовъ" и „футуристовъ").

Но если художникъ и его творчество уже принадлежатъ исторіи, то это совсѣмъ не значитъ, что его произведенія представляютъ лишь историческій или „археологическій" интересъ, какъ очень часто склонны трактовать вопросъ наши „молодые".

Во всякомъ подлинномъ произведеніи искусства есть элементы вѣчные.

А Куинджи былъ безспорно подлиннымъ художникомъ „Божіей милостью“,—стихійнымъ прирожденнымъ талантомъ.

Серьезное, незабываемое и совершенно своеобразное впечатлѣніе производятъ холсты Куинджи и посейчасъ на всякаго, кто не разучился смотрѣть на художество непосредственно, чей глазъ не подернутъ „катарактой“ ходячаго модернизма. Техника, манера,—словомъ, поверхность произведеній Куинджи, конечно, устарѣлыя, соотвѣтствуютъ вполнѣ тому уровню, на которомъ стояла наша живопись въ „самобытническую“ эпоху 70-хъ годовъ. Не ищите въ нихъ того изящества, того вкуса и „вкусности“, которыми художники наши съ тѣхъ поръ позаимствовались у своихъ старшихъ, западно-европейскихъ собратьевъ. Но зато самая сущность его пейзажа, „варварски“-мощное чувство природы, поэзія просторовъ и далей, игра могучей свѣтотѣни—все это дѣлаетъ картины Куинджи глубоко интересными, независимо отъ „историческаго“ ихъ значенія, какъ первыхъ этаповъ нарождавшагося у насъ импрессіонизма. Печать оригинальности и самобытности лежитъ на всемъ, созданномъ Куинджи. Вы никогда и ни съ кѣмъ его не смѣшаете ни изъ сверстниковъ его ни изъ предшественниковъ или художниковъ позднѣйшихъ поколѣній. Это одно, само по себѣ, уже свидѣтельствуетъ о крупной творческой индивидуальности. У Куинджи свой языкъ, свой, ни съ кѣмъ не сравнимый, душевный складъ и своя „философія“, умѣющая обобщать природу, подводить ей итогъ или намекать зрителю на возможность такого итога. Вотъ почему картины Куинджи не забываются, какъ забываются тысячи картинъ, гораздо изящнѣе и искуснѣе „написанныхъ“...

Какъ самобытно было творчество Куинджи, такъ необычны, безконечно оригинальны были и самъ онъ, какъ человѣкъ, и весь его жизненный путь.

Необычность этого жизненнаго пути породила еще при его жизни немало легендъ и фантастическихъ слуховъ.

Многіе—особенно недоброжелатели его — увѣряли, что въ его біографіи много загадочныхъ, а то и „темныхъ“ страницъ, и строили вздорныя догадки о происхожденіи его славы и богатства. Теперь, благодаря матеріаламъ, собраннымъ и опубликованнымъ учениками Куинджи и членами Общества его имени *), жизнь Куинджи извѣстна, этапъ за этапомъ, отъ дѣтства до самой смерти. Легенды и басни, разумѣется, пали и разсѣялись. Фантастическаго не оказалось ничего. Но отъ этого ничуть не проиграли, а только выиграли какъ самый обликъ этого оригинальнѣйшаго изъ смертныхъ, такъ и значеніе всей его дѣятельности, этого безсмѣннаго служенія единому богу—богу искусства.

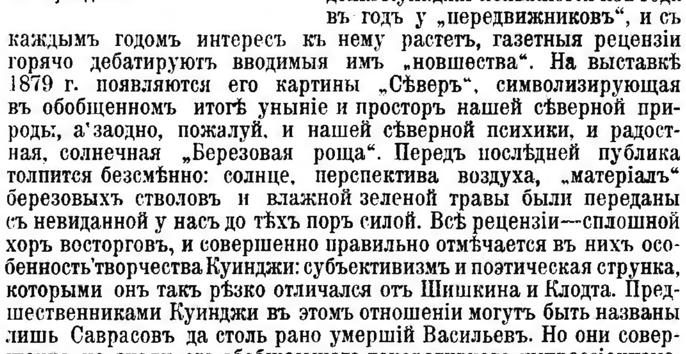
Куинджи родился въ Маріуполѣ въ 1840 г. Отецъ его, по ремеслу сапожникъ, былъ греческаго происхожденія. На шестомъ году мальчикъ теряетъ сначала отца, а вскорѣ и мать. Онъ остается на попеченіи своего старшаго брата Спиридона, а частью и тетки. Дѣтство проходитъ въ нуждѣ: мальчикъ пасетъ гусей, собираетъ кизяки для топки. Грамотѣ обучается въ „вольной школѣ“ учителя-грека, а потомъ въ городской школѣ. Съ 11 лѣтъ служитъ мальчикомъ у хуторянина Чабоненки, а затѣмъ у хлѣботорговца Аморети. Страсть къ рисованію сказывается уже въ эти годы, и наивные цѣнители приходятъ въ восторгъ отъ его „фресокъ“ углемъ на стѣнахъ кухни и отъ карандашныхъ портретовъ въ записной книжкѣ для пріемки кирпича. По совѣту друзей, Аморети посылаетъ 15-лѣтняго юнца за совѣтомъ къ знаменитому земляку Айвазовскому, въ Ѳеодосію. Вопреки ходячей молвѣ, нашъ извѣстный маринистъ очень мало заинтересовывается судьбой юнаго Куинджи, и за 2—3 лѣтнихъ мѣсяца, проведенныхъ на его виллѣ, мальчикъ получаетъ очень мало „руководящихъ“ указаній: къ „живописи“ онъ прикасается подъ кровомъ Айвазовскаго лишь въ формѣ раскраски забора. Затѣмъ начинается долгая, до самаго конца 60-хъ годовъ длившаяся, работа ради пропитанія въ качествѣ ретушера при фотографіяхъ, сначала въ Маріуполѣ, затѣмъ въ Одессѣ, а съ 1860 года—въ Петербургѣ, куда юноша перебирается въ надеждѣ проникнуть въ Академію Художествъ. Всѣ эти годы Куинджи самоучкой рисуетъ и пишетъ красками. Поступленіе въ Академію долго не дается: два года подъ рядъ держитъ онъ экзаменъ и „проваливается“ изъ-за неудовлетворительнаго рисунка. На третій годъ, одинъ въ своей каморкѣ, онъ принимается за картину „Татарская сакля“; картина выставлена въ Академіи, и автору присуждается званіе „неклассназо художника“. Куинджи проситъ замѣнить его званіемъ вольнослушателя.

Архипъ Ивановичъ Куинджи.

И вотъ онъ наконецъ въ 1868 г. — въ Академіи. Доходитъ онъ лишь до натурнаго класса. Въ тѣ годы отрицаніе Академіи съ ея ложно-классицизмомъ и рутиной было распространено среди всей передовой художественной молодежи. Уже работала вольнолюбивая „артель“ вышедшихъ изъ Академіи смѣльчаковъ, и нарождалось „Товарищество передвижныхъ выставокъ“, завладѣвшее вскорѣ общими симпатіями и вниманіемъ.

Девизы демократизма, народности и реализма, выдвинутые новой школой живописи, привлекали всѣ сердца: да и немудрено, ибо въ лицѣ передвижниковъ живопись лишь вступила на тотъ самый путь, по которому давно уже шла наша литература того времени, выражавшая завѣтныя стремленія всей интеллигенціи.

И вотъ Куинджи черезъ Шишкина и Рѣпина сближается съ „передвижниками“. На Академической выставкѣ его картины появлялись съ 1869 по 1873 г. Это еще подражательный, ученическій періодъ. Вліяніе Айвазовскаго и Калама сказывается довольно замѣтно, хотя чувствуется уже собственный мужественный темпераментъ. Съ 1874 года Куинджи — „передвижникъ“ душой и тѣломъ. Онъ дебютируетъ въ качествѣ „экспонента“ „Забытой деревней“, написанной въ „передвижническихъ“ сѣро-бурыхъ тонахъ, дающей впечатлѣніе мѣстности, забытой и людьми и Богомъ. Картина отмѣчена рецензентами, и Куинджи уже составляетъ себѣ имя. Но подлинный и большой успѣхъ имѣетъ картина 1876 г. — „Украинская ночь“. Здѣсь Куинджи впервые выявляетъ всѣ особенности своего таланта—въ передачѣ загадочнаго луннаго освѣщенія и въ чисто импрессіонистической обобщенной концепціи. Эта „ночь“, находящаяся въ Третьяковской галлереѣ, и посейчасъ овладѣваетъ зрителемъ, вызывая въ душѣ и жуткое и поэтическое настроеніе. Въ 1878 г. на Парижской выставкѣ картина эта привлекала наибольшее вниманіе французской критики среди всего, что фигурировало въ русскомъ отдѣлѣ выставки. Произведенія Куинджи появляются изъ года въ годъ у „передвижниковъ“, и съ каждымъ годомъ интересъ къ нему растетъ, газетныя рецензіи горячо дебатируютъ вводимыя имъ „новшества“. На выставкѣ 1879 г. появляются его картины „Сѣверъ“, символизирующая въ обобщенномъ итогѣ уныніе и просторъ нашей сѣверной природы, а заодно, пожалуй, и нашей сѣверной психики, и радостная, солнечная „Березовая роща“. Передъ послѣдней публика толпится безсмѣнно: солнце, перспектива воздуха, „матеріалъ“ березовыхъ стволовъ и влажной зеленой травы были переданы съ невиданной у насъ до тѣхъ поръ силой. Всѣ рецензіи—сплошной хоръ восторговъ, и совершенно правильно отмѣчается въ нихъ особенность творчества Куинджи: субъективизмъ и поэтическая струнка, которыми онъ такъ рѣзко отличался отъ Шишкина и Клодта. Предшественниками Куинджи въ этомъ отношеніи могутъ быть названы лишь Саврасовъ да столь рано умершій Васильевъ. Но они совершенно не знали его обобщающаго декоративнаго импрессіонизма.



Въ 1880 году Куинджи уходитъ изъ „Товарищества“ и выставляетъ одинъ. Первая его самостоятельная выставка становится настоящимъ „событіемъ“. Никогда еще Петербургъ такъ не волновался изъ-за картины, не интересовался такъ живописью, какъ это случилось въ дни, когда въ „Обществѣ Поощренія Художествъ“ на Морской появилась „Ночь на Днѣпрѣ“. Зрители наполняли домъ, сотнями дожидались очереди на лѣстницѣ и у крыльца; кареты стояли длинной вереницей отъ подъѣзда до угла Невскаго и загибали по Невскому до Малой Морской (нынѣ улица Гоголя). Всѣ газеты давали по цѣлому ряду замѣтокъ о картинѣ: въ журналахъ появились статьи о творчествѣ Куинджи. Восторженно отзывались о картинѣ такіе чуткіе зрители, какъ Тургеневъ и Крамской. Картина поражала свѣтовымъ эффектомъ залитой лунными лучами ленты Днѣпра и огоньковъ въ хаткахъ по берегамъ и сіяющей подлиннымъ свѣтомъ луны, плывущей въ облакахъ, которыя растянулись по темному южному ночному небу. А поэзія и живое чувство природы, разлитыя по всей картинѣ, трогали и очаровывали.

*) См. А И. Куинджи (И. Е. Рѣпинъ—„Куинджи, какъ художникъ“ М. Н. Невѣдомскій—„Біографія-характеристика“): Изд. Общ. имени А. И. Куинджи. СПБ. 1913 г.

Въ 1881 году появилась, опять на отдѣльной выставкѣ, вторая „Березовая роща", съ значительно измѣненнымъ и разработаннымъ по сравненію съ картиной 1879 года мотивомъ лѣсной прогалины, залитой солнцемъ; а въ слѣдующемъ году—„Днѣпръ утромъ", въ нѣжныхъ молочно-бѣлыхъ тонахъ. Это были послѣднія картины, которыя Куинджи выставилъ на судъ публики при его жизни. Въ моментъ, когда была достигнута вершина успѣха и славы, — онъ замолчалъ. Продолжая усиленно работать въ тайнѣ своей мастерской, онъ въ теченіе 30 лѣтъ не выдавалъ этой „тайны" зрителямъ, публикѣ. Послѣ его смерти въ мастерской его оказалось до 30 большихъ картинъ, не говоря уже о безчисленныхъ этюдахъ и эскизахъ. Что побудило художника отказаться отъ общенія съ публикой?—вотъ, пожалуй, единственная загадка, которая осталась да и останется навсегда въ біографіи Куинджи. Тутъ можно строить только предположенія.

И, мнѣ думается, наиболѣе правдоподобнымъ является предположеніе, что новаторъ, пролагатель путей импрессіонизму въ нашей живописи, „но все же по всѣмъ техническимъ навыкамъ своимъ истый „передвижникъ" Куинджи былъ какъ бы врасплохъ застигнутъ тѣмъ переворотомъ въ нашей живописи, который начинается съ 90-хъ годовъ. Замолчалъ онъ съ 82 года. Эпоха 80-хъ годовъ была эпохой всяческихъ сомнѣній и пересмотровъ (вспомнимъ кризисъ, пережитый въ эту годину Л. Толстымъ, а также художникомъ Ге). А затѣмъ, когда подлиннымъ потокомъ хлынули въ наше искусство европейскія вліянія, отъ которыхъ отвертывалось самобытнически настроенное „передвижничество", Куинджи, звавшій,—можетъ-быть, безсознательно, но, въ сущности, вѣдь именно на этотъ путь,—„могъ почувствовать свою техническую отсталость, и въ аскетическомъ заточеніи онъ предался усиленной работѣ надъ своими холстами, переписывая и передѣлывая картины безпрерывно, почти до самой смерти. Если мое предположеніе правильно, то въ загадочномъ „молчаніи" этого уже „сковавшаго" себѣ громкую славу художника надо видѣть свидѣтельство огромной искренности, поистинѣ религіознаго отношенія къ своей миссіи и къ художественному творчеству. Много ли найдется художниковъ, которые ушли бы отъ „міра" въ подобныхъ условіяхъ?

Матеріально этотъ уходъ былъ возможенъ для Куинджи потому, что добытыя картинами и олеографическими репродукціями съ нихъ средства были очень удачно использованы имъ: въ 1886 г. онъ купилъ огромный запущенный домъ на Васильевскомъ островѣ, продававшійся за-дешево съ торговъ (съ переводомъ долга). Отремонтировавъ зданіе, Куинджи черезъ шесть лѣтъ очень выгодно продалъ эту недвижимость за 385.000 наличными, съ переводомъ долга на покупщика. Эта продажа явилась источникомъ его богатства. Самъ онъ этимъ богатствомъ, можно сказать, не пользовался, ведя почти студенческій образъ жизни: демократизмъ залегъ прочнымъ пластомъ въ его душѣ еще съ юношескихъ лѣтъ, и на себя супруги Куинджи тратили гроши, живя безъ прислуги, въ скромной обстановкѣ. Деньги тратились на помощь нуждающимся, особенно молодымъ художникамъ; а главная часть денегъ пошла на преміи для тѣхъ же художниковъ и на то „Общество", которое основалъ Куинджи въ послѣдніе годы своей жизни (объ Обществѣ я скажу ниже). Въ 1894 г. Куинджи становится преподавателемъ въ реформированной—отчасти подъ его вліяніемъ—Академіи Художествъ и за какіе-нибудь три года воспитываетъ въ своей мастерской цѣлую плеяду выдающихся пейзажистовъ (Рерихъ, Борисовъ, Рыловъ, Рущицъ, Пурвитъ, Богаевскій и др). Среди обычной у насъ бюрократической атмосферы, которая осталась и въ реформированной Академіи, мастерская Куинджи являлась подлиннымъ оазисомъ: сердечныя, простыя отношенія царили здѣсь между учителемъ и учениками; учитель помогалъ имъ, чѣмъ могъ: и духовнымъ руководительствомъ и средствами въ случаѣ нужды; стоялъ за нихъ горой при всякихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ и т. д. Съ любовью и благодарностью вспоминаютъ ученики Куинджи объ этихъ годахъ, проведенныхъ въ его мастерской. Но студенческая исторія, разыгравшаяся въ 1897 г., положила конецъ преподавательской дѣятельности Куинджи. Повелѣніемъ Президента Академіи Великаго Князя Владиміра Александровича

К. Штратманъ (Мюнхенъ). **Поклоненіе волхвовъ.** Право воспроизведенія разрѣшено авторомъ.

Куинджи былъ „въ 24 часа“ исключенъ изъ состава преподавателей (хотя вся роль его въ этой исторіи сводилась только къ попыткамъ успокоить молодежь, взволнованную оскорбленіемъ, которое нанесено было одному изъ учениковъ ректоромъ Томишко). Тяжело отозвался этотъ неожиданный ударъ на влюбленномъ въ свою мастерскую учителѣ. Связи съ молодежью онъ однако не порвалъ. Черезъ годъ онъ повезъ на свои средства 12 учениковъ въ Европу для изученія памятниковъ искусства. Въ 1899 году кружокъ его учениковъ, подъ его ближайшимъ руководствомъ, становится ядромъ „Весенней выставки“. Духъ объединенія, духъ солидарности — вотъ что̀ хочетъ воспитать въ молодежи Куинджи, и именно этими цѣлями задавалась въ тѣ годы упомянутая выставка, чуждавшаяся всякаго направленства. Объединеніе работниковъ на поприщѣ искусства, моральная солидарность ихъ и взаимопомощь — подъ такимъ лозунгомъ проходитъ вся дѣятельность Куинджи за послѣднее десятилѣтіе его жизни. Послѣ неудачи, постигшей попытку съ „Весенней выставкой“ (часть экспонентовъ ушла, недовольная и зависимостью отъ Академіи и отсутствіемъ направленія), Куинджи пытается создать объединяющій центръ изъ кружка понедѣльниковъ. Но здѣсь его постигаетъ еще горшая неудача: раздоры и свара, задѣтыя честолюбія и самолюбія приводятъ къ уходу Куинджи вмѣстѣ съ 30-ю его единомышленниками (послѣ клеветнической газетной статьи, написанной однимъ изъ членовъ кружка). Но эти неудачи не сломили желѣзной энергіи и стихійнаго упорства „объединителя“. Всего за годъ передъ смертью, полубольной (болѣзнь сердца, сведшая его въ могилу, года три уже давала себя знать), онъ основываетъ „Общество“, имѣющее объединить всѣ существующіе кружки и организаціи художниковъ, и отдаетъ ему часть своихъ денегъ и пріобрѣтенную въ Крыму землю. Въ духовномъ завѣщаніи онъ передаетъ этой организаціи, назвавшей себя въ его честь „Обществомъ имени А. И. Куинджи“, всѣ свои средства и всѣ оставшіеся въ его мастерской картины и этюды. Задача общества, по мысли Куинджи,— во-первыхъ, духовное объединеніе, во-вторыхъ—матеріальная помощь начинающимъ художникамъ. Этимъ путемъ онъ надѣялся спасти талантливую молодежь отъ необходимости подчиняться гибельнымъ условіямъ рынка, надѣялся вообще передать въ руки самихъ художниковъ дѣло искусства въ Россіи. „Своя Академія будетъ!“—мечталъ онъ, какъ передаетъ въ своихъ запискахъ покойный К. Я. Крыжицкій. Умеръ Куинджи на 68-мъ году своей жизни 11 іюля 1910 г.

Такова въ основаніи своихъ линій біографія Куинджи. Чудесъ, какъ видитъ читатель, въ ней нѣтъ, кромѣ одного, впрочемъ: удивительнаго результата, къ которому приводятъ такихъ „самоучекъ“, такихъ не ограненныхъ культурою людей подлинное призваніе и религіозное служеніе ему.

Объ оригинальныхъ чертахъ Куинджи, какъ человѣка, распространяться не буду. Всѣмъ извѣстны его милыя чудачества съ кормленіемъ птицъ, его буйная неукротимая энергія, съ которой онъ, не считаясь ни съ какими „правилами“, обрушивался на каждаго, посягавшаго, по его мнѣнію, на судьбу русскаго искусства или художественной молодежи (анекдотовъ о его дѣятельности въ Совѣтѣ Академіи, членомъ котораго онъ состоялъ до смерти, ходитъ по рукамъ великое множество); всѣмъ извѣстна и его широкая благотворительность, которую онъ объяснялъ такимъ изреченіемъ: „Съ дѣтства привыкъ, что я сильнѣе, и помогать долженъ.“

Самъ „своимъ умомъ“ до всего доходившій, мало образованный, почти не признававшій книжки, этотъ богато одаренный человѣкъ сумѣлъ оставить глубокій слѣдъ не только въ нашей живописи своими открытіями по части импрессіонистической передачи свѣта и пространства, но и всей общественной своей дѣятельностью, направленной на пользу родного искусства и художественной молодежи.

Говоря о чисто-художественномъ наслѣдствѣ, оставленномъ намъ Куинджи, необходимо упомянуть, что обстоятельства сложились здѣсь крайне несчастливо. Вслѣдствіе плохого качества красокъ, бывшихъ въ ходу въ 70-хъ годахъ, картины того времени страшно почернѣли, а Куинджи, вдобавокъ, допускалъ такія смѣшенія красокъ, которыя, можно сказать, погубили весь колоритъ его картинъ того времени. Почти всѣ произведенія Куинджи „передвижническаго“ періода хранятся сейчасъ въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ—и вотъ лучшія свѣтовыя достиженія его померкли до неузнаваемости подъ бурымъ флеромъ (особенно надо это помнить относительно „Березовой рощи“, которая нѣкогда радовала глазъ именно свѣжестью и чистотой красокъ). Это касается старыхъ картинъ. Позднѣйшія же произведенія, которыя публика увидѣла лишь послѣ смерти автора на выставкахъ, устроенныхъ Обществомъ его имени, — подвергались, какъ я указывалъ, неоднократной переработкѣ, такъ и не доведенной въ иныхъ случаяхъ до конца (такъ, наиболѣе широкая по захвату вещь, исполненная чисто-космическаго настроенія: „Туманъ на морѣ“—вся затерта бѣлилами, и достоинства картины лишь проглядываютъ—опять-таки сквозь флеръ, на этотъ разъ бѣлый).

Воспроизводимые здѣсь въ краскахъ снимки сдѣланы съ двухъ „посмертныхъ“ произведеній Куинджи: „Эффектъ зимняго заката въ лѣсу“ представляетъ эскизъ, переработкѣ не подвергавшійся, и даетъ понятіе о смѣлости этого прирожденнаго колориста и импрессіониста. Картина „Закатъ въ Малороссіи“ подверглась, по свидѣтельству друзей Куинджи, значительной переработкѣ послѣ 1900 года: но и здѣсь могучая игра свѣта и тѣней и чудесно уловленный розовый отблескъ, которымъ рдѣетъ известь хатокъ, знакомятъ съ тѣмъ „варварски“-мощнымъ чувствомъ природы, которымъ обладалъ этотъ „солнце-поклонникъ“, этотъ пѣвецъ „свѣта и просторовъ“. Черные снимки воспроизводятъ картины „передвижническаго“ періода, находящіяся въ галлереѣ Третьякова, и знаменитую „Ночь на Днѣпрѣ“, создавшую славу зачинателю нашего импрессіонизма въ живописи.

Рабиндранатъ Тагоръ.

Очеркъ Зин. Львовскаго.

Еще недавно это имя не было извѣстно, — вѣрнѣе, оно было совсѣмъ неизвѣстно. Въ концѣ истекшаго года телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что премія Нобеля по литературѣ присуждена англо-индусскому поэту и писателю Рабиндранату (Рабиндра-нату) Тагору. Русская литература о Тагорѣ крайне скудна. Въ Западной же Европѣ о немъ говорятъ очень много, а въ Индіи на него молятся въ буквальномъ смыслѣ слова.

Біографическія свѣдѣнія о Тагорѣ очень кратки. Онъ родился въ 1861 году, въ Калькуттѣ. Выдвинулся онъ одновременно, какъ музыкантъ и поэтъ. Его первымъ значительнымъ произведеніемъ явилась опера, написанная имъ 18-ти лѣтъ отъ роду. Послѣ того онъ написалъ много романовъ, повѣстей, новеллъ, поэмъ и наконецъ „Джитанджали“, — сборникъ поэмъ, который принесъ автору всеобщее признаніе и поклоненіе. Этотъ же сборникъ главнымъ образомъ способствовалъ присужденію ему преміи Нобеля. Тагоръ лично перевелъ „Джитанджали“ („Жертвоприношеніе пѣснями“) на англійскій языкъ, и успѣхъ книги былъ такъ великъ, что менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ разошлись три изданія.

Книга вышла съ предисловіемъ извѣстнаго художника и критика Вильяма Ротенштейна, которому принадлежитъ честь „открытія“ Рабиндраната Тагора. Онъ познакомился съ индусомъ и его произведеніями во время путешествія по Индіи, предложилъ Тагору съѣздить въ Европу и тамъ издать свои произведенія. Тагоръ побывалъ въ Лондонѣ, затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Конгресса Религій.

Второе предисловіе написано выдающимся, къ сожалѣнію, у насъ мало извѣстнымъ ирландскимъ поэтомъ В. В. Итсомъ. Авторъ, между прочимъ, разсказываетъ про свою бесѣду съ однимъ индусомъ, получившимъ европейское образованіе и докторомъ медицины по профессіи. Докторъ не выразилъ никакого удивленія по поводу того успѣха, который выпалъ на долю его соотечественника. Разсказъ доктора до того интересенъ, что я считаю необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки:

„Я каждый день читаю Рабиндраната. Стихи его заставляютъ меня забыть про всѣ горести, которыя выпадаютъ на долю каждаго изъ насъ. У насъ много другихъ великихъ поэтовъ, но никому изъ нихъ не сравниться съ Рабиндранатомъ. По нѣмому общему соглашенію мы назвали наше время „эпохой Рабиндраната“. Безъ преувеличенія могу сказать, что ни единый европейскій поэтъ не пользуется у себя на родинѣ такимъ почитаніемъ, какъ у насъ Рабиндранатъ. Онъ одинаково великъ, какъ поэтъ и какъ музыкантъ, и его стихи распѣваютъ 50.000.000 человѣкъ, отъ Западной Индіи до Бирманіи, повсюду, гдѣ говорятъ на языкѣ „бенгали“. Онъ прославился уже 19-ти лѣтъ отъ роду, тотчасъ же послѣ того, какъ написалъ свой первый романъ. Въ Калькуттѣ еще играютъ его юношескія драмы. Въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ и горестныхъ переживаній, онъ написалъ лучшія произведенія на нашемъ языкѣ.

„Онъ—первый и единственный изъ нашихъ святыхъ, который не презрѣлъ жизнь, но, напротивъ, возлюбилъ и воспѣлъ ее, и вотъ почему народъ нашъ такъ любитъ его... Сравнительно недавно ему пришлось читать свои божественныя поэмы въ одномъ изъ самыхъ большихъ нашихъ храмовъ, въ Калькуттѣ, и скопленіе молящихся было до того велико, что оказались запруженными и закрытыми для прохода и проѣзда всѣ прилегающія улицы... Какъ бы я ни старался, я не могъ бы передать вамъ про любовь нашу къ Рабиндранату...“

Другой индусъ разсказываетъ:

„Я сообщаю вамъ то, что̀ неоднократно видѣлъ собственными глазами. Ежедневно около трехъ часовъ утра онъ усаживается на землю и лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ выходитъ изъ состоянія задумчивости и созерцанія. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на своего отца Мага-Риши, который нерѣдко въ подобномъ состояніи оставался съ утра до вечера, отъ восхода до заката солнца. Однажды, находясь на рѣкѣ, больше обычнаго пораженный красотой Божьяго міра, Мага-Риши упалъ на колѣни и долго оставался въ такомъ положеніи. Гребцы продержались на одномъ мѣстѣ больше 8 часовъ, не смѣя нарушить молитвеннаго состоянія своего господина.

Къ 100-лѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Изъ собранія Библіотеки. Страница Остромирова Евангелія — древнѣйшей рукописи Кирилловскаго начертанія 1056—57 гг. По фот. К. Глыбовской.

„Родъ Тагора далъ намъ уже много выдающихся личностей. Гогонендранатъ и Абининдранатъ — прославленные артисты. Движендранатъ, братъ поэта,—великій философъ. Очевидцы разсказываютъ, что съ деревьевъ спускаются бѣлки и усаживаются на его колѣняхъ; птицы часто отдыхаютъ на его плечахъ...“

Итсъ продолжаетъ:

„Я не разстаюсь съ книгой Тагора. Она со мной въ поѣздѣ, въ вагонѣ трамвая, въ ресторанѣ.—повсюду, и мнѣ часто приходится прекращать чтеніе для того, чтобы не обнаружить предъ посторонними, до чего я взволнованъ и потрясенъ. Его поэмы, прекрасныя и ритмичныя въ оригиналѣ, почти не поддаются переводу,—даже переводу самого автора. Читая ихъ, я уношусь въ міръ, о которомъ мечталъ всю жизнь, о которомъ мечтаетъ каждый изъ насъ. Продукты утонченнѣйшей культуры, онѣ въ то же время кажутся выросшими изъ почвы, подобно травѣ или камышу...“

Поэмы Тагора читаются очень медленно, громко, нараспѣвъ, и только при этихъ условіяхъ можно почувствовать всю красоту, весь ароматъ каждой строфы, каждаго слова. Поэмы Тагора распѣваются, при чемъ слова и мелодіи до того связаны, что кажутся однимъ цѣлымъ, — подобно бумагѣ и буквамъ, на ней напечатаннымъ. Конечно, ихъ можно раздѣлить, но съ большимъ ущербомъ какъ для текста, такъ и для мелодіи. Нѣкоторыя поэмы поютъ при восходѣ солнца, другія—при заходѣ или же въ полдень. Имѣются поэмы для всѣхъ временъ года, для всѣхъ случаевъ жизни.

Рабиндранатъ Тагоръ—оптимистъ и пантеистъ въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Жизнь — прекрасна, и столь же прекрасно все въ ней. Прекрасна расцвѣтшая роза, прелестна и дѣвочка, протягивающая ручку за подаяніемъ. Неизвѣстно, что чудеснѣе: зрѣлище заходящаго солнца, или тощій, съ горящимъ взоромъ пилигримъ...

Нѣсколько стихотвореній въ прозѣ дадутъ читателю нѣкоторое, хоть и далеко не полное представленіе о творчествѣ Рабиндраната Тагора:

1. Ты создалъ меня безграничнымъ, ибо такова была Твоя воля! Безъ конца Ты опорожняешь хрупкую чашу и снова наполняешь ее свѣтлой, чистой жизнью.

Ты вознесъ поверхъ холмовъ и долинъ маленькую камышевую флейту и напѣваешь на ней безсмертныя новыя пѣсни.

Подъ чудеснымъ прикосновеніемъ Твоихъ рукъ, трепеща отъ радости, безпредѣльно ширится мое бѣдное сердце и изливается въ нечленораздѣльныхъ звукахъ благодарности къ Тебѣ.

На мои протянутыя впередъ руки падаютъ неисчислимыя благодѣяніи Твои. Годы проходятъ и уходятъ,—Ты осыпаешь меня дарами, а въ хрупкой вазѣ свѣтлая жидкость все же не переходитъ черезъ край.

2. Онъ пришелъ и сѣлъ рядомъ со мной, но я не проснулся... О, какой проклятый сонъ!

Онъ пришелъ ко мнѣ въ покойную, тихую ночь. Онъ пришелъ съ лирой въ рукѣ, и сонъ мой украсился отзвуками Его пѣсенъ.

Увы! Безполезно проходятъ мои ночи... Почему я не вижу наяву Того, чье дыханіе стелется надъ моимъ сномъ?

3. Когда Ты былъ сверстникомъ моихъ игръ и забавъ, я никогда не спрашивалъ себя: кто Ты? Я не зналъ ни робости ни страха, шумна была моя жизнь!

Какъ добрый товарищъ, Ты будилъ меня по утрамъ, на зарѣ, и вслѣдъ за мной носился съ лужайки на лужайку.

Въ тѣ дни я не спрашивалъ себя, что въ Твоихъ пѣсняхъ, но мой слухъ улавливалъ напѣвы, и сердце мое билось въ тактъ имъ.

Давно миновали времена дѣтскихъ игръ, — и что же теперь открывается моему взору? Весь міръ, опустивъ глаза къ ногамъ Твоимъ, замеръ въ страхѣ и уваженіи къ Тебѣ.

4. Смерть, служанка Твоя, стучится въ мою дверь...

Она перешла невѣдомыя моря для того, чтобы принести мнѣ велѣніе Твое...

Ночь непроглядно-черна, въ испугѣ бьется и мечется сердце,—но все же я возьму свѣтильникъ, отворю дверь и, низко кланяясь, скажу: „Добро пожаловать!“

Я подчинюсь, со скрещенными на груди руками, со слезами на глазахъ,—я подчинюсь, сложивъ къ ногамъ ея всѣ сокровища моего сердца.

Исполнивъ повелѣніе Твое, она уйдетъ, — она уйдетъ, оставивъ черную тѣнь на блескѣ утра моего и — послѣднее приношеніе Тебѣ — мой трупъ!

Изъ „Жертвоприношенія пѣснями“.

1. О повелитель, я не въ состояніи различить всѣ оттѣнки твоего голоса.

Я слушаю тебя въ молчаніи, точно зачарованный.

Къ 100-лѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Изъ собранія Библіотеки. Остромирово Евангеліе. Окладъ изъ массивнаго серебра, позолоченный, украшенный крупными самоцвѣтными камнями, сдѣланъ на средства, пожертвованныя П. В. Голубковымъ. По фот. К. Глыбовской.

Свѣтъ напѣвовъ твоихъ заливаетъ пламенемъ весь міръ, дыханіе напѣвовъ твоихъ разсѣкаетъ небеса, священный громъ напѣвовъ твоихъ разрушаетъ, сметаетъ всѣ препятствія съ пути.

Къ тебѣ стремится мое сердце, желая слиться съ волнами твоихъ пѣсенъ, но тщетно... Я хочу говорить, но слова не претворяются въ пѣснь, и, смущенный, я только кричу:

О властелинъ мой! Мое сердце плѣнено,—плѣнено тончайшими нитями напѣвовъ твоихъ.

2. Я не пѣлъ еще о томъ, зачѣмъ я здѣсь.

Всѣ дни жизни моей я провожу въ томъ, что настраиваю и разстраиваю лиру, которую ты далъ мнѣ.

Еще не пришелъ часъ. Еще не сказаны слова,—и въ сердцѣ моемъ только тоска.

Еще не раскрылись цвѣты,—лишь вѣтеръ вздыхаетъ надъ ними и кружитъ безъ конца.

Я еще не узрѣлъ его лика, я еще не слыхалъ его голоса,—я слышалъ лишь его легкіе шаги подъ окномъ, на дорогѣ.

День жизни прошелъ въ томъ, что я готовилъ тронъ для него.

Еще не зажженъ свѣтъ, и я не могу еще пригласить его.

Я живу въ надеждѣ увидѣть его, встрѣтить его,—но встрѣча эта такъ далека...

3. Когда ты молчишь, сердце мое полнится тишиной, и я мечтаю о томъ, чтобы продлить эту тишину.

Недвижный, я жду момента, когда затканная звѣздами ночь неторопливо опуститъ свою голову на нашъ міръ.

Я знаю,—придетъ заря, исчезнетъ мракъ, и голосъ твой золотыми потоками заструится по небесамъ.

Тогда слова и пѣсни твои найдутъ крылья въ гнѣздахъ птицъ и чудесными цвѣтами разсыплются по полямъ и лѣсамъ.

4. Другъ мой, готовъ ли ты въ Путь Любви въ эту страшную грозовую ночь?

Полно отчаянія, стонетъ и плачетъ небо...

Другъ мой, я не могу уснуть въ эту ночь

Я неустанно отворяю дверь и гляжу во мракъ, но не вижу ничего,—даже тропинки.

Скажи мнѣ, другъ мой,—вдоль какого мрачнаго берега черной рѣки, вдоль какой лужайки угрюмаго, печальнаго лѣса, вдоль какихъ извилистыхъ дорожекъ отчаянія ты устремляешь ко мнѣ бѣгъ свой въ ночи?

Столѣтіе Императорской Публичной Библіотеки.

Очеркъ **П. В. Быкова.**

(Окончаніе).

Два года затѣмъ, по возвращеніи книгъ и рукописей въ Петербургъ, Библіотека приводилась въ порядокъ и только 2 января 1814 года была открыта для публики, при чемъ, посѣтители допускались лишь три раза въ недѣлю. Все болѣе и болѣе обогащалась Библіотека собраніями книгъ, жертвовавшимися владѣльцами или покупаемыми у нихъ; одно перечисленіе такихъ пріобрѣтеній заняло бы много листовъ, а потому скажемъ только, что книги, рукописи, гравюры и т. д. шли изъ Европы и съ Востока, откуда, благодаря успѣхамъ русскаго оружія, было доставлено въ Библіотеку не мало трофеевъ въ видѣ книгъ и разныхъ документовъ, добытыхъ въ мечетяхъ. Въ 1829 году внукъ шаха персидскаго принцъ Хозревъ-мирза поднесъ императору Николаю Павловичу богатое собраніе историческихъ сочиненій и твореній знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ, которые императоръ и передалъ въ Библіотеку. Затѣмъ въ 1831—1834 гг. всѣ рѣдкія роскошныя изданія изъ Библіотеки упраздненной іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ перешли въ наше книгохранилище, а также книги и рукописи изъ библіотекъ Сапѣги и гр. Ржевусскаго и изъ замѣчательнаго собранія князей Чарторійскихъ изъ Пулавъ, перешедшихъ въ казну послѣ польскаго возстанія. При Оленинѣ были произведены и капитальныя пристройки къ главному корпусу библіотечнаго зданія. Это было сдѣлано въ 1828 году, по повелѣнію императора Николая, архитекторомъ К. И. Росси, большимъ эстетикомъ. Проектируя великолѣпный фасадъ, который долженъ былъ декорировать Александринскую площадь, архитекторъ увлекся и ради этого пожертвовалъ внутренними удобствами Библіотеки: въ залахъ стало темно, такъ какъ верхнія окна были задѣланы и на ихъ мѣсто поставлены барельефы; лѣтъ тридцать въ залахъ царила полутьма, пока, по Высочайшему повелѣнію, уже въ шестидесятыхъ годахъ, не были убраны барельефы и не возстановлены окна.

Сидятъ за столомъ слѣва направо: 1) П. Н. Рекшинскій, юрисконсультъ министерства. 2) П. Д. Мордухай-Болтовской, юрисконсультъ министерства. 3) Вице-директоръ I департамента А. В. Лядовъ. 4) Директоръ I департамента П. Н. Милютинъ. 5) Товарищъ министра Н. Д. Чаплинъ. 6) Товарищъ министра Алекс. Н. Веревкинъ. 7) Министръ юстиціи статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ. 8) Товарищъ министра И. И. Ильященко. 9) Директоръ II департамента Д. А. Живковичъ. 10) П. Г. Лошкаревъ, старшій предсѣдатель Харьковской судебной палаты. 11) А. И. Зайцевъ, вице-директоръ II департамента. 12) Андр. Н. Веревкинъ, вице-директоръ II департамента.

Группа предсѣдателей Съѣздовъ мировыхъ судей десяти губерній (Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической), въ которыхъ введена съ 1 января с. г. реформа мѣстнаго суда. Руководителей мѣстнаго суда, собравшихся въ Петербургѣ, привѣтствовали министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ вмѣстѣ съ своими товарищами и прочими высшими чинами судебнаго вѣдомства. По фот. К. Булла.

Въ 1843 году Оленинъ умеръ, проработавъ на пользу нашего книгохранилища ровно тридцать пять лѣтъ, и преемникомъ его сдѣлался Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій кавалергардъ, флигель-адъютантъ императора Александра Павловича, участникъ войнъ Отечественной и турецкой (1829), авторъ многихъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Онъ оказался чрезвычайно дѣятельнымъ директоромъ. Немедленно озаботился составленіемъ каталоговъ, привелъ въ образцовый порядокъ рукописное отдѣленіе и содѣйствовалъ приращенію Библіотеки. За время его управленія Библіотека получила въ даръ отъ купеческаго сына С. Ѳ. Соловьева богатое собраніе древнѣйшихъ книгъ церковно-славянской печати, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, пріобрѣтенныхъ имъ у наслѣдниковъ Кастерина, усерднаго коллекціонера старопечатныхъ книгъ. Бутурлинъ ввелъ также новые порядки въ Библіотекѣ для посѣтителей ея, а именно гостепріимно раскрывалъ двери книгохранилища не по три раза въ недѣлю, а ежедневно, не выключая и праздничныхъ дней. Но относительно выдачи книгъ онъ оказался куда суровѣе своего предшественника. Характерно его распоряженіе относительно выдачи книгъ. „Если многіе читатели,—говорилъ въ своемъ предписаніи Бутурлинъ:—будутъ требовать книгу, которой одинъ только экземпляръ находится въ библіотекѣ, то оную получаетъ напередъ тотъ, кто имѣетъ въ ней нужду по своему званію". Однажды, увидѣвъ въ читальной залѣ посѣтителя въ пальто и калошахъ, онъ въ тотъ же день распорядился вывѣсить слѣдующее объявленіе: „По отмѣнной теплотѣ комнатъ библіотеки даже въ самое холодное зимнее время, посѣтители обязаны оставлять шинели, плащи, салопы и бекеши у сторожа въ сѣняхъ: исключеніе допускаю лишь для „холодныхъ сюртуковъ", а непристойно одѣтые не войдутъ въ библіотеку". Онъ же добился запрещенія учащимся посѣщать Библіотеку и обставилъ особенными строгостями занятія въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки, во избѣжаніе порчи рукописей и воровства, въ которомъ нынѣ и при отличныхъ порядкахъ Библіотеки изощряются многіе посѣтители читальной залы.

Членъ Государственнаго Совѣта генералъ-отъ-инфантеріи Н. И. Гродековъ, сподвижникъ М. Д. Скобелева, герой Хивинскаго похода (1873 г.), завоевавшій огромныя заслуги своей продолжительной военной и административной дѣятельностью на Дальнемъ Востокѣ — въ Ферганской области, Туркестанѣ, Афганистанѣ и Пріамурьѣ. (1843—1913).

Бутурлинъ былъ директоромъ Публичной Библіотеки всего шесть лѣтъ. По смерти его, послѣдовавшей въ октябрѣ 1849 года, директоромъ ея назначенъ былъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, не только какъ государственный дѣятель подвизавшійся блистательно на служебномъ поприщѣ, но и въ качествѣ ученаго обогатившій науку цѣнными вкладами, авторъ капитальнаго труда „Жизнь графа Сперанскаго" и цѣлаго ряда историческихъ сочиненій. Съ его директорствомъ всѣ злоключенія Публичной Библіотеки заканчиваются, и начинается свѣтлый періодъ ея существованія. Дѣло каталогизаціи двинуто значительно впередъ, публикѣ предоставлены всѣ удобства для пользованія сокровищами нашего богатѣйшаго книгохранилища. По почину бар. Корфа, императоръ принялъ Библіотеку въ свое ближайшее вѣдѣніе: въ февралѣ 1850 г. она отчислена отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вошла въ составъ Министерства Императорскаго Двора; власть директора значительно расширилась, и ему дано право непосредственно сноситься со всѣми вѣдомствами и представлять доклады государю чрезъ министра Императорскаго Двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ было утверждено новое положеніе о Библіотекѣ. При баронѣ Корфѣ возросли въ значительной степени ея средства: было испрошено пособіе въ 20.000 рублей, притекло болѣе 50.000 рублей, пожертвованныхъ И. Ф. Базилевскимъ, П. В. Голубковымъ, Н. А. Демидовымъ, Н. Н. Латкинымъ, гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ, кн. Н. А. Орловымъ, В. А. Кокоревымъ, извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ и другими. Кромѣ того, баронъ Корфъ ввелъ продажу дублетовъ съ аукціона, что также давало доходъ.

Что касается увеличенія содержимаго Библіотеки, то и здѣсь баронъ Корфъ хлопоталъ неустанно и сдѣлалъ очень много. Дозволено было перенести въ Библіотеку много спеціальныхъ книгъ и рукописей самыхъ рѣдчайшихъ изъ Эрмитажной библіотеки, пріобрѣтены: богатѣйшее „древлехранилище" Погодина, состоявшее изъ книгъ, документовъ, церковно-славянскихъ рукописей, портретовъ, гравюръ и пр., богатое собраніе книгъ П. Ѳ. Коробанова, собиравшаго все, что печаталось при Петрѣ I, собраніе рукописей извѣстнаго ученаго, академика Ф. П. Аделунга, коллекція палимпсестовъ и греческихъ рукописей лейпцигскаго профессора Тишендорфа, богатѣйшіе еврейскіе манускрипты Фирковича, около 15.000 гравированныхъ портретовъ, собранныхъ однимъ изъ артистовъ петербургской труппы нѣмецкаго театра, коллекція восточныхъ рукописей Д. И. Долгорукаго, бывшаго нашего посланника въ Персіи и пр. Затѣмъ цѣнныя разнообразныя собранія пожертвованы наслѣдницами гр. М. Ю. Віельгорскаго, А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ (множество портретовъ Петра Великаго и болѣе 1.000 томовъ книгъ), Н. И. Гречемъ, извѣстнымъ писателемъ и издателемъ „Сѣверной Пчелы", Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, знаменитымъ нашимъ литературнымъ дѣятелемъ, авторомъ „Толковаго словаря живого великорусскаго языка", востоковѣдомъ Х. Я. Лазаревымъ, библіографомъ А. Н. Неустроевымъ, гр. Кушелевымъ-Безбородко, директоромъ лицея его имени, и мн. др. Бар. Корфъ съ цѣлью умноженія книгохранилища нерѣдко ѣздилъ за границу, посѣщая антикваровъ, ученыхъ, писателей, и давалъ командировки для ученыхъ изысканій библіотекарямъ Б. А. Дорну, Э. Г. Муральту, Ѳ. А. Вальтеру, М. Ѳ. Поссельту, К. А. Беккеру, В. И. Собольщикову, А. Д. Ивановскому. Важную услугу оказалъ бар. Корфъ дѣлу нашего образованія, учредивъ въ Библіотекѣ особое отдѣленіе иноязычныхъ книгъ о Россіи, такъ называемое „Rossica", которое, по выраженію позднѣйшаго директора Публичной Библіотеки, „росло, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ".

Рѣшительно обновивъ и преобразовавъ Библіотеку, бар. Корфъ сталъ съ 1850 года печатать ея отчеты, издалъ путеводитель по книгохранилищу, перепечаталъ первыя русскія Вѣдомости 1703 г. и цѣлый рядъ рѣдкихъ книгъ, памятниковъ старины. Въ первый годъ его директорства было выдано билетовъ для занятій въ читальной залѣ Библіотеки около 900, а спустя девять лѣтъ число ихъ увеличилось до четырехъ тысячъ слишкомъ. Въ 1851 и 1852 гг. снова сдѣланы въ Библіотекѣ капитальныя перестройки, введено пневматическое отопленіе: въ 1857 году расширена и заново отдѣлана зала инкунаболовъ и нѣкоторыя другія помѣщенія. Число посѣтителей книгохранилища росло непомѣрно, и читальная зала сдѣлалась до-нельзя тѣсной. Стараніями бар. Корфа выхлопотана ассигновка на сооруженіе новой залы. 29 іюня 1860 г. съ особенной торжественностью состоялась закладка зданія новой читальной залы, которая помѣстилась въ бельэтажѣ Библіотеки и была окончена 4 ноября 1862 года. Вообще директорство бар. Корфа представляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего книгохранилища. Помощникомъ бар. Корфа былъ извѣстный писатель князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, беллетристъ, превосходный дѣтскій разсказчикъ, человѣкъ съ разносторонними талантами, писавшій также много по музыкѣ и занимавшій до самой кончины (1869 г.) должность директора Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ.

Призванный 6 декабря 1861 года на болѣе важный государственный постъ, баронъ Корфъ оставилъ свое любимое дѣтище. Спустя десять дней послѣ его новаго назначенія, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ та зала въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Rossica" съ иноязычными книгами о Россіи, созданное бар. Корфомъ, наименована „залою барона Корфа". Въ ней помѣщенъ и портретъ его, работы академика Горбунова, заказанный тогдашними сослуживцами незабвеннаго директора.

Его постъ занялъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, а тогда попечитель петербургскаго учебнаго округа. Онъ продолжалъ дѣло барона Корфа, и Библіотека обязана ему многимъ, но, одновременно занимая разныя отвѣтственныя должности, онъ естественно не могъ сосредоточить на Библіотекѣ все свое вниманіе. При немъ состоялось открытіе новой читальни. Постройкой новой залы не кончились еще перестройки Библіотеки. Онѣ возобновлялись нѣсколько разъ и преимущественно имѣли цѣлью противопожарныя приспособленія.

При Деляновѣ все зданіе Публичной Библіотеки занимало площадь въ двадцать тысячъ слишкомъ квадратныхъ футовъ, и протяженіе всѣхъ фасадовъ равнялось 625 футамъ, при высотѣ въ 64 фута. Длина всѣхъ книжныхъ полокъ, если бы ихъ вытянули въ одну линію, простиралась бы до двадцати верстъ. А если бы кто-нибудь пожелалъ сколько-нибудь внимательно прочитать содержимое этихъ полокъ, то такому человѣку надо было бы прожить болѣе ста лѣтъ, при чемъ онъ долженъ былъ бы заниматься день и ночь безъ отдыха.

Иванъ Давыдовичъ Деляновъ занималъ постъ директора Библіотеки около двадцати лѣтъ. Назначенный въ 1882 году министромъ народнаго просвѣщенія, онъ уступилъ свой постъ извѣстному изслѣдователю русской письменности и литературы, академику Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову. Работа по обогащенію нашего книгохранилища продолжалось также и при немъ, въ чемъ дѣятельно помогали ему такіе просвѣщенные, талантливые дѣя-

Вело-торпедо на полномъ ходу.

„Вело-торпедо“ французскаго инженера Бюно-Варилья — новое изобрѣтеніе для преодолѣнія сопротивленія воздуха. Съ этой цѣлью прикрѣплена къ велосипеду своеобразная сигаровидная легкая клѣтка, обращенная впередъ тупымъ концомъ. Сидя въ этой клѣткѣ, самый заурядный велосипедистъ безъ малѣйшаго труда побилъ больше, чѣмъ на 10%, всѣ міровые рекорды велосипедной скорости. Насколько незначительно было сопротивленіе воздуха, видно было изъ того, что зажженная свѣча, помѣщенная позади мчавшагося велосипеда, не потухла. Идея г. Бюно-Варилья сможетъ произвести переворотъ въ техникѣ сооруженія автомобилей, локомотивовъ и морскихъ судовъ, скорость движенія которыхъ значительно увеличится при помощи одного лишь измѣненія формы кузова.

Вело-торпедо спереди.

тели, какъ его помощникъ—Леонидъ Николаевичъ Майковъ, историкъ литературы, впослѣдствіи вице-президентъ Академіи Наукъ, родной братъ поэта Аполлона Николаевича, затѣмъ поступившій въ библіотеку еще при бар. Корфѣ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русскихъ, завѣдывавшій до самой кончины своей отдѣленіемъ изящныхъ искусствъ, полиграфіи, Ѳедоръ Петровичъ Кеппенъ, ученый естествовѣдъ, и наконецъ родной сынъ Аѳанасія Ѳедоровича, Иванъ Аѳанасьевичъ, хранитель рукописей, библіотекарь самаго драгоцѣннаго отдѣленія Библіотеки, страстный любитель и знатокъ литературы, влюбленный въ свое дѣло, приведшій порученное ему отдѣленіе въ образцовый порядокъ. Наконецъ не менѣе дѣятельными исполнителями директорскихъ распоряженій были библіотекарь такъ называемаго русскаго отдѣленія покойный Владиміръ Петровичъ Ламбинъ, сынъ извѣстнаго библіографа, принимавшій участіе въ его трудѣ „Русская историческая библіографія“, отличавшійся громадной памятью, которой пользовались всѣ посѣтители русскаго отдѣленія, и его помощникъ Владиміръ Ивановичъ Саитовъ, нынѣ заступающій мѣсто Ламбина, замѣчательный знатокъ литературы, въ особенности Пушкина, библіографъ, авторъ цѣнныхъ трудовъ по его спеціальности.

Хорошо извѣстный всему ученому и литературному міру, какъ блестящій знатокъ исторіи и словесности русской, талантливый разыскатель историческихъ древностей, систематизаторъ и редакторъ историческихъ и литературныхъ документовъ и матеріаловъ, академикъ Бычковъ очень много сдѣлалъ для нашего книгохранилища: организовалъ Русскій Рукописный Отдѣлъ и составилъ обширные каталоги славяно-русскихъ рукописей и описалъ манускрипты Публичной Библіотеки. При немъ значительно расширено ея помѣщеніе, и его стараніями улучшены штаты служебнаго состава Библіотеки. Благодаря его вниманію, его стараніямъ и съ такими помощниками, какъ Л. Н. Майковъ, какъ библіотекари Ламбинъ и Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, онъ много содѣйствовалъ увеличенію числа занимающихся въ русскомъ отдѣленіи. Постъ директора Бычковъ занималъ семнадцать лѣтъ, съ 1882 по 1899 годъ, вплоть до смерти, послѣдовавшей 2 апрѣля 1899 года.

По смерти Бычкова, его мѣсто заступилъ Николай Карловичъ Шильдеръ, извѣстный историкъ, авторъ жизнеописаній императоровъ Павла, Александра I и Николая I и цѣлаго ряда работъ по его спеціальности. Директоромъ онъ прослужилъ недолго, такъ какъ скончался въ 1902 году. За годъ до его смерти состоялось открытіе новой читальной залы Публичной Библіотеки, занимающей огромное великолѣпное помѣщеніе съ отдѣльнымъ входомъ, пристройка котораго началась еще при Бычковѣ. Новая читальная зала, выходящая угломъ на Толмазовъ переулокъ, сдѣлала зданіе Библіотеки еще болѣе красивымъ и способствовала значительному расширенію русскаго отдѣленія. Въ старой читальной залѣ въ настоящее время сосредоточены почти всѣ провинціальныя періодическія изданія и бо̀льшая часть иллюстрированныхъ журналовъ. Теперь она служитъ и выходомъ изъ русскаго отдѣленія, всегда переполненнаго занимающимися.

Директоромъ Библіотеки на мѣсто скончавшагося генерала Шильдера назначенъ былъ Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, извѣстный государственный дѣятель, ученый археологъ, большой любитель старины, древней письменности, авторъ цѣлаго ряда трудовъ и, между прочимъ, цѣнной книги „О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи“. Ему же принадлежитъ интересный очеркъ „Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо“ и множество ученыхъ замѣтокъ въ области библіографіи. Помощникомъ Д. Ѳ. Кобеко состоитъ Николай Петровичъ Лихачевъ, также одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русской науки, историкъ, палеографъ, знатокъ иконописнаго мастерства въ Россіи, страстный книголюбъ, владѣющій цѣнной библіотекой. Со времени вступленія въ Библіотеку Д. Ѳ. Кобеко въ ней введены новые благодѣтельные порядки, предотвращающіе воровство и порчу книгъ въ читальной залѣ Библіотеки, столь страдавшей въ прежніе годы отъ дерзкихъ хищниковъ. Отдѣленія библіотеки, особенно помѣщающіяся во второмъ этажѣ, приняли благообразный видъ, въ нихъ—и главнымъ образомъ въ русскомъ отдѣленіи—прибавлено значительное число книжныхъ шкаповъ. Словомъ, нынѣ въ Библіотекѣ наступило время бережнаго отношенія къ ея содержимому и къ самому помѣщенію. Новые порядки, которые людьми малопонимающими считаются строгими, нимало не повліяли на число посѣщающихъ наше книгохранилище. Цифры служатъ краснорѣчивыми тому доказательствами. Съ 1902 по 1912 годъ включительно выдано свыше пяти милліоновъ книгъ. Приращенія Библіотеки продолжаются и донынѣ. Въ русскомъ отдѣленіи, благодаря дѣятельности его библіотекаря Вл. Ив. Саитова, заведены образцовые порядки, которымъ каждый занимающійся въ этой богатѣйшей сокровищницѣ родной печати можетъ только радоваться.

Библіографія.

(Полное собраніе сочиненій **М. Л. Михайлова**. Т. I—III. СПБ. 1914. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ). Цѣна 1 р. 25 к. за томъ.

Всѣ мы знаемъ великолѣпно переведенную на русскій языкъ „Пѣсню о рубашкѣ“ Томаса Гуда („Затекшіе пальцы болятъ“) и не менѣе прекрасный переводъ „Двухъ гренадеровъ“ Гейне въ знаменитомъ музыкальномъ изложеніи Шумана. Быть-можетъ, еще болѣе того намъ знакомо „Бѣлое покрывало“ М. Гартмана, безъ чтенія котораго еще такъ недавно не обходился почти ни одинъ вокально-музыкальный вечеръ. Но авторъ этихъ

Вело-торпедо въ раскрытомъ видѣ.

прекрасныхъ переводовъ и многихъ прелестныхъ оригинальныхъ стихотвореній, талантливый поэтъ и беллетристъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ сравнительно мало извѣстенъ современнымъ читателямъ.

Между тѣмъ, если мы дадимъ себѣ трудъ просмотрѣть газеты и въ особенности журналы 50-хъ годовъ, то имя М. Л. Михайлова будетъ встрѣчаться намъ на каждомъ шагу въ ореолѣ громкой извѣстности и излюбленности у тогдашняго читателя. И если мы прочтемъ въ этихъ журналахъ подписанныя именемъ М. Л. Михайлова произведенія, то не сможемъ не признать, что авторъ ихъ и теперь ничего не потерялъ бы въ глазахъ современнаго избалованнаго читателя: такъ свѣжи и художественны всѣ эти разсказы, повѣсти и стихи М. Л. Михайлова, и такой жизненностью вѣетъ отъ нихъ. Умный и образованный человѣкъ, съ обширнымъ кругозоромъ, М. Л. Михайловъ по справедливости считался однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей того времени. И какое это было время! Подготовлялись шестидесятые годы съ ихъ великими реформами, въ интеллигентномъ обществѣ шла живая подготовительная работа творческой мысли. Было что наблюдать и переживать, было о чемъ писать художнику-беллетристу. Предъ нимъ возникала задача—изобразить, съ одной стороны, косное провинціальное общество съ разсѣянными въ немъ тамъ и сямъ „свѣтлыми личностями" (терминъ тогдашняго времени), а съ другой стороны—представить общественную работу этихъ лучшихъ людей того времени, освѣтить ихъ идеалы и стремленія, осмыслить ихъ бытіе, какъ людей своей эпохи. М. Л. Михайловъ прекрасно зналъ провинціальный бытъ, былъ свой человѣкъ и въ высшихъ интеллигентныхъ кружкахъ и, обладая яркимъ и мѣткимъ художественнымъ перомъ, имѣлъ возможность представить картины своего времени въ блестящей литературной формѣ. И тѣмъ страннѣе, повторяемъ, что современные читатели такъ скоро позабыли этого замѣчательнаго поэта и беллетриста пятидесятыхъ годовъ.

Среди прозаическихъ произведеній М. Л. Михайлова мы встрѣчаемъ большой романъ изъ стараго актерскаго провинціальнаго быта „Перелетныя птицы", съ великолѣпно очерченными фигурами крупныхъ и малыхъ лицедѣевъ добраго стараго времени, и занимательную повѣсть „Адамъ Адамычъ", въ которой авторъ изображаетъ трогательный и немного комическій обликъ своего стараго гувернера. Въ этой повѣсти много живого и теплаго юмора, несмотря на трагическій конецъ ея. Такимъ же юморомъ, весьма свойственнымъ Михайлову, вѣетъ и отъ разсказовъ „Поэтъ", „Кумушки", „Сынокъ и маменька" и др. Въ нихъ великолѣпно очерченъ старый провинціальный бытъ. Въ этомъ отношеніи Михайлова можно сблизить съ Писемскимъ: какъ у Писемскаго, такъ и у Михайлова много какой-то грубоватой свѣжести и чрезвычайно ярокъ и выразителенъ чисто-народный языкъ.

Изданіе снабжено прекрасно исполненнымъ портретомъ Михайлова: на насъ глядитъ живое и выразительное, въ высшей степени своеобразное лицо съ слегка монгольскими чертами, съ характернымъ выгибомъ бровей—лицо одухотворенное, съ такимъ „необщимъ" выраженіемъ, что нельзя пройти мимо, не замѣтивъ его.

Прекрасно написанъ П. В. Быковымъ живой и интересный біографическій очеркъ М. Л. Михайлова, и тщательно составлена имъ же библіографія всѣхъ его произведеній. Просматривая это изящное и полное изданіе сочиненій Михайлова, мы должны сознаться, что наконецъ-то достойнымъ образомъ представленъ предъ нашимъ культурнымъ обществомъ этотъ талантливый русскій писатель.

Причиною того, что произведенія Михайлова такъ мало еще знакомы намъ, отчасти можетъ служить то обстоятельство, что онъ въ расцвѣтѣ своего творчества подвергся суровой ссылкѣ въ далекую Сибирь, гдѣ вскорѣ и скончался, едва доживъ до сорокалѣтняго возраста. А на его произведенія было наложено строгое цензурное veto: выпущенное въ 1867 году полное собраніе сочиненій Михайлова было уничтожено еще до выхода въ свѣтъ, и самое имя его надолго стало запретнымъ. Запретъ этотъ былъ снятъ, правда, уже двадцать лѣтъ тому назадъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: надолго разобщилъ талантливаго писателя съ его читателями и изгладилъ его изъ ихъ памяти.

Послѣ упомянутой неудачной попытки изданія полнаго собранія сочиненій Л. М. Михайлова уже не предпринималось никакихъ другихъ попытокъ вплоть до самаго послѣдняго времени. И только теперь сочиненія безвременно угасшаго блестящаго беллетриста вышли въ свѣтъ въ изданіи Т-ва А. Ф. Марксъ. Вышли три тома компактной печати, вмѣщающіе всѣ стихи — оригинальные и переводные—и прозаическую беллетристику Михайлова. Какъ переводчикъ, М. Л. Михайловъ предстаетъ здѣсь предъ читателемъ въ полномъ блескѣ. Онъ переводилъ необычайно продуктивно и въ полномъ смыслѣ слова превосходно и безукоризненно, сохраняя не только духъ подлинника, но мѣстами и текстъ почти слово въ слово. Онъ перевелъ почти всю „Книгу пѣсенъ" Гейне, множество стихотвореній Беранже, Шамиссо, Лонгфелло, Ленау, Кернера, Шиллера, Гёте и другихъ западно-европейскихъ знаменитыхъ поэтовъ. Для любителей поэзіи этотъ томъ (первый) является настоящей сокровищницей.

Фромантенъ. Старинные мастера. Издательство „Грядущій день". СПБ. Цѣна 3 руб.

На Западѣ книга Фромантена („Les maîtres d'autrefois") давно считается классическимъ введеніемъ въ изученіе голландской живописи. Въ ней нѣтъ ни какой-нибудь явной тенденціи, ни внѣшней системы, ни даже хронологическаго порядка. Это рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ лучшимъ представителямъ такъ называемой нидерландской школы: Рубенсу, Ванъ-Дейку, П. Поттеру, Рюисдалю, Кейпу, Фр. Гальсу, Рембрандту. Фромантенъ не историкъ, а критикъ-идеалистъ и импрессіонистъ. „Я обойду музеи, не обозрѣвая ихъ цѣликомъ. Я буду останавливаться лишь передъ нѣкоторыми художественными величинами... Я опредѣлю насколько возможно безпристрастно, насколько это мнѣ доступно, нѣкоторыя характерныя черты ихъ генія и таланта. Слишкомъ большихъ вопросовъ я ставить не буду. Всякаго рода глубины и зіяющія пропасти буду обходить. Искусство въ живописи есть, въ сущности, только искусство изображать невидимое посредствомъ видимаго. Пути этого искусства, большіе и малые, усѣяны проблемами, которыя мы, въ нашемъ стремленіи къ истинѣ, для себя лично можемъ подвергать критическому обслѣдованію, но которыя было бы куда лучше оставить неприкосновенными подъ темнымъ покровомъ тайны..." Лучшія главы, написанныя съ наибольшимъ увлеченіемъ и сочувствіемъ, — о Рембрандтѣ. Въ этомъ великомъ реалистѣ Фромантенъ показалъ иллюзіонера, стремящагося дать выраженіе видѣніямъ. Рембрандтъ „творилъ, какъ метафизикъ, въ большей степени, чѣмъ какъ поэтъ. Никогда дѣйствительность не овладѣвала имъ въ своихъ ансамбляхъ. Когда смотришь, какъ онъ трактовалъ тѣла, можно усомниться, интересовался ли онъ оболочками... Совершенно невозможно въ изобразительномъ искусствѣ зайти дальше въ любопытствѣ къ бытію въ себѣ. Красоту физическую онъ замѣнялъ духовнымъ выраженіемъ; подражаніе внѣшности—почти полнымъ преображеніемъ вещей; непосредственное разсмотрѣніе—умозрѣніемъ психолога; точное, умѣлое или наивное наблюденіемъ — ясновидѣніемъ призраковъ, столь искреннимъ, что онъ самъ обманывался. Благодаря этому дару двойного зрѣнія, этой интуиціи лунатика, онъ въ области сверхъестественнаго видитъ дальше, чѣмъ кто бы то ни было". Одною изъ отправныхъ точекъ для такого вывода автору служитъ знаменитый „Ночной дозоръ" съ его всегда интриговавшей критику яркой женской фигурой на второмъ планѣ. Анализъ этой удивительной картины принадлежитъ къ самымъ умнымъ и убѣдительнымъ страницамъ прекрасной книги.

Календари на 1914 годъ. Изданія О. Ф. Кирхнеръ.

Извѣстная фирма О. Ф. Кирхнеръ, пріобрѣвшая огромную, вполнѣ заслуженную, популярность своими изящными и практичными календарями, выпустила въ свѣтъ на 1914 годъ массу разнообразныхъ отрывныхъ календарей (отъ „Гиганта" и „Колосса" до крохотнаго карманнаго дамскаго „Миньонъ"), настольныхъ календарей („Дневникъ", „Письменный Бювар", „Записные Еженедѣльники"), карманныя записныя книжки („День за днемъ", „Календарь для юристовъ", Календари для учителей и студентовъ), ежемѣсячные и табельные, настольные и тетрадные, передвижные и отрывные настольные („Торгово-промышленный", „Историческій", „Дѣловой") и т. д. Всѣ они изданы изящно и содержатъ массу полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній. Цѣны календарей вполнѣ общедоступны.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Море. Повѣсть А. М. Өедорова (Продолженіе).—Стихотвореніе Николая Мезько.—Звѣздный сафиръ. Сказка Наталіи Грушко.—Первый русскій импрессіонистъ. А. И. Куинджи. Очеркъ М. Невѣдомскаго. — Рабиндранатъ Тагоръ. Очеркъ Зин. Львовскаго. — Столѣтіе Императорской Публичной Библіотеки. (Окончаніе). Очеркъ П. В. Быкова. (Съ 2 рис.).—Библіографія. — Календари на 1914 г.—Объявленія.

РИСУНКИ: Эффектъ заката.—Украинская ночь.—Финляндія.—Лѣсъ.—Ночь на Днѣпрѣ.—Дарьяльское ущелье.—Березовая роща.—Вечеръ въ Малороссіи.—Архипъ Ивановичъ Куинджи.—Поклоненіе волхвовъ.—Къ 100-лѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Изъ собранія Библіотеки. (2 рис.). — Группа предсѣдателей Съѣздовъ мировыхъ судей. — Членъ Государственнаго Совѣта генералъ-отъ-инфантеріи Н. И. Гродековъ. — Вело-торпедо французскаго инженера Бюно-Варилья (3 рисунка: на полномъ ходу, спереди и въ раскрытомъ видѣ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. I".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

1 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1864 г. 98 тиражъ 2 января 1914 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
19	30	500	2322	9	500	4373	1	500	6125	6	500	8065	42	500
64	26	500	2391	35	500	4485	40	500	6196	16	500	8264	2	500
215	19	500	2401	6	1000	4520	22	500	6243	33	500	8334	12	500
419	32	500	2435	32	500	4533	36	500	6327	9	1000	8352	45	500
495	36	500	2448	9	500	4709	28	500	6338	15	500	8587	33	500
550	39	8000	2456	7	500	4727	21	500	6520	47	500	8630	46	1000
583	8	500	2502	1	500	4911	26	500	6527	33	500	8660	43	500
600	24	500	2535	40	500	4987	29	500	6720	39	1000	8702	3	75000
765	5	5000	2568	37	500	5001	45	500	6869	14	500	8803	14	500
791	16	500	2601	43	500	5006	26	500	6919	3	500	8910	29	500
908	29	500	2825	14	500	5198	3	500	6962	4	500	8910	39	500
925	25	500	2990	15	500	5215	18	500	7022	37	500	8927	3	500
1056	35	500	3140	34	500	5318	29	500	7033	28	500	8986	30	500
1107	28	500	3149	23	500	5478	39	1000	7057	23	500	9009	43	5000
1179	24	500	3207	4	500	5498	24	500	7132	39	500	9282	42	500
1222	19	500	3267	15	500	5520	24	500	7194	15	500	9441	49	500
1344	31	500	3354	13	500	5641	49	500	7203	28	500	9492	8	500
1605	46	500	3368	12	500	5702	33	500	7314	40	1000	10010	15	500
1611	14	500	3374	31	500	5708	36	500	7341	15	500	10025	13	500
1702	3	1000	3601	28	1000	5743	18	500	7376	40	500	10129	16	500
1741	26	500	3616	7	500	5801	3	500	7393	16	500	10145	12	500
1864	44	8000	3674	33	500	5829	24	500	7473	27	500	10152	35	500
1912	19	500	3707	8	5000	5865	28	1000	7488	28	500	10295	25	500
2054	7	500	3744	19	1000	5869	37	500	7496	44	500	10414	33	500
2098	1	500	3762	1	500	5896	20	500	7526	34	500	10474	37	500
2099	31	1000	3782	43	500	5933	1	25000	7726	22	500	10495	21	500
2182	41	500	3953	9	8000	5950	14	500	7771	48	500	10516	36	500
2182	44	1000	4143	10	500	5988	17	500	7803	20	500	10565	27	500
2283	39	500	4180	15	500	5989	13	500	7900	44	1000	10805	45	500
2291	39	40000	4308	49	500	6069	17	500	7956	8	500	10844	23	1000

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10886	22	500	13331	11	500	14808	32	500	16785	22	500	18332	30	500
10926	36	500	13406	3	500	14934	11	500	16831	4	500	18395	31	500
10968	45	500	13419	18	500	15268	17	500	16844	9	8000	18418	6	500
10976	38	500	13419	50	500	15346	18	1000	16874	10	500	18428	40	500
11031	41	500	13428	14	1000	15366	44	500	16878	21	500	18458	14	500
11210	41	500	13852	13	500	15417	23	500	16895	12	500	18540	24	500
11215	49	500	13854	10	500	15421	10	500	16972	1	500	18600	3	500
11272	49	500	13955	36	500	15421	40	500	17054	29	500	18606	28	500
11360	20	500	14042	10	500	15438	37	500	17100	39	1000	18684	19	500
11385	8	500	14094	19	500	15442	30	500	17220	12	500	18780	21	500
11389	38	500	14116	2	500	15463	5	500	17234	9	500	18827	49	500
11435	14	500	14146	36	500	15534	31	500	17267	15	500	18874	28	500
11616	15	500	14161	15	5000	15590	40	500	17318	35	500	18895	6	500
11714	9	500	14183	50	1000	15653	31	500	17365	36	500	18952	14	500
11769	13	500	14259	44	500	15703	47	500	17379	15	500	19003	27	500
11869	2	500	14275	5	500	15990	33	500	17386	42	500	19049	27	500
11951	10	500	14280	27	500	15998	48	500	17500	14	500	19081	23	500
12120	15	500	14309	31	500	16143	35	5000	17514	18	500	19143	12	500
12212	44	500	14318	33	500	16204	15	500	17549	4	500	19332	12	500
12493	11	500	14391	16	500	16204	30	500	17573	11	500	19410	42	500
12539	49	500	14499	2	5000	16233	34	10000	17626	32	500	19465	48	500
12573	9	500	14513	44	500	16236	8	500	17629	33	500	19534	14	500
12588	27	500	14551	1	500	16253	30	500	17678	16	500	19589	16	5000
12653	18	1000	14594	32	500	16265	5	500	18015	16	500	19728	46	500
12725	5	500	14620	30	500	16270	46	500	18019	49	500	19746	12	500
12974	26	500	14687	29	500	16432	33	500	18040	50	500	19758	27	500
13005	41	10000	14742	43	500	16536	39	500	18096	17	500	19830	50	200000
13026	27	500	14747	16	500	16545	12	1000	18103	7	500	19862	31	5000
13158	30	500	14769	2	500	16575	34	10000	18115	31	8000	19864	30	500
13271	13	500	14783	29	500	16633	19	500	18166	30	500	19896	29	500

№№ серій вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 65, 119, 131, 252, 302, 319, 343, 252, 386, 405, 471, 588, 656, 671, 734, 760, 805, 811, 815, 832, 838, 944, 1046, 1072, 1080, 1158, 1205, 1398, 1494, 1536, 1644, 1706, 1754, 1810, 1826, 2059, 2110, 2188, 2192, 2489, 2512, 2559, 2689, 2771, 3206, 3268, 3355, 3411, 3475, 3540, 3706, 3848, 3856, 3884, 4036, 4072, 4125, 4147, 4155, 4162, 4182, 4195, 4203, 4242, 4333, 4345, 4396, 4495, 4551, 4555, 4597, 4628, 4722, 4745, 4789, 4824, 4897, 5000, 5004, 5069, 5138, 5151, 5237 5273, 5463, 5554, 5595, 5702, 6030, 6034. 6086, 6095, 6171, 6191, 6192, 6244, 6286, 6326, 6680, 6683, 6774, 6784, 6793, 6843, 6892, 7010, 7054, 7056, 7199, 7295, 7401, 7414, 7480, 7564, 7676, 7701, 7804, 7894, 7961, 8130, 8221, 8228, 8621, 8729, 8736, 8792, 8810, 8839, 8968, 9123, 9153, 9155, 9207, 9210, 9361, 9418, 9589, 9595, 9607, 9942, 10054, 10189, 10272, 10328, 10425, 10508, 10540, 10640, 10764, 10768, 10897, 10906, 10989, 11043, 11075, 11105, 11123, 11162, 11252, 11309, 11317, 11521, 11600, 11689, 11819, 12171, 12174, 12221, 12296, 12579, 12672, 12775, 12758, 12999, 13056, 13063, 13119, 13134, 13163, 13328, 13344, 13551, 13658, 13801, 13993, 14085, 14090, 14195, 14279, 14306, 14529, 14560, 14616, 14741, 15022, 15106, 15166, 15224, 15297, 15428, 15464. 15715, 15729, 15894, 15908, 15981, 16048, 16237, 16355, 16446, 1 460, 16535, 16657, 16753, 16784, 16846, 16965, 17137, 17179, 17212, 17393, 17422, 17525. 17690, 17709, 17813, 17834, 18370, 18566, 18616, 18632, 18653, 18713, 18741, 18902, 19052, 19077. 19113, 19161, 19281, 19340, 19364, 19408, 19590, 19614, 19731, 19948, 19992.

Всего 248 серій, составляющихъ 12.400 билетовъ, на сумму 1.736.000 рублей.

КТО желаетъ имѣть изъ первыхъ рукъ недорого Уральскія драгоцѣн. **КАМНИ** издѣлія изъ нихъ, минералы въ сыромъ видѣ, коллекціи и проч., просятъ обращаться къ старѣйшей на Уралѣ фирмѣ: **„Лагутяевъ** преемники" въ г. Екатеринбургѣ. Немедленное исполненіе всевозможныхъ требованій. Выполняются заказы по гравировкѣ и огранкѣ камней, ювелир. издѣл. и пр. въ соб. мастерскихъ. Каталоги безплатно. Гарантія добросовѣстнаго исполненія — почти столѣтнее безупречное существованіе фирмы.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 28-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 2147

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ свыше 8,000 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

НАСТОЯЩУЮ ЭПОХУ

составляетъ новѣйшее завоеваніе научной гигіены въ области раціональной

культуры тѣла и возстановленія цвѣта лица безъ лѣкарствъ.

„Леда-Регенераторъ" быстро охватила въ своемъ побѣдномъ пути весь міръ, и дамы высшихъ круговъ въ восторгѣ отъ его безпримѣрнаго цѣлебнаго дѣйствія: нечистая, вялая кожа становится гладкой и розоватой, жировыя отложенія въ нежелательныхъ мѣстахъ уничтожаются безслѣдно. Кромѣ того, благодаря цѣлесообразному устройству идеально рѣшается проблема: „соединенія недостаточнаго разминательнаго или вибраціоннаго массажа съ чрезвычайно важнымъ, возбуждающимъ движеніе лимфы, дѣйствіемъ всасыванія", чѣмъ и достигается полнѣйшее излѣченіе ревматизма, подагры, ишіаса, невралгіи къ наступающихъ признаковъ хроническаго заболѣванія. Цѣна отъ 20 до 25 кронъ. Каталоги, со ссылкой на этотъ журналъ, высылаются безплатно. **Heinr. Ulbricht's Ww., Wien XIII 2.** Въ особенности рекомендуется къ пріобрѣтенію парфюмернымъ, аптекарскимъ, корсетнымъ магазинамъ. 2191

ЖЕРТВЫ СУДЬБЫ и всѣ, которые хотятъ испытать счастія, противиться своей судьбѣ, силою взять любовь нравящейся имъ женщинѣ, вообще получить въ жизни все что только человѣкъ хочетъ, открыть глубочайшія тайны, узнать, что дѣлается въ сосѣднимъ домѣ, искоренить пьянство, самоскверненіе и другіе разные недостатки, имѣть всегда счастіе въ игрѣ и лотереѣ, пріобрѣсть власть надъ другими людьми имѣть удачу во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ и т. п. пусть они потребуютъ выслать имъ на русскомъ языкѣ сочиненіе, которое ихъ этому обучитъ. Сочиненіе это посылаю я даромъ, лишь только прошу выслать на издержки 75 коп. марками въ почтовомъ конвертѣ по адресу: I. TOURJAEN psychologue Bruxelles-Centre, Boîte postale 125, Belgique. A. I.

Никуда негодную подделку и фальсификаты содержать всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

Фирма удостоена на россійскихъ и заграничныхъ выставкахъ **болѣе 100 наградъ.**

СѢМЕНА

огородныя, сельско-хозяйств., лѣсныя и цвѣточныя только самаго высшаго достоинства, вѣрныхъ сортовъ и съ испытанной всхожестью, далѣе: **цвѣточные клубни, садовые инструменты, садовыя книги** предлагаетъ въ самомъ богатѣйшемъ выборѣ и по самымъ умѣренн. цѣнамъ 2173

Гейнрихъ Геггингеръ, г. Рига,

Сѣменная торговля (существ. съ 1851 г.).

Каталогъ, значительно увеличенный, со мног. новостями и цѣнн. нововведеніями въ 130 стран. и съ болѣе 700 рисунк. **безплатно.**

ПОКУПАЙТЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТОВАРЪ □ ▧ ■ ■ ▧ □ А НЕ ЛИШНЮЮ БУМАГУ и ЭТИКЕТЫ!!

НАШЕ

ВАЗЕЛИНО-ЛАНОЛИНОВОЕ МЫЛО

БЕЗЪ ЭТИКЕТА, А ТОЛЬКО ВЪ СКРОМНОЙ ¼ ДЮЖ. УПАКОВКѢ, ПОЭТОМУ МЫ ВЪ СОСТОЯНІИ ДАТЬ ПУБЛИКѢ

БЕЗУКОРИЗНЕННЫЙ ТОВАРЪ ЗА ДЕШЕВУЮ ЦѢНУ.

ПЕРЕЖИРЕННОЕ МЫЛО ЭТО, СОЕДИНЯЕТЪ ВЪ СЕБѢ ВСѢ ДОСТОИНСТВА СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ГИГІЕНЫ И НОВѢЙШЕЙ ТЕХНИКИ ПАРФЮМЕРНАГО ДѢЛА, — ДАЕТЪ ПѢНУ НѢЖНУЮ И ЖИРНУЮ, НЕ РАЗДРАЖАЯ ДАЖЕ САМОЙ ДЕЛИКАТНОЙ КОЖИ.

ВСѢ ИЗДѢЛІЯ НАШИ СНАБЖЕНЫ ИЗВѢСТНЫМЪ КЛЕЙМОМЪ. №337 ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ▧ □ ▧ ПОДДѢЛОКЪ!!

ПАРФЮМЕРІЯ „IRIS" Г. ЛЯКСЪ и К° ВЪ ВАРШАВѢ 2019 5-2

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.

№ 3.

XLV г. изданія

Выданъ 18 января 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ **обложки** 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова" кн. 1.

Требуйте КОНЬЯКЪ ∴ ШУСТОВА Вездѣ. 1743 39-5

СЛАБИТЕЛЬНАЯ ВОДА
АПЕНТА
дѣйствуетъ нѣжно и вѣрно.

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе **С. ЯЯМБОРЪ.**
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, 2169 катал. безпл. (2)

ГИТАРА *1-е заочн. уроки игры высылаю БЕЗПЛАТНО. З.* 2151 4-2
Тюмень, Т. г. А. Афромпеевъ.

Рыболовы и охотники! Требуйте за 7 коп. марку пробный № журн. „Рыболовъ и Охотникъ" или безплатно проспектъ его адресуя: Вятка. Ред. „Рыболова и Охотника". 2183

ВАЖНО для учителей музыки и родителей.
Новое педагогическое изданіе:
КЛАССИКИ XVII и XVIII вѣковъ, для фортепіано, подъ редакціей и съ аппликатурой проф. М. Пресмана, 68 №№ по 25—40 коп.
Все собраніе — 22 руб. 75 коп.
Проспекты и каталоги безплатно.
П. Юргенсонъ 2204 Москва, Неглинный пр., 14. 2-1

КРЕМЪ
Secret d'Orsay
Требовать вездѣ D'ORSAY, 17, Rue de la Paix, ПАРИЖЪ

ЛАНОЛИНОВОЕ МЫЛО
№ 337.
ПРИДАЕТЪ КОЖѢ НѢЖНОСТЬ
ПАРФЮМЕРІЯ „IRIS"
Г. ЛЯКСЪ и К° въ ВАРШАВѢ 2142 6-2

Медъ свой продаю. Обр. нал. пл. В. Н. Комлевъ, Мангушево. Ниж. г. 1292 3 3

ЭЛАСТИЧН. ПОЯСА отъ 10 руб.

ЭЛАСТИЧНЫЕ КОРСЕТЫ РУССЕЛЬ.

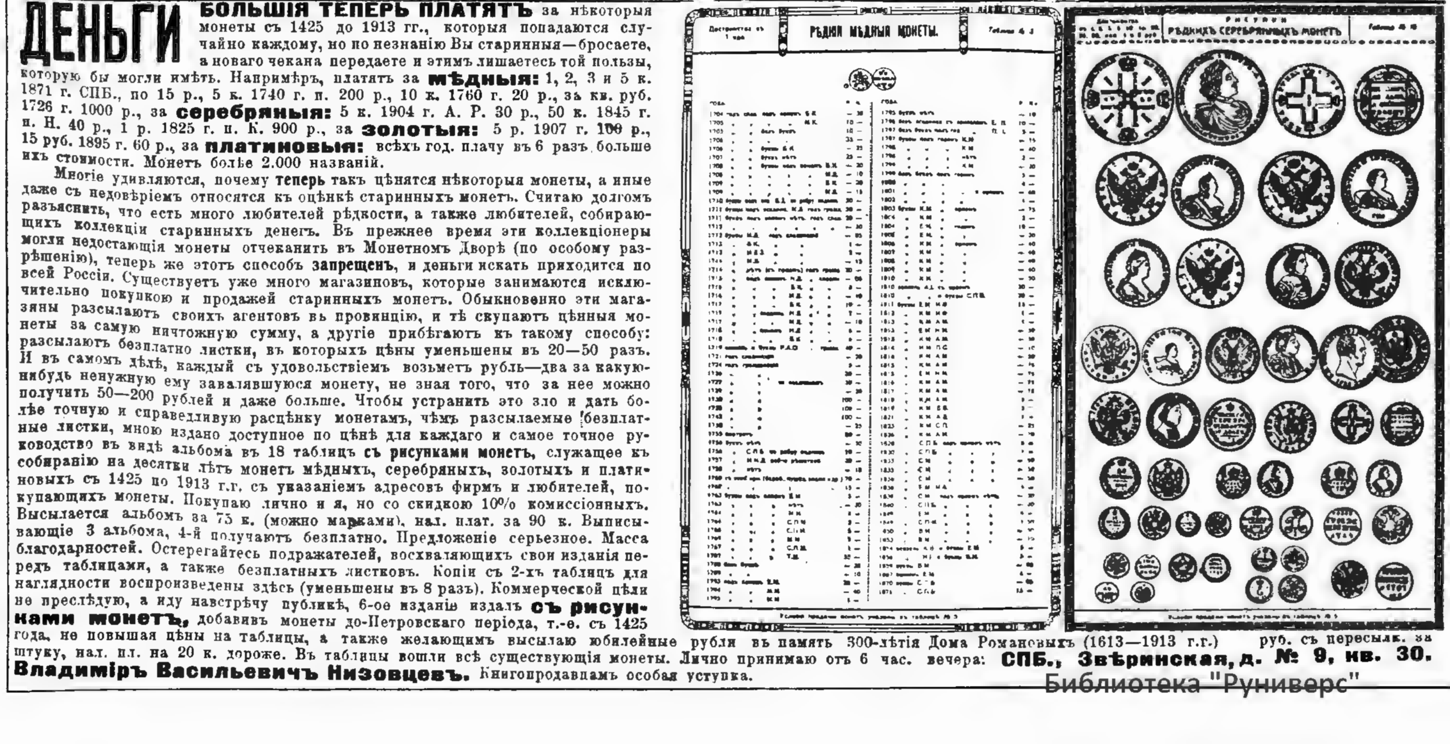
Современный обычный корсетъ представляетъ собою несомнѣнное зло, которое терпятъ, но отъ котораго всѣ стараются освободиться. Въ корсетѣ Руссель Вы найдете неисчислимыя преимущества и удобства, о которыхъ Вы мечтаете. Не стѣсняя дыханіе, онъ великолѣпно стягиваетъ фигуру, убираетъ лишнія или ожирѣвшія мѣста, придаетъ линіямъ тѣла изящную стройность и гибкость. При всемъ этомъ корсетъ Руссель можно свободно носить неограниченное время безъ усталости.

Иногда можно ограничиться ношеніемъ полукорсета или пояса Руссель; онъ незамѣнимъ при отвислости или ожирѣніи живота и боковъ, въ послѣднемъ случаѣ—это гигіеническая мѣра для уменьшенія ожирѣній. Полный иллюстрированный каталогъ **безплатно.** Продажа только въ собственныхъ магазинахъ.

Отдѣленія парижской фирмы: **Ж. РУССЕЛЬ,**
МОСКВА, Столешниковъ пер., 5.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, уг. Невскаго пр., Фонтанка, 29.

ЭЛАСТИЧН. КОРСЕТЫ отъ 18 руб.

СѢМЕНА
ОГОРОДНЫЯ, ЦВѢТОЧНЫЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОЛЕВЫЯ и ДРЕВЕСНЫЯ
Т-во НА ПАЯХЪ
„М. В. ХАРЬКОВЩЕНКО"
РОСТОВЪ н/Д НИКОЛЬСКІЙ ПЕР. 43.



ДЕНЬГИ БОЛЬШІЯ ТЕПЕРЬ ПЛАТЯТЪ за нѣкоторыя монеты съ 1425 до 1913 гг., которыя попадаются случайно каждому, но по незнанію Вы старинныя—бросаете, а новаго чекана передаете и этимъ лишаетесь той пользы, которую бы могли имѣть. Напримѣръ, платятъ за **мѣдныя:** 1, 2, 3 и 5 к. 1871 г. СПБ., по 15 р., 5 к. 1740 г. п. 200 р., 10 к. 1760 г. 20 р., за кв. руб. 1726 г. 1000 р., за **серебряныя:** 5 к. 1904 г. А. Р. 30 р., 50 к. 1845 г. п. Н. 40 р., 1 р. 1825 г. п. К. 900 р., за **золотыя:** 5 р. 1907 г. 100 р., 15 руб. 1895 г. 60 р., за **платиновыя:** всѣхъ год. плачу въ 6 разъ больше ихъ стоимости. Монетъ болѣе 2.000 названій.

Многіе удивляются, почему **теперь** такъ цѣнятся нѣкоторыя монеты, а иные даже съ недовѣріемъ относятся къ оцѣнкѣ старинныхъ монетъ. Считаю долгомъ разъяснить, что есть много любителей рѣдкости, а также любителей, собирающихъ коллекціи старинныхъ денегъ. Въ прежнее время эти коллекціонеры могли недостающія монеты отчеканить въ Монетномъ Дворѣ (по особому разрѣшенію), теперь же этотъ способъ **запрещенъ,** и деньги искать приходится по всей Россіи. Существуетъ уже много магазиновъ, которые занимаются исключительно покупкою и продажей старинныхъ монетъ. Обыкновенно эти магазины разсылаютъ своихъ агентовъ въ провинцію, и тѣ скупаютъ цѣнныя монеты за самую ничтожную сумму, а другіе прибѣгаютъ къ такому способу: разсылаютъ безплатно листки, въ которыхъ цѣны уменьшены въ 20—50 разъ. И въ самомъ дѣлѣ, каждый съ удовольствіемъ возьметъ рубль—два за какую-нибудь ненужную ему завалявшуюся монету, не зная того, что за нее можно получить 50—200 рублей и даже больше. Чтобы устранить это зло и дать болѣе точную и справедливую расцѣнку монетамъ, чѣмъ разсылаемые безплатные листки, мною издано доступное по цѣнѣ для каждаго и самое точное руководство въ видѣ альбома въ 18 таблицъ **съ рисунками монетъ,** служащее къ собиранію на десятки лѣтъ монетъ мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ и платиновыхъ съ 1425 по 1913 г.г. съ указаніемъ адресовъ фирмъ и любителей, покупающихъ монеты. Покупаю лично и я, но со скидкою 10% комиссіонныхъ. Высылается альбомъ за 75 к. (можно марками), нал. плат. за 90 к. Выписывающіе 3 альбома, 4-й получаютъ безплатно. Предложеніе серьезное. Масса благодарностей. Остерегайтесь подражателей, восхваляющихъ свои изданія передъ таблицами, а также безплатныхъ листковъ. Копіи съ 2-хъ таблицъ для наглядности воспроизведены здѣсь (уменьшены въ 8 разъ). Коммерческой цѣли не преслѣдую, а иду навстрѣчу публикѣ, 6-ое изданіе издалъ **съ рисунками монетъ,** добавивъ монеты до-Петровскаго періода, т.-е. съ 1425 года, не повышая цѣны на таблицы, а также желающимъ высылаю юбилейные рубли въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ (1613—1913 г.г.) руб. съ пересылк. за штуку, нал. п.л. на 20 к. дороже. Въ таблицы вошли всѣ существующія монеты. Лично принимаю отъ 6 час. вечера: **СПБ., Звѣринская, д. № 9, кв. 30. Владиміръ Васильевичъ Низовцевъ.** Книгопродавцамъ особая уступка.

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА! ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!
10 шт. 10 коп.
ОСМАНЪ
А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К°
С.-П.-Б.

НОВАЯ КНИГА

Вышла и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга **„С. А. САФОНОВЪ — СТИХОТВОРЕНІЯ“** (съ портретомъ автора), подъ редакціей и со вступительной статьей **Ан. Н. КРЕМЛЕВА.** Чистый доходъ отъ продажи книги назначенъ на сооруженіе памятника поэту. 2-30

Цѣна 1 рубль. Складъ изданія: 5 Рождественская, 16, 4. Книгопродавцамъ обычная уступка. **ЛИЦА, ВЫПИСЫВАЮЩІЯ КНИГУ ИЗЪ СКЛАДА, ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ, НО НА ПОЛУЧЕНІЕ ПЕРЕВОДА** присылаютъ 10 коп., всего 1 р. 10 коп.

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.
2083 15-5

Страдающіе мужской неврастеніей

требуйте брошюру, указывающую какъ **немедленно** избавиться отъ вашихъ страданій, приложивъ 30 коп. почтов. марками.

Адресъ: Nova mechanika, 708.
Budapest. Hauptpost-Postfach, 40.

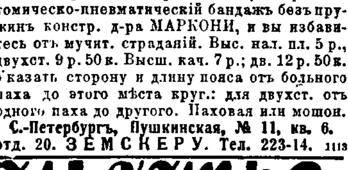
Корреспонденція только на нѣмецк., французскомъ или польскомъ языкѣ. 2108 (4)

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ

Москва, Н. Басманная, д. 14.

для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ**

При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. безплатно.
1880 10-4



ГРЫЖА

Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомическо-пневматическій бандажъ безъ пружинъ констр. д-ра МАРКОНИ, и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. нал. пл. 5 р., двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больного паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон.
С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 6.
отд. 20. **ЗЕМСКЕРУ.** Тел. 223-14. 1113

НАСТОЯЩУЮ ЭПОХУ

составляетъ новѣйшее завоеваніе научной гигіены въ области раціональной **культуры тѣла и возстановленія цвѣта лица безъ лѣкарствъ.**

„Леда-Регенераторъ“ быстро охватила въ своемъ побѣдномъ пути весь міръ, и дамы высшихъ круговъ въ восторгѣ отъ его безпримѣрнаго цѣлебнаго дѣйствія: нечистая, вялая кожа становится гладкой и розоватой, жировыя отложенія въ нежелательныхъ мѣстахъ уничтожаются безслѣдно. Кромѣ того, благодаря цѣлесообразному устройству идеально рѣшается проблема: „соединенія недостаточнаго разминательнаго или вибраціоннаго массажа съ чрезвычайно важнымъ, возбуждающимъ движеніе лимфы, дѣйствіемъ всасыванія“, чѣмъ и достигается полнѣйшее излѣченіе ревматизма, подагры, ишіаса, невралгіи отъ наступающихъ признаковъ хроническаго заболѣванія. Цѣна отъ 20 до 25 кронъ. Каталоги, со ссылкой на этотъ журналъ, высылаются безплатно. **Heinr. Ulbricht's Ww., Wien XIII/2.** Въ особенности рекомендуется къ пріобрѣтенію парфюмернымъ, аптекарскимъ, корсетнымъ магазинамъ.
2-2 2191

грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять

ПЕРУИН-ПЕТО

единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ — 1 руб. 75 коп.
1880 17-7

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ **ПЕРУИНА-ПЕТО** надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата подделки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

1861 8-0

ЛѢЧЕНІЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ

(Воспаленія всякаго рода, поносъ, запоръ, диспепсія)

ЛЕПЕШКИ LACTOBACILLINE GLYCOGÈNE

О-ВА “LE FERMENT” ВЪ ПАРИЖѢ

(*Эти лепешки превосходно сохраняются и кромѣ молочныхъ ферментовъ Лактобациллина, содержатъ «Гликобактеръ» новый микробъ (открытый профессоромъ МЕЧНИКОВЫМЪ).*

Во избѣжаніе поддѣлокъ или подражаній, слѣдуетъ непремѣнно требовать **настоящаго Lactobacilline Общества “LE FERMENT” въ Парижѣ,** спабженнаго клеймомъ и надписью **«единственный поставщикъ профессора МЕЧНИКОВА»**

Продается во всѣхъ главн. аптекахъ
1903 6-3

1850 18-5

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
2208 12-1

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 3 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18 января 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ" 1914 г.

Г-жа В. Демонъ-Бретонъ. „France". Парижскій Салонъ.

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

(Продолженіе).

X.

Едва за нимъ затворилась дверь, Саша, не выдержавъ, невольно вздохнула:

— Фу!.. Наконецъ-то ушелъ!

Прозоровъ также сочувственно протянулъ:

— Н-да... Атмосфера какъ будто разрѣдилась.

Лидія Михайловна по уходѣ Эльмонта почувствовала такую усталость, что не хотѣла ни говорить ни двигаться.

Она сѣла въ кресло, стараясь собрать свои мысли, дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нею происходитъ; но мысли терялись въ расплывающихся туманахъ, и томило недовольство собой за что-то. чего она не могла вполнѣ осознать.

Майновъ вышелъ изъ столовой, красный отъ выпитаго вина, съ влажными не то отъ слезъ, не то отъ хмеля глазами, и, расчувствованный, обратился къ Лидіи Михайловнѣ:

— Глубокоуважаемая Лидія Михайловна. Я искренно... я чистосердечно желаю вамъ счастья... Я не могу сейчасъ говорить, потому что... опьянѣлъ... Я боюсь говорить, чтобы не сказать вамъ того... чего я не хочу сказать. Но я желаю вамъ счастья, Лидія Михайловна. Разрѣшите мнѣ поцѣловать ваши умные, чуткіе пальцы.

Прежде чѣмъ Лидія Михайловна успѣла протянуть ему руку, Прозоровъ, спрятавшись за кресломъ, протянулъ Майнову свои пальцы, чтобы тотъ поцѣловалъ ихъ, но Майновъ, разсерженный, отстранилъ его руку:

— Довольно шутокъ! Въ эту минуту я...

Прозоровъ докончилъ за него:

— Пьянъ.

Майновъ долго и пристально посмотрѣлъ на него:

— Я... не совѣтую шутить со мной.

— Ну, перестаньте, — устало прервала ихъ ссору Лидія Михайловна и протянула Майнову руки.

Тотъ моментально забылъ свое огорченіе и съ строгой почтительностью, почти съ благоговѣніемъ цѣловалъ ихъ.

XI.

Шугаевъ, проводивъ Эльмонта, вернулся въ гостиную, и первое, съ чѣмъ онъ обратился къ Лидіи Михайловнѣ, былъ вопросъ:

— Какъ онъ вамъ понравился?

Она чистосердечно отвѣтила:

— Не знаю.

Шугаева изумилъ этотъ отвѣтъ. Онъ даже переспросилъ ее:

— Не знаете?

Лидія Михайловна стала вслухъ разбираться въ этомъ:

— Впечатлѣніе странное. У меня есть свойство: когда я вижу лицо въ первый разъ, я могу представить черты его настолько ясно, что, кажется, чувствую ихъ въ моихъ пальцахъ.

Она закрыла глаза, желая сосредоточиться, вспомнить, и закончила, разводя руками:

— А онъ?.. Онъ расплывается, какъ туманъ.

— А мнѣ попросту онъ не нравится,—громко заявила Саша.—Не нравился раньше, не нравится и теперь.

Профессоръ задумчиво сказалъ:

— Нѣтъ, въ немъ что-то такое есть...

— А что? Вопросъ, — возразилъ Сизовъ.—Терпѣть не могу таинственныхъ незнакомцевъ.

Саша настаивала на своемъ:

— Онъ это такъ только... умѣетъ показать, что есть что-то. На самомъ дѣлѣ до сихъ поръ онъ ничего не доказалъ настоящаго. Воображаетъ, что весь міръ только для него одного и созданъ.

Послѣднее сказалось неожиданно для нея самой съ какой-то дѣтской горячностью и раздраженіемъ.

— Ого!—сощуривъ лукаво глаза, поймалъ ее Прозоровъ.—Это подозрительно, что вы такъ возстаете на него.

Саша покраснѣла и обратилась за защитой къ Лидіи Михайловнѣ.

Та ничего прямо о немъ не сказала, а продолжала вслухъ для себя самой разбираться въ своемъ впечатлѣніи:

— Иногда вотъ такъ... Сидятъ люди... Спокойно, свѣтло. Вдругъ хлопаетъ окно... врывается вѣтеръ... гаснетъ огонь... и сразу становится жутко... холодно...

Она замолчала, и всѣмъ почувствовалась настоящая правда въ этомъ опредѣленіи того настроенія, которое онъ вызвалъ во всѣхъ, и противъ котораго особенно горячо возставала жизнерадостная душа дѣвушки.

Шугаевъ, не то съ цѣлью защитить пріятеля, не то объяснить нѣкоторую странность его поведенія, замѣтилъ:

— Видите ли... въ прошломъ у него своя трагедія.

— Любви?—встрепенувшись, спросила Лидія Михайловна.

— Да... Любовь и смерть, какъ пишутъ въ романахъ...

Прозоровъ насмѣшливо вставилъ:

— То-то онъ производитъ впечатлѣніе... точно убилъ кого-то.

— Смерть его невѣсты... Неожиданная!—закончилъ профессоръ.

Вѣроятно, Шугаева попросили бы объяснить все, что онъ знаетъ объ этомъ, если бы не воспротестовала Саша:

— Да что же это такое?.. Начали за здравіе... А теперь ужъ ѣхать пора!

— Господа! — предложилъ Прозоровъ: — ѣдемъ на вокзалъ. Надо дать Лидіи Михайловнѣ хоть минуту покоя передъ дорогой.

— И вы съ нами, Александра Матвѣевна?

— Хорошо, согласна.

Майновъ еще разъ приложился къ рукѣ Лидіи Михайловны и, уходя, повѣдалъ Прозорову:

— Я чувствую, что не могу... разрыдаюсь.

Прозоровъ комично махнулъ рукой:

— Прощай, мой жилетъ. Ну, пойдемъ на улицу... плакать.

Они еще долго однако шумѣли въ передней, забирая вещи молодыхъ. Надо было избавить ихъ отъ малѣйшихъ хлопотъ. Саша нѣкоторое время оставалась съ матерью въ Петербургѣ. А такъ хотѣлось уѣхать вмѣстѣ съ ними.

Съ уходомъ гостей сразу наступила такая тишина, что оставшіеся дома Шугаевъ и Лидія Михайловна сами себѣ показались совсѣмъ иными, чѣмъ при постороннихъ. И то, что за минуту передъ тѣмъ какъ бы растворялось въ общеніи и шумѣ, теперь сосредоточило на себѣ вниманіе и требовало уясненія и неприкрашенной правды.

Шугаевъ поднималъ нѣсколько разъ взглядъ на Лидію Михайловну, хотѣлъ что-то сказать, но все не рѣшался. А она сидѣла, опустивъ голову, испытывая такую мучительную неловкость отъ охватившей ее тоски, что была бы счастлива, если бы онъ ушелъ и оставилъ ее одну.

Онъ, заложивъ руки за спину, прошелъ раза три изъ угла въ уголъ и наконецъ подошелъ къ ней, взялъ ее молча за руки. Она подняла голову и встрѣтила его внимательный, честный и добрый взглядъ.

— Лида!—услышала она его голосъ, отъ котораго ей становилось тепло и уютно.—Лида! Въ этотъ вечеръ я нѣсколько разъ замѣчалъ грусть и смятеніе въ вашемъ лицѣ.

— Смятеніе? — повторила она. — Можетъ-быть... Можетъ-быть... Я не знаю.

— Да, — подтвердилъ онъ и тихо сжалъ ея пальцы, всегда сильные, а сейчасъ безпомощные, почти безжизненные. Онъ подавилъ вздохъ и съ спокойствіемъ человѣка, который знаетъ, что говоритъ, продолжалъ:—мы еще пока... Ну, какъ сказать... чужіе другъ другу. И вотъ теперь... на порогѣ этой новой жизни, неизвѣстной... я бы хотѣлъ вамъ задать одинъ вопросъ.

Она испугалась, сама не зная, чего, не въ силахъ не только защищаться, а даже, можетъ-быть, лгать передъ нимъ и передъ собою, и едва произнесла, не поднимая глазъ на него:

— Говорите.

И голосъ его, успокаивая и вмѣстѣ съ тѣмъ требуя настоящаго отвѣта, все глубже и глубже проникалъ въ ея сердце:

— Загляните сейчасъ въ свою душу. Если есть тамъ какая-нибудь тѣнь... какое-нибудь сомнѣніе...

Но она не дала ему договорить: онъ подкупилъ и обезоружилъ ее своею кротостью и прямотою.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, поднимаясь и снова опускаясь въ кресло, но все еще не смѣя поднять на него глазъ.— Не говорите. Этого... этого не можетъ быть. Нѣтъ. Я просто взволнована... Это такъ понятно...

Она сама обрадовалась своему объясненію, и онъ, также обрадованный, крѣпко сжалъ ея руки:

— Нѣтъ?

— Нѣтъ!

Она точно убивала этимъ короткимъ словомъ поднявшее змѣиную голову сомнѣніе.

— Что такое, мама?

Мать также улыбнулась, довольная, протягивая букетъ:

— Вотъ принесли.

— Отъ кого?—живо спросилъ Шугаевъ.

— Посыльный принесъ и ушелъ, — нѣсколько ворчливо отвѣтила Арина Ивановна.

Лидія Михайловна осторожно сняла бумагу съ букета. Ярко-красные маки запылали передъ ея глазами, и нѣсколько лепестковъ упали на полъ вмѣстѣ съ бѣлымъ легкимъ покровомъ.

— Макъ!—воскликнулъ Шугаевъ.—Что за мысль поднести цвѣты, которые уже осыпаются!

— Макъ... макъ...—блѣднѣя, повторяла она, чувствуя глубокое волненіе, непонятно овладѣвшее ея сердцемъ, сразу догадавшись, отъ кого эти цвѣты.

А. Лалозъ. Тревога въ лагерѣ легкой кавалеріи (1812 г.). Парижскій Салонъ.

Шугаевъ потянулъ ее къ себѣ, и ей пріятно было, что въ этомъ движеніи его ощущалась настоящая мужская сила, которой хотѣлось довѣриться съ новымъ для нея чувствомъ покорности.

Какъ было бы хорошо, если бы онъ молча прижалъ ее къ себѣ, даже взялъ на руки и унесъ, куда хочетъ. Только бы не говорилъ больше ни слова.

Но онъ не понялъ этого. Даже цѣлуя ее, лаская ея волосы, онъ не могъ удержаться отъ словъ, которые возбуждали въ ней тоску и тревогу за себя, за него, за что-то, покуда еще такъ хрупко связавшее ихъ.

— Ахъ, какъ свѣтло, какъ ясно передъ нами лежитъ нашъ путь! До сихъ поръ я не зналъ любви. Это было мнѣ чуждо. Я жилъ одиноко... А теперь мнѣ такъ тепло здѣсь. Такъ счастливо!

Можетъ-быть, онъ и раньше говорилъ ей эти слова, но сейчасъ они падали тяжело, какъ монеты заимодавца, которыя нельзя не принять.

Вошла Арина Ивановна. Въ рукахъ она бережно держала что-то большое, но легкое, обернутое въ папиросную бѣлую бумагу. Она, конечно, не вошла бы, если бы ожидала увидѣть ихъ въ такой нѣжной сценѣ. Но Лидія Михайловна обрадовалась появленію ея и отшатнулась отъ мужа.

Онъ стоялъ счастливый, но смущенный, съ нѣсколько растрепавшейся большой бородой, и съ застѣнчивой, но гордой улыбкой обратился къ матери:

Для Шугаева это также не могло быть тайной:

— Я узнаю его. Это несомнѣнно онъ прислалъ.

У нея подкашивались ноги, и букетъ дрожалъ въ рукахъ. И отъ каждаго, даже слабаго, движенія все падали и падали безшумно лепестокъ за лепесткомъ.

— Осыпаются... Уже осыпаются... — печально говорила она, глядя на полъ, гдѣ алѣли у ея ногъ клочочки цвѣтовъ, легкіе какъ пятна свѣта.

Шугаевъ, желая утѣшить ее, нашелся сказать:

— А вѣдь это очень мило съ его стороны. Макъ—это, конечно, не что иное, какъ напоминаніе о твоей работѣ.

Напоминаніе о ея работѣ! Пусть. Но теперь эта самая работа пріобрѣла въ ея глазахъ особый смыслъ, который, можетъ-быть, былъ пророчески предопредѣленъ судьбой. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Зачѣмъ? Это было слишкомъ безпощадно и жестоко.

Она также не хотѣла допустить, что тутъ была хоть доля правды, и все же смутное волненіе, томившее ее до этого, теперь собралось въ груди въ живое, влажное облако. Поднимавшееся къ горлу и застилавшее глаза.

— Осыпаются,—прошептала она, не въ силахъ удержать слезы.

И онъ, замѣтивъ ихъ и позабывъ даже о присутствіи матери, напоминавшей, что надо немедленно ѣхать, наклонился къ лицу своей жены, сразу смоченному влагою слезъ, и съ внезапно охватившей его тоской тихо спросилъ:

П. Дюпюи. Пляжъ въ Біаррицѣ. Парижскій Салонъ.

— У васъ слезы?

Она вмѣсто отвѣта подняла на него умоляющіе глаза. Но онъ не сталъ ее разспрашивать, хотя мать отвернулась и ушла. Подавленный, только спросилъ ее коротко, но вѣско:

Ж. Диффръ. Хота. Парижскій Салонъ.

— Можетъ-быть, не ѣхать?

— О, нѣтъ, нѣтъ, ѣдемъ...

Она поднесла платокъ къ глазамъ и съ досадой на себя стыдливо и поспѣшно вытерла слезы.

XII.

— Ты на этотъ разъ взялся серьезно?

— Да, кажется.

— Пора.

Шугаевъ спускался съ Эльмонтомъ съ террасы своей дачи къ морю.

Приближалось къ закату солнце, и, какъ всегда въ такой часъ, не только на природу, но и на душу ложилась прозрачная, легкая тѣнь покоя. Хотѣлось тихо и дружно говорить и улыбаться кротко и, пожалуй, печально.

Въ цвѣтникѣ садовникъ готовилъ шлангъ для поливки, развертывая его съ подвижного ворота. Но цвѣты, озаренные уже утратившимъ жаръ солнцемъ, еще жили дневной жизнью, и порхали дневныя бабочки, и даже ночная красавица у окна въ тѣни не распускала еще своихъ свившихся вѣнчиковъ.

Солнце скрывалось далеко въ степи, за домомъ, а домъ стоялъ на обрывѣ надъ моремъ. Съ моря онъ былъ особенно красивъ и походилъ на замокъ съ своей высокой башней и обширной террасой, открытой къ морю.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Шугаевы пріѣхали сюда и зажили совсѣмъ новой, видимо, спокойной и ясной жизнью... Саша и мать также жили съ ними. Весь верхъ принадлежалъ имъ. Эльмонтъ жилъ внизу съ отцомъ, старымъ морякомъ.

Въ послѣдніе дни онъ усердно занимался своей симфоніей, и объ этомъ-то сейчасъ велъ съ нимъ разговоръ Шугаевъ.

Едва они сошли съ обрыва на тропинку, ведущую черезъ холмы къ морю, ихъ приняла безсолнечная ласковая тишина, которая какъ будто жила среди этихъ спокойныхъ, покрытыхъ скудной

М. Бутэ де-Монвель. Шествіе Жанны д'Аркъ передъ освобожденіемъ Орлеана. Парижскій Салонъ.

травой и кустарникомъ, холмовъ, исчерченныхъ тропинками, протоптанными пасущейся скотиной. Слѣва холмы прерывались мысомъ съ бѣлой башней маяка, а справа—тянулись далеко подъ высокими обрывами, которые кое-гдѣ осѣдали и все увеличивали дикую красоту побережья. Мѣстами холмы подходили прямо къ морю, и морской песокъ лежалъ у ихъ подножья, а чаще также обрывались надъ пескомъ красными съ желтыми прослойками невысокими глиняными откосами, за которые цѣплялись рѣдкіе кусты боярышника и чумака.

Несмотря на полную предзакатную тишину, море нынче рябилось отъ зыби и далеко оторачивало песокъ арабесками бѣлой пѣны. У берега оно было мутно-желто отъ пѣны, но дальше, на глубинѣ, сразу пятно его обрывалось, и вода сверкала ярью и синью и лиловымъ переливомъ, переходя на горизонтѣ въ сиреневый тонъ, который сливался съ горизонтомъ.

Три большихъ трехмачтовыхъ бота, бравшіе гравій неподалеку отсюда, сильно груженные и низко сидѣвшіе въ водѣ, подняли одинъ за другимъ якоря и, тихо поворачиваясь, качались на волнахъ, пока слабый вѣтеръ не налился въ ихъ сѣрыя, заплатанныя паруса. Тогда, слегка накренясь и сразу какъ будто полегчавъ, они медленно и важно, красиво потянулись вдаль, точно громадныя сказочныя птицы.

— Удивительно! — залюбовавшись ими, сказалъ Шугаевъ.—Сколько я видѣлъ картинъ, изображающихъ море и корабли, и никогда это не было похоже на то, что вотъ я вижу передъ собою.

— И слава Богу, — отвѣтилъ Эльмонтъ.—Каждый передаетъ совсѣмъ не такъ, какъ видите вы, а конечно—такъ, какъ видитъ самъ художникъ.

Ж. Жоффруа. Въ госпиталѣ. Парижскій Салонъ.

Э. Бутиньи. Пираты. Парижскій Салонъ.

— Знаю... знаю, — недовольно возразилъ профессоръ: — не въ томъ суть. Я говорю о томъ, что художникъ не можетъ мнѣ дать больше того, что дастъ природа.

— Но вѣдь художникъ во всякомъ случаѣ видитъ въ природѣ больше того, что видите вы, хотя бы потому, что его спеціальность — всматриваться внимательно въ краски природы и линіи. Художникъ вовсе не долженъ копировать природу. Онъ долженъ выражать себя въ своемъ творчествѣ.

— Я думаю, не только художникъ, но и ученый выражаетъ себя въ томъ, что онъ создаетъ, — ревниво замѣтилъ профессоръ.

Эльмонтъ покосился на него; ему не нравились эти возраженія, а еще больше костюмъ Шугаева: рубашка на выпускъ съ завязаннымъ на боку поясомъ съ кистями и бѣлыя широкія брюки.

— Ну, конечно,—поспѣшилъ съ иронической улыбкой успокоить его Эльмонтъ:—художникъ долженъ выразить то, что составляетъ... какъ бы это тебѣ сказать...

— Его сущность.

— Почти такъ. Это, понимаешь ли, должно быть откликомъ всего человѣка.

Шугаевъ, по свойственной ему обстоятельности, вспомнилъ начало разговора и вернулся къ нему:

— Ты разсказывай свою симфонію. Можетъ-быть, тогда я тебя лучше пойму.

Но Эльмонтъ уже потерялъ охоту разсказывать.

— Вотъ видишь ли... — неохотно началъ онъ и тутъ же перебилъ себя: — да нѣтъ, я не стану разсказывать. Тебѣ это совсѣмъ не интересно.

Шугаевъ пожалъ плечами:

— Почему? Это наконецъ обидно.

Эльмонтъ сорвалъ горсточку чибрика, помялъ между пальцами, понюхалъ душистую травку и, отбросивъ ее, отвѣтилъ:

— Это естественно. Самые умные люди понимаютъ только то, что имъ нравится.

— Но мнѣ жена говорила, что это интересно,—привелъ Шугаевъ доводъ, наиболѣе вѣскій для него самого.

Эльмонтъ живо обернулся къ нему:

— Жена? Она тебѣ это говорила? Въ такомъ случаѣ я не стану разсказывать.

Шугаевъ даже пріостановился, изумленный и обиженный:

— Не понимаю.

Эльмонтомъ вдругъ овладѣло веселое настроеніе, и онъ примирительно и шутливо сказалъ:

— Не обижайся. Какъ всѣ ученые обидчивы! Они думаютъ, что все могутъ постичь.

Но Шугаева такое отношеніе къ нему привело въ дурное расположеніе духа. Онъ сдѣлалъ недовольное движеніе впередъ и нѣсколько шаговъ прошелъ молча.

Запахъ дикой травки, росшей на холмахъ, уступилъ влажному запаху моря, дышавшаго прямо въ лицо. Сейчасъ будетъ проломъ въ обрывѣ и сходъ на песчаный морской берегъ.

Шумъ моря протяжными, мѣрными переливами шелъ навстрѣчу и тяжелыми вздохами разбивался у черной гряды камней, справа отъ нихъ выступавшихъ въ морѣ изъ бѣлой пѣны.

XIII.

Шугаевъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ схода, и Эльмонтъ остановился также.

— Наши уже, вѣроятно, искупались,—сухо выговорилъ онъ, не глядя на своего спутника, и громко крикнулъ по направленію къ морю:—Лида!

Голосъ Саши отозвался снизу:

— Ау! Мы одѣваемся.

И вслѣдъ затѣмъ ясно долетѣлъ голосъ Лидіи Михайловны:

— Какая нынче странная вода! Точно море опьянѣло отъ чего-то.

Шугаевъ присѣлъ на холмикъ, чтобы переждать, пока женщины одѣнутся.

Эльмонтъ слѣдилъ за плывущими вдаль парусами, за волнами, которыя набѣгали одна на другую, сливались и расходились, и въ душѣ его занималась та щемящая тоска, которая всегда жила въ немъ и не давала ему ни на чемъ остановиться.

Онъ замѣтилъ обидчивость Шугаева и почувствовалъ нѣкоторую неловкось за свой отказъ.

— Хорошо,—обратился онъ къ нему.—Слушай, я тебѣ разскажу.

И, не сводя глазъ съ моря, уже успѣвшаго нѣсколько разъ перемѣнить свои краски въ тѣ недолгія минуты, какъ они спускались сверху, онъ продолжалъ, сначала нѣсколько неохотно и вяло, а потомъ съ разгорающейся, но сдержанной страстностью и почти болѣзненнымъ напряженіемъ:

— Видишь ли... море. Сначала тихое, спокойное... такое тихое, что кажется, солнечные лучи, ударяясь въ его поверхность, вызываютъ изъ него хрустальный звонъ.

Это неожиданное для него самого сравненіе понравилось ему. Онъ слегка поднялъ руку и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ сторону моря.

— Тамъ облака проходятъ... Гдѣ-то поднимается вѣтеръ. Но море все спокойно. У него своя жизнь. Ему нѣтъ дѣла до неба и до облаковъ. Оно томится чѣмъ-то. Что-то пробуждается въ его глубинѣ... Какое-то глухое недовольство... понимаешь... какъ въ душѣ, которая кажется спокойной, а она только усталая, потому что нѣтъ одной души... понимаешь... Каждая душа — это міръ душъ... Да!

Онъ тряхнулъ головой и прислушался къ женскимъ голосамъ, доносившимся снизу.

— Такъ вотъ... Море начинаетъ волноваться, вздыхать, подниматься... И тутъ чувствуется, что это не одно, а цѣлый міръ живыхъ, слитыхъ вмѣстѣ, существъ, которыя хотятъ раздѣлиться, оторваться другъ отъ друга... Ихъ соединило проклятіе, вѣчное проклятіе чувственности. Когда-то они жили во вселенной, жили каждый своей жизнью... Но вотъ это желаніе... Понимаешь ли, это страстное желаніе, данное человѣку дьяволомъ... Оно вспыхнуло въ нихъ, потянуло ихъ другъ къ другу, и... понимаешь ли... разъ объединенныя имъ, они уже не могли другъ отъ друга оторваться. Это стало ихъ проклятіемъ, вѣчнымъ проклятіемъ. Усталые отъ него, они ненавидятъ другъ друга и бѣгутъ... Бросаются къ землѣ... цѣпляются за нее своими бѣлыми, мохнатыми лапами, стараясь удержаться. Но, обезсиленныя, срываются и падаютъ назадъ... И опять... опять сливаются вмѣстѣ и, утомленныя, замираютъ.

Шугаевъ старался со вниманіемъ слушать его, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія неловкости за Эльмонта. Онъ, человѣкъ, привыкшій говорить передъ большой аудиторіей, почти стыдился за то, что̀ говоритъ Эльмонтъ, и особенно—какъ онъ говоритъ. Эту пышность и напряженность образовъ и фразъ, за которыми если и скрывалась мысль, то мысль самая, на его ученый взглядъ, простая,—онъ только оправдывалъ словомъ „художникъ“. Не то, чтобы въ этомъ словѣ было что-нибудь оскорбительное или даже снисходительное для Эльмонта, а просто онъ опредѣлялъ имъ породу людей, совершенно ему чуждую, которые могутъ и въ правѣ не стыдиться говорить такъ

Чтобы поддержать Эльмонта и вызвать его на дальнѣйшее истолкованіе задуманной имъ симфоніи, онъ, притворяясь отлично все постигшимъ, какъ могъ серьезно и сочувственно замѣтилъ:

— Понимаю. Ты хочешь представить борьбу двухъ началъ—животнаго и духовнаго.

Эльмонтъ сразу какъ бы очнулся и, разсѣянно глядя на профессора, очевидно, не разслышавъ или не понявъ его, спросилъ:

— Что̀?

Но тому уже не хотѣлось повторять своихъ ненужныхъ словъ. Кстати, въ эту минуту донесся снова голосъ Лидіи Михайловны:

— Вы не одинъ здѣсь?

— Нѣтъ, не одинъ,—отвѣтилъ онъ, почему-то не назвавъ своего спутника, и съ огорченіемъ подумалъ въ то же время о разсказанномъ ему: „И это ей нравится...“

Было ему непріятно, что она обратилась къ нему на „вы“,—какъ почему-то всегда обращалась въ присутствіи Эльмонта, но на этомъ онъ не остановился.

Эльмонтъ, какъ бы угадавъ его мысль, произнесъ:

— Впрочемъ, я это нынче совсѣмъ иначе разсказывалъ Лидіи Михайловнѣ. А такъ будетъ хорошо.

И безцеремонно добавилъ вслѣдъ затѣмъ:

— Странно, что такъ именно разсказалось тебѣ.

Шугаевъ не успѣлъ на это отвѣтить, какъ голосъ Саши весело позвалъ:

— Идите сюда. Теперь можно.

XIV.

Они спустились внизъ по нѣсколькимъ крутымъ ступенькамъ, выбитымъ въ глинистомъ обрывѣ, и ступили на песокъ, широкой

Р. Деваррѣ. Дампьеръ во главѣ парижанъ, въ бою при Жеманнѣ (1792 г.). Парижскій Салонъ.

П. Даньянъ-Буврэ. У святой воды. Парижскій Салонъ.

полосой уходившій въ море, отороченный бордюромъ коричневыхъ водорослей. Волны прыгали на берегъ съ смутнымъ шумомъ, свиваясь, скручиваясь и разсыпаясь быстро тающей пѣной, подъ которой песокъ темно лиловѣлъ узорной каймой. На песокъ уже легла отъ невысокаго обрыва прозрачная тѣнь, и тѣнь отъ красной кабинки на сваяхъ ломалась на волнахъ, но дальше море было еще въ свѣту: солнце не успѣло закатиться.

Саша, вся въ бѣломъ, свѣжая и веселая, стояла на лѣстницѣ возлѣ кабинки и, увидѣвъ брата, пожаловалась ему на золовку:

— Гриша, скажи Лидіи Михайловнѣ, чтобы она не уплывала далеко. Не все ли равно у берега вода, или тамъ, въ этой дьявольской пучинѣ?

Лидія Михайловна вышла изъ кабинки также въ бѣломъ, и на красномъ фонѣ кабинки ея высокая фигура выдѣлялась сильнымъ, легкимъ пятномъ. На черные волосы ея былъ наброшенъ шелковый фуляръ, и она напоминала въ такомъ видѣ Эльмонту какую-то давно видѣнную имъ картину французскаго художника

— Ахъ, Шурочка!—весело возразила Лидія Михайловна.— Ну какъ можно сравнить у берега, или вдали, на глубинѣ! Совсѣмъ другое ощущеніе. Тутъ вся какъ будто корнями держишься за землю, а тамъ принадлежишь волнамъ вполнѣ.

— И гдѣ это ты такъ чудесно выучилась плавать?—удивился Шугаевъ

— Да я, сколько себя помню, всегда умѣла. Точно родилась такой. А потомъ много плавала въ Ронѣ, когда жила въ Женевѣ.

— А вы не боитесь?—спросилъ Эльмонтъ, чтобы только слышать ея необыкновенный голосъ, который казался ему таинственно родственнымъ шуму этихъ волнъ.

— Нѣтъ,—пѣвуче протянула она. Но тутъ вспомнила и засмѣялась:—Вотъ утромъ нынче я дѣйствительно очень испугалась: плыву къ берегу... задумалась... случайно взглянула внизъ. Вижу, сбоку движется какое-то чудовище. Я даже вскрикнула...

— И это былъ морской бычокъ или крабъ, — пошутилъ Эльмонтъ.

— Представьте, тѣнь моя.

Шугаеву тоже хотѣлось попасть въ тонъ ихъ болтовни, и онъ вставилъ свое слово:

— Людямъ свойственно пугаться своей тѣни.

Но она не захотѣла принять эти слова, какъ желалъ онъ, и не въ укоръ, но и не въ шутку, сказала:

— Что у васъ за страсть къ сентенціямъ!

Мужъ покраснѣлъ.

Саша, склонившись съ мостковъ, смотрѣла въ воду и вдругъ обратилась къ Лидіи Михайловнѣ съ таинственными знаками, ребяческимъ шопотомъ:

— Смотрите, Лидія Михайловна, вотъ тутъ бычокъ. Одинъ, другой... да посмотрите же...

— Да, да, я вижу,—отозвалась Лидія Михайловна, мелькомъ взглянувъ на воду.

Саша огорчилась ея невниманіемъ:

— „Вижу“, а сами не смотрите. А вонъ и крабъ... Какъ онъ высовываетъ свои клешни изъ мха... Попользъ! Попользъ! Ишь, какъ перебираетъ клешнями! Да это онъ за бычкомъ... Ахъ, разбойникъ! Стой же!

Она легла на доски, откинула широкій рукавъ и обнаженной рукой ударила по водѣ.

Шугаевъ не воздержался и опять замѣтилъ, забывъ о только-что полученномъ урокѣ:

— Что же, и крабу питаться надо. Борьба за существованіе вездѣ. Растенія, и тѣ поѣдаютъ другъ друга.

Эльмонтъ и Лидія Михайловна одновременно взглянули другъ другу въ глаза, и Эльмонтъ поспѣшилъ сказать первое, что пришло ему въ голову:

— Вы однако не лѣпили меня нынче, Лидія Михайловна.

Она почему-то сразу утратила свою веселую бодрость и отвѣтила:

— Не ладится что-то работа. У меня взглядъ притупился. Необходимо сдѣлать перерывъ. Васъ очень трудно лѣпить.

Шугаевъ втайнѣ обрадовался этому заявленію. Онъ спросилъ:

— Почему? Кажется, у него довольно правильныя черты лица.

— Наоборотъ,—возразила она:—лицо ассимметричное. Положимъ, у всѣхъ людей лица ассимметричны.

— И у меня?—наивно спросилъ профессоръ, черты лица котораго были дѣйствительно очень правильны.

Лидія Михайловна продолжала:

— Только у классическихъ статуй—все строгая симметрія, зато онѣ и скучны. А у васъ,—обратилась она къ Эльмонту:—у васъ лѣвый и правый профиль какъ будто имѣютъ различныя выраженія, оттого такъ трудно все согласовать.

— А мнѣ кажется, лицо вышло очень похоже,—говорилъ Шугаевъ.—Живетъ.

Но Лидія Михайловна, какъ бы даже не слушая мужа, пристально вглядываясь въ лицо Эльмонта, призналась:

— Не могу я схватить одного... Чего-то, что мнѣ въ васъ не нравится.

Саша быстро подхватила.

— А я знаю! Знаю. И мнѣ это не нравится.

Эльмонтъ усмѣхнулся:

— Ну, тогда дѣло безнадежное. Во мнѣ все не нравится Александрѣ Матвѣевнѣ.

Шугаевъ шутливо похлопалъ Сашу по плечу:

— Тебя Лидія Михайловна совсѣмъ въ попугая обратила: что она скажетъ, то ты и повторяешь.

Все еще влюбленная въ Лидію Михайловну, Саша, чтобы угодить ей, дурачливо бросила брату:

— Это гораздо интереснѣе, чѣмъ быть твоимъ попугаемъ. Лидія Михайловна по крайней мѣрѣ никогда не навязываетъ своихъ мнѣній.

Нисколько на сестру не обидѣвшись, Шугаевъ погрозилъ ей:

—Смотри у меня, дерзкая ты дѣвчонка!

Лидія Михайловна опустилась на песокъ, еще не успѣвшій остыть послѣ жаркаго солнца, и, облокотясь, задумчиво произнесла, глядя въ морскую даль и чувствуя шелковистую мягкость песка всѣмъ своимъ освѣженнымъ послѣ купанья тѣломъ:

— Ахъ, какъ хорошо!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ въ Голландіи.

(ГРАВЮРА).

На грубой синевѣ крутыя облака
И парусныхъ снастей надъ ними лѣсъ узорный.
Стучитъ плетеный хлыстъ о кожу башмака.
Прищуренъ глазъ. Другой—прижатъ къ трубѣ подзорной.

Немного поодаль—веселый ротозѣй,
Спѣшащій куаферъ, гуляющая дама,
А книзу у воды—таверна „Трехъ Друзей“,
Гдѣ стекла пестрыя съ гербами Амстердама.

Знакомы такъ и верфь и кубокъ костяной
Въ рукѣ сановника, принесшаго напитокъ,
Что не зачѣмъ читать по небу развитой
Межъ трубъ и геніевъ колеблющійся свитокъ.

Георгій Ивановъ.

„Принцесса Иза“.

Разсказъ Л. М. Савёлова.

Былъ у меня пріятель, котораго я очень любилъ. Это былъ сердечный и весьма отзывчивый человѣкъ, большой фантазеръ и идеалистъ. Мы съ нимъ были въ очень дальнемъ родствѣ, но росли вмѣстѣ и сохранили наши дружескія отношенія до самой смерти.

Онъ любилъ путешествовать, на что средствъ у него было вполнѣ достаточно, и нерѣдко мы разставались съ нимъ на цѣлые годы, когда онъ скрывался съ русскаго горизонта: но эти продолжительныя его поѣздки нисколько не нарушали нашихъ дружескихъ отношеній, такъ какъ мы были въ самой оживленной перепискѣ, и онъ самымъ подробнымъ образомъ описывалъ свои всевозможныя приключенія и впечатлѣнія, и его письма-тетради всегда доставляли и мнѣ искреннюю радость, внося въ мою однообразную, одинокую жизнь струю свѣжаго воздуха, а иногда такъ заинтересовывали меня, что я укладывалъ свой чемоданъ и отправлялся на розыски пріятеля.

Но разъ въ нашей перепискѣ наступилъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ, и я рѣшилъ уже, что мой другъ сложилъ свои кости на берегахъ Нила, куда онъ поѣхалъ, и откуда я получилъ отъ него его послѣднее письмо съ подробнымъ описаніемъ Каира, пирамидъ, гробницъ аписовъ и другихъ памятниковъ египетской старины. Послѣ этого письма онъ вдругъ замолкъ. Я написалъ нашему дипломатическому представителю, прося его навести справки, но и это нисколько не разсѣяло моей тревоги, такъ какъ я узналъ только, что въ числѣ умершихъ русскихъ за послѣднее время Петра Петровича Иволгина нѣтъ: но это ничего не разъясняло,—мало ли что могло случиться: онъ могъ утонуть, могъ наконецъ забраться въ какія-нибудь глухія мѣста Египта и быть тамъ убитымъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ его смерть могла быть не зарегистрована...

У меня въ головѣ возникали всевозможныя предположенія, -мнѣ не хотѣлось вѣрить, что Иволгинъ погибъ: но когда прошло около двухъ лѣтъ—то я пришелъ къ заключенію, что друга моего уже нѣтъ въ живыхъ,—какъ вдругъ получаю отъ него письмо изъ того же Каира, въ которомъ онъ просилъ простить его за долгое молчаніе, объясняя его какими-то особыми событіями, случившимися въ его жизни за это время, сообщалъ, что женился на египтянкѣ и окончательно поселился въ Египтѣ, гдѣ и рѣшилъ окончить свои дни. „Моя жена,—писалъ Иволгинъ:—не можетъ выѣзжать за предѣлы Египта, а вмѣстѣ съ нею и я привязанъ окончательно къ священной землѣ Гаторъ и Аммонъ Ра, исповѣдуя религію моей жены, т.-е. религію древняго Египта“. Меня нисколько не удивила фантазія Иволгина поселиться окончательно въ Египтѣ, не удивило и то, что онъ принялъ религію жены-египтянки,—какъ я говорилъ уже, Иволгинъ былъ въ высшей степени сердечнымъ и привязчивымъ человѣкомъ, и было вполнѣ естественно его желаніе молиться вмѣстѣ съ любимой женой: удивило только упоминаніе о какой-то религіи древняго Египта: это для меня было совершенной новостью, я никакъ не предполагалъ, что такая можетъ еще существовать. Неужели могли быть еще люди, поклоняющіеся Изидѣ, Аммонъ Ра, Гаторъ и ихъ божественнымъ современникамъ?

Иволгинъ звалъ меня въ Каиръ посмотрѣть, какъ онъ устроился тамъ. Приглашеніе пришлось мнѣ очень по вкусу: кромѣ того, что я никогда не былъ въ Египтѣ, меня потянуло взглянуть на Иволгина и обнять моего друга. Сборы мои были недолгіе: устроивъ свои дѣла въ Петербургѣ, я выѣхалъ въ Одессу, гдѣ сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Александрію. Были наша глухая осень, мрачное небо, мрачное море, заунывное завываніе вѣтра, сѣрыя, точно свинцовыя, волны, бившія о бортъ корабля, кото-

рый скрипѣлъ и вздрагивалъ всѣмъ корпусомъ. Все это мало содѣйствовало хорошему настроенію духа, и я началъ жалѣть, что пустился въ это путешествіе. Въ Константинополѣ было немногимъ лучше: тѣ же свинцовыя тучи, тотъ же холодный вѣтеръ. Послѣ Дарданеллъ стало теплѣй, днемъ можно было уже сидѣть на палубѣ, а когда мы попали въ Архипелагъ, то я уже не жалѣлъ, что поѣхалъ. Группы зеленыхъ островковъ, голубое небо и теплый вѣтерокъ, тянувшій съ юга—все это заставило скоро забыть всю ту мерзость русской осени, которую я оставилъ дома. Послѣ Пирея пришлось достать легкое пальто, а подходя къ Александріи, я уже обходился и безъ него.

Въ Каиръ я пріѣхалъ вечеромъ: на вокзалѣ меня встрѣтилъ Иволгинъ. Онъ мало измѣнился за эти нѣсколько лѣтъ, что я его не видѣлъ, только взглядъ его сталъ какъ-то сосредоточенъ, въ глазахъ появилось какое-то незнакомое мнѣ выраженіе, наложившее особую печать на его красивое загорѣвшее лицо. Я почувствовалъ, что мой другъ духовно измѣнился, что въ немъ что-то есть новое, что онъ сталъ еще дальше объ обыденной жизни, отъ него точно исходило какое-то сіяніе, отражавшееся во всей его фигурѣ, въ лицѣ и особенно въ глазахъ. Видно, что Иволгинъ жилъ своей внутренней жизнью и ею былъ безконечно счастливъ. Такое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня съ перваго же момента встрѣчи; проведенные затѣмъ съ нимъ три мѣсяца вполнѣ подтвердили мое первое впечатлѣніе, а разсказъ его объ его жизни объяснилъ мнѣ и самую причину такой перемѣны.

Иволгинъ повезъ меня къ себѣ. Онъ жилъ въ арабской части, въ своемъ домѣ, богато отдѣланномъ въ древне-египетскомъ вкусѣ, что было и оригинально и красиво. Поражало особенно то, что вся обстановка его дома была крайне древняя, поддѣлокъ почти не было: все это должно было стоить огромныхъ денегъ, не говоря уже о трудѣ собрать ее,—и я не могъ не удивляться, какимъ образомъ Иволгинъ успѣлъ это сдѣлать въ такой сравнительно недолгій срокъ.

Послѣ ужина, при чемъ Иволгинъ ѣлъ вегетаріанскій столъ, мы довольно долго сидѣли въ кабинетѣ, гдѣ въ особой нишѣ возвышалась мраморная статуя какой-то египетской богини, убранная свѣжими цвѣтами; передъ статуей стоялъ мраморный же жертвенникъ съ нѣсколькими свѣтильниками. Иволгинъ много и подробно разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, но, къ моему удивленію, ни разу не коснулся одного вопроса — своей женитьбы и вообще ни однимъ словомъ не упомянулъ о своей женѣ, отсутствіе которой меня не мало смущало. Если бы она была нездорова, то все же, казалось бы, Иволгину слѣдовало объяснить мнѣ причины ея отсутствія, спросить же я постѣснялся: мало ли что могло случиться между супругами—въ концѣ XIX вѣка для того, чтобы разъѣхаться, многаго не требуется. Однимъ словомъ, онъ молчалъ, и я не спрашивалъ, и мы такъ и разошлись по своимъ спальнямъ, а я ничего не узналъ о хозяйкѣ дома. На другой день утромъ мы сошлись въ столовой, но были опять вдвоемъ, и опять Иволгинъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о своей женѣ, и я положительно терялся въ догадкахъ. Передъ завтракомъ хозяинъ предложилъ мнѣ осмотрѣть его домъ, который представлялъ изъ себя точное воспроизведеніе жилища знатнаго египтянина. Стиль вездѣ былъ строго выдержанъ: но меня, какъ и наканунѣ, особенно поразило то, что почти вся обстановка была дѣйствительно страшно древняя, и нужно было удивляться не только огромной цѣнности всего собраннаго, но и тому, какъ можно было собрать всю эту драгоцѣнную коллекцію древнѣйшей мебели, что даже при большихъ средствахъ Иволгина казалось почти невѣроятнымъ. Обстановка всего дома, думаю, стоила не одну сотню тысячъ, а такихъ средствъ на одно убранство дома Иволгинъ истратить, конечно, не могъ. Вѣроятно, на моемъ лицѣ отразилось недоумѣніе, потому что Иволгинъ безъ всякаго вопроса съ моей стороны замѣтилъ:—Вся обстановка дома принадлежитъ моей женѣ, и я бы самъ, конечно, не могъ его такъ обставить.—„Ага,—подумалъ я:—наконецъ-то заговорилъ о женѣ. Можетъ-быть, загадка ея отсутствія и разрѣшится“. Но я ошибся: мы продолжали обходъ дома, Иволгинъ давалъ разъясненія, но о женѣ молчалъ. Вездѣ были видны признаки присутствія въ домѣ женщины, видно было, что это—обиталище женатаго человѣка: все было изящно, уютно, всюду былъ порядокъ, чистота, но самой хозяйки нигдѣ не было. Наконецъ мы вошли въ комнату, отдѣланную весьма изящно, стѣны были украшены старинными металлическими зеркалами и опахалами изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ; такъ же, какъ и въ кабинетѣ самого Иволгина, въ глубокой нишѣ стояла статуя той же богини, убранная цвѣтами, и передъ нею возвышался бѣлый жертвенникъ. Все было въ строгомъ древне-египетскомъ стилѣ и было удивительно поэтично: комнату наполнялъ какой-то странный ароматъ, совершенно мнѣ незнакомый, но очень пріятный и подходившій къ этой поэтической и оригинальной обстановкѣ. На одной изъ стѣнъ висѣлъ большой, но современный уже портретъ великолѣпной кисти: на немъ была изображена въ древнемъ египетскомъ одѣяніи молодая женщина поразительной красоты. Я невольно остановился передъ этимъ портретомъ и спросилъ Иволгина, кого онъ изображаетъ.

— Это—моя жена,— отвѣтилъ онъ.

— Кстати, Петя, я все жду, когда ты представишь меня своей супругѣ: ея, вѣроятно, нѣтъ дома. Вѣдь ты мнѣ ничего еще не разсказалъ о своей женитьбѣ и о своей подругѣ жизни, которая перевернула всю твою жизнь, измѣнила все твое міровоззрѣніе, превратила тебя въ поклонника древнихъ египетскихъ боговъ, наконецъ сдѣлала тебя, повидимому, осѣдлымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, жена дома, но ее сейчасъ нельзя видѣть, — какъ-то смутившись, отвѣтилъ Иволгинъ.

— Значитъ, у тебя есть еще комнаты въ домѣ,—хотя мы какъ будто обошли его весь.

— Нѣтъ, это все, что ты видѣлъ, но жена не всегда бываетъ видима.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на Иволгина, такъ какъ рѣшительно ничего не понялъ изъ его словъ, что значитъ „не всегда бываетъ видима“. Иволгинъ, повидимому, замѣтилъ мое недоумѣніе, потому что взялъ меня подъ руку и довольно смущеннымъ голосомъ сказалъ:

— Не думай, мой другъ, во-первыхъ, что я сошелъ съ ума, а во-вторыхъ, что я хочу отъ тебя что-нибудь скрыть. Ты долженъ знать, что никакихъ тайнъ у меня отъ тебя не существуетъ: но это не моя тайна, это—тайна моей жены, и я долженъ спросить у нея разрѣшенія разсказать тебѣ все то, что произошло съ нами обоими за то время, какъ я впервые увидѣлъ мою теперешнюю жену. Это съ обыкновенной точки зрѣнія ни во что не вѣрующаго и все отрицающаго человѣчества весьма необычно и непонятно. Но я не боюсь, что ты сочтешь меня сумасшедшимъ, и если жена разрѣшитъ мнѣ—то я подробно, ничего не скрывая, разскажу тебѣ о встрѣчѣ съ Изой, о нашей женитьбѣ и о всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ нашей жизни. А можетъ-быть, мнѣ удастся уговорить жену показаться и тебѣ, и я почти увѣренъ въ этомъ, такъ какъ ближе тебя у меня никого нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Кромѣ меня, ее дѣйствительно теперь никто не видитъ, но я все же надѣюсь, что изъ любви ко мнѣ она на этотъ разъ сдѣлаетъ для тебя исключеніе. А пока, мой другъ, ты меня ни о чемъ не разспрашивай; какъ только я получу согласіе жены—я сейчасъ же, безъ твоихъ просьбъ, разскажу тебѣ о всѣхъ событіяхъ въ моей жизни, случившихся послѣ того, какъ я написалъ тебѣ первое письмо изъ Каира.

Несмотря на то, что Иволгинъ убѣждалъ меня не считать его сумасшедшимъ,— грѣшный человѣкъ, я въ ту минуту заподозрѣлъ, что мой другъ въ дѣйствительности малость рехнулся. Я никакъ не могъ себѣ представить, что это за таинственная жена, которую никто не можетъ видѣть за исключеніемъ одного мужа, и меня невольно интересовалъ вопросъ, видитъ ли ее самъ Иволгинъ, и не есть ли эта прекрасная египтянка плодъ его больной фантазіи. Смущало меня лишь присутствіе портрета: откуда могъ онъ взяться? Если не существовало самого оригинала, не могъ же его выдумать самъ художникъ въ угоду Иволгину.

Единственно, чѣмъ можно было объяснить его появленіе, — это внушеніе, но, насколько мнѣ было извѣстно, Иволгинъ никогда не обладалъ гипнотическими способностями, такъ что это объясненіе въ концѣ концовъ меня мало удовлетворяло; наконецъ обстановка и убранство дома говорили за то, что есть кто-то помимо Иволгина во всей этой странной исторіи,—но кому же постороннему придетъ блажь тратить огромный капиталъ на убранство чужого дома? — все это были вопросы, въ которыхъ я окончательно запутался. Я видѣлъ только одно: что Иволгинъ какъ-то переродился и совершенно счастливъ съ своей таинственной женой-невидимкой, и мнѣ оставалось лишь запастись терпѣніемъ и ожидать отъ самого Иволгина разъясненія тѣхъ загадокъ, которыми онъ оказался окруженъ.

Отложивъ всѣ свои недоумѣнія, я занялся тщательнымъ осмотромъ самого Каира и его окрестностей, на что уходили всѣ дни, а вечера мы проводили съ Иволгинымъ въ его кабинетѣ,—онъ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, а я передавалъ ему свои впечатлѣнія, вынесенныя за истекшій день отъ осмотра древностей. Дни проходили за днями, но о женѣ Иволгинъ ни разу не сказалъ ни одного слова, точно ея и не существовало: я же, помня его просьбу и обѣщаніе, также не намекалъ ему, что желаю узнать что-нибудь объ его удивительной женѣ, и ничѣмъ не выдавалъ терзавшаго меня, долженъ сознаться, любопытства.

Одинъ день я посвятилъ осмотру гробницъ священныхъ аписовъ. Надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ, затѣмъ довольно долго на ослахъ, такъ какъ гробница эта расположена въ пустынѣ. Было очень жарко, раскаленный песокъ жегъ ноги, а солнце, казалось, хотѣло превратить насъ въ сухари, и если бы не спасительный „домикъ Марріэта“, гдѣ мы передохнули и подкрѣпились взятыми съ собой припасами,—вѣроятно, тѣмъ дѣло бы и кончилось, и насъ бы привезли домой въ видѣ жаркого. Гробницы аписовъ произвели на меня сильное впечатлѣніе, чему способствовала и самая обстановка посѣщенія подземелья, гдѣ стоятъ огромные саркофаги, хранящіе останки священныхъ животныхъ.

Мы спустились туда при свѣтѣ факеловъ, которые придавали какой-то кровавый оттѣнокъ мрачнымъ стѣнамъ и сводамъ: гулко отдавались наши шаги въ этой могильной тишинѣ, отъ движенія пламя факеловъ колебалось и вызывало на стѣнахъ какія-то тѣни, которыя точно сопровождали насъ, оберегая вѣчный сонъ аписовъ.

Температура была очень высока, и чѣмъ дальше мы углублялись, тѣмъ труднѣе становилось дышать.

Возвратился я домой очень усталымъ и, противъ обыкновенія, на этотъ разъ не отдалъ своему хозяину отчета о видѣнномъ въ теченіе дня и не подѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями,

а, вытянувшись на диванѣ, разглядывалъ Иволгина, который сидѣлъ въ креслѣ и былъ какъ-то торжественно сосредоточенъ. Всматриваясь въ черты его лица, я былъ удивленъ найти въ нихъ слѣды египетскаго типа, на что я раньше никогда не обращалъ вниманія; теперь же, чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ этотъ типъ становился для меня все яснѣй и яснѣй, а между тѣмъ это было все то же лицо, которое я зналъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. „Какое странное совпаденіе,—думалъ я.—Почему это природѣ угодно было дать ему сходство съ какимъ-то египтяниномъ, точно соскочившимъ съ древнихъ фресокъ, а судьба послала ему жену-египтянку, переселила его въ Египетъ и сдѣлала изъ него поклонника Аммонъ Ра? Чего только не бываетъ въ этомъ чудномъ изъ міровъ,"—подумалъ я, не воображая, что все это имѣло свои основанія и далеко не было случайнымъ.

Передъ тѣмъ, какъ разойтись по своимъ комнатамъ, Петръ Петровичъ сообщилъ мнѣ, что завтра надѣется видѣть жену, и тогда спроситъ ея разрѣшенія разсказать мнѣ о своей женитьбѣ и о всѣхъ своихъ приключеніяхъ. Лицо Иволгина отражало такое счастье, что я невольно позавидовалъ моему другу: онъ, видимо, предвкушалъ всю сладость предстоящаго свиданія, а я недоумѣвалъ еще больше. На другой день я почти не видѣлъ Иволгина, онъ весь ушелъ въ себя, былъ крайне сосредоточенъ и сидѣлъ, все время запершись у себя въ кабинетѣ, выходилъ только къ завтраку и обѣду, при чемъ выпилъ лишь немного молока и съѣлъ меду. Видимо, изъ кабинета онъ выходилъ только, чувствуя какъ бы обязанность хозяина не оставлять за столомъ гостя одного; хотя со мной ему церемониться было нечего, — но и въ этой мелочи сказалась его натура.

На другое утро Иволгинъ сообщилъ мнѣ, что свиданіе съ женой состоялось, разрѣшеніе послѣдовало, и что вечеромъ онъ сообщитъ мнѣ обо всемъ. Видъ у него былъ, правда, нѣсколько утомленный, но счастье отражалось въ его глазахъ попрежнему. „Что за дьявольщина,—думалъ я.—Ужъ не спиритизмомъ ли увлекается мой другъ и не вызываетъ ли онъ тѣнь своей жены? А можетъ, кто-нибудь его морочитъ? Но тогда откуда же вся эта обстановка? Еще, чего добраго, съ нимъ тутъ и самъ съ ума сойдешь. И дернуло же меня поѣхать въ этотъ проклятый Египетъ, гдѣ люди женятся на какихъ-то невидимыхъ призракахъ, разговариваютъ съ ними, совѣтуются и счастливы". Но разъ попалъ въ эту кашу, приходилось ее расхлебывать и доводить дѣло до конца, и я съ нетерпѣніемъ и, не скрою, съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ поджидать вечера, боясь, что этотъ вечеръ окончательно выяснитъ передо мною ненормальность моего друга. Послѣ обѣда, какъ и всегда, мы перешли въ кабинетъ, и Иволгинъ разсказалъ мнѣ все то, что случилось съ нимъ въ промежутокъ этихъ двухъ лѣтъ; и, къ моему удивленію, этотъ разсказъ, несмотря на свою необычность и даже фантастичность, разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія относительно умственныхъ способностей Иволгина и убѣдилъ меня въ его совершенной нормальности.

Я поведу разсказъ отъ его имени и постараюсь передать все слышанное въ его же выраженіяхъ, какъ я записалъ это въ своемъ дневникѣ.

Смерть Иволгина освободила меня отъ моего обѣта молчанія, почему я и рѣшилъ разсказать объ его необыкновенныхъ приключеніяхъ.

II.

— Это было въ 188 . . . году,—началъ свой разсказъ Иволгинъ.—Къ этому времени я успѣлъ объѣздить всѣ страны Западной Европы, которая меня мало удовлетворила. Ты знаешь, что я въ душѣ всегда былъ поэтомъ и отчасти даже мистикомъ, и самъ ты говорилъ, что я не отъ міра сего; ну, а для этого въ Европѣ слишкомъ мало матеріала, особенно же для мистицизма: всюду приходится сталкиваться съ самымъ грубымъ и пошлымъ матеріализмомъ, вся Европа погрязла въ денежныхъ расчетахъ и въ погонѣ за матеріальными выгодами, всюду поклоняются златому тельцу. Для поэзіи нѣтъ мѣста, самые поэтическіе уголки испорчены людьми, жаждущими и изъ нихъ извлечь какой-нибудь барышъ. Я рѣшилъ посѣтить Востокъ, эту страну чудесъ, гдѣ надѣялся найти то, къ чему съ дѣтства стремилась моя душа. Начать я рѣшилъ съ Египта, который давно притягивалъ меня къ себѣ.

Съ жадностью всматривался я въ голубую даль, которая скрывала отъ меня этотъ таинственный Египетъ.

Былъ полный штиль, и нашъ пароходъ мѣрно разсѣкалъ зеркальную поверхность моря; только изрѣдка набѣгалъ легкій порывъ вѣтра и покрывалъ небольшою рябью все безконечное пространство задремавшаго моря. Появились чайки и съ рѣзкимъ крикомъ носились надъ водой, точно желая сообщить намъ о близости берега. Вся многочисленная публика, бывшая на пароходѣ, высыпала на палубу и всматривалась въ горизонтъ: у многихъ въ рукахъ были бинокли. Наконецъ на югѣ показалась какая-то бѣлая точка. Я не обратилъ на нее вниманія, но оказалось, что это былъ знаменитый Александрійскій маякъ; вскорѣ затѣмъ начала выдвигаться узкая полоса африканскаго берега, въ этомъ мѣстѣ совершенно плоскаго и нисколько не интереснаго. У меня усиленно забилось сердце: наконецъ я приближался къ великой странѣ фараоновъ, сфинксовъ и пирамидъ, къ странѣ, окутанной дымкой таинственности, къ странѣ Изиды и Аммонъ Ра. Я былъ увѣренъ, что здѣсь я не разочаруюсь, а найду полное удовлетвореніе своимъ душевнымъ наклонностямъ и утолю свою жажду поэзіи и мистицизма.

Берегъ быстро приближался, скоро мы вошли въ портъ и, исполнивъ нѣкоторыя таможенныя и санитарныя формальности, подошли къ пристани у самой набережной. Раздалась обычная команда „крѣпи концы", переброшены мостики—и цѣлая толпа черномазыхъ носильщиковъ, комиссіонеровъ и проводниковъ хлынула на пароходъ. Черезъ нѣсколько мгновеній я былъ на берегу. Меня охватилъ такой восторгъ, что если бы не было стыдно, то я тутъ же бы припалъ къ землѣ, имѣвшей за собой длинный рядъ тысячелѣтій. Настроеніе мое было какое-то особенное: мнѣ казалось, что я вернулся на свою родину послѣ страшно долгаго отсутствія; я готовъ былъ плакать отъ восторга при взглядѣ на каждаго изъ этихъ черномазыхъ обитателей Египта, казавшихся мнѣ близкими, родными.

Александрія, какъ ты знаешь, не представляетъ изъ себя ничего интереснаго, и я, посѣтивъ музеи и катакомбы, взглянувъ на колонну Птоломея, въ тотъ же день выѣхалъ въ Каиръ. Все время я себя очень странно чувствовалъ: мнѣ казалось, что я все это уже видѣлъ и могъ обходиться почти что безъ проводника,—но особеннаго значенія тогда я этому не придалъ. Однако это чувство продолжалось и во все время моего дальнѣйшаго путешествія по Египту, что меня поражало все больше и больше, пока послѣдующія событія не разъяснили мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло.

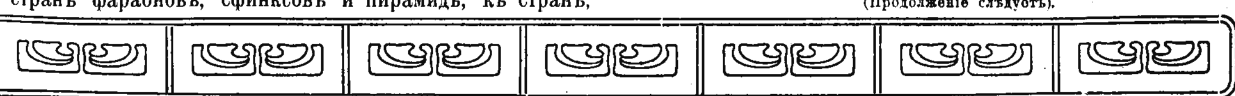
Каиръ мнѣ удивительно понравился, и, несмотря на сознаніе, что я когда-то былъ здѣсь, я восторгался всѣмъ и всѣми. На другой же день послѣ пріѣзда я отправился къ пирамидамъ—онѣ давили меня своими размѣрами, но не могу сказать, чтобы произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Глядя на нихъ, я не чувствовалъ въ себѣ того трепета, который охватывалъ меня каждый разъ, когда я приближался къ памятникамъ древняго Египта, но зато сфинксъ, наоборотъ, произвелъ на меня особенно сильное впечатлѣніе и точно очаровалъ меня. Я долго простоялъ около него и всматривался въ эту величественную и могучую фигуру. Его таинственный взглядъ, устремленный, казалось, въ сѣдую глубь вѣковъ, притягивалъ мои глаза, и мнѣ хотѣлось разгадать его мысли, хотѣлось прозрѣть то, что онъ видитъ на протяженіи длиннаго ряда протекшихъ передъ нимъ тысячелѣтій его существованія. Прошли тысячелѣтія, смѣнился безконечный рядъ поколѣній, смѣнились династіи, рушились царства, на смѣну старыхъ боговъ пришли новые, на развалинахъ древнихъ храмовъ и вѣрованій возникли новые—а этотъ безмолвный свидѣтель глубочайшей древности стоитъ все съ той же таинственной улыбкой и смотритъ въ даль, точно желая разгадать будущее священной страны Нила. Что ожидаетъ ее? Перемѣнитъ ли она тяжелыя цѣпи рабства на золотой вѣнецъ свободы, и преклонитъ ли когда-нибудь туземный житель Египта колѣни передъ трономъ свободнаго царя, державшаго въ рукахъ скипетръ Верхняго и Нижняго Египта? Что говоритъ намъ эта таинственная улыбка сфинкса? Не говоритъ ли она о томъ, что онъ видитъ, хотя, можетъ-быть, и въ весьма отдаленномъ времени, новое величіе старика Египта, видитъ возстановленіе стараго трона, украшеннаго цвѣтами лотоса, какъ эмблемой свободы и славы?

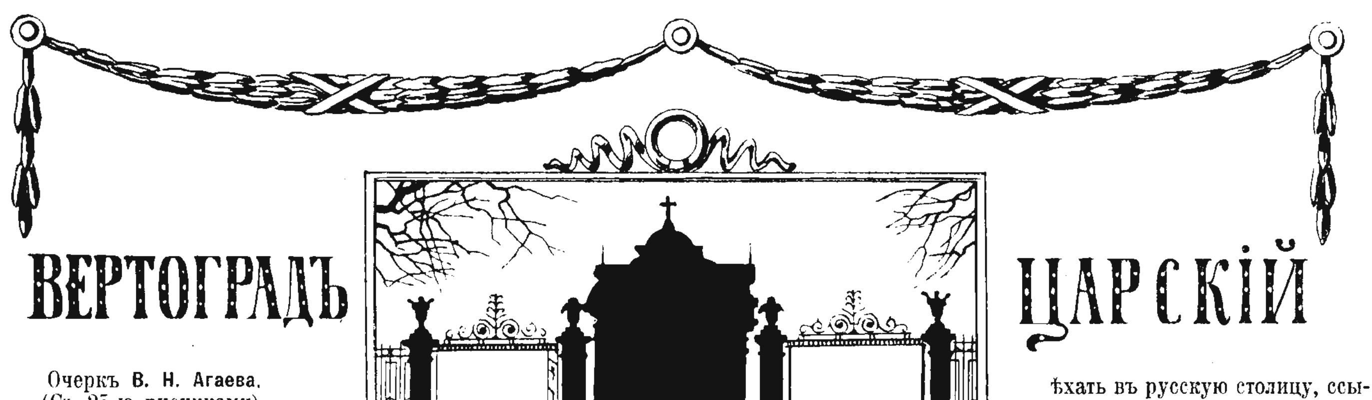
Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на сфинкса при лунномъ освѣщеніи, предполагая, что при этомъ освѣщеніи онъ еще больше будетъ очаровывать и долженъ вызвать особое повышенное настроеніе; но то, что я увидѣлъ, превзошло всѣ мои ожиданія, но нисколько не разочаровало, а напротивъ—убѣдило въ томъ, что Египетъ можетъ дать именно то, что я искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ скитаній по бѣлому свѣту.

Солнце склонялось къ западу, когда я съ проводникомъ отправился на ослѣ къ сфинксу. Мы ѣхали довольно быстро, такъ какъ приходилось спѣшить, чтобы добраться засвѣтло: здѣсь темнота наступаетъ сейчасъ же послѣ заката солнца, Египетъ не знаетъ сумерекъ, а луны приходилось ожидать часа два. Мы добрались весьма во-время: когда подъѣхали къ пирамидамъ, то уже послѣдніе лучи солнца освѣщали памятникъ Хеопса. Отпустивъ своего проводника, который долженъ былъ пріѣхать за мной съ восходомъ солнца, я сталъ устраиваться на ночлегъ между огромными лапами сфинкса. Наступила темная южная ночь, миріады звѣздъ загорѣлись на темномъ небосклонѣ,—звѣздъ, которыя видѣли созданіе пирамидъ, присутствовали при возникновеніи сфинкса, видѣли ихъ величіе и могли многое разсказать изъ жизни тѣхъ, которые воздвигали все это, желая бросить свои имена грядущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ,—но случилось не то, чего они искали: имена ихъ забыты, забыты ихъ дѣянія, стоятъ только эти безмолвные памятники ихъ былой, теперь забытой, славы и служатъ развлеченіемъ празднымъ туристамъ и доходной статьей мѣстнымъ арабамъ.

Такъ въ этомъ мірѣ все преходяще, ничто не вѣчно, вѣченъ только одинъ духъ, который двигаетъ всѣмъ, создаетъ все и переживаетъ всѣ созданія человѣчества, переживаетъ всѣ міры, наполняющіе вселенную...

(Продолженіе слѣдуетъ).





ВЕРТОГРАДЪ ЦАРСКІЙ

Очеркъ **В. Н. Агаева.**
(Съ 25-ю рисунками).

I.

Въ 1702 году, когда Петръ Великій началъ дѣйствія противъ шведскихъ крѣпостей, расположенныхъ по Невѣ, берега этой рѣки въ предѣлахъ настоящаго Петербурга представляли собой низменныя мѣста, большей частью поросшія лѣсомъ и кустарникомъ. Кое-гдѣ по берегамъ разбросаны были небольшія селенія, какъ: Себрина (Säbrina-by), Сюврюна (Syvryna-hof), Враловцина (Wralofzina-by), Кандуія (Kanduia-by) и др., а противъ острова Люстъ-Эландъ (Веселый Островъ [1]) и немного восточнѣе, при выходѣ изъ Невы рѣчки Фонтанки, ютилась усадьба шведскаго майора Конау. На планѣ 1700 г. въ этомъ мѣстѣ отмѣчена мыза Парвушина или Кононова; послѣднее могло быть искаженіемъ фамиліи Конау (рис. № 1—I).

Рѣчка Фонтанка вблизи выхода изъ Невы сливается съ протокомъ Мойкой (Мьей—въ старину), и, вѣроятно, обиліе воды въ этомъ мѣстѣ позволило Конау содержать свой садъ.

Зеленый уголокъ между Невой, Мойкой и Фонтанкой, обработанный прежнимъ его хозяиномъ, вѣроятно, привлекъ вниманіе Петра, и послѣ захвата всего теченія Невы въ свои руки Царь располагаетъ въ этомъ мѣстѣ у воды среди рощицы лагерь русскихъ войскъ [2]), а позднѣе, въ 1711 г., при самомъ выходѣ Фонтанки изъ Невы строитъ себѣ лѣтній домъ.

До этого времени русскіе строились преимущественно за рѣкой (на Петербургской сторонѣ), и постройка Лѣтняго дворца являлась первымъ шагомъ къ заселенію Адмиралтейской стороны. При этомъ дворцѣ былъ разбитъ новый обширный садъ, тогда же названный „лѣтнимъ“, такъ какъ онъ предназначался для однолѣтнихъ цвѣтущихъ растеній. Первоначальный планъ сада былъ составленъ самимъ Государемъ.

Надъ устройствомъ сада работало нѣсколько лицъ. Такъ, согласно „достопамятнымъ сказаніямъ о жизни и дѣлахъ Петра Великаго“ [3]), устройство сада поручено было шведскому садовнику Шредеру.

Въ 1718 г. Петръ встрѣтилъ въ Ревелѣ нѣкоего Гаспара Фохта, ганноверскаго садовника, и сталъ его усиленно звать въ Петербургъ. Фохтъ сначала не соглашался ѣхать въ русскую столицу, ссылаясь на то, что ему будетъ тяжела разлука съ семьей. Но потомъ Фохтъ согласился и, пріѣхавъ въ Петербургъ, совершенно неожиданно для себя нашелъ тамъ уже свою жену и дѣтей, доставленныхъ въ Россію распоряженіемъ Петра. Фохтъ много потрудился при разведеніи Лѣтняго и Аптекарскаго садовъ [1]).

Разбитый сначала въ голландскомъ вкусѣ, Лѣтній садъ былъ затѣмъ передѣланъ во вкусѣ французскихъ садовъ XVIII столѣтія по плану французскаго архитектора, знатока садоваго искусства—Леблона, ученика создателя Версальскаго парка и французскихъ садовъ—Ленотра.

Жанъ-Батистъ-Александръ Леблонъ попалъ въ Россію благодаря рекомендаціи русскаго агента въ Парижѣ—Лефорта. Петръ познакомился съ Леблономъ въ Пирмонтѣ, куда послѣдній отправился для представленія Царю. Французскій архитекторъ очень понравился Царю, и Леблонъ былъ принятъ на русскую службу. Петръ назначилъ его „генералъ-архитекторомъ“ и по этому поводу писалъ Меншикову: „объяви всѣмъ архитекторамъ, чтобы всѣ дѣла, которыя вновь начинать будутъ, чтобы безъ его (Леблона) подписи на чертежахъ не строили, также старое, что можно еще исправить“ [2]).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Леблонъ организовалъ 19 мастерскихъ, во главѣ которыхъ поставилъ опытныхъ мастеровъ, какъ, напримѣръ, садоваго мастера Гадо, фонтанныхъ дѣлъ мастера Соалемъ, поручилъ литейщику Соважу отливки для садовъ, а самъ осенью 1716 года составилъ планъ разбивки Лѣтняго сада со всѣми садовыми украшеніями, бесѣдками, гротами и прочими сооруженіями, описанными очевидцемъ камеръ-юнкеромъ голштинскаго герцога Бархгольцомъ. Проектъ этотъ Леблонъ послалъ царю за границу.

Такимъ образомъ въ числѣ прочихъ начинаній Петра по устройству столицы однимъ изъ первыхъ являлся вопросъ о разведеніи садовъ.

Конечно, при этомъ съ первыхъ же шаговъ приходилось встрѣчаться съ большими затрудненіями, вызываемыми суровымъ климатомъ и часто неблагопріятной почвой. Поэтому сначала въ петербургскихъ садахъ, несмотря на старанія голландскихъ и нѣмецкихъ са-

а—Мыза Парвушина. *б*—Лагерное расположеніе войскъ въ шалашахъ. *в*—Садъ и лѣтній домъ Царицы. *г*—Лебедянка, Лебяжій каналъ, отрытый въ 1715—1716 г. *д*—лѣтній каналъ. *е*—лугъ. *е*¹—поперечный каналъ, отдѣлявшій 1-й садъ отъ 2-го. *К*—застроенное мѣсто. *З*—Лѣтній домъ Петра I. *П*—Прудъ. *I*—Царицынъ лугъ. *Ж*—Партикулярная верфь. *Л*—трубы, снабжающія водой фонтаны въ Лѣтнемъ саду. *Н*—церковь св. Пантелеймона.

Рис. 1. **Планы Петербурга (Адмиралтейской стороны) 1700—1725 г.г.**

[1]) Впослѣдствіи Петропавловская крѣпость.

[2]) Рис. № I—II.

[3]) Собраны ред. журн. „Русская Старина“ 1876 года.

[1]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ“.

[2]) Петровъ. „Исторія Петербурга“.

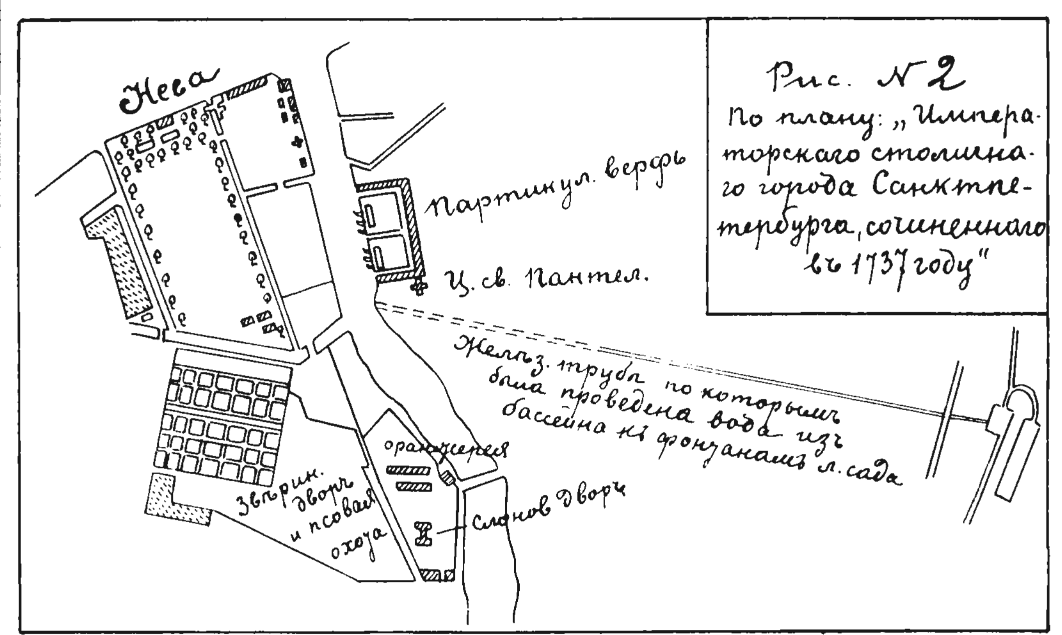


Рис. №2 По плану: „Императорскаго столичнаго города Санктпетербурга, сочиненнаго въ 1737 году"

довниковъ, произрастаніе шло плохо. Сырая осень и длинная холодная зима не давали возможности отогрѣться почвѣ, и все, что всходило въ лѣтніе мѣсяцы, не успѣвало созрѣть. Однако скоро садоводы освоились съ мѣстными условіями, и уже въ 1718 г. въ садахъ Меншикова на Васильевскомъ островѣ были уже отличныя ягоды и даже дыни [1].

Лѣтній садъ постепенно росъ и развивался. По плану 1718 г. (Хомана) видны каналы между Невой и Мойкой (Лѣтній и Лебяжій), а также каналъ, раздѣлявшій садъ на двѣ части (рис. 1—III). Царицынъ лугъ обозначенъ на планѣ пустыремъ, а къ западу отъ него за лѣтнимъ каналомъ показано застроенное мѣсто. По плану 1725 г. на Царицыномъ лугу разбиты дорожки, въ Лѣтнемъ саду обозначенъ существующій и теперь прудъ, а за Фонтанкой помѣчено направленіе водопровода для питанія фонтановъ Лѣтняго сада (рис. 1—IV).

Прямыя аллеи Лѣтняго сада были обсажены липами, дубами и плодовыми деревьями. Деревья и растенія для новаго сада выписывались отовсюду: изъ Москвы высылались ильмовыя деревья, изъ Кіева—грабины, изъ Нарвы—липы и нѣкоторыя породы цвѣтовъ, какъ бѣлыя лиліи, майоранъ и др. Нѣкоторыя породы выписывались издалека: напр., кедры—изъ Соликамска, барбарисовыя сѣмена и розаны—изъ Данцига, изъ Швеціи—яблони; цвѣты высылалъ Царю голландскій резидентъ Брандтъ.

Съ рѣдкой заботливостью относился Петръ къ своимъ садамъ, берегъ ихъ и строго наказывалъ тѣхъ, которые портили насажденія и вырубали деревья. Особенно гордился царь Лѣтнимъ садомъ. Показывая въ 1720 году свой садъ польскому послу, Петръ говорилъ: „Черезъ три года буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля" [2].

Къ концу царствованія Петра садъ занимаетъ уже весьма обширное пространство, начинаясь отъ самаго берега Невы (отъ Фонтанки до нынѣшняго Мраморнаго дворца) и доходя почти до Невскаго проспекта, такъ что теперешній Лѣтній и Михайловскій сады составляли лишь его части.

По планамъ Петербурга 1737, 1738, 1750 и 1753 гг. видно, какъ расположены были эти отдѣльные сады. Въ „планѣ Императорскаго столичнаго города Санктпетербурга, сочиненнаго въ 1737 г." (рис. 2), а особенно въ знаменитомъ Елисаветинскомъ планѣ 1753 г. (рис. 3) ясно представлены детали сада: дорожки, цвѣтники, зданія и т. д. Послѣдній планъ, начерченный вопреки существующихъ правилъ съ сѣверомъ внизу и югомъ сверху, очень подробный. По этому плану видно, какое громадное пространство занималъ садовый районъ елизаветинскаго времени [3].

II.

Изъ описаній современниковъ видно, что Лѣтній садъ дѣлился на три отдѣльныхъ сада:

а) первый цвѣточный,
б) второй,
в) третій.

Въ первомъ саду на самомъ берегу Невы стояли три длинныя открытыя деревянныя галлереи, служившія буфетами въ праздничные дни во время гуляній. Въ средней галлереѣ стояла мраморная статуя Венеры, которая являлась лучшимъ украшеніемъ сада, и которой Царь дорожилъ до такой степени, что ставилъ во время гуляній около нея часового.

Статуя эта не безъ хлопотъ досталась Петру.

Она была куплена по приказанію Царя за 3.000 скуди капитаномъ Юріемъ Кологривовымъ въ Римѣ въ 1718 году и тамъ же реставрирована скульпторомъ Легри, который починилъ отшибленную голову и придѣлалъ руки вмѣсто утраченныхъ. Такъ какъ вывозъ античныхъ произведеній изъ Рима былъ воспрещенъ, римскій губернаторъ Фальконіери конфисковалъ ее у скульптора, арестовалъ продавца и спряталъ статую въ скрытомъ мѣстѣ папскаго сада.

Когда Петръ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ своему агенту въ Венеціи Беклемишеву вмѣстѣ съ дипломатомъ Рогузинскимъ отправиться въ Римъ и просить папу Климента IX о дозволеніи вывезти статую въ Россію. По настоянію кардиналовъ Оттобани и Либони, папа согласился сдѣлать исключеніе на сей разъ и, въ благодарность за благосклонность Петра къ католическимъ миссіонерамъ, предложилъ статую въ подарокъ Царю. При этомъ Оттобани писалъ Петру I (8 іюня 1719 г.), что это произведеніе скульптуры „не уступитъ никакому въ Римѣ украшенію, и чаятельно, во всей

Рис. 3. Елисаветинскій планъ Петербурга 1753 г.

[1] Пекарскій. „Петербургская Старина".
[2] Въ числѣ книгъ, поднесенныхъ Петру Великому въ 1717 г. въ Парижѣ изъ королевской библіотеки, были фоліанты съ гравюрами, изображавшими виды Версальскаго парка.
[3] Въ послѣдующихъ планахъ замѣчается постепенное измѣненіе и уменьшеніе садоваго района. На планахъ около 1760 г. каналъ между первымъ и вторымъ садами уже не доходитъ до Фонтанки; на планѣ 1777 г. (изъ коллекц. Цылова) обозначены Мраморный дворецъ, Царицынъ лугъ чистъ: нѣтъ Лѣтняго канала, обозначены ломбардъ, старый театръ, Прачечный мостъ; на планѣ 1799 г. обозначенъ Михайловскій замокъ (въ проектѣ): на планѣ 1840 г. обозначены памятникъ Суворову, Цѣпной мостъ, памятникъ Петру I около Инженернаго замка и т. д.

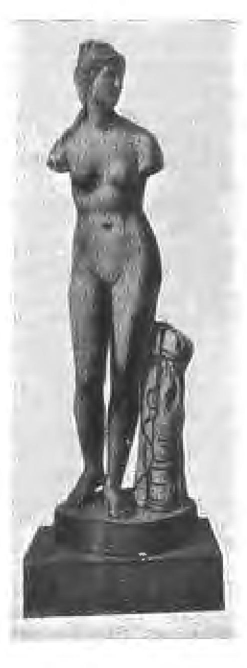


Рис. 4. **Венера Таврическая.**

Европѣ не найдется другой статуи ей подобной". [1]).

Петръ благодарилъ Оттобани письмомъ и подарилъ ему свой восковой бюстъ, какъ предполагаютъ, исполненія графа Растрелли. Пріобрѣтенный потомъ снова Россіей этотъ бюстъ находится теперь въ кабинетѣ Петра Великаго въ Эрмитажѣ.

Такимъ образомъ статуя Венеры была пріобрѣтена Петромъ. Согласно письму царя къ Ягужинскому, приказано было:

„Лучшую статую Венусъ, которую купилъ въ Римѣ Юрья Кологривой, отправить изъ Ливорно сухимъ путемъ до Инзбрука, а оттоль Дунаемъ водой до Вѣны, съ нарочнымъ провожатымъ... ... А понеже оная статуя, какъ самъ знаешь, и тамъ славится, того для велите заранѣе сдѣлать въ Вѣнѣ каретный станокъ на пружинахъ, на которомъ бы лучше можно было ее отправить вамъ до Кракова, чтобъ ее не повредить чѣмъ, а отъ Кракова можно оную отправить паки водою"...

Эта Венера впослѣдствіи названа была Таврической, такъ какъ она помѣщалась въ Таврическомъ дворцѣ до 1850 г.; въ настоящее время она находится въ Эрмитажѣ.

Венера Таврическая—греческая копія съ произведенія Праксителевой школы IX в. до Р. Х. Попавъ въ Эрмитажъ, она послужила началомъ коллекціи античной скульптуры музея. Статуя высѣчена изъ паросскаго мрамора и позой и выраженіемъ даетъ сходство съ Медицеской Венерой и съ Книдской (рис. 4).

Она выходитъ изъ купальни. Подлѣ нея стоитъ алебастръ (сосудъ съ ароматами), покрытый сложенной одеждой богини.

Статуя найдена въ началѣ XVIII в. въ Римѣ при отрытіи фундамента дома. Голова была отбита. Руки, плохо возстановленныя скульпторомъ Легри, въ 1850 г. были снова отняты. Носъ, губы и часть волосъ реставрированы. Высота статуи 1,67 метра. Поверхность изваянія очень попорчена. На рис. 5 изображенъ рисунокъ статуи съ реставрированными руками изъ изданія „Пропилеи" 1851 г. Это изображеніе весьма далеко отъ дѣйствительности.

Отъ средней галлереи, гдѣ стояла только-что описанная статуя Венеры, шла широкая аллея, вдоль которой были расположены фонтаны и дерновыя скамьи. Первый фонтанъ находился на такъ называемой дамской площадкѣ, гдѣ во время празднествъ сидѣла Царица съ придворными дамами; на второй—шкиперской—находился самъ Петръ.

Направо отъ главной аллеи перваго сада устроены были помѣщенія для птицъ и звѣринецъ. Птичникъ былъ построенъ въ видѣ индо-китайской пагоды по проекту генералъ-архитектора Леблона въ 1718 году. Это зданіе представляло въ планѣ восьмиугольную звѣзду. Внутри помѣщенія была устроена громадная клѣтка съ деревьями. Здѣсь были посажены: орлы, черные аисты, голуби, журавль. Въ звѣринцѣ особое вниманіе Берхгольца было привлечено большимъ ежомъ съ черными и бѣлыми иглами длиной до 11 дюймовъ (вѣроятно, дикобразъ). Кромѣ другихъ звѣрей, тамъ были: синяя лисица и соболя.

Налѣво былъ устроенъ прудъ съ бесѣдкой посрединѣ. Въ эту бесѣдку Царь привозилъ на лодкѣ своихъ гостей и угощалъ венгерскимъ. Затѣмъ лодка отъѣзжала, и гости волей-неволей принуждены были продолжать пиршество. Кругомъ пруда расположены были домики—жилища прирученныхъ гусей и утокъ. Здѣсь же спущенъ былъ на воду маленькій корабликъ для катанія по водѣ карликовъ.

III.

Самое замѣчательное зданіе перваго сада, это—дворецъ въ голландскомъ вкусѣ, построенный въ 1711 году при выходѣ Фонтанки изъ Невы. Сначала зданіе было построено совершенно просто, безъ украшеній и почти безъ пристроекъ, но по указу 2 мая 1714 г. дворецъ былъ значительно отдѣланъ и обстроенъ. Въ этомъ указѣ собственной рукой Царя, между прочимъ, было написано: „на лѣтнемъ дворцѣ въ палатахъ штукатурную работою дѣлать вновь между окнами верхними и нижними фигуры, какъ баудиректоръ даетъ; .... круглую лѣстницу что на переходъ сдѣлать голландскимъ манерамъ, съ перилами изъ дуба же; въ поварнѣ выкласть плитками стѣны и на верху сдѣлать другую поварню и также плитками выкласть . . . , въ огородѣ сдѣлать гротъ съ погребами и ватеръкунтомъ, о чемъ пропорцію взять у баудиректора".

Баудиректоромъ въ то время былъ Андрей Шлютеръ, нѣмецкій архитекторъ и скульпторъ, приглашенный Петромъ I въ Россію въ 1713 г. Такимъ образомъ барельефы между первымъ и вторымъ этажами снаружи дворца были исполнены по проекту Шлютера. Ему же принадлежала внутренняя отдѣлка дворца. Что же касается самой постройки, то въ возведеніи Лѣтняго дома участвовали Леблонъ и Микети. Дворецъ Петра—это четырехугольное, нѣсколько продолговатое зданіе въ два этажа, обращенное двумя фасадами въ садъ: однимъ—къ Невѣ и однимъ—къ Фонтанкѣ (рис. 6).

Домъ снаружи оштукатуренъ и выкрашенъ. Наличники у оконъ и дверей обиты деревянными планками, и надъ окнами расположены барельефы съ многочисленными сюжетами, заключенные въ четырехугольныя рамки. Кровля изъ бѣлыхъ желѣзныхъ листовъ; по угламъ ея раньше были придѣланы четыре желѣзныхъ дракона, а на верху крыши былъ флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ.

Въ нижнемъ этажѣ 11 комнатъ, столько же и въ верхнемъ. Стѣны покрыты выбѣленной холстиной, на плафонахъ аллегорическія картины въ рамкахъ лѣпной работы.

Двери дубовыя и орѣховыя съ рѣзными украшеніями, хорошей работы; на одной вырѣзано изображеніе распятія Спасителя. Многія изъ этихъ украшеній приписываются самому Петру.

Во дворцѣ находятся слѣдующія старинныя вещи: большіе стѣнные часы, купленные Царемъ въ Голландіи, съ тремя мѣдными посеребренными циферблатами. Изъ нихъ одинъ служилъ для указанія времени, другой—для опредѣленія направленія вѣтра и третій для опредѣленія состоянія атмосферы; отъ второго было сообщеніе съ флюгеромъ. Эти часы въ футлярѣ изъ орѣховаго дерева. Императоръ Павелъ приказалъ ихъ перенести въ Михайловскій дворецъ, но въ 1820 г. они опять были поставлены въ Лѣтнемъ дворцѣ на старомъ мѣстѣ.

Далѣе слѣдуетъ портретъ Петра Великаго, написанный въ ростъ, въ латахъ и съ датскимъ орденомъ. Этотъ портретъ до 1833 г. находился въ Мраморномъ дворцѣ. Кромѣ этого, во дворцѣ находятся разныя стальныя вещи съ бронзовой насѣчкой, поднесенныя Екатеринѣ II отъ тульскаго оружейнаго завода, шкапъ изъ орѣховаго дерева, работу котораго приписываютъ Петру, три стула и одно кресло.

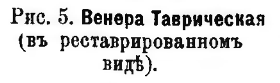


Рис. 5. **Венера Таврическая (въ реставрированномъ видѣ).**

До половины XVIII вѣка на дверяхъ дворца было изображеніе часового, защищающаго входъ въ царскую мастерскую. Возникновеніе этой картины относятъ къ слѣдующему событію:

Однажды къ Петру, работавшему въ токарнѣ, хотѣлъ войти Меншиковъ, но часовой у входа, получивъ приказаніе никого не пускать, остановилъ князя. Меншиковъ вступилъ съ нимъ въ перебранку и даже попытался оттолкнуть его. Тогда часовой закричалъ: „Отойди, не то приколю на мѣстѣ!"

Услыхавъ крикъ, Петръ отворилъ дверь и, когда узналъ, въ чемъ дѣло, наградилъ солдата червонцемъ, а Меншикову сказалъ: „Онъ, братъ Данилычъ, болѣе знаетъ свою должность, нежели ты". [1]).

Въ царствованіе Александра I въ покояхъ дворца Петра I квартировали нѣкоторые русскіе сановники: военный министръ кн. Горчаковъ, бывшій министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, военный губернаторъ графъ Милорадовичъ, министръ финансовъ графъ Канкринъ [2]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рис. 6. **Дворецъ Петра въ Лѣтнемъ саду.**

[1]) „Пропилеи" сборн. П. Леонтьева, кн. I. 1851.—„Венера Таврическая".

[1]) Божеряновъ. „Петербургская Старина".

[2]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ".

Воздушная броня.

Очеркъ **В. В. Рюмина.**

Извѣстный шведскій ученый физикъ Сванте Арреніусъ подсчиталъ количество летящихъ на землю въ теченіе сутокъ метеоритовъ (падающихъ звѣздъ) и нашелъ цифру, равную 100.000.

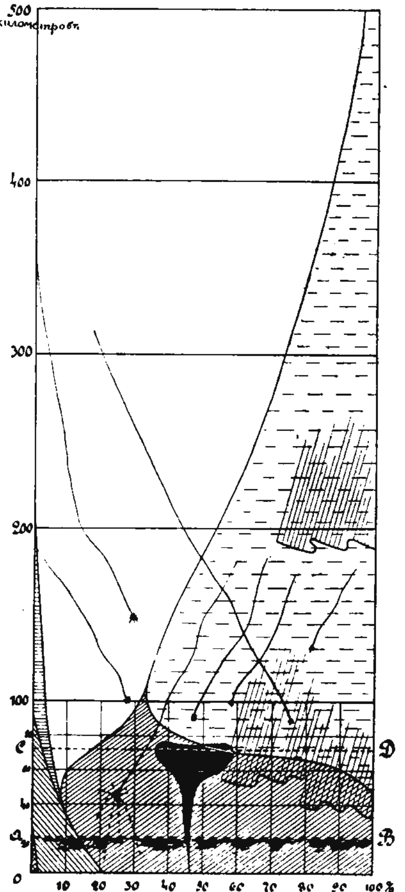
Было время, когда ученые признавали баснями всѣ разсказы о паденіи камней съ неба. Они говорили: „небо пусто, камней тамъ быть не можетъ, и падать нечему". Подъ вліяніемъ такого утвержденія выбросили изъ музеевъ много цѣнныхъ для науки метеоритовъ. Но камни продолжали падать — и наконецъ фактъ побѣдилъ. Въ началѣ прошлаго вѣка Парижская Академія, правда, послѣ большихъ споровъ, признала паденіе камней съ неба.

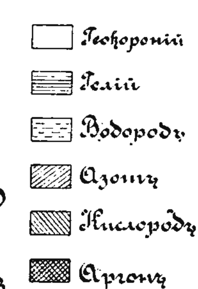
Случаевъ паденія метеоритовъ, сопровождавшихся несчастіями, описано очень мало. Древнія китайскія книги повѣствуютъ о бывшемъ въ 616 году каменномъ дождѣ, убившемъ 10 человѣкъ. Въ 823 году въ Саксоніи выгорѣло 35 деревень отъ падавшихъ съ неба раскаленныхъ камней. Въ Сѣверной Италіи, близъ города Крема, въ 1511 году выпало около 1.000 камней, которыми было перебито много овецъ, птицы и былъ убитъ одинъ человѣкъ. Въ 1660 году, въ Миланѣ, въ монастырѣ св. Маріи, упалъ съ неба камень и убилъ монаха.

Есть много описаній очевидцевъ паденія камней съ неба, но какъ самыхъ разсказовъ, такъ и найденныхъ метеоритовъ неизмѣримо меньше, чѣмъ можно бы ждать, принимая цифру Арреніуса, а между тѣмъ и она вѣрна, и камней, достигшихъ поверхности земли, очень мало.

Рѣдко кто не видалъ падающихъ звѣздъ, многіе видѣли и такіе метеориты, которые оставляли за собою длинный свѣтящійся хвостъ, лопались съ шумомъ высоко въ воздухѣ и исчезали. Наша атмосфера защищаетъ насъ отъ такой бомбардировки метеоритами и не допускаетъ ихъ до поверхности земли. Только рѣдкіе камни не успѣваютъ раздробиться и разсѣяться въ атмосферѣ. Какъ стальная броня кораблей задерживаетъ въ себѣ ядра, посылаемыя въ нее, такъ и атмосфера не пропускаетъ на землю падающіе на нее камни.

Атмосфера наша представляетъ собою смѣсь газовъ. Какъ всякій безцвѣтный газъ, воздухъ, конечно, нельзя увидѣть. Спокойный воздухъ не поддается ощущенію, и только воздухъ въ сильномъ движеніи даетъ почувствовать, а иногда и увидѣть себя или, вѣрнѣе, свое движеніе. Всѣ изучавшіе физику знаютъ тѣ простые, элементарные опыты, которые наглядно доказываютъ, что воздухъ обладаетъ и плотностью, и упругостью, и опредѣленнымъ вѣсомъ, словомъ — свойствами физическаго тѣла.





Таблица, показывающая составъ воздуха на разной высотѣ надъ поверхностью земли и высоту метеоритовъ.

Ведро воздуха вѣситъ около 15 граммовъ, это — вѣсъ двухъ серебряныхъ монетъ въ 50 и 25 копеекъ. Вѣсъ, довольно ощутительный. Кубическая сажень воздуха вѣситъ около 30 фунтовъ. Но воздухъ упругъ, онъ легко расширяется и сжимается не только механически съ усиліемъ, но и съ перемѣной температуры, а потому вѣсъ его опредѣленъ въ данномъ объемѣ при 0 градусовъ.

При нагрѣваніи его объемъ на каждый градусъ, если онъ не заключенъ въ герметически запертомъ сосудѣ, увеличивается на 1/273 своего объема, какъ и всякаго газа.

Какъ тѣло вѣсомое, воздухъ, конечно, у самой поверхности земли плотнѣе, чѣмъ въ верхнихъ слояхъ. Вѣсъ воздуха, о которомъ упомянуто выше, это вѣсъ при 0 градусовъ и на поверхности моря.

Столбъ воздуха, имѣющій сѣченіе въ 1 квадратный сантиметръ, вѣситъ около 1 килограмма. Такимъ образомъ было вычислено давленіе атмосферы. Въ русскихъ мѣрахъ оно около 15 фунтовъ на квадратный дюймъ. Изъ этихъ данныхъ легко было вывести вѣсъ всей атмосферы: онъ представляетъ собой 5 квинтильоновъ (5 съ тридцатью нулями) килограммовъ, а по отношенію къ вѣсу всего земного шара — одну милліонъ-стотысячную долю.

На каждаго человѣка, имѣющаго въ среднемъ 2.000 квадратныхъ дюймовъ поверхности, давитъ тяжесть въ 750 пудовъ. Не чувствуемъ же мы ея потому, что наружное давленіе уравновѣшивается внутреннимъ.

По мѣрѣ поднятія отъ поверхности земли, давленіе становится все меньше и меньше, такъ какъ уменьшается толщина слоя воздуха, давящаго своими верхними слоями на нижніе. Самый вѣсъ одинаковаго объема воздуха мѣняется съ давленіемъ, такъ какъ въ силу упругости воздухъ стремится расшириться.

Уменьшеніе давленія атмосферы съ поднятіемъ надъ поверхностью земли идетъ очень быстро.

Равное 760 миллиметрамъ на поверхности моря, оно уже, напримѣръ, въ Парижской обсерваторіи равно 756 миллиметрамъ, въ Харьковѣ — 746, на вершинѣ Везувія, имѣющаго высоту въ 1.200 метровъ, — 660, на вершинѣ Чимборазо, при высотѣ въ 6.100 метровъ, оно равно только 360 миллиметрамъ, т.-е. меньше половины нормальнаго. На высотѣ 10.000 метровъ давленіе 192, на 20.000 оно 42 миллиметра, на высотѣ въ 50.000 метровъ — 0,32, а на 100.000 метровъ (около 100 верстъ) надъ землею всего 0,023 миллиметра, т.-е., съ нашей точки зрѣнія, давленія почти не существуетъ, но, какъ увидимъ дальше, эта величина довольно замѣтна и сказывается совершенно ясно.

Давленіе воздуха на поверхности земли никогда не остается постояннымъ, оно измѣняется въ небольшихъ предѣлахъ въ зависимости отъ температуры, влажности (влажный воздухъ легче сухого) и силы вѣтра. Этими колебаніями въ связи съ другими обстоятельствами — временами года, направленіемъ вѣтра, влажностью воздуха и т. п. — пользуются для предсказанія погоды, и на барометрахъ пишутъ не рѣдко: сушь, буря, перемѣнно и т. д., но къ этимъ показаніямъ надо относиться осмотрительно.

Вотъ главнѣйшія физическія данныя по занимающему насъ вопросу; теперь перейдемъ къ химическому составу атмосферы.

Вблизи поверхности воздухъ представляетъ смѣсь газовъ, паровъ воды и случайныя примѣси. Нормальный составъ воздуха — по вѣсу: 23% кислорода, 75% азота, почти 2% аргона, пары воды и около 0,04% двуокиси углерода (обычно называемой въ общежитіи — углекислотой). Кромѣ того, заводы, города, сжигающіе каменный уголь, даютъ, какъ примѣсь къ атмосфернымъ газамъ, совершенно посторонніе газы. Интересно замѣтить, что, сжигая только сто тысячъ пудовъ угля, содержащаго всего 5% сѣры, мы примѣшиваемъ къ атмосферѣ 10.000 пудовъ сѣрнистаго газа, ангидрида сѣрнистой кислоты, который, въ свою очередь, можетъ дать 15.000 пудовъ сѣрнистой кислоты. Міровое потребленіе угля вноситъ громадныя количества сѣрнистаго газа въ атмосферу, но, если принять во вниманіе общій вѣсъ ея, всѣ эти примѣси, и даже несравненно болѣе значительныя, какъ, напримѣръ, примѣси газовъ, выбрасываемыхъ вулканами, — ничто по сравненію съ пятью квинтильонами килограммовъ всей атмосферы.

Примѣсь двуокиси углерода, несмотря на видимую незначительность, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ поддержанія жизни какъ растеній, такъ и животныхъ. Двуокиси углерода поступаетъ въ воздухъ много, ее даютъ животныя въ выдыхаемомъ ими воздухѣ, продукты горѣнія топлива и вулканы; но растенія, и только растенія, поглощаютъ ее и, взявъ изъ нея углеродъ, отдаютъ атмосферѣ обратно кислородъ. Не будь растеній — атмосфера пресытилась бы этимъ газомъ и стала негодной для дыханія, такъ какъ примѣсь къ воздуху двуокиси углерода всего въ количествѣ 5 на 1.000 дѣлаетъ его уже тяжелымъ для животныхъ.

Количество двуокиси углерода не вполнѣ постоянно, оно подвержено нѣкоторымъ суточнымъ колебаніямъ: въ населенныхъ мѣстахъ оно нѣсколько выше, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ ниже. Повышеніе ея содержанія ночью объясняется очень просто тѣмъ, что растенія разлагаютъ ее только при свѣтѣ, т.-е. днемъ.

По мѣрѣ поднятія вверхъ отъ поверхности земли, составъ атмосферы начинаетъ измѣняться, оставаясь довольно близкимъ къ поверхностному составу до высоты въ 10 километровъ, затѣмъ на 20 километрахъ уже въ немъ кислорода только около половины, т.-е. 12%, и преобладаетъ азотъ. На высотѣ въ 30 километровъ исчезаетъ аргонъ, а около 90 уже нѣтъ и кислорода. Отъ сорока километровъ начинаетъ появляться въ атмосферѣ водородъ, самый легкій изъ извѣстныхъ намъ газовъ. Около той

Леонардо да-Винчи. Мадонна. (Пріобрѣтена Императорскимъ Эрмитажемъ за 150.000 рублей).

же высоты показывается еще новый газъ—гелій, впервые открытый спектральнымъ анализомъ на солнцѣ и затѣмъ найденный на землѣ въ нѣкоторыхъ минералахъ и получающійся при разложеніи атомовъ радія.

Чуть выше границы появленія гелія замѣчается еще, пока только при посредствѣ спектральнаго анализа, газъ, найденный тоже на солнцѣ, именно въ его коронѣ, и названный поэтому короніемъ. Этотъ газъ въ нашей атмосферѣ называютъ геокороніемъ. Гелій на высотѣ немного большей 200 километровъ исчезаетъ, а геокороній все больше и больше примѣшивается къ водороду; а такъ какъ на высотѣ около 100 километровъ уже нѣтъ и азота, то составъ атмосферы съ этой высоты не имѣетъ ничего общаго съ атмосферой, ближайшей къ поверхности: въ ней наблюдаются только геокороній и водородъ, и послѣдній довольно равномѣрно уменьшается въ количествѣ: на высотѣ около 500 километровъ его меньше 10%, остальное же—геокороній. И надо думать, что на еще большемъ разстояніи нѣтъ и водорода, а геокороній заполняетъ собою все пространство нашей солнечной системы.

Прилагаемая таблица графически изображаетъ и составъ и нѣкоторыя особенности атмосферы.

На горизонтальной линіи отложены количества, а на вертикальной—высоты. Разсматривая таблицу, мы видимъ, что на высотѣ 20 километровъ намѣчена линія А. В.—граница такъ называемой тропосферы, т.-е. той части атмосферы, въ которой имѣются еще пары воды, а потому въ ней образуются облака, дождь, снѣгъ, иней. Только въ ней воздухъ волнуется, перемѣщается въ силу температурной разницы: погода на землѣ зависитъ именно отъ движенія въ тропосферѣ. Выше уже нѣтъ ни облаковъ ни движенія вѣтра, и только иногда прорѣзаютъ ее метеориты, не задержанные выше. На высотѣ семидесяти съ небольшимъ километромъ—вторая граница, линія С. Д.; это—граница голубого цвѣта, граница зорь; слой этотъ называется стратосферой; въ ней замѣчаются сѣверныя сіянія, дающія въ спектрѣ линіи азота. Сѣверныя сіянія безъ этихъ линій разыгрывается въ сферѣ водоворота, и выше 250 километровъ иногда только замѣчаются сіянія въ видѣ разлитого ровнаго свѣта, не имѣющаго столбовъ, лучей и переливовъ.

Немного выше границы стратосферы взлетаютъ иногда облака вулканической пыли: имъ мы обязаны продолжительными розовыми зорями, какъ было послѣ изверженія и гибели Кракатоу: нѣсколько лѣтъ носились пылевыя облака, пока наконецъ они не осѣли въ низшіе слои.

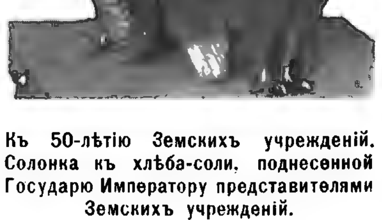
Таково строеніе атмосферы по самымъ послѣднимъ работамъ, по которымъ составлена Вегенеромъ прилагаемая таблица.

Выше слоя стратосферы вспыхиваютъ падающія звѣзды, которыхъ бываетъ то больше, то меньше, но въ теченіе каждой ночи внимательный наблюдатель увидитъ простымъ глазомъ не меньше десяти въ часъ въ полѣ своего зрѣнія.

Міровое пространство наполнено космической пылью: въ ней встрѣчаются и довольно большія тѣла. Палласъ доказалъ, что найденная Меттихомъ въ Енисейской губ. на горномъ кряжѣ глыба желѣза—метеорнаго происхожденія. Ея первоначальный вѣсъ былъ 42 пуда. Главная масса этого метеорита находится теперь въ музеѣ Академіи Наукъ.

Много интереснаго представляютъ собою и самые метеориты: но теперь рѣчь идетъ не о нихъ, а только о защитной роли атмосферы. Наибольшее количество звѣздъ падаетъ около 6 часовъ утра, такъ какъ въ это время та часть земного шара, на которой находится наблюдатель, представляетъ собою переднюю часть по направленію его движенія по орбитѣ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Вѣнокъ отъ „Благодарной Земской Россіи", возложенный на гробницу Императора Александра II въ Петропавловскомъ соборѣ.



Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Солонка къ хлѣба-соли, поднесенной Государю Императору представителями Земскихъ учрежденій.

Космическія тѣла и тѣльца летятъ со скоростью, превышающей скорость земного шара (30 километровъ въ секунду) раза въ полтора и больше. Они начинаютъ издавать свѣтъ, достигнувъ высоты около 300 верстъ надъ землей. Какъ ни мала плотность атмосферы въ этихъ областяхъ, но она при той скорости, которой обладаютъ влетающія въ нее тѣла, оказываетъ имъ значительное сопротивленіе, сама атмосфера сжимается передъ метеоритомъ, и онъ начинаетъ свѣтить. Быть-можетъ, главная причина свѣченія въ этихъ областяхъ—электрическаго происхожденія. Большая часть метеоритовъ начинаетъ свѣтить съ высоты 200 верстъ и исчезаетъ на высотѣ 80—100 верстъ. Очень немногіе достигаютъ до стратосферы, и здѣсь, на высотѣ въ среднемъ 40 верстъ, они со взрывомъ разлетаются на болѣе мелкіе камни, часть которыхъ, ничтожная относительно всего количества метеоритовъ, достигаетъ земли.

Причина взрыва съ полной достовѣрностью не выяснена,—она, быть-можетъ, лежитъ въ неравномѣрномъ нагрѣваніи. Въ 1860 г. въ Остъ-Индіи наблюдалось паденіе метеорита, разорвавшагося на небольшой высотѣ; поверхность его въ свѣжемъ изломѣ была настолько холодна (температуры междупланетнаго пространства), что давала ощущеніе ожога, какъ металлы на морозѣ. Обыкновенно поверхность упавшихъ камней бываетъ оплавлена, но не окислена. Этотъ фактъ указываетъ, что нагрѣваніе происходитъ исключительно отъ сопротивленія движенію, оказываемаго атмосферой; оно такъ быстро, что теплота не успѣваетъ передаться въ глубину камня, и эта разность температуръ вызываетъ сильное внутреннее напряженіе, доводящее до разрыва всей массы. Источникъ теплоты исключительно механическаго происхожденія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ въ тропосферѣ можетъ встрѣтиться дѣйствительно и горѣніе, т.-е. соединеніе съ кислородомъ; тѣ тучки, которыя остаются на небѣ, какъ слѣдъ пролетѣвшаго болида,—не дымъ, а скорѣе космическая пыль. Горѣніе можно допустить только какъ исключеніе: кислорода выше тропосферы нѣтъ, значитъ—не можетъ быть и горѣнія.

Какъ ни трудно представить себѣ, что такая, по нашимъ представленіямъ, мало плотная среда, какъ воздухъ, можетъ предохранить землю отъ ударовъ падающихъ камней, тѣмъ не менѣе она это дѣлаетъ, и даже не настолько плотная, какъ низшіе, извѣстные намъ слои атмосферы, но еще болѣе рѣдкая, стратосфера.

Высшіе слои атмосферы изучены мало, и то, что сказано здѣсь, это—новыя данныя объ атмосферѣ и ея высшихъ слояхъ. Много изучено, но много еще надо поработать надъ атмосферой и даже надъ нижними слоями, въ которыхъ разыгрываются тѣ процессы, результатомъ которыхъ является погода.

Молодая метеорологія дала довольно много. Въ 100 случаяхъ предсказанія погоды 85 оказываются вѣрными; но этого мало, жизнь требуетъ еще большаго, и надо думать, что, несмотря на большія трудности, продолжая изучать нашу атмосферу, мы найдемъ еще много интереснаго и важнаго въ практическомъ отношеніи.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Блюдо, на которомъ поднесена хлѣбъ-соль Государю Императору представителями Земскихъ учрежденій въ Зимнемъ Дворцѣ, 8 января с. г.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Предсѣдатели и гласные губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ въ залѣ С.-Петербургской губернской земской управы. По фот. К. Булла.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ по случаю 50-лѣтія земскихъ учрежденій.

Въ царственномъ попеченіи о преуспѣяніи Русскаго государства, блаженныя памяти Дѣдъ Нашъ Императоръ Александръ II даровалъ Россіи новый укладъ общественной жизни, покоящійся на началѣ свободнаго, въ очерченномъ кругѣ дѣятельности, использованія населеніемъ своихъ духовныхъ и экономическихъ силъ.

Державное намѣреніе сіе запечатлѣно рядомъ государственныхъ мѣропріятій, среди которыхъ образованіе земскаго самоуправленія — одно изъ важнѣйшихъ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, въ 1 день января 1864 года даннымъ, мѣстное населеніе призвано было, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерній и уѣздовъ относящимися.

Въ заботахъ объ усовершенствованіи государственнаго управленія, возлюбленный Родитель Нашъ Императоръ Александръ III почелъ за благо тѣснѣе сочетать дѣятельность земскихъ учрежденій съ установленіями правительственными и усилить участіе въ земскомъ дѣлѣ наиболѣе просвѣщеннаго круга избирателей. Широко пріобщивъ, вслѣдствіе такого преобразованія, силы свои къ земской работѣ, неизмѣнно отзывчивое къ Монаршимъ предначертаніямъ дворянство и здѣсь внесло въ общее дѣло самоотверженное, какъ всегда, служеніе благу наиболѣе нуждающагося въ земской помощи населенія — близкаго сердцу Нашему крестьянства.

Обращая взоръ Нашъ на пройденный земствами путь, Мы съ чувствомъ отраднаго удовлетворенія признаемъ плодотворные результаты совмѣстной работы всѣхъ сословій въ области мѣстнаго хозяйства: дружными усиліями земскихъ людей населенію даны мощныя средства духовнаго развитія, тѣлеснаго оздоровленія и общаго улучшенія быта.

Успѣхи прошлаго — залогъ преуспѣянія въ будущемъ.

Оздоровленная, просвѣщенная и богатѣющая Россія да явитъ собою, подъ сѣнью Божьяго благословенія, живой памятникъ державнымъ предначертаніямъ Вѣнценосныхъ Устроителей земскихъ учрежденій.

Благодарною мыслію Нашею да будутъ почтены труды и достойныхъ сподвижниковъ ихъ и прочихъ дѣятелей на земской нивѣ, отошедшихъ уже въ вѣчность. Всѣмъ же потрудившимся и нынѣ трудящимся земскимъ людямъ и правительственнымъ чинамъ, воплотившимъ и сліявшимъ въ своихъ дѣйствіяхъ служеніе интересамъ мѣстнаго хозяйственнаго строительства съ преданностью великимъ завѣтамъ общаго Государева дѣла, выражаемъ Мы, въ настоящій знаменательный день пятидесятилѣтія со времени обнародованія перваго узаконенія о земскихъ учрежденіяхъ, Наше Монаршее благоволеніе.

Въ память празднуемаго событія повелѣли Мы выбить медаль и учредили нагрудный знакъ для ношенія по особому о немъ положенію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ,
8 января 1914 г.

Учащая Россія.

I-й Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію.

(Съ 2 группами на стр. 59).

На Рождествѣ въ Петербургѣ состоялось два учительскихъ съѣзда. Эти съѣзды объединили учащую Россію — ту Россію, которая по глухимъ закоулкамъ нашей родины сѣетъ въ сердца народа „разумное, доброе, вѣчное“. Въ нашу столицу на рождественскіе праздники собралось около 7.000 народныхъ учителей, буквально со всей Россіи. Они собрались для того, чтобы потолковать о нуждахъ и вопросахъ народнаго обученія и о своемъ положеніи. Еще ни разу Петербургъ не видалъ такого многолюднаго съѣзда, и еще ни разу вообще не было у насъ съѣздовъ народныхъ учителей. Правда, одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго, но участіе въ немъ принимали лишь представители учительскихъ обществъ взаимопомощи, а не учителя сами по себѣ, какъ таковые. И съѣздъ этотъ носилъ ограниченный характеръ и имѣлъ узкую программу. Общій же съѣздъ по народному образованію, включающій въ себѣ широкую программу съ цѣлымъ рядомъ общеобразовательныхъ вопросовъ, состоялся теперь въ первый разъ за все полувѣковое существованіе реформированной въ 60-хъ годахъ народной школы.

Этотъ съѣздъ носилъ офиціальное названіе „Перваго Всероссійскаго Съѣзда по народному образованію“. И какъ бы въ дополненіе къ нему, почти одновременно съ нимъ открылся въ Петербургѣ и „Второй Всероссійскій имени К. Д. Ушинскаго Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ вспомоществованія“. Общіе по профессіональному положенію своихъ членовъ (а отчасти и по программѣ), эти Съѣзды назывались для краткости „большой“ и „малый“, и хотя общее вниманіе естественно тяготѣло къ „большому“ Съѣзду, немалое значеніе имѣлъ и Съѣздъ имени Ушинскаго, на которомъ было выдвинуто много весьма значительныхъ вопросовъ, касающихся народныхъ школъ и учителей.

„Первый Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію“ былъ созванъ по иниціативѣ С.-Петербургскаго Общества Грамотности. Еще въ 1903 году, т.-е. ровно десять лѣтъ тому назадъ, общество собиралось организовать учительскій съѣздъ, но этому помѣшала вспыхнувшая тогда русско-японская война, а затѣмъ неурожай и другія событія. И только въ минувшемъ году Общество Грамотности вернулось къ своей идеѣ, и на этотъ разъ ему удалось осуществить ее. Близкое участіе въ организаціи съѣзда принялъ сенаторъ В. Н. Мамантовъ (предсѣдатель органи-

Открытіе I-го Всероссійскаго съѣзда по народному образованію. Засѣданіе въ Народномъ Домѣ.

заціоннаго комитета), а также Я. И. Душечкинъ, В. П. Вахтеровъ и другіе извѣстные дѣятели въ области народнаго образованія.

На Съѣздъ записалось около 7.000 членовъ. Еще 22 декабря, наканунѣ офиціальнаго открытія Съѣзда, съѣхавшіеся въ Петербургъ учителя собрались въ залѣ Народнаго Дома, гдѣ была устроена товарищеская встрѣча, и былъ поставленъ спеціально для участниковъ съѣзда „Демонъ“ въ исполненіи артистовъ оперы Народнаго Дома. На другой день, 23 декабря, въ той же залѣ состоялось торжественное открытіе Съѣзда: сенаторъ В. М. Мамантовъ, въ присутствіи явившихся на торжество представителей высшей администраціи—товарищей министровъ народнаго просвѣщенія, торговли и путей сообщенія, членовъ Государственной Думы и представителей петербургскаго городского управленія—произнесъ рѣчь и открылъ Съѣздъ. Затѣмъ состоялись выборы президіума, въ составъ котораго вошли сенаторъ В. Н. Мамантовъ, Я. И. Душечкинъ, В. П. Вахтеровъ, члены Государственной Думы, извѣстный поборникъ народнаго образованія Е. П. Ковалевскій, И. С. Клюжевъ и другія лица. И „Первый Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію“ началъ свое существованіе, выслушавъ предварительно множество привѣтствій устныхъ и телеграфныхъ отъ цѣлаго ряда учрежденій и лицъ...

Съѣздъ разбился на нѣсколько секцій по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Въ теченіе десятидневнаго существованія Съѣзда (съ 23-го декабря по 3-е января) Съѣздъ выполнилъ колоссальную работу: на секціонныхъ и общихъ засѣданіяхъ было разсмотрѣно множество вопросовъ, заслушано множество докладовъ и составленъ цѣлый циклъ весьма содержательныхъ и значительныхъ резолюцій. Можно сказать, что Съѣздъ впервые ярко и систематически освѣтилъ все бытіе русской народной школы, показалъ, какъ живется народному учителю, чѣмъ онъ силенъ и слабъ, и чего ему не хватаетъ въ жизни и дѣятельности. И едва ли не впервые были сообща установлены и формулированы пожеланія касательно видоизмѣненія программъ и методовъ преподаванія въ народныхъ школахъ.

Было бы затруднительно перечислить всѣ доклады, состоявшіеся на Съѣздѣ,—но уже изъ краткаго и случайнаго перечня нѣкоторыхъ докладовъ можно видѣть, какъ много педагогическихъ и школьно-общественныхъ вопросовъ было разсмотрѣно на Съѣздѣ, и какъ разнообразны были темы докладовъ.

Среди общихъ образовательныхъ вопросовъ прежде всего Съѣздъ трактовалъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, объ условіяхъ, при наличности которыхъ возможно осуществленіе обязательнаго обученія, о принятомъ планѣ этого обученія. Много вниманія Съѣздъ посвятилъ затѣмъ вопросу о типѣ и характерѣ начальной народной школы, признавъ желательной единую по типу школу для всей Россіи, согласованную съ школой среднеобразовательной. Притомъ Съѣздъ призналъ желательнымъ приспособленіе школьной программы къ мѣстнымъ условіямъ даннаго края и увеличеніе въ программѣ знаній по естествовѣдѣнію и исторіи. Много говорилось также объ организаціи школы, о продолжительности обученія, о мѣстныхъ окраинныхъ школахъ, о желательности родного (материнскаго) языка въ этихъ школахъ, вслѣдствіе чего, по мнѣнію одного изъ докладчиковъ, инородцамъ легче будетъ изучать русскій государственный языкъ. Много преній вызвалъ на Съѣздѣ вопросъ о профессіональномъ образованіи. Большинствомъ мнѣній Съѣздъ пришелъ къ тому выводу, что въ народной школѣ не слѣдуетъ ставить на первое мѣсто узко-утилитарное профессіональное образованіе, но желательно включить его въ общую систему образованія лишь какъ необходимый элементъ трудового начала въ жизни. Много оживленія Съѣздъ внесъ и въ обсужденіе вопроса о свободномъ воспитаніи и школьной дисциплинѣ. Раздавались голоса за полную свободу проявленія личности ученика и за нестѣсненіе ея никакими дисциплинарными воздѣйствіями. Но Съѣздъ установилъ неизбѣжность и желательность школьной дисциплины при томъ лишь условіи, чтобы дисциплина не создавала ущерба для развитія свободной и самостоятельной личности учащагося, и чтобы требованія дисциплины органически закладывались въ самой душѣ ученика, основываясь на нравственныхъ началахъ, а не на грубо физическомъ воздѣйствіи.

Изъ вопросовъ болѣе частнаго характера, поднимавшихся на Съѣздѣ, упомянемъ слѣдующіе: объ экзаменахъ, о школьныхъ библіотекахъ, о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ, о нормѣ учениковъ въ классѣ, о выборѣ учебниковъ и пособій, о дошкольномъ образованіи и дѣтскихъ садахъ, объ образовательныхъ экскурсіяхъ, о дѣтскомъ театрѣ и кинематографѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о вопросѣ о реформѣ правописанія (объ исключеніи „лишнихъ“ буквъ—ѣ, і, ѳ). Съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ Академіей Наукъ о скорѣйшемъ искорененіи „вредныхъ буквъ“ и даже выразилъ пожеланіе, чтобы труды Съѣзда были отпечатаны безъ твердаго знака. Можно понять это страстное отношеніе къ данному вопросу, если знать, съ какимъ трудомъ дается школьникамъ усвоеніе правописанія при нынѣшнихъ методахъ преподаванія родного языка. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при иныхъ методахъ усвоеніе „яти“ не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ трудностей и пройдетъ почти незамѣтнымъ въ общемъ курсѣ ученія. И въ этомъ отношеніи Съѣздъ, по нашему мнѣнію, сталъ на нѣсколько неправильную точку зрѣнія.

Много интереснаго и поучительнаго внесли работы врачебно-гигіэнической секціи Съѣзда. Въ этой секціи разсматривались вопросы о школьномъ спортѣ, о физическомъ воспитаніи, о гигіэническомъ устройствѣ школы. Выяснилось отрицательное отношеніе къ состязательному спорту въ школѣ, и рекомендовались свободныя подвижныя игры безъ тѣни азарта.

Много говорилось на Съѣздѣ и объ учителяхъ, объ ихъ правовомъ, профессіональномъ и матеріальномъ положеніи. Говорилось

Члены I-го Всероссійскаго Съѣзда по народному образованію у Казанскаго собора, послѣ молебствія.

о подготовкѣ учителей къ ихъ дѣятельности, объ учительскихъ семинаріяхъ, образовательныхъ курсахъ. Выяснилось печальное матеріальное положеніе огромнаго большинства народныхъ учителей, ихъ необезпеченность. Высказано было пожеланіе объ увеличеніи жалованья учителей до 600 рублей одинокимъ (минимумъ) съ прибавкой по 60 рублей на каждаго члена семьи у женатыхъ.

Немалый интересъ возбудилъ докладъ о школьной борьбѣ съ алкоголизмомъ, о той роли, которую можетъ и долженъ играть народный учитель въ борьбѣ съ этимъ нашимъ общегосударственнымъ бѣдствіемъ. Просвѣтительная и воспитывающая роль школы была признана въ данномъ дѣлѣ чрезвычайно важной.

Изъ перечня всѣхъ этихъ затронутыхъ Съѣздомъ вопросовъ видно, какъ много поработалъ Съѣздъ за сравнительно короткій срокъ своего существованія. Учителя, съѣхавшіеся въ столицу изъ глухихъ угловъ нашей необъятной родины, получили возможность сообща разобраться въ волнующихъ ихъ общихъ профессіональныхъ вопросахъ и обмѣняться накопленными мнѣніями и выводами. Этотъ обмѣнъ мнѣній, эта совмѣстная разработка общаго дѣла была для нихъ настоящимъ праздникомъ. И мы прибавимъ, что это былъ вообще праздникъ русскаго образованія, такъ удачно совпавшій съ извѣстнымъ праздникомъ дѣтей—Рождествомъ.

Учителя имѣли возможность осмотрѣть достопримѣчательности столицы, побывать въ Императорскихъ театрахъ (спеціально для нихъ были даны въ казенныхъ театрахъ спектакли), послушать нашихъ выдающихся пѣвцовъ и артистовъ. Самъ знаменитый Шаляпинъ пожелалъ выступить передъ народными учителями и далъ имъ 30 декабря спеціальный концертъ въ Народномъ Домѣ.

Съѣздъ закрылся 3 января. Въ послѣднемъ общемъ торжественномъ засѣданіи Съѣзда его руководитель, сенаторъ В. Н. Мамантовъ, огласилъ полученную Съѣздомъ Высочайшую телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Передайте труженикамъ народной школы Мою благодарность за ихъ чувства преданности и Мое пожеланіе имъ успѣха въ насажденіи и привитіи дѣтямъ началъ христіанской нравственности, безграничной любви къ Россіи и преданности Престолу.

Николай".

Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на посланную Съѣздомъ (отъ имени организаціоннаго комитета) всеподданнѣйшую телеграмму.

Затѣмъ В. Н. Мамантовъ огласилъ большинство принятыхъ секціями Съѣзда резолюцій.

Въ заключеніе былъ исполненъ военнымъ оркестромъ народный гимнъ, и Съѣздъ былъ послѣ того объявленъ закрытымъ. Такъ кончился этотъ знаменательный праздникъ русскаго народнаго учителя, впервые получившаго возможность громко, на всю Россію высказать свои мнѣнія, пожеланія и выводы...

(Окончаніе будетъ).

В. И. Ясевичъ-Бородаевская, извѣстная изслѣдовательница по старообрядчеству и сектантству. Первая русская женщина, трудъ которой „Борьба за вѣру", — удостоенъ Императорской Академіей Наукъ большой преміи имени М. Н. Ахматова.

Къ рисункамъ.

Рисунки настоящаго номера „Нивы" посвящены главнымъ образомъ послѣдней выставкѣ парижскаго „Салона". Въ этихъ картинахъ чувствуется большая художественная культурность, являющаяся результатомъ школы, традиціи которой исходятъ еще отъ великихъ мастеровъ Возрожденія.

Образчикомъ такого здороваго и высоко-культурнаго искусства является прелестный жанръ г-жи Демонъ-Бретонъ—„*France*". Бывалый служака-морякъ показываетъ маленькому сынишкѣ свою загрубѣлую руку, на которой вытравлено завѣтное слово „France". Талантливая художница такъ и назвала свою картину. Передъ нами прекрасная Франція, умѣющая сочетать съ служеніемъ родинѣ и любовь къ семейному очагу и живую общительность,—такую же свѣтлую и мощную, какъ омывающій Францію океанъ.

Такъ же много свѣта и здоровья въ картинѣ П. Дюпюи „*Пляжъ въ Біаррицѣ*". Живымъ весельемъ дышитъ и „*Хота*" Ж. Диффра—сценка изъ испанской жизни съ неизбѣжными гитарами и кастаньетами. Легкій налетъ грусти чувствуется въ изящной и трогательной сценкѣ Ж. Жоффруа „*Въ госпиталѣ*", но и въ ней много свѣта и своеобразной граціи, какъ и въ картинѣ П. Даньянъ-Буврэ „*У святой воды*".

Въ область историческаго жанра насъ переносятъ картины Э. Бутиньи „*Пираты*", М. Бутэ де-Монвель „*Шествіе Жанны д'Аркъ передъ освобожденіемъ Орлеана*" и Р. Деваррё „*Дампьеръ во главѣ парижанъ, въ бою при Жемаппѣ*, 1792 г." (На стр. 47 подъ снимкомъ съ картины ошибочно напечатано: Жеманнѣ). Э. Бутиньи изображаетъ жуткую сцену грабежа и насилій, чинимыхъ пиратами на Средиземномъ морѣ до покоренія Алжира. Въ картинѣ М. Бутэ де-Монвель мы видимъ торжественную процессію французской національной героини, шествовавшей на борьбу съ англичанами, какъ на религіозный подвигъ... Наконецъ картина Р. Деваррё изображаетъ эпизодъ изъ войны 1792 года, которую французы-республиканцы вели съ ополчившейся на нихъ коалиціей сосѣднихъ монархическихъ державъ. Въ этой національной борьбѣ отличились Дюмурье и его ближайшій помощникъ, генералъ Дампьеръ, предводительствовавшій отрядомъ парижской милиціи. Подъ его начальствомъ парижане храбро дрались въ битвѣ при Жемаппѣ. Дампьеръ позднѣе погибъ въ одномъ изъ сраженій съ австрійками (при Валансьенѣ) и былъ торжественно похороненъ въ Парижѣ, какъ національный герой.

Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа обогатилась новымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: у извѣстнаго архитектора Л. Н. Бенуа куплена картина знаменитаго художника—Леонардо-да-Винчи: „Мадонна". Судьба этой картины весьма замѣчательна. Она была случайно пріобрѣтена сто лѣтъ тому назадъ прадѣдомъ супруги г. Бенуа, г. Сапожниковымъ... въ Астрахани. Какъ попало въ этотъ городъ произведеніе великаго итальянскаго мастера —неизвѣстно! Что картина — подлинное созданіе великаго художника, установлено многочисленными западно-европейскими экспертами-знатоками Винчи, которые спеціально пріѣзжали въ Россію ради „Мадонны".

За драгоцѣнную картину западные музеи предлагали Л. Н. Бенуа 500.000 фр., но г. Бенуа предпочелъ продать ее нашему Эрмитажу.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. І.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.**

МОЛОДОСТЬ
дастъ нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается отъ употребленія
Мыла „Конекъ"
Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ
Требуйте только красн. упаковку. За кусокъ 50 к. въ продажѣ вездѣ
Главный складъ для Россійской имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА
ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА.
БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ
2178 8-7

2207

Чтобы
Избѣжать или излечиться
отъ
болѣзней горла, простуды, бронхитовъ, гриппа, инфлуэнцы, астмы, катарровъ, пнеймоній, и т. п.
надо употреблять
Pastilles VALDA
(Лепешки Вальда)
Антисептическое средство
съ несравненнымъ дѣйствіемъ
НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ
Pastilles „Valda"
(Лепешки Вальда)
въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ
VALDA
Цѣна 1 рубль

НАРТАВОСТЬ.

ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва, ул. Вороніцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. Условія безплатно. РУКОВОДСТВО къ самолѣченію— 5 руб. съ пересылкой.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

2210 12-1

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT, Ph^ien, 38, rue Clignancourt, Paris.** Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается вовсѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

Это испытанное, благотворнодѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна 1 руб. 75 коп. *Продажа въ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ магазин.* ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ пров. З. ЮРГЕНСЪ. *Волхонка, МОСКВА.*

2211 6-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ САМООБУЧЕНІЯ и САМООБРАЗОВАНІЯ „ШКОЛА ДЛЯ ВСѢХЪ"

Журналъ даетъ познанія въ объемѣ средней школы и готовитъ къ различнымъ экзаменамъ, какъ-то: на аттест. зрѣлости, на аптекар. учен., на классн. чинъ, на учит. зван. и пр. и пр. Въ журналѣ, какъ ученые редакторы, принимаютъ участіе: проф. С. А. Венгеровъ, Николай Ал. Морозовъ, проф. В. Н. Сперанскій, проф. Л. А. Чугаевъ, Лекторъ Импер. Алекс. Лицея Р. А. Теттенборнъ, прив.-доц. Н. С. Державинъ, заслуж. орд. проф. П. И. Броуновъ и пр. и пр. (Подробн. списокъ будетъ объявленъ при первомъ №).

Подписная цѣна 12 руб. въ годъ (52 №№ журнала и 26 книгъ приложеній).

Допускается разсрочка въ 4 срока.

Первый № выйдетъ 1 февраля.

Деньги и запросы адресовать: Петербургъ, Рижскій пр., 14 — 3, Конторѣ журнала „Школа для всѣхъ". 2164 3-3

Подробные проспекты высылаются безплатно.

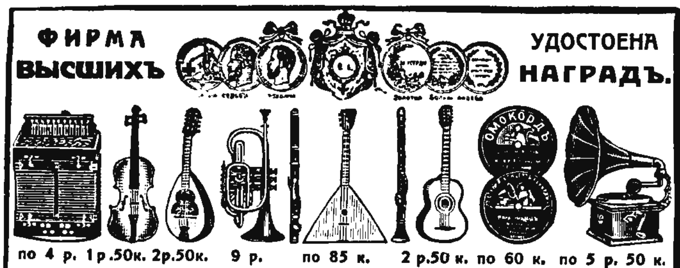
ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ!

2163 13-3

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 руб. 60 коп. наложен. плат. съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

КУРСЫ

общед. ЗАОЧНЫЕ ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.



по 4 р. 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. 9 р. по 85 к. 2 р. 50 к. по 60 к. по 5 р. 50 к.

ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБургъ. И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ Садовая 29.

ОТДѢЛЕНІЯ: 1) Невскій, Гостин. дворъ 15. 2) Садовая 35. 3) Невскій 57.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

2218

Духи „КЛИТІЯ".

1617 Выдающееся произведеніе современной парфюмеріи. 10-6

УМЕНЬШЕНІЕ ВѢСА БЕЗЪ МЕДИКАМЕНТОВЪ,

без паровыхъ ваннъ, безъ втираній, безъ вредныхъ упражненій, безъ діэты-голодовки. Двойной подбородокъ, большой животъ и бока устраняются быстро и навсегда.

Это простое, безопасное домашнее лѣченіе является для всякаго, безъ различія возраста и пола, превосходно примѣнимымъ. Это единственный методъ, который, способствуя улучшенію общаго самочувствія, одновременно улучшаетъ здоровье и устраняетъ жиръ. Мое лѣченіе признано медиками и считается стоящимъ на высотѣ совершенства тысячами нѣкогда полныхъ людей, помолодѣвшихъ годами, въ наружности и самочувствіи, послѣ его примѣненія. Если Вы въ большей или меньшей степени обладаете жиромъ и, вслѣдствіе примѣненія безполезныхъ и опасныхъ медикаментовъ, потеряли всякую вѣру въ излѣченіе, то потребуйте обратной почтой мою прекрасно иллюстрированную и интересно написанную книгу: „Уменьшеніе вѣса безъ медикаментовъ" и Вы научитесь какъ у себя дома быстро, вѣрно и секретно понизить свой вѣсъ.

Вы тогда пріобрѣтете дѣйствительную радость въ жизни, которая понятна только стройнымъ, бывшимъ нѣкогда полными. Я высылаю эту драгоцѣнную, обучающую книгу совершенно безплатно всѣмъ полнымъ лицамъ по первому требованію. Пишите еще сегодня и приложите 20 коп. почтовыми марками на обратные расходы—и Вы убѣдитесь. (Письма въ Англію оплачиваются 10 коп.) Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать. 2217

Марьорія Гамильтонъ (Отдѣлъ R. 24. 125 Хай Голборнъ, В. С. Лондонъ, Англія. | Marjorie Hamilton, Departement R. 24. 125 High Holborn, London, W. C. England.

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у: Р. Бекаинъ. Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

1671 Тысячи благодарностей. 6-3

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. Цѣна 60 коп. (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (14)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

МОЯ МЕЧТА— МЫЛО и ПУДРА „КАЗИМИ"

ГИГІЕНА ЛИЦА

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

2171 5-2

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать подпись: L. Midy

На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

2118 13-4

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ

БЫСТРОЕ и ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ

(безъ кубебы—безъ спринцованій)

свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій

на каждой капсюлѣ MIDY *находится имя МИДИ*

СКЛАДЪ *Главныхъ Аптекахъ Россіи.*

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

ЗАОЧН. КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ ВѢДѢНІЯ МИНИСТ. НАРОДН. ПРОСВѢЩЕНІЯ Москва, Тверская 58 отд. 15. УСЛОВ. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

НУЖНЫ ДѢЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
для распространенія заграничнаго предмета, необходимаго каждой конторѣ, канцеляріи, банкамъ, учрежденіямъ и пр. Предложенія адресовать: Кіевъ, Почтовый ящ. № 311. 2148 4-2

ЛѢПНЫЯ БУМАЖНЫЯ
архитектурн. украшенія. На междунар. строит. выстав. получ. серебр. медаль 1908 г. Всѣ стили: для отдѣл. домовъ, дачъ, церквей, торгов. помѣщ., парадн. лѣстн. и т. п., какъ-то: розеты, углы, карнизы, фризы, тяги, баг., цѣлые потолки: панели, рамки и всевозм. украш. для стѣнъ. Деш., красивы и практичн., легки для перевоз. и при постан. Рекоменд. **фабрика издѣлій изъ бумаги А. Г. Ильина, СПБ., Литовскій рын., № 6, соб. д. Лит. В.** Иллюстр. пр.-кур. выс. по получ. 75 к. марк.

НОВАЯ АРИѲМЕТИКА
для гимн. и самообр. 4-е изд. 70 к. Нал. плат. 95 к. Легка, полна, точна. Масса новостей: 20 метод. рѣш. зад. и пр. **Краткая ариѳметика** для школъ и самообр. 30 к. Нал. плат. 50 к. Обѣ нал. плат. 1 р. 30 к. Особо полезны неуспѣшн. и учит. Отзывы и списокъ 60 матем. пособій при книгахъ. Треб. у Сытина, Думнова, вездѣ и у авт.: **г. Владиміръ, Студеная, А. П. ВИНОГРАДОВУ.** 2220

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ
Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ", въ 2-хъ частяхъ, съ прибавленіемъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ" высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на почтовые и другіе расходы (заказнымъ 28 коп.; налож. плат. НЕ высылается)
СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА
С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.
Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ многогроднимъ письменные совѣты. Плата 50 к.
Народный лѣчебникъ Дерикера. 4-е изд. Цѣна 1 р.
БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

БЫСТРЫЙ ПОДЪЕМЪ СИЛЪ и ДУХА потому освѣженіе всего организма
УСПОКОЕНІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ
ВОЗБУЖДЕНІЕ АППЕТИТА, УЛУЧШЕНІЕ ПИЩЕВАРЕНІЯ
ВСЕ ЭТО ДАЕТЪ **ГЕМАТОГЕНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ**
ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАР. МАГАЗИНАХЪ; ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-ра ГОММЕЛЯ
ЛИТЕРАТУРА и БРОШЮРЫ съ ОТЗЫВАМИ ВРАЧЕЙ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Заводъ ГЕМАТОГЕНА Д-ра ГОММЕЛЯ, СПБ. Смоленская, 33. 2208 18-1

Отрѣзъ черной или черно-сѣрой матеріи въ $4^{1}/_{4}$ арш. для полн. элегант. прочн. муж. кост. выс. нал. плат. за 4 руб. **ТРИКО АНГЛЕ** (14) 1045 Адр.: **Лодзь, Н. Т./д. Льва РУБАШКИНА.**

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ
въ 8 ур. **и дв. ит. бухгалтеріи** обучаю каждаго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. за 4—7 к. м. **Одесса,** Ришельевская, д. Н. № 12. Проф. каллигр. **Ш. Круку.**

НОВОСТИ
Ювелирнаго Искусства у фирмы „Драгоцѣнные Камни"
А. Н. НАСОНОВЪ и ДОЧЬ
въ Екатеринбургѣ.
Иллюстрированный пр.-кур. выс. безплатно. 2233

Зоологическій магазинъ А. БЛАНКЪ, преемница 4-1 2224

В. А. КРЕЙЗМАНЪ,
Москва, уг. Воздвиженки, прот. церкви Бориса и Глѣба, д. 24. Тел. 158-94. **Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.** Вышелъ новый иллюстрированный **прейсъ-курантъ,** который высылается по требованію безплатно.

ФОТОграфич. снимки, **настоящ. парижскіе, 20 шт.** высылается по полученіи 3 руб.—въ заказномъ письмѣ. **В. Beyer, Berlin 02. Lothringerstr. № 99.** 2197

?? PARIS ??
ФОТОграфическ. снимк. **15 новыхъ серій весьма интересн.** высылаемъ вм. 10 руб. по получен. только **2 р. 25 к.** почтов. марками. Каталогъ при заказѣ безплатно, отдѣльно 50 коп. Адр.: **Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A. № 29.** 5-1 2231

ГЕМОРРОЙ
хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост. безвредн. дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высылаю немедл. за 1 р. 25 к., можно марк. или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9-3. Марія Чурбанова. 3-1 2235

75 рублей еженедѣльно легко зарабатываются.
Здѣсь представляется Вамъ случай! Собирайте громадныя деньги, ожидающія Васъ. Будьте фотографомъ помощью аппарата для открытыхъ писемъ **„пушка-діамантъ".** **Случай, представляющійся Вамъ въ жизни, путешествовать** и видѣть свѣтъ; не требуется никакихъ познаній. Обезпеченная должность, покрывающая всѣ Ваши путевые расходы и дающая Вамъ на каждый гривенникъ 8 коп. чистой прибыли. **Аппаратъ для открытыхъ писемъ „пушка-діамантъ"** величайшее американское изобрѣтеніе нынѣшняго вѣка. Даетъ изображенія 5-ти различныхъ величинъ. Пленки, пластинки, темныя комнаты не требуются. Все образуется въ пушкѣ. Каталоги на русскомъ языкѣ и образцы БЕЗПЛАТНО. Пишите намъ еще сегодня. Отрѣжьте нижеслѣдующій адресъ и наклейте таковой на Вашъ конвертъ.
International Metal & Ferro Co.
2153 Desk F. Chicago. Amerika. 2-2

ФОТогр. снимки парижскихъ красавицъ, новые каталоги съ выборомъ до 200 разн. серій, высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 коп. марки за пер. Адр.: **М. ЛИПМАНОВИЧЪ, Лодзь,—5.** 2053 ящ. 526 (сокр. адр.). 10-4

ОБШИРНАЯ МАСТЕРСКАЯ лучшихъ гармоній. 2220 2-1
2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-ти рядныхъ, Вѣнскія отъ 5 до 75 руб. **Петербургскія** отъ 9 до 75 р. **Хроматическія** отъ 75 до 300 руб. **П. Е. Стерлиговъ.** С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 57—И. Пр.-курантъ безплатно.

КТО ХОЧЕТЪ? КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ: въ самое короткое время, безъ помощи учителя, заочно подготовиться **на аттестатъ зрѣлости,** полный курсъ реальнаго училища, кадетскаго корпуса, **на званія:** учителя, учительницы, чинъ 14 кл., вольноопред. 1 разр., священника, нотаріуса, частнаго повѣреннаго и проч. или въ учебное заведеніе высшее или среднее. Требуйте **безплатно** условія и программу. Адр.: **Москва, Шаболовка, 1-й Михайловскій пр., собств. домъ № 1, редакціи журнала „Самообразованіе".** 2225

ВЫПИСЫВАЙТЕ
УДОБРЕНІЕ ЗЕМЛИ
изъ паровового фосфоритн. завода **М. ВАСИЛЬЕВА,** 2199 5-2
ст. Сѣщинская, Риго-Орловск. жел. дороги.
Прейсъ-куранты высылаются БЕЗПЛАТНО.
Удобреніе одной десятины съ провозомъ до 1000 верстъ стоитъ 10 рублей. Повышается урожай ежегодно до 80 пудовъ съ десятины и дѣйствуетъ на 3 года. Въ особенности сильно повышаетъ урожаи на торфянист., припадлевыхъ, черноземныхъ, глинистыхъ и др. почвахъ.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
—С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ—
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. 2213 16-1

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспарант и тетрадоперж. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. **1р. 50 к.** **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористый шрифтъ **Цѣна** съ перес. **1 р. 50 к.** **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.** **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и контороп. и вычисленія на счетахъ на всѣ **4 дѣйств.** ариѳм. **Ц. 40 к.** съ пер. **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.
Адр. Книгоизд. **«КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»— С.-Петербургъ. Невскій. 92— 3.**

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ СѢДЫХЪ !!!
только помада **ФОТО-ХРОМЪ** ПОСТАВЩИКА АНГЛІЙСКАГО ДВОРА *Парижъ* **Е. РИММЕЛЬ** *Лондонъ*
ВОЗВРАЩАЕТЪ сѣдѣющимъ и уже посѣдѣвшимъ волосамъ ихъ утерянный натуральный цвѣтъ. Многочисленные анализы компетентныхъ врачей и химиковъ установили **АБСОЛЮТНУЮ БЕЗВРЕДНОСТЬ ФОТО-ХРОМА.** Успѣхъ достигается послѣ трехдневнаго употребленія. Не смѣшивайте помаду **ФОТО-ХРОМЪ** съ безусловно вредными различнаго вида красками для волосъ. Цѣна флакона **ФОТО-ХРОМА** 5 рублей. Высылается наложен. платежомъ. 4-4 1983
Центральн. складъ для всей Россіи: Москва, Петровскія линіи, 9—3.
Въ С.-Петербургѣ продается: у В. Бюлеръ, Т/Д. Б. Шаскольскій, Русск. О-ва торг. аптек. товар., Англійскомъ магазинѣ, Гр. Пузинъ, М. Ф. Ушаковой, Г. И. Кошкинъ и друг. аптек. и парфюм. маг., также въ лучшихъ парикмахерскихъ.

КРУПНѢЙШЕЕ
въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.
Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественного ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7. С.-Петербургъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1531 8)
Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Духи „НІАМА" новость сезона.

1016 10-5

ОЖИРѢНІЕ И ЕГО ЛѢЧЕНІЕ.

Характерной чертой ожирѣнія является черезмѣрное нагроможденіе жира въ тканяхъ, который мѣшаетъ исправному функціонированію органовъ, является источникомъ тягостныхъ ощущеній для больного и постоянно грозитъ цѣлости здоровья.

Наблюденіе показываетъ, что женщины чаще заболѣваютъ ожирѣніемъ, чѣмъ мужчины, вслѣдствіе большей наклонности женскаго пола къ этому страданію, зависящей отъ спеціальной особенности ихъ организма.

Съ другой стороны ожирѣніе не представляетъ рѣдкости и среди дѣтей, у которыхъ оно иногда достигаетъ значительнаго развитія.

Лѣченіе ожирѣнія дало поводъ опыту создать цѣлую массу способовъ лѣченія этого страданія, по большей части лишенныхъ научнаго основанія и потому совершенно непригодныхъ, которые сдѣлались богатымъ источникомъ, откуда щедрой рукой черпало шарлатанство всякаго рода. Въ виду этого при выборѣ средства въ данномъ случаѣ необходимо быть крайне осторожнымъ.

Необыкновенно важнымъ является требованіе, чтобы лѣченіе ожирѣнія было ведено постепенно и осторожно: потеря 5 до 7 фунтовъ въ мѣсяцъ, наблюдаемая въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, должна вполнѣ удовлетворить больного. Такая постепенная потеря вѣса является болѣе прочной, чѣмъ быстрое его паденіе. Поэтому-то послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія необходимо прекратить его на 12 дней и только послѣ окончанія этого перерыва приступить къ лѣченію вновь.

Среди многихъ средствъ, примѣняемыхъ противъ ожирѣнія, особенно достойнымъ вниманія является вполнѣ безопасное для человѣческаго организма и дѣйствующее вѣрно, которое въ теченіе своего шестилѣтняго примѣненія позволило убѣдиться прописывающимъ его врачамъ въ его полной цѣлесообразности: **Іодиринъ Д-ра Дэшана (Iodhirin du D-r Deschamp)** является тѣмъ именно средствомъ, о которомъ мы въ данномъ случаѣ упоминаемъ.

Результатъ 3-мѣсячнаго лѣченія Іодириномъ Д-ра Дэшана.

Іодиринъ увеличиваетъ количество выдѣляющейся желчи, усиливаетъ обмѣнъ веществъ и на самомъ дѣлѣ возрождаетъ организмъ, сообщая ему вновь потерянную энергію и живость движеній, представляющихъ теперь рѣзкую противоположность съ прежней сонливостью и тяжестью движеній. Больной начинаетъ чувствовать себя болѣе сильнымъ, обладаетъ большей энергіей и дѣлается способнѣе къ болѣе значительному и продолжительному напряженію силъ; походка его становится болѣе живой, больной менѣе потѣетъ, перестаетъ быть сонливымъ, лучше переваривает пищу, благодаря чему спитъ превосходно.

Основываясь на шестилѣтнемъ опытѣ самыхъ выдающихся врачей міра, мы имѣемъ полное право увѣрить, что примѣненіе Іодирина противъ ожирѣнія представляетъ единственно раціональный способъ лѣченія этого страданія, способъ, вполнѣ безопасный для организма больного и основанный на данныхъ науки.

Тысячи благодарственныхъ писемъ, постоянно получаемыхъ Д-ромъ Дэшаномъ, составляютъ настоящую „Золотую книгу Іодирина“. Упомянутыя письма тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они присылаются по собственной иниціативѣ больныхъ, вслѣдствіе чего могутъ быть объявляемы только съ разрѣшенія автора.

Іодиринъ Д-ра Дэшана не только является специфическимъ средствомъ противъ ожирѣнія, но и противодѣйствующимъ развитію этого страданія у артритиковъ, подагриковъ, у страдающихъ ревматизмомъ, малокровіемъ, у женщинъ, приближающихся къ періоду менопаузы (прекращенія регулъ) и т. п., словомъ, у всѣхъ, которымъ въ скоромъ времени угрожаетъ ожирѣніе. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ не слѣдуетъ слишкомъ опаздывать лѣченіемъ, такъ какъ такое опаздываніе влечетъ за собой нѣкоторыя неудобства и нерѣдко становится опаснымъ для организма.

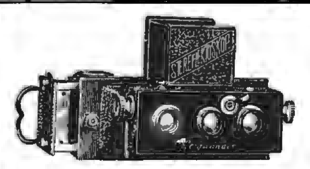
Emile Gautier,
докладчикъ по научной части парижскаго журнала „Le Journal“.

Іодиринъ Д-ра Дэшана находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по цѣнѣ **4 р. 25 к.** за коробку, вмѣщающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При коробкѣ приложено подробное описаніе со способомъ употребленія на русскомъ языкѣ. 2241 5-1

Генеральное представительство на Россію:
Торгов. Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко, Варшава, Журавья, 40.

Весьма выгодное предложеніе получить отъ насъ безплатно всякій, сообщившій намъ свой адресъ. Пишите М. С. Матусовскому, Кіевъ, Александровская, № 34.

2297 4-1



ФОХТЛЕНДЕРА

СТЕРЕФЛЕКТОСКОПЪ

45 × 107.

Самая маленькая Стереоскопическая Зеркальная Камера со складывающимся козырькомъ.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ.

Новый каталогъ № 114 вышелъ изъ печати. 10-1 2238

ФОХТЛЕНДЕРЪ и СЫНЪ
Акц. О-во,
Брауншвейгъ (Германія).

Вскорѣ выйдетъ справочн. книга Помощн. Прис. Повѣр. **Л. И. Ландисъ-Ланда: „Отсрочки по отбыванію воинской повинности“** (Кто имѣетъ право на отсрочку и какъ ее получить). Цѣна 1 р. (съ перес.). Адресъ (1) автора: СПБ., Можайская, 39. 2236

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ**. Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2159 5-2

Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: **„Успѣхъ въ любви“** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974, **Г. Давыдову.** 2239

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.
Каменскій, А. Разсказы. Въ 3-хъ томахъ. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Новая 13 книга сборника **„ФІОРДЫ“**

„БЕЗЪ КОРНЕЙ“

Содержаніе: **Каренъ Брамсонъ. „Дѣло доктора Мореля“.**—**Перъ Гольстрёмъ. „Мистика случайнаго“.**—**Генри Натансонъ. „Безъ корней“.**

Цѣна сборника 1 р. 25 к., съ перес. **1 р. 50 к.**

СОЧИНЕНІЯ

М. Л. МИХАЙЛОВА.

Вышли изъ печати:

Томъ I. Стихотворенія.

Томъ II. „Въ провинціи“. Содержаніе: **Адамъ Адамычъ.** Повѣсть. — **Онъ.** Дневникъ уѣздной барышни.—**Кружевница.** Повѣсть.—**Поэтъ.** Разсказъ.—**Скромная доля.** Разсказъ.—**Сынокъ и маменька.** Разсказъ.—**Кумушки.** Сцены изъ простонароднаго быта.—**Скрипачъ.** Разсказъ.—**Изгоевъ.** Повѣсть.

Томъ III. „Перелетныя птицы“. Содержаніе: **Перелетныя птицы.** Романъ. — **Голубые глазки.** Разсказъ.—**Африканъ.** Разсказъ.

Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** въ перепл. **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 р.**

П. П. ГНѢДИЧЪ—„АССАМБЛЕЯ“.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (въ 3-мъ дѣйствіи двѣ картины).

Безусловно дозволена цензурою къ представленію.

Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 р. 15 к.

Владиміръ КЕЛЕРЪ.

„БРАСЛЕТЪ ИЗИДЫ“.

Содержаніе: **Браслетъ Изиды.** — **Братъ Генрихъ.** — **У вратъ жизни.** — **Алмазъ и кровь.** — **Какъ встрѣтила Григорія Васильевича новая жизнь.** — **Что было и прошло.** — **Пѣснь, живущая въ замкѣ.**

Красиво изданная книга, отпечатанная изящнымъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПЕПТОНАТЪ ЖЕЛѢЗА РОБЕНА

Настоящая желѣзистая соль легко присваиваемая.

ЖЕЛѢЗО РОБЕНА дѣйствуетъ успѣшно противъ **малокровія, желтухи** и всѣхъ ослабленій.

Улучшаетъ питаніе и никогда не вызываетъ запора.

Средство это никакого вкуса не имѣетъ

Флаконъ хватитъ на три недѣли до мѣсяца.

Продажа въ аптекахъ и аптекар. магазинахъ.

Требуйте фабричнаго клейма „**Левъ**" и имени фабриканта **РОБЕНЪ**. — Избѣгайте негодныхъ поддѣлокъ.

1966 4-4

Парижъ

НЕ РЕКЛАМА, А ФАКТЪ,

что рекомендуем. нами часы достойны похвалы. Читайте слѣд. **благодарность:** Я, С. Юденко, благодарю за высл. мнѣ часы. Прошу еще выслать 4 экз. съ такимъ же вѣрн. ходомъ, какъ выслали мнѣ. Адр.: Кіевъ, Лимонная. **Кому дороги свои деньги** совѣтуемъ не прельщаться заманчив. объявлен. и выпис. только непосредств. изъ **Парижа** прелестные мужск. или дамск. часы **„Декаденсъ"**, очень плоскіе, изъ металла наподобіе японск. серебра съ штампован. красив. рисунками (см. рис.) и никогда не теряютъ своего первонач. вида. Механизмъ часовъ сам. лучш. качества на камняхъ, зав. **„Ремонтуаръ"** разъ въ 40 час. съ провѣрен. до минуты ходомъ и позолочен. или посеребрен. цифербл. **Ручаемся за вѣрность хода и прочность металла на 10 лѣтъ.** Цѣна час. 4 р. 25 к., 2 час.—8 р., 4 час.—15 р. **Безплатно** прилаг. къ кажд. час.: 1) Цѣпь мужск. 2-хъ бортная или дамск. шейная настоящ. французск. нов. зол.; 2) брелокъ и 3) замшев. кошелекъ для час. Перес. съ пошлиной 50 к. (въ Сибирь—75 к.). Заказы высыл. аккуратно налож. плат. и безъ задатка. Писать можно на всѣхъ яз. по нижеслѣд. адр., котор. можно переписать. или вырѣз. и крѣпко наклеить на конв. (10 к. м.) или откр. (4 к.м.). Адр.:

Парижъ 8. B. Fichelson.	Paris. Bureau № 13.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Во избѣжаніе поддѣлки объявляемъ, что только наши часы наст. „Декаденсъ" съ надписью на циферблатѣ „Парижъ Декаденсъ".

2200 2-1

КАКЪ МОДНЫЙ ЧУЛОКЪ" НОСОКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ДЛЯ МАССОВАГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПОМОЩИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ МАШИНЫ **ВИКТОРІЯ**

Т-ва ТОМАСЪ ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°

ТРЕБУЮТСЯ немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и по **всѣхъ частяхъ имперіи** мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаній не требуется. Пріемка работы гарантируется контрактомъ.

Мы предлагаемъ каждому 50—100 р въ мѣсяцъ въ теченіе круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 150 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ ВИТТИКЪ КЮНАУ и К°.

МОСКВА,	С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Красныя ворота, домъ Афремова Отд. 11.	Невскій пр., 42 44 Отд. 11.

2228 6 1

ДЕПО СѢМЯНЪ

обширные ДРЕВЕСНЫЕ ПИТОМНИКИ, массовая КУЛЬТУРА РОЗЪ. 2161 5 6

Богато иллюстрир. каталоги высылаетъ **безплатно** садоводство **В. Б. ШТАММЪ**, Одесса.

Фирма сущ. съ 1864 г.

ТЫСЯЧИ избавлены

отъ ревматизма, болей въ боку, въ поясницѣ, въ спинѣ, отъ грудныхъ болѣзней, кашля и всякаго рода простуды, благодаря вѣрнѣйшему средству противъ такихъ болѣзней — **пластырю Бензона фирмы Сибури Джонсонъ.** Упорнѣйшія страданія безусловно устраняются въ нѣсколько часовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе пористые пластыри и подобныя средства требуютъ примѣненія ихъ въ продолженіе дней и недѣль, чтобы страждущему только лишь утишить боль.

Примѣненный немедленно при первыхъ же симптомахъ пластырь Бензона съ одного раза обыкновенно совершенно излѣчиваетъ и устраняетъ то, что впослѣдствіи могло бы развиться въ серьезную болѣзнь. Кому важно сохраненіе своего здоровья, долженъ всегда имѣть въ домѣ пластырь Бензона, который **очень горячо рекомендуется болѣе 5000 врачами.** Требуйте настоятельно пластырь Бензона **фирмы „СИБУРИ и ДЖОНСОНЪ"** и остерегайтесь поддѣлокъ. — Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

1725 10-6

Пластырь БЕНЗОНА

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ

можно получить

КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время.

25-1 2209

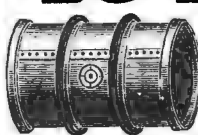
Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, Парижъ.

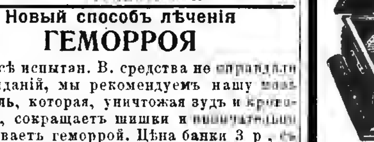
Въ С.-Петербургѣ: обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; Русск. О-во Торговли Аптек. Тов., Казанская, 12; **въ Москвѣ:** аптека Брунса, Маросейка и у К. Феррейна; **въ Кіевѣ:** Южн. Русск. О-во Торг. Аптек. Товар.; **въ Вильнѣ:** Торг. Домъ Б. Сегаллъ и К°; **въ Одессѣ и Ростовѣ н/Д:** у Ламме и К°; **въ Варшавѣ:** Людвигъ Списсъ и Сынъ; **въ Тифлисѣ:** Кавк. Фармацевт. О-во въ Тифлисѣ.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.** Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья. ('32) Прейсъ-курантъ безплатно. 37005



НОВО, ОРИГИНАЛЬНО, ИНТЕРЕСНО для фотографовъ-любителей. Подробности безплатно, Рославль, фотографическое Издательство. 1. 1946 3-4

Новый способъ лѣченія

ГЕМОРРОЯ

Если всѣ испытан. В. средства не оправдали В. ожиданій, мы рекомендуемъ нашу мазь **Ратаноль,** которая, уничтожая зудъ и кровотеченіе, сокращаетъ шишки и окончательно вылѣчиваетъ геморрой. Цѣна банки 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Складъ Ратаноль, Москва, Газетный, **За.** Н. С. Семенову. 2174 2-9

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Baume Bengué

ПОДАГРЫ-РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГИИ

Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к.

Депо во всѣхъ аптекахъ.

2143 30-3

ФОРТУНА МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

въ 10, 14, 18, 25, 40, 50, 85, 110, 120, 150 р. и дороже. Доставляютъ не только прекрасное развлеченіе, но и способствуютъ развитію музыкальнаго слуха и любви къ музыкѣ. Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 22-3

Настоящія Фортуны имѣютъ надпись: „Fortuna. Jul. Heinr. Zimmermann“.

НОВОСТИ РЫБОЛОВНАГО СПОРТА

непосредственно только-что получены **спеціальнымъ магазиномъ Н. И. ПЕРЕШИВКИНА.**

Москва, Моховая ул., д. № 15.

Спиннинговыя гарнитуры, и всѣ другія рыболовныя принадлежности лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, а также собственной мастерской. Колоссальный выборъ **неводовъ, вершей, сѣтей и наметокъ** высшаго качества.

Фирма сущ. съ 1843 г.

Цѣны внѣ конкуренціи. Продажа оптомъ и въ розницу.

Новая иллюстрированная книга **РУКОВОДСТВО КЪ УЖЕНІЮ РЫБЫ** И. Н. КОМАРОВА. Изданіе 2-е исправленное и знач. дополненное **Н. И. Перешивкина.** 22:8

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 р. 10 к. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто **кольдъ-крема**

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и **МЫЛО Кремъ Симонъ** (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и *Кремъ Симонъ* и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продаются у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

ВСЯКАЯ ДАМА

можетъ имѣть

ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку „БЕЛЛА-ФОРМА“, прилагая 14 коп. марками на почтов. расходы и мы Вамъ вышлемъ таковую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.

12-5 1872

Лучшіе профессора Европы съ блестящимъ успѣхомъ прописываютъ больнымъ, страдающимъ

МУЖСКОЙ НЕВРАСТЕНІЕЙ

(БЕЗСИЛІЕМЪ)

извѣстный французскій препаратъ

СТИМУЛОЛЪ

Д-ра ГЛЭЗА,

такъ какъ это единственное и исключительное средство, быстро возстановляющее утраченную энергію и укрѣпляющее всю нервную систему.

Дѣйствіе Стимулола тщательно провѣрено въ лучшихъ Европейскихъ санаторіяхъ и вызвало восторженные отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

Важное предостереженіе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ настоящій **Парижскій Стимулолъ Д-ра Глэза** въ аллюминіевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденія, произведенныя надъ этимъ препаратомъ, и лучшіе отзывы врачей относятся только къ настоящему **Стимулолу Д-ра Глэза.**

Главное представительство для Россіи:

Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 72/5.

При общей и мужской неврастеніи принимайте только

Стимулолъ Д-ра Глэза

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29 Изд. **Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ.,** улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 4.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Выданъ 25 января 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Э. Ростана" кн. 1.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ

В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 1483 14-9
Лейпцигъ-Голисъ.

— Проспекты высылаются безплатно. —

Зоологическій магазинъ
2224 **А. БЛАНКЪ,** преемница 4 2

В. А. КРЕЙЗМАНЪ,
Москва, уг. Воздвиженки, прот. церкви Бориса и Глѣба, д. 24. Тел. 158-94.
Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.
Вышелъ новый иллюстрированный **прейсъ-курантъ,** который высылается по требованію **безплатно.**

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ
Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. **Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе, 30.**
6-1 2242

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!
При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Все остальное безъ медаля и безъ атестата поддѣлки. 1891 17-7
БАЗАРЪ МАРОКЪ НЕВСКІЙ 20 КВ

Лекціи по бухгалтеріи
Первая лекція за 60 к. (можно марками). Провѣрка работъ. Ручательство. Аттестатъ бухгалтера. Проспекты безплатно.
Т-во „СТЕНОГРАФЪ“
2 2 СПБ., Невскій, 67. 2190

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ“ (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи.
Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к.
2253 (можно почтовыми марками). 15-1
Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая, № 16.

ГЕМОРРОЙ
хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост. безвредн. дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высылаю немедл. за 1 р. 25 к., можно марк. или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.**
Адр.: Москва, Долгоруковская ул.,
3-2 № 11, кв. 9-3. Марія Чурбанова. 2235

ДЛЯ ЗИМЫ.
Тайна красиваго цвѣта лица.
2266
Отъ одной свѣдующей.

Знаютъ ли читательницы, что хорошій цвѣтъ лица можно сохранить только „процессомъ всасыванія“. Вслѣдствіе происходящаго подъ вліяніемъ воздуха постояннаго обмѣна веществъ, отживщій и пятнистый покровъ кожи долженъ былъ бы спадать въ малѣйшихъ частичкахъ, какъ чешуйки, но безконечно меньше. Сильное увеличительное стекло можетъ показать это явленіе.

Если же жизненная сила кожи ослаблена вслѣдствіе старости или другихъ причинъ, этотъ естественный процессъ обновленія замедляется, некрасивый цвѣтъ лица остается на кожѣ и становится все некрасивѣе. Каждая женщина отъ природы обладаетъ красивымъ цвѣтомъ кожи, непосредственно подъ некрасивымъ, но она не знаетъ, какъ помочь природѣ сбросить наружный цвѣтъ лица, чтобы красивая молодая кожа, находящаяся подъ нимъ, появилась на поверхности. Лучшее средство, это просто взять въ ближайшей аптекѣ банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ и на нѣсколько ночей накладывать его, какъ Кольдъ-кремъ. Это ни въ коемъ случаѣ не непріятно и оздоровляетъ кожу. Дермозонъ, кажется, впитываетъ верхнія безжизненныя ткани, оставляя кожу чистой и прекрасной. Знаніе этого простого средства избавляетъ женщинъ, которыя боятся приближающейся старости, отъ большихъ забогъ.

То же самое можно сдѣлать и съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками, а такъ какъ этотъ способъ простъ, дешевъ и успѣшенъ, онъ пользуется большой симпатіей въ широкихъ кругахъ.

Борьба съ фальсификаціей.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя сокращено или измѣнено—передъ Вами явная поддѣлка.

Настоящій Дермозонъ Доктора Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и всего свѣта.

За справками можно обращаться въ С.-Петербургъ, почтовый ящикъ № 371.

27591

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ И СЫНОВЬЯ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.
ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)
Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 4 | г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 25 января 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана" кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ" 1914 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ", содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

В. Г. КОРОЛЕНКО | А. Н. МАЙКОВА | Э. РОСТАНА

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній" и пр.

Е. Тихменевъ. Атакуютъ. VIII Осенняя выставка картинъ.

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

(Продолженіе).

XV.

Отплывшіе отсюда такъ недавно паруса рѣяли вдали призрачными тѣнями. Откуда-то взялись на горизонтѣ облака. Можетъ-быть, они были и раньше, но ихъ не замѣтили, потому что они раньше были блѣдны, а теперь засіяли золотисто-ало и тепло. Изъ церкви пригороднаго поселка донесся протяжный и важный звонъ колокола. Нынче была суббота: звонили къ всенощной, и этотъ звонъ такъ же казался золотисто-алымъ, какъ облака.

Къ берегу, гдѣ бѣлѣлъ маякъ, тянулись на этотъ звонъ рыбачьи лодки, ныряя въ волнахъ.

Пустѣло море, и горизонтъ все приближался, тускнѣя отъ золотистой пыли, которая какъ будто осыпалась съ облаковъ.

Всѣ молчали, слушая звонъ. Въ дрожащихъ переливахъ гудящей отъ ударовъ мѣди былъ внутренній призывъ къ сосредоточенію въ себѣ, въ своихъ чувствахъ, въ отношеніи къ небу и землѣ.

Неожиданно появилась Арина Ивановна. Ея всегда спокойный голосъ раздался съ обрыва:

— Что, рыбакъ еще не пріѣзжалъ?

Эльмонтъ, знавшій всѣ рыбачьи лодки на побережьѣ, указалъ на одну изъ нихъ, которая шла не къ рыбачьему поселку, а сюда:

— Вонъ его лодка. Онъ сейчасъ будетъ.

— Ахъ, жалость какая,—сокрушалась Арина Ивановна.— Уха-то, Гриша, для тебя къ ужину не поспѣетъ. Вотъ развѣ барбульки достанутъ, можно будетъ поджарить. Славная рыбка барбулька.

Шугаевъ почувствовалъ, что съ матерью ему легче говорить, чѣмъ сейчасъ было съ ними. Онъ охотно поддержалъ ее:

— Да, барбулька—одна изъ самыхъ нѣжныхъ рыбьихъ породъ. Въ родѣ нашей сибирской форельки.—Онъ обратился къ Эльмонту и пояснилъ ему:—У меня, какъ всегда, на ужинъ рыба. Ужъ такое положеніе.

Саша капризно заворчала:

— Опять рыба! Все рыба да рыба. Я, кажется, скоро въ чайку превращусь отъ этой ѣды. Вотъ и Лидія Михайловна...

— Да ничего ты не понимаешь...—прервалъ ее Шугаевъ.— На ночь всегда надо ѣсть что-нибудь легкое, чтобы спать спокойно.

— Я и такъ сплю, какъ камень,—заявила Саша.

Арина Ивановна предложила дочери:

— Пойдемъ, Сашенька, по берегу. Вотъ другіе рыбаки вернулись.

— Идите, мамочка, одна. Мнѣ здѣсь интереснѣе.

Шугаевъ, удивленный все усиливающимся волненіемъ въ морѣ, сказалъ:

— Странная вещь, такой закатъ спокойный, такая тишина, а море все больше и больше волнуется.

— Мертвая зыбь,—опредѣлилъ Эльмонтъ.—Это поразительное явленіе.

Арина Ивановна, отъ которой къ сыну перешла манера все пояснять, добавила:

— Говорятъ, это гдѣ-нибудь далеко буря.

Она тихо повернулась и пошла по твердому, слегка хрустящему песку туда, гдѣ пестрѣли лодки и уже закурился сизый дымокъ костровъ.

Лидія Михайловна, не проронившая при Аринѣ Ивановнѣ ни слова, пересыпая руками песокъ и зарывая въ него свои пальцы, мечтательно заговорила:

— Такъ бы и зарылась въ песокъ! Такой онъ ласковый и мягкій, такъ и тянетъ въ себя... такъ и тянетъ.

Она набрала полныя горсти песку и, сыпля его, стала читать стихи Эдгара По.

„Я держу въ рукахъ своихъ
Горсть песчинокъ золотыхъ,
Какъ ихъ бѣгъ мнѣ задержать,
Какъ сильнѣе руки сжать?“

Она силилась припомнить, какъ дальше, и не могла и досадовала на себя:

— Вотъ забыла. Ужасно здѣсь теряется у меня память. И сама не знаю, почему.

Саша, смотрѣвшая на обрывъ, воскликнула:

— Смотрите, смотрите, точно огонекъ пылаетъ!

— Что?—не оборачиваясь, спросила Лидія Михайловна.

— Макъ. Солнце заходитъ и освѣщаетъ его. Лидія Михайловна, хотите я сорву его для васъ? Это такъ пойдетъ къ вашимъ чернымъ волосамъ.

Она поднялась съ песка, отряхивая платье отъ песчинокъ, и быстро поднялась наверхъ.

— Не надо. Не рвите,—остановила ее Лидія Михайловна.— Онъ сейчасъ осыплется.

Она долго смотрѣла туда, гдѣ пылалъ макъ, и отъ него шли въ ея душу теплые нѣжные лучи, будившіе забытыя воспоминанія. Она ощутила легкій трепетъ, холодокъ, отъ котораго сладко заныло сердце и томительно заструилась кровь. Еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что проснулось въ ней, она, изумленная и обрадованная, пробормотала:

— Такъ это было тамъ... тогда...

Эльмонтъ, указывая на макъ, обратился къ Лидіи Михайловнѣ:

— Вашъ porte-bonheur.

Шугаевъ, гордясь за жену, произнесъ:

— Да, эту вещь у нея считаютъ удачной.

Эльмонтъ, желая опять загладить свою небрежность въ бесѣдѣ съ нимъ, вернулся къ прежнему:

— Ты вотъ давеча, можетъ-быть, меня не понялъ, когда я тебѣ объяснялъ. Но вотъ видишь ли... Въ этой статуѣ „Макъ“— выразилась Лидія Михайловна.

Шугаевъ опять заговорилъ о своемъ:

— Да, въ Парижѣ эта работа ея имѣла успѣхъ, хотя я, собственно, не согласенъ, что въ этомъ выразилась Лидія Михайловна. Что, собственно, символизируетъ фигура этой женщины, обвитая макомъ съ облетающими лепестками и сама похожая на макъ? Любовь? Наслажденіе?

— Положимъ,—далъ ему реплику Эльмонтъ.

— Мнѣ кажется,—развивалъ Шугаевъ свою мысль:—люди довольно занимались этимъ предметомъ. Есть идеи болѣе высокія, которыя ждутъ воплощенія въ творчествѣ.

Лидія Михайловна съ усиліемъ оторвала отъ мака свой взглядъ и, словно не вѣря тому, что проснулось въ ней, обратилась за подтвержденіемъ къ Эльмонту:

— Скажите, бывало это когда-нибудь съ вами?

— Что такое?

Она стала собираться съ мыслями, чтобы возможно яснѣе дать понять, что переживала сейчасъ.

— А вотъ... вы гдѣ-нибудь въ первый разъ... видите совсѣмъ новыя мѣста, новые предметы. И вдругъ что-то мелькнуло... зажгло. Вамъ кажется, что вы ужъ это видѣли когда-то.

Эльмонтъ отвѣтилъ:

— Да.

Шугаеву тоже было знакомо это явленіе, но онъ зналъ научное объясненіе его и хотѣлъ подѣлиться имъ:

— Ученые это объясняютъ тѣмъ, что мозгъ человѣка имѣетъ два полушарія: клѣточки и нервные центры одного полушарія...

Но Лидія Михайловна нетерпѣливо его перебила:

— Ахъ, ученые, ученые! Что они знаютъ, эти ученые! Сидятъ въ этихъ клѣточкахъ и не видятъ цѣлаго міра, огромнаго, таинственнаго міра!

Шугаевъ улыбнулся на это безсмысленное или, какъ онъ мысленно мягче опредѣлилъ: „женское возраженіе“, и улыбнулся въ отвѣтъ:

— Чѣмъ дальше отъ науки человѣкъ, тѣмъ болѣе для него таинственнаго

Лидія Михайловна не стала опровергать этого:

— Можетъ-быть, и такъ. Но иногда всякимъ премудрымъ клѣточкамъ хочется предпочесть эту таинственность.

Это мнѣніе раздѣлялъ и Эльмонтъ:

А. Писемскій. Дорожка. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Вы правы, самое скучное время будетъ тогда, когда не останется людямъ ничего таинственнаго. Когда все, что переполняетъ сердце безотчетнымъ восторгомъ, грустью, умиленіемъ, заставляетъ, понимаешь ли, волосы на головѣ шевелиться отъ какихъ-то непередаваемыхъ чувствъ...

— Все это будетъ распредѣлено по клѣточкамъ,—закончила Лидія Михайловна.

Шугаевъ съ сокрушеніемъ покачалъ головой.

— Профессору непріятенъ этотъ разговоръ,— замѣтилъ Эльмонтъ.

— Нѣтъ, отчего непріятенъ, — покривилъ-было душой Шугаевъ, но затѣмъ сознался:—А впрочемъ, развѣ тебѣ было бы пріятно услышать колоченіе въ заслонъ вмѣсто музыки?

Но Эльмонтъ вовсе не склоненъ былъ вести научный диспутъ. Онъ интересовался не этимъ и тотчасъ повернулъ разговоръ назадъ:

— Лидія Михайловна, почему вы мнѣ задали этотъ вопросъ?

Но она какъ-то ушла въ себя и вяло отвѣтила:

— Право, я потеряла охоту углубляться въ то, что меня занимало.

Шугаевъ деликатно отступилъ:

— Извините, если я нечаянно отвлекъ васъ отъ этого удовольствія. Разскажите, въ чемъ дѣло,—можетъ-быть, тутъ и нѣтъ ничего таинственнаго.

Лидія Михайловна заупрямилась:

— Не стоитъ. Я не хочу, чтобы это попало въ клѣточки.

Онъ мягко встрѣтилъ эту рѣзкость:

— Нехорошо, что вы нервничаете.

— Я нисколько не нервничаю.

— Вамъ, очевидно, вредно такъ много купаться,—объяснилъ онъ безъ тѣни желчи.

— Я чувствую, наоборотъ, послѣ купанья особый приливъ силъ.

— Сейчасъ приливъ, черезъ минуту упадокъ. Я замѣтилъ, что море на васъ странно дѣйствуетъ. Вы точно заодно съ нимъ.

Она все такъ же холодно отозвалась:

— Что же тутъ удивительнаго? Мы съ нимъ родные.

XVI.

Эльмонту непріятны были эти супружескія пререканія. Къ тому же, они мѣшали бесѣдѣ о томъ, что его интересовало. Онъ рѣшительно прервалъ ихъ, обращаясь къ Лидіи Михайловнѣ съ пристальнымъ, пронизывающимъ ее взглядомъ:

— Я почти угадываю вашу тайну.

Она по глазамъ его прочла все и закивала головой, обрадованная и немного испуганная:

— Да, да, навѣрно. Навѣрно. Это странно, необыкновенно. Не правда ли?

Шугаевъ, нѣсколько задѣтый этой интимностью артистическихъ натуръ, усмѣхнулся:

— У васъ все странно и все необыкновенно.

Лидія Михайловна съ удареніемъ возразила:

— Да, все странно и все необыкновенно. И въ душѣ человѣческой нѣтъ ничего обыкновеннаго и не страннаго для меня.

— Правда,—подтвердилъ Эльмонтъ.

— Въ чемъ же это необыкновенное и странное?—добивался профессоръ.

— Я уже сказала.

— Когда же? Я не слышалъ.

Лидія Михайловна, уже не считаясь съ настроеніемъ мужа, кивнула на Эльмонта:

— А вотъ онъ навѣрное слышалъ.

Эльмонтъ, въ подтвержденіе ея словъ, тотчасъ же спросилъ многозначительно:

— И вы думаете, что было такъ и тогда?

Лидія Михайловна, теряя самообладаніе, отвѣтила:

И. Владиміровъ. На маневрахъ въ Финляндіи. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Можетъ-быть... можетъ-быть... Если такъ, тогда это тѣмъ необычайнѣе.

Эльмонтъ задумчиво повторилъ:

— Да, тѣмъ необычайнѣе.

Она, отдаваясь овладѣвшимъ мыслямъ, какъ загипнотизированная, продолжала, то закрывая глаза, чтобы лучше все представить, то открывая ихъ, какъ бы затѣмъ, чтобы убѣдиться, что все это не грезы:

— Я, какъ сквозь сонъ, помню море... скалы... дикія, съ красноватой глиной. Изъ этой глины я лѣпила рыбъ и пѣтушковъ и еще что-то... Помню, у меня и тогда было это радостное ощущеніе на пальцахъ, когда я запускала ихъ въ глину. Точно что-то живое и покорное въ моихъ рукахъ. На скалахъ растутъ только дикій, жилистый кустарникъ и макъ. Какъ сорвешь цвѣтокъ, онъ тотчасъ облетаетъ.

А. Писемскій. **Море.** Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Шугаевъ, примирившійся съ ея нервнымъ настроеніемъ и нашедшій въ ея послѣднихъ словахъ ключъ къ нему, обрадовался:

— А, такъ вотъ какъ возникла идея вашей статуи!

Она продолжала, даже не замѣтивъ его волненія:

— Весною я тамъ ловила птицъ. Онѣ перелетали изъ теплыхъ странъ; усталыя, ударялись о скалы и падали. По берегу лачуги.

Эльмонтъ осторожно задалъ ей вопросъ:

— А вы совсѣмъ не помните черты его... вашего отца?

— Не помню.

Она вся ушла въ себя, усиліемъ памяти стараясь вызвать безвозвратно ушедшее, и издали, какъ со дна моря, смутно и неопредѣленно, стало мерещиться что-то.

— Впрочемъ, вспоминается. Вотъ... Отецъ меня подбрасываетъ кверху. Но лица его не могу припомнить... нѣтъ. А руки припоминаю... Большія, грубыя и пахнутъ рыбой... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... это было не здѣсь!—усумнилась она.

Эльмонтъ спросилъ:

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да, это было бы слишкомъ!—желая этого чуда и почему-то боясь его, отвѣтила она.

Шугаевъ наконецъ понялъ, о чемъ шла рѣчь:

— Ахъ, вотъ оно что! Ну, тутъ-то я меньше всего вижу необыкновеннаго. Это, можетъ-быть, одно изъ самыхъ простыхъ совпаденій.

Лидія Михайловна была до послѣдней степени взволнована:

— Неужели это такъ? Неужели это та самая земля, тотъ берегъ, по которому я бѣгала босымъ, безпризорнымъ ребенкомъ?

— Экая... какая вы экзальтированная. Ну, можно ли такъ?—съ нѣжностью пытался успокоить ее Шугаевъ.

Но она была внѣ себя. Оглядываясь во всѣ стороны, она воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, это было не здѣсь! Тамъ не было ни этого маяка ни этихъ дачъ!

— Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, — подливалъ масло въ огонь Эльмонтъ.

— Да, лѣтъ двадцать. Мнѣ тогда было не болѣе шести.

Она вдругъ встала и быстро пошла прочь отъ всѣхъ вдоль берега. Шугаевъ испугался этого порыва:

— Куда вы?

Онъ пошелъ-было за нею, но она движеніемъ руки остановила его:

— Не надо. Я пойду одна. Если это такъ, я не останусь здѣсь. — Послѣднія слова она уже произнесла на ходу.

Но Эльмонтъ поймалъ ихъ и съ торжествомъ бросилъ ей вслѣдъ:

— Да, это такъ, и вы останетесь здѣсь.

К. Вещиловъ. **Подъ лучами южнаго солнца.** Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

О. Клеверъ. Этюдъ. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Она, также взволнованная до слезъ, пошла въ ту сторону, куда направилась Лидія Михайловна.

Шугаевъ окончательно возмутился этой вспышкѣ сочувствія:

— Вотъ вамъ какъ заразительна эта нервность. Дѣвочка жила, никакихъ „необычайно“ да „чрезвычайно“ не знала. А теперь слезы на глазахъ и все такое. Вотъ какъ эти ненормальныя настроенія заразительны. Они даже на здоровыхъ людей вредно дѣйствуютъ.

— И пускай, — вступился Эльмонтъ. — Довольно въ жизни этого здоровья. Оно — опора самодовольства, оно суживаетъ кругъ человѣческихъ чувствъ и ощущеній. Тяжелое, оно отяжеляетъ и духъ, лишаетъ его того высокаго полета, къ которому онъ призванъ, той остроты проникновенности, которая въ самомъ воздухѣ, окружающемъ людей, угадываетъ близость или враждебность, открываетъ такія дали счастья, которыя дороже и желательнѣе самаго счастья.

Онъ снова посмотрѣлъ вслѣдъ Лидіи Михайловнѣ, уже какъ будто скользившей въ отдаленіи сѣрой тѣнью, и съ прежнимъ торжествомъ заявилъ:

— Да, да, это такъ. И вы останетесь здѣсь.

Круто повернулся и сталъ подниматься вверхъ по тропинкѣ домой, съ такой поспѣшностью, точно онъ забылъ тамъ, дома, что-то необходимое сейчасъ.

XVII.

Она удалялась по песку торопливой и неровной походкой, точно подталкиваемая какой-то невидимой силой. Ея бѣлое платье, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось тускнѣе. Вотъ оно стало сиреневымъ, какъ то облако на горизонтѣ, которое нѣсколько минутъ тому назадъ было свѣтоносно-алымъ. И волны также начинали тускнѣть. Но ихъ движеніе становилось все размашистѣе и все шумнѣе, и мѣстами онѣ уже подкатывали пѣну чуть не къ самому обрыву.

Тамъ Лидія Михайловна касалась почти самой глиняной стѣны и на мгновеніе сливалась съ нею, но потомъ выступала снова и снова тускнѣющимъ пятномъ мельтишила въ вечернемъ воздухѣ.

Шугаевъ, не на шутку раздраженный ея выходкой, вслухъ негодовалъ:

— Ну, что же это такое? Убѣжала... „Не останусь“, — повторилъ онъ брошенныя ею слова. — Ахъ, это искусство! Богъ съ нимъ совсѣмъ. Не женщинамъ имъ заниматься. Нужны мужскія силы, чтобы жить въ этомъ постоянномъ нервномъ подъемѣ. Ну, какой она будетъ матерью, какого она ребенка воспитаетъ, когда у нея все „необычайно“ „да чрезвычайно“.

Саша, не проронившая раньше ни звука, заступилась за свою золовку:

— Какой ты, Гриша. Какъ ты этого не понимаешь. У насъ семья... мать... А вѣдь ты слышалъ? Она была заброшена... одна... И вдругъ попасть опять туда, гдѣ родилась. Это такъ необычайно! Такъ необычайно!

XVIII.

Саша, отосланная Лидіей Михайловной, уныло вернулась назадъ и оповѣстила брата:

— Она говоритъ, что хочетъ быть одна.

— Не зачѣмъ было за ней бросаться. Вотъ и ушла съ носомъ. Такъ тебѣ и надо.

— Я на нее не обижаюсь. Я ее понимаю.

А. Писемскій. Старая скамья. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Но профессору все это очень не нравилось; онъ почти рѣзко оборвалъ ее:

— Нечего тутъ понимать. Нервная вспышка—и больше ничего. А ты, пожалуйста, этихъ примѣровъ не бери. Она—художница, талантъ, красива. Ей приходится прощать... А къ тебѣ... къ тебѣ это не идетъ.

Саша покраснѣла, обиженная столько же за себя, сколько и за Лидію Михайловну:

— Я ни на красоту ни на талантъ и не претендую.

Ему стало жаль ея и стыдно своей рѣзкости. Онъ уже мягче проговорилъ:

— Разговаривай съ женщинами! Я тебѣ не объ этомъ. Чтобы самой найти счастье и дать счастье мужу, надо эти штуки „чрезвычайныя“ и „необычайныя“ бросить.

— Я не нарочно. У меня такъ вырвалось, — оправдывалась дѣвушка.

— Вырвалось! На то умъ и воля даны человѣку, чтобы не распускать себя. Мнѣ нужна для работы атмосфера покоя. А тутъ и она... и ты. Достаточно одной.

Саша обидѣлась на этотъ разъ за себя:

— Я давно прошу тебя отпустить меня на курсы. Мнѣ нѣтъ никакой радости сидѣть у тебя на шеѣ да писать подъ диктовку непонятныя для меня вещи.

Но онъ былъ недоволенъ:

— Дома, по крайней мѣрѣ, ты хоть мнѣ полезна, а на курсы нужно еще деньги посылать. Толку изъ этого все равно будетъ немного. Вы, женщины, какъ замужъ выйдете, такъ вся наука по боку. Вотъ вмѣсто того, чтобы приняться спокойно за работу, я долженъ бороться съ ея нервами, — закончилъ онъ совсѣмъ ужъ неожиданно и быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ скрылась жена, не то желая выяснить что-то, что ему представилось досаднымъ недоразумѣніемъ, не то въ смутномъ безпокойствѣ за нее, которое возбудилось въ немъ все усиливающимся волненіемъ моря.

А. Михайловъ. Могила А. С. Пушкина. VIII Осенняя выставка картинъ.

А главное было то, что по верхней тропинкѣ приближалась мать, съ которой, очевидно, ему тяжело было сегодня бесѣдовать.

Арина Ивановна, найдя на берегу только одну Сашу, изумилась:

— Куда же всѣ разбѣжались? И почему ты одна?

Саша ничего не отвѣтила.

Арина Ивановна не стала ничего добиваться, озабоченная своей неудачей.

— Вотъ бѣда-то, не поспѣетъ къ ужину рыба. Тамъ не нашла, а этотъ только-только возвращается,—указала она на приближающагося рыбака.—Не будетъ Гришѣ рыбки на ужинъ.

Саша съ ревнивой печалью сказала:

— Все Гриша да Гриша. Все только для него, а меня какъ будто и на свѣтѣ нѣтъ.

— Да что ты, Сашенька! —строго выговорила мать. —Вѣдь онъ извѣстный профессоръ. Сколько онъ учился. Содержитъ насъ. Какъ же о немъ не заботиться да не думать.

— Что мнѣ до того, что онъ профессоръ! Содержаніе свое я вырабатываю, даромъ не живу. Переписчица ему стоила бы не дешевле. Да развѣ въ этомъ! И когда онъ не былъ профессоромъ, вы всю свою любовь и ласку, все ему отдавали.

Арину Ивановну изумила ея дерзость:

— Это не твоего ума дѣло. Каждому корню своя земля нужна. Сильный корень—и земля ему нужна сильная. Вотъ онъ какъ поднялся. А если бы не было этого, все равно—онъ мужикъ, ему надо больше сердца, чѣмъ намъ. Какъ равняться.

Но Сашу возмущали это предпочтеніе и несправедливость:

— Нѣтъ, мама, этого уже было довольно: и униженія и рабства нашего довольно было. Столько же сердца и у насъ, у женщинъ. И умъ такой же. Теперь и женщины есть профессора.

Арина Ивановна добродушно и недовѣрчиво покачала головой:

— Да ужъ и профессора, вѣрно!

Но Саша не унималась, сама не зная, какъ рѣшилась наконецъ все высказать:

— Вы забыли, сколько вынесли и плакали свою жизнь оттого, что ваша мать смотрѣла на это, какъ вы сейчасъ.

— Не хуже другихъ прожила, — пробормотала Арина Ивановна.

Саша не сдержалась; у нея сорвалось съ языка:

— То-то вы мадеру-то и начали пить.

Но еще слова не успѣли остыть у нея на губахъ, какъ ее охватило раскаяніе за нихъ, а когда она увидѣла выраженіе материнскаго лица—ей стало стыдно до того, что она бросилась къ матери и стала цѣловать ей руки, готовая заплакать, повторяя:

— Простите, простите меня, мамочка, я виновата! Я не знаю, какъ это случилось.

Арина Ивановна качала головой и вздыхала:

— Ахъ, Саша, ахъ, Саша. Какъ у тебя повернулся языкъ!

— Мнѣ было очень больно. Вы меня не поймете. Вы сжились съ этимъ... Въѣлось это въ васъ... Все равно... простите...

Арина Ивановна погладила ея волосы и перестала выговаривать, но по-своему объяснила ея несдержанность:

— А я думаю, что блажишь ты потому, что замужъ тебѣ пора.

Это разсмѣшило Сашу:

— Ахъ, мамочка, родимая вы моя, все-таки я люблю васъ со всѣмъ вашимъ тиранствомъ и все-таки... уйду отъ васъ.

Старуха только рукой махнула на это рѣшительное заявленіе. Некогда было вступать въ пренія съ ней. Лодка, которую она ждала столько времени, наконецъ подошла къ берегу, и изъ лодки кричалъ съ кормы мальчишкѣ старикъ:

— Весла-то подымай, Васянька, весла! Такъ.

XIX.

Волна подхватила лодку на гребень и толкнула ее о песокъ.

Мальчишка выскочилъ изъ лодки въ воду, въ засученныхъ выше колѣнъ штанахъ, а за нимъ выскочилъ и рыбакъ. Всклоченный, сѣдой, корявый, какъ обломокъ дерева, сломаннаго бурей и выброшеннаго моремъ.

— Слава Богу, пріѣхали!—привѣтствовала ихъ Арина Ивановна.—Барбулька есть?

— Есть, есть,—торопливо отвѣтилъ рыбакъ. — Пообождите маненько. Пристанемъ. Держи, держи, Васянька, лодку!

С. Заборовскій. В день цвѣтка. VIII Осенняя выставка картин.

Волна трепала лодку, и они вдвоемъ съ трудомъ удерживали ее, изо всѣхъ силъ волоча къ берегу. Пѣна хлестала въ нее, осѣдая на черныхъ сѣтяхъ и корзинахъ.

— Тащи, тащи! Ой, тащи да потаскивай!—командовалъ нараспѣвъ старикъ, ухватившись за бортъ по одну сторону, въ то время какъ мальчишка тащилъ за другую.

Сашѣ смерть хотѣлось помочь имъ тащить лодку, но она знала, что мать будетъ ворчать, и только машинально повторяла всѣ ихъ потуги.

Но вотъ волна поддала въ корму лодки, и она сразу выкатилась на песокъ.

— Подальше, подальше вытягивай! — покрикивалъ на подростка старикъ.—Вишь, какъ нынче зыбь-то расходится. Мóря нынче шалая.

Саша наконецъ не выдержала:

— Давайте, я вамъ помогу.

— Спасибо, барышня, только, гляди, ноги замочишь. Ишь, волна какая бьетъ.

— А я вотъ туфли сниму, — весело отозвалась она и, сѣвши на песокъ, проворно сняла туфли и чулки.

Къ удивленію ея, Арина Ивановна не протестовала. И Саша, также ухватившись за лодку, стала помогать рыбакамъ тащить ее, смѣясь и приговаривая и охая вмѣстѣ съ ними:

— Разъ, два—ухъ! Разъ, два—ухъ! Ухъ! Ухъ! Пошло!.. Пошло!.. Пошло-о-о!..

Но пошло слабо.

— Подложи-ка весла, Васянька. А вы, барышня, осторожно съ бѣлымъ платецемъ-то. Въ смолѣ не запачкайте.

— Ничего,—тяжело дыша и улыбаясь, отвѣтила Саша.

Васянька положилъ весла, и опять потащили.

— Ухъ, пошло... пошло... пошло-о-о!..

Лодка дѣйствительно пошла лучше и скоро довольно далеко была отъ воды.

— Ну, ладно, — скомандовалъ старикъ, отдуваясь послѣ потуги.

Арина Ивановна торопила его:

— Давай скорѣй, дѣдушка, рыбу. Мы тебя давно ждемъ.

Но старикъ не особенно спѣшилъ: поглядывая на лодку, онъ докладывалъ говоркомъ:

— Вотъ сейчасъ отберемъ. А много ли найдемъ—не знаю. Ловля-то плохая, да и рыба-то лихая.

— Хоть сколько-нибудь. Мнѣ бы только для профессора.

Саша наклонилась надъ пахучей корзиной, въ которой еще трепетали и вздрагивали серебристо-синія рыбки. И голосъ ея зазвенѣлъ дѣтской тоской и нѣжностью:

— Какъ трепещутъ! Какъ хочется имъ жить! Рыбки, рыбки, гдѣ вы были? Что вы видѣли? Эхъ, пустить бы ихъ обратно въ море!

— Ничего, имъ и на сковородѣ хорошо будетъ,—насмѣшливо замѣтила Арина Ивановна.

Она стала съ рыбакомъ отсчитывать себѣ рыбу въ ведерко.

— Тащи рыбу за барыней,—распорядился старикъ. —Да когда, Васянька, на обратно пойдешь, возьми водки полкварты, купи хлѣба, воды не забудь. Да разживись щепочками для костра.

— Пойдемъ, Саша,—обратилась къ дочери Арина Ивановна, расплатившись съ рыбакомъ.

— Нѣтъ, я останусь. Съ дѣдушкой потолкую. На море посмотрю.

— Не насмотрѣлась?

— Развѣ можно на него насмотрѣться? Ничего не можетъ быть лучше воды.

— Все у тебя: ничего не можетъ быть лучше. Воду увидишь — ничего не можетъ быть лучше воды, звѣзды разглядываешь — ничего не можетъ быть лучше звѣздъ. И про степь и про лѣсъ то же... Идемъ-ка, парень!—кликнула она Васяньку и стала подниматься по тропинкѣ.

Рыбакъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Да смотри, поскудникъ, не мѣшкай тамъ, а то въ глоткѣ пересохло!

Рыбакъ сталъ вытаскивать изъ лодки и раскладывать по песку переметы.

Саша помогала ему разбирать ихъ, приговаривая:

— Какъ пріятно босыми ногами по песку ходить! Хорошо быть рыбакомъ.

С. Заборовскій. Духъ времени. VIII Осенняя выставка картинъ.

О. Гофманъ. Калевала. VIII Осенняя выставка картинъ.

— Хорошо, да не больно, — проворчалъ старикъ. — Наше дѣло невольно. Вотъ у меня тѣло-то, какъ телеграфный столбъ, гудетъ. Какъ къ ненастью, такъ сейчасъ въ ноги, въ руки штафета.

— Зато свободно.

— Какая тамъ свобода! На морѣ — къ лодкѣ, а на землѣ — къ водкѣ,—вотъ и вся наша свобода. Ну, надо, какъ водится, рыбу перебрать.

— И я, дѣдушка, помогу, а ты станешь мнѣ разсказывать. Много ты видѣлъ, дѣдушка? Я думаю, сколько съ тобой опасныхъ случаевъ въ морѣ было...

— Да что и говорить! У моря родился, на морѣ крестился и въ морѣ помру, — отрапортовалъ онъ и, наклонясь надъ корзиной, сталъ перебирать рыбу, отдѣляя въ другую корзину болѣе крупную.

Саша присѣла около него и стала помогать. И ей сладостно-пріятенъ былъ запахъ рыбы и встревоженной воды, и шумъ моря, и ниспадающія на море и на берегъ сумерки.

XX.

Она не замѣтила бы за этой работой, какъ Шугаевъ подошелъ съ Лидіей Михайловной, если бы не услышала ихъ разговора.

Шугаевъ говорилъ:

— Я немного обидѣлъ Шуру. Ужасно, какъ человѣка портитъ всякая непріятность.

Лидія Михайловна довольно холодно возражала ему:

— Напрасно это васъ взволновало. Я оттого обращалась къ Эльмонту, а не къ вамъ, что онъ больше интересовался, чаще разспрашивалъ меня о моемъ дѣтствѣ. Между тѣмъ какъ вы...

Шугаевъ поспѣшилъ прекратить это непріятное объясненіе:

— Не надо, не надо объ этомъ! Мнѣ это только такъ показалось...

Онъ увидѣлъ за лодкой Шуру и мягко къ ней обратился:

— А-а... вотъ она гдѣ! Что ты такое дѣлаешь?

Саша кивнула на корзину, притворившись обиженной:

— Рыбу разбираю.

Лидія Михайловна залюбовалась ею.

— Она—дѣвочка славная. Она и забыла объ обидѣ. Ты, Саша, будешь рыбой пахнуть.

— Ну, что жъ, я искупаюсь.

— Ты же только-что купалась.

— Выкупаюсь и еще. Ничего не можетъ быть лучше купанья, особенно когда волны такъ разыграются. Я люблю въ волнахъ купаться: онѣ и качаютъ и толкаютъ. Такая выходишь изъ нихъ веселая.

— Правда, — поддержала ее и Лидія Михайловна. — Точно впитываешь въ себя радость моря.

Шугаевъ засмѣялся:

— Ну, да, вы обѣ сирены морскія. Шура, подойди ко мнѣ!— подозвалъ онъ сестру.

Та подошла, отставляя руки съ прилипшей къ нимъ рыбьей чешуей, чтобы не запачкать брата.

Онъ обнялъ ее:

— Прости, дѣвочка, я тебя обидѣлъ.

Она, растроганная, прижалась къ нему:

— Ну, вотъ...

Лидія Михайловна оставила ихъ и подошла къ рыбаку, о чемъ-то его тихо разспрашивая. Шугаевъ однако уловилъ два-три слова изъ ихъ бесѣды и сталъ увѣщевать Лидію Михайловну:

— Оставьте, Лида; попусту волнуете себя. Не все ли равно, здѣсь это произошло или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Все это не суть важно.

— Для меня это очень важно,—проговорила она.

И, продолжая разспрашивать, удалялась въ сторону за рыбакомъ, подбиравшимъ выброшенные моремъ обломки дерева, щепочки и сухой хворость.

Шугаевъ озабоченно глядѣлъ вслѣдъ женѣ и разсѣянно отвѣчалъ Сашѣ, которая, зарывая ноги въ песокъ, говорила ему:

— Знаешь, Гриша, сними сапоги. Такъ хорошо по песку босикомъ ходить.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты сама надѣнь свои туфли—и идемъ поработаемъ до ужина.

Саша поморщилась и, не желая опять огорчать брата, стала надѣвать чулки и туфли:

— Ну, хорошо.

Шугаевъ замѣтилъ ея настроеніе:

— Тебѣ не хочется?

— Не хочется. Знаешь,—нашлась она:—давай лучше собирать водоросли. Ты вѣдь все равно хотѣлъ ихъ собирать. А ихъ сегодня много. Вонъ!

Въ сумеркахъ багровыя водоросли темнѣли на пескѣ узорной бахромой.

Саша, расширяя ноздри, вдохнула ихъ запахъ, обострявшій солоноватый запахъ моря:

— Я ужасно люблю этотъ запахъ.

— Это—запахъ іодистыхъ маслъ, заключающихся въ водоросляхъ.

— Ну, вотъ,—недовольно покачала головой Саша: — кто тебя просилъ говорить это. Теперь мнѣ будетъ казаться, что море пахнетъ лѣкарствомъ.

— Такъ, такъ, а еще собираешься на медицинскіе курсы!

— Когда еще тамъ это будетъ, а пока обо всемъ такомъ я не хочу ничего знать.

— Кипитъ все въ тебѣ, сама ты не знаешь, чего хочешь. Всего хочешь.

Саша не противорѣчила. Она обулась, поднялась и, раскинувъ въ истомѣ руки, воскликнула:

— Правда, всего! Я хочу быть и профессоромъ, и волною, и облакомъ, и рыбакомъ. Всѣмъ, всѣмъ хочу быть... Жизни хочу!

Съ обрыва надъ ними раздался голосъ Эльмонта, привѣтствовавшаго послѣднія слова дѣвушки:

— Браво! Я слышу голосъ живого человѣка, голосъ молодости и пробуждающейся силы.

Шугаевъ и Саша, сконфуженная тѣмъ, что ее услышалъ въ такую минуту Эльмонтъ, оглянулись и увидѣли его спускающимся по тропинкѣ съ веслами на плечахъ.

Шугаевъ отвѣтилъ ему:

— Просто голосъ крови. Повѣрь, Шура, лучше остаться собой, чтобы жить и за волну, и за рыбака, и за облако, и за все видимое.

— И невидимое,—въ тонъ ему закончилъ Эльмонтъ.

Саша съ завистью посмотрѣла на Эльмонта:

— Вы ѣдете на лодкѣ, возьмите и меня съ собой.

Шугаевъ запротестовалъ:

— Это въ такія-то волны, да на ночь глядя! Какъ же, пущу я тебя. Идемъ-ка лучше дѣйствительно собирать водоросли. — Онъ обернулся къ Эльмонту:—Я бы и тебѣ не совѣтовалъ рисковать.

— Какія это волны! — отозвался тотъ.—Мнѣ бы хотѣлось настоящей бури, чтобы прыгать съ волны на волну и летѣть, куда меня броситъ вѣтеръ.

Съ той стороны, куда ушла Лидія Михайловна, ясно послышались рыданія. Сначала никто не повѣрилъ своему впечатлѣнію. Можетъ-быть, такъ прошумѣла волна, простонала чайка.

Шугаевъ первый бросился туда и увидѣлъ Лидію Михайловну, сидящую на камнѣ съ лицомъ, закрытымъ руками. Она хотѣла сдержать рыданія и не могла.

— Что съ вами? — испуганно обратился къ женѣ Шугаевъ.

Подбѣжали Саша и Эльмонтъ:

— Что такое? Лидія Михайловна, родная, что случилось?

Эльмонтъ поглядѣлъ на нее и на рыбака и все понялъ:

— Да, это такъ... здѣсь... такъ и должно быть.

Шугаевъ гладилъ ея руку, отнимая отъ лица, и старался ее успокоить:

— Полно, полно. Ну, вотъ, я говорилъ...

Рыбакъ также ворчалъ недовольно:

— Да и я говорилъ. Чего къ ночи утопленниковъ поминать. Коли человѣкъ утонулъ—пусть поминаетъ попъ, а намъ что!

Лидія Михайловна, потрясенная, повторила снова разсказъ, переданный ей рыбакомъ:

— Выбросило трупъ... Мать была больная...

— Ну, да, — продолжалъ рыбакъ: — мать была больная, а дѣвчонка малая теребила его и кричала: „Тятя! Тятя!“

Шугаевъ и Саша употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить ее:

— Лида, ради Бога, успокойтесь.

— Лидія Михайловна, не плачьте, а то я тоже буду плакать.

— Здѣсь... на этомъ мѣстѣ... Эти волны... моего отца... — вырывались у нея отрывочныя слова.

Эльмонтъ тоже прибавлялъ въ видѣ успокоенія:

— Не все ли равно, гдѣ умирать: на землѣ или на волнахъ.

Она услышала этотъ голосъ, и ей хотѣлось крикнуть морю: „Да, да, все равно, шумите, шумите, волны! Онъ былъ вашъ, вы его и взяли. И ни проклинать ни ненавидѣть васъ я за это не стану“.

Нѣсколько успокоившись, она сказала:

— Не о томъ я плачу.

— О чемъ же?

— Не знаю, — созналась она: — сама не знаю. Такъ вотъ хлынуло что-то въ душу. Давно это накоплялось... давно подступало. Съ самаго пріѣзда, какъ только увидѣла все это, я чувствовала, что здѣсь что-то есть.

— Теперь вы должны успокоиться, — почти приказывалъ Шугаевъ.

Лидіи Михайловнѣ стало стыдно этой истерики, и она постаралась овладѣть собой:

— Въ самомъ дѣлѣ, это глупо. И давеча я пустяки говорила о томъ, чтобы уѣхать, и прочее... Мнѣ показалось что-то.

Она взглянула на Эльмонта, который повернулся, чтобы уйти отъ этой сцены, но она, чтобы загладить всю эту непріятность, остановила его:

— А вы, кажется, собираетесь въ море?

— Да.

— И я съ вами.

Шугаевъ опѣшилъ отъ этого неожиданнаго заявленія:

— Что вы! Въ такомъ состояніи! Взгляните на волны!

— Я не надолго.

Эльмонтъ обратился къ Шугаеву успокоительнымъ тономъ:

— Тебѣ нечего тревожиться: Лидія Михайловна будетъ со мной.

Но Шугаева, очевидно, это мало утѣшило.

Тогда Лидія Михайловна поспѣшила предложить ему:

— Хотите, отправимся вмѣстѣ.—Обратилась къ Эльмонту:— Вы на парусахъ?

— Да, весла я беру на всякій случай.

Лидія Михайловна настойчиво спросила мужа:

— Вы ѣдете?

Я—нѣть. Вотъ Саша хотѣла.

Саша сухо отрѣзала:

— Я тоже не поѣду.

Лидія Михайловна укоризненно обратилась къ Сашѣ:

— Неужели вы тоже боитесь?

— Я не потому.

Шугаевъ забылъ вызывающій тонъ жены:

— А я, откровенно говоря, боюсь. Вы видите, я даже не купаюсь въ морѣ. Боюсь воды — и все. И васъ я прошу не ѣздить.

Но она упорно заявила:

Я поѣду. Я хочу... Я чувствую, наоборотъ, какъ море зоветъ меня, тянетъ. Вы не безпокойтесь. Я знаю, что никогда не утону. Я на Женевскомъ озерѣ каталась не въ меньшія волны. Я хорошо умѣю править рулемъ и ставить паруса.

Шугаевъ сомнительно пожалъ плечами:

— Тутъ мужчинѣ: и то, я думаю, трудно справиться.

— О, въ моихъ рукахъ силъ нисколько не меньше, чѣмъ въ мужскихъ. Возиться съ глиной, это хорошая гимнастика для мускуловъ.

Но Эльмонтъ заявилъ:

— Вамъ не придется воспользоваться вашей силой. Такъ ты не ѣдешь?—сдержанно спросилъ онъ Шугаева.

— Повторяю, я боюсь,—отвѣтилъ тотъ съ удареніемъ.

Эльмонтъ съ насмѣшливымъ вызовомъ замѣтилъ:

— Какъ храбро ты передъ женой сознаешься въ своей трусости!

Тотъ спокойно отвѣтилъ:

— Я не считаю достоинствомъ смѣлость. Всѣ дикіе звѣри — смѣлы.

— Ну, это, положимъ, не совсѣмъ такъ.

Какъ кому кажется. Я не понимаю, какъ можно ввѣряться безсмысленно водѣ или вѣтру. Жизнь моя еще кому-нибудь нужна. Я понимаю самопожертвованіе, подвигъ во имя великой идеи, но чтобы меня опрокинула волна, и я, не умѣя плавать, попалъ бы въ дурацкое положеніе, сталъ бы кричать, захлебываться, барахтаться и въ концѣ концовъ пошелъ бы ко дну— тутъ я не вижу ничего: ни героическаго, ни полезнаго, ни даже красиваго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Игрушечная страна.

Золотой паутинкой опутаны мысли...
Красный лучикъ мелькнулъ на стѣнахъ.
Огоньки, огоньки надо мною повисли!
Вся душа—въ золотыхъ огонькахъ.

Рдѣютъ яхонтомъ шкалики въ сѣткахъ узорныхъ,
Расцвѣтился диковинный сводъ.
Пѣтушки золотые на ножкахъ проворныхъ,
Распѣвая, ведутъ хороводъ.

Я—въ далекомъ, забытомъ. Я—снова ребенокъ.
Нѣжно-звонокъ и ясенъ мой смѣхъ.
На груди моей—ландышъ, у ногъ—медвѣженокъ,
Въ уголкѣ моемъ — царство утѣхъ.

Заиграла шарманка. Скрипитъ балаганчикъ,
Вспыхнулъ синій тюльпанчикъ въ окнѣ.
На крыльцѣ мнѣ болтаетъ сусальный болванчикъ
Объ игрушечной пестрой странѣ.

Раскрывается книжка. Выходятъ картинки:
Замарашка, умильный Щелкунъ...
Зашептались: какъ будто звенятъ бисеринки,
Льется жалоба тоненькихъ струнъ:

„Все по-старому! Здравствуй! Вѣдь ты не обидишь,—
Подивишься, повѣришь, любя.
Мы твои, но мы умерли... Умерли... Видишь:
Мы смѣемся опять для тебя!“

Я гляжу и киваю и обручъ бросаю,
Легкій обручъ ловлю въ вышинѣ.
Развѣ было иное? Не помню... не знаю.
Я—въ игрушечной мудрой странѣ.

Ахъ, паяцъ поскользнулся! Лежитъ распростертый,
Стынутъ искры въ стеклянныхъ глазахъ.
Поднялся, завертѣлся,—раскрашенный, мертвый,
Въ огонькахъ, въ кружевахъ, въ бубенцахъ!

Ватный дѣдъ, ухмыляясь, мнѣ кажетъ со свистомъ
Свой картонный, затѣйливый боръ;
Я, какъ въ сказкѣ пастушка, иду съ трубочистомъ
Поглядѣть въ златозвѣздный просторъ.

Но у черныхъ дверей кто-то кашляетъ глухо,
Дымный призракъ вползаетъ, стеня.
Пряха темная жизни! Старуха-шептуха,
Ты ль опять призываешь меня?

Мать холодной тоски и безкрасочныхъ будней,
Что тебѣ—въ этихъ нѣжныхъ лучахъ?
Не гляди мнѣ въ глаза, я хочу непробуднѣй
Утонуть въ расцвѣтающихъ снахъ.

Не гаси мою радугу сумрачной тѣнью:
Видишь—сказка прильнула ко мнѣ?
Дай неслышно заплакать въ покорномъ забвеньи
Здѣсь, въ игрушечной мертвой странѣ.

М. Пожарова.

„Принцесса Иза“.

Разсказъ **Л. М. Савёлова.**

(Продолженіе).

На смѣну жаркаго дня наступила прохладная ночь. Я закутался въ плэдъ и сталъ всматриваться въ таинственный сумракъ. Глубокая тишина охватила дремлющую пустыню, ничто не нарушало покоя, только сфинксъ, вѣроятно, продолжалъ глядѣть сквозь этотъ черный покровъ ночи и думалъ свою тысячелѣтнюю думу. Показались признаки скораго появленія луны: небо въ одномъ мѣстѣ начало свѣтлѣть, звѣзды теряли свою яркость, наконецъ появился и дискъ луны и сразу залилъ голубымъ свѣтомъ и пустыню, и пирамиды, и всю гигантскую фигуру сфинкса.

Вдругъ два снопа ослѣпительнаго свѣта точно брызнули изъ обоихъ глазъ сфинкса, и одновременно съ этимъ мнѣ почудились какіе-то звуки, исходившіе будто изъ его нѣдръ. Я припалъ къ его груди и сталъ прислушиваться—дѣйствительно шумъ исходилъ изъ него. Я замеръ. Шумъ все увеличивался. Я сталъ различать пѣніе, вначалѣ тихое, затѣмъ все громче и громче. Казалось, оно приближалось: затѣмъ оно сдѣлалось настолько громкимъ и отчетливымъ, что ясно было, что поющіе вышли уже изъ сфинкса и поютъ на открытомъ воздухѣ. Вдругъ показалось шествіе. Я приникъ къ лапамъ сфинкса, стараясь быть въ тѣни, чтобы не выдать своего присутствія. Происходило что-то необычное.

Впереди шли жрецы, которые на богато убранныхъ носилкахъ несли какую-то золотую статую. Всѣ были въ древне-египетскихъ одеждахъ: вслѣдъ за жрецами шли мужчины въ богатыхъ одѣяніяхъ, залитыхъ драгоцѣнными камнями; головы ихъ были украшены золотыми обручами съ подымающейся впереди головкой змѣи; за ними шла большая толпа въ болѣе скромныхъ одеждахъ, съ клафтами на головахъ. Жрецы остановились передъ сфинксомъ и поставили статую на пьедесталъ: вокругъ появились жертвенники, заклубился фиміамъ, и скоро ароматическіе клубы дыма скрыли статую. Вся толпа простерлась ницъ, а женщины опять запѣли. Онѣ пѣли на древне-египетскомъ языкѣ, но странно—я понималъ все отъ перваго слова до послѣдняго. Постепенно къ женщинамъ присоединились всѣ присутствующіе: они оплакивали прошлое величіе Египта, оплакивали своихъ боговъ.

Волны густой, но величественной мелодіи, казалось, наполнили

весь міръ и поднимались въ высь — къ престолу Творца всей вселенной, къ Творцу всего жившаго и всего живущаго. Эти представители древняго Египта, казалось, хотѣли въ своемъ пѣснопѣніи высказать Отцу своему небесному все свое необъятное горе, горе своей великой страны, потерявшей свободу, потерявшей религію и принужденной покориться пришельцамъ, принесшимъ ей и свою культуру и своихъ боговъ и наложившихъ на все тяжелыя цѣпи рабства: хотѣли высказать о тѣхъ страданіяхъ, которыя переживаетъ народъ египетскій подъ тяжелымъ бременемъ чужеземнаго ига. Постепенно мелодія дѣлалась торжественнѣй — началось славословіе, говорилось о справедливости и милосердіи Царя царей, видящаго все, что испытываютъ страна и народъ, затѣмъ все перешло въ мольбу о прощеніи за всѣ тѣ грѣхи, которые навлекли такую тяжелую кару, продолжающуюся уже цѣлый рядъ вѣковъ. Все закончилось могучимъ аккордомъ звуковъ, которые расходились мягкими волнами и замерли въ пескахъ пустыни. Я весь погрузился въ созерцаніе этой дивной, никогда невиданной, картины; я всматривался въ пустыню, освѣщенную голубымъ свѣтомъ луны; всматривался въ строгія лица этихъ невѣдомыхъ, таинственныхъ людей, вышедшихъ на моихъ глазахъ изъ глубокихъ нѣдръ стараго сфинкса, свидѣтеля ихъ отдаленной жизни. Страха я не испытывалъ никакого, мнѣ казалось это чѣмъ-то знакомымъ, я точно жилъ жизнью этихъ древнихъ египтянъ: я понималъ ихъ горе, переживалъ то, что переживали они, страдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ съ ними молился, сочувствуя всему тому, что они просили у Творца для себя, для своего народа, для своей страны.

Меня нисколько не поразило ихъ таинственное появленіе, мнѣ казалось это вполнѣ естественнымъ: въ ту ночь сказалось вполнѣ мое мистическое настроеніе, моя душа рвалась навстрѣчу всему таинственному, всему невѣдомому, она помимо воли, казалось, впитывала въ себя всѣ вѣрованія древняго Египта, не сознавая, что она не чужда имъ, и уже тогда готова была воспринять его религію и преклониться предъ таинственнымъ ликомъ Изиды и Гаторъ, готова была уже поклоняться тѣмъ богамъ, которымъ поклонялся древній египетскій народъ, и съ которыми она сжилась въ свое отдаленное воплощеніе.

Я не знаю, долго ли продолжалось богослуженіе, но блестящій дискъ луны былъ уже на противоположной сторонѣ неба, когда вся толпа, имѣя опять во главѣ жрецовъ, несшихъ статую богини, двинулась съ пѣніемъ въ обратный путь.

Пѣніе все удалялось, пока не замерло совсѣмъ въ нѣдрахъ сфинкса. Одновременно съ этимъ померкъ свѣтъ въ его глазахъ, и пустыня опять погрузилась въ сонъ; но черезъ нѣсколько минутъ на востокѣ, изъ-за Нила, вынырнуло солнце, пославшее свой теплый привѣтъ старику, хранившему въ своихъ невѣдомыхъ нѣдрахъ великія тайны древняго Египта, частицу которыхъ мнѣ выпало счастье увидѣть. Появился и мой проводникъ съ ослами, и я отправился въ Каиръ, подавленный и очарованный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ въ сумракахъ этой южной ночи, полной дивныхъ образовъ и таинственныхъ видѣній. Несмотря на то, что душа моя рвалась навстрѣчу всего таинственнаго, и что гдѣ-то тамъ внутри какой-то голосъ говорилъ о возможности всѣхъ этихъ явленій, — все же во мнѣ сказывалось воспоминаніе, отвергающее все чудесное, не признающее ничего, что не подходитъ подъ законы физики, и я, какъ человѣкъ XIX столѣтія, долженъ былъ отвергать все то, что видѣлъ и слышалъ. Какъ человѣкъ культурный, я обязанъ былъ объяснить это возбужденнымъ состояніемъ нервовъ, самовнушеніемъ, болѣзнью мозга, однимъ словомъ—чѣмъ угодно, но только не дѣйствительностью, не возможностью подобныхъ явленій.

Въ этотъ день, конечно, я никуда уже не выходилъ, а провелъ все время у себя въ гостиницѣ, стараясь разобраться въ этихъ впечатлѣніяхъ и дать имъ возможное объясненіе—но изъ этого у меня ничего не выходило: я былъ слишкомъ увѣренъ, что ничего подобнаго я никогда себѣ раньше не представлялъ и потому внушить себѣ этого не могъ, и наконецъ всю картину я видѣлъ такъ ясно, такъ отчетливо, такъ хорошо слышалъ пѣніе, прекрасно запомнилъ его грустныя мелодіи, что говорить о какой-либо галлюцинаціи было положительно невозможно. Но отвѣтить пока на вопросъ, что же это было,—я тогда еще не могъ, и только рядъ послѣдующихъ событій вполнѣ раскрылъ передо мной завѣсу, скрывающую отъ насъ другой міръ.

Но если тогдашняя ночь не отвѣтила мнѣ на мучительный вопросъ, то во всякомъ случаѣ она многое во мнѣ поколебала, она была первымъ шагомъ въ моемъ перерожденіи; эта ночь положила во мнѣ начало новаго міросозерцанія, а дальнѣйшія событія моей жизни сдѣлали меня убѣжденнымъ поклонникомъ древнеегипетской культуры и приверженцемъ египетской религіи, и, какъ ты видишь, здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, я воздвигъ статую богини Изиды и поставилъ ей жертвенникъ. Ей я обязанъ своей жизнью, она же сдѣлала меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, на ея же помощь надѣюсь я въ своей будущей жизни и во всѣхъ моихъ послѣдующихъ воплощеніяхъ.

Этимъ закончилъ Иволгинъ свой разсказъ въ этотъ вечеръ. Изъ него я началъ догадываться, къ какимъ существамъ принадлежала его жена, и, не принадлежа къ людямъ, вѣрующимъ въ возможность перевоплощенія, я, конечно, первымъ дѣломъ подумалъ, что всѣ эти видѣнія — плодъ больной фантазіи, развившейся до феноменальныхъ размѣровъ, такъ какъ нельзя же было допустить дѣйствительность всѣхъ этихъ явленій, что я въ мягкихъ выраженіяхъ и высказалъ Иволгину, стараясь не оскорбить его своимъ недовѣріемъ, но онъ только съ сожалѣніемъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Вѣришь ли ты въ то, что матерія не исчезаетъ?

— Конечно, —отвѣтилъ я:—этому учитъ насъ самая элементарная физика.

— Но кому обязанъ міръ всѣми великими открытіями, кто открылъ паръ, электричество, кто двигаетъ массы—грубая ли матерія, или иная сила — духовная, проводящая въ жизнь свои идеи только посредствомъ этой неисчезающей матеріи?

Я, конечно, долженъ былъ согласиться, что сила духа, сила воли сильнѣй матеріи, и что матерія находится на службѣ духа.

— Но въ такомъ случаѣ, — продолжалъ Иволгинъ: — если ты признаешь духъ болѣе сильнымъ, чѣмъ матерію, то почему ты, допуская вѣчность матеріи, въ то же время отрицаешь возможность сохраненія болѣе сильнаго, чѣмъ матерія, духа? Это, согласись самъ, крайне нелогично и непослѣдовательно. Если допускать вѣчность матеріи, то надо допускать и вѣчность духа. Вѣришь ли ты въ существованіе въ мірѣ разумнаго начала? Ты долженъ, конечно, согласиться, что иначе и быть не можетъ. Взгляни на весь этотъ чудный міръ. Неужели можно все объяснить одними физическими законами, неужели эта чудная гармонія, существующая между всѣми мірами, между всѣми твореніями, не носитъ отпечатка творческой, живой мысли, а не одной сухой физической формулы? Но если признавать существованіе высшей творческой силы, то можно ли допустить, чтобы эта творческая сила была несовершенна? Въ теченіе цѣлаго ряда тысячелѣтій народы всего міра признавали существованіе этой высшей руководящей силы, отожествляя ее то съ Зевсомъ, то съ Буддой, то съ Аммономъ и съ цѣлымъ рядомъ боговъ, но въ концѣ концовъ это, конечно, было одно и то же—это тотъ невѣдомый Богъ, которому еще въ глубочайшей древности въ Аѳинахъ былъ поставленъ жертвенникъ, и дѣло было, конечно, не въ имени и не въ способахъ его прославленія. Повторяю—во всѣ времена и всѣ народы признавали это разумное начало, признавали Творца вселенной, хотя, можетъ-быть, и представляли его себѣ различно; но дѣло, конечно, не въ внѣшности и не въ способахъ прославленія. Наконецъ взгляни на красоты міра, взгляни на этотъ темный небосклонъ съ миріадами другихъ міровъ, взгляни на мотылька, порхающаго по цвѣтамъ, на орла, гордо парящаго въ воздухѣ, взгляни наконецъ на человѣка, владѣющаго разумомъ и покорившаго себѣ весь этотъ видимый міръ,—развѣ во всемъ этомъ не чувствуется разумнаго творчества, не чувствуется хозяина той лабораторіи, изъ которой вышла вся вселенная, но которую современный человѣкъ хочетъ сдѣлать бездушнымъ учрежденіемъ, гдѣ все подчинено лишь одному физическому закону, не признающему ни красоты ни поэзіи? О, какъ же все было бы мизерно и пошло, какъ бы не соотвѣтствовало величественной красотѣ вселенной, если бы все происходило такъ, какъ говорятъ наши ученые мудрецы!

„И народы древности понимали это гораздо лучше насъ, такъ какъ въ ихъ вѣрованіяхъ работало больше сердце, чѣмъ холодный разсудокъ. Тѣ же древніе египтяне говорили объ Аммонѣ, какъ о началѣ всего сущаго, единомъ творящемъ всякую плоть, сотворившемъ не только родъ человѣческій, но и остальныхъ боговъ, которые сами поклонялись Аммону, какъ творцу ихъ.

„Но идемъ дальше. Можетъ ли Творецъ этого дивнаго міра быть самъ несовершенъ? Конечно, нѣтъ. Можетъ ли онъ быть несправедливымъ? Конечно, нѣтъ—тогда бы онъ не былъ высшимъ разумнымъ началомъ, такъ какъ несправедливость явилась бы нарушеніемъ гармоніи всего его мірозданія. Но тогда, скажешь ты мнѣ, почему мы бываемъ свидѣтелями совершающихся на каждомъ шагу несправедливостей, почему мы видимъ, что сплошь и рядомъ преступленіе остается безнаказаннымъ, а порокъ торжествуетъ? И на это я дамъ тебѣ отвѣтъ: человѣку данъ разумъ, дана свободная воля, онъ самъ распоряжается своими дѣйствіями,—но это еще не значитъ, что онъ не обязанъ будетъ дать въ нихъ отчетъ и не понесетъ наказанія за совершенные имъ проступки и преступленія; иногда онъ несетъ наказаніе въ теченіе этой же жизни, а если нѣтъ—то духъ его воплощается вновь, чтобы искупить свои преступленія, совершенныя въ предыдущее воплощеніе. Христіанство говоритъ о вѣчныхъ мукахъ,—но развѣ вѣчное мученіе совмѣстимо съ идеей Божества, съ идеей высшаго, разумнаго и справедливаго начала? Гдѣ же здѣсь милосердіе, о которомъ говоритъ то же христіанство? Согласись, что это непослѣдовательно. Если Господь милосердъ, то нѣтъ вѣчныхъ мукъ, а если есть вѣчныя муки — то нѣтъ милосердія: одно другое несомнѣнно исключаетъ. Человѣчество окружено такой массой всевозможныхъ соблазновъ, борьба за существованіе такъ трудна, что карать вѣчными муками слабовольнаго человѣка за совершенные имъ проступки и даже преступленія несправедливо и несовмѣстимо съ величіемъ Творца,—и вотъ повторныя воплощенія и являются тѣми наказаніями, которыя несетъ человѣчество: но вмѣстѣ съ тѣмъ эти воплощенія даютъ духу возможность усовершенствоваться и въ своемъ совершенствованіи постепенно приближаться къ тому разумному началу, которое оживляетъ всю вселенную. Жизнь, это — школа для духа, который въ своихъ перевоплощеніяхъ стремится къ одному животворному,

разумному, руководящему началу. Вотъ моя вѣра, которая ведетъ меня по моему жизненному пути, которая объяснила и объясняетъ мнѣ все то, что произошло и происходитъ со мной, и безъ которой всѣ эти явленія остаются въ области чудесъ и отрицаются холоднымъ разсудкомъ современнаго человѣчества, выводящаго свое происхожденіе и свое бытіе изъ физическаго кабинета и отрицающаго всякое духовное начало въ созданіи міра. Моя вѣра, это—жизнь, тогда какъ въ вѣрѣ современнаго человѣчества, если оно только вѣритъ еще во что-нибудь, слышится запахъ плѣсени, запахъ могилы, но не нашей могилы, являющейся звеномъ въ длинной цѣпи существованія духа, а могилы черной, сырой, безъ просвѣта и безъ надежды.

Вдохновенная рѣчь Иволгина была такъ логична, такъ заманчива, что я не нашелся, что отвѣтить ему, и ничѣмъ не могъ опровергнуть высказанныхъ имъ положеній.

III.

Въ Каирѣ я въ тотъ пріѣздъ прожилъ недѣли три, нѣсколько разъ повторялъ свой опытъ и проводилъ ночи у подножія сфинкса въ надеждѣ что-нибудь увидѣть, но явленія больше не повторялись, и я рѣшилъ, что тотъ разъ у меня просто разыгрались нервы, и все то, что я тогда видѣлъ, было результатомъ разыгравшейся фантазіи. Я ѣхалъ въ Египетъ въ надеждѣ увидѣть что-нибудь необычное, и видѣнное мною явилось только результатомъ моего душевнаго настроенія. Теперь-то я хорошо знаю, что все это происходило не во снѣ, а наяву. Церемоніи эти происходятъ въ извѣстные дни года, и я совершенно случайно попалъ въ ту именно ночь, когда происходила одна изъ нихъ. Конечно, для того, чтобы увидѣть что-нибудь, надо было, чтобы я удовлетворялъ нѣкоторымъ условіямъ, лежащимъ внутри меня,—чего я тогда еще не зналъ. Теперь я обыкновенно всегда присутствую на нихъ, такъ какъ мнѣ извѣстны дни, когда бываетъ богослуженіе, и если ты пожелаешь—то, я надѣюсь, мнѣ удастся получить для тебя разрѣшеніе посмотрѣть на одно изъ нихъ. Надѣюсь, ты погостишь у меня: ближайшая церемонія произойдетъ черезъ семь недѣль: это будетъ въ полнолуніе, и ты все тогда хорошо увидишь.

Эти три мѣсяца я провелъ почти исключительно въ арабской части города и въ мечетяхъ, куда меня привлекалъ ихъ таинственный полумракъ, такъ гармонирующій съ простотой ихъ обстановки и ритмическимъ гуломъ отъ чтенія корана правовѣрными. Я бѣжалъ отъ суеты современнаго Каира съ его великолѣпными отелями и напыщенными англичанами и искалъ спокойствія среди тишины молчаливыхъ мавзолеевъ, воздвигнутыхъ надъ гробами великихъ людей когда-то свободнаго Египта. Но это было все еще не то: я жаждалъ углубиться въ сѣдое прошлое древняго Египта, когда священная долина Нила управлялась туземными фараонами, углубиться въ ту эпоху, когда всюду воздвигались жертвенники Аммону, Озирису, Изидѣ и другимъ богамъ, покровительствовавшимъ странѣ великаго Рамзеса. Меня неудержимо привлекала къ себѣ эта эпоха, казавшаяся мнѣ чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, но для этого надо было проникнуть внутрь страны, подняться вверхъ по Нилу и посѣтить знаменитые Карнакскіе храмы и древнія царскія могилы въ Ѳивахъ.

Я отправился въ Луксоръ, расположенный на восточномъ берегу Нила, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Карнака и Ѳивъ. Луксоръ, это — небольшое мѣстечко, но имѣющее нѣсколько прекрасныхъ гостиницъ, устроенныхъ съ расчетомъ удовлетворить требовательныхъ и капризныхъ англичанъ. Одна изъ нихъ лежитъ на самомъ берегу Нила, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея находятся развалины храма Аммона, выстроеннаго за 1.500 лѣтъ до Р. Х. фараономъ Аменготепомъ III; но при Рамзесѣ II храмъ былъ значительно расширенъ, была выстроена великолѣпная колоннада, поражающая и теперь своими размѣрами, поставленъ пилонъ и два обелиска и устроенъ передній дворикъ, гдѣ между пилястрами воздвигнуты были огромныя статуи самого Рамзеса: нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и до нашего времени. Храмъ этотъ очень пострадалъ, часть его находится подъ землей, и въ этомъ мѣстѣ возвышается теперь небольшая мечеть съ минаретомъ.

Сравнительно съ храмами Карнака Луксорскій храмъ производитъ меньшее впечатлѣніе, но зато хорошъ онъ при лунномъ освѣщеніи; впрочемъ, тогда выигрываютъ вообще всѣ развалины,—напримѣръ, болѣе поэтическаго мѣста, чѣмъ Акрополь въ Аѳинахъ, при лунѣ я не видѣлъ. Рѣзко выступаютъ тѣни, фигуры кажутся еще больше, и чудится, точно оживаютъ онѣ въ эти ночи, озаряемыя блѣдными лучами таинственной луны.

На другой же день послѣ пріѣзда въ Луксоръ я отправился въ знаменитыя стовратыя Ѳивы съ цѣлью посѣтить гробницы царей и царицъ, которыя меня особенно интересовали и притягивали.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Вертоградъ Царскій.

Очеркъ **В. Н. Агаева.**

(Продолженіе).

Кромѣ Лѣтняго дворца, въ первомъ саду былъ построенъ каменный дворецъ Екатерины I на углу между Невой и Лебяжьимъ каналомъ (противъ дворца принца Ольденбургскаго).

При Екатеринѣ I въ 1725 г. около Лѣтняго дворца Петра I на берегу Невы на мѣстѣ теперешней рѣшетки была выстроена торжественная зала съ большой галлереей для празднествъ по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ. Фасадъ этого зданія имѣлъ снаружи два яруса оконъ,—внизу 10 большихъ съ украшеніями въ голландскомъ вкусѣ, сверху—11 меньшихъ размѣровъ. Въ залу вела парадная дверь съ 8 широкими ступенями. На крышѣ былъ установленъ большой государственный гербъ—двуглавый орелъ.

Это зданіе въ 1731 г. было разобрано, и вмѣсто него былъ построенъ деревянный домъ, въ которомъ жила императрица Анна Іоанновна, а по смерти ея—герцогъ Биронъ. Послѣдній въ ночь на 8 ноября 1740 г. былъ арестованъ въ этомъ домѣ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, послѣ чего съ фронтона этого дома былъ сорванъ огромный мѣдный гербъ Бирона. Дворецъ былъ одноэтажный, очень обширный и отличался богатымъ убранствомъ.

Пыляевъ (по запискамъ Блудовой) разсказываетъ объ одномъ явленіи, происшедшемъ въ этомъ дворцѣ. За нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны ночью въ тронной залѣ появился двойникъ императрицы. Призракъ ходилъ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову. Караульный офицеръ, предполагая, что это—дѣйствительно императрица, но въ то же время смущенный такой ночной прогулкой, рѣшился разспросить другихъ, не знаетъ ли кто намѣреній царицы. Доложено было Бирону, а затѣмъ и самой Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица выходитъ, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ идетъ съ нею. „Они видятъ женщину, поразительно похожую на императрицу... „Дерзкая"! — говоритъ Биронъ и вызываетъ весь караулъ: солдаты и всѣ присутствующіе видятъ: двѣ Анны Іоанновны... Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, подходитъ къ ней, говоря: „Кто ты? Зачѣмъ ты пришла?" Не отвѣчая ни слова, привидѣніе пятится, не сводя глазъ съ императрицы, къ трону, всходитъ на него и на ступеняхъ, обращая глаза еще разъ на императрицу, исчезаетъ. Императрица обращается къ Бирону и произноситъ: „Это—моя смерть",—и уходитъ къ себѣ" [1]).

Изъ всѣхъ описанныхъ зданій перваго сада сохранился только первоначальный Лѣтній дворецъ Петра I.

Во второмъ саду, отдѣленномъ раньше небольшимъ поперечнымъ каналомъ отъ перваго сада, былъ устроенъ существующій до сихъ поръ прудъ, обнесенный раньше галлереей, на которой въ праздничные дни собирались петербуржцы. Съ южной стороны къ Лѣтнему саду въ 1821 г. примыкала оранжерея.

Третій садъ былъ расположенъ за Мойкой. Садъ этотъ, постепенно разрастаясь, въ Елисаветинское время занималъ довольно большую площадь отъ Фонтанки до Екатерининскаго канала и отъ Мойки до Итальянской улицы (см. рис. 3 на стр. 53).

На мѣстѣ Инженернаго замка въ 1717 г. стоялъ деревянный лѣтній дворецъ (Ж), построенный для Екатерины. Покои этого дворца были роскошно отдѣланы и украшены вызолоченными орнаментами по рисункамъ Леблона. При дворцѣ была построена церковь во имя св. Троицы, сооруженная Екатериной I. Когда въ 1750 г. Троицкій соборъ, построенный Петромъ Великимъ на Петербургской сторонѣ, сгорѣлъ, то на его мѣсто была перенесена церковь Лѣтняго дворца съ прибавкой къ ней купола и колокольни.

На Елисаветинскомъ планѣ (рис. 3) можно замѣтить садъ около лѣтняго деревяннаго дворца, носившій названіе: „Императрицына"; далѣе слѣдовалъ садъ съ двумя бассейнами (И), остатки которыхъ находятся и теперь въ Михайловскомъ саду; на мѣстѣ же Михайловскаго сада обозначенъ прямоугольный паркъ (I) съ прудами, цвѣтниками, деревьями, а приблизительно въ мѣстѣ пересѣченія Инженерной и Садовой улицъ былъ разбитъ большой садовый лабиринтъ съ запутанными дорожками (3).

Если присоединить къ описанному еще Царицынъ лугъ съ разбитыми на немъ цвѣтниками и аллеями, то можно представить, какое большое пространство занималъ садовый районъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Все, что обозначено на Елисаветинскомъ планѣ, впослѣдствіи было неоднократно измѣняемо, передѣлываемо или уничтожаемо, и въ настоящее время отъ этого района сохранились лишь Лѣтній и Михайловскій сады.

Лѣтній деревянный дворецъ, мало обитаемый, скоро пришелъ въ ветхость. Анна Іоанновна приказала его разрушить и построить болѣе обширный новый. Хотя этотъ послѣдній дворецъ оконченъ былъ еще при жизни Анны Іоанновны, но переѣхать въ него пришлось лишь Екатеринѣ въ 1742 г. Дворецъ этотъ строилъ гр. Растрелли.

Павелъ I [2]) приказалъ его снести, и въ февралѣ 1797 на мѣстѣ Лѣтняго деревяннаго дворца на Фонтанкѣ былъ заложенъ Михайловскій, нынѣ Инженерный замокъ.

[1]) Пыляевъ „Старый Петербургъ".

[2]) Павелъ I родился въ этомъ дворцѣ.

Максимъ Горькій. Портретъ работы Н. Шлеина.

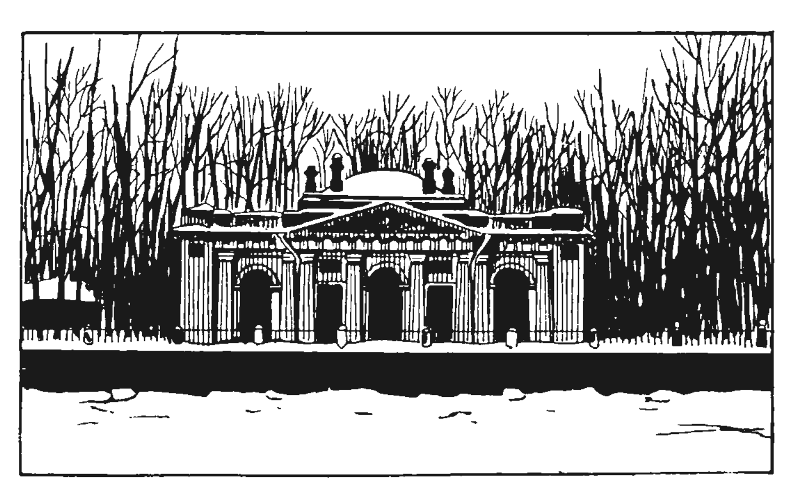


Рис. 7.

Кромѣ описанныхъ дворцовъ, въ Лѣтнемъ саду были размѣщены и другія сооруженія, въ устройствѣ которыхъ дѣятельное участіе принимали Леблонъ и другіе архитекторы. [1]).

Необходимой принадлежностью французскихъ садовъ считались гроты—grottes de rocailles, и поэтому на берегу Фонтанки былъ построенъ въ 1718 г. изящный, отдѣланный внутри туфомъ, мраморомъ и раковинами, гротъ съ фонтанами, каскадами и прочими „ватеръ-кунстами". Въ этотъ гротъ были перенесены изъ галлереи на берегу Невы Венера и другія античныя статуи, купленныя Петромъ. Гротъ сверху имѣлъ куполъ съ стеклянымъ фонаремъ (рис. 3—В).

Гротъ существовалъ еще въ началѣ XIX столѣтія. Въ 20-хъ годахъ на его мѣстѣ былъ построенъ архитекторомъ Росси каменный павильонъ, гдѣ лѣтъ тридцать содержалъ кондитерскую итальянецъ Піяцци [2]) (рис. 7).

Далѣе за гротомъ, ближе къ Мойкѣ, стояли: запасный дворецъ (Г) и водовзводная фонтанная башня (Е) [3]).

Близъ грота расположены были свинцовыя вызолоченныя статуи. Такія же фигуры съ малыми фонтанчиками были разсѣяны по всему саду. Всего ихъ было болѣе шестидесяти.

Рис. 8.

Эти фигуры представляли собой изображенія Эзоповыхъ басенъ. Группы и фонтаны были устроены въ небольшихъ бассейнахъ, обложенныхъ мхомъ и раковинами съ озера Ильменя.

Кромѣ басенъ, красовалась фигура самого горбатаго Эзопа.

Такъ какъ смыслъ этихъ изваяній былъ иногда непонятенъ для зрителей, то около каждой группы, по распоряженію Петра I, былъ вбитъ столбъ съ жестяной доской, на которой были написаны басня и толкованія ея. Кромѣ этого, въ Лѣтнемъ саду было нѣсколько фонтановъ и каскадовъ, и въ бассейнѣ одного фонтана сидѣлъ тюлень.

Устройство фонтановъ стоило не малыхъ трудовъ. Они сооружены были въ 1718 г., когда былъ прорытъ Лиговскій каналъ отъ рѣчки Лиговки, которая беретъ начало въ 10 верстахъ отъ города по правой сторонѣ Петергофской желѣзной дороги (съ Дудергофскихъ высотъ). Изъ Лиговскаго канала вода собиралась въ особые бассейны (нынѣ прудки на Пескахъ), а оттуда по трубамъ и черезъ акведукъ [4]) (на мѣстѣ нынѣшняго Пантелеймоновскаго моста) (рис. 8) къ мазанковой водоподъемной башнѣ (Е), а отсюда уже—по трубамъ къ фонтанамъ и каскадамъ сада [5]).

Одинъ **изъ** фонтановъ, мраморный, вызолоченный и украшенный **вазами** и сосудами, особенно цѣнился Петромъ; фонтанъ былъ **окруженъ** отдѣльной рѣшеткой, которая запиралась изъ предосторожности [6]).

1777 годъ былъ роковымъ для многихъ сооруженій Лѣтняго сада. Бурей и наводненіемъ садъ былъ опустошенъ, высокія деревья вырваны съ корнями, куртины испорчены, фигуры басенъ опрокинуты и разбиты. Вскорѣ послѣ этого фонтаны были упразднены. Императрица Екатерина II подарила своимъ придворнымъ водопроводныя трубы и свинцовыя статуи.

Въ 1778 г. по приказанію Екатерины на мѣстѣ прежнихъ галлерей, о которыхъ говорилось раньше, начали строить превосходную рѣшетку по проекту архитектора Фельтена. Она была окончена въ 1784 г. Эта ограда состоитъ изъ 36 гранитныхъ колоннъ, высѣченныхъ изъ цѣльныхъ массивовъ, высотой въ двѣ сажени и діаметромъ въ три фута, поставленныхъ на гранитныхъ пьедесталахъ 6 футовъ въ кубѣ. Между столбами на гранитномъ цоколѣ сооружена рѣшетка выдержаннаго изящнаго рисунка (рис. 9 — ворота и 24). Такимъ образомъ Лѣтній садъ постепенно приходилъ къ тому виду, какимъ онъ является теперь. Въ 1781 г. былъ засыпанъ каналъ, отдѣлявшій первый садъ отъ второго, и въ этомъ мѣстѣ образовалась одна изъ поперечныхъ аллей средней части сада [1]). Въ настоящее время Лѣтній садъ занимаетъ площадь въ 27.000 кв. саж. или 11¼ десятинъ.

V.

По мѣрѣ того, какъ росъ и видоизмѣнялся Лѣтній садъ, пустопорожнія мѣста около него застраивались, рылись каналы, прокладывались улицы, выростали дома. При Петрѣ Великомъ около Лѣтняго сада были построены слѣдующія сооруженія и дома.

Къ сторонѣ Литейнаго проспекта были прорыты параллельные каналы, изъ которыхъ потомъ образовались улицы: Шпалерная, Захарьевская, Сергіевская, Литейный и Воскресенскій проспекты, а также Таврическая улица образовались тоже изъ каналовъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны уже приступили къ засыпкѣ ихъ, и послѣдній каналъ былъ зарытъ при Екатеринѣ II.

Противъ Лѣтняго сада на Фонтанкѣ, на мѣстѣ Соляного городка, устроена была „партикулярная верфь" для постройки мелкихъ рѣчныхъ судовъ, а для подвоза матеріаловъ къ верфи прорытъ Косой каналъ, позднѣе обращенный въ Косой переулокъ.

Къ западу отъ Лѣтняго дворца Петра на другомъ концѣ сада въ 1716 году былъ прорытъ каналъ между Лѣтнимъ садомъ и Царицынымъ лугомъ (рис. 3 — Н) [2]). На елисаветинскомъ планѣ часть луга обращена въ цвѣточный садъ. При Аннѣ Іоанновнѣ лугъ былъ покрытъ травянымъ дерномъ, и на немъ были разбиты двѣ аллеи параллельно Невѣ и двѣ діагональныя. Въ то же время здѣсь былъ лагерь трехъ гвардейскихъ полковъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Мраморный дворецъ, стоялъ двухэтажный мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ, почтовый домъ (рис. 3 — Ф), въ которомъ помѣщались почта и гостиница для пріѣзжающихъ. Въ этомъ же

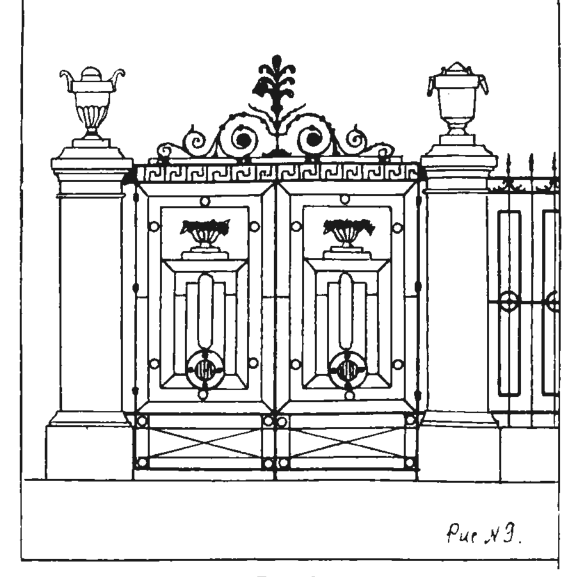


Рис. 9.

[1]) Маттарнови, Микетти, Земцовъ и др.
[2]) Въ настоящее время тамъ помѣщена библіотека Русскаго Общ. Садоводства.
[3]) Постр. Земцовымъ въ 1719—1720 г.
[4]) Архитектурная обработка акведука—раб. Растрелли.
[5]) Фонтанка, ранѣе называемая „Безыменнымъ Ерикомъ", получила свое позднѣйшее названіе отъ того, что сперва вода для фонтановъ накачивалась водовзводнымъ колесомъ изъ Фонтанки.
[6]) Михлевичъ. „Петербургъ весь на ладони".

[1]) На мѣстѣ предотвращеннаго покушенія на жизнь императора Александра II у Лѣтняго сада поставлена изящная мраморная часовня.
[2]) Лебяжій.

домѣ давались и ассамблеи, и тогда всѣ пріѣзжіе должны были выѣзжать изъ гостинницы.

Тамъ, гдѣ теперь находится дворецъ принца Ольденбургскаго, при Екатеринѣ II былъ домъ Рибасъ, дочери Бецкаго, съ висячимъ садомъ. Домъ этотъ строилъ архитекторъ Валленъ-де-Ламотъ (въ Россіи съ 1759—1776 г.).

На мѣстѣ казармъ л.-гв. Павловскаго полка въ 1721 году былъ домъ, въ которомъ жилъ герцогъ Голштинскій, женившійся потомъ на Аннѣ, дочери Петра. Рядомъ въ каменномъ домѣ жилъ генералъ Вейде, извѣстный своими работами по составленію Воинскаго устава. Изъ старинныхъ зданій этого района уцѣлѣлъ домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Лестоку, потомъ Апраксину, затѣмъ графу Шувалову. Аптекарскій переулокъ, расположенный за Павловскими казармами, получилъ свое названіе отъ казенной аптеки въ этомъ переулкѣ.

Согласно плану Елисаветинскаго Петербурга въ то время существовалъ „Красный каналъ" (рис. 3—0), параллельный Лебяжьему. Красный каналъ протекалъ мимо линій, гдѣ теперь стоятъ Павловскія казармы, вплоть до Невы (по направленію Царицынской улицы). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Милліонная ул. пересѣкаетъ Царицынскую, былъ бассейнъ, отведенный отъ Краснаго канала, теперь не существующій (Л). Этотъ прудъ при Елисаветѣ носилъ названіе: „Le pas de Calais". Около пруда въ домѣ гр. Скавронскаго помѣщалось англійское посольство, а въ нижнемъ этажѣ жилъ король Станиславъ Понятовскій въ качествѣ секретаря англійскаго посольства: въ домѣ Апраксина помѣщалось французское посольство.

На Милліонной ул. до сихъ поръ сохранился домъ съ четырьмя колоннами изъ чернаго мрамора съ бѣлыми жилками. Домъ этотъ принадлежалъ Густаву Бирону, брату временщика. Позднѣе этимъ домомъ владѣлъ Потемкинъ, потомъ Игнатьевъ [1]). Въ настоящее время домъ принадлежитъ князю Абамелекъ-Лазареву. Проектъ этого дома былъ составленъ академикомъ Крафтомъ.

Въ 1779 г. черезъ Лебяжій каналъ и Мойку у Лѣтняго сада были построены деревянные мосты.

[1]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ".

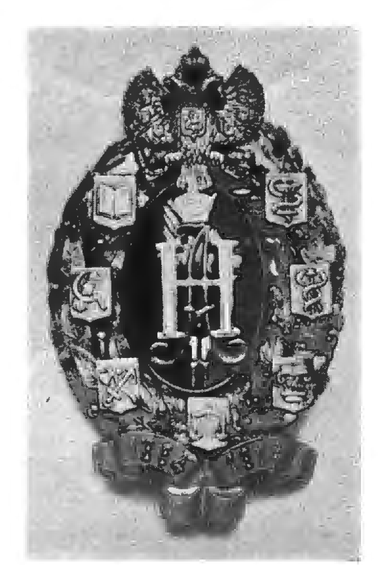
(Окончаніе слѣдуетъ).

Торжество Земской Россіи.

(1864—1914).

(Съ рис., портр. и групп.).

Въ первыхъ числахъ января с. г. наши столицы и провинція торжественно отпраздновали 50-лѣтіе существованія русскаго земскаго самоуправленія. Этотъ юбилей является однимъ изъ знаменательныхъ юбилеевъ „эпохи великихъ реформъ". Мы теперь начинаемъ переживать за годомъ годъ возникновеніе юбилейныхъ откликовъ на знаменитую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Не такъ давно мы поминали и праздновали 50-лѣтіе освободительной крестьянской реформы. Въ непродолжительномъ времени будемъ поминать и праздновать 50-лѣтіе реформированнаго суда, 50-лѣтіе городового положенія, 50-лѣтіе всеобщей воинской повинности и т. д. Всѣ эти юбилеи составляютъ одно органически-цѣлое — воспоминаніе о великомъ переустройствѣ нашей родины на началахъ мудрости, любви къ народу и живого творческаго порыва, который такъ овладѣлъ русскими передовыми людьми въ знаменательную эпоху шестидесятыхъ годовъ.



Нагрудный знакъ земскимъ дѣятелямъ въ память 50-лѣтіе Земскихъ учрежденій.

Въ эту эпоху и этими людьми было зачато и земское самоуправленіе. Въ сущности, идея мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія не была чужда Россіи еще и въ глубокую старину, но потомъ она угасла и замерла въ эпохи развитія высшей правительственной (точнѣе, чиновнической) централизаціи. Шестидесятые годы были призваны воскресить ее. Въ особенности ярко сказалась необходимость этого воскрешенія при проведеніи крестьянской реформы (упраздненіе крѣпостного права). Творцамъ 19 февраля было съ самаго начала ясно, что невозможно освободить крестьянъ отъ рабства и не поставить ихъ обновленное существованіе въ условія болѣе разумной и культурной жизни, и что для этого необходимо мѣстное самоуправленіе по вопросамъ мѣстной хозяйственной политики и практики. Тѣ дѣла и заботы, которыя въ прежнее время отчасти возлагались на „людевладѣльцевъ"-помѣщиковъ, а частью на органы правительственной власти, неизбѣжно должны были перейти къ органамъ власти общественной, къ людямъ, которымъ близко знакомы всѣ мѣстныя общественныя дѣла и заботы. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ такъ тѣсно слитъ съ вопросомъ о земскомъ самоуправленіи, что самая мысль о необходимости образованія особыхъ органовъ мѣстнаго хозяйственнаго-распорядительнаго управленія возникла одновременно съ составленіемъ положеній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного рабства и впервые была провозглашена еще въ 1859 году въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 марта. Въ этомъ повелѣніи, направленномъ къ лицамъ, трудившимся надъ осуществленіемъ крестьянской реформы, было предписано: при устройствѣ исполнительной и слѣдственной частей войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, при чемъ обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи. Эти слова Высочайшаго повелѣнія и послужили основаніемъ для земской реформы: 23 октября 1859 года было повелѣно составить на этихъ началахъ проектъ преобразованія губернскаго управленія. Земство возникло позднѣе—въ 1864 году, но мы должны непремѣнно отмѣтить въ его исторіи и эту знаменательную дату — 23 октября 1859 года: тогда было положено начало самой идеѣ земскаго самоуправленія, послѣ того, какъ была осознана необходимость такого самоуправленія.

Необходимость въ освѣженіи мѣстнаго хозяйственнаго управленія новыми силами и въ замѣнѣ ими на мѣстахъ отжившей бюрократической канцелярщины слишкомъ уже била тогда всѣмъ въ глаза. Даже такіе сравнительно умѣренные въ своихъ воззрѣніяхъ дѣятели, какъ одинъ изъ дѣятелей земской реформы, П. А. Валуевъ, находили достаточно рѣзкія слова для запечатлѣнія несовершенствъ и непорядковъ стараго приказнаго строя въ общественномъ хозяйствѣ. Въ своей извѣстной „Думѣ Русскаго" П. А. Валуевъ пишетъ: „Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ или послѣдствіями голода половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ возрастающая механизація дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія".

Этой общей характеристикѣ приказнаго хозяйничанья вполнѣ соотвѣтствовали частныя подробности. Для примѣра можно указать на то, что почти наканунѣ введенія земскаго самоуправленія деревни почти поголовно были безграмотны — народнаго образованія почти не существовало. Уѣздное и губернское хозяйства велись до крайности неэкономно; медицинское дѣло было поставлено прямо ужасно, и медицинской помощи въ уѣздахъ почти не существовало. Всюду царили всевозможныя злоупотребленія, такъ что нельзя было говорить ни о какой культурѣ въ сердцевинѣ Россіи.

Въ особенности ужасно было больничное дѣло. Такъ, напримѣръ, въ Саратовской губерніи существовали больницы, построенныя еще въ 1806 году и не ремонтировавшіяся до самаго перехода ихъ въ земство въ 1864 г. О домѣ душевно-больныхъ въ Полтавѣ, по словамъ тамошняго врача, „лучше бы не говорить, такъ постыдно содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигіеническомъ отношеніи"... Въ Пермской губерніи на двухмилліонное населеніе имѣлось только 11 больницъ съ 425 кроватями, при чемъ въ шести больницахъ не было врачей, а зданія были ветхи, холодны, пропитаны нечистотами, печи развалились, больные помѣщались въ одной кучѣ—заразные съ незаразными... Въ Бессарабской губерніи имѣлись больницы для душевно-больныхъ, при чемъ на 100 больныхъ числился лишь одинъ служитель. Это былъ поистинѣ какой-то Дантовъ Адъ. И это происходило почти на всемъ протяженіи Россіи...

Понятно, что такія и имъ подобныя неустройства слишкомъ вопіяли. И какъ только былъ данъ свыше толчокъ для дѣятельности по переустройству нашего внутренняго хозяйства—дѣятельность эта пошла быстрыми шагами.

Мы уже упомянули о Высочайшемъ повелѣніи 23 октября 1859 года касательно составленія проекта преобразованія мѣстнаго управленія. Выполненіе этой задачи было возложено на Комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго дѣятеля эпохи великихъ реформъ— Н. А. Милютина. Эта Комиссія, названная потомъ Комиссіей о Земскихъ учрежденіяхъ, поступила нѣсколько позднѣе подъ руководство П. А. Валуева, который замѣнилъ на предсѣдатель.

скомъ посту Н. А. Милютина. Въ „валуевской“ Комиссіи работали многіе замѣчательные дѣятели того времени и въ ихъ числѣ С. И. Зарудный, Н. И. Стояновскій, А. Г. Тройницкій, В. А. Татариновъ, М. Н. Островскій и др. 15 марта 1862 года былъ представленъ въ Совѣтъ Министровъ на Высочайшее воззрѣніе выработанный Комиссіей Очеркъ Положенія о Земскихъ учрежденіяхъ. Нѣсколько позднѣе этотъ Очеркъ подвергся разсмотрѣнію и исправленію въ особомъ совѣщательномъ собраніи Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. 2 іюля того же 1862 года главныя начала земской реформы получили Высочайшее одобреніе и осенью были распубликованы въ общее свѣдѣніе. Къ веснѣ 1863 года Проектъ Земскаго Положенія получилъ дальнѣйшую разработку, болѣе детальную, и 26 мая былъ внесенъ въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, при чемъ туда же были приглашены для участія въ совѣщаніяхъ петербургскіе и московскіе предводители дворянства и городскіе головы.

Предварительное обсужденіе Проекта земской реформы при участіи этого общественнаго элемента было кончено въ іюлѣ 1863 года. Несмотря на такое сравнительно быстрое теченіе дѣла, въ дальнѣйшемъ проведеніе реформы грозило затянуться въ ожиданіи составленія Устава о земскихъ повинностяхъ. Но императоръ Александръ II рѣшилъ дать дѣлу энергичный толчокъ: 1 ноября 1863 года послѣдовало категорическое Высочайшее повелѣніе: „Требую, чтобы дѣло это было непремѣнно окончено до 1 января 1864 года“... Послѣ этого реформа пошла усиленнымъ темпомъ: въ серединѣ декабря Проектъ реформы обсуждался уже въ общихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, при участіи бар. М. Корфа, Е. П. Ковалевскаго, Н. А. Милютина, П. А. Валуева и другихъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей. При обсужденіи реформы сдѣлалъ весьма характерныя замѣчанія бар. М. Л. Корфъ: онъ говорилъ, что сущность реформы должна состоять вовсе не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія, но въ измѣненіи коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, въ разрушеніи ея старыхъ основъ и въ построеніи ея на началахъ децентрализаціи и самоуправленія... Другой извѣстный дѣятель того времени, Е. П. Ковалевскій, при исчисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій предложилъ включить „попеченіе о народномъ образованіи“. Если мы припомнимъ, какую громадную роль наше земство сыграло именно въ вопросахъ начальнаго народнаго образованія, то этимъ словамъ Е. П. Ковалевскаго нужно приписать знаменательное значеніе.

Наконецъ 1 января 1864 года Положеніе о Земскимъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію. И съ этого момента наше земство стало офиціально существовать. Фактически Земскія учрежденія стали открываться однако лишь 7 февраля 1865 года постепенно въ разныхъ губерніяхъ. Въ 1865—1866 гг. они были введены въ 27 губерніяхъ, а въ 1867—1875 гг.—еще въ шести губерніяхъ. Еще позднѣе, совсѣмъ недавно, земство было открыто въ Астраханской губерніи и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Западнаго края. Въ общемъ, земская реформа еще не завершилась въ Россіи, и еще остается цѣлый рядъ неземскихъ губерній и мѣстностей.

Что̀ сдѣлало земство за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія въ Россіи? Оправдались ли надежды и упованія, возлагавшіяся на него такими защитниками и теоретиками земскаго самоуправленія, какъ извѣстный земскій дѣятель и писатель по земскимъ вопросамъ кн. А. И. Васильчиковъ или извѣстный ученый К. Л. Кавелинъ?

Пятидесятилѣтняя работа земства говоритъ за себя достаточно громко. Несмотря на многія неблагопріятныя условія своего бытія, несмотря на отсутствіе (въ особенности въ первые годы) опыта въ дѣлѣ самоуправленія и на недостаточность матеріальныхъ средствъ, земство всюду, гдѣ оно появилось, сразу ставило общественное хозяйство въ условія новой культурной жизни.

Громадны заслуги земства въ области народнаго образованія. Земство создало всѣмъ извѣстный типъ земской школы, постоянно заботилось о поднятіи уровня грамотности въ народѣ, тратило большія средства на улучшеніе учебныхъ средствъ и всей учебной обстановки. И въ настоящее время есть земскіе районы, гдѣ фактически уже осуществлено всеобщее народное обученіе. Ко-

Императоръ Александръ II.

Н. А. Милютинъ.

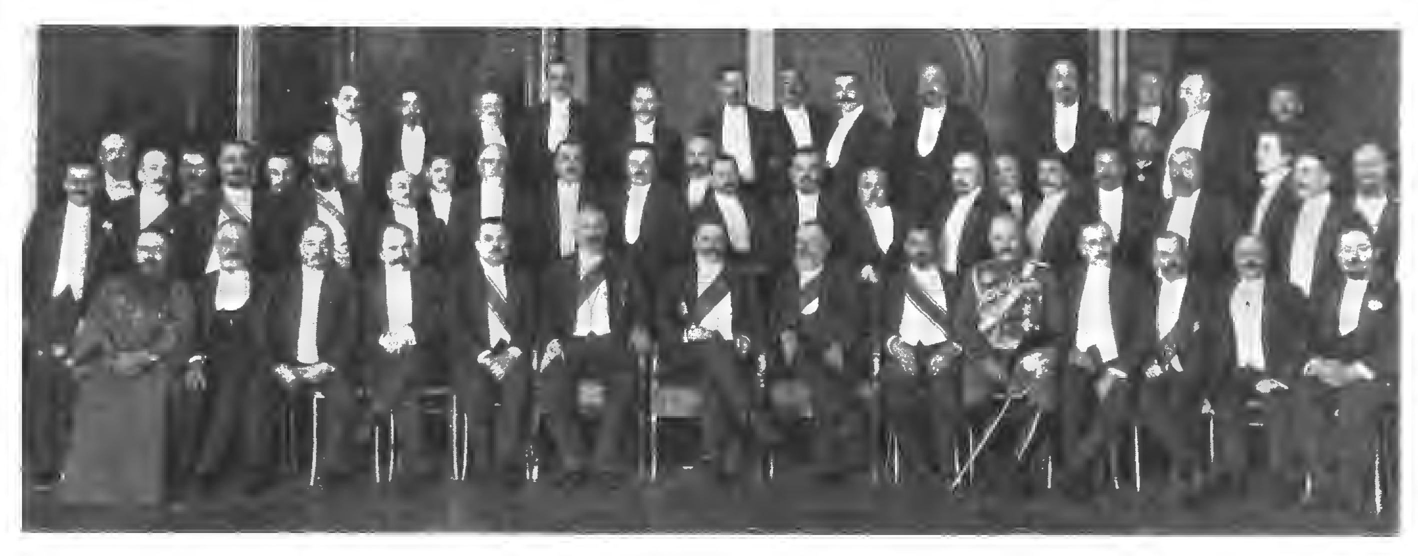
П. А. Валуевъ.

Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій.

лоссальный ростъ народной грамотности въ послѣднія десятилѣтія—цѣликомъ дѣло земства.

Такъ же велики и неоспоримы заслуги земства и въ области народнаго здравія. До введенія земской реформы сельское населеніе не знало медицинской помощи, а теперь медицина — одна изъ блестящихъ сторонъ земской работы. „Земскій врачъ"—этотъ подвижникъ, этотъ милосердный самарянинъ, не знающій покоя



Среди представителей земства—высшіе представители правительства: министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Участники раута въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. По фот. К. Булла.

и отдыха въ своей тяжкой работѣ по оказанію медицинской помощи населенію — типъ, созданный исключительно земствомъ... Земствомъ созданы и больницы, и амбулаторіи, и летучіе врачебные отряды во время эпидемій. Цѣлая сѣть такихъ учрежденій покрываетъ земскія губерніи. Земская медицина выросла теперь въ стройную систему, въ которой уже выработаны свои методы и системы помощи населенію. Сѣть медицинскихъ земскихъ учрежденій и число врачей растетъ съ каждымъ годомъ: въ 1870 г. было всего 613 земскихъ врачей, а въ 1913 году ихъ имѣлось уже 3.148. Средній радіусъ врачебнаго участка теперь въ общемъ составляетъ уже всего 17 верстъ.

Россіи и ея нуждъ. Много работало и работаетъ земство и для улучшенія сообщеній: устраиваются дороги, возникаетъ земскій телефонъ и т. п.

Интересны слѣдующія цифровыя данныя: въ первые годы существованія земства его бюджетъ (въ 30 губерніяхъ) достигалъ 16 милліоновъ р. Къ 1895 году бюджетъ русскаго земства возросъ уже до 63 милліоновъ, а въ настоящее время онъ достигаетъ (вмѣстѣ съ 6 западными земствами) 290 милліоновъ рублей... Что касается земскихъ расходовъ, то въ 1871 году земства тратили на народное образованіе, медицину и ветеринарію всего лишь 18 процентовъ смѣты, а въ 1912 году—65 процентовъ...

Эти цифры ярко и выразительно характеризуютъ ростъ земства и его дѣятельности. И если мы сравнимъ дореформенное прошлое нашей страны съ нынѣшней земской Россіей, то разница получится поражающая.

И пятидесятилѣтній юбилей земства застаетъ наше земское самоуправленіе въ расцвѣтѣ плодотворной дѣятельности. Земству есть что припомнить за эти пятьдесятъ лѣтъ и есть чѣмъ гордиться.

Предсѣдатель Петерб. земской управы Е. И. Яковлевъ. Министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Министръ внутр. дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Предсѣдатель Госуд. Совѣта М. Г. Акимовъ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Высшіе представители правительства и представители земской Россіи, присутствовавшіе на раутѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, состоявшемся 9 января с. г. По фот. К. Булла.

Велика работа земства и въ области экономической помощи населенію. Съ 90-хъ годовъ земства начинаютъ развивать агрономическую помощь, возникаетъ дѣятельность земскихъ сельскохозяйственныхъ складовъ. Въ позднѣйшее время возникли земская агрономія, земская ветеринарія, страхованіе скота, посѣвовъ, страхованіе отъ огня и пр. Возникла земская статистика, явившаяся могучимъ средствомъ познанія нашей земледѣльческой

Юбилейныя торжества по поводу пятидесятилѣтія существованія Земскихъ учрежденій продолжались въ Петербургѣ съ 7 по 11 января с. г.

На торжества съѣхалось множество представителей провинціальныхъ земствъ со всей земской Россіи, начиная отъ старыхъ земскихъ губерній (напримѣръ, Тверской) и кончая молодыми земствами Западнаго края.

Извѣстный критикъ и журналистъ Александръ Васильевичъ Дружининъ, редактировавшій журналъ „Библіотеку для Чтенія“ и газету „Вѣкъ“, учредитель „Литературнаго Фонда“. По поводу 50-лѣтія со дня кончины.

Юбилейныя торжества начались 7 января панихидою по императорѣ Александрѣ II, отслуженной въ Петропавловскомъ соборѣ. Послѣ панихиды предсѣдатели нѣкоторыхъ земскихъ управъ, и въ ихъ числѣ старѣйшій изъ прибывшихъ на торжества земцевъ, С. А. Петровъ, возложили на гробницу Царя-Освободителя серебряный вѣнокъ въ видѣ пальмовой вѣтви, перевитой лентами (рис. на стр. 57).

Въ тотъ же день въ Казанскомъ соборѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія „всероссійскому земству“. Вечеромъ въ помѣщеніи Губернской земской управы состоялся ознакомительный раутъ-встрѣча пріѣхавшихъ земцевъ. Этимъ раутомъ закончилась, такъ сказать, подготовительная часть юбилейныхъ торжествъ. Главная же, центральная часть торжествъ состоялась уже на другой день, 8 января, въ пятидесятилѣтнюю годовщину распубликованія Высочайше утвержденнаго 1 января 1864 года Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

Въ этотъ день въ Зимнемъ Дворцѣ происходилъ Высочайшій пріемъ представителей юбилейной земской депутаціи, прибывшей въ столицу на юбилейныя торжества.

Предсѣдатель Московской губернской земской управы, г. Шлиппе, съ предсѣдателемъ Петербургской губернской земской управы, г. Яковлевымъ, старѣйшимъ изъ предсѣдателей земскихъ управъ, предсѣдателемъ Владимірской губернской земской управы и старѣйшимъ изъ губернскихъ земскихъ гласныхъ имѣли счастіе поднести Его Императорскому Величеству отъ земствъ Имперіи на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Предсѣдатель Московской губернской земской управы при этомъ обратился отъ имени земствъ къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ привѣтствіемъ, сказавъ въ заключеніе: „Низко кланяемся Вамъ, Государь, просимъ принять нашу русскую хлѣбъ-соль и соизволить на приношеніе Наслѣднику Цесаревичу, надеждѣ вѣрноподданной Россіи, скромнаго дара, отражающаго поприща земской работы“.

Принявъ хлѣбъ-солъ, Его Величество изволилъ обходить представителей земствъ, удостаивая нѣкоторыхъ изъ нихъ милостивыхъ разспросовъ. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ обозрѣвать подарокъ отъ земствъ Имперіи, подносимый Наслѣднику Цесаревичу: „Хуторокъ въ видѣ образцовой деревни“, сдѣланный изъ дерева кустарями Московскаго земства.

Обратившись послѣ того къ представителямъ земствъ, Государю Императору было благоугодно изъявить удовольствіе видѣть ихъ по поводу пятидесятилѣтія земствъ и выразить въ ихъ лицѣ всему земству Россіи искреннюю благодарность Его Императорскаго Величества за высказанныя чувства и поднесенную хлѣбъ-соль.

Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ произнести слѣдующее: „Я выражаю твердую увѣренность, что всякая земская работа въ тѣсномъ единеніи съ Моимъ правительствомъ будетъ проникнута и воодушевлена безграничною заботою о безчисленныхъ мѣстныхъ нуждахъ населенія и о его благѣ. Разумное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ является главнымъ залогомъ развитія и подъема благосостоянія всего Государства.

„Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, счастливая любовью своихъ благодарныхъ сыновъ и гордая беззавѣтною преданностью ихъ Нашему Престолу“.

Слова Его Величества были покрыты громовымъ „ура“ присутствовавшихъ.

Во время Высочайшаго пріема земская депутація имѣла счастіе поднести Его Императорскому Величеству юбилейный нагрудный золотой знакъ (рис. на стр. 75) и три юбилейныя медали—золотую, серебряную и бронзовую.

Высочайшій обходъ продолжался полтора часа, послѣ чего при кликахъ „ура“ Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать въ внутренніе покои Дворца.

Вечеромъ 8 января состоялось торжественное собраніе земцевъ въ помѣщеніи Петербургской уѣздной земской управы. Предсѣдатель управы, С. М. Васильевъ, произнесъ въ этомъ собраніи интересную рѣчь, обрисовавъ ростъ и развитіе Петербургскаго земства за пятьдесятъ лѣтъ его существованія. Въ первый годъ своего существованія названное земство располагало всего лишь 40.000 - мъ бюджетомъ, нынѣ же его бюджетъ воз-

Сидятъ: **П. И. Вейнбергъ, М. А. Загуляевъ, Н. Ѳ. Анненскій, Н. К. Михайловскій, П. Н. Исаковъ, С. А. Венгеровъ, Л. Е. Оболенскій и П. Д. Боборыкинъ.**
Стоятъ: **И. Н. Потапенко, Н. И. Карѣевъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.**

„Литературный Фондъ“. Группа писателей, журналистовъ и ученыхъ.

К. С. Баранцевичъ. По поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности.

росъ до 1.500.000 р. Въ 1866 г. въ уѣздѣ было всего 11 школъ, теперь же — 181 школа, при чемъ на народное образованіе Петербургское земство расходуетъ въ годъ до 400.000 р. Полвѣка тому назадъ медицинскую помощь въ уѣздѣ оказывали два врача, а нынѣ возникла цѣлая сѣть медицинскихъ учрежденій съ многочисленными врачами, и земство тратитъ на медицину свыше 300.000 р. въ годъ.

9 января вечеромъ имѣло мѣсто торжественное собраніе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. На собраніи присутствовали высшіе чины министерства, представители другихъ министерствъ и вѣдомствъ и большое число приглашенныхъ на раутъ земцевъ. Раутъ этотъ прошелъ блестяще. Но еще большимъ блескомъ отличался раутъ въ Дворянскомъ Собраніи, состоявшійся въ Высочайшемъ присутствіи 10 января.

„Благодарю васъ за радушный и сердечный пріемъ и за поднесенную вами сегодня хлѣбъ-соль.

„Я счастливъ былъ видѣть большую часть земскихъ представителей отъ Россіи, собранныхъ въ столицѣ по случаю пятидесятилѣтія введенія земства покойнымъ Моимъ Дѣдомъ.

„Отъ всего сердца желаю преуспѣянія и процвѣтанія и плодотворнаго развитія земству и осушаю бокалъ за его здоровье и за его славу.

„За ваше здоровье".

Юбилейныя земскія торжества закончились на другой день (11 января) банкетомъ земцевъ, на которомъ было произнесено много рѣчей, характеризовавшихъ полувѣковую работу земства. Этимъ банкетомъ и завершились пышныя и знаменательныя торжества по случаю существованія русскаго земства.

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почивающему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи 12 января с. г. въ С.-Петербургѣ на площади противъ Михайловскаго манежа. Памятникъ — работы итальянскаго скульптора Каноника. По фот. К. Булла.

Громадная зала Собранія была переполнена приглашенными. Въ половинѣ десятаго часа изволилъ прибыть Государь Императоръ. Представители земской юбилейной депутаціи поднесли Его Величеству отъ земствъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Былъ исполненъ народный гимнъ, покрытый кликами „ура". Во время послѣдовавшаго затѣмъ музыкальнаго отдѣленія предсѣдатели всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній съ Высочайшаго соизволенія присутствовали въ Царской ложѣ.

Государю Императору было благоугодно обратиться на этомъ собраніи къ представителямъ земствъ съ слѣдующими высокомилостивыми словами:

Учащая Россія.

II. Съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго.

(Рис. на стр. 80).

(Окончаніе).

Съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго открылся 30 декабря въ помѣщеніи Женскаго Медицинскаго Института. Предсѣдатель организаціоннаго комитета, С. А. Золотаревъ, открывая Съѣздъ, указалъ, что Съѣздъ этотъ, несмотря на истекшія 11 лѣтъ, отдѣляющія его отъ перваго такого же Съѣзда въ Москвѣ въ 1902 году, долженъ находиться съ нимъ въ тѣсной преемственной связи. Тотъ пер-

вый Съѣздъ многое началъ, но не кончилъ, и тѣ вопросы, которые были тогда имъ затронуты, — вопросы, касавшіеся преимущественно матеріальнаго положенія учителей и ихъ взаимопомощи,—остаются и понынѣ такими же острыми и требующими разрѣшенія, какъ и тогда.

Шумная овація была послѣ того устроена участниками Съѣзда князю П. Д. Долгорукову, который привѣтствовалъ Съѣздъ отъ имени Московскаго Общества улучшенія быта учащихся. Это Общество въ свое время задумало и организовало первый Съѣздъ имени Ушинскаго въ Москвѣ въ 1902 году.

Затѣмъ возродившійся послѣ одиннадцатилѣтняго небытія Съѣздъ былъ привѣтствованъ всевозможными учрежденіями и лицами, и въ тотъ же день начались дѣловыя засѣданія. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство докладовъ было посвящено выясненію правового и матеріальнаго положенія русскихъ народныхъ учителей. Какъ уже мы упоминали, Съѣздъ имени Ушинскаго явился собраніемъ представителей различныхъ учительскихъ обществъ взаимнаго вспомоществованія (на Съѣздъ явились делегаты отъ 100 обществъ), и въ этомъ направленіи протекла почти вся дѣятельность Съѣзда. На немъ говорилось объ объединеніи учителей, какъ о способѣ улучшить ихъ матеріальное положеніе, о дѣятельности отдѣльныхъ обществъ, о профессіональной учительской организаціи, объ организаціи такъ называемыхъ „учительскихъ домовъ", объ учительскомъ издательствѣ и т. п. Но, кромѣ того, на Съѣздѣ разбирались вопросы и болѣе общаго характера—такіе же, какъ и на „большомъ" Съѣздѣ, о которомъ мы уже говорили въ № 3 „Нивы".

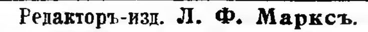
На одномъ изъ засѣданій была почтена вставаніемъ память великаго педагога К. Д. Ушинскаго, и было постановлено устраивать ежегодно въ годовщину его смерти (21 декабря) собесѣдованія на педагогическія темы.

Съѣздомъ была отправлена телеграмма нашему знаменитому писателю-гражданину—В. Г. Короленко слѣдующаго содержанія: „Обращаясь къ вамъ, любимѣйшему изъ современныхъ русскихъ писателей, 2-й Всероссійскій Съѣздъ имени Ушинскаго представителей учительскихъ обществъ привѣтствуетъ и благодаритъ въ вашемъ лицѣ нашу художественную литературу, великую воспитательницу русскаго народа".

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Съѣздомъ была получена телеграмма отъ В. Г. Короленко: „Глубоко благодаренъ за вниманіе и привѣтствіе, которыми меня почтили члены Съѣзда. Отъ всей души желаю полнаго успѣха въ осуществленіи благородной задачи, поставленной Съѣздомъ".

Съѣздъ имени Ушинскаго закрылся 5 января, при чемъ было постановлено слѣдующій Съѣздъ созвать въ Москвѣ въ 1916 году.

II-й съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго въ С.-Петербургѣ.



Къ рисункамъ.

„Атакуютъ". Атака идетъ яростная: звѣрь возсталъ на звѣря, и въ занесенномъ снѣгомъ лѣсномъ углу стонъ стоитъ отъ собачьяго лая и медвѣжьяго рявканья. Картина Е. Тихменева живо изображаетъ эту борьбу домашняго звѣря съ лѣснымъ, свободнымъ дикаремъ, дорого отстаивающимъ свою жизнь въ лѣсной глуши.

Картина И. Владимірова *„На маневрахъ въ Финляндіи"*, несмотря на свое названіе, полна идиллическаго настроенія.

Легко дышится и мечтается *подъ лучами южнаго солнца*, на прибрежныхъ камняхъ, гдѣ бѣгаютъ черные крабы. Граціозная женская фигурка въ купальномъ костюмѣ полна здоровья и томной лѣтней нѣги, и надъ нею, какъ и надъ всей картиной К. Вещилова, словно горитъ ореолъ жаркаго южнаго лѣта.

На одной изъ картинъ А. Писемскаго тоже *море*, но уже лишенное знойнаго покоя, уже разсерженное. Его же *„Дорожка"*, наоборотъ, дышитъ спокойствіемъ тихаго предлѣсья, гдѣ, какъ говорится, слышно, какъ растетъ трава. *„Старая скамья"* того же художника—воспоминаніе о старинной барской усадьбѣ, о запущенномъ паркѣ, гдѣ сгнили заборы и скамьи, но зато мощно и бодро разрастаются вѣковыя деревья.

Изящный *„Этюдъ"* О. Клевера также напоминаетъ намъ о помѣщичьей старинѣ, объ эпохѣ Лаврецкаго, Лизы, о герояхъ и героиняхъ тургеневскихъ пьесъ. Чувствуется вѣяніе былой красоты, такой же тонкой и изящной, какъ букетикъ цвѣтовъ на клавесинѣ, какъ фигурка дѣвушки въ свѣтломъ платьѣ.

Картина А. Михайлова *„Могила А. С. Пушкина"* изображаетъ мѣсто вѣчнаго упокоенія нашего великаго поэта, похороненнаго въ Святогорскомъ монастырѣ, въ четырехъ верстахъ отъ села Михайловскаго, въ которомъ въ свое время Пушкинъ жилъ и писалъ свои безсмертныя произведенія.

Финскій эпосъ *„Калевала"* исполненъ своеобразной, немного мрачной и суровой, поэзіи. Главный герой финской поэмы, мудрый старецъ-поэтъ Вейнемейненъ, проводитъ жизнь въ безпрерывной борьбѣ съ мракомъ невѣжества и съ суровой природой сѣвера. Иногда съ нимъ случаются рыцарскія приключенія, въ родѣ сраженія съ молодымъ лапландцемъ Юкагайненомъ, котораго мудрый старецъ загналъ въ болото, едва не утопилъ и помиловалъ только тогда, когда Юкагайненъ обѣщалъ ему въ жены свою молодую сестру Айно. Картина О. Гофмана ярко оттѣняетъ эту своеобразную суровость и дикость великой сѣверной „Одиссеи".

Шаржи С. Заборовскаго: *„Въ день цвѣтка"* и *„Духъ времени"* изображаютъ гимназическую молодежь въ свойственномъ карикатурѣ утрированномъ видѣ.

Портретъ знаменитаго писателя М. Горькаго, написанный художникомъ Н. Шлеинымъ на о. Капри,—тамъ, гдѣ провелъ писатель послѣднія восемь лѣтъ,—великолѣпно передаетъ характерное лицо бытописателя русскаго мѣщанства, пѣвца „бывшихъ людей". Съ настоящаго года М. Горькій переселился назадъ на родину, и все русское общество, привѣтствуя его возвращеніе, ждетъ его новыхъ яркихъ произведеній, которыя навѣетъ на него родная дѣйствительность.

Въ этомъ же нумерѣ мы посвятили страницу нашимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ — А. В. Дружинину, учредителю Литературнаго Фонда (по поводу 50-лѣтія со дня его кончины) и группѣ писателей, членовъ Литературнаго Фонда, среди которыхъ, увы, очень много уже сошедшихъ въ могилу. Среди „стаи славныхъ" — въ центрѣ—извѣстный журналистъ и соціологъ Н. К. Михайловскій, со дня кончины котораго исполняется 28 января с. г. десять лѣтъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана", кн. I.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. Изд. **Т-ва А. Ф. Марксъ**, СПБ., Улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ЗАОЧН. КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ ВѢДѢНІЯ МИНИСТ. НАРОДН. ПРОСВѢЩЕНІЯ Москва, Тверская 58 отд. 15. **УСЛОВ. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.**

ГАРАНТИР. ЗАРАБОТОКЪ 100 руб. въ мѣсяцъ.
МОЖЕТЪ ИМѢТЬ КАЖДЫЙ МУЖЧИНА или ЖЕНЩИНА
при удобной домашней работѣ. Разстояніе не препятствуетъ.
Условія высылаемъ безплатно. **1-ое Западное Т-во вязальныхъ издѣлій.**
Варшава, Капуцинская, 13/37. 2257 (1)

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.** **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористо. шрифт **Цѣна** съ перес. **1 р 50 к.** **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм **Ц. 40 к.** съ пер. **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат дороже на 25 коп.
Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ, Невскій. 92—3.

Весьма выгодное предложеніе получитъ отъ насъ безплатно всякій, сообщившій намъ свой адресъ. Пишите М. С. Матусовскому, Кіевъ, Александровская, № 34.

2287 4-2

12-го января вышелъ 1-й НОМЕРЪ
большой ежедневной иллюстрированной газеты
НОВЬ,
издающейся въ Москвѣ при ближайшемъ участіи А. А. Суворина (Алексѣя Порошина).

„НОВЬ“ будетъ представлять собою совершенно новый типъ газеты, подробно освѣщая словомъ и рисунками интересныя и важныя событія русской и иностранной жизни и вмѣстѣ давая достаточно чтенія.

Крупныя событія дня, матеріалъ для чтенія и масса иллюстрацій, вотъ предполагаемое содержаніе газеты „Новь“.

При обычномъ форматѣ въ $1\frac{1}{2}$ листа большого размѣра, сложенныхъ пополамъ въ удобную для чтенія тетрадь, и розничной цѣнѣ 2 коп., газета будетъ равняться по обилію матеріала всѣмъ большимъ ежедневнымъ газетамъ, будучи самой дешевой изъ нихъ.

Подписная цѣна: на годъ—5 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года—3 руб., на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 60 к., на 1 м.—60 коп. Для учителей, студентовъ, священниковъ, почтово-телеграфныхъ служ. льготная подписка: въ годъ—5 р., $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 70 к., 3 мѣс.—1 р. 40 к., 1 мѣс.—50 к.

Пробная подписка на 2 недѣли—25 коп. (можно присылать марками).

Съ первыхъ №№ въ газетѣ начнутъ печататься иллюстрированные очерки кругосвѣтнаго путешествія, предпринятаго по порученію редакціи **П. Д. УСПЕНСКИМЪ**, авторомъ книгъ „Четвертое измѣреніе“, „Tertium Organon“ и др. Общее заглав. очерковъ:

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВАГО ЧЕЛОВѢКА

(ЗА НОВЫМИ ФАКТАМИ О НОВЫХЪ СИЛАХЪ ЧЕЛОВѢКА)

опредѣленно говоритъ о цѣли поѣздки, во время которой г. Успенскій посѣтитъ Индію, Новую Зеландію, Америку и т. д.

Въ газетѣ будетъ напечатанъ новый романъ **Н. ЛОПАТИНА** изъ московской жизни подъ заглавіемъ:

„ЕЯ КАРЬЕРА“,

иллюстрированный фотографическими снимками съ инсценированныхъ сценъ романа и выведенныхъ въ немъ типовъ. 2259

АДРЕСЪ ГАЗЕТЫ „НОВЬ“:
Редакція: Больш. Дмитровка, д. № 26. Контора: Кузнецкій мостъ, д. № 11.

ПРОРОКЪ АЛИ МАГОММЕДЪ.
Докторъ индусской философіи и египетскихъ таинственныхъ наукъ.

Могущественный совѣтникъ и повелитель духа, послѣ паломнической поѣздки по различнымъ странамъ, возвратился въ избранное имъ отечество. Онъ не дилетантъ въ своемъ искусствѣ, ибо состарѣлся и посѣдѣлъ въ исполненіи своей задачи, предсказывать судьбу человѣка и націй. Сей человѣкъ нашелъ многихъ послѣдователей, однакожъ пресса и народы всѣхъ націй считаютъ его единственнымъ. Онъ предлагаетъ открыть вамъ прошлое, настоящее и будущее, указываетъ вамъ путь для избѣжанія заблужденій, помогаетъ утѣсненнымъ и предлагаетъ воспользоваться его мудростью, сдѣлавшеюся изреченіемъ для всего міра. Читайте, что другіе про него говорятъ, и пишите о безплатной высылкѣ Вамъ пробнаго жизнеописанія.

Мр. С. Д. Эдге, побѣдитель приза Гордонъ Беннэтъ, 1912: „Прямо изумительныя открытія науки, которая отчасти, къ сожалѣнію, еще не понята, но содержитъ цѣлую массу сюрпризовъ и предсказаній, точность которыхъ достойна удивленія“.

Госпожа Герда Ф. Робертусъ, извѣстная поэтесса: „Эскизъ, который Вы приготовили на основаніи гороскопа о моей жизни, абсолютно меня изумилъ и убѣдилъ до того, что я не медлю заказать у Васъ подробное толкованіе“.

Реф. Б. Р. Хамберсъ. Оопобо Риферъ, Эгванга, Зутеръ Нигерія: „Я считаю себя обязаннымъ Вамъ сказать, что всѣ Ваши предсказанія сбылись, и искренно благодарю Васъ за Вашу помощь. Я вполнѣ убѣжденъ, что Вы мастеръ въ своемъ искусствѣ и что Вы внѣ всякаго самолюбія“.

Миссъ Мари Перреа, знаменитая актриса: „Я нахожу описаніе замѣчательнымъ. Я прямо поражена, какъ можно съ такой точностью описать прошлое, настоящее и будущее“.

„Невѣроятно“, говоритъ Д-ръ Элистонъ Бингхамъ, „какъ можно быть такъ одареннымъ, какъ этотъ человѣкъ, отгадывать жизнь людей, не видя ихъ самихъ“.

Не присылайте денегъ, лишь только напишите день рожденія, господинъ или дама, женатъ или свободенъ, равно какъ и собственноручно адресованный конвертъ съ вашимъ адресомъ. Если желаете, приложите 25 коп. почтовыми марками на пересылку и письменн. расходы. Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать. Всѣ письма въ Англію оплачиваются 10 коп. марками. Писать къ его секретарю.

(5) **Roberts Morley II, 23 Bedford Street, Strand, London, ENGLAND.** 1230
Робертсъ Морли II, 23 Бедфордъ Штрейтъ, Штрандъ, Лондонъ. Англія.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

2248 12 1

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ГРЫЖА.

Грыжа, оставленная безъ надлежащаго ухода и лѣченія, является болѣзнью очень тревожной и разрушающей здоровье всего организма.

Но здоровье и силы немедленно возстанавливаются, когда больной начинаетъ лѣчиться способомъ, нынѣ всюду примѣняемымъ. Я говорю объ успѣшномъ лѣченіи грыжи по новому научному методу.

Многіе больные грыжей живутъ въ постоянномъ страхѣ предъ неминуемымъ ущемленіемъ грыжи или страдаютъ отъ мучительнаго ношенія стальныхъ пружинныхъ бандажей только потому, что не желаютъ признать этой очевидной истины.

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что существуетъ масса сомнительныхъ специлистовъ, мало щепетильныхъ и слишкомъ дешево оцѣнивающихъ здоровье ближняго. Они вводятъ въ заблужденіе довѣрчивыхъ служителей и злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ, чтобы за дорогую цѣну продать флаконы разныхъ, якобы чудодѣйственныхъ, средствъ или снабдить кліентовъ какими-нибудь устарѣлыми аппаратами, которые не могутъ дать ни малѣйшаго облегченія.

Необходимо, чтобы всѣ знали, что, благодаря новому методу грыжу можно считать окончательно побѣжденной. Отнынѣ всѣ больные имѣютъ возможность получить немедленное облегченіе и окончательное излѣченіе болѣзни. Примѣненіе метода совершенно безболѣзненно и не сопряжено ни съ какими неудобствами и можетъ быть осуществляемо безъ перерыва въ работѣ.

Этотъ замѣчательный методъ уже награжденъ высшими наградами на всемірныхъ выставкахъ, и тысячи врачей всѣхъ странъ рекомендуютъ его ежедневно своимъ больнымъ.

Эти факты говорятъ сами за себя, но имѣются еще болѣе вѣскія доказательства, а именно: восторженные отзывы безчисленныхъ больныхъ. Я прочелъ громадную коллекцію писемъ, избранныхъ изъ тысячи подобныхъ и снабженныхъ подписями не какихъ-нибудь экзотическихъ лицъ съ непонятными адресами, а извѣстныхъ людей, окончательно вылѣченныхъ и пожелавшихъ высказать свою признательность.

Каждый больной грыжей, ради собственнаго благополучія, долженъ познакомиться съ этимъ выдающимся научнымъ методомъ, въ которомъ заключается залогъ его выздоровленія отъ тяжелой болѣзни.

Пишите сегодня же изобрѣтателю метода, знаменитому спеціалисту А. Клавери, Москва, Петровка, 8, отд. 506, и попросите его выслать вамъ книгу съ подробнымъ описаніемъ новѣйшаго метода лѣченія грыжи.

(Книга высылается за двѣ семикопеечныя марки).

Эта книга успокоитъ больного. Прочитавъ ее, онъ вынесетъ отрадное убѣжденіе, что существуетъ вѣрное избавленіе отъ мучительныхъ страданій.

Д-ръ БОССАРЪ.

2272

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 5.
XLV г. изданія
Выданъ 1 февраля 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за февраль.

2304

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА! ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!
10 шт. 10 коп.
ОСМАНЪ
ТВО ТАБАЧ. ФАБР.
А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К°
С.-П.-Б.

ФОТогр. снимки парижскихъ красавицъ, новые каталоги съ выборомъ до 200 разн. серій, высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 коп. марки за пер.
Адр.: **М. ЛИПМАНОВИЧЪ, Лодзь,—5.**
2?2 ящ. 526 (сокр. адр.). 10-5

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. **Ю. МАРТЕНСЪ**
С.П.Б., Гороховая, 9.

2083 15-6

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

2143 30-5

Депо во всѣхъ аптекахъ.

ДЕПО СѢМЯНЪ

обширные **ДРЕВЕСНЫЕ ПИТОМНИКИ,**
массовая **КУЛЬТУРА РОЗЪ.**
Богато иллюстрир. каталоги высылаетъ **безплатно**
садоводство **В. Б. ШТАММЪ**, Одесса.
Фирма сущ. съ 1864 г.

2161 5-5

Прос. посѣт. нашъ заводъ.

ПЕСОКЪ, ГРАВІЙ, КАМЕННЫЕ ОТБРОСКИ и т. п.

отлично можно использовать, смѣшивая съ цементомъ, посредствомъ

МАШИНЪ и ФОРМЪ Д-ра ГАСПАРИ

къ кирпичамъ, черепицамъ, пустотѣл. камнямъ, плитамъ, трубамъ, бетон. столбамъ и т. д.
Камнедробилки, вальцевыя машины, бетоньерки.
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Д-ръ ГАСПАРИ и К°, МАРКРАНШТЕДТЪ

(Германія). 644 6-6
Членъ Экспортн. О-ва Германск. фабрикант. качеств. товаровъ.

Брошюра № 280 безпл.

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

2049 3-2

А. Б. МЕЙЕРЪ.

МОСКВА, Мясницкая, № 45—32.
СѢМЕНА: ОГОРОДН., ЦВѢТОЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ и др. наилучш. качества и испытанной всхожести, по умѣрен. цѣнамъ. Цвѣточныя луковицы и клубни, Розы, Георгины и цвѣтущія зимующ. растенія.
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ.

Багеты и рамы, съ 13 рис.—30 к. Выжиганіе по дереву, съ 36 рис.—30 к. Выпиливан. по дереву, съ 74 рис.—30 к. Женскія рукодѣлія, съ 65 рис.—30 к. Жестяныя работы, съ 98 рис.—40 к. Зеркальное производ., съ 5 рис.—30 к. Золоченіе и серебр. по дереву и металлу, съ 14 рис. — 30 к. Кожевенное произв., съ 5 рис. — 30 к. Корзиночное произв., съ 52 рис.—30 к. Краснодеревецъ-любит., съ 132 рис.—30 к. Кузнецъ-любит., съ 62 рис.—30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никкелир.—30 к. Маляръ-любит.—30 к. Мукомольное произв., съ 27 рис.—50 к. Мыловаренное произв., съ 28 рис.—40 к. Обойщикъ-любит., съ 67 рис.—30 коп. Переплетчикъ-любит., съ 76 рис.—30 к. Печное ремесло, съ 37 рис. — 40 к. Плотникъ-любит., съ 104 рис. — 30 к. Полировка, шлифовка и лакировка — 50 коп. Починка галошъ — 30 к. Приготовленіе лампаднаго масла — 30 коп. Приготовленіе копытной, колесной и сбруйной мази — 30 коп. Произв. ваксы — 25 к. Протрава или окраска дерева въ разл. цвѣта — 50 к. Работа изъ проволоки, съ 32 рис. — 30 к. Рѣзчикъ-любит., съ 62 рис. — 30 коп. Сапожникъ-любит., съ 82 рис. — 40 к. Слесарь-любит. съ 94 рис. — 30 к. Столяръ-любит. съ 134 рис.—30 к. Техническое черченіе, съ 25 рис.—30 к. Токарь-любит., съ 77 рис. — 30 к. Устр. небольш. мыловарен. завода, съ рис. — 30 к. Часовщикъ-любит. съ 28 рис. — 30 к. Литейное дѣло, съ 54 рис. — 50 к. Вышиваніе гладью, съ 59 рис.—40 к. Вязаніе въ тамбуръ, съ 70 рис.—40 к. Плетеніе на коклюшкахъ, съ 77 рис.—40 к. Выдѣлка кожевен. шкуръ, съ 40 рис. — 30 к. Фейерверочное искусство, съ 29 рис.—30 к. Чемоданное дѣло и изготовл. дорожн. вещей, съ 39 рис.—40 к. Альбомъ монограммъ для граверовъ съ 173 рис. —50 к. Устройство прачешной, съ 16 рис.—50 к. Художественное выжиганіе, всѣ новости пирографіи, съ 41 рис. — 60 к. Высылаетъ наложеннымъ платежемъ 2301

Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА", С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., 10/19.
Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложенн. плат. на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка безплатно. Полный катал. книгъ по ремесламъ высыл. безпл.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ, и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ, и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала, вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время.

25-2 2202

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, - Парижъ.

Въ С.-Петербургѣ: обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; Русск. О-во Торговли Аптек. Тов., Казанская, 12; **въ Москвѣ:** аптека Бруиса, Маросейка и у К. Феррейна; **въ Кіевѣ:** Южн. Русск. О-во Торг. Аптек. Товар.; **въ Вильнѣ:** Торг. Домъ Б. Сегаль и К°; **въ Одессѣ и Ростовѣ н/Д:** у Ламме и К°; **въ Варшавѣ:** Людвигъ Списсъ и Сынъ; **въ Тифлисѣ:** Кавк. Фармацевт. О-во въ Тифлисѣ.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

2?5 12-1

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и СЫНЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

XLV г. № 5

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLV 1914

Выданъ 1 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Февраль 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Февраль 1914 г. съ 41 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 14 рис. для выжиганія.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Поэзія русской весны. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

(Продолженіе).

XXI.

Шугаеву непріятно было, что какъ разъ въ эту минуту съ обрыва спускалась къ нимъ Арина Ивановна. Ужинъ былъ готовъ, и она сама пошла позвать сына, который почему-то такъ замѣшкался на берегу.

— Ну и славная же барбулька тебѣ на ужинъ, Гриша. Крупная, розовая, насквозь свѣтится.

Лидія Михайловна торопила Эльмонта:

— Ѣдемте скорѣе!

Арина Ивановна удивилась:

— Куда же это?

Шугаевъ, чтобы предупредить лишнія объясненія, отвѣтилъ съ показнымъ добродушіемъ:

— Да вотъ, мама, Лида хочетъ прокатиться съ нимъ на лодкѣ.

Арина Ивановна даже опѣшила:

— Какъ, на ночь глядя! Вдвоемъ?

Шугаевъ попрежнему старался погасить ея недовольство своимъ неестественно яснымъ тономъ:

— Ничего. Они скоро вернутся. Можетъ-быть, даже поспѣютъ къ ужину.

— Вѣдь вернетесь? А то волны могутъ разыграться еще больше.

— Вѣроятно, вернусь,—съ несдерживаемымъ возбужденіемъ отвѣтила Лидія Михайловна.—Хотя вы меня ужинать не ждите. Я не хочу. Вы, Арина Ивановна, не безпокойтесь, это пустое.

— Что̀ пустое?—сорвалось у Шугаева.

— Да вотъ... что вечеръ и волны. Скорѣе всего онѣ совсѣмъ утихнутъ. Ну, надо поспѣшить.

И она первая пошла къ шлюпкѣ, стоявшей неподалеко отсюда за камнями.

Но Эльмонтъ зналъ, что волны не утихнуть, и громко высказалъ это.

Онъ взялъ съ собой рыбака, чтобы тотъ помогъ ему стащить лодку на воду. И скоро въ вечернемъ сумракѣ призрачно замаячили ихъ удалявшіяся фигуры.

Арина Ивановна долго молча глядѣла имъ вслѣдъ, потомъ обратила недовольное лицо къ сыну и внимательно посмотрѣла прямо въ глаза ему:

— Что̀ же это, Гриша, а?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она покачала головой:

— Къ ночи вдвоемъ. Ра-а-ненько.

— Что̀ раненько?

— Да вотъ уѣзжать такъ. Всего два мѣсяца, какъ повѣнчались.

Онъ сдѣлалъ видъ, что возмутился ея словами:

— Ахъ, перестаньте, мама! Я самъ радъ, что она поѣхала. Что̀ тутъ такого! По крайней мѣрѣ разсѣется ея скверное настроеніе.

Она плохо вѣрила въ его искренность, но не стала огорчать его еще больше своими возраженіями. Только пробормотала:

— Дѣло твое. Теперь, ужъ видно, иначе живутъ.

Онъ не сказалъ ей ни слова. Слѣдовало бы сейчасъ же повернуться и уйти, но тѣло, какъ-то сразу отяжелѣвшее, не хотѣло двигаться, и глаза были обращены туда, гдѣ скрылись эти двѣ фигуры. Оттуда слышались голоса, но за изгибомъ берега и камнями никого не было видно. Вдругъ въ полумракѣ что-то забѣлѣло, поднялось и отошло отъ берега:—парусъ.

— Волны! Волны! Здравствуйте, волны!

Арина Ивановна только всплеснула руками и, съ внезапной суровостью обратившись къ Сашѣ, прикрикнула:

— А ты чего стоишь тутъ!

Но Саша не испугалась этого окрика. Она была ошеломлена больше всѣхъ тѣмъ, что̀ сейчасъ произошло у нея на глазахъ. Неожиданное открытіе Лидіи Михайловны, ея истерическое рыданіе, потомъ этотъ переломъ къ вызывающей выходкѣ, въ которой ей такъ чувствовалось что-то неестественное и обидное для всѣхъ ихъ, особенно для брата. Но она еще не рѣшалась осудить ее, а только по-дѣтски пожала плечами:

— Странно... Какая она! Не ожидала я.

И почему-то почувствовала внезапную нѣжность къ брату, который задумчиво и недвижно слѣдилъ за колеблющимся и быстро удаляющимся парусомъ. Она потянула его за рукавъ:

— Пойдемъ, Гриша, домой.

Но онъ тихо отвѣтилъ:

— Иди съ мамой. Я здѣсь посижу, подожду ихъ.

Арина Ивановна, поднимаясь по тропинкѣ, заботливо и тоже тихо уговаривала сына:

— Шелъ бы ты, Гриша. Сыро становится. Да и ужинъ остынетъ.

— Послѣ, послѣ,—отмахнулся Шугаевъ.—Оставьте меня... Идите.

Мать знала, что сейчасъ безплодно настаивать, и печально пошла домой.

Саша догнала старуху, прильнула къ ней, и онѣ медленно и молча стали подниматься вверхъ.

Только въ отдаленіи слышно было, какъ онѣ перекинулись съ кѣмъ-то нѣсколькими словами: это возвращался съ припасами Васянька.

Рыбакъ, укладывая для костра набранный хворостъ и щепки и поглядывая въ сумеречную даль, одобрительно говорилъ:

— Ишь, какъ шлюпка-то накренилась... заплясала. Молодецъ-барыня. Руль взяла и держитъ хоть кому впору. Сразу видно, что море ей было зыбкой.

Васянька сбѣжалъ на песокъ, и старикъ прежде всего ухватился за водку. Ударивъ ладонью въ донышко, онъ ловко вышибъ пробку и сталъ пить прямо изъ горлышка.

Водка долго булькала и клокотала у него въ глоткѣ. Напившись, онъ съ чувствомъ крякнулъ и, установивъ козелки для котла, сталъ разжигать костеръ, въ то время какъ мальчишка чистилъ рыбу.

Запахло вкусно дымомъ, и заигралъ огонекъ.

— Вотъ хорошо, что чурбашекъ принесъ,—одобрилъ Васяньку старикъ, набралъ въ котелокъ воды, повѣсилъ его надъ огнемъ, который, разгорѣвшись, выхватывалъ изъ мрака блестящій кругъ на пескѣ, и сталъ крошить въ котелокъ лукъ и картошку.

Шугаева тяготилъ шумъ волнъ: окутанныя сумракомъ, онѣ представлялись враждебными и злыми. Казалось, внутри моря шелъ какой-то тревожный заговоръ противъ него, такого одинокаго и чуждаго имъ. Даже звѣзды, засіявшія надъ моремъ, также были какъ будто заодно съ волнами. Среди подвижной бѣлѣющей пѣны совсѣмъ почти затерялся парусъ, и Шугаеву назойливо лѣзло въ голову то, что̀ говорилъ Эльмонтъ о своей симфоніи. Тогда это казалось ему почти безсмысленнымъ бредомъ. Теперь онъ улавливалъ какой-то смыслъ, дикій и также враждебный ему, который не хотѣлось связывать съ дѣйствительностью.

Шугаевъ присѣлъ на край лодки и завелъ бесѣду съ старикомъ:

— Что̀, это сынъ твой?

— Нѣтъ, не сынъ.

Тогда онъ обратился къ Васянькѣ:

— Ты откуда же, мальчикъ?

— Я самъ по себѣ, — неохотно отвѣтилъ мальчикъ, бросая рыбу въ котелъ.

— Что̀ же, родичи у тебя есть?—продолжалъ равнодушно допрашивать Шугаевъ.

Старикъ отвѣтилъ за него:

— Были да сплыли. Осталась сестра, да и та на ура.

Шугаевъ не понялъ этихъ словъ и приписалъ странный отвѣтъ старика погонѣ за риѳмой.

— Чѣмъ же твоя сестра занимается?

Но Васянька и тутъ хмуро промолчалъ. Опять за него откликнулся старикъ:

— Да чѣмъ занимается... что̀ ужъ тутъ: ею занимаются, а не она занимается. А малый замѣсто того, чтобы воровать, въ чужихъ карманахъ денежки ковать — отъ зари до зари со мной...— не то въ похвалу, не то въ осужденіе мальчику продолжалъ старикъ.—И въ холодъ и въ ненастье. Вонъ руки-то какъ вздулись мозолями.

Онъ снялъ ложкой мутную пѣну съ начинающей закипать воды и отплеснулъ въ сторону.

— Ничего не вздулись. Привыкъ ужъ,—заявилъ мальчуганъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ Шугаевъ.

— Четырнадцать, пятнадцатый.

— Четыре цѣлковыхъ ему въ мѣсяцъ плачу, да харчи,—хвалился старикъ.—Онъ молодецъ—деньгу бережетъ.

— Для чего же ты бережешь деньги?—продолжалъ допрашивать Шугаевъ.

— Накоплю—кабакъ открою,—твердо заявилъ мальчуганъ.

Шугаеву не хотѣлось больше разспрашивать ни о чемъ. Онъ смотрѣлъ то на колыхавшееся пламя костра, къ которому какъ будто рвались волны, то на море. Но послѣ огня ужъ рѣшительно ничего не видѣлъ, кромѣ шумящей темноты. Только по мѣрѣ долгаго и внимательнаго смотрѣнія различалось сѣдое отъ бѣлыхъ гребней пространство. И тоска все сильнѣе и сильнѣе разливалась у него по нервамъ.

— Что, ты не видишь ихъ?—обратился онъ къ рыбаку.

Но рыбаки были такъ заняты варевомъ, что даже не отозвались на его вопросъ.

Онъ громко сказалъ въ тревогѣ:

— Я ничего не вижу.

И на эти слова отвѣтилъ голосъ со стороны:

— А вотъ я такъ вижу.

И въ ту же минуту пламя костра освѣтило невысокую старческую фигуру, безшумно и незамѣтно спустившуюся по тропинкѣ.

Это былъ отецъ Эльмонта, старый капитанъ, давно оставившій море и жившій безвыѣздно на дачѣ круглый годъ.

— Да, хоть плохи глаза стали, а вижу,—повторилъ монотонный и какъ будто сѣрый голосъ.—Плохи глаза. Туманы и вѣтры съѣли ихъ.

XXII.

Дряблое старческое лицо, выбритое и маленькое, обрисовалось въ темнотѣ, и тонкія безцвѣтныя губы медленно шевелились, продолжая сухо выговаривать слова:

— Стоишь на вахтѣ гдѣ-нибудь въ Охотскомъ морѣ... на собачьей вахтѣ—отъ двѣнадцати до четырехъ утра... точно ватой облѣпитъ. Сирена гудитъ. Смотришь, смотришь впередъ. Въ глазахъ огни начинаютъ мелькать... до того, что не разберешь иной разъ, топовый это огонь, или это у тебя отъ усталости.

Шугаевъ слушалъ этотъ однообразный, вялый голосъ, и ему становилось все больше и больше не по себѣ. Старикъ и всегда казался ему какъ будто неживымъ, а сейчасъ онъ особенно походилъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи на выходца съ того свѣта.

— Какъ бы они не опрокинулись! — вырвалось опасеніе у Шугаева.

Но морякъ презрительно возразилъ на это:

— Есть отъ чего!—И опять продолжалъ свое:—Да... А настоящихъ огней иной разъ и не различишь. И сирены даже чужой не услышишь. Глядь, передъ самымъ носомъ какое-нибудь американское чудище — китобой вырастаетъ. Точно привидѣніе. Кровь захолодѣетъ.

Шугаевъ, не слушая его и уже не сводя глазъ съ моря, спросилъ:

— Что они еще не возвращаются?

Старый морякъ сталъ спиной къ костру и долго внимательно глядѣлъ вдаль.

— Куда тамъ! Несутся все дальше.—И снова голосъ прошлаго запѣлъ подъ шумъ волнъ:—А что было въ Индійскомъ океанѣ! Шли мы четверо сутокъ подъ шквалами, свѣту Божьяго не видно.

Шугаеву вдругъ стало стыдно, что онъ малодушно, какъ мальчишка, сидитъ здѣсь и ждетъ уѣхавшую жену. Онъ тихо поднялся и задумчиво направился по тропинкѣ къ дому.

Но старый морякъ даже не замѣтилъ его ухода. Онъ продолжалъ все такъ же медленно разсказывать, глядя на море, какъ будто говорилъ волнамъ:

— Никакихъ опредѣленій нельзя было сдѣлать. Пищи горячей трое сутокъ не видѣли. Промокли всѣ такъ, что мѣста живого не было. Только и командуешь: „На румбъ!“ И вдругъ—ударъ!

Онъ, разводя руками, обернулся назадъ, но уже не нашелъ Шугаева. И такъ же равнодушно спросилъ, опять-таки какъ будто море или самого себя:

— Гдѣ же это онъ? или... — Онъ запнулся на минуту и нерѣшительно закончилъ:— Или никого здѣсь и не было?

Всѣ рыбаки на этомъ побережьѣ хорошо знали стараго моряка съ его безконечными воспоминаніями и относились къ нему съ снисходительной ироніей.

— Ушелъ баринъ. Домой ушелъ. Жена въ морѣ—а мужъ въ полѣ. Не хотите ли, ваше благородіе, ухи похлебать? — предложилъ рыбакъ капитану.

— Спасибо, братецъ. У меня ѣда по склянкамъ. Пятьдесятъ лѣтъ, братецъ, по склянкамъ живу.

И, покачивая головой, старикъ поплелся по берегу.

Рыбаки сняли котелокъ и молча стали ѣсть уху, оставивъ огонь догорать.

Шумѣло море, и холодно-голубой свѣтъ маяка съ одной стороны падалъ далеко въ море, другой лучъ его, какъ грандіозная

И. Владиміровъ. Гаданіе. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

струя фонтана, билъ высоко вверхъ, казалось, до самыхъ звѣздъ. Въ этой полосѣ иногда шевелилось какъ будто что-то живое—это облачко попадало въ струю свѣта и трепетало въ ней, какъ въ плѣну.

Рыбаки поѣли, перекрестились и выплеснули остатки изъ котла.

— Ну, Господи благослови, и спать пора.

Растянулись на пескѣ и покрылись чѣмъ попало.

Уже одолѣвала дремота, когда изъ тишины донесся тонкій дѣтскій голосокъ:

— Мишка, хочешь, я тебѣ подарю дохлаго морского кота-а?

Никто не отозвался на это заманчивое предложеніе.

— Это—егорьевскій парнишка,—сквозь дремоту пробормоталъ Васянька.

молчаливой совмѣстной работѣ было что-то, таинственно объединяющее ихъ.

То, что передъ тѣмъ открылось ей, такъ потрясло ее и представилось такимъ важнымъ, здѣсь утратило постепенно всю свою остроту, и, когда они возвращались обратно, оба утомленные, голодные и безсознательно для нихъ сблизившіеся, она желала только одного: чтобы мужъ не встрѣтилъ ее на берегу.

Когда лодка съ размаха въѣхала въ береговой песокъ, и парусъ, всплеснувшись, упалъ, Эльмонтъ первый выскочилъ на берегъ и протянулъ своей спутницѣ руки:

— Держитесь за меня. Я вынесу васъ. А то вы можете замочить ноги.

— Не надо. Я сама.

К. Вроблевскій. Усадьба. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Опять тотъ же голосъ раздался:

— Миша-а-а-а!

Молчаніе.

Голосъ уже нѣсколько раздраженно и тоскливо повторилъ:

— Да хо-чешь, я по-да-рю-у те-бѣ дох-ла-го морского кота-а-а?..

— Ишь, какъ его разбираетъ,—недовольно пробурчалъ старый рыбакъ.

Голосъ, уже совсѣмъ плаксиво, послѣдній разъ возопилъ:

— Да Ми-ш-ка-а! Хо-чешь, я те-бѣ пода-рю-у дохла-го морско-го ко-та?

Затѣмъ все замолкло. Слышно было только, какъ шумѣлъ прибой, да стучала машина на маякѣ.

XXIII.

Было безумно-сладостно и весело скакать по волнамъ, разрѣзая ихъ пѣнные гребни, отъ которыхъ брызги летѣли въ лицо. Иногда лодка накренялась до того, что едва не черпала бортомъ, но Лидіи Михайловнѣ приходилось употреблять большія усилія, чтобы удержать руль, какъ надо, въ разрѣзъ волнамъ.

Онъ внимательно слѣдилъ за парусомъ.

Они почти ничего не говорили другъ съ другомъ. Но въ этой

— Берегитесь. Въ темнотѣ вы можете попасть въ воду.

— Нѣтъ!

Она прыгнула прямо съ носа на песокъ и нѣкоторое время стояла неподвижно, неровно дыша: ее всю какъ будто продолжало качать, и голова слегка кружилась. Мужа ея, очевидно, здѣсь не было, но теперь это ее не обрадовало, а испугало.

Онъ зацѣпилъ конецъ веревки отъ лодки за прилаженный спеціально для вытаскиванія лодки воротъ и сталъ вертѣть его, накручивая канатъ.

— Помочь вамъ?—предложила она.

— Помогите.

Она подошла съ другой стороны ворота и стала тянуть за переходившія отъ него ручки, раздѣлявшія ихъ. Тамъ, въ лодкѣ, она почти не различала его лица, здѣсь оно было близко передъ нею, и опять были прямо и настойчиво устремлены на нее его глаза.

Оба тяжело дышали отъ усилій. Съ каждымъ движеніемъ ворота лодка подавалась все ближе.

Наконецъ Лидія Михайловна бросила эту работу и созналась:

— Не могу больше. Устала.

— Баста. Больше не надо. Вѣтеръ стихаетъ.

С. Соломко. Гордость. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Вашъ умъ смѣется. Этотъ карликъ, который ничего не знаетъ, ничего не видитъ,—только умъ, а не сердце. Иначе вы не побоялись бы дать мнѣ руку.

Она изъ упрямства не хотѣла сознаться ни въ чемъ подобномъ. Этотъ человѣкъ слишкомъ самоувѣренъ, и у нея достанетъ силы наказать его за эту самоувѣренность.

Остановилась и, не глядя на него, вызывающе-холодно протянула руку:

— Чтобы вамъ доказать, вотъ моя рука.

Эльмонтъ схватилъ ея руку.

— Только не сжимайте такъ сильно. Это лишнее.

Тонъ попрежнему былъ напряженно холоденъ и неестественно спокоенъ. Но въ ту же минуту она почувствовала, какъ рука его потянула ее къ себѣ.

— Развѣ я сжалъ?.. развѣ я сжалъ?..—волновалъ ее голосъ его, пони-

Онъ сталъ замыкать цѣпь лодки. А Лидія Михайловна, закинувъ руки за голову, стояла, обративъ лицо къ небу:

— Качаетъ. Точно я все еще на волнахъ, а не на землѣ. Пойдемте.

Эльмонтъ подошелъ къ ней и вкрадчиво сказалъ:

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку.

— Не надо. Я вотъ только немного посижу, отдохну.

Она прошла нѣсколько шаговъ, хотѣла опуститься на песокъ, но замѣтила растянувшіяся возлѣ потухшаго, но все еще пахнувшаго гарью костра фигуры спавшихъ рыбаковъ:

— Ахъ, здѣсь опять люди.

Прошла дальше и сѣла на камень, хорошо знакомый ей.

— Вы не хотите дать мнѣ свои руки?—услышала она возлѣ себя голосъ Эльмонта.—Боитесь прикоснуться ко мнѣ?

— Не боюсь. А для чего? — стараясь придать своему голосу равнодушіе, отвѣтила она.

— Нѣтъ, вы боитесь, — точно поддразнивалъ онъ.— Я поймалъ въ вашихъ глазахъ этотъ страхъ. Я почувствовалъ его въ васъ при первой же встрѣчѣ съ вами, когда вы стояли въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, такая гордая, чистая и холодная, какъ снѣгъ. Дайте мнѣ вашу руку!— неожиданнымъ требованіемъ прервалъ онъ свое воспоминаніе.

Лидія Михайловна встала и испуганно направилась къ тропинкѣ:

— Оставьте меня.

Эльмонтъ продолжалъ съ безпощаднымъ упорствомъ:

— И когда наши глаза встрѣтились, я ясно увидѣлъ, какъ что-то отвѣтило мнѣ въ этихъ глазахъ, такъ что каждая капля моей крови заныла отъ предчувствія. Дайте мнѣ вашу руку!

Это требованіе становилось все властнѣе и настойчивѣе.

Она попробовала отвѣтить на это ироніей:

— Оставьте меня. Я смѣюсь надъ вашими предчувствіями.

Но слова эти прозвучали фальшиво, и она почти раскаялась, что сказала ихъ.

Онъ произнесъ съ спокойнымъ убѣжденіемъ:

С. Соломко. Цирцея. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

жавшійся до шепота. И наконецъ чутко-близко, совсѣмъ близко отъ себя, она не только услышала новыя слова его, но и горячее дыханіе, какъ будто этотъ жаръ шелъ отъ словъ, безсмысленно повторяемыхъ имъ,—словъ, брошенныхъ ею, когда она оторвалась съ нимъ отъ берега:

— Волны... Волны... Здравствуйте, волны!

Но теперь эти слова имѣли совсѣмъ иное значеніе.

— Вы обезумѣли! — вырвалось у нея.

И тогда Эльмонтъ, приблизивъ къ ней свое блѣдное худощавое лицо, съ горящими глазами, зашепталъ:

— Мое безуміе—моя страсть. Здравствуйте, волны! Развѣ вы не чувствуете, какъ онѣ встрѣтились и хотятъ слиться одна съ другой?

И другая рука ея очутилась въ его рукахъ, и онъ, сжимая ея руки, тянулъ ее къ себѣ.

— Развѣ вы не чувствовали это при каждомъ прикосновеніи и при каждомъ взглядѣ? Я люблю васъ... люблю васъ... люблю васъ!

Его слова дѣйствительно заливали ее, какъ волны, и такія же волны встрѣчались въ ихъ рукахъ. У нея нашлись силы воскликнуть:

— Оставьте меня! Пустите... Я васъ не люблю! Мнѣ страшно!

Но и эти слова обращались на нее же:

— Этотъ страхъ—любовь... любовь!

Онъ опустилъ ея руки, и онѣ упали, какъ чужія.

— Я угадалъ... Я угадалъ — и вы это знаете. Любовь!

Это слово катилось на нее, какъ огненный шаръ, и неоткуда было ждать спасенія.

— Гдѣ моя сила?.. Пустите... пустите меня...—бормотала она внѣ себя, не двигаясь съ мѣста.

— Вы видите, я не держу васъ,—звучалъ его властный голосъ.

Она, все не шевелясь, съ безудержно бьющимся сердцемъ, съ пересыхающими губами, отвѣчала, какъ въ бреду:

— Нѣтъ, держите... держите... своимъ взглядомъ... Но я уйду... уйду, пустите меня!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону, пятясь отъ него, но не отрывая своего взгляда отъ его взгляда, и вдругъ почувствовала, что спиной коснулась стѣны обрыва. Сладостное отчаяніе охватило ее, и она поняла, что теперь ужъ никуда не уйдетъ... Не можетъ уйти.

— У меня закружилась голова...—зашептала она, протягивая къ нему руки.—Закачало... Волны...

XXIV.

Шугаевъ не спалъ эту ночь. Что-то случилось въ его жизни. Что-то нарушило если не навсегда, то надолго его покой. Онъ не допускалъ мысли, что случилось то, что случилось въ дѣйствительности. Но и того, что онъ предполагалъ, было достаточно, чтобы отравить его сердце. Мать сказала слово „рано“,—но развѣ тутъ вліяетъ время? Для него, онъ зналъ это, время представлялось внѣ его чувства. Оно не могло ни ослабить ни увеличить той любви, которая въ немъ жила чуть ли не послѣ первой встрѣчи съ нею.

То, что время могло прибавить къ его чувству привычку, было, какъ онъ мысленно опредѣлялъ, явленіе иного порядка.

Напрасно онъ пытался доказать себѣ, что, въ сущности, у него нѣтъ настоящихъ основаній для тревоги. Тревога впилась въ сердце, какъ клещъ, и отрывать ее было невыносимо больно. Къ тому же гдѣ-то таилась слабая надежда. Этотъ клещъ напьется крови и отпадетъ самъ.

Но эта надежда упала послѣ того, какъ вернулась жена. Поздно вернулась.

Чтобы не смутить ее, онъ притворился спящимъ. Случалось, что и раньше она приходила съ прогулки поздно, когда онъ засыпалъ. Сквозь сонъ слышалъ тогда онъ, какъ она раздѣвалась и двигалась. На этотъ разъ она пришла тихо, какъ воръ. Онъ почти не слышалъ шелеста ея платья и шаговъ. Такъ же безшумно легла она въ постель и сразу заснула.

Но сонъ ея былъ тревоженъ, полонъ вздоховъ и отрывистаго шопота.

Ахъ, какъ терзалъ его этотъ шопотъ! Онъ боролся съ собой, чтобы не вслушиваться въ него, и не могъ. Невольно напрягалъ слухъ, но разобрать ничего не могъ. И самъ стыдился своего шпіонства.

Если бы даже теперь всѣ его сомнѣнія оказались вздорными, все равно нельзя было бы уничтожить въ его сердцѣ эту муть, которую они внесли съ собой.

Онъ съ тоской думалъ о томъ, какъ встрѣтится съ нею завтра. И прежде всего понялъ, что завтра онъ уже не можетъ быть самимъ собою. Завтра онъ будетъ лгать и передъ нею и передъ нимъ, этимъ человѣкомъ, котораго онъ считалъ своимъ пріятелемъ и котораго однако никогда не понималъ.

Вотъ это—ложь и притворство для него, человѣка прямого и презиравшаго ложь,—было самое ужасное.

Подъ утро онъ все-таки уснулъ. И когда проснулся, ея уже не было. Она ушла купаться. Онъ этому обрадовался сначала. Было время собраться съ силами и приготовиться къ встрѣчѣ. На одинъ моментъ ему вся его тревога показалась кошмаромъ ночи, и этому впечатлѣнію способствовало удивительное утро. Такое голубое, ясное и тихое, что обласканное имъ недвижное море все трепетало ослѣпительными искрами солнечнаго счастья.

Но достаточно ему было увидѣть хоть одного свидѣтеля вчерашней сцены, хотя бы мать или Сашу, какъ изъ ихъ глазъ на него взглянула правда. Та жестокая правда, которую онъ чувствовалъ и самъ. Если ему это только казалось—тѣмъ хуже для него, тѣмъ непоправимѣе. Значитъ, въ ихъ союзѣ есть что-то фальшивое, чего ужъ невозможно избыть.

Онъ пробовалъ ставить себѣ опредѣленные вопросы и такъ же опредѣленно отвѣчать на нихъ.

Изъ этого никакого толку не выходило. Ясно было одно, что тотъ сумѣлъ чѣмъ-то больше заслужить ея вниманіе, если въ такой, какъ она сама признавалась, серьезный для нея моментъ, какъ вчера, она рѣшила остаться съ тѣмъ. Онъ изъ деликатности не разспрашивалъ ее о дѣтствѣ ея, такъ какъ зналъ, что дѣтство ея было темное и несчастное, а она вчера поставила ему это въ упрекъ.

Да нѣтъ. Сила, конечно, не въ этомъ. И, перебирая всю ихъ

Р. Берггольцъ. Осенью. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

А. Гирвъ. Тетерьки. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

недолгую совмѣстную жизнь съ перваго дня брака, онъ съ надвигающимся ужасомъ видѣлъ, что то, что онъ переживалъ сейчасъ, можно было предсказать уже тогда, когда она, послѣ вѣнчанія, передъ самымъ отъѣздомъ изъ дома, такъ жгуче роняла слезы надъ цвѣтами. Можетъ-быть, она въ этотъ мигъ почувствовала, что сдѣлала роковую ошибку, выйдя за него замужъ. Тогда...

Но онъ не хотѣлъ доводить до конца этой мысли. Онъ обрывалъ ее все тѣмъ же разсудочнымъ вопросомъ: что же собственно случилось особеннаго?

И опять мысль кружила вокругъ одной больной точки. Но радіусъ этого круженія все увеличивался, и круги, описываемые ею, отходили все дальше и дальше отъ центра.

По временамъ ему представлялось, что вотъ онъ увидитъ ея лицо, ея глаза— и всѣхъ этихъ сомнѣній не станетъ. Онъ нетерпѣливо начиналъ ожидать ее и смотрѣлъ съ балкона на море. Но она что-то долго не шла.

Ослѣпительные огоньки солнечныхъ лучей ткали на шелковистой поверхности моря безконечную сверкающую сѣть. Въ цвѣтникѣ пестро и ярко сіяли цвѣты, и надъ ними носились бабочки. Но изъ всей этой красоты, которой онъ вчера еще наслаждался такъ спокойно, нынче ушло что-то. Точно и природа провела такую же ядовитую ночь и сейчасъ лишь притворялась безпечной и радостной.

Его потянуло въ ея мастерскую. Это была большая комната: одно окно—большое—выходило на сѣверъ, другое—на море. Вдоль стѣнъ стояли скульптурныя работы, которыя она захватила съ собою и частью начала здѣсь: маски, эскизы. Посреди комнаты стоялъ деревянный станокъ, на немъ бюстъ, обернутый мокрыми тряпками.

Неподалеку отъ станка, у стѣны, стоялъ цинковый ящикъ съ глиной, а на табуретѣ передъ станкомъ лежали инструменты, замазанные глиной, стэки. У другой стѣны, на табуретѣ, чашка и кувшинъ для умыванія рукъ.

Шугаевъ медленно вошелъ сюда и долго не рѣшался сдѣлать то, что хотѣлось. Наконецъ онъ подошелъ къ бюсту, осторожно развернулъ тряпку и долго разсматривалъ черты Эльмонта, которыя лѣпили ея руки.

Въ глинѣ эти черты, несмотря на поразительное сходство съ оригиналомъ, казались совсѣмъ иными, чѣмъ въ натурѣ. Конечно, потому, что въ натурѣ лицо постоянно мѣнялось и оживлялось блескомъ глазъ, улыбкой. Этого взгляда она не передала, и это еще болѣе заставляло Шугаева допытываться, въ чемъ же здѣсь сила?

По лѣстницѣ снизу послышались шаги Саши. Шугаевъ не хотѣлъ, чтобы даже она застала его за этимъ, какъ онъ думалъ, предосудительнымъ занятіемъ, и онъ быстро закуталъ бюстъ тряпками.

Саша вошла, какъ ему показалось, какъ-то особенно робко и, поздоровавшись съ нимъ, задала нерѣшительно вопросъ:

— Гриша, ты опять сегодня не будешь работать?

Шугаевъ неестественно бодро отвѣтилъ ей:

— Нѣтъ, будемъ. Непремѣнно, Саша, будемъ. Вотъ хорошо, что ты пришла за мной. Я вчера, знаешь, не работалъ только потому, что эта мертвая зыбь какъ-то замутила мнѣ голову и отвлекла... Я какъ-то забылъ... Да на тебя, кажется, тоже подѣйствовало вчера море. Ты что-то нервничала какъ будто.

— Нѣтъ, я не потому, — не глядя въ глаза ему, отвѣтила Саша. Но, обрадованная его тономъ и согласіемъ, она тотчасъ же повела разговоръ иначе:—У меня, Гриша, все готово. Пойдемъ. А то ты опять забудешь. Ты нынче такой разсѣянный.

За утреннимъ столомъ, вмѣсто того, чтобы помѣшать ложечкой кофе, онъ машинально водилъ ею вокругъ стакана, пока мать не остановила его. Значитъ, объ этомъ мать уже успѣла разсказать Сашѣ. Однако онъ нашелъ нужнымъ разубѣдить сестру:

Ю. Клеверъ (сынъ). Изъ кухни. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

В. Штемберъ. Кокетка. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Я, Сашенька, разсѣянный? Нисколько. Я обдумываю теперь самое главное.

— Тѣмъ болѣе не надо отрываться отъ дѣла. Ты самъ говоришь, что ты наканунѣ большого открытія.

— Да, да, наканунѣ большого открытія.

Онъ задумался и оторвался на минуту отъ своего притворства. Голосъ его зазвучалъ печалью и горечью:

— Но что же дѣлать! Жизнь. И даже не жизнь, а мелочи жизни, репьи, которые попутно пристаютъ къ ней. И сколько, можетъ-быть, большихъ открытій не проявилось изъ-за этихъ мелочей. Нашъ трудъ, трудъ ученыхъ, требуетъ упорнаго постоянства. Это не творчество, въ которомъ есть что-то... какъ тебѣ сказать... самовозгорающееся. Конечно, и у насъ есть творчество, только оно проявляется у насъ, какъ огонь отъ долгаго тренія одного куска дерева о другой.

XXVI.

Вошла Арина Ивановна въ затрапезномъ платьѣ и въ фартукѣ. Сколько Шугаевъ и раньше ни убѣждалъ ее бросить хлопоты по кухнѣ, она всегда не только сама слѣдила за столомъ, но и помогала кухаркѣ.

— Гришенька, что̀ тебѣ приготовить на обѣдъ? Хочешь кабачки фаршированные?

— Хорошо. Кабачки фаршированные.

— А можетъ-быть, что-нибудь сдѣлать изъ синихъ баклажановъ?

— Ну, изъ синихъ, все равно.

— А еще лучше, знаешь, что̀...—измышляла Арина Ивановна съ озабоченнымъ видомъ, намѣреваясь развить какіе-то обстоятельные планы насчетъ обѣда, но онъ уже не могъ этого перенести и прервалъ ее нетерпѣливо:

— Ахъ, мама, оставьте меня съ этимъ вздоромъ, не все ли равно!

Арина Ивановна обидѣлась:

— Прежде тебѣ не было это все равно. Да и не раздражался ты на мать, что она заботится о твоемъ здоровьѣ.

Саша заступилась за брата:

— Ну, чего, мама, пристали, въ самомъ дѣлѣ. Гриша теперь такъ занятъ.

Шугаевъ ласково положилъ руку на плечо сестры:

— Иди, дѣвочка, я сейчасъ приду работать.

Саша послушно направилась къ двери.

Шугаевъ, чтобы смягчить мать и загладить свою невольную рѣзкость, подошелъ къ ней съ примиряющимъ словомъ:

— Не огорчайтесь, мамочка; приготовьте мнѣ кабачки фаршированные,—только вы одна такъ вкусно ихъ приготовляете.

Саша обернулась у дверей и какъ-то особенно торопливо сообщила:

— Лидія Михайловна идетъ.

И сама осталась стоять въ дверяхъ.

Лидія Михайловна вошла въ легкомъ, суроваго тона полукапотѣ-полуплатьѣ, съ восточнымъ шелковымъ шарфомъ на головѣ, по-татарски повязаннымъ.

Ее, повидимому, удивило присутствіе всѣхъ троихъ въ мастерской, и Шугаевъ замѣтилъ это и поспѣшилъ извиниться:

— Мы тутъ случайно собрались, вы ужъ извините. Это какъ-то нечаянно вышло... Я хотѣлъ тутъ посидѣть у васъ... Ну, а они за мной.

Но Лидія Михайловна уже придала лицу привѣтливое выраженіе и, со всѣми поздоровавшись, высказала даже удовольствіе:

— Что̀ же, и очень хорошо. Посидите. Я все равно не работаю. Хотѣла только взглянуть.

Она кивнула на завернутый тряпками бюстъ, однако не спѣшила смотрѣть на него. И никто ничего ей не отвѣтилъ.

Молчаніе отяжелило воздухъ.

Б. Фредманъ-Клюзель. Бюстъ донъ Эдуарда Гарсія-и-Мансилья. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Она засуетилась и поспѣшила прервать его:

— Здѣсь хорошо, прохладно. Какое море сегодня! Точно притаилось. Въ немъ даже что-то хищное есть. Впрочемъ, въ немъ всегда есть что-то хищное. Я недавно это замѣтила. Что же вы, мама, не садитесь?

— Нѣтъ ужъ, я иду присмотрѣть за обѣдомъ, — отвѣтила Арина Ивановна и пошла какъ-то особенно торопливо, точно опасаясь, что ее задержатъ.

Лидія Михайловна обратилась къ Сашѣ, не допуская больше ни мгновенія безъ словъ:

— Почему вы, Саша, не купались? Хотя, знаете, не о чемъ жалѣть. Купанье показалось мнѣ непріятно. Вода такая неласковая.

Но словъ уже не хватало... Да и тѣ, что были сказаны, не заполняли пустоты, которая тяготила всѣхъ.

И Шугаевъ ощущалъ это ясно. Онъ все еще не могъ посмотрѣть прямо въ глаза жены и, чтобы избѣжать этого дальше, напомнилъ Сашѣ:

— Что же, Саша, работать-то?... Пойдемъ.

Лидія Михайловна стала удерживать ихъ:

— Почему? Вѣдь вы же хотѣли посидѣть тутъ... у меня.

— Хотѣлъ, но вотъ мой помощникъ напомнилъ мнѣ о моемъ долгѣ,—черезъ силу улыбаясь, отвѣтилъ Шугаевъ и неловко двинулся къ двери.

Она не стала больше задерживать ихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На тотъ берегъ.

Навѣки жизненнымъ разлучены потокомъ,
На разныхъ мы стоимъ далекихъ берегахъ.
Ты мнѣ виднѣешься на берегу высокомъ
Отрадной юности—въ эфирѣ и въ лучахъ.
Я, погруженный въ тѣнь, томлюсь на одинокомъ
Прибрежьѣ старости. Но издали, въ мечтахъ,
Твое дыханье пью и образъ твой цѣлую,
Любя въ любви къ тебѣ свою весну былую.

И, можетъ-быть, какъ знать, твой взоръ не ослѣпленный
Замѣтитъ вдалекѣ печаль моихъ сѣдинъ,
И ты поймешь, что путь ведетъ насъ всѣхъ одинъ,
Что тотъ же лжетъ намъ лучъ, различно отраженный.
О другъ мой, двѣ звѣзды свѣтлѣе всѣхъ горятъ:
Утра и вечера,—одной звѣзды два знака.
Я полюбилъ въ тебѣ рожденье дня изъ мрака.
О, пожалѣй во мнѣ грозящій дню закатъ.

Н. Минскій.

„Принцесса Иза".

Разсказъ Л. М. Савёлова.

(Продолженіе).

Выѣхалъ я изъ Луксора около пяти часовъ утра. Солнце только-что взошло и золотило Ливійскій хребетъ, который тянулся на западѣ, и въ скалахъ котораго похоронены бывшіе владыки Египта и ихъ приближенные. Было еще свѣжо. Переправившись черезъ Нилъ, мы направились съ проводникомъ на ослахъ къ западу. Вдали показались знаменитые колоссы Мемнона, эти до сихъ поръ величественные, хотя и весьма пострадавшіе отъ времени и землетрясеній, остатки сѣдой старины Египта; послѣ нихъ виднѣлась песчаная полоса, тянувшаяся уже вплоть до подножія самаго хребта. Почва постепенно повышается; мы приближаемся къ цѣли. Наконецъ мы у входа въ одну изъ гробницъ; тамъ собралась уже большая компанія туристовъ всевозможныхъ національностей; мы съ проводникомъ присоединились къ ней, вошли въ коридоръ, который долженъ былъ привести насъ къ самой гробницѣ. У всѣхъ въ рукахъ были свѣчи, которыя мерцали въ темнотѣ, слабо освѣщая внутренность коридора. Толпа вела себя, по обыкновенію, крайне непристойно, ведя неподходящіе обстановкѣ разговоры, слышались хохотъ, шутки; меня все это крайне раздражало, и я понемногу отсталъ отъ толпы и остался наконецъ одинъ, стараясь разглядѣть живопись на стѣнахъ, которая изображала картины изъ жизни стараго Египта. Но странно—все это казалось мнѣ удивительно знакомымъ, и я ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, гдѣ я могъ это видѣть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, все это было издано, и я гдѣ-нибудь видѣлъ это изданіе, хотя никакъ не могъ припомнить, гдѣ именно.

Къ самому саркофагу я подошелъ въ то время, когда дикая орда туристовъ съ такимъ же шумомъ уже уходила обратно. Я подошелъ къ саркофагу—онъ былъ пустъ; очевидно, мумію куда-нибудь увезли, и она подъ № украшаетъ какой-нибудь музей. Мнѣ стало невыносимо грустно, я прислонился къ стѣнѣ и задумался. Мнѣ казалось, что я присутствую при похоронахъ, мнѣ чудились рыданія близкихъ людей, хоронившихъ драгоцѣнный для нихъ прахъ и украшавшихъ съ любовью эту дорогую для нихъ могилу. Затѣмъ проходятъ вѣка—являются чужіе люди, взламываютъ саркофагъ, выкидываютъ изъ него мумію, обшариваютъ его и ищутъ драгоцѣнностей и высчитываютъ тѣ барыши, которые получатъ они за эту удачную находку саркофага и муміи, когда-то оплаканной, а теперь валяющейся въ пыли въ полномъ пренебреженіи. Подъ тяжелымъ гнетомъ этихъ грустныхъ мыслей опустился я на колѣни передъ саркофагомъ, точно желая вымолить прощеніе за поруганіе святыни, совершенное моими современниками; я былъ точно въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Не знаю, сколько времени продолжалось такое состояніе, но вдругъ я почувствовалъ, что будто кто-то на меня смотритъ; я поднялъ голову и къ удивленію увидалъ стоящую у самаго саркофага молодую женщину дивной красоты въ богатомъ древне-египетскомъ одѣяніи. Черты ея мнѣ были очень знакомы. Глаза ея были устремлены на меня, и она, видимо, разсматривала меня и точно что-то припоминала. Я, въ свою очередь, сталъ ее разсматривать,—весь ея обликъ, ея лицо, наконецъ и ея одежда—все казалось мнѣ не только давно знакомымъ, но чѣмъ-то удивительно близкимъ, роднымъ; меня неудержимо влекло къ ней. Такъ прошло нѣсколько мгновеній; мы внимательно другъ друга разглядывали. Наконецъ она провела рукой по глазамъ и заговорила:

— Зачѣмъ ты здѣсь, что привлекло тебя сюда? Праздное любопытство или алчность, которой заражено современное человѣчество? Но ты опоздалъ: видишь эту могилу—ее уже успѣли разграбить раньше; ты здѣсь ничего уже не найдешь, не найдешь даже той, чей прахъ съ любовью и со слезами былъ опущенъ въ этотъ саркофагъ, — даже онъ понадобился твоимъ собратьямъ, даже несчастная мумія дала имъ пригоршню презрѣннаго металла, который заслоняетъ у васъ всѣ ваши чувства, отнялъ у васъ все святое. Что сдѣлали вы изъ священной земли Аммонъ-Ра? Что сдѣлали вы съ ея нѣкогда свободными жителями? Зачѣмъ разрушили вы наши храмы, зачѣмъ надругались надъ нашими богами, надъ нашими святынями? Неужели ваша религія не научила васъ почитать святыни другихъ, не научила васъ относиться съ уваженіемъ къ прошлому? Вѣдь и мы любили и страдали — за что же вы, пришельцы, оскверняете наши могилы, чѣмъ провинились мы передъ вами? О, настанетъ время, когда и ваши храмы будутъ брошены, и ваши могилы разрыты, и тѣла ваши выставлены на показъ праздной толпѣ, ищущей развлеченій! Часъ возмездія настанетъ и для васъ, и вы испытаете то, что испытываемъ теперь мы!

Голосъ египтянки звучалъ гнѣвно и чуть дрожалъ; видно было, что она волнуется, въ ея словахъ чувствовалось глубокое горе. Ея рѣчь была какъ бы продолженіемъ моихъ собственныхъ думъ; я вполнѣ признавалъ справедливость ея тяжелыхъ обвиненій и, опустивъ голову подъ тяжестью ихъ, точно самъ переживалъ тѣ страданія, которыя были написаны на лицѣ моей таинственной собесѣдницы и особенно въ ея глубокихъ черныхъ глазахъ. Она замолкла и впилась въ меня взорами, точно желала прочесть мои мысли, узнать впечатлѣніе, произведенное на меня ея словами. Я сдѣлалъ шагъ назадъ и хотѣлъ уйти, думая, что мое присутствіе только увеличиваетъ муки прекрасной египтянки, видящей во мнѣ одного изъ представителей ненавистныхъ ей разрушителей ея святынь, но она подняла руку, дѣлая знакъ, чтобы я остался, и заговорила вновь.

— Я вижу,—сказала она:—что ты не похожъ на твоихъ соплеменниковъ, что и ты готовъ возмущаться всѣмъ тѣмъ, что сдѣлали и дѣлаютъ твои собратья. Если я не ошиблась, и если это такъ, то готовъ ли ты попытаться исправить тотъ грѣхъ, который они совершили по отношенію къ моему праху? Готовъ ли ты помочь мнѣ найти его и возвратить священной землѣ?

Ея глаза, недавно еще гнѣвные и метавшіе искры, смотрѣли теперь на меня съ мольбою и какъ бы ожидали съ трепетомъ моего отвѣта. Но какой же отвѣтъ могъ я ей дать, какъ не желанный ею? Я весь находился подъ обаяніемъ ея неземной красоты, какая-то непонятная сила влекла меня къ ней, ради нея я былъ готовъ на все, я чувствовалъ, что отнынѣ моя жизнь принадлежитъ всецѣло ей, этой невѣдомой представительницѣ египетской старины.

— Скажи, что я долженъ сдѣлать, и я это сдѣлаю, хотя бы это стоило мнѣ жизни, — отвѣтилъ я, приближаясь къ египтянкѣ.

Она взглянула на меня такими благодарными глазами, что я едва удержался на ногахъ. Она приблизилась ко мнѣ, положила свою маленькую ручку на мое плечо и сказала:

— Я вѣрю тебѣ, но раньше, чѣмъ дѣйствовать, раньше, чѣмъ я разскажу все, чего отъ тебя ожидаю, — ты долженъ вынести рядъ тяжелыхъ испытаній, и только если ты выйдешь изъ нихъ побѣдителемъ, я скажу тебѣ свое желаніе, и только тогда ты пріобрѣтешь право видѣть меня и помогать мнѣ.

Точно электрическая искра пробѣжала по мнѣ, когда я почувствовалъ прикосновеніе руки: весь дрожа, опустился я на колѣни и, цѣлуя края ея одежды, скорѣе прошепталъ, чѣмъ сказалъ:

— Я—твой рабъ, ради тебя я готовъ на всякія испытанія, на всякія мученія. Я не знаю, почему, но мнѣ кажется, что я знаю тебя уже очень давно, и что я любилъ тебя, какъ люблю теперь.

При этихъ словахъ я почувствовалъ, какъ египтянка вдрогнула: ея рука опять опустилась на мое плечо, и я почувствовалъ ея трепетъ.

Я не могу описать тѣ чувства, которыя испытывалъ въ ту минуту:—египтянка дѣйствительно сразу поработила мой умъ, мое сердце, мою волю, и я готовъ былъ пойти на какія угодно испытанія, готовъ былъ по ея одному слову выдержать какія угодно муки и принести какія угодно жервы.

— Хорошо,—отвѣтила она:—но я повѣрю въ твою любовь тогда только, когда ты докажешь ее, и только тогда получишь ты награду, недоступную простому смертному. Если ты согласенъ на испытанія, то долженъ провести три ночи въ этой гробницѣ у моего саркофага, и если выдержишь все то, чему тебя подвергнутъ, то я повѣрю и въ твою любовь и въ то, что ты дѣйствительно способенъ и желаешь помочь мнѣ. Если нѣтъ, то ты уйдешь отсюда свободнымъ отъ всякаго обязательства по отношенію ко мнѣ, а я получу еще одно лишнее доказательство того, что современное человѣчество способно лишь на предательство, низость и изъ-за матеріальныхъ выгодъ готово отказаться отъ самыхъ священныхъ привязанностей.

Затѣмъ, помолчавъ, она прибавила:

— Помни, если въ теченіе этихъ трехъ ночей тебѣ не подъ силу будутъ испытанія, то по одному твоему слову все прекратится, и ты уйдешь отсюда и больше меня никогда не увидишь ни въ этой жизни ни въ будущей. И предупреждаю тебя, что на мое содѣйствіе во все время твоихъ испытаній ты разсчитывать не можешь: я ничѣмъ не въ состояніи буду тебѣ помочь, ты долженъ будешь надѣяться лишь на однѣ твои силы, а ихъ потребуется очень много: будь готовъ ко всему. А теперь прощай, я буду ожидать тебя въ первую ночь новолунія, но запомни, что все это время, кромѣ молока и растительной пищи, ты ничего не долженъ ѣсть, и то какъ можно меньше, вино пить можно, но въ количествѣ, необходимомъ лишь для поддержанія твоихъ силъ.

Послѣ этихъ словъ она сдѣлала привѣтливый знакъ рукой, и ея темные глаза заглянули въ мои, точно она желала убѣдиться въ моихъ чувствахъ къ ней, въ способности ради нея вынести всѣ муки испытанія. Еще мгновеніе взаимнаго созерцанія—и призракъ исчезъ, а я остался одинъ въ темной гробницѣ.

Долго я не могъ прійти въ себя послѣ всего видѣннаго и слышаннаго у таинственнаго саркофага: я совершенно не соображалъ, что со мной и гдѣ я—такъ необычно было появленіе этой древней египтянки, которая прикасалась ко мнѣ, которую я видѣлъ, которую я слышалъ. Что это было? Было ли это дѣйствительное явленіе съ того свѣта, или же только галлюцинація—результатъ моего воображенія подъ вліяніемъ окружавшей меня обстановки?

Появленіе новыхъ лицъ вывело меня изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ я находился: я вышелъ на воздухъ. Голова кружилась: точно пьяный, сѣлъ я на своего осла и отправился въ Луксоръ, подавленный всѣмъ происшедшимъ. Какъ во снѣ, проѣхалъ я Долину смерти, не обративъ вниманія на нестерпимый зной, который охватилъ все окружающее, машинально сѣлъ въ лодку и переплылъ Нилъ. Только прохладная ванна, которую я принялъ сейчасъ же, вернула мнѣ способность соображать, и къ завтраку я сошелъ уже въ сравнительно нормальномъ состояніи. Послѣ завтрака я заперся у себя въ комнатѣ, усѣлся въ кресло и началъ размышлять о происшествіяхъ сегодняшняго утра. При всей своей вѣрѣ въ возможность явленій изъ области, какъ считается, сверхъестественнаго,—то, что я видѣлъ, было до того реально, до того жизненно, что не могло не поразить даже и меня, и мнѣ хотѣлось путемъ умственнаго анализа всего происшедшаго понять, что именно произошло со мной въ гробницѣ.

Первый вопросъ, конечно: могло ли быть это вызвано какимъ-нибудь внѣшнимъ давленіемъ на мозгъ? Отвѣтъ получался отрицательный: никакихъ излишествъ ни въ ѣдѣ ни въ напиткахъ не было, обѣдъ наканунѣ былъ, по обыкновенію, легкій, вина не было, маленькая чашка чернаго кофе—но это было обыденнымъ явленіемъ: ни разговоровъ ни чтенія, которые могли бы меня возбудить, также не было; спалъ я отлично, всталъ бодрымъ и, входя въ гробницу, былъ очень далекъ отъ мысли о возможности какихъ бы то ни было сверхъестественныхъ явленій.

Гробницы я посѣщалъ этотъ разъ не впервые, и хотя онѣ всегда подымали нѣсколько мое настроеніе, но уже не поражали воображенія, и это появленіе египтянки было бы понятно, если бы случилось при моемъ первомъ посѣщеніи гробницъ. Итакъ, какъ я ни ломалъ головы, я приходилъ къ убѣжденію, что былъ совершенно нормаленъ, и что явленіе это не было воображеніемъ, а являлось вполнѣ реальнымъ проявленіемъ представителя иного міра, и я склонялся къ тому, чтобы исполнить желаніе моей прекрасной египтянки, а къ вечеру того же дня рѣшилъ уже окончательно провести требуемыя ею три ночи у ея саркофага и подвергнуть себя необходимымъ испытаніямъ.

Самое проявленіе духа—а что это было духовное явленіе, я ни минуты не сомнѣвался—меня, конечно, смущать не могло, такъ какъ я и тогда вѣрилъ въ возможность подобныхъ явленій, и если меня что-нибудь смущало, то только большая его реальность, въ которой дѣйствовали зрѣніе, слухъ и осязаніе: только это меня смущало, и одно желаніе разъяснить это могло заставить меня исполнить всѣ требованія этого матеріализировавшагося призрака: но, сознаюсь, во мнѣ дѣйствовало и не одно простое любопытство: меня захватило чувство, котораго я не зналъ до тѣхъ поръ,—въ этой гробницѣ я потерялъ не только голову, но оставилъ тамъ и сердце. Меня неудержимо тянуло къ саркофагу, несмотря на сознаніе ужаса моего положенія, ужаса полюбить призракъ. Но будь, что будетъ—я рѣшилъ итти туда, куда меня повлечетъ эта невѣдомая и таинственная сила. Я дѣлался рабомъ призрака, но добровольно соглашался надѣть тяжелыя цѣпи рабства: я не зналъ, куда приведетъ меня эта любовь, я шелъ съ завязанными глазами, но развязывать ихъ мнѣ не хотѣлось.

Но, чтобы исполнить свое намѣреніе провести ночь въ гробницѣ, надо было подготовить почву, а это не было такъ просто, такъ какъ на ночь всѣ гробницы запираются. Помогъ мнѣ мой проводникъ, который взялся переговорить со сторожемъ. Я боялся, что проводникъ заинтересуется причиной, но, вѣроятно, ему приходилось не разъ встрѣчаться съ самыми дикими фантазіями путешественниковъ, такъ какъ, не выражая никакого удивленія, онъ по первому моему слову взялся за исполненіе моего порученія, которое и устроилъ очень быстро при посредствѣ всемогущаго на Востокѣ бакшиша, который на этотъ разъ оказался весьма значительнымъ: за три ночи съ меня потребовали 100 франковъ и обязательство глубокаго молчанія; и то и другое я съ удовольствіемъ исполнилъ, тѣмъ болѣе, что тайна моихъ ночевокъ у саркофага была и въ моихъ интересахъ. Оставалось только ожидать первой ночи послѣ новолунія, а затѣмъ предать себя на волю Божію и стараться выдержать испытанія; но въ этомъ я почему-то нисколько не сомнѣвался, такъ какъ цѣль была слишкомъ занимательна.

Приходилось ожидать болѣе недѣли, которая прошла мучительно долго. Несмотря на ежедневныя поѣздки въ окрестности Луксора, на огромное впечатлѣніе, произведенное на меня храмами Карнака, я жилъ одной мыслью: увидѣть опять призракъ египтянки и скорѣе выполнить всѣ нужныя приготовленія, чтобы получить эту возможность. Наконецъ наступилъ желанный день. Я страшно нервничалъ, бранилъ солнце, которое въ этотъ день медленно двигалось по небосклону, но въ то же самое время невольный страхъ медленно заползалъ въ душу, гдѣ-то въ мозгу копошилась мысль, что все это глупо,—но, несмотря на это, та же душа рвалась къ этому таинственному призраку, который, казалось, загипнотизировалъ меня.

Вотъ опять я на ослѣ. Проклятое животное еле передвигаетъ ноги, не обращая вниманія на удары, которыми осыпалъ его погонщикъ, и точно рѣшивъ окончательно измучить меня.

Но всякому мученію наступаетъ когда-нибудь конецъ. Вотъ я у входа въ гробницу. Меня встрѣчаетъ черномазый сторожъ, перекидывается нѣсколькими словами съ проводникомъ и, получивъ плату за первую ночь, открываетъ рѣшетчатую дверь, и я вхожу. Сердце усиленно бьется, а иногда совершенно замираетъ, кровь то и дѣло приливаетъ къ мозгу, въ рукахъ и ногахъ я чувствую дрожь, колѣни подгибаются, я еле двигаюсь. Не вернуться ли? Нѣтъ, нѣтъ: три ночи—и меня ожидаетъ награда. Прочь сомнѣнія, прочь страхъ. Мнѣ даютъ зажженную свѣчу и другую въ запасъ; я слышу стукъ захлопнувшейся рѣшетки и щелкъ замка. Жребій брошенъ,—я одинъ, пламя свѣчи едва мерцаетъ въ моей дрожащей рукѣ, меня окружаетъ тишина, со стѣнъ странно смотрятъ на меня различныя фигуры, движущіяся отъ колебанія пламени. Я слышу біеніе собственнаго сердца; жутко, но я продолжаю медленно спускаться. Иногда ноги какъ бы не хотятъ слушаться меня,—я прислоняюсь къ стѣнѣ коридора и затѣмъ заставляю себя итти. Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ я двигаюсь все медленнѣе, точно на моихъ ногахъ гири. Но вотъ путь конченъ, я различаю уже контуры саркофага. Тихо, душно и жутко, но я стараюсь побороть себя; оглядываюсь—надо выбрать мѣсто, гдѣ бы устроиться, и послѣ нѣкотораго размышленія я сажусь на полъ за саркофагомъ, дѣлая его какъ бы преградою между собой и выходомъ изъ гробницы. Ощупываю себя: спички и флаконъ съ коньякомъ на мѣстѣ: тушу свѣчу. Все погружается во мракъ. Я всматриваюсь въ эту таинственную жуткую тьму, но въ ней ничего нѣтъ: я закрываю глаза, но сейчасъ же вновь открываю ихъ въ надеждѣ увидѣть что-нибудь,—но попрежнему все та же жуткая тишина и мракъ...

Послышался звукъ, точно рукой провели по струнамъ арфы. Во мнѣ все затрепетало, но опять та же могильная тишина. Но вотъ опять тотъ же звукъ, за нимъ другой, третій—и вся гробница наполнилась цѣлою гаммою звуковъ, и хотя ничего не было видно, но я чувствовалъ, что около меня кто-то есть—и не одинъ, а много людей,—я слышалъ ихъ дыханіе, біеніе ихъ сердецъ, но пока мое

ихъ заглушаетъ. Блеснула точно молнія—я закрылъ глаза и почувствовалъ, что что-то происходитъ здѣсь, и если я открою глаза, то увижу что-нибудь страшное: я чувствую сквозь вѣки, что гробница уже наполнена яркимъ свѣтомъ. Я рѣшаюсь наконецъ открыть глаза. Передо мной огромная зала, раздѣленная колоннами на нѣсколько частей: всюду горятъ смолистые факелы, освѣщая залу и распространяя сильный, одуряющій ароматъ. Вдали стоитъ большая статуя, передъ нею нѣсколько жертвенниковъ, но никого нѣтъ. Я рѣшаюсь обойти кругомъ: въ нишахъ вокругъ залы стоятъ статуи, видимо, различныхъ боговъ, но нигдѣ ни жизни ни движенія. Но вотъ вдали послышалось стройное пѣніе, которое приближалось. Я спрятался за колонну. Тихо стали появляться жрецы, сопровождаемые хоромъ изъ мужчинъ и женщинъ: за ними шли нѣсколько человѣкъ въ особенно роскошныхъ одеждахъ: за ними несли большія опахала изъ страусовыхъ перьевъ, украшенныя драгоцѣнными камнями: ихъ головы были украшены золотыми обручами съ головой змѣи впереди: среди нихъ я увидѣлъ мой призракъ: шествіе замыкалось цѣлой толпой египтянъ въ простыхъ одеждахъ. Всѣ они размѣстились вокругъ главной статуи, и жрецы приступили къ богослуженію. Закурился ѳиміамъ, пѣніе смолкло. Главный жрецъ поднялся на небольшое возвышеніе и началъ что-то говорить. Все собраніе его внимательно слушало, многіе стояли съ поникшими головами. Я сталъ всматриваться въ мою египтянку, она тоже внимательно слушала жреца, но иногда взоръ ея обѣгалъ всю залу, точно ища кого-то. Не меня ли? Вдругъ къ главному жрецу подошелъ молодой египтянинъ и, почтительно согнувшись, шепнулъ что-то на ухо. Жрецъ замолкъ, затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ—и точно электрическая искра пробѣжала по собравшимся, и всѣ мгновенно повернулись въ мою сторону. Я понялъ, что мое присутствіе открыто. Лица египтянъ не обѣщали ничего хорошаго. Черезъ нѣсколько секундъ нѣсколько человѣкъ схватили меня и поволокли къ жертвеннику, и я очутился лицомъ къ лицу со старымъ жрецомъ, который молча разглядывалъ меня. Глаза его выражали страшный гнѣвъ, лицо передергивалось судорогой. Нѣсколько секундъ, которыя длилось молчаніе, показались мнѣ вѣчностью; наконецъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Чужестранецъ, зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ ты нарушилъ святость нашего храма, зачѣмъ и по какому праву ворвался сюда незванный и чуждый намъ? Отвѣчай и знай, что за твой поступокъ тебя ожидаетъ мучительная смерть.

Я не зналъ, что̀ дѣлать: могъ ли я отвѣтить правду, или долженъ былъ скрыть истину?

Я взглянулъ на свою египтянку. Ея глаза были обращены на меня, но въ нихъ я увидѣлъ то же выраженіе, какое было у всѣхъ присутствующихъ,—очевидно, съ этой стороны поддержки ждать было нечего. Что̀ же это значило? Неужели она меня обманула?

— Я здѣсь по приглашенію,—отвѣтилъ я, глядя прямо въ мрачные глаза жреца.

— Кого? Но берегись, если ты солгалъ!—крикнулъ старикъ.

— Меня позвала эта женщина,—сказалъ я, указывая на мою египтянку.

Точно волна пробѣжала по залѣ и хлынула по направленію египтянки: на всѣхъ лицахъ видно было напряженіе.

— Принцесса Иза, правду ли говоритъ этотъ человѣкъ, и знаешь ли ты его?—спросилъ жрецъ.

Я впился глазами въ ея лицо,—отъ ея отвѣта зависѣла моя судьба.

— Онъ лжетъ, я не знаю этого человѣка,—прозвучалъ мелодичный голосъ, отдававшій меня въ руки людей, жаждавшихъ гибели чужеземца.

Людская волна отхлынула отъ Изы и охватила меня со всѣхъ сторонъ. Я слышалъ тяжелое дыханіе египтянъ, глаза ихъ метали искры, и если бы не присутствіе жрецовъ, то, вѣроятно, меня бы тутъ же растерзали.

Старый жрецъ поднялъ руку, все смолкло.

— Этотъ человѣкъ, чуждый намъ, не признающій нашихъ боговъ, смѣющійся надъ ними, проникъ на наше богослуженіе: затѣмъ онъ, какъ вы слышали, солгалъ. Какому наказанію онъ долженъ быть подвергнутъ?—спросилъ жрецъ.

— Смерти, смерти! — пронеслось по всей залѣ, отдаваясь въ высокихъ мрачныхъ сводахъ.

— Да будетъ такъ, но раньше пусть на пыткѣ скажетъ онъ намъ, зачѣмъ пришелъ сюда,—произнесъ жрецъ и сдѣлалъ знакъ рукой.

Меня куда-то повели. Вдругъ одинъ изъ ведшихъ меня египтянъ наклонился къ моему уху и прошепталъ:

— Одно слово — и ты свободенъ.—Меня эти слова ободрили: значитъ, Иза помнитъ меня, и я опять былъ готовъ на всякія мученія, разъ эти мученія могутъ быть ей полезны.

Мы шли довольно долго. Наконецъ меня привели въ какое-то мрачное помѣщеніе, въ которомъ валялись кости, черепа людей, а въ одномъ углу лежала какая-то безформенная масса, издававшая стоны. Можно было только догадываться, что это былъ человѣкъ: все тѣло его было истерзано, глаза, повидимому, выжжены, кожа висѣла клочьями, руки и ноги перебиты.

— То же будетъ и съ тобою, — сказалъ одинъ изъ провожавшихъ меня.

Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и остановился въ дверяхъ, но сзади меня толкнули въ спину раскаленнымъ желѣзомъ: я дико вскрикнулъ отъ боли и вошелъ въ помѣщеніе, гдѣ меня ждали ужасы пытки. Прежде всего меня раздѣли, повалили ничкомъ на деревянный помостъ и большими гвоздями прибили руки и ноги въ колѣняхъ, затѣмъ начали вырѣзывать изъ спины ремни. Время отъ времени меня спрашивали, не желаю ли я что-нибудь сказать, но я, помня только конечную цѣль моихъ мученій, лишь мычалъ и старался думать объ Изѣ, что̀ придавало мнѣ силы и бодрость. Послѣ этой операціи меня сняли съ помоста и перевернули на спину. Страданія были ужасны, но что̀ было дальше—было несравненно мучительнѣй: раскаленными щипцами мнѣ вырвали глаза, вывернули всѣ суставы на рукахъ и ногахъ. Но, несмотря на нечеловѣческія страданія, я ни разу не потерялъ сознанія: я не только испытывалъ муки, но и ясно сознавалъ весь ужасъ своего состоянія, а также сознавалъ, что одного моего слова достаточно, чтобы все прекратилось. Но для чего это было нужно? Я представлялъ собою груду мяса и костей и не могъ понять, чѣмъ я могъ быть полезенъ въ такомъ видѣ Изѣ. Но я вѣрилъ въ нее и рѣшилъ испытать все до конца.

Когда я былъ весь исковерканъ, вышелъ старый жрецъ и спросилъ меня, не желаю ли я что-нибудь сказать. Я съ трудомъ отвѣтилъ ему.

— Нѣтъ.

— Если нѣтъ, то тебѣ вольютъ въ горло кипящаго масла. Подумай.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Мнѣ было все равно, ничто не могло усилить моихъ страданій, но я ошибся: это было что-то невѣроятное, когда кипящее масло проникло въ горло и желудокъ. Я хотѣлъ крикнуть, но не могъ, хотѣлъ вздохнуть, но вмѣсто воздуха въ дыхательное горло попало то же кипящее масло. Я потерялъ сознаніе. Долго ли продолжалось обморочное состояніе, я не знаю. Я пришелъ въ себя, болей не было, только чувствовалась разбитость, всѣ члены ныли. Я попробовалъ пошевелить рукой—она послушалась; попробовалъ подняться — и безъ труда это сдѣлалъ: всѣ конечности были цѣлы. Я со страхомъ дотронулся до глазъ — они были цѣлы. Я не выдержалъ и разрыдался отъ радости. Я былъ счастливъ вдвойнѣ: всѣ ужасы этой ночи для меня прошли безслѣдно, а кромѣ того, я выдержалъ часть испытанія. Послышались шаги—ко мнѣ подходилъ сторожъ-арабъ—надо было уходить изъ гробницы.

Возвратившись въ Луксоръ, я отправился первымъ дѣломъ въ ванну, чтобы немного подбодрить себя,—я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Когда я раздѣлся, то съ удивленіемъ увидѣлъ на тѣлѣ слѣды какъ будто зажившихъ ранъ, на колѣняхъ видны были слѣды отъ гвоздей. Меня это страшно поразило: значитъ, это не была галлюцинація: но тогда что̀ же это было? При всей моей вѣрѣ въ возможность перевоплощенія, въ возможность общенія съ загробнымъ міромъ—дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія.

Весь день провелъ я въ обдумываніи всего того, что̀ произошло въ прошлую ночь, и, несмотря на невѣроятныя муки, которыя я испытывалъ, ни на одну минуту не явилась у меня мысль о возможности не исполнить всего, чего требовала отъ меня Иза. Какъ мое тѣло, такъ и мое внутреннее „я“ были всецѣло покорены ею.

На вторую ночь началось все такъ же, какъ и наканунѣ, только мнѣ казалось, что глаза принцессы Изы выражали мнѣ сочувствіе, подбадривали меня, однако такъ же, какъ и раньше, на вопросъ жреца она отвѣтила, что не знаетъ меня, но въ голосѣ ея мнѣ почудились уже другія нотки: я не слышалъ въ нихъ того холоднаго презрѣнія, которымъ дышали онѣ наканунѣ. Я чувствовалъ, что она довольна мною, и я вновь былъ готовъ итти ради нея на всевозможныя муки.

И эти муки были еще ужаснѣе. Послѣ различныхъ истязаній съ меня была содрана кожа, и я былъ брошенъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ. Все время я не терялъ сознанія и испытывалъ невѣроятныя муки, пока мнѣ не почудилось, что на мои глаза легла чья-то небольшая ручка. „Это—Иза“,—мелькнуло у меня въ головѣ, и я потерялъ сознаніе, а когда очнулся, то оказался опять въ темной гробницѣ. Эта ночь окончательно выбила меня изъ силъ, и я съ ужасомъ думалъ о послѣднемъ испытаніи, въ состояніи ли я буду его вынести.

Ночь началась такъ же. Такъ же жрецъ обратился къ Изѣ съ вопросомъ, знаетъ ли она меня и дѣйствительно ли позвала меня на ихъ собраніе, но отвѣтъ уже былъ не тотъ.

— Онъ говоритъ правду,—прозвучалъ отвѣтъ Изы.

Все море головъ заколебалось, и съ недоумѣніемъ переводили присутствовавшіе свои глаза съ Изы на меня и обратно, ожидая разъясненія.

— Кто же онъ, и затѣмъ ты привела его сюда?—спросилъ жрецъ.

— Это мой женихъ, принцъ Рама, въ его новомъ воплощеніи. Я привела его сюда, чтобы довершить то, что̀ не могло совершиться въ его предыдущемъ воплощеніи, и когда это совершится, онъ долженъ найти мою мумію и вернуть ее священной землѣ Гаторъ.

Я стоялъ ошеломленный и удивленный словами Изы: теперь я началъ многое понимать, что̀ раньше было для меня загадочнымъ.

Такъ вотъ причина, почему мнѣ были такъ знакомы всѣ эти величественные остатки древняго Египта.

Слова Изы вызвали движеніе въ залѣ, но это движеніе не было уже враждебнымъ мнѣ.

— Принцъ Рама,—обратился ко мнѣ жрецъ:—готовъ ли ты подвергнуться послѣднему испытанію, которое бы убѣдило всѣхъ, что ты дѣйствительно тотъ, за кого тебя считаетъ принцесса Иза?

— Да, я готовъ перенести все, чему бы меня ни подвергли.

— Готовъ ли ты вернуться къ своей прежней вѣрѣ и клянешься ли ты вѣчно поклоняться богамъ древняго Египта?

— Клянусь!—отвѣтилъ я твердымъ голосомъ.

— Готовъ ли взять въ жены принцессу Изу, предназначенную тебѣ въ твое предыдущее воплощеніе?

— Готовъ!—съ радостью чуть не крикнулъ я.

— Клянешься ли ты любить ее вѣчно во всѣхъ твоихъ послѣдующихъ воплощеніяхъ?

— Клянусь!

— Теперь пойдемъ,—сказалъ жрецъ.

Мы вышли изъ залы и довольно долго шли длиннымъ коридоромъ; становилось душно—мы точно приближались къ самому пеклу: я едва дышалъ. Наконецъ мы подошли къ большому помѣщенію, наполненному огнемъ, которое охватило большое пространство: огромные языки пламени подымались кверху и лизали раскаленные докрасна каменные своды. Мы остановились за нѣсколько шаговъ до огня. Жаръ былъ такъ силенъ, что на мнѣ начало тлѣть платье.

— На другой сторонѣ этого огня есть такой же входъ, какъ и тотъ, которымъ мы пришли. Ты долженъ въ него проникнуть, и если ты дѣйствительно принцъ Рама, то сдѣлаешь это безпрепятственно, если же ты обманываешь насъ и принцессу Изу, то ты погибнешь въ огнѣ!—сказалъ мнѣ жрецъ.

Если это такъ, то бояться мнѣ было нечего: я уже вѣрилъ въ то, что я дѣйствительно существовалъ раньше, и что я египтянинъ по происхожденію; наконецъ меня ожидала награда въ видѣ руки Изы, безъ нея я уже жить не могъ, а какимъ образомъ покончить свое существованіе — мнѣ было совершенно безразлично.

Я рѣшительно и спокойно двинулся черезъ пламя, которое моментально превратило мое платье въ пепелъ, но совершенно не коснулось меня, и я свободно шелъ по огромному коридору. Пламя разступалось предо мной и точно указывало дорогу, пока я не вышелъ изъ него. Меня встрѣтилъ тотъ же жрецъ. Лицо его улыбалось, онъ протянулъ ко мнѣ руки:

— Привѣтствую тебя, принцъ Рама, для новой жизни. Да благословятъ тебя Гаторъ, Изида и Аммонъ-Ра.

Я въ глубокомъ волненіи склонился къ его ногамъ и припалъ къ нимъ. Слезы невольно текли изъ моихъ глазъ; но это были блаженныя слезы радости и счастья. Жрецъ ударилъ въ ладоши, и на его зовъ явилось нѣсколько слугъ; они принесли одежду, въ которую меня облекли, и надѣли мнѣ на голову золотой обручъ съ головкой змѣи, какъ знакъ моего высокаго происхожденія. Я превратился въ знатнаго египтянина эпохи фараоновъ, послѣ чего мы направились опять въ залу, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидали, зная уже о благополучномъ окончаніи испытанія. Всѣ низко кланялись мнѣ и шумно привѣтствовали. Мы подошли къ главному алтарю. Жрецъ читалъ молитвы, я громко повторялъ за нимъ, затѣмъ мы простерлись передъ статуей богини, послѣ чего я сдѣлалъ возліяніе благовоннаго масла на горѣвшій въ жертвенникѣ огонь.

Когда окончилось жертвоприношеніе, жрецъ обратился къ Изѣ:

— Принцесса Иза, желаешь ли взять въ мужья принца Раму?

— Да желаю,—отвѣтила Иза.—Я уже разъ клялась въ любви ему и готова повторить эту клятву и нынѣ.

— Принцъ Рама, подойди къ принцессѣ и подведи ее къ жертвеннику.

Съ бьющимся сердцемъ подошелъ я къ Изѣ, она съ улыбкою подала мнѣ руку, и мы подошли вмѣстѣ къ жертвеннику, около котораго и остановились, держа другъ друга за руки.

— Положите руки ваши на жертвенникъ,—сказалъ жрецъ.

Когда мы это исполнили, жрецъ обратился ко мнѣ:

— Принцъ Рама, клянись въ томъ, что будешь вѣчно поклоняться богамъ древняго Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что будешь исполнять все то, что будетъ исходить отъ главнаго жреца Аммонъ-Ра, какъ верховнаго духовнаго владыки древняго Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что никогда и никому не выдашь тайны нашихъ собраній, если не получишь на это особаго разрѣшенія.

— Клянусь.

— Клянись, что вѣчно будешь любить супругу свою—принцессу Изу.

— Клянусь.

— Принцесса Иза, клянись, что вѣчно будешь любить супруга своего—принца Раму.

— Клянусь,—твердо отвѣтила Иза.

Послѣ этого мы совмѣстно съ Изой сдѣлали возліяніе на жертвенникъ и выпили вина изъ кубка, который намъ подалъ жрецъ.

Послышались звуки музыки, всѣ стали подходить къ намъ съ поздравленіями, а затѣмъ, сопровождаемые жрецами и родными Изы, мы были отведены въ покои Изы и наконецъ остались одни.

Отсутствіе мое изъ Луксора продолжалось цѣлую недѣлю, о чемъ, впрочемъ, администрація отеля была своевременно увѣдомлена, такъ что тревоги не было. Черезъ недѣлю я очутился въ той же гробницѣ къ немалому удивленію сторожа-араба.

Я не въ силахъ описать, какъ провелъ я эту недѣлю: это былъ какой-то кошмаръ, и я удивляюсь, какъ я не сошелъ съ ума отъ безпредѣльности того счастья, какое дала мнѣ Иза.

Въ это же время разсказала она мнѣ о томъ, что происходило четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ на берегахъ Нила подъ именемъ принца Рама. Мы были съ нею въ очень отдаленномъ родствѣ и оба приходились троюродными внуками царствовавшаго тогда фараона. Иза была жрицею въ одномъ изъ храмовъ въ Ѳивахъ, а я командовалъ отрядомъ тѣлохранителей фараона. Родители наши были очень дружны, и наши близкія отношенія начались еще съ дѣтскаго возраста, и еще дѣтьми мы были объявлены женихомъ и невѣстой. Передъ тѣмъ какъ обвѣнчать насъ, родители отдали Изу въ храмъ, въ которомъ она должна была пробыть два года, но за это время Египту пришлось перенести нѣсколько повальныхъ болѣзней, отъ одной изъ которыхъ и умерла Иза, и мумія ея была похоронена въ той гробницѣ, гдѣ я ее встрѣтилъ.

Какъ жрица, Иза была подъ особымъ покровительствомъ боговъ и послѣ смерти попала въ царство духовъ, жившихъ въ подземномъ Египтѣ, имѣвшихъ свои храмы, свои сокровища и имѣвшихъ возможность воплощенія по своему желанію. Царство это дожило и до нашихъ дней, въ немъ свято хранятся всѣ завѣты древняго Египта, и до сихъ поръ тамъ приносятся жертвы богамъ священной земли Нила. Вотъ въ это-то царство и попалъ я, но, какъ смертный, я не могу окончательно уйти къ нимъ, а сообщаюсь только временами, послѣ же моей смерти, если я умру въ Египтѣ, мой духъ перенесется къ Изѣ, чтобы уже не разлучаться съ нею вѣчно.

Послѣ своей смерти Иза, конечно, слѣдила за мною и ждала того момента, когда мой духъ соединится съ нею, но, повидимому, со мною что-то случилось, и я умеръ за предѣлами Египта, такъ какъ моей муміи въ Египтѣ не было. Прошли тысячелѣтія. Иза все время искала меня, но, не имѣя возможности воплощаться или, вѣрнѣе, проявляться внѣ предѣловъ древней земли фараоновъ, она въ своихъ поискахъ была весьма ограничена. Надо было ожидать или воплощенія моего опять въ Египтѣ, или же хотя бы появленія на берегахъ Нила. Послѣдняго ей пришлось ждать четыре тысячи лѣтъ. Первый разъ увидѣла она меня у сфинкса, гдѣ она была въ числѣ присутствовавшихъ при богослуженіи, и ей сразу же бросилось въ глаза сходство мое съ ея женихомъ, почему она и не выдала тамъ моего присутствія, а затѣмъ, переговоривъ съ главнымъ жрецомъ, все время слѣдила за мною, ожидая наиболѣе удобнаго случая для своего проявленія. Эти жестокія испытанія, которыя мнѣ пришлось вынести, были назначены главнымъ жрецомъ, который, кромѣ провѣрки моей личности, желалъ какъ бы очистить меня, и Иза, конечно, обязана была подчиниться, несмотря на то, что страшно страдала, отказываясь отъ меня и зная, какія муки меня ожидаютъ, и боясь, что я не вынесу ихъ, и она меня вновь потеряетъ.

Тогда же Иза разсказала мнѣ, что, когда открыли саркофагъ, то мумію взяли и отвезли изъ Египта, но куда—она не знаетъ, такъ какъ не только проявляться тѣлесно, но даже и духовно внѣ предѣловъ Египта они не могутъ, и что это исчезновеніе муміи причиняетъ ей страшное горе; она просила меня отыскать мумію и привезти въ Египетъ. Я поклялся ей, что сдѣлаю все, чтобы исполнить ея желаніе, но чтобы она помогла мнѣ въ этомъ. И мы условились, что я объѣду всѣ города міра, гдѣ только могутъ быть муміи, и привезу фотографическіе снимки, по которымъ она и узнаетъ свою. Но каждый годъ, въ годовщину нашей свадьбы, я долженъ былъ являться въ Египетъ и проводить съ Изой недѣлю; кромѣ того, она дала мнѣ очень древній талисманъ, посредствомъ котораго я могъ вызвать ее, но не долженъ былъ злоупотреблять этимъ, такъ какъ съ ея стороны для этого требовались особыя условія и усилія, и обѣщала, кромѣ годовщины, проводить со мною два дня во время новолунія; три же раза въ годъ, когда совершаются большія богослуженія у сфинкса и въ гробницахъ, я спускаюсь самъ въ это царство полулюдей и полутѣней.

Послѣ возвращенія въ Луксоръ я долго ходилъ какъ помѣшанный. Я не могъ забыть этихъ дней, проведенныхъ съ Изой. Спокойствіе приходило постепенно, и этому я обязанъ ей же: ежедневно, когда я ложился спать, я чувствовалъ ея присутствіе, иногда чувствовалъ прикосновеніе къ глазамъ ея маленькой бархатной ручки, что меня очень успокаивало. Дней черезъ десять я выѣхалъ изъ Египта на поиски муміи. Наканунѣ отъѣзда я отправился опять въ гробницу въ надеждѣ видѣть Изу, и она дѣйствительно явилась; мы провели съ нею часа три и простились на годъ. На другой день я уѣхалъ. Я забылъ еще сказать, что во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ этимъ міромъ духовъ я говорилъ совершенно свободно на древнемъ египетскомъ языкѣ, на немъ же говорю и съ Изой.

IV.

Начались мои странствованія по Старому и Новому Свѣту; черезъ годъ съ цѣлой массой фотографическихъ снимковъ я былъ въ Египтѣ, но—увы!—среди нихъ желаемаго не было. Съ грустью

разошлись мы опять съ Изой, рѣшивъ, что я вернусь черезъ полгода, такъ какъ разлука въ теченіе цѣлаго года была слишкомъ тяжела для насъ обоихъ. Въ этотъ разъ я побывалъ въ Америкѣ, гдѣ нашелъ достаточное количество мумій. На этотъ разъ поѣздка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ одномъ изъ снимковъ Иза признала свою мумію, и я отправился вновь въ Америку уже съ опредѣленною цѣлью добыть драгоцѣнные останки Изы.

Пріѣхавъ на мѣсто, я свелъ знакомство съ сторожами музея, гдѣ хранилась мумія, и постепенно сталъ подготовлять почву. Золото явилось, конечно, главнымъ факторомъ, и черезъ три мѣсяца мы вполнѣ сговорились. Условія были довольно тяжелыя: я долженъ былъ обезпечить пятерыхъ сторожей капиталомъ, который приносилъ бы доходъ, равный получаемому ими содержанію, если же бы они были приговорены къ заключенію, то капиталъ этотъ удваивался. Половина капитала выдавалась впередъ, вторая—по врученіи мнѣ муміи, удвоенный же капиталъ—въ первый день послѣ обвинительнаго приговора суда. Однимъ словомъ, эта операція обошлась мнѣ въ сорокъ тысячъ франковъ.

Уплативъ половину денегъ, я ждалъ результатовъ, увѣренный, что сторожа исполнятъ свои обязательства. Прошло что-то около двухъ недѣль, я началъ уже волноваться, какъ вдругъ вечеромъ просматривая мѣстную вечернюю газету, мнѣ бросается въ глаза крупный заголовокъ:

„Дерзкая кража. Сегодня утромъ въ музеѣ древностей обнаружена кража одной изъ египетскихъ мумій; похищена женская мумія, одна изъ древнѣйшихъ и великолѣпно сохранившаяся. Похищеніе произведено черезъ разобранную стеклянную крышу музея. Кража обнаружена утромъ, при обходѣ музея хранителемъ. Ключи отъ всѣхъ помѣщеній хранятся у хранителя, сторожа же охраняютъ входы. Сторожа въ теченіе ночи ничего подозрительнаго не замѣтили: всѣ они служатъ при музеѣ много лѣтъ. При обыскѣ найдена пуговица морского образца; не послужитъ ли она путеводною нитью въ розыскѣ дерзкихъ грабителей."

Итакъ, свершилось; меня било, какъ въ лихорадкѣ. Въ этотъ и слѣдующій день я не выходилъ изъ комнаты, сказавшись больнымъ: я боялся какъ-нибудь себя выдать.

Утренняя газета принесла довольно мало: были произведены обыски у нѣсколькихъ лицъ, обыскали также квартиры всѣхъ служителей, при чемъ газета добавляла, что послѣднее было сдѣлано для успокоенія совѣсти, что никакихъ подозрѣній на нихъ не падаетъ, и, что, въ воздаяніе за обыскъ, имъ были даже выданы награды.

Все, повидимому, обстояло благополучно, но какимъ образомъ удастся мнѣ получить эту мумію — это вопросъ, который меня страшно волновалъ, однако приходилось терпѣливо ожидать дальнѣйшихъ событій.

Власти очень усердствовали, перерыли чуть ли не весь городъ, обыскали всѣ суда на рейдѣ, но ничего не нашли и затѣмъ понемногу начали успокаиваться; прошелъ мѣсяцъ, о муміи перестали говорить, открыли и музей, закрытый послѣ катастрофы, и я сейчасъ же отправился туда. Сторожа не обращали на меня никакого вниманія, точно видѣли меня въ первый разъ. Я недоумѣвалъ.

Когда я выходилъ изъ музея, меня догналъ одинъ изъ сторожей и, со словами: „Сударь, вы выронили", протянулъ мнѣ письмо. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло, поблагодарилъ его и поспѣшилъ домой, гдѣ прочелъ слѣдующее: „Извѣстная вамъ особа проживаетъ въ Карлсдорфѣ у Генриха Шмидта, на городской площади № 72. Назовитесь Іоганномъ Миллеромъ и скажите, что покупаете сигары".

(Окончаніе слѣдуетъ).

Умеръ ли Менеликъ?

Н. Гумилева.

Умеръ ли Менеликъ — вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба самой большой независимой страны въ Африкѣ, страны съ пятнадцатью милліонами населенія, древней православной Абиссиніи. Если да—могучіе феодалы поднимутъ споръ за императорскій тронъ, недавно покоренные народы возмутятся, и все это окажется предлогомъ для европейцевъ раздѣлить между собой Абиссинію. Этотъ раздѣлъ уже рѣшенъ, и по тайному соглашенію французы получатъ восточныя области, итальянцы — сѣверныя и часть южныхъ, англичане—все остальное. Не знаютъ только, какъ поступить съ центральной частью, гдѣ озеро Тана. Изъ него беретъ свое начало голубой Нилъ, главный ороситель Египта. Итальянцы, овладѣвъ этимъ озеромъ, могутъ отвести воду въ свою нынѣ безплодную Эритрею, она станетъ новымъ Египтомъ, а старый, лишенный воды, сольется съ Сахарой. Англичане, конечно, не могутъ на это согласиться и требуютъ Тану себѣ, хотя они и такъ при раздѣлѣ получатъ больше другихъ.

Если же живъ Менеликъ — все будетъ по-старому. Министры изъ столицы Абиссиніи, Адисъ-Абебы, будутъ повелѣвать феодалами, сильные гарнизоны—держать въ повиновеніи покоренныя племена; бѣлые не посмѣютъ напасть на сплоченный, безумно храбрый и удивительно выносливый, народъ. Европейскія школы, которыя уже есть въ Абиссиніи, выпустятъ рядъ людей, способныхъ къ управленію и понимающихъ опасности, грозящія ихъ странѣ, и она останется независимой еще много вѣковъ, чего, конечно, заслуживаетъ вполнѣ.

Постараемся же разобрать этотъ вопросъ и для этого вернемся къ событіямъ 1906 года. Уже давно Менеликъ хотѣлъ сломить власть феодаловъ. Эти надменные расы, засѣвшіе въ своихъ то горныхъ, то лѣсистыхъ областяхъ, охотно признавали его своимъ владыкой, но они не хотѣли признать наслѣдникомъ его любимаго внука Лидта Іассу, сына его дочери и покореннаго крестившагося вождя Уолло. Въ значительной мѣрѣ справедливо они утверждали, что если Менеликъ не хочетъ признать наслѣдниками своихъ сыновей, то слѣдуетъ отдать престолъ чистокровному абиссинцу и потомку царя Соломона, какъ вся царская фамилія. Менеликъ рѣшился на рискованный шагъ: онъ сохранилъ за расами губернаторскія права въ ихъ областяхъ, но все управленіе поручилъ министрамъ, которыхъ избралъ изъ преданныхъ ему лицъ, по большей части незнатнаго происхожденія. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ самый вліятельный вождь, расъ Маконенъ, направился со своими харрарскими отрядами на Адисъ-Абебу. Его отравили по дорогѣ. Въ Тигрэ вспыхнуло возстаніе и послѣ кровавыхъ битвъ было подавлено. Остальные расы глухо волновались, но вдругъ пронесся слухъ, что Менеликъ умеръ.

Въ Адисъ-Абебѣ мнѣ разсказывали ужасныя вещи. Императору дали ядъ, но страшнымъ напряженіемъ воли, цѣлый день скача на лошади, онъ поборолъ его дѣйствіе. Тогда его отравили вторично уже медленно дѣйствующимъ ядомъ и старались подорвать бодрость его духа зловѣщими предзнаменованіями. Для суевѣрныхъ абиссинцевъ мертвая кошка указываетъ на гибель увидавшаго ее. Каждый вечеръ, входя въ спальню, императоръ находилъ у постели трупъ черной кошки. И однажды ночью императрица Таиту объявила, что послѣ внезапной смерти Менелика правительницей становится она, и послала арестовать министровъ. Тѣ, отбившись отъ нападавшихъ, собрались на совѣтъ въ домѣ митрополита Абуны Матеоса, наутро арестовали Таиту и объявили, что Менеликъ живъ, но боленъ, и видѣть его нельзя.

Съ тѣхъ поръ никто, кромѣ офиціальныхъ лицъ, не могъ сказать, что видѣлъ императора. Даже европейскіе посланники не допускались къ нему. Именемъ еще малолѣтняго наслѣдника, Лидта Іассу, управлялъ его опекунъ расъ Тасама, который во всемъ считался съ мнѣніями министровъ. Въ судахъ и при офиціальныхъ выступленіяхъ, какъ прежде, все рѣшалось именемъ Менелика. Въ церквахъ молились о его выздоровленіи.

Такъ прошло шесть лѣтъ, и Лидтъ Іассу выросъ. Нѣсколько охотъ на слоновъ, нѣсколько походовъ на еще непокоренныя племена—и у львенка загорѣлись глаза на императорскій престолъ. Расъ Тасама внезапно умеръ отъ обычной среди абиссинскихъ сановниковъ болѣзни: отъ яда, и однажды, тоже ночью, Лидтъ Іассу со своими приближенными ворвался въ императорскій дворецъ, чтобы доказать, что Менеликъ умеръ, и онъ можетъ быть коронованъ. Но правительство не дремало: министръ финансовъ, Хайле Георгисъ, первый красавецъ и щеголь въ Адисъ-Абебѣ, собравъ людей, выгналъ Лидта Іассу изъ дворца, военный министръ, Уольде Георгисъ, прямо съ постели, голый, бросился на телеграфную станцію и саблей перерубилъ провода, чтобы бѣлые не узнали о смутахъ въ столицѣ. Лидту Іассу было сдѣлано строжайшее внушеніе, послѣ котораго онъ долженъ былъ отправиться погостить къ отцу, въ Уолло. Европейскимъ посланникамъ было категорически подтверждено, что Менеликъ живъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я опять прочелъ въ газетахъ, что Менеликъ умеръ, а на другой же день—опроверженіе этого слуха. Значитъ, повторилось что-нибудь подобное только что разсказанному.

Итакъ, живъ ли Менеликъ, или нѣтъ? По-моему—живъ, потому что жива лучшая его часть—могучая, и сплоченная Абиссинія, такою, какою онъ ее создалъ. Когда будетъ окончательно сказано, что онъ умеръ, онъ дѣйствительно умретъ съ независимостью Абиссиніи, символомъ которой онъ являлся. Объ его предкѣ, царѣ Соломонѣ, разсказываютъ, что онъ заставилъ духовъ строить храмъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, приказалъ привязать свое тѣло къ трону, чтобы духи не замѣтили, что онъ мертвъ, и продолжали свою работу. То же самое повторилось и въ наши дни.

И по всей Абиссиніи звучитъ пѣсня, сложенная не въ золотые дни побѣдъ и правленія любимаго императора, а въ туманные дни его второго призрачнаго бытія:

„Смерти не миновать; былъ императоръ Аба-Данья *), но у леопарда болятъ глаза, онъ не выходитъ изъ своего логовища!

„Лошадь Аба-Даньи не стала бы трусливой: трусливая лошадь тѣни боится, начиная отъ слона и кончая жирафомъ.

„Кому завѣщалъ онъ свой щитъ? Пока еще онъ продолжаетъ грозить, но люди держатъ его лишь по привычкѣ!"

*) Аба-Данья—господинъ Даньи (имя лошади); абиссинцы въ пѣсняхъ опредѣляютъ своихъ вождей, какъ хозяевъ принадлежащихъ имъ любимыхъ лошадей.

Вертоградъ Царскій.

Очеркъ **В. Н. Агаева.**

(Окончаніе).

Рис. 10. **Цвѣточная ваза въ формѣ жертвенника.**

VI.

При Петрѣ I въ торжественные дни — а таковыхъ было достаточно—лѣтомъ въ Лѣтнемъ саду и на Царицыномъ лугу устраивались общественныя гулянья, хозяевами которыхъ являлись Царь и Царица. Въ такіе дни уже заранѣе съ бастіона Петропавловской крѣпости выбрасывался желтый флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря, и производилась пушечная пальба. По этимъ сигналамъ петербургскіе жители, главнымъ образомъ Дворъ, знатные иноземные гости, среднее сословіе спѣшили на Потѣшное поле (Царицынъ лугъ), которое уже въ 1818 г. стало называться Марсовымъ полемъ, или въ Лѣтній садъ.

Въ Лѣтнемъ саду всѣмъ безъ исключенія гостямъ, даже дамамъ, подносилась водка. Въ садъ являлись гвардейскіе солдаты съ носилками, на которыхъ стоялъ ушатъ съ водкой, и предлагали выпить за здоровье Царя. Никто не смѣлъ отказываться отъ этого угощенія, въ противномъ случаѣ майоры, которые сопровождали гвардейцевъ, заставляли гостей пить насильно. Во время этого угощенія садъ запирался.

Рис. 11. **Агриппина.**

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, напечатанныхъ 1 іюля 1719 г., слѣдующимъ витіеватымъ слогомъ описано празднованіе 29 іюня—тезоименитства Государя:

„Вышедше изъ церкви — радость всенародная съ громкой пушечной стрѣльбой, пированіе и трапеза царская, всякое изобиліе въ брашнахъ и питіяхъ имущая, со сладкогласнымъ пѣніемъ, трубами и мусикіею. По сихъ гульба въ вертоградѣ царскомъ, идѣ же вся чувства насладилися: зрѣніе видящее неизреченную красоту различныхъ древесъ, въ линію и перспективу расположенныхъ и фонтанами украшенныхъ; тутъ и рѣчныя устремленія... уханіе отъ благовонныхъ цвѣтовъ имущее свою сладость: слышаніе отъ мусикійскихъ и трубныхъ и пушечныхъ гласовъ, вкушаніе отъ различнаго и нещаднаго питія: осязаніе и пріемлющее цвѣты къ благоуханію“.

Рис. 12. **Навигація.**

Рис. 13. **Лѣтній дворецъ.**

Съ наступленіемъ сумерекъ садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями, и начинались танцы. Эти танцы, обыкновенно польскіе и англійскіе контрдансы, происходили на дамской площадкѣ въ хорошую погоду, а въ дурную—въ средней галлереѣ на берегу Невы. До начала же танцевъ въ этой галлереѣ стоялъ столъ со сластями. Въ боковыхъ галлереяхъ ставились столы съ холодными кушаньями.

Подъ конецъ праздниковъ сжигались фейерверки или „огненная потѣха“; при чемъ самъ Петръ иногда составлялъ и изобрѣталъ цвѣтные огни.

Во время торжественныхъ праздниковъ на Царицыномъ лугу ставились два гвардейскіе полка: Преображенскій и Семеновскій, и Царь самъ ихъ угощалъ.

Позднѣе Лѣтній садъ также служилъ мѣстомъ всякихъ празднествъ, гуляній и увеселеній. Въ лѣтописяхъ его отмѣчены: медвѣжья травля, устроенная въ 1733 г. (30 мая), на которую царица Анна смотрѣла изъ дворцовыхъ комнатъ. Въ маѣ 1775 г. въ Лѣтнемъ саду былъ устроенъ маскарадъ, длившійся до восхода солнца. Уже при полномъ свѣтѣ въ 2—3 часа утра ужинали, а послѣ ужина веселье и танцы продолжались еще цѣлый часъ. 28 мая 1766 г. былъ куртагъ въ лѣтнихъ Императорскихъ садахъ. 25 ноября 1778 г. по случаю тезоименитства Екатерины II на Царицыномъ лугу устроенъ былъ народный праздникъ съ качелями, бѣганьемъ на конькахъ и прочими увеселеніями. Закончился онъ иллюминаціей.

Рис. 14. **Урна изъ эльдальскаго порфира—подарокъ шведскаго короля.**

Уильямъ Коксъ [1]), бывшій въ это время въ Петербургѣ, подробно описываетъ это празднество. Устроено оно было однимъ богатымъ откупщикомъ для народа. Предварительно по городу были распространены афиши, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: „...угощеніе виномъ, пивомъ, медомъ и проч., которое будетъ происходить для порядка по даннымъ сигналамъ ракетами: 1-е—къ чаркѣ вина, 2-е—къ столамъ, 3-е—къ ренскимъ винамъ, пиву, полпиву и прочаго. Потомъ угощены будутъ пуншемъ, разными народными фруктами и закусками, представлены будутъ разныя забавы...“ и далѣе: „ссоры жъ и забіячества отъ приставленныхъ военныхъ людей допущены быть не могутъ: ибо оное торжество происходить отъ усердія къ народу и отъ благодарности къ правительству: слѣдовательно, и желается только то, чтобъ были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминается хранить тихость и благочиніе: въ заключеніе же всего представлена будетъ великолѣпная иллюминація“.

Рис. 15. **Нимфа въ волнующейся одеждѣ.**

Для народа было выставлено обильное угощеніе изъ закусокъ, водки, пива и кваса. Затѣмъ слѣдовали игры и увеселенія.

[1]) Англійскій историкъ.

Рис. 16. **Фонтанка отъ Прачешнаго моста (до постройки Михайловскаго дворца).**

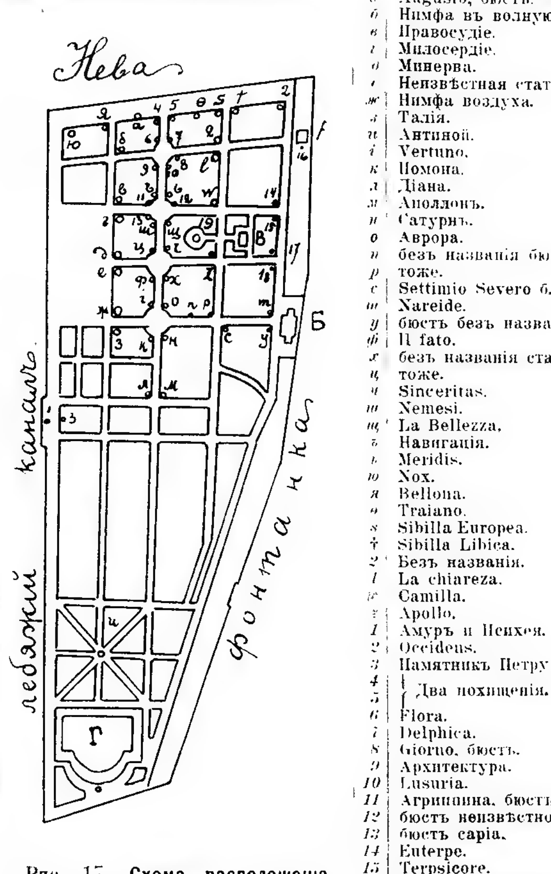


Рис. 17. **Схема расположенія статуй, памятниковъ, зданій и пр. въ Лѣтнемъ саду въ серединѣ 1913 года.**

а Augusto, бюстъ.
б Нимфа въ волнующ. одеждѣ.
в Правосудіе.
г Милосердіе.
д Минерва.
е Неизвѣстная статуя.
ж Нимфа воздуха.
з Талія.
и Антиной.
і Vertuno.
к Помона.
л Діана.
м Аполлонъ.
н Сатурнъ.
о Аврора.
п безъ названія бюстъ.
р тоже.
с Settimio Severo б.
т Nareide.
у бюстъ безъ названія.
ф Il fato.
х безъ названія статуя.
ц тоже.
ч Sinceritas.
ш Nemesi.
щ La Bellezza.
ъ Навигація.
ь Meridis.
ю Nox.
я Bellona.
ѳ Traiano.
ѕ Sibilla Europea.
ѣ Sibilla Libica.
э Безъ названія.
l La chiareza.
ѵ Camilla.
ѯ Apollo.
1 Амуръ и Психея.
2 Occidens.
3 Памятникъ Петру I.
4, 5 Два похищенія.
6 Flora.
7 Delphica.
8 Giorno, бюстъ.
9 Архитектура.
10 Lusuria.
11 Агриппина, бюстъ.
12 бюстъ неизвѣстной дамы.
13 бюстъ сapia.
14 Euterpe.
15 Terpsicore.
16 группа передъ дворцомъ.
17 бюстъ.
18 бюстъ.
19 Памятникъ Крылову.
А Дворецъ.
Б Бывшій кофейный домикъ.
В Кофейный домикъ.
Г Прудъ.

Праздникъ вышелъ очень оживленный, но, благодаря обильнымъ возліяніямъ, дракѣ, а также наступившимъ уже морозамъ, пострадало много народа.

Въ Екатерининское время въ Лѣтнемъ саду играла придворная роговая музыка. Музыканты оркестра одѣты были въ нарядные цвѣтные костюмы. По свидѣтельству современниковъ, эта музыка была очень пріятна и мелодична. Кромѣ придворнаго оркестра, въ Россіи было еще нѣсколько такихъ же хоровъ. Лучшимъ считался въ 1754 г. Нарышкинскій.

Въ позднѣйшее время на Марсовомъ полѣ происходили народныя гулянья нѣсколько разъ въ годъ [1]). Затѣмъ они совершенно прекратились. Въ царствованіе Александра III въ Лѣтнемъ саду

Рис. 18. **„La grille du jardin d'été" (Рѣшетка Лѣтняго сада).**

открытъ былъ ресторанъ и устроено электрическое освѣщеніе. Но подобное соединеніе городского сада съ увеселительнымъ заведеніемъ оказалось не особенно удобнымъ въ смыслѣ общественнаго порядка; ресторанъ былъ закрытъ и электрическое освѣщеніе прекращено.

VII.

Послѣ упраздненія свинцовыхъ Эзоповыхъ фигуръ съ фонтанами въ Лѣтнемъ саду появляется цѣлая коллекція мраморныхъ статуй и бюстовъ, главная часть которыхъ была вывезена, какъ трофеи, изъ Саксонскаго сада въ Варшавѣ при Екатеринѣ II. Въ то время, когда Пыляевъ писалъ свой „Старый Петербургъ", всѣхъ статуй и бюстовъ было 92; по Курбатову [2]), въ настоящее время ихъ 75, а было больше; по подсчету, сдѣланному въ 1913 г., ихъ оказалось 54 (кромѣ того, 6 въ зданіи павильона, прежняго кофейнаго домика, снятыхъ, вѣроятно, для ремонта).

Рис. 19. **Дворецъ Петра въ Лѣтнемъ саду.**

Въ прежнее время лучшими изваяніями сада считались Вѣра и Законъ работы Коррадини, Бахусъ и Меркурій. Творцами прочихъ статуй и бюстовъ являются: Paulo, Irelli, Bonazzo, Bianchi, Baratta и др. венеціанскіе скульпторы.

Большинство изъ этихъ произведеній отличается изломанностью и жеманствомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ — грубыя копіи съ античныхъ статуй. Характеристику статуй Лѣтняго сада далъ въ свое время знаменитый Казанова, бывшій въ Петербургѣ въ 1764—1765 гг. Онъ нашелъ, что матеріалъ статуй плохого качества, работа дурного вкуса, надписи смѣшны и не всегда подходятъ къ статуямъ.

„Статуя плачущей женщины оказывалась Демокритомъ; подъ другой съ такимъ же разинутымъ ртомъ стояло имя Гераклита. Длиннобородый старецъ носилъ имя Сафо, а старуха съ оголенной тощей грудью была названа Авиценной" [1]). Гераклитъ и Демокритъ, про которыхъ говорилъ Казанова, не такъ давно стояли

Рис. 20. **Кофейная въ Лѣтнемъ саду.**

еще въ саду. Такъ, въ „Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ" за 1858 г. въ статьѣ „Петербургъ зарѣчный" есть упоминаніе ихъ.

Расположеніе статуй Лѣтняго сада въ настоящее время показано на прилагаемой схемѣ (рис. 17). Изъ этой схемы видно, что скульптура болѣе всего сосредоточена на главной средней аллеѣ. Противъ входа со стороны набережной по бокамъ начала

[1]) „Старые годы". Апр. 1913 г. стр. 59. Письмо въ ред. Х. Б. Тамъ же примѣчаніе ред., что несоотвѣтствіе сюжетовъ и подписей наблюдалось еще очень недавно и исправлено лишь при послѣдней реставраціи въ 1911—1912 г.

Рис. 21. **Jardin d'été (Лѣтній садъ).** По старинной литографіи.

[1]) Подробное описаніе такихъ торжествъ — у Михневича: „Петербургъ весь на ладони". 1871 г.
[2]) Садовая скульптура. „Старые годы". 1913.

аллеи поставлено „Два похищенія“,—мотивъ, очень часто примѣняемый въ садовой скульптурѣ. Далѣе, на первой площадкѣ расположены: Flora, работы нѣмецкаго скульптора Мейеринга, Delphica (работы Bonazza въ Венеціи), Architettura, Lusuria—(сладострастіе)—жеманная фигура, опирающаяся на крокодила и кормящая грудью голубка. Тамъ же поставленъ мужской бюстъ Giorno (день): на второй площадкѣ: Навигація (рис. 12), Meridis (раб. Bonazza), Nemesis (раб. Tarsia), Bellezza (красота) и бюсты: Агриппина (рис. 11), бюстъ неизвѣстной дамы и Copia; на третьей площадкѣ двѣ статуи безъ названія, Sinceritas, Il fato (раб. Tarsia); на четвертой Vertuno, Помона, Сатурнъ, раб. Біанки, и Aurora (Bonazza). Далѣе стоятъ: Diana и Apollo.

На боковой аллеѣ (ближе къ Марсову полю) расположены: Нимфа въ волнующейся одеждѣ (рис. 15), Bellona съ пылающимъ факеломъ (раб. Alvise à St. Moise въ Венеціи): Clementia (милосердіе) и Iustitia, Паллада, изваяніе женщины съ султаномъ, нимфа воздуха и Талія (брат. Gropelli). Ближе къ пруду на пересѣченіи нѣсколькихъ аллей стоитъ Антиной.

По дорожкѣ для верховой ѣзды у рѣшетки выдѣляются: Ночь и Occidens, Sibilla Europea, Sibilla Libica и два бюста: по дорожкѣ между кофейнымъ домикомъ и памятникомъ Крылову, а также на дорогѣ, ближайшей къ Фонтанкѣ, нѣсколько статуй и бюстовъ.

На выступѣ къ Лебяжьему каналу расположена группа—Амуръ и Психея. Часть статуй реставрирована. Въ помѣщеніи бывшаго кофейнаго домика (на мѣстѣ грота) находятся въ настоящее время: портретный бюстъ польскаго пана — вѣроятно, пара къ бюсту неизвѣстной дамы на второй площадкѣ, бюстъ caesonia, еще три бюста, статуя Veritas...

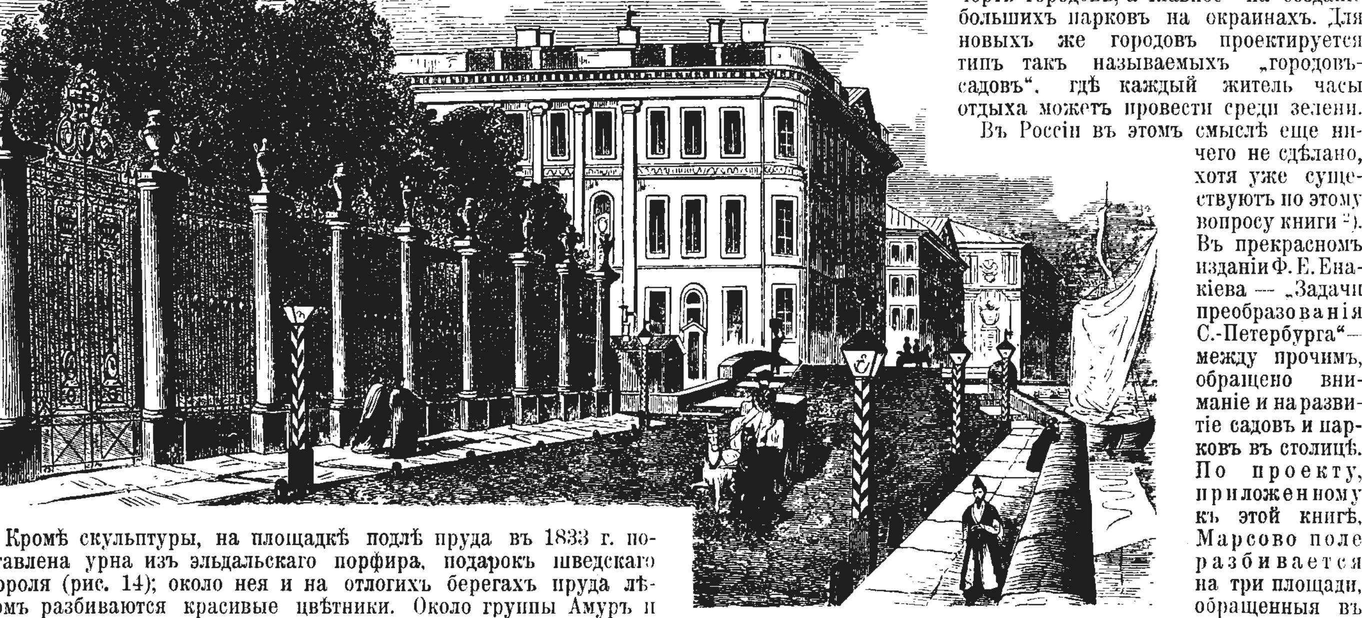


Рис. 23. **Лѣтній садъ и дворецъ Е. В. Принца Ольденбургскаго.**

Кромѣ скульптуры, на площадкѣ подлѣ пруда въ 1833 г. поставлена урна изъ эльдальскаго порфира, подарокъ шведскаго короля (рис. 14); около нея и на отлогихъ берегахъ пруда лѣтомъ разбиваются красивые цвѣтники. Около группы Амуръ и Психея, а также около новаго кофейнаго домика расположено нѣсколько цвѣточныхъ вазъ въ видѣ жертвенниковъ (рис. 10).

VIII.

Лѣтній садъ — это замѣчательное мѣсто стараго Петербурга, Царскій Вертоградъ съ его диковинами и красотами—неоднократно вдохновлялъ художниковъ стараго времени, и въ книгахъ, отдѣльныхъ гравюрахъ, литографіяхъ, аквареляхъ и т. д. сохранилось много видовъ этого зеленаго уголка [1]).

При ростѣ и развитіи городовъ не всегда растетъ и увеличивается число садовъ и парковъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Европы замѣчается уменьшеніе зелени, какъ, напр., въ Парижѣ съ 1789 г. по настоящее время). То же самое можно

1) Такими произведеніями являются: 1) „Лѣтній садъ“ — гравюра А. Зубова 1717 года. 2) А. Алексѣевъ (1811 — 1858 г.г.). „Видъ Прачешнаго моста“. Картина. Собственность М. П. Фабриціуса. 3) А. Мартыновъ. „Лѣтній дворецъ“. Акварель 1899 г. (Императорскій Эрмитажъ). Видны: рѣшетка, дворецъ, часть сада; вдали—Петропавловская крѣпость и мостъ (рис. 13). 4) „Фонтанка отъ Прачешнаго моста“ (до постройки Михайловскаго дворца). Акварель Демартре (рис. 16). 5) „Дворецъ Петра“. Литографія К. Беггрова по рис. Садовникова. Помѣщ. въ изданіи А. Прево: „Виды С.-Петербурга и окрестностей“. На рис. видна аллея, ведущая къ дворцу. Этотъ рисунокъ значительно искаженъ въ изд. Chopin. „Russie. Maison de Pierre I au jardin d'été“ (рис. 19). 6) Литографія „Jardin d'été“ (рис. 21). 7) Литографія „La grille du jardin d'été (рис. 18). 8) „Кофейная въ Лѣтнемъ саду въ С.-Петербургѣ“, по рис. Meyer'а съ литографіи изд. Фельтенъ въ СПБ. (рис. 20). 9) „Гротъ“ съ гравюры Махаева; видны: запасной дворецъ и акведукъ черезъ Фонтанку. 10) „Гротъ въ Лѣтнемъ саду въ Петрово время“, весьма рѣдкая гравюра. 11) „Лѣтній садъ“. Литографія изъ изданія: „Достопримѣчательности Санктпетербурга и его окрестностей“, сочин. Павла Свиньина. Кн. I. 1816 г. 12) „Дворецъ въ Лѣтнемъ саду“, изд. Тиммъ. „Русскій художественный листокъ“ 1853 г. № 17—8. 13) То же 1858 г. № 15. „Духовъ день въ Лѣтнемъ саду“. 14) Le jardin d'été. Nouvelle collection de trente six vues de St.-Pétersbourg et de ses environs. Литогр. 1824 г. 15) Кафе въ Лѣтнемъ саду (рис. 22). 16) Лѣтній садъ и дворецъ Е. В. Принца Ольденбургскаго (рис. 23). Оба послѣдніе рисунка—изъ „Русскаго Иллюстрированнаго Альманаха“. Гравюры на деревѣ. СПБ. 1858 г. и др.

[2]) См. „Задачи преобразованія С.-Петербурга“. Изслѣдованіе Ф. Е. Енакіева 1912 года.

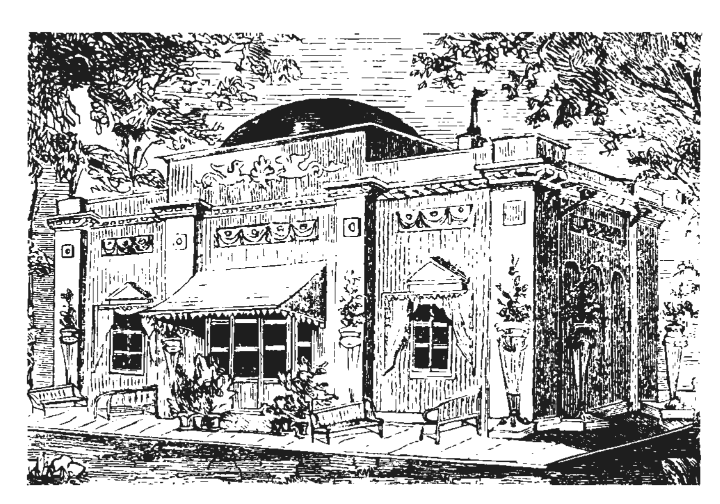


Рис. 22. **Кафе въ Лѣтнемъ саду.**

сказать и про нашу столицу. По старымъ планамъ (напр., Елисаветинскому) Петербургъ отличался большимъ числомъ садовъ и парковъ, отъ которыхъ въ настоящее время осталось около 150 десятинъ земли подъ древесными насажденіями [1]).

Въ Западной Европѣ и Америкѣ въ настоящее время уже обращено вниманіе на возведеніе новыхъ садовъ въ чертѣ городовъ, а главное—на созданіе большихъ парковъ на окраинахъ. Для новыхъ же городовъ проектируется типъ такъ называемыхъ „городовъ-садовъ“, гдѣ каждый житель часы отдыха можетъ провести среди зелени.

Въ Россіи въ этомъ смыслѣ еще ничего не сдѣлано, хотя уже существуютъ по этому вопросу книги [2]). Въ прекрасномъ изданіи Ф. Е. Енакіева — „Задачи преобразованія С.-Петербурга“— между прочимъ, обращено вниманіе и на развитіе садовъ и парковъ въ столицѣ. По проекту, приложенному къ этой книгѣ, Марсово поле разбивается на три площади, обращенныя въ скверы двумя проѣздами: однимъ—по направленію отъ Суворовской площади къ Екатерининскому каналу (который въ проектѣ засыпанъ) и другимъ—отъ того же мѣста къ началу Садовой улицы. Лебяжій каналъ засыпанъ, а черезъ Мойку къ Михайловскому саду переброшенъ мостъ. Такимъ образомъ какъ бы возрождается садовый районъ Елисаветинской эпохи.

[1]) 149 дес., по Енакіеву.

[2]) Дадоновъ, В. „Соціализмъ безъ политики: города-сады будущаго—въ настоящемъ“.

Къ рисункамъ.

Художникъ И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ въ своей картинѣ *«Поэзія русской весны»* даетъ обобщающія черты пробужденія весны на русскомъ сѣверѣ. Поэзія русской весны — поэзія задумчивая, меланхолическая, исполненная скромной красоты, блѣдныхъ красокъ, свѣжести талаго снѣга и робкихъ бѣлыхъ подснѣжниковъ. Но и въ ней чувствуется радостная новая жизнь: шумитъ неудержимымъ потокомъ разлившаяся вешняя вода, сіяетъ теплое солнце, гудитъ пасхальный колокольный звонъ. Свѣтитъ солнце и живымъ людямъ, грѣетъ оно и могилки земныхъ колодниковъ-покойниковъ, улыбается и тѣмъ, кто заключенъ въ тюрьмы больницъ. И всѣмъ обѣщаетъ свободу и воскресеніе и радость.

„Что сбудется въ жизни со мною?“ Съ этимъ вопросомъ обращается легкомысленная молодость къ старости. И старость гадаетъ молодости и сулитъ ей счастье и любовь. Такъ и зима гадаетъ намъ о веснѣ и сулитъ радость. Художникъ И. Владиміровъ сумѣлъ красиво сопоставить эту антитезу молодости-невѣдѣнія и старости-знанія, и отъ его картины *„Гаданіе“* вѣетъ настоящей поэзіей.

Много поэзіи чувствуется и въ картинѣ К. Врублевскаго *„Усадьба“*. И здѣсь сочетаніе стараго прошлаго съ вѣчно юной молодостью-весной, которая окружила старую усадьбу свѣжими цвѣтами и улыбками вешнихъ лучей. Такимъ же поэтическимъ настроеніемъ, но уже грустнымъ и задумчивымъ исполненъ спокойный пейзажъ Р. Бергдольца *„Осенью“*.

Всѣ эти картины, равно какъ и послѣдующія, взяты съ послѣдней Осенней выставки Товарищества Художниковъ. Такъ, на этой выставкѣ красовались и изящныя акварели С. Соломко *„Гордость“* (красивая фигурка женщины съ павлиньимъ хвостомъ) и *„Цирцея“* (столь же красивая и изящная фигура миѳической волшебницы, превращавшей людей въ животныхъ). Тамъ же были выставлены и колоритныя „natures mortes“ А. Гирвъ (*„Тетерьки“*), и Ю. Клевера (*„Изъ кухни“*), и изящный портретный жанръ В. Штембера (*„Кокетка“*), и выразительный *бюстъ дона Эдуарда Гарсія-и-Мансилья* работы скульптора Б. Фредманъ-Клюзеля.

Новый храмъ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, сооруженный въ Петербургѣ, на Полтавской улицѣ, близъ Николаевскаго вокзала, и торжественно освященный въ Высочайшемъ присутствіи 15 января с. г. Храмъ сооруженъ по типу ростовскихъ церквей XVII столѣтія — эпохи воцаренія Михаила Ѳеодоровича — и возвышается среди старинныхъ монастырскихъ стѣнъ. По высотѣ — 28 саженъ — храмъ немного уступаетъ Казанскому собору и можетъ вмѣстить въ верхней и нижней церквахъ 4.000 молящихся. Къ храму примыкаетъ нѣсколько построекъ въ стилѣ XVII вѣка: звонница съ „юбилейнымъ звономъ“ и двѣ башни, одна изъ которыхъ предназначена для ризницы. Общая стоимость храма — около милліона рублей. По фот. К. Булла.

Дарохранительница въ новомъ храмѣ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ въ Петербургѣ, сооруженная усердіемъ Государевой Свиты. По фот. К. Булла.

На зарѣ государственнаго отрезвленія.

(Вопросы внутренней жизни).

Какъ извѣстно, такъ называемый челышевскій проектъ закона о борьбѣ съ пьянствомъ, принятый 3-й Гос. Думой, не намѣчалъ сколько-нибудь рѣшительныхъ мѣръ по искорененію губящаго Россію зла. Онъ ограничивался робкими полумѣрами, которыя сводились главнымъ образомъ къ двумъ основнымъ статьямъ: 1) предоставленію городскимъ и мѣстечковымъ самоуправленіямъ права не разрѣшать въ чертѣ города и поселенія продажи спиртныхъ напитковъ и 2) къ законодательному разрѣшенію продажи послѣднихъ только въ городахъ и поселеніяхъ съ органами самоуправленія, облеченными этимъ правомъ. Въ такомъ видѣ думскій законопроектъ пошелъ въ Гос. Совѣтъ. Комиссія Гос. Совѣта долго продержала его подъ сукномъ, полагая, что въ борьбѣ съ разрушающимъ Россію народнымъ порокомъ нѣтъ ничего спѣшнаго, и въ результатѣ высказалась отрицательно по обѣимъ статьямъ, внеся такія поправки, которыя совершенно обезоруживали общество и государство въ борьбѣ съ пьянствомъ. Кому-то хотѣлось видѣть Россію безсильной и безпомощной передъ пагубнымъ казеннымъ соблазномъ, кому-то нужно, чтобы она продолжала пить и пропиваться. Ближе и непосредственнѣе всѣхъ въ развитіи потребленія алкоголя заинтересовано финансовое вѣдомство, получающее съ казенной продажи питей около милліарда рублей ежегодно. Для того, чтобы какъ-нибудь замѣнить этотъ пьяный милліардъ другими источниками обложенія, нужно думать, искать, реформировать, но рутинеры этого дѣла предпочитаютъ пассивно плыть по теченію, держаться одного установленнаго порядка, закрывая глаза на то, что столь необходимый для нашего бюджета милліардъ, полученный отъ продажи алкогольной отравы, удовлетворяя

нужды военной защиты Россіи, въ то же время обезсиливаетъ русскій народъ, понижаетъ его трудоспособность, разоряетъ милліоны хозяйствъ, деморализируетъ населеніе, дѣлаетъ его неспособнымъ и къ мирному труду и къ героической національной самозащитѣ—и все это только потому, что, лишенные иниціативы и творчества, наши финансисты не могутъ придумать, какими новыми налогами замѣнить воистину убійственные доходы винной монополіи! Кромѣ казны, въ поддержаніи и развитіи потребленія спиртныхъ напитковъ непосредственно заинтересованы также и владѣльцы винокуренныхъ заводовъ, въ длинномъ спискѣ которыхъ, помѣщенномъ въ „Русск. Словѣ", значатся имена и членовъ Гос. Совѣта. Таковы два главныхъ вліянія, съ которыми приходится бороться трезвенному теченію. Они сказались уже въ общихъ преніяхъ по законопроекту, которыя въ первый день свелись къ ораторскому единоборству между гр. Витте и В. Н. Коковцовымъ. Словесная дуэль, привлекшая къ себѣ вниманіе всего Петербурга, обошлась очень неблагополучно для обоихъ дуэлянтовъ. Общество не повѣрило гр. Витте, что при немъ винная монополія преслѣдовала высокую цѣль насажденія трезвости и была совершенно свободна отъ низменныхъ фискальныхъ расчетовъ, и еще болѣе усомнилось въ достовѣрности увѣреній г. Коковцова, что будто бы пьянство въ Россіи вовсе не растетъ, и что мѣры ограниченія его не принимаются правительствомъ только въ силу того, что онѣ останутся безсильными и безплодными за отсутствіемъ сочувствія со стороны самого населенія. Если такая рѣшающая роль принадлежитъ въ этомъ вопросѣ самому населенію, то простая логика обязывала бы предоставить населенію въ лицѣ избираемыхъ имъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и право запрещать продажу питей. Однакоже глава правительства и совѣтская комиссія настойчиво отвергали именно эту основную статью всего думскаго законопроекта. Послѣ горячихъ рѣчей Кони, гр. Олсуфьева, Андреевскаго и другихъ ораторовъ эта статья все-таки была принята огромнымъ большинствомъ 80-ти голосовъ противъ 33-хъ. Зато въ дальнѣйшихъ преніяхъ 8-я статья, запрещавшая продажу спиртныхъ напитковъ за предѣлами городовъ и поселеній съ мѣстными само-

главою правительства принципъ—предоставленіе рѣшающей роли въ борьбѣ съ пьянствомъ самому обществу. Авторитетъ высокой палаты внушаетъ полную увѣренность въ томъ, что она не допуститъ въ своей законодательной работѣ такихъ грубыхъ ошибокъ и противорѣчій и, возложивъ борьбу съ народнымъ порокомъ на городскія самоуправленія, не аннулируетъ предоставленнаго имъ права, поставивъ осуществленіе его въ зависимость отъ желанія и даже каприза каждаго изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Маленькая непріятная заминка съ 8-й статьей не можетъ затмить свѣтлаго и радостнаго значенія вотума Гос. Совѣта по 1-й статьѣ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что обѣ наши законодательныя коллегіи прониклись сознаніемъ недопустимости безграничнаго массоваго отравленія русскаго народа алкоголемъ и поняли необходимость дѣятельной борьбы съ разрушительнымъ порокомъ. Конечно, и думскій законопроектъ носитъ еще только палліативный характеръ, не затрагиваетъ разлагающую язву въ ея глубинѣ, не захватываетъ самаго ея корня и стержня, какъ хирургъ, дающій прочное исцѣленіе,—но все же и первый приступъ къ

Новое зданіе Правительствующаго Сената, въ которомъ помѣщаются Кассаціонные Департаменты. Новое помѣщеніе, рядомъ съ прежнимъ на Англійской набережной, передѣлано изъ частнаго дома старинной постройки временъ Императора Александра I (построеннаго архитекторомъ Тома-де-Томономъ). По фот. К. Булла.

управленіями на земляхъ частныхъ лицъ, не нашла поддержки большинства и была отвергнута. Опасность отклоненія ея заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда къ городскому населенію примыкаетъ земля частныхъ лицъ или даже крестьянъ, владѣющихъ на правѣ частной собственности, открытіе на ихъ землѣ винныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ, трактировъ и пр., можетъ свести къ нулю запретъ городского самоуправленія, не желающаго допускать продажи питей на территоріи города. Во многихъ случаяхъ отклоненіе 8-й статьи создастъ почву для обхода и нарушенія городского запрещенія. Причина неудачи, постигшей въ этомъ пунктѣ думскій законопроектъ, лежитъ въ плохой редакціи статьи, давшей основаніе ко многимъ возраженіямъ, но все-таки надо надѣяться, что въ дальнѣйшихъ работахъ Гос. Совѣта она будетъ возстановлена въ томъ видѣ, какой подсказываютъ верховные интересы Россіи и народнаго отрезвленія. Если Гос. Совѣтъ ограничится однимъ отклоненіемъ ея, то этимъ онъ дастъ возможность каждому сосѣду-землевладѣльцу нарушить запретительное постановленіе всего городского самоуправленія, поставить единоличную волю выше коллективной и тѣмъ грубо нарушить не только этику всего полицейскаго и государственнаго права, но также и выдвигаемый

законодательной борьбѣ съ пьянствомъ нельзя не привѣтствовать какъ огромную общественную и нравственную побѣду, которая обѣщаетъ со временемъ окончательное искорененіе зла. Лиха бѣда начало. Долгіе годы народное потребленіе алкогольной отравы казалось чѣмъ-то почти неприкосновеннымъ, какъ священная основа финансоваго благополучія государства.

Теперь пробудившаяся общественная и государственная мысль видитъ въ широкомъ разливѣ алкоголя одинъ изъ главныхъ источниковъ народнаго оскудѣнія и національнаго вырожденія, не путь къ государственному богатству, а причину надвигающагося на страну разоренія. Это уже цѣлый переворотъ въ понятіяхъ. Онъ не позволитъ удовольствоваться полумѣрами, остановиться на полпути, но заставитъ непремѣнно дойти до конца. Надъ темной и пьяной нашей родиной загорѣлась долгожданная заря государственнаго отрезвленія. Скоро разсѣется скопившійся вѣками мракъ, и мы снова увидимъ Россію трезвой, счастливой и великой.

Тучи на Балканахъ.

(Политическое обозрѣніе).

На Балканахъ, повидимому, снова подготовляются рѣшительныя событія. Созданное по настоянію Европы Албанское государство

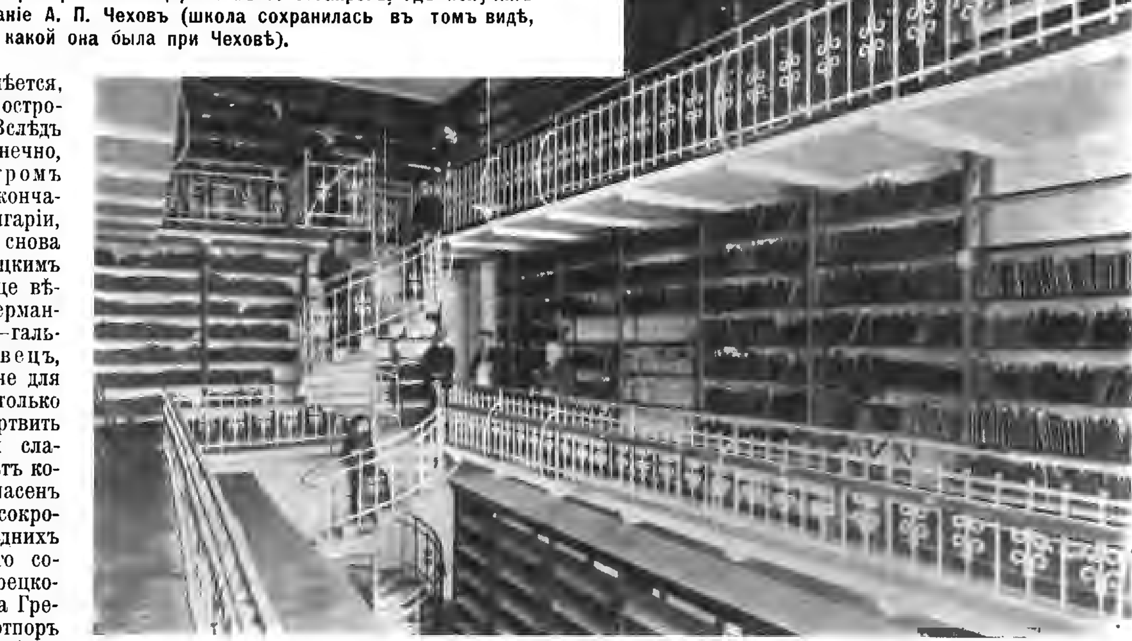
не успѣло еще сложиться въ сколько-нибудь стройное политическое зданіе и увѣнчаться короною принца Вида, какъ сдѣлалось ареною внутреннихъ смутъ, междоусобій и потрясеній. Даже въ наиболѣе спокойныя сравнительно времена государство, рожденное фантазіею досужихъ дипломатовъ и завистливою злобою австрійцевъ, управлялось не однимъ, а цѣлыми пятью правительствами. Двое изъ нихъ: такъ называемое „временное правительство“ во главѣ съ Кемаль-беемъ, и правительство бывшаго скутарійскаго коменданта Эссада-паши находились въ безпрерывной враждѣ между собою, перешедшей подъ конецъ въ открытую вооруженную борьбу. Войска Эссада, выпущенныя черногорцами изъ Скутари съ артиллеріею и боевыми запасами, одержали побѣду надъ жандармеріей временнаго правительства и заняли Эльбасонъ. Въ то же время въ самой столицѣ временнаго правительства была произведена попытка провозглашенія албанскимъ правителемъ подавшаго въ отставку турецкаго военнаго министра Изета-паши, окончившаяся арестомъ нѣсколькихъ сотъ турецкихъ солдатъ, высадившихся на албанскомъ берегу. Въ соучастіи въ этой попыткѣ былъ заподозрѣнъ, между прочимъ, не кто иной, какъ самъ глава временнаго правительства Измаилъ-Кемаль-бей, немедленно же послѣ неудачи подавшій въ отставку и передавшій фактическую власть въ руки европейской контрольной комиссіи. Для кого онъ работалъ — остается непонятной загадкой. Если вѣрить его соучастію въ попыткѣ провозглашенія албанскимъ княземъ младотурецкаго военнаго министра—то, очевидно, для Турціи; но такъ какъ, съ другой стороны, Турція въ дѣлѣ сохраненія своего суверенитета надъ Албаніей рѣзко разошлась бы съ интересами Италіи и Австріи, а съ другой стороны—скомпрометированный Измаилъ-Кемаль-бей тотчасъ же послѣ неудачи поспѣшилъ уѣхать въ Италію, то можно подозрѣвать, что, затѣвая смуту, онъ помогалъ осуществленію какихъ-то тайныхъ плановъ итальянской дипломатіи, мечтающей половить рыбку въ мутной водѣ. Какъ бы то ни было, Албанія при большинствѣ фанатически настроеннаго магометанскаго населенія въ странѣ весьма вѣроятно пожелаетъ и сохраненія верховнаго суверенитета Турціи и въ то же время назначенія княземъ магометанина. Уже по одному чисто-религіозному мотиву она можетъ оказать значительное сопротивленіе волѣ европейскихъ державъ, избравшихъ въ албанскіе князья принца Вида. Конечно, Европа неизмѣримо сильнѣе Албаніи и всегда можетъ, если захочетъ, настоять на исполненіи своей воли, но вопросъ въ томъ, настолько ли пламенно ея желаніе видѣть своего избранника на новомъ тронѣ, чтобы вступить въ кровавую борьбу съ пятьюдесятью тысячами дикихъ албанцевъ, для укрощенія которыхъ потребуется по крайней мѣрѣ стотысячная европейская армія? Снарядить такую армію и продержать ее нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ-быть, и дольше для завоеванія дикой и горной страны будетъ стоить не мало милліоновъ, а для того, чтобы рѣшиться на значительныя денежныя затраты, надо слишкомъ ужъ пламенно желать настоять на своемъ.

Во-первыхъ, пламенность великодержавныхъ желаній очень сомнительна, а еще болѣе сомнительна взаимная солидарность будущихъ союзниковъ, которымъ предстоитъ сообща ополчиться противъ непокорной Албаніи. Трудно ручаться, не окончится ли ихъ совмѣстный походъ взаимной дракой и потасовкой. Даже такія близкія союзницы, какъ Италія и Австрія, начинаютъ смотрѣть другъ на друга весьма косо и сжимаютъ кулаки, подозрѣвая одна другую въ тайныхъ намѣреніяхъ учинить неожиданный захватъ наиболѣе лакомыхъ кусковъ спорной добычи. Албанское междоусобіе по мысли его покровителей должно въ концѣ концовъ обратиться на грековъ и сербовъ, создать поводъ къ раздѣлу Албаніи между Италіей и Австріей или же вновь возстановить воскресшую изъ мертвыхъ Турцію почти въ прежнихъ границахъ для того, чтобы окончательно и съ корнемъ уничтожить послѣдніе плоды славянскихъ побѣдъ на Балканскомъ полуостровѣ и открыть австро-германцамъ путь къ Эгейскому морю. Албанія для того только и была создана дипломатами тройственнаго союза, чтобы съ согласія Россіи въ ближайшемъ же будущемъ опрокинуть вверхъ дномъ всѣ завоеванія балканскаго союза. Когда сербо-болгарское междоусобіе, искусственно раздутое Австріей, закончилось неожиданной побѣдой Сербіи, Турція безпрепятственно завладѣла Адріанополемъ, а Германія своимъ отказомъ отъ участія въ демонстраціи общеевропейской эскадры помѣшала принять какія бы то ни было мѣры обузданія наглыхъ нарушителей европейскаго рѣшенія. Та же Германія, получившая высшее командованіе всѣми военными силами Турціи, фактически завладѣваетъ Босфоромъ и продаетъ турецкому адмиралтейству свои дредноуты какъ разъ къ тому времени, когда во главѣ турецкаго правительства становится не останавливающійся ни передъ чѣмъ Энверъ-бей, замышляющій отнять у грековъ уступленные имъ Европой острова точно такъ же, какъ онъ отнялъ отъ болгаръ уступленный имъ по договору Адріанополь. Пріобрѣтеніе Турціей трехъ дредноутовъ сразу дѣлаетъ ее на морѣ значительно сильнѣе Греціи, располагающей только однимъ сравнительно маленькимъ дредноутомъ „Аверовымъ“, и развязываетъ Энверъ-бею руки для нападенія на Грецію,—тѣмъ болѣе, что по договору, заключенному генераломъ Савовымъ въ Константинополѣ, Болгарія обязуется одновременно пропустить по своей территоріи уже собранныя на границѣ турецкія войска для нападенія на грековъ и съ сухопутной границы. Разгромъ Греціи,

Группа сенаторовъ съ министромъ юстиціи (Генералъ-Прокуроромъ Сената) и министромъ внутреннихъ дѣлъ, присутствовавшихъ на торжествѣ освященія, въ Высочайшемъ присутствіи, новаго помѣщенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, состоявшагося 17 января с. г. По фот. К. Булла.

Памяти Чехова. Школа при греческой церкви въ г. Таганрогѣ, гдѣ получилъ первоначальное образованіе А. П. Чеховъ (школа сохранилась въ томъ видѣ, какой она была при Чеховѣ).

если онъ удастся, разумѣется, не ограничится одними островами и одной Греціей. Вслѣдъ за нимъ послѣдуетъ, конечно, и неминуемый разгромъ Сербіи, а потомъ и окончательное уничтоженіе Болгаріи, и всѣ балканскіе народы снова очутятся или подъ турецкимъ игомъ, или же, что еще вѣроятнѣе, въ австро-германскомъ рабствѣ. Турція—гальванизированный мертвецъ, возставшій изъ гроба не для того, чтобъ жить, а только для того, чтобы умертвить призванные къ жизни славянскіе народы, расцвѣтъ которыхъ неугоденъ и опасенъ германцамъ. Таковъ сокровенный смыслъ послѣднихъ событій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что албано-турецко-болгарское нападеніе на Грецію вызоветъ союзный отпоръ со стороны той же Сербіи и Румыніи: но развѣ способны эти крошечныя государства бороться съ закулисными силами дѣятельной дипломатіи тройственнаго союза? Борьба будетъ ожесточенной и кровавой, потому что балканскіе народы будутъ до послѣдней капли крови отстаивать свое политическое существованіе; но для того, чтобы борьба окончилась побѣдой, необходима рѣшительная поддержка со стороны Россіи и державъ тройственнаго согласія. При всемъ своемъ миролюбіи Россія не можетъ примириться съ измѣненіемъ современнаго положенія на Балканахъ и должна дать почувствовать это и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Римѣ.



Памяти Чехова. Книгохранилище въ Таганрогской Городской Общественной Библіотекѣ имени Антона Павловича Чехова.

Памяти Чехова. Зданіе Таганрогской Городской Общественной Библіотеки и Музея имени Антона Павловича Чехова, торжественно освѣщенное 17 января с. г.

Содержаніе.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получатъ отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни“,** сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Финзеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ его, восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани**—и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ **не секретное** средство; онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя, согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни“, высылаемая совсѣмъ **безплатно**, въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ. Напишите только открытку съ
9-1 указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 2395

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ.

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте:
ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ,
1738 **ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Отд. Н.** (5)

2129 13-2

К ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
УРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2211 16-3

***Вышли 3-имъ дополн. изданіемъ книги* Е. Д. Кирюшина:**
3-2 **1) „ВЫЧИСЛЕНІЯ на СЧЕТАХЪ“.** 2215
Пріем. быстр. вычисл. на всѣ 4 ариом. дѣйст. надъ цѣл. дробн. и имен. числ., пр. и сл. %% и проч. 176 стр. Ц. 1 р. 2) **„Сборн. зад. для упражн. на счет.“.** 80 стр. Ц. 50 к. 3) **„Умн. и дѣл. при пом. особ. таблицъ“.** 72 стр. Ц. 50 к. (изд. 2-е). Выпис. 3 назв. кн.—10% скидки. Нал. пл. (за скид.)—2 р. 15 к., деньги и мар.—2 руб. Адрес. **Москва, Тверская, Бухгалт. курсы Езерскаго, Е. Д. Кирюшину.**

Натуральныя, выдержанныя, тонкаго вкуса
ВИНА имѣнія **„БОЛГАТУРЪ“**
Н. Н. БЕКЕТОВА
Крымъ, Гурзуфъ.
и лѣчебный виноградный сокъ.
Золотая медаль на гигіенической выставкѣ въ СПБ.
Продажа вездѣ. Продажа лѣчебнаго виноградного сока у Штоль и Шмидта, въ аптекѣ Креслинга, Русск. О-вѣ торговли аптекар. товар. и пр. **Собственные магазины: СПБ.:** 1) Невскій, 18, тел. 414-05, 2) В. О., 8 л., д. 19, тел. 405-93; **Москва:** 1) Тверская, 35, прот. кафе Филиппова, тел. 530-14, 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25; **Кіевъ**, Думская пл., 4; **Харьковъ**, Сумская, 7, тел. 10-07;
2296 **Екатеринославъ**, Проспектъ; **Севастополь; Ялта; Гурзуфъ; Алушта.**

1851 18-8

Позвольте предсказать Вамъ Вашу судьбу даромъ.

Пундитъ Амаръ Натъ,
Величайшій Психологъ Нашего Вѣка.

Чтобы познакомить съ моей системой современной Астрологіи или Научнымъ предсказываніемъ судьбы въ Россіи, я рѣшилъ нѣкоторое время посылать совершенно безплатно описаніе жизни и совершенно безплатный урокъ удивительнаго метода Таинственнаго Браминскаго Успѣха, если мнѣ напишутъ и пришлютъ имя, время рожденія, состоятъ ли въ бракѣ или нѣтъ.

Я хочу сказать Вамъ совершенно безвозмездно, что готовитъ Вамъ грядущій день, какъ Вамъ поступить, чтобы пріобрѣсть довольство, какъ узнать Ваши счастливые дни, посѣтитъ ли Васъ въ жизни великая любовь, каково Ваше счастье въ путешествіяхъ, на службѣ, въ спекуляціяхъ, какъ избѣгнуть опасностей, какъ узнать Вашихъ враговъ, какъ узнать друзей, а также возможныя перемѣны въ Вашей жизни, въ бракѣ. Все это можетъ быть предсказано Наукой Астрологіи. Просто напишите мнѣ,—и я Вамъ отвѣчу.

Я—членъ Мистическаго Братства. Я ежедневно практикую въ старѣйшей въ мірѣ Наукѣ. Къ удивительнымъ по Астрологіи работамъ древнихъ Египтянъ я прибавилъ послѣднія научныя открытія двадцатаго вѣка.

Тѣ, кто обращался за моимъ совѣтомъ, говорятъ мнѣ, что

МОИ ПРЕДСКАЗАНІЯ ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ПРАВИЛЬНЫ И ТОЧНЫ.

Я имѣю, такимъ образомъ, нѣкоторое основаніе предложить Вамъ наилучшіе плоды моихъ знаній безъ всякой платы и не назначая цѣны. Мое стремленіе—это возбудить интересъ къ моему ученію въ Россіи. Я увѣренъ, что, если я предскажу Вамъ правильно Ваше будущее, Вы охотно порекомендуете меня всѣмъ Вашимъ друзьямъ и знакомымъ. Они тогда обратятся ко мнѣ и будутъ платить за то, что я предлагаю Вамъ совершенно безплатно.

☉ ♍ ♆ ♃ УДОСТОВѢРЕНІЯ. ♈ ♑ ♉ ♅

ЗАМѢТКА. — Слѣдующія удостовѣренія присланы мнѣ вмѣстѣ съ фотографическими карточками и показываютъ, какъ благодарны тѣ, кто пользовался моимъ совѣтомъ. Такихъ удостовѣреній у меня сотни.

Отъ Г-жи Ярошъ-Черненко изъ Харькова: „Премного благодарна за Гороскопъ, полученный вмѣстѣ съ лекціей Браминскаго Успѣха. Ваши опредѣленія были вполнѣ правильны во всѣхъ подробностяхъ и деталяхъ“.

Отъ Г-на Ширбанова изъ Казани: „Я получилъ описаніе моей жизни и болѣе чѣмъ доволенъ имъ. Я буду точно слѣдовать данному Вами совѣту. Примите мое отъ чистаго сердца пожеланіе Вамъ успѣха“.

Отъ Г-жи Долгополовой изъ Тифлиса: „Съ большимъ удовольствіемъ я получила мой Гороскопъ. Я только жалѣю, что не имѣла его ранѣе нѣсколькими мѣсяцами, такъ какъ я увѣрена, что все было бы иначе, и я избѣгла бы много непріятностей и печали“.

Отъ Г-на Александра Степанскаго изъ Вятки: „Съ большимъ удовольствіемъ я благодарю Васъ за опредѣленіе моего характера и за предсказаніе на 12 мѣсяцевъ. Простыми словами не выразить полной радости, которую я испытываю отъ Вашего вниманія ко мнѣ. Въ опредѣленіи моего характера я вижу, какъ справедливо каждое Ваше слово какъ въ указаніи добрыхъ, такъ и дурныхъ сторонъ моего характера“. 2294

Напишите мнѣ сейчасъ же. Это объявленіе можетъ и не повториться болѣе.

Все, что мнѣ отъ Васъ надо—это сообщите мнѣ полное Ваше имя и фамилію, мѣсто Вашего рожденія, годъ, мѣсяцъ и число его и приложите на пересылку (если хотите, и если для Васъ не обременительно) на 20 коп. русскихъ почтовыхъ марокъ. Я пришлю Вамъ все, что я указываю.

Сдѣлайте это сейчасъ же, и Вы будете благословлять день, въ который Вы увидѣли это объявленіе.

Пундитъ Амаръ Натъ,
383, Голборнъ Голлъ,
ЛОНДОНЪ, В. С., АНГЛІЯ.

PUNDIT AMAR NATH,
383, Holborn Hall,
LONDON, W. C., England.

Весьма выгодное предложеніе получитъ отъ насъ безплатно всякій, сообщившій намъ свой адресъ. Пишите М. С. Матусовскому, Кіевъ, Александровская, № 34.

2297 4-3

КОРСЕТЪ-ПОЯСЪ д-ра БОССАРЪ.

Дѣйствительно самый раціональный и гигіеничный корсетъ для дамъ.

Новый корсетъ-поясъ д-ра Боссаръ, сочетавшій цѣлесообразность и изящество, является тщательно усовершенствованной моделью корсета. Онъ рекомендуется тѣмъ дамамъ и дѣвушкамъ, которыя благоразумно заботятся о своемъ здоровьѣ и хорошемъ самочувствіи.

Существенное отличіе этого изобрѣтенія заключается въ томъ, что въ одной модели соединены и корсетъ, и брюшной поясъ. Корсетъ-поясъ д-ра Боссаръ вытканъ весь изъ одного куска на спеціально приготовленныхъ станкахъ изъ ажурной эластичной пикейной ткани, очень прочной и немнущейся во время ношенія.

Корсетъ и поясъ составляютъ одно цѣлое. Въ той части, гдѣ животъ соприкасается съ корсетомъ, градація эластичности ткани сильно увеличена. Вслѣдствіе этого даже самому отвислому животу возвращается нормальный объемъ. Это чрезвычайно удачно придуманное нововведеніе очень важно для чувствительныхъ и болѣзненныхъ дамъ, въ особенности для тѣхъ, кто страдаетъ болѣзнями брюшныхъ органовъ. Корсетъ-поясъ дивно облегаетъ фигуру и дѣлаетъ ее гибкой, поддерживаетъ бюстъ и внутренніе органы въ ихъ строго анатомическомъ положеніи, утончаетъ талію, удлинняетъ и сокращаетъ бока, не давя на желудокъ, нисколько не стѣсняя движеній и физіологическихъ функцій организма. Онъ также даетъ необходимую опору для порядка туалета.

Онъ незамѣнимъ для молодыхъ матерей и дѣвушекъ, не переносящихъ ношенія обыкновенныхъ корсетовъ изъ кутиля и батиста, и всѣмъ дамамъ, которымъ ношеніе корсета вообще запрещено. Онъ идеально сидитъ, онъ гигіениченъ, удобенъ и вызываетъ хорошее расположеніе духа.

Всѣ дамы, которыя желаютъ носить одновременно и элегантный корсетъ, и цѣлесообразный поясъ, будутъ безусловно носить съ громадной пользой для себя только усовершенствованный корсетъ-поясъ д-ра БОССАРЪ.

2296 **Подробный каталогъ высылается за 2 семикопеечныя марки.**

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.
КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича.
2260 **Симферополь (Крымъ).** 2-2
Начало зан. 3-го февраля. Програм. безплат.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ
въ 8 ур. **и дв. ит. бухгалтеріи** обучаю каждаго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. за 4—7 к. м. **Одесса**, Ришельевская, д. Н. № 12. Проф. каллигр. **Ш. Круку.**

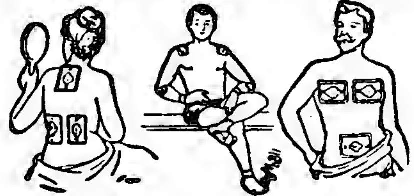
Заочные курсы
БУХГАЛТЕРІИ
условія и пробн. лекціи
10-2 **БЕЗПЛАТНО.** 2255
Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ
Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. **Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе, 30.**
6-2 2242

2-1 **Кто сообщитъ** 2312
намъ свой адресъ, **кромѣ живущихъ въ Москвѣ,** тотъ безъ затраты времени и денегъ заработаетъ **50—100 руб.** въ мѣс. Должность или занятіе препятствіемъ не служатъ. Свѣдѣнія сообщаются немед. по получ. подробн. адр. и 2 семикоп. мар. Адр.: **Московск. Торгов. Союзъ.** Москва, Мясницкая, Чудовской пер., д. № 14.

ТЫСЯЧИ избавлены

отъ ревматизма, болей въ боку, въ поясницѣ, въ спинѣ, отъ грудныхъ болѣзней, кашля и всякаго рода простуды, благодаря вѣрнѣйшему средству противъ такихъ болѣзней — **пластырю Бензона фирмы Сибури Джонсонъ.** Упорнѣйшія страданія безусловно устраняются въ нѣсколько часовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе пористые пластыри и подобныя средства требуютъ примѣненія ихъ въ продолженіе дней и недѣль, чтобы страждущему только лишь утишить боль.



Примѣненный немедленно при первыхъ же симптомахъ пластырь Бензона съ одного раза обыкновенно совершенно излѣчиваетъ и устраняетъ то, что впослѣдствіи могло бы развиться въ серьезную болѣзнь. Кому важно сохраненіе своего здоровья, долженъ всегда имѣть въ домѣ пластырь Бензона, который **очень горячо рекомендуется болѣе 5000 врачами.** Требуйте настоятельно пластырь Бензона **фирмы „СИБУРИ и ДЖОНСОНЪ"** и остерегайтесь поддѣлокъ. — Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
1725 10-7

Пластырь БЕНЗОНА

Подвижныя кресла для инвалидовъ, кресла-самокаты, кресла для возки больныхъ.

2310 6-1

Солидныя издѣлія. Каталогъ безплатно. **Рих. Мауне.** Дрезденъ-Лебтау (Германія).

Зоологическій магазинъ А. БЛАНКЪ, преемница 2224 4-3

В. А. КРЕЙЗМАНЪ,

Москва, уг. Воздвиженки, прот. церкви Бориса и Глѣба, д. 24. Тел. 158-94. **Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.** Вышелъ новый иллюстрированный **прейсъ-курантъ,** который высылается по требованію **безплатно.**

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ **НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!**

МГНОВЕННО ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ БАРХАТИСТОСТЬ И МЯГКОСТЬ КОЖИ

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО да КОСТА

ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА. Ц. 75 к.

Тысячи благодарностей. 1711 6-3

100 руб. въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія и предметъ для работ. высылаетъ при полученіи 50 к. для упаковки и пересылки. Харьковъ, почт. ящ. 94, отд. Н. 4-1 2300

Thüringisches **Technikum Jlmenau**

Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ. 2105 10-2

Дир. проф. Шмидтъ.

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ

по небывало дешевой цѣнѣ 1.000,000 художеств. открыт. писемъ. изящн. заграничн. работы, черн. и въ краскахъ. Пасхальн. любовн. сцены. женск. головки. Третьяков. гал., ландшаф., пейзажи и т. д. Для образца выс. по почт. нал. плат., даже безъ зад., ассортиментъ. цѣна за 100 шт. 1 р. 25 к., 200 шт.—2 р. 30 к., 300 шт.—3 р. 20 к.; 500 шт.—5 р.; перес. по почт. тарифу, при заказѣ 1000 шт. цѣна 10 р. и перес. за мой счетъ. Адрес.: **Лодзь, 7, Эксп. домъ худож. откр. И. Г. Розенталя, почт. ящ. 14.** 2232

НУЖНЫ ДѢЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

для распространенія заграничнаго предмета, необходимаго каждой конторѣ, канцеляріи, банкамъ, учрежденіямъ и пр. Предложенія адресовать: Кіевъ, Почтовый ящ. № 311. 2148 4-3

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ" (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи.

Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками). 2253 15-2

Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая, №16.

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. **СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14.** 2292

Предст. нужны въ городахъ повсюду для нов. серьезн. и солидн. дѣла. Харьковъ, почтов. ящ. 93—д.

БЫСТРОСЧЕТЪ „МОЛНІЯ"

Г. Гебгардта, для должностныхъ и частныхъ лицъ, поразительно сокращаетъ трудъ; не требуется начертанія др. цифръ. Напримѣръ, 97846325×645312 = **63141407678400.**

Съ самоучителемъ упрощ. и сокр. всѣхъ дѣйствій дробями, квадратн., кубич. и др. болѣе сложныхъ вычисленій и мгновен. провѣрки, безошибочн. таблицами %, простыхъ отъ 1/4 до 9 1/2 и сложныхъ 3 до 12, дисконта, заработка и дохода, превращ. русскихъ и международн. мѣръ и вѣсовъ, новымъ вѣчнымъ календаремъ отъ Р. Хр. и пр.—1 руб., перес. 20 к., 5 экз. съ перес. 5 руб. Г. Р. Хааке, СПБ., Консисторская, 9, кв. 28. 6315

ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ! 2163 13-3

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ** (скусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли" противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 2240 46-2

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспарант. и тетрадодерж. Новѣйш. самоучит для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.** **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм 330 стр убористого шрифт **Цѣна съ перес 1 р 50 к.** **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. **Ц 40 к** съ пер **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес **1 руб** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій. 92—3.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!

Вслѣдствіе появивш. поддѣлокъ час. фирмы **„Мозеръ"**, предостерегаемъ почтенную публику и предлагаемъ всѣмъ желающимъ пріобр. часы всемірно-извѣстн. швейцар. фабр. час. **„T. Moser & Co"**, выпис. непосредств. **только изъ первой руки** изъ Швейцаріи. Всѣ убѣждены, что часы „Мозеръ" являются сам. лучш. и отлич. прочн. механ., вѣрн. ход. и изящ. Часы „Мозеръ" черн. ворон. стали **настоящій Анкеръ на 28 камняхъ „Лебъ Верзибль", съ брегетов. волоск.,** плоск. „Ремонтуаръ", заводъ разъ въ 48 час., вывѣрен. до секунд., механизмъ изъ чистаго никкеля, съ полной фабр. гарант. на 10 л. Желая дать возможность всѣмъ пріобрѣсти означен. часы, мы рѣшили продавать таковые въ розн. по оптов. цѣнамъ и назначили цѣну **только 6 руб.** Такіе же съ 3-мя крышками—**7 руб. Остерегайтесь поддѣлокъ!** На высылаемыхъ нами часахъ имѣется на циферблатѣ черная надпись и на 2 крышк. золотыя надп.: „T. Moser & Co". Высыл. налож. плат. и безъ задатка. Перес. вм. съ пошл. 50 к., Сибирь—80 к. Письмо въ Швейцарію оплач. 10 к. маркой, открытка—4 к. Адр., который просимъ выр\ѣз. и наклеить крѣпко на конв. или откр. 2319 3-1

Я. П. Фишельсонъ Швейцарія, Біель, 28. | **I. P. Fischelsohn, Schweitz** Biel, Centralstr. 68.

ФОХТЛЕНДЕРА СТЕРЕФЛЕКТОСКОПЪ

45 × 107.

Самая маленькая Стереоскопическая Зеркальная Камера со складывающимся козырькомъ.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ.

Новый каталогъ № 114 вышелъ изъ печати. 10-2 2238

ФОХТЛЕНДЕРЪ и СЫНЪ Акц. О-во, Брауншвейгъ (Германія).

РАДІЙ ВЪ МЕДИЦИНѢ.

Еще ни одно открытіе XX вѣка не произвело такого поразительнаго впечатлѣнія, какъ открытіе Радія, а главнымъ ообразомъ примѣненіе его въ медицинѣ. Чудесныя свойства Радія, его лучи, его изумительныя превращенія приковываютъ въ настоящее время вниманіе не только всего ученаго міра, но и всего общества. Какъ специальная, такъ и общая печать полны статьями о Радіи, объ его изумительномъ дѣйствіи на цѣлый рядъ такихъ тяжелыхъ болѣзней, которыя до сего времени считались неизлечимыми, и въ борьбѣ съ которыми медицина была безсильна. Страшный бичъ человѣчества—ракъ — побѣжденъ Радіемъ, и громаднѣйшее количество больныхъ смотритъ на него, какъ на единственное средство, могущее имъ дать исцѣленіе. „Нѣтъ недуга, который бы устоялъ передъ могучей излечивающей силой Радія", —говоритъ о немъ знаменитый французскій клиницистъ, проф. Бергонье. Всевозможнѣйшія заболѣванія желудка, кишекъ, сердца, печени, почекъ, легкихъ, болѣзни обмѣна веществъ, какъ-то: ревматизмъ суставной и мышечный, подагра, сахарное мочеизнуреніе, мочекислый діатезъ (т.-е. при пескѣ и камняхъ мочевыхъ и печеночныхъ), а такъ же спинная сухотка, невралгія, (невралгія сѣдалищнаго нерва), ожирѣніе, нервное и душевное разстройство, половая слабость, кожныя заболѣванія, венерическія болѣзни и ихъ послѣдствія, женскія болѣзни, артеріосклерозъ, алкоголизмъ, малокровіе, геморой и различныя злокачественныя опухоли, всѣ эти болѣзни радикально излечиваются Радіемъ.

Радій обладаетъ чудеснымъ свойствомъ безпрерывно выдѣлять изъ себя газъ, называемый Эманаціей Радія, которая, обладая всѣми его цѣлебными свойствами, нашла себѣ широкое примѣненіе въ медицинѣ, которая въ видѣ Радіорастворовъ употребляется, какъ наиболѣе удобная и прочная форма введенія въ организмъ Радія.

Поразительные результаты примѣненія Радіорастворовъ при леченіи внутреннихъ болѣзней даетъ новѣйшій, клинически испытанный и провѣренный методъ проф. Лазарусъ, такъ называемый ЭМАНАЦІОНСЪ СИППИНГЪ-КУРЪ, т.-е. питье глотками растворовъ Радія.

Такимъ образомъ, всякій больной безъ особыхъ затратъ можетъ пользоваться леченіемъ Радія на мѣстѣ.

Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ новымъ методомъ леченія Радіемъ высылается безплатно литература съ подлинными докладами лучшихъ авторитетовъ науки по данному вопросу. Адресовать: Москва, Т-ву РАДІОГЕНЪ, 1-ое въ Россіи депо Радіорастворовъ. Почт. ящ. 2295/6. 2314

БЕЗПЛАТНО

требуйте иллюстр. пр.-курантъ первоклассной обуви. Адр.: Т-ву Первой Варшавской Механической Обуви. Варшава, Пренгинская ул., 8—4. 2382

?? PARIS ??

ФОТОграфическ. снимк. 15 новыхъ серій весьма интересн. высылаемъ на 10 руб. по получен. только 2 р. 25 к. почтов. марками. Каталогъ при заказѣ безплатно, отдѣльно 50 коп. Адр.: Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A. № 29.

СПБ., Морская, 23. А. СКРОНЪ.

КРАСКИ

ДЕНО дерев. вещей и аппарат. для выжиганія, терракота, металлъ-пластикъ, тарсо, батикъ и всѣхъ принадлежн. для художниковъ и для работы гвоздями.

Безопасный пистолетъ 2286

ПУГАЧЪ

типогр. испол. Стрѣляетъ громко и сильно. Высылается каждому безплатно для самозащиты. На пересылку обязательно прилагать на 20 коп. двухкопеечныхъ марокъ. Москва, Сущево, конт. № 10 „ЭКСПРЕССЪ".

КАКЪ КАЗАТЬСЯ на 20 лѣтъ моложе.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТІЕ, КОТОРОЕ ПОРАДУЕТЪ МИЛЛІОНЫ ЛЮДЕЙ.

Каждый при помощи этой новой и простой системы можетъ вернуть посѣдѣвшимъ волосамъ ихъ прежній натуральный цвѣтъ.

ДАРОМЪ ВЫ МОЖЕТЕ УЗНАТЬ, КАКЪ ЭТО ДѢЛАЕТСЯ.

Сообщите немедлено Вашъ подробный адресъ. Сохраните это объявленіе.

Не употребляйте грязныхъ, вредныхъ липкихъ красокъ.

ПРОЧТИТЕ ЭТО ПРЕДЛОЖЕНІЕ

„КАЛЬТОКО"—вотъ названіе, о которомъ скоро будутъ говорить всѣ съ такимъ же энтузіазмомъ и интересомъ, съ какимъ упоминали имя французскаго авіатора, изумившаго весь міръ своимъ полетомъ на аэропланѣ внизъ головой. „КАЛЬТОКО"—это названіе чрезвычайно простого метода, при помощи котораго каждый можетъ возстановить натуральный цвѣтъ своимъ выцвѣтшимъ или посѣдѣвшимъ волосамъ. Это до сихъ поръ всѣми учеными считалось дѣломъ невозможнымъ; въ виду же того, что за послѣдніе годы рекламировались и продавались разными недобросовѣстными лицами всевозможныя краски для волосъ, при чемъ говорилось, что съ помощью этихъ порошковъ и растворовъ можно добиться того, что въ состояніи сдѣлать только „КАЛЬТОКО", можетъ-быть, нѣкоторые подумаютъ, что и настоящее объявленіе принадлежитъ къ числу такихъ-же недобросовѣстныхъ рекламъ. Вы можете не вѣрить, если хотите, но тогда по крайней мѣрѣ, позвольте владѣльцамъ этого цѣннаго открытія доказать Вамъ, что дѣйствительно наконецъ найденъ вѣрный натуральный способъ возстановленія прежняго натуральнаго, роскошнаго цвѣта посѣдѣвшимъ волосамъ.

Самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ удивительномъ методѣ Вамъ будутъ высланы совершенно **ДАРОМЪ**

Не чувствуйте себя больше старымъ, не теряйте ни одного дня, сообщите Вашъ подробный адресъ сейчасъ же и пришлите двѣ 7-коп. марки на почтовые расходы.

Лабораторія КАЛЬТОКО, Москва. Отд. 1. А В. 2818

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МУЖСКАЯ НЕВРАСТЕНІЯ

можетъ быть радикально излечена только тѣмъ средствомъ, которое

1) снабжаетъ истощенную нервную систему неврастеника фосфоромъ,
2) производитъ систематическое укрѣпленіе всей нервной системы и
3) устраняетъ нервную мышечную разслабленность органовъ.

Этими **тремя качествами** въ наиболѣе полной степени обладаетъ только признанный крупными профессорами за лучшее нервоукрѣпляющее лекарственное средство

СТИМУЛОЛЪ Д-РА ГЛЭЗА

Профессоръ Ланге на основаніи многочисленныхъ наблюденій офиціально рекомендуетъ Стимулолъ Д-ра Глэза, какъ выдающееся средство при леченіи мужской неврастеніи.

Стимулолъ д-ра Глэза устраняетъ головныя боли, сердцебіенія, общую усталость, душевную подавленность и, укрѣпляя всю нервную систему, возстанавливаетъ нормальную дѣятельность органовъ.

ВАЖНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптек. магазинахъ настоящій ПАРИЖСКІЙ СТИМУЛОЛЪ Д-РА ГЛЭЗА въ аллюминіевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденія, произведенные надъ этимъ препаратомъ и лучшіе отзы вы врачей относятся только къ настоящему Стимулолу.

Главное Представительство для Россіи:
Институтъ Д-ра КАЛЬВЭ, Москва, Срѣтенка, 4.
Отд. 76, 5

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гонноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Больные хронической гонорреей вылѣчиваются по принятіи 4-хъ или 6-ти коробокъ. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор.—3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: **МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.**

ЧТО ПИШУТЪ БОЛЬНЫЕ, ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ ОТЪ ХРОНИЧЕСКОЙ ГОНОРРЕИ СРЕДСТВОМЪ „АРМАТИНЪ“.

„М. Г., г. А. Я. Акуліанцъ! Очень благодаренъ Вамъ за Ваше средство Арматинъ, дѣйствіе котораго сказалось сразу въ благопріятную сторону. Трудно вѣрится въ рекламу, но Ваше объявленіе не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей, а предлагаетъ больнымъ здоровье. Въ этомъ я убѣдился и еще разъ высказываю Вамъ свою глубокую признательность. Подпоручикъ Б. П. Раздольное, Прим. обл., 2 XII, 1912“.

„Многоуважаемый г. Акуліанцъ! Благодарю Васъ за изобрѣтенное Вами средство Арматинъ, которымъ я совершенно излѣчился отъ гонорреи, мучившей меня въ теченіе 11-ти лѣтъ. По принятіи 6-ти кор. Арматина я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, что и подтвердилось двукратнымъ изслѣдованіемъ мочи. Не откажите выслать 4 кор. для моего товарища. Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю М. В.“. Макѣевка, Донск. обл., 11 авг. 1912 г. 2254 (1)

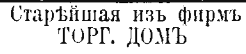
НОво, ОРИГИНАЛЬНО, ИНТЕРЕСНО для фотографовъ-любителей. Подробности безплатно. **Рославль, фотографическое Издательство. 1.** 1946 8-5

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ**. Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2159 5-3

Старѣйшая изъ фирмъ ТОРГ. ДОМЪ

„МОРИСЪ“



Существ. съ 1881 г.

СПБ., Невскій, 43—1, уг. Троицк. Предлагаетъ готов. и на заказъ **статское мужское платье, формы военныя и гражданскія, шитья собств. золотошвейн. За 7 коп.** марку высыл. пр.-курантъ и журн. Моды немедл. 8-1 2314

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

для оркестра, школы и дома.

Прейсъ-куранты струнныхъ инструм. безплатно.

Складъ итальянскихъ, французскихъ и старыхъ скрипокъ.

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 2283

VICHY

Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.

CÉLESTINS
GRANDE GRILLE
HOPITAL

Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.

Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.

Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ: SELS, PASTILLES, COMPRIMÉS } **VICHY-ÉTAT**

VICHY • ETAT

Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 2310 10-2

РУКОВОДСТВО КЪ ВЫБОРУ КНИГЪ, СОСТАВЛЕНІЮ и ПОПОЛНЕНІЮ БИБЛІОТЕКЪ.

Каталогъ книгъ 14,000 названій—384 стр. случайныхъ и новыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній **высылается безплатно. Аккуратно и на выгодныхъ условіяхъ пополняю библіотеки** школьныя, общественныя, публичныя, городскія, земскія, полковыя, обществъ трезвости, для обществ. собраній и клубовъ. **Условія и каталоги высылаю по первому требованію. Высылаю всѣ книжныя новинки.**

НИЖЕСЛѢД. КНИГИ ПРЕДЛАГАЮ УДЕШЕВЛЕННО,

высыл. нал. плат., цѣны безъ пересылки: **Полныя собранія сочиненій: И. Тургенева** 10 т.—9 р. **В. Гюго** 12 т.—4 р. 50 к. **А. С. Пушкина** въ 1 т., съ рис.—за 1 р. 30 к. **Ф. Шпильгагена** 16 т.—6 р. 50 к. **В. Бѣлинскаго** 4 т.—2 р. 70 к., **Г. Сенкевича** 7 т. — 6 р. 50 к. **Козьмы Пруткова** въ 1 т. — 1 р. 80 к. **М. Загоскина** 2 т. — 2 р. 65 к. **Всев. Крестовскаго** 8 т. — 8 р. **Всевол. Соловьева** 10 т. — 7 р. 50 к. **С. Смайльса** 6 т. — 4 р. 20 к. **Н. Г. Помяловскаго** 2 т., 590 стр.—за 1 р. **Фен. Купера** 36 т.—4 р. **Капит. Маріэтта** 24 т.—4 р. 50 к. **А. Апухтина** въ 1 т.—3 р. 75 к.

РАЗНЫЯ КНИГИ:

Мужчина и женщина въ ихъ взаимоотношеніяхъ, роскошн. изд. Т-ва „Просвѣщеніе“, со множ. художеств. иллюстр., въ роскошн. переп., 3 т. вмѣсто 33 р. за 20 р. **115 проэктовъ** дачъ на разныя цѣны, сост. Арх. Стори, съ план. и рис. фасадовъ—за 1 р. 75 к. **Проф. Блохъ, Половая жизнь нашего времени**, 730 стр. вмѣсто 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к. **Настольный** Энциклопедич. Словарь А. Чудинова, 1000 стр., въ изящн. коленкор. тисн. переп. за 2 р. 40 к. **Д. Баккаччіо, Декамеронъ,** съ рисун. франц. художн., 520 стр. за 1 р. 80 к. **Форель, А., проф. Половой вопросъ,** 2 т., 500 стр., съ рисун., за 90 к. **Вейнингеръ, О. Полъ и характеръ,** 300 стр., за 80 к. **Біографіи композиторовъ** съ 4—XX вѣкъ, огром. томъ, 900 стр., съ портр. вмѣсто 8 р. за 4 р. **Проф. Папюсъ. Практическая магія,** бѣлая, и черная, 3 т., 715 стр., съ рис., вмѣсто 7 р. 50 к. за 3 р. 75 к. **Джекъ Лондонъ,** Морской волкъ, Законъ жизни, 2 т., 600 стр., вм. 2 р. за 1 р. 20 к. **Вегетаріанская поварск. книга,** 150 стр. Сост. А. Бѣлковъ, за 50 к. **А. Шопенгауеръ, изложеніе его ученія. Фолькельта** 418 стр., за 60 к. **Павелъ I, сочин. Гено и Томичъ,** 300 стр., съ пер. вмѣсто 3 р. за 1 р. **Записки И. Екатерины II,** 220 стр., за 60 к. **Предупрежденіе и сохраненіе здоровья,** состав. проф. Хлопинымъ, Д-ромъ Гориневскимъ и др., 758 стр., съ рисунк., вмѣсто 3 р. за 1 р. 25 к. **Міръ животныхъ Европы,** ихъ жизнь и нравы, соч. проф. Гааке, съ 240 рис., Куперть 590 стр., вмѣсто 3 р. за 1 р. 75 к. **Теорія Сновидѣній, Гипнотизма и Спиртизма** въ научн.-попул. излож. А. Лямина, 218 стр., за 60 к. **„Волна“,** сборн. русск. художес. лирики, 365 стр., въ изящн. перен., за 70 к. **Чтецъ-Декламаторъ,** сборн. поэзіи и прозы, въ роскош. переп. за 1 р. 55 к. **Искусственные цвѣты,** руков. къ изготов. цвѣт. и растен. Сос. Гурьянова, 192 стр. съ рис., вмѣсто 1 р. 50 к. за 85 к. **Исторія Государства Россійскаго, Н. Карамзина,** 12 т. съ рисун. за 4 руб. **Народовѣдѣніе проф. Ратцеля,** роскош. изд., 2 т., съ раскраш. рисун., въ хорош. переп. вмѣсто 14 р. за 8 р. **Вселенная и Человѣчество** подъ ред. Г. Кремера, роскош. изд. Т-ва „Просвѣщеніе“, въ роскош. переп., съ рисун., 5 т. вм. 55 р. за 28 р. **„Задушевное Слово“, журналъ для дѣтей,** Старш. возр. полн. годы 95, 96, 97 годы по 2 р. годъ, **то же для младш. возр.** 92, 902, 95, 903 годы по 2 р. годъ.

Полное собраніе сочиненій ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНА 15 т. за 3 р., 1912 г. = 4470 стр. въ золоч. коленк. перепл., 5 р. **Требуйте новый Каталогъ 14,000 книгъ—384 стр. безплатно.**

Книжная торговля И. Ф. КОСЦОВА.

С.-Петербургъ, Литейный пр., 28-а. 2309

НАШИ ЧАСЫ

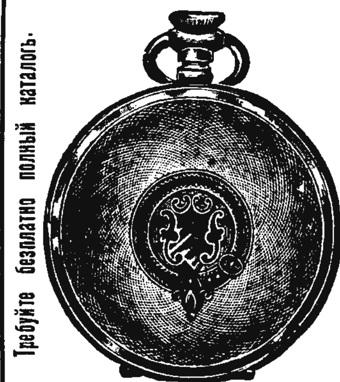
ВѢРНЫ, ПРОЧНЫ, ИЗЯЩНЫ. Они **МНОГО ЛѢТЪ** послужатъ Вамъ **точнымъ** указателемъ времени.

М. СОКОЛОВЪ,

какъ **спеціалистъ,** работав. много лѣтъ у извѣст. фирмы **Г. МОЗЕРЪ и К°,** рекомендуетъ слѣд. лучшіе сорта изъ своего склада по **оптовой цѣнѣ.** 2282 4-1

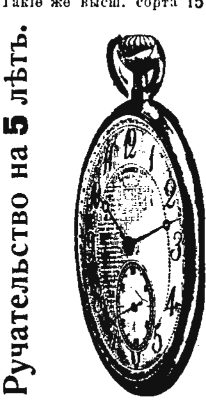
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, № 71.

Требуйте безплатно полный каталогъ.



№ 830. Часы мужск. серебр. 84 пр., заводъ головкой, массивн. три крышки, лучш. сорта, анкерн. на 15 камняхъ **12 р. 45 к.** и **13 р. 70 к.** Такіе же высш. сорта **15** и **19 р.**

Ручательство на 5 лѣтъ.



Ручательство на 5 лѣтъ.

№ 850. Часы мужскіе черные, открытые, хорошаго сорта, **3 р. 90 к.** и **4 р. 80 к.** Такіе же высш. сорта, анк., **7 р. 85 к.** и **12 р.** Закрыт. черн. часы анкерн. **10 р.** и **12 р. 50 к.**

Требуйте безплатно полный каталогъ.

№ 871. Часы мужск. серебр. 84 пр., завключ., массивн. три крышки, лучш. сорта, анкерн. на 15 камн. **10 р. 75 к.** и **11 р. 50 к.** Такіе же высш. сорта **13 р. 85 к.** и **15 руб.**

Изящн. цѣпь безплатно.

Пересылка на счетъ фирмы налож. платеж. безъ задатка.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 6.

XLV г. изданія

Выданъ 8 февраля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 2.

2304

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ
В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 1483 14-10
Лейпцигъ-Голисъ.
Проспекты высылаются безплатно.

НЕ ЗАПУСКАЙТЕ НИКОГДА ПРОСТУДЫ
НО ПРИНИМАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО
ГРИЗАНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ
ПРИ КАШЛѢ, ХРИПОТѢ, КАТТАРРАХЪ вообще при ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ и ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ.
ТРЕБУЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЯ Д-РА ГОММЕЛЯ.

2168 11-2

ЛѢЧЕНІЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ
(Воспаленія всякаго рода, поносъ, запоръ, диспепсія)

LACTOBACILLINE

Lactobacilline
ОБ-ВА "LE FERMENT"
ВЪ ПАРИЖѢ
(ЛЕПЕШКИ-ПОРОШОКЪ)

Во избѣжаніе поддѣлокъ или подражаній, слѣдуетъ непремѣнно требовать **настоящаго Lactobacilline Общества "LE FERMENT" въ Парижѣ,** снабженнаго клеймомъ и надписью **«единственный поставщикъ профессора МЕЧНИКОВА».**

Продается во всѣхъ главн. аптекахъ

1891 8-8

ЖЕРТВЫ СУДЬБЫ и всѣ, которые хотятъ испытать счастія, противиться своей судьбѣ, силою взять любовь нравящейся имъ женщинѣ, вообще получить въ жизни все что только человѣкъ хочетъ, открыть глубочайшія тайны, узнать, что дѣлается въ сосѣднимъ домѣ, искоренить пьянство, самоскверненіе и другіе разные недостатки, имѣть всегда счастіе въ игрѣ и лотереѣ, пріобрѣсть власть надъ другими людьми, имѣть удачу во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ и т. п. пусть они потребуютъ выслать имъ на русскомъ языкѣ сочиненіе, которое ихъ этому обучитъ. Сочиненіе это посылаю я даромъ, лишь только прошу выслать на издержки 75 коп. марками въ почтовомъ конвертѣ по адресу: I. TOURJAEN psychologue Bruxelles-Centre, Boîte postale 125, Belgique. A.1.

I. Турженъ, психологъ, Брюссель-центральная, почтовый ящикъ 125, Бельгія

Когда амуръ

въ качествѣ третьяго сопутствуетъ въ свадебномъ путешествіи, онъ заботится о томъ, чтобы былъ и четвертый: "4711". Никогда этотъ номеръ не обезпечиваетъ болѣе вѣрнаго выигрыша, какъ здѣсь. Кто ставитъ на "4711", выигрываетъ чудесное настроеніе, сохраняетъ свѣжими свои нервы, служитъ своему здоровью и самолюбію. Руки и лицо, опрысканныя "№ 4711 Одеколономъ", остаются свѣжими, вызываютъ къ удвоенной нѣжности.

Поэтому нѣтъ лучшаго свадебнаго подарка, чѣмъ № "4711 Одеколонъ".

2313

Правильное пищевареніе
-достигается-
ФЛАТУЛИНОВЫМИ ПИЛЮЛЯМИ Д-ра РООСА.
ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ. ОРИГИН. КОРОБКА 75 КОП.
- ПРЕКРАСНО ДѢЙСТВУЮТЪ ПРИ
Образованіи Газовъ, Кислоты, Изжогѣ.

1557 6-4

РУКОВОДСТВО КЪ ВЫБОРУ КНИГЪ,
СОСТАВЛЕНІЮ и ПОПОЛНЕНІЮ БИБЛІОТЕКЪ
БЕЗПЛАТНО.
2370 2-1
Смотр. „Ниву“ 1914 г. № 5 на 4-й страницѣ обложки.

Опасность
грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять

ПЕРУИН-ПЕТО

единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.

1893 17-5

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

Старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2313 12 8

XLV г. г. XLV

№ 6 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 1914

Выданъ 8 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 2.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

(Продолженіе).

Едва Шугаевъ и Саша ушли, Лидія Михайловна глубоко вздохнула и бросилась почему-то къ зеркалу.

Теперь ей ужъ не зачѣмъ было сохранять привѣтливое выраженіе, и на нее взглянули усталые, невѣрные глаза, и лицо показалось ей чужимъ.

Она закрыла глаза и долго стояла такъ. Потомъ машинально пожала плечами и огляделась вокругъ.

И мастерская ея и всѣ знакомые предметы взглянули на нее какъ-то по-новому.

Но вотъ что-то обезпокоило ея взглядъ. Она не сразу разобрала, что именно, только когда остановила взглядъ на своей работѣ, стоявшей на станкѣ, поняла. Тряпка не такъ обертывала глину, какъ она ее оставила. Очевидно, онъ смотрѣлъ нынче. А разъ онъ смотрѣлъ, значитъ—подозрѣваетъ.

Чтобы скорѣе выяснить этотъ колючій вопросъ, она позвонила.

Вошла горничная.

— Вы развертывали мою работу?

— Нѣтъ, барыня. Вы приказали никогда не трогать, и я не прикасаюсь.

Лидія Михайловна почувствовала сама, что блѣднѣетъ.

— Да? Ну, идите.

Горничная пошла-было къ двери. Но Лидія Михайловна остановила ее:

— Вотъ что... Дайте мнѣ вымыть руки. Полейте.

Ж. Сеньякъ. Пьерро побѣдитель.

И, засучивъ рукава, она протянула надъ чашкой красивыя, сильныя руки.

Горничная взяла тяжелый кувшинъ:

— Вѣдь вы же, барыня, сейчасъ купались.

— Привычка. Я не могу взяться за глину, не вымывъ передъ этимъ рукъ.

Горничная стала лить воду.

— Merci. Идите.

Та ушла.

Она вытерла руки, надѣла робочій балахонъ, висѣвшій на гвоздикѣ, осторожно развернула тряпки.

На нее взглянуло его лицо, но она отнеслась къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ вчера. Вчера онъ казался ей очень похожимъ. Сегодня она не нашла главнаго. Съ жаднымъ любопытствомъ глядѣла она особенно на губы. Это—тѣ самыя губы, которыя вчера ее цѣловали, и она отвѣчала на эти поцѣлуи помимо воли. Нѣтъ, это неправда, не помимо воли, а только помимо разсудка. Первый разъ въ жизни она ощутила настоящую сладость поцѣлуевъ.

„Что же это такое?"—спрашивала она себя, чувствуя, какъ при одномъ взглядѣ даже на этотъ кусокъ глины въ ней поднимается ядовитое, но сладостное волненіе, съ которымъ опять-таки боролась не воля, а только разсудокъ—этотъ карликъ, какъ выразился онъ.

И все же въ этомъ волненіи было что-то враждебное не одному разсудку, а чему-то большему. Можетъ-быть, всему ея прошлому, всей той цѣли, которую она поставила себѣ.

— Вздоръ!—вслухъ произнесла она, не зная собственно, къ чему относится это сорвавшееся у нея съ досадой слово, и готовая это слово сейчасъ разсмотрѣть внимательно, чтобы опредѣлить его цѣну.

Такъ игрокъ, бросившій монету, наклоняется къ ней, чтобы разсмотрѣть, орломъ или рѣшкой упала она. Но это намѣреніе ей осуществить не удалось: въ дверь постучали.

XXVII.

— Войдите!

Вошелъ старый морякъ. Поздоровавшись съ нею и извинившись за свое посѣщеніе, онъ, по обыкновенію, внятно и монотонно заговорилъ:

— Тянетъ меня сюда къ вамъ, какъ на вахту. Я и зимой сюда каждый день хожу.

Онъ подошелъ къ балкону и сталъ на порогѣ къ двери.

— Даль отсюда точно съ вахтеннаго мостика. Я вамъ мѣшать не стану. Вы занимайтесь своимъ дѣломъ. Я здѣсь похожу.

Онъ совсѣмъ вышелъ на балконъ, но голосъ его тягуче доносился и оттуда:

— Экая тишина какая! Вонъ онъ гдѣ, пароходъ-то, а слышенъ стукъ машины. Только не люблю я этихъ коптилокъ: шуму много, дыму много, а мертвая штука. Не идетъ онъ къ водѣ.

Лидія Михайловна изъ вѣжливости дала ему реплику:

— Вы, кажется, плавали только на корабляхъ?

— На корабляхъ. Вмѣстѣ съ кораблями и въ отставку вышелъ. Перейти съ корабля на эту коптилку я не могъ.

— Понятно, корабль, это—что-то болѣе живое, въ немъ душа должна быть, инстинктъ.

— Какъ не быть, онъ отъ самаго дна до верхушекъ мачты живетъ и чувствуетъ море, вѣтеръ. То живетъ заодно со всѣми стихіями, то борется и споритъ. Вотъ когда мы плыли въ Бискайкѣ...

— Что за Бискайка?—съ интересомъ начиная прислушиваться къ нему, задала вопросъ Лидія Михайловна.

— Бискайскій заливъ. Тамъ трудное плаваніе. Бурная эта Бискайка.

Лидія Михайловна слушала его старческій голосъ и съ удивленіемъ чувствовала, что этотъ старикъ, его отецъ, нынче не чужой ей.

Она подошла къ двери и стала присматриваться къ его лицу, ища въ немъ что-то, что говорило бы о родственной близости отца и сына. Не удастся ли ей уловить то главное, что отсутствовало въ работѣ?

Чтобы лучше прослѣдить сходство, она обратилась къ старику:

— Простите, вамъ все равно, гдѣ быть?

— А что?

— Я попрошу васъ сѣсть вотъ сюда.

И она указала мѣсто рядомъ съ бюстомъ.

Старый морякъ спокойно подошелъ къ указанному мѣсту.

— Есть. А вѣдь замѣчательно похожъ!—похвалилъ онъ работу.

Но она недовольно покачала головой:

— Нѣтъ... нѣтъ.

— По-моему, хорошо.

— Главнаго нѣтъ... главнаго. Посмотрите на меня.

Морякъ обратилъ на нее свои выцвѣтшіе прищуренные глаза.

— Да нѣтъ, вѣдь мы не похожи. Кромѣ крови, между нами ничего общаго нѣтъ.

— А можетъ-быть, это все,—вырвалось у нея.

Но онъ, видимо, не разслышалъ и продолжалъ свое:

— И росъ-то онъ почти всегда безъ меня съ матерью. Уйдешь въ море—и не видишь ихъ долго-долго, такъ что при встрѣчѣ съ ними еле узнаемъ другъ друга. Да и по характеру мы чужіе.

— Да, въ васъ этого нѣтъ.

Она съ досадой комкала глину, не рѣшаясь по впечатлѣнію сдѣлать то, что создалось только въ ея представленіи.

Старикъ продолжалъ:

— Когда погибалъ мой „Фениксъ" въ Южномъ морѣ, я стоялъ на мостикѣ и думалъ о нихъ... о женѣ и сынѣ. Я сошелъ съ корабля послѣднимъ. И чудомъ спасся послѣ того, какъ видѣлъ, что погибали мои товарищи. И на томъ мѣстѣ, гдѣ погибалъ мой „Фениксъ", буруны разстилали бѣлую пѣну, какъ саванъ. Я не радовался своему спасенію. Я былъ въ отчаяніи: почему я не погибъ вмѣстѣ съ ними? Я все это разсказалъ моему сыну, но онъ не пожалѣлъ ни товарищей, ни корабля, ни меня. Онъ только съ восторгомъ закричалъ: „Ахъ, какъ это должно было быть красиво!"

— Да, это похоже на него,—произнесла она, чувствуя тайное раздраженіе противъ Эльмонта.

Снизу раздался сильный аккордъ рояля.

Лидія Михайловна вздрогнула и заволновалась. Скомкавъ глину, она бросила ее въ ящикъ и не знала, что съ собой дѣлать. Сняла балахонъ и хотѣла уйти, чтобы не слышать этой музыки, но не пошла дальше балкона—музыка была слышна и тамъ; она сливалась съ яркими солнечными лучами, заливавшими все вокругъ, и трепетала на морѣ вмѣстѣ съ ослѣпительными брызгами свѣта.

Затѣмъ машинально затворила дверь на балконъ и, обезсиленная, сѣла въ уголкѣ на диванъ, гдѣ обыкновенно отдыхала во время работы.

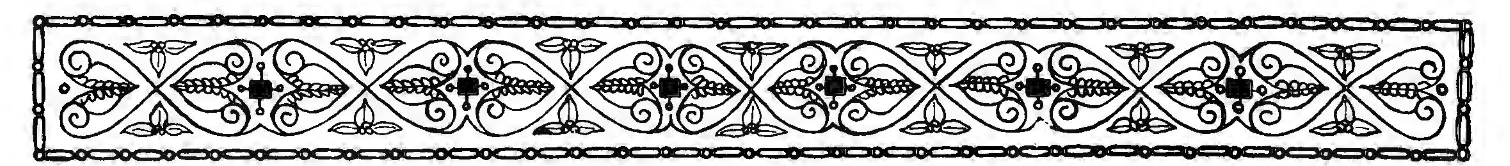
Музыка продолжала звучать внизу и глухо доносилась сюда.

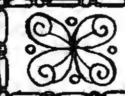
Старый морякъ сидѣлъ въ креслѣ и разсказывалъ безконечную исторію о событіи, навсегда врѣзавшемся въ его мозгу. И голосъ его сливался съ звуками музыки, какъ будто въ нихъ были родственная душа и ритмъ.

— Наканунѣ большая бѣлая птица залетѣла на нашъ корабль. Видно было, что она устала такъ же, какъ и мы. День и ночь мы боролись съ тайфуномъ. Онъ рвалъ паруса, метался вокругъ насъ, кружилъ волны, точно хотѣлъ и насъ завертѣть въ этой бѣшеной пляскѣ. Мачты гнулись, какъ будто невидимый гигантъ хватался за ихъ верхушки и раскачивался надъ волнами. Онъ гналъ насъ и гналъ и рвалъ паруса, какъ куски мяса, обнажая снасти подобно тонкимъ костямъ скелета.

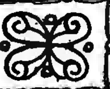
Старикъ перевелъ дыханіе, но музыка гремѣла, и онъ продолжалъ все такъ же монотонно, не заботясь о томъ, слушаютъ его или нѣтъ:

— День былъ похожъ на густыя сумерки. Бѣлая птица летѣла за нами, борясь съ вѣтромъ, какъ мы. Летѣла и такъ жалобно кричала, что даже ревъ вѣтра и грохотъ волнъ пронизывалъ этотъ рѣзкій, жалобный крикъ... Два матроса погибли: одного сорвало съ мачты, другого снесло волнами. Ночью луна, какъ лицо, окруженное свѣтлой рамкой, прорывалась сквозь тучи и съ испугомъ смотрѣла на насъ, какъ живая. Мы мчались и мчались, гонимые вѣтромъ. Вдругъ треснула мачта, сломалась и рухнула съ громомъ. Но уже буря какъ будто насытилась этимъ. Стала стихать. Разсвѣтало. Мы вздохнули свободнѣе... А большая бѣлая птица опустилась на носъ корабля и застыла, какъ мраморъ, какъ на гробный памятникъ на могилѣ. Матросы хотѣли ее накормить.





Ѳ. Сычковъ. На масленицѣ.



Она не боялась ихъ, но пищу отъ нихъ не брала. Она хотѣла только отдыха, а не милости... И долго сидѣла, какъ зловѣщій призракъ, бѣлѣя въ туманномъ разсвѣтѣ. То былъ альбатросъ-буревѣстникъ. Когда все стихло, опять закипѣла работа, и ожило вновь все разбитое бурей. Паруса забѣлѣлись. А птица сидѣла, сидѣла, бѣлѣя, какъ призракъ надгробный. Минула опасность, но ждала бѣда. Это было что-то роковое.

Лидія Михайловна, слышавшая лишь послѣднія слова, испуганно взглянула на старика, который, съ его бѣлыми, жесткими, коротко остриженными волосами, въ бѣломъ костюмѣ моряка, также похожъ былъ на могильный памятникъ. Голова ея отяжелѣла и опустилась на руки.

Старикъ продолжалъ, не повышая и не понижая тона:

— Туманъ окружилъ насъ. Мы шли, какъ слѣпые. Вдругъ бѣлая птица сорвалась, взмахнула крыльями и скрылась. Тутъ же какъ будто какая-то злобная сила ударила нашъ корабль въ самое сердце. Онъ весь содрогнулся отъ дна до вершины. Обратнымъ теченіемъ тайфуна снесло насъ къ корабелевымъ рифамъ.

Музыка на минуту остановилась, и замолчалъ старикъ, подавленный ужасомъ воспоминаній, которыя такъ же всю жизнь летѣли за нимъ, какъ та бѣлая зловѣщая птица, о которой онъ разсказывалъ.

И затѣмъ съ отчаяніемъ, на этотъ разъ прозвучавшимъ въ его голосѣ, онъ произнесъ:

— Разбился мой „Фениксъ".—Опять замолкъ и уже шопотомъ закончилъ:—Это было что-то роковое.

Затѣмъ онъ медленно поднялся и, не глядя на Лидію Михайловну, съ склоненной головой направился къ двери.

Она очнулась и сказала ему вслѣдъ:

— Позовите, пожалуйста, ко мнѣ вашего сына.

Онъ кивнулъ головой и удалился, еще разъ прошептавъ:

— Это было что-то роковое.

Лидія Михайловна долго сидѣла, не шевелясь. Наконецъ встала, разбитая и смятенная. Подошла къ столу, на которомъ лежало Евангеліе, и, положивъ на холодный переплетъ руку, долго держала ее такъ, а потомъ раскрыла Евангеліе наудачу и прочла текстъ:

„И Онъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха, но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ останется на васъ".

Эти слова не сразу стали ей понятны. Сначала и въ нихъ она услышала только укоряющую музыку, а когда поняла—они заставили ее задуматься. И вторично раскрыла она Евангеліе и прочла опять:

„Истинно говорю: кто не дверью входитъ во дворъ овчій, тотъ—воръ и разбойникъ".

Послѣднее поразило. Поблѣднѣвъ, глядѣла она на черныя буквы и даже не сразу замѣтила, какъ вошелъ Эльмонтъ.

XXVIII.

Только когда онъ заговорилъ, она обернулась, нервно захлопнувъ книгу, точно боясь, что кто-нибудь другой узнаетъ объ этомъ обличеніи.

— Я зналъ, что вы меня позовете,—сказалъ Эльмонтъ.

— Знали?..

— Когда я началъ симфонію, я зналъ, что вы меня позовете.

Она подняла на него глаза, встрѣтилась съ его взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ теперь уже не было того вопрошающаго выраженія, который неуклонно встрѣчала она до вчерашняго дня. Они выражали торжество.

— Знали и шли, какъ побѣдитель,—проговорила она, ненавидя его въ эту минуту.

— Между нами нѣтъ побѣдителей. Мы оба—побѣжденные,—отвѣтилъ Эльмонтъ.

Ея гордость взбунтовалась. Она съ страстнымъ раздраженіемъ отвѣтила:

— Только не я! Я не хочу этого униженія и ужаса. И если это такъ случилось... если есть такая сила, которая уронила меня... отняла у меня волю... разумъ... наперекоръ моему желанію и моей совѣсти—есть и другая, которая подняла меня и открыла всю низость этого безобразнаго паденія.

Эльмонтъ спокойно и твердо возразилъ:

— Не вы это говорите, это говоритъ та ложь, которая окутываетъ людей... Окутываетъ женщину.

Она вся загорѣлась протестомъ:

— Это говорю я! Вся я! Все, что во мнѣ есть чистаго... хорошаго! Все, что я хочу сохранить и отдать...

Эльмонтъ порывисто прервалъ ее:

— Кому? Не ему ли?

— Нѣтъ, искусству.

— Искусство живетъ и дышитъ свободой, а вы говорите о рабствѣ.

Лидія Михайловна съ негодованіемъ возразила:

— Что мнѣ всѣ эти слова! Не спорить и не выяснять я хочу. Я говорю, что во мнѣ все возмущается противъ моего поступка. Значитъ, я права—что я послѣ этого не могу безъ муки прикасаться къ глинѣ, какъ не могла бы прикоснуться къ моему ребенку; значитъ, я права!

Эльмонтъ сурово стоялъ на своемъ:

— Не вы правы, не вы. И не въ правѣ здѣсь дѣло. Васъ неволитъ все окружающее, весь этотъ воздухъ... мужъ. Уйдемъ со мной!—страстно обратился онъ къ ней.—Насъ объединила стихія. Она сильнѣе насъ съ вами. Уйдемъ со мною!—повторилъ онъ съ сдержанной силой. — Вы увидите, что достаточно вамъ будетъ выйти изъ этихъ стѣнъ, въ которыхъ уже поселилось самое пошлое, что есть у людей: привычка,—и вы почувствуете легкость птицы, которой развязали крылья. Я не говорю, хорошо ли это, или дурно, но это необходимо, необходимо, чтобы стать самой собою. Вы можете побороть въ себѣ голоса, эти голоса, которые зовутъ васъ... Они зовутъ къ тому, чего вы такъ боитесь... Вы можете заглушить ихъ, зарыть живыми въ своемъ сердцѣ, но этимъ вы поборете лишь самоё себя... Поборете то, чѣмъ васъ природа отличила отъ этихъ сдавленныхъ, безличныхъ. Отъ этихъ... слѣпыхъ кротовъ.

Его слова, голосъ обезсиливали ее, какъ поцѣлуи минувшей ночи. Но она не хотѣла сдаться. Въ ней горѣла жажда искупить вчерашнее. Но она боролась лишь словами:

— Я не ищу этого. Я не хочу чувствъ, которыя владѣли бы мною. Я вышла замужъ за него только потому, что хотѣла быть свободной отъ этого проклятія, оскорбляющаго человѣка... женщину. Вотъ чему принадлежитъ моя душа,—указала она на глину.—Если меня отличила природа, такъ не для того, чтобы я оказалась ниже ея. Я чувствую въ себѣ Бога, и этотъ Богъ долженъ остаться во мнѣ чистымъ и прекраснымъ.

Но онъ настойчиво твердилъ свое:

— Мы, какъ волны, слились и не разольемся. Вы говорите—проклятіе. Я тоже называю это проклятіемъ, но все остальное, все только служитъ ему, этому проклятію.

Она безсильно опустилась на стулъ:

— У меня нѣтъ больше словъ для спора. И не этого я хочу.

— Чего же вы хотите?

— Правды. Я думала, вы поймете меня. Поддержите то, что во мнѣ возстало. Помогите мнѣ внутренно очиститься сознаніемъ, что вы... вы только своей властностью побѣдили меня.

Эльмонтъ посмотрѣлъ на нее внимательнымъ и острымъ взглядомъ и засмѣялся.

Она вдругъ вскочила, оскорбленная этимъ злораднымъ смѣхомъ, и въ бѣшенствѣ бросила ему:

— Какъ вы смѣете смѣяться? Вы... вы... животное!

— Женщина, — сказалъ онъ въ отвѣтъ, съ снисходительной жалостью къ ней.

Она закрыла лицо руками и тихо отошла и сѣла, уронивъ голову на руки. И когда подняла лицо, оно было еще красно отъ стыда и отчаянія.

— Да, я женщина, — тихо выговорила она наконецъ.— Во мнѣ еще не умеръ стыдъ. Жива доброта. Вздоръ все, что я говорила объ искусствѣ и талантѣ, — съ горечью сказала она. — Только нужна правда... одна правда. А я все это время лгу... лгу!

— И будете еще больше лгать, если останетесь съ нимъ.

— Ни его ни васъ мнѣ не нужно. И если онъ не пойметъ меня—я уйду и отъ него. Но то, что меня связываетъ съ нимъ, все-таки ближе моей душѣ, чѣмъ то, что произошло между нами. Онъ пойметъ и проститъ.

Д. Эчевери. Подъ маской.

— Простить! Да развѣ на землѣ есть прощеніе? Есть только слово „прощеніе“, а прощенія нѣтъ, и я ненавижу это слово.

Она уловила въ эту минуту въ его лицѣ за выраженіемъ ненависти острую горечь и боль. И ее потянуло къ глинѣ, чтобы сообщить изображенію эту черточку. Но одумалась: сейчасъ это было бы некстати.

Эльмонтъ продолжалъ:

— Прощеніе, это—вексель Шейлока, который никогда и ни-

чѣмъ нельзя погасить. Даже кускомъ мяса, вырваннымъ изъ сердца... даже всѣмъ сердцемъ.

— Въ васъ говоритъ жестокость звѣря!

Его поразили эти слова. Онъ широко открылъ на нее глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Во мнѣ жестокость звѣря!—Плечи его чуть-чуть поднялись и опустились, и голосъ звучалъ искренней обидой и печалью.—Я ношу въ своей душѣ такую нѣжность, которой бы хватило на тысячу людей, чтобы они назывались добрыми... Любовь настоящую. Но нѣжность и любовь не къ людямъ, а ко всему, что̀ не носитъ этого названія „люди“,—съ презрѣніемъ выговорилъ онъ.—Да развѣ можно любить людей? Если даже вы хотите войти въ это стадо—идите въ него, но и въ немъ вы понесете за собой это проклятіе. Будете со мною, такъ никто отъ меня не возьметъ того, что̀ было. Никто не отниметъ васъ.

Ей ненавистны были его слова, потому что каждое изъ этихъ словъ, какъ звено цѣпи, ковалось, чтобы прикрѣпить къ нему ее. То блѣднѣя, то краснѣя, она воскликнула въ негодованіи:

— Вы лжете! Лжете! Все лжете! Я только сейчасъ поняла это въ васъ. И я ненавижу васъ, какъ страшнаго врага, который живетъ во мнѣ самой! Но я его сомну! Раздавлю!

И въ изступленіи она схватилась обѣими руками за свою работу и, яростно исковеркавъ ее, въ дикомъ порывѣ столкнула со станка на полъ.

Съ глухимъ стукомъ ударилась глина. Но она не остановилась и на этомъ и нѣсколько разъ пихнула ее ногой:

— Вотъ такъ... такъ!

Эльмонтъ сначала сдѣлалъ движеніе къ ней, чтобы ее остановить, но потомъ насмѣшливая улыбка торжества появилась на его лицѣ.

— Такъ, такъ. Это—лучшее доказательство моей правоты и твоего... твоего...—повторилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ:—безсилія.

И, спокойно повернувшись, онъ ушелъ, оставивъ ее уничтоженной и разбитой.

Она долго стояла неподвижно, глядя на исковерканный трудъ свой. Затѣмъ, очнувшись, съ испугомъ оглянулась. Никто не видѣлъ. Она быстро заперла дверь, чтобы кто-нибудь не вошелъ, и стала сама убирать глину съ пола въ цинковый ящикъ.

Но силъ не было. Устало поднялась она и брезгливо взглянула на полъ и на руки, отвернулась отъ испачканнаго мѣста, прошептавъ:

— Не могу. Точно убила.

И, вымывъ руки, позвонила, забывъ отворить дверь. И удивилась, когда кто-то сталъ безплодно дергать за ручку двери снаружи.

— Отворите, — послышался голосъ Арины Ивановны. — Вы звонили?

Лидія Михайловна, опомнившись, отперла дверь:

— Да, да, я звонила.

— Отчего же заперлись?

Она все такъ же устало отвѣчала:

— Я звонила дѣвушку. Вотъ уронила... надо убрать.

— Услала я дѣвушку-то. Я сама могу убрать.

„Нѣтъ, нѣтъ, мама,—хотѣла сказать и не сказала:—что̀ вы! Я бы сама убрала, да силъ нѣтъ. Устала отчего-то“.

Арина Ивановна пристально на нее поглядѣла:

— А можетъ... — старуха запнулась и многозначительно намекнула:—можетъ, вы нездоровы?.. Измѣнились очень.

Она сначала не поняла этого намека:

— Что̀?

— Говорю: нѣтъ ли чего? — уже яснѣе высказалась Арина Ивановна.

Она пришла въ ужасъ отъ одного этого предположенія.

— Нѣтъ, нѣтъ. Просто обезсилѣла... устала... Этотъ воздухъ морской... на меня сильно дѣйствуетъ. Уѣхать бы отсюда.

Арина Ивановна воспротивилась такому намѣренію:

— Уѣзжать бы съ чего? Хотѣли остаться до осени.

Она почувствовала на себѣ пытливый взглядъ старухи и смущенно пробормотала:

— Я не о себѣ только. И Григорій Матвѣевичъ себя тоже нехорошо здѣсь чувствуетъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется.

— Ваше дѣло,—уклончиво отвѣтила Арина Ивановна.

— Но вы, мама, какъ на это дѣло смотрите? — съ усиліемъ подымая глаза на Арину Ивановну, спросила она.

— Что̀ меня спрашивать? Я—человѣкъ старый, другой человѣкъ, чѣмъ вы,—отвѣтила та, прямо глядя въ ея глаза:—мое дѣло было вырастить его, а теперь... у него свой умъ, своя воля. А васъ я совсѣмъ не знаю, — холодно закончила она: — чужая душа—потемки.

Лидія Михайловна почувствовала себя отъ этихъ словъ страшно одинокой, отверженной. Раньше та съ нею такъ не говорила.

— Развѣ я вамъ чужая?

Арина Ивановна нѣсколько смягчилась:

— Какъ чужая, когда вы Гришина жена! Но не пойму я васъ. И не говорите вы со мною объ этомъ... и не спрашивайте меня... А поступайте такъ, какъ Богъ да совѣсть велятъ.

Голосъ ея въ концѣ опять зазвучалъ скрытымъ раздраженіемъ, и, чтобы не сказать чего лишняго, она хотѣла уйти. Но Лидія Михайловна встала съ кресла и остановила ее за руку:

— Постойте, не уходите. Поцѣлуйте меня. Мнѣ такъ хочется, чтобы вы меня приласкали. Я не знала ласки матери. А это такъ много... такъ много въ жизни.

Арина Ивановна положила ей руки на плечи, долго смотрѣла на нее, прослезилась, обняла и поцѣловала:

— Ну, Богъ съ тобой... Богъ съ тобой. Встань, родная... Доченька моя. Люби Гришу—и все будетъ хорошо.

Лидія Михайловна поцѣловала ея руку, и старуха приняла эту покорную ласку, чего раньше не допустила бы ни за что.

— Эка ты какъ глиной-то вымазалась,—замѣтила старуха, покачивая головой:—и башмаки новые вымазала.

— Ничего, мама, это легко вычищается, — отвѣтила она, жалко улыбаясь съ обманчивымъ облегченіемъ.

— Ну, ну, ничего. Поди переодѣнься.

— Пойду. А вы пошлите, пожалуйста, убрать эту глину и выбросить ее вонъ... совсѣмъ... вонъ... вонъ... — съ отвращеніемъ выговорила она.

Арина Ивановна отвела глаза въ сторону:

— А что̀, развѣ не годится?

— Не годится. Я приведу себя въ порядокъ, а вы велите убрать.

И она поспѣшила уйти, оставивъ Арину Ивановну одну.

Та долго смотрѣла ей вслѣдъ. Вздохнула. Перевела взглядъ на глину и стала убирать ее въ одну кучу.

XXIX.

За этой работой застали мать Шугаевъ и Саша. Саша шла съ радостнымъ видомъ, помахивая сѣрымъ клочкомъ бумаги.

— Лидія Михайловна! Лидія Михайловна!—на ходу звала она.

Арина Ивановна оторвалась отъ работы:

— Что̀ случилось такое? Чего это вы работать бросили?

Саша, потряхивая телеграммой, съ торжествомъ выговаривала матери:

— Вотъ вы, мама, все говорили о Лидіи Михайловнѣ: „идоловъ лѣпитъ... грѣхъ одинъ...“ А вотъ одного изъ такихъ идоловъ Парижскій музей купилъ за тридцать тысячъ франковъ.

Шугаевъ прибавилъ:

— Что̀, мама, деньги? Главное—почетъ. Честь-то какова. Она теперь куда больше меня стала извѣстна.

— Знаешь, Гриша, ты самъ передай Лидіи Михайловнѣ телеграмму. Такъ будетъ лучше,—догадалась Саша.

Шугаевъ взялъ телеграмму.

Арина Ивановна обидѣлась за сына:

— Сравнить орла съ пиголицей! Извѣстность извѣстности рознь. Что̀ тамъ за извѣстность изъ-за куколъ! Кукла съ макомъ—вотъ и все. Это только для прихоти, кому денегъ дѣвать некуда. А твое дѣло сурьезное.

Шугаевъ съ забавнымъ видомъ сказалъ, наклоняясь къ матери:

— Ахъ, мама, потихоньку тебѣ сказать, я такъ же думаю на этотъ счетъ.

Но Саша возмутилась:

— Какой ты безсовѣстный, Гриша.

Арина Ивановна строго ее остановила:

— А ты не совѣсти. Это вотъ ей такъ посчастливилось, что нашлись охотники на ея забаву. А то много ихняго брата по Москвѣ глотку деретъ да на головѣ куколъ носитъ. Есть тамъ и съ макомъ и совсѣмъ безо всего... Тьфу ты, прости Господи! И зайцы тамъ, головами качающіе.

Саша только тутъ увидѣла сброшенный со станка и исковерканный бюстъ и съ удивленіемъ и испугомъ спросила:

— Мама, что это такое? Это вы уронили?

Испугался и Шугаевъ:

— Что это такое? Его бюстъ!.. Мама...

— Съ чего это вы выдумали, — напустилась на нихъ Арина Ивановна: — я?.. Съ чего мнѣ?.. Сама, вишь, она... Позвонила, чтобы убрать...

Шугаевъ опѣшилъ и смутился:

— Гм... Саша, — онъ сунулъ обратно Сашѣ телеграмму.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты передай. А мнѣ нужно работать.

И ушелъ, взволнованный этой новой выходкой, подтверждавшей его безпокойство, но еще не зная, какъ ему эту выходку истолковать.

Саша, пораженная происшедшимъ, также чуяла здѣсь что-то необычное. Она знала, что Эльмонтъ былъ только-что здѣсь.

— Мама, какъ же это случилось?

— Да что случилось-то?

— Да вотъ... съ этой работой?

— Эка пристала. Почемъ я знаю.

— Гдѣ же Лидія Михайловна? — продолжала она допрашивать мать.

— Да пошла пообчиститься. Вся вымазалась въ грязи этой, и башмаки новые и платье...

Саша подумала, что Лидія Михайловна осталась недовольна работой и сама уничтожила ее. Такое заключеніе ей было больше всего по душѣ.

На лѣстницѣ послышались шаги Лидіи Михайловны, и Саша, забывъ все, бросилась ей навстрѣчу съ телеграммой:

— Лидія Михайловна, вотъ радость! Гриша получилъ телеграмму о васъ. Какая вы счастливая!

Она подала Лидіи Михайловнѣ листокъ, но та ничего не понимала и смотрѣла на Сашу во всѣ глаза.

— Да читайте же!

И пока та пробѣгала телеграмму, Саша успѣла выпалить скороговоркой:

— Мнѣ хотѣлось бы кусочекъ такого счастья. Вы подумайте, мама, имя Лидіи Михайловны повторяютъ всѣ газеты, ей удивляются, завидуютъ. Ахъ, если бы я тоже могла быть скульпторомъ!

— Ну, пошла! — махнула на дочь рукой Арина Ивановна.

Но Саша не унималась:

— Имѣть талантъ, радовать имъ людей — это дороже всего на свѣтѣ! Счастливая! Счастливая!

Лидія Михайловна спокойно положила телеграмму на столъ. Въ другой разъ это извѣстіе также обрадовало бы ее. Но теперь оно непонятнымъ образомъ увеличивало ея тоску.

— Развѣ въ этомъ счастье, Саша? Было время, когда я и сама такъ думала, а теперь мнѣ кажется, я была бы счастливѣе, если бы осталась тамъ на морѣ, среди рыбаковъ. — Замѣтивъ, что глина все еще валялась на полу, она съ содроганіемъ произнесла: — Ахъ, здѣсь все еще не убрано.

— Вотъ они мнѣ помѣшали. Я сейчасъ пришлю прислугу, — сказала Арина Ивановна, уходя: — а то мнѣ-то за обѣдомъ присмотрѣть нужно.

— Да, и чтобы хорошенько... хорошенько вычистили! — говорила ей вслѣдъ Лидія Михайловна. — Чтобы выбросили вонъ эту глину и вымыли полъ чисто... чисто.

Саша, пораженная выраженіемъ лица ея, угадала, что произошло не совсѣмъ такъ, какъ предполагала она. Это обстоятельство точно обожгло ея сердце.

— Это вы сдѣлали? — обратилась она къ Лидіи Михайловнѣ.

— Я.

— А я очень рада. Не люблю я его, — созналась она. Но было въ ея тонѣ что-то другое.

Лидія Михайловна сдѣлала видъ, что не совсѣмъ ее поняла:

— Этотъ бюстъ не любите?

— Нѣтъ, того, съ кого вы его лѣпили.

— Да-а? — неопредѣленно протянула Лидія Михайловна. — За что?

— Гордый онъ. Никого не любитъ. Себя только любитъ. — Она неожиданно смутилась и пробормотала: — Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало этого говорить.

Лидія Михайловна услышала въ ея тонѣ отдаленное эхо ея брата и матери.

— Не слѣдовало говорить? — повторила она. — Отчего? Отчего, Саша?

Саша замолчала, отвернувшись.

Лидія Михайловна настойчиво и безпокойно приступила къ ней съ вопросами:

— Отчего? Вы должны сказать мнѣ. Посмотрите мнѣ въ глаза, Саша. Прямо въ глаза.

Но Саша сумрачно опустила рѣсницы.

— Саша, Саша, — съ укоромъ и тоской повторяла Лидія Михайловна. И это чувство одиночества и отверженія еще глубже уязвило ее. Она закрыла лицо руками и въ отчаяніи прошептала: — Уйти отсюда! Уйти мнѣ!

В. Пчелинъ. Въ разлукѣ.

Саша подняла голову, и въ глазахъ ея вспыхнуло трудно сдерживаемое недоброжелательство.

— Куда? Съ кѣмъ? — спросила она, поддѣлываясь подъ простое любопытство.

— Съ кѣмъ? Что вы говорите, Саша? — въ упоръ спросила Лидія Михайловна.

Та смѣшалась, но продолжала притворствовать:

— То-есть, я хотѣла сказать — съ Гришей.

Лидія Михайловна тихо уронила:

— Можетъ-быть, одна.

— Одна! — живо воскликнула Саша

— Или для меня ужъ это невозможно?

Тогда Саша сбросила съ себя эту удушливую маску и съ горячей укоризной напала на нее:

— А объ немъ вы подумали? О Гришѣ?

У Лидіи Михайловны сорвалось:

— Ахъ, что Гриша!

Тогда Саша, покраснѣвъ отъ охватившей ее за брата обиды и возмущенія, еще взволнованнѣе приступила къ ней:

— Какъ можете вы, такая талантливая... Вы должны чувствовать больше, чѣмъ другіе люди... Какъ можете вы быть такой безсердечной?

— Безсердечной?

— Да,—съ чувствомъ продолжала Саша. — Братъ такъ любитъ васъ. Вы, конечно, талантъ... вы—женщина исключительная... Но я не знаю... Я—дѣвушка...—путаясь и сама изумляясь своей дерзости продолжала она, уже не сдерживая себя: — но я чувствую, что я такъ бы не поступила.

Она думала, что Лидія Михайловна сейчасъ крикнетъ на нее, велитъ выйти вонъ, но вмѣсто того она безпомощно опустилась на стулъ возлѣ стола и, подавленная, отвѣтила:

— Вы чистая, вы славная, Саша... Но что̀ же дѣлать?

Она встрѣтила впившійся въ нее жадный взглядъ Саши и опять закрыла лицо руками и уронила голову:

— Нѣтъ, нѣтъ... Не могу!

Но Саша лихорадочно стала настаивать, чувствуя, что муть и тьма вотъ уже вовсе близко... у ея ногъ:

— Что̀ вы хотите... что̀ вы хотите сказать?

Она, не поднимая головы, простонала:

— Если бы вы... вы сдѣлали это... преступленіе...

У Саши помутилось въ глазахъ. Точно она съ головой

В. Пчелинъ. Первый блинъ.

погрузилась въ ужасъ и мракъ. Все тѣло ея задрожало, и слова стали выкатываться изъ губъ—жесткія, твердыя, какъ камень.

Это до такой степени поразило дѣвушку, что она растерянно отвѣтила:

— Не знаю.

— Поймите, Саша, я хочу правды. Только въ ней одной ясность жизни... ея глубина. Только черезъ нее доступно очиститься. Человѣкъ можетъ ошибаться, падать, но если правда въ немъ жива—она подниметъ его. Я ненавижу ложь,—произнесла она, стискивая руки.—Я боюсь ея. Но тутъ... Такъ тяжело. Что̀ лучше...

Передъ Сашей открывалось что-то мутное и темное. Она уже раскаивалась, что подняла этотъ разговоръ, но остановиться не могла:

— Что̀ лучше, правда или обманъ — не знаю, но нужно жалѣть человѣка.

Лидія Михайловна сжала руками голову и такъ замерла.

Сашѣ уже стало-было жаль ее, но та обернулась къ ней и съ усиліемъ выговорила:

— Слушайте, Саша, ну, если бы вы были на моемъ мѣстѣ?..

Забывъ, что она сама вырвала у нея признаніе, Саша безпорядочно бросала въ нее эти слова съ болѣзненной мукой:

— Что̀ я бы сдѣлала?.. Зачѣмъ вы стали говорить со мною объ этомъ? Я замѣтила... Я боялась спросить... Зачѣмъ? Вѣдь вы не понимаете... Вѣдь онъ—мой братъ... А вы кто?

Лидія Михайловна съ такимъ отчаяніемъ подняла на нее глаза, что та нѣсколько опомнилась и понизила злобный тонъ:

— Простите, я васъ жалѣю сейчасъ, но не люблю. Мнѣ стыдно... Я не могу больше говорить. Я расплачусь... Я наговорю вамъ грубостей!—выкрикнула она, чувствуя, какъ негодованіе снова огнемъ бросается ей въ голову. — Я уйду... Я не могу... Я не могу!

И она выбѣжала внѣ себя изъ комнаты, оставивъ Лидію Михайловну одну, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ оскорбленнымъ и измятымъ сердцемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Принцесса Иза“

Разсказъ **Л. М. Савёлова.**

(Окончаніе).

Карлсдорфъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ, и я отправился туда пѣшкомъ. Скоро я нашелъ самого Генриха Шмидта, у котораго въ погребѣ хранилась въ большомъ ящикѣ мумія Изы. Теперь являлся вопросъ, какъ вывезти ее изъ Америки? Мы долго обсуждали это съ Шмидтомъ, которому тоже пришлось заплатить за участіе въ похищеніи, и наконецъ рѣшили упаковать ее вмѣстѣ съ частями большой паровой машины, спрятавъ ее въ топку; Шмидтъ брался это устроить. Прошло еще дней десять. Былъ сѣрый, пасмурный день, у пристани грузился большой океанскій пароходъ, отходившій въ порты Средиземнаго моря. Я пріѣхалъ на него очень рано и съ палубы наблюдалъ за нагрузкою. Гремѣла цѣпь подъемнаго крана, спуская въ гигантскую утробу парохода тысячи пудовъ груза; вотъ въ воздухѣ мелькнула моя паровая машина съ заключенной въ ней муміей и съ грохотомъ опустилась въ трюмъ.

Второе дѣло было сдѣлано, осталось только уйти изъ американскихъ водъ и благополучно миновать Александрійскую таможню. Я продолжалъ стоять на палубѣ и смотрѣлъ, не появится ли полиція, но нѣтъ—вотъ уже третій гудокъ, трапъ убранъ, и пароходъ медленно отходитъ отъ пристани. Я мысленно благодарю Изиду и Гаторъ за успѣшное окончаніе трехъ четвертей моего предпріятія, въ Александріи же я надѣялся на помощь Изы.

Медленно потянулись однообразные дни. Наконецъ появился хорошо мнѣ знакомый Александрійскій маякъ,— я приближался къ странѣ, которая должна была стать отнынѣ моимъ отечествомъ гдѣ меня ожидало блаженство, ожидала моя Иза.

Связавъ ручной багажъ, я сошелъ на набережную. Только-что я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ и молча подалъ письмо. Я взглянулъ на конвертъ, на немъ было нѣсколько древне-египетскихъ знаковъ, и прочелъ имя принца Рама. Я съ удивленіемъ поднялъ голову, но молодого человѣка уже не было, онъ точно въ землю провалился. Я распечаталъ письмо и съ удивленіемъ прочелъ: „Ожидаю тебя въ Каирѣ,—слѣдовалъ подробный адресъ и описаніе дома,—постучи три раза въ дверь и отворившему покажи свой талисманъ. Иза“.

По данному адресу я легко нашелъ жилище Изы и не успѣлъ войти въ домъ, какъ попалъ въ объятія моей возлюбленной жены. Когда мы немного успокоились, я спросилъ, что значитъ ея переселеніе въ Каиръ, на что она отвѣтила, что ей разрѣшено прожить со мною цѣлый годъ, что она купила этотъ домъ для меня, устроила его въ древне-египетскомъ вкусѣ, и что здѣсь же будутъ происходить и наши послѣдующія свиданія, кромѣ тѣхъ, конечно, случаевъ, когда я самъ буду являться среди древнихъ обитателей подземнаго Египта. Иза горячо благодарила меня за привозъ ея муміи; теперь о ея судьбѣ она не безпокоилась: разъ мумія въ Египтѣ, то друзья Изы сумѣютъ получить ее.

Дѣйствительно, мумію извлекли изъ нѣдръ машины раньше, чѣмъ былъ произведенъ таможенный досмотръ, и мы оба присутствовали на торжественныхъ похоронахъ муміи на большой глубинѣ подъ сфинксомъ.

Тихо и безмятежно прошелъ этотъ счастливѣйшій въ моей жизни годъ. Иза постепенно вводила меня въ этотъ міръ чудесъ, въ которомъ сама жила четыре тысячи лѣтъ, и въ которомъ предстояло жить и мнѣ послѣ окончанія моей земной жизни. Она научила меня полюбить этотъ древній Египетъ, полюбить его боговъ.

Этотъ годъ, который мы прожили вмѣстѣ, мы были окружены слугами Изы, которые являются съ нею каждый разъ, своихъ же я на эти дни отпускаю. Хотя Иза и можетъ быть видима простыми смертными, но послѣ общенія съ ними она должна совершать особый обрядъ очищенія, почему и избѣгаетъ показываться кому-либо. Въ теченіе этого года, конечно, ей пришлось войти въ сношеніе съ людьми и завести знакомства, чтобы не вызвать толковъ, такъ какъ я все же еще принадлежу этому міру, но тотъ разъ она какъ бы совершенно воплотилась и приняла человѣческую оболочку, и очищеніе было произведено послѣ окончанія всего года. Тогда же она позволила написать свой портретъ. Если желаешь, то я попрошу Изу показаться и тебѣ.

— Конечно, желаю; во-первыхъ, мнѣ бы хотѣлось познакомиться съ женщиной, которая сдѣлала тебя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, а во-вторыхъ, согласись, что все, что ты разсказалъ, до того необычно съ нашей человѣческой точки зрѣнія, что вполнѣ естественно желать и доказательствъ.

— Хорошо, я постараюсь упросить Изу, но поклянись, что все, что ты слышалъ отъ меня, и все, что увидишь, ты сохранишь втайнѣ до моей смерти.

— Въ этомъ ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, и я охотно даю тебѣ требуемую клятву.

Приближались дни, когда должна была явиться на два дня Иза. Иволгинъ попросилъ меня переѣхать въ гостиницу, что я съ удовольствіемъ и исполнилъ, надѣясь, что и мнѣ удастся проникнуть въ домъ Иволгина въ теченіе этихъ двухъ дней его свиданія съ женой. Въ ожиданіи разрѣшенія Изы, Иволгинъ посовѣтовалъ мнѣ приготовиться къ свиданію: взять ароматическую ванну и ничего, кромѣ молока и меда, въ этотъ день не ѣсть,— что я, конечно, и исполнилъ. Но всѣ приготовленія на этотъ разъ были напрасны: Иза не хотѣла меня видѣть, а назначила свиданіе черезъ десять дней, желая произвести воплощеніе въ моемъ присутствіи, при чемъ она сказала Иволгину, что пробудетъ съ нами два часа.

Я переселился къ Иволгину. Наступилъ наконецъ назначенный день, накануне вечеромъ и въ этотъ день утромъ мы приняли ароматическія ванны и соблюдали нужную діэту.

Около восьми часовъ вечера мы перешли въ кабинетъ Изы. Иволгинъ, бывшій теперь въ образѣ принца Рама, такъ какъ на немъ былъ костюмъ древняго египтянина, распростерся передъ статуей богини, шепча молитвы, затѣмъ зажегъ нѣсколько свѣтильниковъ и совершилъ возліяніе ароматическимъ масломъ, отъ чего весь жертвенникъ и вся фигура богини были вскорѣ окутаны легкимъ облакомъ. Я не спускалъ съ жертвенника глазъ, не желая упустить момента появленія Изы. Продолжалось это всего нѣсколько минутъ. Мнѣ показалось, что среди облаковъ дыма появилась фигура; въ это время поднялся Иволгинъ и протянулъ руки, и я увидѣлъ, что на нихъ легли двѣ другія маленькія ручки, и черезъ мгновеніе Иволгинъ и Иза подошли ко мнѣ: я еле успѣлъ вскочить и поклониться Изѣ. Все произошло такъ быстро, что я не могъ ничего сообразить; поразила меня и красота Изы, такъ гармонировавшая съ ея великолѣпнымъ древне-египетскимъ одѣяніемъ. Она подошла ко мнѣ и съ улыбкою протянула руку, сказавъ: „Я рада видѣть у себя друга моего мужа и счастлива, что могу удовлетворить ваше желаніе меня видѣть“. (Иволгинъ служилъ переводчикомъ).

Эти два часа промелькнули очень быстро среди общаго разговора. Иза разспрашивала меня о Россіи, о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Египтомъ, но ни однимъ словомъ не обмолвилась о томъ таинственномъ мірѣ, въ которомъ жила сама, только передъ своимъ уходомъ спросила, долго ли я проживу у нихъ и не желаю ли я присутствовать на богослуженіи у сфинкса. Я, конечно, отвѣтилъ, что былъ бы чрезвычайно счастливъ видѣть это; тогда она дала мнѣ маленькій амулетъ, сказавъ, что онъ явится пропускомъ и дастъ мнѣ возможность все видѣть, такъ какъ для обыкновенныхъ смертныхъ остается все невидимымъ, хотя бы они и стояли въ самой толпѣ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ этого она протянула мнѣ руку и, крѣпко пожавъ ее, пожелала не соскучиться въ Каирѣ, затѣмъ, взявшись за руки съ Иволгинымъ, они простерлись передъ жертвенникомъ, послѣ чего она, положивъ руки на плечи мужа, поцѣловала его и исчезла, оставивъ послѣ себя легкій ароматъ незнакомаго для меня запаха.

Все было такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ таинственно, что я долго не могъ прійти въ себя, съ удивленіемъ глядя на полученный амулетъ, этотъ вещественный знакъ невещественнаго знакомства съ представительницею другого міра. Правда, послѣ церемоніи у сфинкса мнѣ пришлось возвратить амулетъ, но онъ пролежалъ у меня въ кошелькѣ больше мѣсяца, и я сдѣлалъ съ него фотографическій снимокъ, который цѣлъ у меня до сихъ поръ. Послѣ этого прошло уже много лѣтъ, однако я отчетливо представляю себѣ всѣ подробности свиданія съ Изой и не колеблясь могу сказать, что она дѣйствительно была среди насъ, и что это не былъ неосязаемый призракъ.

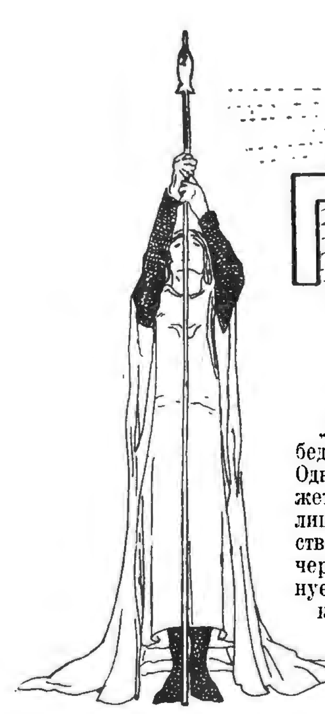
Черезъ мѣсяцъ мы съ Иволгинымъ отправились къ сфинксу, я устроился между его гигантскими лапами и подъ защитою амулета наблюдалъ красивую картину церемоніи, совершенно такую же, какъ описывалъ ее мнѣ Иволгинъ. Самъ же Иволгинъ присоединился къ ея участникамъ, и я видѣлъ его вмѣстѣ съ Изой среди толпы знатныхъ египтянъ, стоявшихъ вблизи главнаго жреца.

Я больше не видѣлъ Изы, хотя она постоянно передавала мнѣ черезъ Иволгина привѣтъ. Вскорѣ послѣ богослуженія у сфинкса я уѣхалъ. Провожая меня, Иволгинъ, по порученію Изы, передалъ фотографическій снимокъ съ ея портрета и маленькаго золотого жучка, за которымъ числилось нѣсколько тысячъ лѣтъ. Оба эти предмета свято хранятся у меня, какъ воспоминаніе о чудесахъ страны пирамидъ.

Иволгинъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, и я поддерживалъ съ нимъ дѣятельную переписку; онъ попрежнему былъ счастливъ и съ вѣрою въ будущую жизнь ожидалъ кончины. Такъ продолжалось около пяти лѣтъ, затѣмъ письма отъ него прекратились, и я, безпокоясь о немъ, поѣхалъ опять въ Каиръ. Тамъ я узналъ, что мой другъ скончался и погребенъ на каирскомъ христіанскомъ кладбищѣ, куда я и отправился. Могилу отыскать было не трудно, такъ какъ памятникъ на ней привлекалъ общее вниманіе: это была усѣченная пирамида изъ чернаго мрамора, съ одной стороны которой, въ глубокой нишѣ, стояла статуя богини Изиды изъ бѣлаго мрамора.

Вся обстановка дома, представлявшая археологическую цѣнность, была завѣщана музею съ тѣмъ, чтобы тамъ было устроено особое отдѣленіе, носившее имя принца Рама и принцессы Изы.

ПАРСИФАЛЬ



(Драма-мистерія Рихарда Вагнера).

Очеркъ **Евгенія Браудо.** (Съ 10 рис.).

„Парсифаль“ принято называть „лебединой пѣснью“ Рихарда Вагнера. Однако этотъ ходячій эпитетъ можетъ быть приложенъ къ мистеріи лишь съ большими оговорками. Дѣйствительно, только стоя у „послѣдней черты“, у порога великой тайны, именуемой смертью, Вагнеръ нашелъ законченныя художественныя формы для воплощенія тѣхъ идей и религіозныхъ правдъ, вдохновеннымъ проповѣдникомъ которыхъ онъ выступалъ всю свою жизнь. Но все же „Парсифаль“ содержитъ въ себѣ лишь самое возвышенное, самое глубокое разрѣшеніе проблемы искупленія любовью и состраданіемъ мірового Зла, которая является основнымъ идейнымъ мотивомъ всѣхъ драмъ Вагнера, отъ наивныхъ „Фей“ (1834) до „лебединой пѣсни“, законченной имъ въ 1882 году, включительно.

Излагая исторію постепеннаго возникновенія мистеріи, намъ приходится начать поэтому съ такого періода въ біографіи ея автора, когда Вагнеръ, увлеченный освободительными лозунгами 48 года, считалъ себя непримиримымъ противникомъ того чисто-христіанскаго міросозерцанія, на которомъ обосновывается вся идейная концепція „Парсифаля“. Какъ разъ въ сороковые годы, годы революціонныхъ бурь, Вагнеръ ознакомился впервые съ рыцарскимъ романомъ Вольфрама ф.-Эшенбаха, „Парциваль“, повѣстью о чистомъ юношѣ, прошедшемъ черезъ страданія къ нравственному очищенію и духовному совершенству. При изученіи этого дивнаго памятника нѣмецкой поэзіи (XIII в.) въ душѣ Вагнера зародились первыя смутныя очертанія мистеріи, художественная обработка которой была имъ закончена лишь черезъ тридцать два года. Непосредственно же обаяніе Вольфрамова „Парциваля“ сказалось на одной изъ наиболѣе крупныхъ работъ сороковыхъ годовъ, чрезвычайно любопытномъ эскизѣ большой пятиактной трагедіи „Іисусъ изъ Назарета“. Въ этомъ наброскѣ, содержавшемъ въ себѣ уже зачатки его позднѣйшей философіи мистическаго подвига, Вагнеръ пытается, подъ вліяніемъ Фейербаха, истолковать важнѣйшій моментъ христіанскаго ученія, идею Голгоөы, идею вольнаго распятія личнаго „я“, ради обновленія всего міра, какъ акта отчаянія Спасителя, „вызванный глубочайшимъ возмущеніемъ Его противъ безсердечной толпы“. Можно было бы провести не мало интересныхъ параллелей, сопоставляя отдѣльныя дѣйствующія лица въ этихъ двухъ, на первый взглядъ столь разнящихся другъ отъ друга, драматическихъ произведеніяхъ байрейтскаго мастера. Особенно любопытенъ одинъ общій обоимъ мотивъ, чрезвычайно характерный для Вагнера, который онъ намѣревался внести въ трагедію Христа: борьба чувственной любви къ Спасителю съ религіознымъ экстазомъ въ душѣ Маріи Магдалины, прообразъ тѣхъ тяжкихъ мукъ, какія впослѣдствіи будутъ терзать душу прагрѣшницы Кундри, жаждущей искупленія въ „Парсифалѣ“.

Однако мысль сдѣлать Христа главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ была впослѣдствіи оставлена Вагнеромъ. Съ ниспаденіемъ революціонной волны, для него наступаетъ время изгнанія и тяжелыхъ жизненныхъ лишеній. И только въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ поэтъ, найдя пріютъ у благородныхъ друзей своихъ, четы Везендонковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь прекрасной, чуткой женщины, вновь ощущаетъ въ душѣ своей живой родникъ глубокихъ творческихъ идей. Въ нѣсколько лѣтъ, безконечно важныхъ для исторіи музыки, находятъ завершеніе всѣ брошенные и незаконченные имъ планы драматическихъ произведеній. Въ 1854 году Вагнеръ дописываетъ послѣдніе такты „Валкиріи“, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ онъ приступаетъ къ сочиненію „Тристана и Изольды“ на сюжетъ, заимствованный имъ изъ нѣмецкой поэзіи XIII в. Вчитываясь въ старинныя книги, стараясь выявить ту общечеловѣческую правду, что таятъ въ себѣ легенды Средневѣковья, мастеръ вновь обращается къ эпосу Вольфрама ф.-Эшенбаха, плѣнившему его силой богоискательскаго паөоса, и въ творческомъ воображеніи его возникаетъ странная идея—ввести въ третій актъ этой трагедіи Парциваля. Тристанъ умираетъ въ глубокомъ одиночествѣ, искупая свою преступную страсть отреченіемъ отъ воли къ жизни, погруженіемъ въ царство великой Ночи. На предсмертные вопли его, развѣянные вѣтрами, къ смертельно раненому, но все еще горящему страстью Тристану приходитъ искатель божественной правды Парциваль, олицетворяющій собою высшую мудрость: мудрость міровой жалости. По свидѣтельству Глазенапа, наиболѣе авторитетнаго біографа Вагнера, въ первомъ, не дошедшемъ до насъ, эскизѣ „Тристана и Изольды“ Парциваль своимъ появленіемъ въ концѣ трагедіи завершалъ искупленіе въ этой поэмѣ любви и смерти.

„Тристанъ и Изольда“ была, какъ извѣстно, закончена безъ приведеннаго нами только-что варіанта. Требованіе внутренняго единства дѣйствія въ трагедіи не позволило, конечно, геніальному драматургу ввести въ заключительный актъ совершенно внезапно новое дѣйствующее лицо, являющееся лишь выразителемъ опредѣленной философской идеи, и Вагнеръ отказался отъ участія Парциваля въ своей драмѣ о Тристанѣ и Изольдѣ. Однако основная идея „Парсифаля“ — идея возрожденія человѣчества черезъ жалость, идея свободнаго отверженія начала чувственности во имя небесной правды—овладѣла окончательно творческой фантазіей Вагнера, чтобы выкристаллизоваться постепенно въ концепцію новой драмы.

Кундри предлагаетъ цѣлебное снадобье Амфортасу.
Рисунокъ Фр. Штассена.

Въ своихъ мемуарахъ мастеръ самъ разсказы-

Святой Граль. Рисунокъ Фр. Штассена.

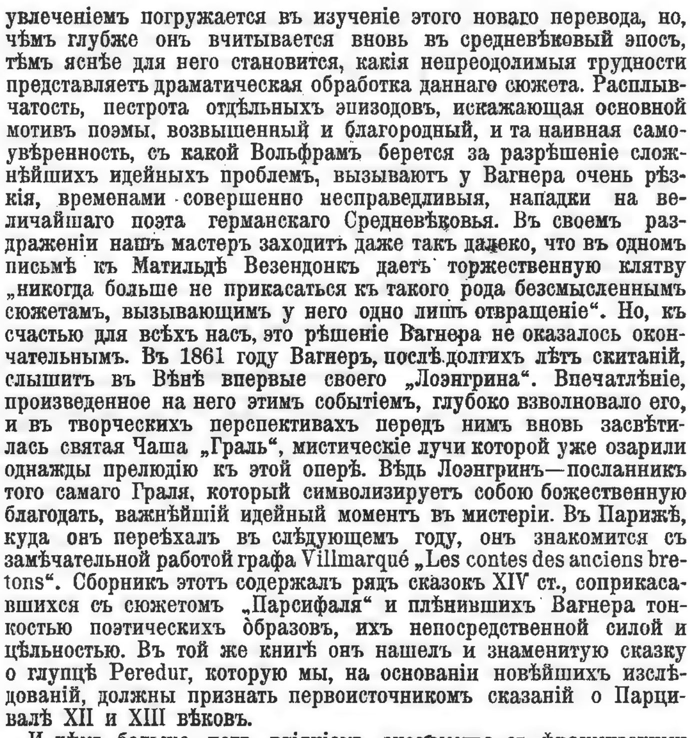
ваетъ, какъ внезапно его осѣнила мысль о мистеріи чистой, сострадающей любви.

Это было весной 1857 г., вскорѣ послѣ переѣзда въ небольшой домикъ, предоставленный въ распоряженіе творца „Тристана" четой Везендонковъ. „Утромъ въ Страстную пятницу я въ первый разъ проснулся въ своемъ новомъ жилищѣ, разбуженный яркимъ свѣтомъ солнечныхъ лучей. Садикъ мой весь расцвѣлъ. Пѣли птицы. Въ первый разъ я вышелъ на балконъ, чтобы насладиться долгожданной тишиной, полной мистическаго смысла. Въ такомъ настроеніи я вспомнилъ вдругъ, что сегодня Страстная пятница, вспомнилъ, какъ глубоко растрогали меня стихи Вольфрама въ „Парцивалѣ", посвященные этому дню. Со времени Маріенбада (т.-е. 1845 года), гдѣ я впервые задумалъ „Лоэнгрина" и „Мейстерзингеровъ", я никогда вообще не возвращался къ этой темѣ. Теперь я почувствовалъ идеальное значеніе словъ Вольфрама и, исходя отъ его мыслей, быстро сдѣлалъ первоначальный набросокъ трехъ-актной драмы".

Этотъ моментъ внутренняго ясновидѣнія,—моментъ, когда поэту дано было ощутить воплощеніе божественнаго начала въ явленіяхъ внѣшняго міра, который именно красотой формъ своихъ постоянно возбуждалъ въ Вагнерѣ наиболѣе тонкія и глубокія мистическія настроенія, — сразу опредѣлилъ собою весь характеръ послѣдней его драмы. Это гимнъ радостнаго искупленія высшимъ героизмомъ, гимнъ новаго утвержденія жизни, прекрасной и цвѣтущей, созерцаемой сквозь призму Божества.

Путь восхожденія къ обители Монсальвата. Рисунокъ Фр. Штассена.

Итакъ, основная идея драмы-мистеріи была дана Вагнеру геніальной интуиціей, и рыцарскій романъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха дѣлается отнынѣ постояннымъ спутникомъ его во всѣхъ скитаніяхъ. Въ началѣ 1859 года его нѣжный другъ, Матильда Везендонкъ, вдохновительница всего прекраснаго и геніальнаго, что было написано Вагнеромъ въ пятидесятые годы, присылаетъ ему въ подарокъ только-что вышедшій во второмъ изданіи переводъ „Парциваля" Сенъ-Мартэ на современный нѣмецкій языкъ, съ обширными комментаріями этого ученаго. Вагнеръ съ большимъ



увлеченіемъ погружается въ изученіе этого новаго перевода, но, чѣмъ глубже онъ вчитывается вновь въ средневѣковый эпосъ, тѣмъ яснѣе для него становится, какія непреодолимыя трудности представляетъ драматическая обработка даннаго сюжета. Расплывчатость, пестрота отдѣльныхъ эпизодовъ, искажающая основной мотивъ поэмы, возвышенный и благородный, и та наивная самоувѣренность, съ какой Вольфрамъ берется за разрѣшеніе сложнѣйшихъ идейныхъ проблемъ, вызываютъ у Вагнера очень рѣзкія, временами совершенно несправедливыя, нападки на величайшаго поэта германскаго Средневѣковья. Въ своемъ раздраженіи нашъ мастеръ заходитъ даже такъ далеко, что въ одномъ письмѣ къ Матильдѣ Везендонкъ даетъ торжественную клятву „никогда больше не прикасаться къ такого рода безсмысленнымъ сюжетамъ, вызывающимъ у него одно лишь отвращеніе". Но, къ счастью для всѣхъ насъ, это рѣшеніе Вагнера не оказалось окончательнымъ. Въ 1861 году Вагнеръ, послѣ долгихъ лѣтъ скитаній, слышитъ въ Вѣнѣ впервые своего „Лоэнгрина". Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ событіемъ, глубоко взволновало его, и въ творческихъ перспективахъ передъ нимъ вновь засвѣтилась святая Чаша „Граль", мистическіе лучи которой уже озарили однажды прелюдію къ этой оперѣ. Вѣдь Лоэнгринъ—посланникъ того самаго Граля, который символизируетъ собою божественную благодать, важнѣйшій идейный моментъ въ мистеріи. Въ Парижѣ, куда онъ переѣхалъ въ слѣдующемъ году, онъ знакомится съ замѣчательной работой графа Villmarqué „Les contes des anciens bretons". Сборникъ этотъ содержалъ рядъ сказокъ XIV ст., соприкасавшихся съ сюжетомъ „Парсифаля" и плѣнившихъ Вагнера тонкостью поэтическихъ образовъ, ихъ непосредственной силой и цѣльностью. Въ той же книгѣ онъ нашелъ и знаменитую сказку о глупцѣ Peredur, которую мы, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, должны признать первоисточникомъ сказаній о Парцивалѣ XII и XIII вѣковъ.

И чѣмъ больше подъ вліяніемъ знакомства съ французскими источниками высвѣтлялся въ его творческой фантазіи образъ Парциваля, по-новому сильный и цѣльный, на планъ драматическаго замысла мистеріи выступаетъ, по закону внутренней діалектики, присущей творческому генію Вагнера, фигура искусительницы чистаго простеца, прагрѣшницы, въ образѣ которой онъ воплотилъ вѣчную трагедію женской любви, соединяющей жажду искупленія съ инстинктомъ чувственности, изначальнымъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ страданій. Это—Кундри, одна изъ сложнѣйшихъ художественныхъ интуицій Вагнера, ликъ женщины, который приходится разгадывать по отдѣльнымъ чертамъ, чтобы получить въ концѣ концовъ агломератъ идей и символовъ, уводящихъ насъ въ область безбрежныхъ замысловъ народнаго творчества.

Различныя легенды слились воедино при созданіи этого глубочайшаго воплощенія вѣчно-женскаго въ искусствѣ. Сначала Кундри была для Вагнера лишь дикой волшебницей, несущей съ собой вѣчное проклятіе искушенія, „міровой демонической женщиной", какъ называетъ онъ ее въ письмѣ къ Матильдѣ Везендонкъ. Ея чары околдовали, согласно французскимъ источникамъ, многихъ рыцарей, но разбились о святую чистоту Парциваля. Когда же непорочный юноша, устоявшій противъ плотскихъ вожделѣній, завершаетъ свой подвигъ искупленія—Кундри, какъ кающаяся Марія Магдалина, склоняетъ предъ

нимъ колѣни, чтобы омыть его ноги. Къ евангельскому прообразу въ мистеріи примѣшиваются еще черты Иродіады Саломеи, воспылавшей преступной страстью къ Іоанну Предтечѣ, и Агасеера, Вѣчнаго Жида. Кундри, по замыслу Вагнера, оскорбила нечистымъ смѣхомъ крестныя муки Христа. Но взоръ Іисуса упалъ на нее, и съ того дня она блуждаетъ изъ вѣка въ вѣкъ, чтобы снова встрѣтить взоръ Его и получить прощеніе у Того, Кого она оскорбила по своему безумію.

И когда въ дивной концентраціи всѣхъ сторонъ своего творческаго генія Рихардъ Вагнеръ сумѣлъ включить въ одинъ кругъ эти борющіяся другъ съ другомъ силы женственнаго—наиболѣе сложная, трудная часть работы надъ эскизомъ „Парсифаля" была закончена, и ему оставалось лишь ждать стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы эти подготовительные матеріалы, столь долго бродившіе въ его творческой фантазіи, отлились наконецъ въ ясныя, точныя, драматическія формы. Въ 1864 г., какъ извѣстно, Вагнеръ былъ приглашенъ юнымъ королемъ Баварскимъ въ Мюнхенъ. Одной изъ первыхъ работъ, сдѣланныхъ поэтомъ для царственнаго его покровителя, который въ интимномъ кругу носилъ имя Парсифаль, былъ эскизъ мистеріи, первый полный эскизъ ея, дошедшій до насъ. Этотъ эскизъ содержитъ въ себѣ все то, что впослѣдствіи возвѣщено было Вагнеромъ человѣчеству въ текстѣ „Парсифаля", выработанномъ имъ окончательно въ 1877 году. Музыка же мистеріи была закончена мастеромъ лишь въ 1882 году, за годъ до его внезапной кончины въ Венеціи.

По геніальной простотѣ общаго плана и рельефности драматическихъ контрастовъ „Парсифаль"—наиболѣе стройное въ сценическомъ отношеніи произведеніе Вагнера. Подобно тому, какъ „Кольцо Нибелунга" рисуетъ намъ столкновеніе между двумя

Страданія Амфортаса. Рисунокъ Фр. Штассена.

враждебными мірами свѣтлыхъ боговъ Валгаллы и мрачныхъ обитателей пещеръ, такъ „Парсифаль" изображаетъ рѣшительную борьбу между двумя противоположными началами Добра и Зла, между царствомъ Граля и волшебнымъ зàмкомъ отверженнаго кудесника Клингзора.

Святой Граль, по объясненію самого Вагнера,—глубочайшій мистическій символъ, созданный народнымъ творчествомъ. Это—чудесная Чаша, которая была наполнена виномъ во время Тайной Вечери, и въ которую Іосифъ Аримаѳейскій собралъ потомъ пролившуюся Кровь Христову. Въ тревожные дни, когда „коварство и сила жестокихъ враговъ угрожали царству чистой вѣры", св. Чаша была принесена ангелами съ неба и довѣрена вмѣстѣ съ другой реликвіей, копьемъ Лонгина, коимъ прободено было Тѣло Распятаго, французскому королю Титурелю. Для охраны святыни король построилъ на высокой горѣ Монсальватъ великолѣпный храмъ, собравъ здѣсь для служенія Чашѣ орденъ благочестивыхъ рыцарей. Для нихъ святой Граль былъ не только предметомъ религіознаго поклоненія, но, въ силу особыхъ чудодѣйственныхъ свойствъ, давалъ имъ пищу, которая была необходима для поддержанія жизни. Погружаясь каждый день въ созерцаніе Граля, рыцари пріобщались къ вѣчному источнику жизни, такъ какъ достаточно было узрѣть святую Чашу, чтобы смерти жало было безсильно сразить того, кто служилъ святынѣ. Ея присутствіе защищало рыцарей отъ нападенія враговъ, ибо никто не могъ найти дороги къ священной горѣ, если не былъ чистъ сердцемъ, и если Богъ не считалъ его достойнымъ вступить въ орденъ. Однако рыцари Граля не замыкались въ созерцательной жизни. Они сражались за торжество справедливости, ради блага страждущихъ подвергая себя опасностямъ и искушеніямъ, такъ что вся жизнь ихъ была борьбой съ грѣхомъ и насиліемъ.

У подножія Монсальвата, въ роскошной долинѣ, среди обаятельно красивыхъ цвѣтниковъ и рѣдкихъ растеній, высится зàмокъ Клингзора. Проклятіе тайныхъ злодѣяній тяготѣетъ на немъ. Когда-то онъ захотѣлъ искупить свои грѣхи и вступить въ основанное Титурелемъ братство св. Граля. Лишенный душевной чистоты, онъ не нашелъ другого средства побѣдить свои чувственныя вожделѣнія, какъ оскопивъ себя. Возмущенное братство отвергло человѣка, стремившагося добиться доступа на священную гору такимъ отвратительнымъ поступкомъ. Взбѣшенный Клингзоръ, знакомый съ магіей, строитъ тогда рядомъ съ храмомъ Граля свой зàмокъ, въ стѣнахъ котораго живутъ прелестныя обольстительницы - дѣвы, заманивающія рыцарей во владѣнія волшебника.

Парсифаль и священный лебедь. Рисунокъ Фр. Штассена.

Разъ поддавшись обольщенію и женскимъ чарамъ, послѣдніе навсегда погибали для Граля и священнаго служенія.

Одинъ изъ сыновей Титуреля, Амфортасъ, которому престарѣлый отецъ передалъ королевскую власть на Монсальватѣ, рѣшается разрушить злыя чары Клингзора. Но и онъ не въ силахъ устоять передъ обольщеніями знойной чувственности. Демонически прекрасная женщина прельстила его, и когда упоенный ея чарами, онъ выпускаетъ копье Лонгина, хранить которое ему повелѣлъ его отецъ, Клингзоръ схватываетъ священное оружіе и наноситъ имъ Амфортасу глубокую рану. Поддерживаемый своими вѣрными рыцарями, Амфортасъ возвращается на Монсальватъ. Но горе, отчаяніе вселяются отнынѣ подъ чертогами Гралева храма. Ни цѣлебныя травы ни любовь и преданность рыцарей ордена не могутъ облегчить страданій раненаго властителя Граля. И вотъ однажды, когда Амфортасъ склонился въ горячей молитвѣ передъ св. Чашей, на краю ея появилась слѣдующая пророческая надпись:

Чрезъ жалость мудръ онъ,
Святой простецъ.
Жди его:
Онъ—мой гонецъ. (пер. В. Чешихина).

На этомъ пророчествѣ зиждется все драматическое построеніе мистеріи, и всѣ событія, происходящія въ ней, являются лишь отдѣльными моментами осуществленія пророческихъ словъ.

Кундри соблазняетъ Парсифаля. Рисунокъ Фр. Штассена.

чрезъ жалость чистый простецъ, имѣющій прійти въ міръ, сдѣлается мудрымъ и свершитъ подвигъ искупленія.

Въ первомъ актѣ въ душѣ юноши, чистаго, простого, пробуждается жалость. Во второмъ—чувство жалости ведетъ его къ мудрому познанію. Въ третьемъ дѣйствіи простецъ дѣлается цѣлителемъ ранъ короля.

На разсвѣтѣ, когда король купался въ священномъ озерѣ, надъ водной поверхностью проносится стрѣла—и раненый лебедь медленно падаетъ наземь. Кто-то совершилъ неслыханный тяжкій проступокъ въ этой священной обители, гдѣ всѣ животныя посвящены божеству. Нѣсколько рыцарей въ гнѣвѣ бросаются къ озеру, хватаютъ осквернителя святыни и ведутъ его къ сѣдому мудрому Гурнеманцу, старому хранителю Граля и наставнику ордена. Самого „преступника“, еще не вѣдающаго того грѣха, что онъ сотворилъ, характеризуетъ свѣжій, великолѣпный по своей наивности и цѣльности, лейтъмотивъ въ валторнахъ. Гурнеманцъ разспрашиваетъ юношу объ его имени и происхожденіи, но мальчикъ не можетъ отвѣтить ни на одинъ изъ вопросовъ. Онъ чистый простецъ, отдающійся только своимъ непосредственнымъ переживаніямъ и почти ничего не знающій о внѣшнемъ мірѣ, его окружающемъ. Только при воспоминаніи о матери мы въ оркестрѣ слышимъ мягкую трогательную мелодію, посвященную Герцелейдѣ, давшей ему жизнь и отъ горя въ разлукѣ съ нимъ умершей.

Страстная Пятница. Кундри и Парсифаль.

Смутно предчувствуя, что юноша есть именно тотъ простецъ, пришествіе котораго было предсказано святой Чашей, Гурнеманцъ обнимаетъ его и уводитъ съ собой. Въ это время декораціи на сценѣ начинаютъ постепенно мѣняться. Парсифалю кажется, что онъ идетъ какъ во снѣ, что все окружающее движется ему навстрѣчу. Лѣсъ незамѣтно смѣняется горными ущельями, дикими скалами. Музыка во время превращеній декорацій тактъ за тактомъ слѣдуетъ за неожиданной смѣной картинъ, символизирующихъ тотъ трудный путь, какой приходится пройти всѣмъ, кто стремится къ чистымъ высотамъ Вѣры и Любви. Наконецъ Парсифаль входитъ въ величественную залу, трапезную Граля, въ которой высится алтарь, озаряемый свѣтомъ, льющимся изъ византійскаго купола. Длинной вереницей входятъ попарно рыцари въ бѣлыхъ одеждахъ съ красными мантіями. На носилкахъ вносятъ страждущаго короля, за нимъ отроки въ голубыхъ одѣяніяхъ несутъ св. Чашу, помѣщенную въ драгоцѣнномъ ковчегѣ.

Изъ средней галлереи храма раздается скорбный хоръ юношей, который я беру на себя смѣлость назвать глубочайшимъ религіознымъ откровеніемъ въ музыкѣ, и, какъ небесное утѣшеніе, съ предѣльныхъ высотъ купола несется пѣніе дѣтей, безконечно чистое, божественныя гармоніи котораго дышатъ духомъ Палестрины.

Мы погружаемся въ атмосферу, насыщенную ароматомъ глубокой мистики, почти переходящую въ религіозныя галлюцинаціи. То неземное горѣніе экстаза, когда волна чувства выноситъ на своемъ гребнѣ почти реальные образы, когда на глазахъ вѣрующихъ совершается чудо, запечатлѣно въ этой дивной сценѣ, одной изъ наиболѣе прекрасныхъ во всей музыкальной литературѣ. Рыцари въ глубокомъ молчаніи занимаютъ мѣста за столами.

Изъ глубины храма раздается старческій голосъ. Это голосъ Титуреля, живого во гробу, пока ему дано лицезрѣть Граль. Онъ призываетъ своего сына Афмортаса къ священному служенію. Послѣдній, блѣдный, изнемогающій отъ нравственныхъ и физическихъ страданій, дрожащими руками, ласкавшими когда-то прагрѣшницу и осквернившими святыню, подымаетъ хрустальную Чашу, которая начинаетъ все ярче пламенѣть, мягко освѣщая храмъ багрянымъ сіяніемъ. Помавая Гралемъ, король совершаетъ таинство претворенія хлѣба и вина, насыщающихъ рыцарей.

Парсифаль внимательно прислушивается ко всему происходящему въ храмѣ, не выдавая однако ни словомъ ни движеніемъ своего отношенія къ тому, чего свидѣтелемъ ему пришлось быть. Только въ одномъ мѣстѣ—при видѣ тяжелыхъ страданій Амфортаса—онъ судорожно хватается за сердце. Этотъ лаконичный жестъ, сопровождаемый въ оркестрѣ мотивомъ изъ „хора братской трапезы“, имѣетъ громадное психологическое значеніе. Онъ показываетъ, что въ сердцѣ юноши начинаетъ смутно зарождаться чувство состраданія,—то чувство, которое приведетъ его къ высшей мудрости, къ высшей побѣдѣ. Но Парсифаль еще совершенно не умѣетъ выражать словами того, что онъ чувствуетъ. Гурнеманцъ, разгнѣванный кажущейся тупостью и безучастіемъ юноши, выталкиваетъ его изъ храма, въ то время какъ одинокій альтъ съ высоты купола еще разъ произноситъ слова о „простецѣ, мудромъ черезъ жалость“. Хрустально-чистый дѣтскій хоръ интонируетъ дивную тему св. Чаши, величественный раздается звонъ колоколовъ, и на эѳирныхъ трезвучіяхъ медленно закрывается занавѣсъ, оставляя въ душѣ чувство примиренности и абсолютной красоты умолкшихъ звуковъ.

... Мы у подножія Монсальвата, у стѣнъ волшебнаго зáмка Клингзора. Изъ перваго дѣйствія мы знаемъ о Парсифалѣ лишь то, что онъ простецъ, чистый сердцемъ, но ничего не указываетъ намъ на возможность осуществленія пророчества. Второй актъ рисуетъ испытанія Парсифаля. Поэтъ ведетъ чистаго юношу по тайнымъ тропамъ въ царство демонскихъ соблазновъ, ядовитаго разлива эротическихъ чувствъ. Черезъ испытаніе чувственностью долженъ пройти онъ ради возвышенія той внутренней правды, той искупительной миссіи, которая возложена на него велѣніемъ Граля.

Храмъ св. Граля.

Въ кошмарныя глубины волшебнаго царства переноситъ насъ прелюдія ко второму акту. Притушенныя краски, мрачныя гармоніи, отсвѣчивающія фосфорическимъ блескомъ, вулканическіе взрывы страстей бушуютъ въ этой симфонической картинѣ.

Надъ музыкой вступленія господствуетъ геніальный мотивъ Клингзора. Извиваясь въ демоническомъ вызовѣ, въ насмѣшкахъ надъ святостью Граля, онъ устремляется по хроматическимъ волшебнымъ ходамъ къ другому мотиву, призванному сыграть важнѣйшую роль въ трагедіи искушенія. Это—мотивъ Кундри, той самой прагрѣшницы и вѣстницы Граля, образъ которой все время волновалъ творческое воображеніе Вагнера — съ самаго момента первоначальныхъ подготовительныхъ работъ къ этой величайшей драмѣ-мистеріи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Школа народнаго искусства.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

У каждаго народа есть свое національное народное искусство, выросшее съ незапамятнаго времени въ глубинахъ народной души и вкоренившееся въ самую жизнь народа. Это искусство— обычно примитивное и чуждое какой-либо „школы"—однако почти всегда поражаетъ своей самобытной красотой, своей естественностью и близостью къ тому, что мы называемъ художественной правдой. Старинная архитектура, старинная иконопись, старинная орнаментика всегда привлекали и привлекаютъ вниманіе знатоковъ искусства и все чаще и чаще вызываютъ въ себѣ любовное и заботливое отношеніе, выражающееся въ старательномъ собираніи предметовъ стариннаго искусства и въ охранѣ старинныхъ памятниковъ искусства.

Нашей родинѣ есть чѣмъ похвастаться по части народнаго искусства. Было время, когда въ Московскомъ государствѣ процвѣтали на рѣдкость художественныя вышивки, кружевныя плетенія, золотое и серебряное шитье. Эти издѣлія отличались рѣдкой красотой и самобытностью въ своей орнаментикѣ. Потомъ это старо-русское искусство какъ-то сошло на нѣтъ, вытѣснилось фабричнымъ производствомъ и заграничными издѣліями, и образцы стариннаго народнаго искусства остались лишь въ музеяхъ и монастырскихъ ризницахъ.

Единственно кто еще пытался и пытается сохранить національнымъ въ нашемъ народномъ искусствѣ, это — кустари. Кустарныя работы въ этомъ отношеніи являются отголоскомъ доброй русской старины: кустари вносятъ въ свои работы нѣчто непосредственно, національное. Но безвкусныя фабричныя работы и образцы слишкомъ распространены въ народѣ, кустари невольно подражаютъ имъ и портятъ свой истинный художественный вкусъ этими антихудожественными образцами. Народное искусство нашего времени, задавленное вопіющей безвкусицей фабричнаго производства, слишкомъ уже отошло отъ прелестныхъ образцовъ художественной старины.

Это обстоятельство привлекло къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, которыя совершенно справедливо рѣшили, что необходимо отдать народу то, что мы взяли у него въ свои музеи. Результатомъ такого рѣшенія и взгляда на дѣло явилось основаніе въ Петербургѣ особой „Школы народнаго искусства", возникшей по мысли и волѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны и состоящей въ числѣ учрежденій Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Задачею „Школы народнаго искусства" является подготовка мастерицъ-инструкторшъ по разнообразнымъ отдѣламъ кустарной художественной промышленности. Эти мастерицы, по окончаніи школьнаго курса, ознакомясь съ художественными музейными образцами и съ техникой того или иного производства (ковроваго, золотошвейнаго, кружевного и т. п.), должны потомъ руководить работами кустарей на мѣстахъ, въ центрахъ кустарныхъ промысловъ, и, оказывая на современное кустарное производство художественное вліяніе въ духѣ чисто-народнаго искусства, содѣйствовать возрожденію исчезающихъ старинныхъ работъ.

Школа народнаго искусства. Ковроно-ткацкая мастерская.

Школа возникла при содѣйствіи В. В. Бельгардъ, В. П. Шнейдеръ, И. Ц. Ямпольскаго и другихъ лицъ. Что касается средствъ, то первыя 2.000 р. были пожертвованы Августѣйшей Основательницей школы, Государыней Императрицей Александрой Θеодоровной. Затѣмъ были получены 11.000 р. отъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Помѣщеніе для школы нашлось въ зданіи ремесленныхъ мастерскихъ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ (по Демидову переулку). Тамъ и состоялось 13 января 1911 года открытіе „Школы народнаго искусства". Этотъ день считается днемъ возникновенія школы, но правильныя занятія въ ней удалось начать только 11 января 1912 года. Въ этотъ день молодая школа, въ которой тогда было пока всего еще 9 учениць, начала свою дѣятельность и проведеніе въ жизнь своей программы.

Позднѣе школа была переведена въ болѣе удобное и просторное помѣщеніе бывшей Государственной типографіи на Инженерной улицѣ, по сосѣдству съ Музеемъ Императора Александра III. Это сосѣдство, разумѣется, принесло великую пользу школѣ: ученицы школы получили теперь возможность часто бывать въ Музеѣ и изучать тамъ образцы русской художественной старины.

При школѣ имѣются слѣдующія учрежденія учебно-показательнаго характера: рисовальные классы, ковроно-ткацкая мастерская, образцовая учебная красильная мастерская и вышивальная мастерская. Всѣ эти учрежденія поставлены въ полномъ смыслѣ слова образцово, такъ что ученицы имѣютъ полную возможность самымъ тщательнымъ и всестороннимъ образомъ изучать ту или иную отрасль производства какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи.

Въ особенности тщательно поставлено рисованіе: ученицы обучаются дѣлать съемки съ натуры, и вообще у нихъ развиваются сообразительность и способность личнаго творчества въ смыслѣ умѣнья комбинировать узоры и орнаменты. Много вниманія удѣляется также и ткацко-ковровому производству, и ковровыя работы, исполненныя уче-

Школа народнаго искусства. Коверъ, исполняемый ученицами школы для М. К. Якунчиковой.

ницами школы, уже успѣли завоевать извѣстность въ художественно-промышленныхъ кругахъ. Нельзя не упомянуть также и о вышивальной мастерской, которая поставлена такъ блестяще, что въ нее прiѣзжаютъ „поучиться“ монахини-вышивальщицы изъ различныхъ монастырей. А ужъ, кажется, монастыри наши славятся своими рукодѣльями!

При школѣ имѣется также небольшой магазинъ. Руководители школы сочли необходимымъ по возможности дольше сохранять связь между школой и ея ученицами и дать имъ возможность не только пользоваться художественнымъ руководствомъ школы, но и ея помощью по сбыту работъ. Оборотъ магазина въ истекшемъ году достигъ 30.000 р.

Наконецъ при школѣ имѣется и общежитiе для ученицъ. Ученицы живутъ тамъ на всемъ готовомъ, при чемъ съ нихъ взимается всего 120 р. въ годъ, считая въ этой суммѣ и плату за обученiе.

Въ началѣ 1912 года въ школѣ числилось 23 ученицы. Изъ нихъ въ вышивальномъ и кружевномъ отдѣленiяхъ—11, а въ ткацкомъ—12. Осенью того же года въ школу было принято еще 20 ученицъ, такъ что общее число ихъ возросло до 43. Ученицы съѣхались изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россiи: и съ сѣвера (Архангельская губернiя) и съ юга (Кiевская). По сословiю подавляющее большинство изъ нихъ — крестьянки (28 ученицъ), остальныя — мѣщанки, казачки, дворянки (двѣ ученицы), а также изъ купеческаго и духовнаго сословiя. По образованiю большинство окончило церковно-приходскую школу, но имѣются и окончившiя курсъ прогимназiи. Возрастъ ученицъ колебался между 14 и 25 годами.

Составъ ученицъ такимъ образомъ довольно

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почившему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ С.-Петербургѣ 12 января с. г. Группа знаменосцевъ-славянъ.

пестрый, и объединяетъ ихъ преимущественно сама школа съ ея строго разработанной программой и не менѣе строго проводимой въ жизнь тенденцiей оживотворить и поднять на былую высоту старинное русское народное искусство. Въ этомъ отношенiи школа уже достигла хорошихъ результатовъ, и можно быть увѣреннымъ, что въ будущемъ ей удастся достичь еще болѣе блестящихъ результатовъ.

„Школа народнаго искусства“ „взятое отъ народа“, вѣковое и почти уже умершее для самого народа, похороненное въ музеяхъ-сокровищницахъ старинныхъ монастырей, возвращаетъ обратно народу при посредствѣ обучаемыхъ ею инструкторшъ. Наши кустари и безъ того уже успѣли завоевать симпатiи и сочувствiе всего культурнаго мiра. Теперь, когда ихъ работа будетъ обновлена вѣковыми красотами самобытнаго творчества, они несомнѣнно привлекутъ къ себѣ еще большее вниманiе. И внѣдренная въ ихъ трудъ старо-русская вѣчно живая красота, благородная и строго-прекрасная въ своихъ проявленiяхъ, вольетъ въ нихъ новую жизнь.

Этому доброму дѣлу призвана служить „Школа народнаго искусства“ — и вотъ уже третiй годъ она служитъ ему вѣрой и правдой.

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почившему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ С.-Петербургѣ 12 января с. г. Группа на пьедесталѣ памятника: Августѣйшiй Генералъ-Фельдмаршалъ и его сподвижники въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг.: въ Бозѣ почившiй Императоръ Александръ III (тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ), генералы Гурко и Радецкiй.

По фот. К. Булла.

Къ рисункамъ.

Пришла масленичная недѣля съ шумомъ, звономъ бубенцовъ, съ пѣнiемъ и плясками. Пьеро и Пьеретты, Коломбины и Арлекины — герои и героини западнаго Карнавала—танцуютъ, свистятъ въ дудки, ухаживаютъ другъ за другомъ, смѣшно ссорятся и весело мирятся. Съ такимъ же звономъ и шумомъ пируетъ и русская широкая Масленица: несутся разукрашенныя санки, бѣгутъ изъ дома въ домъ смѣш-

Крестъ, установленный экспедиціей капитана 2-го ранга Вилькицкаго на островѣ Беннета въ память погибшихъ изслѣдователей острова: барона Э. Толя, астронома Зеберга и двухъ проводниковъ-якутовъ.

Берегъ Острова Цесаревича Алексѣя.

Пловучая ледяная гора у Земли Императора Николая II. Высота горы надъ водою около семи саженъ, въ глубину подъ водою—50-60 саженъ.

Видъ Земли Императора Николая II.

Подъемъ и укрѣпленіе національнаго флага на Землѣ Императора Николая II.

Земля Императора Николая II и Островъ Цесаревича Алексѣя, открытые въ 1913 г. въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ экспедиціей подъ командой капитана 2-го ранга Вилькицкаго. По фот. Бернштейна.

ные и уродливые ряженые, катаются послѣ блиновъ на тройкахъ важные купцы и купчихи. Пахнетъ жаренымъ масломъ, горячимъ тѣстомъ. Широкая Масленица пришла.

Объ этой веселой недѣлѣ говорятъ изящныя картины Ж. Сеньяка („*Пьеро-побѣдитель*“), Д. Эчевери („*Подъ маской*“) и нашихъ русскихъ художниковъ Ѳ. Сычкова „*На Масленицѣ*“ и В. Пчелина „*Первый блинъ*“. Авторъ этой послѣдней картины въ декабрѣ истекшаго года праздновалъ 25-лѣтіе своей художественной дѣятельности. Сравнительно еще молодой художникъ, В. Н. Пчелинъ уже пользуется широкой извѣстностью. Воспитанникъ московскаго Училища Живописи и Ваянія,онъ еще въ училищѣ получилъ три серебряныхъ медали за свои картины. Позднѣе онъ былъ ученикомъ И. Е. Рѣпина, а затѣмъ работалъ за границей (въ Парижѣ), гдѣ одна изъ его картинъ („Цвѣточница“) была

награждена золотою медалью. Кисти В. Н. Пчелина принадлежитъ цѣлый рядъ картинъ въ области жанра. Кромѣ воспроизводимой въ настоящемъ № „Нивы“ его картины „Первый блинъ“, пользуются извѣстностью его послѣдпія работы: „Ночь подъ Рождество“, „Цвѣты“, „Отрокъ Спаситель“, портретъ отца Ф. И. Шаляпина и „Разлука“. Эта послѣдняя картина, проникнутая тихой поэзіей скорби и одиночества, также воспроизведена въ настоящемъ № „Нивы“.

Новыя русскія владѣнія.

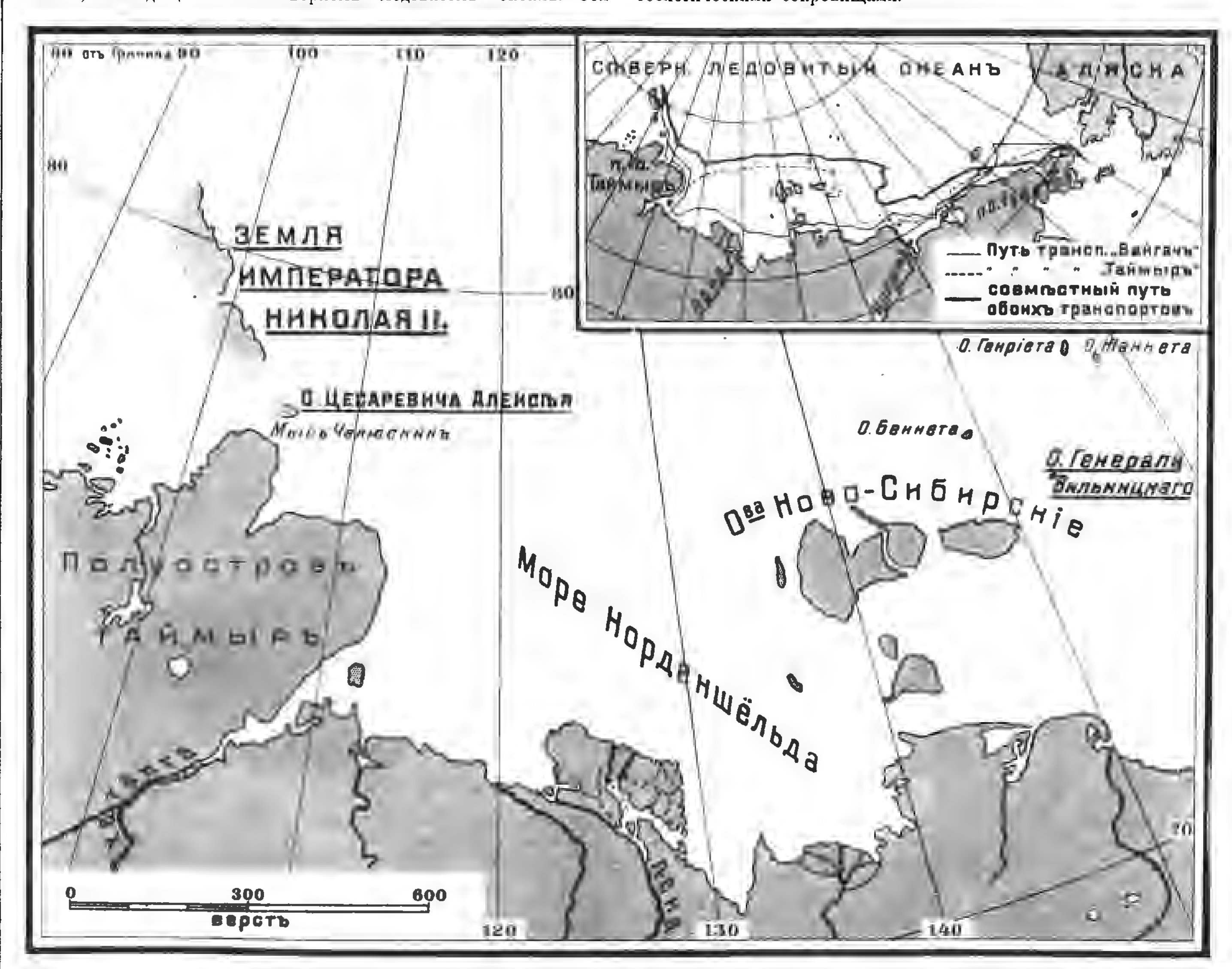
(Съ 5 рис. и картой на стр. 117 и 118).

Наши читатели уже знакомы съ интересными очерками Н. Кириченко „У полярнаго круга“ („Нива 1913 г.), объ экспедиціи (въ составѣ двухъ ледоколовъ „Таймыръ“ и „Вайгачъ“), открывшей и присоединившей къ русскимъ владѣніямъ новыя земли, находящіяся въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Эти острова“ не были помѣчены. 20 августа въ 3 часа дня экспедиція увидѣла на горизонтѣ низменный островъ. „Вайгачъ“ приступилъ къ описанію его южнаго берега, а „Таймыръ“—восточнаго и сѣвернаго. Островъ этотъ, довольно большой по своей площади, получилъ названіе „Острова Цесаревича Алексѣя“.

22 августа съ утра были замѣчены очертанія высокихъ горныхъ массивовъ новой невѣдомой земли. Оба судна пристали къ крутымъ берегамъ. Въ шесть часовъ вечера Б. А. Вилькицкій объявилъ собравшимся экипажамъ о присоединеніи этой новой земли къ владѣніямъ Его Императорскаго Величества, поздравилъ команду съ открытіемъ, и вслѣдъ затѣмъ при крикахъ „ура“ былъ поднятъ здѣсь національный флагъ.

Поверхность новооткрытой земли, названной „Землею Императора Николая II“, была опредѣлена въ 350 верстъ.

Земли эти, присоединенныя къ владѣніямъ русской короны, еще не изслѣдованы детально, но богаты фауной и, быть-можетъ геологическими сокровищами.



Карта новыхъ русскихъ владѣній въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ—Земли Императора Николая II и Острова Цесаревича Алексѣя—и пути экспедиціи „Таймыра“ и „Вайгача“, открывшихъ новыя земли.

земли, какъ извѣстно, получили названіе „Земли Императора Николая II“ и „Острова Цесаревича Алексѣя“.

26 іюня истекшаго года „Таймыръ“ и „Вайгачъ“, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкаго, вышли изъ Владивостока въ Петропавловскъ и далѣе въ Ледовитый океанъ для производства различныхъ измѣрительныхъ работъ. Но помимо этихъ скромныхъ работъ, экспедиціи выпала большая честь раскрыть одну изъ географическихъ тайнъ этого океана. На пути экспедиціи открылись таинственные острова, населенные одними только бѣлыми медвѣдями и моржами. На картахъ „таинственные

На обратномъ пути экспедиція 5 сентября подошла къ острову Беннета, гдѣ нѣкогда нашли безвременную гибель изслѣдователи этого острова: баронъ Э. Толь, астрономъ Зебергъ и проводники-якуты. Команды „Таймыры“ и „Вайгача“ изготовили крестъ и поставили его на островѣ въ память погибшихъ изслѣдователей. На островѣ были отысканы коллекціи барона Толя и доставлены на суда экспедиціи.

Такимъ образомъ наша родина обогатилась новымъ земельнымъ приращеніемъ, а наука — новыми естественно-историческими данными.

Высочайшія назначенія.

Статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Горемыкинъ* назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ съ оставленіемъ статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

Товарищъ Министра Торговли и Промышленности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Баркъ* назначенъ Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ.

(Высочайшіе Приказы по Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 30 января 1914 г.)

Статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *графъ Коковцовъ*, согласно прошенію, по разстроенному здоровью уволенъ отъ должностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ, съ оставленіемъ статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барка.

Петръ Львовичъ. Съ Божіей помощью совершенное Мною въ минувшемъ году путешествіе по нѣсколькимъ великорусскимъ губерніямъ дало Мнѣ возможность непосредственно ознакомиться съ жизненными нуждами окружавшаго меня народа. Съ отрадою въ душѣ Я видѣлъ свѣтлыя проявленія даровитаго творчества и трудовой мощи Моего народа, но рядомъ съ этимъ съ глубокою скорбью Мнѣ приходилось видѣть печальныя картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенныхъ хозяйствъ, неизбѣжныя послѣдствія нетрезвой жизни и подчасъ народнаго труда, лишеннаго въ тяжкую минуту нужды денежной поддержки путемъ правильно поставленнаго и доступнаго кредита.

Съ тѣхъ поръ постоянно обдумывая и провѣряя полученныя на мѣстахъ народной жизни впечатлѣнія и свѣдѣнія, Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что на Мнѣ лежитъ передъ Богомъ и и Россіею обязанность ввести безотлагательно въ завѣдываніе государственными финансами и экономическими задачами страны коренныя преобразованія, во благо Моего возлюбленнаго народа.

Нельзя ставить въ зависимость благосостояніе казны отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ множества Моихъ вѣрноподданныхъ. А посему необходимо направить финансовую политику къ изысканію государственныхъ доходовъ, добываемыхъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ государственныхъ богатствъ и отъ народнаго производительнаго труда при соблюденіи разумной бережливости, постоянно соединять заботы объ увеличеніи производительныхъ силъ государства съ заботою объ удовлетвореніи нуждъ народа. Таковы должны быть цѣли желательныхъ преобразованій.

Въ успѣхѣ ихъ осуществленія и въ безотлагательной необходимости ихъ для блага Моего народа Я тѣмъ болѣе убѣжденъ, что и Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, по поводу пересмотра законовъ о казенной продажѣ питей, горячо откликнулись на эти нужды народной и государственной жизни.

Призывая васъ къ управленію Министерствомъ Финансовъ, гдѣ вы начали при покойномъ И. А. Вышнеградскомъ, въ царствованіе Моего въ Бозѣ почившаго Родителя, вашу службу, и возлагая на васъ осуществленіе тѣхъ коренныхъ преобразованій, для которыхъ подробныя указанія Мною будутъ вамъ даны, Я надѣюсь, что съ Божіею помощью, съ вашимъ опытомъ и съ вашимъ познаніями, вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе и исполните на пользу Россіи и народа, и Мнѣ въ отраду, трудное дѣло, на васъ Мною возлагаемое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Въ Царскомъ Селѣ.
30-го января 1914 года.

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, д. т. с. Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, Высочайше назначенный Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. По фот. Булла.

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. графъ Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, Высочайше уволенный по разстроенному здоровью отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра финансовъ. По фот. Булла.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Коковцова.

Графъ Владиміръ Николаевичъ. Десять лѣтъ назадъ Я возложилъ на васъ управленіе Министерствомъ Финансовъ. Приступивъ къ исполненію этихъ обязанностей, всегда сложныхъ и отвѣтственныхъ, во время войны, за которою послѣдовали внутренніе безпорядки, вы съ отличнымъ успѣхомъ выполнили предстоявшую вамъ задачу, несмотря на всѣ трудности, съ которыми она была сопряжена. Благодаря ревностному отношенію вашему къ дѣлу и отличающей васъ бережливости, государственныя росписи въ теченіе ряда лѣтъ заключаются съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, и свободная наличность средствъ Государственнаго Казначейства достигла небывалыхъ размѣровъ.

Высоко цѣня ваши заслуги, Я, послѣ кончины статсъ-секретаря Столыпина, призвалъ васъ на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Будучи поставлены во главѣ министерскаго управленія, вы сумѣли внести въ важное дѣло руководительства занятіями Совѣта Министровъ вашу обширную государственную опытность и благоразумную осторожность.

Нынѣ съ сожалѣніемъ уступая настояніямъ вашимъ объ увольненіи по разстроенному здоровью отъ должностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ, Я, въ изъявленіе Моей благодарности за вашу проникнутую всегдашнимъ усердіемъ полезную Россіи и Мнѣ дѣятельность, жалую вамъ *графское Россійской Имперіи достоинство.* Надѣюсь, что и впредь Я буду пользоваться вашими совѣтами во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, освѣщенію коихъ могутъ помочь ваши знанія, опытность и испытанная преданность.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„искренно уважающій васъ и благодарный

НИКОЛАЙ".

Въ Царскомъ Селѣ.
30-го января 1914 года.

Швеція на распутьѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ бурнаго и героическаго періода своей исторіи, закончившагося подъ Полтавой, маленькая Швеція ликвидировала завоевательную политику своихъ героическихъ королей, сдѣлавшихъ ее повелителями доброй половины Европы, и тихо зажила мирной и спокойной жизнью въ естественныхъ этнографическихъ предѣлахъ, направивъ усилія своего національнаго генія на развитіе промышленности, искусствъ и литературы. Почти два вѣка міръ уже не слыхалъ больше о боевыхъ скандинавскихъ генералахъ, но зато съ упоеніемъ читалъ произведенія великихъ скандинавскихъ писателей — Ибсена, Бьернсона, Кнута Гамсуна и пр., слушалъ чудныя пьесы Грига, восхищался картинами скандинавскихъ художниковъ Ларссона и Цорна.

Гарантированная въ неприкосновенности своей территоріи договорами великихъ державъ о ея нейтралитетѣ, Швеція располагала, какъ реальнымъ благомъ, тѣмъ, что рисуется великимъ европейскимъ народамъ, изнемогающимъ подъ бременемъ вооруженій и безконечныхъ опасеній за завтрашній день, какъ недоступная мечта: возможностью жить безъ политики, безъ страха передъ нападеніями, безъ разорительныхъ расходовъ на подготовку военныхъ силъ, безъ того кроваваго кошмара, подъ бременемъ котораго конвульсивно бьется и задыхается Европа. Происшедшее нѣсколько лѣтъ назадъ отдѣленіе Норвегіи еще болѣе ослабило и безъ того небольшую по количеству населенія Швецію и, казалось бы, должно было окончательно укрѣпить навѣки мирное направленіе ея жизни и политики. Но не тутъ-то было: именно послѣ политическаго отдѣленія Норвегіи въ мирныхъ шведахъ неожиданно пробудился старый воинственный духъ. Они стали усиленно вооружаться, сначала именно на норвежской границѣ якобы изъ опасенія неожиданныхъ нападеній со стороны своихъ вчерашнихъ согражданъ, не думающихъ ни на кого нападать, а затѣмъ приступили уже и къ общимъ вооруженіямъ, направленнымъ противъ всѣхъ остальныхъ сосѣдей. Часть шведской печати начала бить въ набатъ по поводу фантастическихъ завоевательныхъ замысловъ Россіи, германская политическая агентура усиленно поддерживала и культивировала эти вымышленныя тревоги и въ результатѣ среди населенія донынѣ дружественной намъ Швеціи появилось явно направленное противъ Россіи воинственное теченіе, принимающее чрезвычайно буйныя формы. На-дняхъ тридцать тысячъ шведскихъ крестьянъ продефилировали стройными рядами по всему Стокгольму, пришли во дворецъ къ королю и поднесли ему адресъ съ требованіемъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженій противъ не питающей никакихъ агрессивныхъ намѣреній сосѣдки. На воинственный адресъ король отвѣтилъ не менѣе воинственной рѣчью и тѣмъ самымъ, разумѣется, еще больше подлилъ масла въ огонь. Къ счастью для Швеціи, среди ея гражданъ имѣется не мало спокойныхъ и благоразумныхъ людей. На ни чѣмъ неоправдываемые патріотическіе призывы къ оружію они отвѣтили такими же громкими призывами къ спокойствію и миру. Отвѣтомъ на воинственную демострацію крестьянъ явилась не менѣе внушительная по количеству участниковъ мирная демонстрація стокгольмскихъ рабочихъ. Благоразумная часть общества живо почувствовала опасность какихъ бы то ни было политическихъ авантюръ и отнеслась весьма несочувственно къ агитаціи, угрожающей вовлечь маленькую Швецію въ водоворотъ европейскихъ осложненій. На этой почвѣ возникъ чрезвычайно характерный конфликтъ между королемъ и правительствомъ. Воинственная рѣчь короля, обращенная къ крестьянской толпѣ, не встрѣтила одобренія его министровъ, выражающихъ волю мирно настроеннаго парламента. Представители парламентской воли обратились къ королю съ требованіемъ не выступать съ публичными рѣчами безъ предупрежденія правительства, другими словами — потребовали подчиненія публичныхъ рѣчей короля предварительной цензурѣ кабинета министровъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Львович Баркъ, Высочайше назначенный управляющимъ Министерствомъ Финансовъ. По фот. Булла.

Въ болѣе рѣзкой формѣ въ парламентской Швеціи возникъ тотъ конфликтъ между короной и кабинетомъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пережила полупарламентская Германія. Несмотря на то, что въ Германіи министры отвѣтственны по формальному закону только передъ императоромъ, а не передъ рейхстагомъ, и лично императоръ Вильгельмъ пользуется въ глазахъ своихъ подданныхъ огромнымъ авторитетомъ, онъ все-таки подчинился требованію министровъ, принеся въ жертву политической необходимости свое человѣческое и царственное самолюбіе. Король шведскій не послѣдовалъ мудрому примѣру германскаго императора и на требованіе министровъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Кабинетъ немедленно же подалъ въ отставку, и такимъ образомъ столкновеніе короля съ министрами неизбѣжно перейдетъ въ столкновеніе короны съ парламентомъ. Судя по тому, что министры, въ сущности, отстаивали не свои личныя права, а формальныя права полноправнаго парламента, послѣдній всего вѣроятнѣе выскажется въ ихъ пользу и не будетъ вотировать довѣріе тѣмъ министрамъ, которые примутъ отъ короля порученіе составить новый кабинетъ, отказавшійся отъ требованій своего предшественника. Всякому понятно, что въ государствѣ не можетъ быть одновременно двухъ отвѣтственныхъ правительствъ, двухъ независимыхъ другъ отъ друга руководящихъ началъ. Если король не желаетъ объявлять себя абсолютнымъ повелителемъ Швеціи, онъ самою логикою единства конституціоннаго правленія обязывается сообразоваться съ политической программой министерства. Иного рѣшенія быть не можетъ. Необходимость подчиненія парламентскому кабинету во имя сохраненія единства политики до такой степени ясна и неотвратима, что даже, несмотря на усиленную агитацію шовинистовъ, собравшихъ подъ адресомъ до семидесяти тысячъ подписей, несмотря на сочувственныя демонстраціи пылкихъ студентовъ и пламенные призывы агитирующихъ противъ Россіи — по германскимъ — внушеніямъ газетъ, самъ король не надѣется на побѣду и разсчитываетъ найти выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія только путемъ отказа отъ престола въ пользу наслѣдника. Въ данномъ случаѣ интересы Россіи совпали съ интересами мира на сѣверѣ Европы и съ требованіями государственныхъ правъ шведскаго народа. Лукавая германская агитація

въ равной мѣрѣ угрожаетъ и внутреннему и внѣшнему миру Швеціи. Побѣда абсолютизма броситъ вооруженную Швецію на борьбу съ Россіей, побѣда конституціи, напротивъ того, обречетъ аггрессивную германскую интригу на полную неудачу. Торжество народнаго права будетъ въ то же время и дипломатическимъ торжествомъ Россіи.

Академикъ М. П. Клодтъ баронъ фонъ-Юргенсбургъ, извѣстный художникъ-жанристъ, получившій званіе художника въ 1861 г., прославившій свое имя въ томъ же году картиной „Послѣдняя весна" (въ Третьяковской галлереѣ), а затѣмъ картинами: „Антикварій". „Черная скамья", „Родильница", „Татьяна". М. П. Клодтъ пережилъ болѣе чѣмъ за полвѣка своей художественной дѣятельности всю эволюцію современнаго русскаго искусства, черпалъ сюжеты для своихъ картинъ изъ бытового жанра, изъ отечественной исторіи и изящной литературы и даже писалъ на религіозные сюжеты. Сынъ знаменитаго скульптора, М. П. Клодтъ оставилъ яркій слѣдъ въ исторіи русской живописи. М. П. Клодтъ скончался на 79-мъ году жизни.

Ө. Н. Чернышевъ.

(Портр. на этой стр.).

Русская наука понесла тяжелу утрату: въ ночь на 2 января с. г. скончался извѣстный русскій геологъ и палеонтологъ — академикъ Өеодосій Николаевичъ Чернышевъ.

Ө. Н. въ теченіе долгихъ лѣтъ занимался обслѣдованіями Урала. Богатѣйшая горная область, притаившаяся на грани между Европой и Азіей и мало извѣстная въ научномъ отношеніи, была освѣщена талантливымъ ученымъ съ самой интересной и главной своей стороны — почвенной.

Въ 1899—1902 гг. Ө. Н. Чернышевъ состоялъ начальникомъ экспедиціи по производству градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ. Позднѣе онъ положилъ много труда на изслѣдованіе Андижанскаго землетрясенія. Въ 1903 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Геологическаго Комитета, а въ 1909 году былъ избранъ ординарнымъ академикомъ и въ томъ же году сталъ во главѣ Геологическаго музея императора Петра I при Академіи Наукъ.

Академикъ Ө. Н. Чернышевъ. (1856—1914).

В. Н. Пчелинъ. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности. (Снимки съ его картинъ помѣщены на стр. 107 и 108).

Одновременно съ этимъ Ө. Н. Чернышевъ былъ директоромъ Горнаго института и читалъ лекціи въ этомъ институтѣ, а также на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и въ біологической лабораторіи проф. Лесгафта. Ө. Н. Чернышевъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ. Ө. Н. состоялъ также почетнымъ докторомъ Женевскаго, Марбургскаго, Христіанійскаго и другихъ западно-европейскихъ университетовъ.

Его перу принадлежатъ свыше 60 солидныхъ ученыхъ трудовъ, за которые имъ былъ полученъ цѣлый рядъ премій и медалей; въ томъ числѣ — высшая Константиновская медаль Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

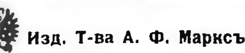
По условіямъ разсрочки подписной платы за **„Ниву"** сего 1914 года къ 1 марта слѣдуетъ внести **не менѣе 3 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки.** При высылкѣ денегъ г.г. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 2".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29  **Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., Улица Гоголя (М. Морская), № 22.**

СОВѢТЪ СПЕЦІАЛИСТА

СТРАДАЮЩИМЪ НЕСВАРЕНІЕМЪ ЖЕЛУДКА.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАДЕЖНЫЙ СПОСОБЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ЭТОГО.

Нѣкій мученикъ своего собственнаго желудка обратился за помощью къ спеціалисту, посвятившему всю свою жизнь изученію болѣзней желудка и пищеварительнаго тракта:

„Докторъ, вы должны мнѣ помочь. Я истинный мученикъ своего желудка и мнѣ не стоитъ жить на свѣтѣ, если я не найду себѣ помощи“.

„Садитесь. Успокойтесь. Вы поправитесь, если будете слѣдовать моимъ указаніямъ. Что Вы кушаете?“

„Кушаю? я ничего не кушаю. Я не могу ѣсть. Прежде я не могъ насытить своего желудка, а теперь меня тошнитъ отъ одного взгляда на пищу. Посмотрите, докторъ, какъ я выгляжу. Посмотрите на мой языкъ, на мое желтое, изможденное, отвислое лицо, видѣли Вы что-нибудь подобное?“

„Видѣлъ и очень часто. И всегда по той же причинѣ. Ничего особеннаго въ Вашемъ случаѣ нѣтъ. Скажите. чувствуете ли Вы какія-нибудь боли?“

„Ни одной минуты я не свободенъ отъ ужаснѣйшихъ болей. У меня сильнѣйшій ревматизмъ въ поясницѣ, ногахъ и рукахъ. Головныя боли не даютъ мнѣ покоя. У меня безконечные запоры, я нервенъ, малокровенъ и такъ слабъ, что устаю отъ малѣйшаго движенія. Если бы Вы все это знали, докторъ, Вамъ не казался бы такимъ легкимъ мой случай“.

Докторъ улыбнулся. „Я думаю, что знаю Вашу болѣзнь. У Васъ полнѣйшее несвареніе желудка и кишекъ, а вслѣдствіе этого, Вашъ организмъ истощенъ и у Васъ развилось малокровіе. Ступайте и кушайте, какъ слѣдуетъ“.

„Что Вы сказали, докторъ?“ воскликнулъ паціентъ, не вѣря своимъ ушамъ.

„Ступайте и дѣлайте, какъ я Вамъ говорю. А во время ѣды проглотите двѣ таблетки **Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ**“.

Паціентъ нетерпѣливо передернулъ плечами и съ ужасомъ воскликнулъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, пожалуйста не дѣлайте со мной такихъ экспериментовъ. Пропишите мнѣ бутылку настоящаго лѣкарства, назначьте мнѣ діэту, чтобъ я получилъ хоть временное облегченіе“.

„Другъ мой“, серьезно отвѣтилъ докторъ, „съ тѣхъ поръ, какъ докторъ Антонъ Мейеръ, послѣ долголѣтнихъ безчисленныхъ опытовъ, сначала надъ животными, потомъ надъ людьми, выпустилъ свой Стомоксигенъ, я сразу увидѣлъ въ этомъ препаратѣ надежнѣйшее средство для борьбы съ желудочными страданіями. Передо мной прошли тысячи излѣченныхъ при помощи этого средства и съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ его превосходномъ значеніи“.

„Чтобы исправить пищевареніе, устранить геморрой, запоры—причину малокровія, головн. болей, тошноты, изжоги и вздутія живота газами, необходимо такое средство, которое дѣйствовало бы благопріятно на желудокъ, кишки и печень. Такое средство мы имѣемъ въ Стомоксигенѣ Д-ра Антона Мейеръ, который при всемъ томъ абсолютно безвреденъ. Онъ оздоровляетъ слизистую оболочку стѣнокъ пищеварительнаго тракта, укрѣпляетъ ослабѣвшія ткани и никогда не можетъ имъ повредить. Стомоксигенъ единственное средство, которое благотворно дѣйствуетъ и на желудокъ, и на кишки, и на печень. Въ этомъ его преимущество передъ всѣми другими средствами“.

„Скажите, докторъ. Вы увѣрены, что Стомоксигенъ вылѣчитъ меня? Скажите мнѣ только правду“.

„Онъ вылѣчитъ васъ абсолютно“, отвѣтилъ спеціалистъ съ такой увѣренностью, которая внушаетъ увѣренность и другимъ.

„Хорошо, я попробую“, сказалъ больной.

„Отлично, попробуйте принять 2 таблетки за ближайшей ѣдой и завтра утромъ Вы уже почувствуете себя лучше, а черезъ короткое время Вы забудете, что когда-либо страдали желудкомъ“. „Такъ“,—продолжалъ докторъ съ улыбкой, „Вы забудете объ этомъ и еще кое о чемъ, Вы забудете о всѣхъ докторахъ и обо мнѣ въ томъ числѣ“.

„Нѣтъ, докторъ, о васъ я никогда не забуду, если Вы вылѣчите меня“.

„Знаю, мой другъ, знаю это, но объ одномъ прошу Васъ, однако, не забыть. Когда Вы вылѣчитесь, не забудьте разсказать Вашимъ друзьямъ о средствѣ, которое Васъ вылѣчило. Замѣтьте себѣ это. Теперь до свиданья“.

Печальной походкой настоящаго диспептика вышелъ онъ изъ кабинета доктора. Жалко было смотрѣть на его измученную согнутую фигуру.

Человѣкъ этотъ черезъ мѣсяцъ сдѣлался неузнаваемымъ. Выпрямился, повеселѣлъ работаетъ за троихъ и ѣстъ за четверыхъ Стомоксигенъ Доктора Антона Мейеръ вылѣчилъ его.

Нѣтъ такого случая несваренія желудка и кишекъ, который Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ не вылѣчилъ бы.

ЧАЩЕ ВСЕГО ВСТРѢЧАЮТСЯ

ДВА ВИДА

ЖЕЛУДОЧНЫХЪ СТРАДАНІЙ

НЕСВАРЕНІЕ ПИЩИ ВЪ ЖЕЛУДКѢ

И

ЗАСТОЙ ПИЩИ ВЪ КИШКАХЪ.

При несвареніи желудка, пища, недостаточно обработанная желудочнымъ сокомъ, начинаетъ бродить, а затѣмъ и загнивать настолько, что уже становится неперевариваемой. Въ это время образуются газы, повышается кислотность, появляются отрыжки, невральгическія головныя боли, нервное разстройство и сердцебіенія. Послѣднее нѣкоторые больные считаютъ признакомъ развившейся болѣзни сердца. Но это не правильно. Если Вы вылѣчите желудокъ, прекратятся и сердцебіенія, головныя боли и всѣ опасные симптомы.

При застоѣ въ кишкахъ (атонія) наполовину переваренная пища начинаетъ бродить въ кишкахъ, образуетъ газы, вызываетъ тошноту, изжогу, давленіе подъ ложечкой. Излишекъ кислотъ всасывается въ кровь, вызываетъ малокровіе, тяжесть въ головѣ, боли въ животѣ и въ поясницѣ, отсутствіе аппетита, дурной запахъ изо рта, подавленное состояніе и неврастенію въ сильнѣйшей степени.

Единственнымъ средствомъ, которое дѣйствуетъ навѣрняка въ обоихъ случаяхъ, является **Стомоксигенъ Доктора Антона Мейеръ**. Это удостовѣрено тысячами врачей и сотнями тысячъ излѣчившихся. Если Вы въ этомъ еще сомнѣваетесь, Вы можете пакетъ Стомоксигена

ИСПЫТАТЬ БЕЗПЛАТНО.

Если вы страдаете какимъ-либо видомъ желудочнаго разстройства, запорами, катарромъ, геморроемъ, этотъ безплатный опытъ покажетъ Вамъ, что Стомоксигенъ является вѣрнымъ средствомъ противъ Вашего недуга. Вамъ нужно только написать въ Лабораторію Д-ра Антона Мейеръ СПБ., Екатерининскій кан., 29, Вы немедленно получите пробный пакетъ со всѣми указаніями безплатно.

Продается Стомоксигенъ Доктора Антона Мейеръ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ, въ коробкахъ отъ 75 коп. Но нужно смотрѣть, чтобы на коробкѣ была такая наклейка:

Издѣліе Лабораторіи
ДОКТОРА АНТОНА МЕЙЕРЪ.

Изъ писемъ по тому же поводу.

„Я такъ страдалъ желудкомъ въ прошломъ году, что не могъ работать. Моя жизнь была мнѣ только въ тягость, я боялся прикоснуться къ пищѣ, потому что всегда ходилъ переполненный газами. Я ходилъ, лежалъ, ничто мнѣ не помогало. Случайно я прочиталъ объявленіе о Стомоксигенѣ Д-ра Антона Мейеръ и понялъ изъ него причину своего недуга: у меня было несвареніе желудка и кишекъ.

Я купилъ въ нашей городской аптекѣ коробку Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ и послѣ первыхъ пріемовъ прекратились запоры и вздутіе желудка. Ни одно другое средство не дѣйствовало на меня такъ благотворно. Я продолжалъ принимать Стомоксигенъ въ теченіе мѣсяца и какъ бы переродился. Стулъ сталъ ежедневнымъ, настроеніе улучшилось, геморроя не чувствовалъ и головныя боли прекратились. Съ тѣхъ поръ прошло около 10 мѣсяцевъ, я не принялъ больше ни одной таблетки, а состояніе мое осталось такимъ же прекраснымъ. Я разсказалъ объ этомъ своему другу, который страдалъ желудкомъ болѣе 6 лѣтъ, и у него получились такіе же прекрасные результаты.

Я вижу теперь ясно, что Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ это дѣйствительный и быстрый оздоровитель желудка. Спасибо Вамъ, большое спасибо“.

ПРИМѢЧАНІЕ. Это очень интересный случай излѣченія послѣ долголѣтнихъ страданій. Написавшій письмо, повидимому, приступилъ къ пользованію Стомоксигеномъ тотчасъ же по прочтеніи объявленія о немъ. Въ его борьбѣ съ застарѣлымъ желудочнымъ страданіемъ и на этотъ разъ побѣдителемъ оказался Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ.

БОРЬБА СЪ ФАЛЬСИФИКАЦІЕЙ.

Въ виду появившихся поддѣлокъ однофамильца, ничего общаго съ изобрѣтеніями Д-ра Антона Мейеръ не имѣющаго, обращаемъ Ваше вниманіе, что на каждой коробкѣ Стомоксигена Доктора Антона Мейеръ имѣется вышеуказанная наклейка:

Издѣліе Лабораторіи ДОКТОРА АНТОНА МЕЙЕРЪ.

Внутри текста на правилахъ пользованія имѣется подробный адресъ Доктора Антона Мейеръ: Екатерининскій каналъ, 29.

Если на коробкѣ или на письменномъ бланкѣ, или на правилахъ пользованія имя Доктора Антона Мейеръ искажено или не написано полностью (Докторъ Антонъ Мейеръ), если въ адресѣ: Екатерининскій каналъ, 29 цифра искажена, то предъ Вами явная поддѣлка, о которой покорнѣйше просимъ намъ написать для того, чтобы мы могли привлечь виновныхъ къ отвѣтственности и охранить ищущихъ помощи отъ полученія поддѣлки, вмѣсто настоящаго, хорошаго средства.

Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ. На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется такая же надпись на донышкѣ: **Издѣліе лабораторіи Доктора Антона Мейеръ.** Если этой надписи нѣтъ или имя Доктора Антона Мейеръ сокращено,— передъ Вами тоже явная поддѣлка, о которой просимъ насъ извѣстить.

2339 **Докторъ мед. АНТОНЪ МЕЙЕРЪ, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 29, Россійско-Американское Т-во Аптекарской Торговли. Почт. ящ. № 371.**

Вскорѣ выйдетъ справочн. книга Помощн. Прис. Повѣр. Л. И. **Ландисъ-Ланда: „Отсрочки по отбыванію воинской повинности“** (Кто имѣетъ право на отсрочку и какъ ее получить). Цѣна 1 р. (съ перес.). Адресъ (4) автора: СПБ., Можайская, 39. 2396

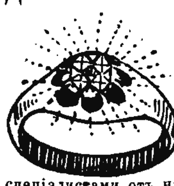
Зоологическій магазинъ
2224 **А. БЛАНКЪ, преемница** 4-4

В. А. КРЕЙЗМАНЪ,

Москва, уг. Воздвиженки, прот. церкви Бориса и Глѣба, д. 24. Тел. 158-94. **Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.** Вышелъ новый иллюстрированный **прейсъ-курантъ**, который высылается по **требованію безплатно.**

ВСЕ ЛУЧШЕЕ! ВСѢ НОВОСТИ!

ТРЕБУЙТЕ новѣйшій только-что вышедшій иллюстрирован. **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ОРУЖЕЙНОЙ ФАБРИКИ**



А·Н·ЕВДОКИМОВА

Ижевскій Оружейный заводъ Вятской губ.

САМОЕ КОЛОССАЛЬН. ПРИЗВОД. ВЪ РОССІИ · ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ТОРГОВЦАМЪ ОГРОМНАЯ СКИДКА. ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ №11

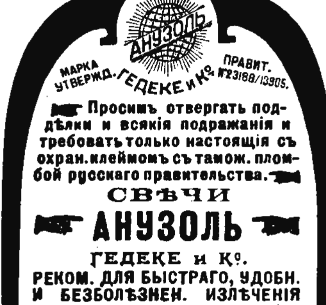
ДОЛОЙ БРИЛЛІАНТЫ!!

ВѢЧНАЯ СТОИМОСТЬ! ВѢЧНАЯ СТОИМОСТЬ!

Массивное золотое кольцо 56 пр. послѣд. новѣйшаго ПАРИЖСК. фасона, съ настоящ. французск. брилліант. „BENGAL“, ничѣмъ не отличаемым. даже спеціалистами отъ настоящ. дорогихъ бриллiантовъ, стоящ. 200 р., весьма богатой выраб. Цѣна съ пошлин. и пересылкой только 5 р. 50 к., 2 шт.— 10 р. 50 к. Высылаю безъ задатка налож. плат. 2374
P. S. Камни „Bengal“ имѣютъ превосходную игру, т.-е. безъ фольги. Громадн. количество благодарств. писемъ.

Австр. Торг. Дому
I. ГОЛЬДВАССЕРЪ,
Вѣна, 2—1, Почтамтъ, 27.
Wien, 2—1, Postamt, 27.
J. GOLDWASER.
Корреспонденц.: на русск. языкѣ.

Требуйте подробное описаніе на русскомъ языкѣ и адресуйте: Maison Internationale d'Exportation «La Carotte» Zürich, 3, Park-ring, 29, Швейцарія. 2364



Просимъ отвергать поддѣлки и всякія подражанія и требовать только настоящія съ охран. клеймомъ съ тамож. пломб. русскаго правительства.

СВѢЧИ АНУЗОЛЬ

ГЕДЕКЕ и К°.
РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБН. И БЕЗБОЛѢЗНЕН. ИЗЛѢЧЕНІЯ

ГЕМОРРОЯ

Это испытанное, благотворнодѣйствующее средство признано врачами за лучшее
Цѣна 1 руб. 75 коп.
Продажа въ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ магазин.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ
пров. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА. 1-1 1152

НЕВРАстеники пришлите адресъ и марку на отвѣтъ Тамбовъ, Болдыреву № 6. 2320

НУЖНЫ ДѢЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

для распространенія заграничнаго предмета, необходимаго каждой конторѣ, канцеляріи, банкамъ, учрежденіямъ и пр. Предложенія адресовать: Кіевъ, Почтовый ящ. № 311. 2148 4-4

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ“ (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри**, прыщи и всякія нечистоты кожи.
Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками). 2253 15-3
Представитель **Іосифъ Гроссманъ**, Варшава, Золотая, №16.

РАЗСРОЧКА

20 МѢСЯЦЕВЪ БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ

Картины на полотнѣ, копіи знамен. художн., исполн. нов. способомъ [не выцвѣт., моются], разм. 28×20 дюйм. Цѣна 13 р. [Не смѣшивайте съ лубочными олеографіями]. Требуйте безплатно каталогъ. Тамъ же выходящимъ замужъ необходимая книга [новость], роскошно изданная. Ц. 4 руб. наложен. платеж.
5-1 СПБ., Лиговка, 44 „Свѣточъ“. Н. 2377

БЕРЕГИТЕ ГОРЛО и РОТЪ

покупайте анэстезирующія и дезинфицирующія пріятныя лепешки по 75 коп. за флаконъ. 2375 3-1

КОКАФОРМИНТЪ — Крепса

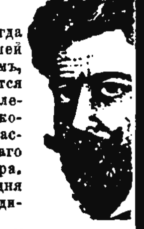
уничтожаютъ боль въ горлѣ и деснахъ, прекращаютъ хрипоту, першеніе, возстанавливаютъ голосъ. Необходимо при насморкѣ, ангинѣ, дифтеритѣ, скарлатинѣ, коклюшѣ и плохомъ запахѣ во рту.

Депо С.-Петербургъ, Магистръ Б. Крепсъ.

УЗНАЙТЕ ВАШЕ БУДУЩЕЕ!

Позвольте мнѣ послать Вамъ пробное опредѣленіе Вашего характера.

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.



Хотите узнать событія, касающіяся Вашей жизни? Это принесетъ Вамъ больше счастья, успѣха, довольства и удовлетворенія! Хотите узнать о Вашихъ друзьяхъ, врагахъ, сердечныхъ дѣлахъ, перемѣнахъ, случайностяхъ, сильныхъ и слабыхъ сторонахъ Вашего характера, угрожающихъ опасностяхъ и о многихъ другихъ вещахъ, скрытыхъ отъ Васъ? Если хотите, то сообщите мнѣ Ваше имя, адресъ, укажите число, мѣсяцъ и годъ Вашего рожденія, женаты-ли Вы или одиноки. Тогда я вышлю Вамъ очеркъ Вашей жизни, который объяснитъ Вамъ, почему тысячи людей обращаются ко мнѣ за совѣтами и наставленіями. Пришлите мнѣ 2 семикопеечные марки на покрытіе расходовъ по пересылкѣ безплатнаго опредѣленія Вашего характера. Не откладывайте, пишите сегодня же. Вы будете поражены и удивлены! 2357

Адресуйте: Д-ру Джону Алленъ Клевеланду, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Отд. 8. Г.

ЗАЧѢМЪ КАЗАТЬСЯ СТАРЫМЪ?

ЕСЛИ У ВАСЪ СѢДЫЕ ВОЛОСЫ,

ТО БЛАГОДАРЯ НОВОМУ СРЕДСТВУ ВЫ БУДЕТЕ МОЛОЖЕ НА ВИДЪ. 2369

Недавно сдѣлано замѣчательное открытіе, благодаря которому многіе могутъ казаться на видъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Нѣтъ надобности теперь прибѣгать къ грязнымъ, липкимъ, опаснымъ краскамъ, разрушающимъ жизнь и ростъ волосъ. Благодаря простому процессу, изобрѣтенному однимъ англійскимъ химикомъ, теперь можно вернуть натуральный цвѣтъ посѣдѣвшимъ или поблекшимъ волосамъ; такимъ образомъ сѣдой человѣкъ можетъ казаться по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать моложе. Если бы вы знали сколько вы теряете, вслѣдствіе того, что кажетесь старымъ. Вы ни на одинъ день не допустили бы, чтобы ваши волосы были сѣдыми. Многіе мужчины и женщины теряютъ службу только потому, что кажутся своимъ хозяевамъ слишкомъ старыми; сѣдые люди съ трудомъ находятъ себѣ занятія. Многіе мужчины и женщины, состоящіе въ супружествѣ, ищутъ новыхъ встрѣчъ, потому только, что одинъ изъ супруговъ кажется старымъ, имѣя нѣсколько сѣдыхъ волосъ.

Пусть сѣдые волосы не мѣшаютъ больше вашему дѣловому успѣху и семейному счастью. Сообщите вашу фамилію и адресъ и мы вышлемъ вамъ самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ удивительномъ открытіи.

Мы сообщимъ **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ**, какъ возстановить натуральный цвѣтъ волосъ, не прибѣгая къ ядовитымъ, вреднымъ краскамъ. Подумайте только, что Вы можете вновь вернуть Вашимъ волосамъ ихъ натуральный, здоровый цвѣтъ и шелковистый видъ. Не медлите, пришлите Ваше требованіе о высылкѣ всѣхъ подробностей. приложите двѣ 7-коп. марки на пересылку.

Лабораторія „КАЛЬТОКО“, МОСКВА. Отд. 1—А. С.

КЕРОСИНОВЫЯ ЛАМПЫ „СЕНЪ“
по системѣ нильныхъ трубъ
2281 **„СЕНЪ“**
максимумъ свѣта минимумъ расходовъ.
Русск. агент. представл. особая экспортн. скидка.
Требуйте каталоги и условія.
Sun Light C°, 1434. Market St. Canton Ohio, U. S. A.

Лѣпныя бумажныя архитектурныя украшенія. Первая медаль въ Россіи Межд. Стр. Выст. Розеты, углы, карнизы, фризы, тяги, панели, цѣлые потолки, всевозможн. украш. для стѣнъ, для отдѣлки домовъ, дачъ, церквей, лѣстницъ, всякихъ торговыхъ помѣщеній и т. п. Дешевы, практичны и красивы, легки для перевозки. Поставить можетъ всякій самъ, безъ всякихъ мастеровъ. Рамы для картинъ. Рекомендуетъ фабрика архитект. издѣлій изъ бумаги А. Г. Ильина, СПБ., Литовскій рынокъ, № 6, соб. д. Иллюстр. прейсъкурантъ высыл. по получ. 75 к. (можно марк.).

Часы съ цѣпочкой

за одинъ рубль и 95 коп. высыл. часы анкеръ, 1-й сортъ, черн. ворон. англ. стали, ходъ звучн. на 18 камн., заводъ головк., разъ въ 46 час., съ гарант. на 10 лѣтъ. Пер. нал. плат. 55 коп., въ Спб. 75 к. При зак. 3-хъ час. и болѣе пер. наша. Непонр. приним. обратно. 3354 3-1
Адр.: **Лодзь, А. А. ПЕНІОНЖЕКУ.**
Прим.: При треб. 5 шт. прилаг. часы даромъ. Н.

„МИНУТА ВНИМАНІЯ“

она сбережетъ Вамъ 2381
МНОГО ДЕНЕГЪ

Довольно, Г.г., бросать деньги на вѣтеръ! ***Довольно на всемъ переплачивать!!!*** Но, Вы не знаете какъ и откуда добыть нужную Вамъ вещь изъ первыхъ рукъ! Какъ добиться сбереженій. — Пишите намъ и мы укажемъ Вамъ какъ одолѣть нужды провинціи. Не жалѣйте открытки, сообщите Вашъ адресъ.—Казатинъ, Кіевск. Поч. Бил. 27, Т. Б.

АФРИКАНСК. СТРАУСОВЫЯ ПЕРЬЯ

1 р. 50 к. шт. 2352 4-1

Настоящ. Афр. страус. перья изъ лучш. сорт. длин. 45 с/м.—2 р. 50 к., 50 с/м. — 3 р. 50 к., 55 с/м. — 4 р. 50 к., 60 с/м. — 5 р. 50 к. Цв.: черные и бѣлые. Наши перья можно носить 10 л. и они всегда изящны. Перес. почт. нал. пл. 50 к., въ Аз. Росс. 95 к. При зак. 3 шт. и бол. перес. наша. Непонр. возвр. деньги. Адресъ: генер. предст. страус. пер.
А. А. Пеніонжеку,
Лодзь, Н., почт. ящ. 498.

3171 5-5

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получатъ отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни“**, сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Финзеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ его, восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани**—и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ **не секретное** средство; онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя, согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни“, высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ. Напишите только открытку съ
9-2 указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 2306

УЛЬИ, ВОЩИНА и принадлежн. пчеловодства у члена Кіевск. Общест. пчеловод. К. А. Острянскаго, Кіевъ, Н.-Богоутовская, № 16.

---

100 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ 1 р. 20 к. безъ перес., друг. съ перес. 2 р., загр. раб., иллюстр., всѣ разн. можно марк. и нал. пл. Москва, почт. ящ. 712

НОВАЯ КНИГА

Частныя учебныя заведенія.

Сборникъ законоположеній и распоряженій о частн. учебн. зав. М. Н. П. СПБ. Цѣна 3 р. 50 к. Адресъ: **А. М. ЛАУРСОНУ,** СПБургъ, В. О. 6 лин., д. № 15. 2365

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

художниковъ и коллекціонеровъ
2326 **новости париж. жанра.** 4-1
Весьма интересны; 20 шт. разн. по полученіи **3 рублей** въ заказн. или простомъ письмѣ. Харьковъ, почт. ящ. **94 отд. Н.**

Курсы и Методъ Проф. Каллигр. Линтъ удост. ВЫСОЧАЙШИХЪ и ВСЕМІРНЫХЪ нагр. Признан Имп Спб Ак Худож. Одобр. Учен Ком М. Н. П. и Воен Уч. Зав. Почерки быстро испр. **ЛИЧНО и ЗАОЧНО.** За 70 коп. марок высыл. услов. и програм. Спб Литейный 57
ЛИНТ — КУРСЫ — Подгот. учит.

Требуйте всюду ПАПИРОСЫ ВЪ ПОРТЪ-СИГАРАХЪ 25 шт.—15 к.

Картонаж. Фабр.

„ПРОГРЕССЪ“,

СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.

Самая гигіеническая и удобная упаковка. Всѣ большія Таб. Фабр. имѣютъ таковыя
2372 въ продажѣ. 4-1

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona**
2301 (Испанія). 15-1

БРОСЬТЕ КУРИТЬ!

Разр. Врач. Упр. средство испыт., вѣрное. Не смѣш. съ мундштук. Брошюра безплатно. Адр.: **Ф. Вьержъ, Москва,**
2280 Ком. ящ. № 6 (шесть)

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ. НЕВСКІЙ, 92—11.

Пріобрѣтайте исключительно **Керосиновые лодочн. и стаціон. моторы „Knox“.** Керосиновые **карбюраторы** „Knox“ ко всякому мотору. **Моторныя лодки** готовыя и на заказъ. 2237
СПБ., Лопухинская, **7-а, кв. 3.**

КАРТАВОСТЬ.

ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва,** ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію—5 руб. съ пересылкой.

ФОТогр. снимки парижскихъ красавицъ, новые каталоги съ выборомъ до 200 разн. серій, высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 коп. марки за пер. Адр.: **М. ЛИПМАНОВИЧЪ, Лодзь,—5.**
2052 ящ. 526 (сокр. адр.). 10-6

ЧЕРТЕЖИ И ОПИСАНІЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. РУКОВОДСТВО 1 р. 25 к.

I. **НЕСГОРАЕМЫЕ** изъ мѣстнаго грунта дома и пр. Вод. отопл. отъ печи. Эконом. 50%. II. **БУРОВЫЕ и АБИССИНСКІЕ КОЛОДЦЫ.** Работа рычаг. **СИЛОДАРЪ.** Эконом. силы 50%. III. **ГЕЙЗЕРЪ,** переносн. вод. отоплен. для церкв., школъ. Эконом. топлива 50%. Походн. Гейзеръ съ варк. пищи для гг. офицеровъ. Водян. отоплен. отъ печи и плиты. IV. **ЦИКЛОНЪ,** нов. двукратная вѣтрен. турбина. Безъ башни, безъ зубчат. колесъ. V. **РЕКОРДЪ,** нов. улей съ р. Дадана. Постройка дома за 2 руб. 75 коп. Секреты доходнаго пчеловодства. Ульи изъ папье-маше. Павильонъ улей на 24 семьи. VI. **ЗЕМЛЕМѢРІЕ** безъ инструмента, съ вѣхами и шнуромъ. Межевка. Планы съ углами и румбами. VII. **АМФИБІЯ,** водяная турбина на сушѣ. **ВОДОПРОВОДЪ-АВТОМАТЪ,** подача воды. Москва. Сущево, 1-й Марьинск. пер., 10. **Л. П. ПЕТРОВУ.** 2378

НОВОСТИ ПАРИЖСК. ЖАНРА.

ФОТОГРафич. снимки размѣръ откр. 15 шт. разн. 2 р. 30 к., 30 шт.—3 р. 50 к., 50 шт.—5 р. 50 к., 100 шт.—10 р. Стереоскоп. сним. 8×17 сант.—20 к. штука. Пересыл. 35 к. Иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по получ. 21 коп. или съ 48 сним. 85 коп. (можно марками), нал. платеж. 1 руб. Адрес.: г. **ЛОДЗЬ, „АРСЪ и ВИТА“, 9,** 1 отд. ящ. № 3. 2106 4-4

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ

Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ. безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. **Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе, 30.**
4-9 2242

МОДЫ БЕЗПЛАТНО. ВНИМАНІЕ! ДАМЫ И БАРЫШНИ!

Вышелъ изъ печати и безплатно разсылается нашъ новый богато иллюстрированный прейсъ-курантъ на осенній и зимній сезонъ 1913—1914 года.

Послѣднія элегантныя модели. Дешевыя цѣны. Лучшее исполненіе.

Капоты отъ	3 р. 75 к.	Дамск. сороч. отъ	— р. 95 к.
Матинэ „	1 р. 75 к.	„ гарнитуры отъ	3 р. 25 к.
Блузы „	1 р. 75 к.	„ прически отъ	1 р. 50 к.
Верхн. юбки отъ	4 р. 50 к.	Мужск. сорочки отъ	1 р. — к.

Также дешевы въ великолѣпномъ подборѣ: корсеты, шапки, горжеты, хозяйствен. вещи, парфюмерія, обувь и масса прочихъ новыхъ интересныхъ товаровъ. Не откладывайте на завтра, требуйте сегодня же, сейчасъ же немедленно. 2081
Универсальный магазинъ **ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ, Москва, Тверская.**

Заочные курсы

БУХГАЛТЕРІИ

условія и пробн. лекціи
10-3 **БЕЗПЛАТНО.** 2256
Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческ. образованіе. **ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ.** Обширная программа. **СТЕНОГРАФІЯ.** Разсрочка. **АТТЕСТАТЪ.** Проспектъ безплатно. СПБ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи“ Р. 1960

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,
С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

?? PARIS ??

ФОТОграфическ. сним. 15 новыхъ серій весьма интересн. высылаемъ вм. 10 руб. по получен. только **2 р. 25 к.** почтов. марками. Каталогъ при заказѣ безплатно, отдѣльно 50 коп. Адр.: **Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A. № 29.**
5-4 2281

Гауптманъ, Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Въ 3-хъ томахъ, съ критич. очеркомъ **Н. А. Котляревскаго,** предисловіями **А. А. Измайлова** и съ прилож. портрета Г. Гауптмана. Изящное изданіе in 8°. Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к.,** съ перес. **1 р. 75 к.;** въ перепл. **2 руб.,** съ перес. **2 р. 25 к.**

РОЗЫ ДЛЯ ГРУНТА КУСТОВЫЯ и ШТАМБОВЫЯ

НАИВЫСШАГО КАЧЕСТВА

ВЪ ГРОМАДН. ВЫБОРѢ МОРОЗОСТОЙКИХЪ И НѢЖНЫХЪ СОРТОВЪ, ОБИЛЬНО ЦВѢТУЩИХЪ ВЪ ПЕРВОЕ ЖЕ ЛѢТО,

предлагаетъ **А. Г. СКАРРЕ,** Москва.
Контора, Мясницкій проѣздъ, д. № 1. Тел. 2-83-72.
Каталогъ сод. около **300** сортовъ, вкл. много новинокъ, высылается по требованію.
ТОРГОВЫМЪ САДОВОДСТВАМЪ ВЫСЫЛ. ОПТОВЫЙ КАТАЛОГЪ.

СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

3-1 основанъ **1860** года. 2379

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ **И. ШЕНБРУНЕРА,**

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

предлагаетъ своимъ уважаемымъ покупателямъ большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей и револьверовъ фабрики **АВГУСТА ФРАНКОТТА.**

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

ГЛУХІЕ СЛЫШАТЪ!!

СТРАДАЕТЕ ГЛУХОТОЙ?

Благодаря поразительному научному открытію—возстановляется слухъ, устраняется шумъ въ головѣ; въ нѣсколько часовъ это выдающееся изобрѣтеніе дѣлаетъ счастливымъ всякаго страдающаго глухотой. При этомъ не употребляется ни электричество, ни массажъ, ни какія-либо другія наружныя или внутреннія средства. Этотъ простой способъ понятенъ всякому и каждый можетъ примѣнять его безъ труда у себя на дому. **Результаты положительно чудодѣйственны!** Каждое лицо, страдающее тугоухостью, шумомъ въ ушахъ и т. п. будетъ приведено въ изумленіе этимъ удивительнымъ научнымъ изобрѣтеніемъ. Оно устраняетъ глухоту даже тогда, когда всѣ другія средства не принесли никакой пользы. Если Вы хотите узнать всѣ подробности объ этомъ изобрѣтеніи, то пришлите Ваше имя и адресъ и Вамъ будетъ выслана книга съ наставленіями и совѣтами

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.

Приложите 2 семикоп. марки на покрытіе расходовъ по пересылкѣ. 2378

ВСЕОБЩАЯ ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА,
С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 42, отд. I. М.

Лучшее средство для рощенія волосъ и уничтоженія перхоти только **АХСИНЪ.** Цѣна 20 к. Продажа вездѣ. Складъ: Аптека 2344 **Сандберга. Ровно,** Волынск. губ. 2-1

ФОТОграфич. снимки париж. красавицъ. Для любителей высыл. въ закр. заказн. пакетѣ 50 шт. за 1 р. 20 к., перес. 35 к. Адрес.: 2353 **А. Пеніонжеку, Лодзь, Н.** 8-1

Весьма выгодное предложеніе получить отъ насъ безплатно всякій, сообщившій намъ свой адресъ. Пишите М. С. Матусовскому, Кіевъ, Александровская, № 34.

2237 4-4

КАКЪ МОДНЫЙ ЧУЛОКЪ"НОСОКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ДЛЯ МАССОВАГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПОМОЩИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ МАШИНЫ **ВИКТОРІЯ**

Т-ва ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Торг. Марка Зарег. Деп. Торг. и Мануф. ЗА № 23012.

ТРЕБУЮТСЯ немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и **во всѣхъ частяхъ имперіи** мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаніи не требуется. Пріемка работы гарантируется контрактомъ.

Мы предлагаемъ каждому 50—100 р. въ мѣсяцъ въ теченіи круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 200 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко

МОСКВА,	С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.	Невскій просп., 42-44. Отд. 11.

2227

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Baume Bengué

ПОДАГРЫ - РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГІИ

Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к.

Депо во всѣхъ аптекахъ.

2143 3-6

ТРЕБУЮТСЯ дѣят. АГЕНТЫ

для перепродажи ходк. недорог. загран. новинокъ. Побочн. заработ. Проспекты безпл. 3-3 **Москва Ж. Н.** коммерч. ящикъ 450. 2188

✠ ДАМАМЪ ✠

высылается безвредный препаратъ, уничтож. моментально **радикально и совершенно безъ боли** волосы рукъ, лица и т. д.
!!! Сохраняетъ свѣжій цвѣтъ лица !!!
Заказы выполняются **только** по полученіи стоимости. Адресъ можно вырѣзать 2358 и наклеить на конвертъ. 2-1

Laboratorium 5, L. Schwitzer. Berlin, W. 50, Marburgerstr, 2.
Лабораторія 5, Л. Швицеръ, Берлинъ, Марбургерштр, 2.

ТАЙНЫ МАГІИ. КАКЪ ЗАРАБОТАТЬ мн. денегъ?

Какъ провести весело время? Какъ стать любимцемъ об-ва и настоящ. магомъ? На эти вопросы отвѣтитъ кажд. наша новоиздан. цѣнная книга: **„Тайны Магіи“**, отпечат. на хорош. бумагѣ, содержащ. 539 стр., снабжен. 318 интересн. объясн. фигур., по котор. кажд., даже малограм., мож. легко изуч. 240 сенсац. поразит. интер. магич. фок.: съ карт., монет., кольц., часами и т. д., слов., мож. дѣл. всѣ тѣ чудеса, котор. такъ пораж. зрителей всемірн. профессора магіи, наприм.: какъ застав. исчезнуть изъ колоды задум. карту и обнаруж. ее тамъ, гдѣ угодно фокуснику. Одушевлен. монета отвѣч. на вопросы. Какъ пропустить занятое кольцо въ яйцо. Пирогъ въ шляпѣ. Пляшущій матросъ. Платокъ, разрѣзан., сожжен. и наконецъ, найден. въ свѣчѣ. Висѣніе человѣка на воздухѣ и 233 др. очень интер. фок. Въ виду больш. сбыта, цѣна наполовину пониж.: вм. 4 р. съ перес. высыл. ее теперь въ дорог. съ золот. тисн. перепл. **только за 2 руб.**, съ перес. съ налож. плат. и безъ задатка.

Адр.: **Изд. Т-ву „ПРОФИТЪ“.**
ВАРШАВА. 9, Цент. почт. ящ. № 305.

Благодарность: „Приношу Т-ву „ПРОФИТЪ“ благодарность за книгу „Тайны Магіи“, такъ какъ она очень интересна. Съ почтен. С. Ѳ. Олейниковъ. сл. Алексѣевка, Вор.“ 2341 2-1

Если кн. не оправд., верн. деньги

Ничто не можетъ сравниться съ

Pastilles VALDA

(Лепешками Вальда)

Для предупрежденія или излеченія болѣзней горла, охриплости, простуды, насморка, гриппа, инфлуэнцы, катарровъ, бронхитовъ, астмы, эмфиземы и т. ц.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

настоящія

PASTILLES VALDA

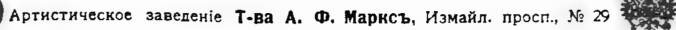
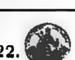
(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна 1 рубль.

2142

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 7. XLV г. изданія

Выданъ 15 февраля 1914 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 3.

XLV г. № 7 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 3.

„Царь Іудейскій".

„...Священные Писанія глаголы
Напоминаютъ звѣзды въ небесахъ:
Въ тиши ночей изъ темно-синей дали
Загадочно, таинственно онѣ
Льютъ намъ свое сіяніе на землю"...

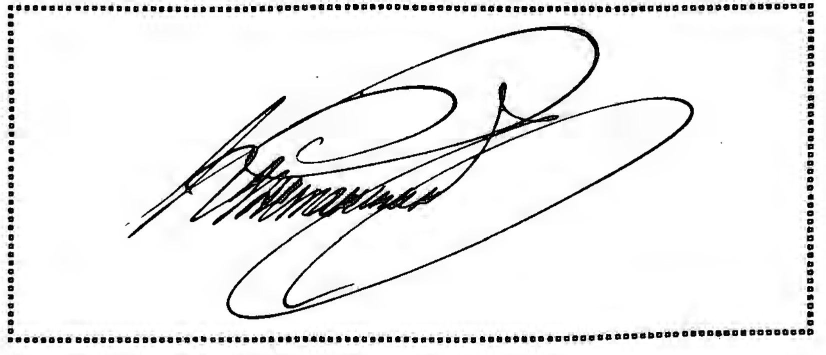
(„Царь Іудейскій").

Цитату, взятую нами изъ „Царя Іудейскаго", пьесы К. Р., можно примѣнить къ самому произведенію Августѣйшаго поэта. Эта вдохновенная драма, представленная предъ избранными зрителями въ Императорскомъ Эрмитажномъ театрѣ и уже обратившая на себя такое вниманіе русской читающей публики, таитъ въ себѣ нѣчто отъ небесныхъ звѣздъ. Она такъ же загадочно и таинственно „льетъ намъ свое сіяніе" въ тишинѣ и темнотѣ обыденщины, какъ и ея священный сюжетъ. Въ ней такъ много Неба и небесныхъ огней! Она трогаетъ и волнуетъ насъ внезапной близостью ко всему тому, что намъ дорого и свято съ самаго ранняго дѣтства. Она вводитъ насъ въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ горячими вѣрованіями и идеалами человѣчества и будитъ въ насъ замолкшіе голоса добра и вѣчной правды. Это тѣ „забытыя слова", которыя таятся въ душѣ, какъ брошенное въ землю зерно, и вдругъ расцвѣтаютъ въ ней словно лиліи:

„Они ласкаютъ, трогаютъ, волнуютъ,
Мнѣ слышится родное что-то въ нихъ,
Какъ будто мнѣ они уже звучали
Когда-то, гдѣ-то, какъ забытый сонъ,
Какъ пѣсня матери надъ колыбелью"...

Отъ драмы К. Р. вѣетъ какой-то глубочайшей интимностью духа. Всѣ эти ласкающія, трогающія и волнующія рѣчи подходятъ слишкомъ близко къ нашей душѣ. Онѣ почти то же, что молитвенныя переживанія, требующія одиночества въ кельѣ своей... И поэтому о „Царѣ Іудейскомъ" такъ трудно говорить и писать: объ этой драмѣ нельзя писать рецензій и критическихъ разборовъ — она слишкомъ необычна для этого... Но о ней неустанно и свѣтло думается, —и вотъ этими думами намъ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями...

Необыченъ сюжетъ этой драмы. Это, въ сущности, мистерія или даже ораторія, пронизанная музыкой словъ и мыслей. Это сама музыка, претворившаяся



Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Августѣйшій авторъ драмы „Царь Іудейскій".

въ поэзію священныхъ словъ и картинъ. Предъ читателемъ (и зрителемъ) возстаютъ образы и лица, такъ близко знакомые нашей душѣ, но у насъ еще не виданные въ живомъ сценическомъ воплощеніи: Іосифъ Аримаѳейскій, Никодимъ, Симонъ Киринеянинъ, Понтій Пилатъ... Евангельскіе образы близко — во плоти — возникаютъ предъ нами, и великое евангельское событіе крестныхъ страданій поэтому захватываетъ насъ съ небывалой силой: невозможно не испытывать глубочайшаго волненія, когда сценическая иллюзія, такъ близкая къ самой жизни, заставляетъ насъ чувствовать и почти знать, что вотъ тутъ, за низенькой стѣной, отгораживающей садъ Іосифа отъ улицы, идетъ Самъ Христосъ... Нельзя не чувствовать глубочайшихъ душевныхъ движеній, когда мы воочію видимъ паденіе страшной тьмы на землю въ минуты голгоѳской казни и ослѣпительные мечи молній, разсѣкающіе землю, и когда мы слышимъ, — такова сила и дѣйственность сопровождающей драму музыки, трескъ разрывающейся завѣсы храма... Быть-можетъ, еще никогда у насъ въ Россіи на долю театра не выпадало такой величавой задачи!

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

Необычно и самое строеніе этой драмы-мистеріи. Передъ нами проходитъ великая міровая трагедія Христа: все въ пьесѣ полно Имъ, все посвященно Ему—всѣ дѣйствія, всѣ рѣчи, все окружающее и даже заглавіе пьесы. Но Его мы не видимъ. И не слышимъ. Слышимъ изъ устъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ только Его слова, почти цѣликомъ переложенныя изъ Евангелія.

И тѣмъ не менѣе это отсутствіе главнаго Лица драмы не только не умаляетъ ея силы и ея художественнаго значенія, но съ необыкновенной выразительностью подчеркиваетъ и то и другое. Въ нашей печати, когда заходила рѣчь о драмѣ „Царь Іудейскій", неоднократно указывалось, что Христосъ не выведенъ въ пьесѣ по цензурнымъ обстоятельствамъ. Но когда драма протекаетъ предъ нами въ своемъ сценическомъ воплощеніи, то становится поразительно ясно, что невозможно уже съ чисто художественной точки зрѣнія допустить, чтобы Христосъ появлялся предъ нами воочію, какъ заурядное дѣйствующее лицо пьесы. У каждаго изъ насъ съ ранняго дѣтства сложился свой особый глубоко-интимный образъ Христа, и появленіе на сценѣ актера, загримированнаго Христомъ, произвело бы почти кощунственное и несомнѣнно болѣзненное впечатлѣніе. Этотъ актерскій образъ не только не подошелъ бы подъ то представленіе, которое у каждаго изъ насъ сложилось въ душѣ — представленіе необычайно нѣжное, почти безтѣлесное—но онъ оскорбилъ бы насъ именно своей плотской грубостью... И тогда все значеніе драмы понизилось бы до уровня обыкновеннаго „представленія"...

Но Августѣйшій авторъ пьесы проявилъ и большой художественный тактъ и необычайную деликатность по отношенію къ человѣческой душѣ: онъ сдѣлалъ такъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, чтобы придать пьесѣ величіе и силу и тончайшую символическую расцвѣченность... Въ пьесѣ нѣтъ Христа, какъ „дѣйствующаго лица", но въ ней есть Христосъ, какъ Христосъ, какъ незримый, но ощутимый всѣми фибрами души Божественный образъ, нерукотворно отразившійся на ней, подобно тому, какъ нѣкогда, по словамъ легенды, отразился на полотенцѣ... Когда мы смотримъ или читаемъ драму К. Р., то чувствуемъ, что Христосъ гдѣ-то около насъ, совсѣмъ близко — быть-можетъ, какъ и въ жизни, Невидимый, но Присутствующій. Это глубоко символично и прекрасно по замыслу! И съ самаго начала пьесы, когда Онъ проходитъ гдѣ-то тутъ, совсѣмъ близко, при крикахъ „Осанна", и до послѣдняго акта, когда мироносицы приносятъ вѣсть о Его воскресеніи, мы ощущаемъ эту трогающую и волнующую близость Христа. И мы уносимъ изъ театра это нѣжное и глубокое ощущеніе: оно долго не покидаетъ насъ. Намъ кажется, что мы видѣли Христа, видѣли „Царя Іудейскаго" въ тяжкіе дни Его земныхъ мученій,—но видѣли не этими плотскими глазами, но какимъ-то внутреннимъ, чистымъ и нѣжнымъ зрѣніемъ...

—

Драма „Царь Іудейскій" распадается на четыре дѣйствія и пять картинъ. Въ первомъ дѣйствіи въ толпѣ ликующаго народа Христосъ вступаетъ въ Іерусалимъ на осляти подъ крики „Осанна". Противники Іисуса—фарисеи и саддукеи — спорятъ и враждуютъ изъ-за Него съ Его почитателями. Подготовляется заговоръ: фарисеи и саддукеи сговариваются схватить Христа и предать Его суду, возстановивъ противъ Него народъ. Появляются Іосифъ Аримаѳейскій съ Никодимомъ и ведутъ тихую бесѣду о Христѣ и Его ученіи. Они становятся свидѣтелями подготовляющагося злодѣйскаго замысла, и когда потомъ сюда же является жена Понтія Пилата, Прокула, съ женой Ирода домоправителя, Іоанной, Іосифъ сообщаетъ Прокулѣ о готовящемся замыслѣ противъ Христа и проситъ ее ходатайствовать предъ Пилатомъ за Христа. Изъ разговоровъ Прокулы съ Іоанной мы узнаемъ, что Прокула расположена къ Христу и къ Его ученію. Въ наступившей тьмѣ гдѣ-то поблизости проходитъ съ учениками Христосъ. Слышится пѣніе Его учениковъ:

„О Господи, Боже спасенья,
Къ Тебѣ я взываю мольбой,
И жаркія сердца моленья
Всегда и вездѣ предъ Тобой!"

Второе дѣйствіе переноситъ насъ во дворецъ Пилата. Раннее утро. Тихая и нѣжная бесѣда влюбленныхъ — Александра и Ліи, невольниковъ Прокулы, тайныхъ христіанъ. Изъ словъ Александра мы узнаемъ, что Христосъ уже схваченъ:

...„И вдругъ толпа
Мнѣ преградила путь. То были слуги
Первосвященника. Я ихъ узналъ
При свѣтѣ факеловъ. Не видно было,
Кого вели они, но разсмотрѣлъ
Я римскихъ воиновъ. На мѣди шлемовъ
И латъ играли мѣсяца лучи
И пламень свѣточей. Шли эти люди
Кто съ кольями, а кто съ мечами".

О томъ, что Христосъ схваченъ и предается суду, сообщаетъ затѣмъ и явившійся сюда и встрѣченный Прокулой Іосифъ Аримаѳейскій. Всходитъ солнце, за сценой издали слышны доносящіеся изъ храма звуки трубъ левитовъ. Іосифъ, Александръ, Лія, Іоанна преклоняютъ колѣни и молятся. Это одно изъ трогательнѣйшихъ мѣстъ пьесы: слова молитвъ звучатъ здѣсь настоящей музыкою — такъ много въ нихъ гармоніи и поэзіи:

Іосифъ.

Боже, всесильной рукою
Столько творящій чудесъ,
Ты засвѣтилъ надъ землею
Свѣтлое солнце небесъ.
Боже, не только намъ въ очи
Солнечный свѣтъ Ты пролей—
Въ сердцѣ, гдѣ сумерки ночи,
Также да будетъ свѣтлѣй!

Іоанна.

Дай мнѣ не быть малодушной,
Дай мнѣ смиренной душой
Быть неизмѣнно послушной
Волѣ Твоей пресвятой!
Дай мнѣ въ часы испытанья
Мужества, силы въ борьбѣ!
Дай мнѣ въ минуту страданья
Вѣрной остаться Тебѣ!

Лія.

Солнца лучомъ озарившій
Смертныя очи мои,
Дай мнѣ, людей возлюбившій,
Непрестающей любви!
Въ небѣ вослѣдъ за ненастьемъ
Солнцу велѣвшій сіять,
Сердце избранника счастьемъ
Дай мнѣ всю жизнь озарять!

Александръ.

Первыми солнца лучами
Ночи разсѣявшій тьму,
Чистыми дай намъ сердцами
Имени пѣть Твоему!
Трудъ повседневный, усердный,
Нами творимый въ любви,
Солнцемъ Твоимъ, милосердный
Господи, грѣй и живи!

Дальнѣйшее теченіе пьесы въ этомъ дѣйствіи распадается какъ бы на двѣ части: предъ зрителями на сценѣ происходитъ внутренняя жизнь дворца Пилата: приходитъ Пилатъ, бесѣдуетъ съ своими домашними и съ сослуживцемъ, центуріономъ, съ пріѣхавшими къ нему изъ Рима гостями—префектомъ когорты и трибунами легіона. А за сценой происходитъ судъ надъ Христомъ, Котораго яростная толпа привлекла къ лиѳостротону. Понтій оставляетъ жену съ гостями и уходитъ судить Іисуса. Прокула, умолявшая его пощадить Христа, волнуется и съ страхомъ прислушивается къ гулу народной толпы за стѣнами. Понтій не прочь отпустить Христа, но префектъ когорты сообщилъ ужасную для него вѣсть, что казненъ всесильный покровитель Понтія, временщикъ Сеянъ. Кромѣ того, тутъ же Понтій получаетъ письмо изъ Рима, въ которомъ ему объявляется немилость за служебныя упущенія. Въ душѣ у Пилата пробуждается чиновникъ-формалистъ, и совершается запечатлѣнное въ Евангеліи событіе: Христосъ преданъ черни, Варавва отпущенъ. Христа бичуютъ. Эта трагедія происходитъ за сценой: о ней говорятъ, приходя внутрь дворца, то центуріонъ, то Александръ, то префектъ, то самъ Пилатъ. Но трагизмъ невидимаго зрителями событія властно вторгается въ величаво спокойную обстановку намѣстническаго дворца и передается зрителю. За сценой непрерывно слышится гулъ толпы, доносятся крики „Распни его!" И то, что происходитъ за сценой, сливается съ происходящимъ на сценѣ въ одно жуткое ощущеніе великой трагедіи. Занавѣсъ падаетъ подъ крикъ народа: „Пусть кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ!" И крикъ

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

этотъ долго стоитъ въ ушахъ, какъ заключительный зловѣщій аккордъ.

Третье дѣйствіе состоитъ изъ двухъ картинъ. Первая картина происходитъ въ обиталищѣ Іосифа Аримаѳейскаго. Предъ нами дворъ и садъ при домѣ Іосифа и часть дома, на крышѣ котораго устроена куща. Каменная ограда сада отдѣляетъ садъ отъ городской улицы. При поднятіи занавѣса Іосифъ на крышѣ подъ кущей читаетъ свитокъ Закона. Къ нему является Никодимъ, и они ведутъ бесѣду о вѣрѣ, объ Іисусѣ, о томъ, какой формализмъ и безсердечная сухость царятъ въ Синедріонѣ и среди владыкъ храма:

„... Измышленьями сухого знанья
Уже давно у насъ подмѣнены
Святой законъ и заповѣди Божьи.
У насъ царитъ обрядность вмѣсто вѣры,
А вмѣсто Господа—Синедріонъ...“

Этотъ разговоръ нарушается приходомъ Симона, Руфа (молодой поселянинъ) и Вартимея съ садовыми орудіями. Происходитъ милая идиллическая сцена, вся осіянная свѣтомъ весны. Красиво звучатъ слова Руфа о веснѣ:

„На крыльяхъ ласточекъ летитъ весна!
Смотри, отецъ, ужъ двѣ изъ нихъ хлопочутъ
Подъ крышею у стараго гнѣзда.
А здѣсь подъ вазой алый гіацинтъ
Готовится раскрыть, пригрѣтый солнцемъ,
Своихъ кудрей румяныхъ завитки...“

Но это мирное, идиллическое настроеніе сразу смѣняется тоскою и ужасомъ. Приходитъ Іоанна и объявляетъ, что Христосъ осужденъ на казнь, и Его сейчасъ поведутъ по этой улицѣ на казнь. Сіяніе весны омрачается... И вотъ въ глубинѣ сцены опять слышатся дикіе вопли черни. Слышенъ поющій голосъ глашатая: „Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій“... И снова Христосъ, невидимый, но знаемый, близкій, проходитъ около насъ, влекомый на казнь, въ печальномъ голгоѳскомъ шествіи. И всѣ, кто присутствуетъ на сценѣ — Іосифъ, Никодимъ, Іоанна, Симонъ Киринеянинъ, Руфъ — тѣснятся у стѣны и съ ужасомъ и скорбью смотрятъ на шествіе. И намъ кажется, что они видятъ Его дѣйствительно... Опять создается жуткая иллюзія дѣйствительнаго бытія и жуткой близости къ Нему...

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

Толпа прошла со своимъ дикимъ ревомъ... Нѣсколько минутъ перерыва—и предъ нами триклиніумъ въ домѣ Пилата (2-я картина 3-го дѣйствія). Богато убранная цвѣтами зала. На возвышеніи за пиршественнымъ столомъ возлежатъ Понтій, префектъ когорты, трибуны легіона, Прокула. Александръ и другіе рабы служатъ имъ. Но обычное, свойственное пиру, веселье отсутствуетъ здѣсь. Несмотря на дневные часы, въ воздухѣ повисла тяжкая мгла, и становится все темнѣе... На Голгоѳѣ распинаютъ Христа. Прокула томится ужасомъ и тоскою и упрашиваетъ мужа послать гонца на Голгоѳу отмѣнить казнь. Пилатъ отказывается, говоря, что это подорветъ силу и значеніе власти. Откуда-то доносится заунывный возгласъ левита:

„Молитесь за казнимыхъ!“...

Пирующіе пытаются веселиться. Префектъ когорты хвалитъ кушанья и вино:

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 1-е. (У городскихъ воротъ).

„Чего-чего здѣсь нѣтъ изъ яствъ отборныхъ!
Мозги павлиньи, языки фламинго
И ёжъ морской и устрицы Тарента...“

Онъ поднимаетъ кубокъ за прокуратора... Но веселье не снисходитъ на пиръ. Прокула съ ужасомъ и тоской шепчетъ Лiи:

„Въ истерзанной груди
Мое смертельной мукой сердце рвется.
Всѣ помыслы и чувства всѣ мои
Тамъ, у Него, у страшнаго креста.
А здѣсь и этотъ смѣхъ и эти рѣчи!
Уйти бы мнѣ, чтобы не слышать ихъ!..“

На пиръ прибѣгаютъ сирiйскiя танцовщицы. Начинается жгучiй, страстный танецъ... И вдругъ въ мгновенно наступившей тьмѣ вспыхиваютъ молнiи, раздаются оглушительный ударъ грома и подземный гулъ. Стѣны дворца колеблются... И всѣ присутствующiе падаютъ на землю и замираютъ въ ужасѣ.

Проходитъ нѣсколько мгновенiй тьмы и жуткаго гула... Свершилось! Христосъ умеръ на крестѣ. Но изъ всѣхъ находящихся здѣсь это ясно одной только Прокулѣ. Въ забрезжившемся опять свѣтѣ она медленно поднимается и говоритъ:

„Я вѣрую! Мнѣ сердце говоритъ!
Онъ испустилъ послѣднее дыханье.
Свершилось! Господи, Его страданье
Грѣхъ мiра дольняго да искупитъ!“

Этимъ жуткимъ катастрофическимъ аккордомъ заканчивается трагедiя Голгоѳы. Въ слѣдующемъ дѣйствiи авторъ переноситъ насъ въ садъ Iосифа Аримаѳейскаго. Ночь. Гробница, заключившая въ себѣ Тѣло Распятаго, влечетъ къ себѣ всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Она соединила всѣхъ, какъ соединила всѣхъ и тоска по Немъ. Лiя и Александръ приносятъ цвѣтовъ на могилу Iисуса. Iоанна приноситъ алавастръ... Но уже чувствуется, что смерть перестаетъ царить здѣсь. Разгорается заря, неожиданно расцвѣтаютъ на грядкахъ лилiи... И самъ Iосифъ предчувствуетъ торжество жизни:

Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ въ роли префекта когорты. (Дѣйствiе 2-е).

„Пускай навѣкъ Твои сомкнулись очи,
И плотiю уснулъ Ты, какъ мертвецъ,
Но свѣтитъ жизнь изъ тьмы могильной ночи,
Сiяя солнцемъ въ глубинѣ сердецъ...
Любви къ Тебѣ душа у насъ полна,
А гдѣ любовь—тамъ смерть побѣждена!“

И вотъ приходитъ центурiонъ съ извѣстiемъ, что камень отъ Гроба отваленъ... Iосифъ идетъ съ нимъ ко Гробу и возвращается съ словами: „Его во гробѣ нѣтъ!“ И, словно разгорающееся утро, все болѣе и болѣе, ярче и ярче разгорается радостное убѣжденiе, что Христосъ воскресъ... „Онъ живъ!“—радостно возглашаютъ Iоанна и мироносицы. „Христосъ воскресъ!“—привѣтствуютъ другъ друга Симонъ, Александръ и Лiя... Солнце встаетъ, и на вершинѣ скалы Iосифъ Аримаѳейскiй произноситъ торжественный гимнъ Воскресшему:

„Хвалите Господа съ небесъ
И пойте непрестанно:
Исполненъ мiръ Его чудесъ
И славой несказанной.

Хвалите, сонмъ безплотныхъ силъ
И ангельскiе лики:
Изъ мрака скорбнаго могилъ
Свѣтъ возсiялъ великiй.

Хвалите Господа съ небесъ,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страхъ исчезъ,
Свѣтлѣютъ наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океанъ безбрежный!
Да смолкнутъ всякая печаль
И ропотъ безнадежный.

Хвалите Господа съ небесъ
И славьте, человѣки!
Воскресъ Христосъ, Христосъ воскресъ
И смерть попралъ навѣки!“

Этимъ торжественнымъ гимномъ и кончается пьеса.

Небольшой, но чрезвычайно изящный и роскошный Эрмитажный театръ ярко залитъ свѣтомъ и полонъ зрителей. Мраморныя розовыя полуколонны окружаютъ амфитеатръ и поддерживаютъ высокiй, покрытый

„Царь Iудейскiй“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствiе 2-е. (У Пилата).

дивной лѣпкой, потолокъ. Внизъ сбѣгаютъ малиновой мягкой волной полукругами скамья за скамьей и погружаются въ тѣсный и маленькій партеръ, гдѣ впереди стоятъ золоченыя кресла для Высочайшихъ Особъ. Чередуются мягкіе розоватые и бѣлые тона, и ярко краснѣетъ занавѣсъ, точно парча, затканная алыми цвѣтами.

Этотъ театръ созданъ Екатериной Великой. Здѣсь она любила смотрѣть театральныя представленія вмѣстѣ съ своими избранниками. Тутъ въ извѣстные дни собирался весь цвѣтъ тогдашняго вѣка и придворнаго общества. Здѣсь все полно воспоминаніями о Екатеринѣ, о Потемкинѣ, о Фонвизинѣ, о цѣлой плеядѣ „екатерининскихъ орловъ“.

Но самъ по себѣ театръ съ той поры нѣсколько измѣнилъ свой видъ, въ особенности послѣ страшнаго пожара Зимняго Дворца въ царствованіе императора Николая Павловича. Послѣ пожара, почти уничтожившаго Дворецъ, все было реставрировано заново. Былъ реставрированъ и прелестный Эрмитажный театръ.

11 января с. г. въ этомъ театрѣ состоялось представленіе драмы К. Р. „Царь Іудейскій“, на которое были приглашены представители прессы. И какъ сама по себѣ пьеса Августѣйшаго поэта несомнѣнно является крупнѣйшимъ литературнымъ событіемъ нашихъ дней, такъ и этотъ спектакль слѣдуетъ считать чрезвычайно крупнымъ и интереснымъ событіемъ въ нашей литературно-общественной жизни послѣдняго времени.

Чѣмъ-то совершенно своеобразнымъ вѣяло отъ этого спектакля, такъ не походившаго и по обстановкѣ, и по составу исполнителей, и, конечно, по самой пьесѣ на обычные спектакли въ нашихъ театрахъ. Во всемъ здѣсь, начиная отъ театральной залы, такой свѣтлой, изящной и интимно-уютной, и кончая сценической обстановкой и игрой артистовъ, чувствовались какая-то мягкость и ласкающая задушевность. Это было поистинѣ то самое, о чемъ говоритъ въ первомъ дѣйствіи пьесы Прокула Іоаннѣ: „Мнѣ слышится родное что-то, какъ пѣсня матери надъ колыбелью“...

Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ въ роли префекта когорты. (На пиру у Понтія Пилата).

Послѣ торжественной увертюры поднялся занавѣсъ и обнаружилъ другой занавѣсъ, спеціально написанный для пьесы; на этомъ второмъ занавѣсѣ сквозь багровый фонъ проступали черные зигзаги и изломы. И воображеніе сразу сказало: это — терніи и кровь! И сразу создалось настроеніе, уже подготовленное торжественно-мрачной музыкой Глазунова...

Тамъ, за кровью и терніями занавѣса, гудѣла толпа. И вотъ этотъ обагренный занавѣсъ не поднялся, а ушелъ въ землю — и открылась ярко освѣщенная площадь Іерусалима. И какой ослѣпительный свѣтъ юга горѣлъ и переливался въ яркихъ краскахъ прекрасныхъ декорацій, въ пышной цвѣтной пестряди южной толпы, въ которой было такъ много красивыхъ женскихъ фигуръ и характерныхъ мужскихъ лицъ. Не вѣрилось, что огромное большинство исполнителей вовсе не профессіональные артисты, а любители — офицеры л.-гв. Измайловскаго полка и дамы изъ общества. Такъ жива была эта толпа, такъ естественно держались на сценѣ и играли эти не совсѣмъ обычные статисты и статистки.

Гдѣ-то за толпой, но такъ близко отъ насъ, вступилъ на осляти незримый Христосъ. Ему кричали „Осанна“... Потомъ смерклось, и пришли Іосифъ съ Никодимомъ. И опять повѣяло чѣмъ-то съ дѣтства знакомымъ и близкимъ отъ тихихъ рѣчей Царственнаго артиста, исполнявшаго въ своей пьесѣ роль Іосифа Аримаѳейскаго. Тихій, мягкій голосъ и какая-то неуловимая мягкость во всемъ обликѣ, въ каждомъ движеніи и жестѣ, въ каждой интонаціи проникалъ созданный Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ евангельскій образъ. Пе-

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 3-е, картина 2-я. (Пиръ у Понтія Пилата).

редъ нами была какъ бы тонкая и изящная акварель, такъ свойственная всей пьесѣ, исполненной мягкихъ акварельныхъ тоновъ. И слова Іосифа подлинно казались словами, знакомыми съ дѣтства и близкими душѣ, какъ колыбельная материнская пѣсня.

Потомъ опять звучала трагическая музыка Глазунова, таинственная и, казалось, невѣдомо откуда исходящая (оркестръ въ Эрмитажномъ театрѣ скрытъ отъ зрителей особымъ помостомъ). Опять мы видѣли превосходныя и стильныя декораціи, въ которыхъ оживала старинная красивая жизнь. Мы видѣли сухое, бритое лицо Пилата (А. Л. Герхенъ), слышали его отрывистую, стариковски-начальническую рѣчь. Мы видѣли молодое, жизнерадостное лицо префекта когорты (князь Константинъ Константиновичъ).

Слышалась его громкая, немного насмѣшливая, рѣчь о римскихъ матронахъ, о кесарѣ, о Сеянѣ. И когда за сценой зароптало взбудороженное море явившагося къ лиоостротону народа, невольно стало жутко: такъ много жизни и движенія было внесено въ эту сцену, и такъ жутко подхватила этотъ шумъ вновь вспыхнувшая музыка...

Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ въ роли поселянина Руфа.

И милыя рѣчи юнаго Руфа (князь Игорь Константиновичъ) и полныя горькой тоски и тревоги разсужденія Никодима протекли, какъ ручей „изъ золота чеканныхъ словъ“ — и снова дико воетъ толпа: опять проходитъ Христосъ. И на акварельную свѣтовую картину надвигаются черные тона мрачной гравюры Густава Дорэ... Вотъ пиршество у Пилата. Темно, тяжело. Кажется, уже никогда не будетъ дневного свѣта, и только тусклые свѣтильники съ трудомъ разгоняютъ мракъ... Пляшетъ сирійская рабыня (Л. Ф. Шолларъ)—и вдругъ страшный ударъ грома. И тяжелая, какъ крыша гробницы, тьма и ослѣпительные огни молній... Что это такое? Это встрѣтились язычество и христіанство. Безстыдное веселье „празднобоктающихъ, ликующихъ, умывающихъ руки въ крови“ столкнулось съ страшной катастрофой, въ громахъ и въ тьмѣ которой родился Новый Завѣтъ... И язычество легло въ прахѣ, сраженное ужасомъ и непонятной тоской... А христіанство за багрецомъ терноваго занавѣса уже готовило огни новой зари и вѣчной новой жизни...

Объ этомъ намъ разсказала великолѣпная и мрачная музыка А. К. Глазунова, въ рамкѣ

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 3-е, картина 1-я. (У Іосифа Аримаѳейскаго).

которой протекла вся эта изумительная драма, столь чуждая обычнымъ условностямъ и трафаретамъ театральной сцены... Объ этомъ намъ разсказало и наше собственное сердце, пробужденное священными словами, къ которымъ нельзя касаться безъ того, чтобы изъ нихъ не посыпались жемчуга поэзіи и не полилась кровь страданія за людей и за міръ...

Задушевный голосъ Іосифа Аримаѳейскаго мягко звучалъ въ предразсвѣтной тишинѣ. Расцвѣли лиліи. Расцвѣтала медленными волнами свѣта заря. И когда въ послѣдней картинѣ появились бѣлыя фигуры женъ-мироносицъ—воображеніе нарисовало ангеловъ, которые въ этотъ мигъ—такіе же тихіе и бѣлые—уже отваливали камень отъ Гроба. И театръ переставалъ быть театромъ. Чувствовалось, что здѣсь не театръ, а храмъ. А когда Іосифъ съ воздѣтыми руками, стоя одинокій на скалѣ, привѣтствовалъ пасхальнымъ гимномъ весь міръ, чувствовалось, что весь міръ превратился въ храмъ, и что всѣмъ есть мѣсто въ этомъ храмѣ — и тому, кто уйдетъ отсюда въ холодъ ночи, и кто останется въ осіянныхъ чертогахъ...

Приближался послѣдній, заключительный моментъ драмы. Сейчасъ долженъ былъ подняться въ послѣдній разъ багровый занавѣсъ и скрыть отъ насъ вызванную волшебствомъ поэзіи дивную картину. И невольно думалось: неужели опять будутъ терніи и кровь?

Но нѣтъ! Изъ земли поднялся бѣло-синій занавѣсъ, весь покрытый бѣлыми лиліями. Это было такъ красиво, такъ органически-необходимо, что мы ушли изъ театральной залы счастливыми и удовлетворенными.

И пусть эта пьеса хранится за этой завѣсой лилій и небеснаго свѣта въ нашемъ воспоминаніи до той поры, когда окажется возможнымъ показать ее еще разъ намъ и другимъ зрителямъ, болѣе многочисленнымъ...

А. Л. Герхенъ въ роли Понтія Пилата.

И сценическая постановка Н. Арбатова, и декоративная обстановка, и исполненіе пьесы въ Эрмитажномъ театрѣ были выше всѣхъ похвалъ. Все соединилось здѣсь въ полной гармоніи: прекрасная, продуманная и прочувствованная игра исполнителей, во главѣ съ самимъ Августѣйшимъ авторомъ, дивная музыка А. К. Глазунова, красивыя декораціи и сценическая обстановка, великолѣпные танцы (поставленные М. М. Фокинымъ), стильные костюмы, прекрасные гримы. Остается пожалѣть, что исполненіе пьесы въ общихъ театрахъ признано невозможнымъ, и что всему русскому обществу эта драма доступна только въ чтеніи.

Правда, „Царь Іудейскій" и въ чтеніи производитъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности въ художественномъ изданіи, которое должно вскорѣ выйти въ свѣтъ. Въ этомъ изданіи будутъ воспроизведены вся сценическая постановка пьесы, декораціи, костюмы, портреты исполнителей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе встрѣтитъ въ читательской массѣ самый горячій откликъ. Въ наше мрачное время, исполненное мелкихъ и крупныхъ злобъ, лишенное правильныхъ и яркихъ характеровъ и идеаловъ, прекрасное произведеніе К. Р. должно повлечь за собою сердца многихъ и многихъ... На него отзовутся всѣ, кто томится въ тьмѣ нашихъ дней, какъ томились Никодимъ, Іосифъ, Прокула и всѣ стряхнувшіе тогда съ себя „ветхаго человѣка".

Б. Никоновъ.

„Царь Іудейскій", драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 5-е. (Садъ Іосифа Аримаѳейскаго).

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова

(Продолженіе).

XXX.

Долго такъ сидѣла она, боясь пошевельнуться, точно при каждомъ движеніи милліоны иглъ могли вонзиться въ нее со всѣхъ сторонъ, и въ памяти все сильнѣе и ярче горѣли слова:

„Кто не дверью входитъ во дворъ овчій, тотъ воръ и разбойникъ“.

Значитъ, надо было все сказать ему, во всемъ признаться, хоть поздно.

Но она не шевелилась и даже не слышала, когда Шугаевъ вошелъ и обратился къ ней, видимо, спокойнымъ, но для нея—пытающимъ голосомъ:

— Что произошло? Саша выбѣжала отъ васъ съ плачемъ. Почему? Вы поссорились?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, не поднимая головы.

— Что же могло произойти? Она такъ васъ любитъ... гордится вами.

И Лидія Михайловна опять повторила:

— Нѣтъ.

Шугаевъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на плечо; а ей это показалось прикосновеніемъ бремени.

— Лида! Что съ вами? Вы отвѣчаете не мнѣ. Вы своимъ мыслямъ отвѣчаете

— Можетъ-быть.

— Неужели вы не видите, что я выбился изъ колеи, не работаю?.. Не понимаете, что я страдаю? — рѣшился признаться онъ безъ боязни унизить себя.

Она подняла голову, но все еще не оборачивалась къ нему:

— Страдаете? Какъ мѣрить страданія! Можетъ-быть, я въ тысячу разъ больше васъ страдаю. Но вы... вы только страдаете за себя.

— Напрасно,—съ глубокой печалью возразилъ онъ.—Я страдаю и за васъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ за себя.

— Неправда, — отвѣтила она враждебно. И ей хотѣлось, чтобы это дѣйствительно была неправда. — Если бы вы страдали за меня, вы не подошли бы ко мнѣ только со своимъ страданіемъ. Что важно для васъ?—уже оборачиваясь къ нему, продолжала она. — Только вы... ваша работа... вашъ покой. Вы и мать и сестру пріучили къ этому,—растравляя свое сердце этими послѣдними минутами съ его матерью и сестрой, продолжала она.—Только для себя. Всѣ вы трое — только вы одинъ. А до моихъ страданій никому дѣла нѣтъ. Да я и не желаю ничьего сочувствія.

Онъ понялъ, что она ищетъ въ немъ злобы и желаетъ вызвать ее наружу. И это особенно смирило его. Онъ возразилъ ей съ сдержаннымъ спокойствіемъ:

— Вы говорите оскорбительныя и незаслуженныя вещи.

— Я правду, правду говорю!

— Вы внѣ себя. Но я прощаю.

— Мнѣ не нужно этого прощенія .. не нужно! Это не прощеніе, это снисхожденіе. Это милостыня. А я не хочу этого ни сейчасъ... никогда. Я уйду.

Его эти слова ошеломили. И такъ же,какъ давеча у Саши, вырвались прежде всего слова, полныя подозрѣнія:

— Уйдете? Одна?

Она съ злорадной мстительностью отвѣтила:

— Ага... А вы думали...

— Со мной,—поспѣшилъ закончить онъ.

— Съ вами?—Она притворно зло разсмѣялась. — Не то вы думали... не то. Все ложь. Никогда не говорятъ такъ, какъ думаютъ.

Ея злоба начинала передаваться и ему:

— Что вы говорите? Что вы хотите?

— Никогда не говорятъ правду. Всѣ лгутъ... всѣ лгутъ!—съ неестественной ненавистью изливала она свое отчаяніе.—И вы... и ваша мать... и даже этотъ ребенокъ, ваша сестра.

Не скажи она этихъ послѣднихъ словъ, онъ сумѣлъ бы совладать съ собой. И, вѣрно, покорилъ бы ее своимъ спокойствіемъ, но эти грубыя обвиненія матери и сестры привели его въ внезапную ярость. Онъ разломилъ карандашъ, который вертѣлъ въ рукѣ, и швырнулъ его въ сторону, и у него вырвались по-мужицки грубо-рѣзкія слова:

— Это вы говорите не то, что думаете. Вы привыкли лгать. Вы постоянно имѣете дѣло съ ложью въ вашемъ искусствѣ. А я не лгу. И вы не смѣете такъ говорить про мою мать... сестру!..

Она испуганно на него глядѣла, ожидая и боясь, что онъ ударитъ ее. Но ярость схлынула вмѣстѣ съ этими словами. Онъ заговорилъ примирительно и кротко:

— Не надо, Лида. Простите меня. Сбросьте съ себя все это. Забудьте то, что между нами произошло.

Онъ указалъ на растоптанную глину и, не говоря прямо, потому что не зналъ еще всего и не хотѣлъ знать, произнесъ:

— Если все дѣло въ этомъ... такъ это пустяки... вздоръ. Вы оба артисты... живете нервами...

Минуту тому назадъ она совсѣмъ была близка къ тому, чтобы покаяться во всемъ, все разсказать. Она инстинктивно вызывала его на рѣзкость и оскорбленія. Тѣмъ легче было бы ей открыться. Но этотъ неожиданный переломъ въ немъ опять закрылъ передъ нею двери, и уже не хотѣлось, чтобы онъ даже подозрѣвалъ о чемъ-нибудь.

— О чемъ вы говорите? — замыкаясь въ притворство, отозвалась она.

Его обманулъ этотъ тонъ и вмѣстѣ обрадовалъ:

— Вы не обижайтесь. Я, можетъ-быть, ошибся. Мнѣ показалось что-то. Я давно хотѣлъ поговорить съ вами, но вы такая... какъ будто сторонитесь меня... я не рѣшался.

— Да, да,—кивала она головой, сама не зная, къ чему относятся эти восклицанія.

— Я все ждалъ,—уже совсѣмъ смягченный печалью, продолжалъ онъ. — Когда я у себя сидѣлъ за работой и слышалъ за дверью ваши шаги, у меня сердце сжималось и томилось отъ ожиданія, что вотъ-вотъ отворится дверь, вы войдете ко мнѣ такая ласковая, нѣжная, и будете говорить со мною, какъ со своимъ близкимъ, роднымъ. Мы вѣдь до сихъ поръ, какъ чужіе. Вы придете разсказать мнѣ о себѣ, обо всемъ томъ, о чемъ вы говорили...—онъ указалъ взглядомъ на мѣсто, гдѣ стоялъ бюстъ:—съ нимъ. Но ваши шаги затихали, и я готовъ былъ плакать отъ отчаянія.

Она была въ конецъ обезоружена его словами. Уже теперь ей странно было и подумать о томъ, что такъ отчаянно рвалось наружу.

— Перестаньте... Перестаньте говорить такъ... Не мучьте меня.

Но онъ самъ заражался своимъ смиреніемъ все глубже и больше:

— Я не упрекаю васъ. Виноватъ я самъ. Вы не знали меня. Вы думали: профессоръ, занятъ своей наукой... А вѣдь это только привычка тянетъ меня постоянно къ столу... къ работѣ. А въ душѣ у меня безконечная нѣжная любовь и желаніе ласки. Уѣдемъ отсюда... Уѣдемъ! И я, чувствую, мы заживемъ широкой, ясной жизнью. Мы мало знали другъ друга. Наша жизнь только-что началась.

Но у нея опустилась голова, и, точно упавшая глыба, давило сознаніе: поздно! Ей показалось, что она только подумала это. Но онъ смотрѣлъ на нее, ни слова не говоря, и нельзя было прочесть, чего больше въ его взглядѣ: сожалѣнія или горя.

Тогда она вслухъ повторила это слово, вливая въ него весь ужасъ своего паденія... весь свой стыдъ.

Какъ это случилось? Какъ могла она признаться какъ разъ тогда, когда меньше всего желала этого? Слово это точно вытолкнуло у нея что-то изнутри, и вернуть уже ничего было нельзя.

— Поздно... Понимаете, поздно. Но что же вы молчите? Что же вы не гоните меня вонъ? Не позорите, не бьете меня? Вѣдь я заслужила это.

Но онъ собралъ всѣ силы свои и съ героическимъ мужествомъ отвѣтилъ:

— Я это зналъ.

Она была потрясена:

— Знали?.. Вы все это знали?

— Зналъ,—отвѣтилъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.

Она закачалась отъ боли и униженія:

— Зналъ и молчалъ!.. Зналъ и молчалъ!.. Ахъ, лучше бы вы плюнули въ лицо мнѣ! Зналъ и молчалъ!.. А я... Слушайте... это... это...—Ей безумно хотѣлось оправдаться, но она не знала, какъ, и говорила первыя приходившія на умъ слова.—Это не любовь... Это не любовь... Но я уйду отъ васъ. Мы не можемъ быть больше вмѣстѣ. Зналъ и молчалъ!..

Онъ продолжалъ терзать ее своимъ великодушіемъ:

— Я ждалъ, чтобы вы сами мнѣ это сказали.

Она уже говорила, какъ въ бреду, ломая руки и обезсиливая съ каждымъ словомъ, какъ будто это были не слова, а кровь, капавшая изъ сердца:

— Это не любовь... Это даже не измѣна... Это... Это проклятіе... Уйду... Унесу его съ собой. Это вѣчное проклятіе. И если бы вы видѣли... если бы вы знали... Это не любовь... Это море... это волны... закачало.

Она, рыдая, уронила голову на столъ, и плечи ея затряслись отъ этихъ рыданій, и спина согнулась, какъ у старухи.

Его великодушіе, какъ комъ снѣга, катившійся внизъ, выросло до предѣловъ, за которыми скрылось въ немъ даже естественное чувство ревности.

Онъ наклонился къ ней и гладилъ ея волосы и плечи и говорилъ, какъ говорятъ съ дѣтьми:

— Тише, тише... Услышатъ мама, сестра... Онѣ не должны ничего знать... Ничего. То, что случилось, — это страшно, но это не все. Ты сама вѣришь въ это, потому мнѣ и сказала. Ты могла бы солгать... Ты могла бы обмануть. Но ты поняла главное. Ты главное поняла, и въ этомъ спасеніе... Если это не любовь... это — ничто. Это—тлетворное дуновеніе, на лету тебя коснувшееся. Это—грязь... грязь... прилипшая случайно на пути. Но ты перестрадала это. Ты стала мнѣ понятнѣе... роднѣе... ближе.

Онъ самъ еле сдерживалъ рыданія, но слезы уже давно катились у него по щекамъ, и отъ этихъ слезъ онъ становился еще добрѣе и проникновеннѣе.

— Ну, вотъ, поплачемъ вмѣстѣ, и намъ станетъ лучше.

Она прижалась головой къ нему. Онъ сталъ на колѣни около ея стула, и оба плакали, и она цѣловала его руки, вѣря, что дѣйствительно все, что онъ говоритъ, такъ и останется. И сладки были ей слова его, которыя онъ ронялъ вмѣстѣ съ своими слезами на ея голову, на ея лицо:

— Милая... бѣдная... Пустое все это... забудемъ все... все забудемъ. Этого не было.

Дверь была открыта, и Арина Ивановна застала ихъ въ такомъ видѣ. У нея точно камень съ сердца свалился. Она подошла къ нимъ и обняла ихъ и также заплакала и сквозь слезы говорила, цѣлуя то одну, то другую голову:

— Дѣтки мои... дѣтки мои... Тамъ пріѣхали гости, художники.

Шугаевъ облегченно поднялъ голову, не стыдясь своихъ слезъ, и съ веселой улыбкой на мокромъ, покраснѣвшемъ лицѣ всталъ и бодро произнесъ:

— Гости, мама,—отлично! Они несомнѣнно пріѣхали праздновать твое торжество, твою побѣду...—обратился онъ къ женѣ.— Что жъ, идемъ встрѣчать ихъ!

XXXI.

Гости наполнили домъ шумомъ и оживленіемъ, отъ котораго вѣяло молодостью.

Больше всѣхъ обрадовалась имъ Саша. Она уже знала о свѣтломъ мирѣ между Лидіей Михайловной и братомъ и недолго казнила себя за свои подозрѣнія, которыя теперь признала нечистыми. Дѣвушка сразу ожила, и лицо ея опять дышало смѣхомъ, который искрами разсыпался при малѣйшей возможности.

Вечеромъ на террасѣ накрыли большой столъ. А художники устроили „грандіозный фейерверкъ и табло, при освѣщеніи бенгальскаго огня“, какъ значилось на громадной, пестро разрисованной и дурачливо расписанной ими, афишѣ.

Фейерверкъ жгли на обрывѣ, передъ террасой. На террасѣ за столомъ сидѣли старый морякъ, Арина Ивановна, Шугаевъ и его жена. Эльмонтъ съ утра уѣхалъ на своей лодкѣ въ море.

Съ обрыва доносились голоса, смѣхъ, и всѣхъ звончѣе былъ голосъ Саши.

Вечеръ для фейерверка былъ необыкновенно благопріятенъ вначалѣ: ночь темна и спокойна, только съ моря дулъ вѣтерокъ, но тихо и порывами. Какъ будто ему тяжело было тащить изъ-за моря темныя, косматыя тучи.

Когда первая ракета, какъ огненная птица, пронизала воздухъ, Саша восторженно ахнула:

— Вотъ такъ взвилась, чудо!

— Шшш... ж-жу!

— Точно змѣя!

— Точно комета!

Прозоровъ, поднимая руки къ летящему огню, воскликнулъ:

— Такъ бы и уцѣпился за ея хвостъ и полетѣлъ вмѣстѣ съ нею.

Ракета съ трескомъ разорвалась, и Майновъ мечтательно проговорилъ, любуясь изумрудно-алыми и золотисто-огненными звѣздами, разсыпавшимися во мракѣ:

— Эти разноцвѣтные огни, они похожи на падающіе съ неба звѣздо-цвѣты.

— Какъ?—насмѣшливо переспросилъ Прозоровъ.—Нелѣпое сочетаніе,—осудилъ онъ же.—Тогда можно назвать тебя: художъ-поэтъ. Такъ какъ ты художникъ и поэтъ.

Старый морякъ нахмурился, когда ракета выстрѣлила въ небо. Ему это напомнило пережитое.

— Когда я слышу этотъ трескъ и вижу эту пронизывающую сумракъ огненную струю,—заговорилъ онъ, по обыкновенію, мало интересуясь, слушаютъ его или нѣтъ:—я вспоминаю гибель корабля. На немъ шли въ Индію женщины, живой товаръ. Еще незадолго до гибели на кораблѣ раздавались пѣніе, смѣхъ, шумъ женскихъ голосовъ, пьяное веселье. Но когда мы пришли на помощь, корабля уже не было, и только на коралловомъ рифѣ уцѣлѣли нѣсколько случайно спасшихся женщинъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, съ растрепанными волосами и разодранными одеждами. На этомъ рифѣ теперь горитъ маякъ, какъ погребальная свѣча, и называется маякъ, какъ назывался корабль— „Дедалосъ“.

— „Дедалосъ“,—повторила, какъ эхо, Лидія Михайловна.— Въ самомъ названіи этомъ есть что-то зловѣщее.

Шугаевъ гдѣ-то, когда-то слышалъ, что во время большой опасности, грозящей кораблю, съ него пускаютъ ракету. Онъ высказалъ это вслухъ.

— Да,—подтвердилъ старый морякъ.—Пускаютъ ракету или стрѣляютъ изъ пушки.

— Лидія Михайловна!—раздался голосъ Прозорова съ обрыва.—Да взгляните же хоть на брильянтовое солнце,—оно символизируетъ васъ.

— Ваша слава загорѣлась, какъ солнце!—подхватилъ вѣчный шаферъ.

— Но не такъ скоро погаснетъ,—добавилъ Майновъ.

Усатый шаферъ подошелъ къ колесу съ зажженной свѣчкой.

— Зажигай, зажигай, но не подожги себѣ усы, которыми ты такъ гордишься,—предостерегъ его Прозоровъ.

Майновъ со смѣхомъ повторилъ фразу, которую его маленькій братишка сказалъ объ этомъ художникѣ:

— Вострухинъ очень заботится о своихъ усахъ.

Лидія Михайловна подошла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда огненное сверкающее колесо, брызгая золотыми искрами, завертѣлось на оси.

— Браво! Восхитительно!—привѣтствовали восторженные голоса это красивое зрѣлище.

— Великолѣпный пиротехникъ!—одобрилъ скульптора Прозоровъ.—Онъ гораздо лучше лѣпитъ ракеты, чѣмъ портреты.

— Выведите его, онъ остритъ!—крикнулъ вѣчный шаферъ.

— Да еще скверными стихами.

Сизовъ вскочилъ верхомъ на палку и сталъ скакать вокругъ вертящагося брильянтоваго солнца.

— Я изображаю движеніе земли вокругъ солнца,—пояснилъ онъ, потѣшая присутствующихъ.

— Что у васъ еще тамъ осталось?—освѣдомился Прозоровъ, когда солнце погасло, оставивъ по себѣ тьму и чадъ.

— Римскія свѣчи и Сегнерово колесо, шутихи и прочее прочее...

— Давайте римскія свѣчи! Давайте римскія свѣчи!—шумѣла Саша.—Это самое красивое!

— Римскія свѣчи, во славу Александры Матвѣевны! — воскликнулъ Прозоровъ.

Майновъ густымъ басомъ пропѣлъ:

„Во славу Александры Матвѣевны!"

— Спѣлъ бы, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь хорошее,—обратился къ нему Сизовъ.

— Еще далеко до полночи. Время пѣтуховъ не настало,—сострилъ Прозоровъ.

Майновъ пожаловался хозяйкѣ:

— Лидія Михайловна, прикажите его вывести: онъ сострилъ вторично.

— До трехъ разъ, — отозвалась она, чтобы только не огорчать ихъ своимъ безучастіемъ, и пошла обратно къ террасѣ.

— Лидія Михайловна, куда же вы? — огорченно пытался остановить ее Майновъ.

— Я не выношу этого чада,—оправдывалась она.—У меня всегда отъ этого болитъ голова. Мнѣ и оттуда отлично видно все.

Старый морякъ пошелъ ей навстрѣчу, бормоча что-то про себя.

Шугаевъ встрѣтилъ Лидію Михайловну словами:

— Эти художники умѣютъ веселиться. И веселятся, какъ мальчики, не обращая вниманія на свой почтенный возрастъ.

— Дѣло ихъ легкое. Никакой сурьезности въ немъ нѣтъ. Оттого и веселятся, —уловивъ въ тонѣ сына непріязненную ноту, замѣтила Арина Ивановна.

Шугаевъ не сдержался и прибавилъ еще:

— Это, конечно, чрезвычайно пріятно такое веселье, только немножко утомительно.

Лидія Михайловна нахмурилась и покраснѣла:

— Я могу сказать, чтобы они прекратили.

Шугаевъ поспѣшилъ успокоить ее:

— Не въ этомъ дѣло... не для того я. У меня послѣднее время нѣсколько поразстроились нервы.—Онъ замѣтилъ, какъ дрогнули ея рѣсницы, и добавилъ интимно: Не хмурься, пожалуйста. Не ищи въ моихъ словахъ намековъ.

Вѣтеръ успѣлъ вытянуть изъ-за моря большую тучу, закрывшую горизонтъ съ яркими звѣздами, и потянулъ напряженнѣе и сырѣе. Ракеты взвивались одна за другой, точно хотѣли остановить тучу. Но она росла и росла и глотала звѣзды и небесную синеву.

Вѣтеръ потянулъ съ моря.

— Какъ бы они не сожгли домъ,—опасалась Арина Ивановна.

На обрывѣ Сизовъ крикнулъ слишкомъ приблизившейся къ огню Сегнерова колеса Сашѣ:

— Александра Матвѣевна, отойдите! На васъ искры летятъ.

— Я ни въ водѣ не тону ни въ огнѣ не горю.

XXXII.

Прозоровъ отдѣлился отъ товарищей и подошелъ къ террасѣ.

— Лидія Михайловна, что же вы? Главная виновница праздника—и все сторонитесь насъ. Что съ вами сталось? Гдѣ наша прежняя Лидія Михайловна? Профессоръ, верните намъ прежнюю Лидію Михайловну.

Сизовъ съ обрыва крикнулъ:

— Лидія Михайловна! Сейчасъ засверкаетъ вашъ вензель.

Всѣ голоса закричали съ обрыва:

— Лидія Михайловна! Лидія Михайловна!

Непріязненный тонъ замѣчаній Шугаева и матери вызвалъ въ ней острую досаду и желаніе поддержать своихъ пріятелей. Преувеличенно бодрыми словами она отозвалась на ихъ призывъ:

— Здѣсь, друзья мои, здѣсь! Пока улыбка еще идетъ къ намъ, не будемъ гнать ее. Будемъ веселиться!—И она съ вызывающимъ лицомъ обратилась къ Шугаеву:—Профессоръ, идемте съ нами. Веселье не такъ продолжительно, какъ горе, и потому имъ надо дорожить.—И, не дожидаясь отъ него отвѣта, она направилась къ обрыву.

Ея рѣчь и возвращеніе привѣтствовали веселыми криками.

Майновъ громко запѣлъ:

„Будемъ веселы, друзья,
Пока громъ не грянетъ".

Остальные подхватили:

„Послѣ юности веселой,
Послѣ старости тяжелой
Насъ уже не станетъ".

Арина Ивановна, оставшись одна съ сыномъ, мысленно раскаялась, что подзудила его. Ей стало жаль сына, оставшагося съ нею, старухой, и она стала уговаривать его пойти туда же:

— Нельзя такъ все сидѣть да думать. Будетъ тебѣ, пойди, повеселись. И о чемъ ты все думаешь? Вѣдь ты молодой еще, а сидишь, какъ старикъ. Осунулся даже. Молодыя жены такихъ не любятъ,—сорвалась у нея непріятная фраза.

Старый морякъ возвратился, бормоча:

— Какіе вѣтры странные дуютъ,—нервные, путанные: то отсюда, то оттуда. Какъ птица съ выколотыми глазами мечется.

Онъ прошелъ мимо террасы и скрылся въ темнотѣ сада.

На обрывѣ погасло все, и Арина Ивановна захлопотала:

— Кажется, конецъ ихъ фейерверкамъ. Надо самоваръ давать. Ты ужъ угощай ихъ,—обратилась она къ сыну:— а я о самоварѣ похлопочу.

Но Шугаеву не хотѣлось ни съ кѣмъ встрѣчаться сейчасъ.

— Ихъ будетъ Саша угощать! отговорился онъ.— А я пойду пройдусь.

И пошелъ въ сторону отъ всѣхъ, заложивъ руки за спину и задумчиво опустивъ голову.

Саша вбѣжала на террасу, прыгая черезъ ступеньки, раньше всѣхъ:

— Никогда еще мнѣ не было такъ весело, какъ сегодня!

Прозоровъ, полный впечатлѣнія отъ фейерверка, шелъ съ Лидіей Михайловной и говорилъ ей:

— Въ этихъ фейерверкахъ есть что-то дерзкое, почти вдохновенное. Не правда ли, Лидія Михайловна?

Она отвѣтила, думая о своемъ и все сплетая съ тѣмъ, что ее переполняло тревогой:

— Это мимолетно, и потому такъ кажется. А продлить — и будетъ скучно.

Майновъ поймалъ ея слова и задумчиво сталъ импровизировать:

Такъ счастья пламенный полетъ
Съ сіяньемъ звѣзднымъ хочетъ слиться,
Все выше отъ земли стремится,
Пронзаетъ мракъ. Но не домчится
И черной пылью упадетъ.

— Экспромптъ? спросилъ Сизовъ.

Прозоровъ придрался къ этимъ стихамъ, чтобы пошутить надъ пріятелемъ:

— Ахъ, Лидія Михайловна, сколько одъ, сколько гимновъ и элегій онъ написалъ вамъ за эти два мѣсяца!

Майновъ схватилъ его за локоть:

— Перестань.

Прозоровъ посторонился отъ отъ него и сказалъ вслухъ:

— Не мни и не пачкай мнѣ пиджакъ. Все время ты тамъ поджигалъ фейерверкъ, а теперь хватаешься за мой свѣтлый костюмъ.

Лидія Михайловна дружелюбно обратилась къ Майнову:

— Если это правда, отчего же вы мнѣ не прислали написаннаго?

Майновъ отрекался въ замѣшательствѣ:

— Да нѣтъ, онъ неправду говоритъ.

— Правду, Лидія Михайловна!—выдавалъ его Прозоровъ.— Повѣрьте. Вотъ сегодня мы закончимъ вашъ праздникъ апоѳеозомъ. Васъ поставимъ на пьедесталъ, а его заставимъ читать. Какъ это у него?—старался онъ вспомнить стихи Майнова, несмотря на то, что тотъ умоляюще мигалъ ему глазами и дѣлалъ угражающіе знаки:

„Твой геній красотѣ завидуетъ твоей".

Майновъ взмолился:

— Лидія Михайловна, запретите ему издѣваться надо мною.

Но Саша, заинтересованная стихами, стала упрашивать:

— Не слушайте его. Читайте, читайте.

— Нѣтъ, я хочу прочесть эти стихи въ присутствіи профессора. Пускай онъ увѣковѣчитъ его за это въ банкѣ со спиртомъ. Въ послѣднее время спиртъ—его настоящая сфера.

— И единственная возможность остаться для потомства въ сохранности,—продолжалъ шутку вѣчный шаферъ.—Да гдѣ же

наконецъ профессоръ? — напрасно ища его глазами, воскликнулъ художникъ.

Лидія Михайловна видѣла, что мужъ ея ушелъ.

— Вѣроятно, онъ въ саду, — отвѣтила она, обезпокоенная его уходомъ.—Я сейчасъ приведу его.

И, несмотря на протесты не желавшихъ ни на минуту разставаться съ нею товарищей, она пошла въ садъ.

Было тяжело и стыдно чего-то и ясна непоправимость всего, что произошло. Хотѣлось остаться одной или встрѣтить мужа съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда покончить съ колючей неопредѣленностью ихъ отношеній.

Саша при видѣ холодныхъ закусокъ на столѣ, отъ которыхъ шелъ такой вкусный запахъ, съ аппетитомъ воскликнула:

— Вотъ ѣсть-то хочется! Господа, давайте примемся за все это поэнергичнѣе!

Другіе отозвались на это предложеніе съ большимъ воодушевленіемъ:

— Да, да, я голоденъ, какъ удавъ.

— А я, главное, хочу чаю.

— А я вина.

— Вотъ вино,—подала Саша Майнову бутылку.—А чаю еще нѣтъ. Господа, знаете, пойдемте за самоваромъ. У насъ самоваръ большой, сюда прислугѣ тяжело будетъ его нести.

Шафера первые вызвались итти съ Сашей за самоваромъ. Съ опасеніемъ поглядывали на небо, заволакивавшееся тучей, которая теперь сама несла вѣтеръ и шумъ волнъ, глухо гудѣвшихъ внизу подъ обрывомъ.

— Ой, какъ бы дождь не обрушился! Тогда и терраса не спасетъ. Терраса какъ разъ съ этой стороны открыта.

Прозоровъ остался съ Майновымъ вдвоемъ и, озабоченно глядя въ ту сторону, куда ушла такъ внезапно Лидія Михайловна, тихо сказалъ Майнову:

— А знаешь, вѣдь мы попали некстати.

— Что такое? Почему?

— Почему? Она несчастна.

Майновъ недовѣрчиво взглянулъ на него:

— Ты опять хочешь издѣваться надо мной?

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ серьезно говорю. Она несчастна. Здѣсь въ самой атмосферѣ чувствуется что-то удушливое. Мы попали не во-время.

Но Майновъ, который раньше съ болью думалъ о ея свѣтломъ счастьѣ, испугался предположенія своего пріятеля. Онъ замахалъ на него руками:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори. Они любятъ друга друга, иначе...

Но Прозоровъ не далъ ему договорить:

— Счастье еще вовсе не заключается во взаимности, хотя...

— Что хотя?..

— Хотя я не думаю, чтобы она его любила. А если такъ, — закончилъ онъ съ несвойственной ему серьезностью и печалью:— часто бѣда невидимымъ призракомъ становится между людьми.

Майновъ былъ ошеломленъ его словами, и самому ему казалось, что тутъ что-то неладно, но отгонялъ прочь отъ себя это подозрѣніе.

— Допустить, что она можетъ быть несчастна...—вырвалось у него съ горькимъ чувствомъ.—У меня слезы закипаютъ въ груди.

Прозоровъ опять принялъ ироническій тонъ:

— Значитъ, опять мой жилетъ въ опасности.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Сказка.

Давно раскрытыя, смѣшныя тайны дѣтства...
Давно отцвѣтшіе живыми лепестки, —
А сколько было въ нихъ наивнаго кокетства,
Жемчужной пѣны грезъ и страсти и тоски.
Онѣ развѣялись съ годами, чары сказки,
Открывши новый міръ, безстыдный и нагой,—
И...нѣтъ влюбленныхъ фей, нѣтъ молній красной пляски,
И жути нѣтъ предъ ней, предъ Бабою-Ягой.
Цвѣты осмѣяны. Душистый и стыдливый
Родникъ любви, питомецъ мотыльковъ,
Пролился въ міръ осенній и тоскливый
Фальшивой гаммою ненужныхъ, пестрыхъ словъ.
Былую ненависть, пустынныхъ бурь мятежнѣй,
Смѣнила злоба мелкая земли,
И кажется, что крылья сказки прежней
Упали мертвыя средь грязи и пыли.
Обманъ... обманъ... обманъ... У спаленокъ фіалокъ,
Тамъ, въ сумракѣ лѣсовъ, она, какъ встарь, живетъ—
И феи, и цвѣты, и лунный смѣхъ русалокъ...
И папортникъ огнемъ въ Купалы ночь цвѣтетъ...
Не сказка умерла, а сердце очерствѣло,
Вздохнувъ медвяный ядъ угрюмыхъ сѣрыхъ книгъ—
И небо чудное безъ Бога потемнѣло,
А жажда вѣчности взяла волшебный мигъ.

Сергѣй Михѣевъ.

Бѣлый Принцъ.

Сказка Маріанны Нестеровой.

Бѣдная Валя очень больна. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ она лежитъ въ бѣлой постелькѣ, не подымая съ подушки головы. Ее ничто не интересуетъ. Напрасно мама покупаетъ ей красивыя книжки съ картинками—Валя уже не можетъ ихъ смотрѣть; большая кукла валяется около ея кровати, но Валя не можетъ взять ее ослабѣвшими руками; напрасно ея любимая кошка трется, нѣжно мурлыкая, возлѣ ея постели — Валя не можетъ ее приласкать. Бѣдная дѣвочка измучилась, изнервничалась, и никто ей не можетъ угодить. Она считаетъ себя очень несчастной, отказывается принимать лѣкарства и нервнымъ порывистымъ характеромъ и капризами еще больше огорчаетъ маму.

— Лиліи! Лиліи! Вотъ купите бѣлыя лиліи!—слышится голосъ за окномъ. — Купите, добрые господа! Поддержите бѣднаго слѣпого старика!

— Мама, купи мнѣ цвѣтовъ,—просила Валя, увидѣвъ въ окнѣ большія головки бѣлыхъ лилій.

— Купите, добрая барыня, — предлагалъ старикъ: — помогите бѣдному слѣпому!

Мама взяла у старика всѣ цвѣты и принесла ихъ къ Валѣ на кровать.

— Спасибо, добрая барышня, что помогли бѣдному слѣпому, пусть Господь васъ не оставитъ!

— Отъ чего же ты ослѣпъ, дѣдушка?—спросила Валя слабымъ голосомъ.

— Отъ слезъ, милая барышня, отъ слезъ,—вздохнулъ старикъ.

— Отчего же ты плакалъ? Ну что же ты не отвѣчаешь? Гдѣ же ты? Дѣдушка! — звала Валя.

Но старика уже не было: не разслышавъ второго вопроса, онъ собралъ деньги и быстро удалился.

. . . .

Въ комнатѣ потемнѣло, спущены тяжелыя занавѣси, и только свѣтъ лампады освѣщаетъ чистенькую, уютную спальню бѣдной больной.

Тишина. Мама, утомившись за цѣлый день, уснула въ большомъ креслѣ.

Но Валя не спитъ. Полулежа въ постели, она перебираетъ слабыми руками бѣлыя лиліи и, вдыхая ихъ нѣжный ароматъ, думаетъ о бѣдномъ больномъ старикѣ, принесшемъ ей ихъ и не пожелавшемъ дать отвѣтъ на ея вопросъ. Она — добрая дѣвушка, и ей отъ всей души жаль слѣпого. Она думаетъ о томъ, что, какъ только поправится, она непремѣнно разыщетъ его, узнаетъ объ его горѣ и постарается помочь ему.

Незамѣтно отъ этихъ думъ она перешла къ мысли о томъ, какъ она поправится, поѣдетъ съ мамой въ имѣнье на цѣлое лѣто. Она вспомнила, что тамъ на пруду растутъ большія лиліи, такія же, какъ принесъ ей старикъ: она мечтала о томъ, какъ она будетъ собирать ихъ, играть съ ними и разскажетъ имъ про слѣпого старика, не пожелавшаго подѣлиться съ нею своимъ горемъ.

Погруженная въ грезы, Валя не замѣтила, какъ задремала.

Вдругъ ей послышался шорохъ. Она подняла голову и увидѣла, что лиліи, лежавшія у нея въ кровати, закачали бѣлыми головами и зашевелились. Она прислушалась и услы-

хала ихъ тихій шопотъ. Дрожа отъ сильнаго внутренняго волненія, она приподнялась на постели и ясно услыхала ихъ разговоръ.

— Мои дорогіе цвѣточки,—воскликнула дѣвочка:—о чемъ вы шепчетесь? Я никогда не слыхала, чтобы лиліи разговаривали.

— Мы умираемъ, милая дѣвочка: лилія не можетъ жить сорванной,—заговорила старшая изъ нихъ.—Но мы не жалуемся, мы счастливы, что своею смертью принесли тебѣ радость. Мы счастливы, потому что въ свой смертный часъ можемъ говорить. Лилія можетъ говорить только разъ въ жизни,—это передъ смертью. И вотъ мы всѣ разсказываемъ другъ другу, что видѣли и слышали. Мои подруги уже разсказали свои исторіи, и я счастлива, милая дѣвушка, что ты услышишь еще мой разсказъ. Много сказокъ хранитъ въ себѣ старый прудъ, гдѣ мы выросли, и не знаютъ люди, что творится на днѣ его.

— Дорогая лилія, разскажи же скорѣе, что ты знаешь!—вскрикнула Валя.

— Сестрица, — зашептали кругомъ всѣ цвѣты: — поторопись: мы всѣ хотимъ услышать твой разсказъ, и смотри, мы уже поникли головками: мы скоро умремъ. Поторопись же, сестра, усладить наши послѣднія минуты своимъ разсказомъ.

— Слушайте же, сестры, слушай и ты, блѣдная дѣвушка.

„Давно-давно, когда насъ еще никого не было на бѣломъ свѣтѣ. Давно-давно, когда за нашимъ прудомъ, гдѣ теперь разстилается лѣсъ, было еще болото, и тамъ жила маленькая замарашка. Она была дочь тины и болота. Это была простая, маленькая замарашка. Она никогда не видала свѣта и никуда не выходила за предѣлы болота, кваканье жабъ она принимала за пѣнье соловья, а болотные огоньки, загоравшіеся ночью на болотѣ, свѣтили ей вмѣсто солнца. Она никому не дѣлала зла, жила спокойно и была счастлива по-своему.

„Однажды злой Водяной, жившій на днѣ пруда и приходившій каждую ночь гулять на болото, позавидовалъ счастью замарашки и захотѣлъ нарушить ея покой. Ночью, когда замарашка бѣгала по болоту, играла съ огоньками и слушала сказки, которыя ей разсказывали старыя лягушки, про Цвѣточекъ-Ромашку, про Царевну-Кувшинчикъ и много другихъ, что знаютъ только старыя лягушки на болотѣ, Водяной подстерегъ ее, прикинулся добрымъ и сталъ смѣяться надъ старыми лягушками и надъ маленькой замарашкой.

„— Охота тебѣ слушать старыхъ жабъ,—говорилъ онъ ей:—онѣ даже не знаютъ, что такое свѣтлый день, голубое небо и жгучее солнце! Послушай лучше меня, и я разскажу тебѣ про яркое солнце, про то, какъ оно свѣтитъ въ полдень и даритъ всѣхъ вечернимъ золотомъ, когда заходитъ. Я разскажу тебѣ про звѣзды, что такъ ярко свѣтятъ ночью, про луну, эту печальную блѣдную невѣсту солнца, которая вѣчно ищетъ своего яркаго жениха и никогда не можетъ съ нимъ встрѣтиться.

„Долго говорилъ Водяной: много красивыхъ сказокъ разсказалъ онъ замарашкѣ.

„Уже давно замолкли на болотѣ лягушки, и свѣтящіеся огоньки погасли, утомленные веселой ночной игрой; а замарашка все слушала, затаивъ дыханье, хитрыя рѣчи Водяного.

„Когда же настало утро, и стали просыпаться птички и чирикать на деревьяхъ, когда взошло яркое солнце, хитрый Водяной взялъ замарашку за руку, вывелъ ее изъ лѣса и показалъ ей яркое солнце и свѣтлый день и голубое небо.

„Освѣтило солнышко всю грязь, приставшую къ ней на днѣ болота, и увидѣла замарашка, какая она грязная, маленькая, неопрятная. Стыдно ей стало зеленой травы и свѣтлаго дня, и не захотѣла она смотрѣть на свѣтлое солнышко, на голубое небо. Пошла она въ темный лѣсъ, сѣла подъ высокое дерево и горько заплакала. А Водяной, тихо посмѣиваясь, ушелъ въ болото да еще на прощанье крикнулъ ей: „Ну что же? Пойдемъ со мной обратно въ болото".

„Ничего не отвѣтила замарашка на слова насмѣшника Водяного и только горько плакала. Увидѣвъ яркое солнце, уже не могла она больше играть съ огоньками: послѣ голубого неба, стала ей противна грязь болота. Сидѣла замарашка и плакала: не могла она вернуться въ болото, и стыдно ей было показаться на солнышко. И плакала замарашка въ темномъ лѣсу, такъ долго плакала, пока горючими слезами не смыла всю грязь, приставшую къ ней на днѣ болота.

„Случилось, проѣзжалъ въ то время по лѣсу прекрасный принцъ. Это былъ добрый, справедливый и гордый принцъ. Онъ всегда носилъ бѣлыя одежды, и все царство у него было бѣлое.

„Онъ увидѣлъ бѣдную замарашку, услыхалъ ея горькія слезы—и ему стало жаль ея. Онъ слѣзъ съ коня, подошелъ къ ней и спросилъ, что у нея за горе.

„Замарашка въ слезахъ стала разсказывать свою исторію.

„— Но взгляни, вѣдь ты совсѣмъ чистая,—перебилъ ее принцъ:— слезы вымыли тебя, а горе украсило тебя. Съ каждой новой слезой, вытекающей изъ твоихъ глазъ, ты становишься все прекраснѣе. Моя бѣдная замарашка, какъ много ты перестрадала, но ты уже больше не замарашка—я тебя сдѣлаю бѣлою принцессою! Я одѣну тебя въ бѣлыя одежды. Я полюбилъ тебя, замарашка. Ты такъ прекрасна въ своей печали, маленькая царевна, что я, гордый бѣлый принцъ, самъ привезу тебѣ въ темный лѣсъ бѣлыя брачныя одежды! Я одѣну тебѣ на голову бѣлый алмазный вѣнецъ, въ которомъ алмазы будутъ горѣть такъ же, какъ твои глаза, когда ты слушаешь меня. Ты будешь королевой въ моемъ бѣломъ царствѣ, моя счастливая и чистая замарашка! Жди меня въ темномъ лѣсу, когда засіяютъ звѣзды. Я устелю твой путь такими же крупными жемчугами, какъ твои слезы, и такими же цѣнными, какъ онѣ! Я покажу тебѣ золотыя звѣзды; и блѣдная луна перестанетъ грустить о своемъ яркомъ женихѣ и улыбнется, когда ты, моя невѣста, войдешь въ свое царство!

„Замарашка слушала, затаивъ дыханье, красивыя рѣчи принца; а онъ говорилъ все ласковѣе, все нѣжнѣе, и голосъ его проникъ въ душу замарашки и согрѣлъ и успокоилъ ее. Какъ зачарованная, стояла она, прислонясь къ высокому дереву. И когда принцъ кончилъ свои рѣчи и сѣлъ на коня и уѣхалъ, приказавъ ей ждать себя, она, гордая своимъ счастьемъ, подняла голову и взглянула въ самое небо. Солнце ласково улыбнулось ей, а небо, какъ зеркало, отразило красоту ея глазъ. Замарашка ахнула и во второй разъ заплакала чистыми слезами радости, и тогда вся земля покрылась свѣжею росою, и цвѣты и травы стали пахнуть сильнѣе и ароматнѣе, принося въ даръ ея счастью свои чистые ароматы. А изъ каждой ея слезы, упавшей на землю, выростала бѣлая лилія. Солнце же, уходя на ночь за своей блѣдной невѣстой-луной, послало ей въ даръ свои золотые лучи.

„Когда вернулся принцъ и увидѣлъ ее въ вѣнцѣ изъ золота и въ одеждѣ изъ бѣлыхъ лилій, всю окруженную лиліями, онъ бросилъ драгоцѣнный алмазный вѣнецъ на землю и преклонилъ предъ нею колѣни. А замарашка, не имѣя ничего, что бы принести въ даръ гордому принцу, сорвала одну изъ бѣлыхъ лилій, окружавшихъ ее, и дала ее принцу.

„И онъ взялъ ее въ свое прекрасное бѣлое царство.

„Тогда лилія поняла, что нѣтъ выше радости, какъ умереть, принося съ собой счастье. Съ тѣхъ поръ лилія, умирая, всегда приноситъ счастье.

„Милая дѣвушка, я умираю... Поцѣлуй меня!"—тихимъ шепотомъ закончила разсказъ лилія и поникла головой.

— Лилія! Лилія, живи! Я не хочу твоей смерти. Мнѣ не надо счастья!—вскрикнула Валя и... проснулась. Солнце весело сіяло, мать, радостная, подошла къ кровати.

— Проснулась, моя дѣточка,—сказала она.—Ну, теперь ты скоро поправишься: такой крѣпкій сонъ долженъ быстро возстановить силы. Ты проспала всю ночь и ни разу не проснулась.

— Ну, теперь скоро и на выписку,—шутя подтвердилъ старый докторъ, здороваясь съ Валей.

— Мама, а гдѣ же мои лиліи?—спросила Валя, не видя около себя цвѣтовъ.

— Онѣ завяли, и я велѣла ихъ выбросить,—отвѣтила мать.—А развѣ онѣ были тебѣ нужны? Я куплю тебѣ свѣжія, если хочешь.

— Нѣтъ, не надо, — тихо сказала Валя. — Я хотѣла только... поцѣловать бѣлую лилію...

„Парсифаль".

Очеркъ **Е. Браудо**. (Съ 10 рис.).

(Окончаніе).

Кто такое Кундри?

Безъ имени первобытная искусительница,—такъ называетъ ее въ обращеніи къ нею Клингзоръ. Безъ имени, ибо въ ней воплощено видѣніе сладострастія, источника тягчайшихъ страданій человѣчества. Ея демонской силой, силой женщины, обреченной нести въ жизнь первородный грѣхъ плоти, причину гибели тѣхъ, кто возбуждаетъ въ ней страсть, пользуется Клингзоръ въ борьбѣ противъ рыцарей Граля. Но Кундри—натура сложная, противорѣчивая, и повелитель зла не пользуется безпредѣльной властью надъ нею. Ей не чужды также и порывы раскаянія, жажда очищенія отъ грѣховъ. Уже въ первомъ актѣ мистеріи Кундри съ гордой покорностью служитъ рыцарскому ордену. Она—вѣстница Граля, готовая, въ поискахъ цѣлительныхъ травъ для Амфортаса, рыскать безъ устали, не щадя своихъ силъ, по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Аравіи. Въ рубищѣ нищей она омываетъ ноги Парсифаля, когда онъ возвращается на Монсальватъ, разрушивъ царство Клингзора. Освободившись отъ дьявольскихъ чаръ его заклятій, она знаетъ лишь одно желаніе: „служить, служить", и слова эти срываются съ ея губъ уже въ предсмертномъ забытьѣ,— съ тѣхъ губъ, которыя когда-то смѣялись при видѣ Христа, свершавшаго Свой крестный путь... Но когда глубокое раскаяніе смѣняется дурманами изступленной страсти, она опять становится покорной рабой Клингзора. Послѣдній обладаетъ способностью погружать Кундри въ тяжелый летаргическій сонъ, и только онъ одинъ можетъ вновь разбудить ее, чтобы сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ своихъ замысловъ.

Второй актъ начинается однимъ изъ такихъ страшныхъ пробужденій Кундри.

Медленно подымается она изъ бездны небытія. Вызванная силой волшебныхъ заклятій, Кундри испускаетъ страшный крикъ, какъ бы стараясь сбросить съ себя злыя чары Клингзора. Мертво и устало все въ глубинѣ ея души. Кундри жаждетъ лишь одного: смерти, вѣчнаго покоя, такъ же, какъ Амфортасъ. Ибо она знаетъ, что инстинктъ жизни, инстинктъ пола, въ силу таинственнаго предопредѣленія, ведетъ ее лишь отъ паденія къ паденію, раскрывая все новыя бездны страданій. Ея порочная душа осуждена высшими силами на вѣчныя скитанія, на муки неудовлетворенной страсти, пока не явится мужъ, способный противостоять ея чарамъ.

Волхвованіемъ Клингзора Кундри принимаетъ образъ обаятельно прекрасной женщины, пламенѣющей огнемъ ненасытной чувственности. Съ сердечнымъ трепетаніемъ прислушивается она къ мощному, свѣжему мотиву Парсифаля, появляющагося у стѣнъ волшебнаго за̀мка. Клингзоръ высылаетъ ему навстрѣчу отрядъ своихъ вассаловъ, но Парсифаль ударами меча обращаетъ ихъ въ бѣгство. Небольшая оркестровая сценка въ очень свѣжихъ краскахъ и рельефныхъ мотивахъ рисуетъ борьбу юнаго героя, его постепенное приближеніе къ заколдованной башнѣ Клингзора. Хитрый волшебникъ, слѣдящій съ вышки за битвой, происходящей у стѣнъ его владѣній, старается восторженными выкликами о красотѣ и отвагѣ юноши еще болѣе разжечь чувственныя вожделѣнія Кундри. Послѣдняя съ жадностью вслушивается въ слова своего повелителя: инстинктъ сладострастія заговорилъ въ ней вновь съ бѣшеной силой.

По знаку Клингзора башня и стѣны за̀мка проваливаются. На мѣстѣ волшебнаго за̀мка вырастаетъ дивный садъ съ роскошными яркими растеніями. Нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, одежды которыхъ похожи на большіе цвѣты, выбѣгаютъ на сцену съ разныхъ сторонъ отдѣльными группами. Эти группы женскихъ голосовъ Вагнеръ съ необычайной деликатностью и тонкостью соединяетъ въ одинъ ансамбль, и наврядъ ли во всей мiровой литературѣ можетъ быть названъ еще одинъ такой шедевръ нѣжнѣйшей вокальной звучности, какъ этотъ хоръ дѣвушекъ. Въ прелестномъ „вальсѣ“, положительно одуряющемъ своими утонченными ароматами, онѣ окружаютъ Парсифаля шаловливой толпой, осыпая его дѣтскими ласками. Юноша съ любопытствомъ разсматриваетъ граціозныя фигуры, вдыхая ихъ сладкій запахъ, и прислушивается къ ихъ серебристому смѣху, передаваемому въ музыкѣ очаровательной послѣдовательностью свѣтлыхъ аккордовъ. Но какъ только влюбленная нѣжность дѣвушекъ начинаетъ переходить въ ссору между отдѣльными цвѣтками, старающимися всецѣло овладѣть молодымъ рыцаремъ, онъ съ легкой досадой пытается отстранить ихъ отъ себя, точно желая разсѣять туманы тягостныхъ для него эротическихъ настроеній. Въ этотъ моментъ до уха долетаетъ протяжно-манящій голосъ Кундри, зовущій его по имени. Мигомъ увядаетъ и исчезаетъ вся пестрая толпа дѣвушекъ-цвѣтовъ, уступая мѣсто самой искусной въ любовныхъ соблазнахъ волшебницѣ, подвластной Клингзору.

Кундри является Парсифалю возлежащей на ложѣ изъ цвѣтовъ. Юноша съ изумленіемъ спрашиваетъ ее, откуда она знаетъ его имя. На это Кундри отвѣчаетъ слѣдующими загадочными словами:

Такъ слушай! Простъ и святъ ты
Фаль парси,
Святой простецъ ты: Парсифаль.

Туманный смыслъ этихъ словъ однакожъ становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что Вагнеръ слѣдовалъ въ истолкованіи имени Парсифаль за нѣмецкимъ ученымъ Герресомъ, по сочиненіямъ котораго онъ впервые ознакомился съ сказаніями о св. Гралѣ. Герресъ полагалъ, что имя это—арабскаго происхожденія и составлено изъ двухъ словъ: Parsi+fal (чистый простецъ), въ чемъ однако жестоко заблуждался, ибо по свидѣтельству другихъ ученыхъ, слова «fal» вообще на арабскомъ языкѣ не существуетъ. Но въ данномъ случаѣ такое филологическое заблужденіе прекрасно гармонируетъ съ идейнымъ содержаніемъ мистеріи. Парсифаль именно и есть святой простецъ, и подобное фантастическое истолкованіе его имени вполнѣ соотвѣтствуетъ драматической концепціи Вагнера.

Вкрадчивыми мелодическими фразами, поддерживаемыми деликатно и тонко инструментованнымъ оркестромъ, Кундри пытается привлечь къ себѣ Парсифаля. Она разсказываетъ ему о его матери, Герцелейдѣ, осторожно примѣшивая къ плѣнительнымъ воспоминаніямъ о дѣтскихъ годахъ эротическіе мотивы. Хитрая волшебница напоминаетъ Парсифалю о ласкахъ, которыми осыпала его мать, когда онъ возвращался домой съ охоты, и двуликое чувство любви (любовь—состраданіе, любовь—страсть) начинаетъ завораживать его сердце. Какъ трепетная сладкая мелодія, въ его душу вливаются магическіе токи женственнаго начала. Кундри далѣе говоритъ ему о горькой долѣ той, что̀ дала ему жизнь, тоскующей теперь въ одиночествѣ въ разлукѣ съ нимъ, и наконецъ открываетъ ему печальную истину: Герцелейда умерла, не дождавшись возвращенія своего горячо любимаго сына. Сраженный горемъ и страшными угрызеніями совѣсти, юноша падаетъ къ ногамъ волшебницы.

Кундри старается воспользоваться этимъ моментомъ великихъ

Священный обрядъ въ храмѣ св. Граля.

душевныхъ мукъ Парсифаля. Она пытается уговорить его отдаться женской любви, которая принесетъ ему забвеніе отъ горя и жгучаго раскаянія. Но Парсифаль весь охваченъ скорбью о матери. Въ оркестрѣ, какъ предостерегающее знаменіе, звучитъ мотивъ св. копья. Однако юноша еще не умудренъ жалостью и не понимаетъ еще значенія этого символа, оберегающаго его отъ грѣховныхъ соблазновъ. Кундри становится смѣлѣе: она обнимаетъ голову Парсифаля и, окутанная вся цвѣтными туманами волшебныхъ мотивовъ, запечатлѣваетъ на губахъ его страстный, долгій поцѣлуй, послѣдній привѣтъ матери и первый привѣтъ женской любви.

Но Кундри ошиблась, полагая, что этимъ поцѣлуемъ она сразу погрузитъ Парсифаля въ волшебный сонъ, какъ нѣкогда Амфортаса. Парсифаль, въ дѣтской непосредственности пріявшій ея ласки, внезапно рѣзкимъ движеніемъ отстраняетъ ее отъ себя. Поцѣлуй дѣвушки сообщилъ ему острую интуицію грѣха. Завѣса невѣдѣнія, которая мѣшала ему проникнуть въ смыслъ великихъ таинствъ, свидѣтелемъ коихъ онъ былъ въ храмѣ Граля, сразу разорвалась, и внезапнымъ озареніемъ всего своего существа онъ созналъ міровую трагедію. Онъ чувствуетъ, какъ въ сердцѣ его пылаетъ жгучее пламя страсти, онъ самъ страдаетъ отъ раны, отъ которой истекаетъ кровью Амфортасъ. И чувство глубокой жалости, состраданія къ несчастному королю, сознаніе своего долга спасти изъ рукъ грѣховныхъ поруганную святыню овладѣваетъ имъ. Теперь онъ знаетъ, кто такое Кундри. Онъ понимаетъ, что въ ея объятіяхъ Амфортасъ потерялъ свою чистоту, господство надъ братствомъ рыцарей. И онъ съ невыразимымъ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя Кундри. Напрасно дѣвушка пускаетъ въ ходъ сильнѣйшія свои чары. Ея лейтмотивъ извивается въ высшемъ напряженіи страсти. Она прижимается трепещущимъ тѣломъ къ чистому юношѣ, прижимается къ нему трепещущимъ тѣломъ, ласкаетъ развѣвающіяся кудри его, нѣжнымъ касаніемъ проводитъ рукой по его щекѣ. А Парсифаль видитъ духовнымъ окомъ своимъ иную картину: Амфортаса, въ безумной страсти уронившаго св. копье, и когда Кундри вторично прильнула своими горячими устами къ его устамъ, онъ еще съ большей рѣшимостью отворачивается отъ нея.

Тогда Кундри пытается другимъ путемъ—путемъ возбужденія чувства жалости—возвратить себѣ Парсифаля. Она молитъ пожалѣть ее, положить конецъ ея вѣковѣчнымъ страданіямъ, дать ей въ любви то послѣднее упокоеніе, котораго она такъ давно жаждетъ... Но мечта объ искупленіи только вновь разжигаетъ ея тѣлесную страсть, и, кажется, ни одинъ геній всемірнаго искусства не смогъ изобразить съ такой силой весь адъ человѣческой раздвоенности и всю прелесть благодатнаго преображенія, какъ Рихардъ Вагнеръ въ образахъ Кундри и Парсифаля.

Однако Парсифаль остается непреклоннымъ. Онъ знаетъ, что любовь Кундри, это—источникъ вѣчнаго проклятія какъ для него, такъ и для нея. И онъ готовъ вести ее къ иному подвигу искупленія, наперекоръ ей самой, возбуждая своей непреклонностью слѣпую ярость женщины, охваченной страстью. Побѣдителю чувственныхъ соблазновъ нечего бояться Клингзора, къ которому взываетъ теперь Кундри. Священное копье, брошенное волшебникомъ въ чистаго юношу, повисаетъ надъ его головой. Парсифаль схватываетъ его и остріемъ проводитъ въ воздухѣ знаменіе креста.

Въ то же мгновеніе замокъ и волшебникъ исчезаютъ съ лица земли, Кундри вскрикиваетъ и падаетъ на землю, покрытую тысячами увядшихъ цвѣтовъ, тѣхъ дѣвушекъ, что околдовалъ Клингзоръ, обрекшій ихъ искушать своей красотой всѣхъ чистыхъ сердцемъ и благородныхъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Парсифаль тщетно старается обрѣсти вновь путь къ горѣ святого Граля. Оскверненный поцѣлуемъ Кундри, онъ обреченъ блуждать по землѣ, подвергаясь различнымъ испытаніямъ. Геніальная прелюдія къ третьему акту, насыщенная мрачными гармоніями и глубоко скорбными темами, рисуетъ намъ скитанія юноши вдали отъ храма св. Чаши. Когда раздвигается занавѣсъ, мы вновь въ обители Гралева рыцарства. Яркое весеннее солнце озаряетъ большой лугъ, усѣянный первыми цвѣтами, и опушку темнаго лѣса, откуда вытекаетъ чистый ручей. Гурнеманцъ, теперь уже глубокій старикъ, выходитъ изъ кельи, заслышавъ тяжелые стоны, раздающіеся среди терновыхъ кустовъ въ глубинѣ сцены. Пустынникъ долго не можетъ пробраться черезъ нихъ. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ раздираетъ кустарникъ и находитъ, къ изумленію своему, Кундри, погруженную въ глубокій волшебный сонъ.

— Встань, Кундри,—обращается онъ къ ней:—зима прошла, весна пришла.

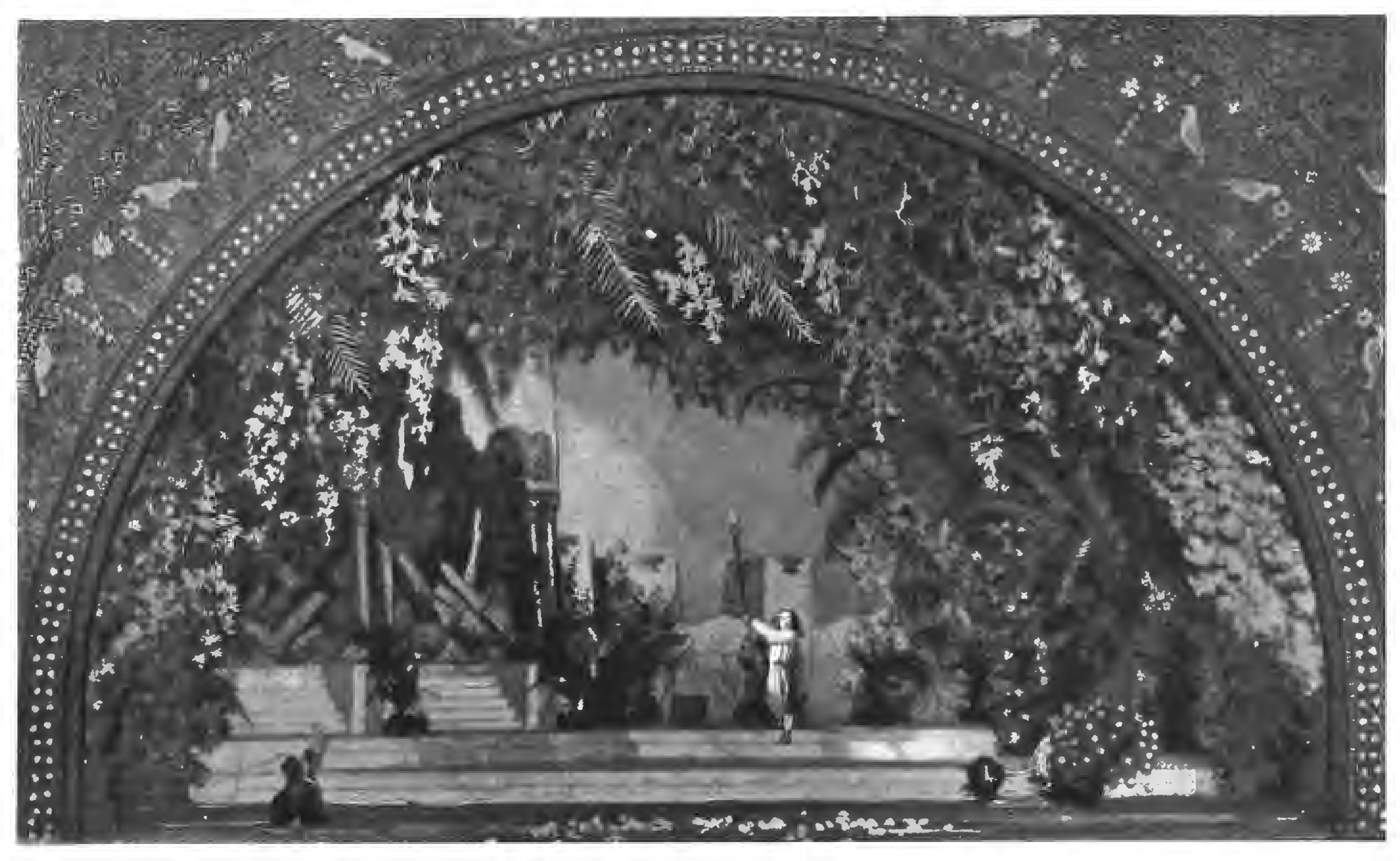
И эта радостная вѣсть комментируется въ оркестрѣ прелестной музыкальной картинкой.

Однако Кундри долго не можетъ прійти въ себя. Гурнеманцъ замѣчаетъ въ ней глубокую перемѣну. Все существо ея дышитъ смиреніемъ и кротостью. Она одѣта въ коричневое платье кающейся грѣшницы, веревка замѣняетъ ей поясъ. На ласковые разспросы Гурнеманца она отвѣчаетъ лишь: „служить, служить“, сопровождая эти слова покорнымъ жестомъ.

Затѣмъ она беретъ кувшинъ и, какъ служанка, направляется къ ручью за водой. Въ это мгновеніе медленной поступью на сцену выходитъ рыцарь въ черномъ вооруженіи, съ закрытымъ шлемомъ и опущеннымъ копьемъ. Піаниссимо интонируютъ въ мрачномъ минорѣ мѣдные духовые инструменты уже знакомый лейтмотивъ Парсифаля.

Гурнеманцъ спрашиваетъ неизвѣстнаго, не заблудился ли онъ? Незнакомецъ, видимо, сильно изнуренный, опускается на дерновый холмикъ и отрицательно качаетъ головой. Наконецъ нѣсколько раздосадованный старецъ вопрошаетъ его:

— Неужели ты не знаешь, что ты проникъ въ обитель св. Граля, и что сегодня Страстная пятница? Сложи скорѣе оружіе.



Парсифаль священнымъ копьемъ разрушаетъ замокъ волшебника Клингзора.

Бога не гнѣви, Что нынѣ не жертвъ алкалъ, но жертвой Самъ былъ, Кровью спасая грѣшный міръ.

Рыцарь быстро снимаетъ мечъ, вонзаетъ копье въ землю и погружается въ нѣмую молитву.

Мудрый Гурнеманцъ, съ волненіемъ присматривающійся къ колѣнопреклоненной фигурѣ, узнаетъ въ незнакомомъ рыцарѣ Парсифаля, и сразу его озаряетъ мысль, что копье, передъ которымъ благоговѣйно склонился пришелецъ, есть вновь отвоеванная имъ священная реликвія, и что чистый сердцемъ велѣніемъ высшихъ силъ призванъ отнынѣ стать во главѣ ордена Граля.

Закончивъ молитву, рыцарь радостно протягиваетъ руку своему старому наставнику. Въ глубоко прочувствованныхъ трогательныхъ музыкальныхъ фразахъ онъ разсказываетъ ему о тяжелыхъ испытаніяхъ, какія выпали на его долю прежде, чѣмъ суждено было ему возвратиться въ обитель св. Чаши. Въ свою очередь, Гурнеманцъ передаетъ ему печальную новость, иллюстрируемую соотвѣтствующими лейтмотивами, о страданіяхъ рыцарей, объ упорствѣ Амфортаса, не пожелавшаго исполнять св. служеніе, о кончинѣ Титуреля, умершаго, какъ простой смертный, лишенный лицезрѣнія Граля.

Прежде чѣмъ ввести Парсифаля въ храмъ, Гурнеманцъ желаетъ свершить помазаніе новаго властителя Монсальвата. Онъ снимаетъ съ него шлемъ и панцырь и облекаетъ его въ мантію непорочныхъ рыцарей. Въ то время, какъ наставникъ ордена посвящаетъ такимъ образомъ въ короли избранника Христа, Кундри, подобно евангельскому прообразу своему — Маріи Магдалинѣ, омываетъ ему ноги, осушая ихъ своими волосами. Двѣ дивныя мягкія темы рисуютъ въ звукахъ несказанную радость, наполняющую ея душу. Она беззвучно рыдаетъ, и Парсифаль, въ видѣ крещенія, кропитъ ей голову водой, почерпнутой изъ ручья.

Вся эта сцена проникнута библейскимъ величіемъ и неизречимой глубиной чувства. Гурнеманцъ проливаетъ елей на голову Парсифаля, и нѣжные мотивы природы вплетаются въ этотъ обрядъ чистой христіанской вѣры. Согласно ученію Вагнера о духовномъ обновленіи человѣчества, послѣднее возможно лишь тогда, когда будетъ возстановлена гармонія между человѣкомъ и окружающей его природой. Эту гармонію Вагнеръ дивно воплотилъ въ послѣдующихъ страницахъ партитуры. Преображенный крещеніемъ, Парсифаль оглядывается на міръ, блестящій росой, и цвѣты, привѣтливо ему улыбающіеся. Онъ удивляется, видя такъ много радости и солнечнаго свѣта въ день печали и крестныхъ мукъ. Не радоваться, а плакать должна была бы природа, по мнѣнію его, въ годовщину смерти Спасителя.

Но Гурнеманцъ объясняетъ ему, что день этотъ—день радостнаго искупленія природы передъ лицомъ чистаго сердцемъ. Всѣ блаженства свѣжаго весенняго утра разлиты по этой симфонической картинѣ, получившей широкую извѣстность и на концертныхъ эстрадахъ подъ именемъ „Чуда Страстной пятницы". Эта мелодически въ высокой степени благородная, гармонически геніально разработанная музыкальная идиллія представляетъ собой шедевръ деликатнѣйшей инструментовки, тончайшихъ свѣжихъ красокъ и свѣтовыхъ оттѣнковъ, особой серебристой гаммы. Въ заключительной части ея раздается благовѣстъ Гралевыхъ колоколовъ, зовущихъ насъ на похороны Титуреля. Вновь начинаютъ постепенно мѣняться декораціи, принимающія все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Въ оркестрѣ раздаются потрясающіе ритмы траурнаго марша, исполненнаго античнаго паѳоса и силы. Двѣ процессіи рыцарей идутъ другъ другу навстрѣчу. Первая сопровождаетъ гробъ Титуреля, въ другой слѣдуетъ больной король, передъ ложемъ котораго несутъ св. Чашу въ ковчегѣ. Собравшіеся рыцари, охваченные безграничнымъ отчаяніемъ, требуютъ отъ Амфортаса, чтобы онъ въ послѣдній разъ явилъ имъ Граль. Въ это время въ храмъ входитъ Парсифаль, сопровождаемый Кундри и Гурнеманцемъ. Амфортасъ при видѣ рыцарей, требующихъ отъ него служенія св. Чашѣ, разражается страшными воплями, срываетъ съ себя одежды и требуетъ, чтобы братья по ордену умертвили его и положили конецъ его мукамъ. Тогда Парсифаль касается концомъ св. копья его раны, исцѣляя такимъ образомъ короля. Затѣмъ новый повелитель ордена входитъ на возвышеніе и беретъ въ руки св. Чашу. Оркестръ интонируетъ тему Граля съ дивной модуляціей въ начальныхъ аккордахъ. Ярчайшій блескъ святыни озаряетъ храмъ. Грѣхопаденіе искуплено. Бѣлый голубь медленно спускается и паритъ надъ головой Парсифаля. Кундри бездыханная лежитъ у его ногъ. При медленно замирающихъ небесныхъ созвучіяхъ закрывается занавѣсъ.

Совершенно неописуемая заключительная музыка „Парсифаля" была послѣдней работой байрейтскаго мастера. Она достойно вѣнчаетъ трудъ всей его жизни. Доведя всѣ свои воспріятія до послѣднихъ изступленій, онъ подошелъ къ самому краю своей человѣческой организаціи и на этомъ предѣлѣ личнаго и безличнаго, человѣческаго и мистическаго, постигъ, что міръ стремится къ новой религіозной правдѣ. Безконечно прекрасенъ и возвышенъ кругъ мистическихъ идей, разрабатываемыхъ Вагнеромъ въ текстѣ „Парсифаля", этомъ высшемъ откровеніи его религіозно-философскихъ устремленій. Но на еще высшую ступень въ подъемѣ къ небу, къ послѣднимъ совершенствамъ искусства поднимаетъ насъ музыка мистеріи, недосягаемый образецъ совершенства даже по масштабу его собственныхъ геніальныхъ партитуръ. Подъ знаменіемъ великихъ религіозныхъ вдохновеній какъ бы преображается вся музыкальная техника Вагнера, какую онъ примѣнялъ при сочиненіи своихъ прежнихъ сценическихъ произведеній. Что сразу отличаетъ музыку „Парсифаля" отъ всѣхъ его предыдущихъ работъ—это обильное примѣненіе вокальныхъ ансамблей. Многочисленные хоры играютъ въ мистеріи роль „идеальнаго зрителя", какъ въ античной трагедіи. То іерархически строгіе, то мистически нѣжные, то граціозно страстные (хоры дѣвушекъ-цвѣтовъ, неожиданно напоминающіе русскимъ слушателямъ о женскихъ хорахъ Бородина), то изступленно трагическіе, они выражаютъ всю большую скалу человѣческихъ страстей, являясь одновременно вѣщателями небесныхъ велѣній и пророчествъ. Они поддерживаютъ всю архитектуру музыкальнаго храма Граля, отличающагося дивной законченностью пропорцій.

Подобное стремленіе къ красотѣ звуковыхъ формъ, быть-можетъ, не сказывается ни въ одной изъ музыкальныхъ драмъ Вагнера съ такой силой, какъ въ „Парсифалѣ". Вся драматическая концепція мистеріи открываетъ широчайшій просторъ для чисто музыкальнаго использованія поэтическихъ мотивовъ текста. Количество лейтмотивовъ, примѣняемыхъ Вагнеромъ въ мистеріи, сравнительно не велико: ихъ можно насчитать, приблизительно, около тридцати. Не столь густа также ихъ оркестровая ткань, какъ, напримѣръ, въ „Кольцѣ", непосредственно предшествовавшемъ по времени своего окончанія „Парсифалю". Зато какое богатство идей, музыкальныхъ образовъ, глубокомысленныхъ символовъ включилъ въ магическій кругъ лейтмотивовъ, оплетающихъ всю партитуру мистеріи, Рихардъ Вагнеръ. Какъ величественны торжественныя темы Вѣры, Граля, братской трапезы, господствующія надъ первымъ актомъ. Всѣмъ имъ свойственно извѣстное тяготѣніе къ церковной музыкѣ прошлыхъ столѣтій (особенно Палестрины), однако совершенно оригинальный возрожденный романскій стиль ихъ свободенъ отъ гнета искусно суженнаго религіознаго міросозерцанія. Съ діатоническимъ складомъ христіанскихъ мотивовъ великолѣпно контрастируютъ хроматически утонченныя волшебныя темы, коими повелѣваетъ во второмъ актѣ Клингзоръ. Какъ описать словами тѣ пряныя гармоніи, еще понынѣ являющіяся послѣднимъ словомъ музыкальнаго модернизма, восхитительныя мелодическія линіи, причудливые ритмы, изъ которыхъ съ величайшимъ искусствомъ выработана Вагнеромъ картина волшебнаго сада! Какое неисчерпаемое богатство фантазіи проявляетъ мастеръ въ ихъ варіаціонной обработкѣ, въ сопоставленіяхъ двухъ противоположныхъ началъ Божьяго міра. Въ послѣднія бездны человѣческаго естества мы опускаемся вмѣстѣ съ величайшимъ волшебникомъ звуковъ и вновь возносимся въ самыя высокія сферы человѣческой духовности. Пока люди не потеряли способности чувствовать въ музыкѣ ощущеніе соприкасающейся съ нами безпредѣльности, безмѣрности, „Парсифаль" всегда будетъ почитаться высшимъ чудомъ звукового выявленія послѣднихъ правдъ жизни.

Воздушная селитра Каразина.

(Къ столѣтію великаго изобрѣтенія русскаго генія).

Очеркъ **А. А. Родныхъ.** (съ портр. В. Н. Каразина).

Какъ извѣстно, селитра, привозимая изъ Чили и обходящаяся очень дорого, примѣняется въ земледѣліи, какъ удобрительное средство, а также и въ военной и промышленной техникѣ. До чего великъ спросъ на натуральную селитру, можно судить по тому, что къ намъ, въ Россію, ввозится ея до четырехъ милліоновъ пудовъ въ годъ. Въ виду постояннаго вздорожанія чилійской селитры, изсякающей съ каждымъ годомъ, наука и тутъ пошла навстрѣчу природѣ и изобрѣла „воздушную селитру", т.-е. селитру, добываемую электрическимъ способомъ изъ азота, содержащагося въ воздухѣ. Въ настоящее время устроено уже нѣсколько заводовъ для добыванія воздушной селитры, и западно-европейская наука протрубила по всему міру о новомъ завоеваніи воздуха. А между тѣмъ это великое открытіе науки сдѣлано уже давнымъ-давно и именно у насъ, въ Россіи.

Сто лѣтъ тому назадъ эта геніальная мысль пришла въ голову одному изъ великихъ русскихъ людей — Василію Назаровичу Каразину.

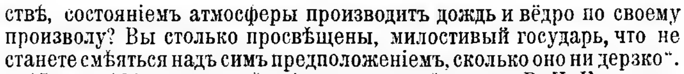
В. Н. Каразинъ, давшій мысль объ учрежденіи въ Россіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, основатель Харьковскаго университета и учредитель Филотехническаго общества въ Харьковѣ.

Любовь къ естественнымъ наукамъ проявилась у В. Н. Каразина съ юныхъ лѣтъ, при чемъ съ наибольшею охотою онъ занимался метеорологіей и химіею. Метеорологическія наблюденія онъ производилъ около 40 лѣтъ, и, конечно, они не могли его удовлетворять въ строго-научномъ смыслѣ; почему онъ и пришелъ къ мысли о необходимости организаціи повсемѣстныхъ наблюденій надъ метеорологическими явленіями для того, чтобы получить возможность предсказывать погоду.

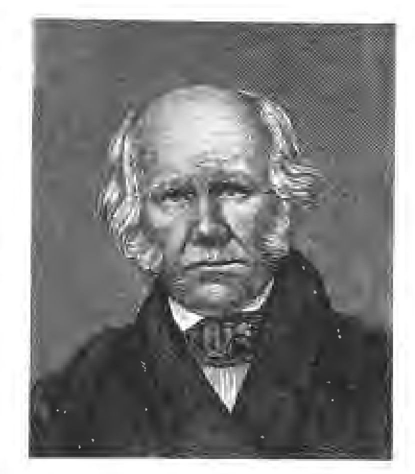
15 марта 1810 года В. Н. Каразинъ, которому было тогда 37 лѣтъ, прочелъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Естествоиспытателей „Записку о метеорологіи“, въ которой и изложилъ свои завѣтныя мысли объ организаціи всего дѣла.

29 марта 1814 г. В. Н. Каразинъ послалъ изъ Москвы графу Аракчееву въ Парижъ изложеніе своего новаго способа производить селитру изъ газовъ посредствомъ электрическихъ искръ, низведенныхъ съ верхнихъ слоевъ атмосферы. Онъ предлагалъ для этого устроить воздушные шары и пускать ихъ въ верхніе слои атмосферы на шнурахъ, чрезъ которые должна проходить серебряная проволока, соединяющаяся внизу съ мѣднымъ высеребреннымъ шаромъ. Воздушный шаръ долженъ былъ играть роль собирателя атмосфернаго электричества, серебряная проволока — роль проводника, а высеребренный шаръ—конденсатора электричества, своего рода лейденской банки. Такимъ образомъ получался бы громадный электрическій приборъ огромной силы съ даровой добычей электричества.

„Открытіе о составленіи селитры посредствомъ облачной электрической силы назвалъ я принадлежащимъ къ числу важнѣйшихъ,—писалъ В. Н. Каразинъ 9 апрѣля 1814 г. во второмъ своемъ письмѣ въ Парижъ къ графу Аракчееву.—Не причтите, милостивый государь, къ самолюбію сего выраженія. Если опытъ, какъ надѣюсь я совершенно, утвердить мое предположеніе о низведеніи электричества съ верхнихъ слоевъ атмосферы, то будетъ пріобрѣтено новое орудіе, которымъ человѣкъ донынѣ еще не владѣлъ... Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою электрической силы, въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ею располагать по своей волѣ!.. Не одну селитру станемъ тогда созидать... Въ воображеніи я еще гораздо болѣе предвижу. Поелику электричество употребляется природою первымъ орудіемъ къ произведенію метеоровъ, то не достигнетъ ли когда-нибудь посредствомъ онаго человѣкъ до возможности располагать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ, состояніемъ атмосферы производить дождь и вёдро по своему произволу? Вы столько просвѣщены, милостивый государь, что не станете смѣяться надъ симъ предположеніемъ, сколько оно ни дерзко“.



15 мая 1814 года графъ Аракчеевъ увѣдомилъ В. Н. Каразина, что онъ препроводилъ его бумаги въ военное министерство. Военно-ученый Комитетъ призналъ въ 1815 г., что теорія приготовленія селитры по способу В. Н. Каразина основана на неоспоримыхъ физическихъ истинахъ.



Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, впервые, сто лѣтъ тому назадъ, открывшій добываніе воздушной селитры.

Въ мартѣ 1818 г. по Высочайшему повелѣнію предложеніе В. Н. Каразина разсматривалось въ Академіи Наукъ. Заключеніе далъ академикъ Фусъ, который совсѣмъ не понялъ и не оцѣнилъ идеи Каразина о примѣненіи атмосфернаго электричества къ нуждамъ человѣка и остановился только на предложенномъ имъ электро-атмосферномъ снарядѣ, устроеніе котораго онъ призналъ безполезнымъ. Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присоединился къ этому мнѣнію, и идеи В. Н. Каразина были оставлены безъ вниманія и забыты.

Что идеи Каразина таили въ себѣ великія истины, доказывается ихъ осуществленіемъ на дѣлѣ болѣе чѣмъ полвѣка спустя послѣ его смерти,—В. Н. Каразинъ съ горечью предчувствовалъ, что его идею используютъ въ Западной Европѣ. Въ 1860 г. астрономомъ Леверье были высказаны мысли о способахъ развитія метеорологіи, совершенно схожія съ идеями Каразина, но успѣхъ ихъ былъ иной:—онѣ были встрѣчены съ восторгомъ. Ученые стали работать въ этомъ направленіи и подхватили идею Каразина о воздушной селитрѣ: уже лѣтъ восемь она ввозится къ намъ въ Россію изъ Норвегіи. Въ Россіи были произведены опыты въ лабораторіяхъ Политехническаго Института, Михайловской Артиллерійской Академіи и Сестрорѣцкаго завода Комиссіей, учрежденной въ концѣ 1905 г. по распоряженію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича Генералъ-Инспектора по Инженерной части. Надо полагать, что труды въ этой области профессоровъ Сапожникова, Горбова и Миткевича привлекутъ капиталы русскихъ промышленниковъ, и Россія освободится отъ ввоза иностранной „воздушной“ селитры, заведя свои заводы и поставивъ памятникъ создателю русской воздушной селитры Каразину.

Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. I. Общій видъ зданія Соляного Городка, въ которомъ помѣщается Музей. 2. Педагогическій персоналъ Музея во главѣ съ директоромъ ген.-лейт. З. А. Макшеевымъ, даетъ объясненія экскурсіи кадетъ III корпуса, Императора Александра II.

50-лѣтіе Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній.

(Съ 2 портр. на этой стр.).

9 февраля с. г. исполняется 50-лѣтіе существованія Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Подъ этимъ наименованіемъ существуетъ полвѣка одно изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ педагогическихъ учрежденій, призванное служить наравнѣ съ военнымъ образованіемъ и образованію вообще.

Педагогическій Музей Военно-учебныхъ заведеній своимъ возникновеніемъ прежде всего обязанъ Д. А. Милютину, знаменитому военному министру того времени, или, вѣрнѣе, тому общему просвѣтительному духу, которымъ отличалась дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Д. А. Милютинъ считалъ необходимымъ поднять образовательный уровень всего русскаго народа для того, чтобы достаточно широко стоялъ образовательный уровень русскаго солдата, являвшагося въ армію послѣ введенія всеобщей воинской повинности изъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не найдя прямого сочувствія въ тогдашнемъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, военный министръ Д. А. Милютинъ рѣшилъ самъ близко стать къ дѣлу народнаго просвѣщенія, пробудить и поддержать въ обществѣ интересъ къ школѣ и къ вопросамъ образованія и воспитанія. Результатомъ этого явилась цѣлая сѣть такъ называемыхъ „милютинскихъ гимназій“, а кромѣ того, на призывъ военнаго министра горячо откликнулось все русское общество, выдвинувъ изъ своей среды для сотрудничества съ Д. А. Милютинымъ рядъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ дѣятелей въ области педагогики. Тѣсно сплоченный кружокъ такихъ дѣятелей и содѣйствовалъ возникновенію Педагогическаго Музея. Ближайшими организаторами этого Музея явились главный начальникъ Военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ и первый директоръ Музея, В. П. Коховскій. Этимъ лицамъ Музей обязанъ своимъ вступленіемъ въ жизнь.

Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Первый директоръ Музея В. П. Коховскій.

Офиціально Педагогическій Музей началъ существовать съ 9 февраля 1864 года. Первое время онъ помѣщался на Васильевскомъ Островѣ, а въ 1871 году былъ переведенъ въ Соляной Городокъ, гдѣ находится и понынѣ. Популяризаторское значеніе Соляного Городка, столь извѣстное каждому интеллигентному человѣку, тѣсно связано съ дѣятельностью Педагогическаго Музея.

Учредители Музея поставили ему слѣдующія задачи: широкую популяризацію научныхъ знаній въ широкихъ слояхъ общества и въ народныхъ массахъ и затѣмъ (это была задача чисто вѣдомственная) снабженіе военно-учебныхъ заведеній и войскъ учебными пособіями для временнаго пользованія, а также содѣйствіе составленію и изданію чтеній для солдатъ. Средствами для осуществленія этихъ задачъ (и въ особенности первой, болѣе широкой задачи) должны были служить постоянныя и временныя выставки учебныхъ пособій, публичныя лекціи, народныя чтенія, издательская дѣятельность и т. п.

Первымъ изъ этихъ средствъ Музей воспользовался прежде всего. Самое наименованіе свое, говорящее о показательности и наглядности, онъ получилъ отчасти отъ этого, практиковавшагося имъ, могучаго способа просвѣтительной дѣятельности: какъ музей, онъ сосредоточилъ въ себѣ постоянную выставку образовательныхъ пособій и средствъ. А затѣмъ Музеемъ въ разное время былъ устроенъ цѣлый рядъ временныхъ выставокъ, начало которымъ было положено первой въ Россіи педагогической выставкой, организованной въ 1866 году еще въ старыхъ помѣщеніяхъ Музея на Васильевскомъ Островѣ.

Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Нынѣшній директоръ Музея Генералъ-лейтенантъ З. А. Макшеевъ.

Въ 1875 году Музей впервые выступилъ за границей на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и получилъ тамъ восемь наградъ за выставленные имъ учебно-воспитательные экспонаты. Успѣхъ выставки Музея въ Парижѣ былъ такъ великъ, что французское правительство рѣшило устроить въ Парижѣ такой же Педагогическій Музей. Въ послѣдній разъ Музей выступилъ со своими экспонатами на международной выставкѣ въ С.-Петербургѣ „Устройство и оборудованіе школы“ (въ 1912 году). За участіе на этой выставкѣ Музею была присуждена большая золотая медаль Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Съ 1871 года въ Музеѣ начались народныя чтенія. Первое такое чтеніе („О Святой Землѣ“) происходило 28 декабря 1871 года и привлекло около 200 слушателей. На слѣдующія чтенія стало собираться все болѣе и болѣе народа, такъ что приходилось въ одинъ день назначать по 4—5 чтеній одно за другимъ, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ.

Непремѣнную принадлежность такихъ чтеній составляли музыка и пѣніе. Желаніе обезпечить Музей безплатными исполнителями музыкальныхъ номеровъ явилось толчкомъ къ учрежденію при Музеѣ „Общедоступныхъ музыкальныхъ классовъ“ (нѣчто въ родѣ народной консерваторіи). Эти классы привились въ Музеѣ, стали очень популярными въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ явились однимъ изъ главныхъ источниковъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для существованія Музея. Въ музыкальныхъ классахъ, существующихъ и понынѣ, ежегодно обучается до 350 человѣкъ...

Съ 1872 года въ Музеѣ начались также спеціальныя чтенія для солдатъ. Въ 1898 году эти чтенія однако прекратились, такъ какъ при войсковыхъ частяхъ были организованы свои собственныя войсковыя аудиторіи, и Музей съ того времени лишь обслуживаетъ эти аудиторіи свѣтовыми картинами и матеріаломъ для чтеній.

Особенно важное значеніе въ жизни Педагогическаго Музея имѣли публичныя лекціи, начавшіяся съ 1872 года. За 40 лѣтъ въ Музеѣ было прочитано 2.235 лекцій, съ замѣтнымъ преобладаніемъ темъ по литературѣ, естествознанію и педагогикѣ (въ связи съ психологіей и философіей).

Говоря о дѣятельности Педагогическаго Музея, нельзя не остановиться на ежемѣсячно устраиваемыхъ имъ собраніяхъ преподавателей учебныхъ предметовъ курса средней школы. Въ этихъ засѣданіяхъ за все время ихъ существованія было сдѣлано свыше 2.000 докладовъ и сообщеній по вопросамъ обученія и воспитанія.

За послѣдніе годы Музей, подъ управленіемъ его нынѣшняго энергичнаго директора, извѣстнаго военнаго педагога генералъ-лейтенанта З. А. Макшеева, сталъ устраивать педагогическіе съѣзды, привлекающіе массу членовъ и вносящіе много новаго и свѣжаго въ нашу педагогическую жизнь. Начиная съ 1906 г., Музеемъ было организовано уже пять такихъ съѣздовъ.

Наконецъ въ 1900 году при Музеѣ были учреждены курсы для подготовленія воспитателей кадетскихъ корпусовъ, а въ 1904 г.—курсы для подготовки преподавателей этихъ корпусовъ.

Въ настоящее время Педагогическій Музей представляетъ собою громадное и разностороннее учрежденіе, имѣющее своей цѣлью усовершенствованіе учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Въ немъ собраны богатыя коллекціи школьныхъ пособій, пособій для изученія человѣка, какъ предмета воспитанія, и пособій для внѣшкольнаго образованія. Всѣ эти пособія сосредоточены въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кабинетахъ, въ Психологической Лабораторіи Педагогическаго Музея и въ Кабинетѣ гигіэны.

Зданіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Казани, построенное на средства, собранныя Совѣтомъ Курсовъ со взноса платы за слушаніе лекцій въ теченіе 1906—1912 г.г. Постройка зданія обошлась около 135.000 руб.

Новый курсъ экономической и финансовой политики.

(Вопросы внутренней жизни).

Отставка В. Н. Коковцова, награжденнаго за десятилѣтнее управленіе русскими финансами титуломъ графа, и назначеніе на постъ министра финансовъ П. Л. Барка по своему общественному значенію выдѣляются изъ ряда обычныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ правительства. Всѣ инстинктивно чувствовали, что со смѣною лицъ здѣсь связаны перемѣна всего курса нашей финансовой политики и коренной переломъ всей нашей экономической системы. По цѣлому ряду вопросовъ финансоваго управленія, какъ, напримѣръ, по вопросу о храненіи колоссальнаго русскаго золотого запаса у заграничныхъ банкировъ по сравнительно низкому проценту съ заключеніемъ займовъ по высокому проценту, по вопросу о медленномъ развитіи мелкаго народнаго кредита, по вопросу объ усиленномъ насажденіи частнаго желѣзнодорожнаго строительства, часто съ ущербомъ для уже существующихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ, казенная эксплоатація котораго обезпечила гигантскій ростъ этого народнаго порока,—русское общественное мнѣніе давно уже безповоротно разошлось съ системой нашего финансоваго вѣдомства. Задолго раньше, чѣмъ потерять почву въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, экономическая политика эта утратила опору въ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ послѣдняя перемѣна въ составѣ правительства вполнѣ оправдывается высшими соображеніями государственной необходимости. Выражая одобреніе десятилѣтней работѣ министра финансовъ милостивыми словами рескрипта и награжденіемъ графскимъ титуломъ, Государь Императоръ въ рескриптѣ на имя его преемника по министерству устанавливаетъ начала новаго курса, въ основу котораго должны быть поставлены отрезвленіе народа, борьба съ разорительнымъ порокомъ пьянства и подъемъ народнаго благосостоянія путемъ организаціи дешеваго, каждому труженику доступнаго, кредита. Съ глубокимъ волненіемъ и радостью будутъ прочитаны эти слова Высочайшаго рескрипта всею трудовою Россіею. Уже самъ по себѣ высокій авторитетъ Царской власти укрѣпитъ народъ въ непосильной борьбѣ съ соблазномъ алкоголизма. Въ этомъ смыслѣ Высочайшій пріемъ депутаціи Всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ, совершившійся наканунѣ обсужденія питейнаго вопроса въ Гос. Совѣтѣ, имѣлъ глубоко знаменательное значеніе. Призывъ къ трезвости, раздавшійся съ высоты Трона, даетъ могучій моральный толчокъ отрезвленію народа, будетъ широко использованъ трезвенниками-агитаторами, заставитъ сельское духовенство, нерѣдко попустительствующее пагубному соблазну широкимъ допущеніемъ спиртныхъ напитковъ на деревенскихъ свадьбахъ, похоронахъ и пр., занять относительно губящаго деревню зла иную позицію, болѣе сообразную съ высокимъ достоинствомъ церкви, осуществленіе же Высочайшаго наказа о помощи трудящемуся населенію дешевымъ, общедоступнымъ кредитомъ способно экономически воскресить обнищалую и разоренную деревню. Правильно поставленный кредитъ, направленный на производительныя нужды, даетъ возможность работать лишеннымъ работы и заработка, путемъ затратъ на усовершенствованныя орудія и матеріалы производства онъ повышаетъ производительность труда, даетъ толчокъ къ пышному развитію производительныхъ силъ страны и населенія, какъ чудодѣйственный талисманъ, рождаетъ кипучую жизнь, довольство и богатство тамъ, гдѣ царили неприкрытая бѣдность, нищета, всеобщій застой, отчаяніе и голодная злоба противъ всего міра. Новая программа, преподанная новому министру финансовъ, ставитъ на очередь грандіозныя задачи оздоровленія больныхъ корней русской государственности. Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, объявленнаго народу 19 февраля 1861 г., и послѣ освобожденія отъ гнета безконтрольной бюрократіи, провозглашеннаго 17 октября 1904 года, Россія приступаетъ теперь къ освобожденію народа отъ зеленаго змія и отъ широко раскинувшаго свои сѣти ростовщичества частныхъ посредниковъ государственнаго кредита. Разорвавъ незамѣтно опутавшія всю Россію золотыя цѣпи, предначертанная въ рескриптѣ финансовая реформа даетъ нашему отечеству одно изъ величайшихъ благъ—экономическую свободу.

Учитель и учительница Старо-Сеславинскаго двухкласснаго училища въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Нилъ Кондратьевичъ и Наталья Алексѣевна Иванушкины (мужъ и жена), безсмѣнно проработавшіе на „нивѣ народной" 35 лѣтъ.

Коммерціи совѣтникъ А. Я. Прозоровъ, предсѣдатель С.-Петербургскаго Биржевого комитета, одинъ изъ крупныхъ русскихъ коммерсантовъ и выдающійся общественный дѣятель († 22 января 1914 г.).

Всероссійскій шахматный турниръ маэстро.

(Съ группой на стр. 140).

Происходившій въ СПБ. Шахматномъ Собраніи и только что закончившійся Всероссійскій турниръ займетъ видное мѣсто въ русской шахматной исторіи. Новая и болѣе прежнихъ внушительная манифистація нашего искусства, того развитія, котораго оно нынѣ застигло,—она цѣнна не оригинальностью внѣшней формы, но внутренними качествами ея участниковъ. Дѣйствительно, всероссійскіе турниры извѣстны съ 1878—9 гг., правильное устройство они получили съ 1899 г., раздѣленіе маэстро отъ любителей произошло въ 1909 г., наконецъ въ первый разъ въ 1912 г. былъ организованъ въ Вильнѣ Всероссійскій турниръ маэстро. Такимъ образомъ послѣдній является непосредственнымъ предшественникомъ нынѣшняго, отличаясь отъ него только числомъ состязавшихся (11, теперь 18), числомъ игранныхъ ими другъ съ другомъ партій (тогда по 2, теперь по 1), главнѣе же всего тѣмъ, что къ участію въ виленскомъ турнирѣ приглашались

Первый рядъ (*сидятъ*) В. П. Вертоградовъ, П. А. Евстифѣевъ, Р. С. Сальве, Ю. О. Сосницкій, П. Малютинъ, П. А. Сабуровъ, Н. Н. Кутлеръ, Г. Я. Левенфишъ, Я. В. Таубенгаусъ, П. П. Сабуровъ, С. Н. Фрейманъ.
Второй рядъ (*стоятъ*) М. Л. Ловцкій, С. М. Левитскій, С. Е. Алапинъ, А. И. Эвенсонъ, А. Д. Флямбергъ, А. А. Алехинъ, Б. О. Грегори, Е. Д. Боголюбовъ, П. П. Потемкинъ, А. А. Дурдинъ, Ѳ. И. Дузъ-Хотимірскій.
Группа членовъ Комитета участниковъ Всероссійскаго шахматнаго турнира маэстро, происходившаго въ Петербургѣ въ декабрѣ 1913 г. и въ январѣ с. г. По фот. К. Булла.

только лучшіе маэстро, нынѣ же играли всѣ русскіе маэстро, кромѣ двухъ завѣдомо сильнѣйшихъ (гг. Бернштейнъ и Рубинштейнъ), участвующихъ въ весеннемъ международномъ чэмпіонъ-турнирѣ, подготовкой къ которому и явился — помимо своего самостоятельнаго значенія—настоящій турниръ. Но внѣшне подобный другимъ, онъ внутренно отъ всѣхъ сильно отличается. Въ Вильнѣ, напр., играли тѣ, кто уже не разъ игралъ за границей, чья сила, чьи качества уже извѣстны и безспорны; въ Петербургѣ же съ этими игроками сразились такіе, которые недавно еще числились любителями, которые еще не утвердили своего званія и своего искусства. Высокій уровень послѣдняго однако вполнѣ подтвержденъ тѣмъ фактомъ, что безъ приза остались заслуженные ветераны нашей игры (С. З. Алапинъ, Г. С. Сальве, Ж. Таубенгаусъ) и даже многіе изъ болѣе молодыхъ, но вполнѣ признанныхъ игроковъ (С. М. Левитскій, С. Н. Фрейманъ, Б. Грегори). Остальные непризеры (П. А. Евстифѣевъ, С. Ф. Лебедевъ, М. З. Эльяшовъ)—любители, не смогшіе прейти въ разрядъ маэстро, зато среди призеровъ имѣются три, которые еще вчера считались любителями, теперь же, послѣ турнира—безусловные мастера: кіевлянинъ Е. Д. Боголюбовъ, второй призеръ любительскаго турнира въ Вильнѣ и побѣдоносный участникъ состязаній прошлаго года въ Лодзи; его землякъ, А. И. Эвенсонъ, въ мѣстныхъ состязаніяхъ выдвинувшійся (тамъ еще имѣется подающій большія надежды юный г. Богатырчукъ), какъ равносильный ему соперникъ и взявшій 1 пр. въ турнирѣ лучшихъ любителей въ СПБ. и петербуржецъ А. А. Смородскій, оказавшійся въ предварительныхъ состязаніяхъ Петербурга сильнѣйшимъ его любителемъ. Три новыхъ маэстро—хорошій подарокъ къ Новому году и сильная подмога остальнымъ русскимъ маэстро. Въ этомъ большая цѣнность турнира: высокимъ качествомъ партій онъ доказалъ силу русскихъ игроковъ, разбросанныхъ повсемѣстно въ Россіи.

Побѣдителями турнира, принятые, какъ таковые, въ весенній международный чэмпіонъ-турниръ Спб. Шахм. собранія, оказались А. А. Алехинъ и А. И. Нимцовичъ. Первый завоевалъ званіе маэстро въ СПБ. въ 1909 г., бралъ призы въ международныхъ турнирахъ въ Гамбургѣ 1910 и Карлсбадѣ 1911 г.г. и явился побѣдителемъ въ турнирахъ Стокгольма 1912 г. и Шевенингена 1913 г.; второй частый призеръ международныхъ турнировъ особенно значительный успѣхъ имѣлъ въ Санъ-Себастьянѣ 1912 г. На третьемъ мѣстѣ оказался А. Д. Флямбергъ, опытный игрокъ, уже и въ Вильнѣ взявшій V пр. Далѣе идетъ М. Л. Ловцкій, призеръ еще III Всероссійскаго турнира въ Кіевѣ 1903 г., Г. Я. Левенфишъ, молодой петербуржецъ, призеръ турнира въ Карлсбадѣ 1912 г., Евг. А. Зноско-Боровскій, призеръ нѣсколькихъ международныхъ и всероссійскихъ турнировъ.

Остальные, изображенные на группѣ, дѣятели Спб. Шахм. собранія, наиболѣе поработавшіе надъ устройствомъ турнира: П. Малютинъ, П. П. Сабуровъ, Ю. О. Сосницкій и др.

Евг. А. Зноско-Боровскій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 3.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29 **Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., Улица Гоголя (М. Морская), № 22.**

Тайна красиваго цвѣта лица.

Отъ одной свѣдующей.

Знаютъ ли читательницы, что хорошій цвѣтъ лица можно сохранить только „процессомъ всасыванія". Вслѣдствіе происходящаго подъ вліяніемъ воздуха постояннаго обмѣна веществъ, отжившій и пятнистый покровъ кожи долженъ былъ бы спадать въ малѣйшихъ частичкахъ, какъ чешуйки, но безконечно меньше. Сильное увеличительное стекло можетъ показать это явленіе.

Если же жизненная сила кожи ослаблена вслѣдствіе старости или другихъ причинъ, этотъ естественный процессъ обновленія замедляется, некрасивый цвѣтъ лица остается на кожѣ и становится все некрасивѣе. Каждая женщина отъ природы обладаетъ красивымъ цвѣтомъ кожи, непосредственно подъ некрасивымъ, но она не знаетъ какъ помочь природѣ сбросить наружный цвѣтъ лица, чтобы красивая молодая кожа, находящаяся подъ нимъ, появилась на поверхности. Лучшее средство, это просто взять въ ближайшей аптекѣ около 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ и на нѣсколько ночей накладывать его, какъ кольдъ-кремъ. Это ни въ коемъ случаѣ не непріятно и оздоровляетъ кожу. Дермозонъ, кажется, впитываетъ верхнія безжизненныя ткани, оставляя кожу чистой и прекрасной. Знаніе этого простого средства избавляетъ женщинъ, которыя боятся приближающейся старости, отъ большихъ заботъ.

То же самое можно сдѣлать и съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками, а такъ какъ этотъ способъ простъ, удобенъ и успѣшенъ, онъ пользуется большой симпатіей въ широкихъ кругахъ. Для достиженія совершеннаго успѣха слѣдуетъ предварительно умыться теплой водой съ хорошимъ мыломъ и хорошенько вытереться.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ". Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ Вами явная поддѣлка.

За справками обращаться въ С.-Петербургъ, почт. ящ. 371. 2308

Мыло „Конекъ"

для полученіе нѣжной бѣлой кожи и прелестнаго цвѣта лица. Цѣна куска 50 коп.

Кремъ „Конекъ"

Изъ молока лиліи. Туба 40 коп.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Пудра „Конекъ"

Изъ молока лиліи. Цѣна коробки 1 руб.

Содержитъ избытокъ жира, нѣжна, держится хорошо на кожѣ; выгодна въ употребленіи представляетъ собою среди другихъ косметическихъ препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку

Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ. Главный складъ для Россіи.
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшенная № 10

2283 17-1

БЫСТРЫЙ ПОДЪЕМЪ СИЛЪ и ДУХА ПОТОМУ ОСВѢЖЕНІЕ ВСЕГО ОРГАНИЗМА
УСПОКОЕНІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ
ВОЗБУЖДЕНІЕ АППЕТИТА, УЛУЧШЕНІЕ ПИЩЕВАРЕНІЯ
ВСЕ ЭТО ДАЕТЪ

ГЕМАТОГЕНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАР. МАГАЗИНАХЪ; ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-РА ГОММЕЛЯ
ЛИТЕРАТУРА и БРОШЮРЫ съ ОТЗЫВАМИ ВРАЧЕЙ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
ЗАВОДЪ ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ. СПБ Смоленская, 33

2208 13-1

ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ

Н. Н. БЕКЕТОВА

РЕГУЛИРУЕТЪ ПИЩЕВАРЕНІЕ и УКРѢПЛЯЕТЪ ЗДОРОВЬЕ

Золотая медаль на Гигіеническ. Выставкѣ въ Петербургѣ.

Продажа вездѣ.

Собственные магазины: СПБ.: 1) Невскій, 18. тел. 414-05. 2) В. О., 8-я лин., д. 19, тел. 405-93. **Москва:** 1) Тверская, 35, противъ кафе Филиппова, тел. 530-14; 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25. **Кіевъ,** Думская пл., д. 4. **Харьковъ,** Сумская, д. 7, тел. 10-07. **Екатеринославъ,** Проспектъ. **Севастополь. Ялта. Гурзуфъ.** Алушта.

9-1 2404

РУКОВОДСТВО КЪ ВЫБОРУ КНИГЪ, СОСТАВЛЕНІЮ и ПОПОЛНЕНІЮ БИБЛІОТЕКЪ

БЕЗПЛАТНО.

2370 2-2

Смотр. „Ниву" 1914 г. № 5 на 4-й страницѣ обложки.

ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЛѢПНО

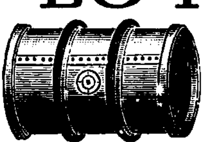
ПОСЛѢ ДОЛГОЛѢТНИХЪ СТРАДАНІЙ.

„У меня была трубка Кефалдола-Сторъ и я принялъ ее противъ невралгіи, которой страдалъ всю свою жизнь. Мнѣ, друзья мои, 74 года. Послѣ первыхъ двухъ таблетокъ я почувствовалъ облегченіе. Это было великолѣпно". Изъ письма Томаса Бехли.

Кефалдолъ-Сторъ, какъ Вамъ скажетъ каждый пользовавшійся имъ, вѣроятно, единственное средство для облегченія ревматическихъ и головныхъ болей, которое не дѣйствуетъ вредно на сердце. Это и объясняетъ то громадное требованіе на него, которое поступаетъ со всѣхъ сторонъ. Облегченіе страдающихъ это тотъ факторъ, который приводитъ въ аптеку ежедневно новыя требованія на Кефалдолъ-Сторъ. Они требуютъ Кефалдолъ-Сторъ, настаиваютъ на немъ и каждый успѣхъ приноситъ новыя требованія. Кефалдолъ-Сторъ быстро прекращаетъ инфлуэнцу и простудныя заболѣванія. 2398

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.**

Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья.

(83) Прейсъ-курантъ безплатно. 87006

Цѣль журнала — объединеніе самоучекъ. **„ЖУРНАЛЪ для ЭКСТЕРНОВЪ и УЧАЩИХСЯ"** необходимъ всѣмъ, занимающимся самообразованіемъ, экстернамъ, учащимся, ихъ родителямъ и учителямъ, а также готовящимся самостоятельно къ к.-н. **ЭКЗАМЕНУ.** Год. подп. получ. безпл. „Памятку экстерна и учащагося" на 1914—15 уч. г. Подп. цѣна: 1 г. — 3 р., 1/2 г. — 2 р., отд. № — 35 к. Треб. безпл. просп. Адр. ред. и к-ры: Ромны, Полт. г., д. № 3. Адр. запишите или вырѣжьте: публикацій до будущаго года не будетъ. Вышли №№ 1 и 2. **СТАТЬИ:** Проф. К. Ѳ. Жакова, П. А. Сорокина, Л. К. Франка и др. Выход. ежемѣсячно. Подписка продолжается. Ред.-изд. **С. С. Рѣшетниковъ.**

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. **ЗЕМСКЕРУ.** Тел. 223-14. 2293

ВСЯКАЯ ДАМА

МОЖЕТЪ ИМѢТЬ

ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

12-8 1803

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку **„БЕЛЛА-ФОРМА"**, прилагая 14 коп. марками на почтов. расходы и мы Вамъ вышлемъ таковую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.

БЕРЕГИТЕ ГОРЛО и РОТЪ

покупайте анэстезирующія и дезинфицирующія пріятныя лепешки по 75 коп. за флаконъ 2375 3-2

КОКАФОРМИНТЪ — Крепса

уничтожаютъ боль въ горлѣ и деснахъ, прекращаютъ хрипоту, першеніе, востанавливаютъ голосъ. Необходимо при насморкѣ, ангинѣ, дифтеритѣ, скарлатинѣ, коклюшѣ и плохомъ запахѣ во рту.

Депо С.-Петербургъ, Магистръ Б. Крепсъ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями; потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ. Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее.

Д-ръ Доріанъ.

Ревматизмъ.
Подагра.
Песокъ.
Ишіасъ.
Камни.
Артеріо-склерозъ.
Невральгія.

ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.

1317

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

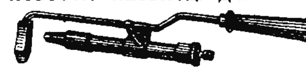
Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получать отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни"**, сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Финзеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ нашъ діэтетическій наборъ Пульмана восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани**—и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ **не секретное** средство: онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя, согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни", высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ.
-3 Напишите только открытку съ указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 2395

Thüringisches
Technikum Jlmenau
Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ.
2105 10-3
Дир. проф. Шмидтъ.

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ" (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи. Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками).
2358 15-4
Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая, №16.

---

4 НОВОСТИ НЕОБХОД. ДЛЯ ВСѢХЪ.



1) Швейц. домашн. паяльникъ для спаив. и луж. всяк. метал. предм. безъ кислоты и т. п., тоже для неумѣющихъ. Прочн., совс. безопасн., сбереж. врем. и денегъ. Ц. компл. 2 р. 25 к. 2) Чудо-**Молотокъ** соедин. 20 разн. инструм., какъ: клещи, гаечн. ключъ, отвертка, буравчикъ, 2 напильн., долото, пилка, наковальн., **тиски** и т. д. для монт. и хоз. Ц. компл. 2 р. 90 к. 3) Безопасн. машинка для бритья сист. Гиллет. съ 12 брит. (24 лезвія), посеребр., ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4) Автом. машинка для остренія всякихъ бритвъ, съ ремнемъ ц. 2 р. 50 к. Выс. нал. плат. безъ задатка. Перес. за 1 шт. 50 к., а за 2—4 шт. 80 к. **Викент. Петр. Ежевскій,**
2403 **Варшава, Х. Журавлиня. ул., № 40.** 4-1

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

2310 12-2

1977 13-7

Кто сообщитъ намъ свои адресъ, **кромѣ живущихъ въ Москвѣ,** тотъ безъ затраты времени и денегъ заработаетъ **50—100 руб.** въ мѣс. Должность или занятіе препятствіемъ не служатъ. Свѣдѣнія сообщаются немед. **по** получ. подробн. адр. и 2 семикоп. мар. Адр.: **Московск. Торгов. Союзъ,** Москва, Мясницкая, Чудовской пер., д. № 14.
2812 2-2

Вышли 3-имъ дополн. изданіемъ книги **Е. Д. Кирюшина:**
3-3 **1) „ВЫЧИСЛЕНІЯ на СЧЕТАХЪ".** 2215
Пріем. быстр. вычисл. на всѣ 4 ариѳм. дѣйст. надъ цѣл. дробн. и имен. числ., пр. и сл. %% и проч. 176 стр. Ц. 1 р. 2) **„Сборн. зад. для упражн. на счет."**, 80 стр. Ц. 50 к. 3) **„Умн. и дѣл. при пом. особ. таблицъ".** 72 стр. Ц. 50 к. (изд. 2-е). Выпис. 3 назв. кн.—10% скидки. Нал. пл. (за скид.)—2 р. 15 к., [illegible] и мар.—2 руб. Адрес. **Москва, Тверская, Бухгалт. курсы Езерскаго, Е. Д. Кирюшину.**

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ,** контор скорописъ, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.** **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ **НЕВСКІЙ, 92—11.**

+ ДАМАМЪ +

высылается безвредный препаратъ, уничтож. моментально **радикально и совершенно безъ боли** волосы рукъ, лица и т. д.
!!! Сохраняетъ свѣжій цвѣтъ лица !!!
Заказы выполняются **только** по полученіи стоимости. Адресъ можно вырѣзать и наклеить на конвертъ.
2958 2-2
Laboratorium 5, L. Schwitzer. Berlin, W. 50, Marburgerstr, 2.
Лабораторія 5, Л. Швицеръ, Берлинъ, Марбургерштр, 2.

Единственная въ своемъ родѣ
— НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ —

МГНОВЕННО ДѢЛАЕТЪ РУКИ АБСОЛЮТНО ЧИСТЫМИ, МЯГКИМИ и БАРХАТИСТЫМИ
ИДЕАЛЬНО БѢЛЫЯ РУКИ
КТО ЖЕЛАЕТЪ ИМѢТЬ ВМѢСТО КРАСНЫХЪ и МОРЩИНИСТЫХЪ ПУСТЬ УПОТРЕБЛЯЕТЪ НАСТОЯЩЕЕ БЕЗВРЕДНОЕ
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО АНЖЕЛО да КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА.
ПРОДАЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.
1828 Ц. 75 к. Тысячи благодарностей. 6-4

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ДЛЯ ВСѢХЪ

НЕ ТРЕБ. НИКАКИХЪ ЗНАНІЙ.

Простѣйшіе самоучители:

1) Устр. **долговѣч. электр. освѣщ.** безъ машинъ и станц., домаш. сред. Выс. за **60 к.**, съ нал. пл. **75 к.**

2) Изгот. **электр. аккумуляторовъ,** карм. и перен., уходъ, зарядка и пр. Выс. за **50 к.**, съ нал. пл. **65 к.**

3) Изготов. **сухихъ батареекъ** для карм. фонар. Изг. обх. 3—5 к., возобн. 2—3 к. Выс. за **40 к.**, съ нал. пл. **55 к.**

4) Устан. **телефон.** и **электр. звонковъ,** сигн. отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за **60 к.**, съ нал. пл. **75 коп.**

5) Устр. **лѣчебн. электр. аппарата.** Обход. въ 5—6 разъ дешев. покупн. Выс. за **50 к.**, съ нал. пл. **65 к.**

6) **Гальванопластика,** никкел., золочен., серебр., изгот. клише и пр. Выс. за **1 р. 10 к.**, съ нал. пл. **1 р. 25 к.**

7) Уст. **динамо-машинъ и электро-моторовъ** домаш. сред. Выс. за **1 р. 30 к.**, съ нал. пл. **1 р. 45 к.**

Перес. 2 кн. и болѣе обх. значит. дешевле. Всѣ 7 книгъ выс. за **4 р. 25 к.**, съ налож. платеж. **4 р. 40 к.**

Проспекты высыл. **безплатно.**
Адр.: Техн. **М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва,**
2-2 **Бол. Козихинскій пер., д. 4-65.** 2276

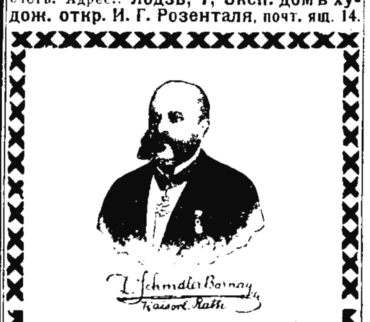
Роскошные волосы—результатъ частаго обмыванія **АХСИНОМЪ.** Цѣна порошка 20 к. Продажа вездѣ. Главн. Складъ: Аптека **Сандберга, Ровно, Волынск. губ.** 2390

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).
1466 Адресъ: (18)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ

по небывало дешевой цѣнѣ 1.000,000 художеств. открыт. писемъ. изящн. заграничн. работы, черн. и въ краскахъ. Пасхальн. любовн. сцены, женск. головки, Третьяков. гал., ландшаф., пейзажи и т. д. Для образца выс. по почт. нал. плат., даже безъ зад., ассортиментъ, цѣна за 100 шт. 1 р. 25 к., 200 шт.—2 р. 30 к., 300 шт.—3 р. 20 к.; 500 шт.—5 р.; перес. по почт. тарифу, при заказѣ 1000 шт. цѣна 10 р. и перес. за мой счетъ. Адрес.: **Лодзь, 7, Эксп. домъ худож. откр. И. Г. Розенталя,** почт. ящ. 14.



Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли" противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
2240 46-3

фото- графическіе **аппараты** продаются **ВЪ РАЗСРОЧКУ** т./д. **ЛОРЕНЦЪ и К°.**
Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42.
Прейсъ-курантъ и условія разсрочки безплатно.
2196 19-1

ФОТО графич. снимки париж. красавицъ. Для любителей высыл. въ закр. заказн. пакетѣ 50 шт. за 1 р. 20 к., перес. 35 к. Адрес.:
2353 **А. Пеніонжеку, Лодзь, Н.** 8-2

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческ. образованіе. **ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ.** Обширная программа. **СТЕНОГРАФІЯ.** Разсрочка. **АТТЕСТАТЪ. Проспектъ безплатно. СПБ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи" Р.** 2360

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ
художниковъ и коллекціонеровъ
2825 **новости париж. жанра.** 4-2
Весьма интересны; 20 шт. разн. по полученіи **3 рублей** въ заказн. или простомъ письмѣ. Харьковъ, почт. ящ. **94 отд. Н.**

Заочные курсы
БУХГАЛТЕРІИ
условія и пробн. лекціи
10-4 **БЕЗПЛАТНО.** 2255
Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
Требовать подпись: Midy
На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ
БЫСТРОЕ и ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ
(безъ кубебы—безъ спринцованій)
свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій
на каждой капсюлѣ MIDY *находится имя МИДИ*
СКЛАДЪ
Главныхъ Аптекахъ Россіи.
ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne
2118 12-5

ОЖИРѢНІЕ И ЕГО ЛѢЧЕНІЕ.

Характерной чертой ожирѣнія является черезмѣрное нагроможденіе жира въ тканяхъ, который мѣшаетъ исправному функціонированію органовъ, является источникомъ тягостныхъ ощущеній для больного и постоянно грозитъ цѣлости здоровья.

Наблюденіе показываетъ, что женщины чаще заболѣваютъ ожирѣніемъ, чѣмъ мужчины, вслѣдствіе большей наклонности женскаго пола къ этому страданію, зависящей отъ спеціальной особенности ихъ организма.

Съ другой стороны ожирѣніе не представляетъ рѣдкости и среди дѣтей, у которыхъ оно иногда достигаетъ значительнаго развитія.

Лѣченіе ожирѣнія дало поводъ опыту создать цѣлую массу способовъ лѣченія этого страданія, по большей части лишенныхъ научнаго основанія и потому совершенно непригодныхъ, которые сдѣлались богатымъ источникомъ, откуда щедрой рукой черпало шарлатанство всякаго рода. Въ виду этого при выборѣ средства въ данномъ случаѣ необходимо быть крайне осторожнымъ.

Необыкновенно важнымъ является требованіе, чтобы лѣченіе ожирѣнія было ведено постепенно и осторожно: потеря 5 до 7 фунтовъ въ мѣсяцъ, наблюдаемая въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, должна вполнѣ удовлетворить больного. Такая постепенная потеря вѣса является болѣе прочной, чѣмъ быстрое его паденіе. Поэтому-то послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія необходимо прекратить его на 12 дней и только послѣ окончанія этого перерыва приступить къ лѣченію вновь.

Среди многихъ средствъ, примѣняемыхъ противъ ожирѣнія, особенно достойнымъ вниманія является вполнѣ безопасное для человѣческаго организма и дѣйствующее вѣрно, которое въ теченіе своего шестилѣтняго примѣненія позволило убѣдиться прописывающимъ его врачамъ въ его полной цѣлесообразности: **Іодиринъ Д-ра Дэшана (Iodhirin du D-r Deschamp)** является тѣмъ именно средствомъ, о которомъ мы въ данномъ случаѣ упоминаемъ.

Іодиринъ увеличиваетъ количество выдѣляющейся желчи, усиливаетъ обмѣнъ веществъ и на самомъ дѣлѣ возрождаетъ организмъ, сообщая ему вновь потерянную энергію и живость движеній, представляющихъ теперь рѣзкую противоположность съ прежней сонливостью и тяжестью движеній. Больной начинаетъ чувствовать себя болѣе сильнымъ, обладаетъ большей энергіей и дѣлается способнѣе къ болѣе значительному и продолжительному напряженію силъ; походка его становится болѣе живой, больной менѣе потѣетъ, перестаетъ быть сонливымъ, лучше переваривbooаетъ пищу, благодаря чему спитъ превосходно.

Результатъ 3-мѣсячнаго лѣченія Іодириномъ Д-ра Дэшана.

Основываясь на шестилѣтнемъ опытѣ самыхъ выдающихся врачей міра, мы имѣемъ полное право увѣрить, что примѣненіе Іодирина противъ ожирѣнія представляетъ единственно раціональный способъ лѣченія этого страданія, способъ, вполнѣ безопасный для организма больного и основанный на данныхъ науки.

Тысячи благодарственныхъ писемъ, постоянно получаемыхъ Д-ромъ Дэшаномъ, составляютъ настоящую „Золотую книгу Іодирина". Упомянутыя письма тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они присылаются по собственной инициіативѣ больныхъ, вслѣдствіе чего могутъ быть объявляемы только съ разрѣшенія автора.

Іодиринъ Д-ра Дэшана не только является специфическимъ средствомъ противъ ожирѣнія, но и противодѣйствующимъ развитію этого страданія у артритиковъ, подагриковъ, у страдающихъ ревматизмомъ, малокровіемъ, у женщинъ, приближающихся къ періоду мэнопаузы (прекращенія регулъ) и т. п., словомъ, у всѣхъ, которымъ въ скоромъ времени угрожаетъ ожирѣніе. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ не слѣдуетъ слишкомъ опаздывать лѣченіемъ, такъ какъ такое опаздываніе влечетъ за собой нѣкоторыя неудобства и нерѣдко становится опаснымъ для организма.

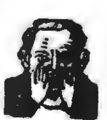
Emile Gautier,
докладчикъ по научной части парижскаго журнала „Le Journal".

Іодиринъ Д-ра Дэшана находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по цѣнѣ **4 р. 25 к.** за коробку, вмѣщающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При коробкѣ приложено подробное описаніс со способомъ употребленія на русскомъ языкѣ. 2385 4-1

Генеральное представительство на Россію:
Торов. Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко, Варшава, Журавья, 40.

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ ПО НЕБЫВАЛО ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ

1.000.000 худож. открыт. писемъ,



изящн. загран. раб., черн. и въ краск., Пасхальн., жен. гол., Трет. гал., ландш., пейз. и т. д. Для образца выс. по почтѣ нал. плат., даже безъ задатка, ассортим., цѣна за 100 шт.—1 р. 25 к., 200 шт.—2 р. 30 к., 300 шт.—3 р. 20 к., 500 шт.—5 руб., перес. по почт. тарифу. При заказѣ 1000 шт. цѣна 10 р. и перес. за мой счетъ. Адр.: Лодзь, Н. 100. эксп. домъ худож. откр. **А. А. ПЕНІОНЖЕКА.**

4-1 2388

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ по небывало дешевой цѣнѣ 1.000.000 художеств. открыт. письма изящн. заграничн. работы, черн. и въ краскахъ. Пасхальн., любовн. сценъ, женск. головки, Третьяков. гал., ландшаф., пейзажи и т. д. Для образца выс. по почт. нал. плат. даже безъ зад. ассортиментъ, цѣна за 100 шт. 1 р. 25 к., 200 шт.—2 р. 30 к., 300 шт.—3 р. 20 к., 500 шт.—5 р., перес. по почт. тарифу; при заказѣ 1000 шт. цѣна 10 р. и перес. за мой счетъ. Адрес.: Лодзь—Н. Эксп. домъ худож. откр. **М. Розенталь, почт. ящ. 398.** 2400

Georg Hessing

Технико-Ортопедическая лѣчебница.

Berlin-Lichterfel de-Ost, Wilhelmstrasse 36a.

Лѣченіе всякихъ воспаленій и искривленій суставовъ и позвоночника, также дѣтскихъ искривленій, подагры и пр. и ихъ послѣдствій безъ постельнаго режима. **Успѣшное лѣченіе прирожденнаго вывиха тазобедреннаго сустава, также результатовъ неудачнаго вправленія посредствомъ новаго патентованнаго аппарата, безъ всякой операціи и наркоза.** Проспекты высылаются по желанію 2298 3-2

ЛОНДОНЪ 1904. ВОЛЬМАРЪ 1911. РИМЪ 1911. ROMA 1911. WOLMAR 1911. LONDON 1904.

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. GRAN PREMIO. MAGNA AUREA. SUUR KULD. GREAT GOLDEN.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7. С.-Петербургъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1511 (10)

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ПОПРОБУЙТЕ НАРИСОВАТЬ ЭТО!

Пришлите намъ Вашъ рисунокъ и Вашъ адресъ. Вы сами, быть-можетъ, не знаете, какъ велики Ваши способности къ рисованію. Мы будемъ судить о нихъ по Вашему рисунку и укажемъ Вамъ путь, какъ развить Ваше дарованіе и примѣнить его къ дѣлу.

Если Вашъ рисунокъ окажется въ числѣ лучшихъ десяти, мы безвозмездно будемъ руководить Вашими занятіями рисованіемъ и живописью и будемъ высылать безплатно всѣ необходимыя пособія.

Рисунки должны быть доставлены намъ не позже 15-го февраля 1914 года по адресу: ВЪ РЕДАКЦІЮ «ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ» С.-Петербургъ, Николаевская ул., 44, кв. 29. 2394

Пейте только **охлажденный** **„Бенедиктинъ"**

Buvez la Bénédictine toujours glacée.
Trinkt Bénédictine stets gekühlt.

Старѣйшая изъ фирмъ ТОРГ. ДОМЪ
„МОРИСЪ“
Существ. съ 1881 г.
СПБ., Невскій, 43—1, уг. Троицк. Предлагаетъ готов. и на заказъ статское мужское платье, формы военныя и гражданскія, шитья собств. золотошвейн. За 7 коп. марку высыл. пр.-курантъ и журн. Моды немедл.
8-3 2314

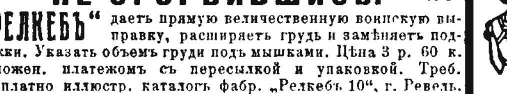
ТРЕБУЙТЕ „НЕСТОРЪ“ ВЕЗДѢ.
1896
ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

100 руб. въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія и предметъ для работ. высылаетъ при полученіи 50 к. для упаковки и пересылки. Харьковъ, почт. ящ. 94, отд. Н.
4-3 2300

ФОТогр. снимки парижскихъ красавицъ, новые каталоги съ выборомъ до 200 разн. серій, высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 коп. марки за пер.
Адр.: М. ЛИПМАНОВИЧЪ, Лодзь,—5. ящ. 526 (сокр. адр.).
2032 10-7

ХОДИ ПРЯМО!
НЕ СГОРБИВШИСЬ!
2:63 13-4



„РЕЛКЕБЪ“ даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10“, г. Ревель.

Гитары

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 125 и 150 руб.

Мандолины

въ 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125, 150 и 200 р.

Балалайки

въ 4, 5, 6, 9, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р., дешевыя 2 и 3 руб.

Гармоніи

въ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и дороже до 175 руб.

Граммофоны

усовершенствованной конструкціи въ 15, 18, 25, 35, 45, 55, 75, 100 р. и дороже.

Фортуна

лучшія музыкальныя шкатулки въ 7½, 10, 18, 25, 40, 50, 60, 85, 110 р. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію. 2387

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. Рига, Сарайная, 15.

1637 12-9

Dr. Bengue, 47, Rue Blanche, Paris.

Baume Bengué

ПОДАГРЫ - РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГІИ
Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к.
Депо во всѣхъ аптекахъ.
2143 33-7

2316 10-2

Я, Анна Чиллягъ,

выростила свои необычайно длинные (въ 185 сантиметровъ длиною) волосы, напоминающіе волосы Лорелей, благодаря 14-мѣсячному потребленію особой, **мною самою изобрѣтен.** помады. Помада эта признана единственнымъ средствомъ противъ **выпаденія** волосъ, въ то же время содѣйствующ. ихъ **рощенію** и **укрѣпленію** ихъ **корней. У мужчинъ** получается, благодаря этой помадѣ, сильный ростъ бороды, а также, даже послѣ краткаго потребленія, натуральный **блескъ** и **пышность** волосъ на **головѣ** и **бородѣ**: вмѣстѣ съ тѣмъ помада **предохраняетъ** волосы отъ **преждевременной сѣдины** до самаго преклоннаго возраста.

Цѣна банки:

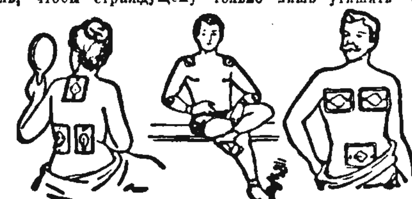
3, 5 и 8 рублей.

Высылается ежедневно почтой по полученіи денегъ или налож. платеж. во всѣ страны свѣта прямо изъ фабрики, куда и слѣдуетъ направлять всѣ заказы
2317 6-2

Anna Csillag, Wien I., Kohlmarkt, 77.

ТЫСЯЧИ избавлены

отъ ревматизма, болей въ боку, въ поясницѣ, въ спинѣ, отъ грудныхъ болѣзней, кашля и всякаго рода простуды, благодаря вѣрнѣйшему средству противъ такихъ болѣзней — **пластырю Бензона фирмы Сибури Джонсонъ.** Упорнѣйшія страданія безусловно устраняются въ нѣсколько часовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе пористые пластыри и подобныя средства требуютъ примѣненія ихъ въ продолженіе дней и недѣль, чтобы страждущему только лишь утишить боль.



Примѣненный немедленно при первыхъ же симптомахъ пластырь Бензона съ одного раза обыкновенно совершенно излѣчиваетъ и устраняетъ то, что впослѣдствіи могло бы развиться въ серьезную болѣзнь. Кому важно сохраненіе своего здоровья, долженъ всегда имѣть въ домѣ пластырь Бензона, который **очень горячо рекомендуется болѣе 5000 врачами.** Требуйте настоятельно пластырь Бензона фирмы
„СИБУРИ и ДЖОНСОНЪ“
и остерегайтесь поддѣлокъ. — Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
1725 10-6

Пластырь БЕНЗОНА

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 8.

XLV г. изданія

Выданъ 22 февраля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 4.

2304

Лѣпныя бумажныя архитектурныя украшенія. Первая медаль въ Россіи Межд. Стр. Выст. Розеты, углы, карнизы, фризы, тяги, панели, цѣлые потолки, всевозможн. украш. для стѣнъ, для отдѣлки домовъ, дачъ, церквей, лѣстницъ, всякихъ торговыхъ помѣщеній и т. п. Дешевы, практичны и красивы, легки для перевозки. Поставить можетъ всякій самъ, безъ всякихъ мастеровъ. Рамы для картинъ. Рекомендуетъ фабрика архитект. издѣлій изъ бумаги А. Г. Ильина, СПБ., Литовскій рынокъ, № 6, соб. д. Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по получ. 75 к. (можно марк.)

ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

(Polytechnisches Institut Strelitz i. Meckl).

СТРЕЛИЦ

2 ч. отъ Берлина.

4 курса въ году. Предметная система. Отдѣл.: машин., электр., отопл., газов. освѣщен., архит., желѣзо-бетонъ, желѣзн. конструкц. Механика и начертательн. геометрія преподаются на русскомъ языкѣ, 1685 слушател. (275 русскихъ), 5 лаборат. Программы высылаются по перв. требован. адресата.

108 13-13

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

постепенно, а потому незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращаетъ натуральный цвѣтъ и мягкость безвредное средство **ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ**

„ОРІАНТИНЪ"

фирмы **Parfumerie d'Orient.**

Примѣненіе этого безподобнаго средства очень простое. Множество самыхъ лестн. отзывовъ. Продается по 3 р. **(двойная коробка 5 р.)** въ парфюмерн. магазинахъ, или высылаютъ налож. платеж. В. Жолновскій. Варшава, почт. ящикъ 440.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

Постоянно на складѣ въ оптов. фирмахъ.

2419 **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДРАЖАНІЙ.** 12-1

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ

ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

PROCTOL-POEHL

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Слабительныя

пилюли **Ара**

нѣжное, безъ боли

дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ.

Коробка 95 коп.

PURGEN

ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА:

Эликсиръ, порошокъ, паста и мыло

бл. отц.

БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛАКЪ

Безусловно наилучшія изъ всѣхъ извѣстныхъ зубныхъ средствъ. Строго антисептическія и вполнѣ безопасныя для слизистой оболочки рта.

ВАЖНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ:

Флаконы Эликсира Бенедиктинцевъ безъ русской **таможенной пломбы** должны считаться **поддѣлкой.**

МОДЕЛЬ ФЛАКОНА

Духи LA FEUILLERAIE поражаютъ своей безподобной свѣжестью

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. — № 8 — г. XLV — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника"; содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 22 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 4.

В. Лишевъ. Предки. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе **художника** и заграничная поѣздка).

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова**.

(Окончаніе).

XXXIII.

Въ сопровожденіи Саши, шафера несли самоваръ. Собственно, несъ вѣчный шаферъ, самъ взявшійся за это дѣло, а Сизовъ только подсмѣивался надъ нимъ:

— Что, братъ, это не то, что вѣнецъ нести? Потяжелѣе будетъ.

Саша ужасалась:

— Зачѣмъ несете краномъ къ себѣ? Обварите ноги!

Арина Ивановна укоряла дочь:

— Что ужъ это, Сашечка, гостей заставляешь самоваръ нести.

— Ничего. Это намъ полезно,—отвѣтилъ Сизовъ, не притронувшійся къ самовару.

Арина Ивановна радушно стала потчевать гостей:

— Кушайте, господа, а то какъ бы дождя не было.

Старый морякъ появился, какъ тѣнь, около террасы.

— Непремѣнно будетъ. У меня нынче Берингов проливъ гудитъ.

— Беринговъ проливъ? То-есть какъ?

— А у меня, видите ли, тѣло, какъ географическая карта. Вотъ тутъ,—указалъ онъ на правое плечо:—Беринговъ проливъ. А здѣсь,—хлопнулъ по лѣвой ногѣ:—Китайское море.

Лидія Михайловна разыскала мужа въ саду. Вмѣсто всякихъ объясненій дружелюбно взяла его подъ руку и молча повернула назадъ къ гостямъ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ея жесту, и зашагалъ съ нею, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ аллеѣ было тревожно отъ вѣтра, но душно. Казалось, тучи висѣли на самыхъ вѣтвяхъ, и у нихъ былъ мрачно-молчаливый заговоръ между собой. Обоимъ невыносимы были тишина и молчаніе. Они обрадовались, когда сверкнулъ фонарь террасы.

При видѣ оживленныхъ гостей и стола, Шугаевъ притворно громко воскликнулъ:

— Ага, самоваръ на столѣ. Это пріятно!

Саша весело распоряжалась:

— Разбирайте чай, господа, ѣшьте, пейте, кто чего желаетъ. Налить вамъ чаю?—обратилась она къ меланхолически настроенному Майнову.

Онъ мрачно отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Мнѣ, если позволите, вина.

— И я тоже съ вами выпью вина, — присоединился къ нему Шугаевъ.

Всѣхъ восхитило желаніе профессора, который никогда ничего не пилъ.

— Вина профессору! Вина!

— Выпьемте всѣ, если такъ, — предложилъ Прозоровъ: — за успѣхъ Лидіи Михайловны!

Предложеніе было принято съ шумнымъ восторгомъ. И Лидіи Михайловнѣ также налили вина.

Майновъ подошелъ къ ней первый и многозначительно произнесъ:

— За ваше счастье, Лидія Михайловна. Я бы желалъ...

Но она прервала его безобидно:

— Только, пожалуйста, безъ рѣчей. Это черезчуръ банально.

Нѣжно и коварно позванивалъ хрусталь бокаловъ, и въ этомъ прозрачномъ звонѣ слышался ѣдкій смѣшокъ.

И вдругъ рѣзкій порывъ вѣтра ударилъ въ заплетающій террасу дикій виноградъ и закачалъ большой круглый матовый фонарь надъ столомъ.

Сразу прекратился звонъ хрусталя, и всѣ безпокойно переглянулись:

— Ого, какой холодный вѣтеръ!

Арина Ивановна заволновалась:

— Нѣтъ, видно, отсюда надо убираться.

Лидія Михайловна, стоявшая у лѣстницы террасы, напряженно всматривалась въ тьму, наполнившуюся шумомъ вѣтра въ деревьяхъ и гуломъ моря, который шелъ издали какъ-то особнякомъ. Вотъ она вздрогнула и подалась впередъ.

— Что васъ такъ встревожило?—спросилъ Прозоровъ.

— Тамъ... — прошептала она: — тамъ метнулась какая-то тѣнь!

Шугаевъ, все время слѣдившій за нею, услышалъ эти слова и также подошелъ къ ней.

— Чего же ты такъ встревожилась? Рыбакъ или кто-нибудь еще. Мало ли здѣсь народа ходитъ.

— Нѣтъ,—холодѣя отъ своего впечатлѣнія, отвѣтила она.— Эта тѣнь какъ-то особенно быстро промелькнула. Точно пролетѣла.

Сизовъ, легко пьянѣвшій, шумно подался со стула.

— О, чортъ возьми! Можетъ-быть, здѣсь дѣйствительно призраки ходятъ. Пойдемъ искать призраковъ!—позвалъ онъ пріятеля, который въ это время жонглировалъ пустой бутылкой, подбрасывая ее и ловя на ладонь.

Тотъ охотно согласился, и съ ними выскочила Саша.

Они сразу какъ будто потонули во мракѣ, и даже голоса ихъ заглохли въ шумѣ деревьевъ и волнъ.

Никто не находилъ, о чемъ говорить. Словно этотъ порывъ вѣтра унесъ всѣ слова и мысли.

Старый морякъ, ни къ кому не обращаясь, задумчиво и монотонно говорилъ:

— Въ Индіи на высокой скалѣ есть башня. Башня Безмолвія. Она стоитъ надъ самымъ океаномъ. Грифы, хищныя птицы, сидятъ тамъ на камняхъ этой башни, свѣсивъ свои длинныя змѣиныя головы. Въ башню парсы бросаютъ своихъ мертвецовъ. Грифы набрасываются на нихъ, жадно ихъ пожираютъ и опять засыпаютъ, противные, сытые, свѣсивъ свои змѣиныя головы. А кости мертвецовъ шквалы уносятъ въ океанъ.

Его слушали невольно. Хотя то, что онъ разсказывалъ, не вязалось ни съ чѣмъ.

У старика воспоминанія возникали, видимо, неожиданно для него самого, въ какой-то таинственной связи съ тѣмъ, что таилось вокругъ.

Прозоровъ, чувствуя непріятную жуткость отъ этого голоса и мрачной картины, представлявшейся ему необыкновенно ярко, съ неудовольствіемъ шепнулъ Майнову:

— Вотъ еще memento mori.

— Меня морозъ по кожѣ подираетъ отъ его бормотанія, — отвѣтилъ Майновъ.

Шугаевъ также сказалъ въ поясненіе:

— Когда дуютъ такіе тревожные вѣтры, всегда начинаютъ разсказывать страшныя исторіи.

Съ обрыва раздался голосъ Сизова, который вѣтеръ донесъ на своемъ черномъ крылѣ:

— Господа, внизу обрыва огонь. Можетъ-быть, его и зажегъ этотъ призракъ?

Голосъ Саши завибрировалъ на вѣтру:

— Пойдемъ туда. Побѣжимъ къ огню.

Майновъ также почему-то заинтересовался этимъ огнемъ:

— Пойдемъ и мы. Посмотримъ, что тамъ такое.

— Пожалуй, пойдемъ,—согласился Прозоровъ.

Порывы вѣтра приносили запахъ дождя вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, который падалъ на сердце.

Старикъ также поднялся и пошелъ съ террасы къ обрыву, бормоча:

— Все свѣжѣетъ, а онъ въ морѣ на шлюпкѣ. Будетъ ему работа.

По распоряженію Арины Ивановны, прислуга стала убирать со стола посуду. И когда все было перенесено въ столовую, и Арина Ивановна также ушла съ террасы, чтобы помочь устроиться къ ночи, Лидія Михайловна, томившаяся отъ молчанія, тяготившаго ее, какъ удушье, обратилась къ мужу:

— Уѣдемъ отсюда.

Шугаевъ даже не повернулъ къ ней головы.

В. Рехенмахеръ. **Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго.** Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Теперь они были одни, и ему уже не хотѣлось больше притворяться.

Ее оскорбило его молчаніе:

— Мнѣ кажется, это издѣвательство. Жить здѣсь послѣ того, что я вамъ сказала...

Вошла прислуга, чтобы снять скатерть, и, пока она ее снимала и вытряхивала, прошла цѣлая вѣчность.

XXXIV.

Лидія Михайловна едва дождалась, пока прислуга уйдетъ, и съ бунтующей душой возобновила горѣвшія на ея губахъ слова:

— Да, я считаю это издѣвательствомъ. Вы видите, какъ я мучусь... изнемогаю... жду... А вы... вы дѣлаете видъ, что не замѣчаете этого.

Ея слова производили на него такое впечатлѣніе, какъ будто черныя мухи, жужжа, впивались ему въ глаза, въ носъ и уши. Онъ собралъ всѣ силы и, дѣля слова, съ фальшивымъ спокойствіемъ остановилъ ее:

— Постараемся быть разсудительнѣе.

Но она понимала истинную цѣну этихъ словъ:

— Зачѣмъ еще притворяться? Я вижу эту разсудительность со стиснутыми зубами и ненавистью въ глазахъ.

— Это у васъ сейчасъ и стиснутые зубы и ненависть въ глазахъ. Я не знаю, за что вы возненавидѣли меня. За что?

Ему казалось, что на лицѣ его непроницаемая маска спокойствія, и голосъ полонъ кротости и разсудительности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не въ состояніи уязвить ее, какъ этимъ притворствомъ.

И она отвѣтила на его вопросъ съ болѣзненной мукой и ядомъ:

— О, конечно, за то, что вы простили меня! Вѣдь вы это именно хотите сказать. Я читаю этотъ намекъ въ каждомъ вашемъ словѣ, въ каждомъ звукѣ вашего голоса.

Она угадала его затаенность, въ которой онъ не хотѣлъ бы самъ признаться себѣ, и съ дутымъ негодованіемъ, исказившимъ лицо его, но съ той же фальшивой кротостью въ голосѣ сталъ укорять ее:

Какъ вамъ не стыдно! Какъ у васъ хватаетъ духа!..

Но она прервала его рѣшительно и прямо:

— Зачѣмъ мы здѣсь? Зачѣмъ эта пытка, которой вы подвергаете меня?

— Какая же это пытка, если... если... вы, какъ утверждаете, его не любите?

Онъ какъ будто самъ подавалъ ей оружіе защиты, но подавалъ лезвеемъ, которое неизбѣжно должно было поранить ей руки, если бы она приняла его. Но она умѣло отклонила:

— А вы, какъ вы можете встрѣчаться съ нимъ?

Шугаевъ гордо отвѣтилъ:

— Для кого это могло бы быть пыткой, такъ это для меня. Но для меня онъ не существуетъ.

— Вы говорите неправду,—изобличала его она:—и для васъ это тоже пытка, но вы въ этомъ находите непонятное наслажденіе.

Тогда ему показалось, что онъ нашелъ настоящую опору, и что къ этой опорѣ безсознательно подвела его она сама.

— Я хочу доказать, что случившееся не важно, что можно

побороть въ себѣ этотъ звѣрскій инстинктъ, который называется ревностью и... какъ тамъ еще...

— А, такъ вы производите опыты! Рѣжете живого человѣка, чтобы посмотрѣть, что у него въ сердцѣ!

Шугаевъ видѣлъ, что она близка къ изступленію. Видѣлъ ненависть къ себѣ въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звукѣ голоса. Это могло бы привести его въ безнадежность, если бы не сладостно-ядовитая капля, пропитывавшая его отчаяніе. Въ этой отравѣ таинственно таилась какая-то надежда, точно въ лѣкарствѣ, ядовитомъ само по себѣ, но единственно спасительномъ во время припадка. Чтобы сохранить это спасительное средство, онъ рѣшилъ уйти.

— Вы такъ возбуждены, что я нахожу невозможнымъ объясненіе между нами,— заявилъ онъ, дѣлая движеніе въ сторону.

Она вскочила со стула въ непритворномъ испугѣ. Для нея страшнѣе всего было остаться одной.

— Не уходите... Не уходите! — взмолилась она. Не знаю почему, но сегодня и вѣтеръ и море—все убійственно, все ужасаетъ меня.

Она въ безсиліи упала снова на стулъ и уронила голову на руки, скрещенныя на спинкѣ стула.

Въ этой позѣ ея уже не было ни злобы ни ненависти, а была только обезоруживающая слабость. И его злоба, клокотавшая въ глубинѣ сердца, но упорно давимая, куда-то сразу ушла. Осталась только жалость къ самому себѣ, возвышенная чувствомъ превосходства надъ нею.

Онъ остановился и долго молча глядѣлъ на изгибъ ея спины и тяжело склоненную голову. Если бы можно было проникнуть во всѣ глубины ея души!

Онъ по себѣ судилъ, что сказанныя сейчасъ слова не имѣли настоящей цѣны, что они, наоборотъ, скрывали еще болѣе суть, какъ листья скрываютъ стволъ дерева. И вотъ что-то, только какъ бы случайно засвѣтившееся въ немъ во время ихъ пререканія, теперь озарило его настоящимъ свѣтомъ. Онъ заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ, тихо и страдальчески:

— Я не говорю вамъ, что мнѣ легко, что я не мучусь, но я хочу сорвать съ себя эти путы, называемыя кровью... Человѣкъ! Человѣкъ!—вырвалось у него, какъ стонъ.—Чѣмъ же онъ, если такъ, отличается отъ животнаго, когда позволяетъ овладѣть собой этой отвратительной силой крови? Зачѣмъ же тогда печаль проникновенія, зачѣмъ же высокое сознаніе своей божественности? Или вы не вѣрите во все это?

Она подняла голову и отвѣтила, заражаемая его искреннимъ порывомъ:

— Я хочу вѣрить. Я вѣрю... иначе вся жизнь... все искусство—ничего не стоятъ.

Онъ схватился за ея слова и съ лихорадочной надеждой воскликнулъ:

— Такъ надо же разсмѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ мы расплакались тогда! Развѣ то, что случилось, измѣнило васъ? Развѣ это что-нибудь у васъ отняло? Развѣ вы наконецъ не были свободны уйти отъ меня, уйти съ нимъ?

— Да, да, да,—поспѣшно и какъ въ бреду отвѣчала она.— Я этого не сдѣлала, а теперь уѣдемъ, уѣдемъ отсюда!

Но это былъ не тотъ отвѣтъ, который онъ старался у нея вырвать съ инстинктомъ, противорѣчившимъ всему, что онъ ей внушалъ. И, продолжая упорно добиваться своего, онъ страстно взывалъ къ другимъ чувствамъ ея, которыя одни только и были, въ сущности, важны ему:

— Развѣ вамъ не на кого опереться! Развѣ вы не со мной! Вѣдь это былъ только моментъ. Его нужно раздавить, какъ гадину, которая ночью во время сна заползла къ намъ и укусила. Мы уѣдемъ, и уѣдемъ побѣдителями. Я хочу торжества, а не забвенія.

Но эти слова—отъ нихъ пахло тлѣніемъ, а не жизнью, и она отмахивалась отъ нихъ въ безысходной мукѣ.

— Не можетъ, не можетъ такъ поступать, такъ говорить человѣкъ простившій, любящій... Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какого торжества. Для меня мое страданіе... оно выше... выше всякихъ цѣлей. Мое признаніе вамъ... Вы должны были понять его, оцѣнить...

Она своими руками гасила огни, по которымъ онъ хотѣлъ держать свой путь, и это опять открыло въ немъ тотъ клапанъ сердца, за которымъ клокотали обида и злоба на нее. Онъ уже не могъ сдерживаться снова, и слова сорвались, какъ собаки за звѣремъ:

— Можно думать, что вы считаете свое признаніе подвигомъ.

И, уязвленная этими словами, она простонала:

— Да гдѣ же ваша доброта, въ которую я повѣрила? Вы говорите о божественности души, а сами пытаете меня намеками и упреками. Да! — запальчиво воскликнула она, выпрямляясь, съ вызывающимъ видомъ. — Да, это правда, признаніе мое было подвигомъ! Подвигомъ!

М. Авиловъ. Гусаръ. Классный этюдъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

Голосъ его сталъ хриплымъ и низкимъ:

— А-а. Это мѣняетъ дѣло. Значитъ, вашъ проступокъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думалъ.

Она вытянула къ нему голову съ горящими глазами и смертельно поблѣднѣвшимъ лицомъ:

— Да, онъ серьезенъ... онъ страшенъ. Потому я и призналась въ немъ. Я тоже хотѣла торжества надъ тѣмъ, что есть низкаго въ человѣческой природѣ, въ моей природѣ... Но я хотѣла этого, какъ человѣкъ, а не какъ комедіантка. И я думала, что вы поможете мнѣ. Это страшно. Я не хочу играть комедіи ни съ вами ни съ собой. Я думала, вы дѣйствительно простили меня, но я вижу, чувствую, мы повсюду потащимъ за собой эту грязь.—Въ памяти вспыхнули слова Эльмонта, и она съ силой повторила ихъ: — Нѣтъ прощенія, есть только слово „прощеніе!“ Я вамъ дала вексель своимъ признаніемъ, и какъ бы я ни старалась загладить свой проступокъ—напрасно. Вамъ мало будетъ шейлоковскихъ процентовъ. Вы вырвете кусокъ мяса изъ моего сердца— и вамъ все будетъ мало!

Шугаева поразила эта страстная, стремительная рѣчь. Онъ

угадалъ слова и мысли, не принадлежащія ей, и это его уязвило больше всего.

— Такъ вотъ какъ вы меня поняли, — отвѣтилъ онъ, качая головой.

Душа была опустошена. Какъ онъ предчувствовалъ, такъ и случилось. Онъ видѣлъ, что больше не о чемъ говорить, и пошелъ прочь отъ нея.

Она опять упала на стулъ, и жалоба, какъ вопль, вырвалась изъ ея груди:

— А гдѣ же мнѣ, гдѣ же мнѣ найти такую душу, передъ которой я могла бы высказать все, все разсказать?

Этотъ вопль остановилъ его на одно мгновеніе.

— Лида! — произнесъ онъ черезъ силу, обернувшись къ ней.

Она обратила на него взглядъ, полный страданія и мольбы. Но вмѣсто того, чтобы подойти къ ней или протянуть руки, онъ, самъ не зная, откуда у него берутся такія слова, проговорилъ ледянымъ тономъ:

— А можетъ-быть... можетъ-быть, вы и правы. Тогда мы... Тогда все погибло.

И, шатаясь отъ горя, онъ сошелъ по ступенькамъ въ темноту растревоженнаго вѣтромъ сада.

XXXV.

Она такъ и осталась неподвижно сидѣть, и такъ ее застали вернувшіеся съ Сашей художники.

Саша бросилась къ ней:

— Лидія Михайловна, что съ вами?

Она сдѣлала надъ собой усиліе и обернулась съ притворной улыбкой:

— Такъ... немного устала... задумалась.

В. Цыцынъ. Въ капустникѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Сизовъ возбужденно сталъ разсказывать ей о томъ, какъ они направились къ огню, но, когда приблизились, огонь исчезъ.

— Нѣтъ, какъ нѣтъ! — разводя растерянно руками, передавалъ Сизовъ, свое изумленіе. — И хотя бы уголья гдѣ-нибудь остались. А то—ничего.

— Что-то непостижимое прямо, — подтверждалъ и другой шаферъ.

Саша добавила еще болѣе изумительную вещь:

— А потомъ, смотримъ, огонь уже на волнахъ.

— И ночь такъ темна, что ничего, кромѣ этого огня, не видно, — все съ бо̀льшимъ изумленіемъ разсказывалъ Сизовъ. —

А. Янсенъ. На островѣ Моонѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

О. Иванова-Броневская. На кухнѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

новымъ,—прибавила Саша въ видѣ успокоенія, хотя сама сомнѣвалась въ этомъ больше всѣхъ.

Между тѣмъ Майновъ нагналъ Лидію Михайловну у самаго обрыва и очень неискренно сдѣлалъ видъ, что столкнулся съ нею случайно, такъ какъ ему показалось, что она пошла въ другую сторону. Самъ же онъ будто побѣжалъ посмотрѣть на море, нѣтъ ли того огня.

Она ничего не отвѣтила на его ложь.

Онъ понялъ, что лишній здѣсь въ эту минуту, и рѣшилъ слѣдить за нею издали.

Но она точно догадалась объ его умыслѣ.

— Ахъ, я и забыла!— воскликнула она, какъ бы спохватившись.

— Что̀ такое забыли?

— Платокъ, — принесите его. Онъ у меня на окнѣ въ мастерской, и мы пойдемъ.

— Но куда? Въ такую темь. Того и гляди, дождь хлынетъ.

— Я люблю гулять въ такую погоду.

— Однакоже...

— Ну, не надо. Я сама.

Она сдѣлала видъ, что желаетъ вернуться за платкомъ. Но Майновъ остановилъ ее:

Только свѣтъ маяка протянулся, какъ голубая лента. Только шумятъ волны, да прыгаетъ на нихъ этотъ огонь.

Подошли Прозоровъ съ Майновымъ. И Прозоровъ, по обыкновенію, скептически отнесся къ ихъ жуткимъ впечатлѣніямъ:

— Просто васъ дурачитъ какой-нибудь любитель сильныхъ ощущеній, который катается на лодкѣ.

— А можетъ-быть, это „Летучій Голландецъ“,—въ тонъ ему добавилъ Майновъ.

Но Саша разсердилась на нихъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Огонь самымъ непонятнымъ образомъ то появлялся, то исчезалъ и наконецъ пропалъ въ волнахъ.

Прозоровъ не сдавался:

— Перевернулась лодка съ этимъ сумасшедшимъ, или съ „Летучимъ Голландцемъ“—вотъ и все. Онъ пошелъ ко дну, туда ему и дорога.

Лидія Михайловна встала и молча пошла къ морю.

Всѣ машинально передъ нею посторонились. Только у Саши вырвался изумленный вопросъ:

— Лидія Михайловна, куда вы?

— Дождь накрапываетъ, Лидія Михайловна!—крикнулъ Сизовъ, хотя она должна была сама это чувствовать лучше его.

Туча совсѣмъ затянула небо, какъ будто взяла въ плѣнъ всѣ звѣзды, и роняла тяжелыя капли дождя, которымъ вѣтеръ долго не давалъ упасть на землю.

Майновъ всполошился при этомъ внезапномъ бѣгствѣ хозяйки и подѣлился своимъ опасеніемъ съ Прозоровымъ:

— Знаешь, нельзя ее оставлять одну. Я побѣгу за нею!

— Ловко ли?

— А, что̀ тамъ!—махнувъ съ сокрушеніемъ рукой, отозвался Майновъ.—Я вижу, что ты правъ... значитъ...

Онъ не договорилъ и побѣжалъ за нею слѣдомъ.

Сизовъ, оглянувъ пустой столъ, возопилъ:

— А гдѣ же чай? Я не допилъ своего чая.

— Спохватился! Ясно, что убрали все.

Саша, сконфуженная передъ гостями, какъ одна изъ хозяекъ, успокоила ихъ, что все перенесли въ комнату по случаю дождя.

— Пойдемте туда. Здѣсь дѣйствительно стало непріятно.

Всѣ охотно приняли ея предложеніе.

— А Лидія Михайловна навѣрно сейчасъ вернется съ Май-

— Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте, Лидія Михайловна, я сейчасъ!

Однако, когда онъ вернулся, разыскавъ наконецъ ея платокъ, на обрывѣ онъ уже не засталъ ея. Это его страшно огорчило. Онъ бросился внизъ по тропинкѣ. Пробовалъ даже ее окликать, но никто не откликнулся.

Ему стало страшно за нее. Онъ вернулся къ Прозорову и сообщилъ ему; тотъ сталъ его успокаивать. Однако видно было, что и ему стало не по себѣ.

— И профессоръ куда-то скрылся и тотъ господинъ тоже,—съ неудовольствіемъ помянулъ онъ Эльмонта.—Живетъ въ одномъ домѣ, а и въ глаза его не видно.

— Но что̀ же дѣлать?

— Подождемъ немного, а тамъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы могло что-нибудь случиться такое...

Онъ не договорилъ, но Майновъ при одномъ намекѣ задрожалъ отъ страха:

— Нѣтъ, я не могу такъ. Я долженъ пойти.

— Куда?

— Все равно... Къ морю... Я и самъ не знаю, куда. Но не могу же я остаться спокойно здѣсь, когда она...

— Что̀ — она?.. Тебѣ ясно показали, что ты — лишній при ней, — и баста.

Майновъ тяжело дышалъ, готовый на все, чтобы только предупредить какую-нибудь бѣду съ нею. Но не зналъ, что̀ ему дѣлать, и наудачу пустился внизъ, рискуя сломать себѣ шею.

XXXVI.

Избавившись отъ Майнова, Лидія Михайловна быстро спустилась по тропинкѣ внизъ, въ обрывъ.

Прежде всего ей хотѣлось остаться одной, и она шла безъ опредѣленной цѣли. Эта темнота и вѣтеръ, и тучи, и дождевыя капли, съ размаха ударявшія въ лицо, были нужны и близки больше всего на свѣтѣ, а шумъ волнъ, клокотавшихъ внизу, заглушалъ безпорядочные голоса, кричавшіе въ ея сердцѣ. Онъ вливался въ нее, широкій и грузный, и она съ жадностью шла ему навстрѣчу, точно сама была подобна одной изъ этихъ волнъ, рвущихся на берегъ и стремящихся обратно къ сліянію съ родной стихіей.

Когда бросившійся за нею Майновъ былъ отъ нея всего въ нѣсколькихъ шагахъ, она почти легла на землю. Онъ пробѣжалъ

мимо, не замѣтивъ ея; но даже когда онъ былъ уже далеко, ей не хотѣлось вставать. Дикая трава сильно пахла передъ дождемъ у самаго лица ея, и она прижалась къ ней щекой

Какъ бы хорошо было поплакать сейчасъ! Но что-то мѣшало слезамъ. Тьма ночи почти осязательно покрывала ее; она чувствовала ее всѣмъ своимъ тѣломъ, и, когда поднялась, эта тьма поднялась вмѣстѣ съ нею; пошла—и тьма тоже.

Если бы не приближающійся шумъ моря, она, кажется, не въ состояніи была бы итти. Этотъ шумъ, какъ музыка, поддерживалъ въ ней силы.

Такъ дошла она хорошо знакомой тропой до послѣдняго спуска къ морю. Тутъ она остановилась; пришло на мысль повернуть назадъ. Не къ мужу, не къ нимъ... а куда-нибудь, все равно, только въ сторону отъ моря. Куда-нибудь далеко, гдѣ ее встрѣтятъ прежній покой и любимый трудъ.

Но что-то, раньше помѣшавшее выплакаться, теперь тянуло ее дальше, и она пошла, какъ опьяненная, подставляя влажному дыханію моря и вѣтра свое лицо и все тѣло, которое чувствовало прикосновеніе ночи, какъ обнаженное. Это ощущеніе наготы было ей томительно и сладостно. Такъ близка ласка стихій, отъ которыхъ сейчасъ ее не могло бы оторвать даже обѣщаніе покоя.

То, что произошло тамъ, наверху, и всѣ они—было ужасно далеко. И ужъ, конечно, она никогда туда не вернется.

Теперь волны были совсѣмъ передъ нею, у ея ногъ и на безпредѣльное пространство впереди. Но волны бѣлѣли пѣной только у самаго берега; тутъ онѣ кричали, бились и стонали, какъ живыя. Ночь смѣшала ихъ съ темнотой и тучами, и все представлялось одной бушующей темнотой, налитой до самаго неба.

Она знала, что, какъ бы ни былъ силенъ прибой, подъ обрывомъ всегда можно пройти,—и пошла. И пришла на то самое мѣсто, гдѣ вчера ночью, можетъ-быть, въ этотъ же самый часъ, случилось „это", роковое для нея.

Это было непонятно, что она пришла именно сюда. Но, остановившись на этой мысли, не почувствовала ни испуга ни раскаянія, что такъ случилось. Ее не поразило и то, что онъ былъ здѣсь.

— Не пугайтесь,—произнесъ онъ, отдѣляясь отъ скалы, съ которой его сливала темнота.

Она едва не вскрикнула въ первое мгновеніе, но и то, что онъ былъ здѣсь, какъ будто было предопредѣлено заранѣе.

— Вы ищете меня? — продолжалъ онъ, скорѣе утверждая, чѣмъ спрашивая.

Она быстро отвѣтила:

— Нѣтъ.

И дѣйствительно, въ сознаніи у нея не было этого намѣренія.

Онъ не повѣрилъ ея словамъ, потому что почувствовалъ то, что было глубже этихъ словъ.

— Я знаю, вы ищете меня. Вы должны были прійти ко мнѣ послѣ того, какъ вы сказали. Вѣдь вы сказали ему все?

— Да, я сказала ему все.

Эльмонтъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, и то, что онъ не приближался къ ней, дѣлало его фигуру похожей на тѣнь. И можетъ-быть, оттого голосъ его звучалъ ей, какъ шумъ волнъ и вѣтра.

Капли дождя перестали падать ей на лицо, какъ это было въ обрывѣ, зато соленыя брызги пѣны осыпали влажной пылью даже руки, и это еще болѣе сближало ее съ безконечной стихіей, простиравшейся у ея ногъ.

— Вы подслушали?—сказала она.

— Меня не было тамъ со вчерашняго дня.

Ее удивило, что онъ говоритъ неправду.

— Вы были тамъ... Я видѣла вашу тѣнь полчаса... часъ тому назадъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Я былъ въ морѣ.

— Но я видѣла вашу тѣнь.

— Можетъ-быть, я думалъ о васъ.

Ей хотѣлось разсмѣяться ему въ лицо. Въ самомъ дѣлѣ, не могла же она ошибиться, когда стояла на террасѣ у лѣстницы и увидѣла его, вотъ какъ видитъ сейчасъ: въ маленькой шапкѣ, въ дождевомъ плащѣ, около стараго каштана.

— Я не вѣрю въ привидѣнія. Вы напрасно хотите замутить меня сверхъестественнымъ вздоромъ. Вы желаете казаться какимъ-то демономъ.

Но онъ такъ просто и ясно отвѣтилъ на это, что ей стало жутко. Значитъ, это дѣйствительно ей только показалось.

— Не демонъ я, и нисколько не хочу казаться не тѣмъ, что я есть. Я—человѣкъ, болѣе чѣмъ, можетъ-быть, всѣ люди. Но я упорно ищу васъ. Не могу васъ не искать. И мое желаніе не можетъ не передаваться вамъ.

Она закачала головой съ непобѣдимымъ упорствомъ:

— Я не хочу этого. Я сбросила съ себя все это. Я разорвала эту нить, которая связывала меня съ вами.

Она искала словъ и говорила слова, пытаясь спрятаться за ними. Самой хотѣлось вѣрить въ эти слова. И если бы онъ повѣрилъ имъ—она была бы спасена. Но онъ былъ упоренъ, какъ безумный.

Не разубѣждая ее прямо, онъ только повторилъ, да и то больше для себя, тотъ образъ, которымъ опредѣлялся одинъ изъ моментовъ его симфоніи:

— Онѣ цѣпляются за песокъ своими бѣлыми, мохнатыми лапами, стараясь удержаться, но, обезсиленныя, срываются и падаютъ.

И она, хотя не слышала такого толкованія, все же поняла, о чемъ онъ говоритъ, и захотѣлось оттолкнуть все это однимъ движеніемъ, однимъ порывомъ:

— Я смѣюсь надъ этой жалкой выдумкой и презираю ее!

Голосъ ея дрожалъ, и почему-то было опасеніе, что онъ не слышитъ ея словъ. Особенно послѣ того, какъ онъ, не двигаясь съ мѣста, протянулъ къ ней руки и заговорилъ съ желаніемъ, напрягавшимъ его голосъ:

— Протяни мнѣ свои руки... протяни, какъ тогда.

Что-то какъ будто отдѣлилось отъ него и вплотную подошло

П. Смукровичъ. Кирасиръ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

М. Авиловъ. Царевичъ Іоаннъ IV и бояре. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

къ ней. И оттого сразу кровь ея заструилась томительно и мелодично, и тѣло ея стало какъ будто инымъ, чѣмъ всегда, даже еще менѣе послушнымъ ея волѣ, чѣмъ вчера. Голосъ его былъ заодно съ вѣтромъ и волнами, и оттого онъ проникалъ въ самую кровь, распоряжался ея желаніемъ:

— Я чувствую дрожь твоихъ рукъ. Я чувствую, какъ онѣ рвутся ко мнѣ, въ нихъ переливается и горитъ моя кровь. Протяни мнѣ свои руки!

Но она стиснула руку рукой, съ умысломъ причиняя себѣ боль вонзавшимися въ кожу ногтями:

— Никогда!

Онъ какъ будто отшвырнулъ отъ себя это слово, не желая признавать его за настоящее:

— Протяни мнѣ свои руки!

Она не успѣла еще отвѣтить ему на это требованіе, какъ онъ предупредилъ ея возраженіе:

— Пусть ты уйдешь отъ меня, но съ кѣмъ бы ты ни была—я буду всегда между вами.

Она хотѣла сказать, что никогда и ни съ кѣмъ не желаетъ быть больше. Тотъ, съ кѣмъ она соединилась, какъ съ человѣкомъ, оказался мстительнымъ собственникомъ, а завладѣвшій ею, какъ звѣрь, не желаетъ считаться съ ея душою. Но этотъ былъ сильнѣе того, и это ее возмущало.

Онъ безпощадно твердилъ:

— Ты ничѣмъ не вытравишь меня изъ каждой капли твоей крови. Протяни мнѣ свои руки!

— Никогда!

— Зачѣмъ же ты здѣсь и сейчасъ со мною?

Она сама не знала этого, но ей показалось, что во всемъ виноватъ мужъ:

— Я здѣсь потому, что такъ хотѣлъ онъ.

Но Эльмонтъ видѣлъ за этими словами настоящую правду.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты могла уѣхать одна. Ты хотѣла уцѣпиться за него, какъ за спасеніе. Но я предупреждалъ тебя, потому что зналъ, какъ встрѣтитъ онъ твое покаяніе. Теперь ты хочешь уйти и отъ меня, потому что боишься своей природы. Нѣтъ власти большей, чѣмъ та, которая насъ соединила. Оттого ты со мною сейчасъ.

Онъ приблизился къ ней. Она не двинулась. Взялъ ея руки и притягивалъ ее къ себѣ, шепча:

— Вотъ онѣ. Эти руки — мои руки. Эти губы—мои губы.

Онъ ждалъ ея поцѣлуя, но она все еще боролась съ собой, сознавая однако, что напрасно.—Силы, мои силы! — безнадежно звала она. Силъ не было. Тогда она схватилась за другое, что̀ представилось ей, какъ правда:

— Да, я хотѣла видѣть васъ... хотѣла еще разъ взглянуть въ ваши глаза, встрѣтить это низкое искушеніе, опрокинуть его... смять... растоптать...

— И не можешь,—торжествовалъ онъ.

— Не могу. Падаю... падаю сама. Но это не любовь... это не любовь.

— Любовь для слабыхъ, любовь для тѣхъ, въ комъ не бродятъ эти творческіе соки, которые рвутся изъ природы опьяняющими цвѣтами. Природа сблизила насъ съ тобою, отличила насъ могуществомъ нашей крови, и мы должны жить, какъ она. Въ насъ она поетъ свой лучшій гимнъ.

„Гибель, гибель!“—твердило ей сознаніе, и за этими словами открывалась пропасть, бездна, съ дико шумящими волнами.

Онъ говорилъ, какъ безумный, слова, которыя были страшно далеки ей въ то время, какъ самъ онъ какъ бы составлялъ что-то нераздѣльное съ нею:

— Симфонія моя готова. Ей недоставало послѣднихъ аккордовъ. Теперь она гремитъ во мнѣ, какъ это море. Ты моя! Ты моя! Она сольется съ этими волнами, съ этими несущимися куда-то облаками, съ этимъ вѣтромъ. Моя симфонія—это то, что̀ сейчасъ переполняетъ насъ обоихъ.

Онъ притянулъ ее къ себѣ, и она опять почувствовала его губы на своихъ губахъ. И ощутила солоноватость ихъ, какъ будто ее цѣловало само море. Все тѣло ея точно расцвѣло отъ этого поцѣлуя, подобно цвѣтку дурмана, и если бы даже послѣ этого онъ отвергнулъ ее отъ себя и растопталъ, какъ измятое растеніе, она все равно не стала бы ему сопротивляться...

. . . .

XXXVII.

— Иди!—сказала ему она, очнувшись.

— Какъ итти? Оставить тебя здѣсь одну?

— Да, да. Одну. Оставь меня одну. Я приду потомъ... вслѣдъ за тобой.

Онъ внимательно и испытующе посмотрѣлъ на нее.

Она поняла его подозрѣніе и съ усталымъ спокойствіемъ произнесла:

— Все равно. Мы не можемъ итти вмѣстѣ. Насъ могутъ увидѣть.

Онъ былъ побѣжденъ этимъ доводомъ:

— Хорошо. Я пойду. Но я хочу, чтобы ты слышала то, что̀ я буду играть сейчасъ.—Въ немъ съ утихающимъ бунтомъ крови пѣла музыка, которую хотѣлось передать ей. Тогда она все пойметъ и убѣдится, что иначе не можетъ быть, что они должны всегда принадлежать другъ другу. —Хорошо, — сказалъ онъ.— Приходи же скорѣе. Я буду ждать тебя. И какъ только ты придешь, брось горсть песку въ окно мое, и я узнаю, что ты близко, и я стану играть.

— Да. Да. Да. Иди,—съ отвращеніемъ торопила его она.— Иди. Иди.

Онъ взялъ ея руку, безсильную и влажную, и, поцѣловавъ безжизненные пальцы, пошелъ послушно впередъ.

Волны заставляли его мѣстами держаться около самаго обрыва. На подъемѣ вверхъ онъ остановился. Слабо бѣлѣло ея платье во мракѣ на темномъ фонѣ обрыва. А можетъ-быть, это обманчивый отблескъ пѣны? Во всякомъ случаѣ она еще оставалась на пескѣ.

XXXVIII.

Дождь бросилъ горсть капель въ стекло его. Онъ принялъ это за условный знакъ съ ея стороны и сталъ играть.

Услышавъ эту музыку, всѣ рѣшили, что она тамъ. Но только Шугаева это обезпокоило больше всѣхъ. Онъ зналъ, что она не могла быть тамъ, а къ гостямъ также она не являлась. Пошелъ дождь.

Когда Эльмонтъ бросилъ играть, голосъ Майнова крикнулъ съ балкона:

— Лидія Михайловна, что̀ же это вы насъ-то забыли совсѣмъ?

— Куда вы скрылись, Лидія Михайловна? — присоединилъ свой голосъ Прозоровъ.

Никто не откликнулся.

Дождь шумѣлъ ровно и протяжно въ вѣтвяхъ.

Шафера старались обратить въ шутку всю тревогу:

— Коварная женщина. Она обманула насъ!

Саша ужасно встревожилась:

— Но гдѣ же она можетъ быть въ такую погоду?.. Лидія Михайловна!—пронзительно крикнула дѣвушка.

На этотъ крикъ вошелъ Шугаевъ. Его пиджакъ и волосы были мокры отъ дождя. Онъ отрывисто спросилъ:

— Все еще нѣтъ?

Арина Ивановна пыталась успокоить его, но голосъ ея также выдавалъ волненіе:

— Да ты не безпокойся. Ты вѣдь знаешь, что она въ такую погоду любитъ къ морю ходить. Самъ ты измокъ весь.

Шугаевъ ничего не сказалъ и нервно пошелъ къ обрыву.

— Захвати хоть шляпу и зонтикъ съ собой! — крикнула вслѣдъ мать.

Но онъ даже не обернулся.

Съ обрыва, сквозь шумъ дождя, покрывавшаго теперь даже ропотъ моря, донесся рѣзкій окрикъ его:

— Лида!

Крикъ больше не повторялся.

Всѣ переглянулись между собой, и сердца охватило ознобомъ предчувствія. Когда же быстро вошелъ Эльмонтъ, голосъ его лишилъ всѣхъ послѣдней надежды:

— Такъ ея нѣтъ? Это странно. Неужели?..

И онъ въ ту же минуту исчезъ опять безъ шапки во мракѣ и дождѣ, броспвъ страшный вопросъ, какъ бомбу, которая вотъ-вотъ должна была разорваться.

Кинулись за нимъ вслѣдъ. Онъ исчезъ внизу. Но Майновъ въ ту же минуту замѣтилъ въ обрывѣ огонь и крикнулъ:

— Вы видите, тамъ опять огонь! Опять тамъ огонь!

Прозоровъ и самъ видѣлъ, что огонь быстро движется во мракѣ, точно летитъ къ морю. Вотъ онъ освѣтилъ какую-то тѣнь возлѣ. Ужасъ охватилъ его, и онъ крикнулъ внѣ себя:

— Бѣжимъ! Бѣжимъ за нимъ!

Саша, дрожа отъ страха, схватила за руку Шугаева:

— Пойдемъ же, пойдемъ и ты!

Но онъ не пошевелился.

Тогда Саша стала судорожно теребить его, умоляя:

— Пойдемъ же! Пойдемъ... пойдемъ!..

Но онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Ее охватилъ гнѣвъ за это бездушіе:

— Какъ ты можешь... какъ ты смѣешь оставаться здѣсь? Я чувствую, что тамъ несчастье. Бѣги! Бѣги туда!

Арина Ивановна подошла съ зонтикомъ и шляпой.

Но онъ отбросилъ все это въ сторону и сдавленнымъ голосомъ, за мрачнымъ спокойствіемъ котораго горѣла нестерпимая мука, обратился къ матери:

— Мама, дай мнѣ свою руку и будь со мною.

Арина Ивановна схватила руку сына и стала рядомъ съ нимъ.

Саша рыдающимъ голосомъ продолжала умолять брата:

— Иди же! Иди! Ну, отсюда крикни ей... еще разъ. Только одно слово... одно слово: Лида! Она услышитъ тебя.

Онъ же сжималъ руку матери, не двигаясь, какъ будто вросъ въ землю:

— Поддержи меня, мама. Ты всегда была моей опорой.

Саша, какъ въ припадкѣ, впивалась ногтями въ руку брата. Ее возмущала эта жестокость матери—опора эгоизма, любви къ себѣ, только къ себѣ.

Голосъ Майнова донесся снизу:

— Сюда! Сюда! На помощь! Огня! Лодку! Лодку!

Саша въ ярости закричала на мать:

— И вы... вы... женщина! Вы молчите! На васъ... на васъ обоихъ будетъ ея гибель!

Она сорвалась съ мѣста и опрометью бросилась внизъ, откуда доносились голоса.

Мать и сынъ остались на обрывѣ вдвоемъ подъ дождемъ, который лилъ на нихъ, промачивая насквозь.

Наконецъ она тихо и нерѣшительно сказала сыну:

— Можетъ-быть, ты пошелъ бы.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ глухо, но твердо. — Пусть на насъ будетъ это новое бремя, мы пойдемъ съ нимъ къ свѣту... къ свѣту.

Майновъ подбѣжалъ туда, гдѣ ему показались издали какъ бы борющіяся фигуры. Но уже никого не было, ни его ни ея...

Только волны съ яростью подступали къ самому обрыву... только однѣ пѣнныя, дико ревущія волны, разстилавшія по песку свою пѣну, какъ бѣлый саванъ.

КОНЕЦЪ.

* * *

Я уснула давно. Я не помню, когда...
Были ярки лучи озареній,
Было настежь окно, и въ саду, у пруда,
Распускалися вѣтки сирени.
И широкій, широкій все грезился путь,
Голубѣли зовущія дали...
Но сказалъ кто-то сильный и властный: «Забудь!» —
И мечты эти жить перестали.
И закрылось окно. И тоскливо-блѣдна
Потянулась иная дорога.
И была я раба. И была я одна.
И была я забыта у Бога.

И не знаю: жила я, иль было то сномъ,
Что жила и что долго страдала, —
Въ эти черные дни, въ этомъ сердцѣ больномъ
Столько разъ уже осень рыдала.
А когда я къ окну моему подошла,
Вьюги сѣвера зиму встрѣчали...
Я искала тропу—и тропы не нашла
Въ побѣлѣвшей долинѣ печали.
Нѣтъ, то сонъ, только сонъ. Но когда я очнусь,
Будутъ вѣтки цвѣтущія гнуться,
И, замучена на смерть, я къ жизни вернусь,
Только дай мнѣ, о Боже, проснуться!

Елена Ѳедотова.

Т. Г. Шевченко.

1814—25 февраля—1914.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

Очеркъ **Павла Зайцева.** (Съ 2 портр. и автографомъ поэта на стр. 151 и 152).

Чтобы въ полной мѣрѣ чувствовать и понимать всю прелесть, все обаяніе твореній Кобзаря, нужно знать украинскую народную поэзію: „все, что сознательно или безсознательно жило и покоилось въ народномъ чувствѣ, все, что плакало, радовалось и стонало въ сердцѣ народномъ,—все слилось въ поэзіи Шевченко въ одинъ аккордъ, страстный, печальный, потрясающій. Шевченко все получалъ отъ народа и все отдалъ народу, отдалъ просвѣтленнымъ, претвореннымъ въ горнилѣ мысли, чувства и страданія“.

Чтобы безпристрастно и правильно оцѣнивать его творчество, нужно знать скорбную исторію его жизни.

Изъ ряда личныхъ несчастій и неудачъ, которымъ обрекла его судьба, сначала осиротивъ его, потомъ отнявъ у него любимую дѣвушку, изъ обидъ и ни съ чѣмъ несравнимыхъ униженій, которымъ подвергался онъ на каретныхъ запяткахъ, въ лакейской и наконецъ подъ розгами конюховъ жестокаго помѣщика — вынесъ онъ всю желчность и всю страстность протеста противъ порядковъ своей эпохи. И если правъ критикъ, который призналъ, что „со временъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ни одно еще, кажется, сердце не вмѣщало въ себѣ такъ много чрезмѣрной любви и такъ много чрезмѣрной ненависти“, какъ сердце Шевченко, то ненависть, это—ядъ, который влила въ его сердце печальная дѣйствительность, а доза этого яда прямо пропорціональна количеству пережитыхъ поэтомъ несчастій.

До двадцати четырехъ лѣтъ крѣпостной одного изъ „цивилизаторовъ Заднѣпровской Украйны“, а съ тридцати трехъ въ теченіе десяти лѣтъ обреченный на безсрочную службу ссыльный солдатъ, только за четыре года до смерти помилованный и освобожденный отъ тягостнаго и безумно жестокаго наказанія, онъ для свободнаго и благопріятнаго развитія имѣлъ всего девять лѣтъ изъ всей своей жизни. Съ самаго начала онъ дѣятельнѣйшимъ образомъ использовалъ ихъ для самообразованія: кромѣ посѣщенія лекцій въ Академіи, онъ принялся за изученіе французскаго языка, занимался и естественными науками, и теоріей искусствъ, и всеобщей исторіей, и исторіей Украйны; читалъ все, что только было изъ переводной литературы на книжномъ рынкѣ и въ журналахъ того времени, а русскую отъ Жуковскаго до Гоголя зналъ, какъ свои стихи, и, отлично зная польскій языкъ, увлекался Мицкевичемъ. Самообразованіе это не было систематическимъ, но по тѣмъ временамъ было очень широкимъ.

За время пребыванія въ Академіи (1838 — 1845) онъ дважды издаетъ своего Кобзаря (1840—1844 гг.), сотрудничаетъ въ русскихъ журналахъ и въ украинскихъ альманахахъ, иллюстрируетъ рядъ чужихъ изданій и выпускаетъ свою „Живописную Украйну“, совершаетъ продолжительную поѣздку на родину (1843—44 г.) и, исполняя многочисленные заказы на портреты, успѣваетъ удостаиваться наградъ за програмныя работы, какъ лучшій изъ учениковъ Брюллова. Въ 1845 г. онъ, уже свободный художникъ, пріѣзжаетъ на родину, чтобы служить ей своимъ искусствомъ. Въ качествѣ члена Кіевской Археографической Комиссіи, онъ изучаетъ ее во всѣхъ ея этнографическихъ предѣлахъ—отъ Полтавы до Почаева.

Весь порывъ къ свободѣ, весь полный увлеченія эпохой казачества, олицетворявшаго собой былую волю, онъ на руинахъ его славы, видя вокругъ себя рабство, убожество и духовное обнищаніе, исполнился поистинѣ библейскаго и пророческаго по силѣ гнѣва противъ всего, что отняло ранѣе и теперь держало въ плѣну народную волю. „Я увидѣлъ,—разсказываетъ Костомаровъ:— что муза Шевченко раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!.. Тарасова муза прорвала какой-то подземный склепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями“.

Насколько далеки были отъ жизни мечтанія кіевской молодежи, объединившейся вокругъ Шевченко въ Кирилло-Меѳодіевское братство и мечтавшей объ освобожденіи и объединеніи всѣхъ славянскихъ народовъ, настолько же чисты и нравственны были

Т. Г. Шевченко. Съ рѣдкой фотографіи, снятой въ 1858 г.

ея высокіе порывы: отъ членовъ общества требовалось сохраненіе и соблюденіе высокой нравственности, и порицался принципъ: „цѣль оправдываетъ средства“. По этому уже можно судить, могло ли это общество энтузіастовъ-идеалистовъ считаться преступнымъ.

Друзья доказывали, что Шевченко не участвовалъ въ обществѣ, но ему въ еще болѣе тяжкую вину было вмѣнено „писаніе возмутительныхъ стиховъ“.

Съ этого момента удобнѣе всего обозрѣть всю сущность и значеніе поэзіи Шевченко. Послѣ того, какъ его на порогѣ вступленія на новый путь жизни—онъ уже былъ назначенъ учителемъ рисованія въ университетъ св. Владиміра—сослали въ солдаты, онъ уже не создалъ ничего новаго и оригинальнаго. Въ этотъ моментъ онъ для изучающаго его поэзію—законченный, сложившійся человѣкъ: въ ссылкѣ его разъѣдала рефлексія, и драма жизни его осложнилась сознаніемъ дѣйствительной покинутости и заброшенности, но къ прежнимъ идеямъ и стремленіямъ полная новыхъ униженій жизнь лишь подливала горечи страданій. Разъ принятыхъ убѣжденій онъ не мѣнялъ: „ужъ если я что однажды сказалъ,—писалъ онъ въ ссылкѣ:—такъ это все равно, что напечаталъ: никакая земная сила не заставитъ меня перемѣнить однажды принятое намѣреніе. Этимъ я безъ хвастовства могу похвалиться“.

Путемъ расширенія своихъ историческихъ познаній онъ привелъ свою музу,—музу величайшаго изъ историческихъ романтиковъ,—къ болѣе правильному уразумѣнію прошлаго родины. Ранѣе увлекавшійся обстановочностью, красочностью казацкаго прошлаго, онъ въ три роковыхъ года (1843—45), „опустошившихъ его убогое сердце“, понялъ ошибки историческихъ дѣятелей и героевъ и осуждалъ ихъ политику, приведшую народъ къ рабству:

Раби, підніжки, грязь Москви,
Варшавське сміття ваші пани
Ясновельможниї гетьмани!

Онъ не закрывалъ глазъ на недостатки и грѣхи высшихъ классовъ своего народа:

Доборолась Украіна
До самого краю
Гірше ляха свої діти
Ії роспинають...

и грозилъ имъ карой, предсказывая, что

повіе новий огонь
З Холоднаго Яра,

откуда кровавый Желѣзнякъ вывелъ своихъ гайдамаковъ.

Надежды всѣ онъ возлагалъ на Бога:

Колись Бог нам верне волю
Розібье неволю...

Онъ рисовалъ въ самихъ яркихъ образахъ „всі муки, всі зла“: брошенныя соблазнителями дѣвушки и даже жертвы общественнаго темперамента и новой городской культуры нашли въ его лицѣ рѣдкаго по страстности и экспрессіи, опередившаго многихъ поэтовъ, защитника.

Поборникъ просвѣщенія, чуждый всякой исключительности, онъ училъ земляковъ:

І чужому научайтесь
Й свого не цурайтесь,—

но въ то же время, подъ вліяніемъ Руссо, нетронутую народную душу, свободную отъ соблазновъ, сообщаемыхъ ей несовершенными формами государственной организаціи, онъ цѣнилъ едва ли не выше: онъ со всей силой изобразительныхъ средствъ своего громаднаго таланта выступилъ въ своемъ „Кавказѣ“ въ защиту свободныхъ горцевъ и противъ ихъ покорителей.

Глубоко религіозный, онъ порвалъ съ офиціальной церковью, подобно Толстому, но съ той разницей, что никогда не призывалъ народъ къ разрыву съ Церковью. Раціоналистъ-сектантъ, онъ въ своихъ стихахъ, ставшихъ извѣстными уже какъ его посмертное достояніе, допускалъ иногда рѣзкіе отзывы о внѣшней обрядности, но никогда не собирался подрывать вѣру въ народѣ: „издѣваться надъ нравственно-религіозными убѣжденіями, которыя освящены вѣками и милліонами людей, — неразумно и преступно“, — говорилъ онъ одному изъ друзей.

Всѣ, кто пытаются доказывать его кощунство, обнаруженное якобы имъ въ раціоналистическомъ пониманіи исторіи св. Дѣвы, наталкиваются на неустранимое противорѣчіе: вѣдь онъ Ей молился такъ, какъ молится всякій вѣрующій простолюдинъ, и самую поэму началъ съ молитвы:

Все упование мое
На Тебе, мій пресвітлий раю!

За годъ до смерти онъ выпустилъ „Южно-русскій Бук-

Думы мои думы мои
Вы мои едини,
Некидайте хоч вы мене
При лихій годині.
Прилитайте сизокрилі
Мои голубята,
Из за Днипра широкого
У степь погуляты
З Киргизами убогими.
Вони вже убоги
Уже голи.. та на воли
Ще молятся богу.
Прилитайте ж мои люби,
Тихими речами
Привитаю вас як диток
И заплачу з вами.

Автографъ Т. Г. Шевченко—начало альбома, въ который переписаны всѣ его стихи, написанные въ ссылкѣ.

варь“, въ которомъ удѣлилъ много мѣста молитвамъ и псалмамъ. И за десять дней до смерти написалъ:

Помолимось Богу
Тай рушимо тихесенько
В далеку дорогу.

Но вѣра эта была куплена цѣною долгихъ колебаній. Когда онъ, видя ужасы пожизненной казармы, розги, шпицрутены, смущался духомъ, и ему казалось, что „нічого нема святого на землі“, онъ иногда не могъ вмѣстить долготерпѣнія Божія:

Бо се було б диво
Щоб чути і бачить і не показать.
Або вже занадто довготерпеливий.

Выдающійся изъ правдоискателей XIX вѣка, онъ всю жизнь ждалъ, надѣялся и снова терялъ надежду:

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши в руки,
Дивуешся: чому не йде
Апостол правди і науки?!

Вѣдь онъ при жизни такъ и не увидѣлъ великаго шествія правды, но умеръ съ вѣрою, что она:

Повинна буть, бо сонце стане
І осквернену землю спалить.

Только въ поэмахъ, написанныхъ съ эпической объективностью, найдемъ мы у него изображенія мстительныхъ наклонностей—это лишь изображенія историческихъ переживаній, но самъ поэтъ не былъ пѣвцомъ брани и бряцающаго оружія. Онъ проповѣдывалъ миръ и любовь. Идеаломъ его была тихая семейная жизнь, и семейное счастье онъ называлъ „высшей гармоніей“. Въ соотвѣтствіи съ изобразительными средствами народной украинской лирики онъ образомъ высшаго проявленія любви избралъ любовь матери къ дѣтямъ и дѣтей къ матери. Согласіе семьи—для матери высшее счастье. И обновленную родину онъ представлялъ себѣ, какъ утѣшенную согласіемъ дѣтей мать:

Обніміте ж, брати мої
Найменшого брата,—
Нехай мати усміхнеться,
Заплакана мати!

Постоянное противорѣчіе между созданными идеалами и дѣйствительностью онъ еще въ юности ярко нарисовалъ, какъ печальный удѣлъ поэта, создавъ своего „Перебендю“. Непонимаемаго людьми поэта, осмѣиваемаго ими чудака онъ уводилъ далеко въ степь на курганъ, гдѣ кругомъ него воетъ только вѣтеръ. Тамъ Перебендя, какъ и пророкъ, внявшій и „неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подземный ходъ, и дальней лозы прозябанье“, полетомъ творческаго вдохновенія

Край світа на хмарі гуля.
Орломъ сизокрилимъ літае ширяе...
Спочине на сонці, його запитае:
Де воно ночує? Якъ воно встае?
Послухае моря, що воно говорить.
Спита чорну гору, чого ти німа?
І знову на небо...

Поэтъ вѣчно одинокъ — „вінъ міжъ нами, якъ сонце високе“. Люди помогли Шевченко укрѣпиться въ этомъ взглядѣ на удѣлъ пѣвца-избранника.

Бывали мѣсяцы и годы, когда онъ ни отъ кого не получалъ ни строки, „всѣ оддурались“,—думалъ онъ невольно:

Либонь уже десяте літо,
Якъ людямъ давъ я *Кобзаря*,
А ім непаче ротъ зашито.

Когда онъ оставилъ наконецъ свою „незамкнутую темницу“, то пропасть между идеалами и стремленіями его съ одной стороны и полной ихъ недостижимостью съ другой еще больше выросла. Его неутолимая жажда ласкать, обожать, преклоняться такъ и не нашла утоленія: не нашлось ни одной женщины, которая бы доставила ему радости раздѣленной любви,—любви, пѣвцомъ которой онъ оставался всю жизнь, посвятивъ ей около сорока поэмъ!

То зло, противъ котораго онъ боролся, до смерти его осталось неуничтоженнымъ: его сестру и братьевъ продолжали гонять на панщину. Добившись ихъ освобожденія, онъ не увидѣлъ свободнымъ весь свой народъ.

Переживанія историко-романтическаго характера, не остывшія и въ ссылкѣ, гдѣ онъ, по собственному признанію, и писалъ-то иной разъ только потому, что

Іноді старий козакъ
Верзеться грішному усатий
З своею волею мені
На чорнім вороні-коні,

теперь уже и на чужбинѣ не лелѣяли его воображенія картинами прошлаго.

А на родинѣ (поѣздка въ 1859 г.) онъ, „минаючі убогі села понадніпряиські невеселі“, думалъ только объ одномъ—гдѣ бы и какъ успокоиться:

„Де ж я прихилюсь
І де подінуся на світі“.

Надежда его поселиться у Днѣпра была нарушена насильственнымъ выдвореніемъ изъ родины послѣ ареста по глупому доносу.

Скрашивали его жизнь только неувядающее чувство красоты и работа на пользу просвѣщенія народнаго.

Какимъ тонкимъ эстетомъ былъ этотъ удивительный самородокъ, знаютъ только тѣ, кто читалъ его повѣсти, написанныя въ ссылкѣ (1850—57 гг.), когда онъ пересталъ писать стихи. Изъ нихъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о его широкой самообразованности и громадной памяти, въ нихъ находимъ и мелкія и крупныя черты и штрихи, дорисовывающіе его характеръ.

„Благодарю Тебя, Всемогущій Боже,—говоритъ онъ въ одной изъ повѣстей:—что одарилъ Ты меня чувствомъ человѣка, любящаго и видящаго прекрасное, совершенное въ Твоемъ нерукотворномъ безконечномъ твореніи. Если бы красота во всѣхъ ея образахъ хотя на половину человѣчества имѣла свое благодѣтельное вліяніе, тогда бы мы быстро близились къ совершенству и наконецъ олицетворили бы собой Божественную заповѣдь нашего Божественнаго Учителя. Тогда бы Шварцъ и Ривольеръ пошли бы по міру со своими геніальными изобрѣтеніями или открыли бы лучшіе и благороднѣйшіе источники о человѣческихъ усовершенствованій“.

Такъ эстетическое чувство приводило Шевченко и къ гуманизму.

Т. Г. Шевченко. Автопортретъ (1840 г.).

Устами Добролюбова и Аполлона Григорьева и русское общество оцѣнило въ свое время положительныя качества его поэзіи.

Лучшіе изслѣдователи исторіи всемірной литературы отводятъ Шевченко крупное мѣсто, какъ поэту-псалмопѣвцу, сторицею возвратившему сокровищницѣ родной поэзіи все, что она дала ему на развитіе его громаднаго дарованія. Въ ряду славянскихъ поэтовъ имя его стоитъ вслѣдъ за именами Пушкина и Мицкевича. Въ соотвѣтствіи со своимъ происхожденіемъ Шевченко подошелъ къ изображенію души народной — „снизу“, и къ нему, какъ ни къ кому другому лучше, можно отнести слова Беранже:

Je suis du peuple ainsi, que mes amours.

Шевченко великъ тѣмъ, что „сказалъ могучія и вѣщія слова народныхъ надеждъ и упованій“.

Желѣзные столбы.

(Къ столѣтію со дня рожденія Т. Г. Шевченко). Очеркъ Бориса Лазаревскаго.

Одинъ изъ біографовъ Т. Г. Шевченко, А. Я. Кониссkій, наиболѣе понявшій душу поэта, говоритъ, что въ раннемъ дѣтствѣ Шевченко, какъ сынъ крѣпостныхъ, вѣчно занятыхъ тяжкимъ трудомъ родителей, почти всегда оставался безъ призора. Фактически это, конечно, такъ. Но все же Тарасъ Григорьевичъ былъ счастливѣе многихъ изъ тѣхъ людей искусства, которые выросли въ городскихъ подвалахъ или на далекомъ сѣверѣ.

Два элемента вліяли на развитіе его огромнаго таланта: кра-

Портретъ Дибича работы Т. Г. Шевченко. Изъ альбома „Русскіе Полководцы", поднесеннаго Государю Николаю Павловичу.

сота природы Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи и любовь, — любовь старшей его сестры и няни Катерины. Къ нимъ нужно еще присоединить и ту свободу, какой пользо-

вался мальчикъ до десяти лѣтъ. Было время думать и фантазировать...

А никогда фантазія не бываетъ такой безграничной и прекрасной, какъ въ эти годы, ее не останавливаютъ и не тормозятъ тѣ прозаическія знанія, которыя пріобрѣтаются наукой и житейскимъ опытомъ.

Въ этотъ періодъ человѣкъ, какъ видитъ—такъ и вѣритъ.

Особенно поражало маленькаго Тараса безкрайнее синее небо. Казалось ему, что оно непремѣнно на чемъ-нибудь держится.

Одинъ изъ братьевъ моего отца, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, кажется, самый близкій и самый „щирий" изъ друзей поэта, разсказывалъ со словъ Тараса Григорьевича, какъ мальчикъ-поэтъ въ концѣ концовъ рѣшилъ, что небо, вѣроятно, опи-

Портретъ г-жи Горленко работы Т. Г. Шевченко.

рается на огромные желѣзные столбы, и пошелъ ихъ искать. Голодный, онъ бродилъ цѣлый день, пока не увидѣлъ высокаго кургана. И подумалось ему, что съ этого кургана столбы навѣрное будутъ видны. Взошелъ—но ничего не увидѣлъ, кромѣ цвѣтущихъ садовъ и лиловой дали съ голубыми издали тополями. Уже вечерѣло. Тарасъ поплелся назадъ, но по ошибкѣ свернулъ въ противоположную сторону и сбился съ дороги. Пришлось ночевать въ пустынной степи, но встрѣтились добрые люди и привезли его домой...

И всю свою жизнь, точно этихъ фантастическихъ столбовъ, искалъ Шевченко счастья для своихъ земляковъ, измучился, натерпѣлся и умеръ, не дождавшись обнародованія манифеста о паденіи крѣпостного права.

Умеръ онъ въ Петербургѣ въ зданіи Академіи Художествъ на порогѣ мастерской. И отвезли его тѣло на родину, точно заблудившагося...

Когда поэту было девять лѣтъ, умерла его мать, а подросшая сестра должна была проводить цѣлый день на барщинѣ, и остался мальчикъ совсѣмъ одинъ. Началась очень тяжелая жизнь, такъ многократно нарисованная его біографами...

Но все же мнѣ не хочется назвать Т. Г. Шевченко несчастнымъ человѣкомъ. Страдалъ онъ много, но и самой горячей любви и вниманія лучшихъ людей того времени выпало на его долю тоже много. Точно желѣзные столбы, поддерживали они надъ головой поэта голубое небо, въ милость котораго онъ иногда уже не имѣлъ силъ вѣрить...

Въ Петербургѣ его выручали: В. А. Жуковскій,

Портретъ г-жи Маевской работы Т. Г. Шевченко (1843 г.).

Могилы въ Суботовѣ, гдѣ жилъ Богданъ Хмѣльницкій. Рисунокъ Т. Г. Шевченко.

К. П. Брюлловъ, Н. И. Костомаровъ, М. Микѣшинъ. То же мы видимъ и въ Малороссіи: Гребенка, Чужбинскій, Лизогубъ, Тарновскіе, Бѣлозерскіе, братья Лазаревскіе. Чувствовали, что спасаютъ нѣжной души человѣка и большого поэта отъ тяжкихъ обстоятельствъ, а иногда и отъ самого себя.

Какъ беллетристъ, я не могу добавить ничего новаго къ біографіи великаго поэта Украйны, я только могу разсказать о томъ, что слышалъ въ нашей семьѣ.

Мой отецъ—Александръ Матвѣевичъ—везъ тѣло Шевченко до города Орла по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ на лошадяхъ, весной, по непросохшимъ еще дорогамъ, до самаго Кіева. Строгая, на весь уѣздъ извѣстная своимъ умомъ, моя бабушка, Аѳанасія Лазаревская, оказывала поэту самое нѣжное гостепріимство. Въ благодарность, Шевченко посвятилъ ей свое прелестное стихотвореніе „Вечір" и нарисовалъ ея портретъ. У моего брата и сейчасъ хранится великолѣпная гравюра работы Шевченко „Святое Семейство", подаренная ей же. Полное трагизма стихотвореніе „На Різдво" посвящено Ѳедору Матвѣевичу Лазаревскому.

Интересуясь судьбой и дѣятельностью братьевъ моего отца, я составилъ себѣ о каждомъ изъ нихъ опредѣленное представленіе. И для меня несомнѣнно, что Михаилъ Матвѣевичъ дѣйствительно всю свою жизнь отдалъ великому другу и облегчилъ много его страданій.

Въ церкви моего родного села Гирявки хранится неизвѣстно кѣмъ написанная икона св. Тарасія и Михаила. Можетъ быть, ее написалъ художникъ Сошенко, а можетъ-быть—и самъ Шевченко. Въ огромной литературѣ о Шевченко я до сихъ поръ не встрѣчалъ ни упоминанія объ этой иконѣ ни снимковъ съ нея.

Особенно старался Михаилъ Лазаревскій помогать поэту во время его ссылки въ Новопетровской крѣпости. Шевченко мучился отъ запрещенія писать и рисовать, которое послѣдовало изъ штаба войскъ Оренбургскаго корпуса. Но Михаилъ Лазаревскій сумѣлъ переслать ему и сюда черезъ частныя руки не только карандаши и бумагу, но даже и краски. Все время поддерживалъ онъ въ Шевченко гаснувшую съ каждымъ днемъ надежду на свободу, а самъ въ Петербургѣ ѣздилъ, хлопоталъ, умолялъ... И наконецъ 12 января 1857 года написалъ ему, что лучшіе дни уже близки.

Письмо это попало въ руки Тараса Григорьевича только 7 апрѣля,—на первый день Пасхи. Вотъ выдержка изъ отвѣтнаго письма поэта М. Лазаревскому:

„Такого радостнаго Великодня (Пасхи) у меня никогда не было. Я едва съ ума не сошелъ, прочитавъ твое письмо, а когда закурилъ твою сигару (я десять лѣтъ не курилъ сигаръ), такъ мнѣ такъ запахло свободою, что я заплакалъ, какъ ребенокъ".

Шевченко долго не вѣрилъ своему счастью. Но 2 мая того же года М. Лазаревскій послалъ ему уже настоящее поздравленіе „съ великою милостью Государя Императора Александра Второго".

Но только 21 іюля Шевченко былъ освобожденъ на самомъ дѣлѣ. За три дня до этого событія, во время ожиданія офиціальнаго извѣстія объ амнистіи, въ дневникѣ Шевченко записанъ такой сонъ:

„На крыльяхъ Морфея я перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарской лачугѣ нашелъ Лазаревскаго, Левицкаго и другихъ земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малорусскія пѣсни. Я присоединилъ и свой голосъ, и мы стройно и согласно спѣли: „У степу могила з вітром говорила"... На послѣдней нотѣ я проснулся..."

Когда я лѣтомъ стою въ оградѣ Гирявской церкви возлѣ могилы Михаила Матвѣевича, мнѣ онъ представляется тоже однимъ изъ тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, которые въ фантазіи поэта поддерживали голубое небо, не видя котораго, у Шевченко врядъ-ли бы хватило силъ существовать дальше...

Шевченко, какъ художникъ.

Очеркъ **Павла Зайцева.** (съ 5 рис. и автопортретомъ на стр. 152, 153 и 154).

Въ Шевченко поэтъ всегда подавлялъ живописца.

Но къ славѣ поэта привело его призваніе художника: именно художественный талантъ живописца привлекъ къ судьбѣ Шевченко вниманіе его покровителей и спасъ его отъ дальнѣйшихъ униженій рабства. Брюлловъ, Жуковскій и Вьельгорскій купили свободу художнику-самородку, впослѣдствіи прославившему себя, какъ поэта.

Когда Шевченко-живописецъ задумывался надъ созданіемъ крупной картины, поэтическое вдохновеніе отрывало его отъ кисти и палитры; то, что у художника напрашивалось на полотно въ видѣ пластическихъ образовъ — выливалось въ созвучьяхъ словъ у Кобзаря-стихотворца.

„Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи,—смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣе запишешь то, что навѣялось", — говаривалъ онъ друзьямъ.

Въ этой борьбѣ двухъ дарованій побѣдителемъ остался поэтъ, но это не отнимаетъ значенія, сохраняющагося въ исторіи живописи за произведеніями его художническаго таланта.

Не создавъ ни одной крупной вещи, онъ все же остался превосходнымъ рисовальщикомъ; но, какъ портретисту, ему несомнѣнно принадлежитъ крупное мѣсто: уже въ ученики къ Брюллову онъ явился съ выработанной и своеобразной техникой, и его раннія работы акварелью исполнены большого мастерства; въ школѣ же Брюллова онъ блестяще усвоилъ пріемы своего учителя, и его позднѣйшія работы масломъ прямо не отличить отъ лучшихъ брюлловскихъ (сравни портреты Маевской и Горленко). Отъ этихъ портретовъ иногда вѣетъ такою же, какъ и у Брюллова, искусственной манерностью, но по техникѣ они безукоризненны.

Въ 1845 году альбомъ „Русскіе полководцы", превосходно имъ иллюстрированный (стр. 153), былъ поднесенъ издателемъ Государю Николаю Павловичу, какъ художественнѣйшее изъ изданій того времени.

Въ жанрѣ онъ выработалъ совершенно своеобразную манеру, по которой его всегда отличишь отъ другихъ художниковъ:— по оригинальной трактовкѣ и выполненію освѣщенія, чаще всего— искусственнаго, а въ выборѣ сюжетовъ онъ ушелъ далеко впередъ отъ воспитавшей его классической школы: мы видимъ въ его работахъ и ужасы казармы-тюрьмы и сцены узаконеннаго звѣрства—наказанія шпицрутенами.

Пейзажи его (сепіи и акварели) часто проникнуты глубокимъ настроеніемъ, особенно написанные въ далекихъ дикихъ киргизскихъ степяхъ и у береговъ пустыннаго Арала. Рисунки архитектурныхъ сооруженій, сохранившіе намъ изображенія многихъ уже исчезнувшихъ памятниковъ украинской старины, исполнены съ большимъ вкусомъ.

Печальныя условія жизни не дали ему возможности выполнить много изъ задуманныхъ имъ религіозныхъ сюжетовъ, но даже въ этюдахъ и эскизахъ на религіозныя темы онъ возвысился до высокаго пониманія трагедіи Того, въ подражаніи Кому онъ, „оскорбляемый всякимъ невѣждою", искалъ утѣшенія, читая Ѳому Кемпійскаго и Эккартсгаузена. Превосходенъ его торжествующій Христосъ, въ пониманіи Шевченко совершен но противоположный изображенію, данному художникомъ Ге.

Распятіе. Рисунокъ Т. Г. Шевченко.

Но во всѣхъ родахъ живописи его художественное profession de foi — свѣтовые эффекты. Какъ тонко ощущалъ глазъ поэта-художника борьбу мрака и свѣта, можно убѣдиться изъ слѣдующаго его описанія предразсвѣтной бури:

„Мракъ сдѣлался прозрачнѣй и свѣтлѣй, а въ глубинѣ этого синевато-блѣднаго полусвѣта едва видимо образовался темный, широкій, ровный, какъ по линейкѣ очерченный горизонтъ; за горизонтомъ тихо, медленно началъ являться слабый розовый свѣтъ и, усиливаясь, принималъ какой-то сѣро-мрачный тонъ... Изъ-за темнаго необозримаго горизонта безконечною стѣною съ огромными фантастическими куполами медленно подымались тучи. Подымаясь выше и выше, онѣ теряли свои колоссальныя причудливыя формы и обращались въ темно-сѣрую массу неискончаемаго пространства. Надъ горизонтомъ становилось свѣтлѣе и тихо, едва замѣтно тихо, какъ бы изъ самаго горизонта, подымался огромный бѣловато-серебристый шаръ, только однимъ абрисомъ похожій на солнце... Блѣдный шаръ становился блѣднѣе и блѣднѣе, наконецъ какъ бы растопился и исчезъ въ млечно-сѣрой массѣ. Буря, какъ милліоны невидимыхъ чудовищъ, ревѣла на просторѣ“.

Это тонкое ощущеніе свѣтотѣней въ связи съ громаднымъ искусствомъ графика—онъ удивительно владѣлъ карандашомъ и перомъ — привело его къ той отрасли графическаго искусства, которая рѣже другихъ находитъ себѣ талантливыхъ представителей: вернувшись изъ ссылки, онъ посвятилъ себя гравюрѣ и спеціально — aqua forta. Ему почти не у кого было учиться, но онъ скоро достигъ громадныхъ результатовъ и самъ изобрѣлъ кое-какіе необходимые инструменты. Знаменитый Шишкинъ пользовался ими, знакомы они и В. В. Матэ.

Академія увѣнчала его труды, присудивъ ему званіе академика гравюры.

Оцѣнивать Шевченко нельзя съ современной точки зрѣнія. Для своего времени онъ былъ крупнымъ художникомъ.

Своимъ дарованіямъ въ пластичномъ искусствѣ онъ не мало былъ обязанъ тѣмъ, что и муза его

Із казарми смердячої
Чистою, святою
Вилетіла, мов пташечка.

Искусство для него было религіей, вдохновеніемъ свыше.

„Высокое искусство, какъ я думаю, сильнѣе дѣйствуетъ на душу человѣка, сильнѣе, нежели самая природа,—писалъ Шевченко.—Какая же непостижимая тайна сокрыта въ этомъ дѣлѣ руки человѣка, въ этомъ божественномъ искусствѣ? Творчествомъ называется эта великая божественная тайна и... завидный жребій великаго поэта, великаго художника. Они братья наши по плоти, но уподобляются ангеламъ Божіимъ, уподобляются Богу...“

Скульпторъ Н. Л. Аронсонъ.

Очеркъ **Л. Бернштейна.** (Съ 9 снимками его скульптуръ и портретомъ на стр. 155 и 156).

Когда въ 1902 году Н. Л. Аронсонъ впервые выставилъ въ Петербургѣ нѣкоторыя изъ своихъ „мраморныхъ грезъ“, какъ назвалъ его произведенія покойный А. Трачевскій,—о немъ сразу заговорили, какъ о большомъ талантѣ, и безъ колебаній отвели ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской скульптурѣ. До того времени почти неизвѣстный своимъ соотечественникамъ, хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ выставлялся въ лучшемъ парижскомъ „Салонѣ“, онъ удивилъ, чтобы не сказать—поразилъ, совершенствомъ своей техники, своимъ изысканнымъ художественнымъ вкусомъ и какой-то особенной тайной силой жизни, физической и еще болѣе духовной, какой вѣяло отъ его мраморовъ. Ихъ живая поэзія заражала, и передъ ними останавливались, какъ передъ какой-то загадкой.

Такое впечатлѣніе Н. Л. Аронсонъ произвелъ своими первыми произведеніями: „Ложе любви“, „Гнѣздышко“, „Жажда“. Съ тѣхъ поръ, отличаясь не столько плодовитостью, сколько удивительной трудоспособностью, и сохранивъ всю свою юношескую жажду творчества, Н. Л. Аронсонъ создалъ множество другихъ произведеній, можно было бы сказать—цѣлый музей чудныхъ образовъ красоты, мысли, любви, печали. И теперь за нимъ упрочилась уже міровая извѣстность, и ему принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ русской скульптурѣ, но и во всемъ современномъ искусствѣ.

Это — мощный, гибкій и чуткій талантъ. Но что составляетъ, быть-можетъ, главную особенность его творчества, это та удивительная гармонія формы и выраженія, плоти и духа, которая чаруетъ во всѣхъ его произведеніяхъ, и которую онъ достигаетъ въ одинаковой степени реализмомъ формы — структуры линій и интенсивностью внутренней, духовной жизни его мраморовъ.

Онъ владѣетъ и дѣтской мыслью, и думой геніевъ, и юной лаской, трепетомъ любви, печалью старости, улыбкой счастья, тоской и горемъ.

Въ его музеѣ, овѣянномъ какой-то задумчивой грустью, мраморы, бронзы, гипсы, рисунки создаютъ вмѣстѣ иллюзію заколдованнаго царства. Ни одна линія не нарушаетъ общей гармоніи. Ничего вычурнаго, крикливаго въ позахъ, въ структурѣ. Каждая тѣнь естественна. И въ покоѣ камня чувствуется поэтому лишь великое спокойствіе природы.

Скульпторъ Н. Л. Аронсонъ возлѣ изваяннаго имъ изъ мрамора бюста В. Ө. Коммиссаржевской, помѣщеннаго въ фойэ Императорскаго Александринскаго театра. Торжество освященія бюста и чествованіе памяти знаменитой артистки состоялось 10 февраля с. г.

Толстой глубоко, какъ будто навѣки задумался (см. стр. 156). Изъ-подъ его нависшихъ бровей чувствуется острый взглядъ, тотъ проникновенный, ясновидящій взглядъ совѣсти, который могли выдержать лишь самые чистые душой. Весь свѣтъ собранъ сверху и падаетъ на широкій, костистый лобъ. И голова выступаетъ точно изъ скалы... Ни одинъ другой бюстъ великаго писателя, при поразительномъ сходствѣ, не производитъ такого впечатлѣнія сосредоточенной, вѣчной мысли, толстовской мысли, ищущей, тревожной, болѣющей за человѣчество и одновременно проникнутой глубокой и спокойной вѣрой, познанной истиной.

Бюстъ Бетховена работы Аронсона, стоящій въ родномъ городѣ великаго композитора, въ Боннѣ, рядомъ съ его домомъ, въ томъ самомъ саду, гдѣ Бетховенъ работалъ, тоже поразителенъ по впечатлѣнію геніальной мысли, которое онъ производитъ. При физическомъ, быть-можетъ, уродствѣ, которое скульпторъ нисколько не старался умалить, онъ даетъ образъ, такъ доступно говорящій о красотѣ творчества, о величіи мысли, о мощи вдохновенія! Но тутъ уже не сосредоточенная дума созерцателя жизни, а бурная мысль звуковъ, всѣхъ звуковъ міра, собранныхъ, замкнутыхъ въ геніальномъ воображеніи великаго страдальца. И если бюстъ Толстого вызываетъ представленіе о горѣ, о величественной скалѣ, то бюстъ Бетховена вызываетъ въ воображеніи бурное море съ высоко вздымающимися волнами, которыя съ воемъ набѣгаютъ другъ на друга, ударяются, обнимаются, клокочутъ...

Есть еще у Аронсона въ томъ, что можно было бы назвать его галлереей мысли, бюсты Данте, Шопена, Тургенева, исполненные съ такимъ же проникновеннымъ пониманіемъ ихъ творчества и ихъ жизни.

Упомяну еще о его „Мыслителѣ“, громадной статуѣ, которая многимъ представляется воплощеніемъ „юной Россіи“. Скульпторъ дѣйствительно работалъ надъ этой статуей съ мыслью о своей родинѣ. Въ чертахъ лица „Мыслителя“ можно уловить какое-то отдаленное, общее сходство и съ Толстымъ, и съ Никитинымъ, и съ Бѣлинскимъ. Это—мыслитель нашей русской интеллигенціи. Онъ сидитъ, всѣмъ корпусомъ наклонившись впередъ, громадный и какъ будто чѣмъ-то придавленный, и взглядъ его устремленъ въ даль, въ будущее. Тамъ, быть-можетъ, онъ видитъ просвѣтъ, и эта свѣтлая надежда на далекое есть то спокойствіе, то примиреніе, которое артистъ даетъ чувствовать въ его грустныхъ, полныхъ тоски, глазахъ.

И на ряду съ этимъ „мыслителемъ“, съ такими гигантами человѣчества, какъ Толстой, Данте, Бетховенъ, — дѣтскія головки съ пухленькими щечками, съ невинно глядящими на міръ глазами, сохранившія въ мраморѣ всю свою нѣжность кожи: — на нихъ точно чувствуется еще ласка материнской руки. Самъ скульпторъ обвѣялъ ихъ этой лаской, но онъ же затаилъ гдѣ-то въ ихъ глазахъ и даже въ ихъ улыбкѣ неуловимую, едва ощутимую грусть, ту особую печаль, отъ которой не свободна, напримѣръ, ни одна колыбельная пѣснь.

Другой печалью, уже сознанной, проникшей глубоко въ душу,

Сонъ

Старость.

Ева.

Левъ Толстой.

Заря.

Голова ангела.

Голова ребенка.

Портретъ дѣвочки.

Работы скульптора Н. Л. Аронсона.

вѣетъ отъ такихъ произведеній Аронсона, какъ „Юный пролетарій“, „Отрокъ Мученикъ“. Скульпторъ, вѣроятно, думалъ о жестокостяхъ жизни и тогда, когда онъ лѣпилъ свое „Гнѣздышко“ съ брошенными на произволъ дѣтьми.

А вотъ старики, „Les épaves“, какъ ихъ называетъ художникъ, у которыхъ ничего въ жизни не осталось, кромѣ ихъ взаимной привязанности, и которые склонили другъ къ другу головы... Какъ выразительны ихъ лица, изборожденныя морщинами, съ нависшей на костяхъ кожей, съ выраженіемъ покорности неумолимой судьбѣ!..

Особое мѣсто въ творчествѣ Аронсона занимаютъ его „nus“, какъ „Ева“, „Мистическое молчаніе“, „Сидящая женщина“, „Мальчикъ у воды“, „Отчаяніе“, группы „Ложе любви“ и „Юность“. Тутъ камень превращается въ живую плоть, и лѣпка достигаетъ совершенства деталей, доступнаго лишь великимъ мастерамъ. Красота тѣла воплощена скульпторомъ во всей своей трепетной интимности и одновременно со всѣмъ спокойствіемъ природы. Но отличительная, особенно рѣдкая въ наше время, черта его „nus“—ихъ чистота, чуждая однако всякой ложной идеализаціи или стыдливаго пуританства.

Н. Л. Аронсонъ живетъ постоянно въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился двадцать лѣтъ тому назадъ, когда ему самому было лишь 20 лѣтъ, и когда онъ только выступалъ на художественное поприще. И со времени упомянутой выше выставки въ 1902 г., когда въ Россіи впервые познакомились съ его произведеніями, вѣсти о немъ и его твореніяхъ доходятъ на родину лишь издалека. Съ тѣхъ поръ онъ, кажется, въ Россіи не выставлялъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Родился Наумъ Львовичъ Аронсонъ въ 1872 г., въ захолустномъ городкѣ Витебской губерніи, въ довольно зажиточной семьѣ, которая однако чужда была всему, что называется искусствомъ. Талантъ обнаружился у него довольно рано, но обстановка, въ которой протекли дѣтство и юность его, была самая неблагопріятная для развитія его дарованія. Въ Россіи, будучи мальчикомъ, онъ въ теченіе двухъ зимъ посѣщалъ рисовальную школу въ г. Вильнѣ и впослѣдствіи, въ Парижѣ, нѣсколько мѣсяцевъ учился въ Школѣ Декоративнаго Искусства. Этимъ ограничивается его школьное образованіе. Онъ дѣйствительно самъ себѣ и только себѣ обязанъ тѣмъ, что изъ провинціальной глуши вынесъ на европейскій просторъ свое дарованіе, развивъ его въ могучій талантъ. И успѣхъ его объясняется исключительно разнообразіемъ, богатствомъ, чуткостью и искренностью его таланта.

Высоконовобрачные Августѣйшая Дочь Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Ксеніи Александровны и Великаго Князя Александра Михаиловича, Ея Высочество Княгиня Ирина Александровна, княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстонъ и князь Феликсъ Феликсовичъ Юсуповъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Бракосочетаніе состоялось въ Высочайшемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ присутствіи въ Собственномъ Его Величества Аничковскомъ дворцѣ 9 февраля с. г.

Конкурсная выставка 1913 года и лауреаты Академіи Художествъ.

(Къ рисункамъ).

Рисунки, помѣщенные въ настоящемъ № нашего журнала, представляютъ собою произведенія молодыхъ художниковъ, выступившихъ съ ними на послѣдней Конкурсной выставкѣ.

Членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь д. т. с. Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Враской, извѣстный своими многолѣтними трудами во главѣ тюремнаго управленія, по Прибалтійскому Православному Братству (въ должности Предсѣдателя) и въ Комитетѣ Попечительства о трудовой помощи. По поводу 60-лѣтія служебной дѣятельности, исполнившагося 10 февраля с. г., удостоенъ Высочайшаго рескрипта.
По фот. М. Штейнберга.

„*Гусаръ*“ М. Авилова (классный этюдъ) — характерная, полная жизни фигура. Еще больше жизни и движенія въ большой картинѣ того же художника „*Царевичъ Іоаннъ IV и бояре*“. Молодой Іоаннъ Грозный, полный юношескаго задора и жизнерадостности, несется, какъ вихрь, за городъ по мосту, и встрѣчные люди съ испугомъ жмутся

Почетный академикъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, Анатолій Ѳедоровичъ Кони въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. По поводу 70-лѣтія дня рожденія.
По фот. К. Булла.

„*Предки*“ В. Лишева — своеобразный скульптурный жанръ, затрагивающій то давнопрошедшее время, когда люди приближались по своему складу къ „человѣкообразнымъ“ существамъ. „Человѣкообразные“ мужъ и жена нашли черепъ своего „предка“ и съ величайшимъ любопытствомъ разсматриваютъ его.

В. Рехенмахеръ въ своей картинѣ „*Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго*“ изображаетъ двухъ великихъ поэтовъ, которые были въ свое время друзьями. Восторженный жестъ Пушкина, указывающаго своему другу на бронзоваго „Мѣднаго Всадника“, невольно заставляетъ насъ вспомнить, какъ преклонялся нашъ геніальный поэтъ предъ геніальнымъ Саардамскимъ Плотникомъ, предъ его Полтавой и предъ созданнымъ имъ „парадизомъ“ — Петербургомъ.

Профессоръ В. Е. Маковскій. Автопортретъ (Собственность И. Е. Цвѣткова). По поводу 50-лѣтія художественной дѣятельности. (Картинамъ знаменитаго жанриста будетъ посвященъ особый нумеръ «Нивы»).

къ периламъ, зная, что бурный царевичъ иной разъ не щадитъ никого въ своемъ восторженномъ летѣ...

В. Цыцынъ даетъ въ своемъ „*Капустникѣ*“ жизненную жанровую сценку изъ сельскаго быта. Такая же мирно-идиллическая сценка, но съ своеобразнымъ этнографическимъ оттѣнкомъ изображена на картинѣ А. Янсена „*На островѣ Моонѣ*“. Своеобразной идилличностью оттѣнена и веселая жанровая сценка О. Ивановой-Броневской „*На кухнѣ*“. Прекрасный портретный

М. Ф. Покорный. (Архитекторъ). В. И. Ковальскій. (Архитекторъ).

А. А. Александровъ. (Живописецъ). А. Е. Яковлевъ. (Живописецъ). Г. П. Мальцевъ. (Живописецъ). В. В. Лишевъ. (Скульпторъ). М. И. Курилко. (Граверъ-офортистъ).

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ, удостоенные званія художника и командировки за границу.

эскизъ—„*Кирасиръ*“ П. Смукровича.

Къ числу лауреатовъ Академіи Художествъ, отличившихся и отличенныхъ на этой Конкурсной выставкѣ, принадлежатъ В. В. Лишевъ и слѣдующіе художники: М. И. Курилко, А. Е. Яковлевъ, В. И. Ковальскій, М. Ф. Покорный, Г. П. Мальцевъ, А. А. Александровъ.

Всеволодъ Всеволодовичъ *Лишевъ* родился въ 1878 году. Онъ въ свое время служилъ офицеромъ артиллеріи въ Кронштадтѣ, но, почувствовавъ влеченіе къ искусству, покинулъ военную службу и въ 1906 году поступилъ въ Академію Художествъ. Онъ кончилъ академическій курсъ въ 1913 г. и получилъ за свою скульптуру „Предки“ званіе художника и поѣздку за границу.

Михаилъ Ивановичъ *Курилко*—уроженецъ Каменецъ-Подольска (родился въ 1883 году). Въ Академію поступилъ въ 1903 году и работалъ тамъ въ мастерской проф. Матэ. Выступивъ на Конкурсной выставкѣ со своими превосходными офортами, онъ заслужилъ обычное увѣнчаніе академическихъ лауреатовъ—званіе художника и поѣздку за границу.

Александръ Евгеніевичъ *Яковлевъ* окончилъ среднее образованіе въ петербургскомъ частномъ реальномъ училищѣ Мая. Онъ моложе своихъ предыдущихъ товарищей-лауреатовъ (родился въ 1887 году) и въ Академію поступилъ въ 1905 году. Въ Академіи онъ работалъ подъ руководствомъ Д. Н. Кардовскаго и, еще будучи академистомъ, выставлялъ свои произведенія на выставкахъ

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій въ своей мастерской. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности. По фот. К. Глыбовской. (Картинамъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго будетъ посвященъ особый нумеръ «Нивы»).

Инженеръ Владиміръ Владиміровичъ Рюминъ, талантливый популяризаторъ физико-химическихъ и техническихъ знаній. По поводу 50-лѣтія научно-литературной дѣятельности. Начавъ свои работы 50 лѣтъ тому назадъ научнымъ фельетономъ въ газетѣ „Голосъ“, въ началѣ марта 1864 г., В. В. Рюминъ сотрудничалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ періодическихъ изданій, какъ спеціально-научныхъ, такъ и общаго характера. В. В. Рюминъ состоитъ сотрудникомъ „Нивы“, статьи „Первая паровая машина въ Россіи“ 1913 г. № 19, и „Воздушная броня“ № 3 с. г.

„Міра Искусства“. Званіе художника и поѣздку за границу получилъ за картины „*Купанье*“ и „*Баня*“.

Ученикъ проф. Л. Н. Бенуа, *Вячеславъ Ковальскій*, въ 1899 году окончилъ курсъ въ Сѣдлецкой гимназіи. Только въ 1906 году ему удалось поступить въ Академію Художествъ въ архитектурное отдѣленіе. За „проектъ вокзала“ (на Конкурсной выставкѣ) былъ причисленъ къ лауреатамъ и получилъ званіе художника и поѣздку за границу.

Михаилъ Францевичъ *Покорный*, ученикъ проф. М. Т. Преображенскаго, родился въ Одессѣ въ 1886 году. По окончаніи курса въ Одесскомъ Художественномъ Училищѣ, поступилъ въ 1905 году въ Академію, на архитектурное отдѣленіе. Лауреатскую награду получилъ за прекрасно разработанный „проектъ пассажирскаго зданія желѣзной дороги“.

Болѣе своеобразна карьера Григорія Павловича *Мальцева*. Этотъ художникъ-лауреатъ (онъ родился въ 1881 году) сначала готовился къ неблагодарной и незамѣтной карьерѣ волгаря-труженика. Онъ учился въ Нижегородскомъ Рѣчномъ Училищѣ, а затѣмъ въ качествѣ судоходца плавалъ по Каспію и Волгѣ. Природное стремленіе къ рисованію (онъ началъ рисовать съ семи лѣтъ) въ концѣ концовъ привело его въ Академію, гдѣ онъ сталъ работать подъ руководствомъ проф. В. Е. Савинскаго по классу исторической живописи. При Академіи были оставлены, какъ образцы, его премированные эскизы: „Петръ I въ Астрахани“, „Передъ ханской ставкой“, „Волжская понизовая вольница“. Большая картина „Св. Алексій, митрополитъ московскій, въ Золотой Ордѣ исцѣляетъ ослѣпшую ханшу Тайдулу“ создала молодому художнику имя. Эта картина была навѣяна путешествіемъ, которое художникъ совершилъ къ киргизамъ въ Букѣевскую орду, въ Астраханской губерніи. Тамъ Г. П. Мальцевъ собралъ богатый матеріалъ для картины, при чемъ ему помогалъ внукъ послѣдняго ордынскаго хана Джангира, Султанъ Букивъ.

Александръ Алексѣевичъ *Александровъ* родился въ 1884 году въ г. Цивильскѣ (Казанской губерніи). По окончаніи городского училища поступилъ въ Казанскую Художественную Школу, откуда потомъ безъ экзамена перешелъ въ Академію Художествъ. Въ 1191 году была премирована Академіей его первая большая картина „Стенька Разинъ“.

Къ столѣтію Патріотическаго Института, состоящаго съ 1855 г. въ Вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи. Зданіе Института въ Петербургѣ по 10-й линіи Васильевскаго Острова. По фот. К. Булла.

Профессоръ Н. И. Каракашъ, Предсѣдатель Совѣта и Комитета С.-Петербургскихъ Сельскохозяйственныхъ курсовъ. По поводу 25-лѣтія научно-педагогической дѣятельности. Н. И. Каракашъ снятъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ сыномъ—артистомъ Императорскаго Маріинскаго театра Н. Н. Каракашемъ.

Содержаніе.

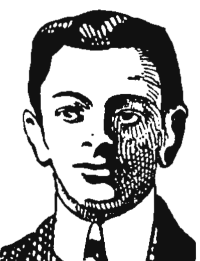
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 4.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

СЫНЪ ПЬЯНИЦА.

Это было проклятіе надъ моимъ домомъ. Видѣть собственными глазами, какъ онъ съ каждымъ днемъ падалъ все ниже и ниже и не знать, чѣмъ это кончится. Но счастье и мнѣ улыбнулось. По совѣту нашего учителя я взяла въ аптекѣ коробку „Ситровинъ-Эмбрей“. Черезъ недѣлю онъ впервые отказался отъ вина и теперь не пьетъ совершенно. Знайте же объ этомъ, бѣдныя матери и жены, и освобождайте Вашихъ близкихъ отъ тисковъ зеленаго змія. Это средство дешевое, а потому доступно всѣмъ. На каждой коробкѣ настоящаго Ситровина имѣется наклейка: „Издѣліе лабораторіи К. В. Эмбрей“. **Остерегайтесь поддѣлокъ.** 2422

Поручаю моему перу, хотя и неискусному.



Мнѣ было бы очень пріятно лично поблагодарить Васъ, но въ настоящее время поручаю моему перу, весьма неискусному въ этомъ отношеніи, выразить то, чѣмъ переполнено мое сердце. Я страдалъ половой неврастеніей и благодаря Біолу-Ласлей я выздоровѣлъ и какъ бы ожилъ, переродился. Дай Богъ Вамъ распространить это благое дѣло и чтобы каждый съ благодарностью и искренностью отзывался, какъ я.

Съ почт. **С. К. Данти.**

Если Вы страдаете общею и половой неврастеніей, головными болями, безсонницей, малокровіемъ, дурными привычками и ихъ послѣдствіями, **робостью и слабой памятью,** послѣдствіями дурныхъ бол., если Вы нервны, раздражительны, переутомлены — спросите въ аптекѣ коробку „Біола“, но только настоящаго „Біола-Ласлей“. Вы получите такіе же блестящіе результаты, какъ г. Данти. Это извѣстное средство противъ неврастеніи, которое совершенно безвредно. За справками можно обращаться въ С.-Петерб., отд. 17, частн. почтов. ящ. № 371. 2421

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ
В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 1483 14-11
Лейпцигъ-Голисъ.
— Проспекты высылаются безплатно. —

ПРИНИМАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО

ТРИЗАНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ

Фабричная марка „Голова тигра“

ПРИ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ или ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ
ПРИ БРОНХІАЛЬНОМЪ или ЛЕГОЧНОМЪ КАТАРРѢ.
ПРИ КАШЛѢ, ОХРИПЛОСТИ, ИНФЛУЭНЦѢ и КОКЛЮШѢ.
БЛЕСТЯЩЕ ОДОБРЕНЪ ВРАЧАМИ! ОЧЕНЬ ПРІЯТНАГО ВКУСА!
Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магаз. Требуйте настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ
Литература высылается безплатно: СПБ Смоленская 33

Вы можете имѣть

РОСКОШНЫЙ БЮСТЪ,

красивую шею и полныя, округленныя плечи, 2414
пышную, стройную и гармонически-развитую фигуру
въ самое короткое время, независимо отъ того, какъ бы ни была плоска теперь Ваша грудь, какой бы худощавостью Вы ни отличались и въ какомъ бы возрастѣ Вы ни находились. Мы вышлемъ Вамъ закрыто, **НЕМЕДЛЕННО И БЕЗПЛАТНО** всѣ подробности относительно этого вопроса по полученіи Вашего точнаго адреса и двухъ 7-ми коп. марокъ на отвѣтъ. **Торгов. Дому „А. Ашихминъ“, Кіевъ, Дмитріевская, 28—Н.**

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористъ шрифт. **Цѣна съ перес 1 р. 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.**

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. **Ц. 40 к.** съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна съ перес. 1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ. Невскій. 92—3.

Названіе „Альсъ“ имѣется на каждой пилюлѣ

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащія исключительно **растительныя вещества** и не вызывающія никогда **ни коликъ, ни поносовъ.**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal. 2349 9-2

ОТКРЫТКИ
худож. получ. въ гром. выборѣ.
И. Розовскій, Спб., 10 рота, 10 3.
Прейсъ-кур. на 1914 г. высыл. только
2412 **ГГ. ТОРГОВЦАМЪ.** 6-1

Требуйте всюду **ПАПИРОСЫ**
ВЪ ПОРТЪ-СИГАРАХЪ 25 шт.—15 к.
Картонаж. Фабр.
„ПРОГРЕССЪ“,
СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.
Самая гигіеническая и удобная упаковка. Всѣ большія Таб. Фабр. имѣютъ таковыя въ продажѣ.
2372 4-3

ФИЛИКОНЪ
ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.
2063 15-9

PARFUM
ILKA
L.T. Piver
PARIS

АПТЕКАРЬ
ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
И. МАЕВСКАГО
ПОРОШОКЪ И. МАЕВСКАГО

ПАРФЮМЕРІЯ Г. ЛЯКСЪ и Ко
"IRIS" въ ВАРШАВѢ
ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!!
ЛАРИС
H. LACHS & Co
VARSOVIE
ОТБОРНЫЙ ЦВѢТ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ ЛЯРИСЪ
-ПОПРОБУЙТЕ-А ВСЕГДА УПОТРЕБЛЯТЬ БУДЕТЕ.

☛ БЕЗПЛАТНО ☚

высылается по первому требованію каталогъ книгъ и др. изданій, находящихся на складахъ „Дружескія Рѣчи" и „Доброе Дѣло".

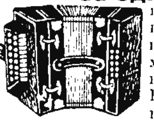
Требованія адресовать: 2124
СПБ., ул. Жуковскаго, № 24, отд. 10.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

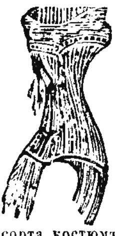
1466 Адресъ: (14)
Швейцарія, Женева 567, Cenève 567. Dr. med. Rumler.

ЗАГРАНИЧНАЯ ГАРМОНІЯ за одинъ рубль



и 95 к. выс. почтой нал. плат. великолѣпную заграничн. концертную гармонію „Рекордъ". Гармонія „Рекордъ" доставитъ Вамъ дѣйствительное удовольствіе своимъ пріятнымъ голосомъ, доступна всѣмъ по цѣнѣ и легкому изученію на ней играть. Отдѣлка самая изящная и прочная, лучш. сортъ 2 р. 75 к., 3 р. 50 к., 4 р. 50 к. и 5 р. 25 к. Перес. и пошл. 75 к., въ Аз. Рос. и Сиб. 1 р. 35 коп. При зак. 3-хъ штукъ и болѣе перес. наша. Не понрав. приним. обратно отд. для Россіи въ Лодзи. Адр.: **Берлинъ, (Германія). А. А. Пеніонжеку, ул. Митель. 35. Н.** Письмо въ Берлинъ опл. 10 к., откр. 4 к.
3-1 2440

КОСТЮМЪ и КОРСЕТЪ
за 4 р. 95 к.



Дамы, къ наступающ. сезону высылаю почтой налож. плат. на дамск. костюмъ (длин. жакетъ и юбка) самаго модн. и элегант. шерстян. трико „франсе" во всѣхъ цвѣтахъ, на хорош. подкладкѣ и готов. модный длинный корсетъ, скрадывающ. полноту и дѣлающ. роскошную фигуру, на рог. костяхъ и резинов. подвязкахъ, разн. цвѣтовъ, все только за 4 р. 95 к., лучш. сорта костюмъ и корсетъ 6 р. 25 к., за пересылку присчитыв. 75 к., а въ Сибирь разница вѣсов. При выпискѣ 2-хъ костюм. и корсетовъ пересылка за счетъ фирмы Доброкачественность гарантирую возвратомъ денегъ. Адрес.: **Депо платья, М. Бабушкинъ, Н., Лодзь, отд. 32.** 2445 2-1
Р. S. укажите мѣрку — объемъ груди и таліи.

НА ЮГѢ

имѣн., зем., дачи; съ покупателей коммис. не беретъ **К-ра „Крымъ-Кавказъ". СПБ.,** Разъѣзжая, 8. Тел. 531-21 отв. марка. 2411

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 2417 Священнику Александру Смирнову. 5-1

Часы съ цѣпочкой за одинъ рубль

и 95 коп. высыл. часы анкеръ, 1-й сортъ. черн. ворон. англ. стали, ходъ звучн. на 18 камн., заводъ головк., разъ въ 46 час., съ гарант. на 10 лѣтъ. Пер. нал. плат. 55 коп., въ Сиб. 75 к. При зак. 3-хъ час. и болѣе пер. наша. Непонр. приним. обратно. Адр.: **Лодзь, А. А. ПЕНІОНЖЕКУ.** 3354 3-2
Прим.: При треб. 5 шт. прилаг. часы даромъ. Н.

Часы, цѣпочка, зажигательница и 10 предметовъ туалета за 2 р. 95 к.

высылаю почтой наложен. платеж. часы Анкеръ 1-й сортъ на на 18 камн., зав. головк. разъ въ 36 часовъ черн. или бѣл. металла, красив. цѣпочка нов. золота и брелокъ, вѣчная зажигательница и 10 предметовъ туалета высш. качеств. Извѣст. парфюмер. фабрики Мыло — секр. красоты, кор. пудры. духи, шам. для мытья голов., помада для бѣлиз. и нѣжности кожи и еще необх. туалет. вещи — все за 2 р. 95 к., за пересылку присчитываю 55 к., а въ Сибирь разницу вѣсовыхъ, при требов. 3-хъ часовъ съ принадлежностями пересылка за счетъ фирмы, доброкачественность товара гарантирую возвратомъ денегъ. Адресуйте: **Лодзь 1-ое отд. 32, Бабушкину, Н.** 2447

ПИШУЩАЯ МАШИНА!

НОВОСТЬ! за 3 р. 25 к.

НОВОСТЬ! за 3 р. 25 к.

МЛАДЪ И СТАРЪ!

долженъ немедленно выписать пишущую машину, буквы русскія или латинскія, съ цифрами и знаками, новой констр. Для распр. мы рѣшили первыя 10.000 шт. прод. дешевле стоимости, всего за 3 р. 25 к. Пер. и пошлина присч. 75 к., въ Азіат. Россію и Сиб. 1 р. 35 к. Непонрав. приним. обратно отд. для Россіи въ г. Лодзи. Адр.: **А. А. Пеніонжеку, Н.** 2480 **Берлинъ (Германія) ул. Митель, 35.** 2-1
Письмо въ Берлинъ опл. 10 коп., откр. 4 к.

ДОЛГО ЖИТЬ

и быть всегда здоровымъ кому желательно, тотъ долженъ НЕМЕДЛЕННО пріобрѣсти методъ Пр. Огомона: Самоизлѣченія всѣхъ нервныхъ болѣзней безъ лѣкарствъ, домашнимъ СПОСОБОМЪ. Высылается по полученіи 50 коп. почт. марк. въ заказномъ 2413 письмѣ. Адресъ: Варшава, Королевская, 20/Ю. „ВѢРНАЯ ПОМОЩЬ". 8-1

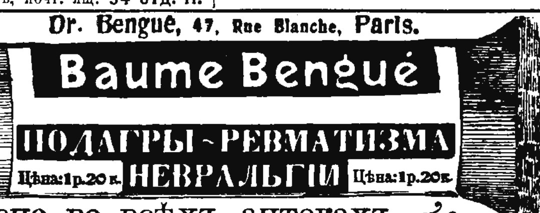
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

художниковъ и коллекціонеровъ
2325 **новости париж. жанра.** 4-3
Весьма интересны; 20 шт. разн. по полученій **3 рублей** въ заказн. или простомъ письмѣ. Харьковъ, почт. ящ. **94 отд. Н.**

100 руб. въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія и предметъ для работ. высылаетъ при полученіи 50 к. для упаковки и пересылки. Харьковъ, почт. ящ. 94, отд. Н.
4-4 2300

33-8 2143

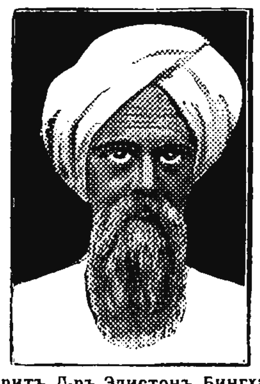


ПРОРОКЪ АЛИ МАГОММЕДЪ.
Докторъ индусской философіи и египетскихъ таинственныхъ наукъ.

Могущественный совѣтникъ и повелитель духа, послѣ паломнической поѣздки по различнымъ странамъ, возвратился въ избранное имъ отечество. Онъ не дилетантъ въ своемъ искусствѣ, ибо состарѣлся и посѣдѣлъ въ исполненіи своей задачи, предсказывать судьбу человѣка и націй. Сей человѣкъ нашелъ многихъ послѣдователей, однакожъ пресса и народы всѣхъ націй считаютъ его единственнымъ. Онъ предлагаетъ открыть вамъ прошлое, настоящее и будущее, указываетъ вамъ путь для избѣжанія заблужденій, помогаетъ утѣсненнымъ и предлагаетъ воспользоваться его мудростью, сдѣлавшеюся изреченіемъ для всего міра. Читайте, что другіе про него говорятъ, и пишите о безплатной высылкѣ Вамъ пробнаго жизнеописанія.

Мр. С. Д. Эдге, побѣдитель приза Гордонъ Беннэтъ, 1912: „Прямо изумительныя открытія науки, которая отчасти, къ сожалѣнію, еще не понята, но содержитъ цѣлую массу сюрпризовъ и предсказаній, точность которыхъ достойна удивленія".

Госпожа Герда Ф. Робертусъ, извѣстная поэтесса: „Эскизъ, который Вы приготовили на основаніи гороскопа о моей жизни, абсолютно меня изумилъ и убѣдилъ до того, что я не медлю заказать у Васъ подробное толкованіе".



Реф. Б. Р. Хамберсъ. Оопобо Риферъ, Этванга, Зутернъ Нигерія: „Я считаю себя обязаннымъ Вамъ сказать, что всѣ Ваши предсказанія сбылись, и искренно благодарю Васъ за Вашу помощь. Я вполнѣ убѣжденъ, что Вы мастеръ въ своемъ искусствѣ и что Вы внѣ всякаго самолюбія".

Миссъ Мари Перреа, знаменитая актриса: „Я нахожу описаніе замѣчательнымъ. Я прямо поражена, какъ можно съ такой точностью описать прошлое, настоящее и будущее".

„Невѣроятно", говоритъ Д-ръ Элистонъ Бингхамъ, „какъ можно быть такъ одареннымъ, какъ этотъ человѣкъ, отгадывать жизнь людей, не видя ихъ самихъ".

Не присылайте денегъ, лишь только напишите день рожденія, господинъ или дама, женатъ или свободенъ, равно какъ и собственноручно адресованный конвертъ съ вашимъ адресомъ. Если желаете, приложите 25 коп. почтовыми марками на пересылку и письменн. расходы. Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать. Всѣ письма въ Англію оплачиваются 10 коп. марками. Писать къ его секретарю.

(6) **Roberts Morley II, 23 Bedford Street, Strand, London, ENGLAND.** 1290
Робертсъ Морли II, 23 Бедфордъ Штрейтъ, Штрандъ, Лондонъ. Англія.

МОЯ ПОУЧИТЕЛЬНАЯ КНИЖКА О ГЛУХОТѢ
СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.

Съ этими словами я обращаюсь ко всѣмъ, кто страдаетъ Глухотой или Глуховатостью или хотя Шумомъ въ Головѣ. Спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ, много лѣтъ практиковавшій, я написалъ книжку, которой одинъ экземпляръ я пошлю совершенно безплатно и за мой собственный счетъ каждому, кто мнѣ напишетъ. Эта книжка заключаетъ совѣтъ для всѣхъ тѣхъ, которыхъ слухъ еще оставляетъ желать лучшаго, научая ихъ, какъ съ помощью науки нашего времени они сумѣютъ въ двѣ или три недѣли излѣчиться у себя на дому и избѣгнуть расходовъ оплаты докторскихъ визитовъ.

Пошлите сейчасъ же за книжкой. Пошлите письмо и марокъ на 20 коп. на покрытіе пересылки. 2450

ЭЛЬМЕРУ ШЕРЛИ,
6, Грейтъ Джеймсъ Стр., Бедфордъ Роу, (R. 145), Лондонъ, Англія.

ELMER SHIRLEY,
6, Gt. James St., Bedford Row, (R. 145), London, W.C.

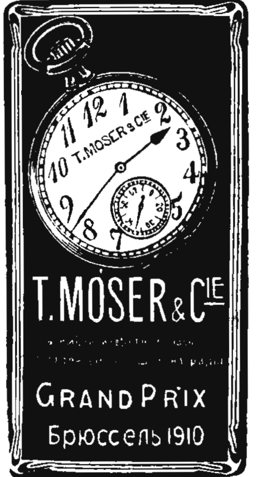
КУРСЫ

общед. ЗАОЧНЫЕ ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скорописи, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.** **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ. НЕВСКІЙ, 92—11.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и К°

МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44. Отд. 11. 2227



ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!

Вслѣдствіе появивш. поддѣлокъ час. фирмы **„Мозеръ"**, предостерегаемъ почтенную публику и предлагаемъ всѣмъ желающимъ пріобр. часы всемірно-извѣстн. швейцар. фабр. час. **„T. Moser & Co"**, выпис. непосредств. **только изъ первой руки** изъ Швейцаріи. Всѣ убѣждены, что часы „Мозеръ" являются сам. лучш. и отлич. прочн. механ., вѣрн. ход. и изящ. Часы „Мозеръ" черн. ворон. стали **настоящій Анкеръ на 28 камняхъ „Лебъ Верзибль", съ брегетов. волоск.**, плоск. „Ремонтуаръ", заводъ разъ въ 48 час., вывѣрен. до секунд., механизмъ изъ чистаго никкеля, съ полной фабр. гарант. на 10 л. Желая дать возможность всѣмъ пріобрѣсти означен. часы, мы рѣшили продавать таковые въ розн. по оптов. цѣнамъ и назначили цѣну **т лько 6 руб.** Такіе же съ 3-мя крышками—**7 руб. Остерегайтесь поддѣлокъ!** На высылаемыхъ нами часахъ имѣется на циферблатѣ черная надпись и на 2 крышк. золотыя надп.: „T. Moser & Co". Высыл. налож. плат. и безъ задатка. Перес. вм. съ пошл. 50 к., Сибирь—80 к. Письмо въ Швейцарію оплач. 10 к. маркой, открытка—4 к. Адр., который просимъ вырѣз. и наклеить крѣпко на конв. или откр.

23-9 8-2

Н. П. Фишельсонъ Швейцарія, Біель, 28.	I. P. Fischelsohn, Schweitz Biel, Centralstr. 68.

Духи „КЛИТІЯ".

1617 Выдающееся произведеніе современной парфюмеріи. 10-8

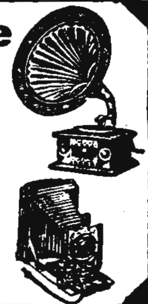
РАЗСРОЧКА

20 МѢСЯЦЕВЪ БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ

Картины на полотнѣ, копіи знамен. художн., исполн. нов. способомъ [не выцвѣт., моются], разм. 28×20 дюйм. Цѣна 13 р. [Не смѣшивайте съ лубочными олеографіями]. Требуйте безплатно каталогъ. Тамъ же выходящимъ замужъ необходимая книга [новость], роскошно изданная. Ц. 4 руб. наложен. платеж.

5-2 СПБ., Лиговка, 44 „Свѣточъ". Н. 2377

Глазамъ не повѣрите



когда увидите наши **дешевыя цѣны** и убѣдатесь въ выдающемся **качествѣ товара**, высылаемаго нами **прямо изъ Берлина.**

Спеціальность: велосип., швейн. и пишущія маш., фотограф. и **кинематограф.** аппараты, граммоф. и др. Подр. каталогъ на русск. яз. высылаемъ **безплатно** по требованію. Адресъ:

Междунар. Экспортъ Х. Финкельштейнъ
ГЕРМАНІЯ, Берлинъ, ул. Кантъ 120/1.
Experthaus H. Finkelstein, Berlin, Kantstr. 120/1.

ЖЕРТВЫ СУДЬБЫ и всѣ, которые хотятъ испытать счастія, противиться своей судьбѣ, силою взять любовь нравящейся имъ женщинѣ, вообще получить въ жизни все что только человѣкъ хочетъ, открыть глубочайшія тайны, узнать, что дѣлается въ сосѣднимъ домѣ, искоренить пьянство, самоскверненіе и другіе разные недостатки, имѣть всегда счастіе въ игрѣ и лотереѣ, пріобрѣсть власть надъ другими людьми, имѣть удачу во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ и т. п. пусть они потребуютъ выслать имъ на русскомъ языкѣ сочиненіе, которое ихъ этому обучитъ. Сочиненіе это посылаю я даромъ, лишь только прошу выслать на издержки 75 коп. марками въ почтовомъ конвертѣ по адресу: I. TOURJAEN psychologue Bruxelles-Centre, Boîte postale 125, Belgique. A.1.

I. Турженъ, психологъ, Брюссель-центральная, почтовый ящикъ 125, Бельгія

БИБЛІОТЕКА ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.

Домашній электротехн., съ 66 рис.—30 к. Гальванич. элементы съ одной и двумя жидкост., съ 64 рис.—40 к. Гальванопласт., съ 27 рис.—40 к. Дешев. освѣщ. элем. „Сатурнъ", съ 4 рис.—30 к. Постр. маленьк. аккумулятор., съ 37 рис.—30 к. Постр. мал. динамо-машины, съ 25 рис.—30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис.—30 к. Устр. дешев. электр. освѣщенія лампочк. накаливан., съ 39 рис.—30 к. Никкелиров. собственноручн. прибор., съ 6 рис.—30 к. Сухіе гальваническіе элементы, съ 12 рис.—30 к. Спутникъ электромонт., съ 40 рис.—40 к. Телегр. и телеф., устр., пров., съ 79 рис.—50 к. Телеф., устр. и разл. примѣн., съ 60 рис.—30 к. Устр. спирали Румкорфа и опыты, съ 26 рис.—30 к. Трехфазн. токъ, съ 20 рис.—40 к. Школа молод. электротехн., съ 59 рис.—40 к. Электр. звонки и сигнализація: проводка, ремонтъ, съ 76 рис.—30 к. Электрич. освѣщеніе, устройство, новости, съ 100 рис.—40 к. Электротехн.-любит., устр. карманн. фонар., съ 29 рис.—30 к. Индуктивн. аппар. и спираль Румкорфа, съ 29 рис.—30 к. Выполненіе обмотокъ якорей динамо-машинъ, съ 13 рис.—30 к. Постр. динамо-маш. съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис.—50 к. Какъ самому постр. безпровол. телегр., съ 49 рис.—40 к. Высылаетъ наложен. платежомъ

Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА", С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., 10 19. 2421

Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка безплатно. Полный каталогъ книгъ по электротехникѣ высыл. безплатно.

ЕСЛИ ВЫ СТРАДАЕТЕ

РЕВМАТИЗМОМЪ или ПОДАГРОЮ

НАПИШИТЕ МНѢ ПОСКОРѢЕ И Я ВАМЪ ВЫШЛЮ

БЕЗПЛАТНО

богато иллюстрированную брошюру, пробную дозу лѣкарства и наставленіе, какъ излѣчиться отъ этихъ изнурительныхъ болѣзней.

Этотъ портретъ снятъ съ фотографіи до употребленія моей системы лѣченія.

Въ настоящее время этотъ человѣкъ вполнѣ здоровъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я терпѣлъ страшныя мученія отъ ревматизма во всѣхъ частяхъ тѣла; я обращался за совѣтомъ ко многимъ извѣстнымъ спеціалистамъ, но никто изъ нихъ не могъ, хотя бы временно, облегчить мои страданія.

Я испробовалъ также всевозможныя средства указываемыя въ газетныхъ объявленіяхъ, но и отъ нихъ я не имѣлъ никакой пользы. 2356

Будучи въ отчаяніи, я рѣшилъ самъ изучить основательно эту болѣзнь и послѣ упорныхъ трудовъ мнѣ удалось найти средство, которое совершенно и безъ возврата избавило меня отъ моихъ страданій. Теперь я совершенно здоровъ.

Я сообщилъ о моемъ открытіи уже тысячамъ лицъ, страдающимъ этой изнурительной болѣзнью и получилъ отъ нихъ массу благодарностей. Для того, чтобы помочь всѣмъ тѣмъ, кто по той или другой причинѣ такъ страшно страдаетъ ревматизмомъ, я рѣшилъ написать книгу, которую высылаю всѣмъ совершенно безплатно. Эта книга скажетъ Вамъ, какъ легко и скоро можетъ всякій окончательно вылѣчится отъ ревматизма, подагры и другой подобной болѣзни. Поспѣшите выписать эту замѣчательную книгу поскорѣе, такъ какъ послѣ можетъ оказаться поздно. Достаточно написать открытое письмо и точно указать свой адресъ. Адресуйте:

Вильямъ Гайдъ Валланстонъ,
С.-Петербургъ, Невскій № 18. отд. 3. К.

При этомъ № прилагается для всѣхъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, получающихъ журналъ по почтѣ, каталогъ книгоиздательства В. И. Губинскаго, С.-Петербургъ, Фонтанка, 61. Лицъ, почему-либо не получившихъ означеннаго каталога, просятъ сообщить объ этомъ книгоиздательству и каталогъ будетъ высланъ.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 9.

XLV г. изданія

Выданъ 1 марта 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за мартъ.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ.
1743 39-7

ЗАИКАНІЕ ИЗЛѢЧИВАЕТСЯ РАДИКАЛЬНО въ лѣчебном завед. с пансіон. **А. К. Рейхе,** СПБ., Итальянская, 15. Брошюры безпл.

ESORA PARFUM EXQUIS **DELETTREZ** PARFUMERIE DU MONDE ELEGANT PARIS

2261 Продается повсюду. 16-4

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ заочно проф. мнем. С. Файнштейнъ, Одесса, Дерибасовская, 17/28.—Просп. выс. за 7 к. м. 2 457

ЛАНОЛИНОВОЕ МЫЛО

ПРИДАЕТЪ КОЖѢ НѢЖНОСТЬ
ПАРФЮМЕРІЯ „IRIS"
Г. ЛЯКСЪ и К° въ ВАРШАВѢ

2163 6-4

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл.
2169 (4)

ЧЕРНОЕ МОРЕ. БАТУМЪ. Участки разной мѣры подъ дачи и для плантацій субтроп. культуръ (мандарины, лимоны, чай и т. д.) рекомендуетъ С. А. Анисимовъ. Батумъ, поч. ящ. 147. Планы и свѣдѣнія при получ. марками 14 коп. Желающимъ всестороннe ознакомиться съ Бат. краемъ рекоменд. сборникъ „Батумское Побережье. Русскіе тропики". Прод. (1 р. 20 к.) въ маг. „Нов. Вр." и въ кн. кіоскахъ на стан. ж. дор. 2501

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА.
Новости для однородныхъ хоровъ (дѣтскихъ или женскихъ, и мужскихъ):
Чесноковъ, П. 60 переложеній наиболѣе выдающихся сочиненій Чайковскаго, Гречанинова, Кастальскаго, Ипполитова-Иванова, Никольскаго, Черепнина и др. для однороднаго хора. Партитуры и голоса.
Крыловъ, П. Литургія св. Іоанна Златоуста. Партитура 2 р. 50 к. Голоса 2 р.
Каталогъ собственныхъ изданій безплатно.
2462 Общій полный каталогъ 20 к. 2-1
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный, 14.

СЧАСТЛИВЫЯ КРАСАВИЦЫ!
Ихъ ЛИЦО и ШЕЯ
чисты и нѣжны только благодаря употребленію **УГРИНА,** который скоро и радикально уничтожаетъ всякіе прыщи, угри и пр. недостатки кожи. 1698 3-2
УГРИН вездѣ 1 р. 90 к. банка.
СПБ., РИЧ. ПЕТО, Караванная, 16, кв. 8.

1557 6-5

Бильца Санаторія ДРЕЗДЕНЪ-Радебейль

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke.

241 26 9

РУЖЬЯ
курковыя, кал. 12, съ дамасковыми стволами, продаются
СО СКИДКОЮ 20—40 %.
СКОТТЪ и СЫНЪ: за 135, 150, 180 и 285 р., вмѣсто 225, 250, 300 и 475 р. **ВЕСТЛЕЙ РИЧАРДСЪ:** за 360 р. вмѣсто 450 р. **А. ФРАНКОТЪ:** за 175 руб. вмѣсто 250 руб. у **ВЕНИГЪ и К°,**
СПБ., Б. Конюшенная, 29. 2479

имѣнія „БОЛГАТУРЪ" адр. Крымъ, Гурзуфъ
Н. Н. БЕКЕТОВА
ЛЕЧЕБНЫЙ ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ
Золотая медаль на Гигіеническ. Выставкѣ въ Петербургѣ.
—ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.—
Собственные магазины: СПБ.: 1) Невскій, 18, тел. 414-05; 2) В. О., 8-я лин., д. 19, тел. 405-93. **Москва:** 1) Тверская, 35, противъ кафе Филиппова, тел. 530-14; 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25. **Кіевъ,** Думская пл., д. 4. **Харьковъ,** Сумская, д. 7, тел. 10-07. **Екатеринославъ,** Проспектъ. **Севастополь. Ялта. Гурзуфъ,** Алушта.

2170 6-1

ТОЛЬКО 8 р.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.
платье или костюмъ въ подготовленномъ видѣ, цвѣта: суровый, бѣлый и кремъ, изъ чистаго льняного полотна, хорошо моются, съ изящной гладьевой вышивкой и съ ажуромъ ручной работы. **Незамѣнимы для лѣта.** Адресовать: **Вышивальная фабрика.** 2505
Е. А. МАТВѢЕВОЙ,
МОСКВА, 3-я Мѣщанская, д. 45, кв. 7.
P. S. Въ Сибирь безъ задатка не высылается.

грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять
ПЕРУИН-ПЕТО
единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.

1981 6-21

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ атте-

Подвижныя кресла для инвалидовъ,

кресла-самокаты, кресла для возки больныхъ. 2310 6-2
Солидныя издѣлія. Каталогъ безплатно.
Рих. Мауне. Дрезденъ-Лебтау (Германія).

Полная на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художеств. **картинами,** размѣр. кн. 6×4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., въ красив. тисн. золотомъ полукожан. переп. съ футл. ц. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., упак. 15 к. 1-я и единственная въ Россіи иллюстрир. Библія. 1598
Адр. СПБ., Невскій пр., 153, Е. Масленникову

Требуйте всюду **ПАПИРОСЫ**
ВЪ ПОРТЪ-СИГАРАХЪ 25 шт.—15 к.
Картонаж. Фабр.
„ПРОГРЕССЪ",
СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.
Самая гигіеническая и удобная упаковка

2304

2490 **КУРСЫ** газетной техники. 1-е въ Рос. 9-й г. Лично и заочно подгот. лицъ об. пола в сотрудн. Спец.: фельет., статьи, корресп. и пр. Выд. свид. Рек. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет. на жалов. Подр. за 7 к. м. Одесса, Ришельевская, д. Мар. № 12, Чигонибару.

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ**. Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2159 5 4

Парижъ 1900 Вѣна 1902 Лондонъ 1902

INSTITUT de BEAUTÉ

PARIS - 26, pl. Vendôme **MERLE** 26, pl. Vendôme - PARIS

С.-Петербургъ 1903

ПАРФЮМЕРІЯ — КОСМЕТИКА

Единственная фирма въ мірѣ

Гигіеническій и вѣрный способъ для поддержанія молодости и красоты. — **Спеціальные аппараты для предупрежденія и уничтоженія морщинъ.** — Всѣ издѣлія чисто растительныя, абсолютно безвредныя, и всѣ одобрены городской лабораторіей Парижа.

Не имѣетъ никакихъ Отдѣленій въ Россіи.

Во избѣжаніе поддѣлокъ необходимо требовать на каждомъ издѣліи **охранительное клеймо.** — Продается во всѣхъ лучшихъ парикмахерскихъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ

Единственный представитель для всей **Россіи : Б. С. ВЕЙНШТЕЙНЪ,** Москва, Кузнецкій мостъ, д. Князя Гагарина, кв. 44.

1921 7 4

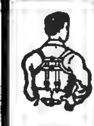
БЕРЕГИТЕ ГОРЛО и РОТЪ

покупайте анэстезирующія и дезинфицирующія пріятныя лепешки по 75 коп. за флаконъ 2375 3 3

КОКАФОРМИНТЪ — Крепса

уничтожаютъ боль въ горлѣ и деснахъ, прекращаютъ хрипоту, першеніе, возстанавливаютъ голосъ. Необходимо при насморкѣ, ангинѣ, дифтеритѣ, скарлатинѣ, коклюшѣ и плохомъ запахѣ во рту.

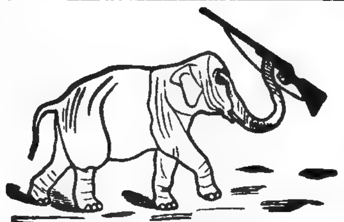
Депо С.-Петербургъ, Магистръ Б. Крепсъ.



ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ!

2763 13-4

„РЕЛКЕБЪ“ даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10“, г. Ревель.



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

3-1 основанъ **1860** года. 2463

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и Кº,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

Рекомендуетъ лучшія нѣмецкія ружья, новѣйшія спеціальныя модели, фабрики **Грейфельдъ и Кº** въ Зулѣ. Большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

„Діана“ • питомникъ и торговля породистыми собаками

Wideburg & Co. Eisenberg S.-A. 19. (Германія).

Поставщики европейскихъ и внѣевропейскихъ Дворовъ и многихъ княжествъ.

Продажа **ВСѢХЪ ВИДОВЪ** чистокровныхъ породистыхъ собакъ отъ **миніатюрной комнатной** и до **громадной сторожевой,** а также всѣхъ породъ 2452

ОХОТНИЧЬИХЪ СОБАКЪ.

Пересылка во всѣ мѣстности съ ручательствомъ за доставку въ здоровомъ состояніи во всякое время года. Выгодныя условія. **Роскошн. иллюстр. каталогъ 50 коп. почтов. марками.** Пр.-Кур. А безпл. и франко. Все на русск., франц. и нѣмецк. яз. Простыя письма за границу оплачиваются 10 к. почт. марк.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2165 12-2

А. Теснеръ. Сумерки. Музей Императорской Академіи Художествъ.

Несѣкомая пуповина.

Разсказъ **Алексѣя Ремизова**.

I.

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался.

Переберите вы всѣхъ вашихъ родныхъ и знакомыхъ, осмотрите ихъ жизнь повнимательнѣе—и ужъ непремѣнно замѣтите, что у каждаго кто-нибудь да найдется, такой пріятель, котораго онъ держится, а держится потому, что тотъ пріятель его въ восхищеніи по пятамъ за нимъ ходитъ. Вотъ почему. И всякія другія объясненія — ложны, и объяснять такую связанность человѣческую перевоплощеніемъ нашимъ, какъ это вздумалъ одинъ вѣрующій въ перевоплощеніе знатокъ, значитъ—не больше, не меньше, какъ пальцемъ попасть въ небо. Ну, посудите сами, ну, я, скажемъ, дружившій съ Корявкой,—Корявка отъ насъ черезъ домъ, департаментскій чинъ архивный,—я будто бы въ прошломъ воплощеніи былъ Баба-Яга, а мой Корявка для меня—лакомымъ чѣмъ-то, въ родѣ пѣтушка, и я его, пѣтушка, Корявку лакомую, съѣлъ, и вотъ будто бы по тому-то по самому Корявка за мною и ходитъ, а я его не только что не гоню, хоть онъ мнѣ и совсѣмъ ни на что, напротивъ—я его еще и приваживаю. Нѣтъ, связанность моя съ Корявкой не по тому, а какъ разъ по-моему, по этому—по причинѣ страсти восхитительной.

Послѣдній актеръ, третьестепенный писатель, завалящій художникъ—вся эта ослà *) бритвѣ и соль земли, всякій развлекающій публику, и будь ты оборышъ и подонокъ, а и для тебя въ той же самой публикѣ кто-нибудь да найдется, хоть одинъ, кто на тебя вотъ такъ посмотритъ, какъ на меня когда-то смотрѣлъ Корявка. Да и всякій и не актеръ, и не писатель, и не художникъ, а человѣкъ, просто человѣкъ живущій—не ломающійся, а глазѣющій, не болтающій, а впитывающій болтовню и вздоръ и нерѣдко самъ сообразно поступающій, не мажущій мазню, а приглядывающійся къ ней, словомъ—огромное большинство, вовсе не мнящихъ себя ослòй бритвѣ и солью землю,—вашъ покорный слуга, вашъ сосѣдъ, первый встрѣчный, все равно кто, все равно, а не могъ бы и дня прожить или, пожалуй, и могъ бы, но какъ!—какъ тускло, какъ безрадостно!—не будь при немъ хоть когонибудь, кто бы изрѣдка, по большимъ праздникамъ, что ли, по двунадесятымъ, а повосхищался имъ, не будь пріятеля, ну хоть не такъ смотрящаго, какъ на меня Корявка, а почти... почти что такъ.

И нашъ Иванъ Александровичъ, вовсе никакой художникъ, Иванъ Александровичъ надворный совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Александровичъ Галузинъ, мужъ кротокъ и молчаливъ, при всей своей замкнутости и тихихъ и нетихихъ секретныхъ привычкахъ, не буявъ и не величавъ, а имѣлъ-таки себѣ поклонника, и такимъ восхищающимся пѣтушкомъ лакомымъ былъ подлецъ Корявка, промѣнявшій меня не за ломаный грошъ. И Иванъ Александровичъ былъ вполнѣ доволенъ.

А Павочка... Павочка и представить себѣ не могла, что бы такое было, если бы не восхищались ею. Стоило только на часъ какой оставить ее одну—и такая вдругъ нападала тоска на нее тоскущая, ей-Богу, будто ужъ въ мірѣ на сырой землѣ ей и мѣста-то не оказывалось, и такой несчастной, такой покинутой становилась она, ей-Богу, смотрѣть жалко! И ужъ для нея, будь ты хоть Лихомъ-одноглазымъ, будь самимъ бѣсомъ Зеѳеусомъ, да чѣмъ угодно, а только повосхищайся—и будешь хорошъ, и будетъ все хорошо.

Павочка такая...—ну, какъ назвать?—она и не изъ крупныхъ, малюпуська, курносенькая, знамечко тутъ на шейкѣ и пустой-препустой лобикъ,—дѣвчонка. Я лучшаго ей названія не могу придумать: дѣвчонка, только замѣтьте, совсѣмъ это не въ какомъ-нибудь такомъ смыслѣ—дѣвчонка! Въ животномъ мірѣ среди кошекъ, милыхъ нашихъ мурокъ попадаются ну такія котенки,—вотъ подходящее, вы представляете? И, гдѣ хотите, ее можете—встрѣтить и въ трамваяхъ, и на гуляньѣ, и на лекціяхъ, и на вечерахъ, и въ театрѣ—она непремѣнно въ какомъ-нибудь такомъ платьицѣ необычайномъ, вся розовенькая, на каблучкахъ и такой препустой-пустой лобикъ, а вокругъ нея франты съ лошадиными лицами—зародится же, прости Господи, народъ такой, съ лошадиными!—а то старичокъ, старикашка тоже сѣменитъ... думаешь, что такъ, а окажется—му-ужъ,—вотъ и поди! Да, гдѣ хотите, съ кѣмъ хотите, гдѣ угодно вы ее можете встрѣтить, она вамъ въ глаза первая бросится.

— Экая, скажете, дѣвчонка!—и ротъ до ушей пойдетъ.

— Тоже и тамъ бываютъ, я намедни встрѣтилъ и не ночью, а среди бѣла дня... на Суворовскомъ у насъ, какъ-то въ будній день иду и вижу, идетъ, зимой было, ничего, все, какъ слѣдуетъ, по-зимнему: ротонда на ней — коза ангорская такая пушистая бѣлая... да не идетъ, это мы съ вами идемъ, а она—экая!—она знай себѣ по морозцу-то приплясываетъ.

— Экая шельма дѣвчонка!—не удержался, сказалъ кто-то, и не очень тихо, а весело, за всѣхъ.

— Злая она?

— Нѣтъ.

— Добрая?

— Ну, какъ когда.

— Какая же?

— А думаю я такъ и скажу вамъ словомъ Корявки, сколь разумѣю отъ моего безумія и ума забвеннаго, случилось важное какое міровое открытіе, ну, нашли бы вѣрное средство, предупреждающее нечаянности—несчастія съ людьми, тамъ гдѣ-нибудь на Пулковской обсерваторіи по звѣздамъ вычислили бы, и все до точности, и само собой до точности дознались бы, при какихъ такихъ житейскихъ условіяхъ средство это дѣйствовать будетъ, нечаянности предупреждать, и, скажемъ, такъ, что по условіямъ этимъ потребуется постъ всемірный—должны будутъ люди въ извѣстные сроки и одновременно налагать на себя постъ, или еще что внѣшнее потребуется, напримѣръ, какой-нибудь танецъ глупѣйшій или просто ломаться и кривляться, какъ дѣти, и опять же въ опредѣленный часъ, и чтобы все безъ исключенія, какъ одинъ, и, стало-быть, какъ видите, все дѣло, суть всѣхъ условій сведется къ нѣкоторому непремѣнному и неукоснительному исполненію какого-то тамъ обязательнаго для всѣхъ постановленія, и думаю я, что, въ виду важности открытія, любой и самый крысиный изъ самаго крысьяго подполья лишилъ бы себя удовольствія чаю попить съ баранками (баранки, конечно, бублики съ макомъ; что съ макомъ, что безъ мака, цѣна одна, макъ—даромъ!), да и самый поперечный наложилъ бы на себя постъ всемірный, подчинился бы этому всеобщему обязательному для всѣхъ постановленію во имя такого громаднаго или, какъ говорятъ нынче, золотя дутые всякіе пустяки, такого колоссальнаго всеобщаго блага (не забывайте, нечаянности несчастныя будутъ устранены!), но вы не дождетесь и будьте увѣрены, что вотъ такая... дѣвчонка такая это обязательное постановленіе ваше обязательно нарушитъ, и просто такъ и совсѣмъ не со зла нарушитъ и совсѣмъ не отъ своей отдѣленности милой и веселой, не говорю ужъ отъ крысиности—никакой крысиной подпольности ни личной поперечности въ ней и помину нѣтъ: она вся открытая, и въ этомъ смыслѣ чиста, какъ чисто серебро, разженное, нѣтъ, нарушитъ такъ, просто такъ себѣ. И ты ей хоть лобикъ ея пустой прошиби, что возьмешь?—толку не добьешься, она только горько заплачетъ... впрочемъ, на такую и рука не подымется: вѣдь будь на ея мѣстѣ какой съ лошадинымъ лицомъ, въ такомъ родѣ что-нибудь, тогда, можетъ, вгорячахъ, въ злости, изъ ревности къ благу общему и за свою шкуру, да и отъ досады просто, и не удержишься, не совладаешь съ собой да по виску его и кокнешь, но Павочку—нѣ-ѣтъ, я не могу, да и вы не можете, конечно!

Иванъ Александровичъ, такой молчаливый—мужъ смиренъ и кротокъ!—потупляющійся при встрѣчахъ, такъ что и глазъ-то его путно никто не видѣлъ, какіе они, а вотъ оказывается, лунатическіе, вотъ какіе! Иванъ Александровичъ съ нѣкоторыхъ поръ, а вы, конечно, догадываетесь, съ какихъ, эти загадочные лунатическіе свои глаза перестроилъ на восхищающіеся. И въ то же самое время отъ Павочки только и слышно стало, что о Иванѣ Александровичѣ.

---

*) Оселокъ.

М. Демьяновъ. Монастырь Св. Михаила близъ Неаполя.

— Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ!

Иванъ Александровичъ исполнялъ все, чего только ни пожелаетъ Павочка: онъ доставлялъ ей всякіе билеты на всевозможныя развлеченія, ну, куда только она хотѣла, онъ дѣлалъ все, лишь бы угодить Павочкѣ.

И это у всѣхъ на глазахъ и въ живой памяти, и началось безъ году недѣля, и началось при обстоятельствахъ весьма странныхъ.

II.

У Ерыгиныхъ только и говорили, что о шагахъ таинственныхъ.

Изъ ночи въ ночь слышались шаги въ коридорѣ: кто-то съ большой осторожностью проходилъ по ковру въ коридорѣ отъ гардероба къ окну и обратно. Кто ходилъ и зачѣмъ въ такой полуночный часъ и жуткій — терялись въ догадкахъ. А въ сущности-то говоря, некому и не зачѣмъ ходить было, и вотъ кто-то ходилъ, кому-то надобилось, и Богъ знаетъ, для чего въ такой жуткій полуночный часъ.

Слышалъ шаги Миша, слышала Веточка, слышала сама Миропія Алексѣевна.

— Воры?

— Какіе же воры! Все было цѣло-цѣлехонько, и хоть бы шпилька съ пола пропала.

— Прислуга?

— И опять нѣтъ,—ну, зачѣмъ прислугѣ таскаться въ такой часъ и въ такомъ непоказанномъ мѣстѣ?— прислугѣ ночью не до гулянокъ! И притомъ всѣхъ спрашивали, и даже не одинъ разъ, и никто, конечно, ничего не знаетъ, и не ходилъ, и не слыхалъ,— спятъ крѣпко.

— Можетъ, у васъ въ коридорѣ?.. — пытались сочувствующіе деликатно разрѣшить ерыгинское недоумѣніе и ужъ сразу покончить со всякой таинственностью.

— Ничего подобнаго!—даже обижалась Миропія Алексѣевна: ее хоть и больше всѣхъ безпокоили эти шаги, нарушавшіе долголѣтній миръ ея ладной мирной дачи, но такое черезчуръ житейское объясненіе вѣдь не оставляло ровно ничего отъ всей таинственности — какъ-ни-какъ, а событія знаменательнаго.

Иванъ Александровичъ, гостившій на дачѣ у Ерыгиныхъ, спервоначалу-то ничего не слышалъ, никакихъ таинственныхъ ни нетаинственныхъ шаговъ, не слышала и Павочка, двоюродная сестра Ерыгиныхъ, тоже гостившая въ Павловскѣ. Но и Иванъ Александровичъ и Павочка такъ же мало были къ шагамъ причастны, какъ и сама Миропія Алексѣевна.

— Кто же?

— Кто ходилъ ночью по коридору?

— Это ты, Миша?—рѣшилась-таки изъ послѣдняго своего отчаянія бѣдная Миропія Алексѣевна спросить сына: можетъ, Миша подтруниваетъ надъ нею и надъ всѣми?

Миша непремѣнно бы обидѣлся, будь съ его стороны и вправду хоть что-нибудь нечисто, но тутъ и по правдѣ все было начистоту: онъ и не думалъ ходить по ночамъ пугать домъ, онъ себѣ самъ ломалъ голову не меньше самой Миропіи Алексѣевны, и не меньше Миропіи Алексѣевны ему самому хотѣлось дознаться, разрѣшить наконецъ эту ничѣмъ необъяснимую таинственность: а вѣдь быть того не можетъ, чтобы не было виноватаго! Миша — правовѣдъ, нынче перешелъ въ первый классъ, и таинственность вообще ему не по положенію.

— Да позвольте, — нашлась Веточка,—Веточка за зиму начиталась всякихъ книжекъ о всякихъ таинственностяхъ, и отвѣтъ у нея былъ готовъ:—да все это очень просто: это астральное тѣло ходитъ!

— Астральное?

— Конечно, астральное, а больше некому. — Веточка была права.

И всѣ съ Веточкой согласились, и на нѣкоторое время о шагахъ какъ будто и забылось. Но это не такъ: чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, а за вечеромъ бѣлая ночь, тѣмъ вспоминались шаги больше, и ужъ никакой и самый изъ всѣхъ правдоподобный отвѣтъ не могъ успокоить.

И пусть ходило тѣло астральное, но чье? Кому оно принадлежало? Кто ходилъ?

— Чьи же шаги? — спрашивала Миропія Алексѣевна и отъ своего вопроса впадала въ еще большее безпокойство, и какими

М. Демьяновъ. Портретъ С. Юшкевича. Рисунокъ.

невозвратно-счастливыми, какими невозможно-пріятными представлялись ей всѣ тѣ прошлые дни—начало Павловскаго лѣта, и она, избезпокоившись, ужъ рѣшалась просто сняться съ насиженнаго лѣтняго своего гнѣздышка и по-осеннему вернуться въ Петербургъ на свою зимнюю Французскую набережную,—она не могла больше слышать изъ ночи въ ночь повторяющихся, ничѣмъ необъяснимыхъ, полуночныхъ шаговъ.

А Миша свое думалъ.

„Вотъ подкараулю,—думалъ Миша:—внезапно настигну, хвать—и поймаю съ поличнымъ!“

Съ тѣмъ Миша и ложился въ кровать, съ этой хватальной мыслью, и когда подходилъ часъ шаговъ астральныхъ, эта хватальная ночная мысль не покидала его, но онъ не вставалъ, а съ замиравшимъ сердцемъ прислушивался, потомъ, овладѣвъ собой, закуривалъ папироску и курилъ, пока не затихало.

Услышалъ наконецъ шаги и Иванъ Александровичъ, услышала наконецъ шаги и Павочка.

Павочкѣ было очень страшно, но любопытство въ ней загорѣлось сильнѣе страха. А Иванъ Александровичъ сперва провѣрилъ: слышитъ онъ или, такъ ему кажется?—и для этого, хоть и бѣлая ночь, зажегъ свѣчку, и оказалось, точно слышитъ, кто-то ходилъ по коридору, слышитъ, слухъ его не обманывалъ. Конечно, никакое астральное, а самое настоящее осязаемое тѣло о двухъ человѣческихъ ногахъ, и не мертвое; таинственныя явленія допускалъ Иванъ Александровичъ исключительно и только въ крещенскіе вечера, а кромѣ того, держался того убѣжденія, что вообще мертвое тѣло ходить и говорить не можетъ.

М. Демьяновъ. Портретъ жены художника.

Послѣ завтрака, когда Иванъ Александровичъ по обыкновенію вышелъ прогуляться въ паркъ, а Ерыгины остались одни, и само собой и Миропію Алексѣевну, и Мишу, и Веточку, и Павочку—всѣхъ занималъ единственный теперь вопросъ о шагахъ.

— А я знаю,—сказала Павочка:—кто ходитъ!

Въ другое бы время никто на Павочку и не обратилъ вниманія, но тутъ ловили всякую разгадку, и всѣ, какъ одинъ, отозвались:

— Ну, кто же?

— Да Иванъ Александровичъ! — улыбалась Павочка своимъ алымъ ротикомъ.

— Что за вздоръ! Иванъ Александровичъ...

— Да вѣдь онъ же лунатикъ!

М. Демьяновъ. Гавань въ Голландіи.

— Лунатикъ?

— Конечно,—улыбалась Павочка: — и глаза у него лунатическіе.

А передъ обѣдомъ къ Миропіи Алексѣевнѣ заходила экономка Оня, женщина хоть и подъ пятьдесятъ, а съ большой игрою, и шепталась съ барыней не о пьющемъ поварѣ, а о проклятыхъ шагахъ полуночныхъ — ихъ ужъ всѣ нынче слышать, вся прислуга и даже самъ пьющій Семенъ-поваръ,—и думаетъ она на барина, что чужой это баринъ, никому другому.

— Очень они молчаливы, — шептала Оня: — и говорятъ тихо!

И за обѣдомъ всѣ особенное обратили вниманіе на Ивана Александровича, на его глаза особенно, и хотя глаза Ивана Александровича, если ужъ по правдѣ сказать, ничѣмъ особеннымъ и не выдавались—ни выпуклостью своей ни рѣсницами—сомнѣнія ни у кого не было, что глаза лунатическіе. А вмѣстѣ съ глазами поставлены ему были на видъ и молчаливость его и его необыкновенно тихій голосъ. Конечно, Иванъ Александровичъ—лунатикъ, и, конечно, это онъ ходить ночью, — тутъ и говорить нечего, и спору нѣтъ. И ужъ какъ послѣднее и самое вѣское доказательство, принято было во вниманіе то обстоятельство, что вѣдь только одинъ Иванъ Александровичъ шаговъ не слышалъ, когда весь домъ, всѣ слышали, и даже пьющій Семенъ-поваръ, а потому не слышалъ, ну, потому, что самъ и ходилъ. И, надо сказать правду, тутъ Иванъ Александровичъ самъ въ грѣхъ ввелъ: и почему ни словомъ не обмолвиться хотя бы о своихъ ночныхъ провѣркахъ? И когда заходила рѣчь о догадкахъ, небось, сидѣлъ, словно воды въ ротъ набралъ! А разъ такъ—пеняй на себя.

Съ этихъ поръ отношеніе къ Ивану Александровичу естественно измѣнилось, при немъ держались какъ-то на вытяжку, неестественно, стали къ нему необыкновенно внимательны, а посматривали очень не безъ тревоги: лунатикъ вѣдь не только можетъ ходить по коридору въ часы непоказанные, лунатикъ можетъ и не по коридору, а и по всякимъ мѣстамъ прохаживаться опаснымъ, по карнизамъ; но это еще съ полбѣды,

М. Демьяновъ. Русскій павильонъ на Всероссійской выставкѣ въ Римѣ.

М. Демьяновъ. Въ старые годы.

главное же то, что лунатикъ можетъ такую штуку выкинуть самую неожиданную, какое угодно преступленіе и самое звѣрское совершить можетъ въ своемъ лунатическомъ видѣ, и совсѣмъ безнаказанно.

Что говорить, положеніе Ерыгиныхъ, пригласившихъ къ себѣ на дачу погостить такого страннаго страшнаго гостя, было не изъ завидныхъ.

— А развѣ раньше-то за Иваномъ Александровичемъ никто-таки ничего такого не замѣчалъ?

— Никто ничего, даже и думать-то не думали.

— Какъ же такъ?

Да такъ, видно, случая не было.

Больше всѣхъ упрекала себя Миропія Алексѣевна за оплошность свою—она и пригласила Ивана Александровича, и она первая всѣмъ и каждому его расхваливала, его скромную молчаливость и особенный, дѣйствующій благопріятно на нервы, успокаивающій его голосъ!—и встревоженные глаза ее выдавали.

Не отличавшійся особо выдающимся чутьемъ и проникновеніемъ, Иванъ Александровичъ понять хоть и ничего не понялъ, однако забезпокоился. И еще больше забезпокоился, когда замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ при его появленіи какъ-то загадочно примолкали и ужъ очень усиленно справлялись о здоровьѣ, и притомъ у всѣхъ было въ глазахъ что-то и участливое, а вмѣстѣ и тревожное.

М. Демьяновъ. Зима.

И все это въ концѣ концовъ приписалъ Иванъ Александровичъ угнетающимъ ночнымъ шагамъ, о которыхъ, само собой, продолжалъ изъ деликатности отмалчиваться. „Конечно, передъ нимъ, какъ гостемъ, Ерыгинымъ было неловко, вотъ они и старались какъ-нибудь да загладить эту свою неловкость!“—такъ соображалъ Иванъ Александровичъ.

Но соображеніе это мало въ чемъ примирило его: онъ безпокоился, онъ, какъ и всѣ въ домѣ, ночь спалъ плохо, онъ все прислушивался, его, какъ и всѣхъ, шаги изводили, и, какъ всѣхъ, заполняла одна хватальная мысль: подкараулить виновника, если таковой дѣйствительно имѣлъ образъ человѣческій, т.-е. пару ногъ, пару рукъ обязательно, и вѣнецъ—голову, да, подкарауливъ, и поймать.

А въ то же самое время Ерыгины и съ ними Павочка свое твердое и неизмѣнное положили рѣшеніе, ужъ во что бы то ни стало, а подкараулить... Ивана Александровича.

И въ домъ вошло что-то заговорщицкое, подозрительное, какое-то наступило осадное положеніе: что-то очень ужъ всѣ молчаливы стали, рано стали расходиться по своимъ комнатамъ и затихать какъ-то особенно, подозрительно, и хоть спать и ложились, но и безчувственный почувствовалъ бы, что никто и не собирался спать.

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ, что дѣло все въ немъ, что его подозрѣваютъ, да ужъ не подозрѣваютъ, а увѣрены въ хожденіи его ночномъ, да онъ вопреки всей своей молчаливости и замиравшему, дѣйствующему благопріятно на нервы, успокаивающему голосу, нашелъ бы въ себѣ и вопіющій гласъ и разговорность щечилы *). Но откуда ему что знать? И, улегшись въ постель и на минуту замечтавъ о тихомъ лѣтнемъ снѣ, онъ вдругъ поднялся и притаился у двери.

И въ то же самое время сосѣди его, тоже безполезно провалявшись на кроватяхъ съ отчаянной мыслью о снѣ пріятномъ, поднялись къ своимъ дверямъ на караулъ.

М. Демьяновъ. Деревенскій мотивъ.

И вотъ около полуночи послышались шаги... и не одно сердце упало отъ нетерпѣнія.

Иванъ Александровичъ, по собственному его наблюденію, раньше другихъ услышалъ шаги: онъ услышалъ ихъ еще издалека отъ окна, широкіе медвѣжьи, и тотчасъ выскочилъ въ коридоръ — и никакое астральное, никакое тѣло мертвое — здоровенный парнюга, новый ерыгинскій садовникъ Григорій пробирался по коридору къ комнатѣ экономки Оли, вотъ кто! И быть бы бычку на веревочкѣ, ужъ готовъ былъ Иванъ Александровичъ сцапать Григорія и вдругъ, какъ вкопанный, сталъ: прямо противъ него въ такомъ же ночномъ, какъ и онъ, видѣ, стояла у своей двери Павочка, раскрывъ свой алый ротикъ.

Никакихъ таинственныхъ исторій Иванъ Александровичъ за собой не зналъ, если не считать единственнаго случая, оставшагося памятнымъ ему и черезъ много лѣтъ. Однажды вечеромъ—это было въ Малороссіи лѣтомъ — Иванъ Александровичъ попалъ на ярмарку и переходя отъ

*) Тараторы, вергасы.

М. Демьяновъ. Церковь въ Тверской губерніи.

одной палатки къ другой и разсматривая всякія ярмарочныя диковинки, дошелъ до цыганъ. У шатровъ чадили костры, видно было, ужъ готовились на ночлегъ, и онъ пожалѣлъ, что поздно: пѣсенъ ему не послушать и на цыганъ не поглазѣть, и вдругъ увидѣлъ передъ собой цыганку, она передъ нимъ точно изъ-подъ земли выросла:

— Дай твою руку!

И такъ это неожиданно, что Иванъ Александровичъ готовъ былъ не одну, а обѣ свои руки отдать въ темную цыганскую руку. Что-то приговаривая, чего и не поймешь никакъ, цыганка потянула его руку къ себѣ—къ груди, увѣшанной золотомъ, и выше, къ подбородку. А лицо ея—лицо ея чѣмъ-то жуткое, словно выточенное—и ничѣмъ не возьмешь и ничѣмъ не покоришь, какъ восковой, мертвый лобъ, а глаза ея непреклонные, она глядѣла въ упоръ, не на руку—она его и руку взяла, чтобы только мучить въ своей рукѣ, довести до губъ и отпустить. Измученный, стоялъ онъ... или такъ всю жизнь и стоять бы ему, или ужъ вырваться, затеряться въ подвыпившей ярмарочной толпѣ?

— Позолоти ручку! Позолоти ручку!—настойчиво повторяла она и безусловно, и отпускала руку его, и опять подводила къ губамъ, и чуть-чуть касалась губами.

И никуда онъ не убѣжалъ, а полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. И когда звякнуло серебро,—цыганята, цыганки, и молодыя и старыя, почуя добычу, повыскакали изъ шатровъ и, галдя и гакая, навалились на него, и чьи-то крѣпкія руки и теплыя обняли его сзади.

— Хочешь, я тебѣ на двѣнадцать жилъ пропляшу, хочешь? — дула въ ухо цыганка, но онъ не видѣлъ ея, онъ только ту видѣлъ, свою, неподступную и непокоримую, свою Машу.

Вотъ единственный случай таинственный: цыганка Маша.

И теперь, когда въ домѣ всякіе шаги утихли, а отъ тѣхъ изводящихъ и слѣда не осталось, Иванъ Александровичъ, засыпая, почему-то вспомнилъ этотъ таинственный свой случай, свою цыганку Машу, ея глаза непреклонные, и она такая одна, ни на кого не похожая, Маша слилась въ воображеніи его съ Павочкой, розовенькой и курносенькой, съ своимъ милымъ знамечкомъ и алымъ ротикомъ, — и Богъ знаетъ о чемъ замечталось Ивану Александровичу. Ему хотѣлось, чтобы и опять шаги услышать полуночные и опять встрѣтить Павочку, какъ стояла она въ коридорѣ у своей двери съ раскрытымъ алымъ ротикомъ! И только подъ утро, совсѣмъ размечтавшись, заснулъ сладко нашъ Иванъ Александровичъ, а снилась ему канитель и чепуха всякая — снился экзаменъ по математикѣ: вынимаетъ онъ изъ кучки билеты, а билеты будто все листы ветчинные.

Не листы ветчинные — билеты, свое снилось Павочкѣ такое лѣнъливое: ей снился мохнатый бокъ, сѣрый свѣтящійся — спрячется и покажется, а ни головы, ни передка, ни заднихъ ногъ, одинъ этотъ бокъ, сѣрый свѣтящійся—спрячется и покажется. И проснулась Павочка, день ужъ сталъ, а ей хотѣлось и еще поваляться, потянуться, помечтать о чемъ-то, и вспомнила объ Иванѣ Александровичѣ. Вотъ интересно! Вотъ и ей пришлось увидѣть: лунатикъ настоящій, можетъ прохаживаться по всякимъ мѣстамъ опаснымъ, по карнизамъ, и вовсе не страшно! Вотъ будетъ интересно! И она скоренько поднялась.

А еще съ утра, когда всѣ спали, Миропія Алексѣевна творила судъ и расправу. Повинилась экономка Оня: она и сама не знаетъ, что у нея въ головѣ! И садовникъ повинился Григорій: погубила его Анисья Семеновна! Такъ все было выведено на чистую воду. Миропія Алексѣевна осталась очень довольна и всѣмъ простила.

И хотя теперь все было ясно, и о таинственности не могло быть и рѣчи, а стало-быть, и подозрѣнія всякія о лунатическомъ хожденіи Ивана Александровича сами собой пали,— убѣдить Павочку, что это такъ, а не этакъ, было невозможно, и для Павочки навсегда остался лунатикъ — Иванъ Александровичъ — лунатикъ!

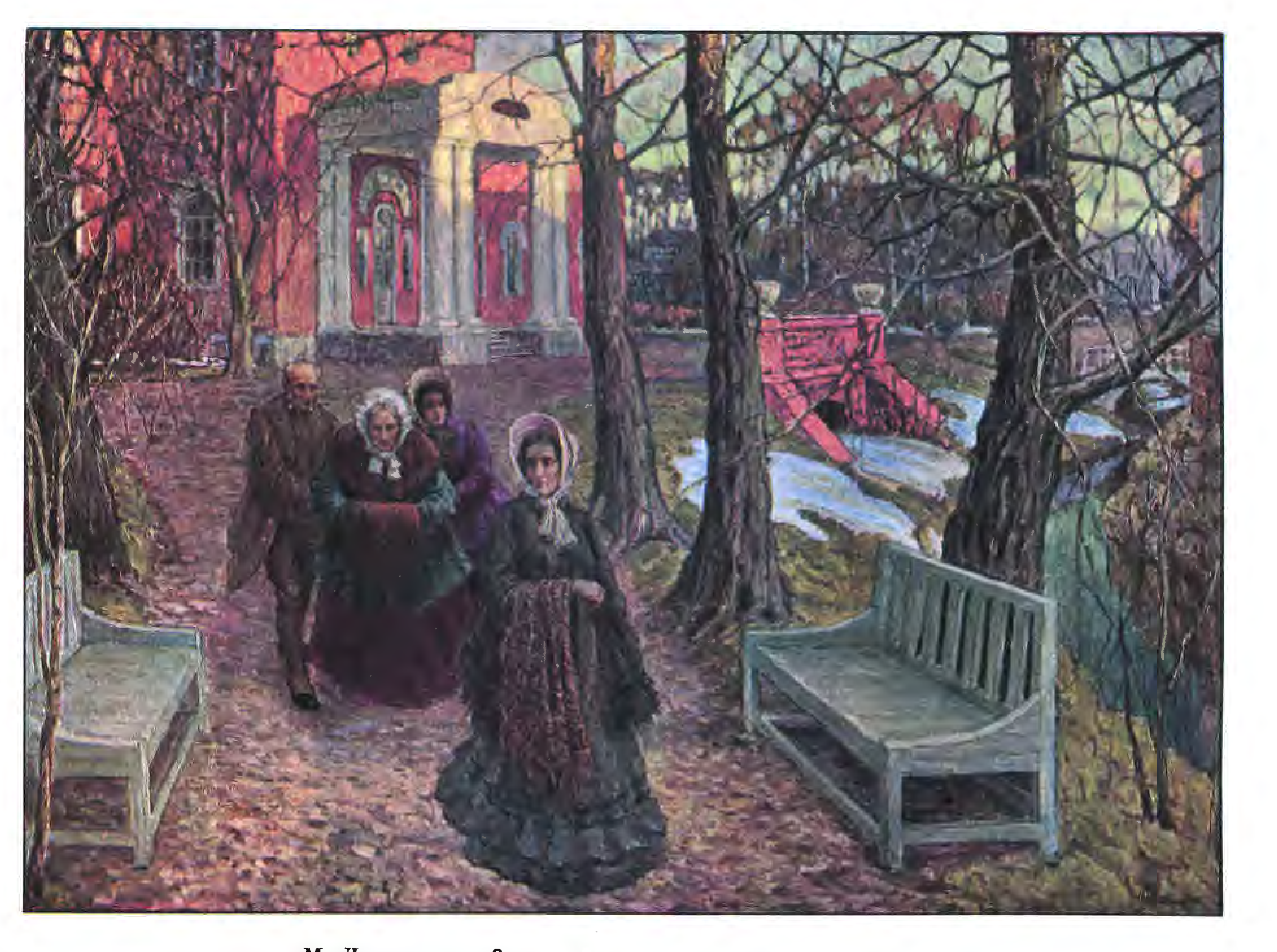
III.

Павловская дача къ концу лѣта осиротѣла. Ерыгины уѣхали въ Карлсбадъ и съ ними Павочка, а Иванъ Александровичъ въ Петербургъ переѣхалъ къ себѣ на Пушкинскую.

Иванъ Александровичъ служилъ въ комиссіи по реформѣ обмундированія, — мѣсто благополучное, служба спокойная. Въ подчиненіи сидѣли у него писцы всякіе, а начальникомъ надъ нимъ былъ совѣтъ изъ генераловъ, генералы собирались не очень часто, командой не докучали. Лѣтомъ бывало и совсѣмъ тихо: лѣтомъ, какъ извѣстно, отдыхать полагается, силъ на зиму набираться—дѣло не убѣжитъ! Лѣтомъ разъѣзжались генералы кто на дачу, кто въ имѣніе, кто на воды лѣчиться, и одинъ оставался Иванъ Александровичъ.

Въ будній день послѣ занятій Иванъ Александровичъ обѣдалъ, потомъ, отдохнувъ, шелъ гулять и, нагулявшись, заходилъ куда-

М. Демьяновъ. Послѣдній этюдъ, писанный художникомъ за часъ до смерти.



М. Демьяновъ. Старые годы. Музей Императорской Академіи Художествъ.

нибудь въ кофейню и тамъ въ кофейнѣ просиживалъ до глубокаго вечера. Въ воскресенье и въ праздникъ онъ ходилъ по гостямъ: знакомыхъ домовъ ему хватало на мѣсяцъ.

Ивана Александровича вообще любили и за его тихость и за его дѣйствующій благопріятно на нервы успокаивающій голосъ: когда онъ говорилъ, онъ словно умиралъ—чего жъ успокоительнѣй!—кто-кто, а помирающій ни взволновать ни раздражить не можетъ, это живой — смутьянъ, пила и досада! И внѣшность у Ивана Александровича внушала довѣріе: это не какой-нибудь бритый, не поймешь, кто,—носилъ Иванъ Александровичъ бороду, а борода—кому жъ не знать!—есть священное украшеніе мужчины.

Въ извѣстные сроки Иванъ Александровичъ отдавался своимъ нетихимъ секретнымъ привычкамъ: вечеромъ изъ кофейной шелъ онъ не прямо по Невскому на свою Пушкинскую, а обходной дорогой—по Садовой, потомъ выходилъ на Вознесенскій... И Богъ знаетъ почему вспоминалась ему всякій разъ Маша-цыганка, и ужъ на слѣдующій день послѣ гульной ночи бывалъ онъ необыкновенно въ добромъ духѣ, и отъ этой доброты, что ли, его наполнявшей, или еще отъ чего, онъ тихонечко пѣлъ.

Нетихія секретныя привычки были теперь отъ него далеки, онъ даже и представить себѣ не могъ, какъ бы это такъ вышелъ онъ на Вознесенскій, и Маша ему не вспоминалась,—одна единственная была въ его мысляхъ Павочка,—Павочка не выходила изъ головы, и онъ повторялъ ея имя:

— Павочка, любилочка моя!

Подымался онъ, какъ пьяный, хотя пить и ничего не пилъ, курить—курилъ, былъ грѣхъ, и курилъ больше, чѣмъ всегда, но не отъ курева же пьянѣлъ?—отъ чувствъ, отъ любви, видно.

— Павочка, любилочка моя!

Ляжетъ, возьметъ книгу на сонъ грядущій,—прежде, бывало, съ книжкой какъ засыпалъ онъ дружно, и чѣмъ интереснѣе была книга, тѣмъ дружнѣе сонъ нагоняла, а вотъ и книга не помогаетъ, да и не до книги ему, и лежитъ ночь безъ сна съ открытыми глазами.

— Павочка, любилочка моя!

И это чувство знойнымъ голосомъ Маши томило его.

Чего онъ хотѣлъ? Да чтобы осень скорѣе, чтобы зима пришла и снѣгъ,—будетъ онъ часто бывать у Ерыгиныхъ, снова увидитъ Павочку, онъ только и хочетъ видѣть Павочку.

Чувство его было такъ полно до самыхъ краевъ.

И при всей своей молчаливости Иванъ Александровичъ рвался кому-нибудь открыться, ну, хоть намекомъ намекнуть, хоть полусловомъ сказать, имя повторить любимое Павочки.

А такимъ другомъ сердечнымъ и попался ему Корявка.

Корявка служилъ въ департаментскомъ архивѣ и былъ тамъ единственнымъ чиновникомъ, и службы у него собственно никакой не было: архивныхъ дѣлъ не спрашивали, и только съ учрежденіемъ комиссіи одинъ изъ начальниковъ Ивана Александровича, старичокъ-генералъ, любитель отечественной исторіи, сталъ требовать старыя дѣла. Правда, дѣятельность эта длилась не очень долго — надоѣло ли старичку, или время не позволяло, но еще весной поручилъ генералъ всю подготовку дѣлъ Ивану Александровичу. Съ единственнымъ Иваномъ Александровичемъ Корявка и входилъ въ дѣловое общеніе: для него и дѣла заготовлялъ, отъ него же и обратно ихъ принималъ въ архивъ и, скажу ужъ, частенько неприкосновенныя.

Службу свою Корявка считалъ безнадежной: повышенія онъ себѣ не могъ ждать—повышать и некуда было, да и прибавки ему никакой не полагалось—окладъ разъ навсегда утвержденъ. И, сидя за пустымъ столомъ, въ одиночку, безъ всякаго дѣла и безнадежно, Корявка предавался мудрованію. И, конечно, лучшаго собесѣдника Иванъ Александровичъ и не могъ найти.

(Окончаніе будетъ).

Стихотворенія Георгія Иванова.

Портретъ.

Безпокойно сегодня мое одиночество:
У портрета стою, и томитъ тишина.
Мой прапрадѣдъ Василій,—не вспомню я отчества,
Какъ живой, прямо въ душу глядитъ съ полотна.

Онъ въ зеленомъ камзолѣ покроя военнаго,
Арапчонокъ у ногъ и турецкій кальянъ;
Въ загрубѣлой рукѣ серебристаго, пѣннаго
Круглый ковшъ. Только, видно, помѣщикъ не пьянъ.

Хмуритъ брови сѣдыя надъ взорами карими,
Опустились морщины у темнаго рта.
Эта грудь, уцѣлѣвъ подъ столькими ударами
Непріятельскихъ шашекъ,—тоской налита.

Что жъ,—на старости лѣтъ съ сыновьями не справиться,
Иль плечамъ тяжелы прожитые года,
Иль до-смерти мила крѣпостная красавица,
Что завистникъ-сосѣдъ не продастъ никогда?..

Нѣтъ,—иное томитъ... Какъ сквозь пологъ затученный
Прорѣзается бѣлое пламя луны—
Тихій призракъ встаетъ въ подземельѣ замученной
Неповинной страдалицы—первой жены.

Не забудется мука въ разгулѣ неистовомъ,
Не зальетъ угрызеній хмельное вино...
Запершись въ кабинетѣ, покончилъ бы выстрѣломъ
Съ невеселою жизнью—да въ небѣ темно

И теперь, заклейменный семейнымъ преданіемъ,
Какъ живой, какъ живой, онъ глядитъ съ полотна,
Точно нѣту прощенья его злодѣяніямъ,
И загробная жизнь, какъ земная, страшна.

Въ небѣ...

Въ небѣ надъ грустными долами
Вечеръ растаялъ давно.
Тихо закатное полымя
Пало на сонное дно.

Тусклое золото мѣсяца
Голыя вѣтки кропитъ...
Сердцу спокойному грезится
Бѣлый невѣдомый скитъ.

Выйдетъ святая затворница,
Небомъ укажетъ итти.
Небо, что свѣтлая горница,—
Долго ль его перейти!

Романтическая таверна.

У круглыхъ столиковъ толпятся итальянцы,
Гидальго смуглые, мулаты. Звонъ, галдежъ
Въ табачномъ воздухѣ. Но оборвался что жъ
Оркестръ, играющій тропическіе танцы?

А!—двое подрались. Съ портретомъ Данта схожъ
Одинъ. Противникъ—негръ. Сцѣпились оборванцы.
На лицахъ дамъ яснѣй фальшивые румянцы:
Паоло такъ красивъ!.. Но вотъ широкій ножъ

Блеснулъ—и негра бокъ, какъ молніей, распоротъ.
Онъ падаетъ. Рука хватается за воротъ,
Бьетъ пѣна изо рта... Бренчатъ гитары вновь.

Рукоплесканія. Съ надменностью Паоло
Внимаетъ похваламъ. А съ земляного пола
Осколкомъ дѣвочка выскребываетъ кровь!

По пути Твоему.

Разсказъ Владиміра Гордина.

I.

Раньше, чѣмъ начать писать этотъ эпизодъ изъ моей жизни, который какъ бы случайнымъ вѣтромъ унесъ ее въ другую сторону,—я помолюсь Богу, единому Господину моему. Онъ — въ душѣ моей. Я обрѣлъ Его послѣ долгаго скитанія по широкому свѣту, въ тишинѣ моего уединенія, на Онежскомъ озерѣ, вблизи глубокой и каменистой рѣки Суны.

Благодарю Тебя, Господи, что сотворенъ именемъ Твоимъ, — я отпрыскъ Твой,—что я, маленькій, ничтожный, вмѣщаю въ себѣ безконечность міра.

Благодарю Тебя за то, что я одинокъ, что я богатъ и бѣденъ, золъ и добръ — по своему желанію.

Благодарю Тебя за пѣсню той свирѣли, которую слушалъ впервые въ тишинѣ темнаго лѣса,—свирѣли, мной самимъ выстроганной.

Благодарю Тебя за музыку вѣтра, грома, за краски солнца, неба, ночныхъ свѣтилъ, воды и земли.

Молю Тебя, Господи, дать мнѣ силъ постичь невозможное.

Удостой меня пониманія не только языка людскихъ душъ, но и всѣхъ другихъ твореній.

Хочу полюбить врага своего больше самого себя, — жить и въ страданіи искать радости.

Вѣрую, Господи, что Ты вездѣсущъ

Вѣрую въ чудо Твое, ибо Ты сдвигаешь горы, сотрясаешь землю, сокрушаешь лѣса.

Вѣрую въ Тебя, въ единую постоянную правду и красоту Твою, въ вѣчное движеніе Твоего міра.

А теперь умоюсь чистой, холодной водой быстро текущей рѣки, вытру лицо, руки мягкой, нѣжной травой. Съ благодарностью и благоговѣніемъ посмотрю на низкій ярко-красный ранній восходъ солнца и начну писать.

Я былъ уже тогда лейтенантомъ флота. Моя морская служба заключалась въ томъ... Мы, молодые люди, забавлялись жизнью. Веселились, пили. Старались нравиться женщинамъ. Ходили по улицамъ, всматривались въ лица молодыхъ дѣвушекъ. Показывали себя въ новой формѣ, при щегольскомъ оружіи. Я былъ еще задорнѣе другихъ, менѣе задумывался надъ окружающимъ, чѣмъ мои товарищи. Скандалилъ въ ресторанахъ, билъ лакеевъ. Скоро сталъ извѣстенъ въ своемъ кругу. Люди, какъ мало вамъ нужно. Дамы мною заинтересовались. Я возгордился легкими побѣдами.

Тонкіе, вверхъ приподнятые усы и проборъ гладко-причесанной головы отнимали бо̀льшую часть моего дня. Ногти моихъ женственно-бѣлыхъ рукъ полировались, подкрашивались. А выходя изъ дому, я каждый разъ смотрѣлся въ большое зеркало. Внимательно оглядывалъ себя всего. Оправлялъ шинель, облегавшую мое гибкое, сильное тѣло. Бережно касался головы. Приглаживалъ брови. Одѣвалъ фуражку. И самодовольно натягивалъ бѣлыя перчатки.

Моимъ утромъ считался третій часъ дня.

Мы въ нашемъ человѣческомъ общежитіи навязываемъ себѣ и другимъ не только законы, обычаи, тягостные для насъ, но порой и самихъ себя. Въ силу какихъ-нибудь условій приходится встрѣчаться съ людьми. Считаемъ необходимымъ съ ними разговаривать любезно, спорить осторожно въ то время, когда они намъ по духу чужды, утомительно тяжелы. Этотъ старый вопросъ все же не разрѣшенъ, и, вѣчно новый, онъ еще долго будетъ властвовать...

Когда-то бѣлая, тоненькая дѣвочка, маленькая Вѣранхія безъ меня жить не могла, и я безъ нея тоже. Она была единственной подругой моихъ дѣтскихъ игръ. Но время безостановочно шло впередъ... Наши дороги, столь близкія раньше, широко отклонились. Она выросла, стала красивой. Ея тихо поющій голосъ своей ласкающей кротостью очаровывалъ, притягивалъ. Только выпуклые, сѣрые глаза — въ противоположность—были властные, пронизывающіе, ясно очерчены темными бровями. Недоступно-далекій взглядъ скрывалъ душу. Чуть замѣтная гордая улыбка обозначала складки около печальныхъ губъ.

Высокая, гибкая, она неизмѣнно носила черное платье, которое придавало ей цѣломудренную строгость и еще больше выдѣляло нѣжную смуглую блѣдность одухотвореннаго лица и тонкихъ рукъ. Волосы свои она связывала вѣнкомъ изъ длинныхъ солнечныхъ косъ.

Она выросла. Упорно, медленными шагами стала преодолѣвать всѣ трудности живописи. Полюбила молодого художника съ такой же красивой, углубленной душой. Но скоро она внезапно, въ великомъ горѣ овдовѣла.

Покорилась волѣ свыше. Замкнулась въ себѣ. Отдалась вся искусству и единственному ребенку своему, маленькой дочкѣ.

Наши семьи были связаны давней дружбой. Намъ невольно приходилось встрѣчаться. Одно время она пробовала меня направлять на свой путь. Бранила часто. Убѣждала трудиться, понять красоту. Потомъ вдругъ умолкла. Совсѣмъ перестала со мною разговаривать. Я все добродушно отмахивался отъ докучливыхъ мухъ ея внушенія. А когда замѣтилъ, что она брезгливо отвернулась, меня это только позабавило. Усомнился въ искренности. Слишкомъ я ужъ вѣрилъ въ свою, широкимъ кругомъ признанную, правду.

Мы близко жили, и я нерѣдко забѣгалъ къ Вѣрѣ. Забавлялся, игралъ съ ея маленькой дѣвочкой. Я полюбилъ крошечную Таню. Она одна была причиной тому, что я незамѣтно, постепенно началъ привязываться все ближе, нѣжнѣе къ ея матери. И однажды неожиданно ясно ощутилъ въ учащенно бьющемся сердцѣ невѣдомое мнѣ чувство. Мать и дочь крѣпко связались въ моемъ пониманіи. Близость ихъ живила, радовала и ласкала меня.

Душа кроткаго ангела съ дѣтскимъ лицомъ, гдѣ ты теперь?..

Быть-можетъ, блуждаешь безъ пристани въ пустынѣ неба и одиноко плачешь... Твоя и только твоя мгновеннымъ теплымъ лучомъ согрѣтая маленькая жизнь потрясла меня въ основаніи и привела сюда, къ таинственному, мудрому шопоту лѣса, къ отвѣснымъ каменистымъ, темно заросшимъ берегамъ хмурой рѣки. Здѣсь я, наслаждаясь, созерцаю настоящее, стараюсь понять будущее.

Ты свѣтомъ молніи обожгла и обезобразила лицо мое, но Богъ сотворилъ чудо: Онъ показалъ мнѣ вокругъ такую красоту, какой я никогда не видѣлъ раньше. Слѣпые глаза мои открылись, и я въ себѣ увидѣлъ осіянный солнцемъ дивный образъ вдохновенія...

Легкомысленный, рабъ внѣшней жизни и ложнаго блеска, почти равнодушный, безъ сложныхъ страданій,—я горячо, нѣжно, какъ никого, полюбилъ маленькую Таню. Быть-можетъ, это случилось потому, что она напоминала мнѣ мое ласковое дѣтство, подругу ребяческихъ игръ. Или простота, съ которой она ко мнѣ подходила безъ требованія необычайнаго, привлекала меня. Едва я открывалъ двери дѣтской комнаты, какъ шалунья, съ золотыми колечками волосъ, въ короткомъ платьицѣ, маленькими теплыми ручушками кидалась ко мнѣ. И мы оба сразу входили головой въ новый маленькій міръ. Насколько Господь разуму посылалъ, лепечемъ, шумно рѣзвимся, оглушительно хохочемъ—безъ конца.

Спи же спокойно, дитя, въ тѣни стараго, заросшаго зеленаго дуба. Ласковая, неутомимая пѣсенка широкаго листа пусть баюкаетъ тебя на твоемъ мягкомъ ложѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

II.

Я получилъ неожиданный приказъ итти въ плаваніе. Первый громъ. Первый разъ въ жизни я почувствовалъ, какъ тяжело будетъ разставаться съ сроднившимся. Вѣра и Таня стояли теперь въ центрѣ моихъ переживаній. Трудно было разобрать, которая изъ нихъ ближе.

Ту ночь я совсѣмъ не спалъ, думалъ только. Закралось сомнѣніе, такъ ли я живу...

Наканунѣ отъѣзда рѣшилъ итти прощаться съ Танюшей. Надо будетъ крѣпиться. Не показать бы только Вѣрѣ своего душевнаго состоянія. Она умная, все сразу пойметъ. Стыдно мнѣ было. Только заглянуть бы на прощаніе... милыя лица... Какъ трудно сразу жить стало...

Снялъ пальто въ маленькой передней. Вошелъ въ освѣщенную гостиную. Свѣчи въ бронзовой люстрѣ отражались въ овальномъ зеркалѣ. Знакома мнѣ была обстановка этой комнаты. Широкій старинный диванъ съ выпуклой спинкой, круглый столъ на одной подставкѣ. Мягкія, удобныя кресла, стулья. Рядомъ съ дверью клавикорды. Тяжелое красное дерево казалось темнѣе при вечернемъ свѣтѣ. На стѣнахъ наклонно висѣли темныя картины въ золоченыхъ потускнѣвшихъ рамахъ. Кіотъ съ вылинявшими иконами и красной лампадой стоялъ въ углу.

Вѣра, какъ всегда, одѣта была во все черное. Маленькія ноги обуты въ бархатныя туфли съ темными пряжками. На блѣдное лицо падали свѣтлаго золота завитки волосъ.

— Завтра неожиданно ухожу въ плаваніе. Приказъ получилъ. Хотѣлъ бы увидѣть Танюшу,—сказалъ я съ тихой робостью.

— А? Уѣзжаете... завтра? Вотъ какъ...—отвѣтила она загадочно-спокойно, безъ удивленія. Равнодушно заглянула въ глаза мнѣ. Потомъ добавила: — Таня спитъ. Но идите, если обѣщаете быть осторожнымъ, не разбудить ее.

Тихимъ шорохомъ я открылъ дверь и неслышно вошелъ въ дѣтскую. Навсегда запомнилъ личико, которое не суждено мнѣ было видѣть больше. Подъ закрытыми вѣками свѣтилась печаль. Тонкіе волосы спутались, прилипли къ горячему лбу и чертили

узоры на подушкѣ. Мягкія, крошечныя руки небрежно раскинулись на бѣломъ одѣялѣ. Въ полумракѣ дѣвочка казалась блѣдной. Губы сквозь сонъ неясно шептали. Неожиданно она вздохнула.

Тишину будили часы на стѣнѣ.

Я сѣлъ на маленькій табуретъ около низкаго столика Тани. Сталъ при смутномъ свѣтѣ синей качавшейся лампады въ углу разсматривать игрушки. Какъ много ихъ было.

Лошади, слоны, обезьяны, клоуны, только больше всего „манятокъ“, такъ она называла дѣтей... Вотъ и мои, въ разное время принесенные ей, подарки... Странно. Неужели случайно? Именно тѣ она берегла больше.

Грустныя мысли текли медленно. Монотоннымъ пѣніемъ своимъ затопляли мою душу. Онѣ, какъ вѣковой источникъ, невѣдомо откуда вытекающій, который только пугаетъ лѣсную тишину, чтобы на мгновеніе отразить далекое облако и снова пропасть въ загадочной глубинѣ.

Можетъ-быть, это было предчувствіе...

Стряхнулъ съ себя волненіе, печаль.

Я пришелъ опять въ гостиную. Тамъ шумѣли, спорили. Весь разговоръ былъ для меня чужой.

— Вѣра, мнѣ бы хотѣлось проститься съ вами... сказать наединѣ,—прошепталъ я.

— Отчего же,—идемте.

Мы прошли въ смежную маленькую комнату.

Долго оба молчали.

Я, незамѣтно для себя, взялъ ея руку. Тихонечко прикоснулся къ кончикамъ пальцевъ.

— Что съ вами, Константинъ? Печальный?.. Я васъ никогда такимъ не видѣла.

Голова моя туманомъ закрылась. Вмигъ забылъ всѣ свои рѣшенія. Не могъ молчать. Чувство мое къ Вѣрѣ и Танѣ оказалось сильнѣе меня. Плотина не сдержала. Вода захлестнула.

— Да, да,—отвѣтилъ я, торопясь. Волненіе сжало горло. Голосъ мой дрогнулъ.—Завтра я уѣзжаю. Быть-можетъ, завтра я уже буду далеко отсюда. А я люблю васъ и Таню люблю. Тяжело. Сегодня, сейчасъ только понялъ, какъ люблю васъ... Не такъ, какъ раньше,—по-настоящему, понимаете? Вѣра, это чувство подкрадывалось ко мнѣ предательски тихо и долго... Не виноватъ же я... теперь вотъ...

Она даже не дослушала до конца. Жестоко оборвала нить, крикнула:

— Вы съ ума сошли! Сумасшедшій!.. Вотъ неожиданность!.. Откуда пришли сегодня?..

Задумалась. Послѣ паузы добавила:

— Нѣтъ, дорогой мой, у васъ произошла ошибка, какое-то жестокое, непонятное для меня, недоразумѣніе. Я васъ слишкомъ давно знаю... Да и вѣрить... вамъ вѣрить... Но это все не то, не то. Главное — не васъ я ждала и жду... Можетъ-быть, я уже не жду, но вы не мой... Уѣзжайте. Возвращайтесь черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ. И снова будете здѣсь другомъ дѣтства, но и только, не больше,—слышите?.. Танѣ завтра скажу, что вы были, прощались. До свиданія, Константинъ.

Прошла минута, и я уже слышалъ ея смѣхъ въ гостиной. Онъ былъ звонче и задорнѣе прежняго.

Огонь въ моихъ глазахъ потухъ. Голова наполнилась расплавленнымъ оловомъ, кружилась. Предметы вокругъ двоились, носились вихремъ. Сердце съ болью рвалось. Я сѣлъ въ кресло. И горячее лицо свое закрылъ мертвенно-холодными руками.

III.

Часы на городской башнѣ съ утомительно долгими паузами пробили десять.

Заканчивалась дневная жизнь, и только начиналась ночная.

Маленькія свѣтлыя точки тускло горѣли въ далекомъ весеннемъ небѣ.

Воздухъ пропитанъ былъ сыростью, какъ послѣ дождя.

Рѣдкіе прохожіе слишкомъ громко стучали каблуками о гранитныя плиты тротуара. Слышались иногда взрывы молодого смѣха. Ударяла копытами о мостовую одинокая извозчичья лошадь. Снова тишина смыкалась надъ широкой улицей. Уснувшіе молчаливые дома, тяжелые и однообразные, угрюмо лѣпились вытянутой линіей, закрывали свѣтло-зеленый звѣздный просторъ. Они преобразовывали улицу въ сѣрый прямой коридоръ, теряющійся въ мутномъ склонѣ.

До странности ясно помню подробности обстановки той ночи.

Все время назойливо и нагло приставалъ ко мнѣ огромнаго роста нищій. Онъ за руку водилъ худенькую, пугливую дѣвочку и все указывалъ на нее пальцемъ:

— Надо же намъ тоже жить. Вы думаете, если мы бѣдняки, такъ умирай—и кончено? Каждый по-своему...

Я нѣсколько разъ собирался. Засовывалъ руку въ карманъ. Вытаскивалъ кошелекъ, но сейчасъ же въ забывчивости, не раскрывая, пряталъ его.

Долго я шелъ. Не останавливался. Замѣтилъ, что ноги въ быстрой ходьбѣ устало дрожатъ. Холодная печаль сжала всего до головы. Стремился куда-то въ темное пространство, безъ цѣли. Мысли мои разбрелись. Онѣ съ болью рвались, соединялись, сплетались огромнымъ клубкомъ, бѣшено катились.

Звонкая струна отъ напряженія лопнула. Больно хлестнула по лицу.

— Пора сосредоточиться. Невозможно такъ. Нужно быть твердымъ. Порѣшить на чемъ-нибудь одномъ. Если начать другую, новую жизнь... Но какъ начинать?..—сказалъ кто-то рядомъ. Оглянулся, никого не было. Послѣдняя фраза мучительно отразилась на моемъ лицѣ. Испугался самого себя.

Неожиданная обида не такъ ужъ велика. Тысячи людей терпятъ ее молча... Что за важность... Почему вдругъ оттого передо мной выросла высокая, черная стѣна? Почему невозможно дальше такъ?.. Неужели нужно начинать все снова?..

Да, да все снова... перемѣнить русло... Жизнь тихо, настойчиво потечетъ, расширится въ другую сторону.

Не нужно медлить... Сейчасъ... Сейчасъ...

Все, что казалось раньше благополучно, хорошо, развалилось сразу, до основанія. Всплыли на поверхность подробности забытыя, мелкіе недостойные эпизоды. Загорѣлся стыдъ на лицѣ. Первый разъ съ брезгливостью посмотрѣлъ на себя. Унизился до земли.

Прокрался, какъ воръ, по лѣстницѣ своего дома. Проскользнулъ наверхъ—два этажа. Наглый звонокъ громко, пронзительно крикнулъ за дверью. Я нарочно крѣпко прижалъ электрическую пуговку. Нарочно вызывающе шумно прошелъ къ себѣ, чтобы домашніе не замѣтили моихъ истинныхъ переживаній.

Въ темнотѣ своей комнаты лукаво подмигнулъ кому-то глазомъ: „ну и хитеръ же я“... Нервный смѣхъ шопотомъ своимъ то гналъ отъ меня прочь мои страхи, то привлекалъ ихъ снова. Не надо свѣта. Легъ одѣтымъ. Постель подо мной закружилась. Окно зеленымъ пятномъ врѣзалось въ черную стѣну. Маленькіе огонькиточки усѣяли пустоту, жгли глаза мнѣ. Утомленныя вѣки опускались. Но сна не было. Сердце тревожилось, безпокойно металось. Тѣсная одежда душила тяжестью. Одеревенѣлые пальцы рукъ не двигались. Сухія губы растерянно, въ недоумѣніи неслышно все спрашивали:

„Что дѣлать?.. Какъ жить дальше?“

Отвѣта не было.

Тишина робко пугала своимъ неяснымъ таинственнымъ шумомъ. Темнота чертила по-своему знаки и образы...

IV.

Случайный камешекъ съ улицы вдругъ полетѣлъ въ окно. Пронзительный стукъ большого стекла и частый, гремящій звонъ колокольчиковъ поднялъ меня вмигъ съ кровати. Двойныя рамы закрыты.

Душа въ темномъ предчувствіи рванулась. Страхъ укрылъ меня. Вижу, пожаръ близко. Отъ оглушительнаго стука машинъ, подвижныхъ лѣстницъ стѣны сотрясались, дверь дрожала.

Долго искалъ фуражку, не могъ найти ее. Потомъ она все падала изъ рукъ. Тихо, на цыпочкахъ прошелъ въ переднюю. Ноги подгибались. Быстро спустился по лѣстницѣ. Внизу у швейцара спрашиваю, гдѣ горитъ, хотя уже хорошо знаю.

Пестрая толпа загородила путь. Она разсѣялась по всей улицѣ. Въ неподвижномъ и тупомъ любопытствѣ слѣдила за неожиданными взрывами огня въ раскрытыхъ большихъ окнахъ. Взволнованно, живо бѣгали, кричали, поднимались на крышу, рубили топорами пожарные. Бросались въ глаза энергичныя, закоптѣлыя лица. Каски мигали гладкой мѣдью.

Изъ-подъ крыши ползъ тяжелой, темной лавой ѣдкій дымъ. Потомъ вдругъ сразу освѣтились окна трехъ этажей.

Зловѣщее пламя озарило краснымъ огнемъ всѣ лица. Крикъ, плачъ—все смѣшалось съ глухимъ стукомъ падавшихъ балокъ, пронзительнымъ скрипомъ срываемаго желѣза и грохотомъ подъѣзжавшихъ машинъ.

Красныя, желтыя искры подымались высоко и разсыпались фонтаномъ брызгъ.

Закашлялся, захлебнулся. Чуть не задохнулся. Подбѣжалъ совсѣмъ близко и въ отчаяніи громко, тягуче сталъ звать Вѣру и Таню.

Гдѣ онѣ, гдѣ?..

Сомнѣнія нѣтъ, загорѣлся домъ, гдѣ жили родныя подруги моихъ дѣтскихъ игръ и лепета, откуда нѣсколько часовъ раньше я вышелъ съ затаеннымъ личнымъ горемъ и тяжкой обидой.

Жуткій, раненый знакомый крикъ погасилъ собою все:

— Моя Таня тамъ!.. Въ огнѣ!.. Спасите мою Таню!..

Спутанные желтые волосы скрывали лицо. Разорванное платье болталось и путало ноги. Вдругъ Вѣра увидѣла меня. Подбѣжала. Пронизывающимъ взглядомъ юродивой глубоко посмотрѣла въ глаза. Обняла за шею. Тихимъ шопотомъ, торопясь, заговорила:

— Вы здѣсь... Такъ и знала, что придете. Почувствовала... Спасите же Танюшу, чего стоите... Вы должны... Спасете,—да?.. Какъ она осталась тамъ?—спрашиваете. Развѣ я знаю... Идите!..

Она такъ сильно толкнула меня, что я покачнулся. Съ трудомъ удержался на мѣстѣ.

„Я дѣйствительно долженъ... это несомнѣнно“...

Стряхнулъ съ себя минуту колебанія, животный страхъ.

Маленькая свѣтлая мысль—спасти Таню—сковала мнѣ твердое рѣшеніе. Яркая точка ширилась, росла и повела меня за собой.

Отчетливо читалъ въ глазахъ, съ какой затаенной жутью проводили меня окружающіе:

„Не вернется... Не вернется...“

Я кинулся вверхъ по широкимъ ступенямъ гранитной лѣстницы. На порогѣ квартиры жаркій, остро-рѣжущій дымъ ослѣпилъ глаза мои, остановилъ меня только на минуту. Я хорошо зналъ расположеніе квартиры. Ощупью нашелъ дѣтскую. Огненный адъ. Запахъ гари душилъ меня. Загорѣлось лицо, волосы. Под-

бѣжалъ къ маленькой кровати. „Цѣла. Слава Богу, Таня молчитъ. Не спитъ ли крошка? Не понимаю, почему она молчитъ“... Схватилъ ее съ одѣяломъ вмѣстѣ. Бѣгу, возвращаюсь со своей дорогой ношей. Но досада: пламя меня остановило. „Только бы пройти здѣсь“... Я уже и самъ весь живой, свѣтлый факелъ. Въ дверь невозможно. Мнѣ въ окно подали гибкую, длинную лѣстницу. Поползъ внизъ. Въ крѣпкихъ, оцѣпенѣлыхъ рукахъ молчитъ Таня. А я медленно, въ безсознаніи сталъ погружаться въ черную безконечную пропасть, въ бушующій котелъ горючей лавы.

V.

Горячій лучъ солнца пробѣжалъ въ открытое окно, устремился. Обжегъ мои вѣки. Разбудилъ меня. Мягкій вѣтерокъ принесъ съ собой сладкій запахъ почекъ, распускающихся березъ. Я проснулся бодрый. Протянулъ далеко ноги. Радость обняла меня. Захотѣлось смѣяться навстрѣчу молодой веснѣ. Съ трудомъ приподнялся на локтѣ. Неожиданно встрѣтился съ своимъ отраженіемъ въ гладкомъ зеркалѣ. Вмѣсто своего лица увидѣлъ кровавое пятно — большое. Ужаснулся. Скрючился, какъ подъ ударомъ. Трудно привыкнуть. У меня не было больше лица. Тотъ образъ свой, который я зналъ съ дѣтства, — съ такой постепенностью онъ мѣнялся, что даже не замѣчалъ того, — теперь мнѣ его не увидѣть никогда. Какое страшное слово — „никогда“.

Мозгъ загорѣлся до боли. Вспомнилъ пережитое за послѣднее время. На седьмой день я очнулся. Говорятъ, до того я лежалъ недѣлю въ бреду. Приходилось связывать. Бросался. Звалъ страшнымъ крикомъ Танюшу и Вѣру.

Но что было, когда впервые себя увидѣлъ въ предательскомъ зеркалѣ! Я разбилъ голову, ранилъ объ кровать. У меня не было оружія близко, не то въ отчаяніи...

Но мгновеніе прошло. Жизнь упорно, назойливо стала звать за собой. Все стучалась она въ мою дверь. Весна ярко засіяла близко. Вино медленно вливалось въ сосудъ.

Кровать была для меня все мое жилище. Я лежалъ скованный. Не двигался. Все размышлялъ. Въ нѣсколько дней я успѣлъ передумать больше, чѣмъ во всю свою безтревожную, легкую жизнь. Маленькія, чуть замѣтныя, мысли прилетали красненькими, синими, черными точечками, сцѣплялись хороводомъ или тянулись въ длину. Онѣ заполняли собой всѣ мои долгіе дни и безъ сна короткія ночи. Постепенно душа подымалась, отдѣлялась отъ будничной жизни. Порой я прислушивался къ спавшей вокругъ тишинѣ и находилъ тотъ же отзвукъ въ себѣ.

Та далекая, слишкомъ земная, жизнь отдѣлилась пропастью. Казалось, она была въ иномъ мірѣ. Больше ничто не давило моего сознанія. Не тосковало сердце надъ потерянной радостью страсти, эгоистичной молодой любви и красоты тѣла. Случайный взглядъ, брошенный въ зеркало, вырвалъ на одинъ мигъ только крикъ ужаса и оцѣпенѣнія, но потомъ маленькія желанія снова поблѣднѣли, затерялись. Путь мой ширился и окрашивался звонкимъ серебромъ лучей новой весны.

Невидимая рука сотворила чудо: я позналъ правду, свою правду. Она спасла меня... Я буду любить людей, всѣхъ людей, красоту окружающую и моего Бога.

Босой, въ немытомъ рубищѣ, я тяжело нагружу себя счастьемъ, согну спину и понесу его другимъ... Щедро раздавать... А если они будутъ отъ меня бѣгать, сторониться моего безобразія — тогда лицо закрою... Знаю. Въ презрѣніи они забросаютъ меня больно острыми камнями. Но я стерплю. Все съ тихой радостью стерплю. Только, когда устану — на время уйду въ глубокіе, неподвижные лѣса, къ задумчивымъ, стекляннымъ загадочнымъ озерамъ, которыя отражаютъ лишь одну чистоту пустыннаго неба...

. . . .

Не слышалъ звонка изъ передней.

Дверь забила дробью, на тугихъ петляхъ.

На порогѣ стояла сестра.

— Что, Настенька?

Свѣтло-синіе, молодые глаза ласково, съ состраданіемъ посмотрѣли на меня.

— Вѣра здѣсь... Пришла сейчасъ... Проситъ... Она хочетъ видѣть тебя... Можно ей?..

Мнѣ было все равно. Я нѣмо кивнулъ головой.

Мысли унеслись далеко.

Я долго ждалъ, равнодушно, со скукой ждалъ Вѣру.

Она, торопясь, вошла. Прислонилась къ косяку двери... Не сразу посмотрѣла въ мою сторону. Долго, внимательно изучала картины на стѣнѣ. Потомъ точно случайно взглянула мнѣ въ лицо. Отступила. Зубы отчетливо застучали. Страхъ согнулъ ее. И хотя она низко скрыла лицо свое, я все-таки ясно прочелъ невольную брезгливость. Но въ одну минуту она пересилила тяжесть. Со скрытой болью свела брови. Медленно подошла къ моей кровати. Долго, неподвижно-молча стояла въ свинцовомъ снѣ. Вдругъ упала на колѣни. Тихо подползла ко мнѣ вплотную. Безпомощно положила голову на мою постель. И тягуче, жалко заплакала. Слезами запятнала простыню.

На мои глаза опустилась мутная ткань. Предметы нестественно задвигались, разбѣжались въ разныя стороны.

Мы въ тайномъ молчаніи долго прислушивались къ пугливой тишинѣ комнатъ и дальнему пѣнію кровельщиковъ на крышѣ. Потомъ я поборолъ слабость, приподнялся немного. Чуть коснулся своей болѣзненно-блѣдной рукой ласковыхъ волосъ Вѣры. И печально высокимъ голосомъ заговорилъ:

— Много хочу сказать тебѣ, да не знаю, выйдетъ ли?.. Не умѣю. Слова пропадаютъ куда-то.

„Ты думаешь, я не знаю, что Таня умерла? Знаю. Давно... Когда тутъ нечаянно тогда проговорились... Признаюсь, я на минуту палъ. Страданія смяли меня подъ собою. Я роптал. Смотрѣлъ въ небо и роптал. Но теперь я какъ бы ушелъ далеко и слышу свой плачъ на разстояніи... Много легче такъ.

„И сами-то мы потихонечку идемъ туда же...

„Не говори... И такъ понялъ. Знаю, зачѣмъ пришла...

„Ты отреклась отъ себя. Эта радость на мигъ подняла тебя. Принесла сюда. Ты готова была сказать, что останешься здѣсь, около меня... Всегда со мной. Облегчать будешь тяжесть. Поможешь безпомощному. Сотрешь слезы печали... Искупить хотѣла... Думала только о внѣшной красотѣ. И вотъ... когда подошла близко и увидѣла огромный кровавый глазъ вмѣсто лица... Скажи, скажи, — нашла ли ты хоть одну прежнюю черту, которая была знакома тебѣ съ дѣтства?..

„И вотъ, когда ты увидѣла этотъ большой красный глазъ — зрачки твои отупѣли, расширились. Вся скрючилась въ страхѣ. Четко выразила отвращеніе... Ты, можетъ-быть, даже со стыда ударила бы себя. Но все-таки теперь не въ силахъ уже сказать мнѣ всего того, что надумала раньше... Нѣтъ... Не надо...“

Пауза связала узелъ на длинной нити. Унесла меня за предѣлы несложныхъ переживаній нашего маленькаго земного острова въ пустынѣ моря.

Жуткое, съ выкрикомъ, низкое рыданіе Вѣры разбудило меня. Душа моя судорожно рванулась. Бѣлыми крыльями любви осторожно она коснулась прекрасныхъ скорбныхъ глазъ молодой женщины.

Длинными исхудавшими пальцами я чуть слышно провелъ по мокрому лицу ея. Коротко вздохнулъ. Ласково, но твердо зазвучалъ мой голосъ:

— Успокойся, мой другъ... всѣ мы друзья...

„Теперь мнѣ ничего отъ тебя не нужно. Я богаче во много разъ... Таня умерла... а съ нею случайно и неожиданно многое умерло.

„Я тебя люблю... Только сейчасъ люблю — въ несчастьѣ твоемъ... Вотъ я разскажу потомъ... когда-нибудь, какъ я нашелъ...

„Знаешь, я нашелъ радость, большое солнце радости — въ себѣ... Дѣлить буду ее теперь...

„Вѣра, Вѣра... Полюби Бога въ душѣ крошечной черной мошки и согнутой вѣтромъ, чуть видной зеленой травки...“

. . . .

Внезапный легкій сонъ замкнулъ мои утомленныя вѣки. Оборвалъ сознаніе. Передо мной видѣніемъ предстало Христово Царство...

Изъ черной глубины тайнымъ страхомъ заколдованнаго, неподвижнаго лѣса на широкую ярко зеленую поляну, усаженную цвѣточками, я привелъ за собой — калѣкъ, убогихъ, юродивыхъ и много маленькихъ бездомныхъ дѣтей.

Круглое въ яркомъ сіяніи солнце поднялось въ туманную высоту и освѣтило наши бѣлыя одежды.

Надъ отвѣснымъ каменистымъ берегомъ выцвѣтшаго синяго озера, загадочно сомкнувшаго мертвую бездну, мы Его увидѣли. Онъ медленно шелъ навстрѣчу. Спина согнулась подъ тяжестью деревяннаго креста. Красныя капли смѣшались съ потомъ и падали на блѣдное худое лицо изъ-подъ колючаго вѣнка. Волосы и борода спутались. Глубоко ласково смотрѣли широко раскрытые, ясные глаза. Свѣтлое небо отразило въ себѣ всѣ земныя страданія человѣка. Тогда я протянулъ къ Нему свои молящія руки. И громко воззвалъ:

— Къ Тебѣ пришли мы въ радости!.. Дай намъ крестъ Твой, — всю тяжесть ноши!..

На томъ заканчиваю.

Сѣроватая темень вечера уже проникаетъ черезъ маленькое окно моего лѣсного жилья и ползетъ ко мнѣ на столъ. Бревенчатыя, нагія стѣны скрываются въ узорномъ туманѣ. Тишина далеко распростерла свою тѣнь. Молчаніе по-своему живетъ и дышитъ. Съ нѣжной радостью смотрю я на ярко-красную полосу неба. Блѣдная, робкая звѣзда притаилась. Блеснетъ и погаснетъ.

Густая зелень березъ тяжестью своей согнула вѣтви внизъ. Расписной стѣной, кружевомъ широкихъ листьевъ оградила меня.

Далеко свѣтится оранжевое Онежское озеро, переходящее въ опаловый цвѣтъ.

Живой хороводъ воспоминаній закружился. Взвился надъ моей головой. Передъ глазами длинная полоса скитанія — съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ...

„Какъ захочешь, Господи, такъ и будетъ“...

Я разслышалъ молодые голоса. Они звонко привѣтствуютъ Тебя.

Пойду кормить на ночь своихъ маленькихъ питомцевъ — крошечныхъ бездомныхъ больныхъ птицъ и звѣрей.

Подъ пальмами. Эль-Кантора (Алжирія).

На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ.

Очеркъ А. П. Нагеля.

(Съ 9 фотогр. снимк. на стр. 173 и 174).

Вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, американскимъ журналистомъ Бобомъ Вильсономъ, я покрылъ на русскомъ автомобилѣ до 20.000 километровъ, посѣтивъ наиболѣе живописныя мѣстности Сѣверной Африки.

Такимъ образомъ къ настоящему моменту мой спортивный формуляръ достигъ почти 80.000 километровъ, пройденныхъ на той же вѣрной русской машинѣ.

Когда мы рѣшили предпринять новое путешествіе на моемъ автомобилѣ, моей первой мыслью было выработать такой маршрутъ, который могъ бы представить собою наибольшій интересъ для спортсмена-автомобилиста. И моей первой мыслью явилось желаніе посѣтить Африку, гдѣ еще ни разу не было ни одного русскаго автомобиля.

Далекая Африка представляется намъ какимъ-то миѳомъ, овѣяннымъ знойными дуновеніями тропической легенды. И впервые за все существованіе африканскаго материка и его жаркой Сахары по ней пронесся русскій автомобиль.

Нашъ маршрутъ былъ слѣдующій: Петербургъ — Псковъ — Рига — Тильзитъ — Кенигсбергъ — Берлинъ — Франкфуртъ-на-Майнѣ — Мецъ — Парижъ — Ліонъ — Авиньонъ — Ницца — Марсель — Перпиньянъ — Барселона — Валенсія — Карѳагенъ — переправа въ Оранъ, нѣсколько поѣздокъ въ его окрестности, Тунисъ — Алжиръ — Бужи — Константина — Бискра (оазисъ въ Сахарѣ, самый южный пунктъ поѣздки) — Батна — Филипвиль — Тунисъ — переправа моремъ въ Неаполь — Римъ — Флоренція — Пиза — Генуя — Монако — Ницца — Марсель — Ліонъ — Парижъ.

Финишъ состоялся въ Парижѣ; торжественная встрѣча была организована спортивной газетой „Auto“.

Изъ моихъ африканскихъ впечатлѣній съ особеннымъ интересомъ припоминаю часть пути, которую пришлось проѣхать подъ снѣгомъ. Снѣгъ въ Африкѣ! Неправда ли, какъ странно звучитъ это для нашего уха? Правда, это было въ горахъ, но все же снѣжный покровъ на такомъ „глубокомъ“ югѣ, какъ Африка, произвелъ на туристовъ сильное впечатлѣніе! Ѣздили мы по снѣгу въ части пути, пролегающей по Атласскимъ горамъ на сѣверномъ побережьѣ Африки; максимальная высота, достигнутая нами, 1.300 метровъ надъ уровнемъ моря, снѣгъ появился уже на высотѣ 600 метровъ.

Самое интересное въ Африкѣ, конечно, Сахара; вопросъ о ея непроходимости — миѳъ; усиленное движеніе каравановъ пріуготовило намъ хорошій путь. Тѣмъ не менѣе хозяева этого пути—верблюды, „корабли пустыни“, — шарахались въ сторону, когда наша машина обгоняла караваны. Во всякомъ случаѣ автомобиль въ пустынѣ производилъ довольно своеобразное впечатлѣніе. Шоссейныя дороги въ Африкѣ великолѣпныя. При поѣздкѣ по грунтовымъ дорогамъ пахнуло чѣмъ-то роднымъ, русскимъ.

Переправа въ бродъ черезъ горную рѣку.

Удачный исходъ поѣздки по дорогамъ Африки придалъ намъ смѣлость попытаться пройти въ самую глубь страны; къ сожалѣнію, упершись черезъ нѣкоторое время въ песчаныя дюны, мы принуждены были отказаться отъ осуществленія этого плана; такимъ образомъ все-таки не вся Сахара оказалась доступной для культурнаго „auto“.

Во время одной изъ ночныхъ поѣздокъ въ горахъ Атласа мы налетѣли на стадо дикобразовъ; сильный свѣтъ электрическихъ фонарей привелъ ближайшіе ряды этихъ оригинальныхъ животныхъ прямо въ каталептическое состояніе; будь мы охотниками, намъ ничего не стоило бы собрать богатѣйшіе охотничьи трофеи.

Къ стыду Европы, а въ особенности

Въ зыбучихъ пескахъ Сахары, на караванномъ пути.

Снѣжная дорога въ горахъ Африки.

„На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ“. По фотографіямъ, снятымъ самимъ путешественникомъ.

Въ ожиданіи парома, недалеко отъ Кареагена.

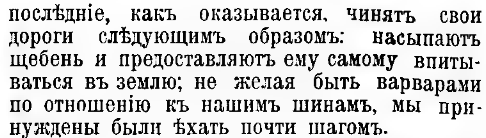
ея дорогъ, не могу не отмѣтить, что менѣе всего страдала наша машина на дорогахъ Африки; во время же пути въ Италіи и Испаніи намъ нерѣдко приходилось съ раскаяніемъ вспоминать о нашемъ отношеніи къ плохимъ, но все же болѣе терпимымъ русскимъ дорогамъ. Въ особенности тяжко приходилось автомобилю на узкихъ улицахъ, вымощенныхъ щебнемъ и представляющихъ собою настоящія лѣстницы.

Живописнѣе испанскихъ дорогъ я ничего не видѣлъ: проле-

Корабли пустыни и современный „пожиратель“ пространства.

гаютъ дороги черезъ горы, пышныя долины, красивые лѣса; но состояніе этихъ дорогъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Глубокія, порою всего лишь въ метръ, узкія, неправильныя колеи, частые обрывы, выбоины, скрытыя лощины характеризуютъ лучше всего тѣ терніи, которыя выпали на долю нашего автомобиля. Впрочемъ, извѣстный рекордъ, въ смыслѣ плохого состоянія дороги, побила все же Италія: во время пути Римъ—Неаполь—Флоренція намъ пришлось познакомиться съ прелестями оригинальныхъ принциповъ дорожнаго строительства итальянцевъ. Эти

„Неважная дорога“—около Туниса.



послѣдніе, какъ оказывается, чинятъ свои дороги слѣдующимъ образомъ: насыпаютъ щебень и предоставляютъ ему самому впитываться въ землю; не желая быть варварами по отношенію къ нашимъ шинамъ, мы принуждены были ѣхать почти шагомъ.

При возвращеніи моремъ изъ Африки насъ ждала чрезвычайно бурная переправа. Автомобиль, привязанный на палубѣ, поминутно принималъ значительныя морскія ванны, что, впрочемъ, не оставило никакого слѣда на „блестящемъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова состояніи его „здоровья“.

Нельзя не отмѣтить, что наша русская машина на всемъ пути своего слѣдованія была предметомъ особаго вниманія какъ автомобильныхъ организацій, такъ и населенія тѣхъ пунктовъ, гдѣ мы останавливались. Особенно теплый пріемъ былъ оказанъ въ Парижѣ и въ Монте-Карло. И вообще все это путешествіе оставило послѣ себя множество интересныхъ и яркихъ впечатлѣній.

Шабатъ-Эль-Ахра—ущелье въ Атласскихъ горахъ.

По мосту около Туниса.

„На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ“. По фотографіямъ, снятымъ самимъ путешественникомъ.

М. П. Боткинъ. (Портр. на этой стр.).

22 января с. г. скончался извѣстный русскій художникъ, академикъ, Михаилъ Петровичъ Боткинъ. Еще такъ недавно, въ сентябрѣ истекшаго года, у насъ въ „Нивѣ“ было отмѣчено 50-лѣтіе дѣятельности покойнаго художника, какъ академика. Долгая, богатая содержаніемъ жизнь его закончилась спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того неожиданной тяжкой болѣзнью и смертью.

М. П. Боткинъ, по справедливости, считался однимъ изъ ветерановъ и столповъ Академіи Художествъ. Его дѣятельность въ стѣнахъ этого высшаго художественнаго учрежденія была цѣлой исторической эпохой, начиная еще отъ дореформеннаго академическаго строя и восходя къ новымъ временамъ и вѣяніемъ. М. П. Боткинъ былъ живой лѣтописью Академіи. Специалистъ по исторической и библейской живописи, онъ самъ представлялъ собою живое историческое лицо въ Академіи и казался настоящимъ библейскимъ патріархомъ среди академической молодежи.

Академикъ Михаилъ Петровичъ Боткинъ (1839—1914). По фот. М. Брейткаса.

„Голова юноши“ — бюстъ работы Леонардо да-Винчи. Изъ собранія М. П. Боткина.

Суховатый и строгій въ краскахъ и линіяхъ, покойный М. П. Боткинъ представлялъ собою типъ спокойнаго и уравновѣшеннаго, и притомъ глубоко-культурнаго, художника. Его картины отличались рѣдкими графическими достоинствами, обдуманной гармоніей рисунка и глубокой идейной содержательностью. Таковы, напримѣръ, его „Жены, смотрящія издали на Голгоѳу“, „Бесѣда Христа на горѣ Елеонской“, Богоматерь“ и др.

Очень большую, можно сказать незамѣнимую, роль покойный художникъ игралъ въ общественной жизни художниковъ. Съ давняго времени онъ участвовалъ въ дѣлахъ Общества Поощренія Художествъ, въ многочисленныхъ комиссіяхъ по разнымъ художественнымъ дѣламъ и вопросамъ, завѣдывалъ художественными отдѣлами на различныхъ выставкахъ и т. п. Незамѣнимую услугу М. П. Боткинъ оказалъ русскому искусству еще и тѣмъ, что издалъ прекрасную книгу: „Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“. Ивановъ былъ для М. П. Боткина какъ бы предметомъ культа: всю жизнь М. П. Боткинъ собиралъ эскизы и этюды Иванова, свято хранилъ ихъ въ своемъ домашнемъ музеѣ и неустанно такъ или иначе пробуждалъ и поддерживалъ въ

Собраніе М. П. Боткина. Комната эпохи итальянскаго Возрожденія. По фот. М. Брейткаса.

русскихъ художественныхъ и интеллигентныхъ кругахъ память и интересъ къ великому и несчастному автору „Явленія Христа народу“. Не задолго до смерти онъ собирался приступить къ новому сборнику, посвященному памяти Иванова. Но это намѣреніе уже осталось не выполненнымъ.

Спеціалистъ по исторической живописи, М. П. Боткинъ былъ знатокомъ исторіи, и въ качествѣ такового онъ состоялъ членомъ Императорской Археологической Комиссіи, Русскаго Археологическаго Общества, Германскаго Археологическаго Института въ Римѣ и другихъ подобныхъ учрежденій. Страстный коллекціонеръ-археологъ, М. П. Боткинъ создалъ у себя дома свой собственный музей памятниковъ искусства и предметовъ старины.

М. П. Боткинъ родился въ 1839 году въ Москвѣ, въ извѣстной купеческой семьѣ Боткиныхъ, давшей цѣлый рядъ талантливыхъ русскихъ людей. По окончаніи курса въ одной изъ московскихъ гимназій, М. П. Боткинъ поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ академиковъ Завьялова и Бруни. Послѣ пенсіонерской командировки за границу, въ Италію, Боткинъ выставилъ въ 1863 году двѣ первыя свои картины „Вакханка съ тамбуриномъ“ и „Плачъ Іудеевъ на рѣкахъ вавилонскихъ“. За вторую изъ этихъ картинъ онъ получилъ званіе академика.

М. П. Боткинъ выставлялъ свои картины преимущественно на академическихъ выставкахъ, хотя одно время участвовалъ и въ товариществѣ Передвижниковъ. Склонный всего болѣе къ исторической живописи и къ сюжетамъ историко-религіознаго содержанія, онъ отдавалъ также дань итальянскому народному жанру и произведеніямъ портретнаго жанра. Кромѣ упомянутыхъ картинъ, пользуются извѣстностью еще слѣдующія его произведенія въ этомъ послѣднемъ родѣ: „Вечерня въ Ассизи“, „Четыре времени года“, „Антикварій“, „Монахиня“, портретъ художника С. П. Постникова и др. Картины М. П. Боткина находятся по преимуществу въ заграничныхъ галлереяхъ, и лишь небольшое количество ихъ пріобрѣтено Третьяковской галлереей.

Будучи человѣкомъ широкой инициативы и унаслѣдовавъ отъ своей купеческой родни любовь къ дѣламъ чисто-практическаго характера, покойный художникъ не мало времени и труда удѣлялъ торгово-промышленной дѣятельности. Онъ состоялъ однимъ изъ директоровъ пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій“, предсѣдателемъ правленія 1-го Россійскаго страхового общества, членомъ совѣта СПБ. Международнаго коммерческаго банка. Рѣдкая работоспособность, энергія и крупный умъ позволяли ему совмѣщать эту дѣятельность съ такъ горячо любимымъ имъ искусствомъ.

Скончался онъ въ преклонномъ возрастѣ, всѣми уважаемый, пользующійся искренними симпатіями и любовью въ средѣ русскихъ художниковъ. Долгая, богатая содержаніемъ, жизнь была прожита имъ плодотворно, и онъ оставилъ богатое наслѣдство нашему искусству и въ своихъ произведеніяхъ и въ тщательно собранныхъ и сохраненныхъ коллекціяхъ...

Новый монархъ въ Европѣ.

Албанія наконецъ получила своего правителя, а скромный прусскій офицеръ принцъ Вильгельмъ Видъ украсилъ свое чело албанскою короною. Безконечная путаница албанскаго вопроса, начавшаяся съ двукратнаго возстанія албанцевъ противъ младотурокъ и давшая толчокъ къ распаденію Турціи, закончилась провозглашеніемъ Албаніи назависимымъ государствомъ съ германскимъ принцемъ во главѣ. Молодой монархъ, раньше чѣмъ появиться въ своемъ государствѣ и показаться возлюбленному народу, счелъ своимъ долгомъ сдѣлать визиты всѣмъ великимъ державамъ, избравшимъ его правителемъ новорожденнаго государства. Послѣ Рима онъ посѣтилъ Вѣну, затѣмъ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ и закончилъ свои визиты Петербургомъ. Албанская депутація во главѣ съ Эссадомъ-пашою, пріѣхавшая звать молодого принца на царство съ увѣреніями въ горячей любви и преданности его особѣ всего албанскаго народа, выслушала отъ своего правителя не менѣе горячія увѣренія въ его любви и преданности новому отечеству. Очевидно, не только любовь, но даже самый патріотизмъ можетъ быть заочнымъ. Смотринами остались довольны обѣ стороны, и все возвѣщаетъ новому союзу безоблачно-счастливую будущность. Правда, примѣръ Максимиліана въ Мексикѣ и Александра Баттенбергскаго въ Болгаріи предостерегаетъ, что иногда такіе случайные браки между правителями и народами кончаются трагически, но еще большее количество историческихъ примѣровъ свидѣтельствуетъ о томъ, что коронованные пришельцы, обладающіе минимумомъ такта, почти всегда успѣваютъ заслужить искреннюю любовь управляемыхъ ими народовъ.

Новый монархъ въ Европѣ—Принцъ Вильгельмъ Видъ, избранный въ правители Албаніи.

Напримѣръ, героическій болгарскій народъ, несмотря на рабское послушаніе своего пришлаго царя Фердинанда предательскимъ совѣтамъ изъ Вѣны наканунѣ второй балканской войны, окончившейся для Болгаріи утратой всѣхъ завоеваній, до сихъ поръ продолжаетъ вѣрить въ его великій дипломатическій талантъ и пламенный болгарскій патріотизмъ. Отчего въ такомъ случаѣ албанцамъ не вѣрить въ албанскій патріотизмъ прусскаго офицера, который пока еще не сдѣлалъ имъ ровно ничего худого? Полудикій, некультурный народъ прежде всего долженъ оцѣнить въ немъ культурнаго и просвѣщеннаго правителя. Вильгельмъ I албанскій прекрасно знаетъ, на чемъ зиждется жизнь культурныхъ государствъ, и потому начинаетъ политическое бытіе независимаго Албанскаго королевства съ заключенія иностраннаго займа, уже оборудованнаго для него дипломатами съ участіемъ и державъ тройственнаго согласія. Расплата за заемъ, конечно, неизбѣжна, но вѣдь естественныя богатства Албаніи совсѣмъ еще не тронуты, а ея географическое положеніе на пути къ Эгейскому морю дѣлаетъ ея земли чрезвычайно цѣнными для сѣвернаго сосѣда. Единственнымъ печальнымъ и даже тревожнымъ предзнаменованіемъ для новаго правителя является то обстоятельство, что почти наканунѣ пріѣзда къ нему албанской депутаціи съ призывомъ быть повелителемъ страны, въ послѣдней начало обнаруживаться что-то въ родѣ революціоннаго движенія среди мусульманскаго населенія, требующаго не то возсоединенія съ Турціею, не то назначенія мусульманскаго князя. Но, въ сущности, это движеніе не представляетъ большой опасности. Исторія современной Турціи, Персіи, Марокко и нѣкоторыхъ африканскихъ государствъ показываетъ, что мусульманскій фанатизмъ оказывается довольно кроткимъ, когда съ нимъ борются путемъ денежныхъ и культурныхъ соблазновъ.

Повидимому, мусульманскому движенію послѣднихъ дней не былъ чуждъ Эссадъ-паша, но это нисколько не помѣшало ему предстать предъ принцемъ Видомъ во главѣ депутаціи, зовущей его занять албанскій престолъ. Несравненно труднѣе молодому Вильгельму албанскому будетъ поддерживать равновѣсіе въ области дипломатическихъ требованій, подвергающихъ внутреннее управленіе Албаніи международному контролю. Являясь праводникомъ австро-германскихъ вожделѣній, онъ неизбѣжно возбудитъ противъ себя ненависть и интриги Италіи, располагающей возможностью устроить дворцовый заговоръ; тяготѣя къ тройственному союзу—онъ встрѣтитъ противодѣйствіе тройственнаго согласія и т. д. При отсутствіи кровной и духовной связи съ народомъ, при отсутствіи какой бы то ни было опоры въ населеніи необходимость вѣчно лавировать между требованіями внѣшнихъ силъ дѣлаетъ положеніе крайне тяжелымъ, непрочнымъ и невѣрнымъ. Изъ него можетъ быть только одинъ выходъ: по-

степенной эмансипаціи, постепеннаго освобожденія отъ всякаго внѣшняго покровительства и политики искренняго сліянія съ задачами албанскаго патріотизма. Династическіе интересы не могутъ находиться въ противорѣчіи съ національными безъ крайняго риска для самой династіи. Король Карлъ румынскій забылъ о своемъ германскомъ происхожденіи и, сдѣлавшись первымъ румынскимъ патріотомъ, повернулъ свою политику отъ тройственнаго союза къ балканскому союзу. Царь Фердинандъ, напротивъ, остался австрійскимъ офицеромъ на болгарскомъ тронѣ—и послушаніемъ завѣтамъ австрійской политики въ славянскихъ дѣлахъ подрылъ свой собственный тронъ. Будущая судьба Вильгельма албанскаго всецѣло зависитъ отъ того, какому изъ этихъ двухъ курсовъ онъ послѣдуетъ въ своемъ управленіи страной. Если онъ забудетъ о старыхъ связяхъ для новаго отечества и приметъ лозунгъ: „Албанія для албанцевъ", а не для германцевъ и австрійцевъ, то, по примѣру того же Эссада-паши, заключившаго союзъ съ Черногоріей, поставитъ своей цѣлью не содѣйствіе австрійскому или итальянскому поглощенію Албаніи, а напротивъ—защиту ея самостоятельности путемъ мирнаго разграниченія съ албанскими сосѣдями, путемъ вступленія въ оборонительный балканскій союзъ подъ общимъ флагомъ, способнымъ объединить всѣ балканскіе народы: „Балканы для балканцевъ!"

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ № нашего журнала мы знакомимъ читателей съ произведеніями безвременно скончавшагося талантливаго художника М. А. Демьянова (портр. на стр. 180).

Сравнительно мало оцѣненный при жизни, молодой (онъ умеръ всего 38 лѣтъ) художникъ М. А. Демьяновъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ только теперь: по крайней мѣрѣ его картины, собранныя на недавней его посмертной выставкѣ, обратили на себя вниманіе самой широкой публики и по справедливости оцѣнены нашей художественной критикой. Эта выставка едва ли не впервые показала, какимъ громаднымъ талантомъ обладалъ безвременно скончавшійся художникъ, и какъ много успѣлъ онъ сдѣлать для искусства за свою короткую жизнь.

Михаилъ Александровичъ Демьяновъ родился въ 1875 году на Уралѣ. Художественное образованіе онъ получилъ въ московскомъ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества и позднѣе—въ Академіи Художествъ. Ученикъ Левитана, М. А. Демьяновъ работалъ также и въ классѣ проф. Киселева и въ теченіе своего академическаго курса неоднократно получалъ награды. Въ 1910 году за картину „Старые годы" художникъ получилъ заграничную командировку. Былъ онъ потомъ удостоенъ за этюды и работы и вторичной командировки и, между прочимъ, получилъ за пейзажи Ендогуровскую премію.

Роковой и преждевременный недугъ прервалъ творческую дѣятельность художника. Но покойный М. А. Демьяновъ былъ такъ плодотворенъ въ работѣ, что, несмотря на короткую жизнь, оставилъ множество прекрасныхъ произведеній.

Превосходный пейзажистъ, онъ умѣлъ передавать самую душу тѣхъ уголковъ природы, которые онъ изображалъ. Въ каждомъ пейзажѣ М. А. Демьянова чувствуется художникъ живой, думающій и чувствующій... Въ особенности же эта жизненность и мысль чувствуются въ тѣхъ картинахъ, которыя посвящены изображенію прошлой русской жизни: „*Старые годы*" и „*Въ старые годы*". Здѣсь пейзажъ, одушевленный самъ по себѣ, сливается съ типичными фигурами дѣйствующихъ лицъ, и картины эти проникнуты истинной поэзіей прошлаго, которое отцвѣтаетъ и уходитъ навсегда, тогда какъ природа всегда остается неизмѣнной и неизмѣнно-юной и прекрасной...

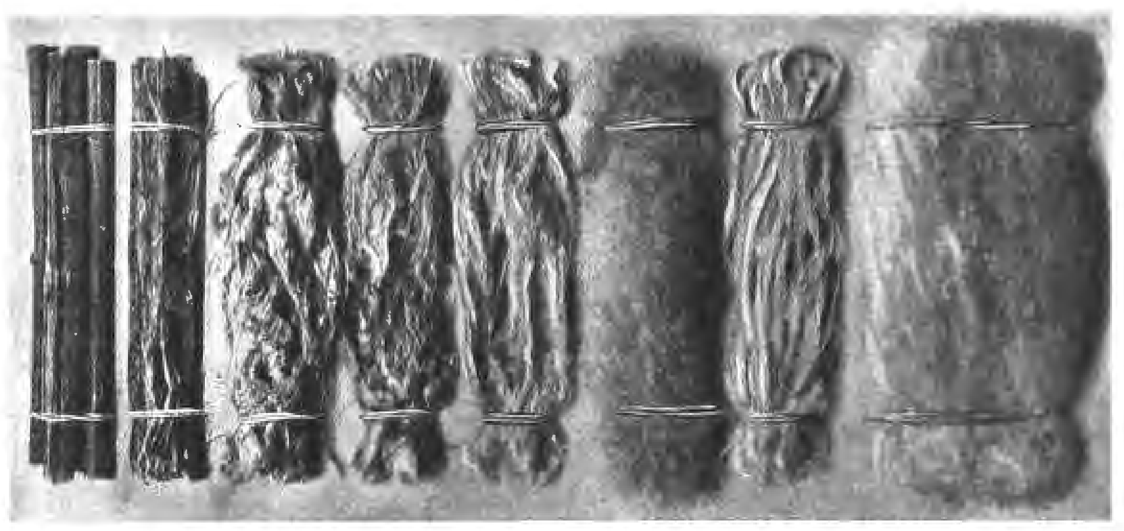
Та же жизненность наполняетъ собою даже самые бѣглые эскизы и этюды художника—его портретные опыты: „*Портретъ жены художника*", „*Портретъ С. Юшкевича*" и др., его наброски въ родѣ „*Русскаго павильона на выставкѣ въ Римѣ*" и т. п. Даже послѣдній этюдъ, написанный художникомъ въ Финляндіи за часъ до кончины, исполненъ живого вѣянія природы...

Въ лицѣ М. А. Демьянова русское искусство понесло тяжелую и скорбную утрату.

Прелестный пейзажъ „*Сумерки*" художника А. Теснера, воспроизведенный въ началѣ настоящаго нумера, включенъ въ сокровищницу русскаго искусства—Музей Императорской Академіи Художествъ. Авторъ „Сумерекъ", составившій себѣ имя въ художественномъ мірѣ именно этой картиной, къ сожалѣнію, ничего болѣе не далъ выдающагося родному искусству: ни на одной изъ выставокъ послѣднихъ лѣтъ не появлялось болѣе картинъ его чарующей кисти.

Академикъ скульптуры А. М. Опекушинъ. По поводу 50-лѣтія художественной дѣятельности. По фот. Штейнберга.

Извѣстный беллетристъ, драматургъ и историкъ искусствъ Петръ Петровичъ Гнѣдичъ, назначенный директоромъ Музея Императорскаго Общества Поощренія Художествъ. По фот. К. Булла.



Стебли крапивы и выработанныя изъ нихъ волокна въ разныхъ степеняхъ ихъ обработки.

Крапива, какъ прядильное растеніе.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Наша обыкновенная сорная трава крапива содержитъ въ себѣ прекрасныя прочныя волокна, которыя были бы пригодны для пряжи и для тканей, если бъ былъ найденъ способъ легко добывать ихъ изъ ея стеблей. Притомъ такое ихъ примѣненіе не было бы и новостью, потому что во Франціи и Германіи изъ крапивныхъ волоконъ дѣлали ткани, которыя такъ и назывались крапивными; да и до сихъ поръ еще нѣмцы зовутъ нѣкоторые сорта грубыхъ хлопчатобумажныхъ тканей *Nesseltuch* *). Но какъ только появилась на сценѣ хлопчатая бумага, крапива тотчасъ же стушевалась и уступила ей мѣсто, потому что вата оказалась и дешевле и лучше. Волокно изъ крапивы было бы совсѣмъ дешево, если бъ былъ способъ легко добывать его и придавать ему дешевой обработкой хорошій видъ. Но въ томъ-то и дѣло, что до самаго послѣдняго времени не знали такого способа, и потому добываніе крапивнаго волокна обходилось дорого, и качество его было совсѣмъ не важное.

А между тѣмъ дешевизна самаго растенія, дикой сорной травы, никогда не переставала искушать техниковъ, и они много разъ подъ вліяніемъ толчковъ, даваемыхъ промышленными кризисами, съ рвеніемъ принимались за изысканія способовъ обработки крапивныхъ стеблей. Такъ, въ періодъ времени съ 1862 по 1867 годъ, когда разразился по случаю гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ хлопковый кризисъ, американское правительство старалось всѣми мѣрами поощрить изысканія, направляемыя къ замѣнѣ хлопка какимъ-нибудь другимъ прядильнымъ матеріаломъ, въ томъ числѣ и крапивою. Повторялись эти попытки много разъ въ разныхъ странахъ, но до послѣдняго времени ни одна изъ нихъ не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ настоящее время, какъ можно думать по сообщеніямъ, появившимся въ технической литературѣ, эта старая и трудная задача, кажется, наконецъ разрѣшена удачно. Новый способъ обработки на волокно крапивныхъ стеблей выработанъ австрійскими техниками и составляетъ собственность вѣнской фирмы Крейссля и Зейберта. Способъ технически подробно разработанъ, испытанъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ и далъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

По этому способу изъ свѣжаго стебля крапивы послѣ его 8—10-часовой обработки получается вполнѣ хорошее, удачно отбѣленное, готовое на пряжу волокно, которое притомъ обходится такъ дешево, что его рыночная цѣна будетъ значительно ниже цѣны хлопка.

Крапива на волокно собирается дважды въ годъ: въ концѣ іюня и въ концѣ сентября. Жатва можетъ быть выполнена обыкновенной жатвенной машиной. Смотря по погодѣ, стеблямъ даютъ 2—3 дня подсыхать на полѣ; завядшіе стебли перестаютъ „жечься", такъ что ихъ смѣло можно брать въ руки; жжется только живое растеніе. Стебли „чешутъ" подобно льну, для удаленія вѣтвей и листьевъ. Оголенные стебли связываютъ въ пучки.

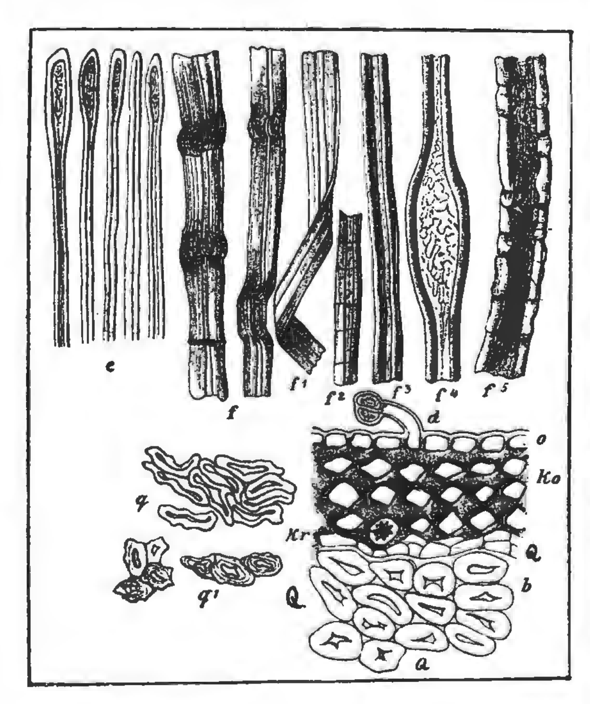
Такіе пучки грузятъ въ открытые котлы и полчаса варятъ въ слабомъ натровомъ щелокѣ (т.-е. водномъ растворѣ ѣдкаго натра). Отъ такой обработки ткань стеблей разрушается, и волокна отдѣляются отъ окружающей массы. По высушиваніи этого продукта, онъ вновь прочесывается на щеточныхъ валахъ, и тогда все постороннее отдѣляется отъ волоконъ, кромѣ пропитывающаго ихъ клеевого вещества. Въ этомъ видѣ волокно еще не годится въ дѣло, потому что клей придаетъ ему грубость и ломкость; оно можетъ быть немедленно пущено въ дальнѣйшую обработку или высушено и сложено на храненіе про запасъ. Дальнѣйшая же его обработка состоитъ въ новой варкѣ въ натровомъ щелокѣ, но на этотъ разъ въ герметически закрытомъ котлѣ и подъ сильнымъ давленіемъ (въ 15 атмосферъ). За обработкой щелокомъ слѣдуетъ промывка горячей водой, также въ закрытомъ котлѣ и подъ давленіемъ. Теперь большая часть примѣсей уже отходитъ отъ волокна, оно почти чисто и имѣетъ такой видъ, какъ показано на рис. 1 подъ буквою *c*. Новое кипяченіе въ щелокѣ подъ уменьшеннымъ давленіемъ (10 атмосферъ) удаляетъ послѣдніе слѣды примѣсей. Получается „обезклеенное" волокно, ровное, гладкое, блестящее, слегка желтоватое (*d* и *e*, 1). Тогда его отдѣлываютъ какимъ-нибудь обычнымъ способомъ, напр., обрабатывая хлорноватистокислымъ натромъ, при чемъ оно почти совершенно обезцвѣчивается, отнюдь при этомъ не утрачивая свойственнаго ему высокаго люстра (блеска). Дальнѣйшая обработка крапивнаго волокна — чесаніе и пр. — ведется такъ же, какъ и обработка всякаго иного прядильнаго матеріала.

Готовое крапивное волокно имѣетъ въ длину 25 — 30 мм. (вата—11—38 мм.), а въ толщину (или, правильнѣе сказать, въ ширину, потому что оно плоское)—около 1/20 мм. На рис. 2 (*Q*) оно представлено при увеличеніи въ 350 разъ. Волокна крапивы имѣютъ видъ лентъ, по внѣшности вообще похожи на хлопковое волокно. Кончики крапивныхъ волоконъ напоминаютъ ложечки; это, повидимому, можетъ служить характернымъ отличіемъ крапивнаго волокна: по крайней мѣрѣ никакое другое изъ числа употребительныхъ волоконъ такими кончиками не обладаетъ. Оно очень мягко, гладко, ровно, не отличается той деревянностью, какая свойственна пенькѣ, джуту. У него чудный шелковистый блескъ и очень высокая крѣпость, часто превышающая крѣпость пеньки.

Способъ Крейссля и Зейберта даетъ выходъ въ 13% чистаго волокна изъ стебля, очищеннаго отъ вѣтвей и листьевъ; впрочемъ, выходъ нѣсколько колеблется соотвѣтственно возрасту растенія. Ленъ и конопля даютъ выходъ волокна до 20%. Но крапива можетъ быть посажена гуще, и тогда получится, что съ одного и того же пространства обработанной земли крапива даетъ столько же волокна, какъ ленъ и конопля.

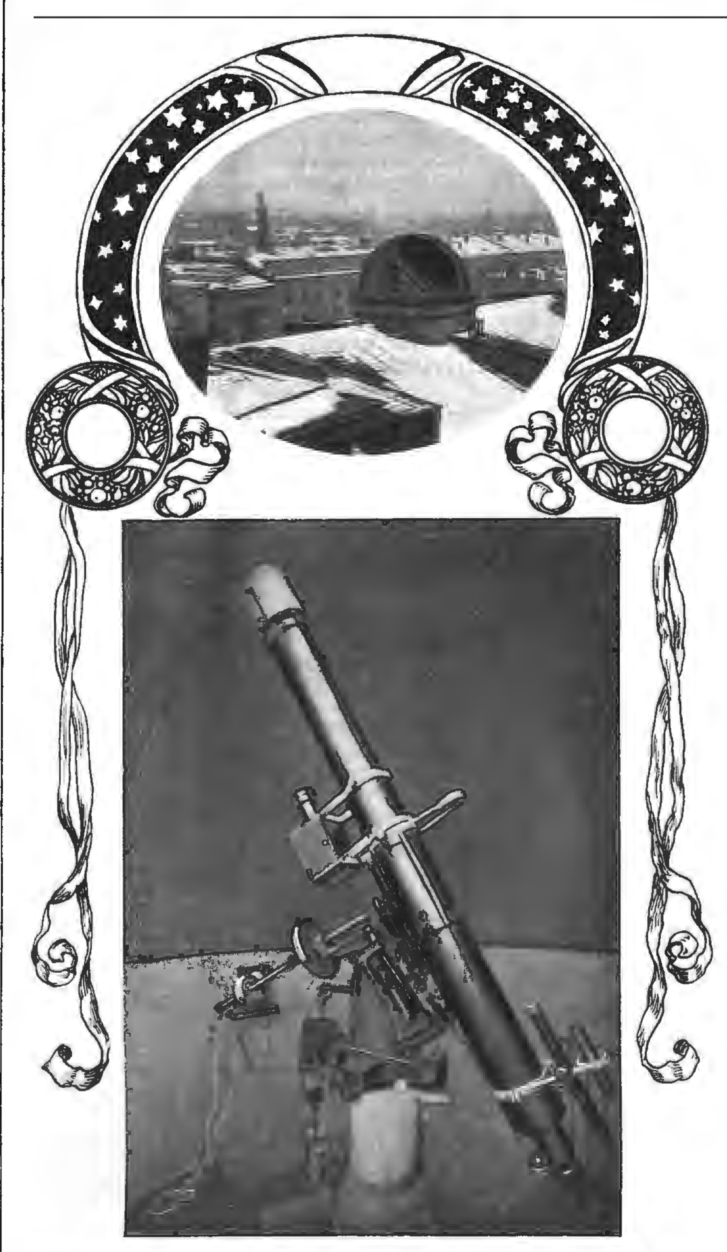
Опыты пряденія и тканья изъ волоконъ крапивы показали, что они вполнѣ пригодны на всѣ обычныя примѣненія волокнистаго матеріала. Они даютъ прекрасныя, крѣпкія швейныя нитки и всевозможныя ткани очень изящнаго вида и значительной прочности. Въ смѣси съ хлопкомъ и льномъ, они съ полнымъ успѣхомъ могутъ замѣнять шелкъ, для приданія ткани блеска. Знатоки дѣла предсказываютъ крапивѣ хорошую будущность.

Нечего и распространяться о томъ, что крапива, какъ дикорастущая сорная трава, при сколько-нибудь



Волокна крапивы. Увеличено въ 350 разъ.

*) Nessel — крапива, Tuch — сукно. Собственно слово Nesseltuch соотвѣтствуетъ нашему слову кисея.



Обсерваторія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. Общій видъ обсерваторіи. Семидюймовый рефракторъ Мерца.

заботливой культурѣ значительно улучшитъ свои качества. И теперь на жирной почвѣ она нерѣдко вырастаетъ до двухъ аршинъ въ вышину, а при правильномъ и заботливомъ уходѣ навѣрное дастъ стебли до сажени въ длину. Притомъ, какъ растеніе туземное по всему пространству Европы, она не потребуетъ ровно никакихъ особенныхъ заботъ и дорогихъ культурныхъ пріемовъ.

Русское Общество Любителей Міровѣдѣнія.

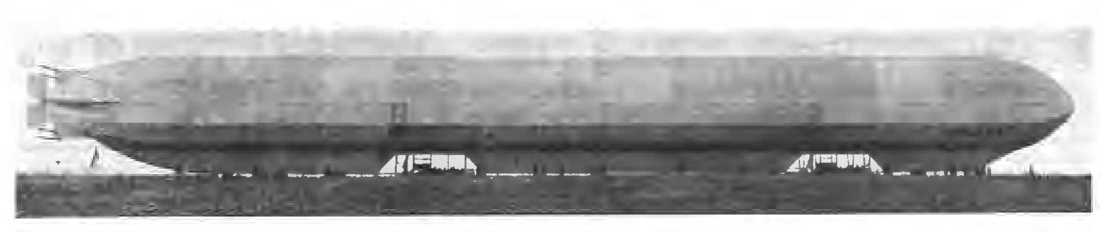
(Рис. на этой стр.).

Цѣлый рядъ блестящихъ научныхъ успѣховъ за послѣднія два десятилѣтія, совершившихъ, особенно въ физикѣ, цѣлые перевороты, пробудили и въ широкой публикѣ нѣкоторый интересъ къ наукѣ. У насъ, въ Россіи, появились искренніе приверженцы и любители міровѣдѣнія, и въ Петербургѣ уже пять лѣтъ тому назадъ образовалось цѣлое общество такихъ любителей, которые подъ именемъ „Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія“ соединились въ прочную организацію, имѣющую симпатичную задачу объединить всякихъ любителей физико-математическихъ знаній и содѣйствовать поднятію уровня и цѣнности ихъ научныхъ трудовъ. Возникшее изъ небольшого кружка лицъ, это Общество теперь насчитываетъ уже болѣе 220 своихъ сочленовъ, среди которыхъ на ряду съ обыкновенными лицами, просто интересующимися наукою, имѣются и нѣсколько лицъ съ дипломами докторовъ и магистровъ наукъ, не постѣснявшихся принять на себя званіе „любителя“ ради искренняго сочувствія благородному стремленію къ идеальному знанію.

Сообразно съ дѣленіемъ естествознанія, и Русское Общество Любителей Міровѣдѣнія раздѣляется на нѣсколько секцій, но до настоящаго времени въ достаточной мѣрѣ оно успѣло лишь развить секцію астрономическую, подъ предсѣдательствомъ адъюнктъ-астронома Пулковской обсерваторіи Г. А. Тихова, и физико-химическую, подъ предсѣдательствомъ профессора Б. Л. Розинга. Ежемѣсячно Общество устраиваетъ публичныя общія собранія, на которыхъ читаются научные доклады и рефераты по возможности въ болѣе или менѣе популярномъ изложеніи, демонстрируются приборы, діапозитивы, сообщаются научныя новости и пр. Эти общія собранія происходятъ въ помѣщеніи С.-Петербургской консерваторіи съ любезнаго разрѣшенія директора ея, А. К. Глазунова, почетнаго члена Общества. Собранія же секцій происходитъ въ физической аудиторіи С.-Петербургской біологической лабораторіи съ любезнаго разрѣшенія директора ея, С. И. Метальникова, также почетнаго члена Общества.

Для предстоящаго въ этомъ году полнаго солнечнаго затменія Николаевская Главная Астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ съ любезнаго разрѣшенія директора ея академика О. А. Баклунда снабдила Общество цѣлымъ наборомъ разныхъ инструментовъ. Астрономическая обсерваторія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія помѣщается въ Тенишевскомъ училищѣ. Находившіеся раньше на ней инструменты, принадлежавшіе училищу, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и особенно по качеству далеко не отвѣчали задачамъ даже скромнаго любителя, и потому, благодаря любезному содѣйствію проф. С. П. Глазенапа, С.-Петербургскій университетъ пришелъ на помощь Обществу, предоставивъ ему 7-ми-дюймовый рефракторъ Мерца, который и былъ водворенъ въ башню Тенишевскаго училища. Этотъ лежавшій безъ употребленія при университетской обсерваторіи прекрасный телескопъ собранъ, приведенъ въ порядокъ, вывѣренъ и установленъ самими членами Общества, которые еще добавили къ нему фотографическую камеру съ трехдюймовымъ объективомъ, контрольную трубу съ объективомъ въ $3^{1}/_{2}$ дюйма, камеру для окулярныхъ увеличенныхъ снимковъ и пр. Телескопъ поставленъ на параллактическій штативъ Готье съ очень точными кругами, часовымъ механизмомъ и микрометрическими движеніями обѣихъ осей. При немъ имѣется также прекрасный микрометръ Мерца съ позиціоннымъ кругомъ, спектроскопъ à vision directe и пр. Обсерваторія открыта не только для членовъ Общества, но и для посторонней публики.

Кромѣ того, вотъ уже третій годъ, какъ Общество имѣетъ свой печатный органъ „Извѣстія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія“, издающійся подъ редакціей члена со-



Первый французскій дирижабль „Шписсъ“ (Spiess) твердаго типа, на подобіе нѣмецкаго Цеппелина, сооруженный Обществомъ „Зодіакъ“ и носящій имя своего строителя эльзасца М. Шписса, перваго пропагандиста во Франціи твердой системы дирижаблей. Дирижабль „Шписсъ“—110 метровъ длины и $13^{1}/_{2}$ метр. ширины, емкостью—12.000 куб. метр., снабженный четырьмя пропеллерами, размѣщенными съ обѣихъ сторонъ, и моторомъ въ 360 лошадиныхъ силъ—произвелъ свой первый полетъ съ аэродрома въ Сенъ-Сирѣ, близъ Парижа, облетѣлъ Парижъ и вернулся въ свой ангаръ черезъ Шалонъ-Медонъ. На нашихъ снимкахъ изображены начало полета „Шписса“ и спускъ его на аэродромѣ въ Сенъ-Сирѣ.

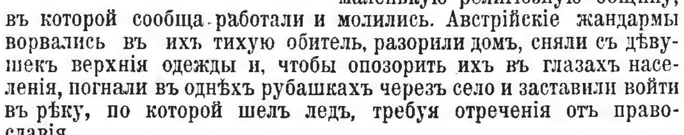
вѣта Д. О. Святскаго. Предсѣдателемъ Общества съ самаго его возникновенія состоитъ Н. А. Морозовъ, а секретаремъ—инженеръ путей сообщенія В. А. Казицынъ.

Религіозныя гоненія въ Австро-Венгріи.

(Политическое обозрѣніе).

Отсутствіе опредѣленнаго національнаго большинства въ Австро-Венгріи дѣлаетъ ее государствомъ, лишеннымъ внутренней опоры и устоя. Кромѣ господствующихъ въ политическихъ верхахъ нѣмцевъ и венгерцевъ, въ Австріи числится еще около пяти милліоновъ румынъ, трехъ съ половиною милліоновъ угроруссовъ, Галиція почти поровну населена поляками и малороссами, южныя провинціи заселены почти сплошь сербами и славянами, и вообще подавляющее большинство населенія имперіи принадлежитъ къ славянскому племени, которому въ имперіи Габсбурговъ предоставлена печальная роль гонимаго и нелюбимаго пасынка. Казалось бы, элементарное государственное благоразуміе повелѣвало бы австрійскому правительству для упроченія государства всѣми мѣрами устранять поводы къ внутреннему недовольству самой многочисленной части населенія—славянскаго большинства своихъ разноплеменныхъ подданныхъ, но именно по отношенію къ славянамъ австрійская политика пошла совершенно противоположнымъ путемъ. Паническій страхъ передъ сосѣдними славянскими государствами — могущественной Россіей и быстро крѣпнущей Сербіей—толкаетъ растерянныхъ вѣнскихъ политиковъ на безумную вражду и съ внѣшними и съ внутренними славянами. Именно на почвѣ этого безумнаго страха сложилось и выросло громкое дѣло о государственной измѣнѣ цѣлой толпы угрорусскихъ крестьянъ, перешедшихъ всей деревней изъ уніатства въ православіе. Сознаніе безсилія рождаетъ непомѣрную трусость и заставляетъ видѣть опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и тѣмъ самымъ создавать ее тамъ, гдѣ ея не должно быть. Нелѣпые страхи заставили австрійскую власть придать чисто религіозному движенію опасный политическій характеръ. Поворотъ къ православію въ русскихъ округахъ Австро-Венгріи дѣйствительно замѣчался уже давно, но до сихъ поръ не имѣлъ никакой политической окраски. Православіе было исконною вѣрою угроруссовъ, которую исповѣдывали съ незапамятныхъ временъ ихъ предки, но подъ давленіемъ австрійской власти многіе изъ нихъ были вынуждены принять тотъ компромиссъ православія съ католичествомъ, который называется уніатствомъ. Какъ это ни странно, толчокъ къ возвращенію на лоно православія послѣдовалъ вовсе не изъ Россіи, а изъ Америки. Дѣло въ томъ, что многочисленные выходцы изъ Австріи, попавшіе въ Америку въ поискахъ за заработкомъ, очутились тамъ безъ духовно-религіознаго руководительства: они не хотѣли обращаться къ католической іерархіи, а католическая іерархія не хотѣла признавать уніатскихъ священниковъ, считая самое представленіе о женатомъ ксендзѣ чуть ли не явнымъ кощунствомъ. Волей-неволей американскіе русины были вынуждены примкнуть къ православнымъ общинамъ и почувствовали въ нихъ нѣчто болѣе родное и близкое, чѣмъ уніатство. Такъ какъ американскіе угроруссы находятся въ безпрерывныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ своими венгерскими отцами и братьями, то немудрено, что движеніе къ православію, зародившееся еще за океаномъ, скоро перебросилось и на родину новообращенныхъ выходцевъ. Главный подсудимый мармарошскаго процесса священникъ Кобалюкъ, осужденный вмѣстѣ съ многочисленными подсудимыми угроруссами на многолѣтнее тюремное заключеніе, — одинъ изъ бывшихъ американскихъ эмигрантовъ. Онъ не преслѣдовалъ никакой политической цѣли, а только религіозную, исполняя духовныя требы среди своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Австрійскія власти подвергли ихъ мучительнымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Европа искренне возмущается преданіемъ суду цѣлой сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей за ихъ религіозныя убѣжденія при якобы гарантированной основными законами Австріи неограниченной свободѣ вѣроисповѣданія. Но несравненно ужаснѣе, чѣмъ судъ надъ невинными людьми, тѣ гоненія, которымъ ихъ подвергали до суда. Толкуя несогласіе на возвратъ къ уніатству, какъ бунтъ, австрійское правительство примѣняло къ „религіознымъ бунтовщикамъ“ самыя звѣрскія карательныя мѣры. Оно привело на постой въ ихъ деревни солдатъ, до тла разорило множество хозяйствъ, заключало жителей цѣлыми толпами въ тюрьмы, и пр., и пр. Двѣнадцать религіозно настроенныхъ русскихъ дѣвушекъ устроили въ лѣсу, въ дикой и пустынной мѣстности, что-то въ родѣ монастыря—маленькую религіозную общину, въ которой сообща работали и молились. Австрійскіе жандармы ворвались въ ихъ тихую обитель, разорили домъ, сняли съ дѣвушекъ верхнія одежды и, чтобы опозорить ихъ въ глазахъ населенія, погнали въ однѣхъ рубашкахъ черезъ село и заставили войти въ рѣку, по которой шелъ ледъ, требуя отреченія отъ православія.

Художникъ М. А. Демьяновъ. (1875—1913).



Не только вся иностранная, но даже и сколько-нибудь независимая венгерская печать глубоко возмущена раскрывшимися на судѣ пріемами управленія. Немудрено, что при такихъ порядкахъ, при массовыхъ истязаніяхъ за православную вѣру милліоны состоящихъ въ австро-венгерскомъ подданствѣ угроруссовъ дѣйствительно захотятъ присоединиться къ Россіи въ надеждѣ найти защиту и спасеніе отъ творимыхъ надъ ними насилій.

Содержаніе.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

ВѢСТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ. 2454

Дѣйствіе „Стомоксигена" я испытывалъ на моихъ паціентахъ, страдающихъ хроническимъ катарромъ желудка. Результаты поразительные. Признаюсь, что выписывая „Стомоксигенъ", я не вполнѣ былъ увѣренъ въ его столь чудодѣйственномъ значеніи, теперь же я въ этомъ убѣдился. У всѣхъ пользовавшихся Вашимъ препаратомъ значительно улучшилось пищевареніе. Стулъ менѣе твердъ и задержанъ. Д-ръ *К. Ю.* СПБ.

РЕЦЕПТЪ: Возьмите въ ближайшей аптекѣ или аптекарскомъ складѣ 2-хъ недѣльн. коробку „Стомоксигена д-ра Антона Мейеръ" и принимайте по 1 — 2 табл. три раза въ день, пока у васъ не установится правильное пищевареніе. *„Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ" абсолютно безвреденъ. Выздоровленіе получается полное.*

На каждой коробкѣ настоящаго Стомоксигена имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 29".

Если имя искажено или не написано полностью (Докторъ Антонъ Мейеръ), если въ адресѣ цифра измѣнена, то предъ Вами явная поддѣлка.

КРАСОТА

достигается отъ употребленія

МЫЛА „КОНЕКЪ" Цѣна куска 50 коп.

КРЕМЪ „КОНЕКЪ" Изъ молока лиліи. Туба 40 коп.

ПУДРА „КОНЕКЪ" Изъ молока лиліи. Ц. за короб. 1 р.

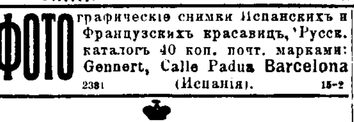
Юный и нѣжный цвѣтъ кожи лица и рукъ достигается вѣрно и быстро.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Содержитъ избытокъ жира нѣжна, держится хорошо на кожѣ, выгодна въ употребленіи, представл. собою среди другихъ косметич. препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ.

Главный складъ для Россіи: КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшен. № 10. 2461 16-1



ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, 'Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2381 15-2

2470

ДАВАЙТЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПЕРЕУТОМИВШИМСЯ СЛАБО СЕБЯ ЧУВСТВУЮЩИМЪ НЕРВНЫМЪ ВЗРОСЛЫМЪ и СЛАБЫМЪ ОТСТАЛО РАЗВИТЫМЪ ДѢТЯМЪ

ГЕМАТОГЕНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ

ИСПЫТАННОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО и ВЫ БУДЕТЕ ДОВОЛЬНЫ УСПѢХОМЪ. Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ: ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-РА ГОММЕЛЯ. Литература и брошюры съ отзывами врачей высылаются БЕЗПЛАТНО.

Заводъ ГЕМАТОГЕНА Д-ра ГОММЕЛЯ, СПБ., Смоленская, 33. 2129 13-3

Thüringisches **Technikum Jlmenau**

Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ. 2105 10-4

Дир. проф. Шмидтъ.

ГРЫЖА.

Всѣ страдающіе грыжей должны прочесть новое изданіе книги извѣстнаго парижскаго спеціалиста **А. Клавери:**

„КАКЪ ЛѢЧИТЬ ГРЫЖУ".

Въ этой научной книгѣ изложенъ драгоцѣнный способъ, какъ быстро и вѣрно можно устранить боли и всѣ непріятности, сопровождающія появленіе грыжи. Текстъ иллюстрированъ многочисленными анатомическими рисунками, которые наглядно показываютъ всѣ стадіи развитія этой мучительной болѣзни.

Чтеніе этой книги укажетъ больнымъ, какъ легко и просто можно получить немедленное облегченіе и скорое избавленіе отъ тягостной болѣзни.

Книга высылается за 2 7-ми копеечныя марки. 2429

А. КЛАВЕРИ, Москва, Петровка, д. 8, отд. 509.

Противъ **АСТМЫ** АБИССИНСКІЙ ПОРОШОКЪ и ПАПИРОСЫ

ЭКЗИБАРЪ

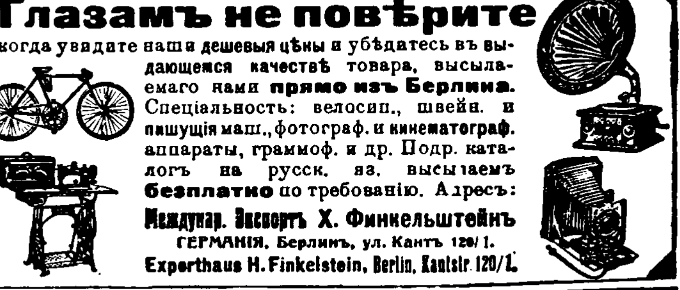
Вѣрное дѣйствіе! Немедленное облегченіе!

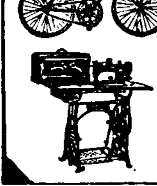
6, rue Dombasle, Paris, Oscar Heilling, Moscou, Pétrowka, 12 1478 15-10

ЕСЛИ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ НЕПРІЯТНЫЙ

зудъ кожи головы, видите осыпающуюся на ваше платье перхоть и замѣчаете постепенное порѣдѣніе вашихъ волосъ, непремѣнно прибѣгайте къ наилучшему спасительному средству: мойте почаще вашу голову, хотя бы два раза въ недѣлю, мыломъ за № 3374, противъ перхоти, провизора А. М. Остроумова, которое вы можете получить въ любой аптекѣ, аптекарскомъ или парфюмерномъ магазинѣ. 2484

Глазамъ не повѣрите





когда увидите наши дешевыя цѣны и убѣдитесь въ выдающемся качествѣ товара, высылаемаго нами **прямо изъ Берлина.** Спеціальность: велосип., швейн. и пишущія маш., фотограф. и кинематограф. аппараты, граммоф. и др. Подр. каталогъ на русск. яз. высылаемъ **безплатно** по требованію. Адресъ: **Междунар. Экспортъ Х. Финкельштейнъ** ГЕРМАНІЯ, Берлинъ, ул. Кантъ 120/1. Experthaus H. Finkelstein, Berlin, Kantstr. 120/1.

Sarg'a **KALODONT - КАЛОДОНТЪ**

необходимый

ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гонорройный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: **МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.**

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ".

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Луганскъ, 22/2—1913 г.".

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.".

2500 (1)

ТОЛЬКО

РЫБОЛОВНЫЯ

принадлежности. 2496 2-1

Спеціальный оптово-розничный складъ

т./д. „С. А. Малиновскій",

Москва, Рождественка, 8.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ на 1914 г. БЕЗПЛАТНО.

Оптовый каталогъ только для гг. торговцевъ.

ЗАЧѢМЪ ПЕРЕПЛАЧИВАТЬ!

Покупая часы у заграничныхъ фирмъ, которыя сами покупаютъ въ **Швейцаріи**. Всѣмъ извѣстно, что Швейцарія является главнымъ источникомъ фабрикаціи всевозможн. часовъ для всего свѣта. Поэтому рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ пріобрѣсти прочные часы съ вѣрнымъ ходомъ, выписать непосредственно только изъ нашего фабричнаго склада прямо изъ Швейцаріи часы „Хронометръ" глухіе съ 3 мя крышками изъ настоящаго **Швейцарскаго** золота, не уступающ. по виду настоящ. золот. въ 200 руб. Механизмъ часовъ Анкеръ (не цилиндръ), ходъ на 23 камн. **„Левевезибль"** изъ чистаго никкеля съ двойн. брегетовымъ волоскомъ, ремонтуаръ, заводъ разъ въ 40 час. Цѣны въ розницу оптовыя, т. е. **ТОЛЬКО 5 р. 25 к.**, 2 шт. **10 р.**, 4 шт. **19 р. 50 к.** Такіе же дамскіе глухіе цил. **5 р. 50 к.** Къ каждымъ часамъ **безплатно** прилагаются: 1 модная Швейцарская цѣпочка съ моднымъ брелкомъ и замшевый кошелекъ для часовъ. Просимъ гг. заказчиковъ обратить вниманіе на нашу фабричную гарантію на часахъ: **„Анкеръ на 23 камняхъ". Остерегайтесь поддѣлокъ!** Высылается налож. плат. и безъ задатка. Перес. вм. съ пошл. 50 к., Сибирь 80 к. Письмо въ Швейцарію оплач. 10 к. маркой, открытка 4 к.

Адр., который просимъ вырѣз. и наклеить крѣпко на конв. или откр. 2491

Я. П. Фишельсонъ, Швейцарія, Біель, 29. | I. P. Fischelsohn, Schweitz, Biel, Centralstr. 68.

ГАРАНТИРОВАННАЯ

надежно дѣйствующая

ПОМАДА ОТЪ ПЕРХОТИ.

Для полнаго уничтоженія перхоти достаточно втирать въ кожу эту Ауксолиновую помаду 2—3 раза (по одному разу въ день).

ЦѢНА 1 р. 25 к.

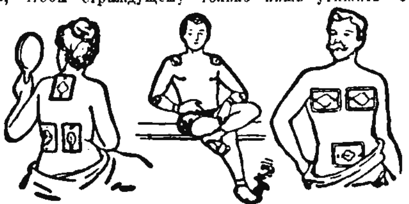
Ф. ВОЛЬФЪ И СЫНЪ.

Парфюмеры 1709 6-4

ВЪ КАРЛСРУЭ.

ТЫСЯЧИ избавлены

отъ ревматизма, болей въ боку, въ поясницѣ, въ спинѣ, отъ грудныхъ болѣзней, кашля и всякаго рода простуды, благодаря вѣрнѣйшему средству противъ такихъ болѣзней — **пластырю Бензона фирмы Сибури Джонсонъ.** Упорнѣйшія страданія безусловно устраняются въ нѣсколько часовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе пористые пластыри и подобныя средства требуютъ примѣненія ихъ въ продолженіе дней и недѣль, чтобы страждущему только лишь утишить боль.



Примѣненный немедленно при первыхъ же симптомахъ пластырь Бензона съ одного раза обыкновенно совершенно излѣчиваетъ и устраняетъ то, что впослѣдствіи могло бы развиться въ серьезную болѣзнь. Кому важно сохраненіе своего здоровья, долженъ всегда имѣть въ домѣ пластырь Бензона, который **очень горячо рекомендуется болѣе 5000 врачами.** Требуйте настоятельно пластырь Бензона **фирмы „СИБУРИ и ДЖОНСОНЪ"** и остерегайтесь поддѣлокъ. — Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

1725 10-9

Пластырь БЕНЗОНА

Питомникъ Ив. Ник. Глухова, г. Шацкъ, Тамб. губ., при селѣ Ялтуновѣ, предлагаетъ фруктовыя декоративныя деревья и ягодные кустарники въ милліонномъ выборѣ всевозможныхъ сортовъ, хорошаго качества, цѣны дешевыя. Требуйте прейсъ-курантъ.

Открыта подписка на журналъ

САМООБУЧЕНІЯ и САМООБРАЗОВАНІЯ

„ШКОЛА ДЛЯ ВСѢХЪ".

Журналъ даетъ познанія въ объемѣ средней школы и готовитъ къ различнымъ экзаменамъ, какъ-то: на аттест. зрѣлости, на аптекар. учен., на класс. чинъ, на учит. зван. и пр. и пр. Въ журналѣ, какъ ученые редакторы, принимаютъ участіе:

проф. С. А. Венгеровъ. Николай Ал. Морозовъ, проф. В. Н. Сперанскій, проф. Л. А. Чугаевъ, лекторъ Импер. Алекс. Лицея Р. А. Теттенборнъ, прив.-доц. Н. С. Державинъ, заслуж. орд. проф. Н. Н. Броуновъ, проф. А. І. Малеинъ, прив.-доц. Туръ и пр. и пр. (Подробн. списокъ будетъ объявленъ при первомъ №).

Подписная цѣна 12 руб. въ годъ. (52 № журнала и 26 книгъ приложеній).

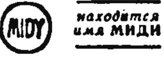
Допускается разсрочка въ 4 срока.

Первый № выйдетъ 1 Марта.

Деньги и запросы адресовать: С.-Петербургъ. Рижскій пр., 14—3, Конторѣ Журнала „Школа для всѣхъ".

Подробные проспекты высылаются безплатно. Нужны агенты. 2548 3-1

2113 12-7



СКЛАДЪ

Главныхъ Аптекахъ Россіи.

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получатъ отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни“**, сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Финзеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ нашъ діэтетическій наборъ Пульмана восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани**—и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ **не секретное** средство: онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя, согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни“, высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ.

9 5 Напишите только открытку съ указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 2835

2416 **ДЛЯ РАСШИРЕНІЯ ФИРМЫ И**

собранія кліентуры, мы опредѣлили изъ склада своей фабрики распространять **серебряные часы,** въ видѣ образцовъ. (Часы снабжены 42 наградами). Часы Анкеръ-ремонт., серебр., на 23 камн., съ 3 толст. крышк., серебр., механ.заводъ, разъ въ 46 ч., съ гарант. на 15 л. **Цѣна 4 руб. 55 к.**, перес. 45 к., въ Спб. 75 к. При заказѣ 3 шт. съ наличными или больш., перес. наша. 6 ш. въ видѣ перепродажи, съ наличными, получ. 1 час. и на 10 шт. 2 час. безплатно. Требуются агенты! адр.: Акц. общ. **А. І. Мягги, г. Ревель, — 5,** Estland.

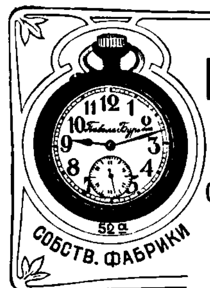
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностраннаго языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.“, Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец.** и **англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностр. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произвед. даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 р. (за налож. плат. 20 к.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:
ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ. (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив., и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно. 2435 2-1
Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.
Издательское Т-во „БЛАГО“. С.-Петербургъ, Николаевская, 44-20.
НУЖНЫ АГЕНТЫ.

АЛЕКСАНДРИТЪ Единственныи камень, мѣняющій цвѣтъ: днемъ зеленый, при вечернемъ освѣщеніи красный. Въ золотомъ кольцѣ, массивное, мужское, англійскаго фасона—ц. 15 руб. съ перес. **Александриты** въ дамскомъ 56 пр. кольцѣ фас. „Вѣтка“—ц. 10 руб. съ перес. у фирмы **„Драгоцѣнные камни“** А. Н. Насоновъ и Дочь Въ Екатеринбургѣ. Иллюстрированный пр.-курантъ выс. безплатно. 2480

Рекомендуемъ: „Нигризинъ“, краска безвр. растит. для волосъ и усовъ, безъ радужныхъ оттѣн. въ 1 фл., одноврем. укрѣпл., придаетъ блескъ и вызыв. ростъ волосъ. Ц. 1 р. 20 к. съ пер. Ж. Бзовскій, г. Бѣльцы.



2316 10-8

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., ГОРОХОВАЯ, 9.

2083 15-10

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (15)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

КУРСЫ

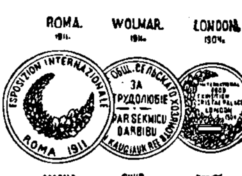
общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма.** АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ. НЕВСКІЙ, 92—11.

!!РУБЛИ ПО ЧЕТВЕРТАКУ!!

Вмѣсто 20 р. только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к.
6 стол. ножей сам. лучш. констр.
6 „ вилокъ „ „ „
6 „ ложекъ „ „ „
6 чайн. ложекъ „ „ „
1 большая разливн. ложка. 2438
1 ситечко для разливки чая. 3-1
Всего **26** шт. Этотъ комплектъ изъ мексиканскаго сер. стоилъ раньше 25 р., теперь же только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к. Мекс. сер. насквозь бѣл. металлъ, сохр. свой цвѣтъ въ теченіе 25 лѣтъ. Высыл. нал. плат. по почтѣ безъ зад. За перес. присчитывается въ Спб. 95 к., при заказѣ 3-хъ комплект. пересылка наша. Не понрав. — возвр. деньги. Адр.: **Лодзь, Торг. Дому ЛЬВА РУБАШКИНА. Н.**

LOTION DEQUEANT
ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Декангъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT,** Phien, 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и подѣлокъ. ***Продается вовсѣхъ лучшихъ магазинахъ.***



ЛОНДОНЪ 1904. ВОЛЬМАРЪ 1911. РИМЪ 1911. ROMA 1911. WOLMAR 1911. LONDON 1904.
БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. GRAN PREMIO. MAGNA AUREA. GUUR KULD. GREAT GOLDEN.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7. С.-Петербургъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1531 11)

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: **УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ**“ научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974, **Г. Давыдову.** 2444

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ

Высылаю почтой налож. пл. изъ собств. мастерской изготов. по прислан. мѣркѣ корсетъ послѣд. длин. фасон. на рогов. костяхъ и резинов. подвяз., скрадыв. полноту и дѣлающ. роскош. фигуру, въ разныхъ цвѣтахъ, 2) нарядный лифчикъ, богато отдѣлан. широк. и узкими кружев. и лент. бѣлаго мадапалама 3) нижн. шерстян. камлота, богато отдѣл. ленточками и плиссиров. во всѣхъ цвѣтахъ, всѣ 3 вещи только за 4 р. 60 к. Также высылаю роскошный гарнитуръ сорочка и панталоны хорош. мадапалама, отд. шитьемъ и прошивками, за 2 р. 15 к., за пересылку присчитываю 55 к., въ Сибирь разницу вѣсовыхъ; при требованіи товара на 10 р. и болѣе—пересылка наша. Укажите объемъ груди и таліи или номеръ носимаго корсета. Доброкачественность гарантирую возвратомъ денегъ. Адресуйте: 2453 2-1
М. Бабушкинъ, Лодзь, отд. 32. Н.

ФИРМА ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ. УДОСТОЕНА

по 4 р. 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. 9 р. по 85 к. 2 р. 50 к. по 60 к. по 5 р. 50 к.

ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБургъ. **И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29.
ОТДѢЛЕНІЯ: 1) Невскій, Гостин. дворъ 15. 2) Садовая 35. 3) Невскій 57.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

2341

2487 **СТРАУСОВЫЯ ПЕРЬЯ** 3-1
только за 1 р. 50 к. штука.

Страус. перо, черное или бѣлое, дл. 40 с/м., лучш. сортъ, дл. 50 с/м.—**2 р. 50 к.** Сортъ экстра — **3 р. 50 к. Прима— 4 р. 50 к.** Наши перья можно носить 10 лѣтъ, перекладывая съ одной шляпы на друг., и они всегда изящны. За перес. присчит. 55 к., въ Спб.—95 к. При заказѣ 3 шт. и бол. перес. наша. Высыл. почтой налож. плат. безъ задатка. Не понрав.—возвращ. деньги сполна. Адресъ: **Лодзь, торг. д. Льва Рубашкина. Н.**

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ

Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе, 30. 2242 6-5

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческ. образованіе. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ. Обширная программа. СТЕНОГРАФІЯ. Разсрочка. АТТЕСТАТЪ. Проспектъ безплатно. СПБ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи“ Р. 2438

МАРКИ

2467

ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ, БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ. Спеціальная торговля марками для коллекцій Спальве-Блумбергъ, Москва, Петровка, 10. Книжнымъ, писчебумажнымъ и табачнымъ магазинамъ отпускаю марки на комиссію.

ДЛЯ ОТЫСКАНІЯ РАДІЯ

снаряжаемой частной экспедиціи нужно 5000 руб. Стоимость радіоактивныхъ рудъ—колоссальная, лица, сдѣлавшія взносы отъ 100 р. до 500 р., въ случаѣ успѣха получаютъ громадный капиталъ. Изслѣдователь—неутомимый, опытный и съ загран. образ. инженеръ. За подроб. прос. обр. къ инженеру А. И. Скворцову, Москва, Останкино, Панинъ Лугъ. 2430

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя изделія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. Д. РОДЖЕРСЪ, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (1)

БЕЗПЛАТНО

высылается по первому требованію каталогъ книгъ и др. изданій, находящихся на складахъ „Дружескія Рѣчи“ и „Доброе Дѣло“. Требованія адресовать: СПБ., ул. Жуковскаго, № 24, отд. 10.

ВСЕ ЛУЧШЕЕ! ВСѢ НОВОСТИ!

ТРЕБУЙТЕ новѣйшій только-что вышедшій иллюстрирован. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ Оружейной фабрики А·Н·ЕВДОКИМОВА

Ижевскій Оружейный заводъ Вятской губ.

ТОРГОВЦАМЪ ОГРОМНАЯ СКИДКА. ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ №11

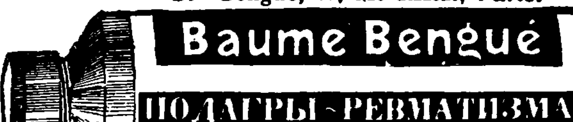
САМОЕ КОЛОССАЛЬНОЕ ПРОИЗВ. въ РОССІИ — ДО 10000 РУЖЕЙ НА СКЛАДѢ

ПРЕДСТАВ. для Россіи ПРОВ. Э. Н. ЮРГЕНСЪ, Волхонка 6, Москва. 2313 4-2

2 ПАРЫ БОТИНОКЪ

за 6 р. 75 к.

Мужск. или дамск. шнуров. новѣйш. фасона на шпильк. подошв., прочн. и элегант., стоющ. прежде 18 р. Кожа черн. или коричн. Указать № носимыхъ ботинокъ или № галошъ. Заказы исполн. налож. плат. безъ задатка. Пересылка 75 к., въ Сибирь 1 р. 15 к. Также высыл. лучш. сортъ за 7 р. 25 к. При выпискѣ 4 паръ сразу перес. наша. Непонрав. приним. обратно. 2505 Адр.: Лодзь, Б. 58. Въ складъ 3-1 „Лодзинскій Экспортъ“.



Депо во всѣхъ аптекахъ. 2143 3-6

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній — С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ — МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. 2216 18-7

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ.

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ. Адресуйте: ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Отд. Н. 1738 (6)

АФРИКАНСКІЯ СТРАУС. ПЕРЬЯ!

только 1 р. 60 к. штука. 10.000 страус. фантазіи высыл. безплатно!! Извѣстная африканская фирма, предст. которой я состою, поручила мнѣ, для скораго распростр. своихъ перьевъ въ Россія, продавать 100,000 шт. за ¼ часть ихъ стоимости. Изящное и пышное страус. перо 40 с/м. длин. вмѣсто 6 р. 50 к. только 1 р. 60 к. Лучш. качества длин. 50 с/м. вмѣсто 9 р.—2 р. 25 к. Самаго высок. качества, длин. 55 с/м. вмѣсто 13 р.—3 р. 25 к. Сортъ „Экстра“ длин. 60 с/м. вмѣсто 16 р.—4 руб. и 4 р. 50 к., цв. черн. или бѣлыя. Перес. 50 коп., въ Азіат. Рос. и Сиб. 95 к. При заказ. 3-хъ шт. прилаг. къ кажд. заказ. чудн. страус. фантазія посл. мод. соверш. безплатно. Адрес.: Генер. Пред. А. Маргулесу, Лодзь, центр. 562. М. 2. Непонрав. возвращ. деньги. 2474 2-1

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористаго шрифт. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к. СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. Цѣна съ перес. 1 р. ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арием. Ц. 40 к. съ пер. СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ, Невскій. 92—3.

Книги по архитектурѣ и строительному искусству.

Дерев. дома-дачи, съ 127 рис.—1 р. 50 к. Мотивы заборовъ, оградъ и палисадовъ, съ 32 рис. — 60 к. Современ. дачи и виллы, 8 таб.—60 к. Мотивы дерев. украшеній для дачъ, 8 таб.—60 к. Деревянныя лѣстницы, съ 100 рис.—50 к. Кровельные матеріалы, съ 138 рис.—1 р. 50 к. Мотивы дачной деревянной архитектуры, 12 таб., съ 222 рис. — 80 к. Мотивы садовой архитектуры съ 60 рис. — 1 руб. Проекты камен. домовъ-дачъ, 12 проектовъ—60 к. Проекты с.-хоз. построекъ: двор. помѣщ. дома, дерев. жилого дома, конюшни, овчарни, свинарни, птичника, коровника, конюшни съ карети. сараемъ, бани и прачечной, купальни съ раздѣвальн., молочной съ ледник., дерев. школы съ ночлеж. для учениковъ и квартирой для учителя—3 р. 50 к. Проектъ небольш. усадьбы, съ 3 таб.—60 к. Проекты дерев. домовъ-дачъ, 12 проектовъ—60 к. Современное дачное строительство, съ 134 рис.—1 р. 50 к. Мотивы современ. дачъ, 8 таб.—60 к. Детали и украшенія для деревян. домовъ и дачъ, съ 70 рис.—60 к. Обшивка дерев. домовъ-дачъ, съ 40 рис.—60 к. Мотивы фасадовъ и обстановки магазиновъ, съ 24 рис.—40 к. Портландъ-цементъ — 60 к. Строитель, руков. при постр. домовъ, съ 17 рис.—60 к. Постр. несгораемыхъ хуторовъ, съ 205 рис.—1 руб. Объ украшеніи зданій, съ 30 рис.—1 руб. Какъ выстроить домъ или дачу въ городѣ и за городомъ, съ 34 таб. и 154 рис.—1 руб. Мотивы кирпичной архитектуры, 2 выпуска по 60 к. Мотивы ворота и калитокъ—40 к. Садовыя бесѣдки, качели, мостики, 40 к. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА“, С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., 10 19. 2400 Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Каталогъ книгъ по архитектурѣ и строительному искусству высыл. безплатно.

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ!!!

2499 Мы настоятельно рекомендуемъ пріобрѣсти эти роскошные часы, котор. давно уже завоевали себѣ извѣстность во всѣхъ культурн. странъ. Часы эти считались до сихъ поръ антикварской рѣдкостью и продавались по 12 р. за штуку. Желая сдѣлать эти практ. часы доступн. для кажд., мы назначили цѣну этихъ часовъ съ 14 цѣнными предметами всего за 4 р. 75 к., а высш. сорта за 5 р. 50 к. 1) Часы мужскіе или дамскіе откр., съ фантаз. золочен. или посеребр. цифербл., съ механизмомъ высш. сорта, зав. головк. разъ въ 36 час., очень плоскіе, изъ металла наподобіе старин. серебра, въ стилѣ „Декадансъ“, съ штамповъ, разн. рисунк. (см. рисун.), никогда не теряютъ своего первоначальн. вида. 2) Цѣпь длин. настоящ. никел. или америк. зол. 2-хбортная. 3) Модн. брелокъ. 4) Кожан. портмонэ заграч. выдѣлки съ 6 отдѣл. 5) Каучук. штемпель съ имен., отчеств. и фамил. заказчика. 6) Флак. краски для штемп. 7) Бензин. зажигат., необх. всѣмъ курящ. 8) 6 запасн. камн. къ зажигат. (вмѣсто зажигат. съ камн. можетъ быть передв. штемпель-календарь на 10 лѣтъ). 9) Складн. заграничн. ножницы или загран. ножикъ съ 2-мя лезвіями. 10) Домашн. типографія около 120 русск. буквъ съ полн. приборомъ. 11) Модная спичечница. 12—15) Карм. туал. несессеръ съ 4 предмет. Съ такими же мужск. закрыт. час. на 1 р. 25 к. дороже. Часы высыл. лично провѣр. до минуты, съ письмен. ручат. за вѣрность хода на 6 лѣтъ. Высыл. налож. платеж. и безъ задатка. Пересылка 50 к., а въ Сибирь 80 к. Адресъ: Торгов. Фирмѣ Бр. Грозовскихъ, Варшава, Грибная ул., № 7-с. Д.

ЗАИКАНІЕ

КАРТАВОСТЬ. Лѣчебница К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва, ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. Условія безплатно. РУКОВОДСТВО къ самолѣченію—5 руб. съ пересылкой.

Заочные курсы

БУХГАЛТЕРІИ

условія и пробн. лекціи БЕЗПЛАТНО. 10-6 2255 Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Пахован или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 229

2-ое ИЗДАНІЕ КНИГИ:

Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,

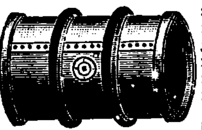
ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ, значительно дополненное, съ 23 рис.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія у автора: *Москва, Садовая-Тріумфальная, с. д.* 2497 2-1

ВЪ ОКЕАНѢ

сомнительной литературы, разсчитанной на низменные вкусы, мелькнула отрадной точкой новая книга: „Правда о бракѣ“ („Новая женщина и счастье вдвоемъ“). Глубина мысли, жизненность темы, увлекательное содержаніе, наконецъ—ясность изложенія на ряду съ изяществомъ изданія выгодно отличаютъ эту интересную и дѣльную книгу. 160 стр. Ц. 85 коп. Нал. плат. 1 р. Кіевъ. Фирмѣ „Другъ Семьи“, № 2.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ Г. РЮЛИНГЪ. Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья. (34) Прейсъ-курантъ безплатно. 2705

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

1671 Тысячи благодарностей. 6-1

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ

Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ“, въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“ высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на почтовые и другіе расходы — (заказнымъ 28 коп.; налож. плат. НЕ высылается) —

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.

Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ иногороднимъ письменные совѣты. Плата 50 к. Народный лѣчебникъ Деринкера, 4-е изд. Цѣна 1 р.

БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

Дороже денегъ

прейсъ-куранты Экспортн. Дома Культура, Берлинъ-Штеглицъ 119 Германія. Они открываютъ путь къ богатству. Высылаются торговцамъ безплатно, а съ образцами художественн. открытокъ за 20 коп. почтовыми марками. 2432

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, соб. д.

Вышелъ изъ печати **прейсъ-курантъ на сезонъ весны и лѣта 1914 г.**, который разсылается, по требованію, всѣмъ иногороднимъ **безплатно.**

2475 2-1

ГЛУХІЕ СЛЫШАТЪ!!

Благодаря поразительному научному открытію— возстанавливается слухъ, устраняется шумъ въ головѣ; въ нѣсколько часовъ это выдающееся изобрѣтеніе дѣлаетъ счастливымъ всякаго страдающаго глухотой. При этомъ не употребляется ни электричество, ни массажъ, ни какія-либо другія наружныя или внутреннія средства. Этотъ простой способъ понятенъ всякому и каждый можетъ примѣнять его безъ труда у себя на дому. **Результаты положительно чудодѣйственны!** Каждое лицо, страдающее тугоухостью, шумомъ въ ушахъ и т. п. будетъ приведено въ изумленіе этимъ удивительнымъ научнымъ изобрѣтеніемъ. Оно устраняетъ глухоту даже тогда, когда всѣ другія средства не принесли никакой пользы. Если Вы хотите узнать всѣ подробности объ этомъ изобрѣтеніи, то пришлите Ваше имя и адресъ и Вамъ будетъ выслана книга съ наставленіями и совѣтами

СТРАДАЕТЕ ГЛУХОТОЙ?

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.

Приложите 2 семикоп. марки на покрытіе расходовъ по пересылкѣ. 2472

ВСЕОБЩАЯ ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА,

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 42, отд. I. Н.

Духи „КЛИТІЯ“.

1617 Выдающееся произведеніе современной парфюмеріи. 10-9

ГЕНІАЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ, ПРОИЗВОДИВШЕЕ СЕНСАЦІЮ.

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ КАЖДАГО ВОЗРАСТА.

„Электра“ дѣйствительно формируетъ бюстъ, замѣняетъ малоразвитую грудь безъ вкладки ваты, резины и т. д. и безъ лѣкарства, возстановляетъ красивую фигуру, крѣпко сидитъ, и очень легко употребляется, по прилагаемому руководству, регулируетъ по желанію величину и форму груди. „Электра“ необходима при теперешней модѣ, **моется,** выгодна и легко сидитъ, и имѣетъ громадный успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ; болѣе 75.000 штукъ находятся уже въ употребленіи. Дамы цѣлаго свѣта восхищены „Электрой“, потому что посредствомъ нея **каждая дама получаетъ натуральный роскошный и прелестный бюстъ и привлекательную, миловидную фигуру.** Цѣна изъ отличнаго батиста съ кружев. 3 р. 75 коп., изъ наилучшаго шелка съ кружев., элегатн. 5 р. 50 коп., съ потовыми подмышниками на 75 коп. дороже.—**Особенно идеальнымъ изобрѣтеніемъ представляетъ собою новая модель „Электра“ съ выпрямителемъ,** который безо всякой тягости и затрудненія производитъ **выпрямленіе спины,** цѣна 6 р. 50 коп., съ потовыми подмышниками 7 руб. 25 к. **Перепродавщицы получаютъ скидку.**—Высылается по желанію дискретно наложеннымъ платежомъ безъ задатка, или при полученіи денегъ впередъ.—За пересылку причитывается 45 коп., въ Сибирь 85 коп. Исключительная продажа для всей Россіи у **И. Д. Якобсона, Лодзь, Св. Андрея, № 44.** 2485

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

1914 г. № 10. Выданъ 8 марта 1914 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 5.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ. 1743 39-8

18 с. янв. снят. арест. с кн. „От бурсы до снят. сана". Ц. 1 р. Треб.: Самара, уг. Урал. и Александ., пріют, М. Матюшенскому.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ заочно проф. мнем. С. Файнштейнъ, Одесса, Дерибасовская, 17/28.—Просп. выс. за 7 к. м. 2457

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русс. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2331 13-3

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ. Изданіе С. ЯЯМБОРЪ. Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл. 2169 (5)

ЯЗЫКИ на мнем. принц. преп. ЗАОЧНО проф. С. Файнштейнъ, ОДЕССА, Дериб., 17/28.—Просп. выс. за 7 к. м. 2440

SAGRADA BARBER (САГРАДА БАРБЕРЪ) УКРѢПЛЯЕТЪ ЖЕЛУДОКЪ СЛАБИТЪ ЛЕГКО и НѢЖНО. Настоящій только изъ аптеки св. Духа въ Вѣнѣ. 2205 20-4

ПЕРНОВЪ, КУРОРТЪ на Балтійскомъ морѣ, Лифл. губ. Пріятное морское купаніе и дачное мѣсто съ тѣнистыми бульварами и множествомъ зелени. Купальное заведеніе и водолечебница съ современнымъ устройствомъ. Собств. радіоактивныя морскія грязи и торфяныя ванны, углекислыя наугеймскія, разн. электрическія ванны, гидротерапевтическое отдѣленіе и пр. пр. Подроб. свѣдѣн. и просп. высыл. Перновская Купальная Комис.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ПРІЮТЪ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ. СПБ., Вас. Остр., 14 линія, д. 13. ЛѢЧЕНІЕ женскихъ болѣзней РАДІЕМЪ. Подробныя свѣдѣнія ежедневно отъ 10—12 ч. утра въ пріютѣ. Директоръ Д-ръ мед. К. ВИДЕМАНЪ. 2575 8-1

Новыя книги К. ЧУКОВСКАГО. (Только-что вышли). 2574

„Лица и маски". Изд. „Шиповника". СПБ. 1914. Цѣна 1 р. 50 к. **Содержаніе:** Оскаръ Уайльдъ.—Футуризмъ.—Джекъ Лондонъ.—Чарская.—Новыя Слова.—Тарасъ Шевченко.—Вс. Гаршинъ.—З. Н. Гиппіусъ.—Ал. Н. Толстой.—Некрасовъ и модернисты.

Книга о современныхъ писателяхъ. Изд. „Шиповника". СПБ. 1914. Цѣна 1 р. 25 к. **Содержаніе:** А. Вербицкая.—В. В. Розановъ.—Өедоръ Сологубъ.—Алексѣй Ремизовъ.—С. Сергѣевъ-Ценскій.—Максимъ Горькій.—Вл. Короленко.

La Corrida PARFUM ULTRA PERSISTANT. PARFUM POUDRE LOTION SAVON 18 PLACE VENDÔME PARIS. ED. PINAUD 18 PLACE VENDÔME, PARIS

Карлъ Ивановичъ ВАГНЕРЪ,

Садовое Заведеніе и Сѣмянная Торговля въ Ригѣ, существуетъ съ 1816 года. Почтовый ящикъ № 78, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что *иллюстриров. каталоги сѣмянъ, георгинъ, шпажниковъ и пр. на 1914 г.* изданы и высылаются по требованію безплатно. 2350 4-1

Кюрасо ШИПР БАРДИНЭ

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris. Baume Bengué ПОДАГРЫ-РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГІИ Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к. Депо во всѣхъ аптекахъ. 2141 33-10

ДЕНЬГИ

БОЛЬШІЯ ТЕПЕРЬ ПЛАТЯТЪ за нѣкоторыя монеты съ 1425 до 1913 гг., которыя попадаются случайно каждому, но по незнанію Вы старинныя—бросаете, а новаго чекана передаете и этимъ лишаетесь той пользы, которую бы могли имѣть. Напримѣръ, платятъ за **мѣдныя:** 1, 2, 3 и 5 к. 1871 г. СПБ., по 15 р., 5 к. 1740 г. п. 200 р., 10 к. 1760 г. 20 р., за кв. руб. 1726 г. 1000 р., за **серебряныя:** 5 к. 1904 г. А. Р. 30 р., 50 к. 1845 г. п. Н. 40 р., 1 р. 1825 г. п. К. 900 р., за **золотыя:** 5 р. 1907 г. 100 р., 15 руб. 1895 г. 60 р., за **платиновыя:** всѣхъ год. плачу въ 6 разъ больше ихъ стоимости. Монетъ болѣе 2.000 названій.

Многіе удивляются, почему **теперь такъ** цѣнятся нѣкоторыя монеты, а иные даже съ недовѣріемъ относятся къ оцѣнкѣ старинныхъ монетъ. Считаю долгомъ разъяснить, что есть много любителей, собирающихъ коллекціи старинныхъ денегъ. Въ прежнее время эти коллекціонеры могли недостающія монеты отчеканить въ Монетномъ Дворѣ (по особому разрѣшенію), теперь же этотъ способъ **запрещенъ,** и деньги искать приходится по всей Россіи. Существуетъ уже много магазиновъ, которые занимаются исключительно покупкою и продажей старинныхъ монетъ. Обыкновенно эти магазины разсылаютъ своихъ агентовъ въ провинцію, и тѣ скупаютъ цѣнныя монеты за самую ничтожную сумму, а другіе прибѣгаютъ къ такому способу: разсылаютъ безплатно листки, въ которыхъ цѣны уменьшены въ 20—50 разъ. И въ самомъ дѣлѣ, каждый съ удовольствіемъ возьметъ рубль—два за какую-нибудь ненужную ему завалявшуюся монету, не зная того, что за нее можно получить 50—200 рублей и даже больше. Чтобы устранить это зло и дать болѣе точную и справедливую расцѣнку монетамъ, чѣмъ разсылаемые безплатные листки, мною издано доступное для каждаго и самое точное руководство въ видѣ альбома въ 18 таблицъ **съ рисунками монетъ,** служащее къ собиранію на десятки лѣтъ монетъ мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ и платиновыхъ съ 1425 по 1913 г.г. съ указаніемъ адресовъ фирмъ и любителей, покупающихъ монеты. Покупаю лично и я, но со скидкою 10% комиссіонныхъ.

Высылается альбомъ за 75 к. (можно марками), нал. плат. за 90 к. Выписывающіе 3 альбома, 4-й получаютъ безплатно. Предложеніе серьезное. Масса благодарностей. Остерегайтесь подражателей, восхваляющихъ свои изданія передъ таблицами, а также безплатныхъ листковъ. Копія съ 2-хъ таблицъ для наглядности воспроизведены здѣсь (уменьшены въ 8 разъ). Коммерческой цѣли не преслѣдую, а иду навстрѣчу публикѣ, 6-ое изданіе издалъ **съ рисунками монетъ,** добавивъ монеты до-Петровскаго періода, т.-е. съ 1425 года, не повышая цѣны на таблицы, а также желающимъ высылаю юбилейные рубли въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ (1613—1913 г.г.) по 2 руб. съ пересылк. за штуку, нал. пл. на 20 к. дороже. Въ таблицы вошли всѣ существующія монеты. Лично принимаю отъ 6 час. вечера: **СПБ., Звѣринская, д. № 9, н. кв. 30. Владиміръ Васильевичъ Низовцевъ.** Книгопродавцамъ особая уступка.

Рѣдкія мѣдныя монеты.

Рѣдкія серебряныя монеты.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 10 | г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 8 марта 1914 г. — **Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р.** — Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранiя сочиненiй В. Г. Короленко“ кн. 5.

М. Курилко. **Маленькiй Колумбъ.** Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академiи Художествъ.

Несѣкомая пуповина.

Разсказъ **Алексѣя Ремизова.**

(Окончаніе).

Была та изводящая скука, безъ которой немыслимо себѣ представить прославленнаго курорта. Миропія Алексѣевна, проходившая курсъ карлсбадскаго лѣченія, цѣлый день занята была всякими источниками, ваннами и лежаніемъ съ грязевымъ мѣшкомъ, но Павочка, которой волей-неволей пришлось подчиниться общему режиму и даже ни свѣтъ ни заря подыматься, первое время очень пріуныла. И ее нисколько не занимали чудесные разсказы о чудодѣйственныхъ источникахъ—пьющіе цѣлебную воду будто бы теряли въ вѣсѣ чуть ли не по пуду ежедневно!—и не менѣе чудесная повѣсть о Петрѣ, какъ нашъ царь-градарь высиживалъ въ огненной шпруделевой ваннѣ не много, не мало круглыя сутки, тѣмъ и лѣчился: ее не удивлялъ и старый еврей—карлсбадское чудо—вотъ уже пятнадцать лѣтъ выпивавшій этого самаго шпруделя по шестьдесятъ стакановъ въ день и безъ всякаго стѣсненія; она скучала отъ пуповской музыки, симфоническихъ концертовъ и гранатныхъ магазиновъ. Всѣ, кромѣ нея, дрожали надъ своими кружками, и въ этихъ кружкахъ было все.

Но и для Павочки, хоть и въ послѣднюю недѣлю, а нашлось развлеченіе: появились родственники и знакомые, и притомъ такіе, какъ и Павочка, пріѣхавшіе не совсѣмъ для лѣченія, и ужъ восхищающихся оказалось столько, сколько и не мечталось, а вѣдь для Павочки въ этомъ была своя кружка, и бо́льшаго развлеченія ей не понадобилось.

А что́ же Иванъ Александровичъ, такъ-таки она его и забыла?

Ну, зачѣмъ забывать?—ничуть: все-таки поклонники ея были самыми обыкновенными поклонниками, а Иванъ Александровичъ—лунатикъ, она этого не могла забыть, она его не забыла, ну и не вспоминала.

Когда Павочка была гимназисткой, она водила за собой цѣлую стаю... и кто только въ нее не влюблялся, да и невозможно было пройти равнодушно—одно ея личико въ такомъ нѣжномъ, тонкомъ пушку, а вздернутый носикъ такой задорный, и знамечко тутъ на шейкѣ, и коса до колѣнъ, и такая она вся румяная, лѣтомъ отъ солнца, зимой отъ мороза, и такая радостная своей юной радостью и оттого, что хвостъ за нею влюбленный, и она во всѣхъ влюблена, и притомъ на все надо такъ выхитриться, чтобы не замѣтили ни классная дама ни начальница. Но это не все,—помните, какъ Павочка умѣла ходить?—она какъ-то особенно, по-своему переставляла ноги, думала, очень изящно,—возможно, и было изящно, только совсѣмъ это изъ другого. Когда ей пришла въ голову мысль ходить такъ особенно, такъ по-своему переступая, случилось на первыхъ порахъ несчастье—она поскользнулась передъ окнами своей симпатіи—гимназиста и упала въ лужу; еще слава Богу, что отдѣлалась слезами, а могло бы кончиться чѣмъ и похуже. Теперь-то, будьте покойны, не поскользнется, а иначе и ходить не можетъ, какъ только такъ, такъ переступая по-своему. И отъ этой рискованной ея походки поклонниковъ у нея еще прибыло. Каждый гимназистъ обязанъ былъ дать ей свой серебряный гербъ, и съ какой радостью показывала она полную шкатулку, и, кажется, не было герба, который не считалъ бы своимъ счастьемъ попасть въ Павочкину шкатулку!

Подруги Павочку любили: Павочка и веселая, Павочка и пѣвунья, Павочка и проказница—и разсмѣшитъ и чѣмъ угодно представится! Всякій день передъ уроками собираются гимназистки въ большую залу на молитву, Павочка—съ камертономъ, она даетъ тонъ и управляетъ хоромъ: она ударитъ камертономъ себѣ по пальцу, поднесетъ къ уху, пропоетъ тихонько: до-ля-фа!—и начинаютъ „Отче нашъ“, и опять ударитъ камертономъ себя по рукѣ, поднесетъ къ уху и ужъ пропоетъ тихонько: рэ-си-соль!—и хоръ поетъ „Преблагій Господи!“ Павочка управляетъ и въ то же время строитъ самыя такія рожи и подсмѣивается, смѣшитъ хоръ—ей-то ничего, она спиной стоитъ къ начальницѣ, это хоръ у всѣхъ на глазахъ!—и она знай смѣшитъ, и тогда смѣшитъ, когда и управлять не надо въ концѣ молитвы; затѣмъ, обернувшись къ иконѣ, истово крестится и кланяется низко, а зато и считаетъ ее начальница благочестивой. И всякое воскресенье по тому же благочестію своему Павочка ходила въ гимназическую церковь—ей было весело переглядываться и перемигиваться съ гимназистами, а какъ пріятно видѣть столько, столько восхищенныхъ глазъ!

Павочка любила кружить и кружила, но трагическихъ происшествій отъ этихъ круженій никакихъ не бывало: подъ поѣздъ никто не ложился. Съ Павочкой бывало весело, съ Павочкой не соскучишься, а надоѣстъ—уходи, твое мѣсто пустовать не будетъ, и тебя не вспомнятъ...

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ! Но куда ему что́ знать,—онъ былъ полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Съ Корявкой, теперь неразлучнымъ, онъ строилъ счастливые планы, какъ женится, конечно, на Павочкѣ, и какъ наступитъ у нихъ райская семейная жизнь. Онъ присмотрѣлъ квартиру, и не по газетному объявленію и не черезъ контору, а по своему глазу и на свой вкусъ вмѣстѣ съ Корявкой, присмотрѣлъ очень подходящую въ новомъ достраивающемся домѣ на Каменноостровскомъ: тутъ имъ будетъ и къ островамъ поближе и къ Ботаническому саду, а мостовъ ни онъ ни Павочка не боятся, это Корявка боится; ну, ничего, Корявка перебоится,—и все обойдется; притомъ же Корявка не всякій день, а лишь по праздникамъ будетъ приходить къ нимъ на Каменноостровскій обѣдать. Присмотрѣлъ и обстановку—было бы благоразумнѣй загодя теперь же все и купить, а то осенью цѣны подымутся, осенью всякому нужно, и цѣна кусается, да такъ и хотѣлъ сдѣлать, но Корявка отсовѣтовалъ: будто бы гдѣ-то на углу Симеоновской и лучшую и дешевле можно будетъ купить впослѣдствіи. Этотъ Корявка! Выбралъ обручальныя кольца и заказалъ себѣ перстень: будетъ фамильнымъ—на трое колотъ, на четверо строганъ и золотомъ наливанъ,—вотъ какой! А Корявкѣ посулилъ часы съ кукушкой—завѣтная мечта Корявки!

Всякій день, возвращаясь со службы, заходилъ Иванъ Александровичъ на Французскую набережную справиться, нѣтъ ли какихъ вѣстей. Въ свою очередь, и Корявка ежедневно справлялся. Вѣсти были самыя благопріятныя: скоро!

Частенько Иванъ Александровичъ писалъ Павочкѣ письма, но отвѣта не получалъ. Или не доходили его письма? Безотвѣтность начинала смущать. Но утѣшилъ Корявка. Корявка все знаетъ и не такой, чтобы сказать нитунисъ *): во-первыхъ, что сановники—что́ дамы, и не обязаны отвѣчать,—это правило вывелъ Корявка изъ опыта великихъ людей и, должно-быть, изъ собственнаго... О сановникахъ я не знаю, что́ же касается дамъ—клевета, ибо нѣтъ на свѣтѣ такого Корявки, который не получилъ бы отъ дамы и не одинъ, а дюжину самыхъ сердечныхъ отвѣтовъ,—ну, ладно, а, во-вторыхъ, какіе же могли быть отъ Павочки отвѣты, когда все было ясно!

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ... Павочка его даже и не вспоминаетъ! У нея столько теперь, столько всякихъ новыхъ поклонниковъ, о комъ она хоть одну минутку подумать соберется—они съ нею, близко, ихъ она видитъ, а вѣдь Иванъ Александровичъ Богъ знаетъ гдѣ, такъ отъ нея далеко, а такъ на разстояніи она не привыкла и не можетъ, у нея такая ужъ душа близкая. Конечно, она его никогда отъ себя не отгонитъ, въ этомъ онъ можетъ быть покоенъ; она не отгонитъ, если бы даже вдругъ оказалось, что онъ не лунатикъ: она никого отъ себя не отгоняетъ, и самому Корявкѣ нашлось бы при ней мѣсто, и будь Корявка посмѣлѣе и рѣшись, да она и о Корявкѣ хоть и одну минутку, а подумала бъ такъ. Замужъ, конечно, ни за Корявку ни за Ивана Александровича Павочка не пойдетъ,—за Ивана Александровича замужъ?! Да и Миропія Алексѣевна едва ли найдетъ подходящимъ, Миропія Алексѣевна ужъ давно про себя рѣшила, за кого ей Павочку выдать, и тутъ она не ошибется—Миропія Алексѣевна племянницу свою, какъ родную дочь, любитъ, у Павочки отецъ умеръ, а мать ея въ Орлѣ съ сыномъ, Павочка все у тетки, Павочка для Миропіи Алексѣевны, какъ своя. Павочка выйдетъ замужъ, она будетъ

*) Ни то ни се.

блестящимъ украшеніемъ семейнаго очага, а вѣдь для Ивана Александровича... сами понимаете, какъ онъ любилъ!—эта любовь его къ Павочкѣ, по словамъ Корявки, была какъ желѣзо къ магниту.

Вотъ онъ, въ первый разъ полюбившій, и эта любовь не та... у цыганскихъ шатровъ къ Машѣ. Тутъ его словно связало, больше!—срастило съ нею, съ существомъ ея, и онъ нераздѣленъ съ нею, какъ нераздѣленъ еще не родившійся ребенокъ съ матерью, и никакой оскордъ *), никакая сѣкира не отсѣчетъ его, развѣ смерть? Или и смерть тутъ не можетъ, и съ концомъ ничего не кончится?

— Алексѣй Тимоѳеевичъ, ты понимаешь?

Еще бы! Не понять Корявкѣ! Корявка по его собственнымъ тайнымъ думамъ о себѣ былъ наполненъ премудрости, аки злата и бисеру изнасыпанъ и разумомъ смысленъ, Корявка могъ становиться на всякую точку зрѣнія и сочувствовать всякимъ чувствамъ, и самымъ противоположнымъ.

— Вотъ вы и женитесь, Иванъ Александровичъ.

— У меня, Алексѣй Тимоѳеевичъ, такое чувство, будто всякій день Вербное воскресеніе... Всякое утро я встаю съ этимъ чувствомъ вербнымъ, а вотъ закрою глаза—и будто я гдѣ-то въ саду: осень—послѣдніе цвѣты... георгины.

— Женитесь, Иванъ Александровичъ, дѣточки у васъ пойдутъ.— Корявка, пряменькій, маленькій смотрѣлъ съ восхищеніемъ.

— Назову я старшаго Александромъ, а второго Святославомъ, а третьяго...

— Маленькіе, толстенькіе они такіе.

— А третья будетъ у меня дочка—Павочка. Я, Алексѣй Тимоѳеевичъ, вѣрую въ Бога, Богъ меня любитъ вотъ я и не думалъ о такомъ счастьѣ, а Богъ и послалъ.

— Все отъ Бога, Иванъ Александровичъ.

— Старшій, Александръ, будетъ у меня богатырскаго сложенія, вотъ какой!

— Александръ Великій!—Корявка тянулъ себя за свою козью бородку.—И я, какъ Сенека, Иванъ Александровичъ, буду ему служить.

— То-есть...

— Сенека, Иванъ Александровичъ, всегда былъ Сенека, великій учитель. При святомъ князѣ Владимірѣ—Несторъ Лѣтописецъ, при Петрѣ Великомъ — Арапъ, при Александрѣ Македонскомъ—Сенека находился.

*) Сѣкира.

— Будетъ онъ у меня министромъ, съ докладомъ будетъ ѣздить къ государю, а я такъ около съ палочкой. Скажетъ онъ: папа!

— Маленькіе они, толстенькіе... Я дѣточекъ очень люблю, Иванъ Александровичъ.

— Со временемъ и тебя, Алексѣй Тимоѳеевичъ...

— Нѣтъ, Иванъ Александровичъ, скажу вамъ, какъ передъ Богомъ, я жениться не думаю, я такъ какъ-нибудь ужъ. Вы, Иванъ Александровичъ, человѣкъ сложный, вамъ все можно.

Корявка не хочетъ жениться! Удивительное дѣло! И какъ такъ можно не хотѣть жениться, когда вотъ онъ, Иванъ Александровичъ, только и думаетъ объ этомъ, только этого и ждетъ, только и видитъ себя...

— Нѣтъ, Алексѣй Тимоѳеевичъ, ты—ненормальный человѣкъ, тебя надо лѣчить, вотъ что!

Корявка хихикалъ. Корявка все понимаетъ. Корявка соглашался. Корявка понималъ, что отъ любви дурного ничего не можетъ выйти, и совѣтъ Ивана Александровича благой, и онъ готовъ итти къ доктору лѣчиться.

Иванъ Александровичъ обалдѣвалъ.

Корявка поддавался: Корявкѣ тоже помечтать хотѣлось,— служба вѣдь назначена ему была безнадежная, а жизнь, какъ служба.

И оба они дурачились.

— Ты меня, Алексѣй Тимоѳеевичъ, называй Балда Балдовичъ, а я тебя Сенекой.

Пряменькій, маленькій Корявка важничалъ:

— Балда Балдовичъ!

— Сенека!

Н. Иванова. Горе. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

И ужъ не Иванъ Александровичъ Галузинъ, надворный совѣтникъ,—Балда Балдовичъ, и не Корявка, а Сенека плутали по Петербургу. И не поймешь со стороны, чего это ихъ разбираетъ,— ну, одинъ отъ любви, а другому что? Странные вы, да вѣдь и Корявкѣ, хоть онъ и все понималъ, ему тоже хотѣлось любви. И вотъ, изъ любви вышедшіе на свѣтъ, зашатались по Петербургу Балда Балдовичъ и Сенека. Любовь все сотворитъ, чего сердце захочетъ. И однажды Корявка затащилъ Ивана Александровича на Лиговку къ какимъ-то своимъ знакомымъ Грудинкинымъ, и тамъ Иванъ Александровичъ—Балда Балдовичъ, себѣ не вѣря, вдругъ заговорилъ громко и лихо танцовалъ и былъ глагольливъ, что вергасъ, а Корявка—Сенека, къ ужасу своему и противъ всякой воли, пѣлъ пѣсни, и выходило ничего.

По утрамъ за чаемъ, читая газету, Иванъ Александровичъ безполезно добивался, а понять все-таки никакъ не могъ, какъ это возможно, чтобы кто-то кого-то убилъ, или кто-то рѣшился на самоубійство, и было ему непонятно, что люди ссорились и

М. Курилко. Смерть св. Вацлава. Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

бранились, вели войны и революціи, —онъ больше не находилъ въ себѣ другого чувства, кромѣ одного. И когда въ архивной комнатенкѣ онъ жаловался Корявкѣ, что ничего не понимаетъ и потерялъ нить событіямъ жизни, Корявка, и самъ понемножку терявшій эти нити, говорилъ восхищенно, съ восхищеніемъ глядя на обалдѣвшаго друга.

— Иванъ Александровичъ, — говорилъ Корявка:—да вѣдь вы... несѣкомую пуповину мірозданія! Иванъ Александровичъ! Я скоро для васъ такое сдѣлаю, что во всѣхъ газетахъ напишутъ!

IV.

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался. Эта страсть восхитительная есть въ каждомъ. А есть и другая... есть такіе, которымъ надо, и не могутъ они не восхищаться: восхищеніе—это ихъ жизнь, это главное, безъ чего и жить не стóитъ. Посмотрите въ театрахъ, въ собраніяхъ, въ аудиторіяхъ, сколько увидите этихъ восхищенныхъ глазъ, по призванію восхищенныхъ, а всѣ эти мироносицы съ своимъ горящимъ неусталымъ огонькомъ, какъ часто оскорбленныя и униженныя, но преданныя до гроба своему идолу. Будь Корявка женщиной, записали бы его въ мироносицы. Я уже поминалъ о его непонятномъ за мной хожденіи и даже нехорошо обмолвился: „подлецъ, — сказалъ я:—Корявка!"—и это съ сердца,—поймите, вѣдь у меня съ нимъ свои счеты, и я полагаю, что надувательство его, ей-Богу, такого стóитъ. Но скажу правду, случись мнѣ подъ клятвой свидѣтельствовать объ Алексѣѣ Тимоѳеевичѣ, я бы дурного сказать ничего не нашелъ: Алексѣй Тимоѳеевичъ, пока восхищеніе наполняло его сердце, бывалъ преданъ и вѣренъ, и можно было въ чемъ угодно на него положиться, не выдастъ... другъ вѣрный.

Корявка—человѣкъ недобычный, и служба его въ департаментскомъ архивѣ безнадежна. И во всемъ въ немъ что-то было безнадежное: вотъ и пряменькій онъ, а сюртукъ—воротъ сзади вѣчно угломъ торчитъ безнадежно. А съ безнадежностью что-то и жалкое тутъ вотъ въ этомъ углу, гдѣ сходятся лучи глазные и носъ и губы.

Когда подъ вечеръ стоишь на людномъ перекресткѣ гдѣ-нибудь у Литейнаго на Невскомъ и ждешь трамвая, Корявка переходитъ улицу—и хоть пряменькій, и все на немъ прилично и аккуратно, но и до жалости ветхо... зимняя эта шапка его барашковая—коломъ,—я помню, еще когда говорилъ, что двадцать лѣтъ носитъ! Корявка домой пробирается на свою Рождественскую, тамъ у него и комната,—квартиру держать Корявкѣ не по средствамъ. И мнѣ всегда какъ-то жалко и какъ-то стыдно, что вотъ у тебя и галстукъ, какъ галстукъ, и ни въ одной полоскѣ до-бѣла не вытертъ, и ты, какъ ни какъ, а въ условіяхъ лучшихъ, ну, хоть вечеромъ самоваръ у тебя поетъ, и лампадка тамъ тихо свѣтится, ты въ своемъ углу, а онъ—въ полупроходной комнатенкѣ, и вѣчные за стѣною гости и разговоры и пѣсни. Я знаю, жалостью моей ничего не поправишь, и никому отъ нея не станетъ легче, я знаю, я знаю—и не могу помириться, и мнѣ всегда какъ-то стыдно... и такъ мнѣ понятно, какъ это можно добровольно отказаться и добровольно себѣ пріютъ найти на сметищѣ, а послѣдній пріютъ — подъ заборомъ.

Сюртукъ у Корявки не какой-нибудь, а на шелковой под-

кладкѣ, подкладка—бахрома, Корявка подрѣзалъ и подшивалъ ее, и выходило ничего: сюртукъ, какъ новенькій; правда, поменьше бы глянца, но зато и времени ему, чуть что не ровесникъ Кошапкѣ. А скажу вамъ, хорошо пріодѣться, даже пофрантить Корявка куда былъ не прочь, и, разсматривая въ „Нивѣ“ картинки, онъ подолгу останавливался на тѣхъ, гдѣ было много туалетовъ, и тутъ надъ картинками приходили ему всякія нарядныя мечты: то въ шикарнаго адвоката, то въ англійскаго лорда превращался Корявка. И первое его восхищеніе Иваномъ Александровичемъ пошло именно отъ жилетки: жилетка Ивана Александровича показалась ему тогда ни съ чѣмъ не сравнимой и, тонко надушенная лѣсной фіалкой, закружила голову.

По субботамъ Корявка ходилъ въ баню, и это былъ самый праздничный вечеръ—суббота. Въ этотъ вечеръ и къ его сердцу приливала страсть восхитительная, ему тоже хотѣлось, чтобы кто-нибудь посмотрѣлъ на него, на него, на чистенькаго, такъ, какъ самъ онъ умѣлъ смотрѣть, и нерѣдко, за неимѣніемъ двойника своего, самъ онъ изъ ничего и выдумывалъ себѣ этотъ взглядъ восхитительный.

Есть въ жизни каждаго русскаго человѣка одинъ день такой въ году—именины, когда полагается и даже противъ воли твоей, чтобы тобой повосхищались. И съ какимъ особеннымъ чувствомъ ждалъ Корявка именинъ своихъ,—но это ли не безнадежная жизнь, какъ на грѣхъ, и всегда-то поджидала его неудача. Еще съ дѣтства, съ тѣхъ еще незабываемыхъ дней вѣрныхъ пошло такъ, что именины не въ именины: слякоть, дождикъ, — какія же это именины! Корявку погода очень обижала. А потомъ, когда ужъ и незабываемое забылось, и не трогала никакая слякоть, все-то до послѣдней грязиночки приберетъ - бывало въ своей комнатѣ, накупитъ сластей всякихъ, наготовитъ подносъ — не подымешь, а никто и не пожалуетъ, и просидитъ такъ одинъ весь вечеръ, по часточкамъ, не спѣша, одинъ самъ всѣ апельсины съѣстъ, а то и придетъ какой Грудинкинъ, наскандальничаетъ, и тоже нехорошо. Именины — единственный день въ году, это не будни, и именинникъ совсѣмъ особый отъ другихъ, самъ по себѣ, и это должно быть всякому видно, но Корявка, покоряясь судьбѣ, самъ ничего такого не выдѣлывалъ, никакого безобразія для отлики именинннаго дня: онъ не напивался, какъ норовитъ другой на свои именины хоть напиться, или какъ этотъ Грудинкинъ, письмоводитель, этотъ такое придумалъ, ну, вмѣсто того, чтобы тамъ, гдѣ слѣдуетъ, въ день своего ангела все это въ комнатахъ жилыхъ дѣлалъ. Нѣтъ, Корявка единственно что позволялъ себѣ въ свои именины, такъ это поспать подольше и явиться на службу съ запозданіемъ и такъ постараться пройти, чтобы обратить на себя вниманіе: пускай всѣ догадаются, какой-такой день у него, и поздравятъ! Увы, къ огорченію именинника, догадываться-то догадывались, да только съ большимъ запозданіемъ! Послѣ обѣда Корявка ложился отдохнуть и долго разсматривалъ картинки и за картинками нарядно мечталъ.

Нынче всѣ мечты и думы Корявки были объ Иванѣ Александровичѣ.

Ни съ чѣмъ несообразная, выдуманная женитьба Ивана Александровича на Павочкѣ—всѣ лѣтніе ихъ планы и предположенія потерпѣли полную неудачу, и дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

Ерыгины вернулись въ Петербургъ на Воздвиженье. Иванъ Александровичъ не замедлилъ, зачастилъ на Французскую набережную, но послѣ каждаго своего свиданія съ Павочкой возвращался къ себѣ на Пушкинскую, повѣсивъ носъ.

Павочка встрѣчала его всегда радушно, — еще бы, и лунатикъ, и никто такъ не смотрѣлъ на нее, такъ восторженно, какъ Иванъ Александровичъ! Но когда пробовалъ Иванъ Александровичъ заговаривать съ нею о самомъ своемъ завѣтномъ: о той тихой райской семейной жизни на Каменноостровскомъ въ новомъ, теперь уже отдѣланномъ, домѣ,—Павочка или ровно ничего не понимала, или представлялась, что не понимаетъ: она удивленно смотрѣла на него, раскрывъ свой алый ротикъ, или отдѣлывалась пустяками, или просто смѣялась. И въ этомъ смѣхѣ, въ болтовнѣ и взглядѣ Иванъ Александровичъ чувствовалъ что-то оскорбительное—вѣдь такъ далеко ушелъ онъ съ Корявкой въ мечтахъ, а и тѣни подобнаго не было.

М Курилко. Victor et vita. Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника и заграничная поѣздка).

Но откуда онъ взялъ, что Павочка выйдетъ за него замужъ? Ниоткуда...

Только оскорбительно и больно ему было отъ ея взгляда, болтовни и смѣха.

Товарищи Мишн постоянно толклись у Ерыгиныхъ, и оскорбительно и больно было видѣть Ивану Александровичу, что Павочка держалась съ ними такъ же, какъ съ нимъ, относилась къ нему такъ же, какъ и къ нимъ.

Но вѣдь такъ и всегда было.

Не замѣчалъ.

Не замѣчалъ?—нѣтъ, все замѣчалъ, да мечты-то его тогда не были такъ далеки.

И все-таки, какъ ни оскорбительно и какъ ни больно это, а выносимо, но съ нѣкоторыхъ поръ Иванъ Александровичъ совсѣмъ пришелъ въ уныніе: съ нѣкоторыхъ поръ въ разговорахъ неизмѣнно сталъ поминаться какой-то докторъ, и при этомъ какія-то таинственныя перемигиванія съ Веточкой.

Кто же этотъ таинственный докторъ? Ужъ не женихъ ли?

Сколько Иванъ Александровичъ ни разспрашивалъ и всякими намеками наводилъ, лишь бы дознаться правды, а добиться почти ничего не могъ. Павочка по пятницамъ ѣздила къ этому доктору на пріемъ, но никакого доктора, кромѣ старичка Ѳедора Ивановича, Иванъ Александровичъ у Ерыгиныхъ не встрѣчалъ.

И гдѣ живетъ этотъ докторъ, женихъ?

Иванъ Александровичъ открылся во всемъ Корявкѣ. И Корявка взялся устроить дѣло — Божье немилостиво, надо и своей головой дѣлать! Корявка прослѣдитъ квартиру доктора, пойдетъ къ доктору на пріемъ и убѣдится собственными глазами, такъ это или не такъ.

Объ этомъ дѣлѣ своемъ секретномъ Корявка и думалъ, перелистывая нарядныя картинки. Угодить Ивану Александровичу, помочь другу было для него выше и самой нарядной именинной мечты: онъ ужъ согласенъ навсегда остаться Корявкой, тѣмъ самымъ пряменькимъ и жалкимъ Корявкой, какимъ мы его всѣ знаемъ, лишь бы Иванъ Александровичъ снова по-лѣтнему ожилъ.

Куда ему ожить! Иванъ Александровичъ, и совсѣмъ незамѣтно, все ближе подходилъ къ самой настоящей правдѣ, и эта правда убивала его, онъ ужъ чувствовалъ свою ненужность. Онъ вдругъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что никому не нуженъ, а потому не нуженъ, что ей не нуженъ.

А раньше?

Раньше не то... раньше онъ былъ нуженъ...

Какъ, развѣ измѣнилось отношеніе?

Нисколько.

Въ чемъ же дѣло?

А вотъ въ мечтѣ его, въ мечтахъ его, вѣдь мечты его были такъ далеки, а на самомъ дѣлѣ ничего не было, и все было неизмѣнно.

Иванъ Александровичъ теперь и самъ понималъ, что Павочка къ нему нисколько не измѣнилась, что отношеніе ея къ нему такое же, какое было тамъ, на дачѣ, и что нуженъ онъ ей ничуть не больше и не меньше, а чувствовалъ еще бóльшую свою ненужность. Онъ ужъ дня не могъ прожить, чтобы не увидѣть Павочки, а всякое свиданіе оставляло въ его сердцѣ одну боль. Павочка танцовала, ей было пріятно, и онъ хотѣлъ бы радоваться съ нею, но она танцовала съ другими, и ему было больно. И когда въ разговорахъ Павочка кого-нибудь хвалила, ему было больно. Ему было больно отъ всякаго ея взгляда, отъ всякаго ея слова, отъ всякаго ея движенія, если ея взглядъ, ея слова, ея движеніе относились не къ нему, а къ другимъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ неутолимѣй эта боль. И онъ неизмѣнно уносилъ эту боль. И лишь въ рѣдкіе дни, когда у Ерыгиныхъ никого не было, и Павочка занималась только съ нимъ, онъ на время забывался, но и тутъ что-нибудь мѣшало: или перемигиванія съ Веточкой о докторѣ, или Павочка начнетъ вспоминать какихъ-нибудь своихъ поклонниковъ, да мало ли что—мелочи, о которыхъ часто не легко додуматься и при самомъ подозрительномъ желаніи.

А. Яковлевъ. Рисунокъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. За картину „Баня" присуждено званіе художника и заграничная поѣздка.

Иванъ Александровичъ никогда не ходилъ по ресторанамъ, но теперь при всякомъ удобномъ случаѣ тащилъ съ собой Корявку. Пить онъ хоть и не пилъ, но кабацкая обстановка дѣйствовала, онъ выбиралъ рестораны съ музыкой и всякіе самарканды.

— Знаешь, Алексѣй Тимоѳеевичъ, хотѣлъ бы Машу встрѣтить и такъ просто посидѣть съ нею, поплакать. Жизнь моя загублена!

— Что вы, Иванъ Александровичъ, надо душой переболѣть, надо горести принять—и тогда желаніе получите. Это всегда такъ, а почему такъ, и почему надо—неисповѣдимо.

— Да у меня свѣту нѣту,—понимаешь? И не виноватъ я передъ нею.

— Жизнь, Иванъ Александровичъ, жестокая она, иго ея нелегкое, и если ужъ рѣшать по-человѣческому—и ключа не найти, — Корявка тянулъ себя за свою козью бородку:—а можетъ, и совсѣмъ не жестокая, и не такъ это мы, Иванъ Александровичъ, небесныхъ словъ не знаемъ, и все не такъ выходитъ.

— И она не виновата.

— Неисповѣдимо, Иванъ Александровичъ.

Корявка могъ смыслить всякое дѣло и дать смысленъ отвѣтъ, но и мудрованія Корявкины не успокаивали Ивана Александровича, не успокоило его и открытіе о таинственномъ докторѣ.

Докторъ, къ которому по пятницамъ ѣздила Павочка, дѣйствительно, по отзыву Корявки, оказался какимъ-то необыкновеннымъ: и красивъ и ловокъ, да и брови безъ перерыва, словно углемъ намазаны,—это ли не красота? — и самъ поспѣшный на все и живой необычайно, — лѣчитъ по косметической части, сбавляетъ вѣсъ и выводитъ усики, пріемная ломится отъ дамъ, но жениться, какъ кажется, не собирается, притомъ же онъ семейный,—и эту тайну раскрылъ Корявка,—семья въ Москвѣ.

Чего же еще? Дѣло ясное—выводитъ усики! И безпокоиться за Павочку тутъ совсѣмъ не годится: съ усиками Павочка или безъ усиковъ—все Павочка! Да за это и не безпокоился Иванъ Александровичъ, а только ему и покоя-то нигдѣ не было. Видно, боль прошла глубоко, и вотъ въ душѣ столкнулся онъ съ настоящею правдой. Онъ не только не думалъ, какъ лѣтомъ, какъ еще недавно, о женитьбѣ, куда тамъ думать!—какъ теперь далекъ онъ былъ отъ мечты своей, и понялъ вдругъ, что все-то онъ мечталъ,—однѣ мечты!—и это понялъ онъ сейчасъ, когда Корявка, довольный своими розысками, выкладывалъ съ мельчайшими по-

дробностями самыя неожиданныя свои заключенія и обнадеживалъ Ивана Александровича въ его счастливой судьбѣ.

Не того хотѣлъ Иванъ Александровичъ. Правда побѣдила его мечту. И онъ принялъ правду. Ему хотѣлось разъ и навсегда высказаться, вывернуть передъ ней всю свою душу.

„Онъ одинъ — онъ это знаетъ!—онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любить безъ всякой надежды, любить всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

— —

Е. Эборовичъ. Старый мотивъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Послѣ морозовъ наступила оттепель, а за оттепелью дохнулъ вѣтеръ.

Гдѣ-то тамъ зародившись межъ Исландіей и Англіей на океанѣ, черезъ море, черезъ скалы прилетѣлъ вѣтеръ на нашу Россію. Вѣтеръ, вихрясь, леталъ по улицамъ и, словно шалуя, набрасывался изъ переулковъ на прохожихъ, и шалый, насмѣтный, жестокій разгулялся.

Вѣтеръ гулялъ по Петербургу, и творилось Богъ знаетъ что.

Къ ночи онъ собралъ всю свою силу, къ ночи завихрилъ въ гульбѣ.

Или это ангелъ, водящій облаки, пустилъ съ небесныхъ улицъ всю вѣтрову силу?

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Несмѣтный, ему мало нашихъ улицъ,—дай, дай простору!—и онъ рвалъ желѣзо съ крышъ и трубъ, рвалъ швыркомъ, грозилъ и свистѣлъ. Свистъ его, какъ свистъ змѣи, въ сердцѣ огонь, и клятвами не заклясть и искупа не дать, и нѣтъ поруки, ему мало, ему тѣсно—дай, дай простору! Не чужой, знаетъ, при градарѣ-царѣ, при Петрѣ, ой, какъ гулялъ—было тогда посвободнѣй, а теперь ему тѣсно...

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И онъ врывался въ дома и свистѣлъ въ щеляхъ, свистѣлъ въ окнахъ, весь свистомъ наполнялъ нашъ домъ. Или онъ высвистывалъ, выманивалъ на волю погулять съ нимъ по волѣ? Ничего не страшно, и сколько хочешь пали изъ пушекъ, не угоняться, ему не страшно! И онъ свистѣлъ, выговаривалъ,—рѣчи его странны, намъ незнаемы,—выговаривалъ и стучалъ, стучалъ желѣзомъ, звонилъ въ колокола. Собиралъ ли звономъ колокольнымъ свою силу въ свальный бой, или насъ выкликалъ погулять съ собой въ ночи на волѣ. Звонилъ въ колокола и тушилъ фонари и дергалъ столбы. Въ его сердцѣ горѣлъ огонь.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И, ставъ головой до звѣздъ, зазвѣздный, онъ пустился отъ Знаменья черезъ Аничковскій мостъ, а кони его, какъ голуби, а въ гривахъ перегудаютъ звонцы, и бѣлымъ огнемъ жигалъ по пути—и!

Вѣтеръ! Вѣтрило! Помилуй!

На Невѣ вода подымалась.

Есть, по Корявкѣ, три естества у воды: первое — мы по ней плаваемъ, второе—мы ею моемся, третье—мы ее пьемъ; а есть и четвертое—насъ она топитъ. На Невѣ вода подымалась, и до какихъ краевъ дойдетъ, никто не зналъ, да и сама рѣка не знала. Ужъ ограда чернѣла близко. Къ оградѣ вода подымалась.

На Французской набережной изъ оконъ отъ Ерыгиныхъ все было видно. Но не тревога, вольница стояла въ домѣ. Миропія Алексѣевна наканунѣ уѣхала въ Москву, оставалась одна молодежь. Были гости. И вѣтеръ, какъ свой, выкликалъ изъ залы, или это, вольный, въ залу пустить просился...

Иванъ Александровичъ, рѣшившійся въ послѣдній разъ все высказать Павочкѣ и клятву положившій на свою душу до смерти не видѣться, не могъ найти и минуты побыть съ нею наединѣ. И была попрежнему боль отъ ея словъ, отъ ея смѣха, отъ ея взгляда, отъ ея движеній, и боль подымалась въ его сердцѣ, какъ вода въ Невѣ. И вотъ дошла, должно-быть, до той самой ограды гранитной—и сѣкнуло сердце. Иванъ Александровичъ вдругъ перемѣнился и, тихій, пошелъ ходить по залѣ странно, словно танцуя.

Было весело и шумно, и до Ивана Александровича никому не было дѣла. Но Павочка его замѣтила,—какъ странно, словно танцуя, ходилъ онъ по залѣ!

— Иванъ Александровичъ—лунатикъ,—сказала Павочка.— Иванъ Александровичъ что угодно можетъ сдѣлать. Иванъ Александровичъ,—позвала она:—подойдите, я вамъ что скажу!

Иванъ Александровичъ покорно подошелъ къ ней: Иванъ Александровичъ—лунатикъ, Павочка—луна!

— Иванъ Александровичъ сейчасъ такое сдѣлаетъ, чего никто не можетъ!—кричала Павочка и прыгала отъ удовольствія.

— А что такое, что онъ сдѣлаетъ?

— А вотъ увидимъ.

Павочка тянула къ балкону. Надо растворить балконъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. У! Какъ засвиститъ вѣтеръ. Вѣтеръ! Вѣтрило!

Кто-то погасилъ электричество. И на минуту въ залѣ пробѣжалъ холодокъ. И на минуту подумалось: „можетъ, ничего и не надо затѣвать, вернется Миропія Алексѣевна, узнаетъ, разсердится, или Веточка простудится!“ Въ темнотѣ не растворялись двери: двери были замазаны крѣпко. Электричество снова зажгли, и двери наконецъ поддались и съ трескомъ распахнулись.

Вѣтеръ со всей своей силой дохнулъ въ залу.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Не было силъ устоять на волѣ. Вѣтеръ гналъ въ комнаты. И одной минуты нельзя было пробыть на балконѣ.

— Иванъ Александровичъ! — кричала Павочка и указывала ему на балконъ, и голосъ ея казался Ивану Александровичу сильнѣе и крѣпче самого вѣтра.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Иванъ Александровичъ покорно шелъ къ балкону: онъ — лунатикъ, Павочка — луна, — неопасливо шелъ, и всюду пойдетъ, куда ему скажутъ.

Если бы только зналъ Корявка, онъ превратился бы въ Сенеку и остерегъ, отговорилъ бы своего друга, но Корявка, пригрѣвшись подъ своей лысой еноткой, подъ свистъ вѣтра похрапывалъ.

Иванъ Александровичъ — лунатикъ, Павочка — луна. Иванъ Александровичъ все можетъ, онъ можетъ пройти по карнизу, и подъ любымъ вѣтромъ ему ничего не станетъ.

Двери за нимъ затворились.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Павочка бросилась къ окну.

И черезъ минуту въ окнѣ показалось лицо: — Иванъ Александровичъ шелъ по карнизу и вотъ дошелъ до окна и сталъ — изъ черной вѣтреной ночи глядѣло лицо.

Въ залѣ примолкло. Лишь вѣтеръ струйкой бѣжалъ черезъ балконную щель и свистѣлъ.

А въ окнѣ все стояло лицо, и, какъ углемъ, обведены были ночью глаза.

„Онъ одинъ — онъ это знаетъ!— онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любитъ безъ всякой надежды, любитъ всѣмъ существомъ, и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Павочка закрылась рукой.

И въ окнѣ — Вѣтеръ! Вѣтрило!. Тамъ, за рамой, глядѣла лишь ночь.

Бѣдный Иванъ Александровичъ, гдѣ тутъ удержаться подъ такимъ вѣтромъ!

Бѣдный Корявка, какъ-то проснется, какъ-то узнаетъ, на кого будетъ восхищаться, гдѣ его Балда Балдовичъ — Иванъ Александровичъ?

Снились Корявкѣ черти, по набережной будто скачутъ, какъ палочки черныя, скачутъ, а вмѣсто головы полшапки, и чертовка

П. Львовъ. Классный рисунокъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

П. Львовъ. Праздникъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

съ ними ходитъ, маленькая, немолодая, и самъ главный Зеѳеусъ, бѣсъ бѣлый, глаза бѣлые...

— Мы тебя, Корявка, любить будемъ!—говорятъ черти.

— Иванъ Лек-сан-дры-ычъ!

И въ послѣднiй разъ вѣтеръ, взвинтивъ надъ Петербургомъ, улетѣлъ съ своей силой въ мѣста непроходныя: тамъ, на Печорѣ, вкругъ Желѣзныхъ воротъ, погулять ему.

Съ вихремъ не нашимъ надъ нашей землей летѣлъ Иванъ Александровичъ, не Иванъ Александровичъ Галузинъ, надворный совѣтникъ, душа человѣчья. Третьи ужъ сутки, какъ сорвался, и летѣлъ и летѣлъ... не вверхъ, не внизъ, не налѣво, не направо, а такъ, какъ летаетъ душа человѣчья.

И видѣлъ Иванъ Александровичъ, душа человѣчья, безъ перерыву и Россiю, всѣ концы ея видѣлъ, и въ то же время свою Пушкинскую квартиру съ малиновой наклейкой на парадной двери о сдачѣ, и въ то же время у стола надъ зеркальцемъ Корявку—Корявка трудился надъ своей бороденкой, маленькими ножничками подстригалъ ее чисто, какъ бритвой:—завтра въ баню, завтра суббота!—и въ то же время старичка генерала надъ архивнымъ дѣломъ—это дѣло Иванъ Александровичъ съ недѣлю, какъ взялъ отъ Корявки для генерала, и видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ, только хотѣлось увидѣть—подъѣзжали министры съ докладомъ, и какъ все было не такъ, какъ онъ думалъ!—и Государя увидѣлъ, и себя увидѣлъ — да гдѣ же это онъ, Господи?—вѣнчикъ на лбу съ тремя крестами: „Святый Боже, Святый Крѣпкiй, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“ — и Павочку увидѣлъ, она у окна стояла, раскрывъ свой алый ротикъ... близко и не коснешься, и смотритъ и не видитъ, и не сказать и не окликнуть,—и онъ въ тоскахъ заметался.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсiяетъ?

А мимо по стезямъ и дорогамъ другiе проходили претерпѣвшiе въ жизни—въ скорбяхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроенiяхъ, въ трудахъ, въ бдѣнiяхъ, въ очищенiяхъ, въ разумѣ, въ долготерпѣнiи, въ благости, въ Духѣ Святѣ, въ любви нелицемѣрной, въ словахъ истины, въ силѣ Божiей—по стезямъ и дорогамъ къ Звѣздѣ Пресвѣтлой.

И маленькiя дѣвочки въ синихъ платьицахъ, сплетаясь руками, другъ за дружкой гуськомъ шли навстрѣчу отъ Звѣзды Пресвѣтлой.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсiяетъ?

Иванъ Александровичъ съ болью рванулся отъ окна — оторваться не можетъ.

Онъ ей завѣченъ?

Завѣченъ,— на весь вѣкъ.

И смерть не отсѣкла?

Смерть никогда не отсѣкаетъ.

Онъ рванулся и понялъ,—онъ понялъ, что все это нужно, и то, что было, и то, что есть, и то, что будетъ,—и тарабаниться нечего. И повисъ... тамъ, гдѣ мучатся души и тоскуютъ.

„Онъ одинъ—онъ это знаетъ! — онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любитъ безъ всякой надежды, любитъ всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихiй, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Сонетъ.

Одни живутъ въ тенетахъ суеты,
Ни радостью ни солнцемъ не согрѣты,
И мысли ихъ—истертыя монеты,
И чувства ихъ—дыханье темноты.

И есть иные... Рыцари мечты —
Мечтатели, художники, поэты.
Имъ ввѣрены рапсодiи, сонеты
И вздохи волнъ, и звѣзды, и цвѣты.

И если въ скорбной жизненной пустынѣ
Изъ тьмы вѣковъ намъ свѣтитъ и донынѣ
Ихъ вѣчная и страстная мечта,—

Люби ихъ путь, ихъ музыку, ихъ строки...
Дитя мое, мы въ мiрѣ одиноки,
Но съ нами Богъ. Но съ нами Красота.

Г. Вяткинъ.

Маймунъ.

Разсказъ **Николая Архипова.**

Ходитъ маленькiй Аликперъ отъ дачи къ дачѣ и носитъ подъ мышкой еще меньшаго Маймуна.

Имъ вмѣстѣ нѣтъ еще и десяти лѣтъ.

Маймунъ—совсѣмъ маленькая обезьянка, съ крохотной задумчивой мордочкой и маленькими руками.

Еще покойный отецъ говорилъ Аликперу, что Маймунъ — слабенькая обезьянка, и что съ нею нужно обращаться мягко: не бить, а легонько прикасаться хлыстикомъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обезьянка не хочетъ исполнять какого-нибудь сложнаго номера.

Маймунъ иногда покашливалъ, и лицо его при этомъ дѣлалось грустнымъ и озабоченнымъ... Но въ общемъ это—послушная и понятливая обезьянка, и работать съ нею легко.

И все шло хорошо при жизни отца, пока они не попали сюда, въ эту невѣдомую для Аликпера лѣсистую мѣстность.

Несчастье случилось совсѣмъ неожиданно.

Жили они въ какомъ-то очень большомъ русскомъ городѣ, гдѣ были такiе большiе дома, какихъ Аликперъ не видѣлъ не только въ своемъ родномъ Салмассѣ, но даже и въ Баку, гдѣ они проѣздомъ жили два дня.

Въ этомъ большомъ русскомъ городѣ, названiе котораго ему никакъ не припомнить, вообще много разныхъ чудесъ: люди ѣздятъ въ странныхъ экипажахъ безъ лошадей, и экипажи эти бѣгаютъ очень быстро, гораздо быстрѣе тѣхъ, которые съ лошадьми.

А однажды Аликперъ собственными глазами видѣлъ, какъ люди, сидя на какихъ-то большихъ птицахъ, летали въ воздухѣ, и очень высоко.

Чудесный былъ городъ, и хорошо имъ жилось въ немъ... Отецъ былъ большой, собакъ не боялся, и потому они заходили въ каждый дворъ. И почти всюду въ шапку Аликпера летѣло много монетъ, не только мѣдныхъ, но даже и серебряныхъ... А однажды какая-то очень веселая и очень румяная барыня дала маленькую золотую монету. Тогда еще отецъ сказалъ, что барыня эта—нехорошая...

Аликперъ однако до сихъ поръ не можетъ понять, почему собственно барыня нехорошая, разъ она дала золотую монету, которую можно обмѣнять на много монетъ серебряныхъ и мѣдныхъ...

Очень хорошо они жили въ этомъ городѣ.

Но вотъ наступила жара, жители начали разъѣзжаться по деревнямъ, и отъ этого меньше стало попадать денегъ въ шапку Аликпера.

Тогда отецъ сказалъ:

— Нужно и намъ, Аликперъ, ѣхать въ деревню, тамъ теперь всѣ жители, и дѣла наши пойдутъ опять хорошо... А когда мы накопимъ много тумановъ, вернемся домой, въ Салмассъ...

Они сѣли въ поѣздъ и черезъ очень короткое время прiѣхали сюда.

Но какъ только вышли изъ вагона, съ отцомъ сдѣлалось очень нехорошо: его начало рвать, весь посинѣлъ, легъ на землю и корчился въ судорогахъ...

Аликперъ совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать, и плакалъ.

Вскорѣ подошли къ отцу какiе-то озабоченные люди въ бѣлыхъ халатахъ и начали внимательно осматривать его.

Отецъ открылъ глаза и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Аликперъ, я, кажется, заболѣлъ холерой... Это—болѣзнь, отъ которой въ Тавризѣ умерла твоя бабушка... Береги Маймуна — онъ тебя прокормитъ...

Что-то еще хотѣлъ сказать, но глаза закрылись...

А люди въ бѣлыхъ халатахъ суетливо уложили его на носилки и понесли.

Аликперъ пошелъ-было за ними, но его не пускали.

Странные люди, не пускаютъ къ отцу!

Но какъ Аликперъ останется безъ отца?.. Онъ не хотѣлъ слушаться бѣлыхъ людей, кричалъ, кусался, плакалъ и рвался къ носильщикамъ.

Подошелъ какой-то рыжiй человѣкъ съ саблей и кокардой. Ударивъ Аликпера кулакомъ по головѣ, онъ вырвалъ изъ его рукъ Маймуна и швырнулъ объ землю...

Все завертѣлось въ глазахъ Аликпера.

А когда онъ очнулся отъ удара, отца уже унесли, а Маймунъ лежалъ съ закрытыми глазами на желѣзѣ, по которому бѣгаютъ вагоны, и тихо стоналъ.

Взявъ на руки Маймуна, Аликперъ сталъ умолять всѣхъ встрѣчныхъ, чтобы его пустили къ отцу.

Но его никто не понималъ. Онъ тоже не понималъ, что ему говорили.

Тогда они сѣли съ Маймуномъ у станціи и терпѣливо стали дожидаться возвращенія отца. Долго дожидались.

Очень часто, шипя и громыхая, приходили поѣзда и каждый разъ привозили много людей.

Иногда пріѣзжающіе съ любопытствомъ посматривали на Аликпера и Маймуна, улыбались и, равнодушные къ его горю, уходили прочь.

Уже стемнѣло, ярко загорѣлись два большихъ фонаря, а отецъ все не возвращался.

Аликперъ нѣсколько разъ принимался плакать, такъ тяжело быть одному среди совсѣмъ-совсѣмъ чужихъ людей.

Маймунъ иногда тихонько скулилъ, иногда покашливалъ и время отъ времени вопросительно посматривалъ на Аликпера, — ему, вѣроятно, хотѣлось ѣсть.

Тутъ Аликперъ вспомнилъ, что ни онъ ни обезьяна ничего съ утра не ѣли. И когда это вспомнилъ, голодъ началъ мучительно сосать подъ ложечкой.

Но ѣсть было совсѣмъ нечего, денегъ тоже не было.

Поѣзда приходили все рѣже и рѣже. И наконецъ вовсе ихъ не стало.

А вскорѣ погасили большіе фонари, и наступила тьма.

Было холодно и страшно. Аликперъ поближе прижалъ къ себѣ тихо дремавшаго Маймуна. И стало теплѣе и не такъ страшно... А потомъ въ головѣ все какъ-то перепуталось... затуманилось...

Проснулся онъ отъ чьего-то прикосновенія. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ въ бѣломъ.

Весело играетъ утреннее солнце, а человѣкъ въ бѣломъ что-то говоритъ ему на непонятномъ языкѣ.

Аликперъ очень хочетъ понять, но совсѣмъ ничего не понимаетъ.

Подошелъ другой человѣкъ въ бѣломъ и тоже что-то говоритъ, протягивая ему на ладони какія-то серебряныя и мѣдныя монеты.

Смотритъ Аликперъ на монеты и вдругъ узнаетъ среди нихъ маленькую персидскую монетку, которую отецъ привезъ изъ Салмасса.

Онъ спрашиваетъ у бѣлыхъ людей, гдѣ же отецъ и скоро ли вернется?..

Тогда одинъ изъ людей показываетъ на небо и говоритъ единственное извѣстное ему персидское слово:

— Ектуръ, ёктуръ *).

Теперь Аликперъ понялъ все: отца больше нѣтъ, и онъ остался совсѣмъ одинъ... Да Маймунъ еще.

Много тогда плакалъ маленькій Аликперъ, много бился головой о землю...

И сталъ ходить Аликперъ съ Маймуномъ отъ дачи къ дачѣ... Теперь Маймунъ не былъ ему просто Маймуномъ, маленькой обезьяной, купленной отцомъ въ Рештѣ... Теперь это—единственное близкое существо, такое же почти близкое, какъ покойный отецъ...

Очень плохи дѣла Аликпера. Онъ такъ боится собакъ и потому съ большой опаской подходитъ къ дачамъ. Прежде чѣмъ войти во дворъ, нужно еще издали обслѣдовать его. И если имѣется малѣйшее подозрѣніе на присутствіе собакъ, Аликперъ сейчасъ же уходитъ возможно дальше, минуя всѣ сосѣднія дачи, на которыхъ, быть-можетъ, и нѣтъ собакъ.

Иногда цѣлыми часами ходитъ онъ такимъ образомъ по улицамъ, не рѣшаясь никуда заходить.

Да и здоровье Маймуна стало совсѣмъ слабымъ. Обезьянка все время кашляетъ и съ большимъ трудомъ продѣлываетъ положенные номера.

Иногда среди какого-нибудь номера она останавливается и смотритъ на Аликпера печальными, сосредоточенными глазками.

Тогда онъ понимаетъ, что ей очень больно, и прекращаетъ представленіе иногда въ самомъ началѣ, за что ему, конечно, не даютъ никакихъ монетъ.

Сначала Аликперъ недоумѣвалъ, отчего бы это такая болѣзнь приключилась, но потомъ вспомнилъ, какъ рыжій человѣкъ съ кокардой бросилъ Маймуна о желѣзную дорогу, и вспомнилъ, что съ того именно дня и захирѣла обезьянка.

Почти совсѣмъ перестала ѣсть. Сидитъ все, пригорюнившись, печально поглядывая на Аликпера своими человѣческими глазами и безсильно опустивъ маленькія лохматыя руки съ крохотными черными пальчиками.

Сегодня Майнунъ совсѣмъ слабъ.

На три дачи заходилъ Аликперъ и трижды начиналъ представленіе, но каждый разъ ничего изъ этого не выходило.

Обыкновенно Аликперъ начиналъ свою программу съ очень интереснаго номера, который называется по-русски: „какъ пьяный баба на базаръ ходитъ“.

Для этого Маймунъ бралъ палку и ходилъ съ нею, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ это дѣлаютъ пьяные.

Номеръ обыкновенно имѣлъ большой успѣхъ, особенно у дѣтей.

Сегодня ничего не получалось: Маймунъ покорно бралъ палку, но при первомъ же покачиваньѣ валился на спину и виноватыми глазами смотрѣлъ на Аликпера.

Очень было жаль больного Маймунку, но все же, угрожая хлыстикомъ, онъ пытался принудить его къ работѣ.

Обезьянка еще болѣе виновато мигала глазками, но ничего сдѣлать не могла.

Такъ они проходили до обѣда, а потомъ Аликперу стало ясно, что сегодня Маймунъ совсѣмъ боленъ, и не слѣдуетъ напрасно его мучить.

Нужно было отправляться домой.

Квартиры собственно у Аликпера не было. Онъ называлъ домомъ опушку лѣса, гдѣ вотъ уже нѣсколько ночей спятъ они съ Маймуномъ на сухой травѣ.

Первые два дня послѣ смерти отца ночевали на станціи. Но на третій вечеръ, когда послѣ ужина кускомъ булки Аликперъ расположился на отдыхъ, явился вдругъ тотъ самый рыжій человѣкъ, который ушибъ Маймуна, и прогналъ ихъ со станціи, больно толкнувъ при этомъ Аликпера въ спину.

Долго тогда, терзаемый ночнымъ страхомъ, ходилъ онъ по уснувшей дачной мѣстности, пока не набрелъ наконецъ на опушку молодого сосняка.

Забравшись въ кусты, усталый и разбитый заснулъ онъ рядомъ съ Маймуномъ.

Съ тѣхъ поръ и ночуютъ на опушкѣ. Немного это страшно, но зато никто не прогоняетъ...

Рѣшивъ прекратить работу, Аликперъ подумалъ объ ѣдѣ. Денегъ было очень мало: только одна маленькая мѣдная монета, съ большимъ трудомъ сегодня заработанная.

Онъ знаетъ, что въ мелочной лавкѣ за нее дадутъ только одну маленькую булочку. Этого, конечно, очень мало не только для двоихъ, но даже для одного Аликпера.

Впрочемъ, врядъ ли Маймунъ будетъ сегодня ѣсть. Совсѣмъ плохъ Маймунъ: притихъ, съежился комочкомъ и грустно мигаетъ глазами, глядя куда-то въ пространство.

Аликперъ вошелъ въ лавку, протянулъ бородатому человѣку монету и указалъ на сложенныя въ плетенкѣ булочки.

На этотъ разъ лавочникъ далъ ему двѣ булочки, погладилъ по головѣ Маймуна и прибавилъ еще кусокъ сахару.

Придя на опушку, Аликперъ посадилъ Маймуна на мягкую траву и приступилъ къ обѣду.

Отломивъ кусокъ, онъ протянулъ его Маймуну. Тотъ посмотрѣлъ спокойно на булку и равнодушно перевелъ свой взглядъ на Аликпера, точно говоря:

— Не могу... ѣшь самъ.

— Кушай, Маймунка, кушай, милый!.. — какъ человѣка, упрашиваетъ Аликперъ.

Но и ласка не помогаетъ. Обезьянка равнодушно мигаетъ глазами и кашляетъ.

Тогда онъ протянулъ Маймуну сахаръ. Обезьянка очень любила это лакомство.

Вялой рукой она взяла бѣлый кусочекъ, поднесла въ носу, два раза лизнула и положила на траву.

Аликперу очень жалко маленькаго больного друга. Смотритъ онъ на обезьянку, и крупныя слезы текутъ изъ глазъ.

И хочется ему сейчасъ быть великимъ волшебникомъ, такимъ волшебникомъ, чтобы по одному его слову Маймунка выздоровѣлъ.

Быстро Аликперъ съѣлъ двѣ булочки, слегка хоть утоливъ голодъ. А потомъ занялся обезьянкой:

— Милый Маймунка, поспи немного... Потомъ проснешься и будешь здоровымъ... Я спрячу для тебя сахаръ, а ты его потомъ съѣшь. Сахаръ вѣдь очень-очень вкусный... Поспи, Маймунка.

Онъ нѣжно гладитъ Муймуна по головкѣ и ведетъ съ нимъ тихую бесѣду.

Точно понявъ совѣтъ хозяина, обезьянка закрыла глаза и стала тихо дремать, слегка вздрагивая по временамъ.

Аликперъ долго смотрѣлъ на Маймунку жалостливыми глазами, а потомъ среди лѣсной тишины, подъ ласковыми лучами сѣвернаго солнца, и самому захотѣлось спать. Свернулся калачикомъ и заснулъ.

Спали оба: маленькій, заброшенный Богъ вѣсть куда человѣкъ и маленькая обезьянка.

Обоимъ не было еще и десяти лѣтъ.

И снился обезьянкѣ тропическій лѣсъ, гдѣ густой стѣной росли пальмы и ліаны, гдѣ такъ много сестеръ рѣзвится на деревьяхъ, гдѣ весело, привольно, тепло, гдѣ можно рѣзвиться безъ устали и совсѣмъ не нужно показывать, „какъ пьяный баба на базаръ ходитъ“.

Маленькому человѣку тоже снился сонъ. Онъ видѣлъ густой садъ около ихъ дома въ Салмассѣ. Отецъ, мать, сестра Надира и онъ сидятъ на мягкой травѣ; передъ ними низкій круглый столъ, и ѣдятъ они горячій сочный пилавъ. Боже, какой вкусный пилавъ! Аликперъ много-много ѣстъ пилава... И какой странный:

*) Ектуръ—нѣтъ.

таетъ во рту, и никакъ нельзя имъ наѣсться. Потомъ пришелъ Гуссейнъ, товарищъ Аликпера, и они вмѣстѣ идутъ купаться. Но около рѣчки стоитъ рыжій человѣкъ съ кокардой и грозитъ имъ большой саблей. Надо уходить отъ рыжаго человѣка, но почему-то совсѣмъ не слушаются ноги, точно къ нимъ привязали что-то очень тяжелое; Аликперъ кричитъ, зоветъ отца и—просыпается.

Открываетъ глаза и съ удивленіемъ озирается вокругъ. Уже ночь. На синемъ холодномъ небѣ спокойно плыветъ большая серебряная луна. Ни Гуссейна, ни рѣчки, ни рыжаго человѣка...

Маленькими кулачками протеръ Аликперъ глаза и вдругъ горько заплакалъ. Такой онъ былъ одинокій, никому не нужный мальчикъ...

Еще такъ недавно у нихъ была большая семья: отецъ, мать, старшая сестра, дядя Али, тетка Шагры. У отца была на базарѣ лавка, а въ ней много разныхъ вкусныхъ вещей: чурхчела, инжиръ, собза, фурма... Все было... И такъ хорошо онъ игралъ съ Гуссейномъ въ саду.

А потомъ пришли какіе-то люди... Стрѣляли, сажали на колъ, вѣшали, и было очень страшно... Аликперъ собственными глазами видѣлъ, какъ висѣлъ добрый дядя Али.

Послѣ этого пришли казаки и тоже стрѣляли. Очень много стрѣляли... Убили тетку Шагры и ранили сестру Надиру, послѣ чего она умерла... Подожгли домъ и лавку...

Домъ совсѣмъ сгорѣлъ, а въ немъ сгорѣла и мать...

Говорили, что все это очень хорошо, что послѣ этого будетъ меджилисъ. Аликперъ не знаетъ, для чего собственно нуженъ меджилисъ, но если онъ необходимъ, то неужели не могли такъ устроить, чтобы не сжигать дома и лавки, чтобы не вѣшать добраго дяди Али?

Не понять всего маленькой головѣ Аликпера... Онъ только знаетъ, что послѣ этого отецъ долженъ былъ купить Маймуна и ѣхать на заработки въ далекую, невѣдомую Россію...

И еще знаетъ, что теперь онъ остался совсѣмъ-совсѣмъ одинъ... Только Маймунъ есть, одинъ Маймунъ, милый больной Маймунъ.

Аликперъ посмотрѣлъ на Маймуна; освѣщенная луной обезьянка лежитъ съ закрытыми глазами и еле замѣтно дышитъ.

— Маймунъ, Маймунка!..

Испуганный Аликперъ тормошитъ обезьянку. Та пріоткрыла глазки, мигнула разъ-два и опять закрыла.

И страшная мысль пронеслась въ головѣ мальчика:

„А вдругъ Маймунка умретъ!..“

Нѣтъ, нѣтъ, Аллахъ не такой жестокій! За что ему наказывать такого маленькаго мальчика? Что ему сдѣлалъ Аликперъ?..

— Маймунка, милый Маймунка!..

Онъ горячо ласкаетъ маленькаго друга. Нѣжно гладитъ его по крохотной головкѣ и цѣлуетъ въ крохотную мордочку.

Маймунъ временами открываетъ глаза и сосредоточенно смотритъ на Аликпера.

Но все рѣже и рѣже смотрятъ глаза, а дыханье стало вдругъ такимъ хриплымъ, точно какую-то машинку внутри завели.

— Маймунъ, Маймунъ, воды хочешь?

Аликперъ схватилъ шапку и побѣжалъ къ рѣчкѣ за водой.

Страшная рѣчка ночью: кажется, что невѣдомыя чудовища смотрятъ изъ воды и норовятъ схватить Аликпера за ногу.

Страшно подойти близко къ берегу. Но, пересиливъ страхъ, онъ быстро зачерпнулъ въ шапку воды и помчался къ опушкѣ.

Маймунъ воды не захотѣлъ...

Теперь онъ лежитъ съ открытыми глазами, и какое-то новое выраженіе появилось въ нихъ, выраженіе нѣмой покорности...

Чѣмъ Аликперъ можетъ помочь больному другу? Онъ вѣдь совсѣмъ ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ...

Склонился надъ больной обезьянкой и плачетъ безутѣшно...

Вдругъ онъ вспомнилъ о той барынѣ, которая живетъ на голубой дачѣ. Барыня очень добрая: каждый разъ даетъ монету, гладитъ Маймуна и даритъ два вкусныхъ пряника: одинъ для него, другой—для обезьянки.

Что, если понести сейчасъ Маймуна на голубую дачу и показать барынѣ, что обезьянка больна?

Барыня вѣдь очень добрая и можетъ дать лѣкарства, отъ котораго Маймуну станетъ лучше...

Бережно беретъ Аликперъ обезьянку на руки и быстро-быстро идетъ къ доброй барынѣ.

Онъ очень торопится, каждая минута дорога.

Луна большая — свѣтло итти. Очень боится собакъ, но нужно терпѣть.

Дойдя до первыхъ дачъ, Аликперъ видитъ, что во всѣхъ окнахъ совсѣмъ темно. Вѣроятно, уже очень поздно, за полночь.

И, слѣдовательно, на голубой дачѣ тоже темно.

А быть-можетъ, добрая барыня не спитъ?..

Аликперъ прибавляетъ шагу.

Вотъ уже видна голубая дача. Огибаетъ рѣшетчатый заборъ и, къ полному своему ужасу, видитъ въ окнахъ такой же мракъ, какъ и во всѣхъ другихъ дачахъ...

Вездѣ темно, даже на станціи.

Послѣдняя надежда угасла въ сердцѣ Аликпера.

Онъ безпомощно оглядывается по сторонамъ, точно ища помощи откуда-то извнѣ.

Спитъ добрая барыня, молчитъ голубая дача... И не къ кому обратиться за помощью, никому нѣтъ дѣла до Аликпера и его больной обезьянки.

Посмотрѣлъ Аликперъ на Маймуна и уныло поплелся домой.

Когда пришелъ на опушку и положилъ Маймуна на траву, обезьянка уже не хрипѣла и почти не дышала. Безсильно легли руки у маленькаго тѣла, мутнѣлъ взоръ.

До ужаса стало ясно, что единственный другъ кончается.

— Маймунъ, Маймунъ, не умирай! — сквозь потокъ слезъ молилъ Аликперъ обезьянку.—Какъ же я безъ тебя, Маймунъ?..

Слезы скатывались на маленькое лохматое тѣльце. Иная слезинка попадала на мордочку умирающаго. Тогда обезьянка слабо вращала глазами и смотрѣла на Аликпера, какъ будто понимала его глубокое горе и сочувствовала ему.

Долго-долго сидѣлъ Аликперъ и смотрѣлъ, какъ постепенно угасала жизнь въ маленькомъ лохматомъ человѣчкѣ, такомъ близкомъ и единственномъ...

Все было уже ясно, и отъ этого холодный ужасъ окуталъ Аликпера.

Но вотъ Маймунъ зашевелился, широко открылъ глаза...

И лучъ надежды невольно блеснулъ въ душѣ мальчика.

Блеснулъ и сейчасъ же погасъ: обезьянка пріоткрыла глаза, глубоко вздохнула и вытянулась... Вытянулась въ послѣдній разъ...

Маймуна не стало, Маймунъ совсѣмъ умеръ...

Сидитъ Аликперъ, какъ окаменѣлый, и неподвижными глазами долго смотритъ на бездушную, милую и дорогую, обезьянку.

Долго-долго смотритъ, а потомъ поднялъ глаза на синее чужое небо и, сжавъ маленькіе кулаки, сказалъ съ горькимъ укоромъ:

— Аллахъ! Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, что умеръ отецъ, умеръ Маймунъ и не умеръ я? Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, Аллахъ?..

Молчало чужое небо, такое синее, далекое и строгое...

Только ночное эхо шумно побѣжало по темному лѣсу.

Прильнулъ Аликперъ лицомъ къ умершему другу и съ ужасомъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ мгновеніемъ все холоднѣе и холоднѣе становилось лохматое тѣльце.

И не было уже слезъ, какой-то тяжелый камень залегъ въ маленькомъ сердцѣ...

Къ 350-лѣтію русской книги.

Очеркъ **Н. Инсарова.**

I.

Ровно три съ половиною вѣка тому назадъ — 1 марта 1564 г. появилась въ Россіи первая типографія и вышла въ свѣтъ первая книга, напечатанная въ предѣлахъ нашего государства.

Это достопамятное событіе совершилось во времена царя, съ именемъ котораго связаны и политическія удачи, и коварство, и побѣды русскаго оружія, и звѣрскія расправы съ боярами, и мудрость, и безуміе, и вѣрность пониманія государственныхъ задачъ. По волѣ и иждивеніемъ царя Ивана Грознаго къ намъ былъ впущенъ печатный станокъ, и съ той поры книга понемногу проникла въ нашу жизнь, въ нашъ культурный обиходъ, въ нашу школу, семью, общество, стала сопутствовать человѣку на всѣхъ ступеняхъ его общественнаго положенія, формируя его взгляды на жизнь, людей и обязанности, на религіозныя вѣрованія и моральные догматы, обогащая его душу новыми чувствами, а его умъ и память—новыми знаніями.

За истекшія три вѣка Россія обогатилась громадной литературой, имѣетъ цѣлыя библіотеки цѣнныхъ научныхъ сочиненій, и ежедневно ея печатни выбрасываютъ горы бумаги, изъ которыхъ составляются многія сотни тысячъ книгъ. 350 лѣтъ тому назадъ было выпущено нѣсколько десятковъ книгъ, а въ наше время ихъ ежегодно печатается болѣе 100 милліоновъ экземпляровъ на сумму около 40 милліоновъ рублей. Та самая Москва, въ которой впервые появилась русская книга, теперь ежегодно выпускаетъ около 50 милліоновъ экземпляровъ на сумму 15 милліоновъ рублей.

Книга вошла въ нашу жизнь, какъ желанный гость, какъ учитель и наставникъ, только со временъ Петра Великаго, а до той поры не выходила за предѣлы церкви, но и тамъ, въ сущности, въ первое время она скорѣе играла чисто служебную роль. Но за всѣмъ тѣмъ начало книгопечатанія и, благодаря этому, сравнительно быстрое распространеніе книги, ставшей значительно болѣе дешевой, сыграло немаловажную роль.

Зародившись и выросши изъ потребностей церкви, книга у насъ прежде всего сдѣлала христіанство доступнымъ народнымъ массамъ. Идеи религіи понемногу стали проникать въ народную толщу и разрушали вѣковыя привычки и взгляды нашего народа, воспитаннаго на язычествѣ. Мы, правда, приняли христіанство еще въ X вѣкѣ, но это не сдѣлало насъ христіанами. Христіанское русское общество раздѣлилось на двѣ неравныя половины: на ограниченную численно кучку увлеченныхъ новой вѣрой

подвижниковъ, усердно воспроизводившихъ утонченнѣйшие подвиги восточнаго благочестія, и на огромную народную массу, оставшуюся такими же язычниками, какими они были и до крещенія Руси.

Но могла ли быть народная масса иной, если ея духовные наставники говорили и писали не на томъ языкѣ, который она только и понимала? До самаго татарскаго ига почти всѣ наши митрополиты и значительная часть епископовъ были греки, прибывшіе къ намъ изъ Константинополя и не знавшіе ни единаго русскаго слова. Только тогда, когда ученые наши іерархи стали русскими по происхожденію, возможна стала болѣе или менѣе широкая работа на пользу церкви и идей христіанства. Когда на церковныхъ каѳедрахъ появились русскіе архіереи, а народъ услышалъ родную, понятную ему рѣчь, онъ началъ просвѣщаться, ибо церковь, церковное краснорѣчіе и пропаганда христіанскихъ идей были въ тѣ времена единственнымъ источникомъ мудрости и знанія.

Однако ни распространеніе слова Божія, ни правила церкви, ни правила благочестія и христіанскаго нравственнаго поведенія безъ пропаганды были невозможны. Наконецъ безъ книги и безъ книжнаго знанія невозможна была и подготовка самихъ пастырей. Правда, книга существовала, но это была дорогая, малодоступная книга, а главное—съ сугубо-извращеннымъ текстомъ. Переписчики зачастую искажали переписываемое и по невѣжеству, и по небрежности, и въ силу склонности внести въ книгу свое, освѣтить текстъ по-своему или исправить его, если онъ имъ казался неправильнымъ. Такое искаженіе текстовъ привело къ анархіи въ церкви, вызвало разногласія, исказило смыслъ вѣроученія и рождало смуту въ умахъ. А такъ какъ церковь стояла впереди государственной жизни, и ея интересы и вліяніе пользовались заботами народа и государства, то отсюда становится понятнымъ, что переписываемая отъ руки книга надѣлала много хлопотъ и привела къ церковной разрухѣ и даже „нестроенію и смутѣ".

Писанная же книга была, кромѣ всего, рѣдкостью и не могла распространиться широко даже среди пастырей церкви. Не имѣя возможности получать путемъ чтенія подготовку и развивать свой умъ и знанія, наши пастыри стояли по своему умственному развитію очень низко и не могли достойнымъ образомъ воздѣйствовать на свою паству. Пока среди нашего духовенства были ученые греки, его умственный уровень стоялъ сравнительно высоко, но съ уходомъ нашихъ первыхъ учителей и вѣроучителей сразу начало замѣчаться паденіе уровня образованности среди русскаго духовенства, а вмѣстѣ съ этимъ—измельчаніе его религіозныхъ идеаловъ.

При замѣщеніи пастырскихъ мѣстъ чувствовался недостокъ въ подготовленныхъ людяхъ не только на низшія духовныя мѣста, но и на высшія. Для того, чтобы показать, въ какомъ положеніи было это важное для старой Руси дѣло, достаточно привести жалобу извѣстнаго въ исторіи новгородскаго архіепископа XV вѣка Геннадія.

„Приведутъ ко мнѣ мужика,—пишетъ Геннадій,—(ставиться въ попы или діаконы):—а я велю ему Апостола дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю Псалтырь дать—и по тому еле бредетъ... Я велю ектиніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются: „такова земля, господине: не можетъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ". То же самое подтвердилъ и Стоглавый соборъ, собранный для обсужденія нуждъ церкви черезъ полвѣка послѣ только что приведенной жалобы архіепископа. „Ежели не посвящать безграмотныхъ,—говоритъ Стоглавъ:—церкви будутъ безъ пѣнія, а христіане будутъ умирать безъ покаянія". Однако, какъ утверждаютъ наши историки, религіозный уровень народныхъ массъ понемногу подымался, и вѣра принимала свою національную окраску. Народъ сталъ чувствовать потребность въ проповѣдникахъ и толкованіи Священнаго Писанія, а проповѣдниковъ-то и не было. Иностранцы-лютеране и католики писали изъ Россіи, что народъ не знаетъ Евангелія, что изъ десяти человѣкъ жителей едва ли одинъ знаетъ молитву Господню, не говоря уже о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ. Одинъ иностранецъ спросилъ однажды у какого-то русскаго, отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ ни „Отче нашъ" ни „Богородице"? На это спрашивавшій получилъ въ отвѣтъ: „Это не про насъ. Это очень для насъ высокая наука. Это по уму только патріархамъ, духовнымъ да господамъ, у кого нѣтъ работы, а не для простого мужика..."

Когда на престолъ Руси вступилъ царь Иванъ Васильевичъ, то прежде всего его вниманіе остановилось, благодаря добрымъ совѣтчикамъ, на церковныхъ дѣлахъ, въ которыхъ было много „нестроенія и смуты". Среди этого нестроенія особенно выдѣлялись неграмотность духовенства и постоянныя искаженія при перепискѣ церковныхъ книгъ. Малограмотные священники, по справедливому выраженію Максима Грека, „по чернилу только бродили, силы же писаннаго не разумѣли". Церковный соборъ по повелѣнію царя въ 1551 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ постановленій, но они не могли войти въ жизнь, потому что священники зачастую были неграмотны, невѣжественны, суевѣрны, и имъ было не у кого учиться, а въ то же время они сами должны были учить и вести школы. По существовавшимъ тогда постановленіямъ собора, священникъ долженъ былъ „заводить училища въ своемъ домѣ", а между тѣмъ на томъ же соборѣ объявлялось, что приходится ставить въ попы и дьяконы лицъ, которыя „грамотѣ мало умѣютъ, а не поставить ихъ — церкви будутъ безъ богослуженія, православные будутъ умирать безъ покаянія".

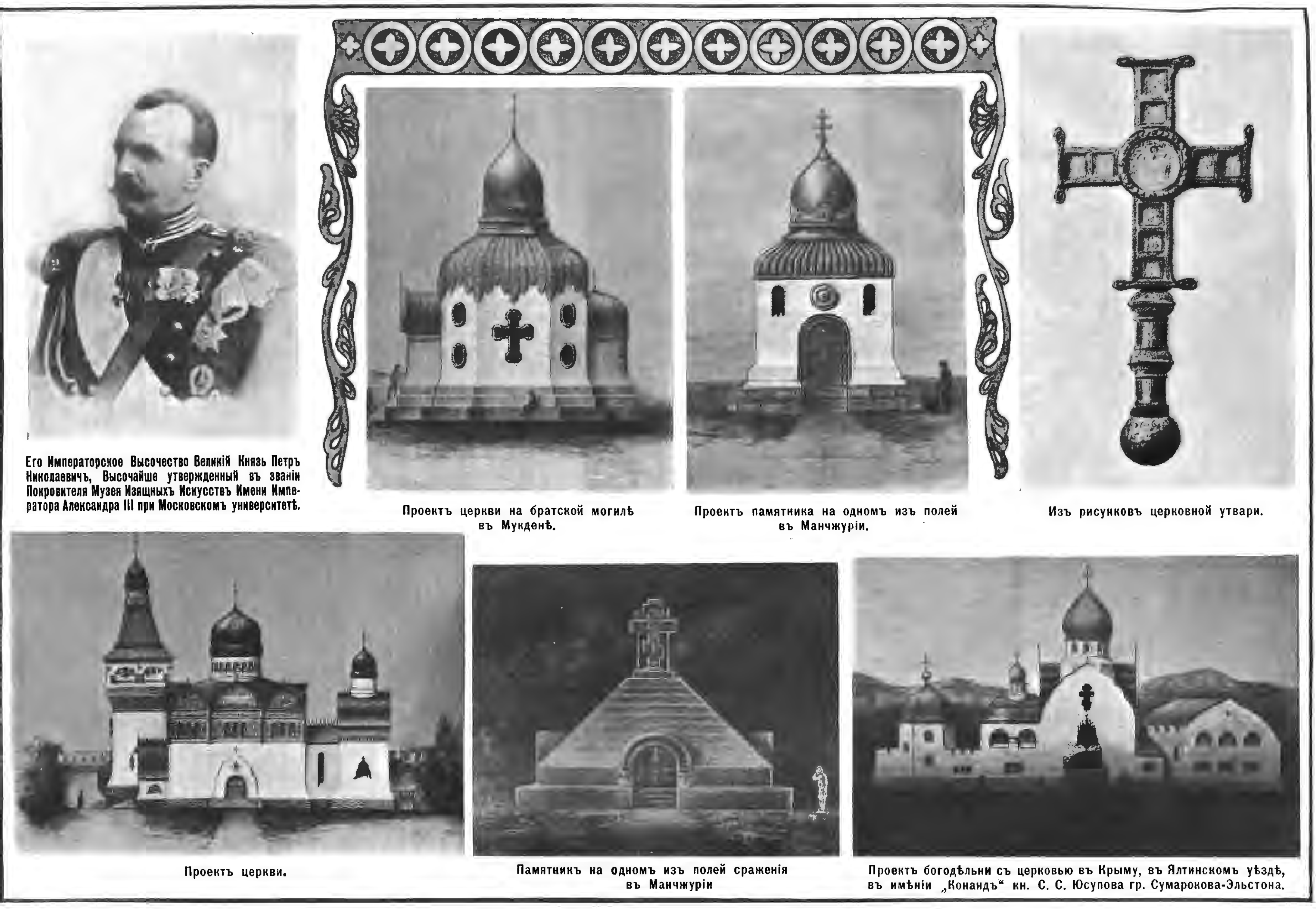
Все это заставило подумать царя и его приближенныхъ о способахъ распространить правильно написанныя съ хорошихъ переводовъ богослужебныя книги, а это было возможно только при помощи печатнаго станка.

Здѣсь умѣстно будетъ добавить, что мысль о необходимости завести у насъ печатаніе книгъ явилась еще у царя Іоанна III. Еще онъ послалъ своего посла, Триханіота, за художниками и типографами, предлагая имъ громадное жалованье. Посолъ обратился къ знаменитому любекскому типографщику Варѳоломею и предложилъ ему службу у московскаго царя, но тогда было много недоброжелателей у Россіи, и они постарались отговорить Варѳоломея отъ поѣздки. Дѣло это такъ и не осуществилось, и только лишь въ царствованіе Ивана Грознаго была сдѣлана снова попытка ввести въ нашу жизнь печатный станокъ и блага книгопечатанія.

Печатный Дворъ въ Москвѣ. Видъ съ Никольской улицы.
(По рис. XVII вѣка).

Когда царь завелъ объ этомъ рѣчь, то первымъ, кто поддержалъ благое пожеланіе царя, былъ митрополитъ Макарій. Надо полагать, что и самъ царь пришелъ къ мысли о первой типографіи благодаря настояніямъ такого ученаго и умнаго совѣтчика, какимъ былъ Макарій. Всѣ данныя, имѣющіяся у насъ, говорятъ за то, что благодаря именно этому святителю нашей церкви мы получили первую книгопечатню, и хотя первая, затѣянная имъ же, книга и не была при его жизни доведена печатаніемъ до конца, но несомнѣнно, что, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ въ государствѣ и главное—близостью къ царю и громаднымъ на него вліяніемъ, Макарій провелъ въ жизнь идею первой типографіи въ государствѣ Московскомъ.

Для полноты исторической картины надо сказать, что Макарій не смотрѣлъ на книгу, какъ на распространителя просвѣщенія ума, а, настаивая передъ царемъ на необходимости открытія типографіи, желалъ только лишь дать нашей церкви и священнослужителямъ исправленныя книги. Макарій, какъ и его два видныхъ единомышленника и писателя XVI вѣка, Іосифъ и Даніилъ, былъ типичнымъ представителемъ русской образованности и русскаго благочестія того времени. „Всѣмъ страстямъ мати,—говоритъ Іосифъ:—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе". Поэтому всякое „мудрствованіе"—отъ лукаваго, а все, что говоритъ писатель, онъ долженъ говорить „отъ книги".



Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ, Высочайше утвержденный въ званіи Покровителя Музея Изящныхъ Искусствъ Имени Императора Александра III при Московскомъ университетѣ.

Проектъ церкви на братской могилѣ въ Мукденѣ.

Проектъ памятника на одномъ изъ полей въ Манчжуріи.

Изъ рисунковъ церковной утвари.

Проектъ церкви.

Памятникъ на одномъ изъ полей сраженія въ Манчжуріи

Проектъ богодѣльни съ церковью въ Крыму, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи „Конандъ“ кн. С. С. Юсупова гр. Сумарокова-Эльстона.

Проекты храмовъ и памятниковъ работы Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича.

Во всякомъ случаѣ въ лицѣ митрополита Макарія мы имѣемъ выдающагося церковнаго дѣятеля. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ благоустроенію нашей церкви, составилъ обширный сборникъ всѣхъ существовавшихъ до его времени житій русскихъ угодниковъ. Задавшись цѣлью собрать „всѣ чтомыя книги, яже въ русской землѣ обрѣтаются“, Макарій такимъ путемъ составилъ всѣмъ хорошо и до сихъ поръ извѣстный сборникъ: „Великія Макарьевскія Четьи-Минеи“.

Въ 1542 г. Макарій дѣлается митрополитомъ всея Руси и побуждаетъ молодого Ивана Грознаго создать типографію и печатаніе книгъ. Почему же дѣло созданія типографіи требовало вмѣшательства царя, и почему Макарій самъ не выполнилъ того, въ чемъ прежде всего и послѣ всего нуждалась церковь и только одна церковь? Потому что наша церковь, отдѣлившись отъ византійской, вошла въ самый тѣсный союзъ съ государствомъ, чего не было на Западѣ. Наше государство приняло на себя заботу и охрану интересовъ церкви, и всякое дѣло церкви неразрывно было связано этимъ путемъ съ дѣломъ государства и вмѣшательства государственной власти.

II.

Когда царь рѣшился приняться за печатаніе книгъ, то Макарій благословилъ царя и его намѣреніе „съ великою радостью“ и при этомъ пояснилъ, что книгопечатаніе—„даръ свыше сходящій“, и что поэтому несомнѣнно благая мысль царя внушена ему Самимъ Богомъ.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ хозяйственную сторону новаго дѣла, стали пріискивать мастеровъ типографскаго искусства. Ихъ, разумѣется, искать на Руси было бы безполезно, а потому царь поручилъ нѣмцу Шлитту набрать у себя на родинѣ, въ нѣмецкой землѣ, „разныхъ мастеровъ и художниковъ“, а въ томъ числѣ и типографщиковъ. Первая попытка съ приглашеніемъ иноземныхъ мастеровъ Шлитту не удалась, и нѣмцы въ Россію не попали.

Первая неудача не остановила царя, и онъ послалъ просьбу о присылкѣ мастеровъ-типографщиковъ датскому королю Христіану III. Король прислалъ мастера Ивана Богбиндера, но тотъ сталъ толковать свое призваніе чрезвычайно своеобразно и распространительно. Мастеръ оказался ревностнымъ сторонникомъ ученія Лютера, которое тогда стало распространяться въ Даніи, и вмѣсто того, чтобы приступить къ организаціи типографіи, онъ сталъ склонять царя къ переходу въ лютеранство. Не соглашаясь работать книги, несогласныя съ его вѣрой, присланный мастеръ оказался такимъ образомъ непригоднымъ, и пришлось подумать о новомъ приглашеніи. Оставались католическія страны, но пригласить католика для печатанія православныхъ священнослужебныхъ книгъ считали неудобнымъ и даже почему-то опаснымъ.

Во время этихъ хлопотъ по пріисканію иноземнаго мастера оказалось, что на сей разъ можно обойтись и безъ помощи со стороны. Въ самой столицѣ царя объявились люди, знакомые съ типографскимъ дѣломъ. Они не только переняли новое искусство печатанія, но и „возлюбили его всѣмъ сердцемъ“. То были діаконъ нынѣ уже не существующей въ Москвѣ церкви Николы Готунскаго въ Кремлѣ, Иванъ Ѳедоровъ, да еще нѣкто Петръ Тимофеевъ, по прозванію Мстиславцевъ.

Когда народъ узналъ, что Иванъ Васильевичъ желаетъ ввести у насъ печаніе книгъ и для этого приглашаетъ иноземныхъ мастеровъ, не раздѣляющихъ нашего вѣроученія и не признающихъ догматовъ православной церкви, то сталъ выражать свое неудовольствіе. Это неудовольствіе еще больше выросло, когда по Москвѣ стали носиться слухи, что въ самой Москвѣ имѣются пригодные для этого дѣла мастера, которые „малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатаваху книги“. Услышавъ это, царь былъ очень обрадованъ и немедленно поручилъ дѣло Ивану Ѳедорову и его закадычному другу Петру Тимофеевичу. Печатный станокъ и все необходимое для работы было привезено изъ Польши. Надо отдать должное царю: онъ хотѣлъ широко поставить печатное дѣло и не щадилъ на это средствъ.

Какъ выучились первые наши книгопечатники неизвѣстному ремеслу, откуда узнали о пріемамъ и способахъ типографскаго дѣла—сказать трудно, но надо полагать, что талантливый Иванъ Ѳедоровъ, познакомившись съ неоднократно пріѣзжавшими въ Москву итальянцами, уразумѣлъ отъ нихъ секреты печатнаго дѣла. Возможно, впрочемъ, что дѣло было иначе, и что Ѳедоровъ получилъ техническія свѣдѣнія отъ русскихъ людей, побывавшихъ за границей, въ Венеціи или Краковѣ. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что Ѳедоровъ не только взялся за дѣло постановки первой типографіи и за печатаніе первой книги, но и выполнилъ свою задачу съ просто неожиданнымъ искусствомъ. Судя по тому, что наши первопечатники принадлежности типографскаго ремесла называли итальянскими именами, можно утверждать, что первыя свѣдѣнія о техникѣ дѣла пришли къ намъ не изъ нѣмецкой, а именно изъ итальянской земли.

Итакъ, къ счастью, царь нашелъ мастеровъ у себя дома, и они съ гордостью и благоговѣніемъ принялись за святое дѣло.

Прежде всего надо было пріискать мѣсто для будущей типографіи; и его нашли на Никольской улицѣ, гдѣ и стали возводить зданіе Печатнаго Двора. Техника строительнаго дѣла и оборудованіе мастерской типографіи подвигались довольно медленно, и поэтому Печатный Дворъ былъ готовъ только черезъ 10 лѣтъ послѣ его закладки.

Въ первое время, при царѣ Иванѣ, это было большое каменное зданіе о двухъ жильяхъ, т.-е. два этажа съ подклѣтками или погребами. Оконницы въ зданіи были слюдяныя, кровли и другія пристройки деревянныя. Самый Печатный Дворъ былъ окруженъ острымъ частоколомъ, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ кровлей.

Наконецъ все было окончено, и печатники 19 апрѣля 1563 г. приступили къ набору и печатанію первой русской книги на славянскомъ языкѣ. 1 марта 1564 г. она была окончена и выпущена въ свѣтъ. То были Дѣянія Апостольскія. Работу, которую вынесли на своихъ плечахъ наши первые печатники, можно

Новый Августѣйшій Президентъ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ—Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ на первомъ торжественномъ засѣданіи Педагогическаго Совѣта Художественнаго Училища.

По правую руку Августѣйшаго Президента: Н. К. Рерихъ, В. И. Зарубинъ, Н. П. Химона, А. Ф. Бѣлый. Стоятъ: К. К. Врублевскій, Г. М. Бобровскій, Г-жа И. А. Малеванная, А. Р. Эберлингъ, Н. Е. Макаренко, И. Я. Билибинъ, П. С. Наумовъ, А. Э. Щуко, В. И. Навозовъ, К. Г. Яцута, С. С. Митусовъ, В. А. Ворошиловъ, Ѳ. П. Ѳедоровъ, В. А. Плотниковъ, А. А. Рыловъ, проф. В. В. Матэ, Ѳ. Ѳ. Бухгольцъ, И. И. Андріолети, Д. М. Тюлинъ, О. П. Машукова, Э. Н. Доссъ.

поистинѣ назвать колоссальной. Они были не только наборщиками и печатниками текста, но и справщиками, т.-е. корректорами: они же исправляли и самый текстъ и печатали его. Оконченная первая книга поражаетъ точностью, красотой и чистотой работы. Одинъ нашъ историкъ говоритъ: „Чистота, отчетливость буквъ и красота въ книгахъ первой печати нашей поразительна. Вся азбука одной мѣры и одного рисунка. Азбука взята была изъ крупнаго полууставнаго письма нашего. Ея строчныя буквы толсты, слегка изогнуты и наклонены вправо. Краска прекрасная, и не только черная, но и красная (киноварь) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и въ рукописи буквы окрашены краснымъ цвѣтомъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, если принять въ расчетъ, что это была первая попытка печатанія, что наши мастера первый разъ принялись за это нелегкое и довольно сложное дѣло, то надо будетъ согласиться, что оно было превосходно выполнено. Правда, наборъ былъ не лишенъ ошибокъ, текстъ трудно читается, потому что типографы не сдѣлали интерваловъ между словами текста, главы отмѣчены счетомъ на поляхъ, а изъ знаковъ препинанія употреблены только точка и запятая, и то не всегда удачно: въ концѣ строки не помѣщены, гдѣ надо, переносные знаки, и счетъ листовъ напечатанъ въ самомъ неудачномъ мѣстѣ—на нижнемъ углу правой стороны страницы,—но вѣдь это была первая книга на Руси.

Въ концѣ книги приложено послѣсловіе, въ которомъ говорится объ основаніи первой книгопечатни и объ исторіи ея созиданія. Нѣкоторые наши историки увѣряютъ, что дѣло созданія печатни и первой нашей книги все же не обошлось безъ самаго непосредственнаго участія упомянутаго уже мастера Ивана (Ганса) Богбиндера, но въ послѣсловіи ничего объ этомъ не говорится, и если это не умолчаніе, то честь созданія первой типографіи и первой книги принадлежитъ цѣликомъ двумъ русскимъ печатникамъ.

Итакъ, первая книга была закончена, и казалось, что дѣлу книгопечатанія на Руси открыта широкая дорога, и что первый успѣхъ обезпечиваетъ дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи. Самъ царь проникся важностью этого дѣла и не жалѣлъ на него денежныхъ затратъ. Не успѣла однако появиться въ свѣтъ первая книга, какъ на нее было поднято гоненіе. Прежде всего на печатниковъ вооружились переписчики, ибо они почуяли, что ихъ вѣкъ отошелъ вмѣстѣ съ новымъ искусствомъ, что печатный станокъ отобьетъ у нихъ заработокъ. Они стали распускать въ народѣ молву, что печатаніе книгъ—дѣло недоброе, не благословленное Богомъ, что печатники — еретики, и что если предоставить имъ творить свое злое дѣло, то не быть добру. Клевета на печатниковъ и ихъ дѣло, быть-можетъ, и не имѣла бы тѣхъ трагическихъ послѣдствій, которыми закончилось созданіе первой печатни, но на помощь темнымъ силамъ пришли невѣжество русскаго народа и невѣрный взглядъ на книгу и книжное знаніе. Народъ привыкъ къ тому, что святыя книги создавались путемъ ихъ переписыванія, и всякое новшество въ этой области разсматривалъ, какъ отступленіе отъ древняго благочестія и традицій православія. Печатный станокъ пришелъ къ намъ изъ чужой земли, и поэтому его примѣненіе въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ печатаніе священныхъ книгъ, казалось уже само по себѣ грѣховнымъ. Словомъ, клевета удалась, и невѣжественный, темный народъ бросился на Печатный Дворъ и сжегъ его. Ярость народа и его злоба противъ первопечатниковъ была настолько велика, что имъ пришлось бѣжать изъ Москвы. Они ночью съ большими предосторожностями, тайно снарядились въ путь и, захвативъ съ собою принадлежности своего ремесла, бѣжали изъ предѣловъ государства Московскаго.

Такъ закончилась исторія первой книги на Руси, и такъ народъ московскій принялъ дѣло печатанія. Иванъ Ѳедоровъ скрылся въ Литву, гдѣ было много магнатовъ и людей просвѣщенныхъ, и, работая, не покладая рукъ, до гробовой доски, остался бѣднякомъ, хотя счастье неоднократно улыбалось ему. Если въ Москвѣ онъ преодолѣлъ техническія трудности новаго и совершенно неизвѣданнаго имъ дѣла, то и въ этомъ случаѣ ему на помощь пришли его воодушевленіе и взглядъ на свое дѣло не какъ на ремесло, а какъ на святой подвигъ, какъ на христіанскую задачу жизни. Когда въ Литвѣ магнатъ Ходкевичъ, расположившійся въ пользу кроткаго, трудолюбиваго печатника, хотѣлъ подарить ему имѣніе, то Ѳедоровъ отвѣтилъ: „Неудобно мнѣ плугомъ или сохою и сѣяніемъ сѣмени жизнь свою сокращать: я имѣю вмѣсто плуга мое художество, мои сосуды (т.-е. орудія печати), вмѣсто сѣмянъ пшеницы или ржи могу сѣять духовныя сѣмена по вселенной“.

Несмотря на печальный опытъ Ивана Ѳедорова, его усилія и труды не пропали даромъ и со временемъ дали свои щедрые плоды. Печатному дѣлу на Руси не суждено было погибнуть, оно снова возродилось, и на этотъ разъ уже навсегда.

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича на Печатномъ Дворѣ приказано было возвести новыя постройки, и знаменитый нашъ дѣятель русскаго просвѣщенія, Симеонъ Полоцкій, привлеченъ къ этому дѣлу. Полоцкій извѣстенъ исторіи, какъ выдающійся проповѣдникъ, педагогъ и вмѣстѣ съ этимъ стихотворецъ. Онъ былъ приглашенъ въ числѣ другихъ западно-русскихъ ученыхъ въ Москву и сталъ придворнымъ поэтомъ и воспитателемъ дѣтей царя. Симеонъ много писалъ и чувствовалъ все несовершенство примитивнаго способа размноженія книгъ, а потому и рѣшилъ возобновить дѣло несчастнаго Ивана Ѳедорова. Пользуясь громаднымъ значеніемъ и вліяніемъ на молодого царя Ѳедора Алексѣевича, бывшаго его воспитанника, Симеонъ Полоцкій завелъ типографію, называвшуюся „верхней“, и тамъ, кромѣ другихъ книгъ, печаталъ и свои собственныя сочиненія. Теперь первой книгой, напечатанной въ русской типографіи, былъ „Тестаментъ“ Василія, царя греческаго, а затѣмъ — Псалтирь, переведенный стихами самимъ Симеономъ Полоцкимъ. Въ типографіи появились уже не только славянскія, но и греческія и латинскія буквы.

Съ той поры работала московская типографія до 1705 г., т.-е. до того времени, пока Петръ Великій не заказалъ въ Амстердамѣ нашего гражданскаго шрифта и не сталъ печатать не только церковныя, но и свѣтскія сочиненія. Первой книгой, напечатанной новымъ шрифтомъ, была: „Приклады, какъ пишутся комплименты“.

Съ этого момента можно считать, что историческая роль московской первопечатни окончилась, и Царь-Преобразователь открылъ новую, но уже въ новой своей столицѣ.

Ламаншскій туннель.

(Съ 4 рис. на этой стр. и на стр. 196).

Постройка туннеля подъ дномъ Ламанша, между Англіею и Франціею, повидимому, въ скоромъ времени осуществится. Разговоры о немъ идутъ уже болѣе ста лѣтъ, но противъ него выставлялись возраженія, которыя сильно дѣйствовали на общественное мнѣніе Англіи и создавали тамъ рѣшительное сопротивленіе осуществленію этого грандіознаго сооруженія. Мы посвятимъ дальше особое мѣсто этимъ возраженіямъ, а сначала сдѣлаемъ краткій историческій обзоръ вопроса о сооруженіи этого туннеля.

Первая мысль о немъ была подана французскимъ инженеромъ Матьё, въ 1802 году, при Наполеонѣ I, тогда еще первомъ консулѣ. Отъ него тогда многое зависѣло; но этотъ человѣкъ, весь поглощенный своими воинственными затѣями, часто бывалъ глуховатъ къ вопросамъ высшаго техническаго прогресса. Извѣстно, что идея сооруженія перваго перехода была имъ чуть не съ пренебреженіемъ отринута: отринулъ онъ и мысль Матьё. Примѣнительно къ тогдашнимъ путямъ сообщенія (это было задолго до употребленія пара, какъ тяги), проектъ Матьё былъ очень скроменъ. Онъ предлагалъ вырыть каналъ-туннель подъ дномъ Ламанша, предназначая его лишь для движенія почтовыхъ экипажей и для передвиженія товаровъ гужевою тягою; его проектъ не только никто не подумалъ тогда осуществить, но никто, кажется, и не подумалъ серьезно разсмотрѣть его: по тогдашнимъ понятіямъ это была затѣя почти фантастическая, сюжетъ для карикатуры.

Рис. 1. Карта береговъ Англіи и Франціи, между которыми пройдетъ туннель.

Впослѣдствіи подавалось немало новыхъ проектовъ Ламаншскаго туннеля, но изъ нихъ многіе были и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ фантастичны, а другіе представляли явные техническіе недостатки, такъ что о нихъ не стоитъ и упоминать. Ближайшимъ, послѣ проекта Матьё, былъ проектъ Томэ-де-Гамона, составленный въ 1867 году. Это былъ серьезный, хорошо продуманный планъ туннеля, но, къ сожалѣнію, авторъ его избралъ неудачное направленіе: его туннель долженъ былъ проходить черезъ пласты почвы, проницаемые для воды, которая такимъ образомъ вѣчно угрожала бы туннелю и требовала бы усиленныхъ мѣръ борьбы съ его затопленіемъ. Однако самъ по себѣ проектъ Гамона былъ такъ серьезенъ, что имъ невольно заинтересовались,

и такимъ образомъ за этимъ инженеромъ остается та заслуга, что онъ вывелъ Ламаншскій туннель изъ области грезъ и фантазій, заставилъ на него смотрѣть, какъ на предпріятіе осуществимое и несомнѣнно полезное.

Отнюдь не унывая отъ неудачъ, которыя преслѣдовали его проектъ въ теченіе двухъ лѣтъ, Томэ-де-Гамонъ въ 1869 году сформировалъ первое французско-англійское общество, поставившее себѣ задачей окончательно выработать проектъ туннеля и добиться концессіи на его сооруженіе. Начались переговоры по этому вопросу между правительствами обоихъ заинтересованныхъ государствъ, и 30 мая 1876 года послѣдовало правительственное одобреніе проекта. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ образовалось новое французское общество Ламаншскаго туннеля, въ и августѣ 1875 года оно получило разрѣшеніе на сооруженіе желѣзной дороги съ французскаго берега подъ Ламаншемъ до соединенія ея съ британскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Это общество существуетъ и до сихъ поръ и обладаетъ всѣми своими первоначальными правами. Въ Англіи образовалось соотвѣтствующее общество—„Submarine Railway Company“ (компанія подводной желѣзной дороги), начавшее свою дѣятельность въ 1886 году. Начались работы съ обоихъ концовъ туннеля. Съ французскаго берега начали бурить отъ Сангатты (деревенька на берегу моря, въ четырехъ верстахъ къ западу отъ Калэ); пробурили пробную галлерею, длиною болѣе полуторы версты. Англійское общество пробурило такую же галлерею. Работы шли полнымъ ходомъ, и пробныя галлереи доказали, что направленіе было выбрано удачно, что туннель идетъ по совершенно водонепроницаемымъ пластамъ, и если бъ имъ не помѣшали, то теперь уже туннель давно былъ бы оконченъ. Но въ самый разгаръ этихъ первыхъ работъ британское правительство вдругъ ихъ пріостановило,

Рис. 2. **Мысъ Бѣлый Носъ (Blanc Nez), у котораго будетъ входъ въ туннель на французскомъ берегу. Передъ этимъ входомъ устраивается віадукъ.**

уступивъ давленію своего всемогущаго общественнаго мнѣнія, которое долго глухо роптало на это сооруженіе и наконецъ разразилось рѣшительнымъ протестомъ противъ него.

Ропотъ противъ туннеля сводился къ двумъ главнымъ мотивамъ: политическому и торговому. Чѣмъ отвѣтили на чисто патріотическіе вопли англичанъ, объ этомъ мы скажемъ дальше; займемся пока нападками на туннель, исходившими отъ торговаго міра. „Кому неизвѣстно, что главная сила британской торговли зиждется на ея громадномъ торговомъ флотѣ? Теперь представьте себѣ, — говорили противники туннеля: — что произойдетъ съ флотомъ, обслуживающимъ берега Европы, ближайшіе къ Англіи, когда будетъ прорытъ туннель? Всѣ грузы хлынутъ въ него, всѣ пассажиры устремятся туда же, и значительная часть англійскаго флота очутится не у дѣлъ“. На эти страхи свѣдущіе люди, вооруженные цифрами современнаго торговаго движенія, отвѣчали, что большая часть грузовъ, перевозимыхъ на судахъ британскаго торговаго флота (около $^{9}/_{10}$ всего количества), состоитъ изъ дешевыхъ и громоздкихъ товаровъ, въ родѣ каменнаго угля, которые, при высокихъ тарифныхъ ставкахъ туннельной дороги, никакъ не могутъ быть направляемы по туннелю и, слѣдовательно, какъ были, такъ и останутся въ пользованіи британскаго флота. Что же касается пассажировъ, то громадное ихъ большинство пользуется желѣзными дорогами, и туннель отниметъ отъ англійскаго судоходства лишь ту ничтожную часть этого груза, которая обращается непосредственно между Англіею и Франціею, да и то, конечно, не всю—опять-таки изъ-за того же тарифа, такъ какъ переправа на пароходахъ все-таки будетъ навѣрное дешевле.

Перевозка же дорогихъ товаровъ, не боящихся высокихъ тарифныхъ ставокъ, а также многочисленныхъ пассажировъ-туристовъ и особенно дѣловыхъ людей чрезвычайно облегчится. Благодаря туннелю путь между Парижемъ и Лондономъ сокра-

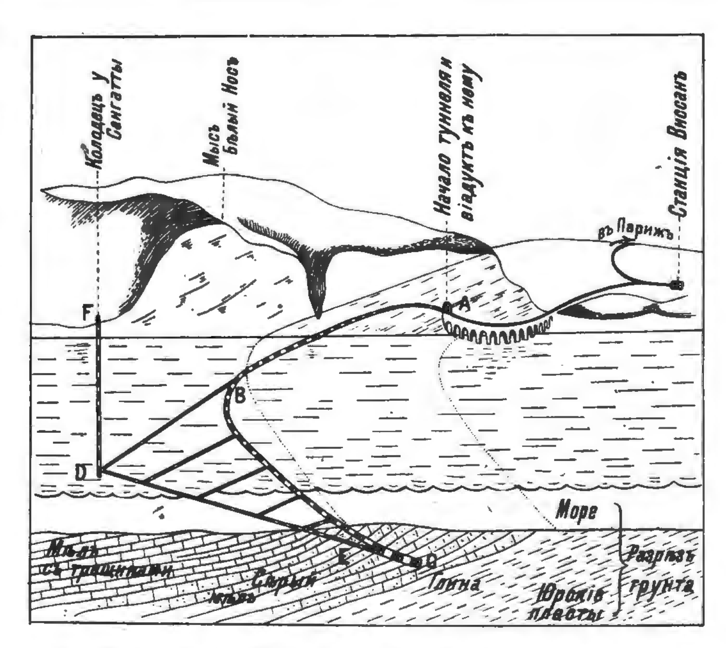


Рис. 3. **Схематическій разрѣзъ французской половины туннеля.** ABC — туннель. DE — туннель-каналъ для стока воды изъ главнаго туннеля. DF—колодецъ около Сангатты для выкачиванія воды, собравшейся въ сточномъ каналѣ.

тится до 5 — $5^{1}/_{2}$ часовъ. Коммерсантъ или иного рода дѣлецъ можетъ утромъ уѣхать изъ Лондона въ Парижъ, въ теченіе дня обдѣлать свои дѣла и вернуться ночевать къ себѣ домой.

Проектъ туннеля подъ Ламаншемъ представляется нынѣ въ такомъ окончательномъ видѣ: на французскомъ берегу онъ начинается около мыса, называемаго Бѣлый Носъ (Blanc Nez), лежащаго къ западу отъ Сангатты, направляется въ сторону Сангатты, потомъ полого поворачивается подъ дно пролива, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ ширину около 37 верстъ. Туннель идетъ подъ моремъ, слегка изгибаясь (см. чертежъ) въ своей „британской“ половинѣ, и подходитъ къ англійскому берегу въ мѣстности, называемой Шекспировой Скалой, лежащей между Дувромъ и Фолькстономъ, верстахъ въ 2—3 отъ Дувра. Общее протяженіе всего туннеля съ изгибами и заворотами — 54 километра, т.-е. 50,6 верстъ. Весь туннель будетъ пролегать по толщѣ горныхъ породъ, совершенно водонепроницаемыхъ, и потому безопасенъ отъ просачиванія въ него воды. Тѣмъ не менѣе при постройкѣ приняты самыя серьезныя мѣры для его полнаго обезпеченія съ этой стороны. Подъ нимъ прорытъ самостоятельный малый туннель, спеціально предназначенный для стока воды, собирающейся въ главномъ туннелѣ; оба они соединены между собою колодцемъ. Главный туннель идетъ, постепенно склоняясь отъ береговъ къ серединѣ канала; значитъ, наибольшее его углубленіе приходится на серединѣ пролива. Здѣсь устроенъ колодецъ, черезъ который вся скопившаяся въ главномъ туннелѣ вода уходитъ въ водосборный нижній туннель. Этотъ послѣдній изогнутъ въ обратномъ смыслѣ по сравненію съ главнымъ туннелемъ, т.-е. его концы ниже середины. На этихъ концахъ на берегу устроены колодцы, черезъ которые вода и выкачивается.

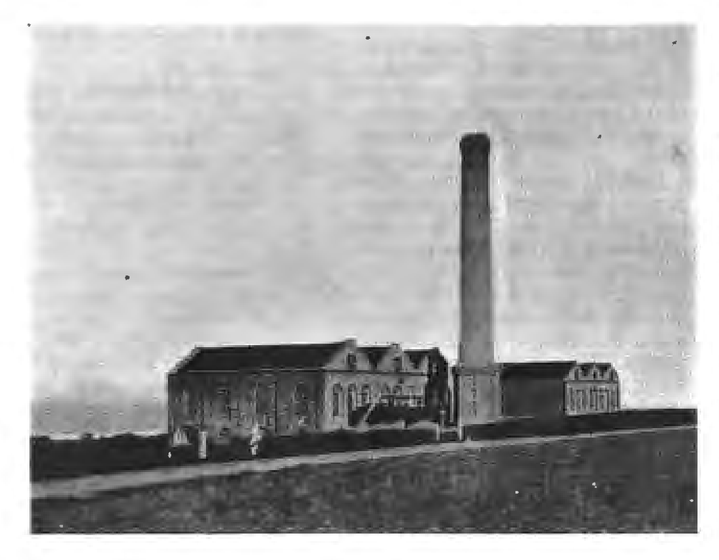


Рис. 4. **Заводъ въ Сангаттѣ, который обслуживалъ работы по буренію пробной галлереи, прорытой въ 1883 году.**

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Автопортретъ знаменитаго русскаго зодчаго.

Желѣзная дорога, проходящая по туннелю на французскомъ берегу, начинается отъ Виссана, находящагося въ четырехъ верстахъ къ западу отъ входа въ туннель. Само собою разумѣется, что съ Виссаномъ связаны всѣ главныя желѣзнодорожныя линіи Франціи. Здѣсь, въ Виссанѣ, оканчивается паровая тяга поѣздовъ и начинается электрическая, простирающаяся по всему протяженію линіи, проложенной по туннелю. На обоихъ берегахъ пролива построены громадныя электрическія станціи, поставляющія токъ, обслуживающій туннель: одна въ—Англіи, другая—во Франціи. На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представлена вся французская половина туннеля въ схематическомъ видѣ.

Для того, чтобы на случай войны англичане не боялись туннеля, какъ дороги для перевозки французской арміи, строителями туннеля придумано очень простое средство. Электрическая станція, питающая энергіею поѣзда, отправляющіеся изъ Франціи въ Англію, находится не на французскомъ, а на англійскомъ берегу, и наоборотъ. Въ случаѣ войны, Англія можетъ мгновенно прекратить впускъ тока во Францію и этимъ прервать движеніе поѣздовъ со стороны Франціи. Сверхъ того, никто не мѣшаетъ обѣимъ сторонамъ наглухо закупоривать свой выходъ изъ туннеля, даже заваливать его на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи, вполнѣ прерывая этимъ сообщеніе черезъ него.

Въ Виссанѣ, который, какъ сказано, будетъ начальнымъ пунктомъ желѣзнодорожной линіи туннеля, будетъ производиться чрезвычайно быстрая, требующая всего нѣсколькихъ минутъ времени, замѣна паровоза электровозомъ. Эта смѣна будетъ представлять собою самую ничтожную задержку, не больше обычной остановки на небольшихъ станціяхъ. На пробѣгъ же туннеля потребуется не болѣе 40 минутъ для пассажирскихъ и часа полтора для товарныхъ поѣздовъ.

По условіямъ мѣстности, на французскомъ берегу у входа въ туннель будетъ устроенъ довольно длинный віадукъ, который можно видѣть на нашихъ рисункахъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, общественное мнѣніе Англіи чрезвычайно заинтересовано Ламаншскимъ туннелемъ. Нѣсколько времени тому назадъ образовался комитетъ для самой широкой пропаганды этого туннеля. Въ этотъ комитетъ вступило до сотни членовъ парламента обѣихъ партій—либераловъ и консерваторовъ. Представители промышленности и торговли, которымъ раньше не очень улыбалась мысль о сооруженіи туннеля, теперь стали ярыми ея приверженцами. Даже самые рѣшительные противники туннеля—военные—и тѣ теперь стоятъ за него. Недавно въ Лондонѣ состоялся митингъ финансистовъ и общественныхъ дѣятелей, постановившій предложить правительству заняться разработкой цѣлой сѣти новыхъ желѣзнодорожныхъ линій для того, чтобы черезъ туннель связать англійскія дороги съ французскими. На этомъ митингѣ, между прочимъ, упоминалось и о томъ, что прежнія сомнѣнія насчетъ опасности со стороны туннеля въ случаѣ войны съ Франціею теперь утратили всякій смыслъ. Одинъ изъ ораторовъ жестоко осмѣивалъ тѣхъ, кто еще продолжаетъ бояться туннеля, какъ трубы, черезъ которую континентъ впустить свои ужасныя арміи на британскую территорію. „Этотъ туннель,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ на митингѣ:—станетъ величайшимъ памятникомъ цивилизаціи и мира, памятникомъ братства Франціи и Англіи. Постройка туннеля продлится около шести лѣтъ и обойдется въ 160.000.000 рублей. Эта сумма ничтожна въ сравненіи съ тѣми шестью миллліардами, которые Европа ежегодно тратитъ на вооруженія. Военные расходы — расходы непроизводительные. Между тѣмъ туннель принесетъ огромныя выгоды промышленности и торговлѣ и сблизитъ культурные народы“.

А. Н. Воронихинъ. (Портр. и 7 рис. на стр. 197—199).

21 февраля с. г. исполнилось столѣтіе со дня кончины знаменитаго строителя Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ—художника и архитектора Андрея Никифоровича Воронихина.

Воронихинъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ въ то время чисто-русскихъ талантливыхъ людей, которымъ удалось выбиться къ свѣту изъ самыхъ общественныхъ низовъ. Онъ былъ крѣпостной крестьяниномъ по происхожденію, родился въ далекомъ Пермскомъ краю, и только крупный талантъ да просвѣщенное меценатство его „барина“, графа Строганова, выдвинули его на свѣтъ Божій и спасли отъ безвѣстности и гибели его дарованіе. Судьба Воронихина до извѣстной степени походитъ на судьбу Ломоносова: оба родились на сѣверѣ Россіи, оба происходили изъ крестьянскаго сословія. Оба отличались рѣдкой даровитостью. Разница лишь въ томъ, что Ломоносовъ самъ пробилъ себѣ дорогу, а у Воронихина былъ могущественный покровитель. Но затѣмъ и тотъ и другой одинаково возвысились до степеней извѣстныхъ: Ломоносовъ украшалъ русскую науку и литературу, Воронихинъ украшалъ Петербургъ, создавъ такіе памятники искусства, какъ Казанскій соборъ, дворцы и т. п.

Воронихинъ родился въ 1759 году въ селѣ Новое Усолье Пермской губерніи.

Замѣтивъ у юнаго Воронихина художественное дарованіе, графъ Строгановъ отправилъ его въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Воронихинъ занимался подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ въ то время архитекторовъ и художниковъ, а позднѣе былъ отправленъ, опять-таки на средства помѣщика, за границу. Оттуда Воронихинъ вернулся уже зрѣлымъ художникомъ, написалъ нѣсколько портретовъ и за представленную имъ въ Академію Художествъ картину „Картинная галлерея графа Строганова“ (перспективное изображеніе) получилъ званіе академика. Еще ранѣе того графъ Строгановъ далъ ему отпускную, и Воронихинъ занялъ такое общественное положеніе, о какомъ ему не приходилось бы и мечтать по его рожденію...

Памятникъ на могилѣ профессора архитектуры А. Н. Воронихина на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Къ 100-лѣтію со дня его кончины.

Воронихинъ былъ однако болѣе архитекторъ, чѣмъ художникъ-живописецъ. Онъ и память о себѣ оставилъ преимущественно какъ строитель, какъ художникъ-зодчій, имя котораго стоитъ наравнѣ съ другими знаменитыми зодчими, украшавшими Петербургъ: Растрелли, Гваренги... Лучшимъ памятникомъ его творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей столицы безспорно является великолѣпный Казанскій соборъ, оконченный Воронихинымъ почти наканунѣ Отечественной войны

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Казанскій соборъ, сооруженный проф. архитектуры А. Н. Воронихинымъ. Съ современной гравюры Ф. Алексѣева. (Импер. Эрмитажъ). По фот. Я. Штейнберга.

и послужившій потомъ какъ бы Пантеономъ для реликвій этой войны. Этимъ храмомъ Воронихинъ пріобрѣлъ себѣ неувядаемую славу въ исторіи нашего искусства.

Воронихинъ проектировалъ и строилъ соборъ въ теченіе десяти лѣтъ слишкомъ. Начатый въ 1801 году, Казанскій соборъ былъ оконченъ въ 1813 г. Послѣ торжественнаго открытія и освященія собора (церемоніалъ этого освященія былъ изображенъ на многихъ интересныхъ гравюрахъ того времени) строитель получилъ нѣсколько наградъ и въ томъ числѣ пожизненную пенсію.

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Казанскій соборъ, сооруженный проф. архитектуры А. Н. Воронихинымъ, въ нынѣшнемъ видѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Изъ другихъ воронихинскихъ построекъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ извѣстны: зданіе Горнаго института, домъ Государственнаго казначейства, колоннады и каскадъ въ Петергофѣ, дворцы въ Стрѣльнѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ и др. Всѣ эти зданія отличаются рѣдкимъ благородствомъ стиля и стройной законченностью линій. Большинство изъ нихъ построено въ стилѣ итальянскаго Возрожденія, а нѣкоторыя—въ ново-классическомъ стилѣ.

А. Н. Воронихинъ скончался въ 1814 году и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Къ рисункамъ.

Въ одномъ изъ прошлыхъ нумеровъ нашего журнала мы помѣстили портреты молодыхъ художниковъ-лауреатовъ Академіи Художествъ. Въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ мы знакомимъ читателей съ той выставкой, на которой появились ихъ произведенія и картины ихъ товарищей—съ послѣдней Конкурсной выставкой въ Академіи Художествъ.

Офорты М. Курилко „*Маленькій Колумбъ*“, „*Смерть св. Вацлава*“ и „*Victor et vita*“ обращаютъ на себя вниманіе тонкостью и изяществомъ рисунка. На одномъ изъ нихъ изображенъ великій мореплаватель въ дѣтствѣ: окруженный картами и планами, маленькій Христофоръ разсматриваетъ съ недѣтскимъ вниманіемъ какую-то неразборчивую надпись на старинной картѣ. Въ „Смерти св. Вацлава“ художникъ даетъ символическій образъ знаменитаго чешскаго герцога Вацлава (928—936 г.г.), который вводилъ христіанство въ Чехіи и боролся съ язычествомъ. Вацлавъ былъ убитъ язычникомъ-братомъ и его товарищами и послѣ смерти сталъ почитаться патрономъ страны. „Victor et vita“—

эффектный символическій образъ торжества силы и жизни: „Побѣдитель и Жизнь“. Сильный побѣ ждаетъ все, и Жизнь принадлежитъ ему, какъ принадлежитъ побѣдителю-рыцарю отвоеванная имъ дѣвушка.

Въ картинѣ Н. Ивановой *„Горе“* много выразительности и тяжелаго, щемящаго настроенія. Грустнымъ настроеніемъ вѣетъ и отъ картины Е. Эборовичъ *„Старый мотивъ“*: старинная мелодія принесла съ собою старыя воспоминанія, и сжалось отъ нихъ сердце. И съ тревогой оглянулась молоденькая піанистка на плачущую мать.

„Рисунокъ“ лауреата-художника А. Яковлева обращаетъ на себя вниманіе строгостью и отчетливостью линій и выразительностью наивнаго дѣтскаго лица. Такъ же выразительны и жизненны *„Классный рисунокъ“* (барабанщикъ-солдатъ въ старинной петровской формѣ)

Колонная зала Горнаго института въ Петербургѣ, сооруженная проф. А. Н. Воронихинымъ. По фот. Я. Штейнберга.

Деталь ограды, окружающей садъ съ западной стороны Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

Царское мѣсто, помѣщающееся у юго-западнаго пилона внутри Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

Мраморныя консоли—деталь царскаго мѣста внутри Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

и „*Праздникъ*“ П. Львова: подгулявшіе крестьяне, пляшущіе въ погожій день за околицей съ неизбѣжной гармоникой.

Эскизный фасадъ санаторіи для престарѣлыхъ писателей, художниковъ и артистовъ, сооружаемый Е. Э. Картавцевымъ въ его имѣніи „Маріоки“ (близъ Теріокъ въ Финляндіи) въ память скончавшейся супруги-писательницы Маріи Всеволодовны Крестовской-Картавцевой, дочери писателя Всеволода Крестовскаго. Проектъ архитектора-художника Л. Р. Сологуба.

Ѳ. И. Шаляпинъ не только великій пѣвецъ и артистъ, но и выдающійся режиссеръ. На нашей фотографіи изображена сцена изъ бытовой жизни опернаго дѣла — та трудная, упорная и невидимая для публики художественная работа, въ результатѣ которой получается одинъ изъ шаляпинскихъ сценическихъ образовъ, такъ потрясающихъ и трогающихъ зрителя. Ѳ. И. Шаляпинъ поставилъ въ этомъ сезонѣ на сценѣ Народнаго Дома Императора Николая II оперу Масснэ „Донъ Кихотъ“. Эта опера (послѣднее по времени произведеніе Масснэ) была написана французскимъ композиторомъ спеціально для нашего великаго артиста. Въ „Донъ-Кихотѣ“ Шаляпинъ производитъ глубоко-трагическое впечатлѣніе въ особенности въ финальной сценѣ оперы, гдѣ Донъ - Кихотъ — Шаляпинъ умираетъ подъ деревомъ въ присутствіи Санхо-Пансы.

Репетиція „Донъ-Кихота“—оперы Масснэ, поставленной на сценѣ Народной Аудиторіи Имени Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго при Народномъ Домѣ Императора Николая II. По фот. К. Булла.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **5 апрѣля**— съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 5“.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. Изд. **Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ.,** улица Гоголя (М. Морская), № 22.

2562 4-1

Какъ могутъ дамы, несмотря на преклонный возрастъ, выглядѣть красивыми и миловидными.

Если кожѣ нашего лица станетъ невозможно своими силами сбросить ставшiй вялымъ наружный слой, тогда образуется такъ называемая неправильность цвѣта лица. Наружный слой кожи обезцвѣчивается, желтѣетъ, какъ старая бумага, становится твердымъ и жесткимъ и ничто не въ состоянiи возвратить ему прежнюю свѣжесть. Подъ нимъ же образовалась между тѣмъ новая розовая кожа; поэтому лучше всего дать верхнему слою всосаться и вызвать наружу нижнiй вполнѣ здоровый слой.

Многiя дамы, которыя заботятся о сохраненiи своей красоты и юнаго вида, сознали это и поступаютъ такъ. Онѣ обыкновенно примѣняютъ для этого немного Дермозона д-ра Антона Мейеръ, который и наносится въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Послѣднiй всасываетъ и удаляетъ, какъ оказывается, уже въ нѣсколько дней, не причиняя ни малѣйшаго неудобства, безполезный, жесткiй наружный слой кожи, который природа не сумѣла удалить обыкновеннымъ образомъ. Послѣ его удаленiя показывается крѣпкая, молодая кожа и даетъ лицу красивый, юно-свѣжiй видъ.

Точно также можно поступить и съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками и, такъ какъ этотъ способъ простъ, дешевъ и успѣшенъ, то онъ и является въ широкихъ кругахъ самымъ излюбленнымъ. Для достиженiя совершеннаго успѣха слѣдуетъ предварительно умыться комнатной водой съ хорошимъ мыломъ и хорошенько вытереться. 2567

Если Вы желаете на себѣ испытать этотъ способъ — онъ, между прочимъ, совершенно безвреденъ — то купите въ аптекѣ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ и примѣняйте его въ теченiе нѣсколькихъ ночей какъ кольдъ-кремъ. Успѣхъ Васъ, навѣрное, прiятно поразитъ.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣлiе Лабораторiи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка.

За справками обращаться въ С.-Петербургъ, почт. ящ. 371.

2168 11 3

Курсы и Методъ Проф. Каллигр. Пинтъ удост. **ВЫСОЧАЙШИХЪ и ВСЕМIРНЫХЪ** нагр. Привил. Имп. Спб. Ак. Худож. Одобр. Учен. Ком. М. Н. П. и Воен. Уч. Зав. Почерки быстро испр. **ЛИЧНО И ЗАОЧНО.** За 70 коп. марок выс. услов. и програм. Спб. Литейный 57 Н. ПИНТ КУРСЫ Подгот. учит.

Вскорѣ выйдетъ справочн. книга Помощн. Прис. Повѣр. **Л. И. Ландисъ-Ланда: „Отсрочки по отбыванiю воинской повинности“** (Кто имѣетъ право на отсрочку и какъ ее получить). Цѣна 1 р. (съ перес.). Адресъ автора: СПБ., Можайская, 39. (7) 2396

Названiе „Альсъ“ имѣется на каждой пилюлѣ

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащiя исключительно растительныя вещества и не вызывающiя никогда ни коликъ, ни поносовъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.

2349 9-8

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРIИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)

Суппозиторiи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНIЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванiю и исчезновенiю шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНIЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствiе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Всегда немедленное облегченiе. Интересный случай.

Нижеслѣдующее заявленiе будетъ, вѣроятно, интересно многимъ читателямъ. «Я страдалъ ишiасомъ и подагрой и, по совѣту друга, я сталъ принимать Кефалдолъ-Сторъ. Послѣ первыхъ прiемовъ я сталъ чувствовать облегченiе, а теперь совершенно оправился отъ болей. Федоръ Вернеръ».

Повидимому, это всеобщее заключенiе лицъ, принимавшихъ это замѣчательное средство. Противъ всѣхъ нервныхъ страданiй оно дѣйствуетъ какъ волшебство. Въ каждой аптекѣ имѣется Кефалдолъ-Сторъ и, если у какого-либо читателя его нѣтъ, пусть спроситъ въ аптекѣ или въ аптекарскомъ магазинѣ и приметъ немедленно.

Подлинныя почт. марки иностран. миссiй. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненiй у Р. Беканнъ. Директора миссiон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Францiя).

Неврастенiя

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченiе. Сочиненiе удостоено наградъ и составлено на основанiи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченiя. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (16)

Швейцарiя, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

2126 3-2

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

ЛУЧШIЙ въ МIРѢ

ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ И. МАЕВСКАГО

УКРѢПЛЯЮЩIЙ ДЕСНЫ и ПРИДАЮЩIЙ ЗУБАМЪ СНѢЖНУЮ БѢЛИЗНУ

2365 4 3

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается **«АРМАТИНОМЪ»**, разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гонноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: **МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.**

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ“.

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Луганскъ, 22/2—1913 г.“.

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.“. 2500 (2)

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудник. или служащимъ таковаго, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. ариѳм., коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банков. дѣло и эконом. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“. Широкая научная программа, популярно-изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При Редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„Акад. Ком. Зн.“ состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. за томъ (за налож. платежъ еще 20 коп.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ. (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив. и прикладн. искусства) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно. 2538 2-1
Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО“, С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.

НУЖНЫ АГЕНТЫ.

РЕЗИНОВЫЯ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ**, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (2)

КЛАССН. СЪ НЕОБ. ОБР. ПОЧ. ГР. МОЖ. НЕМѢН. СВ. ЗАТРАЧ.: **1** ЧИНЪ и ВЫШЕ ЦЕНЗ. ИЛИ ПОЛ. ВСЯК. ПРОФ. И НЕ ВРЕМ.

Подр. безпл. Москва, п. ящ. 2290/Н. 2541

Одинъ руб. 95 коп.

Часы съ цѣпочкой и вѣчн. зажигательниц. высылаю почтой налож. плат. часы Анкеръ 1-й сортъ на 18 камн., черн. или бѣл. металла, заводъ головк. разъ въ 46 часовъ, съ элег. цѣпочкой и метал. вѣчн. зажигател. за 1 р. 95 к., за пересылку почтой присчитываю 45 к., а въ Сибирь 80 к., при требов. 4 часовъ пересылка за счетъ фирмы. Премія: при требованіи 6-ти часовъ прилагаю 1 часы даромъ. Адресуйте: **Лодзь, М. Бабушкинъ. 1-ое отд.** Гарантія доброкачеств., если не понравится принимаю обратно. 2518 3-1

Мандолина и Гитара. Заочн. ур. безплатно. Тюмень. П. ящ. № 37.

БЕЗПЛАТНО высылаю прейсъ-курантъ разныхъ полезныхъ новостей. **І. Шапиро**, Варшава, Новолипки—Н.

2 ПАРЫ БОТИНОКЪ

за 6 р. 75 к.

Мужск. или дамск. шнуров. новѣйш. фасона на шпильк. подошв., прочн. и элегант., стоящ. прежде 18 р. Кожа черн. или коричн. Указать № носимыхъ ботинокъ или № галошъ. Заказы исполн. налож. плат. безъ задатка. Пересылка 75 к., въ Сибирь 1 р. 15 к. Также высыл. лучш. сортъ за 7 р. 25 к. При выпискѣ 4 паръ сразу перес. наша. Непонрав. приним. обратно. 2505 Адр.: Лодзь, Б. 58. Въ складъ 3-2

„Лодзинскій Экспортъ“.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями; потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНЪ

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ. Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее.

Д-ръ Доріанъ.

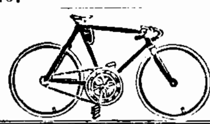
Ревматизмъ. Подагра. Песокъ. Ишіасъ. Камни. Артеріосклерозъ. Невральгія.

ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.



ВЕЛОСИПЕДЫ—ЛИРА
прочны, элегантны, умѣренныхъ цѣнъ.
Требуйте нашъ богато иллюстрированный каталогъ ME велосипедовъ, швейныхъ машинъ, оружія и снаряженія, телефоновъ и мембранъ, часовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, принадлежностей спорта и хозяйственныхъ предметовъ.
Herm. Klassen. G. m. b. H.
Prenzlau (Германія). 2407 6-3

Роскошные волосы — результатъ чистаго обмыванія **АХСИНОМЪ.** Цѣна порошка 20 к. Продажа вездѣ. Главн. Складъ: Аптека **Сандберга, Ровно, Волынск. губ.** 2390

Часы съ цѣпочкой за одинъ рубль

и 95 коп. высыл. часы анкеръ, 1-й сортъ, черн. ворон. англ. стали, ходъ звучн. на 18 камн., заводъ головк., разъ въ 46 час., съ гарант. на 10 лѣтъ. Пер. нал. плат. 55 коп., въ Сиб. 75 к. При зак. 3-хъ час. и болѣе пер. наша. Непонр. приним. обратно. Адр.: **Лодзь, А. А. ПЕНІОНЖЕКУ.** Прим.: При треб. 5 шт. прилаг. часы даромъ. Н. 3354 3-3

Книжно-нотный магазинъ К. Ю. ЦЕРЪ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., Большой пр., 2. 2551
Рекомендуетъ: какъ учить на скрипкѣ. Пособіе для учителей и учащихся. 50 к., съ пер. 60 к. Новѣйшій танецъ ту-степъ: „Très moutarde" ц. 80 к., съ перес. 90 к. Альбомъ 27 танцевъ танго—„Tango Abende". Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 10 к. Полный складъ: Reclam's Universal-Bibliotek, 5650 №№ по 11 коп. Meyers Volksbücher, 1680 №№ по 6 к. Русское изданіе: „Sammlung Göschen", 15 книжекъ въ перепл. по 65 коп. Всѣ русскія и иностранныя дешевыя изданія. Каталоги безплатно. Заказы на всѣ книги и ноты исполняются аккуратно обратной почтой съ налож. плат.

ПОШЛОСТЬ и РУТИНА ЖИЗНИ
заѣдаютъ лучшія движенія ума, сердца и души. Сколько браковъ „по любви" стало могилой ея! Что же губитъ красоту и силу страсти? Можно ли среди невзгодъ, сомнѣній, докучныхъ мелочей жизни создать счастливый бракъ? Новая увлекательно интересная и дѣльная книга: **„Правда о бракѣ"** („Новая женщина и счастье вдвоемъ") даетъ жизненныя свѣдѣнія и опытные совѣты изъ области этихъ жгучихъ вопросовъ. Красивое изданіе. 160 стр. Ц. 85 к. Нал. пл. 1 р. Кіевъ. Фирмѣ **„Другъ Семьи"** № 2.

☛ БЕЗПЛАТНО ☚
высылается по первому требованію каталогъ книгъ и др. изданій, находящихся на складахъ „Дружескія Рѣчи" и „Доброе Дѣло".
Требованія адресовать:
СПБ., ул. Жуковскаго, № 24, отд. 10.

300 Волшебныхъ Моментальн. Фотографій по 1/2 коп.
Сенсаціонное изобрѣтеніе! Міровая новость! Загадка 20 вѣка! Всеобщій восторгъ! Доступно всякому! Волшебныя Фотограф. для **300 момент.** эффектныхъ снимковъ съ объясн. высыл. по получ. 1 р. 50 к. (можно марк.) или съ налож. платеж. на 1 р. 70 к. Адр.: **Т-во „ПОЛЬЗА"**, Бѣлостокъ. 8 М. 2-1

ЧАСЫ СЪ ЦѢПОЧКОЙ
ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ 2426 2-2

и 95 коп. высыл. часы анкеръ, 1-й сортъ, черн. ворон. англ. стали, ходъ звуч. на 18 камн., заводъ головк. разъ въ 46 час., съ гарант. на 10 лѣтъ. Пер. нал. плат. 55 к., въ Сиб. 75 коп. При зак. 3-хъ час. и болѣе пер. наша. Непонр. приним. обратно. Адрес.: **Лодзь, М. РОЗЕНТАЛЬ почт. ящ. 398. Н.** При треб. 5 шт. прилаг. часы даромъ.

ГРЫЖА.

Всѣ страдающіе грыжей должны прочесть новое изданіе книги извѣстнаго парижскаго спеціалиста **А. Клавери:**
„КАКЪ ЛѢЧИТЬ ГРЫЖУ".
Въ этой научной книгѣ изложенъ драгоцѣнный способъ, какъ быстро и вѣрно можно устранить боли и всѣ непріятности, сопровождающія появленіе грыжи. Текстъ иллюстрированъ многочисленными анатомическими рисунками, которые наглядно показываютъ всѣ стадіи развитія этой мучительной болѣзни.
Чтеніе этой книги укажетъ больнымъ, какъ легко и просто можно получить немедленное облегченіе и скорое избавленіе отъ тягостной болѣзни.
Книга высылается за 2 7-ми копеечныя марки. 2553
А. КЛАВЕРИ, Москва, Петровка, д. 8, отд. 515.

Лѣчебныя ванны на дому съ помощью плитокъ д-ра Рафелькеса **Грязевыя**—при женск. бол., особенно при страданіяхъ бѣлями. При дѣтск. бол., гдѣ требуется общее укрѣпл. слабыхъ и истощенныхъ дѣтей. **Сѣрныя**—незамѣнимыя при ревматизмѣ, даже застарѣломъ. Брош. о знач. и спос. употрбл. выс. безплатно. Скл. лѣчеб. ванн. д-ра Рафелькеса, Вильна.

МАРКИ покупка и продажа 2565
Прейсъ-курантъ въ 30 стр. высылаю за 7 к. марку, закупной листъ за 2 к. марку.
А. ХАЛЬФАНЪ.
С.-Петербургъ, Колокольная, 11.

2401 28 4

ПОЛЬЗА и ЗАБАВА. Предм. общеполезные хозяйственные, для подарковъ. **ЭЛЕКТРОТЕХНИКА:** динамо, эл.-двигатели, аккумуляторы, элементы, батареи, эл. лампочки, медицинск. аппар., электрическ. и др. звонки, электрич. фонари и пр. **ФОТОГРАФІЯ:** аппараты, камеры и принадлежн. **ОПТИКА:** синематографы, микроскопы, стереоскопы, зрительн. трубы, бинокли, очки, барометры. **РАЗНЫЕ ПРИБОРЫ:** хозяйствен. принадлежности, занятія, игры и проч., *прейсъ-курантъ* высыл. безплатно.
К. ПОЛИВАНОВЪ, МОСКВА, Коммерческій, № 103/Н. 2568

2226 6 2

Лотереи Московскаго Совѣта дѣтскихъ пріютовъ
будутъ розыграны **9, 16, 19, 23 Марта с. г.** Каждая лот. имѣетъ **1-й выигрышъ цѣною 375 руб., 2-й—120 руб.,** остальн. сер. вещи и стал. часы. **Цѣна бил. 25 коп.,** сотнями скидка. Пересылка бил., выигр. и табл. безплатно. Почт. и герб. марки за бил. не принимаются; съ нал. плат. бил. не высылаются. Подроб. условія высыл. безплатно.
Торг. Домъ „Бр. Марковы" (Москва, Ильинка), при желаніи выигр., покупаетъ обратно 1-й выигр. **за 300 руб., 2-й—за 80 руб.** 2524
Московскій Совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ.
Москва, Остоженка, 36.

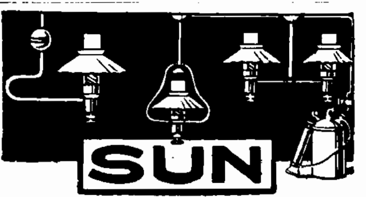
К ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2218 16-9

Костюмъ, часы, цѣпочка и премія — 4 р. 95 к.

Высыл. почт. налож. плат. на кост. тройку—пиджакъ, брюки и жилетъ шерст. трико, черн. или т.-син. цв., хорош. подкл. и часы анкеръ, 1-й сорт. на 18 камн., заводъ голов. разъ въ 36 час., черн. или бѣл. метал., съ цѣпочк.—все за 4 р. 95 к., лучш. сор. 5 р. 75 к., за перес. присчит. 75 к., а въ Сибирь разн. вѣсов. При треб. трехъ гарнит. перес. за счетъ фирмы. Доброкач. гарант. возврат. денегъ. Адр.: **М. Бабушкинъ, Н. Лодзь, отд. 32.** Премія: при треб. 6-ти гарнит. вмѣстѣ съ прис. задат. два руб., можно марк.,—прил. седьмой гарнит. даромъ. 2511 2-2

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.
2496 13-11



Керосиновыя лампы „СЕНЪ"
по системѣ полыхъ трубъ „Сенъ"
максимумъ свѣта минимумъ расходовъ.
Русскимъ агентамъ предоставляется особая экспортная скидка.
ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ и УСЛОВІЯ.
Sun Light C°. 1434. Market St., Canton. Ohio, U. S. A. 2536

НУЖНЫ АГЕНТЫ
3-1 Подр. сообщ. безплатно. 2557
Лодзь, 2. а. конт. ящ. 75.

Билліарды съ аспидными досками отъ 150 руб. билліард. фабр.
М. Н. ЕРЫКАЛОВА,
СПБ., Апраксинъ дворъ, 483.
Требуйте новый прейсъ-курантъ.
3 2 Высылается безплатно. 2435

—ГЕМОРРОЙ—
хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: Москва. Долгоруковская ул., 2522 № 11. кв. 9—3. Марія Чурбанова. 6-2

НЕ ТРАТЬТЕ
денегъ на объявл., если нужны интеллиг. основ. подгот. и доброс. служащ. **ОБОЕГО** пола: **БЕЗПЛАТНО** (съ гарант.) рекомендуютъ **ПЕТРОГРАДСКІЕ БУХГАЛТЕРСКІЕ КУРСЫ.** СПБургъ, Пет. ст., Большой пр., 40, тел. 615-37. Смѣты, отчеты, ревизія (собл. абс. тайны). Обратите вним., рѣдко публикуютъ. 2539

Пользующійся всемірной извѣстностью
„ЗИМИ" (жидкость)
придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи. Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к.
2253 (можно почтовыми марками). 15-7
Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая. № 16.

ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ

Н. Н. БЕКЕТОВА
РЕГУЛИРУЕТЪ ПИЩЕВАРЕНІЕ и УКРѢПЛЯЕТЪ ЗДОРОВЬЕ
Золотая медаль на Гигіеническ. Выставкѣ въ Петербургѣ.
Продажа вездѣ.
Собственные магазины: СПБ.: 1) Невскій, 18. тел. 414-05. 2) В. О., 8-я лин., д. 19, тел. 405-93. **Москва:** 1) Тверская, 35, противъ кафе Филиппова, тел. 530-14; 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25. **Кіевъ,** Думская пл., д. 4. **Харьковъ,** Сумская, д. 7, тел. 10-07. **Екатеринославъ,** Проспектъ. **Севастополь. Ялта.** 9-2 **Гурзуфъ.** Алушта. 2404

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО

Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ."

Старѣйшая изъ фирмъ ТОРГ. ДОМЪ

„МОРИСЪ"

Существ. съ 1881 г.

СПБ., Невскій, 43—1, уг. Троицк. Предлагаетъ готов. и на заказъ статское мужское платье, формы военныя и гражданскія, шитья собств. золотошвейн. За 7 коп. марку высыл. пр.-курантъ и в-е журн. Моды немедл. 2314

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ для оркестра, школы и дома.

Прейсъ-курантъ струнныхъ инструм. безплатно.

Складъ итальянскихъ, французск. и нѣмецк. старыхъ скрипокъ.

Юлій Генрихъ **ЦИММЕРМАНЪ**

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 2527

КАКЪ УКРѢПИТЬ И РАЗВИТЬ

ЖЕНСКІЙ БЮСТЪ.

Новѣйшій и наивѣрн. методъ Д-ра Моргена. Результаты поразит. Высыл. по получ. 1 р. 50 к. Адр.: СПБ., Адмиралтейск. кан., № 3, О. Степановой. 2415 3-2

КОНСТИТУЦІЯ

тѣла зависитъ отъ его питанія. Чѣмъ лучше питаніе, тѣмъ тѣлосложеніе лучше и красивѣе. Хорошее тѣлосложеніе важно не только изъ эстетическихъ соображеній, но еще болѣе для здоровья. Плохая конституція предрасполагаетъ къ болѣзнямъ, хорошая предохраняетъ отъ нихъ. Чахоточные болѣе всего должны обращать вниманіе на свое исхуданіе. Увеличеніе вѣса лучшій признакъ улучшенія здоровья. Больные съ повышенною температурою худѣютъ и истощаются. Во всѣхъ этихъ случаяхъ надо укрѣпить питаніе, употребляя наилучшій и новѣйшій питательный препаратъ

БІОМАЛЬЦЪ Бр. Патерманъ, Тельтовъ—Берлинъ,

пріобрѣвшій заслуженную извѣстность послѣ опубликованныхъ въ научныхъ медицинскихъ журналахъ Prager Medizinische Wochenschrift 1913 г. № 2, Deutsche Medizinalzeitung 1913 г. № 11 и мн. др. опытовъ съ Біомальцемъ, произведенныхъ д-рами Топпъ, Компаузенъ и др. въ клиникахъ въ Берлинѣ, больницѣ св. Іосифа въ Берлинѣ, Санаторіи Штернбергъ и др. Біомальцъ содержитъ мальтозу, декстринъ, фосфоръ, известь, желѣзо и др.

Благодаря своему богатому содержанію углеводовъ и питательныхъ минераловъ, онъ оздоровляетъ и укрѣпляетъ всѣ органы. Особенно благотворно онъ вліяетъ на кровь, легкія и кости. Отъ Біомальца увеличивается число красныхъ шариковъ, укрѣпляются кости, тѣло становится выносливѣе, пораженія въ легкихъ рубцуются и дыханіе становится полнымъ и свободнымъ. Біомальцъ вкусенъ и ароматенъ. Его можно принимать въ чистомъ видѣ, а также въ молокѣ, чаѣ, кофе, супѣ и т. д. Онъ вкуснѣе и питательнѣе, чѣмъ какао или мясные экстракты. 2583

Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ жестянки по 85 коп. и 1 руб. 50 коп. Съ желѣзомъ или съ известью по 1 руб. и 1 р. 80 коп.

Литературу высылаетъ Т-во АВТОСИЛЪ. Берлинъ и Вильна.

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ ЖЕЛУДКА

ВИНО СЕНЪ-РАФАЭЛЬ

Требуйте съ этой подписью: 2582

St Raphaël

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ высылаетъ любителямъ на выборъ Briefmarken-Haus S. Faludi, Berlin, SW 68, Friedrichstr, 47.

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей** новый интересный каталогъ съ 246-ю образцами высыл. въ закр. письмѣ по получ. 5×7 к. марокъ. Адр. Л. Франкфортеръ, Лодзь, 2, ящ. 571. 2512

ГАРАНТИР. ЗАРАБОТОКЪ 100 руб. въ мѣсяцъ.

МОЖЕТЪ ИМѢТЬ КАЖДЫЙ МУЖЧИНА или ЖЕНЩИНА при удобной домашней работѣ. Разстояніе не препятствуетъ. Условія высылаемъ безплатно. 1-ое Западное Т-во вязальныхъ издѣлій. Варшава, Капуцинская, 13/37.

МАРКА УТВЕРЖД. ГЕДЕКЕ и Ко. ПРАВИТ. № 23188/13905. АНУЗОЛЬ

Просимъ отвергать поддѣлки и всякія подражанія и требовать только настоящія съ охран. клеймомъ съ тамож. пломбой русскаго правительства.

СВѢЧИ **АНУЗОЛЬ** ГЕДЕКЕ и Ко.

РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБН. И БЕЗБОЛѢЗНЕН. ИЗЛѢЧЕНІЯ

ГЕМОРРОЯ

Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Продажа въ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ магазин.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ

пров. З. ЮРГЕНСЪ.

Волхонка, МОСКВА.

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма Dr. Bayer és Társa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

золотая медаль на Всемірной выставкѣ. Парижъ 1900 г.

Выдающіеся духи **ДИВИНІЯ**

Ф. Вольфъ и Сынъ Карлсруэ

Старческая дряхлость, **артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныя марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 11.
XLV г. изданія
Выданъ 15 марта 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, кн. 2.

2 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1866 г. 96 тиражъ 1 марта 1914 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
67	45	1000	2118	38	500	5233	42	500	7569	9	500	9467	14	500
135	8	500	2167	47	500	5235	13	500	7580	45	500	9517	8	500
194	4	500	2363	41	500	5271	37	500	7687	36	5000	9576	44	500
235	14	500	2390	28	500	5274	13	500	7783	16	500	9759	45	10000
326	37	500	2480	22	500	5342	47	500	7822	28	500	9891	15	500
336	25	500	2949	7	40000	5449	50	500	7824	7	500	9894	41	500
403	12	500	3162	48	500	5485	21	500	7925	39	1000	9968	40	500
454	8	500	3173	34	500	5525	18	500	7949	43	1000	9980	1	500
517	39	500	3207	21	500	5697	44	500	7987	17	500	10021	14	500
540	3	500	3220	42	500	5721	14	5000	8075	33	500	10081	39	500
660	39	500	3405	4	500	5739	6	500	8115	41	500	10097	16	500
839	38	500	3418	34	500	6010	11	500	8169	24	500	10138	41	500
863	25	500	3538	47	500	6039	17	500	8250	47	500	10345	4	1000
903	42	500	3612	5	500	6292	39	1000	8356	39	500	10449	34	500
936	9	500	3828	47	500	6424	24	500	8475	37	500	10476	44	500
970	36	500	3895	22	500	6444	25	500	8491	7	500	10621	26	500
1230	24	500	3981	18	8000	6458	40	500	8592	47	500	10664	32	500
1265	21	1000	4014	1	500	6630	36	500	8594	21	500	10672	19	500
1406	3	500	4058	42	500	6684	27	500	8603	18	500	10697	6	1000
1408	7	500	4298	6	500	6712	7	500	8639	3	500	10794	28	500
1472	22	500	4303	2	500	6746	4	500	8656	14	500	10803	23	5000
1508	7	500	4324	23	500	6829	35	500	8757	7	500	10814	4	500
1510	36	500	4578	41	500	6914	24	500	8761	39	75000	10819	46	500
1613	5	500	4646	13	10000	6953	31	500	8963	25	5000	10820	31	500
1632	6	500	4746	21	500	7016	4	500	9033	46	500	10822	8	1000
1704	31	500	4757	31	500	7046	46	8000	9321	47	500	10865	4	500
1817	22	500	4795	47	500	7211	7	500	9333	30	1000	11233	9	1000
1852	2	500	4834	43	500	7342	40	500	9337	44	500	11348	34	500
2065	17	500	5168	33	500	7405	28	500	9358	47	500	11360	49	500
2083	14	500	5169	48	500	7494	1	500	9405	7	500	11361	16	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
11384	42	500	13058	33	500	14941	3	500	16323	18	500	18226	21	500
11389	20	500	13064	32	200000	15055	47	1000	16326	36	500	18330	26	500
11424	25	500	13102	20	500	15110	49	500	16346	10	5000	18368	11	500
11445	25	500	13244	44	500	15142	10	500	16383	21	500	18378	50	500
11545	25	5000	13376	39	500	15248	30	8000	16542	33	500	18418	18	500
11598	11	500	13491	16	500	15279	6	500	16580	45	500	18465	6	500
11661	36	500	13543	45	500	15359	3	500	16610	20	500	18499	35	500
11698	18	500	13639	49	500	15364	38	500	16610	32	500	18540	38	500
11714	21	500	13655	46	500	15443	37	500	16642	46	1000	18592	19	500
11823	36	500	13749	28	500	15446	20	500	16708	26	500	18624	13	500
11858	17	500	13801	12	500	15471	25	500	16791	23	500	18667	22	500
11923	17	500	13890	22	500	15478	36	500	17018	24	500	18694	20	500
12015	1	500	13904	34	500	15570	35	500	17042	30	500	18716	4	500
12051	44	500	13905	42	500	15593	38	500	17071	13	500	18760	18	500
12141	31	500	14108	5	500	15655	18	500	17102	1	500	18794	34	500
12178	28	500	14119	29	500	15747	33	500	17130	30	500	18807	23	25000
12310	33	10000	14221	43	1000	15769	12	500	17303	29	500	18816	10	500
12402	23	500	14237	10	500	15792	50	1000	17398	35	8000	18819	26	500
12491	28	500	14268	16	500	15834	38	500	17400	41	500	18849	24	500
12508	10	500	14411	12	500	15941	23	5000	17401	15	500	18850	6	500
12537	24	500	14475	27	500	15968	8	500	17525	10	500	18884	36	1000
12665	14	500	14520	2	500	15999	19	500	17569	50	500	19083	3	500
12687	45	500	14579	7	1000	16011	10	8000	17663	45	500	19161	15	500
12785	20	500	14620	36	500	16013	33	500	17775	20	500	19166	15	500
12812	48	1000	14629	39	1000	16143	4	500	17864	23	500	19183	9	500
12899	46	500	14630	31	500	16190	5	500	17873	20	500	19210	45	500
12996	42	500	14658	44	5000	16201	38	500	17883	49	500	19273	11	500
13018	21	500	14668	49	500	16202	2	500	17967	7	500	19574	38	1000
13055	16	500	14690	31	500	16207	17	500	17993	44	500	19733	12	500
13057	34	500	14768	36	500	16281	34	500	18075	23	1000	19772	50	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 44, 193, 207, 431, 535, 561, 630, 635, 643, 869, 895, 977, 1237, 1277, 1345, 1435, 1500, 1507, 1769, 1928, 2113, 2124, 2206, 2328, 2354, 2440, 2466, 2471, 2493, 2505, 2682, 2789, 2853, 2877, 3014, 3034, 3038, 3072, 3315, 3354, 3375, 3727, 3768, 3798, 3814, 3841, 3960, 4252, 4293, 4298, 4299, 4536, 4612, 4691, 4731, 4855, 4889, 4988, 5061, 5082, 5185, 5497, 5633, 5676, 5744, 5752, 5756, 6013, 6114, 6140, 6212, 6251, 6319, 6474, 6480, 6556, 6779, 6816, 6902, 7042, 7045, 7135, 7365, 7824, 7965, 8011, 8059, 8063, 8234, 8281, 8367, 8484, 8501, 8515, 8578, 8749, 8882, 8906, 8931, 9030, 9069, 9110, 9116, 9443, 9538, 9575, 9585, 9748, 9754, 9840, 9848, 9896, 9994, 10063, 10102, 10150, 10171, 10291, 10414, 10618, 10651, 10746, 10792, 10845, 10940, 10951, 11021, 11073, 11113, 11131, 11305, 11360, 11405, 11412, 11651, 11653, 11774, 11801, 11923, 11934, 11935, 12198, 12214, 12288, 12305, 12393, 12789, 12865, 12996, 13185, 13215, 13357, 13402, 13406, 13543, 13561, 13588, 13712, 13737, 13747, 13839, 13849, 14050, 14082, 14201, 14280, 14339, 14346, 14450, 14528, 14542, 14643, 14671, 14675, 14700, 14702, 14753, 14788, 14810, 14831, 14834, 14930, 14941, 14957, 15135, 15208, 15373, 15404, 15469, 15476, 15478, 15567, 15778, 15875, 15877, 15961, 16113, 16201, 16248, 16276, 16357, 16793, 16841, 16895, 16915, 16921, 16944, 17102, 17140, 17203, 17254, 17295, 17380, 17409, 17477, 17626, 17634, 17669, 17775, 17832, 17863, 18021, 18059, 18201, 18620, 18648, 18694, 18749, 18807, 18816, 18825, 18836, 18903, 19092, 19145, 19239, 19361, 19449, 19631, 19966.

Всего 240 серій, составляющихъ 12.400 билетовъ, на сумму 1.680.000 рублей.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 11 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 марта 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 2.

Лиза (какъ можно громче). Да полноте-съ! **Фамусовъ** (зажимаетъ ей ротъ). Помилуй, какъ кричишь. Съ ума ты сходишь? (Дѣйствіе I, явленіе 2-е).

„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голпке и А. Вильборгъ.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть С. Караскевичъ *).

«Есть прелесть тайная во всемъ,
что не сбылось».

Лермонтовъ.

С. Караскевичъ

I.

Я съ матерью стояла у запертыхъ воротъ большого каменнаго дома, смотрѣвшаго на улицу темными, пустыми впадинами гранитнаго фундамента, въ глубинѣ которыхъ были видны толстыя, ржавыя рѣшетки. Такія же рѣшетки, — въ узоръ пореже, — были въ небольшихъ, квадратныхъ оконцахъ нижняго этажа, и только наверху, за зеркальными стеклами и тюлевыми занавѣсками, пышно цвѣли огненно-красныя герани, китайскія розы, восковой жасминъ и усыпанный сплошь цвѣтами кустъ блѣдно-розовыхъ камелій. Если бы не эти растенія—можно бы подумать, что домъ пустуетъ: ни одного открытаго окна, ни живого человѣка за стеклами оконъ, ни одного звука за наглухо-запертыми дубовыми воротами, на которыхъ между двумя гранитными балясинами укрѣплена желѣзная доска съ надписью въ прорѣзъ: „1815“.

На улицѣ стояла та непробудная тишь, какая бываетъ въ захолустныхъ городкахъ въ глухой послѣполуденный часъ, когда сонъ смариваетъ человѣка, а солнце загоняетъ въ тѣнь все живое. Только въ концѣ улицы, тупикомъ упершейся въ ворота женскаго монастыря, сидѣла монашка-привратница, назойливо и жалобно звякая колокольчикомъ на концѣ бархатной сумочки. Сонъ мирилъ и монашку: звуки колокольчика становились все рѣже, все тише, пока не замирали совсѣмъ, чтобъ черезъ минуту зазвенѣть испуганно, виновато и тревожно.

Много разъ обошли мы домъ, пока замѣтили въ одной изъ полукруглыхъ приворотныхъ калитокъ толстую веревку съ петлей, пропущенную сквозь выпиленную доску.

— Ужъ не звонокъ ли?

Я дернула за веревку — и сейчасъ же за воротами раздался глухой, низкій ударъ колокола, а за нимъ—отчаянный лай собакъ и звяканье катушки, съ дребезжаньемъ катившейся по канату.

— Настоящая крѣпость,—сказала мама, стараясь улыбнуться.

Гдѣ-то далеко, въ глубинѣ двора, послышались медленные, шаркающіе шаги, засовъ завизжалъ на калиткѣ, она подалась внутрь, и, заслоняя жгучее солнце, на ея порогѣ показался высокій мужикъ въ розовой рубахѣ распояской и опоркахъ на босу ногу.

— Мы къ Секлетеѣ Герасимовнѣ... Насъ ждутъ.

На лицѣ человѣка мелькнуло выраженіе подозрительности, онъ плотнѣе придвинулся къ калиткѣ и внимательно оглядѣлъ насъ обѣихъ.

— Никакой тутъ Секлитеи нѣтъ и не бывало. А вы чьихъ?

— Такъ доложите Аннѣ Ѳедоровнѣ:—къ Секлетеѣ пришли.

— Спитъ сама-то... Погодите маленько. Я доложусь.

Опять завизжалъ засовъ, и мы остались однѣ. И странно было думать, что въ десяти минутахъ ходьбы отсюда—большая Дворянская улица торговаго города, на которой блестятъ стеклами витринъ богатые магазины, гремятъ фаэтоны извозчиковъ и стоитъ большой бѣлый домъ съ надписью по фронтону: „Женская Министерская Гимназія“.

Въ эту гимназію меня только-что зачислили ученицей шестого класса, и мама со мною пошла къ старой пансіонской подругѣ, которая брала на себя заботу приглядѣть за мной, пятнадцатилѣтней дѣвочкой, на чужой сторонѣ. Объ этой подругѣ, Катѣ Стебаковой, моя мать, не отрѣшившаяся отъ пансіонскаго обожанія, говорила очень часто, и я знала ея романическую исторію со всѣми захватывающими подробностями. Внучка богатѣйшаго въ городѣ купца, она влюбилась въ пансіонскаго учителя и восемнадцати лѣтъ убѣжала съ нимъ прямо изъ пансіона, не побоявшись ни бѣдности ни родительскаго проклятія. Съ этого мѣста повѣсть любви становилась печальной: по проискамъ вліятельной родни, молодого талантливаго учителя перевели изъ губернскаго города въ захолустье, въ городское училище. Жили молодые плохо, и пришлось Катѣ вернуться въ родной домъ, гдѣ не сладко ея житье: мужъ паспорта не даетъ, и, откупаясь отъ полиціи деньгами, она живетъ затворницей, такъ что добраться до нея можно только, условившись заранѣе о словахъ и именахъ. Поэтому и у воротъ пришлось спрашивать ее подъ именемъ „Секлетеи“. И эта таинственность придавала въ моихъ глазахъ особенную прелесть новому знакомству

Прошла добрая четверть часа. Мы сидѣли на дубовой доскѣ, вдѣланной въ каменный пролетъ запертой калитки, по другую сторону воротъ, а черезъ дорогу свѣшивались съ забора, утыканнаго гвоздями, ярко-красныя кисти рябины и на нашихъ глазахъ будто дозрѣвали и рдѣли на припекѣ. На монастырской колокольнѣ ударило четыре... Жаръ сталъ чуть спадать.

За калиткой послышались шаги, и тотъ же мужикъ, уже подпоясанный и прибранный, распахнулъ ее со словами: „Пожалте! Просить приказано“. Вслѣдъ за нимъ мы прошли мимо широкаго чернаго крыльца, на которомъ закипали, врозь трубы, два ведерные, ярко вычищенные самовара, мимо двухъ каменныхъ лѣсенокъ внизъ, къ подвалу, запертому кованными дверями, и наконецъ постучались въ маленькую, ничѣмъ не защищенную, дверь на угольномъ крылечкѣ. Дверь открылась, и за нею, въ темной глубинѣ большой комнаты, мама бросилась на шею высокой, стройной женщинѣ. Она была статна и красива. По модѣ того времени, черныя косы ея лежали на головѣ короной, а темныя брови близко сходились, придавая лицу повелительное, немного суровое выраженіе. „Императрица византійская!“—мелькнуло у меня въ головѣ нежданное сравненіе изъ только-что сданнаго на экзаменѣ курса средней исторіи.

Катерина Егоровна первая оправилась отъ радостной встрѣчи. По лицу ея мелькнула чуть уловимая улыбка, когда она сказала, отстраняя мою мать:

— А ты, Лизокъ, такъ и осталась плаксой. Чего ревешь? Живы... свидѣлись... И за то слава Богу!

И она пошла ко мнѣ, протягивая обѣ большія, необыкновенно бѣлыя, красивыя руки.

— А это—младенецъ? Ну, здравствуй, женщина будущаго вѣка! Жить вѣдь тебѣ придется въ двадцатомъ... Тонка слишкомъ... какъ будто жидковата. Мы съ тобою, Лиза, въ ея годы надежнѣе казались.

— Только казались... Я, Катечка, ужъ совсѣмъ плоха.

— Я не о здоровьѣ... Тѣ изъ нашихъ подругъ, кого мнѣ встрѣчать приходилось, стали удивительно дряблымъ и пакостнымъ бабьемъ...

Я чувствовала, что мѣшаю, и растерянно бродила глазами по большой, темноватой комнатѣ, напоминавшей толстыми стѣнами и сводчатымъ потолкомъ монастырскую трапезную. Вся она была тѣсно заставлена дорогой, точно съ пожара разрозненной, мебелью: трюмо въ золоченой рамѣ, круглый массивный столъ корельской березы, шифоньерочки изъ краснаго дерева и палисандра... Въ одномъ углу пышно бѣлѣла кровать съ множествомъ кружевныхъ покрышекъ, а противъ нея—большая печь съ лежанкой изъ изразцовъ, на которыхъ были изображены синія, яркохвостыя птицы.

— Соловья баснями не кормятъ, сейчасъ будемъ чай пить,—сказала хозяйка и принялась доставать изъ шкапа посуду, потомъ—маленькій складной самоварчикъ, который налила водою изъ большого мѣднаго кувшина, и, вытащивъ изъ-подъ рукомойника шляпную картонку, стала класть изъ нея въ самоваръ уголья и лучину. И странно было видѣть эту нарядную, красивую женщину съ сосредоточеннымъ видомъ разжигающей сосновыя щепки.

Мама бросилась-было ей помогать.

— Сиди смирно... Я привыкла. У насъ весь домъ полонъ доносчиковъ. А такъ какъ по дѣдушкинымъ узаконеніямъ ѣсть можно только за общимъ столомъ, то приходится своими сред-

*) Стефанія Стефаніевна Караскевичъ-Ющенко—постоянный сотрудникъ «Нивы»,—недавно отпраздновала 25-лѣтіе своей литературной дѣятельности.

ствами устраиваться, если наверхъ итти не захочешь... Впрочемъ, мамаша насъ навѣрное не забудетъ.

— Катечка! Да разскажи мнѣ...

Катерина Егоровна указала на меня предостерегающими глазами и предложила поискать книгъ въ сосѣдней комнатѣ:

стопка книгъ. Я взяла самую большую изъ нихъ... Съ ея отогнутой страницы на меня глянуло прекрасное, зловѣщее лицо: женщина съ черной распущенной косой, съ огнистымъ вѣнцомъ на головѣ, шла къ убогимъ селеньямъ, навѣвая на нихъ смерть бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ крови. И была ли такъ

Фамусовъ. Не слушаю, подъ судъ! подъ судъ! (Дѣйствіе II, явленіе 2-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

— Тамъ журналы есть,—картинки посмотришь.

Я очень обрадовалась возможности уйти. Въ другой комнатѣ, еще болѣе темной отъ тусклой двойной рамы единственнаго окна, стояли длинные, узкіе столы, покрытые цвѣточками, луковицами и плошками съ чуть поднявшейся въ нихъ цвѣточной разсадой. По стѣнамъ громоздились сундуки, кованные бѣлой жестью укладки и шкатулки до самаго потолка, а въ образной бѣлѣли серебромъ окладовъ и мягко свѣтились жемчужными, низанными ризами старинныя иконы, освѣщенныя снизу нѣжнымъ свѣтомъ зеленой лампадки. Въ шкапикѣ подъ этой образной, рядомъ съ кубикомъ роснаго ладана и бутылкою лампаднаго масла, лежала

сильная художественной экспрессіей картина, или нервы мои были слишкомъ напряжены, но это изображеніе „Чумы", въ ту пору бродившей по берегамъ Волги, охватило меня ужасомъ. Я почувствовала, какъ волосы шевельнулись у меня на лбу отъ страха, и, закрывъ глаза, захлопнула книгу.

Въ слѣдующую минуту все мое вниманіе было поглощено разговоромъ въ другой комнатѣ:

— Какой ужасъ, Катя! Какъ онъ могъ такъ сильно измѣниться?

— Онъ совсѣмъ не мѣнялся. Просто былъ такой,—только мнѣ было его не видно изъ-за пансіонскихъ стѣнъ.

— Когда же ты все узнала?

— Въ первый же день нашего пріѣзда. Онъ, видно, надѣялся, что я догадаюсь захватить малую толику изъ дѣдушкиныхъ сундуковъ, потому что даже на свадьбу не припасъ ничего. И пришлось попу за вѣнчанье заплатить моими брильянтовыми сережками изъ ушей,—благо „отецъ“ былъ пьянъ и потому сговорчивъ. А дома, въ его пропахшей водкой конурѣ, шафера наши—дьячокъ, письмоводитель станового да фельдшеръ-франтъ въ ярко-красномъ галстухѣ—всѣ, перепившись, стали требовать, чтобы я показала приданое, принесенное изъ милліоннаго дома. И мужъ, едва держась на ногахъ, вытряхнулъ передъ ними все содержимое моего дорожнаго мѣшечка. Тамъ были щетки, гребенки, ночныя туфельки и много любовныхъ писемъ. Больше ничего не было, потому что я не догадалась подобрать ключъ ни къ одной дѣдушкиной шкатулкѣ. И хохотали они надъ моей простотой отъ души.

— И ты не ушла отъ него въ ту же ночь?

— Куда?..—Голоса на минуту смолкли.—Тебѣ кажется непонятнымъ, почему я теперь здѣсь, и ты не рѣшаешься спросить. Видишь ли, другъ единственный, ко всякому жизненному ужасу человѣкъ приходитъ добровольно только черезъ еще большій ужасъ... Съ того вечера для меня стали нипочемъ бѣдность, непривычная черная работа и побои пьянаго мужа. А заставили уйти—дѣти.

— Развѣ есть?

— Были... Двое. Одинъ умеръ двухлѣтнимъ. Ласковый былъ, умный. Умеръ въ судорогахъ, отъ воспаленія мозга. Другой—при самомъ рожденіи, тоже отъ эпилепсіи. Тогда мамаша, давно все простившая и все понявшая безъ словъ, тайкомъ отъ него увезла меня въ Москву. Впрочемъ, паспортъ онъ выслалъ срокомъ на три мѣсяца, для лѣченья. Съ тѣхъ поръ такъ и маюсь съ просроченнымъ паспортомъ, потому что въ Москвѣ знаменитый профессоръ сказалъ: „Въ вашемъ положеніи рожать дѣтей—преступленіе, потому что отъ пьяницъ родятся или эпилептики, или идіоты“.

— А мужъ что же? Какъ ты отъ него откупаешься?

— Въ томъ-то и горе, что откупиться нельзя: ни на какія условія не соглашается и по нѣскольку разъ въ годъ держитъ весь домъ въ осадѣ. Зато полиціи большой и малой пришлось переплатить столько, что, принеси я благовѣрному столько денегъ въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ, пріятели только бы ахнули.

— Ты еще шутишь, Катя,— не то съ удивленіемъ, не то съ упрекомъ сказала мама.

— А ты поплачь за меня—вотъ и выйдетъ раздѣленіе труда. Здѣсь, какъ водится, весь ритуалъ соблюли. Два дня простояла я на черномъ крыльцѣ, и наши добрыя души—приказчики—отворачивались отъ меня, какъ честные бюргеры старой Англіи отъ лэди Годивы. Потомъ дѣдушка вышелъ, хлестнулъ меня раза два плеткой, пожаловалъ къ рукѣ и указалъ дѣло въ домѣ: за цвѣтами ходить да неугасимыя лампадки наблюдать... Ты не смѣйся: ихъ, неугасимыхъ-то, одиннадцать. Какъ правнукъ родится — двѣнадцатую заведутъ,—тоже дѣло не легкое.

За дверью послышался голосъ:

— Къ тебѣ, Катя, можно?

— Вамъ, мамаша, всегда можно.

Вошла высокая, сѣдая старуха, и по разительному сходству сразу было видно, что она—мать Катерины Егоровны,—только глаза были мягче. Анна Ѳедоровна принесла подносъ, уставленный графинчиками и закусками, и поставила на столъ.

— Закусите, Лизанька, чѣмъ Богъ послалъ.—И тутъ же прибавила:—Окошечко бы лучше закрыли, а то, того гляди, дѣдушкѣ донесутъ.

Неслышно ступая бархатными лапками, вошелъ за нею большой, раскормленный котъ. Онъ усѣлся на стулъ, переступилъ съ лапки на лапку и, какъ человѣкъ, внимательно и серьезно сталъ оглядывать тарелки. Глаза у него были зеленые съ огнистыми искорками въ глубинѣ, а оторванный кончикъ уха болтался, какъ кисточка.

— Рекомендую, — сказала Катерина Егоровна: — воспитанникъ мой и другъ: котъ-Негрикъ. Какъ по уху видишь—въ походахъ и сраженіяхъ участвовалъ.

— Какихъ сраженіяхъ? — спросила я.

— Мартовскихъ. Насъ тутъ кошачій родъ одолѣлъ. Въ монастырѣ у монашекъ у каждой по кошечкѣ, а у насъ въ ссыпныхъ амбарахъ на вольныхъ мышахъ раскормились не котищи, а какіе-то тигры лютые. Вѣришь ли, такіе любовные концерты задаютъ, что монашки только отплевываются: „искушеніе“.

Была тихая августовская ночь, когда мы уходили. Большія голубыя звѣзды одна за другой срывались съ неба и, чертя огненный слѣдъ, падали въ рѣку. Три огромныя собаки-овчарки громко хлебали помои у чернаго крыльца, и какая-то баба, стоя на его верхней ступени, вопила: — Макаръ, а Макаръ! Неси ключъ, что ли! Самъ спрашиваетъ!

Лохматый мужикъ, уже снаряженный въ ночь, въ тулупѣ и съ колотушкой, отперъ намъ калитку огромнымъ, точно церковнымъ ключомъ и задвинулъ засовъ.

II.

Старика Стебакова, Капитона Парменыча, въ городѣ звали Капиталомъ Процентычемъ и, говоря объ его богатствѣ, называли какую-то

Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ? (Дѣйствіе II, явленіе 5-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Чацкій. Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе. (Дѣйствіе II, явленіе 8-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

многомилліонную сумму, въ реальность которой самъ говорившій не вѣрилъ. Но имя перваго городского богача всѣми произносилось съ тѣмъ безкорыстнымъ и безсмысленнымъ благоговѣніемъ, какое испытываетъ огромное большинство рода людского передъ всякимъ богатствомъ.

Съ такимъ выраженіемъ благоговѣнія и даже легкой оторопи вошла въ нашъ классъ классная дама и сказала, обращаясь ко мнѣ:

— За вами, Карповичъ, отъ Анны Ѳедоровны Стебаковой экипажъ прислали.

Товарки любопытно повернули головы въ сторону „новенькой", и я, краснѣя отъ дѣтскаго тщеславія, пошла садиться въ нарядную пролетку рядомъ со странной одноглазой женщиной, одѣтой въ темное полумонашеское платье. Женщина съ нескрываемымъ любопытствомъ косила на меня свой единственный глазъ и угодливо повторяла:

— Барышня, миленькая, осторожнѣй ножку-то на подножку!..

Не знаю, чѣмъ и какъ объяснили мое появленіе хозяину молчаливаго дома, но съ этого дня фактъ признавался совершившимся, и я сдѣлалась своимъ человѣкомъ въ семьѣ Стебаковыхъ.

Давно уже отобѣдали въ столовой, но въ комнатѣ Катерины Егоровны меня ожидалъ накрытый столъ.

— Торопись, милый младенецъ, а то сейчасъ придутъ звать насъ къ чаю, — говорила хозяйка, подвигая мнѣ одно блюдо за другимъ. — Дѣдушка любитъ, чтобы у стола вся семья была въ сборѣ.

Черезъ маленькую дверцу угловой комнаты мы прошли въ темный коридоръ, а изъ него какимъ-то тайничкомъ въ стѣнѣ — въ широкія, свѣтлыя сѣни, на потолкѣ которыхъ, въ куполѣ, была нарисована нагая женщина на лебедѣ. И оттого, что куполъ былъ полонъ золотого вечерняго свѣта, казалось, она плыветъ въ прозрачномъ облакѣ на бѣлой, ширококрылой птицѣ. Высокая лѣстница съ золочеными перилами и краснымъ ковромъ вела въ верхній этажъ. И все это было странно непохоже на суровый обликъ сѣраго, мрачнаго дома.

Молчалинъ. Есть у меня вещицы три... (Дѣйствіе II, явленіе 12-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Г. Голике и А. Вильборгъ.

у которыхъ уже стояли налитыя чашки чаю и лежало по два куска сахару и по ломтю ситнаго хлѣба. Въ уголкѣ, у самовара, сидѣла одноглазая Матрена Петровна и дружески мнѣ улыбалась. Въ комнатѣ долго молчали, поглядывая на дверь коридора. Наконецъ хозяинъ сказалъ:

— Тятенька, видно, сегодня не придетъ... Дай-ка, Анюта, газету.

Пока Анна Ѳедоровна ходила за газетой, у „большого“ стола разгоралась бесѣда: Матрена Петровна сообщила, что сегодня, возвращаясь со мною изъ гимназіи, встрѣтила головиху съ соборнымъ регентомъ.

— Истинно стыдъ потеряли,—рисовала она захватывающія подробности: — среди бѣла дня подъ ручку голубками гуляютъ.

— А сынъ ихній, давеча я видѣла...

— Перекрестись, Ѳеона Ивановна! — остановила вошедшая хозяйка: — какой у головихи съ регентомъ сынъ?.. Какъ ни какъ, а она мнѣ кума... Нехорошо тебѣ такъ говорить.

Егоръ Капитонычъ засмѣялся, злорадно хихикнула Матрена, а Ѳеона Ивановна, раздосадованная своей обмолвкой, насупилась и замолчала. Обѣ приживалки, взятыя въ домъ главнымъ образомъ для того, чтобы скрасить непомѣрную скуку хозяекъ-затворницъ, ревниво подстерегали хозяйское благоволеніе, постоянно ссорились другъ съ другомъ и плели вокругъ всего населенія большого, но глухого города непрерывную, безконечную паутину губернскихъ сплетенъ... Онѣ знали всѣ любовныя тайны, всѣ городскіе скандалы, всѣ новости общественной жизни. Теперь рѣчь зашла о подношеніи, которое именитое купечество посылало въ Петербургъ къ какому-то юбилейному торжеству.

— И нашли ее, эту ендову, у какого ни есть захудалаго мѣщанинишки, шебая, у насъ же въ Слободкѣ, — повѣствовала Матрена Петровна.

— Золотая она, что ли?..

Вдругъ за запертою дверью въ коридорѣ послышались тихіе, точно крадущіеся шаги, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскочили со своихъ мѣстъ и застыли, глядя на дверь... На порогѣ ея стоялъ маленькій, сѣденькій, темноликій старичокъ, въ бархатныхъ сапогахъ, съ деревяннымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, который вмѣсто углубленія наверху оканчивался гвоздикомъ.

— Огарочки, Аннушка, ты мнѣ собрала, что ли? — спросилъ онъ невѣстку.

И Анна Ѳедоровна сорвалась съ мѣста и побѣжала въ другую комнату:

— Какъ же, какъ же, тятенька, сейчасъ принесу!

Остальные суетились около старичка, усаживая его въ кресло, подставляя скамеечку подъ его опухшія ноги.

Хозяйка вернулась съ пригоршней низко обгорѣлыхъ стеариновыхъ огарковъ, одинъ изъ которыхъ тутъ же приладила къ гвоздику на подсвѣчникѣ.

— Спасибо, доченька! Да вы что встали?.. Пейте чай. Я ничего... Я съ вами посижу пока до наряда. Почитай-ка газету, Ягоръ.

Егоръ Капитонычъ взялъ номеръ „Новаго Времени“, которое въ ту пору и по возрасту было новымъ, и сталъ читать.

Въ общественной нашей жизни стояла тогда глухая, удушливая и жуткая гладь. Недавно отзвучали послѣдніе отклики великихъ событій: голгоѳскаго стоянія на Шипкѣ, 1-го марта, процесса Вѣры Засуличъ... Отсудили интендантовъ и мать Митрофанію съ „червонными валетами“,—тихо стало... А человѣческая душа тосковала и ждала чего-то новаго.

Въ тишинѣ замолкшей столовой было слышно, какъ приживалки откусываютъ сахаръ, какъ хрустятъ корочки на зубахъ Вани и Анна Ѳедоровна тянетъ чай съ блюдечка. И меня удивляло: почему всѣ эти испуганные появленіемъ дѣдушки люди пьютъ при

Катерина Егоровна замѣтила мое удивленіе:

— У насъ по старинѣ живутъ,—сказала она, подымаясь по лѣстницѣ: — въ жилыхъ комнатахъ семья задыхается, а для парадныхъ отведено полъ-этажа.

Въ передней, выложенной рѣзнымъ дубомъ, старый домъ напомнилъ о своихъ порядкахъ: при нашемъ входѣ задребезжалъ звонокъ, прикрѣпленный свернутой пружиной къ входной двери, и дребезжалъ долго и крикливо, пока черезъ длинную амфиладу гостиныхъ, диванной и угловой мы добрались въ столовую. Огромная комната казалась тѣсной отъ множества буфетовъ, поставцовъ и „горокъ“ съ серебромъ, а въ углахъ мягко бѣлѣли облитыя свѣтомъ лампадъ большія иконы, вырѣзанныя изъ слоновой кости. Посрединѣ были накрыты два круглыхъ стола, и на каждомъ изъ нихъ сиротливо высилась одна свѣча въ высокомъ серебряномъ подсвѣчникѣ. За столомъ сидѣли Анна Ѳедоровна, какая-то худощавая, костистая женщина съ восковымъ лицомъ и старикъ въ широкомъ парусинномъ сюртукѣ.

— Вотъ, папаша, какого младенца намъ Богъ послалъ, — сказала Катерина Егоровна, подводя меня къ отцу.

Егоръ Капитонычъ пожалъ мою руку пухлой, нездоровой рукой, долго смотрѣлъ на меня свѣтло-голубыми, добрыми глазами и сказалъ, улыбнувшись ясной, дѣтской улыбкой:

— Хорошій младенецъ... уже большой.

Такъ и утвердилась за мною эта насмѣшливо-ласковая кличка. Правда, среди этихъ большихъ, дородныхъ людей я, маленькая ростомъ, съ дѣтски-покатыми плечами и пепельной косой, казалась ребенкомъ, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ. Семнадцатилѣтній Ваня, братъ Катерины Егоровны, сидѣвшій за другимъ столомъ, былъ настоящій богатырь: выше отца ростомъ, съ широкими плечами и темными кудрями-скобкой на головѣ, онъ напоминалъ мать глубокимъ и мягкимъ взглядомъ черныхъ, ласковыхъ глазъ. Другой братъ, Семенъ, съ дѣтства росъ калѣкой; горбунъ съ непомѣрно большой головой и длинными руками, онъ выглядѣлъ больнымъ и жалкимъ, и только глаза, умные и свѣтлые, какъ у отца, скрашивали его блѣдное, некрасивое лицо. За этотъ второй, „дѣтскій“ столъ усѣлись мы къ своимъ приборамъ,

немъ чай съ такой откровенной жадностью? Мнѣ чай казался невкуснымъ, ѣсть не хотѣлось, и я легонько отодвинула чашку.

— Пей непремѣнно, — шепнула мнѣ Катерина Егоровна, незамѣтно придвигая мой приборъ обратно.

— Кто шепчетъ? О чемъ, бишь? — спросилъ дѣдушка, обладавшій удивительно тонкимъ слухомъ.

— Да Ванюша чайку еще проситъ, — пришла намъ на помощь Анна Ѳедоровна.

— Что жъ, дай. Ты ему дай. Послаще вели налить.

И опять безъ конца пили чай, и Егоръ Капитонычъ читалъ про адресы и земскія собранія. А сухенькій старичокъ смотрѣлъ, облизывалъ языкомъ сизыя губы, чмокалъ и сжималъ и разжималъ узловатые, скрюченные пальцы, — ни дать ни взять, какъ сжимаетъ паукъ-косарь свои уже оторванныя отъ туловища лапы.

— Брось! наконецъ сказалъ старикъ. — Туды поѣхали, сюды пріѣхали... все ни къ чему. Ты мнѣ настоящее дѣло вычитай: въ какомъ городѣ какой купецъ померъ, сколько капиталу оставилъ, кому да кому отказалъ. А не то поищи, не строютъ ли гдѣ новыхъ церквей-обителей, — надо бы облаченія послать.

Приживалки принесли работу: глазетовый „воздухъ" и епитрахиль малиноваго бархата, и дѣдушка собственноручно зажегъ своимъ огарочкомъ одинокія свѣчи на обоихъ столахъ.

— Ну, работайте съ Господомъ, со Христомъ... А ты, Ягоръ, неси счета: никакъ „мальчонка" съ мельницы за нарядомъ пріѣхалъ.

Егоръ Капитонычъ взялъ отца подъ руку, обѣ приживалки, толкая другъ друга, подхватили другой локоть... Слѣдомъ прошелъ въ кабинетъ дѣдушки „мальчонка" — сорокалѣтній приказчикъ, необычайно грузный, угрюмый, навѣки чѣмъ-то пришибленный человѣкъ. Когда дверь за ними закрылась, Катерина Егоровна сказала мнѣ тихонько:

— Я забыла тебя предупредить: при дѣдушкѣ надо непремѣнно дѣлать видъ, что ѣшь.

Наталія Дмитріевна. Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ. (Дѣйствіе III, явленіе 6-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Лиза. Вы, сударь, камень, сударь, ледъ. (Дѣйствіе IV, явленіе 12-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Ванина комната была внизу, за темнымъ тайничкомъ. Такія же въ ней были квадратныя, подслѣповатыя окна, какъ и въ комнатѣ Катерины Егоровны, и поражала она съ перваго взгляда богатствомъ цвѣтовъ и растеній во всѣхъ ея концахъ. Особенно хороши были кильскіе тростники, циперусы, стройные и широковерхіе, какъ маленькія пальмы. Они наполняли большой акваріумъ, стоявшій посрединѣ, и купами темнѣли по угламъ, гдѣ тянулись какіе-то шнуры и проволоки.

Ваня дотронулся до стѣны—и комната освѣтилась мягкимъ, ровнымъ голубымъ свѣтомъ, упавшимъ съ потолка. Въ глухихъ захолустьяхъ тогда только краемъ уха слышали объ электричествѣ, и бѣлый шаръ, освѣтившій комнату Вани, мнѣ показался чудомъ. А внизу, въ акваріумѣ, изъ-подъ камней и тростниковъ выплывали золотыя рыбки и уставлялись жемчужными глазами на свѣтъ, высунувъ изъ воды свои тупыя, простодушныя головы; и радужными нитями тянулись водяные пузырьки отъ разыгравшихся морскихъ коньковъ.

Вошла Анна Ѳедоровна съ полными руками лакомствъ и сластей. Но мнѣ было не до ѣды... Комната Вани, вся обвитая электрическими проводами, которые заставляли звонки звенѣть, маленькія лодочки и паровозы двигаться, волшебный фонарь свѣтиться,—стала для меня сказочнымъ царствомъ, которое еще такъ недавно жило въ моей душѣ, не успѣвшей оторваться отъ родного дома, отъ няниныхъ сказокъ, отъ лѣсныхъ страховъ родныхъ деревень.

— Да мнѣ не хочется.

— Ты хоть пустой ротъ шевели: — надо исполнить прихоть больного человѣка... У дѣдушки — суженіе пищевода, онъ давно питается одною жидкою пищей и рано или поздно умретъ отъ голода...

Она выговорила эти пугающія слова жестко и холодно и, когда я спросила:

— Зачѣмъ же онъ смотритъ, какъ другіе ѣдятъ? — въ отвѣтъ шевельнула плечомъ:

— Тоже своего рода болѣзнь... Когда другіе жуютъ, ему кажется, будто и онъ наѣдается. Прежде въ ротъ бралъ кусокъ и жевалъ все время, когда мы ѣли. Да докторъ запретилъ: сдержать себя не можетъ — пытается проглотить, а это для него опасно.

Ваня распахнулъ дверь на балконъ. На дворѣ стоялъ еще бѣлый день, и въ его блескѣ сиротливо утонуло желтое пламя ненужныхъ свѣчей. Заря погорѣла далеко, за рѣкою, за широкимъ шляхомъ, усаженнымъ березами, въ сизыхъ лучахъ, гдѣ бѣжалъ поѣздъ, развивая за собою бѣлую, облачную ленту пара, который свѣтился розовыми и золотыми отблесками въ лучахъ заката... Донесся крикъ локомотива, четкіе удары монастырскаго колокола, и голуби, туча голубей, звеня крыльями, носились надъ дворомъ и крышами амбаровъ.

III.

— Мы, Ваня, къ тебѣ сидѣть пойдемъ,— объявила Катерина Егоровна, вставая изъ за стола.

Чацкій. Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ. (Дѣйствіе IV, явленіе 14-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

— А какъ твой телефонъ?—спросила Катерина Егоровна.

— Не совсѣмъ ладится. Хочешь попробовать?

Онъ ушелъ въ другую комнату, а Катерина Егоровна стояла у стѣны, положивъ себѣ въ уши черныя палочки,—и лицо ея свѣтилось смѣхомъ, какъ во время веселой бесѣды. За Катериной Егоровной телефонъ слушалъ Сеня, потомъ мать.

Наконецъ пришла моя очередь.

— Стойте неподвижно, руками до проводовъ не дотрагивайтесь,—училъ Ваня, вкладывая мнѣ въ уши каучуковые рожки.

Онъ ушелъ. Я стояла вся замерши отъ напряженія и вдругъ услышала, какъ стѣна спросила голосомъ Вани:

— Отчего у васъ, Таня, такой веселый, дѣтскій смѣхъ и такіе печальные глаза?

Я вскрикнула и опустила трубки... Тѣмъ временемъ Сеня досталъ скрипку. Играть ему можно было только въ этой, отдаленной отъ кабинета, части дома. Иногда чуткое ухо старика улавливало поющіе звуки, и тогда говорили ему, что въ „молодцовскую" пришелъ соборный регентъ разучивать новый тропарь... Поэтому Сеня началъ съ духовныхъ пѣсенъ. И долго игралъ онъ пьесу за пьесой, забывъ и дѣдушку и насъ, сидѣвшихъ вокругъ него въ тихомъ и свѣтломъ забытьѣ. Изрѣдка вздыхала Анна Ѳедоровна, да чуть слышно всплескивалась рыбка въ бассейнѣ. На колокольнѣ пробило девять. Торопливымъ боемъ, перегоняя звонъ, отбили часики на письменномъ столѣ. Звуки скрипки оборвались на половинѣ такта...

— Ужинать пора; идемте, дѣти!

Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ стояла черная тьма. Мы шли, взявшись за руки цѣпью, и мнѣ казалось, что кто-то черный и страшный тянется длинными руками къ намъ изъ угловъ.

За ужиномъ ѣли плохо: кусокъ не шелъ въ горло подъ холоднымъ, свѣтящимся жадностью, взглядомъ старика. А онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, дрожалъ отвисшей челюстью, жевалъ сизыя губы и сучилъ длинными, узловатыми пальцами. Потомъ позвали въ столову повара Дормидона и „молодцовскую" кухарку, древнюю Федулиху, и долго обсуждали, что и кому завтра ѣсть.— Пирогъ, курникъ, каравайчикъ, леванное, соковое, тѣльное,— раздавались со всѣхъ сторонъ предложенія. Ѣда было единственное общее дѣло, соединявшее всѣхъ обитателей стараго дома, и дѣдушка не хотѣлъ выпустить этого важнаго дѣла изъ своихъ слабѣющихъ рукъ. А когда все обсудили, и старый хозяинъ ушелъ, Анна Ѳедоровна поставила около себя десятокъ крошечныхъ чашекъ и тарелочекъ и начала въ нихъ раскладывать котлетку, соусъ, пирожокъ, пару черносливинъ изъ компота...

— Для кого это?—удивленно спросила я Катерину Егоровну.

— Для бабушки... Она у насъ вѣчно голодаетъ.

— Тоже больная?

— Нѣтъ, здоровая. И очень любитъ покушать. Только дѣдушка за давностью лѣтъ не привыкъ отдѣлять жену отъ себя самого и съ тѣхъ поръ, какъ его посадили на молоко и разболтанныя яйца, требуетъ, чтобы и бабушка тѣмъ же питалась. Вотъ мамаша и разставитъ всѣ эти чашечки и тарелочки по дому: за занавѣски, подъ шкапъ, въ ящики... Какъ только дѣдушка задремлетъ — бабушка и перехватитъ кусочекъ. Жаль только, что спитъ онъ плохо: иной разъ всю ночь по дому бродитъ, и не дай Богъ, если съѣстное найдетъ: — всѣмъ тогда достается, и случается, въ наказанье всю семью дѣдушка сажаетъ на борщъ и кашу.

Тревожно спалось мнѣ въ ту ночь. Сторожъ билъ въ колотушку, кричали коты. Постель, приготовленная на длинной укладкѣ изъ груды перинъ, была непривычно горяча и мягка. И неопредѣленные, смутные страхи охватывали душу: чудилась „чума" съ окровавленнымъ платкомъ въ рукѣ, вспоминалась голодная бабушка, слышались крадущіеся шаги умирающаго съ голоду дѣдушки, который бродитъ по дому съ огаркомъ въ рукѣ, дрожитъ отвисшею челюстью и сучитъ свои жадные, узловатые, скрюченные пальцы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Горе отъ ума".

въ иллюстраціяхъ
академика Д. Н. Кардовскаго.

(Съ 9 иллюстраціями на стр. 201—209).

Выдающіеся западные писатели то сплошь, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ произведеніяхъ бывали часто предметомъ вниманія талантливыхъ художниковъ-иллюстраторовъ. Извѣстны цѣлыя галлереи иллюстрацій къ Шекспиру, Байрону, Мольеру, Шиллеру, Гёте. Художественная интерпретація текста, исполненная талантливо, въ соотвѣтствіи духу даннаго автора, съ соблюденіемъ историческихъ чертъ эпохи, не только украшаетъ книгу, но ближе знакомитъ читателя съ изображаемымъ міромъ, усиливаетъ литературныя впечатлѣнія.

Русскіе классики до сихъ поръ иллюстрируются рѣдко и лишь отрывочно. Иллюстрированныя русскія изданія и серіи рисунковъ къ отдѣльнымъ крупнымъ произведеніямъ можно по пальцамъ перечесть. Разумѣется, ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ, ни Толстой не были забыты иллюстраторами, но ни одинъ изъ этихъ великихъ писателей до сихъ поръ не нашелъ художника-интерпретатора, который освѣтилъ бы его творческое наслѣдіе цѣликомъ и въ единомъ стилѣ отъ начала до конца.

Въ этомъ смыслѣ повезло одному только Грибоѣдову. Онъ весь сказался въ одномъ произведеніи—въ „Горѣ отъ ума". Все остальное написанное имъ далеко уступаетъ этой комедіи; въ ней одной его права на безсмертіе, и лишь „Горе отъ ума" должно привлекать вниманіе иллюстраторовъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣльные рисунки, случайно появлявшіеся въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, между прочимъ, и въ „Нивѣ", мы упомянемъ лишь болѣе крупныя попытки. Таковы изданія Н. Тиблена, 1862 г., съ 26 рисунками М. С. Башилова; К. И. Шамова, 1864 г., съ рисунками Іогансона; „Общественной Пользы", 1866 г., съ 32 рисунками П. А. Соколова; Н. Аскарханова, 1897 г., съ 10 рисунками К. Изенберга. Обо всѣхъ этихъ иллюстраціяхъ можно сказать одно: онѣ не чужды крупныхъ техническихъ недостатковъ и весьма мало историчны; среди нихъ на первомъ мѣстѣ, впрочемъ, надо поставить рисунки Башилова. Сценическія постановки „Горя отъ ума" закрѣплены въ изданныхъ въ 1887 г. журналомъ „Будильникъ" восьми фототипіяхъ, воспроизведенныхъ съ фотографій

Лиза. Переведу часы...
„Горе отъ ума". **Комедія А. С. Грибоѣдова съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.** Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

(постановки московскихъ Малаго театра и театра Корша), и въ приложенной къ „Вѣстнику Европы“ 1910 г. серіи типовъ комедіи въ постановкѣ московскаго Художественнаго театра, зарисованныхъ Д. И. Россинскимъ.

Но лучшаго интерпретатора, сумѣвшаго колоритно, продуманно, съ полной исторической точностью освѣтить текстъ рядомъ рисунковъ, знаменитая комедія нашла въ лицѣ академика Д. Н. Кардовскаго, однотонныя и красочныя иллюстраціи котораго воспроизведены въ безподобномъ по роскоши изданіи „Горя отъ ума“, недавно выпущенномъ извѣстной петербургской издательской и типографской фирмой Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даны въ настоящемъ № „Нивы“. Читатель оцѣнитъ по достоинству и общую композицію рисунковъ, и историческія подробности костюмовъ и обстановки, и типическую выразительность лицъ, изъ которыхъ особенно удались Д. Н. Кардовскому Фамусовъ и Молчалинъ.

Н. Л—ръ.

* * *

Въ сердцѣ моемъ только свѣтлая нѣжность,
Молчаніе свѣтлой безвольной печали,
Въ немъ темныя жалобы плакать устали,
Умерла безнадежность.

Я больше тебя не люблю: не страдаю
Въ разлукѣ съ тобой, не молюсь, не тоскую,
Слѣды твоихъ маленькихъ ногъ не цѣлую,—
Я тебя забываю.

Я чары твои—сказку счастья—забуду,
Улыбкѣ твоей—дорогому обману—
Я больше молиться безсильно не стану,
Больше плакать не буду.

Въ сердцѣ моемъ умерла безнадежность,
И стало въ немъ тихо, свѣтло и печально,
Въ немъ только сіянье улыбки прощальной:
Только свѣтлая нѣжность.

Л. Андрусонъ.

Чужіе.

Посмертный разсказъ **Виктора Гофмана.**

Перепечатка воспрещается.

Стройно и мѣрно, словно въ осуществленіе какого-то чудеснаго плана или управляемая скрытой системой двигателей, вращается, колеблется, прокладываетъ свои плавные круги катающаяся на скэтингъ-ринкѣ толпа. Кажется, ничѣмъ не остановить этого движенія, этого сложно дѣятельнаго механизма: если же отдаться ему, вступить на сверкающій трэкъ—мгновенно подхватятъ могучія силы, вовлекутъ, втянутъ въ свой размѣренный, шумно мятущійся ходъ...

Увидѣвъ знакомыхъ, Зина стала выбираться изъ катающейся толпы. Не сразу удалось ей задержать, замедлить бѣгъ коньковъ, не сразу сумѣла она, закладывая ногу за ногу, повернуть на середину обширнаго круга, гдѣ меньше народу и ярко блеститъ электричествомъ полъ; оттуда, круто повернувшись, она быстро и ловко подкатилась къ барьеру.

У барьера, глядя куда-то вверхъ передъ собою, стояла ея подруга Маня съ неизмѣннымъ спутникомъ своимъ Гурычевымъ; съ ними—еще какой-то высокій студентъ. Они казались ошеломленными свѣтомъ, шумомъ, безпрерывнымъ мельканіемъ катающихся фигуръ; глаза ихъ блуждали гдѣ-то надъ толпою, вдоль разукрашенныхъ стѣнъ скэтингъ-ринка.

— Ахъ, вотъ и она,—обрадовалась Маня, завидя подругу.—Мы такъ и думали, что ты здѣсь...—Потомъ быстро повернулась къ незнакомому студенту:—Позвольте васъ познакомить... Господинъ Жухинъ—моя подруга.

Зина протянула ему руку. Онъ неловко согнулся, здороваясь, и заглянулъ ей въ лицо.

„Долговязый какой-то“,—подумала Зина.

— Какой здѣсь однако шумъ,—быстро и словно встревоженная чѣмъ-то говорила Маня.—И народу сколько, ужасно. Что значитъ—мода. А помѣщеніе, правда, очень красиво.

Всѣ оглянулись. Скользнули взоромъ по разрисованнымъ плафонамъ, на которыхъ красовались верблюды и тропическія пальмы, по задрапированнымъ стѣнамъ; разсѣянно посмотрѣли на разноцвѣтныя гирлянды электрическихъ фонариковъ, тянущіяся надъ боковыми балконами.

— Ну, помѣщеніе-то не изъ изящныхъ,—тономъ знатока заявилъ Гурычевъ.—Я ожидалъ куда лучшаго. Безвкусно, и стиля никакого. Что за нелѣпость, напримѣръ, эти синіе фонари! Одно хорошо, это—полъ. Смотрите, блеститъ, какъ зеркало.

Ему ничего не отвѣтили, хотя и посмотрѣли на полъ. Плавно заигралъ оркестръ, Жухинъ придвинулся къ Зинѣ.

— Вы что же—большая любительница кататься?—спросилъ онъ тихо.—Это весело?

— Очень.—Она задорно взглянула на него.—А вы сами не катаетесь?

— Нѣтъ, я не умѣю. Мы пришли только посмотрѣть. Я вѣдь впервые на скэтингѣ.

Голосъ у Жухина былъ низкій: ротъ, когда онъ говорилъ, странно удлинялся. Зина съ любопытствомъ приглядывалась къ нему.

Музыка разливалась полнѣй и шире. Звуки ея глубоко и сочно звенѣли въ высокой залѣ. На трэкѣ набиралось все больше мелькающихъ, безпокойныхъ, чернѣющихъ фигуръ. Раздался тихій, продолжительный звонокъ—и что-то непонятно и глухо прокричалъ маршалъ поля.

Зина опять подошла къ Манѣ.

— А ты не будешь сегодня бѣгать?—спросила она, невольно скользнувъ взглядомъ по ея фигурѣ. Маня легко передернула плечами.

— Нѣтъ, мнѣ что-то нездоровится,—объяснила она. Дѣйствительно, она выглядѣла блѣдной, и легкая тѣнь залегла у нея подъ глазами.—Владиміръ Васильевичъ, пойдемте на хоры.

Въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ Гурычеву, слышалась какая-то старательная принужденность. Чувствовалось, что наединѣ они говорятъ иначе.

— Сейчасъ будетъ кинематографъ,—радостно объявлялъ тотъ.—Теперь вѣдь здѣсь завели и кинематографъ. Впрочемъ, мы можемъ смотрѣть и сверху.—Онъ взялъ Маню подъ руку.

— Какое мельканіе, какое смятеніе, какая тревога,—смотрите,—указывалъ Зинѣ Жухинъ на оживившійся трэкъ.—Неистовый трепетъ жизни. Мнѣ кажется, я бы чувствовалъ себя тамъ очень безпокойно. И еще эти разноцвѣтные лучи съ боковъ...

Зинѣ онъ казался страннымъ. Но почему-то ей было очень весело и хотѣлось смѣяться. Заиграли ея любимый вальсъ; напѣвая, она направилась къ катку.

— Мы наверхъ,—напомнила Маня съ лѣстницы Жухину.—Вы съ нами?

— Сейчасъ.—Онъ послушно отошелъ отъ Зины. Увлекательно ширясь, звенѣлъ вальсъ. Громко стуча по деревянному помосту коньками, Зина уже выходила на трэкъ.

— До свиданія,—крикнула она Жухину, вкатываясь въ плавно скользящую толпу. Со смѣхомъ бѣгло и лукаво обернулась. Сухо позвякивающіе коньки уносили ее, вовлекали въ общее теченіе. Точно морской прибой, хлещущій о прибрежные камни, несмолкаемый со всѣхъ сторонъ окружилъ ее шумъ.

Завершивъ кругъ, Зина взглянула на балконъ и сейчасъ же увидѣла Жухина. Низко и неуклюже склонясь надъ барьеромъ, онъ смотрѣлъ на нее.

Кататься весело. Трэкъ въ самомъ дѣлѣ чудесный: гладкій, блестящій, изжелта-сѣрый: скользишь по нему, какъ по льду. Легко катятся, неудержимо увлекаютъ коньки: кажется, выросли крылья, или кто-то крылатый и вольный сзади движетъ, подхватываетъ и ведетъ. На блестящемъ полу смятенно отражены подвижныя, быстрыя тѣни бѣгущихъ, и длинными, сіяющими полосами лежитъ свѣтъ. И какъ-то спуталось, смѣшалось все: трепещетъ, колышется, шумитъ,—безумная радость, безумная суета!

То и дѣло музыка. Почему-то кажется, что она цвѣтная: всѣ звуки окрашены въ глубокіе яркіе цвѣта. Весело, что она такъ звучна. И опять вальсъ, чудесный, упоительный вальсъ.

Зина въ самой гущѣ толпы, пестрой, шмыгающей, обгоняющей среди подвижныхъ фигуръ, среди мятущихся тѣней, въ самомъ блескѣ и шумѣ. Какой странный этотъ шумъ: точно ссыпаютъ куда-то камни, или волны неустанно перекатываютъ крупный прибрежный песокъ. Если закрыть глаза—можно представить себѣ, что со всѣхъ сторонъ—мятежное, необозримое море. Но это только на минуту; потомъ опять все становится ясно: катятся неудержимо коньки — вправо, влѣво, все быстрѣе бѣгъ. Каждый шагъ выходитъ вольнѣе и дальше, чѣмъ ожидала сама.

Опять заливчатый, серебристый, трепетный звонокъ. Среди катающихся легкое смятеніе: пріостановились, повертываютъ; надо очистить поле. Толпятся у барьеровъ, заполняя придвинутые къ нимъ ресторанные столы.

На замолкшемъ, пустынномъ трэкѣ длинный англичанинъ-инструкторъ съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ показываетъ свое искусство. Вальсируетъ, вертится волчкомъ, сгибается, вотъ почти опрокинулся, вотъ плавный прыжокъ—и опять пошелъ красивымъ дробнымъ бѣгомъ. Точно мелкими молоточками ударяетъ коньками въ полъ. Другой инструкторъ издали сопровождаетъ его, серьезно слѣдя за его маневрами. Зину окружили знакомые; постепенно собрались постоянные ея кавалеры—Розенгольцъ, Семеновъ, Шишко. Толпясь вокругъ нея, они смотрятъ на инструктора, дѣлаютъ свои замѣчанія. Зинѣ неинтересны ихъ мнѣнія, и она почти не слушаетъ ихъ. Маня, Гурычевъ и Жухинъ остались гдѣ-то наверху.

Опять залился звонокъ, и инструкторъ объявилъ общее катанье. Мгновенно заполнился катокъ, зарябилъ, закишѣлъ, зашумѣлъ. И Зина оттолкнулась отъ барьера.

Поочередно, то съ тѣмъ, то съ другимъ катается Зина. Сплетя руки, плавно движутся въ парѣ. Такъ часто переходитъ она отъ одного къ другому, что уже почти не помнитъ, съ кѣмъ она сейчасъ. Всѣ ухаживаютъ, всѣ что-то говорятъ, и со всѣми весело. Зина безпрестанно смѣется, много сама говоритъ, и ей кажется все, что она говоритъ сегодня, очень весело, хорошо и нравится ея кавалерамъ. Все вокругъ—точно пестрый сонъ. Такъ далеко отошла всегдашняя жизнь: магазинъ, гдѣ она служитъ, домашніе. Никогда еще не было ей такъ странно весело на каткѣ.

Шишко неразговорчивъ. Но онъ прекрасно катается, и Зина учится у него. И сейчасъ онъ обучаетъ ее дѣлать на одной ногѣ поворотъ, голландскому шагу и полькѣ.

— Ничего, ничего, не бойтесь,—ободряетъ онъ ее.—Не упадете. Лѣвѣе, лѣвѣе. Не упирайтесь такъ на мою руку. Видите, какъ легко.

Музыка бойко-разсыпчато заиграла „па-де-патинеръ". Шишко ловко повелъ Зину веселымъ, быстро скользящимъ, красивымъ шагомъ...

Розенгольцъ ревнуетъ.

— Вы что-то очень веселы сегодня,—говоритъ онъ ей многозначительно.

— А почему бы мнѣ не веселиться?—съ непонимающимъ видомъ смѣется она.

— Я васъ ждалъ вчера,—добавляетъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Зинѣ нравится, что онъ сердится и ревнуетъ. Это такъ пріятно: чувствуешь себя важной и сильной. Онъ очень влюбленъ, несчастный. Но не можетъ же она быть только съ нимъ, не отходить отъ него, все дѣлать ему въ угоду!

— А вы стали очень мрачнымъ,—торжествующе заявляетъ она.—Почему такъ?.. Вы знаете Жухина? Меня только-что съ нимъ познакомили. Когда увидимся... не знаю. Неправда ли, Маня сегодня очень интересна?

Семеновъ, толстый и бѣлокурый, старается забавлять ее. Между остротами увѣряетъ, что безнадежно въ нее влюбленъ, и допытывается, очень ли она любитъ Розенгольца. Не вѣритъ, когда она утверждаетъ, что нисколько. А между тѣмъ это правда,—сегодня она это вполнѣ поняла. Около эстрады онъ показалъ ей сестеръ Гурычева, двухъ похожихъ другъ на другу тоненькихъ барышень въ синихъ шелковыхъ платьяхъ. Барышни вертляво переминались на одномъ мѣстѣ. Зинѣ показалось, что онѣ посмотрѣли на нее презрительно. А Шишко, по словамъ Семенова, живетъ съ генеральшей безъ зубовъ... Зинѣ не понравилось, что онъ сплетничаетъ про товарищей.

На поворотѣ, когда они оба столкнулись, онъ крѣпко обхватилъ ее за талію, слишкомъ высоко однако дотрагиваясь до ея груди. Зина быстро обернулась къ нему, вопросительно взглянула въ лицо. Онъ ей нѣжно улыбнулся. Тогда, мгновенно разсердившись, она высвободилась отъ него и, ни слова не говоря, наискось, черезъ весь катокъ, покатила къ берегу.

— Позвольте, я сниму съ васъ коньки.—Жухинъ проговорилъ это нерѣшительно. Зина удивилась.

— Вы? Развѣ сумѣете?—Потомъ сразу рѣшила:—Снимайте.—Ковыляя, быстро подошла къ скамейкѣ и стремительно упала на нее.—Все-таки я устала.

Жухинъ опустился передъ нею на одно колѣно.

— Гдѣ же вашъ ключъ?—Съ серьезнымъ видомъ сталъ развязывать ремень.

Зинѣ было пріятно, когда онъ касался ея тѣснаго ботинка своими большими, жилистыми руками. Какъ-то неловко и покорно согнулся онъ передъ нею. Отъ напряженія на лбу обозначалась синяя жила.

— А вы что дѣлали? — допрашивала она его. — Все стояли да смотрѣли? Интересно?

Вотъ сняты коньки: странное ощущеніе чего-то разминающаго, неловкости и вмѣстѣ съ тѣмъ легкости въ ногахъ. Жухинъ проситъ ее еще немного съ нимъ остаться. Вмѣстѣ они подошли къ барьеру.

— Вотъ смотрѣлъ я, — медленно говорилъ Жухинъ: — и казалось мнѣ, катокъ этотъ, точно міръ, или что-то важное дѣлаетъ въ мірѣ. Какъ многихъ онъ объединяетъ и, можетъ-быть, сводитъ здѣсь. Необходимы ли эти встрѣчи... или все — только случай и его игра?..

Зина его не особенно поняла и ничего не нашлась отвѣтить. Но это и не занимало ея. Съ невольнымъ удивленіемъ глядѣла она на него, бѣглыми, боковыми взглядами присматривалась къ его лицу, еще незнакомому, кажущемуся какимъ-то нецѣльнымъ, разрозненнымъ, въ которомъ еще видна каждая часть. Носъ у него съ горбинкой. „Онъ некрасивый, — подумала она съ приливомъ внезапной нѣжности: — некрасивый и долговязый".

— Вотъ и Марія Павловна, — прервалъ себя Жухинъ.

Маня приближалась все съ тѣмъ же встревоженнымъ, дѣланно-развязнымъ видомъ. За нею, какъ пристегнутый, шелъ Гурычевъ. Зина опять невольно скользнула взоромъ по ея фигурѣ. Они уходятъ домой. Зина тоже стала собираться.

— Позволите васъ проводить? — тихо попросилъ ее Жухинъ. Она опять нѣсколько удивилась. Онъ не такой уже неловкій, какъ думалось сначала. Но все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, казалось ей попрежнему неожиданнымъ и страннымъ.

— Пожалуйста. — Потомъ зачѣмъ-то спросила: — А вамъ развѣ по пути? — Посмотрѣвъ на Гурычева, думала: „Неужели онъ не женится на Манѣ? Какъ это она могла?" Зина была увѣрена, что съ нею ничего подобнаго не можетъ случиться.

Вдругъ передъ нею выросъ Розенгольцъ.

— Гдѣ вы были? Мы васъ ищемъ. Уже сняли коньки? Уходите? — Онъ казался растеряннымъ.

— Кланяйтесь всѣмъ отъ меня. Мнѣ пора.

— Васъ нельзя проводить?—и взволнованнымъ голосомъ тихо:—Зина, что это? Почему такая перемѣна?

Зина увѣряетъ, что ничего не перемѣнилось. Все—какъ прежде. Ну, хорошо, завтра онъ можетъ встрѣтить ее у магазина. Тогда объяснятся. До свиданія.

— Пойдемте, — подала она руку Жухину. Вспомнила вдругъ, что у Розенгольца дрожала сейчасъ нижняя губа. И все жъ не почувствовала къ нему жалости.

Вышли на улицу. Тихій, мерцающій, тускло-серебряный вечеръ. Сразу захватили въ свой міръ пестрые огни, колышащіяся, пятнистыя тѣни, холодная бѣлизна снѣговъ. Улица мерцаетъ, зоветъ, пьянитъ. Они идутъ подъ руку. Въ головѣ звенитъ навязчивый вальсъ скэтингъ-ринка.

— Вы служите? Въ магазинѣ?—допытывался Жухинъ со странной настойчивостью.

— Да вамъ на что? — удивлялась Зина. — Что за любопытство!

Но онъ упорно продолжалъ ее разспрашивать. Онъ все хотѣлъ знать: какъ она живетъ, кто ея подруги и знакомые, какъ проводитъ свободное время? Она попрежнему его не понимала, все еще продолжая къ нему присматриваться.

Онъ говорилъ странныя вещи.

— Я думаю, не мало разсудочнаго лежитъ обыкновенно въ основѣ каждой любви. Какъ будто спрашиваютъ сначала разсудокъ, можно ли опьяниться душѣ. Приноравливаются, приспосабливаются другъ къ другу и, лишь если сходны, подобны, удобны другъ другу, позволяютъ или сочиняютъ себѣ любовь. Но если любовь слѣпо и стихійно связываетъ двухъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго—ни соотвѣтствія ни пониманія, совсѣмъ чужихъ, которымъ внѣ любви вообще нечего дѣлать вмѣстѣ? Какъ вы думаете, къ чему это можетъ привести?

Зина ничего объ этомъ не думала, но слушала съ любопытствомъ. Ей нравился звукъ его голоса и какъ онъ тяжело и устало опускалъ свои вѣки. И ей было пріятно, что онъ что-то говоритъ о любви.

Онъ тѣснѣе взялъ Зину подъ руку и, словно подъ вліяніемъ этой близости, вдругъ перемѣнилъ тонъ, говоря теперь ей близко и понятно:

— Мнѣ ужасно нравится, что вы такая веселая. Ничего-то вы еще не понимаете. Сегодня я любовался вами на этомъ каткѣ. Скажите, это опьяняетъ — кататься? И засмѣйтесь, пожалуйста.

— Ха-ха-ха! — смѣется Зина и уже не можетъ остановиться. Смѣхъ звонкій, легкій, неудержимый; ей кажется, кто-то другой смѣется съ нею.

— Этимъ смѣхомъ вы напоминаете мнѣ одинъ старый эпизодъ, — началъ Жухинъ лѣнивымъ голосомъ. Но Зина вдругъ перебила его.

— Что это тамъ? Смотрите, что тамъ такое? — Она вытягивалась, приподымаясь на носкахъ. На углу улицы черно и густо толпился народъ. Насѣдали со всѣхъ сторонъ, громоздясь безпорядочной грудой. И все новые тянулись, спѣшили туда: женщины съ ридикюлями, бородатые студенты, бѣлобрысые, заплатанные парни.—Что тамъ такое? Что-нибудь случилось?—съ возрастающимъ волненіемъ спрашивала Зина, стараясь протискаться, подымаясь на цыпочки, чтобы посмотрѣть поверхъ плечъ и между головъ. Никто не могъ дать объясненія.

— Разойдитесь, господа. Не велѣно толпиться. Будьте любезны разойтись, — усовѣщевали полицейскіе. — Чего лѣзешь! — вдругъ свирѣпо обратился одинъ къ парню въ заплатанномъ кожухѣ.

— Что случилось? Что такое? — взволнованно спрашивали въ толпѣ.

— Задавили кого-то, — передавался изъ устъ въ уста отвѣтъ; слѣва на рельсахъ, словно вереница глазастыхъ звѣрей, стоялъ рядъ остановленныхъ трамваевъ.

Вдругъ толпа раздалась, и два городовыхъ съ дворникомъ вывели подъ руку женщину. Она шла, вся скорчившись, словно не въ силахъ разогнуться, съ повисшей на бокъ головой. Нѣтъ, ее несли: ноги ея не касались земли. Все лицо было въ чемъ-то густо-красномъ, темно-багровомъ, на что было непріятно смотрѣть. Почему-то не сразу приходило въ голову, что это—кровь. Кровью же были залиты руки и подолъ.

Жухинъ невольно передернулся и отвернулся.

— Ай-ай-ай, пойдемте! Не хочу смотрѣть! — закричала Зина, дергая его за рукавъ.—Пойдемте, пойдемте скорѣе!..

Но Жухинъ уже спокойно разговаривалъ съ какимъ-то маленькимъ сосѣдомъ, на котораго ему приходилось смотрѣть сверху внизъ. Зина опять дернула его за рукавъ.

— Бросилась подъ трамвай, — сообщилъ онъ ей только-что услышанное.—Трамвай успѣли остановить...

Онъ еще разъ посмотрѣлъ куда-то черезъ всю толпу.

Нѣкоторое время потомъ оба задумчиво молчали. Идя, еще дважды обернулись къ толпѣ, которая долго не рѣдѣла...

Сидѣли на бульварѣ, среди снѣговъ. Бѣло и серебряно цвѣла зима. Захватывало, зачаровывало непонятное мертвое царство. Шептались вѣтры, припадая къ оголеннымъ деревьямъ; съ тонкимъ присвистомъ пушисто взлетала снѣговая пыль. Потомъ опять было тихо и загадочно. И оградилось это бѣлое царство: тонкая проволочная изгородка, сплошь залѣпленная снѣгомъ, выглядѣла крѣпкой стѣной.

— Вамъ не холодно? — спрашивалъ Жухинъ, улыбаясь Зинѣ длинной, нѣжной улыбкой.—Вамъ хорошо?—Онъ взялъ ея руку.— Нѣтъ, озябла ручка. Пусть идетъ домой. — И онъ укладывалъ ручку въ муфту.

Зина стала молчаливой. Онъ наклонился къ ней:

— Что это вы задумались? Не можете забыть этой женщины? Да, можетъ-быть, и это любовь. Ну, что же дѣлать?..

Зина улыбнулась. По бѣлой дорогѣ, раскачиваясь, прошли двѣ черныя фигуры.

— Посмотрите,—испуганно указала она на нихъ.

— Мнѣ не страшно,—пошутилъ онъ...—Ну, давайте опять разговаривать. Какая у васъ мама?

Зина вмѣсто отвѣта поглядѣла на него. И опять почувствовала невыразимую нѣжность къ нему: къ его лицу, губамъ, рукамъ, голосу. Все показалось, какъ во снѣ. Зачарованно цвѣла бѣлая зима.

— Почему вы такой грустный?—наконецъ рѣшилась она спросить. Произнесла эти слова тихо, точно прикасаясь къ чему-то дорогому и нѣжному.

— Я не грустный,—немного удивился Жухинъ.—Я равнодушный. И со мною скучно.—Потомъ, словно извиняясь:—Вамъ будетъ скучно со мною...

Онъ уже не сомнѣвался, что она будетъ съ нимъ. Она была благодарна за это.

— Вообще мы такъ не похожи съ вами. Разные, и едва ли можемъ понимать другъ друга. Мы чужіе.—Онъ вяло растягивалъ слова.—Странно, что насъ бросаетъ другъ къ другу любовь.

При словѣ любовь Зина вдругъ страшно заволновалась. Но онъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ:

— Знаете, у меня все еще звучитъ въ головѣ этотъ вальсъ. Что за навязчивый мотивъ.

Зина вспомнила, что уже навѣрно очень поздно. Ей давно нужно домой. Что скажетъ мама? И завтра надо рано на службу. Но такъ не хотѣлось вставать, и она знала, скажи онъ—она всю ночь просидитъ здѣсь съ нимъ вмѣстѣ. Какъ что-то смѣшное и дѣтское, смутно припомнилась вдругъ ея прежняя любовь къ Розенгольцу.

Вдругъ тихо, но властно онъ обнялъ ее. Притянулъ къ себѣ. Она замерла, какъ завороженная. Онъ дважды глубоко и долго поцѣловалъ ее въ губы. Она молчала съ испуганнымъ видомъ. Потомъ, сильно дыша, отвернулась отъ него.

— Не сердись, дѣвочка. Такъ надо.

Волнуясь, она стала собираться домой. Онъ упрашивалъ ее еще остаться, еще съ нимъ пройтись. Пусть сердится мама.

— Нельзя,—грустно вымолвила Зина. И все же осталась.

— Какъ странно,—говорилъ онъ, когда они встали со скамьи:— какъ быстро!—Потомъ съ своей длинной улыбкой: Бываетъ ли необъяснимая любовь?

Зина была, какъ во снѣ. Чувствовала, что что-то очень важное произошло въ ея жизни. Вдругъ словно стала старше. Лишь въ туманномъ отдаленіи могла она припомнить теперь вчерашній день, магазинъ, маму. Точно все это было въ прошломъ году. А въ душѣ эта безумная, мучительная нѣжность.

Дома, за вечернимъ чаемъ, Зинѣ все помнились лицо Жухина, вальсъ на каткѣ, отрывочныя слова ихъ разговоровъ. Мама, комната, сестра Люба, маленькіе братья, блестящій самоваръ—все это было какое-то ненужное и далекое. Хотѣлось уединиться, уйти въ тишину и темноту, чтобы подумать надъ тѣмъ, что случилось сегодня.

Такъ много, такъ безпорядочно и безконечно много случилось. Но у Зины не было отдѣльной комнаты: вмѣстѣ съ Любой она спала здѣсь же, въ столовой, и поэтому должна была ждать. Покорно сидѣла она возлѣ самовара, а въ головѣ звенѣлъ вальсъ скэтингъ-ринка; Зина едва удерживалась, чтобы не запѣть его вслухъ.

Наконецъ убрали самоваръ, и ушли въ свои комнаты мама и братья. Вдругъ, когда она расшнуровывала корсетъ, вспомнилась ей окровавленная женщина на улицѣ. Зина содрогнулась. Почему случилось именно сегодня, когда въ первый разъ она шла съ нимъ?

Потомъ стала думать о Манѣ и ея беременности. Хотѣла опять удивиться Манѣ: какъ это она могла? Но уже не удивлялась, не чувствовала прежняго недоумѣнія. И вдругъ, посмотрѣвъ на себя, полураздѣтую, въ рубашкѣ, на минуту совершенно ясно, отчетливо почувствовала, что и она уже не та (Что-то перемѣнилось въ ней, она уже почти такая же, какъ Маня). Это было больше, чѣмъ предчувствіе. На одну минуту она почувствовала себя женщиной, матерью. Испугалась и закрыла глаза. Поспѣшно легла въ постель.

Передъ закрытыми глазами все время сверкалъ скэтингъ-ринкъ. Проносились, налетали, скрещивались, смѣшивались быстрыя фигуры; льющійся свѣтъ фонарей казался потоками воды, и всѣ купались, всѣ легко плавали въ немъ. Звенѣлъ опьяняющій вальсъ, подходили, подкатывались знакомые. Вдругъ звонокъ: надо очистить поле. Зина видитъ себя, какъ она спѣшитъ къ барьеру. Но что это такое? Тамъ ее встрѣчаетъ сгорбленная женщина съ окровавленнымъ лицомъ и руками. Зина однако не испугана; радостно бросается она къ ней—и въ то же мгновеніе становится ясно, что это—Маня, потомъ—что это она сама. На минуту видны улица, сгрудившаяся толпа и рядъ остановленныхъ трамваевъ, точно стая глазастыхъ звѣрей. Опять звенитъ вальсъ, серебристо заливается звонокъ, волчкомъ вертится длинный инструкторъ съ бѣлымъ нарциссомъ въ петлицѣ. А сверху, низко и неуклюже склонясь надъ барьеромъ ложи, смотритъ Жухинъ.

Всю ночь снился Зинѣ скэтингъ-ринкъ.

Отъ народной пѣсни къ музыкальной драмѣ.

Очеркъ музыкальнаго развитія Финляндіи **Евгенія Браудо.** **Перепечатка воспрещается.**

Въ исторіи художественной культуры Финляндіи музыка является самымъ молодымъ изъ искусствъ, и въ то время какъ Рунебергъ ужъ давно занялъ свое мѣсто въ пантеонѣ всемірной литературы, и произведенія финскихъ живописцевъ за послѣднія десятилѣтія выдвинулись весьма замѣтно на горизонтѣ новаго искусства, композиціи финскихъ музыкантовъ только въ самое недавнее время стали появляться на программахъ симфоническихъ концертовъ. Причины такого поздняго проявленія звукотворческихъ силъ націи заключаются въ томъ, что страна не выдвинула до сихъ поръ геніальнаго художника, которому по силамъ было бы поднять музыкальную „тягу земли" родной и возвыситься въ обработкѣ этнографическихъ моментовъ, коими пользуется большинство современныхъ финскихъ авторовъ, до общечеловѣческихъ правдъ, до новыхъ идейныхъ прозрѣній.

А между тѣмъ молчаливая и замкнутая въ себѣ „страна тысячи озеръ" хранитъ понынѣ цѣлую сокровищницу дивныхъ пѣсенъ, проникнутыхъ глубокими откровеніями первобытнаго религіознаго сознанія. Музыка финновъ такъ же, какъ и все ихъ искусство, взлелѣяна необъятностью снѣжныхъ равнинъ, жуткимъ покоемъ дѣвственныхъ лѣсовъ, мрачной фантастикой прибрежныхъ скалъ. Какіе-то призраки, таинственныя видѣнія, неразгаданные звуки, несущіеся съ гранитныхъ холмовъ, что-то холодное, пугающее воображеніе, но привлекательное для него.— таковы ея поэтическій спектръ, ея основныя настроенія, знакомыя всякому, кому хоть разъ въ жизни пришлось провести лѣтнюю ночь у береговъ Саймы. И чары мягкаго колорита іюньскихъ вечеровъ, отраженнаго въ звукахъ, особая, чисто-финская грусть, свѣтлая и мечтательная, оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе, когда слышишь впервые финскую музыку. Число друзей ея растетъ быстро, и русская публика, которая только въ самое недавнее время стала знакомиться съ музыкальнымъ творчествомъ Финляндіи, сразу почувствовала въ произведеніяхъ новыхъ финскихъ мастеровъ нѣчто близкое къ нашей музыкѣ по духу и настроеніямъ.

Несомнѣнно, что тысячелѣтнее сосѣдство русскихъ славянъ съ финскими племенами, какъ извѣстно, отразившееся въ языкахъ этихъ народовъ рядомъ заимствованій, должно было бы также сказаться и въ музыкѣ, особенно въ обрядовой пѣснѣ, не менѣе консервативной, чѣмъ языкъ. Молодая финская наука съ рѣдкой тщательностью и энергіей стала собирать памятники первобытной музыкальной культуры Финляндіи, но, несмотря на обиліе записей, она все же не располагаетъ еще достаточнымъ матеріаломъ для систематическаго сравнительнаго изученія этихъ отношеній. Однако сходство мелодическаго состава нѣкоторыхъ финскихъ пѣсенъ съ русскими,—сходство, едва ли могущее считаться случайнымъ,—показываетъ намъ, что совпаденія эти восходятъ къ одному общему источнику, отъ насъ весьма отдаленному.

Старинныя обрядовыя пѣсни финновъ лучше всего сохранились въ русской Кареліи, въ Олонецкой губ., у береговъ Ладожскаго озера, Невы, вплоть до ближайшихъ окрестностей Петербурга. Финны обозначаютъ ихъ древнимъ германскимъ словомъ „руна" (Runolaulua). Имъ нѣкогда приписывалась особая магическая мощь съ силу тѣхъ шаманскихъ вѣрованій, которыя господствовали въ древности среди финскихъ племенъ, и это свое обаяніе надъ сердцами „дѣтей полуночнаго солнца" руны не утеряли еще понынѣ. Но въ наши дни, конечно, ихъ распѣваютъ лишь изрѣдка, по празникамъ, когда деревенскіе парни и дѣвушки собираются для танцевъ или для того, чтобы покачаться на качеляхъ (національное финское развлеченіе). Особенно любопытно бываетъ послушать старинныя пѣсни вечеромъ, при свѣтѣ большого костра. Если среди присутствующихъ находится нѣсколько стариковъ, то молодежь окружаетъ ихъ тѣснымъ кольцомъ и сосредоточенно, безъ всякихъ лишнихъ движеній, повторяетъ за ними унылые напѣвы. Въ наиболѣе отдаленныхъ обла-

стяхъ Финляндіи можно встрѣтить и чрезвычайно интересныхъ народныхъ пѣвцовъ-сказателей, хранящихъ въ памяти тысячи рунъ и дополняющихъ ихъ все новыми и новыми импровизаціями. Такимъ импровизаціямъ свойственно извѣстное однообразіе мелодическаго рисунка, постоянныя повторенія одного и того же мотива,—быть-можетъ, отражающія природную настойчивость и упорство финна. Пѣніе рунъ смѣняется обыкновенно игрой на „кантеле", финскомъ народномъ инструментѣ, похожемъ нѣсколько на цитру. Кантеле, подробно описанный Пѣтуховымъ и Фаминцинымъ, обыкновенно имѣлъ пять или семь струнъ, и только въ послѣднее время ихъ количество стало доходить до 13. О его происхожденіи національный эпосъ „Калевала" разсказываетъ слѣдующее:

„Первый кантеле сдѣлалъ царь пѣвцовъ Вейнемöйненъ: онъ взялъ древесину одинокой березы, оплакивавшей свою долю; золотыя и серебряныя колки принесла въ своемъ клювѣ кукушка; струнами послужили волосы дѣвушки, поджидавшей возлюбленнаго.

„И кантеле подъ перстами Вейнемöйнена сталъ издавать столь сладкіе звуки, что всѣ живыя существа и даже духи воздуха, земли и водъ собирались его слушать.

„Старый вѣрный Вейнемöйненъ
День играетъ и другой день.
Не осталося героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа
Ни жены, носящей косы,
Кто бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронулось бы сердце".
(„Калевала", пер. Л. Бѣльскаго).

Неудивительно, что наиболѣе типичные образцы рунъ сопровождаются припѣвами, передающими глубокое, почти истерическое, всхлипываніе.

Такой же сѣдой, первобытной стариной вѣетъ отъ мелодій пастуховъ - рожечниковъ (по-фински Torventoitotusta). Онѣ очень живо напоминаютъ собой наигрыши шотландскихъ горцевъ (bag pipers). Чрезвычайно примитивная послѣдовательность звуковъ заключается мелодической фигурой, исполняемой однимъ изъ пастуховъ, въ то время какъ три товарища, окружающіе его, выдерживаютъ тонику.

Суровы и меланхоличны по своимъ основнымъ настроеніямъ также финскія пѣсни болѣе поздняго происхожденія.

Музыкальной лирикѣ финновъ совершенно чужда сентиментальная мягкость славянской пѣсни. Ея серьезная сосредоточенность свидѣтельствуетъ о неутомимой работѣ мысли маленькаго народа, пролагающаго себѣ пути среди каменныхъ громадъ и топкихъ болотъ. Правда, въ интересныхъ сборникахъ, издаваемыхъ финскими научными обществами, при участіи лучшихъ музыкантовъ страны, мы находимъ цѣлый рядъ пѣсенъ, выражающихъ идиллически радостныя настроенія; однако эти черты характерны лишь для прибрежныхъ жителей, живущихъ у привѣтливыхъ зеленыхъ водъ фіордовъ.

По представленіямъ сказателей рунъ, пѣніе есть могучая творческая сила природы, голосъ божества въ мірозданіи, и съ помощью этой божественной силы, болѣе грозной, чѣмъ мечъ и топоръ, мудрые герои „Калевалы" побѣждали своихъ враговъ. Даже понынѣ еще нѣтъ страны, гдѣ пѣніе было бы такъ широко распространено, какъ въ Финляндіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ того маленькаго городка, затеряннаго гдѣ-нибудь среди безконечныхъ равнинъ Сѣвера, который не располагалъ бы хорошо организованнымъ пѣвческимъ обществомъ. Но совершенно особый, своеобразный характеръ финской музыкальной жизни придаютъ пѣвческія празднества, организуемыя обществомъ народнаго просвѣщенія и имѣющія такое же значеніе для національнаго единенія финновъ, какъ олимпійскія игры въ Элладѣ. Празднества эти устраиваются по очереди въ разныхъ городахъ, и на фонѣ общественной жизни страны, небольшой и бѣдной, выдѣляются, какъ событія чрезвычайнаго значенія. Демократическія начала, которыми была проникнута вся культура Финляндіи, проявляются во время такихъ народныхъ торжествъ съ особенной яркостью. Чтобы дать возможность принять участіе въ празднествахъ широкимъ кругамъ населенія, финскія желѣзныя дороги установили половинный тарифъ для всѣхъ участниковъ. Члены хоровыхъ обществъ, оркестровые музыканты и т. д. получаютъ, кромѣ того, и даровое помѣщеніе не только въ школьныхъ и тому подобныхъ зданіяхъ, но и во многихъ частныхъ домахъ. Благодаря обилію музыкальныхъ организацій въ Финляндіи, празднества отличаются всегда чрезвычайнымъ многолюдствомъ и обширностью своихъ программъ, заключающихъ часто не мало превосходныхъ обработокъ народныхъ пѣсенъ для хоровъ различнаго состава. Торжество продолжается обыкновенно три дня. Въ первый день происходятъ спѣвки, гимнастическія состязанія, состязанія духовыхъ оркестровъ, народные пѣвцы-сказатели декламируютъ былины. Второй день посвящается состязанію различныхъ хоровыхъ организацій — мужскихъ, женскихъ, смѣшанныхъ. Пьесы разсылаются желающимъ принять участіе въ состязаніи за нѣсколько мѣсяцевъ до начала празднествъ. Послѣдній день, наиболѣе торжественный, открывается рѣчами общественныхъ дѣятелей, съѣхавшихся на празднества, потомъ слѣдуетъ концертъ какого-либо выдающагося финскаго артиста, хора или оркестра, и все заканчивается веселымъ народнымъ праздникомъ, съ пѣніемъ, танцами, процессіями при свѣтѣ костровъ и раздачей призовъ. Послѣдніе состоятъ изъ почетныхъ дипломовъ и музыкальныхъ инструментовъ (главнымъ образомъ — національнаго кантеле). Ни о какихъ безчинствахъ, продажѣ спиртныхъ напитковъ на такихъ празднествахъ и рѣчи быть не можетъ. Вся публика, начиная съ бѣднаго торпаря и кончая депутатомъ сейма, сливается въ одномъ порывѣ энтузіазма и сознанія своей принадлежности къ народу, создавшему въ лицѣ героевъ Калевалы вѣчные символы всепобѣждающей свѣтлой силы духа. И это сочетаніе наивной радости съ высокимъ идеалистическимъ полетомъ національнаго воодушевленія мы не можемъ назвать иначе, какъ „олимпійскимъ".

„Проклятіе Куллерво". Картина Галлена. (Къ симфоническимъ поэмамъ Сибеліуса и Каянуса).

Однако, несмотря на такой культъ народной пѣсни, музыкальное искусство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова стало развиваться въ Финляндіи значительно позже, чѣмъ въ другихъ культурныхъ государствахъ Сѣвера. Вѣковая владычица молчаливой страны Суоми—Швеція, сама столь отсталая въ своемъ музыкальномъ развитіи, надолго задержала ростъ творческихъ силъ финскаго народа въ этой области, и только въ томъ году, когда Финляндія освободилась отъ шведскаго господства (въ 1809 г.), родился „отецъ финской музыки", Фр. Паціусъ, положившій основаніе самостоятельной національной школѣ. Такимъ образомъ финская музыка понынѣ насчитываетъ не болѣе двухъ поколѣній композиторовъ и является самой молодой отраслью западно-европейскаго искусства. Но и Паціусъ не былъ по своему происхожденію финномъ. Онъ родился въ Гамбургѣ, музыкальное образованіе получилъ у Шпора и Гауптмана, вѣрнымъ послѣдователемъ которыхъ онъ оставался всю жизнь. Паціусъ былъ превосходнымъ организаторомъ и замѣчательнымъ педагогомъ. Онъ, собственно говоря, наладилъ всю музыкальную жизнь Гельсингфорса, основалъ тамъ симфоническій оркестръ, хоровое общество, студенческій музыкальный кружокъ, высшее музыкальное училище. Финской націи онъ подарилъ ея народный

Финскій композиторъ Жанъ Сибеліусъ

гимнъ на слова Рунеберга. Очень популярны въ Финляндіи нѣсколько торжественныхъ пѣснопѣній Паціуса, безъ которыхъ еще и понынѣ не обходится ни одно патріотическое празднество финновъ, а также отдѣльные отрывки изъ его оперы „Kung Carls Jagd", исполненной впервые въ 1852 году кружкомъ любителей въ Гельсингфорсѣ. За нѣсколько лѣтъ до кончины Паціуса была поставлена и вторая его опера—„Lorley", очень свѣжая по своимъ мелодіямъ и не чуждая вагнеризмовъ въ деталяхъ звуковой рѣчи. Когда въ 1891 г. мастеръ умеръ въ очень преклонномъ возрастѣ, вся Финляндія облеклась въ глубокій трауръ.

Ближайшіе преемники Паціуса сдѣлали очень много для общаго музыкальнаго развитія страны, но особаго интереса для насъ ихъ произведенія не представляютъ. Ихъ музыка носитъ на себѣ печать благонамѣреннаго нѣмецкаго бидермейерства, въ духѣ Мендельсона и его школы, и напрасно мы стали бы искать въ этихъ композиціяхъ какихъ-либо своеобразныхъ чертъ народно-финскаго искусства. Прочныя традиціи нѣмецкой романтической школы, которыя объединили старое поколѣніе финскихъ музыкантовъ, чрезмѣрная забота о внѣшней красивости и законченности формы, составлявшая альфу и омегу академической эстетики, помѣшали имъ оцѣнить всю своеобразную прелесть финской пѣсни. И странныя мелодіи финновъ, съ суровыми хорами и несимметричными ритмами, въ лучшемъ случаѣ представляли для нихъ лишь интересный экзотическій матеріалъ, къ которому они прибѣгали только изрѣдка, съ осторожностью. Изъ числа болѣе выдающихся композиторовъ „стараго закала" мы назовемъ лишь имена Филиппа ф.-Шанца (1835—1865 гг.), автора очень любимыхъ финнами хоровыхъ композицій народнаго характера, и Мартина Вегеліуса (род. въ 1846 г.), замѣчательнаго педагога и ученаго, директора Гельсингфорскаго Музыкальнаго института, завоевавшаго широкія симпатіи своими хорами à capella („Паломничество въ Кевелааръ" и др.). Къ этой же группѣ финскихъ мастеровъ мы относимъ, вопреки хронологическимъ даннымъ, также и Оскара Мериканто (род. 1868 г.), романсы котораго пользуются чрезвычайной популярностью на его родинѣ. Мериканто, превосходный піанистъ, дирижеръ и органистъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ музыкальныхъ дѣятелей Финляндіи, по общему стилю своихъ композицій придерживается старыхъ традиціонныхъ формъ. Какъ педагогъ, артистъ и организаторъ пѣвческихъ и оперныхъ празднествъ, онъ имѣетъ большія заслуги въ музыкальной жизни страны, но назвать его крупной художественной величиной можно развѣ только по мѣстному масштабу.

Наврядъ ли мы ошибемся, если выскажемъ утвержденіе, что Зигфридомъ-освободителемъ всей сѣверной музыки отъ гнета нѣмецкой рутины, столь неблагопріятной для выработки самостоятельнаго стиля, былъ Эдвардъ Григъ. Его свѣжія, по-сѣверному яркія гармоніи (съ обильнымъ примѣненіемъ неразрѣшенныхъ диссонансовъ, неожиданныхъ окончаній музыкальныхъ мыслей, параллелизмовъ), его чуткость къ характернымъ особенностямъ народныхъ пѣсенъ, его жизнеупоенная ритмика—все это не могло не заставить сильнѣе, радостнѣе биться сердца молодыхъ финскихъ музыкантовъ, и именно Грига въ гораздо большей степени, чѣмъ Паціуса, мы можемъ назвать отцомъ новой финской школы, группирующейся въ настоящее время вокругъ наиболѣе одареннаго изъ финскихъ мастеровъ — Жана Сибеліуса. Этой группѣ нельзя отказать въ извѣстной оригинальности, умѣніи находить изысканныя гармоніи и интересныя сочетанія оркестровыхъ красокъ. Еще далекая отъ духовныхъ предчувствій современнаго западно-европейскаго искусства, новая финская музыка возбуждаетъ нашъ интересъ главнымъ образомъ небольшими звуковыми пейзажами импрессіонистскаго типа и мечтательными пьесами, овѣянными фантастическими образами народныхъ преданій.

Сибеліусъ (род. въ 1865 г.) былъ первымъ финскимъ композиторомъ, завоевавшимъ своими произведеніями широкую извѣстность у насъ и въ Западной Европѣ, и нельзя не признать, что онъ обогатилъ современную музыку новыми художественными цѣнностями, скорбными откровеніями сѣверной поэзіи и природы. Въ его творчествѣ чувствуется трепетъ музыкальной души, взволнованной образами героической финской миѳологіи. Сибеліусъ любитъ прибѣгать въ своей музыкальной декламаціи къ мелодическимъ оборотамъ народныхъ пѣсенъ и ихъ необычайной ритмикѣ (5-ти и 7-дольнаго размѣра). Свѣжій ароматъ поэзіи чисто финскаго характера присущъ всѣмъ лучшимъ произведеніямъ Сибеліуса. Таинственный шопотъ лѣсовъ Суоми, острая и необузданная ритмика мужицкихъ танцевъ, скудные аккорды кантеле, суровые образы народныхъ легендъ, точно высѣченные могучимъ

Робертъ Каянусъ. Финскій дирижеръ и композиторъ.

Айно Актэ, знаменитая финская пѣвица и устроительница національныхъ празднествъ.

рѣзцомъ въ гранитныхъ скалахъ,— все это нашло свое звуковое отображеніе въ его партитурахъ. Уже самое раннее произведеніе Сибеліуса, написанное еще неопытной рукой, было тѣсно связано съ національнымъ эпосомъ финновъ. Это — оркестровая легенда „Куллерво“, впечатляющая большой силой звукового переживанія. Интересна та роль, которую играетъ въ этой композиціи хоръ. Сибеліусъ вводитъ въ свою поэму одноголосый мужской хоръ, монотонно декламирующій текстъ къ той первобытной сагѣ, о коей повѣствуетъ оркестръ. Для другого, пожалуй, лучшаго своего оркестроваго цикла Сибеліусъ избралъ опять-таки одну изъ любопытнѣйшихъ фигуръ „Калевалы“—безпечнаго любимца женщинъ Леминкайнена. Въ четырехъ небольшихъ поэмахъ, посвященныхъ его похожденіямъ („Леминкайненъ похищаетъ Киллики“, „Леминкайненъ въ Похволѣ“, „Туонельскій Лебедь“, „Возвращеніе Леминкайнена“), Сибеліусъ на этотъ разъ безъ помощи хора создалъ рядъ чрезвычайно интересно задуманныхъ, колористически неожиданныхъ и оригинальныхъ картинъ финской природы и народной жизни. Но далеко не всегда однако желаніе быть своеобразнымъ и интереснымъ свидѣтельствуетъ о наличности въ творчествѣ Сибеліуса этихъ прекрасныхъ качествъ. Сибеліусъ — композиторъ крайне невыдержанный и неровный. Его нервная музыкальная рѣчь—увы!—слишкомъ часто переходитъ въ безсодержательную патетику, не чуждую даже вульгарности. На ряду съ очень интересными и поэтичными страницами у него встрѣчаются композиціи чисто „садоваго“ пошиба, прелестныя гармоническія комбинаціи смѣняются неожиданно общими мѣстами. Такая неустойчивость стиля Сибеліуса чрезвычайно затрудняетъ общую оцѣнку его художественной индивидуальности. Изъ всего слышаннаго нами мы къ лучшимъ произведеніямъ Сибеліуса должны отнести его циклъ на поэтическіе мотивы изъ „Калевалы“, первыя двѣ симфоніи (всего до сихъ поръ Сибеліусомъ написаны четыре симфоніи), небольшія миніатюры для оркестра („Пиръ Валтасара“ и пр.), сагу, очень экспрессивно передающую мрачную фантастику средневѣковыхъ финскихъ преданій, и интересную сюиту „Король Христіанъ IV“. Особенно намъ хотѣлось бы остановить вниманіе читателей на второй симфоніи Сибеліуса, — произведеніи, импонирующемъ высокимъ полетомъ фантазіи композитора, тематической характерностью, интимностью гармоній, отчасти навѣянныхъ Чайковскимъ, и превосходной разработкой основныхъ мыслей.

Сибеліусъ—единственный композиторъ въ Финляндіи, который получаетъ (съ 1902 г.) отъ государства пенсію для того, чтобы обезпечить ему возможность посвятить себя всецѣло художественному творчеству. Финскій народъ видитъ въ немъ идейнаго вождя всей новой финской музыки.

Быть-можетъ, еще сравнительно молодому Сибеліусу было бы гораздо труднѣе найти пути къ всеобщему признанію своихъ новыхъ музыкальныхъ идей, если бъ съ первыхъ шаговъ его художественной дѣятельности не сплотился вокругъ него небольшой кружокъ талантливыхъ музыкантовъ, воодушевленный такъ же, какъ онъ, мечтами о созданіи новой національной финской школы. Среди этихъ друзей - единомышленниковъ Сибеліуса мы раньше всего должны назвать имя Роберта Каянуса (род. въ 1856 г). Каянусъ, собственно говоря, является зачинателемъ національнаго движенія въ исторіи музыкальнаго развитія Финляндіи. Онъ первый изъ финскихъ композиторовъ порвалъ съ традиціями консервативнаго романтизма въ духѣ Паціуса и его послѣдователей и старался воплотить въ звукахъ легендарные образы финской народной поэзіи. По своимъ основнымъ темамъ симфоническія поэмы Каянуса очень близки къ музыкальнымъ легендамъ Сибеліуса. Его такъ же, какъ и автора цикла о Леминкайненѣ, привлекаютъ поэтическіе мотивы Калевалы, особенно мрачный обликъ Куллерво, бунтаря и мстителя за всѣхъ порабощенныхъ и угнетенныхъ. Но какъ композиторъ, Каянусъ гораздо менѣе ярокъ и значителенъ, чѣмъ Сибеліусъ, и въ творчествѣ его опредѣленнѣе чувствуется вліяніе западно-европейскихъ мастеровъ, особенно Грига и Вагнера. Извѣстность Каянуса за предѣлами Финляндіи обусловливается главнымъ образомъ его замѣчательнымъ дирижерскимъ талантомъ. Мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать его финскимъ Никишемъ, котораго онъ очень напоминаетъ чуткостью музыкальной интерпретаціи, соединенной съ огненной силой подъемовъ. Небольшой оркестръ финской филармоніи былъ стараніями Каянуса преобразованъ въ первоклассный концертный ансамбль; въ 1888 году имъ былъ основанъ симфоническій хоръ, исполняющій образцово классическія ораторіи, 9-ю симфонію Бетховена, Берліозовскій реквіемъ и пр. Свои заслуги пропагандиста новой финской музыки Каянусъ дѣлитъ съ близкимъ ему по характеру дарованія композиторомъ и дирижеромъ Армасомъ Ярнефельдтомъ (род. въ 1869 г.), теперешнимъ директоромъ Стокгольмской королевской оперы. Ярнефельдтъ—по преимуществу лирикъ, написавшій рядъ небольшихъ пьесъ и балладъ, не лишенныхъ довольно непріятной дозы сентиментальности и салонной вылощенности. Его большая симфоническая баллада „Корсхольмъ“, наиболѣе крупное и интересное произведеніе Ярнефельдта, рисуетъ введеніе христіанства въ Финляндіи. Болѣе глубокія и серьезныя симфоническія произведенія оставилъ скончавшійся на 20-мъ году своей жизни Э. Милькъ (1880—1900), самый молодой изъ финскихъ мастеровъ, примыкавшій къ кружку Сибеліуса. Музыкальная пресса Финляндіи восторженно привѣтствовала первыя публичныя исполненія его композицій и готова была признать въ немъ даже „финскаго Шуберта“. Но кажется намъ, что эта преувеличенная оцѣнка творческаго таланта Милька объясняется скорѣе обаяніемъ его личныхъ достоинствъ и вѣрой въ блестящее будущее молодого композитора, чѣмъ объективной цѣльностью того, что было написано имъ. По крайней мѣрѣ прослушанныя нами двѣ драматическія увертюры Милька, несмотря на всю солидность фактуры и законченность формы, насъ совершенно не убѣдили въ томъ, что въ лицѣ юнаго автора мы имѣемъ дѣло со столь замѣчательной художественной индивидуальностью.

На ряду съ кружкомъ Сибеліуса въ современной финской музыкальной жизни намѣчается еще небольшая группа композиторовъ, произведенія которыхъ отличаются большой утонченностью звукосозерцанія и сложностью письма. Изъ числа тѣхъ, кого мы могли бы назвать финскими „модернистами“, наиболѣе талантливымъ намъ представляется молодой мастеръ Эрикъ Мелартинъ (род. въ 1874 г.), авторъ четырехъ симфоній, поэтичной, нѣсколько вагнеризованной оперы „Айно“, цѣлаго ряда симфоническихъ поэмъ и камерныхъ вещей. Его музыкальный стиль, интимный и деликатный, не чуждъ вліянію новофранцузскихъ импрессіонистовъ, оркестровая палитра разнообразна, хотя яркія краски часто подернуты дымкой сѣверныхъ тумановъ. Въ области музыкальной живописи Мелартинъ—одинъ изъ тончайшихъ мастеровъ современнаго финскаго искусства. Болѣе популяренъ на своей

Оперныя празднества въ Нейшлотѣ. Дворъ замка Олафсбургъ во время представленія подъ открытымъ небомъ.

родинѣ, но зато и гораздо менѣе изысканъ и своеобразенъ въ своихъ композиціяхъ другой представитель новыхъ теченій въ современной финской музыкѣ:—Селимъ Пальмгренъ (род. въ 1875 г.), имя котораго вы можете встрѣтить на любой концертной программѣ въ Финляндіи. Финны цѣнятъ главнымъ образомъ его многочисленные мужскіе хоры, для насъ же онъ представляетъ интересъ, лишь какъ авторъ нѣсколькихъ изящныхъ пьесъ для рояля, не вовсе чуждыхъ духу Дебюсси и Равеля и оркестровыхъ миніатюръ, уступающихъ однако по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ миніатюрамъ Сибеліуса... Для ознакомленія съ послѣдними вѣяніями въ области финскаго искусства наибольшій интересъ представляютъ, пожалуй, „ботническія сюиты“ Куула (род. въ 1879 г.). Его любопытная обработка мелодій, записанныхъ имъ на далекомъ Сѣверѣ, его причудливыя картины подстать поэтическимъ видѣніямъ, рожденнымъ народной фантазіей, — все это заслуживаетъ внимательнѣйшаго отношенія со стороны всякаго, кто интересуется судьбами новой сѣверной музыки.

Намъ до сихъ поръ не пришлось еще совершенно касаться финскихъ оперъ. Въ то время, какъ въ лѣтописяхъ симфонической и камерной музыки Финляндіи значится нѣсколько произведеній, которымъ, повидимому, суждено будетъ сохранить память о нашихъ дняхъ для будущихъ поколѣній, немногочисленныя оперы занимаютъ гораздо болѣе скромное мѣсто въ музыкальной исторіи страны. Такая отсталость финскаго искусства въ области музыкально-драматической объясняется отчасти непонятнымъ равнодушіемъ финской публики къ этой важной отрасли художественной культуры. Достаточно указать только, что Финляндія не имѣетъ до сихъ поръ своего постояннаго опернаго театра, и всѣ попытки упрочить существованіе національной оперы съ шестидесятыхъ годовъ по сію пору заканчивались фатально неудачами. Потребовалась частная инициатива, чтобы обезпечить на нѣсколько лѣтъ современнымъ финскимъ композиторамъ возможность знакомить со своими музыкально-драматическими произведеніями широкіе круги роднаго народа.

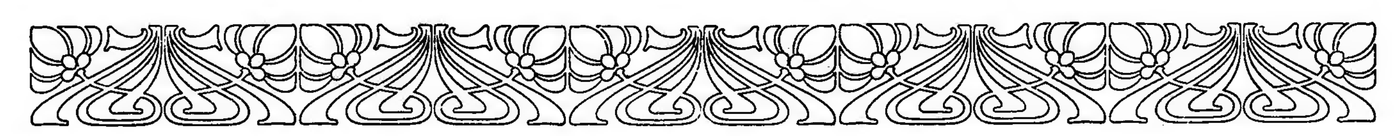
Прекрасная мысль устроить рядъ оперныхъ празднествъ, на подобіе пѣвческихъ, сыгравшихъ столь важную роль въ музыкальной жизни Финляндіи, принадлежитъ замѣчательной финской артисткѣ, одной изъ наиболѣе прославленныхъ пѣвицъ современности, г-жѣ Айно Актэ. Для этой цѣли ею былъ выбранъ небольшой городокъ Нейшлотъ, очаровательно расположенный у береговъ озера Саймы, съ его старинным замкомъ Олафсбургъ, игравшемъ столь важную роль въ исторіи многострадальной восточной Карелии. Этотъ Шильонскій замокъ Сѣвера, чрезвычайно живописно расположенный на могучей гранитной скалѣ, предоставленъ на пять лѣтъ (съ 1912 г.) магистратомъ города въ распоряженіе г-жи Актэ, выстроившей здѣсь небольшую сцену для постановки музыкально-драматическихъ произведеній финскихъ авторовъ. Сѣро-лиловыя массивныя стѣны башенъ, прекрасный большой дворъ, обсаженный тѣнистыми липами, праздничные національные костюмы женщинъ — вся эта симфонія сѣрыхъ, синихъ, зеленыхъ тоновъ и яркихъ бликовъ солнца лучше, чѣмъ утонченные пріемы декораціонной живописи, создаютъ необходимое настроеніе, чтобы почувствовать своеобразную красоту національныхъ сюжетовъ финскихъ оперъ.

Среди такой поэтичной обстановки, вполнѣ отвѣчающей характеру финской музыки, столь близкой къ этнографическимъ элементамъ жизни страны, была поставлена въ первый годъ существованія празднествъ опера Э. Мелартина „Айно“, прелестная музыкальная легенда о дѣвѣ Сѣвера, плѣнившей своей красотой старѣйшаго героя „Калевалы“, пѣвца Вейнемöйнена. Музыка Мелартина, лишенная того внутренняго драматизма, который обращаетъ звуковую стихію въ выразительницу глубочайшихъ переживаній человѣка, чрезвычайно привлекаетъ къ себѣ изяществомъ, музыкально-художественнымъ образомъ и мягкимъ спектромъ красокъ сѣвернаго импрессіонизма.

Оперныя празднества въ Нейшлотѣ. Заключительная сцена оперы „Смерть Элины“, Оскара Мериканто.

Значительно болѣе слабой оказалась новинка текущаго (1913 года): опера „Смерть Элины“ Оскара Мериканто. Въ ней все разсчитано на вкусъ средняго обывателя—отъ грубой маски псевдо-драматическаго паѳоса, взятой на прокатъ у итальянскихъ артистовъ, до эффектныхъ хоровыхъ ансамблей и танцевъ, заимствованныхъ изъ обихода народныхъ празднествъ. Нельзя отрицать въ этой оперѣ наличія удачныхъ музыкальныхъ мыслей и несомнѣннаго мастерства въ обработкѣ народныхъ мелодій, но полное отсутствіе въ творчествѣ г. Мериканто природной самобытной мощи дѣлаетъ совершенно безплодными всѣ его усилія воплотить въ звукахъ одну изъ примѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ балладъ, знакомую всякому финну съ дѣтскихъ лѣтъ.

Опернымъ празднествамъ въ старинномъ Олафсбургѣ, повидимому, суждено сыграть значительную роль въ исторіи музыкальнаго развитія Финляндіи. Талантливой артисткѣ, организовавшей ихъ, уже теперь удалось привлечь въ Нейшлотъ наиболѣе выдающихся композиторовъ страны. Весь чисто народный характеръ этихъ празднествъ, вся обстановка ихъ несомнѣнно приведутъ современныхъ финскихъ художниковъ звука къ непочатому, богатому кладу сагъ и легендъ страны Суоми. И мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ области оперы-сказки, оперы-легенды финскимъ музыкантамъ предстоитъ еще сказать свое новое слово, раскрыть намъ новые источники вѣчной юности и красоты въ искусствѣ.



К. Е. Маковскій и его новая картина.

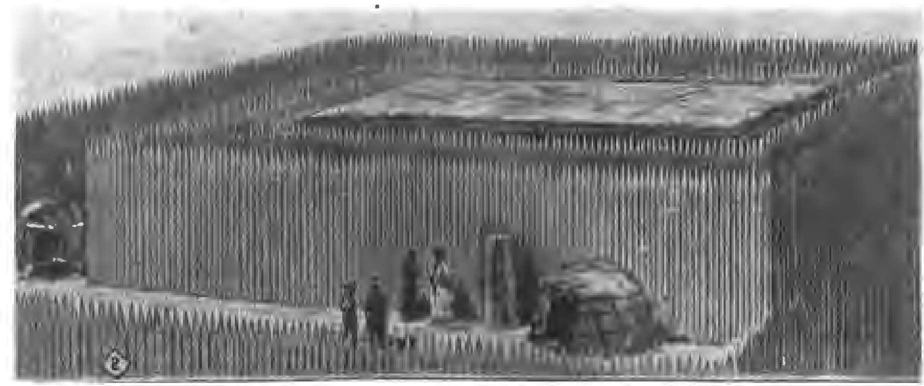
(Рис. на этой стр.).

Въ текущемъ году исполнилось 45 лѣтъ съ того времени, какъ въ „Нивѣ“ былъ впервые помѣщенъ оригинальный рисунокъ знаменитаго художника К. Е. Маковскаго. Этимъ рисункомъ началась „Нива“, и одновременно съ этимъ началось сотрудничество К. Е. Маковскаго въ нашемъ журналѣ. Характерно то, что уже тогда К. Е. Маковскій былъ профессоромъ Академіи Художествъ. На помѣщаемомъ здѣсь снимкѣ К. Е. Маковскій изображенъ сидящимъ въ мастерской передъ своей новой картиной „Смерть Петронія“. Въ этой новой картинѣ ярко проявляются всѣ типичныя стороны таланта К. Е. Маковскаго: строгій въ своемъ изяществѣ рисунокъ и рѣдкая колоритность. Въ своемъ новомъ шедеврѣ К. Е. Маковскій изображаетъ трагическій конецъ знаменитаго „magister'a elegantiarum“, автора сатирическихъ произведенія („Satyrikon“ и др.). Петроній кончилъ самоубійствомъ въ пышной обстановкѣ пира, исчерпавъ до дна земныя наслажденія и окруживъ свои послѣднія мгновенія весельемъ и красотою.

Картина К. Е. Маковскаго производитъ глубокое впечатлѣніе.

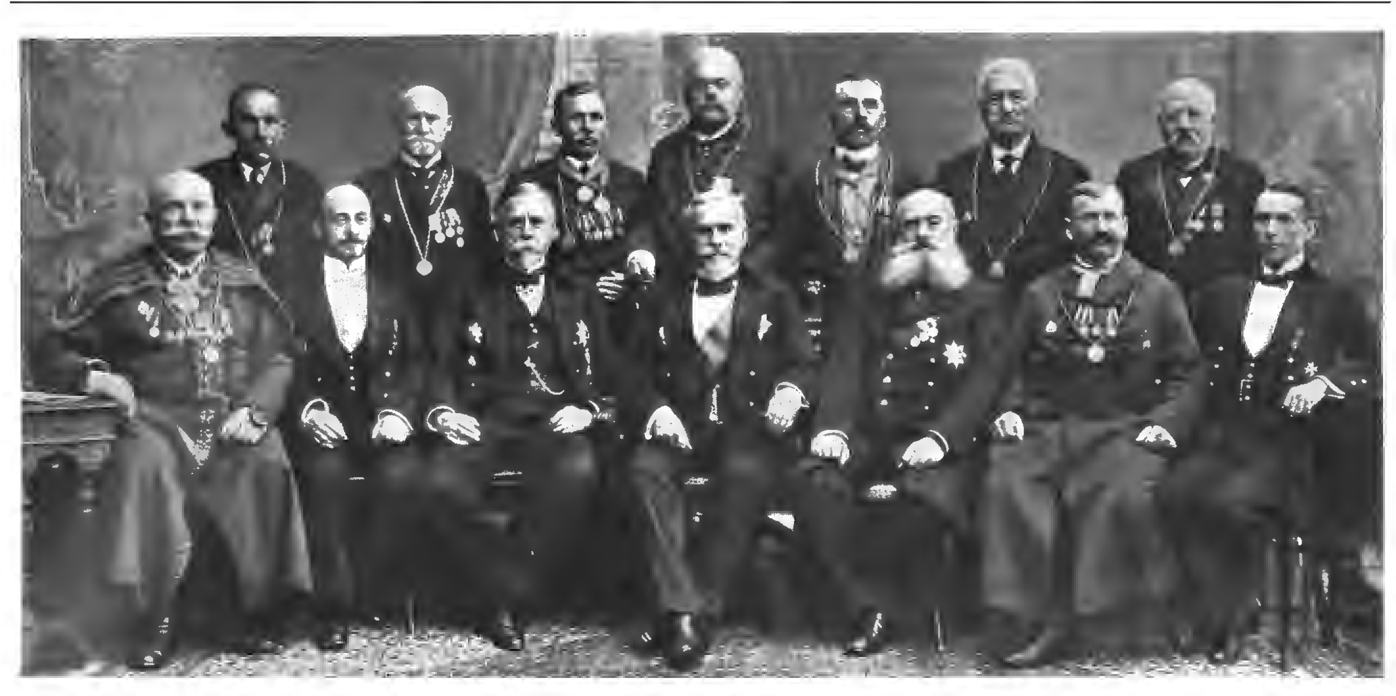
„Венера съ зеркаломъ“, картина знаменитаго испанскаго художника Діего-де-Сильва Веласкеца, изрѣзанная англійской суфражисткой. Этотъ новый возмутительный актъ вандализма совершенъ надъ геніальнымъ произведеніемъ, хранящимся въ Лондонской Національной галлереѣ, въ видѣ протеста противъ ареста лондонской полиціей руководительницы суфражистокъ Панкхерстъ.

Профессоръ Константинъ Егоровичъ Маковскій предъ своей новой картиной „Смерть Петронія“. По фот. Я. Штейнберга.



Мистрисъ Бельстродъ, осмотрѣвшая, съ особаго разрѣшенія монгольскихъ властей, эти подземныя темницы, въ которыхъ заживо погребены люди, открыла культурному міру, до чего изобрѣтательны-жестоки народы Дальняго Востока въ формахъ наказанія, выродившагося въ сплошное мучительство. На небольшомъ пространствѣ, тѣсно прилегая другъ къ другу, обнесенныя высокимъ частоколомъ, расположены пять подземелій, въ которыхъ томятся въ окованныхъ желѣзомъ, навѣки наглухо закрытыхъ, ящикахъ преступники, — большею частью политическіе заключенные изъ китайцевъ высшихъ классовъ, а также и монголы. Закованные въ кандалы, они могутъ просунуть лишь руки въ единственное небольшое отверстіе, чрезъ которое они дышатъ. Голову просунуть трудно; китайцы умудряются это сдѣлать, широкоскулые же монголы почти лишены возможности выглянуть изъ своей живой могилы на Божій свѣтъ, да и свѣтъ этотъ проникаетъ лишь на нѣсколько минутъ два раза въ сутки, когда заключеннымъ приносятъ пищу. Эти ящики-гробы очень коротки, и въ нихъ нельзя вытянуться во весь ростъ, и даже избавительница-смерть застаетъ этихъ несчастныхъ заключенныхъ въ согнутомъ положеніи, жадно припавшими къ единственной узкой отдушинѣ.

Темницы въ подземельяхъ въ Ургѣ (Монголія). (По рисункамъ съ натуры мистрисъ Бельстродъ).



Къ 50-лѣтію крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, торжественно праздновавшемуся въ Варшавѣ. Группа депутатовъ отъ крестьянскихъ учрежденій Привислинскаго края (во главѣ съ непремѣннымъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Калишской губ. д. с. с. Е. А. Кобро) вмѣстѣ съ представителями министерства внутреннихъ дѣлъ, членомъ Государственнаго Совѣта, бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошинымъ, и начальникомъ Земскаго Отдѣла д. с. с. Я. Я. Литвиновымъ, возложившихъ вѣнокъ на гробницу въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

Борьба противъ гомруля.

(Политическое обозрѣніе).

Законопроектъ объ ирландской автономіи, уже прошедшій два чтенія въ парламентѣ, вызываетъ энергичное противодѣйствіе палаты лордовъ и населенія той части Ирландіи, гдѣ господствующее большинство принадлежитъ къ англиканской церкви. По новому закону, въ значительной степени умалившему роль и значеніе верхней палаты, она уже потеряла способность противостоять радикально-демократическому большинству нижней палаты. Когда-то при Гладстонѣ гомруль-билль, принятый парламентомъ, былъ обращенъ въ ничто лордами, и новые выборы, благодаря расколу либеральнаго большинства, отъ котораго отдѣлилась группа Чемберлэна, дали значительный перевѣсъ противникамъ реформы. Широкіе общественные круги и масса народная оказались тогда еще неподготовленными къ реформѣ. Демократизація избирательнаго закона подготовила господство либеральныхъ и рабочихъ партій, и теперь консервативная оппозиція уже не надѣется на побѣду даже въ случаѣ новаго обращенія къ суду избирателей. Поэтому они рѣшили пойти въ борьбѣ съ гомрулемъ не обычнымъ путемъ предусмотрѣнной законами агитаціи, а прибѣгнуть къ совершенно экстра-орди-

Второй съѣздъ тюремныхъ дѣятелей въ Петербургѣ. Группа присутствовавшихъ на открытіи съѣзда: министръ юстиціи статсъ-секретарь И. В. Щегловитовъ, новый начальникъ главнаго тюремнаго управленія П. К. Гранъ, предсѣдательница дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета статсъ-дама Е. К. Нарышкина, ея помощница М. С. Толстая, помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія А. Н. Принцъ, товарищъ министра юстиціи И. Е. Ильяшенко, товарищъ министра юстиціи, управляющій межевою частью Н. Д. Чаплинъ, новый директоръ департамента полиціи В. А. Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ, вице-предсѣдатель финляндскаго сената, бывшій помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія М. М. Боровитиновъ.

Съѣздъ завѣдывающихъ переселенческими районами, почвовѣдовъ и ботаниковъ Переселенческаго Управленія въ Петербургѣ.

Группа участниковъ Съѣзда: Главный Начальникъ Переселенческаго Управленія т. с. Глинка, его помощникъ Г. Ф. Чиркинъ, завѣдывающій почвенными изслѣдованіями проф. К. Д. Глинка, завѣдывающій ботаническими изслѣдованіями Б. А. Федченко, ревизоръ Н. А. Гавриловъ, ревизоръ М. А. Цвѣтковъ, уполномоченный Главноуправляющаго Министерства Землеустройства и Земледѣлія по Амурской области Н. К. Шуманъ, завѣдывающій Иркутскимъ райономъ И. С. Иконниковъ, завѣдывающій Семипалатинскимъ райономъ В. К. Зайковскій, завѣдывающій Сыръ-Дарьинскимъ райономъ А. М. Сахаровъ, завѣдывающій Тургайско-Уральскимъ райономъ В. И. Бѣляевъ, завѣдывающій Семирѣченскимъ райономъ Б. Х. Шлегель, завѣд. Черноморскимъ райономъ Л. П. Трипольскій, завѣд. статистическими изслѣдованіями П. П. Румянцевъ, астрономъ П. К. Долговъ, почвовѣды: С. С. Неуструевъ, Д. А. Драницынъ, Л. И. Прасоловъ, Г. И. Доленко, М. И. Рожанецъ, В. Н. Таганцевъ, А. А. Шипчинскій, А. И. Безсоновъ, Н. В. Благовѣщенскій, К. К. Никифоровъ, А. Я. Ройкинъ, А. И. Ханнскій, А. И. Холмскій; ботаники: В. П. Дробовъ, Н. А. Десятовъ, Н. И. Кузнецовъ, С. Е. Кучеровская, М. И. Пташицкій, О. И. фонъ-Кноррингъ, З. И. фонъ-Минквицъ, І. В. Кузнецовъ.

нарнымъ и необычнымъ въ Англіи средствамъ въ видѣ вооруженной защиты противъ новаго закона. Дѣло въ томъ, что приблизительно одна пятая часть Ирландіи въ видѣ цѣлаго Ульстерскаго округа, давно уже слившаяся съ англійскимъ элементомъ и культурно, и религіозно, и экономически, откололась отъ собственнаго отечества, отошла отъ католицизма и потому относится крайне враждебно къ самой идеѣ ирландской автономіи. Ульстерцы опасаются, что въ новомъ ирландскомъ парламентѣ на ихъ долю выпадетъ печальная участь гонимаго и тѣснимаго меньшинства, и поэтому рѣшили бороться противъ введенія гомруля чисто революціонными мѣрами съ оружіемъ въ рукахъ. Со свойственной англійскимъ нравамъ широкой свободой они производятъ свои военныя приготовленія къ гражданской войнѣ совершенно открыто, закупаютъ запасы оружія, формируютъ армію, мобилизуютъ цѣлые полки добровольцевъ, обучаютъ ихъ военнымъ пріемамъ и пр. на глазахъ у правительства и парламента. Англійскіе министры, парламентъ и либеральная печать, слѣдуя тѣмъ же священнымъ традиціямъ неограниченной свободы, остаются пока въ роли спокойныхъ зрителей военныхъ приготовленій ульстерской революціи. Ульстерцы ведутъ свою вооруженную демонстрацію противъ гомруля, въ надеждѣ, что гуманное общественное мнѣніе не допустить подавленія возстанія силою, и сама армія не станетъ разстрѣливать поднявшихъ картонные мечи гражданъ. Но вѣренъ ли этотъ расчетъ? Главнокомандующій въ Ирландіи сэръ Артуръ Паджетъ торжественно заявилъ, что какія бы то ни были у военныхъ личныя убѣжденія и симпатіи, все-таки армія по первому приказу короля исполнитъ свой долгъ. Въ нижней палатѣ необходимость мирнаго соглашенія между оппозиціею и правительствомъ признается обѣими сторонами. Опираясь на солидарность съ большинствомъ націи, правительство можетъ доставить себѣ роскошь побѣдителя — проявить нѣкоторое великодушіе къ побѣжденнымъ. Именно такой смыслъ и характеръ имѣетъ заявленіе Асквита и Ллойдъ-Джоржа о готовности правительства выдвинуть компромиссъ въ моментъ, который оно сочтетъ благопріятнымъ. Компромиссъ этотъ найденъ въ той формѣ, что, устанавливая автономное управленіе Ирландіей, законъ временно—на 6 лѣтъ—выдѣляетъ по отношенію къ ирландскому парламенту автономное самоуправленіе Ульстера съ тѣмъ, что, по прошествіи шести лѣтъ, по желанію населенія выдѣленіе Ульстера можетъ быть продлено еще на такой же срокъ. На такомъ рѣшеніи въ концѣ концовъ сойдутся и ульстерцы и ирландскіе автономисты. И глава ульстерцевъ Карсонъ, этотъ новый „Кромвель XX вѣка", какъ величаютъ его консервативныя газеты, производящій торжественные смотры своей стотысячной арміи, и глава ирландскихъ автономистовъ Джонъ Реймондъ—оба привѣтствовали желаніе правительства установить путемъ соглашенія прочный миръ на Зеленомъ Островѣ.

Хотя оппозиція выражаетъ недовольство предложенными условіями и снова требуетъ роспуска парламента и обращенія къ суду страны, тѣмъ не менѣе можно почти съ полной увѣренностью сказать, что внутренній миръ въ Англіи не будетъ нарушенъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ гг. подписчиковъ озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **5 апрѣля** — съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова". кн. 2.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., Измайл. просп., № 22.

ЖЕНА АЛКОГОЛИКА.

Тяжелая была наша жизнь. Въ домѣ все пропито. Съ должности грозили разсчетомъ, а лѣчиться отъ пьянства мужъ не хотѣлъ ни за что. Въ это время я прочитала въ газетахъ о чудномъ средствѣ отъ пьянства „Ситровинъ-Эмбрей“. Я не вѣрила, чтобы моему мужу что-нибудь могло помочь, и жалко было истратить больше полтинника, но утопающій за соломинку хватается, и я рѣшила взять въ аптекѣ коробку. Каково же было мое удивленіе, когда послѣ первой таблетки утромъ за чаемъ онъ сталъ жаловаться, что обычная порція водки ему что-то не по вкусу. Теперь онъ совсѣмъ бросилъ пить, и къ намъ вернулось прежнее счастье и покой. За справками можно обращаться въ С.-Петерб. почт. ящ. № 371. 2583

Билліарды съ аспидными досками отъ 150 руб. билліард. фабр.
М. Н. ЕРЫКАЛОВА,
СПБ., Апраксинъ дворъ, 483.
Требуйте новый прейсъ-курантъ.
3 8 Высылается безплатно. 2455

МОЛОДОСТЬ

достигается отъ употребленія

МЫЛА „КОНЕКЪ“
Цѣна куска 50 коп.

КРЕМЪ „КОНЕКЪ“
Изъ молока лилій. Туба 40 коп.

ПУДРА „КОНЕКЪ“
Изъ молока лилій. Ц. за короб. 1 р.

Юный и нѣжный цвѣтъ кожи лица и рукъ достигается вѣрно и быстро.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Содержитъ избытокъ жира нѣжна, держится хорошо на кожѣ, выгодна въ употребленіи, представл. собою среди другихъ косметич. препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку
Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Главный складъ для Россіи:
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшен. № 10.
2289 21-1

Добрые люди! Вслѣдствіе пожаровъ, мы обѣднѣли и не можемъ ремонтировать нашъ храмъ во имя св. Стефана и замѣнить разбитый колоколъ. Ради Христа помогите. „Милуяй нища въ заемъ даетъ Богу, и рука дающаго не оскудѣетъ“.
Бѣдные Торчинскіе прихожане.
Адресъ: Торчинъ, Волын. губ. Притчу или церк. старостѣ.
2-1 2601

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.
2088 18-13

ВОДА
ЭМСЪ
СОЛЬ И ЛЕПЕШКИ
съ успѣхомъ примѣняется при **КАТАРРАХЪ** дыхательныхъ путей и пищеварительныхъ органовъ, **ИНФЛУЭНЦѢ, ХРИПОТѢ, ИЗЖОГѢ, КАШЛѢ.**

2596

САНАТОГЕНЪ БАУЭРА

Признанъ болѣе чѣмъ 19000-ми профессорами и врачами, какъ укрѣпляющее организмъ и нервную систему средство.

Литература о дѣйствіи Санатогена Бауэра

1. При нервныхъ болѣзняхъ,
2. При разслабленіи всякаго рода,
3. При желудочныхъ и кишечныхъ страданіяхъ,
4. При легочныхъ болѣзняхъ,
5. При малокровіи и блѣдной немочи,
6. При дѣтскихъ болѣзняхъ,
7. При женскихъ болѣзняхъ,
8. При неправильностяхъ обмѣна веществъ,

высылается фирмой **Фонъ ВЮЛЬФИНГЪ и К°. Москва**, Кривоколѣнный пер., 14, по первому требованію. **Санатогенъ Бауэръ** продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Настоящій только съ красной бандеролью.

На международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ 1913 году, изъ числа представленныхъ укрѣпляющихъ и питательныхъ средствъ самой высшей награды „Grand-Prix“ удостоенъ только Санатогенъ Бауэра.
1647

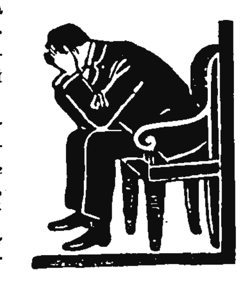
МУЖЧИНЫ,

ВОТЪ ПРИМѢРЪ ДЛЯ ВАСЪ!

Всегда болѣе сильный торжествуетъ побѣду не только въ борьбѣ, но и въ жизни. Человѣкъ сильный, здоровый, не знаетъ неудачъ, передъ нимъ открытъ весь міръ, и лишь немногое кажется ему невозможнымъ. Но зачѣмъ болѣть, страдать и быть слабымъ, если природа дала намъ естественное средство укрѣпить свое здоровье, силу и нервы?

Если Вы страдаете **общею и половой неврастеніей** и ея послѣдствіями, **робостью, слабой памятью,** послѣдствіями дурныхъ привычекъ, **безсонницею, головными болями;** если Вы нервны, **раздражительны, переутомлены,**

НЕ ЖДИТЕ ДНЯ — НЕ ЖДИТЕ ЧАСУ — спросите въ ближайшей аптекѣ или въ аптекарскомъ магазинѣ коробку «Біола», но **только настоящаго «Біола-Ласлей».** Вы получите блестящіе результаты.



При каждой коробкѣ имѣется книга извѣстныхъ врачей специалистовъ, которая объяснитъ Вамъ причину Вашихъ страданій и укажетъ правильный путь къ ихъ устраненію.

«Біолъ-Ласлей» это извѣстное общедоступное и недорогое средство противъ половой неврастеніи, которое совершенно безвредно. Остерегайтесь поддѣлокъ. Смотрите на наклейку **„Издѣліе Лабораторіи Ш. Ласлей“.** За справками можно обращаться въ С.-Петербургъ, почтов. ящ. № 371.

Sarg'a
KALODONT - КАЛОДОНТЪ
необходимый
ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гоноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуетъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно наложенымъ платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: **МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.**

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ".

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Лугапскъ, 22/2—1913 г.".

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.". 2500 (з)

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

ЛУЧШІЙ ВЪ МІРѢ

ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ И. МАЕВСКАГО

УКРѢПЛЯЮЩІЙ ДЕСНЫ И ПРИДАЮЩІЙ ЗУБАМЪ СНѢЖНУЮ БѢЛИЗНУ

2368 4 4

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ" (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопрождается множеств. пояснительн. и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ" является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художествен. комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіеся къ области искусства.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" Издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ.

Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. налож. платеж. 2 р. 20 к.

Подробн. проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Издательское Т-во „БЛАГО". С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.

2698 **НУЖНЫ АГЕНТЫ.** 2-1

ПИВО

2604 3-1

въ сухомъ видѣ разныхъ сортовъ. Новость въ Россіи, патентованное за № 57884. Рекомендую солодовое пиво — лучшее средство въ медицинѣ отъ переутомленія и малокровія. 100 бут. — 3 руб., 50 бут. — 2 руб., 25 бут. — 1 руб. 35 коп.; пересылка — 45 коп. Прейсъ-курантъ безплатно. Переславль-Залѣсскій, заводъ Николая Глухарева.

1 ЧАСЪ

работы, въ день обезпечитъ всѣмъ мужчинамъ, женщинамъ и подросткамъ постоянный крупный побочный заработокъ. Знаній и капитала не требуется. Разстояніе не препятствуетъ. **Требуйте подробности** (на пересылку прос. прилож. 14 к. марками). С.-Петербургъ, Лиговская 44 — 5.

Техн. Ком. К-ра „АНОДЪ". 2561 4 2

4 НОВОСТИ НЕОБХОД. ДЛЯ ВСѢХЪ.

1) Швейц. домашн. паяльникъ для спаив. и луж. всяк. метал. предм. безъ кислоты и т. п., тоже для неумѣющихъ. Прочн., совс. безопасн., сбереж. врем. и денегъ. Ц. компл. 2 р. 25 к. 2) Чудо-**Молотокъ** соедин. 20 разн. инструм., какъ: клещи, гаечн. ключъ, отвертка, буравчикъ, 2 напильн., долото, пилка, наковальн., **тиски** и т. д. для монт. и хоз. Ц. компл. 2 р. 90 к. 3) Безопасн. машинка для бритья сист. Гиллет. съ 12 брит. (24 лезвія), посеребр., ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4) Автом. машинка для остренія всякихъ бритвъ, съ ремнемъ ц. 2 р. 50 к. Выс. нал. плат. безъ задатка. Перес. за 1 шт. 50 к., а за 2—4 шт. 80 к. **Викент. Петр. Ежевскій,** 2408 **Варшава, Х. Журавлин. ул., № 40.** 4-2

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать подпись: [подпись]

На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ

БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ

(безъ кубебы — безъ спринцованій!)

свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій

на каждой капсюлѣ MIDY находится имя МИДИ

СКЛАДЪ

Главныхъ Аптекахъ Россіи.

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

2118 13-8

Buvez la Bénédictine toujours glacée.

Trinkt Bénédictine stets gekühlt.

Изъ области косметики.

Всѣмъ многочисленнымъ лицамъ, которыя за послѣднее время за мои совѣты и косметическія средства удостоили меня благодарственными письмами, я выражаю искренную благодарность.

Армидѣ, Танѣ, А. Л., Г-жѣ В—ой въ П. Здоровый, свѣжій видъ лица вернется, сальныя пробки, расширенныя поры, черныя точки, красота лица, носа, жирный блескъ, потѣніе лица исчезнутъ быстро и радикально послѣ употребленія **жидкости Альма** (фл. 1 р. 50 к). и пудры **Неля** (к. 1 р. 60). Чтобы избавиться отъ прыщей и угрей, нужно, кромѣ вышеуказаннаго, употреблять еще **кремъ Иксора** (б. 1 р. 50 к).

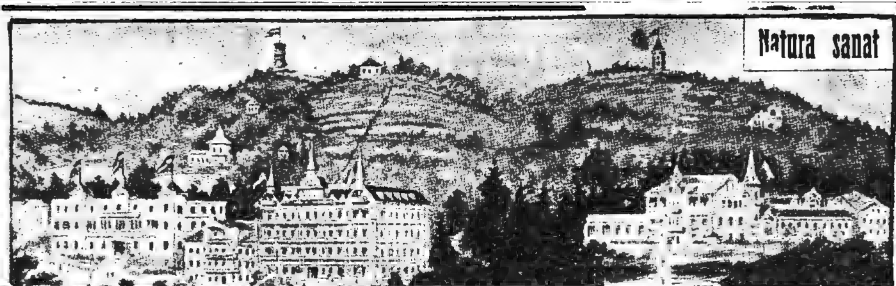
141. Майоръ, Н. Б. И., С. П. З., Псковъ. Конечно, можно. Смазывайте лицо на ночь **магнетическими сливками** (фл. 1 р. 50), утромъ **кремомъ Таити** (б. 2 р.). Мойтесь только **магнетическими отрубями** (б. к. 1 р. 80) (мыло портитъ кожу), прибавляя къ водѣ **освѣжающей воды д-ра Лизе** (б. ф. 2 р.) и пудрите лицо безвредной лучшей пудрой **Эмайль Теба** (к. 1 р. 50 въ 4-хъ цвѣтахъ). Красивый румянецъ придаетъ жидкость „**Розоль**" (ф. 2 р. 50). Морщины быстро исчезнутъ, вялая кожа станетъ эластичной, получитъ прекрасный матово-розовый оттѣнокъ. Волосы и брови сдѣлаетъ темными безвредная краска **Henolina** (ф. 4 руб.). Потъ и зловоніе устранитъ пудра **Тезо** (к. 40 коп.)

Крюкову, Ан. В., Аннетѣ въ Р. В. Лучшія средства для укрѣпленія и рощенія волосъ, устраняющія перхоть, жидкость **Бизарръ** (ф. 3 р. и порош. **Yes** (к. 1 р. 50) англійскаго д-ра Барклавы. Два раза въ мѣсяцъ мойте голову жидкимъ мыломъ Бизарръ (ф. 1 р. 50). Брови и рѣсницы становятся гуще при употребленіи масла **Бестъ** (ф. 2 р.).

А. К. П., Катѣ. Лучшее средство противъ веснушекъ—„**англійскій кремъ**" (б. 1 р. 60). Для бѣлизны рукъ—**кремъ Мидія** (б. 1 р. 50 к.) и **перчатки Мидія** (1 р. 50). Противъ ожирѣнія радикальное безвредное средство—**чай д-ра Далоффа** (б. к. 3 р.). 2621

Всѣ эти средства имѣются на главномъ складѣ „**Косметика Теба**" въ Петербургѣ, Захарьевская, 3—I и высылаются по жел. нал. плат. Пересылка въ зависимости отъ вѣса. (Письма съ вопросами и заказами прошу посылать тоже по этому адресу), а также въ апт. маг. Бюлера, Невскій, 49, Шаскольскаго, Невскій, 27, въ Вильнѣ у Пружана, Москвѣ—у Мюра.

Savigny.



БИЛЬЦА Санаторія, Дрезденъ-Радебейль.

Прекрасные

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛѢЧЕНІЯ

Естественный методъ лѣченія — лучшій способъ излѣченія болѣзней желудка, кишекъ, сердца, печени, почекъ, мочев. пузыря и половыхъ болѣзней, подагры, ревматизма, астмы, нервности, блѣдной немочи, малокровія, сахарной и всѣхъ
2597 **женскихъ болѣзней** и т. п. 4-1

Проспекты безплатно.

Пансіонеры и нуждающіеся въ отдыхѣ найдутъ здѣсь очень пріятное мѣстопребываніе въ такъ называемой саксонской Ниццѣ. Мягкій климатъ. Исключительно-живописная мѣстность. Каждыя 8 минутъ сообщеніе съ Дрезденомъ, со всѣми его сокровищами искусствъ.

Руковод. врачи: санит. совѣтн. д-ръ мед. Вильфингеръ. **Д-ръ мед. Павелъ Ашке.**

ТОЛОКНО — ОВСЯНОЕ КАКАО
фабрики. И. В. СОКОЛОВА.

Натуральная, гигіеническая питательная пища.

Для желудочно-больныхъ, нервныхъ, золотушливыхъ, малокровныхъ, переутомленныхъ. **По наблюденіямъ врачей, быстро возстанавливаетъ силы** истощенныхъ болѣзнями. Незамѣнимо для дѣтей и взрослыхъ. Цѣна 40 к. фун. Высылается налогомъ отъ 3-хъ фунтовъ. Почтовые расходы за счетъ покупателя. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Оптов. скл.: Москва,
3-8 **В. ДУНИНЪ**, Мясницкая, 27. 2269

Складъ въ С.-Петербургѣ: **Бр. А. и И. ШИТОВЫ**, Морская, 17; тел. 17-22.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ
Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7. С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 158, (12

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

1850 18 8

Духи „КЛИТІЯ“.

1617 Выдающееся произведеніе современной парфюмеріи. 10-10

САМОУЧИТЕЛИ
РЕМЕСЛЪ и ПРОИЗВОДСТВА.

Багетно-рамочное производство—**30** к. Бочарное дѣло съ 50 рисун.—**40** к. Устройство водяныхъ двигателей съ 15 рисун.—**40** к. Устройство вѣтряныхъ двигателей съ 27 рисун.—**40** к. Выжиганіе по дереву съ 24 рисун. и 2 чертежами—**30** к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис. и 1 чертежомъ—**30** к. Домашній электротехникъ съ 66 рисун. — **30** к. Производство дрожжей — **30** к. Дѣтскія полезныя ремесла съ 81 рисун.—**40** к. Женскія рукодѣлія съ 48 рисун.—**30** к. Жестяныя работы съ 68 рисун.—**40** к. Зеркальное производство—**30** к. Золоченіе и серебрен. по дереву и металл. съ 14 рисун.—**30** к. Каменная кладка съ 41 рисун.—**40** к. Клееночное производство — **30** к. Кожевенное производство съ 5 рисун. — **30** к. Колбасное производство съ 40 рисун. **50** к. Корзиночное производство съ 52 рисунк.—**30** к. Красильщикъ-любитель—**30** к. Крахмальное производство съ 11 рисун.—**30** к. Кровельное дѣло съ 86 рисун.—**30** к. Кузнецъ-любитель съ 46 рисун.—**30** к. Луженіе, паяніе и никелиров.—**30** к. Маслобойное производство съ 23 рисун.—**25** к. Мукомольное производство съ 27 рисунк. — **50** к. Мыловаръ-практикъ съ 36 рисун. — **40** к. Охотникъ-любитель съ 22 рисун.—**30** к. Переплетчикъ-любитель съ 76 рисун.—**35** к. Печное дѣло съ 22 рисун.—**40** к. Плетеніе сѣтей съ 30 рисун. — **30** к. Плотникъ-любитель съ 85 рисун. — **30** к. Полировка, шлифовка и лакировка — **50** к. Постройка лодокъ съ 76 рисун.—**50** к. Починка резиновыхъ галошъ—**30** к. Приготовленіе лампаднаго масла—**30** к. Приготовленіе колесной, сбруйной и копытной мази—**30** к. Приготовленіе ваксы—**30** к. Приготовленіе сливочнаго и чухонскаго масла съ 15 рисун.—**30** к. Приготовленіе минеральныхъ красокъ—**30** к. Протрава и окраска дерева въ разные цвѣта—**50** к. Приготовленіе прохладительныхъ напитковъ—**35** к. Рѣзчикъ-любитель съ 60 рисун.—**30** к. Рыбная ловля съ 54 рисун.—**30** к. Сапожникъ-любитель съ 47 рисун.—**40** к. Сельское земледѣліе съ 43 рис.—**30** к. Скорняжное дѣло—**30** к. Слесарь-любитель съ 63 рис.—**30** к. Столяръ-любитель съ 100 рис. — **40** к. Токарь-любитель съ 72 рис.—**30** к. Какъ устроить небольшой мыловаренный заводъ—**30** к. Фотографъ-любитель съ 68 рис.—**40** к. Часовщикъ-любитель съ 28 рис.—**30** к. Чернильное производство—**30** к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис. — **30** к. Штукатурное дѣло съ 22 рис. — **30** к. Устройство электрическихъ звонковъ съ 50 рис. — **30** к. Адвокатъ деревенскій — **30** к. Винодѣліе плодовое и ягодное съ 9 рис.—**30** к. Гармоній и другихъ музык. инстр. производ. съ 12 рис.—**30** к. Жернововъ ковка съ 34 рис.—**30** к. Землемѣръ сельскій съ 43 рис.—**30** к. Квасоваръ-любитель — **30** к. Кондитеръ-любитель — **30** к. Кожъ раскройка съ 55 рис.—**30** к. Кожи окрашиваніе—**30** к. Выборъ лошади и коровы съ 20 рис.—**30** к. Огородникъ-любитель съ 28 рис. — **30** к. Пивовареніе домашнее съ 8 рис.—**30** к. Скотолѣчебникъ — **30** к. Карамельно-конфектное пр. — **75** к. Макаронное производство—**30** к. Керосиновые и бензиновые двигатели—**40** коп., Набивка чучелъ—**30** коп. Футболъ—**30** к. Сила и какъ сдѣлаться сильнымъ—**30** к. Пиротехникъ-любитель — **30** коп Домашняя гимнастика—**30** к. Лаунъ-теннисъ—**20** к. Французская борьба — **40** к. Англійскій боксъ — **30** к. Охотничья собака, ея лѣченіе и дрессировка—**60** к. Производство туалетн. мылъ—**60** к. Парфюмеръ домашн.—**30** к.

Всѣ эти книги высылаетъ наложен. платежомъ или по полученіи денегъ. **П. КОМИСАРЕНКО.**

МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30—4.

За пересылку книгъ взимается: за 1 книгу 17 к., 2 кн. 21 к., 3 кн. 27 к., 4 кн. 31 к. и 5 кн. 37 к. Лица, выписывающія наложеннымъ платежомъ, добавляютъ къ этому еще 10 к. Словомъ, за пересылку книгъ взимается по почтовой таксѣ.

Каталогъ книгъ БЕЗПЛАТНО. 2598

2611

КОЛЛЕКЦІИ МАРОКЪ.

100 разныхъ заморскихъ $1^{1}/_{2}$ руб.
300 „ всѣхъ странъ 2 руб.
500 несортированныхъ 75 коп. съ перес.
Полный каталогъ безплатно. Покупка русскихъ юбилейныхъ и земскихъ марокъ.
Адрес.: В. А. Зольманъ, Рига. 2619

2 ПАРЫ БОТИНОКЪ

за 6 р. 75 к.

Мужск. или дамск. шнуров. новѣйш. фасона на шпильк. подошв., прочн. и элегант., стоящ. прежде 18 р. Кожа черн. или коричн. Указать № носимыхъ ботинокъ или № галошъ. Заказы исполн. налож. плат. безъ задатка. Пересылка 75 к., въ Сибирь 1 р. 15 к. Также высыл. лучш. сортъ за 7 р. 25 к. При выпискѣ 4 паръ сразу перес. наша. Непонрав. приним. обратно.
2505 Адр.: Лодзь, Б. 58. Въ складъ 3-3
„Лодзинскій Экспортъ".

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ
НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

1711 Тысячи благодарностей. 6-8

Настоящія чер. страусовыя перья, 46 сант. дл., 15 сант. шир. — 1 р. 90 к.; лучшія 45 сант. дл., 15 сант. шир.—3 р.; 50 сант. дл., 16 сант. шир.—6 р. 60 к.; 60 сант. дл., 18 сант. шир.—8 руб. 25 к. Самаго высокаго качества до 60 руб. Плерезы: 42 сант. дл., 32 сант. шир., два раза связанныя—6 р. 60 к. Эспри (10 стеблей) 4 р. и дороже. „Райскія птицы" отъ 15 р. Большой выборъ цвѣтовъ. Прекрасныя шелковистыя розы 3 штуки 1 р. 50 к. Прекрасный каталогъ съ 90 картинками—безплатно. Товаръ высылается налож. платеж. Германія. Hoffmann, Strassburg, I/E.
3-2 96, Straussfedern-Versand. 2578

БЕЗПЛАТНО

Выписывайте нашъ новый оптово-розничный прейсъ-курантъ, имѣющій болѣе 1000 иллюстрацій для сравненія цѣнъ; тамъ Вы найдете машинки для стрижки волосъ съ 3-мя №№ 1, 2, 3, на 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.; тоже для бороды 000—2 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.; бритвы—60 к., 75 к., 1 р., 2 р., 3 р. и дороже, безопасныя бритвы—1 р. 25 к., 2 р., 3 р. и 5 р.; безопасная бритва „Жиллеть", столовые ножи и вилки за 12 паръ—1 р, 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., и изъ цѣльнаго куска лучшей стали, гравированные и блестяще никелированные 12 паръ—5 р. и 5 р. 25 к.; электрическіе фонарики—85 к., 1 р., 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.; карманные ножи—20 к., 30 к., 50 к., 1 р. и походный карманный ножъ съ 2-мя лезвіями, штопоромъ, шиломъ, отверткой, крючкомъ для открыванія жестанокъ и кольцомъ для цѣпочки—1 р. 25 к.; ножевой товаръ, ножницы, ремни, оселки для правки бритвъ, бритвенныя, парикмахерскія и туалетныя принадлежности и приборы, ошейники и проч. для собакъ, гребни, гребенки, кухни и печки керосиновыя и спиртовыя, универсальныя мясорубки, тѣстомѣсилки, маслобойки, молотки, ручки, замки, безмены, вѣсы, фонари, кофейники, чайники, столовые приборы, мельницы кофейныя и другія хозяйственныя принадлежности, парфюмерія и проч. товары, масса новостей.

С.-Петербургъ, Садовая, № 9,
Т-во Плоховъ и Готтарди. 2620

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА — РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ — ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2216 16-9

ВАЖНО ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Нашъ сезонный **прейсъ-курантъ** послѣднихъ **лѣтнихъ моделей** дамскихъ нарядовъ, бѣлья, обуви, корсетовъ, отдѣла фотографіи, хозяйствен. принадлежностей, чулокъ, шарфовъ и многихъ другихъ предметовъ
2570 2-2
ОТПЕЧАТАНЪ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ ИНОГОРОДНИМЪ БЕЗПЛАТНО.
Нашъ прейсъ-курантъ **необходимъ въ каждой семьѣ**, а потому просимъ сообщить **сегодня же** вашъ адресъ открыткой, и мы немедленно вышлемъ Вамъ его **безвозмездно**. Универсальный магазинъ
Павелъ Обоимовъ, Москва, Тверская, 30. Отд. 31.

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

2143 33-11

Депо во всѣхъ аптекахъ.

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр.
ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская
БУХГАЛТЕРІЯ
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе.
Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скоропись, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.**
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.).
Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.

ПУДРА GERMANDRÉE

(ЖЕРМАНДРЕ)

2478 3-2

чудно благоухающая, незамѣтная на лицѣ, плотно пристаетъ къ кожѣ, обезпечая ей гигіену и красоту.

КРЕМЪ GERMANDRÉE придаетъ кожѣ нѣжность.
MIGNOT-BOUCHER, 19, rue Vivienne, PARIS.

ВѢЧНЫЕ КАРМАННЫЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ФОНАРИ

съ аккумуляторами „ГЕНСЕМБЕРГЕРЪ".
МИЛАНЪ—МОНЦА—ВѢНА—ОДЕССА.

По истощеніи энергіи фонарь можетъ быть заряженъ снова любымъ источникомъ постояннаго тока, благодаря чему одинъ фонарь можетъ служить вѣчно. **Цѣна фонаря въ изящномъ футлярѣ съ запасн. ламп. 2 р. 50 к.** Инструкція по зарядкѣ прилаг. къ кажд. фонарю. Высыл. нал. плат. безъ задатка. За пер., упак. и нал. плат.—40 к.

ПЕРЕНОСНЫЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ

для автомобилей, моторныхъ лодокъ, комнатнаго освѣщенія, медицинскихъ цѣлей и т. д. различной емкости и напряженія въ стеклянныхъ, эбонитовыхъ и целлулоидныхъ сосудахъ.

Подробные иллюстр. катологи по первому треб. безплатно.
Одесса, Малороссійская 59б.
Торг. Домъ Л. Д. ТРИГЕРЪ С-вья и Ко. 2624

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористъ шрифт. **Цѣна** съ перес. 1 р. 50 к.

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. Ц. 40 к. съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ. Невскій. 92—3.

Акціонернаго общества „Н. ФЕТТЕРЪ и Е. ГИНКЕЛЬ".

МОСКВА, Театральный проѣздъ, д. № 2. **Единственныхъ** для всей Россіи **представителей** механическихъ оружейныхъ заводовъ: **И. П. Зауеръ и Сынъ** въ Зулѣ, **Маузеръ** въ Оберндорфѣ и **Національной** фабрики военнаго оружія въ Герсталь-Льежѣ. Поставщики Императорскаго Общества Правильн. охоты и его Новгородско-Тверского Отдѣла. **Цѣны внѣ конкуренціи!** Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.
2623 2-1

Заработокъ 40—200 руб. въ недѣлю.

Требуйте изъ Парижа **„Какъ нажить состояніе"**. Подх. всяк. честн. личности. Раб. нѣск. час. въ день. Office E. r. Paris K. rue Georges Saché 6 (марка на отв.). 2615

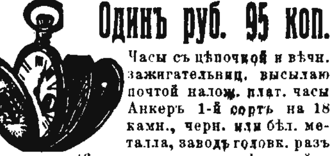
ИСКУССТВА ДОМА:

имѣются всѣ принадлежности для выжиганія, выпиливанія, рисованія, металлъ-пластикъ, работъ гвоздями, **ГАЛЛІЯ**, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски, холстъ.

А. СКРОНЪ, СПБ., Морская, 23-В.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ высыл. за 2 семикопѣечн. марки. 2625

Одинъ руб. 95 коп.



Часы съ цѣпочкой и вѣчн. зажигательниц. высылаю почтой налож. плат. часы Анкеръ 1-й сортъ на 18 камн., черн. или бѣл. металла, заводъ головк. разъ въ 46 часовъ, съ элег. цѣпочкой и метал. вѣчн. зажигател. за 1 р. 95 к., за пересылку почтой присчитываю 45 к., а въ Сибирь 80 к., при требов. 4 часовъ пересылка за счетъ фирмы. Премія: при требованіи 6-ти часовъ прилагаю 1 часы даромъ. Адресуйте: **Лодзь, М. Бабушкинъ. 1-ое отд.** Гарантія доброкачеств.: если не понравится, принимаю обратно. 2518 3-2

Открыта подписка на журналъ

САМООБУЧЕНІЯ и САМООБРАЗОВАНІЯ

„ШКОЛА ДЛЯ ВСѢХЪ".

Журналъ даетъ познанія въ объемѣ средней школы и готовитъ къ различнымъ экзаменамъ, какъ-то: на аттест. зрѣлости, на аптекар. учен., на класс. чинъ, на учит. зван. и пр. и пр. Въ журналѣ, какъ ученые редакторы, принимаютъ участіе: проф. С. А. Венгеровъ, Николай Ал. Морозовъ, проф. В. Н. Сперанскій, проф. Л. А. Чугаевъ, лекторъ Импер. Алекс. Лицея Р. А. Теттенборнъ, прив.-доц. Н. С. Державинъ, заслуж. орд. проф. П. И. Броуновъ, проф. А. І. Маленнъ, прив.-доц. Туръ. (Подробн. списокъ будетъ объявленъ при первомъ №).

Подписная цѣна 12 руб. въ годъ. (52 № журнала и 26 книгъ приложеній).

Допускается разсрочка въ 4 срока.

Первый № выйдетъ 1 Марта.

Деньги и запросы адресовать: С.-Петербургъ. Рижскій пр., 14—3, Конторѣ Журнала „Школа для всѣхъ".

Подробные проспекты высылаются безплатно.
Нужны агенты. 2506 3-3

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ДЛЯ ВСѢХЪ

НЕ ТРЕБ. НИКАКИХЪ ЗНАНІЙ.

Простѣйшіе самоучители:

1) Устр. **долговѣч. электр. освѣщ.** безъ машинъ и станц., домаш. сред. Выс. за 60 к., съ нал. пл. 75 к.
2) Изгот. **электр. аккумуляторовъ,** карм. и перен., уходъ, зарядка и пр. Выс. за 50 к., съ нал. пл. 65 к.
3) Изготов. **сухихъ батареекъ** для карм. фонар. Изг. обх. 3—5 к., возобн. 2—3 к. Выс. за 40 к., съ нал. пл. 55 к.
4) Устан. **телефон. и электр. звонковъ,** сигн. отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за 60 к., съ нал. пл. 75 коп.
5) Устр. **лѣчебн. электр. аппарата.** Обход. въ 5—6 разъ дешев. покупн. Выс. за 50 к., съ нал. пл. 65 к.
6) **Гальванопластика,** никкел., золочен., серебр., изгот. клише и пр. Выс. за 1 р. 10 к., съ нал. пл. 1 р. 25 к.
7) Уст. **динамо-машинъ и электро-моторовъ** домаш. сред. Выс. за 1 р. 30 к., съ нал. пл. 1 р. 45 к.

Перес. 2 кн. и болѣе обх. значит. дешевле. Всѣ 7 книгъ выс. за 4 р. 25 к., съ налож. платеж. 4 р. 40 к.

Проспекты высыл. **безплатно.**
Адр.: Техн. **М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва,**
2-2 **Бол. Козихинскій пер., д. 4-65.** 2504

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей**, новый интересный каталогъ съ 24-я образцами высыл. въ закр. письмѣ по получ. 5×7 к. марокъ. Адр. Л. Франкфортеръ, Лодзь, 2, ящ. 571.
2512 2-8

БЕЗПЛАТНО

высылаемъ нашъ полный иллюстр. каталогъ часовъ, зол. и серебр. вещей. Цѣны фабричныя. Швейцарскій фабричный складъ Гавріилъ Слицанъ и К°., въ Ригѣ.
3-2 2510

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ“ (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри**, прыщи и всякія нечистоты кожи. Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками).
Представитель **Іосифъ Гроссманъ**, Варшава, Золотая №16.
2258 15-8

Маг. „ПЧЕЛА“,

2580 **Москва, Арбатская пл., д. № 6/А.**
Требуйте прейскурантъ рыболовныхъ принадлежностей; высылается за одну 7-ми коп. марку.

300 Волшебныхъ Моментальн. по Фотографій ½ коп.
Сенсаціонное изобрѣтеніе! Міровая новость! Загадка 20 вѣка! Всеобщій восторгъ! Доступно всякому! Волшебныя Фотограф. для **300 момент.** эффектныхъ снимковъ съ объясн. высыл. по получ. 1 р. 50 к. (можно марк.) или съ налож. платеж. на 1 р. 70 к. Адр.: **Т-во „ПОЛЬЗА“**, Бѣлостокъ. 8 М.
2-2

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 224 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).
Адресъ: (17)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

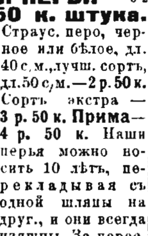
ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы избавитесь отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6, отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14.

Гордость дѣвушекъ и женщинъ — роскошныя длинныя косы!
Если хотите обладать полными дивной красоты косами изъ длинныхъ, мягкихъ, какъ шелкъ, волосъ, то требуйте по почтѣ наши иск. косы. Гарантир. чистота волосъ, отличн. парижск. выработка, прочн. матовая окраска. Большой выборъ натур цвѣтовъ. Наши косы абсолютно ничѣмъ не отлич. отъ естествен., тонки, волнисты и прочны. Цѣна 2 кось по 5 лот. или 1 косы въ 10 лот. (длины 60 сант.) — 4 р. 50 к., длиной въ 70 с/м. — 5 р. 25 к. За перес. налож. плат. присчитыв. 35 к., въ Сибирь — 55 к. и 75 к. Высыл. безъ задатка. Переписка хранится въ строжайшей тайнѣ. Не понравится — примемъ обратно. Для образца слѣд. прилаг. прядь волосъ. Адр.: **Лодзь Н., З. Бернштейну.**
2605

Прежде чѣмъ ОТЧАЯТЬСЯ сообщите всѣ день и г. рожденія знаменитому Парижскому астрологу, кот. дастъ В. безплат. анализъ — чтеніе В. жизни, будущаго, характера, укажетъ средство избавиться отъ **ЗАСТѢНЧИВОСТИ**, тоски, горя, одиночества, страданій, неврастеніи, укажетъ В. путь къ успѣху, счастью, разовьетъ В. вашу память, смѣлость и вліяніе на людей, Paris, Парижъ, Av. d'Orléans Bur. 14, M-me Izabelle (10 к. м. на отв.).
2012

2487 **СТРАУСОВЫЯ ПЕРЬЯ только за 1 р. 50 к. штука.**



Страус. перо, черное или бѣлое, дл. 40 с.м., лучш. сортъ, дл. 50 с/м. — 2 р. 50 к. Сортъ экстра — 3 р. 50 к. Прима — 4 р. 50 к. Наши перья можно носить 10 лѣтъ, перекладывая съ одной шляпы на другую, и они всегда изящны. За перес. присчит. 55 к., въ Сиб. — 95 к. При заказѣ 3 шт. и бол. перес. наша. Высыл. почтой наложн. плат. безъ задатка. Не понрав. — возвращ. деньги сполна. Адресъ: **Лодзь, торг. д. Льва Рубашкина. Н.**

![Bicycle]

ВЕЛОСИПЕДЫ — ЛИРА прочны, элегантны, умѣренныхъ цѣнъ.
Требуйте нашъ богато иллюстрированный каталогъ МЕ велосипедовъ, швейныхъ машинъ, оружія и снаряженія, телефоновъ и мембранъ, часовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, принадлежностей спорта и хозяйственныхъ предметовъ.
Herm. Klassen. G. m. b. H. **Prenzlau** (Германія).
2407 6-4

ФОТО графическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ **красавицъ**, Русс. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** (Испанія).
2381 15-4

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ ПО НЕБЫВАЛО ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ

1.000.000 худож. открыт. писемъ, изящн. загран. раб., черн. и въ краск., Пасхальн., жен. гол., Трет. гал., ландш., пейз. и т. д. Для образца выс. по почтѣ нал. плат., даже безъ задатка, ассортим., цѣна за 100 шт. — 1 р. 25 к., 200 шт. — 2 р. 30 к., 300 шт. — 3 р. 20 к., 500 шт. — 5 руб., перес. по почт. тарифу. При заказѣ 1000 шт. цѣна 10 р. и перес. за мой счетъ. Адр.: Лодзь, Н. 100. эксп. домъ худож. откр. **А. А. ПЕНЮНЖЕКА.**

Заочные курсы
БУХГАЛТЕРІИ
условія и пробн. лекція **БЕЗПЛАТНО.**
10-8 2255
Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

БРИТВЫ АД. АРБЕНЦА

съ замѣняемымъ, первоклассным, гарантированнымъ лезвіемъ, въ теченіе 25 лѣтъ признаны лучшими. Со своимъ чрезвычайно простымъ и необыкновенно практичнымъ приспособленіемъ для безопаснаго бритья онѣ являются безусловно самыми выгодными, дешевыми, безопасными бритвами и много превосходятъ всѣ бритвенные аппараты. Цѣны: № 8 — 4 руб., № 10 съ изящнымъ футляромъ и запасное лезвіе руб. 6. № 62 — тоже съ 3 запасными лезвіями руб. 7. — Имѣется въ хорошихъ магазинахъ и оптомъ у фабриканта Ад. Арбенцъ, Лозаннъ, Швейцарія.
2590

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ
Торговая фабрика **Н. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29. Гостинный Дворъ (уголъ) Невскій проспектъ №15.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкальн. инструмен. и граммофоновъ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ВСЯКАЯ ДАМА
можетъ имѣть
ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку **„БЕЛЛА-ФОРМА“**, прилагая 14 коп. марками на почтов. расходы, и мы Вамъ вышлемъ таковую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.
12-7 1973

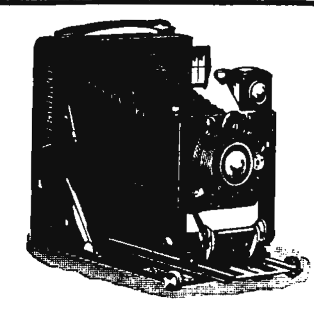
СТОМАТОЛЬ
Дѣлаетъ зубы крѣпкими и здоровыми, укрѣпляетъ десны и дезинфицируетъ полость рта.
Цѣна за флак. 1.50, 1 р. и 60 коп.
О-ВО СТОМАТОЛЬ, Стокгольмъ.
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
Представ. для Россіи пров. Э. И. Юргенсъ, Волхонка 6, Москва.
2392 4-2

МНОГО ЛЮДЕЙ ПОПРАВИЛО СВОЕ ЗДОРОВІЕ и СОХРАНИЛО ТАКОВОЕ БЛАГОДАРЯ УПОТРЕБЛЕНІЮ

ПИЛЮЛЬ Д-ра КОВЕНА
(парижскихъ)

Общеизвѣстныя съ давнихъ временъ. Очищаютъ кровь и регулируютъ функціи кишекъ. **Приносятъ всегда облегченіе.**

ПИЛЮЛИ КОВЕНА можно получить во всѣхъ больших аптекахъ и въ ПАРИЖѢ, Fg. St. DENIS 147.



Фохтлендера

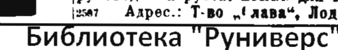
Камера „БЕРГГЕЙЛЬ“ 9×12 и 10×15 см.
Новая устойчивая металлическая камера съ **лучшей оптикой** по **умѣренной цѣнѣ.**
Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
2238

Акц. О-во ФОХТЛЕНДЕРЪ и СЫНЪ
Брауншвейгъ (Германія).

КНЕЙППСКІЙ СОЛОДОВЫЙ КОФЕ КАТРЕЙНЕРА

САМЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ НАПИТОКЪ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! ЗАВОДЫ ВЪ РИГѢ.
1286 (1)

Красота — это богатство! красота — это сила! красота — это могущество!
БЕРЕГИТЕ ВАШУ КРАСОТУ
посредствомъ аппаратика „Афро“ системы Д-ра Гарлана. Ни одна дама, ни одинъ мужчина, обладающ. этимъ геніальнымъ изобрѣтен., не должны бояться прыщей, угрей, морщинъ и т. п. недостатковъ кожи. При помощи аппаратика „Афро“ прыщи пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ черезъ 60 секундъ, угри — черезъ нѣсколько дней. Провалы на щекахъ заполняются, руки, шея округляются, морщины и складки на лбу, подъ глазами совершенно сглаживаются, и все это поразительно быстро. Аппаратъ **„Афро“** дѣлаетъ тѣло **свѣжимъ**, крѣпкимъ, упругимъ, а кожу цвѣтущей, атласной, мягкой. Цѣна аппаратика 1 р. 65 к. Кремъ „Метаморфоза“, „Секретъ красоты“ баночка 1 р. 50 к., перес. 35 к., въ Сибирь 75 к. Высыл. по почтѣ налож. платеж. безъ задатка. **Даромъ** къ кажд. аппарат. прилаг. руковод. на русск. языкѣ для пользованія.
2567 Адрес.: Т-во „Слава“, Лодзь, Н. 4-1



КУРОРТЪ и ЛѢСНАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦІЯ **ПОГУЛЯНКА,**

собственность графа И. Г. ПЛЯТЕР-ЗИБЕРГА.

Сезон с 1-го мая по 1-е сентября. Мѣстность вполнѣ здоровая. Старый сосновый бор (3.000 дес.). на выс. бер. Зап. Двины, въ 7 верст. отъ гор. Двинска. Сообщеніе 3 пароход. и моторными лодками. Кумыс, кефир. Вновь построен. водолѣчебница (души высок. давленія, минер., соснов., углекислыя, электр., грязевыя, суховоздушн. ванны). Luftbad по сист. д-ра Ламана. 3 пансіона от 2 р. до 5 р. 50 к. с полным продовольствіем и медиц. надзором. Суточныя исключительно за квартиры до 30 мая и съ 15 августа за половинныя цѣны. Первая консультація 3 и 5 р. Для пріѣзжающих отдохнуть — пансіон-гостиница. 105 дач-особняков от 3 до 10 комн., съ полн. обстановкою и посудою, от 150 р. до 500 руб. При каждой дачѣ имѣется ледник.

Парк, кургауз, театр, музыка, рѣчныя купанья. Skäting-Ring на открытом воздухѣ. Парк и всѣ дороги освѣщ. электричеством. Глазная лѣчебница приват-доцента Ноишевскаго. Консультанты—профессора Имп. Воен.-Мед. Акад. За справками обращаться к администраціи курорта: Ликсна, Витебск. губ., Погулянка, или въ Петербургѣ к завѣдывающему врачу курорта, приват-доценту Имп. Воен.-Медиц. Ак. С. Д. Владыко, Нижегородская, 10-Б, угол Нюстадской. 2638

А. БИТКОВЪ, МОСКВА, Лубянка, 8-20. ВСЕ ЛУЧШЕЕ

ВСѢ НОВОСТИ МІРА

ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА И ПУТЕШЕСТВІЙ,

КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.

УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.

Требуйте расцѣнку

2617 8-1

КТО СТРАДАЕТЪ РЕВМАТИЗМОМЪ?

пусть напишетъ мнѣ и потребуетъ у меня иллюстрирован. брошюру, которую высылаю всѣмъ немедленно **БЕЗПЛАТНО.**

Я открылъ средство, совершенно безвредное, но незамѣнимое при лѣченіи ревматизма, подагры и родственныхъ болѣзней, и оно помогло тысячамъ страждущихъ.

Это средство избавитъ и Васъ отъ Вашихъ тяжелыхъ мученій.

Достаточно написать открытое письмо, и я вышлю Вамъ вмѣстѣ съ книгой пробный пакетъ моего средства совершенно **БЕЗПЛАТНО.** Адресуйте: **ВИЛЬЯМЪ ГАЙДЪ ВОЛЛАНСТОНЪ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 18. Отд. 3. Н.** 2628

Быстросчетъ „МОЛНІЯ“

Г. Гебгардта, скорѣйшее полученіе результата и мгновенная провѣрка, съ таблицами пр. ст. %% отъ 1/4, сложн. %%, дисконта, заработка, упрощ. дѣйствій дробями, квадратн. и кубич. вычисл., превращ. русск. и международн. мѣръ и вѣсовъ, съ вѣчнымъ календаремъ и пр. Г. Хааке, СПБ., Консисторская, 9, кв. 28 н. 2631

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 2417 Священнику Александру Смирнову. 5-4

Подр. безпл. Москва, п. ящ. 2290/Н. 2591

КУРСЫ КАЛЛИГРАФІИ изъ Парижа. Красиво и скоро писать. Всѣ стили. Нов. сист. профессора Уэля. Первая лекція и матеріалы за семь 7 коп. мар. Office 3. 6 r. Gs Saché 6 Paris. 2614

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. **А. Вейссъ,** 12-3 Вѣна. Австрія. I. Адлергассе, 8. 2523

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ **АРТИСАЛЬ**

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и 18-2 лучш. апт. магаз. 2569

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю **заочно** каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Проф. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО,** Дерибасовская, д. № 19.

2-ое ИЗДАНІЕ КНИГИ:

Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ

ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,

ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ,

значительно дополненное, съ 23 рис.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія у автора:

Москва, Садовая-Тріумфальная, с. д.

2197 2-2

CEYLON TWO CENTS

TIMBRES-POSTE Pr COLLECTIONS 2634 3 1

Prime. — PRIX-COURANT de paquets, series albums, *gratis et fº*, avec **Deux Timbres de Monaco 1900.** *WINCH frères.* **COLCHESTER,** Angleterre.

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ,** С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (з)

БОЛЬНЫМЪ высылаетъ безплатно совѣтъ и рецептъ профессоръ Low, какова бы ни была ихъ болѣзнь. Прилаг. нот. „Профессоръ у каждаго на дому“. Адресъ прил. д. ѣ 10 коп. мар. на отв. Pr. Low **Bur. 66, Paris, rue d'Alisia.** Предл.—резул.обѣта. 2613

МАРКИ 2630

ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ, БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.

Спеціальная торговля марками для коллекцій Спальве-Блумбергъ, Москва, Покровка, 10. Книжнымъ, писчебумажнымъ и табачнымъ магазинамъ отпускаю марки на комиссію.

КОГДА ЗАХОДИТЪ РѢЧЬ О БРАКѢ и ЖЕНЩИНАХЪ,

надо хоть что-нибудь знать по этому жгучему вопросу, но, конечно, не изъ области наивныхъ и плоскихъ несообразностей бульварныхъ сочиненій. Лишь новая книга: **„Правда о бракѣ“** („Новая женщина и счастье вдвоемъ“) даетъ обширныя и дѣльныя свѣдѣнія въ ясномъ, живомъ, увлекательно интересномъ изложеніи. 160 стр. Ц. 85 к. Налож. плат. 1 р. 17 к. Кіевъ. Фирмѣ **„Другъ Семьи“** Отд. 2. 2594

2635 1-1

РЫБОЛОВАМЪ ЛЮБИТЕЛЯМЪ.

ВСѢ СНАСТИ ДЛЯ УЖЕНІЯ РЫБЫ ЛУЧШИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ и АМЕРИКАНСКИХЪ ФАБРИКЪ.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ РЫБОЛОВНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА, Столешниковъ, № 8.

ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

КАТАЛОГЪ СЪ РУКОВОДСТВОМЪ И ОБРАЗЦАМИ НОВОСТЕЙ—ЗА 3 СЕМИКОП. МАРКИ

26 6 2-1

Противъ АСТМЫ

АБИССИНСКІЙ ПОРОШОКЪ и ПАПИРОСЫ

ЭКЗИБАРЪ

Вѣрное дѣйствіе! Немедленное облегченіе!

6, rue Dombasle, Paris, Oscar Hetling, Moscou, Pétrowka, 12

1478 15-10

АНАПА-КУРОРТЪ

Климатич. станція на берегу Чернаго моря. **Прекрасное морское купанье.** Виноградное лѣченіе. Золотой песчаный пляжъ, здоровая мѣстность, отсутствіе лихорадокъ. Съ 1-го мая по 1-е ноября открыты:

ЛѢЧЕБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ Д-ра В. А. БУДЗИНСКАГО

награждены золотыми медалями на Всероссійской Гигіенической выставкѣ и выставкѣ „Русская Ривьера“ въ 1913 году.

САНАТОРІЯ, ВОДОЛѢЧЕБНИЦА и ГРЯЗЕЛѢЧЕБНИЦА

въ возвышенной части города, для лѣченія физическими методами болѣзн. желудка, кишекъ, привычныхъ запоровъ, геморроя, малярін, неврастеніи, ревматизма, нарушенія обмѣна веществъ, хронич. страданій матки и ея придатковъ и пр. Полный пансіонъ съ лѣченіемъ отъ 100 до 225 руб. по I классу и отъ 75 до 100 руб. по II-му классу (общія палаты). На „Золотомъ Пляжѣ“ **Ортопедическій Институтъ съ санаторіей „Бимлюкъ“,** находящ. въ завѣдыв. ассистента Ортопед. клиники военно-медицинской академіи д-ра **А. К. Шенка,** при консультаціи проф. той же клиники **Г. И. Турнера** и ассистента дѣтской клиники д-ра мед. **М. Ф. Руднева.** Открыты для лѣченія: рахита, малокровія, золотухи, всевозможныхъ страданій костей и мышечн. системы, искривленія костей и проч. ортопедич. болѣзн. Преимущ. примѣняются физич. методы лѣченія, а также разнаго рода повязки и аппараты. Плата по I классу отъ 100 до 250 руб., по II классу отъ 75 до 125 руб. 2682 2-1

СЕМИГОРСКІЙ ІОДОЩЕЛОЧНОСОЛЕНЫЙ ИСТОЧНИКЪ тождественный Ессентукамъ № 17 **съ санаторіей „Лучезарная“** для лѣченія: желудочно-кишечн. страданій, болѣзн. сердца, легочныхъ въ начальной стадіи, артеріосклероза, золотухи и страд. мочеполов. органовъ. Ѣхать на Керчь или Новороссійскъ, затѣмъ пароходомъ до Анапы, или черезъ Ростовъ, Тихорѣцкую до ст. Тонельной. Справки: Анапа у д-ра В. А. Будзинскаго и въ С.-Петербургѣ у д-ра Шенка, Саперный пер., 16.

ГОНОРРЕЯ

перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро вылѣчиваетъ совершенно безвредное

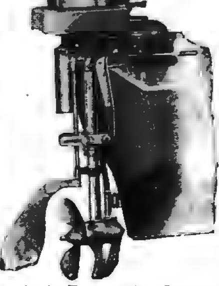
КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО (для внутренняго употр.)

„ТІЭЛЕРИНЪ“ доктора медицины Женевскаго унив. **ГОРОХОВСКОЙ.**

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ. 2687 2-1

Цѣна одинарн. флак. (на 10 дней) 1 р. 75 к., двойн. 3 р. безъ пер. **Въ случаѣ неизлѣченія—возвращаются деньги обратно.** Адресъ: д-ру **Э. М. Гороховской,** Москва, уг. Срѣтенки и Даева пер., д. 1/28, кв. 3, отд. 88. Гл. ск. отпускъ лѣкарства отъ 9 ч. утра до 7 ч. в., пріемъ лично отъ 3-хъ—6 ч

ПЕРЕНОСНЫЕ МОТОРЫ CAILLE. 2638



Этотъ великолѣпный лодочный моторъ можетъ быть приспособленъ въ теченіе 2-хъ минутъ къ любой гребной лодкѣ. Моторъ, изготовленный на заводахъ „Caille Perfection Works“, представляетъ собой идеалъ въ смыслѣ силы, надежности и гарантіи работоспособности. Моторъ этотъ произвелъ громадную сенсацію во всемъ мірѣ благодаря простой конструкціи и удовлетворилъ наивысшія требованія. Каждая часть пригнана съ чрезвычайной тщательностью, моторъ 5 разъ просмотрѣнъ до сборки и 5 разъ испытанъ до отправки. Моторы „Caille“ своими достоинствами извѣстны всему міру. Мы ихъ доставляемъ всѣхъ размѣровъ отъ 2 лош. силъ до 30 лош. силъ. Caille Perfection моторы признаны наилучшими изъ лодочныхъ моторовъ. Склады во всѣхъ главныхъ торговыхъ мѣстностяхъ. Обращайтесь въ склады или непосредственно на заводы The Caille Perfection Motor Co, 1435-1450 Caille Street **Detroit, M'ch., U. S. A.** Телеграфный адресъ: „Permotor“. Codes A B C 5th, edition. Western Union.

GOERZ
БИНОКЛИ „ТРІЕДЕРЪ"
увеличенныя поле зрѣнія
свѣтосила и рельефность
имѣются во всѣхъ оптическихъ магазинахъ.
Прейсъ-куранты высылаются безвозмездно.
ОПТ. ЗАВ. К. П. ГЕРЦЪ АКЦ. ОБЩ.
БЕРЛИНЪ-ФРИДЕНАУ 19
ПАРИЖЪ ЛОНДОНЪ. ВѢНА НЬЮ-ІОРКЪ

РУЖЬЕ

одноствольное центральное дробовое БЕРДАНА 6 р. 25 к., съ клеймомъ болѣе лучш. 6 р. 80 к., въ орѣховомъ ложѣ 2-й сортъ 7 р. 50 к., 1-й сортъ 9 р., орѣх. лож. пист. голов. гравир. 11 р. 20 к. Гильзы 7 к. штука; машинка для заряжанія 85 к.

ВАЖНО НЕБОГАТЫМЪ ОХОТНИКАМЪ!

ОГРОМНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВАСИЛІЯ ПЕТРОВА

Ижевскій оружейн. заводъ, Вятской губ.

Прейсъ-Курантъ разнообразн. ружей безплатно.

ТОРГОВЦАМЪ СКИДКА И ОСОБЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ. 2610

КУРСЫ ЗАОЧН. И ОБЩЕДОСТУПН.

БУХГАЛТЕРІИ

ПО ЛЕКЦІЯМЪ-КОРРЕСПОНД.

Г. А. БАХЧИСАРАЙЦЕВА

Преп. Моск. Реал. Уч. Разср. плат. Аттест. Иллюстр. просп. (160 стр.) безпл. Масса благод. Оконч. св. 7000 чел. 13 вол. мед. и дипл. Москва, Тверская, 58, кв. 10. 2521

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

2310 12-8

Старѣйшая изъ фирмъ ТОРГ. ДОМЪ

„МОРИСЪ"

Существ. съ 1881 г.

СПБ., Невскій, 43—1, уг. Троицк. Предлагаетъ готов. и на заказъ статское мужское платье, формы военныя и гражданскія, шитья собств. золотошвейн. За 7 коп. марку высыл. пр.-курантъ и журн. Моды немедт. 2314

ТРЕБУЙТЕ новый патентованный апп. для массажа

„МАНИПУЛЬСЪ"

Д-ра Іогансена.

Этотъ аппаратъ производитъ либо растирающій, либо ударный массажъ.

Цѣна никкел. аппарата въ изящномъ футлярѣ и съ 5-ю приставками для тѣла, головы и лица съ пересылкой Рубл. 15.

Контора „Техническія Новости", Рига, почтовый ящикъ № 165. 2608

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ!

фото-графическіе аппараты продаются

ВЪ РАЗСРОЧКУ

т./д.

ЛОРЕНЦЪ и К°.

Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42.

Прейсъ-курантъ и условія разсрочки безплатно. 2406 19-4

Гитары въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 125 и 150 руб.

Балалайки въ 4, 5, 6, 9, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р., дешевыя 2 и 3 руб.

Граммофоны усовершенствованной конструкціи въ 15, 18, 25, 35, 45, 55, 75, 100 р. и дороже.

Мандолины въ 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125, 150 и 200 р.

Гармоніи въ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и дороже до 175 руб.

Фортуна лучшія музыкальныя шкатулки въ 7½, 10, 18, 25, 40, 50, 60, 85, 110 р. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію. 2600

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. Рига, Сарайная, 14.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто **кольдъ-крема**.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и **МЫЛО Кремъ Симонъ** (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и *Кремъ Симонъ* и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продаются у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

1001 2-2

Лучшіе профессора Европы съ блестящимъ успѣхомъ прописываютъ больнымъ, страдающимъ

МУЖСКОЙ НЕВРАСТЕНІЕЙ

(БЕЗСИЛІЕМЪ)

извѣстный французскій препаратъ

СТИМУЛОЛЪ

Д-ра ГЛЭЗА,

такъ какъ это единственное и исключительное средство, быстро возстановляющее утраченную энергію и укрѣпляющее всю нервную систему.

Дѣйствіе Стимулола тщательно провѣрено въ лучшихъ Европейскихъ санаторіяхъ и вызвало восторженные отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

Важное предостереженіе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ настоящій **Парижскій Стимулолъ Д-ра Глэза** въ аллюминіевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденія, произведенныя надъ этимъ препаратомъ, и лучшіе отзывы врачей относятся только къ настоящему **Стимулолу Д-ра Глэза.**

Главное представительство для Россіи:

Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 72/ь.

2622

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 12.
XLV г. издания
Выданъ 22 марта 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко, кн. 6.

Докторъ БЯЛИКЪ, Кіев, Фундуклеев., 33. Лѣчебница отъ всѣхъ болѣзней рѣчи и **ЗАИКАНІЯ.** 2869

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47.
2189 катал. безпл. (7)

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ
въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО
Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ.“

BRISE DE MAI
PARFUM ULTRA-PERSISTANT
ED. PINAUD 18 PLACE VENDOME PARIS
1545 13-6

2346 5-2

Кюрасо
ШИПР
БАРДИНЪ

SAGRADA BARBER
(САГРАДА БАРБЕРЪ)
УКРѢПЛЯЕТЪ ЖЕЛУДОКЪ
СЛАБИТЪ ЛЕГКО И НѢЖНО.
Настоящій только изъ аптеки св. Духа въ Вѣнѣ.
2205 10-5

Правильное пищевареніе
— достигается —
Флатулиновыми пилюлями Д-ра Рооса.
Продажа въ аптекахъ. Оригин. коробка 75 коп.
— прекрасно дѣйствуютъ при —
Образованіи Газовъ, Кислоты, Изжоги.
1557 6-6

Изданія Е. И. ФЕСЕНКО, въ Одессѣ.

Св. Святитель ПИТИРИМЪ,

ЕПИСКОПЪ ТАМБОВСКІЙ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Изображенія Св. Святителя ПИТИРИМА на плотной бумагѣ въ краскахъ и лакированныя.

Въ ростъ и поясныя. 2668

Форматъ	1 1/2×2	вершка, цѣна 100 экз.	60 коп.,	1000—	5 руб.
„	2 1/2×3	„ „ „ „	1 руб.,	„	7 „
„	3×4	„ „ „ „	2 „	„	15 „
„	5×6	„ „ „ „	5 „	„	40 „

БРОШЮРЫ:

56 стран. съ рис., ц. 20 к., 100 — 12 р., 1000 — 120 р.
16 стр. съ рис., ц. 6 к., 100—3 р., 1000—30 р.

ЛИСТОКЪ.

Форматъ 8×10 верш. 100—7 руб.

УПАКОВКА и ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.

При требованіи задаточная сумма 3-я часть, остальное наложеннымъ платежомъ.

ПЕРНОВЪ, КУРОРТЪ на Балтійскомъ морѣ, Лифл. губ. Пріятное морское купаніе и дачное мѣсто съ тѣнистыми бульварами и множествомъ зелени. Купальное заведеніе и водолечебница съ современнымъ устройствомъ. Собств. радіоактивныя морскія грязи и торфяныя ванны, углекислыя наугеймскія, разн. электрическія ванны, гидротерапевтическое отдѣленіе и пр. пр. Подроб. свѣдѣн. и просп. высыл. Перновская Купальная Комис.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ПРІЮТЪ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ.

СПБ., Вас. Остр., 14 линія, д. 13.
ЛѢЧЕНІЕ женскихъ болѣзней **РАДІЕМЪ.**
Подробныя свѣдѣнія ежедневно отъ 10—12 ч. утра въ пріютѣ.
2575 3-3
Директоръ Д-ръ мед. К. ВИДЕМАНЪ.

НЕСРАВНЕННАЯ РЯБИНОВАЯ

ВЫ ЗНАЕТЕ, конечно, что рябиновая настойка—излюбленный напитокъ русской публики.

ИМѢЙТЕ ВВИДУ, что колоссальный успѣхъ и повсемѣстное распространеніе ея обязаны помимо вкусовыхъ качествъ превосходному дѣйствію на желудокъ рябины, ускоряющей пищеварительные процессы.

ЗАПОМНИТЕ, что Несравненная рябиновая Шустова есть въ настоящій моментъ послѣднее слово водочнаго производства. Она незамѣнима по вкусу и качеству.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ЖЕ о рюмкѣ Несравненной рябиновой Шустова при каждомъ завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ: Вы получите одновременно и удовольствіе, и пользу.

Несравненная Рябиновая Товарищество Н. Л. Шустовъ съ С-ми въ Москвѣ.
Н. Никольскій
1907 13-5

БИБЛІЯ

Полная на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художеств. картинами, размѣр. кн. 6×4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., въ красив. тисн. золотомъ полукожан. переп. съ футл. ц. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., упак. 15 к. 1-я и единственная въ Россіи иллюстрир. Библія. 2316
Адр. СПБ., Невскій пр., 153, Е. Масленникову

Новый Переносн. Лодочн. Моторъ

превращ. въ 1 минуту кажд. обыкн. лодку въ моторную. 2-1 2664
Цѣна 230 руб. съ пошл.
Exp. Bureau I. Feinstein.
Berlin-Chtbg. Mommsen. 19.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 12 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. г. XLV 1914

Выданъ 22 марта 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 6.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть С. Караскевичъ

(Продолженіе).

IV.

Съ того дня домъ на Монастырской улицѣ сталъ средоточіемъ всѣхъ интересовъ моей жизни. Внѣ его я чувствовала себя потерянной и одинокой, а съ классными подругами сходилась туго. Выростала я одна въ лѣсной, глухой усадьбѣ, и у меня было гораздо больше общаго съ деревенскими подругами, одѣтыми въ посконныя рубахи съ опояской, чѣмъ съ тѣми городскими барышнями, въ толпѣ которыхъ я очутилась. Почти всѣ онѣ были старше меня и рѣзко дѣлились на двѣ группы: у однѣхъ были стриженые волосы и пальцы, слегка пожелтѣвшіе отъ папироски, другія были болтливы, кокетливы и поголовно влюблены. И тѣ немногія слова, что доводилось мнѣ слышать въ той или другой группѣ, пугали меня своей необычностью и заставляли еще глубже замыкаться въ свой мірокъ. Школьныя впечатлѣнія занимали меня постольку, чтобы ихъ использовать въ миломъ старомъ домѣ... Тамъ можно было похвалиться хорошей отмѣткой передъ Катериной Егоровной и мальчиками, а главное—разсказать что-нибудь потѣшное изъ тѣхъ нехитрыхъ анекдотовъ, которыми всегда полны классныя лѣтописи. И эта сторона гимназической жизни прежде всего привлекла мое вниманіе. Непомѣрная толщина „нѣмца", лысина географа, французъ, говорившій „запрягать" глаголъ вмѣсто „спрягать",—все это становилось

В. В. Верещагинъ. Панихида.

предметомъ шутовскихъ разсказовъ за столомъ у Стебаковыхъ въ тѣ дни, когда не выходилъ дѣдушка. Удивительно было впечатлѣніе этихъ наивныхъ, дѣтски преувеличенныхъ разсказовъ: ихъ ждали, имъ вѣрили дословно, ими восхищались... Хохотали мальчики, разглаживалась морщинка между темными бровями Катерины Егоровны, тонкимъ, срывающимся смѣшкомъ заливался Егоръ Капитонычъ. Ѳеона твердила:—Искушеніе!—И Матрена Петровна, утирая смѣшливыя слезы съ своего единственнаго глаза, говорила:—Истинно, грѣхи пріѣхали!

Для обитателей стараго дома, отгороженныхъ отъ міра живыхъ людей богатствомъ и трепетомъ дѣдушкинаго гнѣва, эти вѣсти о юности, о волѣ, о молодыхъ проказахъ звучали ново, свѣтло и радостно.

Одна Анна Ѳедоровна не смѣялась, а словно вся свѣтлѣла, слыша смѣхъ въ темнѣющей столовой, и любовно грозила:

— Уймитесь, оглашенные! Дѣдушка услышитъ!

И, тихонько фыркая и грозя другъ другу, мы прокрадывались мимо дверей кабинета внизъ, въ комнату Вани. Собственно, жилая комната обоихъ братьевъ была въ томъ же коридорѣ, и самъ дѣдушка устроилъ ее для внуковъ согласно своей волѣ о каждомъ изъ юношей. По его рѣшенію, „убогенькій" Семенъ послѣ смерти родителей долженъ былъ итти въ монахи—замаливать грѣхи отцовъ-дѣдовъ. У изголовья Сениной кровати тянулась образная съ темными ликами старинныхъ иконъ, рядами четокъ и „лѣстовокъ" и полками внизу, заставленными большими книгами въ кожаныхъ и деревянныхъ переплетахъ съ застежками. Ванинъ столъ былъ сплошь покрытъ стопками счетовъ и накладныхъ... Ваня учился прежде въ реальномъ училищѣ. До окончанія курса оставалось всего два года, когда старшій братъ, Павелъ, по порученію дѣда поѣхалъ по дѣламъ въ Рыбинскъ и тамъ неожиданно женился на очень богатой наслѣдницѣ. Тесть передалъ ему все дѣло, а самъ собрался умирать. Но проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Павелъ не возвращался, и дѣдушка, войдя какъ-то въ комнату внуковъ, коротко распорядился, указывая на Ванины учебники:

— Ну, Иванъ, съ завтрашняго дня тебѣ на дѣло становиться. Приходи сегодня къ наряду. А дребедень эту на толкучій пошли: все рублишко какой вернется.

И ни Ванѣ ни его родителямъ не пришло въ голову противорѣчить. Весь блѣдный, вздрагивая по временамъ плечами, словно отъ озноба, выслушалъ онъ дѣдушкинъ нарядъ—въ какіе лабазы съѣздить и куда грузы отправлять. А поздно ночью, когда всѣ въ домѣ заснули, Анна Ѳедоровна, вдоволь наплакавшись вмѣстѣ съ сыномъ, помогла ему устроить комнату внизу, въ „конторкѣ", заставленной столами съ образцами зерна. Первое время дѣдушка изрѣдка заглядывалъ въ „конторку" и каждый разъ велѣлъ убирать книги, оставляя только цвѣты и клѣтки съ птицами. Но все тяжелѣе становилось ему спускаться по высокой лѣстницѣ, и теперь только наверху держитъ онъ свой неусыпный доходъ.

— А вотъ „тогда",—мечталъ Вася,—и всѣ понимали, что онъ говоритъ о дѣдушкиной смерти:—я брошу всѣ эти постылыя бумажонки—счета и накладныя—и вернусь въ училище.

— Отсталъ за эти годы,—сомнѣвалась сестра.

— Нисколько! Вѣдь я постоянно справляюсь у товарищей, что они проходятъ. И если бы въ этомъ году, пожалуй—выпускной еще выдержу.

— Грѣхъ, Ванечка, такъ говорить,—останавливала Анна Ѳедоровна.

— Не лицемѣрьте, мамаша! Всѣмъ намъ полегчаетъ...

— Я ужъ не мечтаю о своемъ ученьѣ,—тихо отзывался Сеня.— Я хотѣлъ бы только разъ въ жизни настоящую игру послушать...

— Потерпите, дѣтки... За терпѣніе даетъ Богъ спасеніе... Не всегда будемъ по ночамъ въ калитку выкрадываться.

Эта калитка въ садовой стѣнѣ играла большую роль въ жизни угрюмаго стараго дома. Не будь ея, десятки молодыхъ, здоровыхъ парней, запертыхъ въ „молодцовской", дошли бы до сонной одури, до преступленія, быть-можетъ. Не будь ея, было бы еще глуше одиночество Стебаковскихъ затворницъ. Въ нее выпускала Анна Ѳедоровна своихъ приживалокъ по вечерамъ, въ нее выкрадывалась сама, чтобы сходить въ Слободку повидать свою бѣдную родню, съ которой ее разлучило блестящее замужество. И когда осенній вечеръ былъ тихъ и ясенъ, а изъ городского сада неслись зовущіе звуки далекой музыки, за ужиномъ вилки и ножи нервно дрожали у насъ въ рукахъ... Осторожно, одинъ по одному, сходились мы въ садъ, чтобы не привлечь вниманія одноглазой, но зоркой Матрены Петровны или озлобленной слѣжки Ѳеоны...

Садъ былъ чахлый, малорослый, безлистый. На этомъ мѣстѣ не такъ давно стоялъ кожевенный заводъ, и почва была переудобрена отбросами.

— Отъ крови земля сгорѣла,—говорилъ садовникъ. Только у самой рѣки старыя ивы запушили берегъ, уронивъ въ воду свои кудрявыя вѣтви, подъ которыми таилась длинная, крутобокая, бѣлая „Стрѣлка"—лодочка.

Катерина Егоровна садилась на руль. Съ желѣзнымъ стукомъ падали весла въ уключины. Сеня бережно ставилъ на свои кривыя колѣни ящикъ со скрипкой... И, все еще не смѣя обмѣняться словомъ, мы выплывали изъ черной тѣни на середину рѣки. Темной громадой чернѣлъ домъ на горѣ съ одинокими глазками освѣщенныхъ оконъ, и хотя мы знали, что насъ нельзя разглядѣть оттуда за сумракомъ ночи, все же сердце замирало испуганно и тревожно,—точно самъ дѣдушка взглядывалъ на насъ черными глазницами оконъ своего уснувшаго дома.

Нѣсколькими сильными взмахами веселъ Ваня разгонялъ лодку, складывалъ весла, и мы ныряли въ темный пролетъ моста.

За мостомъ была свобода... Направо высились бѣлыя стѣны и старинныя бойницы монастыря, за нимъ—монастырская роща, разубранная осеннимъ солнцемъ въ золото и багрянецъ.

Ваня не трогалъ веселъ; онѣ чертили по водѣ за нами двѣ серебряныя нити, и лодка, тихо качаясь, плыла мимо рощи, мимо глинистыхъ овраговъ къ широкимъ поемнымъ лугамъ. За нами плыли изъ города звуки музыки, прелестные, смягченные разстояніемъ и просторомъ: это въ ротондѣ городского бульвара допоздна игралъ оркестръ вернувшагося изъ лагеря полка. Темнѣло, а вода оставалась свѣтлой, точно вечернее небо посылало ей свои послѣдніе лучи, на смѣну которымъ въ его глубинѣ зажигались ночныя звѣзды. Мы приставали къ островку, запушенному лозой, аиромъ и осокой, и здѣсь Сеня доставалъ свою скрипку; и когда онъ дотрагивался до нея, его длинныя, узловатыя, какъ у дѣдушки, руки дрожали нетерпѣливо и радостно.

Я никогда не узнала, что игралъ Сеня. Были ли то старыя, давно забытыя пѣсни, найденныя имъ въ дѣдовскихъ сундукахъ и укладкахъ, или молитвы, слышанныя въ монастырскихъ кельяхъ, или звуки рождались сами собою въ его одиноко тоскующей душѣ, чтобы разбудить на мгновенье зачарованную тишь осенней ночи и утонуть въ ней навѣки.

Мы молчали. У руля, въ густой тѣни берега, смутно чернѣла неподвижная, склоненная къ водѣ, фигура Катерины Егоровны, и передъ лицомъ этой безнадежной печали мнѣ становилось стыдно моихъ молодыхъ, свѣтлыхъ силъ. Онѣ стояли у меня въ глазахъ, не проливаясь, и сквозь нихъ, близко-близко я видѣла лицо Вани. Его горячее дыханіе шевелило тонкіе подволоски на моемъ вискѣ... И хотѣлось мнѣ сидѣть такъ и слушать долго, долго... до пѣтуховъ, до свѣту, до смерти.

V.

Къ будущей веснѣ Ваня обѣщалъ устроить диковинную лодку на колесахъ, которая будетъ ходить безъ веселъ. Но мысль о ней не могла прогнать грусти, съ которой проводили мы на зиму въ сарай милую бѣленькую „Стрѣлку". Шли дожди, вечера были длинные. Торговая страда отрывала Ваню и отъ его книгъ и отъ нашихъ вечернихъ бесѣдъ. По субботамъ онъ возвращался только къ ужину, запыленный мукой, усталый послѣ долгой ѣзды по амбарамъ и складамъ, и проходилъ прямо въ кабинетъ дѣдушки къ наряду. И только когда домъ засыпалъ, собирались мы у Катерины Егоровны за круглымъ столомъ. Теперь главнымъ нашимъ развлеченіемъ стала книга. Въ городѣ открылась первая библіотека, но, на бѣду, открыли ее не именитые отцы города, а группа служащихъ въ разныхъ торговыхъ конторахъ. И этого уже было достаточно, чтобы взять подъ подозрѣніе это новое дѣло. Записалась Катерина Егоровна въ библіотекѣ черезъ чьи-то третьи руки, на чужое имя, а книги приносила я въ своей классной сумкѣ. Но не всѣ книги пришлись ко двору въ старомъ домѣ. Когда Ваня сталъ читать намъ вслухъ „Силу и Матерію",

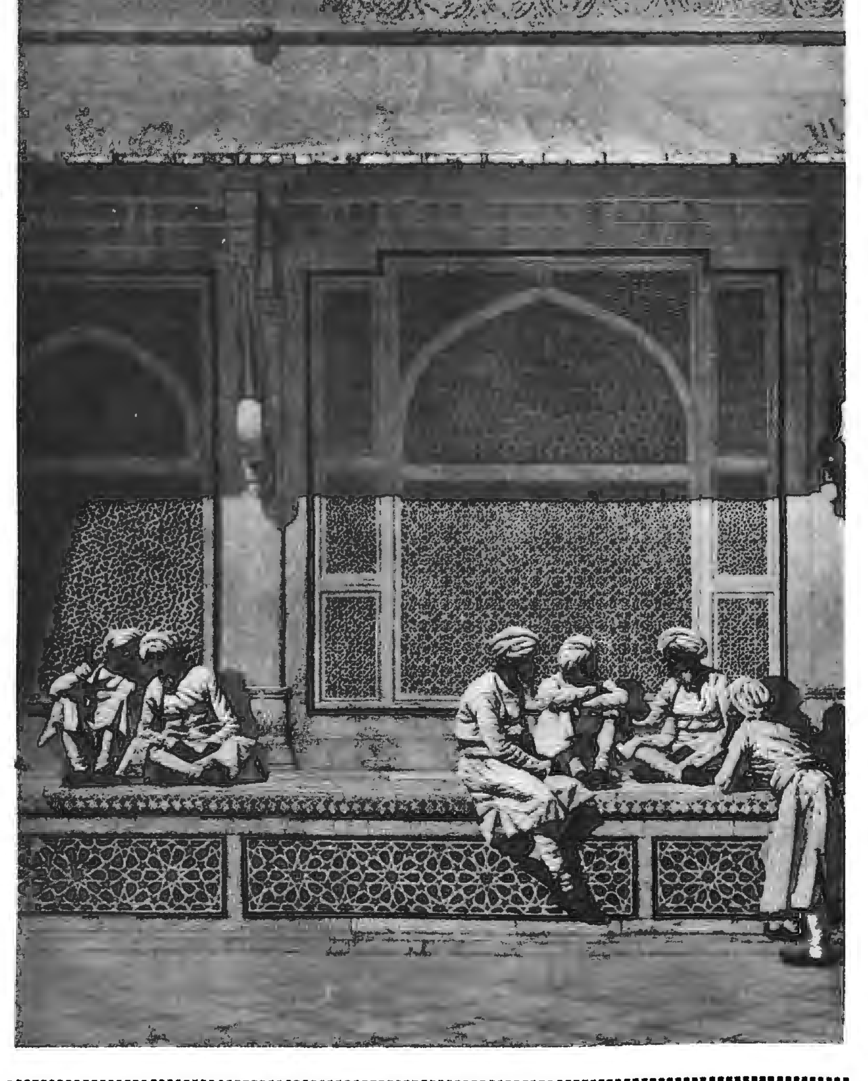
затративъ на первыя три главы цѣликомъ все воскресенье, у слушателей къ вечеру лица вытянулись. Одна я чувствовала себя удовлетворенной: я почти все понимала въ этой книгѣ, бывшей Кораномъ моихъ подругъ, и теперь ждала и въ нашемъ маленькомъ обществѣ тѣхъ же споровъ о прочтенномъ, какіе приходилось мнѣ слышать въ уголкахъ гимназическаго коридора.

— Эта книжка привела мнѣ на память подругу мою, Варю Перепелкину,—сказала наконецъ Катерина Егоровна.—Выросла Варя полусиротой, безъ матери. И когда была въ послѣднемъ классѣ, сталъ къ ней лѣтомъ студентъ похаживать, вотъ такія же книги читать. А отецъ былъ добрый и дочку ни въ чемъ не стѣснялъ... Вотъ видитъ онъ, перестала Варя въ среду-пятницу постное ѣсть, перестала въ церковь ходить... Идетъ онъ разъ по коридору мимо дочкиной комнаты, заглянулъ въ щелку, видитъ — Варя книжку захлопнула, раздѣлась и, лба не перекрестивши, въ постель легла. Жалко ему стало, пріоткрылъ двери и проситъ:

—Варь, а Варь! Коль ты ужъ въ Бога не вѣришь, такъ встань, хоть „клѣточкѣ“ помолись: все у тебя на душѣ чище станетъ.

Послѣ „Силы и Матеріи“ я такихъ книгъ въ старый домъ не приносила. Здѣсь жили въ области свѣтлыхъ вымысловъ и яркихъ образовъ, въ которыхъ „Эгмонтъ“ смѣнялся Печоринымъ, Гретхенъ—Настей и Фленушкой Мельниковскихъ „Лѣсовъ“. Щедринскіе герои привлекли даже стариковъ, и Егоръ Капитонычъ отъ души смѣялся своимъ дѣтскимъ заливнымъ смѣхомъ, дѣлая видъ, что не знаетъ, откуда взяты запретныя книги. Впрочемъ, во время чтенія двери все еще держали на запорѣ, боясь доносовъ и дѣдушкиной грозы. Но грозы становились все рѣже: слабѣлъ хозяинъ стараго дома, и одна за другою выпадали изъ его скрюченныхъ рукъ крѣпкія веревки, которыми скрутилъ онъ жизнь и волю своихъ домочадцевъ. Все рѣже выходилъ онъ въ столовую. Какъ вороны, почуявшіе поживу, стали появляться въ домѣ черныя рясы: монашки, тучныя и блѣдноликія, съ елейными голосами, и плотные, внушительные монахи, подолгу засиживавшіеся въ дѣдушкиныхъ комнатахъ. Чаще стали переходить въ руки Анны Ѳедоровны завѣтные ключи отъ кладовой.

Вѣсть о томъ, что хозяйка пойдетъ въ кладовыя, охватывала волненіемъ все женское населеніе стебаковскаго дома еще наканунѣ. Допоздна оставалась Анна Ѳедоровна съ обѣими приживалками у стариковъ, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какія и изъ чего облаченія сшить и въ какія обители и на поминъ чьей души ихъ послать. Было похоже, точно дѣдушка, собравшись въ дальнюю дорогу къ забытымъ роднымъ, посылаетъ впередъ поминки о себѣ милымъ покойникамъ.



В. В. Верещагинъ. Окно гробницы.

Анна Ѳедоровна тоже постоянно думала о роднѣ,—только о живой, заселявшей въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ душъ пестрые домики Зарѣчной Слободки.

Сама она, дочь очень мелкаго служащаго Стебаковыхъ, была взята за красоту „безприданницей“, послѣ долгой и упорной борьбы Егора Капитоныча съ отцомъ. Старшій сынъ Стебаковыхъ за своевольную женитьбу на обѣднѣвшей дворяночкѣ былъ проклятъ отцомъ, другіе умерли... Егоръ, когда отецъ пригрозилъ и ему проклятіемъ, ушелъ изъ отцовскаго дома въ монастырь, объявивъ, что выйдетъ оттуда только прямо подъ вѣнецъ или совсѣмъ останется въ обители. Монахи, зачуявъ хорошую поживу, стали на сторону сына... И пришлось смириться старику. Впрочемъ, не прошло и года, какъ молодая невѣстка стала любимицей свекра. А Егоръ Капитонычъ, положившій въ борьбѣ за свободу молодое чувство, всѣ силы своей кроткой души, остался навѣкъ покорнымъ сыномъ и слѣпымъ исполнителемъ отцовской воли. Старикъ даже примирился съ бѣдной родней, взявъ болѣе способныхъ изъ нихъ къ себѣ въ приказчики и подручные. Остальную убогую ихъ толпу прозвалъ „лодырями“ и запретилъ невѣсткѣ видѣться съ ними: „христорадничать станутъ. А мнѣ на всю Слободку не напасти“.

Но бѣдные родственники упорно не хотѣли забыть Анну Ѳедоровну и такъ же упорно продолжали плодиться и множиться за рѣкою, въ ярко-крашеныхъ домишкахъ. И Анна Ѳедоровна вѣчно была занята вопросомъ: гдѣ взять денегъ племянницѣ на приданое или „на зубокъ“ крестнику-внучку? На это уходили ея крошечныя кухонныя сбереженія, подарки, которые дѣлалъ ей мужъ, а главнымъ источникомъ были неистощимые запасы стебаковскихъ кладовыхъ, куда попадать ей до сихъ поръ приходилось рѣдко и случайно. Теперь завѣтные ключи были въ ея рукахъ... И послѣ долгихъ совѣщаній со стариками, праздничнымъ днемъ, тотчасъ послѣ обѣдни, все женское населеніе дома двигалось къ кованымъ дверямъ кладовыхъ. Собакъ загоняли въ конуры. Макаръ подпиралъ рогатками канаты, по которымъ въ другое время съ грохотомъ катились катушки собачьихъ привязей, а древняя Ѳедулиха, сгибаясь подъ тяжестью, начинала таскать мѣха и ковры изъ открытыхъ хранилищъ. Изъ ихъ дверей, распахнутыхъ настежь, тянуло холодкомъ нежилого мѣста, запахомъ плѣсени, пыли и мышей. А изъ укладокъ и сундуковъ, замки которыхъ отмыкались съ тихимъ, мелодическимъ звономъ, появлялись на свѣтъ Божій старинныя бархатныя и глазетовыя

В. В. Верещагинъ. Будущій императоръ Индіи.

В. В. Верещагинъ. Отступленіе—бѣгство.

платья, штофные сарафаны, кафтаны, шитые золотомъ, съ пожелтѣвшими кружевами роскошныхъ жабо, съ золотыми и корольковыми пуговицами. Были укладки съ мѣхами и холстомъ, съ цѣльными штуками сукна и неразрѣзного бархата и иконами въ шитыхъ и кованыхъ ризахъ...

Пахло лавандой, камфорой и зорей, которыя сберегали все это добро отъ моли, и ладаномъ и кипарисовой стружкой, положенными для защиты кіотовъ отъ шашея. Ѳедулиха сидѣла на верхней ступени параднаго крыльца съ огромною дубиною въ рукахъ,—будто старая вѣдьма готовилась защищать отъ нападенія эти старыя драгоцѣнныя тряпки, а двѣ дюжія работницы съ камышевками и метелками метались вокругъ развѣшенныхъ шубъ и ковровъ, колотя съ такимъ усердіемъ, словно хотѣли пробить ихъ насквозь.

— Сколько поколѣній должны были работать, чтобы собрать все это добро!—сказала я, въ первый разъ увидѣвъ эти груды парчи, бархата и мѣховъ.

— Все это сразу пришло, темнымъ путемъ,—тихо и грустно отвѣтила Катерина Егоровна.—Мой прадѣдъ, первый купецъ въ роду Стебаковыхъ, разбогатѣлъ скоро:—въ 1812 году подряды на армію бралъ... Богатство выросло въ смутные годы наполеоновскихъ войнъ; недаромъ же нашъ городъ на торговомъ пути,—вся Москва мимо бѣжала. Потомъ дѣдушка на откупа перешелъ.

Пока работницы колотили палками, пока Ѳедулиха съ дубинкой на колѣняхъ дремала на осеннемъ пригрѣвѣ, Анна Ѳедоровна въ глубинѣ кладовыхъ, не спѣша, отбирала то, что̀ было назначено стариками въ работу.

По обѣ ея стороны приживалки Матрена и Ѳеона, напряженныя, съ глазами, горящими жаднымъ блескомъ, съ блѣдными лицами и легкою дрожью, рылись въ грудахъ дорогихъ тряпокъ, засовывая въ нихъ по плечи свои несытыя руки. Отобранныя вещи распаривались, разглаживались и прикидывались по выкройкамъ, и женщины долго спорили о томъ, какъ лучше выгадать: кафтанъ зелено-розоваго бархата, въ полосу, на оплечье къ ризѣ, а малиновый спензеръ на „воздухи", или кафтанъ на „воздухи", а спензеръ на оплечье?

— А ужъ штаники, матушка Анна Ѳедоровна, мнѣ за труды пожалуйте,—умильно просила Матрена Петровна.—Сами изволите знать: не слишкомъ оно хорошо нижнее платье на ризу перешивать.

— А не все равно?.. Небось, каждую ризу святятъ.

— Оно такъ, да все будто думается. А я, можетъ, ридикюльчикъ какой выберу...

— Знаю я тебя:—опять двѣ подушки нашими шелками вышьешь, по двадцать рублей продашь...

— Да что̀ вы, матушка!.. Вотъ съ мѣста не сойти,—за обѣ пятнадцать взяла.

— Да ужъ Богъ съ тобою, бери. Только ризу, смотри, хорошо сшей.

— А мнѣ хоть кружевцо бы пожаловали,—жалобно тянетъ другая

Весна плохо умѣетъ разсчитывать... Дорогое брюссельское кружево сама хозяйка облюбовала для вѣнчальнаго платья просватанной племянницы и потому отвѣчаетъ съ легкой досадой:

— Ишь, дворянскій глазъ примѣтливый: сразу видитъ, что̀ получше... Нѣтъ ужъ, Ѳеона Ивановна, тебѣ что-нибудь попроще поищемъ.

И долго еще роются въ сундукахъ и скрыняхъ и прискрынкахъ, пока сверху не придутъ звать къ чаю: въ этотъ день всѣ женщины въ стебаковскомъ домѣ и обѣдаютъ походя.

Первые холода рано стали загонять насъ въ комнату Катерины Егоровны. Дѣдушка все рѣже появлялся въ столовой, и чувствовалось, какъ день за днемъ слабѣетъ желѣзная власть его маленькой, цѣпкой руки. Часто теперь чай пили внизу, у Катерины Егоровны, и долго съ вечера просиживали безъ огня. Топилась печь. Для топки приносились два огромные чуваламѣшка гречичной лузги, и въ открытую дверцу вставлялась заслонка съ желобкомъ и поддуваломъ. Это топливо привозилось высокими плетеными возами со стебаковскихъ крупорушекъ и отлично замѣняло дрова. Топила всегда сама Катерина Егоровна, примостившись передъ печкой на низенькой скамеечкѣ и глядя задумчивыми, неподвижными глазами на узорную прорѣзь, за которой съ гуломъ и свистомъ бушевало красное пламя. Порой съ луговъ налеталъ на городъ ранній снѣжный бурунъ, и тогда по широкому двору крутилась поземь, и вѣтеръ бросалъ въ окна морозную крупу. Подъ дверью наметало снѣжный сугробикъ, отъ котораго тянуло холодкомъ. Но въ комнатѣ холодно не было: вѣковыя стѣны хорошо держали тепло, а печь отъ лузги накалялась до-красна... Въ такіе вечера всѣ думали объ одномъ и потому говорили неохотно и мало, таясь отъ другихъ и себя самихъ.

Только Анна Ѳедоровна не выдержитъ, бывало, и вздохнетъ, положивъ на колѣни чулокъ, который вязала безъ огня:

— Господи! Хоть бы поскорѣй тебя, Сенюшка, въ Крымъ увезти...

И всѣ понимали, что и эта терпѣливая душа ждетъ не дождется дѣдушкиной смерти.

Сенѣ не прошли даромъ наши ночныя прогулки: онъ съ самой осени былъ нездоровъ. Но ни на что не жаловался. Только руки у него къ вечеру становились горячими, да глаза ярко свѣтились на блѣдномъ, какъ бумага, лицѣ. Да ѣлъ мало и слабѣлъ съ каждымъ днемъ.

VI.

Вернувшись съ рождественскихъ каникулъ, я дѣдушки не видѣла. Онъ былъ ужъ очень боленъ, и „мальчонка"-приказчикъ поѣхалъ въ Москву приглашать знаменитаго профессора-терапевта.

Семья напряженно ждала, и случалось, умирающій среди ночи звалъ къ себѣ всѣхъ. Катерина Егоровна переселилась наверхъ, и обѣ ея комнаты были заняты пышными облаченіями, которыя готовились къ похоронамъ. На столахъ, въ перемѣшку съ цвѣточными плошками и луковицами, лежали накроенные куски бархата и парчи, свертки позументовъ, мотки золотыхъ нитокъ и канители, а на блюдечкахъ — счетомъ выданныя блестки и колокольцы: шилось облаченіе для самого преосвященнаго. Вечеромъ рядомъ съ моей постелью устроили постель Ѳеоны Ивановны. Засыпая, я долго смотрѣла, какъ она, одѣтая въ длинную рубаху до пятъ, подпоясанная монастырскимъ „моленнымъ" пояскомъ, сухая, костлявая и тощая, клала земные поклоны на вышитый коврикъ, какъ кланяются старовѣры, стараясь попасть лбомъ въ середину вышитаго кружка. И было что-то больное и жалкое въ этомъ безсмысленномъ старанъѣ. Скоро въ моихъ глазахъ вмѣстѣ съ Ѳеоной закланялась вся комната, и я заснула первымъ сладкимъ сномъ.

Меня разбудили шепотъ и теплое, непріятное дыханіе человѣческаго нездороваго рта.

— Что̀? Кто тутъ?—спросила я, приподымаясь въ испугѣ.

— Это я, милая Танечка... И какая вы, въ правду, пугливая!

— Что̀ вамъ, Ѳеона Ивановна?

— Ничего, кромѣ удовольствія съ образованной барышней поговорить. Вы не думайте, что если я передъ вами, какъ Матрешка, хвостомъ не верчу, такъ ужъ я вовсе безчувственная. Но не всѣ люди могутъ свою подлость показывать,—потому-что у нея никакого расположенія нѣтъ, а только свой расчетъ и свой интересъ. А я вамъ, какъ родная, могу дать совѣтъ, чтобы вы въ этомъ домѣ не довѣряли и не очень располагались на любовь Ивана Егоровича.

— Какія вы глупости говорите!—крикнула я по-дѣтски, поднимаясь съ своего сундука и чувствуя, какъ густая краска залила мнѣ лицо и шею.

— Какія же тутъ глупости? По всему городу въ трубы трубятъ, что Стебаковы младшему сыну хорошенькую дворяночку изъ прогорѣлыхъ баръ припасаютъ... Да и мы тоже не слѣпые,—видимъ.

— Господи! Да что̀ вы видите, когда нѣтъ ничего?

— Очень даже есть, когда у Ивана Егорыча только и разговору съ сестрицей, что про васъ, а въ субботу, какъ вамъ пріѣхать,—онъ, изъ бани-то пришедши, стоитъ передъ зеркаломъ, стоитъ, волосокъ къ волоску прибираетъ, а тамъ къ окну кинется...

— Ничего нѣтъ!.. И не смѣйте мнѣ говорить объ этомъ! Слышите вы!

В. В. Верещагинъ. Усмиреніе возстанія въ Индіи.

— Чтò жъ, я и замолчать могу, если вы приказываете. Я изъ одного расположенія, сама будучи изъ благороднаго званія, хотѣла васъ, какъ молодую, неопытную дѣвицу, предостеречь.

Ѳеона Ивановна была дочь чиновника и очень гордилась благородствомъ своего происхожденія передъ дьячковной Матреной.

Она обиженно помолчала, а потомъ начала тихонько всхлипывать.

— Вотъ-вотъ, самое это дворянское дѣло, чтобы бѣднаго человѣка обидѣть. Только вы и сами не слишкомъ высоко неситесь,—потому на нихъ, на Стебаковыхъ, не одна дѣвушка плачется. Не вамъ чета была губернанка предводительская: институтъ кончила, отъ самого государя отличіе имѣла за танецъ съ шарфомъ, а тотъ же Павелъ Егоровичъ поигралъ да бросилъ... Всѣ знаютъ, отъ какой-такой болѣзни въ Москву лѣчиться поѣхала..

— Стыдно вамъ такъ говорить про людей, у которыхъ вы живете!

— Эка, подумаешь, важное кушанье!.. А вы бы сперва спросили, легко ли жить у этихъ аредовъ?.. Вы думаете, больно сладокъ стебаковскій хлѣбъ? Да будь они вмѣстѣ съ нимъ трижды прокляты!.. Одного ужъ довелъ Господь, что отъ своихъ милліоновъ долженъ съ голоду пропадать. То жъ и другимъ будетъ. Отольются сиротскія слезы.

— За что вы ихъ такъ ненавидите?

— А за что мнѣ ихъ любить?..

— Грѣхъ вамъ!.. Вы у нихъ въ домѣ живете... Всѣмъ пользуетесь...

— Это еще дѣло десятое, кто отъ кого попользовался... Не пятьдесятъ мнѣ годовъ было, какъ я въ ихнюю проклятую берлогу пришла. Вѣдь онъ, аредъ, тятенькѣ покойнику обѣщалъ съ награжденіемъ замужъ меня отдать... А намѣсто того съ двадцати лѣтъ я на нихъ, не разгибая спины, работала, раньше сроку ослѣпла... А чтò я за это время отъ нихъ видала?.. Только что души пропитаніе, да когда-никогда рваный обносокъ кинутъ... И не горько было бы, коли бы и вправду люди не встрѣчались, а то были, хорошіе женихи были... Такъ завидно стало, что сироту сватаютъ, а своя внучка за босяка пошла... Вотъ ужъ скоро опять объявится ея генералъ... Будетъ наша барыня благородная по амбарамъ хорониться, а его благородіе станетъ въ опорочкахъ передъ окнами выплясывать.

— Стыда у васъ нѣтъ! Грѣхъ, грѣхъ надъ несчастіемъ смѣяться! Катерина Егоровна ничего вамъ не сдѣлала!

— Много вы знаете... Самая она ядная изъ нихъ всѣхъ... Да и всѣ они пропади пропадомъ! Господь-Батюшка, Онъ все видитъ... Ему, Милостивому, парчевымъ покровомъ глаза не закроешь. Хоть тутъ всѣ попы-дьяконы надсадись, а стараго проклену не избудешь... Недаромъ про нихъ, про Стебаковъ родъ, говорится, что прокляты они до шестого колѣна... Отъ нечистаго и богатство все ихнее пришло. Всѣ знаютъ, что какъ французъ на Москву приходилъ, прадѣдъ ихній, простой мужикъ изъ Слободки, съ шайкою по большимъ дорогамъ разбойничалъ. И случилось ему разъ карету заграбить, а въ той каретѣ — богатѣйшая княгиня съ ребеночкомъ. И какъ сталъ онъ ее убивать, положила она на него смертный закленъ: коли младенца убьетъ— анаѳема будетъ, проклятъ до шестого колѣна, а проклятое богатство всегда въ однѣ руки достанется... Хоть двѣнадцать будь сыновей—всѣ перемрутъ. И не убилъ иродъ проклятый младенчика, а въ снѣгъ живьемъ закопалъ...

Я уже не слушала. Смертельный ужасъ охватилъ меня, и, теряя сознаніе, я услышала жалобный, громкій крикъ, не узнавая своего голоса.

Не помню, какъ уснула я въ ту тревожную ночь... Долго суетилась около меня Ѳеона, смачивая мою голову водою и читая молитвы, долго потомъ просила прощенья, все норовя поцѣловать руку. Мнѣ хотѣлось одного: закрыть глаза, не видѣть ничего, не помнить... А передъ глазами метались умирающій съ

голоду дѣдушка, и Ѳеона, похожая въ длинной рубахѣ на покойника, и мертвый Ваня, и младенецъ, плачущій за окномъ тонкимъ голосомъ давней мятели.

Я была рада утромъ, что не пришлось итти наверхъ къ чаю: я проспала и торопилась въ классъ. У воротъ ждалъ Ваня, ѣхавшій, какъ всегда, на мельницу. И когда его горячая, сильная рука бережно и нѣжно взяла мою руку, закрывъ ее всю, до кончиковъ пальцевъ, сердце во мнѣ остановилось, и показалось, что я падаю въ пропасть.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ испугомъ. Молча усадилъ въ сани, прикрылъ полостью мои колѣни и тронулъ вожжи. И во всю дорогу мы не перемолвились словомъ.

Я не смѣла съ того дня заходить въ комнату Вани. Первое дѣтское, само себя едва осознавшее, чувство, поблекло отъ прикосновенія злой и грубой руки. Мнѣ казалось, что въ каждомъ взглядѣ моемъ родные Вани и онъ самъ прочтутъ мою тайну и вмѣстѣ съ Ѳеоной подумаютъ, что я хочу втереться дворяночкой-безприданницей въ богатый родъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ни на минуту не покидалъ меня смутный, безпричинный и тѣмъ болѣе тягостный страхъ за Ваню... Точно грозила ему какая-то великая опасность, и спасти, оберечь его могла только моя рука. Истомившись долгой недѣлей страховъ и ожиданія, я, пріѣзжая въ субботу, наскоро здоровалась съ хозяевами и уходила въ залу, черезъ которую лежала Ванина дорога, когда онъ возвращался домой. Зимнія раннія сумерки окутывали дальніе углы большой комнаты молочно-бѣлой тьмой. По фризу залы шли бѣлыя фигуры въ процессіи Великихъ Панафиней, и иногда послѣдній лучъ солнца, отраженный отъ какого-то дальняго стекла, зажигался вверху нежданной искрой, освѣщая на мгновеніе фигуру женщины или наклоненную, увѣнчанную цвѣтами, голову быка. На окнахъ зацвѣтали первые вѣстники далекой весны —фіалки и цинераріи, и ихъ горьковатый, бодрящій ароматъ былъ разлитъ въ воздухѣ. Спрятавшись за роялемъ у печки, прислонившись щекою къ ея горячему изразцу, я сидѣла долго-долго, пока за окнами становилась синяя ночь; проходилъ Ваня, и на серебристой синевѣ оконъ проплывала, словно во снѣ, далекая, милая темноволосая голова.

Въ тотъ вечеръ я забыла счетъ часамъ. Они отзванивали четверти, отбивали половины, играли печальную мелодію полныхъ часовъ, а я все сидѣла одна въ огромной, пустой комнатѣ и думала о томъ, что часы эти, недавно заведенные рукою умирающаго дѣдушки, будутъ итти безъ остановки сто лѣтъ...: Умретъ дѣдушка, не станетъ доброй Анны Ѳедоровны. Стану я старая-престарая... а часы все такъ же будутъ вызванивать четверти и играть „Коль славенъ..."

В. В. Верещагинъ. Входъ въ „Гробницу Королей" въ Іерусалимѣ.

И понемногу смутная тревога за Ваню стала вырастать въ чудовищные страхи: лошадь его разбила... на мельницѣ въ машину втянуло... на ярмарку поѣхалъ, запутался въ пути, и вчерашняя мятель занесла его снѣжнымъ сугробомъ, какъ того загубленнаго младенчика... Вся напряженная, съ похолодѣвшимъ отъ страха сердцемъ я смотрѣла, не отрываясь, на дверь передней и ждала звонка. Обернулась я только тогда, когда за мною, обжигая мнѣ шею горячимъ дыханьемъ, послышался шепотъ:

— Таня моя! Зачѣмъ ты ушла отъ меня?

Ни слова больше не было сказано въ тотъ вечеръ... Только жадныя губы припали на мгновенье къ моимъ губамъ, да сильныя, большія руки, радостныя и тревожныя, бродили по моему лицу, плечамъ и груди, вѣря и не смѣя вѣрить, что я не уходила, что я — его.

— Я, мамаша, сама за ними схожу, — послышался за дверью голосъ Катерины Егоровны.

Она вошла, широко распахнувъ дверь изъ коридора, и въ желтой полосѣ свѣта, упавшаго оттуда, прямо передъ собою, въ другомъ концѣ залы, я увидѣла лицо Сени. Оно было неподвижно и блѣдно, какъ мертвое, и живы были одни глаза, полные ужаса и смертной тоски.

VII.

Умеръ Капитонъ Парменычъ въ самую крестопоклонную среду, и вѣсть объ этомъ въ тотъ же день разнесла по городу нищая братія, державшая денно-нощный дозоръ у воротъ стебаковскаго дома, чтобы не пропустить первую щедрую раздачу. Отъ Катерины Егоровны я получила въ гимназіи коротенькую записку: „Отпросись на похороны. Объ этомъ проситъ мамаша, зная, какъ тебя любилъ покойный..."

Я немножко удивилась: дѣдушка никогда не сказалъ со мною двухъ словъ. Но записку показала начальницѣ, и та освободила меня отъ уроковъ до понедѣльника.

Жутко мнѣ стало, когда, завернувъ за уголъ, я увидѣла старый домъ въ непривычной обстановкѣ. Стояли настежь его калитки и ворота, не только выходившія на Монастырскую улицу, но и парадныя, подворотня которыхъ, заросшая травой, зеленѣла въ переулкѣ; эти ворота, ведущія прямо къ парадному крыльцу, отворялись въ исключительныхъ случаяхъ, и по каретѣ, запряженной шестерикомъ, я поняла, что на панихиду пріѣхалъ самъ преосвященный. Широкій дворъ былъ занятъ шумной, галдящей толпой: сошлись нищіе-убогіе не только изъ города, а изъ всѣхъ подгородныхъ селъ и деревень, и запрудили лѣстницы,

сѣни и огромную „молодцовскую“, внутренность которой я здѣсь увидѣла въ первый разъ. Низкая казарма, съ закоптѣлыми стѣнами и сводчатымъ потолкомъ, несмотря на настежь распахнутыя двери, обдавала запахомъ кислыхъ щей и застоявшейся затхлости человѣческихъ тѣлъ. Посреди нея, на узкомъ, въ двѣ доски, ничѣмъ не покрытомъ, столѣ, размахивая руками и крича что-то въ голосъ, стояла Ѳедулиха и совала большіе мѣдные пятаки въ протянутыя вверхъ безчисленныя руки, а два подручныхъ въ дверяхъ вопили въ источный голосъ:

— Легче, легче!.. По одному подходи!

Но толпа не слушалась. Здѣсь она была теперь хозяиномъ и, будто въ отместку старому дому за его долголѣтнее молчаливое презрѣніе, нарушала всѣ его обычаи и правила. Сняты были съ завѣсъ пыльныя внутреннія рамы въ „молодцовской“, на нарахъ и подъ нарами въ ней группами сидѣли жующіе и пьющіе люди, тамъ и здѣсь валялись краюшки недоѣденныхъ лепешекъ съ конопляной избоиной и концы пироговъ, изъ которыхъ была выѣдена капустная и яблочная начинка. А у наглухо заколоченной двери Катерины Егоровны кучей лежали приспособленія, при помощи которыхъ сошлась на стебаковскій дворъ вся эта нищая братія: торчали глубоко загнанные въ землю подожки и посохи, окованные желѣзомъ; парами вдоль стѣнъ стояли прислоненные костыли, и колесеньки всѣхъ видовъ, привезшія припадочныхъ и безногихъ, показывали свои перевернутыя вверхъ колеса. У этого убогаго скарба стоялъ нарядъ будочниковъ, чтобы перепившаяся на поминкахъ нищая братія не искалѣчила другъ друга въ конецъ... И безъ того видъ этой, собранной въ одно мѣсто, человѣческой калѣчи былъ ужасенъ...

Я отвернулась отъ „молодцовской“ и пошла на лѣстницу, но здѣсь мнѣ заступила дорогу сплошная стѣна черныхъ рясъ, и поневолѣ пришлось итти на парадное крыльцо, тоже занятое толпой. Только въ этой толпѣ ярко краснѣли орденскія ленты, маячили золотыя медали, и черными дымками вѣяли модные траурные наряды безъ плерезовъ. И вся эта толпа съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ лицо, смыкаясь за мною съ любопытнымъ и враждебнымъ шушуканьемъ. Наверху, у отворенныхъ настежъ дверей передней, я увидѣла двѣ бѣлыхъ глазетовыхъ крышки, а посреди залы стояли рядомъ два гроба... Теплая, ласковая рука легла на мое плечо, и Анна Ѳедоровна сказала голосомъ, глухимъ отъ непролитыхъ слезъ:

— Пойдемъ, Танюша, къ Сенѣ, хоть у гробика его постоишь. Онъ отошелъ покорно и тихо, какъ жилъ.

Знаменитый профессоръ, осмотрѣвъ дѣдушку, накинулся на хозяевъ съ упреками.

— Вамъ не за мною, а за попомъ пора посылать... Думаете, заплатили деньги, такъ и купили мое время... Нѣтъ, мои любезнѣйшіе,—потраченное тутъ зря время я, можетъ-быть, у молодого человѣка укралъ, которому жить надо... А дѣдушка вашъ, слава те Господи, пожилъ!

Но тутъ неожиданно Анна Ѳедоровна заявила, что болѣзнь дѣдушки сама по себѣ, а въ домѣ есть другой больной.

— Я и гонораръ двойной приготовила,—прибавила она предусмотрительно.

Странная перемѣна произошла съ профессоромъ у постели Сени. Осторожно, почти ласково переворачивалъ и выслушивалъ онъ юношу, разспрашивалъ обо всей его недолгой жизни, даже пошутилъ, что нынѣшняя молодежь оттого и болѣетъ, что жить не старается. А выйдя отъ больного, долго разговаривалъ съ отцомъ и матерью. „Охъ, бѣдные вы, бѣдные! Боюсь, что сынка проморгали. Впрочемъ, въ двадцать лѣтъ сильно естество человѣческое. Везите мальчика сейчасъ же въ Крымъ, а еще лучше—за границу, на берега Средиземнаго моря“.

Егоръ Капитонычъ заикнулся-было о томъ — не лучше ли послѣ Святой, но тотъ только головою мотнулъ:

— Смотрите, послѣ Святой и везти будетъ некого.

Недѣлю послѣ отъѣзда знаменитости цѣплялось еще за жизнь изсохшее дѣдушкино тѣло, а Анна Ѳедоровна готовила сына къ отъѣзду. Ѣхать съ нимъ сама не могла, а посылала Матрену да племянника студента-медика, котораго нарочно для этого вызвали изъ Петербурга телеграммой.

Самъ Сеня отнесся къ предположенной перемѣнѣ совершенно безучастно. Онъ лежалъ молча, глядя на всѣхъ ласково своими тихими, лучистыми глазами, а когда подходила мать—любовно гладилъ ея руку своей маленькой, исхудавшей рукой. И въ день смерти дѣдушки, войдя рано утромъ въ комнату Сени, она уже не застала сына. Остыло и окостенѣло его маленькое тѣло, а на ладони правой руки, по-дѣтски подложенной подъ щеку, запеклось нѣсколько капель черной крови, вытекшей съ уголка его холодныхъ и блѣдныхъ устъ. Глаза такъ и остались открытыми, и что ни дѣлали старухи, обряжавшія тѣло, закрыть ихъ не удалось. Не помогли ни пятаки, положенные на вѣки, ни бѣлый воскъ, залѣпившій темныя рѣсницы. Мертвый Сеня смотрѣлъ, и въ его остеклившемся взглядѣ, какъ тогда, у рояля, мнѣ чудилась смертная тоска. А кругомъ женщины говорили на ухо другъ другу: „Быть покойнику въ домѣ... Смотритъ, голубчикъ, смотритъ,—провожатаго себѣ въ дорогу дальнюю выбираетъ“.

И потянулись напряженные, жуткіе дни... Утромъ и вечеромъ человѣческія волны захлестывали старый домъ и широкое подворье. Потомъ надолго все стихало, и только ясный голосъ молодой монахини, стоявшей въ залѣ между двумя гробами, вычитывалъ наивныя ветхія слова: „Простеръ еси небо, яко кожу“...

У изголовья дѣдушки сидѣла старушка въ черномъ газовомъ чепцѣ съ бѣлыми бантами и, когда чужихъ не было, начинала причитать тонко и жалобно:

— Соколикъ ты мой ясный! Капитонъ Парменычъ! На кого ты меня покидаешь? Да кому будетъ меня, горькую, обдумать?

У Сенинаго гробика, сплошь покрытаго цвѣтами, подолгу простаивали мать и отецъ, держа другъ друга за руки, какъ дѣти. Иногда Анна Ѳедоровна звала меня съ собою и долго голубила и ласкала маленькое, ссохшееся тѣльце своего бѣднаго мальчика: приглаживала тонкіе, свѣтлые волоски на его блѣдномъ лбу, оправляя розы на атласной подушкѣ и складывая подъ образкомъ Симеона Столпника блѣдные, тонкіе пальцы, которые еще недавно будили чародѣйными звуками свѣтлую тишь осенней ночи... И въ каждомъ движеніи матери, въ каждомъ ея взглядѣ мнѣ чудился молчаливый и скорбный упрекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Что зимняя ночь?.. Что бездомная вьюга?..
Расплавленнымъ золотомъ полонъ каминъ!..
Мечты не горятъ, ледянѣютъ безъ друга,
И сердце стучитъ: ты одинъ, ты одинъ.

Напрасно въ раздумьѣ углей подбавляешь:
Зачѣмъ? — не согрѣетъ тебя уголекъ...
Напрасно надеждой себя утѣшаешь,
Напрасно ждешь друга: вѣдь ты одинокъ!

Никто не придетъ, не пожметъ твою руку,
Никто къ одинокой груди не прильнетъ,
Никто не раздѣлитъ сомнѣнія муку,
Никто малодушной слезы не утретъ.

Никто, да: никто!.. И мечты ледянѣютъ,
Туманится золото, гаснетъ каминъ,
Ласкающій сумракъ дрожитъ и алѣетъ,
Въ груди же все громче: одинъ ты, одинъ!..

Н. Т. Власовъ.

Самбатіонъ.

Сказка Юрія Волина.

— Дѣдушка, а гдѣ находится рай?—спросилъ маленькій мальчикъ стараго дѣда.

Дѣдъ печально улыбнулся, погладилъ внука по головкѣ и отвѣтилъ:

— За рѣкой Самбатіонъ.

— А хорошо въ раю?—спросилъ мальчикъ.

— Очень хорошо, милый. Тамъ счастье. Всегда счастье и для всѣхъ счастье.

— И никто не плачетъ?

— Въ раю нѣтъ слезъ. Однѣ радости. Однѣ улыбки.

Мальчикъ задумался.

— Дѣдушка,—быстро заговорилъ онъ, и въ глазкахъ блеснула радостная мысль:—такъ вѣдь можно переселиться въ рай!

Дѣдъ горько усмѣхнулся:

— Нельзя, дѣтка, нельзя.

— Почему?

— Рай за рѣкой Самбатіонъ.

— Ну, такъ вѣдь можно переплыть рѣку?

— Нѣтъ, милый. Нельзя переплыть Самбатіонъ. Самбатіонъ — страшная рѣка. Она бурлитъ, какъ водопадъ. Много-много храбрыхъ людей хотѣли переплыть Самбатіонъ, но погибли въ его пучинѣ.

— И даже на пароходѣ нельзя?

— Нельзя, милый! Самый большой пароходъ, хотя бы весь выкованный изъ желѣза, превратится въ щепки, какъ только вступитъ въ воды Самбатіона.

Нѣсколько минутъ думалъ мальчикъ, потомъ опять заговорилъ:

— Дѣдушка! А почему не построить мостъ черезъ этотъ самый Самбатіонъ? Вѣдь черезъ водопады и то устраиваютъ мосты!

— Нельзя, дитя. Самбатіонъ—страшный потокъ. Великая буря царитъ на немъ, и даже приблизиться къ нему нельзя. Вихрь сметаетъ столбы и каменья, какъ сухіе листья. А работники оглохнутъ отъ шума и ослѣпнутъ отъ огненныхъ брызгъ раньше, чѣмъ примутся за работу...

— Значитъ, это въ родѣ какъ вулканъ?

— Но вулканъ стихаетъ, а рѣка Самбатіонъ—никогда...

— А далеко рѣка Самбатіонъ?

— Нѣтъ. Совсѣмъ близко!—отвѣтилъ дѣдъ.

Плохо жилось мальчику. Отецъ лежалъ, прикованный къ постели неизлѣчимой болѣзнью. Злая мачеха морила мальчика голодомъ и изводила бранью и побоями. Часто и горько плакалъ мальчикъ.

Шелъ къ дѣду:

— Дѣдушка, когда же мы перейдемъ въ рай, гдѣ нѣтъ слезъ и горя?

— Когда успокоится рѣка Самбатіонъ,—отвѣчалъ дѣдъ.

— Когда же?

— Садись. Я скажу тебѣ,—однажды отозвался дѣдъ на просьбы мальчика.

Мальчикъ сѣлъ и затаилъ дыханіе.

— Видишь ли, дитя! — началъ дѣдъ. — Самбатіонъ — страшная рѣка. Но если она когда-нибудь затихнетъ, успокоится хотя бы на одно мгновеніе, то людямъ не надо будетъ ни лодокъ, ни кораблей, ни пароходовъ. Какъ по атласному ковру, переступятъ они на ту сторону Самбатіона, въ рай.

— Когда же придетъ это мгновенье?

— Не знаю, скоро или нѣтъ, но оно придетъ!—отвѣтилъ дѣдъ.— Если бы люди захотѣли, оно давно наступило бы.

— Что же надо для этого дѣлать?—живо спросилъ мальчикъ.

— Надо не обижать другъ друга. Только. Надо, чтобы хоть одинъ день на свѣтѣ не было пролито ни одной капли крови и ни одной слезы; чтобы воинъ опустилъ свой мечъ; чтобы хозяинъ разнялъ руку, сдавленную въ кулакъ надъ головой раба; чтобы сильный по-братски обнялъ слабаго; чтобы ни одинъ стонъ битаго, ни одинъ возгласъ бьющаго не нарушили покоя вселенной... И когда такая минута настанетъ—сейчасъ же утихнетъ великая буря Самбатіона, сейчасъ же остановится потокъ ея волнъ, и сольются оба берега, и войдутъ люди въ рай.

Тихо спросилъ мальчикъ:

— Почему же люди не сдѣлаютъ такъ? Развѣ имъ не хочется въ рай?

— О, имъ очень хочется въ рай! Но они не знаютъ о Самбатіонѣ и не могутъ сговориться.

— Такъ я пойду, объясню имъ!

Усмѣхнулся старый дѣдъ, но ничего не сказалъ.

Мальчикъ принялся за дѣло. Сосѣдъ-сапожникъ пригрозилъ кулакомъ, когда мальчикъ сталъ увѣщевать его не драться. Двое пьяныхъ, сцѣпившихся въ дракѣ, за попытку вмѣшаться изрядно отколотили его.

Но мальчикъ не падалъ духомъ.

— Дѣдушка! Я не оставлю этого! Вѣдь люди не такъ глупы, они поймутъ, что имъ въ раю будетъ лучше!—говорилъ мальчикъ.

— Помоги тебѣ Богъ, дитя!—отвѣчалъ дѣдъ и грустно, грустно улыбался.

Мальчикъ учился въ школѣ.

И вотъ пришла ему въ голову мысль призвать на помощь товарищей. Каждому отдѣльно разсказывалъ онъ о страшной рѣкѣ Самбатіонъ и о прекрасномъ раѣ, что на той сторонѣ рѣки, и о томъ, какъ можно усмирить великую бурю Самбатіона. Многіе изъ товарищей повѣрили ему, особенно бѣдные, которымъ приходилось переносить побои, часто плакать и голодать. И съ тѣхъ поръ, какъ они узнали тайну Самбатіона, они перестали плакать, въ глазахъ засвѣтилась смѣлая мечта.

И разсыпались они по городу, по всѣмъ концамъ и угламъ его, проникли въ подвалы и на чердаки, къ богатымъ и бѣднымъ и вездѣ говорили:

— Не обижайте никого. Не бейте никого,—тогда затихнетъ рѣка Самбатіонъ.

Но въ школѣ были злые и грубые забіяки, которые издѣвались надъ ними, затѣвали драки и даже донесли учителю на мальчика и его товарищей.

Учитель призвалъ ихъ:

— Рѣка Самбатіонъ? Гдѣ находится рѣка Самбатіонъ? Ну-ка, разыщи на картѣ!

Ни на одной изъ географическихъ картъ не оказалось рѣки Самбатіонъ.

И учитель торжественно заключилъ:

— Надо вѣрить не сказкамъ глупаго дѣда, а учебнику, утвержденному начальствомъ!

А мальчика, какъ главнаго зачинщика, учитель посадилъ въ карцеръ.

Прошло много лѣтъ.

Мальчикъ окончилъ школу и университетъ и изъ мальчика превратился въ хорошаго человѣка.

Хорошій человѣкъ вошелъ въ жизнь. Хорошій человѣкъ успѣлъ видѣть людскія страданія и полюбилъ людскую скорбь. Хорошій человѣкъ испыталъ и любовь, и измѣну, и вражду, и мерзость людскую. Но хорошій человѣкъ все мечталъ о раѣ, гдѣ нѣтъ слезъ. И всегда былъ хорошій человѣкъ со слабыми противъ сильныхъ, съ обиженными противъ обидчиковъ.

Въ поискахъ рая всеобщаго счастья бросался хорошій человѣкъ отъ одной правды къ другой и со всѣмъ пыломъ любящей души отдавался каждой изъ нихъ. Но всѣ онѣ обманули. И усталъ хорошій человѣкъ. Правда сплелась съ ложью, и въ отчаяніи изнывалъ хорошій человѣкъ.

И вотъ однажды вспомнилъ онъ первую мечту своей жизни. Вспомнилъ тайну рѣки Самбатіонъ, которую повѣдалъ ему старый дѣдъ.

И стало ясно ему, человѣку, то, что казалось таинственной сказкой мальчику.

Рѣка Самбатіонъ это—потоки крови и слезъ, это гулъ стоновъ и воплей. Близко течетъ Самбатіонъ—вездѣ. И, оглушая и ослѣпляя, отдѣляетъ человѣка отъ счастья.

Долженъ успокоиться Самбатіонъ! И не мало храбрыхъ, умныхъ и великодушныхъ людей хотѣли пересилить его. Но не приходила имъ въ голову тайна стараго дѣда. Одни строили бронированныя суда и подводныя лодки, — но тонули чудовища въ Самбатіонѣ, въ рѣкѣ Страданія. Другіе пытались перелетѣть Самбатіонъ на аэропланахъ и дирижабляхъ, но такъ широко разлилась рѣка Страданія, что ни одинъ изъ отважныхъ не достигъ берега. Третьи строили мосты примиренія, но гибли въ порывѣ вихря Самбатіона. И бурлилъ попрежнему Самбатіонъ. Сильнѣе прежняго ревѣли волны его. И съ опущенными головами, со слезами отчаянія отходили отъ него мечтавшіе о раѣ.

А хорошій человѣкъ зналъ, какъ усмирить бурю Самбатіона.

И какъ когда-то, въ школѣ, началъ онъ собирать товарищей, чтобы итти къ людямъ съ проповѣдью любви и мира.

Микель Анжело Буонарроти.

(1475—1564).

Его жизнь и творчество.

Очеркъ Н. Фореггера.

I.

Три лика являетъ намъ Ренессансъ въ лицѣ трехъ геніевъ: Рафаэля, Леонардо да-Винчи и Микель Анжело. Одинъ — нѣжный, улыбающійся, веселый. Такой женственный, что, по словамъ Вазари [1], „всякое дурное настроеніе пропадало, когда его видѣли товарищи, исчезала всякая недостойная мысль, и это было такъ потому, что всѣ чувствовали себя побѣжденными его привѣтливостью, его прекрасной натурой“.

Мотылекъ, порхающій съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ вбиралъ въ себя всю сладость цвѣтка, онъ любилъ все граціозное, гибкое, томное, онъ не зналъ ни бурныхъ страстей ни трепетныхъ вол-

[1]) Vasari. Vite de piu eccelenti pittori.

неній. Жизнь его была такъ спокойна, какъ спокойны деревья и ручьи на его картинахъ, женщины ему такъ манящe улыбались, какъ его Мадонны. И напрасно стремятся увидать въ Рафаэлевскихъ Мадоннахъ мистическое, небесное выраженіе—ему тутъ не мѣсто. Его Мадонны—женщины съ обѣщающими взглядами или съ глазами, вспоминающими о только-что минувшихъ ласкахъ, руки ихъ лежатъ свободно, усталыя отъ объятій.

Взгляните на лицо Рафаэля — блѣдное, радостно-утомленное отъ любви, лицо избалованнаго мальчика, лицо любимца судьбы.

Любимецъ судьбы, онъ беретъ у всѣхъ: у Перуджино—тихій пейзажъ и округлыя лица дѣвушекъ изъ Перуджи, у Леонардо да-Винчи—томныя глаза, струящуюся улыбку и нѣжную усталость позъ, у Микель Анжело—богатство движеній и мощь нагого тѣла,—но все это онъ претворяетъ въ себѣ, чтобы создать еще болѣе прекрасные, болѣе гармоничные образы. „Онъ,—по словамъ Мутера,—захватываетъ всѣ нити, преобразуетъ цѣнности, созданныя отдѣльными геніями, въ новое стильное единство“ [1]). Элегантный, граціозный, нѣжный и влюбленный съ женщинами, любезный со всѣми, всѣми любимый и любящій всѣхъ, онъ — улыбка Ренессанса.

Ренессансъ—эпоха юности, эпоха кипучихъ силъ, эпоха здороваго веселья. Пиры, маскарады, торжества по самому незначительному поводу, празднества, въ которыхъ всѣ граждане принимаютъ участіе и, опьяненные виномъ и весельемъ, поютъ ту пѣсенку, что сочинилъ самъ Лоренцо Великолѣпный:

„Какъ прекрасна молодость. Но она бѣжитъ. Кто хочетъ быть счастливъ—да будетъ имъ. Не вѣренъ завтрашній день.

„Вотъ Вакхъ и Аріадна, прекрасные и воспламененные любовью. И такъ какъ время бѣжитъ и обманываетъ насъ, то они всегда счастливы, когда очутятся вдвоемъ.

„Эти нимфы и другія веселы пока. Кто хочетъ быть счастливъ—да будетъ счастливъ. Не вѣренъ завтрашній день.

„Эти маленькіе сатиры, влюбленные въ нимфъ, разставили имъ сотни западней въ пещерахъ и лѣсахъ; теперь, воспламененные Вакхомъ, они пляшутъ и прыгаютъ въ ожиданіи грядущаго.

„Не вѣренъ завтрашній день.

„Дамы и влюбленные юноши! Да здравствуютъ Вакхъ и Любовь. Пусть каждый играетъ, поетъ и пляшетъ; пусть сердце загорится сладостной любовью: пусть прекратятся тревоги и скорбь; да будетъ счастливъ, кто хочетъ имъ быть.

„Не вѣренъ завтрашній день“.

„Quant'è bella giovenezza!“ (какъ хороша юность),—восклицаютъ они, но опытъ говоритъ имъ „Ma si fugge tuttavia“ (но она бѣжитъ) и предостерегаетъ: „Di doman non c'è certezza“ (на завтра не надѣйся).

Ихъ радость ужъ не бездумная радость ребенка,—опытъ нѣсколькихъ тысячелѣтій лежитъ у нихъ на плечахъ. Снявъ маски, оставивъ пиршество, они идутъ на пріемъ пословъ, они начинаютъ войны, они защищаютъ родной городъ, они наконецъ измышляютъ всѣ правые и неправые пути, чтобы уничтожить своего врага. Di doman non c'è certezza! Завтра изъ-за угла можетъ выскочить брави и отправить васъ на тотъ свѣтъ, завтра ваши рѣчи не понравятся какому-нибудь молодцу—и онъ, не говоря лишнихъ словъ, проколетъ васъ шпагой.

Будь веселымъ, но будь и хитрымъ, умѣй скрывать свои мысли, пусть лицо твое не выражаетъ твоихъ волненій,—учили мыслители Ренессанса. Лукавый Бальтазаръ да-Кастильонэ учитъ: „Я хочу, чтобы нашъ придворный имѣлъ незаурядныя познанія въ гуманитарныхъ наукахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя называются изящной литературой; чтобы онъ не зналъ не только латинскій языкъ, но и греческій, по причинѣ множества и разнообразія божественныхъ твореній, написанныхъ на этомъ языкѣ; чтобы онъ хорошо былъ знакомъ съ поэтами, равно какъ и съ ораторами и историками, и, кромѣ того, искусно писалъ самъ прозой и стихами, особенно на нашемъ народномъ языкѣ; ибо, кромѣ того удовлетворенія, которое получитъ онъ самъ, у него никогда не будетъ недостатка въ пріятныхъ словахъ въ разговорѣ съ дамами, которыя обыкновенно любятъ вещи этого рода.

„Я былъ бы недоволенъ нашимъ кавалеромъ, если бы онъ не былъ, кромѣ того, музыкантомъ и, сверхъ пѣнія по нотамъ, не умѣлъ играть на разныхъ инструментахъ... Ибо, кромѣ развлеченія и отдохновенія отъ трудовъ, которыя музыка даетъ каждому, она часто служитъ утѣхой дамамъ, нѣжныя и утонченныя сердца которыхъ легко проникаются гармоніей и наполняются отрадой при звукахъ ея.

„Есть еще нѣчто, чему я придаю большое значеніе: это—художественныя способности и умѣнье рисовать, которымъ нашъ кавалеръ не долженъ пренебрегать.

„Я хочу, чтобы нашъ придворный превосходно ѣздилъ верхомъ на всякихъ сѣдлахъ; и такъ какъ итальянцы славятся своимъ умѣньемъ держать коня въ уздѣ, управлять по всѣмъ правиламъ самыми неукротимыми конями, биться на копьяхъ на скаку и метать ихъ, то во всемъ этомъ онъ долженъ быть однимъ изъ первыхъ среди итальянцевъ.

„Что касается турнировъ, фехтованія, скачекъ между барьерами, то здѣсь онъ долженъ быть не ниже лучшихъ изъ французовъ... Въ бою на палкахъ, въ погонѣ за быкомъ, метаньѣ дротиковъ и копій ему слѣдуетъ выдѣляться между испанцами... Кромѣ того, надо, чтобы онъ умѣлъ прыгать и бѣгать. Другое благородное упражненіе—игра въ мячъ, и не меньшее значеніе я придаю умѣнью джигитовать“.

Когда читаешь эти страницы изъ „Il Corеgiano“ [1]), невольно въ умѣ встаетъ образъ стройнаго, высокаго человѣка, съ холодными голубыми глазами и бѣлокурой бородой, столь сильнаго, что свертывалъ пальцами серебряныя монеты; игравшаго на серебряной лирѣ, сдѣланной самимъ, сладостныя пѣсни; изобрѣтавшаго съ одинаковымъ спокойствіемъ самые хитроумные аппараты какъ для увеселенія, такъ и для истребленія людей; художника, передъ яркимъ талантомъ котораго склонялись короли и папы. „Художникъ этотъ—архитекторъ и ювелиръ, музыкантъ и пиротехникъ, философъ и магъ, инженеръ и ботаникъ, механикъ и чернокнижникъ, живописецъ и скульпторъ Леонардо да-Винчи“ [2]).

Необычайной кажется намъ его дѣятельность. Когда читаешь письмо его къ Людовико Моро, гдѣ Леонардо самъ разсказываетъ о всѣхъ своихъ знаніяхъ [3]), то останавливаешься, пораженный передъ мощностью человѣческаго генія, передъ той „несокрушимой увѣренностью“ въ своей силѣ, какой дышатъ слова Леонардо. „Письмо это,—по словамъ Гитна,—должно было показаться при первомъ чтеніи—письмомъ сумасшедшаго или генія“. Необъятнымъ кажется намъ его умъ. И когда, изучая Ренессансъ, мы стремимся постичь его мысли и его знанія, то неизбѣжно встаетъ на этомъ пути фигура мудреца-мэссэра Леонардо да-Винчи, ибо онъ воплощаетъ весь умъ Ренессанса.

А героическій пылъ, страсти титановъ, мощные крики скорби, чувства, способныя потрясти весь міръ, муки Прометея, жаждущаго свободы, бурный темпераментъ новаго человѣка, человѣка Возрожденія, явилъ намъ Микель Анжело.

II.

„Классическимъ называютъ то, о чемъ каждый говоритъ, но чего никто не читаетъ“,—этотъ парадоксъ О. Уайльда какъ нельзя болѣе подходитъ къ Микель Анжело.

Мы мало понимаемъ его геній, даже очень талантливые и знающіе историки искусства стремятся обойти творчество Микель Анжело и говорятъ о немъ сдержанно, подчасъ съ недоумѣніемъ. Они точно стараются въ чемъ-то оправдать его и неизбѣжно приводятъ его слова: „Я—скульпторъ, но долженъ рисовать“. Но не въ немъ дѣло, онъ былъ художникъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—pittore, scultore, architetto, fiorentino. „Онъ не зналъ уродливыхъ желаній,—говоритъ Кондиви [4]):—въ силу той любви, которую онъ питалъ не только къ красотѣ человѣческой, но и ко всякому предмету на свѣтѣ—будь то красивая лошадь, красивая собака, красивый видъ, красивое растеніе, красивая гора, красивый лѣсъ, ко всякой красивой мѣстности и ко всякой вещи, прекрасной и рѣдкой, которой онъ любовался, преисполненный восторга.

„Такимъ образомъ онъ собиралъ прекрасное въ природѣ, какъ пчела собираетъ медъ на цвѣтахъ“.

Дѣло не въ Микель Анжело, а въ насъ самихъ. Мы черезчуръ измельчали, мы не знаемъ ни бурныхъ страстей ни огневыхъ волненій. Наша жизнь течетъ тихо, какъ маленькая рѣчонка, иногда наткнется на камень, забурлитъ и снова бѣжитъ дальше. Все яркое, грозовое насъ какъ-то коробитъ. „Гдѣ нашъ современникъ могъ наблюдать тѣло?—пишетъ Тэнъ [5]).—Онъ бывалъ въ купальняхъ и созерцалъ эту смѣшную лужу, въ которой полощатся всякіе уроды; можетъ-быть, если онъ любопытенъ, ему приходилось три-четыре раза въ жизни смотрѣть ярмарочныхъ силачей; онъ не видѣлъ болѣе откровенной наготы, чѣмъ въ балетѣ“...

„Аристократъ же или рыцарь эпохи Возрожденія утромъ первымъ дѣломъ раздѣвался до-нага и становился противъ своего фехтмейстера съ кинжаломъ въ одной рукѣ и шпагой въ другой...

„...Такой человѣкъ, когда онъ запрется у себя и очутится передъ изображеніемъ прекрасной куртизанки или мадонны, передъ Геркулесомъ или Вѣчнымъ Отцомъ, съ мощными мускулами и въ величественномъ одѣяніи,—болѣе способенъ, чѣмъ нашъ современникъ, понять ихъ красоту и совершенство тѣлесныхъ формъ. Онъ почувствуетъ, не учившись въ мастерской, въ силу невольной симпатіи, героическую наготу и грозныя мышцы Микель Анжело. Мы же знаемъ лишь сентиментально-прилизанныя, анемичныя тѣла „Nu“, которыя усердно плодитъ Парижскій Салонъ.

И намъ непонятна влюбленность Микель Анжело въ человѣческое тѣло, намъ чужды та страстность, съ которой онъ осязаетъ могучіе торсы своихъ героевъ, тотъ пылъ, съ какимъ придаетъ онъ имъ гибкія позы.

Микель Анжело всѣмъ своимъ творчествомъ защищаетъ завѣтъ, который высказалъ Бервенуто Челлини [6]): „въ пластическомъ искусствѣ самое главное—умѣть изобразить нагого мужчину или нагую женщину“. И самъ Микель Анжело, по словамъ Вазари, говоритъ, что живопись пейзажей надо предоставить, какъ забаву и въ видѣ утѣшенія, мелкимъ талантамъ, предметомъ же истиннаго искусства является человѣческое тѣло. На одномъ изъ ве-

[1]) Мутеръ. Исторія живописи, т. II.

[1]) „Придворный“.

[2]) А. Бенуа. Исторія живописи, т. II.

[3]) Письмо это цѣликомъ приведено въ книгѣ А. Волынскаго: „Леонардо да-Винчи“. Изданіе А. Ф. Маркса.

[4]) „Vita di Michelangelo Buonarroti“.

[5]) Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ.

[6]) „Мемуары Бенвенуто Челлини, писанные имъ самимъ“.

черовъ у маркизы Пескары, Викторіи Колонны, блестящей и образованнѣйшей женщины Ренессанса, Микель Анжело высказалъ свой взглядъ на искусство [1]). Начавъ, по просьбѣ маркизы, излагать свое мнѣніе о фламандской живописи, онъ осудилъ послѣднюю, найдя, что „эта живопись лишена всего существеннаго и всякой силы... Творимая же въ Италіи живопись одна лишь заслуживаетъ названія истинной живописи, и вотъ почему хорошая живопись называется итальянской. Хорошая живопись сама по себѣ и благородна и благочестива, ибо, согласно мудрецамъ, ничто не подымаетъ болѣе душу и не возноситъ ее такъ до истиннаго благочестія, нежели преодолѣніе трудностей въ стремленіи къ совершенству, благодаря которому мы приближаемся къ Богу, и намъ дается возможность съ Нимъ слиться. Въ сущности, хорошая живопись не что иное, какъ подобіе совершенства Господа, тѣнь Его кисти, наконецъ музыка, мелодія, и лишь очень жизненный умъ можетъ вникнуть во всѣ ея трудности". Живопись—дѣло святое, а художникъ—жрецъ. Художникъ долженъ не подражать землѣ, а искать въ себѣ образы, столь прекрасные, чтобы они были подобны Господу. Надо въ душѣ своей искать образы скорби и радости, образы отчаянія и небеснаго ликованія. И Микель Анжело, такъ много страдавшій, возноситъ душу свою къ небесамъ, воплощая свои мечты въ картинахъ и мраморѣ.

III.

Въ 1474 году Людовико Буанарроти Симоне назначается подестой [2]) небольшихъ городковъ Кіузи и Капрезе близъ Казентина. Съ женой, уже беременной, онъ отправляется въ путь верхомъ. Въ дорогѣ жена падаетъ съ лошади, и лошадь ее нѣкоторое время волочитъ по землѣ. Однако это не сказывается гибельно на ея здоровьѣ, и 6 марта 1675 г. въ 2 часа ночи она рожаетъ мальчика. „Уже само рожденіе,—говоритъ Кондиви:—указывало, какимъ человѣкомъ и какимъ геніемъ будетъ этотъ ребенокъ. Такъ Венера и Меркурій, соединившись въ это знаменательное время подъ знакомъ Юпитера, предвѣщали то, что впослѣдствіи свершилось. И при такихъ обстоятельствахъ было рожденіе этой благородной и возвышенной души, которой все удавалось во всѣхъ ея предпріятіяхъ и особенно въ искусствахъ, которыя очаровываютъ наши чувства, каковы: живопись, скульптура и архитектура". Патрономъ этого мальчика при крещеніи избрали Архангела Михаила.

Отецъ Микель Анжело былъ честнымъ и благочестивымъ человѣкомъ, твердо державшимся старины. Онъ былъ homo religioso ebono e piuttosto d'antichi costumi che no" [3]),—по словамъ Кандиви, и, узнавъ о чудесномъ предзнаменованіи, сопровождавшемъ рожденіе сына, началъ мечтать о томъ, какъ маленькій Микель Анжело достигнетъ высокихъ чиновъ на службѣ у Флоренціи, сдѣлается богатымъ, всѣми уважаемымъ купцомъ, будетъ однимъ изъ лучшихъ флорентійскихъ гражданъ, на что онъ имѣлъ полное право по своему происхожденію. „Буонарроти,—разсказывалъ Людовико своему сыну:—происходятъ отъ стариннаго рода. Въ 1250 году графъ Симоне Каносса переѣхалъ въ Флоренцію и былъ удостоенъ тамъ правъ природнаго флорентійскаго гражданина. Своему перевенцу онъ далъ имя Буонарроти, и, по обычаю, имя это укрѣпилось въ роду, и стали мы именоваться Буонарроти Симоне. А въ роду графовъ Каносса течетъ королевская кровь, родоначальницей ихъ рода была Беатриче, сестра Генриха II".

Послѣдующія поколѣнія, изысканія современныхъ ученыхъ оставили подъ сильнымъ сомнѣніемъ эту семейную легенду, но во времена Микель Анжело она пользовалась глубокимъ довѣріемъ, и графъ Александръ Каносса именуетъ въ письмѣ Микель Анжело — parente onorato—„достоуважаемый родственникъ". И самъ Микель Анжело гордится своимъ происхожденіемъ,—онъ съ горечью пишетъ своему племяннику, что нѣкоторые флорентійцы пишутъ ему въ Римъ письма, подписывая: Микель Анжело—скульптору, тогда какъ въ Римѣ его знаютъ, какъ Микель Анжело—Буанарроти.

Въ 1476 году Людовико уѣхалъ снова во Флоренцію и отдалъ своего сына кормилицѣ въ селеніи Сеттиньяно, близъ Флоренціи, гдѣ было небольшое помѣстье Буонарроти. Въ этомъ селеніи было развито искусство отдѣлки камня. Сеттиньянцы славились своимъ мастерствомъ, и ихъ призывали къ участію во всѣхъ архитектурныхъ работахъ. Мужъ кормилицы былъ также scarpellino (каменотесъ), и впослѣдствіи Микель Анжело шутя поговаривалъ, что любовь къ скульптурѣ онъ всосалъ съ молокомъ кормилицы. Съ самаго ранняго дѣтства онъ обнаружилъ любовь къ живописи. Въ Сеттиньяно, гдѣ онъ прожилъ свои дѣтскіе годы, еще въ XVIII вѣкѣ показывали слѣды его первыхъ рисунковъ. „Микель Анжело сталъ рисовать съ того самаго дня, какъ научился владѣть руками",—пишетъ профессоръ Гриммъ [4]). Но когда Микель Анжело достигъ отроческаго возраста, отецъ забралъ его во Флоренцію, гдѣ отдалъ въ школу Франческо изъ Урбино [5]) изучать латинскую грамматику. Однако Микель Анжело, увлекавшійся нѣсколько лѣтъ спустя бесѣдами съ другимъ просвѣщеннѣйшимъ гуманистомъ Анжело Полиціано, въ школѣ не считался образцовымъ ученикомъ. Онъ постоянно убѣгалъ изъ нея, чтобы полюбоваться статуями на площади, фресками церквей или новыми картинами въ мастерской Доменико Гирландайо, Франческо Граначчи. Подъ вліяніемъ послѣдняго онъ рѣшаетъ бросить школу и стать художникомъ. Гирландайо, замѣтившій способности Микель Анжело, поддерживалъ его стремленія. И послѣдній, выдержавъ сильную борьбу съ отцомъ и братьями, которые, видя въ живописи недоходное, низкое ремесло, всячески противились его желанію,—добился, что отецъ 1 апрѣля 1488 года заключилъ договоръ съ Доменико и Давидомъ Гирландайо. По этому договору, Микель Анжело поступалъ къ братьямъ Гирландайо на три года, „какъ ученикъ для упражненія въ живописи, и долженъ, кромѣ того, исполнять все, что хозяева ему прикажутъ; въ вознагражденіе за услуги его Доменико и Давидъ платятъ ему сумму въ 24 флорина: 6 въ первый годъ, 8 во второй и 10 въ третій".

Какъ разъ въ это время Доменико Гирландайо по порученію семьи Торнабуони сталъ расписывать хоры въ церкви Санта Марія Новелла, и Микель Анжело очутился среди кипучей, напряженной художественной работы. Не довольствуясь работой подмастерья, онъ копировалъ гравюры старыхъ мастеровъ, которыя находилъ у Гирландайо. Одну изъ нихъ—„Искушеніе Святого Антонія", Мартина Шонгауера—онъ нарисовалъ красками въ увеличенномъ масштабѣ и такъ искусно, что самъ Гирландайо, увидѣвъ ее, воскликнулъ, что Микель Анжело—восходящая звѣзда, столь яркая, что затмитъ со временемъ другія, ярко блещущія теперь. И, относясь ревниво къ своей славѣ, выдаетъ эту картину [1]) за свою, „на что, впрочемъ, ему давали право обычаи того времени",—замѣчаетъ Гриммъ.

Однако съ этого времени Гирландайо начинаетъ относиться къ Микель Анжело недружелюбно, а шутка, которую позволилъ себѣ Микель Анжело, еще болѣе обострила отношенія между учителемъ и ученикомъ. Дѣло въ томъ, что учитель всегда давалъ ученикамъ свои рисунки для производства копій. Такой рисунокъ получилъ и Микель Анжело; спустя нѣкоторое время, онъ возвратилъ его учителю, который, ничего не подозрѣвая, принялъ рисунокъ. Тогда Микель Анжело показалъ ученикамъ такой же рисунокъ, столь похожій на рисунокъ учителя, что самъ Гирландайо не могъ ихъ различить. Оказалось, что Микель Анжело отдалъ свой рисунокъ учителю, а его оставилъ себѣ. Это еще болѣе раздражило Гирладайо и ускорило разрывъ между ними.

Микель Анжело, не получая работъ отъ Гирландайо, ходитъ по городу и копируетъ въ церквахъ фрески старыхъ мастеровъ. Впослѣдствіи, уже живя у Медичи и копируя однажды въ капеллѣ Бранкаччи фрески Мазарріо, онъ ссорится съ однимъ молодымъ художникомъ по имени Торриджано и получаетъ отъ него ударъ кулакомъ по носу. Этотъ случай, изуродовавшій лицо Микель Анжело, сильно повліялъ на его жизнь. Характеръ, и прежде строптивый, онъ становится еще болѣе вспыльчивымъ въ своихъ поступкахъ, еще болѣе бурнымъ въ своихъ страстяхъ. Онъ уже теперь обращаетъ особенное вниманіе на мастеровъ, близкихъ ему по духу. Красочные, чуть-чуть, вычурные мастера, какъ Ботичелли, Перуджино, Веррокіо, Поллайуоло, были ему чужды, хотя онъ отдавалъ имъ должное, какъ большимъ мастерамъ рисунка и краски. Самъ онъ больше тяготѣлъ къ художникамъ, сосредоточеннымъ въ себѣ, болѣе простымъ и болѣе глубокимъ, хранившимъ еще благоговѣйное отношеніе къ живописи, каковы Джотто, Мазарріо.

Изучая художниковъ Ренессанса, онъ проходилъ прекрасную школу; однако изученіе лишь ихъ не могло завершить вполнѣ его развитіе. Они всѣ учились и воспринимали традиціи отъ искусства Греціи и Рима, вновь открытаго ими. Для Микель Анжело нуженъ былъ первоисточникъ, ему надо было поучиться у тѣхъ бѣломраморныхъ боговъ, которые заботливо сохранялись гуманистами. Ему нужно было попасть въ сады Св. Марка, гдѣ заботами Медичи на просвѣщеніе флорентійскаго юношества были собраны прекрасные образцы античной скульптуры, гдѣ старый скульпторъ Бертольдо училъ о красотѣ человѣческаго тѣла, а просвѣщеннѣйшіе гуманисты разсказывали о возвышенныхъ легендахъ античности.

Случай помогъ Микель Анжело.

IV.

Фраческо Граначчи, бывшій на пять лѣтъ старше Микель Анжело, красивый, даровитый юноша, постоянно участвовалъ въ карнавалахъ, которые Медичи устраивали для увеселенія флорентійскихъ гражданъ, и обратилъ на себя вниманіе самого Лоренцо, разрѣшившаго ему съ товарищемъ посѣщать Св. Марка. Тутъ Микель Анжело замѣтилъ самъ великолѣпный Лоренцо, поразившійся исполненной юнымъ скульпторомъ головой фавна. Желая помочь развитію таланта, Лоренцо Медичи приглашаетъ къ себѣ отца Микель Анжело, удрученнаго, что сынъ его изъ живописца хочетъ стать „каменотесомъ", и, обезоруживъ его своей любезностью, добивается у суроваго флорентійца увѣренія, что „не только сынъ его, но и самъ онъ со всѣми домочадцами готовъ служить его великолѣпію жизнью и состояніемъ".

Микель Анжело поселяется во дворцѣ Медичи, получивъ отдѣльную комнату и ежемѣсячно пять дукатовъ [2]). Онъ весь уходитъ въ изученіе античнаго міра. Самое высокое искусство, по его мнѣнію, заключается здѣсь, въ статуяхъ, наполняющихъ сады

[1]) Письмо португальскаго художника де-Голланда къ королю Португаліи Іоанну III около 1537 г.

[2]) Подеста—выборный градоначальникъ.

[3]) Человѣкъ благочестивый и добрый и болѣе склонный къ обычаямъ старины.

[4]) Herrmann Grimm. Leben Michel Angelos.

[5]) Извѣстный гуманистъ, первый составитель латинской грамматики.

[1]) Картина сохранилась донынѣ и находится, по однимъ свѣдѣніямъ, у семьи Бьянкони, а по другимъ—у скульптора де Трикети въ Парижѣ.

[2]) Золотая монета, около пяти руб.

Св. Марка. Наибольшей похвалой для него является сравненіе съ античностью. И ученые, группировавшіеся подлѣ Лоренцо Медичи, также проникнуты восторгомъ предъ античнымъ міромъ, и слова ихъ еще болѣе зажигаютъ въ Микель Анджело любовь къ Греціи и Риму и заставляютъ его пылать стремленіемъ къ благородному соревнованію. По совѣту Анджело Поллиціано [1]), онъ работаетъ надъ барельефомъ „Бой кентавровъ съ лапиѳами". Въ этой работѣ, вызвавшей всеобщее восхищеніе, уже замѣтны тѣ элементы, которые впослѣдствіи развернулись въ творчествѣ Микель Анжело.

Микель Анжело былъ слишкомъ богатъ художественными образами и слишкомъ необузданъ въ своемъ порывѣ. Въ восторгѣ передъ человѣческомъ тѣломъ, онъ нагромождаетъ тѣла, заставляетъ глазъ утомляться созерцаніемъ богатства позъ, смѣлостью раккурсовъ, и потому его богатство кажется иногда излишествомъ, его смѣлость — вычурностью. Однако силой своего генія онъ удержался на столь необъятной высотѣ, что послѣ него могъ наступить только упадокъ, вырожденіе Ренессанса въ барокко. „Бой кентавровъ съ лапиѳами" именно поражаетъ множествомъ сплетенныхъ тѣлъ на небольшой сравнительно поверхности мрамора. Видно, что Микель Анжело подражаетъ антикамъ, но не эпохи расцвѣта Эллады, а эпохи угасанія эллинскихъ традицій въ Римѣ, когда пышность и умѣлость мастера цѣнились выше, чѣмъ простота и глубина замысла.

Но это произведеніе все еще дѣтское, въ немъ онъ больше учится, чѣмъ творитъ. Восторгъ передъ открытыми римскими саркофагами, которые дали Микель Анжело методъ выполненія „кентавровъ", мѣшаетъ ему вполнѣ найти себя. И въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ мы будемъ находить слѣды юношескихъ увлеченій, слѣды поклоненія передъ Римомъ и передъ скульпторомъ Донателло, пока онъ не выработаетъ свой стиль, свою манеру.

Скульпторъ Бертольдо, ученикъ Донателло, многое разсказываетъ Микель Анжело о своемъ учителѣ. И творенія Донателло пришлись по сердцу Микель Анжело, потому что онъ нашелъ отголосокъ творчества Донателло у себя въ душѣ, потому что они были геніями одной породы, одной напряженности. Указываютъ, что Микель Анжело находился подъ несомнѣннымъ обаяніемъ творчества Донателло, что „Св. Іоаннъ" послѣдняго навѣялъ ему мысль „О Моисеѣ" а „Св. Георгій"—о „Давидѣ", и наконецъ въ палаццо Мартелли хранится статуя, которую и по настоящее время ученые не знаютъ, кому приписать — Микель Анжело или Донателло.

Микель Анжело Буонарроти. Автопортретъ.

Во Флоренціи Микель Анжело, научившись у Бертольдо литью изъ бронзы, выливаетъ барельефъ „Мадонну", тоже увлеченный творчествомъ Донателло, и задумываетъ рядъ произведеній, подражающихъ антикамъ. Смерть Лоренцо мѣняетъ образъ его жизни, онъ селится у отца и секретно, опасаясь обвиненія въ волшебствѣ и чернокнижіи, изучаетъ анатомію въ монастырѣ Санъ-Спирито.

Флоренція переживала въ то время состояніе кающейся грѣшницы, ее бичевалъ жестокими рѣчами Савонарола, и она, уставшая отъ вѣчнаго веселья и карнаваловъ, покорно преклоняла голову передъ его проклятіями. Флорентійскіе граждане все болѣе и болѣе жаждали свободы, и все сильнѣе росло ихъ негодованіе противъ Пьеро Медичи, сына Лоренцо, не прекращавшаго веселой, распутной жизни, несмотря на несчастія, надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера двигался на Италію французскій король Карлъ VIII, а въ небесахъ и на землѣ, по словамъ лѣтописцевъ, не прекращались чудесныя явленія Божьяго гнѣва.

Священныя изображенія источали кровь, гдѣ-то ночью въ небѣ загорѣлись три солнца; проѣзжавшіе ночью близъ Флоренціи видѣли, какъ въ воздухѣ носятся гигантскія арміи на бѣшеныхъ коняхъ, и слышали звонъ ихъ мечей. Когда умиралъ Лоренцо Il Magnifico, то внезапно загремѣлъ при ясномъ небѣ громъ, и молнія ударила въ куполъ Санта Фіоре, а ночью погасла яркая звѣзда, стоявшая надъ дворцомъ Медичи.

Джироламо Савонарола все болѣе мощнымъ словомъ призывалъ людей къ покаянію, умерщвленію земныхъ помысловъ, изгнанію земныхъ владыкъ и созданію изъ Флоренціи града Божьяго.

Не дождавшись открытаго возстанія, Микель Анжело съ музыкантомъ Кардьеро покидаетъ въ 1794 году Флоренцію и отправляется въ Венецію, а оттуда—въ Болонью. Здѣсь онъ дружится съ семьей уважаемаго болонскаго гражданина Альдобранди, который достаетъ ему работу—двѣ статуи для церкви св. Петронія, гдѣ хранятся мощи св. Доминика. Эти статуи и должны были быть включены въ число статуй, украшающихъ саркофагъ. Удачно выполненная работа вызвала зависть болонскихъ скульпторовъ, и они стали добиваться удаленія Микель Анжело изъ Болоньи. Но, желая избѣгнуть непріятностей, онъ самъ покидаетъ городъ и возвращается во Флоренцію.

За полуторагодичное отсутствіе Микель Анжело Флоренція многое пережила. Она изгнала Медичисовъ, въ ней хозяйничали войска Карла VIII, а къ пріѣзду Микель Анжело она покорно исполняла всѣ велѣнія суроваго Савонаролы. Флорентійцы сносили всѣ произведенія искусства свѣтскаго, всѣ „орудія тщеты и порока" на площадь Синьоріи и все созданное „мірской суетой" складывали въ одинъ огромный костеръ [1]), надъ которымъ о. Джироламо произносилъ свои пламенныя рѣчи. Однако слишкомъ глубоко вѣрилъ Микель Анжело въ святость своего искусства, въ то, что оно — подобіе Божіе, чтобы слова Савонаролы могли убѣдить его. И подъ покаянные псалмы проходящихъ по улицѣ флорентійцевъ онъ изваялъ спящаго Амура. Амуру этому онъ придалъ видъ античнаго, найденнаго при раскопкахъ, и отправилъ въ Римъ для продажи. „Амуръ" былъ купленъ кардиналомъ Ріаріо, какъ античный. Но вскорѣ Ріаріо узналъ подделку и послалъ во Флоренцію справиться, есть ли тамъ столь даровитый художникъ, и пригласить его въ Римъ. Посланный нашелъ Микель Анжело и убѣдилъ его въ іюнѣ 1496 г. ѣхать въ Римъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Живыя палочки.

Очеркъ прив.-доц. **П. Ю. Шмидта.**
(Съ 7 рисунками на стр. 235).

Всѣмъ извѣстно, что въ Индіи и въ другихъ тропическихъ странахъ водятся насѣкомыя, которыя своимъ внѣшнимъ видомъ чрезвычайно напоминаютъ стебли растеній или просто сухія палочки,—ихъ такъ и называютъ живыми палочками или палочниками. Навѣрное не всѣ однако знаютъ, что одно изъ такихъ насѣкомыхъ уже лѣтъ десять тому назадъ привезено французскими миссіонерами изъ сѣверной Индіи въ Европу, разводится тамъ у многихъ ученыхъ и любителей и наконецъ дошло и до насъ—появилось въ Петербургѣ и, кажется, въ Москвѣ.

Будучи однимъ изъ обладателей этихъ курьезныхъ насѣкомыхъ, научное названіе которыхъ Carausius morosus (изъ семейства фазмидъ, относящагося къ прямокрылымъ), я позволю себѣ по-

[1]) Блестящій знатокъ греческой и римской литературы, поэтъ, другъ Лоренцо.

[1]) По словамъ хроникъ, венеціанскіе купцы предлагали за этотъ костеръ 20.000 дукатовъ.

дѣлиться съ читателями нѣкоторыми своими наблюденіями и опытами надъ живыми палочками.

Представьте себѣ палочку дюйма въ 2—$2\frac{1}{2}$ длиною и въ половину тоньше карандаша, свѣтло-зеленаго цвѣта, на шести длинныхъ и тонкихъ ножкахъ, которыми она можетъ съ большою ловкостью карабкаться по вѣтвямъ и даже ходить по стеклу. На головѣ—длинные щетинкообразные усики и маленькіе въ видѣ пятнышекъ глаза. Тѣло насѣчками раздѣлено на сегменты, и на немъ незамѣтно никакихъ признаковъ крыльевъ. Переднія ножки обладаютъ нѣсколько утолщенными бедрами, и въ нихъ имѣются глубокіе вырѣзы, въ которые какъ разъ помѣщаются щеки, когда ножки вытянуты впередъ. Эти вырѣзы—ярко-краснаго цвѣта и рѣзко выдѣляются на зеленомъ фонѣ остальной окраски насѣкомаго.

Все строеніе и вся внѣшность нашей палочки приспособлены къ тому, чтобы обманывать ея враговъ—насѣкомоядныхъ птицъ, древесныхъ ящерицъ и змѣй, которыя также навѣрное не прочь полакомиться крупной и вкусной добычей. Когда же это существо сидитъ неподвижно на стеблѣ или сучкѣ растенія, между листьями, то и человѣческій глазъ лишь съ трудомъ отличаетъ его. Мнѣ нерѣдко приходилось при перемѣнѣ растеній въ садкѣ, гдѣ у меня жили палочки, проглядывать ту или другую бѣглянку и выбрасывать ее вмѣстѣ съ объѣденными растеніями. Лишь когда насѣкомое начинаетъ шевелиться и быстро-быстро раскачиваться на своихъ длинныхъ ногахъ, оно обращаетъ на себя вниманіе.

Едва ли найдется насѣкомое, болѣе удобное для разведенія въ комнатѣ, какъ наша палочка. Къ пищѣ она чрезвычайно нетребовательна, и, выращивая съ дѣтскаго возраста, ее можно пріучить почти къ любому растенію; такъ, у меня онѣ кормились зимою петрушкой, а лѣтомъ—шиповникомъ. Впрочемъ, разъ пріученное къ какой-нибудь пищѣ, насѣкомое уже лишь съ трудомъ переучивается.

Въ качествѣ жилища палочкамъ лучше всего можетъ служить садокъ для гусеницъ, но можно ихъ держать и просто въ большой банкѣ, завязанной сверху металлической сѣточкой или кисеею. Пищу приходится перемѣнять черезъ 2—3 дня, въ зависимости отъ аппетита насѣкомыхъ.

Размножаются палочки чрезвычайно легко; при томъ особенно замѣчательно, что всѣ тѣ, которыя до сихъ поръ удалось вывести въ неволѣ,—исключительно самки,—ни одного самца никому еще не удалось получить. Впрочемъ, и на родинѣ самцы встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, и очевидно, тамъ точно такъ же нормально происходитъ „дѣвственное размноженіе" или „партеногенезъ". Каждая палочка, достигнувъ вполнѣ взрослаго состоянія, откладываетъ постепенно одно за другимъ, съ большими промежутками, яички—овальной формы, темно-бураго цвѣта, имѣющія видъ зеренъ. Насѣкомое нисколько не заботится о своемъ потомствѣ и просто даетъ яичкамъ падать на землю, гдѣ они и лежатъ, вплоть до вылупленія молодыхъ, въ теченіе 3—$3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

При вылупленіи съ одного конца яйца какъ бы снимается крышечка, и оттуда выползаетъ длинная, тоненькая палочка, лежавшая тамъ, повидимому, свернувшись въ три погибели. Молодое насѣкомое уже вполнѣ напоминаетъ своимъ строеніемъ взрослое, только непропорціанально тоньше и брюшко свое держитъ загнутымъ кверху. Иногда при вылупленіи одна изъ ножекъ не можетъ освободиться отъ клейкой скорлупы яйца, и новорожденное насѣкомое нѣсколько дней гуляетъ, волоча за собою скорлупу на ногѣ и напоминая каторжника, прикованнаго къ ядру.

Молодая палочка сперва бураго цвѣта, но затѣмъ, какъ только она попробуетъ зелени, она сама зеленѣетъ и начинаетъ быстро расти и развиваться. При этомъ она шесть или семь разъ сбрасываетъ свою наружную хитиновую оболочку или, какъ говорятъ, линяетъ; каждый разъ послѣ смѣны шкурки насѣкомое оказывается значительно выросшимъ и наконецъ черезъ 5—6 мѣсяцевъ достигаетъ зрѣлаго возраста и начинаетъ нести яички. Весь этотъ циклъ развитія совершенно не зависитъ отъ времени года; такъ, на своей родинѣ палочки не знаютъ зимы и лѣта. Живутъ онѣ, впрочемъ, не долго: отъ выхода изъ яйца всего 10—12 мѣсяцевъ.

Такова несложная и не представляющая ничего особеннаго жизнь палочки, и ея развитіе ничѣмъ не отличается отъ развитія другихъ прямокрылыхъ, напримѣръ, нашихъ кузнечиковъ. Въ одномъ отношеніи однако палочки все же представляютъ нѣкоторую замѣчательную особенность, на которой слѣдуетъ остановиться подробнѣе,—это ихъ пребываніе въ состояніи каталепсіи.

Обыкновенно днемъ палочки сидятъ на растеніяхъ совершенно неподвижно, преимущественно въ той позѣ, какая изображена на рис. 2. Переднія ножки вытянуты вмѣстѣ съ усиками и образуютъ какъ бы естественное продолженіе палочкообразнаго туловища. Насѣкомое не только не покидаетъ своего мѣста, но даже и не шелохнется. Лишь вечеромъ оно приходитъ въ движеніе, влѣзаетъ на листья и начинаетъ ихъ обгладывать.

Покойное состояніе палочки можно было бы принять за дневной сонъ, наблюдаемый у большинства ночныхъ животныхъ, но стоитъ сдѣлать нѣсколько самыхъ простыхъ опытовъ, чтобы убѣдиться, что сонъ этотъ не совсѣмъ обыкновенный.

Дѣйствительно, возьмемъ пинцетъ (щипчики), поднимемъ переднюю часть тѣла насѣкомаго такъ, чтобы она стояла подъ угломъ, раздвинемъ его переднія ножки и согнемъ ихъ — насѣкомое останется стоять въ такомъ необычномъ положеніи (рис. 3) и пробудетъ въ немъ нѣсколько часовъ. Вмѣсто передняго конца тѣла можно точно такъ же поднять задній конецъ и заставить насѣкомое стоять на четырехъ переднихъ ногахъ.

При нѣкоторой сноровкѣ можно произвести еще болѣе курьезный опытъ: можно поставить насѣкомое прямо на голову (рис. 1). Для этого приходится согнуть угломъ его переднія ноги, разставить вторую пару ногъ и придать палочкѣ такую позу, чтобы она упиралась въ плоскость стола усиками, головой, согнутой первою парою ногъ и кончиками лапъ второй пары. Поставленное въ такую неудобную позу, насѣкомое стоитъ, не шелохнется и можетъ простоять такъ нѣсколько часовъ. Въ одномъ изъ опытовъ оно пробыло у меня въ такомъ положеніи $4\frac{1}{2}$ часа!

Далѣе можно заставить палочку изображать изъ себя цирковаго борца, дѣлающаго „мостъ": для этого надо поставить ее на голову, а затѣмъ перегнуть туловище назадъ, спиною внизъ, и упереть его конецъ въ какой-нибудь предметъ (рис. 5). И въ этой невѣроятной позѣ палочка стоитъ, какъ заколдованная, безъ конца!

При опытахъ этихъ обнаруживается, что всѣ мышцы палочки напряжены, и при томъ чрезвычайно сильно. Для того, чтобы согнуть туловище или ножку, надо употребить нѣкоторое усиліе, но когда сопротивленіе преодолѣно, и конечности придано новое положеніе, то это новое положеніе удерживается съ такою же стойкостью. Покоящаяся палочка кажется сдѣланной изъ воска и мягкой проволоки,—ей можно придать какую угодно позу, и она эту позу сохраняетъ очень долгое время.

Такое состояніе мышцъ наблюдается и у высшихъ животныхъ и у человѣка при каталепсіи, т.-е. въ состояніи гипноза. Въ каталепсической стадіи гипноза человѣку можно придать точно такъ же какую угодно позу, и онъ удерживаетъ ее часами, не обнаруживая никакой усталости. Всѣ мышцы его обладаютъ, какъ говорятъ физіологи: „восковою пластичностью". Точно такое же состояніе мышцъ можно наблюдать и у многихъ животныхъ, если привести ихъ въ состояніе, сходное съ гипнозомъ человѣка.

Наша живая палочка отличается однако отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, обнаруживающихъ каталепсическое состояніе, тѣмъ, что она сама себя приводитъ въ каталепсію, тогда какъ другихъ животныхъ приходится приводить различными, производимыми надъ ними, манипуляціями.

Вывести ее изъ состоянія каталепсіи можно, но довольно трудно: для этого необходимо очень сильно раздражать ее, либо сдавливая конецъ брюшка пинцетомъ, либо давая сильные электрическіе удары, или, наконецъ, нагрѣвая до температуры 37,5° Ц. Съ другой стороны, пораненія и отрѣзаніе конечностей и даже брюшка не выводятъ насѣкомое изъ неподвижнаго состоянія. У насѣкомаго, стоящаго въ каталепсическомъ оцѣпенѣніи, можно по кусочкамъ отрѣзать брюшко, отрѣзать ножки и усики—и оно не проснется, даже не дрогнетъ!

Сходство состоянія покоящихся палочекъ съ каталепсіей можно доказать еще однимъ курьезнымъ опытомъ, обнаруживающимъ, какъ велико у палочки напряженіе всѣхъ мышцъ. Извѣстно, что гипнотизеры часто показываютъ такой опытъ: загипнотизированнаго субъекта кладутъ на два стула такъ, чтобы затылкомъ онъ лежалъ на сидѣньѣ одного стула, а пятками—на сидѣньѣ другого. Тѣло его при наступленіи каталепсіи вытягивается, какъ палка, и становится твердымъ и не сгибающимся. Человѣкъ въ такомъ состояніи можетъ пролежать часами, и на его туловище можно даже положить еще значительную тяжесть.

То же самое легко продѣлать и надъ палочками. Палочку, вытянувшуюся въ струнку, можно положить между двумя книгами или между двумя ящичками такъ, что она будетъ упираться кончиками переднихъ ножекъ и усиковъ и концомъ брюшка (рис. 3). Въ такомъ положеніи палочка можетъ пролежать безконечно долго. Ее можно при этомъ нагрузить нѣкоторой тяжестью, напр., повѣсить нѣсколько бумажныхъ полосокъ или прицѣпить даже къ ней другую палочку (рис. 4). Тѣло ея согнется круто, но напряженіе мышцъ такъ велико, что она все же удержится и въ этомъ трудномъ положеніи!

Такое удивительное свойство впадать въ столь глубокую и сильную каталепсію должно, конечно, объясняться какой-нибудь потребностью, зависящей отъ образа жизни. Если вдуматься въ условія жизни палочки, то не трудно догадаться, въ чемъ дѣло. Все строеніе и весь образъ жизни насѣкомаго приспособлены къ тому, чтобы походить на неодушевленные предметы. Каталепсія прибавляетъ еще одну лишнюю черту сходства. Если мы представимъ себѣ, что насѣкомое въ его неподвижномъ состояніи задѣлъ падающій листъ или сучокъ и придалъ ему иную, новую позу, то оно не сдѣлаетъ рѣзкаго движенія, какъ сдѣлало бы всякое другое живое существо, не отдернется и не шелохнется. Оно не выдастъ себя и не позволитъ замѣтить окружающимъ врагамъ, что оно живо,—нѣтъ, оно будетъ вести себя, благодаря каталепсіи, совершенно какъ неодушевленный предметъ, какъ настоящая палочка.

Даже если бы его задѣла ящерица или клюнула птица, оно выдержало бы и это испытаніе и сохранило бы свое инкогнито,—быть-можетъ, ему при этомъ и на самомъ дѣлѣ удалось бы ввести въ заблужденіе врага, заставить его подумать, что это не живая, а мертвая палочка!

Въ этой-то поддѣлкѣ подъ неодушевленный предметъ и кроется, безъ сомнѣнія, разгадка каталепсіи живой палочки.

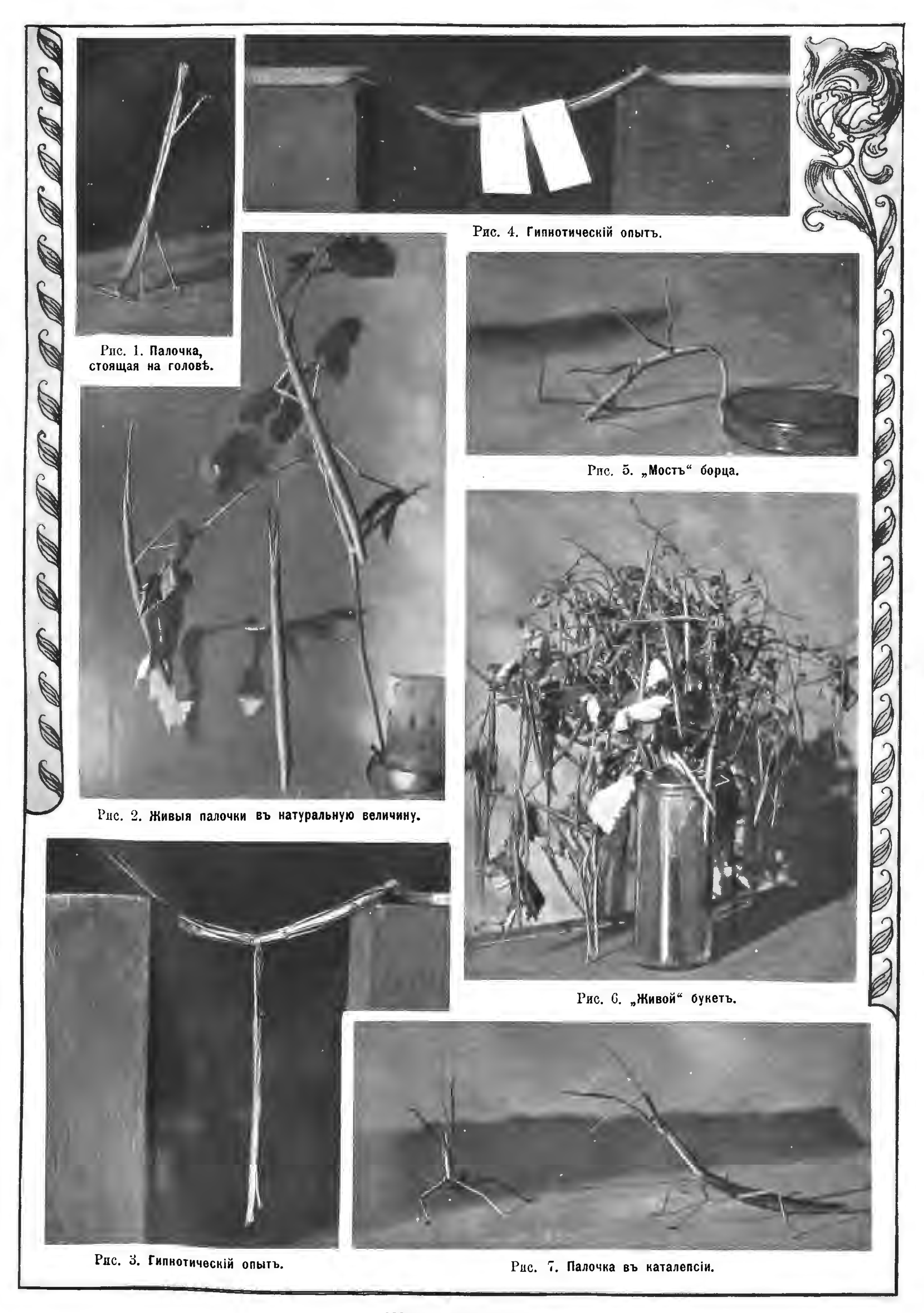


Рис. 1. Палочка, стоящая на головѣ.

Рис. 4. Гипнотическій опытъ.

Рис. 2. Живыя палочки въ натуральную величину.

Рис. 5. „Мостъ“ борца.

Рис. 6. „Живой“ букетъ.

Рис. 3. Гипнотическій опытъ.

Рис. 7. Палочка въ каталепсіи.

Живыя палочки.

В. В. Верещагинъ.

(1842—1904).

Очеркъ I. I. Ясинскаго. (Съ портр. и 6 картинами на стр. 221—228).

Минуло десять лѣтъ со времени трагической и вмѣстѣ геройской смерти одного изъ величайшихъ русскихъ художниковъ—Василія Васильевича Верещагина. Почти вся жизнь этого человѣка, яркая и интересная, пронеслась передъ нами, какъ метеоръ, несмотря на то, что она не была бѣдна количествомъ лѣтъ: когда Верещагинъ взошелъ на бортъ злополучнаго „Петропавловска", ему было уже за шестьдесятъ. Но таково свойство духа великихъ людей, подобныхъ Верещагину, что жизненный путь, пробѣгаемый ими, когда слѣдишь за нимъ на историческомъ разстояніи, всегда кажется головокружительно-быстрымъ.

Верещагинъ былъ сыномъ помѣщика, которому хотѣлось сдѣлать изъ него свѣтскаго человѣка въ ближайшемъ будущемъ, а въ отдаленномъ — по крайней мѣрѣ адмирала. Но юноша, уже будучи гардемариномъ, весь ушелъ въ рисунокъ, сталъ посѣщать классы живописи „Общества Поощренія", поступилъ въ Академію, не могъ подчиниться ея требованіямъ, хотя обратилъ уже на себя вниманіе профессоровъ, и въ теченіе ряда лѣтъ мы видимъ его то на Кавказѣ, рисующимъ кавказскіе типы, то въ Парижѣ, гдѣ его черные рисунки принимаются въ „Салонѣ" и вызываютъ ропотъ одобренія, то въ Новгородской губерніи за этюдами бурлаковъ (онъ чуть не предупредилъ Рѣпина), то вдругъ въ Туркестанѣ, въ Средне-Азіатскихъ степяхъ. Онъ участвуетъ съ палитрой въ одной рукѣ и съ винтовкой въ другой въ походахъ, дѣлаетъ эскизы на лету, насыщаетъ свой глазъ пестрыми красками Закаспійскаго Востока и, въ качествѣ „охотника", защищаетъ Самаркандъ отъ десятковъ тысячъ туркменъ въ то время, какъ у него подъ командой едва пятьсотъ человѣкъ гарнизона. Офиціальный начальникъ гарнизона въ восторгѣ отъ его храбрости, мужества и разумной разсудительности. Верещагинъ много разъ рискуетъ жизнью, наводитъ страхъ на врага, своей отвагой вызываетъ къ себѣ довѣріе и любовь солдатъ, получаетъ Георгія, но отказывается отъ чиновъ, какъ впослѣдствіи онъ отказался отъ предложеннаго ему Академіей званія профессора. Съ изумительной быстротой, но съ затратой великихъ трудовъ и точныхъ наблюденій, при чемъ ему помогаетъ необыкновенно развитая зрительная память, онъ создаетъ рядъ всевозможныхъ картинъ изъ азіатской жизни, выставляетъ ихъ частью въ Петербургѣ, перерабатываетъ и доканчиваетъ ихъ въ Мюнхенѣ, выставляетъ въ Лондонѣ и наконецъ опять въ Петербургѣ.

Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Въ Петербургѣ выставка его имѣла огромный успѣхъ; надо замѣтить, она была безплатная. Потрясающія картины его: „Окружили, преслѣдуютъ", гдѣ изображена была горсть русскихъ солдатъ, тѣснимыхъ врагами, „Забытый"—русскій солдатъ, умирающій одиноко въ степи, а также „Вошли",—на которой одинъ изъ русскихъ солдатиковъ курить трубку, были уничтожены самимъ авторомъ, такъ какъ въ „сферахъ" нашли, что картины эти тенденціозны. Тутъ сказался горячій темпераментъ Верещагина. Кромѣ картинъ, было еще множество рисунковъ. Туркестанскую выставку пріобрѣлъ извѣстный коллекціонеръ Третьяковъ.

Съ Академіей Верещагинъ, можно думать, никогда не ссорился. Если онъ отказался отъ званія профессора, которое было ему присуждено послѣ Туркестанской выставки, то потому, что онъ крѣпко былъ убѣжденъ не только въ безполезности, но и въ вредности чиновъ и отличій; онъ просто остался вѣренъ самому себѣ. Но Академія выразила свое порицаніе поступку Верещагина тѣмъ, что исключила его изъ списка своихъ членовъ. Въ это время онъ находился уже въ Индіи, гдѣ пробылъ два года. Взбирался на Гималайскія горы, гдѣ чуть не погибъ во льдахъ. Поселился въ Парижѣ и писалъ картины по своимъ индійскимъ этюдамъ. А какъ только возгорѣлась русско-турецкая война, бросился на Дунай въ отряды Скобелева и Гурко. Въ немъ жилъ безпокойный творческій духъ, и сильна была его жажда живописныхъ и драматическихъ впечатлѣній. На Дунаѣ, чтобы видѣть, какъ взрываются бомбы въ водѣ, онъ съ красками и кистями располагается на обстрѣливаемой турками баркѣ и до тѣхъ поръ пишетъ съ натуры, пока барка подъ нимъ не распадается на щепы. Когда лейтенантъ Скрыдловъ, нынѣ адмиралъ (лично передававшій мнѣ подробности дѣла), пошелъ съ миноноской на турецкій боевой пароходъ, Верещагинъ взялъ на себя командованіе механической частью. Пули сыпались градомъ на миноноску. Что-то около двадцати ранъ получилъ Скрыдловъ, и огромная рана въ бедро была получена Верещагинымъ. Потомъ онъ долго лежалъ въ Бухарестѣ, но едва излѣчился, какъ уже помчался опять на театръ войны. Бои на Шипкѣ онъ писалъ съ натуры, а вокругъ него разрывались бомбы. Восхожденіе на гору онъ совершилъ съ ящикомъ красокъ на второй день послѣ битвы уже по разлагающимся трупамъ. Верещагинъ ненавидѣлъ войну, какъ человѣкъ, и странной любовью любилъ ея ужасы, какъ живописецъ. При генералѣ Струковѣ, совершившемъ кавалерійскій набѣгъ на Адріанополь, Верещагинъ исполнялъ всѣ обязанности начальника штаба.

Кто не помнитъ его поразительной картины „Панихида"? Все поле усѣяно трупами, стоитъ священникъ вмѣстѣ съ солдатикомъ, исполняющимъ должность понамаря, и отпѣваетъ убіенныхъ. Въ свое время указывали на неестественность такой панихиды, но Верещагинъ говорилъ, и я самъ это слышалъ, что панихида, изображенная имъ, была написана по этюду съ натуры. Онъ писалъ всегда только то, что было, и что онъ самъ видѣлъ. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя индійскія картины его (напримѣръ, „Казнь сипаевъ" и историческія его вещи).

По окончаніи русско-турецкой войны, Верещагинъ вернулся въ Парижъ, гдѣ у него была своя мастерская, и въ теченіе двухъ лѣтъ написалъ цѣлый рядъ картинъ изъ болгарской войны и вмѣстѣ съ индійскими картинами, тоже тогда оконченными, сдѣлалъ рядъ выставокъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Брюсселѣ, Пештѣ, и наконецъ въ 1883 году вся коллекція его появилась въ Москвѣ весной и осенью въ Петербургѣ. Кажется, плата за входъ была понижена до пяти копеекъ. На выставкѣ перебывали, разумѣется, десятки тысячъ народу. Это было что-то грандіозное. Полиція должна была сдерживать толпы желающихъ попасть на выставку.

Разсказывали, что будто Императоръ Александръ II остался недоволенъ картинами Верещагина. Но это невѣрно. Пора установить фактъ, что Государь, напротивъ, лично благодарилъ Верещагина за правдивое изображеніе войны, и если были недовольные, то среди тѣхъ генераловъ, которые, окружая Дворъ, еще не нюхали пороху, и которыхъ естественно отпугивала отъ себя будничная сторона войны. Имъ хотѣлось бы видѣть на боевыхъ картинахъ только парадныя краски, какъ и водилось въ старое доброе время.

За свои картины Верещагинъ получалъ огромныя деньги, но онъ ихъ не цѣнилъ и бросалъ на новыя впечатлѣнія. Въ 1884 г. онъ отправился опять въ Индію, а изъ Индіи—въ Палестину и Сирію.

Палестинскія картины его были выставлены потомъ въ Вѣнѣ, и здѣсь онѣ вызвали полемику между католическими и раціоналистическими газетами. Католическій епископъ даже проклялъ картины Верещагина. Выставлена была, между прочимъ, картина „Входъ въ Гробницу Королей". Конечно, не она была предметомъ

полемики, а сцены изъ жизни Іисуса Христа. Въ Вѣнѣ же была выставлена картина „Тріумфальный въѣздъ индійскаго вице-короля“, которую раньше видѣли петербуржцы, и „Индійская казнь“—разстрѣлъ изъ пушекъ. Тамъ же, въ видѣ протеста противъ смертной казни, были выставлены еще двѣ картины подобнаго же содержанія. Послѣ выставки этихъ картинъ въ Берлинѣ и въ Лейпцигѣ Верещагинъ перевезъ ихъ въ Америку, гдѣ онѣ страшно нашумѣли.

Антрепренеры предлагали Верещагину объявить несуществующія цѣны: напр., продать картину за десять тысячъ, а напечатать, что она продана за двѣсти. Такимъ образомъ милліардеры могли бы соблазниться, и вмѣстѣ съ антрепренерами Верещагинъ заработалъ бы по крайней мѣрѣ полмилліона на свою долю. Но Верещагинъ отказался отъ такой „системы“. Между прочимъ, антрепренеры въ концѣ концовъ надули Верещагина, и нѣкоторыя картины его погибли.

Время шло, но не успокаивался Верещагинъ. Въ Америкѣ онъ написалъ нѣсколько картинъ мѣстнаго характера, вернулся въ Россію, создалъ циклъ картинъ 1812 года, какъ бы параллельныхъ безсмертнымъ страницамъ „Войны и Мира“, побывалъ въ Японіи, написалъ тамъ экзотическіе этюды и, какъ только разразилась гроза на берегахъ Тихаго океана, ринулся на Дальній Востокъ. Онъ былъ еще очень бодръ, хотя очевидцы передавали намъ, что Верещагинъ уже слегка горбился. Писалъ онъ на „Петропавловскѣ“, простаивая по цѣлымъ часамъ на верхней палубѣ. Капитанъ Іенишъ разсказываетъ, что въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Верещагина, какъ тотъ скользилъ по наклонной плоскости палубы взорваннаго броненосца въ злополучное утро...

Вѣчная память великому художнику и герою.

Картины его всегда останутся иллюстраціями великихъ и страшныхъ событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, и которыя хотѣлось ему запечатлѣть въ неизгладимыхъ образахъ.

Верещагинъ былъ сыномъ своего времени и отдалъ дань прекраснымъ идеаламъ, которые были порождены XIX вѣкомъ. Живописуя войну и смерть, Верещагинъ былъ одновременно страстнымъ поборникомъ вѣчнаго мира и убѣжденнымъ противникомъ смертной казни. Отечество наше можетъ и должно гордиться, насчитывая въ числѣ своихъ гражданъ такихъ людей, какъ покойный Василій Васильевичъ Верещагинъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій.

(Портр. на стр. 238).

26 февраля с. г. скончался въ преклонномъ возрастѣ—88 лѣтъ отъ роду—послѣдній имъ могиканъ великой эпохи реформъ, непосредственный участникъ освобожденія крестьянъ отъ рабской зависимости и вмѣстѣ всемірно-извѣстный ученый географъ, Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянь-Шанскій.

Въ лицѣ покойнаго отошелъ изъ этого міра замѣчательный общественный дѣятель, посвятившій свою долгую жизнь служенію высшимъ идеаламъ общественности. Его имя тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ, что было лучшаго въ нашей общественности, и что вошло въ нее въ эпоху реформъ, когда около Царя-Освободителя сплотились замѣчательнѣйшіе наши государственные люди для дружной работы по обновленію нашего

Къ прибытію въ Россію Высокихъ Гостей — Румынскаго Наслѣднаго Принца Фердинанда, Августѣйшаго племянника Его Величества Короля Карла I, съ Августѣйшей Супругой, принцессой Маріей, дочерью Великой Герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской Маріи Александровны, Августѣйшей Сестры Императора Александра III, и Августѣйшимъ Сыномъ, будущимъ наслѣдникомъ Румынскаго престола, принцемъ Каролемъ, числящимся въ спискахъ 18-го пѣхотнаго Вологодскаго полка.

внутренняго строя. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій былъ однимъ изъ этихъ людей, и притомъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся... Онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцева въ грандіозной работѣ проведенія крестьянской реформы и послѣ смерти Ростовцева замѣнилъ послѣдняго въ его непосредственныхъ сношеніяхъ съ Государемъ по дѣламъ крестьянской реформы. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій принималъ громадное участіе въ трудахъ знаменитой Редакціонной Комиссіи и упорно боролся съ противниками реформы, стремясь провести ее во всей полнотѣ. И та степень полноты, которой удалось добиться дѣятелямъ освобожденія крестьянъ, въ весьма значительной степени была результатомъ дѣятельности покойнаго П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Послѣ реформы дѣятельность покойнаго продолжала итти тѣмъ же путемъ сознательнаго и цѣлесообразнаго служенія народному благу. Имъ было совершено громадное по своему значенію изслѣдованіе поземельной собственности въ Россіи, въ которомъ собрано множество цѣнныхъ данныхъ о нашемъ народномъ богатствѣ, о способахъ использованія этого богатства и о состояніи народныхъ землевладѣльческихъ силъ вообще. Затѣмъ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій много и плодотворно работалъ по переселенческому вопросу въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ области статистики. Знаніемъ статистическихъ данныхъ, умѣло разработанными статистическими пріемами онъ побѣждалъ своихъ противниковъ въ Редакціонной Комиссіи при разработкѣ освободительной реформы. Позднѣе П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій впервые у насъ, въ Россіи, создалъ правильную офиціальную статистику и въ теченіе долгихъ 35 лѣтъ былъ директоромъ Статистическаго Совѣта. Дѣятельность его въ этомъ направленіи отмѣчена большими заслугами. Въ качествѣ статистика, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій явился орагнизаторомъ первой Всероссійской переписи (въ 1897 году) этого грандіознаго статистическаго предпріятія, до той поры небывалаго въ Россіи.

Таковы значеніе и роль П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ сферѣ государственно-общественной дѣятельности. Не менѣе извѣстенъ онъ и какъ ученый. Еще до своего блестящаго выступленія въ качествѣ дѣятеля эпохи великихъ реформъ онъ уже составилъ себѣ имя крупными научными трудами по ботаникѣ и географіи. Позднѣе онъ специализировался на географіи, совершилъ нѣсколько экспедицій съ научной цѣлью въ далекую Азію, на Шпицбергенъ и на Кавказъ и сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ географическихъ изслѣдованій. Онъ былъ первымъ изслѣдователемъ Тянь-Шаня и далъ свое имя одному изъ высочайшихъ пиковъ этой горной области. Прибавка къ его фамиліи „Тянь-Шанскій“ обязана своимъ возникновеніемъ именно этимъ географическимъ заслугамъ покойнаго.

Членъ Государственнаго Совѣта Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянь-Шанскій, знаменитый географъ, ученый и общественный дѣятель, послѣдній изъ остававшихся въ живыхъ участниковъ великой крестьянской реформы 1861 г. (1826—1914 г.). Съ портрета работы **И. Е. Рѣпина.**

Больше сорока лѣтъ онъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Русскаго Географическаго Общества, которому отдалъ, можно сказать, всю свою душу. Исторія этого общества переплетается съ личной біографіей П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и цѣликомъ входитъ въ его жизнь. Постоянно собирая и систематизируя географическія знанія, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій создалъ и редактировалъ географическій словарь; по его же иниціативѣ и подъ его редакторствомъ вышелъ въ свѣтъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ по изученію нашихъ азіатскихъ окраинъ.

Географическое Общество увѣковѣчило его заслуги учрежденіемъ двухъ медалей его имени. Медали эти присуждаются за выдающіяся путешествія и географическія изслѣдованія. Увѣнчала его и Академія Наукъ, избравъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго своимъ почетнымъ членомъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій былъ выдающимся знатокомъ и любителемъ живописи. Онъ коллекціонировалъ картины голландской школы и сумѣлъ составить прекрасную коллекцію картинъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ. Эта коллекція по справедливости считается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Мы имѣемъ возможность въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Нивы“ помѣстить нѣкоторые шедевры изъ богатой сокровищницы П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Въ послѣдніе годы П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. На этомъ почетномъ посту его и застигла кончина, поразившая болью и сердечнымъ сокрушеніемъ всѣхъ, кто зналъ его.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ статсъ-секретаря Горемыкина.

Иванъ Логгиновичъ. Призвавъ васъ на отвѣтственный постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Я имѣлъ въ виду, что вашъ государственный опытъ, ваша спокойная твердость и испытанная вѣрность Нашему Престолу послужатъ къ истинному объединенію, подъ вашимъ мудрымъ руководствомъ, Моего правительства и къ дальнѣйшему улучшенію условій русскаго быта.

Нынѣ Я призналъ за благо преподать вамъ нѣкоторыя общія указанія, которыя должны опредѣлить всю предстоящую правительственную работу.

Дальнѣйшее и неуклонное упроченіе въ странѣ государственнаго и общественнаго порядка должно быть положено въ основу заботъ правительственной власти. Только порядокъ и уваженіе къ утвержденному Мною закону могутъ создать тѣ условія, при которыхъ законодательная работа будетъ успѣшной и плодотворной.

На томъ же уваженіи къ закону и на взаимномъ довѣріи должна быть основана работа Моего правительства и законодательныхъ учрежденій. Она должна преслѣдовать единую цѣль — благо Россіи. Но такъ какъ полнота и ясность въ выполненіи Мною указанныхъ задачъ требуютъ отъ ихъ исполнителей твердаго сознанія своей отвѣтственности передъ Властью Верховною и Россіею и не допускаютъ ни произвола, ни послабленій въ ущербъ достоинства правительства и въ угоду какимъ бы то ни было стороннимъ побужденіямъ, то Я ожидаю отъ васъ постояннаго вниманія къ тому, чтобы великій образъ Русскаго Государства не затемнялся личными соображеніями, и чтобы благо Моего народа не приносилось въ жертву безпочвеннымъ стремленіямъ, порою совсѣмъ чуждымъ тѣмъ народнымъ завѣтамъ и историческимъ устоямъ, которыми росла и крѣпла Россія.

Возлагая на васъ заботу объ осуществленіи изложенныхъ Моихъ предначертаній, Я хочу вѣрить, что любовь къ Родинѣ соединитъ въ дружной общей работѣ всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ, и что между Моимъ правительствомъ, облеченнымъ полнымъ Моимъ довѣріемъ, и законодательными учрежденіями, кругъ вѣдомства коихъ строго очерченъ въ законѣ, установится то необходимое согласіе—въ общемъ служеніи Россіи и Мнѣ—которое, съ Божьей помощью, обезпечитъ дальнѣйшій ростъ русской мощи, послужитъ залогомъ подъема духовныхъ и экономическихъ силъ Нашей великой Родины и будетъ началомъ полнаго расцвѣта ея мірового значенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село.
6-го Марта 1914 года.

Подъ знаменемъ законности.

(Вопросы внутренней жизни).

Обновленіе правительства съ замѣною графа В. Н. Коковцова въ качествѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинымъ и въ качествѣ министра финансовъ П. Л. Баркомъ сопровождалось двумя многознаменательными актами—Высочайшими рескриптами на имя обоихъ замѣстителей. Оба рескрипта по высокой важности вопросовъ, затронутыхъ въ нихъ, имѣютъ скорѣе значеніе манифестовъ, потому что предвозвѣщаютъ совершенно новые пути въ будущей дѣятельности правительства. Рескриптъ

Зданіе русскаго отдѣла на Всемірной выставкѣ печатнаго дѣла и графическихъ искусствъ въ Лейпцигѣ, открывающейся 1 мая 1914 г. По проекту академика архитектуры В. А. Покровскаго.
По фот. Я. Штейнберга.

на имя П. Л. Барка возлагалъ на министерство финансовъ борьбу съ народнымъ пьянствомъ путемъ энергичнаго сокращенія потребленія спиртныхъ напитковъ и борьбу съ народной бѣдностью путемъ организаціи дешеваго общедоступнаго народнаго кредита и послѣ цѣлой четверти вѣка управленія русскими финансами графомъ Витте и графомъ Коковцовымъ открывалъ собою совершенно новую эру въ дѣятельности финансоваго вѣдомства. Рескриптъ на имя И. Л. Горемыкина возлагаетъ на новаго премьеръ-министра не менѣе важную и трудную задачу — фактическаго объединенія донынѣ совершенно разрозненнаго министерства подъ общимъ знаменемъ законности, борьбы съ произволомъ и съ уклоненіями административныхъ дѣятелей въ сторону личныхъ соображеній, личной политики. Поскольку ничѣмъ не ограниченный произволъ дѣйствуетъ угнетающе на всю общественную жизнь Россіи, постольку призывъ къ насажденію строгой законности зоветъ страну къ общему возрожденію на священныхъ началахъ неприкосновеннаго человѣческаго права, свободы и гражданственности. Нѣтъ вопросовъ важнѣе и серьезнѣе затронутыхъ въ обоихъ рескриптахъ. Практическое осуществленіе выраженныхъ въ нихъ Монаршихъ предуказаній преобразило бы весь ликъ русской жизни, поставило бы ее на другія основы. Но, судя по отзывамъ нашей партійной печати, интеллигентные верхи русскаго общества отнеслись нѣсколько скептически къ самой осуществимости высокихъ и благихъ начинаній. Тысячи голосовъ выражали сомнѣніе въ возможности сколько-нибудь серьезной борьбы правительства съ народнымъ пьянствомъ при построеніи всего государственнаго бюджета на милліардномъ доходѣ отъ винной монополіи. Немного времени прошло со времени опубликованія рескриптовъ, однакоже факты, реальные факты уже показали, что возвѣщенныя преобразованія не ограничиваются одними словами, но быстро переходятъ и въ область государственныхъ дѣлъ. Первый циркуляръ новаго министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами призвалъ ихъ къ практической работѣ по борьбѣ съ пьянствомъ и насажденію трезвости, притомъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ убѣжденными сторонниками трезвости изъ среды мѣстнаго общества и народа.

Новый министръ финансовъ не боится уменьшенія доходовъ казны отъ сокращенія потребленія спиртныхъ напитковъ въ томъ расчетѣ, что „сбереженныя средства, оставаясь въ оборотѣ трудовой жизни и создавая новыя цѣнности, откроютъ и новый источникъ для покрытія возрастающихъ государственныхъ расходовъ“. Отсутствіе этого гипнотически внушеннаго страха передъ неизбѣжностью колоссальнаго дефицита, сводившаго всю борьбу съ пьянствомъ къ мертвой канцелярской формальности, сразу и развязало новому министру финансовъ руки и сдѣлало возможнымъ принятіе серьезныхъ мѣръ. Онъ предписываетъ управляющимъ акцизными сборами неуклонно удовлетворять всѣ законно составленные приговоры сельскихъ обществъ о закрытіи и недопущеніи виноторговли, остававшіеся при его предшественникахъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, рекомендуетъ при открытіи новыхъ мѣстъ продажи запрашивать предварительное согласіе уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, а для борьбы съ тайнымъ шинкарствомъ мобилизируетъ всѣ мѣстныя административныя и общественныя силы. Послѣ такихъ приказовъ самый упрямствующій въ скептицизмѣ Ѳома невѣрующій будетъ вынужденъ признать, что въ борьбѣ съ пьянствомъ правительство уже перешло отъ словъ къ дѣлу. Тѣмъ правдоподобнѣе становится осуществленіе преподанныхъ Высочайшихъ указаній въ несравненно менѣе сказочной и трудно достижимой области борьбы съ административнымъ произволомъ и насажденія законности. Законъ есть основа государственнаго порядка, и каждое правительство, стоящее на уровнѣ своей гражданской задачи, должно стихійно стремиться къ торжеству закона въ ясномъ пониманіи того, что административный произволъ неограниченныхъ усмотрѣній по самому существу своему есть не что иное, какъ анархія сверху. Быть-можетъ, всего больше общественному скептицизму содѣйствовала прочно установившаяся за И. Л. Горемыкинымъ репутація убѣжденнаго консерватора. Русское общество забыло, что этотъ консерваторъ лѣтъ пятнадцать назадъ оставилъ самый вліятельный по тому времени постъ министра внутреннихъ дѣлъ, отстаивая права земскаго самоуправленія, которыя одинъ изъ наиболѣе популярныхъ фаворитовъ прогрессивныхъ партій объявилъ логически несовмѣстимыми съ Самодержавіемъ.

Широкіе круги, проходящіе только начальную школу политической жизни, по невѣдѣнію своему всегда смѣшиваютъ консерватизмъ съ темной реакціей, между тѣмъ какъ весь опытъ такихъ передовыхъ странъ, какъ Англія, гдѣ наиболѣе важныя реформы только зачинались либералами, а проводились въ жизнь большею частью консервативными министерствами, показываетъ, что здравый консерватизмъ отличается отъ слишкомъ смѣлаго радикализма отнюдь не принципіальною

Изваяніе Будды, поднесенное Его Величеству Государю Императору правителемъ Лаоса, сѣверной провинціи Сіама (чрезъ русскаго посланника въ Сіамѣ, камергера Е. А. Плансона), и Высочайше переданное въ даръ Этнографическому Музею Императорской Академіи Наукъ. Этому древнему изваянію около 1000 лѣтъ.
По фот. Я. Штейнберга.

враждою къ прогрессу, а только тѣмъ, что служитъ завоеваніямъ того же прогресса съ большей оглядкой на исторію своей страны, съ большимъ вниманіемъ къ исторически сложившимся идеаламъ и взглядамъ своего народа. Именно къ такому типу консерваторовъ, которыхъ правильнѣе было бы назвать косвенными прогрессистами, принадлежитъ, повидимому, и И. Л. Горемыкинъ. Его строгій и выдержанный консерватизмъ нисколько не помѣшалъ ему съ первыхъ же шаговъ по назначеніи премьеромъ явиться насадителемъ чисто прогрессивныхъ началъ. Какъ это ни странно, при гр. В. Н. Коковцовѣ, пользовавшемся репутаціей либерала и прогрессиста, вся дѣятельность правительства была построена на антагонизмѣ съ Гос. Думой. Первымъ шагомъ консервативнаго И. Л. Горемыкина было, напротивъ, болѣе тѣсное сближеніе правительства съ народнымъ представительствомъ, отчасти уже достигнутое на особомъ закрытомъ совѣщаніи по вопросамъ общей и внѣшней политики. Конституціонный принципъ объединенія правительства при гр. Коковцовѣ пришелъ въ упадокъ и смѣнился хаотичнымъ разбродомъ власти. Консерваторъ И. Л. Горемыкинъ изъ собранія автономныхъ министровъ снова сдѣлалъ единое министерство, органъ коллективной воли, послушный указаніямъ, раздавшимся съ высоты Престола. При якобы либеральномъ правительствѣ административный произволъ достигъ крайнихъ проявленій. При консервативномъ правительствѣ раздается властный и многообѣщающій призывъ къ законности. Подъ либеральной этикеткой царили многолѣтній застой, покровительство хищническимъ элементамъ экономической жизни, спаиваніе народа, обнищаніе крестьянства и безконтрольность власти: при консервативномъ правительствѣ предпринимаются первые шаги къ насажденію трезвости, къ защитѣ экономическихъ интересовъ трудящихся массъ, къ утвержденію права, къ ограниченію произвола, къ насажденію государственнаго порядка и прогресса. Не ясно ли, что наши клейма прогрессивности и консерватизма нисколько не выражають дѣйствительнаго характера смѣняющихся во главѣ правительства лицъ и общаго направленія ихъ работы? Въ неожиданныхъ сюрпризахъ мертваго застоя подъ флагомъ либерализма и прогресса подъ флагомъ консерватизма мы можемъ видѣть новое, по счету тысячу первое, подтвержденіе старой истины, что русская психологія и русская жизнь широка, какъ океанъ, и потому никакъ не можетъ вмѣститься въ узкіе формулы западно-европейскаго политическаго опыта.

Переоцѣнка международнаго положенія Россіи.

(Политическое обозрѣніе).

Нѣтъ худа безъ добра. Ужъ на что злое начало въ міровой жизни—желтая шовинистическая печать, вѣчно опьяняющая народы ядовитымъ хмелемъ кровавыхъ славъ, вѣчно угрожающая миру, однакоже и она оказала очень благое вліяніе и сыграла въ высшей степени полезную роль. Бранныя слова и чернильныя угрозы нѣмецкой прессы по адресу Россіи повліяли на русское общество и на русскіе правящіе круги несравненно глубже, чѣмъ множество дипломатическихъ ударовъ, нанесенныхъ международнымъ интересамъ Россіи талантливой, дѣятельной и на рѣдкость патріотической берлинской дипломатіей. Мы покорно снесли и аннексію Босніи-Герцеговины, и обратный захватъ турками Адріанополя, и учрежденіе албанскаго королевства, лишившаго Сербію естественнаго выхода къ Адріатическому морю, мы остаемся неизмѣнно равнодушными къ административнымъ истязаніямъ и судебнымъ издѣвательствамъ, которымъ систематически подвергаются въ Австріи родные намъ по вѣрѣ и крови русины только за то, что они считаютъ себя русскими и православными, мы ничего не смѣли возразить и противъ внѣдренія германцевъ въ Малой Азіи въ тѣхъ областяхъ владѣній разваливающейся Турціи, которыя естественно тяготѣютъ къ болѣе сильному и жизнеспособному сосѣду. Но когда бѣшеная националистическая печать Берлина, Кёльна и Гамбурга стала нагло грозить переходомъ германской арміи черезъ русскую границу—тогда нашей робости и нашему долготерпѣнію пришелъ конецъ, и подавленная тяжелыми маньчжурскими воспоминаніями Россія сразу заговорила языкомъ великой державы и заявила, что она готова ко всякимъ случайностямъ. Десять лѣтъ, прожитыхъ нами со времени японской войны, и миліарды, употребленные за это время на возрожденіе нашей военной мощи, прошли не безслѣдно. Россія, какъ военная держава, воскресла изъ пепла маньчжурскаго пожарища и, обновленная въ строѣ своей внутренней жизни, готова встрѣтить лицомъ къ лицу всякое нападеніе и съ Востока и съ Запада. Таковъ былъ общій тонъ небольшой, явно инспирированной замѣтки, появившейся въ одной изъ столичныхъ газетъ. Трудно представить себѣ, какое глубокое, почти потрясающее впечатлѣніе произвела она въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи. Всѣ почувствовали, что рѣшительныя слова есть только выраженіе еще болѣе рѣшительной воли. Никто не хотѣлъ играть съ огнемъ, когда выяснилась опасность обжечься. Воинственные призывы нѣмецкихъ газетъ къ „предупредительной войнѣ", долженствующей разгромить Россію въ зародышѣ ея еще неокрѣпшей военной мощи, сразу смолкли и замѣнились миролюбивыми разсужденіями на ту тему, что нѣмцамъ съ нами, собственно говоря, совсѣмъ не изъ-за чего воевать и въ обоюдныхъ интересахъ гораздо благоразумнѣе продолжать держаться завѣтовъ старой, вѣковой дружбы. Такимъ образомъ кровавый кошмаръ всеобщей войны, уже нависшей надъ изнемогающей подъ бременемъ непосильныхъ вооруженій Европы, разсѣялся отъ одного твердаго слова. Поскольку робость поощряетъ предпріимчивость и требовательность враговъ, постольку мужественная рѣшимость къ самозащитѣ создаетъ лучшую гарантію безопасности и прочнаго мира. Въ концѣ концовъ самому разъяренному изъ берлинскихъ патріотовъ вовсе не хочется толкать свое отечество на рискованную войну съ могучимъ сѣвернымъ колоссомъ и ставить на карту самое существованіе фатерланда. Каждому понятно, что при современной системѣ грандіозныхъ коалицій разъ начатая война не можетъ ограничиться единоборствомъ двухъ державъ, но неизбѣжно повлечетъ за собою вмѣшательство остальныхъ союзниковъ, а въ рѣшительную минуту борьбы на жизнь и смерть скрѣпа, соединяющая Россію, Францію и Англію, въ равной мѣрѣ угрожаемыхъ военно-морской гегемоніей Германіи, едва ли не окажется несравненно болѣе надежной и прочной, чѣмъ связь такихъ непримиримыхъ антагонистовъ, какъ Италія и Австрія. Весьма дѣятельный въ дипломатической борьбѣ тройственный союзъ, когда дѣло дойдетъ до войны, за отпаденіемъ Италіи, можетъ очень легко превратиться въ двойственный, и такъ какъ военная мощь разноплеменной Австріи не преувеличивается, кажется, даже самими австрійцами, то напрягающая всѣ свои силы Германія рискуетъ очутиться передъ сонмомъ военныхъ и морскихъ силъ тройственнаго согласія почти что въ скорбномъ одиночествѣ. Сколько-нибудь ощутимой поддержки ей не можетъ оказать ни разгромленная Турція ни искусственно взбудораженная противъ Россіи Швеція, тѣмъ болѣе, что обновленный балканскій союзъ въ лицѣ Греціи, Черногоріи, Сербіи и оторвавшейся отъ австрійской дружбы Румыніи, располагающей уже полутора миллiонами штыковъ, свободно уравновѣситъ ту поддержку, которую будетъ въ силахъ оказать Германіи единственная ея вѣрная союзница—Австрія. Вспомнить о своей мощи Россію заставили дерзкія угрозы германскимъ нашествіемъ,—но, разъ вспомнивъ о ней, русская дипломатія уже не забудетъ ея и при разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ международной жизни. При новомъ курсѣ русской политики Россія воскресаетъ не только въ своей военной мощи, но также и въ патріотическомъ сознаніи единства гражданскаго долга, связывающаго въ одномъ догматѣ національно-государственной самозащиты и власть и общество.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ гг. подписчиковъ озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **5 апрѣля**—съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

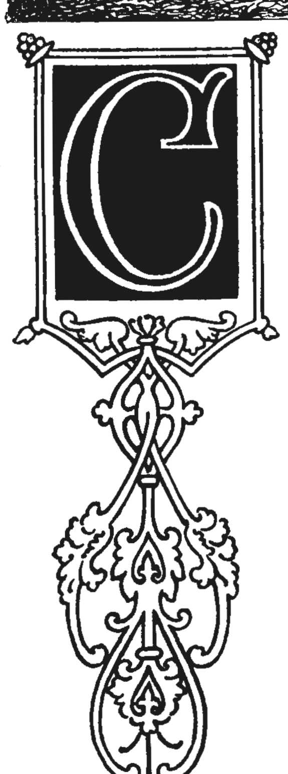
При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 6.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.



Санатогенъ-Бауэра возстановляетъ силы каждаго, сраженнаго въ непосильной борьбѣ со всѣми невзгодами, встрѣчающимися на жизненномъ пути.

„Смѣло, гордо смотря впередъ идутъ по дорогѣ жизни здоровые люди, жизнь же слабыхъ и больныхъ—это тяжелое странствованіе пилигрима, изнемогающаго и часто падающаго подъ бременемъ пути".

Это—истина. Ее должны постоянно помнить лица, надорвавшія свое здоровье.

И если они подобны измученному пилигриму, то Санатогенъ-Бауэра подобенъ милосердному рыцарю, протягивающему изнемогающему страннику живительную влагу и помогающему ему выбраться на дорогу съ новыми силами, съ новой надеждой въ сердцѣ.

Санатогенъ-Бауэра обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ постепенно, но вѣрно возстанавливать всѣ функціи организма, въ особенности же хорошо онъ дѣйствуетъ на нервную систему.

Обладая такой цѣлебной силой Санатогенъ-Бауэра совершенно не содержитъ вредныхъ для организма веществъ, почему врачи прописываютъ его не только взрослымъ, но даже груднымъ дѣтямъ

Несомнѣнная польза Санатогена-Бауэра удостовѣрена хотя бы тѣмъ, что ему единственному изъ всѣхъ питательныхъ препаратовъ присуждена въ Лондонѣ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1913 г. высшая награда „Grand-Prix". Испытайте на себѣ благотворное дѣйствіе Санатогена-Бауэра и Вы убѣдитесь въ правдивости всего вышесказаннаго.

Пришлите на имя фирмы фонъ Вюльфингъ и К°,

Москва, Кривоколѣнный 14,

открытку съ указаніемъ Вашего адреса и съ ссылкой на этотъ журналъ, и Вы немедленно получите интересно и популярно составленное описаніе дѣйствія Санатогена-Бауэра и способъ его примѣненія при различныхъ заболѣваніяхъ.

САНАТОГЕНЪ-БАУЭРА ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

При покупкѣ просимъ обращать вниманіе на красную бандероль

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебн. заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „ГИМНАЗІЯ на ДОМУ“ (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. 2425 2-2

Курсъ „Гимназія на Дому“ состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО

опытн. преподават. исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руковод. ихъ занятіями. Популярн. изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ ученик. нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:

АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.

ИСКУССТВО для ВСѢХЪ (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.

ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.

Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО“, С.-Петербургъ, Николаевская, 44 29.

= НУЖНЫ АГЕНТЫ. =

КАРТАВОСТЬ.

ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва,** ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію— 5 руб. съ пересылкой.

TIMBRES-POSTE Pr COLLECTIONS 2634 3 2

Prime. — PRIX-COURANT de paquets, series albums, *gratis et f°*, avec **Deux Timbres de Monaco 1900.** *WINCH frères.* **COLCHESTER,** Angleterre.

ПРОТИВЪ

ГОНОРРЕИ

БОЛѢЗНЕЙ МОЧЕВОГО ПУЗЫРЯ и ПОЧЕКЪ

АНТИНЕОНЪ ЛОХЕРЪ

РАСТИТЕЛЬНЫЙ ЭКСТРАКТЪ

ДЛЯ ВНУТРЕННЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИЛАГАЕТСЯ

продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Склады: у Штоль и Шмитъ, Русск. О-во торг. апт. товар. Б. Шаскольскаго, В. Бюлеръ.

ГОНОРРЕЯ

перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро вылѣчиваетъ совершенно безвредное

КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО (для внутренняго употр.)

„ТІЭЛЕРИНЪ“

доктора медицины Женевскаго унив. ГОРОХОВСКОЙ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ. 2637 2 2

Цѣна одинарн. флак. (на 10 дней) 1 р. 75 к., двойн. 3 р. безъ пер. **Въ случаѣ неизлѣченія—возвращаются деньги обратно.** Адресъ: д-ру **Э. М Гороховской,** Москва, уг. Срѣтенки и Даева пер., д. 1/28, кв. 3, отд. 88. Гл. ск. отпускъ лѣкарства отъ 9 ч. утра до 7 ч. в., пріемъ лично отъ 3-хъ—6 ч.

ОТБОРНЫЙ ЦВѢТ. О-ДЕ-КОЛОНЪ ЛЯРИСЪ

-ПОПРОБУЙТЕ-А ВСЕГДА УПОТРЕБЛЯТЬ БУДЕТЕ.

Излѣчивайтесь сами отъ РЕВМАТИЗМА БЕЗПЛАТНО

ЭТОМУ ОТКРЫТІЮ Я ОБЯЗАНЪ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.

Эта фотографія въ точности изображаетъ, подобно моему случаю, ужасныя послѣдствія ревматизма и подагры. Только страдающему или страдавшему ревматизмомъ достаточно хорошо извѣстны тѣ ужасныя муки и страданія, которыя я перенесъ. Теперь же я совершенно здоровъ и посвящаю какъ можно больше времени, принося облегченіе другимъ. Когда мнѣ минуло всего 15 лѣтъ, я уже страдалъ хроническимъ ревматизмомъ. (Первый приступъ болѣзни приключился, когда мнѣ было всего 8 лѣтъ). Всѣ мои суставы были до того опухши и искривлены, что по временамъ я былъ безпомощнымъ калѣкой. Я испыталъ всевозможныя лѣкарства, употребляя ихъ безпрерывно въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ подъ рядъ, слѣдствіемъ чего было однако лишь временное облегченіе. Годъ проходилъ за годомъ и въ теченіе свыше 20-ти лѣтъ ужасныхъ страданій я успѣлъ затратить на лѣченіе своего недуга почти цѣлое состояніе безъ всякой пользы, пока мнѣ самому удалось составить рецептъ, благодаря которому я совершенно излѣчился. Теперь считаю своимъ долгомъ познакомить каждаго страдающаго съ моимъ чудеснымъ рецептомъ.

Если Вы страдаете ревматизмомъ или подагрой въ какой бы то ни было формѣ, напишите мнѣ, чтобы я выслалъ Вамъ **совершенно безплатно** мой рецептъ. **НЕ ПОСЫЛАЙТЕ ДЕНЕГЪ.** Я желаю дать Вамъ его безвозмездно. Я хочу, чтобы Вы лично убѣдились, что мой рецептъ можетъ сдѣлать для Васъ. Иллюстрація показываетъ послѣдствія неописуемыхъ страданій, котор. мнѣ приходилось переносить. Возможно, что и Вы, читатель, страдаете подобнымъ образомъ. Если это такъ, то Вы не должны страдать дольше. Мой рецептъ дастъ Вамъ желаемое облегченіе и вскорости полное избавленіе отъ недуга. Вы можете испытать этотъ рецептъ безъ всякой затраты съ Вашей стороны.

Если Вамъ понадобится еще, Вы потомъ можете всегда достать почти въ каждой аптекѣ или аптекарскомъ магазинѣ, которые уже поставлены въ извѣстность о существованіи этого цѣлебнаго состава.

Напишите мнѣ по адресу: **М. Е. Трейзеръ, № 37, Бангоръ-Гаузъ, Шу-Лейнъ, Лондонъ, Е. С., Англія.** 2644 10-1

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 2240 46-5

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЛѢПНО

послѣ долголѣтнихъ страданій.

„У меня была трубка Кефалдола-Сторъ и я принялъ ее противъ невралгіи, которой страдалъ всю свою жизнь. Мнѣ, друзья мои, 74 года. Послѣ первыхъ двухъ таблетокъ я почувствовалъ облегченіе. Это было великолѣпно". Изъ письма Томаса Бехли.

Кефалдолъ-Сторъ, какъ Вамъ скажетъ каждый пользовавшійся имъ, вѣроятно, единственное средство для облегченія ревматическихъ и головныхъ болей, которое не дѣйствуетъ вредно на сердце. Это и объясняетъ то громадное требованіе на него, которое поступаетъ со всѣхъ сторонъ. Облегченіе страдающихъ это тотъ факторъ, который приводитъ въ аптеку ежедневно новыя требованія на Кефалдолъ-Сторъ. Они требуютъ Кефалдолъ-Сторъ, настаиваютъ на немъ и каждый успѣхъ приноситъ новыя требованія. Кефалдолъ-Сторъ быстро прекращаетъ инфлуэнцу и простудныя заболѣванія. 2661

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ
В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 1483 14-12
Лейпцигъ-Голисъ.
— Проспекты высылаются безплатно. —

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (18)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

(безъ кубебы—безъ спринцеваній)
свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій
на каждой капсюлѣ MIDY находится имя МИДИ
СКЛАДЪ
Главныхъ Аптекахъ Россіи.
ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

ПРИНИМАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО
ТРИЗАНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ
Фабричная марка „Голова тигра"
ПРИ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ и ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ
ПРИ БРОНХІАЛЬНОМЪ или ЛЕГОЧНОМЪ КАТАРРѢ,
ПРИ КАШЛѢ, ОХРИПЛОСТИ, ИНФЛУЭНЦѢ, КОКЛЮШѢ.
БЛЕСТЯЩЕ ОДОБРЕНЪ ВРАЧАМИ! ОЧЕНЬ ПРІЯТНАГО ВКУСА!
ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАР. МАГАЗ. ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-ра ГОММЕЛЯ
ЛИТЕРАТУРА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО: СПБ. СМОЛЕНСКАЯ 33.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко, 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

постепенно, а потому незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращаетъ натуральный цвѣтъ и мягкость безвредное средство **ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ**

„ОРІАНТИНЪ"

фирмы **Parfumerie d'Orient.**
Примѣненіе этого безподобнаго средства очень простое. Множество самыхъ лестн. отзывовъ. Продается по **3 р. (двойная коробка 5 р.)** въ парфюмерн. магазинахъ, или высылаетъ налож. платеж. В. Жолковскій. Варшава, почт. ящикъ 440.
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!
Постоянно на складѣ въ оптов. фирмахъ.
2419 ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДРАЖАНІЙ. 12-2

ПИЛЮЛИ СЛАБИТЕЛЬНЫЯ ПРОНОСНЫЯ КРОВООЧИСТИТЕЛЬНЫЯ
А АРА А
95 коп.

Слабительныя пилюли Ара

нѣжное, безъ боли

дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ.

Коробка 95 коп.

Амуръ, хитрецъ,

знаетъ, что вечерній костюмъ мужчины несовершенъ безъ „4711 Одеколона". Онъ знаетъ, что успѣхъ зиждется на физической свѣжести, равно какъ и на ясности ума, быстротѣ рѣшеній и т. п. „№ 4711" наивыгоднѣйшимъ образомъ повышаетъ наружныя достоинства, производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ ароматомъ, дѣлаетъ кожу гладкой, обезпечиваетъ хорошее настроеніе и свѣжесть ума. 2280

Кто хочетъ провести нѣсколько пріятныхъ часовъ, не забывай же „4711", дистиллируемый изъ наилучшихъ и чистѣйшихъ основныхъ веществъ Съ 1792 г.

№ 4711. Eau de Cologne

ИЗЛѢЧЕНІЕ ПОСЛѢ ДОЛГОЛѢТНИХЪ СТРАДАНІЙ.

Страдали вы когда-нибудь запорами, вздутіемъ живота, газами, кислотностью желудка и побочными явленіями этихъ болѣзней, какъ головныя боли, сердцебіеніе, боли печени и почекъ?

Если да, то Вамъ будетъ интересно узнать нижеслѣдующее письмо.

„Съ радостью могу вамъ сообщить, что таблетки Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ излѣчили меня отъ ужаснаго разстройства пищеваренія, которое мучило меня много лѣтъ подъ рядъ. Такъ какъ я испыталъ уже множество средствъ безъ малѣйшаго успѣха, я считалъ свое положеніе безнадежнымъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ, мой желудокъ такъ наладился, что работаетъ теперь правильно, какъ часы. И я знаю многихъ у насъ въ Кіевѣ, которые по моему совѣту тоже принимали Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ и достигли такихъ же прекрасныхъ результатовъ».

Благодаря своему своеобразному составу, Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ развиваетъ въ полости желудка и кишекъ активный кислородъ-озонъ, который, какъ извѣстно, не только лѣчитъ, но и оздоровляетъ тѣ ткани, съ которыми онъ соприкасается. Поэтому если Вы страдаете какой-нибудь болѣзнью желудка или всего пищеварительнаго аппарата, не упускайте изъ виду Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ, который дастъ Вамъ немедленное облегченіе. Его можно получить въ каждой аптекѣ.

На каждой коробкѣ настоящаго Стомоксигена имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 29».

Если имя искажено или не написано полностью (Докторъ Антонъ Мейеръ), если въ адресѣ цифра измѣнена, то предъ Вами явная поддѣлка. 2662

КАКЪ УКРѢПИТЬ и РАЗВИТЬ
ЖЕНСКІЙ БЮСТЪ.
Новѣйшій и наивѣрн. методъ Д-ра Моргена. Результаты поразит. Высыл. по получ. 1 р. 50 к. Адр.: СПБ., Адмиралтейск. кан., № 3, **О. Степановой.** 2415 3-3

ПИВО
2604 8-2
въ сухомъ видѣ разныхъ сортовъ. Новость въ Россіи, патентованное за № 57884. Рекомендую солодовое пиво — лучшее средство въ медицинѣ отъ переутомленія и малокровія. 100 бут. — 3 руб., 50 бут. — 2 руб., 25 бут. — 1 руб. 35 коп.; пересылка — 45 коп. Прейсъ-курантъ безплатно. Переславль-Залѣсскій, заводъ Николая Глухарева.

ФИЛИКОНЪ
ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 р. 75 к.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.

См. слѣдующую страницу

Заочные курсы

БУХГАЛТЕРІИ

условія и пробн. лекція
10-9 **БЕЗПЛАТНО.** 2256
Адресъ: Я. Ю. МАРКЪ, г. Либава.

БЕЗПЛАТНО

высылаемъ нашъ полный иллюстр. каталогъ часовъ, зол. и серебр. вещей. Цѣны фабричныя. Швейцарскій фабричный складъ Гавріилъ
3-3 **Слицанъ и К⁰., въ Ригѣ.** 2510

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш форм 330 стр убористо. шрифт **Цѣна съ перес 1 р 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.**

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм **Ц. 40 к** съ пер

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб** При посылкѣ налож. плат дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій, 92—3.

La Feuilleraie
Парфюмеріи
Гельди
Парижъ.

2573 4-1

Духи LA FEUILLERAIE поражаютъ своей безподобной свѣжестью

ОТЧЕТЪ ОБЪ ИСПЫТАНІИ ГРУЗОВЫХЪ АВТОМОБИЛЕЙ 1912 г.

(322 стр., 180 рис., 75 діаграммъ въ краскахъ).
Изданіе Учебной Автомобильной Роты, продается въ канцеляріи Учебной Автомобильной Роты. По цѣнѣ: 6 руб. (въ переплетѣ), 12 руб. (роскошное изданіе). 2652

3129 3-3

Весьма важно для дамъ, барышень и мужчинъ! Послѣдн крикъ моды! Жакеты-Манто для зимн., осен. весен. и лѣтняго сезона изъ чисто-шерстян. очень мягкаго драпа **„Велюръ“** во всѣхъ пріятн. и модн. цвѣт., въ особенности въ цвѣтѣ **„Танго“.** (Этотъ цвѣтъ теперь самый модн.). Жакеты эти шьются безъ подкл., изящно отдѣлан. по новѣйш. фасон. и моделямъ, дл. до 105 с/м. 13 р., 125 с/м. 15 р. и до 140 с/м. 17 р. **Плюшевыя Сакъ-пальто** изъ хорош. шерст. подъ котикъ плюша на ватѣ и хорош. подкл. длин. до 105 с/м. 15 р., дл. 125 с/м. 17 р. 50 к., длин. 140 с/м. 20 р. При заказѣ просимъ указ. длину, объемъ груди и длину рукавовъ. **Для мужчинъ готов. очень элегант.** весен. или лѣтн., осен., зимн. костюмъ: пиджакъ, брюки и жил., хорошо сшит. на хорош. подкладкѣ, одно- или двухбортный, изъ прочн. и элегантнаго шерстяного шевіота-трико, новѣйш. рисунк. во всѣхъ цвѣтахъ за 8 р. 50 к., лучшій сортъ 10 р. 50 к., сортъ **Прима** 12 р. 50 к. При заказѣ прос. указать мѣрку: длину пиджака и рукавовъ, объемъ груди, длину брюкъ и шага. За упак. и пересылку добавл. 1 р., въ Сибирь 2 р. Высыл. почтой съ наложен. платеж. безъ задатка. Просимъ отнестись къ нашей фирмѣ съ полн. довѣріемъ. Если не понравится возвращ. деньги сполна. Адресовать: Торг. Дому
2-2 **Льва Рубашкина, г. Лодзь. Н.** 2559

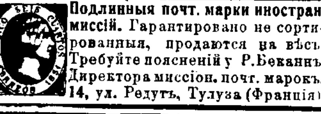
2639

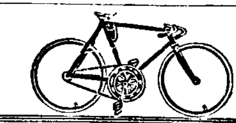
ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: Москва. Долгоруковская ул., 2512 № 11. кв. 9—3. Марія Чурбанова. 6-3

ЛѢПНАЯ

чудная отдѣлка потолковъ и стѣнъ лѣпными украшеніями изъ папье-маше. Въ виду громаднаго оборота, фабрика понизила цѣны на 20%. Иллюстр. прейсъ-кур. лѣпныхъ работъ высылается за 43 к. марками или наложен. платежомъ; съ требованіемъ обращаться: СПБургъ, Итальянская, 6, фабр складъ Ковалевскаго, существ. съ 1889 г.

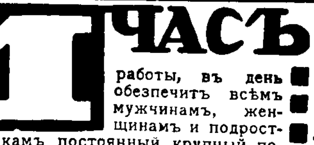




ВЕЛОСИПЕДЫ—ЛИРА
прочны, элегантны, умѣренныхъ цѣнъ.
Требуйте нашъ богато иллюстрированный каталогъ МЕ велосипедовъ, швейныхъ машинъ, оружія и снаряженія, телефоновъ и мембранъ, часовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, принадлежностей спорта и хозяйственныхъ предметовъ.
Herm. Klassen. G. m. b. H.
Prenzlau (Германія).
2407 8-5

ГАРАНТИР. ЗАРАБОТОКЪ 100 руб. въ мѣсяцъ.

МОЖЕТЪ ИМѢТЬ КАЖДЫЙ МУЖЧИНА или ЖЕНЩИНА
при удобной домашней работѣ. Разстояніе не препятствуетъ.
Условія высылаемъ безплатно. **1-ое Западное Т-во вязальныхъ издѣлій.**
Варшава, Капуцинская, 13/37. 2257 (5)



2380 4-3

Карлъ Ивановичъ ВАГНЕРЪ,

Садовое Заведеніе и Сѣмянная Торговля въ Ригѣ,
существуетъ съ 1816 года. Почтовый ящикъ № 78,
2550 симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что 4-3
иллюстриров. каталоги сѣмянъ, георгинъ, шпажниковъ и пр. на 1914 г.
изданы и высылаются по требованію безплатно.

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Baume Bengué

ПОДАГРЫ - РЕВМАТИЗМА
Цѣна: 1 р. 20 к. НЕВРАЛЬГІИ Цѣна: 1 р. 20 к.

Депо во всѣхъ аптекахъ.

2143 8-12

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: **Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.**

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

LAXATIVES PURGATIVES DÉPURATIVES PILULES D'ALS 75 Kop le Flacon de 30 Pilules DOSE Une ou deux avant ou au milieu du repas du soir H. NOGUÈS

Названіе „Альсъ“ имѣется на каждой пилюлѣ

содержащія исключительно **растительныя вещества** и не вызывающія никогда **ни коликъ, ни поносовъ.**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.
2349 9-4

Медицинская библіотечка „Наше Здоровье“.

Съ указателями курортовъ и санаторій: Лѣченіе солнцемъ — 30 к. Лѣченіе виноградомъ—30 к. Лѣченіе воздухомъ—30 к. Лѣченіе морскими купаньями — 40 к. Лѣченіе грязями—30 к. Лѣченіе минеральными водами—40 к. Лѣченіе земляникой—30 к. Лѣченіе кефиромъ—30 к. Лѣченіе кумысомъ—30 к. Лѣченіе климатомъ — 30 к. Лѣченіе лимоннымъ сокомъ — 30 к. Новѣйшіе методы водолѣченія — 30 к. Основы здоровья и раціон. гигіена—30 к. Механизмъ и гигіена голоса—30 к. Гигіена волосъ—25 к. Молочныя бактеріи (Ягуртъ)—30 к. Медъ и его лѣчебныя свойства—30 к. Заразныя болѣзни и борьба съ ними—30 к. Траволѣченіе и собир. лѣкарств. растеній, съ 28 рис.—40 к. Гигіеническая поварская книга — 30 к. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ

Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА“, С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., 10/19.

Пересылка одной книги—11 к., 2 кн.—15 к., 3 кн.—19 к., 4 кн.—23 к. и 5 кн. 27 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Полный каталогъ книгъ по медицинѣ высылается безплатно. 2047

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)

СУППОЗИТОРІИ (СВѢЧКИ) ПРОТИВЪ ГЕМОРРОЯ. ОСТАНАВЛИВАЮТЪ КРОВОТЕЧЕНІЕ. УКРѢПЛЯЮТЪ СЛИЗИСТУЮ ОБОЛОЧКУ И СПОСОБСТВУЮТЪ СМОРЩИВАНІЮ И ИСЧЕЗНОВЕНІЮ ШИШЕКЪ. УСТРАНЯЮТЪ: БОЛЬ, ЗУДЪ И ЖЖЕНІЕ. ОКАЗЫВАЮТЪ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ.
ЦѢНА КОРОБКИ 1 р. 50 к.

17591 (41)

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

1637 12-11

1831 2-4

МАРКИ для коллекціи. Большой выборъ. Условія высылаются безплатно. Харбинъ, Мѣщанская, 9. **Ярошевичъ.** 2068

100 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ 1 р. 20 к. безъ перес., друг. съ перес. 2 р., загр. раб., иллюстр., всѣ разн. можно марк. и нал. пл. **Москва, почт. ящ. 712.**

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. **А. Вейссъ,** Вѣна, Австрія. I. Адлергассе, 8. 12-4 2523

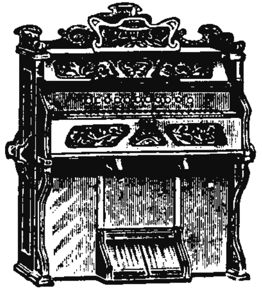
ОТКРЫТКИ

худож. получ. въ гром. выборѣ. **И. Розовскій,** Спб., 10 рота, 10/3. Прейсъ-кур. на 1914 г. высыл. только **гг. торговцамъ.** 2412 6-5

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ** научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО.** Дерибасовская, д. № 19.

Лѣчебныя ванны на дому с помощью плитокъ д-ра Гафелькеса. **Грязевыя**—при женск. бол., особенно при страданіяхъ бѣлями. При дѣтск. бол., гдѣ требуется общее укрѣпл. слабыхъ и истощенныхъ дѣтей. **Сѣрныя**—незамѣнимы при ревматизмѣ, даже застарѣломъ. Брош. о знач. и спос. употребл. выс. безплатно. Скл. лѣчебн. ванн д-ра Рафелькеса, Вильна.

НОВОСТИ ПАРИЖСК. ЖАНРА ФОТОГРАФИЧ. снимки, размѣръ откр. 15 шт. разн.—2 р. 30 к., 30 шт.—3 р. 50 к., 50 шт. — 5 р. 50 к., 100 шт.—10 р. Стереоскоп. сним. 8×17 сант. 20 к. шт. Перес. 35 к. Иллюстрир. прейсъ-куран. высыл. по получ. 21 к. или съ 48 сним. 85 к. (можно мар.), нал. плат. 1 р. Адр.: г. **Лодзь „АРСЪ и ВИТА“— 9.** 1 отд. ящ. № 3. 2674 5-1



ФИСГАРМОНІИ.

Сходство звуковъ съ пѣніемъ, легкость изученія игры, ненадобность періодической настройки служатъ къ широкому распространенію фисгармоній.

Цѣны: въ 130, 140, 150, 175, 190, 220, 240, 250, 300, 400, 500 руб. и дороже.

Дешевыя въ 90 и 100 р.

Складныя въ 35 р.

Допускается разсрочка.

Прейсъ-курантъ высылается по требованію. 2648

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. Рига, Сарайная, 15.

НУЖНЫ АГЕНТЫ
3-2 Подр. сообщ. безплатно. 2557
Лодзь, 2. а. конт. ящ. 75.

Nouveauté! Nouveauté! Parfum Gloriantes de Lohse 2142

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или Священнику Александру Смирнову. 2417 5-5

2313 4-3

Курсы и Методъ Проф. Каллигр. Пинтъ удост. **ВЫСОЧАЙШИХЪ и ВСЕМІРНЫХЪ** нагр. Привилмп. СпбАк. Худож. Одобр. Учен. Ком. М. Н. П. и Воен. Уч. Зав. Почерки быстро испр. **лично и заочно.** За 70 коп. марок выс. услов. и програм. Спб. Литейный 57 Н. Подгот. учит. курсы ПИНТ

Добрые люди! Вслѣдствіе пожаровъ, мы обѣднѣли и не можемъ ремонтировать нашъ храмъ во имя св. Стефана и замѣнить разбитый колоколъ. Ради Христа помогите. „Милуяй нища въ заемъ даетъ Богу, и рука дающаго не оскудѣетъ“. Бѣдные Торчинскіе прихожане. **Адресъ: Торчинъ, Волын. губ. Притчу или церк. старостѣ.** 3-2 2601

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ“ (жидкость) придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи. Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, наложеннымъ платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками). 2258 15-9 Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая, № 16.

КЛАССНЫЙ ЧИНЪ И ВЫШЕ (СЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ) ИЛИ ПОЧЕТНОЕ ГРАЖДАНСТВО МОЖЕТЪ ПОЛУЧИТЬ ВСЯКІЙ, НЕ БРОСАЯ СВ. ЗАНЯТІЙ И НЕЗА ПОСТОЯН. ЗАТРАЧИВ. ВРЕМ. ПОДРОБН. БЕЗПЛАТ. МОСКВА, П. Я. № 2290/Н. 2643

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ХАРАКТЕРА.

Вѣрныя свѣдѣнія и совѣтъ о дѣловомъ, дружескомъ, любовномъ, брачномъ и всѣхъ жизненныхъ вопросахъ, объ особенныхъ способностяхъ и талантахъ даетъ всемірно-извѣстный спеціалистъ проф. Постель.

Тысяча признательностей, оригиналы которыхъ могутъ быть осмотрѣны въ бюро. Благочестивый священникъ Т. Гловеръ Ф. Д. въ своемъ письмѣ говоритъ: „Ваша власть необычайна и граничитъ съ чудесами“.

Принцесса Ф. пишетъ: „Въ высшей степени была поражена откровеніемъ, и въ то время очень обрадована. Тщательно и съ большимъ интересомъ я проштудировала эту рукопись. Вы съ невѣроятной точностью упомянули о многихъ моихъ характерныхъ качествахъ и нѣкоторыя изъ нихъ лишь послѣ долгихъ размышленій стали мнѣ вполнѣ ясными“.

Пришлите пробную рукопись съ подачей числа рожденія, приложите 10 коп. почтов. марками и получите немедленно

Безплатное рѣшеніе.

Литература на франц., нѣмец. и русскомъ языкахъ въ распоряженіи.

Адресуйте Ваше письмо съ марками на 10 коп. въ **Talisman-Bureau R. 1.** Отдѣленіе для научнаго опредѣленія рукописи.

15 Vicarage Gate, Kensington, London, W., England, Англія. 2673 (1)

Рецептъ для полн. излѣч. чахотки высылаю за 2 р. 45 к. Адрес.: Тамбовъ, Болдыреву, № 5.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ высылаетъ любителямъ на выборъ Briefmarken-Haus **S. Faludi,** Berlin, SW 68, Friedrichstr. 47. 4-2 2547

Марки и конв. русск., почт., герб., юб. и **все возм. покупаю** по дорогой ц. Имѣю прод. выб. м. и конв.; выс. выб. от 75 к.: на пр.-л. прил. м. Прост. кор. адр.: Москва, 9 почт. отд., ящ. 2122.

650 рецептовъ за 2 руб.

Всякій можетъ заработать громадн. деньги домашней фабрикаціей ходкихъ технохимическихъ предметовъ по нашему руководству, содерж. 650 новѣйш. рецепт. Цѣна книги 2 р. съ перес., налож. плат. 2 р. 30 к. **Проспектъ и содерж. безплатно** 2555 3-2
Изд-ство „Будущность“, Лодзь, 2. а.

2558 **1000 марокъ для коллекцій** 3-2 въ томъ числѣ 500 разныхъ: Босніи, Болгаріи, Чили, Китая, Японіи, Исландіи, Мексики, Португаліи, Румыніи, Канады, Африки, Австраліи и др. за 3 р. съ пер., нал. пл. 3 р. 35 к. предлагаетъ торговля марками. **А. Д. Островскій, Лодзь, 2 а.** Покупка марокъ.

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ АРТИСАЛЬ

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз. 18-3 2569

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. **П. КОМИСАРЕНКО.**

Химико бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА, КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.** Предл. **единственно вѣрное средство** для массоваго истребленія

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес. 2581 4-3

РУБЛЬ и 95 коп. стоять цѣпочка, брелокъ и часы Анкеръ I-й сортъ на 18 камн., зав. годов. въ 46 час. Гарант. на 10 л. Весь гарнит. выс. за 1 р. 95 к. Перес. 55 к., въ Сиб. 95 к., при зак. 3-хъ гарнит. и бол. перес. наша. Непонрав. прин. обр. Адр.: **Маргулесъ и К°, Лодзь, Н. це тр. 562.** 2-2 2577

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя изделія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ,** С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (4)

Всемірно извѣстн. питомникъ пород. собакъ
Arthur Seyfarth,
KÖSTRITZ, 43, Германія. Основ. въ 1864 г.

Продажа всѣхъ видовъ модныхъ
ПОРОДИСТ. СОБАКЪ
чистокровныхъ, начиная отъ миніатюрной комнатной собачки и кончая громадн. сторожевой, а также и всѣхъ породъ
ОХОТНИЧЬИХЪ. Гарант. наилучшія качества. **Пересылка во всѣ мѣстности, съ ручательствомъ за доставку въ здоровомъ состояніи во всякое время года. Роскошн. иллюстр. альбомъ съ обозначен. цѣнъ и описаніемъ породъ высылается по полученіи 1 р. 50 к.** (можно почт. марками). 2651

VICHY

Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.

CÉLESTINS

GRANDE GRILLE

HOPITAL

Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.

Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.

Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ:

SELS, PASTILLES, COMPRIMÉS } **VICHY-ÉTAT**

VICHY • ÉTAT

Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПРОРОКЪ АЛИ МАГОММЕДЪ.

Докторъ индусской философіи и египетскихъ таинственныхъ наукъ.

Могущественный совѣтникъ и повелитель духа, послѣ паломнической поѣздки по различнымъ странамъ, возвратился въ избранное имъ отечество. Онъ не дилетантъ въ своемъ искусствѣ, ибо состарѣлся и посѣдѣлъ въ исполненіи своей задачи, предсказывать судьбу человѣка и націй. Сей человѣкъ нашелъ многихъ послѣдователей, однакожъ пресса и народы всѣхъ націй считаютъ его единственнымъ. Онъ предлагаетъ открыть вамъ прошлое, настоящее и будущее, указываетъ вамъ путь для избѣжанія заблужденій, помогаетъ утѣсненнымъ и предлагаетъ воспользоваться его мудростью, ставшею изреченіемъ для всего міра. Читайте, что другіе про него говорятъ, и пишите о безплатной высылкѣ Вамъ пробнаго жизнеописанія.

Мр. С. Д. Эдге, побѣдитель приза Гордонъ Беннэтъ, 1912: „Прямо изумительныя открытія науки, которая отчасти, къ сожалѣнію, еще не понята, но содержитъ цѣлую массу сюрпризовъ и предсказаній, точность которыхъ достойна удивленія“.

Госпожа Герда Ф. Робертусъ, извѣстная поэтесса: „Эскизъ, который Вы приготовили на основаніи гороскопа о моей жизни, абсолютно меня изумилъ и убѣдилъ до того, что я не медлю заказать у Васъ подробное толкованіе“.

Реф. Б. Р. Хамберсъ. Оопобо Риферъ, Эгванга, Зутернъ Нигерія: „Я считаю себя обязаннымъ Вамъ сказать, что всѣ Ваши предсказанія сбылись, и искренно благодарю Васъ за Вашу помощь. Я вполнѣ убѣжденъ, что Вы мастеръ въ своемъ искусствѣ и что Вы внѣ всякаго самолюбія“.

Миссъ Мари Перреа, знаменитая актриса: „Я нахожу описаніе замѣчательнымъ. Я прямо поражена, какъ можно съ такой точностью описать прошлое, настоящее и будущее“.

„Невѣроятно“, говоритъ Д-ръ Элистонъ Бингхамъ, „какъ можно быть такъ одареннымъ, какъ этотъ человѣкъ, отгадывать жизнь людей, не видя ихъ самихъ“.

Не присылайте денегъ, лишь только напишите день рожденія, господинъ или дама, женатъ или свободенъ, равно какъ и собственноручно адресованный конвертъ съ вашимъ адресомъ. Если желаете, приложите 25 коп. почтовыми марками на пересылку и письменн. расходы. Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать. Всѣ письма въ Англію оплачиваются 10 коп. марками. Писать къ его секретарю.

(7) **Roberts Morley II, 23 Bedford Street, Strand, London, ENGLAND.** 1290

Робертсъ Морли II, 23 Бедфордъ Штрейтъ, Штрандъ, Лондонъ. Англія.

КАКЪ МОДНЫЙ ЧУЛОКЪ "НОСОКЪ"

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ДЛЯ МАССОВАГО ПРОИЗВОДСТВА и ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПОМОЩИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ МАШИНЫ **ВИКТОРІЯ**

Т-ва ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Торг. Марка Утв. Деп. Торг. и Мануф. за № 23012.

ТРЕБУЮТСЯ

немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ частяхъ имперіи мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаніи не требуется. Пр емка работы гарантируется контрактомъ.

Мы предлагаемъ каждому 50—100 р. въ мѣсяцъ въ теченіи круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 200 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко

МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44. Отд. 11.

2464 5-3

ФОТО

гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей,** новый интересный каталогъ съ 24-я образцами высыл. въ закр. письмѣ по получ. 5×7 к. марокъ. Адр. Л. Франкфортеръ. **Лодзь, 2, ящ. 571.** 2513

!! РУБЛИ ПО ЧЕТВЕРТАКУ !!

Вмѣсто 20 р. только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к.

6 стол. ножей сам. лучш. констр.
6 „ вилокъ „ „ „
6 „ ложекъ „ „ „
6 чайн. ложекъ „ „ „
1 большая разливн. ложка.
1 ситечко для разливки чая.

Всего **26** шт. Этотъ комплектъ изъ мексиканскаго сер. стоилъ раньше 25 р., теперь же только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к. Мекс. сер. насквозь бѣл. металлъ, сохр. свой цвѣтъ въ теченіе 25 лѣтъ. Высыл. нал. плат. по почтѣ безъ зад. За перес. присчитывается въ Сиб. 95 к., при заказѣ 3-хъ комплект. пересылка наша. Не понрав. — возвр. деньги. Адр.: **Лодзь, Торг. Дому ЛЬВА РУБАШКИНА. Н.** 2498 8-2

НАКОНЕЦЪ ● ВСѢ ОХОТНИКИ

убѣдились что нѣтъ и не будетъ лучше и дешевле ружей

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВА

Ижевскій Оружейный заводъ Вятской губ.

СКОРѢЙ ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ.

Самое колоссальное собственное производство въ Россіи и перепродажа иностранныхъ ружей оптомъ и въ розницу. 2046

РЕВМАТИЗМЪ, ПОДАГРА,

желудочные, почечные, желчные колики, женск. болѣз. устраняетъ 2367 11-4

паровой компрессъ „ЛАВЕРО“.

Цѣна 3 руб. 75 коп. налож. плат. съ пересылкой. Описаніе высылает. безплат. **Фабр. „Лаверо“ 10, г. Ревель,** Эстл. губ.

Гонорреяя

излечивается быстро, радикально и безболѣзненно научно-усовершенствованнымъ французскимъ препаратомъ

КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ.

КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ выработанъ на основѣ новѣйшихъ научныхъ методовъ леченія гонорреи, тщательно провѣренъ на огромной клинической практикѣ и признанъ спеціалистами-врачами исключительно противогонорройнымъ средствомъ.

ПРИМѢНЕНІЕ КАВАНОЗА ГАРАНТИРУЕТЪ ПОЛНОЕ ИЗЛЕЧЕНІЕ ОСТРОЙ и ХРОНИЧЕСКОЙ ГОНОРРЕИ.

Важное предостереженіе: имѣются въ продажѣ негодныя подѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптек. и аптекарск. магазин. настоящій ПАРИЖСКІЙ КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ въ аллюминіевой коробкѣ съ таможенной пломбой. **Цѣна коробки 1 р. 65 к.**

Главное представительство для Росс и
ИНСТИТУТЪ Д-ра КАЛЬВЭ.
Москва, Срѣтенка, 4.
Отд. 11/5.

2671

Goerz TENAX

Удобная, чрезвычайно прочная и точная камера.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО через всѣ фотографическіе магазины.

Прейсъ-курантъ БЕЗПЛАТНО.

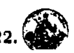
ОПТИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

К. П. ГЁРЦА, АКЦ. ОБ-ВО.

Берлинъ-Фриденау, 19.

ВѢНА ПАРИЖЪ ЛОНДОНЪ НЬЮ-ІОРКЪ

2045 5-1



Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 13.

XLV г. изданія

Выданъ 29 марта 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко, кн. 7.

XLV г. — г. XLV

№ 13 — Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „**Новѣйшихъ модъ**“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. — 1914

Выданъ 29 марта 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 7.**

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть **С. Караскевичъ.**

(Окончаніе).

VIII.

На другой день послѣ похоронъ, прощаясь со мною, Катерина Егоровна сказала:

Милый младенецъ, не приходи, пока не напишу. Съѣдутся наслѣдники, ждемъ брата Павла Егоровича... Мужъ мой въ городѣ появился. Вообще будетъ большая и отвратительная возня, неизбѣжная всюду, гдѣ люди деньги дѣлятъ...

Съ Ваней я не простилась. Я видѣла его на похоронахъ только издали, и въ его глазахъ мнѣ почудилось выраженіе той же затаенной, непоправимой и неискупимой, вины, какая жила въ моей душѣ. Прошла недѣля, другая... Свѣтлый праздникъ я провела дома, и, когда мама провожала меня на вокзалъ, въ нашемъ саду зацвѣтала сирень и пахло смолистымъ ароматомъ бальзамическихъ тополей.

Со станціи я поѣхала прямо въ гимназію, чтобы не пропускать уроковъ: Святая была поздняя, и до экзаменовъ времени оставалось немного. Въ классѣ было много новаго: Етта Эйгорнъ послѣ праздниковъ не вернется, выходитъ замужъ за богатаго пивовара Габеля. Всѣхъ насъ на свадьбу проситъ.

Неожиданно перевели въ другой городъ любимаго учителя

А. Рябушкинъ. Распятіе. (Эскизъ къ картинѣ, находящейся въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ).

исторіи, а словесникъ уже далъ программу курса. Я переписывала эту программу, примостившись на подоконникѣ въ коридорѣ, когда ко мнѣ подошла одна изъ подругъ, съ которой я была ближе, чѣмъ съ другими.

— Да! А ты про своихъ знакомыхъ, Стебаковыхъ, знаешь печальную новость?

— Какую?

— У нихъ сынъ умеръ, внукъ стараго Капитона Парменыча.

— Знаю. Его и похоронили вмѣстѣ съ дѣдушкой. Я на похоронахъ была.

— Вовсе не тотъ. Самый младшій. Только третьяго дня похоронили.

— Ваня!..

Не помню, кто привезъ меня изъ гимназіи домой.

На квартирѣ старухи-хозяйки встрѣтили меня сочувственными причитаніями. Онѣ уже знали печальную новость, а отъ Катерины Егоровны меня ждало странное письмо: все протыканное дырочками и окуренное сѣрой; она извѣщала, что Ваня умеръ, почти не болѣвши, отъ дифтерита, и мнѣ нельзя къ нимъ прійти, пока не произведутъ полную дезинфекцію.

— Ахъ, cherie,—охали хозяйки.—Подумать, какой ви потерялъ блестяши карьеръ съ этотъ бѣдни молодой шеловѣкъ.

Были онѣ обѣ француженки, вѣкъ прожившія по чужимъ домамъ въ качествѣ гувернантокъ. И моя мать поселила меня у нихъ ради практики французскаго языка. Но старухамъ надоѣло, видно, всю жизнь блюсти чистоту рѣчи своей прекрасной родины, которую онѣ отродясь не видали, и, добравшись послѣ смерти отца, учителя гимназіи, до маленькаго обезпеченнаго кусочка хлѣба, онѣ принялись коверкать русскую рѣчь на всѣ лады. Только ссорились между собою да выговоры мнѣ дѣлали по-французски.

Я безучастно выслушала сочувственныя жалобы старыхъ гувернантокъ и поскорѣе ушла въ садъ. Онъ былъ полонъ запахомъ талой земли, прошлогодней прѣли, клейкихъ листовъ тополя и синихъ ирисовъ, широкой каймой охватившихъ маленькій садъ. За его заборами и плетнями, на одномъ изъ которыхъ громко кричалъ павлинъ, тянулись другіе большіе сады, далеко, далеко—до самой рѣки. И, закрывъ глаза, я увидѣла эту рѣку,—блѣдную, туманную, съ свѣтлыми отблесками весенняго заката... Услышала печальные, плѣнительные звуки Сениной скрипки, и вешній вѣтеръ шевельнулъ мнѣ волосы на вискахъ горячимъ дыханіемъ мертваго Вани.

И, упавъ грудью на землю подъ зацвѣтающей яблоней, я заголосила громко и жалобно:—Ванюшка! Ванюшка! Свѣтикъ мой ласковый. Голубеночекъ сизенькій! На кого ты меня, сиротинку, покинулъ?..—Иначе я не умѣла выражать своей смертной тоски:—такъ голосила Стебаковская бабушка надъ гробомъ мужа, такъ оплакивали женщины моей родной деревни своихъ покойниковъ, колотясь объ землю на лѣсныхъ кладбищахъ у ихъ безыменныхъ могилокъ.

И раскололась моя жизнь надвое: утромъ, въ толпѣ подругъ, я жила ихъ молодыми заботами—готовилась къ экзаменамъ, сдавала ихъ успѣшно, привыкала гордиться жизненными успѣхами и бороться за нихъ... Привыкала выслушивать признанія дѣвушекъ объ ихъ первой любви и подмѣчать уродливое и смѣшное въ нашемъ маленькомъ школьномъ міркѣ... Даже танцовала на свадьбѣ у Етты. Но кончался день. Рѣка подъ горою бѣлѣла туманомъ... И опять я была во власти своихъ скорбныхъ, незабываемыхъ видѣній, неутолимой, смертной тоски.

Вечеромъ, когда я приходила къ чаю, старухи-хозяйки говорили:

— Татанья, не сидить такъ долгъ въ нашъ садъ. Какой-то сумасшедши бабъ плакаеть гдѣ-то близь.

Старая кухарка Аграфена знала, кто плачетъ съ вечера въ нашемъ саду.

Когда слезъ не хватало въ глазахъ, и голосъ рвался въ груди, она приходила,—маленькая, похожая острыми глазками на мышь, и говорила повелительно и сурово:

— Будя! Отвела душеньку, и будя... Гляди, грѣхомъ выкликать начнешь. Ты жъ таки барышня. Кто тебя, кликушу, замужъ возьметъ?

Я жадно пила принесенную Аграфеной ключевую воду, смачивала голову и, умывшись, шла въ комнаты учить уроки.

Старуха была родомъ изъ глухого лѣсного починка, а вѣрою—шалапутка. Разъ въ недѣлю, по базарнымъ днямъ, пріѣзжалъ къ ней братъ, высокій, темноликій мужикъ съ пробритымъ на макушкѣ гуменцемъ, и тогда они долго засиживались съ вечера на крылечкѣ, говоря о чемъ-то своемъ, неторопливомъ и важномъ, и пили чай изъ обливного горшечка: хозяйскую посуду Аграфена считала поганой и ѣла и пила только изъ своей. А на разсвѣтѣ старуха будила меня готовиться къ экзамену. При первомъ прикосновеніи ея сухой и твердой руки я вскакивала съ постели, охваченная бодрою свѣжестью весенняго утра и безотчетнымъ счастьемъ собственной молодости.

— Молись, да покушай со Христомъ,—говорила Аграфена, когда выходила въ кухню умываться.—Нѣмки-то наши когда еще встанутъ. Не сидѣть ребенку до тѣмѣстъ голодному,—и она отламывала мнѣ большой кусокъ ситника или намазывала творогомъ со сметаной краюху хлѣба. И чаю отливала изъ горшечка въ мою чашку, а отъ этого чаю шелъ малиновый и липовый духъ.

Въ саду за ночь раскрывались вѣнчики новыхъ цвѣтовъ. За невысокимъ заборомъ сосѣдскаго сада просыпался птичій міръ: гоготали гуси, тонкимъ пискомъ свирѣстѣли допавшіяся до корму цыплята, ворковали голуби... Изъ-за другого забора слышался молодой голосъ:

— Здравствуй, Карповичъ. Я экзаменаціонную задачу узнала. Давай вмѣстѣ дѣлать. — Молодая жизнь завладѣвала мною на весь день, до первой вечерней тѣни.

IX.

Въ старый домъ на Монастырской улицѣ я попала только осенью, послѣ каникулъ. Катерина Егоровна писала матери моей, что во всемъ домѣ лѣтомъ произведенъ ремонтъ, и для меня нѣтъ ни малѣйшей опасности заразиться. Отворилъ мнѣ калитку Макаръ, улыбнулся во весь ротъ и спросилъ:

— Живы-здоровы, барышня?—И тутъ же прибавилъ:—У насъ нонче все по-новому.

И новое чувствовалось во всемъ... Уже не было рѣшетокъ въ нижнемъ этажѣ. Въ „молодцовской“ окна были открыты настежь, и оттуда неслись веселые звуки гармоніи. Не было тамъ и большой общей казармы: во всю длину ея шелъ коридоръ, выкрашенный въ голубую краску, въ который выходили стеклянныя двери. Только на крыльцѣ закипали все тѣ же ведерные самовары: одинъ—для „молодцовъ“, другой—для „самихъ“. Наверху черной лѣстницы меня встрѣтила Катерина Егоровна. Она измѣнилась мало. Складка между бровями стала глубже, и жестче сдѣлалось выраженіе красиваго рта. Не было на ней и траура. Обычный бѣлый воротничокъ выглядывалъ изъ-за ворота чернаго шелковаго платья, и подъ нимъ былъ завязанъ темный цвѣтной галстукъ.

— У воротъ чадушка моего не видала?—спросила она, поздоровавшись со мною.

— Какого чадушка?

— Да мужа моего... Вѣдь весь домъ другой мѣсяцъ въ осадѣ держитъ.

Вѣрно, написалъ ему кто-нибудь изъ здѣшнихъ пріятелей, что дѣдушка умеръ,—онъ и пожаловалъ за наслѣдствомъ... Подлая вещь—деньги. Однако пойдемъ къ нашимъ. Чай будемъ пить у бабушки: скучаетъ сильно старуха.

Въ первый разъ я переступила порогъ этой заповѣдной комнаты. Ничего таинственнаго и страшнаго въ ней не было. Большая, съ потемнѣвшею живописью на стѣнахъ, она казалась слишкомъ пустой, потому что во время болѣзни дѣдушки врачи приказали унести изъ нея все лишнее. Огромная высокая кровать подъ малиновымъ бархатнымъ пологомъ занимала одинъ ея уголъ, а напротивъ, у окна, сидѣла бабушка въ томъ же чепцѣ, въ которомъ я ее видѣла въ первый разъ.

— Кать, а Кать, ты это, что ли?—спросила она при нашемъ входѣ, заслоняя отъ окна свои плохо видящіе глаза.

— Я, бабушка. Жданную гостью вамъ привела. Помните, мы съ мамашей про Танюшу, подруги моей дочку, говорили?

— Какъ не помнить. Здравствуй, моя красавица... Жаль только, что я тебя не вижу.

Я прижалась молча къ ея рукѣ губами.

— Вотъ у насъ горе-то какое случилось,—говорила она, гладя

мои волосы мягкой, точно безкостой рукой: — Ванюша съ Сенюшкой померли. Ну, да это что. Извѣстно, дѣтки — Божья роса. Мало ли я ихъ прихоронила. Ужъ и забывать стала, какія мои померши, какія невѣстушкины, а пуще у дочекъ мрутъ. Не стоятъ у насъ дѣтки. Умирущія больше родятся... А вотъ Капитонъ-то Парменычъ, царство небесное, стойкій человѣкъ былъ. Думала — износу ему не будетъ. А вотъ померъ, одну меня на старости сиротою оставилъ... И то мнѣ всего обиднѣй. Истинно былъ и мужъ и отецъ! Четырнадцати годовъ онъ меня взялъ, въ ту жъ охапку и куколъ моихъ захватилъ. И за все это время, семьдесятъ-семь лѣтъ замужемъ проживши, не видала я нужды-горя. Колечко ли какое, шаль, сережки земчужныя... не то что попросить — захотѣть не поспѣю, анъ онъ уже купилъ, — догадался. Истинно, мужъ и отецъ. А помирать сталъ — меня обидѣлъ: изо всего капиталу одинъ только милліонъ мнѣ оставилъ... Не съ чѣмъ мнѣ будетъ и вѣку дожить.

Я удивленно оглянулась на Катерину Егоровну. Она спокойно разставляла чашки на подносѣ, и ее нисколько не удивляло опасеніе бабушки не прожить бы оставленнаго ей милліона: — всѣ привыкли къ тягучимъ, однообразнымъ жалобамъ старушки, которая смертнымъ страхомъ всю жизнь боялась мужа и не смѣла въ его присутствіи лишнее слово вымолвить. И, вознаграждая себя за долгую безмолвную жизнь, она говорила, не переставая, несвязно и болтливо, переплетая смутную для нея дѣйствительность съ свѣтлѣвшими въ ея памяти обрывками былого.

Послѣдній отраженный лучъ солнца яркимъ зайчикомъ пробѣжалъ по стѣнѣ и заигралъ золотыми бликами на пожухлыхъ краскахъ стараго портрета, висѣвшаго надъ кресломъ бабушки... На немъ милымъ пухлымъ ртомъ улыбалось дѣвичье личико съ ямочкой на подбородкѣ, съ янтарями на розовой шейкѣ и ласковымъ взглядомъ голубыхъ, кроткихъ глазъ.

Н. Прокофьевъ. „Память Азова“. Рисунокъ.

— Бабушка, это не вашъ портретъ?

— Мой, мой, красавица. Какъ же. Тальянецъ писалъ, тотъ самый, что стѣнки въ домѣ расписывалъ. Французъ онъ былъ словленный, но только покойникъ батюшка-свекоръ не приказалъ его бить: — можетъ, къ какому дѣлу окажется. А и вправду вышелъ настоящій мастеръ. Какъ нашъ домъ расписалъ, такъ дворяне, которые пріѣзжали смотрѣть, очень хвалили. Только что срамникъ: голую дѣвку въ сѣняхъ вывелъ, да и въ залѣ мужики, почитай, всѣ безъ штановъ... Батюшка тогда жъ хотѣлъ замазать. Да губернаторъ былъ строгій, не приказалъ... А домъ-то къ царскому пріѣзду отдѣлывался. Блаженныя памяти самъ Императоръ, его Царское Величество Александръ Павловичъ тутъ стоялъ. Въ этой вотъ въ самой горницѣ и опочивальня была. Вотъ ужъ царь былъ. Истинно, земной ангелъ... А тотъ тальянецъ, что домъ расписывалъ, какъ спросилъ про него Государь, кинулся ему въ ноги и давай по-своему лопотать: — домой, стало-быть, просится. Ну, конечно, батюшка не отпустилъ... Еще сколько онъ денегъ на немъ заработалъ: по господамъ хорошимъ для портретовъ да стѣнокъ посылалъ. Жаль, скоро померъ. Да и померъ какъ-то нехорошо: не то повѣсился, не то въ рѣчкѣ утопъ... Не помню уже. И я съ Государемъ польскій танецъ танцовала... въ родѣ проходки, потому батюшка-свекоръ въ головахъ въ ту пору ходилъ. Для танцу тоже француза приставили, учить меня, значитъ. Ежедень приходилъ... коротеньки штаники надѣвалъ.

Пришли обѣ приживалки, побѣлѣвшія и словно разбухшія за это время. Пришли старики, рука въ руку, какъ заблудившіяся дѣти. А бабушка все говорила. Молча пили чай съ закусками и сластями. Ѳеона Ивановна съ Матреной Петровной вышивали строчкой крошечныя батистовыя рубашечки, Анна Ѳедоровна вязала пуховое одѣяльце и голубые башмачки съ бѣлой оторочкой: — въ Рыбинскѣ у Павла Егоровича сынъ родился. Черный котъ Негрикъ, съ отгрызеннымъ ухомъ, сѣлъ на бархатный стулъ, переступилъ съ лапки на лапку, сощурилъ на огонь свои золотисто-зеленые глаза и замурлыкалъ громко и убѣдительно въ ладъ бабушкиной рѣчи... А за плотно закрытыми дверями въ пустой залѣ старинные „вѣковые“ часы отбивали четверти, отзванивали половины и часъ за часомъ играли печальную мелодію похоронной пѣсни...

Послѣ ужина принесли, какъ бывало, тарелочки, и хозяйка стала на нихъ раскладывать крошечные кусочки кушаній.

— Аннушка, Аннушка, доченька, — заволновалась старушка: — ты мнѣ черносливинку изъ компотцу положи... Вотъ сладки-то при покойникѣ бывали!.. Ну, нѣту у меня теперь настоящаго аппетиту и нѣту... Такъ ты мнѣ его за занавѣсочку

Н. Прокофьевъ. Тигръ. Рисунокъ юныхъ лѣтъ.

поставь: будто я ненарокомъ найду...—И Анна Өедоровна разставляла игрушечныя тарелочки по темнымъ угламъ большой комнаты на забаву старому, кроткому ребенку.

На другой день, когда мнѣ надо было возвращаться домой, Катерина Егоровна сказала:

— Тебѣ придется итти пѣшкомъ. Чадушко мое сторожитъ и, какъ только открываются ворота, —врывается въ нихъ ради скандала. Если съ тобою заговоритъ — не отвѣчай ни слова.

Въ самомъ дѣлѣ, выйдя изъ калитки, я увидѣла на скамейкѣ у воротъ человѣка, одѣтаго въ пледъ и форменную фуражку съ кокардой. Онъ сейчасъ же всталъ и пошелъ ко мнѣ:

— Надѣюсь, Татьяна Николаевна, что вы ради моей старой дружбы съ вашей матушкой...

Я удивленно смотрѣла на него: откуда этотъ человѣкъ могъ узнать мое имя?

— Иди, иди, ваше благородіе, своей дорогой, — сказалъ провожавшій меня Макаръ:—становись между нами. А коли чтò— такъ мнѣ будошника приказано звать, самъ полицеймейстеръ велѣлъ... Ты съ нимъ и поговори, а господскаго ребенка не моги трогать.

Н. Прокофьевъ. Мостъ въ паркѣ.

Человѣкъ молча отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Тамъ видѣла я его каждый разъ, приходя къ Стебаковымъ, и каждый разъ Катерина Егоровна, здороваясь со мною, спрашивала коротко:

— Видала?

— Видала.

— Сидитъ?

— Сидитъ.

— Хорошъ?

Да, онъ былъ очень хорошъ: высокій, гибкій, съ волнистыми, темными волосами, чуть тронутыми бобровой просѣдью. Но всего лучше были его глаза, полные глубокой и покорной тоски, которые глядѣли, не отрываясь, на верхнія окна молчаливаго дома. Онъ былъ для меня похожъ на рыцаря Тоггенбурга, и я сказала объ этомъ Катеринѣ Егоровнѣ, потому что моей любимой мечтой теперь было увидѣть ихъ вмѣстѣ. Недобрая улыбка пробѣжала по ея губамъ:

— Подожди, младенецъ. Теперь ужъ недолго придется ожидать заключительной главы этого чувствительнаго романа.

Но недѣли шли, а онъ все сидѣлъ на скамьѣ у воротъ, поблѣднѣвшій, весь какой-то истонченный и напряженный въ своемъ ожиданіи.

— Катерина Егоровна, — заговорила я какъ-то несмѣло послѣ ея обычныхъ вопросовъ:—отчего Егоръ Капитонычъ не предложитъ „ему" денегъ? Онъ вѣдь бѣдный.

— Бѣдный, да, къ сожалѣнію, не глупый. Ни на какія суммы не соглашается и говоритъ, что ему нужна только я одна, безъ всякихъ денегъ, отлично понимая, что вымучитъ изъ меня все, если я опять попаду въ его руки.

— А можетъ-быть?..

— Чтò можетъ-быть?

Н. Прокофьевъ. Базаръ около церкви.

Я хотѣла сказать: „онъ любитъ", но было въ лицѣ Катерины Егоровны что-то, не давшее сказаться слову. Черезъ минуту она сказала со вздохомъ:

— Очень подлая вещь деньги!..—Это было ея любимое присловье.

Шли осенніе дожди. Егоръ Капитонычъ велѣлъ выпилить доску изъ приворотной лутки и выкопать тумбы для починки тротуара.

Человѣкъ сидѣлъ теперь прямо на землѣ, подогнувъ острыя колѣни къ подбородку, и кашлялъ. И разъ, подходя къ стебаковскому дому, я увидѣла толпу народа у его запертыхъ воротъ. Тутъ были мѣщане изъ Слободки, школьники съ клеенчатыми сумками черезъ плечо, монашки съ блудливо-любопытными лицами и множество всякаго люда, берущагося невѣдомо откуда даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ часы народныхъ бѣдствій и уличныхъ скандаловъ. Отъ Дворянской улицы съ крикомъ бѣжали

Н. Прокофьевъ. Каменноостровскій дворецъ. Въѣздъ.

люди, и впереди всѣхъ два будочника, придерживавшіе на бѣгу свои тесаки-селедки. Въ широкомъ кругу разступившейся толпы тощій, высокій человѣкъ, въ рваной, линючей розовой рубахѣ и опоркахъ на босу ногу, коверкаясь и ломаясь, отдиралъ „камаринскаго", подпѣвая высокимъ, рвущимся отъ напряженія, голосомъ:

„У купеческихъ воротъ
Чортъ сапожника деретъ.
Онъ за то его деретъ,
Что онъ дорого беретъ:
За набойки двѣ копейки,
Голенища питта-чокъ!.."

И, сорвавъ съ головы рваный картузъ, онъ лихо бросилъ его оземь, потомъ поднялъ и пошелъ по кругу, выкликая:—Добрые люди! Накормите Христа ради голоднаго, чтобъ онъ не подохъ, какъ собака, на глазахъ своей милліонерки-жены...

Въ картузъ посыпались копейки. Человѣкъ подхватывалъ ихъ на лету, и сквозь дыру на его плечѣ жалко свѣтилось нѣжной желтизной слоновой кости дряблое, исхудалое тѣло. Будочники тѣмъ временемъ принялись разгонять толпу:

— Проходи! Проходи! На эти дѣла смотрѣть не приказано.

И ловкимъ обходомъ подобравшись сзади, схватили плясуна за руки, — и вдругъ безумный крикъ огласилъ улицу:

— Катя! Катя! Царица моя! Что ты дѣлаешь со мною?..

Потомъ слышались дикія угрозы и скверная брань... И долго долетали издали выкрики:

— Попомнишь!.. Ножъ всажу!.. Ты дѣтей моихъ подъ сердцемъ выносила!

Толпа разошлась не сразу.

— Зять это Стебаковскій бунтуетъ,—сообщалъ кто-то.

— Извѣстно, изъ благородныхъ, стыда въ глазахъ нѣту,—пояснялъ другой.

— Ну, и ловокъ же плясать, — умилялся простодушный слобожанинъ...

— Шуть те возьми, да и совсѣмъ,—говорила старуха, утирая смѣшливыя слезы.

Въ бабушкиной комнатѣ, спрятавшись за занавѣску, стояла Катерина Егоровна, и, когда обернулась на шумъ моихъ шаговъ, — ея прекрасное и гордое лицо было все залито безпомощными, жалкими слезами.

X.

Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ мнѣ довелось опять увидѣть родныя мѣста. Я ѣхала мимо по дѣлу, но когда увидѣла на горѣ надъ поемными лугами знакомыя улицы и мостъ и стройныя башенки старинной обители — неодолимой силой потянуло взглянуть на городъ: точно молодость моя стояла тамъ, въ одномъ изъ его тихихъ закоулковъ, и звала меня все простившей, ясной улыбкой. Съ вокзала я поѣхала на извозчикѣ, узнавая и не узнавая милыя мѣста: — вонъ соборъ, вонъ скверикъ съ чахлыми, какъ прежде, кустами акацій, вонъ большая вывѣска пивовара Габеля, на свадьбѣ котораго съ бѣлокурой Еттой я была дружкой. Въ женской гимназіи, должно-быть, шелъ экзаменъ: окна „нашего" класса стояли открытыми, и на моемъ мѣстѣ сидѣла дѣвушка съ распущенной длинной косой. И на мгновенье странное ощущеніе охватило меня: показалось, что это я сижу тамъ, рѣшая алгебраическую задачу и слѣдя мимолетнымъ, безучастнымъ взглядомъ за сѣдой женщиной, проѣхавшей мимо.

Въ гостиницѣ, наскоро умывшись, я сошла въ контору и спросила несмѣло:

— Не можете ли мнѣ сказать, живетъ ли въ городѣ кто-нибудь изъ семьи Стебаковыхъ?

И слышался мнѣ уже печальный отвѣтъ, какіе все чаще и чаще слыхала я теперь, спрашивая о старыхъ друзьяхъ.

Но красное лицо конторщика осклабилось въ широкую, почтительную улыбку, и онъ отвѣтилъ угодливо и торопливо:

— Помилуйте, сударыня, кому же и жить!.. Первыя лица у насъ въ городѣ!

— Егоръ Капитонычъ?

— Нѣтъ,—сынокъ ихній, Павелъ Егоровичъ. А старики въ скорости послѣ войны померли. Я и не запомню.

— Быть-можетъ, знаете что-нибудь о Катеринѣ Егоровнѣ?

— Какъ не знать!.. Первая по филантропической части дама во всемъ городѣ, такъ что даже сами губернаторша у нихъ по-

Н. Прокофьевъ. Пиренеи.

стоянно бываютъ. Я самъ, можно сказать, ими воспитанъ, потому въ училищѣ ихнемъ обучался, которое они въ память братцевъ построили.

Къ старому дому я пошла пѣшкомъ. И было мнѣ обидно странной, полной свѣтлой грусти обидой оттого, что такъ много неизмѣннаго осталось на старомъ мѣстѣ, когда я сама изъ милой, тоненькой дѣвочки превратилась въ огорченную жизнью полустаруху.

Измѣнился и старый домъ. Широкій зеркальный подъѣздъ съ блестящей мѣдью замковъ и ручекъ загромоздилъ тротуаръ, а къ углу былъ придѣланъ стеклянный фонарикъ, странно нарушавшій суровую красоту его строгихъ линій. Еще больше измѣнилось внутреннее убранство: не было ни Леды, плывущей на божественномъ лебедѣ по небесной лазури, ни бѣлыхъ женъ Великихъ Панафиней... По стѣнамъ висѣли картины самой новой школы, на которыхъ я не умѣла ничего видѣть, и мебель была самая новая — съ диванами, похожими на шкапы, и шкапами, похожими на вагоны. Въ саду, обработанномъ подъ интенсивныя культуры, свекла, подсолнухъ и макъ выпили лишніе соки переудобренной земли, и мать-земля простила человѣку за его трудъ кровь, пролитую на ней. Садъ цвѣлъ, весь облитый розовымъ облакомъ яблоновыхъ вѣтвей, и по его широкой аллеѣ впереди меня бѣжали дѣти съ веселымъ крикомъ:

Н. Прокофьевъ. На второй день послѣ гибели „Рюрика“.

— Тетечка! Тетя Катя! Бабушка, къ тебѣ пришли.

Навстрѣчу намъ шла женщина, высокая, стройная, безъ одного сѣдого волоса въ черныхъ волосахъ и съ строгимъ выраженіемъ спокойныхъ, темныхъ глазъ. При видѣ меня въ этихъ глазахъ вслѣдъ за удивленіемъ, почти испугомъ, блеснули теплыя искры.

— Откуда? Младенецъ милый!

— Родная, — какой же я младенецъ? У меня своихъ пятеро.

— Бываютъ и старые младенцы. Твоя мать, Лиза моя, жила и умерла ребенкомъ. И ты такою будешь.

Послѣ торопливыхъ первыхъ разспросовъ мы пошли въ домъ къ столу, за которымъ я увидѣла всю семью. И это была большая, здоровая и красивая семья: пять юношей въ студенческихъ и гимназическихъ мундирахъ, и дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ звонкими голосами, и молодая мать, съ розовымъ ребенкомъ на рукахъ:

— Вотъ рекомендую: изъ вашего гнилого Питера пріѣхала! Чуть мнѣ дочку тамъ не заморили. Мужъ ея—нашъ депутатъ въ Думѣ,—сказалъ мнѣ съ оттѣнкомъ въ голосѣ хозяинъ, Павелъ Егоровичъ.

Былъ онъ человѣкъ необычайно прочный, солидный и крѣпкій на видъ, а красивая жена его еще имѣла право молодиться.

Я смотрѣла на всѣхъ этихъ людей, и въ душѣ просыпался старый суевѣрный страхъ... Прокляты до шестого колѣна... И кто же обреченный?..

За столомъ говорилъ почти исключительно хозяинъ,—о томъ, что онъ отказался отъ выборовъ въ Государственную Думу:— Языкъ объ зубы трепать — это искони дворянское дѣло. Пускай за меня зять поговоритъ.—О томъ наконецъ, что на мѣстахъ можно больше сдѣлать. — Посмотрите на нашъ городъ: узнать нельзя съ тѣхъ поръ, какъ я говорю... Школу ремесленную построили, мостъ желѣзнодорожный, элеваторъ...

— А старый бабушкинъ портретъ попрежнему виситъ въ бывшей опочивальнѣ Государя? — сама не зная, какъ, оборвала я вопросомъ хозяйскую рѣчь.

— Какой портретъ?

Его забыли, какъ и самоё бабушку, и старый хламъ, наполнявшій когда-то весь домъ: рѣзныя иконы слоновой кости и шитыя жемчугомъ ризы и придворные кафтаны, хранившіеся въ кованыхъ сундукахъ...

Пожалѣла о портретѣ только младшая дочь:

— Вотъ хорошо бы къ предводителю на костюмированный вечеръ по тому портрету одѣться: теперь старина въ моду входитъ.

Павелъ Егоровичъ, питая тайную страсть къ литературѣ, не оставилъ меня и послѣ кофе: онъ принесъ мнѣ мѣстную газету и сказалъ:

Н. Прокофьевъ. Село Воскресенское.

— Посмотрите на досугѣ. Вамъ, питерскимъ, порою къ нашимъ простецкимъ голосамъ прислушаться не мѣшаетъ. Газету я на свои средства издаю и думаю, что дѣлаю этимъ не малую пользу нашему краю.

Это былъ злой и грязный листокъ, какихъ не мало расплодилось за послѣдніе годы по нашимъ губернскимъ захолустьямъ,—и душно мнѣ стало въ обшитомъ дубомъ столовой стебаковскаго дома: точно дѣдушка Капитонъ Парменычъ погрозилъ изъ двери своимъ узловатымъ пальцемъ. Долго сидѣли мы съ Катериной Егоровной въ саду вечеромъ, вернувшись послѣ путешествія по старымъ мѣстамъ. Все было узнано, все было спрошено.

— Вотъ такъ, другъ, и промаяла я свою жизнь: то по за границамъ, то по большимъ городамъ. Много было интереснаго и новаго, и мнѣ не наскучило до сихъ поръ. Только на Пасху все тянетъ родныхъ куличиковъ поѣсть. И гдѣ бы ни шаталась, а къ брату непремѣнно къ Святой недѣлѣ буду. Онъ же меня и привѣчаетъ по хорошей старой пословицѣ: — братъ любитъ сестру богатую.

— А гдѣ же?..

— Мужъ, ты хочешь спросить? Умеръ давно.

Мы помолчали.

— Странно устроено человѣческое сердце, — заговорила Катерина Егоровна. — Я ли передъ нимъ была виновата? Я ли не вынесла всѣхъ мукъ, какія на бабью долю выпали? А вотъ поди же ты — нашлась и моя передъ нимъ вина.

— Какая?

— Трехрублевки ему пожалѣла... Какъ только пріѣхалъ братъ,—а онъ не сентиментальный человѣкъ, — я сейчасъ же получила отдѣльный видъ на жительство по суду, котораго по старинѣ боялись мои старики. Съ того дня мужъ сталъ осаждать меня постоянными письмами съ просьбою дать денегъ. И всегда-то я посылала, не по многу, но посылала. Послѣдній разъ пишетъ онъ мнѣ изъ больницы. Проситъ прислать три рубля, „чтобъ послѣдній разъ изъ собственнаго чайничка чайку попить“, и мой портретъ. И, должно-быть, разсердила меня эта просьба о портретѣ рядомъ съ трехрублевкой. И не послала я ни того ни другого. А когда узнала, что онъ тогда же умеръ, такъ вѣришь ли, ночь напролетъ проплакала о томъ, что некому мнѣ эту трехрублевочку послать... Э, да что тамъ! — перебила она сама себя. — Было бы болото — чортъ найдется.

— А вотъ же не нашелся,—улыбнулась я, стараясь прогнать ея печальную мысль.

— А ты, младенецъ сущій, почемъ знаешь?

— Да вѣдь вы не замужемъ.

— Мало ли что! Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти, а замужъ итти и жениться въ нашъ вѣкъ скоро будутъ одни юродивые Христа ради, для души спасенія. Я, другъ, въ Парижѣ по годамъ бывала, видѣла всякіе Paradis и, грѣшный человѣкъ,—не каюсь!

— Да вы выглядите и теперь еще интересной.

— При посредствѣ института красоты. Ты что же, и впрямь думаешь, что у меня въ волосахъ ни сѣдинки? Нѣтъ, это только пріятный обманъ. И даже не совсѣмъ пріятный, потому что стали волосы въ лиловый цвѣтъ отдавать. Въ Москву собираться пора. Тутъ не умѣютъ.

— Въ Москву? А послѣ?

Она поняла не сразу:

— Послѣ по монастырямъ поѣду. Я ужъ начала. И, можетъ-быть, это самое интересное, что судилъ Богъ мнѣ видѣть. Я была на югѣ, гдѣ на горахъ, обвитыхъ виноградомъ, цвѣтутъ померанцевыя рощи, насаженныя рукою монаховъ, и глупые „морскіе поросята“, какъ зовутъ тамъ дельфиновъ, выставляютъ изъ лазурныхъ водъ простодушныя, любопытныя морды. И была я въ обители за полярнымъ кругомъ, гдѣ, разгоняя трехмѣсячный мракъ, сіяетъ электричество, рожденное льдистымъ водопадомъ снѣжной пустыни. Я видѣла тамъ, какъ молодые студенты, вчерашніе революціонеры, съ глубокимъ почтеніемъ цѣловали заскорузлую благословляющую руку неграмотнаго монаха, а птицы — гаги — съ печальными и кроткими глазами беременныхъ женщинъ приходили въ келью выщипывать свой драгоцѣнный пухъ въ подставленныя монахами лукошки... Увѣряю тебя, наши русскіе монастыри-обители—самое интересное, что есть на землѣ, и ты непремѣнно поѣзжай, посмотри.

— Да вѣдь у меня пятеро,—напомнила я съ улыбкой.

— Хоть бы и десятеро. Всѣ выростутъ,—всѣ уйдутъ. Къ старости человѣкъ всегда одинокъ и никому не нуженъ.

Сходила ночь. Поемные луга закурились туманомъ. На томъ берегу рѣки высилась темнымъ огромнымъ силуэтомъ башня элеватора. Мимо, лопоча по водѣ колесиками, пробѣжалъ крошечный пароходикъ и напомнилъ далекіе дни. Изъ бѣлаго рѣчного тумана пришли къ намъ двѣ тихія, милыя тѣни. Но по имени мы ихъ не называли. Только ближе прижались другъ къ другу и, забывъ разницу лѣтъ, забывъ все, кромѣ заснувшаго сада, думали о томъ, чего ужъ не вернуть.

КОНЕЦЪ.

Н. Прокофьевъ. Ледоколъ „Ермакъ“. (Собственность Министерства Торговли и Промышленности).

Ландыши.

Притаившись въ тѣни у кустовъ,
Крошка-фея рукой шаловливой
Нить любимыхъ своихъ жемчуговъ
Нанизала на стебель стыдливый.
Подъ душистою ношей своей
Чуткій стебель любовно склонился,
Въ тишинѣ былъ невѣсты скромнѣй,
Съ вѣтеркомъ онъ игралъ и рѣзвился.
Грѣло солнце, кропила роса,
Мотылекъ прикасался, играя,
И творила природа-краса,
Сокомъ жизни цвѣтокъ наливая.

Дни текли... расцвѣтало кругомъ,
Раздались соловьиныя трели—
На стеблѣ, подъ кудрявымъ кустомъ
Колокольчики вдругъ зазвенѣли,—
Зазвенѣли про зимніе сны,
Про прошедшіе дни, про метели,
Про невзгоды уснувшей страны,
Про снѣгами покрытыя ели,
А потомъ прозвенѣли иной
Пѣснью дивной тепла и привѣта
Про желанное солнце, про зной
И про ласки душистаго лѣта!

Сергѣй Лоповъ.

В. Полѣновъ. „Вошли на Голгоѳу“.

* * *

Были мои предки важными панами
И рѣкой холопью проливали кровь,
А другіе въ Сѣчи были казаками
И вельможныхъ часто вѣшали пановъ.

Чаровницы-панны при дворѣ въ Варшавѣ
Заставляли биться сердце короля,
Заставляли часто забывать о славѣ,
И стонала стономъ польская земля.

А потомъ въ костелѣ передъ езуитомъ
Подъ сурдинку томно каялись въ слезахъ
О грѣхѣ невольномъ, тайною повитомъ,
О крулевскихъ нѣжныхъ, бархатныхъ рѣчахъ...

А въ степи широкой, за Днѣпромъ рѣкою,
Тамъ бродяга-вѣтеръ да плакунъ трава,
Какъ лихіе братья, ссорясь межъ собою,
Тихо шепчутъ звѣздамъ вѣщія слова.

И, прищурясь, звѣзды смотрятъ въ буераки,
Гдѣ, у темной балки, слышенъ плескъ волны,
И лепечутъ вѣтру: это—гайдамаки
Снаряжаютъ къ туркамъ быстрые челны.

И несутся чайки, волны разсѣкая,
Смѣло сквозь пороги стараго Днѣпра,
И играетъ смертью шайка удалая
Съ самой темной ночи, съ ночи до утра.

Оттого-то сердце мнѣ гнетутъ вериги
Нашихъ сѣрыхъ будней, нашихъ тусклыхъ дней.
И душѣ милѣе панскія интриги,
Пѣсни гайдамаковъ, ширь родныхъ степей.

Наталія Грушко.

Весна.

Разсказъ Николая Черешнева.

Перепечатка воспрещается.

I.

Да, не спится сегодня Юркѣ. Не спится, бѣдному. Ворочается съ боку на бокъ, тонетъ въ рытвинахъ старомоднаго дивана,—и улечься-то въ нихъ пытается поудобнѣе и глазенки-то тревожные закрываетъ, а уснуть все никакъ не можетъ.

Не спится? Милый ты мой Юрка.

И душно, и жарко, и большая бабкина подушка нагрѣлась, какъ яйцо на солнопекѣ. Юрка давно ужъ и окно распахнулъ настежь, думалъ: авось прохладнѣе будетъ,—а нѣтъ—все жарко.

А тутъ еще нянька. Вотъ глупая старуха. Совсѣмъ ужъ, кажется, изъ ума выжила на старости-то лѣтъ. На вотъ тебѣ, додумалась-таки. Подсунула, старая, Юркѣ вмѣсто тканеваго одѣяла теплое, да еще стеганое.

Заснешь вѣдь тутъ,—какъ же, держи карманъ шире. И точно онъ мерзлякъ какой, подумаешь. Да, ей-Богу. Совсѣмъ, старая грѣховодница, изъ ума выжила. На вотъ тебѣ, додумалась Аграфена Ивановна, сообразила.

Лежитъ Юрка съ открытыми глазенками. Блуждаютъ темные тревожные глазенки по выбѣленнымъ стѣнамъ кабинета. Должнобыть, къ Пасхѣ бѣлили, — отрывается Юрка отъ своихъ думъ, смотритъ на черные переплеты оконныхъ рамъ на бѣлой стѣнѣ.

Свѣтло въ кабинетѣ, какъ днемъ, — и ночь только спать не даетъ, а тоже вѣдь ночью называется. Уставилась чего-то, смотритъ въ окна дѣдова кабинета, серебряная, безпокойная. И душная.

Ну? Ну, чего она только сюда, спрашивается, и смотритъ? Дѣдовъ кабинетъ, скажешь, не видала? Да? Ну, посмотри, посмотри, ничего. Слава тебѣ Господи, кажется, вѣдь ужъ видывала да перевидывала, а все неймется, все — посмотрѣть надо. Словно малый ребенокъ. Да что, въ самомъ дѣлѣ.

Душно.

И соловьи спать не даютъ. Свищутъ, разбойники, якорь ихъ побери. Словно съ цѣпи сорвались. Что-то ужъ слишкомъ, кажется, они сегодня поразсвистались. На пошугать ли пойти?

А весело...

Взять въ передней дѣдову сучковатую палку съ загнутой ручкой, вылѣзть въ одной рубашонкѣ въ окно, на террасу, промчаться босикомъ по песку аллеи къ старымъ яблонямъ, нагрянуть на разбойничій притонъ.

— Кыш... Кыш... вы... Разбойники! — шарахнутся соловьи вразсыпную, какъ очумѣлые, зашуршатъ по листьямъ,—забрызжетъ въ лицо роса съ яблоневаго цвѣта. Хорошо... — Распѣлись. Шеромыжники. Только спать мѣшаете.

Любитъ Юрка шугать соловьевъ, а нѣтъ—и соловьевъ сегодня шугать не хочется, песъ съ ними. Нехай ихъ поютъ. Вѣдь, какъникакъ, а Юрка долженъ сознаться: любитъ онъ ихъ, разбойниковъ. Какъ-то тихо, грустно бываетъ въ старомъ фруктовомъ саду, когда соловьи перестаютъ пѣть.

Смотрятъ въ окна цвѣтущія вѣтви отдаленныхъ яблонь, кажутся въ лунномъ свѣтѣ какими-то сказочно-бѣлыми шатрами. Порой украдкой заглянетъ въ окно, словно загулявшій парубокъ къ сонной дивчинѣ, неслышный плутоватый вѣтерокъ, бережно донесетъ Юркѣ застѣнчивый ароматъ яблонь. Нанесетъ порой сладкой сиренью.

Не спится.

На селѣ гдѣ-то, кажется, совсѣмъ такъ далеко-далеко, бьетъ караульщикъ въ свою чугунную доску.

Откликнулись въ сосѣдней столовой старинные часы съ кукушкой, пробили-прохрипѣли: двѣнадцать. Двѣнадцать разъ что-то неразборчивое прокашляла спросонья безголосая отъ старости кукушка и опять спряталась, захлопнула за собой маленькое окошечко, точно кассирша въ захудаломъ провинціальномъ театрѣ.

Перевертываетъ Юрка согрѣвшуюся подушку, ложится на холодную сторону наволочки, думаетъ—такъ скорѣе уснетъ. Быстробыстро нагрѣвается подушка отъ разрумяненныхъ Юркиныхъ щекъ. И лицо горитъ. Нѣтъ, не спится.

— Душно,—устало вздыхаетъ-томится Юрка, ворочается съ боку на бокъ въ рытвинахъ стараго дивана.

Бѣдный ты мой Юрка. И счастливый...

II.

Тихо-жалобно проскрипѣла старая дверь. Заглянула-пролилась въ кабинетъ робкая, дрожащая полоса свѣта.

Зачѣмъ-то пришелъ дѣдъ, высокій полный старикъ въ сѣромъ фланелевомъ халатѣ съ красными фланелевыми лацканами и красными обшлагами. Осторожно, закрывая свѣчу рукой, словно въ Великій Четвергъ возвращаясь изъ церкви, неслышно вошелъ въ кабинетъ. Отдѣлилась отъ дѣда, заколыхалась на бѣлой стѣнѣ большая, расплывчатая тѣнь старика.

Думалъ: спитъ Юрка,—нѣтъ, не спитъ, шельма.

Свѣча ласково освѣщаетъ добродушное румяное лицо дѣда съ двойнымъ бритымъ подбородкомъ, съ сѣдыми хохлацкими усами, играетъ на сѣдыхъ бровяхъ, дрожащимъ свѣтомъ отливаетъ на сѣдыхъ курчавыхъ прядяхъ завидно-сохранившихся волосъ, льнетъ къ обнажившейся изъ рубашки волосатой груди.

— Спи, разбойникъ!—гудитъ, какъ шмель, старина.—Окно-то еще зачѣмъ открылъ?

— Жарко,—закрывается ручонкой, жмурится Юрка отъ свѣта.

— Разжарило тебя. Простудиться, что ли, захотѣлъ?

— Не простужусь,—нехотя, вяло отдѣлывается Юрка отъ разговора.

— Смотри, „не простужусь". Охъ, Юрій Петровичъ, Юрій Петровичъ, неладное что-то съ тобой,—озабоченно качаетъ головой дѣдъ, садится къ Юркѣ на диванъ:—Ну-ка, подвинься малость. Ужъ не боленъ ли ты, на самомъ дѣлѣ? Батюшки, голова-то вонъ вѣдь какая горячая. Не принять ли тебѣ на ночь-то хины? А?

Молчитъ Юрка, словно не о немъ и рѣчь идетъ, смотритъ куда-то въ сторону темными тревожными глазенками.

— Прими, Юрій Петровичъ, — пропотѣешь ночью, все какъ рукой сниметъ. А ну какъ расхвораешься? — пугается дѣдъ:—да еще помрешь, сохрани Господи. Что тогда?

— Ну, оставь, дѣдъ, — какимъ-то убитымъ голосомъ тянетъ Юрка.

— Что я тогда твоему-то полковнику скажу?—не унимается старикъ. — Куда ты, скажетъ, старый хрычъ, у меня кадета-то дѣвалъ? Не сберегъ? Вѣдь жалко, поди, отцу-то будетъ. А? Да и мнѣ-то будетъ жалко,—любовно гладитъ дѣдъ Юрку по спинѣ.

— Ну, и прекрасно,—сердится-сдерживается Юрка, понимаетъ теперь, куда гнетъ дѣдъ, слышитъ лукавыя смѣшинки въ голосѣ старика.

— Ну, ну. Не сердись, печонку испортишь,—миролюбиво похлопываетъ старикъ Юрку сквозь рубашонку по извѣстному мѣсту, поднимается съ Юркинаго дивана.—Экой ты какой, братецъ, характерный. Ужъ и пошутить-то съ тобой нельзя.

Помолчалъ Юрка, ничего не отвѣтилъ.

— Охъ, дѣла, дѣла,—лукаво вздыхаетъ румяный дѣдъ, бредетъ къ желтенькому книжному шкапу въ простѣнкѣ оконъ.—Дѣла, какъ сажа бѣла. Ну, ничего. Ты, Юрій Петровичъ, не робѣй. На то ты и кадетъ. Оно хоть и маленькій, а все-таки, глядишь, кадетъ,—роется старикъ въ книжномъ шкапу.

Молчитъ Юрка. Ни слова.

Чернѣютъ на каламянковой наволочкѣ курчавые волосы. Тонетъ маленькая голова въ большой пуховой подушкѣ. Не мигаючи смотрятъ передъ собой темные смышленые глазенки, смотрятъ и

ничего не видятъ, горятъ и сверкаютъ затаенной тревогой. Разгорѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, румянецъ на смуглой щекѣ.

Жарко. На полъ сползло съ дивана бабкино стеганое одѣяло.

Устало вздохнетъ порой, думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу и ничего-то придумать не можетъ.

Порылся дѣдъ въ желтенькомъ шкапу, нашелъ какую-то зелененькую засаленную брюшюрку по садоводству, затворилъ шкапъ. Подобралъ полы длиннаго халата, пошелъ къ себѣ. Замаячила на бѣлой стѣнѣ знакомая тѣнь.

Опять остановился передъ Юркой.

— И хоть бы ты постыдился, бездѣльникъ. А? Пожалѣлъ бы чужое-то добро,—качаетъ головой дѣдъ.

— Ну, чего еще?—ворчитъ Юрка.

— Гдѣ у тебя одѣяло-то? Смотри, бабка увидитъ, она тебѣ... Моли Бога, что спитъ.

Не шевельнулся Юрка.

— Ой, Юрка, Юрка,—покачалъ головой дѣдъ, нечего дѣлать,—покряхтѣлъ старина, поднялъ съ полу бабкино одѣяло, положилъ Юркѣ въ ноги.—Не умрешь, такъ много горя наживешь.

Опять промолчалъ Юрка.

— Ну, спи, канашка,—просто говоритъ дѣдъ.—Окно-то потомъ не забудь закрыть.

— Закрою, дѣдъ,—дружелюбнѣе отзывается Юрка.

— Ну, спи съ Богомъ. Доброй ночи. Пошелъ дѣдъ къ себѣ.

— Доброй ночи,—совсѣмъ дружелюбно говоритъ Юрка, и ему становится уже немного стыдно, что онъ такъ говорилъ съ дѣдомъ. Впрочемъ, вѣдь онъ со всѣми такъ разговариваетъ. А все-таки стыдно. Вѣдь если строго-то во всемъ разобраться, и дѣдъ любитъ Юрку, и Юрка любитъ своего дѣда,—зачѣмъ же имъ между собой ссориться?

Шлепаютъ по полу дѣдовы туфли, шмыгаютъ на босой ногѣ. Недовольно проскрипѣла что-то старая дверь, точно проворчала на дѣда, что и ночью-то онъ не даетъ ей покоя, пропустила старика съ свѣчой и опять закрылась, погасила въ кабинетѣ желтый свѣтъ свѣчи,—и опять глядитъ въ окна лунная призрачная ночь, чернѣютъ на бѣлой стѣнѣ переплеты оконныхъ рамъ.

И соловьи поютъ, и сладко сиренью наноситъ. Не слышно вѣтерка,—нашелъ, должно-быть, свои кусты, угомонился загулявшій парубокъ. Стучитъ гдѣ-то колотушка Матвѣича, мирно раздается по саду дробнымъ деревяннымъ стукомъ.

Вернулся дѣдъ, принесъ Юркѣ простыню—и опять ушелъ. Славный у Юрки дѣдъ.

III.

Нѣтъ, не спится. Душно.

Ворочается съ боку на бокъ, вздыхаетъ порой, лежитъ съ открытыми глазенками. Блуждаютъ усталые глазенки по кабинету, безсильные уснуть. Думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу.

Сладко и тревожно бьется сердце, замираетъ въ груди, томитъ Юрку непонятно-счастливой жутью. А почему?—Юрка и самъ не знаетъ. И почему-то передъ темными—и изумленно и тревожно-раскрытыми—глазенками словно стоитъ и не отходитъ притихшая шалунья. Почему?

Кажется, и она чѣмъ-то смущена, и у нея раскраснѣлись щеки, стыдливо призакрылись черными рѣсницами синіе васильки.

Сладко и тревожно замираетъ сердце и невольно тянется къ притихшей шалуньѣ, точно въ ней одной кроется для Юрки разгадка всей неизбывно-свѣтлой тревоги безсонной ночи. Почему?

Одно только теперь угадываетъ Юрка: хочется увидать ее, что-то сказать ей. А зачѣмъ увидать? А что ей сказать?—нѣтъ, этого Юрка не знаетъ. Хочется просто видѣть ее,—на мигъ, украдкой бы только взглянуть на нее, и думается Юркѣ: тогда онъ заснулъ бы спокойно.

„Спитъ ли она? Спитъ",—думаетъ Юрка.

Всѣ въ домѣ спятъ. Ложатся рано. Только онъ не спитъ. Да дѣдъ. Приподнялся на подушкахъ, лежитъ, должно-быть, теперь въ своей дубовой кровати, надѣлъ очки въ серебряной оправѣ, перелистываетъ—далеко держитъ отъ глазъ—засаленную зелененькую брошюрку. А на столикѣ около кровати горитъ свѣча.

Нѣтъ, любитъ все-таки Юрка своего дѣда. Только и насмѣшникъ же этотъ дѣдъ, не дай Господи,—и не разберешь вѣдь сразу: то ли онъ смѣется, то ли дѣло говоритъ.

Какая-то свѣтлая счастливая усталость разливается по тѣлу и томитъ и нѣжитъ его сладкой лѣнью,—и Юркѣ хочется уже улыбаться отъ этого непонятнаго блаженства. И улыбается Юрка, румяный, счастливый, съ головой зарывается въ горячую подушку отъ новаго прилива неизвѣданнаго счастья и какой-то сладкой тревоги.

А въ окна смотритъ и смотритъ майская ночь, ясная и теплая. Точно зоветъ Юрку къ себѣ въ садъ, колдуетъ надъ нимъ своимъ весеннимъ колдовствомъ, жуткимъ и радостнымъ, и знакомые васильки рисуетъ передъ глазами, манитъ къ себѣ синими васильками въ черныхъ рѣсницахъ,—и Юрка начинаетъ сдаваться на весенній безмолвный зовъ.

Сверкнула въ глазенкахъ какая-то плутоватая мысль. Приподнялся на диванѣ, прислушался: тихо, только и слыхать, что соловьи поютъ. „Пойте, пойте, шеромыжники",—себѣ на-умѣ улыбается Юрка.

Выбрался изъ своихъ рытвинъ, прокрался на цыпочкахъ къ двери: и въ коридорѣ тихо. Бабка перекрестила его и теперь не придетъ. Дѣдъ теперь тоже не придетъ. Пробрался къ окну, выглянулъ на освѣщенную открытую террасу: и тутъ никого нѣтъ. Да и кому быть?—спятъ всѣ.

А въ саду—свѣтлынь, такъ и манитъ Юрку. И въ главной аллеѣ никого не видать, и Матвѣича нѣтъ.

Блеститъ въ лунномъ свѣтѣ широкая яблоневая аллея, и стѣны у нея бѣлыя, и песокъ, что голубая лента, протянутая внизъ, къ серебрящемуся въ лунномъ свѣтѣ пруду. Весь садъ въ цвѣту, куда ни взглянешь—всюду шатры, шатры, словно цѣлый лагерь расположился въ старомъ фруктовомъ саду.

Взобрался Юрка на подоконникъ, вылѣзъ—задомъ напередъ—изъ окна на террасу; чуть скрипнула старая половица, щекочетъ горячія ноги холодный полъ террасы. Озирается по сторонамъ, согнулся, крадется подъ окнами: не увидѣлъ бы кто изъ дома. Пробрался къ ступенямъ,—нѣтъ...

Вѣдь и тутъ-то не могъ не сошкольничать: мгновенно осѣдлалъ верхомъ гладкія перила лѣстницы, мигомъ слетѣлъ на песокъ аллеи, куда и усталость дѣвалась. А вѣдь испугался все-таки, озорной мальчишка, своей выходки: шмыгнулъ за кустъ барбариса, выглядываетъ изъ-за него, озирается по сторонамъ.

Ни облачка надъ бѣлымъ лагеремъ, только—луна, цѣлое море луннаго свѣта. Точно заснула она въ воздухѣ, про все забыла на свѣтѣ и про лучи свои забыла, а имъ только того и надо: видятъ—спитъ старая колдунья, словно Ивановна съ чулкомъ,—всѣ разбѣжались.

Вырвались лучи на майскую волюшку, рады-радешеньки, заиграли—кто во что гораздъ: кто росинкой, кто битымъ стеклышкомъ; а около зеркальнаго шара на клумбѣ, Боже ты мой, что только и дѣлается, точно онъ въ святые попалъ, такое сіяніе исходитъ, что ослѣпнуть можно.

А люди-то еще ахаютъ да удивляются: почему да почему это сегодня ночь такая свѣтлая? А вѣдь луна—старуха непокладистая, свѣту даетъ скупо,—иной разъ сошлется на застарѣлый ревматизмъ, такъ ты ее изъ облаковъ-то и калачомъ не выманишь. А сегодня и облака всѣ разогнала.

Жутковато все-таки одному въ саду. Никого нѣтъ, только соловьи. Много соловьевъ, свищутъ во всѣхъ углахъ зачарованнаго луннымъ свѣтомъ сказочнаго лагеря. Спитъ лагерь.

Пробирается Юрка за террасой къ другой части дома,—знаетъ, шельма, гдѣ дѣвичьи окна. Не спитъ?—замираетъ Юрка передъ знакомыми окнами. Настежъ раскрыты, слабо свѣтятся въ лунной свѣтлыни Иринины окна, должно-быть, только ночникъ горитъ. Прислушался: тихо. Нѣтъ, спитъ.

Пробирается къ знакомымъ кустамъ сирени, закрывшимъ фундаментъ дома, а ноги щекочетъ своимъ холодкомъ мокрая трава, того и гляди—не выдержитъ Юрка, запрыгаетъ на одной ногѣ, захохочетъ отъ росной щекотки,—и ежится, сдерживается Юрка, боится выдать себя смѣхомъ.

Крадется къ освѣщеннымъ окнамъ и снова пугается: а вдругъ кто увидитъ?—выглядываетъ плутовато изъ кустовъ сирени, смотритъ вдоль бѣлыхъ шатровъ, на голубую ленту аллеи, настораживаетъ уши: нѣтъ, никого нѣтъ,—хитро улыбается Юрка.

Частымъ холоднымъ дождемъ, якорь ее побери, брызжетъ съ сиреней роса, брызжетъ на волосы, на лицо, мочитъ длинную рубашонку,—весело бодрому Юркѣ, точно водой ключевой умылся. Утирается рукавомъ. А трава такъ и щекочетъ вздрагивающія отъ свѣжести ноги, такъ и подмываетъ Юрку запрыгать, расхохотаться отъ ея щекотки звонкимъ хохотомъ. Нѣтъ, братъ, шалишь,—не расхохочется Юрка.

Ударилъ въ селѣ караульщикъ въ чугунную доску: часъ. Кашлянула, должно-быть, сейчасъ въ столовой и кукушка. Прозвенѣла въ чуткомъ прозрачномъ воздухѣ дрожащая баритонная нотка,—словно порвавшаяся струна, отзвенѣла и смолкла, растаяла въ лунномъ свѣтѣ.

И опять въ саду—тишина, только соловьи поютъ. Заливаются, канальи. Пойте, пойте, шеромыжники.

IV.

Пробрался Юрка къ Ирининымъ окнамъ, опять прислушался: тихо,—должно-быть, спятъ.

Затаилъ дыханье, неслышно цѣпляется ручонками за старыя потемнѣвшія бревна, путается въ длинной ночной рубашонкѣ, съ трудомъ карабкается на выдавшійся изъ-подъ дома бѣлѣющій известкой фундаментъ, срывается съ него и лѣзетъ снова. Вскарабкался, крѣпко держится цѣпкой ручонкой за какой-то гвоздь.

Переводитъ дыханье. А сердце бьется и замираетъ.

Боясь и сорваться и выдать себя малѣйшимъ шорохомъ, тянется Юрка къ подоконнику,—закусилъ нижнюю губу, тихо протягиваетъ ручонку къ деревянной рѣзьбѣ окна, такъ тихо—точно муху готовится накрыть. А хитро улыбаются плутоватые глазенки. Выпрямляется на фундаментѣ, ухватился за рѣзьбу, сейчасъ заглянетъ въ Иринино окно...

Вздрогнулъ и замеръ, опустился на бѣлый фундаментъ, держится за свой гвоздь: зазвенѣлъ за окномъ знакомый смѣхъ. Фу, какъ она его напугала: бьется сердце, какъ у испуганнаго зайчонки. Звенитъ за окномъ задорный смѣхъ.

— На вотъ, на вотъ. Опять,—слышится голосъ Ивановны:—опять. Поглядите-ка вы на нее, люди добрые,—всплескиваетъ должно-быть, старуха руками.—На вотъ, на вотъ. Коза, коза. Да,

коза и есть. И скоро ли тебя угомонъ-то возьметъ? Полуночница. Вонъ какъ, вонъ какъ.

„Что она тамъ дѣлаетъ?“—оправился отъ испуга, прислушивается Юрка къ звонкому, заразительному смѣху и почему-то радъ, что и Ирина не спитъ,—и снова хочется заглянуть къ ней въ окно, и страшно выпрямиться: не спятъ, увидятъ.

А смѣхъ все звенитъ да звенитъ.

— Да спи ты, спи! Господи ты мой, Боже милостивый,—ворчитъ старая грѣховодница.—Опять. Безстыдница. У, безстыдница, управы-то на тебя нѣту. Да, право,—томится Ивановна въ сладкой дремотѣ, слышно, какъ позѣвываетъ старуха.

Набирается Юрка храбрости, и самого подмываетъ засмѣяться такъ же задорно и радостно, куда только и страхъ исчезъ. Прильнулъ, шельма, къ дѣвичью окну, тянется заглянуть въ него, мелькнула въ головѣ озорная мысль: „а не испугать ли ихъ тамъ, а потомъ...“

Зашуршало что-то въ кустахъ. Опять захолонуло сердце, опустился испуганно подъ окномъ: шуршитъ и шуршитъ. Страшно и жутко, и мурашки по тѣлу забѣгали, а мокрая рубашка словно похолодѣла вся, такъ и льнетъ къ тѣлу. Кто тамъ въ кустахъ?

А изъ сиреней выскочилъ Шарикъ, торопливо тычется мордой въ помятую Юркой траву, увидалъ бѣлаго Юрку и — точно на медвѣдя напоролся: шарахнулся въ страхѣ назадъ, сдѣлалъ стойку, залился на весь садъ тревожнымъ лаемъ.

Растерялся, поблѣднѣлъ Юрка,—надо прятаться, сейчасъ увидятъ, и страшно спрыгнуть съ фундамента: а, ну, какъ кинется на него да искусаетъ? А Шарикъ лаетъ, заставилъ-таки Юрку спрыгнуть въ траву, а самъ еще дальше отъ него отскочилъ.

Часто-часто колотится въ груди испуганное сердце, словно разорваться хочетъ.

— Шарикъ, Шарикъ. Цыцъ ты, цыцъ! Я это, я,—растерянно лепечетъ Юрка, забирается въ кусты сирени, шепотомъ старается унять Шарика: - Цыцъ! Ну? Я тебѣ!..—грозится ужъ на него изъ кустовъ.

Смолкъ Шарикъ. Не звенитъ и за окномъ знакомый смѣхъ. Частымъ дождемъ брызжетъ и брызжетъ на Юрку холодная роса.

— Кто тутъ?—слышится въ окнѣ встревоженный голосъ Ивановны.—Кто тутъ?—и никого уже нѣтъ подъ окнами. На кого онъ тутъ опять лаетъ? У, пустозвонъ!—ворчитъ нянька на Шарика: слышится стукъ затворяемыхъ старухой оконъ.

Прыгаетъ Шарикъ, визжитъ отъ радости: узналъ Юрку. Тычется мокрой мордой въ Юркины ноги, виляетъ виновато пушистымъ хвостомъ: дуракъ-дуракомъ, а вѣдь понимаетъ, каналья, что все дѣло своимъ дурацкимъ лаемъ испортилъ,— не узналъ Касьянъ своихъ крестьянъ. Визжитъ теперь, того и жди, что зальется радостнымъ лаемъ.

— Цыцъ! Отстань, дуракъ! Ну?—выбирается Юрка изъ сиреней, приходитъ въ себя,—свирѣпѣетъ на обрадовавшагося пріятеля, грубо отталкиваетъ Шарика ногой, не знаетъ теперь, какъ отъ него и избавиться:—Ну? Пшелъ! Кому говорятъ?

Пробирается къ террасѣ, озирается по сторонамъ, а глупый Шарикъ не понимаетъ, не хочетъ понять Юрку,—забѣгаетъ впередъ, визжитъ, заигрываетъ съ Юркой, кидается черными мохнатыми лапами къ нему на грудь.

— Пшелъ! Ну?—разсвирѣпѣлъ Юрка, сбросилъ съ себя черныя лапы, сжалъ кулаки: убить готовъ пса,—и досадно и обидно, что изъ-за этого дурака не удалось заглянуть въ Иринино окно:— А все ты, якорь тебя побери. Да ты останешь или нѣтъ?—снова злобно отбрасываетъ отъ себя Шарика, заплакать готовъ: не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться.

А Шарику все невдомекъ: думаетъ—шутитъ съ нимъ Юрка.

Нанесло махоркой.

— Шарко-о! Шарко-о-о!—снова вздрагиваетъ испуганно Юрка,— гдѣ-то совсѣмъ близко раздается старческій тенорокъ хромоногаго Матвѣича, слышно — похрустываетъ подъ сапогами песокъ аллеи.—Шарко-о, фю-тю-тю-у!.. — отсталъ глупый песъ, бросился со всѣхъ ногъ, какъ угорѣлый, къ своему старику. Друзья тоже, подумаешь.

Застучала колотушка, разсыпалась дробно-отчетливымъ деревяннымъ стукомъ по саду, — идетъ Матвѣичъ.

А у Юрки новая забота. И неловко и стыдно показаться сейчасъ на террасѣ: свѣтло, какъ днемъ,—ужъ на что, кажется, подслѣповатъ Матвѣичъ—а и тотъ увидитъ. „А залѣзть въ свое окно?— на мгновенье задумывается Юрка.—Нѣтъ, не успѣть.“

Прячется торопливо за перилами террасы, ползетъ на четвереренькахъ поближе къ своему окну. Бьется сердце, не можетъ успокоиться: а, ну, какъ Матвѣичъ, по своему обыкновенію, вздумаетъ посидѣть съ трубкой на ступенькахъ террасы? Или Шарикъ опять выдастъ своимъ собачьимъ чутьемъ?

Доползъ, сидитъ на корточкахъ за перилами противъ окна, смотритъ на аллею сквозь вырѣзы сердечекъ въ перилахъ, видитъ старика съ трубкой, молитъ—чтобы Матвѣичъ прошелъ мимо. Смолкла колотушка, повернулъ Матвѣичъ въ главную аллею. Отлегло отъ сердца: пронесло.

Ковыляетъ темный Матвѣичъ по свѣтлой лентѣ, уходитъ съ Шарикомъ въ глубь стараго фруктоваго сада, спускается къ серебрящемуся внизу пруду съ чернѣющей на берегу старенькой полуразвалившейся мельницей среди развѣсистыхъ ивъ.

— Дуракъ мѣднолобый, — ворчитъ Юрка по адресу Шарика, все еще не можетъ простить ему своей неудачи, — оглядывается предусмотрительно на ковыляющаго Матвѣича, путается въ подолѣ мокрой ночной рубашки, карабкается на свой подоконникъ.

V.

Закрыто окно.

И снова Юрка тонетъ въ рытвинахъ своего дивана, — пора спать, и снова не спится. Все такъ же и душно и жарко, и подушка горячѣетъ отъ разрумяненныхъ Юркиныхъ щекъ.

Опять думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу и ничего-то придумать не можетъ. Тревожно и сладко замираетъ въ груди неспокойное сердце, непонятнымъ блаженствомъ бродитъ въ крови крѣпкій вешній хмель. Но уже не хочется Юркѣ улыбаться: и усталость беретъ, и такъ хочется, до изнеможенія хочется спать.

Все такъ же смотритъ на Юрку майская ночь, колдуетъ надъ нимъ своимъ весеннимъ колдовствомъ, жуткимъ и радостнымъ, и томится Юрка въ весеннемъ плѣну, не знаетъ, какъ сбросить съ себя безпокойныя чары.

Тише, сквозь закрытыя окна, доносится посвистъ соловьиный. Бѣлѣютъ въ лунномъ свѣтѣ отдаленные шатры яблонь. Спитъ сказочный лагерь.

Истомился Юрка.

А къ горячему тѣлу непріятно льнетъ и согрѣвается вымокшая въ росѣ рубашка. Вся вымокла, насквозь,—какъ только Юрка и улечься-то въ ней ухитрился. И она раздражаетъ, и она не даетъ спать, якорь ее побери.

Поднялся на диванѣ, стягиваетъ съ себя льнущую къ тѣлу рубашку, скомкалъ и съ какой-то вспыхнувшей злобой швырнулъ ею въ кресло, точно выместилъ въ этой вспышкѣ и свою неудачу и обиду на глупаго пса, избылъ свою тревогу и сладкій гнетъ безсонной ночи.

Завернулся въ свѣжую дѣдову простыню, перевернулъ горячую подушку, легъ лицомъ къ широкой вогнутой спинкѣ дивана. Ласковымъ холодкомъ охватила-успокоила простыня разгоряченное тѣло.

Уснулъ. Намаялся, бѣдный.

Чернѣютъ на бѣлой стѣнѣ переплеты оконныхъ рамъ. Смотритъ въ окна призрачная весенняя ночь. Далеко гдѣ-то въ бѣломъ лагерѣ стучитъ колотушка хромоногаго Матвѣича.

Спи, Юрка, съ Богомъ.

Микель Анжело Буонарроти.

(1475—1564).

Его жизнь и творчество. Очеркъ **Н. Фореггера.**

(Окончаніе).

V.

Слава о прекрасномъ скульпторѣ наполняетъ Римъ, и 1498 г. кардиналъ Жанъ де-ла-Грослей проситъ его изваять скульптурную группу: „Скорбь Богоматери“. Въ этой группѣ мы не замѣчаемъ вполнѣ выявленной его индивидуальность. Тутъ еще ярко видны наслоенія различныхъ вліяній. Тѣло Христа, лежащаго на колѣняхъ Скорбящей Богоматери, трактуется, какъ тѣло юнаго граціознаго Бога, оно напоминаетъ статуи изнѣженныхъ эфебовъ. Сама Мадонна содержитъ въ себѣ элементъ готики въ прихотливыхъ и мелкихъ извивахъ платья и овальномъ миловидномъ лицѣ. Лицо это, значительно болѣе моложавое, чѣмъ лицо Христа, вызывало недоумѣніе современниковъ, которые спрашивали постоянно Микель Анжело, можетъ ли Мать быть моложе Сына. На этотъ вопросъ, по словамъ Кондиви, Микель Анжело отвѣтилъ слѣдующее: „Развѣ ты не знаешь, что чистота помысловъ лучше всего сохраняетъ свѣжесть тѣла, и что скромныя женщины долго сохраняютъ красоту и свѣжесть лица? Другое дѣло Ея Сынъ. Въ изображеніи Его я руководился той мыслью, что Онъ вполнѣ воплотился въ образѣ человѣка и подверженъ былъ всему, какъ всякій смертный, кромѣ грѣховности. Вотъ почему Іисусъ долженъ быть изображенъ старше того возраста, въ какомъ Онъ пострадалъ. Опытъ и страданіе состарили Его преждевременно.“

„Pietà“, поставленная въ храмѣ Св. Петра, привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ искусства. Но такъ неясны были въ ней элементы творчества Микель Анжело, что многіе, не знавшіе имени автора, относили скульптуру то къ Гоббо изъ Милана, то къ Кристофоро Солари. Эти толки заставили Микель Анжело, гордаго произведеніемъ, вырѣзать на немъ свое имя. За пять лѣтъ своего пребыванія въ Римѣ онъ изваялъ еще нѣсколько статуй, все—подражаніе антикамъ, богатство которыхъ, открывшееся въ Римѣ его глазамъ, не могло его не восхитить.

Въ 1501 г. Микель Анжело возвращается снова во Флоренцію. Савонарола былъ сожженъ, жестокосердный Цезарь Борджіа пріѣзжалъ сюда устраивать миръ. Флорентійцы колебались, не зная, къ какому Богу примкнуть, какой власти отдать себя въ руки. Въ городѣ шли вѣчные раздоры, постоянная борьба мел-

кихъ партій, глубоко изнурявшая Флоренцію. Но жажда къ красотѣ, любовь къ произведеніямъ искусства все еще жили въ душѣ флорентійцевъ.

Когда-то цехъ ткачей вывезъ изъ Каррары огромную глыбу мрамора, чтобы изваять изъ него статую Давида для украшенія купола церкви Санта Фіоре. Работа была эта поручена скульптору Августину деи-Дуччо, который вскорѣ отказался отъ нея въ виду чрезвычайно неудобной формы глыбы. Прошло лѣтъ тридцать, и во Флоренцію одновременно съ Микель Анжело пріѣхалъ скульпторъ Сансовино. Имъ обоимъ была предложена работа надъ мраморомъ. Но въ виду того, что Сансовино отказался работать надъ цѣлой глыбой, работа была поручена Микель Анжело. Онъ началъ ее въ сентябрѣ 1501 г. за жалованье шесть дукатовъ въ мѣсяцъ въ теченіе двухъ лѣтъ и по окончаніи работъ вознагражденіе „по совѣсти“. До 1504 г. онъ работалъ и получилъ по окончаніи работы отъ Флоренціи 400 дукатовъ въ награду за „Давида“. 18 мая 1504 г. „Давидъ“ былъ установленъ на площади Синьоріи и столь плѣнилъ флорентійцевъ, что его „красотѣ удивлялись даже невѣжды“.

Эта статуя изображаетъ Давида, призваннаго къ бою. Онъ еще не натягиваетъ пращу, а подноситъ лишь руку къ ней. Пробужденіе жизни замѣтно въ немъ, онъ начинаетъ ощущать свои силы, сознавать свою мощь, подобно тому, какъ творецъ его сознавалъ свою въ этомъ произведеніи. Для этой скульптуры уже не нужна подпись. Только Микель Анжело могъ бы изваять такъ смѣло глядящее чело такъ мощно въ сознаніи своей непобѣдимости выступающаго героя. Его „Давидъ“—гигантъ, который дѣйствительно могъ вынести на своихъ плечахъ защиту всего народа.

И недаромъ суевѣрные флорентійцы видѣли въ „Гигантѣ“ символъ свободы и благосостоянія Флоренціи. Микель Анжело съ такимъ вдохновеніемъ творилъ, что, казалось, въ свои творенія влагалъ духъ живой. И вѣрили флорентійцы, что если настанетъ „година бѣдъ“, то скажутъ они гиганту: „иди защищай насъ“— и мраморный Давидъ спасетъ ихъ. Въ „Давидѣ“ уже проявилась вполнѣ сила Микель Анжело.

И тутъ же, во Флоренціи, онъ развиваетъ свою любовь къ композиціи, къ бурнымъ поворотамъ, къ богатству выразительности человѣческихъ позъ. Онъ получаетъ рядъ заказовъ на картины и барельефы, изображающіе Богоматерь, гдѣ все яснѣй подходитъ къ суровой выразительности и огневой порывистости, которая характеризуетъ послѣдующій періодъ его дѣятельности, періодъ полной зрѣлости его генія.

„Святое Семейство“ въ Трибунѣ [1],—пишетъ Мутеръ:—первое громовое откровеніе его рѣзкой личности. Прежде въ такія созданія художники вкладывали чувство любви, нѣжности, материнства и радостности... Для него важнѣйшее значеніе имѣютъ тѣ существа нечеловѣческихъ размѣровъ, помѣщающіяся внутри этой композиціи треугольникомъ. Спереди сидитъ, скорчившись и поджавъ ноги, могучая женщина, не похожая ни на прежнюю смиренную Дѣву Марію ни на Царицу небесъ чинквеченто. Это—героиня желѣзнаго сложенія, съ голыми ногами и руками, она тянется, вывернувъ колѣни направо, локти налѣво, черезъ плечо, чтобы взять ребенка у сѣдовласаго атлета, сидящаго за нею. Святое Семейство, это—семейство титановъ; старая тема материнскаго счастья обратилась въ клубокъ движущихся силъ... Тамъ, гдѣ у другихъ художниковъ растутъ деревья, у Микель Анжело вздымаются нагіе люди, которые безъ названія, безъ цѣли, лишь присутствуютъ на картинѣ“.

Микель Анжело послѣ „Давида“ признается величайшимъ художникомъ, и ему вмѣстѣ съ Леонардо да-Винчи поручаютъ роспись стѣнъ въ залѣ собраній Синьоріи.

Леонардо да-Винчи темой беретъ побѣду флорентійцевъ надъ миланцами при Ангіари; Микель Анжело — эпизодъ изъ войны Флоренціи съ Пизой, когда флорентійскіе солдаты, купавшіеся въ Арно, были врасплохъ захвачены непріятелемъ [2].

На работу двухъ геніевъ смотрѣли какъ на состязаніе, результаты котораго интересовали всѣхъ любящихъ искусство, и когда картоны съ выполненными композиціями были выставлены въ Синьоріи, то зала засѣданій, по словамъ Бенвенуто Челлини, стала „школой міра“.

Хитроумный Леонардо въ своемъ картонѣ пытался выразить войну, какъ „животное безуміе“. Все свое знаніе людскихъ страстей, все свое знаніе экспрессій человѣческаго лица напрягъ онъ, чтобы дать картину бѣшеной битвы. Люди въ развѣвающихся плащахъ слились въ неистовой борьбѣ, кони не отстаютъ отъ всадниковъ и тоже несутъ съ собой безуміе. Даже воздухъ вокругъ сражающихся затемненъ множествомъ скрестившихся копій и мечей. „На гравюрѣ Эделинка передъ нами настоящая бойня,—не людей и лошадей, а какихъ-то кентавровъ: люди здѣсь какъ будто срослись съ лошадьми, которые обращены къ публикѣ своими толстыми крупами и приподнятыми хвостами. Ни одной фигуры, которая не отталкивала бы своимъ дьявольскимъ изступленіемъ“,—пишетъ А. Волынскій. Но весь картонъ исполненъ, по словамъ Бенвенуто Челлини, съ „божественнымъ совершенствомъ“.

У Микель Анжело былъ чисто-эллинскій подходъ къ сюжету—онъ не хотѣлъ изображать дикія страсти. Онъ и тутъ высказалъ свою любовь къ человѣческому тѣлу. На берегу плещущейся рѣки купаются солдаты. Но вотъ вдали трубачи возвѣщаютъ тревогу—и нагіе, съ сверкающими отъ воды торсами, выбѣгаютъ изъ рѣки солдаты, торопясь натянуть мокрое платье. Своими тѣлами боговъ они раскрываютъ зрителю красоту пластическихъ позъ и даже торопятся они, по словамъ Бенвенуто Челлини, „съ такими прекрасными жестами, съ такими тѣлодвиженіями, что ни древніе ни новѣйшіе народы не могутъ похвалиться ничѣмъ подобнымъ“.

И флорентійцы, которымъ чужды были изобрѣтательная мудрость и жестокость Леонардо, отдаютъ предпочтеніе Микель Анжело. Но картонъ да-Винчи учитъ юнаго побѣдителя тому, что еще не появлялось на его картинахъ. Глядя на „битву при Ангіари“, Микель Анжело постигаетъ, что не въ изображеніи прекрасныхъ позъ состоитъ задача живописи, а въ томъ, что истинный художникъ долженъ указывать въ человѣческомъ тѣлѣ тѣ мысли, которыя его одухотворяютъ, тѣ страсти, что его зажигаютъ. Художникъ долженъ видѣть красоту и уродство внутренняго міра человѣка, чтобы умѣло и вдохновенно передавать внѣшнее. „Искусство живописи есть, въ сущности, только искусство изображать невидимое посредствомъ видимаго“,—говоритъ Фромантенъ.

VI.

Еще до полнаго окончанія картона „Сраженіе при Кашино“ Микель Анжело былъ призванъ папой Юліемъ II въ Римъ. Въ мартѣ 1505 г. онъ отправляется туда, чтобы предстать предъ человѣкомъ, для прославленія котораго онъ столько сотворилъ и котораго любилъ въ глубинѣ души. Ибо, несмотря на то, что въ своемъ неукротимомъ упрямствѣ и вспыльчивости они доходили до того, что то папа бросался въ ярости на художника и грозилъ ему смертью, то взбѣшенный художникъ швырялъ въ папу горшками отъ красокъ,—они относились съ глубокимъ уваженіемъ другъ къ другу.

Два льва, увѣренные въ своей мощи, они бывали большими друзьями и даже въ гнѣвѣ и ссорѣ съ восторгомъ наблюдали за поступками врага.

Папа Юлій II задумалъ воздвигнуть себѣ еще при жизни надгробный памятникъ и осуществленіе его возложилъ на Микель Анжело. По первоначальному проекту, этотъ надгробный памятникъ представлялъ собой четырехугольникъ въ 30 футовъ длины, 15 ширины, около 30—вышины и раздѣленъ на два яруса. На каждой изъ четырехъ сторонъ нижняго яруса находилась ниша, въ которой стояла статуя Побѣды, попиравшая ногой бунтовщика. Свободное отъ нишъ пространство расчленялось шестнадцатью пилястрами, къ которымъ были прикованы связанные рабы, знаменующіе собою искусства, лишенныя свободы и покровительства послѣ смерти папы Юлія II.

На углахъ второго яруса находились статуи сидящихъ пророковъ, коимъ въ мощи своей былъ подобенъ папа, а между ними—статуи стражей, охраняющихъ покой гробницы. Наконецъ наверху вѣнчали зданіе два ангела, изъ которыхъ одинъ выражаетъ восторгъ, что душа папы вознеслась въ рай, а другой скорбитъ, что земля лишилась столь прекраснаго человѣка. Этотъ проектъ восхитилъ папу, и Микель Анжело немедленно отправляется въ Каррару за мраморомъ.

По его отъѣздѣ партія, не долюбливавшая его ни за талантъ ни за чрезмѣрно рѣзкій языкъ, стремится возстановить противъ него папу и заинтересовать Юлія II проектами, еще болѣе увлекательными и грандіозными, чѣмъ Микель Анжеловскій. Такимъ былъ проектъ архитектора Браманте о постройкѣ колоссальнаго собора Св. Петра на мѣстѣ скромной базилики.

Папа весь ушелъ въ новый проектъ, который долженъ былъ всему міру явить величіе папства. И когда Микель Анжело, вернувшись съ мраморомъ изъ Каррары, принялся за работу, то встрѣтилъ очень сухое къ себѣ отношеніе двора и самого папы. Наконецъ папа отказался однажды принять Микель Анжело.

Микель Анжело, характеръ котораго съ каждымъ годомъ дѣлался все болѣе непокорнымъ и болѣе пылкимъ, гордо заявилъ: „Пусть же онъ меня ищетъ, гдѣ угодно, кромѣ Рима“, мгновенно продалъ имущество и уѣхалъ во Флоренцію.

Рѣзкость его характера, по словамъ современниковъ, возстанавливала всѣхъ противъ него, несмотря на то, что въ немъ было много природной доброты. Онъ ухаживаетъ за своимъ больнымъ слугой, онъ живетъ чрезвычайно скромно, чтобы помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осыпаетъ ихъ проклятіями, человѣка, осмѣлившагося поторговаться съ нимъ изъ-за рисунка, онъ выгоняетъ и охотно раздаетъ рисунки уличнымъ дѣтямъ. Любя народъ, онъ такъ ссорится съ каменотесами и перевозчиками мрамора въ Каррарѣ, что принужденъ спасаться отъ нихъ въ своемъ собственномъ домѣ. И непривѣтливый пріемъ папы заставляетъ его немедля уѣхать изъ Рима. Напрасно раскаявшійся папа шлетъ ему вслѣдъ пословъ: онъ грозитъ смертью всякому, кто къ нему прикоснется. Напрасно гонфалоньеръ [3] Флоренціи Пьеро Содерини, получая постоянныя письма отъ папы,

[1] Тутъ появляются и его живописныя особенности: широкія складки одеждъ, обрисовывающихъ фигуру, и энергичная „скульптурная“ лѣпка тѣла.

[2] Какъ тотъ, такъ и другой картоны не уцѣлѣли до нашего времени. Отъ работы Леонардо сохранились наброски къ этой картинѣ его самого, ученика его Чезаре да Сесто; Рафаэлевскій рисунокъ съ картона, Рубенсовскій рисунокъ деталей и гравюры Эделинка. Отъ работы Микель Анжело до насъ дошла гравюра Скіавонетти, воспроизводящая большую часть композиціи, рисунокъ Даніэля да Вольтера, изображающій лѣвую группу, гравюра Антоніо Венеціано съ центральной части и гравюра Маркантоніо Раймонди съ трехъ солдатъ справа.

[3] Гонфалоньеръ—главный начальникъ войскъ.

убѣждаетъ Микель Анжело вернуться въ Римъ,—онъ остается непреклоннымъ и заявляетъ, что охотнѣй уѣдетъ въ Турцію строить мостъ изъ Константинополя въ Перу. Лишь когда папа, вступивъ въ Болонью, оттуда требуетъ къ себѣ строптиваго художника, послѣдній, желая охранить родной городъ, ѣдетъ къ папѣ, по собственному признанію, точно „съ веревкой на шеѣ“.

VII.

Папа встрѣчаетъ его дружелюбно и добряка-епископа, который началъ убѣждать папу, что Микель Анжело надо простить, „ибо художники—такой народъ, что, кромѣ искусства, ничего не понимаютъ“, бьетъ палкой и называетъ „невѣждой“.

Въ Болоньѣ Микель Анжело льетъ бронзовую статую для фасада церкви Санъ-Петроніо: папа Юлій II съ ключами Петра въ одной рукѣ, другой „грозитъ Болоньѣ“ [1]).

Вернувшись въ Римъ вмѣстѣ съ папой, онъ получаетъ приказъ — расписывать Сикстинскую капеллу. Говорятъ, что это было плодомъ придворныхъ интригъ, что самъ Микель Анжело считалъ себя скульпторомъ, а не живописцемъ. Какъ бы то ни было, въ росписи Сикстинской капеллы онъ съ титаническимъ богатствомъ фантазіи высказалъ свое пластическое чутье.

Сикстинская капелла представляла собою четырехугольную продолговатую залу безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній, когда Микель Анжело въ маѣ 1508 года взялся за ея роспись. Четыре года длилась работа, и только настоятельное требованіе папы заставило Микель Анжело открыть ее всѣмъ, хотя самъ творецъ считалъ ее не законченной. Фрески [2]) на плафонѣ капеллы Микель Анжело долженъ былъ писать лежа и глядя вверхъ, при чемъ, по замкнутости своего характера, онъ не имѣлъ помощниковъ въ живописи и исполнилъ одинъ всю роспись.

О содержаніи живописи плафона писалось очень многое, и эта работа признается работой полнаго расцвѣта его генія. Плоскій огромный потолокъ Синкстинской капеллы онъ дѣлитъ пилястрами, на обоихъ концахъ которыхъ сидятъ въ разнообразныхъ позахъ могучіе ignudi (невольники), поддерживающіе массивныя, словно вылитыя изъ бронзы, гирлянды. Въ пространствахъ между пилястрами заключены композиціи на библейскія темы, гдѣ царитъ не „нѣжнѣйшій“ Христосъ, а сѣдобородый старецъ, могучій Іегова, наполняющій небо и землю величіемъ своихъ силъ.

„Той рече—и быша, той повелѣ—и создашася“.

Простеръ руки Всесильный—и „быть свѣтъ“; пожелалъ—и загорѣлись въ небѣ солнце и луна; „Отдѣленіе земли отъ воды“, „Сотвореніе человѣка“, „Сотвореніе Евы“, „Искушеніе“, „Каинъ и Авель“, „Потопъ“ и „Опьянѣніе Ноя“—эти десять сюжетовъ вдохновляли Микель Анжело при росписи плафона. И видно, что урокъ Леонардо да Винчи не прошелъ даромъ. Тутъ нѣтъ уже лишь упоенія человѣческимъ тѣломъ. Правда, онъ попрежнему любитъ его, но оно служитъ ему прекраснымъ средствомъ, чтобы

[1]) Статуя эта была вскорѣ разбита болонцами.

[2]) Alfresco—по сырому. Методъ работы, обезпечивающій живописи наибольшую прочность, такъ какъ краска накладывается на сырую штукатурку и впитывается въ нее.

М. Добужинскій. Великій Четвергъ.

выразить тѣ мысли, тѣ великія страсти и необъятныя силы, о которыхъ онъ хочетъ повѣдать зрителю. И могучіе планы такъ завладѣваютъ имъ, крылья его фантазіи столь велики, что никогда онъ не бываетъ доволенъ своимъ произведеніемъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ жалуется, что ни одного изъ своихъ произведеній онъ не могъ закончить по своему желанію.

Онъ отвергаетъ цвѣточный и гротесковый [1]) орнаментъ Ренессанса и вмѣсто него возлагаетъ на ignudi нести декоративную роль. И въ нихъ онъ воплощаетъ свой идеалъ красоты. Ими онъ точно говоритъ: „смотрите, какъ прекрасны и могучи могутъ быть творенія Великаго Іеговы“.

Онъ читаетъ только Библію, и она ему напѣваетъ титаническіе образы. Ниже центральныхъ композицій онъ пишетъ гигантскія фигуры пророковъ и сибиллъ, внимающихъ явленію Бога. Вдохновенные, они видятъ Бога. Іона откинулся въ небесномъ трепетѣ, Исаія съ жадностью внимаетъ Его словамъ, Іеремія... Нѣтъ, намъ не нужны ихъ имена. Въ душѣ Микель Анжело пылаютъ чувства. „Что ему дельфійская, либійская, кумейская сибилла! Онъ пишетъ экстазъ, приводящій въ трепетъ гигантскія тѣла“. Онъ пишетъ свой экстазъ, свой трепетъ, скорби и пламенные восторги своей души. „Существо его — не люди. У нихъ ничего нѣтъ общаго съ созданіями, живущими на нашей землѣ,—пишетъ Р. Мутеръ.—Его не прельщаетъ животная красота тѣла, и не для выраженія данной темы служатъ ему его гигантскія, чудовищно преувеличенныя движенія. Онъ только освобождаетъ свою душу отъ давящей ее тяжести. Все, что онъ создалъ, говоритъ о мученіяхъ одинокой, измученной человѣческой души.

Всегда лишь образъ
собственной печали,
Угрюмое чело съ
моей тоской...

Въ 1512 году въ день „Всѣхъ Святыхъ“ папа служилъ мессу въ Сикстинской капеллѣ. Слѣдующій годъ былъ годомъ его кончины.

VIII.

На папскій престолъ вступилъ Левъ X. Жизнерадостный, веселый, онъ любилъ галантныхъ кавалеровъ и хорошенькихъ женщинъ, двусмысленныя шутки и блюда повкуснѣе. Мрачный, титаническій Микель Анжело пугалъ его. Его любимымъ художникомъ былъ Рафаэль.

„Левъ X знаетъ и любитъ васъ, — говоритъ Себестіано дель Пьомбо въ письмѣ къ Микель Анжело: — но вы повергаете въ страхъ весь міръ, даже самихъ папъ“.

Микель Анджело принимается за работу надъ памятникомъ Юлію II, однако въ 1516 г. папа Левъ X поручаетъ ему сооруженіе фасада для церкви Санъ-Лоренцо во Флоренціи, начатой еще Брунелески. Микель Анжело съ восторгомъ берется за это порученіе и въ одномъ изъ писемъ, ликуя, пишетъ: „Этотъ фасадъ Санъ-Лоренцо по архитектурѣ и скульптурѣ будетъ зеркаломъ всей Италіи“.

Но, очевидно, грандіозность проекта пугаетъ папу, и заключенное въ январѣ 1518 г. условіе онъ прекращаетъ въ мартѣ 1520 г.,

[1]) Прихотливое соединеніе животныхъ формъ съ растительными—въ подражаніе римскому орнаменту.

не давъ Микель Анжело даже начать работы. Въ концѣ того же года кардиналъ Джуліо Медичи, впослѣдствіи папа Климентъ VII, предложилъ Микель Анжело работать надъ сооруженіемъ библіотеки и пристройки при церкви С.-Лоренцо для гробницъ семьи Медичи. Въ 1524 году Микель Анджело заканчиваетъ часть архитектурную и приступаетъ къ изваянію надгробныхъ статуй. Но изъ-за смуты, которая волнуетъ всю Италію, работа растягивается на десять лѣтъ.

„Человѣкъ не долженъ смѣяться, когда всѣ плачутъ“,—писалъ однажды Микель Анжело, и, когда Италія рыдала отъ оскорбленій враговъ, душа его изнывала отъ скорби. У него, какъ и у всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ итальянцевъ, была мечта увидать единую, нераздѣленную Италію подъ властью дорогого владыки, а не злого тирана. А въ это время дѣйствительность въ прахъ повергала его мечты. Папа Климентъ VII пользуется наемными войсками Испаніи и Германіи, чтобы водворить порядки въ Италіи. И войска эти вносятъ еще большее смятеніе, создаютъ еще большій раздоръ. И Микель Анжело наравнѣ съ прочими флорентійцами становится на защиту города.

Но, примѣчательная вещь, и тутъ искусство ему дороже всего: онъ не одержимъ политической яростью, онъ ясно отличаетъ правыхъ отъ виновныхъ и, защищая городъ отъ жадности Медичи, работаетъ надъ гробницей для ихъ семьи.

По взятіи Флоренціи, Климентъ VII очень ласково обходится съ художникомъ и даже беретъ его подъ свою защиту отъ наслѣдниковъ папы Юлія II, требующихъ исполненія памятника, который, по словамъ Микель Анжело, сталъ „трагедіей его жизни“. По просьбѣ папы, онъ отдаетъ все свое время созданію гробницъ Медичи. И, открытые флорентійцамъ, онѣ вызываетъ всеобщее преклоненіе.

„Чтобы создать ихъ,—пишетъ Тэнъ:—нужна была душа отшельника, мыслителя, поборника правды, пламенная и великая душа, затерявшаяся среди дряблыхъ и испорченныхъ душъ, среди предательствъ и гнета, подъ неотвратимымъ торжествомъ тираніи и несправедливости, подъ развалинами свободы и отечества... И она нашла послѣднее убѣжище въ искусствѣ, съ помощью котораго говорило среди рабскаго молчанія его великое, охваченное отчаяніемъ, сердце“.

И гробница пріобрѣтаетъ общечеловѣческое значеніе, и статуи, поникшія головами, скорбятъ не о погребенныхъ, а объ идеальной „Силѣ“ и высокой „Мысли“, покинувшихъ Италію. „Сила“ и „Мысль“—названія двухъ статуй [1]), стоящихъ въ нишахъ надъ саркофагами,—названія, данныя имъ флорентійцами, которые почуяли великую печаль изваявшаго ихъ.

И создавали скорбные сонеты о согбенныхъ страждущихъ великанахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Авроры“ и „Сумерекъ“, „Дня и Ночи“. Эти гиганты, объятые усталостью, опускаютъ сильные члены въ тоскѣ по прошедшемъ. И день и ночь, при зарѣ и сумеркахъ, въ душѣ ихъ царитъ Великая, Неумолчная Скорбь.

На всѣ сонеты [2]) Микель Анжело отвѣчаетъ однимъ четверостишіемъ, лучше многихъ словъ рисующимъ то настроеніе, которое жило въ немъ:

Grato mi é il sonno, e piu l'esser di sasso:
Mentre che il danno e la vergogna dura;
Non veder, non sentir m'é gran ventura;
Pero non mi destar; deh, parla basso.

„Сладко спать, а еще слаще быть изъ камня, въ годину позора и бѣдствій. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать—вотъ великое счастье. Такъ не буди же меня, молю, говори тихо“.

IX.

Ждало покоя утомленное тѣло шестидесятилѣтняго художника, но судьба обременяла его работой. Уже началъ ваять Микель Анжело статую Мадонны для надгробія Лоренцо Великолѣпнаго, какъ вступившій въ 1533 году на престолъ папа Павелъ III призвалъ его къ себѣ. Бреве [3]) 1 сентября 1535 г. жалуетъ Микель Анжело званіемъ главнаго скульптора, живописца и архитектора Ватикана и, какъ таковому, назначаетъ жалованье до конца его жизни въ 600 золотыхъ скуди и еще столько же съ мостового дохода черезъ рѣку По у Пьяченцы. Въ концѣ того же года папа поручаетъ ему роспись одной изъ стѣнъ Синкстинской капеллы. И на огромной плоскости, которая открылась художнику по снятіи нѣсколькихъ фресокъ [4]), занимавшихъ ее, онъ изобразилъ „Страшный Судъ“. Эта картина — послѣдній порывъ титана. Суровой, мощной рукой онъ кинулъ на стѣну тысячи мятущихся тѣлъ. И не вглядываясь въ фреску, вы видите бурю всѣхъ силъ, вы чувствуете quantus tremor esi futurus [5]), когда придетъ Судія. И Судія этотъ не „сладчайшій“ Христосъ, а могучій гигантъ, мечущій внизъ на грѣшниковъ свои громы. Надъ Нимъ бурнымъ вихремъ несутся въ небо ангелы съ орудіями мученій Христа въ рукахъ. Къ Нему прильнула Богородица и со скорбью глядитъ на трепетъ, охватившій весь міръ; къ Нему стремятся, подобно вздымающимся волнамъ бушующаго моря, пророки, святые и мученики, а у ногъ Его ангелы трубятъ и возвѣщаютъ приходъ Судіи. Внизу, въ долинѣ Іосафата, смятенные люди внимаютъ могучему голосу трубъ и въ страхѣ, объявшемъ ихъ, летятъ на судъ Вседержителя. И Владыка мощнымъ жестокъ свергаетъ грѣшниковъ въ Адъ, гдѣ

Sospiri, pianti ed alti guai
Risonovan per l'aer senza stelle
(Dante. Inferno) [1]).

грѣшниковъ, теперь лишь познавшихъ ту муку, что суждена имъ. А злобные демоны влекутъ ихъ внизъ въ барку Харона, предъ очи злобнаго Миноса.

И попрежнему на фрескѣ все могучія тѣла, съ еще болѣе рѣзко очерченными мышцами. „Здѣсь воспроизведено все, что могла сдѣлать природа изъ человѣческаго тѣла“,—говоритъ Кондиви. Попрежнему Микель Анжело пишетъ идеальныя тѣла. Въ противоположность другимъ художникамъ Ренессанса, онъ никогда не снабжаетъ историческіе персонажи лицами своихъ знакомыхъ.

Впрочемъ, въ „Страшномъ Судѣ“ есть два портрета. Первый—лицо Миноса, адскаго судьи обвитаго змѣями, стоящаго въ нижнемъ правомъ углу композиціи. Біографы передаютъ намъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ: церемоніймейстеръ папы Біаджо да Чезена, разсматривая живопись, нашелъ непристойнымъ [2]), что всѣ въ ней изображены нагими, и замѣтилъ Павлу III, что такой картинѣ мѣсто въ кабакѣ, а не въ храмѣ. Микель Анжело въ отместку изобразилъ Миноса съ лицомъ Біаджо. На жалобу огорченнаго церемоніймейстера папа отвѣтилъ: „Я имѣю власть связывать и развязывать грѣхи на небѣ и на землѣ. Если бы ты былъ въ Чистилищѣ, я помогъ бы тебѣ молитвами,—но ты долженъ знать, что въ Аду я не имѣю власти“.

Второй, недавно открытый Липгартомъ, портретъ Юлія II, среди праотцевъ, у лѣвой ноги Адама, помѣщенный, очевидно, въ знакъ благодарной памяти. „Флорентійскій мастеръ воздвигъ ему поздній памятникъ въ своемъ сердцѣ и затѣмъ помѣстилъ его въ своей фрескѣ среди праведниковъ, правда, насколько можно, незамѣтнѣе и, собственно говоря, спряталъ его отъ взглядовъ Фарнезе, который, очевидно, не потерпѣлъ бы такой чести для одного изъ своихъ предшественниковъ.“ (Липгартъ) [3]).

Исполнить памятникъ Юлію онъ, несмотря на постоянныя напоминанія фамиліи Ровере, никакъ не успѣвалъ. Только окончивъ въ 1541 году „Страшный Судъ“, онъ снова берется за памятникъ, о которомъ Ровере просятъ, чтобы его кончили, хотя бы въ значительно измѣненномъ размѣрѣ, подъ наблюденіемъ Микель Анжело, его учениками. И лишь въ 1545 году надъ гробомъ Юлія въ церкви Санъ-Петро инъ винкули было поставлено надгробіе. Изъ всѣхъ статуй только три принадлежатъ рѣзцу Микель Анжело — Моисея, Ліи и Рахили [4]). Это—давно уже имъ начатыя статуи, надъ созиданіемъ которыхъ работаетъ онъ урывками, вкладывая въ работу огромную любовь. Моисей достоинъ украшать могилу Юлія. Это—могучій пророкъ-воинъ, сильный, гордый сознаніемъ своей власти. Лицо Моисея, какъ всѣ лица статуй Микель Анжело, полно самой яркой экспрессіи. Смѣлый поворотъ головы, орлиный углубленный взглядъ, посадка отдыхающаго тигра, готоваго вскочить на борьбу, богатство и знаніе законовъ пластики, съ какими изваяна эта статуя, дѣлаютъ ее одной изъ лучшихъ работъ Микель Анжело. Недаромъ онъ, когда статую трудно было пронести сквозь узкую дверь, ударилъ Моисея молоткомъ и воскликнулъ: „Ну, проходи же. Вѣдь ты живой“.

„Рабы“, хранящіеся въ Луврѣ и изваянные послѣ смерти Юлія, знаменуютъ собой переходъ Микель Анжело, о которомъ мы уже упоминали, отъ эллинскаго спокойствія, отъ затаенныхъ страстей къ яркой трагедіи. Одинъ изъ „рабовъ“ еще дремлетъ, зато другой уже извивается въ нестерпимыхъ мукахъ, въ бѣшеной жаждѣ свободы. Созданіе гробницы Юлію II и фрески въ капеллѣ Паолины—одни изъ послѣднихъ работъ Микель Анжело. Фрески эти значительно слабѣе всѣхъ его работъ; ясно уже чувствуется усталость семидесятилѣтняго старца: есть прекрасныя позы, живыя движенія, но уже тухнетъ тотъ огонь, который заставлялъ пламенѣть все созданное имъ. Лишь открывшаяся ему любовь даетъ силы вспышкамъ угасающаго свѣтильника.

X.

Jo mi son un, che, quando
Amore spira noto, e a quel modo
Che detta dentro vo significando.
(Dante. Purg.).

„Я—тотъ, кто пишетъ, когда побуждаетъ къ тому любовь, и такъ записываю я только, что говоритъ во мнѣ“. Эти слова Данте, единственнаго поэта, близкаго по душѣ Микель Анжело, могутъ быть поставлены эпиграфомъ къ сонетамъ художника. И какъ поэтъ въ рощахъ Флоренціи вздыхалъ: „О Беатриче“, такъ

[1]) Статуи эти вѣнчаютъ гробницы людей, игравшихъ очень малую роль въ исторіи. Смѣлый воинъ, знаменующій „Силу“, стоитъ надъ гробомъ Джуліано Медичи, Герцога Немурскаго, сына Лоренцо Великолѣпнаго и брата Льва X. „Il pensiero“ украшаетъ гробницы Лоренцо, герцога Урбинскаго (внука Лоренцо Великолѣпнаго).

[2]) Собственно, этотъ сонетъ былъ отвѣтомъ на четверостишіе Карла Строцци: „Ночь, которую ты видишь тутъ спящей въ столь сладостномъ уединеніи, изваяна ангеломъ. Она спитъ, но она жива. Если ты сомнѣваешься—пробуди ее—она заговоритъ“.

[3]) Бреве—папскій указъ.

[4]) Изъ нихъ три Перуджино и двѣ Микель Анжело.

[5]) Изъ гимна „Dies irae“.—„Какое будетъ смятеніе“.

[1]) „Стоны, жалобы и крики раздаются въ воздухѣ, лишенномъ звѣздъ“.

[2]) „Старые годы“, апрѣль. 1910.

[3]) „Рабы“, предназначенные для памятника, хранятся: четверо неотдѣланные—въ гротѣ садовъ Боболи, двое—въ Луврѣ.

[4]) Крайняя нагота святыхъ смущала папскій дворъ, и одно время поговаривали даже объ уничтоженіи фрески. Дѣло исправилъ ученикъ Микель Анжело—Даніэль да Вольтера, приписавшій всѣмъ святымъ драпировки въ стилѣ учителя. За эту работу онъ получилъ насмѣшливую кличку Il Braghetone (шьющій штаны).

скульпторъ, сжимая свое усталое сердце, мечталъ: „О Викторія“. И любовь ихъ была подобной: платонической, возвышенной, доступной лишь немногимъ, любовью героическихъ душъ, въ грезахъ своихъ парящихъ надъ землею. Мы мало знаемъ объ интимной жизни Микель Анжело, и было бы странно, если бы мы знали многое. Онъ былъ черезчуръ замкнутъ, и, судя по его письмамъ, его никогда не согрѣвала любовь. Единственный его слуга Урбино былъ горячо привязанъ къ нему, и смерть Урбино онъ горячо оплакивалъ. Уже старѣя, онъ познакомился съ Викторіей Колонна, вдовой маркиза Пескары, и ей посвятилъ свое сердце.

„Она одна изъ самыхъ блестящихъ и знаменитѣйшихъ женщинъ Италіи и Европы, то-есть всего міра. Цѣломудренная и прекрасная, знающая латынь и высоко развитая, она обладаетъ всѣми качествами, какія можно восхвалять въ женщинѣ“,—пишетъ Франциско де-Голланда.

У нея собираются лучшіе поэты и мыслители, съ нею дѣлится всѣми своими думами Микель Анжело, ей посвящаетъ свои сонеты.

Охваченный порывомъ любви, онъ творитъ статуи, въ которыя вкладываетъ не бурныя стремленія, а нѣжную музыку, тихую гармонію грёзъ измученнаго сердца.

Въ „Снятіи со креста“ и „Pietà“ палаццо Ронданини, въ чуть намѣченныхъ образахъ онъ рисуетъ всю скорбь, всю нѣжность материнской любви надъ тѣломъ Сына. И если въ прежнихъ произведеніяхъ онъ доходилъ до необъятныхъ высотъ трагедіи античной, то тутъ онъ показываетъ всю глубину христіанской скорби.

И въ сонеты свои онъ влагаетъ скорбь. Только въ небѣ можно найти совершенный покой. „Красота этого міра хрупка и обманчива“,—пишетъ онъ, и любовь его не утѣшаетъ. „Любовь, если ты Богъ, то избавь меня отъ своихъ цѣпей. Любовь приноситъ страданіе, и безъ нея пылаетъ и леденѣетъ и бьется безпрестанно подъ тяжестью несчастій сердце, полное скорбной надежды. И въ будущемъ не видитъ ничего, кромѣ жестокаго возврата прошлаго“. Смерть Викторіи Колонны и Урбино дѣлаетъ его еще болѣе одинокимъ. Онъ—послѣдній лучъ Ренессанса, Рафаэль и Леонардо давно уже покоятся въ могилѣ. И самъ Микель Анжело мечтаетъ о смерти. Только тамъ, на небѣ, онъ соединится со своими близкими [1]). „Когда Ты признаешь меня достойнымъ Своей жалости—протяни мнѣ Свою Божественную руку, о Господи, и уведи на небо“. Его желаніе исполнилось 18 февраля 1564 года. Онъ умеръ въ Римѣ и погребенъ во Флоренціи, въ церкви Санта Кроче, рядомъ съ другимъ суровымъ мечтателемъ—Данте.

„Or poserai par sempre,
Stanco mio cor...“

„Отнынѣ ты отдохнешь навѣки, мое усталое сердце“,—эти слова поэта Леопарди слѣдуетъ вспомнить передъ могилой Микель Анжело. Какъ нуженъ намъ теперь такой художникъ, сердце котораго всегда бы сгорало отъ пылающаго вдохновенія. Онъ избѣгалъ бы торжища, выставки, всѣ мѣста, гдѣ глазѣющая толпа ждетъ развлеченій. Въ глубинѣ своей кельи, рыцарь и монахъ искусства, онъ творилъ бы образы небеснаго гнѣва и небесной милости, чтобы увлечь насъ на высоты прекраснаго ликованія.

Старая усадьба.

Маргариты Шубинской.

Старый домъ, другъ юности, другъ далекаго дѣтства!.. Кругомъ со стѣнъ смотрятъ старые портреты... Всюду лѣтніе душистые цвѣты... Я смотрю на нихъ, и передо мною открывается цѣлый міръ грёзъ, мыслей, воспоминаній... Что сложить изъ нихъ—пѣсню, повѣсть, стихи?..

I. Зеленая гостиная.

Сквозь разноцвѣтныя стекла старинныхъ оконъ падаютъ косые лучи заката и синими, красными, фіолетовыми, оранжевыми полосами ложатся на цвѣты букета; цвѣты принимаютъ фантастическій видъ сказки... Они какъ будто тихонько дрожатъ, а солнечные лучи, зажигая по дорогѣ хрусталь и бронзу люстры, краснымъ отблескомъ золотятъ стѣны гостиной. Тихо въ старомъ домѣ... Никого нѣтъ... Окна открыты; въ нихъ льется ароматъ лѣтнихъ душистыхъ цвѣтовъ, струится прохлада вечера, влага рѣки; издалека доносится крикъ перепела... чуть слышный колокольный звонъ... Сколько грусти... Сколько во всемъ таинственной думы... Все непонятно... Все загадочно... Жизнь необъяснима—какъ сонъ...

Темно-зеленыя занавѣси оконъ, оранжевые ноготки, бѣлыя звѣзды табака, синіе генціаны, позолота овальныхъ рамъ портретовъ, высокія стѣны гостиной съ выцвѣтшими, точно увядшими цвѣтами обоевъ—все молчитъ, все проникнуто покоемъ и загадкой вечера. Солнечный лучъ блѣднѣетъ и умираетъ, гаснутъ хрусталь и бронза люстры, темнѣютъ стѣны... Цвѣты въ саду благоухаютъ сильнѣе; кажется, въ ихъ благоуханіи льется пѣсня ихъ души и поднимается къ небу, къ звѣздамъ... О чемъ эта пѣсня?.. О любви... Они поютъ пѣсни любви лучамъ звѣздъ, лучи дрожатъ и тихо льнутъ къ нимъ, и поцѣлуи ихъ превращаются въ слезы, и слезы дрожатъ до утра въ каждой чашечкѣ цвѣтка; утромъ встаетъ солнце, и его лучи—лучи радости—осушаютъ росинки слезъ...

Старые портреты задумчиво смотрятъ изъ позолоченныхъ рамъ. Дама съ розой въ рукахъ, въ платьѣ двадцатыхъ годовъ; кавалеръ въ зеленомъ камзолѣ и пудреномъ парикѣ; красавица въ бархатной амазонкѣ, съ вуалемъ на шляпѣ и хлыстикомъ въ рукахъ; старый вельможа въ бѣломъ мундирѣ со звѣздой... Всѣ они жили, страдали, любили и умерли... Зачѣмъ они жили?.. Кто и зачѣмъ въ плотную массу матеріи бросилъ искры ихъ жизней, метнулъ ихъ быстрѣе падучей звѣзды черезъ міръ и—погасилъ, и отъ всего ихъ яркаго пути осталась лишь горсть пепла?..

Задумчиво смотрятъ старые портреты... Тихо и загадочно вокругъ... Жизнь необъяснима—какъ сонъ...

II. Старые часы.

Въ старомъ домѣ, въ большой столовой, стоятъ старинные высокіе часы. Когда-то, больше ста лѣтъ назадъ, ихъ привезли изъ-за границы; на ихъ футлярѣ вырѣзано имя знаменитаго мастера. Теперь они уже не идутъ больше: они умерли; душа отлетѣла, остался лишь остовъ. Молча стоятъ они между высокими дверями и окномъ, и только лучи заката ласкаютъ ихъ по вечерамъ и загораются на мѣдномъ маятникѣ, какъ улыбка старика... Часы умерли, и ничто не можетъ ихъ оживить. А между тѣмъ давно-давно, когда маятникъ равномѣрно и безпощадно отбивалъ свое „тикъ-такъ“, когда, повинуясь механизму, стрѣлки совершали безчисленные круги, и каждый прошедшій часъ сопровождался гулкимъ торжественнымъ боемъ,—часы жили. Они казались живымъ существомъ, и много всего прошло передъ ихъ глазами... Много радости, много печали... Передъ ними пронеслась помѣщичья жизнь—яркая, шумная, грубо-красивая, разгульно-широкая; много было пропѣто пѣсенъ, много выпито вина, много выплакано слезъ, много промелькнуло жгучихъ звѣздъ краткой радости... равнодушно смотрѣли часы на все изъ своего мрачнаго футляра, и равномѣрно отбивалъ маятникъ „тикъ-такъ“... А жизнь, которая неслась, какъ пестрая, праздничная толпа охотниковъ съ пѣснями, гиканьемъ, звуками трубъ, порою крикомъ пойманнаго звѣря, постепенно стала замедлять свой бѣгъ; рѣже стала толпа гостей, тише звучали пѣсни, лилось вино: хозяева старѣлись, жизнь затихала, и бѣгъ ея дѣлался ближе къ ходу часовъ. Громче стало слышно тиканье маятника, гулко сталъ раздаваться бой въ высокихъ пустыхъ комнатахъ: въ старомъ домѣ остались двое хозяевъ—старый помѣщикъ съ женой; дѣти и молодежь разлетѣлись, и старики доживали свой вѣкъ. „Тикъ-такъ“, „тикъ-такъ“,—равнодушно дробилъ маятникъ безвозвратно уходящую жизнь, часъ за часомъ, день за днемъ, и жутко было слушать старикамъ, какъ каждый ударъ его приближалъ ихъ къ могилѣ. И они умерли, а часы еще долго безучастно и неумолимо дробили жизнь... Но вотъ... остановились и они... Умерли... И уже никогда не оживутъ...

III. Библіотека.

Въ угольной комнатѣ стараго дома стоятъ высокіе краснаго дерева шкапы съ черными переплетами по стеклу. Въ нихъ старыя книги; пахнетъ плѣсенью и затхлымъ; книги въ кожаныхъ переплетахъ; на истлѣвшихъ, пожелтѣлыхъ страницахъ старинный шрифтъ, попадаются замѣтки на поляхъ, кое-гдѣ между страницъ засохшій цвѣтокъ. Сколько грусти, сколько нѣжной прелести въ этихъ порою наивныхъ сентиментальныхъ замѣткахъ, въ этихъ разсыпающихся въ прахъ отъ прикосновенія цвѣтахъ!.. Чья рука бережно сохраняла ихъ? Чье сердце, можетъ-быть, билось при воспоминаніи, что они пробуждали?

Вотъ маленькій томикъ французскаго романа. Кожаный съ золотымъ переплетомъ. Этой книгѣ больше ста лѣтъ; въ ней лежитъ засохшая роза. На заглавномъ листѣ начертано карандашомъ по-французски: „A toi mon amour éternel et sans bornes“.
N. S.

Дальше просьба „къ ней“ внимательно прочитать книгу и по подчеркнутымъ мѣстамъ понять, „что наполняетъ душу“—„ce qui remplie l'âme des sensations que personne ne saurait décrire...“ О, этотъ милый наивный языкъ конца XVIII столѣтія!—A toi mon amour éternel et sans bornes... Такъ вѣрилъ онъ—такъ вѣрила она... И по подчеркнутымъ строкамъ сентиментальнаго романа, какъ туманная грёза, встаетъ далекая, наивная сказка чьей-то любви... И отъ истлѣвшихъ страницъ поднимаются, какъ неясныя видѣнія сна, блѣдныя исчезнувшія лица; они печальны и прекрасны и обвѣяны поэзіей тоже исчезнувшей любви... Звучитъ

[1]) Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ, оставивъ живописныя и скульптурныя работы, отдается архитектурѣ. Онъ окончилъ палаццо Фарнезе, завѣдывалъ планировкой Капитолія, перестроилъ термы Діоклетіана въ церковь Санта Марія дельи Анжели, сдѣлалъ рисунки для церкви Св. Іоанна Флорентійскаго и для порта Пія. Главной его работой было завершеніе труда Браманте—увѣнчаніе куполомъ собора Св. Петра, создавшей ему славу великаго архитектора.

чуть слышный мотивъ забытаго менуэта... Сухіе лепестки розы разсыпаются въ прахъ...

IV. Старый рояль.

Вотъ старый рояль. Онъ молчитъ. Его струны заржавѣли, порваны... Кажется, онъ задумался навѣки, храня неспѣтыя мелодіи, и молча и безучастно смотритъ на мимо идущую жизнь... Онъ молчитъ... Его жизнь прожита, онъ не можетъ больше пѣть родственныхъ пѣсенъ: что бы ни заиграли на немъ, всегда будутъ дрожать, на ряду съ мелодіей, жалобно звенящіе звуки, какъ будто тихія старческія рыданія... И напрасно его золотитъ солнечный лучъ заката:—онъ не можетъ пѣть, онъ можетъ только рыдать...

рою загорается, какъ слеза... Молчитъ старый рояль... Все молчитъ... Только цвѣты благоухаютъ... Дремлетъ зимній садъ; сквозь широкія окна и вѣтви растеній пробивается блѣдный лучъ солнца... Тихо въ старинной бѣлой залѣ... Сколько печали въ этой задумчивой прозрачной тишинѣ... Сколько въ ней невыплаканныхъ звуковъ, сколько искръ невысѣченнаго счастья, сколько волнъ—цѣлое море рыданій... Молчи, загадочная, прозрачная тишина!.. Никому не вѣдай своихъ рыданій! Ни для кого не высѣкай искръ счастья: вспыхнувъ, онѣ угаснутъ... Молчите и вы, струны стараго рояля: зарыдавъ, вы оборветесь... Исчезни, блѣдный лучъ... Тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста... Ты золоти и давай жизнь тому, что можетъ жить... Здѣсь, въ этой тишинѣ, все отжило; въ ней скрыты прошлыя страданья... прошлое

С. Ю. Жуковскій. Старый домъ. (Interieur). (Выставка Союза Русскихъ Художниковъ 1914 г.).

V. Малиновая гостиная.

Тихо въ старой гостиной; свѣтъ высокихъ оконъ скрываютъ тяжелыя ткани поблекшихъ гардинъ; коверъ на полу заглушаетъ шаги; старинная мебель церемонно стоитъ по стѣнамъ и вокругъ овальнаго стола; цвѣты въ жардиньеркахъ, на окнахъ, въ вазахъ. Съ потолка спускается розовая хрустальная люстра. Надъ диваномъ виситъ большая старинная картина въ потемнѣвшей золотой рамѣ, — на ней изображены буря и погибающій корабль... Яростно вздымаются черныя волны; корабль наполовину залитъ водой; люди безпомощно простираютъ руки къ небу, — полная отчаянія и ужаса картина... Солнечные лучи разноцвѣтными огнями лежатъ на коврѣ и стѣнахъ, проливаясь сквозь пестрыя стекла оконъ, и эти яркія синія, красныя, оранжевыя пятна столько прелести сообщаютъ уснувшему, отцвѣтшему міру гостиной,—въ нихъ трепетъ и тепло свѣта и жизни, сказочная радость, тайныя надежды,—какъ будто не все въ мірѣ ужасъ и отчаяніе, какъ будто еще можно жить и радоваться и ждать счастья отъ этихъ яркихъ, окрашенныхъ цвѣтами иллюзій, солнечныхъ лучей...

VI. Старая зала.

Бѣлая зала. Высокія, тихія стѣны, свѣтлыя, задумчивыя... Стерлась позолота карнизовъ и потолка... Поблекли золотистыя ткани занавѣсей и стульевъ... Молча виситъ старинная люстра, чуть вздрагивая хрустальными подвѣсками—въ нихъ свѣтъ по-

счастье... Его ужъ нѣтъ... О немъ горитъ слеза хрустальной люстры, о немъ дрожитъ струна безмолвнаго рояля, о немъ плачутъ бѣлые благоухающіе цвѣты... Спускайся ночь... Пусть тишина заснетъ, пусть уснутъ таящіеся въ ней рыданья... Пусть всему на время будетъ покой... Сонъ—отдыхъ отъ жизни... Смерть—вѣчный покой.

VII. Букетъ ноготковъ.

Цвѣты солнца и счастья, яркіе, оранжевые ноготки! Въ ихъ лепесткахъ горитъ кровавый отблескъ заката, свѣтлое золото солнечныхъ лучей... Пряный запахъ ихъ листьевъ и стеблей говоритъ о родной землѣ, о зеленой травѣ, о свѣтломъ небѣ лѣтнихъ ночей, о мерцающихъ блѣдныхъ звѣздахъ,—въ немъ слышится забытая пѣсня далекой любви...

VIII. Сѣрая комната.

Сѣрая комната. Низкія стѣны. По сѣрому фону гирлянды вялыхъ розъ. Свѣча одиноко горитъ... За окномъ стонетъ вѣтеръ... Тяжекъ жизненный путь! Низко нависъ потолокъ. Давятъ толстыя стѣны... Тускло горитъ свѣча... Пусто и холодно... Низкія окна, низкія двери—жизнь какъ будто сжата со всѣхъ сторонъ! Свѣта не видно, не слышно живого звука... Только вѣтеръ воетъ и стонетъ за окномъ... Свѣча догораетъ... Вспыхиваетъ... Гаснетъ... Усталую голову медленно клонитъ сонъ... Жизнь вдругъ обрывается... Кто-то будто плачетъ? Или это вѣтеръ воетъ за окномъ?..

Голландская живопись. Фламандскій interieur. Картина Іохима Бекелара (1530—1573). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Голландская живопись,

Очеркъ **О. Г. Евгеніева.**

(Съ 8 снимками съ картинъ на стр. 257—259).

Въ настоящемъ нумерѣ журнала читатели найдутъ нѣсколько воспроизведеній картинъ изъ громадной коллекціи только что скончавшагося П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Голландская живопись. Торговка рыбой. Картина Питера Питерсена. (1541—1603). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Въ 1910 году онъ продалъ Эрмитажу все свое рѣдкое собраніе картинъ, состоящихъ большею частью изъ шедевровъ старой голландской и фламандской живописи, съ условіемъ перехода картинъ въ Эрмитажъ лишь послѣ его смерти. Лучшая часть этой коллекціи въ скоромъ времени будетъ выставлена на внутренней площадкѣ Эрмитажа.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій посвящалъ много времени занятіямъ по исторіи искусствъ и былъ тонкимъ знатокомъ голландской и фламандской живописи.

Благодаря его коллекціи, отдѣлъ старой фламандской и голландской школы въ нашемъ Эрмитажѣ будетъ первымъ въ мірѣ.

Петръ Великій уже началъ собирать картины западныхъ художниковъ, покупая преимущественно картины голландскихъ художниковъ. Продолжала покупать картины западныхъ школъ также императрица Елисавета Петровна, но главное ядро Эрмитажа составляютъ пріобрѣтенія императрицы Екатерины II, сдѣлавшей нѣсколько массовыхъ покупокъ: въ 1763 г. ею куплено

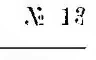
Голландская живопись. Пейзажъ съ двумя повозками. Картина Питера Молейна (1593—1661). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

собраніе прусскаго купца Гацковскаго, въ 1768 г. собраніе Геноа, въ 1769 г. большая галлерея графа Брюля и въ 1772 г. рѣдкая коллекція Кроза, въ 1779 г. собраніе лорда Валополя и въ 1781 г. превосходная коллекція графа Бодуэна.

Екатерина Великая постоянно пополняла свои пріобрѣтенія новыми покупками чрезъ своихъ художественныхъ агентовъ барона Гримма въ Парижѣ и совѣтника Рейфенштейна въ Римѣ.

Императоры Александръ I, Николай I, Александръ II и Александръ III все время пополняли Эрмитажъ какъ массовыми закупками цѣлыхъ коллекцій, такъ и отдѣльныхъ произведеній, и наконецъ при Императорѣ Николаѣ II передано въ Эрмитажъ пять картинъ изъ Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ, въ 1910 г. пріобрѣтена вышеупомянутая галлерея П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, и въ 1913 г. куплена у Бенуа Мадонна, приписываемая кисти Леонардо да-Винчи и своевременно воспроизведенная въ „Нивѣ“.

Въ виду той исключительной значительности и полноты, которой достигъ теперь отдѣлъ голландской живописи въ Эрмитажѣ, мы считаемъ нужнымъ дать здѣсь краткую характеристику старой голландской живописи.



Голландская живопись. Художникъ, пишущій портретъ своей жены. Картина Бартоломеуса Ванъ-деръ-Гольста (1613—1670). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Въ 1609 г. Голландія наконецъ отвоевала у Испаніи свою политическую автономію послѣ 37-лѣтнихъ непрерывныхъ войнъ. Съ этого момента Голландія начинаетъ очень быстро развиваться и обогащаться. Города растутъ съ изумительной быстротой. XVIII вѣкъ—золотой вѣкъ въ исторіи Голландіи. На ряду съ развитіемъ торговли и наукъ искусство въ Голландіи переживаетъ также въ это время эпоху своего полнаго расцвѣта. Живопись получаетъ свою яркую характеристику и пріобрѣтаетъ полное отличіе отъ другихъ школъ.

Послѣ побѣдъ, въ которыхъ бюргерскія корпораціи сыграли видную роль, въ странѣ образовалось много стрѣлковыхъ обществъ. Желая увѣковѣчить свою славу, они заказывали большіе групповые портреты во весь ростъ, которые сыграли важную роль въ голландской живописи. Въ то же время было также основано очень много разныхъ благотворительныхъ обществъ для подачи помощи раненымъ и разоренымъ. Эти общества также давали не мало заказовъ художникамъ. Имѣются также большія группы

Голландская живопись. Флора. Картина Самуэля Питера Смита. (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

ратсгеровъ во главѣ съ бюргермейстеромъ. Даже ученыя общества заказывали свои групповые портреты художникамъ, какъ, напримѣръ, популярная картина Рембрандта—лекція по анатоміи профессора Тулпа.

Много человѣческихъ жертвъ, энергіи, труда и денегъ потеряли голландцы, чтобы отвоевать свое отечество отъ испанцевъ и оградить отъ стихійныхъ бѣдствій свою низменную страну отъ моря постройкой грандіозныхъ дамбъ и цѣлой сѣти каналовъ.

Торжество побѣды надъ всѣмъ этимъ развило вполнѣ понятную гордость и самосознаніе гражданъ и нѣжную любовь къ своей родинѣ и ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ культуры. Какъ въ зеркалѣ, все это отразилось въ живописи голландцевъ.

Голландская живопись, въ противоположность бельгійской, съ ея декоративными пышными твореніями для дворцовъ ея прихотливыхъ владѣтелей и религіозными картинами для католическихъ церквей, была интимной и служила для украшеній стѣнъ маленькихъ, скудно освѣщенныхъ, домовъ зажиточнаго, экономнаго голландскаго бюргера. Это и отразилось какъ на чисто

Голландская живопись. Картина Гонгорста (1637). Три молодыя женщины. (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Голландская живопись. Двѣ матери. Картина Симона Доэ. (1653—1717). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фотографіи Я. Штейнберга.

внѣшней сторонѣ голландской живописи—малый размѣръ картинъ, такъ и на внутреннемъ ея характерѣ: она стала яркой представительницей натуралистическаго направленія во всѣхъ областяхъ: портретъ, пейзажъ, изображеніе быта и мертвая натура.

Все это писалось съ возможной простотой и ясностью, въ мягкихъ сочетаніяхъ красокъ. Въ ихъ живописи они передали съ простой уютной правдой весь бытъ и нравы страны. Съ одинаковой любовью они писали попойки, любовныя сценки и побоища въ избахъ и кабачкахъ, какъ и развлеченія и пирушки военной молодежи и высшаго общества.

Въ передачѣ природы выявилась чуткая поэтическая натура голландскихъ художниковъ, изобразившихъ съ такимъ тонкимъ мастерствомъ просторъ и даль печальныхъ дюнъ и безпредѣльныхъ равнинъ, зеленыхъ, влажныхъ, безграничныхъ пастбищъ съ лѣниво пасущимися на нихъ коровами и меланхоличными, сентиментальными вѣтряными мельницами.

Совершенно самостоятельное мѣсто занимаетъ живопись Рембрандта. Его творчество явилось, какъ чудо, въ исторіи всемірной живописи и выходитъ за всякіе предѣлы національнаго значенія.

Къ рисункамъ.

9 октября истекшаго года скончался извѣстный художникъ Николай Дмитріевичъ Прокофьевъ. Въ нынѣшнемъ году открылась посмертная выставка его картинъ, и въ текущемъ нумерѣ нашего журнала мы воспроизводимъ его бюстъ и нѣкоторыя изъ картинъ.

Н. Д. Прокофьевъ родился въ г. Николаевѣ въ 1866 году, въ семьѣ моряка. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ живописи и еще 16-лѣтнимъ юношей поступилъ въ Академію Художествъ. По окончаніи академическаго курса съ золотою медалью, Прокофьевъ былъ командированъ за границу, много работалъ тамъ и вернулся въ Петербургъ зрѣлымъ художникомъ. Н. Д. Прокофьевъ облюбовалъ преимущественно пейзажъ и въ особенности морскіе виды. Въ немъ сказались врожденная любовь къ морю. Наиболѣе удачными изъ произведеній покойнаго художника являются его марины.

Н. Д. Прокофьевъ ежегодно участвовалъ на художественныхъ выставкахъ. Его пейзажи (въ особенности акварели) имѣли неизмѣнный успѣхъ. Работалъ онъ очень продуктивно и успѣлъ оставить послѣ себя богатое художественное наслѣдство.

Воспроизводимыя въ настоящемъ нумерѣ „Нивы" картины и рисунки: *„Тиръ"* (юношескій эскизъ), *„Память Азова"*, *„Село Воскресенское"*, *„Ледоколъ Ермакъ"*, *„На второй день послѣ гибели Рюрика"*, *„Пиренеи"*, *„Базаръ около церкви"*, *„Каменноостровскій дворецъ"* и *„Мостъ въ паркѣ"*—отличаются прекраснымъ, выдержаннымъ рисункомъ, свѣжей колоритностью и воздушной ясностью. Много трагическаго настроенія въ картинѣ „На второй день послѣ гибели Рюрика": только волны плещутся на томъ мѣстѣ, гдѣ геройски сражался съ японцами нашъ крейсеръ.

Остальные изъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, воспроизводятъ картины А. Рябушкина (*„Распятіе"*), *„Вошли на Голгоөу"* В. Полѣнова, М. Добужинскаго *„Великій Четвергъ"* и С. Ю. Жуковскаго *„Старый домъ"*. Въ картинѣ А. Рябушкина чувствуется ужасъ голгоөской казни: померкшее небо, зловѣщая тишина природы предъ совершающимся великимъ злодѣяніемъ. Еще нѣсколько моментовъ—и всколыхнется земля, и разорвется завѣса въ храмѣ.

Картина В. Полѣнова относится къ извѣстному циклу картинъ, написанныхъ этимъ художникомъ на евангельскія темы. Въ рядѣ этихъ картинъ В. Полѣновъ изображаетъ всю земную жизнь Христа. „Вошли на Голгоөу"—одна изъ лучшихъ его композицій, поражающая и техникой рисунка и глубоко выдержаннымъ настроеніемъ.

Полна настроенія и картина М. Добужинскаго *„Великій Четвергъ"*: предъ нами старый Петербургъ, колоннада Казанскаго собора. Молящіеся расходятся изъ собора послѣ чтенія Евангелій. Идутъ съ горящими свѣчами, и пламя ихъ тихо колеблется въ вечернемъ воздухѣ. Художникъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ передалъ стильные костюмы стараго времени.

Картина С. Ю. Жуковскаго *„Старый домъ"* (Interieur) является какъ бы иллюстраціей къ разсказу М. Шубинской „Старая усадьба". Отъ нея вѣетъ поэзіей старыхъ годовъ, въ которой было такъ много своеобразной прелести.

Между миромъ и войной.

(Политическое обозрѣніе).

Многочисленные примѣры исторіи доказываютъ, что при благопріятныхъ условіяхъ внутренней жизни и талантливости правителей маленькія державы выростаютъ въ огромныя государства, въ то время какъ міровые колоссы, утратившіе силу вну-

Голландская живопись. Концертъ. Картина Дирка Гальса (1600—1656). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). **По фотографіи Я. Штейнберга.**

тренняго сцѣпленія и находящіяся въ процессѣ политическаго вырожденія, разсыпаются на свои этнографическія части и становятся достояніемъ сосѣдей. Крошечная Македонія при Филиппѣ и Александрѣ Великомъ выросла во всемірную монархію, маленькая Пруссія сдѣлалась имперіей, въ то же время отъ древнихъ азіатскихъ имперій остались однѣ развалины столицъ, священная Австрійская имперія потеряла свои итальянскія владѣнія, грозная Турція раздѣлена своими вассалами въ Европѣ и своими защитниками въ ея азіатской колыбели. Военная мощь и политическое значеніе государствъ измѣряются не размѣрами ихъ территоріи, но ихъ внутреннею жизненностью, талантливостью правителей и ясностью національнаго самосознанія народовъ. Самый свѣжій и самый убѣдительный примѣръ—наша сосѣдка Румынія. Пока политическое сознаніе ея было темнымъ, а дипломатія ея шла ложнымъ путемъ въ хвостѣ тройственнаго союза, ея политическая роль была совершенно незамѣтной, но стоило только ей стать на точку зрѣнія національныхъ румынскихъ интересовъ и опереться на балканскія державы при поддержкѣ тройственнаго согласія—и эта крошечная страна сдѣлалась вершительницею судебъ на Балканахъ. Завершивъ затѣянную царемъ Фердинандомъ подъ австрійскими внушеніями вторую братоубійственную балканскую войну Бухарестскимъ мирнымъ договоромъ, Румынія съ тѣхъ поръ стала самой энергичной охранительницей европейскаго мира. Личное выступленіе г. Іонеско въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ побудило турокъ къ подписанію мира съ греками, положило предѣлъ завоевательнымъ планамъ пылкаго Энверъ-бея и наложило узду на аггрессивные замыслы болгарскихъ политиковъ. Новая командировка румынскаго эмиссара въ Константинополь и Аѳины для улаженія греко-турецкаго спора объ Іоническихъ островахъ является непосредственнымъ продолженіемъ той же политики, признакъ же окончательнаго закрѣпленія новаго курса усматривается дипломатами въ торжественномъ посѣщеніи Петербурга наслѣдной румынской четой, встрѣченной въ русской столицѣ съ небывалой для второстепенной державы пышностью.

Художникъ Н. Д. Прокофьевъ. Бюстъ работы г-жи Вернеръ.

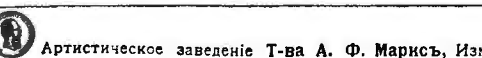
Нѣтъ никакого сомнѣнія, что энергичное давленіе Румыніи въ Константинополѣ снова приведетъ Турцію къ неизбѣжнымъ въ ея положеніи уступкамъ, но, къ сожалѣнію, рѣшеніе вопроса объ островахъ не является единственной угрозою европейскому миру на Балканахъ. Несравненно болѣе сложной и трудной задачей представляется умиротвореніе албанской неразберихи. Дѣло въ томъ, что ни работа международной комиссіи ни пріѣздъ Вильгельма Вида не внесли ни малѣйшаго успокоенія въ страну. Анархія многовластія и фактическаго безвластія продолжается въ ней попрежнему.

Принцъ Видъ признается албанскимъ правителемъ только въ городѣ Дураццо и на территоріи, гдѣ распространено вліяніе Эссада-паши. Его власть держится на такомъ шаткомъ основаніи, какъ вѣрность Эссада-паши и степень довѣрія къ послѣднему со стороны мѣстнаго населенія. Но Эссадъ-паша—мѣстный патріотъ и мусульманинъ, а вся мусульманская часть населеніе остальной Албаніи рѣшительно идетъ противъ принца Вида. Многія изъ приверженцевъ Эссада-паши образовали такъ называемую турецкую партію, около озера Охриды ведутъ успѣшную войну съ отрядами жандармеріи и образовали въ этой части Албаніи свое собственное правительство. Малессія тоже возстала противъ иноземной власти и объявила себя автономной, идутъ сраженія между главою турецкой партіи Шевфетъ-беемъ и приверженцемъ Кемаля-Хаакипашой. Христіане толпами бѣгутъ въ Сербію, но ближайшія къ Сербіи и Черногоріи албанскія племена, быть-можетъ, подъ вліяніемъ иноземной агитаціи, снова предпринимаютъ разбойничьи набѣги на сосѣднюю территорію. На югѣ противъ присоединенія къ Албаніи возстали эпироты во главѣ съ боевымъ греческимъ министромъ Зографомъ, и, повидимому, приведеніе ихъ къ покорности и теперь уже составляетъ задачу, непосильную для снѣдаемаго внутреннею анархіею албанскаго правительства. Для подавленія этого бунта противъ Европы потребуются европейскія войска, но такъ какъ великія державы не захотятъ нести безплодныхъ расходовъ на оккупацію Эпира и всей Албаніи, а, съ другой стороны, по чувству взаимнаго соперничества не дадутъ соотвѣтствующаго полномочія Италія и Австрія, то для новаго, болѣе удачнаго рѣшенія албанскаго вопроса потребуется въ концѣ концовъ и созывъ новой европейской конференціи. Отъ лондонской конференціи она будетъ отличаться тѣмъ, что пройдетъ уже при новомъ настроеніи русскихъ правящихъ сферъ, почувствовавшихъ возрожденную силу Россіи, и при наличности окрѣпшаго отъ недавнихъ кровопролитій балканскаго союза съ Румыніей во главѣ. Добиваясь созыва европейской конференціи, вызывая захватами черногорской территоріи пограничныя столкновенія, предъявляя къ Черногоріи требованіе объ уступкѣ горы Ловченъ, къ Греціи—требованіе на исключительныя права въ пользованіи Салоникскимъ портомъ и къ Сербіи—требованія о проведеніи черезъ сербскую территорію австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вѣнскіе дипломаты не совсѣмъ точно учитываютъ перемѣны, происшедшія въ Петербургѣ и въ Бухарестѣ и совершенно измѣнившія всю политическую конъюнктуру Европы. Весенняя поѣздка императора Вильгельма на о. Корфу, сопровождаемая встрѣчами съ императоромъ австрійскимъ и королемъ итальянскимъ, выяснитъ создавшееся международное положеніе болѣе точно. Она или побудитъ димломатію тройственнаго союза къ мирной ликвидаціи послѣдняго наслѣдія балканской войны въ видѣ албанскаго вопроса, или же дастъ толчокъ энергичнымъ воинственнымъ выступленіямъ, застрѣльщикомъ которыхъ выступитъ та же Австрія, поддерживаемая своимъ вѣрнымъ союзникомъ — Германіей. Съ наступленіемъ весны Европа или вздохнетъ спокойно, или проснется въ одинъ прекрасный день при потрясающемъ громѣ орудій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 7.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получать отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни“**, сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Физеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ нашъ діэтетическій наборъ Пульмана восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани** и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ—**не секретное** средство: онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни“, высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ.

9-9 Напишите только открытку съ указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 23 5

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

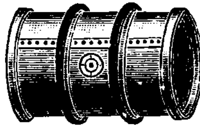
Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностраннаго языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.“, Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец.** и **англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностр. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произвед. даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 р. (за налож. плат. 20 к.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:
ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ. (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив., и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.
2455 2-2
Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО“.
С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.
НУЖНЫ АГЕНТЫ.

ФИРМА УДОСТОЕНА ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ.
по 4 р. 2 р. 2 р 50 к. 2 р 50 к. 8 р. по 5 р. 50 к.
ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБург. **И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29.
Гостинный Дворъ (уголъ вор.) Невскій проспектъ №15³
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЬ-КУРАНТЫ
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

Ни хищеній!
Ни утечки! Ни ремонта!
БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ
Г. РЮЛИНГЪ.
Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья.
(38) Прейсъ-курантъ безплатно. 37605

Единственная въ своемъ родѣ
— НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ —

МГНОВЕННО ДѢЛАЕТЪ РУКИ АБСОЛЮТНО ЧИСТЫМИ, МЯГКИМИ и БАРХАТИСТЫМИ
ИДЕАЛЬНО БѢЛЫЯ РУКИ
КТО ЖЕЛАЕТЪ ИМѢТЬ ВМѢСТО КРАСНЫХЪ и МОРЩИНИСТЫХЪ ПУСТЬ УПОТРЕБЛЯЕТЪ НАСТОЯЩЕЕ БЕЗВРЕДНОЕ
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО АНЖЕЛО да КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА.
ПРОДАЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.
82 Ц. 75 к. Тысячи благодарностей. 6-

Пользующійся всемірной извѣстностью
„ЗИМИ“ (жидкость)

придаетъ лицу **красоту** и нѣжный юный видъ, устраняя въ **самомъ** короткомъ времени **угри,** прыщи и всякія нечистоты кожи.
Цѣна флакона **1 р. 70 к.** съ пересылкой, налож платежомъ 2 р. 15 к.
2253 (можно почтовыми марками). 15-10
Представитель **Іосифъ Гроссманъ,** Варшава, Золотая, №16.

И. И. ЧИЖОВЪ

Литейный пр., № 64. СПБургъ.
Вновь получена большая партія Англійскихъ и Американскихъ рыболовныхъ принадлежностей. Масса новостей. По требованію каталогъ высылается безплатно.
2-1 2700

ГУСТЫЕ ХОРОШІЕ ВОЛОСЫ

характеризуютъ здоровье, олицетворяютъ красоту и силу. Отсутствіе ихъ доказываетъ пренебреженіе къ своему здоровью. Природа одарила нашу голову волосами для предохраненія отъ простуды, насморка, головной боли и для защиты отъ вредныхъ лучей. Наукой доказано, что раціональный гигиеническій уходъ за волосами и употребленіе мыла противъ перхоти, за № 3374, провизора А. М. Остроумова, вполнѣ могутъ способствовать сохраненію волосъ и уничтоженію перхоти. Это мыло продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарск. и парфюмерныхъ магазинахъ. 2641

PASTILLES VALDA
MALADIES des VOIES RESPIRATOIRES
ACTION MERVEILLEUSE
pour le TRAITEMENT Rationnel & Energique des Maux de Gorge, Laryngites, Enrouements, Irritations, Rhumes, Toux, Bronchites, Grippes, Influenza, Catarrhes, Asthme etc.
PHARMACIE PRINCIPALE
H. CANONNE Pharmacien
49, Rue Reaumur, 49
PARIS

ЗАПУЩЕННЫЙ КАТАРРЪ
представляетъ открытыя двери для всѣхъ болѣзней
горла, бронховъ и легкихъ.
не запускайте катарра!
ЛЕЧИТЕ ЕГО
быстро, радикально и дешево при помощи
АНТИСЕПТИЧЕСКИХЪ

ЛЕПЕШЕКЪ ВАЛЬДА

Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ.
ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО настоящія
Лепешки Вальда въ оригинальной коробкѣ съ красной бандеролью и надписью **»Valda«.**
(PASTILLES VALDA) Цѣна 1 рубль.

КТО СТРАДАЕТЪ РЕВМАТИЗМОМЪ?

пусть напишетъ мнѣ и потребуетъ у меня иллюстрирован. брошюру, которую высылаю всѣмъ немедленно

БЕЗПЛАТНО.

Я открылъ средство, совершенно безвредное, но незамѣнимое при лѣченіи ревматизма, подагры и родственныхъ болѣзней, и оно помогло тысячамъ страждущихъ.

Это средство избавитъ и Васъ отъ Вашихъ тяжелыхъ мученій.

Достаточно написать открытое письмо, и я вышлю Вамъ вмѣстѣ съ книгой пробный пакетъ моего средства совершенно **БЕЗПЛАТНО.** Адресуйте: **ВИЛЬЯМЪ ГАЙДЪ ВОЛЛАНСТОНЪ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 18. Отд. 3. Р.** 26-5

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужч. и женщ. вылѣч. навсегда въ 10 дней испыт. вѣрн. средств. мазь „**ГЕМОРЕНЪ**“ проф. „**ГУЧАРДЪ**“. Парижъ. Цѣна 1 банки съ перес. 2 р. 50 к. высыл. нал. платеж. Адр. **Главн. Представ. Блюштейнъ, Лодзь, Н. Каменная, 3.**

2694 3-1

2487 **СТРАУСОВЫЯ ПЕРЬЯ** 9 3
только за 1 р. 50 к. штука.

Страус. перо, черное или бѣлое, дл. 40 с/м., лучш. сортъ, дл. 50 с/м. — **2 р. 50 к.** Сортъ экстра — **3 р. 50 к. Прима — 4 р. 50 к.** Наши перья можно носить 10 лѣтъ, перекладывая съ одной шляпы на друг., и они всегда изящны. За перес. присчит. 55 к., въ Сиб. — 95 к. При заказѣ 3 шт. и бол. перес. наша. Высыл. почтой налож. плат. безъ задатка. Не понрав. — возвращ. деньги сполна. Адресъ: **Лодзь, торг. д. Льва Рубашкина. Н**

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ болѣзней и сохраненіе здоровья

— главная цѣль ежемѣсячнаго популярно-медицинскаго журнала **„Здравіе Семьи“.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе **выдающіеся профессора и врачи-спеціалисты.** На запросы подписчиковъ въ области медицины, журналъ даетъ въ спеціальномъ отдѣлѣ **ОТВѢТЫ**

Цѣна журнала съ приложеніемъ книги **„Комнатная гимнастика для всѣхъ возрастовъ“**

ОДИНЪ РУБЛЬ въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Главная контора журнала — С.-Петербургъ, Галерная, 40.

2691 3-1

2636 1-2

Бильца Санаторія

ДРЕЗДЕНЪ-Радебейль

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke.

2401 26 6

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористый шрифт. **Цѣна** съ перес. **1 р. 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ **на всѣ 4 дѣйств.** арием. **Ц. 40 к.** съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій, 92 — 3.

КАРПИНСКАГО
Бенгальскій Бальзамъ
Анэстезирующій.

Средство противъ невралгіи, ревматизма, мигрени, ишіаса, зубной боли и болей всякаго рода. Слѣдуетъ натереть бальзамомъ заболѣвшее мѣсто и наложить тонкій слой ваты.)—(**Цѣна коробки 90 коп.**

Химико-Фармацевтическая Лабораторія Акц. Общ. „Фр. Карпинскій“ въ Варшавѣ, улица Электоральная, № 35.

Въ С.-Петербургѣ получить можно: 1) въ Первой Женской Аптекѣ А. В. Лесневской, Невскій просп. № 32. 2) въ Русскомъ Общ. Торговли Аптекарскими Товарами, ул. Казанская, № 12.

4-1 2708

Мы требуемъ отъ мужчинъ, чтобы они были здоровые, сильные, энергичные, способные, умные, развитые и богатые.

Мы требуемъ отъ женщинъ, чтобы онѣ были умныя, красивыя, нѣжныя, изящныя, добрыя и здоровыя.

Мы требуемъ отъ матерей, чтобы дѣти ихъ были здоровыя, сильныя, красивыя, умныя и способныя.

Мы требуемъ отъ отцовъ, чтобы они были здоровые, добрые, внимательные, состоятельные и способствовали хорошему воспитанію ихъ дѣтей.

Какъ же достичь высшаго человѣческаго блага?

Почему? Одни богатые, другіе бѣдные?
Одни умные, другіе глупые?
Одни обладаютъ колоссальной памятью, другіе весьма ограниченной?
Одни сильные и здоровые, другіе слабые и хилые?
Одни энергичные, другіе не энергичные?
Одни обладаютъ выдающейся способностью, другіе совершенно неспособные?
Одни счастливые, другіе несчастные?
Одни занимаютъ выдающееся положеніе, другіе влачатъ жалкое существованіе?
Одни обладаютъ сильной волей, другіе безвольные?
Одни добрые, другіе злые?
Одни красивые, другіе уродливые?

Почему все это происходитъ?

Эти вопросы поставлены нами въ первый разъ и Вамъ конечно, трудно отвѣтить.

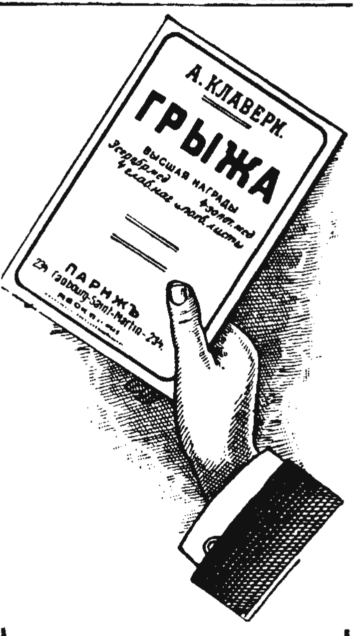
На всѣ вопросы мы дадимъ не только точный отвѣтъ, и не только объяснимъ, почему все это происходитъ, но и укажемъ вѣрный путь къ достиженію высшаго человѣческаго блага. Мы научимъ Васъ: быть здоровыми, сильными, богатыми, умными и счастливыми.

Мы дадимъ Вамъ все то, что Вы сами себѣ желаете.

Мы не собираемся отнимать у Васъ даромъ время, или вводить Васъ въ заблужденіе гипнотизмомъ и внушеніемъ. Наше предложеніе добросовѣстное и честное. Мы не просимъ ни денегъ ни марокъ. Сообщите намъ только точный, разборчивый Вашъ адресъ и Вы получите отъ насъ немедленно отвѣтъ на всѣ интересующіе Васъ вопросы, совершенно **безплатно.**

Нашъ адресъ: **„Т-во ОРДО“, С.-Петербургъ, Коммерческій 56. — К. 11.**

2710 3-1



ГРЫЖА.

Всѣ страдающіе грыжей должны прочесть новое изданіе книги знаменитаго парижскаго спеціалиста

А. КЛАВЕРИ:

„Какъ лѣчить грыжу“.

Въ этой книгѣ изложенъ драгоцѣнный способъ, какъ быстро и вѣрно избавиться отъ грыжи. Текстъ иллюстрированъ многочисленными рисунками, которые наглядно показываютъ стадіи этой болѣзни.

Чтеніе этой книги укажетъ больнымъ, какъ легко и просто можно получить немедленное облегченіе.

Книга высылается за двѣ 7-коп. марки Россійскимъ Отдѣленіемъ фирмы **А. КЛАВЕРИ:**

МОСКВА,

2698 **Петровка, 8, отд. 521.** 2-1

ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ

Н. Н. БЕКЕТОВА

РЕГУЛИРУЕТЪ ПИЩЕВАРЕНІЕ и УКРѢПЛЯЕТЪ ЗДОРОВЬЕ

Золотая медаль на Гигіеническ. Выставкѣ въ Петербургѣ.

Продажа вездѣ.

Собственные магазины: СПБ.: 1) Невскій, 18, тел. 414-05. 2) В. О., 8-я лин., д. 19, тел. 405-93. **Москва:** 1) Тверская, 35, противъ кафе Филиппова, тел. 530-14; 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25. **Кіевъ,** Думская пл., д. 4. **Харьковъ,** Сумская, д. 7, тел. 10-07. **Екатеринославъ,** Проспектъ. **Севастополь. Ялта. Гурзуфъ.** Алушта.

9-3 2494

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ. Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

Послѣдняя новость Parfum Lelia de Lohse

ГРЫЖА

Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомически-пневматическій бандажъ безъ пружинъ констр. д-ра МАРКОНИ, и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. наз. пл. 5 р., двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больного паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 20. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 2701

СПБ., Морская, 23. **А. СКРОНЪ.** 2691 **КРАСКИ ДЕПО** дерев. вещей и аппаратовъ для выжиганія, терракота, метал-пластикъ, тарсо, батикъ, и всѣхъ принадлежн. для художниковъ и для работы гвоздями.

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя изделія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ бесплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ**, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (5)

НОВОСТИ ПАРИЖСК. ЖАНРА ФОТО ГРАФИЧ. снимки, размѣръ откр. 15 шт. разн.—2 р. 30 к., 30 шт.—3 р. 50 к., 50 шт. — 5 р. 50 к., 100 шт.—10 р. Стереоскоп. сним. 8×17 сант. 20 к. шт. Перес. 35 к. Иллюстрир. прейсъ-куран. высыл. по получ. 21 к. или съ 48 сним. 85 к. (можно мар.), нал. плат. 1 р. Адр.: г. Лодзь „АРСЪ и ВИТА“—9, 1 отд. ящ. № 3. 2674 5-2

КЪ СВѢТЛОМУ ПРАЗДНИКУ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ОХОТНИЧЬИ ОТКРЫТКИ

по оригинальнымъ рисункамъ художника Б. В. Зворыкина. Въ три краски въ изящныхъ пакетахъ, дюжина 1 р. 20 к. съ пересылкой. Складъ изданія: контора журнала **„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“**, Москва, Б. Кисельный пер., д. № 7. 2697

ПИВО

2604 8-3

въ сухомъ видѣ разныхъ сортовъ. Новость въ Россіи, патентованное за № 57884. Рекомендую солодовое пиво — лучшее средство въ медицинѣ отъ переутомленія и малокровія. 100 бут. — 3 руб., 50 бут. — 2 руб., 25 бут. — 1 руб. 35 коп.; пересылка — 45 коп. Прейсъ-курантъ безплатно. Пересылать Залѣсскій, заводъ Никотая Глухарева.

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ

Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ“, въ 2-хъ частяхъ съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“ высылаетъ БЕЗПЛАТНО по получении 21 коп. марками на почтовые и другие расходы — (заказнымъ 28 коп.; налож. плат. НЕ высылается) —

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.

Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ иногороднимъ письменные совѣты Плата 50 к. Подробный лѣчебникъ Деринера. 4-е изд. Цѣна 1 р.

БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

1 ЧАСЪ

работы, въ день обезпечитъ всѣмъ мужчинамъ, женщинамъ и подросткамъ постоянный крупный побочный заработокъ. Знаній и капитала не требуется. Разстояніе не препятствуетъ. **Требуйте подробности** (на пересылку прос. прилож. 14 к. марками). С.-Петербургъ, Лиговская 44 — 5. 2586 4-4

Техн. Ком. К-ра „АНОДЪ“.

Филиконъ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 р. 75 к. ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ **Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ** С.П.Б., Гороховая, 9. 2583 13-14

Фотографическіе аппараты для любителей и принадлежности, Бинокли, Огнетушители, Картины масляными красками въ роскошныхъ рамахъ,

НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПЛАТЕЖА у Торговаго Дома **ШТРАНДЕЛЬ ШАУРИНГЪ и Ко.** С.-Петербургъ, Николаевская, 4, АБ. Иллюстрир. каталоги высылаются за 14 коп. почтовыми марками. 2682

Противъ АСТМЫ АБИССИНСКІЙ ПОРОШОКЪ и ПАПИРОСЫ **ЭКЗИБАРЪ** Вѣрное дѣйствіе! Немедленное облегченіе! 6, rue Dombasle, Paris, Oscar Helling, Moscou, Pétrowka, 12. 1478 13-11

ГРОМАДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЛУЧШЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА **·:МЫЛА:· МОЛОДОСТИ „СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ“ А. СІУ и Ко.** 2607 2-1

„КУМЫСЪ“ близъ Самары съ 5-го Мая

Открывается 56-й сезонъ на I-мъ кумысо-лѣчебномъ заведеніи д-ра Н. В. Постникова, основаннаго въ 1858 году. Стерилиз. кумысъ „Экспортъ“, сохраняющійся безъ порчи. Проспекты высылаются по требов. Запросы адрес.: Самара, Кумысъ, Сергѣю Несторовичу Постникову. Въ Москвѣ, у д-ра I. А. Ляховскаго, Спиридоновка, Гранатный пер., 3. Удешевленный пансіонъ для бѣдныхъ 60 р. въ мѣсяцъ безъ кумыса. 2-1 2709

LOTION DEQUEANT ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT,** Phien, 38, rue Clignancourt, **Paris.** Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается вовсѣхъ лучшихъ магазинахъ.* 2277

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариеметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор сиоропись, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды профессс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.

ПУДРА GERMANDRÉE

(ЖЕРМАНДРЕ)

чудно благоухающая, незамѣтная на лицѣ, плотно пристаетъ къ кожѣ, обезпечая ей гигіену и красоту.

КРЕМЪ GERMANDRÉE придаетъ кожѣ нѣжность. **MIGNOT-BOUCHER**, 19, rue Vivienne, **PARIS.** 2479 3-3

2316 10-5

ВЕЛОСИПЕДЫ—ЛИРА

прочны, элегантны, умѣренныхъ цѣнъ.

Требуйте нашъ богато иллюстрированный каталогъ ME велосипедовъ, швейныхъ машинъ, оружія и снаряженія, телефоновъ и мембранъ, часовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, принадлежностей спорта и хозяйственныхъ предметовъ.

Herm. Klassen. G. m. b. H. **Prenzlau** (Германія). 2467 6-6

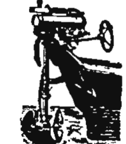
фото-

графическіе аппараты продаются

ВЪ РАЗСРОЧКУ Т./Д. **ЛОРЕНЦЪ и Ко.**

Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42. Прейсъ-курантъ и условія разсрочки безплатно. 2406 19-5

Имѣющіе лодки



могутъ ее въ нѣсколько минутъ превратить въ моторную лодку при помощи нашего вѣчѣбортнаго мотора „ВАТТЪ“, снабж. $2^1/_2$ лош. сил. и $4^1/_2$ лош. силъ.

Об-во Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68. ОТДѢЛЕНІЕ МОСКВА Мясницкая 22, Банковскій переул. ТЕЛЕФОНЪ 357—79. Требуйте каталоги № 8. 2707 2-1

ВАТТЪ ВАТТЪ ВАТТЪ!

Велосипеды „ВАТТЪ“

признаны лучшими въ мірѣ по своей прочности, элегантности и пригодности для самыхъ тяжелыхъ дорогъ. Цѣны весьма дешевыя. Русскій катал. № 56 высыл. по требов. безплатно.

О-во Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68 ОТДѢЛЕНІЕ МОСКВА Мясницкая 22, Банк. пер. ТЕЛЕФОНЪ 357—79. 2-1 2699

Настоящія чер. страусовыя перья, 46 сант. дл., 15 сант. шир. — 1 р. 90 к.; лучшія 45 сант. дл., 15 сант. шир.—3 р.; 50 сант. дл., 16 сант. шир.—6 р. 60 к.; 60 сант. дл., 18 сант. шир.—8 руб. 25 к. Самаго высокаго качества до 60 руб. Плерезы: 42 сант. дл., 32 сант. шир., два раза связанныя—6 р. 60 к. Эспри 10 стеблей 4 р. и дороже. „Райскія птицы“ отъ 15 р. Большой выборъ цвѣтовъ. Прекрасныя шелковистыя розы 3 штуки 1 р. 50 к. Прекрасный каталогъ съ 90 картинами—безплатно. Товаръ высылается наложен. платеж. Германія. Hoffmann, Strassburg, 1/E. 96, Straussfedern-Versand. 3 2578

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями, потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

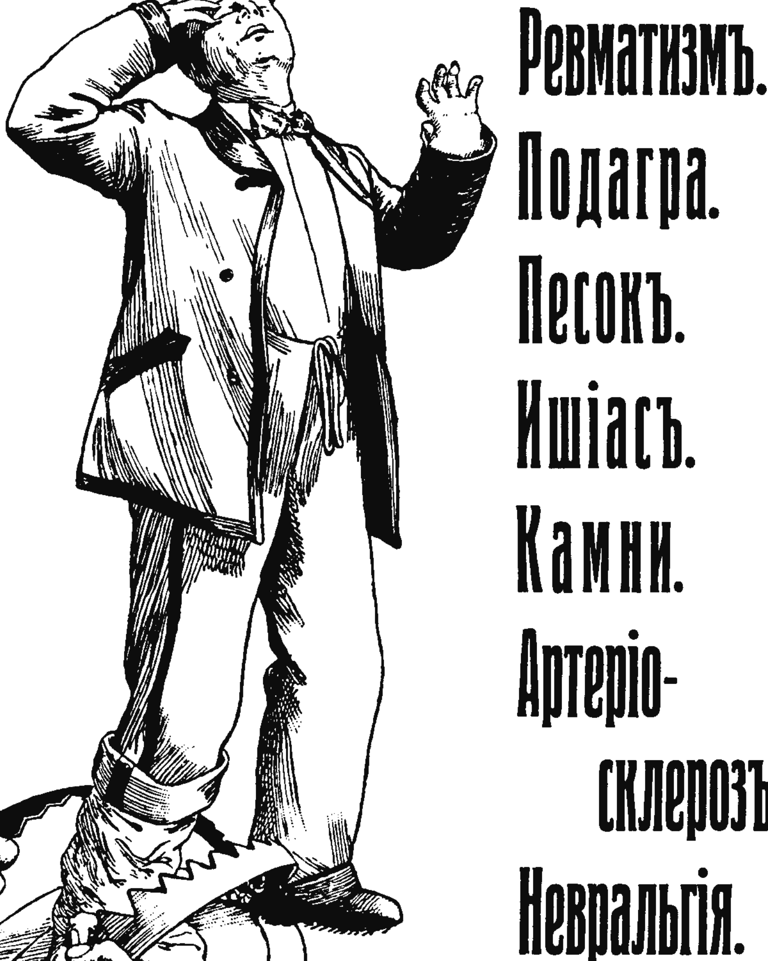
Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ. Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее.

Д-ръ Доріанъ.



Ревматизмъ. Подагра. Песокъ. Ишіасъ. Камни. Артеріо-склерозъ. Невральгія.

ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, № 22.

Анохинъ, А. К. НОВАЯ СИСТЕМА комнатной гимнастики. Психо-физіологическія движенія. Съ 15 рис. Цѣна съ перес. **40 коп.**

Орловъ, М. М., проф. ЛѢСНАЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА для лѣсничихъ, таксаторовъ и лѣсовладѣльцевъ. Цѣна книжки въ изящн. пер. **1 р. 50 к.**, съ перес. **1 р. 70 к.**

Гейне, Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 6-ти томахъ, in 8°. 2-е дополнен. изданіе. Цѣна каждому тому **1 р. 75 к.**, съ перес. **2 р.**; въ перепл. **2 р. 35 к.**, съ перес. **2 р. 60 к.**

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ

Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. **Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе. 30.**

2718 6-1

РОДИТЕЛИ!!!

Если Вы желаете доставить Ваш. дѣтямъ постоянное дешев. удовольствіе, закажите немедл. нашъ безплат. иллюстр. проспектъ „научной новости“. Адресовать (4 коп. откр.) на русск. языкѣ. Германія, г. Берлинъ, Панковъ, Лагеркарте, № 15.

6 1 2719

БѢЛЫЯ НАРЯДНЫЯ БАТИСТОВЫЯ ПЛАТЬЯ.

Лучшее платье для лѣта.

Цѣна отрѣза на платье:

№ 1—7 р. 50 к. № 3—9 р. 50 к.
№ 2—8 р. 50 к. № 4—10 р.

Цвѣтныя съ красивой вышивкой по вуали цвѣтн. бумагой **„Мерсирезе“**. Отрѣзъ 10 р., 12 р. и 15 р., такія же по крену **„Эпонажъ“** на 2 р. дороже. Благодаря своей выработкѣ, назначены такія дешевыя цѣны, наполовину дешевле заграничныхъ.

За высылку прошлаго года имѣю много благодарностей. 2720 3-1

Высылаю наложеннымъ платежомъ.

Москва, Тверская, уг. Садовой, 77.

магазинъ А. Н. Иванова,

(бывш. В. М. БОЛДАКОВА и Ко.).

Утвер Мин. Торг. и Пром. за № 4018.
Германскій патентъ № 386226.

Поддълка преслъдуется закономъ

Это новоизобрѣтенный рисовальный аппаратъ, которымъ въ состояніи всякій, не имѣвшій до сего времени даже понятія о рисованіи, срисовать съ натуры въ точности любое лицо, фигуру, домъ, ландшафтъ и т под. Имъ рисуютъ въ любое время, какъ днемъ такъ и вечеромъ при лампѣ. **ХРИСТАЛЛОГРАФЪ** необходимъ всякому рисующему, какъ любителю такъ и профессіоналу, являясь лучшимъ научнымъ подаркомъ для лицъ всякаго возраста. **ХРИСТАЛЛСГРАФЪ** высылается со всѣми принаддежн. и точн. иллюстриров руковод. съ упак. въ ящикѣ за **4** руб. налож. плат. Въ особо изящн. отдѣлкѣ на 1 р. дороже. Перес. по почт. тарифу въ Европ. Рос. 55 к., Сибирь, Закасп. край 95 к., за Байкалъ 1 р 37 к. Въ Сибирь и Закасп. край безъ задатка не высылается.

Главный представитель 2714

В. А. СОРОКИНЪ.

Магазинъ **СПБ., Лиговская ул., 125—50.**

МЫЛО СУЛЬФИДАЛЬ

1-го Московскаго Института Врачебной Косметики было 6 разъ экспонировано на международныхъ гигіеническихъ и промышленныхъ выставкахъ и получило 6 разъ GRAND PRIX (Парижъ 1910, Римъ 1911, Лондонъ 1911, Генуя 1912, Римъ 1913 и Лондонъ 1913), такъ какъ оно оказалось лучшимъ при выпаденіи волосъ отъ сухой перхоти **(Pityriasis)** и отъ жирной **(Seborrhea).** Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по **75** к. кусокъ; на подлинныхъ кускахъ латинская надпись: **SULFIDAL**, а на oберткѣ полный адресъ Института:

Москва, Садовая-Тріумфал., д. 13.

2704 8-1

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

Торговаго Дома

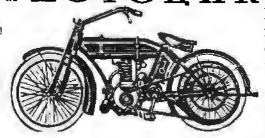
А. М. ДЕМИНЪ и С. Т. ПАВЛОВЪ

МОСКВА, Бол. Дмитровка, д. 12.

При магазинѣ мастерскія: **ОРУЖЕЙНАЯ и ЧУЧЕЛЬНАЯ.**

Цѣны дешевле всѣхъ. Требуйте безплатный прейсъ-курантъ. 2721

ВЕЛОСИПЕДЫ И МОТОЦИКЛЫ „ЛУКСУСЪ“.



Признанные лучшими въ Европѣ велосипеды и мотоциклы выгоднѣе пріобрѣтать, выписывая ихъ непосредственно отъ насъ изъ Германіи. Спеціальные типы для русскихъ дорогъ, отличающіеся при легкости и быстротѣ хода особой прочностью и выносливостью. Каталогъ богатаго выбора мотоцикл. и велосипед. новаго выпуска съ цѣнами, включающими пересылку и пошлину, высылается безплатно по треб. **Международный Экспортъ Х. Финкельштейнъ. Германія. Берлинъ, ул. Кантъ, 120/1.**
Exporthaus H. Finkelstein. Berlin. Kantstr. 120/1.

2715 2-1

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7. С.-Петербургъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1581 (13)

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Специальный магазинъ

РЫБОЛОВНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

Ф. Е. БЕРЕЗИНА.

Москва, Лѣнивка, д. 4. Телеф. 4-20-67.

Большой выборъ принадлежностей РЫБОЛОВНАГО СПОРТА лучшихъ заграничныхъ фирмъ и СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ.

Требуйте безплатно иллюстрированный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ на 1914 годъ. 2689

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

ФИРМЫ

ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.

Вслѣдствіе появившихся въ послѣднее время многочисленныхъ подделокъ сѣделъ, упряжей, снаряженій и другихъ издѣлій нашей фабрики (не стѣсняются пользоваться клеймомъ фирмы), честь имѣемъ сообщить многоуважаемымъ покупателямъ, что никакихъ отдѣленій, агентовъ и комиссіонеровъ фирма не имѣетъ, а также не поставляетъ товары никакимъ торговымъ домамъ, товариществамъ, потребительнымъ и экономическимъ обществамъ.

Просимъ непосредственно обращаться въ магазинъ фирмы:

ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.

С.-Петербургъ, улица Гоголя, д. № 4. Телефонъ 62—66

Заказы высылаются по полученіи задатка.

Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

2713

СУДИТЕ САМИ

по получаемымъ нами ежедневно **благодарностямъ:** Въ прошломъ году я выписалъ отъ Вашей Фирмы 9 штукъ часовъ, которые по **вѣрности хода исключительно хороши.** Теперь же прошу Васъ выслать пока еще 5 такихъ же часовъ. Адр. Владикавказъ, Кадетскій Корпусъ. Эд. Ив. Менско.

Я, С. Юденко, благодарю за Ваши высланные часы. Прошу выслать еще 4 экземпляра съ такимъ же вѣрнымъ ходомъ. Кіевъ.

Выписывая отъ насъ часы непосредственно изъ Парижа, Вы гарантированы и увѣрены, что Ваши часы **аккуратнѣйшіе, прочные и элегантные.** Рекомендуемые нами мужскіе и дамскіе часы **„Сецесія“** откр. съ 2-мя крышками и закрытые съ 3-мя крышками изъ металла наподобіе Кавказскаго серебра, живописно гравированные красивыми рисунками (см. рис.) никогда не теряютъ своего первоначальнаго вида. Механизмъ часовъ самаго лучшаго качества, **настоящій анкеръ на 15 камняхъ.** Заводъ головкой „Ремонтуаръ“ разъ въ 40 час., съ провѣреннымъ до минуты ходомъ и позолочен. или посеребрен. циферблат. **Ручаемся за вѣрность хода и прочность металла на 10 лѣтъ.**

Цѣна час. открыт. съ 2 крышк. 4 руб. 50 коп., 2 час. 8 руб. 50 коп., 4 час. 16 руб.
„ „ закрыт. съ 3 крышк. 5 руб. 25 коп., 2 час. 10 руб. — — 4 час. 19 руб.

Безплатно прилагается къ каждымъ часамъ: 1) цѣпь мужская никелевая „Шатленъ“, никогда не чернѣющая, или дамская шейная настоящаго французскаго новаго золота, 2) брелокъ и 3) замшевый кошелекъ для храненія часовъ. Пересылка съ пошлиной 50 коп. Въ Азіатск. Россію 75 коп. Заказы высылаются аккуратно и немедленно наложеннымъ платежомъ и безъ задатка. Писать можно на всѣхъ языкахъ по нижеслѣдующему адресу, который можно переписать или вырѣзать и наклеить на конвертъ (10 коп. мар.) или откр. (4 коп. мар.) **Адресовать:** 2717 2-1

Парижъ, Франція. 8. Paris.	B. Fichelson. Bureau № 13.

Предостереженіе. Во избѣжаніе поддѣлки объявляемъ, что на циферблатѣ рекомендуемыхъ часовъ находится надпись нашей Парижской фирмы.

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гонеррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Больные хронической гонорреей вылѣчиваются по принятіи 4-хъ или 6-ти коробокъ. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ: **МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.**

ЧТО ПИШУТЪ БОЛЬНЫЕ, ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ ОТЪ ХРОНИЧЕСКОЙ ГОНОРРЕИ СРЕДСТВОМЪ „АРМАТИНЪ“.

„М. Г., г. А. Я. Акуліанцъ! Очень благодаренъ Вамъ за Ваше средство Арматинъ, дѣйствіе котораго сказалось сразу въ благопріятную сторону. Трудно вѣрится въ рекламу, но Ваше объявленіе не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей, а предлагаетъ больнымъ здоровье. Въ этомъ я убѣдился и еще разъ высказываю Вамъ свою глубокую признательность. Подпоручикъ Б. П. Раздольное, Прим. обл., 2/XII, 1912“.

„Многоуважаемый г. Акуліанцъ! Благодарю Васъ за изобрѣтенное Вами средство Арматинъ, которымъ я совершенно излѣчился отъ гонорреи, мучившей меня въ теченіе 11-ти лѣтъ. По принятіи 6-ти кор. Арматина я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, что и подтвердилось двукратнымъ изслѣдованіемъ мочи. Не откажите выслать 4 кор. для моего товарища. Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю М. В.“. Макѣевка. Донск. обл., 11 авг. 1912 г. 1169 (13)

ФОТОГР. АППАРАТЫ

ЛУЧШІЕ ПОДАРКИ. **Фотограф. аппараты** со всѣми принадлежн. и печатн. наставл. въ Руб. **4.—, 6.—, 15.—, 60.—** и дороже.
Волшебные фонари исключит. высшаго сорта отъ **1.65** до **100 руб.**
Кинематографы въ **4.50, 7.—, 10.—, 19.—, 28.—** и дороже.

2029 4-3 **НОВОСТЫ!** Для семейства и школъ:
Проэктоскопъ проэктируетъ на экранѣ или на стѣнѣ вездѣ, гдѣ есть электричество, ясно и отчетливо любой **непрозрачный** предметъ, какъ, напр., фотографію, открытку, цвѣты, бабочку и т. п. въ оригинальныхъ краскахъ, около 3-хъ аршинъ величины. Цѣна его съ штепселемъ и шнуромъ, но безъ лампъ Руб. **15.—**. Прейсъ-куранты безплатно. **Бруно Зенгеръ и К°.** Казанская, № 1 (уг. Невскаго).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

для оркестра, школы и дома

Прейсъ-курантъ струнныхъ инструм. безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 213

ВЪ ВѢДѢНІИ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ К. С. ЛИЛІЕНТАЛЬ

МОСКВА, ТРОИЦКІЙ ПРОѢЗДЪ (ПРОТИВЪ МАНЕЖА) 1.

ПРІЕМЪ НА КУРСЫ ОТКРЫТЪ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, СО ВСЯКИМЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ.
СВѢДѢНІЯ, ПРОГРАММЫ и УСТАВЪ КУРСОВЪ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
КАНЦЕЛЯРІЯ КУРСОВЪ ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО. ТЕЛЕФОНЪ 4-49-01.

1969 4-4

ГРЫЖА

Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомическо-пневматическій бандажъ безъ пружинъ констр. д-ра МАРКОНИ, и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. нал. пл. 5 р.; двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больного паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон... **С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 6, отд. 20. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14.**

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT**, Ph^ien, **38, rue Clignancourt, Paris.** Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

1850 18-1

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО, БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ **Т/Д Ю. МАРТЕНСЪ** С.П.Б., Гороховая, 9.

INSTITUT de BEAUTÉ

PARIS - 26, pl. Vendôme **MERLE** 26, pl. Vendôme - PARIS

ПАРФЮМЕРІЯ — КОСМЕТИКА

Единственная фирма въ мірѣ

Гигіеническій и вѣрный способъ для поддержанія молодости и красоты. — **Спеціальные аппараты для предупрежденія и уничтоженія морщинъ.** — Всѣ изделія чисто растительныя, абсолютно безвредныя, и всѣ одобрены городской лабораторіей Парижа.

Не имѣетъ никакихъ Отдѣленій въ Россіи.

Во избѣжаніе поддѣлокъ необходимо требовать на каждомъ издѣліи охранительное клеймо. — Продается во всѣхъ лучшихъ парикмахерскихъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Единственный представитель для всей Россіи: **Б. С. ВЕЙНШТЕЙНЪ**, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Князя Гагарина, кв. 44.

1921 7-2

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

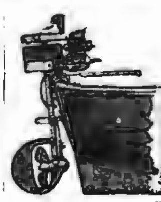
1914 г. № 14. XLV г. изданія

Выданъ 5 апрѣля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за апрѣль.



НИВА

№ 14.
5 Апрѣля 1914 г.

И. Ижакевичъ. Съ праздникомъ.

Богъ на землѣ.

Разсказъ **А. А. Дунина.**

(Съ 7-ю рисунками **В. Спасскаго.**)

Проходила четвертая недѣля Великаго поста. Въ этомъ году, хотя мартъ былъ еще только въ половинѣ, весна началась рано, шла дружно, и снѣга сильно таяли, ледъ на рѣкѣ посинѣлъ и вздулся. Улицы покрылись толстымъ слоемъ навоза; по канавкамъ бѣжали мутные ручьи. Въ воздухѣ пахло особенной, весенней свѣжестью. Солнце свѣтило цѣлые дни ярко и ласково.

Небо, лазурное и глубокое, съ лѣниво ползущими по немъ пуховыми облачками, распростерлось отъ горизонта до горизонта величественнымъ куполомъ.

Подъ этимъ куполомъ стоялъ большой городъ. Въ немъ-то и начиналась весна. На него Богъ изливалъ съ неба золотые лучи солнца, дышалъ на его улицы теплымъ, пріятнымъ воздухомъ, наполнялъ сердца людей тихой радостью.

Въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, жили богатые и бѣдные, добрые и злые, работники и тунеядцы, преступленія и добродѣтели, гордость и приниженность, ложь и правда. Всѣ и все уживались вмѣстѣ.

Внѣшняя жизнь была пестра и разнообразна, внутренняя же у всѣхъ была тяжелая, не лучше каторжной. Въ большей или меньшей степени всѣ чувствовали себя несчастными или неудовлетворенными. Если и находились счастливцы, то это были дѣти. Дѣти были безпечны, веселы и счастливы.

Взрослые же только притворялись, что они счастливы или довольны, а на самомъ дѣлѣ были недовольны и постоянно думали, какъ бы сдѣлаться счастливыми: какъ-нибудь разбогатѣть, получить хорошее мѣсто, стать извѣстностью въ наукѣ, промышленности, торговлѣ, политикѣ, искусствѣ, литературѣ. Но, достигнувъ предѣла своихъ стремленій, добившись богатства, извѣстности, они начинали чувствовать себя попрежнему неудовлетворенными, а иногда и просто несчастными.

Ложь царила въ сердцахъ обитателей большого города. Обманывали другъ друга не только чужіе, но и близкіе люди: мужья обманывали женъ, жены—мужей, дѣти—родителей, родители—дѣтей. Никто не говорилъ всей правды о себѣ и о другихъ людяхъ, никто не былъ искреннимъ въ полной мѣрѣ, потому-что надъ искренностью смѣялись, и человѣкъ, дѣлавшій попытку быть искреннимъ, рисковалъ уронить себя въ мнѣніи другихъ.

Въ общемъ же люди были безучастны другъ къ другу.

Всевозможные расчеты, дѣловыя соображенія, нажива, моды, наряды, порокъ, погоня за удовольствіями охватывали ихъ жизнь желѣзнымъ кольцомъ, такъ что для совершенствованія въ добрѣ, въ любви, въ участіи къ ближнимъ, даже если бы они и желали, у нихъ, въ этомъ кольцѣ, уже не оставалось мѣста.

Богъ дважды посылалалъ Своего ангела въ большой городъ.

Въ первый разъ Богъ послалъ его и сказалъ:

— Люди потеряли совѣсть, душу свою и образъ человѣческій. Поди и спаси ихъ.

И слетѣлъ ангелъ Божій съ неба и взмахнулъ надъ городомъ пламенѣющимъ мечомъ своимъ.

И въ глухую ночь городъ занялся съ четырехъ сторонъ; вспыхнувъ, какъ свѣча, онъ поднялъ къ небу гигантскій языкъ пожара, въ которомъ погибли дома, палацца, храмы, заводы, фабрики, магазины, лачуги бѣдняковъ, вся нищета его, всѣ богатства, накопленныя вѣками.

— Подожгли!—вопили погорѣльцы, обезумѣвшіе отъ горя и ужаса.—Въ огонь злодѣевъ!

Въ пожарище бросили шестерыхъ бродягъ, заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ.

Городъ горѣлъ цѣлую недѣлю, и отъ него не осталось ничего, кромѣ пепла и развалинъ.

Очутившись безъ крова и пищи, спаянные общимъ несчастіемъ, погорѣльцы скоро соединились въ братскомъ влеченіи другъ къ другу—чувствѣ, для нихъ незнакомомъ прежде, въ дни благополучія. Каждый словомъ или дѣломъ спѣшилъ проявить свое участіе къ другимъ, свою доброту, внимательность. Прежніе богачи, превратившись въ бѣдняковъ, входили въ тѣсное общеніе съ людьми, которыхъ, по ихъ низкому общественному положенію, вчера еще они не пустили бы дальше порога своихъ дворцовъ. Исчезли гордость, злоба, зависть. Изъ страны притекали обильныя пожертвованія, и эта доброта людей, которые даже не знали ихъ, трогала ихъ чрезвычайно, вызывая, въ свою очередь, въ сердцахъ ихъ отвѣтное чувство добра и любви къ людямъ.

Годъ спустя, ангелъ вернулся къ Богу и сказалъ:

— Сдѣлалъ по слову Твоему. Не оставилъ отъ жилищъ и храмовъ камня на камнѣ. Слезами очистились сердца ихъ, и снова они хвалятъ имя Твое.

Ничего не отвѣтилъ Господь вѣрному слугѣ Своему; но просвѣтлѣлъ ликъ Его.

Прошли десятки лѣтъ. На пожарищѣ выросъ пышный городъ, богаче и краше прежняго. Жители уже успѣли позабыть братское чувство, связавшее ихъ во время несчастья воедино, и вели обычную классовую жизнь, въ которой гнѣздились такой яркій порокъ и такія чудовищныя преступленія, о какихъ никогда не слыхали ни ихъ предки ни они сами.

Тогда Богъ во второй разъ призвалъ ангела и сказалъ:

— Люди Мои погибаютъ. Поди и спаси ихъ.

И снишелъ ангелъ съ неба и простеръ руку свою надъ городомъ.

Началась ужасная эпидемія холеры, косившая людей сотнями. Весь городъ облекся въ трауръ. Въ каждомъ домѣ плакали по умершимъ. Были и такіе дома, что и плакать въ нихъ было некому: всѣ перемерли.

Косила, косила смерть, выкосила полгорода и стала понемногу уставать; наконецъ и совсѣмъ косу бросила.

Люди опять собрались вмѣстѣ, какъ братья, и построили на пожертвованныя деньги, въ умилостивленіе разгнѣваннаго Бога, величественный храмъ.

Это была искренняя жертва въ память погибшихъ отцовъ, матерей, братьевъ, женъ, дѣтей, друзей. Не было сердца, въ которомъ не таилась бы горечь тяжкой утраты.

Страданіе снова очистило людей, сдѣлало ихъ общительнѣе, проще и добрѣе.

Ангелъ вернулся къ Богу и сказалъ:

— Спасъ людей Твоихъ, Господи. Но тяжело было спасеніе ихъ. Легче разрушить ихъ жилища, чѣмъ разлучать ихъ съ близкими.

Господь отвѣтилъ:

— Только сильное страданіе очищаетъ сердце отъ скверны. А съ близкими соединятся въ вѣчной жизни и тѣ, которые оплакиваютъ ихъ теперь.

И кротко улыбнулся Господь, смотря въ смущенное лицо вѣрнаго слуги Своего.

Послѣ посѣщенія ужасной гостьи пошелъ семнадцатый годъ, и за это время въ городѣ свершилось страшное преступленіе, заставившее говорить о себѣ все общество, всѣ газеты.

I.

Жилъ въ нашемъ городѣ Николай Архипычъ Марковъ, старикъ-вдовецъ лѣтъ подъ 70. Торговалъ онъ хлѣбомъ и лѣсомъ; имѣлъ въ губерніи до трехъ десятковъ хуторовъ, изъ которыхъ только въ одномъ велъ свое хозяйство, а въ остальныхъ земли сдавалъ въ аренду крестьянамъ подъ посѣвы, покосы и выгоны. Въ городѣ у него считалось до десятка домовъ. Въ одномъ изъ нихъ, старомъ и некрасивомъ, стоявшемъ въ отдаленной улицѣ, жилъ самъ старикъ Марковъ съ сыномъ Иваномъ и невѣсткой Авдотьей Автономовной; другой сынъ служилъ на военной службѣ, во флотѣ. Марковъ слылъ въ губерніи первымъ богачомъ, и къ тому времени, когда съ нимъ приключилась катастрофа, о которой читатели узнаютъ ниже, его капиталъ считался въ милліонахъ.

По происхожденію сынъ крестьянина, изъ бѣдной деревенской семьи, Марковъ самъ „вышелъ въ люди". Старожилы помнили, да и самъ Николай Архипычъ, когда разговоръ заходилъ по душамъ, въ интимномъ кружкѣ, любилъ поразсказать, какъ онъ „теръ лямку", когда ходилъ въ бурлакахъ по Волгѣ и Камѣ. Разсказывалъ онъ о своемъ прошломъ, когда былъ „въ градусахъ", а у трезваго у него, бывало, и слова не выжмешь: молчитъ. Да и въ минуту пьяной откровенности, повидимому, о многомъ искусно умалчивалъ. Говоритъ-говоритъ—и вдругъ оборветъ сразу, уставится глазами куда-то въ пространство, сдѣлается такимъ скучнымъ, печальнымъ и весь цѣликомъ уйдетъ въ себя, какъ улитка въ раковину.

Осторожно, стороной, боясь, чтобы какъ-нибудь слухи не дошли до Архипыча, передъ которымъ купцы трепетали, какъ передъ денежной силой, въ купеческихъ семьяхъ разсказывали, какъ Марковъ изъ бурлаковъ попалъ въ водоливы и какъ на этомъ мѣстѣ обрѣлъ свою „фортуну".

Дѣло было такъ.

Купецъ Батримовъ, въ свое время извѣстный „хлѣбный король", сплавлялъ къ верховьямъ Волги караванъ съ хлѣбомъ. Караванный приказчикъ Осипъ Павловичъ такъ полюбилъ Маркова, что безъ него, что называется, ни шагу: „Марковъ, вина!" „Марковъ, дѣвицъ!"—и шустрый водоливъ доставалъ и то и другое. Въ теплый майскій вечеръ, послѣ отчаяннаго кутежа съ дѣвицами, приказчикъ такъ „назюзюкался", что уже и говорить не могъ, а только мычалъ и бормоталъ безсвязно. Лежалъ онъ у себя въ караванѣ, на постели, на которую уложилъ его услужливый водоливъ, и все силился приподняться, стать на ноги, какъ вдругъ увидѣлъ склонившееся надъ нимъ лицо Маркова. Только у этого Маркова глаза были не веселые, не подмигивающіе, не ухарскіе, а страшные, какъ у чорта, и горѣли они адскимъ огнемъ, какъ у волка въ степи ночью. Какъ ни пьянъ былъ приказчикъ, а все же уловилъ онъ во взглядѣ этихъ глазъ нѣчто ужасное...

— Ни-к-а-а-л-л-ашъ! — лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ: — по-а-бой-ся Бо-а-г-г-а-а!

Страшные глаза, услышавъ этотъ обличительный пьяный лепетъ, какъ будто оторопѣли, приняли-было кроткое, заискивающее выраженіе, но, оправившись, метнули страшныя молніи, и—горло приказчика, какъ желѣзными тисками, сдавили двѣ сильныя руки. Минутъ черезъ пять на койкѣ лежалъ уже не приказчикъ, веселый кутила „Осипъ Палычъ", а его трупъ съ застеклѣвшимъ взоромъ, въ которомъ застылъ какой-то животный, нелѣпый ужасъ.

Марковъ выбралъ изъ шкатулки хозяйскія деньги, а трупъ ночью спустилъ въ Волгу. Ловко это онъ обдѣлалъ. Наутро хватились: ни приказчика ни казны. Заявили властямъ; послѣднія рѣшили, что приказчикъ, захвативъ хозяйскія деньги, бѣжалъ. Подали „объявки". Такъ съ тѣхъ поръ приказчикъ и считался „въ бѣгахъ".

Николай Архипычъ поначалу, когда молодъ былъ, это дѣло забылъ совершенно, да и некогда было ему о немъ думать: весь онъ какъ-то ушелъ въ наживу, въ „коммерцію". Купилъ судно и хозяиномъ задѣлался. Почетъ отъ торговыхъ людей и власть надъ рабочимъ людомъ, изъ среды котораго онъ только-что выбился, поднялся къ „верхамъ", льстили ему необычайно, а барыши и ажіотажъ дѣловитаго волгаря совершенно вскружили ему голову. Жадность его охватила непомѣрная и затѣмъ долго не покидала. Нажилъ онъ сотни тысячъ—захотѣлось нажить милліоны; выстроилъ домъ—надо строить еще и еще; скупилъ земли у помѣщиковъ чуть не въ половинѣ уѣзда—рѣшилъ закупить и остальную половину, чтобы не было конкурентовъ. Только когда уже въ лѣта вошелъ,—подъ шестьдесятъ стукнуло,—когда отъ дѣлъ сталъ самъ отдаляться все болѣе и болѣе, передавъ сначала часть ихъ, а потомъ и остальныя сыну, появился у Николая Архипыча досугъ, который постепенно и привелъ его къ мысли о преступленіи. Старикъ замѣтно сталъ тосковать, началъ раздавать милостыню и служить панихиды „за упокой души раба Божія Іосифа". Мертвецъ сталъ приходить къ нему по ночамъ. Архипычъ видѣлъ во снѣ Волгу въ томъ самомъ мѣстѣ, черезъ которое проходилъ караванъ „въ тотъ вечеръ". На палубѣ нарядной караванки плясалъ пьяный „Осипъ Палычъ" и съ нимъ—двѣ „крали", прихваченныя „для забавы" въ прибрежномъ селѣ. Въ рѣчномъ воздухѣ, всколыхнутомъ свѣжимъ вѣтеркомъ, неслись то разухабистыя, игриво-веселыя, то элегически-печальныя, грустныя мелодіи гармоники. Потомъ все исчезло: и гармоника, и крали, и бурлаки; оставались вдвоемъ только онъ,

Николай Архиповъ, да „Осипъ Палычъ“. И „Осипъ Палычъ“ становился передъ нимъ на колѣни, жалкій, покорный, растерзанный, и робко умолялъ его: „Николашъ! Послушай, побойся Бога!“— Архипычъ просыпался весь въ поту; какъ ребенокъ, испуганно садился на кровать, поджавъ подъ себя ноги, торопливо крестился и шепталъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его. Господи, Батюшка, помилуй мя, окаяннаго!“

Послѣ этихъ видѣній на слѣдующее утро у воротъ марковскаго дома производилась усиленная раздача милостыни. Николай Архипычъ съ встревоженнымъ видомъ отдавалъ приказаніе сыну свезти настоятелю подгороднаго монастыря, въ которомъ былъ придѣлъ св. Іосифа, деньги на поминовеніе души „Осипа Палыча“. Деньги отвозились разными суммами: отъ тысячи и до пяти тысячъ рублей. Николай Архипычъ полюбилъ настоятеля о. Димитрія, часто бесѣдовалъ съ нимъ и не жалѣлъ для него никакихъ денегъ, затратилъ десятки тысячъ на украшеніе придѣла чтимаго имъ святого. „Пусть хоть на успокоеніе его души пойдетъ,—думалъ онъ.—Можетъ, онъ мнѣ и проститъ“.

II.

О. Димитрій былъ человѣкъ особеннаго склада ума. Много онъ видѣлъ, много онъ выслушалъ кающихся грѣшниковъ и— никого не осуждалъ. Всегда у него былъ для нихъ одинъ совѣтъ: „Перемѣните жизнь вашу и вѣрьте въ благость Божію“. Богатымъ онъ прибавлялъ: „Раздайте ваше имущество бѣднымъ, поддержите храмы Божіи“.

Когда къ нему обратился за совѣтомъ насчетъ своего „грѣха“ Николай Архипычъ, о. Димитрій предложилъ ему то же самое, что и другимъ.

— Какъ же это такъ?.. — изумился Николай Архипычъ.—Не возьму я въ толкъ...

— Это очень просто. Надо или объявить суду о вашемъ преступленіи, и тогда, можетъ-быть, васъ осудятъ, и страданіемъ вы искупите великій грѣхъ вашъ...

— А можетъ, и оправдаютъ?

— Возможно, и оправдаютъ... Да не въ этомъ дѣло... Вамъ предъ Богомъ и предъ людьми надо унизиться, ибо большой грѣхъ лежитъ на совѣсти у васъ, и почетомъ отъ людей вы пользуетесь незаслуженно, а какъ тать и воръ тайный...

Николай Архипычъ сокрушенно вздыхалъ:

— Какъ, батюшка, отецъ Димитрій, ужъ и быть мнѣ съ этимъ дѣломъ, право, не знаю... ума не приложу... Люди знали за хорошаго человѣка... и впослѣдствіи того—на себя объявить... всего лишиться... охъ, тяжко, тяжко!

— Что дѣлать. Надо смириться...

— А ежели въ монастырь?

— Что въ монастырь?

— Поступить совсѣмъ... постричься?.

— Это дѣло хорошее. На послушаніе хотите?

— Да ужъ чтобы на подвигъ... до смерти...

— Дѣло доброе. Вотъ къ намъ и поступайте.

Мысль о поступленіи въ монашество понравилась Николаю Архипычу. Онъ сталъ спокойнѣе. Мрачные сны стали посѣщать его рѣже. О. Димитрій каждый день навѣщалъ его и запирался съ нимъ въ кабинетѣ.

III.

Иванъ Николаевичъ внимательно наблюдалъ за всѣми перемѣнами, какія совершались въ характерѣ его отца.

Онъ зналъ о его „грѣхѣ“, но не осуждалъ его.

— Вотъ что, тятя,—сказалъ онъ ему разъ, когда старикъ, измученный своими мыслями, вздумалъ съ нимъ посовѣтоваться:—скажу тебѣ по чистой правдѣ: будь я на твоемъ мѣстѣ — такъ же поступилъ бы. М-да... Собственно, и грѣха тутъ по-моему никакого нѣтъ.. Вотъ братъ Сергѣй по этой части у насъ дока... „Человѣкъ, говоритъ, животное... Что, говоритъ, быка убилъ, что человѣка—все едино...“

— Собака ты! — закричалъ на него отецъ. — Волчонокъ!

Старикъ пришелъ въ страшную ярость.

— Чего же ты на меня гнѣваешься, тятя? Небось, кушаешь черкасское мясо... Убоина тоже...

— Подлецъ!—загремѣлъ Николай Архипычъ.—Будь ты проклятъ, анаѳема!

Старикъ выбѣжалъ изъ столовой, гдѣ вся семья пила чай, и такъ хлопнулъ дверью, что въ переднемъ углу, изъ кіота, вылетѣлъ образъ св. Николая Чудотворца и раскололся на-двое.

— Охъ, не къ добру! — закричала Авдотья Автономовна.— Быть бѣдѣ!

Иванъ зловѣще нахмурилъ брови.

— И какъ ей не быть! — мрачно замѣтилъ онъ. — Вонъ отецъ-то Димитрій подбирается къ батюшкиному сундуку...

— Что ты говоришь?— испуганно спросила жена.

— То и говорю,—досадливо отвѣтилъ Иванъ:—что батюшка собирается въ монастырь уйти... И капиталы и все имѣніе хочетъ отписать на церкви да на монастырь...

— Не можетъ быть!

И. Ижакевичъ. Марія Магдалина.

— Самъ слышалъ весь ихній разговоръ, хоть они и таятся отъ меня...

Иванъ былъ человѣкъ идейно недалекій: но, какъ и отецъ, съ коммерческими способностями: учился же онъ на мѣдныя деньги и всю силу, всю власть жизни видѣлъ исключительно въ капиталѣ. Между нимъ и отцомъ не существовало той идейной пріязни, какая бываетъ въ хорошихъ семьяхъ, воспитанныхъ на любви, на доброжелательствѣ къ ближнимъ. Когда Иванъ и Сергѣй росли малышами, отецъ, поглощенный дѣлами, не обращалъ на ихъ воспитаніе ни малѣйшаго вниманія: когда же они вошли въ юношескій возрастъ, Николай Архипычъ одного изъ нихъ пристроилъ въ свою контору, а другого приставилъ наблюдать за приказчиками на лѣсномъ дѣлѣ гдѣ-то на Бѣлой. Потомъ Ивана, не спрося его, женилъ на дочери богатаго купца. Но женой своей, некрасивой и придурковатой, Иванъ былъ недоволенъ, такъ какъ имѣлъ для себя на примѣтѣ другую невѣсту, дѣвушку умную и красивую. Отца онъ не любилъ, но весьма уважалъ за то, что онъ изъ двадцати тысячъ, ограбленныхъ на караванкѣ у приказчика, сумѣлъ сдѣлать милліоны. Самъ онъ, страстно, до безумія любившій деньги, разсчитывалъ удесятерить отцовскіе милліоны, развивъ на нихъ огромное торговое дѣло.

Понятно, съ какимъ негодованіемъ отнесся онъ къ намѣренію отца поступить въ монастырь и отдать капиталы монахамъ.

„Этому не бывать“,—рѣшилъ онъ.

И губы его плотно и безжалостно сжались — какъ у отца, когда тотъ „справлялся“ съ караваннымъ приказчикомъ.

IV.

Николай Архипычъ заболѣлъ, и заболѣлъ какъ-то неожиданно, въ одночасье: ходилъ здоровый и — вдругъ свалился. Открылся жаръ, ознобъ. Двѣ недѣли пролежалъ старикъ въ постели безъ памяти и только на третьей сталъ понемногу приходить въ себя.

О. Димитрій навѣщалъ его каждый день.

— Схиму бы Господь сподобилъ принять,—говорилъ больной:— всё бы дѣла помогъ привести къ концу...

— Не спѣшите,—успокаивалъ его о. Димитрій.—Станете на ноги—тогда поговоримъ и о схимѣ и обо всемъ прочемъ...

— Нѣтъ ужъ, батюшка, вы мнѣ не препятствуйте. Завтра я

думаю пригласить нотаріуса—и все мое имѣніе по церквамъ и на монастырь.

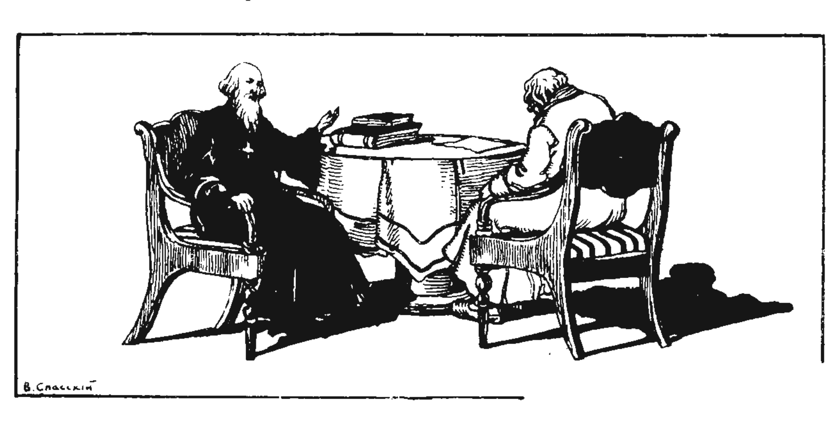
— Какъ вамъ угодно. А я такъ полагаю, что лучше бы не торопиться.

— Что жъ еще ждать? Я ужъ и Ивану сказалъ, чтобы онъ пригласилъ нотаріуса. Сегодня живъ, а завтра Богъ знаетъ что съ нами будетъ...

V.

Во время болѣзни Николая Архипыча за нимъ ухаживалъ его приказчикъ Илья, крещеный калмыкъ, служившій въ домѣ Марковыхъ лѣтъ двадцать.

Безхитростный и честный, онъ считался общимъ любимцемъ хозяевъ и сослуживцевъ.



По приказанію доктора, посѣтившаго больного вечеромъ послѣ принятаго имъ рѣшенія пригласить нотаріуса, Илья приготовлялъ для хозяина теплую ванну.

Большая цинковая ванна была поставлена посрединѣ спальни Николая Архипыча. Отъ ванны при свѣтѣ лампы поднимались струйки розоваго пара. Калмыкъ, съ коричневымъ, скуластымъ лицомъ, сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, подливалъ въ ванну то горячей, то холодной воды.

— Что, Илья, готова, что ли?—нетерпѣливо спросилъ Николай Архипычъ, приподнимаясь на постели.

— Готова, бачка. Лизай скорѣй, вода стыня...

Николай Архипычъ, не торопясь, раздѣлся и съ помощью Ильи погрузился въ воду.

— Не холодна?—спросилъ Илья.

— Какой тутъ... холодна!—усмѣхнулся Николай Архипычъ.— Свариться можно.

— Не сваришься, бачка!—оскалилъ бѣлые зубы калмыкъ.— Твоя терпитъ, твоя крѣпкой человѣкъ.

— Вотъ что, Илья, — сказалъ Николай Архипычъ: — иди-ка ты пока на кухню да распорядись тамъ, чтобы Дарья приготовила перцовку... да слазай въ погребъ, достань рѣдечки мясновской, да рыжичковъ, да огурчиковъ нѣжинскихъ...

— Ладно, бачка.

— Да смотри, осторожнѣй съ огнемъ-то... не зарони.

— Знаемъ, бачка.

Илья ушелъ.

Николай Архипычъ, нѣжась, закрылъ глаза и задремалъ. Надъ спинкой ванны возвышалась неподвижно, какъ изваянная, массивная голова, покрытая шапкой серебряныхъ кудрей.

„Хорошо бы вотъ такъ,—думалъ онъ:—войти въ воду однимъ, а выйти другимъ человѣкомъ, чистымъ...“—Онъ усмѣхнулся, вспомнивъ, какъ молодымъ парнемъ ходилъ въ баню „грѣхи смывать“. „Каки и грѣхи-то были! Какъ кошка молоко налакала... Теперь ужъ водой не смоешь...“

И опять думалъ:

„Вотъ завтра, Богъ дастъ, порѣшу съ моей каторгой. Будетъ ужъ... Нотаріусъ пріѣдетъ... Все Богу, все Богу... Ванькѣ, хоть онъ и кобель, видно, тоже придется подписать... и Сергѣ также... Ну, и подпишу имъ, какъ служащимъ, что ли... Чать, работали тоже... заслужили, нельзя же обидѣть...“

Онъ сладко потянулся, открылъ глаза и... вздрогнулъ... Красный фонтанъ ударилъ ему въ лицо и разсыпался милліонами брильянтовыхъ искорокъ.

— О-о-о!—простоналъ Николай Архипычъ.

„Хлюпъ! хлюпъ!“—услышалъ онъ удары въ своемъ мозгу. Огонь

острой болью съ головы до ногъ прошелъ по его грузному тѣлу. Затѣмъ все исчезло. И боль, и красный фонтанъ, и страшный призракъ... Николай Архипычъ вздрогнулъ, вытянулся и застылъ съ неподвижнымъ взоромъ, устремленнымъ въ одну точку...

Въ спальнѣ стало тихо-тихо...

Отъ ванны еще поднимался розовый паръ и тонкими струйками тянулся и подъ абажуръ лампы и къ серебрянымъ лампадамъ, горѣвшимъ передъ иконами, въ переднемъ углу. Вода въ ваннѣ, красная, какъ кровь, стыла... Николай Архипычъ уже не чувствовалъ больше пріятной теплоты и не думалъ о томъ, какъ онъ распорядится своими капиталами.

Онъ былъ мертвъ.

VI.

Въ ту же ночь калмыкъ Илья Семеновъ Актубаевъ былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ купца Маркова. Всѣ улики были противъ преступника: подъ его кроватью былъ найденъ окровавленный топоръ, а подъ подушкой — золотой натѣльный крестъ убитаго и объемистая пачка сторублевокъ, похищенныхъ изъ его бюро. Илья упорно отрицалъ свое участіе въ убійствѣ, плакалъ, клялся—но ему никто не вѣрилъ.

Черезъ полгода его судили и приговорили къ 15 годамъ каторги.

Когда Николай Архипычъ издалъ послѣдній предсмертный крикъ—этотъ крикъ долетѣлъ до неба, до Бога.

А вслѣдъ за нимъ предстала предъ Богомъ и душа его.

Смутился Николай Архипычъ великаго грѣха своего ради, когда узрѣлъ Бога во всемъ Его сіяніи и славѣ.

— Не смущайся, старикъ,—сказалъ Господь:—ты получилъ то, что содѣялъ. Но ты покаялся и повѣрилъ въ любовь Мою къ людямъ, душу свою потерявшимъ и вновь ее обрѣвшимъ. И зато отпускается тебѣ великій грѣхъ твой. А обидчика твоего я накажу судомъ страшнымъ, ибо онъ руку на отца своего поднялъ.

И затрепеталъ Николай Архипычъ, какъ рыба, уловленная въ сѣти. И, рыдая, распростерся онъ у ногъ Господа.

— Помилуй его, Господи! — умолялъ онъ.—Лучше меня накажи, а его, неразумнаго, помилуй!

И подошелъ ангелъ къ Господу и сталъ просить Его:

— Господи, Ты знаешь, какое ужасное преступленіе совершилъ Николай Архипычъ. И за меньшее зло Ты посылалъ меня, слугу Твоего, наказывать людей пожарами, болѣзнями, голодомъ, чтобы люди опомнились и вняли завѣтамъ Твоимъ, Господи. Но люди слушали Тебя, когда бѣда касалась ихъ, а когда проходила—завѣтами Твоими пренебрегали. А этотъ человѣкъ безъ всякаго наказанія самъ покаялся и взрастилъ въ своей душѣ доброту неизреченную. Ты увидишь, Господи, и сынъ его исправится. Не наказывай его, Господи!

— Пусть будетъ по-твоему,—сказалъ Господь.—Но даю тому человѣку на исправленіе три года.

— И въ меньшій срокъ исправится, — отвѣтилъ ангелъ.—А черезъ него и другіе очистятъ души свои.

— Ты будешь наблюдать за нимъ,—сказалъ Господь ангелу.

Ангелъ, разсѣкая воздухъ серебряными крыльями, полетѣлъ къ большому городу, гдѣ жилъ Иванъ Николаевичъ Марковъ, первой гильдіи купецъ, наслѣдникъ милліоновъ, и гдѣ томился невинный узникъ Илья.

VII.

Въ скорости послѣ суда надъ Ильей случилось такъ, что братъ Ивана Николаевича, Сергѣй, служившій во флотѣ, упалъ съ крейсера въ океанъ и утонулъ.

Иванъ Николаевичъ остался единственнымъ обладателемъ отцовскихъ милліоновъ.

Первымъ дѣломъ онъ расширилъ торговлю. Дѣла у него пошли не только удачно, — блестяще. Капиталъ его росъ не по днямъ, а по часамъ, съ колоссальной, сказочной быстротой.

— Талантъ!—говорили о немъ въ городѣ.—Ишь, какъ загребаетъ деньгу-то... страсть!

Но говорили потихоньку и другое: говорили, что убійство Николая Архипыча—дѣло рукъ Ивана, а не калмыка.

— Вотъ, говорили, убилъ отца и—царствуетъ. И нѣтъ надъ нимъ суда Божьяго, а людской—деньгами засыплетъ.

Иногда мелькали у Ивана Николаевича кое-какія воспоминанія объ отцѣ. Вспоминалась страшная ночь, красная ванна, храпъ барахтавшагося въ ней старика: вспомнилъ онъ, какъ подбросилъ въ каморку Ильи „вещественныя доказательства“ преступленія; но въ этихъ воспоминаніяхъ онъ не видѣлъ ничего ужаснаго. „Самъ старикъ виноватъ,—думалъ онъ:—захотѣлъ-было всѣхъ насъ по міру пустить“. Объ Ильѣ онъ думалъ: „Убѣжитъ. А и посидитъ—не велика птица. Почище его сидятъ. Такъ-то!“— и посылалъ ему въ острогъ по воскресеньямъ чай, сахаръ и булки.

Черезъ полгода послѣ суда Илью отправили въ Сибирь.

Иванъ справилъ по отцѣ годовыя поминки и опять зажилъ по-прежнему, широко загребая деньги.

VIII.

Кромѣ наживы, другой страстью Ивана Николаевича былъ конскій заводъ. На его конюшняхъ стояли чистокровные рысаки. Служилъ у него цѣлый штатъ кучеровъ и наѣздниковъ. Однако постоянно онъ выѣзжалъ только съ однимъ кучеромъ, съ Андреемъ, котораго полюбилъ за его молодцоватую выправку и лихость. Но случилось, что Андрея зашибъ иноходецъ: ударилъ кованымъ копытомъ подъ сердце—у Андрея и духъ вонъ.

На другой день пришелъ къ Ивану Николаевичу наниматься въ кучера молодой парень, изъ себя красивый и ловкій.

— Слышалъ, говоритъ, вашей милости кучеръ нуженъ.

— У кого служилъ?

Парень разсказалъ. У такого-то, говоритъ, купца служилъ, въ такомъ-то городѣ.

— Почему отъ него ушелъ?

— Да потому и ушелъ, что лихой человѣкъ всю хозяйскую семью вырѣзалъ. Одинъ старшій сынъ остался. И на него помекаютъ...

— Отчего же ты у сына не остался?

— Богъ не велѣлъ.

Задрожалъ Иванъ Николаевичъ мелкимъ ознобомъ, когда про Бога услышалъ; даже съ лица перемѣнился.

— Ладно, говоритъ, оставайся у меня, живи.

Сталъ Иванъ Николаевичъ выѣзжать съ новымъ кучеромъ.

Разъ ѣдетъ съ нимъ и спрашиваетъ:

— А что, парень, не нашли убійцу твоихъ хозяевъ?

— Нѣтъ. Онъ самъ найдется.

Засмѣялся Иванъ Николаевичъ. Нехорошо засмѣялся:

— Какъ же!.. Держи карманъ шире. Найдется онъ тебѣ!

— Найдется и себя найдетъ,—увѣренно отвѣтилъ кучеръ.— Его Богъ найдетъ.

Испугался Иванъ Николаевичъ. Пріѣхалъ домой темнѣе тучи. Призвалъ къ себѣ кучера и сталъ допытываться, какъ это Богъ сыщетъ убійцу его бывшихъ хозяевъ.

— Самъ увидишь,—отвѣтилъ кучеръ.—Онъ найдетъ его.

Задумался Иванъ Николаевичъ. Первая капля печали пала на его сердце.

IX.

Былъ май. Природа разубралась на диво въ цвѣты и зелень. Шелъ немолчный весенній шумъ. Царица-весна ѣхала по лазоревому небу на колесницѣ, запряженной амурами, и пускала на землю золотыя стрѣлы. Всякій, чистымъ сердцемъ, чувствовалъ въ душѣ тихую радость. Только самые мрачные люди не улыбались. Къ нимъ принадлежалъ и Иванъ Николаевичъ.

Онъ ѣхалъ съ новымъ кучеромъ и думалъ: „Если правда, что Богъ поможетъ указать убійцу, то пусть Онъ укажетъ на меня устами перваго встрѣчнаго“.

Только что онъ подумалъ—какъ услышалъ рѣзкое восклицаніе кучера:

— Смотрите, дѣвочка упала въ канаву!

— Стой!—приказалъ Иванъ Николаевичъ.

Кучеръ удержалъ лошадей.

Иванъ Николаевичъ, выскочивъ изъ коляски, подошелъ къ канавѣ. На днѣ, покрытомъ иломъ и грязью, барахталась, какъ мотылекъ, хорошенькая дѣвочка въ бѣломъ платьѣ.

— Держись за меня! — крикнулъ Иванъ Николаевичъ, протягивая ей руку.

Дѣвочка взглянула на него съ выраженіемъ ужаса на хорошенькомъ личикѣ и... заплакала.

— Вы—убійца! Отца убили!—кричала дѣвочка, съ отвращеніемъ отталкивая протянутую къ ней руку. — У васъ руки въ крови!

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Канунъ Пасхи въ старину.

Собралась толпа. Кто-то вытащилъ дѣвочку... На Ивана Николаевича бросали косые взгляды; кто-то даже крикнулъ: „Убійца!“ Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Иванъ Николаевичъ бросился бѣжать къ кучеру. Инстиктивный, чисто-животный ужасъ охватилъ все его существо...

— Семенъ! — крикнулъ онъ, задыхаясь и протягивая къ нему руки ладонями вверхъ: — посмотри, развѣ онѣ въ крови?

Посмотрѣлъ на него кучеръ и сказалъ:

— Богъ нашелъ тебя, хозяинъ.

X.

„Марковъ прекращаетъ торговлю“. „Марковъ раздаетъ деньги бѣднымъ“. „Хутора сдалъ подъ школы“. „Всѣ лучшіе дома роздалъ подъ больницы и безплатныя квартиры для бѣдныхъ“. „Марковъ жертвуетъ милліоны на церкви, на поминъ души отца“. Наконецъ: „Марковъ сошелъ съ ума!“ „Надъ нимъ нужно учредить опеку“. „Идіотъ! Безумецъ!“ „Награбилъ! Совѣсть зазрила!“

Вотъ что говорили въ городѣ о Марковѣ въ половинѣ марта, на четвертой недѣлѣ Великаго поста, когда онъ встрѣчалъ вторую весну послѣ убійства своего отца.

Марковъ сидѣлъ въ темномъ отцовскомъ кабинетѣ, а противъ него—новый кучеръ.

— Такъ Богъ открылъ тебѣ убійцу твоихъ хозяевъ?—спросилъ Иванъ Николаевичъ кучера.

— Открылъ!—радостно улыбнулся кучеръ.

— И мнѣ открылъ,—тихо молвилъ Иванъ Николаевичъ.—А что будетъ съ твоимъ убійцей?

— Богъ уже простилъ его. Онъ покаялся.

— Богъ на небѣ?

— Богъ по землѣ ходитъ, промежъ людей, — отвѣтилъ кучеръ.

Только онъ это молвилъ, какъ темный кабинетъ наполнился дивнымъ свѣтомъ, и молодой кучеръ, отступивъ къ дверямъ, запертымъ на ключъ, скрылся изъ глазъ своего хозяина.

XI.

Весело гудятъ пасхальные колокола. Вѣсть о воскресеніи вѣчной правды, справедливости и красоты великой несутъ они людямъ.

Всѣхъ торжественнѣе гудитъ тысячепудовый соборный колоколъ, сооруженный иждивеніемъ покойнаго Маркова. Какая сила въ его мѣдной гортани! Какою важностью, какимъ восторгомъ преисполнена рѣчь металла!

Яркимъ свѣточемъ сіяютъ въ ночномъ мракѣ колокольни, унизанныя пасхальными огнями.

— Христосъ воскресе!—радостно привѣтствуютъ люди другъ друга.

— Христосъ воскресе!—привѣтствуетъ молящихся архіерей, старецъ съ добрымъ, хорошимъ лицомъ, какъ у ребенка.

— Воистину воскресе! — несется въ отвѣтъ изъ тысячи сердецъ, преисполненныхъ восторга.

На амвонъ, гдѣ стоитъ владыка въ блестящемъ облаченіи, поднимается суровый и смиренный купецъ Марковъ. Тысячи красныхъ и желтыхъ мигающихъ огоньковъ отъ лампадъ и свѣчей, тысячи глазъ людскихъ и ликовъ святыхъ смотрятъ на него, слѣпятъ его очи своимъ блескомъ. И дрожитъ и бьется его сердце, какъ подстрѣленная птица...

— Богъ на землѣ, люди добрые,—говоритъ онъ мягкимъ, глухимъ, прерывающимся голосомъ.

— Воистину такъ! — шепчетъ молодой кучеръ, стоящій въ переднихъ рядахъ молящихся.—Воистину такъ!

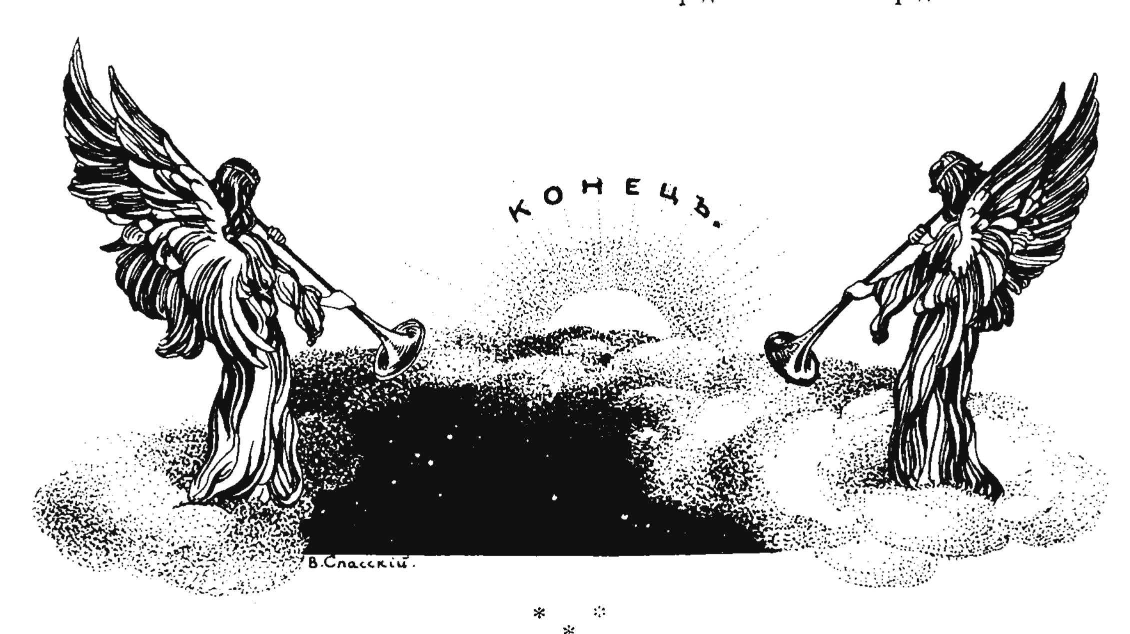
— Я убилъ отца, — говоритъ и плачетъ Иванъ Николаевичъ:—я оклеветалъ невиннаго. Пусть будетъ надо мною судъ вашъ и судъ Божій!

Судъ присяжныхъ оправдалъ Маркова. Онъ роздалъ все свое имѣніе, деньги и живетъ подаяніемъ. Въ городѣ его всѣ любятъ, особенно дѣти, которыхъ онъ одѣляетъ лакомствами, полученными отъ добрыхъ людей.

Онъ ходитъ по городскимъ улицамъ, постукивая палочкой, и говоритъ прохожимъ:

— Богъ на землѣ!

Въ городѣ его считаютъ юродивымъ и очень любятъ его.



* * *

Больше бѣлыхъ цвѣтовъ!
Въ моемъ сердцѣ звенитъ
Всепобѣдная пѣсня о нихъ.
И какъ ласковый мраморъ блѣднѣющихъ плитъ
На широкихъ порогахъ чертоговъ святыхъ,
Что подъ трепетнымъ солнцемъ призывно горитъ,
Моя пѣсня сверкаетъ... звенитъ!..
Больше бѣлыхъ цвѣтовъ,
Чтобы вешніе дни
Озарились душистымъ огнемъ!
Міръ прекрасенъ и такъ, но, куда ни взгляни,
Все молчитъ и холоднымъ оковано сномъ,
Словно кто-то безрадостный шепчетъ: «Усни!»
Даже въ эти весенніе дни...
Больше бѣлыхъ цвѣтовъ!
Пусть легенду творитъ
Истомленная дремой душа,
А въ воспрянувшемъ сердцѣ
Побѣдно звенитъ:
Наша краткая жизнь, какъ цвѣтокъ хороша!
И пусть каждый, какъ можетъ, о томъ говоритъ,
И пусть каждый легенду творитъ!..

Олегъ Леонидовъ.

Пловучій островъ.

Очеркъ Ив. Островного.

I.

„Милый мой голубчикъ Вася,—писала мнѣ мать:—такъ грустно намъ съ Лизанькой думать, что мы проведемъ праздникъ вдвоемъ. У васъ въ университетѣ навѣрно уже нѣтъ ученія. Сѣлъ бы ты на пароходъ и прикатилъ къ намъ. Море стоитъ теперь хорошее. Какія-нибудь сутки—и ты съ нами. А ужъ такъ утѣшилъ бы и порадовалъ свою осиротѣвшую мать“...

И еще много трогательныхъ словъ было въ томъ письмѣ, но и этихъ достаточно. Письмо пришло изъ Севастополя, гдѣ всегда жили мои родные.

Отецъ былъ морякъ, но мѣсяца полтора тому назадъ умеръ. Сестра Лиза собиралась выйти замужъ, но, по случаю траура, отложила свое замужество. Я же, несмотря на то, что принадлежалъ къ морской семьѣ, гдѣ всѣ мужчины были моряки, не чувствовалъ къ этой дѣятельности никакого призванія и, къ общему огорченію, избралъ штатское поприще. Въ то время я былъ еще студентомъ въ Одессѣ, гдѣ изучалъ естественныя науки.

Мать, конечно, была права. Это такъ просто—сѣсть на пароходъ и черезъ двадцать четыре часа быть дома. Имѣла она право и на извѣстное утѣшеніе со стороны сына.

Семья наша была дружная, но, въ силу необходимости, всѣ жили въ разбродъ. Старшій мой братъ служилъ во флотѣ и въ то время плавалъ гдѣ-то у береговъ Австраліи, старшая сестра была замужемъ въ Петербургѣ. А отецъ умеръ такъ неожиданно, въ расцвѣтѣ силъ, и я даже не былъ на похоронахъ его.

Права она была и въ томъ, что ученіе у насъ прекратилось. Но она ничего не знала о моихъ планахъ, да и врядъ ли поняла бы ихъ: какъ разъ на праздничное время я и разсчитывалъ, чтобы въ химической лабораторіи основательно закончить и послѣ Пасхи сдать профессору свою работу.

Праздники—самое лучшее время для лабораторныхъ занятій. Тихо, просторно, безлюдно, никто не мѣшаетъ, даже служителя ушли въ гости. Нѣтъ обычной толкотни и безконечныхъ товарищескихъ разговоровъ, которые отвлекаютъ отъ дѣла.

Но не могъ я отказать и матери и остановился на компромиссѣ: въ Страстную пятницу поѣду, проведу тамъ три дня, а потомъ вернусь въ лабораторію.

Такъ я и сдѣлалъ. Послалъ домой телеграмму и въ пятницу сѣлъ на пароходъ.

Море дѣйствительно было очаровательное. Пасха въ томъ году была ранняя, въ самомъ концѣ марта. Но весна была въ полномъ разгарѣ. Все зеленѣло, акаціи начинали цвѣсти, и воздухъ уже былъ слегка надушенъ ихъ сладкимъ ароматомъ.

Пароходъ, на которомъ я плылъ, былъ длинный, крѣпко сколоченный и весь бѣлый. Этотъ сплошь бѣлый цвѣтъ, въ который было окрашено на немъ все, начиная отъ бортовъ до трубъ и спасательныхъ круговъ, рождалъ въ душѣ какое-то чувство праздничности и чистоты.

Да, именно это ощущеніе, что кругомъ, куда ни ступишь, все необыкновенно чисто и нѣтъ ни малѣйшей опасности загрязниться.

Въ городѣ пыль и грязь, насѣвшая на стѣнахъ домовъ, на стволахъ и листьяхъ деревьевъ, на стеклахъ оконъ, копоть отъ безчисленнаго множества трубъ. Здѣсь все вымыто, вычищено и блеститъ, какъ бы щеголяя своей нарядностью.

У меня была миніатюрная каюта съ круглымъ окошечкомъ, черезъ которое было видно море и небо, въ ней было пространства ровно столько, чтобы повернуться, но въ большемъ не было и надобности, потому что къ моимъ услугамъ была прекрасная отдѣльная палуба I-го класса.

Мы вышли изъ гавани въ три часа дня и, по расчету, завтра къ вечеру должны были прійти въ Севастополь, и не было никакихъ основаній опасаться, что этого не случится. Какъ разъ къ кануну Пасхи я прибуду къ своимъ, проведу съ ними два дня, а затѣмъ въ лабораторію.

Я, въ сущности, былъ прекраснымъ сыномъ и братомъ и, право же, очень любилъ свою мать и сестру Лизу. Но не могу сказать, чтобъ ѣхалъ къ нимъ такъ ужъ совсѣмъ безъ чувства сожалѣнія.

Дѣло въ томъ, что я почти такъ же нѣжно любилъ и мою химію, которая впослѣдствіи и сдѣлалась моей постоянной и единственной вѣрной спутницей въ жизни.

Къ тому же, это путешествіе совершенно разбивало весь мой планъ, заранѣе составленный. Но дѣлать ужъ было нечего. Разъ я сѣлъ на пароходъ, то нужно было по крайней мѣрѣ пользоваться всѣми прелестями морского путешествія.

И я пользовался. Часа черезъ два берегъ вмѣстѣ съ большимъ городомъ, со всѣми его высокими домами и куполами церквей, исчезъ, и нашъ пароходъ былъ подобенъ движущемуся густо населенному острову, оторвавшемуся отъ материка.

Воздухъ былъ такъ тихъ, словно какая-то невидимая благодѣтельная рука, охранявшая нашъ покой, остановила въ немъ всѣ теченія. А солнце, величественно плывшее по совершенно чистому, безоблачному небу, посылало намъ такъ много тепла, что, казалось, мы просто не замѣтили, какъ проплавали мѣсяцъ и другой и перешагнули въ іюнь.

А кругомъ насъ блестѣла зеркальная поверхность моря, нигдѣ ни одной черной точки, могущей напомнить о существованіи земли. Со всѣхъ сторонъ свѣта одно море—чистое, гладкое, какъ полированное стекло. Если бы не было такъ жарко, можно было бы подумать, что все оно покрыто льдомъ.

На палубѣ I-го класса была самая разнообразная публика, но все чистая, видимо, принадлежавшая къ обезпеченному классу.

Старый и еще бравый генералъ, съ сѣдыми, нарочито расчесанными баками, съ подозрительно ровной спиной и выпяченной грудью, кокетничалъ съ молоденькой дѣвушкой, которая, какъ казалось, наивно восхищалась его замысловатымъ мундиромъ и множествомъ какихъ-то ученыхъ значковъ на немъ.

Высокій черномазый грекъ съ большимъ горбатымъ носомъ и черной, какъ смола, бородой, въ чечунчовомъ пиджакѣ, со множествомъ колецъ на пальцахъ обѣихъ рукъ, какъ-то странно интонируя и по-дѣтски сюсюкая, велъ дѣловой разговоръ „съ молодымъ человѣкомъ изъ общества“, тонкимъ, хрупкимъ, щепетильно одѣтымъ, съ завитой шевелюрой и тщательно закрученными кверху усиками.

Нарядно одѣтый въ темно-голубую шелковую рясу молодой батюшка, сложивъ на животѣ бѣлыя, пухлыя руки, безмолвно смотрѣлъ въ пространство, повидимому, упиваясь красотой моря.

Въ разныхъ мѣстахъ вступали между собою въ словесное общеніе знакомые и незнакомые, военные и штатскіе, коммерсанты и дамы, и громкій говоръ на всѣ голоса сливался съ глухимъ, какъ бы отдаленнымъ, мѣрнымъ попыхиваніемъ машины и винтовъ.

— А знаете,—сказалъ вдругъ, обратившись ко мнѣ, совершенно неизвѣстный мнѣ толстый краснощекій господинъ, для чего-то повязавшій горло бѣлымъ носовымъ платкомъ:—солнце нынче такъ палитъ, что даже ненатурально...

Мнѣ сперва не хотѣлось отвѣчать ему, такъ какъ я не любилъ дорожныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, знакомствъ, но потомъ мнѣ пришло въ голову, что здѣсь мы всѣ равно осуждены по крайней мѣрѣ цѣлыя сутки населять этотъ пловучій островъ и ужъ, значитъ, волей-неволей должны приходить въ соприкосновеніе, что ему, въ сущности, все равно, съ кѣмъ говорить, а заговорилъ онъ именно со мною только потому, что я оказался его сосѣдомъ.

— Если оно палитъ, значитъ—это натурально.

— Ну, да, конечно. Но я хочу сказать, что въ мартѣ такая жара... Да еще среди моря, гдѣ все же прохладность... Словомъ, это предостереженіе.

— Чего?

— Надо полагать, грозы, а можетъ-быть, и бури...

Тутъ вмѣшался въ разговоръ третій, проходившій мимо и, очевидно услышавшій слово „буря“. Это былъ небольшого роста человѣчекъ, худощавый, вертлявый и, должно-быть, очень нервный. Онъ заговорилъ не просто, а какъ бы возражая и даже съ волненіемъ:

— Вотъ ужъ что хотите, только не буря. Какая же можетъ быть буря въ такую погоду?

— Да вѣдь когда будетъ буря, такъ уже погода станетъ совсѣмъ другая,—совершенно резонно возразилъ мой первый собеседникъ.

Маленькій человѣчекъ фыркнулъ носомъ:

— Не можетъ быть бури. Ни въ какомъ случаѣ не будетъ бури. И метеорологическія предсказанія на берегу обѣщали на цѣлую недѣлю тихую погоду. Вовсе не можетъ быть бури,—рѣшительно повторилъ онъ и побѣжалъ на другой конецъ палубы.

Я невольно началъ слѣдить за его движеніями. Престранная фигура. Онъ прыгалъ по палубѣ, какъ мячъ, который ловкіе игроки перебрасываютъ изъ рукъ въ руки, не давая ему прикоснуться къ полу; ну, право же, казалось, что если не весь онъ, то ужъ подошвы его сапогъ навѣрно были резиновыя.

Подбѣжитъ къ одной группѣ разговаривающихъ и вставитъ свое мнѣніе, иногда одно слово и—сейчасъ же мчится къ другимъ. И при этомъ было ясно, что онъ ни съ кѣмъ не знакомъ.

И говорилъ онъ рѣшительно, какъ-то безапелляціонно, какъ человѣкъ, лучше другихъ знающій всѣ тѣ вопросы, о которыхъ шла рѣчь.

А вотъ онъ зацѣпился неподалеку отъ насъ. Тамъ говорили о нашемъ пароходѣ, о его размѣрахъ, машинѣ, скорости и другихъ свойствахъ. Повидимому, это были спеціалисты или во всякомъ случаѣ солидные люди.

Онъ подбѣжалъ и сейчасъ же самовластно взялъ слово:

— Нѣтъ, что вы? Какой же онъ новый? Онъ совсѣмъ не новый, а довольно даже старый, только онъ передѣланъ. Прежде онъ назывался „Византія“, а теперь „Херсонесъ“... Его передѣлали въ прошломъ году, поставили новую машину, выкрасили... видите, какой онъ весь новенькій...

И долго еще онъ сыпалъ несомнѣнными свѣдѣніями, а разговаривавшіе, видимо, огорошенные, молчали и только слушали.

Мой сосѣдъ по скамейкѣ потребовалъ себѣ изъ буфета содовой воды, и лакей принесъ ему.

— Вы не знаете, кто этотъ господинъ? — спросилъ онъ тихонько у лакея, указавъ на маленькаго человѣчка.

— А они агентъ,—отвѣтилъ лакей.

— Какой агентъ? Чего?

— А вотъ этого ужъ я не знаю. Мы знаемъ только, что они агентъ,—объяснилъ онъ, ударяя на букву *а*.—Имѣютъ постоянныя дѣла по городамъ и часто ѣздятъ, чуть не всякій разъ, то туда, то оттуда. Иной разъ въ Севастополѣ сойдутъ и останутся. Другой разъ въ Евпаторіи, а то и въ Ѳеодосію или дальше. Дѣла у нихъ. И ужъ они здѣсь, какъ свой... Такъ со всѣми всегда и разговариваютъ, какъ будто хозяинъ. И капитанъ ихъ знаютъ, и въ буфетѣ они даже кредитъ имѣютъ и должны, и мы къ нимъ привыкли, только фамиліи не знаемъ.

Мнѣ надоѣло изучать агента безъ фамиліи, и я поднялся.

— Въ каюту?—спросилъ меня мой толстый краснощекій сосѣдъ, который, очевидно, уже считалъ меня своимъ добрымъ знакомымъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—просто внизъ. Пройдусь по нижней палубѣ.

— Да что же тамъ интереснаго? Всякій сбродъ тамъ... И грязно, должно-быть.

Мой сосѣдъ былъ, повидимому, любитель хорошаго общества. Я тоже ничего не имѣлъ противъ хорошо одѣтыхъ людей и чистоты, но меня, какъ естествоиспытателя, гораздо больше интересовалъ именно „всякій сбродъ“, и я спустился на нижнюю палубу.

Тутъ было необыкновенно густое населеніе. Рѣшительно каждый вершокъ палубы былъ занятъ если не самими людьми, то ихъ пожитками.

Узлы и свертки лежали на ящикахъ съ какими-то товарами, которыми былъ заваленъ пароходъ, а люди сидѣли просто на полу. Проходы тоже были использованы, такъ что двигаться приходилось очень медленно.

Это была удивительная смѣсь всевозможныхъ національностей и одеждъ. Повидимому, морской воздухъ одинаково у всѣхъ пробудилъ аппетитъ, и здѣсь происходило сплошное питаніе.

Многочисленное еврейское семейство, во главѣ съ сѣдобородымъ патріархомъ въ ермолкѣ и съ двухлѣтнимъ мальчуганомъ въ хвостѣ, питалось селедкой и яйцами вкрутую, при чемъ кости отъ первой и скорлупа отъ послѣднихъ валялись тутъ же, на полу.

Смуглый грекъ, ѣхавшій съ цѣлымъ возомъ губокъ, возился съ копченой камбалой, которую онъ старательно освобождалъ отъ

костей, а хохлы, которыхъ здѣсь набралось десятка три, довольствовались черпымъ хлѣбомъ, приправляя его рѣпчатымъ лукомъ и солью.

Тутъ же стояли жестяные чайники съ кипяткомъ, разставлялись чашки, наливался чай.

Отдѣльной группой, поближе къ носу парохода, сидѣло нѣсколько человѣкъ съ бритыми лицами, въ какихъ-то своеобразныхъ пиджакахъ изъ грубой ткани рыжаго цвѣта. Они ничего не ѣли, повидимому, выжидая привычнаго часа для ѣды.

Около нихъ было чисто, и вещи ихъ въ чемъ-то, похожемъ на чемоданы, были разложены въ порядкѣ. Они чинно и спокойно разговаривали между собой на языкѣ, по которому я узналъ въ нихъ нѣмцевъ-колонистовъ.

Среди этой гущины живыхъ человѣческихъ тѣлъ бѣгали туда и сюда матросы, не толкая сидѣвшихъ на дорогѣ, но какъ-то необыкновенно искусно пробираясь между ними, перепрыгивая черезъ головы и сопровождая свои прыжки неприхотливыми шутками.

Воздухъ былъ напоенъ всевозможными острыми запахами и смѣшаннымъ говоромъ, напоминавшимъ вавилонское столпотвореніе.

Мнѣ было неловко встревожить этихъ людей, такъ удобно расположившихся на моей дорогѣ, но въ то же время я не хотѣлъ отказаться отъ удовольствія наблюдать ихъ, и я кое-какъ прокладывалъ себѣ путь, часто останавливаясь и вступая въ разговоръ.

Здѣсь тоже, повидимому, виталъ духъ общности, вынужденной положеніемъ на пловучемъ островѣ, и рѣшительно никому не казалось страннымъ или надоѣдливымъ мое вмѣшательство въ совершенно постороннія мнѣ дѣла. Всѣ отвѣчали мнѣ, вступали со мною въ разговоръ, шутили, смѣялись.

Морской воздухъ, очевидно, дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на нервы. Вотъ въ хохлацкой группѣ кончили питаніе и убрали остатки хлѣба въ узелки, даже подмели соръ подъ ногами. Какой-то парень въ сивой шапкѣ, которая сильно помогала солнцу нагрѣвать его голову, вынулъ откуда-то гармонику и началъ играть на ней что-то заунывное. Издалека чей-то голосъ крикнулъ ему:

— А ну-ка повеселѣе: чего расплакался, землякъ?..

И парень заигралъ что-то повеселѣе. Но это не имѣло успѣха, такъ какъ, очевидно, земляки вспомнили, что сегодня Страстная пятница. Парень пошевелилъ пальцами и понемногу опять перешелъ на грустный мотивъ.

Налюбовавшись вдоволь этой своеобразной жизнью пловучаго острова, я вернулся на свою привилегированную палубу.

II.

Все населеніе пловучаго острова высыпало наверхъ любоваться закатомъ солнца.

Нижняя палуба, впрочемъ, дѣлала то же самое, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Она существовала, а солнце заходило, и такъ какъ это было красиво, то нельзя было не любоваться этой красотой. Но если бы населеніе захотѣло куда-нибудь скрыться, то ему это не удалось бы. Для пассажировъ нижней палубы не было заготовлено каютъ. Единственной ихъ защитой отъ стихій былъ брезентъ, который, въ случаѣ надобности, растягивался надъ ихъ головами.

А первоклассные готовились. Маленькій агентъ безъ фамиліи— онъ уже сдѣлался общимъ пріятелемъ и чичероне, такъ какъ зналъ рѣшительно все, что дѣлалось на землѣ и на небѣ—даже агитировалъ, какъ будто состоялъ агентомъ не только своей торговой фирмы, имѣвшей мѣстопребываніе въ Одессѣ, но и еще нѣсколькихъ фирмъ, конторы которыхъ помѣщались на солнцѣ.

— Господа, закатъ солнца! Это непремѣнно надо видѣть! О, это что-то необыкновенное... Закатъ солнца на морѣ, когда нѣтъ береговъ, въ такую погоду... Знаете, за это можно заплатить...

Онъ заглядывалъ въ каюты и выгонялъ оттуда людей:

— Закатъ солнца! Неужели вы будете сидѣть въ каютѣ?

И онъ достигъ того, что въ каютахъ никого не осталось, а всѣ поднялись на верхнюю палубу. На этотъ разъ онъ оказался правъ. Закатъ былъ великолѣпенъ, и въ самомъ дѣлѣ стоило посмотрѣть его.

Нѣкоторые изъ пассажировъ принесли бинокли, но это было совершенно напрасно. Картина была такая широкая, захватывавшая весь западъ, что никакому телескопу не обнять ея.

Солнце не закатывалось, а погружалось въ море. Да, мы всѣ видѣли, какъ оно медленно-медленно, почти незамѣтно для глазъ, скатывалось съ неба, докрасна раскаленное, пылающее, и, какъ бы не выдержавъ собственнаго жара, погрузилось въ прохладную пучину.

И въ тотъ моментъ, когда скрылась въ морѣ послѣдняя верхняя каемка этого гигантскаго круга, вдругъ въ природѣ произошелъ переворотъ. Теплая розовая окраска моря и неба и воздуха разомъ поблекла, и все покрылось какой-то холодной синеватой пеленой. Исчезло солнце, его поглотило море, и душу наполнила тихая и красивая грусть.

Всѣ глядѣли на закатъ безмолвно, никому не хотѣлось говорить. Было чудное молчаніе. Но его нарушилъ все тотъ же маленькій человѣкъ, агентъ безъ фамиліи:

— Видѣли, видѣли? А что? Развѣ не стоило посмотрѣть? Я же вамъ говорилъ. У-ди-вительное зрѣлище. Можно платить деньги, ей-ей...

Онъ говорилъ это съ такимъ видомъ, какъ будто онъ-то именно и устроилъ это зрѣлище, чтобы доставить развлеченіе пассажирамъ 1-го класса, и если бы онъ не постарался, то солнце не зашло бы или сдѣлало бы это какъ-нибудь попроще.

Странный маленькій человѣкъ, посланный намъ судьбой спеціально, чтобы отравлять наше путешествіе.

Потомъ тянулись долгія-долгія сумерки. Какъ будто природа съ тихимъ, затаеннымъ страданіемъ переживала лишеніе свѣтлаго, радостнаго, ликующаго дня и старалась отдалить наступленіе ночи.

Но ночь надвигалась со всѣхъ сторонъ. Потемнѣла поверхность моря, углубилась синева неба, непроницаемъ сталъ воздухъ.

Повсюду зажглись огни, и на небѣ, въ видѣ постепенно, одна за другой прояснявшихся звѣздъ, и на морѣ, на мелькавшихъ одинокихъ судахъ. И нашъ пароходъ освѣтился.

На палубѣ 1-го класса появились столики. Лакеи приносили чай и шипучую воду. Нашлись любители винта и усѣлись за зеленымъ столомъ, словомъ—обычная жизнь вступила въ свои права.

А въ салонѣ кто-то игралъ на піанино, и чей-то теноровый голосъ неувѣренно напѣвалъ романсъ.

Все это было скучно. Хотѣлось найти такой пунктъ, гдѣ не было бы ни души. Хотѣлось остаться наединѣ съ моремъ и звѣздами, — но это было невозможно.

Попробовалъ я спуститься на нижнюю палубу. Но тамъ уже все замерло. Кой-гдѣ теплился слабый свѣтъ пароходнаго фонаря и освѣщалъ спящихъ людей. Спали всюду—на узлахъ, на ящикахъ, на полу. Не было никакой возможности пройти.

Но какимъ-то чудомъ мнѣ удалось проникнуть на корму парохода. Она вся была завалена свернутымъ спиралью осмоленнымъ канатомъ отъ якоря, и здѣсь почему-то не было ни души.

Сверху, съ нашей палубы, доносились говоръ, восклицанія винтеровъ, смѣхъ, но все это какъ-то угасло и почти не чувствовалось, поглощаемое непрерывнымъ гудѣніемъ парохода. Здѣсь оно было явственно слышно. Внизу, въ нѣсколькихъ футахъ отъ меня, огромная махина судна, вся вздрагивавшая отъ натуги, быстрымъ движеніемъ разсѣкала волны, и темная пучина будто чувствовала отъ этого боль и ворчала.

Прохладный ночной воздухъ, пропитанный солеными парами морской влаги, обнималъ мою голову. Я подставлялъ ему руки, протягивая ихъ впередъ, и лицо. Я снялъ шляпу и перегнулся черезъ бортъ.

А отъ каната попахивало смолой. Все это вмѣстѣ какъ-то пріятно опьяняло меня, и я готовъ былъ остаться здѣсь на всю ночь.

Но около полуночи я вдругъ почувствовалъ усталость и просто страстное желаніе уснуть. Вѣки слипались, ихъ трудно было держать открытыми. Должно-быть, дивный морской воздухъ наркотически утомилъ мои нервы.

Я отправился въ свою каюту и, оставивъ круглое окошечко открытымъ, легъ въ постель и тотчасъ уснулъ.

Должно-быть, я спалъ мертвецки, потому что не слышалъ ничего изъ того, что происходило въ теченіе ночи, а оказалось, что это были событія дѣйствительно первостепенной важности.

Когда я проснулся, то, еще въ полусознаніи и съ закрытыми глазами, я смутно почувствовалъ, что вокругъ меня дѣлается что-то необыкновенное, но въ то же время голова моя была въ такомъ состояніи, какъ будто въ ней перевернулся весь мозгъ.

Я пытался поднять ее, но не могъ. Я силился открыть глаза, но вѣки плотно пристали одно къ другому, какъ будто ночью кто-то сшилъ ихъ ниткой.

Ощущеніе смертельной опасности охватило меня, и я почувствовалъ ужасъ. Руки мои, сохранившія способность двигаться довольно свободно, нащупывали постельное бѣлье, одѣяло и передавали мнѣ совершенно явственное ощущеніе холодной влажности. Все было мокро. Мокрымъ оказались и мое лицо и волосы. Во рту былъ горько-соленый вкусъ.

„Боже мой, да что же это?—смутно шевелилась въ моей головѣ мысль.—Можетъ-быть, я уже гдѣ-нибудь на днѣ морскомъ?“

При этомъ я весь дрожалъ отъ холода. Откуда-то слышались вой и свистъ вѣтра. А глаза мои все не раскрывались.

Наконецъ я поднесъ къ нимъ руку и съ усиліемъ, при помощи пальцевъ, приподнялъ вѣки. Картина, которую я увидѣлъ, была потрясающая. Моя постель и я самъ были мокры насквозь. На полу стояла вода вышиной въ нѣсколько вершковъ, въ ней плавалъ мой пиджакъ, а въ открытое круглое окошко порывами врывался вѣтеръ вмѣстѣ съ крупными брызгами соленой воды.

„Буря“,—подумалъ я, и мнѣ сейчасъ же представился маленькій человѣчекъ, который такъ увѣренно отрицалъ бурю.

А. Егоровъ. Воскресеніе Христово. (Изъ галлереи И. Е. Цвѣткова).

Ночь уже прошла, стоялъ день, но такой хмурый, что никакъ нельзя было угадать часъ. Мои часы остались въ жилеткѣ. Нужно было встать съ постели и сдѣлать два шага, чтобы достать ее. И я попробовалъ сдѣлать это, но почувствовалъ головокруженіе и повалился обратно на постель.

„Морская болѣзнь“,—подумалъ я, и мнѣ стало почему-то стыдно, что я, принадлежащій къ морской семьѣ, вдругъ поддался этой болѣзни.

Однако у меня хватило силы вторично подняться, протянуть руку по направленію къ окошку и быстрымъ движеніемъ захлопнуть его. Тутъ я началъ осматриваться и соображать подробности.

Очевидно, пароходъ треплетъ буря. Это уже не подлежало никакому сомнѣнію. Это я узналъ не только по состоянію моей головы, но и по движенію чемодана, стоявшаго на маленькомъ табуретѣ. Онъ равномѣрно переваливался изъ стороны въ сторону, какъ будто былъ живой. А на полу мой плававшій пиджакъ тоже совершенно опредѣленно двигался въ водѣ—то вправо, то влѣво.

Я нагнулся и поднялъ его. Онъ былъ въ ужасномъ видѣ. Изъ него текла вода нѣсколькими струями.

Съ тревогой я отыскалъ внутренній боковой карманъ и нащупалъ оставшійся въ немъ бумажникъ. Тамъ, правда, не хранилось большое состояніе, но все же было полсотни, и я былъ бы въ отчаяніи, если бы мои кредитки были приведены въ негодность.

Я вынулъ изъ кармана бумажникъ, онъ былъ мокрый. Но судьба, очевидно, щадила меня: внутрь вода забралась въ самомъ незначительномъ количествѣ, и пять красныхъ билетовъ оказались только слегка подмоченными. Я ихъ вынулъ и положилъ на чемоданъ, который, благодаря тому, что стоялъ въ углу, не подвергся вліянію стихій и былъ совершенно сухъ.

Едва я успѣлъ кончить эту важную „денежную операцію“, какъ въ природѣ произошло нѣчто ужасное. На мгновеніе стемнѣло, а потомъ море освѣтилось какимъ-то бѣшенымъ заревомъ, и раздался оглушительный ударъ грома, какъ будто тамъ, въ небесахъ, выстрѣлили въ землю разомъ изъ милліона пушекъ.

Очевидно, судьба еще разъ доказала свою заботливость обо мнѣ. Я какъ разъ во-время захлопнулъ окошко. Послѣ грома пошелъ дождь, и стало совсѣмъ темно.

Тогда я рѣшилъ больше ничѣмъ не проявлять свою активность. Покорно легъ въ постель, на спину, и ждалъ, пока прояснится. Должно-быть, я опять заснулъ, потому что не замѣтилъ, какъ прошло время.

Когда я открылъ глаза, въ мое окошко ударялъ дневной свѣтъ — безсолнечный, тусклый, скучный, но все-таки свѣтъ. Чемоданъ мой попрежнему покачивался, на полу вода переливалась, омывая своими волнами то правую стѣнку, то лѣвую, значитъ—буря продолжалась.

Но я чувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Вѣроятно, этому содѣйствовалъ второй сонъ. Мысли мои работали какъ-то особенно напряженно, голова прояснилась. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать или по крайней мѣрѣ узнать навѣрное, въ какомъ положеніи находятся дѣла на пловучемъ островѣ.

Прежде всего я досталъ жилетъ и вынулъ часы. Они показывали половину второго. „Надѣюсь, дня?“—мысленно произнесъ я, и, конечно, это былъ день.

Слѣдующимъ моимъ движеніемъ было завоеваніе моего чемодана. Я его перетащилъ на кровать, которая уже немного просохла, вынулъ изъ него бѣлье и сухое платье и довольно удачно переодѣлся. Была непріятная возня съ сапогами, которые стояли на полу и оказались полны водой. Пришлось вытирать ихъ, потомъ съ большимъ трудомъ напяливать на ноги.

Но это все было сдѣлано; я, стоя на кровати въ согнутомъ видѣ, потому что потолокъ былъ низокъ, отворилъ дверь, и вода изъ моей каюты хлынула въ коридоръ. Тамъ, должно-быть, кто-то былъ въ это время, потому что оттуда послышался крикъ, и даже были произнесены нѣсколько непріятныхъ для меня словъ. Но я этого рѣшительно не могъ предугадать и, право же, никому не хотѣлъ сдѣлать зло.

И вотъ я наверху. Меня встрѣчаетъ тамъ неистовый порывъ вѣтра, и, кажется, если бъ я не ухватился за мѣдныя перила лѣстницы, меня подхватило бы и унесло куда-нибудь на другой конецъ свѣта.

Но это, разумѣется, было преувеличено. Вѣтеръ былъ въ самомъ дѣлѣ свирѣпый, но все же держаться было можно. Пароходъ подбрасывало, какъ щепку.

И вотъ я, еще ничего не разглядѣвъ изъ того, что̀ на немъ произошло, ощущаю радостное чувство по поводу того, что голова моя свѣжа, меня не укачиваетъ. Очевидно, тамъ, въ каютѣ, я поддался слабости, или потому, что во время сна я не владѣлъ всей своей энергіей сопротивленія. Нѣтъ, все-таки во мнѣ сказалась принадлежность къ „морской семьѣ“.

Я твердо держался на ногахъ и не чувствовалъ ни тошноты ни головокруженія. И тутъ я двинулся въ путь. Цѣпляясь руками за все, на что только можно было опереться по пути, я направился къ верхней палубѣ, поднялся по лѣстницѣ, но сейчасъ же убѣдился, что дальше итти опасно. Тамъ вѣтеръ былъ вдвое сильнѣе, чѣмъ внизу. Притомъ же я увидѣлъ, что на палубѣ нѣтъ ни души, и вся она залита дождевой водой. Ну, значитъ, надо итти туда, гдѣ подъ дождемъ и вѣтромъ мокнетъ „всякій сбродъ“.

И только-что я хотѣлъ повернуть туда, какъ передо мной выросла маленькая фигура, въ которой я не безъ труда, но все же узналъ агента безъ фамиліи. Его парусиновый пиджакъ, совершенно вымокшій, плотно облегалъ его худощавое тѣло, а сверхъ пиджака былъ надѣтъ какой-то странный резиновый плащъ, и этотъ плащъ, развѣваемый вѣтромъ, вздулся парусомъ во всѣ стороны, и маленькій агентъ походилъ на большую птицу.

Но самымъ страннымъ было то, что, увидѣвъ меня при такихъ обстоятельствахъ, онъ радостно улыбался во весь ротъ:

— А, такъ, значитъ, и вы тоже... Вотъ отлично, отлично...

Я не понялъ, въ чемъ дѣло, и что̀ собственно я совершилъ такого, за что меня слѣдуетъ ободрять. Но онъ сейчасъ же объяснилъ:

— Понимаете, всѣ въ каютахъ... Во всѣхъ каютахъ лежатъ мертвыя тѣла. Да что! Капитана укачало, вы знаете? Можете себѣ представить? Онъ лежитъ безъ ногъ, а я выпросилъ у него вотъ этотъ плащъ. Я тутъ одинъ на ногахъ, да матросы. А вотъ оказывается, что и вы еще... Молодчина студентъ, ей-ей!..

При этомъ онъ кричалъ что̀ было мочи, а до меня голосъ его долеталъ будто изъ-подъ полу.

— Послушайте, но когда же мы пріѣдемъ? Вѣдь ужъ пора подъѣзжать къ Севастополю,—сказалъ я.

— Что̀? Къ Севастополю? А гдѣ онъ, вашъ Севастополь? Да мы еще и въ Евпаторіи не были. Да, можетъ-быть, мы теперь гдѣ-нибудь около Константинополя болтаемся, а чего добраго—у береговъ Индіи... Ей-ей... Да развѣ вы не знаете, что у насъ машина не дѣйствуетъ? Испортилась—и мы теперь прямо носимся по волнамъ, какъ какой-нибудь плотъ или барка... Правда, спустили якорь... Ну, да это развѣ что-нибудь поможетъ? Тутъ нигдѣ дна не достанешь... А что̀ тамъ дѣлается, на нижней палубѣ, если бъ вы знали! Пойдемъ туда.

Огорошенный извѣстіемъ о порчѣ машины, я тѣмъ не менѣе машинально послѣдовалъ за нимъ. Я просто не позволилъ себѣ сосредоточиться на мысляхъ, которыя возникли въ моей головѣ, хотя тамъ явственно зудѣло: „но если такъ, то, въ сущности, вѣдь мы погибли“...

III.

Но если я еще могъ сколько-нибудь сомнѣваться въ этомъ, то картина, которую я увидѣлъ на нижней палубѣ, должна была доказать, что это почти общее мнѣніе.

Сильный вѣтеръ въ теченіе двухъ часовъ, прошедшихъ послѣ дождя, успѣлъ значительно осушить палубу, хотя брызги отъ ударявшихъ въ бортъ парохода волнъ отъ времени до времени подновляли влагу.

Большая часть здѣшнихъ пассажировъ были въ полусознательномъ состояніи и потому, вѣроятно, не думали о смерти. Люди, совершенно обезсиленные продолжительной морской болѣзнью, валялись, гдѣ попало, въ невѣроятныхъ положеніяхъ.

Лица ихъ были смертельно блѣдны. Нѣкоторые лежали безъ движенія и казались безжизненными. Другіе стонали, умоляя чѣмъ-нибудь облегчить ихъ страданія.

А тѣ, которые были сколько-нибудь въ сознаніи, очевидно, рѣшили, что уже нѣтъ спасенія.

Вотъ старый еврей, родоначальникъ большого семейства, которое вчера съ такимъ аппетитомъ закусывало селедкой. Жена

и дѣти его были больны, но онъ бодрствовалъ; не обращая вниманія ни на что окружавшее, онъ облачился въ какой-то фантастическій полосатый бѣлый съ чернымъ балахонъ, прицѣпилъ на лобъ небольшое черное украшеніе въ формѣ куба и, пошатываясь всѣмъ корпусомъ впередъ и назадъ, воспаленными губами шепталъ молитвы, отъ времени до времени частымъ движеніемъ кулака ударяя себя въ грудь.

Смуглолицый грекъ, тотъ самый владѣлецъ цѣлаго транспорта губокъ, что вчера закусывалъ копченой камбалой, сидѣлъ на мѣшкѣ съ хлопкомъ, растерянный, убитый и плакалъ, но какъ!—громко, безутѣшно, навзрыдъ, какъ ребенокъ. При этомъ сквозь рыданія у него вырывались слова непонятныя, должно-быть, греческія, а среди нихъ часто повторялось одно русское: „Пропалъ... Пропалъ...“

Нѣмецкая колонія устроилась какъ-то очень искусно, подъ ящиками, сдѣлавъ себѣ изъ нихъ нѣчто въ родѣ шалаша. Сидѣли они въ этой дырѣ, среди господствовавшей тамъ темноты, и нельзя было разобрать, какое у нихъ настроеніе.

А хохлы почти всѣ были больны. Парень съ гармоникой лежалъ на самой дорогѣ, безпомощно откинувъ въ стороны руки и ноги, и гармоника его валялась тутъ же, вся размокшая и въ какомъ-то истерзанномъ видѣ.

Только какая-то баба, державшая на рукахъ ребенка, какъ будто забыла о своей собственной личности и усиленно укачивала своего младенца, который ревѣлъ во все горло, да старикъ, усатый потомокъ запорожцевъ, видимо, совсѣмъ не подвергшійся вліянію качки, стоялъ на колѣняхъ и, усердно крестясь, бормоталъ молитвы, очевидно, готовясь къ смерти.

Но совершенно поразилъ и даже восхитилъ меня мой спутникъ, маленькій агентъ безъ фамиліи. Да, въ этотъ часъ я перемѣнилъ мнѣніе о немъ. Я увидѣлъ, что судьба посадила его на пароходъ не въ наказаніе намъ, а для благой цѣли.

Онъ подбѣгалъ ко всякому, кто стоналъ и просилъ помощи. Наклонялся надъ нимъ и разспрашивалъ. Все время слышался его скрипучій голосъ:

— Тебѣ воды? Можетъ-быть, зельтерской, а? Лимона? Ага! Отлично... Лимонъ, это хорошо... Капли? Ну, какія жъ тутъ капли? Ты лучше вина выпей! Вотъ мы достанемъ вина.

Но это была одна часть его дѣяній, а другая уже была повелительная. По всей вѣроятности, надѣтый на немъ резиновый плащъ капитана, не перестававшій развѣваться по вѣтру и дѣлать его похожимъ на птицу, придалъ ему такую увѣренность и властность. Онъ дѣйствительно дѣлалъ чудеса.

Онъ кричалъ, и голосъ его походилъ на тонкій квукъ кларнета, онъ призывалъ матросовъ и приказывалъ,—да, именно приказывалъ имъ,—какъ самый заправскій начальникъ, исполнять разныя порученія: одинъ бѣжалъ къ доктору, требуя изъ пароходной аптеки лѣкарство, другой тащилъ воду, третій несъ изъ матросскаго помѣщенія одѣяло, чтобы укутать продрогшаго ребенка.

И замѣчательнѣе всего было то, что его слушались. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ плащомъ къ нему перешла капитанская власть.

Были у него большія недоразумѣнія съ буфетомъ, который отказался отпускать на нижнюю палубу шипучіе напитки и вино.

— Какъ? Отказъ? А вотъ я имъ покажу!

И онъ бѣжалъ въ буфетъ, производилъ тамъ скандалъ, пускалъ въ ходъ даже сильныя слова и въ результатѣ добывалъ то, что ему было нужно. Надъ старымъ евреемъ онъ смѣялся:

— Вишь, старикъ, а умирать боишься...

Грека стыдилъ за его малодушныя слезы, а стараго хохла даже проклялъ своими словами, такъ что тотъ поднялся на ноги и началъ вмѣстѣ съ нами работать надъ больными.

Между тѣмъ стемнѣло, и, видимо, наступала вторая ночь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на небѣ появился какой-то просвѣтъ. Облако въ одномъ мѣстѣ на западѣ стало разжижаться и даже окрашиваться въ розоватый свѣтъ лучей только-что зашедшаго солнца.

Да и вѣтеръ, видимо, сталъ стихать, хотя трепалъ еще порядочно.

— А знаете что,—сказалъ мнѣ маленькій агентъ послѣ того, какъ мы полдня провозились на нижней палубѣ:—я того мнѣнія, что дѣло наше поправляется, и погибнуть намъ придется развѣ ужъ въ другой разъ. А? Какъ вы думаете? Вотъ увидите, черезъ часъ вѣтеръ совсѣмъ стихнетъ, и будетъ прекрасная погода. И знаете, теперь намъ съ вами, молодой человѣкъ, не грѣхъ отправиться въ столовую и хватить горячаго чаю съ коньякомъ.

Мысль была превосходная. Меня пробирала дрожь. На нижней палубѣ уже больше нечего было дѣлать, и мы отправились въ столовую.

Здѣсь горѣли лампы, и кой-кто изъ пассажировъ I-го класса, почуявъ улучшеніе погоды, вышли изъ каютъ. Лица у всѣхъ были блѣдныя, запуганныя.

Намъ принесли чаю и коньяку. Но сейчасъ же, въ теплѣ и сравнительномъ уютѣ, явился аппетитъ, и мы принялись ѣсть, какъ слѣдуетъ. Оказалось, что въ этотъ день никто изъ пассажировъ не завтракалъ и не обѣдалъ, и запасъ кушаній былъ великолѣпный.

Появлявшіеся мало-по-малу изъ каютъ пассажиры имѣли видъ измученный и съ удивленіемъ смотрѣли на насъ и на нашъ аппетитъ и слушали оживленные разсказы маленькаго агента. Но такъ какъ вѣтеръ замѣтно стихъ, и качка почти прекратилась, понемногу и они присаживались къ столу и рѣшались прикоснуться къ кушаньямъ. Мало-по-малу столовая наполнилась, и пошли разговоры объ ужасахъ минувшей ночи и дня.

Героемъ былъ маленькій агентъ. Оказалось, что онъ и ночью дѣйствовалъ, помогая пассажирамъ I-го класса, которыхъ гроза и недавно поднявшаяся буря застали на палубѣ. Онъ одинъ только не растерялся, онъ забиралъ подъ руку чуть не падавшихъ въ обморокъ дамъ и, шатающихся и блѣдныхъ, уводилъ въ каюту. Ему теперь всѣ пѣли славу.

Явился капитанъ. Его слабость была недолговременна. Онъ просто усталъ за ночь, но скоро оправился и теперь пришелъ прямо съ вышки. Его забросали вопросами о нашей судьбѣ.

— Мы стоимъ на якорѣ,—сказалъ онъ.—Выбросили сигналъ о помощи, но когда эта помощь придетъ—неизвѣстно. Да вы не безпокойтесь, господа: у буфетчика огромный запасъ провизіи, хватитъ на недѣлю.

Это, разумѣется, было плохимъ утѣшеніемъ. Никто не разсчитывалъ на столь долгое морское путешествіе. Тѣмъ не менѣе послѣ плотнаго ужина мнѣ и моему новому товарищу оставалось одно—положиться на волю Божію и отправиться по каютамъ спать, что мы и сдѣлали.

Въ моей каютѣ уже было сухо. На постели перемѣнили бѣлье и одѣяло, даже тюфякъ принесли сухой. Послѣ рабочаго дня пріятно было завернуться въ сухое одѣяло и заснуть. Но на этотъ разъ окошко я оставилъ закрытымъ.

Довольно долго заснуть мнѣ мѣшали тревожныя мысли о моихъ севастопольскихъ дамахъ. Я представлялъ себѣ ихъ безпокойство. Безпроволочный телеграфъ тогда еще не былъ изобрѣтенъ, и мы никакъ не могли дать о себѣ вѣсть на берегъ. Можетъ-быть, тамъ считали насъ уже погибшими?

И мнѣ искренно было жаль моей старушки, недавно только потерявшей мужа и теперь оплакивавшей предполагаемую гибель сына.

Но утомленный здоровый организмъ потребовалъ отдыха, и я все-таки заснулъ. Проснулся рано—и сейчасъ же къ окну. Боже, что за прелесть была тамъ, за окномъ! Рука невольно протянулась, чтобы отворить его.

Море было спокойно и блестѣло милліонами оттѣнковъ и переливовъ, въ которыхъ играли и рѣзвились солнечные лучи. Яркое солнце плыло по чистому небу и какъ бы говорило всему міру о томъ, что воскресъ Христосъ, и наступилъ Свѣтлый праздникъ его.

Да, это былъ уже праздникъ. Мнѣ было суждено провести его на морѣ.

Было восемь часовъ. Я быстро освѣжился водой, одѣлся и побѣжалъ наверхъ, и тамъ чудо: опять я лицомъ къ лицу встрѣтился съ моимъ маленькимъ агентомъ. Онъ не далъ мнѣ опомниться:

— Вы встали уже? Ну, такъ Христосъ воскресе!—и потянулся цѣловаться со мной.

Могъ ли я противиться этому послѣ вчерашняго нашего геройскаго дня?

— А вы слышите шумъ? Вѣдь мы идемъ,—радостно сообщилъ онъ мнѣ.

— Какъ? Развѣ машину починили?

— Ну, нѣтъ, какой тамъ! Насъ взяли на буксиръ. Вонъ видите впереди пароходъ? И, знаете, плохонькій,—коммерсантъ. Но онъ уцѣлѣлъ... Увидѣлъ нашъ сигналъ и взялъ насъ.

— Но гдѣ же мы теперь?

— Часахъ въ трехъ отъ Севастополя.

— Значитъ, прямо въ Севастополь?

— Да, ужъ прямо туда... А вотъ я вамъ сейчасъ покажу нѣчто. Вы навѣрно не ожидали.

Онъ взялъ меня за руку и потащилъ по направленію къ столовой. Мы вошли.

— Не угодно ли?—сказалъ онъ.

Столъ былъ убранъ по-пасхальному. Ну, право же, было все, что полагается: и куличъ, и сырная пасха, и крашеныя яйца.

— Да откуда же все это?

— Поваръ приготовилъ. Я, знаете, еще вчера съ вечера вошелъ съ нимъ въ соглашеніе. Я сказалъ, что ему хорошо заплатятъ. Ну, мы соберемъ ему что-нибудь. И, знаете, я приказалъ ему еще десятокъ куличей испечь для той публики, для простыхъ... Да... И тамъ ужъ разговляются. Хотите посмотрѣть?

Онъ и туда потащилъ меня. И я видѣлъ разговлявшихся хохловъ и грека. Даже нѣмцы и тѣ не отказались и съ удовольствіемъ пили свой утренній кофе съ куличомъ.

Часа черезъ полтора встали наши пассажиры. Пришелъ капитанъ, и было устроено торжественное розговѣнье. Съ капитаномъ всѣ христосовались. Маленькій агентъ собралъ порядочно денегъ для повара. Когда же узнали, что всѣмъ этимъ торжествомъ обязаны его предусмотрительности, сдѣлали ему настоящую овацію.

Было около полудня, когда показались бѣлыя строенія Севастополя. Потомъ можно было разглядѣть густую толпу народа на пристани.

Наконецъ съ большимъ трудомъ нашъ пароходъ, лишенный всякой самодѣятельности, былъ подведенъ къ пристани. Кажется, весь городъ пришелъ сюда, чтобы увидѣть людей, которые считались уже погибшими. Здѣсь я встрѣтилъ свою мать и Лизу.

А свиданіе съ моей химіей пришлось-таки отложить на два дня. Обратно я выѣхалъ изъ Севастополя только на четвертый день праздника.

Гришутка-канонархъ.

Разсказъ Наталіи Грушко.

Казалось, всенощной сегодня не будетъ конца. Наканунѣ храмового праздника въ монастырь пришли тысячи благочестивыхъ людей изъ всей окрестности.

Маленькій канонархъ Григорій, одѣтый въ стихарь изъ свѣтлой парчи съ золотыми звѣздами, уже въ сотый разъ раздувалъ кадило. Ему давно хотѣлось спать, и передъ затуманенными усталостью глазами плавали какіе-то разноцвѣтные кружочки, которые то таяли въ воздухѣ, то вновь появлялись.

Обычно Григорія занимали его обязанности. Ему было пріятно надѣть блестящій стихарь, расчесать темные, кудрявые, всегда спутанные волосы и, взявъ обѣими руками серебряный подсвѣчникъ, который былъ вдвое выше его самого, медленно и важно выйти черезъ боковую дверь алтаря передъ Царскія врата, поставить подсвѣчникъ и чинно удалиться обратно, а тамъ, въ алтарѣ, когда архимандритъ съ іеромонахами выйдутъ на середину церкви для совершенія литіи, прильнуть глазкомъ къ иконостасу и смотрѣть въ щелку на молящихся.

Вотъ старая богомолка со сморщеннымъ, какъ черствая ржаная лепешка, лицомъ. Что-то шепчутъ ея выцвѣтшія губы, а въ маленькихъ, окруженныхъ морщинами, глазахъ сверкаетъ холодное пламя.

Мальчикъ вспоминаетъ, какъ передъ всенощной на паперти она разсказывала явныя небылицы о монастыряхъ и разныхъ загадочныхъ краяхъ, гдѣ будто бы Богъ привелъ ей побывать.

„Вишь, молится...—думаетъ онъ:—а чисто вѣдьма!“ И тутъ же рѣшаетъ: „Все равно въ адъ попадетъ“.

Но вотъ новое лицо привлекаетъ вниманіе мальчика.

У стѣны справа стоитъ старая барыня-помѣщица изъ сосѣдняго села. За спиною у нея стулъ, а за стуломъ лакей,—богатая барыня.

Иногда она садится отдыхать, закрываетъ глаза, дремлетъ, ея сѣдая голова клонится впередъ, и смѣшно качаются перья на шляпѣ.

А когда она встаетъ и изрѣдка неторопливо крестится маленькой бѣлой рукой, на ея пальцѣ, какъ ледяная сосулька въ солнечный день, сверкаетъ радужными огнями красивый перстень.

„Дорогой перстень. На него, сказываютъ, цѣлую избу можно купить“. И Гришуткѣ представляется, будто на бѣлой, холеной рукѣ барыни болтается цѣлая изба.

А „глазокъ“ уже перескочилъ на маленькую деревенскую дѣвочку, стоящую рядомъ съ матерью. Засунувъ палецъ въ ротъ, повернувшись спиной къ алтарю, смотритъ она на о. архимандрита, любуясь его праздничнымъ золотымъ облаченіемъ.

И видитъ Гришутка, какъ смущенная мать дѣвочки, наклонясь къ ней, что-то укоризненно шепчетъ, и дѣвочка оборачивается лицомъ къ алтарю, молитвенно складываетъ ручонки, таращитъ глаза на иконостасъ и вдругъ начинаетъ часто и усердно креститься; подражая взрослымъ, она становится на колѣни, кладетъ земной поклонъ и, прильнувъ лбомъ къ полу, снизу вверхъ искоса посматриваетъ на мать.

Потомъ подымается и, видя, что мать вся ушла въ молитву и уже не обращаетъ на нее вниманія, опять поворачивается спиной къ алтарю, смотритъ на о. архимандрита, крестится и кланяется ему. И Гришутка видитъ, какъ по доброму утомленному лицу о. Іеронима скользитъ мягкая улыбка.

И мальчику тоже становится смѣшно, и, стоя за дверью иконостаса, онъ тихонько посмѣивается и разомъ обнимаетъ взглядомъ всю церковь.

Нѣтъ, никто не смѣется, вся сѣрая мужицкая толпа сосредоточенно смотритъ впередъ, и вздохи летятъ, сливаясь съ пѣніемъ хора.

И бѣгутъ, бѣгутъ мысли маленькаго канонарха далеко за стѣны монастыря, въ родную деревню. Тамъ хорошо... Ужъ навѣрно всѣ спать полегли, а тутъ еще читать надо...

И когда наступаетъ его часъ, выходитъ Гришутка на середину церкви. Архимандритъ стоитъ у аналоя, передъ нимъ икона и свѣча въ большомъ подсвѣчникѣ. Полукругомъ стоятъ монахи. Гришутка становится по лѣвую руку архимандрита, и звонкій голосъ его, какъ гласъ свѣтлаго ангела, раздается подъ высокими сводами храма и радостнымъ умиленіемъ наполняетъ сердца молящихся.

— „Слава — гласъ восьмый... Величитъ душа моя Господа“... — старательно выговаривая слова, выводитъ онъ.

— „Величитъ душа моя“... — вторятъ ему монахи, и всѣ прихожане, какъ одинъ человѣкъ, крестятся, низко склонивъ головы.

И чудится Гришуткѣ, будто онъ не простой канонархъ, а отрокъ, посланный Богомъ къ этимъ бѣднымъ людямъ для возвѣщенія имъ Его воли; и проникновеннѣе звучитъ его голосъ, и старый архимандритъ о. Іеронимъ съ умиленіемъ смотритъ на черненькую головку мальчика, а важная барыня-помѣщица усиленно крестится.

Всенощная кончилась, народъ тѣснится къ выходу. Гришутка, прибравъ въ алтарѣ, вмѣстѣ съ старшими монахами спѣшитъ въ трапезную.

Мягкая весенняя ночь хмелемъ ударяетъ въ голову, звѣзды подмигиваютъ ему съ высоты и дразнятъ его: „что, братъ, утомился? Небось, спать хочется?.. А мы—нѣтъ, намъ хорошо тутъ, въ вышинѣ... Мы еще всю ночь будемъ горѣть..“

Въ трапезной онъ клюетъ носомъ надъ кушаньемъ, и добрый старецъ его Серапіонъ разрѣшаетъ ему итти спать.

Гришутка стрѣлой летитъ черезъ дворъ въ другой корпусъ, гдѣ находятся кельи монаховъ.

Проектъ скульптора Н. А. Андреева подъ девизомъ „Архангелъ", получившій вторую премію въ 1.500 р.

Гдѣ-то въ углу приткнулась его койка, на ней вмѣсто матраца—грубый мѣшокъ, набитый сѣномъ. Но мальчику онъ кажется пуховикомъ,—лишь бы добраться до него.

И, подложивъ подъ голову подушку и собственный кулачокъ, Гришутка сразу засыпаетъ. И снится Гришуткѣ, будто онъ не простой канонархъ, а отрокъ Божій; на немъ яркія бѣлыя одежды, и служитъ онъ Богу вмѣстѣ съ ангелами, а крылья у ангеловъ бѣлыя, и летятъ они свободно, гдѣ-то высоко-высоко надъ звѣздами. И чудно, что вѣдь у него, у Гришутки, нѣтъ крыльевъ, а онъ нисколько не отстаетъ отъ нихъ...

— Григорій, Григорій! Къ заутрени благовѣстятъ!—говорилъ о. Серапіонъ, наклонившись надъ мальчикомъ.

Гришутка открылъ глаза, посмотрѣлъ на старца и снова, какъ въ воду канулъ, заснулъ.

„Ахъ, грѣхъ какой, — подумалъ старецъ:—вотъ не добудишься его теперь".

— Григорій, вставай! Приложиться надо къ преподобному,—снова заговорилъ старецъ, осторожно теребя его за плечо.

А Гришутка не можетъ итти къ преподобному. Онъ далеко отсюда,—онъ дома, въ деревнѣ.

Утро яркое, солнечное, и ему такъ хорошо и радостно, смѣяться хочется. И бѣжитъ онъ съ цѣлой оравой такихъ же мальчугановъ, какъ самъ, къ Днѣпру.

Гамъ, визгъ, хохотъ... Раздѣлся онъ, входитъ въ воду. Вода студеная... Ребята стоятъ на берегу и поддразниваютъ:

— А ну-ка, Гришутка, мелкой рыбкой поплавай!..

И Гришутка плыветъ, тихо шевеля руками подъ водой, такъ что не видно брызгъ и не слышно шума.

Къ нему уже плывутъ пріятели и кричатъ:

— Гришутка, покажи, какъ бабы плаваютъ!..

— Какъ пароходъ!..

И Гришутка уже собирается показать имъ всѣ свои фокусы, которыхъ онъ большой мастеръ, какъ вдругъ чей-то голосъ окликаетъ его:

— Григорій!.. Григорій!..

Гришутка осматривается вокругъ: никого нѣтъ, а голосъ раздается съ той стороны, гдѣ надъ рѣкой нависла круча. Но кручи тамъ уже нѣтъ, а на ея мѣстѣ преогромный монахъ, въ такомъ высокомъ клобукѣ, что край его упирается въ самое небо. Смотритъ онъ на Гришутку сердитыми, укоряющими глазами, и что-то тамъ внутри у него гудитъ:

— Иди къ преподобному!.. Къ пре-по-доб-ному!..

А Гришуткѣ жаль покинуть рѣку и товарищей, не хочется ему итти въ полутемную, слабо освѣщенную нѣсколькими лампадами церковь. А монахъ все настойчивѣе гудитъ:

— Къ преподобному!.. Къ пре-по-доб-ному!

Досадуя и негодуя, а въ то же время и чего-то боясь, Гришутка отворачивается отъ него и плыветъ въ другую сторону; но отъ кручи, похожей на монаха, протягивается къ нему длинная черная рука и вотъ-вотъ схватитъ его за вихоръ. И чувствуетъ Гришутка, какъ холодная дрожь пробѣгаетъ у него по тѣлу, и, собравъ всѣ свои силы, онъ ныряетъ въ глубину рѣки, но навстрѣчу ему съ самаго дна подымается огромная рыбина съ раскрытой пастью, готовой пожрать его..

Проектъ скульптора Н. А. Андреева подъ девизомъ „Столпы", получившій первую премію въ 2.000 руб.

„Это китъ...—думаетъ Гришутка:—а я—Іона... Три дня и три нощи... Вотъ такъ штука!.."

— Къ пре-по-до-об-но-му! — надъ самымъ ухомъ его раздается гулъ изъ раскрытой пасти.

Весь дрожа отъ ужаса, Гришутка откры-

Проектъ скульптора В. С. Милорадовича подъ девизомъ „Защитникамъ вѣры", получившій третью премію въ 1.000 р.

Премированные проекты памятника патріарху Ермогену и иноку Діонисію, созывавшимъ въ началѣ XVII вѣка ратныхъ людей для спасенія отечества отъ нашествія поляковъ.

ваетъ глаза и, видя около кровати монаха, еще весь находясь во власти сна, дико вскрикиваетъ:

— Не хочу, не хочу!.. Не пойду къ преподобному!..

О. Серапіонъ окаменѣлъ отъ изумленія. Такія слова въ стѣнахъ монастыря, да еще отъ Гришутки, всегда тихаго и безмолвно-послушнаго!

— Да воскреснетъ Богъ, и да расточатся...—забормоталъ онъ, съ сокрушеніемъ посматривая на дверь, въ которую уже заглядывали любопытныя лица спѣшившихъ къ заутрени монаховъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—раздался за дверью сдобный и разсыпчатый голосъ толстаго, упитаннаго о. эконома.

— Аминь!—отвѣтилъ о. Серапіонъ.

— Что это? Кто тутъ кричитъ?—спросилъ о. экономъ, входя въ келью.

О. Серапіонъ недоумѣнно развелъ руками:

— Ну, что тутъ скажешь... Никогда еще такого не бывало въ обители... О Господи... Храмовой праздникъ, а тутъ... Наважденіе!

И, какъ бы боясь, что стѣны кельи не выдержатъ вторичнаго громкаго произнесенія ужасныхъ словъ и падутъ, о. Серапіонъ наклонился къ о. эконому и прошепталъ:

— Не хочетъ итти къ преподобному...

— Что?—изумленно, хлопнувъ себя по жирнымъ ляжкамъ, переспросилъ о. экономъ.—Что? Не хочетъ къ преподобному? Господи Іисусе Христе...

— Да вотъ... Говорю же вамъ, отецъ Кириллъ,—скорбнымъ голосомъ подтвердилъ о. Серапіонъ.

— А вотъ я его сейчасъ побужу маленько,—почти ласково сказалъ о. экономъ и желѣзными пальцами схватилъ снова задремавшаго-было Гришутку за ухо.

И, видно, на этотъ разъ дѣйствительно бѣсъ захотѣлъ подшутить надъ Гришуткой, потому что ему приснилось, будто какіе-то огромные, страшные, черные монахи тащатъ его къ преподобному. Онъ упирается, не хочетъ, а они щиплютъ его, пинками подталкиваютъ со всѣхъ сторонъ.

А преподобный—старенькій, сѣденькій, какъ двѣ капли воды, похожій на о. Серапіона—смотритъ на него и улыбается, а въ то же время и грозитъ ему пальцемъ.

— Ну, Григорій,—изрядно дернувъ его за ухо, сказалъ о. экономъ,—надо приложиться къ преподобному!

Отъ сильной и неожиданной боли Гришутка открылъ глаза, сѣлъ на постель, оглядѣлся вокругъ, и вдругъ какая-то свирѣпость напала на него. Сжавъ кулачонки, стиснувъ зубы, дикимъ голосомъ онъ завопилъ:

— Не хочу-у... Не хочу къ пре-по-добному!

И слезы страха и ярости текли по его хорошенькому, испуганному личику.

„Бѣсъ накатилъ“,—пронеслось въ головѣ у о. Серапіона, и, умоляюще глядя на о. Кирилла, онъ шепталъ:

— Не трогайте его... Это въ немъ бѣсъ... Это онъ, проклятый...

— Во имя Отца и Сына...

Въ келью входили все новые и новые монахи. Они стояли, перешептывались, глядѣли на Гришутку испуганными глазами, выходили и вновь появлялись. А Гришутка, забившись въ уголъ постели, громко рыдалъ, не понимая, что дѣлается съ нимъ и вокругъ. Въ головѣ его носились еще страшные образы сновидѣнія и какъ-то причудливо сплетались съ таинственно двигавшимися въ кельѣ фигурами монаховъ. Рыдалъ, бился, произносилъ какія-то, ему самому непонятныя и самого его страшившія, слова и никакъ не могъ остановиться.

Скоро вся обитель была взволнована извѣстіемъ, что въ канонарха Григорія вселился бѣсъ.

Памятникъ В. Ѳ. Коммиссаржевской, сооружаемый на могилѣ покойной артистки, въ Александро-Невской лаврѣ. Памятникъ работы скульптора М. Диллонъ. Авторъ памятника за работой. По фот. Я. Штейнберга.

И побѣжали къ настоятелю—взволнованные, блѣдные, дрожащіе, отвѣшивали ему низкіе поклоны и, стыдясь того, что у нихъ въ монастырѣ завелся такой грѣхъ, бормотали ему невнятное, такъ что старый архимандритъ, встревоженный ихъ волненіемъ, едва могъ понять, въ чемъ дѣло. А понявъ, ясно представилъ себѣ утомленнаго долгой вчерашней службой мальчика, котораго въ четыре часа утра подымаютъ отъ сладкаго дѣтскаго сна. Понялъ мудрый старикъ и успокоился.

— Ну, пойдемъ къ нему,—сказалъ онъ и шелъ черезъ монастырскій дворъ неторопливо, опираясь на свой неизмѣнный посохъ, и тихая улыбка чуть замѣтно скользила по его губамъ.

А Гришутка между тѣмъ пришелъ въ себя и лежалъ смирно, чувствуя, что онъ что-то набѣдокурилъ, но самъ хорошо не зная, въ чемъ его вина.

Онъ лежалъ и посматривалъ на шепчущихся межъ собою монаховъ и думалъ, чѣмъ все это кончится. Ему было и любопытно и страшно.

Вдругъ дверь отворилась, и вошелъ **архимандритъ**. Гришутка, никакъ этого не ожидавшій, невольно приподнялся и вскочилъ съ постели.

Маленькій и дрожащій, стоялъ онъ среди этихъ черныхъ, большихъ людей и какъ-то жалобно и безпомощно смотрѣлъ на настоятеля, ожидая тяжелой кары.

— Ну, что ты тутъ натворилъ, Григорій?—съ принужденной строгостью, сквозь которую явно слышалась отеческая ласковость, обратился архимандритъ къ мальчику.

Тотъ молчалъ.

— Ты не хотѣлъ итти къ преподобному?

— Не хотѣлъ...—плачущимъ голосомъ пробормоталъ Гришутка.

— Почему же ты не хотѣлъ?—продолжалъ настоятель.

Гришутка всхлипнулъ, и слезы одна за другой закапали изъ его глазъ:

— Я... я... я спать хотѣлъ.

О. Іеронимъ улыбнулся, ласково положилъ руку на голову ребенка и, глядя на братію, спросилъ его:

— А теперь пойдешь къ преподобному?

— Пойду-у...—сквозь слезы пробормоталъ Гришутка.

— Ну, вотъ и Господь съ тобой... А спать хочешь?

— Хочу...—послѣ короткаго молчанія послышался робкій, но довѣрчивый отвѣтъ Гришутки.

— Ну, ложишь и спи... А мы за тебя помолимся. Преподобный-то и проститъ по нашей молитвѣ... Во имя Отца и Сына...

И онъ благословилъ Гришутку. Мальчикъ поцѣловалъ его руку, и радостное сіяніе разлилось по его, еще мокрому отъ слезъ, лицу.

Съ высокой колокольни въ смутной предразсвѣтной полутьмѣ раздавался мѣрный благовѣстъ.

Тихо шли монахи черезъ дворъ по направленію къ церкви, вслѣдъ за архимандритомъ, на почтительномъ разстояніи отъ него. Чуть слышно перешептывались между собой, благоговѣйно удивляясь его мудрости.

Только старецъ Серапіонъ, довольный тѣмъ, что для его любимца Гришутки все такъ счастливо окончилось, задержался на минуту въ кельѣ, чтобы перекрестить вновь залегшаго въ постель канонарха и внѣдрить въ его голову поученіе о великомъ снисхожденіи къ нему о. архимандрита и о томъ, какъ онъ долженъ это цѣнить.

Но Гришутка сразу погрузился въ сонъ и не слышалъ ни одного слова изъ его поученія.

Къ рисункамъ.

Минулъ долгій Великій постъ съ его печальнымъ покаяннымъ перезвономъ, съ его мокрыми крышами и грязными дорогами, съ грачами на проталинахъ. Природа прибралась и пріукрасилась къ празднику, засіяло солнце, просохли тропинки и тротуары— и наконецъ наступилъ Великій праздникъ. И ярче сіяютъ улыбки дѣтей, и свѣтлѣе взоры и рѣчи взрослыхъ людей. И по всему міру какъ будто разлитъ радостный пасхальный трезвонъ.

Изящная картина И. Ижакевича *„Съ праздникомъ!“* полна веселаго пасхальнаго настроенія. Въ ней какъ бы разлита праздничная улыбка: улыбка весны, молодости и радостнѣйшаго изъ праздниковъ.

„Марія Магдалина“ — рисунокъ того же художника—заставляетъ насъ вспомнить трогательный евангельскій образъ Маріи изъ Магдалы, возлюбившей Христа всѣмъ своимъ покаявшимся и просвѣтленнымъ сердцемъ, оплакавшей Его земную смерть и познавшей Его воскресеніе. Раннимъ утромъ, идетъ она съ ароматами къ гробу Господню, еще не зная о Его воскресеніи.

Рисунокъ А. Егорова (изъ московской галлереи И. Е. Цвѣткова) „Воскресеніе Христово“ изображаетъ само событіе Воскресенія: явился Ангелъ Господень, отвалилъ камень отъ гроба, и стерегущіе гробъ воины въ ужасѣ пали на землю...

Какъ въ наше время, такъ и въ старину, русскіе люди одинаково готовились къ Пасхѣ: красили яйца, пекли куличи, украшали жилье. Стильный рисунокъ И. Горюшкина-Сорокопудова *„Канунъ Пасхи въ старину“* изображаетъ молодую хозяйку, которая занята раскрашиваніемъ яицъ. Легко себѣ представить, какъ красивы были пасхальныя яйца тогда, въ старину, когда еще не были забыты старинные способы такой раскраски, и еще былъ живъ самый стиль древне-русскаго орнамента.

СМѢСЬ.

На помощь пострадавшимъ отъ урагана. Необычайное стихійное явленіе — буря ужасающей силы, пронесшаяся съ 28 февраля на 1 марта отъ западнаго берега Чернаго моря черезъ Азовское море, сѣверный Кавказъ и побережье Каспійскаго моря, причинила страшныя бѣдствія, унесла много жизней рабочаго люда, разрушила дома, уничтожила скотъ и хозяйство многихъ тысячъ крестьянъ, казаковъ и городскихъ жителей. Особенно пострадали мѣстности по берегу Азовскаго моря, Кубанской области и Войска Донского, а также губерній Ставропольской и Астраханской. Многія семьи остались безъ крова, безъ своихъ кормильцевъ и безъ всякихъ средствъ. Всѣмъ имъ нужна немедленная широкая помощь.

Государю Императору благоугодно было, по полученіи донесенія о бѣдствіи, постигшемъ Кубанскую область, повелѣть отпустить въ распоряженіе начальника области 20.000 руб.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, раздѣляя Монаршія заботы о бѣдствующемъ населеніи, съ соизволенія Его Величества, пожелала образовать для болѣе широкой помощи пострадавшимъ подъ Своимъ Предсѣдательствомъ особый Комитетъ, открыть отъ имени этого Комитета повсемѣстный сборъ пожертвованій и передать въ распоряженіе Комитета на первое время 50.000 руб. изъ благотворительныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Ея Императорскаго Величества.

Пожертвованія принимаются во всѣхъ казначействахъ Имперіи, въ Канцеляріи Ея Императорскаго Величества (Зимній Дворецъ, Министерскій подъѣздъ) и въ канцеляріи Комитета Попечительства о трудовой помощи (С.-Петербургъ, Надеждинская, 41), гдѣ сосредоточено также и дѣлопроизводство Комитета.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица, которыя пожелаютъ принять участіе въ производствѣ сбора пожертвованій, благоволятъ обращаться за полученіемъ соотвѣтствующихъ квитанціонныхъ книжекъ въ «Состоящій подъ Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ урагана и его послѣдствій на югѣ Россіи», С.-Петербургъ, Надеждинская, 41.

Пожертвованія по мѣрѣ поступленія будутъ отсылаться въ распоряженіе комитетовъ, которые образуются на мѣстахъ бѣдствія для непосредственной помощи нуждающимся.

Радій. Въ Александринскомъ пріютѣ для женщинъ, учрежденномъ Евангелическими приходами (СПБ., Вас. Островъ, 14 линія, № 13), открыто отдѣленіе для пользованія радіемъ страдающихъ ракомъ женщинъ. Снабженное количествомъ 200 милиграммъ радія, это отдѣленіе съ середины ноября прошлаго года развиваетъ кипучую дѣятельность подъ наблюденіемъ спеціалиста-радіолога. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это поистинѣ благотворное учрежденіе.

Юбилейный даръ Гёте. Въ 1825 году Гёте праздновалъ пятидесятилѣтіе своего пребыванія въ Веймарѣ. Эрцгерцогъ мекленбургъ-стрелицкій Георгъ-Фридрихъ, желая почтить маститаго поэта особеннымъ, цѣннымъ для него по воспоминаніямъ, подаркомъ, поручилъ своему повѣренному во Франкфуртѣ на Майнѣ посѣтить давно уже проданный домъ семьи Гёте, выбрать какую-нибудь вещь, которая напоминала бы Гёте его отдаленное дѣтство, пріобрѣсти эту вещь и доставить ее тайно въ Веймаръ. Повѣренному удалось пріобрѣсти старые стѣнные часы съ футляромъ, которые стояли въ родительскомъ домѣ Гёте во Франкфуртѣ. Часы были доставлены во Франкфуртъ и вечеромъ, наканунѣ юбилея, безъ вѣдома Гёте, доставлены къ нему на домъ. Вѣрный служитель великаго поэта, Фридрихъ, воспользовавшись временемъ, когда его господинъ спалъ, установилъ эти часы въ маленькой комнатѣ рядомъ со спальной Гёте.

Въ пять часовъ утра Гёте, по обыкновенію, проснулся и готовился

Группа участниковъ междувѣдомственнаго совѣщанія по физическому развитію, состоявшагося 15 марта с. г. въ С.-Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Присутствующіе на совѣщаніи: 1) Главнонаблюдающій за физическимъ развитіемъ, дворцовый комендантъ Г. И. Воейковъ. 2) Помощникъ главнонаблюдающаго д. ст. сов. В. И. Срезневскій. 3) Наблюдающій фехтовальной школы ген.-лейт. Чечурковъ. 4) Проф. Залѣсскій. 5) Начальникъ главной гимнастическо-фехтовальной школы полк. Мордвинъ. 6) Предсѣдатель лаунъ-тенисъ клуба г. Макферсонъ. 7) Помощникъ начальника главной гимнастическо-фехтовальной школы, подполковникъ Галкинъ. 8) Капитанъ В. И. Сарнавскій. 9) Директоръ Императорскаго Александровскаго лицея, ген.-лейт. Шильдеръ. 10) Докторъ Стасенко и др.

Новыя пріобрѣтенія Русскаго Музея Императора Александра III.

И. Х. Билибинъ, калужскій купецъ, извѣстный меценатъ; жилъ при императорѣ Павлѣ I. Портретъ работы Д. Г. Левицкаго (1736—1822 г.г.), пріобрѣтенный Музеемъ отъ художника И. Я. Билибина.
По фот. Я. Штейнберга.

Я. И. Билибинъ, коммерціи совѣтникъ, пожертвовавшій большую сумму на ополченіе въ 1812 г. Портретъ работы Д. Г. Левицкаго, пріобрѣтенный Музеемъ отъ художника И. Я. Билибина.
По фот. Я. Штейнберга.

встать съ постели. Минутная стрѣлка часовъ была установлена на пять часовъ безъ двухъ минутъ; часы были заведены, но маятникъ остановленъ, и Фридрихъ долженъ былъ пустить его въ ходъ въ ту минуту, когда Гёте проснется. И вотъ въ ту минуту, когда Гёте проснулся, въ спальной вдругъ раздался звучный, съ дѣтства знакомый ему, бой часовъ родного дома. Поэтъ, еще не успѣвшій стряхнуть съ себя дремоты, внимательно вслушивался въ эти знакомые звуки. Ему одну минуту представлялось, что онъ еще спитъ и грезитъ, что онъ въ родительскомъ домѣ и слышитъ бой старинныхъ часовъ, который всегда раздавался въ его ушахъ въ минуту пробужденія, когда онъ былъ ребенкомъ. Но вотъ раздался второй ударъ... Нѣтъ, это не сонъ! Гёте приподнялся; онъ созналъ, что не спитъ, и, слѣдовательно, этотъ часовой бой не сонъ. Онъ услыхалъ третій, четвертый, пятый удары. Онъ все вслушивался, онъ вспоминалъ эти звуки ранняго дѣтства. Потомъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Давно ждавшій этого звонка Фридрихъ вошелъ въ его спальню.

— Чтò это такое Фридрихъ?—спросилъ его волнуемый радостью поэтъ.— Я слышу бой часовъ моего родительскаго дома!

Старый слуга съ улыбкою кивнулъ головою въ знакъ подтвержденія словъ господина и, протянувъ руку по направленію сосѣдней комнатки, сказалъ:

— Да, ваше превосходительство, часы тутъ, тѣ самые.

Гёте спрыгнулъ съ постели и выбѣжалъ въ ту комнатку. Здѣсь онъ увидѣлъ эти милые старые часы, стоявшіе когда-то въ домѣ его родителей, на Гиршграбенѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ. Его большіе голубые глаза затуманились слезами, и онъ долго стоялъ передъ этими часами, вспоминая дни своего дѣтства.

Выспѣваніе грушъ отъ яблочнаго запаха. Когда яблоки и груши хранятся отдѣльно, они медленно и постепенно «доходятъ», какъ выражаются хозяева, умудренные болѣе опытомъ, чѣмъ наукою. Доходятъ, значитъ—вызрѣваютъ. Это вызрѣваніе при бережномъ храненіи не переходитъ за предѣлъ рыночной годности плодовъ, а при небрежномъ храненіи, конечно, легко можетъ обратиться въ разложеніе, гніеніе. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о храненіи яблокъ и грушъ отдѣльно; совсѣмъ другое происходитъ при ихъ совмѣстномъ храненіи. Тутъ наблюдается удивительный фактъ, передъ которымъ наука пока еще находится въ втупикѣ. Дѣло въ томъ, что, будучи сложены въ одну кучу съ яблоками, груши очень быстро—гораздо быстрѣе, чѣмъ при отдѣльной лежкѣ—вызрѣваютъ, «доходятъ», а затѣмъ и загниваютъ. Отсюда правило: никогда не хранить яблоки въ одной кучѣ съ грушами, а по возможности разъединять ихъ, класть подальше другъ отъ друга. Опытные садоводы-практики знаютъ этотъ фактъ. Если обратиться за разъясненіемъ къ опытному плодоводу, то онъ обычно только подтверждаетъ этотъ фактъ, а объясненія отъ него никакого не добьешься, развѣ только, что яблочной ароматъ способствуетъ быстрому вызрѣванію, а затѣмъ и порчѣ грушъ. Одинъ изъ такихъ, умудренныхъ многолѣтнимъ опытомъ, хозяевъ подтвердилъ фактъ ускореннаго вызрѣванія грушъ въ присутствіи яблокъ, при чемъ заявилъ, что онъ самъ пользуется этимъ, и когда ему надо отправить на рынокъ по возможности пораньше партію грушъ, онъ снимаетъ ихъ въ недозрѣломъ состояніи и складываетъ въ кучу, перемѣшавъ съ яблоками, и тогда груши очень быстро и успѣшно дозрѣваютъ.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Настала пора,

чтобы Біомальцъ въ нашемъ домашнемъ обиходѣ занялъ такое же мѣсто, какъ въ Германіи, этой классической странѣ діэты. Біомальцъ—это питательное и укрѣпляющее средство, извлеченное изъ отборнаго солода. Дѣтямъ, слаборазвитымъ, хилымъ, блѣднымъ, у которыхъ нѣтъ аппетита, надо давать Біомальцъ въ чистомъ видѣ или въ молокѣ, кофе, чаѣ, супѣ и т. д. Біомальцъ ароматенъ и вкусенъ и неизмѣримо питательнѣе какао. Взрослымъ, страдающимъ малокровіемъ, болѣзнями желудка, легкихъ или нервнымъ Біомальцъ незамѣнимъ; его дѣйствіе надежное и быстрое. Во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по 1 руб. 50 коп. и 85 коп. Литературу высылаетъ Товарищество „Автосилъ" въ Берлинѣ и въ Вильнѣ. Требуйте Біомальцъ Бр. Патерманъ въ Тельтовъ Берлинѣ съ фабричн. клеймомъ „Два карлика". Остерегайтесь поддѣлокъ.

2749

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua **Barcelona** (Испанія).
2381 15-3

Незавидное состояніе одной кіевлянки, быстрое излѣченіе желудка при помощи Стомоксигена д-ра Антона Мейеръ.

Слѣдующее извѣстіе поступило изъ Кіева относительно новаго кислороднаго препарата, дѣйствіе котораго произвело сенсацію: „Я долгіе годы страдала излишками газовъ и запорами, но послѣ того, какъ я приняла нѣсколько таблетокъ Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ, я сразу получила большое облегченіе. Я прежде не могла покушать самой обыкновенной пищи безъ того, чтобы тотчасъ же не почувствовать ужасной тяжести въ желудкѣ. Такое состояніе продолжалось пять лѣтъ, я чувствовала себя разбитой и была прямо въ отчаяніи. Я думала, что уже кончена моя жизнь, или радости жизни. Однако, въ послѣдніе двѣ недѣли я получила такое облегченіе, котораго никогда не ожидала. У меня появился аппетитъ и послѣ принятія пищи я чувствую себя такъ легко, что вспоминаю объ обѣдѣ съ удовольствіемъ. Я полагаю, что могу считать себя окончательно излѣченной, и все это благодаря „Стомоксигену Д-ра Антона Мейеръ". Подобное сообщаютъ сотни людей, которые имѣли счастье услышать о Стомоксигенѣ и испытать его. Это идеальное средство противъ неправильнаго пищеваренія. Попробуйте принять нѣсколько таблетокъ, которыя Вы можете достать въ каждой аптекѣ и Вы получите большое облегченіе.

На каждой коробкѣ настоящаго Стомоксигена имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 29".

Если имя искажено или не написано полностью (Докторъ Антонъ Мейеръ), если въ адресѣ цифра измѣнена, то предъ Вами явная поддѣлка.
2729

ПРОВЕДИТЕ ЛѢТО ВЪ ШВЕЙЦАРІИ!

ВЪ ПУТИ: изъ СПБ., Москвы, Кіева, Одессы, до Женевы, С.-Монтре, Интерлакенъ, Люцернъ, С.-Морицъ **47** до **57** часовъ. СТОИМОСТЬ: въ I классѣ **85—95** р., —II классѣ **55—65** р., — III классѣ **30—35** р.

Швейцарія — источникъ исцѣленія.

Знаменитыя климатическія станціи, горныя дачныя мѣстности среди богатой альпійской флоры, извѣстныя минеральныя воды, излюбленное спортивное мѣсто всей Европы. Жизнь въ Швейцаріи очень дешева. Пансіонъ (комната со столомъ) отъ 5.50 фр. (2 рубля) въ день съ человѣка.

Справки и иллюстрированные путеводители, проѣздные тарифы, свѣдѣнія о гостиницахъ, санаторіяхъ и проч. выдаетъ безплатно Оффиціальное Швейцарское Справочное Бюро, С.-Петербургъ, Михайловская ул., № 1. Брошюры высылаются по полученіи 20-ти коп. марками. 2751

Требуйте съ этой подписью:
St Raphaël
2754

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки

Крахмальныхъ, паточныхъ,

декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ

В. Г. УЛАНДЪ, об. съ огр. отв. 1483 14-14

Лейпцигъ-Голисъ.

— Проспекты высылаются безплатно. —

2724

ЗАИКАНІЕ

излѣчив. **радикально** патентов. в Россіи, Бельг., Франц., Венгріи аппаратом. Пров. М. Вагнер, СПБ., Пантелейм., 11, брош. безп.

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

за нашъ совѣтъ и лѣченіе. Буду рекомендовать „Біолъ-Ласлей" другимъ желающимъ лѣчиться отъ разныхъ недуговъ, которыми и я страдалъ уже много лѣтъ. Я чувствую новую жизнь и еще разъ благодарю Васъ за Вашъ неоцѣнимый „Біолъ-Ласлей". Посылаю Вамъ свою фотографическую карточку.

Съ почт. А. Н. Новиковъ.

Если Вы страдаете общею и половой неврастеніей, головными болями, безсонницей, малокровіемъ, дурными привычками и ихъ послѣдствіями, робостью и слабой памятью, послѣдствіями дурныхъ бол., если Вы нервны, раздражительны, переутомлены,—спросите въ аптекѣ коробку „Біола", но только настоящаго „Біола-Ласлей". Вы получите такіе же блестящіе результаты, какъ г. Новиковъ. Это извѣстное средство противъ неврастеніи, которое совершенно безвредно. За справками можно обращаться въ С. Петерб., отд. 17, частн. почтов. ящ. № 371.
2728

HEKTOR

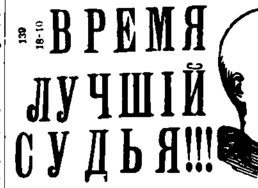
Прейсъ-кур. высыл. безплатно.

Питомникъ и дрессировка благороднѣйшихъ породистыхъ собакъ. Великолѣпные экземпляры, начиная съ **миніатюрной комнатной** собачки, вплоть до **крупнѣйшей сторожевой и другихъ породъ** собаки. **Полицейскія** и **охотничьи** собаки. Высшія отличія. Удостоены званія чемпіоновъ и призеровъ. Поставщ. высочайш. домовъ и **государств. учрежд.** Доставка во всѣ части свѣта съ гарант. прибытія въ здоров. состояніи. Точная и добросовѣстная исполнительность. Иллюстр. роскошн. альб. съ описан. всѣхъ породъ 1 м. 50 пф.; при покупкѣ стоим. альб. отсчитыв.

Эвальдъ Манске, Haynsburg-Zeitz. 13. Саксонія (Германія).
3-2 2338

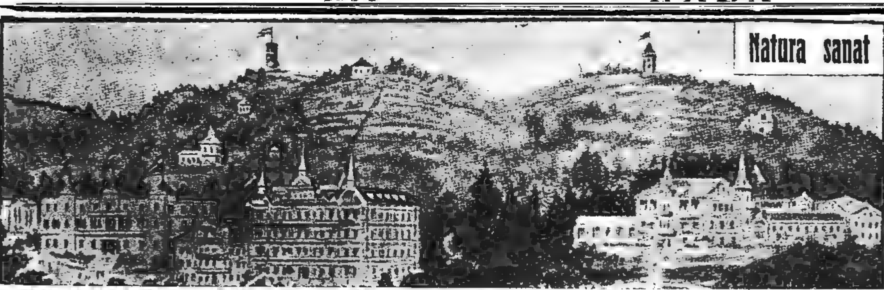
139 18-10

ВРЕМЯ ЛУЧШІЙ СУДЬЯ!!!



Возрастающій съ каждымъ днемъ успѣхъ **Перуина-Пето**—лучшее доказательство, что онъ единственное средство для рощенія волосъ. **Перуин-Пето** продается вездѣ по 1 р. 75 к. флак.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ **ПЕРУИНА-ПЕТО** надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.



БИЛЬЦА Санаторія, Дрезденъ-Радебейль.

Прекрасные

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛѢЧЕНІЯ

Естественный методъ лѣченія — лучшій способъ излѣченія болѣзней желудка, кишекъ, сердца, печени, почекъ, мочев. пузыря и половыхъ болѣзней, подагры, ревматизма, астмы, нервности, блѣдной немочи, малокровія, сахарной и всѣхъ
2597 **женскихъ болѣзней** и т. п. 4-2

Проспекты безплатно.

Пансіонеры и нуждающіеся въ отдыхѣ найдутъ здѣсь очень пріятное мѣстопребываніе въ такъ называемой саксонской Ниццѣ. Мягкій климатъ. Исключительно-живописная мѣстность. Каждыя 8 минутъ сообщеніе съ Дрезденомъ, со всѣми его сокровищами искусствъ.

Руковод. врачи: санит. совѣтн. д-ръ мед. Бильфингеръ.
Д-ръ мед. Павелъ Ашке.

РЕВМАТИЗМЪ, ПОДАГРА, желудочные, почечные, желчные колики, женск. болѣз. устраняетъ 2367 11-5

паровой компрессъ „ЛАВЕРО“.

Цѣна 3 руб. 75 коп. налож. плат. съ пересылкой. Описаніе высылает. безплат. **Фабр. „Лаверо“ 10, г. Ревель,** Эстл. губ.

ПРИМАНКА „РЫБОЛИНЪ“

НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ УСПѢШНАГО УЖЕНІЯ

При употребленіи этой приманки не приходится сидѣть съ удочкой и ждать часами поклевки. Примѣшан. къ насадкѣ „Рыболинъ“ далеко распростран. въ водѣ любимый рыбами запахъ.

РЫБА НЕПРОИЗВОЛЬНО ПРИБЛИЖАЕТСЯ и КЛЮЕТЪ.

Больш. флаконъ „РЫБОЛИНА“ съ пересылк. и упаковк. 1 р. 50 к. Три больш. флакона 3 р. 50 к. Въ Азіатскую Россію добавляется по таксѣ.

Складъ „РЫБОЛИНА“ для всей Россіи у изобрѣтат.

И. ГЛАЗУНОВЪ, Москва, Столешниковъ, № 8.

АБСОЛЮТНАЯ БЕЗВРЕДНОСТЬ ПРИМАНКИ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Каталогъ рыболовныхъ снастей съ образцами высылается за 3 семикоп. марки.

Вышло изъ печати нов. руков. уженія „Рыболовн. спортъ“ А. Власова. Цѣна съ перес. 1 р. 25 к.

2741 6-1

Прямо изъ Швейцаріи Швейцера

ПЛАТЬЯ: начиная **съ 9 руб. 75 коп.**

БЛУЗЫ: начиная **съ 2 руб. 95 коп.**

Платья для дѣтей начиная съ **4 руб. 35 коп.**

Цѣны наши считаются съ пересылкой на домъ и пошлиной включительно. 2755

Лучшія швейцарскія вышивки на батистѣ, вуали, тюлѣ и самыхъ модныхъ шелковыхъ матеріяхъ.

Требуйте сегодня же высылки образцовъ и парижскихъ модныхъ картинокъ безплатно.

Корреспонденція на русскомъ языкѣ.

Платья наши и блузы не въ готовомъ видѣ, но по требованію мы высылаемъ вырѣзныя выкройки къ каждой модели любого размѣра.

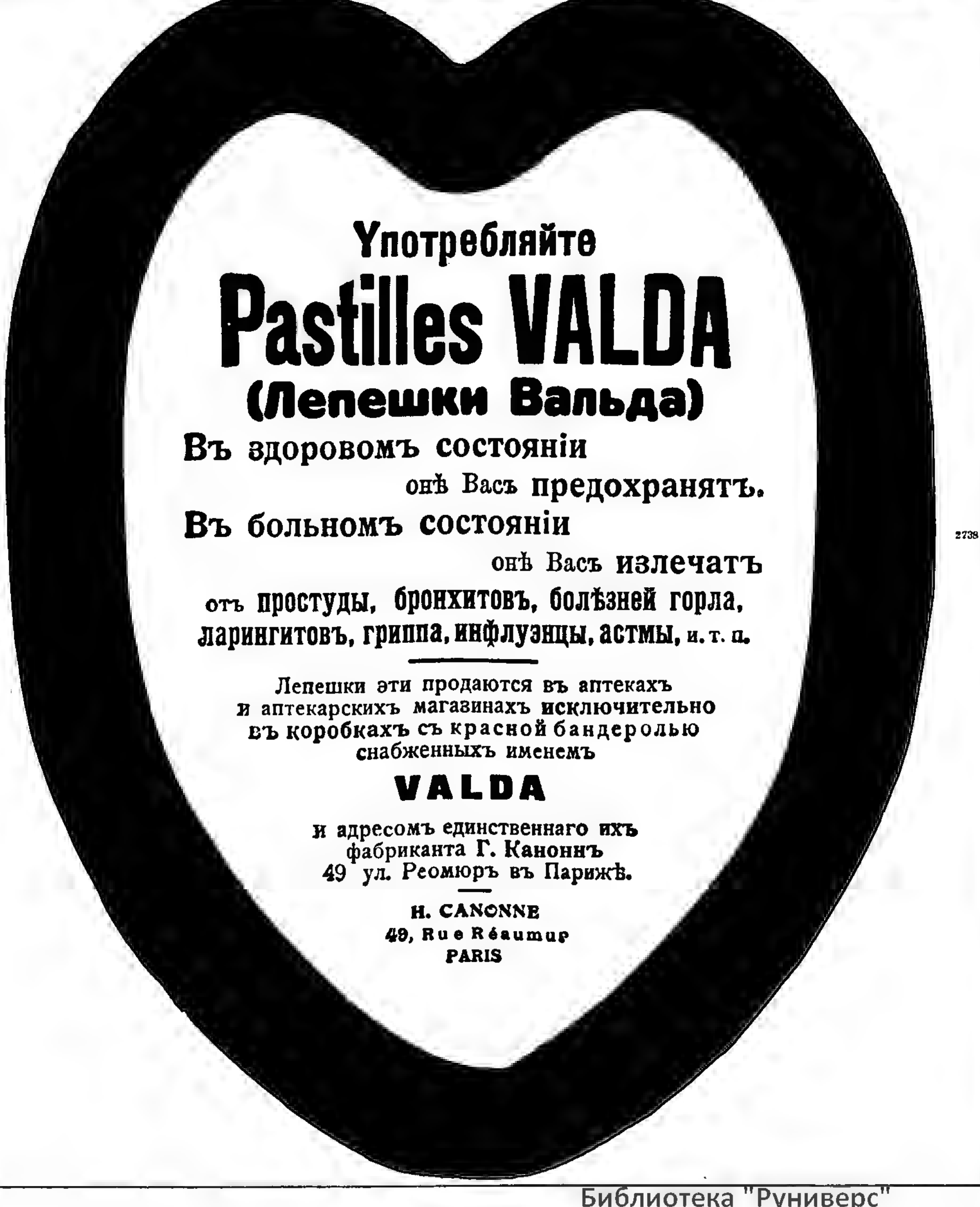
Schweizer & Co., Lucerne 236 (Suisse)

Waterman's Ideal Fountain Pen

По внѣшней отдѣлкѣ отвѣчаетъ всякому вкусу, а покрытые иридіемъ золотые наконечники удобны для всякой руки. За каждое перо принимается ручательство.

Продается во всѣхъ писчебумажныхъ и ювелирныхъ магазинахъ.

Л. и К. ГАРДМУТЪ,
Лим., Лондонъ, Англія.



2738

БАДЪ ЭМСЪ

Всему міру извѣстны лѣчебное и купальное мѣсто противъ **Катарровъ** дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ, органовъ брюшной полости и мочевыхъ путей, противъ ревматизма, подагры, астмы.

Лѣченіе питьемъ водъ и ваннами, Ингаляціями, Пневматическія камеры.

Естественныя углекислыя термическія ванны.

Проспекты высылаются Управл. эмскихъ кор. мин. источниковъ.

EMS

Торгов. знакъ для воды, лепешекъ и соли источн.

НЕ ЗАПУСКАЙТЕ НИКОГДА ПРОСТУДЫ
НО ПРИНИМАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО
ТРИЗАНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ
при **КАШЛѢ, ХРИПОТѢ, КАТТАРРАХЪ** вообще при **ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ и ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ.**
ТРЕБУЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЯ **Д-РА ГОММЕЛЯ.**

2168 11-3

КАРПИНСКАГО
Бенгальскій Бальзамъ
Анэстезирующій.

Средство противъ невралгіи, ревматизма, мигрени, ишіаса, зубной боли и болей всякаго рода. Слѣдуетъ натереть бальзамомъ заболѣвшее мѣсто и наложить тонкій слой ваты.)—(**Цѣна коробки 90 коп.**

Химико-Фармацевтическая Лабораторія Акц. Общ. „Фр. Карпинскій“ въ Варшавѣ, улица Электоральная, № 35.

Въ С.-Петербургѣ получить можно: 1) въ Первой Женской Аптекѣ А. В. Лесневской, Невскій просп. № 32. 2) въ Русскомъ Общ. Торговли Аптекарскими Товарами, ул. Казанская, № 12.

4-3 2708

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ,** С.-Петербургъ, Невскій, 60—14.

2481 (6)

ТОРГОВО ФАБРИЧ. Т-ВО СПБург. **И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29.
Гостинный Дворъ (у глав. вор.) Невскій проспектъ №15а
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЯСЪ

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ.
ПРЕДУПРЕЖДАЕТЪ БРЮШНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ. СПОСОБСТВУЕТЪ ПРАВИЛЬНЫМЪ ОТПРАВЛЕНІЯМЪ ЖЕЛУДКА И КИШЕЧНИКА. ВЫЗЫВАЕТЪ ХОРОШЕЕ САМОЧУВСТВІЕ. ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТОЙ ПРИ ЧРЕЗМѢРНОМЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ НАПРЯЖЕНІИ. СОЗДАЕТЪ КРАСИВУЮ ФИГУРУ И ЭЛЕГАНТНУЮ ПОХОДКУ.

Анатомическій поясъ д-ра НАМИ

НЕОБХОДИМЪ ВСѢМЪ МУЖЧИНАМЪ, въ особенности начинающимъ полнѣть, страдающимъ ожирѣніемъ и болѣзнями желудка, кишечника и почекъ. Онъ рекомендуется, какъ предохранительный поясъ при всѣхъ видахъ спорта.

Онъ утончаетъ талію, сокращаетъ бока и животъ, почему онъ незамѣнимъ элегантнымъ мужчинамъ, желающимъ сохранить красоту фигуры и изящную походку. 2746

Весь поясъ цѣликомъ вытканъ на особыхъ станкахъ. Онъ изготовляется изъ совершенно новой, специальной, эластичной ажурной ткани, очень практичной въ ношеніи и не задерживающей испаренія. Поясъ легокъ, удобенъ и гигіениченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ устранены всѣ недостатки всѣхъ существующихъ мужскихъ поясовъ и корсетовъ.

Анатомическій поясъ д-ра Нами оказываетъ постоянную раціональную поддержку брюшнымъ органамъ, иммобилизируетъ ихъ въ правильномъ анатомическомъ положеніи, не стѣсняя при этомъ ихъ функцій.

ЕГО НОШЕНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ И НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЭЛЕГАНТНОСТИ ТУАЛЕТА.

Исключит. продажа въ Отдѣлен. парижск. фирмы.

А. КЛАВЕРИ,

МОСКВА, ПЕТРОВКА, 8, отд. Н. 7.
Иллюстриров. каталогъ высыл. безплатно.

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ.

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Отд. Н.**

178 (7)

ГАРАНТИРОВАННАЯ
надежно дѣйствующая
ПОМАДА ОТЪ ПЕРХОТИ.

Для полнаго уничтоженія перхоти достаточно втирать въ кожу эту Ауксолиновую помаду 2—3 раза (по одному разу въ день).

ЦѢНА 1 р. 25 к.

Ф. ВОЛЬФЪ И СЫНЪ.

Парфюмеры 1709 6-5

ВЪ КАРЛСРУЭ.

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получатъ отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни“,** сочиненіе **д-ра мед. Гутмана,** главнаго врача Финзеновской лечебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ нашъ діэтетическій наборъ Пульмана восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани** и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ—**не секретное** средство: онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни“, высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ.

9-9 Напишите только открытку съ указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 23.6

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудник. или служащимъ таковаго, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. арием., коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банков. дѣло и эконом. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“. Широкая научная программа, популярно-изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При Редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„Акад. Ком. Зн.“ состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. за томъ (за налож. платежъ еще 20 коп.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:
ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ. (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.
ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно. 2538 2-2
Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.
Издательское Т-во „БЛАГО“, С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.
НУЖНЫ АГЕНТЫ.

фото-графическіе аппараты продаются ВЪ РАЗСРОЧКУ
Т./Д. ЛОРЕНЦЪ и К°.
Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42.
Прейсъ-курантъ и условія разсрочки безплатно. 2406 19-6

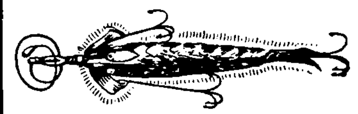
Подвижныя кресла для инвалидовъ, кресла-самокаты, кресла для возки больныхъ. 2310 6-3

Солидныя издѣлія. Каталогъ безплатно. **Рих. Мауне.** Дрезденъ-Лебтау (Германія).

ЯЙЦА! для высижив. отъ Кохинхинъ 5 р. Брамы 4 р. 50 к. Лангшанъ 3 р. 50 к. Плимутрокъ 3 р. 50 к. Віандотъ 3 р. Орпингтонъ 4 р. 50 к. Гамбургскихъ 3 р. Итальянскихъ 3 р. Минорокъ 3 р. Гуданъ 4 р. Хохлат. Падуанскихъ 5 р. Бронзов. индѣекъ 7 р. Утокъ пекинскихъ или руанскихъ 5 р., ут. Бѣгуновъ 6 р. за дюж. Коллекція „Сюрпризъ“, сост. изъ 12 яицъ, не исключая сам. цѣнныхъ, 3 р., 2 колл. 5 р., 5 колл. 10 р. Полн. гарантія. Задат. обяз. Гром. выб. птицы и др. жив. Главн. илл. Каталогъ-справочникъ за 45 к. нал. плат. Разсадникъ **Э. В. Багговута,** Кегель, Эстл. губ. 2739

ГАРАНТИР. ЗАРАБОТОКЪ 100 руб. въ мѣсяцъ.
МОЖЕТЪ ИМѢТЬ КАЖДЫЙ МУЖЧИНА или ЖЕНЩИНА
при удобной домашней работѣ. Разстояніе не препятствуетъ.
Условія высылаемъ безплатно. 1-ое Западное Т-во вязальныхъ издѣлій.
Варшава, Капуцинская, 13/37. 2257 (6)

Противъ АСТМЫ
АБИССИНСКІЙ ПОРОШОКЪ и ПАПИРОСЫ
ЭКЗИБАРЪ
Вѣрное дѣйствіе! Немедленное облегченіе!
6, rue Dombasle, Paris, Oscar Hetling, Moscou, Pétrowka, 12
1478 15-12



БОГАТО
иллюстр. прейсъ-куранты высылаются по полученіи 25 коп. почтовыми марками. 2-1 2737
I. Редлихъ, Рига, складъ рыболовныхъ принадлежностей.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА / РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ / ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2213 16-12

МОСКОВСКАЯ КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ НЕВѢСТЪ,

Москва, Фуркасовскій пер., д. Кононовой. Телефонъ № 1-91-14.

Существуетъ съ 1 мая 1902 года, обезпечиваетъ приданымъ отъ 100 до 3000 руб. Къ обезпечиванію принимаются дѣвочки въ возрастѣ отъ рожденія до 10 лѣтъ. Плата отъ 15-ти коп. въ мѣс. Уставъ утвержденъ Правительствомъ и высылается за 7 коп. марку. Касса не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей и насчитываетъ въ своемъ составѣ 1500 участниковъ на сумму приданаго около **1.500.000 рублей.** Всѣ капиталы кассы хранятся въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. 2576 6-2

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз, со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ, и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористъ. шрифт **Цѣна** съ перес **1 р 50 к.**
СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.
ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариом Ц. 40 к съ пер
СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес 1 руб При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.
Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій. 92—3.

Весьма выгодное предложеніе получитъ отъ насъ безплатно всякій, сообщившій намъ свой адресъ. Пишите М. С. Матусовскому, Кіевъ, Александровская, № 34.
2641 8-2

VICHY

Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.

CÉLESTINS
GRANDE GRILLE
HOPITAL

Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.
Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.
Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ:
SELS PASTILLES COMPRIMÉS } VICHY-ÉTAT
VICHY ÉTAT
Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ВОТЪ ВАМЪ ДЕНЬГИ!

прибавьте ихъ къ своему жалованью или заработку и они увеличатъ благосостояніе Вашей семьи; Вы уже не будете съ нетерпѣніемъ ждать „получки", растягивая въ ожиданіи ея послѣдніе гроши, Вы не откажете семьѣ въ лучшей пищѣ или одеждѣ, не будете терять голову въ тяжелыя минуты, когда суровая гостья—болѣзнь заглянетъ въ Ваше жилище. Человѣкъ труда! вспомните, отчего радостнѣе и свѣтлѣе Вы чувствуете себя разъ или два въ годъ въ дни праздниковъ?—потому что „праздничные", или „наградные", дали возможность хоть на самый короткій срокъ стряхнуть нужду.

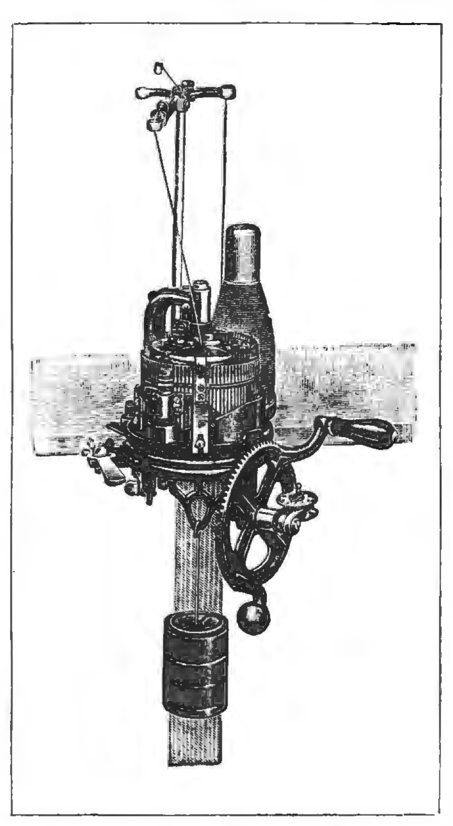
И, если Ваша жизнь никогда не будетъ сплошнымъ праздникомъ, все же возьмите у нея все, что Вы сумѣете взять. Лишнія деньги создадутъ Вамъ лишніе праздники, которые не отмѣчены въ календарѣ; они дадутъ Вамъ возможность лишній разъ радостно взглянуть на жизнь.

БЕРИТЕ ИХЪ—ОНИ ВАМЪ НУЖНЫ.

Въ Россіи и за границей уже тысячи семействъ подняли свое благосостояніе, заработавъ 50—100 р. и болѣе въ мѣсяцъ простымъ и легкимъ трудомъ.

Многіе взявшись за этотъ трудъ, какъ за подспорье для своего служебнаго положенія, постепенно развивая его, довели до такихъ размѣровъ, что онъ далъ имъ независимое существованіе.

Бывшій служащій, рабочій, обреченный на безконечный трудъ для другого, обратился въ самостоятельнаго хозяина. Что это за великая вещь — можетъ лишь понять и оцѣнить тотъ, кто знаетъ, что значитъ—служить и работать. Низкая расцѣнка труда, вѣрная ея спутница нужда, непосильный трудъ, зависимость отъ десятковъ случайностей и произвола, расшатываютъ здоровье, издергиваютъ нервы, и тысячи тружениковъ ищутъ исхода, чтобы хоть какъ-нибудь улучшить свое существованіе, и мы безконечно рады, что на нашу долю выпадаетъ возможность указать такой исходъ.



Воспользуйтесь сейчасъ же предоставляющимся удобнымъ случаемъ и не упускайте его. Мы не обѣщаемъ несбыточнаго, но съ увѣренностью говоримъ, что при среднемъ уровнѣ способностей и желаніи заниматься легкой и интересной работой, Вы сможете не только улучшить свое положеніе, но и создать себѣ независимое положеніе и постоянный вѣрный доходъ.

Мы не увлекаемъ на путь иллюзій, а говоримъ только о томъ, что ежедневно подтверждается фактами.

Въ чемъ же заключается суть нашего предложенія? Только въ томъ, что мы даемъ Вамъ возможность посредствомъ нашей автоматической вязальной машины „Викторія" изготовлять не только для себя, семейства и окружающихъ самыя разнообразныя трикотажныя издѣлія: чулки, носки, фуфайки, кофточки, шапочки, перчатки и т. д., и т. д., но и работать для оптовой продажи, что можетъ увеличить Вашъ доходъ или предоставить само по себѣ вѣрный источникъ регулярнаго дохода. Работа на ней необычайно проста, и какія-либо предварительныя знанія совершенно не нужны; на ней можетъ работать каждый грамотный и къ работѣ способный. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Нашего учебника вполнѣ достаточно, чтобы вполнѣ ознакомиться съ нашей простѣйшей по конструкціи и идеальнѣйшей по работѣ машиной и усвоить манеру правильно и быстро работать; это тѣмъ легче, что она работаетъ автоматически и почти не подвержена поломкѣ. Работа ея значительно производительнѣе работы швейной машины, и при вращеніи колеса безъ особаго напряженія она успѣваетъ сдѣлать въ одну минуту больше 20000 петель. Изъ этого ясно, что какое-либо сравненіе съ обычной ручной работой прямо невозможно.

Поврежденія машины почти исключены и несмотря на это мы даемъ гарантію на 3 года.

Техническія условія и главныя преимущества машины „Викторія":

Удваиваетъ носокъ и пятку безъ перемѣны цилиндра.

Вяжетъ въ безконечныхъ варіаціяхъ и рисункахъ.

Надвязываетъ новыя части чулка въ старыхъ чулкахъ.

Вяжетъ всевозможные трикотажи, какъ, напр.: шапки, головные платки, кашнэ, перчатки, нарукавники, фуфайки, свитера, гамаши, рубашки для спорта, въ безконечно разнообразныхъ рисункахъ.

Вяжетъ чулки въ резинку безъ шва, даже въ подъемѣ до носка, что является отличительнымъ признакомъ нашей машины и на машинахъ другихъ системъ невозможно.

Носокъ и пятка получаются на нашей машинѣ гораздо изящнѣе, чѣмъ на машинахъ другихъ системъ.

Вяжетъ разнородную пряжу: шерстяную, бумажную и вигоневую средней плотности, на которую имѣется наибольшій спросъ.

Мы работаемъ уже семь лѣтъ и за это время поставили наши машины тысячамъ частныхъ лицъ и многимъ казеннымъ учрежденіямъ, монастырямъ, миссіонамъ, что является лучшимъ доказательствомъ высокихъ качествъ указанной машины.

Мы не видимъ причинъ, почему бы и Вамъ не пріобрѣсти автоматической вязальной машины „Викторія" и такимъ образомъ не установить новый источникъ дохода. Это тѣмъ болѣе удобно и доступно для всѣхъ, что мы, идя навстрѣчу желающимъ трудиться, изъявляемъ готовность продать Вамъ нашу машину и въ разсрочку, съ ежемѣсячными погашеніями.

Цѣна 120 р. Первоначальный взносъ 75 руб., далѣе по 5 р. въ мѣсяцъ. Лицамъ, желающимъ купить въ разсрочку, высылается контрактъ по первому требованію.

При покупкѣ за наличныя цѣна машины 100 р., при чемъ 25 р. необходимо выслать, какъ задатокъ, а на остальную сумму 75 р.—дѣлается наложенный платежъ.

Итакъ, затративъ всего 100—120 рублей, т.-е. такую сумму, которая ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названа солиднымъ обезпеченіемъ ни на случай болѣзни, ни на случай безработицы, Вы создаете себѣ постоянный источникъ дохода.

КРОМѢ ТОГО, ВЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ, ЧТО...

Мы принимаемъ изготовленную на нашихъ машинахъ работу и оплачиваемъ ее хорошо. Мы гарантируемъ пріемъ Вашей работы и гарантируемъ немедленную за нее уплату. Гдѣ же и въ чемъ здѣсь рискъ? Вашъ заработокъ, его размѣры зависятъ только отъ Вашей работоспособности и энергіи. Для работы мы снабжаемъ Васъ пряжей по оптовымъ цѣнамъ.

Вамъ не придется ожидать заработанныхъ денегъ, такъ какъ всѣ расчеты производятся нами тотчасъ по полученіи товара и одновременно высылается новый запасъ пряжи, по точному вѣсу присланныхъ намъ чулокъ + 1 р. 50 к. за каждую дюж. паръ.

Какъ на наглядный примѣръ быстроты, а слѣдовательно и выгодности работы, укажемъ на то, что изготовленіе на машинѣ длиннаго, гладкаго дамскаго чулка отъ 24-хъ до 26 дюймовъ занимаетъ приблизительно 15 минутъ, что при равномѣрномъ трудѣ и обычномъ 7—8 ми часовомъ рабочемъ днѣ дастъ 24 шт. чулокъ, или 1 дюжину паръ, составляя заработокъ 1 р. 50 к. въ одинъ день, или при 30 рабочихъ дняхъ 45 р. въ мѣсяцъ. Если увеличится навыкъ или работа будетъ болѣе продолжительна и къ тому же если привлечь къ работѣ подростковъ лѣтъ съ 12—14-ти, то не составляетъ сомнѣнія, что заработокъ можетъ быть доведенъ до 50—60 р. и болѣе. Конечно, при работѣ на двухъ машинахъ заработокъ увеличится соразмѣрно и будетъ составлять 100—120 р. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ стоимость машины окупается приблизительно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Въ томъ случаѣ, если вамъ представляется возможность сбыть на мѣстѣ сработанный Вами товаръ, по болѣе выгодной расцѣнкѣ, Вы имѣете полное право не доставлять намъ товаръ. Большинство нашихъ сотрудниковъ, уже черезъ самый короткій промежутокъ времени, находятъ на мѣстѣ сбытъ для своей работы, благодаря высокому качеству. Итакъ, имѣйте въ виду: мы обязываемся передъ Вами скупать Вашъ товаръ, но Вы не обязаны его доставлять непремѣнно намъ.

Вы легко можете представить себѣ сами, что такое собственное дѣло, путемъ постепеннаго пріобрѣтенія нѣсколькихъ машинъ, можетъ быть расширено до весьма значительныхъ размѣровъ. Многіе изъ нашихъ сотрудниковъ, пользуясь для работы 2—10 машинами, получаютъ изъ этого предпріятія большіе доходы.

Лучшимъ доказательствомъ всего сказаннаго служатъ благодарственныя письма, получаемыя нами постоянно въ значительномъ количествѣ, и при первомъ требованіи мы можемъ выслать нѣкоторыя для ознакомленія для того, чтобы Вы видѣли сами, насколько удовлетворены наши сотрудники. Въ заключеніе не можемъ не указать, что эта работа одинаково можетъ быть выполняема какъ женщинами, такъ и мужчинами и подростками и пригодна для всѣхъ членовъ семьи, и что машина легко прикрѣпляется къ любому столу.

Мы изложили здѣсь все, насколько это было возможно, теперь дѣло за Вами. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, не откладывая, выписывайте сейчасъ машину. По полученіи задатка не менѣе 25 р., которые могутъ быть переведены или почтою или телеграфомъ, мы немедленно вышлемъ Вамъ машину съ налож. платеж. на остальную сумму, т.-е.: при покупкѣ за наличныя на 75 руб., и при покупкѣ въ разсрочку на 50 р., съ начатой работой.

Требуйте еще болѣе подробный проспектъ, прилагая для пересылки 7 коп. марку.

2736

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К-о, С.-Петербургъ, Невскій, 42. Отд. 11 в. Телеграфн. адресъ: „ЧУЛОКЪ" СПБ. Отдѣленіе: Москва, Красныя Ворота, д. Афремова. Отд. 11 в.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 15.
Выданъ 12 апрѣля 1914 г.

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 8.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ. 1743 39-12

ДУХИ
Leur Cœur d'Orsay
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ. D'ORSAY, 17, Rue de la Paix, ПАРИЖЪ
2762 14-1

«ЧИСТОТА и ЗДОРОВЬЕ».
ПЕРВЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ УМЫВАЛЬНИКЪ-ДУШЪ.
Д-ра Мед. Н. МАКШЕЕВА.
Удостоен. серебр. медали на Всерос. Гигіенич. выставкѣ 1913 г.
Приспособл. ко всяк. сосуду. Подаетъ только чист. проточн. воду перемѣн. температуры. Замѣн. Эсмарх. круж. Даетъ богат. душъ. Установ. 2 минуты. Уклад. въ футл. 32×14×5 ст. Необход. врачамъ, спортсмэнамъ и всѣмъ путешеств., особ. за границей. Оч. изящн. и прочн. Цѣна со всѣми приспособл. и подробн. описан. 8 р. 30 к. Съ перес. нал. пл. 9 р. 35 к. Складъ: СПБ., Литейн. просп., 52, кв. 9. 2769

ЕВПАТОРІЯ (Крымъ).
„ПРИМОРСКІЙ САНАТОРІЙ" (бывшій Н. Д. Лосева).
БОЛѢЗНИ: внутреннія, нервныя, женскія и дѣтскія. Болѣзни обмѣна веществъ (сахарная болѣзнь, подагра, ожирѣніе). Отдыхъ для возстановленія силъ послѣ тяжелыхъ болѣзней и при переутомленіи. При санаторіи—водолѣчебница, электро-свѣто-лѣчебница, рентгеновскій кабинетъ, гимнастическій залъ, солнечныя, сухо-воздушныя, морскія, углекислыя, кислородныя и другія ванны. Діэтическій столъ. Плата за полный пансіонъ и за лѣченіе 49 руб. въ недѣлю. **Всѣми лѣчебными средствами санаторіи могутъ пользоваться и приходящіе больные.** Сообщеніе для ѣдущихъ съ сѣвера черезъ Симферополь—автомобилемъ 2 часа и черезъ Севастополь—пароходомъ 4 часа.
2774 2-1

ESORA
PARFUM EXQUIS
DELETTREZ
PARFUMERIE
DU MONDE ELEGANT
PARIS
2773 Продажа повсюду. 10-1

Вскорѣ выйдетъ справочн. книга Помощн. Прис. Повѣр. **Л. И. Ландисъ-Ланда: „Отсрочки по отбыванію воинской повинности".** Кто имѣетъ право на отсрочку и какъ ее получить). Цѣна 1 р. (съ перес.). Адресъ автора: СПБ., Можайская, 39.
(9) 2396

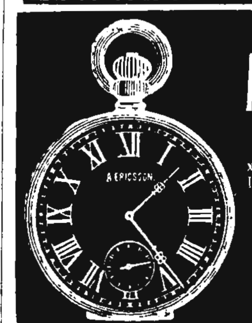
НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл.
2169 (10)

СЛАБИТЕЛЬНАЯ ВОДА
АПЕНТА
ДѢЙСТВУЕТЪ НѢЖНО И ВѢРНО.

BRISE DE MAI
PARFUM ULTRA-PERSISTANT
ED. PINAUD 18 PLACE VENDÔME PARIS
1545 13-7

ЛЕРМОНТОВСКІЙ СБОРНИКЪ
хоровъ разныхъ авторовъ. 2382
Юбилейное издан. подъ ред. **А. Никольскаго.**
I тетр.: Хоры для **дѣтск.** и **женск.** голос. на 1, 2, 3 и 4 голоса, a capella и съ акк. ф.-п. (11 №№).
II тетр.: Хоры для **мужск.** и **смѣшанн.** ансамблей на 3 и 4 голоса, a capella и съ акк. ф.-п. (9 №№).
Цѣна каждой тетр. по 75 коп.
Списки другихъ хоровъ на слова М. Ю. Лермонтова на обложкахъ Юбилейнаго Лермонтовскаго Сборника.
Изданіе П. Юргенсона, Москва, Неглинный, 14.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).
2281 15-3



Августъ Эриксонъ
хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр.
СУЩ. СЪ 1865 Г.
ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.
Илл. прейсъ-куранты иногороднымъ безплатно.
СПБ., Невскій пр., № 13.
26 8-1

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Басманная, д. 14.
для страдающихъ ЗАИКАНІЕМЪ
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.—Условія лѣченія высыл. безплатно.
1889 10-10

№ 337.
послѣдняя „НОВОСТЬ"
Парф. „IRIS" Г. ЛЯКСЪ и К° въ ВАРШАВѢ
2679 9-9

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ
„ФОРЪ"
1538 6-6

красятъ волоса въ любой несмываемый цвѣтъ, послѣ чего ихъ можно гофрировать, завивать и пр. **Гребень совершенно безвреденъ.** Перес. налож. плат. шт. **2 рубля 50 коп.**
БАЗАРЪ МАРОКЪ, Спб., Невск., 20, кв. 8.

10-2

САЛИТЪ
отъ РЕВМАТИЗМА
ЛОМОТЫ и ПРОСТРѢЛА
ЕСТЬ ЛУЧШЕЕ ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО, РЕКОМЕНДУЕМОЕ МНОГИМИ ВРАЧАМИ И РАЗРѢШ. МЕД. СОВ. 28 ДЕКАБРЯ 1910 г. № 1515.
Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магазин.
Цѣна флакона **70** коп.

Гдѣ не имѣется, просятъ обращаться къ
О. БАІОРЪ, Москва, почтов. ящикъ 230.

2611

2761 3-1

2250 18-3

ОПАСНОСТЬ

грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять

ПЕРУИН-ПЕТО

единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ. Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.

1869 17-11

ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ!

2163 13-7

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ **ПЕРУИНА-ПЕТО** надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ
Москва, Староконюшенный, д. Курилко 7

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

2216 16-13

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ
МОЖНО ПОЛУЧИТЬ
КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ, и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ, и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ, и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала, вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время.

25-6 2202

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, Парижъ.

Въ С.-Петербургѣ: обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; Русск. О-во Торговли Аптек. Тов., Казанская, 12; **въ Москвѣ:** аптека Брунса, Маросейка; **въ Кіевѣ:** Южн. Русск. О-во Торг. Аптек. Товар.; **въ Вильнѣ:** Торг. Домъ Б. Сегалль и Ко; **въ Одессѣ** и **Ростовѣ н/Д:** у Ламме и Ко; **въ Варшавѣ:** Людвигъ Списсъ и Сынъ; **въ Тифлисѣ:** Кавк. Фармацевт. О-во въ Тифлисѣ.

ОБЩЕУКРѢПЛЯЮЩЕЕ и КРОВЕТВОРНОЕ СРЕДСТВО.

На основаніи клиническихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій съ успѣхомъ примѣняется при МАЛОКРОВІИ, ХЛОРОЗѢ, РАХИТѢ, ЗОЛОТУХѢ и ИСТОЩЕНІЯХЪ на почвѣ различныхъ заболѣваній. Рекомендуется какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и для взрослыхъ.

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

2091

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 15 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. г. XLV 1914

Выданъ 12 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 8.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть **С. Гусева-Оренбургскаго.**

Случилось это на пятый годъ моей службы въ Курычанкѣ. Однажды въ воскресенье проснулся я утромъ съ тяжелой головой: ночью ѣздилъ на дальній хуторъ къ напутствію, а теперь, едва забылся, разбудили. Сквозь морозомъ разукрашенныя стекла пробивался красный свѣтъ зари, надъ крышей плыли медлительные звоны. Съ неохотой всталъ я, одѣлся, шелъ по скрипящему снѣгу дороги въ багровомъ туманѣ зари и все старался вспомнить: что̀ такое особенно важное предстояло мнѣ сдѣлать въ этотъ день? И никакъ не вспоминалось. Въ церкви народу собралось еще мало, лишь пѣвчіе были въ полномъ сборѣ, да дьяконъ Колобродовъ покашливалъ въ алтарѣ.

— Холодненько, батюшка, — встрѣтилъ онъ меня.

— За службой оттаемъ! — пошутилъ я, поспѣшно благословляя облаченіе.

Дьяконъ Колобродовъ, человѣкъ сухой и тощій, былъ роста весьма высокаго, такъ что стихари приходились ему только по колѣни, а рукава ихъ—до локтей. И оттого онъ называлъ ихъ ловушками. Лицо онъ имѣлъ длинное, какъ бы лошадиное, но съ выраженіемъ добрымъ и немного робкимъ. Маленькіе глазки близоруко смотрѣли изъ-подъ очковъ, украшавшихъ далеко выставившійся галочьей формы носъ. До середины головы свѣтлѣла лысина. Голосомъ онъ обладалъ пѣтушинымъ, простуженнымъ въ вѣчномъ холодѣ церкви, какъ простужены у него были руки, ноги... весь онъ былъ больной, несчастный, къ тому же вдовый и бездѣтный человѣкъ. Служилъ онъ въ Курычанкѣ четвертый годъ и жилъ въ школѣ, такъ какъ былъ въ то же время и учителемъ, изъ учителей-то и посвященъ въ дьякона. На стѣнахъ его крошечной комнатки при школѣ рядомъ съ портретами знаменитыхъ людей красовались рекламы патентованныхъ средствъ: отъ кашля, зубной боли, катарра, ревматизма, выпаденія волосъ. И ужъ не знаю, о чемъ онъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ: о знаменитыхъ

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Подношеніе.

людяхъ или патентованныхъ снадобьяхъ? Вытекало, впрочемъ, изъ его разсужденій, что знаменитые люди—тоже цѣлители, только отъ душевныхъ недуговъ. Его робость, при высокомъ ростѣ, и странное убѣжденіе, что въ качествѣ дьякона онъ долженъ держаться гордо, дѣлали всѣ его движенія немного смѣшными и очень неуклюжими: онъ выступалъ, какъ на ходуляхъ, съ видомъ человѣка, проглотившаго что-то длинное, и пытался дѣлать строгимъ свое доброе лицо.

Пора было начинать службу.

Ужъ Финогенъ давно стоялъ въ ожиданіи со свѣчой и кадиломъ, а дьяконъ все еще не могъ выбраться изъ узкаго нутра стихаря: совался головой и руками, какъ котъ въ мѣшкѣ.

— Скоро ли вы, отецъ дьяконъ?—торопилъ я.

Онъ глухо ворчалъ изъ темной глубины негодующимъ голосомъ:

— Что же я съ этой ловушкой подѣлаю!

Когда его сконфуженное лицо появилось наконецъ на свѣтъ Божій, я спросилъ:

— Не вспомните ли вы, отецъ дьяконъ... что у насъ за дѣло такое на сегодня назначено? Знаю, важное что-то, а не припомню: въ головѣ туманъ.

Дьяконъ, не спѣша, оправилъ стихарь.

Потомъ многозначительно подмигнулъ мнѣ:

— Анютины глазки!

— Ахъ... вотъ что...

Я вспомнилъ.

И тревога охватила меня.

— Что-то выйдетъ у насъ, отецъ дьяконъ?

— Богъ поможетъ, — съ увѣренностью сказалъ дьяконъ. — Добро всегда побѣждаетъ.

— Всегда ли?—усомнился я.—Это только въ прописяхъ...

Дьяконъ сдѣлалъ свирѣпое лицо.

— Всегда!—почти крикнулъ онъ.

И тотчасъ сконфузился:

— Простите, батюшка... но вспомните, что вы вѣдь слово дали, слово пастыря.

— Далъ,—отвѣтилъ я:—и сдержу его... какъ же не сдержать!

Я ужъ зналъ, что иначе съ нимъ нельзя говорить объ этомъ дѣлѣ.

— То-то!—сказалъ онъ съ суровой важностью.

И сталъ вырастать, вытягиваться, становиться на ходули, принялъ гордый видъ, съ шумомъ отпахнулъ завѣсу, раскрылъ Царскія врата и торжественно откашлялся, по его мнѣнію, въ октаву. Началась утреня. Народъ мало-по-малу заполнилъ всю церковь, и отъ его дыханіи стѣны отпотѣли,—стало тепло и душно.

Я все не могъ побороть своей тревоги.

Не первое это было дѣло, когда я дѣятельно принималъ участіе въ житейской драмѣ, но оно было труднѣйшимъ, такъ какъ обстоятельства говорили противъ надежды на благополучный исходъ. Кромѣ того, оно касалось близкаго мнѣ человѣка и осложнялось участіемъ дьякона. Его увѣренность въ побѣду добра я не раздѣлялъ: слишкомъ много накопилось разочарованій. Жизнь являлась передо мной, какъ пучина зла, — „моря Чермнаго пучина“... Только евреи когда-то эту страшную пучину перешли „невлажными стопами“, но то было чудо. А вокругъ меня, среди ежедневной, нудной сутолоки жизни, люди тонули и захлебывались, и не было имъ помощи ни откуда, если не хватало собственныхъ силъ. Исповѣдь особенно много открыла мнѣ въ этомъ отношеніи: даже тамъ, гдѣ съ виду казалось все благополучно, передо мной вскрывались неисцѣлимыя язвы—душевныя драмы, которымъ нѣтъ названія, потому что онѣ больнѣе и страшнѣе тѣхъ словъ, какими ихъ можно выразить...

Служба шла.

И росла моя тревога.

Временами высматривалъ я сквозь прорѣзы вратъ и сквозь сизоватый дымъ ладана, въ струящемся отблескѣ свѣчей, видѣлъ тѣ лица, съ которыми судьба меня снова рѣзко сталкивала. Вотъ стоитъ впереди сельскій староста Овцовъ, мой старый знакомый, попрежнему лохматый, словно сшитый изъ овчинъ, но съ выраженіемъ холодной важности на лицѣ,—важности тѣмъ большей, что онъ теперь не только начальникъ, но и первый по селу богачъ.

Это—человѣкъ-камень!

Если онъ утверждался на какой-нибудь темной идеѣ—столкнуть его съ нея было такъ же трудно, какъ пошевелить въ лѣсу столѣтній дубъ. Но, быть-можетъ, сила его заключалась въ томъ, что онъ всегда былъ убѣжденъ въ справедливости того, что дѣлаетъ, хотя справедливость эта была звѣриная. Своей денежной силой онъ въ конецъ разорялъ опустившихся людей, скупая и отбирая у нихъ за долги скотъ и землю, на упреки же возражалъ съ спокойной совѣстью:

— Дураковъ учитъ и Богъ велѣлъ.

— Да вѣдь я нищъ сталъ черезъ тебя!—кричалъ какой-нибудь обездоленный имъ бѣднякъ.

— Нищему-то тебѣ,—хмуро говорилъ староста:—я и помогу. Приходи ужо за хлѣбомъ.

И давалъ щедрой рукой:

— Разживайся.

— А тады, Евстигнѣевичъ, ты меня опять съѣшь?

— Съѣмъ!

И при случаѣ съѣдалъ безъ остатка, съ безжалостнымъ спокойствіемъ.

Но когда однажды становой попытался устроить неправильные торги на общественную землю, въ руку своему знакомому, староста всталъ на защиту мірскихъ интересовъ и всталъ такъ твердо, что становой растерялся и послѣ долгихъ убѣжденій и посулъ принялся грозить:

— Въ тюрьмѣ сгною!

Староста только холодно усмѣхнулся:

— Меня сгноишь, правды не сгноишь.

Становой отыскалъ какія-то старыя дѣла, нашелъ неправильности въ старыхъ расходныхъ росписяхъ, словомъ—откопалъ столько всевозможныхъ крючковъ и зацѣпокъ, что какой-то членъ суда, знакомый станового, проѣздомъ черезъ Курычанку вызвалъ къ себѣ старосту и посовѣтовалъ:

— Отступись, милый человѣкъ, а то и двумя годами тюрьмы не отдѣлаешься.

Староста мрачно отвѣтилъ:

— Пущай!

И не отступилъ.

А становой отступилъ...

И вотъ съ этимъ-то упорнымъ и властнымъ человѣкомъ я долженъ былъ вступить въ борьбу, къ тому же въ борьбу изъ-за дѣла, вступаться въ которое я не имѣлъ никакого другого права, кромѣ права моей іерейской и человѣческой совѣсти. Это какъ будто и много, но на самомъ дѣлѣ безконечно мало, ибо въ жизни господствуетъ только законное право. Между тѣмъ до сихъ поръ ни одно ходатайство мое передъ старостой, даже за людей постороннихъ, ни разу не увѣнчалось успѣхомъ, а вѣдь только просьбой, убѣжденіемъ да совѣтомъ я и могъ бороться съ нимъ. Дьяконъ смотрѣлъ иначе... И хотя взглядъ дьякона я считалъ фантастическимъ и неосуществимымъ, но слова его невольно принималъ въ сердце свое, потому что дѣло касалось близкаго мнѣ человѣка. Человѣкъ этотъ былъ Ларіонъ, мой первый врагъ по пріѣздѣ на приходъ, а впослѣдствіи—преданный другъ. Дѣло же заключалось, ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы вырвать у произвола старосты его собственную дочь, потому что она любила Ларіона, и Ларіонъ любилъ ее.

Они съ дѣтскихъ дней любили другъ друга.

Были обручены, когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ.

— Господь соединилъ ихъ сердца!—торжественно говорилъ дьяконъ.

До свадьбы надо было ждать годъ.

Но за этотъ годъ у церковнаго старосты, отца Ларіона, сгорѣлъ домъ вмѣстѣ съ деньгами и всѣмъ имуществомъ: едва сами спаслись изъ пламени. Это такъ на него повліяло, что онъ началъ съ горя пить, совсѣмъ опустился, обнищалъ и однажды на улицѣ подъ заборомъ былъ найденъ мертвымъ. Ларіонъ уже не могъ подняться, а голодный годъ совсѣмъ доконалъ его. Онъ пытался встать на ноги при помощи будущаго тестя, но тотъ окрутилъ его такими „условіями“, что вскорѣ и отцовское пепелище Ларіона перешло къ старостѣ, и самъ онъ отрабатывалъ долги на его поляхъ. И ужъ негоже стало старостѣ, богачу и начальнику, выдавать дочь свою за работника.

Онъ грубо отказалъ Ларіону.

Въ возмущеніи, въ крайнемъ негодованіи прибѣжалъ Ларіонъ ко мнѣ. Примчалъ и дьяконъ, узнавшій новость отъ самой Анюты, примчалъ встрепанный, взъерошенный и, подобно привидѣнію вышагивая по комнатамъ, торжественно клялся, что не дастъ въ обиду „благословенное Богомъ“.

Но напрасны были слова возмущенія, хожденія къ старостѣ, убѣжденія и просьбы.

Староста мрачно сказалъ:

— Моя власть—отцовская.

И больше не захотѣлъ разговаривать.

Дьяконъ погрозилъ:

— Не разрушайте, Евстигнѣичъ, Богомъ соединеннаго... Страшный отвѣтъ дадите на судищѣ Христовомъ.

— За словомъ въ карманъ не полѣзу! — отрѣзалъ староста.

И взглянулъ на дьякона насмѣшливо:

— А ты развѣ вокругъ аналоя обводилъ ихъ?

Дьяконъ на это страшно разсердился.

— Обведу, безчувственное сердце! — закричалъ онъ. — Обведу!.. не будь я дьяконъ Колобродовъ!

Такъ прошло два года.

И вотъ по селу распространилась новость: староста нашелъ достойную партію для своей дочери — мельника Коротконогова, пятидесятилѣтняго вдовца съ двумя дѣтьми, человѣка весьма богатаго, но порочнаго и больного. Все село возмутилось старостой, всѣ любили Анюту и ужасались ея судьбѣ.

Но кто и какъ могъ вступиться?

Изувѣчь онъ ея тѣло—вступились бы и люди и законъ, но когда увѣчатъ душу человѣческую, никто не можетъ вступиться...

...Сегодня мы должны были сдѣлать первое оглашеніе...

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Будущій инокъ. Первая картина художника.

Утреня кончилась.

И наступалъ этотъ моментъ.

Сквозь прорѣзы вратъ я увидѣлъ Ларіона.

Вотъ стоитъ онъ близко отъ старосты, этотъ обиженный и разоренный имъ человѣкъ, попрежнему добродушно-спокойный. Но по тому, какъ онъ темнымъ взглядомъ слѣдитъ за дьякономъ, я чувствовалъ, что таится подъ его спокойствіемъ: онъ ждетъ приговора, который навѣки убьетъ его послѣднюю надежду... Такъ гдѣ же эта всегдашняя побѣда Добра, о которой съ такимъ убѣжденіемъ говоритъ дьяконъ, если мы,—мы, друзья его,—въ этомъ холодномъ мірѣ, въ этомъ царствѣ насилія и зла не только ничѣмъ не могли помочь ему, но готовились и должны были нанести ему ударъ, убивающій душу,—потому-что мы—люди только до предѣловъ статьи закона, а въ предѣлахъ ея мы только исполнители, ничтожные винты громоздкой и бездушной машины!

Мысль эта возмутила меня.

И когда, послѣ утрени, подошелъ дьяконъ и, испытующе взглянувъ черезъ очки, спросилъ меня:

— Что же... оглашать?

Я твердо отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

Онъ расцвѣлъ.

Его доброе лошадиное лицо выразило полный восторгъ. Какъ журавль, зашагалъ онъ по алтарю, возбужденно потирая руки:

— Ура, ура, Анютины глазки! Адмиральскій флагъ поднять, эскадра готовится къ отплытію!

И повернулся ко мнѣ:

— Чуръ, не отступать, батюшка!

— Нѣтъ,—повторилъ я.

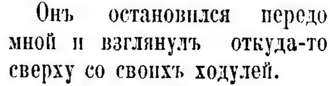
— Будемъ твердо держаться!

— Ну, конечно,—сказалъ я.

— И побѣдимъ!

— Вѣдь добро всегда побѣждаетъ,—улыбнулся я.

Но ему не понравилась моя улыбка.



Онъ остановился передо мной и взглянулъ откуда-то сверху со своихъ ходулей.

— Добро и Зло въ мірѣ,— сказалъ онъ наставительно:— осуществляются черезъ людей! Каковы мы — таковы и дѣла наши... это—истина!

Когда кончилась обѣдня, народъ не расходился, словно ждалъ чего-то. И все стоялъ староста впереди, и Ларіонъ вблизи него. Я понялъ, что все село заинтересовано страннымъ бракомъ въ семьѣ Овцова, и всѣ ждутъ оглашенія, какъ бы не вѣря, что такое обычное, но преступное дѣло можетъ совершиться.

И я сказалъ дьякону:

— Скажите же имъ, что они напрасно ждутъ.

Дьяконъ вышелъ на амвонъ, постоялъ тамъ, но ничего не сказалъ и вернулся съ лукавой усмѣшкой.

Тогда староста не выдержалъ. Онъ вошелъ въ алтарь и спросилъ:

— Нешто оглашенія не будетъ?

— Староста Овцовъ,—сказалъ я:—оглашенія не будетъ до слѣдующаго праздника.

Лицо у него стало темнымъ и злымъ: видно, онъ почуялъ недоброе.

— Почему такъ?—угрюмо спросилъ онъ.

— Нашлись важныя препятствія... Сегодня я хочу посѣтить тебя и тогда все объясню.

Онъ взглянулъ подозрительно, нахмурился, шумно вздохнулъ, потомъ сказалъ какъ-то загадочно:

— Приходите!

И ушелъ.

Съ смутнымъ говоромъ потянулся и народъ изъ церкви.

...За чаемъ мы обсуждали затѣянное...

Больше всѣхъ ораторствовалъ дьяконъ, а Ларіонъ сидѣлъ задумчиво, опустивъ голову на руки, и не вступалъ въ разговоръ. Зато матушка какъ будто взялась быть его адвокатомъ, и по тому, какъ блестѣли ея глаза, я уже зналъ, что долженъ совершить и невозможное. И я съ великой радостью готовъ былъ совершить его, но червь сомнѣнія шепталъ мнѣ:

„Невозможное невозможно...“

Дьяконъ бушевалъ.

— Она мнѣ... какъ дочь родная! Анюта! Ангелъ во плоти!— не говорилъ, а вопіялъ онъ, выступая на ходуляхъ по комнатѣ.— Ахъ, Анютины глазки!.. Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни! Въ обиду не дамъ! Вы помните, помните?—налеталъ онъ на меня съ вытянутыми руками. — Вы помните, какъ я въ школу пріѣхалъ, а она среди малышей объявилась?—„Учиться, говоритъ, хочу, учиться...“ Жажда знанія, — вотъ оно что! За-

глянулъ я ей въ глаза... васильки... цвѣточки небесные! Сидитъ среди малышей, глазенки какъ у маленькой горитъ... звѣздочки, звѣздочки... и все-то она знать хочетъ: какъ, да что, да почему? Эхъ, Анютины глазки... полюбилъ я ее! Умъ-то у нея пытливый, и душа-то нѣжная... да вотъ сердце запуганное: заѣлъ, задавилъ ее этотъ чортъ въ овчинахъ, — не отецъ, а иродъ безчувственный! А вы помните, помните?—вытягивалъ руки къ матушкѣ дьяконъ: —какъ въ ревматизмѣ валялся я? Одинъ... одинъ на всемъ свѣтѣ... а она ко мнѣ тетку свою подослала—ухаживать за мной. Да нѣтъ-нѣтъ изъ дому-то, изъ-подъ надзору,

А очень просто.

— Объясните-съ!

— Да вѣдь староста человѣкъ властности непреоборимой. Ужъ одно то, что вступаются люди не въ свое дѣло, только утвердитъ его въ его упорствѣ. Что мы опять будемъ дѣлать? Совѣтовать? Но онъ скажетъ, какъ и прежде, что не нуждается въ совѣтахъ. Убѣждать? Но онъ никогда ни на какія убѣжденія не поддавался. Грозить? Но чѣмъ? Судомъ Божіимъ? Но онъ убѣжденъ въ своей правотѣ. Судомъ человѣческимъ? Но законъ на его сторонѣ. А законъ обязателенъ и для насъ...

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Пастушки.

вырвется, да прибѣжитъ ко мнѣ, провѣдаетъ, да пирожка тамъ притащитъ, того-другого... звѣздочки-то ея въ моей комнатѣ заблестятъ... Купила она меня, купила добротой своей на вѣки вѣчные. Эхъ, Анютины глазки! Да чтобъ я ее... Нѣтъ ужъ, извините... я добрый человѣкъ... а когти-то и у меня есть!..

Онъ съ яростнымъ видомъ перебиралъ пальцами:

— На ея защиту выпущу!

Матушка одобрительно смѣялась, а дьяконъ кричалъ Ларіону:

— Вѣришь мнѣ, Ларивонъ?

И колотилъ себя въ грудь:

— Вѣрь Колобродову!

Но по шуму, который производилъ дьяконъ словами и движеніями, по возбужденной жестикуляціи его я догадывался, что онъ, подобно мнѣ, сомнѣвается и только бодрится, самоутѣшаетъ себя.

И я сказалъ:

— А не кажется вамъ, отецъ дьяконъ, что мы идемъ тушить огонь керосиномъ?

Онъ даже изогнулся весь:

— Какъ это?

Дьяконъ слушалъ меня, все еще согнувшись, и какъ бы ловилъ ртомъ мои слова, но тутъ вдругъ выпрямился и простеръ въ воздухѣ свои худыя руки.

— Великій нарушитель закона, — сказалъ онъ съ гнѣвной наставительностью:—Христосъ... сказалъ: суббота ли для человѣка, или человѣкъ для субботы? А вѣдь мы Его ученики.

— Но вѣдь Христосъ же, — возразилъ я: — сказалъ: „воздайте Божіе Богови, а кесарево—кесареви“.

Дьяконъ вдругъ возрадовался:

— Коли Овцовъ на убѣжденья не пойдетъ—мы такъ и сдѣлаемъ... по Христову!

Я, въ свою очередь, очень удивился:

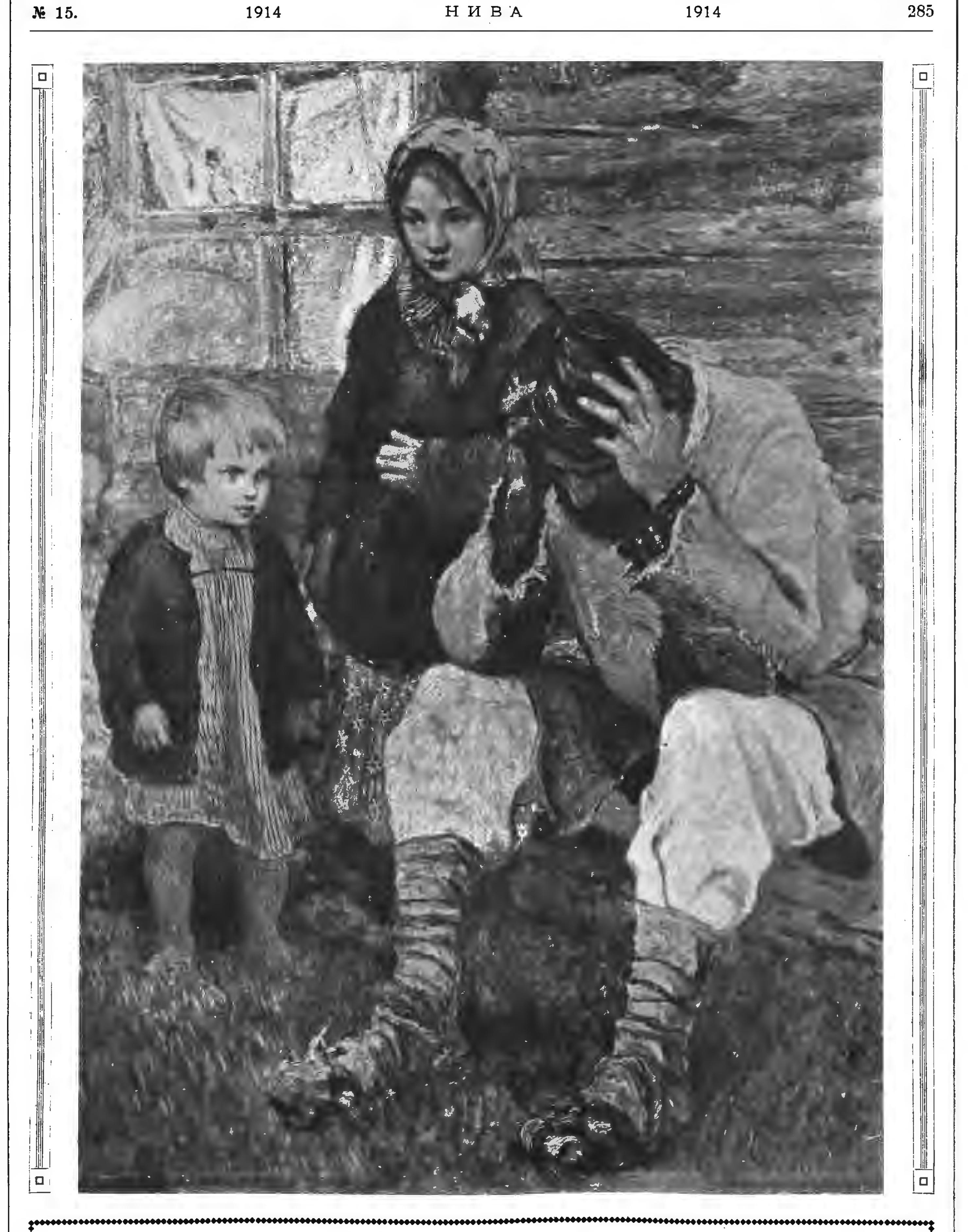
— То-есть, какъ это?

— А очень просто,—ликовалъ дьяконъ:—вѣдь еще сказано: будьте кротки, какъ голуби, но и мудры, какъ зміи. Кесарево-то мы и отдадимъ кесарю, а Божіе — Богу. Изъ субботы-то цѣлое воскресенье устроимъ... не будь я дьяконъ Колобродовъ!

И дьяконъ возбужденно шагалъ по комнатѣ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни!

Всѣхъ заинтриговали его намеки, особенно матушку. Но онъ



Н. Богдановъ-Бѣльскій. Горе.

упорно отказался отъ объясненій, заявивъ, что обо всемъ повѣдаетъ послѣ разговора съ Овцовымъ. И ужъ сталъ говорить какія-то загадочныя слова о тайнахъ, которыя надо тщательно хранить, дабы врагъ о нихъ не провѣдалъ. И говорилъ все это съ пыломъ, и вышагивалъ какъ журавль, и все потиралъ свою лысину, какъ будто тамъ, подъ нею, возникали тысячи таинственныхъ плановъ.

Матушку это интересовало и очень радовало:

— Да скажите же, отецъ дьяконъ, что вы задумали?

Онъ отворачивалъ лицо и махалъ рукой:

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Пригрѣлись.

— Тайна!

— Хоть намекъ дайте.

— Молчу, молчу!

— А меня тогда помощницей возьмете?

Онъ повернулся къ ней и многозначительно сощурилъ глазъ:

— Когда придетъ время...

Я скептически относился ко всѣмъ этимъ дьяконовымъ загадкамъ.

— Знаю одно, — сказалъ я: — что не бывать этому постыдному дѣлу съ моего благословенія: вѣнчать не стану.

— А я, — сказалъ дьяконъ: — документовъ не выдамъ.

— Ну вотъ на это-то какъ разъ мы и не имѣемъ права. Онъ все равно ихъ въ этомъ случаѣ изъ консисторіи получитъ, помимо насъ, да намъ же еще и достанется.

— А не сходить ли вамъ къ Коротконогову? — посовѣтовала матушка.

Мысль показалась мнѣ блестящей.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ это раньше въ голову не пришло? Возможно, что на него убѣжденія наши скорѣе подѣйствуютъ... Дѣло-то и затянется, а тамъ видно будетъ. Намъ важно время выгадать.

— Ужъ на него-то я вовсе не надѣюсь, — нахмурился дьяконъ: — да и противенъ онъ мнѣ!

— Что жъ дѣлать?

— Ну, идемте.

Когда мы собрались уходить, Ларіонъ поднялся и поклонился въ поясъ мнѣ и дьякону:

— Спасибо вамъ за хлопоты. Одно скажу: не жить мнѣ безъ нея. Бѣду сдѣлаю... альбо имъ, альбо себѣ!

Дьяконъ вытянулся передъ нимъ на своихъ ходуляхъ и прокричалъ какъ бы откуда-то съ потолка:

— Говори слава Богу: черезъ недѣлю Анна станетъ твоей женой... не будь я дьяконъ Колобродовъ!

Но Ларіонъ даже не улыбнулся въ отвѣтъ.

...Коротконоговская мельница находилась въ полуверстѣ отъ села. Сооружена она была изъ стараго чернаго лѣса, внизу широкая, вверху узкая, и издали напоминала нелѣпое пьяное чудище, увязшее въ болотѣ и молчаливо звавшее на помощь взмахами черныхъ лапъ. Вблизи нея стоялъ домъ изъ того же чернаго лѣса, длинный, угрюмый, съ рѣдко посаженными маленькими окнами. А вокругъ распространялась унылая и пустынная снѣжная поляна. Но когда мы подходили къ дому, ужъ намъ показалось, что въ этомъ уныломъ мѣстѣ живетъ веселый, пьяный и грѣшный духъ. Домъ имѣлъ видъ опухшій и сонный, казался на снѣгу черной, приплюснутой, квадратной головой съ тупыми глазками, но изъ всѣхъ его пазовъ и щелей, сквозь стѣны, окна и углы пробивались заглушенные звуки гармоники, ухающіе вскрики и гулкій топотъ, отъ котораго тупо вздрагивали черныя стѣны дома.

Кто-то, очень пьяный, лежалъ поперекъ сѣней.

Намъ пришлось шагнуть черезъ него.

Удушливый воздухъ обдалъ насъ изъ комнаты: пахло водкой, ѣдой, дымомъ махорки. Въ густомъ, темномъ, жаркомъ туманѣ мелькали люди, безпорядочныя движенія ихъ переплетались въ какой-то неясный, пьяный, дикій узоръ, словно тутъ кишѣли отдѣльно руки, ноги, головы.

Насъ никто не замѣтилъ, когда мы остановились у дверей, и мы сначала ничего не могли понять: драка ли тутъ происходила, или было въ разгарѣ человѣческое веселье? Крики, возгласы, бормотанье, топотъ, звуки гармоники, визгливой и хрипящей, — все сливалось въ адскій хоръ, отъ котораго трещало въ ушахъ. Мельканье въ глазахъ у меня наконецъ прекратилось, и я разсмотрѣлъ густую толпу мужиковъ, все больше пожилыхъ; они махали руками, радостно орали, въ восторгѣ разѣвая рты, приплясывали въ тактъ гармоникѣ, а въ широкомъ кругѣ ихъ, изъ-за спинъ ихъ, я увидѣлъ лавочника Потапыча и передъ нимъ Коротконогова. Потапычъ, съ блаженной улыбкой на лицѣ, вытянувъ по швамъ руки, стоялъ на одной ногѣ и все прыгалъ, какъ фонарный столбъ, не сходя съ мѣста. А Коротконоговъ нырялъ, леталъ, носился передъ нимъ въ какомъ-то нелѣпомъ трепакѣ, изгибался, точно корчился въ судорогахъ, откидывался назадъ, бросался впередъ, присѣдалъ и выбрасывалъ ноги. Но все это безъ ритма, безъ системы, дико. точно въ припадкѣ. И при этомъ шумно и гнусаво выкрикивалъ слова, отъ которыхъ кровь бросилась мнѣ въ лицо. Широкое, но короткое, плоское лицо его, съ чернымъ коническимъ отверстіемъ вмѣсто носа, мелькало, какъ бы

Н. Богдановъ-Бѣльскій. На пріемѣ въ школу.

двоилось и троилось въ туманѣ спертаго воздуха отъ нелѣпыхъ плясовыхъ корчей его, а сѣдая борода вѣеромъ странно раздувалась и трепалась. Онъ мнѣ казался духомъ грѣха, воплощеннымъ духомъ пьянства и распутства, но только не веселья: веселились мужики, веселился и даже симпатиченъ былъ мнѣ Потапычъ, съ его смѣшными, комическими движеніями, какъ симпатиченъ былъ и мужикъ, извлекавшій изъ гармоники веселый шумъ „камаринскаго". А Коротконоговъ даже на фонѣ этого грубаго веселья казался грубымъ пятномъ, потому что нарушалъ ритмъ его, только дѣлалъ видъ, что веселится и пляшетъ, а на самомъ дѣлѣ лишь безсмысленно корчился и кобенился, какъ неумѣлый и жалкій шутъ. И при этомъ еще выкрикивалъ скверныя слова.

Я возмутился.

Хотѣлъ что-то крикнуть...

Но дьяконъ предупредилъ меня и громогласно возгласилъ совершенно пѣтушинымъ голосомъ:

— Же-е-нихъ... сты-ы-дно!

Все смолкло, остановилось, стихло.

Мужики разступились.

Потапычъ растерялся, опустилъ ногу, какъ дернулъ, да такъ и остался стоять съ руками навытяжку. А Коротконоговъ, какъ ни въ чемъ не бывало, словно продолжая свой плясъ, метнулся къ намъ съ хитрой, пьяной, слащавой улыбочкой и заюлилъ и заспѣшилъ:

— Какіе гости... Боже мой! Батюшка-съ! Отецъ дьяконъ! Пожалуйте, милости прошу-съ... къ весельицу нашему, къ мужицкому. Въ кумпанію-съ!

Я рѣзко сказалъ:

— Мы пришли по дѣлу.

Хитрые глазки его забѣгали передъ моимъ лицомъ:

— Какому-съ?

— Секретному.

Въ глазахъ его вспыхнуло насмѣшливое лукавство.

Тутъ я замѣтилъ, что онъ и не былъ очень пьянъ, трезвѣе другихъ во всякомъ случаѣ, но старался улыбаться съ веселой безсмысленностью пьянаго, какъ бы желая скрыть подъ этой улыбкой свои настоящія мысли. И мнѣ показалось еще, что онъ уже знаетъ, зачѣмъ мы пришли. Онъ опять заюлилъ, залебезилъ передъ нами, искоса бросая насмѣшливые взгляды на дьякона.

— А мы новокупочку справляемъ-съ... Домикъ я купилъ, на селѣ поставлю... низокъ каменный будетъ, а верхъ деревянный. И лавочка-съ. Милости прошу тогда за покупочками-съ! Какъ же-съ, новоселье-съ. Вотъ отецъ дьяконъ говорятъ: стыдно-съ! А чего стыдиться? Дѣло законное-съ... житейское... человѣческое-съ! Самъ Господь благословляетъ... и вы въ скорости благословите-съ.

— А ты, Василій Евграфычъ,—строго сказалъ дьяконъ:—про бабушкины вилы поговорку слыхалъ?

— Слыхали-съ. А что же-съ?

— Прочитай, что написано.

У Коротконогова слегка дернулась щека:

— Что тамъ написано—изъ села Борисова... къ намъ касанія не имѣетъ.

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Новые владѣльцы. XLII Передвижная выставка.

И, повернувшись ко мнѣ, онъ заговорилъ сдержаннѣе:

— Такъ по секретному дѣлу, говорите-съ?

— По секретному, Василій Евграфычъ.

— Пожалуйте по сосѣдству въ каморочку-съ, тамъ побесѣдуемъ.

Его широкая спина заколыхалась передъ нами, указуя намъ путь сквозь дымный туманъ, короткія ножки его тупо стучали по полу. Мужики стояли неподвижно, молчаливо, видимо, смущенные, и, когда мы проходили мимо нихъ, шептали:

— Извините, батюшка...

Сосѣдняя комната была вся какая-то сѣрая, словно затканная по стѣнамъ паутиной. У окна стоялъ столъ, сплошь заваленный бумагами: расписками, счетами. Но еще болѣе тутъ было пыли и сору. Коротконоговъ пригласилъ насъ сѣсть и самъ сѣлъ у стола. На немъ былъ кафтанъ изъ хорошаго синяго сукна, на груди болталась серебряная цѣпочка. Сѣдая круглая борода вѣеромъ распласталась по груди; она бы придавала ему видъ нѣкоторой почтенной солидности, если бы не короткія ножки, едва достигавшія пола, когда онъ сѣлъ, и если бы не его лицо скелета съ чернымъ проваломъ вмѣсто носа, откуда терпко вѣяло на насъ смрадомъ гніенія. Наединѣ съ нами Коротконоговъ совсѣмъ перемѣнился, и ужъ видно было, что онъ вовсе не пьянъ. Видимо, онъ понялъ изъ намека дьякона, что разговоръ пойдетъ въ открытую, и бросилъ свои улыбки, принялъ видъ серьезный, лукавый огонекъ въ его глазахъ получилъ злой оттѣнокъ. Меня охватило чувство недоброжелательства, но я подавилъ его въ себѣ.

— Василій Евграфычъ,—началъ я:—мы пришли къ вамъ по важному дѣлу, касающемуся вашей души, вашей совѣсти. Намъ, духовнымъ, заповѣдано: „настой благовременне и безвремение, во дни и нощи“... забота о всей жизни пасомыхъ вручена намъ этими словами. Когда мы видимъ несправедливость, готовую совершиться, сердце, готовое разбиться, когда мы видимъ, какъ низкій, скверный земной расчетъ готовъ разъединить Самимъ Богомъ соединенное... когда мы видимъ неразумнаго отца, готоваго отдать,—нѣтъ, больше того—продать свою юную дочь въ неравный бракъ со старикомъ...

Положительно я не могъ говорить спокойно.

А Коротконоговъ на мигъ какъ бы коснулся моего лица злыми иглами своихъ глазъ, и тотчасъ же взглядъ его ушелъ куда-то въ потолокъ.

— Когда,—продолжалъ я съ возрастающимъ волненіемъ:—мы видимъ старика, забывшаго всѣ грѣхи и болѣзни своей жизни и готоваго грубо раздавить юный и невинный цвѣтокъ молодости... мы почитаемъ своимъ долгомъ, мы должны, мы обязаны обратиться къ совѣсти этихъ лицъ, чтобы не допустить ихъ совершить злое, неправедное дѣло! Кратко, Василій Евграфычъ: вы хорошо обдумали свой бракъ съ Анной Овцовой?

Онъ все продолжалъ смотрѣть въ потолокъ.

— Кажись, дѣло рѣшеное!—прогнусавилъ онъ.

— Такъ ли?

— Какъ же не такъ-то? Вѣдь сами же вы сегодня оглашенье дѣлали.

Оттѣнокъ нахальной самоувѣренности въ его словахъ и манерѣ возмутилъ меня.

— Оглашенія,—рѣзко сказалъ я:—не было и не будетъ!

Онъ мутно взглянулъ на меня:

— Почему такъ?

— Да будемъ говорить по-человѣчески, Василій Евграфычъ. Вѣдь вы же знаете, что я противъ этого брака. Знаете, что я и приношеній не принялъ отъ старосты. И знаете, почему. Анна была уже обручена съ Ларіономъ, она его невѣста и она должна быть его женой, потому-что они любятъ другъ друга, потому-что Самъ Богъ соединилъ ихъ сердца и благословилъ ихъ союзъ. А люди изъ низкихъ земныхъ расчетовъ хотятъ разлучить ихъ. Разлучникомъ ли хотите вы быть? Вы—старикъ, вы уже прожили жизнь, а она еще только начинаетъ ее... погубить ли ее хотите? Что она можетъ вамъ дать, кромѣ вѣчныхъ слезъ, сожалѣній о погубленной жизни и, быть-можетъ, ненависти? И что можете дать ей вы? Да, я знаю, на землѣ много творится такихъ дѣлъ, и много слезъ на ней льется, и обычнымъ это на землѣ считается, но... вѣдь есть же небо, есть же Богъ на небѣ, Василій Евграфычъ!

И я продолжалъ убѣждать его.

Собственныя мои горячія слова самого меня трогали, и ужъ я говорилъ съ нимъ мягко и почти любовно. А онъ продолжалъ смотрѣть, не отрываясь, въ потолокъ, и лицо его оставалось равнодушнымъ. Вдругъ онъ въ упоръ взглянулъ на меня съ злымъ лукавствомъ и насмѣшливо сказалъ:

— За Ларивошку хлопочете?

Я даже не могъ отвѣтить ничего, только вспыхнулъ.

— Стало, и вѣнчать не будете?

— Никогда!—вскричалъ я гнѣвно.

Насмѣшка медленно сошла съ его лица, и лукавый огонекъ потухъ въ глазахъ; онъ уже зло и нахально смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

И медленно прогнусавилъ:

— Ну-у, что-о-жъ... приведется безъ васъ обойтись. Свято мѣсто не будетъ пусто, а свѣтъ не клиномъ сошелся: поповъ-то на ёмъ много, а за наши денежки и вѣнцы найдутся! Поманимъ сотельной—самъ архерей обвѣнчаетъ.

Тутъ дьяконъ не выдержалъ.

Онъ всталъ, сердито сунулъ руки въ карманы подрясника и сказалъ съ холодной ироніей:

— Сотельныхъ-то у тебя много, должно-быть?

— Да е-е-сть!—самодовольно осклабился Коротконоговъ.

— То-то и архіерея купить думаешь...

И дьяконъ язвительно добавилъ:

— А что же носа себѣ не купишь?

Коротконоговъ густо побагровѣлъ, вскочилъ.

Онъ задралъ голову кверху и затоптался на мѣстѣ, словно хотѣлъ броситься на дьякона. Но до дьякона было высоко и далеко: точно съ потолка смотрѣло его гнѣвное лицо на копошившагося у ногъ его Коротконогова.

— Гдѣ носъ?!—допрашивалъ онъ.

И видно было, что онъ въ карманахъ сжимаетъ кулаки.

Коротконоговъ задохнулся, хотѣлъ что-то крикнуть, но дьяконъ не далъ ему сказать и слова: онъ впалъ въ страшную ярость, выхватилъ руки изъ кармановъ, провелъ ими по лысинѣ и обрушилъ сверху на Коротконогова цѣлый потокъ гнѣвныхъ и язвительныхъ словъ:

— Жениться захотѣлъ? Ста-а-рый распутникъ! Молодую жизнь загубить... пога-а-ная душа! Видно, безъ носу-то и не слышишь, чѣмъ отъ тебя пахнетъ? Гніешь! Гніешь!

Коротконоговъ получилъ наконецъ даръ слова.

— Молчи!—заоралъ онъ.

Но дьяконъ поднималъ надъ головой кулаки.

— Гробъ себѣ закажи... гробъ! Могилу вырой! Сорокоустъ намъ закажи, чтобы поганую душу твою изъ ада вывели! Же-е-ниться захотѣлъ... ба-а-бу себѣ купить за свои сотельныя! Нѣтъ, ты... саванъ купи! Да въ гробъ заранѣе лягъ, да кайся!.. Сдохнешь скоро, сдохнешь, гнилая душа!

Коротконоговъ метнулся къ двери.

Внезапно онъ распахнулъ ее, выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, къ мужикамъ, и заметался, и заюлилъ въ густомъ дыму, и какъ будто сталъ прежнимъ Коротконоговымъ—лукавымъ и немножко пьяненькимъ, похахатывалъ и сыпалъ словами, но въ словахъ этихъ уже звучала напряженная ненависть.

— Почтенные, слышите? Почтенные друзья, слышите? — бѣгалъ онъ передъ мужиками.

И показывалъ на насъ растопыренными пальцами:

— Каковы наши духовные, а?

Суетился, юлилъ и какъ будто смѣялся.

— Пришли, пришли въ хозяйскій домъ, хозяина обижаютъ, хозяина стращаютъ. Страшны рѣчи говорятъ! Не женись, говорятъ, Коротконоговъ, старъ ты, Коротконоговъ... Правда, что ли, почтенные?

Дьяконъ яростно крикнулъ:

— Правда!

И я сказалъ:

— Правда, Коротконоговъ.

Мужики смущенно молчали.

— Скажите же ему, что это правда,—обратился я къ нимъ:—вѣдь я же знаю, что вы всѣ такъ думаете. Вѣдь не продали же вы ему за водку своей совѣсти!

Они совсѣмъ смутились, но молчали.

Кто-то тихо сказалъ:

— Не наше дѣло, батюшка.

Одинъ Потапычъ расхрабрился и сказалъ шуткою:

— Душа-то у тебя молодая, Евграфычъ... а надо правду молвить: старова-а-тъ ты!

Коротконоговъ такъ и заметался въ дыму комнаты:

— Старъ я... измѣнники?!

И онъ началъ изгибаться и кобениться, какъ будто собирался пуститься въ свой давишній плясъ, колотилъ себя по груди рукой и гнусавилъ съ ужимками, какъ будто веселыми, за которыми чувствовалась ярость.

— Да я за сто молодыхъ отвѣчу! Я... Коротконоговъ! Я ее осчастливлю, Анютку-то!.. Моя краля, моя! За мельоны не уступлю, никому не уступлю! Дворецъ ей построю... на селѣ-то! Въ бархатъ наряжу, золотомъ осыплю... на рукахъ носить буду!.. Моя краля, моя! У меня...

Онъ крѣпко стукнулъ себя по карману:

— Всѣхъ куплю!

И заюлилъ, и залебезилъ, и заметался.

— Отцы-съ духовные-съ... вѣнчать не хотите-съ? А хотите, я... бумажечками-съ... красненькими-съ... отъ вашихъ домиковъ до церкви дорожку сдѣлаю-съ... потомъ ваши будутъ?

Онъ потиралъ руки и смѣялся намъ въ лицо:

— Желаете-съ?

Я взглянулъ на дьякона.

— Кажется, намъ тутъ больше нечего дѣлать, отецъ дьяконъ.

Дьяконъ выпрямился, вытянулся, съ комической презрительностью оглядѣлъ съ ногъ до головы Коротконогова и торжественно направился къ выходу.

Коротконоговъ юлилъ, забѣгалъ справа и слѣва и еще что-то насмѣшливо гнусавилъ, но мы ужъ не слушали. На крыльцѣ мы пріостановились и посмотрѣли другъ на друга.

— Ну?—сказалъ я.

Дьяконъ отвѣтилъ тѣмъ же:

— Ну?

— Пойдемъ къ старостѣ... керосиномъ огонь тушить?

Дьяконъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Каждому человѣку,—отвѣтилъ онъ:—предоставлено итти по пути добра или зла. Про зло-то и сказано: Господь его попущаетъ... до времени. А добру Онъ помогаетъ, черезъ людей. По пути ли добра мы идемъ? Ну, такъ пойдемъ до конца.

— И тогда добро побѣдитъ?—усмѣхнулся я уныло.

— Добро всегда побѣждаетъ!—отвѣтилъ онъ со строгой важностью.

— Но вѣдь мы добьемся у старосты не больше, чѣмъ здѣсь.

— Меня интересуетъ другое,—сказалъ дьяконъ и посмотрѣлъ куда-то вверхъ:—чего мы добьемся у Бога. Сказано: толците—и отверзется... не у людей, такъ у Бога!

И опять на лицѣ его появилось выраженіе, будто онъ знаетъ что-то тайное.

Мы медленно направились по дорогѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пора.

Уѣхалъ мой жилецъ, и комната пуста,
И сорваны съ оконъ рукой жестокой шторы,
И видны на полу протертыя мѣста,
И на обояхъ тусклые узоры.
Какъ долго жилъ, какъ много онъ страдалъ,
Какъ часто горячо и пламенно молился,
И какъ онъ вдругъ ушелъ, и ничего не взялъ,
И ни съ одною вещью не простился.
Но всѣ онѣ сошли съ своихъ обычныхъ мѣстъ,
И паутины нить повисла надъ дверями,
И трещина легла на зеркало, какъ крестъ,
И потемнѣлъ портретъ въ старинной рамѣ.
Онъ только-что ушелъ, а все мертво вокругъ,
И холодъ нежилья ложится понемногу,
По дому стонетъ подъ карнизомъ звукъ,
Уѣхалъ мой жилецъ,—
И мнѣ пора въ дорогу.

Кн. Я. Андрониковъ.

Неизданный отрывокъ Пушкина.

Съ примѣчаніями Н. О. Лернера.

Чѣмъ дальше отходитъ въ прошлое, тѣмъ ближе становится намъ и личный и литературный образъ Пушкина, тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе прислушиваемся мы къ изрѣдка долетающимъ до насъ новымъ, загробнымъ звукамъ его голоса, тѣмъ драгоцѣннѣе намъ каждая, доселѣ невѣдомая, строка, сбѣжавшая съ его пера. Какимъ-то „святымъ очарованьемъ" озаряетъ его имя коротенькую дружескую записочку, дѣловой документъ, случайный набросокъ.

Мы рады, что можемъ сообщить читателю небольшой отрывокъ Пушкинской прозы. Это—страничка изъ „Исторіи Пугачевскаго бунта". Ее сохранилъ находящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ бѣловой экземпляръ „Исторіи",—тотъ самый, съ котораго она набиралась.

Осенью 1833 г., возвратившись изъ поѣздки на мѣста, гдѣ когда-то гремѣла гроза Пугачевщины, Пушкинъ завершилъ свою работу, но затѣмъ еще долго дополнялъ и исправлялъ ее, а лѣтомъ 1834 г. приступилъ къ печатанію. Наблюденіе за послѣднимъ принялъ на себя начальникъ той типографіи, въ которой печаталась „Исторія" (это была казенная типографія, принадлежавшая II отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи) М. Л. Яковлевъ—лицейскій товарищъ и одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей поэта. Къ нему и обращены двѣ находящіяся на рукописи записки, также до сихъ поръ неизданныя.

„Вотъ тебѣ, мой благодѣтель, первая глава—съ Богомъ",—пишетъ Пушкинъ Яковлеву на первомъ листѣ рукописи. Она поступила въ типографію 5 іюля 1834 г., какъ помѣчено вверху первой главы. „Вотъ и второй томъ",—пишетъ поэтъ на титульной страницѣ второго тома, поступившаго въ типографію, какъ видно изъ помѣтки, 17 іюля. Печатаніе шло съ лихорадочной быстротою. Пушкину хотѣлось поскорѣе справиться съ „Исторіей" и „дернуть" къ гостившей у своихъ родныхъ въ деревнѣ женѣ, и онъ спѣшилъ съ корректурами и торопилъ типографію. „Кабы ты видѣла,—пишетъ онъ ей 11 іюля:—какъ я сталъ прилеженъ, какъ читаю корректуру, какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя". 14 іюля: „Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ, я оставлю Пугачева на его попеченіе". 30 іюля: „я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются, два тома печатаются вдругъ!" 3 августа: „Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца". Повидимому, первый томъ въ августѣ былъ уже готовъ, такъ какъ подъ предисловіемъ, которое переписалъ начисто для набора самъ Яковлевъ (см. Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", изд. 2-е, СПБ., 1899, стр. 117), находимъ приписку Пушкина: „Печатать. 12 авг. А. П."

Чтеніе корректуръ осложнялось тѣмъ, что Пушкинъ въ то же время продолжалъ отдѣлывать свою работу и вносилъ въ нее различныя измѣненія: кое-что изъ самаго текста „Исторіи" вносилъ въ примѣчанія, исправлялъ нѣкоторыя выраженія, производилъ перестановки. Одно изъ наиболѣе значительныхъ измѣненій онъ сдѣлалъ въ пятой главѣ. То мѣсто, которое начинается словами: „Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года"...—и которое посвящено описанію осады Яицкаго городка и происходившаго въ немъ броженія (въ изд. 1834 г., I, 98—105)—Пушкинъ снабдилъ примѣчаніемъ (стр. 52): „слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи („Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ"), напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ" П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова *), предполагая бо-

*) Подполковникъ Симоновъ былъ комендантомъ Яицкой крѣпости.

лѣе достовѣрности въ оффиціальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной". Шесть листковъ этого описанія приложены въ типографской рукописи къ пятой главѣ, а въ самой рукописи данное мѣсто изложено иначе, короче и драматичнѣе. Приводимъ эту интересную страничку:

Крѣпость сего города находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Гарнизонъ претерпѣвалъ всѣ ужасы голода. Хлѣба уже не было. Мѣшали землю съ отрубями и составляли какое-то тѣсто. Лошадиное мясо раздавалось на вѣсъ. Ѣли кошекъ и собакъ. Гарнизонъ находился въ вѣчной опасности, ибо осада ведена была правильнѣе, нежели подъ Оренбургомъ и подъ Уфою. Наконецъ (15 Апрѣля) изъ крѣпости замѣчено было, что мятежные казаки въѣзжали въ городъ въ безпорядкѣ одинъ за другимъ. Цѣлый день жители волновались, перебѣгали изъ дома въ домъ и сходились на улицахъ. Къ вечеру ударили въ Соборной колоколъ. Казаки собрали кругъ и долго шумѣли; потомъ кучею пошли къ крѣпости. Симоновъ уже готовился отразить ихъ пушками, но съ изумленіемъ увидѣлъ, что они вели связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргу и Толкачева. Они приближались, громко моля о помилованіи себя и о пощадѣ городу. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Жители увѣдомили его объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Гарнизонъ бросился на хлѣбъ, нанесенный изъ города. 17-го прибылъ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Карга, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Новое, болѣе пространное, изложеніе этихъ событій вышло у Пушкина исторически-цѣннѣе, но въ стилистическомъ отношеніи не лучше. Отвергая первую редакцію, Пушкинъ, въ сущности, не отказался отъ нея, а какъ бы растворилъ ее во второй, гдѣ тамъ и сямъ мелькаютъ отдѣльныя фразы первой. „Картина бѣдствія гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смятеній", — справедливо отозвался о данномъ описаніи одинъ современный критикъ (въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1835 г.). Въ первоначальной редакціи даже скорѣе, чѣмъ во второй, можно усмотрѣть „мудрую экономію и изящное устройство матеріала" (слова бар. Е. Розена въ „Сѣверной Пчелѣ" 1835 г.). Его краткость болѣе соотвѣтствуетъ общему масштабу работы, а его благородная сжатость, простота и лапидарность слога оправдываютъ отзывъ Бѣлинскаго, что „Исторія Пугачевскаго бунта" — „перомъ Тацита написана на мѣди и мраморѣ".

Уличный папа.

Разсказъ Вас. Брусянина.

Инженеръ Суслинъ вошелъ на площадку трамвая на углу Невскаго и Литейнаго, хотѣлъ пройти въ вагонъ, увидѣлъ въ вагонѣ мужа Натальи Дмитріевны и не двинулся съ мѣста...

Мужъ Натальи Дмитріевны—господинъ тучный, съ брюшкомъ, съ длинными усами и бритымъ подбородкомъ. Глаза на выкатѣ, большіе, странные, пустые глаза. Щеки у него одутловатыя, со складками у шеи: „какъ она можетъ любить этого урода?" И шляпа у него все такая же, фетровая, широкополая, съ приплюснутымъ верхомъ. Это онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, онъ—художникъ Свинцовъ!

Суслинъ подумалъ: „впрочемъ, какой же онъ художникъ? Всего-то учитель рисованія въ какомъ-то училищѣ..."

Купилъ Суслинъ у кондуктора билетъ и, къ изумленію послѣдняго, спрыгнулъ съ площадки на первой же остановкѣ и посмотрѣлъ сквозь вагонное стекло на жирный подбородокъ мужа Натальи Дмитріевны.

Долго стоялъ посреди улицы и ждалъ, когда подойдетъ слѣдующій трамвай... Ждалъ, смотрѣлъ на темныя очертанія молчаливыхъ домовъ подъ ровнымъ покровомъ бѣлой ночи и думалъ о Натальѣ Дмитріевнѣ и... о Леночкѣ. Подошелъ вагонъ трамвая, и какимъ-то страннымъ, точно никому не нужнымъ показался Суслину свѣтъ электрическихъ лампочекъ.

Быстро вошелъ на заднюю площадку, пропустивъ мимо себя даму съ дѣвочкой лѣтъ 8-ми, и внимательно посмотрѣлъ внутрь вагона, направо, и точно боялся—не сидитъ ли и тутъ мужъ Натальи Дмитріевны.

Почему-то Суслинъ даже и въ думахъ своихъ не называлъ художника Свинцова по имени и отчеству или по фамиліи, у него какъ будто не было ни имени ни фамиліи, а званіе—мужъ Натальи Дмитріевны.

Суслинъ сидѣлъ въ вагонѣ трамвая противъ дамы съ дѣвочкой и смотрѣлъ на милую семилѣтнюю брюнетку, въ свѣтлой кофточкѣ и въ красивомъ короткомъ платьицѣ. Шляпа на дѣвочкѣ была большая, соломенная, съ широкой лентой, концы которой опускались на спину дѣвочки и, темнѣя, сливалась въ одинъ тонъ съ темнымъ цвѣтомъ длинныхъ вьющихся волосъ.

„И Леночкѣ теперь семь лѣтъ... У нея такіе же длинные волосы. Только Леночка блондинка. Она похожа на меня... И онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, знаетъ объ этомъ, знаетъ и точно радуется, что его дочь похожа на него, на инженера Суслина"...

Такъ думалъ о Леночкѣ, о мужѣ Натальи Дмитріевны и объ инженерѣ Суслинѣ самъ инженеръ Суслинъ.

А вагонъ трамвая быстро спускался подъ уклонъ Литейнаго моста. Сейчасъ Финляндскій вокзалъ. Мужъ Натальи Дмитріевны сошелъ у этого вокзала, сѣлъ въ поѣздъ, который раньше Бѣлоострова не останавливается, и поѣхалъ къ себѣ на дачу подъ Выборгъ.

Прекрасно знаетъ инженеръ Суслинъ дачу мужа Натальи Дмитріевны. Широкая дорога отъ станціи по финскимъ болотамъ. Потомъ дорога поднимается на изволокъ съ высокими соснами, потомъ поворачиваетъ налѣво въ узкую улицу, съ дачами по обѣ стороны, и вотъ тутъ недалеко бѣлая двухъэтажная дача съ башней. Въ этой дачѣ и живутъ Леночка и ея мама, красивая шатенка.

Леночка—его дочь... И какъ странно: его дочь живетъ тамъ гдѣ-то, подъ Выборгомъ, а онъ, инженеръ Суслинъ, проводитъ лѣто въ городѣ. Живетъ въ богатой и прекрасной квартирѣ на Каменномъ островѣ. И окна его квартиры выходятъ въ садъ, но все же нѣтъ той прелести, что была тамъ, когда онъ жилъ недалеко отъ дачи, гдѣ теперь живетъ его милая дочка Леночка.

Дама и дѣвочка-брюнетка встали, забрали пакеты и сошли у Финляндскаго вокзала. Суслинъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и подумалъ:

„И онѣ живутъ на дачѣ... Можетъ-быть, онѣ живутъ тамъ же, гдѣ живетъ Леночка... Можетъ-быть, эта дѣвочка—подруга Леночки, и онѣ вмѣстѣ играютъ, ходятъ по берегу темнаго озера... Можетъ-быть, и эта дама знакома съ Натальей Дмитріевной..."

А вагонъ трамвая быстро несся по Большой Дворянской и увлекалъ инженера Суслина отъ Финляндскаго вокзала все дальше и дальше, къ его холостой квартирѣ...

Прошло уже больше семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, а онъ все не можетъ осмыслить своего страннаго положенія. Занятый проектами мостовъ, дамбъ и плотинъ, онъ часто забываетъ и о Леночкѣ, и о Натальѣ Дмитріевнѣ, и о ея мужѣ, но какъ только что-нибудь напомнитъ ему о прошломъ—образъ Леночки не даетъ ему покоя. Укоромъ какимъ-то живетъ она тамъ гдѣ-то и точно мститъ ему своими маленькими нѣжными ручками: душитъ его, терзаетъ грудь, холодитъ сердце.

Глупая и, пожалуй, пошлая дачная интрижка вначалѣ, семь лѣтъ назадъ, теперь виситъ надъ нимъ преображенной въ мучительную трагедію. Рѣдко вспоминаетъ инженеръ Суслинъ о художникѣ Свинцовѣ, и вотъ сегодня... Надо же ему было войти на площадку именно того вагона, въ которомъ сидѣлъ, обложенный пакетами, этотъ противный дачный мужъ — мужъ Натальи Дмитріевны... Сегодняшній вечеръ инженеръ Суслинъ вмѣстѣ съ своими товарищами предполагалъ провести на Крестовскомъ. Но развѣ же онъ въ состояніи сдержать данное слово сегодня? Развѣ же можетъ онъ поѣхать въ этотъ садъ, переполненный веселящимися петербуржцами? Когда онъ думаетъ о томъ, что случилось семь-восемь лѣтъ назадъ, когда онъ вспоминаетъ, что на свѣтѣ есть Леночка, русокудрая, голубоокая дѣвочка — ему не хочется видѣть людей, и онъ бѣжитъ отъ нихъ, запирается у себя въ холостой квартирѣ и никого не принимаетъ.

И одинъ, какъ всѣми отверженный, переживаетъ свою душевную драму...

Обыкновенная исторія юности,—исторія, какихъ много. Жилъ онъ лѣтомъ на дачѣ именно тамъ, гдѣ жили художникъ Свинцовъ и его жена Наталья Дмитріевна. То время было на зарѣ его карьеры. Мечталъ онъ объ этой карьерѣ, и хотѣлось ему любить. Ухаживалъ за дамами и за барышнями и слылъ даже за интереснаго кавалера, о которыхъ всю зиму мечтаютъ дачныя и станціонныя барышни. Кто-то познакомилъ его съ Натальей Дмитріевной. Она была стройна, молода, красива, съ соблазнительными коралловыми губами и съ ясными свѣтло-сѣрыми глазами. Вначалѣ онъ не обратилъ на нее вниманія, потому что увлекался въ это время одной барышней, за которой ухаживали почти всѣ дачные кавалеры. Но вышло такъ, что однажды Наталья Дмитріевна по-

жаловалась ему на одиночество. И узналъ Суслинъ, что у Натальи Дмитріевны есть мужъ, художникъ Свинцовъ, старше ея лѣтъ на десять, обрюзгшій, толстый человѣкъ, думающій только о наживѣ и о своихъ иконописныхъ занятіяхъ.

Въ дачѣ Свинцова висѣли его этюды и картины, и Суслинъ искренно восхищался ими въ тотъ вечеръ, когда добродушный художникъ затащилъ къ себѣ молодого инженера. А поздно ночью послѣ винта втроемъ, когда Суслинъ прощался съ новыми знакомыми, обрюзгшій художникъ сказалъ:

— Ужъ вы, пожалуйста, Артемій Ивановичъ, мѣшайте моей жинкѣ скучать... Я, знаете ли, человѣкъ занятой, только по субботамъ да по воскресеньямъ и бываю у родныхъ пенатовъ...

Сказалъ такъ обрюзгшій занятый человѣкъ и точно благословилъ Суслина на новую жизнь.

Не долго молодой инженеръ ухаживалъ за скучающей женой художника: бѣлыя ночи, уединенныя прогулки на берегу пустыннаго темнаго озера быстро сблизили ихъ... Сблизились они — и порвалась цѣпь безмятежныхъ человѣческихъ отношеній...

Въ началѣ сентября она ему сказала:

— Артемій, я...

Его точно жаромъ обдало, и онъ промолчалъ.

И шли они по темной дорогѣ съ косыми тѣнями елей, въ лучахъ луннаго свѣта и молчали...

— Ты слышишь, Артемій, у меня будетъ ребенокъ...

— Это скверно,—сказалъ онъ.

И опять они помолчали...

— Я не знаю, какъ ко всему этому отнесется мужъ,—сказала она.

— Позволь, что значитъ „отнесется“? Вѣдь вы же мужъ и жена. Что же удивительнаго, что у васъ родится ребенокъ?..

Она расхохоталась и сказала:

— ... Да дѣло въ томъ, что у насъ съ моимъ супругомъ вотъ уже семь лѣтъ нѣтъ дѣтей!..

Не зналъ Суслинъ, какъ отнесется мужъ Натальи Дмитріевны къ ея беременности, а потому поспѣшилъ уѣхать съ дачи въ Петербургъ. Его отъѣздъ никого не могъ удивить: въ половинѣ сентября съ дачъ разъѣзжаются даже самые запоздалые дачники.

Передъ отъѣздомъ было свиданіе съ художникомъ Свинцовымъ. Встрѣтилъ Артемій Иванычъ Свинцова по дорогѣ къ станціи. Шелъ художникъ подъ руку съ женою, а въ свободной рукѣ несъ ручной чемоданчикъ.

— А-а-а!.. Что же это васъ не видно?.. Здравствуйте!.. А мы скоро въ городъ... Дня черезъ три пріѣду и жинку увезу...

Потупивъ глаза, выслушивалъ Суслинъ веселую рѣчь художника и боялся взглянуть въ глаза его жены. Взглянулъ и замѣтилъ спокойный и даже насмѣшливый взглядъ.

На прощанье художникъ сказалъ:

— Вотъ вамъ и адресокъ нашъ зимній... пожалуйста, заходите...

И сунулъ въ руки инженера свою карточку.

На обратномъ пути отъ станціи Наталья Дмитріевна была весела и безпечна. Но въ ея улыбкѣ Суслинъ прочелъ что-то новое, и сама она казалась какой-то новой. Лицо Натальи Дмитріевны пополнѣло и стало точно застывшее, и сама она пополнѣла.

Шла она какая-то новая, смѣялась по-новому, глядѣла на Суслина по-новому. Ему хотѣлось разспросить, гдѣ и какъ они будутъ видѣться въ Петербургѣ, и онъ раздумывалъ, слѣдуетъ ли объ этомъ спросить. Шелъ рядомъ съ Натальей Дмитріевной и жалѣлъ, что на улицѣ еще такъ свѣтло, и нельзя обнять красивую женщину и поцѣловать ее, какъ всегда.

— Онъ знаетъ о моей беременности,—вдругъ сказала она.

— Кто онъ?—спросилъ Суслинъ, сознавая ненужность своего вопроса.

— Ха-ха-ха!..—разсмѣялась она.—Кто онъ?.. Да мужъ, конечно!..

— И что же онъ?

— Онъ радъ...

— Чему?..

— А тому, что у насъ будетъ ребенокъ. Онъ такъ давно желалъ этого, и я даже стала замѣчать, какъ онъ съ каждымъ годомъ все больше и больше охладѣваетъ ко мнѣ... И онъ, какъ мальчикъ, былъ влюбленъ въ меня сегодня...

— Вы сегодня сказали ему?—спросилъ онъ, переходя на „вы“.

— Да, утромъ...

И они больше ничего не говорили, пока шли до дачи.

Онъ какъ-то не могъ понять и осмыслить своего положенія. „Какъ же это такъ? Ужели же онъ, этотъ толстый художникъ, не сомнѣвается, что ребенокъ не его? Вотъ глупый и жалкій человѣкъ! И какъ теперь вести себя съ нимъ, съ этимъ глупымъ рогатымъ мужемъ?..“

А Наталья Дмитріевна ни о чемъ не думала. Шла, опустивъ лицо, и улыбалась, и нельзя было понять, почему она такъ странно улыбается.

У рѣшетчатой изгороди бѣлой дачи они остановились. Онъ хотѣлъ зайти къ Свинцовой, а она сказала:

— Сегодня я васъ не приглашаю... что-то нездоровится...

Протянула къ нему руку и добавила:

— Вы, говорятъ, черезъ день уѣзжаете?

— Да.

— Всего лучшаго!.. Заходите къ намъ въ Петербургѣ, мужъ далъ вамъ нашъ адресъ.

Уѣхалъ Суслинъ въ Петербургъ, занялся работами и первое время забылъ и о дачѣ въ Финляндіи и о Натальѣ Дмитріевнѣ. Отнесся къ исторіи съ ея беременностью, какъ къ обычной легонькой интрижкѣ. Былъ съ нею—и жилось хорошо, а теперь нѣтъ ея—и съ глазъ долой, изъ сердца вонъ.

Случайно встрѣтился съ художникомъ Свинцовымъ въ обществѣ архитекторовъ на какомъ-то докладѣ.

— А-а!.. Артемій Ивановичъ,—обрадовался художникъ.—Что же это вы къ намъ не заглянете?.. А вѣдь у меня родилась дочка, недѣлю назадъ окрестили ее, Леночкой назвали... Приходите, пожалуйста, жена будетъ очень рада...

Прошелъ мѣсяцъ и другой... Примчалась новая, веселая, зеленая весна съ бѣлыми ночами, а онъ почему-то не рѣшался побывать у Свинцовыхъ. Бѣлыя ночи будили воспоминанія минувшаго года, и хотѣлось побыть съ Натальей Дмитріевной наединѣ, ласкать ее, цѣловать... и все же онъ не рѣшался пойти къ чудаку-художнику. Не зналъ, какъ держать себя съ нимъ, не зналъ, какъ встрѣтить его она, не зналъ, какъ онъ впервые посмотритъ на свою дочку... На свою дочку!.. У него есть дочка. Какое это странное, новое ощущеніе. Зналъ онъ и привычки счастливыхъ родителей: притащатъ ребенка показать гостю, будутъ ему расхваливать свое сокровище, а гость долженъ находить ребенка и милымъ, и румянымъ, и Богъ знаетъ еще какимъ, лишь бы слова гостя были пріятны родителямъ.

Боялся и не шелъ. Но вотъ какъ-то разъ получилъ отъ художника приглашеніе письмомъ и рѣшился и поѣхалъ...

Пріѣхалъ къ Свинцову около часу. Художникъ встрѣтилъ его радушно, провелъ въ кабинетъ и притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— Жена поѣхала въ Гостиный... На дачу собираемся... То надо купить да другое. Теперь вѣдь у насъ больше заботъ: дѣвочка родилась; то да се... подай ей, тоже вѣдь будущая личность!..

— Что же, большая она? — спросилъ Суслинъ, чувствуя, что что-то надо спросить и о дочкѣ.

— Ого! четвертый мѣсяцъ намъ!.. Да-съ, четвертый мѣсяцъ!..

Разговоръ о дѣвочкѣ оборвался. Суслину показалось, что художникъ умышленно заговорилъ о томъ проектѣ, докладъ о которомъ они оба слушали въ обществѣ архитекторовъ.

Гдѣ-то въ глубинѣ комнатъ послышался дѣтскій плачъ.

— Ага!.. вотъ и Леночка проснулась!.. Вотъ я ее вамъ сейчасъ покажу!..

Счастливый отецъ быстро метнулся въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту принесъ дѣвочку въ конвертикѣ съ оборочками и кружевами.

Протянулъ Суслинъ къ дѣвочкѣ руку и даже произвелъ губами какой-то неопредѣленный звукъ, зная, что съ дѣтьми говорятъ на такомъ особенномъ языкѣ.

— Видите, какая бѣленькая, кудрявенькая, съ голубыми глазками!.. А! Леночка, миленокъ ты мой!..

И художникъ безъ числа принялся цѣловать дочку, такъ что та состроила кислую гримасу и расплакалась.

— Ну, ну, не плачь, бѣлобрынчикъ ты мой, мальдашка моя!

Пересталъ папа цѣловать дочку, и дѣвочка успокоилась.

— А!.. Смотрите, какая красавица! Леночка, ты красавица? Бѣлобрынчикъ ты мой, голубоглазикъ!.. На васъ, Артемій Иванычъ, похожа...

Острыя мурашки пробѣжали по всему тѣлу инженера, и онъ опустилъ глаза. Свинцовъ съ дѣвочкой на рукахъ быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату и быстро же появился вновь. Осмотрѣлъ смущенную фигуру инженера насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

— Да-съ, на васъ похожа, на васъ!.. Да вы не смущайтесь!.. И было время, когда я васъ хотѣлъ убить, а потомъ, какъ собаку, пристрѣлить... Да-съ!

Художникъ стоялъ передъ Суслинымъ съ раскраснѣвшимся лицомъ. Выкатившіеся глаза его налились краской, и губы поблѣднѣли, точно опаленныя его же словами.

— Хотѣлъ и васъ и ее убить!.. А потомъ пришла мнѣ идея отравить вамъ существованіе, такъ сказать, безкровнымъ способомъ... Вотъ вы—отецъ дѣвочки, а я не пущу васъ приласкать ее!.. Да-съ, не пущу васъ въ дѣтскую вашей же дочери!.. А?.. Ха-ха-ха!..

Отошедшее немного лицо художника снова начало наливаться кровью, и глаза запылали злобой.

— Да-съ, вы отецъ и не смѣете войти въ дѣтскую своей дочки!.. Что?.. И ко мнѣ не смѣйте ни ногой... Слышите! Я и принялъ-то васъ для того, чтобы сказать вамъ это. Жена моя вонъ тамъ, въ столовой. Я приказалъ ей сидѣть у камина и слушать, что я вамъ скажу. А скажу я вамъ слѣдующее: если вы или она будете назначать другъ другу свиданія—убью и васъ, и ее, и Леночку!.. А потомъ уже и съ собой покончу!.. Слышите?..

Художникъ подошелъ къ двери въ столовую, пріотворилъ одну скрипнувшую половинку и сказалъ:

— Слышишь, Наташа?.. А теперь, — добавилъ онъ, обращаясь къ Суслину: — а теперь, какъ говорится, „извольте вамъ выйти вонъ“!.. Вонъ!.. вонъ!.. И чтобы никогда у меня не бывать!.. И чтобы вы не смѣли при встрѣчѣ со мною или съ женою раскланиваться!.. Замѣчу — публично морду набью! На улицѣ прибью, въ театрѣ, въ церкви и то не пощажу!..

Онъ говорилъ и шелъ за торопливо удалявшимся къ двери инженеромъ,—шелъ, тяжело дыша и грузно ступая по паркету:

— Я отмщу вамъ .. да-съ!.. Вотъ вы—отецъ Леночки, а не смѣете

войти въ ея комнату... да-съ!... потому, она моя дочь, а не ваша!.. Ваша она и не ваша... да-съ!..

Художникъ стоялъ въ двери въ прихожую и насмѣшливо смотрѣлъ на инженера, руки котораго дрожали, и онъ никакъ не могъ попасть въ рукавъ пальто. Свинцовъ помогъ Суслину надѣть пальто и сказалъ:

— Помните же... Леночка моя дочь!.. Моя, не ваша!.. Я ее буду любить, цѣловать буду, ласкать, а вы будете жить, знать, что у васъ есть дочь, и не будете ее ласкать!.. Ого!.. Я отмщу вамъ!..

Эта сцена навсегда осталась въ памяти Суслина. Точно околдовалъ его жирный художникъ своими словами, точно приворожилъ его къ Леночкѣ. И какъ будто какимъ-то неумолимымъ проклятіемъ нависла надъ нимъ эта дѣвочка, которую онъ не имѣетъ права ласкать и цѣловать. Пусть бы лучше художникъ избилъ его у себя въ кабинетѣ, но лишь бы позволилъ бывать у него въ домѣ, чтобы видѣть Леночку... А теперь онъ живетъ и мучится мечтою о Леночкѣ. Его дочь эта бѣлокурая, голубоокая дѣвочка, и онъ не можетъ цѣловать ее. Она даже не знаетъ, что онъ ея отецъ, а не этотъ обрюзгшій, толстый художникъ...

Послѣдніе годы онъ только издали рѣшается смотрѣть на Леночку. По воскресеньямъ отправляется на Караванную и долго ходитъ мимо дома № 17. Ходитъ и ждетъ, когда Леночка выйдетъ на улицу въ сопровожденіи бонны.

Бонна—пышная блондинка съ густыми волосами и съ вздернутымъ носикомъ. Одѣвается она франтовато, и, когда Суслинъ идетъ имъ навстрѣчу и смотритъ въ ясные глазки Леночки, нѣмка жеманно и кокетливо заглядываетъ на Артемія Иваныча и что-нибудь веселое разсказываетъ Леночкѣ по-нѣмецки.

Иногда взглядъ Артемія Ивановича встрѣчается съ простодушнымъ и веселымъ взглядомъ милой дѣвочки, и горькое чувство укалываетъ сердце одинокаго инженера. Такъ и хочется наклониться къ дѣвочкѣ и сказать: „Милая моя Леночка... здравствуй!.. Ужели ты не узнаешь своего папу?..“

Смѣшно бы это вышло, а можетъ-быть, и грустно, почти трагично!.. Сказалъ бы онъ такъ Леночкѣ, а та съ недоумѣніемъ посмотрѣла бы на „чужого дядю“, а можетъ-быть, и шарахнулась бы въ сторону. У нея уже есть папа—толстый человѣкъ, съ сѣдыми висками и съ бородой, которая тоже сѣдая. А какія игрушки онъ ей покупаетъ! А какъ смѣшно, когда папа,—большой сѣдѣющій папа,—какъ мальчикъ, начинаетъ бѣгать по комнатамъ и играть съ Леночкой! А лѣтомъ на дачѣ что онъ съ нею дѣлаетъ!.. Научилъ Леночку играть въ крокетъ, купилъ ей бильбокэ, завелъ на озерѣ лодку съ красными каймами по борту и даже лодку эту назвалъ „Леночкой“. Большими бѣлыми буквами выведено на носу лодки ея имя. И Леночка, вообще-то еще плохо умѣющая читать, твердо знаетъ семь буквъ въ ея имени, и этому научилъ ее папа, большой, толстый и сѣдѣющій папа.

Инженеръ Суслинъ лѣтомъ особенно скучаетъ по Леночкѣ. Уѣзжаетъ семья Свинцовыхъ на дачу и увозитъ съ собою бѣлокурую дѣвочку, и онъ прекрасно знаетъ, гдѣ Леночка проводитъ лѣто: въ бѣлой дачѣ, на холмѣ, поросшемъ высокими соснами. Недалеко отъ бѣлой дачи озеро, а на озерѣ лодка съ красными бортами, и на самомъ носу лодки бѣлой краской выведено дорогое Суслину имя, милое, хорошее слово: „Леночка“.

Въ воскресенье утромъ спѣшно ѣдетъ инженеръ Суслинъ на Финляндскій вокзалъ, садится въ поѣздъ, и ему кажется, что вотъ именно этотъ поѣздъ, въ который онъ сѣлъ, движется медленнѣе всѣхъ поѣздовъ въ мірѣ. Спѣшитъ онъ въ знакомую дачную мѣстность, къ холму, на которомъ расположена бѣлая дача, а поѣздъ движется медленно. И сидятъ около инженера Суслина и противъ него и за нимъ неизвѣстные ему, чужіе люди. Надоѣдливый, плоскій разговоръ этихъ людей и противный ихъ смѣхъ... и все скверныя рожи, чужія, холодныя, чопорныя, скверныя рожи!.. А въ представленіи рисуются образъ милой Леночки и ея бѣлокурые волосики и ея свѣтло-голубые глазки, милые глазки...

Останавливается поѣздъ у знакомой станціи. Выходитъ изъ вагона инженеръ Суслинъ и идетъ знакомой дорогой къ бѣлой дачѣ на холмѣ съ соснами. А самъ все озирается, опасаясь, какъ бы не встрѣтиться съ Натальей Дмитріевной, съ ея мужемъ или съ Леночкой.

Онъ боится остаться съ глазу на глазъ съ Леночкой. Вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ подойти къ ней и сказать: „Здравствуй, Леночка... милая моя дѣточка!.. вѣдь я твой папа, настоящій папа“... Не можетъ онъ сдѣлать это, потому что знаетъ, что Леночка не пойметъ его и скажетъ: „Не знаю я чужого дядю... ай, боюсь, боюсь!..“ У нея есть папа, толстый, сѣдѣющій человѣкъ.

Боится Артемій Иванычъ встрѣчаться съ Леночкой, но любитъ смотрѣть на нее издали, когда она играетъ у себя въ саду или идетъ по дорогѣ къ станціи съ бонной, или стоитъ на дебаркадерѣ станціи и поджидаетъ поѣздъ, который привезетъ изъ города ея папу, противнаго толстаго художника. Какъ-то разъ онъ видѣлъ, какъ Леночка и Наталья Дмитріевна и бонна шли на озеро. Онъ шелъ за ними медленно, съ опущенной на грудь головою, и всматривался въ Леночку, идущую рядомъ съ мамой. А по другую сторону Леночки идетъ бонна, кокетливо одѣтая и такая, что вся ея внѣшность, ея близость къ дѣвочкѣ возбуждаютъ въ Суслинѣ глухую и острую непріязнь къ этой чужой женщинѣ, имѣющей право быть такой близкой къ его дочери... Идетъ онъ и думаетъ:

„Я и Наталья Дмитріевна около Леночки... это такъ понятно! Но зачѣмъ она, эта бѣлобрысая, противная бонна близка къ ней?..“

Вотъ вышли они на побережье озера, прошли къ лодкѣ, на борту которой написано „Леночка“. Бонна оттолкнула лодку, усѣлись онѣ всѣ въ лодку и поплыли. Бонна гребетъ веслами, а Леночка сидитъ рядомъ съ мамой, наклоняется за бортъ лодки и брыжжетъ блестящей на солнцѣ водою, опуская въ воду ручонку и выбрасывая ею цѣлые каскады брызгъ. Наталья Дмитріевна потянула къ себѣ Леночку и сказала что-то дѣвочкѣ. А та подняла кверху ручонки и принялась бить въ ладоши...

Стоитъ Суслинъ за угломъ изгороди чьей-то дачи и исподтишка слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на лодкѣ.

Плыветъ лодка по тихой, прозрачной поверхности озера, и отражаются въ озерной глади бѣлое платьице Леночки и большая свѣтло-розовая шляпа съ широкими лентами...

Смотритъ Леночка сощуренными глазами въ голубое небо, улыбается солнцу, улыбается тихому озеру съ прозрачной гладью, а ея папа стоитъ у угла чужой дачи, прячется отъ Леночки и груститъ. И яркому солнцу онъ не смѣетъ улыбаться, не смѣетъ улыбаться и ясной и тихой глади озера, въ которой такъ живо отражаются бѣлое платьице Леночки и ея большая розовая шляпа...

Какъ-то разъ, случайно, Артемій Иванычъ повстрѣчался съ Натальей Дмитріевной на углу переулка, по которому никогда не ходятъ Свинцовы. Встрѣча была случайная и неожиданная, и потому, быть-можетъ, и онъ и она испугались другъ друга...

— Вы?..—выкрикнулъ онъ и остановился.—Наталья Дмитріевна?..

Она равнодушно посмотрѣла ему въ глаза, точно въ первый разъ встрѣтила этого страннаго человѣка, который каждое воскресенье ходитъ вблизи ихъ дачи и точно ищетъ чего-то или кого-то... Посмотрѣла Наталья Дмитріевна равнодушно на Суслина и прошла молча и, какъ замѣтилъ онъ, даже быстрѣе пошла къ дачѣ, какъ бы съ желаніемъ поскорѣе убѣжать отъ этого страннаго человѣка.

Грустный, задумчивый шелъ онъ къ озеру и думалъ:

„Что же это она?.. Ужели забыла?.. Мужъ сказалъ: забудь—и она забыла... Это же невозможно, невозможно!.. Невозможно забыть тѣ бѣлыя ночи, когда мы были счастливы!.. Нельзя забыть того, что Леночка—ихъ дочь, ихъ дочь!..“

Думалъ такъ и шелъ къ озеру...

Лежали придорожныя длинныя тѣни сосенъ и елей дачныхъ садовъ. Вилась вдоль дороги узкая тропа, выбитая ногами дачниковъ. Слышались изъ-за деревьевъ голоса, смѣхъ и дѣтскій визгъ. Взрослые люди спорили на террасѣ коричневой дачи, а можетъ-быть, мирно разговаривали, но только громко, а у террасы, на крокетной площадкѣ, дѣти катали шары, лихо махали молотками, весело перекликались, смѣялись...

Дѣти... и опять дума о Леночкѣ... И опять запросы:

„Ужели она могла забыть и бѣлыя ночи, и наши встрѣчи, и нашу любовь?.. Ужели же она не знаетъ, что я отецъ Леночки... я?..“

Озерное побережье пустынно. Пестрѣютъ купальныя будки у воды. У пристаней-помостовъ, у кольевъ на отмели привязаны лодки, и тихо покачиваются лодки на озерной глади...

Двѣ жирныя дачницы въ купальныхъ костюмахъ стоятъ въ водѣ недалеко отъ берега и о чемъ-то бесѣдуютъ, какъ будто встрѣтились на улицѣ и обмѣниваются новостями, и смѣшно выглядятъ на ихъ головахъ какіе-то чепцы. А дальше у отмели купаются финскіе ребятишки, брызжутся водою, гоняются другъ за другомъ, хохочутъ, визжатъ. Имъ весело, имъ радостно!.. Великая земля-мать вдохнула въ нихъ радость и веселье и дала имъ избытокъ силъ для счастья ихъ дѣтскихъ дней... А вотъ и опять дѣтскіе, звонкіе голоса въ ближайшей купальнѣ. Густой мужской голосъ врывается въ хоръ дѣтскихъ голосовъ. Это ихъ папа говоритъ что-то... И въ этихъ невидимыхъ дѣтей, смѣхъ и возгласы которыхъ доносятся изъ купальни, великая земля-мать вдохнула свои радости и свое счастье. Дала она жизнь и тому человѣку, который густымъ, веселымъ голосомъ кричитъ:

— Дима!.. Дима! да чего же ты боишься?.. Зажмурь глаза, сожми крѣпче губы, я тебя окуну...

— Нѣтъ, папочка, нѣтъ... Я боюсь!..

— Глупый, чего боишься?.. Видишь!..

И слышно изъ-за перегородки купальни—опускается въ прохладную воду тучное тѣло того человѣка, котораго какой-то Дима называетъ папой... А Суслинъ стоитъ на берегу озера, смотритъ въ голубую даль водной глади съ отраженными берегами, и ему кажется, что и онъ самъ, со всей своей жизнью, съ своими радостями и горестями, только отраженный... только отраженный въ жизни...

„У этого Димы есть папа... У этого папы есть Дима... Дима... И у меня есть Леночка... И у Леночки есть папа... Я ея папа... Я, а не тотъ противный, толстый, обрюзгшій художникъ... я... я... я...“

Подошелъ ближе къ водѣ и началъ всматриваться въ лодки и все искалъ лодку съ красными бортами. Нашелъ, хотѣлъ-было сѣсть на ея бортъ и не посмѣлъ: на красномъ фонѣ у самаго носа было выведено бѣлой краской только одно слово: „Леночка“... Онъ уже не первый разъ видѣлъ это слово, бѣлымъ по красному,

но только теперь всматривался въ него, какъ въ новое, никогда не виданное... Подошелъ ближе къ лодкѣ, осмотрѣлся...

Все такъ же, какъ и пять минутъ назадъ, стояли въ водѣ жирныя дачницы въ купальныхъ костюмахъ и все еще о чемъ-то бесѣдовали. А изъ ближайшей купальни доносились дѣтскіе голоса, и слышно было, какъ какой-то Дима кричалъ:

— Папочка!.. папочка!.. а я не боюсь, не боюсь!.. Смотри!.. Разъ, два, три!..

И слышно было, какъ упало въ воду тѣло Димы, и шумѣла вода и волновалась.

Осмотрѣлся Суслинъ еще разъ и, показывая видъ, будто разсматриваетъ лодку съ красными бортами, опустился колѣнами на песокъ, наклонился и припалъ губами къ слову „Леночка", выведенному бѣлымъ, и шепталъ:

— Леночка!.. Леночка!.. милая моя дѣточка!..

Солнце зашло за грани лѣса. Потемнѣла озерная вода. Упалъ вѣтеръ, примолкъ, притаился, и неподвижной лежала водная гладь, отразившая прибрежныя деревья и зарево закатнаго пожара. Смолкли голоса финскихъ ребятишекъ, ушли жирныя дачницы въ красную купальню, прошли берегомъ Дима и его папа, господинъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, и за ними шли еще два мальчика въ гимназическихъ фуражкахъ.

Торжественно тихо на озерѣ... Какъ будто и лѣсъ, и вода, и купальни, и лодки творятъ молитву уходящему въ вечернія дали солнцу... Ближе къ тому берегу темной полоской показалась лодка, и такъ гулко, такъ непрошенно рѣзко и такъ нежданно противно донеслись со стороны лодки рѣзкіе, крикливые звуки гармоники...

„Гармоника въ этотъ тихій вечеръ молитвы... Какая пошлость!.."

Метнулась въ Суслинѣ эта мысль и оборвалась, точно испуганная рѣзкими, крикливыми голосами гармоники...

Хотѣлось бы молиться въ этотъ тихій, ласковый вечеръ какому-то невѣдомому Богу, который сумѣлъ бы понять тихую грусть больного, пустого сердца Суслина... Вся жизнь прошла въ одиночествѣ и въ поискахъ какого-то призрачнаго счастья, а то счастье, которому только теперь его душа поетъ грустные гимны блаженства,—того счастья нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... и не будетъ... Ощущеніе одиночества теперь для Суслина уже какое-то жизнеощущеніе. Такъ и кажется ему, что и во всемъ мірѣ и во всей жизни людей было и есть и будетъ только одно одиночество, только одинъ грустный гимнъ души невозможному... И хочется ему молиться невѣдомому Богу. И мѣшаютъ этой вечерней молитвѣ крикливые, рѣзкіе звуки гармоники... Дальше отъ этихъ звуковъ, вглубь тихаго лѣса, подъ молчаливыя его сѣни...

И онъ шелъ по дорогѣ отъ озера и думалъ о Леночкѣ и о Натальѣ Дмитріевнѣ,—больше о Леночкѣ... Ему казалось, что его скорбь услышитъ именно тотъ Богъ, который создалъ милую, бѣлокурую дѣвочку. Все остальное въ жизни какое-то такое непонятное ему, понятна только Леночка, милая дѣвочка, его Леночка, его дочка, плодъ матери-земли... Стихія—мать Леночки, а онъ ея отецъ... Наталья Дмитріевна только символъ матери, а настоящая мать—земля... „Изъ земли созданъ человѣкъ и въ землю возвратится..." Земля—мать Леночки, а онъ ея отецъ, и только онъ и земля имѣютъ право на Леночку...

— Я — отецъ Леночки... я... — твердилъ онъ и шелъ къ бѣлой дачѣ, чтобы увидѣть дѣвочку.

Идутъ навстрѣчу ему студентъ, барышня въ крымской шляпѣ и дѣвочка-подростокъ... Идутъ, хохочутъ и толкаются по дорогѣ и бьютъ другъ друга какими-то зелеными вѣтками. Идутъ за ними слѣдомъ почтенная дама и господинъ съ сигарой во рту.

— Папа, чего же вы отстаете?—кричитъ дѣвочка человѣку съ сигарой.

А тотъ пыхтитъ сизоватымъ табачнымъ дымкомъ и мычитъ что-то, чего и не поймешь.

— Я говорю тебѣ, что эта квартира не подойдетъ намъ, мала,— шепелявымъ голосомъ говоритъ почтенная дама.

Мычитъ что-то про себя человѣкъ съ сигарой, а Суслинъ думаетъ:

„Если бы Леночка назвала меня „папой"... Если бы она крикнула мнѣ: „Папа, иди же скорѣй, что ты отстаешь!.." Но она не могла бы крикнуть этого:—онъ всегда бы былъ съ Леночкой, онъ никогда бы не отставалъ отъ нея".

Перегналъ Суслина извозчикъ, быстро увлекая на вокзалъ господина въ котелкѣ. За деревьями послышался шумъ вагоновъ,— шелъ поѣздъ. Протяжно просвистѣлъ паровозъ, и машинистъ точно надавилъ на послѣднюю нотку, такъ странно она взвизгнула и замерла. И печально пахнуло на него отъ свистка паровоза, точно кто-то большой прощался тамъ, за лѣсомъ, и выкрикнулъ боль разлуки такъ, чтобы всѣ услышали.

„И этотъ—навѣрное отецъ", — подумалъ Суслинъ о господинѣ въ котелкѣ, проѣхавшемъ на вокзалъ.

Дошелъ до рельсовъ, подлѣзъ подъ опущенный шлагбаумъ и пошелъ къ бѣлой дачѣ. Только-что промчавшійся поѣздъ стоялъ у станціи. Подумалъ: „не поѣхать ли?.." Рѣшилъ итти дальше, пройти до бѣлой дачи.

А вотъ и Леночка и бонна-нѣмка. Идутъ они со станціи и несутъ какіе-то свертки... Ближе, ближе... что-то невнятное говоритъ нѣмка, Леночка отвѣчаетъ: „nicht! nicht!.." Пошли тише. Нѣмка развернула какой-то пакетикъ, что-то предлагаетъ дѣвочкѣ, а та опять: „nicht! nicht!" Метнулся въ сторону Суслинъ и обернулся. Твердыми шагами перешелъ дорогу и пошелъ навстрѣчу Леночкѣ и боннѣ... Все ближе и ближе къ нимъ. Все сильнѣе и сильнѣе выростаетъ въ немъ желаніе подойти къ Леночкѣ и сказать, что у него накопилось въ душѣ.

Поравнялся съ ними, подошелъ ближе. И сказалъ трепещущимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Леночка, здравствуй... Вѣдь я папа твой!..

Взвизгнула дѣвочка, и глаза ея отъ испуга стали большіе и неподвижные.

— О, mein Gott!..—выкрикнула нѣмка.

И обѣ онѣ шарахнулись отъ него въ сторону и перебѣжали на другую сторону дороги.

— Дѣти пугайтъ нельзя!.. Некорошо!—вскрикнула нѣмка, заслоняя собою перепуганную Леночку, прячущуюся за бонну.

А онъ шелъ за ними быстрѣе и быстрѣе, а онѣ убѣгали отъ него.

И говорилъ онъ:

— Леночка! Леночка!.. Я твой папа!.. Пойми же меня—я твой папа!..

И бѣжали отъ него нѣмка и бонна и убѣжали въ ограду бѣлой дачи...

И пошелъ онъ въ сторону, быстро, одинъ...

Пока шли садомъ до террасы, на которой за опущенными занавѣсками блѣдно горѣла при свѣтѣ бѣлой ночи лампа,—нѣмка хохотала, смѣялась и Леночка. Сумасшедшій господинъ только напугалъ, и то не сильно.

— Сумашешцій!.. сумашешцій! — бормотала нѣмка.

— А онъ намъ и худо могъ сдѣлать? — задавалась вопросомъ дѣвочка. Но нѣмка ничего не сказала.

На террасѣ за чайнымъ столомъ сидѣлъ художникъ Свинцовъ, въ чечунчевомъ пиджакѣ и съ всклокоченными волосами на затылкѣ облысѣвшей головы. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ дачный сосѣдъ, полковникъ въ отставкѣ Ермошинъ. Длиннополый темный сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и съ поперечными погонами былъ на немъ тщательно застегнутъ. Распушивъ сѣдѣющіе длинные усы, полковникъ курилъ папиросу въ янтарномъ мундштукѣ и глубокомысленно смотрѣлъ на доску съ разставленными на ней шахматами. Оба серьезно играли въ шахматы, а Наталья Дмитріевна, въ бѣломъ капотѣ, хлопотала у самовара, заваривала чай.

— Мамочка!.. Мамочка!.. — громко выкрикнула Леночка.

— Тс!.. тише, Леночка!.. Ты же знаешь—папа не велитъ шумѣть, когда играютъ въ шахматы...

— Лена, тише! — грузнымъ голосомъ протянулъ отецъ.

— Мамочка,—шопотомъ продолжала Леночка:—какой-то господинъ... прилично одѣтый... какой-то господинъ...

— О, mein Gott!.. Сумашешцій! — повторяла бонна.

— Какой-то приличный господинъ напугалъ насъ посреди дороги...

— Лена, тише!.. — снова послышался окрикъ папы.

— Господи Боже мой!.. Леночка, говорятъ тебѣ, не кричи!.. Ну, что такое?.. Идемъ сюда...

Наталья Дмитріевна положила на плечи Леночки руки и увлекла ее въ полутемную столовую съ большимъ роялемъ въ углу и съ картинами на стѣнахъ.

— Мамочка, онъ подошелъ къ намъ, разставилъ руки во всю дорогу, да какъ крикнетъ мнѣ: „Леночка, здравствуй!.. я твой папа!.. Леночка, я твой папа!" Вотъ смѣшной господинъ!..

— Сумашешцій!.. сумашешцій!..—твердила бонна.

— Да кто онъ?..

— Господинъ, приличный... въ шляпѣ, съ тросточкой... Развернулъ руки и говоритъ: „Я твой папа, Леночка!.. я твой папа!.." Правда, мама, смѣшной уличный папа?.. Папа мой играетъ съ Александромъ Петровичемъ въ шахматы, а тамъ ходитъ какой-то уличный папа...

Лицо Натальи Дмитріевны точно разомъ опустилось и поблѣднѣло, брови сдвинулись, руки задрожали. Она слышала, что говорила ей бонна, разъясняя подробности происшествія, и не слышала голоса нѣмки.

— Ну, будетъ, дѣточка!.. будетъ!.. Идемъ чайку попьемъ... а то папа разсердится...

Разлила Наталья Дмитріевна по стаканамъ и чашкамъ чай, а бонна перенесла къ тому концу стола, гдѣ Свинцовъ и полковникъ играли въ шахматы. А Леночка, присмирѣвшая и задумавшаяся, сидѣла за столомъ и пила чай съ печеньемъ. Посмотрѣла она въ серьезно-печальное лицо мамы, и ей почему-то вдругъ стало невесело.

А сзади нея сидѣли толстый папа и Александръ Петровичъ и играли въ шахматы. Обдумывая ходъ, полковникъ пускалъ въ уголъ губъ струйки сизоватаго табачнаго дыма и барабанилъ пальцами свободной руки по столу.

— А-а... ха-ха!.. матъ!—вдругъ выкрикнулъ Свинцовъ, передвинувъ ладью.

— А-а-а... это неожиданно,—сказалъ полковникъ.—Ну, теперь дѣло проиграно, сдаюсь!..

Они оба ближе подсѣли къ самовару, продолжая разговоръ о проигранной полковникомъ партіи. А Леночкина мама все еще смотрѣла печальными глазами куда-то въ сторону, вслушива-

лась, о чемъ говорятъ, и какъ будто не слышала голосовъ мужа и гостя.

— Папочка!—вдругъ выкрикнула Леночка:—а бываютъ уличные папы?

— Довольно, Леночка, довольно!.. Сиди и пей!..—останавливала ее мать.

— Уличные папы?.. гм!.. не знаю, не видалъ!..—сказалъ, отпивая изъ стакана чай, художникъ.

— Уличные папы!.. Ха-ха-ха!..—разсмѣялся полковникъ.—Ну, и дочка же у васъ растетъ... Словечко-то какое удумала: уличный папа!..

— Ха-ха-ха!..—разсмѣялся художникъ:—она у меня умница!..

Свинцовъ потянулъ къ себѣ Леночку, сидѣвшую рядомъ съ нимъ, погладилъ ее по волосамъ и сказалъ:

— Умница моя, попей чайку, да и бай-бай!..

И поцѣловалъ дѣвочку.

А Наталья Дмитріевна сидѣла задумавшаяся и пристально всматривалась въ свое отраженіе въ хорошо начищенномъ самоварѣ... Какъ странно некрасиво отражалось ея лицо въ чисто вычищенной мѣди...

Быстро прошло лѣто. Медленно тянулась осень. Сырая погода и скучные туманные дни навѣвали тоску на тѣхъ, кто любитъ солнце.

Суслинъ любилъ солнце, и ему было не по себѣ всю осень. Немного прихворнулъ онъ, простудившись на постройкѣ дома, и слегъ. Лежалъ въ одиночествѣ и никого не хотѣлъ видѣть... Звонили по телефону товарищи по работѣ, и онъ лѣниво бралъ въ руки телефонную трубку и отвѣчалъ на дѣловые вопросы... Иногда справлялись о его здоровьѣ, и тогда онъ лѣниво выслушивалъ заботливые вопросы и отвѣчалъ равнодушно... По вечерамъ лежалъ въ постели съ книгой и читалъ и не читалъ: такъ странно мелькали мимо него чужія мысли. Свои думы прорывались сквозь чужія мысли и бороли послѣднія, отгоняли, разсѣивали. Откладывалъ книгу въ сторону и думалъ... а о чемъ?—все о томъ же... По ночамъ долго не могъ заснуть и все думалъ о томъ, когда можно будетъ встать съ постели и уѣхать. Доктора рекомендуютъ ему заграничную поѣздку, и онъ хочетъ уѣхать отъ своихъ думъ... Какъ это странно — уѣхать отъ своихъ думъ!..

Наканунѣ заграничнаго путешествія, послѣ обѣда, пошелъ Суслинъ на Караванную къ дому № 17.

День выдался ведреный, съ яркимъ солнцемъ, но съ тусклымъ, холоднымъ небомъ. Дулъ вѣтеръ съ моря и разгонялъ обрывки тучъ, которыя такъ долго, всю недѣлю занавѣшивали небо и прятали осеннее солнце.

Шелъ Суслинъ по Караванной и думалъ о Леночкѣ. И хотѣлось ему увидѣть ее сегодня, передъ разлукой. Кто знаетъ, когда онъ вернется?

Теперь онъ уже съ бо̀льшей осторожностью проходилъ мимо дома № 17. Странная сцена на дачѣ все еще волновала его, и ему было стыдно за свою мальчишескую выходку. И ему не хотѣлось, чтобы Леночка узнавала его на улицѣ, а онъ часто бродитъ по Караванной, заходитъ и въ ближайшій скверъ и часто издали любуется дѣвочкой или съ грустью въ глазахъ слѣдитъ за нею, смотритъ, какъ она играетъ съ большимъ мячомъ или сидитъ, или ходитъ около бонны, этой чужой и близкой ей женщины.

Долго онъ ходилъ по улицѣ и не могъ дождаться Леночки. Заходилъ въ ближайшій скверъ и тамъ все высматривалъ ее. Осторожно обошелъ почти всѣ аллеи, гдѣ обыкновенно встрѣчалъ дѣвочку, и все всматривался въ дѣвочекъ, гулявшихъ съ мамами, боннами, нянями. Надумалъ выйти на Невскій и зайти въ кафэ, чтобы отогрѣться...

Къ вечеру, послѣ заката солнца, похолодало. На небо опять надвинулись темныя облака. Вспыхнули на улицахъ фонари, загорѣлось на Невскомъ электричество...

На углу Невскаго и Караванной неожиданно увидѣлъ онъ Леночку и ея нѣмку-бонну. Тутъ же, немного впереди, была и Наталья Дмитріевна. Стояли онѣ у окна магазина и что-то разсматривали.

Суслинъ узналъ Леночку не сразу и придвинулся къ ней ближе и старался спрятаться въ толпѣ гулявшихъ. Неожиданно двинулась отъ окна Леночка, увидѣла его, узнала, бросилась къ мамѣ и боннѣ и крикнула:

— Мамочка!.. мамочка!.. вонъ опять уличный папа!..

Увидѣла Суслина бонна и отшатнулась и бросилась къ Леночкѣ. Оглянулась Наталья Дмитріевна, узнала Суслина, смутилась и отвернулась. Встрѣтился взглядъ Натальи Дмитріевны съ взглядомъ Суслина и упалъ... А Леночка все еще съ испугомъ въ глазахъ тѣснилась къ мамѣ и испуганно смотрѣла на Суслина...

И шелъ онъ по Невскому, убѣгая отъ угла Караванной, и въ каждомъ звукѣ шумнаго проспекта слышалъ одни и тѣ же слова:

— Уличный папа!.. Уличный папа!..

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности.
По фот. Я. Штейнберга.

Старый домикъ.

(Съ 3 рис. на стр. 296).

Маленькій одноэтажный домъ въ восемь оконъ по фасаду... Скромная, почти чуждая Петербургу или, точнѣе, почти уже забытая въ Петербургѣ архитектура. Этотъ домикъ пріютился среди шестиэтажныхъ пышныхъ громадъ словно полузабытая тѣнь далекаго прошлаго. Изъ такихъ домиковъ состоялъ въ былые дни весь Петербургъ, но теперь ихъ уже почти не встрѣтишь въ нашей столицѣ: они—музейная рѣдкость.

Въ этомъ домикѣ, имѣющемъ такой музейный характеръ, дѣй-

ствительно помѣщается музей старины. Извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ и страстный коллекціонеръ предметовъ русской старины Ю. Э. Озаровскій создалъ изъ описываемаго домика настоящую сокровищницу, гдѣ отраженъ въ цѣломъ рядѣ интереснѣйшихъ предметовъ старинный Петербургъ: Петербургъ временъ Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины и Александра Благословеннаго.

Домикъ Ю. Э. Озаровскаго находится въ Соляномъ переулкѣ, гдѣ въ Петровское время существовала такъ называемая „партикулярная верфь". На этой верфи въ то время строились частныя суда — галеры, шнявы, вельботы, долженствовавшіе, по мысли Петра Великаго, играть роль извозчиковъ для петербургскаго населенія. Петръ Великій, какъ извѣстно, всячески старался пріохотить жителей Петербурга къ морю и къ водянымъ способамъ передвиженія. Тѣмъ болѣе, что весь Петербургъ, по его плану, долженъ былъ состоять изъ цѣлой системы каналовъ, подобно Венеціи или Амстердаму.

На мѣстѣ Соляного переулка тогда протекалъ каналъ. Позднѣе каналъ былъ осушенъ, и на этомъ мѣстѣ возникъ Соляной Городокъ. „Домикъ", о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ лицу морского вѣдомства. Въ настоящее время домикъ принадлежитъ причту церкви св. Пантелеймона.

„Старый домикъ". Елисаветинская комната. Рококо XVIII вѣка. По фот. Я. Штейнберга.

„Старый домикъ". Екатерининскія комнаты XVIII вѣка. Стиль Людовика XVI. По фот. Я. Штейнберга.

Принадлежность домика къ старинной эпохѣ несомнѣнна. И въ этомъ отношеніи самъ онъ представляетъ собою весьма цѣнный музейный раритетъ. Это была одна изъ многочисленныхъ въ тѣ времена построекъ „для особъ средняго званія". Буржуазный скромный пріютъ мелкаго чиновника...

Ю. Э. Озаровскій распредѣлилъ свои музейныя богатства по пяти комнатамъ, изъ которыхъ каждая относится къ извѣстной эпохѣ существованія Петербурга: петровской ранней (когда москвичи только-только стали селиться и осѣдать въ новой столицѣ), петровской поздней, елисаветинской, екатерининской и александровской.

„Ранняя петровская" комната производитъ впечатлѣніе нѣкоторой двойственности стиля: стѣны и вообще внѣшность этой комнаты выдержаны въ стилѣ голландскаго или шведскаго мелкаго буржуазнаго жилья, съ неизбѣжнымъ каминомъ и деревянной облицовкой стѣнъ. Предметы же, собранные здѣсь, говорятъ о московскомъ обиходѣ до-петровскаго времени. Ю. Э. Озаровскій поясняетъ: русскіе люди, еще не разставшіеся съ своими ветхозавѣтными обиходными мелочами, явились въ качествѣ завоевателей въ чужую обстановку... Это были первые петровскіе поселенцы Петербурга, и такова была внѣшность ихъ еще неустановившагося на новомъ мѣстѣ жилья...

Среди собранныхъ здѣсь музейныхъ раритетовъ обращаютъ на себя вниманіе своеобразные портреты Ивана Грознаго и его жены, Маріи Нагой, а также рѣдчайшій портретъ царя Михаила Ѳеодоровича, изображающій царя въ раннюю эпоху его жизни — въ пору избранія на царство. Интересны выставленные въ этой комнатѣ образчики

„Старый домикъ". Александровскія комнаты. Русскій ампиръ. По фот. Я. Штейнберга.

старинной мебели, старинныя блюда, формы для именинныхъ пряниковъ, „подлучинникъ" (вставка для горящей лучины) и т. п.

Далѣе слѣдуетъ петровская комната болѣе поздней эпохи. Прочная, солидная мебель, способная выдерживать петровскихъ богатырей. Старинный шкапъ англійской работы, старинныя ткани, вышивки, старинные портреты Петра и Екатерины I, взятые изъ присутственныхъ мѣстъ той эпохи. По стѣнамъ—интереснѣйшія гравюры и лубочныя картины. Особенно занимательны двѣ французскія картинки, изображающія фантастическіе виды Петербурга и Москвы: „увеселительную мѣстность" въ Москвѣ „на берегу канала, соединяющаго Москву съ Петербургомъ" (?) и „Площадь въ С.-Петербургѣ", при чемъ эта послѣдняя площадь представляетъ собою типичный уголокъ Парижа того времени...

Изъ этой немного мрачной и темной комнаты мы переходимъ въ царство жизнерадостнаго барокко, въ комнату елисаветинской эпохи, гдѣ насъ поражаютъ яркіе персиковые, оранжевые тона, золото рѣзьбы, пышныя ткани и узоры обоевъ. Прекрасно подобранная мебель и предметы домашняго обихода говорятъ намъ объ эпохѣ широкихъ „робъ", париковъ, менуэтовъ, „машкерадовъ", которые такъ любила Елисавета Петровна.

Комната, посвященная эпохѣ императрицы Екатерины II, отличается бóльшей строгостью и нѣкоторой чопорностью тона, хотя яркая екатерининская роскошь и здѣсь поражаетъ посѣтителя. Здѣсь царитъ благородный и спокойный стиль Луи XVI, уже близкій къ ампиру: гирлянды, корзиночки, букеты и вазы, среди мебели обращаютъ вниманіе прелестное бюро краснаго дерева, золоченые столики и кресла русской работы.

Изящный бѣлый трельяжъ отдѣляетъ екатерининскую комнату отъ александровской. Тамъ уже подлинный ампиръ. Тамъ обстановка эпохи Отечественной войны... Характерная, изящная и простая, въ своемъ изяществѣ мебель, старинное фортепіано, стильные кинкеты... По стѣнамъ рядъ старинныхъ гравюръ и портретовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ портретъ-литографія Уткина „Константинъ I Императоръ". Здѣсь же собраны прекрасные гравированные портреты Пушкина работы Уткина и Райта.

Музей Ю. Э. Озаровскаго можетъ доставить любителю старины громадное художественное наслажденіе. Здѣсь, въ этомъ скромномъ маленькомъ „старомъ домикѣ", какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшемъ среди разросшагося новаго Петербурга, мы переносимся въ давнопрошедшія времена, къ исчезнувшимъ тѣнямъ прошлаго. И отъ этихъ тѣней вѣетъ чѣмъ-то милымъ и дорогимъ. И на каждомъ шагу здѣсь чувствуются искренняя и живая любовь къ старинѣ и умѣнье освѣтить эту старину и приблизить ее къ намъ.

Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), поэтъ и публицистъ. (По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности).
По фот. Д. Здобнова.

Пѣвецъ сельскаго школьника.

(Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности академика **Н. П. Богданова-Бѣльскаго**).

Очеркъ **М. П. Невѣдомскаго.**

Левъ Толстой говорилъ, что въ искусствѣ важнѣе всего та настоящая точка, на которую нужно попасть рукой или кистью: на этой точкѣ — подлинное художество, а по обѣ стороны, чуть вправо, чуть влѣво—его уже нѣтъ... Можетъ-быть, столь же важно для художника попасть на настоящую точку не только въ самый моментъ творчества, но и въ выборѣ общаго его направленія... Искренне и глубоко облюбованный уголокъ міра или жизни человѣческой, тема, съ которою интимно сроднилась душа художника,—вотъ уже залогъ достиженій, залогъ опредѣленнаго слѣда, который художникъ оставитъ въ искусствѣ и жизни. Сосредоточиться на такой вѣрно найденной „точкѣ", значитъ—углубить свое творчество, удесятерить свои силы, которыхъ, быть-можетъ, и не хватило бы на творчество съ бóльшимъ размахомъ, съ болѣе широкимъ діапазономъ. Въ такихъ случаяхъ всегда осуществляется правда французской поговорки о человѣкѣ, пьющемъ „изъ своего стакана"...

Рано нашелъ свою точку и всегда „пилъ изъ своего стакана" тотъ художникъ, которому посвященъ этотъ очеркъ.

Міръ крестьянскихъ дѣтей, міръ растущаго деревенскаго молодого поколѣнія и, точнѣе — и даже почти исключительно — міръ сельской школы,—вотъ чему посвятилъ себя Богдановъ-Бѣльскій съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности. И теперь, когда исполнилось 25 лѣтъ этой дѣятельности, онъ остается вѣренъ этому міру, этой своей „настоящей точкѣ". Кто не знаетъ этой длинной серіи зарисованныхъ имъ ребячьихъ головокъ—русыхъ или бѣлыхъ, какъ ленъ: этихъ скуластыхъ, загорѣлыхъ, изможденныхъ дѣтскихъ личиковъ; этихъ совсѣмъ лишенныхъ жира костлявыхъ фигурокъ, кое-какъ прикрытыхъ убогимъ деревенскимъ нарядомъ, этихъ ребячьихъ ногъ босыхъ, или въ опоркахъ?.. Это—„спеціальность" Богданова-Бѣльскаго. И въ той общей картинѣ русской жизни, какую даетъ наша живопись, этотъ уголокъ ея принадлежитъ ему. Съ раннихъ лѣтъ облюбованная тема опредѣлила его мѣсто и значеніе въ нашемъ искусствѣ.

Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о томъ, что давали и даютъ зрителю картины Богданова-Бѣльскаго, можетъ служить безхитростное письмо одной сельской учительницы, недавно полученное художникомъ и предоставленное имъ въ мое распоряженіе. Я приведу изъ него нѣсколько характерныхъ строкъ...

Авторъ письма, введенный въ заблужденіе послѣдними передвижными выставками въ провинціи (куда попадало далеко не все, выставлявшееся въ столицахъ), скорбитъ о „перемѣнѣ" въ творчествѣ художника, а въ его поискахъ новой манеры, въ его приближеніи къ пленъ-эру видитъ какъ бы „измѣну" прежнему руслу его работы... Интересъ представляютъ, конечно, не эти ошибочные выводы, а тѣ мѣста письма, гдѣ выражено впечатлѣніе отъ прежнихъ произведеній Богданова-Бѣльскаго.

„Вы у насъ одинъ!—восклицаетъ неизвѣстная художнику корреспондентка.—Писать дѣтей умѣютъ многіе художники,—писать въ защиту дѣтей умѣете только вы... Нарисовать картину изъ жизни сельскаго учителя, вѣроятно, по силамъ многимъ,—вдохновлять, поддерживать учителя, вносить тепло и красоту въ его жизнь умѣете только вы... Искусство съ каждымъ годомъ все дальше уходитъ отъ насъ, все больше стремится существовать только для избранныхъ, только для цѣнителей,—да намъ-то безъ искусства ужъ очень горько, безъ того искусства, которое говорило бы съ нами на нашемъ языкѣ!.."

Задавая далѣе вопросъ, извѣстно ли художнику, какъ много онъ давалъ ей и подобнымъ ей „работникамъ жизни", корреспондентка разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ снимками съ картинъ Богданова-Бѣльскаго (особенно съ извѣстной картины „У дверей школы") на участниковъ учительскихъ курсовъ:

„Не были вы у насъ на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ, когда одинъ изъ лекторовъ закончилъ свой курсъ тѣмъ, что показалъ на экранѣ ваши картины,—и три тысячи человѣкъ, какъ одинъ, замерли, потрясенные, взволнованные... Вы бы поняли, что они переживали!.."

Этотъ искренній и горячій отзвукъ лучше всякихъ разсужденій характеризуетъ ту связь, которая создалась между „пѣвцомъ сельскаго школьника" и его аудиторіей...

Найти свою „точку", нащупать свое призваніе Богданову-Бѣльскому помогла счастливая случайность. Его біографія полна интереса, какъ біографія всякаго культурнаго работника, вышедшаго изъ народной, крестьянской среды, всплывшаго на поверхность вмѣсто того, чтобы затеряться и потонуть въ морѣ нищеты и тьмы народной,—въ томъ морѣ, гдѣ гибнетъ столько талантовъ, глохнетъ столько творческихъ ростковъ.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій родился въ 1868 г. въ семьѣ крестьянина Смоленской губерніи въ селѣ Шопотовѣ. Первые годы дѣтства его окружала суровая атмосфера. Хозяиномъ въ домѣ былъ его дядя, а его съ матерью терпѣли въ семьѣ какъ бы изъ милости. Нѣкоторая отчужденность отъ семьи съ раннихъ лѣтъ помогла выработкѣ самостоятельнаго характера... Любовь къ искусству проснулась очень рано: шести—семи-лѣтній бутузъ уже вырѣзываетъ изъ дерева скрипку настолько удачно, что получаетъ заказъ отъ сосѣда и зарабатываетъ цѣлыхъ 25 коп! Тогда же, на диво роднымъ и знакомымъ, вырѣзываетъ онъ изъ тыквы или изъ дерева же фигурки животныхъ. Начало обученія грамотѣ въ мѣстной школѣ совпадаетъ съ началомъ „славы" его, какъ рисовальщика. Подобно всѣмъ дѣтямъ, онъ старается изображать „коней", и вотъ его „кони" настолько плѣняютъ сотоварищей, что вся школа наперебой заказываетъ ему рисунки „коня" на аспидныхъ доскахъ: для учебы служила уже только одна сторона доски, на другой хранили свято драгоцѣнное изображеніе...

Въ этой именно школѣ узналъ мальчика С. А. Рачинскій, сыгравшій такую огромную роль въ его судьбѣ.

Этотъ профессоръ университета, бросившій каѳедру для народной школы, какъ извѣстно, отдавалъ все свое время и всѣ свои заботы взращиванію талантливыхъ крестьянскихъ дѣтей. По указанію священника, преподавателя шопотовской школы, Рачинскій пригласилъ девятилѣтняго Николю къ себѣ въ имѣніе Татево, великолѣпіе котораго показалось мальчонкѣ сказочнымъ... „Экзаменъ“ состоялъ въ рисованіи портрета въ профиль одного изъ учителей татевской школы. Мальчикъ, чувствуя, что рѣшается его судьба, напрягаетъ всѣ силы, и сходство получается большое. Этотъ первый рисунокъ съ натуры—какъ бы „вычерпываетъ“ будущаго художника изъ глубины крестьянскаго моря, и вотъ онъ уже на поверхности, пользуется руководствомъ Рачинскаго и другихъ „татевцевъ“... По окончаніи ученія въ татевской школѣ, мальчика отдаютъ въ школу рисованія при Троице-Сергіевской лаврѣ въ Москвѣ. Рачинскій отпускаетъ ему 25 р. ежемѣсячной субсидіи. Изъ школы при лаврѣ 13-лѣтняго мальчика переводятъ въ „Училище Живописи и Ваянія“, гдѣ онъ и проходитъ курсъ живописи. Уже съ 18 лѣтъ онъ становится на собственныя ноги и живетъ заработками—отъ продажи своихъ этюдовъ (виды татевскихъ окрестностей). Изъ первой же заработанной суммы (500 р.) половина отдается семьѣ, на постройку дома—на землѣ, подаренной тѣмъ же Рачинскимъ. Въ „Школѣ Живописи и Ваянія“ онъ пользуется совѣтами Полѣнова, Вл. Маковскаго и особенно Прянишникова, который заинтересовывается имъ съ самыхъ первыхъ его шаговъ... Съ мучительными сомнѣніями, съ колебаніями, доходящими до рѣшенія уничтожить картину, пишется небольшой жанръ „Будущій инокъ“, представляемый на званіе „классного художника“... И вотъ, сверхъ всякихъ ожиданій,—большой успѣхъ: картина не только одобрена экзаменаторами, но куплена съ выставки Солдатенковымъ, а затѣмъ уступлена имъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ... Впервые на холстѣ Богданова-Бѣльскаго появляется сухощавая фигурка „школьника“: мальчонка, съ нервнымъ лицомъ и мечтательнымъ взглядомъ, заслушался разсказовъ странника въ подрясникѣ и съ котомкой за плечами... Пробуждающаяся мысль и мечта выражены были съ большой экспрессіей. Художнику въ эту пору всего 19 лѣтъ. Картина вызываетъ всеобщій интересъ къ нему, и отнынѣ передъ нимъ — открытая дорога *)...

А. П. Пуни, извѣстный віолончелистъ, сынъ покойнаго композитора Цезаря Пуни и ученикъ Н. Н. Лядова и И. И. Зейферта. (По поводу 50-лѣтія музыкальной дѣятельности).
По фот. А. Никитина.

Выставляетъ Богдановъ-Бѣльскій съ самаго начала на „Передвижныхъ выставкахъ“, сперва въ качествѣ экспонента, а затѣмъ съ 1895 г. становится товарищемъ Общества. За „Будущимъ инокомъ“ слѣдуютъ: „Новая сказка“ (ребятишки въ избѣ), „Послѣдняя воля“ (смерть крестьянина)...

Приведу въ хронологическомъ порядкѣ списокъ наиболѣе значительныхъ произведеній Богданова-Бѣльскаго, появлявшихся на выставкахъ „Товарищества“, съ 1895 г. по нынѣшній:

1895 г.—„Воскресное чтеніе въ школѣ“ (здѣсь среди учителей изображенъ и С. А. Рачинскій).

1896 г.—„Устный счетъ“...

1897 г.—„У двери школы“ и „У больного учителя“.

1898 г.—„Проводы новобранца“.

1899 г.—„Бывшіе товарищи“ (встрѣча въ портерной молодого учителя со школьнымъ товарищемъ, превратившимся въ босяка-пропойцу).

1901 г.—„Соборованіе“.

1902 г.—„Талантъ“ (мальчикъ пиликаетъ на скрипкѣ въ избѣ, а старикъ задумчиво слушаетъ).

1904 г.—„Свадьба“ (вѣнчаніе двухъ паръ въ сельской церкви).

1908 г.—„На пріемѣ въ школу“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

1910 г.—„Именины учительницы“ и „Цвѣты на террассѣ“.

1911 г.—„Пастухи“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

1912 г.—Этюды пленъ-эра: „Мальчики на фонѣ синихъ цвѣтовъ“ и „У забора“ (дѣвушка на фонѣ лѣсной дали).

1913 г.—„Деревенскіе друзья“ (дѣвочки на диванѣ).

1914 г.—„Новые хозяева“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

Какъ читатель можетъ видѣть по однимъ названіямъ картинъ, деревня, деревенская, крестьянская жизнь и прежде всего школьная жизнь—вотъ что неизмѣнно вдохновляло бывшаго питомца „татевской“ школы... Помимо собственныхъ впечатлѣній, съ дѣтства накопленныхъ, въ ту же сторону направляли творчество художника и учитель и покровитель его Рачинскій и ученики послѣдняго, товарищи нашего художника по судьбѣ: въ ихъ средѣ въ Татевѣ проводилъ онъ каждое лѣто до 1898 г., да и потомъ, послѣ смерти С. А. Рачинскаго (1902 г.), не прекращалъ съ ними дружескихъ сношеній. А здѣсь это была цѣлая „академія“ деревенская!.. Съѣзжаясь на лѣто въ Татевѣ, всѣ занимались соотвѣтственно своей профессіи: этюды писались подъ звуки экзерсисовъ на фисгармоніи и пѣнія, рядомъ—изучалась исторія литературы, естествознаніе и т. д. Трудовая и культурная атмосфера царила въ эти мѣсяцы въ Татевѣ, и въ ней-то поднимались деревенскіе „всходы“...

Большое значеніе въ развитіи художника имѣли его поѣздки за границу. Первая—черезъ Бессарабскую губернію на Аѳонъ и Константинополь (въ 1889 г., вскорѣ по окончаніи „Школы Живописи и Ваянія“). Въ эту поѣздку, между прочимъ, 19-лѣтній Богдановъ-Бѣльскій встрѣчаетъ на Аѳонѣ 17-лѣтняго Малявина, занимавшагося иконописью и заинтересовавшагося „свѣтскими“ этюдами Бѣльскаго (Впослѣдствіи онъ былъ „извлеченъ“ съ Аѳона проф. Беклемишевымъ). Въ 1895 г. на средства, вырученныя съ картины „Воскресное чтеніе“, Богданову-Бѣльскому удалось съѣздить за границу, въ Парижъ, гдѣ онъ занимался живописью у Кормона и Коларосси. Въ третью поѣздку онъ работаетъ въ Мюнхенѣ и въ Италіи.

Пребываніе за границей замѣтно сказывается на пріемахъ художника: съ этой поры начинается его приближеніе къ „пленъ-эру“, обогащается его палитра, интереснѣе становится и колоритъ и его рисунокъ. Фигурирующая на выставкѣ настоящаго года картина „Новые хозяева“ внятно говоритъ объ *этой работѣ* художника надъ собою. Тема картины очень сложная и очень злободневная. Въ разоренномъ помѣщичьемъ домѣ поселилась новые владѣльцы — семья крестьянъ, горбомъ своимъ завоевавшая новое положеніе. Этотъ сурово-трудовой характеръ семьи выраженъ очень рельефно: мускулистыя, угловатыя фигуры, испитые, безъ всякихъ „округлостей“, лица. Позы привычно-усталыя, но и говорящія объ упорной жизненной цѣпкости. Никакой идеализаціи, ни малѣйшей слащавости. Умное и властное лицо главы дома снабжено и черточками жесткости и плутоватости. Угрюмы лица и молодого бѣлобрысаго парня и хозяйственной мамаши, сидящей за самоваромъ. Вся семья — а съ нею заодно и работникъ въ истасканномъ пиджакѣ — въ молчаніи, словно обрядъ совершаетъ — пьетъ чай въ прикуску. Блюдца мѣрно подносятся ко рту, позы у всѣхъ неподвижныя, почти торжественныя... А кругомъ — остатки былого дворянскаго благополучія: блестятъ кресла александровской эпохи изъ краснаго дерева, сіяютъ блики на золотыхъ рамахъ старинныхъ портретовъ, оставленныхъ прежними хозяевами на стѣнахъ. Послѣднія кое-гдѣ уже дали трещины, а въ одномъ изъ угловъ уже прилажена самая „демократическая“ желѣзная печка съ длинной трубой, поднимающейся къ потолку... Эта послѣдняя картина художника, свидѣтельствуетъ о значительномъ техническомъ прогрессѣ. Но не только объ этомъ. Внятно говоритъ эта картина и о томъ, что художникъ (вопреки мнѣнію той поклонницы его дарованія, письмо которой я цитировалъ выше) не измѣняетъ своей „настоящей точкѣ“, остается вѣренъ себѣ и той крестьянской жизни, которая вдохновляла его на протяженіи всѣхъ 25 лѣтъ его дѣятельности. Писалъ онъ и продолжаетъ писать также и портреты. Но это не его спеціальность, не имъ отдаетъ онъ свою душу. Онъ былъ и остается именно пѣвцомъ деревни и прежде всего деревенскаго школьника. Его основная дума это—дума о тѣхъ маленькихъ росткахъ духовной жизни, которые тысячами погибаютъ у насъ, заглушенные, раздавленные всѣми тягостями крестьянскаго существованія, и изъ которыхъ столь немногимъ улыбается судьба, столь немногимъ дано выбраться на поверхность и послужить родинѣ въ мѣру своихъ талантовъ, какъ удалось это самому автору.

*) „Будущему иноку“ предшествовала только одна жанровая картина: „Знахарь“ (написана въ томъ же 1889 г.), удостоенная преміи на конкурсной выставкѣ „Общества Поощренія“.

„Мани-факелъ-фаресъ“.
(Политическое обозрѣніе).

Что такое государство? На этотъ вопросъ авторитетнѣйшіе юристы, историки и соціологи даютъ множество самыхъ противорѣчивыхъ отвѣтовъ. Въ ходячихъ опредѣленіяхъ много спорнаго и сомнительно, но безспорно и внѣ сомнѣній стоитъ только признаніе чисто психологической природы государства. Оно существуетъ только въ умахъ и сердцахъ гражданъ настолько и до тѣхъ поръ, насколько и пока милліоны подданныхъ вѣруютъ въ его правду, исповѣдуютъ его законы и видятъ въ дѣйствіяхъ правительства выраженіе верховной воли народа. Когда эта вѣра начинаетъ колебаться, тогда расшатываются основы государственности. Этико-психологическая сущность государства дѣлаетъ совершенно очевиднымъ тотъ разрушительный прогрессъ, который вноситъ съ собою деморализація правящихъ классовъ въ каждой странѣ. Государства живутъ, пока правящіе классы общества находятся на извѣстной высотѣ, и начинаютъ заживо умирать и внутренно разлагаться, когда умираетъ и разлагается общественная мораль. Политическому паденію и Рима, и Греціи, и всякихъ азіатскихъ деспотій всегда предшествовало длительное паденіе нравовъ.

Міровыя политическія катастрофы незримо подготовлялись безконечнымъ рядомъ мелкихъ слабостей отдѣльныхъ лицъ, невѣдомо для себя подготовлявшихъ своему отечеству судьбу Содома и Гомморы. Кто предугадаетъ, какъ отразится въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ на судьбахъ Французской республики громкій парламентскій скандалъ съ двумя министрами нынѣшняго кабинета — Кайо и Монисомъ, уличенными въ давленіи на правосудіе въ пользу завѣдомаго мошенника Рошетта, обобравшаго десятки тысячъ довѣрчивыхъ людей? Убійство женою министра Кайо журналиста Кальметта, опубликовавшаго изъ интимной переписки ея жизни тѣ строки, которыя относились только къ его парламентской дѣятельности, именно авгурское признаніе, что онъ проваливаетъ подоходной налогъ подъ видомъ энергичной защиты этого законопроекта, и послѣдовавшія затѣмъ парламентскія разоблаченія тяжелой исторіи совмѣстнаго давленія обоихъ министровъ на генеральнаго прокурора Фабра, вынужденнаго согласиться на отсрочку судебнаго разбирательства по дѣлу Рошетта, которая нужна была послѣднему для завершенія его операцій и для благополучнаго бѣгства за границу; наконецъ публичная ложь общественныхъ избранниковъ, подъ честнымъ словомъ открыто съ парламентской трибуны отрицавшихъ существованіе документовъ, которые вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же были оглашены ихъ противниками, — все это свидѣтельствуетъ о современномъ паденіи политическихъ нравовъ Франціи. Можно ли особенно негодовать на стѣсненія свободы суда въ болѣе отсталыхъ странахъ, если даже въ передовой республикѣ избранные полноправнымъ парламентомъ представители правительства властною рукою останавливаютъ ходъ правосудія, дабы обезпечить безнаказанность крупному финансисту-мошеннику, ограбившему публику на десятки милліоновъ?

Въ партійномъ одичаніи современнаго передового французскаго общества правда получила случайное торжество только во имя мелкой партійной злобы и лжи. Слѣдственная парламенская комиссія подъ предсѣдательствомъ соціалиста Жореса всѣми силами старалась обѣлить Мониса и Кайо и, не имѣя возможности скрыть на этотъ разъ самый фактъ министерскаго вмѣшательства въ правосудіе, усиленно подчеркнула въ своемъ заключеніи полное безкорыстіе виновниковъ давленія и ихъ неподсудность уголовному суду за совершенныя явно противозаконныя дѣянія.

По выслушаніи заключеній комиссіи, палата постановила резолюцію, въ которой ограничилась одними платоническими сожалѣніями по поводу того, что финансовыя сферы давятъ на правительство, а правительство оказываетъ давленіе на судъ, и пообѣщала выработать какія-то мѣры противодѣйствія этому сцѣпленію совершенно незаконныхъ давленій, но нисколько не возмутилась преступными поступками своихъ избранниковъ и не пожелала покарать ихъ за посягательство на свободу суда.

Однакоже и надъ ними есть судъ—въ лицѣ общественнаго мнѣнія Франціи. Полномочія нынѣшней палаты истекли, и въ маѣ начнутся общіе выборы депутатовъ. Палата нынѣшняго состава не пожелала осудить Кайо, но не осудитъ ли ее за это страна? Повидимому, господствующая партія радикалъ-соціалистовъ не особенно боится нравственнаго осужденія общества, увѣренная въ томъ, что значительное большинство избирателей отнесется къ разыгравшимся скандаламъ такъ же, какъ отнеслась и палата, т.-е. не съ этической, а съ партійной точки зрѣнія. Самое государство существуетъ только какъ фокусъ, какъ олицетвореніе цѣлой системы морально-правовыхъ понятій и вѣрованій народа, поэтому не можетъ ли разсматриваться массовая отрѣшенность французскихъ политическихъ дѣятелей отъ морали, какъ опасный симптомъ внутренняго забольванія національной французской государственности? Неунывающіе парламентаріи шумно и весело празднуютъ побѣду, а незримая рука какъ бы пишетъ на фасадѣ палаты депутатовъ таинственныя словеса: „мани-факелъ-фаресъ“.

Стабилизаторъ Туртье.

Изобрѣтатель г. Туртье на остановленномъ велосипедѣ.

Изобрѣтатель г. Туртье стрѣляетъ, стоя на неподвижномъ велосипедѣ.

Любопытное приспособленіе, придающее велосипеду недостававшую ему до сихъ поръ устойчивость во время остановокъ. Легкимъ нажатіемъ пружины по обѣимъ сторонамъ задняго колеса опускаются особыя стойки, придерживающія велосипедъ въ состояніи устойчиваго равновѣсія. Какъ видно изъ нашихъ рисунковъ, велосипедистъ можетъ свободно дѣйствовать обѣими руками, что является особенно важнымъ въ военныхъ велосипедныхъ отрядахъ. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ.
(Вопросы внутренней жизни).

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, разработанныхъ Гос. Думой четвертаго созыва, былъ законопроектъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Народные представители прекрасно поняли, что, пока органы управленія остаются совершенно безотвѣтственными передъ судомъ и закономъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить ни о какомъ правовомъ строѣ жизни государства. Русскій патріотизмъ, русское національное чувство не можетъ мириться съ тяжелымъ сознаніемъ, что русская жизнь протекаетъ за гранью цивилизаціи; что нормы закона и права въ ней не играютъ должной роли; что наша родина надолго еще обречена пребывать въ состояніи безсудности, безправія и беззаконія. Не

такъ давно и съ высоты Престола раздался твердый призывъ къ законности. Въ общихъ чертахъ думскій законопроектъ устанавливалъ и гражданскую и уголовную отвѣтственность должностныхъ лицъ за незакономѣрныя дѣйствія, принесшія матеріальный или личный ущербъ потерпѣвшимъ, но Гос. Совѣтъ подвергъ думскія законодательныя предположенія коренной переработкѣ. Смыслъ и значеніе внесенныхъ Гос. Совѣтомъ измѣненій всего лучше охарактеризовалъ съ трибуны Гос. Думы ея лучшій ораторъ по юридическимъ вопросамъ, деп. Маклаковъ.

„Жизнь,—сказалъ онъ:—упразднила существующій у насъ порядокъ гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ. Населеніе знаетъ этотъ порядокъ, но не прибѣгаетъ къ защитѣ своихъ правъ, да и намъ, профессіоналамъ, приходится говорить: „оставь надежду навсегда". Мысль о взысканіи убытковъ, причиненныхъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, есть простая словесная иллюзія. Всѣ такіе иски безнадежны и безполезны, потому что они разбираются не судомъ, а тенденціозно составленнымъ присутствіемъ, въ которое введены лица того самаго административнаго вѣдомства, къ которому предъявляется искъ. Введеніе этихъ административныхъ лицъ поставило судебную коллегію на такую наклонную плоскость, которая называется картиннымъ терминомъ: отказъ отъ правосудія. Другая, не менѣе важная причина—это то, что отвѣтственнымъ передъ обывателемъ является не казна и не государство, которое уполномочило эту власть, а отдѣльный агентъ власти. Государство, надѣляя своихъ агентовъ властью, отвѣчаетъ за ихъ уровень, но въ то же время отказывается платить за нихъ, говоря, что они слишкомъ ненадежные чиновники. Государство предлагаетъ, чтобы за эту надежность отвѣчалъ несчастный обыватель.

Новое зданіе гербарія при Императорскомъ Ботаническомъ саду въ С.-Петербургѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

„Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ, какъ она до сихъ поръ существовала, соотвѣтствуетъ основной чертѣ того строя, когда господствовалъ не законъ, не право, а воля начальства, когда все сводилось къ всемогуществу бюрократіи: всякое должностное лицо было беззащитно противъ своего начальства. Покуда существуетъ этотъ ужасающій третій пунктъ, эта хартія всемогущаго начальства, до тѣхъ поръ чиновникъ беззащитенъ противъ начальства. Другая сторона этого дѣла та, что если чиновникъ пользуется милостью начальства, то ему бояться нечего. Это создало школу, которая научаетъ служить лицамъ болѣе, чѣмъ дѣлу. На юридическомъ языкѣ это называется громкимъ словомъ: административная гарантія. По своей идеѣ она вещь не плохая: кому же дѣйствительно, какъ не начальству, лучше знать своего чиновника? Но на практикѣ административная гарантія стала тѣмъ колпакомъ, который закрываетъ совершающаго преступленіе чиновника не только отъ общества и обывателя, но и отъ суда и прокурора.

„Знаете ли вы, въ чемъ состояли раньше права прокурора? Права были довольно странныя, унизительныя. Если къ прокурору поступала жалоба на преступленіе должностного лица, прокуроръ превращался въ почтальона, который эту жалобу препровождалъ по начальству. Если начальство, изслѣдовавшее это дѣло, не хотѣло вести его, то прокуроръ — блюститель закона — превращался въ просителя, у котораго было одно право: пререкаться съ подлежащимъ начальствомъ и доводить дѣло въ порядкѣ пререканія до разбора его высшимъ начальствомъ. Эти права Гос. Совѣтъ и теперь полностью за нимъ сохранилъ. Судебная комиссія поняла, что если возбужденіе дѣла будетъ зависѣть исключительно отъ начальства, то весь законъ превратится въ пустословіе. И будетъ хуже того, что есть: теперь виноватъ только законъ, а тогда будетъ виновно малодушіе прокурора. Всякій обыватель будетъ въ правѣ сказать прокурору: ты, какъ рабъ лукавый и лѣнивый, не посмѣлъ сдѣлать того, что былъ въ правѣ сдѣлать. Что же нужно сдѣлать, чтобы исправить это? Очень немногое: стоитъ прокурора поставить въ то положеніе, въ которое его поставили незабвенные Судебные Уставы. По обыкновеннымъ дѣламъ прокуроръ обязанъ начать предварительное слѣдствіе тогда, когда къ нему приходитъ потерпѣвшій. Примѣните это къ отвѣтственности должностныхъ лицъ — и тогда вы не поставите прокурора въ то ложное положеніе, въ какое его ставитъ проектъ комиссіи. Если наша власть въ этомъ отношеніи не уступитъ, тогда будетъ по крайней мѣрѣ совершенно ясно, что никакого улучшенія они не хотятъ, что подъ видомъ исполненія Высочайшаго указа Сенату здѣсь куется государственный обманъ.

Послѣ преній Гос. Дума переходитъ къ постатейному чтенію законопроекта и принимаетъ его цѣликомъ съ поправкою Маклакова, предоставляющей прокурору право распорядиться о производствѣ дознанія или же произвести предварительное слѣдствіе съ предувѣдомленіемъ начальства привлеченнаго чиновника. Принимается также поправка прогрессистовъ и к.-д. о выслушаніи не только заключенія товарища прокурора, но и объясненій жалобщиковъ и о предоставленіи должностному лицу права переносить въ дальнѣйшую инстанцію дѣло въ томъ случаѣ, если онъ находитъ возбужденіе дѣла неправильнымъ. Несмотря на возраженія деп. Замысловскаго, по предложенію докладчика деп. Антонова Гос. Дума соглашается на передачу дѣлъ по жалобамъ на должностныхъ лицъ суду присяжныхъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за **„Ниву"** сего 1914 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 3-го мая—съ 18-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: **Несокрушимый оптимистъ.** (Изъ записной книжки священника). Повѣсть **С. Гусева-Оренбургскаго.** — **Пора.** Стихотвореніе **Кн. Я. Андроникова.**—**Неизданный отрывокъ Пушкина.** (Съ примѣчаніями **Н. Лернера**).—**Уличный папа.** Разсказъ **Вас. Брусянина.**—**Старый домикъ.**—**Пѣвецъ сельскаго школьника.** (Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности **Н. П. Богданова-Бѣльскаго**). Очеркъ **М. П. Невѣдомскаго.**—**„Мани-факелъ-фаресъ".** (Политическое обозрѣніе).—**Отвѣтственность должностныхъ лицъ.** (Вопросы внутренней жизни).—**Заявленіе.**—**Объявленія.**

РИСУНКИ: **Подношеніе.—Будущій инокъ.—Пастушки.—Горе. — Пригрѣлись. — На пріемѣ въ школу.—Новые владѣльцы.—Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.—Старый домикъ: 1) Екатерининскія комнаты XVIII вѣка. Стиль Людовика XVI. 2) Елисаветинская комната. Рококо XVIII вѣка. 3) Александровскія комнаты. Русскій ампиръ.—Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), поэтъ и публицистъ.—А. П. Пуни, извѣстный віолончелистъ.—Изобрѣтатель Туртье** (2 рис.).—**Новое зданіе гербарія при Императорскомъ Ботаническомъ саду въ С.-Петербургѣ.**

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 8.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Новый способъ для улучшенія цвѣта лица.

Интересуются ли Ваши читательницы новымъ успѣшнымъ домашнимъ средствомъ, посредствомъ котораго цвѣтъ лица очищается и лицо сохраняется юнымъ?

Этотъ процессъ, измѣнить плохой цвѣтъ лица въ хорошій, состоитъ въ томъ, чтобы удалить тонкій покровъ некрасиваго, сморщеннаго верхняго слоя. Тогда выступаетъ наружу свѣжій, крѣпкій и красивый цвѣтъ лица, находящійся непосредственно подъ нимъ. Много женщинъ примѣняютъ для этой цѣли немного полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ, который они накладываютъ на ночь, какъ кольдъ-кремъ. Онъ дѣйствуетъ пріятно и всасываетъ завядшій верхній слой въ микроскопически малыхъ пылевыхъ частицахъ.

Точно также можно поступить и съ потрескавшимися жесткими и покраснѣвшими руками, а такъ какъ этотъ способъ простъ, дешевъ и успѣшенъ, то онъ и является въ широкихъ кругахъ самымъ излюбленнымъ. Для достиженія же совершеннаго успѣха, слѣдуетъ предварительно умыться теплой водой съ хорошимъ мыломъ и хорошенько вытереться.

Этотъ методъ можно примѣнить дома, безъ вѣдома другихъ, и я часто наблюдала при этомъ очень хорошіе результаты.

Вы можете въ каждой аптекѣ получить полукрѣпкій Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ, и количества приблизительно въ 30 граммъ достаточно, если Вы хотите на себѣ произвести этотъ интересный опытъ. Женщина выглядываетъ значительно моложе, если она обладаетъ хорошимъ, чистымъ и натуральнымъ цвѣтомъ лица.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка:

„Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ". Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка.

За справками обращаться въ С.-Петербургъ, почт. ящ. 371. 2767

КАРТАВОСТЬ.
ЗАИКАНІЕ
Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ.** Москва, ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію— 5 руб. съ пересылкой.

КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ въ ВЕРХНЕЙ АВСТРІИ.
2776 **Первоклассныя іодо-бромистыя купанья.** 4.I
Старѣйшій и цѣлебнѣйшій іодистый источникъ Европы. Сезонъ съ 1 мая по 1 октября. Свѣдѣнія и проспекты высыл. дирекція правительств. лѣчебн. завед. въ купаньи Галль. Санаторія д-ра фонъ-Герстеля открыта круглый годъ.

Вкусенъ какъ конфектъ. 2775

Скавулинъ — любимое слабительное тѣхъ, чье здоровье слабо. Глотать Скавулинъ также пріятно, какъ конфектъ. Кромѣ того, такъ какъ Скавулинъ — препаратъ изъ растительныхъ веществъ, онъ дѣйствуетъ мягко, пріятно, не раздражаетъ, не вызываетъ тошноты, не повышаетъ температуры.

СКАВУЛИНЪ

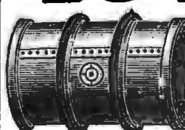
Требуйте только
Скавулина—Габлена.

Это убиваетъ боль. Рецептъ, который совершенно безплатенъ.

„Я долженъ удостовѣрить это на основаніи опыта,—говоритъ одинъ благодарный паціентъ, — и я увѣренъ, что кто только воспользуется этимъ рецептомъ, согласится со мной. Я могу сказать, что до самаго недавняго времени я въ продолженіе многихъ лѣтъ не зналъ ни одного дня безъ ужаснѣйшихъ болей. Теперь я положительно убѣдился, что этотъ рецептъ даетъ вѣрную помощь независимо отъ того, происходитъ ли боль отъ ревматизма, подагры или невралгіи".

Я понялъ изъ краткой замѣтки, что рецептъ можетъ быть выполненъ въ каждой аптекѣ, а написанъ онъ былъ такъ: „возьмите 60 гранъ Кефалдола-Сторъ въ таблеткахъ, примите 2 таблетки немедленно и каждый часъ по одной, пока боли не прекратятся". Такъ я самъ поступилъ и такъ совѣтую поступить каждому страдающему. Кефалдолъ-Сторъ превосходно дѣйствуетъ также противъ инфлуэнцы и простудныхъ заболѣваній. 2766

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!
БОЧКИ

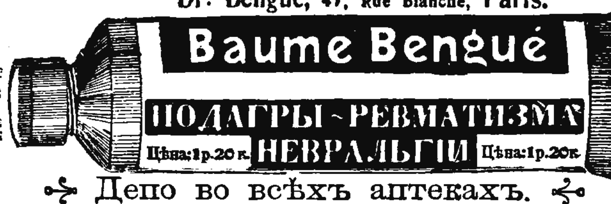


желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ
Г. РЮЛИНГЪ.
Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья.
(87) Прейсъ-курантъ безплатно. 2760

LOTION DEQUEANT
ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ
Умыванье Людвига Декан̃ъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ. Письменно и лично: L. DEQUEANT, Ph^ien, 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и подѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

Sarg'a
KALODONT - КАЛОДОНТЪ
необходимый
ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

ВСЕ ЛУЧШЕЕ! ВСѢ НОВОСТИ!
ТРЕБУЙТЕ
новѣйшій только-что вышедшій иллюстрирован
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Оружейной
ФАБРИКИ
А·Н·ЕВДОКИМОВА
Ижевскій Оружейный Заводъ Вятской губ.
ТОРГОВЦАМЪ ОГРОМНАЯ СКИДКА
ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ №11
САМОЕ КОЛОССАЛЬНОЕ ПРОИЗВ. ВЪ РОССІИ



Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.
Baume Bengué
ПОДАГРЫ-РЕВМАТИЗМА
НЕВРАЛЬГІИ
Цѣна: 1 р. 20 к.
Цѣна: 1 р. 20 к.
Депо во всѣхъ аптекахъ.

ПАВЕЛЪ БУРЕ
Поставщикъ Двора
Его Величества
СтПЕТЕРБУРГЪ: Невскій пр. 23
МОСКВА: Кузнецк. м. уг. Неглинн.
СОБСТВ. ФАБРИКИ
СОБСТВ. ФАБРИКИ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106
БЕЗПЛАТНО.

La Feuilleraie
Парфюмеріи
Гельди
Парижъ.

Духи La Feuilleraie поражаютъ своей безподобной свѣжестью

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ

Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 106—7. С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 1581 (14

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ГАРАНТИРОВАННАЯ
надежно дѣйствующая

ПОМАДА ОТЪ ПЕРХОТИ.

Для полнаго уничтоженія перхоти достаточно втирать въ кожу эту Ауксолиновую помаду 2—3 раза (по одному разу въ день).

ЦѢНА 1 р. 25 к.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ.
Парфюмеры 1709 6-6
ВЪ КАРЛСРУЭ.

АНАПА-КУРОРТЪ

Климатич. станція на берегу Чернаго моря. **Прекрасное морское купанье.** Виноградное лѣченіе. Золотой песчаный пляжъ, здоровая мѣстность, отсутствіе лихорадокъ. Съ 1-го мая по 1-е ноября открыты:

ЛѢЧЕБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ Д-ра В. А. БУДЗИНСКАГО

награждены золотыми медалями на Всероссійской Гигіенической выставкѣ и выставкѣ „Русская Ривьера“ въ 1913 году.

САНАТОРІЯ, ВОДОЛѢЧЕБНИЦА и ГРЯЗЕЛѢЧЕБНИЦА

въ возвышенной части города, для лѣченія физическими методами болѣзн. желудка, кишекъ, привычныхъ запоровъ, геморроя, малярія, неврастеніи, ревматизма, нарушенія обмѣна веществъ, хронич. страданій матки и ея придатковъ и пр. Полный пансіонъ съ лѣченіемъ отъ 100 до 225 руб. по I классу и отъ 75 до 100 руб. по II-му классу (общія палаты). На „Золотомъ Пляжѣ“ **Ортопедическій Институтъ съ санаторіей „Бимлюкъ“**, находящ. въ завѣдыв. ассистента Ортопед. клиники военно-медицинской академіи д-ра **А. К. Шенка**, при консультаціи проф. той же клиники **Г. И. Турнера** и ассистента дѣтской клиники д-ра мед. **М. Ф. Руднева.** Открыты для лѣченія: рахита, малокровія, золотухи, всевозможныхъ страданій костей и мышечн. системы, искривленія костей и проч. ортопедич. болѣзн. Преимущ. примѣняются физич. методы лѣченія, а также разнаго рода повязки и аппараты. Плата по I классу отъ 100 до 250 руб., по II классу отъ 75 до 125 руб. 2682 2-2

СЕМИГОРСКІЙ ІОДОЩЕЛОЧНОСОЛЕНЫЙ ИСТОЧНИКЪ

тождественный Ессентукамъ № 17 **съ санаторіей „Лучезарная“** для лѣченія: желудочно-кишечн. страданій, болѣзн. сердца, легочныхъ въ начальной стадіи, артеріосклероза, золотухи и страд. мочеполов. органовъ. Ѣхать на Керчь или Новороссійскъ, затѣмъ пароходомъ до Анапы, или черезъ Ростовъ, Тихорѣцкую до ст. Тонельной. Справки: Анапа у д-ра В. А. Будзинскаго и въ С.-Петербургѣ у д-ра Шенка, Саперный пер., 16.

ГОРОДСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Фридбергъ у Франкфурта на Майнѣ. 2750 2-3

Дипломъ Инженера-Механика, Электро-техника, Строителя и Путей Сообщенія выдается послѣ трехлѣтняго обученія. Программы занятій и условія пріема можно получить черезъ Секретаріатъ Института.

Акціонернаго Общества **„Н. ФЕТТЕРЪ и Е. ГИНКЕЛЬ“.**

МОСКВА, Театральный проѣздъ, д. № 2. **Единственныхъ** для всей Россіи **представитей** механическихъ оружейныхъ заводовъ: **И. П. Зауеръ и Сынъ** въ Зулѣ, **Маузеръ** въ Оберндорфѣ и **Національной** фабрики военнаго оружія въ Гершталь-Льежѣ. **Поставщики Императорскаго Общества Правильн. охоты и его Новгородско-Тверского Отдѣла. Цѣны внѣ конкуренціи! Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.**
2623 2-2

НЕ ГОРЮЙТЕ о ВАШИХЪ ВОЛОСАХЪ

УХАЖИВАЙТЕ ЗА НИМИ!

Во всѣхъ аптекарск. магазинахъ продается врачебно-косметическій препаратъ **„Тіопинолъ для мытья головы“**, который быстро устраняетъ перхоть, прекращаетъ выпаденіе волосъ и дѣлаетъ волосы замѣчательно мягкими, пышными и удобными для прически.

Испытайте даромъ! За указаніе адреса аптекарск. магазина, гдѣ Вы покупаете, я вышлю Вамъ брошюру **„Гигіена волосъ“** и пробный пакетъ безплатно. П. Вегенеръ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 3—Н.
2702 3-2

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческ. образованіе. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ. Обширная программа. СТЕНОГРАФІЯ. Разсрочка. АТТЕСТАТЪ. Проспектъ безплатно. СПБ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи“ Р. 2756

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

1216 12-4

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

1671 Тысячи благодарностей. 6-5

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ

Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ“, въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“ высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на почтовые и другіе расходы (заказнымъ 28 коп.; налож. плат. НЕ высылается).

БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.

Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ иногороднимъ письменные совѣты. Плата 50 к.

Народный лѣчебникъ Дерикера, 4-е изд. Цѣна 1 р.

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужч. и женщ. вылѣч. навсегда въ 10 дней испыт. вѣрн. средств. мазь „ГЕМОРЕНЪ“ проф. „ГУЧАРДЪ“. Парижъ. Цѣна 1 банки съ перес. 2 р. 50 к. высыл. нал. платеж. Адр. Главн. Представ. Блюштейнъ, Лодзь, Н. Каменная, 3. 2694 3-2

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. А. Вейссъ, Вѣна. Австрія. I. Адлергассе, 8. 12-7 2523

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Проф. Каллиграфіи Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6, отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223 14. 2292

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. Д. РОДЖЕРСЪ, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (7)

ВАТТЪ ВАТТЪ ВАТТЪ !

1-2

Велосипеды „ВАТТЪ“

признаны лучшими въ мірѣ по своей прочности, элегантности и пригодности для самыхъ тяжелыхъ дорогъ. Цѣны весьма дешевыя. Русскій катал. № 56 высыл. по требов. безплатно.

О-во Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68

ОТДѢЛЕНІЕ МОСКВА

Мясницкая 22, Банк. пер. ТЕЛЕФОНЪ 357—79.

6635

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 22- стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. Цѣна 60 коп. (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (21)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

НАЙВЫГОДНѢЙШЕЕ ПРИМѢНЕНІЕ ДАРОВОЙ СИЛЫ для МЕЛЬНИЦЪ и ВОДОКАЧЕКЪ. ВѢТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ ИНЖЕНЕРА ДАВЫДОВА. МОСКВА; ЗАВОДЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА. КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО. ЦѢЛОСТЬ ДВИГАТЕЛЕЙ ПРИ БУРЯХЪ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

2768

3000

руб. ежегодно можетъ зараб. каждый черезъ прин. нашей агентуры. Особой спеціальнос. и не требуется. Предложенія, которыя могутъ быть и на русскомъ языкѣ, просятъ адресовать:

Экспортный Домъ МЫРА

Миланъ (Италія), почт. ящ. 1044. Письмо въ Италію оплачивать: открытое 4 коп., закрытое 10 коп. 2744 2-1

!! РУБЛИ ПО ЧЕТВЕРТАКУ !!

Вмѣсто 20 р. только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к.

6 стол. ножей сам. лучш. констр.
6 „ вилокъ „ „ „
6 „ ложекъ „ „ „
6 чайн. ложекъ „ „ „
1 большая разливн. ложка. 2488
1 ситечко для разливки чая. 3-3

Всего 26 шт. Этотъ комплектъ изъ мексиканскаго сер. стоилъ раньше 25 р., теперь же только 5 р., лучш. сортъ 7 р. 50 к. Мекс. сер. насквозь бѣл. металлъ, сохр. свой цвѣтъ въ теченіе 25 лѣтъ. Высыл. нал. плат. по почтѣ безъ зад. За перес. присчитывается въ Сиб. 95 к., при заказѣ 3-хъ комплект. пересылка наша. Не понрав. — возвр. деньги. Адр.: Лодзь, Торг. Дому ЛЬВА РУБАШКИНА. Н.

Имѣющіе лодки

могутъ ее въ нѣсколько минутъ превратить въ моторную лодку при помощи нашего внѣбортнаго мотора „ВАТТЪ“, снабж. 2½ лош. сил. и 4½ лош. силъ.

Об-во Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68.

ОТДѢЛЕНІЕ МОСКВА

Мясницкая 22, Банковскій переул. ТЕЛЕФОНЪ 357—79.

Требуйте каталоги № 8.

2707 2-1

Пользующійся всемірной извѣстностью „ЗИМИ“ (жидкость)

придаетъ лицу красоту и нѣжный юный видъ, устраняя въ самомъ короткомъ времени угри, прыщи и всякія нечистоты кожи. Цѣна флакона 1 р. 70 к. съ пересылкой, налож. платежомъ 2 р. 15 к. (можно почтовыми марками). 2258 15-12

Представитель Іосифъ Гроссманъ, Варшава, Золотая, №16.

МНОГО ЛЮДЕЙ ПОПРАВИЛО СВОЕ ЗДОРОВІЕ и СОХРАНИЛО ТАКОВОЕ БЛАГОДАРЯ УПОТРЕБЛЕНІЮ

ПИЛЮЛЬ Д-ра КОВЕНА

(парижскихъ)

Общеизвѣстныя съ давнихъ временъ. Очищаютъ кровь и регулируютъ функціи кишекъ. Приносятъ всегда облегченіе.

ПИЛЮЛИ КОВЕНА

можно получить во всѣхъ большихъ аптекахъ и въ ПАРИЖѢ, Fg. St. DENIS 147.

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ

въ Оружейномъ складѣ Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ, Москва, Тверская, д. № 15, близъ Газетнаго пер. ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ по доступнымъ цѣнамъ. НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРѢШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости.

2763 9-1

1677 13-11

КАРПИНСКАГО

Бенгальскій Бальзамъ

Анэстезирующій.

Средство противъ невралгіи, ревматизма, мигрени, ишіаса, зубной боли и болей всякаго рода. Слѣдуетъ натереть бальзамомъ заболѣвшее мѣсто и наложить тонкій слой ваты.)—(Цѣна коробки 90 коп. Химико-Фармацевтическая Лабораторія Акц. Общ. „Фр. Карпинскій“ въ Варшавѣ, улица Электоральная, № 35.

Въ С.-Петербургѣ получить можно: 1) въ Первой Женской Аптекѣ А. В. Лесневской, Невскій просп. № 32. 2) въ Русскомъ Общ. Торговли Аптекарскими Товарами, ул. Казанская, № 12. 4-4 2708

КУРОРТЪ и ЛѢСНАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦІЯ ПОГУЛЯНКА,

собственность графа И. Г. ПЛЯТЕР-ЗИБЕРГА.

Сезон с 1-го мая по 1-е сентября. Мѣстность вполнѣ здоровая. Старый сосновый бор (3.000 дес.) на выс. бер. Зап. Двины, въ 7 верст. отъ гор. Двинска. Сообщеніе 3 пароход. и моторными лодками. Кумыс. кефир. Вновь построен. водолѣчебница (души высок. давленія, минер., соснов., углекислыя, электр., грязевыя, суховоздушн. ванны). Luftbad по сист. д-ра Ламана. 3 пансіона от 2 р. до 5 р. 50 к. с полным продовольствіем и медиц. надзором. Суточныя исключительно за квартиры до 30 мая и съ 15 августа за половинныя цѣны. Первая консультація 3 и 5 р. Для пріѣзжающих отдохнуть — пансіон-гостиница. 105 дач-особняков от 3 до 10 комн., съ полн. обстановкою и посудою, от 150 р. до 500 руб. При каждой дачѣ имѣется ледник.

Парк, кургауз, театр, музыка, рѣчныя купанья. Skating-Ring на открытом воздухѣ. Парк и всѣ дороги освѣщ. электричеством. Глазная лѣчебница приват-доцента Ноишевскаго. Консультанты—профессора Имп. Воен.-Мед. Академ. За справками обращаться к администраціи курорта: Ликсна, Витебск. губ., Погулянка, или въ Петербургѣ к завѣдывающему врачу курорта, приват-доценту Имп. Воен.-Медиц. Ак. С. Д. Владычко, Нижегородская, 10-Б, угол Нюстадской. 2633

ЕСЛИ

ЗУДЪ КОЖИ

безпокоитъ Васъ такъ, что Вы чешетесь до крови и не находите сна, употребляйте 2773

ТІОПИНОЛОВУЮ Д-ра МАТЦКА МАЗЬ изъ БРАУНШВЕЙГА.

Она быстро дастъ Вамъ облегченіе. Вѣрное средство отъ экземы, чесотки, лишаевъ, прыщей и др. накожныхъ болѣзней. Банка 1 р. 75 к., 3 банки 4 р. 75 к. Въ аптек. и аптекар. маг. Гл. Скл. Н. Вегенеръ, С.-Петербургъ, Невскій, 3—Н.

Не боитесь ли Вы признаковъ старости?

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ СТАРѢЮТЪ.

Хотите ли Вы возвратить Вашимъ волосамъ цвѣтъ молодости?

Тогда употребляйте

КРАСКИ ДЛЯ ВОЛОСЪ В. ЗЕЕГЕРА

помощью которыхъ Вы простымъ и легкимъ способомъ сразу достигнете Вашей цѣли.

Предлагается также средство, названное НЮАНСИНЪ, дѣйствующее **медленно и незамѣтно** для окружающихъ.

Всемірно извѣстная спеціальность фирмы отъ 30 лѣтъ.

Безвредность всѣхъ препаратовъ гарантирована. Получать можно во всѣхъ Аптекарскихъ и Парфюм. Магазинахъ.

Главный складъ для Россіи: В. ЗЕЕГЕРЪ, Варшава, Журавлиная, № 31.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричное клеймо „Легучая рыбка". 2778 2-1

Мы требуемъ отъ мужчинъ, чтобы они были здоровые, сильные, энергичные, способные, умные, развитые и богатые.

Мы требуемъ отъ женщинъ, чтобы онѣ были умныя, красивыя, нѣжныя, изящныя, добрыя и здоровыя.

Мы требуемъ отъ матерей, чтобы дѣти ихъ были здоровыя, сильныя, красивыя, умныя и способныя.

Мы требуемъ отъ отцовъ, чтобы они были здоровые, добрые, внимательные, состоятельные и способствовали хорошему воспитанію ихъ дѣтей.

Какъ же достичь высшаго человѣческаго блага?

Почему? Одни богатые, другіе бѣдные?
Одни умные, другіе глупые?
Одни обладаютъ колоссальной памятью, другіе весьма ограниченной?
Одни сильные и здоровые, другіе слабые и хилые?
Одни энергичные, другіе не энергичные?
Одни обладаютъ выдающейся способностью, другіе совершенно неспособные?
Одни счастливые, другіе несчастные?
Одни занимаютъ выдающееся положеніе, другіе влачатъ жалкое существованіе?
Одни обладаютъ сильной волей, другіе безвольные?
Одни добрые, другіе злые?
Одни красивые, другіе уродливые?

Почему все это происходитъ?

Эти вопросы поставлены нами въ первый разъ и Вамъ конечно, трудно отвѣтить.

На всѣ вопросы мы дадимъ не только точный отвѣтъ, и не только объяснимъ, почему все это происходитъ, но и укажемъ вѣрный путь къ достиженію высшаго человѣческаго блага. Мы научимъ Васъ: быть здоровыми, сильными, богатыми, умными и счастливыми.

Мы дадимъ Вамъ все то, что Вы сами себѣ желаете.

Мы не собираемся отнимать у Васъ даромъ время, или вводить Васъ въ заблужденіе гипнотизмомъ и внушеніемъ. Наше предложеніе добросовѣстное и честное. Мы не просимъ ни денегъ ни марокъ. Сообщите намъ только точный, разборчивый Вашъ адресъ и Вы получите отъ насъ немедленно отвѣтъ на всѣ интересующіе Васъ вопросы, совершенно **безплатно**.

Нашъ адресъ: **„Т-во ОРДО", С.-Петербургъ, Коммерческій 56.—К. 11.**

2710 3-8

УЧАЩИМСЯ,

пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. Н. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главн. произвед., темы и планы (содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир. произведенія). Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій, на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность пріобрѣсти каждому—назначены доступныя цѣны по 30 и 40 коп. за каждое. Высылаются наложен. плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (С.-Петербургъ, Разъѣзжая, **14—А.**) на сумму не менѣе двухъ рублей, за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельной подготовки и для самообразованія книга:

КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ ц. 50 к., съ перес. 75 к.

За двѣ семи коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 2781

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ

АРТИСАЛЬ

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз. 18-6 2569

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ

Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. **Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе, 30.** 2718 6-3

Безплатно

раздается и высылается желающимъ только-что вышедшая брошюра **„ГИГІЕНА НОГИ".**

Практическіе совѣты для лѣченія **искривленій, плосконожія, мозолей, накостницъ** и пр. 2785

КОНСТ. МАЛЬЦЪ,
С.-Петербургъ, Морская, 34—Н.

УХОДЪ ЗА ТѢЛОМЪ
по „Системѣ" Мюллера, всемірно извѣстн. гигіениста, скоро дастъ вамъ

Здоровье и Красоту

Новѣйш. книги, изд. авторомъ, **съ конкурсами красоты:**
„Моя Система"
1) для мужчинъ, съ кинем. илл.; 2) для дамъ—по 1 р.
Для дѣтей:
3) до 5 л., 4) отъ 5-17 л.-по 75 к., нал. плат. на 25 к. дороже высылаетъ **Изд-ство „Здоровье и Красота"**, Москва. Елоховская, 4/1

2784

МЫЛО

СУЛЬФИДАЛЬ

1-го Московскаго Института Врачебной Косметики было 6 разъ экспонировано на международныхъ гигіеническихъ и промышленныхъ выставкахъ и получило 6 разъ GRAND PRIX (Парижъ 1910, Римъ 1911, Лондонъ 1911, Генуя 1912, Римъ 1913 и Лондонъ 1913), такъ какъ оно оказалось лучшимъ при выпаденіи волосъ отъ сухой перхоти **(Pityriasis)** и отъ жирной **(Seborrhea).** Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по **75 к.** кусокъ; на подлинныхъ кускахъ латинская надпись: **SULFIDAL**, а на оберткѣ полный адресъ Института:

Москва, Садовая-Тріумфал., д. 13.

2704 3-2

фото-

графическіе **аппараты** продаются

ВЪ РАЗСРОЧКУ

Т./Д.

ЛОРЕНЦЪ и К°.

Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42.

Прейсъ-курантъ и условія разсрочки безплатно. 2408 19-7

„Діана". ПИТОМНИКЪ И ТОРГОВЛЯ ПОРОДИСТЫМИ СОБАКАМИ

Wideburg & Co. Eisenberg S.-A. (Германія).

Поставщики европейскихъ и внѣевропейскихъ Дворовъ и многихъ княжествъ. 2760

Продажа **ВСѢХЪ ВИДОВЪ** чистокровныхъ породистыхъ собакъ отъ **миніатюрной комнатной** и до **громадной сторожевой**, а также всѣхъ породъ

ОХОТНИЧЬИХЪ СОБАКЪ.

Пересылка во всѣ мѣстности съ ручательствомъ за доставку въ здоровомъ состояніи во всякое время года. Выгодныя условія. **Роскошн. иллюстр. каталогъ 50 коп. почтов. марками.** Пр.-Кур. А безпл. и франко. Все на русск., франц. и нѣмецк. яз. Простыя письма за границу оплачиваются 10 к. почт. марк.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

(PROCTOL-POEHL)

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Васъ всѣ полюбятъ. Наша новая книга подъ заглавіемъ: **„УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ“** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974, **Г. Давыдову.** 2777

Утвер Мин. Торг. и Пром. за № 4018. Германскій патентъ № 386226.

Поддѣлка преслѣдуется закономъ

Это новоизобрѣтенный рисовальный аппаратъ, которымъ въ состояніи всякій, не имѣвшій до сего времени даже понятія о рисованіи, срисовать съ натуры въ точности любое лицо, фигуру, домъ, ландшафтъ и т. под. Имъ рисуютъ въ любое время, какъ днемъ такъ и вечеромъ при лампѣ. **ХРИСТАЛЛОГРАФЪ** необходимъ всякому рисующему, какъ любителю такъ и профессіоналу, являясь лучшимъ научнымъ подаркомъ для лицъ всякаго возраста. **ХРИСТАЛЛОГРАФЪ** высылается со всѣми принадлежн. и точн. иллюстриров. руковод. съ упак. въ ящикѣ за 4 руб. налож. плат. Въ особо изящн. отдѣлкѣ на 1 р. дороже. Перес. по почт. тарифу въ Европ. Рос. 55 к., Сибирь, Закасп. край 95 к., за Байкалъ 1 р. 37 к. Въ Сибирь и Закасп. край безъ задатка не высылается.

Главный представитель 2787 **В. А. СОКОЛОВЪ.** Магазинъ СПБ., Лиговская ул., 125—50.

ДАРОМЪ почти высылаемъ часы и драгоцѣнности. Сообщите адресъ Т-ву **„Верумъ“**, Варшава, почт. ящ. № 565.

Грязе-лѣчебное заведеніе, Куяльницкій Лиманъ

3-1 2783

И. К. РОГОВСКОЙ, бывш. д-ра Яхимовича, открытъ съ 15 мая по 15 сентября.

Грязевыя и соляныя ванны. Квартиры съ полнымъ пансіономъ. Новая администрація. Образцовая кухня и прислуга. Каталоги и подробности по желанію высылаются безплатно. Съ требов. обращаться: Одесса — Куяльницкій Лиманъ, Э. С. Плавскому.

ВСЕМІРНО ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „Ормондъ“

пользуются большими симпатіями и распространеніемъ, ибо отличаются изяществомъ отдѣлки, небывалой выносливостью и легкостью хода. На велосипедахъ „Ормондъ“ ѣздятъ чемпіоны міра: Фріоль, Бадеръ и т. д. и мѣстные чемпіоны, какъ: Грончевскій, Ткачикъ и т. д. На 100 встрѣченныхъ велосипедовъ оказывается 90 шт. марки „Ормондъ“. Исключительно удобныя условія разсрочки отъ **3 руб. 50 коп.** въ мѣсяцъ. Цѣны доступныя. Прейсъ-куранты безплатно. Главная контора и Управленіе для Царства Польскаго и Имперіи: Торговый домъ Ормондъ, **Варшава**, Нов.-Свѣтъ, 72. Фабричные Склады: **Москва**, Смоленскій Рынокъ, № 17. **Кіевъ**, Николаевская, № 3. 2780 **Лодзь**, Променадная, № 40. 5-1

РОДИТЕЛИ!!! Если Вы желаете доставить Ваш. дѣтямъ постоянное дешев. удовольствіе, закажите немедл. нашъ безплат. иллюстр. проспектъ „научной новости“. Адресовать (4 коп. откр.) на русск. языкѣ. Германія, г. Берлинъ, 6-2 Панковъ, Лагеркарте, № 15. 2719

Фотографич. снимк., подобно нашим по исполненію не получите **ни у кого!!** Роскошн. каталог с **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаем **только по полученіи 95 коп.** почтов. рус. марк. Корресп. на русск. яз. **Charles** 3-1 **Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A 29.** 2786

ОХОТНИЧЬЯ ОБУВЬ

абсолютно непромокаемая кожаная и брезентовая. Поставщика ИМПЕРАТОРСКАГО О-ва охоты

Т. С. ПРИВЕЗЕНЦЕВА, МОСКВА, Покровка, д. № 4—Н.

фирма существуетъ съ 1889 г. 2771

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Grand-Prix Парижъ, Лондонъ, Флоренція. **До 30 медалей.**

Старорусскія минеральныя воды.

Ближайшій отъ Петербурга и Москвы курортъ.
Сезонъ съ 20 Мая по 20 Августа.

Лѣчебныя средства: Соляныя, Соляно-хвойныя и грязевыя ванны. Мѣстное грязелѣченіе. Водолѣченіе. Электричество. Ингаляція. Кумысъ и кефиръ.

Успѣшно лѣчатся: болѣзни обмѣна веществъ, ревматизмъ, подагра, золотуха и пораженія железъ, болѣзни костей, суставовъ и мышцъ, выпоты воспалительнаго происхожденія, невральгія, нѣкоторые виды параличей, женскія болѣзни и мн. др.

Сообщеніе съ курортомъ по желѣзн. дор.: Петербургъ-Царское Село-Дно-Русса (безъ пересадки); Петербургъ-Чудово-Русса (пересадка въ Чудовѣ); Москва-Бологое-Валдай-Русса (безъ пересадки); Витебскъ-Дно-Русса (пересадка на ст. Дно); пароход. сообщ. отъ ст. Волховъ, Ник. ж. д.—Русса.

Новый путеводитель: „Старорусскія минеральн. воды“ можно получить во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ для справокъ: г. Ст.-Русса, Новг. г., Управленіе минер. водъ.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ С.-Петербургѣ.

Исторія Искусствъ (архитектуры, скульптуры, живописи и проч.) **Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.** Въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи **П. П. Гнѣдича.** 3-е изданіе. Въ 3-хъ объемистыхъ томахъ (болѣе 2.000 стр.), in quarto, отпечатанныхъ компактнымъ, четкимъ шрифтомъ, на хорошей плотной бумагѣ, и заключающихъ болѣе 2.000 рисунк. и около 80 отдѣльныхъ приложеній — художественно-исполненныхъ хромолитографій (печатанныхъ въ 18—25 красокъ) и рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ. Цѣна изданія въ 12-ти выпуск. **15 р.**, съ перес. **16 р. 50 к.**; въ 3-хъ прочныхъ перепл.— **20 р.**, съ перес. **22 р.**

Полевой, П. Н. **ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,** полная, подробная, въ общедост. изложеніи. Роскошно-иллюстр. изданіе in quarto въ 3 томахъ, заключающихъ въ себѣ VIII+2013 стр. 953 рисунка (рис., снимки, портреты, автографы и проч.), 19 хромолитографій, отпечат. красками и золотомъ, и 38 отдѣльныхъ цинкографич. приложеній. Цѣна изданія: въ 12-ти выпускахъ— **12 р.**, съ перес. **13 р. 50 к.** Въ 3-хъ коленк. переплетахъ съ кожан. корешкомъ—**17 р.**, съ перес. **18 р. 50 к.**

Шницеръ, Я. Б. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ПИСЬМЕНЪ“.** Съ 155 рис. и 19 отдѣльн. таблицами, печатанными золотомъ и красками. Предлагаемое сочиненіе—первая въ нашей литературѣ попытка въ общепонятномъ изложеніи дать полный обзоръ всему, что добыто наукой по вопросу о происхожденіи и развитіи письменности у различныхъ народовъ земного шара. Изящно изданная, отпечат. на веленев. бумагѣ, книга въ больш. 8 д. л. Цѣна **4 р.**, съ перес. **4 р. 50 к.**; въ перепл. **4 р. 50 к.**, съ перес. **5 р.**

Іегеръ, О. **„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ“.** Роскошно-иллюстр. изданіе въ 4 томахъ. Около 2600 стр. текста большого 8°, около 1000 художественно-исп. гравюръ, 80 отдѣльн. приложеній, отпечат. золотомъ, серебромъ и красками, около 40 историч. картъ и плановъ. Переводъ **П. Н. Полевого.** — 4 изданіе пересмотр. и исправл. **Л. З. Слонимскимъ. Цѣна 4 томамъ — 15 р.**, съ перес. **16 р. 50 к.**; въ 4-хъ перепл. — **20 р.**, съ перес. **21 р. 50 к.**

Гоголь, Н. В. **„ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ“.** Поэма въ 2-хъ частяхъ. Роскошное изданіе in folio, съ портретомъ автора, 10 геліограв. и 355-ю иллюстр. художниковъ: Андреева, Афанасьева, Бажина, Быстренина, Далькевича, Козачинскаго, Маньковскаго, Пирогова, Самокишъ-Судковской, Соломко и Хохрякова. **Цѣна 12 руб.**, съ перес. **13 руб.**; въ перепл. **16 руб.**, съ перес. **17 руб.** Цѣна обыкновен. изданія безъ иллюстрацій **1 руб.**, съ перес. **1 р. 30 к.**; въ перепл. **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 70 к.**

Гёте. **„ЛИСЪ ПАТРИКѢИЧЪ“.** Поэма въ 12 пѣсняхъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе in folio. Съ 36-ю эстампами на мѣди и 24-мя гравюрами по рис. **В. Каульбаха.** Перев. **В. С. Лихачова.** Внѣшность изданія: бумага, печать и воспроизведеніе иллюстрацій не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣна **12 р.**, съ перес. **12 р. 75 к.**; въ перепл.— **16 р.**, съ перес. **17 р.**

„Леонардо-да-Винчи“ **А. Л. ВОЛЫНСКАГО.** Роскошн. изданіе in quarto, съ 6-ю геліогравюрами, 34 хромо-автотипіями и 250 автотипіями. Книга А. Л. Волынскаго является первымъ на русскомъ языкѣ обширнымъ изслѣдованіемъ дѣятельности Леонардо-да-Винчи, обнимая и **жизнь**, и **художественное творчество**, и **научно-философскія его работы.** Большой томъ въ 722 стр. Цѣна **12 р.**, съ перес. **12 р. 75 к.**; въ перепл. **14 р.**, съ перес. **15 р.**

Каштанка. Разсказъ **А. П. Чехова.** Роскошно-иллюстр. изданіе съ 55 рис. **Д. Н. Кардовскаго,** въ большую 4-ю д. листа на великолѣпной бумагѣ. Цѣна **2 р. 50 к.**, съ перес. **2 р. 80 к.**; въ перепл. **3 р.**, съ перес. **3 р. 50 к.**

„Непокупное“. Повѣсть. **П. Н. Полевого** съ 55-ю рис. **Е. П. Самокишъ-Судковской.** Цѣна **2 р. 50 к.**, съ перес. **2 р. 80 к.**; въ перепл. **3 р.**, съ перес. **3 р. 50 к.**

„Отрокъ-мученикъ“. **Углицкое преданіе.** Повѣсть **В. М. Михеева.** Съ 30-ю рисунками **Нестерова, Сурикова** и **Бемъ.** Цѣна **2 р. 50 к.**, съ перес. **2 р. 80 к.**; въ перепл. **3 р.**, съ перес. **3 р. 50 к.**

Кони, А. Ѳ. **„Ѳ. П. ГААЗЪ“.** Біограф. очеркъ. Большое роскошно иллюстр. изданіе in quarto. Съ портретомъ, 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рис. **Е. Самокишъ-Судковской.** Цѣна **3 руб.**, съ перес. **3 р. 50 к.**; въ роскошномъ переплетѣ **4 р.**, съ перес. **4 р. 50 к.**

Шишкинъ, Ив. Ив., проф., **„60 офортовъ“,** собственноручно травленныхъ художникомъ на мѣди, съ прилож. портрета Ив. Ив. Шишкина. Альбомъ заключенъ въ роскошную папку, тисненную золотомъ и красками. Цѣна альбома: 1) на эстампной бумагѣ—**25 р.**, 2) на китайской бумагѣ— **50 р.** и 3) на японской бумагѣ — **100 р.** За пересылку въ Европ. Россію—**1 р.**, а въ Азіатск. Россію за 15 фунт.

„Сказки“, собранныя **Бр. Я. и В. Гриммами.** Перев. подъ ред. **П. Н. Полевого.** 2-ое изд. со множествомъ иллюстр. П. Гротъ-Іоганна и Г. Лейнвебера. Изящно изданный томъ въ 8-ю д. л., на превосходной бумагѣ, болѣе 560 стр. и около 40 высоко-художеств. рисунковъ и виньетокъ. **Цѣна изданія** въ красивомъ коленк. перепл. **4 р.**, съ перес. **4 р. 60 к.** Имѣется **особо роскошное и большое — въ 4-ю д. л. — изданіе,** отпечатанное на **лучшей веленевой** бумагѣ, цѣною **12 р.**, съ перес. **12 р. 75 к.** Въ роскошн. переплетѣ—**14 р.**, съ перес. **14 р. 75 к.**

Полевой, П. Н. **ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ и ПОВѢСТИ.** Съ 24 эстампами на мѣди и множествомъ рис. и виньетокъ худ. **К. В. Лебедева.** Въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ историческихъ разсказовъ и повѣстей П. Н. Полевого. Роскошно-изданная книга, отпечат. на хорошей бумагѣ, красивымъ шрифтомъ, 472 стр., въ большую 8-ю д. л. Цѣна **5 р.**, съ перес. **5 р. 50 к.**; въ перепл. **6 р.**, съ перес. **6 р. 50 к.**

Гёте. **„ФАУСТЪ“.** Большое роскошно-иллюстр. изданіе in folio. Перев. **А. Фета, съ 25 эстампами,** гравирован. на мѣди, и **132** гравюрами на деревѣ по рис. **Энгельберта Зейбертца,** исполн. знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг. Цѣна **16 р.**, съ перес. **17 р. 25 к.**; въ роскошн. перепл. **20 р.**, съ перес. **21 р. 50 к.** Въ шагр. перепл. **24 р.**, съ перес. **25 р. 50 к. Общедоступное** изданіе безъ рисунковъ, въ 16-ю д. л., въ 2-хъ ч. Ц. за обѣ части (923 стр.) **2 руб.**, съ перес. **2 р. 50 к.**; въ перепл. **2 р. 50 к.**, съ перес. **3 руб.** Ц. I ч. **75 к.**, съ перес. **1 руб.** 2-я часть отдѣльно не продается.

Мильтонъ, Джонъ. **„ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ“.** Большое роскошно-иллюстрир. изданіе in folio. Съ **50-ю** превосходно исполнен. картинами **Густава Дорэ.** Изданіе 2-е. Перев. А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англ. текстомъ и съ біографіею Мильтона. Цѣна изданія въ 12-ти выпуск. **12 р.**, съ перес. **13 р.**; въ богатомъ перепл. **16 р.**, съ перес. **17 р. 50 к.**

Лессингъ, Г. Э. **„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.** **Драматич. стихотвореніе съ 11 эстампами и 35 рис.** Перев. **В. А. Крылова.** Роскош. изд. 404 стр., въ 4 д. л. Цѣна **6 р.**, съ перес. **6 р. 75 к.**; въ перепл. **7 р. 50 к.**, съ перес. **8 р. 25 к.**, а съ эстампами, отпеч. на китайской бум., **15 р.**, съ перес. **15 р. 75 к.**; въ перепл. **16 р. 50 к.**, съ перес. **17 р. 25 к.**

Требованія и деньги просимъ адресовать **въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, № 22.** Изданія эти имѣются также **въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ** (Петровскія линіи), **въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ** (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

ОЖИРѢНІЕ И ЕГО ЛѢЧЕНІЕ.

Характерной чертой ожирѣнія является черезмѣрное нагроможденіе жира въ тканяхъ, который мѣшаетъ исправному функціонированію органовъ, является источникомъ тягостныхъ ощущеній для больного и постоянно грозитъ цѣлости здоровья.

Наблюденіе показываетъ, что женщины чаще заболѣваютъ ожирѣніемъ, чѣмъ мужчины, вслѣдствіе большей наклонности женскаго пола къ этому страданію, зависящей отъ спеціальной особенности ихъ организма.

Съ другой стороны ожирѣніе не представляетъ рѣдкости и среди дѣтей, у которыхъ оно иногда достигаетъ значительнаго развитія.

Лѣченіе ожирѣнія дало поводъ опыту создать цѣлую массу способовъ лѣченія этого страданія, по большей части лишенныхъ научнаго основанія и потому совершенно непригодныхъ, которые сдѣлались богатымъ источникомъ, откуда щедрой рукой черпало шарлатанство всякаго рода. Въ виду этого при выборѣ средства въ данномъ случаѣ необходимо быть крайне осторожнымъ.

Необыкновенно важнымъ является требованіе, чтобы лѣченіе ожирѣнія было ведено постепенно и осторожно: потеря 5 до 7 фунтовъ въ мѣсяцъ, наблюдаемая въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, должна вполнѣ удовлетворить больного. Такая постепенная потеря вѣса является болѣе прочной, чѣмъ быстрое его паденіе. Поэтому-то послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія необходимо прекратить его на 12 дней и только послѣ окончанія этого перерыва приступить къ лѣченію вновь.

Среди многихъ средствъ, примѣняемыхъ противъ ожирѣнія, особенно достойнымъ вниманія является вполнѣ безопасное для человѣческаго организма и дѣйствующее вѣрно, которое въ теченіе своего шестилѣтняго примѣненія позволило убѣдиться прописывающимъ его врачамъ въ его полной цѣлесообразности: **Іодиринъ Д-ра Дэшана (Iodhirin du D-r Deschamp)** является тѣмъ именно средствомъ, о которомъ мы въ данномъ случаѣ упоминаемъ.

Іодиринъ увеличиваетъ количество выдѣляющейся желчи, усиливаетъ обмѣнъ веществъ и на самомъ дѣлѣ возрождаетъ организмъ, сообщая ему вновь потерянную энергію и живость движеній, представляющихъ теперь рѣзкую противоположность съ прежней сонливостью и тяжестью движеній. Больной начинаетъ чувствовать себя болѣе сильнымъ, обладаетъ большей энергіей и дѣлается способнѣе къ болѣе значительному и продолжительному напряженію силъ; походка его становится болѣе живой, больной менѣе потѣетъ, перестаетъ быть сонливымъ, лучше переваривастъ пищу, благодаря чему спитъ превосходно.

Результатъ 3-мѣсячнаго лѣченія Іодириномъ Д-ра Дэшана.

Основываясь на шестилѣтнемъ опытѣ самыхъ выдающихся врачей міра, мы имѣемъ полное право увѣрить, что примѣненіе Іодирина противъ ожирѣнія представляетъ единственно раціональный способъ лѣченія этого страданія, способъ, вполнѣ безопасный для организма больного и основанный на данныхъ науки.

Тысячи благодарственныхъ писемъ, постоянно получаемыхъ Д-ромъ Дэшаномъ, составляютъ настоящую „Золотую книгу Іодирина". Упомянутыя письма тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они присылаются по собственной иниціативѣ больныхъ, вслѣдствіе чего могутъ быть объявляемы только съ разрѣшенія автора.

Іодиринъ Д-ра Дэшана не только является специфическимъ средствомъ противъ ожирѣнія, но и противодѣйствующимъ развитію этого страданія у артритиковъ, подагриковъ, у страдающихъ ревматизмомъ, малокровіемъ, у женщинъ, приближающихся къ періоду мэнопаузы (прекращенія регулъ) и т. п., словомъ, у всѣхъ, которымъ въ скоромъ времени угрожаетъ ожирѣніе. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ не слѣдуетъ слишкомъ опаздывать лѣченіемъ, такъ какъ такое опаздываніе влечетъ за собой нѣкоторыя неудобства и нерѣдко становится опаснымъ для организма.

Emile Gautier,
докладчикъ по научной части парижскаго журнала „Le Journal".

Іодиринъ Д-ра Дэшана находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по цѣнѣ **4 р. 25 к.** за коробку, вмѣщающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При коробкѣ приложено подробное описаніе со способомъ употребленія на русскомъ языкѣ. 2385 4-2

Генеральное представительство на Россію:
Торгов. Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко, Варшава, Журавья, 40.

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ МАРІЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

МАРІЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПО РЕЦЕПТУ ПРОФЕССОРА ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ РИТТЕРА ФОНЪ-БАШЪ

ГОСПОДСТВУЮТЪ ВЪ МІРѢ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ

ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСИТЬ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ НА ИМЯ БАША

МАРІЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСООБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

1850 18-10

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш форм 330 стр убористъ. шрифт **Цѣна** съ перес **1 р 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.**

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств., аріем Ц. 40 к съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ. Невскій. 92—3.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко

МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44. Отд. 11.

2464 5-4

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 16.

XLV г. изданія

Выданъ 19 апрѣля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Э. Ростана“ кн. 2.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | г. XLV

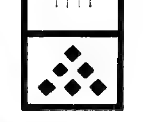
№ 16 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 2.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.



М. Блохъ. Дафнисъ и Хлоя. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. Присуждено званіе художника.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть С. Гусева-Оренбургскаго.

(Продолженіе).

Коротконоговскій домъ уже опять глухо и тупо вздрагивалъ отъ топота ногъ, и, какъ бы въ насмѣшку намъ, уходящимъ, плыли сквозь стѣны его развеселые звуки гармоники. По дорогѣ что-то зачернѣло. Мы увидѣли того пьяного человѣка, который еще недавно лежалъ въ сѣняхъ, а теперь, въ смутномъ стремленіи попасть домой, очутился лицомъ въ снѣгу на дорогѣ.

— Да вѣдь это писарь!—узналъ дьяконъ.—Что же намъ съ нимъ дѣлать?

Онъ смотрѣлъ на пустынную дорогу:

— Замерзнетъ вѣдь!

— Не уподобимся левиту!—улыбнулся я.

Мы подняли писаря.

Онъ былъ безчувственъ, голова его падала на грудь и моталась изъ стороны въ сторону, а ноги волочились по снѣгу. Мы тащили его, но это и не было тяжело: въ тщедушности своей онъ былъ подобенъ пуху. Человѣкъ, и вообще видомъ жалкій, онъ теперь имѣлъ видъ даже не пьянаго, а раздавленнаго или тяжело больного. Онъ поднялъ голову, мутнымъ взглядомъ разсмотрѣлъ дьякона, и блаженная пьяная улыбка расползлась по его лицу.

— Дья... дьяконъ,—забормоталъ онъ:—дья...

Онъ попытался утвердиться на ногахъ:

— Же... женись на ей!

Дьяконъ всталъ, какъ вкопанный.

Я расхохотался при видѣ его растерянно-изумленнаго лица.

— На комъ?!—закричалъ онъ.

— А... Аню... ню...

— На Анюткѣ?!

— Не да... не давай ее... этому чер... черт... ме... мельни... спа... спаси ее! Я... я знаю... я все про него... Онъ по... подле... по...

И писарь вдругъ заплакалъ:

— Я песъ... пе-е-съ... а ты... хор-ро-шій че... ловѣкъ! Люблю-ю ее... а пью... пью съ ме... съ мельни... пе-е-съ!

Тайна души его вдругъ обнажилась передъ нами. Дьяконъ взволнованно принялся трясти его и пытался о чемъ-то разспрашивать, но писарь опять уже впалъ въ безчувствіе. На улицѣ мы покричали мужиковъ и сдали его имъ.

А сами направились къ старостѣ.

...Съ хмурымъ, злымъ лицомъ встрѣтилъ насъ староста, но съ виду оставался, какъ всегда, спокоенъ и молчаливъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, подъ божницей, въ полутьмѣ комнаты, подобный лохматому пугалу, не всталъ при видѣ насъ и только угрюмо сверкающимъ взглядомъ наблюдалъ, какъ мы усаживались къ столу, не ожидая приглашенія. А когда мы усѣлись, онъ грубо и властно крикнулъ:

— Самоваръ!

Тотчасъ въ сосѣднихъ комнатахъ поднялось хлопотливое движеніе. Вбѣжала старостиха Васильевна, робко, безмолвно поздоровалась съ нами, поспѣшно накрыла столъ. Сейчасъ же работница, съ испуганнымъ лицомъ, внесла огромный самоваръ. Слѣдомъ появилась и Анюта, съ посудой и разнымъ угощеньемъ. Видно, все было приготовлено заранѣе: староста не любилъ ждать исполненія своихъ приказаній. Анюта пытливо взглянула на дьякона, и что-то радостное на мигъ блеснуло въ ея глазахъ.

Я взглянулъ на дьякона.

Онъ блаженно улыбался.

Анюта, худенькая и стройная, производила еще впечатлѣніе ребенка, несмотря на свои двадцать лѣтъ, ребенка миловиднаго, робкаго, запуганнаго. Но необыкновенной и какой-то умной душевной добротой сіяли ея глаза. Она быстро разставила посуду, налила всѣмъ чаю и все взглядывала на дьякона. Глаза ея просили, благодарили, говорили что-то тайное, вѣдомое дьякону, а дьяконъ въ отвѣтъ на это какъ бы давалъ взглядомъ клятвенное обѣщаніе,—не доставало только торжественныхъ жестовъ. Но и они появились, когда, по приказу отца, Анюта вышла.

Дьяконъ вытянулъ руки:

— Ну, Евстигнеичъ, теперь давай поговоримъ... послѣдній разъ!

Даже всталъ въ волненіи, шагнулъ два раза до печки и обратно, снова сѣлъ.

— Живъ Богъ и жива душа моя... покалякаемъ!

Но не могъ усидѣть и минуты, опять всталъ, выросъ, вытянулся, опять вытянулъ руки, словно благословлялъ самоваръ и явства или готовился гипнотизировать старосту. Видно было, что онъ возлагалъ на этотъ разговоръ всю свою надежду, давалъ послѣднюю битву. Рѣчь его получила характеръ пѣтушиныхъ криковъ, и, какъ крыльями, взмахивалъ онъ руками.

— Богъ!—вопіялъ онъ.

И казалось въ самомъ дѣлѣ, что Богъ, о Которомъ онъ говорилъ, смотритъ и слушаетъ дьякона, такъ убѣдительно, горячо онъ говорилъ. Я даже не предполагалъ, что дьяконъ такой ораторъ. Невольно я вспомнилъ его слова объ „отплывающей эскадрѣ“ и подумалъ: „пальба изъ всѣхъ пушекъ... что-то будетъ?“ А дьяконъ и всѣмъ видомъ своимъ какъ бы изображалъ кровопролитное сраженіе: осѣдалъ, вытягивался, дергался, рѣзко выбрасывалъ руки, и потокъ горячихъ, гнѣвныхъ или убѣждающихъ словъ его напоминалъ безпрерывный орудійный огонь. Все было пущено въ ходъ: угрозы Судомъ Божіимъ, обращеніе къ отеческому чувству, сокрушающіе тексты Писанія, пылкое изображеніе несчастной судьбы единственной дочери съ гніющимъ старикомъ. И были тутъ еще язвительныя, желчныя слова противъ корысти, и были милыя, кроткія слова, на мигъ вкраплявшіяся въ возбужденную рѣчь и какъ бы стучавшія въ сердце.

— Человѣче... не дочь ли родную, любимую и единую, отдаешь на погибель и счастья лишаешь?

Но подобенъ несокрушимой крѣпости былъ угрюмый староста. Ни словомъ, ни жестомъ, ни взглядомъ не отзывался онъ на рѣчь дьякона: сидѣлъ неподвижно и словно что-то съ мрачной думой разсматривалъ на столѣ.

Дьяконъ какъ-то вразъ осѣлъ.

Изсякъ весь порохъ, а непріятель молчалъ. Подобно усталому ворону, опустился дьяконъ на скамью и съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня, какъ бы прося подкрѣпленія.

Я, было, началъ:

— Михаилъ Евстигнеичъ, поставимъ вопросъ прямо...

Но внезапно староста весь какъ-то странно оживился, словно пришелъ въ движеніе лохматый пукъ спутанной пакли.

— Погодите, батюшка,—сказалъ онъ и поставилъ предо мной темную ладонь:—кушайте чай.

— До чаю ли теперь!—вскрикнулъ я.

— Кушайте! А я разскажу вамъ...

И онъ съ мрачной насмѣшкой взглянулъ на дьякона:

— Вотъ и дьякону въ поученье.

Наступило ждущее молчанье.

Какъ-то странно успокоился дьяконъ, словно, сдѣлавъ, что могъ, остальное предоставилъ судьбѣ. Даже сталъ прихлебывать чай и испытующе смотрѣлъ на старосту, терпѣливо ожидая. За дверью, въ сосѣдней комнатѣ, слышалось неопредѣленное движеніе и шуршаніе: кто-то тамъ прислушивался.

— У дѣда моего, Тараса Овцова,—началъ староста, и угрюмая улыбка не сходила съ его губъ:—лошадь была... по случаю купилъ... огонь-лошадь! Бывало, по степи мчитъ—метель кругомъ! Да къ себѣ не подпускала, кусается. Запрягать — лягается. За ворота выѣхалъ—передокъ въ щепки. Совѣтовали ее дѣду-то продать. А онъ...

Староста смолкъ и нахмурился:

— Ну?—сказалъ дьяконъ:—дальше что?

— Дѣдъ мой, Тарасъ,—продолжалъ староста съ упорной силой:—далъ ей бутылку укусить... весь ротъ окровянила. А къ хвосту мѣшокъ съ соломой привязалъ... Билась она съ нимъ весь день, пока съ ногъ не грохнулась отъ устатку... и сама въ мылѣ, бѣла вся. Съ тѣхъ поръ... шолкова стала! Вотъ... мы всѣ, Овцовы... такіе...

Съ внезапно вспыхнувшимъ злобнымъ гнѣвомъ онъ крѣпко положилъ на столъ ладонь:

— Не сдаемся!

Мрачно смотрѣлъ намъ въ лица:

— Какъ сказано, такъ и будетъ. Овцовъ зря слова не говоритъ. Не вы—другіе повѣнчаютъ. А отъ слова не отступлюсь.

Онъ грубо крикнулъ:

— Варвара!

Поспѣшно и испуганно вбѣжала старостиха.

— Запереть Анну, Варвара! Она все съ дьякономъ шепчется. Не позволяю! Взаперти держать... пока не повѣнчаемъ!

Старостиха, было, робко заговорила:

— Что ты, Евстигнеичъ... побойся Бога!

Староста мгновенно поднялся надъ столомъ, высокій и лохматый, и только крикнулъ:

— Ну?!

Старостихи какъ не бывало.

Но въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжала Анюта, вся въ слезахъ, въ полномъ отчаяніи:

— Батя! Милый батенька! — кричала она: — что жъ ты со мной, что ты съ дочкой своей хочешь сдѣлать?

Неловкими движеніями она пыталась поймать руку отца, чтобы поцѣловать ее.

— Милый батенька!

Староста крѣпко и грубо взялъ ее за плечо, собираясь вытолкнуть за дверь, но тутъ дьяконъ мгновенно всталъ между ними и, какъ отецъ дѣтище, защитилъ грудью Анюту. Мнѣ казалось, что онъ въ гнѣвѣ и ярости сейчасъ бросится на старосту. Но, къ удивленію моему, дьяконъ остался совершенно спокоенъ, и даже какъ бы улыбка появилась на его лицѣ.

Князь А. Шервашидзе. Въ старинномъ платьѣ.
Выставка „Міръ Искусства".

— Теперь, Евстигнеичъ, — проговорилъ онъ съ серьезной медлительностью: — я скажу тебѣ послѣднее слово. Ты хочешь сдѣлать по-своему? А я, дьяконъ Колобродовъ...

Онъ вытянулся и торжественно указалъ на себя пальцемъ:

— По-своему.

Поднялъ кверху указующій перстъ:

— А за меня Богъ!

Тотчасъ повернулся и пошелъ вонъ изъ комнаты, какъ бы не желая слушать возраженій старосты. Но староста и не думалъ возражать. Не тронувшись съ мѣста, не прощаясь, онъ проводилъ насъ угрюмымъ взглядомъ.

Мы молча возвращались домой.

Дьяконъ, колыхаясь, подобный верстѣ, вышагивалъ рядомъ со мной и временами бормоталъ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни...

Морозный вечеръ темнѣлъ.

Мы сидѣли въ молчаніи за чайнымъ столомъ. Даже дьяконъ притихъ и вскорѣ собрался уходить.

Я пытливо взглянулъ на него.

— Мы разбиты,—сказалъ я:—остается только надежда на вашу тайну. Въ чемъ она?

Онъ вытянулся, всталъ на ходули и торжественно выставилъ руку:

— Скажу горѣ: иди!—она пойдетъ.

Это было сказано и трогательно и въ то же время такъ комично, что невольно мы расхохотались.

— Однако вы самоувѣрены,—сказала матушка.

Но онъ не отвѣтилъ улыбкой на нашъ смѣхъ, остался серьезенъ, важенъ, молча простился и ушелъ. Мы съ Ларисой нѣкоторое время еще разговаривали о дьяконовой тайнѣ, но я не вѣрилъ въ нее, да и она сомнѣвалась: слишкомъ безвыходно было положеніе. Я бы даже пошелъ на то, чтобы посовѣтовать Аннѣ убѣгомъ обвѣнчаться съ Ларіономъ, но она слишкомъ покорна была волѣ отца, остановилась бы передъ угрозой отцовскаго проклятья, скорѣе бы наложила на себя руки,—это я хорошо зналъ, этого боялся... Лариса давно ушла, читала въ своей комнатѣ, я а все сидѣлъ у потухшаго самовара, сидѣлъ, какъ завороженный тишиной, объявшей домъ. И мысли мои были темны, какъ ночь, смотрѣвшая въ окна. Онѣ были началомъ тѣхъ сомнѣній, которыя впослѣдствіи привели меня къ инымъ взглядамъ и иной жизни.

Тишина вскрывала передо мной свои тайны.

По всему уже міру ходила моя мысль, и всюду видѣла насиліе человѣка надъ человѣкомъ, всюду пораженіе добраго и торжество злого. Готовые трафаретные взгляды были къ моимъ услугамъ для объясненія этого, но они уже не удовлетворяли меня. Ибо они говорили о необходимости зла, а я не могъ этого признать. Потому что я уже ясно видѣлъ, что передъ каждой доброй волей стоитъ зло обычаевъ и учрежденій. И воля добрая должна склоняться передъ злой, бездушной волей. Почему законъ не на сторонѣ Анюты и Ларіона, а на сторонѣ ея отца и вмѣстѣ съ тѣмъ Коротконогова? Почему я долженъ признать этотъ законъ и склониться передъ нимъ, а если нѣтъ—то отойти въ сторону и предоставить злу совершиться? Положимъ, Анюта въ рѣшительный моментъ передъ вѣнчаньемъ на вопросъ священника о ея согласіи могла отвѣтить: „нѣтъ". Но вѣдь это только форма. Человѣкъ, который можетъ отвѣтить: „нѣтъ", не пойдетъ къ аналою, чтобы отвѣтить: „нѣтъ"! И передо мной рисовались тѣ люди, тѣ массы несчастныхъ людей, которые на роковой вопросъ жизни не могли отвѣтить: „нѣтъ"...

И изъ нихъ я первый!

И ужъ смутная мысль выростала во мнѣ, что между волей Христа и волей міра—непримиримое противорѣчіе, а я, въ своей пастырской дѣятельности, долженъ примирить ихъ...

Мои мысли нарушилъ смутный шумъ за окномъ, тревожный говоръ голосовъ; онъ проплылъ мимо оконъ, стихъ. Я посмотрѣлъ сквозь морозное стекло.

Тьма, тишина...

Но тотчасъ тишину эту нарушилъ спѣшный дробный стукъ въ калитку. Не успѣлъ я выйти въ кухню, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, какъ въ отпахнувшуюся дверь ворвались клубы морознаго пара, и вмѣстѣ съ ними въ шумномъ движеніи вошла толпа мужиковъ. Впереди нихъ Овцовъ. Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него: онъ былъ въ какой-то сдержанной ярости, глаза его мрачно

пылали, и вся мохнатая, овчинная фигура его была какъ бы встрепана вѣтромъ. Онъ весь подался ко мнѣ, готовый задать какой-то важный вопросъ, но не успѣлъ сказать и слова: толпа заколыхалась и сквозь нее съ крикомъ:

— Пустите... пустите, православные!—бросилась къ ногамъ моимъ Васильевна.

Эта кроткая, всегда покорная, забитая женщина была внѣ себя, въ страстномъ отчаяніи: сморщенное, давно состарившееся, лицо ея было красно и мокро отъ слезъ, безпорядочными движеніями она взбрасывала ко мнѣ руки, словно молилась на меня:

— Батюшка... батюшка родной! Не отдавай ее, не отдавай ему... коли она у тебя! Не отдавай! Защити!

И вскочила.

А. Линдеманъ. Лѣтній день. Выставка „Міръ Искусства".

Онъ не отталкивалъ, не пытался удержать ее, какъ будто лаяла на него маленькая собачонка, и молча, съ мрачной пытливостью смотрѣлъ на меня.

— У тебя?—глухо проговорилъ онъ.

Я ничего не успѣлъ отвѣтить, какъ снова Васильевна бросилась ко мнѣ.

— Онъ билъ ее!—кричала она визгливымъ голосомъ.— Какъ быкъ на рога, поднималъ! Мѣста живого не оставилъ! Смотри...

Она вытянула руку.

— Пыталась отнять... руку мнѣ измялъ! Звѣрь! Звѣрь!.. А этотъ старикъ поганый, безносый... смѣялся! Заперъ онъ ее, на замокъ заперъ. Убѣгла она, отъ отца родного убѣгла, отъ мучителя... въ одномъ платьишкѣ убѣгла, на морозъ лютый! Батюшка, батюшка родной... тридцать лѣтъ терпѣла, нѣтъ больше моготы моей!.. Уйду, уйду отъ лютаго звѣря, въ монастырь уйду, вмѣстѣ съ ей уйду! Не отдавай ее, не отдавай ему!..

Опять она бросилась на колѣни:

— Защити!

Я съ жалостью смотрѣлъ на Васильевну, на ея мокрое отъ слезъ лицо, на ея сѣдые волосы, на ея движенія утопающей, и отзвукъ недавнихъ мыслей невольно шевельнулся во мнѣ: вотъ

А. Линдеманъ. Бѣлыя розы. Выставка „Міръ Искусства".

И бросилась къ мужу, налетала на него, какъ насѣдка на коршуна:

— Лиходѣй! Тридцать лѣтъ я терпѣла!.. Не хочу, мучитель, больше! Не отдамъ дите, не отдамъ... не отдамъ на такую же муку! Въ монастырь уйду отъ тебя... и ее возьму съ собой!

Маленькіе безсильные кулачки протягивала она къ нему съ рыдающимъ крикомъ:

— Мучи-и-тель!

Б. Кустодіевъ. Портретъ А. П. Остроумовой-Лебедевой. Выставка „Міръ Искусства".

и ей и Анютѣ властная жизнь говоритъ свое грубое: „да“, а онѣ, быть-можетъ, впервые, пытаются крикнуть ей: „нѣтъ!“ Но она сомнетъ ихъ хрупкую волю... Въ то же время я говорилъ ей:

— Встань, Васильевна, успокойся. Разскажи, что случилось? Не понимаю.

Но Овцовъ не далъ ей отвѣтить.

Не сводя съ лица моего пытливаго взгляда, онъ мрачно сказалъ:

— Такъ, стало-быть, она не у тебя?

— Кто?

— Анютка моя?

Я гнѣвно вспыхнулъ:

— Ищемъ для твоей милости!—крикнулъ веселый мужичокъ Тихонъ:—да комарь въ дуплѣ засѣлъ, и носа не видать... какъ у твоей милости.

Мужики смѣялись.

Коротконоговъ налеталъ на нихъ своей ковыляющей походкой:

— Искать надо, безобразники!

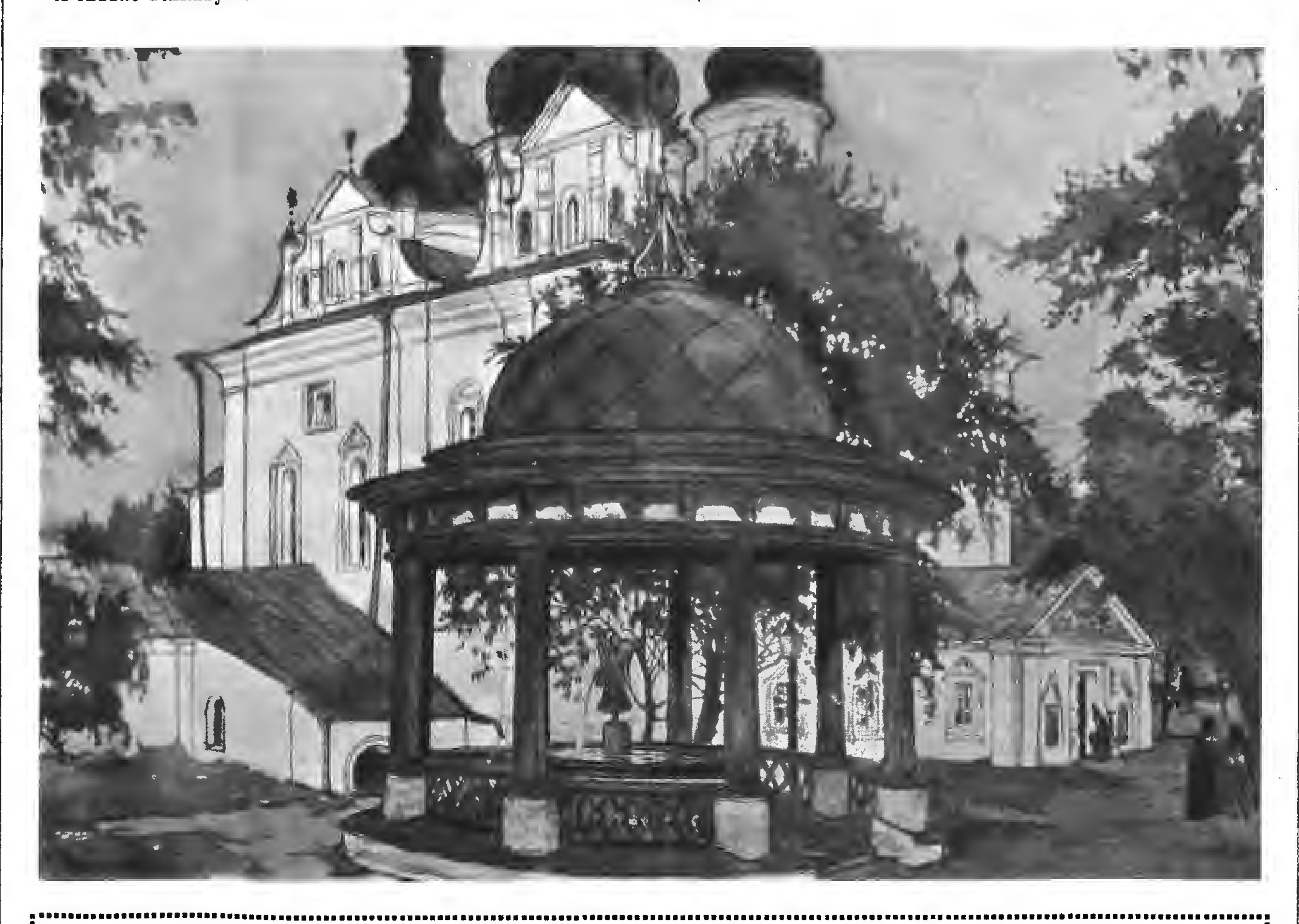
Но въ мужикахъ разросталась враждебность къ нему:

— Ищи самъ... тебя вѣдь напугалась!

— Нешто мы слуги твои?

А веселый Тихонъ все не унимался:

— Ужъ и подъ вѣнецъ съ твоей милостью не прикажешь ли тащить?



Г. Лукомскій. Старый Кіевъ. Во Фроловскомъ монастырѣ на Подолѣ. Выставка „Міръ Искусства“.

— Такъ ты довелъ все-таки, что она сбѣжала отъ тебя... безсердечный отецъ!

И невольная угроза сорвалась у меня:

— Смотри, найдешь ли!

— Со дна моря за волосья достану!—мрачно проговорилъ онъ.

И повернулся къ мужикамъ:

— Айда, ребята, дальше искать! Видать, здѣсь нѣтъ.

Они вышли.

Я задержалъ Васильевну, быстро одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ нею за мужиками. Изъ плачущихъ словъ ея понялъ, что Анну искали по всѣмъ клѣтямъ и амбарамъ, обошли сосѣдей, родственниковъ. И давешняя мысль,—мысль о томъ, что Анна можетъ наложить на себя руки,—всецѣло овладѣла мной, разраслась до напряженной тревоги.

Вѣсть разошлась по селу.

Со всѣхъ сторонъ бѣжали мужики.

Уже огромная толпа грудилась вокругъ старосты. Всѣ кричали, спорили, упрекали старосту за жестокое обращеніе. Впервые нашлись у людей слова обличенія. Прибѣжалъ съ мельницы и Коротконоговъ, совался въ толпѣ, растерянно спрашивалъ:

— Нашли?

Толпа гудѣла:

— Довели дѣвчонку!

— Теперь ищи!..

— Може, въ степь ушла!

— Уйдешь отъ такихъ-то...

— Изверги!

Отъ хатъ бѣжали и бабы.

Улица запрудилась народомъ.

Надъ синими лѣсами всходила багровая луна и все пропитала своимъ кровавымъ свѣтомъ: хаты улицы, возбужденныя лица мужиковъ и бабъ и снѣжныя поляны за околицей. Шумъ все разростался, словно поднималъ людей на гнѣвныя волны: молчавшіе дотолѣ въ разбродъ по своимъ хатамъ, тутъ, въ толпѣ, они спѣшили высказать свои тайныя мнѣнія, возбуждались отъ собственныхъ словъ и общаго возмущеннаго говора, крики переходили въ угрозы. Уже бабы высказывали предположеніе, что Анна не добромъ кончила: отъ такихъ-то лиходѣевъ и въ воду бросишься! Васильевна то начинала причитать, то яростно нападала на мужа, обзывая его словами, какими навѣрное никогда не обзывала въ жизни.

Овцовъ стоялъ посреди толпы, выше всѣхъ на голову, съ мрач-

С. Соринъ. Портретъ артистки Императорскихъ театровъ Н. Г. Коваленской. Выставка „Міръ Искусства".

ной думой на лицѣ. И въ то время, какъ Коротконоговъ гнѣвливо перeругивался съ мужиками, Овцовъ молчалъ, не обращая никакого вниманія на крики, словно вокругъ него и не люди волновались, а стадо овецъ съ блеяньемъ и перханьемъ металось у его ногъ. И какъ надоѣдливый комаръ, была ему жена,— онъ только раза два отвелъ ее рукой, когда она слишкомъ близко налетѣла на него съ своими маленькими сжатыми, грозящими кулачками.

Коротконоговъ метался и изгибался передъ нимъ:

— Чего жъ это теперь будетъ... а?

Овцовъ не замѣчалъ его, какъ и другихъ.

Среди мужиковъ разросталась тревога.

Теперь ужъ и всѣ кричали:

— Може, въ степь ушла!

— Испугалась дѣвчонка, знамо...

— Кабы не того... сдѣлать чего-нибудь...

— Искать надо!

— Звать надо!

— Може, у кого во дворѣ сидитъ?

Бабы принялись звать ее тонкими голосами:

— Аню-ю-тка!.. А-а-н-нушка-а!

Сулили ей, что теперь ничего не будетъ, что за нее всѣ вступятся. Стали кричать и мужики. Говорили, что надо въ степь выйти звать ее. Холодъ, замерзнуть можетъ... Луна взбѣгала все выше, становилась свѣтлой и яркой. Въ серебристомъ сіяніи ея мужики метались темными, неуклюжими тѣнями на синеватомъ фонѣ снѣга, и все стоялъ посреди нихъ молчаливый староста, единственно спокойный среди этихъ мятущихся людей, какъ будто онъ былъ тутъ одинъ, и не къ нему относились ихъ укоры. И по лицу его было видно, что какая-то смутная мысль прояснялась въ немъ.

— У дьякона она!—сказалъ онъ увѣренно.

И тотчасъ двинулся по улицѣ рѣшительнымъ и спокойнымъ шагомъ сквозь толпу, разступавшуюся передъ нимъ. Толпа пошла за нимъ. Коротконоговъ ковылялъ рядомъ съ нимъ, Васильевна съ причитаньями бѣжала впереди.

— А-а-нютка-а!—звали бабы.

Мужики кричали во дворы и въ хаты:

— Не у васъ ли Овцова?

Такъ дошли до школы.

Принялись крѣпко стучать въ ставни и двери, возбужденно звали дьякона. А дьяконъ почему-то не шелъ долго, и видно было сквозь просвѣты ставней, что онъ зажигаетъ лампу и чего-то ходитъ по школьной комнатѣ, ничѣмъ не отзываясь на отчаянный зовъ. Заскрипѣли потомъ двери, и дьяконъ появился на крыльцѣ весьма взлохмаченный и съ соннымъ видомъ.

— Что̀ за шумъ среди ночи?—сказалъ онъ, сладко позѣвывая.—Первому сну помѣшали...

Мнѣ показалось, что позѣвнулъ онъ нарочно. И былъ онъ какъ-то странно спокоенъ и ничуть не удивленъ, словно ждалъ такого необычнаго посѣщенія. Мнѣ даже пришла въ голову догадка, что, пожалуй, правъ Овцовъ: Анюта у дьякона. Но на вопросъ такого рода дьяконъ тотчасъ сдѣлалъ удивленное лицо:

— У меня? Да чего ей у меня дѣлать?

Но Овцовъ взошелъ на крыльцо:

— Показывай помѣщеніе.

Ростомъ они были одинаковы и теперь стояли другъ передъ другомъ, какъ два великана: одинъ—тощій, другой—плотный и лохматый, и смотрѣли близко другъ другу въ лица.

Дьяконъ насмѣшливо усмѣхнулся:

— Не вѣришь?

Овцовъ угрюмо и твердо отвѣтилъ:

— Не вѣрю!

Дьяконъ вскинулъ голову и вытянулся, отчего произошелъ странный и въ то же время комическій феноменъ: онъ сталъ выше старосты, такъ-что лицо старосты пришлось уже въ уровень съ его грудью. Такъ всегда случалось съ дьякономъ въ торжественные моменты.

Б. Кустодіевъ. Портретъ художника Александра Бенуа. Выставка „Міръ Искусства".

А. Александровъ. Молодые у колдуна (изъ чувашской жизни). Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

— Староста Овцовъ,—сказалъ онъ съ важностью:—а что̀ ты сдѣлаешь съ дочерью, если найдешь ее у меня?

Вмѣсто отвѣта староста хотѣлъ отстранить его, но дьяконъ сурово крикнулъ:

— Отвѣть!

— Моя власть отцовская,—глухо и мрачно отвѣтилъ староста.—Пусти съ дороги!

— Староста Овцовъ,—повторилъ дьяконъ:—власть отцовская—прахъ и пепелъ передъ властью Божеской.

И онъ отступилъ въ глубину сѣней:

— Ищи!

Пошелъ впередъ.

Староста пошелъ за нимъ въ комнату. Я и со мной нѣсколько мужиковъ вошли вслѣдъ за нимъ, остальные остались ждать. Староста мрачнымъ взглядомъ обвелъ школьную комнату, тускло освѣщенную лампой, нагнувшись, заглянулъ подъ парты, почему-то нѣкоторое время тупо смотрѣлъ на черную доску, испещренную цифрами. Дьяконъ молча растворилъ передъ нимъ дверь своей каморки; староста медленно прошелъ туда, остановился посрединѣ. Каморка была крошечная, жарко натопленная. Стѣны ея сплошь были разукрашены портретами, иллюстраціями журналовъ и рекламами врачебныхъ средствъ. Въ ней едва помѣщались столъ съ остатками чаепитія, два стула, деревянная кровать, сундукъ съ имуществомъ дьякона да просторный домодѣльный шкапъ, въ которомъ дьяконъ хранилъ свои книги и праздничныя одѣянія. Негдѣ было повернуться. Дьяконъ отошелъ къ сторонкѣ, къ шкапу, прислонился къ нему и насмѣшливо наблюдалъ за старостою.

— Ну... ищи!—говорилъ онъ.

Мужики съ любопытствомъ заглядывали въ комнату, вытягивая шеи, но войти не рѣшались, да и некуда было. Староста все стоялъ посреди комнаты, хмуро озирая ее. Онъ ясно видѣлъ, что Анюты тутъ не было. А дьяконъ ужъ издѣвался надъ нимъ:

— Можетъ, въ сундукъ заглянешь?

Онъ протянулъ свою длинную руку и отпахнулъ крышку сундука: его смутной грудой наполняли книги въ перемежку съ дьяконовымъ бѣльемъ.

— Ищи!—усмѣхнулся дьяконъ.

Лицо старосты становилось темнымъ, но онъ все не двигался съ мѣста, словно прислушиваясь къ своимъ мутнымъ мыслямъ и разбираясь въ нихъ. За окнами толпа все время сдержанно гудѣла въ ожиданіи, но почему-то говоръ ея все возросталъ, превращался въ глухой тревожный гулъ, плескавшій и бившій въ стѣны, а потомъ стали выдѣляться отдѣльные взволнованные крики...

Дьяконъ все насмѣхался надъ старостой.

— Въ печку загляни!—говорилъ онъ, хотя староста не двигался съ мѣста.

Меня охватилъ гнѣвъ.

— Стыдно вамъ, отецъ дьяконъ!—вскричалъ я.—Богъ знаетъ, что̀ случилось съ бѣдной дѣвочкой, а вы тратите время! Неужели вамъ не безпокойно за нее? Хорошо, если она у кого-нибудь спряталась, а если и въ самомъ дѣлѣ въ степь убѣжала? Вѣдь запугали, замучили ее! Вѣдь погибнуть можетъ человѣкъ!..

Дьяконъ повернулъ ко мнѣ лицо, удивленно приподнялъ брови и взглянулъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— Она,—сказалъ онъ:—храбрая дѣвушка, и Богъ защититъ ее.

— Богъ, Богъ!—возмутился я:—но вѣдь мы-то должны же ей помочь, должны!

Я бросился къ старостѣ:

Л. Орландъ. Давидъ передъ Сауломъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

— Искать надо ее!

— Искать надо, — какъ эхо, повторили мужики за моей спиной.

Староста взглянулъ на меня съ видомъ человѣка, погруженнаго въ свои мысли, и передъ которымъ внезапно что-то замелькало. Но, очевидно, и не слышалъ меня. Не отвѣчая, повернулся, чтобы итти изъ комнаты. Въ это время дверь изъ сѣней отпахнулась, ворвался въ нее тревожный и какъ бы испуганный гулъ толпы. Нѣсколько мужиковъ тащили и вталкивали въ комнату тщедушную фигурку писаря. Онъ и не упирался, не противился, только ноги плохо слушались его, и онъ предоставлялъ мужикамъ вести себя.

Мужики толкнули его къ старостѣ.

Онъ остановился передъ старостой на дрожащихъ ногахъ, и видно было, что буйный хмель еще не вышелъ изъ него, но на лицѣ былъ написанъ отчаянный и какой-то жалостный испугъ.

— Я... я не зналъ... нешто я... зналъ?—бормоталъ онъ.

Староста вдругъ вышелъ изъ своей неподвижности.

— Чего ты?—грубо крикнулъ онъ.

И ужъ въ голосѣ его прозвучала тревога.

Онъ крѣпко схватилъ писаря за плечо:

— Говори... что тамъ?!

Писарь принялся плакать пьяными и жалостными слезами:

— Видѣлъ я ее... видѣлъ!..

— Гдѣ?

— Какъ очухался я, пьяница... дома-то у себя... въ головѣ грохотъ. Вышелъ на крыльцо, на морозъ. Еще свѣтокъ былъ. И вижу по свѣтку-то... она! Еще я подумалъ: ужель она... въ одномъ платьишкѣ, по морозу... не мерещится ли? Нешто я могъ знать, что такое дѣло... Гос-споди! Бѣжитъ, вижу, бѣжитъ, торопится... да за околицу, да по цѣлому-то снѣгу, да къ рѣкѣ. Подъ откосомъ сгинула. Еще, поди, и сейчасъ слѣдки видны. Господи... кабы я зналъ...

Пьяныя слезы текли по его лицу.

— Я бы за нее... я бы... душу...

Рѣзкимъ, яростнымъ движеньемъ староста отбросилъ писаря въ сторону. Писарь съ жалобнымъ крикомъ полетѣлъ и исчезъ подъ партами. Никто не обратилъ на него вниманія. Лицо старосты стало совершенно темнымъ, впервые онъ потерялъ свое спокойствіе. Необычнымъ быстрымъ шагомъ направился онъ къ двери. Мужики разступались передъ нимъ, жались къ стѣнамъ, чтобы дать ему дорогу. Разступилась, смолкла и толпа на улицѣ при видѣ темнаго лица старосты и мрачно пылавшихъ глазъ его. Молча онъ прошелъ черезъ толпу и быстро зашагалъ по дорогѣ, уже никого не приглашая итти за собой. Но всѣ пошли за нимъ, пошли уже въ молчаніи, въ напряженномъ ожиданіи чего-то страшнаго...

Я оглянулся.

Неужели дьяконъ не пойдетъ?..

Увидалъ его вдали на дорогѣ: высокій и худой, какъ темное привидѣніе, онъ шагалъ за толпой,—и въ смутномъ свѣтѣ мѣсяца казалось, что онъ шагаетъ на ходуляхъ.

За околицей искали слѣды.

И нашли ихъ... маленькіе слѣды полудѣтскихъ ножекъ, обутыхъ въ валенки. По глубокому снѣгу, въ молчаніи, прошли до откоса надъ рѣкой.

Луна сіяла.

Она лила свой мертвенный свѣтъ на мутныя снѣжныя поля, на лѣса, темнѣвшіе вокругъ серебристо-чернымъ кольцомъ. И казалось, все вокругъ говорило о смерти: кустарникъ по откосу, покрытый инеемъ, застывшія въ неподвижности деревья, отягченныя снѣжнымъ уборомъ, и рѣка, какъ могильной плитой, скованная льдомъ. По откосу и дальше — по мутному серебру снѣга на рѣкѣ виднѣлись синеватые, одинокіе слѣды... узкая дорожка ихъ вилась до темнѣвшей вдали проруби.

Староста остановился на откосѣ.

Какъ бы въ мутномъ удивленіи какомъ-то смотрѣлъ онъ, вскинувъ голову, на таинственные слѣды. Молчаливой толпой остано-

вились мужики и жаднымъ, вспугнутымъ взглядомъ смотрѣли на роковую дорожку, уводившую въ невѣдомое... Тихимъ стономъ отозвались женщины. И слышно было, какъ пытались онѣ успокоить Васильевну словами, въ которыя сами не вѣрили. Ее сдерживали подъ руки, а она, обезсилѣвшая, съ безумнымъ лицомъ, съ растрепавшимися сѣдыми волосами, рвалась и ужъ не могла говорить, только тяжело, хрипло дышала.

Я услыхалъ густой шопотъ дьякона:

— Бабы... отступите.

Онъ ухватилъ подъ руку Васильевну:

— Старуха, давай-ка я поведу тебя.

Староста шагнулъ подъ откосъ.

За нимъ покатились туда и мужики темнымъ ливнемъ, утопая въ снѣгу, падая и сваливаясь, вздымая серебристую пыль. Староста уже не шелъ, а бѣжалъ, широко махая руками и вытянувъ впередъ лицо. И тѣмъ же торопливымъ бѣгомъ, прыгая, утопая въ снѣгу, спѣшили за нимъ и мужики, растягиваясь въ темную змѣистую линію. Казалось, одно трепетное, молчаливое тѣло жутко и спѣшно ползло, извиваясь, по снѣгу, въ мутномъ страхѣ, въ безуміи ожиданія. Кошмарнымъ сномъ казались мнѣ эта бѣгущая толпа и застывшій узоръ деревьевъ надъ рѣкою, вверху холодная луна съ ея мертвеннымъ свѣтомъ. И самъ я бѣжалъ среди толпы, какъ въ мутномъ снѣ.

Задохнулся, отсталъ...

Оглянулся.

Вдали дьяконъ медленно велъ Васильевну и, нагнувшись, что-то говорилъ ей.

Мутный сонъ продолжался.

Темная прорубь глянула своимъ загадочнымъ глазомъ. Ледъ былъ сломанъ недавно и еще не успѣлъ затянуться. Вода глухо рокотала и крутилась въ глубинѣ, какъ въ черной пропасти, и холодные блики вспыхивали и гасли на ней отъ луннаго свѣта. Неподвижнымъ, сомкнутымъ кругомъ стояли мужики, смотрѣли на прорубь, и въ глазахъ ихъ какъ бы отражалась ея глухо волнующаяся, темная глубина. Неподвижно стоялъ и староста у самаго края, смотрѣлъ и какъ бы ждалъ чего-то. И лицо его стало совсѣмъ чернымъ, и самъ онъ — какъ взлохмаченный бурею, бушевавшей внутри его. И, казалось, темная глубина лепетала ему таинственную повѣсть о душѣ, не вынесшей муки, о молодомъ, нѣжномъ тѣлѣ, застывавшемъ на днѣ... вѣдь сюда привели его слѣды его дочери.

Онъ шумно, бурно вздохнулъ.

И, какъ бы впервые вспомнивъ, что на свѣтѣ есть люди, обвелъ кругъ мужиковъ мутнымъ взглядомъ.

Но ничего не сказалъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Любовь.

Любовь царицей
Вдругъ въ сердцѣ вспыхнетъ
И вольной птицей
Умчится вновь,
Порывъ случайный
Покой всколыхнетъ,—
И снова тайно
Уйдетъ любовь...

Любовь уходитъ,
Какъ день подъ вечеръ,
И вновь приходитъ,
Лишь минетъ ночь.
Любовь, какъ пѣсня,
Любовь, какъ вѣтеръ:
Едва коснется—
Ужъ мчится прочь.

О. Генсенъ.

Въ семьѣ.

Разсказъ Г. Сѣверцева-Полилова.

«Въ каждой избушкѣ свои погремушки».

I.

Василій Никифоровъ сидѣлъ на бревнахъ, сваленныхъ у избы, и пытливо смотрѣлъ на потемнѣвшую рѣку, казавшуюся отсюда, съ верху холмистаго берега, громадною змѣею, быстро извивавшеюся чернымъ чешуйчатымъ туловищемъ между оголенныхъ позднею осенью пустынныхъ береговъ.

Рѣка скрывалась недалеко, за лѣсистымъ изгибомъ, но ниже снова показывалась, совершенно преображенная. Вся въ бѣлой пѣнѣ, съ громкимъ рокотомъ, усиленнымъ еще эхомъ высокой гранитной тѣснины, она злобно спорила съ каменной грядой, загораживавшей ей дорогу, бѣшено вскидывая кверху свои струи, осыпая угрюмый гранитъ пѣной и брызгами, срывалась съ гряды и долго еще, не успокоившись, неслась дальше.

Наглядѣвшись на знакомую ему картину рѣки, Василій перевелъ глаза на стоявшую у бревенъ сестру, одѣтую въ черное платье монашескаго покроя, съ чернымъ же коленкоровымъ платкомъ на головѣ, и тихо замѣтилъ:

— Чтой-то, думается мнѣ, Ѳима, зима у насъ скоро станетъ, затяжная будетъ, и снѣгу вдосталь выпадетъ.

Голосъ его звучитъ мягко, ровно, изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ бровей увѣренно смотрятъ свѣтло-сѣрые глаза сѣверянина; на всемъ его свѣжемъ, розоватомъ, далеко еще не старческомъ лицѣ, окаймленномъ большою рыжею бородою съ замѣтной сѣдиной, разлито спокойствіе уравновѣшеннаго человѣка.

Иная Евѳимія: въ впалыхъ глазахъ ея, не такихъ свѣтлыхъ, какъ у брата, чуть теплится огонекъ упрямства, скрытная, настойчивая мысль затаилась гдѣ-то глубоко-глубоко. Она вѣритъ только себѣ, въ свои силы: уже давно чужой умъ, мнѣніе другихъ людей для старой дѣвушки ничто; но она никогда не высказываетъ это никому и дѣлаетъ видъ, что соглашается со всѣми.

Ей почему-то кажется, что замѣчаніе брата о скорой затяжной зимѣ невѣрно, но возразить ему прямо не рѣшается, а пытается сдѣлать это обходомъ.

— А по чему это вы, братецъ, заключаете?—вкрадчиво, но все же съ оттѣнкомъ твердости спрашиваетъ Евѳимія.

Ему, старому гонщику лѣса, рыбаку, всю жизнь не разстававшемуся съ этой рѣкой, не знать каждой, самой мелкой примѣты погоды! Его старыя, испытанныя кости чуютъ бурю, вѣтеръ, снѣгъ, дождь чуть ли не за два дня раньше. Василій загадочно улыбается и спокойно объясняетъ:

— Вотъ когда бы ты, Ѳима, съ бревнами да съ плотами годковъ съ тридцать пять поломалась, знала бы и ты кое-что про погоду!

Старикъ поднялся съ бревенъ, выпрямился,—ростомъ онъ былъ высокъ,—окинулъ взоромъ ярко заалѣвшій за рѣдкими осинками западъ, перевелъ глаза на терявшую мало-по-малу рѣзкость очертаній плотную стѣну еловаго бора за деревней и снова посмотрѣлъ на рѣку, сливавшуюся съ берегами.

Стало замѣтно темнѣть, отъ воды потянуло сыростью, надъ лѣсомъ мелькнула звѣздочка, за нею выкатилась на небо другая, тишина вечера усилила гармоническій шумъ падуна.

— Засумеречило. Пойдемъ домой, сестра!—услышала Евѳимія голосъ брата и послушно стала подниматься впереди его по лѣстницѣ въ верхнюю половину хорошо срубленной изъ толстой сосны просторной избы сѣвернаго крестьянина.

II.

Внизу помѣщались амбары, кладовушки съ зерномъ, рыболовными снастями, веслами, баграми и другими принадлежностями, необходимыми гонщику и рыбаку; вверху жилъ самъ хозяинъ съ сыновьями и сестрою.

Большая горница избы была раздѣлена на двѣ части дощатой перегородкой. Въ меньшей части раньше спали старикъ съ женой; послѣ ея смерти тамъ помѣстилась Евѳимія, Василій Никифоровъ перебрался къ сыновьямъ въ другое отдѣленіе.

Замѣтно было, что избу строилъ смѣтливый человѣкъ: ни одного уголка у него не пропало даромъ, даже печка не загораживала безтолково, какъ обыкновенно у крестьянъ, много мѣста, ее приткнули къ стѣнѣ, выходившей на лѣстницу. Холода отъ оконъ, видимо, не боялись,—по обѣимъ сторонамъ краснаго угла ихъ было по два, но двойныя рамы были прилажены такъ плотно, что изъ нихъ не дуло.

Большой столъ, два шкапчика, длинныя лавки по стѣнамъ, нѣсколько табуретовъ грубой домашней работы держались опрятно.

У порога снаружи лежалъ ельникъ для обтиранія ногъ, въ самой горницѣ, отъ двери къ столу, тянулась по полу самодѣльная дорожка изъ толстой посконі.

Фольговыя ризы на иконахъ, поставленныхъ на полочки въ красномъ углу, блестѣли,—Евѳимія разъ въ мѣсяцъ чистила ихъ мѣломъ.

Все было приспособлено для удобнаго жилья зимою, вездѣ

чувствовалась опрятность. Сѣверный крестьянинъ почти всегда живетъ опрятнѣе и домовитѣе своего собрата средней полосы Россіи, а семья Никифоровыхъ издавна славилась этимъ по всему Заонежью.

Самъ Василій, такъ же, какъ его покойный отецъ и дѣдъ, съ малыхъ лѣтъ гоняли по Сунѣ лѣсъ, безстрашно стоя на одномъ бревнѣ, съ шестомъ въ рукахъ, перебирались по многочисленнымъ порогамъ, „падучинамъ", „грядкамъ", перетаскивали волокомъ обмелѣвшія бревна, гнали ихъ въ „кошелки", вязали „запруды", плоты, работали баграми, крючьями, мочалой и веревками, сжились съ водой, проводя на рѣкахъ и озерахъ всю свою жизнь.

Богъ миловалъ, никто изъ нихъ не утонулъ, всѣ гоняли лѣсъ, пока была мочь, и умирали у себя въ избѣ.

Одинъ только Василій долженъ былъ отказаться отъ этой работы еще въ полной силѣ, да и то по несчастной случайности: скатывая съ высокаго берега въ рѣку срубленный лѣсъ, онъ нечаянно попалъ ногою подъ бревно и остался хромымъ навсегда.

Больше мѣсяца пролежалъ онъ со сломанной ногой, она плохо срослась, неопытный фельдшеръ не умѣлъ наложить лубки, какъ слѣдуетъ, гонщику лѣса пришлось невольно отказаться отъ своего дѣла и заняться рыболовствомъ,—рыбу ловить онъ могъ и хромой.

III.

Но его скоро замѣнили подросшіе сыновья. Второй, Никаноръ, вышелъ работоспособностью, смѣткой весь въ него: такъ же безстрашно, какъ и отецъ, стоя на юркомъ бревнѣ, онъ гналъ лѣсъ черезъ пороги, ловко управляя длиннымъ шестомъ: весь мокрый отъ брызгъ и пѣны, стрѣлою мчался между опасными валунами и осколками скалъ, упавшими въ рѣку.

Старшій сынъ Василія, Маринъ, хотя тоже гонялъ лѣсъ вмѣстѣ съ братомъ, но въ немъ не чувствовалось такой увѣренности, смѣлости, какъ у Никанора, работалъ онъ, не лѣнясь, дѣлалъ все, что нужно, но это было не то.

Маринъ не любилъ этого дѣла: оно не подходило къ складу его жизни, не затягивало парня, лишеннаго отъ природы отваги, чисто-русской удали.

Третій сынъ гонщика, Павелъ, только-что переступившій грань между подросткомъ и юношей, не походилъ на обоихъ своихъ братьевъ. Работы такъ же, какъ и они оба, онъ не бѣгалъ, лѣнивымъ его никто не могъ назвать, но задумчивый, молчаливый, ушедшій въ себя юноша не увлекался работой, онъ исполнялъ ее, какъ урокъ, который нужно исполнить, какъ часть труда для общаго семейнаго благосостоянія.

Рубить деревья онъ не любилъ и готовъ былъ лучше все время работать на рѣкѣ, чѣмъ сводить лѣсъ.

При первомъ звукѣ топора, хлюпанья стали въ крѣпкую смолистую сердцевину ели парень зажималъ уши, на лицѣ его отражалась печаль, изъ глазъ невольно катились слезы. Онъ плакалъ, жалѣя каждое дерево, ему казалось, что оно такъ же, какъ и живое существо, страдаетъ и плачетъ отъ боли.

Павелъ каждый разъ убѣгалъ съ порубки куда-нибудь погуще, гдѣ не былъ слышенъ звонкій говоръ топора.

Старикъ-отецъ не настаивалъ, чтобы Павелъ былъ рубщикомъ, ничего не возражалъ противъ нежеланья Павла сводить лѣсъ.

— Такъ оно, значитъ, въ немъ и сидитъ: каждый человѣкъ особо думаетъ, каждому иное чувствіе Господомъ Богомъ опредѣлено! Пусть то дѣло дѣлаетъ, къ какому у него сердце лежитъ.

Отказывался Павелъ и отъ рыбной ловли, жалѣлъ бить рыбу; зато Маринъ былъ природный рыболовъ: ставилъ верши, какъ никто, зналъ мѣста, гдѣ рыба особенно хорошо ловилась, никогда не пріѣзжалъ съ лова безъ добычи, старику даже показывалъ, гдѣ и какъ ловить.

— Что до рыбы касается, то лучше нашего Марина, пройди по всѣмъ береговымъ деревнямъ, не сыщешь!—постоянно говорилъ старый гонщикъ.

Но два года тому назадъ Никанора взяли въ солдаты, гоночная работа всецѣло легла на Марина, подростокъ Павелъ могъ только еще ему помогать, старикъ Василій сталъ рыбачить вмѣсто второго сына. Осень застала семью временно отдыхающей послѣ нелегкой весенней и лѣтней страды.

IV.

Евѳимія привычными руками отыскала на шесткѣ спички, чиркнула, осторожно зажгла лампу и повѣсила на стѣну надъ столомъ.

Больная нога мѣшала старику быстро взбираться по лѣстницѣ. Войдя въ освѣщенную избу, онъ снялъ нагольный тулупъ и раскинулъ на лавку около печки, гдѣ спалъ. Затѣмъ умылъ руки изъ трехносаго глинянаго рукомойника, отерся полотенцемъ и истово перекрестился на иконы, передъ которыми, слабо мигая, теплился огонекъ въ зеленой лампадкѣ.

— Ужинать собирать, что ль,—спросила вѣковуша:—аль погодить?

— Гдѣ Маринъ-то?

— Знамо, гдѣ, верши, поди, на рѣкѣ смотритъ.

— А Павелъ?

— Побѣгъ къ отцу Иродіону, еще озавчера кликалъ онъ его: вѣтромъ кое-гдѣ пораздвинуло крышу на церкви, пока не позатекло еще, нужно поскрѣпить балясины,—вотъ Павлуша и побѣгъ подмочь.

— Подождемъ ихъ ужинать, не Богъ знать, какъ поздно. Въ печи у тебя варево-то стоитъ?

— Въ печь даве поставила пряженцы съ сыромъ, оладушки, да варева съ полгоршка. Доѣдать уже все надобно.

— Доѣдать! Ишь, ты, сестра, какъ щедра нонѣ стала, добра не жалѣешь!—пошутилъ Василій.

— Чего жалѣть-то, а завтра не дадутъ: постъ-отъ сегодня съ полуночи наступитъ.

— Рождественскій! А я, грѣшный, совсѣмъ о немъ и запамятовалъ. Въ воскресенье заговѣнье-то пришлось...

Рыбакъ сложилъ пальцы руки, качнулъ недовольно головой и, точно сразу о чемъ-то вспомнивъ, отрывисто спросилъ сестру:

— А въ Боры, Ѳима, ходила объ утро, узнала что?

— Все какъ есть доподлинно выспросила,—чуть потупясь, смущенно оправляя сползшій на щеки головной платокъ, отвѣтила сестра.

— Подъ стать сирота-то Марину?

— Подходитъ, братецъ, и ростомъ вышла, съ лица недурна и привѣтлива.

— А сколь молода-то?

— Осьмнадцатый съ нонѣшняго августа пошелъ.

— Нашему Марину двадцать шесть въ іюлѣ минуло,—староватъ онъ для сироты-то,—задумчиво прошепталъ хозяинъ.—Ладно ли будетъ, что мы узломъ неразрывнымъ связать ихъ хотимъ?

Евѳимья снова потупилась:

— Ваша, братецъ, воля, вы старшой, женатымъ столько годовъ прожили, вамъ лучше знать,—я дѣвушка...

Братъ испытующе посмотрѣлъ на нее: ему невольно припомнились въ эту минуту слухи, много лѣтъ назадъ ходившіе по деревнѣ. Онъ не повѣрилъ имъ тогда, и только сейчасъ ея послѣднее слово какъ-то непріятно рѣзануло его по душѣ.

— Знаю я, что не привелось тебѣ, Ѳима, судьбу свою устроить, закономъ осоюзиться, а все же не малолѣтка теперь, царя своего въ головѣ держишь и о такомъ дѣлѣ совѣтъ свой можешь положить.

Точно набравшись смѣлости, дѣвушка подняла впалые глаза на брата и твердо сказала:

— Другой судьбы Ульянѣ себѣ не найти! Чѣмъ, какъ я, въ старыхъ дѣвкахъ сидѣть, все жъ лучше ей за нашего Марина выходить. Сживутся—слюбятся...

— Клементій Петровъ тоже съ Марьей сжился...—уронивъ голосъ, проговорилъ старый гонщикъ, испытующе поглядывая на сестру.—Оба рано съ жизнью разстались, не подошли одинъ къ другому.

Евѳимья сразу измѣнилась въ лицѣ, высокая грудь ея замѣтно заволновалась подъ темной тканью, въ глазахъ чувствовался скрытый ужасъ, кисти рукъ нервно сжимались, казалось, что она сейчасъ разразится плачемъ,—но сильная вѣковуша сумѣла преодолѣть охватившую ее минутную слабость.

Чуть замѣтно покачнулась ея сухая, высокая фигура, сразу выпрямилась и застыла; глаза подъ чуть замѣтно трепетавшими рѣсницами жестко уставились на брата.

Василій Никифоровъ невольно отклонился отъ пристальнаго взгляда сестры.

— Значитъ, по-твоему, слѣдуетъ оженить Марина на Ульянѣ?—спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта отъ безмолвно стоявшей передъ нимъ Евѳиміи, тряхнувъ широкими плечами, промолвилъ:—Ну, значитъ, и осоюзимъ ихъ!

V.

Маринъ безразлично отнесся къ вопросу о своей женитьбѣ,—такъ поступали всѣ—и дѣдъ, и отецъ его, сосѣди по деревнѣ, весь міръ,—иного исхода не было, развѣ только уйти въ монастырь; но особаго стремленія къ иноческой жизни у рыбака не было. Онъ зналъ, что съ женитьбой положеніе его если и перемѣнится, то къ лучшему, молодая жена старшаго сына будетъ хозяйкой въ домѣ, теткѣ-вѣковушѣ придется уступить ей свое мѣсто. Появится въ семьѣ новая работница, пожалуй, станетъ веселѣй, не все придется слушать наставленія отца, какъ нужно жить, рѣдкія возраженія старой дѣвушки и жаркія молитвы Павла, привыкшаго шептать ихъ долго и настойчиво.

Суровый олончанинъ смотритъ на бракъ иными глазами, чѣмъ крестьяне изъ другихъ губерній Россіи. Онъ относится къ нему строго, считаетъ благословеніе церкви на сожительство чѣмъ-то незыблемымъ, какимъ-то камнемъ, опущеннымъ глубоко въ пучину, откуда его никогда никто не можетъ поднять, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ бракѣ онъ находитъ извѣстныя выгоды для дома и, отчасти, для самого себя.

Сѣверъ крѣпко, по старинѣ, блюдетъ чистоту семейной жизни, легкость нравовъ средней Россіи въ особенности для него чужда. Оттого здѣсь и сама семья вырастаетъ сплоченнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, нѣтъ городскихъ отхожихъ промысловъ, отсутствуютъ и городскія болѣзни.

VI.

Въ слѣдующее воскресенье Василій вмѣстѣ со старшимъ сыномъ отправились поутру въ Боры, небольшую деревушку, отстоявшую отъ нихъ верстахъ въ пятнадцати.

Акимъ Прохоровъ, каменотесъ, рвавшій и тесавшій мѣстный мраморъ, дядя Ульяны, у котораго она жила, хотя и не ожидалъ гостей, но они были для него желанными, и онъ ихъ принялъ съ распростертыми объятіями.

Старикъ Василій не любилъ тянуть. Войдя въ избу каменотеса, онъ истово перекрестился на иконы, чинно поздоровался съ хозяиномъ и скромно помѣстился на лавкѣ, недалеко отъ входа.

Отъ его наблюдательнаго взгляда не укрылись чисто выметенная горница, хорошо вымытый полъ.

— Чаю испить, може, хочете?—нерѣшительно протянулъ хозяинъ, вопросительно посматривая на гостей.

— Что намъ съ тобой зря время терять, Акимъ Прохорычъ,—прервалъ его старикъ гонщикъ:—вѣдомо, зачѣмъ мы съ сыномъ пришли, значитъ—смотри на него хорошенько, да учти, какъ слѣдъ, подходитъ ли онъ твоей племянницѣ Ульянѣ.

Каменотесъ, пожилой, здоровый, большого роста, бѣлясый крестьянинъ, немного смутился неожиданными словами гостя, но сейчасъ же оправился:

— Что жъ, коли такъ сразу приступаешь къ самому дѣлу, и намъ съ бабой не пристало загадки загинать! Не прочь мы Ульяну за твоего парня выдать.

— Такъ-то оно такъ, знамо, а все жъ допрежь поспрошай у самой Ульяны, —неладно противъ ея воли дѣло промежъ насъ рѣшать.

— Сейчасъ ее самоё сюда покличемъ, она тамъ съ теткой курей въ теплушкѣ кормитъ,—согласился хозяинъ и вышелъ изъ избы.

Василій поднялся съ лавки и, прихрамывая, обошелъ всю избу, не забывая осмотрѣть печь, онъ даже отодвинулъ заслонку, поднялъ крышку съ котелка, стоявшаго на шесткѣ, поковырялъ ногтемъ замазку въ рамѣ... ничего не укрылось отъ его внимательнаго осмотра.

— Бери дѣвку смѣло, хозяйкой хорошей окажется,—шепнулъ онъ на ухо сыну, точно опасаясь, что ихъ кто подслушиваетъ.

Достаточно было для гонщика одного взгляда на вошедшихъ въ горницу женщинъ, чтобы убѣдиться, что неряшливой женѣ хозяина и въ голову не придетъ держать въ избѣ такую чистоту.

Сирота Ульяна сразу пришлась по душѣ старшему гостю. Съ лица она была миловидна, скромна съ виду, темнорусые волосы дѣвушки были заплетены въ толстую косу, одѣта Ульяна была опрятно, застѣнчивость ея объяснилъ себѣ Василій волненіемъ первой встрѣчи съ человѣкомъ, съ которымъ ей придется прожить всю жизнь.

Маринъ только мелькомъ посмотрѣлъ на невѣсту и, потупившись, молчалъ; трудно было рѣшить, понравилась ли она ему, или нѣтъ.

— Ну, что, Ульяна Егоровна,—пришелъ на помощь смущенной дѣвушкѣ будущій ея свекоръ:—не прочь ты за моего Марина замужъ пойти?

Бѣглымъ взглядомъ окинула Ульяна сутуловатую фигуру жениха, насмѣшливая, чисто-дѣвичья тѣнь беззаботной шутки мелькнула на ея здоровомъ худощавомъ лицѣ. Она скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ стыдливости, закрыла лицо ладонями рукъ и несмѣло проговорила:

— Отчего не выйтить, парень ничего себѣ, да только смѣшно больно, бабьимъ именемъ прозывается, какъ мнѣ звать-то его апосля придется?

— Ишь ты, о чемъ, дѣвушка, задумалась! Жена покойница да попъ нашъ всему этому дѣлу виноваты,—шутливо возразилъ старикъ.—Втѣпоры, какъ сынъ-отъ родился, въ отлучкѣ я былъ изъ дома, гналъ лѣсъ съ верховья, баба въ забытьѣ все время лежала, мальчонка родился слабый; побѣжали къ попу, чтобы поскорѣе окрестилъ его: посмотрѣлъ это батюшка въ святцы на тотъ день, видитъ мученика Марина справляютъ, такъ и назвалъ его.

— Машей, что ль, мужа стану я кликать?—уже смѣлѣе отозвалась дѣвушка и засмѣялась.

Не удержались отъ смѣха и старики, на вяломъ лицѣ жениха появилась тоже улыбка.

— Что объ этомъ толковать, столкуетесь опосля, какъ звать, а теперь, если, дѣвица, ты на бракъ съ моимъ сыномъ согласна, давайте совмѣстно Богу помолимся, а тамъ о всемъ прочемъ толковать станемъ.

Василій снова поднялся съ лавки и первый распростерся ницъ передъ образами, за нимъ опустились на полъ и всѣ остальные.

Старики сейчасъ же образовали жениха и невѣсту, а вѣнчать рѣшили въ слѣдующемъ мясоѣдѣ, сряду же послѣ Крещенья.

VII.

О. Иродіонъ вѣнчалъ степенно, не торопясь; Павелъ и двоюродный братъ Ульяны, съ перевязанными черезъ плечо, вышитыми невѣстой, длинными ручниками, держали вѣнцы.

На клиросѣ пѣлъ дьячокъ Лавръ Андреичъ съ нѣсколькими крестьянами—любителями церковнаго пѣнія; соблюли и стародавній обычай: вернувшіеся послѣ вѣнчанія молодые были поставлены на шубы, осыпаны золотистымъ житомъ, старикъ-отецъ вмѣстѣ съ Евѳимьей благословили ихъ иконой и хлѣбомъ на новое житье.

Свадьбу отпировали честь-честью, безпросыпнаго пьянства не было—работящій олончанинъ не падокъ на водку—но выпили въ мѣру.

Вѣковуша уступила новобрачнымъ помѣщеніе за перегородкой, завѣсивъ уголъ около печки холщевой занавѣской.

На другое утро молодыхъ не будили, хотѣли оставить ихъ спать чуть не до полудня,—но молодуха поднялась рано и вмѣстѣ съ Евѳимьей принялась хлопотать по хозяйству, точно она и раньше здѣсь хозяйничала.

Въ Маринѣ тоже не замѣчалось никакой перемѣны, казалось, что ему было безразлично, оставаться ли холостымъ, или обзавестись женой.

Онъ-было собрался итти ставить, по обыкновенію, свои верши и лазы изъ лыка для ловли рыбы, но отецъ остановилъ его:

— Сегодня какая ужъ работа, съ молодой женой побудь, словомъ-другимъ ласковымъ съ нею перемолвись, не завсе жениться-то приходится.

— А какъ же верши-то, кто нхъ смотрѣть нонѣ станетъ?—наивно-недоумѣвающе спросилъ новоженъ.—Павла за этимъ дѣломъ не угонишь.

— Брось ты, сынокъ, объ этомъ и толковать: коли поймалась рыба, такъ и не уйдетъ, озавтра вынешь. Ввечеру, смотри, сваты придутъ, поди, и деревенскіе наши допивать, что послѣ вчера осталось, заглянутъ,—усмѣхнулся отецъ.

Не сдержалась на этотъ разъ и вѣковуша: безразличіе племянника, его невниманіе къ молодой женѣ прорвало и ее:

— Дивуюсь я на тебя, племяшекъ, въ кого ты такимъ вялымъ, невструйнымъ зародился! Другой бы отъ своей молодухи ни на шагъ не отходилъ бы, какъ муха къ медовому прянику прилипъ, а ты, эхъ!..

Въ этомъ „эхъ“ сказалось такъ много прежняго, пережитаго, чего нельзя даже выразить многими словами. Впалые глаза старой дѣвушки съ тоскливымъ укоромъ уставились на Марина, все ея тѣло нервно встрепенулось, на минуту заговорила когда-то бурливая кровь, всколыхнулась забытая нѣга, и все снова замерло въ этой сильной духомъ старухѣ, закостенѣло.

Смущенный ея словами, Маринъ подошелъ къ стоявшей у печки Ульянѣ, какъ-то неловко обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Молодая женщина не противилась: въ ея понятіи мужъ представлялся ей полнымъ обладателемъ всѣхъ на нее правъ, противиться которымъ она не должна и не смѣетъ.

— Ну, вотъ такъ, да почаще, апосля попривыкнешь, не оторвать будетъ отъ жены!—пошутилъ бывшій гонщикъ, надѣвавшій тулупъ, чтобы итти на улицу.

Вечеромъ въ избу къ новоженамъ собрались всѣ вчерашніе поѣзжане, пискнула задорная гармоника въ искусныхъ рукахъ одного изъ парней, мѣстнаго музыканта, залилась тихая пѣсня, завертѣлись плясуны и плясуньи, тоже не бойко, степенно, какъ все здѣсь на сѣверѣ, степенно, спокойно, выдержанно...

VIII.

На рубку въ эту зиму Маринъ не пошелъ: артели были еще съ осени собраны, старикъ-отецъ, предполагая его оженить, не отпустилъ его пристать къ одной изъ нихъ, среди же зимы рѣдко прибавляли народу; но зато, какъ только отвягли мелкіе падуны, забурлила громче вода въ рѣкѣ на порожистыхъ мѣстахъ, онъ самъ не сталъ задерживать старшаго сына:

— Ступай, Маринъ, на дѣло; зимушку помиловался съ молодой женой, а теперь пора пришла, чего зря силу-то тратить! Павла пока я дома позадержу,—вишь, избу новую дорубить не успѣли, одному мнѣ, хромоногому, не въ справу, а съ нимъ куда вольготнѣе. Пока до Пасхи до самой, а то и дальше работы большой вверху еще не предвидится, одинъ, безъ брата обойдешься, апосля и онъ подойдетъ.

Маринъ собрался итти вверхъ по рѣкѣ, гдѣ по берегамъ былъ выволоченъ изъ лѣсу гоночный лѣсъ. Попрощался съ отцомъ, съ домашними, обнялъ безучастно жену и, взваливъ на плечо котомку съ бѣльемъ, четверткой чая, полкараваемъ хлѣба, съ веревочной оправой и парой острыхъ крючьевъ для багра, ровнымъ ходомъ отправился въ путь по чуть приталому снѣгу.

— Ты, того, Маринъ, съ осторожкой, посматривай, какъ лѣсъ-то гнать будешь!—крикнулъ ему вслѣдъ Василій.—Не изничтожься какъ!

Маринъ услыхалъ слова старика, обернулся, увѣренно мотнулъ головой, точно говоря, что за него бояться нечего, и пошелъ дальше.

Хотя за короткое совмѣстное житье съ мужемъ Ульяна не успѣла еще вполнѣ привыкнуть къ нему, чуждалась его немного, да и онъ самъ не особенно сблизился съ нею, молодой женщинѣ все же было непріятно разстаться съ высокимъ, нескладнымъ, молчаливымъ Мариномъ.

Она твердо помнила, что они навсегда, до самой смерти связаны закономъ, и хотя не любила мужа, но жалѣла его.

Свекру тоже было непріятно разъединять молодыхъ такъ скоро послѣ свадьбы, но исконная работа семьи не ждала, со вскрытіемъ рѣкъ объ отдыхѣ нечего было и думать. Онъ мягко положилъ широкую ладонь на только-что формировавшіяся плечи невѣстки и ласково проговорилъ:

— Ты, Ульяна, не скучай по мужѣ, дѣло ужъ наше такое, имъ кормимся: вернется домой невредимымъ, багромъ онъ работать умѣетъ. „Оно, вправду сказать, Никаноръ куда на наше дѣло сподручнѣе, ловчѣе“,—невольно сравнилъ мысленно обоихъ сыновей старикъ.—А ну, Павля, чего мы съ тобой зря топчемся, залаживай вѣнецъ-то слѣва.

Павелъ послушно взялся за одинъ конецъ бревна, Василій за другое, и вмѣстѣ стали поднимать его на новый срубъ. Женщины вернулись въ избу къ оставленнымъ работамъ.

— Не долго пришлось тебѣ, бабочка, съ мужемъ полюбиться,—сказала тихо вѣковуша, когда онѣ остались однѣ:—до самой осени ни дѣвка ни баба!

При братѣ Евѳимія рѣдко рѣшалась вступать въ разговоръ: присутствіе Василія Никифоровича точно смыкало ея губы, да вообще она рѣдко разговаривала, но иногда точно какая-то посторонняя сила заставляла ее говорить.

Слова старой дѣвушки тяжело отозвались на душѣ у молодухи, слезы невольно показались у нея на глазахъ.

— Плачь, милая, плачь,—такая ужъ участь наша женская плакать, другой не заслужили!..—прошептала Евѳимія, принимаясь возиться съ горшками на шесткѣ.

IX.

Сама рѣка еще спала подо льдомъ, только падунъ начиналъ ворчать, звонко оглашая тишину вѣкового бора, засыпаннаго снѣжными метелями. Изъ-подъ бѣлаго мягкаго покрывала коегдѣ темными пятнами проглядывали громадныя лапы елей, чернѣли толстые стволы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода Марина, Ульяна, урвавъ свободную минутку отъ заботъ по хозяйству, накинувъ полушубокъ на плечи, медленно шла по наѣзженной санями узкой дорогѣ къ лѣсу. Подшитые кожей валенки мягко поскрипывали. Дойдя до опушки, молодая женщина остановилась и задумалась: ей стало грустно: въ семьѣ дяди она чувствовала себя лишней; выйдя замужъ, она сознавала себя чужой и здѣсь.

Слезы снова невольно навернулись на глаза, Ульяна плакала отъ своего одиночества...

— Сестрица, что съ вами, бросьте, не плачьте!—услышала она около себя робкій голосъ Павла и, точно стыдясь слезъ, смахнула ихъ рукой.

— Такъ что-то закручинилось, братецъ,—отвѣтила молодуха, стараясь скрыть волненіе, но это ей не удавалось.

Павелъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на нее, во взглядѣ его большихъ близорукихъ сѣрыхъ глазъ искрились сожалѣніе и ласка къ этой чужой для него женщинѣ, прихотью судьбы ставшей женой его брата.

— Не скучайте, сестрица; вотъ поосвобожусь апосля Пасхи, съ дѣлами домашними посправлюсь, пойду на гонку, Марину посвободнѣе будетъ, съ лѣсомъ сплыветъ досюда, передышку себѣ сдѣлаетъ, дома побудетъ.

Унылый взглядъ Ульяны не оживился при этомъ сообщеніи; мысль о возвращеніи домой мужа почему-то не радовала ее: приходъ его не вносилъ особой перемѣны въ жизни молодой женщины, въ его отсутствіи, какъ и при немъ, она пользовалась положеніемъ хозяйки въ домѣ, ни свекоръ ни вѣковуша ее ничѣмъ не обижали...

Хотя поздно, но вспомнилась Ульянѣ дѣвичья воля: хотя дядя и тетка строго обращались съ нею, но все-таки это была свобода, заказать которую ей никто не могъ; а теперь?

Ульяна безсознательно махнула рукою, тулупъ отъ рѣзкаго движенія сползъ съ плеча и свалился на снѣгъ.

— Какъ бы не застыли, сестрица,—участливо проговорилъ Павелъ, торопливо поднимая тулупъ и заботливо укрывая имъ невѣстку.

Темноватый, противъ обыкновенія, мартовскій день тоскливо отгоралъ, оттепель переходила на морозъ. Въ окнахъ высокихъ избъ деревни вспыхнули кое-гдѣ огоньки.

— Ишь, у отца Иродіона какъ свѣтло новая лампа-то пыхаетъ,—стараясь отвлечь Ульяну отъ невеселыхъ мыслей, начинавшихъ невольно овладѣвать и имъ, сказалъ парень.—Три съ полтиной въ городѣ заплатилъ за нее.

Ульяна разсѣянно посмотрѣла на ярко освѣщенное окно священническаго дома и задумчиво прошептала:

— Куда ярче прочихъ-то...

Павелъ встрепенулся.

— Совсѣмъ на нашу людскую жизнь схоже! Иному, что только въ руки возьметъ—все дается, удачливый, такъ самъ удачей этой и свѣтится, а другой, какъ не заладится, ничего не можетъ сдѣлать: бьется, бѣдняга, всю жизнь шею гнетъ, рукъ отъ работы не отрываетъ, ни свѣта отъ него ни огня, словно лучина коптитъ, вотъ что допрежъ лампъ по деревнямъ жгли.

Ульяна съ изумленіемъ посмотрѣла на собесѣдника,—такимъ она его еще не знала.

— Кто же вамъ это, братецъ, разсказывалъ?—робко-наивно спросила она Павла.

Перекачнулись широкія плечи молодого гонщика, сказалась отцовская привычка.

— Въ школу я раньше бѣгалъ, учитель доберъ былъ, все намъ, мальчонкамъ, разъяснялъ, кто что спроситъ, все съ нами обтолковывалъ, въ ясность приводилъ, не хотѣлъ, чтобы мы, малыши, какъ подрастемъ, темными ходили. Спасибо ему по сихъ поръ говорю, много чему хорошему насъ научилъ, на умъ какъ слѣдуетъ наставилъ! Да вы, сестрица, грамоту-то знаете?—неожиданно перебилъ самъ себя Павелъ.

На лбу молодой женщины появилась складка:

— Писать не могу, а читать смыслю, не скоро, а все же понимаю.

— Коли хотите, я вамъ книжечки предоставлю; какъ отъ работы вечеромъ управитесь, почитайте—отъ сердца вся эта тоска отойдетъ.

— Принесите, братецъ, коли не въ трудъ,—потупилась Ульяна:—только вотъ, какъ свекоръ-батюшка...

— Тятенька хоть самъ по-старинному читать только можетъ, больше къ церковнымъ книгамъ прилежитъ, а все жъ мнѣ и брату Никанору никогда не прещалъ и такія книжки читать.

— А братецъ Никаноръ тоже въ школѣ учился?—съ любопытствомъ спросила молодуха о незнакомомъ ей членѣ новой для нея семьи.

— Онъ куда всѣхъ пареньковъ, что съ нимъ вмѣстѣ къ учителю ходили, обогналъ, одно время дьячку нашему помогалъ, въ церкви читалъ, а какъ въ солдаты итти подошла пора—все позабросилъ, кутитъ, пить зачалъ... Только, сестрица, тятенькѣ объ этомъ не сказывайте, ужъ больно онъ Никанора любитъ, все ему прощалъ.

— Все прощалъ?—невольно вырвалось у Ульяны.

Павелъ изумленно взглянулъ на нее.

— Все какъ есть,—протянулъ онъ.—А послѣдній день, какъ уходить... да что я, не слѣдъ вамъ это сказывать!—замялся парень.

— Братецъ Павленька,—загорѣлась вся любопытствомъ молодуха:—ужъ коли зачалъ говорить, такъ досказывай все!

Павелъ замялся, наклонилъ низко голову и еле слышно проговорилъ:

— Грѣхъ такой вышелъ... съ замужней бабой спознался.

Еще блѣдное отъ недавнихъ слезъ лицо Ульяны сразу залилось густымъ румянцемъ, но спустившіяся сумерки скрыли его отъ Павла.

X.

Старикъ Василій не только не разсердился, что молодуха читаетъ книжки, принесенныя его сыномъ, но даже, вернувшись какъ-то подъ вечеръ съ постройки, сказалъ:

— Ты бы, доченька богоданная, каку книжечку намъ почитала, самъ-то я глазами пооослабъ, да и по-гражданскому не ладенъ, какъ слѣдъ, разбирать!

Ульяна послушно исполняла его желанія и читала небольшія книжки приложеній къ дешевымъ журналамъ; въ особенности старикъ любилъ послушать, что дѣлается въ другихъ государствахъ, и нерѣдко доставалъ газету у о. Иродіона.

Евѳимія относилась къ книгамъ пренебрежительно: высказывать этого она не рѣшалась при братѣ, но, улучивъ какъ-то минуту, боязливо оглядываясь по сторонамъ, шепнула Ульянѣ:

— И чего это заладилъ братецъ съ Павлушкой чтеньемъ тебя, милушка, отягчать?.. Зря глаза только портишь, нѣтъ тебѣ ни радости особой, веселья то жъ, безъ книжекъ знаемъ, какъ жизнь-отъ прожить! По твоимъ-то молодымъ годамъ, Ульяшенька, веселиться бы только слѣдовало, хороводы водить, съ парнемъ, другимъ перемигнуться, съ бабочкой, такой же, какъ ты, молодой, посмѣяться, потараторить, а ты день-денской въ хомутѣ ходишь, а вечеръ пришелъ—тутъ бы зныку себѣ дать, а ты глаза порти—читай! Эхъ! Не таковская я была смолоду, цѣпью въ избѣ о вечеръ не приковали бы, завсе гулять рвалась,—съ затаеннымъ сожалѣніемъ закончила старуха.

Ничего не возразила теткѣ Ульяна; читать ей нравилось, въ глухой родной деревушкѣ Боры о чтеніи никто и не думалъ, до зимамъ чуть ли не всѣ мужчины уходили артелью валить лѣсъ, остававшіяся однѣ дома женщины пряли, ткали, вязали корзины изъ луба, не до чтенія тутъ было, которыя изъ нихъ и знали грамоту, такъ позабыли...

Но заманчивыя картины веселаго отдыха послѣ дневного труда, такъ горячо описанныя вѣковушей, какъ ни какъ, а все же невольно увлекали Ульяну, она никогда не бывала на оживленныхъ засидкахъ, слышала мало веселаго смѣха—раньше въ домѣ угрюмыхъ дяди и тетки, а теперь въ семьѣ мужа. У нея невольно нарождалось желаніе хоть разъ побывать на такомъ весельѣ, однимъ бы глазкомъ взглянуть, какъ умѣютъ люди веселиться, горѣть свѣтлой лампой, а не мерцать дымной лучиной.

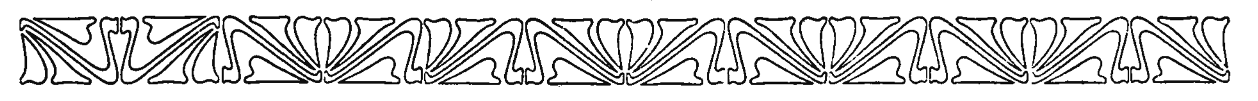
Но какъ это устроить? Сейчасъ Великій постъ, веселыхъ засидокъ и игрищъ больше не бываетъ, молодежь разошлась кто куда, о слѣдующихъ святкахъ только веселиться снова зачнутъ. Про Святъ день веселья особаго нѣтъ, да и гулять некому.

Правда, дома парень молодой имѣется, да съ такимъ и веселье на умъ не пойдетъ: все о жизни степенной толкуетъ, книжку какую послушаетъ или самъ прочтетъ, примѣръ приводитъ.

— Ладно ты, Павелъ, это сказываешь, такъ и надлежитъ поступать,—соглашался съ нимъ отецъ и, обратившись къ Ульянѣ, повторялъ:—Вотъ видишь, невѣстушка, какъ людямъ слѣдъ-отъ жить, и будетъ на землѣ миръ и благоволеніе.

Вѣковуша, сидя у печки, дремала, но при первыхъ звукахъ голоса брата открывала глаза и пристально уставлялась на Василія; въ ея остромъ лихорадочномъ взглядѣ можно было прочесть не мало презрѣнія и какой-то затаенной вражды, никогда не высказываемой ею въ другое время.

(Окончаніе слѣдуетъ).



„Полуостровъ“ Сахалинъ.

Очеркъ **В. К. Анфилова.**

(Съ 11 рис. на стр. 313, 314 и 315).

Морской пароходъ въ Чайвинскомъ заливѣ, у самаго берега. Фотографія даетъ представленіе объ этой удивительной естественной гавани: берегъ такъ отлогъ, а дно около берега такъ глубоко, что даже глубокосидящія морскія суда свободно подходятъ къ нему, словно въ благоустроенномъ портѣ. Эта замѣчательная гавань находится въ Восточномъ Сахалинѣ, гдѣ сосредоточена будущая нефтяная промышленность.

Въ 1905 г., едва вступили японцы на Сахалинъ,—и этотъ отдаленный островъ нашъ пересталъ исполнять свою печальную роль „штрафной колоніи“. Почти тридцать пять лѣтъ подъ рядъ онъ несъ эту тяжелую службу, и, нужно признаться, она никогда не была удачною... За все время существованія сахалинской ссылки тамъ перебывало до сорока тысячъ преступниковъ, но для колонизаціи острова эта масса людей не совершила ничего хорошаго. Каторжный режимъ на островѣ былъ весьма серьезнымъ: случалось, изъ партіи въ пятьсотъ человѣкъ, назначенныхъ на работы, въ короткое время убывало до... трехсотъ арестантовъ, изъ которыхъ умирало 70—80 чел., а остальные безслѣдно исчезали. Разселеніе по приказанію, хозяйствованіе по казенной указкѣ, составленіе семей по принужденію—все это, конечно, не могло способствовать успѣху колонизаціи. Преступные люди подъ властью жестокихъ или—въ лучшемъ случаѣ—сухихъ чиновниковъ не въ состояніи были создать здоровой и производительной жизни. Громадный островъ не только не процвѣталъ, но непрестанно хворалъ и болѣлъ тяжкою болѣзнью.

„Жизнь поселенцевъ, это—какой-то тяжелый кошмаръ, смѣсь разгула, безшабашнаго разврата, наглости, безстыдства и разнузданности съ самымъ истиннымъ горемъ и невообразимыми лишеніями, жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ своихъ извращенная самыми уродливыми и ужасающими оттѣнками“...

Такъ отзывается о жизни ссыльныхъ одинъ изъ бывшихъ окружныхъ начальниковъ Сахалина. Сами же сахалинцы характеризовали свою жизнь на островѣ много короче, но едва ли не сильнѣе: „кругомъ море, а посрединѣ—горе!“

Почти ни одинъ изъ „колонистовъ“, хотя бы и поселенный „безъ срока“, никогда не считалъ себя обывателемъ Сахалина до гробовой доски и всегда стремился при первой же возможности удрать съ острова. Даже и заведенныя хозяйства, съ домами, выстроенными собственными руками, съ землями, политыми своимъ потомъ, безъ всякаго сожалѣнія бросались, едва лишь представлялся случай выбраться на материкъ. Напримѣръ, только за одинъ годъ — съ 1900 по 1901 г.—жителями острова было покинуто свыше тысячи заведенныхъ ими хозяйствъ!

Ни одинъ поселенецъ не желалъ, да, пожалуй, и не могъ жить безъ казеннаго пайка. Весьма характерна статистика такъ называемаго „Экономическаго фонда“, снабжавшаго сахалинцевъ всѣмъ необходимымъ; она какъ нельзя лучше подчеркиваетъ сущность жизни бывшихъ „колонистовъ“. Такъ, съ 1896 по 1897 г. фондомъ было продано разныхъ товаровъ на 19.635 р. 5 коп., а крѣпкихъ напитковъ... на 67.552 р. 10 к. Но потомъ такая торговля приняла еще болѣе высокіе размѣры: въ 1901 г., съ октября по Рождество, было продано на 55.000 р. одной водки; выдавались дни, когда винная лавка торговала болѣе, чѣмъ на 4.000 р... За одинъ зимній сезонъ 1902 г. было продано водки на 100.000 р!.. Нужны ли къ этому еще какія-либо поясненія?

Главная улица поселка Александровска, на о. Сахалинѣ.

Но вѣдь когда въ 1853 г. наши войска впервые высадились на Сахалинъ, тогда русское правительство предвидѣло въ этомъ островѣ главнымъ образомъ его стратегическое значеніе. Только имѣя именно эту цѣль, мы взяли Сахалинъ у японцевъ, а взамѣнъ отдали имъ острова Курильскіе.

Затѣмъ мы увидѣли, что вмѣстѣ съ стратегическою пользою изъ новаго острова можно извлечь и матеріальную, — ибо онъ оказался чрезвычайно щедро надѣленнымъ природою многими богатствами: на немъ найдено золото, серебро, свинецъ, мѣдь,

Берегъ моря и пристань у поселка Александровска, на о. Сахалинѣ.

Поверхность сахалинскаго нефтяного озера.

коить населеніе, оставшимся ссыльно-поселенцамъ понемногу начали возвращать права, а въ 1913 г., по ходатайству губернатора Д. Д. Григорьева, ихъ уравняли во всѣхъ правахъ, присущихъ всероссійскому крестьянству. Это—поистинѣ благодѣтельная мѣра. Ею названный губернаторъ воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворенный.

Безъ сомнѣнія, этимъ высокознаменательнымъ распоряженіемъ окончательно смылось все прошлое Сахалина: отнынѣ жители его стали равноправные, свободные люди, и для нихъ началась совершенно новая эра жизни. Однако для начала послѣдней нужно было и еще кое-что совершить... И вотъ администрація обновляемаго Сахалина намѣтила цѣлый рядъ культурныхъ предпріятій, способныхъ удержать волну разбѣга обитателей. Она увеличила количество школъ, организовала болѣе широкую врачебную помощь, устроила сельскохозяйственные показательные пункты, выписала агрономовъ-инструкторовъ, затѣвала съѣзды мѣстныхъ земледѣльцевъ, выстроила народный домъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обратила усиленное вниманіе на природныя богатства „полуострова“, до сихъ поръ пребывавшія втунѣ. Дабы привлечь къ нимъ отечественныхъ

желѣзо, цинкъ, кромѣ того — обильнѣйшія залежи чудеснаго каменнаго угля и многочисленные выходы нефти. Лѣсъ, тогда еще вовсе не тронутый человѣкомъ, покрывалъ весь островъ сплошь. Ель, пихта, лиственница — мощнаго роста, по два, по полтора аршина въ обхватѣ. Лѣса эти буквально были наполнены дорогими пушными звѣрями: соболями, черно-бурыми лисицами, выдрами, россомахами, медвѣдями, бѣлками... Пернатой дичи были несчетныя массы. Воды, омывающія островъ, прямо-таки кишѣли рыбою: кетою, горбушею, сельдью и мн. др. Въ періодъ икрометанія лососевая рыба входила въ рѣки острова, и ее можно было не ловить, а прямо вычерпывать, до того густъ былъ ходъ этой рыбы!

Однако все это было игнорировано. Правительство рѣшило устроить на Сахалинѣ пенитенціарную колонію, соблазнясь изолированностью острова: съ него-де арестанты не убѣгутъ, ссылка на него поневолѣ будетъ имѣть исправительное значеніе, и ссыльный элементъ явится прекраснымъ матеріаломъ для колонизаціи богато одареннаго края. И съ 1879 г. на Сахалинъ стали водворяться партія за партіей арестанты. Насколько оправдались расчеты прави-

Рѣка Нутово, — характерный пейзажъ сахалинской природы въ таежныхъ мѣстахъ.

Поверхность сахалинскаго нефтяного озера.

капиталистовъ, губернаторство производило всевозможныя изслѣдованія богатствъ и всякій разъ „запротоколивало“ доказанную наличность такихъ даровъ природы въ издаваемыхъ для этой цѣли сборникахъ и брошюрахъ. Но русскіе толстосумы не двигались. Ихъ не прельщали ни рыба сахалинскихъ водъ, ни лѣса,

тельства—мы уже знаемъ. Война окончательно аннулировала эту несчастную затѣю.

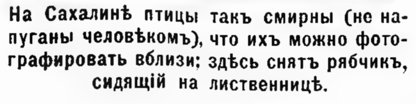
Когда островъ былъ раздѣленъ и превратился въ „полуостровъ“, каторгу упразднили—и сейчасъ же болѣе двухъ третей всего населенія перебралось на материкъ, безжалостно побросавъ свои усадьбы и хозяйства. Только сорокъ селеній (хотя нѣкоторыя изъ нихъ насчитывали всего одного жителя!) остались съ обитателями, остальное все опустѣло! Любопытно, что война не только не разорила сахалинцевъ, но значительно улучшила ихъ благосостояніе: вѣдь брошенныя жилища, скотъ, земли, покинутые японцами запасы хлѣба—все досталось оставшимся обывателямъ! Впрочемъ, и это благополучіе не крѣпко задерживало жителей Сахалина: они все продолжали рваться съ острова, и къ 1912 г. ихъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ!

Такой поголовный разбѣгъ жителей, конечно, обезпокоилъ мѣстныхъ администраторовъ. Дабы по возможности успо-

Нефтяная вышка въ новоразрабатываемыхъ мѣсторожденіяхъ нефти.

Рябчиковъ на Сахалинѣ не стрѣляютъ, а ловятъ особыми петельками, накидываемыми имъ на голову.

ни почти нетронутые запасы угля, ни феноменальныя зарожденія нефти, явные признаки которыхъ по всему восточному побережью видны въ видѣ нефтяныхъ озеръ и цѣлыхъ полей, покрытыхъ кирою... Сахалинъ-де отовсюду далекъ, онъ оторванъ отъ міра, совсѣмъ неудобенъ для привлеченія его въ общую сферу промышленности; порта у него нѣтъ, а сами запасы природныхъ богатствъ вовсе ужъ не такъ выгодны...



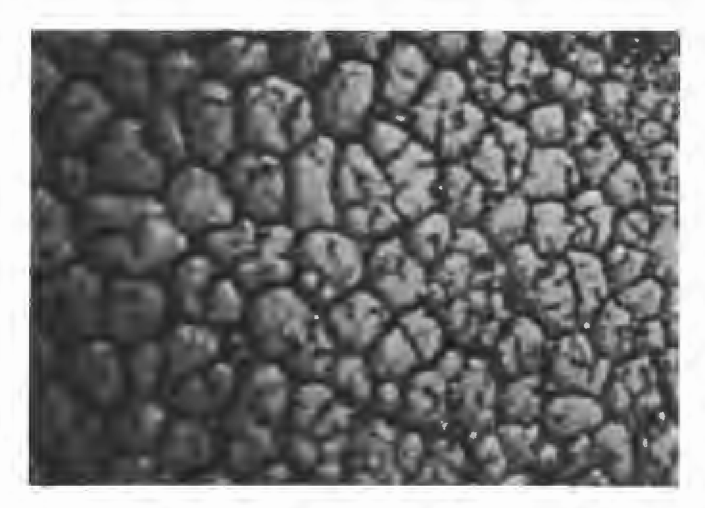
На Сахалинѣ птицы такъ смирны (не напуганы человѣкомъ), что ихъ можно фотографировать вблизи; здѣсь снятъ рябчикъ, сидящій на лиственницѣ.

И вотъ пришлось прибѣгнуть къ старому средству, безъ котораго у насъ, какъ кажется, не двигается ни одно большое дѣло: „пойдемъ къ варягамъ, пускай пріѣдутъ володѣть нами!“

И на Сахалинъ явились англичане. Ихъ извѣстный геологъ, знатокъ нефтяныхъ изысканій Ф. Голидэй, нашелъ сахалинскую почву безусловно богатою нефтью и высказалъ убѣжденіе, что при затратѣ хорошаго капитала успѣхъ предпріятія превзойдетъ даже и весьма нескромныя ожиданія!

Тотчасъ же стали строить нефтяныя вышки, начались буренія, стали проводить дороги и телеграфъ. На состоявшемся недавно въ Лондонѣ общемъ собраніи быстро создавшагося акціонернаго общества „Сахалинскія нефтяныя поля“ по адресу нашего брошеннаго „гиблаго полуострова“ раздавались совершенно новые, неслыханные у насъ, отзывы!..

Оказывается, Сахалинъ безусловно долженъ сдѣлаться однимъ изъ міровыхъ поставщиковъ керосина! Въ рынкахъ онъ отнюдь не можетъ имѣть недостатка уже въ силу своего удивительно удачнаго географическаго положенія. Онъ уже теперь обладаетъ великолѣпнѣйшею естественною гаванью въ Чайво: тамъ къ морскому берегу могутъ подходить громадныя суда чуть не вплотную!. По всей области Амура, по всей Сибири — по крайней мѣрѣ до Байкала — Сахалинъ не будетъ имѣть конкуренціи



Поверхность сахалинскихъ нефтяныхъ озеръ и полей — кира (земляной воскъ), сгустѣвшая нефть.

ближе Баку. Съ другой стороны, сахалинская нефть и въ Китаѣ забьетъ всякую другую... Словомъ, по расчетамъ будущихъ эксплоататоровъ нашихъ богатствъ, Сахалину предстоитъ блестящая будущность сильнаго и непоколебимаго промышленнаго центра, гдѣ станутъ выковываться милліоны рублей...

По послѣднимъ слухамъ, сахалинская область, какъ самостоятельная административная единица, упраздняется. Она будетъ присоединена къ новообразуемой Николаевской области, которая

Привалъ губернаторской развѣдочной экспедиціи на Сахалинѣ.

организуется изъ Удскаго округа, находящагося какъ разъ противъ Сахалина. Главнымъ городомъ новой области сдѣлается Николаевскъ-на-Амурѣ.

Изъ міра азарта.

Очеркъ **Н. Инсарова.**

Многое проходитъ у насъ передъ глазами, не останавливая нашего вниманія и не вызывая того порицанія или одобренія, котораго эти вещи или явленія заслуживаютъ. Къ числу почти несознаваемаго зла принадлежитъ азартъ, т.-е. игра въ карты или рулетку, на тотализаторѣ или въ лото. Мы знаемъ только, что многіе играютъ и почти все проигрываютъ, по крайней мѣрѣ въ конечномъ итогѣ. Мы этому не сочувствуемъ, но и не преслѣдуемъ игру и азартъ въ такой мѣрѣ, какъ они того заслуживаютъ. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что мы не представляемъ себѣ суммы тѣхъ бѣдъ, которыя вносятся въ жизнь общества страстью къ азартной игрѣ. Вотъ почему будетъ не лишнимъ попытаться опредѣлить прежде всего зло азарта въ денежной, такъ сказать, валютѣ, въ цифрахъ, показывающихъ матеріальный ущербъ, приносимый Европой богу азарта.

По подсчету одного англійскаго статистика,—подсчету, конечно, далеко не полному и несомнѣнно преуменьшенному,—общая сумма денегъ, проигранная міромъ въ послѣднія 20 лѣтъ, равняется 28.500.000.000 руб. Это значитъ, что публика въ теченіе года проигрываетъ не менѣе полутора милліарда рублей! Но это, какъ мы уже сказали,—по скромному подсчету, потому что исчислить хотя бы приблизительно ту массу проигрышей, которые производятся въ многочисленныхъ тайныхъ игорныхъ притонахъ, нѣтъ

никакой возможности. Быть-можетъ, при возможности сдѣлать болѣе полный подсчетъ проиграннымъ суммамъ, 28 милліардовъ увеличились бы въ полтора, а то и въ цѣлыхъ два раза.

Но и то, что проигрывается сейчасъ, представляетъ собою громадное богатство, выброшенное на содержаніе и увеличеніе кармановъ содержателей игорныхъ домовъ, казино, скаковыхъ и бѣговыхъ ипподромовъ, на увеличеніе бюджета шулеровъ, дамъ съ сомнительными нравственными идеалами, цѣлой арміи лакеевъ и крупье.

Если бы мы захотѣли наглядно представить ту сумму золота, которая была, по исчисленіямъ Мюльгаля, проиграна европейской публикой въ послѣднія только 20 лѣтъ, то мы могли бы изъ этого золота отлить 66.000 скаковыхъ лошадей. Но если бы мы пожелали это золото просто превратить въ золотую колонну, то она поразила бы насъ своими размѣрами. Такая колонна была бы въ полтора раза выше Исаакіевскаго собора и имѣла бы въ поперечномъ сѣченіи площадь въ два квадратныхъ аршина.

Таковы денежныя потери игроковъ. Онѣ колоссальны по сравненію съ тѣмъ, что тратится человѣчествомъ на другія потребности. Такое, напримѣръ, богатое государство, какъ Англія, тратитъ на всѣ свои государственныя нужды въ наше время около 2-хъ милліардовъ рублей; за 10 лѣтъ, съ 1900 по 1910 гг., Франція потратила на свои государственныя нужды около 25 милліардовъ. Такимъ образомъ самыя богатыя страны тратятъ на общегосударственныя нужды меньше, чѣмъ игроки на страстную наклонность къ азарту.

Обыкновенно думаютъ, что проигрышъ одного игрока составляетъ выигрышъ другого; отсюда дѣлается выводъ, что деньги въ игрѣ просто вѣчно мѣняютъ своего хозяина, и что игроки всего свѣта изъ года въ годъ просто-напросто передаютъ деньги другъ другу: сегодня Иванъ Петру, завтра—Петръ Ивану. Такимъ образомъ получается невинная забава, при которой никто въ конечномъ итогѣ не выигрываетъ и не проигрываетъ.

Прежде, когда во многихъ государствахъ разрѣшались игорные дома, было сравнительно легко прослѣдить, какія суммы проигрывались публикой. Если мы заглянемъ въ старое сочиненіе француза Пуассона (1820 г.), то тамъ найдемъ много любопытнаго по части статистики игорныхъ домовъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XIX вѣка въ Парижѣ было довольно много разрѣшенныхъ игорныхъ домовъ, платившихъ за это свое право правительству страны 6.000.000 франковъ ежегодно. Пуассонъ говоритъ, что въ trente et un ставилось въ этихъ домахъ ежегодно около 400 мил., въ рулетку 100 — 150 мил., а всего около 500 милліоновъ. А такъ какъ тѣ же самыя суммы переходили отъ игрока къ игроку по 12—15 разъ, то выходило, что сумма проигрыша составляла не менѣе 30.000.000.000 франковъ въ годъ. Доходъ только парижскихъ содержателей игорныхъ домовъ тѣхъ временъ Пуассонъ опредѣляетъ въ 8—10 милліоновъ, да плата казнѣ за право содержанія 6 милліоновъ, а всего, слѣдовательно, игорные дома Парижа стоили парижанамъ отъ 16—17 милл. франковъ въ годъ. Но вѣдь Пуассонъ имѣлъ въ виду только тѣ игорные дома, которые содержались открыто и съ разрѣшенія власти, и не учитываетъ тайныхъ игорныхъ притоновъ. Здѣсь же Пуассонъ приводитъ громадное количество самоубійствъ, находившихся въ непремѣнной связи съ проигрышемъ.

Вышеприведенный взглядъ крайне ошибоченъ. Всѣмъ, кажется, извѣстно, что во всемірно извѣстномъ Монте-Карло игра въ рулетку разсчитана съ такою геніальностью, что никогда хозяева этого всенароднаго игорнаго дома не могутъ остаться въ проигрышѣ. Милліонные барыши рулетки въ Монте-Карло могутъ ярче всего и убѣдительнѣе всего показать всю сущность современной игры. Вездѣ и всюду имѣются тысячи ловкихъ людей, умѣющихъ жить насчетъ азартной публики и забирать подъ предлогомъ слѣпого счастья и удачи громадные куши. И въ Спа, и въ Виши, и въ многотысячныхъ игорныхъ притонахъ, и на палубахъ, и каютахъ пароходовъ всѣхъ морей, рѣкъ и океановъ, и на всѣхъ ипподромахъ и казино идетъ непрерывно игра, въ которой наживаются тысячи шулеровъ, содержателей и аферистовъ. По подсчету, изъ всѣхъ проигранныхъ денегъ едва одна треть на самомъ дѣлѣ переходитъ въ руки счастливыхъ игроковъ, которые завтра окажутся тоже въ положеніи проигравшихъ и такимъ образомъ вернутъ вчерашнимъ несчастливцамъ ихъ проигрышъ. Что же касается двухъ третей проигрыша, т.-е., говоря опредѣленнѣе, одного милліарда рублей, то онъ несомнѣнно попадетъ въ руки профессіоналовъ-шулеровъ и предпринимателей игорныхъ клубовъ, казино и скачекъ.

Видѣлъ ли когда-нибудь кто-либо изъ насъ богача, пріобрѣвшаго капиталъ въ честной игрѣ? Никогда. Но если вопросъ будетъ поставленъ наоборотъ: видѣлъ ли кто-нибудь бѣдняка, разорявшагося на игрѣ въ карты или иного рода игру, то всякій изъ насъ укажетъ на нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ или людей, которыхъ онъ зналъ, какъ несчастныхъ игроковъ. Поѣзжайте въ Монте-Карло и посмотрите, сколько тамъ лицъ въ теченіе только сутокъ теряютъ все свое состояніе и возвращаются на родину нищими или оканчиваютъ жизнь тамъ же, въ предѣлахъ благословеннаго княжества.

Зачастую мы слышимъ порицанія по адресу правительства Монако, допускающаго въ своихъ предѣлахъ игорный домъ и извлекающій изъ этой нечистой страсти свои государственные доходы. Однако государства не вмѣшиваются въ дѣла игорныхъ домовъ въ родѣ Монако, Спа, Виши и пр., потому что нѣкоторые изъ нихъ сами извлекаютъ не малую пользу отъ игры и азарта.

Въ Австріи, Италіи, Пруссіи, Саксоніи, Брауншвейгѣ, Венгріи, Голландіи, Сербіи и Даніи имѣются такъ называемыя государственныя лотереи. Защитники такихъ лотерей говорятъ, что государство, устраивая ихъ, даетъ бѣдному населенію самое высшее благо на землѣ—надежду. Такъ ли это, или не такъ, но ко всѣмъ уже существующимъ проигрышамъ государственная лотерея присоединяетъ еще одинъ, и этотъ проигрышъ стоитъ странѣ довольно много. О томъ, что лотерея вынимаетъ деньги по преимуществу изъ кармановъ бѣдноты, ибо она-то и склонна болѣе остальныхъ классовъ жить надеждами,—говорить не приходится. Замѣчено, что въ Италіи, напримѣръ, въ дни государственныхъ лотерей сокращается потребленіе хлѣба.

Государственная лотерея раздѣляется на двѣ системы: генуэзскую и числовую лотерею или классную. Сущность первой состоитъ въ томъ, что государство само участвуетъ въ игрѣ тѣмъ, что принимаетъ на любую сумму пари, предложенныя игроками за выходъ одного или нѣсколькихъ чиселъ. Въ этомъ случаѣ доходъ государства заключается въ томъ, что сумма выигрышей, предоставленная игрокамъ, значительно меньше той, которая реализуется по теоріи вѣроятностей.

При второй же системѣ лотереи, т.-е. при лотереи классной, имѣются въ виду денежные выигрыши, разыгрываемые въ нѣсколько тиражей и распредѣленные на опредѣленное количество билетовъ, при чемъ цѣна этихъ билетовъ крайне низка и поэтому доступна широкимъ, неимущимъ народнымъ массамъ, что и дѣлаетъ такого рода игру нежелательной. Въ такого рода лотереѣ выгода государства заключается въ томъ, что оно беретъ себѣ опредѣленную долю этихъ выигрышей.

Государственные теоретики оправдываютъ государственную лотерею по тѣмъ соображеніямъ, что, разъ существуетъ въ природѣ современнаго человѣка потребность въ азартѣ и азартной игрѣ, то лучше, чтобы эта потребность удовлетворялась изъ рукъ государства, которое доходы отъ азарта употребляетъ на обще-государственное дѣло и устройствомъ государственныхъ лотерей сдерживаетъ эту страсть въ извѣстныхъ границахъ.

Если обратиться къ исчисленію доходовъ современныхъ государствъ отъ государственной лотереи, то мы увидимъ, что этотъ доходъ не малочисленъ. Валовая прибыль Австріи отъ этого вида государственной операціи равняется приблизительно 34 милліонамъ кронъ, т.-е. 13 милліонамъ 600 тысячамъ рублей; въ Италіи этотъ доходъ равняется 95 милліонамъ лиръ, т.-е. почти 37 милліонамъ рублей; въ Пруссіи государственная лотерея даетъ казнѣ 124 милл. марокъ, т.-е. около 57 милл. рублей. Россія не знаетъ такого вида государственнаго дохода, хотя это не относится къ Царству Польскому, гдѣ, впрочемъ, получается всего дохода 282.000 рублей.

Помимо проигрышей, публика терпитъ еще и расходы, связанные съ процессомъ игры, какъ, напримѣръ, покупка картъ. Въ Россіи выработка игральныхъ картъ, какъ извѣстно, составляетъ привилегію воспитательныхъ домовъ. Чистый доходъ отъ продажи картъ у насъ составлялъ въ 1902 г. 2.485.541 руб., въ 1901 г.— 2.307.502 руб., въ 1899 г. — 2.065.361 руб. Какъ видимъ, наши игроки въ карты несутъ ежегодно еще дополнительный расходъ въ два съ лишнимъ милліона рублей.

Среди орудій азарта на первомъ мѣстѣ можно поставить игральныя карты, потому что онѣ служатъ чаще всего цѣлямъ удовлетворенія потребности въ игрѣ, выигрышѣ, наживѣ и обиранію легковѣрныхъ игроковъ. Трудно учесть количество вырабатываемыхъ въ мірѣ игральныхъ картъ, но во всякомъ случаѣ оно громадно. Наиболѣе распространены въ наше время карты французскія. Какъ и многое другое, карты и карточная игра возникли на далекомъ Востокѣ и, кажется, раньше всего въ Китаѣ. Ихъ карты не были, конечно, картонными, какъ европейскія, а выдѣлывались либо изъ дерева, либо изъ слоновой кости. На такого рода четырехугольныхъ дощечкахъ были нарисованы фигуры.

Игральныя карты попали въ Европу, какъ говорятъ, отъ сарациновъ, у которыхъ заимствовали карточную игру итальянцы. Первыя документальныя свѣдѣнія о картахъ мы находимъ въ записяхъ казначея Карла VI, короля французовъ, 1392 г. Въ этихъ записяхъ находится графа, въ которой помѣчена уплата денегъ нѣкоему живописцу Жакмену Гренгонёру за три колоды картъ, расписанныхъ золотомъ и красками. Эта запись говоритъ намъ, что въ старину, до изобрѣтенія гравированія и печатнаго станка, игральныя карты разрисовывались художниками, и говорятъ, что среди этого вида произведеній попадались истинные шедевры искусства. Особенно славились по этой части нѣмецкіе художники. Ихъ въ Германіи было такъ много, что въ XIV вѣкѣ они уже составляли общества и гильдіи.

Послѣ изобрѣтенія рѣзьбы по дереву и гравированія на мѣди работа картъ руками прекратилась, но въ то же время производство ихъ значительно увеличилось, и въ особенности все въ той же Германіи. И посейчасъ Германія стоитъ во главѣ картопромышленности. Тамъ находится въ наше время около 40 карточныхъ фабрикъ, въ которыхъ ежегодно вырабатывается около $5^1/_2$ милліоновъ колодъ картъ.

Какъ это ни странно, но карты сыграли культурно-историческую роль. Благодаря тому, что карты изображали рыцарей, князей и гражданъ далекихъ Среднихъ вѣковъ въ ихъ костюмахъ

мы имѣемъ возможность теперь возстановить формы одежды того времени. Изъ картъ составлялись обширныя коллекціи, въ которыхъ можно было найти прекрасно исполненные и разукрашенные художниками экземпляры. Такія коллекціи художественныхъ картъ хранятся въ Вѣнѣ въ императорскомъ музеѣ, а также въ музеѣ Вюртембергскаго двора въ Штутгартѣ.

Интересна исторія появленія разукрашенной рубашки картъ. Сначала оборотная сторона картъ оставлялась чистой, но, по мѣрѣ употребленія такого рода картъ, на нихъ оставались различныя пятна, и по этимъ пятнамъ можно было узнавать карты противника. Вотъ поэтому-то и начали заполнять густымъ рисункомъ (крапомъ) заднюю сторону картъ.

100-лѣтіе лейбъ-гв. Драгунскаго полка.

(Съ 3 рис. на этой стр.).

19 марта с. г. исполнился 100-лѣтній юбилей одного изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи—л.-гв. Драгунскаго. Его юбилей совпалъ съ знаменательнѣйшимъ юбилеемъ — съ 100-лѣтіемъ вступленія побѣдоносныхъ русскихъ войскъ въ Парижъ во главѣ съ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Это былъ заключительный торжественнѣйшій актъ Отечественной войны. Въ этотъ день императоръ Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ, пропустивъ впереди себя легкую гвардейскую кавалерію, вошелъ въ міровой городъ, откуда два года тому назадъ нахлынула на Россію наполеоновская армія. „Наше вступленіе въ Парижъ было великолѣпное, — разсказывалъ впослѣдствіи государь князю Голицыну: — все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ. Народъ бросился цѣловать мои руки, ноги, хватались даже за стремена, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями“... Дѣйствительно, Парижъ встрѣчалъ своихъ „враговъ“ болѣе чѣмъ сочувственно: народъ толпился на площадяхъ и улицахъ, изъ оконъ свѣшивались ковры, женщины въ окнахъ и на балконахъ махали платками. Ласково отвѣчая на привѣтствія парижанъ, императоръ Александръ сказалъ: „Я являюсь не врагомъ: я приношу вамъ миръ“.

Русскія войска поселились въ Парижѣ. Наступала Страстная недѣля. Александръ I и русская армія говѣли въ Парижѣ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, которое пришлось въ тотъ годъ на 29 марта, парижане были свидѣтелями невиданнаго въ ихъ городѣ православнаго торжества: на Площади Согласія состоялось торжественное богослуженіе въ присутствіи государя, войскъ и необозримой толпы народа. Русскіе праздновали въ самомъ сердцѣ Парижа православную Пасху съ трогательными пѣснопѣніями, исполненными братской любви къ ближнему... Вотъ что говорилъ объ этомъ торжествѣ самъ императоръ Александръ тому же

Торжество освященія памятника бывшему шефу л.-гв. Драгунскаго полка, покойному Великому Князю Владиміру Александровичу. Памятникъ открытъ въ Петергофѣ, въ присутствіи Шефа полка, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. Августѣйшій Шефъ въ формѣ своего полка. По правую руку Великой Княгини стоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ въ формѣ л.-гв. Драгунскаго полка. По фот. А. Оцупа.

„Родному полку бывшіе лейбъ-драгуны въ память его столѣтія“. Художественная группа работы скульптора Адамсона, поднесенная полку въ день его юбилея. По фот. П. Жукова.

Историческія формы л.-гв. Драгунскаго полка отъ его сформированія въ г. Парижѣ до нашихъ дней. По фот. А. Оцупа.

100-лѣтіе л.-гв. Драгунскаго полка (1814—1914).

М. М. Ковалевскій. Новый академикъ Императорской Академіи Наукъ. По фот. Я. Штейнберга.

Голицыну: „Я живо ощущалъ апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками — я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное торжество наше. На то мѣсто, гдѣ палъ Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ. По моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ, созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно. И вотъ при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ сословій и возрастовъ живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало... Сыны Сѣвера какъ бы совершали тризну по королѣ французовъ. Русскій царь по ритуалу православному молился вмѣстѣ съ своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто...“

Русское богослуженіе произвело глубокое впечатлѣніе на парижанъ. И когда, по окончаніи молебна, русскіе стали прикладываться къ кресту, вслѣдъ за ними потянулись къ кресту и французы. И событіе это—торжественное православное „Te Deum“ (какъ выражались французы)—было потомъ увѣковѣчено на многочисленныхъ гравюрахъ.

Въ эти своеобразно торжественные дни былъ сформированъ въ Версали новый полкъ—Конно-Егерскій. Этотъ полкъ позднѣе былъ переименованъ въ л.-гв. Драгунскій. Такимъ образомъ полкъ-юбиляръ, праздновавшій нынѣ свой 100-лѣтній юбилей, получилъ свое бытіе за границей, и притомъ въ ореолѣ воинской славы, только-что осѣнившей тогда наши войска послѣ Отечественной войны.

Въ томъ же 1814 году новому полку были присвоены права молодой гвардіи, а въ 1831 году за подвиги, оказанные въ польскую войну, драгуны были причислены къ старой гвардіи. Позднѣе полкъ получилъ отличія во время войны съ турками въ 1877 — 78 годахъ.

100-лѣтіе полка было торжественно отпраздновано въ Высочайшемъ присутствіи въ Царскомъ Селѣ. 18 марта состоялась церемонія прибивки новаго штандарта, Высочайше пожалованнаго л.-гв. Драгунскому полку по случаю 100-лѣтняго его юбилея.

А. Х. Востоковъ.

(Портр. на стр. 319).

Въ февралѣ с. г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго русскаго филолога А. Х. Востокова. Этотъ ученый создалъ себѣ громкое имя въ области изученія русскаго и церковно-славянскаго языковъ и оставилъ послѣ себя многочисленные ученые труды, считающіеся классическими въ данной области.

Александръ Христофоровичъ Востоковъ родился въ Аренсбургѣ (на о. Эзелѣ) въ 1781 году. Нѣмецъ по происхожденію, онъ получилъ русское воспитаніе и совершенно обрусѣлъ, такъ что даже перемѣнилъ свою настоящую фамилію Остенэкъ на Востокова. Обучался онъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ Корпусѣ въ Петербургѣ и въ Академіи Художествъ. Въ Академіи, впрочемъ, онъ, по собственному признанію, изучилъ въ совершенствѣ лишь французскій языкъ и не питалъ склонности къ искусствамъ. Зато, еще съ тринадцатилѣтняго возраста Востоковъ писалъ стихи и даже издалъ книгу стихотвореній („Опыты лирическіе“), не имѣвшую однако никакого успѣха... Настоящее призваніе будущаго ученаго сказалось лишь позднѣе—когда онъ сталъ работать надъ филологіей и въ частности—надъ грамматикой и словесностью русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Въ 1801 году А. Х. Востоковъ вступилъ въ число членовъ Вольнаго общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и, спустя семь-восемь лѣтъ, уже считался знатокомъ русской словесности, а въ 1820 году пріобрѣлъ и европейскую извѣстность замѣчательнымъ ученымъ трудомъ „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка“. Въ этомъ трудѣ А. Х. Востоковъ провелъ различіе между славянскимъ древнимъ и церковно-славянскимъ языками. Его выводы были новостью для западно-европейской науки и цѣлымъ откровеніемъ для нашей филологіи.

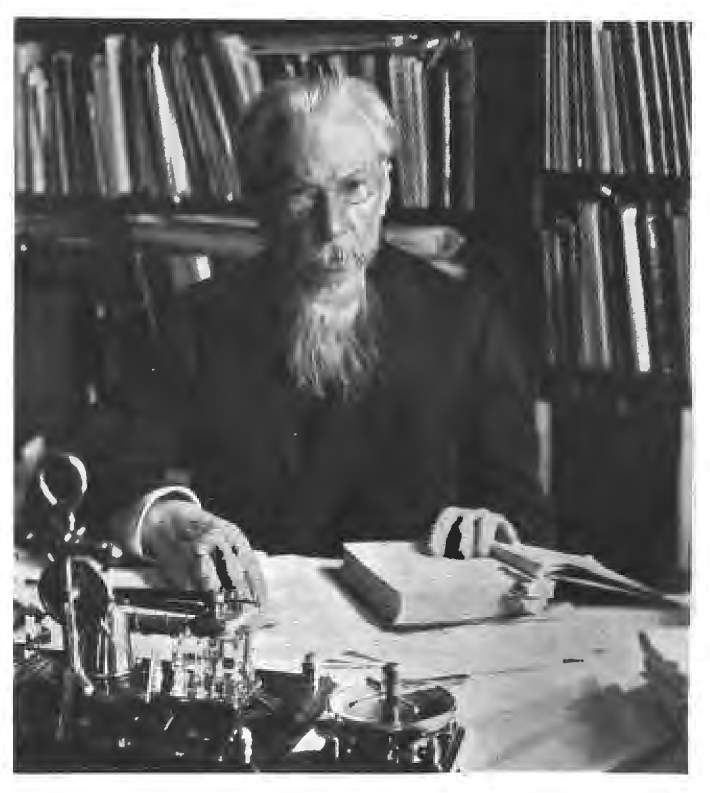
Позднѣе А. Х. Востоковъ состоялъ хранителемъ рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, затѣмъ былъ старшимъ библіотекаремъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Къ этому времени (тридцатые и сороковые годы прошлаго столѣтія) относятся замѣчательные труды Востокова по описанію различныхъ памятниковъ древней русской словесности. Такъ, имъ были подробно описаны рукописи Румянцевскаго музея, затѣмъ рукописи собранія кіевскаго митрополита Евгенія, нѣкоторыхъ иностранныхъ архивовъ и т. д. Главною заслугою А. Х. Востокова въ этомъ дѣлѣ является описаніе „Остромирова Евангелія“ и Лаврентьевскаго списка Несторовой рукописи. Благодаря этимъ описаніямъ и вообще описанію рукописей Румянцевскаго музея, стало возможнымъ изученіе древней русской литературы и русскихъ древностей.

Въ 1841—42 годахъ А. Х. Востоковъ редактировалъ „Акты историческіе, относящіеся къ Россіи и извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ“.

Изъ другихъ трудовъ А. Х. Востокова извѣстны: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“ и „Грамматика церковно-славянскаго языка“—капитальный классическій трудъ.

Съ 1841 года А. Х. Востоковъ состоялъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Академія однако не очень баловала его. А. Х. Востоковъ удостоился за свои замѣчательные классическіе труды всего пятисотрублевой преміи,—такой же, какъ и 14-лѣтняя дѣвочка-поэтесса Шахова, представившая въ Академію свои стихи...

Знаменитый филологъ скончался 8 февраля 1864 года и былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Память о немъ должна быть свято почтена всѣми, кто цѣнитъ русскую науку и русское слово.



Профессоръ В. И. Семевскій. (Къ 40-лѣтію его литературно-общественной дѣятельности). По фот. Я. Штейнберга.

Зараза цивилизаціи.

(Политическое обозрѣніе).

Едва ли не самой характерной чертой японцевъ до сихъ поръ считалась ихъ удивительная переимчивость къ чужимъ формамъ быта. Въ то время, какъ Китай подъ вліяніемъ болѣе близкаго соприкосновенія съ Европой чувствуетъ себя вышибленнымъ изъ привычной исторической колеи, Японія въ короткій сравнительно срокъ успѣла завести у себя европейскіе конституціонные порядки, перестроила всю свою жизнь на новый

Профессоръ И. В. Лучицкій. (Къ 50-лѣтію его ученой и литературной дѣятельности). По фот. Я. Штейнберга.

ладъ и сумѣла взять изъ европейскихъ обычаевъ все, что нашла въ нихъ полезнаго и практичнаго. Въ какихъ-нибудь нѣсколько десятилѣтій полудикая страна переродилась въ могущественную военную державу, располагающую первоклассной арміей и превосходнымъ флотомъ, а старецъ Китай попрежнему остается безсильнымъ, зачатки его флота безжалостно истреблены японцами, а его армія вмѣсто того, чтобы обезпечить внѣшнюю безопасность государства, выступая въ цѣломъ рядѣ хаотическихъ бунтовъ и возстаній, становится слѣпымъ орудіемъ смертоноснаго внутренняго развала. У одного восточнаго народа присвоеніе формъ западно-европейской политической жизни привело только къ разрушенію его собственной исторической государственности, у другого — къ созданію новыхъ жизнедѣятельныхъ комбинацій, осложнившихъ религіозно-фанатическую преданность народа своимъ монархамъ активнымъ участіемъ всего вооруженнаго конституціонными правами населенія въ политической жизни страны: одного погрузило въ хаосъ безысходной анархіи, другого вознесло на небывалую въ его исторіи высоту.

Александръ Востоковъ

А. Х. Востоковъ, знаменитый русскій филологъ. Съ старинной литографіи. (Къ 50-лѣтію со дня кончины).

Страна благородныхъ самураевъ, которые интересы отечества считали своими личными интересами и при малѣйшей неудачѣ даннаго имъ порученія распарывали себѣ животы, не могла не побѣждать въ столкновеніи со старыми странами, въ которыхъ, напротивъ, чуть не каждый служащій свои мелкіе личные интересы ставитъ выше государственныхъ, потому что побѣды страны были побѣдами героическаго патріотизма надъ себялюбивымъ сибаритствомъ, пресмыкающимся карьеризмомъ и отвратительнымъ казнокрадствомъ. Суровый солдатскій образъ жизни японскихъ полководцевъ, напоминающій традиціи непобѣдимаго Суворова, миніатюрные оклады первыхъ сановниковъ Страны Восходящаго Солнца, работающихъ не для самоублаженія, а для славы родины, поражающая дешевизна постройки флота и содержанія арміи давали ключъ къ пониманію того, чѣмъ сильна Японія, въ чемъ таится секретъ ея побѣдъ.

Съ тѣхъ поръ прошло только 10 лѣтъ—и за это время общая картина японскихъ нравовъ рѣзко перемѣнилась. Въ упоеніи прошлыхъ тріумфовъ, Страна Восходящаго Солнца готовилась къ будущимъ тріумфамъ, но она не замѣтила той перемѣны въ нравахъ, которая уже лишила ее права на новыя побѣды. Овладѣвая всѣми орудіями европейской цивилизаціи, она не разсчитывала, что вмѣстѣ съ грандіозными европейскими военными и промышленными заводами, фабриками, банками, биржами и т. д. на родину благородныхъ средневѣковыхъ самураевъ проникнутъ и европейскія понятія о нравственности и долгѣ, европейская скользкая биржевая, акціонерская и канцелярская этика, характеризуемая колоссальнымъ ростомъ богатствъ и еще большимъ ростомъ роскоши, неумѣренныхъ потребностей и аппетитовъ. Вслѣдъ за европейской цивилизаціей пришла и европейская деморализація и прежде всего сказалась въ рядѣ скандальныхъ подкуповъ, случайно обнаруженныхъ въ японскомъ морскомъ вѣдомствѣ. Первымъ разоблачителемъ японскаго взяточничества явился нѣкто Пулей, агентъ міровой фирмы Сименса. Онъ подкупилъ завѣдывающаго японскимъ телеграфнымъ агентствомъ Гандо, получившаго взятку отъ фирмы Сименсъ въ 10.000 іенъ. Послѣ ареста Гандо и Пулея началась общая паника среди представителей другихъ европейскихъ фирмъ въ Японіи. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ агенты Виккерса, предпочли заблаговременно спастись бѣгствомъ. Японскія фирмы не отставали отъ европейскихъ и американскихъ. Установлены большія злоупотребленія со стороны поставщиковъ флота Митуцу, каменноугольной компаніи Мицубиси и т. д. Раньше чѣмъ повѣситься въ тюрьмѣ, арестованный чиновникъ морского вѣдомства Іосида раскрылъ передъ судомъ картину преступныхъ соглашеній между морскими властями и поставщиками флота. Кромѣ поставщиковъ, слѣдственныя власти сочли необходимымъ подвергнуть аресту даже такого виднаго дѣятеля, какъ инспекторъ судостроенія адмиралъ Матсуо, и привлечь къ допросу товарища морского министра Токорабэ. Неудивительно, что при обсужденіи морского бюджета одинъ изъ депутатовъ, выступившій съ рѣзкими обвиненіями противъ министерства, рекомендовалъ премьеру Ямомото совершить харакири. Но нравы Японіи уже не тѣ, и призывъ самурая не нашелъ отзвука въ сердцахъ государственныхъ дѣятелей современной Японіи. Деморализація охватила не только морское вѣдомство и высшую администрацію, она проникла даже въ среду высшаго духовенства. Въ Кіото обнаружены злоупотребленія іерарховъ, которые на церковныя средства вели порочную и расточительную жизнь. Пять священниковъ арестованы и преданы суду. Паденіе нравовъ чувствуется всюду, во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія оно стало всеобщимъ. Быстро усвоивъ отрицательныя стороны европейской цивилизаціи, Японія рискуетъ утратить свою былую моральную крѣпость, тотъ ореолъ героизма и самоотреченія, который составлялъ ея силу въ недавнихъ войнахъ.

Проектъ памятника И. К. Айвазовскому, знаменитому русскому маринисту, работы академика скульптуры И. Я. Гинцбурга. Проектъ этотъ одобренъ Императорской Академіей Художествъ и будетъ поставленъ въ г. Ѳеодосіи на берегу моря, недалеко отъ дома-музея имени Айвазовскаго. Памятникъ сооружается на средства г. Ѳеодосіи. Фигура Айвазовскаго изъ бронзы, пьедесталъ памятника—изъ финляндскаго гранита. По фот. Я. Штейнберга.

Новый курсъ въ желѣзнодорожной политикѣ.

(Вопросы внутренней жизни).

Реформа никогда не приходитъ одна. Искреннее желаніе улучшить и преобразовать государственную жизнь не позволяетъ ограничиваться частичными улучшеніями. Перестройка одной какой-нибудь части государственнаго зданія обязываетъ, чтобы не остаться совершенно безплодной, перестраивать и другія его части, не останавливаясь даже и передъ общимъ ремонтомъ. То же самое намъ приходится наблюдать теперь и въ области нашей экономической политики. Вполнѣ законное и понятное чувство національной гордости и патріотическаго стыда вынудило наконецъ русское правительство отказаться отъ пьянаго бюджета. Обновленный кабинетъ не намѣренъ основывать процвѣтаніе казны на спаиваніи русскаго народа алкогольной отравой и перешелъ отъ финансовой эксплоатаціи народнаго пьянства къ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Вся печать и вся страна горячо привѣтствовали это рѣшеніе. Общество можетъ ограничиться одной лирикой, но правительство обязано считаться и съ финансовыми послѣдствіями по-

пулярнаго переворота. Предполагаемое впослѣдствіи исчезновеніе чуть не цѣлаго милліарда изъ трехмилліарднаго бюджета обязываетъ подумать, чѣмъ и какъ замѣнить его, какіе новые источники обложенія установить для пополненія ущербовъ казны. Подоходный налогъ, о которомъ такъ много говорятъ, имѣетъ скорѣе моральное значеніе, чѣмъ практическое, потому что, при отсутствіи въ Россіи крупныхъ капиталовъ, обѣщаетъ дать не больше 50—100 мил. въ годъ. Промыслы, торговля, промышленность, особенно же земледѣліе и безъ того переобременены у насъ налогами. На что же остается надѣяться? Исключительно на развитіе и надлежащую постановку государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства по примѣру Пруссіи, въ которой доходность желѣзныхъ дорогъ составляетъ такую же основную статью государственнаго бюджета, какъ у насъ — доходы винной монополіи. Кн. Бисмаркъ, называвшій себя государственнымъ соціалистомъ, провидѣлъ своимъ геніальнымъ умомъ экономическое значеніе рельсовыхъ путей и монополизировалъ ихъ доходность въ пользу государства, тогда какъ въ Англіи, Франціи, Америкѣ и т. д. колоссальные доходы съ желѣзныхъ дорогъ поступаютъ въ карманы частныхъ капиталистовъ. У насъ, въ Россіи, изобрѣтена средняя система, наиболѣе невыгодная, соединяющая въ себѣ отрицательныя стороны и той и другой: постройка бóльшей части линій производилась и производится обыкновенно частными концессіонерами на занятыя у заграничныхъ банкировъ деньги подъ гарантіей государства. Развитіе частной иниціативы на казенный счетъ предоставляетъ всѣ преимущества на долю концессіонеровъ, а всѣ убытки — на долю казны. Такъ какъ оперирующіе подъ казенной отвѣтственностью предприниматели не очень заинтересованы въ экономіи, то обыкновенно постройка частныхъ желѣзныхъ дорогъ обходится несравненно дороже коронныхъ, и самые займы оплачиваются выше, чѣмъ государственные. При императорѣ Александрѣ III С. Ю. Витте усиленно насаждалъ казенное желѣзнодорожное строительство, но въ послѣдніе годы своего управленія финансами онъ сталъ замѣтно покровительствовать частной предпріимчивости. Его преемникъ еще больше развилъ слабыя стороны политики своего предшественника: при немъ правительство отказывалось отъ права выкупа въ казну ставшихъ доходными линій, нѣкоторыя казенныя линіи сдавались частнымъ обществамъ, разрѣшалась постройка конкурирующихъ съ государственными дорогами новыхъ линій, и цѣлые районы имперіи отдавались въ эксплоатацію получавшихъ сверхъестественные доходы желѣзнодорожныхъ хищниковъ. Доходность желѣзнодорожной сѣти нѣсколько поднялась при С. В. Рухловѣ. Положеніе еще ухудшилось благодаря необычайно возросшей роли частныхъ банковъ, которые финансировали обильно выдаваемыя концессіи и придали всему дѣлу оборудованія государственной сѣти желѣзныхъ дорогъ характеръ хищническихъ аферъ съ наживою на выпускахъ облигаціоннаго и акціонернаго капиталовъ. Необходимость замѣнить новыми статьями дохода пьяный милліардъ вынуждаетъ обновленное правительство покончить съ плутократическимъ режимомъ въ области желѣзнодорожной политики и перейти къ прусской системѣ планомѣрнаго государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства.

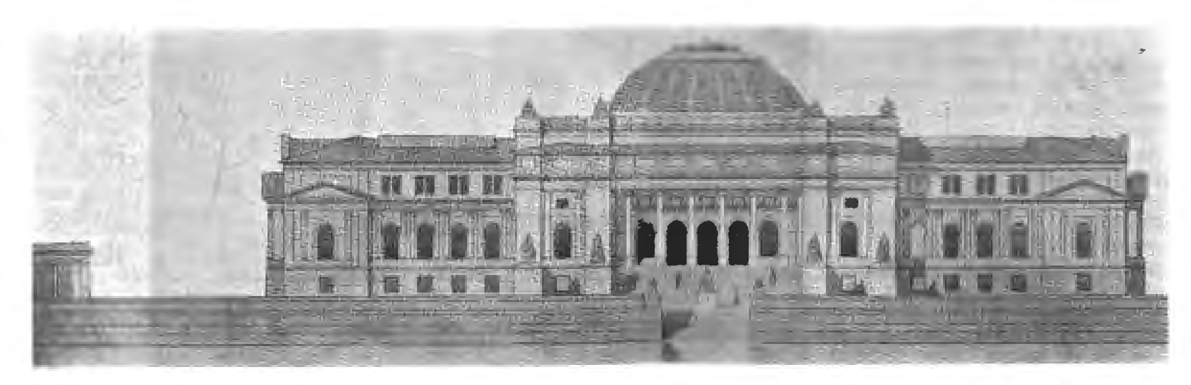
Харуко, вдовствующая императрица Японіи, скончавшаяся въ мартѣ с. г. въ г. Токіо послѣ тяжкой болѣзни.
По фот. Я. Штейнберга.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала мы знакомимъ читателей съ картинами, появившимися на выставкѣ „Міръ Искусства“ и на Конкурсной выставкѣ въ Академіи Художествъ. Большинство художниковъ, участвующихъ въ выставкахъ „Міра Искусства“, отличается яркой талантливостью, и произведенія ихъ носятъ печать особой оригинальности.

Таковы, напримѣръ, изящные intérieur'ы А. Линдемана: „*Лѣтній день*“ и „*Бѣлыя розы*“, „*Старый Кіевъ*“ Г. Лукомскаго (Фроловскій монастырь на Подолѣ). Красива и типична женская фигура „*Въ старинномъ платьѣ*“ (кн. А. Шервашидзе). Привлекаютъ вниманіе и появившіеся на выставкѣ „Міра Искусства“ прекрасные образчики портретной живописи: „*Портретъ А. П. Остроумовой-Лебедевой*“, „*Портретъ Александра Бенуа*“ (Б. Кустодіева) и „*Портретъ артистки Императорскихъ театровъ Н. Г. Коваленской*“ (С. Сорина).

Съ Конкурсной выставкой наши читатели уже знакомы по предыдущимъ нумерамъ „Нивы“. Въ настоящемъ нумерѣ мы воспроизводимъ граціозную скульптурную группу М. Блоха „*Дафнисъ и Хлоя*“, интересную жанровую сцену А. Александрова „*Молодые у колдуна*“ (молодожены-чуваши пришли къ вѣдуну узнать свое будущее) и красивую библейски-величавую сцену „*Давидъ предъ Сауломъ*“ Л. Орланда.



Геологическій и Минералогическій музей имени Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Проектъ академика архитектуры А. А. Полѣщука. По этому же проекту будетъ выстроенъ рядомъ и Ломоносовскій Институтъ въ ознаменованіе 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова. По фот. Я. Штейнберга.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 2.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. Изд. **Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ.,** улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ИЗЛѢЧИМЫ ЛИ ЛЕГОЧНЫЯ БОЛѢЗНИ?

Это жгучій вопросъ для всѣхъ страдающихъ **астмой, туберкулезомъ горла и легкихъ, упорнымъ кашлемъ и застарѣлой охриплостью и донынѣ** не нашедшихъ облегченія. Всѣ такіе больные получатъ отъ насъ **безплатно книгу** (64 стр. съ рис.) подъ заглавіемъ: **„Излѣчимы ли легочныя болѣзни"**, сочиненіе **д-ра мед. Гутмана**, главнаго врача Финзеновской лѣчебницы въ Берлинѣ. Тысячи людей, испробовавшихъ нашъ діэтетическій наборъ Пульмана восторженно отзываются о результатахъ. Практикующіе **врачи** примѣняли этотъ наборъ въ качествѣ прекраснаго діэтетическаго средства при **легочномъ туберкулезѣ (чахотка), астмѣ, хроническомъ катаррѣ бронхъ и гортани** и были очень довольны его дѣйствіемъ. Этотъ наборъ—**не секретное** средство; онъ состоитъ изъ травъ Либера, которыя согласно **правительственному распоряженію,** можно свободно продавать и употреблять. Но цѣлительное свойство имѣютъ эти травы только тогда, когда произрастаютъ на **вулканической** почвѣ. **Настоящій** наборъ Пульмана, собранный на вулканической почвѣ, живущіе въ Россіи могутъ получать только отъ насъ. Наша книга „Излѣчимы ли легочныя болѣзни", высылаемая совсѣмъ **безплатно,** въ общедоступной формѣ объясняетъ, какъ всякій больной можетъ самостоятельно разобраться въ своемъ недугѣ и опредѣлить, какой именно легочной болѣзнью онъ страдаетъ.
4-2 Напишите только открытку съ указаніемъ Вашего точнаго адреса въ торговый домъ: **Г. СЕТЕ, РИГА, 4. Александровская, 13.** 2765

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебн. заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „ГИМНАЗІЯ на ДОМУ" (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. 2812 3-2

Курсъ „Гимназія на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО опытн. преподават. исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руковод. ихъ занятіями. Популярн. изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ ученик. нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія":
АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.
Изданія наши можно выписыв. и по одному тому съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО", С.-Петербургъ, Николаевская, 44 29.

= НУЖНЫ АГЕНТЫ. =

Старорусскія минеральныя воды.

Ближайшій отъ Петербурга и Москвы курортъ.
Сезонъ съ 20 Мая по 20 Августа.

Лѣчебныя средства: Соляныя, Соляно-хвойныя и грязевыя ванны. Мѣстное грязелѣченіе. Водолѣченіе. Электричество. Ингаляція. Кумысъ и кефиръ.

Успѣшно лѣчатся: болѣзни обмѣна веществъ, ревматизмъ, подагра, золотуха и пораженія железъ, болѣзни костей, суставовъ и мышцъ, выпоты воспалительнаго происхожденія, невралгія, нѣкоторые виды параличей, женскія болѣзни и мн. др.

Сообщеніе съ курортомъ по желѣзн. дор.: Петербургъ-Царское Село-Дно-Русса (безъ пересадки); Петербургъ-Чудово-Русса (пересадка въ Чудовѣ); Москва-Бологое-Валдай-Русса (безъ пересадки); Витебскъ-Дно-Русса (пересадка на ст. Дно); пароход. сообщ. отъ ст. Волховъ, Ник. ж. д.—Русса.

Новый путеводитель: „Старорусскія минеральн. воды" можно получить во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ для справокъ: г. Ст.-Русса, Новг. г., Управленіе минер. водъ.

МЫТЬ ВОЛОСЫ

слѣдуетъ не чаще одного раза въ недѣлю. Когда вольете на руку одну чайную ложечку англійскаго жидкаго мыла «Санагри» и вотрете его въ волосы, пѣна будетъ небольшая. Вы ее смываете теплой водой и вновь втираете чайную ложку мыла. Тогда у Васъ появляется обильная пѣна. Надо ее оставить на 3—5 минутъ на волосахъ, чтобы она успѣла оказать свое дѣйствіе, а затѣмъ смыть теплой водой. ТОЛЬКО ОДИНЪ РАЗЪ надо испробовать мыть волосы такимъ образомъ, чтобы убѣдиться, что лучшаго средства, чѣмъ жидкое мыло

2818 **„САНАГРИ"** 3-1

фирмы The Sanagry C° London не существуетъ. Пріятное ощущеніе свѣжести, прекращеніе перхоти, укрѣпленіе волосъ—вотъ результатъ мыла «Санагри», который сказывается сейчасъ же. Большой флаконъ (хватаетъ на мѣсяцы) стоитъ 1 руб. 20 к. Продается вездѣ.

Депо для Россіи: Спб., Коломенская, № 10.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.

2228 6-3

Грязе-лѣчебное заведеніе, Куяльницкій Лиманъ

И. К. РОГОВСКОЙ, бывш. д-ра Яхимовича,
открытъ съ 15 мая по 15 сентября.

Грязевыя и соляныя ванны. Квартиры съ полнымъ пансіономъ. Новая администрація. Образцовая кухня и прислуга. Каталоги и подробности по желанію высылаются безплатно. Съ требов. обращаться: Одесса — Куяльницкій Лиманъ, Э. С. Плавскому. 2789

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.**
Адр.: Москва. Долгоруковская ул., № 11. кв. 9—3. Марія Чурбанова. 6-5

Никуда негодную подделку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма Dr. Bayer és Társa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

ПОКУПАЙТЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТОВАРЪ ☐ ▧ ■ ■ ▧ ☐ А НЕ ЛИШНЮЮ БУМАГУ и ЭТИКЕТЫ!!

НАШЕ

ВАЗЕЛИНО-ЛАНОЛИНОВОЕ МЫЛО

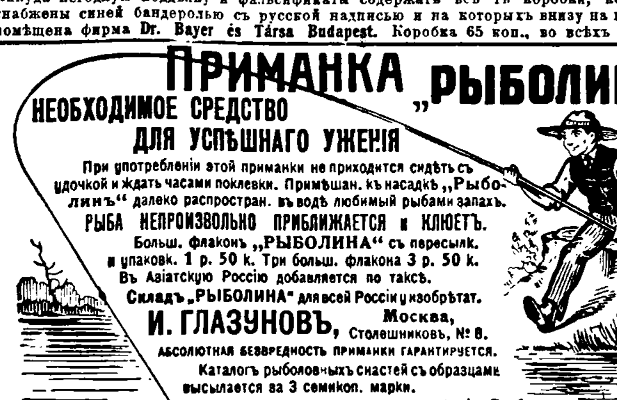
БЕЗЪ ЭТИКЕТА, А ТОЛЬКО ВЪ СКРОМНОЙ ¼ ДЮЖ. УПАКОВКѢ, ПОЭТОМУ МЫ ВЪ СОСТОЯНІИ ДАТЬ ПУБЛИКѢ БЕЗУКОРИЗНЕННЫЙ ТОВАРЪ ЗА ДЕШЕВУЮ ЦѢНУ. ПЕРЕЖИРЕННОЕ МЫЛО ЭТО, СОЕДИНЯЕТЪ ВЪ СЕБѢ ВСѢ ДОСТОИНСТВА СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ГИГІЕНЫ И НОВѢЙШЕЙ ТЕХНИКИ ПАРФЮМЕРНАГО ДѢЛА, — ДАЕТЪ ПѢНУ НѢЖНУЮ И ЖИРНУЮ, НЕ РАЗДРАЖАЯ ДАЖЕ САМОЙ ДЕЛИКАТНОЙ КОЖИ.

ВСѢ ИЗДѢЛІЯ НАШИ СНАБЖЕНЫ ИЗВѢСТНЫМЪ КЛЕЙМОМЪ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ▧ ☐ ▧ ПОДДѢЛОКЪ!!

ПАРФЮМЕРІЯ ■ ▧ „IRIS" Т. ЛЯКСЪ и К° ВЪ ВАРШАВѢ ■

2019 5-5



2741 6-2

ТРЕБУЙТЕ

„НЕСТОР"

ВЕЗДѢ.

1896

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

3000 руб. ежегодно можетъ зараб. каждый черезъ прин. нашей агентуры. Особой спеціальности не требуется. Предложенія, которыя могутъ быть и на русскомъ языкѣ, просятъ адресовать:

Экспортный Домъ МЫРА

Миланъ (Италія), почт. ящ. 1044.

Письмо въ Италію оплачивать: открытое 4 коп., закрытое 10 коп. 2744 2-2

Эйзенбергскій питомникъ собакъ

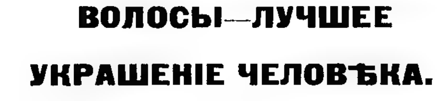
для разведенія и продажи породистыхъ собакъ

Richter & C°, Eisenberg S. A. 50. Германія.

Поставщики высшаго общества, гг. офицеровъ, священниковъ и др., всякихъ **чистопородныхъ собакъ** начиная съ крупнѣйшихъ сторожевыхъ и другихъ вплоть до самыхъ маленькихъ комнатныхъ, **охотничьихъ** и полицейскихъ собакъ. Разсылка во всѣ страны во всѣ времена года съ гарантіей прибытія собакъ въ здоровомъ состояніи. Точная и быстрая исполнительность. Роскошный альбомъ съ иллюстраціями и описаніемъ расъ за 75 коп. (можно марками), налож. плат. не допуск.) съ вычетомъ его стоимости при покупкѣ. Прейсъ-курантъ высылается безплатно. Многочисленные благодарственные отзывы доказываютъ лучше всего великолѣпіе нашихъ поставокъ. 2808

ВСЕМІРНО ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „Ормондъ"

пользуются большими симпатіями и распространеніемъ, ибо отличаются изяществомъ отдѣлки небывалой выносливостью и легкостью хода. На велосипедахъ „Ормондъ" ѣздятъ чемпіоны міра: Фріоль, Бадеръ и т. д. и мѣстные чемпіоны, какъ: Грончевскій, Ткачикъ и т. д. На 100 встрѣченныхъ велосипедовъ оказывается 90 шт. марки „Ормондъ" Исключительно удобныя условія разсрочки отъ **3 руб. 50 коп.** въ мѣсяцъ. Цѣны доступныя. Прейсъ-куранты безплатно. Главная контора и Управленіе для Царства Польскаго и Имперіи: Торговый домъ Ормондъ, **Варшава**, Нов.-Свѣтъ, 72. Фабричные Склады: **Москва**, Смоленскій Рынокъ, № 17. **Кіевъ**, Николаевская, № 3. **Лодзь**, Променадная, № 40. 2780 5-2



ВОЛОСЫ—ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Потеря волосъ ведетъ къ утратѣ красоты. Нѣтъ ничего проще, какъ предохранить свою внѣшность отъ обезображенія лысиной. Регулярное еженедѣльное обмываніе головы водой и мыломъ противъ перхоти за № 3374, провизора А. М. Остроумова, обезпечитъ каждаго отъ потери волосъ, злѣйшимъ врагомъ которыхъ является перхоть. Продажа во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. 2798

Dr. Bengue, 47, Rue Blanche, Paris.

Депо во всѣхъ аптекахъ. 2143 39-16

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скорописъ, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.** **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ. **НЕВСКІЙ, 92—11.**

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать подпись: Midy

На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ

БЫСТРОЕ и ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ

(безъ кубебы—безъ спринцованій)

свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій

на каждой капсюлѣ MIDY находится имя МИДИ

СКЛАДЪ

Главныхъ Аптекахъ Россіи.

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

2119 13-11

доставляетъ прямо изъ Швейцаріи

ПЛАТЬЯ:	БЛУЗЫ:
начиная	начиная
съ 9 руб. 75 коп.	съ 2 руб. 95 коп.

Платья для дѣтей начиная съ 4 руб. 35 коп.

Цѣны наши считаются съ пересылкой на домъ и пошлиной включительно.

Лучшія швейцарскія вышивки на батистѣ, вуали, тюлѣ и самыхъ модныхъ шелковыхъ матеріяхъ.

Требуйте сегодня же высылки образцовъ и парижскихъ модныхъ картинокъ безплатно.

Корреспонденція на русскомъ языкѣ.

Платья наши и блузы не въ готовомъ видѣ, но по требованію мы высылаемъ вырѣзныя выкройки къ каждой модели любого размѣра.

Schweizer & Co., Lucerne 236 (Suisse)

2703

РОСКОШНЫЙ БЮСТЪ.

Каждая изъ Васъ, уважаемая читательница, можетъ **развить** свой **бюстъ, увеличить** его или же изъ вялаго сдѣлать **упругимъ** и **гармонически-развитымъ**, благодаря моему новому способу, **методу Гренье.** Я счастлива, что имѣю возможность, безъ примѣненія запрещенныхъ внутреннихъ средствъ, однѣмъ женщинамъ дать, а другимъ, независимо отъ возраста, вернуть и возстановить упругость и красоту формъ, отсутствіе или увяданіе которыхъ приводитъ въ уныніе, разрушаетъ планы и часто дѣлаетъ женщину несчастной. Если природа не надѣлила Васъ роскошными формами, если Вашъ бюстъ малъ, опущенъ или вялый, то обратитесь ко мнѣ, и Ваша мечта сбудется. Мой способъ настолько простъ, что Вы можете пользоваться имъ **тайно**, безъ посторонней помощи, такъ что Ваши знакомые и близкіе, не подозрѣвая причины, уже черезъ короткое время будутъ поражены перемѣной, происшедшей въ Вашей фигурѣ. Пишите мнѣ **сегодня же**, и Вы будете мнѣ такъ же благодарны, какъ и тысячи другихъ женщинъ, обращавшихся ко мнѣ въ Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Россіи.

Мой методъ дастъ Вамъ

Ваше желаніе

Не откладывайте!

Напр., пишутъ мнѣ:

Г-жа В. Ч., Орелъ. ...Очень Вамъ благодарна за Вашъ присланный мнѣ методъ. Чего я желала, того, благодаря Вашему изобрѣтенію, добилась. Я имѣю теперь хорошую фигуру. Еще разъ Вамъ сердечное спасибо. Письмо можете напечатать, но только безъ моего адреса.

Г-жа М., Симбирскъ. ...За методъ шлю Вамъ глубокую благодарность. Это превзошло мои ожиданія. Результатъ блестящій.

Г-жа З., Ив.-Вознесенскъ. ...Теперь я убѣдилась, что мой бюстъ принялъ ту форму, о которой я давно мечтала. Приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за Ваше доброе и хорошее ко мнѣ расположеніе...

И тысячи дамъ высказываются въ этомъ же родѣ.

Превосходное дѣйствіе моего привилегированнаго метода засвидѣтельствовано нотаріальными документами, сходные же лишь по названію способы или средства, появившіеся во Франціи и Россіи, не болѣе, какъ неудачныя подражанія, противъ которыхъ я искренне предостерегаю. Итакъ, пишите мнѣ, какъ другу, и я немедленно отвѣчу Вамъ въ закрытомъ конвертѣ, безъ обозначенія моего имени, чтобы сохранить Вашу переписку со мною въ секретѣ. Мои проспекты выдаются безплатно, а высылаются за 3 марки по 7 коп.

ЖАННА ГРЕНЬЕ,

Москва, Бол. Дмитровка, Глинищевск. пер., д. Бахрушина, кв. 100, отд. 384.

JEANNE GRENIER

Мое бюро открыто ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч. Объясненія безвозмездно. Телефонъ 272-96. 2811

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 22 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (22)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

Какимъ образомъ мнѣ удалось въ теченіе мѣсяца увеличить свой бюстъ на шесть дюймовъ.

Послѣ того, какъ я перепробовала съ этой цѣлью пилюли, массажъ, маски и многія другія рекламируемыя средства, не принесшія мнѣ ни малѣйшей пользы.

Простой, легкій методъ, который каждая женщина можетъ примѣнять дома и быстро развить съ его помощью пышный прекрасный бюстъ.

МАРГАРИТЫ МЕРЛЕНЪ.

Мнѣ отлично знакомо то ужасное чувство полнѣйшаго унынія, угнетенности, которое испытываетъ каждая женщина, обладающая плоской грудью; мнѣ прекрасно извѣстно, чтó приходится переживать, сознавая, что у тебя лицо женское, а фигура, какъ у мужчины, и не могу выразить словами свою радость, когда я замѣтила, что мой бюстъ увеличился въ объемѣ на шесть дюймовъ: точно камень съ сердца свалился. Я почувствовала себя совершенно другимъ существомъ, ибо, не обладая бюстомъ, я сознавала, что я, въ сущности, ни то ни се: ни мужчина ни женщина, а такъ, нѣчто среднее между ними.

Съ какимъ сожалѣніемъ долженъ каждый мужчина взирать на женщинъ, которыя обладаютъ такой же плоской грудью, какъ и онъ самъ. Развѣ можетъ подобная женщина возбудить въ мужчинѣ такой пылъ и вызвать въ немъ такія чувства, какія въ немъ пробуждаются при видѣ настоящей женщины—существа съ пышной, прекрасной формы грудью. Конечно нѣтъ.

Сохраните эту картинку: Вы увидите, какъ Вашъ собственный бюстъ будетъ подвергаться такимъ же удивительнымъ превращеніямъ.

Всѣ тѣ мужчины, которые тщательно избѣгали меня, всѣ тѣ женщины, которыя не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія въ то время, когда я обладала такой ужасно плоской грудью и не имѣла ни малѣйшаго намека на бюстъ—превратились въ моихъ самыхъ пылкихъ поклонниковъ и вѣрныхъ подругъ, вскорѣ послѣ того, какъ мнѣ удалось добиться такого чуднаго развитія бюста. Послѣ этого я рѣшила, что женщины, надѣленныя плоской грудью, должны непремѣнно воспользоваться моимъ случайнымъ открытіемъ и развить себѣ такой же бюстъ, какъ и у меня. Такъ какъ мнѣ самой пришлось довольно пострадать отъ разныхъ шарлатановъ и обманщиковъ, продававшихъ мнѣ всевозможныя пилюли и средства для увеличенія бюста, не принесшія ни малѣйшей пользы, то я считаю долгомъ предостеречь всѣхъ своихъ подругъ по несчастію отъ этихъ маговъ и волшебниковъ, горячо рекомендовать не вѣрить имъ и не давать себя безсовѣстно обирать.

Открытіемъ этого простого метода, посредствомъ котораго мнѣ удалось увеличить свой бюстъ въ теченіе мѣсяца на шесть дюймовъ, я обязана счастливой случайности, посланной мнѣ Провидѣніемъ и, какъ Провидѣніе, смилостивившись надо мной, дало мнѣ въ руки средство для полученія великолѣпнаго бюста, такъ и я чувствую себя обязанной подѣлиться своимъ секретомъ со всѣми женщинами, нуждающимися въ немъ. Приложите 1 семикопеечную марку на отвѣтъ и я немедленно вышлю Вамъ безплатно всѣ подробности.

Я навѣрное ручаюсь, что каждая женщина можетъ въ мѣсячный срокъ поразительно увеличить свой бюстъ, и что способъ этотъ можетъ примѣняться совершенно секретно дома, такъ что никто этого не будетъ и подозрѣвать. Адресовать слѣдуетъ: Компаніи

ВЕНУСЪ КАРНИСЪ.
(Отд. 107 Ф), Маросейка, № 13, кв. 51, Москва.

БЕЗПЛАТНЫЙ ТАЛОНЪ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ.

Дающій право лицамъ, приславшимъ таковой на полученіе подробныхъ свѣдѣній относительно поразительнаго средства для увеличенія бюста и приданія ему красивой формы. Вырѣжьте этотъ талонъ, проставьте на немъ Ваше имя, отчество, фамилію и адресъ и, приложивъ одну семикопеечную марку на отвѣтъ, отправьте сегодня же по слѣдующему адресу: Компанія **Венусъ-Карнисъ** (Отд. 107 Ф), Маросейка, № 13, кв. 51. Москва.

Имя, отчество и фамилія ....

Точный адресъ: ....

Примѣчаніе: Всѣ дамы, желающія обладать пышнымъ, красивымъ бюстомъ, могутъ смѣло заполнить этотъ талонъ сейчасъ же, ибо онъ заключаетъ въ себѣ серьезное, основательное предложеніе, безплатное для всѣхъ, которыя воспользуются вышеприведеннымъ даровымъ талономъ. Особъ, опасающихся, что ихъ бюсты примутъ слишкомъ большіе объемы, просятъ принять къ свѣдѣнію, что примѣненіе метода слѣдуетъ прервать тотчасъ же, какъ только будетъ достигнуто желаемое развитіе груди.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 17. XLV г. изданія

Выданъ 26 апрѣля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 9.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР., 27.

Парижъ 1900. ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ Нижн.-Новг. 1896

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

Благодаря пріятному аромату и растительнымъ веществамъ, входящимъ въ его составъ, зубной эликсиръ С.-Петербургской Химической Лабораторіи сдѣлался необходимымъ предметомъ туалета.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ-ЗУБНАЯ ПАСТА

Въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ

2418 2-1

HEKTOR

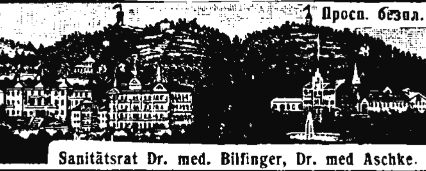
Питомникъ и дрессировка благороднѣйшихъ породистыхъ собакъ. Великолѣпные экземпляры, начиная съ **миніатюрной комнатной** собачки, вплоть до **крупнѣйшей сторожевой и другихъ породъ** собаки. **Полицейскія и охотничьи** собаки. Высшія отличія. Удостоены званія чемпіоновъ и призеровъ. Поставщ. высочайш. домовъ и **государств. учрежд.** Доставка во всѣ части свѣта съ гарант. прибытія въ здоров. состояніи. Точная и добросовѣстная исполнительность. Иллюстр. роскошн. альб. съ описан. всѣхъ породъ 1 м. 50 пф.; при покупкѣ стоим. альб. отсчитыв.

Прейсъ-кур. высыл. безплатно.

Эвальдъ Манске, Haynsburg-Zeitz. 13. Саксонія (Германія). 8-2 2534

Пейте только **охлажденный „Бенедиктинъ“**

Buvez la Bénédictine toujours glacée.
Trinkt Bénédictine stets gekühlt.



Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke.

А. БИТКОВЪ

МОСКВА, Лубянка, 8-20.

ВСЕ ЛУЧШЕЕ
ВСѢ НОВОСТИ МІРА
ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА И ПУТЕШЕСТВІЙ.

КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.
УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.

Требуйте расцѣнку

ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ Н. Н. БЕКЕТОВА

ИМѢНІЯ „БОЛГАТУРЪ“ АДР. КРЫМЪ, ГУРЗУФЪ.

РЕГУЛИРУЕТЪ ПИЩЕВАРЕНІЕ И УКРѢПЛЯЕТЪ ЗДОРОВЬЕ.

Золотая медаль на Гигіеническ. Выставкѣ въ Петербургѣ. Продажа вездѣ. Собственные магазины: **СПБ.:** 1) Невскій, 18, тел. 414-05, 2) В. О., 8-я лин., д. 19, тел. 405-93. **Москва:** 1) Тверская, 35, противъ кафе Филиппова, тел. 530-14; 2) Арбатъ, 15, тел. 139-25 **Кіевъ**, Думская пл., д. 4. **Харьковъ**, Сумская, д. 7, тел. 10-07. **Екатеринославъ**, Проспектъ. **Севастополь. Ялта. Гурзуфъ. Алушта.**

2435

139 18-11

ВРЕМЯ ЛУЧШІЙ СУДЬЯ!!!

Возрастающій съ каждымъ днемъ успѣхъ **Перуина-Пето**—лучшее доказательство, что онъ единственное средство для рощенія волосъ. **Перуин-Пето** продается вездѣ по 1 р. 75 к. флак.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ **ПЕРУИНА-ПЕТО** надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ БЕЗВРЕДНЫХЪ КРАСОКЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ

2527 по восточному способу, въ порошкѣ или жидкомъ видѣ, придающимъ совершенно натуральный цвѣтъ во всѣхъ оттѣнкахъ. 10-1

ПАРИЖЪ. Единственные агенты для Россіи: M. Denys & C-ie. 6, улица Чиста, Варшава.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

2268 12 4

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | г. XLV

№ 17 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 26 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранiя сочиненiй В. Г. Короленко" кн. 9.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть **С. Гусева-Оренбургскаго.**

(Окончанiе).

Вокругъ начиналось волненiе.

Началось оно съ лепета, съ шопота, съ женскихъ вздоховъ и причитанiй, разрослось въ глухой гулъ, а потомъ въ бурю негодующихъ, стонущихъ криковъ, отрывистыхъ, яростныхъ, укоризненныхъ словъ. Взбудораженная, пораженная несчастьемъ, буйная душа толпы дышала въ лицо старосты бурей страстнаго упрека, грозящiя руки тянулись къ нему:

— Уби-и-вецъ!

Выбивались женщины изъ толпы:

— Довелъ... родиму дочку!..

Въ шубейкахъ, въ сбившихся платкахъ, онѣ обступали его, къ самому лицу его тянулись руки, и глаза ихъ въ лунномъ свѣтѣ сверкали яростью. Онѣ походили на русалокъ, явившихся изъ этой черной проруби, чтобы потребовать отчета во всей своей тяжелой жизни, и сознанiе ихъ, спутанное и темное, обнимало въ этотъ моментъ больше, чѣмъ могло обнять.

— Всѣ вы... всѣ вы... лиходѣи!

Староста невольно отступилъ передъ ихъ толпой и смотрѣлъ удивленно, не понимая, въ ихъ лица, смотрѣлъ съ тупымъ видомъ соннаго, наяву видящаго тяжелую нелѣпицу сна, отъ котораго хочется скорѣе очнуться. И случилось такъ, что, отступивъ, онъ остался одинъ противъ всей толпы, наступавшей на него, но остановленной прорубью, — остался одинъ, какъ подсудимый передъ судьями. Онъ стоялъ, опустивъ руки, и все продолжалъ тупо смотрѣть въ лица мужиковъ какъ бы въ одно лицо. Но, быть-можетъ, и не это, совсѣмъ другое лицо онъ видѣлъ сей-

В. Штемберъ. „Donnez quelque chose!" (Собственность О. Я. Стахѣевой).

часъ передъ собой, такъ странно далекъ, сонепъ и безуменъ былъ его взглядъ.

Вдругъ руки его стали медленно подниматься.

Онъ тяжко обхватилъ ими голову, прижавъ къ ней свою мохнатую шапку:

— До-чень-ка-а!..

И рухнулъ на колѣни въ снѣгъ.

Тяжкимъ, отчаяннымъ воплемъ прозвучалъ надъ рѣкой его крикъ:

— Дочень-ка-а!

И смолкли упреки.

Стихла толпа.

Медленно, одинъ за другимъ, мужики снимали шапки. Опустивъ головы, стояли какъ бы въ безмолвной молитвѣ. Я стоялъ у самаго края проруби, растерянный и подавленный. И жалко мнѣ было старосты, и гнѣвъ на него накипалъ въ груди, и мучительныя мысли вихремъ проносились въ головѣ. Такъ вотъ оно... дьяконово торжество Добра!.. Отчаяніе овладѣвало мной... Міръ мнѣ казался общей могилой... могилой всего добраго... И мертвъ былъ свѣтъ луны. Какъ отраженіе грѣха, тянулись по снѣгу черныя тѣни. И духомъ наказаннаго зла казался мнѣ староста въ снѣгу на колѣняхъ, надъ таинственною бездной проруби, подобной черному окну въ иной невѣдомый міръ... Внезапно безумный, какъ бы слѣпой взглядъ старосты остановился на мнѣ.

И вспыхнулъ.

Съ исказившимся лицомъ вскочилъ староста съ колѣнъ.

— Попъ! По-опъ!—закричалъ онъ.

И потокъ яростныхъ словъ обрушился на меня.

— Отчетъ мнѣ подай... за до-о-чь! Ты... Ты... ты сбивалъ ее! Ты! Погубитель! Я... поѣду... я... тебя... вмѣстѣ съ ней! Я... я...

Обращался къ мужикамъ.

— Всѣ... всѣ... весь міръ православный... будьте свидѣтелями!.. Жалобу... жалобу на него... отъ всего села! Онъ разлучаетъ дѣтей съ родителями... онъ дѣтей отымаетъ! Онъ...

Я растерялся.

— Стыдись!—вскрикнулъ я.

И весь таящійся во мнѣ на него гнѣвъ вырвался наружу:

— Ты насиліемъ своимъ погубилъ невинную душу!

Я указалъ на прорубь:

— Передъ Богомъ дашь отвѣтъ за нее!

Онъ опять смотрѣлъ, какъ бы не понимая, словно между нимъ и мною всталъ кто-то, ему одному видимый. И снова тяжко схватилъ себя за голову и поникъ, покачиваясь. Я растерянно оглянулся. И вдругъ мнѣ стало стыдно своего порыва... Мужики смотрѣли понуро, и ужъ не было у нихъ словъ упрека для старосты, и не надо было этихъ словъ, неумѣстны они были...

Ко мнѣ протиснулась Лариса.

Лицо ея было въ слезахъ, она припала ко мнѣ и только повторяла:

— Господи, Господи... неужели правда?

Вдругъ насъ кто-то разъединилъ и всталъ между нами, высокій и странно-спокойный. Я взглянулъ: на меня съ вышины смотрѣло дьяконово лицо съ загадочной важностью. Въ то же время дьяконова рука нашла мою руку и сжала ее съ какимъ-то тайнымъ масонскимъ значеніемъ. Что за таинственный смыслъ былъ въ этомъ пожатіи? Утѣшеніе... или горесть? Я взглянулъ на попадью: она тоже смотрѣла на дьякона съ недоумѣніемъ.

Тутъ же я замѣтилъ Васильевну.

И поразился.

На лицѣ ея сквозь растерянность проявлялись скорѣе удивленіе и забота, чѣмъ отчаяніе. Но не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ раздался по-за спиною толпы голосъ веселаго Тихона:

— Братцы... эй, братцы!

Всѣ повернулись туда.

— Да може, вона и не тае!—кричалъ Тихонъ.—Смотри-ка-сь... вѣдь тутъ дорога! Може, вона оттедова пришла... а отседова ушла!

Онъ, смѣясь, тыкалъ посохомъ въ снѣгъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ самыхъ ногъ старосты зачиналась протоенная тропа къ другому концу села: оттуда было ближе сюда ходить, чѣмъ къ колодцу. Завороженные роковымъ значеніемъ слѣда, мы всѣ забыли эту тропу, не замѣтили ея, а теперь она давала какую-то надежду...

— Може, вона на село вернулась!—кричалъ Тихонъ.

И веселился.

— Кумарь въ дупло засѣлъ... яй-Богу!

Настроеніе рѣзко измѣнилось.

Опять поднялся шумъ и гомонъ и разросся въ бурливый гамъ, но ужъ гамъ веселый: словно съ плечъ у всѣхъ свалилась тяжесть. И веселѣе сталъ свѣтъ луны, и сталъ сказочнымъ, странно-красивымъ лѣсной узоръ надъ рѣкой.

— Вѣрно!—кричали мужики.

И радовались.

— Съ чего ей?..

— Староста... не тужи!

— Може, и была дума, да прошла!

— Конешно.

— Она вумна дѣвочка...

— Найдемъ!

— Вѣрно!

И ужъ никто не спорилъ, что это такъ и есть: всѣ повѣрили въ это, всѣ хотѣли повѣрить. И отъ радости стали, какъ дѣти. Совались по тропинкѣ, хотѣли найти слѣды, но смутный узоръ ихъ не выдавалъ своей тайны. Торопились итти въ село.

— Найдемъ ее, ребята... найдемъ!

Окружили старосту:

— Не тужи, найдемъ!

Пошли шумной, оживленной массой.

Говорили старостѣ утѣшительныя слова.

Даже женщины забыли недавній гнѣвъ свой на него, ласково успокаивали его.

Но староста шелъ, какъ сонный.

Лохматый, опустившійся, онъ походилъ на слѣпого, котораго ведетъ толпа... куда—ему все равно. Молчаливый и безучастный, онъ шагалъ только потому, что вокругъ шагали всѣ, увлекая его... И казалось, что, оставь его всѣ—онъ бы такъ и остался стоять въ мрачной, сонной неподвижности.

На селѣ опять стали ходить отъ хаты къ хатѣ, стучать въ ставни и калитки, спрашивать, искать, шарить по дворамъ и закутамъ. И долго еще надъ селомъ звучали зовущіе голоса:

— А-аню-ю-та-а!..

. . . .

Наутро день не принесъ ничего новаго.

Анюты не нашли.

. . . .

...Говорили про старосту, что всю ночь онъ сидѣлъ неподвижно въ переднемъ углу за столомъ, ни звукомъ не отзывался на слова Васильевны, словно и не замѣчалъ ея. А къ утру неожиданно потребовалъ самоваръ, долго пилъ чай въ уединеніи, выгнавъ всѣхъ изъ комнаты, потомъ принялся за обычную работу. Удивлялись также какому-то странному спокойствію Васильевны. Относительно же Анюты мнѣнія раздѣлились. Большинство склонилось снова къ убѣжденію, что она утопилась: больше некуда было ей дѣваться. Но другіе загадочно качали головами и сопоставляли ея исчезновеніе съ другимъ происшествіемъ, взволновавшимъ село: исчезъ куда-то писарь! Дома онъ не ночевалъ, на селѣ его не было, а всѣ поиски ни къ чему не привели... Пропалъ пьяный человѣкъ безслѣдно. И чѣмъ дальше дѣло шло къ вечеру, люди, загадочно качавшіе головами, начинали говорить увѣреннѣе:

— Вмѣстѣ сбѣжали!

Это ужъ было непонятнѣе всего.

— Съ писаремъ-то?

— А штò же?.. Любовь зла!

— Съ пьяницей-то! Чать, она Ларивона любитъ!

— Штò жъ Ларивонъ?.. Добивайся его. А писарь-то вольный... взмылся да улетѣлъ. Вотъ и по пути вышло... отъ безносаго-то и не съ писаремъ убѣжишь.

Люди стали задумываться:

— А и впрямь...

То и дѣло къ поповскому дому шмыгали женщины и приносили самыя невѣроятныя новости. У всѣхъ уже выростала увѣренность, что Анюта сбѣжала съ писаремъ. Припомнили слова

писаря, кому-то сказанныя, что онъ и пьяницей сталъ отъ любви къ Анютѣ, и что, будь онъ побогаче, онъ посватался бы къ ней... и не получилъ бы отказа. Ужъ тѣ, кто былъ увѣренъ, что Анюта погибла въ проруби, стали склоняться къ этому веселому предположенію. А про старосту сообщали, что его словно кто мѣшкомъ ударилъ: молчитъ и угрюмъ, какъ туча.

Весь день я былъ въ меланхоліи.

Все изъ рукъ валилось.

Ждалъ дьякона, но онъ не пришелъ. Говорили, что въ школѣ занятій не было: дьяконъ сказалъ ученикамъ, что боленъ, и отослалъ ихъ. Хотѣлъ-было я провѣдать его, собирался—да и не собрался... Смутно было и тяжело на душѣ, никого не хотѣлось видѣть, ничего не хотѣлось слышать... и думать бы не хотѣлось, да самыя черныя мысли одолѣвали меня.

Вечеромъ пришелъ Ѳиногенъ.

— Что̀ съ дьякономъ?—спросилъ я.

Внезапно что-то интересное увидалъ Ѳиногенъ на порогѣ и нагнулся.

— Ничего... живетъ,—сказалъ онъ глухо.

Мнѣ показалось, что онъ смѣется.

— Ты чего?—спросилъ я.

— Ничего!

И выпрямился.

Взглянулъ на меня веселыми круглыми глазами.

— Чему ты радуешься?

— А печалиться-то чему? На свѣтѣ все хорошо.

— Развѣ не жалко Анюты?

— Нисколько!—отвѣтилъ онъ безпечно.—Чего кто хочетъ, то съ тѣмъ и бываетъ. А вотъ отецъ дьяконъ-то... велѣлъ сказать вамъ... придетъ сейчасъ.

И что-то лукавое мелькнуло въ глазахъ Ѳиногена.

Ушелъ.

И вновь медлительно потянулось время.

За окнами мглою и туманомъ осѣдалъ морозный вечеръ. И такіе же мгла и туманъ были въ моей душѣ: все мерещились серебристый, застывшій узоръ лѣса надъ рѣкою, мертвенно-мглистый свѣтъ луны и загадочно-темное пятно проруби—дикій сонъ кошмарной ночи... а тамъ... въ глуби... Я не могъ отдѣлаться отъ этого образа, отъ этого сна кошмарной ночи. И ужъ казалось мнѣ, что тамъ, на льдистомъ краю надъ этой пропастью, сломилось что-то въ моей душѣ. Тамъ ли, въ темной глубинѣ была Анюта, или ушла она—ужъ это было все равно. Образомъ міра стала для меня эта холодная пропасть. Все доброе въ немъ, все рвущееся на какую-то „божескую“ свободу, на свѣтлую высоту счастливой и праведной жизни, къ доступному людямъ идеалу слiянія человѣческаго съ божескимъ—все это нѣжное и тонкое въ грубой земной жизни, какъ морозомъ ранніе побѣги, глушится холодомъ зла и гибнетъ, гибнетъ въ пучинѣ... только слезы, вздохи и стоны рвутся изъ какой-то глубины, но заглушаются грохотомъ, гамомъ, грубымъ смѣхомъ торжествующаго зла. Но вѣдь такъ было и во времена Христовы: грохотъ, блескъ и сила языческой имперіи загоняли въ катакомбы всѣхъ вѣрящихъ въ кроткую силу добра, на арены колизеевъ бросали ихъ, гдѣ иногда сами звѣри останавливались передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не останавливались люди. И не на крестѣ былъ распятъ Самъ Христосъ, а на „уставахъ жизни“: Пилатъ умылъ руки только потому, что существовалъ законъ... и обычай. Теоретически я понималъ, конечно, разницу между тѣмъ временемъ и теперешнимъ, но практически... это было для меня одно. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ міръ побѣдила кроткая сила Галилеянина...

Но гдѣ же эта побѣда?..

Христосъ и ученики Его боролись съ „уставами жизни“. Но въ чемъ плоды этой борьбы? Не въ томъ ли, что я, ученикъ учениковъ ихъ, стою безсиленъ передъ „уставомъ жизни“? И могу бороться съ нимъ теоретически, а практически нѣтъ? Конечно, случай съ Анютой былъ маленькій: я бы могъ и обвѣнчать ее противъ воли отца, если бы воля ея не была задавлена отцовской волей... Но ужъ глаза души моей прояснились: я видѣлъ въ мірѣ многихъ людей, которые за свое доброе и за доброе міра должны были бороться съ „уставами жизни“, чтобы достигнуть побѣды. Но всегда ихъ побѣждали „уставы жизни“. Но если это такъ, если въ борьбѣ за доброе всегда стоятъ на пути „уставы жизни“, и гибель добраго есть торжество „уставовъ“, то я-то, я... съ подробнымъ и точнымъ регламентомъ моей пастырской дѣятельности... я-то, ученикъ Христовъ...

Мысли мои путались и меркли.

Въ душѣ разростался туманъ.

Уже за окномъ давно сгустилась морозная ночь, а я все ходилъ по темной комнатѣ и не зажигалъ лампы. И потому совершенно не замѣтилъ, какъ вошелъ и всталъ у порога дьяконъ. Вздрогнулъ, увидѣвъ его темную тѣнь, но когда зажегъ лампу, удивился. Дьяконъ облаченъ былъ въ новый подрясникъ и имѣлъ видъ торжественный и важный.

— Пришелъ пригласить васъ на праздникъ,—медленно произнесъ онъ пѣтушиною октавой.

На голосъ дьякона поспѣшно вышла и Лариса:

— Какой праздникъ, отецъ дьяконъ?

Дьяконъ выставилъ грудь.

И вдругъ по лицу его стала расползаться улыбка блаженнаго удовольствія:

— На праздникъ эффекта!

Всегда онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, этотъ дьяконъ! Лариса принялась смѣяться. Я же съ удивленіемъ смотрѣлъ на его радостное лицо. И вдругъ предчувствіе какой-то пріятной и веселой тайны охватило меня. Въ мозгу возникли сопоставленія... Но я предпочелъ не разспрашивать.

— Пойдемъ! — сказалъ я Ларисѣ.

— Пойдемъ!

И она побѣжала одѣваться.

...Дьяконъ выступалъ впереди насъ въ морозной мглѣ торжественно, — торжественность и важность вообще не оставляли его больше. Казалось, онъ шелъ впереди какой-то процессіи. И недоставало только, чтобы онъ пѣлъ. Лариса смѣялась надъ его видомъ, пыталась разспрашивать его, но онъ лишь временами обращалъ къ намъ сіяющій ликъ, на вопросы же отвѣчалъ односложно и таинственно.

Даже пропѣлъ въ отвѣтъ:

— Ели-и-це во Христа креститеся...

Но что̀ это значило, не объяснилъ.

Школа была освѣщена, но дверь заперта. На стукъ дьякона отозвались не сразу. Было слышно за дверью какое-то смутное движеніе и тихій торопливый разговоръ. Когда же дверь наконецъ растворилась, я невольно засмѣялся.

В. Штемберъ. Портретъ г-жи Н. В. Ш. (Собств. автора).

Въ дверяхъ стоялъ улыбающійся писарь.

Онъ былъ совершенно трезвъ и даже какъ будто прифранченъ и во всякомъ случаѣ — причесанъ. За его спиною мнѣ во тьмѣ школьной комнаты мерещились еще смутныя фигуры, но я не успѣлъ ихъ разсмотрѣть: дьяконъ торжественнымъ жестомъ пригласилъ насъ войти въ его помѣщеніе. Оно было ярко освѣщено, вѣрнѣе — иллюминовано: всюду, гдѣ только возможно, горѣли свѣчи — на столѣ, на подоконникѣ, даже на шкапу. Столъ же былъ уставленъ яствами и винами.

— Прошу! — сказалъ дьяконъ.

И въ тотъ же мигъ весь какъ бы превратился въ одну радужную, сіяющую улыбку.

— Чудеса, — сказалъ онъ: — совершаются и въ нашъ вѣкъ, ибо мертвые воскресаютъ.

Онъ сдѣлалъ два журавлиныхъ шага къ шкапу, остановился передъ нимъ и съ шумомъ отпахнулъ его дверцы съ какимъ-то веселымъ клохтаньемъ и кудахтаньемъ.

Въ шкапу стояла улыбающаяся Анюта.

— Выходи! — сказалъ дьяконъ.

И тотчасъ сталъ опять торжественно-серьезенъ, поднялъ вытянутый палецъ надъ головой:

— Если бы Богъ захотѣлъ, отецъ нашелъ бы ее здѣсь, ибо она въ этомъ самомъ шкапу таилась. Но Богъ... не захотѣлъ. И тѣмъ самымъ указалъ намъ путь правильный!

И дьяконъ какимъ-то нелѣпымъ колесомъ заходилъ по комнатѣ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни!

Матушка хохотала.

И ужъ она была около Анюты, радостно цѣловала ее, оживленно повернулась къ дьякону:

— Давайте ужъ и васъ поцѣлую, отецъ дьяконъ!

Дьяконъ въ восторгѣ растопырилъ руки.

Я оглянулся: все знакомыя лица! По праздничному разряженная Васильевна, улыбающійся писарь, Ларіонъ, добродушно-торжественный, какъ и дьяконъ, а позади нихъ во все лицо ухмыляющійся Ѳиногенъ. Я сразу все понялъ. И когда дьяконъ обернулся ко мнѣ:

В. Штемберъ. Портретъ баронессы Д. Е. Гревеницъ.

В. Штемберъ. Портретъ Наташи Ш. (Набросокъ).

— Батюшка! Согласны ли?

Я засмѣялся:

— Вѣроятно, на это надо отвѣтить торжественно?

И я поднялъ руку:

— Согласенъ!

Дьяконъ хитро сощурился:

— А законъ?

— При нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ.

Дьяконъ въ восторгѣ бросился меня обнимать. И ужъ изъ восторга этого не выходилъ. Бросался то къ одному, то къ другому, приглашалъ возсѣсть за столъ. Усадилъ Василису на почетное мѣсто, рядомъ съ матушкой, тянулъ за рукавъ упиравшагося Ѳиногена. Аннушку усадилъ рядомъ съ собой и все вопіялъ:

— Это моя дочь! Я ей отца замѣняю!

Бралъ рюмку и поднималъ ее:

— Ур-р-а! Анютины глазки!

Непремѣнно заставилъ всѣхъ чокнуться и выпить. Потомъ захотѣлъ сказать рѣчь. Всталъ, подобно человѣку на ходуляхъ, и съ высоты своей началъ произносить трогательныя слова:

— Братіе! Друзья!

И не могъ продолжать отъ полноты чувствъ и все прикладывалъ руку къ груди.

— Сей день... запишу на скрижаляхъ жизни моей яко наисчастливѣйшій! Наипріятнѣйше бо человѣку зрѣть, егда добро побѣждаетъ, и на скорбномъ ликѣ человѣческомъ возсіяваетъ, подобно свѣту солнечному, улыбка счастія и радости... Ахъ, друзья мои! Се пиръ передъ бракомъ... яко въ Канѣ... мой пиръ! Мой праздникъ... мое ликованіе! Ибо дочь мою духовную, дочь мою наилюбимѣйшую отдаю человѣку вѣрному и другу... наперекоръ людской волѣ, судьбѣ...

Онъ взглянулъ на меня, слегка потянулся черезъ столъ:

В. Штемберъ. Этюдъ.

— Исаія, лику-у-й!

Между тѣмъ свѣтъ привлекъ любопытныхъ.

Появились дѣвицы, баба зашла. Слышались удивленные возгласы. Потомъ, очевидно, новость распространилась по селу: когда мы кончали вѣнчаніе—въ церкви уже набралось много народа. И сначала всѣ были удивлены, но потомъ разгорѣлся радостный и довольный шопотъ.

Дьяконъ распорядился:

— Въ вѣнцахъ до дому!

Обернулся къ Ѳиногену:

— Трезвонь!

И вотъ среди радостно оживленной толпы народа, при колокольномъ звонѣ, нарушившемъ ночную тишь, мы направились къ дому Овцова. Ларіонъ и Анюта шли въ вѣнцахъ, какъ коронованныя особы. Дьяконъ въ золотомъ стихарѣ торжественно выступалъ впереди. И пока мы шли по селу, народъ выбѣгалъ изъ всѣхъ хатъ и присоединялся къ шествію. Всѣмъ было очень интересно, какъ поступитъ Овцовъ. Всю улицу залилъ народъ, когда мы подошли къ дому, и застылъ въ ожиданіи. Мы оставили Анюту съ Ларіономъ въ сѣ-

— И всѣмъ законамъ!

Выпрямился, принялъ торжественный видъ и заговорилъ наставительно:

— Одинъ въ мірѣ законъ, одинъ... и нѣтъ другого... Добро! Любовь! Гдѣ они — тамъ и Богъ! Да, да... Богъ сейчасъ съ нами, друзья мои, Онъ съ нами, Онъ смотритъ на насъ и радуется, ибо свершается воля Его черезъ насъ! Черезъ людей Добро въ мірѣ побѣждаетъ...

И растрогался.

Вытянулъ руки надъ столомъ:

— Ахъ, друзья мои... любимые мои! Ну, что еще вамъ скажу?.. Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни... Выпьемъ!

И опять непремѣнно хотѣлъ, чтобы чокнулись и выпили всѣ. А потомъ растопырилъ руки и какъ бы пошелъ на всѣхъ войной:

— Другъ друга обымемъ... и возрадуемся!

Въ маленькой комнаткѣ разгорѣлся пиръ, надо сказать, очень веселый. Дьяконъ усадилъ Ларіона и Анюту рядомъ, и угощалъ ихъ, и все радовался на нихъ, и говорилъ, что онъ былъ одинъ... одинъ на всемъ свѣтѣ... а теперь семья вокругъ него. Всѣ раскраснѣлись, смѣялись и радовались, матушка хохотала невѣдомо надъ чѣмъ... Безпокоилась и торопила дьякона только Васильевна и выражала опасеніе, что все откроется раньше времени, но дьяконъ увѣрялъ ее, что тайна его хранится крѣпко и надежно, къ тому же и двери на замкѣ.

Но потомъ и онъ заторопился:

— Идемъ! Идемъ!

Приказалъ Ѳиногену:

— Ступай, Ѳиногенъ, и приготовь все, какъ указано.

Потомъ онъ потушилъ свѣчи.

Въ темнотѣ мы направились къ выходу.

Въ ночной морозной мглѣ дьяконъ торжественно выступалъ впереди. Шли молча. Молча вступили въ церковь. Она залита была моремъ свѣта. Какъ въ большой праздникъ, Ѳиногенъ зажегъ всѣ свѣчи, алтарь пылалъ, и едва мы вошли, какъ отъ горючей нитки зажглась и люстра. Вѣнчанье шло торжественно. Никогда я не вѣдилъ, чтобы дьяконъ выступалъ съ такой важностью, съ такой гордостью, и чтобы его пѣтушиный голосъ гремѣлъ такими раскатами, когда онъ читалъ Апостола или возглашалъ:

В. Штемберъ. Письмо.

нятъ, сами торжественно вошли въ комнату въ своихъ золоченыхъ одѣяніяхъ.

Староста сидѣлъ у стола за какими-то счетами.

Онъ поднялъ голову, взглянулъ.

Но я не замѣтилъ, чтобы онъ удивился. И странно мнѣ стало, что онъ какъ бы не слышалъ шума за окномъ. Онъ не поднялся намъ навстрѣчу, хотя мы и были въ духовныхъ одѣяніяхъ, сидѣлъ и молча ждалъ.

— Староста Овцовъ, — сказалъ я:—помнишь ты свою побасенку про лошадь? Такъ вотъ я привязалъ тебѣ мѣшокъ къ хвосту. Если хочешь—брыкайся! Только помни, что лошадь была умна и науку поняла. Да и свою поговорку вспомни...

— Как-у-ю?— медленно и угрюмо спросилъ онъ.

— Дураковъ учитъ и Богъ велѣлъ.

И я распахнулъ дверь:

— Богъ тебѣ радость посылаетъ... будь достоинъ ея!

Вошли новобрачные.

Анюта остановилась у дверей, вся пунцовая, не смѣя поднять глазъ на отца, и руки ея дрожали. А Ларіонъ, вскинувъ голову, вызывающе смотрѣлъ на старосту. Но староста какъ бы не обратилъ на него и вниманія. Угрюмый, темный взглядъ его остановился на дочери и долго не отрывался отъ нея. Напряженное, ждущее молчаніе царило въ комнатѣ, смутный говоръ за окномъ только оттѣнялъ его. Недвижно стоялъ дьяконъ, напряженно вытянувшись, и всѣ словно застыли въ заколдованномъ снѣ,—даже старый рыжій котъ, выйдя на середину комнаты, какъ бы въ удивленіи посмотрѣлъ на всѣхъ, сѣлъ и замеръ въ неподвижности.

— Анютка, — тихо сказалъ староста.

И въ голосѣ его прозвучала непривычная мягкость:

— Зачѣмъ же ты бѣгала на прорубь?

Анюта еще ниже опустила голову и молчала.

— Или впрямъ хотѣла... себя загубить? А съ собой и меня?

Она все молчала.

Вдругъ закрыла лицо платкомъ и заплакала.

— Впрямь,—хмуро сказалъ староста:—Богъ добрѣе людей, коли отвелъ тебя.

Онъ мелькомъ мрачно взглянулъ на меня.

В. Штемберъ. Гречанка. (Собственность г. Мюзеръ).

— Дураковъ-то Онъ учитъ... но и милуетъ! Ну... поди сюда, дочка...

Анюта такъ и метнулась къ нему.

Онъ облапилъ ее, подобно косматому медвѣдю, и ужъ казалось, и не думалъ отпускать ее, словно навсегда потерялъ ее и вновь нашелъ. Я взглянулъ на дьякона, и лицо его напомнило мнѣ восходящее солнце. Староста вдругъ свирѣпо взглянулъ на Ларіона:

— А тебя я, сукинъ сынъ, въ такую работу запрягу, что сорокъ потовъ каждый день сгонять съ тебя буду!

Ларіонъ весело тряхнулъ головой:

— Слушаю, тятенька!

Мрачный огонь въ глазахъ старосты внезапно потухъ, и тамъ зажглись веселыя искры.

— Ну, поди ужъ и ты сюда,—сдѣлалъ онъ широкій жестъ своей мохнатой рукой въ припадкѣ какой-то бурной любовности:— поди, что ужъ подѣлаешь, съ судьбой не соспоришь. Поди... чортъ этакой!..

...И началось нѣчто невообразимое...

За окномъ поднялся какъ бы веселый плясъ, который вскорѣ закружилъ съ собой и хату. Въ комнату ворвались музыканты, Ларіоновы пріятели, появились разряженные по праздничному люди, поднялись шумъ и гамъ, поздравленія, поцѣлуи, объятія, крики. У Васильевны оказалось все приготовленнымъ для пира. И пиръ пошелъ на весь міръ, все село приняло въ немъ участіе. Шелъ стонъ веселья и въ комнатахъ, и на дворѣ, и на улицѣ, куда староста приказалъ выкатить цѣлую бочку вина, которую и распивали при крикахъ, пѣсняхъ, въ багровомъ отблескѣ костра. А въ комнатахъ стоялъ сизый дымъ отъ веселья. И въ этомъ дыму, какъ на ходуляхъ, кидался, бросался, совался подвыпившій дьяконъ, вздымалъ руки, свѣтился отъ радости, отъ любовнаго восторга, оралъ пуще всѣхъ:

— Го-о-о-орько!..

И изгибался, и обнимался съ кѣмъ-то, и присѣдалъ, и выросталъ, и сквозь гамъ и пѣсни кричалъ, раскидывая руки:

— Не умру... но живъ буду... и повѣмъ дѣла Господни!

КОНЕЦЪ.

Неизданное посмертное произведеніе М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Предчувствія, гаданія, помыслы и заботы современнаго человѣка.

1 ноября. Всталъ нынче утромъ необыкновенно рано. Цѣлую почти ночь не спалъ. Третій разъ снится, будто воронъ вцѣпился въ меня когтями и клюетъ мнѣ желудокъ. Справился съ „Сонникомъ"; отвѣтъ вышелъ короткій: „злодѣй не дремлетъ". Желалъ проникнуть въ сокровенный смыслъ этихъ словъ, но какъ ни вникалъ, а разгадать не могъ, по той причинѣ, что тайна будущаго отъ насъ, по милости Божьей, непроницаемой завѣсой скрыта. Однакожъ, раздумавшись объ этомъ, пренебрегъ и хозяйственными работами. Давно бы вотъ надо форрейтора выбрать на мѣсто Андрюшки...

2 ноября. Опять во снѣ видѣлъ птицу: вырвала кусокъ моего мяса и, поднявши носъ, смакуетъ. Словомъ сказать, хоть не ложись спать. Пріѣзжалъ съ сосѣдней

В. Штемберъ. У околицы. (Собственность Н. А. Балина).

фабрики управляющій, спрашивалъ, не соглашусь ли отпустить въ работы дѣвокъ. Настасья Петровна настаивала, чтобъ отпустить, потому что цѣну даютъ сходную. Однако по причинѣ разстройства душевнаго не могъ ничего сообразить, а потому и разговоръ до времени отклонилъ. Потомъ приходилъ Андрюшка и опять приставалъ, чтобъ его смѣнить. Оно и точно, что безобразно: и борода сѣдая, да и выросъ какъ-то неестественно. Чортъ ихъ знаетъ, а въ ихнемъ званіи и законы природы какъ будто власти никакой не имѣютъ. Вотъ ему давно бы пора перестать расти, а онъ ничего, растетъ какъ ни въ чемъ не бывало! А говорятъ еще, что мало кормилъ!.. Однако, за душевною смутой, и этого дѣла не могъ сообразить.

8 ноября. День былъ пасмурный; снѣгу навалило столько, что въ теченіе какого-нибудь часа сталъ зимникъ. Хотя видѣнія меня и оставили, однакожъ хозяйственныхъ распоряженій никакихъ дѣлать не могъ. Поэтому цѣлый день изъ халата не выходилъ и размышлялъ о томъ: кто мы?

9 ноября. Кто мы? Если вопросъ разобрать теоретически, то, конечно, нельзя не согласиться, что всѣ мы люди, всѣ человѣки. Если же разобрать этотъ вопросъ практически, т.-е. какъ все въ природѣ происходитъ, то выйдетъ, что всякому человѣку на свѣтѣ не только свое мѣсто опредѣлено, но и всякій человѣкъ изъ своего собственнаго сферовращенія никакимъ образомъ въ чуждое ему сферовращеніе переступить не можетъ. Есть люди малайцы, есть люди индійцы, есть люди черные, люди коричневые и люди бѣлые. Каждый изъ нихъ въ своемъ кругу. Поэтому есть люди, такъ сказать, подначальные, у которыхъ тоже свой кругъ и свое обращеніе. Можно ли и должно ли границы сіи преступать? На это отвѣтъ простой. Извѣстно, что всѣ земныя бѣдствія, какъ-то: голодъ, градъ, холера, эпизоотія и пр. — все отъ грѣха первороднаго. Можемъ ли мы все сіе отвратить? Не можемъ, всеконечно. Но если сихъ, такъ сказать, прирожденныхъ роду человѣческому бѣдствій предотвратить не можемъ, то, слѣдовательно, не можемъ и чернаго человѣка сдѣлать бѣлымъ и наоборотъ. Dixi et animam levavi, какъ пишутъ нынче господа газетчики, что̀ значитъ: сказалъ и душу тѣмъ себѣ упразднилъ.

10 ноября. Нѣтъ, не упразднилъ. Мужикъ, цѣлый день предающійся прирожденной лѣни и праздности, или человѣкъ, денно и нощно не только о самомъ себѣ, но и о цѣлой государственной системѣ помышляющій; мужикъ, ищущій отдохновенія въ винѣ и въ непристойной пляскѣ, или человѣкъ, отдыхающій отъ заботъ въ умственныхъ упражненіяхъ, въ философическихъ разысканіяхъ и въ тайной бесѣдѣ съ отсутствующими! Граница проведена ясно. Отчего темный человѣкъ разсуждаетъ о двуперстіи, о нестриженіи бороды и другихъ нелѣпостяхъ, а дворянинъ о томъ не разсуждаетъ? Оттого, что дворянскому званію сіе неприлично. Отчего темный человѣкъ обращается съ навозомъ и другими низкаго свойства предметами, а дворянинъ пребываетъ лишь въ сферахъ благоухающихъ? Оттого, что сіе званіе дворянскому пристойно. Вопросовъ сего рода можно бы множество предложить, а предложивши—убѣдиться, что здѣсь всѣ чувства природы, какъ-то: обоняніе, вкусъ, зрѣніе, осязаніе и слухъ,—словомъ—все разнствуетъ. Итакъ, не будемъ уже удивляться, что въ природѣ существуетъ и бѣлый, и зеленый, и красный цвѣта, что зеленому, а не красному цвѣту прилично одѣвать дерева и злаки, что столъ, на которомъ я начертываю сію замѣтку, красный, а бумага бѣлая. Все

В. Штемберъ. „Если бы гордость, подобная ненужному свѣтильнику, зажигаемому у гроба, не сторожила ея пустыннаго сердца—она полюбила бы“. (Собственность кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстонъ).

М. Безродный. „1812 г.“ Нападенiе партизанъ подъ Краснымъ на корпусъ маршала Нея. Конкурсная выставка въ Императорской Академiи Художествъ. (Присуждено званiе художника).

сіе выше скуднаго нашего разсужденіе и не отъ насъ непреложно устроено.

11 ноября. Поводомъ же къ таковымъ разсужденіямъ послужилъ засѣдатель отъ дворянъ Снѣжковъ, привезшій извѣстія, будто бы... но нѣтъ! — Скорѣе отечество наше превратится въ безплодную степь Сахару, нежели рука моя начертаетъ слово погибели и злорадства!

15 ноября. Вновь мучили душу предчувствія. За обѣдомъ Прохоръ докладывалъ, что тараканы ползутъ изъ дому; вечеромъ столпъ огненный показался на небѣ. Отъ всѣхъ сихъ предзнаменованій такое точно происходило ощущеніе, какъ бы половину достоянія отнимали. А Настасья Петровна, между тѣмъ, все продолжаетъ приставать съ Андрюшкой... женщина! *Замѣчательное:* во время послѣобѣденнаго сна весьма мучился; казалось, что Андрюшка налегъ на меня всею своею тяжестью и давитъ. Сновидѣніе сіе можно назвать гастрическимъ.

19 ноября. Опять пріѣзжалъ съ фабрики управляющій и отъ философическихъ упражненій обратился къ дѣйствительности. Рѣшили выбрать до десяти наилучшихъ дѣвокъ. Настасья Петровна, которая замѣтно на меня въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль сердилась, послѣ этого повеселѣла и за ужиномъ даже заявила надежду, что у нея будетъ новая шляпа. Володинъ французъ поздравилъ меня съ выгодною сдѣлкою (une bonne spéculation), на что я ему отвѣтилъ, что это совсѣмъ не сдѣлка, а скорѣе доброе дѣло, ибо дѣвка, проводя время въ праздности, ничего, кромѣ пороковъ и развитія страстей, въ будущемъ для себя не пріобрѣтаетъ; но французъ, не будучи достаточно знакомъ съ особенностями національнаго духа (каждая нація имѣетъ свой національный духъ—это вѣрно!), пожалъ лишь плечами. Конечно, я его и не разувѣрялъ. Володя тоже расшалился и почти каждую минуту повторялъ: „На фабрику! На фабрику!“ Однимъ словомъ, въ семействѣ нашемъ появилось то душевное спокойствіе, которое совершенно вознаградило меня за нѣсколько дней, проведенныхъ въ тревогѣ и безъ сна.

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

(Къ 25-лѣтію со дня кончины).

1889 $\frac{28}{IV}$ 1914 г.

Очеркъ **Павла Зайцева.**

Отъ исполняющагося 25-лѣтія со дня смерти Салтыкова-Щедрина русское общество ожидаетъ возбужденія интереса къ давно стоящему на очереди изученію его громадной литературной дѣятельности и въ особенности той области творчества, въ которой онъ былъ и остается непревзойденнымъ образцомъ: его геніальной сатиры. Послѣ того, что̀ было сказано о немъ русской критикой — незадолго до его смерти Арсеньевымъ и вскорѣ послѣ нея Пыпинымъ и Михайловскимъ,—мало прибавилось о немъ новыхъ сужденій. И это прежде всего оттого, что щедринская сатира до нашего времени сохраняетъ во многихъ отношеніяхъ всѣ признаки и весь интересъ современности: наша жизнь еще не чужда „ташкентщины“ и не сбросила еще съ себя печальнаго наслѣдія—путь „пошехонщины“.

Салтыковъ, выросшій въ дворянской семьѣ средней руки (мать его, впрочемъ, происходила изъ купеческаго званія), по окончаніи Дворянскаго пансіона и Александровскаго лицея, гдѣ уже онъ проявилъ литературное дарованіе въ качествѣ лицейскаго поэта, поступилъ въ 1844 г. на службу въ военное министерство и въ 1847 г. выступилъ въ печати съ рядомъ рецензій и съ повѣстью „Противорѣчія“. Въ 1858 г. появилась его новая повѣсть „Запутанное дѣло“, въ которой, кромѣ вліянія Ж.-Зандъ, отразившагося еще въ первомъ его литературномъ опытѣ, легко было усмотрѣть и вліяніе французскихъ соціально-философскихъ идей въ прозвучавшихъ въ повѣсти нотахъ несочувствія къ существовавшему общественному строю. 1848 годъ былъ годомъ самой сильной реакціи, и Салтыковъ за увлеченіе „Франціей не Луи-Филиппа и Гизо, а Сенъ-Симона и Фурье“ поплатился ссылкой въ Вятку. Впрочемъ, ему вскорѣ разрѣшили служить, и до 1856 г.—времени перехода на службу въ Петербургъ—Салтыковъ въ качествѣ дѣятельнаго и честнаго чиновника, постепенно подвигавшагося по лѣстницѣ губернской іерархіи, имѣлъ возможность изучить нравы провинціальной жизни и въ особенности чиновной среды, ея способы управленія и „опеканія“ народныхъ массъ. Въ 1856 г. появились его „Губернскіе Очерки“. Въ 1862 г. Салтыковъ оставилъ-было службу, но потомъ снова къ ней вернулся. „Надворный Совѣтникъ Щедринъ“—таковъ былъ избранный сатирикомъ псевдонимъ — съ неутомимостью предался кипучей литературной дѣятельности, матеріалъ для которой давала ему продолжавшаяся служебная дѣятельность: одна за другой выходили изъ-подъ его пера безпощадныя сатиры. Особенно благопріятное развитіе получила его дѣятельность, когда онъ, оставивъ должность предсѣдателя рязанской казенной палаты, сталъ однимъ изъ руководителей, а подъ конецъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ (съ 1868 по 1884 г.). Въ нихъ напечатана была впервые бо̀льшая часть его произведеній, каждое слово которыхъ съ жадностью ожидалось и ловилось русской читающей публикой. (Пока былъ живъ „Современникъ“, Салтыковъ работалъ въ немъ). Въ 1884 г. „Отечественныя Записки“ были запрещены, и руководителю ихъ пришлось оставить редакторское кресло. Удрученный годами и болѣзнью, въ непрерывныхъ физическихъ страданіяхъ прожилъ онъ послѣднія пять лѣтъ жизни, не покидая однако писательской дѣятельности.

„Геній Салтыкова отличался тѣмъ, что представлялъ весьма рѣдкое и поистинѣ чудесное явленіе полной независимости отъ своей матеріальной физической оболочки. Для него не существовало того періода полнаго расцвѣта и развитія, который у простыхъ смертныхъ совпадаетъ обыкновенно съ окончательнымъ развитіемъ физическаго организма, съ такъ называемымъ возрастомъ мужества, а затѣмъ слѣдуетъ если не паденіе таланта вмѣстѣ со старостью, то во всякомъ случаѣ отсутствіе въ немъ дальнѣйшаго роста и развитія. Талантъ Салтыкова непрестанно развивался до самаго послѣдняго мгновенія жизни, до того момента, когда холодѣющая рука не въ силахъ уже была исполнять внушеній неугомоннаго генія. Ни преклонный возрастъ, ни хилость организма, ни продолжительная и мучительная болѣзнь — ничто не могло задержать хотя бы на минуту это развитіе, и, вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ послѣднихъ произведеній Салтыкова достигли такой общечеловѣческой красы, что безъ малѣйшихъ преувеличеній можно поставить ихъ на одномъ ряду съ безсмертными памятниками сатиры въ родѣ „Похвалы Глупости“ Эразма или „Донъ-Кихота“ Сервантеса“. (Скабическій).

„Много есть путей служить общему дѣлу; но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также небезполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ“,— писалъ сатирикъ въ объясненіе своей дѣятельности.

Въ „обнаруженіи зла, лжи и порока“ Щедринъ проявилъ самые разнообразные пріемы творчества, соединяя бьющій въ глаза реализмъ съ самой необузданной игрой фантазіи.

„Что̀ касается формы въ смыслѣ рубрикъ, на которыя теорія дѣлитъ художественныя произведенія, то Салтыковъ обращался съ ними вполнѣ безцеремонно, подчиняя ихъ основной струѣ своего творчества“... Онъ „тасовалъ ихъ, какъ колоду картъ, то, перебивая комическій разсказъ страстнымъ стихотвореніемъ въ прозѣ, то иллюстрируя публицистику діалогомъ, то, наоборотъ, обрывая художественный разсказъ публицистической экскурсіей, то неожиданно вводя струю сказочной фантастики въ реальнѣйшее изъ реальныхъ описаній“. (Н. К. Михайловскій).

Ядовитыя насмѣшки легко смѣняются у него страстной лирикой. А его лирическія тирады поражаютъ искренностью вдохновляющаго ихъ чувства. Прекрасны также попадающіяся у него описанія природы, но ни въ чемъ онъ такъ не силенъ, какъ въ изображеніи человѣка, русскаго человѣка, будь онъ чиновникъ, будь онъ дворянинъ, будь онъ крестьянинъ; въ описаніи психологіи массъ и въ отдѣльныхъ типахъ русская общественная жизнь 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ г.г. запечатлѣна имъ навсегда для будущихъ поколѣній, какъ драгоцѣнный историческій матеріалъ.

Въ развращающей атмосферѣ крѣпостного права тѣ, кто мнилъ себя, по превосходному выраженію опубликованнаго здѣсь впервые отрывка, содержащаго необыкновенно мѣткое изложеніе крѣпостнической идеологіи—„пребывающими въ сферахъ благоухающихъ“, „въ умственныхъ упражненіяхъ и философическихъ разысканіяхъ“,—фактически были „рыцарями безнаказной оплеухи“. Со скорбью видѣлъ Салтыковъ, что новыя условія жизни, возникшія съ проведеніемъ реформъ, не сразу улучшили ея состояніе. На сцену вылѣзли Колупаевы и Разуваевы, а живую народную силу продолжали попрежнему держать подъ опекою „помпадуровъ“...

Салтыковъ сознательно и горячо любилъ народъ. Онъ любилъ „не историческій народъ“, а „народъ, представляющій извѣстную идею“. „Головотяпы“ и „моржеѣды“ не возбуждаютъ къ себѣ его симпатій за то, что „выносятъ на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ и Бурчеевыхъ“.

Не всѣ одинаково принимали сатиру Салтыкова. Одни пытались даже обвинять его въ зубоскальствѣ (Писаревъ), другіе обижались за унижаемый имъ якобы народъ, третьи его ненавидѣли со всею страстностью, съ какой только можетъ ненавидѣть без-

пощадно обличаемый и почуявшій возможную гибель „ликующій жуликъ". Зато всѣ, для кого слово народъ не было ни пустымъ звукомъ ни предметомъ для неискреннихъ умиленій и присѣданій, кто стоялъ на почвѣ пониманія его истинныхъ нуждъ и потребностей,—тѣ всей душой сочувствовали безпримѣрному въ исторіи русской мысли общественному служенію великаго сатирика.

„Я благоговѣю передъ Салтыковымъ, — писалъ Шевченко въ своемъ дневникѣ послѣ прочтенія „Губернскихъ Очерковъ".—О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ своихъ. Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, опаскуженную чернь. За этого поруганнаго, безсловеснаго смерда!"

„Кто возбуждаетъ ненависть, тотъ возбуждаетъ и любовь,—писалъ сатирику Тургеневъ.—Будь вы просто потомственный дворянинъ М. Е. Салтыковъ—ничего бы этого не было. Но вы—Салтыковъ-Щедринъ, писатель, которому суждено было провести глубокій слѣдъ въ нашей литературѣ,—вотъ васъ и ненавидятъ и любятъ, смотря, кто".

Съ Салтыковымъ повторилась та же исторія, что и съ Гоголемъ, выступленія котораго вызывали въ однихъ кругахъ негодованіе, въ другихъ—восторгъ и преклоненіе. Съ Гоголемъ Салтыкова роднятъ и исключительный по силѣ дарованія талантъ юмориста, и элементы фантастики въ творчествѣ, и особый взглядъ на смѣхъ, какъ на орудіе борьбы со зломъ, и взглядъ на литературу, какъ на учительство. Но по зрѣлости своей политической и соціальной мысли Салтыковъ далеко опередилъ своего учителя, и кто ознакомится съ нимъ, какъ съ публицистомъ, тотъ еще больше убѣдится въ этомъ. Но Салтыкову благопріятствовало въ этомъ отношеніи сохраненіе той ясности духа, характеристику которой мы привели выше въ прекрасныхъ словахъ Скабичевскаго.

Нельзя въ немногихъ словахъ остановиться здѣсь на всѣхъ произведеніяхъ Салтыкова. Читатели „Нивы" знаютъ ихъ хорошо и любятъ „своего" писателя. Хочется сказать о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ Салтыковъ въ русской литературѣ, и о тѣхъ причинахъ, которыя навсегда сохранятъ за его творчествомъ его громадную воспитательную силу.

Причины эти—въ любви къ родному народу, въ глубокой внутренней правдѣ его твореній, въ ихъ возвышенномъ идеализмѣ, въ проникающемъ всѣ произведенія Салтыкова настроеніи вѣры въ лучшее будущее человѣчества—въ смыслъ и въ самоочищающую силу историческаго процесса.

Щедринская сказка, въ которой народъ изображенъ въ видѣ коняги, долго будетъ въ русскомъ обществѣ будить мысль о необходимости рѣшить „проблему о мужикѣ". Пустоплясы не могли выяснить, „отчего это Конягa живетъ, когда ему по всѣмъ соображеніямъ давно помереть надо. Одинъ говоритъ, что это отъ здраваго смысла, другой—что это въ Конягѣ „жизнь духа и духъ жизни" дѣйствуетъ, третій приписываетъ чудо душевному равновѣсію, четвертый—привычкѣ. Такъ и остался вопросъ нерѣшеннымъ". Необходимость рѣшенія этого вопроса Щедринъ завѣщалъ будущимъ поколѣніямъ. Въ полныхъ глубочайшей мудрости словахъ указываетъ онъ необходимость служенія народу:

„Есть что-то фаталистическое въ томъ, что мы всѣ завѣтныя свѣтлыя думы наши посвящаемъ толпѣ, что самый великій мыслитель, котораго мысль, повидимому, не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности. Да, тутъ есть своего рода фатализмъ, но не въ томъ смыслѣ, къ какомъ обыкновенно клеймятъ этимъ словомъ какое-нибудь положеніе, которое не хотятъ или не могутъ объяснить, а фатализмъ, объясняемый тою общечеловѣческою основою, которая именно и составляетъ соединительное звено между неразвитою толпой и наиболѣе развитою отдѣльною человѣческою личностью. Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенной любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу".

Глубокая правда произведеній Салтыкова, соотвѣтствіе изображаемаго въ нихъ съ дѣйствительностью прямо поражаютъ знакомаго съ русской жизнью читателя. Даже когда сатирикъ употребляетъ карикатурные пріемы, то и тогда за его твореніями сохраняется правдивость и только увеличивается масштабъ изображаемаго. Такую карикатуру Тургеневъ называлъ преувеличивающей дѣйствительность „какъ бы посредствомъ увеличительнаго стекла, не мѣняя характера этой дѣйствительности". Созданные Щедринымъ образы потому такъ и жизненны, что исполнены глубокой правды.

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Съ портрета Н. А. Ярошенко. (По поводу 25-лѣтія со дня кончины).

И если еще пріемы и формы сатирическаго творчества вводили иногда нѣкоторыхъ представителей общественной мысли въ заблужденіе относительно правдивости изображаемой писателемъ жизни, то въ единственномъ своемъ романѣ—„Господа Головлевы"—Щедринъ опровергнулъ это неправильное, основанное на недоразумѣніи, мнѣніе. Всѣ дѣйствующія лица романа и особенно Іудушка Головлевъ—„лицемѣръ чисто русскаго пошиба"—будутъ живы до тѣхъ поръ, пока изъ жизни нашей не искоренятся лицемѣріе, скудоуміе, пустословіе и прирожденное бездѣльничество. Сатиры же Щедрина кромѣ того, что въ нихъ отразилось временнаго, преходящаго, заключаютъ въ себѣ и тѣ элементы вѣчности, ради которыхъ онъ и служилъ литературѣ. Пусть навсегда останутся неповторимыми Угрюмъ-Бурчеевы, или, по крайней мѣрѣ, для продолжительной дѣятельности ихъ не станетъ уже благопріятныхъ условій, но никогда не искоренятся изъ психологіи людской „благонамѣренность" „умѣренность и аккуратность", прикрываясь которыми, лишеннымъ этическихъ принциповъ людямъ такъ удобно служить удовлетворенію своихъ мел-

кихъ расчетовъ, своихъ низкихъ страстей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не исчезнетъ необходимость борьбы съ этимъ растлѣвающимъ общественный организмъ зломъ. И самъ Салтыковъ сознавалъ, что онъ служитъ не одной современности. „Ничто такъ не соприкасается съ идеею вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ“, —говорилъ сатирикъ.

Создавая свои безсмертные образы, онъ приглашалъ читателя „прозрѣвать въ будущее“.

„Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, быть-можетъ, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придутъ“, —говорилъ онъ.

И русская жизнь дарила не разъ русскаго обывателя такими „волшебствами“, которыя представлялись невозможными оптимистически настроеннымъ современникамъ.

Но дороже всего для насъ идеализмъ Салтыкова-человѣка, сообщенный въ полной мѣрѣ Щедрину-сатирику.

„Не слѣдуетъ забывать,—учитъ онъ насъ: что хлѣвные принципы обязаны своимъ торжествомъ лишь совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, которымъ общество ни въ какомъ случаѣ не причастно. Но вѣдь должна же когда-нибудь настоящая правильная жизнь вступить въ свои права. И она вступитъ“.

И вѣрю въ то, что въ свои права настоящая жизнь вступитъ, онъ какъ будто хочетъ прочнѣе укрѣпить въ душѣ обуреваемаго „ташкентствомъ“ и пришибленнаго „помпадурами“ всѣхъ ранговъ русскаго человѣка: попадетъ наконецъ попираемая всюду совѣсть въ сердце „маленькаго русскаго дитяти“, — „и будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть... И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама“.

Медленно совершается процессъ роста народной совѣсти, но совершается, и новыя поколѣнія уже въ значительной мѣрѣ свободны отъ ошибокъ и недостатковъ ихъ отцовъ. Великое значеніе литературной дѣятельности Салтыкова совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ исторіи нравовъ сатира: „она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту: она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь“. И если щедринской сатирѣ удалось сохранить за собой всѣ эти качества, то это потому, что великимъ сатирикомъ руководили идеалы добра, справедливости и просвѣщенія, не потускнѣвшіе даже „подъ игомъ безумія“ окружавшей его жизни, и потому, что онъ „проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“.

Салтыковъ-Щедринъ и его время.

(По поводу 25-лѣтія дня его кончины).

Очеркъ **Н. Денисюка.**

25 лѣтъ тому назадъ изъ міра ушелъ тотъ, кто безраздѣльно властвовалъ и руководилъ журналистикой и даже создавалъ общественное мнѣніе въ 70-хъ годахъ. 25 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу тотъ, кто далъ намъ геніальную анатомію и патологію русскаго общества и общественныхъ нравовъ. „Щедринъ писалъ талантливые шаржи, пародіи и карикатуры на Россію“, —говорили въ его время. „Нѣтъ болѣе злой карикатуры,—отвѣчалъ имъ сатирикъ:—какъ дѣйствительность нашего времени“. И въ самомъ дѣлѣ, Россія представляла собою во времена Щедрина положительно музей соціальныхъ ошибокъ, карикатуру общественности, выставку двоедушія, общественной лжи, дутаго патріотизма, паразитизма, наивной пошлости и грубаго невѣжества. Все гнило сверху и до низу, все разлагалось и заражало атмосферу. Нуженъ былъ человѣкъ „великаго гнѣва“, пророкъ суровый и непреклонный, нуженъ былъ бичъ, изгоняющій изъ храма торгашей, нужно было сильное, потрясающее слово, нуженъ былъ горькій смѣхъ... Все это далъ Россіи покойный Щедринъ.

Салтыковъ-Щедринъ выступилъ на арену какъ разъ въ такое время, когда къ писателю общество и критика предъявляли уже не эстетическія, а гражданскія требованія. Уже Бѣлинскій порываетъ съ требованіемъ отъ писателя только „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ и вмѣсто романтизма требуетъ прежде всего гражданственности. Но то, что во времена Бѣлинскаго было настроеніемъ небольшого, тѣснаго кружка, то во времена Щедрина стало требованіемъ общимъ.

Крымская кампанія кончена пораженіемъ Россіи и вскрыла для всѣхъ многообразныя язвы нашего отечества. Всѣ поняли и почувствовали необходимость коренныхъ государственныхъ реформъ, и началась славная „эпоха, эпоха великихъ реформъ“ и великихъ чаяній русскаго общества, эпоха возрожденія и оживляющей общественной весны. Крѣпостническій строй палъ, и все, казалось, устремилось къ новымъ берегамъ новой жизни. Но это только казалось для поверхностнаго взгляда. Великіе перевороты зрѣютъ медленно и входятъ въ жизнь вѣками. Дореформенный строй, казалось, павшій по волѣ Царя-Освободителя, былъ, въ сущности, только надломленъ. Партія крѣпостнической Руси не была побѣждена, а потерпѣла только серьезное пораженіе. Правда, просвѣтительныя реформы Александра II сдѣлали разъ и навсегда невозможнымъ возвратъ къ „доброму старому времени“, но только лишь въ тѣхъ его специфическихъ формахъ, въ которыхъ онъ существовалъ въ дореформенной Руси. Несмотря на усилія лучшихъ людей страны, гидра реакціи вскорѣ вновь стала расправлять свои понемногу отраставшія щупальцы и почти незамѣтно разрушать культурное достояніе новой Россіи.

Наше общество и печать раздѣлились на два противоположныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ на реформы радостно-оптимистически, и среди этого лагеря раздавались несмолкавшія рукоплесканія и одобренія; съ другой стороны, выступилъ лагерь, отрицавшій всякое значеніе реформъ. Писаревъ вмѣстѣ съ молодой Россіей были преисполнены торжествующаго задора и ждали обновленія Россіи только въ будущемъ,—въ томъ будущемъ, когда она будетъ насыщена положительнымъ знаніемъ.

„Настоящій день“ еще не наступилъ, и его очередь еще впереди. Щедринъ въ своихъ „Губернскихъ Очеркахъ“, т.-е. въ своемъ первомъ произведеніи, раздѣляетъ общее увлеченіе и вѣритъ въ общее обновленіе: онъ вѣритъ въ близкое коренное чудодѣйственное преобразованіе русскаго общества. Однако вскорѣ его трезвый умъ и проницательный взглядъ, его недовѣріе и подозрительность подсказываютъ ему иное отношеніе къ происходящему. Онъ видитъ, что Россія только стала употреблять слова изъ европейскаго лексикона, онъ понялъ, что общество крѣпостниковъ прикрылось только мишурой пореформенной новизны: онъ увидѣлъ, что либерализмъ его эпохи есть новый вицмундиръ, напяленный на плечи всѣхъ тѣхъ, кто желалъ ловить рыбку въ мутной водѣ и не потерять своего выгоднаго положенія въ обществѣ. „На языкѣ уже иныя выраженія, выхваченныя какъ будто изъ европейскаго словаря. Россія словно принарядилась на западный ладъ, грязь смыта съ рукъ, и пятенъ не видно на новенькихъ, съ иголочки вицмундирахъ, и прежній тяжеловѣсный приказный слогъ замѣнили новыя, вылощенныя фразы, гдѣ постоянно звучатъ слова „мѣропріятія и преобразованія“. Но суть дѣла все та же: подъ личиною просвѣщенной администраціи все тотъ же нелѣпый формализмъ, ничуть не мѣшающій произволу, та же нравственная распущенность, та же повальная глупость“.

Въ „Невинныхъ Разсказахъ“ уже Щедринъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, угадываетъ попятное движеніе и ту обстановочку, за ширмами которой свершится возвратъ къ любезной старинѣ. „Я питаю увѣренность,—говоритъ Семенъ Михайловичъ, когда ему пишутъ изъ Петербурга о надвигающихся новыхъ порядкахъ:—что мы возродимся. Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ. Мы возродимся—это вѣрно. Потому, ненатурально! Развѣ можно существовать безъ системы?.. Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится, потеплится, да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!..“ Семенъ Михайловичъ, очевидно, хорошо зналъ, что не въ природѣ русской дѣйствительности измѣненіе „фигуры“ отечества. Этотъ взглядъ хорошо выраженъ у Щедрина въ другомъ мѣстѣ: „Мы до того любимъ наше отечество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ издревле, что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобы могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобы фестончикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощничка, что ли, къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ для пользы общей сочинить. Но все это такъ, чтобы величія древняго не нарушать...“

Въ этихъ немногихъ словахъ—разгадка всѣхъ событій и мѣропріятій, слѣдующихъ за періодомъ реформъ и несбывшихся надеждъ лучшихъ представителей русскаго общества. И огромный классъ крѣпостниковъ и официальная Россія того времени могли бы расписаться подъ этими фразами покойнаго сатирика. Попятное движеніе росло и ширилось, а передовые элементы русскаго общества съ ужасомъ должны были убѣдиться, что раскрѣпощенная и освобожденная Россія готова снова наложить на себя цѣпи рабства, хотя и въ нѣсколько иныхъ формахъ. Сторонники безправія, произвола, безсудія, порабощенія и экономическаго закрѣпощенія народныхъ массъ снова открыто стали дѣйствовать и домагаться реставраціи, осуществленія своекорыстыхъ цѣлей. Они оказались всюду: въ различныхъ общественныхъ группахъ, среди правительственныхъ агентовъ, среди земцевъ, купечества, дворянства, представителей науки, литературы и центральнаго правительства. Небольшая горсть сторонниковъ просвѣтительныхъ реформъ должна была смолкнуть. Печать, этотъ голосъ общественной совѣсти, смолкла надолго, и голосъ ея нерѣшительно, робко и неопредѣленно раздавался, разъ дѣло шло объ общественныхъ вопросахъ. На Руси понемногу водворялись та гробовая тишина, тѣ безпросвѣтныя сумерки, когда дѣйствительныя формы предметовъ исчезаютъ, и міръ наполняется призраками. Наступалъ періодъ русской общественности, о которомъ, за нѣсколько мгновеній до своей смерти („Забытыя Слова“), покойный сатирикъ писалъ: „Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели...“

Реформы 60-хъ годовъ вызвали общій подъемъ мысли и чувства, но Щедринъ былъ не изъ тѣхъ, кого могла обмануть внѣш-

ность, мишура. Въ то время, когда общество придавало значеніе мелочамъ, слухамъ, словамъ, мелкимъ событіямъ офиціальной жизни: въ то время, когда К. Аксаковъ видитъ наступленіе новой эры въ томъ, что „камергеровъ переименовываютъ въ стольниковъ, камеръ-юнкеровъ — въ ключниковъ“; въ то время, когда восторженно комментируется то простое обстоятельство, что „императрица подарила Тютчевой Маколея“, а Государь на вопросъ о русскомъ платьѣ и бородѣ совершенно резонно отвѣтилъ: „А мнѣ какое дѣло... пусть одѣваются, какъ хотятъ“: когда все это волновало, вызывало разнорѣчія, вызывало надежды, чаянія, ликованія и радость—Щедринъ глубже смотрѣлъ на вещи. Онъ лучше окружающихъ чуялъ природу общества и зналъ, что въ „царствѣ глуповцевъ“ не все такъ гладко, радостно, полно значенія, творчества, обновленія, полно здраваго смысла. Онъ видѣлъ, какъ уже зашевелились и начали работу разные типы новой формаціи, какъ они жадно смотрятъ на народное достояніе и казенный пирогъ, какъ Колупаевъ и Разуваевъ охаживаютъ „дворянскія гнѣзда“, какъ дѣльцы новой конструкціи запускаютъ руку въ карманы простецовъ, ротозѣевъ, въ карманы своего ближняго, соблюдая всѣ видимости легальнаго поведенія и, не приходя въ конфликтъ съ существующими узаконеніями, какъ „Шнейдерша“, начинаютъ царить надъ вкусами и эстетическими потребностями гражданъ, и какъ эти граждане пристраиваются къ Губошлеповымъ, а Губошлеповы дѣлаются идолами современности; какъ „ташкентцы“ распродаютъ Россію, и какъ подъ вліяніемъ Тряпичкиныхъ-очевидцевъ наша печать превращается въ „помойную яму“, и начинаютъ возникать органы въ родѣ „Красы Демидрона“ и газеты „Чего изволите“. Щедринъ видитъ, что новыя времена не принесли новыхъ, лучшихъ нравовъ, а только обострили и расширили старыя вожделѣнія и низменныя инстинкты. Щедринъ понялъ, что до возрожденія, до той общественной жизни, о которой мечтали лучшіе люди его времени, очень и очень далеко. Психологія, характеръ народа и формы его соціальной жизни не создаются почеркомъ пера, а требуютъ предварительной вѣковой работы мысли и рукъ и воли разума.

„Между хорошими людьми,—пишетъ нашъ сатирикъ:—добраго стараго времени (old merry Gloupoff) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались хорошими людьми, а не канальями — это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило отъ того, что надъ упомянутыми выше качествами царило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости“.

Доброе старое время прошло, наступило возрожденіе.

„Но что̀ можетъ значить глуповское возрожденіе?.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстное, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи“.

Возрожденіе вызвало въ Глуповѣ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Отсюда настоящая оргія сплетни и клеветы, этихъ исконныхъ, излюбленныхъ глуповскихъ времяпрепровожденій. „Старый глуповецъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ... Попрежнему глуповцы оказываются бѣдными инициативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ“...

Потерявъ матеріальную почву подъ ногами послѣ освобожденія крестьянъ, наше дворянство оскудѣло и стало искать счастья и обезпеченности вдали отъ родныхъ гнѣздъ. Эта своеобразная переселенческая волна пошла въ двухъ направленіяхъ: въ сторону „казеннаго пирога“, т.-е. государственной службы, гдѣ молодое поколѣніе быстро и успѣшно пристроилось, и по пути дѣловой спекуляціи. Спекуляція манила по преимуществу людей пожилыхъ, зрѣлыхъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что возрожденная къ новымъ хозяйственнымъ формамъ жизнь Россіи превратилась въ арену дѣятельности новоучреждавшихся въ большомъ количествѣ акціонерныхъ обществъ, банковъ и пр. Капиталы перемѣщались изъ деревни въ городъ и сулили новымъ обладателямъ обильную жатву. Международная торговля росла и требовала все новыхъ и новыхъ капиталовъ, новыхъ людей и новыхъ дѣльцовъ. Настала эра желѣзнодорожнаго строительства, и ловкачи стали „хватать“ одну концессію за другой. Словомъ, новое время выдвинуло городъ и городскую культуру, создало цѣлый рядъ новыхъ, неслыханныхъ дотолѣ, источниковъ обогащенія.

„Сидѣвшее по своимъ угламъ провинціальное дворянство,—говоритъ одинъ историкъ литературы:—протерло глаза, почуявъ негаданную добычу. Возможность пріобрѣсти нѣсколько учредительскихъ паевъ въ желѣзнодорожной концессіи или пристроиться къ какому-нибудь вновь открывшемуся банку блестящимъ миражемъ проносилась предъ восхищенными глазами старосвѣтскихъ помѣщиковъ, которымъ прежде и во снѣ не снились сказочныя суммы, теперь представлявшіяся уже не во снѣ только, а и наяву. Въ то же время вѣсти о новыхъ мѣстахъ и неслыханные прежде оклады по судебному, финансовому и другимъ вѣдомствамъ давали надежду обезпечить сынковъ, которымъ уже не сидѣлось въ деревнѣ, и прежняя карьера армейскаго кавалериста да украшеніе сельскихъ досуговъ прелестями разныхъ Палашекъ и Матрешекъ казались уже очень мизерными“.

Въ эту-то минуту махроваго цвѣтенія общественной испорченности и разнузданности и является сатира Щедрина. Она рисуетъ и безпощадно бичуетъ все, что̀ представляетъ собою общественную цѣнность, что̀ типично, знаменательно, что̀ отрицательно характеризуетъ русское общество. Нашъ сатирикъ не останавливается на офиціальной Россіи, онъ не полагаетъ, что повинны во всемъ только помпадуры и помпадурши, что Россія гибнетъ только отъ „ежовыхъ рукавицъ“ и „бараньяго рога“ и отъ „Макара, не гоняющаго телятъ“. А посмотрите на этихъ молодыхъ, прилизанныхъ, либеральныхъ молодыхъ людей, такъ удачно умѣющихъ подстерегать фортуну и знающихъ всѣ мѣста, въ которыхъ зимуютъ раки и водятся дивиденды, субсидіи и теплыя мѣста. Ихъ у Щедрина цѣлая галлерея. Всѣ они глубоко убѣждены, что работаютъ только дураки, и что это—невѣрный и проблемматичный путь къ благамъ жизни. „Господа Ташкентцы“ у Щедрина встрѣчаются всюду. Онъ ихъ вкрапливаетъ чуть ли не во всѣ свои произведенія. По мѣрѣ того, какъ Щедринъ наблюдалъ ихъ, типъ этотъ все разростался и уже сталъ захватывать общественную власть. А эти всѣхъ видовъ „пѣнкосниматели“, завтракающіе съ крупными биржевыми дѣльцами, посѣщающіе столичныя канцеляріи, „ученыя говорильни“ и консервативныя гостиныя!..

Одинъ за другимъ идутъ предъ вами въ сатирѣ покойнаго Щедрина хищники, паразиты, тунеядцы, насильники, ловкачи, аферисты, эксплоататоры, чающіе легкихъ хлѣбовъ, большихъ окладовъ, незаработаннаго дохода, незаслуженныхъ повышеній, шулера общественности, разбойники пера... Здѣсь бездна юмора, мѣткихъ характеристикъ, вѣрно подмѣченныхъ сторонъ русской дѣйствительности, здѣсь тончайшій анализъ вожделѣній, лжи, прикрытаго своекорыстія, продажнаго патріотизма и грабительскихъ пріемовъ...

Щедринъ—одинъ изъ самыхъ самостоятельныхъ и цѣльныхъ нашихъ писателей, оставшихся всю жизнь вѣрнымъ только своимъ впечатлѣніямъ, своимъ взглядамъ, своему жизненному опыту. Ни та ни другая литературная партія не привлекла его къ себѣ, ибо были они, казалось ему, односторонними.

Въ періодъ идеализаціи мужика Щедринъ пишетъ „Пошехонскую Старину“, въ которой рисуетъ сплошную картину нелѣпости русской деревенской жизни и безтолковость всего уклада тогдашняго быта. Тамъ и баринъ и крѣпостной почти одинаково глупы, невѣжественны, лѣнивы, развращаютъ другъ друга и приносятъ вредъ другъ другу. Онъ выводитъ галлерею Колупаевыхъ, Разуваевыхъ, Деруновыхъ, Стрѣлковыхъ и имъ подобныхъ и показываетъ, что ни чиновникъ ни помѣщикъ никогда такъ не эксплоатировали въ доброе старое крѣпостное время мужика, какъ его эксплоатируетъ эта орава хищниковъ нашего времени. Кулакъ, самъ вышедшій изъ народа, можетъ подняться надъ односельчанами только посредствомъ самой жестокой, безпощадной эксплоатаціи, не знающей ни милосердія ни границъ: въ его ловко разставленную паутину давно уже попали не только крестьяне, но и помѣщики. Онъ становится властелиномъ общества и охранителемъ устоевъ порядка и „патріотомъ“.

Каковъ взглядъ на современное русское общество у Щедрина? Это, пожалуй, лучше всего опредѣлитъ маленькая сценка изъ его жизни.

„Въ 1863 г.,—разсказываетъ Головачева-Панаева: — Салтыковъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ съ мѣста своей службы и почти каждый день приходилъ обѣдать къ намъ и, къ удивленію моему, былъ не такъ сильно раздраженъ на все и на всѣхъ: но это настроеніе въ немъ скоро прошло, и онъ говорилъ, что надо скорѣй уѣхать изъ Петербурга, иначе онъ безъ штановъ останется.

— „Такая куча денегъ выходитъ, а удовольствія никакого нѣтъ.

„Но все-таки въ Петербургѣ больше разнообразія,—сказалъ Некрасовъ.

— „Хорошее разнообразіе: куда ни пойдешь — видишь однѣ морды, на которыя такъ и хочется харкнуть. Тупоуміе, прилизанная мелочная подлость или раздраженная бычачья свирѣпость. Я даже обрадовался вчера, ужиная у Бореля, такое каторжное рыло сидѣло противъ меня, но все-таки видно, что мозги у него работаютъ хотя на то, чтобы прирѣзать кого-нибудь и обокрасть.

— „Развѣ не тѣ же лица вы видите и въ провинціи?—возразилъ Некрасовъ.

— „Нѣтъ, тамъ жизнь превращаетъ людей въ вяленыхъ судаковъ!—отвѣтилъ Салтыковъ.

При жизни Щедрина его часто называли фельетонистомъ, зубоскаломъ во что бы то ни стало, писателемъ, у котораго нѣтъ ничего святого, который не признаетъ ни семьи, ни религіи, ни власти, ни нравственности. Врядъ ли теперь надо намъ опровергать все это. Врядъ ли для насъ теперь не ясно, что Щедринъ не признавалъ такой семьи, какая существовала въ его время, такой общественной нравственности, такой власти и такого общества. Его злая сатира, его желчь, презрѣніе и бичующій смѣхъ истекали не изъ равнодушнаго или злобнаго отношенія къ Россіи, не изъ презрѣнія къ русскому народу, а наоборотъ—изъ горячей любви къ своей родинѣ и изъ страстнаго желанія видѣть ее богатой, трудящейся, счастливой и упорядоченной. Его ли вина, что онъ вѣрно угадалъ коренную болѣзнь своей родины. „Онъ засталъ,—какъ говоритъ г. Арсеньевъ: — Россію,

погруженную въ глубокій мракъ, безправною и нѣмою; онъ пережилъ тотъ кризисъ, съ котораго началось ея медленное обновленіе. Угадавъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своей эпохи, что главный источникъ зла заключается въ крѣпостномъ правѣ, онъ понялъ, что крѣпостничество не можетъ быть искоренено однѣми законодательными и административными мѣрами, что оно свило себѣ прочное, крѣпкое гнѣздо въ обычаяхъ, въ нравахъ, въ самомъ міросозерцаніи общества".

Вчитываясь внимательно въ произведенія Щедрина, мы выносимъ впечатлѣніе, что онъ никогда не опускалъ безпомощно и безнадежно рукъ. Нѣтъ, онъ показываетъ путь къ выходу, онъ убѣжденъ въ торжествѣ разумныхъ прогрессивныхъ началъ. „Не вѣчно вѣдь будутъ проповѣдывать,—пишетъ онъ:—что крестьянская реформа есть источникъ всѣхъ золъ, что судъ присяжныхъ—злонамѣренная комедія, что свободная печать — вертепъ мошенниковъ пера"... Раскрывая язвы, топи и зажоры отечественнаго неустройства, онъ учитъ любить эту бѣдную природу, этотъ духовно богатый задатками народъ. Уже въ первомъ своемъ произведеніи — „Губернскихъ Очеркахъ"—онъ пишетъ:

„Я люблю эту бѣдную природу, можетъ-быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ: она сроднилась со мною точно такъ же, какъ и я сжился съ нею; она лелѣяла мою молодость: она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Германію, окружите какою хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо—я все-таки вездѣ найду милые сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе".

Часто случается, что писатели къ старости рѣзко мѣняютъ свои взгляды или возвращаются къ сбивчивымъ, незрѣлымъ точкамъ зрѣнія своей ранней молодости. Щедринъ же принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, для которыхъ выработанныя убѣжденія обладали всѣми свойствами математической истины. Одолѣваемый подъ конецъ жизни всѣми формами физическихъ недуговъ, онъ сохранилъ здоровый умъ: въ организмѣ его, окончательно изъѣденномъ болѣзнью, сохранился здоровымъ только лишь одинъ мозгъ. Начавъ свою литературную дѣятельность призывомъ къ улучшенію существующаго, онъ окончилъ ее такъ же согласно словамъ, выраженнымъ въ частномъ письмѣ къ одному изъ товарищей-писателей.

„Мнѣ кажется,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ:—что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость".

Со дня смерти Щедрина прошло ровно 25 лѣтъ, а его произведенія не только не утратили свѣжести и современности, но, кажется, только теперь получили полную силу и значеніе. Это понятно. Вѣрно понятыя и безпощадно осмѣянныя уродливыя стороны русской дѣйствительности еще долго, надо полагать, будутъ существовать, видоизмѣняясь, окрашиваясь въ другіе колера и прикрываясь другими кличками. Кромѣ того, глубоко проникая въ сущность явленій, умѣя усмотрѣть въ нихъ все то, что способно къ долгой жизни, борьбѣ и развитію, Щедринъ вѣщимъ умомъ предсказалъ будущее. Часть его предсказаній уже оправдалась на нашихъ глазахъ.

Вотъ почему произведенія нашего сатирика еще очень не скоро утеряютъ литературную и общественную цѣнность, а впослѣдствіи, ставъ достояніемъ исторіи, займутъ въ ней почетное мѣсто на ряду съ произведеніями лучшихъ русскихъ и иноземныхъ писателей.

Въ семьѣ.

Разсказъ **Г. Сѣверцева-Полилова.**

(Окончаніе).

XI.

Сосѣдъ Ларіонъ ѣздилъ въ волость, привезъ съ собой для всей деревни письма... Одно было и Василію Никифорову отъ сына-солдата.

Никаноръ писалъ:

„За правильную мою службу и хорошее поведеніе выходитъ мнѣ отъ начальства отпускъ на два мѣсяца. Обыкновенно нашихъ солдатиковъ отпускаютъ въ началѣ іюня, чтобы они къ покосу домой на подмогу успѣли, а я просился, чтобы мнѣ отпускъ выдали сразу послѣ Пасхи. Норовлю я, чтобы Марину и Павлу помощь на гонкѣ лѣса оказать. Ежели командиръ разрѣшитъ, такъ ждите меня сейчасъ же опосля пасхальной недѣли, коли озеромъ добраться возможно уже будетъ, а то придется горой ѣхать, такъ задержка противъ этого времени окажется. День-другой прогощу дома, а потомъ вверхъ ударюсь, по бревнушкамъ заскучалъ больно, не на чѣмъ здѣсь, въ столицѣ, удаль свою показать, удовольствіе себѣ сдѣлать!"

Письмо было написано грамотно, въ немъ отсутствовали безчисленные поклоны роднымъ и знакомымъ, безсмысленныя повторенія одного и того же, какъ это принято писать мужиками въ деревню.

Смѣтливый сѣверянинъ умѣлъ примѣниться къ солдатской средѣ и многому чему научиться.

— Вотъ и ладно, къ разу Никаноръ домой на побывку вернется,—усмѣхнулся добродушно старикъ:—Марина на гонкахъ смѣнитъ, и тебѣ, Ульяна, пріятства больше: мужъ подлѣ будетъ, а тамъ можно будетъ лѣтомъ, какъ Никанору въ полкъ вернуться, Павла кверху послать, къ тому времени новую избу, какъ слѣдъ, оборудуемъ!

Неожиданное возвращеніе Никанора обрадовало всѣхъ въ семьѣ, но каждаго по-своему; больше всего радовались этому самъ Василій и старуха-тетка: середнякъ былъ любимцемъ ихъ обоихъ. Вѣковуша чуяла въ немъ свою кровь, онъ былъ ей ближе всѣхъ остальныхъ, все въ немъ ей нравилось: и его беззавѣтная отвага, и живой, образный разговоръ, оживленныя движенія, быстро загоравшіеся чувствомъ каріе глаза, вся его мощная, красивая фигура, въ которой чуялись недюжинная сила воли и увѣренность въ себѣ.

Ульянѣ тоже было любопытно посмотрѣть на незнакомаго ей деверя, про котораго она такъ много слышала отъ Евѳиміи, Павла и самого свекра.

Павелъ любилъ брата и былъ радъ его прибытію. Старшаго брата не извѣщали о скоромъ пріѣздѣ Никанора: Маринъ былъ не близко, посылать письмо было не съ кѣмъ, да и особой нужды для этого не представлялось.

— Какъ Никаноръ къ нему на смѣну явится—самъ его увидитъ и порадуется!—сказалъ старый гонщикъ.

Разговоры о Никанорѣ послѣ полученія письма пошли еще больше: теперь дожидались Пасхи не только какъ большого праздника и розговѣнья послѣ долгаго поста, но и какъ возвращенія въ семью хорошаго работника, подспорье для усиленной работы и лучшаго заработка.

Повеселѣвшій Василій Никифоровъ торопился заканчивать внутреннюю отдѣлку новой избы.

— Никаноръ намъ ее и обновитъ, апосля Маринъ съ Ульяной въ нее перейдутъ,—рѣшилъ старикъ.

XII.

По порогамъ вода пошла сильнѣе, падунъ заговорилъ громче: хотя снѣгъ сходилъ медленно, но южный вѣтеръ стряхнулъ тяжелый настилъ его съ развѣсистыхъ лапъ елей; въ воздухѣ запахло весной.

Послѣ разговора съ Ульяной на опушкѣ лѣса Павелъ часто бесѣдовалъ съ молодой женщиной. Въ его рѣчахъ проскальзывала какая-то особая нѣжность, предупредительность,—такъ говоритъ взрослый человѣкъ съ дѣтьми, которыя еще не вполнѣ его понимаютъ.

Эта нѣжность, ласка проглядывала у него во всемъ, даже въ обращеніи съ невѣсткой: никогда не сказалъ онъ ей грубости, не обмолвился дурнымъ словомъ. Впрочемъ, въ семьѣ Василія никто не ругался,—старикъ строго за этимъ слѣдилъ.

Случилось Ульянѣ пойти подъ вечеръ за водой; оттаявшая за день тропка къ рѣкѣ заледянѣла, ноги скользили, съ полными ведрами взобраться молодой женщинѣ было не легко.

Павелъ слѣдомъ за Ульяной вышелъ изъ избы и помогъ ей втащить въ гору тяжелыя ведра; колоть дровъ ей никогда не приходилось: объ этомъ заботился тоже Павелъ; не укрылось это отъ стариковскаго глаза, посмѣялся онъ сыну:

— Аль жену отъ брата отбить задумалъ, Павлуша?

Наивно посмотрѣлъ на отца парень,—ему и въ умъ ничего такого не приходило.

— Чтой-то ты, батюшка! Да статочное ли объ этомъ и подумать, не то что говорить! — простодушно укорилъ Павелъ отца.

Чуткій старикъ уловилъ въ его словахъ искренность и поспѣшилъ все обратить въ шутку:

— А ты, Павелъ, не серчай на меня,—я такъ въ шутку сказалъ.

Не смущалась и Ульяна такимъ обращеніемъ деверя,—она не видѣла въ этомъ ничего особеннаго.

— По-родственному, по-хорошему!—разсуждала она и обращалась съ нимъ попрежнему, какъ съ однимъ изъ близкихъ ей людей.

Старикъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, дивясь порой простотѣ ихъ обращенія другъ съ другомъ, чуждой всякаго дурного помысла.

Настала Страстная. Чаще на этой недѣлѣ сталъ гудѣть небольшой колоколъ старинной, крѣпко срубленной изъ рудовой сосны, деревенской церкви. Загоралась она внутри свѣчечками въ рукахъ молящихся; деревня съ молитвой встрѣчала Великъ день.

Радостно, чисто по-вешнему зазвонили колокола къ Свѣтлой утрени...

Наступила и отошла пасхальная недѣля, за работу снова принялся деревенскій людъ, а солдатъ все еще не являлся на побывку въ родительскій домъ.

— Должно, ледъ на озерѣ ослабъ, горой идетъ,—рѣшилъ старикъ Никифоровъ.

XIII.

Правымъ оказался старый гонщикъ. Въ среду на Ѳоминой прибылъ и Никаноръ въ родной домъ.

Ѣхать было нельзя: мѣстами дороги стали непроѣзжими, весенняя безпутица отрѣзала Заонежье отъ остального міра.

— Ишь ты, Никаша, какимъ молодцомъ задѣлался, сразу-то тебя и не признаешь,—говорилъ Василій, восторгаясь стройной фигурой сына.

Два года муштровки много помогли и безъ того ловкому парню. Глаза солдата бойко, съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣли на красивую невѣстку.

— Эку кралю раздобылъ себѣ Маринъ: всѣмъ, кажись, взяла!— польстилъ онъ Ульянѣ.

Та невольно улыбнулась его похвалѣ.

— Если бы я васъ, сестрица, раньше Марина узналъ—другое дѣло было бы!

Разговоръ велся между ними на берегу рѣки. Она почти совсѣмъ освободилась ото льда и быстро скользила попрежнему темной извилистой змѣей; бѣлый снѣгъ, лежавшій еще кое-гдѣ по берегамъ, дѣлалъ ее совсѣмъ черной.

Ниже падунъ сердитыми всплесками слизалъ весь снѣгъ съ гранитныхъ скалъ: онѣ стояли голыя, ослизлыя, угрюмыя...

Чувствовалось слабое, чуть замѣтное вѣяніе весны; не легко было ей бороться съ зимой, сознавшей себя здѣсь хозяйкой бо̀льшую часть года; но все-таки природа брала свое: просыпалась весна, разбудила и эти громадныя ели: въ каждой травкѣ, въ каждой былинкѣ проснулась жизнь, быстрѣе заструились соки, началось прозябаніе ростковъ...

— Цѣнитъ ли братанъ красоту вашу ненаглядную? — вырвалось у солдата послѣ недолгаго молчанія.

Стоявшая рядомъ съ нимъ миловидная женщина настроила его мысли совсѣмъ иначе, чѣмъ за минуту раньше.

Взглядъ Ульяны мимолетно скользнулъ по крупной фигурѣ Никанора: она не знала, что̀ ему отвѣтить.

— Эхъ, чую я, что не цѣнитъ, знаю я Марина: ему все едино, что̀ пень, что̀ женщина, ловилась бы только рыбка! Немышленый парень, одно слово!

Солдатъ съ какимъ-то азартомъ сорвалъ съ головы фуражку и кинулъ ее о земь.

Ульяна боязливо на него посмотрѣла и пыталась защитить мужа:

— Что̀ вы, что̀ вы, Никаноръ Васильевичъ! Любитъ онъ меня!..

Никаноръ махнулъ рукой:

— Не сказывайте,—вѣдома мнѣ его любовь-то! Да онъ до васъ, сестрица, отъ каждой бабы волкомъ въ лѣсъ бѣжалъ! Нѣтъ у него этой самой любви-то настоящей, все по приказу родителя, по наслышкѣ, для ради обихода семейнаго!

Молодуха не возражала: слова деверя ей самой почему-то казались справедливыми, но согласиться съ ними она не рѣшалась: слишкомъ чуждо, странно звучали они, разбивали всѣ ея понятія, всѣ вѣрованія, рвали съ корнемъ впитанные съ дѣтства устои.

— Обѣдать самая пора. Пойдемте, братецъ,—какъ бы свекоръ-батюшка не осерчалъ, что промедлили...—пыталась она отклониться отъ прямого отвѣта и медленно пошла къ дому.

Солдатъ недовольно шелъ возлѣ нея, его воображеніе работало.

— Ульяна Егоровна...

Молодуха сдѣлала видъ, что не слышитъ его.

— Ульяна Егоровна, постойте, дайте слово одно вамъ сказать!— задыхающимся голосомъ проговорилъ онъ.

Ульяна остановилась и, полуобернувшись къ Никанору, трепетно спросила:

— Что̀ вамъ, Никаноръ Васильичъ?

— Придите вечеромъ въ новую избу, тамъ я вамъ доподлинно докажу, что Маринъ васъ не любитъ!

Молодая женщина ничего не отвѣтила, потупилась еще больше и быстрѣе пошла къ дому.

Сквозь нависшія мрачныя тучи прорвался блѣдный лучъ солнца. Кругомъ было тихо, только попрежнему злобно рокоталъ за извилистымъ берегомъ падунъ, да звенѣли капли съ вѣтвей о прибрежный гранитъ.

XIV.

— Тетенька, милая, что̀ я тебѣ потайно повѣдать хочу,—пугливо прошептала Ульяна вѣковушѣ, когда послѣ обѣда мужчины ушли на новую постройку, и въ избѣ онѣ остались вдвоемъ.

Евѳимія, мывшая посуду, внимательно насторожилась.

— Ты только никому не сказывай...

— За несмышленку-дѣвку, что ль, меня засчитала?!—сухо перебила ее тетка.

Боязно посмотрѣла по сторонамъ молодуха, къ самому уху вѣковушѣ припала:

— Братецъ Никаноръ ввечеру звалъ меня въ новую избу приходить, о Маринѣ Васильичѣ сказывать хочетъ...

Вѣковуша сразу преобразилась, куда дѣвалось ея смиреніе, ея угодливость, которую она проявляла въ присутствіи брата. Темные глаза заблестѣли былымъ огнемъ, заволновалась старая, изсохшая грудь, выпрямился согбенный, но все еще стройный, несмотря на лѣта, станъ старой дѣвушки, сухой голосъ смягчился, въ немъ зазвучали горячія нотки страстной натуры.

— Позвалъ тебя?! Никаноша, племянъ мой разлюбезный! Эко

Профессоръ В. Д. Орловскій (1842—1914). По фот. І. Глыбовскаго.

В. Орловскій. На хуторѣ. По фот. І. Глыбовскаго.

В. Орловскій. Зима. По фот. І. Глыбовскаго.

XV.

Молодостью гордо прошла, слова вольнаго не переносила, на взглядъ любовный супилась, людей молодыхъ сторонилась! Гордыня меня адская обуяла... Всѣ парни не по мнѣ, всѣ красоты моей недостойны...

И отошли всѣ прочь; кое-кто меня и любили, да не устояли—ненависть ко мнѣ лютую возымѣли, злостью воспылали... Дожила я до тридцати годовъ, ни себѣ ни людямъ не милая, а самоё мучитъ, гнететъ, точно камень стопудовый на сердцѣ лежитъ; жажду чего-то, рвусь къ кому-то... сама не знаю, и въ мысляхъ нѣту силъ понять все это...

Женихи сватались—женихи отстали, отецъ съ матерью покойные не разъ спрашивали—молчу, ни слова, замкнулась въ себя и, точно каменная, слова не промолвлю...

А на сердцѣ все тяжелѣе, тяжелѣе камень тотъ-отъ все давитъ.

Въ монастырь уйти надумала, совсѣмъ собралась, а тутъ вдругъ искушеніе.

Былъ у насъ въ деревнѣ парень, Клементіемъ звали, красивъ изъ себя и статенъ, „картина". Свататься за меня онъ не сватался, а мигни я втѣпоры глазомъ—прибѣжалъ бы ко мнѣ разомъ, осиновымъ листомъ затрепеталъ бы передо мною: недаромъ красивѣе меня дѣвки нигдѣ по деревнямъ кругомъ не было. Побоялся, что ль, парень слова моего злого, нрава супротивнаго—не присылалъ сватовъ, а тоже, вотъ какъ тебя, си-ротку себѣ одну высваталъ, Марьей звали...

Вѣковуша глубоко вздохнула, она еле переводила духъ отъ быстраго разсказа, губы запеклись, но сейчасъ же, не отдыхая, она стала говорить дальше:

— Недолго думая, взялъ да на Марьѣ-то этой и оженился. Въ другу пору, можетъ, я вниманія на него не обратила бы, а тутъ узнала, гордостью вскипѣла: какъ, молъ, смѣлъ, меня не упредивъ, жениться на Марьѣ! И зачала я свою сатанинскую гордость тѣшить, покою парню не давать. Долго терпѣлъ Клементій, а все же подъ конецъ не выдержалъ, сдался, моимъ сталъ закрѣпощеннымъ навѣки, все побросалъ,—жену молодую, хозяйство, со-

тебѣ счастье привалило, бабочка! Иди, иди, не раздумывая, бѣги! Рай для тебя отверзся, понимаешь ли ты, бабочка, райскія двери настежь распахнулись, такъ тебя и манятъ, зовутъ! Войди въ нашу радость, счастье тое испытаешь, что никогда допрежь не испытывала, не помышляла даже о немъ!

Широко раскрывъ глаза отъ изумленія, смотрѣла Ульяна на старуху, преобразившуюся до неузнаваемости при одномъ воспоминаніи минувшихъ наслажденій, вновь переживавшую теперь блаженныя минуты нѣги и страсти...

— Нѣтъ, не пойду, боюсь, — ничего не соображая, повторяла молодая женщина.

— Эй, безразсудная, не гордись, ступай, бѣги! — шептала вѣковуша сухими отъ внутренняго огня губами.—Ой, вспомнишь меня, вспомнишь, да поздно будетъ! Испепелитъ, сожжетъ онъ тебя своими ласками, зачаруетъ, радость великую подаритъ, вовѣкъ не позабудешь, на то онъ мой самый ближній, самый дорогой!..

Ульяна, закрывъ лицо руками, стояла, прислонившись къ притолокѣ.

— Слушай, бабочка, може, кому другому вовѣки не сказала бы, а тебѣ откроюсь, все до капли повѣдаю.

Волнуясь попрежнему, Евѳимія быстро заговорила, точно опасаясь, чтобы ее кто-нибудь не прервалъ.

В. Орловскій. На рейдѣ (Одесскій портъ). По фот. І. Глыбовскаго.

В. Орловскій. Лѣто. По фот. І. Глыбовскаго.

бакой моей доподлинно задѣлался, только моего слова слушается, мнѣ въ глаза глядитъ, что приказать соизволю!

Сперва-то ради гордости къ себѣ я его приманила, потѣху изъ него сдѣлать себѣ надумала, а послѣ вижу, что и самой-то въ сердце вступило, и мѣру и силу свою порастеряла, „милымъ", „ненагляднымъ" звать его стала...

Дошло до того, что сама собачонкой завсе за нимъ бѣгать начала, честного люда не стыдилась.

Мужики наши, сама знаешь, три четверти въ году на рубкѣ да на гоньбѣ находятся, а онъ, голубчикъ мой, увертывался, гдѣ бы поближе около меня быть...

Родителю и братцу Василію не до нашихъ деревенскихъ сплетенъ да пересудовъ было, у нихъ свое исконное дѣло имѣлось, матушка промежъ пальцевъ смотрѣла, и жилось намъ съ Клементьемъ вольготно.

Жена его, Марья, молчаливая была, все терпѣла, все въ сердцѣ копила, да, видно, не выдержала, въ падунъ бросилась, тутъ и жизнь свою прикончила.

Не знаю, какъ опосля случилось, нажалилась ли „тамъ" упокойница на мужа, аль жребій его такой вышелъ: сороковину по Марьѣ отпѣли, о тотъ же вечеръ и Клементій въ падунъ кинулся.

Послѣднія слова, видимо, не легко было разсказывать старухѣ: ея металлическій голосъ потухъ, хрипѣлъ, она задыхалась, горящій взоръ угасъ, лицо поблѣднѣло, глубокія морщины снова избороздили высокій узкій лобъ, передъ Ульяной стояла согбенная годами и испепеленная страстью старуха.

— Иди, бабочка, бѣги, коли кличетъ, не отталкивай зря своего счастья! Коротко оно, охъ, какъ коротко,—мигнуть не успѣешь — и нѣтъ его!—еле слышнымъ голосомъ досказала Евѳимія.

XVI.

День много прибавился. Василій съ сыновьями кончали новую избу для Марина съ женою; работали они до семи вечера, иной разъ полчаса еще прихватывали, пока совсѣмъ не стемнѣетъ. Ужинали, какъ домой приходили, уставшій старикъ сейчасъ же ложился спать,— вставалъ онъ рано, со вторыми пѣтухами; женщины, убравшись по хозяйству, тоже шли на покой послѣ него, одинъ Павелъ долго еще молился на колѣняхъ передъ иконами и клалъ земные поклоны.

О солдатѣ молчали, вечерняя зорька выгоняла его изъ избы, утренняя загоняла.

Пытался-было отецъ говорить ему объ этомъ, только усмѣхнулся статный парень:

— Эхъ, батюшка, одинъ разъ молоды-то бываемъ. Вспомни-ка, что ты самъ въ такую пору дѣлалъ!

Пытливо посмотрѣлъ старикъ на своего любимца, махнулъ рукой и не сказалъ больше ни слова.

Поужинали сегодня, какъ и всегда, старикъ-гонщикъ легъ спать, вѣковуша съ Ульяной отпросились у Василія посидѣть на рѣчкѣ, пока стемнѣетъ. Тепломъ подуло, духъ пріятный отъ травы пошелъ, дышать имъ не надышаться...

Тихо въ избѣ, слабо стонетъ во снѣ гонщикъ, долгіе годы нелегкаго труда сказываются: вздрагиваетъ порою огонекъ въ лампадкѣ, упадетъ нагаръ, весь уголъ сразу освѣтится, заблеститъ фольга на иконахъ, еще усерднѣе начнетъ бить земные поклоны молельщикъ семьи, Павелъ, еще жарче его молитва, еще забвеннѣе его духъ о плоти человѣческой.

„Искушеніе... — не выходитъ у него изъ головы.—Не забылъ ли дверь затворить въ новой избѣ, струментъ тамъ разный остался, не дешевый вѣдь... Украсть могутъ, мало ли по тракту вдоль рѣки народу всякаго-то о весеннюю пору идетъ... Сходить, что ли, поглядѣть".

Не хочется Павлу итти, отъ молитвы уклониться, да боязно за струментъ, — хозяинъ все-таки побѣждаетъ богомольца.

Павелъ накинулъ на босу ногу лапотки-расхлебы. Стараясь не разбудить отца, онъ осторожно пріотворилъ дверь въ верхнія сѣни и спустился безъ шума по лѣстницѣ.

Въ сторонкѣ отъ дороги новая изба поставлена, гдѣ раньше капусту сажали; мѣсто сухое оказалось, вода съ пригорка ушла, перестала капуста родиться.

Ночь свѣтлая, сѣверная, блѣдная, чуть тѣнитъ деревьями лугъ и дорогу.

Чутко... Рокотъ падуна смягчился ночью, точно его прикрыли чѣмъ-то мягкимъ, даже эхо не слышно...

„Гдѣ жъ тетка съ сестрицей-снохой?—невольно мелькнуло въ головѣ у парня. — Не слышно, не видно ихъ нигдѣ".

Подошелъ къ новой избѣ,—смѣшокъ легкій, потайный, скрытный внутри заслышалъ.

„Сами изъ избы ради духоты вышли, а тутъ, на-те, въ другую посѣли!"

Успокоенный, что струментъ никто не возьметъ, коли въ избѣ свои, Павелъ хотѣлъ уже вернуться домой, какъ изъ новой постройки донесся до него мужской голосъ.

— Братъ Никаноръ! — изумленно прошепталъ онъ.—Дома съ бабами не наговорился еще!

Павелъ подошелъ ближе къ постройкѣ и невольно сталъ слушать.

Достаточно было ему услышать нѣсколько словъ, какъ онъ, точно безумный, шарахнулся въ сторону, задѣлъ ногой животрепещущія подставки: поставленныя у стѣны для работъ, онѣ съ трескомъ упали.

Находившіеся въ избѣ Никаноръ и Ульяна, испуганные шумомъ, выбѣжали наружу. Ульяна быстро направилась домой, Никаноръ пытливо осмотрѣлъ все кругомъ, но блѣдный отблескъ луны помѣшалъ ему замѣтить лежавшаго за досками брата.

Не видя никого, онъ слабо свистнулъ; со стороны лѣса показалась фигура вѣковуши.

— Ну что, сладилъ съ бабенкой, ястребъ ты мой любезный?— замирающимъ отъ переживаемаго ею сладкаго чувства, невольно вспомнившагося теперь, шопотомъ спросила Евѳимія.

Т. П. Карсавина, балерина Императорскихъ театровъ, съ картины художника С. А. Сорина. Картина эта пріобрѣтена Московскимъ театральнымъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ имени А. А. Бахрушина. По фот. Я. Штейнберга.

— Куда тутъ сладишь; такую сразу не обработаешь! Это не ваша кровь, тетенька, бурливая, на похоть падкая! Прежнее помните, а?—грубо-ласкательно протянулъ солдать.

— Ой не говори, не тревожь ты моего сердца, душу не вороти! —простонала старуха.

XVII.

Утренній холодокъ мало-по-малу привелъ Павла въ чувство. Упавшимъ бревномъ ему зашибло голову, она болѣла: услышанный имъ разговоръ казался ему какимъ-то бредомъ: онъ, чистый помыслами, прозрачный душой, не могъ даже вообразить себѣ той нравственной низости, которую спокойно высказывалъ Никаноръ Ульянѣ.

— Господи милостивый! Какъ быть-то, что дѣлать? — шепталъ пораженный парень растерянно, хватаясь за болѣвшую еще голову.

Тихій, весь ушедшій въ своеобразный міръ грезъ, въ молитвенный экстазъ, смотрѣвшій чисто по-дѣтски на семейныя взаимоотношенія, Павелъ былъ пораженъ, пришибленъ, точно его самого окунули во что-то грязное.

Совершенно безсознательно шелъ онъ вдоль высокаго берега. Изъ деревни звонко доносилось по прозрачному утреннему воздуху пѣніе. Оно смежалось съ ударами топоровъ,—рубили теплушки для скотины. Два мужскіе голоса расходились и звенѣли надъ рѣкою:

„Тутъ упали-то багорышки со рученекъ,
Тутъ упали-то удалыя головушки
Во кипучую, во холодную водушку.
Тутъ тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тутъ пришла имъ скора, нечаянна смиретушка.
Видно, Богомъ та смиретушка имъ да суждена,
Да самы ихни головушки на судъ пришли.
Ихъ забило во глубокую, во холодную во водушку,
Въ глубину ихъ утащило неномѣрную...“

Павелъ, точно зачарованный, слушалъ знакомую эту пѣсню-причитаніе. Она невольно направила его мысль на находившійся недалеко внизу бѣшеный падунъ.

В. К. Штемберъ. Автопортретъ 1892 г. (По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).

„Да, такъ-то лучше будетъ, спокойнѣе, никакой скверны больше ни увидать ни услыхать не придется!“ — пронеслось у него въ мысляхъ, а со стороны деревни доносилось смягченное рѣдкимъ перелѣскомъ тягучее, заунывное пѣніе:

„Протащило ихъ по быстрой по рѣченки.
Ихъ бросало-то на крутые на бережки,
Тутъ нашли да ихъ сотоварищи,
Подымали и на бѣлыя на рученки...“

Павелъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ при послѣднихъ словахъ пѣсни, качнулъ рѣшительно головой и сталъ спускаться къ падуну по узкой тропкѣ.

XVIII.

Не спалось что-то старику. Поднялся еще раньше вторыхъ пѣсней, на лавку оглянулся, гдѣ Павелъ спалъ—одинъ тулупъ валяется.

Умылся, помолился, какъ слѣдъ, передъ образами, тулупъ накинулъ, вышелъ изъ избы и хотѣлъ уже брести къ новой постройкѣ, но прежде оглянулся по привычкѣ на рѣку. Недалеко отъ берега его зоркіе глаза замѣтили понуро идущаго младшаго сына.

Встревоженный старикъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, стараясь, чтобы тотъ его не замѣтилъ.

Недоброе мелькнуло у Василія въ головѣ, когда онъ замѣтилъ, что парень сталъ спускаться къ падуну. Осторожно перебираясь по ослизлымъ отъ брызгъ и пѣны камнямъ, онъ догналъ его и крѣпко охватилъ сильными руками плечо Павла, когда тотъ, быстро перекрестившись, хотѣлъ уже кинуться въ ревущую струю падуна.

— Батюшка!—изумленно прошепталъ сынъ, не пытаясь вырываться изъ крѣпкихъ объятій отца.

Немало нужно было силы воли старику, чтобы удержаться отъ упрековъ и разспросовъ... Василій мягко обнялъ его за плечи и участливо проговорилъ:

— Ишь ты, Павлуша, сколь неосторожен; долго ли до грѣха, неравно свалился бы въ падунъ, а съ нимъ шутки плохи: изъ своихъ лапъ живьемъ ужъ не выпуститъ!

Пристально заглянулъ парень въ отцовскіе глаза, стараясь прочитать въ нихъ, извѣстно ли старику о его намѣреніи покончить съ жизнью. Но въ ясномъ отцовскомъ взорѣ ничего не прочелъ.

Послушно, безъ сопротивленія, Павелъ позволилъ твердой рукѣ отца увести себя наверхъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, маленькимъ, ничтожнымъ...

— Батюшка! —снова нервнымъ воплемъ вырвалось у него, когда они поднялись почти до самаго берега.—Не посмѣю солгать тебѣ, грѣхъ на душу взять не хочу: утопить себя хотѣлъ, съ жизнью разстаться...

Чуть затуманились глаза Василія, но онъ сдержалъ себя:

— Убить себя задумалъ? Ты ли мнѣ это сказываешь, аль кто другой? Ушамъ своимъ вѣрить не могу!

Павелъ молчалъ: ему стыдно было глядѣть на отца.

— Подумалъ ли ты, неразумный, какое дѣло злое затѣялъ? Гордыней обуялся, супротивъ воли Господней, аки сатана, возсталъ! Тебя Творецъ небесный не для смерти создалъ, а для жизни; все у Него, Всемилостивѣйшаго, предопредѣлено, улажено, кому до коего дня предѣлъ земной жизни положенъ, что ему въ этой жизни сдѣлать назначено,—а ты, какъ ребятенокъ малый, по-своему задѣлать надумалъ! Скажи, откройся мнѣ, сынокъ, чѣмъ прельстилъ врагъ твою душу, на такое страшное дѣло рѣшиться заставилъ? Говори, сынокъ, говори мнѣ все, какъ на духу. Все, что сейчасъ мнѣ повѣдаешь, все здѣсь и умреть между нами!..

Быстро, нервнымъ шопотомъ, сбиваясь словами, передалъ Павелъ отцу всю ночную сцену, свои сомнѣнія, отчаяніе...

Молча слушалъ его старый гонщикъ, задумался на минуту и тихо замѣтилъ:

— Вотъ сказываешь ты, что съ отчаянія низости людской, грязи этой плотской не хотѣлъ видѣть, а я понимаю тутъ совсѣмъ иное...

Удивленно поднялъ Павелъ глаза на отца,—въ нихъ свѣтился недоумѣвающій вопросъ.

— Скажу тебѣ, сынокъ, также и мою правду: полюбилась тебѣ Ульяна, жена Марина, какъ и брату твоему Никанору, плотскимъ чувствомъ оба вы къ ней возгорѣли, только тотъ прямо на грѣхъ пошелъ, а ты грѣшилъ еще горше мыслями.

Точно глаза открыли Павлу слова отца, понялъ онъ все и низко опустилъ отъ невольнаго стыда голову.

— Что же, батюшка, дѣлать мнѣ? Чѣмъ грѣхъ-отъ мой тяжкій замолить?—глухо спросилъ парень.

— Молись, какъ и раньше молился, волю свою, помыслы цѣпью скуй желѣзной...

— А Никаноръ?

— Ревность сатанинская понынѣ мучитъ тебя! Все дѣло я самъ налажу, все какъ слѣдъ произведу въ порядокъ. Никанора сегодня же отправлю вверхъ, пусть брата Марина смѣнитъ.

— А я-то? Я-то?—упавшимъ голосомъ спросилъ Павелъ.

— Тебя я не отпущу съ нимъ, дома останешься, нуженъ ты мнѣ.

Павелъ поблѣднѣлъ, въ немъ боролись радость и въ то же время какая-то боязнь находиться около любимой имъ женщины.

Онъ медленно опустился передъ отцомъ на колѣни и, земно ему поклонившись, тоскливо проговорилъ:

— Батюшка, невмочь мнѣ дома оставаться. Отпусти въ монастырь!

Василій наклонился, поднялъ сына, обнялъ и, заглянувъ ему въ лицо, ласково произнесъ:

— Претерпи, сынокъ, перебори себя. Такъ нужно, такъ слѣдуетъ,—не то еще въ жизни претерпѣть придется. На міру-то куда легче, въ обители сильнѣе врагъ-отъ искушать станетъ, снова къ рѣкѣ аль къ осинѣ подведетъ! Все, Павлушенька, пройдетъ, все позабудется, жизнь и не такія горы да овраги заравнивала!

Грозное рокотаніе падуна слышалось все глуше, отъ лежавшаго передъ ними лѣса неслось ароматное смолистое дыханіе обновленной жизни, въ чащѣ чирикала еще не наладившаяся варакушка, изъ деревни доносилось протяжное пѣніе рубщиковъ:

„Охти мнѣ бѣдной горюшицѣ, сама знаю, сама вѣдаю,
Ужъ какъ вѣкъ того не водится — со мертвыхъ живы не родятся!..“

С. О. Макаровъ († 31 марта 1904). По фот. К. Булла.

Воспоминанія объ адмиралѣ Степанѣ Осиповичѣ Макаровѣ.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Н. И. Кравченко.

Въ ночь на 27 января 1904 года японскіе миноносцы неожиданно напали на наши суда въ Портъ-Артурѣ. На другой день была бомбардировка. Началась война, которую, вѣроятно, никогда не забудутъ. Я былъ командированъ въ Манчжурію корреспондентомъ „Новаго Времени". Въ теченіе нѣсколькихъ дней я закончилъ свои сборы, сѣлъ въ поѣздъ и отправился въ Москву, чтобы тамъ пересѣсть въ Сибирскій экспрессъ и слѣдовать дальше.

Передъ самымъ отъѣздомъ мнѣ говорили, что адмиралу С. О. Макарову, назначенному начальникомъ Тихоокеанскаго флота вмѣсто вице-адмирала О. В. Старка, будетъ данъ экстренный поѣздъ, который доставитъ его въ девять дней въ Портъ-Артуръ. Но въ Москвѣ на Курскомъ вокзалѣ я узналъ, что Макаровъ ѣдетъ съ нами. Мнѣ посчастливилось получить мѣсто въ одномъ вагонѣ съ извѣстнымъ боевымъ генераломъ, прославившимся въ китайскую кампанію въ Манчжуріи, П. К. Ренненкампфомъ. Съ нимъ ѣхалъ его небольшой штабъ, состоявшій большею частью изъ боевыхъ офицеровъ, полковникъ Пестичъ, корреспондентъ „Русскаго Инвалида" эсаулъ Н. Красновъ и еще корреспондентъ одной столичной газеты, человѣкъ довольно ограниченный, но чрезвычайно предупредительный, помогавшій намъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопроса нашего питанія. Ему дали прозвище „маркитанта".

Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ мы всѣ уже перезнакомились — и распредѣлили наше время длинной поѣздки на подробное изученіе японо-китайской войны, современной японской арміи, флота, карты Манчжуріи и Кореи. Время шло незамѣтно. При каждой большой остановкѣ мы рысью бѣжали на телеграфъ, къ начальнику станціи, жандармскому офицеру и спрашивали телеграммъ, какихъ-нибудь новостей, а главное — извѣстій изъ Портъ-Артура. Въ пути, всюду на станціяхъ мы перегоняли множество поѣздовъ съ запасными, отправлявшимися въ Манчжурію. Въ огромныхъ черныхъ мѣховыхъ папахахъ, въ шинеляхъ, большею частью нараспашку, они выглядѣли молодцами. У всѣхъ былъ бодрый видъ. Изъ вагоновъ слышались пѣсни, звуки гармоники, порой тренкала балалайка.

Къ намъ изъ другихъ вагоновъ нерѣдко приходили офицеры Генеральнаго Штаба и гвардейскаго экипажа,—все люди, по своей доброй волѣ отправлявшіеся на войну. Отъ нихъ мы узнали, что вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ ѣхалъ бывшій командиръ ледокола „Ермакъ", кап. 2-го ранга М. П. Васильевъ 2-й, проф. Академіи Генеральнаго Штаба полк. А. П. Агапѣевъ, кап. 2-го ранга А. Ф. фонъ-Шульцъ 2-й и др.

Адмирала С. О. Макарова я въ первый разъ увидѣлъ черезъ день или черезъ два послѣ нашего отъѣзда изъ Москвы. Въ ожиданіи завтрака, я сидѣлъ со своими спутниками въ вагонѣ-ресторанѣ. За большимъ столомъ, стоявшимъ въ углу у разбитаго и никогда не настраиваемаго піанино, сидѣло нѣсколько моряковъ, между которыми былъ и кап. М. П. Васильевъ. Онъ заказывалъ завтракъ. Остальные болтали и поглядывали въ окна. На какой-то станціи во время остановки открылась дверь, и вошелъ средняго роста адмиралъ, съ большой окладистой полусѣдой бородой и красивымъ открытымъ лицомъ съ маленькими умными сѣрыми глазами. При его появленіи разомъ поднялись моряки, а затѣмъ и всѣ мы. Адмиралъ раскланялся и занялъ свое мѣсто. Послѣ завтрака кап. А. Ф. Шульцъ представилъ меня адмиралу. Вечеромъ, когда поѣздъ гдѣ-то долго стоялъ, а мы выскочили на перонъ размять ноги, встрѣтилъ меня кап. Шульцъ и сказалъ:

— Если хотите повидать адмирала, то онъ можетъ принять васъ каждое утро около одиннадцати часовъ.

На другой день я пошелъ къ адмиралу. Матросъ проводилъ меня въ большое купэ, посреди котораго стоялъ столъ, заваленный бумагами, морскими картами, карандашами, а вокругъ сидѣли самъ адмиралъ и весь его штабъ.

— Садитесь,—сказалъ мнѣ адмиралъ послѣ того, какъ я поздоровался со всѣми. Онъ подвинулся ближе къ окну, придавивъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ кап. Васильева, и далъ мнѣ мѣсто.— У насъ здѣсь тѣсно, но ничего — работать можно. Много помогаетъ вотъ эта пишущая машинка. Поѣздъ идетъ, вагонъ шатается, дрожитъ, а мы все-таки пишемъ. Вы какъ, — сказалъ онъ, немного помолчавъ:—хотите меня интервьюировать или просто со мной поговорить?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—я плохой интервьюеръ. Да и притомъ вы, ваше превосходительство, все равно не скажете мнѣ правды, а потому, если можно, просто поговоримъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, поглаживая свою великолѣпную бо-

И. Гинцбургъ. В. В. Верещагинъ за работой. († 31 марта 1904). По фот. А. Оцупа.

Къ 10-лѣтію гибели „Петропавловска" (1904—1914).

Домъ по Литейному пр., № 6, въ которомъ жилъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. На домѣ будетъ прибита памятная доска.
По фот. Я. Штейнберга.

роду.—Это мнѣ больше нравится. Во всякомъ случаѣ, если вы захотите что-нибудь написать о нашемъ разговорѣ—покажите мнѣ.

Я, конечно, согласился.

— Видите ли,—началъ онъ:—нужно всегда помнить, что мы имѣемъ дѣло съ опаснымъ и хитрымъ врагомъ, который не показываетъ своихъ картъ, мы же по своему добродушію разсказали ему все, что только онъ ни натворилъ у насъ. Это была наша первая большая ошибка, и она не должна больше повториться.

— Позвольте, адмиралъ,—сказалъ я:—неужели мы могли скрыть результаты ихъ ночной минной атаки и не сообщить Россіи, что у насъ повреждены суда, когда японцы сами видѣли подбитый и неподвижный „Ретвизанъ" и другіе корабли? Вѣдь если хоть одинъ изъ нападавшихъ миноносцевъ остался цѣлъ и вернулся къ своимъ, то онъ, конечно, сообщилъ то, что было.

— Не совсѣмъ такъ. Факта столь огромной важности, какъ выходъ изъ строя двухъ первоклассныхъ броненосцевъ, къ сожалѣнію, скрыть нельзя, но если бы можно было это сдѣлать, то въ интересахъ дѣла нужно было бы скрыть. Откровенность вообще и оглашеніе подробныхъ отчетовъ о ходѣ какихъ бы то не было дѣлъ не только лишни, но и положительно вредны на войнѣ. Будьте увѣрены, что и японцамъ вся эта исторія не прошла даромъ, а между тѣмъ никто изъ насъ не знаетъ объ ихъ потеряхъ. Вы думаете, что 27 января они отступили безъ потерь, безъ поврежденій? Нѣтъ,—побѣждающій и не терпящій урона не отступитъ, иначе онъ будетъ глупъ. А японцевъ такими считать нельзя. Значитъ, потери у нихъ были, и даже большія. Вотъ почему, какъ только я узналъ, что ихъ флотъ ушелъ черезъ сорокъ пять минутъ, я послалъ въ Артуръ поздравленіе съ побѣдой. Не подумайте, что это былъ дипломатическій шагъ, — нѣтъ, это мое искреннее убѣжденіе. Каждое наше сообщеніе, напечатанное въ газетахъ или перехваченное какъ-нибудь, японскіе агенты передаютъ по телеграфу въ Японію. Они знаютъ о насъ очень много, а мы—ничего.

Иллюстрируя мнѣ вредъ, который могутъ приносить военному дѣлу всякаго рода корреспонденціи, онъ разсказалъ, какъ во время франко-прусской войны одно незначительное письмо барышни, писавшей своимъ родителямъ о томъ, что она не пріѣхала потому, что дорога была занята войсками, сдѣлало чрезвычайно важное указаніе германскому штабу. Попавъ случайно на глаза агенту, оно дало ему свѣдѣніе о передвиженіи войскъ въ извѣстномъ направленіи и указало на то, что въ такомъ-то мѣстѣ происходитъ сосредоточеніе.

— Я вообще,—уже довольно сердито закончилъ онъ:—нахожу, что присутствіе корреспондентовъ на войнѣ вредно.

Я возражалъ и скоро откланялся.

— Если вы пріѣдете въ Артуръ,—я васъ арестую, — сказалъ въ полушутливомъ тонѣ адмиралъ, подавая мнѣ руку.

— Нѣтъ, адмиралъ,—отвѣтилъ я:—это вамъ не удастся. Я ѣду туда съ разрѣшенія намѣстника и пользуюсь его довѣріемъ.

Несмотря на такой финалъ нашей первой встрѣчи, черезъ день кап. Васильевъ передалъ мнѣ приглашеніе на завтракъ къ адмиралу. Вмѣстѣ со мной былъ также приглашенъ корреспондентъ „Русскаго Инвалида" Красновъ и офицеры гвардейскаго экипажа: лейт. Ладыгинъ (погибъ на „Петропавловскѣ"), лейт. Трухачевъ и еще одинъ, фамилію котораго забылъ.

Встрѣтилъ насъ адмиралъ очень привѣтливо. Усадилъ и вмѣстѣ со своими помощниками сталъ угощать прекрасной ветчиной, холодной индѣйкой, голландскимъ сыромъ и т. п.

— Вотъ только водки у насъ нѣтъ,—ласково, какъ бы извиняясь, сказалъ онъ.—Не думайте, что я не пью. Нѣтъ, пью, и даже съ удовольствіемъ. Да только время теперь такое: нужно, чтобы голова всегда свѣжа была.

Но милые моряки гдѣ-то раздобыли бутылку смирновки, угостили своихъ гостей да и сами выпили по одной. Адмиралъ не пилъ. Послѣ завтрака подали чай, папиросы, а патріархальный хозяинъ закурилъ сигару. Опять зашелъ разговоръ о корреспондентахъ, подъ конецъ немного испортившій общее настроеніе. Адмиралъ нападалъ на нихъ. Я защищалъ, какъ посредниковъ между арміей и народомъ.

Уходя, я сказалъ ему:

— Разрѣшите мнѣ, адмиралъ, еще разъ васъ потревожить. Я хотѣлъ бы васъ зарисовать.

Онъ согласился.

Когда мы переѣхали по льду на саняхъ черезъ Байкалъ, и адмиралу былъ поданъ прекрасный вагонъ I-го класса я, какъ-то утромъ, захвативъ альбомъ, отправился къ нему. Въ большомъ отдѣленіи, въ глубинѣ котораго стояла широкая кровать, покрытая ватнымъ одѣяломъ, за столомъ у пишущей машинки сидѣлъ кап. Васильевъ, а С. О. Макаровъ ходилъ изъ угла въ уголъ и своимъ ровнымъ голосомъ что-то диктовалъ.

— Можно? — спросилъ я, входя.

— Конечно. Вы какъ хотите меня изобразить: сидя или стоя?—спросилъ адмиралъ.

— Да какъ вамъ удобнѣе. Вѣдь вы работаете? Я могу примоститься такъ, чтобы вамъ не мѣшать.

— Нѣтъ, ничего. Хотите, я сяду?

Мы устроились. Степанъ Осиповичъ досталъ изъ кармана гребень и сталъ расчесывать свою роскошную бороду.

— La barbe,—сказалъ онъ улыбаясь:—а теперь—moustaches,—и поправилъ усы.

Я началъ работать.

— Когда покажется непріятельская эскадра,—диктовалъ адми-

Памятникъ М. Е. Салтыкову-Щедрину на его могилѣ на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Къ 25-лѣтію кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина (1889—1914).

ралъ, отчеканивая каждое слово, очевидно, продолжая прерванное:—то по сигналу...

Пальцы Васильева забѣгали, и машинка застучала.

Въ продолженіи цѣлаго часа диктовались все новые и новые параграфы инструкцій, которые вырабатывалъ Макаровъ для своего флота. Однообразно вздрагивалъ вагонъ, рѣзко стучала машинка, ровно, слово за словомъ, выливались изъ устъ Степана Осиповича правила. Въ нихъ не было ничего забыто. Каждый параграфъ сопровождался примѣчаніями на случай, „если" будетъ такъ-то и такъ-то.

— Мы работаемъ всю дорогу, и у насъ этотъ долгій путь пройдетъ съ пользой,—проговорилъ адмиралъ во время одного перерыва. — Спасибо машинкѣ. Славная выдумка!

Я кончилъ рисунокъ.

С. О. Макаровъ проводилъ меня до дверей и на прощаніе, улыбаясь, сказалъ:

— Вы никому не говорите, что слышали. Кромѣ насъ троихъ, этого пока не знаетъ никто.

— Будьте спокойны, адмиралъ,—отвѣтилъ я. На мнѣ вы можете сдѣлать опытъ, поскольку корреспонденты заслуживаютъ довѣрія.

Ну, въ васъ-то я увѣренъ, но вы не одинъ.

Уѣзжая изъ Мукдена, гдѣ я представлялся Намѣстнику адмиралу Е. И. Алексѣеву, я просилъ его телеграфировать ген. Стесселю и С. О. Макарову съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе въ Портъ-Артурѣ. Телеграммы были посланы, и начальникъ обороны укрѣпленнаго района на другой же день по прибытіи моемъ въ Артуръ выдалъ мнѣ особый пропускной билетъ, открывавшій мнѣ всюду дорогу. Къ адмиралу Макарову я не пошелъ. Только увидавъ его 28 марта на бульварѣ и узнавъ, что наша эскадра готовится къ выходу въ море, я отправился утромъ 29 марта на „Петропавловскъ" и просилъ доложить о себѣ, но адмиралъ выслалъ ко мнѣ полковника Агапѣева, сообщившаго, что адмиралъ принять меня теперь не можетъ, такъ какъ у него засѣданіе. Я передалъ полковнику, что пришелъ просить принять меня на бортъ „Петропавловска", чтобы видѣть морской бой. Онъ ушелъ. Возвратившись, полковникъ сказалъ, что адмиралъ не можетъ допустить присутствія частныхъ лицъ на военномъ кораблѣ.

— А Верещагинъ?—сорвалось у меня.

— Онъ—георгіевскій кавалеръ и боевой товарищъ адмирала.

Обиженный, я сошелъ съ корабля. Пріятели меня утѣшали, говоря, что все къ лучшему, и что Макаровъ всегда вѣренъ себѣ.

31 марта съ высоты Золотой горы я видѣлъ, какъ на ладони, морской бой. Видѣлъ гибель миноносца „Страшнаго" и видѣлъ, какъ утонулъ „Петропавловскъ" вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ и всѣмъ его штабомъ, который этотъ выдающійся морякъ и флотоводецъ сумѣлъ подобрать и научить работать.

Онъ одинъ какъ слѣдуетъ понялъ тактику и характеръ японцевъ, и останься онъ въ живыхъ—японцы не вышли бы побѣдителями. Это теперь поняла вся Россія, и вотъ почему адмирала Макарова, не сдѣлавшаго никакого геройскаго подвига и не выигравшаго ни одного сраженія, оплакиваютъ всѣ русскіе люди!

В. Д. Орловскій.

(Портр. и 4 рис. на стр. 334 и 335).

Въ концѣ февралѣ с. г. въ Италіи, въ г. Нерви, скончался извѣстный русскій художникъ-пейзажистъ Владиміръ Донатовичъ Орловскій. Покойный, принадлежавшій къ старому поколѣнію русскихъ художниковъ, тѣмъ не менѣе пользовался у современныхъ намъ поколѣній рѣдкимъ уваженіемъ и авторитетомъ.

В. Д. Орловскій родился въ Кіевѣ въ 1842 году. Любовь къ рисованію пробудилась въ немъ еще въ дѣтствѣ.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ къ Т. Г. Шевченко, юный Орловскій отправился въ Петербургъ, чтобы попытаться поступить въ Академію Художествъ. Маститый украинскій поэтъ, знаменитый авторъ „Кобзаря", Т. Г. Шевченко встрѣтилъ юношу съ распростертыми объятіями; по ходатайству Шевченко, Орловскаго приняли въ Академію уже послѣ экзаменовъ, т.-е. помимо всякихъ нормальныхъ правилъ. Громадный талантъ молодого художника вскорѣ оправдалъ и хлопоты Шевченко и уступчивость академическаго начальства: уже черезъ два мѣсяца послѣ поступленія Орловскаго въ Академію профессора перевели его въ слѣдующій классъ. Въ 1862 году Орловскій уже получилъ двѣ медали за свои работы.

Позднѣе ему удалось сблизиться съ извѣстнымъ художникомъ А. П. Боголюбовымъ, и послѣдній пригласилъ Орловскаго въ свой классъ. Подъ руководствомъ Боголюбова Орловскій сталъ работать еще продуктивнѣе и усерднѣе, побывалъ на этюдахъ въ Крыму и получилъ за свои крымскіе пейзажи („Деревня Кокозъ" и др.) большую золотую медаль и заграничную поѣздку.

Но русская природа преимущественно привлекала художника и онъ умѣлъ находить въ ней глубокія настроенія и живыя краски.

В. Д. Орловскій отличался необыкновенной работоспособностью и плодовитостью, какъ художникъ. Имъ было написано множество этюдовъ, эскизовъ и картинъ. И тѣмъ болѣе страннымъ является то обстоятельство, что еще 15—20 лѣтъ тому назадъ онъ какъ-то вдругъ совершенно пересталъ принимать участіе въ какихъ бы то ни было выставкахъ и вообще въ художественной жизни и какъ бы умеръ для искусства.

3 с. г. марта въ Кіевѣ онъ умеръ и для жизни. Хоронили В. Д. Орловскаго торжественно, при громадномъ стеченіи народа. Кіевляне вспомнили своего талантливаго согражданина и сумѣли достойно почтить его память.

В. К. Штемберъ.

(Портретъ на стр. 337).

(По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).

Мы воспроизводимъ рядъ произведеній художника В. К. Штембера, отпраздновавшаго въ нынѣшнемъ году двадцатипятилѣтній юбилей своей художественной дѣятельности.

Викторъ Карловичъ Штемберъ родился въ 1863 году. Обладая склонностью къ искусству, онъ еще въ юные годы поступилъ въ Академію Художествъ по архитектурному классу. Но позднѣе его стала болѣе привлекать живопись и преимущественно портретная. В. К. Штемберъ уѣхалъ въ Парижъ, поступилъ въ мѣстную академію и много работалъ у знаменитыхъ французскихъ мастеровъ Бугро и Роберъ-Флери. Результатомъ этой работы явился цѣлый рядъ женскихъ портретовъ, которые были выставлены Штемберомъ въ парижскомъ Салонѣ въ 1888 году. Въ томъ же году В. К. Штемберъ сталъ выставляться въ Россіи—въ началѣ на передвижной и академической выставкахъ, а позднѣе примкнулъ къ выставкамъ Петербургскаго Общества художниковъ. Въ 1903 году онъ въ числѣ другихъ лицъ основалъ Товарищество художниковъ, гдѣ состоитъ и до сихъ поръ.

В. К. Штемберъ—портретистъ по преимуществу, онъ даетъ прелестные женскіе и дѣтскіе типы. Большинство воспроизводимыхъ въ настоящемъ № нашего журнала произведеній В. К. Штембера представляютъ собою именно женскіе портреты и головки. Не менѣе изящны и типичны и другія произведенія В. К. Штембера, въ которыхъ онъ затрагиваетъ иные сюжеты.

Кромѣ картинъ В. К. Штембера, мы производимъ здѣсь эффектную батальную картину М. Безроднаго *„Нападеніе партизанъ подъ Краснымъ на корпусъ маршала Нея"*. Этотъ эпизодъ Отечественной войны относится къ той эпохѣ, когда французская армія уже уходила изъ Россіи. Городъ Красный, Смоленской губ., былъ неоднократно мѣстомъ жестокихъ стычекъ: на переднемъ пути французы наткнулись здѣсь на отрядъ Невѣровскаго, при чемъ были отражены послѣ кровопролитнаго сраженія. На обратномъ пути здѣсь на нихъ напали партизаны и разгромили корпусъ Нея.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 9.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Госпожа Шмитъ прямо заявляетъ: „Не знаю, какъ и благодарить васъ“

Г-жа Шмитъ пишетъ: „Ваши превосходныя таблетки Кефалдолъ-Сторъ окончательно вылѣчили меня отъ ревматизма, которымъ я страдала много лѣтъ. Не знаю, какъ и благодарить Васъ. Я всегда буду держать немного у себя и совѣтовать это средство каждому страдающему“.

Кефалдолъ-Сторъ, вѣроятно, единственно болеутоляющее средство, которое можетъ быть принято безъ боязни за вредное вліяніе на сердце. Происходитъ ли боль отъ невральгіи, мигрени, ревматизма, подагры или ишіаса, всегда можно надѣяться на такое же быстрое облегченіе, какъ у г-жи Шмитъ. Нѣтъ ничего равнаго Кефалдолу-Сторъ или могущаго замѣнить его. Какъ одинъ корреспондентъ пишетъ: „Кефалдолъ-Сторъ дѣйствуетъ прямо волшебно“. Аптекаря сообщаютъ, что требованія на него все увеличиваются и результаты у всѣхъ превосходные. 2819

МОЛОДОСТЬ

достигается отъ употребленія

МЫЛА „КОНЕКЪ“ Цѣна куска 50 коп.

КРЕМЪ „КОНЕКЪ“ Изъ молока лилій. Туба 40 коп.

ПУДРА „КОНЕКЪ“ Изъ молока лилій. Ц. за короб. 1 р.

Юный и нѣжный цвѣтъ кожи лица и рукъ достигается вѣрно и быстро.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Содержитъ избытокъ жира нѣжна, держится хорошо на кожѣ, выгодна въ употребленіи, представл. собою среди другихъ косметич. препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку
Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Главный складъ для Россіи:
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Малая Конюшен. № 10.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА | РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ | ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

2216 16-15

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страданій. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 2292

Sarg'a
KALODONT - КАЛОДОНТЪ
необходимый
ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

4 мѣсяца.

Благодаря „Стомоксигену“ Д-ра Антона Мейеръ“, чувствую себя превосходно: желудокъ работаетъ вполнѣ хорошо, запоръ уничтожился, геморрой пропалъ. Послѣ окончанія пріема прошло уже около четырехъ мѣсяцевъ и всѣ вышеописанныя явленія ни разу не повторялись. Е. А. Конышева. Курганъ, Тобольскъ, складъ Т-ва Бр. Нобель.

Отзывы не повторяются. Ежеднев.—новый.

„Стомоксигенъ“ можно получить въ каждой аптекѣ. 2818

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ имя Доктора Антона Мейеръ сокращено, если въ адресѣ: „С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 29“ цифра измѣнена, предъ Вами явная поддѣлка.

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ

въ Оружейномъ складѣ **Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,**

Москва, Тверская, д. № 15, близь Газетнаго пер.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
по доступнымъ цѣнамъ.
НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРѢШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.
— Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости. —

2763 9-2

ПЕРЕНОСНЫЕ ДУШИ,

обливные и дождевые, замѣняющіе ванну и баню. 2815 2 1

Иллюстр. наставл. безплатно.

КОНСТ. **МАЛЬМЪ.**
СПБ., Морская, 34/н.

МѢСТОИСКАТЕЛЯМЪ.

Вышла книга: М. Мартыновъ «Руководство къ вѣрному и быстрому пріисканію должностей въ торг.-промышл. сельскохоз. предпр. и казенн. учрежд. съ прилож. многочисленн. образц. прошеній и писемъ». Цѣна 75 коп. Получить можно въ книгоизд. «Торгово-Промышленный Дѣятель», г. Рига, почт. ящикъ 710 или повсемѣстно въ больш. книжн. маг. За налож. плат. допл. 23 коп. 2788 2 2

Старорусскія минеральныя воды.

Ближайшій отъ Петербурга и Москвы курортъ.
Сезонъ съ 20 Мая по 20 Августа. 2792

Лѣчебныя средства: Соляныя, Соляно-хвойныя и грязевыя ванны. Мѣстное грязелѣченіе. Водолѣченіе. Электричество. Ингаляція. Кумысъ и кефиръ.

Успѣшно лѣчатся: болѣзни обмѣна веществъ, ревматизмъ, подагра, золотуха и пораженія железъ, болѣзни костей, суставовъ и мышцъ, выпоты воспалительнаго происхожденія, невральгія, нѣкоторые виды параличей, женскія болѣзни и мн. др.

Сообщеніе съ курортомъ по желѣзн. дор.: Петербургъ-Царское Село-Дно-Русса (безъ пересадки); Петербургъ-Чудово-Русса (пересадка въ Чудовѣ); Москва-Бологое-Валдай-Русса (безъ пересадки); Витебскъ-Дно-Русса (пересадка на ст. Дно); пароход. сообщ. отъ ст. Волховъ, Ник. ж. д.—Русса.

Новый путеводитель: „Старорусскія минеральн. воды“ можно получить во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ для справокъ: г. Ст.-Русса, Новг. г., Управленіе минер. водъ.

НЕ ГОРЮЙТЕ о ВАШИХЪ ВОЛОСАХЪ

УХАЖИВАЙТЕ ЗА НИМИ!

Во всѣхъ аптекарск. магазинахъ продается врачебно-косметическій препаратъ „Тіопинолъ для мытья головы“, который быстро устраняетъ перхоть, прекращаетъ выпаденіе волосъ и дѣлаетъ волосы замѣчательно мягкими, пышными и удобными для прически.

Испытайте даромъ! За указаніе адреса аптекарск. магазина, гдѣ Вы покупаете, я вышлю Вамъ брошюру „Гигіена волосъ“ и пробный пакетъ безплатно. П. Вегенеръ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 3—Н.

2702 8-3

2892 6-2

ОДЕКОЛОНЪ СЪ НѢЖНЫМЪ ЗАПАХОМЪ.

Парфюмерія А. Лемерсье.

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «АРМАТИНОМЪ», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гоноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ:

МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ".

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Луганскъ, 22/2—1913 г.".

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.". 2830 (2)

НА ПІАНИНО

можетъ научиться играть каждый въ нѣсколько дней всевозможныя пьесы по легкому и понятному цифровому самоучителю **„ЭВРИКА"**. Цѣна с нагляди. клавіатурой естеств. вел. с перес. 2 р. 50 к.

2822 Адр.: Москва, **С. К. ХАНБЕКОВУ**, почтамт. ящ. 1137.—М. 8-1

ФОРТУНА МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

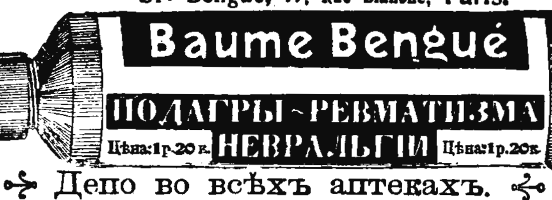
гъ 10, 14, 18, 25, 40, 50, 85, 110, 120, 150 р. и дороже. Доставляютъ не только прекрасное развлеченіе, но и способствуютъ развитію музыкальнаго слуха и любви къ музыкѣ. Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 2817

Настоящія Фортуны имѣютъ надпись: „Fortuna. Jul. Heinr. Zimmermann".

Dr. Bengue, 47, Rue Blanche, Paris.



2141 20-17

Депо во всѣхъ аптекахъ.

Гоноррея

излечивается быстро, радикально и безболѣзненно научно-усовершенствованнымъ французскимъ препаратомъ

КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ.

КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ выработанъ на основѣ новѣйшихъ научныхъ методовъ леченія гонорреи, тщательно провѣренъ на огромной клинической практикѣ и признанъ спеціалистами-врачами исключительно противогоноррейнымъ средствомъ.

ПРИМѢНЕНІЕ КАВАНОЗА ГАРАНТИРУЕТЪ ПОЛНОЕ ИЗЛЕЧЕНІЕ ОСТРОЙ и ХРОНИЧЕСКОЙ ГОНОРРЕИ.

Важное предостереженіе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптек. и аптекарск. магазин. настоящій ПАРИЖСКІЙ КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ въ аллюминіевой коробкѣ съ таможенной пломбой. **Цѣна коробки 1 р. 65 к.**

Главное представительство для Россіи
ИНСТИТУТЪ Д-ра КАЛЬВЭ.
Москва, Срѣтенка, 4.
Отд. 11/5.

2844

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ
МОЖНО ПОЛУЧИТЬ
КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа не благопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ, и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ, и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ, и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала, вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ 25-7 мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время. 2203

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, Парижъ.

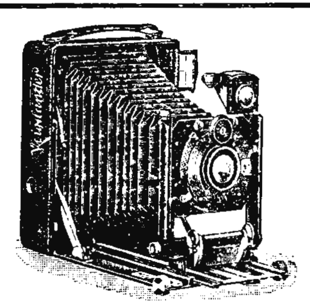
Въ С.-Петербургѣ: обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; Русск. О-во Торговли Аптек. Тов., Казанская, 12; **въ Москвѣ:** аптека Бруиса, Маросейка; **въ Кіевѣ:** Южн. Русск. О-во Торг. Аптек. Товар.; **въ Вильнѣ:** Торг. Домъ Б. Сегалль и К°; **въ Одессѣ** и **Ростовѣ н Д:** у Ламме и К°; **въ Варшавѣ:** Людвигъ Списсъ и Сынъ; **въ Тифлисѣ:** Кавк. Фармацевт. О-во въ Тифлисѣ.

Грязе-лѣчебное заведеніе, Куяльницкій Лиманъ

3-3 2743

И. К. РОГОВСКОЙ, бывш. д-ра Яхимовича,
открытъ съ 15 мая по 15 сентября.

Грязевыя и соляныя ванны. Квартиры съ полнымъ пансіономъ. Новая администрація. Образцовая кухня и прислуга. Каталоги и подробности по желанію высылаются безплатно. Съ требов. обращаться: Одесса — Куяльницкій Лиманъ, Э. С. Плавскому.



Фохтлендера

Камера „БЕРГГЕЙЛЬ"
9×12 и 10×15 см.

Новая устойчивая металлическая камера съ **лучшей оптикой** по **умѣренной цѣнѣ.**

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 2238

Акц. О-во
ФОХТЛЕНДЕРЪ и СЫНЪ
Брауншвейгъ (Германія).

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать подпись: *L. Midy*

На каждомъ флаконѣ должна находиться таможенная пломба.

Вполнѣ безвреденъ и содержитъ Санталъ въ чистомъ видѣ

2119 12-12

БЫСТРОЕ и ПОЛНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ

(безъ кубебы—безъ спринцованій)

свѣжихъ и застарѣлыхъ истеченій

на каждой капсюлѣ находится имя МИДИ

СКЛАДЪ
Главныхъ Аптекахъ Россіи.

ДЕПО въ Парижѣ: 8, Rue Vivienne

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 18.

XLV г. изданія

Выданъ 3 мая 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—2) к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за май.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ОСНОВАНА 1860 ГОДА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 27.

МОМЕНТАЛЬНАЯ КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

„ВѢЧНАЯ МОЛОДОСТЬ" мгновенно и натурально окрашиваетъ волосы въ черный, темнорусый и каштановый цвѣтъ.

Цѣна 1 руб.

Въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптек. магазинахъ.

ПАНСІОНЪ

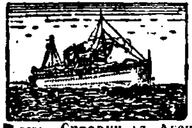
для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ**. Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2708 10 4

КУРСЫ газетной техники. 1-е въ Рос. 9-й г. Лично и заочно подгот. лицъ об. пола в сотрудн. Спец.: фельет., статьи, корресп. и пр. Выд. свид. Рек. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет. на жалов. Подр. за 7 к. м. Одесса, Ришельевская, у. Мар. № 12. Чивонибару. 2816

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. **А. Вейссъ**, Вѣна, Австрія. I. Адлергассе, 8. 12-10 2523

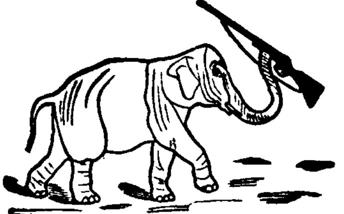
РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОѢЗДКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ И ОТДЫХА.



Черезъ Фіуме въ Далмацію.
Черезъ Фіуме въ Венецію и Анкону.
Черезъ Фіуме въ Албанію и Грецію.
Всюду спокойное и пріятное морское путешествіе на первокласcн. и комфортабельныхъ пароходахъ.

2654 Справки въ Агентствахъ Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ. 10-4

Венгерско-Кроацкое пароходное общество въ Фіуме; Австрія.



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

8-1 основанъ **1860** года. 2853

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

рекомендуетъ дешевыя ружья съ хорошимъ боемъ, курковыя и безкурковыя, Національной Бельгійской фабрики.

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

VICHY

Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.

CÉLESTINS

GRANDE GRILLE

HOPITAL

Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.

Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.

Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ:

SELS
PASTILLES
COMPRIMÉS } **VICHY-ÉTAT**

Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

3173 10-2

До употребленія. Послѣ употребленія.

Красота человѣка немыслима

если на лицѣ или на рукахъ имѣются прыщи или угри и немногимъ еще извѣстно, какъ легко устранить эти непріятныя явленія посредствомъ новѣйшаго средства **„Угринъ"**. Красота а также и

БѢЛИЗНА ЛИЦА, ТѢЛА и РУКЪ

легко и скоро получается послѣ непродолжительнаго употребленія этого средства. **„Угринъ"** имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими средствами, что прыщи и угри послѣ употребленія до окончательнаго исчезновенія **не** являются вновь. **„Угринъ"** продается вездѣ по **1** р. **90** к. или пересылается наложеннымъ платежемъ изъ склада.

Рич. Цето. С.-Петербургъ, Караванная, 16, кв. 8. 1325 8-2

НЕ ЗАПУСКАЙТЕ НИКОГДА ПРОСТУДЫ

НО ПРИНИМАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО

ТРИЗАНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ

при **КАШЛѢ, ХРИПОТѢ, КАТТАРРАХЪ** вообще при **ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ и ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ.**

ТРЕБУЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЯ **Д-РА ГОММЕЛЯ.**

2168 11 4

Посѣщайте заводъ нашъ.

МАШИНЫ ДЛЯ ПУСТОТѢЛ. БЕТОН. КАМНЕЙ МАШИНЫ ДЛЯ ЦЕМЕНТНОЙ ЧЕРЕПИЦЫ

ФОРМЫ 2858 6-1

для ступеней, трубъ, столбовъ, пустотѣл. камней и пр.

ДРОБИЛЬНЫЯ МАШИНЫ. БЕТОНЬЕРКИ.

ПЕСКОМОЙКИ.

МАШИНОСТРОИТ. ЗАВОДЪ

Д-РЪ ГАСПАРИ и К°, МАРКРАНШТЕДТЪ (Германія).

въ образцовой мастерской ок. 50 машинъ въ ходу.

Каталогъ № 280 безпл.

ВЕЗДѢ ИЗВѢСТЕНЪ.

Какъ бы ни были разнообразны желанія каждаго, бритвенный аппаратъ «ЖИЛЛЕТЪ» годится для всякаго. Согнутое при бритьѣ лезвіе можно регулировать по мѣрѣ надобности, и брить имъ такъ же хорошо какъ самую нѣжную, такъ и самую жесткую бороду.

Бритв. аппар. ЖИЛЛЕТЪ цѣна Руб. 10.— и дор. Продается вездѣ.
Лезвія запасн. за 1/2 дюж. Руб. 1.15 и за 1 дюж. Руб. 2.25.

GILLETTE SAFETY RAZOR Ltd., Boston U. S. A. and Leicester (England).

Единственный представитель для всей Россіи: **Рихардъ Гардеръ и Ко, Гамбургъ 14.**

Представитель для С.-Петербурга: **Робертъ Ромпе**, Фонтанка, № 58.
Представитель для Москвы: **В. Я. Маціонъ**, Мясницкая, № 13, кв. № 1. 2855

Gillette

Не требуетъ точки
Не требуетъ правки
Аппаратъ для бритья

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | г. XLV

№ 18 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 3 мая 1914 г. | **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** | Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) **„Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“** за Май 1914 г., 2) **„НОВѢЙШІЯ МОДЫ“** за Май 1914 г. съ 40 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 7 рис. для выжиганія.

Н. Бунинъ. Арабскія лошади въ имѣніи гр. Строганова.

Поджогъ.

Повѣсть **I. I. Ясинскаго.**

I.

— Не скучайте, дѣти. Не тоскуйте, глупцы. Съ меня примѣръ берите. Шестой десятокъ—а я пою, играю и танцую. Кто изъ васъ сдѣлаетъ такъ?

Хрисанѳъ Семеновичъ Вертлуговъ подпрыгнулъ и на лету щелкнулъ два раза каблуками щегольскихъ ботинокъ.

— Ну-те-ка, попробуйте!

Соня и Маня—десяти и одиннадцати лѣтъ, въ розовыхъ юбочкахъ и стоптанныхъ башмакахъ, и Гриша и Макся—семи и восьми лѣтъ, босые и въ плисовыхъ штанишкахъ, застѣнчиво смотрѣли на отца.

— Дураки, идіотики. Пойдемте въ садъ, я васъ выучу играть въ чехарду.

Хрисанѳъ Семеновичъ былъ веселъ. На лысинѣ его играло солнце, какъ и на лакированныхъ ботинкахъ. Сѣренькій пиджачокъ съ серебристымъ отливомъ болтался на угловатыхъ плечахъ. Онъ былъ въ розовомъ галстучкѣ, и жилетъ былъ застегнутъ внизу на одну сердоликовую пуговицу, открывая плоеную манишку.

Смуглый, въ синей блузѣ, двадцатилѣтній юноша сидѣлъ за конторкой у окна и переписывалъ кассаціонную жалобу, сочиненную Хрисанѳомъ Семеновичемъ.

— Иванъ! Что наморщилъ носъ?

Иванъ ниже наклонилъ голову.

Гнѣвно посмотрѣлъ Вертлуговъ на Ивана и сказалъ:

— Безъ тебя дѣти были бы совсѣмъ другія. Дурной примѣръ, дурной примѣръ. Перепортилъ дѣтишекъ, и приходится чуть не каждый день драть бѣдняжекъ.

Иванъ что-то пробормоталъ.

— Не разговаривай!—закричалъ Хрисанѳъ Семеновичъ.— Не дѣлай изъ ясной погоды грозу. Тебѣ слово, а ты двадцать. И опять посадишь жида. До сихъ поръ не научился писать. Помни, Иванъ, что безъ хорошаго почерка не будешь имѣть успѣха въ жизни. Я знавалъ замѣчательныхъ людей, которые достигли высокаго положенія только благодаря почерку. Какъ ты поступишь хотя бы въ губернское правленіе, если у тебя буквы будутъ кланяться направо и налѣво?

— Именно въ губернскомъ правленіи надо кланяться направо и налѣво,—проворчалъ молодой челонѣкъ.

— Иванъ! Счастливъ твой Богъ, что я не могу сегодня рассердиться!.. Ну-ка, дѣти!

Хрисанѳъ Семеновичъ сузилъ глаза, широко раскрылъ ротъ, еще полный зубовъ, и запѣлъ, хлопая въ ладоши:

„Какъ былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ,
Ну такъ что жъ,—
Сѣренькій козликъ“.

Подпѣвая и приплясывая, направился старикъ въ слѣдующую комнату, гдѣ раскрыта была стеклянная дверь въ садъ, зеленѣвшій въ лучахъ голубого дня.

Иванъ посмотрѣлъ черезъ плечо назадъ, отодвинулъ кассаціонную жалобу, досталъ изъ конторки книжку „Отечественныхъ Записокъ“ и сталъ читать.

Надъ городомъ стоялъ зной. Былъ іюнь.

II.

Вошла изъ передней молодая дѣвушка въ соломенной шляпѣ и въ свѣтломъ платьѣ.

— Что отецъ?—спросила она робко и неувѣренно.

Иванъ обернулся.

— А, Саша!—вскрикнулъ онъ.—Что скажешь?

— Я пришла, Ваня... Что, отца нѣтъ дома?—спросила она.

— Въ саду. Исполняетъ родительскій долгъ. Выигралъ въ съѣздѣ дѣло и завтра получитъ гонораръ. И будетъ балъ, и соберутся всѣ ископаемые... И вдовушка будетъ.

Саша присѣла на край табуретки, обнявъ брата одной рукой.

— Правда, отецъ женится?—тихо спросила она.

— Кто сказалъ?

— Въ городѣ говорятъ.

— Слышу первый разъ.

— Маленькія дѣти, видишь ли, и некому смотрѣть.

— На комъ же?

— На вдовушкѣ. Какъ ты слѣпъ!

— Отецъ со мной не очень откровенничаетъ. А на вдовушкѣ— такъ на вдовушкѣ. Умерла мама, будетъ мачеха. То-то онъ все поетъ и дѣлаетъ па-де-зефиры.

— Я пришла серьезно переговорить съ отцомъ,—начала Саша, покраснѣвъ.

У нея были такіе же темные глаза съ длинными рѣсницами, какъ у Ивана, толстыя розовыя губы и лѣнивая манера двигать головой.

— О чемъ съ нимъ будешь говорить?—спросилъ Иванъ.

— Я хотѣла бы сказать, что если онъ женится для хозяйства, то не позволитъ ли онъ мнѣ лучше вернуться назадъ.

— Воображаю, что онъ запоетъ,—сказалъ Иванъ.

— Что же?

— Предвкушаю. Нѣтъ, Саша, я тебѣ не совѣтую. Онъ и такъ постоянно грозитъ тебѣ проклятіемъ. Онъ серьезно вѣритъ въ дѣйствительность своихъ отеческихъ заклинаній.

— Ну, уроки я могла бы продолжать, живя дома, и одѣвалась бы на свой счетъ. Посмотри—хорошенькое платьице я себѣ сдѣлала?

— Ничего. Къ лицу. А зонтикъ рыжій. У меня есть трешница, хочешь—на зонтикъ?

Саша поцѣловала брата.

— Не надо,—конфузливо сказала она.

Братъ настаивалъ.

— Я и такъ тебѣ должна.

— Вѣчно считаешься. А скучно безъ семьи?

— Я ужъ очень Маню люблю и всѣхъ.

— Я тоже сбирался отрясти прахъ. Египетская жизнь. Всю канцелярію веду. Рабъ... Слышишь: „жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ“... Чехардѣ обучаетъ. А, лупка началась. Кончилась увеселительная педагогика.

— Ну такъ какъ же быть, Ваня?—вздрогнувъ отъ прорѣзавшаго воздухъ дѣтскаго визга, спросила дѣвушка.

— Безъ покаянныхъ сценъ тебя не приметъ. По крайней мѣрѣ двѣнадцать часовъ будетъ отчитывать. А относительно его женитьбы—можетъ-быть. Наведу справки. Подожди.

Саша въ раздумьѣ спросила:

— Кого это? Маню?

— Нѣтъ, Гриша реветъ...

— Не могу! Не могу! Вмѣшаюсь—и выйдетъ скандалъ. Пройдемся немного и подышимъ свѣжимъ воздухомъ, если ты свободенъ.

Гриша спряталъ „Отечественныя Записки“ и ушелъ съ сестрой.

Улица была вся въ заборахъ, пустынная и засыпанная раскаленнымъ пескомъ. Она выходила въ поле, гдѣ пахло рожью и межъ блѣдныхъ колосьевъ качались синіе васильки.

III.

— Настаиваетъ, чтобъ я поступилъ на службу,—началъ Иванъ:—а я удеру въ Кіевъ или Петербургъ. Выдержу на зрѣлость. Осточертѣло.

— Меня возьмешь?

— Всѣхъ потомъ перетащу. Не пропаду.

Братъ и сестра шли вдоль обрыва. Внизу змѣилась Лебядка, то сверкая въ песчаныхъ берегахъ, то синѣя и пропадая въ густыхъ орѣшникахъ.

— Безъ матери еще хуже стало... Не знаю, за что возненавидѣлъ меня отецъ?—спросила Саша.

Братъ молчалъ.

— И не такой же онъ дурной человѣкъ, если сравнить...

Она не договорила.

— Я пробовалъ убѣждать его,—сказалъ Иванъ.—Сначала спорилъ—но вдругъ схватилъ хлыстъ и отдулъ меня.

— И мать дралась...—замѣтила Саша.

Братъ и сестра вздохнули. Имъ стало жаль мать, умершую

отъ тифа ранней весною, когда вода начинаетъ пахнуть навозомъ, и въ городѣ вспыхиваетъ эпидемія.

— Все же она была добрая,—сказалъ Иванъ:—и не позволила бы выжить тебя изъ дома.

— Но не прочь была выдать меня хоть за Петрусевича!—съ дрожью въ голосѣ вскрикнула Саша.

Они опять замолчали.

— А признайся, горькія минуты тебѣ приходится переживать?—спросилъ Иванъ.

— Думаю, не горше твоихъ.

— Голодаешь?

— Какое голоданье, если не пообѣдаю.

— Бѣдная ты моя!

— Моя выгода въ томъ, что я поборолась съ отцомъ и доказала ему, что для меня не въ одномъ его оконцѣ свѣтъ... Онъ долженъ былъ бы теперь увидѣть во мнѣ личность.

— Скажи, Саша, правду: стало досадно, что тѣнь матери будетъ заслонена другой женщиной? Ты не любила мать... Дай разобраться въ твоей психологіи... Въ тебѣ живетъ еще старина.

— Не знаю, Ваня.

— Что̀, если онъ станетъ мягче и лучше, когда въ самомъ дѣлѣ женится хотя бы на вдовушкѣ?

— Ревность ли это?—сказала Саша.—Часто мнѣ снится моя комната и даже отецъ, когда онъ по утрамъ въ фланелевой курткѣ и гарусной ермолкѣ торжественно выходитъ въ гостиную молиться и дѣтишекъ ставитъ на колѣни.

— Вы, бабы, консервативны,—проворчалъ Иванъ.—Если же я порву, то окончательно.

— Я вѣрю въ тебя... Ты сильный.

— Но ты не знаешь меня... а я и на смерть готовъ... И на всякую казнь пойду,—съ гордо заблиставшими глазами загадочно проговорилъ Иванъ.

Въ далекой зыблющейся синевѣ жаркаго дня онъ словно хотѣлъ угадать свое будущее и смотрѣлъ впередъ.

— Страшно, Ваня,—сказала Саша, которой вдругъ почудилось, что бездна отдѣлила ее отъ брата.

И слезами наполнились ея глаза.

IV.

На заросшей травою дорогѣ изъ-за поворота, облитыя солнцемъ, выступили двѣ дамы подъ бѣлыми зонтиками.

— Легка на поминѣ,—сказалъ Иванъ.

— Не хотѣлось бы встрѣчаться,—сказала Саша.

— А Надя сушитъ на плечахъ полотенце, — продолжалъ Иванъ.

— Тебѣ нравится Надя?—вдругъ спросила Саша.

— Нравится,— отвѣчалъ Иванъ, всматриваясь въ идущихъ навстрѣчу дамъ.— И ничего, что она старше меня. Но вопросъ, нравлюсь ли я ей? Но и въ случаѣ, если да, какой смыслъ въ томъ, что мы оба нравимся другъ другу?

Аглая Ермолаевна подошла съ племянницей. У нея было черезчуръ роскошное тѣло и сонные глаза. Теперь она была взволнована. Багровый румянецъ разливался на дряблыхъ, какъ подходящее тѣсто, щекахъ.

У Нади были голубые зоркіе глаза. Бѣлое, замкнутое лицо было красиво.

— Еще смѣетъ потомъ ухаживать за порядочными дѣвицами!—сердито начала вдовушка, поздоровавшись съ молодыми людьми.

— Тетя, довольно ужъ объ этомъ,—сказала Надя.

— Я узнала его. Такъ нельзя этого оставить. Хрисанѳъ Семеновичъ дома?

— Онъ былъ дома. Но въ чемъ дѣло?—спросилъ Иванъ

— Конечно, ваша обязанность, какъ благороднаго молодого человѣка, проучить нахала. Продержалъ въ водѣ цѣлый часъ... Въ кустахъ все утро лежитъ...

— Тетя!

— И все-таки дождался, негодяй.

— Тетя! Не надо!

— Ну, вотъ и Александрѣ Хрисанѳовнѣ нельзя будетъ выкупаться.

— Мы не собираемся купаться,—сказала Саша холодно.

На лицѣ вдовушки расплылась широкая улыбка:

— Давно не видала васъ. Вы все такая душечка. Купаюсь и думаю, какъ бы помирить васъ съ отцомъ. Зайдите ко мнѣ съ братцемъ. Я вамъ совѣтъ дамъ. Съ Хрисанѳомъ Семеновичемъ можно ладить. Вы должны повліять на сестру, Иванъ Хрисанѳовичъ. Вы такой преданный и любящій сынъ.

— Если вы будете сейчасъ у насъ, то не говорите отцу, что видали меня съ Сашей.

— Не выдамъ. Вы—моя симпатія. Наденька, прощайся. Братъ и сестра хотятъ побыть вдвоемъ. Не будемъ мѣшать ихъ изліяніямъ... Ахъ, нахалъ!

Иванъ, пройдя нѣсколько шаговъ по обрыву, обернулся. И обернулась Надя.

V.

Со дна оврага по извилистой тропинкѣ поднимался Петрусевичъ. Онъ былъ въ свѣтлой парѣ, и въ рукахъ у него блестѣла старинная мѣдная подзорная труба. Рыжая борода огненнымъ клокомъ висѣла подъ его удлиненнымъ лицомъ съ бритыми губами; оно все было въ крупныхъ морщинахъ. И ротъ былъ у него сморщенный и круглый. Увидавъ, что идутъ, Петрусевичъ нырнулъ въ кусты.

Но Иванъ закричалъ:

— Аглая Ермолаевна пошла жаловаться на васъ!

Изъ кустовъ раздался голосъ:

— Какъ ей угодно.

— А вы не были на службѣ?

Петрусевичъ отмолчался

— Съ утра съ подзорной трубой... Днемъ звѣзды наблюдаете... Отчего у насъ давно не видно?

— Соскучились развѣ по мнѣ?.

— Отецъ просилъ, при встрѣчѣ, пригласить васъ — не съ кѣмъ въ шашки играть.

— Некому его дамокъ въ крѣпость запирать... Ага! Пускай сначала отдастъ пятьдесятъ копеекъ, которыя мнѣ проигралъ.

— Отдастъ.

— Съ кѣмъ вы?

— Вылѣзайте, взгляните.

— Ваня, зачѣмъ?

— Хочу доставить тебѣ еще разъ удовольствіе посмотрѣть на этого несчастнаго. Я съ сестрою!—закричалъ Иванъ.

Петрусевичъ замеръ. Иванъ засмѣялся:

— Онъ боится тебя.

— Пойдемъ дальше,—съ досадой въ голосѣ сказала Саша.

Они спустились въ долину и сѣли на траву подъ старымъ дубомъ. Сорокопуты трещали надъ головой. Синѣлъ раскаленный воздухъ.

— И мать поощряла ухаживанья этого урода!—съ горестной улыбкой проговорила молодая дѣвушка.

VI.

Вертлуговъ пообѣдалъ и спалъ въ гостиной на диванѣ. Окна были занавѣшены двумя шалями покойницы. Сумракъ стоялъ въ гостиной.

Маня и Соня играли въ куклы на огородѣ, гдѣ кукуруза возвышалась надъ прочей зеленью. За нее тоненькими усами цѣплялась тыква. Гриша и Макся бѣгали верхомъ на палочкахъ по двору.

Кривоглазая кухарка Аксинья чистила кирпичомъ самоваръ у порога кухни.

Иванъ вернулся домой, усталый и съ загорѣвшимъ лицомъ.

— Баринъ приказали не давать вамъ ѣсть,—сказала Аксинья, созерцая себя въ отполированномъ самоварѣ.— Да и гости все покушали. Аглая Ермолаевна съ племяницей и двое судейскихъ— толстый и худой. Послѣ въ карты играли. Пришелъ разстрига, и тогда четвертную выпили.

Иванъ нашелъ на кухнѣ ломоть хлѣба, посолилъ и съѣлъ, запивъ водою.

„Лучше остаться безъ обѣда, чѣмъ сидѣть съ такими мордами,—подумалъ онъ.—А Наденька могла—она какъ-то черезчуръ благоразумна и терпѣлива“.

Уже ложились длинныя тѣни на мураву двора.

Въ домѣ раздавался храпъ Хрисанѳа Семеновича. На конторкѣ Иванъ увидѣлъ клочокъ бумаги, пришпиленный къ сукну булавкой, а на немъ рукою отца было написано: „негодяй“.

Иванъ взялъ неконченную имъ кассаціонную жалобу, разорвалъ пополамъ, пришпилилъ къ конторкѣ той же булавкой и опять ушелъ.

VII.

Улица, по которой шелъ Иванъ, была кривая. Постройки почти всѣ почернѣли и посѣдѣли отъ старости. Вечерѣло. Садилось солнце.

У домика о двухъ окнахъ, окутаннаго тѣнью отъ тюремнаго зáмка, съ косыми стѣнами и съ башнями по угламъ, Иванъ остановился и дернулъ звонокъ.

Легкіе шаги пробѣжали къ дверямъ по наружному коридору.

— Свой?—спросилъ женскій голосъ.

— Черный голубь, — произнесъ Иванъ.

Громыхнулъ засовъ. Пожилая женщина въ простомъ платьѣ, съ прекрасными глазами и съ милой улыбкой на блѣдныхъ губахъ, привѣтливо тряхнувъ руку Ивана, впустила его и, запирая за нимъ дверь, сказала:

— Хоть не ваша очередь, но спасибо, что пришли, а то выбиваются изъ силъ... Пока напейтесь чаю.

Н. Бунинъ. Конь-плѣнникъ.

Она глазами указала на комнату, гдѣ шумѣлъ самоваръ.

У стола сидѣло двое.

Одинъ—съ темной бородой и съ бѣлымъ лбомъ, въ синей курткѣ и въ ботфортахъ—искоса глянулъ на Ивана; другой—маленькій, бѣлокуренькій и въ красной перепачканной рубахѣ — дружески улыбнулся.

— Я же говорю,—нервнымъ теноркомъ произнесъ онъ:—что человѣкъ сей—воплощенное стараніе... Черный голубь!—обратился онъ къ бородачу.

— А, радъ вамъ,—сказалъ бородачъ и протянулъ Ивану твердую, какъ чугунъ, руку.—Я—Силантій Лапинъ.

Иванъ слыхалъ о немъ, какъ о великомъ дѣятелѣ.

— Ольга Петровна,—продолжалъ Силантій прерванную бесѣду:—буду откровененъ: источникъ изсякаетъ. Средства привезъ я небольшія. А вы розовыя очки снимите,—сказалъ онъ Ивану:—сгніете на каторгѣ или повѣсятъ.

Бѣлобрысый щипнулъ себя за опущенную щеку и вскрикнулъ:

— Поздно уже на попятный!

— Я и не собираюсь! — сказалъ Иванъ и возразилъ Силантію:—Не всѣ погибаютъ.

Ольга Петровна сдѣлала знакъ Силантію и вызвала его въ другую комнату. Бѣлокуренькій сказалъ Ивану вполголоса:

— Любитъ запугивать... Геройская личность. Съ огромными полномочіями...

Силантій вернулся, подошелъ къ Ивану и положилъ ему на плечо руку:

Н. Бунинъ. Хозяинъ пріѣхалъ.

Н. Бунинъ. Историческая мельница въ м. Каменкѣ Кіевской губ., гдѣ Шервудъ раскрылъ заговоръ южно-русскихъ Декабристовъ.

— Ну, я надѣюсь на васъ.

Волна радости ударила въ сердце Ивана. Онъ посмотрѣлъ на Силантія бодрымъ взглядомъ.

Вмѣстѣ съ бѣлокуренькимъ онъ спустился въ люкъ, на смѣну другимъ работникамъ.

А Силантій далъ денегъ Ольгѣ Петровнѣ, простился съ нею поцѣлуемъ и, обойдя стѣны тюремнаго замка, позвонилъ у квартиры начальника,—единственной, шесть оконъ которой не были забраны желѣзной рѣшеткой.

VIII.

Высокая прическа удлиняла блѣдное лицо Музы Автономовны; узкое платье облегало ея худое тѣло.

Она показала свои большіе зубы Силантію и стала радостно смѣяться.

— А я только-что думала о васъ,— сказала она, разрумянившись и вводя въ гостиную Силантія.

— Спасибо, — сказалъ Силантій и посмотрѣлъ ей въ глаза тоже смѣющимся взглядомъ.

Оглянулся и медленно поцѣловалъ ее въ сгибъ локтя. Она стыдливо потупилась:

— Думала, что вы забыли меня.

— Такого друга, какъ вы, легко не забудешь,—возразилъ онъ и хотѣлъ взять ее за талію.

Но она выскользнула и пальчикомъ указала на перегородку съ испуганно-лукавымъ лицомъ.

— Вы все цвѣтете, — сказалъ онъ, усаживаясь въ креслѣ.

— Увы, скоро тридцать, — произнесла она.

— Лучшіе годы,—замѣтилъ Силантій.—Но все-таки съ вами можно говорить откровенно?— вполголоса спросилъ онъ.

Она дотронулась кончикомъ вытянутой ботинки до его ботфорта:

— Смотря о чемъ.

— О театрѣ,—съ беззвучнымъ смѣхомъ сказалъ онъ.

Умирающее солнце стало играть на лицѣ Музы Автономовны. Она сдѣлала гримасу и пересѣла ближе къ Силантію. Положила руку на его плечо, глаза ея приняли страдальческое выраженіе, и она проговорила:

Н. Бунинъ. На стойлѣ.

Н. Бунинъ. Къ вечеру. (Съ охоты).

жеть быть колебанія,—повелительно сказалъ онъ.—А пока на расходы двѣсти рублей—возьмите—мой взносъ.

— Въ прошломъ году вы меня подвели, Никита Петровичъ,— съ сладкими глазами, тряхнувъ головой, сказала жена начальника тюрьмы.—Я играла и уговорила мадамъ Куровскую, а оказалось... Положимъ, я сама такихъ взглядовъ... и Куровскій, хотя жандармскій полковникъ, но имѣетъ библіотеку запретныхъ книгъ... Но ужасно подумать, на вырученныя деньги были снаряжены въ ссылку политическіе!

— Ну, такъ что же? — сказалъ Силантій съ странной улыбкой, холодно поцѣловавъ ее въ щеку.—Исторія разберетъ, кто правъ... А почему же и политическимъ нельзя помочь? Я не дѣлаю разницы между несчастными. А сборомъ теперь васъ попрошу завѣдывать.

— О, да... правда. Если даже Вигдорскій,—то, я вижу—лучшій аргументъ... Я такъ и губернатору скажу. Знаю... Хорошо!— согласилась Муза Автономовна и спрятала деньги, прислушиваясь

— Ну?

— Постараюсь быть хладнокровнымъ,—началъ онъ.—Дѣло общественное. Я пріѣхалъ изъ имѣнія въ городъ не только ради васъ—и прямо съ охоты...

— Ахъ, вы—извѣстный немвродъ. Вамъ такъ идетъ этотъ костюмъ.

— Не перебивайте. Въ хорошихъ вы еще отношеніяхъ съ его превосходительствомъ?

Она приложила свой пальчикъ къ губамъ Силантія:

— Т-с-с!

— Муза Автономовна, я не хотѣлъ обидѣть васъ своимъ вопросомъ.

— Мало ли что говорятъ.

— Я подразумѣваю только ваше доброе вліяніе на Спиридона Сергѣевича... И было бы неумно упустить изъ рукъ...

— Вы намекаете на мадамъ Баумъ?—съ презрѣніемъ спросила Муза Автономовна и засмѣялась.—Я ужъ ему сдѣлала сцену. А въ слѣдующій разъ если повторится—поставлю его на колѣни. Какъ начальникъ губерніи, онъ не имѣетъ права себя компрометировать. Я вовсе не ревнива, но если трубятъ, избави Богъ.

— Магическая сила у васъ,—прошепталъ Силантій и поцѣловалъ молодую женщину въ губы.—Итакъ,—продолжалъ онъ, черезчуръ быстро повинуясь отстранившей его рукѣ: — нужно устроить спектакль съ благотворительной цѣлью.

— Съ благотворительной цѣлью?—повторила Муза Автономовна, сложивъ губы для поцѣлуя.

— Именно. У васъ чудесный организаторскій талантъ. Связи съ обществомъ. А при содѣйствіи Спиридона Сергѣевича билеты всѣ будутъ распроданы.

— Конечно. Но въ чью пользу?— спросила Муза Автономовна, продолжая протягивать губы.

— Закружится голова, и я забуду, что я хотѣлъ сказать...— шопотомъ произнесъ онъ.—Въ пользу семьи несчастнаго Вигдорскаго. У меня въ усадьбѣ проживаютъ его жена и двое дѣтей.

— Ахъ, какое у васъ доброе сердце, Никита Петровичъ! Однако найдетъ ли въ обществѣ откликъ такой спектакль?

— Вигдорскій предалъ хорошихъ людей,—отвѣтилъ Силантій:— и подѣломъ ему выжгли глаза. . Но, Муза Автономовна, онъ же человѣкъ, не погибать же его семьѣ. Наконецъ можно не объявлять его фамиліи, а заявить только губернатору... Тутъ не можетъ быть колебанія,

къ шороху за перегородкой.—Сейчасъ встанетъ мужъ. Онъ вамъ обрадуется.

— Но я не обрадуюсь!—сверкнувъ глазами, сказалъ Силантій и всталъ.

— Онъ такъ цѣнилъ Вигдорскаго.

— Плевать,—проворчалъ Силантій.

Онъ могъ лицемѣрить съ Музой Автономовной, но начальникъ тюрьмы Будяковскій, грабившій арестантовъ и женившійся нѣсколько лѣтъ назадъ по приказанію губернатора, былъ ему противенъ, и онъ боялся не выдержать роль.

Рѣшительно простился онъ.

Въ темной передней Муза Автономовна припала къ нему на грудь. То странное и бѣшеное чувство, которое изрѣдка посѣщало его, вдругъ стало имъ овладѣвать. Онъ хотѣлъ отшвырнуть отъ себя Музу Автономовну. Но холодный потъ выступилъ у него на вискахъ, и онъ склонился къ ней и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ лобъ.

IX.

Была темная ночь, и на улицахъ губернскаго города здѣсь и тамъ прорѣзывали мракъ лишь ручные фонари, съ которыми шли запасливые пѣшеходы. Должна была свѣтить луна, но собрались тучи, и хмурились черныя небеса.

Иванъ, разминая руки, возвращался домой; нерѣшительно остановился передъ воротами и быстро повернулъ въ улицу, которая спускалась къ рѣкѣ.

На берегу стоялъ домъ съ тремя высокими тополями у фасада, принадлежавшій Аглаѣ Ермолаевнѣ. Городскіе часы пробили десять. Сквозь щели ставней прорѣзывался желтый свѣтъ. Иванъ услышалъ голоса.

„Кто у нихъ? Что, если отецъ?“ — подумалъ онъ и толкнулъ калитку.

Она не была заперта. Собака залаяла-было, но узнала Ивана и стала къ нему ластиться. Въ сѣняхъ ровнымъ лучистымъ кружкомъ лежалъ на полу красный отблескъ. Возлѣ шевелилось бѣлое. Иванъ направился на огонь и сказалъ:

— Ульяна, барышня дома?

— Ульяны нѣтъ,—отвѣтилъ милый голосъ:— а барышня дома.

— Наденька, что вы дѣлаете?

— Самоваръ ставлю.

— У васъ гости?

Н. Бунинъ. Друзья.

— Перепетуя Васильевна и Феонія Евстигнеевна... Кумушки убѣждаютъ тетушку выйти замужъ... Если бъ вы знали, за кого?

— За отца?

— Слыхали? Тетушка — хорошая невѣста и, право, добрѣйшей души.

Наденька тихо засмѣялась.

— Если бы счастливый бракъ состоялся, вы не разстались бы съ тетушкой?

— Куда жъ мнѣ дѣваться?... А впрочемъ, я еще ничего не знаю... Развѣ будущее кто-нибудь знаетъ?—съ новымъ тихимъ смѣхомъ сказала она.

— Не очень долго ужились бы вы съ Хрисанѳомъ Семеновичемъ,—сказалъ Иванъ.

— Зачѣмъ вы дурно отзываетесь объ отцѣ? Но, кажется, я ужилась бы съ нимъ.

Наденька наклонилась надъ самоваромъ и стала раздувать уголья. Бѣлый подбородокъ ея освѣтился красным заревомъ, захватившимъ и часть шеи съ разстегнутымъ воротничкомъ. Снизу летѣли искры на свѣтлое платье. Одна застряла въ оборкѣ. Иванъ потушилъ искру ладонями:

— Сгорите.

— Я бы хотѣла... Что вы дѣлаете?

— Любуюсь вами...

— Позвольте мнѣ лучше полюбоваться вами. Нагнитесь и дуйте.

Иванъ сильно подулъ въ самоваръ.

— Вы дуете, какъ кузнечный мѣхъ, — сказала Наденька. — Отлично дуете, и кумушки будутъ напоены наконецъ чаемъ. Но если мы устроимъ дуэтъ?

Она тоже наклонилась надъ трубой. Лица ихъ озарились общимъ огнемъ. Никогда такъ близко при красномъ сумракѣ они не видѣли другъ друга. Горячими губами поцѣловала Наденька горячую щеку Ивана.

— Милый мальчишка.

Она увлекла его къ другимъ дверямъ, выходившимъ въ садъ, откуда пахнуло укропомъ и огуречной травой, и обняла.

— До сихъ поръ гулялъ?—вполголоса спросила она.

— Нѣтъ.

— Я нарочно осталась у Хрисанѳа Семеновича съ тетушкой обѣдать, а ты не пришелъ.

— Не очень сладко мнѣ дома. Было дѣло.

— Какое?

— Не скажу.

— У сестры сидѣлъ?

— Нѣтъ, Наденька.

— Ухаживалъ за какимъ-нибудь красивенькимъ платочкомъ?

— Можетъ-быть.

— Я не позволю тебѣ ни съ кѣмъ больше цѣловаться.

Наденька притянула Ивана и опять стала цѣловать. У него горѣли щеки и звенѣло въ ушахъ. Она цѣловала его въ лицо и въ голову.

— Ну, довольно,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я еще сюда не поцѣловала.

— Какой смыслъ? Что будетъ потомъ?—проворчалъ онъ.

— Зачѣмъ смыслъ? Ничего не будетъ. Я цѣлую тебя, а ты воображаешь себя, кажется, дѣвчонкой.

— А самоваръ потухъ,—сказалъ Иванъ.

Наденька повернула голову. Красный отблескъ на землѣ исчезъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ лучинки и спички. Помоги, добрая душа!

И, слегка оттолкнувъ Ивана, она выскочила въ садъ и побѣжала по дорожкѣ къ рѣкѣ. Долго сидѣла она на скамейкѣ. Грудь ея высоко поднималась.

Зашуршали шаги.

— Насилу нашелъ васъ,—сказалъ Иванъ.

„Теперь ты долженъ меня расцѣловать",—съ тоскою подумала Наденька, но слова застыли у нея на губахъ.

Она нехотя встала и пошла впереди Ивана.

Самоваръ уже бурлилъ и кипѣлъ.

— Благодарю васъ,—холодно сказала Наденька.

X.

Хлопнула калитка, залаяла собака, и знакомый голосъ приблизился, напѣвая баскомъ:

— Крамбамъ-були, отцовъ наслѣдство... Пошла прочь, дура... Когда пою крамъ-бамъ-були... Да убирайся ты... лай на свою хозяйку!.. Люли-люли-крамъ-бамъ-були...

Хрисанѳъ Семеновичъ, войдя въ сѣни, постучалъ. Широкій лучъ озарилъ темноту, и на порогѣ массивнымъ силуэтомъ обрисовалась Аглая Ермолаевна.

— Поздній, но всегда желанный гость,—сказала она.—Ахъ, и самоваръ готовъ. Ну, и возилась же ты съ нимъ, Надюша!

Надя стояла съ самоваромъ позади Хрисанѳа Семеновича.

— Позвольте мнѣ, какъ кавалеру...

— Вы обварите меня. Проходите, Хрисанѳъ Семеновичъ.

— Самоваръ—или жизнь!.. Поставьте самоваръ на полъ—я возьму.

— Поставь, Надюша,—приказала вдовушка.

Наденька поставила самоваръ.

Хрисанѳъ Семеновичъ понесъ его въ дверь, напѣвая въ тактъ съ кипѣньемъ воды:

— Крамъ-бамъ-були, отцовъ наслѣдство, вотъ упоительное средство!

Оставшись въ темныхъ сѣняхъ, Наденька нашла руку Ивана:

— Не зайдешь?

— Не хочу я съ нимъ встрѣчаться.

— Боишься его, бѣдный мальчишка?

— И боюсь. И себя боюсь,—прибавилъ онъ.

Она приложила къ его уху свои вдругъ затрепетавшія губы:

— Приходи завтра въ двѣнадцать часовъ.

— Въ полночь?

— Ну да, не днемъ же. Я не запру садовую калитку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Ижакевичъ. Лѣтописецъ Несторъ.

Несторъ лѣтописецъ.

(По поводу 800-лѣтія со дня смерти). Очеркъ **Н. Денисюка.**

800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ наша исторія получила свое письменное начало, и дѣянія нашихъ князей, историческая жизнь народа, его преданія и домашняя обстановка были фиксированы и, благодаря этому, дошли до нашего времени. Въ XII вѣкѣ появилась драгоцѣнная для нашей исторіи и нашего знанія жизни прошлаго русскаго народа рукопись: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжети, и откуду Русская земля стала есть“. Здѣсь записаны многочисленныя преданія о прошедшихъ дняхъ Русской земли, сказанія лицъ, бывшихъ очевидцами или современниками тѣхъ или другихъ историческихъ событій, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ иноземныхъ источниковъ, и наконецъ запись по годамъ происшествій, протекшихъ на глазахъ писавшаго эту первую исторію русскаго народа. Лѣтописецъ „Повѣсти времянныхъ лѣтъ“, видимо, пользовался многочисленными устными и письменными источниками, а также византійскими хрониками и историческою Палеею.

Кто же этотъ первый русскій историкъ? Кто далъ намъ первыя свѣдѣнія о нашей древней Руси? Кому пришла счастливая мысль не дать улетучиться и распылиться свѣдѣніямъ и сказаніямъ очевидцевъ, современниковъ цѣнныхъ для насъ событій нашего историческаго прошлаго? Кто отряхнулъ пыль со старыхъ хартій, оживилъ ихъ, соединилъ въ одно цѣлое и повелъ дальше запись того, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ? На этотъ счетъ наши историки расходятся во мнѣніяхъ. Одни говорятъ, что „Повѣсти времянныхъ лѣтъ“ принадлежатъ иноку Кіево-Печерскаго монастыря Нестору, за что онъ и получилъ извѣстность въ качествѣ „лѣтописца“, другіе же отрицаютъ авторство Нестора. Однако Нестору принадлежатъ и другія историческія сочиненія, свидѣтельствующія о томъ, что этотъ просвѣщенный инокъ былъ одаренъ историческимъ чутьемъ, понималъ значеніе исторической записи и отдавалъ себѣ отчетъ въ важности историческихъ событій. Его „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“ и его же „Житіе Преподобнаго Ѳеодосія“ даютъ богатѣйшій матеріалъ для нашихъ историковъ и пользуются громадною популярностью и до сихъ поръ среди нашихъ русскихъ книжниковъ.

Живя въ такомъ центрѣ умственной и исторической жизни, какъ Кіевъ, и приходя постоянно въ соприкосновеніи съ многими лицами, игравшими въ прошломъ нашего народа извѣстную роль и бывшими очевидцами многаго прошлаго, Несторъ не могъ не отмѣтить всего этого. Будучи отъ природы надѣленъ пытливостью ума и историческимъ смысломъ, онъ не могъ не пожелать оставить намъ своихъ записей. Въ стѣнахъ Кіево-Печерскаго монастыря можно было встрѣтить людей разнаго общественнаго положенія, собравшихся въ обитель изъ разныхъ концовъ Руси и принадлежащихъ къ разнымъ славянскимъ и неславянскимъ племенамъ. Среди братіи были люди, много странствовавшіе и много пережившіе, дряхлые старики, видѣвшіе на своемъ долгомъ вѣку многіе виды, и знатные люди, нѣкогда стоявшіе близко къ власти и хорошо знавшіе жизнь князей и высшаго сословія. Въ стѣнахъ этого историческаго монастыря жилъ и Варлаамъ—сынъ боярина, и инокъ Ефремъ—сынъ княжого конюшаго, и богатый купецъ изъ Торопца — Исаакій Затворникъ, и монахъ Арефа, родомъ изъ далекаго Полоцка, и Ефремъ — родомъ грекъ, и венгерецъ Моисей, много видѣвшій, долго жившій въ плѣну у польскаго короля Болеслава; здѣсь же мы встрѣчаемъ и Никона Сухого, тоже могшаго многое разсказать изъ того времени, когда онъ находился въ плѣну у половцевъ и приглядѣлся къ ихъ нравамъ и обычаямъ; наконецъ мы встрѣчаемъ среди иноковъ монастыря Іеремію Прозорливаго, очевидца крещенія русскаго народа въ водахъ Днѣпра при Владимірѣ Равноапостольномъ.

Многихъ привлекала святая обитель Ѳеодосія Печерскаго, и если и суждено было начаться лѣтописной русской исторіи, то это несомнѣнно только въ стѣнахъ Кіевской лавры.

Мы запоздали въ своемъ культурномъ и историческомъ развитіи и когда наконецъ вступили въ семью просвѣщенныхъ народовъ, то принуждены были учиться у нихъ, подражать имъ и брать у нихъ формы общественной жизни. Наибольшее и самое древнее вліяніе на наши нравы и просвѣщеніе имѣла Византія, откуда мы и получили новую религію Христа, смѣнившую у насъ язычество. Византія же полагаетъ у насъ и первыя основы просвѣщенія и грамотности: она даетъ намъ не только азбуку и книги богослужебныя, но и вноситъ въ предѣлы нашей страны литературу и искусство. Мы получаемъ прежде всего Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ, т.-е. дѣянія св. апостоловъ и ихъ посланія. Но, помимо книгъ богослужебныхъ, изъ Византіи распространяются у насъ и книги, служащія для чтенія и развитія чувства и ума. Среди этихъ книгъ мы видимъ толкованія на пророковъ, переведенныя въ Болгаріи, писанія Отцовъ и Учителей Церкви: св. Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ѳеодосія Студита, Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина и пр. Этимъ книжнымъ богатствомъ могли пользоваться, конечно, далеко не всѣ, ибо книгопечатаніе еще не удешевило книгу, но зато всѣ эти сочиненія ходили въ массѣ выписокъ и отрывковъ.

Эти сочиненія послужили образцами для созданія и у насъ различныхъ сборниковъ подъ различными наименованіями: „Златостуевъ“, „Измарагдовъ“, „Златыхъ цѣпей“, „Златыхъ матицъ и пчелъ“ и т. д. Большая часть этихъ сборниковъ состоитъ изъ поученій и толкованій на различныя мѣста Священнаго Писанія, а также выписокъ изъ сочиненій Отцовъ Церкви. Однако въ такого рода сборники все чаще и чаще начинаютъ вкрапливаться національные мотивы: описаніе историческаго быта древней Руси, ея обычаевъ и нравовъ, ея государственнаго права, искусства, поэзіи и миѳологіи.

Помимо сборниковъ и толкованій Св. Писанія, появляются у насъ и сочиненія чисто историческаго содержанія — хроники и хронографы византійскіе. Благочестивые и любознательные предки наши, читая греческіе „патерики“ (житія святыхъ), лѣтописи и хроники, конечно, должны были изъ нихъ почерпнуть побужденіе написать такого же рода сочиненія, но уже съ русскимъ содержаніемъ. Предъ ними шла, „волнуясь и шумя“, молясь и свершая подвиги, мирясь съ врагами и снова начиная битвы, собираясь и округляясь, Русь и русская жизнь. Они не могли не замѣтить, что и у себя на родинѣ свершаются великія и малыя дѣла, выдвигаются замѣчательныя лица, свершаются великіе подвиги благочестія и милосердія, течетъ богатая и разнообразная общественная жизнь. Эту жизнь можно и должно остановить на страницахъ своихъ русскихъ хартій и хронографовъ, своихъ историческихъ лѣтописяхъ и записанныхъ преданіяхъ.

Кто же это долженъ былъ сдѣлать? Кто въ силахъ былъ свершить такой подвигъ? Конечно, только просвѣщенный и хорошо грамотный классъ нашего духовенства. Для всѣхъ, знакомыхъ съ нашей исторіей, небезызвѣстно, что первыми нашими писателями и были именно лица духовныя, ибо только они одни въ тѣ далекія времена искусились въ дѣлѣ грамоты и книжнаго знанія. Правда, мы видимъ, что книгой интересуются и наши князья и княгини, читая ихъ и распространяя грамотность и просвѣщеніе; правда, что окружавшіе нашихъ князей дружинники и бояре любили чтеніе, и среди нихъ можно было насчитать немало лицъ, дорожившихъ книгами, собиравшихъ ихъ,—но все это было случайно, и только одно духовное сословіе стояло на должной высотѣ просвѣщенія и настолько было образовано, что могло взять на себя серьезный трудъ созиданія новыхъ книгъ и лѣтописей.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что наши монастыри въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи (XI, XII вѣка) были главными разсадниками просвѣщенія и, кромѣ того, привлекли въ свои ограды лучшихъ людей, любившихъ и искусныхъ въ книжномъ дѣлѣ. Въ монастыряхъ древней Руси понемногу скопились книжныя сокровища, и они стали играть роль библіотекъ. Ушедшіе отъ міра и мірской суеты, покончившіе съ тщетой и житейскими дѣлами, огражденные отъ опасностей крѣпкими монастырскими стѣнами, монахи болѣе всѣхъ другихъ сословій могли мирно предаваться самоуглубленію и просвѣщенію ума. Они были матеріально обезпечены и пользовались постояннымъ досугомъ, а при такихъ только условіяхъ и возможно развитіе творчества и умственной работы.

Все это и объясняетъ намъ, почему въ стѣнахъ обители получили начало наша литература и наша исторія. Стоя внѣ міра и его страстей, монахъ могъ спокойно наблюдать жизнь и вести безпристрастную запись событій и дѣлъ людей и подвиговъ. „При тогдашнемъ положеніи духовныхъ, въ особенности монаховъ,— пишетъ нашъ историкъ:—они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи; помимо этого, духовныя лица отправлялись обыкновенно послами; слѣдовательно, имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотеи, были и первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска и, будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ съ этимъ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщать о военныхъ дѣйствіяхъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, нежели сами ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ“.

И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что пергаменты того времени исписаны руками монаховъ. Сначала это была простая запись событій безъ ихъ внутренней связи, гдѣ все чередовалось, и иноки, „не мудрствуя лукаво“, писали о чудотворной иконѣ, а рядомъ съ этимъ—о моровой язвѣ, записывали свѣдѣнія о войнѣ князя съ иноплеменниками и тутъ же помѣщали свѣдѣнія о падежѣ скота и о кометѣ. По мѣрѣ того, какъ количество иноковъ въ обителяхъ росло, а вмѣстѣ съ этимъ умножалось и количество грамотныхъ людей, росла и эта историческая литература, представлявшая собою сырой матеріалъ для будущаго лѣтописца земли родной. И вотъ является нѣкій инокъ по имени Несторъ и изъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ записей и устныхъ преданій, свидѣтельскихъ разсказовъ и византійскихъ лѣтописей, замѣтокъ и хроникъ создаетъ единое, послѣдовательное цѣлое и озаглавливаетъ эту первую исторію русскаго народа „Повѣстью времянныхъ лѣтъ“.

Біографическія свѣдѣнія о Несторѣ-лѣтописцѣ не блещутъ полнотою и богатствомъ матеріала для его жизнеописанія. Преданіе гласитъ, что онъ жилъ въ XI вѣкѣ и скончался въ 1114 г., т.-е. въ началѣ XII вѣка. Достовѣрно извѣстно, что Несторъ 17-лѣтнимъ юношей пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь. Монастырь, благодаря трудамъ преподобнаго Ѳеодосія и щедрости великаго князя Изяслава, былъ основанъ въ 1062 г., и слава обители быстро распространилась во всѣ концы страны. Когда въ монастырь прибылъ мальчикъ-Несторъ, то тамъ только что была еще заложена каменная церковь (1073 г.). Грамотный и смышленый юноша былъ охотно постриженъ преемникомъ Ѳеодосія, игуменомъ Стефаномъ, и вскорѣ поставленъ въ діаконы. Жизнь Нестора въ монастырѣ до 1091 г. намъ совершенно неизвѣстна, но въ этомъ году ему было поручено отыскать мощи св. Ѳеодосія Печерскаго, что и было имъ исполнено. Но этимъ онъ не ограничился. Ѳеодосій былъ слишкомъ крупной личностью, чтобы не остановить на себѣ исключительное вниманіе своихъ современниковъ, а тѣмъ паче—братіи манастыря. Благодаря его мудрости, практичности, соединенной съ высокимъ подвижничествомъ и стойкостью характера, основался монастырь, сыгравшій такую выдающуюся роль въ исторіи русскаго народа и русскаго просвѣщенія. Изъ нѣсколькихъ пещеръ, вырытыхъ отшельниками, собравшимися вокругъ Антонія, образовалась обитель Печерская, затмившая всѣ монастыри того времени. Наши монастыри того времени основывались монахами-греками, прибывшими къ намъ для насажденія православія, и только одинъ Кіево-Печерскій монастырь возникъ и развился благодаря трудамъ русскихъ иноковъ. Это дало ему силу и поставило впереди другихъ монастырей Руси, связавъ съ народомъ духовной и національной связью. Отсюда распространялся свѣтъ просвѣщенія древне-русскаго благочестія и книжнаго знанія. Изъ Кіево-Печерскаго монастыря вышли наши первые миссіонеры, какъ, напримѣръ, извѣстный проповѣдникъ Леонтій. Отсюда же вышла и большая часть владыкъ, и къ концу XII вѣка уже насчитывалось до 50-ти русскихъ епископовъ, происходившихъ изъ монастыря Ѳеодосія Печерскаго.

Весьма понятно, что при такой связи нашего общества XII вѣка съ монастыремъ и при той крѣпкой и любовной связи, которая существовала между иноками Печерскаго монастыря,—въ нихъ должно было пробудиться желаніе прославить свою обитель и увѣковѣчить память о выдающихся дѣятеляхъ своей обители. Понятно также отсюда, что Несторъ сталъ собирать свѣдѣнія о жизни и подвигахъ основателя монастыря, который скончался незадолго до прихода Нестора въ обитель, а также и о жизни остальныхъ подвижниковъ и воспитанниковъ обители.

Благодаря Нестору, мы имѣемъ такимъ образомъ достовѣрныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, какимъ былъ Ѳеодосій Печерскій, а также и о жизни самаго монастыря, игравшаго въ XII вѣкѣ и позднѣе такую громадную и почетную роль. Жизнеописаніе Ѳеодосія было составлено Несторомъ по живымъ и достовѣрнымъ источникамъ, ибо еще здравствовали многія лица, знавшія подвижника лично. Еще былъ живъ келарь Ѳеодосія, инокъ Ѳеодоръ, знавшій отъ матери Ѳеодосія всѣ подробности младенческой и отроческой жизни преподобнаго. Многое могли разсказать лѣтописцу и монахи обители, среди которыхъ жилъ и работалъ покойный игуменъ.

Однако жизнеописаніе Ѳеодосія было не первымъ литературно-историческимъ опытомъ Нестора. До этого сочиненія онъ уже написалъ „Житіе Бориса и Глѣба". Надо сказать, что объ этихъ святыхъ, столь чтимыхъ на древней Руси, писалъ уже до Нестора нѣкій монахъ Іаковъ Черноризецъ, но это не умаляетъ замѣчательнаго жизнеописанія Нестора, оставшагося и дошедшаго до насъ. Святые братія въ тѣ времена были особенно чтимы и любимы и нашею знатью и нашими князьями, считавшими ихъ покровителями княжескаго рода. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ имена Бориса и Глѣба поминаются, какъ идеалъ братолюбія, глубокаго христіанскаго смиренія и благочестія. Трудно указать на другую такую книгу въ нашей древней Руси, которая была бы такъ распространена, какъ „Житіе Бориса и Глѣба". Ее охотно читали и перечитывали, благоговѣя передъ нравственной чистотой и высокими душевными качествами погибшихъ мученическою смертью братьевъ.

Жизнь и дѣянія иноковъ печерскихъ и обстановку ихъ жизни Несторъ описалъ въ „Печерскомъ патерикѣ", т.-е. въ сборникѣ житія святыхъ Кіево-Печерской лавры. Основная редакція этого замѣчательнаго произведенія XII вѣка до насъ не дошла, но мы имѣемъ позднѣйшую редакцію 1406 г. и знаемъ, что тамъ собраны сочиненія нѣсколькихъ иноковъ лавры и между ними Нестерова „Слово о первыхъ черноризцахъ печерскихъ".

Основаніе этому патерику далъ Несторъ въ концѣ XI вѣка и началѣ XII, и только уже въ началѣ XIII вѣка къ тому, что было собрано и записано Несторомъ, прибавили свои сочиненія Симонъ и Поликарпъ. Этотъ патерикъ много разъ передѣлывался и расширялся, дополняясь новыми статьями и житіями. Туда наконецъ попали даже сочиненія, не имѣющія никакого отношенія къ жизни иноковъ Печерскаго монастыря. Тамъ оказалось, напримѣръ, описаніе крещенія славянъ, разсказъ о томъ, какъ Св. Писаніе было переведено на славянскій языкъ, и пр. Однако и въ своемъ передѣланномъ и много разъ дополненномъ видѣ „Печерскій патерикъ" сталъ въ послѣдующіе вѣка одною изъ самыхъ распространенныхъ и любимыхъ всѣми книгъ. Онъ расходился въ большомъ количествѣ и читался всею грамотною Русью, а люди благочестивые черпали изъ него духовную силу и бодрость и подражали образу жизни отшельниковъ и монаховъ славной Печерской обители.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть

А. Зарина.

I.

Ольга Карповна остановила машину, оборвала нитку и подошла къ зеркалу примѣрить только-что сшитую кофту.

Стекло отразило изящную, стройную фигуру съ покатыми плечами и пышной грудью, смуглое лицо съ прямымъ носомъ, горделивыми красными губами и прекрасными глазами, надъ которыми, словно нарисованныя, изгибались черныя брови; густыя черныя косы, свернутыя короной на головѣ. Искусно сшитая кофточка, которую она примѣряла, оттѣнила матовый цвѣтъ ея лица и черноту глазъ, бровей и волосъ.

Ольга Карповна осмотрѣла себя въ зеркалѣ и самодовольно улыбнулась: всѣ считаютъ ее красивой, и сама она понимаетъ это лучше всѣхъ.

Стоя передъ зеркаломъ, она любовалась собою, когда ея чуткій слухъ уловилъ шумъ на лѣстницѣ, и, выглянувъ въ дверь, она звонко крикнула:

— Луша, отоприте дверь! Пришли дѣти.

Почти тотчасъ же послышался громкій звонокъ, потомъ шумъ, топотъ дѣтскихъ ногъ и ворчливый голосъ старой няньки. Въ спальню съ шумомъ ворвались дѣти: дѣвочка десяти лѣтъ и восьмилѣтній мальчикъ. Они были одѣты опрятно, но бѣдно. Ольга Карповна наклонилась къ нимъ и крѣпко поцѣловала обоихъ.

— Только не обнимайте,—испачкаете у мамы новую кофту. Идите и раздѣвайтесь. Няня, накорми дѣтей. Я сейчасъ выйду.

— Ну, ну, идите, козы,—сказала старая няня, вошедшая слѣдомъ за дѣтьми.

Дѣти ушли. Ольга Карповна смѣнила новую кофту, вышла въ столовую и сѣла подлѣ дѣтей.

Катя, не оставляя ѣды, сказала:

— Мама, непремѣнно купи мнѣ... знаешь, такую штуку, которую кидаютъ вверхъ. Я видѣла дѣвочку, которая очень хорошо играетъ въ такую игру.

— Куплю, моя дѣвочка. Вотъ папа принесетъ деньги, и куплю.

— А мнѣ велосипедъ и больше ничего,—заявилъ Петя.

— Велосипедъ!—Ольга Карповна засмѣялась.—Это очень дорого. Этого папа тебѣ не купитъ. И теперь зачѣмъ велосипедъ? Лѣто кончилось, кататься негдѣ. Я тебѣ куплю...

— Купи краски...

— Краски куплю. Рисовать будешь...

Въ комнату вошла Луша.

— Барыня, посмотрите телятину. Не пора ли вынимать?

— Сейчасъ, Луша.

Ольга Карповна встала и прошла на кухню.

Цѣлый день ея проходилъ въ незамѣтныхъ хлопотахъ. Сегодня съ утра она, по обыкновенію, занималась съ Катей, приготовляя ее къ экзамену въ гимназію, потомъ сидѣла за работой у швейной машины, теперь хлопочетъ по хозяйству, а тамъ придетъ мужъ—будутъ обѣдать.

Дѣти поѣли и ушли въ дѣтскую играть, гдѣ тотчасъ поднялся шумъ. Луша вынула телятину и загремѣла посудой, неся ее въ столовую накрывать на столъ. Ольга Карповна пришла въ дѣтскую и стала пришивать къ новой кофточкѣ пуговки и обметывать петли. Въ этой кофтѣ она сегодня пойдетъ къ Синицынымъ, и она запѣла вполголоса веселую пѣсню. Катя подхватила ее. Въ дѣтской стало весело и шумно.

Луша накрыла на столъ. Раздался звонокъ. Это вернулся Павелъ Аркадьевичъ, и къ нему навстрѣчу выбѣжали и Ольга Карповна и дѣти.

— Тише,—сказалъ онъ, смѣясь: — не всѣ сразу. Петя, бери портфель; Катя, забирай шляпу и зонтикъ. Ну, вотъ и я.

— Усталъ?—спросила Ольга Карповна.

— Какъ всегда, — отвѣтилъ онъ, обнимая ее и входя вмѣстѣ съ нею въ столовую, которая соединяла въ себѣ и гостиную, потому что въ ней стоялъ большой диванъ съ двумя креслами, и кабинетъ, потому что въ глубинѣ ея стоялъ письменный столъ со счетами и бумагами въ синихъ обложкахъ. Онъ положилъ на столъ бумажникъ съ часами и прошелъ въ спальню переодѣться.

— Луша, подавайте на столъ. Няня, умой дѣтей!—распорядилась Ольга Карповна и прошла за мужемъ.

Онъ перемѣнилъ крахмальную рубашку на мягкую и сверху надѣлъ вмѣсто халата лѣтнее пальто, которое отслужило уже свой срокъ. Ольга Карповна сѣла въ кресло и спросила:

— Какія у тебя новости?

Павелъ Аркадьевичъ улыбнулся:

— Радостныя... По пословицѣ: „не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“. Вообрази, я сегодня, сверхъ всякаго ожиданія, получилъ сто рублей.

— Сто рублей! — радостно воскликнула Ольга Карповна. — За что?

— Закончилъ одну провѣрку. Давно еще. А сегодня Карлъ Семеновичъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ чекъ: „Правленіе, говоритъ, находитъ возможнымъ наградить васъ за эту сверхсрочную работу“. Пошелъ и получилъ сто рублей. Изъ нихъ я тебѣ 30 цѣлковыхъ. Сдѣлай себѣ что-нибудь для осени. Самъ хочу купить новый пиджакъ, а то этотъ совсѣмъ обносился.

Ольга Карповна весело засмѣялась:

— Это я тебѣ напророчила. Дѣти сегодня просили игрушки, а я сказала: „Какъ папа принесетъ деньги“... Ты и принесъ.

— Теперь купи, — сказалъ онъ добродушно, и они пошли въ столовую, гдѣ уже за столомъ сидѣли Катя и Петя, болтая ногами и играя ложками.

Когда обѣдъ кончился, Ольга Карповна спросила:

— Павля, ты что вечеромъ дѣлать будешь?

— Какъ всегда, — отвѣтилъ онъ: — сейчасъ лягу спать, а потомъ встану и буду работать. Теперь у меня очень много работы. Надо оканчивать годовой отчетъ. Поработаю и опять спать. До завтра. А что?

— Я хотѣла пойти къ Синицынымъ... Ты видѣлъ мою новую кофточку?

— Надѣнешь и покажешь... А что у Синицыныхъ?

— Ничего; я такъ; просто посидѣть. Ты работать будешь, дѣти спать, что же мнѣ дѣлать?

— Что жъ, иди,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ, подымаясь со стула.

Онъ легъ, и скоро раздалось его ровное дыханіе съ легкимъ похрапываніемъ.

Ольга Карповна надѣла новую кофточку, причесалась, надѣла шляпу, взглянула на мужа и перешла дѣтскую.

Старая нянька сидѣла за большимъ столомъ и штопала дѣтскіе чулки. Катя и Петя разсматривали старый, истрепанный томъ иллюстрированнаго журнала. Ольга Карповна поцѣловала ихъ и сказала:

— Ну, будьте умными, завтра вмѣстѣ пойдемъ въ Гостиный дворъ, и я куплю вамъ игрушки. Няня, въ 9 часовъ непремѣнно уложи ихъ спать.

— Знаю, знаю, — сказала нянька. — А вы поздно вернетесь?

— Я не приду къ чаю. Барина разбуди въ половинѣ десятаго и дай ему чаю. Ну, пошла.

Она еще разъ поцѣловала дѣтей и вышла въ переднюю. Луша помогла ей надѣть подержанное драповое пальто.

II.

Ольга Карповна весело прошла конецъ улицы и сѣла въ вагонъ трамвая. Настроеніе духа ея было радостное. Здоровая, молодая и красивая, любящая и любимая мужемъ и дѣтьми, не знающая тяжелыхъ лишеній, легко несущая свои обязанности,— она была всегда весела и довольна, а тутъ еще нежданный подарокъ мужа.

Пріятно ей было и провести вечеръ у Синицыныхъ, которыхъ она очень любила.

Калерія была ея подругой по гимназіи, веселая, взбалмошная, живущая только настоящимъ. И мужъ у нея подъ пару. Онъ былъ агентомъ страхового общества, продавалъ диктовальныя машины Эдиссона, состоялъ репортеромъ при одной распространенной газетѣ, зналъ полъ-Петербурга, и ихъ жизнь имѣла какой-то цыганскій характеръ: то у нихъ много денегъ, то совсѣмъ нѣтъ. Синицынъ вдругъ исчезалъ изъ дому и пропадалъ цѣлыя сутки, а то и двое, иногда сидѣлъ цѣлую недѣлю безвыходно дома, иногда срывался ночью и летѣлъ куда-то на край города, иногда бралъ автомобиль и катался съ женой по городу. Калерія весело разсказывала Ольгѣ Карповнѣ объ ихъ жизни, иногда веселой, иногда грустной, со сценами ревности, со сценами примиренія, и Ольгѣ Карповнѣ она казалась какой-то совсѣмъ особенной. Ея жизнь сложилась иначе. Мужъ ея, Павелъ Аркадьевичъ Черновскій, былъ помощникомъ бухгалтера одного акціонернаго общества, и жизнь ихъ протекала мирно и тихо, какъ теченіе небольшого ручья. 200 рублей жалованья, получаемые ея мужемъ, были недостаточны для спокойной жизни, и онъ бралъ добавочную работу, за которой просиживалъ иногда до глубокой ночи. Ольга Карповна вся отдалась семьѣ и почти не имѣла досуга за хозяйственными заботами. Иногда, урывая свободное время, она шла съ мужемъ въ театръ или ѣхала куда-нибудь за городъ. Ольгѣ Карповнѣ нравилась эта монотонная жизнь впрягшихся въ ярмо людей. Калерія съ мужемъ занимали ее, какъ яркая противоположность ихъ жизни, какъ развлеченіе, и теперь, когда она сошла съ трамвая и, перейдя дворъ, поднималась по узкой лѣстницѣ въ третій этажъ квартиры Синицыныхъ, она уже весело улыбалась въ ожиданіи веселой бесѣды, интересныхъ разсказовъ и какого-нибудь забавнаго приключенія. На ея звонокъ дверь ей отперъ самъ Константинъ Петровичъ, высокій, стройный брюнетъ съ бритымъ актерскимъ лицомъ и большими волнистыми волосами.

— Ольга Карповна! Привѣтъ на тысячу лѣтъ,—сказалъ онъ.— Позвольте пособить...

Онъ помогъ ей снять пальто и затѣмъ громко крикнулъ:

— Калерія! Пришла Ольга Карповна! Вставай и встрѣчай! Мы сейчасъ распорядимся чаемъ,—прибавилъ онъ и убѣжалъ изъ маленькой передней въ коридоръ.

Ольга Карповна прошла черезъ уютно обставленную комнату прямо въ спальню, гдѣ Калерія въ капотѣ, съ распущенными бѣлокурыми волосами, лежала на кровати. Она радостно протянула Ольгѣ Карповнѣ обѣ руки:

— Милочка, какъ я тебѣ рада. Скучища анаѳемская. Вчерашній день были въ клубѣ и все проиграли. Осталось только семь рублей, и тѣ, собственно говоря, надо было отдать, но сегодня за ними не пришли.

Она спустила босыя ноги съ постели, вдѣла ихъ въ туфли и поднялась:

— Какія у тебя новости?

Ольга Карповна тотчасъ отвѣтила:

— Мужъ получилъ на службѣ сверхъ жалованья сто рублей и подарилъ мнѣ изъ нихъ 30. Я хочу купить себѣ осеннюю кофту. Какъ ты думаешь, Калерія, гдѣ купить и какую?

— Гдѣ? Какую? Мы пойдемъ съ тобой въ Гостиный дворъ и купимъ. Я тамъ видѣла. И совсѣмъ недорого. За 22, за 26 руб. можно купить шикарную вещь.—Калерія оживилась:—Сейчасъ будемъ пить чай и поговоримъ. Идемъ!

Онѣ прошли въ столовую, куда вошелъ и Константинъ Петровичъ.

— Ну-ка, разскажите, какъ поживаете вы, ваша добродѣтель, и вашъ добродѣтельный супругъ.

— Ничего, слава Богу, — отвѣтила Ольга Карповна. — А вы?

— И мы тоже ничего. Вотъ немного профершпилились, а сегодня собираемся на поправку.

— Какъ?—воскликнула Калерія.—На поправку? Развѣ ты досталъ денегъ?

— Смотри!—Константинъ Петровичъ поднялъ руку и показалъ 25 рублей.

Калерія радостно захлопала въ ладоши:

— Милая Оля, а у тебя 30 рублей съ собой?

— А что?

— Слушай!—воскликнула Калерія:—сдѣлай себѣ удовольствіе и пользу. Поѣдемъ вмѣстѣ!

Памятникъ Анри Фабру, знаменитому естествоиспытателю и энтомологу, поставленный ему при жизни въ городѣ Авиньонѣ, въ окрестностяхъ котораго, въ мѣстечкѣ Сериньянѣ, проживаетъ престарѣлый ученый. Мраморная скульптура эта, работы Шарпантье, украшаетъ дворъ Нормальной Школы въ Авиньонѣ и является хотя поздней, но глубоко заслуженной данью благодарности современниковъ за труды высокой научной цѣнности, которымъ всю свою жизнь посвятилъ этотъ поэтъ жизни насѣкомыхъ. Два тома его капитальнаго сочиненія „Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ“ изданы и на русскомъ языкѣ нашимъ издательствомъ. По фот. Мёрисъ, въ Парижѣ.

— Куда?

— Играть въ лото.

— Что ты дѣлаешь, безразсудная? Ты соблазняешь невинность!—воскликнулъ Константинъ Петровичъ и засмѣялся.—А по правдѣ, Ольга Карповна, я бы ее послушалъ. Вы вѣдь не играли еще?

— Никогда, и не была никогда въ клубѣ.

— Отлично. Я васъ проведу моментально. Замѣтьте, новичкамъ всегда везетъ безумно. Вы выиграете 100, 300, 500, 1000 выиграете! И мы съ вами закутимъ. Это не 30 рублей, можно сказать.

Калерія обняла Ольгу Карповну:

— Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ! И безъ никакихъ!

— А если я все проиграю?

— Этого не можетъ быть, — категорически заявилъ Константинъ Петровичъ. — Помилуйте, карта 20 копеекъ. Играть мы будемъ, ну, скажемъ, до 12 часовъ. Всего одинъ часъ, полтора. Сколько вы можете проиграть картъ? Игра идетъ 5 минутъ, 12 игръ въ часъ. Всего, значитъ, 18 игръ, по одной картѣ—3 р. 60 коп. Вы будете брать по 2 карты — 7 р. 20 коп., а выиграть можете и 100 и 200. Вотъ вамъ простая ариѳметика. Вѣрнѣе, чѣмъ варшавская лотерея.

— Вчерашній день выдача была на 20 к. — 72 рубля!—воскликнула Калерія. — Подлѣ меня сидѣлъ господинъ и выигралъ. Такая мнѣ досада. Не хватило номера 15. Пошло: 14, 16, 17, 13, а 15 нѣтъ.

— Вы вѣдь знаете игру?

Ольга Карповна кивнула:

— Конечно, знаю; съ дѣтьми часто играю.

— Ну вотъ, то же самое. Сиди и закрывай, сиди и закрывай. Выкрикнутъ ваши 5 номеровъ, кричите: „довольно!“ — и собирайте денежки. Такъ ѣдемъ?

— Право, не знаю. Мужъ будетъ безпокоиться.

— Да вѣдь онъ знаетъ, что вы у насъ.

— Знать-то знаетъ...

— Ну и кончено. Ѣдемъ, ѣдемъ, голубушка, — и Калерія снова стала обнимать Ольгу Карповну.

Она слабо сопротивлялась. Мысль поѣхать въ клубъ и повидать незнакомую обстановку улыбалась ей. Узнать какія-то новыя ощущенія. Отчего не поѣхать.

И она сказала:

— Ну, хорошо, поѣдемъ. А ничего, что я такъ одѣта?

— Милая, ты такъ одѣта, что можешь на балъ, не только въ клубъ.

— Вотъ увидите, — засмѣялся Константинъ Петровичъ: — тамъ и въ бархатахъ, и въ шелкахъ, и въ простой ситцевой кофтѣ, даже въ капотѣ. Есть такія, знаете, „лотошницы“. Онѣ приходятъ къ самому началу: съ 8 часовъ. Въ 8 часовъ тамъ карта за 10 копеекъ. И играютъ до самаго конца. Если нѣтъ денегъ, просто сидятъ и смотрятъ, да облизываются. Щелкать зубами не могутъ потому, что зубовъ нѣтъ. Катя, подавай самоваръ!—закричалъ онъ, подходя къ двери.—Что она тамъ запропастилась!

— Сейчасъ несу! — послышался крикъ изъ кухни, и слѣдомъ за этимъ растрепанная Катя внесла самоваръ и съ шумомъ поставила его на столъ.

Калерія загремѣла посудой и занялась приготовленіемъ чая. Константинъ Петровичъ весело разсказывалъ про вчерашнюю игру. Они шли съ надеждой на выигрышъ и оставили тамъ все, кромѣ семи рублей, которые, къ счастью, забыли дома.

— Прямое счастье. Я ихъ отложилъ, чтобы заплатить за электричество. Не пришли, и семь рублей остались. Не будь ихъ, пришлось бы въ лавочкѣ въ долгъ брать.

— Значитъ, вы проигрываете?

— Какъ когда, — пожалъ плечами Константинъ Петровичъ. — У насъ было одинъ разъ три недѣли, когда мы каждый день выигрывали: 60, 100, 60, 100. Меньше 60 рублей никогда домой не приносили. И такъ три недѣли. Вотъ какъ иногда бываетъ. Бываетъ и проигрываемъ. Вы-то не бойтесь. Вы пойдете одинъ разъ...

— И все проиграю.—засмѣялась Ольга Карповна.

— Невозможно. Ну, а если бѣда случится, и проиграете какіе-нибудь тамъ 10 — 15 рублей, — ей-Богу, я вамъ ихъ достану,—въ долгъ, конечно, но достану. А провести васъ—сразу проведу. Калерія, разливай чай и ѣдемъ. И такъ уже время.

— Я сейчасъ.

Она разлила чай и пошла одѣваться.

— Игра въ лото, — заговорилъ Константинъ Петровичъ, оставшись одинъ съ Ольгой Карповной:—удивительная игра. Комбинація чиселъ поразительна. Возьмите, напримѣръ: цѣлый вечеръ не выходитъ какой-нибудь серіи, вдругъ — пятидесятыхъ или перваго десятка. А потомъ ощущенія! Сначала кажется игра монотонной, а потомъ становится увлекательной и васъ засасываетъ. У васъ образовалась кварта. Вамъ нужно только 62.

— Мнѣ вчера нужно 15 было!—крикнула изъ спальни Калерія.—58 рублей выдавали.

— Да,—продолжалъ Константинъ Петровичъ:—вамъ нужно 62. И вотъ кричатъ: шестьдесятъ... три; шестьдесятъ... девять; шестьдесятъ... пять, а 62 нѣтъ и нѣтъ. Нервы напрягаются, вы волнуетесь, и впечатлѣніе остается довольно сильное. Къ этой игрѣ надо привыкнуть. Конечно, послѣ картъ она кажется монотонной, но для тѣхъ, которые не играютъ въ карты, — преинтересная игра. И безобидная. Вы знаете, сколько самое большее можно проиграть въ вечеръ, такъ, какъ мы играемъ?—25 — 30 рублей.

— Но если такъ играть каждый вечеръ...

— Каждый вечеръ убыточно. Но зачѣмъ каждый вечеръ? Одинъ разъ въ недѣлю, два. Встряхнуться.

Калерія вошла въ комнату:

— Ну, я готова.

На ней было простое черное платье, гладко облегавшее всю ея фигуру. Свѣтлая блондинка, она въ черномъ платьѣ казалась еще бѣлѣе. На шеѣ у нея была золотая цѣпочка съ красивымъ подвѣскомъ изъ опала. На рукѣ красивое кольцо съ изумрудомъ. Она слегка подпудрилась и подвела брови.

— Ѣдемъ!

— Ѣхать, такъ ѣхать, — сказалъ Константинъ Петровичъ.—Я, значитъ, тебѣ даю 10, себѣ беру 10, а 5 — на завтрашній расходъ, въ случаѣ чего. Собирайтесь, Ольга Карповна. Катя, подавай пальто!

Константинъ Петровичъ вышелъ въ переднюю и запѣлъ:

— „Мальбрукъ въ походъ собрался“.

М. М. Антокольскій, знаменитый русскій скульпторъ (1842—1902). Новый портретъ работы И. Е. Рѣпина, по заказу Императорской Академіи Художествъ. По фот. Я. Штейнберга.

III.

Клубъ былъ совсѣмъ недалеко отъ квартиры Синицыныхъ. Они доѣхали почти тотчасъ.

Ольга Карповна слѣдомъ за Калеріей и ея мужемъ вошла въ подъѣздъ, двери котораго распахнулъ швейцаръ. Они поднялись по лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ, и вошли въ большую раздѣвальную комнату; служащіе при вѣшалкѣ подбѣжали къ нимъ и быстро сняли съ нихъ пальто.

— На одну вѣшай, милый человѣкъ,—сказалъ Константинъ Петровичъ.—Калерія, проходи пока въ гостиную. Я сейчасъ, — и Константинъ Петровичъ, заложивъ руки въ карманы, прошелъ изъ раздѣвальной въ маленькую комнату направо, а Калерія, подхвативъ подъ руку Ольгу Карповну, прошла съ нею въ уютную гостиную.

Она была освѣщена нѣжнымъ золотистымъ свѣтомъ. По стѣнамъ стояла изящная мебель, обитая желтой шелковой матеріей, и казалась вся золотой. Прекрасное піанино стояло у стѣны, уютные диваны и кресла манили къ покою. Калерія сѣла съ Ольгой Карповной.

Въ гостиную заглянуло нѣсколько человѣкъ. Красивая барыня въ роскошномъ туалетѣ подошла къ зеркалу, поправила прическу, оглянула съ ногъ до головы Калерію съ Ольгой Карповной и медленно пошла изъ комнаты. Бритое лицо актера выглянуло въ двери, какой-то толстый полковникъ вошелъ, попыхтѣлъ, повернулся, щелкнулъ шпорами и вышелъ.

— И много здѣсь народу?

— Много ли? Вотъ ты сейчасъ увидишь.

Константинъ Петровичъ вошелъ въ гостиную и, сдѣлавъ театральный жестъ рукой, сказалъ:

— Пожалуйста, теперь вы, можно сказать, равноправный членъ клуба „Домашній Очагъ“.—И засмѣялся.

Они вошли въ маленькую комнату, гдѣ у стола, на которомъ лежала большая книга, сидѣлъ господинъ въ сюртукѣ, съ краснымъ галстукомъ и краснымъ лицомъ.

— Здѣсь надо расписаться, — сказалъ Константинъ Петровичъ.

Ольга Карповна подошла къ книгѣ. Господинъ въ красномъ галстукѣ указалъ ей пальцемъ строку для записи. Она записала свою фамилію. Константинъ Петровичъ сказалъ:

— Вашъ номеръ 467. Напишите здѣсь.

Слѣдомъ за ней быстрымъ почеркомъ расписалась Калерія, и они двинулись по мягкому ковру въ залу, откуда раздавались легкое щелканье и монотонный женскій голосъ, выкрикивавшій:

— 72, 13, 8, 90, 60, 1, 24, 32.

Огромная зала была заставлена въ длину тремя узкими, длинными столами, покрытыми зеленымъ сукномъ. По сторонамъ этихъ столовъ сидѣли люди всѣхъ возрастовъ, половъ и во всякихъ костюмахъ. Роскошно и бѣдно одѣтыя дамы, молодыя и прекрасныя, старыя и сморщенныя; статскіе и военные, въ потертыхъ пиджакахъ и модныхъ смокингахъ, съ проборами и съ растрепанной прической; сѣдые, черные, рыжіе; косматые и плѣшивые.

У Ольги Карповны разбѣжались глаза. Откуда-то раздавался монотонный голосъ, выкликающій номера: „27, 29, 40...“ А у стѣны стояла громадная доска, на которой какимъ-то необъяснимымъ механизмомъ откидывались номера, выкликаемые барышней. Послѣ Ольга Карповна успѣла разсмотрѣть хитрый приборъ. Это была электрическая машина, изобрѣтенная для игры въ лото. Сидѣвшій за маленькимъ столикомъ нажималъ контактъ, и тотчасъ замыкался токъ, и падалъ шарикъ на круглый вертящійся дискъ, на которомъ кружился, какъ въ рулеткѣ, а затѣмъ скатывался въ одну изъ ямокъ, которыхъ по окружности сдѣлано 90. Слѣдомъ за паденіемъ шарика замыкался электрическій токъ второго провода, и на доскѣ появлялся тотъ или другой номеръ. Дѣло случая.

Кто-то изступленно закричалъ:

— Довольно!

Раздался звонокъ, и игра прекратилась. Счастливецъ поднялъ свою карту. Служащій взялъ ее и громкимъ голосомъ прокричалъ:

— Карта номеръ 272. Третій рядъ внизу. Окончено на номерѣ 61! — и понесъ карту къ столу, гдѣ ее выставили и сдѣлали провѣрку номеровъ.

Въ ту же минуту во всѣ стороны побѣжали служащіе съ пачками картъ въ рукахъ и стали продавать ихъ играющимъ.

— Садитесь скорѣе, — сказалъ Константинъ Петровичъ, торопливо: — вонъ тамъ!

Онъ указалъ на конецъ одного изъ столовъ и сталъ пробираться между стульями играющихъ. Калерія двинулась за нимъ слѣдомъ, захвативъ руку Ольги Карповны. Къ нимъ подбѣжалъ служащій, и Константинъ Петровичъ сказалъ:

— По двѣ карты. Давай шесть картъ. Садитесь скорѣе, а то игра начнется. — Онъ подвинулъ стулья. — Берите карты и платите. Когда выйдетъ вашъ номеръ, закрывайте вотъ этими кружочками.

На столѣ лежали разбросанные, грязные отъ прикосновенія сотни рукъ, картонные пыжи.

Раздался звонокъ, и монотоннымъ голосомъ барышня начала выкрикивать номера:

— 20, 27, 17, 38, 4.

— Зачѣмъ же вы зѣваете? — сказалъ Константинъ Петровичъ. — У васъ 17, а вы его не закрыли. Закройте скорѣе.

Ольга Карповна за-

„Катанье съ горъ“, группа, сдѣланная по заказу для украшенія входа въ виллу въ г. Ниццѣ. Скульпторъ И. Я. Гинцбургъ за работой группы въ своей мастерской въ Петербургѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

„Катанье съ горъ“. Общій видъ группы, которая будетъ исполнена въ мраморѣ самимъ авторомъ, академикомъ И. Я. Гинцбургомъ, въ Италіи.
По фот. Я. Штейнберга.

„Катанье съ горъ“. Послѣдняя работа академика И. Я. Гинцбурга.

крыла 17 и затѣмъ стала слѣдить за игрой, стараясь не пропустить номеровъ.

— 35, — и Ольга Карповна закрыла третій номеръ въ одномъ ряду.

— Еще два номера—и вы выиграете.

Константинъ Петровичъ раскланивался съ знакомыми, разговаривалъ, курилъ и слѣдилъ за своими картами, за картами Калеріи и Ольги Карповны. Лицо его оживилось.

— 53!—крикнула барышня.

— Закрывайте!..

Ольга Карповна торопливо закрыла четвертый въ ряду номеръ.

— Теперь вамъ только 74—и вы выиграете.

— Ты непремѣнно выиграешь. Вотъ увидишь,—сказала Калерія.

— 74!—выкрикнула барышня.

— Довольно!—дикимъ голосомъ закричалъ Константинъ Петровичъ.

— Довольно! Довольно! — визгливо закричала Калерія.

Ольга Карповна счастливо улыбнулась и тихо сказала:

— Я выиграла...

Къ ней подошелъ служащій, и она подала ему карту. Кругомъ раздался шопотъ.

— Сколько?—спросила Калерія.

Константинъ Петровичъ приподнялся и посмотрѣлъ на доску, на которой было отмѣчено число проданныхъ картъ и сумма выдачи.

— Всего 24,—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ.

Ольга Карповна откинулась на спинкѣ стула. Ей было и радостно и неловко. Пришла въ первый разъ, заплатила только 40 копеекъ—и вдругъ ей говорятъ, что она выиграла 24 рубля.

Къ ней подошелъ служащій съ пачкою новыхъ картъ.

— Съ счастливой карточкой,—сказалъ онъ.

М. П. Тобукъ-Черкассъ, предсѣдательница „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева", въ роли „Кундри".

— Послѣ! — сказалъ ему Константинъ Петровичъ.—Послѣ дадимъ.

Сидящая напротивъ Ольги Карповны дама улыбнулась ей и сказала:

— Первый разъ?

— Въ первый разъ, — отвѣтила Ольга Карповна.

— Въ первый разъ всегда везетъ. Вотъ и я,—вздохнула она:—выиграла 80 рублей, а послѣ этого все проигрываю и проигрываю. Полгода скоро.

— Ольга Карповна, берите же карту,— сказалъ Константинъ Петровичъ.

Ольга Карповна купила двѣ карты, и игра началась снова. Между стульевъ прошла высокая блондинка, неся кружку и пачку денегъ на подносѣ. Она подошла къ Ольгѣ Карповнѣ.

Константинъ Петровичъ взялъ деньги, сосчиталъ и сказалъ Ольгѣ Карповнѣ:

Въ пользу служащихъ я жертвую 50 копеекъ.

Ольга Карповна подвинула къ себѣ деньги. Въ мысляхъ ея проносилось, какъ она вернется домой и удивитъ мужа.

Теперь у нея уже 52 рубля, и можно будетъ купить совсѣмъ хорошую вещь.

А игра шла своимъ чередомъ. Прошла одна, другая, третья. И снова у Ольги Карповны образовалось четыре номера, и снова, когда закричали 16, она закрыла пятый номеръ и закричала уже сама:

— Кончила, довольно!

Игра остановилась.

— Вотъ счастливица, — съ завистью сказала Калерія.—Я тебѣ говорила. А теперь какая выдача?

Константинъ Петровичъ приподнялся, посмотрѣлъ и отвѣтилъ:

— 37 рублей.

Игра продолжалась, и опять черезъ нѣсколько игръ Ольга Карповна выиграла. Въ этотъ разъ уже 40 рублей, а затѣмъ еще и еще. Ольга Карповна, изнеможенная, съ раскраснѣвшимся лицомъ, сказала

Храмъ св. Граля. Амфортасъ совершаетъ обрядъ вознесенія Чаши. (I дѣйствіе, 2 картина).

Опера Р. Вагнера „Парсифаль" на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева".

По фот. К. Фишера.

Зaмокъ волшебника Клингзора. Клингзоръ заклинаетъ Кундри. (II дѣйствіе, 1 картина).

— Довольно. Я устала.

Константинъ Петровичъ хлопнулъ рукой по столу и сказалъ:

— Довольно, такъ довольно. Пойдемте ужинать. Вы насъ угощаете шампанскимъ.—И онъ повелъ ее въ буфетъ. Въ буфетной за столикомъ онъ распорядился ужиномъ и, пока подавали, сказалъ:—Ну, посчитаемъ, сколько вы выиграли.

Они начали считать. Ольга Карповна выиграла 210 рублей.

— Вотъ это повезло! Дай мнѣ 25,—сказала Калерія.

— Пожалуйста.

— Ну, а мнѣ на счастье 10 рублей.

— Пожалуйста.

Ольгѣ Карповнѣ хотѣлось итти скорѣе домой, но было неловко уйти отъ ужина. Пробилъ часъ ночи, когда они вышли изъ буфетной и снова прошли черезъ залу. Ольга Карповна услышала, какъ нѣсколько человѣкъ сказали: „Вотъ она“. Всѣ замѣтили ея выигрышъ.

Они вышли. Константинъ Петровичъ нанялъ ей извозчика. Калерія сказала:

— Я зайду за тобой завтра, и пойдемъ въ Гостиный дворъ.

— Хорошо, приходи, я буду ждать.

Онѣ крѣпко поцѣловались, и Ольга Карповна, счастливая, поѣхала домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Красоткина“ жизнь.

Разсказъ Е. Руссатъ.

Она родилась отъ знаменитаго „Ермака“ и золотистой „Вьюги“. Когда ее, трехлѣтнюю, темно-рыжую, стройную кобылку впервые увидѣлъ молодой баринъ-помѣщикъ, то залюбовался ея тонкими, точеными ножками, широкой грудью, маленькой породистой головой и великолѣпнымъ постановомъ шеи.

— Этакая красотка!—вырвалось у него, и съ тѣхъ поръ кличка „Красотки“ осталась за нею.

Баринъ скоро выучилъ ее ходить подъ сѣдломъ и брать препятствія и часто, ласково трепля ее по холкѣ, повторялъ:—Не конь, а золото.—А „Красотка“ благодарно косилась на него кроткими, умными глазами, радуясь, что она такъ хорошо и послушно служитъ тому, кто ее хвалитъ.

Служба же была въ томъ, что почти каждый день ее, вычищенную и нарядно осѣдланную, подводили къ парадному крыльцу на бѣлый дворъ. Выходилъ баринъ въ высокихъ сапогахъ со шпорами, въ синей, гладко обтянутой курткѣ, съ англійскимъ хлыстикомъ въ рукахъ, и, огладивъ ее, ловкимъ, быстрымъ движеніемъ перекидывалъ ногу въ стремя и давалъ ей легкій шенкель.

Она выходила изъ воротъ и хотя отлично догадывалась сама, что надо свернуть направо, все-таки послушно ждала, чтобы ее послали. Она знала, что такъ должна дѣлать каждая воспитанная лошадь.

Дорога вела лѣсомъ, въ сосѣднюю усадьбу Ильинку, гдѣ жила молодая хозяйка-вдова, ильинская барыня. На лѣсной тропинкѣ, подъ густыми елями, стояли почти никогда не высыхающія лужи, и „Красотка“, пофыркивая и прислушиваясь къ легкому скрипу кожи на англійскомъ сѣдлѣ, пыталась обходить ихъ стороной, но твердыя, упрямыя руки сейчасъ же натягивали поводья и приказывали—прямо...

Гурнеманцъ, въ исполненіи П. Ф. Селиванова.

Клингзоръ, въ исполненіи С. И. Ильина.

Опера Р. Вагнера „Парсифаль“ на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева“.

По фот. К. Фишера.

Она виновато шевелила ушами, думая про себя покорно: „Ну если нельзя, такъ не надо",—и шла въ воду, стараясь поднять какъ можно меньше брызгъ.

Едва завидѣвъ Ильинскую усадьбу, она уже знала, что сейчасъ ее заставятъ перейти съ рыси на шагъ, и что нужно, не торопясь, подойти къ парадному крыльцу, на которомъ покажется высокая и тоненькая фигура молодой барыни.

Она знала также, что сейчасъ къ ней потянется маленькая рука съ кусочкомъ сахара на узкой розовой ладони, и что горячія губы поцѣлуютъ ее въ мягкое бархатное мѣстечко между ноздрями, и пѣвучій голосъ крикнетъ негромко:

— Андрей, разсѣдлай „Красотку".

Потомъ ее уведетъ съ собой парень въ яркой рубашкѣ и, разсѣдлывая, похлопаетъ по крутымъ, лоснящимся бокамъ и непремѣнно скажетъ:—Ишь ты, гладкая!

Она терпѣливо дожидалась того часа, когда послѣ заката растаютъ розовыя, пушистыя облака съ золотой каемкой, и пахнётъ влажной свѣжестью изъ лѣса...

Старыя, косматыя сосны вытянутъ черныя лапы надъ дорогой, и, глядя на нихъ, она думала, что впотьмахъ надо будетъ итти чутко и осторожно, чтобы не споткнуться о камни у Ольховскаго ручья... Баринъ не любитъ этого...

Тотъ же пѣвучій голосъ окликалъ негромко:—Андрей, коня, — и она послушно давала осѣдлать себя, даже не пытаясь раздуть бока, чтобы не такъ туго охватывали подпруги.

Баринъ, сѣвъ на нее, разбиралъ поводья, но трогаться съ мѣста было все равно еще рано, потому что знакомыя маленькія ручки должны были сперва погладить ее по гривѣ, и горячія губы снова цѣловали бархатное мѣстечко между ноздрями и спрашивали:

— Тебя никто такъ не цѣлуетъ, „Красоточка", а?

Парсифаль, въ исполненіи Н. Н. Куклина.

Амфортасъ, въ исполненіи А. Г. Григорова.

И молодой баринъ смѣялся въ отвѣтъ: —Никто, никто!..

„Красотка" въ такихъ случаяхъ неодобрительно потряхивала головой и думала, что вѣдь это же неправда! Какъ же никто, когда каждую недѣлю къ барину пріѣзжаетъ какая-то полная бѣлокурая дама, которую „Красотка" должна катать въ шарабанчикѣ, и которая точно такъ же цѣлуетъ ее и съ тревожной лаской спрашиваетъ что-то?.. А баринъ также смѣется въ отвѣтъ. Почему онъ не раскажетъ этого ильинской барынѣ, и вообще почему у людей все такъ сложно и запутано?

Никакъ не поймешь, напримѣръ, зачѣмъ баринъ Богъ вѣсть сколько времени мучилъ красавца „Гудзона", заставляя его прыгать черезъ барьеры, черезъ канавы и черезъ какія-то ирландскія банкетки? А потомъ, когда „Гудсонъ" заработалъ нѣсколько тысячъ на скачкахъ и на одномъ препятствіи повредилъ себѣ ногу, баринъ велѣлъ пристрѣлить его и самъ смотрѣлъ, какъ онъ дергался въ предсмертныхъ судорогахъ всѣмъ тѣломъ! Зачѣмъ это? Вѣдь „Гудзонъ" въ свое время такъ хорошо работалъ и могъ бы, казалось, отдохнуть подъ старость хоть и съ поврежденной ногой! И ни за что не догадаешься, почему баринъ велитъ досыта кормить овсомъ только ее, „Красотку", да своихъ выѣздныхъ рысаковъ, служба которыхъ совсѣмъ не тяжелая, а рабочія лошади, на которыхъ и пашутъ и боронятъ, возятъ хлѣбъ, убираютъ поля, должны питаться кое-какъ сѣномъ и соломой, и у нихъ отъ худобы торчатъ ребра, обтянутыя шаршавой кожей, и ихъ всегда бьютъ и мучатъ, и никто изъ людей не хочетъ понять, что вѣдь это же несправедливо, и что онѣ имѣютъ больше права на ласку и на хорошій уходъ...

„Красотка" думала такъ, поводя своими острыми, изящными ушами и прислушиваясь къ далекимъ колокольчикамъ, звенѣвшимъ въ полѣ... Она знала, что тамъ пасется табунъ, и привѣтствовала его ко-

День Страстной Пятницы. Кундри въ присутствіи Гурнеманца омываетъ ноги Парсифалю. (III дѣйствіе, 1 картина).

Опера Р. Вагнера „Парсифаль" на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева".

По фот. К. Фишера.

роткимъ серебристымъ ржаніемъ... Такое же ржаніе, только грустное и жалобное, звучало ей въ отвѣтъ... Она угадывала въ немъ много чего-то такого, что̀ люди не могли бы понять никогда...

Разъ случилось такъ, что баринъ выѣхалъ изъ Ильинской усадьбы злой и хмурый, а барыня даже не спустилась съ крыльца и не приласкала „Красотку", которая, чувствуя, какъ нервенъ ея всадникъ, забезпокоилась сама.

Ее никогда не били раньше, и неожиданный жгучій ударъ хлыста заставилъ ее вздрогнуть и метнуться въ сторону. А удары посыпались все чаще, все больнѣе, пока она не перешла съ галопа на карьеръ и не понеслась во весь духъ, сердито прижимая уши и думая: „За что это? Вѣдь я ни въ чемъ не виновата".

Баринъ гонялъ ее до поздней ночи и привелъ домой всю въ мылѣ и пѣнѣ, а конюхъ на бѣду былъ пьянъ и даже, не выводивъ ее хорошенько, напоилъ и засыпалъ овса.

Съ тѣхъ поръ баринъ не садился на нее, разбитую, съ дрожащими ногами, и только ворчалъ угрюмо:

— Пропащая лошадь...

Однажды онъ велѣлъ вывести ее изъ денника и подошелъ къ ней съ какимъ-то высокимъ, толстымъ человѣкомъ, который раскрывалъ ей ротъ, смотрѣлъ зубы, тыкалъ ей въ похудѣвшіе, впалые бока и разглядывалъ копыта. Толстый человѣкъ надѣлъ на „Красотку" недоуздокъ и повелъ ее за собой.

Она шла, покорно переступая когда-то точеными ножками, и косилась умными, печальными глазами въ ту сторону, куда ушелъ баринъ.

Толстый человѣкъ оказался барышникомъ и продалъ „Красотку" извозчику-лихачу.

Въ холодъ, въ слякоть и въ дождь надо было мчаться теперь по обледянѣвшей или по грязной и скользкой мостовой, ни на минуту не сбавляя хода, и думать о томъ, чтобы только не упасть на мокрые камни, потому что тогда удары посыплются градомъ, и надо будетъ выбиваться изъ силъ, чтобы встать на ноги самой, безъ грубой помощи тѣхъ, кто будетъ тянуть ее подъ уздцы, кричать, ругаться и размахивать кулаками надъ ея головой...

„Красотка" все-таки начала-было привыкать къ этой жизни, тяжелой и мучительной, и все рѣже и рѣже вспоминала позвякиваніе далекихъ колокольчиковъ въ полѣ, нѣжный, тонкій запахъ клевера и легкій скрипъ англійскаго сѣдла...

Но однажды гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нея раздался знакомый пѣвучій голосъ, и, полуобернувъ голову, она узнала ильинскую барыню, стоявшую возлѣ ея коляски. Барыню держалъ подъ руку высокій офицеръ.

„Красотка" заржала тихо и радостно, стараясь напомнить о себѣ и вымолить прежнюю ласку, но кучеръ дернулъ возжи, осаживая ее и крича вслѣдъ барынѣ и офицеру:—Пожалуйте.

Въ тотъ разъ „Красотка" старалась бѣжать какъ можно быстрѣе и изрѣдка осторожно поводила ушами, прислушиваясь къ знакомому пѣвучему смѣху тамъ, въ коляскѣ, но слабыя, разбитыя ноги раскатывались на обледянѣломъ снѣгу, и, круто поворачивая въ сторону, она поскользнулась и упала на полномъ ходу... Встать сама она уже не могла отъ невыносимой, жгучей боли въ плечѣ... Когда ее подняли, она увидала удалявшіяся фигуры своихъ сѣдоковъ и умными, кроткими, плачущими глазами поглядѣла вслѣдъ ильинской барынѣ. Но теперь, какъ и тогда, никто не оглянулся и не пожалѣлъ... И она вспомнила, что вѣдь она „пропащая лошадь"...

Разбитое плечо зажило кое-какъ, но для извозчика-лихача „Красотка" не годилась... Ее продали сперва цыгану, а потомъ какому-то мужику, который возилъ на ней талый снѣгъ и мусоръ со дворовъ. Это была невыносимая работа...

Кругомъ кричали и ругались грубые голоса, свистѣлъ кнутъ надъ головой, и исхудалое, измученное тѣло, судорожно вздрагивая, покорно ждало ударовъ. И глаза, прекрасные, умные и кроткіе глаза плакали и безмолвно молили о жалости, но никто изъ людей не замѣчалъ этого... Ея ноги безсильно подгибались въ колѣняхъ, и она пошатывалась на мѣстѣ, говоря всѣмъ своимъ видомъ: „бейте меня, но больше я не могу сдѣлать ни шагу".

Это было въ одинъ изъ послѣднихъ мартовскихъ дней, когда вьюга и вѣтеръ разметали остатки таявшаго снѣга. „Красотка" тащила изъ-подъ воротъ тяжелый возъ и споткнулась на гладкихъ асфальтовыхъ плитахъ. Въ этотъ день она падала уже въ который разъ, и въ который разъ длинная деревянная палка, замѣнявшая ея хозяину кнутъ, полосовала ее по спинѣ и по впавшимъ тощимъ бокамъ съ выдавшимися ребрами. По привычкѣ она сдѣлала-было отчаянное усиліе встать и—покачнулась отъ нестерпимой боли: кто-то изъ всѣхъ силъ толкнулъ ее сперва въ грудь, а потомъ тяжелый ударъ кулака заставилъ ее вздернуть кверху голову съ кроткими плачущими глазами... И въ тотъ же мигъ все ея тѣло задрожало отъ страшной слабости, и судороги свели ноги и шею...

„Красотка", чувствуя какую-то небывалую, пріятную легкость, глубоко вздохнула и, навалившись всей тяжестью на оглоблю, грохнулась на бокъ.

И вдругъ все стихло и стемнѣло кругомъ, и стало хорошо—какъ никогда...

Марія Гавриловна Савина въ своемъ кабинетѣ. (По поводу 40-лѣтія артистической дѣятельности).
По фот. I. Оцупа.

Сеансъ гипнотическаго внушенія, примѣняемаго въ Институтѣ борьбы съ алкоголизмомъ.

Институтъ борьбы съ алкоголизмомъ.

(Съ 3 рис. на этой стр).

Въ связи съ высокознаменательными словами Монарха въ манифестѣ на имя министра финансовъ вопросъ о злоупотребленіи алкоголемъ и борьбѣ съ этимъ бичомъ народнаго здоровья и труда достигъ небывалой остроты.

Въ недавно возникшемъ на окраинахъ С.-Петербурга Клиническомъ Противоалкогольномъ Институтѣ ведется интенсивная борьба съ алкоголизмомъ на два фронта. Съ одной стороны, лѣчатся больные хроническимъ и острымъ алкоголизмомъ, какъ амбулаторно на ежедневныхъ пріемахъ, такъ и стаціонарно въ клиническомъ отдѣленіи, разсчитанномъ пока на 60 мѣстъ; съ другой стороны, ведется активная научная работа по изученію воздѣйствія алкоголя на организмъ.

Благодаря неутомимой энергіи и широкой инціативѣ акад. В. М. Бехтерева, возникъ за Невской заставой въ „Царскомъ Городкѣ" сначала Психо-Неврологическій институтъ, какъ ученое и учебное учрежденіе съ клиниками въ отдѣльныхъ зданіяхъ, а затѣмъ въ 1911 году при Психо-Неврологическомъ институтѣ выросло зданіе Клиническаго Противоалкогольнаго института.

Въ зданіи института помѣщаются клиника въ двухъ этажахъ, амбулаторія, два электрическихъ кабинета, оборудованныхъ по послѣднему слову врачебной техники, великолѣпная водолѣчебница, аптека и наконецъ различныя лабораторіи, какъ біохимическая объективной психологіи и другія, гдѣ ведутся научныя работы подъ непосредственнымъ руководствомъ В. М. Бехтерева.

Что касается лѣченія, то оно сводится къ слѣдующему: съ момента поступленія больнымъ назначается молочная діэта, имѣющая цѣлью дать, съ одной стороны, наиболѣе нераздражающій и легко усваиваемый пищевой продуктъ, съ другой стороны какъ бы промываніе организма отъ скопившихся въ немъ ядовитыхъ конечныхъ продуктовъ неправильнаго обмѣна, наблюдающагося у алкоголиковъ въ связи съ различными дефектами со стороны функцій почекъ, печени, желудочно-кишечнаго тракта и другихъ органовъ. Послѣ опредѣленнаго промежутка времени молочная діэта замѣняется вегетаріанскимъ столомъ, какъ не содержащимъ экстрактивныхъ и возбуждающихъ веществъ. Одновременно съ діэтой идетъ лѣкарственная терапія, имѣющая цѣлью, съ одной стороны, возстановить пошатнувшееся нервное равновѣсіе организма, съ другой—вызвать отвращеніе къ употребленію напитковъ, содержащихъ алкоголь. На первомъ планѣ стоятъ успокаивающія и тонизирующія средства, такъ называемая бромострихнинная терапія, лѣченіе возрастающими дозами атропина и др.

Далѣе, въ цѣляхъ укрѣпленія нервной системы, назначаются различныя гидропатическія процедуры, какъ ванны (сосновыя, углекислыя, кислородныя, морскія), дожди, души Шарко и т. д. и электрическія, какъ токи высокой частоты и напряженія, электро-свѣтовыя ванны, рентгено-терапія, магнито-терапія, механо-терапія и т. д.

Помимо діэтетическаго, лѣкарственнаго и физическаго лѣченія, существенную роль въ терапіи алкоголиковъ занимаетъ систематическое гипнотическое внушеніе, которое довершаетъ укрѣпленіе воли.

Со всѣхъ концовъ необозримой России стекаются больные въ Клиническій институтъ; не только изъ Европейской Россіи, но и изъ отдаленнѣйшихъ пунктовъ Сибири, отъ береговъ Сыръ-Дарьи и изъ Коканда являются жаждущіе исцѣленія. Излѣчившіеся снова разъѣзжаются по своимъ мѣстамъ, оставаясь въ общеніи съ институтомъ и подъ его вліяніемъ въ дальнѣйшемъ періодѣ своей жизни.

Въ стѣнахъ института кипитъ интенсивная научная работа.

Органомъ, отражающимъ дѣятельность института, является журналъ „Вопросы алкоголизма", издающійся подъ редакціей В. М. Бехтерева.

Группа врачей Института борьбы съ алкоголизмомъ, во главѣ съ академикомъ В. М. Бехтеревымъ, иниціаторомъ и организаторомъ этого учрежденія.

Насчитывая не болѣе, какъ третій годъ своего существованія, Противоалкогольный Клиническій институтъ уже провелъ черезъ свои стѣны, возвратилъ работоспособность и поставилъ на ноги тысячи больныхъ.

Можно надѣяться, что, съ переходомъ этого учрежденія въ вѣдѣніе государства, Противоалкогольному Клиническому институту предстоятъ еще болѣе широкія перспективы по борьбѣ словомъ и дѣломъ съ язвами алкоголизма, разъѣдающими мощный организмъ великой Россіи.

Наружный видъ зданій Института борьбы съ алкоголизмомъ.

Институтъ борьбы съ алкоголизмомъ.

Н. Н. Бунинъ. (Къ рисункамъ).

Настоящій нумеръ „Нивы" посвященъ посмертной выставкѣ художника Н. Н. Бунина. Съ особенной любовью онъ изображалъ охотничьи, батальныя сцены и животныхъ—преимущественно лошадей.

Рядъ воспроизводимыхъ нами картинъ Н. Н. Бунина достаточно убѣдительно подтверждаетъ это: вотъ, напримѣръ, „*На стойлѣ*“, мирный пейзажъ съ коровами,—пейзажъ, такъ знакомый русскому глазу. Вотъ „*Хозяинъ пріѣхалъ*“—хозяинъ лошадей, которыя пасутся въ сельскомъ привольѣ. И здѣсь чувствуется близкая намъ русская картина... Далѣе, „*Къ вечеру*“—медленно возвращающійся съ охоты доѣзжачій съ сворой собакъ. „*Арабскія лошади въ имѣніи гр. Строганова*“—типичныя фигуры лошадей на фонѣ красиваго пейзажа... А вотъ и картины батальнаго характера: „*Друзья*“—казакъ и его конь, одновременно сраженные вражьей пулей и уснувшіе навѣки въ братскомъ единеніи... „*Конь-плѣнникъ*“, захваченный русскими солдатами въ одной изъ стычекъ съ азіатами. Болѣе мирный характеръ носитъ „*Историческая мельница въ Каменкѣ*“ *Кіевской губ.*, гдѣ жилъ и работалъ Шервудъ, раскрывшій здѣсь заговоръ южно-русскихъ декабристовъ.

Наркизъ Николаевичъ Бунинъ свое житейское поприще началъ съ военной службы въ Егерскомъ полку. Еще будучи офицеромъ, онъ въ 1884 году поступилъ въ Академію Художествъ и въ 1891 году былъ удостоенъ званія почетнаго общника Академіи.

Въ 1901 году Н. Н. Бунинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника. Не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, онъ тѣмъ не менѣе усердно работалъ, и его картины часто появлялись на выставкахъ.

Въ 1905 году художника постигло большое несчастье: во время аграрныхъ безпорядковъ его имѣніе было сожжено и разграблено, и Н. Н. Бунинъ лишился всего имущества. Это несчастіе роковымъ образомъ повліяло на него, окончательно подорвало его здоровье и свело въ могилу.

М. Г. Савина. (Портр. на стр. 357).

Русская сцена богата дарованіями. Русская сцена имѣетъ свою исторію, свои традиціи и воспоминанія. И мы знаемъ въ области современной русской сцены одно такое дарованіе, въ которомъ объединено все: и прекрасный, отъ Бога данный, талантъ, и глубокая культурность этого таланта, и уже установившіяся и выработанныя имъ традиція, и громкое имя въ исторіи русской сцены, и яркія воспоминанія цѣлыхъ поколѣній о той, которая носитъ это имя и свой прекрасный талантъ.

Это имя и этотъ талантъ—Марія Гавриловна Савина. 9 апрѣля с. г. исполнилось сорокъ лѣтъ ея пребыванія на сценѣ Императорскихъ театровъ. Несмотря на то, что этотъ юбилейный день ничѣмъ не былъ офиціально отмѣченъ въ Императорскихъ театрахъ, вся культурная и любящая театръ Россія не могла обойти молчаніемъ день 9 апрѣля. Великая русская артистка получила множество поздравленій со всѣхъ сторонъ, отъ самыхъ разнообразныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Въ этотъ день мы, любящіе наше искусство, помянули въ лицѣ М. Г. Савиной цѣлый рядъ созданныхъ ею замѣчательныхъ сценическихъ образовъ, начиная съ того времени, когда на сценѣ Александринскаго театра впервые предстала предъ зрителями тоненькая, смуглая „Дикарка“, и кончая современными сценическими перевоплощеніями Савиной въ пьесахъ нынѣшняго репертуара.

Какая богатѣйшая гамма типовъ, настроеній, красокъ! Творчество М. Г. Савиной—„многострунная арфа“, на которой знаменитая артистка умѣетъ играть съ захватывающимъ подъемомъ и силою. Талантъ Савиной такъ разнообразенъ и разносторonенъ, что трудно указать на лучшее, на болѣе типичное среди ея сценическихъ перевоплощеній. Она даетъ незабываемые образы, и, поскольку театръ является отраженіемъ жизни, она даетъ намъ такіе яркіе лучи этихъ отраженій, что театръ, когда она находится на его подмосткахъ, уже сливается съ жизнью и переходитъ въ подлинную жизнь. Недаромъ великая артистка избрала своимъ девизомъ слова: „Сцена—моя жизнь“... Мы можемъ прибавить, что та сцена, на которой творитъ свои незабываемыя воплощенія М. Г. Савина, становится жизнью и зрителей. Она вводитъ всѣхъ насъ въ рамки этой художественной жизни: мы страдаемъ ея страданіями, живемъ ея порывами и стремленіями.

Но девизъ М. Г. Савиной имѣетъ и другой—прямой смыслъ: она фактически жила и живетъ на сценѣ и сценою, начиная съ дѣтства. Вся жизнь М. Г. Савиной протекаетъ на сценическихъ подмосткахъ. И вотъ сорокъ лѣтъ она живетъ только на подмосткахъ Императорской сцены: сорокъ долгихъ лѣтъ ея бытіе всецѣло связано съ Александринскимъ театромъ, украшая его. Александринскій театръ прямо немыслимо представить себѣ безъ Савиной, безъ ея стройной, сухощавой фи-

Директоръ Технолог. Инст. проф. Г. Ф. Деппъ. Директоръ Института Пут. Сообщ. Инж. Корейша. Тов. мин. внутр. дѣлъ В. Ф. Джунковскій. Предсѣдатель Съѣзда Н. Е. Жуковскій. Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ. Тов. Предс. Съѣзда гр. И. В. Стенбокъ-Ферморъ. Управл. Гос. банкомъ И. П. Шиповъ. Ген.-ад. бар. Ѳ. Е. Мейендорфъ.

Открытіе Всероссійскаго Съѣзда Воздухоплавателей въ С.-Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича. По фот. І. Оцупа.

гуры, безъ ея глазъ, безъ ея голоса. Она поистинѣ душа этого театра, нашего образцоваго театра. Но и самъ театръ этимъ титуломъ своимъ во многомъ обязанъ именно Савиной.

М. Г. Савина начала свою сценическую дѣятельность въ ту эпоху, когда пришелъ великій художникъ нашей драматургіи, Островскій. Она создала цѣлый рядъ типовъ въ его пьесахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создала сценическія традиціи для пьесъ Островскаго. Въ этомъ отношеніи сценическая дѣятельность Савиной можетъ назваться классической. Далѣе, она давала свой художественный сценическій откликъ на творчество каждаго изъ современныхъ намъ эпигоновъ Островскаго. Трудно указать кого-либо изъ выдающихся современныхъ намъ драматурговъ, котораго не истолковала бы намъ въ созданныхъ имъ пьесахъ М. Г. Савина.

Свѣжій и гибкій талантъ ея до сихъ поръ позволяетъ ей царить на Александринской сценѣ. Сорокъ лѣтъ прошли, какъ сонъ, но сама М. Г. Савина остается все той же великолѣпной артисткой. Честь и слава ей, и дай Богъ ей еще многихъ и многихъ лѣтъ для такой же красивой и плодотворной художественной дѣятельности и далѣе.

Н. Н. Бунинъ. (По поводу посмертной выставки его картинъ).

Культурная борьба съ забастовками.

(Вопросы внутренней жизни).

Экономическую жизнь Россіи тяготятъ два великихъ хроническихъ недуга: постоянныя забастовки, подрывающія развитіе національной промышленности, и угрожающій ростъ синдикатовъ, подчиняющихъ промышленность страны эгоистическимъ интересамъ сравнительно ничтожнаго круга лицъ, стоящихъ во главѣ промышленныхъ союзовъ. Недавно опубликованная Министерствомъ Торговли и Промышленности статистика забастовокъ указываетъ на быстрый ростъ забастовочнаго движенія. За два года оно увеличилось почти въ десять разъ, и въ 1912 г. уже насчитывалось больше 2.000 забастовокъ съ 725.000 бастовавшихъ, потерявшихъ почти два съ половиною милліона рабочихъ дней. Но этимъ ростъ забастовочнаго движенія не ограничился, и въ первые девять мѣсяцевъ 1913 года оно дало потерю уже 3.130.000 рабочихъ дней. При переводѣ на деньги это равносильно утратѣ милліоновъ рублей. Забастовки тяжело отражаются и на промышленности страны и на собственномъ карманѣ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ вызываются вовсе не экономическими мотивами и не влекутъ за собою повышенія заработной платы. Совѣтъ Министровъ, исходя изъ основного принципа нынѣшняго законодательства — свободы труда, призналъ за рабочими безусловное право бороться путемъ забастовокъ за улучшеніе экономическихъ условій рабочаго быта. Принципіальное допущеніе права забастовокъ въ рамкахъ ихъ исторической роли должно отвлечь рабочія массы отъ участія въ забастовкахъ, не оправданныхъ реальными интересами рабочаго класса, и почувствовать всю ненормальность современнаго злоупотребленія забастовками. Такъ какъ онѣ причиняютъ огромный вредъ промышленности, опрокидываютъ всякіе расчеты, дѣлаютъ фабрикантовъ неисправными въ выполненіи заказовъ и принятыхъ на себя обязательствъ, то весьма естественно, что послѣ цѣлаго ряда рабочихъ стачекъ фабриканты тоже организовались въ особое соглашеніе для борьбы съ забастовками, образовали такъ называемый локаутъ, т.-е. временное закрытіе всѣхъ участвующихъ въ соглашеніи фабрикъ для смиренія оставшихся безъ заработка рабочихъ.

Въ экономическихъ забастовкахъ рабочіе приготовляются къ нимъ заранѣе, обезпечивая себя помощью спеціальнаго забастовочнаго фонда, собираемаго изъ взносовъ всѣхъ рабочихъ страны, который даетъ имъ возможность выдержать временную безработицу. Такимъ образомъ корпоративная борьба за классовые интересы, вполнѣ допускаемая законами всѣхъ промышленныхъ странъ и нашимъ правительствомъ, требуетъ огромной предварительной организаціонной работы совершенно мирнаго характера. Именно такія нормальныя и культурныя формы должна принять борьба между трудомъ и капиталомъ и у насъ, въ Россіи. Она слишкомъ тяжела, чтобы приступать къ ней съ легкомысленными расчетами и безъ достаточныхъ поводовъ. Высказавшись за допущеніе экономическихъ забастовокъ, Совѣтъ Министровъ принципіально призналъ необходимость регулировать борьбу труда и капитала, ввести ее въ выработанныя исторіею передовыхъ промышленныхъ странъ рамки и по возможности смягчить ея тяжелыя послѣдствія. Въ этихъ видахъ созвано особое междувѣдомственное совѣщаніе, которое призвано, между прочимъ, разработать вопросъ объ учрежденіи такъ называемыхъ примирительныхъ камеръ для разбора и улаживанія возникающихъ между фабрикантами и рабочими недоразумѣній. Выдвигая подобные проекты, правительство становится на вѣрный путь, потому что борьба съ разоряющими русскую промышленность забастовками, чтобы быть успѣшной, должна вестись не полицейскими, а общекультурными мѣрами.

Организаціонный комитетъ съѣзда: 1) Предсѣдатель комитета, управляющій спб. телефонной сѣтью, инженеръ Н. Л. Семеновичъ. 2) Товарищъ предсѣдателя, главный инженеръ спб. телефонной сѣти, инженеръ Л. И. Толочко. 3) Секретарь, инженеръ Л. Н. Станевичъ. 4) Предсѣдатель общества инженеровъ-электриковъ П. И. Лызловъ. 5) Инженеръ Вьюшковъ. 6) Секретарь общества инженеровъ-электриковъ Смуровъ.

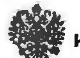
Всероссійскій Съѣздъ инженеровъ-электриковъ въ С.-Петербургѣ. По фот. І. Оцупа.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за Май 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Май 1914 г. съ 40 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 7 рис. для выжиганія.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29



Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

О ЮНОМЪ ВИДѢ.

Отъ одной свѣдующей.

Каждая женщина обладаетъ прекраснымъ цвѣтомъ лица непосредственно подъ некрасивымъ. Здоровая кожа подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ и постоянно сбрасываетъ израсходованную матерію въ микроскопически-малыхъ частяхъ. Если этотъ процессъ почему-либо не совершается, то отжившія частицы остаются на кожѣ и образуютъ блѣдный, некрасивый, безжизненный цвѣтъ лица.

Въ этомъ случаѣ необходимо помочь природѣ въ ея процессѣ обмѣна веществъ. Это совершается лучше всего посредствомъ накладыванія полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ такимъ же образомъ, какъ накладывается кольдъ-кремъ. Это вещество, ни въ коемъ случаѣ не непріятное, оно незамѣтно разсасываетъ внѣшній вялый цвѣтъ лица и удаляетъ его, чтобы вызвать на поверхность находящуюся подъ нимъ юную, свѣжую кожу — естественный цвѣтъ лица. 2847

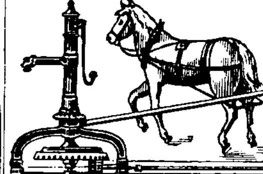
Для того, чтобы испытать этотъ простой способъ, достаточно взять въ аптекѣ около 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ. Сознаніе того, чего можно достичь такимъ простымъ образомъ, снимаетъ съ женщины ужасъ надвигающейся старости. Ни одна женщина не боится старости, пока она можетъ выглядѣть молодой. Равнымъ образомъ можно поступить съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками, и такъ какъ этотъ способъ очень простъ, дешевъ и успѣшенъ, онъ получитъ большое распространеніе въ широкихъ кругахъ. Для достиженія совершеннаго успѣха слѣдуетъ предварительно умыться комнатной водой съ хорошимъ мыломъ, и насухо вытереться.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка:

„Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка.

ВЫЧИСЛЕНІЯ въ минуту производить СЧЕТЧИКЪ

Сотни тысячъ распростр. среди торг., бухгалт., инжен., чиновн. и учащ. молодежи. Вычисл. процент., умнож., дѣленій. Высыл. **только за 45 коп.** (можно марк. заказн. письм.). Налож. плат. на 10 коп. дороже. Оптовщик. скидка. **М. БРАУНЪ, Варшава, Налевки, 17/4.** 2350 3-1



НАСОСЫ къ глубоководнымъ колодцамъ, трансмиссіонные и съ конными приводами предлагаетъ заводъ **С. ТРЕМБИЦКІЙ и К.** Варшава, Сѣнная, 14.

ФОТО

ГРАФ. снимки ПАРИЖ. ЖАНРА **настоящ. новѣйш.** оригиналы **съ натуры** послѣд. новости получены изъ **Парижа** я высыл. закрыто **нал. плат.** форм. откр. писемъ **20 шт. 2 р. 50 к., 15 штук.** худож. размѣр. 13×20 сант. **3 р. 50 к.** Единств. представ. для Россіи: **МОСКВА, Ф. ВЬЕРЖЪ, коммерч. ящик. № 6, отд. 11.** 2485 3-

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ**, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (10)

ЗАИКАНІЕ

излѣчив. **радикально** патентов. в Россіи, Бельг., Франц., Венгріи аппаратом. Пров. М. Вагнер. СПБ., Пантелейм., 11, брош. безп.

МАРКИ

2834

ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ, БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ. Спеціальная торговля марками для коллекцій **Спальве-Блумбергъ**, Москва, Покровка, 10. Книжнымъ, писчебумажнымъ и табачнымъ магазинамъ отпускаю марки на комиссію.

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: Москва, Долгоруковская ул., 2522 № 11, кв. 9—3. Марія Чурбанова. 6-6

2798

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ АРТИСАЛЬ

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз. 18-9 2569

РОДИТЕЛИ!!!

Если Вы желаете доставить Ваш. дѣтямъ постоянное дешев. удовольствіе, закажите немедл. нашъ безплат. иллюстр. проспектъ „научной новости“. Адресовать (4 коп. откр.) на русск. языкѣ. Германія, г. Берлинъ, Панковъ, Лагеркарте, № 15. 6-5 2719

100 рублей въ мѣсяцъ ВѢРНАГО обезпеченнаго заработка

2851 (1)

для всѣхъ при удобн. домашн. раб. Разст. не мѣш. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл. **1-ое Западн. Т-во** Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.

1 фунтъ хорошаго о-де-колона за 85 коп. Обладаетъ высокими дезинфекц. свойствами и прекрасн. запахомъ, превосходный для шкафовъ для бѣлья, комнатъ и воды для мытья. **1 металл. пульверизаторъ хорошо никкелированный 1 р. 50 к.** Лучшій и болѣе практичный чѣмъ стеклян. или резиновый пульверизаторъ. Подходящій для туалетовъ, а также для освѣженія воздуха въ комнатахъ и для опрыскиванія комнатн. растеній. 2836 8-1 Все это высылаетъ франко по полученіи стоимости впередъ фабрика духовъ „Геліосъ“ Р. Г. Бокишъ, Лодзь, Заржевская, 58.

„КУМЫСЪ“ близъ Самары съ 10-го Мая

Открывается 57-й сезонъ на І-мъ кумысо-лѣчебномъ заведеніи д-ра Н. В. Постникова, основанномъ въ 1858 году. Стерилиз. кумысъ „Экспортъ“, сохраняющійся безъ порчи. Преспекты высылаются по требов. Запросы адрес.: Самара, Кумысъ, Сергѣю Несторовичу Постникову. Въ Москвѣ—у д-ра І. А. Ляховскаго, Спиридоновка, Гранатный пер., 3. 2-2 Удешевленный пансіонъ для бѣдныхъ 60 р. въ мѣсяцъ безъ кумыса. 2709

НАГЛЯДНОСТЬ.

ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва**, ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію—5 руб. съ пересылкой.

Мин. Торг. и Пром.
ПЕТРОГРАДСКІЕ КУРСЫ
Пет. ст., Большой пр., 40—61, тел. 615-37.

БУХГАЛТЕРІИ.

ЛѢТНІЙ КУРСЪ.

Запись и прошенія на лѣтній курсъ (30 р.) начало 27 мая и осенній курсъ (75 р.) начало 10 сентября, на оставшіяся вакансіи продолж. Широк. прогр., льготн. разср. Рекоменд. на мѣста. Аттестатъ. Въ текущ. уч. году общ. сост. 454 служ. обоего пола. Проспекты безплатно. Дешевое общежитіе. Полная подгот. для комм. дѣят. и на право препод. спец. предм. въ коммерч. учебн. завед. 2870

ПУТЬ КЪ СЧАСТЬЮ

могуществу, благосостоянію, здоровью. 2830

СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ,

Человѣкъ новой грядущей расы не знаетъ неудачъ. Онъ подчиняетъ себѣ всѣхъ, читаетъ мысли, предвидитъ будущее, понимаетъ языкъ животныхъ, излѣчиваетъ болѣзни, дѣлаетъ тысячи чудесныхъ вещей. Какъ этого достичь учитъ брошюра: **Сар-Диноил**, „Наши Скрытыя Способности“, высыл. за 15 коп. марк. Адр.: СПБ., 44 почт. отд. **Леониду Фелькерзам. лит. Н.**

МАРІЯ ЕГОРОВНА ЧУРБАНОВА

М. ЧУРБАНОВА.

имѣетъ честь объявить, что изобрѣтенныя ею безвредныя средства ДОМАШНЯГО приготовленія: 2868 2-1
1) отъ **угрей, прыщей и жирового выдѣленія** (больш. флаконъ 1 р. 25 к. безъ перес.), 2) отъ **чрезмѣрн. и злокач. потѣнія** ногъ, рукъ и пр. (коробка 1 р. 25 к. безъ перес.) можно получить ТОЛЬКО у нея самой. НИГДѢ мои средства не продаются. Высылаю немедл. налож. плат. На перес. и упаков. пришлите 50 к. (можно марк.). Дѣйствіе моихъ средствъ быстрое и вѣрное. Предложеніе **СЕРЬЕЗН. и ЧЕСТН.** Постоян. мой адресъ: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3.**

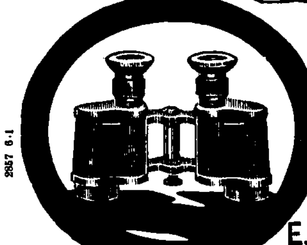
Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: **УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974, Г. Давыдову. 2-2 2842

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ.

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Отд. Н.** 1758 (8)

2857 6-1



ВиноВіаль

(VIN DE VIAL)

Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести

СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ дѣтей и стариковъ

Продажа во всѣхъ аптекахъ.

2878 6-1

Полетъ бумеранга замѣчательно красивъ. Брошен. онъ описываетъ въ воздухѣ дугу и возвращается къ хозяину. Бросан. бумеранга интересный спортъ для взрослыхъ и юношества. Развиваетъ ловкость и силу. Получена партія настоящихъ бумеранговъ, дѣйствительно обладающихъ свойствомъ возвращаться. **Цѣна за шт. 2 р.** *Пересылка по почтовой таксѣ.* **И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА,** Столешниковъ, № 8. Иллюстр. катал. игръ на воздухѣ безплатно. 2834

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадоержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Глави. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.** **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористаго шрифт. **Цѣна** съ перес. **1 р. 50 к.** **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арием. **Ц. 40 к.** съ пер. **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ, Невскій, 92—3.

Лучшимъ средствомъ для ухода за кожей— яичный желтокъ

это установлено уже съ давнихъ поръ, но только теперь, съ изобрѣтеніемъ освѣжающаго патъ-крема КЛЕО САНАГРИ (Компаніи Санагри въ Лондонѣ), въ который особымъ способомъ введено значительное количество свѣжаго яичнаго желтка—стало возможнымъ получить препаратъ, являющійся единственно-радикальнымъ для ухода за кожей лица. Въ отличіе отъ другихъ кремовъ, патъ-кремъ «КЛЕО-САНАГРИ» совершенно не содержитъ жировъ. Онъ примѣняется вмѣстѣ съ водой и результаты сказываются послѣ первыхъ же умываній: лицо, шея, руки принимаютъ свѣжій и здоровый видъ; кожа становится эластично мягкой и бархатистой; поры очищаются отъ засоренія; черныя точки, сальныя пробки, угри и т. п. пропадаютъ. Цѣна банки 2 р. 50 к. Требуйте вездѣ. Брош. безплатно.

Депо С.-Петербургъ, Коломенская ул., 10. Тел. 102-36. 2863 2-1

5-3 **Иллюстр. кат. игры на воздухѣ выс. безплатно.** 2740

ДО УПОТРЕБЛЕНІЯ. ПОСЛѢ УПОТРЕБЛЕНІЯ.

Такую поразительную перемѣну производитъ

КОЛА-ДУЛЬЦЪ.

Лучшее въ природѣ питательное вещество для мозга и нервовъ.

Настроеніе, мышленіе, дѣятельность, какъ и всякое движеніе, зависятъ отъ мозга.

Усталость, унылость, изнуреніе, истощеніе, ослабленіе нервовъ и общая слабость тѣла суть примѣты недостатка жизненной силы. Если Вы желаете чувствовать себя всегда бодрымъ, со складнымъ умомъ и хорошей памятью, если желаете испытывать труды и занятія, какъ удовольствіе, то принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ. Это—естественное питаніе для нервовъ и мозга, которое вмѣстѣ съ тѣмъ поправляетъ и молодитъ кровь, и, такимъ образомъ, даря силой, вліяетъ благотворно на всѣ органы тѣла.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ
ДАРИТЪ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬЮ И ТРУДОВОЙ СИЛОЙ, а равно и ощущеніемъ молодости съ ея энергіей, этой лучшей гарантіей успѣха и счастія.

Принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ нѣкоторое время ежедневно и она укрѣпитъ Ваши нервы, всякое изнеможеніе исчезнетъ и подъ ея вліяніемъ Вы исполнитесь силой и жизнерадостностью.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ рекомендуется медицинскими авторитетами всего міра и примѣняется въ больницахъ и санаторіяхъ.

Требуйте КОЛА-ДУЛЬЦЪ безплатно.

Теперь предоставляемъ Вамъ возможность подкрѣпить Ваши нервы. Напишите намъ открытое письмо съ Вашимъ точнымъ адресомъ и мы Вамъ немедленно вышлемъ БЕЗПЛАТНО и со сполна УПЛОЧЕННОЙ ПЕРЕСЫЛКОЙ количество КОЛА-ДУЛЬЦЪ, достаточное для того, чтобы принести Вамъ облегченіе и дать возможность оцѣнить ея удивительное дѣйствіе.

Если Вамъ угодно, то можете заказать и больше, но пишите непремѣнно сейчасъ же, чтобы не забыть. 2869

Акц. Общ. „Всеобщая Фабрика Химическихъ Продуктовъ въ Будапештѣ“.

Отдѣленіе для Россіи: Варшава, Новый Свѣтъ, № 52, отд. 242.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ въ оригинальной упаковкѣ имѣется въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Безплатно образцы высылаются исключительно только вышеобозначенной фирмой.

2143 20-18

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. №: 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.

КАРТОНАЖНАЯ ФАБРИКА
„ПРОГРЕССЪ“
СПБ., Вас. Остр., Средній пр., 72, тел. 408-43 изготовляетъ какъ спеціальность
ВОЛНИСТУЮ БУМАГУ
для упаковки хрупкихъ и легко бьющихся товаровъ. 2873 4-1

ЛЕГКОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАНЯТІЕ

Новыя изобрѣтенія. Большой заработокъ, безъ риска (не агентура). Требуйте безпл. проспектъ на 4 коп. открыткѣ на русскомъ яз. Германія, Берлинъ, Комеринеру, Нидеръ-Шенгаузенъ, Линденштрассе 30. 2718 6-6

Капсюлями Майе „эвкалиптія“

дѣйствующими энергично и быстро при всѣхъ болѣзняхъ дыхательныхъ путей. *Избѣгайте поддѣлокъ и требуйте въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ* **настоящія Парижскія Капсюли Майе съ таможенной пломбой.**
Цѣна коробки 1 руб. 50 коп.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 19.
Выданъ 10 мая 1914 г.

XLV г.
изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 10.

5% закладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г. 49 тиражъ 1 мая 1914 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
13	31	8000	1617	27	1000	3405	5	500	4933	50	500	6219	26	500	7750	2	500	9460	9	500	11090	12	500	12490	50	500	13789	9	500
48	35	500	1624	5	500	3432	14	500	4951	45	500	6225	33	1000	7789	40	500	9469	40	500	11094	5	500	12590	10	500	13834	44	500
101	28	500	1677	38	500	3539	41	500	4952	16	500	6237	43	1000	7885	2	500	9489	10	1000	11211	32	1000	12615	19	500	13943	47	1000
105	45	1000	1781	14	500	3541	37	500	4991	1	500	6249	3	5000	7900	16	500	9489	19	500	11251	6	500	12662	3	200000	14322	30	500
181	50	500	1807	43	500	3560	3	500	5074	32	500	6313	8	500	8015	46	500	9489	26	500	11272	48	500	12695	19	500	14571	21	500
460	10	500	1976	46	500	3571	36	500	5074	47	500	6379	38	500	8029	8	500	9497	32	500	11309	4	500	12718	8	500	14590	2	500
508	18	500	1997	18	500	3703	22	500	5091	39	500	6498	3	500	8063	45	500	9602	40	500	11316	4	500	12741	30	500	14630	45	500
558	22	500	2053	31	500	3844	29	500	5122	21	500	6508	28	500	8170	44	500	9624	13	500	11338	46	500	12755	35	500	14661	27	500
595	49	500	2079	26	500	3866	11	500	5156	28	500	6616	20	500	8316	34	500	9719	6	500	11473	29	500	12784	35	500	14847	45	500
643	13	500	2098	21	5000	4109	2	500	5220	8	500	6662	10	500	8448	27	500	9763	24	500	11497	25	500	12787	37	500	14881	33	10000
645	35	500	2242	8	500	4172	10	500	5251	8	500	6757	29	8000	8483	22	500	9839	42	500	11506	30	500	12901	22	500	14895	47	500
692	12	500	2369	25	500	4180	43	5000	5291	9	500	6771	5	500	8549	37	500	9876	12	500	11522	32	500	12907	9	500	14921	10	500
733	17	500	2377	44	500	4218	23	500	5294	47	500	6785	21	500	8613	42	500	10070	12	500	11525	47	500	12917	45	1000	15015	17	500
819	6	500	2409	37	10000	4262	34	500	5349	37	8000	6854	2	500	8673	37	500	10101	11	500	11526	50	500	12940	49	500	15150	40	500
857	50	500	2455	27	500	4307	29	1000	5358	35	500	6921	45	500	8795	46	500	10126	38	500	11532	11	1000	12944	50	500	15181	19	500
912	37	500	2548	1	500	4346	45	5000	5457	7	8000	6935	9	500	8799	22	500	10217	13	500	11681	38	500	13033	37	500	15240	31	500
947	9	500	2554	34	500	4397	13	500	5499	46	500	6972	41	500	8856	28	500	10221	21	500	11812	43	500	13134	28	500	15245	30	500
950	4	500	2579	48	500	4426	14	500	5517	16	500	6974	37	500	8857	46	500	10417	44	500	11823	1	500	13175	14	500	15250	44	500
976	11	500	2681	6	500	4531	43	500	5551	8	500	6980	17	500	8874	12	500	10424	30	500	11997	15	500	13192	34	500	15328	42	500
987	7	1000	2719	34	500	4563	12	500	5565	42	1000	7006	20	40000	8946	15	500	10530	30	500	12040	50	500	13256	45	500	15389	2	500
1008	5	500	2726	28	500	4623	17	500	5634	11	500	7047	46	500	8974	15	500	10541	20	500	12085	12	500	13346	16	500	15411	31	500
1145	13	500	2791	46	1000	4665	15	1000	5697	47	500	7074	5	500	9005	1	500	10599	49	5000	12086	11	500	13357	40	500	15430	11	500
1148	41	500	2912	49	500	4666	37	10000	5722	20	500	7122	16	500	9014	30	500	10640	38	500	12098	11	500	13476	7	1000	15508	29	500
1178	8	500	3094	31	500	4694	33	1000	5724	11	500	7150	34	500	9016	28	500	10693	29	500	12177	35	25000	13609	1	500	15552	35	500
1219	4	500	3248	19	500	4760	34	500	5743	26	500	7271	41	500	9047	26	1000	10698	1	500	12227	40	500	13617	10	500	15567	50	500
1262	25	500	3249	15	500	4762	42	500	5880	11	500	7426	10	500	9074	24	500	10698	3	500	12248	37	500	13645	9	1000	15792	48	500
1337	10	500	3275	12	500	4824	17	500	5922	22	8000	7463	11	500	9080	3	500	10835	28	500	12287	34	500	13658	23	500	15854	44	500
1368	44	5000	3362	24	5000	4862	46	500	5939	49	500	7489	33	500	9387	44	500	11051	9	500	12319	42	500	13673	6	500	15912	44	1000
1457	27	500	3385	26	500	4868	49	500	6112	25	500	7681	44	500	9426	6	500	11059	29	500	12342	44	5000	13679	11	500	15938	28	500
1459	48	500	3404	34	500	4920	15	500	6193	23	500	7704	46	1000	9429	32	500	11085	35	75000	12477	29	500	13742	35	500	15990	37	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 95, 103, 288, 343, 703, 774, 803, 886, 895, 926, 1086, 1107, 1226, 1227, 1325, 1381, 1414, 1530, 1554, 1557, 1654, 1704, 1757, 1956, 1959, 2043, 2075, 2108, 2455, 2525, 2621, 2638, 2656, 2784, 2813, 2877, 3047, 3145, 3240, 3273, 3431, 3444, 3502, 3598, 3703, 3718, 3882, 3924, 4008, 4021, 4034, 4048, 4130, 4143, 4176, 4216, 4237, 4315, 4454, 4473, 4526, 4531, 4562, 4581, 4620, 4644, 4735, 4762, 4934, 4963, 4968, 5105, 5436, 5511, 5532, 5557, 5725, 5773, 5808, 5841, 6021, 6054, 6070, 6097, 6150, 6201, 6233, 6352, 6447, 6498, 6510, 6637, 6735, 6833, 6837, 6972, 7023, 7101, 7214, 7310, 7336, 7356, 7428, 7489, 7629, 7713, 7724, 7739, 7786, 7876, 7966, 8152, 8325, 8368, 8456, 8519, 8529, 8655, 8700, 8736, 8930, 8953, 9005, 9092, 9098, 9146, 9218, 9280, 9378, 9507, 9584, 9628, 9723, 9985, 10206, 10254, 10263, 10328, 10381, 10425, 10590, 10668, 10693, 10722, 10766, 10768, 10795, 10830, 11041, 11051, 11088, 11142, 11273, 11324, 11404, 11420, 11528, 11551, 11574, 11611, 11683, 11767, 11837, 11866, 11877, 11957, 11973, 11983, 12031, 12111, 12143, 12194, 12215, 12300, 12358, 12532, 12545, 12618, 12723, 12781, 12858, 12913, 12943, 12963, 12976, 13053, 13055, 13119, 13135, 13201, 13221, 13263, 13295, 13315, 13331, 13350, 13416, 13451, 13533, 13549, 13560, 13576, 13593, 13613, 13742, 13947, 14253, 14318, 14438, 14521, 14652, 14745, 14761, 14768, 14865, 14904, 14955, 15079, 15124, 15127, 15185, 15194, 15208, 15263, 15345, 15496, 15547, 15600, 15622, 15638, 15654, 15700, 15754, 15801, 15814, 15906, 15933, 15941, 15973, 15992.

Всего 240 серій, составляющихъ 12.000 листовъ, на сумму 1.680.000 рублей.

XLV г. | г. XLV

№ 19 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 10 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 10.**

Я. Ціонглинскій. Богачъ и Лазарь. Программа на малую золотую медаль (1884 г.). Первая картина художника.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Продолженіе).

XI.

Изъ-за темной тучи выглянула ярко-голубая луна. Отъ зданій и деревьевъ потянулись длинныя тѣни.

Иванъ думалъ объ отцѣ и шелъ, радуясь, что избѣжалъ съ нимъ объясненій. И думалъ о Наденькѣ—и въ груди загоралась любовь.

Дома уже спали. Въ комнаткѣ Ивана, рядомъ съ дѣтской, стоялъ въ углу шкапикъ съ его книгами. Онъ самъ ихъ переплеталъ. Яблоня протягивала вѣтку къ стекламъ окна. Постель была постлана на старенькомъ диванѣ.

Ломило спину отъ той работы, которую Иванъ дѣлалъ въ подвалѣ. Но когда онъ легъ, прислушиваясь къ боли въ костяхъ, утомленіе овладѣло имъ. Все стало кружиться передъ его глазами—и окно съ вѣткой яблони, и самоваръ съ пылающимъ подбородкомъ Наденьки, и черная борода Силантія, и слой твердаго материка, пробиваемаго ломомъ. Вмѣсто Наденьки приснилась Саша. Она крѣпко схватила Ивана обѣими руками и вывела на широкое поле, гдѣ колосилась рожь, а въ пурпурныхъ небесахъ надъ самой рожью, рогами вверхъ, лежалъ огромный полумѣсяцъ. Иванъ закричалъ отъ ужаса и проснулся.

Было тихо въ домѣ, и на полу бѣлѣлъ лунный свѣтъ, а на немъ косой тѣнью вырѣзывалась вѣтка яблони.

Иванъ посмотрѣлъ въ окно. По ту сторону стояла Саша.

Онъ всталъ и раскрылъ окно.

У нея было заплаканное лицо.

— Что̀ случилось?

— Ваня, пусти меня къ себѣ,—сказала она чуть слышно.—Не сплю которую ночь... Измучилась.

Онъ взялъ сестру за талію и втянулъ въ комнату.

— Я готова просить у отца прощенья,—начала она.—Должно-быть, женщины въ самомъ дѣлѣ отличаются отъ мужчинъ тѣмъ, что не умѣютъ устроиться. Смѣшно, меня могутъ продать.

— Что̀ ты говоришь, Саша!

— Мутится умъ. Я брежу. Я, напримѣръ, слышу, какъ за стѣной дышатъ малыши... Что̀ отецъ?

— Отца, пожалуй, до сихъ поръ нѣтъ, — сказалъ Иванъ.—Ты не дрожи такъ. Отецъ былъ у вдовушки.

И Иванъ разсказалъ сестрѣ о темныхъ сѣняхъ и о самоварѣ.

— Грустно,—начала Саша.—Я давно уже большая, а меня никто еще не цѣловалъ. Какая жалкая вещь невинность... Не въ этомъ дѣло... Жизнь страшно мелкая. Впереди ничего, а у хозяйки постоянные разговоры, что надо пользоваться... Ваня, неужели меня можно назвать хорошенькой?.. Прости, я разбудила тебя. Но такъ захотѣлось перемѣны и твоей защиты... Пускай отецъ поколотилъ бы меня... Ложись, а я устроюсь на стульяхъ... Утромъ уйду.

Иванъ хотѣлъ приласкать сестру, но глаза его слипались. Ему казалось, что онъ что-то говоритъ; все тѣло ныло такой усталостью, что онъ потерялъ сознаніе. Когда же онъ раскрылъ глаза и вспомнилъ о Сашѣ, было уже утро, тянуло холодомъ изъ сада, щебетали ласточки, и въ комнатѣ никого не было.

XII.

Чуть свѣтъ, усѣлся Иванъ за переписку кассаціонной жалобы. Ночь и Саша внесли миръ въ его молодую душу.

На дворѣ оралъ бѣлый пѣтухъ, подаренный Аглаей Ермолаевной.

„Отецъ переберется къ ней въ домъ,—размышлялъ Иванъ:—и если я возьму Наденьку, не сдѣлаюсь ли я племянникомъ своего родителя, а мамашей станетъ мнѣ тетка“.

Онъ усмѣхнулся.

Въ сосѣдней комнатѣ спалъ Хрисанѳъ Семеновичъ. Въ восемь часо̀въ раздался ударъ кулакомъ въ грудь, набожно вздохнулъ старикъ и громко произнесъ:

— Господи, милостивъ буди ко мнѣ, грѣшному.

Ударъ раздробился на нѣсколько хлопковъ, и внезапно Хрисанѳъ Семеновичъ въ полосатой фланели, худенькій и гибкій, наклонно выскочилъ изъ дверей, мѣрно стуча туфлями, и граціозно полетѣлъ по комнатѣ.

— Сынъ мой возлюбленный, будь молодъ, какъ я!

Весело остановившись около конторки и переводя дыханіе, онъ началъ:

— Хочется серьезно переговорить съ тобой, Ваня.

— Я кончилъ кассаціонную жалобу, и вы напрасно обругали меня,—дружелюбно сказалъ Иванъ.

Хрисанѳъ Семеновичъ самодовольно улыбнулся:

— Ты славный малый—на тебя дѣйствуютъ слова... Скажи, что̀ бы ты запѣлъ, если бы я женился?—вдругъ строго спросилъ онъ.

— Вы имѣете право жениться.

— Благодарю. Но вопросъ—на комъ?

— На Аглаѣ Ермолаевнѣ?

Хрисанѳъ Семеновичъ свистнулъ и поклонился сыну:

— Иванъ Хрисанѳовичъ, а не староваты ли она для меня? Вчера я присмотрѣлся, и вѣрно говорятъ: семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь. Покойница была полная, но могла же надоѣсть мнѣ полнота...—И, замѣтивъ тѣнь на лицѣ Ивана, продолжалъ:—Организмъ мой не терпитъ одиночества, и потому... невзирая на образъ мамаши... я все-таки долженъ... иначе съ ума сойду... Но я предпочитаю тоненькихъ... А почему ты заговорилъ объ Аглаѣ Ермолаевнѣ?

— Въ городѣ болтаютъ.

— Ха-ха... выкину штучку... Конечно, нужна хозяйка.

— Саша могла бы вернуться,—проговорилъ Иванъ.

— Молчать!—закричалъ отецъ.—Я тоненькихъ полюбилъ... тоненькихъ... внутренно насъ презирающихъ, но наружно, подъ условіемъ брака, склоняющихся... ножками сѣменящихъ... невинныхъ и уже грѣшныхъ... Ахъ, монплезиръ, объяденіе... Да, у меня категорически другая на умѣ... Угадай!

— Не знаю... Вы бываете въ разныхъ домахъ.

— Не поймешь—холодная или горячая... И гордая, какъ чортъ, а должна покориться. Что̀ же касается Аглаи Ермолаевны, то у нея только домъ и мѣсто большое. Но я безъ куска хлѣба не останусь. Ты—уже отрѣзанный ломоть, а малютокъ на казенный счетъ опредѣлю, какъ потомственный дворянинъ... И заживу новой жизнью съ тоненькою... тоненькою...

Иванъ потупилъ глаза.

— Вы уже объяснились съ нею?—глухо спросилъ онъ.

— А, задѣло за живое? Одобряешь мой вкусъ? Какія объясненія! Цѣловалъ ручки, а она глазами стрѣляетъ. За меня Ольгина давно свою дочку сватаетъ. Вѣдь прехорошенькая дѣвчонка, но оскандалитъ... У, егоза!.. Явно рога наставитъ съ какимъ-нибудь балбесомъ въ родѣ тебя. А эта—дипломатъ, виду не подастъ—и я буду пользоваться примѣрнымъ счастьемъ... Я влюбленъ именно къ нее. Но секретъ. Но тайна. Дѣлюсь съ тобой, какъ съ старшимъ въ родѣ. „Я помню чудное мгновенье“,—запѣлъ Хрисанѳъ Семеновичъ, и пѣвческій талантъ его привѣтствовалъ во все горло бѣлый пѣтухъ.

XIII.

Бесѣда съ сыномъ была прервана кривой Аксиньей, которой надо было знать, что̀ готовить на обѣдъ. И ждали на дворѣ какіе-то мелкіе кліенты.

Вскорѣ Хрисанѳъ Семеновичъ напялилъ фракъ и поѣхалъ въ съѣздъ за полученіемъ „куша“.

А Ивану приказано было смотрѣть за дѣтьми. Но онъ предоставилъ ихъ самимъ себѣ, и они играли, плакали и мирились въ саду, онъ же упивался „Отечественными Записками“. Лежа на террасѣ, Иванъ опускалъ иногда книгу на полъ и мечталъ о далекомъ—и ему страшно и вмѣстѣ радостно становилось при мысли о предстоящей борьбѣ народа съ старымъ порядкомъ.

И голова его горѣла... А гдѣ-то въ глубинѣ души ныла странная боль. Никакими мечтаніями не могъ онъ ее заглушить... Точно кто ножомъ рѣзанулъ, и сначала порѣзъ былъ незамѣтенъ, но съ каждой минутой рана все больше зіяла.

Онъ перестал интересоваться чтеніемъ и будущимъ.

— Да неужели же?..—вслухъ произнесъ онъ, вскочилъ съ ди-

Я. Ціонглинскій. Портретъ піаниста Іосифа Гофмана.

вана и увидѣлъ передъ собой бѣлокураго, прозваннаго „Херувимомъ", съ которымъ онъ работалъ вчера въ подземельѣ.

— Что „неужели"?—спросилъ „Херувимъ" съ своей дѣтской улыбкой.—Не ждалъ меня? А меня Силантій послалъ къ тебѣ съ важнымъ порученіемъ. Я страшно доволенъ, что ты понравился ему. Подкопъ,—тихо заговорилъ онъ:—и безъ тебя будетъ сдѣланъ... Мы раздобыли еще одного подходящаго паренька... Силища, я тебѣ скажу, непомѣрная, а ростомъ меньше меня... Но тебѣ выпало на долю дѣло потоньше... Вотъ!

Онъ досталъ изъ толстаго портфеля пачку печатныхъ листковъ.

— Что это?

— Прокламаціи.

— А-а,—протянулъ Иванъ.

— Голубокъ,—продолжалъ „Херувимъ", смотря ему прямо въ душу своими добрыми глазами:—намъ нужно побольше народа... Чудесно написано и зажигаетъ. Потрудись уловить десятокъ-другой для нашей нивы. Отзывчивыхъ дѣвушекъ надо бы. А Силантій—у него орлиный глазъ—говоритъ, что ты долженъ дѣйствовать неотразимо. Итакъ, воспользуешься прокламаціями?

— Ладно,—сказалъ Иванъ.

— Имѣй въ виду,—кротко продолжалъ „Херувимъ", любовно беря за руку Ивана:—что участіе въ революціи налагаетъ обязанности, отъ которыхъ нельзя уклониться.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—спросилъ Иванъ.

— Конечно, свобода полная—и ты можешь отказаться... Но не принято. И что подумаютъ?

— Ты—мой товарищъ по школѣ и первый познакомилъ меня съ Ольгой Петровной,—началъ Иванъ.—Я всегда смотрѣлъ и смотрю на свою связь съ вами, какъ на выраженіе моей свободной воли. Я беру на себя порученіе, но не ради Силантія, а во имя идеи.

— Какой ты хорошій!—вскричалъ „Херувимъ", и въ дѣтскихъ глазахъ его дрогнула снисходительная усмѣшка.—Но не надо откладывать, и организація безъ дисциплины—звукъ пустой.

— Прочитаю ужо.

— Не прочитаешь ужо, а немедленно. А въ награду, какъ только ты проявишь дѣятельность, которой ждетъ отъ тебя Силантій, онъ познакомитъ тебя съ двумя дѣвушками небесной красоты и кристальной чистоты... высокой самоотверженности. Ихъ только-что выпустили. Знаешь, кто? Впрочемъ, ужо скажу.

Иванъ взялъ пачку, унесъ въ свою каморку и поставилъ въ шкапу между Дарвинымъ и Боклемъ.

„Херувимъ" пошелъ за нимъ.

— По рукамъ?

— Да.

Въ открытое окно вливался солнечный свѣтъ съ густымъ запахомъ развернувшагося жасмина и съ жужжаньемъ шмелей.

— Прочитай-ка при мнѣ,—сказалъ „Херувимъ", не сводя взгляда съ Ивана.

И этотъ ребячески-открытый взглядъ показался Ивану тяжелымъ. Онъ взялъ одинъ листокъ и прочиталъ.

XIV.

Вертлуговъ пріѣхалъ домой передъ вечеромъ. Извозчикъ несъ корзину съ покупками на животѣ, а старикъ шелъ позади въ полушелковой накидкѣ и въ бѣлой шляпѣ и напѣвалъ:

— Такъ рукой, такъ ногой!

Онъ былъ очень навеселѣ и споткнулся на гладкомъ мѣстѣ.

Дѣти выбѣжали къ нему навстрѣчу. Иванъ высунулся изъ окна.

— Тебѣ я купилъ сукна на сюртучокъ!—закричалъ Хрисанѳъ Семеновичъ сыну.—Долой блузу. Баста. А вамъ лошадокъ, куколъ.

Дѣти завизжали:

— Папочка, папочка!

— Хорошо себя вели?—спросилъ Вертлуговъ и тросточкой ткнулъ въ задъ извозчика:—Налѣво, болванъ. А себѣ ничего не пріобрѣлъ. Весь для семьи. Для дѣтей готовъ пожертвовать жизнью. Застраховался бы въ сто тысячъ и на другой день взорвалъ бы себѣ черепъ, честное и благородное слово!

Дѣти не отставали отъ отца. Когда корзина была вскрыта, изъ нея посыпались подарки. И Аксинья получила красный платокъ. Больше всего было закусокъ и винъ.

— Домъ долженъ быть полной чашей,—разсуждалъ Хрисанѳъ Семеновичъ.—Люди придутъ, надо же подать имъ и селедочки, и

Я. Ціонглинскій. Автопортретъ.

Я. Ціонглинскій. Самаркандъ. „Биби-Ханымъ“. Гробница жены Тамерлана.

икорки, и колбаски... Мы сардинокъ потребуемъ, дѣти... Чтò на меня, Иванъ, такъ смотришь? Нехорошъ? А? Пойди, я тебя поцѣлую, сынъ мой. Я не пьяница, но люблю правду и готовъ пострадать... Его удалили, а мы сдѣлали обѣдъ, и я сказалъ рѣчь. Я сказалъ блестящую рѣчь, Иванъ. „Въ наше время всеобщей разнузданности отрадно видѣть свѣтлыя личности, энергія которыхъ вся направлена къ возрожденію порядка“... А, ловкое начало? И обратясь къ виновнику торжества: „Терентій Капитонычъ, какъ частный приставъ, вы арестовали на улицѣ даму, бросившую вызовъ русскому правительству своимъ украинскимъ костюмомъ... Коварно поступили съ вами“... Клянусь, я такъ и сказалъ. Я могу быть страшно либераленъ. „Но правительство опомнится. Оно отступило, но оно придетъ—и вы возвратитесь къ намъ полицеймейстеромъ“. Тутъ поднялась буря аплодисментовъ. Меня стали качать. Иванъ, я вкусилъ дымъ славы,—томно и со слезами на глазахъ, протянулъ Хрисанѳъ Семеновичъ съ банкой икры въ рукахъ.—Цѣлуйте же, негодяи, вашего добраго отца, а не то отлуплю, какъ сидоровыхъ козъ!

Маня, Соня, Макся и Гриша стали обнимать ноги отца.

— А гдѣ же Иванъ?—спросилъ Хрисанѳъ Семеновичъ.

Но Ивана уже не было. Онъ убѣжалъ. Участіемъ въ обѣдѣ приставу, котораго за непристойную выходку удалилъ самъ губернаторъ, отецъ окончательно опозорилъ себя.

„И собирается жениться на молодой дѣвушкѣ... На комъ? Чью душу задумалъ онъ еще погасить?“

Не унималась рана, и слезы ярости и негодованія выступали на его глазахъ.

На тихихъ улицахъ города косые лучи солнца нѣжно золотили пласты бархатной пыли. Вдали въ розовой дымкѣ мычали коровы, которыхъ пастухи гнали домой.

„Куда мнѣ дѣваться? — спрашивалъ себя Иванъ.—Я терпѣливѣе Саши, но есть предѣлъ. Надо бѣжать“.

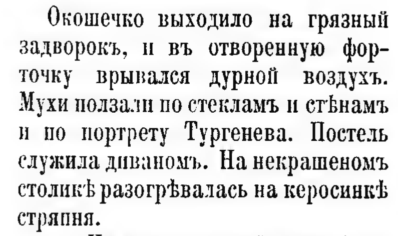
XV.

Иванъ отправился къ Сашѣ.

Она снимала каморку у вдовы парикмахера Анны Дмитріевны. Въ квартиркѣ пахло лампадками и кошками. Дѣвочка, красная, какъ изъ бани, и встрепанная, выскочила отъ Анны Дмитріевны. Изъ темненькой гостиной слышалась слащавая рѣчь Анны Дмитріевны, и кто-то кашлялъ басомъ и плевалъ на полъ.

Саша только-что вернулась съ урока и переодѣвалась. Она очень обрадовалась брату:

— Наконецъ-то!



Окошечко выходило на грязный задворокъ, и въ отворенную форточку врывался дурной воздухъ. Мухи ползали по стекламъ и стѣнамъ и по портрету Тургенева. Постель служила диваномъ. На некрашеномъ столикѣ разогрѣвалась на керосинкѣ стряпня.

— Не нравится мнѣ твоя Анна Дмитріевна, — шопотомъ сказалъ Иванъ.

Саша сдѣлала гримасу отвращенія и ужаса.

— Я заплатила впередъ,—отвѣтила она: — и какъ-нибудь доживу только до конца мѣсяца.

— Хочешь, вдвоемъ поселимся,—предложилъ Иванъ.—Сейчасъ я видѣлъ билетикъ на окнѣ—надъ самой Лебядкой. Кругомъ домика подсолнечники... Отгородиться ширмами.

— Я согласна! — вскричала Саша съ оживленіемъ.—А ты твердо рѣшилъ бросить отца?

Иванъ разсказалъ сестрѣ о приставѣ и о рѣчи Хрисанѳа Семеныча.

— Не надо волноваться,—сказала Саша, выслушавъ.—Отца не передѣлаешь. А я думала другое.

Я. Ціонглинскій. Портретъ дѣтей.

Я. Ціонглинскій. Пареенонъ.
Этюдъ пріобрѣтенъ для Музея Императорской Академіи Художествъ.

сегодня въ двѣнадцать часовъ... Саша, и откуда ты взяла, что я влюбленъ въ Наденьку? Я еще не знаю, люблю ли я Наденьку. Мнѣ только любопытно. Понимаешь, — у него загорѣлись глаза, и онъ съ увлеченіемъ заговорилъ: — есть женщины, которыя манятъ къ себѣ возможностями... Наденька не похожа на другихъ. Я убѣдился, она другая... Она умѣетъ чувствовать. Я такъ молодъ и, я бы сказалъ, невиненъ... И вдругъ Наденька съ отцомъ. Конечно, будь онъ—не онъ. Но Наденька безмѣрно выше его. Я отрѣшаюсь отъ мысли, что мой отецъ... Напримѣръ, если бы я узналъ, что нѣкто Хрисанѳъ Семеновичъ — всегда пьяненькій, мелкій, темный, морально неряшливый — слышишь, нѣкто—женихъ Наденьки, а она меня цѣлуетъ и назначила мнѣ свиданіе въ полночь... что бы я испыталъ и подумалъ? Предположи, что я допустилъ ея поцѣлуи по слабости характера... Все же какъ бы я на это реагировалъ?

Но у тебя есть еще что-то на сердцѣ?—спросила она, пристально посмотрѣвъ въ лицо брату.

— Болитъ...

— Подѣлись со мною. Отчего не хочешь разсказать всего?

— Еще не знаю, отчего болитъ,—съ печальной улыбкой отвѣтилъ Иванъ.

— Перепетуя Васильевна пила утромъ кофе у Анны Дмитріевны, и я слышала, какъ она разсказывала, что видѣла вчера отца у Аглаи Ермолаевны... и что онъ бываетъ у какихъ-то Ольгиныхъ...

— Катя Ольгина весной кончила гимназію, — прервалъ Иванъ.—Отецъ купилъ вексель, который выдала старуха, и тѣснитъ. Грозится продать ихъ домикъ. А онъ давно получилъ по векселю одними процентами...

— Со всѣхъ сторонъ тучи,—сказала Саша.

— Вопросъ о женитьбѣ отца, ты знаешь, меня мало занимаетъ,—возразилъ Иванъ и вдругъ спросилъ:—Но, можетъ-быть, и еще есть невѣста?

— Помнишь, за Маргаритой Антоновной отецъ ухаживалъ еще при матери?

Иванъ пожалъ плечами.

— Маргарита Антоновна—швея и дѣльная женщина. Но отецъ уже мнѣ объявилъ, что Аглая Ермолаевна для него старовата, и онъ полюбилъ тоненькихъ, а Маргарита Антоновна старше вдовушки... Катя же Ольгина, хоть и тоненькая, и ее не прочь выдать за него, но онъ влюбленъ въ третью... И, право, онъ чудакъ, у него легкія мысли. И онъ намѣренъ прожить съ молодой женой навѣрно еще лѣтъ тридцать.

— Ты находишь это въ порядкѣ вещей?—вскричала Саша.—Не стыдно тебѣ?

— Согласенъ, что иной порядокъ пріятно опрокинуть,—сказалъ Иванъ.—Но надо же уважать свободу личности. Стыдно не это.

— Что же?

— Я страдаю.

— А, бѣдненькій. Ты серьезно? Но она тебѣ не пара. Старше тебя... Постой!—съ внезапнымъ озареніемъ воскликнула Саша, испуганная своей догадкой.—Не имѣетъ ли отецъ въ виду Наденьку, если онъ отказывается отъ вдовушки?

— Саша, ты дура,—растерянно проговорилъ Иванъ и поблѣднѣлъ.—Ты дура,—повторилъ онъ.—Какъ могло тебѣ прійти это въ голову? — спросилъ онъ, схватившись за сердце. — Именно

Я. Ціонглинскій. Портретъ артиста Императорскихъ театровъ И. В. Ершова.

— Хорошо, что ты мнѣ все говоришь,—обрадовалась Саша.—Признаюсь, никогда я не считала ее хорошей и досадовала, что тебя она интересуетъ. Боже, чѣмъ же она такъ безмѣрно выше отца?

— Слушай, Саша,—придя въ себя, сказалъ Иванъ:—вѣдь это же гипотеза. У насъ фантазія, какъ у Перепетуи Васильевны и Феоніи Евстигнеевны.

— Ну такъ отчего же у тебя болитъ душа?—сердито спросила Саша.

— Пойти къ ней на свиданіе?

— Не ходи.

Саша чуть не опрокинула кастрюльку со щами. Руки ея дрожали, когда она разставляла посуду.

— Ты еще совсѣмъ мальчикъ,—продолжала она:—и тебя легко погубить.

— Чѣмъ?

Вдругъ она заломила руки:

— Умоляю тебя, Ваня, дай слово, что ты разорвешь съ нею!..

— Можетъ-быть, я напрасно признался тебѣ, — холодно сказалъ Иванъ. — Теперь я не открою тебѣ всего, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

XVI.

— А что у тебя еще?—со страхомъ остановивъ на братѣ глаза, спросила Саша.—Подумай же, Ваня, что столкнуться съ отцомъ на такой почвѣ...

— Не раздражай меня, Саша!—вскричалъ Иванъ.—Именно теперь я долженъ пойти, чтобы выяснить. Ты просто кипишь отъ ревности.

— Скажи, что же у тебя еще?—стараясь обнять брата, спросила Саша.

Онъ отклонилъ ея руки:

— Полно. Ты не успокоила меня. Мнѣ еще стало больнѣе. Прощай.

— Милый, не уходи. Поужинай со мною.

— Хорошо. Но перемѣнимъ разговоръ.

Они молча съѣли щи. За перегородкой каркалъ кашляющій басъ.

— Я насчетъ Анны Дмитріевны,—шопотомъ начала Саша.—Перепетуя Васильевна догнала меня вчера на улицѣ и говоритъ: „Вы Богъ знаетъ, гдѣ живете“. А я: „Вѣдь вы же дружите съ Анной Дмитріевной“. А она: „Я ужъ солидныхъ лѣтъ, и ко мнѣ не пристанетъ“...

— Ты что бредила ночью?

— Какъ ночь, я дѣлаюсь сама не своя,—съ болѣзненной улыбкой сказала Саша.—Анна Дмитріевна становится моимъ кошмаромъ и все мнѣ сулитъ сто рублей. По ея словамъ, моя квази-красота стоитъ большихъ денегъ.

— Ты, и правда, хорошенькая,—мягко сказалъ Иванъ.—Я какъ-то не обращалъ вниманія, пока ты не сказала.

Саша встала и посмотрѣлась въ маленькое зеркальце на стѣнѣ. Румянецъ разлился на ея щекахъ. И такъ же внезапно лицо ея подернулось тѣнью.

— Если отецъ женится, мнѣ ужъ не вернуться домой,—съ тоской сказала она.

Я. Бельзенъ. Портретъ Маруси Б. Выставка „Трехъ“.

Я. Бельзенъ. Косые лучи. Выставка „Трехъ“.

Она наклонила голову и указательнымъ пальцемъ стала водить по кружку воды отъ стакана. Потомъ спросила:

— Но ты въ самомъ дѣлѣ будешь жить со мною?

— Какъ только заработаю хоть немного денегъ — наймемъ комнату.

— А тайнъ отъ меня никакихъ не будешь скрывать?—пытливо спросила она.—Ты такъ и сидишь съ переполненнымъ сердцемъ.

— Тайны мои мнѣ принадлежатъ,—отвѣтилъ Иванъ.—Впрочемъ, это уже изъ другой и очень серьезной оперы,—сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана тоненькій листокъ, развернулъ и подалъ Сашѣ:—Прочитай-ка!

XVII.

Саша живо схватила прокламацію и подошла къ свѣту. Послѣдній отблескъ солнца умиралъ на подоконникѣ оранжевымъ пятномъ. Въ лучахъ этого пятна прочитала Саша прокламацію.

Потомъ перевела взглядъ на брата и сказала съ разочарованіемъ:

Я. Бельзенъ. „Широкая кисть". Автопортретъ. Шаржъ. Выставка „Трехъ".

только легкій стонъ вырвался изъ ея груди. Иванъ постоялъ, пока не погасъ на подоконникѣ оранжевый отблескъ.

— До скораго свиданія, Саша!

VXIII.

Чтобы убить время, Иванъ пошелъ въ городской садъ.

Не играла музыка подъ сводами столѣтнихъ деревьевъ, и было пустынно въ саду. Двигались въ кустахъ безшумныя тѣни, кричали передъ сномъ грачи. Скамейки, изрѣзанныя надписями, сиротливо стояли въ туманныхъ аллеяхъ.

Иванъ думалъ о полуночи и испытывалъ незнакомое волненіе. Онъ заранѣе пугался объясненія съ Наденькой. Вчера у него было другое чувство къ ней. Словно кто дунулъ на огонекъ, который едва теплился въ его сердцѣ,— и огонекъ вспыхнулъ, и надо поскорѣе накормить его горючимъ матеріаломъ. Странный голодъ томилъ Ивана.

Наступила темнота. Шагалъ Иванъ. Шляпа стала тяжела, и онъ снялъ ее. Волнистые волосы его упали на лобъ и виски.

Онъ дошелъ до обрыва, раздѣлявшаго садъ на двѣ половины—культурную и дикую, и сѣлъ у корней стараго дуба. Луна поднялась, и сонный паръ на днѣ оврага сталъ голубымъ. Доносились оттуда легкіе шорохи. Раздались и замерли молодые голоса. Вздрогнулъ подавленный смѣхъ женскій.

По тропинкѣ осторожно выбрались изъ оврага двѣ фигуры и прошли мимо Ивана, взявшись за руки. Онъ узналъ гимназиста Ключаревскаго, стройнаго, съ выпуклыми глазами и съ вздутымъ ртомъ, прославившагося побѣдами надъ гимназистками, изъ которыхъ одна отравилась, и вертлявую, какъ птичка, Катю Ольгину.

Парочка удалялась, замелькала темными силуэтами въ лунномъ свѣтѣ, заливавшемъ садъ, и исчезла.

„Старикъ правъ,—подумалъ Иванъ.—Но, значитъ, онъ думаетъ, что та, на которой онъ остановилъ выборъ— безстыдненькая и тоненькая—будетъ солиднѣе измѣнять ему, такъ что самолюбіе его отъ этого не пострадаетъ".

Невольно представилась ему Наденька съ своимъ энергичнымъ подбородкомъ и загадочнымъ выраженіемъ глазъ.

— А я думала, что касается тебя.

— Другихъ дѣлъ, кромѣ личныхъ, не признаешь!—вскричалъ Иванъ и вырвалъ прокламацію изъ ея рукъ.

— Что же ты разсердился?— съ недоумѣніемъ спросила Саша.—Мы сами такъ слабы и обездолены, что куда намъ еще заниматься пропагандой... Хоть бы встать на ноги... Не ты ли вчера обѣщалъ всѣхъ насъ вывести въ люди? А развѣ это легко, Ваня? — сообразивъ, въ чемъ дѣло, начала Саша.—Не попадись какъ-нибудь. Зачѣмъ она у тебя? Дай сожгу сейчасъ на керосинкѣ.

— И не стыдно тебѣ, Саша? У дѣвушки навернулись слезы.

— Когда мнѣ тяжело, мысль о тебѣ только подкрѣпляетъ меня, — сказала она. — Не стыдно, Ваня, бояться за тебя.

— У меня такихъ огромная пачка—и надо раздать; и раздамъ.

— Но тебя сошлютъ.

— За это даже вѣшаютъ,— горделиво сказалъ онъ.

Она ничего не возразила, и

Я. Бельзенъ. Ягдсменъ на охотѣ. Шаржъ. „Выставка Трехъ".

XIX.

Городскіе часы пробили только одиннадцать. Когда Иванъ толкнулъ калитку низенькаго заборчика и сталъ подниматься по дорожкѣ, крѣпко забилось его сердце. Ноющая боль въ душѣ разрослась, и поднялся пламень, который казался такимъ нежгучимъ двадцать четыре часа назадъ.

Иванъ сѣлъ на знакомой скамейкѣ и сталъ смотрѣть на домъ. Не было свѣта, никто не шелъ. Сердце бухало въ груди, какъ молотъ.

Въ лунномъ воздухѣ звонко разлился металлическій звукъ.

„Не придетъ. Передумала. Не пришла раньше, не придетъ позднѣе. Она не придетъ".

Прошла вѣчность. Наденьки не было; пробили часы полчаса, три четверти и часъ.

Таинственно слилась тишина съ сумракомъ, и ее заткалъ лунный свѣтъ; и еще присоединился запахъ жасмина. Въ глазахъ у Ивана стало рябить; хотѣлось уйти—ноги не повиновались. Луна и жасминъ приковали къ скамейкѣ. Было томно и обидно.

Почудилось, что вдали, гдѣ крылечко, скрипнула ступенька. Опять неровно застучало сердце. Иванъ всматривался въ зыблющійся сумракъ за жасминомъ. Но холодные съ гибкими пальчиками руки плотно закрыли ему глаза, и что-то теплое и упругое прижалось къ его затылку, и кто-то наклонился изъ-за спины черезъ его голову и смѣло и влажно поцѣловалъ его въ губы.

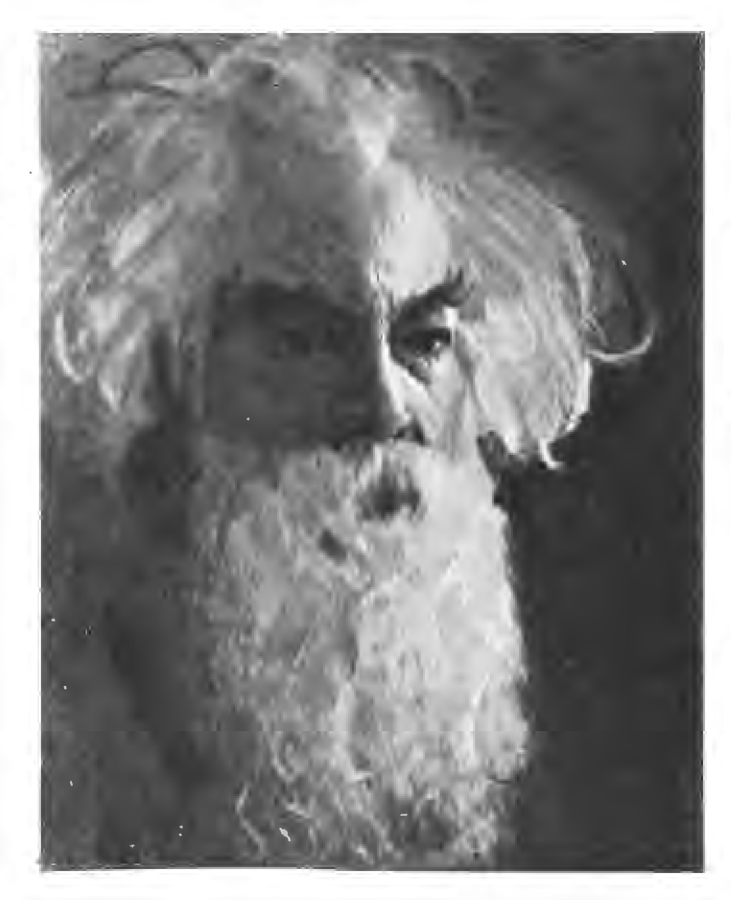
(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Писаховъ. Весна на Бѣломъ морѣ. Выставка „Трехъ".

Онъ стремительно вышелъ на улицу и, спустившись по откосу у Краснаго моста, вдоль берега Лебядки, пошелъ направо. Песокъ хрустѣлъ. Погасали огни въ домахъ. Луна отбрасывала отъ Ивана короткую тѣнь. Церкви вздымали къ небесамъ легкіе купола. Духовная семинарія сверкала призрачной бѣлизной и отражалась въ Лебядкѣ, какъ въ длинной полоскѣ зеркала.

По мосткамъ перешелъ Иванъ на ту сторону, гдѣ на склонѣ холма чернѣлъ вишневый садикъ Аглаи Ермолаевны.

І. Ясинскій. Дѣвушка съ косой. Выставка „Трехъ".



І. Ясинскій. Автоэтюдъ. Выставка „Трехъ".

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

IV.

Павелъ Аркадьевичъ проснулся отъ послѣобѣденнаго сна, напился чаю, сѣлъ къ письменному столу, развернулъ счетоводныя книги и защелкалъ на счетахъ. Время шло, и онъ совершенно не замѣчалъ его теченія. Дѣти давно уже спали, и изъ дѣтской доносился ихъ громкій храпъ. Луша въ кухнѣ окончила работу и тоже смолкла. Павелъ Аркадьевичъ оторвался отъ работы только тогда, когда услышалъ звонокъ. Онъ всталъ, зажегъ свѣчу и пошелъ встрѣтить жену. Она вошла радостная, оживленная и прямо съ порога закричала:

— Павля, Павля, мнѣ сегодня такая удача, что ты и представить себѣ не можешь!

— Что за удача? — спросилъ онъ, помогая женѣ снять кофту и вводя ее въ столовую.

Она сняла шляпу и кинула на столъ портмонэ:

— Смотри!

Онъ взялъ со стола длинное кожаное портмонэ.

— На что смотрѣть?

— Тамъ, тамъ! Что тамъ лежитъ.

Онъ разскрылъ портмонэ и изумленно вздрогнулъ.

— Высыпи!

Онъ опрокинулъ портмонэ надъ скатертью стола, и на нее упали ассигнаціи и покатились золотыя монеты.

— А теперь считай! — торжествующе сказала Ольга Карповна и сама нагнулась, чтобы считать деньги: — 168 рублей! А? Да твоихъ 30. Итого 198. Павля, Павля! Это въ два раза больше, чѣмъ ты получилъ за свою работу.

Онъ выпрямился и съ удивленіемъ спросилъ ее:

— Откуда? Гдѣ ты достала эти деньги?

Она положила ему руки на плечи и сказала:

— Только не сердись, не смѣй даже хмурить брови. Я тебѣ все разскажу по порядку. Я пришла сегодня къ Синицынымъ, къ Калеріи, а они... ну, видишь, они собирались ѣхать играть въ клубъ, играть въ лото, и позвали меня...

— И ты поѣхала?

— Ну да! Они упросили, и я поѣхала. Отчего же...

Павелъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену. За 12 лѣтъ ихъ жизни онъ думалъ, что хорошо знаетъ ее, и никогда бы не допустилъ мысли, что она рѣшится пойти въ клубъ, въ собраніе неизвѣстныхъ людей, въ мѣсто, охваченное азартомъ.

— Ну чего ты такъ смотришь? Развѣ это такъ ужасно? Не хмурься. И вообрази себѣ, Павля: только-что сѣла — и сразу выиграла 22 рубля... А въ послѣдній разъ выиграла 68 и устала. Потомъ мы поужинали и я поѣхала. Калерія заняла 25 рублей, Константинъ Петровичъ 10, да еще я за ужинъ заплатила, и вотъ наши деньги. 198 рублей. Знаешь что, Павля? Ты теперь купи хорошій пиджакъ, всю тройку. Я куплю дѣтямъ пальто, у нихъ старенькія, совсѣмъ обносились. Мы заплатимъ за квартиру, и я куплю себѣ красивое осеннее манто. Я видѣла... красивое-красивое. Хорошо, Павля?

Она обняла его и прижалась къ его щекѣ щекой, радостная, оживленная.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ устоять противъ ея ласки. Онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Глупенькая моя, сдѣлай все, какъ хочешь. Дѣйствительно, эти деньги точно свалились съ неба. Хотя, говоря по правдѣ, мнѣ все это не нравится. Это не для насъ. Константинъ Петровичъ — агентъ, репортеръ, человѣкъ, живущій на людяхъ, — ему это такъ. Соблазнилъ онъ и свою жену и тебя. Долго ли васъ соблазнить?

— Ахъ, Павля. Если ты пойдешь хоть разъ, то увидишь, что тамъ совсѣмъ прилично. Ничего страшнаго. Вотъ ты со мной сходи. Сходишь?

— Ну, объ этомъ послѣ...

— А ты все работалъ?

— Надо же было кончать работу, да вѣдь сейчасъ не такъ ужъ поздно...

— Два часа: идемъ спать, Павликъ.

— Я сейчасъ. Доконочу только.

Она прошла въ спальню, переодѣлась, вернулась въ капотѣ и сѣла подлѣ мужа, а тотъ продолжалъ еще щелкать на счетахъ. Наконецъ онъ отодвинулъ счеты, закрылъ книги, погасилъ лампу, всталъ и сказалъ:

— Ну, пойдемъ.

Почти 200 рублей — это хорошее подспорье въ ихъ бюджетѣ, но сознаніе, что эти деньги выиграны, а не заработаны, что жена была въ клубѣ — смутно волновало Павла Аркадьевича и мѣшало ему раздѣлять радость жены. А она лежала подлѣ него и говорила взволнованно и радостно:

— Ахъ, Павликъ, если бы такъ повезло хотя одну недѣлю! Каждый день по 198 рублей, вѣдь это богатство! Мы бы съ тобой купили теплую одежду: расплатились со всѣми долгами, заплатили за квартиру и даже... даже купили бы новую мебель. Почему ты молчишь, Павля? Ты все еще недоволенъ? Сердишься?

Онъ сказалъ:

— Не сержусь, а какъ-то неловко, непріятно. Я привыкъ цѣнить деньги постольку, поскольку онѣ заработаны. Случайныхъ денегъ у меня никогда не было, играть я никогда не игралъ. У насъ въ правленіи былъ артельщикъ, онъ игралъ и кончилъ тѣмъ, что растратилъ деньги и застрѣлился. Вообрази себѣ, Оля, что вотъ часть этихъ денегъ, изъ-за которыхъ онъ лишилъ себя жизни, выигралъ бы я. Да вѣдь это ужасно!

— Но, Павля, вѣдь не было еще случая, чтобы кто-нибудь застрѣлился изъ-за лото; тамъ проиграть нельзя больше 25 рублей.

— 25 рублей за одинъ вечеръ! Ты подумай объ этомъ. Я зарабатываю въ мѣсяцъ 200 рублей и, значитъ, могу проиграться въ восемь вечеровъ. Ты находишь, что это мало? Мы съ тобой проживаемъ въ день 3—4 рубля — и вдругъ въ одинъ вечеръ можемъ проиграть восемь дней нашей жизни. И это мало?

— Ты все преувеличиваешь, Павликъ. Ты просто засидѣлся. Вотъ и Константинъ Петровичъ говоритъ это и Калерія. Все сидишь и сидишь. Ты долженъ непремѣнно поѣхать съ нами. Константинъ Петровичъ проведетъ. Ему тамъ всѣ знакомы, и онъ сдѣлаетъ тебя членомъ. Я уже членъ клуба.

— Поздравляю.

— Вотъ ты и сердишься, — сказала она капризно.

— Не сержусь, но все это мнѣ непріятно.

— Но вѣдь я только разъ. Всего одинъ только разъ поѣду. Ну, можетъ-быть, два, три раза. Вѣдь это все „такъ". А если бы ты зналъ, какъ мнѣ иногда бываетъ скучно! Вѣдь я всегда одна. Ну съ дѣтьми, ну по хозяйству, а потомъ наступитъ вечеръ. Ты занятъ. Что я? Почитаю, пошью, а потомъ? Нѣтъ, Павля, ты не сердись и позволь мнѣ ходить... хоть изрѣдка. И самъ сходи со мной. Ну хоть разъ. Милый!

— Хорошо, какъ-нибудь пойдемъ вмѣстѣ.

— А завтра купимъ все. Я пойду вмѣстѣ съ Калеріей: она зайдетъ за мной, и дѣтей возьму. Я куплю имъ игрушекъ, пальто, потомъ себѣ пальто. А когда ты вернешься со службы — мы пойдемъ съ тобой, и ты себѣ купишь.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ не улыбнуться, слушая ея болтовню.

Когда на другой день, рано утромъ, онъ всталъ и собирался на службу, жена его спала крѣпкимъ сномъ. Онъ пожалѣлъ ее будить.

V.

Нянька встрѣтила его вопросомъ:

— Что же барыня наша? Вставать надо.

— Вчера поздно вернулась, — сказалъ онъ и почувствовалъ легкую досаду.

Измѣнился порядокъ.

До сегодняшняго утра она каждый день провожала его на службу, и они вмѣстѣ пили утренній чай. Онъ читалъ газету и сообщалъ ей новости, которыя интересовали ее. Сегодня онъ одинъ. Пришла Катя, а за нею и Петя. Оба вымытые, свѣжіе, веселые.

— Ну, садитесь и будемъ пить чай, — сказалъ Певелъ Аркадьевичъ, цѣлуя ихъ. — Какіе сны видѣли? Какіе интересы у васъ?

— Мама сказала, что она купитъ мнѣ краски, — объявилъ Петя.

— А мнѣ игру, — сказала Катя.

— Кутитъ, значитъ, будете, и съ подарками, — засмѣялся Павелъ Аркадьевичъ.

Онъ выпилъ чай и ушелъ, провожаемый дѣтьми. Ясный осенній день разсѣялъ его дурное настроеніе. „Не все же ей сидѣть дома. Бѣды нѣтъ, если для развлеченія заглянула въ клубъ. А ко всему и выиграла и счастлива". Онъ улыбнулся и бодрымъ шагомъ пошелъ по улицѣ.

Въ два часа дня Калерія, какъ ураганъ, ворвалась въ комнаты, перецѣловала дѣтей и заговорила безъ перерыва:

— Душечка Оля, уже два часа, одѣвайся и ѣдемъ. Какая великолѣпная погода! Купимъ много, много. И дѣтямъ и тебѣ, и я куплю, а вечеромъ — въ лото. Непремѣнно, непремѣнно! Ты не спорь. Знаешь, я тебѣ это вѣрно говорю: если повезло разъ, повезетъ и въ другой, и въ третій, и все время...

Ольга засмѣялась:

— До которыхъ поръ?

Калерія подняла плечи:

— Ужъ этого не знаю, а только долго. Одинъ разъ у насъ было, что мы выигрывали двѣ недѣли. Двѣ недѣли подъ рядъ. Ты понимаешь? Когда 60, когда 100. Я тебѣ говорила объ этомъ. А потомъ сразу прекратилось. А когда прекратится, ты не ходи. Не ходи и не ходи, а потомъ снова пойди, и опять тебѣ будетъ везти.

— Этакъ я буду зарабатывать больше, чѣмъ мой мужъ.

— Больше и гораздо веселѣе. Ты подумай: тамъ канцелярія, духота, скука, считай на счетахъ, а здѣсь — пріятное общество и оживленіе, и интересные люди, а потомъ — ужинъ. И такъ легко. Ну, ѣдемъ. Ты готова?

Ольга только-что встала съ постели. Она наскоро выпила кофе, приказала нянькѣ одѣть дѣтей и поѣхала съ Калеріей и съ ними въ Гостиный дворъ.

Надо быть молодой женщиной, живущей постоянно въ стѣсненіи, чтобы понять ту радость, которую испытывала Ольга Карповна, имѣя возможность свободно тратить деньги. Она купила Катѣ и Петѣ по красивому пальто и по хорошей суконной шапкѣ съ красными помпонами, накупила имъ разныхъ игрушекъ, а потомъ поѣхала въ магазинъ дамскихъ нарядовъ и выбрала себѣ пальто. Нагруженная покупками и сластями, она вернулась домой тогда, когда Павелъ Аркадьевичъ уже переодѣлся и нетерпѣливо ходилъ по столовой въ ожиданіи обѣда. И она и дѣти ворвались въ квартиру веселыя, радостныя, и заговорили на разные голоса, обнимая Павла Аркадьевича. Катя показывала свои покупки, Петя кричалъ: „Развяжите мои игрушки". Ольга Карповна говорила и о пальто, и о покупкахъ, и о желаніи играть въ лото, и о надеждѣ снова выиграть: и Павелъ Аркадьевичъ, сначала недовольный, опять уже весело смѣялся и говорилъ:

— Ну, а какъ же съ платой за квартиру?

Ольга Карповна на мгновеніе смутилась:

— За квартиру... Вѣдь у насъ нѣтъ еще и сроку. Ты получишь жалованье—и заплатимъ. Это вѣдь деньги совсѣмъ случайныя, я и не думала...

— А все-таки считали, что заплатимъ.

— Вчера. Но ты посмотри, какое у меня пальто. Когда ты со мной пойдешь по улицѣ, ты будешь радоваться, какая я красивая.

— Милая моя, да въ какой одеждѣ ты ни иди, я всегда радуюсь и горжусь тобой.

Они сѣли обѣдать. Только послѣ обѣда нѣсколько омрачилась ихъ радость, когда Ольга Карповна, ласкаясь къ мужу, спросила:

— Павля, ты вечеромъ занятъ?

— Пока да. Вотъ окончу отчетъ и тогда буду совсѣмъ свободенъ.

— Если ты занятъ, мнѣ можно пойти?

— Опять въ клубъ?

Она нѣсколько замялась:

— Въ лото... Ну, пусти. Ну, милый! Ну, дорогой!

Она обняла его и стала крѣпко цѣловать въ глаза и въ шею и въ щеку.

— Неужели тебѣ такъ хочется?

— Милый, я опять выиграю.

— Ты сдѣлаешься настоящей лотошницей.

— Такъ что же? Вѣдь это для насъ обоихъ. Намъ такъ нужны деньги.

Онъ засмѣялся.

— Ахъ, ты, моя работница!—сказалъ онъ, трепля ее по щекѣ.— Ну, хорошо, иди; только не приходи такъ поздно. Сегодня утромъ я ушелъ безъ тебя, къ обѣду ты тоже запоздала. Это уже совсѣмъ не порядокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я приду совсѣмъ рано, и завтра будемъ пить чай вмѣстѣ. Я выиграю много денегъ, и мы заплатимъ за квартиру; непремѣнно заплатимъ.

— Ну, хорошо, а теперь я пойду спать.

Онъ ушелъ въ спальню, она же прошла въ дѣтскую и, радостная радостью дѣтей, разсматривала съ ними игрушки, которыя они купили, играла съ ними и весело смѣялась.

Нянька сказала:

— Барыня, и куда это ты вчера ходила?

— Ахъ, нянечка, въ лото играла, такой клубъ есть. Играютъ сто, двѣсти человѣкъ. Купишь карту за 20 копеекъ, а можешь выиграть 20—30 рублей.

— Какъ же это такъ? Лотерея какая?

— Нѣтъ; то же лото, что у дѣтей, и играютъ такъ же; только очень много людей играютъ и всѣ по 20 копеекъ платятъ, а выиграетъ одинъ. Онъ всѣ деньги и беретъ. Поняла?

— Другихъ, значитъ, разоряетъ...

— Ну, какое разореніе! Развѣ 20 копеекъ разорятъ меня?

— А ежели цѣлый вечеръ да по 20 копеекъ?

— А ты старайся выиграть.

Нянька покачала головой и ничего не отвѣтила.

— Баринъ сегодня одинъ чай пилъ утромъ. Впервой,—сказала она, помолчавъ.

Ольгѣ Карповнѣ слова ея показались упрекомъ. Радужное настроеніе ея нѣсколько разсѣялось. Она встала и прошла въ спальню, чтобы одѣться. Потомъ вернулась въ дѣтскую и, какъ вчера, сказала нянѣ:

— Въ 9 часовъ уложи дѣтей, а барина не позднѣе 10-ти разбуди и чай ему приготовь.

— Знаю, знаю ужъ. А ты что же? Опять въ лото?

— Да, сегодня опять иду. Ну, до свиданья, дѣти! Будьте умницы.

Она поцѣловала дѣтей и быстро вышла изъ комнаты. Слова няньки нѣсколько нарушили ея радостное настроеніе, но все-таки она выиграетъ.

— Вы?—съ радостнымъ изумленіемъ воскликнулъ Константинъ Петровичъ.—Вотъ ужъ не думалъ.

— А почему?

— Думалъ, супругъ не отпуститъ васъ. Онъ вѣдь у васъ съ особыми правилами.

— Смѣйтесь!—сказала Ольга Карповна.—Да, онъ совсѣмъ другого образа жизни, чѣмъ вы. Но онъ понимаетъ, что было бы глупо меня задерживать. Онъ знаетъ, что я сумѣю держать себя во всякомъ обществѣ и не уроню своего достоинства. Онъ даже самъ хочетъ поѣхать съ нами.

— Да ну?.. Вотъ это ужъ удивительно. Такъ мы его запишемъ тоже. Можетъ-быть, и ему повезетъ, какъ вамъ.

— А я вотъ что скажу,—сказала Ольга Карповна. — Сегодня я рѣшила играть и за 50 копеекъ и за 1 рубль, и до самаго конца.

— Если повезетъ,—сказалъ Константинъ Петровичъ, смѣясь:— гору выиграете.

— Ахъ, душечка! Тебѣ должно повезти и сегодня и завтра. Вотъ повѣрь моему слову. Слушай,—Калерія понизила голосъ:— за то, что я тебѣ такъ предсказываю, ты должна непремѣнно мнѣ дать 10 процентовъ съ своего выигрыша.

Ольга Карповна засмѣялась:

— Будемъ дѣлить шкуру съ медвѣдя.

— Да, да, ты не смѣйся, а обѣщай.

— Ну, обѣщаю. Идемте!

Они напились чаю и пошли въ клубъ, и, какъ вчера, Ольга Карповна играла необычайно счастливо. Послѣ 3—4 игръ она кричала: „довольно" и получала ставку. Всѣ игроки обратили на нее вниманіе. Сидящій неподалеку отъ нея военный крутилъ усъ и, играя глазами, жадно смотрѣлъ на нее. Сидѣвшая противъ нея блеклая красавица сказала:

— Душечка, давайте играть съ вами пополамъ.

— Не соглашайтесь! Мы, сударыня, уже въ долѣ, — отвѣтилъ за Ольгу Карповну Синицынъ.

Со всѣхъ сторонъ предлагали ей „страховаться".

— Это что такое?—спросила Ольга Карповна.

— Ерунда! Если вы выиграете—должны будете тому и другому и третьему дать, а если проиграете, то ничего не получите. Ни съ кѣмъ не страхуйтесь и ни съ кѣмъ не идите въ долю. Кромѣ насъ,—прибавилъ онъ.

Калерія засмѣялась:

— Десять процентовъ, десять процентовъ,—говорила она каждый разъ на ухо Ольгѣ Карповнѣ и брала то 4, то 6, то 8 рублей.

Игра продолжалась. Послѣднія три игры карта стоила рубль, и ставка дошла до 160 рублей. И одну изъ этихъ игръ опять выиграла Ольга Карповна. Когда они, поднявшись въ буфетъ, подсчитали выигрышъ, оказалось, что она выиграла 344 рубля.

Синицынъ не безъ зависти смотрѣлъ, какъ Ольга Карповна утискивала деньги въ свое длинное портмонэ. На нее указывали, и нѣсколько человѣкъ произнесли вполголоса ея имя.

— Жена бухгалтера,—донеслось до нея.

— Откуда они меня знаютъ? — съ изумленіемъ спросила она Константина Петровича.

Тотъ пожалъ плечами.

— Здѣсь все и всѣхъ знаютъ,—шутливо отвѣтилъ онъ.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ работать. Онъ волновался. До часу ночи онъ ждалъ спокойно, но когда пробило часъ, потомъ половину и два часа, а жены все не было, онъ потерялъ спокойствіе, закрылъ книги и безпокойно сталъ ходить по столовой. Время шло томительно долго. Пробило половину третьяго. Онъ остановился и растерянно провелъ рукой по лицу.

„Это уже безобразіе. Вчера она вернулась въ часъ, сегодня въ три".

Вдругъ раздался звонокъ. Онъ поспѣшилъ отворить дверь, и, какъ вчера, она ворвалась въ комнату, обняла его и, едва владѣя собой отъ волненія, проговорила:

— Триста сорокъ четыре рубля, Павля. Триста сорокъ четыре!

Его недовольство еще не прошло, и онъ холодно сказалъ:

— Ты пришла очень поздно. Этого не надо дѣлать.

— Ахъ, Павля! Если бы ты зналъ, какъ это завлекаетъ! Триста сорокъ четыре! Вчера 160: вѣдь это 500 рублей. Теперь мы все купимъ. Теперь и за квартиру заплатимъ. Нѣтъ, ты не смѣешь быть недовольнымъ. Поцѣлуй свою Олю, поцѣлуй и говори спасибо.

Онъ принужденно улыбнулся:

— Цѣлую, цѣлую, но спасибо... Нѣтъ, Оля, это не заработанныя деньги. И онѣ мнѣ не нравятся.

— Не нравятся!—Она надула губы.—Вотъ ты нарочно хочешь испортить мое радостное настроеніе.

— Милая, это возбужденіе, ты словно опьянѣла. Посмотри: у тебя лицо горитъ, глаза свѣтятся, и въ нихъ видна жадность. Да, да, жадность!.. Подойди къ зеркалу!

Она испуганно отшатнулась:

— Нѣтъ, ты смѣешься. Это ты нарочно.

Павлу Аркадьевичу стало ее жалко:

— Ну, я пошутилъ. Только не надо этого. Богъ съ ними, съ деньгами.

— Ахъ, если бы ты зналъ, какъ это завлекаетъ, какъ кружитъ голову. Ты подумай: 344. Вѣдь они на улицѣ не валяются.

— Это такъ, но...

— И никакихъ „но". Деньги намъ пришли, ты долженъ быть доволенъ, я тоже; и будемъ смѣяться. А сердиться совсѣмъ не надо.

Онъ успокоился:

— Однако уже три часа. Будемъ спать. Утро вечера мудренѣе.

— И ты купишь себѣ все, что надо?

— Хорошо, куплю.

— Мы заплатимъ за квартиру; я завтра же пошлю за дворникомъ.

— Пошли. Это самое лучшее, что ты сдѣлаешь изъ этихъ денегъ. Все-таки мы будемъ спокойны.

VI.

Павелъ Аркадьевичъ замѣшкался на службѣ, и было почти шесть часовъ, когда онъ вернулся домой. Навстрѣчу ему въ переднюю выбѣжали Катя и Петя и тотчасъ затормошили его.

— Папа, ты скорѣе раздѣнься и иди ко мнѣ!—кричалъ Петя.— Мнѣ мама купила настоящую желѣзную дорогу. Завести—и она по рельсамъ идетъ. Раздѣвайся и иди ко мнѣ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Павелъ Аркадьевичъ, цѣлуя дѣтей.

— А мнѣ мама купила все для вышивки: и шерсть, и канву, и рисунокъ. Я тебѣ, папа, туфли вышью, хорошія туфли... и потомъ колечко купила: „Ты, говоритъ, уже большая"... — цѣлуя отца, тараторила Катя.

— А мама гдѣ?

— Я здѣсь! — закричала Ольга Карповна изъ столовой. — Иди скорѣе, Павля, я тебѣ буду хвастаться обновками. Луша! — закричала она еще громче:—накрывай на столъ, баринъ вернулся.

Павелъ Аркадьевичъ вошелъ въ столовую и остановился на ея порогѣ. На обѣденномъ столѣ вмѣсто приборовъ для обѣда грудами были навалены матеріи разныхъ цвѣтовъ и свертки. Ихъ разбирали и разглядывали Ольга Карповна и Калерія.

— Гляди, Павля, вотъ, во-первыхъ, я тебѣ подарокъ купила, чтобы ты никогда о спичкахъ не разговаривалъ. На тебѣ! Это— зажигалка. Говорятъ, самая лучшая: въ ней и фитиль, чтобы закуривать на вѣтрѣ, и спичка какая-то.

— Вы въ претензіи?—спросила Калерія, здороваясь.

— На что?

— Что мы съ мужемъ соблазнили вашу жену въ лото играть.

Павелъ Аркадьевичъ пожалъ плечами.

— Онъ самъ играть будетъ,—засмѣялась Ольга Карповна.

— Она не маленькая,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ и прибавилъ шутливо:—А къ тому же сразу разбогатѣла. Это такъ для нея неожиданно и такъ радостно.

— И для тебя тоже,—перебила Ольга Карповна.—Ты посмотри, сколько я купила. И нянькѣ купила, и Лушѣ, и за квартиру отдала.

— Вотъ это хорошо. И обѣдать будемъ?

— Сейчасъ. Луша, торопись. Калерія, помоги убрать!

Она схватила въ охапку свои покупки и переложила ихъ частью на диванъ, частью на письменный столъ Павла Аркадьевича.

— Няня, не давай дѣтямъ ѣсть котлеты: посмотри, они всѣ рты себѣ измазали. Вымой ихъ.

Луша вошла, громыхая посудой, и начала накрывать на столъ.

Павелъ Аркадьевичъ сказалъ:

— Я пойду переодѣнусь.

Слѣдомъ за нимъ въ спальню вошла Ольга Карповна, сѣла въ кресло и начала говорить:

— Я много купила самаго необходимаго. Ты знаешь, эти деньги для насъ прямо благодать. Вчера я купила себѣ и дѣтямъ пальто, сегодня на двѣ кофточки и разныхъ необходимыхъ вещей. Нянькѣ сдѣлала подарокъ—купила на платье. Вѣдь это хорошо, все-таки. Лушѣ матеріи подарила на кофточку, за квартиру отдала. Теперь всѣ довольны. Переодѣвайся скорѣе и приходи въ столовую.

Павелъ Аркадьевичъ переодѣлся и вышелъ.

— Луша, давайте обѣдать!—крикнула Ольга Карповна.

За обѣдомъ она продолжала говорить о своихъ покупкахъ, а Калерія поддерживала оживленную болтовню.

— Все великолѣпно. И вы знаете, какъ дешево!

— Сколько же ты истратила денегъ?

— Я?—Она задумалась и потомъ сказала:—Рублей 100. А можетъ, и 110. Я взяла съ собой 125 рублей, а у меня въ кошелькѣ еще осталось.

Послѣ обѣда она спросила:

— Ты сегодня что̀ вечеромъ дѣлаешь?

Павелъ Аркадьевичъ засмѣялся:

— Этотъ вопросъ сталъ обязательнымъ. Я буду работать, а ты пойдешь въ клубъ.

Ольга Карповна смѣло встрѣтила его фразу:

— Да, я хотѣла пойти и сегодня. Вотъ и Калерія говоритъ, и мужъ ея, что если везетъ, такъ везетъ все время. Надо пользоваться счастьемъ.

— Вы ужъ отпустите ее, Павелъ Аркадьевичъ. Я увѣрена, что она и сегодня и завтра будетъ выигрывать.

Павелъ Аркадьевичъ пожалъ плечами:

— Какъ я могу ее удержать?

Онъ выпилъ стаканъ чаю и пошелъ въ спальню.

Слѣдомъ за нимъ вошла Ольга Карповна.

— Павля, скажи правду: ты не сердишься, что я пойду?

Павелъ Аркадьевичъ собирался лечь, но остановился:

— Если хочешь знать правду, то удовольствія мало въ томъ, что ты начинаешь обращаться въ какого-то игрока. Одинъ вечеръ, другой... А тамъ и втянешься.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только разъ, два—и конецъ.

— А дома уже начинается безпорядокъ. Второе утро я пью безъ тебя чай: сегодня обѣдъ опоздалъ. Катя не учится.

— Милый, этого не будетъ, ей-Богу!

— Хорошо, если не будетъ. Ну, иди. Я лягу. Ты не уйдешь, пока я не проснусь?

— Нѣтъ. Я буду съ тобой пить чай.

— Разбуди меня не позднѣе, чѣмъ половина десятаго. У меня много работы.

— Хорошо; ты на меня не сердись, потому что я ничего дурного не дѣлаю.

— Я знаю.

Ольга Карповна крѣпко поцѣловала мужа и вышла въ столовую, гдѣ сидѣла Калерія.

Вечеромъ они напились чаю, и Ольга Карповна съ Калеріей уѣхали. Павелъ Аркадьевичъ сѣлъ за свою работу.

И опять та же удача сопровождала игру Ольги Карповны. Она выиграла по второму разу, а затѣмъ кричала: „довольно" черезъ каждыя три-четыре игры. Вокругъ нея раздавался завистливый шопотъ. Продающіе карты стремглавъ бросались къ ней, такъ какъ она щедро давала на чай. Барышня поспѣшно шла къ ней съ выдачей ея выигрыша, а Синицынъ съ завистью говорилъ:

— И везетъ же вамъ, Ольга Карповна. На ваше счастье можно милліонъ выиграть.

Она весело оглядывалась и громко смѣялась.

Павелъ Аркадьевичъ закончилъ свою работу, почувствовалъ совершенное утомленіе и уже собирался спать, когда раздался звонокъ. Онъ поспѣшилъ отворить дверь и встрѣтилъ опять восторженную и сіяющую Ольгу Карповну, которая съ порога кричала:

— Павля, сегодня опять въ выигрышѣ!—И, не раздѣваясь, подбѣжала къ столу и бросила свое портмонэ.—Считай, а я раздѣнусь.

Павелъ Аркадьевичъ высыпалъ содержимое на столъ и сосчиталъ: 200 рублей. Даже у него слегка закружилась голова.

Ольга Карповна раздѣвалась, готовясь лечь, и говорила безъ умолку, находясь еще въ возбужденіи:

— Раньше нельзя было вернуться. Самая крупная выдача была послѣдняя, въ два часа. Я очень проголодалась и поужинала. Въ слѣдующій разъ поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ, и ты увидишь, какъ тамъ интересно. И выгодно. Мнѣ кажется, тамъ нельзя проиграть. Берешь карту, садишься, выкликаютъ номера, ты закрываешь; закроешь пять номеровъ, кричишь: „довольно"—и получаешь свой выигрышъ.

Она легла и стала говорить, что̀ надо сдѣлать на выигрышныя деньги. Павелъ Аркадьевичъ подчинился ея настроенію.

— Завтра скажи Константину Петровичу, пусть онъ устроитъ и для меня входъ,—сказалъ онъ передъ тѣмъ, какъ заснуть.

На другой день за вечернимъ чаемъ, когда Ольга Карповна подала ему стаканъ, онъ спросилъ:

— Ты пойдешь сегодня?

Она только кивнула.

И опять она вернулась съ выигрышемъ.

Эти выигрыши, эта игра перевернули всю ихъ жизнь.

Павелъ Аркадьевичъ возвращался домой, но уже не заставалъ накрытаго стола, и нерѣдко приходилось ждать обѣда, потому что Ольга Карповна не возвращалась еще изъ Гостинаго двора, куда отправлялась за покупками. Эти путешествія въ Гостиный дворъ съ непремѣнной Калеріей, часто и съ дѣтьми, составляли теперь ея развлеченіе до обѣда.

Послѣ обѣда она или ѣхала къ портнихѣ, или портниха приходила къ ней, и шли нескончаемые разговоры о фасонахъ и матеріяхъ. Вечеромъ она отправлялась въ клубъ, а утромъ просыпалась не ранѣе часу.

Хозяйство вела Луша, и дѣти, если бы не нянька, оставались безъ призора. Впрочемъ, Ольга Карповна ни одного дня не пропускала, чтобы не привозить имъ конфетъ или игрушекъ.

Нянька сумрачно глядѣла на нее и говорила:

— Что̀ это, барыня, ты словно и домъ забыла.

— Молчи, молчи, няня, — говорила Ольга Карповна: — я, напротивъ, только для дома и дѣлаю.

— Для дома? Какой же это порядокъ, если тебя и въ глаза не видно? Лушка и знать никого не хочетъ. Гремитъ себѣ, и хоть бы что̀. Баринъ по утрамъ чай всегда одинъ пьетъ, а ночью все надъ работой.

— Молчи, молчи, нянька, ничего ты не понимаешь,—говорила Ольга Карповна и смѣялась. — Видала, какую кучу денегъ я достала?

— Непутевыя деньги...

Въ какомъ-то угарѣ проходили дни Ольги Карповны. Павелъ Аркадьевичъ уже не говорилъ съ нею о своихъ дѣлахъ и работахъ, зато она посвящала его во всѣ свои впечатлѣнія клубной жизни и азартной игры.

— Сегодня пойдемъ съ тобой вмѣстѣ,—сказала она однажды.— Константинъ Петровичъ записалъ тебя членомъ, а я уже заплатила за тебя деньги.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ.

Его уже интересовала та обстановка, которой такъ увлекалась жена.

— Вы совсѣмъ перемѣните свое мнѣніе, — въ тотъ же вечеръ говорила ему Калерія.—И, быть-можетъ, станете такъ же ходить, какъ я съ мужемъ. Мы не увлекаемся, но все-таки два-три раза въ недѣлю бываемъ. Теперь вотъ только съ Ольгой каждый день; для нея. Подлѣ нея я сама два раза выиграла и разбогатѣла на время. Мы всегда богатѣемъ на время. Какъ выиграемъ, такъ сейчасъ же устраиваемъ кутежъ, тратимъ—а тамъ опять нѣтъ денегъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горныя обсерваторіи.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго.**
(Съ 16 рис. на стр. 372—375).

Двадцать лѣтъ тому назадъ знаменитымъ французскимъ астрофизикомъ Жансеномъ на вершинѣ Монблана, на высотѣ 4.810 метровъ, среди вѣчныхъ снѣговъ, была сооружена первая высокогорная, правильно оборудованная, астрономическая обсерваторія.

Уже издавна чистый горный воздухъ манилъ къ себѣ астрономовъ, но никто изъ нихъ не рѣшался перейти снѣговую линію и тамъ среди вѣчныхъ снѣговъ построить обсерваторію. Да и самъ мужественный Жансенъ не сразу добрался до вершины Монблана, а постепенно, начиная съ 1888 г., когда онъ впервые строитъ небольшой домикъ на „Grands Mulets" на высотѣ 3.000 метровъ, куда онъ и подымался съ небольшими инструментами для своихъ астрономическихъ наблюденій (рис. 1, 2). Въ 1890 году появляется на скалахъ „Bosses" на высотѣ 4.350 метровъ небольшой домикъ, въ который астрономъ Вало по временамъ подымался для астрономическимъ наблюденій. Тогда Жансенъ, не желая отстать отъ Вало, рѣшается воздвигнуть на самой вершинѣ Монблана не просто домикъ, а настоящую астрономическую обсерваторію съ большимъ 12-дюймовымъ рефракторомъ (рис. 3). Для этого онъ обратился къ знаменитому французскому инженеру Эйфелю съ просьбой помочь ему въ этомъ трудномъ, неслыханномъ дѣлѣ. Эйфель соглашается построить обсерваторію на вершинѣ Монблана, если только удастся докопаться до горнаго массива. Для этой цѣли снаряжается спеціальная экспедиція на вершину Монблана. Подъ руководствомъ самого Эйфеля и Жансена были вырыты на вершинѣ на глубинѣ 10-ти съ лишнимъ метровъ двѣ взаимно перпендикулярныя, крестообразно расположенныя траншеи, но докопаться до горнаго массива все-таки не удалось. Эйфель отказался строить обсерваторію, но не отказался Жансенъ.

Рис. 1. **Общій видъ обсерваторіи въ „Grands Mulets".**

Послѣ этой неудачи у Жансена появилось еще большее желаніе воздвигнуть обсерваторію на Монбланѣ. Спустившись внизъ, онъ съ новой энергіей принялся за осуществленіе своей мечты. Въ одинъ день имъ было собрано на постройку обсерваторіи болѣе 280.000 франковъ: такъ, Бишофсгеймъ, основатель большой обсерваторіи въ Ниццѣ, далъ 150.000 франковъ, принцъ Роландъ Бонапартъ 100.000 фр., баронъ Ротшильдъ 20.000 фр. и самъ Жансенъ 10.000 фр.

Рис. 3. **Видъ обсерваторіи Жансена на вершинѣ Монблана въ 1894 году.**

Такимъ образомъ деньги на постройку обсерваторіи были, но прежде чѣмъ приступить къ самой постройкѣ, Жансенъ цѣлую зиму производитъ опыты въ Медонѣ, изучая свойства снѣга, на которомъ ему предстояло строить новую обсерваторію. Онъ строилъ въ Медонѣ огромныя снѣговыя горы и клалъ на нихъ большія тяжести, чтобы узнать, каковы упругость снѣга и его свойство „текучести". Опыты дали благопріятные результаты. Оказалось, что снѣгъ подъ большимъ давленіемъ представляетъ изъ себя плотную, постоянную массу. Послѣ этого Жансенъ приступилъ весной 1893 года къ постройкѣ обсерваторіи, которая первоначально была собрана внизу, въ долинѣ Шамони, а затѣмъ въ разобранномъ видѣ по бревнышкамъ (рис. 4) перенесена на вершину Монблана, гдѣ снова собрана, какъ и самъ 12-дюймовый рефракторъ, доставленный туда въ разобранномъ видѣ.

Рис. 2. **Первая обсерваторія въ „Grands Mulets".**

Здѣсь я не буду говорить о тѣхъ затратахъ труда и энергіи, которыя потребовались для того, чтобы поднять обсерваторію на вершину Монблана,—скажу лишь, что для этого понадобилось сдѣлать около 800 восхожденій, о трудности которыхъ будетъ сказано нѣсколько ниже по личнымъ впечатлѣніямъ знаменитаго нашего астронома А. П. Ганскаго, совершавшаго по предложенію Жансена ежегодно съ 1897 года восхожденія на вершину Монблана для астрофизическихъ и актинометрическихъ наблюденій.

Самъ Жансенъ построилъ эту обсерваторію спеціально для изученія солнца и въ частности водородныхъ линій въ его спектрѣ, но восхожденія на вершину Монблана для него самого были крайне затруднительны. Будучи хромымъ, Жансенъ не могъ дѣлать восхожденія на вершину безъ посторонней помощи, а нанималъ для этого 12 опытныхъ проводниковъ, которые несли его на особыхъ носилкахъ на вершину, при чемъ, по словамъ Жансена, сидѣть на носилкахъ при крутыхъ подъемахъ гораздо неудобнѣе, непріятнѣе и тяжелѣе, чѣмъ итти пѣшкомъ (рис. 5).

Несмотря на такія трудности, Жансенъ почти ежегодно подъ осень стремился къ себѣ на обсерваторію для производства наблюденій надъ водородомъ и его линіями въ солнечномъ спектрѣ, изъ котораго, какъ извѣстно, образуются протуберансы. Эти наблюденія онъ производилъ при помощи 12-дюймоваго рефрактора длиною въ 7 метровъ, установленнаго неподвижно параллельно оси міра, такъ что окуляръ находится въ нижней комнатѣ обсерваторіи, гдѣ постоянно держится одна и та же температура: 11° мороза, а объективъ высту-

Рис. 4. **Какъ переносились инструменты въ обсерваторію на Монбланѣ.**

паетъ изъ южной стѣны обсерваторіи наружу, гдѣ передъ нимъ находится зеркало (сидеростатъ), (рис. 6), поворачивая которое около оси различнымъ образомъ, можно направить свѣтъ свѣтила изъ любой точки небеснаго свода въ неподвижно стоящую трубу. Кромѣ того, само зеркало вмѣстѣ съ трубою, заключенною въ другую неподвижную трубу—футляръ, вращается

Рис. 5. **Жансенъ передъ восхожденіемъ на Монбланъ.**

особымъ часовымъ механизмомъ такъ, что свѣтило, несмотря на свое суточное движеніе, все время остается въ полѣ зрѣнія трубы.

Съ 1897 года обсерваторія на Монбланѣ пріобрѣтаетъ постояннаго ревностнаго наблюдателя въ лицѣ русскаго астронома А. П. Ганскаго, открывшаго, по словамъ пулковскаго астрофизика Г. А. Тихова, эру систематическихъ наблюденій на обсерваторіи Монблана, которая съ тѣхъ поръ стала привлекать все большее и большее число ученыхъ.

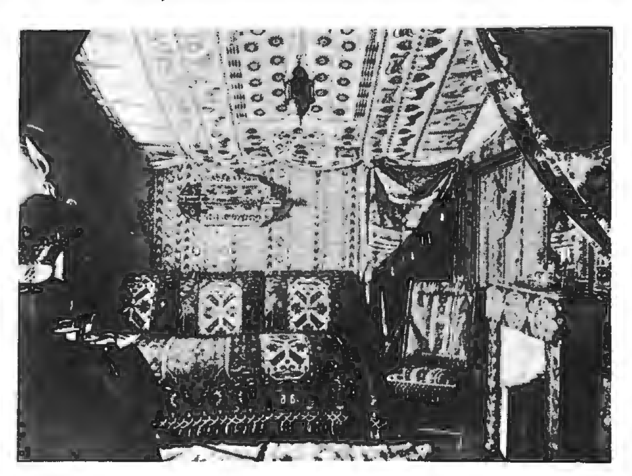


Рис. 7. **Внутренній видъ комнаты въ обсерваторіи Вало.**

Въ 1897 году А. П. Ганскій пріѣхалъ въ Медонъ къ Жансену изучать классическіе способы фотографированія солнца и, по предложенію Жансена, совершилъ свое первое восхожденіе на Монбланъ, которое ему такъ понравилось, „что съ этого года въ началѣ каждаго лѣта его тянула туда какая-то непреодолимая сила, и онъ отправлялся всегда туда необыкновенно оживленный и энергичный“.

Рис. 9. **Видъ обсерваторіи Жансена на вершинѣ Монблана въ 1907 г.** По фот. А. П. Ганскаго.

Въ періодъ съ 1897 по 1907 г. А. П. Ганскій совершилъ девять восхожденій на Монбланъ, на вершинѣ котораго пробылъ въ общей сложности $1^1/_2$ мѣсяца, т.-е. оставаясь среднимъ во время каждаго своего восхожденія 5 дней, тогда какъ обыкновенно туристы, да и другіе ученые, могли пробыть тамъ сутки, много двое, такъ какъ плотность атмосферы тамъ вдвое меньше (барометрическое давленіе равно 472 миллиметрамъ), а температура въ жиломъ помѣщеніи обсерваторіи не подымалась выше 6° мороза). Такая выносливость Ганскаго создала среди французовъ поговорку, что „для высокихъ горныхъ обсерваторій нужно выписывать астрономовъ изъ Россіи“.

Что касается самаго восхожденія на вершину Монблана, то оно почти ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ восхожденій на высокія горы. Выйдя изъ долины Шамони, приходится первое время итти лѣсомъ, затѣмъ нѣкоторое время среди голыхъ скалъ и наконецъ по льду и снѣгу. Эта часть пути по льду въ различные годы не одинакова: иногда, когда трещины по льду

Рис. 6. **Установка сидеростата большой трубы обсерваторіи на Монбланѣ.** По фот. А. П. Ганскаго.

покрыты снѣгомъ (снѣговые мосты), подъемъ совершается легко. Послѣ „jonction“ начинается довольно трудный подъемъ на высоты „Grands Mulets“—на первую Жансеновскую обсерваторію 1888 года; отсюда открывается красивый видъ на долину Шамони, сдавленную горами, и на вершину Монблана, окутанную временами тучей. Здѣсь, на „Grands Mulets“, застигнутый однажды грозой, А. П. Ганскій наблюдалъ любопытное явленіе, называемое „огнями Святого Эльма“, которые видны вечеромъ въ видѣ голубоватыхъ клѣточекъ подъ острыми углами зданія (истеченія электричества), когда воздухъ во время грозы сильно насыщенъ электричествомъ. Слѣдующая продолжительная остановка дѣлается на „Grand Plateau“, чтобы отдохнуть передъ длиннымъ утомительнымъ подъемомъ на скалы „Bosses“, гдѣ построена обсерваторія Вало. Обсерваторія состоитъ изъ двухъ комнатъ — кухни и спальни; въ первой: столъ, нѣсколько табуретокъ, грязная, закопченая печь; во второй: большія нары съ кучей грязныхъ одѣялъ и мѣховыхъ мѣшковъ, въ которые укладываются спать туристы. Кромѣ того, въ обсерваторіи имѣется отдѣльная, уютно обставленная комната самого Вало (рис. 7),—но стоитъ вспомнить, что тутъ температура около 5° мороза, какъ вся иллюзія уюта моментально исчезаетъ. Еще нѣсколько тяжелыхъ подъемовъ, при чемъ приходится чуть ли не черезъ каждые 10 шаговъ останавливаться и переводить дыханіе (воздухъ сильно разрѣженъ),—и мы на вершинѣ Монблана, у знаменитой обсерваторіи, которую обыкновенно приходится долго откапывать изъ-подъ снѣга; такъ какъ физическій трудъ на вершинѣ очень тяжелъ, и, глядя на рабочихъ, какъ у нихъ медленно подвигается работа, можно предполагать, что они лѣнятся.

Рис. 8. **А. П. Ганскій.**

Рис. 10. **Обсерваторія Жансена на вершинѣ Монблана.** По фот. А. П. Ганскаго.

Жить на вершинѣ Монблана очень тяжело не только отъ

сильнаго разрѣженія воздуха, но и отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры. Днемъ солнце немилосердно печетъ, и термометръ, положенный на черную матерію, показываетъ на солнцѣ отъ 36°—56° тепла, а въ тѣни—отъ 2°—4° холода, который быстро возрастаетъ до 11°—14° послѣ захода солнца.

Вмѣстѣ съ А. П. Ганскимъ на вершину Монблана подымались иногда на сутки другіе ученые. Такъ, въ 1900 году подымался изъ института Пастера біологъ Бино, который занимался собираніемъ микробовъ въ ледникахъ и въ воздухѣ на массивѣ Монблана и, въ частности, на его вершинѣ. Тутъ Бино, какъ пишетъ А. П. Ганскій, „пропускалъ опредѣленное количество воздуха (до одного кубическаго метра) черезъ трубку съ стерилизованнымъ порошкомъ, на которомъ оставались всѣ микробы, находившіеся въ воздухѣ. Кромѣ того, онъ собиралъ снѣгъ въ разныхъ мѣстахъ для отыскиванія въ немъ микроорганизмовъ. Оказалось, что бактеріи существуютъ и на вершинѣ Монблана: онѣ способны жить, лучше сказать — сохранять долгое время способность жить во льду, такъ какъ найдены были въ трещинахъ ледниковъ въ слояхъ, лежащихъ довольно глубоко отъ поверхности“. Кромѣ того, Ганскому иногда удавалось наблюдать на вершинѣ летающихъ бабочекъ и жуковъ, занесенныхъ туда, повидимому, восходящими теченіями воздуха.

Рис. 11. **Общій видъ Ликской обсерваторіи на горѣ Гамильтонъ.**

Рис. 12. **Видъ обсерваторіи на Этнѣ.**

Рис. 13. **Казбекъ съ юга.**

Самъ Ганскій производилъ на вершинѣ Монблана главнымъ образомъ актинометрическія наблюденія надъ солнцемъ, т.-е. опредѣлялъ количество излучаемаго солнцемъ тепла на единицу площади (напримѣръ, въ одинъ квадратный сантиметръ) въ единицу времени (одну секунду). Эти наблюденія и были главной цѣлью всѣхъ восхожденій Ганскаго на Монбланъ, такъ какъ наша атмосфера сильно и главное—весьма различно поглощаетъ свѣтъ и тепло; поэтому на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ вдвое рѣже и присутствіе водяныхъ паровъ минимальное, эти наблюденія много надежнѣе и цѣннѣе. Вторымъ важнымъ вопросомъ, которому А. П. Ганскій удѣлялъ съ 1904 года большое вниманіе, было фотографированіе солнечной короны внѣ затменія. Дѣло въ томъ, что еще до сихъ поръ солнечная корона наблюдается въ теченіе одной—двухъ минутъ во время полныхъ солнечныхъ затменій въ видѣ серебристаго вѣнчика около потемнѣвшаго диска солнца, когда общій фонъ неба темнѣетъ настолько, что на немъ можно наблюдать невооруженнымъ глазомъ наиболѣе яркія звѣзды. Такимъ образомъ наблюдать корону намъ мѣшаетъ синева нашего неба, которая, какъ извѣстно, происходитъ отъ разсѣиванія солнечнаго свѣта молекулами воздуха и мельчайшими частицами пыли, взвѣшенными въ немъ; но такъ какъ разсѣяніе красныхъ лучей въ 16 разъ менѣе фіолетовыхъ, то небо и имѣетъ голубоватый оттѣнокъ. Если бы мы могли очутиться внѣ атмосферы, то небо было бы совершенно темнымъ, и тогда достаточно прикрыть дискъ солнца непрозрачнымъ кружкомъ, чтобы корона предстала передъ нами во всей своей красѣ. Съ подъемомъ на гору плотность атмосферы и ея разсѣяніе свѣта уменьшаются, а потому фонъ неба темнѣе, а условія для наблюденія короны внѣ затменія благопріятнѣе. Еще въ 1898 году А. П. Ганскій построилъ спеціально небольшой аппаратъ для фотографированія короны внѣ затменія. Аппаратъ этотъ — обыкновенная фотографическая камера, въ которой лишь передъ фотографической пластинкой, для большаго ослабленія яркости неба, помѣщалось нѣсколько свѣто-фильтровъ, т.-е. окрашенныхъ желатинныхъ пленокъ, пропускающихъ въ общей сложности лишь крайніе красные лучи, мало разсѣиваемые атмосферой и потому слабые въ свѣтѣ неба.

Въ 1904 году во время своего пребыванія на Монбланѣ А. П. Ганскій прикрѣпилъ этотъ приборъ къ 12-дюймовому рефрактору, помѣстивъ въ его фокусѣ темный, непрозрачный кружокъ, который во время фотографированія закрывалъ самый дискъ солнца. Такимъ способомъ А. П. Ганскимъ получено двѣнадцать снимковъ, на которыхъ около солнечнаго диска замѣтно довольно равномѣрное сіяніе, имѣвшее характерный видъ солнечной короны, нѣсколько вытянутой вдоль солнечнаго экватора. Однако это были лишь предварительные опыты, которые еще до настоящаго времени не доведены до конца послѣ преждевременной смерти А. П. Ганскаго.

Затѣмъ въ 1906 году въ обсерваторіи на Монбланѣ А. П. Ганскому съ астрономомъ Стефаникомъ удалось при помощи 12-дюймоваго рефрактора произвести любопытныя наблюденія надъ Венерой и опредѣлить періодъ ея обращенія около оси. Періодъ оказался короткимъ, равнымъ приблизительно суткамъ.

Замѣтимъ здѣсь, что „Ганскій былъ первымъ астрономомъ, —пишетъ Г. А. Тиховъ:—который добился возможности наблюдать въ эту трубу, такъ какъ въ промежутокъ между трубами набивается за зиму снѣгъ, и сама обсерваторія, построенная на снѣгу, перемѣщается, подпорки перекатываются, такъ что правильность установки нарушается, и нужна была энергія Ганскаго, чтобы преодолѣть всѣ эти препятствія. Дѣйствительно, Ганскому со Стефаникомъ понадобилось нѣсколько часовъ, чтобы первый разъ найти Венеру, но зато потомъ отчетливость изображеній вполнѣ наградила ихъ труды“. Кромѣ того, Ганскій производилъ на вершинѣ Монблана опредѣленіе силы тяжести, а также рядъ другихъ

Рис. 14. **Метеорологическая будка съ приборами на вершинѣ Казбека, установленная М. П. Преображенской (высота 5.044 метра).**

мелкихъ наблюденій, какъ-то покрытіе Сатурна луной, наблюдалъ „зеленый лучъ“ при восходѣ солнца и т. п.

Такимъ образомъ, говоря о работахъ на обсерваторіи Монблана, приходится почти исключительно говорить вмѣстѣ съ тѣмъ о работахъ А. П. Ганскаго.

Пять лѣтъ тому назадъ, въ 1908 году, скончался Жансенъ, и въ этотъ же годъ трагически погибъ въ волнахъ Чернаго моря А. П. Ганскій (рис. 8).

Съ жизнью этихъ двухъ энергичныхъ астрономовъ, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ при исканіи научныхъ истинъ, отлетѣла жизнь и съ обсерваторіи на Монбланѣ. Для нея не находится болѣе подходящихъ во Франціи астрономовъ, и она обречена на гибель.

Построенная на снѣгу, обсерваторія стала сползать съ вершины Монблана въ сторону Франціи, и черезъ десятокъ лѣтъ ея обломки вернутся снова къ себѣ на родину—въ долину Шамони, откуда четверть вѣка тому назадъ были подняты съ такимъ трудомъ на вершину Монблана (рис. 9, 10).

Между тѣмъ за послѣднее время, благодаря развитію астрофизики, ощущается крайняя необходимость въ высокихъ горныхъ обсерваторіяхъ. Правда, среди американскихъ астрономовъ нашлись энергичные люди, которые хотя и не на большой высотѣ, но все-таки построили рядъ прекрасно оборудованныхъ горныхъ обсерваторій. Такъ, Ликская обсерваторія на горѣ Гамильтонъ съ гигантскимъ 36-дюймовымъ рефракторомъ стоитъ на высотѣ 1.270 метровъ (рис. 11); солнечная обсерваторія на горѣ Вильсона на высотѣ 1.780 метровъ, а на „Pic Teneriff“ на высотѣ 3.260 метровъ и на горѣ Витней на высотѣ 4.420 метровъ американцы построили лишь наблюдательные пункты, куда не надолго поднимаются астрономы для своихъ наблюденій. Такъ, на горѣ Витней знаменитый американскій астрофизикъ Ланглей производилъ при помощи спектро-болометра свои наблюденія надъ тепловой энергіей различныхъ частей солнечнаго спектра, сюда же подымался директоръ Ликской обсерваторіи Кемпбелль для своихъ спектроскопическихъ наблюденій и, въ частности, для наблюденія водяныхъ паровъ въ атмосферѣ Марса, такъ какъ внизу этимъ наблюденіямъ сильно мѣшали водяные пары нашей атмосферы.

Что касается Европы, то правильно оборудованная обсерваторія съ 13-дюймовымъ рефракторомъ находится на Этнѣ на высотѣ 2.942 метровъ, т.-е. на 350 метровъ ниже самаго вулкана (рис. 12). Сюда также лишь отъ времени до времени подымаются астрономы для производства наблюденій. Здѣсь, между прочимъ, нѣмецкій астрофизикъ Мюллеръ произвелъ любопытную работу—опредѣленіе степени поглощенія различныхъ лучей земной атмосферой. Эту же работу названный ученый повторилъ въ 1910 году на вершинѣ горы Тенерифъ. Вообще надо замѣтить, что вопросъ о поглощеніи различныхъ лучей и, между прочимъ, ультра-фіолетовыхъ, нашей земной атмосферой чрезвычайно важный, такъ какъ точность нашихъ свѣдѣній о температурѣ звѣздъ зависитъ почти исключительно отъ знанія поглощающей способности нашей атмосферы. Къ тому же только на высокихъ горныхъ обсерваторіяхъ можно точно изслѣдовать вопросъ объ избирательномъ поглощеніи свѣта въ междузвѣздномъ пространствѣ. Кромѣ того, цѣлый рядъ небесныхъ объектовъ, испускающихъ ультра-фіолетовые лучи, почти совершенно недоступенъ на низко лежащихъ обсерваторіяхъ, такъ какъ ихъ свѣтъ сильно поглощается нашей атмосферой. Напомню, что не дальше, какъ осенью 1913 года, весь астрономическій міръ былъ взволнованъ, не зная, что представляетъ изъ себя свѣтило Неуймина, открытое 20 августа на новомъ отдѣленіи Пулковской обсерваторіи въ Симеизѣ (Крымъ),—планету или комету, такъ какъ по движенію свѣтило не походитъ на планету, а между тѣмъ по внѣшнему виду это—настоящая планета. Только черезъ полмѣсяца этотъ споръ былъ разрѣшенъ, когда Неуймину удалось получить на фотографіи свѣтила едва замѣтный хвостъ, свѣтящійся ультра-фіолетовыми лучами, которые, сильно поглощаясь нашей атмосферой, едва достигали земной поверхности. Между тѣмъ у наблюдателя на высокогорной обсерваторіи не было бы ни одной минуты сомнѣнія, что объектъ Неуймина—комета, и ему удалось бы подробно изучить строеніе хвоста, чего не могли сдѣлать наблюдатели внизу. А какое богатое поле изслѣдованія представляетъ для высокихъ горныхъ обсерваторій хотя бы одинъ Млечный Путь со своими туманностями, испускающими почти одни ультра-фіолетовые лучи, никогда не достигающіе нашихъ телескоповъ изъ-за плотной земной атмосферы. Это вредное вліяніе нашей атмосферы, особенно сильно ощущается въ астрономіи теперь, благодаря высокому развитію точности нашихъ астрофизическихъ наблюденій, сыгравшихъ столь крупную роль при развитіи астрономіи за послѣднюю четверть вѣка. Поэтому высокія горныя обсерваторіи являются необходимыми, и онѣ должны существовать въ каждой странѣ, не желающей отставать отъ науки.

Рис. 16. **Видъ обсерваторіи послѣ снѣжной бури.**

Что касается Россіи, то у насъ, несмотря на существованіе въ горахъ Кавказа многочисленныхъ благопріятныхъ пунктовъ для высокогорныхъ обсерваторій, таковыхъ пока нѣтъ. Еще въ 1900 г. передъ восхожденіемъ на Монбланъ, отвѣчая на тостъ предсѣдателя крымскаго горнаго клуба С. И. Иловайскаго о процвѣтаніи альпинизма, старикъ Жансенъ поднялъ бокалъ „за русскій альпинизмъ и за устройство русскими обсерваторіи на вершинѣ Эльбруса, какъ одной изъ высочайшихъ горъ Европы“. Что касается Эльбруса, то устройство обсерваторіи на его вершинѣ является неудобнымъ вслѣдствіе большихъ трудностей, связанныхъ съ восхожденіемъ на эту гору; но гораздо большія удобства для устройства обсерваторіи представляетъ наиболѣе высокая вершина Казбека (рис. 13) (онъ двуглавый), гдѣ на высотѣ 5.040 метровъ, т.-е. на 230 метровъ выше обсерваторіи на Монбланѣ, имѣется удобная площадка размѣрами отъ 60 до 70 квадратныхъ саженей. На этой площадкѣ три года тому назадъ членъ горнаго клуба М. П. Преображенская, совершившая въ періодъ съ 1900 по 1913 годъ шесть восхожденій на Казбекъ, установила метеорологическую будку съ максимальнымъ и минимальнымъ термометрами. Оказалось, что максимальная температура на вершинахъ Казбека равна 1° тепла по Цельсію. Что касается минимальной температуры, то опредѣлить ее не удалось, такъ какъ въ первый годъ послѣ установки минимальнаго термометра его черезъ двѣ недѣли одинъ изъ туристовъ въ доказательство своего посѣщенія вершины Казбека принесъ во Владикавказъ. Въ слѣдующихъ годахъ установка термометра была попорчена вѣтромъ, накренившимъ самую будку, а другой разъ любознательные туристы, разсматривая термометръ, разбили въ немъ спиртовой столбикъ, почему произвести отсчеты не представлялось никакой возможности. Послѣдній разъ термометръ былъ установленъ М. П. Преображенской въ августѣ 1913 года, и въ этомъ же году будка была основательно прикрѣплена къ выступу скалы съ одной стороны и металлическими тягами къ выступамъ скалы съ другой, какъ это и видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 14). Въ виду того, что въ настоящее время въ наукѣ особо остро ощущается необходимость въ высокогорныхъ научныхъ станціяхъ, вершина Казбека, по словамъ М. П. Преображенской, создана какъ разъ для этой цѣли, гдѣ на указанной выше площадкѣ легко можно устроить метеорологическую и астрономическую станціи. Тѣмъ болѣе, что тутъ всегда можно докопаться до горнаго массива вслѣдствіе сравнительно небольшого слоя снѣга, что также важно, какъ показала печальная судьба обсерваторіи на вершинѣ Монблана. Вообще вершины кавказскихъ горъ гораздо доступнѣе, чѣмъ альпійскихъ, такъ какъ снѣговая линія въ Альпахъ спускается много ниже, чѣмъ на Кавказѣ. Затѣмъ другимъ болѣе удобнымъ пунктомъ на Кавказѣ для устройства горной обсерваторіи является Столовая гора (3.000 метровъ) близъ Владикавказа (рис. 15). Надо замѣтить, что Сѣверный Кавказъ, какъ болѣе обильный осадками,

Рис. 15. **Видъ „Столовой горы“ близъ Владикавказа.**

много удобнѣе для астрономическихъ наблюденій, чѣмъ сухой Южный, гдѣ атмосфера постоянно наполнена мелкой пылью.

Вопросомъ о сооруженіи горной обсерваторіи въ настоящее время заинтересовано много русскихъ астрономовъ, тѣмъ болѣе, что для этого не требуется крупныхъ затратъ, такъ какъ нѣтъ надобности строить большую обсерваторію, а достаточно построить на горномъ массивѣ небольшую станцію съ правильно установленнымъ инструментомъ, куда могли бы подыматься временно астрономы для своихъ наблюденій, и намъ думается, что русскіе астрономы блестяще доказали бы правоту словъ французовъ, что „для горныхъ обсерваторій нужны русскіе астрономы".

Малина.

Разсказъ **Грааля Арельскаго.**

I.

Морозъ крѣпчалъ, и мнѣ грозило самое меньшее упасть отъ изнеможенія и замерзнуть. Я не ѣлъ съ утра, и голова у меня кружилась и ныла, а горло все чаще и чаще сжимали спазмы тошноты, такой мучительной и острой, что я задыхался. Пробираясь поспѣшно сѣтью узкихъ, извилистыхъ улицъ предмѣстья, я проходилъ мимо церкви. Кругомъ было безлюдно. Въ такой морозъ всѣ, у кого былъ домъ, предпочитали сидѣть дома, и если и встрѣчался одинокій пѣшеходъ, то онъ старался глубже засунуть голову въ воротникъ пальто и меньше всего, конечно, думалъ оглядываться по сторонамъ. У воротъ ограды, передъ маленькой каменной часовенкой, у которой висѣло нѣсколько кружекъ для сбора пожертвованій, я замѣтилъ его, при моемъ приближеніи поспѣшно отошедшаго въ сторону. Не отдавая себѣ отчета, я пошелъ ему навстрѣчу. Онъ уныло и мрачно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и сразу оцѣнилъ положеніе вещей. Подойдя вплотную ко мнѣ, онъ рѣзко и отрывисто бросилъ:

— Ты сегодня жралъ?!

— Нѣтъ.

Мы поняли другъ друга.

Онъ шепнулъ мнѣ:

— Слѣди!

И я слѣдилъ...

Онъ скоро вернулся, позвякивая въ карманѣ деньгами.

Мы обошли еще нѣсколько церквей и къ вечеру „наудили" довольно значительную сумму.

Способъ „уженія" былъ очень простъ и даже, если хотите, оригиналенъ, но что самое главное—онъ не оставлялъ никакихъ слѣдовъ.

Въ кружку для сбора пожертвованій мы опускали мокрую веревку, монеты примерзали къ ней, и не составляло никакого труда вытащить ихъ наружу. Такимъ образомъ я познакомился съ нимъ.

У него было много преимуществъ передо мною. Онъ былъ высокъ ростомъ, силенъ, хитеръ и имѣлъ даже свой домъ, куда пригласилъ меня ночевать. Закупивъ по дорогѣ ѣды и водки, мы вышли за городъ. Было уже темно. Мы перешли мостъ и пошли вдоль берега рѣки, гдѣ стояли оставленныя на зиму барки. Въ одной изъ нихъ мы нашли себѣ пріютъ. У него было приготовлено тамъ сѣно и два одѣяла.

Съ этихъ поръ мы стали жить вмѣстѣ.

Онъ былъ удивительный человѣкъ, и я сдѣлался скоро его рабомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Онъ даже не постѣснялся дать мнѣ прозвище—„рабъ". Какъ его звали, мнѣ такъ и не удалось узнать: онъ всегда обходилъ этотъ пунктъ молчаніемъ. А потомъ добавлялъ, криво усмѣхаясь:—Не все ли равно? Прозвища бываютъ только у звѣрей прирученныхъ, а я—самый настоящій дикій звѣрь.—У него было какое-то органическое отвращеніе ко всякой работѣ, доходящее до такой степени, что даже тогда, когда намъ нечего было ѣсть, онъ предпочиталъ лучше умереть съ голоду, чѣмъ ударить палецъ о палецъ. Я шелъ тогда на вокзалъ и разгружалъ вагоны, привозившіе изъ Финляндіи березовыя горныя дрова, но онъ ѣдко смѣялся надо мной и говорилъ, что изъ меня не выйдетъ ничего дѣльнаго.

— Тебя, рабъ, испортили люди,—ты полонъ предразсудковъ. Развѣ звѣри имѣютъ предразсудки? Нѣтъ... Нѣтъ... А вѣдь мы съ тобой самые настоящіе звѣри.

Зима промелькнула быстро.

Когда прошелъ на рѣкѣ ледъ, мы потеряли нашъ пріютъ. Барки спустили и угнали внизъ по рѣкѣ. Мы не горевали объ этомъ и скоро покинули городъ. Мы ушли въ лѣсъ. Было не особенно холодно, да и весна приближалась очень поспѣшно. Среди желтой прошлогодней травы уже показывались зеленые, курчавые побѣги новой, и лѣсъ оживалъ подъ благодатными потоками солнца.

Верстахъ въ десяти была дачная мѣстность, и послѣ мѣсяца нашей жизни въ лѣсу тамъ появились дачники. Мы жили въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей елки и сверху обложенномъ мхомъ. Наше логовище окружали со всѣхъ сторонъ болота, и попасть къ намъ было очень трудно. Только мы одни знали узкую, теряющуюся среди кустовъ малины и лозняка, тропинку. На болотахъ жили цѣлыя семейства дикихъ птицъ, и въ пищи намъ не было недостатка.

Становилось уже совсѣмъ тепло.

Деревья давно стали зелеными, и птицы наперебой чирикали въ лѣсу. Когда намъ нуженъ былъ табакъ, мы шли на болото и убивали камнями нѣсколько птицъ, которыхъ приносили въ дачную лавочку и обмѣнивали на пачки дешеваго табака. Мы были настоящіе звѣри. Намъ было какъ-то непріятно даже чувствовать на себѣ удивленно-подозрительные взгляды дачниковъ—до такой степени мы одичали,—и мы спѣшили уйти скорѣе въ лѣсъ. Зато тамъ мы чувствовали себя превосходно. Мы цѣлыми часами лежали на животѣ около шалаша и, затягиваясь вязкимъ, теплымъ дымомъ папиросъ, грѣлись на солнцѣ. Или шли безцѣльно вдоль узкой лѣсной рѣчки, почти невидимой отъ густыхъ кустовъ, сплошь закрывающихъ ее. На болотѣ въ изобиліи росли бѣлыя и желтыя лиліи. У него являлась иногда подъ вечеръ странная фантазія собирать ихъ и украшать ими свой торсъ. Онъ всегда уходилъ тогда отъ меня, и я слышалъ, какъ онъ бродитъ въ темнотѣ и что-то поетъ или подвываетъ, такъ какъ это пѣніе было похоже скорѣй на тихое, грустное рычаніе одичалаго звѣря.

И вотъ поспѣла малина. Ея была такая масса, что все кругомъ около болота было покрыто ею.

На кустахъ краснѣли темно-алыя ягоды въ такомъ изобиліи, что все сливалось въ одинъ темно-красный цвѣтъ. И казалось, что кусты расцвѣли, и не ягоды покрываютъ ихъ, а большіе мясистые темно-алые цвѣты.

Мы нѣсколько разъ собирали ягоды и продавали ихъ дачникамъ. И вотъ однажды, когда мы шли съ двумя полными корзинками малины по широкой лѣсной дорогѣ, случилось маленькое происшествіе, о которомъ я думалъ всю ночь.

Когда мы подходили къ дачамъ, въ небольшомъ перелѣскѣ навстрѣчу намъ попалась молоденькая дѣвушка.

Она была очень молода и скорѣе была похожа на дѣвочку. У нея были большіе голубые глаза, смотрящіе удивленно и вопросительно, и двѣ толстыя пепельныя косы, свисающія почти до земли. И еще бѣлая шелковая кофточка, разорванная немного у локтя. Вотъ все, что я замѣтилъ. Меня это очень поразило и даже какъ будто испугало немного... Я очень давно не видѣлъ женщинъ. Вѣроятно, такое же впечатлѣніе произвела и на него эта встрѣча. Я слышалъ, какъ онъ чуть слышно свистнулъ и принялся для чего-то поправлять фуражку на головѣ.

Дѣвушка остановилась.

Онъ предложилъ ей малину.

Она наклонилась надъ корзиной, и одна коса, соскользнувъ съ плеча, коснулась его руки. Я видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Дѣвушка, ничего не замѣчая, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ откинула косу на спину, улыбнулась глазами и сказала:

— Какъ жаль, что у меня нѣтъ сейчасъ денегъ... Быть-можетъ, вы снесете малину ко мнѣ домой,—третья дача отъ вокзала, восьмой номеръ.

И тутъ случилось нѣчто невѣроятное... Ожидать этого я никакъ не могъ...

Онъ поставилъ корзинку около нея и отвѣтилъ необычнымъ для него, немного деревяннымъ, голосомъ:

— Если вамъ нравится малина, то вы можете взять ее себѣ. Мнѣ не нужно вашихъ денегъ!..

И, быстро повернувшись, зашагалъ къ лѣсу.

Я видѣлъ, какъ дѣвушка въ нерѣшимости остановилась надъ корзиной, не зная, брать ее или нѣтъ.

Потомъ растерянно улыбнулась и пошла поспѣшно къ вокзалу, оставивъ корзину на прежнемъ мѣстѣ.

Его я догналъ почти у нашей тропинки. Онъ шелъ, не оглядываясь, быстро впередъ и почему-то улыбался.

— Она не взяла корзинку...—сказалъ я и пошелъ съ нимъ рядомъ.—Слушай,—вѣдь это было очень глупо съ твоей стороны такъ пугать дѣвушку...—добавилъ я послѣ большой паузы, когда мы подошли уже къ шалашу.

Онъ ничего не отвѣтилъ, легъ на спину и закурилъ папиросу. И послѣ того, какъ выпустилъ цѣлый клубъ дыма, отвѣтилъ:

— Ты большой дуракъ, рабъ!.. Очень большой...

II.

Когда я проснулся, его не было въ шалашѣ.

Онъ что-то затѣвалъ—это было ясно. „Погоди же,—думалъ я:—скоро я все узнаю, къ чему это клонится". До полудня я собиралъ малину и набралъ ея цѣлую груду, послѣ чего пришелъ опять въ шалашъ и принялся плести корзину.

Онъ еще не приходилъ. Тѣмъ лучше для меня.

Новая корзина вышла очень изящной, и я остался доволенъ. Я обложилъ ее внутри большими листьями папоротника и наполнилъ малиной. Ручку корзины я украсилъ нарванными на болотѣ лиліями. Вышло въ общемъ недурное произведеніе искусства. Я остался еще разъ доволенъ.

Потомъ я выстиралъ въ рѣчкѣ фуражку, намочилъ колѣни брюкъ водою, чтобы брюки имѣли черный цвѣтъ, и, взявъ корзинку, пошелъ къ дачамъ.

Я очень хорошо запомнилъ: „третья дача отъ вокзала, восьмой номеръ“.

Дѣвушка сидѣла въ саду и что-то читала. Я сразу узналъ ее. Подойдя къ калиткѣ, я предложилъ малину.

Она подняла отъ книги глаза и узнала меня:

— Хорошо, я возьму малину...

И протянула мнѣ, улыбаясь, нѣсколько монетъ:

— Хватитъ?..

— Вполнѣ...

— Какая красивая корзинка,—сказала она, немного помолчавъ, и добавила:—Это вы сдѣлали ее?..

— Да...

Я все крѣпче и крѣпче сжималъ деньги въ рукѣ и все стоялъ и ждалъ чего-то. Но позвали изъ дачи, и я узналъ ея имя: „Нина“. Я былъ доволенъ.

Она еще разъ улыбнулась мнѣ и убѣжала...

Я все еще стоялъ...

Потомъ я разжалъ машинально руку—и деньги упали на землю. Я не сталъ ихъ поднимать и ушелъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Когда я пришелъ въ шалашъ, онъ сидѣлъ тамъ и жарилъ на угольяхъ какую-то птицу.

Я разсказалъ ему обо всемъ, радостно улыбаясь.

— Ужъ не дѣлаешь ли ты какихъ-нибудь выводовъ изъ того, что малину она взяла отъ тебя, а не отъ меня? —сказалъ онъ насмѣшливо и нахмурился.

III.

Лежа въ шалашѣ, мы слышали, какъ раздавались иногда днемъ голоса и смѣхъ дачниковъ, собиравшихъ въ лѣсу малину и очень близко подходившихъ къ нашему логовищу. Я наблюдалъ тогда за нимъ: почему-то онъ всегда вздрагивалъ и уходилъ изъ шалаша.

И вотъ однажды, когда мы шли въ полдень вдоль лѣсной рѣчки, я вдругъ увидѣлъ Нину. Она шла съ маленькой корзинкой вдоль берега и собирала ягоды. Въ лѣвой рукѣ у нея былъ хлыстъ, которымъ она изрѣдка сбивала головки полевыхъ цвѣтовъ. Она не замѣтила насъ.

— Смотри, вѣдь это Нина...

— Вотъ какъ, тебѣ уже извѣстно ея имя,—пробормоталъ онъ растерянно и злобно.

И вдругъ странно поблѣднѣвъ, повернулся и пошелъ отъ меня къ шалашу.

Я пошелъ въ другую сторону, все время не теряя изъ виду дѣвушки. Около небольшого холма рѣчка дѣлала рѣзкій изгибъ, и я спрятался тамъ за большимъ кустомъ малины. Я видѣлъ, что дѣвушка все продолжаетъ итти вдоль рѣчки...

Вдругъ я увидѣлъ его, поспѣшно перебѣгающаго рѣчку и спрятавшагося въ кустахъ. Я понялъ, въ чемъ дѣло. Кровь ударила мнѣ въ голову. Такъ вотъ что онъ затѣвалъ. Ну берегись... Я тоже перешелъ рѣчку и сталъ поспѣшно приближаться къ дѣвушкѣ. Но она уже подошла къ тому кусту, гдѣ онъ прятался. Это случилось такъ неожиданно, что дѣвушка растерялась и не успѣла даже крикнуть о помощи. Онъ быстро зажалъ ей ротъ рукой. Но тутъ подоспѣлъ я и схватилъ его за плечо:

— Отпусти! Слышишь, отпусти!..

Онъ повернулъ голову и увидѣлъ меня.

У него было очень блѣдное лицо, а нижняя губа отвисла и дрожала.

— Ахъ, это ты рабъ,—началъ онъ, криво усмѣхаясь.—Уходи! Не твое дѣло!.. Я знаю... Слышишь, уходи!.. а не то...

Но онъ не успѣлъ договорить своей угрозы. Я ударилъ его кулакомъ по лицу, и онъ выпустилъ дѣвушку и покачнулся.

Я плохо соображалъ тогда...

Дѣвушка быстро вырвалась и бросилась бѣжать.

Я видѣлъ, какъ мелькнула два раза среди кустовъ ея синяя кофточка.

Я думалъ, что онъ бросится на меня съ кулаками. Вѣдь онъ былъ гораздо сильнѣе меня. Но ошибся...

Онъ сѣлъ на траву и безсмысленно посмотрѣлъ на меня. Потомъ вдругъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, или это мнѣ показалось — не знаю... Я весь дрожалъ отъ негодованія.

— Слушай, я ухожу...

Но онъ молчалъ и продолжалъ сидѣть все въ той же позѣ.

Я схватилъ его за плечо и прокричалъ надъ самымъ его ухомъ:

— Я ухожу!.. Слышишь?.. Трусливый звѣрь!.. Гадина!..—и плюнулъ ему въ лицо... Я дрожалъ отъ нервнаго подъема.

Онъ не шевельнулся...

Я разыскалъ корзинку съ малиной и хлыстъ и, когда стемнѣло, снесъ ихъ въ садъ ея дачи, незамѣтно положивъ въ бесѣдку.

Наутро я былъ далеко отъ лѣса. Я шелъ по полотну желѣзной дороги, и меня обгоняли поѣзда. Я возвращался въ городъ. Изрѣдка я подносилъ къ губамъ бантикъ, который снялъ съ хлыста и оставилъ себѣ, и чувствовалъ тонкій, едва уловимый ароматъ духовъ. Глаза мои почему-то наполнялись слезами... Конечно, это было уже глупо...

Пауль Гейзе, извѣстный нѣмецкій романистъ и поэтъ. Родился въ 1830 г., скончался въ Мюнхенѣ въ мартѣ с. г. Онъ считался въ Германіи „послѣднимъ классикомъ“ и въ Россіи былъ очень популярнымъ писателемъ, такъ какъ почти всѣ его произведенія переведены на русскій языкъ.

Галлерея имени П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, открытая въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ. Въ ней размѣщена коллекція произведеній голландской живописи, принадлежавшая покойному. Воспроизведенія картинъ этой замѣчательной коллекціи помѣщены въ № 13 нашего журнала. По фот. К. Булла.

Заатлантическая война.

(Политическое обозрѣніе).

Застарѣлая вражда между Мексикой и Америкой неожиданно обострилась и обагрилась кровью первыхъ жертвъ военнаго столкновенія. Строго говоря, войны между сосѣдями въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ, она офиціально не объявлена ни той ни другой стороной, дипломатическіе представители сидятъ въ своихъ резиденціяхъ, но военныя дѣйствія начались, и приготовленія къ завоеваніямъ и защитѣ идутъ полнымъ ходомъ. Правда, президентъ Вильсонъ увѣряетъ, что онъ не ведетъ войны съ мексиканскимъ народомъ, а только хочетъ наказать незаконно президентствующаго генерала Хуэрту,—но это нисколько не помѣшало американскимъ броненосцамъ бомбардировать мексиканскій портовой городъ Веракруцъ, отъ котораго Хуэрта находится за нѣсколько сотъ верстъ, и рвать осадными снарядами тѣла мексиканскихъ гражданъ и солдатъ, нисколько не отвѣтственныхъ за преступленія Хуэрты. Офиціальнымъ поводомъ къ захвату американскимъ десантомъ мексиканскаго порта послужилъ отказъ Хуэрты салютовать американскому флоту 21 выстрѣломъ въ видѣ извиненія за двухчасовой арестъ пяти американскихъ ма-

Сожженіе труповъ инсургентовъ, павшихъ въ междоусобной войнѣ въ Мексикѣ.

трудное положеніе и осложнило ихъ задачу. На берегу они неизмѣримо сильнѣе мексиканцевъ, потому что находятся подъ защитою морской артиллеріи, но для того, чтобы раздавить Хуэрту, придется волей-неволей двинуться вглубь страны, а для этого Вильсонъ не имѣетъ ни достаточный арміи ни организованныхъ обозовъ, между тѣмъ какъ Мексика, хотя бы даже истощенная длительною междоусобицею, имѣетъ дѣйствующую военную силу въ лицѣ своей арміи и примкнувшей къ ней арміи инсургентовъ. Безсильные завоевать обратно обороняемые флотомъ порты, мексиканцы грозятъ вторгнуться въ Техасъ и во всякомъ случаѣ будутъ энергично защищать каждую пядь родной земли. Газетныя телеграммы сообщаютъ, что въ ряды мексиканской арміи массами

тросовъ, задержанныхъ на берегу за неисполненіе какихъ-то правилъ.

Мексиканцы, офиціально извинившись передъ американскимъ консуломъ, не захотѣли давать изъ пушекъ холостыхъ выстрѣловъ. Захватъ американцами порта сопровождался также захватомъ двухъ германскихъ пароходовъ съ грузомъ оружія, предназначеннымъ для Мексики, на что по основнымъ законамъ международнаго права американскій адмиралъ до объявленія войны и блокады не имѣлъ ни малѣйшаго права. Послѣ бомбардировки и занятія Веракруца кредитъ сѣверо-американскаго пацифизма сразу чрезвычайно упалъ. Въ столкновеніи двухъ

Семья мексиканцевъ, спасающаяся бѣгствомъ отъ междоусобицы.

вступаютъ японцы. Чтобы понять, что это значитъ, надо знать, что уже года три назадъ въ Мексику было отправлено около 60.000 японскихъ колонистовъ, прошедшихъ военную выучку. Такимъ образомъ американцамъ придется встрѣтить на мексиканской территоріи очень серьезнаго и опаснаго противника. Нью-іоркскія газеты въ порывѣ джингоизма кричатъ о немедленномъ созывѣ 400.000-й арміи добровольцевъ, но практика войны, требующей большой тренировки, показываетъ, что такого

Крейсеръ американскаго флота новѣйшаго типа „Миссисипи", съ стальными ажурными башнями.

государствъ практическіе люди видятъ только послѣдствія той борьбы двухъ керосиновыхъ трестовъ, которая давно уже ведется между американскимъ синдикатомъ Рокфеллера, эксплоатирующимъ пенсильвинскую нефть, и англійскимъ синдикатомъ, закупившимъ мексиканскіе нефтяные источники около бухты Тампико.

Начиная кровавую борьбу, Вильсонъ надѣялся, что ему не трудно будетъ справиться съ Хуэртой, особенно при помощи многочисленной арміи инсургентовъ, и ранѣе получавшихъ питаніе изъ американскихъ источниковъ. Однакоже дѣйствительность пока не оправдала этихъ надеждъ. Вспышка оскорбленнаго появленіемъ иноземцевъ національнаго чувства заставила инсургентовъ стать на защиту отечества и примкнуть къ войскамъ президента, оставивъ разрѣшеніе внутреннихъ споровъ до болѣе спокойнаго времени. Прекращеніе мексиканскихъ междоусобій сразу поставило американцевъ въ очень

Бомбардировка Тампико. Пожаръ береговыхъ зданій.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.

Мексиканскій рынокъ.

рода импровизированныя ополченія рѣдко оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Положеніе осложняется еще тѣмъ, что самыя большія изъ южно-американскихъ республикъ тоже выражаютъ открытый протестъ противъ захватной политики Сѣверныхъ Штатовъ и находятъ поддержку въ глухомъ неодобреніи послѣдней со стороны англійскаго и германскаго общественнаго мнѣнія, отстаивающаго интересы европейской промышленности въ Мексикѣ. Немудрено поэтому, что президентъ Вильсонъ охотно пошелъ на предложеніе южно-американскихъ республикъ о посредничествѣ въ спорѣ между добрыми сосѣдями. Хотя и Хуэрта уже изъявилъ согласіе на безусловное подчиненіе рѣшенію посредниковъ, тѣмъ не менѣе разрѣшить кровавое сосѣдское недоразумѣніе мирными средствами все же безконечно труднѣе, чѣмъ заварить международную кашу изъ-за какихъ-то пустяковъ въ родѣ двухчасового ареста матросовъ и порядка покаянныхъ салютовъ.

Типы офицеровъ американской кавалеріи.

Американская полевая артиллерія.

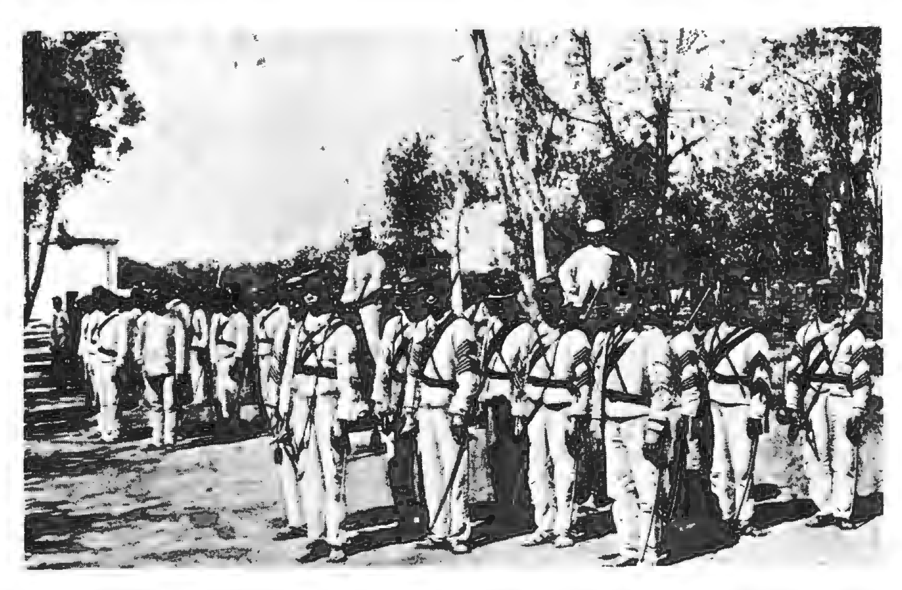
Между молотомъ и наковальней.

(Вопросы внутренней жизни).

Желаніе правительства работать надъ оздоровленіемъ Россіи въ единеніи съ Гос. Думой находитъ многочисленныхъ враговъ и среди крайнихъ представителей безпочвеннаго прогрессизма и среди вліятельныхъ единомышленниковъ реакціонныхъ кружковъ. И тѣмъ и другимъ мирная дѣятельность въ рамкѣ существующихъ законовъ вовсе не нравится, она не входитъ въ ихъ планы и встрѣчаетъ съ ихъ стороны всевозможное противодѣйствіе. Бѣда въ томъ, что цѣлая ладья россійскаго прогресса всегда обречена плыть между предательскими загражденіями, устроенными на ея пути и справа и слѣва. Вся русская жизнь проходитъ, въ сущности, по узкой тѣснинѣ между двумя провокаціями, взаимно питающими другъ друга и шагъ за шагомъ сужающими якобы уже завоеванное поле благотворнаго общественнаго участія въ государственной жизни. Чѣмъ, какъ не такою вѣчно безплодною, хотя бы и совершенно безкорыстною, провокаціею русскаго прогресса можно назвать традиціонныя, по самому тону своему всегда вызывающія разглагольствованія крайнихъ лѣвыхъ ораторовъ о неизбѣжности перехода къ республиканскому строю, произносимыя во всеуслышаніе въ государствѣ монархическаго строя глубоко монархическаго народа. Трафаретные ораторы словно нарочно хотятъ оскорбить политическія вѣрованія противоположныхъ по взглядамъ партій и вызвать ихъ на крайнія формы протеста. Къ сожалѣнію, они легко достигаютъ цѣли. Безтактность публичнаго слова даетъ толчокъ къ попыткамъ ограниченія гарантированной закономъ свободы слова. Провокація слѣва тотчасъ же порождаетъ въ отвѣтъ правокацію справа. Ошибка слѣдуетъ за ошибкой, и всѣ убійственные удары обоихъ противниковъ падаютъ, какъ всегда, не на самихъ борющихся, а на среднее русское общество, одинаково несочувствующее ни злоупотребленіямъ свободой слова ни тѣмъ менѣе административнымъ ограниченіемъ свободы думскаго слова. Положеніе между молотомъ и наковальней самое плачевное. Если доктринерскія выходки ораторовъ думской соціалъ-демократіи провоцируютъ власть и консервативные круги общества къ грубому нарушенію закона, то политика власти провоцируетъ уже все русское

Лагерь американской пѣхоты.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.



Мексиканская пѣхота.

общество къ рѣзкимъ выраженіямъ протеста и недовольства. Для чего-то было нужно, чтобы вызывающіе жупелы Чхендзе раздались именно въ началѣ весенней сессіи Гос. Думы: для чего-то было нужно, чтобы дѣло о привлеченіи соціалъ-демократическаго оратора за рѣчь, произнесенную съ парламентской трибуны, было начато какъ разъ передъ началомъ обсужденія государственнаго бюджета, какъ бы съ очевиднымъ расчетомъ объединить центръ съ лѣвымъ крыломъ, вызвать на почвѣ провала всего бюджета столкновеніе Гос. Думы съ правительствомъ и тѣмъ самымъ подготовить необходимость ея немедленнаго роспуска. Дружными усиліями справа и слѣва эта цѣль наполовину уже была достигнута: кадеты, прогрессисты, лѣвые и часть прогрессистовъ, чувствуя полную невозможность защищать свободу думской трибуны какими-либо иными способами, сплотились въ рѣшеніи отстаивать права народнаго представительства путемъ отклоненія бюджета. Но, къ счастью, какъ это часто бываетъ, распаленный фанатизмъ своими крайностями подорвалъ самого себя. Сторонники Чхендзе рѣшили устроить обструкцію при появленіи на трибунѣ главы правительства, они слишкомъ обострили борьбу и оттолкнули отъ себя всѣхъ своихъ болѣе умѣренныхъ союзниковъ. Непозволительный крикъ и шумъ съ лѣвыхъ скамеекъ думской залы, раздавшійся при появленіи на трибунѣ И. Л. Горемыкина, возмутилъ всю Гос. Думу. При непосредственномъ участіи иниціаторовъ бюджетной обструкціи—фракціи прогресистовъ и при воздержаніи отъ голосованія к.-д., Гос. Дума рѣшительно высказалась противъ парламентской обструкціи и голосовала высшую мѣру наказанія нарушителямъ порядка въ числѣ 21 депутата крайнихъ лѣвыхъ фракцій. Послѣдніе сразу лишились поддержки своихъ вчерашнихъ единомышленниковъ, концентрація лѣваго большинства была разбита вдребезги и вся попытка борьбы съ правительствомъ закончилась образованіемъ мощнаго праваго центра, отстоявшаго порядокъ въ Гос. Думѣ. Попытка парламентской обструкціи убила весь планъ бюджетной обструкціи. Земская группа высказалась за голосованіе бюджета съ отклоненіемъ только тѣхъ статей, которыя не оправдываются государственными интересами. Нисколько не сочувствуя ограниченію свободы парламентскаго слова, она не захотѣла жертвовать реальными интересами населенія, не хотѣла сдѣлать государственное хозяйство ареною борьбы между правительствомъ и Гос. Думою. Повидимому, на ту же примирительную точку зрѣнія сталъ и глава правительства, И. Л. Горемыкинъ, который, добившись слова только послѣ удаленія обструкціонистовъ, заявилъ о своей искренней готовности работать съ Гос. Думой вопреки всѣмъ слухамъ о планахъ ея роспуска.

Посмертная выставка Я. Ф. Ціонглинскаго и выставка „Трехъ".

Въ настоящемъ № нашего журнала мы знакомимъ читателей съ двумя выставками: посмертной выставкой произведеній Я. Ф. Ціонглинскаго и съ выставкой „Трехъ".

Покойный Я. Ф. Ціонглинскій былъ талантливымъ и яркимъ представителемъ импрессіонизма въ живописи. Передача перваго впечатлѣнія, широта мазка и смѣлость письма отличали его творчество. Поклонникъ яркаго и пышнаго Востока, онъ привозилъ оттуда эскизы, изумительные по „голосу красокъ"—дышащіе яркимъ воздухомъ, пронизанные нездѣшнимъ солнцемъ. Нотки яркаго импрессіонизма онъ вносилъ даже въ свои портретныя работы — такія же блестящія, какъ и остальныя его произведенія. Онъ умѣетъ схватывать самую сущность человѣческаго облика, не вдаваясь въ детали и мелкую выписку аксессуаровъ.

Я. Ф. Ціонглинскій родился въ 1859 году въ Варшавѣ. Окончивъ университетъ и получивъ художественное образованіе въ Академіи Художествъ, онъ потомъ связалъ свою жизнь съ Петербургомъ и былъ дѣятельнымъ участникомъ выставки „Міра Искусства". Скончался онъ 24 декабря 1912 года.

Воспроизводимыя у насъ его картины носятъ типичныя черты творчества Я. Ф. Ціонглинскаго.

Выставка „Трехъ" объединила Я. Бельзена, С. Писахова и извѣстнаго писателя І. Ясинскаго. Произведенія всѣхъ трехъ художниковъ интересны и производятъ хорошее впечатлѣніе. Пейзажъ Я. Бельзена („*Косые лучи*"), его же „*Портретъ Маруси Б.*" и забавныя карикатуры („*автопортретъ*" и „*Яхтсменъ на охотѣ*") обращали на себя вниманіе на выставкѣ. Равнымъ образомъ интересенъ пейзажъ С. Писахова „*Весна на Бѣломъ морѣ*". Художественныя работы „*Автоэтюдъ*" и „*Дѣвушка съ косой*"—І. Ясинскаго (въ „Нивѣ" какъ разъ идетъ его повѣсть) обращаютъ на себя вниманіе своими незаурядными достоинствами.

Мексиканскіе генералы Вилла и Ортега совѣщаются съ агентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, г. Греемъ.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 10.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

БИБЛІЯ

Полная на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ **208** художеств. **картинами**, размѣр. кн. 6×4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., въ красив. тисн. золотомъ полукожан. переп. съ футл. ц. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., упак. 15 к. 1-я и единственная въ Россіи иллюстрир. Библія. 2877
Адр. Спб., Невскій пр., 153, Е. П. Масленникову
Въ СПБ. съ безпл. дост. на домъ. Тел. 90-36.

Три года ужасныхъ безконечныхъ страданій.

Мой другъ, увѣрившій меня, что онъ исправилъ свой желудокъ при помощи „Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ", заставилъ меня также испытать это средство. Я три года страдалъ хроническими запорами, катарромъ желудка и кишекъ. Всѣ средства, которыя я прежде принималъ, доставляли мнѣ иногда облегченіе, но не излѣчили меня. Совсѣмъ инымъ оказалось дѣйствіе „Стомоксигена Д-ра Антона Мейеръ". Вздутіе живота моментально прекратилось, а желудокъ мой работаетъ такъ правильно, что лучшаго себѣ и представить нельзя. Послѣ ѣды я теперь чувствую истинное наслажденіе, въ то время какъ прежде я расплачивался страданіями за каждый проглоченный кусокъ.

Извлеченіе изъ одного медицинскаго изданія отъ 10 мая 1913 года.

„Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ" изготовленъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій дѣйствій активнаго кислорода озона. Аптекаря сообщаютъ со всѣхъ мѣстъ, что спросъ на „Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ" возрастаетъ съ каждымъ днемъ. „Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ" идеальное средство для устраненія запоровъ и неправильностей въ пищевареніи и попутно облегчаетъ послѣдствія этихъ страданій, какъ головныя боли, страданія печени и почекъ, кислотность желудка и сердцебіенія. 2891

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ имя Доктора Антона Мейеръ сокращено, если въ адресѣ: „С.-Петербургъ, Екатерин. кан., 29" цифра измѣнена, предъ Вами явная поддѣлка.

17-8 2881

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?
2914 50-1
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

Мыло „Конекъ"
для полученіе нѣжной бѣлой кожи и прелестнаго цвѣта лица. Цѣна куска 50 коп.

Кремъ „Конекъ"
Изъ молока лиліи
Туба 40 коп.
Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Пудра „Конекъ"
Изъ молока лиліи
Цѣна коробки 1 руб.
Содержитъ избытокъ жира, нѣжна, держится хорошо на кожѣ; выгодна въ употребленіи представляетъ собою среди другихъ косметическихъ препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку
Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ. Главный складъ для Россіи.
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшенная № 10

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ новые интересные каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.).
2908 12-1

2823

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!
При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Все остальное безъ медали и безъ атестата поддѣлки.
БАЗАРЪ МАРОКЪ НЕВСКІЙ 20 КВ
1891 17-6

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО
КНИГИ о СТЕНОГРАФІИ. Адресуйте такъ: **ОДЕССА.** Б. Арнаутская, 11. Исид. Могилевскому.
2683 4-9

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ **АРТИСАЛЬ**
Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз.
18-10 2569

1 фунтъ хорошаго о-де-колона за 85 коп. Обладаетъ высокими дезинфекц. свойствами и прекрасн. запахомъ, превосходный для шкафовъ для бѣлья, комнатъ и воды для мытья. **1 металл. пульверизаторъ хорошо никкелированный 1 р. 50 к.** Лучшій и болѣе практичный чѣмъ стеклян. или резиновый пульверизаторъ. Подходящій для туалетовъ, а также для освѣженія воздуха въ комнатахъ и для опрыскиванія комнатн. растеній.
2826 3-2
Все это высылаетъ франко по полученіи стоимости впередъ фабрика духовъ „Геліосъ" Р. Г. Бокишъ, Лодзь, Заржевская, 58.

РУКОВОДСТВО КЪ ВЫБОРУ КНИГЪ
СОСТАВЛЕНІЮ И ПОПОЛНЕНІЮ БИБЛІОТЕКЪ

Каталогъ книгъ 14,000 названій=384 стр. случайныхъ и новыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній **высылается при выпискѣ книгъ безплатно.**
Отдѣльно каталогъ высылается за 25 к. (марками).
Различн. учрежденіямъ: учебн. завед., полкамъ, библіот., земскимъ и городск. учрежд., клубамъ, общест. собр. и проч. Каталогъ высыл. безплатно во всѣхъ случаяхъ. **Аккуратно и на выгодныхъ условіяхъ пополняю библіотеки** школьныя, общественныя, публичныя, городскія, земскія, полковыя, обществъ трезвости, для обществ. собраній и клубовъ. **Условія и каталоги высылаю по первому требованію. Высылаю всѣ книжныя новинки.**

НИЖЕСЛѢД. КНИГИ ПРЕДЛАГАЮ УДЕШЕВЛЕННО, **высыл. налож. плат., цѣны безъ пересылки:** **ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:**
И. Тургенева 10 т.—9 р. **В. Гюго** 12 т.—4 р. 50 к. **А. С. Пушкина** въ 1 т., съ рис.—за 1 р. 30 к. **Ф. Шпильгагена** 16 т. 6 р. 50 к. **В. Бѣлинскаго** 4 т.—2 р. 60 к. **Г. Сенкевича** 7 т. — 6 р. **Козьмы Пруткова** въ 1 т. — 1 р. 80 к. **М. Загоскина** 2 т. — 2 р. 35 к. **Всев. Крестовскаго** 8 т.—8 р. **Всевол. Соловьева** 10 т.—7 р. 50 к. **С. Смайльса** 6 т.—4 р. 20 к. **Н. Г. Помяловскаго** 2 т., 590 стр.—за 1 р. **Фен. Купера** 36 т. 4 р. 50 к. **Капит. Маріэтта** 24 т.—4 р. 50 к. **А. Апухтина** въ 1 т.—3 р. 75 к. **Гюи-де-Мопассана** 15 т. 4470 стр.—за 3 руб., въ роскошн. перепл. — 5 руб. **Э. Ожешко** 8 т., съ рисунк. — 7 руб. **Вс. Крестовскаго** (псевдонимъ) **Хвощинской** 38 т.—4 р.

РАЗНЫЯ КНИГИ:
Мужчина и женщина въ ихъ взаимоотношеніяхъ, роскошн. изд. Т-ва „Просвѣщеніе", со множ. художеств. иллюстр., въ роскошн. переп., 3 т. вмѣсто 33 р. за 19 р. **115 проэктовъ** дачъ на разныя цѣны, сост. Арх. Стори, съ план. и рис. фасадовъ—за 1 р. 75 к. **Настольный** Энциклопедич. Словарь А. Чудинова, 1000 стр., въ изящн. коленкор. тисн. переп. за 2 р. 40 к. **Д. Баккаччіо, Декамеронъ,** съ рисун. франц. художн., 520 стр., за 1 р. 80 к. **Форель, А., проф. Половой вопросъ,** 2 т. 500 стр., съ рисун., за 90 к. **Вейнингеръ, О. Полъ и характеръ,** 300 стр., за 80 к. **Проф. Папюсъ. Практическая магія,** бѣлыя и черныя, 3 т., 715 стр., съ рис., вмѣсто 7 р. 50 к. за 4 р. **Записки И. Екатерины II,** 220 стр., за 60 к. **Предупрежденіе и сохраненіе здоровья,** состав. проф. Хлопинымъ, Д-ромъ Горинѣвскимъ и др., 758 стр., съ рисунк., вмѣсто 3 р. за 1 р. 50 к. **Міръ животныхъ Европы,** ихъ жизнь и нравы, соч. проф. Гааке, съ 240 рис., Кунертъ 590 стр., вмѣсто 3 р. за 1 р. 75 к. **„Волна",** сборн. русск. художес. лирики, 365 стр., въ изящн. переп., за 70 к. **Искусственные цвѣты,** руков. къ изготов. цвѣт. и растен. Сос. Гурьянова, 192 стр., съ рис., вмѣсто 1 р. 50 к., за 85 к. **Народовѣдѣніе проф. Ратцеля,** роскош. изд., 2 т., съ раскраш. рисун., въ хорош. переп., вмѣсто 14 р. за 8 р. **„Задушевное Слово", журналъ для дѣтей,** старш. возр., полн. годы 95, 96, 97 годы по 2 р. годъ, **то же для младш. возр.** 92, 902, 95, 903 годы по 2 р. годъ, въ перепл. на 75 к. дор. **Проф. Плоссъ. Женщина** въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи, 2 т., 1100 стр., со множ. рисун., за 2 р. 50 к. **Женщина** на аренѣ общественн. дѣятельности, рисунки-шаржи Богданова, альбомъ за 1 р. **Юмористическій шиповникъ** альманахъ съ рис. за 60 к. **Стихи для выразительнаго чтенія,** выбран. изъ лучшихъ русск. и иностр. поэтовъ, подъ ред. арт. Имп. т. Ю. Юрьева, 400 стр., за 60 к. **Загородные дома и дачи,** прак. руководс. къ постройкѣ, съ рисун. 409 стр. Сос. Арх. Тилинскій, за 2 р. 25 к. **Жукъ, Д-ръ. Мать и Дитя,** полн. гигіена ребенка и матери, за 2 р. 70 к. **Практ. руководство для полицейскихъ урядн. и стражниковъ.** Сос. Чичинадзе, изд. 7-е, вм. 2 р. 50 к. за 1 р. 20 к. **Фламаріонъ, К. 1) Жители звѣздъ, 2) Разсказы о безконечномъ, 3) Конецъ Міра,** 3 кн., около 600 стр., за 1 р. **Красныя зори,** журн. для дѣтей млад. возр. 1911 г. въ переп. за 1 р. **Игрушечка,** журн. для младш. возрас. 1911 г. въ переп. за 1 р. 40 к. **Земли и люди.** Живописн. путешеств. и разсказы изъ быта народовъ всѣхъ частей свѣта, сост. П. Бернадскій, 2 т., 610 стр., съ рисун., въ переп., за 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНА 15 т. за 3 р., 1912 г.=4470 стр., въ золоч. коленк. перепл., 5 р.

Полное собраніе сочиненій В. Г. БѢЛИНСКАГО 4 т. за 2 р. 60 к.

Книжная торговля И. Ф. КОСЦОВА.
С.-Петербургъ, Литейный пр., 28-а.
2918

ЖЕЛЕ, МЫЛО, ПУДРА
ФИЛОДЕРМИНЪ
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.
7-8 2627

KALODONT
Необходимый Зубной Кремъ и Эликсиръ
Сохраняетъ зубы бѣлыми, чистыми и здоровыми
Требовать вездѣ.
2897 4-1

ЧУДНОЕ УКРАШЕНІЕ КОМНАТЪ. Медальоны гипсовые съ раскрашенными цвѣтами, какъ въ натурѣ, въ деревянныхъ выжженныхъ и раскрашенныхъ рамкахъ, ручной работы. По 50 коп. штука. Пересылка по почтовому тарифу. Менѣе 2 штукъ не высылается. Островецъ, Радом. губ., Каролина Поинцъ. 2919

Сосновый дегодь и Экстрактъ Бай,

связанные особымъ способомъ съ химически чистыми сѣрой, нефтью и стираксомъ,—вотъ главныя составныя части англійскаго жидкаго мыла для волосъ **„Бай Санагри"**. Пріятное ощущеніе свѣжести отмѣчается при первомъ же обмываніи. Волосы принимаютъ свой естественный блескъ, пріятны на ощупь и не сѣкутся. Мыло **„Бай Санагри"** рекомендуется какъ идеальное, не раздражающее обмываніе волосъ, какъ для здоровой кожи, такъ и пораженной обоими видами перхоти. Цѣна флакона 1 р. 20 к. (хватаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ). Требуйте вездѣ. Брош. безплатно.

Депо С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 10. Тел. 102-36. 2901 2-1

ЗДОРОВЬЕ СИЛА

Вино Віаль

(VIN DE VIAL)

Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести

СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ, дѣтей и стариковъ

Продажа во всѣхъ аптекахъ.

2878 8-2

ИКОНЫ

всѣхъ стилей и живописно-художественнаго письма, готовыя и на заказъ, можно пріобрѣсти въ иконной лавкѣ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской Иконописи. СПБ., Надеждинская, 27. Тел. 201-29. Прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно.

2899 4-1

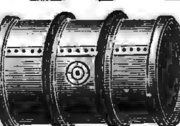
МОНЕТЫ Россіи стар. покупаю. Каталогъ о рѣдк. мон. и вещ. за 1 р., нал. плат. 1 р. 15 к., гор. Ровно (Волынь) М. Ш. Тине.

Быстросчетъ „МОЛНІЯ" 2893

Г. Гебгардта, скорѣйшее полученіе результата и мгновенная провѣрка, съ таблицами прост. %% отъ 1/4, сложн. %%, дисконта, заработка, упрощ. дѣйствій дробями, квадратн. и кубич. вычисл., превращ. русск. и международн. мѣръ и вѣсовъ, съ вѣчнымъ календаремъ и пр. Цѣна 1 р., перес. 20 к. **Г. Хааке**, СПБ., Консистор кан. 9, кв. 28в.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.** Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3. (98) Прейсъ-курантъ безплатно. 2700

ВСЕМІРНО ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „Ормондъ"

пользуются большими симпатіями и распространеніемъ, ибо отличаются изяществомъ отдѣлки, небывалой выносливостью и легкостью хода. На велосипедахъ „Ормондъ" ѣздятъ чемпіоны міра: Фріоль, Бадеръ и т. д. и мѣстные чемпіоны, какъ: Грончевскій, Ткачикъ и т. д. Изъ 100 встрѣченныхъ велосипедовъ оказывается 90 шт. марки „Ормондъ". Исключительно удобныя условія разсрочки отъ 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Цѣны доступныя. Прейсъ-куранты безплатно. Главная контора и Управленіе для Царства Польскаго и Имперіи: Торговый домъ Ормондъ, Варшава, Нов.-Свѣтъ, 72. Фабричные Склады: Москва, Смоленскій Рынокъ, № 17. Кіевъ, Николаевская, № 3. Лодзь, Променадная, № 40.

2780 5-5

2910

ПРОДАЕТСЯ у гг. Штоль и Шмитъ, Русск. О-ва Торговли Аптек. тов., В. Бюлеръ и др.

Поручаю моему перу, хотя и неискусному.

Мнѣ было бы очень прiятно лично поблагодарить Васъ, но въ настоящее время поручаю моему перу, весьма неискусному въ этомъ отношенiи, выразить то, чѣмъ переполнено мое сердце. Я страдалъ половой неврастенiей и благодаря Бiолу-Ласлей я выздоровѣлъ и какъ бы ожилъ, переродился. Дай Богъ Вамъ распространить это благое дѣло и чтобы каждый съ благодарностью и искренностью отзывался, какъ я. 2893

Съ почт. С. К. Данти.

Если Вы страдаете общею и половой неврастенiей, головными болями, безсонницей, малокровiемъ, дурными привычками и ихъ послѣдствiями, робостью и слабой памятью, послѣдствiями дурныхъ бол., если Вы нервны, раздражительны, переутомлены—спросите въ аптекѣ коробку „Бiола“, но только настоящаго „Бiола-Ласлей“. Вы получите такiе же блестящiе результаты, какъ г. Данти. Это извѣстное средство противъ неврастенiи, которое совершенно безвредно.

НА ПIАНИНО

может научиться играть каждый в несколько дней всевозможныя пьесы по легкому и понятному цифровому самоучителю „ЭВРИКА“. Цѣна с нагляди. клавiатурой естеств. вел. с перес. 2 р. 50 к.

2842 Адр.: Москва, С. К. ХАНБЕКОВУ, почтамт. ящ. 1137.—М. 3-3

ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА ШЕЛКОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
Т/Д. А. Е. ГРИГОРЬЕВА и К-о.
МОСКВА, ЗУБОВСКIЙ БУЛЬВ., СОВ. ДОМЪ.

Идя навстрѣчу интересамъ широкой публики, нашъ Т/Д. открываетъ розничную продажу шелковыхъ товаровъ по оптовой цѣнѣ. Каждый, желая купить выгодно и по модѣ, можетъ обратиться къ нашему Т/Д. и получить, кромѣ подробнаго прейсъ-куранта на всѣ шелковые товары, совѣтъ въ выборѣ товаровъ. Слѣдуетъ только послать намъ открытку, какъ Вы немедленно получите отвѣтъ. Все это безплатно. Надѣемся удовлетворить всѣ Ваши желанiя. 2871 3-2

1850 18-12

Требуйте съ этой подписью: 2754

St Raphaël

2891

Лучшiе профессора Европы съ блестящимъ успѣхомъ прописываютъ больнымъ, страдающимъ

МУЖСКОЙ НЕВРАСТЕНIЕЙ

извѣстный французскiй препаратъ

СТИМУЛОЛЪ

Д-ра ГЛЭЗА,

такъ какъ это единственное и исключительное средство, быстро возстановляющее утраченную энергiю и укрѣпляющее всю нервную систему.

Дѣйствiе Стимулола тщательно провѣрено въ лучшихъ Европейскихъ санаторiяхъ и вызвало восторженные отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

Важное предостереженiе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ настоящiй **Парижскiй Стимулолъ Д-ра Глэза** въ аллюминiевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденiя, произведенныя надъ этимъ препаратомъ, и лучшiе отзывы врачей относятся только къ настоящему **Стимулолу Д-ра Глэза.**

Главное представительство для Россiи:
Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 79/5.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 20.

XLV г. изданія

Выданъ 17 мая 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова“ кн. 3.

XLV г. № 20

г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 17 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. 3.

Поджогъ.

Повѣсть **І. І. Ясинскаго.**

(Продолженіе).

XX.

— Цѣлый часъ ждала у мостковъ, — начала Наденька: — даже выкупалась... Подумалъ бы, русалка, и испугался бы. А ты прошелъ раньше, глупый мальчишка.

Она засмѣялась и сѣла рядомъ съ Иваномъ, возбужденная, веселая, дрожащая.

— Какой ты застѣнчивый! — продолжала она.—Съ тобой хорошо. Но мнѣ хочется откровенности.

— И мнѣ,—сказалъ Иванъ.

— Уходитъ моя жизнь, и не повторяются мгновенія... Ты — солидный и не выдашь... А то мальчики всегда болтаютъ. Любишь? Такъ любишь?

Она обняла его.

— Я хочу тебя, Ваня, — шопотомъ сказала она. — Это ужасно трудно сказать. Вчера не вышло. Смотри, какъ я легко одѣта. Въ одномъ капотѣ. Оттого дрожу.

Она замолчала.

— Ты, можетъ, совсѣмъ не понимаешь меня?.. начала она. — Какая я по-твоему? Хорошая?

— Таинственная.

— Пусть таинственная. Я иногда сама себя не вижу. Тетушка воспитала меня. Я ничего не смѣю. Сладкаго за столомъ не смѣю второй разъ взять, если тетушка не предложитъ. Сама и выбираетъ, что мнѣ къ лицу. Съ утра до вечера я—рабыня и хожу въ маскѣ. Но моя ночь. И ночью я кажусь себѣ не Наденькой, а свободной, сильной, богатой, не признающей никакихъ предразсудковъ. Ровно въ двѣнадцать я преображаюсь. Я продаю чорту душу, а онъ осыпаетъ меня милостями. У меня

В. Сѣровъ. Портретъ Государя Императора въ тужуркѣ. Собственность Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

дворецъ, паркъ, фрейлины, пажи. Я ихъ цѣлую, наказываю: умираю и плачу отъ избытка силъ, которыхъ некуда дѣвать. Принцы ухаживаютъ за мною. А проснусь — бѣгу къ тетушкѣ и подаю ей въ постель кофе со свѣжими баранками.

— Вамъ надо заняться, Наденька, серьезнымъ дѣломъ, — робко сказалъ Иванъ.

— У меня есть на примѣтѣ одно серьезное дѣло, — сказала Наденька, усмѣхнувшись.—Но я сейчасъ не Наденька — я ужъ сказала.

— У васъ потребность идеаловъ,—продолжалъ Иванъ.—Вы не удовлетворены жизнью и только не знаете, какъ выйти на дорогу, ведущую къ звѣздамъ.

— А тебѣ извѣстна дорога къ звѣздамъ?

— Да,—съ увѣренностью произнесъ онъ.

— Ты черезчуръ ребенокъ, — сказала Наденька. — Откуда тебѣ знать? Ты даже цѣловаться не умѣешь.

— Я бы могъ вамъ дать почитать кое-что очень интересное.

— При лунѣ? Ты съ ума сошелъ, юноша. Завтра, завтра...

— Наденька, мы живемъ въ кровавое время. Творятся ужасы... Царитъ зло... Народъ гибнетъ въ страшныхъ условіяхъ. Звѣзды—это тоскующіе глаза народа, ждущаго спасенія...

— Отъ насъ съ тобой? — игриво спросила Наденька. — Ну, полно же. Полюби меня хоть немножко, сдѣлайся моимъ принцемъ.

— Наденька! Я пришелъ главнымъ образомъ сказать... разъяснить...

Онъ не успѣлъ. Луна вздрогнула, какъ капля ртути, бѣлый кустъ жасмина прижался къ нему, ароматный и знойный, и чувство обиды у Ивана, что съ нимъ обращаются, какъ съ маленькимъ, мгновенно мелькнуло и растаяло въ другомъ чувствѣ — огромнаго стыда, и удивительно похорошѣвшая, вся бѣлая, лунная, молодая, какъ вѣтка жасмина, тяжело склонилась къ нему Наденька и новымъ поцѣлуемъ ужалила его губы.

XXI.

На другой день Иванъ проснулся отъ солнца, которое било ему прямо въ лицо. Было уже поздно.

Отъ Аксиньи онъ узналъ, что Хрисанѳъ Семеновичъ уѣхалъ съ апелляціонной жалобой.

— А къ вамъ пришелъ вчерашній маленькій баринъ и ждетъ въ саду,—доложила Аксинья.

Иванъ вышелъ въ садъ.

Съ дружелюбной улыбкой, прямо глядя въ глаза, по дорожкѣ шелъ „Херувимъ". Вѣтерокъ игралъ его свѣтло-бѣлокурыми волосами, новенькая шляпа сдвинута была на затылокъ.

— Сдѣлалъ что-нибудь?—началъ онъ.

Иванъ не понялъ вопроса.

— Приступилъ? Нѣтъ? Нельзя терять ни минуты. Силантій, не знаю, почему, возымѣлъ къ тебѣ полное довѣріе. Если трудно въ городѣ, онъ предлагаетъ проѣхаться по деревнямъ. Лѣто — и легко войти въ общеніе съ учащейся молодежью, отдыхающей на каникулахъ. Дадимъ письма.

— А земляная работа?

Херувимъ потрепалъ по плечу Ивана:

— Ты зависишь отъ отца?

— Хотѣлось бы съ нимъ разойтись... по нѣкоторымъ причинамъ,—прибавилъ Иванъ.

— Силантій, располагая частью нашей кассы, могъ бы предложить рублей тридцать въ мѣсяцъ.

— Да?

— И больше бываетъ.

— Можно ли платить за это? —сконфуженно спросилъ Иванъ.

— Солдатъ сражается и умираетъ... идеально. Но какая-нибудь нужна же политическая экономія.

Потъ выступилъ на лбу у Ивана. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ спросилъ:

— Но, значитъ, свободы нѣтъ?

— Всегда можно отказаться отъ работы не по сердцу.

— Я больше всего дорожу свободой вѣдь во имя же свободы...

— Во имя свободы, Голубокъ, —подхватилъ „Херувимъ". —Но свобода не терпитъ безпорядка. Какъ же безъ капельмейстерской палочки? Вообще у насъ такъ дѣло обстоитъ. Ни къ чему тебя не принуждаютъ, пока ты въ сторонѣ. Но разъ ты вошелъ —ты на виду...

— Я долженъ подумать.

— Не совѣтовалъ бы. Ты—энтузіастъ, откуда раздумье?

Иванъ глянулъ на кустъ жасмина, и вспомнилась ему минувшая ночь съ упоительными ароматами и луннымъ свѣтомъ на опущенныхъ вѣкахъ Наденьки, и онъ спросилъ:

— А если бы я согласился, возврата нѣтъ?

— Ты очень молодъ и не глупъ, — серьезно заговорилъ „Херувимъ": — и самъ долженъ понять, что уже и теперь возврата нѣтъ. Мы всѣ рано или поздно отвѣдаемъ каторги, и только немногимъ изъ насъ случай поможетъ на волѣ дождаться... Не потому нѣтъ возврата, что грозитъ судъ товарищей. Судятъ предателей, а отсталыхъ даже не презираютъ. А возврата нѣтъ потому, что одного участія въ подкопѣ уже достаточно. Обнаружится—по головкѣ не погладятъ. А все можетъ статься. Близка развязка. И, сказать, Ольга Петровна тебя очень жалѣетъ, и Силантій на всякій случай услалъ бы тебя изъ города.

„Херувимъ" взглянулъ Ивану въ глубину души своими нѣжными глазами.

— Всѣ честные и благородные сочувствуютъ,— сказалъ онъ.— Пускай ссылаютъ и вѣшаютъ насъ, но мы дѣлаемъ праведное дѣло и вѣримъ, что призваны пробудить народъ отъ рабства, встряхнуть страшную силу, тяготѣющую надъ нимъ... разсѣять кошмаръ власти.

Двѣ слезы скатились по блѣдно-розовому лицу „Херувима".

— Ты повторяешь мои мысли,—проговорилъ Иванъ, дотронувшись до руки „Херувима".—Но я въ состояніи былъ бы зарабатывать деньги самъ. И какъ я пойду по деревнямъ, если и въ городѣ связанъ? Надо же добыть бумагу отъ отца.

„Херувимъ" поцѣловалъ Ивана:

— Голубокъ, все предусмотрѣно. Паспортъ есть какой угодно. Что въ имени тебѣ твоемъ?.. Что среда, которая тебя взрастила? Что общаго? Но отчего у тебя все-таки нерѣшительный видъ?

Иванъ не выдержалъ взгляда „Херувима" и покраснѣлъ.

— Неожиданно осложнилась жизнь,—потупивъ глаза, отвѣтилъ онъ.

— Именно?

— Не назову, но она полюбила меня.

— А ты?

Иванъ кивнулъ головой:

— Кажется... Все равно...

— Слѣдовательно, нашего полку прибыло?

— Я еще не знаю ея убѣжденій.

— Ты долженъ привлечь ее... Ахъ, ты, чудакъ, Голубокъ... А что она сказала, когда ты далъ ей прочитать?

— Когда же было? Не до того... Я ее еще не раскусилъ... Согласись, въ такія минуты...

„Херувимъ" нервно сталъ перебирать кудерки своей бородки.

— Утонулъ въ радостяхъ бытія... Занятъ личнымъ дѣломъ... Что же, съ этимъ надо считаться. Ну, довольно съ тебя двѣ недѣли сроку.—„Херувимъ" опять дружески улыбнулся.—А ты разовьешь свою возлюбленную. Не можетъ же нашъ Голубокъ полюбить деревянную куклу. Не правда ли? Ахъ, я заболтался съ тобою,—озабоченно сказалъ „Херувимъ".— Вѣрь, что я твой другъ. А пока вотъ что... Настоящая любовь дѣлаетъ насъ самоотверженными... И я люблю. Долгъ платежомъ красенъ. Но она сейчасъ въ замкѣ... И вотъ я рою землю, какъ звѣрь.

Иванъ сказалъ:

— Милый!

По щекамъ „Херувима" опять потекли слезы.

— Тебѣ, вѣроятно, болѣе, чѣмъ достаточно.—началъ „Херувимъ".—Надо раздавать съ толкомъ, конечно. Дай-ка мнѣ штукъ пятьдесятъ. Одному попу обѣщалъ, да не хватило.

Иванъ для сокращенія пути влѣзъ въ окно и отворилъ книжный шкапчикъ. Но между Дарвинымъ и Боклемъ зіяло только пустое пространство.

XXII.

Прокламаціи исчезли.

Иванъ долго искалъ ихъ по угламъ и даже подъ подушкой. Онъ твердо помнилъ, что никуда ихъ не перекладывалъ, но искалъ. Тоскливо прошелся онъ по комнатамъ, заглянулъ въ конторку, обыскалъ спальню отца—и напрасно.

Замедленнымъ шагомъ, перепуганный пропажею, спустился онъ со ступенекъ стеклянной террасы и сказалъ товарищу:

— Не знаю, куда дѣвались.

Нѣжные глаза „Херувима“ внезапно потемнѣли.

— То-есть, какъ не знаешь?—грозно вскрикнулъ онъ.

Иванъ посмотрѣлъ на „Херувима“ и не узналъ его. Свѣтлое облачко превратилось въ черную тучу, извергавшую молніи. Иванъ только пожималъ плечами и не могъ придумать объясненія.

— Странно, странно!—шипѣлъ „Херувимъ“.

— Аксинья!—закричалъ Иванъ не своимъ голосомъ, увидѣвъ кухарку, выглядывающую изъ окна. — Вы не взяли ли для вчерашнихъ пирожковъ пачку вотъ этакихъ тоненькихъ бумагъ изъ этого шкапа?

Аксинья стала божиться и проклинать себя: она не брала никакихъ бумагъ.

„Херувимъ“ саркастически разсмѣялся:

— Припомни хорошенько—можетъ-быть, городская свинья забѣжала и съѣла.

— Я помню хорошо, — нетерпѣливо произнесъ Иванъ и еще разъ пошелъ напрасно рыться у себя.

Но когда, задыхаясь отъ волненія, вернулся въ садъ, онъ не засталъ уже „Херувима“.

Что-то зловѣщее почуялось въ молчаніи цвѣтущаго сада.

XXIII.

Прежде всего Иванъ бросился въ мировой съѣздъ, гдѣ былъ Хрисанѳъ Семеновичъ. Одно дѣло онъ уже выигралъ. Судьи совѣщались по другому дѣлу. Адвокатъ весело болталъ съ кліентомъ. При видѣ Ивана, старикъ строго покачалъ головой.

— Что случилось? — тревожно спросилъ онъ.

Сынъ отвелъ отца въ сторону и сказалъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ:

— Вы ничего не брали у меня изъ шкапа?

— Чего-съ?

Иванъ пристально поглядѣлъ отцу въ глаза:

— Что вы съ ними сдѣлали?

— Ты бѣлены объѣлся.

— Нѣтъ, я спрашиваю... Можетъ, вы не понимаете серьезности поступка. Я могу пулю себѣ въ лобъ пустить.

— Стрѣляйся, болванъ, - гнѣвно сказалъ Хрисанѳъ Семеновичъ. — Но предварительно двадцать плюхъ хочешь? Не срами меня: чтобъ я не видѣлъ твоихъ блузъ. Ступай немедленно домой и стань въ уголъ, — громко сказалъ Вертлуговъ, когда Иванъ круто повернулъ къ дверямъ.

Судебный приставъ возгласилъ:

— Судъ идетъ!

XXIV.

„Стану солдатомъ революціи... Наемникомъ... Не могу же я оставаться дома послѣ всего, что случилось... Дойти до такой низости. Ясно, что онъ съ ними сдѣлалъ. Кончено.“

Быстро дошагалъ Иванъ до маленькаго домика у тюремнаго замка, и въ головѣ его роились эти злыя мысли. Онъ дернулъ за ручку звонка. Никто не открылъ. Долго звонилъ онъ и стучалъ. Какъ будто кто-то выглянулъ въ окно, но мелькнувшее за стекломъ лицо исчезло. Онъ опять началъ звонить и стучать.

Тутъ открылась калитка, и вышелъ четырехугольный мужикъ съ кривымъ ртомъ и узенькими глазами на рябомъ лицѣ.

— Чаво прете?—равнодушно сказалъ онъ.—Никого нѣтути. Только-что съѣхали.

— Куда? —спросилъ Иванъ.

— Не сказамшись. Я дворникъ. Мое дѣло сторона.

— Отчего же такъ вдругъ?—промолвилъ Иванъ—и ему ясно стало, что дворникъ—тотъ силачъ, о которомъ сказалъ ему „Херувимъ“, и всѣ его обманываютъ, потому что стали бояться. Онъ готовъ былъ заревѣть.

— Уѣхали?..—началъ онъ, но въ горлѣ застряли слова.

Мужичокъ хитро и хмуро смотрѣлъ на него:

— Кто же ихъ знаетъ—собрались и уѣхали... Можетъ, ерограмма пришла... Чемоданишки свалили на извозчика... На чай рубль дали.

Иванъ помчался на пароходную пристань и въ контору дилижансовъ. Пароходъ и дилижансъ еще не отходили, и нигдѣ не было ни Ольги Петровны, ни „Херувима“, ни Силантія.

В. Сѣровъ. Демонъ и Тамара. Иллюстрація къ Лермонтову. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

Было такъ жарко, что блуза Ивана раскалилась, какъ жесть. Онъ долго просидѣлъ на бульварѣ, погруженный въ тяжелыя думы.

Денегъ у него не было ни копейки. И онъ побрелъ домой, чтобы взять свои книги, продать букинисту и нанять комнату на Лебядкѣ. Отцовскаго хлѣба онъ рѣшилъ больше не ѣсть. Однако неудача постигла его и дома. Отецъ вернулся, по словамъ Аксиньи, „дюже сердитый“ — вѣроятно, проигралъ второе дѣло—и заперъ комнату Ивана на ключъ, а самъ легъ спать. Окно было взято на задвижку. Иванъ не могъ проникнуть къ себѣ.

„Разскажу все Наденькѣ“,—рѣшилъ онъ, и ему показалось, что она необходима ему теперь. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только передъ нимъ блеснули лунные призраки — кустъ жасмина, опущенныя рѣсницы, плечи, похожія на двѣ лиліи—страданіе его подернулось дымкой нѣжности; и эта боль и вчерашняя, растравленная, притаились на днѣ его души, какъ русалки, которыя всплываютъ щекотать и терзать свою жертву только въ страшные часы.

XXV.

— Какой вы усталый, Иванъ Хрисанѳовичъ,—начала Аглая Ермолаевна.—Лица нѣтъ! А я съ Наденькой купалась въ Лебядкѣ и опять встрѣтила Петрусевича. Ну, мужчины и безсовѣстные же. Видали ли вы когда-нибудь съ подзорной трубой дамъ? Я даже спать послѣ обѣда не могла. Только заведу глаза—а труба такъ и вопрется. Вы, современный юноша, скажите, хорошо ли дѣлаетъ Петрусевичъ? Я вдова, и всего тридцать два года. А Надюша—дѣвочка. А у меня, какъ на зло, тѣло такое бѣлое...

Иванъ утомленно молчалъ и смотрѣлъ на дверь, не войдетъ ли Наденька.

— Васъ, можетъ, папаша прислалъ съ чѣмъ-нибудь?—спросила Аглая Ермолаевна.

— Мнѣ хотѣлось повидать Надежду Александровну.

Вдовушка улыбнулась, и лучистыя ямки заиграли на ея щекахъ:

— Со мной не хотите поскучать? Ахъ, молодой человѣкъ, - хотя бы изъ снисхожденія къ моей полнотѣ... Каждому, впрочемъ, свое.

Глаза ея сузились, ротъ она широко раскрыла.

— А-а-а,—зѣвнула она.—Положительно безсовѣстные... У меня тѣло бѣлое... Ну, Надюша не такъ подробно видна. А что, въ трубу все ясно?

— Должно-быть.

— На луну, я думаю, смотрѣть интересно. Говорятъ, горы и лѣса видно.

— Про лѣса не слыхалъ.

— Наденька успокаиваетъ, а я сама не своя— дрожу, боюсь трубы... Ей хорошо... А у меня тѣло бѣ... У-а-а-ахъ!

Вдовушка побагровѣла. Ивану стало страшно ея раскрытаго рта и выпученныхъ глазъ. Нѣсколько секундъ сидѣла она такъ. Наконецъ догадалась отправить руку въ ротъ и поставила челюсть на мѣсто. Она засмѣялась и кокетливо замахнулась на Ивана носовымъ платкомъ:

— Противный. Вы виноваты, вы!

— Ну, до свиданія.

— Куда же вы?

— Такъ.

— Останьтесь чаю напиться съ земляничнымъ вареньемъ. Что-то мнѣ охота покушать. А одной тоска... Давайте вмѣстѣ. А? Молодой человѣкъ?

Иванъ покраснѣлъ и согласился.

Онъ еще не обѣдалъ.

XXVI.

Иванъ смотрѣлъ въ раскрытое окно, ѣлъ холодныя котлеты, варенье, пилъ чай съ баранками и думалъ о пропавшихъ прокламаціяхъ.

В. Сѣровъ. Прудъ. (Собраніе М. Ө. Якунчиковой).

В. Сѣровъ. Портретъ С. М. Драгоміровой. (Собраніе С. М. Лукомской).

Солнце заходило и краснымъ свѣтомъ заливало улицу, поднимавшуюся вверхъ. Изъ краснаго тумана выступали черныя крыши и углы зданій. Ребятишки и собаки играли въ пыли. Къ рѣкѣ шли служанки съ пустыми ведрами на коромыслахъ и съ бѣльемъ.

Ульяна второй разъ подала самоваръ.

На улицѣ въ красномъ туманѣ замелькали, приближаясь, два силуэта. Одинъ присѣдалъ налѣво, другой направо. Можно было уже различить, что это—дамы. На одной была шляпка съ цвѣтами, на другой—легкая косынка. И вокругъ каждой горѣло сіяніе. Онѣ шли, какъ святыя, въ блескѣ славы.

Направленіе глазъ Ивана заставило вдовушку высунуться изъ окна. Какъ упругая перина, потѣснила она молодого человѣка.

— Боже! Перепетуя Васильевна и Ѳеонія Евстигнеевна! — вскричала Аглая Ермолаевна.

Сплетницы торопливо вошли и чмокнули въ руку и плечо Аглаю Ермолаевну. Поздоровались съ Иваномъ.

— Мы съ Перепетуей Васильевной...

— Съ Ѳеоніей Евстигнеевной...

— Вмѣстѣ — видитъ Богъ — правду говорю.

— У Колокольцевыхъ тоже варили землянику.

— У Свѣтаевыхъ третій день варятъ...

— Конечно, обстоятельства молодыя,—начала Ѳеонія Евстигнеевна.

— А понять невозможно, — облизываясь, сказала Перепетуя Васильевна.

Одна подмигнула лѣвымъ глазомъ, другая правымъ.

— Что-нибудь касающее? — спросила Аглая Ермолаевна.

— Ужъ до чего касающее! — вскричали обѣ дамы.

— Кого?

В. Сѣровъ. Похищеніе Европы. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

львевна, поднявъ глаза къ образу... — Попила чаю съ вареньемъ, съ меня и довольно.

— А я-то! — подхватила Ѳеонія Евстигнеевна и платкомъ стала вытирать глаза. — Мнѣ варенья не надо... теплой водицы одной достаточно. Только вы, Перепетуя Васильевна, ошибаетесь, будто Пресвятая Богородица, а это — образъ Николая Чудотворца, — строго замѣтила она.

— Значитъ, прежде висѣла тутъ Богородица, — вспыхнувъ, возразила Перепетуя Васильевна.

— Глаза у васъ сдѣлались слабы, — кротко замѣтила Ѳеонія Евстигнеевна и въ комочекъ зажала платокъ.

— Станемъ говорить о взаимныхъ слабостяхъ, то это насъ далеко заведетъ.

— Слабостей у меня нѣтъ, Перепетуя Васильевна. И Храмугина часто говоритъ мнѣ: „Ѳеонія Евстигнеевна, милая моя, дѣтская душа у васъ“.

— А съ тремя котами живете.

— Что же, по-вашему, котъ — не Божья тварь? Я, можетъ, семе-

— Васъ, васъ, благодѣтельница.

Ульяна принесла третій самоваръ; онъ шипѣлъ и плакалъ.

— Не все можно молвить...

— Были мы утречкомъ на кладбищѣ! — вскрикнула Ѳеонія Евстигнеевна.

— Намъ купчиха Храмугина поручила вѣнокъ свезти на могилку перваго ея мужа, Сидора Ивановича — какъ сама она перестала этимъ заниматься... — добавила Перепетуя Васильевна.

— Велика-а-лѣпный монументъ!

— Ну?

— Какъ идетъ трефовый король, — съ ужимкой сказала Перепетуя Васильевна и оглянулась на Ивана.

— Я такъ и затряслась, — вскричала Ѳеонія Евстигнеевна. — Не одинъ!

— Васъ, сладчайшая Аглая Ермолаевна, ожидали мы съ нимъ встрѣтить...

— Почему же меня? — наивно спросила Аглая Ермолаевна.

— Потому что нельзя было сомнѣваться до послѣдней минуты, что на вашей прекрасной груди трефовый король получитъ облегченіе для своей супружеской вѣрности, — сказала Перепетуя Васильевна.

Аглая Ермолаевна съѣла ложку варенья и томно сказала:

— Богъ съ нимъ, если такъ. Жертвовать своей полнотой я ни для кого не намѣрена.

— Боже сохрани и помилуй, Аглая Ермолаевна, подобной красоты лишиться.

Обѣ припали къ полнымъ плечамъ вдовушки и прослезились.

— Вы плачете? — спросила она.

— А мы любимъ васъ, Аглая Ермолаевна, душечка.

— Я вдова бѣдная.

— Абажаемъ васъ, — подтвердила Ѳеонія Евстигнеевна.

— Какая корысть!

— Мать Пресвятая Богородица, Ты видишь мое сердце! — вскричала Перепетуя Васи-

В. Сѣровъ. Портретъ Леонида Андреева. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

рыхъ котовъ имѣла, и на каждаго Господь посылалъ пропитаніе.

— Отъ васъ кошачьимъ духомъ отдаетъ, — съ отвращеніемъ сказала Перепетуя Васильевна.

— Полно ссориться, — проговорила Аглая Ермолаевна. Такъ король на кладбищѣ гулялъ?

Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна радостно переглянулись, въ глазахъ потухла вражда.

XXVII.

Иванъ хотѣлъ уйти въ садъ и на берегъ Лебядки. Но странное любопытство удерживало его.

— Гулялъ, гулялъ трефовый король,—начала Перепетуя Васильевна.

— Истинная правда. Святая правда. Вѣнецъ мученическій готова пріять.

— Оно бы ничего... Но подъ ручку... и съ прижатіемъ къ сердцу.

— Каленымъ желѣзомъ жгите меня, а я плюнула имъ вслѣдъ.

— А меня пускай въ тюрьму сажаютъ и жилы растягиваютъ, я имъ вотъ этакъ тремя пальчиками сдѣлала.

— Старый хрычъ!—гнѣвно вскричала вдовушка и ударила кулакомъ по столу.

Зазвенѣла посуда.

— Да скажите толкомъ, — переставъ сдерживаться при Иванѣ, баситымъ голосомъ вскрикнула вдовушка:—съ кѣмъ же именно?

— Съ бубновой дамой.

— Сказали бы съ дѣвицей.

— Въ присутствіи молодого человѣка мы позорить молодую особу не станемъ.

— А отъ васъ не утаимъ...

— Касающее?

— Ужъ до чего касающее...

В. Сѣровъ. Портретъ А. П. Остроумовой. Литографія.

Вдовушка воспаленнымъ взглядомъ взглянула на Ивана и натянуто улыбнулась.

— Ну, хорошо, потомъ,—сказала она.—А покамѣстъ чайку съ вареньемъ.

Жадно стали пить и ѣсть старыя дамы, влачившія голодную жизнь въ убогомъ городѣ

Иванъ простился.

— Приходите!—крикнула ему вслѣдъ Аглая Ермолаевна.— Не забывайте!

И облегченно вздохнула.

Въ сѣняхъ Иванъ спросилъ Ульяну:

— Гдѣ барышня?

— Утромъ на кладбище уходили, а вернулись — купаться пошли съ барыней и пообѣдали. Ну, какъ барыня легли спать, Ключаревскій пришли. „Пойдемте, говорятъ, въ садъ, и на бульварѣ сегодня музыка. Погуляемъ, давно съ вами не видались“.

Ульяна засмѣялась и спрятала лицо въ рукавъ.

Проснулись русалки, всплыли со дна, обратились въ чудовищъ и фурій, и Иванъ, какъ шальной, побѣжалъ на бульваръ, гдѣ уже игралъ военный оркестръ на мѣдныхъ трубахъ.

XXVIII.

Аглая Ермолаевна сказала сплетницамъ:

— Не худо мнѣ и одной живется. А если Хрисанѳъ Семеновичъ нашелъ себѣ по сердцу,—съ лукавымъ раздраженіемъ проговорила она:—напримѣръ, полюбилъ васъ которую, развѣ я стала бы препятствовать?.. Приданое дала бы.

— Вынуть ваше сердце, какъ птичку изъ гнѣздышка, и расцѣловать,—пропѣла Ѳеонія Евстигнеевна.

— Наши времена прошли!—отмахнувшись рукой, вскричала Перепетуя Васильевна.

— Ну, а кто безстыдница?—трагическимъ шопотомъ спросила вдовушка, и изъ сумрака почти погасшаго вечера смотрѣли на сплетницъ ея глаза съ недоумѣніемъ и тоской.

Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна наслаждались и замирали. Не каждый день бываютъ такія новости.

Вдругъ вошла въ комнату Наденька.

В. Сѣровъ. Портретъ М. Ѳ. Якунчиковой.

В. Сѣровъ. К. А. Обнинская. (Собраніе В. П. Обнинскаго).

— Хотѣла вернуться раньше, но меня задержали, простите, тетя,—сказала она.

— Носить тебя. Чаю хочешь?

— Благодарю васъ.

Она сняла шляпу, перчатки, подошла и покорно стала перемывать посуду.

Ульяша внесла зажженную лампу.

Тетка пристально смотрѣла на племянницу:

— У тебя синяки подъ глазами.

— Устала, и такъ душно.

— Иванъ приходилъ къ тебѣ.

— Что ему надо было?—сухо спросила Наденька.

— Можетъ, Хрисанфъ Семеновичъ желали передать черезъ сынка какое-нибудь деликатное порученіе,—произнесла Перепетуя Васильевна.

— Всего, должно-быть, сами не успѣли сказать вамъ,—пояснила Ѳеонія Евстигнеевна.

Аглая Ермолаевна всплеснула руками:

— Боже! Озарило меня! Ты, мерзавка, была на кладбищѣ?

Наденька осторожно посмотрѣла на Аглаю Ермолаевну.

— Говори сейчасъ, дрянь подзаборная, созданіе падшее, нищая проклятая!—хриплымъ басомъ, какъ бѣлуга, заревѣла вдовушка и встала, и горло ея вытянулось, какъ колѣно.

— Я не была, тетя, на кладбищѣ,—спокойно сказала Наденька.

Сплетницы подняли глаза къ потолку и застыли.

XXIX.

Отъ стариннаго собора, золотыя главы котораго догорали въ красныхъ огняхъ заката, падала огромная тѣнь на бульваръ. Было уже темно. Гуляли военные, писаря, швеи, гремѣли саблями офицеры. Мелкіе чиновники съ женами шли „подъ ручку“. Гимназисты и гимназистки со смѣхомъ опережали всѣхъ. Поодаль мычали въ сумракѣ коровы. Солдатики съ бѣлыми нашивками на рукавахъ дули: „Славься, славься“.

На горизонтѣ черно-лиловой полосой тяжко распластался тюремный замокъ, и на одномъ фасадѣ его въ перспективѣ огнеными языками сверкали окна, словно онъ былъ наполненъ лучезарнымъ свѣтомъ, а не отчаяніемъ и ужасомъ.

Иванъ пробѣжалъ по бульвару, ища глазами Наденьку. Но въ толпѣ онъ увидѣлъ Ключаревскаго съ Ольгиной и успокоился. Потомъ совѣстно стало. „А если бы и съ Наденькой? Не онъ ли такъ отстаиваетъ свободу личности?“

Его окликнули:

— Вертлуговъ!

Онъ подошелъ къ группѣ очень молодыхъ дѣвушекъ. Жили онѣ вмѣстѣ и только-что выдержали послѣдній экзаменъ. Подрастающія барышни, съ лицами, какъ у ангеловъ, и съ дурными манерами, сгорбленныя и крикливо-веселыя, до послѣдняго времени мечтали о Ключаревскомъ. Но онъ сталъ увлекаться „большими“, и онѣ отомстили ему Иваномъ.

Усадили его на скамейку и окружили.

— Гдѣ вы пропадаете? Такъ и не пришли къ намъ. Вся квартира ждала васъ. Вы должны проводить насъ. Марья Романовна уѣхала на свою дачу, и мы однѣ. Ахъ, какое будетъ блаженство!

Его тормошили и разспрашивали, что имъ читать лѣтомъ, „чтобы развиться“.

— Я могу одолѣть Михайловскаго.

— Можно Карла Маркса?—кричала другая.

— У васъ есть „Рабочій вопросъ Флеровскаго“? Дайте!—спрашивала третья и дергала его за рукавъ блузы.

— Ахъ, онъ совсѣмъ похожъ на итальянца,—за спиной у него сказала толстая Дорошевская.

— Я вамъ вышью на каникулахъ рубашку,—сконфуженно прошептала бѣлокурая и въ золотыхъ очкахъ дѣвочка, которая всю зиму встрѣчалась на перекресткахъ съ Ключаревскимъ, а теперь рѣшила влюбиться въ Ивана.

Какъ разъ близко прошелъ Ключаревскій, освѣтилъ лицо свое спичкой, зажигая папиросу, и громко сказалъ Ольгиной:

— Дѣвчонокъ я избѣгаю. Что за удовольствіе болтать съ дурочками!

В. Сѣровъ. Алексѣй натурщикъ. Рисунокъ итальянскимъ карандашомъ. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

Гимназистки обиженно замолчали.

— Какой нахалъ! — крикнулъ Иванъ.—Онъ—оселъ, не обращайте вниманія на осла!

Онъ всталъ, и всѣ маленькія дѣвушки увидѣли въ немъ героя.

— Пойдемте жь къ намъ,— настойчиво стали онѣ приглашать его.

Было уже темно. Музыка ушла.

— Я расправлюсь съ нимъ, — сказалъ Иванъ, и когда онъ думалъ о Ключаревскомъ, онъ думалъ и о Наденькѣ и еще о трефовомъ королѣ. Локти его дрожали. Дорошевская предупредила бѣлокурую Миронову и взяла подъ руку Ивана, но Миронова забѣжала съ другой стороны. Она тихо смѣялась, и плечи ея тряслись.

XXX.

Гимназистки ждали съ нетерпѣніемъ своихъ и грезили о деревнѣ. Приведя къ себѣ Ивана, онѣ сдѣлались серьезнѣе и сдержаннѣе. Всходила луна, и рѣшено было не зажигать огня и сумерничать. Ивана усадили въ кресло, собрались въ кружокъ около него—кто, пріютился на подоконникѣ, кто на стулѣ, а Лиза Крошкина— самая младшая — на широкой ручкѣ кресла. Стали требовать, чтобы Иванъ разсказалъ имъ что-нибудь. Онъ заговорилъ о послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ — и всѣ настроились еще серьезнѣе, когда темныя и прекрасныя фразы: „Формула прогресса“, „Сумма человѣческаго счастья“, „Цѣнность страданія во имя идеи“ коснулись ихъ невиннаго слуха.

Горячо забились милыя маленькія сердца, и навсегда погасла звѣзда Ключаревскаго.

Крошкина тихонько соскользнула съ ручки кресла и вернулась со стаканомъ сладкой наливки въ рукѣ.

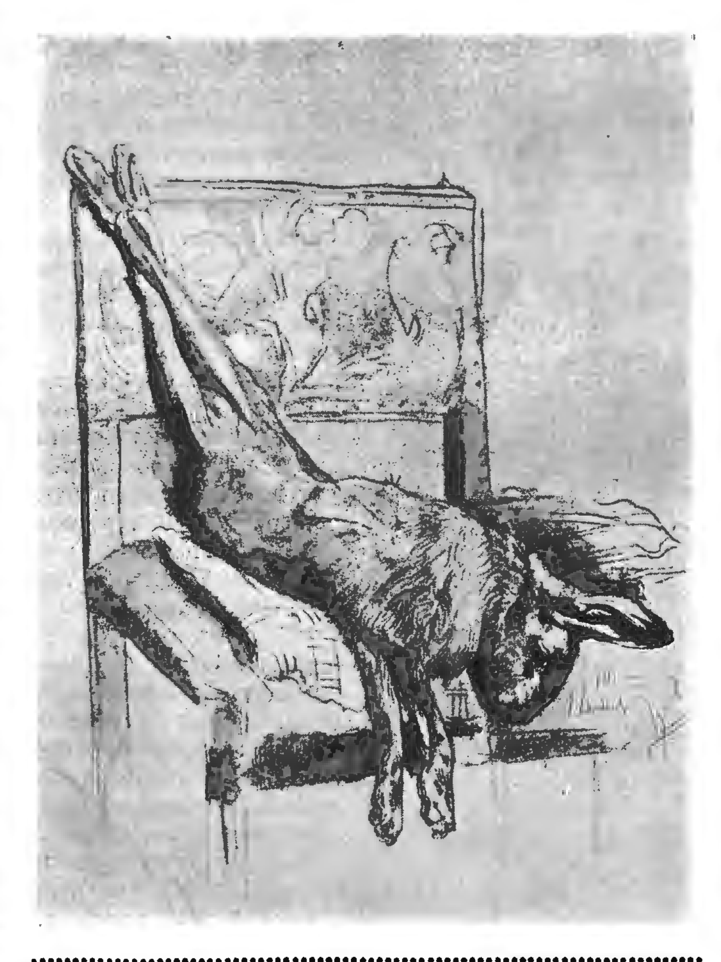
— Выпейте, — просительно сказала она.

Онъ молча осушилъ стаканъ и всталъ.

— Еще приходите... все равно... — сказала Дорошевская.—Посидите хоть полчаса. Не знаю, почему я такъ дрожу, — обратилась она къ Мироновой съ вопросомъ вполголоса.

— И я.

— Мы всѣ дрожимъ,—подтвердила Петрова, у которой были такіе темные глаза, что и лунный свѣтъ исчезалъ въ нихъ.—Мы какъ будто собрались дѣлать заговоръ.



В. Сѣровъ. Зайчикъ. Рисунокъ. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

В. Сѣровъ. Линейка изъ Москвы въ Кузьминки. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

— Вдругъ явится жандармъ и арестуетъ насъ?!—вскричала Миронова.

— У насъ нѣтъ прокламацій,—изъ глубины комнаты сказала маленькая Чугаевичъ, которая сидѣла въ короткомъ платьѣ, заложивъ ногу за ногу, облитая луной, и откинувъ на спинку дивана затылокъ.

Иванъ стоялъ у окна и въ раздумьѣ смотрѣлъ на улицу. Ему стыдно было признаться—онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Луна поднималась по безоблачному небу, и больно было смотрѣть на ртутный блескъ ея лица. Улица была вся бѣлая.

По тротуару, огибая домъ, быстрыми шагами прошелъ въ ботфортахъ и въ широкой темной шляпѣ чернобородый Силантій.

Иванъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ окна, схватилъ шляпу съ рояля и бросился на улицу, забывъ о гимназисткахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

И тихій голосъ вновь будилъ меня ночами,
И свѣтлый образъ вновь сіялъ во тьмѣ глазами,
И душу мнѣ томилъ мечтаній страстныхъ рой,—
И я молилъ тебя: побудь, побудь со мной!..

Смотря въ глаза твои влюбленно-грустнымъ взоромъ,
Старался тронуть я то лаской, то укоромъ
Души твоей покой, и рукъ твоихъ искалъ
И ткани легкія одеждъ твоихъ ласкалъ...

И отвѣчала ты улыбкой безмятежной,
Какъ ангелъ, рѣющій въ лазури дня безбрежной,
И отчужденностью небесною дыша,
Сіяла холодно безгрѣшная душа...

Вл. Ленскій.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

— Я думаю, никогда выигрышныя деньги впрокъ не идутъ,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Вотъ и неправда,—вмѣшалась Ольга Карповна.—У меня пальто, у тебя пальто и пиджакъ, у дѣтей пальто. За квартиру заплатила; развѣ это не польза?

— Это надо считать, какъ исключеніе, а исключенія только подтверждаютъ правило,—улыбаясь, сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Вотъ пойдемъ сегодня и проиграемъ все, что ты накопила.

— Я не глупая, я взяла только 25 рублей.

— 25 рублей ты, а мнѣ сколько?

— И ты 25.

— Ну, вотъ и 50 рублей; ихъ и проиграемъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ,—засмѣялась Ольга Карповна.

Раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Константинъ Петровичъ. Онъ весело поздоровался со всѣми и шутливо сказалъ Павлу Аркадьевичу:

— Честь имѣю поздравить. Сегодня мы посвящаемъ васъ въ рыцари „Семейнаго Очага“,—особый орденъ „лотошниковъ“ и „лотошницъ“.

Павелъ Аркадьевичъ засмѣялся:

— Не знаю, насколько это почетно, а названіе забавное.

— Совершенно почетно. Скоро будетъ непремѣнное назначеніе каждаго обывателя. Теперь уже нѣтъ угла въ Россіи, гдѣ бы не знали лото. Войдешь въ игрушечный магазинъ, спросишь, какая игра идетъ больше всего? Лото! Теперь дѣти съ няньками играютъ въ лото; гостей занимаютъ игрой въ лото. Въ клубѣ — лото. Замѣчательная игра. Вѣрный путь наживать или проживать деньги.

— Я думаю—проживать.

— Намъ съ вами. А зато какія наживы содержателямъ этихъ учрежденій; хозяевамъ „Семейныхъ Очаговъ“, особенно въ провинціи. Недавно читалъ, что въ Курскѣ содержатель лото въ теченіе года заработалъ 250.000 рублей. Это какъ вамъ покажется?

— Недурно; въ концѣ концовъ выигрываетъ только одинъ клубъ.

— Такъ оно и есть, хотя являются иногда такія счастливыя исключенія, какъ Ольга Карповна, которыя на время грабятъ всѣхъ играющихъ.

— Ужъ и ограбила! Много ли я выиграла?

— Много ли, мало ли, а если считать четыре дня по 300 рублей, то этимъ, слава Богу, дѣла поправить можно.

— Пора и ѣхать,—сказала Калерія, и всѣ начали собираться.

VII.

— Вотъ увидишь, какъ это занимательно!—говорила оживленно Ольга Карповна мужу, идя по лѣстницѣ, устланной ковромъ.

Служащіе при вѣшалкѣ бросились наперебой помогать раздѣться Ольгѣ Карповнѣ, и она кивнула имъ, какъ постоянная посѣтительница, ласково и привѣтливо. Затѣмъ, не дожидаясь Синицыныхъ, она повела мужа въ комнаты, говоря:

— Билетъ съ тобой? Посмотри, какой нумеръ. 652. Вотъ распишись въ этой книгѣ, здѣсь!

Она показала пальцемъ, гдѣ надо расписаться, въ то же время здороваясь съ господиномъ въ красномъ галстукѣ, который широко улыбнулся ей.

Она уже совершенно освоилась съ атмосферою клуба и прямо направилась въ игорную залу, откуда раздавалось монотонное чтеніе номеровъ.

— Тихо! Еще идетъ игра,—сказала она Павлу Аркадьевичу, и они остановились на порогѣ.

Онъ съ любопытствомъ оглядѣлся и увидѣлъ длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и склоненныя надъ картами головы. Воздухъ былъ пропитанъ смѣшаннымъ запахомъ табачнаго дыма и духовъ. Барышня монотоннымъ голосомъ выкликала числа, и монотонно хлопали покрышки открывающихся номеровъ на показательной доскѣ. Кто-то крикнулъ: „довольно!“ Все кругомъ сразу оживилось. Раздались голоса, смѣхъ, кашель; служащіе въ сѣрыхъ тужуркахъ вереницей пошли вдоль столовъ съ картами въ рукахъ. Ольга Карповна взяла мужа подъ руку и сказала:

— Вонъ туда сядемъ,—послѣ чего провела его между рядами стульевъ, кланяясь направо и налѣво, расточая улыбки.

Павелъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что она знакома почти со всѣми.

— Откуда у тебя такое знакомство?

Она отвѣтила, пожавъ плечами:

— Я никого не знаю, а такъ только кланяюсь: во время игры невольно знакомишься. Сядемъ вотъ тутъ!

Синицыны прошли слѣдомъ за ними и сѣли рядомъ.

— Покупай себѣ карты. Бери двѣ, какъ я.

Павелъ Аркадьевичъ послушно взялъ двѣ карты и подвинулъ себѣ покрышки.

Раздался звонокъ, и началась игра. Павлу Аркадьевичу она показалась монотонной и скучной. По мѣрѣ того, какъ выкликались номера, онъ закрывалъ ихъ одинъ за другихъ на своихъ картахъ.

— Вотъ у тебя уже кварта,—сказала Ольга Карповна:—у меня тоже. Скажетъ 68—и я окончу, а тебѣ надо, чтобы 32 сказали.

— Отлично! Пусть крикнутъ тебѣ 68, а мнѣ 32.

Барышня крикнула 63, Ольга Карповна сначала вздрогнула, а потомъ откинулась на спинку стула, потому что слѣдомъ за этимъ кто-то звонко закричалъ:

— Кончилъ, довольно!

— Не удалось; я была совсѣмъ готова къ выигрышу,—сказала Ольга Карповна.

Служащій подбѣжалъ и предложилъ новыя карты. Павелъ Аркадьевичъ снова взялъ двѣ карты. Ольга Карповна перемѣнила нѣсколько разъ карты, потомъ выбрала и сказала:

— Теперь выиграю!

Синицынъ засмѣялся:

— Ольга Карповна такъ привыкла къ выигрышу, что не допускаетъ проигрыша.

— Я даже не знаю, какъ это. Сейчасъ не вышло—выйдетъ въ слѣдующій разъ; въ слѣдующій не выйдетъ—опять въ слѣдующій.

Снова стали выкликать номера, и снова всѣ съ сосредоточеннымъ видомъ стали закрывать ихъ на своихъ картахъ; потомъ кто-то крикнулъ „довольно!“—и снова шумъ, перекрестный говоръ, раздача картъ, звонокъ, и опять монотонное чтеніе номеровъ.

Павелъ Аркадьевичъ начиналъ скучать.

— 32, 17, 24, 68,—выкликала барышня.

— Вотъ когда 68 вышло,—сказала Ольга Карповна съ досадой.—Если бы тогда...

— Тогда бы ты выиграла,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Довольно!—крикнулъ кто-то, и игра кончилась.

Ольга Карповна тихо сказала мужу:

— Павля, ты не разсердишься?..

— На что?

— Отойди отъ меня куда-нибудь въ другое мѣсто, потому что мнѣ совсѣмъ не везетъ. Я думаю, это оттого, что ты подлѣ.

Онъ засмѣялся:

— Съ удовольствіемъ!—и, купивъ двѣ карты, перешелъ за другой столъ въ дальній уголъ.

Проходя мимо играющихъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ многихъ знакомыхъ. Сослуживецъ, гладко причесанный, съ черненькими усиками, въ смокингѣ, привѣтливо закивалъ ему. Между столами

съ вялой улыбкой прошелъ юрисконсультъ ихъ правленія. Они поздоровались, и юрисконсультъ лѣниво спросилъ:

— Играете?

— Пришелъ въ первый разъ. Больше смотрѣть.

— Я здѣсь хорошенькихъ ловлю,—сказалъ юрисконсультъ.

Писатель Затминскій, Анкудинъ Анкудиновичъ, сидѣлъ подлѣ молоденькой женщины, плѣшивый, жирный, съ толстымъ, отвисшимъ животомъ, съ сѣдой бородой и маленькими глазками подъ нависшими сѣдыми бровями. Губы плотоядно улыбались, и маленькіе глазки сверкали жаднымъ блескомъ.

Павелъ Аркадьевичъ выбралъ мѣсто и сѣлъ.

Полная дама съ наклеенными бровями, въ ярко-красной кофтѣ, съ огромной золотой брошкой на груди, грузно сѣла подлѣ него, подвинула къ себѣ почти всѣ покрышки и сиплымъ голосомъ сказала своему vis-à-vis съ бритымъ лицомъ:

— Не везетъ и не везетъ. Цѣлую недѣлю. Сегодня нарочно ходила въ церковь и свѣчу поставила; можетъ-быть, будетъ лучше.

— А я купилъ себѣ бѣлыхъ слоновъ на счастье вмѣсто этихъ закрывашекъ,—сказалъ бритый:—ничего не помогаютъ.

— Я покупала слоновъ,—что толку? Одинъ мнѣ далъ черный хлѣбъ съ закатаннымъ таракономъ, будто счастье изъ этого. Положила подлѣ и—ничего. Словно на смѣхъ. А какая-нибудь придетъ и все выигрываетъ. Вонъ та!—Павелъ Аркадьевичъ увидѣлъ, что она показала на его жену.—Каждый вечеръ выигрываетъ.

— Сегодня еще не кричала,—сказалъ бритый.

Рядомъ съ Павломъ Аркадьевичемъ сидѣла пожилая женщина съ плотно сжатыми синими губами, въ синей полинялой кофтѣ, съ кружевной наколкой на выкрашенныхъ волосахъ. Подлѣ нея сидѣлъ лысый господинъ съ уныло повисшими усами. Она говорила ему шипящимъ голосомъ:

— Если выиграешь—сейчасъ же домой! И нечего азартничать. Одну карту оба возьмемъ. Прошлый разъ вы изволили отойти въ сторону и взяли двѣ карты. Это нечестно!

— Но, милая...—сказалъ онъ.

— Ничего не милая. Смотрите внимательно. Этотъ разъ я возьму.

— Но и я хочу играть.

— Мало ли что хотите! Больше будете зарабатывать, тогда на двухъ играть можете. Сегодня я ложки заложила...

Павелъ Аркадьевичъ невольно улыбнулся. Въ отдаленіи двѣ старухи тоже играли на одну карту. Рядомъ съ нимъ молодая женщина весело переговаривалась съ своимъ сосѣдомъ. Они говорили о какой-то женщинѣ, которая гдѣ-то кому-то плюнула въ лицо.

— Хорошо, что не кислотой,—засмѣялся мужчина.

— И очень даже просто,—сказала дама.

Раздался звонокъ, все смолкло, и опять монотонный голосъ началъ произносить номера, опять кто-то закричалъ „довольно!", опять поднялся шумъ, и забѣгали служащіе съ картами. Стало скучно. Павелъ Аркадьевичъ бросилъ карты и пошелъ изъ залы. Въ проходѣ онъ столкнулся съ грузнымъ Петромъ Яковлевичемъ Лаповымъ. Этотъ Лаповъ служилъ когда-то у нихъ въ правленіи, былъ дѣльный служака, но увлекся картами, опустился и долженъ былъ уйти со службы.

— А, Павелъ Аркадьевичъ!—привѣтствовалъ онъ его, потрясая руку.—Вы какъ сюда попали?

— Случайно. Вотъ жена заразилась игрой. Я и пришелъ посмотрѣть, что это за учрежденіе.

— Великолѣпное! Для хозяевъ, надо прибавить.

— Почему? Вотъ жена моя все выигрываетъ.

— Случай, батюшка, случай! Въ концѣ концовъ все проиграетъ. 10 процентовъ съ общей ставки—вотъ это ужъ чистый выигрышъ. Вонъ они, хозяева.

— Гдѣ?

Лаповъ указалъ ему на трехъ стоящихъ рядомъ евреевъ: одинъ маленькій, похожій на больную обезьяну, съ согнутой шеей и съ искривленной улыбкой на бритомъ лицѣ.

— Александръ Борисовичъ Лихтерманъ. Битый, перебитый. Три раза держалъ карточные клубы, знакомъ со всѣми шулерами, а рядомъ—Михаилъ Григорьевичъ Дальтрушайцъ. Когда-то держалъ пивную лавку, потомъ занимался портновскимъ дѣломъ, а теперь вотъ содержитъ клубъ.

Павелъ Аркадьевичъ увидѣлъ полнаго румянаго еврея съ длиннымъ горбатымъ носомъ и сочными красными губами. Въ бѣломъ жилетѣ и смокингѣ, онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и плотоядно улыбался какой-то молодой женщинѣ.

— А третій—Моисей Абрамовичъ Прыщъ. Это, пожалуй, самый интересный человѣкъ. Кто онъ и откуда—никто не знаетъ. Появился какъ-то внезапно. Говорятъ, изъ острога бѣжалъ; по документамъ — фармацевтъ. Всѣ они или фармацевты, или дантисты. Вошелъ въ эту компанію и является у нихъ главнымъ дѣльцомъ. Онъ здѣсь и „вечера" сочиняетъ и съ полиціей объясняется. Шустрый, веселый.

Павелъ Аркадьевичъ посмотрѣлъ на юркаго молодого человѣка съ изящнымъ проборомъ, внѣшность котораго портили только оттопыренныя уши.

— Вы здѣсь часто бываете?

— Я? Каждый день! Когда есть деньги—играю, когда нѣтъ—хожу и смотрю. Всѣхъ знаю, со всѣми знакомъ.

Къ нимъ подошелъ Синицынъ и, дружески поздоровавшись съ Лаповымъ, сказалъ Павлу Аркадьевичу:

— Ну, вашъ приходъ неудаченъ. Ольга Карповна не выиграла ни разу. Въ большой на васъ обидѣ. За вами послала.

Павелъ Аркадьевичъ взглянулъ на часы и пошелъ къ женѣ. Она ждала его, запрокинувъ голову.

— Въ чемъ дѣло?

— У тебя есть деньги? Ты много проигралъ?

— Я? Рублей пять, а что?

— Дай мнѣ 10 рублей. Я все проиграла.

— Все? Ты же говорила, что за весь вечеръ можно только проиграть 25 рублей. А теперь... половина перваго. Лучше пойдемъ домой.

— Ахъ, нѣтъ; оставь, пожалуйста. Я же должна выиграть! Я каждый вечеръ выигрываю. Дай мнѣ 10 рублей.

— Возьми хоть 15. Ужинать будешь?

— Непремѣнно,—сказалъ подошедшій Синицынъ.—Какъ же безъ ужина?

— Ну, а вы, Калерія Марковна, что сдѣлали?

— Сегодня выиграла 40 рублей.

Ольга Карповна недовольно улыбнулась:

— Я думаю, что проигрываю оттого, что ты пришелъ,—сказала она:—и сглазилъ.

— Ну ужъ сглазить никакъ не могъ, потому что ни малѣйшей зависти къ твоимъ выигрышамъ не питаю, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ, передалъ деньги и отошелъ въ сторону.—Я здѣсь похожу покуда,—сказалъ онъ.—Когда кончишь, пусть Константинъ Петровичъ скажетъ мнѣ.

И онъ опять пошелъ бродить между столами и присматриваться къ играющимъ.

Къ нему снова подошелъ Лаповъ.

— А васъ совсѣмъ игра не интересуетъ?—спросилъ онъ.

— Да, это очень скучная игра.

— Понятно, карты интереснѣе,—сказалъ Лаповъ:—но для хозяевъ это доходнѣе. Клубъ съ картами и закрыть могутъ въ любую минуту, а тутъ дѣло чистое. Собирай 10 процентовъ—и никакихъ. Самое трудное игроковъ приманить. Здѣсь—благодать. Сами такъ и идутъ, какъ на огонь.

— Кто здѣсь больше играетъ?

— Какъ кто? Всѣ! И дѣвицы, и дамы, и военный, и актеръ, и писатель... Вонъ видите, бритая рожа? Одеколономъ себѣ голову примачиваетъ. Длинные волосы. Это—поэтъ Снѣговъ. Настоящая фамилія—Гицель. Забавный субъектъ. Одно время выигрывалъ, теперь все проигрываетъ. Но не унываетъ и каждый день тутъ какъ тутъ. Съ самаго начала и до самаго конца. А вонъ тотъ! Полковникъ въ отставкѣ, почтенный человѣкъ, приходитъ каждый день играть и въ коробочкѣ таракана приноситъ. Здѣсь есть что посмотрѣть. Весь полусвѣтъ налицо. Вѣроятно, и свой Долматовъ есть. Почти весь Петербургъ. А вотъ этотъ, посмотрите,—онъ указалъ ему на маленькаго роста въ бархатномъ жилетѣ старика съ отвисшими ушами, сизымъ носомъ и шлепающими губами:—ростовщикъ, Генрихъ Германовичъ Пинкусъ. У него съ собой всегда деньги. Какъ какая барынька проиграется, сейчасъ ему мигнетъ—въ гостиную. Часы, браслетъ ли, брошка,—все беретъ. Осмотритъ, губами почмокаетъ и за четвертъ цѣны беретъ. Иногда подъ залогъ даетъ, но рѣдко. Большей частью покупаетъ. Ну, если богатая, извѣстная, той дастъ подъ большіе проценты. Этимъ и живетъ. Ходитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, или у притолоки стоитъ и ждетъ. Настоящая акула. И сладострастникъ. Павіанъ, можно сказать.

— Много тутъ интереснаго,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Приходите почаще, не то увидите.

Въ игрѣ произошелъ перерывъ.

Среди общаго молчанія щелкала машина, и на доскѣ другъ за другомъ появлялись всѣ номера: 10, 17, 68, 13, 25, 90...

— Что это такое?—спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Провѣрка машины. Сейчасъ будутъ играть за 50 копеекъ полчаса, а потомъ три игры по рублю—и конецъ.

— Слава Богу,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

Къ нему снова подошелъ Синицынъ:

— Вы, видимо, скучаете? Я совсѣмъ проигрался. Пойдемте въ буфетъ и тамъ займемъ столикъ.

— Пойдемте.

Онъ пожалъ руку Лапову.

Лаповъ задержалъ его руку и тихо сказалъ:

— Одолжите мнѣ три рубля.

Павелъ Аркадьевичъ смутился:

— У меня всего пять рублей.

— Ну, рубль.

Онъ взялъ рубль и тотчасъ же крикнулъ служащему:

— Дай карту!

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ съ Синицынымъ въ буфетную комнату, и они заняли столикъ.

— Вы его давно знаете?—спросилъ Синицынъ.

— Лапова? Онъ служилъ у насъ. А что?

— Такъ. Интересный субъектъ. Игрокъ до мозга костей. Хоть въ плевки.

— Онъ изъ-за этого и службу бросилъ. Не знаю, гдѣ онъ теперь служитъ.

— Нигдѣ. У него своя спеціальность теперь. Уставы проводитъ.

— Это что же за спеціальность?

Синицынъ усмѣхнулся:

— Довольно хитрая и при искусствѣ прибыльная. Если бы онъ не игралъ, у него деньги были бы.

— Въ чемъ же его дѣло?

— Видите ли, теперь по закону 1905 года у насъ явочный порядокъ для открытія всякаго общества. Надо представить уставъ и прошеніе въ провинціи губернатору, а у насъ—градоначальнику. Уставъ разсматривается въ особой комиссіи и либо утверждается, либо отвергается. Вотъ онъ и добываетъ такіе уставы для всякаго клуба.

— Все же не понимаю, — улыбнулся Павелъ Аркадьевичъ: — въ чемъ доходъ его.

— А въ томъ,—объяснилъ Синицынъ:—что добиться разрѣшенія не такъ легко. Еврею даже невозможно. И вотъ всякія темныя личности и стараются купить такой уставъ готовый. У Лапова тамъ печки-лавочки, и ему легко доставать разрѣшенія. Вотъ онъ ими и торгуетъ.

— И выгодно?

— Меньше трехъ тысячъ не беретъ, а бываетъ—шесть стянетъ. Послѣ клубъ этотъ черезъ недѣлю закроютъ, а у него уже новый уставъ. Въ родѣ того, какъ въ былое время право на изданіе газеты.

— Интересно!

— Да еще какъ! А если бы вы знали, какъ создаются эти клубы, какъ изъ дантиста безъ брюкъ банкиры дѣлаются, благодаря этимъ клубамъ. Вамъ бы все это сказкой показалось. Однако пора и за ужинъ, прервалъ онъ себя. — Вотъ наши дамы идутъ.

Калерія сіяла. Ольга Карповна подошла къ столу съ недовольнымъ лицомъ.

— Все проиграла,—сказала она, садясь:—хотя бы разъ удалось.

— А я выиграла 70 рублей, — сказала Калерія.

— И мужу не дала даже пяти, — отозвался Синицынъ.

— Зато всѣхъ угощаю ужиномъ и тебя дѣлаю распорядителемъ.

Ольга Карповна сидѣла молча, нахмурившись.

Когда они вышли изъ клуба и сѣли въ пролетку, она стала говорить съ обидой и горечью:

— Даже удивительно. Вокругъ выигрывали, а я ни разу, и, какъ на зло, всегда была кварта. Выйдетъ сразу, а потомъ нѣтъ и нѣтъ. Хоть бы разъ. Я даже измучилась. Калерія подлѣ меня сидѣла и выигрывала и такъ кричала: „довольно", что у меня уши заболѣли. Держать себя не умѣетъ. И понять не могу, почему такъ не везло. Я думаю оттого, что всѣ завидовали.

— Много проиграла?

— Я взяла 35 рублей, да ты далъ 15. Вотъ 50 рублей.

— Говорила, что больше 25—30 рублей проиграть нельзя, а вышло 50. Будь больше—проиграла бы больше.

— Ну, это я въ азартѣ: я брала по три карты. Этого никогда дѣлать не надо. Играла все время на двухъ, и надо было продолжать на двухъ. Ну да что говорить... Проиграла, такъ проиграла. Завтра отыграюсь...

— Какъ завтра? — Павелъ Аркадьевичъ даже повернулся въ пролеткѣ.

Она смутилась:

— Я такъ, вообще... Ну, не завтра, послѣзавтра...

Онъ ничего не отвѣтилъ, и они молча продолжали свою дорогу.

Ольга Карповна мысленно переживала неудачу своей игры. Вотъ у нея кварта, нужно 58, а выкликнули: 52, 54, 57, а 58 словно пропало. Выдача была 49 рублей. Если бы она выиграла 49 рублей, то могла бы продолжать игру до конца и, можетъ-быть, въ одну изъ послѣднихъ игръ за 1 рубль выиграла бы 140 — 150 рублей. Калерія говорила, что везетъ по недѣлѣ, по двѣ, а у нея удачи были только четыре дня. Нѣтъ, она должна еще выиграть.

Словно отвѣчая на ея мысли, Павелъ Аркадьевичъ сказалъ:

— Какъ нелѣпо! Въ лото разбираютъ 300—400 картъ; слѣдовательно, у каждаго игрока шансъ на выигрышъ только 1/400. Совсѣмъ ничтожный. На бѣгахъ или на скачкахъ заразъ бѣгутъ 12 лошадей, и у играющаго шансъ выигрыша 1/12. Гораздо больше. Все же люди разоряются, а въ лото воображаютъ, можно выиграть.

— Совсѣмъ ничего нѣтъ общаго,—отвѣтила Ольга Карповна.— На тотализаторѣ за 10 рублей даютъ 12 рублей: рѣдко, рѣдко, если дадутъ 40—50 рублей, а здѣсь за 20 коп. тѣ же 40 рублей. Это большая разница.

Они пріѣхали домой, и Ольга Карповна, все еще подъ впечатлѣніемъ проигрыша, молча прошла дворъ, поднялась въ квартиру, раздѣлась и вошла въ спальню.

— Загляни въ дѣтскую,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Я это и хотѣла сдѣлать, только переодѣлась бы,—отвѣтила Ольга Карповна, и въ ея голосѣ послышалось раздраженіе.

Было уже три часа ночи.

— Я работаю каждый день до двухъ, до трехъ часовъ ночи, а случается и позже, и никогда не чувствовалъ такого утомленія, какъ сейчасъ, вернувшись изъ этого клуба. И воздухъ тамъ... Убійственный воздухъ.

— А мнѣ нравится, — сказала Ольга Карповна и, надѣвъ капотъ, прошла въ дѣтскую.

Дѣти спали. Катя лежала, обнявъ новую куклу. Петя разметался, сбросивъ съ себя одѣяло. Ольга Карповна покрыла Петю, поцѣловала его въ лобъ и подошла къ Катѣ. Нянька проснулась и сказала:

— Вернулись, барыня?

— Вернулись, няня. А какъ дѣти?

— Чего дѣти! Поиграли, поѣли и спать легли. Что съ ними будетъ? Дѣти хорошія.

— Ну, спи,—сказала Ольга Карповна и прошла въ спальню. Видъ дѣтей успокоилъ и отрезвилъ ее.

Мысль о проигрышѣ смѣнилась увѣренностью, что она успѣетъ отыграться. Сегодня проиграла, такъ что же? Это, можетъ-быть, къ лучшему. Не все же выигрывать. И рада она, что Калерія выиграла. Досадно только, что мужу игра не понравилась. Ну, да бѣда невелика. Все-таки она завтра пойдетъ и поправитъ свои дѣла. А онъ... поворчитъ и перестанетъ. Развѣ она дѣлаетъ что-нибудь худое? Съ этими мыслями она легла въ постель.

Павелъ Аркадьевичъ молча загасилъ электричество.

VIII.

Былъ часъ дня, когда проснулась Ольга Карповна, и первая ея мысль была объ игрѣ въ лото. Сегодня она выиграетъ. Непремѣнно. Это такъ просто. Не можетъ быть, чтобы счастье оставило ее такъ быстро. Сегодня она поѣдетъ одна, безъ Калеріи. Навѣрное, это Калерія принесла ей несчастье, а можетъ-быть, и мужъ. При этой мысли она сразу оживилась и громкимъ голосомъ закричала:

— Няня, дай чаю!

На ея голосъ прибѣжали дѣти. Катя сѣла подлѣ кровати. Петя взобрался на постель. Она ласково поцѣловала дѣтей. Няня внесла чай и булки.

— Луша спрашиваетъ, будете обѣдъ заказывать сейчасъ или послѣ?

— Послѣ, послѣ, — сказала Ольга Карповна. — Не успѣешь глазъ раскрыть, какъ уже всѣ ко мнѣ пристаютъ. Дайте немного прійти въ себя. Скажи Лушѣ, пусть она готовитъ завтракъ. Дѣти уже поѣли?

— А то голодомъ имъ сидѣть? Спите до часу, до двухъ, а имъ ждать. Сейчасъ гулять пойдемъ.

— Вотъ и отлично. А я тѣмъ временемъ встану, обѣдомъ распоряжусь. Вернетесь, обѣдать будемъ.

Няня вышла изъ спальни. Катя заговорила:

— Мама, а сегодня будемъ учиться?

— Учиться?—Ольга Карповна смутилась въ душѣ. Въ эти дни она совсѣмъ не занималась съ Катей, и сегодня у нея не было никакого расположенія.—Сегодня погуляй, Катя,—сказала она.— Это время мнѣ некогда съ тобой заниматься. Ты читаешь?

— Читаю и списываю. Я теперь читаю вслухъ. У меня сказка есть.

— Она мнѣ сказку читаетъ,—сказалъ Петя.—Про кота въ сапогахъ.

— И сказки читаю, а потомъ журналъ съ картинками.

— Ну, а завтра учиться станемъ, — сказала разсѣянно Ольга Карповна.

Ей вдругъ представилась вчерашняя кварта. Нужно было 58, не вышло, а Калерія выиграла. Закричали 16, и она взяла.

— А у меня паровозъ сломался. Катька заводила-заводила, пружину и испортила,—сказалъ Петя.

— И вовсе не я. Просто паровозъ испортился. При чемъ тутъ я?—возразила съ азартомъ Катя.

— Я говорилъ — довольно, а ты все заводишь. Пружина и треснула.

— Она и такъ бы треснула: ты заводилъ черезъ каждыя пять минутъ,—никакая машина не выдержитъ.

— И выдержитъ. Вотъ желѣзная дорога каждый день ходитъ и туда и назадъ, да какъ ходитъ! Вонъ папа говоритъ, что по 1.000 верстъ ходитъ, а пружина не портится.

— Дуракъ, тамъ не пружина.

— Дѣти, замолчите! — сказала Ольга Карповна. — Вы мнѣ мѣшаете думать. Подите въ дѣтскую, я сейчасъ вставать буду.

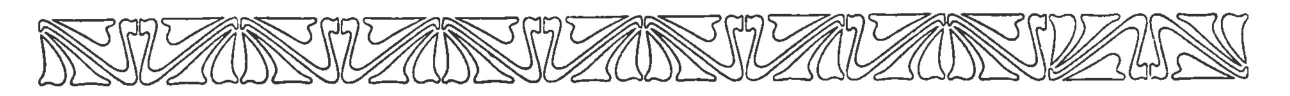
Няня вошла и принесла чай.

— Ну, а теперь меня оставьте. Я выпью чай и буду вставать.

Дѣти ушли. Изъ дѣтской раздался ихъ смѣхъ, а потомъ ссора. Послышался голосъ няньки:

— Вотъ папа придетъ, я ему скажу про васъ. Что за озорники такіе! Все ссоры да споры. Нѣтъ, чтобы миромъ. Одѣвайтесь, гулять пойдемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна
Балконъ. Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Мѣсторожденія радія.

Очеркъ М. А. Орлова.

Интересъ къ радію, какъ къ лѣчебному средству, достигъ въ настоящую минуту высшаго подъема, и такъ какъ вся масса этого драгоцѣннаго и рѣдкаго вещества, какую даже удалось добыть, не превышаетъ 2—3 золотниковъ, то понятно, что главною заботою теперь стало приведеніе въ извѣстность всѣхъ естественныхъ мѣсторожденій его. О его значительной распространенности въ природѣ надо заключить изъ того, что слѣды его присутствія открыты чуть не повсемѣстно. То и дѣло являются указанія на радіоактивные минеральные источники, находимые въ разныхъ мѣстностяхъ, и притомъ во множествѣ; въ ихъ водѣ, либо въ газахъ, которые изъ нихъ выдѣляются, обнаруживается явное присутствіе выдѣленій (эманаціи) радія и даже самаго радія.

Какъ извѣстно, главною рудою, изъ которой до сихъ поръ добывали радій, была такъ называемая смоляная руда (Pechblende), названная такъ нѣмцами по причинѣ ея смолистаго блеска и нѣкотораго внѣшняго сходства съ натуральнымъ сѣрнистымъ цинкомъ, который по-нѣмецки называется Blende. Главными мѣсторожденіями этой руды до сихъ поръ считался городокъ Іоахимсталь, въ Богеміи. Затѣмъ слѣды радія были открыты въ другихъ минералахъ, содержащихъ уранъ: въ уранитѣ, пироморфитѣ, халколитѣ; далѣе, въ минералахъ, содержащихъ торій: въ торитѣ, оранжитѣ, монацитѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ радій былъ открытъ, въ поискахъ за нимъ были тщательно изслѣдованы всѣ минералы, въ которыхъ содержатся элементы, родственные съ нимъ, особенно же барій, висмутъ, уранъ, свинецъ, торій. Нерѣдко эти изысканія увѣнчивались успѣхомъ. Такъ, въ Швеціи издавна былъ обнаруженъ высшій сортъ каменнаго угля, такъ называемый лигнитъ, самъ по себѣ малоцѣнный даже какъ топливо. Но въ немъ обнаружили прослойки какого-то минерала, содержащаго уранъ и оказавшагося радіоактивнымъ. Испытанія показали, что въ этомъ минералѣ содержится радій въ такомъ количествѣ, что его можно оттуда добывать. Образовалась компанія капиталистовъ, основала заводъ неподалеку отъ Стокгольма и теперь перерабатываетъ эту руду. Въ этой таинственной рудѣ содержаніе радія исчислено въ 4—5 миллиграммовъ на тонну, такъ что она богаче радіемъ, чѣмъ пресловутая іоахимстальская смоляная руда. Но подумайте: эта „богатая“ руда даетъ только одинъ граммъ радія при тщательной и кропотливой переработкѣ 200 тоннъ, т.-е. 12.000 пудовъ. Въ нашемъ фунтѣ 409 граммовъ, и, значитъ, для добыванія фунта радія понадобилось бы переработать (12.000×409) около пяти милліоновъ пудовъ этой руды! А между тѣмъ весь этотъ шведскій лигнитъ, быть-можетъ, дастъ всего только лишь нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ руды.

Въ настоящее время добываютъ радій два большіе завода: — одинъ—во Франціи, другой—въ Англіи. Французскій заводъ находится около Парижа, въ Ножанѣ. Дѣла его идутъ очень бойко, годъ отъ году ширятся, хотя французы перерабатываютъ не свою руду, а пріобрѣтаютъ урановую смолянку изъ-за границы. Англійскій заводъ построенъ въ окрестностяхъ Лондона; здѣсь перерабатывается своя, англійская руда, добываемая въ Корнуэльсѣ, извѣстномъ богатомъ мѣсторожденіи оловянныхъ и мѣдныхъ минераловъ.

В. Рыкачева. Intérieur.
Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Затѣмъ открыто не мало второстепенныхъ, пока еще мало изслѣдованныхъ, мѣсторожденій минерала, повидимому, содержащихъ радій, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вѣны, въ Неу-Ленгбахѣ, въ Закопане (Галиція), въ горахъ Пайнтеръ (Южная Австралія), въ нѣмецкихъ владѣніяхъ восточной Африки, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ.

Что касается нашихъ русскихъ мѣсторожденій радія, то о нихъ тщательно собираетъ свѣдѣнія наша Академія Наукъ. Пока, до сихъ поръ, ея труды увѣнчались слѣдующими результатами. Особыя надежды, которыя возлагались-было на Уральскія и Кавказскія горы, не оправдались. На Кавказѣ даже прямо указывали мѣста, гдѣ

И. Шультце. Мотивъ близъ Генуи.
Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Выставка ученицъ и учениковъ академика К. Я. Крыжицкаго. По фот. І. Глыбовскаго.

можно добывать радіоносные минералы, но, по провѣркѣ, ихъ тамъ не оказалось. Правда, часть Кавказа остается еще вовсе не обслѣдованной. Въ области Уральскаго хребта дѣйствительно найдено не мало мѣсторожденій радіоносныхъ минераловъ, но ближайшее изслѣдованіе показало, что весь этотъ матеріалъ не стоитъ серьезной переработки: радія въ немъ черезчуръ ужъ мало; нельзя же перемалывать цѣлую гору, чтобы добыть одинъ миллиграммъ радія. Едва ли не единственное наше мѣсторожденіе, которое все же сулитъ нѣчто осязательное, открыто въ Фергане; затѣмъ заслуживаютъ, какъ кажется, вниманія залежи, намѣченныя около озера Байкала и въ Нерчинскомъ округѣ. Но Академія сѣтуетъ, что у нея нѣтъ средствъ на то, чтобы произвести обслѣдованія на мѣстахъ мѣсторожденій и подвергнуть добытый матеріалъ испытанію, для чего потребовалось бы завести при Академіи особую лабораторію.

Въ послѣднее время было сдѣлано открытіе, которое, быть-можетъ, много облегчитъ задачу добыванія радія. Дѣло въ томъ, что найдено новое вещество:—мезоторій, которое можетъ вполнѣ замѣнять радій въ тѣхъ примѣненіяхъ, гдѣ свойства радія играютъ существенную роль, потому что мезоторій какъ разъ обладаетъ этими же свойствами. О металлѣ торіи мы уже упоминали въ этой замѣткѣ. Онъ относится къ одной группѣ съ кремніемъ, титаномъ, цирконіемъ, углеродомъ, вообще съ элементами четвертой группы, по классификаціи покойнаго Д. И. Менделѣева. При извѣстныхъ условіяхъ онъ, какъ и радій, способенъ къ распаденію; однимъ изъ продуктовъ этого распада и является мезоторій, который обладаетъ всѣми существенными свойствами радія, но обходится значительно дешевле его. Мезоторій добывается изъ торіанита, который встрѣчается на островѣ Цейлонѣ, также изъ упомянутаго выше монацита. Теперь для его добыванія употребляютъ тѣ остатки, которые получаются отъ добыванія окисловъ торія и церія, идущихъ на пропитаніе сѣтокъ, которыми снабжаются калильныя лампы системы Ауэра. Эти остатки въ настоящее время перерабатываются на заводѣ Кнефлера, около Берлина, и цѣна добываемаго изъ нихъ мезоторія вдвое дешевле радія. Въ виду крайней дороговизны этихъ радіоактивныхъ веществъ, теперь на ряду съ ихъ продажею практикуется отдача ихъ на прокатъ, во временное пользованіе. Люди, нуждающіеся въ радіѣ или мезоторіѣ, за извѣстную плату берутъ сколько имъ нужно драгоцѣннаго вещества отъ учрежденія, этимъ занимающагося, и, по минованіи надобности, обязуются вернуть его обратно. Въ Лондонѣ и Парижѣ уже учреждены такіе ссудные банки радія. Берлинская академія наукъ пріобрѣла партію мезоторія съ завода Кнефлера и безплатно ссужаетъ имъ ученыхъ съ обязательствомъ вернуть ссуду обратно по минованіи надобности. Прокатная цѣна радія въ парижскомъ и лондонскомъ ссудныхъ банкахъ очень высока.

Она пришла.

Разсказъ **В. К. Келера.**

Вы спрашиваете, почему я остался холостякомъ. А вотъ выслушайте меня—и скажите, женились ли бы вы сами, или нѣтъ.

Вы знаете, я еще смолоду любилъ гулять одинъ. Идешь тихо, ни съ кѣмъ не разговариваешь, останавливаешься тамъ, гдѣ хочешь, и никто не мѣшаетъ тебѣ любоваться тѣмъ, что тебѣ нравится.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ—я жилъ тогда въ Швейцаріи—мнѣ пришлось, идя вдоль маленькой рѣчки, зайти въ окруженную горами долину. Въ глубинѣ долины, у самыхъ горъ, стоялъ домикъ, заросшій цвѣтущими розовыми кустами. Передъ нимъ тянулись къ небу акаціи, защищая его своей тѣнью отъ жгучихъ лучей палящаго солнца.

Было жарко. Я усталъ и присѣлъ на траву недалеко отъ домика. Только что я снялъ съ плечъ дорожный мѣшокъ и расположился какъ слѣдуетъ отдохнуть, какъ на меня бросилась съ громкимъ лаемъ собака.

— Тубо, Муверъ, назадъ!—раздался изъ окна молодой женскій голосъ.

Собака оглянулась, завиляла хвостомъ, но, остановившись передо мной, продолжала сердито рычать и лаять.

— Не бойтесь, она не тронетъ,—проговорила высокая красивая дѣвушка, выходя изъ дому и отзывая собаку. — Войдите, отдохните... Я сейчасъ позову мать.

Дѣвушка ввела меня въ домъ и оставила въ первой комнатѣ, а сама вышла и скоро вернулась въ сопровожденіи матери.

Мы познакомились.

Я сталъ бывать у нихъ довольно часто и скоро такъ подружился съ дѣвушкой, что приходилъ въ домикъ почти ежедневно.

Я замѣтилъ, что, когда мнѣ почему-либо случалось пропускать день или два, Дина при встрѣчѣ смотрѣла на меня огорченными глазами. Я понялъ, что это значитъ.

Мы полюбили другъ друга. Я говорю „мы“, потому что я-то съ перваго взгляда полюбилъ эту дѣвушку. Она была для меня нѣжнѣе и чище цвѣтовъ, росшихъ въ долинѣ; она казалась мнѣ прозрачнѣе неба и легче мечты. Она совсѣмъ овладѣла мною, я думалъ только о ней и не могъ себѣ представить, что мнѣ придется когда-нибудь съ нею разстаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ эту дѣвушку, все стало для меня сномъ. Полюбивъ ее, я грезилъ наяву. Въ моихъ грезахъ мнѣ казалось, что все, какъ и я, живетъ, все любитъ и все чувствуетъ. Казалось, что по-людски живутъ растущіе въ долинѣ нарциссы, что живутъ, мыслятъ и чувствуютъ красные маки и темныя фіалки. Мнѣ думалось, что, вѣчно мечтая, вздыхаютъ нарциссы, вѣчно волнуются маки, и что только душистыя фіалки спокойно проходятъ путь жизни. Мнѣ казалось, что живутъ и горы, защищающія долину отъ вѣтра. Въ ранній часъ утра, когда солнце, проснувшись, взглянетъ на землю, вершины ихъ вспыхнутъ и покроются розовой дымкой, вспыхнетъ и воздухъ, вспыхнетъ и затрепещетъ и трепетной лаской начнетъ будить еще спящія горы. Проснутся онѣ и вздохнутъ. Тихій гулъ пронесется по горамъ и замретъ гдѣ-то далеко.

Встрепенется природа. Спавшій ручей зажурчитъ, рѣка быстрѣе понесетъ свои чистыя воды, заговорятъ деревья, проснутся птички и весело запоютъ, привѣтствуя нѣжное утро. Проснутся нарциссы и маки, цвѣтущіе въ долинѣ у рѣчки, нагнутся надъ нею, заглянутъ въ нее, полюбуются въ водѣ своимъ отраженіемъ, а потомъ поднимутся и потянутся къ солнцу и къ небу, прося у нихъ поцѣлуя. А солнце ласковое и яркое, а небо чистое и безпредѣльно глубокое.

Такой же чистой и глубокой была моя любовь къ этой дѣвушкѣ, но...

Какъ-то подъ вечеръ, возвращаясь съ прогулки, — я часто гулялъ съ Диной,—мы сѣли на берегу рѣки и любовались игрой лучей заходящаго солнца съ волнами рѣки.

Было прохладно; воздухъ былъ свѣжъ и такъ влаженъ, что скоро поднялся туманъ.

Вотъ въ небѣ блеснула звѣзда. Все смолкло — то мирная ночь наступала.

Запѣлъ соловей.

Мы невольно прижались другъ къ другу и, слушая пѣсни любви, крѣпко обнялись, а наши голоса, звучавшіе раньше такъ смѣло, вдругъ задрожали и перешли въ робкій шепотъ. Долго сидѣли мы такъ, и... налетѣвшее пламя любви сожгло наши юныя души.

Когда мы очнулись, во влажныхъ глазахъ моей Дины увидѣлъ я радость бытія, которая раньше лишь смутно бродила въ моемъ переполненномъ сердцѣ.

Взглянувъ черезъ рѣку, увидѣлъ я красные маки. Они волновались и, опустивъ лепестки, открыли намъ черныя пятна угасшей любви.

„Вотъ онъ, конецъ всѣмъ мечтамъ и надеждамъ“,—подумалъ я, глядя на нихъ и на Дину.

Но тутъ ароматныя фіалки, приподнявшись съ земли и обдавъ насъ душистымъ дыханьемъ, манили листками къ себѣ и къ спокойному счастью.

— Гляди, какъ всѣхъ радуетъ наше счастье. Гляди, какъ прекрасно въ долинѣ!—сказала мнѣ Дина.—Мы любимъ другъ друга навѣки. Вѣдь правда, ты—мой, я — твоя?.. А маки всегда недовольны — вѣдь сердце ихъ мрачно, хотя и горятъ ихъ головки любовью. А фіалки? Неправда ли, милый, что счастье спокойныхъ фіалокъ не можетъ быть счастьемъ нарциссовъ?

Такъ жилъ я все лѣто.

Общій видъ княжества Монакскаго, самаго маленькаго самостоятельнаго государства въ Европѣ. Все княжество помѣщается на небольшой скалѣ, выдвинувшейся въ море. Въ настоящее время Монако празднуетъ 25-лѣтній юбилей воцаренія князя Альберта I.

Какъ-то осенью меня задержали дѣла, и я нѣсколько дней не могъ быть въ долинѣ. Когда же мнѣ удалось вырваться изъ города, я не засталъ въ домикѣ ни моей дорогой дѣвушки ни ея матери. Хозяйка подала мнѣ письмо и сказала, что жилицы ея, получивъ неожиданное извѣстіе, быстро собрались и уѣхали.

— Когда же?—спросилъ я машинально и, не слушая того, что мнѣ отвѣчала хозяйка, резвернулъ листокъ бумаги и прочелъ лаконическую записку:

„Прощай, дорогой мой. Намъ надо немедленно ѣхать. Помни: душа моя будетъ вѣчно съ тобой. Мы встрѣтимся снова. Не забывай своей Дины. Къ тебѣ я приду“.

Какъ сумасшедшій, бросился я въ домикъ и обѣжалъ всѣ комнаты, думая найти мою Дину,—но напрасно.

Я вышелъ на воздухъ и взглянулъ на горы. Мнѣ показалось, что Дина идетъ по склону горы и смотритъ на домикъ. Вотъ она обернулась, еще обернулась, остановилась, и мнѣ послышался даже ея далекій голосъ: „Приду... приду“...

Я протянулъ къ ней руки, я звалъ ее, просилъ вернуться, но она исчезла. Я закрылъ руками лицо.

Когда хозяйка домика брызнула на меня холодной водой, я пришелъ въ себя, открылъ глаза и увидѣлъ, что въ долинѣ смутились цвѣты, что смутилось и солнце и скрылось въ горахъ. Горемъ повѣяло съ горъ, надвинулись тучи и вдругъ зарыдали, и слезы небесъ упали въ долину. Поникли главами нарциссы, къ землѣ прижались фіалки, и только красные маки безумно и зло хохотали.

Что было дальше со мною — я не знаю. За мною кто-то ухаживалъ, кто-то меня успокаивалъ, кто-то довелъ до дому.

—

Я вернулся въ Россію и, чтобы забыться, усиленно занялся дѣлами. Но все было напрасно: не все можно забыть.

Скоро товарищи стали называть меня сумасшедшимъ, потому что имъ казалось, что я задумываюсь чаще, чѣмъ это полагается нормальному человѣку.

Лежа одинъ на диванѣ или сидя съ друзьями за столомъ, я вдругъ уносился мыслями далеко отъ обыденной жизни. Я грезилъ наяву и, конечно видѣлъ больше дивныхъ сновъ, чѣмъ мои друзья, что грезили только во снѣ и называли меня безумнымъ.

Обыденная жизнь съ постоянными заботами и борьбой за работу—эта вѣчная вражда между людьми и вѣчное соперничество—всегда была мнѣ противна. Теперь же я возненавидѣлъ эту жизнь, и, конечно, ея неумолимыя требованія скоро довели бы меня до самоубійства, если бы не эта способность мечтать.

Въ своемъ безуміи я носился въ морѣ мыслей и испытывалъ ни съ чѣмъ несравнимое блаженство. Оно было несомнѣнно выше и лучше того, что люди обыкновенно называютъ счастьемъ, потому что я свое счастье въ мечтѣ могъ призывать въ любую минуту и брать во всемъ свою долю наслажденія.

Въ своихъ мечтахъ я забывалъ всѣ житейскія непріятности и всѣ уколы судьбы, я носился на дивной высотѣ, куда не доходилъ шумъ жизни, и гдѣ не были слышны крики побѣдителей и вопли побѣжденныхъ.

Рѣкою мечтаній я уносился чаще всего въ горы, разыскивалъ въ нихъ вѣчно покрытую цвѣтами долину и вдали отъ людей наслаждался тѣмъ счастьемъ, въ поискахъ за которымъ люди растрачиваютъ свое призрачное и жалкое существованіе. Въ этой долинѣ я отдыхалъ, упиваясь возбуждающимъ воздухомъ горъ, и наслаждался воспоминаніемъ о прошедшемъ.

Долго жилъ я такою двойною жизнью. Иногда мнѣ трудно было разобраться, гдѣ кончалась одна жизнь и начиналась другая. Мечты переносились въ дѣйствительность, а жизнь — въ мечты.

За время моей жизни въ долинѣ я такъ привыкъ къ Динѣ, что ея образъ стоялъ всегда передо мной; я такъ привыкъ ей вѣрить, что ждалъ, когда она ко мнѣ явится. Ея послѣднее „приду“ слышалось мнѣ постоянно.

Я ждалъ ея прихода, но она такъ и не являлась.

Впрочемъ, разъ мнѣ показалось, что я узналъ ее на набережной Невы. Она шла съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Я бросился за нею; она обернулась и улыбнулась мнѣ, какъ старому знакомому. Я собирался-было заговорить съ нею, но толпа гуляющихъ насъ раздѣлила. Когда же я пробрался къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ Дину, ея больше тамъ не было.

Прошло нѣсколько лѣтъ, но я не забылъ чудной дѣвушки изъ цвѣтущей долины. Я ее ждалъ.

II.

Я пріѣхалъ на поѣздъ, отходящій изъ Ниццы въ Парижъ.

— У васъ первое отдѣленіе, сударь; вотъ тутъ, пожалуйте,—любезно сообщилъ мнѣ проводникъ вагона, принимая отъ носильщика мои вещи.

Размѣстивъ чемоданы по сѣткамъ, я сталъ у окна и отъ нечего дѣлать принялся наблюдать толпу, суетившуюся на платформѣ.

Къ моему вагону подходило нѣсколько человѣкъ.

Впереди, съ молитвенникомъ въ рукахъ, выступалъ въ черной рясѣ католическій священникъ; за нимъ, поддерживаемая двумя монахинями въ бѣлыхъ чепцахъ, шла больная дама.

Прежде чѣмъ войти въ вагонъ, священникъ заговорилъ съ проводникомъ, а больная, обернувшись къ столпившимся у вагона пассажирамъ, разсматривала ихъ съ большимъ вниманіемъ.

Монакскій дворецъ, резиденція князя Альберта I.

Юбилейные дни княжества Монакскаго. По фот. Ш. Шюссо-Флавьенъ въ Парижѣ.

Въ это время къ сосѣднему вагону подошла женщина въ черномъ вуалѣ.

Больная заволновалась и хотѣла двинуться ей навстрѣчу.

— Не волнуйтесь, дочь моя, входите,—остановилъ ее священникъ.

При помощи священника и монахинь дама молча прошла въ свое отдѣленіе.

Когда она проходила мимо меня, мое сердце заныло, и меня невольно повлекло къ ней чувство необъяснимой симпатіи. Я снялъ шляпу и поклонился.

Больная этого не замѣтила, и на поклонъ мой отвѣтилъ священникъ.

Вагонъ постепенно наполнился.

Былъ вечеръ. Легкій вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, проникалъ черезъ открытыя окна въ вагонъ.

Пассажиры стояли въ проходѣ — жалко было разставаться съ дивной, благоухающей страной, хотѣлось хоть минуту еще насладиться и подышать чуднымъ воздухомъ.

Наконецъ поѣздъ тронулся.

Тихо постукивая колесами, онъ лѣниво подвигался впередъ, точно и ему не хотѣлось покидать города съ такимъ мягкимъ и влажнымъ дыханіемъ.

Но вотъ рука машиниста бросила его впередъ; онъ рванулся и бѣшено помчался вдоль моря, по берегу котораго серебряными змѣйками тихо ползли маленькія волны.

Послѣ Марселя я отправился обѣдать въ вагонъ-ресторанъ.

Сосѣдкой моей за столомъ оказалась та дама въ черномъ вуалѣ, которая привлекла почему-то вниманіе больной.

Кромѣ нея, за столомъ сидѣло еще двое господъ, повидимому, англичанъ.

Сначала всѣ молчали, но послѣ перваго же блюда я разговорился со своими спутниками.

Дама не произносила ни слова и какъ будто совсѣмъ не обращала вниманія на наше присутствіе.

Когда обѣдъ кончился, и мои собесѣдники вышли, я остался вдвоемъ съ молчаливой незнакомкой.

— Можно задать вамъ странный вопросъ? — неожиданно спросила меня сосѣдка спокойнымъ голосомъ.

— Пожалуйста.

— Вы ѣдете одни въ отдѣленіи или нѣтъ?

Я смутился и ничего не отвѣтилъ.

— Если одни, то позвольте мнѣ зайти къ вамъ,—продолжала дама.

— Сударыня, я... вы...—пробормоталъ я сконфуженно.

— Мнѣ нужно пробыть совершенно одной минутъ десять.

— Мое отдѣленіе въ вашемъ распоряженіи, сударыня.

— Очень вамъ благодарна.

Дама встала, и мы коридорами вагоновъ добрались до моего отдѣленія.

По дорогѣ незнакомка, не поднимавшая все время вуаля, захватила съ своего мѣста маленькій чемоданчикъ.

Войдя ко мнѣ, она поставила его на столъ и, снявъ шляпу и вуаль, открыла красивое лицо съ большими черными глазами.

— Пожалуй, если хотите, останьтесь со мною, — проговорила она, разстегивая ремни чемодана и выкладывая изъ него на столъ разныя вещи.

Она достала лампу, похожую на ночникъ, нѣсколько фарфоровыхъ банокъ, связку круглыхъ палочекъ и штукъ пять спицъ въ родѣ тѣхъ, которыми вяжутъ чулки.

Сидя на креслѣ у окна, я съ любопытствомъ слѣдилъ за дѣйствіями незнакомки.

Ее можно было бы назвать красавицей, такъ какъ черные глаза, маленькій носикъ и ротъ съ приподнятой верхней губой, за которой виднѣлись бѣлые зубы, были очень хороши; но безпокойно бѣгающій взглядъ и хмурое выраженіе, скользившее временами по лицу, произвели на меня непріятное впечатлѣніе.

Взглянувъ нѣсколько разъ на эту женщину, я почувствовалъ къ ней инстинктивное недовѣріе и хотѣлъ выйти изъ отдѣленія, но любознательность моя взяла верхъ, и я остался.

— Вамъ кажется страннымъ то, что я дѣлаю,—не такъ ли?—сказала брюнетка.

Взглядъ мой скользнулъ по столу.

— Да, вы угадали: я—курильщица опіума. Ну и что же? А вы не курите сигаръ? Не пьете вина?

— Конечно, но...

— Вотъ видите: курите и пьете. А для чего? По привычкѣ? Для того, чтобы успокоить или поднять нервы? Все время подъ наркозомъ! А развѣ вамъ, мужчинамъ, такъ уже нужно успокоеніе или забвеніе?

— Еще бы.

— Неужели вамъ жизнь такъ тяжела?.. Я понимаю рабочаго, обремененнаго семьей. Ему бываетъ не по силамъ эта борьба за право быть сытымъ, и онъ старается забыться и напивается до безчувствія... Но вы-то, интеллигенты, вы, цари міра... вамъ чего не хватаетъ?

Князь Альбертъ I на борту своей яхты въ непогоду.

Тронъ монакскаго князя и гербъ княжества Монако съ девизомъ „Deo iuvante“.

Князь Альбертъ I, извѣстный ученый по океанографіи, за научными работами въ своей лабораторіи. Труды князя по изслѣдованію жизни морскихъ глубинъ пользуются извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Юбилейные дни княжества Монакскаго. По фот. Ш. Шюссо-Флавьенъ въ Парижѣ.

Соборъ въ Чебоксарахъ, Казанской губ., основанный св. Гуріемъ, архіепископомъ Казанскимъ, въ 1558 г. По мѣстнымъ преданіямъ, вначалѣ соборъ былъ деревяннымъ, но въ XVII в. онъ выстроенъ изъ камня. Съ незначительными измѣненіями, онъ сохранился до нашихъ дней. Живопись, украшающая соборъ, относится къ XVII в.
Этюдъ съ натуры А. Александрова.

Въ клубахъ дыма я видѣлъ женщину, курившую то, что она называла опіумомъ. Отнявъ трубку ото рта, она смотрѣла на меня проницательными и хмурыми глазами.

Удовлетворившись, вѣроятно, своими наблюденіями, она подошла ко мнѣ, взяла мою руку, приподняла немного и отпустила — безжизненная рука упала, какъ камень, на колѣни.

Женщина улыбнулась и быстро начала обыскивать мои карманы.

Вынувъ ихъ содержимое, начиная съ часовъ и кончая кошелькомъ, она положила все на столъ и, раскрывъ бумажникъ, пробѣжала лежавшія въ немъ дѣловыя письма, обративъ особое вниманіе на находившійся тамъ же аккредитивъ.

— По фамиліи, кажется, русскій, и какъ похожъ на... Ну, да все равно...

Проговоривъ вполголоса эти слова, дама разстегнула воротъ моей рубашки и взяла въ руки висѣвшій вмѣстѣ съ крестомъ на цѣпочкѣ золотой медальонъ, который достался мнѣ по наслѣдству.

— А, одинъ изъ братьевъ; звѣзда Соломона на крышкѣ, а внутри священные камни. Братъ—и вдругъ попался.

Она на минуту задумалась и опустила руку.

— Вѣдь вы все видите и слышите? Думаете, я простая воровка? Не спѣшите съ заключеніемъ, любезный братъ. Разъ ваше братство спасло меня, и я ему страшно благодарна. Но деньги я у васъ принуждена взять—они принесутъ мнѣ въ настоящее время больше пользы, чѣмъ вамъ... Возьму и медальонъ...

Я пожалъ плечами.

— А туда же, разсуждаете: какъ это молодая женщина, да еще красивая, можетъ курить опіумъ? Посадила бы я васъ на мое мѣсто и посмотрѣла, что бы вы предприняли.

Она помолчала немного, затѣмъ строго взглянула на меня и тихо добавила:

— Я понимаю и женщинъ, желающихъ забыться... Мнѣ самой необходимо забвеніе...

— Но, сударыня, вѣдь опіумъ...

Она перебила меня, какъ перебивала все время:

— Что опіумъ? Вреденъ? А можетъ-быть, дѣйствительность вреднѣе всякаго опіума? Что важнѣе: разрушать тѣло или разрушать духъ? Думаю, вы не затруднитесь на это отвѣтить.

Во время этого разговора дама разобралась во всѣхъ вещахъ, выложенныхъ ею изъ чемодана. Она присѣла на диванъ и стала свинчивать короткія круглыя палочки. Получился довольно длинный чубукъ, на одномъ концѣ котораго находилась маленькая трубка, а на другомъ—мундштукъ.

Опустивъ иглу въ банку, незнакомка навертѣла на ея конецъ комочекъ темнаго тѣста, потомъ налила въ лампу масла, зажгла ее и стала разогрѣвать комокъ на огнѣ, поворачивая все время иглу въ пальцахъ.

Когда тѣсто сдѣлалось мягкимъ и тягучимъ, она сунула его иглой въ трубку.

Повторивъ это нѣсколько разъ, дама перестала говорить и, не обращая на меня никакого вниманія, легла на диванъ. Подержавъ трубку надъ лампой, она поднесла мундштукъ къ губамъ и стала курить.

Скоро отдѣленіе наполнилось дымомъ, очень ароматнымъ, но мало похожимъ на дымъ опіума.

Чувствуя легкое головокруженіе, я пріоткрылъ немного окно.

— Смотрите, не простудитесь,—насмѣшливо замѣтила мнѣ незнакомка.— Лучше идите въ коридоръ.

Изъ глупаго самолюбія я остался. Мнѣ казалось, что притока свѣжаго воздуха будетъ достаточно для того, чтобы на меня не могъ дѣйствовать одуряющій дымъ.

Дама выкурила первую трубку, а за нею вторую и третью.

Мнѣ стало душно; я хотѣлъ-было совершенно открыть окно, но не могъ этого сдѣлать: несмотря на то, что сознаніе оставалось совершенно яснымъ, тѣло мое оказалось точно парализованнымъ.

Захвативъ обѣими руками цѣпочку, женщина стала осторожно снимать ее черезъ голову, но, убѣдившись, что цѣпочка узка, и что снять ее такъ невозможно, принялась внимательно искать на ней замка.

Отъ того ли, что дымъ немного разсѣялся, или по какой-либо другой причинѣ, но мое оцѣпенѣніе почти прошло, и я зашевелился.

Женщина вздрогнула и дернула цѣпочку, думая ее разорвать. Цѣпочка выдержала, но я покачнулся и едва не упалъ отъ толчка. Тогда, обхвативъ одной рукой меня за голову, она рванула цѣпочку сильнѣе. На этотъ разъ кольца лопнули, и медальонъ покатился по полу.

Отъ сильной боли я привскочилъ съ кресла, но тотчасъ же былъ опрокинутъ женщиной обратно.

Въ ея рукахъ блеснулъ ножъ.

Часовня Предтеченской церкви въ Чебоксарахъ, Казанской губ. Здѣсь погребена бабушка Михаила Θеодоровича Романова. Часовня эта была прежде женскимъ монастыремъ. Сюда были сосланы Борисомъ Годуновымъ Марія Шестова, теща боярина Θеодора Никитича Романова, бабушка Михаила Θеодоровича. Этюдъ съ натуры А. Александрова.

Памятники старины, взятые подъ покровительство Императорской Археологической Комиссіей.
По фот. I. Глыбовскаго.

Новая московская телефонная станція—одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій Москвы — является послѣднимъ словомъ техники и строительнаго искусства. До сихъ поръ стокгольмская телефонная станція считалась первой по внутреннему оборудованію, но московская станція превзошла ее во всѣхъ отношеніяхъ. Зданіе выстроено изъ несгораемыхъ матеріаловъ. Оно начато постройкой въ 1902 году и въ настоящее время совершенно закончено и оборудовано. Число служащихъ на станціи — 1.248, изъ коихъ 948 телефонистокъ, 228 монтеровъ и 72 человѣка администраціи.

— Откройте окно!—раздался вдругъ женскій голосъ, и въ отдѣленіе вошла больная.

Съ крикомъ Дина! я бросился къ ней навстрѣчу.

— Боже, ты!..—проговорила она, протягивая мнѣ руки, и начала кричать: — Эй, проводникъ! Сюда! На помощь!

Незнакомка, успѣвшая за это время надѣть шляпу и опустить вуаль, выкинула лампу въ окно, сунула въ чемоданъ свои вещи и бросилась къ дверямъ. Оттолкнувъ еле державшуюся на ногахъ Дину и меня, она выбѣжала на площадку вагона и соскочила съ поѣзда.

Мы оцѣпенѣли.

Быстрѣе всѣхъ пришла въ себя Дина и стала требовать, чтобы остановили поѣздъ.

Она бросилась къ ручкѣ воздушнаго тормоза, но пошатнулась и упала мнѣ на руки.

Я обнялъ ее и сталъ безумно цѣловать.

— Пришла, дорогая моя, пришла!—шепталъ я между поцѣлуями.

Потухающіе глаза ея вспыхнули, но говорить она не могла, силы ея совершенно изсякли, и мнѣ пришлось съ помощью монахинь перенести ее на постель.

Когда все понемногу успокоилось, я сѣлъ у ея изголовья и держалъ ея руки, пока она не уснула.

Вернувшись къ себѣ въ отдѣленіе, я легъ, но заснулъ только подъ утро тяжелымъ и тревожнымъ сномъ.

Когда мы подъѣзжали къ Парижу, меня разбудилъ священникъ. Я бросился къ больной.

Она снова ушла отъ меня, но ушла туда, откуда еще никто не возвращался...

Разсказчикъ остановился и спросилъ:

— Ну, что, могли бы вы послѣ всего пережитаго связать свою судьбу съ другой женщиной?

И отвѣта не получилъ.

Выборы во Франціи.

(Политическое обозрѣніе).

Выборы во французскій парламентъ не внесли почти никакихъ перемѣнъ въ партійный составъ палаты и, повидимому, не отразились сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ ни на внутренней жизни ни на внѣшнихъ отношеніяхъ республики. Жоресъ подсчиталъ, что на этихъ выборахъ почти на полтора милліона возросло число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалистической партіи. Статистика дѣйствительно подтверждаетъ этотъ приростъ, внушающій французскому вождю мысли о шумной побѣдѣ соціализма. Однакоже, на самомъ дѣлѣ, побѣды друзей Жореса въ значительной мѣрѣ можно считать призрачными, такъ какъ оказывается, что, слѣдуя общему наказу правыхъ партій, за соціалистическихъ кандидатовъ, въ пику умѣреннымъ республиканцамъ, голосовали всей своей массой и монархисты и націоналисты въ тѣхъ случаяхъ, когда не надѣялись провести своего собственнаго кандидата. При такомъ освѣщеніи возрастаніе голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, свидѣтельствуетъ вовсе не о ростѣ соціализма, а скорѣе о партійной дисциплинѣ среди монархистовъ. Побѣда бывшаго буланжиста Лози и нѣсколькихъ монархистовъ въ округахъ Парижа, принадлежавшихъ раньше умѣреннымъ республиканцамъ, тоже говоритъ о какомъ-то назрѣвающемъ поворотѣ общественной мысли и на ряду съ выигрышемъ нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ соціалистами заставляетъ признать несомнѣнный подъемъ народнаго недовольства, по крайней мѣрѣ въ культурномъ центрѣ государственной жизни.

Правда, Парижъ еще не Франція, но въ концѣ концовъ, какъ показала исторія, Франція все-таки идетъ за Парижемъ. Несомнѣнно, что оба крайнія крыла и во всей Франціи растутъ на счетъ умаляющагося центра. Такому умаленію республиканцевъ, разумѣется, всего больше способствовалъ тотъ разладъ въ ихъ средѣ, который произошелъ на почвѣ борьбы между федераціей лѣвыхъ, руководимыхъ Бріаномъ и Барту, и радикалъ-соціалистами, руководимыми Кайо и Комбомъ. Внутренній расколъ не только обезсилилъ республиканскій центръ, сплоченный еще усиліями Гамбетты и Вальдека-Руссо, но въ связи съ печальными скандалами, сопровождавшими республиканское междоусобіе, съ разоблаченіями злоупотребленій министерскою властью въ дѣлѣ Рошетта, съ убійствомъ Кальметта и т. д., подорвалъ моральный престижъ республиканскаго большинства къ явной выгодѣ крайнихъ партій справа и слѣва.

Съ этой точки зрѣнія нельзя удивляться маленькимъ избирательнымъ побѣдамъ буланжистовъ и націоналистовъ. Напротивъ, кажется страннымъ, что побѣды эти сравнительно еще не велики и не привели къ полному разгрому центра. Спасти престижъ республики могло только рѣшительное торжество республикан-

Аппаратная зала станціи.

Новая московская телефонная станція. По фот. М. Богуславскаго, въ Москвѣ.

ской партіи, выступившей съ разоблаченіями своихъ вчерашнихъ товарищей, но именно этого-то торжества и не дали послѣдніе выборы. И Барту и Бріанъ прошли на выборахъ блестяще, но вѣдь и Кайо тоже вернулся въ Елисейскій дворецъ, уполномоченный непоколебимымъ довѣріемъ огромнаго большинства своихъ избирателей.

Страна въ одинаковой степени и вѣритъ и не вѣритъ и тѣмъ и другимъ. Вотъ почему обѣ партіи вернулись въ парламентъ почти въ томъ же составѣ, въ какомъ ушли изъ него.

Церковныя нестроенія.

(Вопросы внутренней жизни)

Бюджетныя пренія Гос. Думы имѣютъ значеніе періодической гласной ревизіи всего нашего государственнаго хозяйства. Въ горнилѣ свободной и разносторонней партійной критики, разсматривающей всѣ вопросы съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, выясняются всѣ изъяны, всѣ слабыя стороны существующей хозяйственной системы, и сами собой намѣчаются пути къ ихъ направленію. Критика, непремѣнно свободная, непремѣнно неограниченная въ своихъ правахъ, тѣмъ и полезна, что даетъ могучій толчокъ къ улучшенію и оздоровленію національно-государственной жизни. Въ нынѣшнюю сессію Гос. Дума посвятила два засѣданія вопросамъ церковнаго быта. Докладчикъ бюджетной комиссіи по смѣтѣ Св. Синода доложилъ, что изъ 53.000.000 испрашиваемыхъ вѣдомствомъ, 22.000.000 ассигнуются на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, 18.000.000—на содержаніе духовенства и семь съ небольшимъ милліоновъ—на содержаніе духовныхъ учебныхъ заведеній.

„Не могу не обратить вниманія Гос. Думы, — говоритъ Шеинъ: — на то, что давно назрѣвшій вопросъ объ обезпеченіи духовенства содержаніемъ и пенсіею до сихъ поръ не разрѣшенъ. Не получаютъ средняго нормальнаго оклада болѣе 10.000 приходовъ, а нормальный окладъ составляетъ для священника 300 руб., діакона — 150 руб. и псаломщика — 100 руб. въ годъ. Затѣмъ источникомъ содержанія духовныхъ учрежденій являются мѣстныя средства. Что представляютъ собою эти мѣстныя средства? Это—благочестивое приношеніе въ храмъ, свѣча, которая ставится къ иконѣ, тарелочный сборъ и другія приношенія, которыя жертвователь приноситъ въ храмъ въ цѣляхъ благолѣпія, — но эти средства получаютъ иное назначеніе. Такова общая картина нашего церковнаго бюджета“.

Выступавшій вслѣдъ за докладчикомъ ораторъ земцевъ-октябристовъ деп. Ковалевскій напомнилъ, что періодически повторяющіяся въ рѣчахъ представителя Св. Синода обѣщанія о проведеніи необходимыхъ реформъ — въ томъ числѣ о возстановленіи прихода и о созывѣ церковнаго собора — остаются безъ осуществленія. Каждый годъ бюджетная комиссія выслушиваетъ совершенно удовлетворительныя сообщенія относительно существованія комиссій, подкомиссій и совѣщаній, работающихъ надъ назрѣвшими вопросами церковной жизни.

„Комиссіи эти, подобно ледянымъ сооруженіямъ, воздвигаются передъ началомъ работъ по бюджету; на ихъ застывшія очертанія намъ указываютъ издали всю зиму, а при первыхъ лучахъ весенняго солнышка онѣ таютъ, и труды ихъ обращаются въ текучую воду. Грозные симптомы свидѣтельствовали о растущемъ разобщеніи церкви съ народомъ. Объ этомъ говоритъ и нарожденіе на Руси давно уже небывалаго явленія въ исторіи православія — догматическихъ споровъ и вытекающихъ оттуда ересей. Третій фактъ — обиліе процессовъ религіознаго характера, возникшихъ въ послѣдніе годы, которые замѣчательны тѣмъ, что, не взирая на старанія экспертовъ-миссіонеровъ, „отпадшіе“ упорно не хотятъ перестать считать себя православными и образовать особую секту, съ признаками, которые давали бы право на осужденіе ихъ. Искренности нашей тревоги не хотятъ вѣрить тѣ, кто считаютъ, что право судить о церковныхъ отношеніяхъ принадлежитъ имъ однимъ. Ваше дѣло дать деньги. „Лишше же сего — отъ лукаваго“. Членами церкви, имѣющими голосъ, насъ не признаютъ. Мы гдѣ-то при церкви, а не внутри ея, а также незамѣтно для самихъ себя можемъ оказаться и внѣ ея.“

Всѣ надежды священникъ - націоналистъ о. Трегубовъ тоже возлагаетъ на церковный соборъ и на возрожденіе прихода.

„Мы вѣримъ, что церковный соборъ разбудитъ заснувшія христіанскія чувства, но къ церковному собору нужно готовиться не только въ канцеляріи, но необходимо приготовить всю церковь православную, что можно сдѣлать лучше всего путемъ реформы церковнаго прихода. Дѣло не столько въ юридическихъ нормахъ,

По иниціативѣ г-жи Оржевской, супруги покойнаго начальника Туркестанскаго края г.-л. Оржевскаго, положено основаніе дому для русскихъ студентокъ, столь многочисленныхъ въ Парижѣ. Находясь въ центрѣ Латинскаго квартала, Rue d'Arbalète, вблизи университета, „Русскій Домъ“ даетъ пріютъ студенткамъ, которыхъ дороговизна парижской жизни вунуждала жить въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. „Русскій Домъ“ взимаетъ со студентокъ очень скромную плату и предоставляетъ имъ, помимо комнатъ (по двѣ жилицы въ каждой), еще столовую, салонъ и библіотеку. Во главѣ комитета „Русскаго Дома“ находится супруга русскаго посла въ Парижѣ г-жа Извольская.

Наружный видъ зданія.

Студентки въ своей комнатѣ.

Русскій студенческій домъ въ Парижѣ (Le foyer russe). По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Общая комната для занятій студентокъ.

шего обширнаго отечества. Никогда еще, господа, наша русская церковь не находилась въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ своего существованія. Намъ приходится быть свидѣтелями того непостижимаго, страннаго и въ то же время огромнаго вліянія нѣкоторыхъ проходимцевъ, недостойныхъ проходимцевъ хлыстовскаго типа, которыхъ принято называть у насъ „старцами“.

(„Это — Распутинъ“, раздается голосъ).

„Нужно позаботиться о положеніи нашего главнаго труженика—приходскаго духовенства. Если темныя стороны духовенства подхватываются и замѣчаются всѣми, то свѣтлыя стороны—замалчиваются. Условія, въ которыхъ приходится работать священнику, таковы, что съ одной стороны—униженность, страхъ и трепетъ, а съ другой — казенный формализмъ, сухость и неизмѣримое превозношеніе. Это такъ общепринято, что какой-нибудь столоначальникъ или писецъ консисторіи смотритъ на сельское духовенство сверху внизъ. Сила и власть нашего начальства надъ духовенствомъ громадны. Знаете ли вы, что любой изъ нашихъ священниковъ по любому, даже анонимному, доносу можетъ очутиться подъ судомъ и слѣдствіемъ, и знаете ли вы, что такое судъ нашъ канцелярскій, выносящій свое рѣшеніе на основаніи

сколько въ томъ, чтобы разбудить къ жизни заснувшее чувство любви и сострадания къ ближнему. Возродить приходъ—задача не только церкви, но и государства. Съ тѣмъ развалομъ, который царитъ во всѣхъ слояхъ общества, можно бороться только на основахъ христіанства и при содѣйствіи организованнаго прихода. Нѣкоторые думаютъ, что мы, православное духовенство, являемся противниками прихода, боимся реформы. Я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что завѣтная наша мечта видѣть приходъ реформированнымъ. Мы не боимся этой реформы, мы ее желаемъ.“

Ораторъ центра, св. Филоненко, съ истинно христіанскимъ мужествомъ указываетъ на одну изъ болѣе опасныхъ язвъ нашего современнаго церковнаго быта, угрожающую отвратить отъ православія многихъ искренно вѣрующихъ людей. „Какъ любящій и вѣрный сынъ своей матери—церкви православной, я со скорбью считаю долгомъ упомянуть о томъ, о чемъ говорятъ на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ самыхъ медвѣжьихъ и захолустныхъ углахъ на-

Обитательницы русскаго студенческаго дома въ столовой за чаепитіемъ.

Библіотека студенческаго дома.

бумажнаго слѣдствія, совершеннаго малоопытнымъ слѣдователемъ, незнакомымъ ни съ какою юриспруденціею? Для того, чтобы наша православная русская церковь могла стать во весь свой ростъ, для этого нужно какъ можно скорѣе возвратить церкви ея истинную сущность, ея естественную природу — соборность. Нуженъ, господа, помѣстный соборъ“.

Той же наболѣвшей у всѣхъ темы о внѣдреніе въ церковь враждебныхъ самому духъ православія и христіанства хлыстовскихъ вѣяній коснулся и кн. Мансыревъ. Онъ рѣшительно не согласенъ, будто дѣятельность Синода стоитъ на мертвой точкѣ. „Вѣдомство прогрессируетъ, и до такой степени сильно и быстро, что невольно наводитъ этимъ на жуткія мысли. Авантюра съ Иліодоромъ кончилась неудачно, и на мѣсто его выпущенъ другой дѣятель, неоднократно упоминавшійся уже здѣсь, съ именемъ котораго связаны наигнуснѣйшіе пороки, наигнуснѣйшія преступленія, растленіе общества. Его имени не нужно называть, оно всѣмъ извѣстно. Его выпускаютъ для пріобрѣтенія связей въ наивысшихъ кругахъ, этого субъекта представители духовной власти встрѣчаютъ на вокзалѣ при

Русскій студенческій домъ въ Парижѣ (Le foyer russe). По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

пріѣздахъ въ Петербургъ. На этого субъекта чуть не молятся наши несчастныя барыни изъ великосвѣтскаго общества, для удовлетворенія гнусныхъ инстинктовъ этотъ субъектъ водворяется въ самомъ центрѣ страны и отсюда повсюду распространяетъ на все свое тлетворное, пакостное вліяніе. А православное вѣдомство смотритъ на это спокойно и покровительствуетъ этому субъекту. Дальше итти нельзя. Я глубоко увѣренъ,—заканчиваетъ кн. Мансыревъ:—что великій, сильный и здоровый русскій народъ, дѣйствительно проникнутый богоискательствомъ и духомъ святой истины, несмотря на то, что его внутренняя святая святыхъ растоптана, встанетъ и скажетъ всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ онъ просилъ духовнаго хлѣба, и которые давали ему камень: горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры, вы затворяете Царство Небесное отъ людей, ни сами туда не входите ни желающихъ туда войти не впускаете".

Условные кредиты принимаются большинствомъ.

В. Г. Бобрикова, урожденная Прозорова, пожертвовавшая 100.000 рублей на устройство барака для туберкулезныхъ больныхъ. Баракъ имени ея отца будетъ находиться при Петропавловской больницѣ въ С.-Петербургѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

И. И. Соколовскій, народный учитель. (Къ 43-лѣтію его педагогической дѣятельности). По фот. А. Рыттова.

И. И. Соколовскій.

(портр. на этой стр.).

(Къ 43 лѣтію его педагогической дѣятельности).

Всякому извѣстно, какъ тяжелъ трудъ народнаго учителя, заброшеннаго въ далекую глушь нашей провинціи. Сколько надо любви, самоотверженности, вѣры въ свой трудъ, чтобы отдать себя цѣликомъ служенію народной школѣ.

Иванъ Ивановичъ Соколовскій простоялъ на своемъ отвѣтственномъ посту 43 года. Это — три четверти жизни. И хотя 43 года—время, не пріуроченное для юбилея, но мы не можемъ обойти молчаніемъ героя, ушедшаго съ этого поста только изъ-за тяжкой болѣзни. Мы не можемъ не упомянуть, что за послѣднія 25 лѣтъ его дѣятельности окончило его училище 695 человѣкъ. Изъ нихъ многіе теперь — крупные общественные дѣятели. Среди нихъ много инженеровъ, предсѣдателей земскихъ управъ, докторовъ, учителей, начальниковъ почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ станцій, землемѣровъ, офицеровъ.

Начиная съ 1870 года, И. И. Соколовскій занималъ должность народнаго учителя въ разныхъ мѣстахъ, а съ 1888 года былъ назначенъ учителемъ Игуменскаго приходскаго училища, гдѣ и прослужилъ около 25 лѣтъ.

СМѢСЬ.

Памятникъ Вел. Кн. Константину Николаевичу. —28 ноября 1913 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійскаго сбора пожертвованій на постановку памятника Великому Князю Константину Николаевичу. Управляя флотомъ и Морскимъ Министерствомъ и принимая также участіе въ другихъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности, Великій Князь показалъ путь къ обновленію и просвѣщенію Россіи послѣ тяжелой Крымской кампаніи. Ближайшее энергичное участіе его въ великомъ дѣлѣ Освобожденія крестьянъ, какъ Предсѣдателя Главнаго Комитета, удостоилось высокой оцѣнки Царя-Освободителя, назвавшаго Великаго Князя Своимъ «первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ».

Многолѣтняя дѣятельность Великаго Князя въ должности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта стяжала ему почетную извѣстность въ исторіи. Не менѣе извѣстна его дѣятельность и въ сферахъ управленія флотомъ и Морскимъ Министерствомъ. Онъ всѣ силы свои обратилъ на возсозданіе морской мощи Россіи, положивъ начало нашей независимости отъ заграничныхъ заводовъ и создавъ первую нашу паровую, а затѣмъ и броненосную эскадры. Великій Князь положилъ созданіе поколѣнія опытныхъ и страстно преданныхъ своему дѣлу моряковъ, всѣми мѣрами способствуя духовному и нравственному подъему и улучшенію быта офицерскаго и матросскаго составовъ. Дальнія океанскія плаванія, морскія библіотеки, лекціи, рядъ изданій по морскимъ вопросамъ, «Морской Сборникъ» шестидесятыхъ годовъ, которымъ зачитывалась вся мыслящая Россія, суммы на воспитаніе дѣтей, пособія личному составу въ трудныхъ случаяхъ жизни, эмеритальная касса, первая въ Россіи, — вотъ памятники того, что было сдѣлано Вел. Кн. Константиномъ Николаевичемъ въ этой области. Комитетъ ставитъ себѣ задачей организовать сборъ пожертвованій, чтобы воздвигнуть на нихъ памятникъ руководителю флота и Государственному дѣятелю къ 13 января 1917 года, — дню двадцатипятилѣтней годовщины смерти Великаго Князя, — и обращается ко всѣмъ почитателямъ его съ просьбой внести, не стѣсняясь никакими размѣрами, и свою лепту.

Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, зданіе Главнаго Адмиралтейства, или же сдавать въ государственныя губернскія и уѣздныя казначейства, или мѣстныя Конторы и Отдѣленія Государственнаго Банка.

П. Е. Лазаревъ, мировой судья г. С.-Петербурга. (Къ 40-лѣтію его дѣятельности на этомъ отвѣтственномъ посту).
По фот. Я. Штейнберга.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за **„Ниву"** сего 1914 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова", кн. 3.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ... № 22.

Какъ можно всегда выглядѣть молодой и красивой.

Современный совѣтъ.

Кожа лица, какъ извѣстно, обновляется тѣмъ, что верхній слой отдѣляется и замѣняется новымъ, нѣжнымъ слоемъ. Особенно лѣтомъ это наступаетъ въ ясно замѣтной формѣ. Это дѣйствіе можно ускорить или во всякое время вызвать искусственно, если кому угодно быстро избавиться отъ подурнѣвшаго цвѣта лица вмѣстѣ съ веснушками, угрями, прыщами и т. д. и замѣнить его бархатисто-мягкой новой кожей. Какія-либо дорого стоящія или неудобныя манипуляціи для этого не нужны. Примѣняютъ обыкновенно полукрѣпкій Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ, который можно получить въ каждой аптекѣ или аптекар магазинѣ.

Если нанести вечеромъ полукрѣпкій Дермозонъ, какъ кольдъ-кремъ и смыть его утромъ, то таковой снимаетъ всѣ ненормальности кожи и оставляетъ розовую нѣжную кожу лица. Вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія раздраженія и безвредности полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ кожа сама при этомъ ни въ коемъ случаѣ не страдаетъ, только некрасивый старый слой кожи, такъ сказать, всасывается.

Точно также можно поступить и съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками и, такъ какъ этотъ способъ простъ, дешевъ и успѣшенъ, то онъ и является въ широкихъ кругахъ самымъ излюбленнымъ. Для достиженія же совершеннаго успѣха слѣдуетъ предварительно умыться теплой водой съ хорошимъ мыломъ и хорошенько вытереться.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка:

„Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная подделка. 2944

ПРИНИМАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО

ТРИЗАНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ

Фабричная марка „Голова тигра“

ПРИ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ или ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ
ПРИ БРОНХІАЛЬНОМЪ или ЛЕГОЧНОМЪ КАТАРРѢ.
ПРИ КАШЛѢ, ОХРИПЛОСТИ, ИНФЛУЭНЦѢ и КОКЛЮШѢ.
БЛЕСТЯЩЕ ОДОБРЕНЪ ВРАЧАМИ! ОЧЕНЬ ПРІЯТНАГО ВКУСА!
Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магаз. Требуйте настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ
Литература высылается безплатно: СПБ. Смоленская 33.

ТОЛОКНО — ОВСЯНОЕ КАКАО
фабрики И. В. СОКОЛОВА.

Натуральная, гигіеническая питательная пища.

Для желудочно-больныхъ, нервныхъ, золотушливыхъ, малокровныхъ, переутомленныхъ. **По наблюденіямъ врачей, быстро возстанавливаетъ силы** истощенныхъ болѣзнями. Незамѣнимо для дѣтей и взрослыхъ. Цѣна 40 к. фун. Высылается наложомъ отъ 3-хъ фунтовъ. Почтовыя расходы за счетъ покупателя. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Оптов. скл.: Москва,
3-4 **В. ДУНИНЪ**, Мясницкая, 27. 2269
Складъ въ С.-Петербургѣ: **Бр. А. и И. Шитовы**, Морская, 17; тел. 17-22.

МАРІЯ ЕГОРОВНА ЧУРБАНОВА

М. ЧУРБАНОВА.

имѣетъ честь объявить, что изобрѣтенныя ею безвредныя средства ДОМАШНЯГО приготовленія: 2868 2-2
1) отъ **угрей, прыщей и жирового выдѣленія** (больш. флаконъ 1 р. 25 к. безъ перес.), 2) отъ **чрезмѣрн. и злокач. потѣнія ногъ, рукъ** и пр. (коробка 1 р. 25 к. безъ перес.) можно получить ТОЛЬКО у нея самой. НИГДѢ мои средства не продаются. Высылаю немедл. налож. плат. На перес. и упаков. пришлите 50 к. (можно марк.). Дѣйствіе моихъ средствъ быстрое и вѣрное. Предложеніе **СЕРЬЕЗН. и ЧЕСТН.** Постоян. мой адресъ: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3.**

2597 6-2

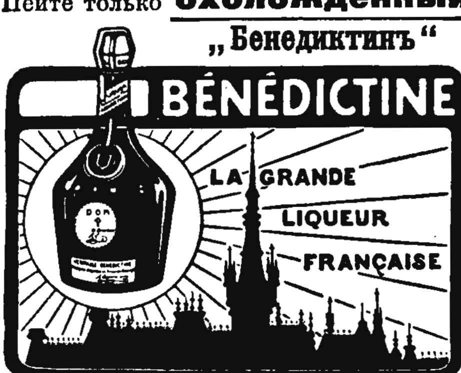
ФОРМИКОВО-УГЛЕКИСЛЫЯ ВАННЫ
Лабораторіи К. М. ЗАЧЕКЪ.

Обыкновенныя, хвойныя, желѣзистыя, безусловно замѣняютъ НАРЗАНЪ, НАУГЕЙМЪ и др.
Каждый можетъ приготовлять въ любой ваннѣ безъ особенныхъ приспособленій.

КУРСЪ ЛѢЧЕНІЯ 35 Р.

ОПИСАНІЕ БЕЗПЛАТНО. 2925 3-2

Лабораторія углекислыхъ ваннъ б. К. М. Зачекъ.
С.-Петербургъ, Б. Конюшенная, № 8. Тел. 91-77.



НЕ РАБОТАЛЪ 3 ГОДА — НЕ ПОМОГАЛО НИЧЕГО.

Еще одинъ голосъ изъ публики: „Я такъ страдалъ ревматизмомъ и невралгическими болями, что не работалъ три съ половиной года. Получилъ я свою болѣзнь отъ сырой квартиры въ болотной мѣстности. Послѣ того, какъ мнѣ прописали Кефалдолъ-Сторъ, мое здоровье стало улучшаться, и въ настоящее время я настолько поправился, что могу опять работать. Кефалдолъ-Сторъ имѣется во всѣхъ аптекахъ; онъ совершенно безвреденъ и превосходно дѣйствуетъ также противъ головныхъ болей, подагры, ишіаса и всякихъ невралгическихъ страданій“. 2948

При ПОТЕРѢ АППЕТИТА,
малокровіи, хлорозѣ, слабости
тысячи врачей назначаютъ
ЖЕЛѢЗО АТЕНШТЕДТЪ.
2948 6-1

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко сдѣлаете. Рецептъ и наставл. высылаю немедл. за 1 р. 25 к., можно марк. или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3.**
2845 **МАРІЯ ЧУРБАНОВА.** 4-1

ЛУЧЕЗАРНЫЯ ОЧИ

плѣняютъ сердца всѣхъ. Наша восточная глазная вода придаетъ глазамъ сіяющій блескъ и выразительность. Тусклые, мутные глаза пріобрѣтаютъ ясный взглядъ; синева, краснота, а также слѣды безсонныхъ ночей исчезаютъ. За безвредность гарантируетъ наша фирма. Цѣна 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. Пересылка 35 к. Доставка совершается секретно. Л. М. Багинскій, Лабораторія Спеціальностей,
2839 Рига, 45. Романовская ул., № 29. (2)
(Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ).

Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33. 2872 5-3

НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА 15-го МАЯ и 1-го ІЮНЯ. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,000 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

МАЙСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ и УЧИТЕЛЕЙ (см. программу).

БИЛЬЦА Санаторія, Дрезденъ-Радебейль.

Прекрасные

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛѢЧЕНІЯ

Естественный методъ лѣченія — лучшій способъ излѣченія болѣзней желудка, кишекъ, сердца, печени, почекъ, мочев. пузыри и половыхъ болѣзней, подагры, ревматизма, астмы, нервности, блѣдной немочи, малокровія, сахарной и всѣхъ **женскихъ болѣзней** и т. п. 2597 4-9

Проспекты безплатно.

Пансіонеры и нуждающіеся въ отдыхѣ найдутъ здѣсь очень пріятное мѣстопребываніе въ такъ называемой саксонской Ниццѣ. Мягкій климатъ. Исключительно-живописная мѣстность. Каждыя 8 минутъ сообщеніе съ Дрезденомъ, со всѣми его сокровищами искусствъ.

Руковод. врачи: санит. совѣтн. д-ръ мед. Бильфингеръ. **Д-ръ мед. Павелъ Ашке.**

БРИТВЫ АД. АРБЕНЦА

съ замѣняемымъ, первоклассымъ, гарантированнымъ лезвіемъ, въ теченіе 25 лѣтъ признаны лучшими. Со своимъ чрезвычайно простымъ и необыкновенно практичнымъ приспособленіемъ для безопаснаго бритья онѣ являются безусловно самыми выгодными, дешевыми, безопасными бритвами и много превосходятъ всѣ бритвенные аппараты. Цѣны: № 8—4 руб., № 10 съ изящнымъ футляромъ и запасное лезвіе руб. 6. № 62 — тоже съ 3 запасными лезвіями руб. 7.—Имѣется въ хорошихъ магазинахъ и оптомъ у фабриканта Ад. Арбенцъ, Лозаннъ, Швейцарія. 4-4 2590

2108 13-1

ДО УПОТРЕБЛЕНІЯ. ПОСЛѢ УПОТРЕБЛЕНІЯ.

Такую поразительную перемѣну производитъ

КОЛА-ДУЛЬЦЪ.

Лучшее въ природѣ питательное вещество для мозга и нервовъ.

Настроеніе, мышленіе, дѣятельность, какъ и всякое движеніе, зависятъ отъ мозга.

Усталость, унылость, изнуреніе, истощеніе, ослабленіе нервовъ и общая слабость тѣла суть примѣты недостатка жизненной силы. Если Вы желаете чувствовать себя всегда бодрымъ, со складнымъ умомъ и хорошей памятью, если желаете испытывать труды и занятія, какъ удовольствіе, то принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ. Это—естественное питаніе для нервовъ и мозга, которое вмѣстѣ съ тѣмъ поправляетъ и молодитъ кровь, и, такимъ образомъ, даря силой, вліяетъ благотворно на всѣ органы тѣла.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ **ДАРИТЪ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬЮ И ТРУДОВОЙ СИЛОЙ,** а равно и ощущеніемъ молодости съ ея энергіей, этой лучшей гарантіей успѣха и счастія.

Принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ нѣкоторое время ежедневно и она укрѣпитъ Ваши нервы, всякое изнеможеніе исчезнетъ и подъ ея вліяніемъ Вы исполнитесь силой и жизнерадостностью.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ рекомендуется медицинскими авторитетами всего міра и примѣняется въ больницахъ и санаторіяхъ.

Требуйте КОЛА-ДУЛЬЦЪ безплатно.

Теперь предоставляемъ Вамъ возможность подкрѣпить Ваши нервы. Напишите намъ открытое письмо съ Вашимъ точнымъ адресомъ и мы Вамъ немедленно вышлемъ БЕЗПЛАТНО и со сполна УПЛОЧЕННОЙ ПЕРЕСЫЛКОЙ количество КОЛА-ДУЛЬЦЪ, достаточное для того, чтобы принести Вамъ облегченіе и дать возможность оцѣнить ея удивительное дѣйствіе.

Если Вамъ угодно, то можете заказать и больше, но пишите непремѣнно сейчасъ же, чтобы не забыть. 2936

Акц. Общ. „Всеобщая Фабрика Химическихъ Продуктовъ въ Будапештѣ".

Отдѣленіе для Россіи: Варшава, Новый Свѣтъ, № 52, отд. 242.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ въ оригинальной упаковкѣ имѣется въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Безплатно образцы высылаются **исключительно только** вышеобозначенной фирмой.

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

постепенно, а потому незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращаетъ натуральный цвѣтъ и мягкость безвредное средство **ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ**

„ОРІАНТИНЪ"

фирмы **Parfumerie d'Orient.**

Примѣненіе этого безподобнаго средства очень простое. Множество самыхъ лестн. отзывовъ. Продается по 3 р. (**двойная коробка 5 р.**) въ парфюмерн. магазинахъ, или высылаетъ налож. платеж. В. Жолновскій. Варшава, почт. ящикъ 440.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

Постоянно на складѣ въ оптов. фирмахъ.

2419 **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДРАЖАНІЙ.** 13-4

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебн. заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „ГИМНАЗІЯ на ДОМУ" (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. 2812 8-3

Курсъ „Гимназія на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО

опытн. преподават. исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руковод. ихъ занятіями. Популярн. изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ учених. нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія":

АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.

ИСКУССТВО для ВСѢХЪ (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.

ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.

Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО", С.-Петербургъ, Николаевская, 44 29.

= НУЖНЫ АГЕНТЫ. =

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ** научаю **заочно красиво и скоро писать.** За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

Красота это богатство! красота это сила! красота это могущество!

БЕРЕГИТЕ ВАШУ КРАСОТУ

посредствомъ аппаратика **„Афро"** системы Д-ра Гарлана. Ни одна дама, ни одинъ мужчина обладающ. этимъ геніальнымъ изобрѣтен., не должны бояться прыщей, угрей, морщинъ и т. п. недостатковъ кожи. При помощи аппаратика **„Афро"** прыщи пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ черезъ 60 секундъ, угри черезъ нѣсколько дней. Провалы на щекахъ заполняются, руки, шея округляются, морщины и складки на лбу, подъ глазами совершенно сглаживаются и все это поразительно быстро. Аппаратъ **„Афро"** дѣлаетъ тѣло свѣжимъ, крѣпкимъ, упругимъ, а кожу цвѣтущей, атласной, мягкой. **Цѣна** аппаратика 1 р. 65 к. Кремъ **„Метаморфоза"**, **„Секретъ Красоты"** баночка 1 р. 50 к., перес., 35 к., въ Сибирь 75 к. Высыл. по почтѣ налож. платеж. безъ задатка. **Даромъ** къ кажд. аппарат. прилаг. руковод. на русск. языкѣ для пользованія.

2687 Адрес.: **Т-во „Слава", Лодзь, Н.** 4-3

BADEN-SUISSE

Сезонъ: МАРТЪ по конецъ НОЯБРЯ.

Всемірно извѣстный курортъ и воды. Радіоактивныя сѣрныя ванны 48° Цельс. 2947 2-1

НЕСРАВНЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЛѢЧЕНІЯ:

ПОДАГРЫ, РЕВМАТИЗМА, ИШІАСА, СТРАДАНІЙ СУСТАВОВЪ, ГОРЛОВЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Діагностико-терапевтическій институтъ. **Ингаляціи Вассмута.**

Оркестръ. Театры: опереточный и драматическій. Курзалъ, окруженный большимъ паркомъ.

Проспекты чрезъ посредство конторы газеты **„Биржевыя вѣдомости“, С.-Петербургъ,** Невскій, 50, а также изъ **Управленія курорта въ Баденѣ.**

МОДЫ БЕЗПЛАТНО! ВАЖНО ПРОВИНЦІИ!

Нашъ сезонный прейсъ-курантъ послѣднихъ моделей дамскихъ пальто, костюмовъ, платьевъ, юбокъ, обуви, корсетовъ, отдѣла фотографіи, хозяйствен. принадлежн. и многихъ другихъ интересныхъ предметовъ, **отпечатанъ** и разсылается всѣмъ иногороднимъ **безплатно. Все иллюстрировано, все дешево, все ново!** Не откладывайте на завтра, **требуйте сегодня,** сейчасъ же, немедленно. 2949

Универсальный магазинъ ПАВЕЛЪ ОБОЙМОВЪ,
МОСКВА, Тверская, № 30, Отд. 10.

Dr. Bengue, 47, Rue Blanche, Paris.

Baume Bengué

ПОДАГРЫ - РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГІИ

Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к.

2143 30-21

Депо во всѣхъ аптекахъ.

27591 (38)

Никуда негодную подделку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

КУРСЫ

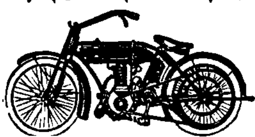
общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правов. КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ. **НЕВСКІЙ, 92—11.**

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодерж. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористъ шрифт. **Цѣна** съ перес. 1 р. 50 к. **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйства ариѳм. Ц. 40 к. съ пер. **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ. Невскій. 92—3.

ВСЯКУЮ ЛОДКУ ВЪ МОТОРНУЮ, ЛЮБОЙ ВЕЛОСИПЕДЪ ВЪ МОТОЦИКЛЪ



легко превратить съ помощью нашихъ съемныхъ бензиновыхъ моторовъ „Луксусъ“. Никакихъ передѣлокъ не требуется. Установка моторовъ проста, обращеніе съ ними доступно всякому. Переносный лодочный бортовой моторъ 2 л. с. **185 руб.** Моторъ 4 л. с. **300 руб.** Велосипедный моторъ $2^{1}/_{2}$ л. с. **160 руб. Пересылка и пошлина за нашъ счетъ.** Высылаются по полученіи задатка въ четверть стоимости. Спеціальные каталоги велосипедовъ и мотоцикловъ на рус. яз. высылаются по требованію безплатно.

Международн. Экспортъ Х. Финкельштейнъ. Германія. Берлинъ, ул. Кантъ, 120/1.
Exporthaus H. Finkelstein. Berlin. Kantstr. 120/1. 2926 4-2

ПОБѢДА!

радостно воскликнетъ всякій, получивъ нашу новоусовершенств. фотографическую камеру **„Феротипъ“.** Все, что осложняло работу фотографа, окончательно побѣждено! Яркій дневной свѣтъ не является больше помѣхой! Излишня темная комната! Не надо никакой копировки! Заряжается камера сразу на 25 снимковъ также на дневномъ свѣту.

Фотографія совершенно готова ВЪ ОДНУ МИНУТУ!

„Феротипъ“ доставляетъ многимъ **ГРОМАДНѢЙШІЙ ЗАРАБОТОКЪ!** Продавая фотографіи по 15 коп. шт., можно въ **1 ТОЛЬКО часъ заработать три рубля!** Цѣна „Феротипа“ съ полнымъ приборомъ принадлежн., со способомъ употребл. на русск. яз., со включен. упаковки, пошлины и пересылки 10 руб. Съ заказами можно обращаться по-русски по адресу: 2930 3-2

Междун. Экспортъ „Виталисъ“. Германія. Берлинъ, Шарлоттенбургъ, 4/1.

ОДЕССКОЕ СРЕДНЕЕ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Прив.-доц. В. П. Гадзяцкаго.

СЪ ПРАВАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ.

Пріемъ только по свидѣтельствамъ: въ пригот. кл. — объ оконч. городскихъ или высшихъ начальныхъ училищъ и въ I-й спец. кл. — объ окончаніи пяти классовъ Реальн. учил.

Одесса, Херсонская, 11а.

Окончившіе курсъ получаютъ званіе техника по электротехнической спеціальности, право на личное почетное гражданство, поступленія въ высшія учебныя заведенія соотвѣт. спец. Относительно госуд. службы и воин. повин. получаютъ право лицъ окончивш. курсъ въ средн. общеобразовательныхъ учебн. заведеніяхъ. 2936

Альбомы рисунковъ для ремесленниковъ.

Мотивы мебели въ новомъ стилѣ: столы, стулья, шкафы, буфеты, туалеты, вѣшалки, полки, зеркала, ширмы и разл. мебель, 9 разн. вып., въ каждомъ 40—60 рис.—55 к., 4 вып.—2 р., всѣ 9 вып.—4 р. Меблировка комнатъ въ стилѣ „Модернъ“—1 р. 35 к. Альбомъ монограммъ для граверовъ, 16 табл., 173 рис.—65 к. Мотивы шведской мебели—55 к. Мотивы мебели въ стилѣ Людовика XV—55 к. Мотивы токарныхъ работъ, 2 разн. вып., каждый 55 к. Мотивы дверей въ новомъ стилѣ, 8 табл.—55 к. Альбомъ рисунковъ по мозаикѣ и инкрустаціи—55 к. Альбомъ рѣзьбы по дереву, 5 разн. вып. по 55 к. за вып., всѣ 5 вып.—2 р. 25 к. Мотивы оконъ и рамъ для дачъ и балконовъ, 8 табл.—55 к. Мотивы кузнечно-слесарныхъ раб. въ нов. стилѣ, 3 вып., по 55 к. за вып., всѣ 3 вып.—1 р. 50 к. Мотивы выпиловочныхъ работъ по дереву и металлу, 5 разн. вып., каждый 5 лист., со многими рис., по 55 к. за вып., всѣ 5 вып.—2 р. 25 к. Мотивы изящн. рисунк. худож. выжиг. въ русск., норвежск. и др. стил., 7 разныхъ вып., каждый 5 лист., со мног. рис., по 55 к. за вып., всѣ 7 вып.—3 р. Альбомъ рис. по интарсіи (мозаикѣ)—55 к. Альбомы рисунк. по металлопластикѣ, 2 разн. вып., по 80 к. каждый. Мотивы драпировокъ для оконъ и дверей и мягкая мебель, 3 разн. вып., кажд. по 55 к., всѣ 3 вып.—1 р. 50 к. Альбомъ рисунковъ для тисненія по кожѣ—55 к. Альбомъ рисунк. худож. выжиг. въ русск. и др. стиляхъ, худ. Е. Тиле, 4 вып., по 80 к. кажд., всѣ 4 вып.—2 р. 75 к. Альбомы рисунковъ для выжиг. „Русскія сказки“—80 к. Русскія былины—80 к. Альбомъ рисунк. для выжиган. въ стилѣ „Ампиръ“—80 к. Художеств. глубокое выжиг.—„Цвѣты“—80 к. Трафареты выпиловочныхъ работъ для дачъ: бордюры, наличники, коньки въ натуральную величину—10 вып. по 6 табл.—по 50 к. съ перес. кажд., всѣ десять высыл. за 4 р. Альбомъ монограммъ—1 р. Всѣ цѣны съ пересылкою. Высылаетъ съ наложеннымъ платежомъ

Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА“, СПБ., Екатерингофскій пр., 10/19.

Съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Полный каталогъ альбомовъ рисунковъ для ремесленниковъ и каталогъ издательства высылается безплатно. 2932

ВЫЧИСЛЕНІЯ въ минуту производитъ **СЧЕТЧИКЪ**
Сотни тысячъ распростр. среди торг., бухгалт., инжен., чиновн. и учащ. молодежи. Вычисл. процент., умнож., дѣленій. Высыл. **только за 45 коп.** (можно марк. заказн. письм.). Налож. плат. на 10 коп. дороже.
2850 3-3 Оптовщик. скидка. **М. БРАУНЪ, Варшава, Налевки, 17/4.**

ФУТБОЛЪ
правила игры высылаю за 2 7-коп. марки. Оптовый Складъ **Н. С. Моргунова. Москва,** 2927 Никитскій бульваръ, 21-е. 2-2

ПАНСІОНЪ
для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ.** Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 2708 10-5

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?
2914 50-2 Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** 2331 (Испанія). 15-8

Почтовыя марки
20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора **со скидкой 25—60%. А. Вейссъ,** 12-12 Вѣна, Австрія. I. Адлергассе, 8. 2523

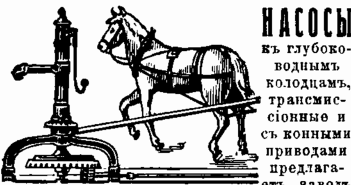
Громадный доходъ
Блестящіе повсюду результаты. Новая, полезная, интересная, всѣмъ доступная дѣятельность. Успѣхъ обезпеченъ. Подробности безплатно. Адресовать: Парижъ (Франція) 26, улица Фэдо, Кооперація—Paris, 26, rue 2-1 Feydeau, Coopération. 29-2

КАРТОНАЖНАЯ ФАБРИКА
„ПРОГРЕССЪ"
СПБ., Вас. Остр., Средній пр., 72, тел. 408-43 изготовляетъ какъ спеціальность
ВОЛНИСТУЮ БУМАГУ
для упаковки хрупкихъ и легко бьющихся товаровъ. 2873 4-3

2950 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-1
БУХГАЛТЕРІИ
И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ
Условія и пробн. лекціи безплатно. Адресъ:
Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.

ЗАИКАНІЕ
излѣчив. **радикально** патентов. в Россіи, Бельг., Франц., Венгріи аппаратом. Пров. М. Вагнер, СПБ., Пантелейм., 11, брош. безп.

100 рублей въ мѣсяцъ 2851 (2) **ВѢРНАГО обезпеченнаго заработка**
для всѣхъ при удоби. домашн. раб. Разст. не мѣш. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл.
1-ое Западн. Т-во Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.



НАСОСЫ
къ глубоководнымъ колодцамъ, трансмиссіонные и съ конными приводами предлагаетъ заводъ
С. ТРЕМБИЦКІЙ и К. Варшава, Сѣнная, 14.

1 фунтъ хорошаго о-де-колона за 85 коп. Обладаетъ высокими дезинфекц. свойствами и прекрасн. запахомъ, превосходный для шкафовъ для бѣлья, комнатъ и воды для мытья. **1 металл. пульверизаторъ** хорошо никкелированный **1 р. 50 к.** Лучшій и болѣе практичный чѣмъ стеклян. или резиновый пульверизаторъ. Подходящій для туалетовъ, а также для освѣженія воздуха въ комнатахъ и для опрыскиванія комнатн. растеній. 2826 3-3
Все это высылаетъ франко по полученіи стоимости впередъ фабрика духовъ **„Геліосъ"** Р. Г. Бокишъ, Лодзь, Заржевская, 58.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко, 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2924 16-3

ФОТО графическіе аппараты
Новыя модели. — Дешевыя цѣны. — Точная работа. — Аккуратная высылка.
Каталогъ № 1 по первому требованію—безплатно, пишите на 4 к. откр. по адресу:
Континентальному Экспортн. О-ву
П. ЭРФУРТЪ и Ко.
2955 **БЕРЛИНЪ 30.** 2-1

Электрическій аппаратъ для разрушенія волосъ.

Фирма Л. М. Багинскій выступила съ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Дамская борода и нежелательная волосатость тѣла безслѣдно уничтожаются съ корнемъ. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе при помощи нажатія кнопки, и сейчасъ же волосы выпадаютъ и корни погибаютъ. Новый волосъ не можетъ болѣе вырасти на томъ мѣстѣ. За полный успѣхъ фирма ручается возвратомъ денегъ. Аппаратомъ можетъ пользоваться всякій безъ какого-либо подготовленія. Стоимость его 5 р., лучшаго качества 8 р. Съ заказами обращаться къ спеціалисту: Л. М. Багинскій, Рига, 45, Романовская ул., № 29.
2865 (Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ). (2)

Самыя изящныя и прочныя
АЗІАТСКІЯ,
вышитыя золотомъ и серебромъ,
ТУФЛИ

собствен. произв. можно выписать изъ магазина Абдулкадира Сагадіева, Казань, Сѣнная, № 30. Самый подходящій подарокъ дамамъ и барышнямъ. Незамѣнимъ на пароходахъ, для дачъ, курортовъ и постоянной носки. **Цѣны не дороги.** Прейсъ-курантъ за 4 коп. почт. марку. Оптов. покуп. скидка. 2954

ПАМЯТЬ! Я Психо-Френологъ **Х. Шиллеръ-Школьникъ** предлагаю свой полный и общепонятный курсъ мнемоники, укрѣпленія памяти, устраненія разсѣянности и улученіе всѣхъ умственныхъ способностей у лицъ всякаго возраста. Полный курсъ высылается по полученіи 1 р. Наложен. платеж. 1 р. 30 к. Адресъ: **Варшава, Редакція журнала „Разсвѣтъ", Пенкная, № 25. Отд. А.** 2945

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,
новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя изделія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ,** С.-Петербургъ, Невскій, 60—14. 2481 (12)

Торговое фабрич. т-во С.Петерб. **Н. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29.
Гостинный Дворъ (уголъ вор.) Невскій проспектъ № 15.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ДЛЯ ОТДЫХА НА ВОЗДУХѢ!
ГАМАКИ любительскіе—работы собствен. мастерской.
Вплетены въ спеціал. дубов. палки; выдерживаютъ болѣе 15-ти пудовъ.
Гамакъ изъ суровой веревки **2 р.**
Гамакъ изъ бѣлой кокосовой веревки **3 р.**
Тоже безъ узловъ **4 р. 75 к.**
Кокосовые гамаки отдѣлан. красивой бахромой для дамъ 6 р. 75 к., 9 р. и 12 р. за шт.
И. ГЛАЗУНОВЪ.
МОСКВА, Столешниковъ, № 8.
Высылка наложеннымъ платежомъ. Пересылка по почтовой таксѣ.
Иллюстрированный каталогъ лѣтнихъ игръ БЕЗПЛАТНО.
2884 3-3

ТРЕБУЙТЕ
ТОЛЬКО ДУХИ ФИРМЫ
БЕЙЛЕ Лондонъ
САМЫЕ ЛУЧШІЕ ДУХИ
ЭССЪ БУКЕТЪ, МАЙ ВІОЛЕТЪ, КЛИКЪ-КЛИКЪ
ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ

Неврастенія
у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).
1466 Адресъ: (26)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., улица Гоголя, 22.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 том., 8458 стран. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильн. памятника. Цѣна 12 томамъ **24 р.**, съ перес. **25 р. 50 к.**; въ перепл. **31 р.**, съ перес. **32 р. 50 к.** Цѣна каждому тому **2 р. 25 к.**, съ перес. **2 р. 50 к.**

Гауптманъ, Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 3-хъ томахъ, съ критич. очеркомъ **Н. А. Котляревскаго,** предисловіями **А. А. Измайлова** и съ прилож. портрета Г. Гауптмана. Изящное изданіе in 8°. Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к.**, съ перес. **1 р. 75 к.**; въ перепл. **2 р.**, съ перес. **2 р. 25 к.**

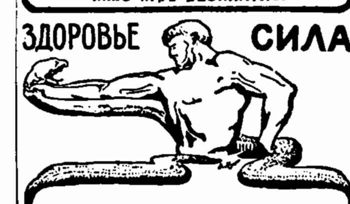
Данилевскій, Г. П. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. 9-е изд. въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и біографич. очеркомъ. Изящное изданіе, на прекрасной бумагѣ. Цѣна **15 р.**, съ перес. **16 р.**; въ переплетахъ **18 р. 50 к.**, съ перес. **19 р. 50 к.**

Каменскій, А. Разсказы. Въ 3 томахъ. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, отпечат. четкимъ шрифтомъ. Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 р. 50 к.**; въ перепл. **1 р. 75 к.**, съ перес. **2 руб.**

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава) СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8°, съ критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора. Цѣна **12 р.**, съ перес. **13 р. 75 к.**; въ перепл. **15 р. 60 к.**, съ перес. **16 р. 50 к.**

Фетъ, А. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ подъ ред. **Б. В. Никольскаго,** въ 3-хъ т., съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронологич. и алфавитн. указателями и съ прилож. вступительн. статей Н. Н. Страхова и Б. В. Никольскаго. Изящное изданіе въ 8 д. л., 1754 стр. Цѣна **5 руб.**, съ перес. **5 р. 75 к.**; въ перепл. **6 р. 80 к.**, съ перес. **7 р. 60 к.** Цѣна роскошн. изданія на слоновой бумагѣ, **10 руб.**, съ перес. **11 руб.**; въ перепл. **13 руб.**, съ перес. **14 руб.**

1285 (14)



Вино Віаль
(VIN DE VIAL)
Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести
СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.
Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ, дѣтей и стариковъ
Продажа во всѣхъ аптекахъ.
2675 8-3

ЧИСТАЯ ВОДА и МЫЛО „БАЙ САНАГРИ“.

Чтобы предохранить волосы отъ выпаденія, укрѣпить и возбудить луковицы волосъ, освѣжить кожные покровы головы и возстановить здоровый ростъ волосъ, необходимо разъ въ недѣлю, но не менѣе раза въ 2 недѣли мыть голову англійскимъ сѣрно-дегтярно-нефтянымъ жидкимъ мыломъ «**БАЙ САНАГРИ**». Спросите англичанина, какъ онъ ухаживаетъ за своими волосами. Онъ отвѣтитъ Вамъ: „Pure Water, and Sanagry Soap“.

Выраженіе это начинаетъ входить у англичанъ въ поговорку, такъ какъ они вполнѣ убѣдились, что только «**чистая вода и мыло БАЙ САНАГРИ**» требуется для оздоровленія и сохраненія волосъ, для уничтоженія перхоти. Цѣна флак. 1 руб. 20 коп. (хватаетъ на нѣск. мѣсяцевъ). Требуйте вездѣ. Брош. безплатно. Депо, С.-Петербургъ, Коломенская ул., 10. Тел. 102-36. 2490 2-1

ЗАЧѢМЪ ОСТАВАТЬСЯ ТОЛСТЫМЪ?

Каждый толстый человѣкъ, мужчина или женщина, можетъ пріобрѣсти всегда изящную естественную фигуру, если онъ будетъ регулярно принимать порошки д-ра Маркони, являющіеся единственно пріятными и совершенно безвредными. Какъ-бы дородность ни была велика, она не устоитъ противъ удивительнаго дѣйствія этого чуднаго лѣкарства, такъ прекрасно снимающаго жиръ. Оно тысячамъ возвращаютъ нормальный вѣсъ и естественные граціозные размѣры, а также здоровый цвѣтъ лица и силу и энергію юности. Порошки эти не только удаляютъ излишнія и обременительныя жировыя вещества, но являются также въ высшей степени укрѣпляющимъ средствомъ. Уже это одно дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными. Они укрѣпляютъ весь пищеварительный аппаратъ, придаютъ здоровый, хорошій аппетитъ и способствуютъ процессу пищеваренія, питанія и ассимиляціи. Такимъ образомъ, дородный человѣкъ укрѣпляется питательной, формирующей мускулы пищей (никакихъ непріятныхъ ограниченій въ смыслѣ діэты при этомъ нѣтъ), кровь обогащается, нервная система укрѣпляется, а уменьшеніе вѣса вѣрно и надежно идетъ впередъ, не причиняя никакихъ непріятныхъ ощущеній и неудобствъ. Фигура, ноги, черты лица, даже и пальцы — все принимаетъ нормальный видъ, мускулы становятся сильными и принимаютъ красивыя формы. Порошки д-ра Маркони молодятъ человѣка, возвращая ему чувство веселости и тѣлеснаго довольства, — ощущенія, которыя совершенно чужды очень полнымъ лицамъ.

Еженедѣльное уменьшеніе вѣса на 4 фунта.

Многіе теряютъ въ вѣсѣ въ теченіе недѣли четыре фунта, другіе теряютъ три фунта, третьи лишь два фунта, въ зависимости отъ размѣровъ и состоянія полноты. Лишь только будетъ достигнутъ нормальн. вѣсъ, уменьшеніе его прекращается, а потомъ не мѣшаетъ лишь иногда принимать порошки, какъ средство, предохраняющее отъ полноты. Мы посылаемъ наши порошки прямо по почтѣ каждому потребителю. По полученіи 3-хъ рублей переводомъ или кредитнымъ билетомъ, включая уже почтовые расходы и пошлины, мы посылаемъ количество, достаточное для одного мѣсяца. Выписывающіе наши порошки съ наложеннымъ платежомъ посылаютъ одинъ рубль задатка и остальныя деньги уплачиваютъ на почтѣ при полученіи посылки. За наложенный платежъ прибавляются въ Европейской Россіи 10 коп., въ Азіатской Россіи 40 коп.

Если кому-либо угодно сначала испробовать это средство, прежде чѣмъ его выписать, то мы просимъ написать намъ и приложить 20 коп. почтовыми марками на пересылку, послѣ чего мы пришлемъ на пробу количество нашего порошка, достаточное на два дня, и уже въ эти два дня каждый убѣдится въ чудномъ его дѣйствіи, при полной его безвредности для организма.

СИМЪ ЗАЯВЛЯЕМЪ,

что въ составъ порошковъ д-ра Маркони, о-ва „Факиръ“ въ Берлинѣ, не входятъ никакія вредныя для здоровья и никакія сильнодѣйствующія вещества, какъ, напр., препараты изъ щитовидной железы (тиреойдинъ) или подобные опасно дѣйствующіе на сердце составы. Во избѣжаніе недоразумѣній также заявляемъ, что порошки д-ра Маркони не имѣютъ слабительнаго дѣйствія, каковымъ отличаются почти всѣ другія средства отъ ожирѣнія, содержащія или слабительныя соли, или вытяжки изъ нѣкоторыхъ фруктовъ или морскихъ растеній, а также они не содержатъ въ своемъ составѣ іодъ, который окончательно портитъ желудокъ. Напротивъ, счастливый составъ **порошковъ д-ра Маркони**, снимая жиръ, вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно вліяетъ на сердце и желудокъ, исправляя и подкрѣпляя пищевареніе. 2938

ПОРОШКИ д-ра МАРКОНИ продаются въ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ въ Москвѣ у Е. БЕВЕРЪ, Покровка, 9.

Иногороднимъ высылается наложеннымъ платежомъ при полученіи задатка въ размѣрѣ 1 рубля.

ФОТО ГРАФ. снимки ПАРИЖ. ЖАНРА настоящ. **новѣйш.** оригиналы **съ натуры** послѣд. новости получены изъ **Парижа я высыл.** закрыто **нал. плат.** форм. откр. писемъ **20 шт. 2 р. 50 к., 15 штук.** худож. размѣр. 13×20 сант. **3 р. 50 к.** Единств. представ. для Россіи: **МОСКВА, Ф. ВЬЕРЖЪ, коммерч. ящик. № 6, отд. 11.** 2885 8-2

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ

въ Оружейномъ складѣ **Т|д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,**

Москва, Тверская, д. № 15, близъ Газетнаго пер.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

по доступнымъ цѣнамъ.

НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРѢШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости. 2783 9-9

МЯЧИ для „ФУТБОЛЪ“

Наша фирма получила представительство лондонской фабрики мячей футболъ марки „PRACTICE“ и предлагаетъ ихъ своимъ покупателямъ по исключительнымъ цѣнамъ.

МЯЧИ „ФУТБОЛЪ“

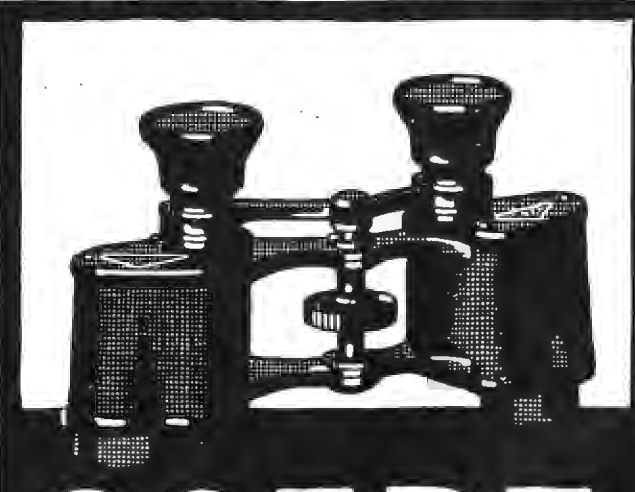
Для дѣтей . .	№: 1—2 р. 50 к.	Высылка нал. платежомъ; перес. по почтов. таксѣ.
„ „	№: 2—3 р. —	
„ „	№: 3—3 р. 75 к.	
Для взрослыхъ	№: 4—4 р. 65 к.	
„ „	№: 5—6 р.	

МЯЧИ лучшихъ англійскихъ марокъ изъ кожи высшей выдѣлки разм. №: 5, цѣна за шт. 7 р., 8 р. 50 к., 9 р. 25 к., 11 р.

Правила игры въ футболъ выписывающимъ мячъ безплатно.

И. ГЛАЗУНОВЪ. Москва, Столешниковъ, № 8.

5-4 **Иллюстр. кат. игры на воздухѣ выс. безплатно.** 2740



GOERZ

БИНОКЛИ „ТРІЕДЕРЪ“

увеличенныя поле зрѣнія свѣтосила и рельефность

имѣются во всѣхъ оптическихъ магазинахъ.

Прейсъ-куранты высылаются безвозмездно.

ОПТ. ЗАВ. **К. П. ГЕРЦЪ** АКЦ. ОБЩ.

БЕРЛИНЪ-ФРИДЕНАУ 19

ПАРИЖЪ ЛОНДОНЪ. ВѢНА НЬЮ-ІОРКЪ

2590 6-1

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гоноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ:

МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ“.

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Лугански, 22/2—1913 г.“.

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.“. 2630 (3)

ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА ШЕЛКОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

Т/Д. А. Е. ГРИГОРЬЕВА и К-о.

МОСКВА, ЗУБОВСКІЙ БУЛЬВ., СОВ. ДОМЪ.

Идя навстрѣчу интересамъ широкой публики, нашъ Т/Д. открываетъ розничную продажу шелковыхъ товаровъ по оптовой цѣнѣ. Каждый, желая купить выгодно и по модѣ, можетъ обратиться къ нашему Т/Д. и получить, кромѣ подробнаго прейсъ-куранта на всѣ шелковые товары, совѣтъ въ выборѣ товаровъ. Слѣдуетъ только послать намъ открытку, какъ Вы немедленно получите отвѣтъ. Все это безплатно. Надѣемся удовлетворить всѣ Ваши желанія. 2871 3-3

Гитары въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 125 и 150 руб.

Мандолины въ 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125, 150 и 200 р.

Балалайки въ 4, 5, 6, 9, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р., дешевыя 2 и 3 руб.

Гармоніи въ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и дороже до 175 руб.

Граммофоны усовершенствованной конструкціи въ 15, 18, 25, 35, 45, 55, 75, 100 р. и дороже.

Фортуна лучшія музыкальныя шкатулки въ 7½, 10, 18, 25, 40, 50, 60, 85, 110 р. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію. 2930

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. **Москва**, Кузнецкій м. **Рига**, Сарайная, 15.

ЧАЙ

НЕБЫВАЛАЯ РѢДКОСТЬ

Если Вы любите хорошій густой чай, но у Васъ слабы нервы, у Васъ плохое сердце и докторъ запрещаетъ Вамъ именно густой чай—то Вы не смущайтесь, мы можемъ предложить Вамъ чай **Небывалая рѣдкость № 8**, который можно пить какой угодно густоты. Онъ какъ цвѣточный и спѣлый лянсинъ не имѣетъ горечи, не возбуждаетъ, но успокаиваетъ нервы, благотворно дѣйствуетъ на сердце, подымаетъ силы, прогоняетъ всякую усталость. Чай **Небывалая рѣдкость** чрезвычайно мягкій, нѣжный и ароматный и необыкновенно вкусный. На пробу можно выписать 1 фунтъ чая **Небывалая рѣдкость** за 2 руб. 35 к. съ пересылкой по почтѣ на нашъ счетъ, 3 фунта за 6 р. 75 к. и 5 фун. за 10 р. 95 к. Чай можно выписывать только непосредственно изъ склада чаевъ

И. Е. ДУБИНИНА

МОСКВА, Покровка, 51.

2820 2-2

Цѣнн. свѣд. и совѣты **по фотографіи** 50 к. съ перес. **Орынинъ**, Под. г., фирмѣ **„Лучъ“**. 218 нов. **стих.** для взрослыхъ съ перес. 1 р. 40 к.

Француженокъ, англичанокъ, нѣмокъ выписываетъ изъ собственныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи первораз. контора **Ясинской, Варшава, Владимирская, 19,** реком. **учителей и учительницъ.**

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Бекаинъ. Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

Удвойте Вашъ
Теперешній Приходъ

Одинъ человѣкъ заработалъ 500 руб. за 3 мѣс. Другой заработалъ 600 руб. за 90 дней. Это то, что и Вы можете сдѣлать. Кто бы вы ни были и гдѣ бы вы ни жили. Это Вашъ случай удвоить Вашъ приходъ при посредствѣ

«МАНДЕЛЬ“

Почтовыхъ Карточекъ Камеры.

Чудесный одноминутный фотографъ. Дѣлаетъ карточки въ 5 различныхъ видахъ,—3 размѣра,—фотографическія открытки и медальоны. Карточки вполнѣ закончены на мѣстѣ снимка, въ теченіе одной минуты и со скоростью трехъ въ минуту. Новый, научный способъ.

Снимаетъ непосредственно на открыткахъ, Не требуется ни фотографическихъ лентъ, ни негативовъ, ни темной комнаты.

Аппаратъ усоверш. Переносная фотографія.

Безграничное поле для зарабатыванія денегъ. На карнавалахъ и ярмаркахъ; на гонкахъ и скачкахъ; на военныхъ парадахъ и другихъ торжествахъ; на многолюдныхъ улицахъ, словомъ, каждое мѣсто, гдѣ только люди собираются, является мѣстомъ заработка для обладателей нашихъ аппаратовъ. Вы можете начать малымъ капиталомъ.

Полный приборъ 25 руб. и больше.

Изъ нашихъ разнообразныхъ аппаратовъ Вы навѣрное выберете одинъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ Вашимъ условіямъ. Каждая камера превосходна. Каждый аппаратъ деньгодѣлатель. Пишите сегодня. Подробныя свѣдѣнія безпл. Адресъ: 2953 4-1

The Chicago Ferrotipe Co.

262. Ferrotipe Bldg. Chicago, U. S. A.

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 21.

XLV г. изданія

Выданъ 21 мая 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

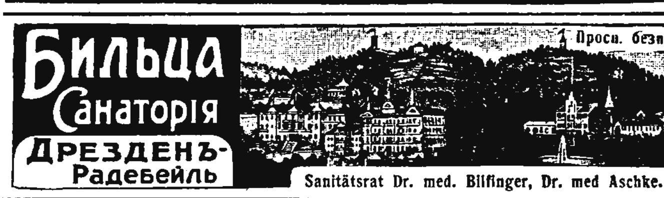
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 11.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ.
1743 39-11

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ „РЯБОВО“. УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА.
Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село
Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.
2888 8-3

ДУХИ
Leur Cœur d'Orsay
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ. D'ORSAY, 17, Rue de la Paix, ПАРИЖЪ
2962 6-1

Бильца Санаторія
ДРЕЗДЕНЪ-Радебейль
Просп. безпл.



Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke.
2408 36-11

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47.
2160 катал. безпл. (16)

ЛЕРМОНТОВСКІЙ СБОРНИКЪ
хоровъ разныхъ авторовъ. 2983
Юбилейное издан. подъ ред. А. Никольскаго.
I тетр.: Хоры для дѣтск. и женск. голос. на 1, 2, 3 и 4 голоса, a capella и съ акк. ф.-п. (11 №№).
II тетр.: Хоры для мужск. и смѣшанн. ансамблей на 3 и 4 голоса, a capella и съ акк. ф.-п. (9 №№).
Цѣна каждой тетр. по 75 коп.
Списки другихъ хоровъ на слова М. Ю. Лермонтова на обложкахъ Юбилейнаго Лермонтовскаго Сборника.
Изданіе П. Юргенсона, Москва, Неглинный, 14.

BRISE DE MAI
PARFUM ULTRA-PERSISTANT
ED. PINAUD 18 PLACE VENDOME PARIS
1545 13-8

РОЖЕНИЦЫ почти всегда страдаютъ запоромъ. Натуральная горькая вода Франца-Іосифа, принятая утромъ натощакъ въ количествѣ одного стакана, производитъ черезъ самое короткое время безболѣзненное очищеніе желудка и поэтому весьма легко переносится также уже разрѣшившимися отъ бремени. Geheimrat Prof. Spiegelberg, составитель извѣстнаго учебника по акушерству, по произведеннымъ въ Королевской Бреславльской клиникѣ опытамъ, установилъ, что вода Франца-Іосифа въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть принимаема болѣе или менѣе долгое время, такъ какъ она никогда не приноситъ вреда и не теряетъ своего дѣйствія. Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 2963

Соч. М. И. Бѣлавенеца „Глиновѣдѣніе“
КИРПИЧНОЕ производство — 426 стр., 535 рис. Цѣна 3 руб.
ЧЕРЕПИЧНОЕ производство — 381 стр., 303 рис. Цѣна 3 руб.
СПБ., Забалканскій, № 47—А.
Ред. „Глиновѣдѣніе“. 2980

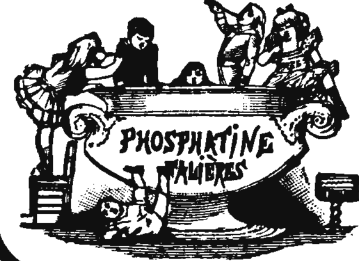
ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).
2381 15-9

Страдающіе желудочными и кишечными болѣзнями получаютъ облегченіе
если принимаютъ только легко переваримую пищу, наприм., пьютъ утромъ и вечеромъ регулярно
КАССЕЛЬСКІЙ ОВСЯНОЙ КАКАО
который очень полезенъ при разстройств. желудка и кишекъ, питателенъ и легко переварив. (Только въ синихъ картонахъ)
2970

Опасность грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять
ПЕРУИН-ПЕТО
единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.
1860 17-13

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: Базаръ Марокъ. СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА



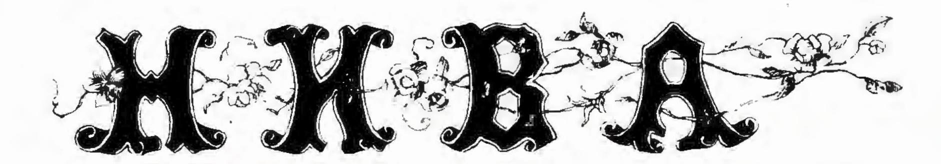
превосходная пища, рекомендуемая врачами для дѣтей въ возрастѣ отъ 7-ми мѣсяцевъ, въ особенности во время отлученія отъ груди и въ періодѣ роста. *Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обусловливаетъ правильное развитіе костей.* Весьма полезна для стариковъ и выздоравливающихъ.

Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПАРИЖЪ
6, rue de la Tacherie
2003 6-4

Новыя Переносн. Лодочн. Моторъ
превращ. въ 1 минуту кажд. обыкн. лодку въ моторную. 2814 (2)
Цѣна 230 руб. съ пошл.
Exp. Bureau I. Feinstein.
Berlin-Chtbg. Mommsen. 19.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ БЕЗВРЕДНЫХЪ КРАСОКЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ
2827 по восточному способу, въ порошкѣ или жидкомъ видѣ, придающимъ совершенно натуральный цвѣтъ во всѣхъ оттѣнкахъ. 10-9
H. CHABRIER, ПАРИЖЪ. Единственные агенты для Россіи: M. Denys & C-ie. 6, улица Чиста, Варшава.



№ 21.
24 Мая 1914 г.

В. Сѣровъ. Портретъ отца художника, композитора А. Н. Сѣрова. Русскій Музей Императора Александра III.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Продолженіе).

XXXI.

Силантій былъ уже далеко. Силуэтъ его то пропадалъ, утопая въ тѣняхъ, то выныряль въ полосахъ луннаго свѣта.

Разстояніе между Иваномъ и Силантіемъ становилось все меньше; но кончилась бульварная улица — Силантій повернулъ въ темный переулокъ, гдѣ жила Саша на квартирѣ у вдовы парикмахера, и исчезъ. Только слышно было, какъ осторожно хлопнула калитка.

Иванъ невольно притихъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ калитки. Знакомый голосъ угодливо прошепталъ въ темнотѣ:

— Не ищетъ она еще своего счастья.

Голосъ Силантія отвѣчалъ:

— Анна Дмитріевна, только введите меня къ ней, чтобъ никого не было дома. Понимаете?

— Понимаю... Ахъ, Никита Петровичъ, не могу рѣшиться... И отецъ у нея адвокатъ.

— Что же, по-вашему, я задумалъ уголовное дѣло? — презрительно сказалъ Силантій. — Вы расцвѣли, Анна Дмитріевна, а не поумнѣли. Правда, вы должны будете уйти, — чтобы никого не было...

— Вышлютъ меня... А что я буду дѣлать?

— Не пропадете.

— Сколько же вамъ не жалко, Никита Петровичъ? — помолчавъ, начала Анна Дмитріевна. — Я на тотъ случай говорю, что, когда я упомянула о „Катенькѣ", она со всѣхъ ногъ убѣжала отъ меня.

— Вы—грубая душа,—сказалъ Силантій.

— Влюбились вы въ нее развѣ?

— Не ваше дѣло, Анна Дмитріевна. Съ ней я самъ порѣшу. Никто не долженъ знать только... И помните, что у меня и безъ васъ найдется путь.

— Подъѣзжали къ ней уже сегодня и Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна,—ко вдовому купцу въ компаньонки звали—отъѣхали: расплакалась, ногами затопала...

— Это и нужно. Я люблю, чтобы ногами топали.

— Грѣховодникъ вы, Никита Петровичъ,—слащаво сказала Анна Дмитріевна.—Что?

— Пропускной билетъ.

Медъ выступилъ на губахъ вдовы парикмахера.

— Благодарю васъ, Никита Петровичъ, что вы не обижаете бѣдныхъ людей. Благодарю... Конечно, есть у меня на примѣтѣ, круглая сиротка, и лѣтъ еще мало... цыпленокъ, а не дѣвушка. Прогимназію окончила и бьется, какъ рыба объ ледъ.

— Хорошо,—и съ нею познакомьте, если она съ такими глазами, какъ у вашей квартирантки.

— Я что-то не обратила вниманія на глаза.

— А мнѣ глаза нужны. Я глаза коллекціонирую.

— Что вы сказали?

— Ничего... Ну, ведите!

— Сегодня никакъ нельзя,—со страхомъ возразила Анна Дмитріевна.—Заперлась... и другой крючокъ себѣ еще придѣлала... И дома ли еще? По ночамъ куда-то стала уходить. Спросила. „Къ брату", говоритъ.

— А узнайте.

Анна Дмитріевна ушла. Стояла такая тишина въ переулкѣ, что Иванъ слышалъ частыя біенія сердца въ груди.

— Дома,—послышался голосъ Анны Дмитріевны. — Что-то стряпаетъ, кажется. Но дверь не отворила. Мало надежды на нее. А сиротка—блѣдненькая, и глаза, какъ сливы. Хрустальная.

— Когда же?

— Завтра утромъ придите. А я не виновата, что обманула васъ. Деньги могу назадъ отдать. Я честная—даромъ не беру.

— Знаю. Вы боитесь, что вышлютъ, а вамъ скоро медаль пришлютъ за честность.

— И всегда-то вы шутите. До свиданья, Никита Петровичъ. Завтра утромъ познакомитесь, а сама я на рынокъ уйду съ дѣвчонкою и до полдня не явлюсь.

— Прощайте!

Силантій вышелъ на улицу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону отъ Ивана.

Еще недавно Иванъ хотѣлъ оправдаться передъ Силантіемъ, и горячія слова ковала его возмущенная душа. Но Силантій показался ему теперь страшнымъ и гнуснымъ. И могло ли придти Ивану въ голову, что Саша не бредила, когда высказывала въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ свои нелѣпыя опасенія быть проданной. Онъ стоялъ у забора въ тѣни, съ сжатыми кулаками, потрясенный, разочарованный, испуганный, уничтоженный.

XXXII.

Черезъ минуту Силантій вернулся и подошелъ къ Ивану:

— Дружокъ, вы слѣдили за мной? Я узналъ васъ, когда вышелъ изъ калитки.

— Силантій или Никита Петровичъ?—неприязненно сказалъ Иванъ.

— Подслушали. Дѣлаетъ вамъ честь.

Онъ просунулъ подъ руку Ивана свою чугунную руку, сжалъ его руку выше кисти и повелъ за собой, какъ мальчика:

— Недалеко рѣка и пустынный берегъ, и мы должны переговорить, юноша.

Силантій былъ, какъ каменный. Иванъ покорно шелъ.

По отлогому переулку они спустились къ Лебядкѣ, въ которой отражалась луна туманнымъ призракомъ.

— Наружность обманчива, — угрюмо началъ Силантій. — Когда „Херувимъ" разсказалъ мнѣ о прокламаціяхъ, я вспомнилъ ваше лицо и подумалъ, что васъ можно обвинять только въ небрежности. Но васъ я схватилъ на мѣстѣ преступленія.

— Преступникъ вы, а не я,—сказалъ Иванъ.

Силантій тихо засмѣялся.

Никогда еще Иванъ не слыхалъ такого жуткаго смѣха.

Они шли по берегу. Песокъ хрустѣлъ.

— По нѣкоторымъ соображеніямъ я не могу разстаться съ вами ни на минуту,—сказалъ Силантій.—Мое правило пользоваться врагами и мстить имъ откровенностью. Утромъ, объявивъ „Херувиму" о пропажѣ прокламацій, вы побѣжали къ тюремному за̀мку, и васъ тогда же надо было уединить, пока не прольется свѣтъ. А съ вами разыграли водевиль. Вы поняли и стали дѣйствовать. Скажите правду,—вѣдь я же такъ силенъ, что могу прижать васъ лицомъ къ этой лужѣ, и вы захлебнетесь, какъ щенокъ,—вы донесли на насъ?

— Какая низость!—вскрикнулъ Иванъ.

— Я могу однимъ ударомъ перешибить у васъ шейные позвонки, если вы пикните; вы въ моей власти,—строго сказалъ Силантій.—Я ошибся — тѣмъ хуже для васъ. Предателямъ смерть.

— Вы не даете сказать мнѣ слово—не честно!

— Говорите.

— Прокламаціи исчезли—фактъ, который я не могу понять. Вы хотите купить ее... А вчера еще я былъ у сестры.

— У сестры?

— И склонялъ ее... далъ прочитать, но она испугалась, главнымъ образомъ за меня... Впрочемъ, вѣдь это же мучительно подумать, что вы служите такому чистому дѣлу, какъ революція.

— Ну-съ?

— У меня голова горитъ... я не знаю, что со мною... задыхаюсь... Что вамъ еще нужно? Не трогайте мою сестру.

— Или вы притворяетесь, или вы искренни. Но все же не пущу васъ. Итакъ, ваша сестра... Какимъ образомъ очутилась она у Анны Дмитріевны и въ такой нуждѣ? Отецъ вашъ—адвокатъ?

— Да. Она поссорилась съ нимъ. И я изъ-за этихъ прокламацій ушелъ... и изъ-за рѣчи, которую произнесъ отецъ на прощальномъ обѣдѣ приставу...

— Гм...

— Не я долженъ объясняться... Грязь ненавистна мнѣ... Такъ презираю, такъ ненавижу... Какой позоръ... Дайте мнѣ постигнуть васъ.

— Ну, „Черный Голубь“, вы сентиментальны!—вскричалъ Силантій съ тѣмъ же жуткимъ смѣхомъ. — Вы дальше пойдете со мной, благо вы ушли изъ дому и вамъ некуда дѣваться, а я исполню обѣщанное—отомщу вамъ. Слушайте!

XXXIII.

Спалъ уже бульваръ. Какъ бы убѣгая и скрываясь отъ луннаго свѣта, залегли подъ старыми каштанами и липами темныя тѣни, испещренныя бѣлыми пятнами. Городъ словно вымеръ, а не было еще одиннадцати часовъ.

— Силантій—моя конспиративная кличка, а въ обществѣ меня знаютъ, какъ Никиту Петровича Беклешова, и недалеко отъ города моя усадьба—я помѣщикъ.

— Вы Беклешовъ? — съ изумленіемъ спросилъ Иванъ.

— Не перебивайте. Еще съ гимназической скамейки я сталъ революціонеромъ. Родители оставили мнѣ огромное наслѣдство, и нужно ли говорить о подкладкѣ иныхъ моихъ поступковъ? Я трачу на себя немного, все отдаю революціи. Конечно, вы уже догадались, съ какой цѣлью ведется подкопъ, и „Херувимъ“ долженъ былъ объяснить: въ тюрьмѣ сидятъ наши друзья, ихъ надо выпустить на волю. И пока правительства въ борьбѣ съ своими народами опираются на военную силу, на сыскъ и смерть, до тѣхъ поръ имы—революціонеры—должны опираться на разрушеніе во всѣхъ его видахъ. Но мы слабѣе физически, и, значитъ, на нашей сторонѣ моральное преимущество въ выборѣ способовъ борьбы. Все хорошо — и нападеніе изъ-за угла, и обольщеніе, и подкупъ, и подкопъ, и клятвопреступленіе, и даже синій мундиръ. Я разсчиталъ, что подкопъ удастся къ извѣстному сроку, и жена начальника тюрьмы, и она же фаворитка губернатора, уже организуетъ благотворительный спектакль, на который соберутся всѣ губернскіе чины, и въ особенности тюремное начальство, а тѣмъ временемъ арестанты убѣгутъ. Въ старомъ обществѣ женщина вертитъ дѣлами.

В. Сѣровъ. Портретъ И. А. Всеволожскаго. Литографія.

Кончился бульваръ, остался позади древній соборъ, и въ лунномъ сіяніи замерцали стекла въ косомъ фасадѣ тюрьмы. Силантій, не выпуская руки Ивана, свернулъ въ Замковую улицу. Она была длинная, кривая и безмолвная—словно снилась.

Мѣрно и холодно говорилъ Беклешовъ.

— Никто не можетъ осудить меня,—продолжалъ онъ:—за то, что я приношу на святой алтарь и себя, и свои родовыя традиціи, и деньги, и все условное, чѣмъ долженъ былъ бы дорожить и чѣмъ не дорожу. И матерью, и женою, и сестрами пожертвовалъ бы. Изъ прекрасныхъ дѣвичьихъ глазъ смотритъ душа, жаждущая страданій. И какъ же пренебрегать такою силой! Великій богъ революціи требуетъ жертвъ. Неужели вы думаете, что лучше, если ваша сестра или та невѣдомая мнѣ сиротка погибнутъ въ объятіяхъ Анны Дмитріевны, чѣмъ на эшафотѣ?

XXXIV.

— Неужели вы серьезно считаете меня предателемъ?—спросилъ Иванъ, проникаясь ужасомъ и довѣріемъ къ Силантію.

— Ольга Петровна встревожена, и у всѣхъ опустились руки,—сказалъ Силантій.—Новичкамъ или вѣрятъ, или они проваливаются. Встрѣча съ вами успокоитъ—и работа снова закипитъ.

— Все странно и страшно,—началъ Иванъ.—Вчера съ бѣдной Сашей я разошелся... А я такъ люблю ее. Между прочимъ, когда я погнался за вами, чтобы разсказать о прокламаціяхъ, и вдругъ подслушалъ вашъ разговоръ съ Анной Дмитріевной, я подумалъ, что меня вы хотѣли услать изъ города, чтобы Саша осталась беззащитной, какъ та сиротка...

— Я могъ и не знать, что она ваша сестра,—угрюмо сказалъ Силантій. — И тѣмъ лучше... Я сумѣю ее зажечь. У нея лицо мученицы. Я никогда не ошибался.

— Она сгоритъ.

— Она сдѣлаетъ пожаръ прежде, чѣмъ сама сгоритъ. Въ концѣ концовъ я вамъ вѣрю,—смягчившись, промолвилъ Силантій. — Сначала сестра къ намъ придетъ для васъ.

Они вошли въ черную тѣнь, которую отбрасывалъ тюремный замокъ.

Маленькій домикъ стоялъ противъ тюрьмы и точно вызывалъ ее на единоборство, полный страшныхъ и смѣлыхъ замысловъ.

— Потомъ она станетъ нашей,—вслухъ продолжалъ Силантій.—Намъ нужны молодыя дѣвушки съ отчаяніемъ и жгучей вѣрой въ душѣ.

XXXV.

Ольга Петровна съ озабоченнымъ лицомъ встрѣтила Силантія и Ивана и молча впустила ихъ. „Херувимъ“ нѣжно засмѣялся. На немъ была красная рубаха, и онъ вышелъ изъ кухни съ мокрыми руками.

— Недоразумѣніе не разъяснилось, но я не сомнѣваюсь въ прямотѣ „Чернаго Голубя“,—сказалъ Силантій дѣловымъ тономъ.

Въ дверяхъ стоялъ четырехугольный мужичокъ съ кривымъ ртомъ, разыгравшій утромъ роль дворника, и опирался на желѣзный ломъ. Стѣнная лампочка съ зеркальцемъ обливала его рѣзкимъ свѣтомъ.

Сдѣлавъ знакъ глазами Ольгѣ Петровнѣ, Силантій увелъ ее въ другую комнату.

„Черный Голубь“ стоялъ у окна. Онъ ждалъ. Словно рѣшалась его участь. „Херувимъ“ вытиралъ руки грубымъ полотенцемъ и смотрѣлъ на него. Молчалъ четырехугольный.

Вышли Силантій и Ольга Петровна.

— Пожмите, товарищи, ему руку,—съ молодой улыбкой сказала Ольга Петровна.—Оплошность „Чернаго Голубя“ не ставить ему въ вину. Но пока онъ можетъ работать только съ другими. Къ тому же нужно торопиться съ главной работой.

„Херувимъ“ подошелъ и поцѣловалъ „Чернаго Голубя“. Четырехугольный отставилъ ломъ и, ухмыляясь, пожалъ грязную руку Ивана. Ольга Петровна поцѣловала его. Силантій выразительно посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ:

— Завтра.

Онъ тотчасъ же ушелъ изъ страшнаго домика, а Ольга Петровна достала изъ шкапа хлѣбъ, колбасу, сыръ и масло.

Четырехугольный ѣлъ много и чавкалъ. Онъ долго бродилъ въ народѣ, тянулъ бечеву на Волгѣ и опростился. За „Чернымъ Голубемъ“ ухаживала Ольга Петровна, чтобы загладить неисчезавшую шероховатость въ отношеніяхъ къ нему товарищей. Косо поглядывалъ на него четырехугольный, и загадочно смѣялся „Херувимъ“.

Послѣ ужина четырехугольный легъ въ коридорѣ на полу и захрапѣлъ. Онъ весь день рылся въ землѣ.

Ольга Петровна по временамъ нервно трясла головой.

— Не падайте духомъ,—тихо сказала она Ивану.—Прокламаціи найдутся. Или, можетъ-быть, онѣ на доброй почвѣ. А когда сдѣлано будетъ дѣло—вы съ паспортомъ уѣдете куда-нибудь. Первый блинъ всегда комомъ,—пошутила она.

Иванъ готовъ былъ поцѣловать у нея руку. Велика была у него потребность въ материнской ласкѣ. Дрожь, которая началась у него у гимназистокъ, не проходила. Его била лихорадка.

— Пора,—нетерпѣливо сказалъ „Херувимъ“, допивъ чай, и пальцемъ указалъ на полъ.

Ольга Петровна заправила двѣ лампочки.

XXXVI.

Погребъ, куда спустился по отвѣсной лѣсенкѣ Иванъ, былъ вырытъ подъ поломъ, въ спальнѣ Ольги Петровны, гдѣ по угламъ росла твердая плѣсень. За желѣзное кольцо поднялъ тяжелую крышку „Херувимъ“ и смотрѣлъ на Ивана, пока тотъ не добрался до дна.

На днѣ лежали кучи земли, какъ муравейники, съ воткнутыми въ нихъ ломами и лопатами.

Лампочку Иванъ поставилъ на муравейникъ повыше. Остальную землю онъ сталъ накладывать въ ведро, которое „Херувимъ“ тянулъ за веревку, уносилъ и разсыпалъ по двору, а глину и твердый грунтъ бросалъ въ сарайчикъ.

Потомъ Иванъ забрался въ боковую галлерею. Онъ билъ ломомъ и гребъ короткой лопатой, какъ кротъ.

Надъ головой по временамъ дрожала почва, и слышно было, какъ по мостовой стучатъ колеса и копыта. Было душно. Иванъ работалъ голый, и потъ лился съ него.

В. Сѣровъ. Портретъ Максима Горькаго.
(Собраніе М. П. Рябушинскаго).

В. Сѣровъ. Портретъ И. Е. Рѣпина въ молодые годы.
(Собраніе И. Е. Цвѣткова).

Спустился „Херувимъ“ и тоже раздѣлся—маленькій и бѣлый, какъ женщина.

Твердый материкъ въ родѣ известняка сразу сталъ подаваться. Онъ сталъ хрупокъ и пестръ, какъ мусоръ. Попадалась щебенка. Иванъ нашелъ ржавую кирку.

— Тутъ уже когда-то работали,—догадался „Херувимъ“.— Отдохнемъ! Я задыхаюсь.

И у Ивана кружилась голова. Галлерея была такъ узка, что они ползали на колѣняхъ, и пламя въ лампочкахъ умирало.

— По моему расчету,—продолжалъ „Херувимъ“, одѣваясь съ Иваномъ подъ лѣсенкой:—мы сдѣлали до сегодня семнадцать аршинъ, а сегодня за пять. Ловко!

Въ погребѣ муравейники выросли до потолка.

— И работали недолго. Мы кончимъ теперь втрое скорѣе. Если это дѣйствительно старая мина, то до клубочка доберемся, какъ по маслу.

Ольга Петровна наклонилась надъ люкомъ и тихо звала ихъ. Быстро оправились они.

— Идите, подкрѣпитесь.

Оказалось, что подъ землей они пробыли два часа. Иванъ шатался.

— Поспѣла картошка въ сметанѣ, и есть полбутылки малаги,— соблазняла Ольга Петровна.

— Умыться бы,—прохрипѣлъ Иванъ.

И, выбравшись изъ погреба, онъ прямо пошелъ къ умывальнику на кухню, гдѣ былъ разложенъ огонь подъ плитой и пахло жаренымъ масломъ.

Когда же онъ умылся и поднялъ глаза, окно изъ темной кухни показалось ему ярко-краснымъ, словно продолжался еще закатъ, или въ красныхъ тучахъ заходила луна, и небо раскалилось, какъ металлъ. Раздался мѣрный звонъ набата: бумъ-бумъ-бумъ. Выросъ внезапно гулъ голосовъ.

В. Сѣровъ. **Ели.** (Собраніе С. Т. Морозова).

„Херувимъ“ прибѣжалъ въ кухню и истерически закричалъ:

— Пожаръ!

XXXVII.

Всходило страшное солнце: не тучи, а дымъ и пламя вставали на востокѣ, и зловѣщая заря ширилась налѣво и направо, чтобы обнять всѣ страны свѣта. Ближайшія зданія были черны, какъ уголь, а соборная колокольня вдали пламенѣла краснымъ призракомъ, вздымаясь надъ городомъ. И вдоль испуганнаго бульвара, съ присмирѣвшими липами и каштанами, быстро бѣжали сѣрыя тѣни, преслѣдуемыя розовыми отблесками. Люди выскакивали изъ домовъ. Кучками стояли у воротъ. Карабкались на крыши и заборы. Проскакалъ толстый полицеймейстеръ, стоя въ дрожкахъ, на парѣ бѣшеныхъ коней. Церкви просыпались одна за другою, и въ воздухѣ гудѣли колокола, и стоны ихъ перекатывались съ мрачнымъ отчаяніемъ. И поднялся вѣтеръ, и погналъ кровавыя облака, и закружилъ ихъ надъ городомъ. И вдругъ надъ бульваромъ высоко пролетѣли стаи озаренныхъ огнемъ голубей.

Иванъ стремглавъ бѣжалъ по улицамъ. Онъ не помнилъ, какъ онъ ушелъ отъ Ольги Петровны и „Херувима“. Можетъ-быть, они, растерявшись, спокойно смотрѣли, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ. Чѣмъ дальше подвигался онъ, тѣмъ ярче становилось страшное солнце, и сыпало уже искры. И казалось, что насталъ страшный судъ, и горитъ земля, и горятъ небеса. Выли женщины, мужчины кричали отъ гнѣва и отъ испуга. Скорымъ маршемъ прошла рота солдатъ, какъ на бой съ врагомъ, который вторгнулся въ предѣлы города и разоряетъ его.

Мимо Ивана промчалась кучка мастеровыхъ. Люди и тѣни перемѣшались и казались одинаково живыми. Фантастическія существа растягивались по землѣ, взбирались на дома и колебались въ сіяющемъ воздухѣ.

Люди или тѣни обступили Ивана, захватили въ свой потокъ, и онъ слышалъ, какъ они запыхавшимися голосами говорили злыя слова:

— Подожгли студенты. Не иначе, какъ они.

Во рту у него пересохло.

— За ноги, братцы, да въ огонь за такія дѣла.

Пахло человѣческимъ потомъ, виномъ и гнилой рыбой.

— Самъ собой этакій пожаръ не издѣлается.

Иванъ молчалъ, бѣжалъ и не могъ понять, почему народъ уже приписываетъ студентамъ пожаръ. А пожаръ манилъ его къ себѣ странными чарами стихійной красоты, ужаса и смерти.

— Глянь, робя, важно!

На Прорѣзной улицѣ пылали дома, какъ два ряда костровъ. Изъ-подъ крышъ вырывались снопы огня и облака дыма, пламени крутились, извивались и вытягивались навстрѣчу другъ другу. Какъ на какой-то адской ярмаркѣ, кричали люди. Комоды, стулья, столы, экипажи, матрацы, платья, шубы валялись у тротуаровъ. Ржали лошади, визжали дѣти, лаяли собаки. Трещали заборы, балки. Съ грохотомъ бросали люди зеркала на мостовую, и куски хрустальныхъ стеколъ отражали въ себѣ пламя, нестерпимо блестя и сверкая.

— Воды! Воды! Подайте воды!

— А енъ, братцы, не студентъ?

— Нѣтъ... Вертлуговскій щенокъ.

Мастеровые понеслись дальше, а Иванъ отсталъ, задрожавъ отъ обиды.

„И мы должны отдавать жизнь за нихъ“, — подумалъ онъ.

Но некогда было предаваться горестнымъ размышленіямъ.

Полицеймейстеръ врѣзался въ толпу, ругался скверными словами, грозилъ, продолжая стоять на дрожкахъ, а толпа била его лошадей, и онѣ взвивались на дыбы.

— Воды!

Рѣка была близко, но воды не было.

В. Сѣровъ. **Волы.** (Собраніе И. С. Остроухова).

Прорѣзная улица тянулась къ дому Вертлугова. Огонь, какъ бѣшеный пѣтухъ, прыгалъ съ крыши на крышу, и деревянный городъ сгорѣлъ неожиданно и съ страшной быстротой. Двадцать лѣтъ не было такого пожара. И всѣмъ казалось неестественнымъ, что огонь такъ быстро пожралъ его. Даже грамотные люди и даже бравшіе книги изъ библіотеки говорили:

— Нечистое дѣло.

И съ лицами, неровно освѣщенными прыгающимъ пламенемъ, въ дырявыхъ рубахахъ и пиджакахъ на голомъ тѣлѣ, звѣроподобные босяки громче всѣхъ кричали про поджогъ, а сами натягивали на себя чужіе жилеты и пальто, набивали карманы часами и кошельками, безстрашно вламывались въ горящіе дома и выбѣгали оттуда съ пылающими волосами и съ добычей.

— Воды! Воды!

Подалась толпа, заиграли грозные рожки, прискакала наконецъ пожарная команда.

XXXVIII.

Иванъ пробирался среди нагроможденнаго хлама, пылающихъ домовъ и догорающихъ заборовъ, межъ людей и лошадей; безсознательно его влекло домой.

Пожаръ то поднимался съ воемъ и свистомъ, то приникалъ къ землѣ и разливался по ней. Бушевалъ вѣтеръ и не могъ разорвать огня. Съ страшнымъ плескомъ волновалось надъ городомъ огненное море, и дома загорались, какъ бочки со спиртомъ.

На пути Ивану встрѣчались испуганныя, заплаканныя или веселыя и жадныя лица.

Кто-то нѣжно схватилъ его за руку. Онъ обернулся и увидѣлъ бѣлокурую Миронову. Она была безъ очковъ. Глаза ея болѣзненно щурились, а по щекамъ текли слезы.

— Вы не видали нашихъ? Я потеряла ихъ.

Но ее затерла толпа, прежде чѣмъ Иванъ успѣлъ отвѣтить.

Худая дама съ сжатыми губами и безумнымъ взглядомъ, сверкавшимъ изъ-подъ растрепанныхъ волосъ, держала у груди икону въ серебряныхъ ризахъ.

— Господи, помоги и отврати! — кричала она.

Но пламя прыгало, и улица казалась огненнымъ коридоромъ, пропадающимъ въ безконечной перспективѣ съ зыблющимися голубыми и красными арками.

Уже трудно дышалось въ раскаленномъ воздухѣ. Волосы загорались на людяхъ, и съ крикомъ они метались назадъ. Ивана толкнули въ огородъ, онъ побѣжалъ по грядамъ, путаясь въ огуречныхъ побѣгахъ. Весь горизонтъ былъ въ огнѣ. Куда итти? Куда бѣжать?

Стоялъ въ концѣ огорода домикъ, окруженный кудрявыми

В. Сѣровъ. Сѣнцы. Рисунокъ. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

яблонями. Въ окнахъ свѣтился огонь. Старый человѣкъ съ голой грудью и въ бархатномъ пиджакѣ грозно ходилъ передъ крыльцомъ съ револьверомъ въ рукѣ. Иванъ узналъ бывшаго своего учителя географіи Лопарскаго.

За садомъ погорѣльцы стерегли свои сундуки и постели. Дальше, въ высокой сорной травѣ, подъ уцѣлѣвшимъ заборомъ, безобразничали страшные оборванцы. На землю пламенныя облака бросали тревожные отсвѣты. Воздухъ пропитанъ былъ запахомъ гари.

Иванъ въ ужасѣ оттолкнулъ тѣнь, которая кинулась къ нему, можетъ-быть, ища его защиты, перешагнулъ черезъ доски упавшаго забора и вновь очутился въ горячихъ клубахъ дыма и пара. Трещала вода, извергаемая паровой машиной. Рушились крыши, пылали бревна, кричали и стонали люди.

Озираясь на столбы пламени, которые сшибались другъ съ другомъ или колыхались, какъ чудовищные паруса на огнезарномъ морѣ, и хлопали въ воздухѣ, перекидываясь на огромныя разстоянія, — прибѣжалъ Иванъ домой.

XXXIX.

Разгоралась ли утренняя заря, или все разгорался и разгорался пожаръ?

В. Сѣровъ. Лошади у пруда. (Собраніе И. С. Остроухова).

Чудовищный свѣтъ озарялъ деревья, которыя волновались, словно стараясь вырвать изъ земли свои корни и убѣжать отъ надвигающейся огненной смерти. Собаки выли.

Иванъ обогнулъ уголъ и увидѣлъ въ тускло-розовомъ сумракѣ, что ворота раскрыты настежь, и въ свѣтломъ прямоугольникѣ ихъ, какъ въ рамѣ, стоятъ Хрисанѳ Семеновичъ, Петрусевичъ и разстрига Лаврентій съ безумными лицами. Галстукъ у отца соскользнулъ концами на плечо, въ одной рукѣ онъ держалъ стаканъ съ виномъ, другою размахивалъ... Разстрига, красный и потный, раскрывалъ огромный ротъ и ревѣлъ басомъ; и зубы его, бѣлые и острые, какъ у звѣря, сверкали до самыхъ ушей. Петрусевичъ съ поникшими усами топтался на мѣстѣ сонно и устало. У ногъ стояла пустая бутыль.

Тройка пѣла непристойную пѣсню.

Иванъ понялъ, что еще вечеромъ началась у отца оргія. Петрусевичъ и разстрига были его любимыми собутыльниками.

За спиной Хрисанѳа Семеновича Иванъ увидѣлъ Сашу. Все это было, какъ во снѣ. Саша стояла съ обгорѣлыми волосами и забинтованными руками и рыдала.

— Папочка, идите же въ садъ!—кричала она.— Напейтесь же квасу со льдомъ!

— Прочь!

— Ну, ударьте меня.

— Убью!

— Убейте.

— Безстыдная!

— Что безстыдная! Я низкая, преступная, страшная!

Въ истомѣ отчаянія она упала на землю и обняла ноги отца.

— Надругайтесь же надо мною вы, чистые, честные, прекрасные!

Она протянула руки къ колѣнямъ Петрусевича.

— Посторонитесь!—закричалъ Иванъ и, оттолкнувъ Петрусевича, бросился къ сестрѣ.

Но когда онъ дотронулся до ея плечъ, чтобъ поднять ее, она взвизгнула и замотала головой:

— Не дотрагивайся до меня, Иванъ, хуже на свѣтѣ нѣтъ. Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?

— Опомнись, Саша! Ты обожглась?—стуча зубами отъ страха, спросилъ Иванъ.

— Не спрашивай ни о чемъ, ни о чемъ! — закричала дѣвушка и откинулась назадъ.—Ай, оставьте меня, я погибшая!

— Что съ тобой сдѣлала Анна Дмитріевна? — сурово спросилъ, наклонившись къ ней, Иванъ.

— Ничего. Она святая. Я сатана. Я жить не хочу, жить... униженія, позора, грязи. Чтобъ я могла забыться. Грязи!

Лицомъ припала Саша къ землѣ и грызла ее.

Иванъ обнималъ Сашу, выбивался изъ силъ:

— Встань! Встань!

— Убей ты меня наконецъ, — шопотомъ сказала ему Саша.

— Арестантъ! — крикнулъ на сына Хрисанѳъ Семеновичъ и задрыгалъ ногой, норовя ударить его каблукомъ въ спину.

Лаврентію стало стыдно.

— Чортъ,—пойдемъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ, ежели не сгорѣла. Пойдемъ. Брось ихъ.

Доносился несмолкающій набатъ и заглушенный дымомъ и воющимъ огнемъ людской гомонъ. Въ небесахъ рѣяли обезумѣвшие голуби, какъ красные платочки.

Хрисанѳъ Семеновичъ, Петрусевичъ и Лаврентій, обнявшись, съ пѣсней вышли изъ воротъ, и скоро потонули въ страшномъ шумѣ ихъ дикіе голоса.

Саша оглянулась и при помощи брата встала.

— Ничего не понимаю, Саша,—придерживая сестру за талію, сказалъ Иванъ.—Скажи все. Я изнемогаю.

— Неужели я останусь жить?—истерически вскрикнула Саша и снова заплакала страшными, непонятными, страдальческими слезами.

В. Сѣровъ. Портретъ Н. А. и Т. А. Касьяновыхъ. Рисунокъ. (Собраніе А. В. Касьянова).

XL.

Иванъ увелъ Сашу въ садъ. Пахло жасминомъ и гарью. Летали темные мотыльки и садились на цвѣты: съ пожара вѣтеръ приносилъ обугленные куски обоевъ. Сыпался пепелъ, падали красные угольки.

— Сядь и успокойся,— сказалъ Иванъ.

— Успокоилась, — тихо произнесла Саша.—Аксинья обложила мнѣ руки тертымъ картофелемъ. Видишь, я тушила руками... Прямо руками.

— Что тушила?

— Ты знаешь.

— Ничего не знаю. Тебѣ надо лечь.

— Не хочу.

— Бѣдная. Лучше бы я зашелъ къ тебѣ и остался у тебя.

— Но ты живъ...

Она стала судорожно смѣяться сквозь слезы.

— Анна Дмитріевна погорѣла?

— Ну да... Ужасъ. Ужасъ.

— Ты перепугалась... А руки пройдутъ. Хорошо, что картофель. Я отвезу тебя въ больницу.

— Но отчего онъ не выпилъ квасу со льдомъ! Отецъ сгоритъ отъ водки. Ай!

Она сидѣла на скамейкѣ, и все ея тѣло выгибалось и вгибалось. Нельзя было понять, рыдаетъ она или хохочетъ. Мысли ея мѣшались, она стала заговариваться.

Приковыляла Аксинья съ кружкой воды. Саша глотнула изъ кружки.

— Что дѣти?—спросила она, внезапно затихнувъ.

— Дѣти спятъ и ничего не знаютъ, — сказала Аксинья. — И до насъ не дойдетъ. Сейчасъ сосѣдняя Аннушка разсказала, что одна благовѣрная женщина—ейный мужъ сыщикомъ служитъ— повернула уже огонь на жидовскій кварталъ.

— Аксинья, а Аглая Ермолаевна не погорѣла?—спросилъ Иванъ, и мысль о Наденькѣ сжала его сердце.

— По берегу не горѣло еще... А только Господь вѣдаетъ. Теперь, може, и горитъ.

— Ты... Ты... Ты... — какъ въ бреду, стала волноваться Саша. — Какъ страшно. Простите меня всѣ. Аксинья, зарубите меня топоромъ.

В. Сѣровъ. Купанье. Русскій Музей Императора Александра III.

Со стономъ упавъ со скамейки, Саша прижалась къ ногамъ Аксиньи.

Иванъ оттащилъ ее:

— Саша!

— Ваня, не хочу... Тяжесть, боль. Кто-то становится мнѣ на голову и хочетъ раздавить...

Она билась въ рукахъ брата, со страхомъ смотря въ темноту.

— Не жалѣйте меня... никто. Уйдите, Аксинья! Иванъ,—строгимъ голосомъ сказала она, выпрямилась и увлекла его дальше отъ дома:—ты... ты... долженъ узнать

Она понизила голосъ, и онъ сначала не могъ разобрать, что она говоритъ.

— Повтори, Саша, что ты сказала.

Она медленно начала, тихо и страшно:

— Я взяла ночью, когда ты былъ на свиданіи съ Наденькой, прокламаціи изъ твоего шкапа, чтобы ты не попался, принесла къ себѣ и, дождавшись вечера, стала ихъ жечь на керосинкѣ, одну за другою. А Анна Дмитріевна услышала гарь и закричала, что пожаръ. А пожара еще не было. Но тутъ она стала стучать въ дверь, а я нечаянно опрокинула керосинку, и все вспыхнуло, и огонь побѣжалъ по занавѣскѣ... А я стала тушить руками, и ничего не могла сдѣлать и едва успѣла выскочить. Зачѣмъ—не знаю. О, надо было сгорѣть самой. Отъ меня начался пожаръ, это я сожгла городъ. Ваня, что смотришь такъ, молчишь? Ты... Ты...

— Сочиняешь на себя. Рехнулась.

Она застонала и затопала ногами:

— Я подожгла городъ прокламаціями! Я! Только я!

Аксинья опять подошла, встревоженная набатными колоколами и воемъ пожара.

На огненномъ фонѣ шатались деревья черными призраками. Пожаръ прихлынулъ вплотную къ усадьбѣ.

— Аксиньюшка, — закричала Саша: — я сожгла городъ, я! Разрази меня Господь, если неправда! На каторгу меня! Я!

Иванъ сердито схватилъ ее и понесъ къ дому:

— Помогите, Аксинья, барышня съ ума сошла!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

Ольга Карповна выпила чаю и встала съ постели. Прежде всего она посмотрѣла въ ящикъ своего туалета и сосчитала деньги. Тамъ еще лежало 260 рублей. Здѣсь были и выигрышъ и деньги на хозяйство. Павелъ Аркадьевичъ никогда не держалъ при себѣ денегъ и отдавалъ ей всѣ свои получки на расходы. Все равно. Она возьметъ только 50 рублей, а принесетъ 100, можетъ-быть, 200. И съ этими мыслями она весело стала плескаться въ водѣ, потомъ причесалась, одѣлась и вышла изъ комнаты.

День начался. Она позавтракала и уѣхала въ Гостиный дворъ, гдѣ купила духовъ, газовый шарфъ и отрѣзокъ очень интересной матеріи. Потомъ заѣхала къ портнихѣ и примѣрила послѣднее платье, а когда вернулась домой—подошло время обѣда, и вернулся со службы Павелъ Аркадьевичъ.

Послѣ обѣда Ольга Карповна хотѣла сказать ему обычную фразу, но вмѣсто этого сказала:

— Я сегодня вечеромъ хочу сходить къ Карелинымъ, мы давно не были у нихъ.

— Къ Карелинымъ?—повторилъ Павелъ Аркадьевичъ.—Это хорошо. А можетъ-быть, ты посидишь дома, отдохнешь?

— Нѣтъ. Если я останусь дома, мнѣ не будетъ сидѣться. Я не утерплю.

Онъ съ улыбкою кивнулъ головою:

— Пожалуй, ты и права. Побывай у нихъ и поклонись отъ меня.

Карелины были ихъ старые знакомые. Онъ—учитель и писатель—былъ товарищемъ Павла Аркадьевича по университету: они почти въ одно время женились, и жена его, Надежда Захаровна, была дружна съ Ольгой Карповной, хотя и видались рѣдко.

— Побывай у нихъ и поклонись отъ меня,—повторилъ Павелъ Аркадьевичъ:—только не возвращайся поздно.

— Нѣтъ, я сегодня совсѣмъ пріѣду рано. Въ двѣнадцать самое позднее.

— Ну, ну...

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ спать, а Ольга Карповна перешла въ дѣтскую, захвативъ съ собою работу. Дѣти обрадовались, увидя ее. Они засыпали ее вопросами, потомъ стали просить ее разсказать сказку.

Она стала разсказывать сказку. Дѣти слушали и смѣялись. Лицо няньки было весело. Время прошло незамѣтно. Ольга Карповна думала только объ одномъ: какъ она пойдетъ играть и отыграется. И, когда дѣти легли спать, она прошла въ спальню, гдѣ храпѣлъ ея мужъ, осторожно вынула 50 рублей и вышла изъ дома.

Въ первый разъ она пріѣхала въ клубъ одна. Прислуживающіе у вѣшалки встрѣтили ее низкими поклонами, сидѣвшій у книги господинъ въ красномъ галстукѣ почтительно съ нею раскланялся, и она вошла въ игорную залу сіяющая, довольная, кланяясь направо и налѣво знакомымъ партнерамъ, свободно заняла мѣсто и властнымъ голосомъ спросила себѣ двѣ карты. Она чувствовала себя въ этой угарной залѣ, съ воздухомъ, насыщеннымъ табачнымъ дымомъ, съ мужчинами, нагло смотрѣвшими на дамъ, и съ дамами, привѣтливо улыбающимися мужчинамъ, какъ дома. Ей нравилась эта атмосфера: нравилось волненіе, которое охватывало всѣхъ во время монотоннаго выкрикиванія номеровъ, и общій говоръ и шумъ, когда раздавался крикъ: „довольно“: суета людей, продающихъ карты, звонъ денегъ и отрывочныя фразы, раздающіяся то здѣсь, то тамъ. Оглянувшись вокругъ, она съ удовольствіемъ убѣдилась, что въ клубѣ не было ни Калеріи ни ея мужа.

Но счастье все-таки не улыбалось ей, и она проигрывала игру за игрою. Волненіе ея увеличилось. Она стала брать по три карты, пересаживалась на новое мѣсто, пробовала всѣ способы закрыванія номеровъ—и все-таки не выиграла ни разу. Даже не видѣла у себя ни одной кварты.

Павелъ Аркадьевичъ еще сидѣлъ за работой, когда она вернулась домой.

— Ну, какъ поживаютъ Карелины?—спросилъ онъ ее.

Ей стало совѣстно. Она покраснѣла и, отвернувшись въ сторону, равнодушно отвѣтила:

— Ничего особеннаго: тебѣ кланяются.

Онъ продолжалъ осыпать ее вопросами, и ей становилось все болѣе неловко. Она сказала:

— Я страшно устала и лягу спать.

— Иди, иди. — заботливо сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. — Выспись, и завтра утромъ напьемся вмѣстѣ чаю.

Она прошла въ спальню, думая, что, кажется, счастье оставило ее.

Второй вечеръ.

Вчера она проиграла 50 рублей, сегодня тоже. Надо отыграться. А вдругъ опять проиграешь? Не лучше ли бросить?

Но при этой мысли она упрямо качнула головой.

Бросить, когда выиграть такъ легко. И неужели ей уже больше никогда не удастся закричать: „довольно“? „Не было даже кварты“,—съ досадой думала она, укладываясь въ постель.

А Павелъ Аркадьевичъ, наклонясь надъ счетами, щелкалъ косточками, подводилъ итоги и радостно думалъ, что жена окончила игру въ лото и избавилась отъ своего короткаго увлеченія.

Но злой вихрь уже захватилъ Ольгу Карповну.

Днемъ она ходила мрачная, озлобленная, не занимаясь ни дѣтьми ни хозяйствомъ. Вечеромъ уѣзжала въ клубъ, каждый разъ называя мужу новыхъ знакомыхъ.

— Ты у меня совсѣмъ свѣтской сдѣлалась,—шутилъ онъ и не безъ грусти прибавлялъ:—Лото тебя испортило.

Она вспыхивала:

— Я не могу совсѣмъ сидѣть дома вечеромъ, Павля. Если бы ты не былъ занятъ всегда...

— Иди, иди.—говорилъ онъ:—только не утомляйся. Ты сегодня къ кому?

И она называла новую знакомую фамилію.

Счастье оставило ее совершенно. Она пробовала играть въ долѣ, въ компаніи, купила бѣлыхъ фарфоровыхъ слоновъ—но никакого выигрыша, и каждый разъ она оставляла 20 и 30 рублей.

Лицо ея осунулось, и глаза стали блестѣть лихорадочнымъ блескомъ, отчего она стала еще красивѣе.

IX.

Она сидѣла передъ зеркаломъ и расчесывала волосы, а въ головѣ ея копошились неотвязныя мысли о послѣднихъ вечерахъ съ ихъ неудачами. По цѣлымъ вечерамъ не выходитъ даже кварты. Вчера случилось, что на двухъ картахъ она закрыла только четыре номера.

— Барыня, можно?—раздался голосъ Луши.

— Войди,—сказала она.

Луша остановилась въ дверяхъ спальни:

— Что покупать итти?

— Купи, что придумаешь,—вяло отвѣтила Ольга Карповна.

— Деньги пожалуйте!

Она раскрыла кошелекъ и на мгновеніе застыла. Въ кошелькѣ лежали трехрублевая ассигнація, маленькій золотой и немного серебра. Это все.

— На,—сказала она торопливо Лушѣ, подавая золотой, и закрыла кошелекъ.—Иди скорѣе.

Луша ушла, а Ольга Карповна испуганно открыла ящикъ туа-

лета, гдѣ лежали ея деньги, все еще не довѣряя себѣ самой. Лицо ея изобразило неподдѣльное изумленіе, когда она увидѣла пустой ящикъ. Такъ недавно въ немъ лежали сотенныя ассигнаціи, сегодня онъ пустъ, и въ кошелькѣ всего восемь рублей, изъ которыхъ пять она отдала на обѣдъ. Что же это? И она безсильно опустила руки.

— Мама, — сказала, входя, Катя, и Ольга Карповна вздрогнула: — будемъ заниматься?

— Что? Нѣтъ, Катя: сегодня я не расположена. Я тебѣ покажу, что дѣлать, ты позаймись одна. Сдѣлай задачку. Прочти по географіи кусочекъ.

— Хорошо, мама. А ты уйдешь?

— Я? — Ольга Карповна растерялась. — Да, я уйду!

Катя съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее и тихо вышла изъ комнаты, сказавъ:

— Я приготовлю книги, мама.

— Приготовь!

Ольга Карповна снова осталась одна, раскрыла ящикъ, посмотрѣла въ него, вынула кошелекъ и снова убѣдилась, что отъ всей массы денегъ у нея осталось въ наличности три рубля. Она разсѣянно обвела комнату взглядомъ и увидѣла множество вещей, купленныхъ за дни выигрыша, ничтожныхъ, дрянныхъ вещей: флаконы съ духами, стоящіе на туалетѣ, фарфоровые часы, никуда не годные, потому что они отставали въ теченіе часа на полчаса, безтолковыя вазы для цвѣтовъ, статуэтки, а потомъ вспомнила разныя тряпки, которыя покупала безъ счета и толка. Она растерянно покачала головой, и ей пришла мысль, что только одна Калерія можетъ помочь ей въ ея растерянности. Хорошо быть такой опытной въ жизненныхъ передрягахъ, какъ она.

Ольга Карповна торопливо закончила свой туалетъ и рѣшила итти къ ней. Передъ уходомъ она зашла въ дѣтскую. Петя игралъ, Катя разложила книги. Ольга Карповна наклонилась къ Катѣ, взяла книги и наскоро указала, что дѣвочка сама должна сдѣлать за день.

— А я пойду. Няня, когда Катя кончитъ заниматься, пойди прогуляться съ дѣтьми. Только не опоздай къ обѣду.

Она поцѣловала дѣтей, одѣлась и поспѣшно вышла изъ дома.

Калерія, не причесанная, въ капотѣ и туфляхъ на босу ногу, сидѣла за обѣденнымъ столомъ и раскладывала пасьянсъ. Увидѣвъ Ольгу Карповну, она вскочила, смѣшала карты и радостно воскликнула:

— Душечка, какъ я рада! Садись, я сейчасъ распоряжусь кофеемъ. Катя! — закричала она звонко. — Накрой на столъ и подай кофе. Ну разсказывай, что новаго? Что интереснаго? Рубль у тебя есть?

Ольга Карповна раскрыла портмонэ и подала единственную оставшуюся у нея ассигнацію.

— Вотъ и отлично. Мы сейчасъ пошлемъ за сладкимъ. Катя, Катя, иди сюда!

Растрепанная Катя вошла въ комнату.

— Вотъ на тебѣ деньги, купи колбасы, одинъ фунтъ, безъ чесноку. Булки есть? Ну, хорошо. Купи финиковъ, коробку финиковъ. И, знаешь, тѣхъ конфетъ, которыя я ѣмъ, на 20 копеекъ. Иди скорѣе. Дверь сама закрой.

Катя ушла, а Калерія обратилась къ Ольгѣ Карповнѣ:

— А я только-что хотѣла ѣхать къ тебѣ. Скучища анаѳемская, денегъ — ни гроша, хоть шаромъ покати. Мой Костька удралъ со вчерашняго дня, и я не знаю, гдѣ онъ. Въ редакцію позвали, и пропалъ. Вѣроятно, въ карты дуется, а обо мнѣ и мысли нѣтъ. Шутъ съ нимъ! Вернется, я ему голову намылю. Вчера дворникъ приходилъ: за квартиру платить надо; приходили отъ портного. Изъ электричества пришла повѣстка: скоро загасятъ электричество, а денегъ нѣтъ и нѣтъ. Я говорю, достань хоть десять рублей, пойдемъ сыграемъ въ лото... Ну, а откуда эти десять рублей достать? Хоть бы чортъ какой-нибудь застраховался, что ли. Вотъ тогда были бы деньги. Ну, а у тебя? Я ему говорила, чтобы у тебя занять: онъ не позволяетъ.

Ольга Карповна горько улыбнулась.

— У меня занять трудно, — сказала она. — Ты знаешь, я все проиграла.

— Все? — Калерія всплеснула руками.

— Все! И даже тѣ деньги, которыя мужъ далъ на расходы. У меня эти три рубля — послѣдніе.

— Бѣдная ты моя, бѣдная. Я говорила: иногда карта идетъ недѣлю, двѣ: иногда вотъ, какъ тебѣ, три дня. Надо было беречь деньги.

Ольга Карповна вздохнула:

— Это было такъ внезапно: развѣ я этого ожидала?

— Да, съ этой игрой всегда такъ. Сегодня густо, завтра пусто. Надо, душечка, постоянно играть. Теперь собери десять рублей и отыграйся.

— А какъ собрать? Я пришла къ тебѣ, Калерія, посовѣтоваться, что мнѣ дѣлать. Теперь нужны деньги на расходы. Какъ я скажу мужу? Ты сама подумай: было столько денегъ, онъ еще далъ сто рублей, — и я скажу ему, что у меня нѣтъ денегъ. Это ужасно. Когда я сегодня утромъ узнала, мнѣ казалось, что я умру. Вотъ-вотъ, такъ и умру.

Калерія звонко засмѣялась:

— Господи, сколько бы разъ я умирала отъ этихъ открытій! Одинъ разъ, знаешь, что случилось? Мнѣ страсть какъ захотѣлось въ лото поиграть. А онъ пропалъ. Я сложила его сюртучную тройку, отправила съ Катей въ ломбардъ и проиграла всѣ денежки, а ему квитанцію на столъ. Вотъ онъ злился тогда. Ха-ха-ха! — Она звонко разсмѣялась.

— Оставь, Калерія, мнѣ не до смѣху. Что мнѣ дѣлать?

— Что? Да вѣдь ты же массу вещей купила. Ну и заложи, что можешь. У тебя еще такая шелковая матерія есть. Ты сшила платье?

— Нѣтъ.

— Она 65 рублей стоитъ: всегда 35 дадутъ. Двадцать на хозяйство, а 15 на лото.

— Нѣтъ, нѣтъ, — Ольга Карповна тряхнула головой. — Ни за что играть не буду.

— Твое дѣло. Тогда проживешь на эти деньги, а тамъ еще заложи. Мужъ и не узнаетъ.

— Ужасно! — Ольга Карповна тяжело вздохнула.

Калерія ласково погладила ее по рукѣ:

— Глупенькая ты: право, глупенькая. Есть о чемъ тужить. На то и игра. Выиграла — проиграла: проиграла — выиграла. Пословица говоритъ: „играй, да не отыгрывайся“, а я бы всегда отыгрывалась. Когда-нибудь опять выиграю.

— Мнѣ ужасно досадно. Знаешь, вѣдь я все время играла.

И Ольга Карповна съ жаромъ начала разсказывать, какъ она проигрывала, какіе у нея выпадали номера, и какъ ей не везло:

— Даже терны не выходило. Понимаешь?

— Да, да, бываетъ. У меня одинъ разъ на одной картѣ ни одного нумера не закрылось. По-моему, въ этихъ случаяхъ надо также выдавать деньги, — и Калерія стукнула кулакомъ по столу. — Хочешь, я разложу пасьянсъ и узнаю, выиграешь ты или нѣтъ?

— Нѣтъ, Калерія, я играть не буду.

Калерія засмѣялась:

— Не будешь? Ну, милая, не зарекайся. Членъ клуба „Семейнаго Очага“ и чтобы не играла въ лото! Этого не бываетъ.

Ольга Карповна напилась кофе у Калеріи и, нѣсколько успокоенная, пошла домой.

Да, она заложитъ нѣсколько вещей потихоньку отъ всѣхъ, и на это они проживутъ. Мужъ ничего не узнаетъ объ ея проигрышѣ.

А тѣмъ временемъ Павелъ Аркадьевичъ у себя въ конторѣ щелкалъ на счетахъ, подводилъ итоги, хлопалъ огромными книгами, ставилъ ихъ въ несгораемый шкапъ, вынималъ оттуда новыя, свѣрялъ счета и кипѣлъ въ своей скучной бухгалтерской работѣ. Къ нему подошелъ, согнувъ голову, Карлъ Семеновичъ, его непосредственный начальникъ, — старшій бухгалтеръ. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ длинной черной бородой и совершенно лысой головой. Выпуклые голубые глаза его ласково смотрѣли сквозь очки въ толстой золотой оправѣ.

— Вотъ что, голубчикъ, — сказалъ онъ неправильнымъ русскимъ языкомъ. — Директоръ имѣлъ до васъ маленькое дѣло.

— Какое, Карлъ Семеновичъ?

— Пройдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ за старшимъ бухгалтеромъ въ его кабинетъ, и тотъ объяснилъ ему:

— Какъ вамъ говорить. Намъ нужно для дѣла давать нѣкоторымъ лицамъ разныя суммы. Понимаете, будто взаймы...

Павелъ Аркадьевичъ кивнулъ. Онъ зналъ, что общество принимаетъ на себя разные подряды, и для полученія ихъ приходится давать взятки.

— Ну, вотъ, — продолжалъ бухгалтеръ: — намъ черезъ контору это неудобно. У насъ было такое лицо, а теперь нѣтъ. Директоръ остановился на васъ.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Ничего. Вы будете держать у себя двѣ-три тысячи. Когда нашъ агентъ вамъ назоветъ господина и сумму — вы будете этому господину давать эту сумму, будто отъ себя, подъ расписку.

— И только?

— И все...

— Я готовъ, Карлъ Семеновичъ, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ. — Это совсѣмъ пустое дѣло.

— Мы вамъ будемъ за это благодарны, — и Карлъ Семеновичъ дружески пожалъ Павлу Аркадьевичу руку.

Онъ возвращался къ своей конторкѣ, когда къ нему подошелъ разсыльный и сказалъ:

— Васъ просятъ къ телефону.

— Сейчасъ.

Онъ прошелъ въ будку къ телефону. На крючкѣ висѣла трубка. Онъ взялъ ее и сказалъ:

— Я слушаю. Откуда?

— Я, дружище: узнаешь?

Павелъ Аркадьевичъ сразу узналъ голосъ Карелина.

— Узналъ. Что скажешь?

— Да то, что сто лѣтъ тебя не видѣлъ и хочу тебѣ напомнить: послѣзавтра приходи съ женой. У насъ годовщина свадьбы, а заодно и Степкино рожденье. Приходи непремѣнно и жену волоки.

— Хорошо. Спасибо, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Не забудь: послѣзавтра.

— Помню!

Павелъ Аркадьевичъ повѣсилъ трубку и въ это мгновеніе вспомнилъ, что жена недавно была у Карелиныхъ. Почему они не сказали ей объ этомъ?

Въ 5 часовъ онъ шелъ домой и думалъ о новой обязанности. Несомнѣнно, это означаетъ особое довѣріе. Быть-можетъ, его повысятъ и прибавятъ жалованье. Было бы хорошо, если бы явилась возможность избавиться отъ вечернихъ занятій. Онъ вернулся домой въ хорошемъ настроеніи духа. Жена дружески встрѣтила его, дѣти выбѣжали къ нему навстрѣчу, и на него пахнуло прежнимъ уютомъ, о которомъ онъ тосковалъ послѣднее время. Онъ крѣпко поцѣловалъ жену и прошелъ въ спальню переодѣться. Она, по обыкновенію, вошла слѣдомъ за нимъ и сѣла въ кресло.

— Вотъ какая новость,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. - Правленіе поручило мнѣ какъ бы частнымъ образомъ, отъ себя, раздавать нужнымъ людямъ деньги. Буду въ нѣкоторомъ родѣ банкиромъ.

— А это выгодно?—спросила Ольга Карповна.

— Вѣроятно, за это что-нибудь заплатятъ.

Она улыбнулась:

— Хорошо, если бы тебѣ дали прибавку. Они отличаютъ тебя по службѣ.

— Я и самъ замѣчаю это, Оля; я думаю, что пройдетъ годикъ, и я избавлюсь отъ вечернихъ занятій.

— Дай Богъ!

— Да, еще! Карелинъ по телефону звонилъ ко мнѣ, — Ольга Карповна вдругъ покраснѣла и отвернулась:—и зоветъ насъ къ себѣ послѣзавтра. У нихъ годовщина свадьбы, а потомъ рожденіе мальчишки. Я подумалъ, почему они тебѣ ничего не сказали, когда ты была у нихъ?

Ольга Карповна пересилила себя и отвѣтила:

— Мнѣ она говорила, да я позабыла передать. Все равно я помнила.

— Да! Такъ это онъ отъ себя, а она отъ себя. Вѣроятно, такъ.

Ольга Карповна сдѣлала усиліе, чтобы скрыть ложь, и чувствовала, какъ кровь отлила отъ лица, а потомъ прилила. Пересиливая волненіе, она торопливо встала, прошла въ столовую и крикнула:

— Выходи скорѣе!

Дѣти уже сидѣли за столомъ. Она торопливо стала разливать супъ, а въ головѣ ея вихремъ проносились мысли. Какой позоръ, если откроется эта ея ложь! Теперь надо непремѣнно предупредить Карелину, чтобы не вышло замѣшательства.

— Что это ты какая-то не своя? — спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Я? Нѣтъ! Я отлично себя чувствую.

— Я тебѣ два раза сказалъ, а ты не слышишь.

— А что ты сказалъ?

— Да просто спросилъ, какъ Катя сегодня занималась.

— Ничего, какъ всегда.

Онъ ушелъ спать. Ольга Карповна прошла въ дѣтскую, но чувствовала себя тревожно. Сознаніе, что она соврала,—соврала въ первый разъ,—угнетало ее. А больше всего ее пугала мысль, что это вранье можетъ легко и быстро разоблачиться. Надо предупредить во что бы то не стало. Она пойдетъ завтрашній день къ Карелинымъ въ гости, посидитъ съ Надеждой Захаровной, и впечатлѣніе останется, что она была, а когда — никто не станетъ объ этомъ допытываться. При этой мысли она облегченно вздохнула. Это было такъ просто, и, когда Павелъ Аркадьевичъ проснулся, она ласково позвала его пить чай и весело съ нимъ говорила.

— Знаешь что? — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. — Сходимъ въ кинематографъ, а потомъ вернемся, и я сяду заниматься, а ты ляжешь.

Ольга Карповна опять смутилась. Онъ можетъ спросить у нея денегъ, а сейчасъ у нея всего рубль съ копейками.

— Нѣтъ, Павля, у меня болитъ голова, я устала, и мнѣ не хочется выходить изъ дому. Лучше почитаемъ, если хочешь, а потомъ ты сядешь заниматься.

— Ну, ну, какъ знаешь. Не хочешь итти, такъ я прямо за работу сяду.

— А я подлѣ тебя. У меня есть штопка.

И они мирно закончили вечеръ.

X.

Вечеръ, проведенный дома, успокоилъ Ольгу Карповну, и она проснулась бодрая и оживленная ко времени ухода мужа. Они вмѣстѣ напились чаю, и Павелъ Аркадьевичъ радостно простился съ нею, уходя на службу. Едва онъ вышелъ, Ольга Карповна поспѣшно завернула свое лучшее платье, одно изъ тѣхъ, которыя она сшила во время выигрышей, и понесла его въ ломбардъ. Успокоенная и довольная, она вернулась домой, дала Лушѣ на расходъ денегъ и прошла въ дѣтскую, гдѣ стала заниматься съ Катей. Казалось, миръ вернулся ей въ душу. Она заложитъ, продастъ всѣ вещи, пріобрѣтенныя на выигрышныя деньги, и снова войдетъ въ колею тихой семейной жизни. Теперь только избавиться отъ этой лжи... И она послѣ завтрака поѣхала къ Карелинымъ.

Надежда Захаровна, толстая, высокая, съ радушнымъ веселымъ лицомъ, встрѣтила ее радостнымъ возгласомъ:

— Милая! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Стыдно такъ забывать своихъ друзей.

— Занята я очень съ дѣтьми да съ мужемъ,—отвѣтила Ольга Карповна.

— А я?

Надежда Захаровна крѣпко поцѣловала Ольгу Карповну и, взявъ ее за талію, провела въ уютную спальню, гдѣ постель была отгорожена ширмою, а у окна стоялъ письменный столъ, заваленный рукописями и книгами, съ пишущей машинкой посрединѣ. Надежда Захаровна опустилась въ мягкое кресло и, похлопывая Ольгу Карповну по рукѣ, сказала:

— Стыдно, стыдно забывать своихъ друзей. Ну а завтра-то придете?

— Непремѣнно,—отвѣтила Ольга Карповна.—Да что вы меня корите, а сами?

— Сама, сама!—Надежда Захаровна махнула пухлою рукою и показала на столъ.—Развѣ у меня есть свободное время? Вотъ я утромъ встану и со своимъ Степой занимаюсь. Готовимъ его въ первый классъ. Позаймусь съ нимъ, а тамъ завтракъ, обѣдъ заказать надо, а потомъ вотъ за эту работу.

— Что за работа?

— Мой Сережа задумалъ писать учебникъ. Такъ вотъ укажетъ, какія ему нужно выборки сдѣлать — я ихъ за день сдѣлаю; потомъ онъ придетъ, отдохнетъ и садится за свое писаніе: пишетъ, а я все это на „Ремингтонѣ" перестукиваю. Вотъ и выходитъ работы по горло. А тамъ зачинить, а тамъ заштопать, а тамъ по хозяйству... Э, милая, да развѣ вы не знаете, сколько у насъ работы?

Ольга Карповна почувствовала въ душѣ своей неловкость и молча кивнула головою.

— Мы—занятые люди, намъ ничего даромъ не дается. Они воображаютъ, что мы ничего не дѣлаемъ, а какъ посмотришь, то, пожалуй, больше ихъ работаемъ. Только меньше зарабатываемъ, вотъ они и гордятся.—Надежда Захаровна весело засмѣялась.— Гдѣ лѣто были?

Ольга Карповна вяло отвѣтила:

— Жили въ Стрѣльнѣ, купались въ морѣ, искали грибы; нѣсколько разъ въ театрѣ были... Скучно было очень, знакомыхъ никого.

— А мы въ Финляндіи, и великолѣпно провели время: купались, катались, и экскурсіи были... Однако что же это я? Давайте кофе пить. Сейчасъ я распоряжусь.

Она встала и развалистой походкой вышла изъ комнаты, и скоро раздался ея властный голосъ. Потомъ она вернулась.

— Степку-то моего не видали?.. Выросъ и пополнѣлъ. Я его гулять услала. Вы вотъ посидите и увидите его.

— Ой, мнѣ некогда!

— А завтра придете?

— Непремѣнно. Мой Павля уже говорилъ объ этомъ.

— Я приказала своему Сергѣю непремѣнно вамъ сказать, потому что безъ васъ и праздникъ не въ праздникъ.

— Что за праздникъ у васъ?

— Какъ же? 15 лѣтъ нашей свадьбы и 10 лѣтъ нашему Степѣ — итого 25 лѣтъ. Вотъ оно юбилей и выходитъ.

Надежда Захаровна весело и бодро засмѣялась. Вошла прислуга и сказала, что завтракъ поданъ. Они прошли въ уютную столовую. Надежда Захаровна говорила безъ умолку. Ольга Карповна съ удовольствіемъ слушала ее и на время забылась и почувствовала себя легко и весело. Есть какая-то особенность въ трудящихся людяхъ: они несутъ съ собою всегда бодрость и веселье, и Ольга Карповна невольно заразилась отъ нея здоровой бодростью трудящагося человѣка. Онѣ крѣпко расцѣловались на прощанье, и Ольга Карповна, идя домой, давала себѣ слово навсегда разстаться съ безумнымъ увлеченіемъ и отдаться тихой семейной жизни съ ея маленькими тревогами и радостями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Валентинъ Александровичъ Сѣровъ.

Очеркъ **А. А. Ростиславова.**

Сейчасъ послѣ посмертной выставки, послѣ выхода книги И. Грабаря, посвященной Сѣрову, значеніе и величина Сѣрова настолько выяснены, такъ стали извѣстны всѣ подробности, касающіяся его біографіи и художественной дѣятельности, что было бы излишне повторять всѣмъ извѣстное. Родившись (1865 г.), воспитавшись и впервые выступивъ на передвижныхъ выставкахъ въ концѣ 80-хъ г.г., въ періодъ реалистическаго пониманія живописи, выразившагося у насъ въ передвижничествѣ, Сѣровъ— яркій представитель той переходной эпохи, когда задачи живописной формы взяли верхъ надъ сюжетомъ. Здѣсь его крупнѣйшая разница съ Рѣпинымъ, тоже прежде всего живописцемъ, но всегда озабоченнымъ сюжетомъ и даже подчинявшимъ ему свою живопись. Параллели тѣмъ болѣе интересныя, что въ концѣ концовъ Рѣпинъ и Сѣровъ—главныя вѣхи на пути нашей живописи цѣлаго ряда недавнихъ десятилѣтій.

Чрезвычайно характерно, что Сѣровъ, хотя его и называли

одно время портретистомъ, былъ однимъ изъ первыхъ у насъ художниковъ вообще, т.-е. одинаково умѣло и мастерски изображалъ фигуры, пейзажъ, nature morte, животныхъ и пр. Раньше, какъ извѣстно, художники довольно строго, даже въ группировкахъ академическихъ классовъ, разграничивались на портретистовъ, жанристовъ, историковъ, пейзажистовъ, анималистовъ и пр. въ зависимости отъ содержанія своихъ картинъ и умѣнья только въ опредѣленной области. Доходило до того, что пейзажисты, даже крупные, были совершенно безпомощны въ писаніи фигуръ и наоборотъ. Объясненіе, конечно, въ томъ, что формѣ не придавалось абсолютнаго значенія, удачные „мотивы" примиряли съ ея компромиссами и несовершенствами. И только такія стихійныя дарованія, какъ дарованіе Рѣпина, органически стремились къ ея совершенству во всѣхъ областяхъ.

У Сѣрова это стремленіе было не только органическимъ, а и сознательнымъ. Съ внѣшней стороны сюжетъ, конечно, существуетъ и въ его живописи, какъ и во всей нашей живописи до самыхъ новѣйшихъ теченій, когда основнымъ принципомъ становится не подражаніе природѣ, а выборъ изъ природы. Сѣровъ передавалъ и изображалъ природу въ широкомъ смыслѣ, но никогда не исходилъ изъ анекдотическаго, литературнаго интереса изображенія. Она интересовала его прежде всего со стороны передачи ея формъ, красокъ, передачи, какъ реалистической, такъ особенно стилизованной, схематизированной. У насъ Сѣровъ—явленіе, тѣмъ болѣе поразительное и крупное, что онъ не слѣдовалъ опредѣленному, уже провозглашенному къ началу его дѣятельности теоретизму импрессіонистовъ, а исходилъ изъ чисто органическихъ задачъ всей своей художественной натуры, необычайно богатой и разносторонней. Совершенно самобытно, еще 22-лѣтнимъ юношей, онъ выступилъ съ такими превосходными и вполнѣ оригинальными образцами нашего импрессіонизма, какъ портретъ дѣвочки В. С. Мамонтовой и находящійся въ Третьяковской галлереѣ этюдъ дѣвушки, освѣщенной солнцемъ. Этими работами такъ же, какъ и значительно позднѣйшими, напримѣръ, портретомъ Акимовой, Сѣровъ наглядно показалъ, какъ онъ владѣлъ сильными и яркими красками, передающими всю силу цвѣта и свѣта путемъ и разложеній на цвѣтовыя пятна и синтетизма цвѣтныхъ поверхностей. Очевидно, слѣдовательно, что тотъ общій сѣрый тонъ живописи, который свойственъ большинству его работъ,—результатъ не отсутствія красочнаго дара, а совершенно особенныхъ, опять-таки чисто художественныхъ, задачъ формы и живописи.

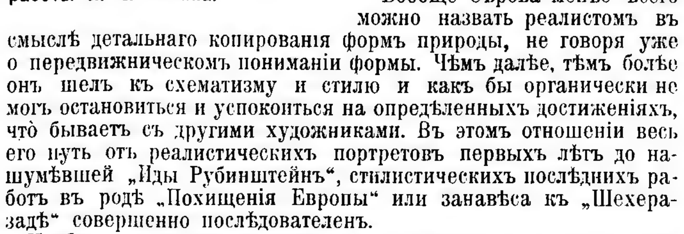
Сѣровъ былъ крупнѣйшимъ мастеромъ и, что особенно замѣчательно, до самыхъ послѣднихъ дней углублялся въ изученіе утонченности и разнообразія передачи формы. Въ живописи онъ одинаково понималъ красоту яркихъ сочетаній и скромныхъ гармоній, того общаго сѣраго тона, въ какомъ, напримѣръ, написанъ его извѣстный превосходный женскій портретъ Г. Л. Гиршманъ. Сѣрова одинаково привлекали и детальная законченность рисунка, какъ въ головкахъ многочисленныхъ женскихъ портретовъ или въ превосходномъ портретѣ Императора Николая II, и виртуозность наброска. Здѣсь у покойнаго художника сказывались такія огромныя знанія, такое мастерство, что самыми скупыми средствами, самыми легкими абрисами онъ передавалъ какъ бы всѣ подробности и всю утонченность формы, всю тонкость характеристикъ. Образцами могутъ служить извѣстный портретъ дѣвочекъ Боткиныхъ, съ его нѣжнѣйшими и въ то же время широкими очертаніями, портретъ дѣвочекъ Касьяновыхъ, вообще очень многочисленные портреты-наброски, гдѣ нѣтъ ни одной случайной линіи. Однимъ изъ самыхъ прелестныхъ, живыхъ и виртуозныхъ по легкости является портретъ Обнинской. Легкая расцвѣтка въ рисункахъ часто даетъ живописные намеки. Впрочемъ, въ портретахъ Сѣрова нельзя различать живопись и рисунокъ. Въ нихъ та общая тонкость исканій, то разнообразіе подхода, которыя обусловлены именно глубокимъ пониманіемъ формы, говорящихъ черезъ нее психологическихъ чертъ.

В. А. Сѣровъ, портретъ работы И. Е. Рѣпина.

Какъ извѣстно, Сѣровъ подолгу писалъ многіе свои женскіе портреты, гдѣ у него часто такъ своеобразно соединяются детальная выписка лицъ и широкое виртуозное письмо костюма и обстановки, напримѣръ, въ прекрасныхъ портретахъ Боткиной, кн. Юсуповой, Лосевой, кн. Орловой. Выискиваніе самаго сокровеннаго въ оригиналахъ требовало утонченной детальной формы. Въ подобныхъ портретахъ виденъ огромный трудъ, но не отталкивающій замученностью работы, какъ у недаровитыхъ художниковъ, а наоборотъ — чрезвычайно привлекающій раскрытіемъ утонченности художественно-психологическихъ задачъ. Утонченность художественная какъ бы обусловлена утонченностью психологической. И оттого женскіе портреты Сѣрова прежде всего такъ изящны, не претендуя на внѣшнее изящество и пуритански воздерживаясь отъ всякаго прикрашиванія, свойственнаго моднымъ дамскимъ портретистамъ.

У Сѣрова были широко открыты глаза на трудность передачи сокровеннаго, и своими работами онъ раскрывалъ не свой личный трудъ, а именно эту трудность.

Но это углубленіе въ наиболѣе выразительную утонченность формы у него всюду. И не оттого ли столько необычайной жизненности въ его пейзажахъ, изображеніяхъ животныхъ? Онъ какъ бы совсѣмъ особенно чувствовалъ характеръ и простоту русской природы, столь оригинальное сліяніе съ нею въ одно излюбленныхъ имъ животныхъ, особенно лошадей. „Баба въ телѣгѣ", „Стригуны", „Лошадки у пруда", „Купанье", Волы" и мн. др.— все это исключительныя по выразительности и жизненности картины. Въ чистомъ пейзажѣ, какъ „Осень", „Ели" и др., Сѣровъ по лаконизму, остротѣ и правдивости стоитъ рядомъ съ Левитаномъ. Можетъ-быть, во всей русской живописи не было мастера, равнаго Сѣрову по изображенію животныхъ, столь имъ излюбленныхъ, гдѣ его виртуозный лаконизмъ выражалъ самое характерное. Въ этомъ отношеніи удивительно интересна появившаяся на посмертной выставкѣ серія „Басенъ", гдѣ на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ шла переработка детальныхъ формъ въ наиболѣе выразительныя, лаконично схематическія.



Вообще Сѣрова менѣе всего можно назвать реалистомъ въ смыслѣ детальнаго копированія формъ природы, не говоря уже о передвижническомъ пониманіи формы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ шелъ къ схематизму и стилю и какъ бы органически не могъ остановиться и успокоиться на опредѣленныхъ достиженіяхъ, что бываетъ съ другими художниками. Въ этомъ отношеніи весь его путь отъ реалистическихъ портретовъ первыхъ лѣтъ до нашумѣвшей „Иды Рубинштейнъ", стилистическихъ послѣднихъ работъ въ родѣ „Похищенія Европы" или занавѣса къ „Шехеразадѣ" совершенно послѣдователенъ.

Необыкновенно углубленный въ сущность художества, чрезвычайно зоркій, честный и прямой человѣкъ, онъ прежде всего былъ безпощаденъ къ самому себѣ и, стремясь къ преодолѣніямъ, никогда не могъ унизиться до рынка, какъ многіе, даже очень даровитые, художники, слишкомъ обласканные, засыпанные похвалами и успѣхами.

Посмертная выставка, гдѣ работы Сѣрова были представлены въ извѣстной хронологической послѣдовательности, особенно раскрыла глаза на тѣ пути, которыми онъ шелъ. Само собой понятно, что крупные художники и художественныя явленія вліяли на него, но не въ смыслѣ подражанія, а какъ импульсивные толчки для все новой и самобытной работы надъ собой.

Въ основѣ еще въ дѣтствѣ и юности были заложены прекрасныя вліянія Рѣпина, у котораго Сѣровъ учился еще мальчикомъ, и своеобразной внѣакадемической школы проф. П. П. Чистякова, черезъ которую прошелъ рядъ крупнѣйшихъ русскихъ художниковъ. Для общаго художественнаго развитія и разнообразія впечатлѣній много должны были дать раннія поѣздки и жизнь за границей. Въ академическіе и ближайшіе годы было благотворно вліяніе даровитыхъ товарищей, напр., Врубеля (наглядно сказалось въ иллюстраціяхъ къ „Демону"). Какъ на большинствѣ даровитѣйшихъ

художниковъ, очень благотворно сказалось увлеченіе Веласкезомъ. Дали кое-что и нѣкоторые современные европейскіе виртуозы. Огромное впечатлѣніе на Сѣрова произвела выставка историческихъ портретовъ въ Таврическомъ Дворцѣ 1905 г., гдѣ какъ бы былъ устроенъ смотръ русской живописи. Сѣровъ выдержалъ испытаніе своими отличными портретами Александра III, гр. Сумарокова-Эльстонъ, М. Н. Ермоловой и др., но былъ очарованъ стариннымъ мастерствомъ, самой фактурой живописи Левицкаго, Рослена и др. Въ результатѣ увлеченіе стилемъ и такія попытки, какъ прелестный портретъ Е. И. Оливъ, портретъ-рисунокъ Грюнбергъ и др. Отчасти увлеченіе ретроспективизмомъ „Міра Искусства" сказалось въ историческихъ картинахъ-иллюстраціяхъ и эскизахъ, гдѣ очень проникновенно, своеобразно понята эпоха и особенно выражена фигура Петра. Поѣздка въ Грецію дала рядъ эскизовъ и картинъ изъ греческой мифологіи. Наконецъ въ результатѣ современнаго увлеченія художествомъ въ театрѣ эскизы къ „Шехеразадѣ", „Юдиѳи". Вотъ какое разнообразіе темъ и увлеченій. Но всюду Сѣровъ остается Сѣровымъ, и всюду совершенно по своему переработанная форма выраженія. Онъ не примѣнялъ къ новымъ темамъ уже выработанную форму, какъ это дѣлаетъ большинство художниковъ, а новыя формы какъ бы выходили изъ новыхъ темъ, сливаясь съ ними въ одно, не столько находились, сколько вытекали изъ чисто художественныхъ задачъ. Поэтому въ разнообразныхъ темахъ и сюжетахъ прежде всего интересуешься не литературностью, а характерной художественностью выраженія, живописностью въ широкомъ смыслѣ. Отъ первыхъ до послѣднихъ шаговъ Сѣровъ остался вѣренъ себѣ въ исканіяхъ прежде всего утонченной формы. И потому онъ такъ интересенъ на всемъ пути своего художества, и потому смерть его была подлинно преждевременной. Онъ не только не зарывалъ таланта въ землю, а какъ бы откапывалъ все новыя и новыя его стороны.

Драгоцѣнны въ Сѣровѣ были и монолитность художника и человѣка, гармоническая оригинальность всего его облика. Прямота, честность, простота и въ то же время сложность натуры такъ гармонировали съ сущностью его художественнаго дарованія. Рядъ крупныхъ фактовъ въ его дѣятельности говоритъ, что онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ уходитъ изъ учениковъ Академіи, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія и не добиваясь никакихъ званій, круто и прямо переходитъ отъ передвижниковъ къ „Міру Искусства", провозгласившему лозунгъ свободы живописи, уходитъ изъ членовъ Академіи, убѣдившись въ безполезности или даже вредности ея дѣятельности, уходитъ изъ преподавателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества, не желая итти на компромиссы ни съ начальствомъ ни съ учениками. Извѣстно, какой популярностью и уваженіемъ онъ пользовался среди товарищей.

Съ виду сумрачный, неразговорчивый, онъ такъ привлекалъ не только репутаціей знаменитаго художника, а и оригинальной силой не рядового человѣка, сквозившей въ его внѣшности, манерѣ держаться.

У насъ не мало знаменитыхъ художниковъ, но знаменитость эта нерѣдко требуетъ провѣрки и можетъ быть переоцѣнена. Среди многихъ изъ нихъ Сѣровъ, можетъ-быть, даже былъ менѣе знаменитъ при жизни. Но въ будущемъ слава и репутація его кажутся очень прочными, ибо зиждятся не только на его выдающейся талантливости, но и на тѣхъ путяхъ самаго подлиннаго художества, какими онъ шелъ съ момента своего появленія до гробовой доски.

* *
*

Хочешь, я скажу, что знаю
Все, что знаю о Веснѣ?
Я иду навстрѣчу Маю,
Ты иди навстрѣчу мнѣ!

Май зеленый насъ обниметъ,
Май кудрявый будетъ радъ,
Если кто замки поснимаетъ
У калитокъ, у оградъ.

Въ каждомъ словѣ вольность степи!
Въ каждомъ взглядѣ гордость горъ!
Сдѣлай такъ—и сброситъ цѣпи
Съ ногъ твоихъ мой первый взоръ!

П. Потемкинъ.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала.

(Съ 9 рис. на стр. 413—416).

Едва ли многіе петербуржцы знаютъ, почему Литейный проспектъ и мостъ носятъ свое названіе. Исторически же эта названіе объясняется тѣмъ, что около этого моста въ началѣ нынѣшняго Литейнаго проспекта была построена по волѣ Петра Великаго „Литейная изба" или „Литейный дворъ" — скромное бревенчатое зданіе или, точнѣе, рядъ зданій, въ которыхъ начались работы по литью пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ.

Изъ этой „Избы" впослѣдствіи возникъ С.-Петербургскій Арсеналъ. 21 апрѣля с. г. исполнилось двухсотлѣтіе существованія Арсенала.

Петръ Великій всегда стремился къ тому, чтобы сдѣлать Россію независимой отъ заграницы въ области боевой техники. Онъ бралъ изъ Западной Европы все, что находилъ полезнымъ, но старался вся взятое и изученное тамъ пересадить на русскую почву, чтобы потомъ умѣть обходиться безъ заграничныхъ, далеко не всегда безкорыстныхъ, учителей. Онъ неоднократно говаривалъ своимъ сотрудникамъ: „Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы должны повернуться къ ней задомъ". Поэтому онъ счелъ необходимымъ устроить, между прочимъ, и собственное военное снаряженіе: литье пушекъ, ковку холоднаго оружія, изготовленіе пороха. Но въ самомъ началѣ пригласилъ для этого дѣла иностранцевъ...

Первый строитель, „родоначальникъ" С.-Петербургскаго Арсенала, голландецъ Вильгельмъ де Геннинъ.

Точной даты основанія „Литейнаго двора" не установлено. Но имѣется копія съ указа Правительствующаго Сената за подписью Меньшикова, и изъ этого указа явствуетъ, что передача построеннаго въ 1712 г. (а по другимъ источникамъ—въ 1711 году) Литейнаго двора въ артиллерійское вѣдомство состоялась 21 апрѣля 1714 года. Эта историческая дата и принята за основаніе для установленія срока юбилейнаго торжества.

Литейный дворъ и примыкавшія къ нему строенія занимали въ то время нынѣшній районъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, Окружнаго Суда и нѣкоторыхъ другихъ зданій военнаго вѣдомства. Литейныя строенія или, какъ ихъ при Петрѣ называли, „литейные анбары" представляли собою довольно нескладную кучу бревенчатыхъ построекъ, разбросанныхъ безъ всякой связи среди двора, огороженнаго валомъ. Нѣсколько позднѣе, когда появился извѣстный указъ Петра, воспрещавшій строить въ Петербургѣ деревянные дома, арсенальные „анбары" были замѣнены мазанковыми постройками. Перестройка эта была поручена голландскому генералу Вильгельму де Геннину, который и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ первымъ начальникомъ Арсенала. Этотъ выдающійся дѣятель и сотрудникъ Петра Великаго позднѣе бытъ основателемъ и управляющимъ первыхъ русскихъ горныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

Нынѣшнее свое названіе С.-Петербургскій Арсеналъ получилъ лишь въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Въ составъ Арсенала тогда входили, кромѣ Литейнаго двора, Пушечный дворъ, Дѣловой дворъ и склады, а также и музей для храненія „достопамятныхъ вещей". Въ Арсеналѣ изготовлялись мѣдныя орудія, лафеты, снаряды и предметы войскового обоза, а также хранились запасы огнестрѣльнаго и „бѣлаго" (холоднаго) оружія. Литье пушекъ производилось изъ особыхъ круглыхъ печей, и первое время этимъ дѣломъ руководили иностранцы, мастера колокольнаго и „штатуйнаго" дѣла. Первымъ такимъ мастеромъ былъ нѣмецъ Карлъ Шпекле. Самая процедура литья однако была еще очень несовершенна, такъ что, при всемъ тогдашнемъ искусствѣ, получался громадный процентъ брака — иногда 90 процентовъ. Литье большихъ орудій велось очень торжественно и даже сопровождалось „молебнымъ пѣніемъ".

Въ 1733 году Арсеналъ былъ радикально перестроенъ: вмѣсто безпорядочной группы мазанокъ появилось большое каменное зданіе съ высокимъ шпилемъ и вензелемъ Императрицы Анны Іоанновны. Въ 1774 году одинъ изъ героевъ екатерининскаго вре-

мени, кн. Григорій Орловъ, построилъ на свой собственный счетъ огромное зданіе „знатной архитектуры“ спеціально для храненія достопамятныхъ вещей. Еще продуктивнѣе была дѣятельность Зубова въ 1794 году: при немъ Арсеналъ былъ еще разъ перестроенъ и расширенъ, и былъ выписанъ англичанинъ съ 12 мастеровыми для поднятія производительности завода. Въ началѣ XIX вѣка въ Арсеналѣ появилась рѣдкая по тому времени новинка—первая паровая машина, купленная на заводѣ Берда за сто тысячъ рублей. Это былъ цѣлый переворотъ въ жизни Литейнаго двора: до этого времени станки въ арсенальныхъ мастерскихъ приводились въ движеніе людьми и лошадьми.

Другой крупный переворотъ въ жизни Арсенала послѣдовалъ въ 1841 году, когда состоялся указъ императора Николая I о перенесеніи Арсенала на правый берегъ Невы—на то мѣсто, гдѣ Арсеналъ находится въ настоящее время. Въ прежніе годы здѣсь была такъ называемая „градская партикулярная верфь“. Работы по постройкѣ новыхъ зданій шли быстро, и въ 1850 году уже состоялось освященіе новаго Арсенала. Зданія же стараго Арсенала на Литейномъ проспектѣ нѣкоторое время служили мѣстомъ храненія „достопамятныхъ вещей“, а частью были заняты орудійной мастерской Главнаго Артиллерійскаго Управленія. Въ 1864 году открылись новые суды въ Россіи. Министерство Юстиціи стало подыскивать въ Петербургѣ подходящее помѣщеніе для Окружнаго Суда и Судебной Палаты. И выборъ палъ на выморочное зданіе бывшаго Арсенала—какъ разъ на то зданіе, которое было выстроено Орловымъ.

Переведенный на новое мѣсто, Арсеналъ постепенно развивался и совершенствовался. Въ настоящее время въ немъ находится цѣлый рядъ мастерскихъ (механическая, литейная, деревянная и т. д.), установлены новыя машины, калильныя печи, нефтяные горны, гидравлическіе прессы. Арсеналъ сталъ работать съ небывалой интенсивностью и производительностью — особенно въ началѣ новаго столѣтія, когда происходило перевооруженіе нашей артиллеріи.

Генералъ-маіоръ М. Д. Гедеоновъ, начальникъ С.-Петербургскаго Арсенала.

Производительность Арсенала въ послѣдніе годы возросла до 800.000 р. по заработной платѣ. За двѣсти лѣтъ отъ петровскаго „Литейнаго двора“ не осталось ничего, если не считать „достопамятныя вещи“, т.-е. музейные слѣды прошлаго.

Эти слѣды, въ видѣ старинныхъ образцовъ орудій, станковъ, инструментовъ и старинныхъ гравюръ, составляютъ цѣнное сокровище въ музейномъ отдѣленіи Арсенала, и по нимъ можно видѣть, какимъ былъ Арсеналъ при Петрѣ и его потомкахъ...

Во время юбилейныхъ торжествъ былъ открытъ памятникъ Основателю Арсенала, Петру Великому.

С.-Петербургскій Арсеналъ въ концѣ XVIII в. Прямо — Литейный домъ всей Артиллеріи, направо—Сергіевскій соборъ и старый Пушечный дворъ.

Двѣнадцать мѣсяцевъ.

Маргариты Шубинской.

Январь.

Вьюга мететъ и стелетъ по городу глубокій снѣжный покровъ. Вѣтеръ шумитъ и рветъ съ крышъ облака сухого, чистаго снѣга, кружитъ падающіе съ неба хлопья и зацѣпляетъ стекла оконъ.

На столѣ стоятъ въ вазѣ цвѣтущія вѣтви миндаля, бѣлыя, какъ снѣгъ, нѣжныя, какъ улыбки... Отъ нихъ вѣетъ тепломъ юга, лаской блѣднаго голубого неба.

Слышится тихій шепотъ моря—и хочется свѣта, тепла, хочется вдыхать ароматъ цвѣтущихъ вѣтвей и ощущать влажное, соленое дыханіе моря...

Февраль.

Я шелъ отъ тебя, дорогая. Что это, какъ все измѣнилось кругомъ? Какъ стали прямы и красивы дома и улицы! Какъ высоки и прекрасны деревья бульваровъ!

Какъ свѣтло небо, вечернее февральское небо! Какъ блестятъ снѣжинки на вѣтвяхъ кустовъ, какъ горятъ золотые купола маленькой церкви! Надъ ними крестъ, а надъ крестомъ блѣдная, дрожащая звѣзда.

Какая красота!..

Какая тишина!..

Я не слышу шума улицъ, грохота и звонковъ трамваевъ, рѣзкихъ гудковъ автомобилей: я слышу музыку. Ея звуки рождаются въ душѣ моей—и разливаются кругомъ до самаго неба, до самой дрожащей звѣзды... Тихій дворъ покрытъ бѣлой блестящей ризой. Кругомъ привѣтно стоятъ высокія деревья сада. Зимнія птицы прыгаютъ по вѣткамъ. Я вхожу въ свой маленькій домикъ, я сажусь къ моему одинокому столу—но и тутъ все измѣнилось! Свѣтлыя комнаты стали высоки и радостны, цвѣты на окнахъ сдѣлались пышны и прекрасны. Позолота, хрусталь, серебро—все горитъ новымъ, яркимъ блескомъ... А въ окна смот-

Главное зданіе С.-Петербургскаго Арсенала, по фасаду.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Арсенальный плотникъ временъ Петра Великаго. Съ старинной литографіи.

высокій песчаный берегъ. Тихо въ рощѣ, какъ въ церкви. Высокіе стволы сосенъ прямы и неподвижны: темныя вершины ихъ что-то шепчутъ.

Прислушайся къ ихъ шепоту: не слышишь ли ты въ немъ дуновенія вѣчности? Не слышишь ли ты въ немъ голоса Бога? Не говорить ли Онъ тебѣ:

— „Ты, маленькая одухотворенная песчинка міра,—ты живешь мгновеніе. Это мгновеніе полно страданья. И потомъ ты умираешь. Но Я въ тебѣ—не умираю. Я—лучшая частица твоей души: Я поднимаюсь въ небеса. Тамъ Мой Престолъ, тамъ безпредѣльное царство свѣта. И оттудъ Я вновь спускаюсь на землю: въ солнечномъ лучѣ, въ душистомъ запахѣ травъ, въ звенящемъ пѣніи птицъ, въ шепотѣ сосенъ. Но отъ земли Я принимаю скорбь. И эта скорбь такъ велика, что облака ея плывутъ по небу и заслоняютъ небесный свѣтъ, и слезы льются въ струяхъ дождя... И вновь, въ каждой каплѣ ихъ, Я возрождаюсь на землѣ—въ цвѣтахъ и травахъ...“.

Іюль.

„Когда солнце зайдетъ,
Когда мѣсяцъ взойдетъ...“ — въ старомъ домѣ забытой усадьбы тихо встаютъ тѣни умершихъ. Неслышно бродятъ онѣ по заглохшимъ дорожкамъ сада, отдѣляются отъ высокихъ стѣнъ молчаливыхъ комнатъ и проходятъ, блѣдныя, одна за другой, и киваютъ мнѣ въ сумракѣ лѣтняго вечера—и исчезаютъ.

Я одна, одна въ старомъ домѣ, одна въ холодномъ, пустынномъ мракѣ жизни.

Милыя, забытыя видѣнія! Вы давно ушли изъ этого дома, но память о васъ живетъ въ моей душѣ. Вы окружали меня въ дѣтствѣ любовью и лаской, вы баюкали мой сонъ нѣжной пѣснью, вы были добрыми духами въ сказкѣ моей жизни.

Зачѣмъ же сказка стала такой страшной? Зачѣмъ же ушли вы и бросили свое дитя? Зачѣмъ я не могу прижаться, какъ прежде, родная, къ твоей груди?

Ты не видишь моей тоски... Только тихо улыбаешься изъ овальной рамы портрета и протягиваешь мнѣ розу.

Августъ.

Какъ разлука влюбленныхъ, прекрасенъ и грустенъ свѣтлый день августа. Въ золотѣ и пурпурѣ листьевъ—торжество любви: грусть—въ ихъ близкомъ увяданіи. Въ солнечномъ лучѣ, уже не жгучемъ,—печаль прощенія: въ яркихъ цвѣтахъ сада — послѣдній пышный расцвѣтъ умирающей красоты.

И всюду, во всемъ—красота и страданье.

Я брожу по дорожкамъ сада. Синее небо смотритъ сквозь темныя вѣтви елей; бѣлыя облака, какъ паруса, побѣдно плывутъ надъ головой. Какъ хочется удержать этотъ, быть-можетъ, послѣдній яркій день уходящаго лѣта! Но онъ уже прошелъ—какъ многіе дни. О, жаль уходящей безслѣдно жизни, жаль всего, что разбиралось, что порвалось—и никогда не вернется.

Сентябрь.

Въ саду между кустовъ протянулись на солнцѣ длинныя серебряныя нити паутины. Это паукъ, обманутый позднимъ тепломъ сентябрьскаго солнца, строитъ свои серебряные воздушные мосты. Но солнечный лучъ блѣд-

Арсенальный кузнецъ (1727 — 1730). Съ старинной литографіи.

ритъ блѣдно-синее февральское небо, и на немъ горитъ свѣтлая дрожащая звѣзда.

О моя свѣтлая звѣзда, такая же блѣдная, какъ моя радость, такая же дрожащая и звенящая слезами!..

О мои тихіе цвѣты, распускайтесь и благоухайте!

Не обрывайтесь, звуки... Дайте минуту, дайте призракъ счастья!

Мартъ.

По улицамъ бѣгутъ журчащіе ручьи. Солнце сверкаетъ — и плавитъ хрустальные чертоги снѣга, слѣпитъ глаза нѣжной горячей лаской и разливаетъ всюду безуміе весны. Птицы, животныя, люди—все движется, бѣжитъ, кричитъ, смѣется, какъ во время карнавала, когда подъ маской и пестротой одежды прячутся на мгновеніе заботы, горе и печали.

Но что же случилось?

— Ничего. Только вѣтерокъ принесъ съ полей дыханіе цвѣтущихъ ивъ и вербъ, да воробьи у капелей прочирикали:

„Весна!“

Апрѣль.

Надъ городомъ поникъ свѣтлый апрѣльскій вечеръ. Въ золотѣ заката какъ будто предпраздничное обѣщаніе: черныя вѣтви деревьевъ рѣзко и радостно сплетаются между домовъ на фонѣ алаго неба...

Въ церкви служатъ всенощную. Въ сумеркахъ ярко горятъ ризы иконостаса. Волны ладана и звуковъ замираютъ подъ сводами. Темно въ придѣлахъ и углахъ.

Темны лики иконъ, темны образы молящихся, тяжки вздохи и слезы, что льются вмѣстѣ съ молитвами и вмѣстѣ съ ладаномъ и пѣніемъ хора поднимаются къ небесамъ...

Я вхожу въ полутемную со сверкающимъ иконостасомъ церковь, я становлюсь поодаль у окна, и слезы льются изъ моихъ глазъ при звукахъ знакомыхъ, забытыхъ, молитвъ...

Дѣтство мое, радостное, свѣтлое, какъ сіяніе иконостаса, кроткая наивная вѣра, исканіе подвига, умиленіе передъ жертвой — воскресаютъ въ этихъ забытыхъ звукахъ. Былыя надежды, былая радость передъ наступающей жизнью, ожиданіе счастья, только счастья, только свѣта слышатся въ нихъ—и неизъяснимой сладкой болью жгутъ разбитое сердце и стѣсняютъ больную грудь.

Какъ зерна хрустальныхъ четокъ, текутъ слезы; какъ молитвы, встаютъ съ каждымъ зерномъ далекія свѣтлыя воспоминанія.

Май.

Свѣтлый май. Изъ окна моей комнаты я вижу на фонѣ блѣднаго вечерняго неба золотые цвѣточки клена, частую сѣтку его тонкихъ коричневыхъ вѣтокъ, горящіе въ лучахъ заката купола церкви и, какъ огнемъ начертанные, надъ ними кресты.

Отъ города несется несмолкаемый гулъ до моего тихаго жилища. Въ комнатахъ ютится свѣтлый полумракъ. Въ саду цвѣтетъ черемуха: въ черной, влажной землѣ синѣютъ гіацинты, теплятся словно огоньки красные и желтые тюльпаны.

Гдѣ ты, дитя души моей? Гдѣ ты, звѣзда моей ночи? Отчего же тебя нѣтъ со мною? Отчего пути нашихъ жизней встрѣтились лишь на мгновенье, какъ встрѣчаются пути двухъ падающихъ звѣздъ?..

И отчего я одна въ этотъ лучезарный, ароматный майскій вечеръ?..

Іюнь.

Отъ сосновой рощи несется душистая пыль цвѣтущей хвои... Солнце ласково грѣетъ и сверкаетъ золотой сѣтью въ синихъ холодныхъ струяхъ рѣки. Тихъ

Офицеръ и мастеръ С.-Петербургскаго Арсенала временъ Петра Великаго. Съ старинной литографіи.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Памятникъ Петру I, Основателю С.-Петербургскаго Арсенала, открытый и освященный въ день юбилея, 21 апрѣля с. г., на Выборгской сторонѣ, противъ зданія Арсенала. Работа скульптора В. В. Лишева.
По фот. М. Брейткасъ.

нѣтъ. Дождь и вѣтеръ въ одно мгновеніе уничтожаютъ работу паука.

. . . .

Не такъ же ли случайный твой привѣтъ, дорогой другъ мой, протягиваетъ въ душѣ моей серебряныя нити мечтаній, и въ сердцѣ, обманутомъ мимолетной, нежданной лаской, — просыпается надежда?.. Но холодный взглядъ... равнодушное слово — и разрываются серебряныя нити.

Октябрь.

Сѣетъ мелкій осенній дождь. На дворѣ мутно, сыро и тоскливо. Небо и городъ залиты слезами. Ноетъ грудь, и хочется закрыть глаза и заснуть надолго.

Я одна въ большомъ, пустынномъ домѣ. Здѣсь жизнь затихла и растворилась въ сплошную атмосферу тоски. Тоской пропитанъ воздухъ высокихъ старинныхъ комнатъ.

Тоска гнетъ вѣтви цвѣтовъ на окнахъ. Сѣрые призраки ея выглядываютъ изъ-за складокъ тяжелыхъ занавѣсей, прячутся въ углахъ темной зеркальной залы, толпятся въ гостиныхъ и галлереяхъ. Они собрались сюда, какъ на свой праздникъ, въ этотъ ненастный осенній день, и подъ шумъ дождя и завыванье вѣтра сплетаются въ причудливыя сочетанія плавно и медленно танцующихъ вереницъ и наполняютъ собою мою душу. Они усыпляютъ въ ней надежды и желанья, острую боль ранъ, рѣзкое трепетаніе жизни... И одѣваютъ ее тяжелымъ покрываломъ апатіи и безысходности.

Клонится голова: закрываются глаза. Гдѣ-то въ глубинѣ, въ дали—звенитъ тихая, однообразная мелодія, и кажется—весь домъ, весь міръ полны этой жалобной, непрерывной мелодіей, этой тоской моей души.

Общій видъ памятника Петру I, Основателю С.-Петербургскаго Арсенала.

Ноябрь.

Въ сумракѣ осенняго утра, что темнѣе весенней ночи, въ туманѣ зловонныхъ испареній города—движутся блѣдные, жалкіе призраки. Это—люди. Они идутъ, они спѣшатъ, гонимые голодомъ и нуждою. Ихъ лица измождены, ихъ взгляды тусклы. Въ ихъ душахъ нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ слезъ. Вмѣстѣ съ блѣдной юностью—умерли пѣсни. Высохли слезы вмѣстѣ съ жалостью въ ихъ сердцахъ. И осталась одна тупая покорность, одинъ животный страхъ смерти. Каждый день ихъ жизни вырванъ цѣной борьбы, униженій и непосильнаго труда.

И одинъ за другимъ въ туманѣ осенняго утра проходятъ тысячи бѣдняковъ, гони-

Снарядный отдѣлъ слесарно-паяльной мастерской С.-Петербургскаго Арсенала.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

мыхъ голодомъ и нуждою - и городъ поглощаетъ ихъ, какъ песокъ воду разливаетъ.

Пожалѣй этихъ людей, дорогой другъ мой!..

Декабрь.

Мчится жизнь города подъ бѣлымъ покрываломъ зимней вьюги, словно кто невидимый спустилъ возжи бѣшеной тройки...

Блестятъ огни въ туманѣ зимней ночи. Летитъ мысль. Летятъ желанья. Жажда новизны, острыхъ и яркихъ ощущеній охватываетъ души.

Рѣзкіе крики свистковъ и гудковъ рвутъ туманную мглу.

Звуки божественной музыки сливаются съ рыданьями и стонами горя. Вопль сбитаго бѣшенымъ карьеромъ жизни, раздавленнаго бѣдняка—пропадаетъ во мракѣ.

Льется вино, какъ сверкающее безуміе, льются потоки золота, рѣки слезъ.

А надо всѣмъ, какъ лейтмотивъ, какъ доминирущая нота—крикъ голода и стихійное влеченіе любви.

Любовь и голодъ. Два главныхъ нерва города, два призрака, что поднимаются надъ нимъ въ кровавомъ туманѣ—какъ страшный, зловѣщій гербъ.

В. А. Тихоновъ.

(Портр. на этой стр.).

Друзья А. П. Чехова сходятъ одинъ за другимъ въ могилу.

13 мая с. г. скончался Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ, одинъ изъ той плеяды писателей, которая, унаслѣдовавъ завѣты реалистической школы, съ честью пронесла ихъ до нашихъ дней.

В. А. Тихоновъ былъ писателемъ подлинной жизни. Человѣкъ изумительной наблюдательности и гибкаго ума, онъ умѣлъ видѣнное и слышанное запечатлѣть въ той художественной формѣ, которая далека отъ излишествъ въ ту или иную сторону. Его пьесы, которыя доставили автору шумный и длительный успѣхъ, заслужили его именно правдивостью своей. И читающая Россія знала покойнаго, какъ правдиваго и честнаго бытописателя. Оставляя однако въ сторонѣ характеристику литературной дѣятельности В. А. Тихонова, остановимся на тѣхъ качествахъ его, которыми опредѣлялась эта богатая индивидуальность.

Много имѣется людей даровитыхъ, умныхъ и образованныхъ, но весьма рѣдки въ наше время натуры цѣльныя, кованныя. Къ числу этихъ немногихъ и принадлежалъ Тихоновъ. Сынъ Волги, онъ былъ широкъ, порывистъ и пѣвучъ, какъ вскормившая его великая рѣка. Онъ не зналъ изгибовъ и изломовъ. Прямо и бодро бралъ жизнь и умѣлъ ею повелѣвать. Божій міръ онъ чувствовалъ, какъ великую радость, счастье, ниспосланное намъ, людямъ. И потому только лицо жизни видѣлъ онъ. Всѣ тѣневыя стороны обыденщины стирались и расплывались въ томъ добромъ и радостномъ, что видѣлъ и чувствовалъ покойный. Вотъ почему онъ никогда не питалъ злобы къ людямъ. Иногда, жестоко и несправедливо обиженный, онъ негодовалъ и проклиналъ обидчика. Но уже черезъ нѣсколько дней (а иногда и часовъ), онъ забывалъ объ обидчикѣ, прощалъ ему и находилъ для него смягчающія обстоятельства. Такимъ образомъ незлобивость В. А. проистекала изъ его любви къ красотѣ міра. Отсюда же и тотъ оптимизмъ, который не покидалъ покойнаго до послѣдняго дня жизни. А были тяжелыя минуты отчаянной борьбы за существованіе, безъ надежды на скорый конецъ матеріальныхъ затрудненій. Но Тихоновъ не унывалъ, жилъ вѣрой въ скорое лучшее будущее и самъ же трунилъ надъ своими невзгодами.

Онъ хотѣлъ взять отъ жизни максимумъ того, что можно было. Его не пугали неизвѣстность и возможность непріятностей и заботъ, и потому онъ перепробовалъ на своемъ вѣку много профессій. Безпокойный и любознательный, онъ съ гимназической скамьи мечтаетъ о лаврахъ героя, идетъ на войну (1877—78 гг.) и молодымъ офицеромъ обращаетъ на себя вниманіе Великаго Князя Михаила Николаевича. Но, освоившись со средой и набравшись впечатлѣній, онъ охладѣвалъ и жаждалъ другого рода дѣятельности. Такъ, военный мундиръ быстро замѣнилъ онъ штатскимъ костюмомъ. Преобразовался въ купца и зажилъ кипучей жизнью, разъѣзжая по Европѣ. Прискучила торговая дѣятельность—и онъ,—къ тому времени серьезно отдавшійся литературѣ,—посвятилъ себя театру. Игралъ въ опереткѣ—и пользовался успѣхомъ. Былъ драматическимъ актеромъ — и пожиналъ лавры въ провинціи. Онъ любилъ выступать на подмосткахъ до послѣдняго времени, участвуя въ благотворительныхъ спектакляхъ.

В. А. Тихоновъ, извѣстный драматургъ и беллетристъ. (1857—1914). По фот. Д. Здобнова.

Такъ въ теченіе долгихъ странствованій изучилъ онъ различные слои общества, запечатлѣлъ въ памяти тысячи любопытныхъ фактовъ и характерныхъ явленій—и съ этимъ огромнымъ запасомъ наблюденій посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Ему не приходилось выдумывать фабулы и типы. Въ памяти его было такъ много интереснаго, что слѣдовало лишь умѣло запечатлѣть видѣнное. А этого хватило бы еще на многіе годы. И онъ разсказывалъ просто, искренно, такъ же ярко, какъ разсказывалъ друзьямъ, у него собиравшимся.

Слава В. А. Тихонова, какъ разсказчика, была велика. Его сравнивали съ Григоровичемъ, въ свое время славившемся, какъ остроумнѣйшій собесѣдникъ. И уже у порога смерти, измożденный упорной и тяжелой болѣзнью сердца, онъ—какъ и десять лѣтъ назадъ—умѣлъ остроумно и занимательно по нѣскольку часовъ подъ рядъ разсказывать о томъ, что довелось ему видѣть.

Характера мягкаго и добраго, натуры широкой, поистинѣ волжской, былъ В. А. Тихоновъ и въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни. Онъ швырялъ деньгами направо и налѣво, пока деньги были. А когда наступила старость, и болѣзни одна за другой стали терзать Владиміра Алексѣевича—и тутъ не покинули его привычки стараго барина, хотя все хуже и хуже шли матеріальныя дѣла.

Наконецъ отмѣтить надо то уваженіе, какое питалъ покойный къ печатному слову и къ званію писательскому. Долго и тщательно отдѣлывая каждое, даже самое незначительное, свое произведеніе, онъ и отъ другихъ писателей требовалъ бережнаго и любовнаго отношенія къ литературѣ, возмущаясь небрежностью и работой на спѣхъ.

Читающая Россія а вмѣстѣ съ тѣмъ и читатели „Нивы", въ которой онъ былъ долголѣтнимъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ, долго еще будетъ знать имя Тихонова. Навѣки сохранятъ о немъ и память добраго, славнаго человѣка. Да будетъ легка ему земля!

Петръ Рыссъ.

И. И. Боргманъ, первый выборный ректоръ С.-Петербургскаго университета. (1849—1914).

И. И. Боргманъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ маѣ с. г. скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ заслуженный ординарный профессоръ Петербургскаго университета Иванъ Ивановичъ Боргманъ. Окончивъ въ 1870 году Петербургскій университетъ, покойный былъ оставленъ при университетѣ и въ 1873 году былъ командированъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ и работалъ въ лабораторіи подъ руководствомъ знаменитаго физика, открывшаго спектральный анализъ, Кирхгофа. Въ ученомъ мірѣ покойный извѣстенъ какъ физикъ-экспериментаторъ, давшій наукѣ цѣнные матеріалы для теоретическаго объясненія частичныхъ силъ, дѣйствующихъ въ электрическихъ явленіяхъ. Главнымъ трудомъ всей жизни покойнаго было изслѣдованіе электрическихъ и магнитныхъ явленій, и смерть застала его въ моментъ изданія второго тома интереснаго, цѣннаго труда его „Основы ученія о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ". Чтеніе лекцій по физикѣ въ университетѣ покойный началъ съ 1877 года послѣ защиты диссертаціи „О гальваническомъ

сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ“, основанной на личныхъ опытахъ.

Въ 1877 году покойный блестяще защитилъ диссертацію на доктора физики.

Съ 1905 по 1908 годъ И. И. Боргманъ былъ первымъ ректоромъ Петербургскаго университета по выборамъ, а съ 1906 года былъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ университета, сложивъ это званіе послѣ роспуска первой Государственной Думы. Однако профессорская дѣятельность покойнаго не ограничивалась чтеніемъ лекцій на высшихъ „владимірскихъ“ курсахъ, на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и педагогическихъ, въ Технологическомъ и Электро-техническомъ институтахъ. Съ 1883 по 1886 годъ проф. Боргманъ преподавалъ физику Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору, и съ 1886 по 1890 годъ— Великому Князю Георгію Александровичу, затѣмъ Великому Князю Михаилу Александровичу и Великой Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ. Кромѣ педагогической дѣятельности, покойный занимался также литературной и съ 1875 года состоялъ редакторомъ физической части журнала русскаго физико-химическаго общества при Петербургскомъ университетѣ, а послѣдніе годы редактировалъ сборники статей „Новыя идеи въ физикѣ“. Кромѣ того, перу покойнаго принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ книгъ и статей по электричеству и магнетизму, печатавшихся въ русскихъ и иностранныхъ научныхъ журналахъ. Какъ общественный дѣятель, покойный принималъ участіе въ качествѣ члена въ Совѣтѣ Торговли и Мануфактуръ, состоялъ много лѣтъ членомъ петербургской городской думы, попечителемъ Петропавловской городской больницы. Покойному было 65 лѣтъ, но, несмотря на этотъ возрастъ, онъ былъ еще за недѣлю до смерти бодрымъ, энергичнымъ и неутомимымъ работникомъ какъ въ научной, такъ и общественной дѣятельности. Его лекціи въ университетѣ всегда собирали многочисленную аудиторію, такъ какъ читались всегда съ большимъ воодушевленіемъ и подъемомъ. Для учащейся молодежи покойный былъ не только блестящимъ профессоромъ, но и чуткимъ, отзывчивымъ человѣкомъ, близко принимавшимъ къ сердцу ея горести и готовый всегда по мѣрѣ своихъ силъ помочь ей.

Н. С. Павловскій.

Императрица Марія Θеодоровна, супруга Императора Павла I, воздвигшая для Смольнаго института новое зданіе и завѣщавшая ему капиталъ свыше полутора милліона ассигнаціями.

Императрица Екатерина II, Основательница Смольнаго института. (Съ рѣдкаго портрета).

150-лѣтіе Смольнаго института.

(Съ 6 рис. на стр. 418 и 419).

Въ маѣ 1764 года императрица Екатерина II издала указъ объ учрежденіи въ Смольномъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ, учебно-воспитательнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ. При основаніи этого заведенія императрица задалась цѣлью посредствомъ школьнаго воспитанія создать въ Россіи „новую женщину“; въ своемъ наказѣ она такъ и выражалась. Она мечтала о томъ, что воспитанная ею новая женщина дастъ ея подданнымъ „новое бытіе“, что съ ея помощью народится „новая порода“ благоразумныхъ, справедливыхъ и счастливыхъ людей. Видя главный источникъ всѣхъ недостатковъ современной ей русской женщины въ старозавѣтномъ русскомъ складѣ семьи, Екатерина II естественно приходила къ мысли, что воспитаніе задуманной ею „новой породы“ женщинъ можетъ успѣшно состояться лишь при томъ условіи, чтобы питомица основаннаго ею заведенія была совершенно отрѣзана отъ семьи. Такъ понялъ ея главную мысль и знаменитый И. И. Бецкой, на котораго императица возложила воплощеніе своихъ идеаловъ въ проектированномъ учебномъ заведеніи.

Курсъ воспитанія и обученія былъ, по первоначальному плану института, двѣнадцатилѣтній, раздѣленный на четыре курса или класса, по три года на каждый классъ. Порѣшивъ въ принципѣ

И. И. Бецкой, ближайшій сотрудникъ Имп. Екатерины II по основанію Смольнаго института.

Проектъ памятника въ Бозѣ почивающей Основательницѣ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи—Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Памятникъ сооружается на площади передъ Смольнымъ институтомъ. (Проектъ скульптора Е. И. Черемисиновой).

Къ 150-лѣтію Смольнаго института (1764—5 мая—1914 г.). По фот. Я. Штейнберга.

Зданіе Смольнаго института, въ С.-Петербургѣ.

что устраненіе всякаго вліянія со стороны семьи составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ гарантій успѣха воспитанія, постановили, чтобы родители, отдававшіе своихъ дѣвочекъ въ институтъ, давали подписку о томъ, что до истеченія двѣнадцати лѣтъ не возьмутъ ихъ изъ него; не полагалось также никакихъ отпусковъ и даже и свиданій воспитанницъ съ родителями до самаго окончанія курса.

Въ преподаваніи первое мѣсто было отведено Закону Божію; затѣмъ много мѣста отводилось изученію русскаго и иностранныхъ языковъ; далѣе шли ариѳметика, географія, исторія, стихотворство и отчасти архитектура и геральдика; преподавались также танцы, музыка, всякаго рода рукодѣлія и „экономія", подъ которой подразумѣвалось домашнее хозяйство: этой экономіи, судя по пространнымъ разъясненіямъ о ней въ уставѣ института, придавалось большое значеніе.

По вступленіи на престолъ императора Павла, руководительство дѣлами Смольнаго института взяла на себя императрица Марія Ѳеодоровна. Августѣйшая попечительница института была такъ мелочно-внимательно къ дѣтямъ любимаго ею заведенія, что почти каждый день присылала его начальству какія-нибудь свои письменныя распоряженія, а иногда такія распоряженія присылались даже два-три раза въ день. При ея попечительствѣ была устроена вся хозяйственная часть заведенія, и обращено очень серьезное вниманіе на улучшеніе состава преподавателей. Не довольствуясь личными заботами объ институтѣ, императрица побуждала къ нимъ своихъ дѣтей, великихъ князей и княженъ. Весь планъ воспитанія былъ измѣненъ. По первоначальному уставу, въ институтъ принимали дѣвочекъ 5—6 лѣтъ: онѣ образовывали младшій, „кофейный" (по цвѣту платья) возрастъ. При Маріи Ѳеодоровнѣ этотъ возрастъ совсѣмъ отмѣнили, пріемъ сталъ производиться съ 8—9 лѣтъ, и общій курсъ сталъ девятилѣтнимъ. Измѣнились, сообразно требованіямъ времени, и учебныя программы; кое-какіе предметы прибавили, напр., логику, геометрію, опытную физику, признававшуюся наукою, „разсѣивающею пустые страхи, предохраняющею отъ суевѣрій, придающею уму крѣпость и основательность".

Съ 1839 года дѣятельнымъ покровителемъ института сдѣлался извѣстный просвѣщенный благотворитель, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Императрица Марія Александровна, принявшая на себя впослѣдствіи попечительство надъ институтомъ, поручила знаменитому педагогу К. Д. Ушинскому тщательно разсмотрѣть существовавшій планъ преподаванія въ институтѣ и разработать новый, сообразно требованіямъ времени. Выработанный имъ проектъ удостоился Высочайшаго одобренія и былъ примѣненъ въ институтѣ самимъ Ушинскимъ и группою подобранныхъ имъ молодыхъ, талантливыхъ учителей. Институтъ обратился въ среднеучебное заведеніе съ семилѣтнимъ курсомъ; прекратилось „зубреніе" уроковъ и замѣнилось живымъ нагляднымъ обученіемъ. Прекратилась и строгая замкнутость жизни института: питомицъ стали увольнять въ отпускъ на лѣтнія каникулы, Рождество и Пасху; допущены были свиданія съ родственниками въ самомъ институтѣ. Потомъ по образцу Смольнаго института были преобразованы всѣ другія закрытыя женскія среднія учебныя заведенія въ Россіи.

Въ послѣдующіе годы, вплоть до нашихъ дней, постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Смольномъ институтѣ продолжала совершенствоваться. Было обращено вниманіе на физическую сторону воспитанія, введена раціональная гимнастика, въ послѣдніе годы, между прочимъ, и новая гимнастическая система Далькроза.

За свое 150-лѣтнее существованіе Смольный институтъ выпустилъ свыше 6.000 питомицъ, и, какъ извѣстно, многія изъ нихъ занимали и занимаютъ очень видныя мѣста, особенно на педагогическомъ поприщѣ.

Международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ Петербургѣ.

Евг. А. Зноско-Боровскаго.

(Съ 3 потретами на стр. 420 б).

Происходившій въ апрѣлѣ и маѣ и недавно окончившійся международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ Петербургѣ займетъ одно изъ самыхъ значительныхъ мѣстъ среди всѣхъ когда-либо бывшихъ шахматныхъ состязаній. Къ участію въ немъ приглашены были только такіе игроки, которые взяли хотя бы одинъ чистый первый призъ на большомъ международномъ турнирѣ, т.-е. дѣйствительные побѣдители, могущіе мечтать или мечтавшіе прежде о соперничествѣ съ шахматнымъ королемъ. Такихъ игроковъ оказалось около 20-ти, но, конечно, пріѣхали не всѣ: одни принуждены были отказаться изъ-за болѣзненности или преклоннаго возраста (какъ Бернъ, Винаверъ, Вейсъ), другіе не явились по разнымъ случайнымъ причинамъ (Мароци, Дурасъ, Тейхманъ); всего обиднѣе было отсутствіе Шлехтера, сдѣлавшаго матчъ ничьимъ противъ самого Ласкера. Но и безъ нихъ составъ оказался хотя не слишкомъ большимъ (11 человѣкъ), но очень внушительнымъ: здѣсь были соратники Стейница и Чигорина — Блэкбернъ (I-й пр. въ Берлинѣ 1881 г., Гирфордѣ 1885 г., Лондонѣ 1886 г.) и Гунсбергъ (I-й пр. въ Гамбургѣ 1885 г., Брэдфордѣ 1887 г.), былъ чэмпіонъ міра Ласкеръ, о которомъ будетъ сказано дальше и его соперникъ — Таррашъ (I пр. въ Бреславлѣ 1889 г., Манчестерѣ 1890 г., Дрезденѣ

Прогулка смолянокъ въ вѣковомъ паркѣ института.

Къ 150-лѣтію Смольнаго института (1764—5 мая—1914 г.). По фот. К. Булла.

штейномъ въ Остенде 1907 г.), Рубинштейнъ (I-й пр. въ Карлсбадѣ 1907 г., Санъ-Себастьяно 1912 г., Пиштьенѣ 1912 г, Остенде — съ Бернштейномъ — 1907 г.); самый молодой — Капабланка (I-й пр. въ Санъ-Себастьяно, 1911 г.) и наконецъ только что получившіе I-й пр. во всероссійскомъ турнирѣ маэстро въ Петербургѣ 1913 г.—Алехинъ и Нимцовичъ.

Такъ какъ участниковъ было не очень много, турниръ былъ бы очень коротокъ и мало убѣдителенъ, если бы играть

Торжественное несеніе мощей св. патріарха Ермогена. Въ шествіи принимаетъ участіе Его Высочество Князь Іоаннъ Константиновичъ. Мощи патріарха покоятся въ кипарисовомъ гробу, окованномъ серебромъ.

Торжественное несеніе мощей св. патріарха Ермогена вокругъ Кремлевскихъ соборовъ. Мощи патріарха-печальника и мученика за цѣлость и великодержавность Руси и ея молитвенника, въ прошломъ году прославленнаго и причисленнаго къ лику святыхъ, были торжественно открыты для всенароднаго поклоненія.

1892 г., Лейпцигѣ 1894 г., Вѣнѣ 1898 г., Монте-Карло 1903 г., Остенде 1907 г.), представитель ближайшаго къ нимъ поколѣнія: Яновскій (I-й пр. въ Монте-Карло 1901 г., Ганноверѣ 1902 г.), младшіе его — Маршаллъ (I-й пр. въ Кэмбриджъ-Спрингсѣ 1914 г., Нюрнбергѣ 1906 г.), Бернштейнъ (I-й пр. съ Рубин-

Крестный ходъ вокругъ Кремлевскихъ соборовъ; непосредственно за духовенствомъ слѣдуетъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна.

Торжества открытія мощей святителя Ермогена въ Москвѣ 11 мая 1914 года. По фот. С. Смирнова.

всего по одной партіи, а такъ какъ, съ другой стороны, многіе изъ участниковъ высказались противъ турнира по двѣ партіи, то организація состязанія была выработана нѣсколько своеобразная. Сперва былъ устроенъ турниръ, гдѣ всѣ участники играли другъ съ другомъ по одной партіи; затѣмъ пять первыхъ по количеству очковъ игрока образовали второй турниръ, гдѣ играли по двѣ партіи каждый съ каждымъ, но для распредѣленія призовъ результаты обоихъ турнировъ складывались. Подобная система имѣетъ одно неудобство: при случайно неудачной игрѣ кого-нибудь въ первомъ турнирѣ онъ рискуетъ не попасть въ группу побѣдителей (такъ и случилось съ великолѣпнымъ игрокомъ Рубинштейномъ, счастье которому такъ измѣнило, что онъ остался внѣ числа призеровъ), но зато она имѣетъ и существенную выгоду: благодаря ей, призеры сыграли между собою по 3 партіи—почти цѣлый матчъ.

Очередь богомольцевъ, ожидающихъ впуска въ московскій Успенскій соборъ для поклоненія нетлѣннымъ мощамъ св. патріарха Ермогена.

Первый турниръ окончился съ такимъ результатомъ: впереди всѣхъ, безъ проигрыша, Капабланка+8 изъ 10 (т.-е. превосходные 80%), затѣмъ Ласкеръ и Таррашъ по 6½, Алехинъ и Маршаллъ по 6,—эти пятеро и попали въ группу призеровъ; за ними: Бернштейнъ и Рубинштейнъ по 5, Нимцовицъ 4, Блэкбернъ и Яновскій по 3½, Гунсбергъ 1. При такой большой разницѣ между первымъ и другими игроками казалось, что Капабланка окажется первымъ и во всемъ турнирѣ, но здѣсь Ласкеръ сталъ играть замѣчательно и изъ 8 партій, ни одной не проигравъ, сдѣлалъ 7 очковъ, т.-е. совсѣмъ небывалые 87,5% (другіе имѣли: Капабланка 5, Алехинъ 4, Маршаллъ и Таррашъ по 2). Такимъ образомъ весь турниръ окончился съ результатомъ: I-й пр.—Ласкеръ 13½, II-й—Капабланка 13, III-й—Алехинъ 10, IV-й—Таррашъ 8½, V-й—Маршаллъ 8.

Успѣхъ, выпавшій на долю чемпіона міра, великолѣпенъ и напоминаетъ лучшую пору его турнирной дѣятельности, показавъ, что онъ сейчасъ находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Особенно поразительны его рекордъ въ группѣ побѣдителей и ровность его игры: сдѣлавъ въ итогѣ 75%, онъ удержалъ этотъ % и въ игрѣ съ призерами и съ непризерами, чѣмъ показалъ, что для него призеры не выше другихъ, что подтвердилъ еще тѣмъ, что перегналъ всѣхъ на 3½ очка. Только одинъ оказался ближе къ нему, отставъ всего на ½ очка, это Капабланка. И этотъ результатъ болѣе, чѣмъ побѣда въ Санъ-Себастьяно, выдвигаетъ его, какъ опаснѣйшаго соперника Ласкеру. Отлично сыгралъ еще Алехинъ, успѣхъ котораго не только выше всѣхъ прежнихъ успѣховъ, но и превосходитъ всѣ ожиданія, которыя съ нимъ связывались.

Паломники у стѣнъ Кремля въ ожиданіи торжественнаго богослуженія.

Если такимъ образомъ турниръ не имѣлъ въ заданіи явиться зачинателемъ новой эры (ибо приглашались лишь игроки признанныхъ репутацій), то нельзя не признать, что, помимо нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ въ каждомъ состязаніи случайностей и, прежде всего, неудачи Рубинштейна, турниръ отлично выполнилъ возложенную на него миссію. Онъ подтвердилъ безспорность для настоящаго момента Ласкера, какъ сильнѣйшаго игрока; онъ выдвинулъ Капабланку, какъ опаснѣйшаго ему соперника, и провозгласилъ Алехина лучшей надеждой младшаго поколѣнія.

Этихъ итоговъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы признать турниръ вполнѣ удавшимся.

Скажемъ нѣсколько словъ о побѣдителѣ турнирахъ.

Первый призъ въ только-что окончившемся международномъ шахматномъ чемпіонъ-турнирѣ получилъ чемпіонъ міра Эммануилъ Ласкеръ, но, кромѣ того, онъ является въ нынѣшнемъ году двойнымъ юбиляромъ: двадцать пять лѣтъ назадъ, въ 1889 г., на международномъ Haupt-турнирѣ въ Бреславлѣ, онъ завоевалъ званіе маэстра, а черезъ пять лѣтъ, въ 1894 г., т.-е. двадцать лѣтъ назадъ (именно 13 мая), онъ обыгралъ въ матчѣ (+10 —5 =4) прежняго шахматнаго короля Стейница и самъ утвердился на опустѣвшемъ его тронѣ (матчъ-реваншъ въ 1896 г. онъ выигралъ съ 10 партіями противъ всего 2-хъ проигранныхъ).

Шахматная дѣятельность его, помимо уже названныхъ событій, представляется въ такомъ видѣ. Родившись 12 (24) декабря 1868 г. въ Берлинхенѣ, въ Пруссіи, онъ рано узналъ шахматы и, ставъ маэстро, выигралъ матчи у Барделебена, Мизеса, Энглиша, взялъ II-й призъ въ 1889 г. на турнирѣ въ Амстердамѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Англію и Америку, гдѣ по очереди разбилъ, въ матчахъ или турнирахъ, лучшихъ игроковъ, какъ Бердъ, Блэкбернъ, Гунсбергъ, Мезонъ, Шовальтеръ и др. Завоевавъ званіе чемпіона міра, онъ сталъ много играть въ турнирахъ, получивъ III-й призъ въ Гэстингсѣ, 1895 г., дѣливъ II-й и III-й въ Кембриджъ-Спрингсѣ 1904 г. I-й и II-й въ Петербургѣ 1909 г., а чистый первый призъ въ Петербургѣ 1895 г., Нюрнбергѣ 1896 г., Лондонѣ 1899 г., Парижѣ 1900 г., Петербургѣ 1914 г. Кромѣ того, защищая свое званіе шахматнаго короля, онъ выигралъ матчи: у Маршалла (1907 г.), Тарраша (1908 г.), Яновскаго (1910 г.) и свелъ въ ничью со Шлехтеромъ (1910 г.). Теперь онъ готовится играть осенью матчъ съ нашимъ соотечественникомъ А. К. Рубинштейномъ.

Торжества открытія мощей святителя Ермогена въ Москвѣ 11 мая 1914 года. По фот. С. Смирнова.

Международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ С.-Петербургѣ.

I-й призъ. Д-ръ Э. Ласкеръ.

II-й призъ. Хозе-Рауль Капабланка.

III-й призъ. А. А. Алехинъ.

Ласкеръ очень извѣстенъ въ теоретической и литературной области. Редактируя многіе шахматные отдѣлы и сотрудничая въ разныхъ изданіяхъ, онъ и самъ издавалъ шахматные журналы, какъ-то „Lasker's Chess Magazine" и нынѣшній „Der Schachwart". Выпустилъ онъ еще книги „Здравый смыслъ въ шахматахъ", „Борьба" и чисто философскій трудъ „Міропониманіе".

Если постараться опредѣлить личность Ласкера, то его прежде всего придется характеризовать, какъ очень ярко выраженную индивидуальность бойца. Хотя онъ и склоненъ къ философіи, сама философія его построена на борьбѣ. И для него шахматы есть сколокъ міра, гдѣ также идетъ вѣковѣчная борьба, а потому и тѣ же дѣйствуютъ законы, и, кромѣ того, они—отраженіе его личности съ огромнымъ напряженіемъ воли на первомъ планѣ, непреклоннымъ стремленіемъ къ поставленной цѣли, желаніемъ настоять на своемъ, хотя бы замыселъ былъ и не вѣренъ. Подобно тому, какъ въ жизни своей ставитъ онъ себѣ опредѣленныя цѣли и отъ одной смѣло переходитъ къ другой, такъ и на шахматной доскѣ онъ сразу опредѣляетъ себѣ цѣль и уже не отступаетъ, пока ея не добьется. Отсюда — онъ можетъ проиграть партію, но она никогда не можетъ быть вялой, безъ идеи; отсюда: если ему надо выиграть партію—онъ ее непремѣнно выиграетъ.

Имѣть одновременно большой философскій умъ и желѣзную волю борца — рѣдко встрѣчается такое сочетаніе.

Между тѣмъ въ шахматахъ лишь при наличности его можно достичь совершенства.

Ласкеру не чуждо оно, и про него больше, чѣмъ про кого-нибудь другого, можно сказать, что онъ мастеръ своего дѣла и своего искусства.

Пожаръ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ 2 мая с. г. Прибытіе пожарныхъ частей. По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

Пожаръ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ, 2 мая с. г., уничтожившій множество цѣнныхъ декорацій прежняго и современнаго репертуара. По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

Содержаніе.

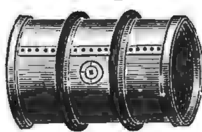
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. II".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ**.
Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3.
(39) Прейсъ-курантъ безплатно. 8760з

ПРОТИВЪ ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ
въ особенности хрон. воспаленій, разстройства менструаціи, безплодія, а также **болѣзней крови, подагры, ревматизма, нервныхъ болѣзней** и проч.

ПРОТИВЪ БОЛѢЗНЕЙ СЕРДЦА
недостаточности сердца (ослабленія сердца), воспаленія сердечнаго мускула, неправильностей сердечныхъ клапановъ, невроза сердца, артеріосклероза, ожирѣнія сердца и проч.

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Подробный и богато иллюстрированный **проспектъ** высылаетъ
2981 **безплатно Правленіе Курорта.** 2-1

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностраннаго языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.", Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец.** и **англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностр. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произвед. даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 р. (на налож. плат. 20 к.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія":
ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ. (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно. 2925 3-2
Изданія наши можно выписыв. и по одному тому съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО".
С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.

НУЖНЫ АГЕНТЫ.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 22- стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1406 Адресъ: (27)
Швейцарія, Женева 567, Cenève 567.
Dr. med. Rumler.

РЕЗИНОВЫЕ ЧУЛКИ,

новѣйшей системы бандажи отъ грыжи безъ пружинъ, пояса для дамъ и другія резиновыя издѣлія. Требуйте иллюстрир. подробн. пр.-курантъ безплатно. **Д. РОДЖЕРСЪ**, С.-Петербургъ, Невскій, 60—14.
2481 (13)

Коллекціонерамъ марокъ. Требуйте безплатно мой большой иллюстрированный прейсъ-курантъ № 14. Корреспон. на нѣмецкомъ, англійскомъ и французск. язык. Carl Kreitz Königswinter 4 Deutschld (Германія).

МОГУЧІЙ ИСЦѢЛИТЕЛЬ.

ИЗЛѢЧИВАЕТЪ БОЛЬНЫХЪ ТАИНСТВЕННОЙ СИЛОЙ.

ВЫ МОЖЕТЕ УЗНАТЬ ЕГО СЕКРЕТЪ БЕЗПЛАТНО.

Чудесный способъ лѣченія всѣхъ болѣзней. Вы можете лѣчиться на дому.—Великодушное предложеніе д-ра Ридъ.

Д-ръ Джонъ С. Ридъ.

„Я считаю преступленіемъ дѣлать опыты надъ здоровьемъ людей"—говоритъ д-ръ Джонъ С. Ридъ.—„Если бы я не зналъ положительно и достовѣрно, что мое новое лѣченіе на дому можетъ излѣчить всякую болѣзнь тогда, когда уже ничто другое не помогаетъ, то я счелъ бы за преступленіе утверждать объ этомъ. Для человѣка нѣтъ ничего дороже его здоровья и ничто для него такъ не ужасно, какъ преждевременная могила. Легкія недомоганія, если не лѣчить ихъ какъ слѣдуетъ, часто переходятъ въ упорныя хроническія болѣзни. Я вѣрю, что мое новое открытіе—Виталопатія—наиболѣе чудесный методъ лѣченія изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ, — и я намѣренъ сообщить секретъ его всему міру. Мое желаніе, чтобы его зналъ каждый мужчина, женщина и ребенокъ. Я скажу всякому больному какимъ образомъ онъ можетъ совершенно возстановить свое здоровье, я предпочитаю лучше быть благодѣтелемъ для больного, нежели обладать всѣми богатствами Креза".

Это замѣчательныя слова, но всѣ, кто знаетъ д-ра Ридъ и кто испробовалъ его лѣченіе, подтверждаетъ ихъ безусловную правдивость.

„Я почти умиралъ отъ болѣзни печени и почекъ"—пишетъ профессоръ Джонъ С. Нельсонъ, извѣстн. геологъ и горный инженеръ. — „Доктора обрекли меня на смерть. Вы можете представить себѣ мое душевное состояніе. Я не могъ заниматься дѣлами и началъ думать о томъ, что дни мои сочтены. Я прочелъ объ удивительныхъ случаяхъ исцѣленія д-ромъ Ридъ при помощи его удивительнаго открытія—Виталопатіи — и въ полномъ отчаяніи рѣшилъ написать ему о моемъ душевномъ и физическомъ состояніи. Онъ прислалъ мнѣ точное объясненіе моей болѣзни и не взялъ съ меня за это ничего. Онъ предписалъ мнѣ лѣченіе, которое я началъ почти безъ всякаго къ нему довѣрія, но я счастливъ сказать, что теперь я совершенно выздоровѣла и глубоко вѣрю въ Виталопатію.

На основаніи личнаго опыта я вѣрю, что д-ръ Ридъ чуть ли не воскрешаетъ изъ мертвыхъ".

Госпожа А. Дж. Сифрейдъ пишетъ слѣдующее благодарственное письмо: „У меня была тяжелая форма экземы и крапивной сыпи, покрывшей все мое тѣло. Зудъ и жженіе по временамъ бывали нестерпимы, Я написала д-ру Ридъ и черезъ четыре дня послѣ того, какъ я начала исполнять его безплатные совѣты, зудъ пересталъ и сыпи быстро исчезли. Черезъ десять дней я совершенно выздоровѣла. Теперь я чувствую себя лучше, чѣмъ когда-либо за послѣднія десять лѣтъ. Безплатный совѣтъ д-ра Ридъ прямо благодѣяніе для тѣхъ, кто не въ состояніи платить много докторамъ".

Д-ръ Ридъ говоритъ: „Я сочувствую больнымъ. Я желаю, чтобы каждый больной хроникъ сталъ здоровымъ. Я хочу доказать, что можетъ сдѣлать мой методъ лѣченія. Я хочу, чтобы каждый больной написалъ мнѣ лично. Сообщите мнѣ главные симптомы вашей болѣзни, я немедленно сдѣлаю точный діагнозъ и предпишу методъ лѣченія, который безусловно васъ вылѣчитъ. Это ровно ничего не будетъ вамъ стоить. Я также пришлю вамъ мою новую книгу „Тайныя силы природы" совершенно даромъ. Напишите мнѣ подробно и откровенно относительно себя, приложивъ три марки по 7 коп. на пересылку книги. Адресуйте: 2963

Д-ръ Джонъ С. Ридъ
9 улица л'Исли
Парижъ (Франція) отд. 3-АВ.

D-r. John S. Read,
New-Jork, Medical Co.
9 rue, de l'Isly.
Paris (France) Dept. 3-AB.

Излѣчивайтесь сами отъ РЕВМАТИЗМА БЕЗПЛАТНО

ЭТОМУ ОТКРЫТІЮ Я ОБЯЗАНЪ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.

Эта фотографія въ точности изображаетъ, подобно моему случаю, ужасныя послѣдствія ревматизма и подагры. Только страдающему или страдавшему ревматизмомъ достаточно хорошо извѣстны тѣ ужасныя муки и страданія, которыя я перенесъ. Теперь же я совершенно здоровъ и посвящаю какъ можно больше времени, принося облегченіе другимъ. Когда мнѣ минуло всего 15 лѣтъ, я уже страдалъ хроническимъ ревматизмомъ. (Первый приступъ болѣзни приключился, когда мнѣ было всего 8 лѣтъ). Всѣ мои суставы были до того опухши и искривлены, что по временамъ я былъ безпомощнымъ калѣкой. Я испыталъ всевозможныя лѣкарства, употребляя ихъ безпрерывно въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ подъ рядъ, слѣдствіемъ чего было однако лишь временное облегченіе. Годъ проходилъ за годомъ и въ теченіе свыше 20-ти лѣтъ ужасныхъ страданій я успѣлъ затратить на лѣченіе своего недуга почти цѣлое состояніе безъ всякой пользы, пока мнѣ самому удалось составить рецептъ, благодаря которому я совершенно излѣчился. Теперь считаю своимъ долгомъ познакомить каждаго страдающаго съ моимъ чудеснымъ рецептомъ.

Если Вы страдаете ревматизмомъ или подагрой въ какой бы то ни было формѣ, напишите мнѣ, чтобы я выслалъ Вамъ **совершенно безплатно** мой рецептъ. **НЕ ПОСЫЛАЙТЕ ДЕНЕГЪ.** Я желаю дать Вамъ его безвозмездно. Я хочу, чтобы Вы лично убѣдились, что мой рецептъ можетъ сдѣлать для Васъ. Иллюстрація показываетъ послѣдствія неописуемыхъ страданій, котор. мнѣ приходилось переносить. Возможно, что и Вы, читатель, страдаете подобнымъ образомъ. Если это такъ, то Вы не должны страдать дольше. Мой рецептъ дастъ Вамъ желаемое облегченіе и вскорости полное избавленіе отъ недуга. Вы можете испытать этотъ рецептъ безъ всякой затраты съ Вашей стороны.

Если Вамъ понадобится еще, Вы потомъ можете всегда достать почти въ каждой аптекѣ или аптекарскомъ магазинѣ, которые уже поставлены въ извѣстность о существованіи этого цѣлебнаго состава.

Напишите мнѣ по адресу: **М. Е. Трейзеръ, № 37, Бангоръ-Гаузъ, Шу-Лейнъ. Лондонъ, Е. С., Англія.** 2644 10-9

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ.

2979 Всѣ разныя. 5-1

ISLAND

135. Голландія и колоніи. Р. 2.75
100. Французскія колоніи. . . . „ 1.40
100. Португальскія колоніи . . . „ 2.—
30. Сіамъ. . . . . „ 1.60
60. Бразилія. . . . . „ 2.30
1000. Всего міра. . . . . „ 6.20

высылаются франко по полученіи почтов. перевода. Рекомендуется всѣмъ коллекціонерамъ требовать безплатную высылку иллюстрир. газеты и прейсъ-кур.

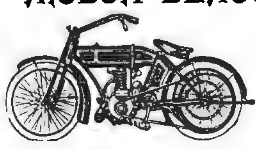
M. Z. Booleman. Rokin 54. Amsterdam.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ **НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!**

Чудо Красоты! Мгновенно идеальная бѣлизна рукъ и кожи. Бархатистость и мягкость кожи. ANGELO DA COSTA. Savon Brésilien. Бразильское мыло да Коста. Въ видѣ бѣлоснѣжнаго душистаго крема и 75 к.

1671 Тысячи благодарностей. 6-6

ВСЯКУЮ ЛОДКУ ВЪ МОТОРНУЮ, ЛЮБОЙ ВЕЛОСИПЕДЪ ВЪ МОТОЦИКЛЪ



легко превратить съ помощью нашихъ съемныхъ бензиновыхъ моторовъ „Луксусъ". Никакихъ передѣлокъ не требуется. Установка моторовъ проста, обращеніе съ ними доступно всякому. Переносный лодочный бортовой моторъ 2 л. с. **185 руб.** Моторъ 4 л. с. **300 руб.** Велосипедный моторъ 2½ л. с. **160 руб. Пересылка и пошлина за нашъ счетъ.** Высылаются по полученіи задатка въ четверть стоимости. Спеціальные каталоги велосипедовъ и мотоцикловъ на рус. яз. высылаются по требованію безплатно.

Международн. Экспортъ **Х. Финкельштейнъ.** Германія. Берлинъ, ул. Кантъ, 120/1.
Exporthaus H. Finkelstein. Berlin. Kantstr. 120/1. 2926 4-3

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings)

ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.
СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.
Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
складъ у **И. ГЛАЗУНОВА**, Москва, Столешниковъ, № 6. 2960 8-1

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. **Цѣна** съ перес. 1 р. 50 к.
СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.
ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. Ц. 40 к. съ пер.
СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій, 92—3.

ПАВЕЛЪ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества

С.-Петербургъ: Невскій пр. 23 | Москва: Кузнецк. м. уг. Неглинн.

Собств. фабрики. Собств. фабрики.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕЗПЛАТНО. 2316 10-9

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

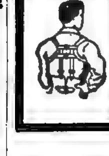
Фотографъ-люб., съ 62 рис.—50 к. Ретушеръ-люб., съ 4 рис. — 30 к. Какъ построить фотографическій аппаратъ, съ 16 рис.—30 к. Цвѣтная фотографія, съ рис.—30 к. Выборъ и способы употребленія фотограф. объективовъ—75 к. Фотографія для начинающихъ, съ 35 рис.—30 к. Стереофотографическій аппаратъ и работа съ нимъ, съ 17 рис.—30 к. Выборъ фотогр. камеры и экспозиція, съ 20 рис.—30 к. Фотографир. портретовъ, видовъ и т. п., съ 6 рис. — 30 к. Фотограф. объективы и затворы, съ 23 рис. — 30 к. Руководство для приготовленія фотограф. марокъ, карточекъ, открытыхъ писемъ и семи-эмалей, съ 15 рис. — 30 к. Руководство моментальной фотографіи, съ 67 рис. — 40 к. Фотограф. химія, съ 4 рис.—30 к. Копированіе чертежей свѣтовымъ способомъ—30 к. Фотограф. бумаги и ихъ обработка—65 к. Спутникъ фотографа, съ 105 рис.—1 р. Какъ можно исправить испорченный негативъ—50 к. Высылаетъ наложен. платежомъ
Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА", СПБ., Екатерингофскій пр., 10/19.
Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Фотогр. маг. скидка. Полный каталогъ книгъ по фотографіи и общій каталогъ издательства высылается безплатно. 2966

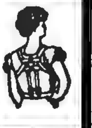
До употребл. После употребл.

НОСОВОЙ ФОРМОВЩИКЪ!

Фотогр. снимокъ новаго **„Целло", модель № 16.** Этотъ геніально конструированный аппаратъ исправляетъ всякую форму носа (за исключ. костныхъ недостатк.). Горячо рекомендованъ между проч. **корол. надворнымъ совѣтникомъ профес. мед. фонъ-Экъ.** Цѣна **2 р. 70 к.**, съ точнымъ регуляторомъ — **5 р.**, такого же съ каучукомъ — **7 р.** Высыл. налож. плат. До сихъ поръ разослано 60.000 штукъ. Закажите, указывая недостатокъ, непосредственно **спеціалисту: Л. М. Багинскій въ Ригѣ 45, Романовская ул., № 29.** Отдѣленія въ Берлинѣ и Лондонѣ. (3, 2840

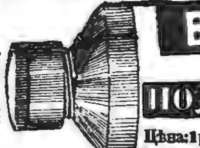
ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ!





2163 „РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель. 13-10

Dr. Bengue, 47, Rue Blanche, Paris.



Baume Bengué

ПОДАГРЫ-РЕВМАТИЗМА НЕВРАЛЬГІИ

Цѣна: 1 р. 20 к. Цѣна: 1 р. 20 к.

Депо во всѣхъ аптекахъ. 2143 83-21

Къ экзаменамъ!

Полныя и подробныя рѣшенія ариѳм. зад. **И. Верещагина** въ 4-хъ частяхъ ц. 1 р. 40 к. **Ариѳметика** въ вопр. и отвѣт. ц. 30 к. **Геометрія** для город. и уѣзд. училищъ ц. 30 к. **Самоучитель французскаго языка по методу Берлица** ц. 1 руб. **Катехизисъ Молодого Педагога** ц. 20 коп. Адресъ: Книгоиздательство **Бакаляра**, г. Изяславль, Вол. губ. 2977

ДАРОМЪ

почти высылаемъ часы и драгоцѣнности. Сообщите адресъ Т-ву **„Верумъ"**, Варшава, почт. ящ. № 565

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-3
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

ФОТО

гр. снимки **парижск. красавицъ** новые **интересные** каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. ад.). 2908 12-3

ГРЫЖА

Примѣните усовер. **анатомо-пневматич.** бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. **Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.;** для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. **СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6.** отд. 21. **З Е М С К Е Р У.** Тел. 223-14. 2292

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю **заочно** каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Проф. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

Фотографич.

сним., подобно нашим по исполненію не получите **ни у кого!!** Роскошн. каталогъ съ **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаемъ **только по полученіи 95 коп.** почтов. рус. марк. Корресп. на русск. яз. **Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A 29.** 3-1 2978

Саксонія, Герм.

ТЕХНИКУМЪ МИТТВЕЙДА

Директоръ: **Профессоръ А. Гольцтъ.**
Высшій техническій институтъ для электротехники и машиностроенія.
Спеціальныя отдѣленія для инженеровъ и техниковъ.
Электротехническая и механическая лабораторіи. **Учебныя мастерскія.**
Старый и извѣстн. институтъ.
Программы и пр. свѣд. высыл. безплатно **канцеляріей.** 2982 2-2

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ИСЦѢЛЯЮЩИМИ

БЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ

Книгу „ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ. ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ", въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ" высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на почтовые и другіе расходы — (заказнымъ 28 коп.: налож. плат. НЕ высылается) —

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА
С.-Петербургъ, Гороховая, 17, кв. 4.
Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ иногороднимъ письменные совѣты. Плата 50 к.
Народный лѣчебникъ Деринкера, 4-е изд. Цѣна 1 р.

БЕЗПЛАТНО. БЕЗПЛАТНО.

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT**, Ph^ien, 38, rue Clignancourt, **Paris.** Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

ИКОНЫ

всѣхъ стилей и живописно-художественнаго письма, готовыя и на заказъ, можно пріобрѣсти въ иконной лавкѣ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской Иконописи. СПБ., Надеждинская, 27. Тел. 201-29. Прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно. 2899 4-2

2835 1-9

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли" противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 2240 46-9

КАКЪ
МОДНЫЙ
ЧУЛОКЪ НОСОКЪ
ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ
ДЛЯ МАССОВАГО
ПРОИЗВОДСТВА
И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ
ПРИ ПОМОЩИ
АВТОМАТИЧЕСКОЙ
БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ
МАШИНЫ ВИКТОРІЯ
Т-ва ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
ТРЕБУЮТСЯ
немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ частяхъ имперіи мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаніи не требуется. Пріемка работы гарантируется контрактомъ.
Мы предлагаемъ каждому 50—100 р. въ мѣсяцъ въ теченіи круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 200 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.
Торг. Марка Утв. Деп. Торг. и Мануф. ЗА № 23012.
Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.
Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко
МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44, Отд. 11.

Goerz TENAX
Удобная, чрезвычайно прочная и точная камера.
ПОЛУЧИТЬ МОЖНО
черезъ всѣ фотографическіе магазины.
Прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО.
ОПТИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
К. П. ГЁРЦА, АКЦ. ОБ-ВО.
Берлинъ-Фриденау, 19.
ВѢНА ПАРИЖЪ ЛОНДОНЪ НЬЮ-ІОРКЪ

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 22.
XLV г. изданія
Выданъ 31 мая 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 12.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 22 | г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника". содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 31 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 12.**

Р. Берггольцъ. Первый снѣгъ.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Окончаніе)

XLI.

Саша на койкѣ Ивана стонала съ закрытыми глазами и заснула. Дыханіе у нея было неровное, она бредила, но сонъ былъ крѣпкій.

Иванъ подошелъ къ окну.

Разсвѣтъ дрожалъ огненно-пестрый, какъ игра опала.

Выйдя на дворъ, Иванъ опять услыхалъ, какъ на улицѣ люди гнались другъ за другомъ и безсвязно кричали и плакали. Направо, гдѣ клубился красный дымъ, пылалъ теперь огненный столбъ. Горѣла колокольня Воздвиженской церкви. Она была обвита пламенемъ, какъ золотымъ плющемъ. Ея золотой колоколъ гнѣвно гудѣлъ и вдругъ съ воплемъ отчаянія сорвался съ балки, безпомощно рявкнулъ и замеръ.

Аксинья стояла около Ивана, смотрѣла на колокольню и плакала.

Иванъ сказалъ ей:

— Я сейчасъ вернусь... Никуда не уходите...

Онъ былъ разбитъ страшной ночью, но не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ и во что бы то ни стало захотѣлъ видѣть Наденьку.

Оранжевый свѣтъ трепеталъ на крышахъ домовъ. У трубъ ютились люди и смотрѣли на гибнущій городъ.

Иванъ повернулъ къ Лебядкѣ. Домъ Аглаи Ермолаевны стоялъ молчаливый, весь темно-синій, и только свѣтились, качаясь, верхушки тополей. У калитки дрожала Ульяна въ безрукавкѣ.

— Барыня дома?

— Ушли на пожаръ

— А барышня?

— Плачутъ въ садочкѣ.

Крѣпко забилось сердце у Ивана.

— А съ кѣмъ барыня ушла?

— Съ вашимъ папашей... Чтò тутъ вытворялось! — она стыдливо закрыла лицо рукавомъ.—Миленькій Иванъ Хрисанѳовичъ, побѣгу-ка и я на пожаръ... Уже Воздвиженье занялось.

— Бѣгите, Ульяша.

XLII.

Наденька, какъ призракъ, отдѣлилась отъ цвѣтущаго жасмина, подошла къ Ивану и обѣ руки свои, бѣлыя и оголенныя, положила на его плечи.

— Для меня пришелъ?—спросила она съ лаской въ голосѣ.

— Ты плачешь?

— Нѣтъ.

— А Ульяша сказала.

— А ты бы не болталъ съ нею.

Она взяла Ивана подъ руку и стала ходить съ нимъ по дорожкамъ и по берегу Лебядки.

— Разыгралось два скандала,—начала она.—Первый сдѣлала тетушка, такъ какъ ей донесли, что я на кладбищѣ имѣла свиданіе съ твоимъ родителемъ.

— Я былъ при этомъ и догадался, что говорятъ о тебѣ... Но ты нечаянно встрѣтилась съ нимъ?

— Нисколько. Я въ самомъ дѣлѣ ходила на свиданіе съ Хрисанѳомъ Семеновичемъ.

— Ты?

— Онъ съ вечера шепнулъ мнѣ—и я согласилась.

— Вы, Наденька, согласились?

— Я согласилась пойти на кладбище, мой мальчишка, изъ любопытства. И не за тебя же мнѣ выходить замужъ. Да и не дуракъ же ты. А положеніе мое у тетушки требуетъ, чтобы я позаботилась о себѣ.

Она сильно прижала руку Ивана къ своей груди.

— Ты выслушай до конца. Отецъ твой сказалъ мнѣ, что онъ женился бы на тетушкѣ, если бы не я. Я чуть не лопнула отъ смѣха. Строго говоря, было бы въ высшей степени глупо отклонить лестное предложеніе—сдѣлаться твоей мачехой, мальчишка... Я больно ущипну тебя, если ты посмѣешь вырываться. Я страшно ущипну тебя. Ахъ, ты! Я разсказала тебѣ не свою точку зрѣнія, а тетушкину: она именно все такъ сообразила. Она оскаливала зубы, и столько пѣны было у нея на губахъ, что на моемъ мѣстѣ она поступила бы такъ... Но ты еле волочишь ноги. Усталъ? Хочешь, пойдемъ посмотримъ тетушкину кровать и новую постель, которую она построила не очень давно — догадываешься, для чего?

Съ силою повернувъ Ивана, она потащила его въ комнаты

— Тебя угнетаетъ пожаръ, мальчишка,—начала она, взявъ его за подбородокъ.—Еще ты голенькій — бороды нѣтъ... Какъ? Ты могъ представить себѣ, что я—невѣста Хрисанѳа Семеновича?

— Зачѣмъ же ты пошла на свиданіе?

— Такая скука и безвыходность. Но, пожалуй, никогда не проститъ мнѣ твой родитель того, чтò я ему сказала... Я отчитала его.

— Да?

— Я сказала ему, что трехъ молодыхъ людей я предпочла бы вмѣсто него одного.

— Послушайте, Наденька, но вы ходили гулять еще съ Ключаревскимъ.

— Развѣ мнѣ сладко сидѣть дома? Но ты все знаешь, ревнивый мальчишка. Чтò жъ, воображаешь, что ты—моя серьезная любовь? Ты—мое развлеченіе.

— Ты ходила съ нимъ въ городской садъ?

— Ну, да.

— Вчера я видѣлъ его тамъ съ Катей Ольгиной.

— Мальчишка знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Не тебѣ чета.

— И онъ—твое развлеченіе?

— И онъ. Не смѣй разспрашивать о подробностяхъ. Признаюсь тебѣ, впрочемъ, что къ намъ присоединилась еще Катя Ольгина. Такъ было хорошо. Мы пообѣдали въ „Зеленомъ Кабачкѣ" при закрытыхъ ставняхъ. Два часа прошло, и не замѣтили... Не смотри такими глазами...

— Тебя не напугалъ пожаръ?—робко спросилъ Иванъ.

— Наплевать на пожаръ. Радоваться надо, что пожаръ. Какіе разговоры будутъ! Многіе дрянные людишки навѣрно уже выказали чудеса храбрости. А Хрисанѳъ Семеновичъ съ разстригою Лаврентіемъ и съ гнуснымъ Петрусевичемъ ворвались къ намъ. Но тутъ вооружись невозмутимостью, мальчишка. Ложись. У тетушки шелковое одѣяло... Не церемонься. Съ ногами... А я дамъ тебѣ наливки.

Она достала изъ кіотника, передъ которымъ горѣла красная лампадка, граненый графинчикъ и угостила Ивана.

Онъ жадно выпилъ стаканъ наливки.

— И, разумѣется, разыгрался другой скандалъ,—продолжала Наденька.—Я соврала тетушкѣ, что на кладбищѣ не была. Развѣ стыдно обманывать такихъ, какъ тетушка? Я отъ тебя только ничего не утаила бы никогда. Слава Богу, начался пожаръ — я это говорю со словъ тетушки. И, кстати, домъ застрахованъ въ двухъ обществахъ. И въ особенности ради пожара она примирилась со мной. Мы стояли за воротами и любовались несчастьемъ, какъ откуда ни возьмись Хрисанѳъ Семеновичъ съ Петрусевичемъ и съ Лаврентіемъ. Но въ какомъ видѣ! А тетушка даже не сконфузилась и прямо съ мѣста: „А мнѣ, говоритъ, все извѣстно про кладбище". „Дѣйствительно,—отвѣчаетъ Хрисанѳъ Семеновичъ:—я видался на кладбищѣ съ вашей племянницей—не для себя, а для моего друга Аксентія Ѳаддеевича Петрусевича, для котораго она фигурируетъ, когда купается". „А, вотъ въ чемъ дѣло!"—закричала тетушка — и про пожаръ забыла, давай присѣдать: „Если такъ, то на Аксентія Ѳаддеевича зла не имѣю, а за честь благодарю"... „Чтò за глупыя шутки!" — возразила я, но тетушка назвала меня дурой, мечтающей о партіяхъ не по своему носу. Думаю, убѣжать лучше всего. Но тутъ Хрисанѳъ Семеновичъ и разстрига схватили меня, и мнѣ показалось, что и тетушка тоже пьяна. Конечно, наливки насвистались на ночь. Ты понимаешь, тетушка придержала мнѣ руки. И все это на улицѣ, въ лучахъ зарева. Но хорошо, что мой прелестный женихъ, оставшись безъ поддержки, упалъ лицомъ въ песокъ, а я сдѣлала страшное уси-

ліе и нечаянно ударила локтемъ Хрисанѳа Семеновича. Онъ схватился за глазъ, а я воспользовалась и исчезла. Когда же вернулась,—тетушки и никого уже не было. Неправда, я не плакала,—стоитъ ли?—а сидѣла, закрывши лицо руками.

Наденька опять выпила наливки съ Иваномъ.

— Со мной истерики все-таки не сдѣлалось,—начала она.— Но только, мальчишка, что же мнѣ дѣлать теперь?

Она подошла и сѣла на край постели, протянувъ къ Ивану руку. А онъ зажалъ ея пальчики въ своей рукѣ.

XLIII.

— Я всегда была почтительна къ тетушкѣ, и, къ чести ея нужно сказать, она меня поила, кормила и одѣвала, требуя только взамѣнъ, чтобы я была ея горничной. Хуторокъ моей покойной мамы она, какъ опекунша, продала еще десять лѣтъ назадъ, чтобы

Р. Берггольцъ. Пробужденіе весны.

опредѣлить меня въ гимназію. Отчета я не спрашивала, и, вѣроятно, она больше потратила, чѣмъ получила. До послѣдняго времени поэтому она считала себя въ правѣ надѣлять меня пощечинами... Да ты слушаешь ли?

— Наденька, куда ни посмотришь — вездѣ безпросвѣтность,— сказалъ Иванъ.

— Мучительная и глухая жизнь у насъ, и пора покончить съ нею. Тетушка глупа, но и зла и сильна—у нея средства. И, чтобы избавиться отъ нея — я же не могу выйти не только за Петрусевича, но и за Хрисанѳа Семеновича—противно,—я обречена— вотъ что ужасно—на...

— Наденька!

— Ну, полно, Ваня,—прервала его молодая дѣвушка.—Какой ты мужъ? Съ тобой только цѣловаться хорошо и отводить душу.

Иванъ приподнялся и обнялъ Наденьку:

— Уѣдемъ въ Петербургъ...

— А что дѣлать будемъ въ Петербургѣ?

— Я поступлю въ университетъ.

— А я?

— На курсы.

— Съ чѣмъ же мы уѣдемъ?

Иванъ молчалъ. Дрожь ужаса пробѣжала у него по тѣлу. Саша встала передъ нимъ съ обожженнымъ лицомъ и забинтованными руками. Онъ ослабѣлъ. Кіотъ съ лампадкой наклонился и поплылъ. Наденька мелькнула слѣва и справа, и онъ потерялъ сознаніе.

Когда же онъ очнулся, Наденька сидѣла надъ нимъ и гладила его по головѣ. Такъ точно когда-то онъ очнулся послѣ тифа, и покойная мать тоже ласкала его. Лицо Наденьки показалось ему необыкновенно значительнымъ съ ея бѣлымъ подбородкомъ. Вопросительно подняты были брови, а на губахъ мелькала улыбка.

— Ты, какъ мама,—невольно сорвалось у него съ губъ

— Ну, вотъ какой потѣшный мальчишка,—ласково сказала Наденька.—Что же, мнѣ очень бы хотѣлось быть твоей мамой, но не выходя замужъ за Хрисанѳа Семеновича.

— Ахъ, Ванечка,—тихо продолжала она:—я насилу оттерла тебя нашатырнымъ спиртомъ. Напугалъ ты меня. Лучше тебѣ?

Онъ сталъ осыпать поцѣлуями ея шею.

— Довольно,—произнесла она.—Да. Я поѣхала бы въ Петербургъ. Если продать мои наслѣдственныя золотыя кольца и брошки, то рублей пятьдесятъ набралось бы. А въ столицѣ можно сдѣлаться кокоткой. Въ провинціи вѣдь и этого нельзя. А больше я ни на что не способна. И изъ всѣхъ видовъ рабства самое сносное, мнѣ кажется, продавать свои ласки.

— Что ты говоришь, Наденька?—вскрикнулъ Иванъ, отрываясь отъ нея.—Какъ у тебя повернулся языкъ?

— Тебя я великолѣпно бы обставила въ университетѣ, и ты кончилъ бы профессоромъ. Ужасно непрактичны люди и не умѣютъ выбиться, а на жизнь стоитъ посмотрѣть только сверху внизъ.

— Наденька, ты въ особомъ настроеніи.

— Можетъ-быть, я этого не сдѣлаю, потому что честнѣе быть женою Петрусевича. Не правда ли?

Иванъ молчалъ.

— Неужели и ты пошлякъ?

— Но любить за деньги развѣ тоже не пошлость?

— Но гдѣ же выходъ?—съ блѣдной улыбкой спросила Наденька.

XLIV.

— Душно здѣсь,—помолчавъ, сказалъ Иванъ.—Ахъ, что тамъ дѣлается, отъ всего можно съ ума сойти! Выйдемъ, Наденька, въ садъ. Сколько ужасовъ! Да, страшная жизнь.

Уже не было зарева. Стояли предразсвѣтныя сумерки, и сквозь сѣрое облако тускло свѣтила холодная луна. Только не было тишины въ городѣ, онъ еще гудѣлъ, какъ улей.

— Пожаръ пересталъ,—сказала Наденька, поравнявшись съ кустомъ жасмина, похожимъ на букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ и лившимъ одуряющій ароматъ.—Помнишь?

Дрожащими губами она поцѣловала Ивана.

— Но ты весь въ грязи!—съ громкимъ смѣхомъ вскрикнула она.

— Прости. Наденька, не до поцѣлуевъ.

— Не сердись, мальчишка, — все равно,—оглянувшись, заговорила она.—Глупый, глупый!

Прошуршала кисея капота, и острѣе пахнуло жасминомъ.

— Наденька!—вырвавшись отъ нея, вскричалъ Иванъ.—Я бы повелъ тебя къ Сашѣ домой.

— Она вернулась?

Иванъ заплакалъ.

Наденька обняла его и прижалась къ нему.

— Я ушелъ къ тебѣ, пока она забылась. Она чуть не сгорѣла. Сожгла руки.

— Отчего же ты раньше не сказалъ?—пристыженная, спросила Наденька.

Иванъ плакалъ на плечѣ у дѣвушки.

— Ну, пойдемъ къ ней, пойдемъ. Что намъ стеречь тетушкино добро?

— Главное не то, что она обожглась,—проговорилъ Иванъ.

— Что же?

— На нее нашло безуміе. Вдругъ она убѣжитъ и станетъ кричать въ народѣ, что она подожгла городъ!

Болѣзненно, какъ молнія, мелькнула въ головѣ Ивана страшная картина расправы черни съ Сашей, и онъ рванулся изъ сада:

— Пусти меня!

— И я же съ тобой. И я.

Но на крылечкѣ въ туманѣ блѣднаго разсвѣта появилась Аглая Ермолаевна.

— Развратница!—взвизгнула она, увидя молодыхъ людей.—А-а, вотъ чѣмъ занимаешься!—продолжала она, подбѣгая, переваливаясь находу.—Рѣшила поперекъ горла становиться на каждомъ шагу. Вчера отцу вѣшалась на шею, сегодня сыну. Иванъ Хрисанѳовичъ, она гадкая... У, глаза безстыжіе!.. Смѣешь такъ смотрѣть на меня? На кладбищѣ съ тобой для опыта было сдѣлано. Интриговать противъ меня? Шашни заводить?

Она сдѣлала еще подползающій шагъ къ Наденькѣ и ударила ее кулакомъ по плечу съ дрянными слезами на глазахъ.

Наденька схватила руку Ивана и съ страшнымъ спокойствіемъ, внезапно овладѣвъ собою, сказала:

— Хорошо, тетушка, я уйду, но уже не вернусь. Ваня, иди къ Сашѣ... Я скоро буду,—съ тетушкой должна посчитаться.

Аглая Ермолаевна уродливымъ призракомъ металась передъ молодой дѣвушкой—словно пухла и вздувалась она съ своей выпяченной шеей, выпученными глазами, съ широко раскрытымъ ртомъ.

Иванъ держалъ руку Наденьки. Но нетерпѣніемъ сверкнули ея глаза—и онъ повиновался и ушелъ.

XVL.

На улицѣ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ чернорабочимъ и Силантіемъ.

Силантій остановился и пристально посмотрѣлъ на Ивана.

— Ничего не можетъ быть неожиданнаго въ такую ночь,—сказалъ онъ.

Мужчина и ребенокъ боролись въ душѣ Ивана. Ему не хотѣлось показать, что онъ испугался встрѣчи.

— Я вернусь туда,—началъ онъ. — Съ сестрой огромное несчастье.

— Что съ сестрой?

— Сожгла руки. — „Ему все можно сказать". — подумалъ онъ. — Прокламаціи, которыя пропали, она унесла къ себѣ тайно отъ меня, стала ихъ жечь понемножку и подожгла Анну Дмитріевну — и сожгла городъ.

Силантій сдѣлалъ шагъ впередъ и пристально воззрился въ глаза Ивана.

— Конечно, вы говорите правду?—сказалъ онъ.

Тутъ Иванъ замѣтилъ, что у Силантія ввалились глаза, и все лицо похудѣло, и заострился носъ. Но въ то же время оно сіяло внутренней радостью.

— Не бываетъ худа безъ добра,—проговорилъ наконецъ Силантій.—Ваша сестра сорвала спектакль.—Нѣтъ, вамъ не зачѣмъ возвращаться туда. Ступайте къ сестрѣ!

— Мнѣ надо побыть съ нею — она обезумѣла и бредитъ, и какъ бы она не выдала себя.

— А-а. Ступайте, ступайте къ сестрѣ. Но въ такомъ случаѣ и я пойду. Я утѣшу ее, если она горюетъ. Она невольно совершила подвигъ. Нельзя было лучше отвлечь вниманіе. Подкопъ,— понизивъ голосъ, сказалъ Силантій: — удался, мина встрѣтилась съ старой норой, которой воспользовались наши друзья, наскучивъ ожиданіемъ. Теперь уже всѣ на свободѣ. Да и домикъ сгорѣлъ — мы сами подожгли его.

Силантій говорилъ сиплымъ голосомъ. Дрожа отъ передавшейся ему радости и ужаса, спросилъ Иванъ:

— Вы простудились?

— На пожарѣ пришлось кричать. Я успѣлъ привести въ восторгъ своимъ героизмомъ и силою губернатора. Его почтенная мамаша лично пожелала напоить меня чаемъ, и я только-что изъ ея будуара. А какого-то разстригу за такой же героизмъ губернаторъ тутъ же, на людяхъ, велѣлъ выдрать и окатить изъ пожарной кишки, чтобъ привести въ чувство. Порядокъ и юморъ.

— Разстригу Лаврентія! — вскрикнулъ Иванъ.

— Вашъ знакомый? Правда, онъ былъ пьянъ, и съ нимъ еще было двое товарищей, тоже невмѣняемыхъ.

— Вы не знаете объ ихъ судьбѣ?

— А вы любили вашего отца? — вдругъ спросилъ Силантій.

— Въ числѣ ихъ былъ мой отецъ, — сказалъ Иванъ и хрустнулъ пальцами. — Но вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Потому что я всего не знаю. Что-то произошло. Страшная была давка, кости трещали... Небывалая ночь... — пробормоталъ Силантій.—Ну, а если?..—послѣ молчанія произнесъ онъ.

Ничего не сказалъ на это Иванъ.

Они шли мимо слабо дымящихся черныхъ костровъ и обгорѣлыхъ печей. Дѣти спали подъ открытымъ небомъ на диванахъ или на составленныхъ стульяхъ, а взрослые сидѣли и бродили, какъ тѣни. Уличные мальчишки и дѣвчонки искали въ огнѣ металлическихъ слитковъ. Раздвинулись пространства, улицы обратились въ площади. На нихъ тамъ и здѣсь возвышались развалины каменныхъ домовъ, и высоко къ небесамъ поднимала свой почернѣлый куполъ потухшая колокольня Воздвиженья.

Вставало солнце сквозь рыжій туманъ.

XLVI.

Ворота дома Вертлуговыхъ были уже заперты. Аксинья выбѣжала на звонокъ. Поднесла передникъ къ глазамъ и стала плакать.

— Что еще?—спросилъ Иванъ съ упавшимъ сердцемъ.

— Сейчасъ пришедши Ульяша, что барина раздавили.

Поблѣднѣлъ Иванъ.

— А гдѣ же Ульяша?

— На кухнѣ плачетъ.

— А Саша дома?—съ усиліемъ спросилъ Иванъ.

— Спитъ и ничего-то не знаетъ, и маленькія дѣточки спятъ, какъ ангелочки.

— Спитъ, тѣмъ лучше. Я подожду, когда она проснется,—сказалъ Силантій. — Я—докторъ, голубушка, и пришелъ полѣчить барышню.

Иванъ побѣжалъ на кухню.

— Ульяша!—закричалъ онъ. — Вы сами видѣли?

— Видѣла.

— Но что же съ нимъ сдѣлали?

Ульяша залилась слезами:

— Я же, Иванъ Хрисанѳовичъ, не виновата. Стою я ни жива ни мертва, а наши прибѣжали.

— Кто наши?

— Хрисанѳъ Семеновичъ съ батюшкой Лаврентіемъ и съ тѣмъ третьимъ, что усы большіе. Сейчасъ разстрига верхомъ на пожарную машину сѣли и кишку порвали. А дома горятъ кругомъ. Ну, старшой закричали, и солдаты растянули Лаврентія и высѣкли, а папаша увидѣли и сказали „протестую" и какъ рявкнутъ, а машину тронули — и вдругъ они, какъ котенокъ, замяукали — подъ колеса, значитъ, попали, — тутъ и духъ вышелъ.

Р. Берггольцъ. Въ маѣ.

— Гдѣ же онъ?—съ невыразимой жалостью спросилъ Иванъ, весь содрогнувшись.

— Я же не виновата, Иванъ Хрисанѳовичъ... Неизвѣстно мнѣ.

Силантій подошелъ и стоялъ за спиной Ивана.

— Бѣгите въ участокъ, — посовѣтовалъ онъ: — и, кстати, возьмите извозчика и справьтесь въ больницѣ. Вотъ моя карточка. Врачи знаютъ Беклешева. Мнѣ же дѣлать нечего — я отдыхаю. И я долженъ остаться у васъ,—значительно прибавилъ онъ.

XLVII.

Въ участкѣ помощникъ пристава, измученный и черный отъ копоти, соболѣзнующе встрѣтилъ Ивана и подтвердилъ, что Хрисанѳъ Семеновичъ попалъ подъ колеса машины, у него сломана грудь, и съ слабыми признаками жизни его отправили въ богоугодное заведеніе.

— Молите Бога!—сказалъ помощникъ пристава.

Богоугодное заведеніе отдѣлено было отъ города огромной площадью. Оно состояло изъ ряда длинныхъ бѣлыхъ зданій, розовѣвшихъ въ лучахъ восхода.

Иванъ сошелъ съ извозчика у чугунныхъ воротъ подъ каменной аркой.

По аллеѣ у дома душевно-больныхъ уже гуляли страшные люди въ свѣтлыхъ халатахъ. Тучный старичокъ подпрыгивалъ и очень ловко ударялъ себя пятками ниже спины, напѣвая что-то веселое и бойкое.

Налѣво стоялъ другой домъ. Ивану указали дорогу къ нему. Въ телѣжкѣ привезли человѣкоподобное существо съ лопнувшими щеками и съ обгорѣлымъ носомъ. Мухи роемъ кружились надъ язвами. Въ ожиданіи врачей, человѣческая головешка уже совсѣмъ погасла. Старуха и мальчикъ стояли у телѣжки и плакали.

Главный врачъ, взглянувъ на карточку Беклешева, немедленно принялъ Ивана.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ.—Сегодня много жертвъ. Васъ проводитъ служитель въ палату. Принято нѣсколько человѣкъ, которыхъ мы еще не знаемъ. Но я знакомъ съ вашимъ отцомъ,—онъ взялъ у письмоводителя списокъ: — и фамилія его бросилась бы мнѣ въ глаза,—продолжалъ онъ.

Онъ сочувственно пожалъ руку Ивана. А въ коридорѣ фельдшеръ сказалъ:

— Не трудитесь искать въ палатѣ, — господинъ Вертлуговъ въ мертвецкой.

— Пойдемте же!—закричалъ Иванъ.

— Я сразу ихъ призналъ — они мое дѣло вели. Хорошій и веселый были человѣкъ.

Въ мертвецкой на низенькомъ столѣ, подъ бѣлой простыней, лежалъ съ искаженнымъ лицомъ Хрисанѳъ Семеновичъ. Кончикъ лакированной ботинки торчалъ изъ-подъ простыни.

Нѣсколько минутъ стоялъ Иванъ надъ трупомъ отца. Мрачно было у него на душѣ. Слезы не текли изъ его глазъ.

Когда онъ вернулся домой, было уже часовъ десять утра.

Саша, одѣтая и умытая, съ забинтованными руками, ходила по саду съ Силантіемъ. На ней былъ бѣленькій чепчикъ, и на ея блѣдномъ лицѣ горѣли глаза какимъ-то новымъ огнемъ. Новая мысль была въ нихъ. Она дружески улыбнулась Ивану:

— Такъ угодно было Богу, Ваня, и если я виновата—я искуплю вину своей жизнью. Я дала ему слово и сдержу его.

Она указала глазами на Силантія.

— А руки твои, Саша?

— Сейчасъ былъ докторъ и не нашелъ ничего серьезнаго. Что отецъ?

— Сейчасъ въ больницѣ,—сказалъ Иванъ, потупляя глаза.

— Почему въ больницѣ?

— Его помяли въ толпѣ.

— Я пойду къ нему.

— Васъ не пустятъ,—сказалъ Силантій съ улыбкой.—Онъ въ мужской палатѣ. Ничего, кромѣ хорошаго.

И Силантій сдѣлалъ знакъ Ивану уйти.

Въ столовой Иванъ засталъ Наденьку, поившую чаемъ дѣтей. Онъ вызвалъ ее въ другую комнату и сказалъ:

— Отецъ умеръ.

— Я уже знаю отъ Ульяши,—отвѣтила Наденька.—А тетушка не знаетъ и спитъ. Своихъ кавалеровъ она потеряла на пожарѣ. Я, мальчишка, буду жить въ твоемъ домѣ. Хорошо?

Иванъ кивнулъ головой и поцѣловалъ у Наденьки руку.

Солнце уже высоко стояло въ небесахъ, и новый день яркимъ свѣтомъ разливался надъ опустошеннымъ городомъ, надъ домомъ Вертлуговыхъ, надъ Сашей, надъ Наденькой и, казалось, надъ всѣмъ будущимъ, которое внезапно развернулось передъ Иваномъ.

КОНЕЦЪ.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

Да, это было, и это прошло.

Она вернулась домой перерожденною.

Когда раздался звонокъ возвращающагося мужа, она съ дѣтьми вышла къ нему въ переднюю и, дружески поздоровавшись съ нимъ, задала обычный вопросъ:

— Усталъ?

— Какъ всегда,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ:—Сегодня я банкиръ.

— Какъ банкиръ?

— Деньги принесъ, цѣлую кучу денегъ! — Онъ прошелъ въ спальню.—Возьми этотъ пакетъ,—сказалъ онъ:—и положи его въ туалетный столъ. Кажется, не надолго, а все-таки сохранить надо.

— Сколько тутъ?

— Цѣлыхъ три тысячи.

— Ой, страшно!

— Ну, деньги долго не залежатся, и потомъ никто не подумаетъ, что у насъ съ тобой могутъ быть тысячи.

Она бережно уложила пакетъ въ туалетный столъ и заперла на ключъ.

— Сегодня же за ними и придутъ,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Ну, идемъ обѣдать!

Они прошли вмѣстѣ въ столовую, и прежнимъ уютомъ пахнуло на Ольгу Карповну. Когда послѣ обѣда Павелъ Аркадьевичъ ушелъ спать, она прошла въ дѣтскую и вмѣстѣ съ няней перебрала дѣтское бѣлье, отобрала чулки и начала ихъ штопать въ то время, какъ дѣти сѣли подлѣ нея и заставили ее разсказывать сказки. Тихо проходилъ вечеръ, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— Кто бы это?—спросила Ольга Карповна.

— Узнаемъ сейчасъ.

Въ дѣтскую вошла Луша:

— Господа какіе-то барина просятъ.

— Ахъ, я знаю!—сказала Ольга Карповна. — Помоги имъ раздѣться и проведи въ комнату.

Она прошла въ спальню и разбудила мужа:

— Эй, эй, вставай, банкиръ!—весело сказала она. — Кажется, пришли къ тебѣ твои кліенты. На тебѣ ключъ.

Павелъ Аркадьевичъ быстро всталъ и одѣлся.

— Ты, Оля, пройди въ дѣтскую и не выходи, пока я съ ними не кончу, — сказалъ онъ, вынимая изъ туалетнаго ящика деньги.

Она ушла и видѣла, какъ въ комнату вошелъ толстый господинъ съ выхоленными усами въ сопровожденіи юркаго чернаго еврея.

Онъ подбѣжалъ къ Павлу Аркадьевичу и воскликнулъ:

— Многоуважаемый, вотъ кліентъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Можете ли вы одолжить ему $1^1/_2$ тысячи? Подъ вѣрное обезпеченіе,—съ легкимъ смѣхомъ прибавилъ онъ.

— Отчего же,—серьезнымъ тономъ отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ.

Ольга Карповна вошла въ дѣтскую и притворила дверь. Изъ-за двери доносились голоса, смѣхъ, потомъ наступила временная тишина, потомъ снова смѣхъ, дружеское прощаніе, и Павелъ Аркадьевичъ, отворивъ двери въ дѣтскую, сказалъ:

— Ну, милости просимъ! Будемъ чай пить, а дѣтей укладывать.

— Пора, пора! Няня, дай имъ молока—и спать!

Ольга Карповна прошла въ столовую.

— Сразу очистили карманъ,—весело сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Оно и свободнѣе. Вотъ получай сдачи, прячь хорошенько.

— Сколько же осталось?

— Шестьсотъ пятьдесятъ рублей,—отвѣтилъ онъ. Все забрали.

— Это за что же, Павля?

— Ну, это наша тайна. Тайна нашего общества, въ нѣкоторомъ родѣ Мадридскаго двора,—со смѣхомъ сказалъ онъ.—А не хотите ли, сударыня, пройтись въ кинематографъ?

— Послѣ чаю.

— Ну, понятно, послѣ чаю. Напьемся, сходимъ, вернемся, а тамъ позаймемся и—опять на боковую.

Р. Берггольцъ. Въ рощѣ.

И они опять тихо и мирно провели весь вечеръ, а на другой день вечеромъ были у Карелиныхъ.

Самъ Карелинъ, невысокаго роста, приземистый, съ длинной русой бородою и съ совершенно плѣшивой головою, производилъ впечатлѣніе добродушнаго взрослаго ребенка. Онъ безпрестанно хохоталъ тонкимъ смѣхомъ и хлопалъ руками по бедрамъ.

— А, дружище Павля!—закричалъ онъ, увидавъ Павла Аркадьевича и его жену.—Ольга Карповна! Вотъ обрадовали-то, друзья мои. Безъ васъ намъ и пиръ не въ пиръ. Сегодня 25-лѣтіе справляемъ: 15 лѣтъ свадьбы, 10 лѣтъ Степкѣ. Между прочимъ, знакомьтесь.

Въ гостиной они застали общество. Нѣсколько учителей, товарищей хозяина, двѣ городскихъ учительницы, офицеръ, два студента. Надежда Захаровна познакомилась со всѣми, а тѣмъ временемъ Сергѣй Петровичъ уже говорилъ:

— Чай пить, чай пить милости просимъ. Съ коньякомъ, съ ромомъ,—кому съ чѣмъ угодно.

Они прошли въ столовую. Сергѣй Петровичъ очень весело сталъ разсказывать о своемъ пребываніи въ Финляндіи, и разговоръ незамѣтно принялъ политическій характеръ. Надежда Захаровна быстро прервала разгоравшійся споръ.

— Брось политику, Сережа!—сказала она.—Лучше разскажи, какую мы съ тобой привезли игру.

— А какую?—быстро спросила молодая учительница.

— Самая общераспространенная, называется лото! — отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, весело смѣясь тонкимъ смѣхомъ.

— Лото!—невольно воскликнула Ольга Карповна.

Павелъ Аркадьевичъ усмѣхнулся:

— Насъ этимъ не удивишь. Мы ходимъ играть въ клубъ и выигрываемъ сотнями рублей.

— Кто это?—спросилъ Сергѣй Петровичъ.

Ольга Карповна засмѣялась:

— Это онъ про меня говоритъ: я нѣсколько разъ была въ клубѣ и выиграла.

— Да какъ!—Павелъ Аркадьевичъ взмахнулъ руками. — Гору! Одинъ разъ 60, другой разъ 100, въ третій 200; просто въ мѣшокъ деньги складывали.

— Да ну?

Надежда Захаровна съ удивленіемъ посмотрѣла на Ольгу Карповну, и та невольно покраснѣла:

— Чему вы удивились?

— Да такъ: не ожидала отъ васъ подобнаго: и азартный игрокъ и членъ клуба, —отвѣтила Надежда Захаровна. — Нѣтъ, у насъ игра мирная, семейная. Жили мы въ Финляндіи въ довольно пустынномъ мѣстѣ; скучно было. Пріѣхало одно русское семейство и привезло лото, и стали мы всѣ играть. Погода случилась дурная, и мы каждый вечеръ для азарта съ котломъ играли.

— Это что же значитъ?

— Съ котломъ, — объяснилъ Сергѣй Петровичъ: — это значитъ, что касса все увеличивается. Выиграли вы по первому ряду— берете одну треть кассы; по второму ряду — половину; а если по третьему — тогда все. И вотъ у насъ случилось, что 12 игроковъ восемь игръ подъ рядъ выигрывали по первому ряду, т. каждый разъ двѣ трети оставалось въ кассѣ, и касса росла, росла.

— Однимъ словомъ, Степа, приготовь лото!—сказала Надежда Захаровна.

Толстый мальчуганъ соскочилъ съ мѣста и убѣжалъ въ гостиную.

Р. Берггольцъ. Сумерки.

— Мы васъ сейчасъ и просвѣтимъ!
Ольга Карповна оживилась:
— Мнѣ эта игра очень нравится.
Молодой учитель математики сказалъ:
— Въ ней есть что-то похожее на трясину. Сначала играешь шутя, потомъ понемногу начинаешь засасываться и засасываться и погружаешься весь. Игра совершенно глупая, тупая, а понемногу завлекаетъ.
— Не совсѣмъ ужъ такъ: въ ней есть и тайна, — возразилъ офицеръ: — я хожу въ клубъ и, признаюсь, доставляю себѣ изрядное удовольствіе и волненіе. Напримѣръ, надо вамъ 62—и вы выиграете, а кричатъ: 63, 65, 68, и все нѣтъ вашего номера; это нервируетъ, волнуетъ, и незамѣтно приходишь въ азартъ. Конечно, это не карты.
Всѣ засмѣялись и перешли въ гостиную.
Степа взялъ пачку картъ и сталъ обносить гостей. Сергѣй Петровичъ досталъ деревянную чашку и, остановившись посреди комнаты, съ важностью сказалъ:
— Каждый можетъ брать сколько хочетъ картъ, но за каждую карту долженъ внести въ кассу 5 копеекъ. Пожалуйте, господа!— И съ этими словами онъ началъ обходить играющихъ.—Съ васъ гривенникъ, съ васъ 15 копеекъ. Ого, Ольга Карповна! Да вы настоящій игрокъ! 4 карты—20 копеекъ.
— Ну какая же это игра?—смѣясь, сказала Ольга Карповна.— По пятачку!
— А вы почемъ же привыкли?
— Положимъ, тоже не по крупному: по 20 копеекъ. Но, вы знаете, въ клубѣ за 20 копеекъ выдача иногда бываетъ 60 рублей.
— Ну, здѣсь, сударыня, выше трехъ рублей не бываетъ. Сколько насъ играетъ? Разъ, два, три, четыре... двѣнадцать. А сколько картъ? Степка, считай! Эге, 30 картъ! Итого 1 р. 50 коп. Игра начинается. Буду выкликать номера я первый, а потомъ по очереди: ты—Павелъ Аркадьевичъ; вы—барышня; вы—молодой человѣкъ, и такъ дальше, вплоть до Надежды Захаровны.
— Я не играю; я по хозяйству.
— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сегодня и ты играешь. Хозяйство потомъ,—и онъ началъ выкликать номера.
Ольга Карповна съ удивленіемъ почувствовала, что волнуется, какъ будто бы находится въ клубѣ. И она со вниманіемъ стала слѣдить за номерами и радостнымъ голосомъ крикнула: „довольно!", когда у нея закрылось 5 номеровъ.
— По какому ряду?
— Посрединѣ.
— 75 копеекъ получайте! Вотъ вы уже и разбогатѣли.
Игра продолжалась, и въ этотъ вечеръ счастье повернулось къ Ольгѣ Карповнѣ, и она то и дѣло кричала: „довольно", а одинъ разъ, когда въ кассѣ накопилось до 3 рублей, она выиграла по нижнему ряду.
— Всю кассу, почти милліонъ!
Сергѣй Петровичъ передалъ ей всѣ деньги, а Надежда Захаровна сказала:
— Довольно! Теперь ужинать! — И всѣ пошли снова въ столовую. — Кто сколько проигралъ, сознавайтесь! Ольга Карповна, сколько выиграли?
Она вынула портмонэ, пересчитала деньги и весело отвѣтила:
— 8 рублей 40 копеекъ.
— Въ переводѣ на крупную игру?..
Она пожала плечами:
— Даже и сказать не могу. Можетъ-быть, сто, а можетъ-быть, и полтораста рублей.
— Ого! Вамъ бы только въ клубѣ и играть, — сказалъ шутливо офицеръ.
Павелъ Аркадьевичъ усмѣхнулся:
— Искусилась и бросила.
— И хорошо сдѣлала, — серьезно замѣтила Надежда Захаровна. — Нѣтъ ничего хуже выигрышныхъ денегъ. Не про эти, это пустое, а когда въ клубѣ, когда читаешь про разорившихся людей. Нечистыя деньги...
— Господа, по единой! — провозгласилъ Сергѣй Петровичъ, наливая водку.
Вечеръ прошелъ оживленно и весело.
Ольга Карповна давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ, и, возвращаясь домой, говорила Павлу Аркадьевичу:
— Хорошо у этихъ Карелиныхъ!
— Оттого, что это—настоящіе интеллигенты, работающіе и умѣющіе веселиться, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ. — Это, голубушка, не Синицыны.
— Напрасно ты на нихъ нападаешь. Если бы ты видалъ, сколько работаетъ самъ Синицынъ, ты бы никогда не сказалъ этого. У всякаго своя работа. Одинъ преподаетъ, а другой страхуетъ и продаетъ машины.
— Ну, ну, я вѣдь такъ только,—сказалъ примирительнымъ тономъ Павелъ Аркадьевичъ.
Они замолчали. Ольга Карповна проѣхала молча нѣсколько времени, а потомъ сказала:
— А какъ мнѣ везло. По пятачку—и 8 рублей 40 копеекъ!
— Если бы въ клубѣ,—засмѣялся Павелъ Аркадьевичъ.
— Что же ты смѣешься? Если бы такъ везло въ клубѣ, я бы имѣла полтораста рублей.
— Не хватаетъ только, чтобы ты опять попробовала тамъ счастья,—сказалъ онъ уже сухо.
— Я не къ тому вовсе!—отозвалась она, и между ними словно пробѣжало неудовольствіе.
Она замолчала, а когда легла въ постель, мысль, что, быть-можетъ, къ ней вернулось прежнее счастье, назойливо овладѣла ею. Сегодня она выигрывала ставку за ставкой. И если такъ два, три, четыре дня, то она снова разбогатѣетъ, и снова вернутся тѣ веселые дни, когда она тратила безъ счету, баловала дѣтей, одѣлась и одѣла всѣхъ.
И, уже засыпая, она почувствовала, что ей неудержимо хочется снова ѣхать въ клубъ и попытать счастье.
„А гдѣ достать денегъ? — уже въ полуснѣ думала она. — Есть вещи,—что-нибудь заложить и ѣхать".
„Поѣду", — рѣшила она, засыпая, и во снѣ видѣла освѣщенную залу, игроковъ, служащихъ и огромную доску, на которой съ сухимъ стукомъ открывались номера.

XI.

Азартъ — прилипчивая и упорная болѣзнь. Заразившійся ею не можетъ вылѣчиться сразу; кажется, излѣчился человѣкъ, но достаточно какого-нибудь случая—и заснувшая страсть пробуждается съ удвоенной силой. Быть-можетъ, Ольга Карповна и забыла бы про свое увлеченіе, если бы не вечеръ у Карелиныхъ, гдѣ она снова прикоснулась къ этому лото. И страсть играть проснулась въ ней сразу. Она не хотѣла бороться съ нею, и первой мыслью, когда она проснулась, была мысль объ игрѣ. Надо что-нибудь заложить и вечеромъ ѣхать играть.
Едва ушелъ Павелъ Аркадьевичъ на службу, она занялась съ дѣтьми, а потомъ подъ видомъ прогулки прошла въ ломбардъ и заложила тамъ кольцо за 30 рублей. Когда Павелъ Аркадьевичъ проснулся послѣ обѣда, она ласково сказала ему:
— Ты будешь заниматься, а я навѣщу Калерію.
— Неужели тебѣ не сидится дома?
— Скучно, Павля! — отвѣтила она капризнымъ голосомъ.—Ты занимаешься; дѣти сейчасъ лягутъ спать; я спать еще не хочу и совсѣмъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Не все же штопкой заниматься. А по Калеріи я соскучилась,—давно ее не видѣла.
— Да иди, коли есть охота,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ добродушно.—Только не возвращайся поздно.
— Нѣтъ, я позднѣе часа не вернусь. Съ послѣднимъ трамваемъ, а то и раньше.
— Съ Богомъ! — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. — Напьемся чаю, и иди.
Она поспѣшила напоить чаемъ Павла Аркадьевича, потомъ крѣпко его поцѣловала и почти выбѣжала на улицу.
„Выиграю, выиграю", — думала она, и сердце ея радостно билось при мысли о томъ, какъ она будетъ играть.
Калерія, въ распахнувшемся капотѣ, непричесанная, сидѣла за столомъ и пила чай, когда пришла Ольга Карповна.
— Вотъ ужъ какъ я рада!—закричала Калерія, увидѣвъ ее.— Садись, пить чай будемъ! Я тебѣ пасьянсъ разложу, разговаривать будемъ. Какія новости?
— Я хочу играть въ лото, — сказала Ольга Карповна, садясь у стола.
— Ага! Я говорила: не зарекайся. По-моему вышло! — радостно воскликнула Калерія.—Нѣтъ, матушка, это такая игра — засосетъ. Ну, скажи, сколько дней ты не играла?
— Три дня.
— Вотъ видишь...
— Такъ ты слушай! — сказала Ольга Карповна. — Вчера мы были у одихъ знакомыхъ и тамъ играли въ лото. По пятаку играли, и я выиграла 8 рублей 40 копеекъ. По пятачку, понимаешь? Мнѣ такъ шла карта, такъ шла, что ты себѣ и представить не можешь. Вотъ я и подумала: если везетъ, то, значитъ, и сегодня и завтра. Вѣдь ты же говорила....
— Непремѣнно! — твердо сказала Калерія. — А у тебя много денегъ?
— 30 рублей. Я заложила кольцо.
— Хорошія деньги,—одобрила Калерія и вздохнула.
— Мы поѣдемъ вмѣстѣ,—сказала Ольга Карповна.
— Вмѣстѣ? Фью! У меня ни шиша. Хоть шаромъ покати... Костя поганый удралъ, завертѣлся; вчерашній день съ ночи ускакалъ. Я знаю: это его позвали въ винтъ играть. Ну, хорошо! Играй въ винтъ, но вечеръ, утро, сегодня весь день—и его все нѣтъ. И дома ни копейки. Вотъ пью брандахлыстъ какой-то, даже леденцовъ не на что купить, а ты: играть! И рада бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.
— Поѣдемъ, Калерія, я раздѣлю съ тобой пополамъ. Тебѣ 15 и мнѣ 15. Потомъ отдашь.
Лицо Калеріи сразу оживилось:
— Если такъ, то ѣдемъ! Вотъ, милая, ты меня обрадовала. Скука адская. Я просто не знала, что дѣлать съ собою, а теперь поѣдемъ и выиграемъ. Кучу денегъ выиграемъ: а Костѣ ни копейки, ни шиша, такъ ему и надо. Ну, я живо одѣнусь, и ѣдемъ!
Она убѣжала къ себѣ въ комнату и оттуда продолжала весело тараторить:
— Все, что было,—заложила: гроша не осталось. За квартиру платить надо—денегъ нѣту: портной пришелъ — нѣту; изъ электричества повѣстку прислали, что совсѣмъ прикроютъ электриче-

ство. Ну, и что же? Будемъ въ темнотѣ сидѣть! Костѣ все равно, поганый! Ну, я готова!

Она вышла оживленная, веселая, и не было замѣтно, чтобы ее тяготила жизнь, и какія бы то ни было крутыя обстоятельства могли бы согнать ея веселье.

— Катя!—закричала она.—Мы уходимъ.

— А что барину сказать?

— Барину ничего. Скажи, была и вся вышла. Ну, пошли!

Они вышли. Калерія по дорогѣ говорила:

— Непремѣнно выиграемъ! А знаешь, тамъ этотъ Пинкусъ. Видала его?

— Знаю, замѣтила...

— Онъ все проситъ его съ тобой познакомить. Я сегодня сдѣлаю это.

— А мнѣ все равно, — безпечно сказала Ольга Карповна: — тамъ всѣ знакомы и всѣ незнакомы.

— Ну, положимъ. Въ концѣ концовъ всѣ насъ знаютъ.

Онѣ, весело болтая, вошли въ клубъ. Человѣкъ въ красномъ галстукѣ вѣжливо имъ поклонился. Скрипка подбѣжалъ къ Калеріи и поцѣловалъ ея руку. Пинкусъ подошелъ къ ней, и она сказала:

— Оля, позволь тебѣ представить нашего общаго клубнаго пріятеля, Генриха Германовича Пинкуса!

Толстыя синія губы Пинкуса расплылись въ улыбку: онъ склонилъ свою голову и присосался губами въ рукѣ Ольги Карповны.

— Весьма польщенъ, жаждалъ знакомства съ вами, — сказалъ онъ, чмокая губами, и глаза его при этомъ замаслились.

Ольга Карповна поспѣшно выдернула руку и пошла вдоль столовъ, ища себѣ мѣста. Калерія шла рядомъ съ нею.

— И зачѣмъ ты меня съ нимъ познакомила? — сказала Ольга Карповна.—Онъ такой противный.

— Забавный,—сказала она.—Такого юбочника свѣтъ не производилъ!—И она звонко засмѣялась.—Ну, садимся. По двѣ карты беремъ?

— Да. Я всегда на двухъ.

Ольга Карповна волновалась, но счастье отвернулось отъ нея. Она съ досадою слѣдила за счастливыми номерами, и на ея долю не выпадало почти ни одного. Въ одну игру случилось, что она закрыла шесть номеровъ на обѣихъ картахъ. Не выходило не только кварты, но даже терны.

— Пересядемъ на другое мѣсто,—сказала она уже сердито, и онѣ пересѣли на другое мѣсто.

— Новая игра, 50 копеекъ карта!—громко выкликнулъ распорядитель.

Ольга Карповна взглянула въ свой кошелекъ, злобно оттолкнула и потомъ поблѣднѣла.

— Калерія,—тихо сказала она.

— Что?

— Я проиграла все. У меня даже нѣтъ на извозчика.

— И я,—весело отозвалась Калерія.

— Но ты живешь подлѣ, — съ ужасомъ сказала Ольга Карповна:—а я на другомъ концѣ города. Мнѣ нужно на извозчика.

— На извозчика? Я сейчасъ тебѣ достану.

Калерія быстро встала и пошла между стульями. Ольга Карповна съ тревогою слѣдила за нею и увидѣла, какъ она подошла къ Пинкусу и быстро стала о чемъ-то говорить съ нимъ. Ольга Карповна покраснѣла и съ досадой подумала, что, пожалуй, она будетъ говорить про нее. Калерія скоро отошла отъ Пинкуса и, подойдя къ Ольгѣ Карповнѣ, сказала:

— На!—и протянула ей рубль.

Ольга Карповна зажала рубль въ рукѣ и, быстро поднявшись, сказала:

— Идемъ!

Калерія покраснѣла:

— Я хочу сыграть еще одну игру.

— Значитъ, у тебя есть деньги?—вспыхнувъ, спросила Ольга Карповна.

— Рубль,—отвѣтила Калерія.—Мнѣ вѣдь близко.

Ольга Карповна съ презрѣніемъ пожала плечами и молча пошла изъ залы. Ее охватилъ внезапный гнѣвъ. Какъ недобросовѣстно ведетъ себя Калерія! Она раздѣлила все пополамъ, а Калерія затаила деньги и теперь будетъ играть одна и, можетъ-быть, выиграетъ. Она вышла изъ клуба и медленно пошла по улицамъ.

— Позвольте проводить!—обратился къ ней какой-то прохожій.

Она испуганно отшатнулась отъ него и подбѣжала къ извозчику. Она ѣхала домой, сердясь и на свою неудачу и на поведеніе Калеріи. Въ головѣ ея мелькала мысль, что, если бы она не взяла съ собой въ долю Калеріи, у нея было бы 30 руб., и она бы выиграла. И какой измѣнницей оказалась Калерія! Имѣла деньги и спрятала и теперь играетъ; быть-можетъ, выиграла.

Она вернулась домой, усталая и раздраженная. Павелъ Аркадьевичъ встрѣтилъ ее и спросилъ:

— Что такъ поздно?

— И совсѣмъ не поздно! Еще ходятъ трамваи.

— Весело было?

— Какое же у нихъ веселье! Мужъ ея убѣжалъ, денегъ ни гроша: она, разстроенная, сидѣла и ныла...

— Что не можетъ играть въ лото,—съ улыбкою добавилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— А хоть бы и такъ!—отвѣтила она.—Мнѣ ее жалко, и я ее понимаю.

А когда она легла въ постель, соблазнъ игры охватилъ ее съ новой силой. „Только бы достать денегъ",—думала она, засыпая, но на другой день не рѣшилась ни закладывать вещей ни ѣхать играть. Ей очень хотѣлось поѣхать, но было совѣстно передъ мужемъ, и было противно придумывать предлогъ, чтобы уѣхать.

„Тяжело жить въ такой зависимости",—съ досадой думала она, ожидая съ тоскою время обѣда, тоскливаго послѣобѣденнаго часа и еще болѣе тоскливаго вечера.

Павелъ Аркадьевичъ вернулся домой и сказалъ:

— Ну, Оля, придется намъ съ тобою разстаться.

Ольга Карповна испугалась:

— Почему?

— Правленіе посылаетъ меня въ командировку. Ты не бойся! 7—10 дней не больше, — отвѣтилъ онъ, замѣтивъ, какъ измѣнилось ея лицо.

Но она не боялась. Ея испугъ уже прошелъ и смѣнился радостью. Она будетъ свободной десять дней и можетъ отдаться своей страсти.

— А когда ты ѣдешь?

— Завтра утромъ.

— А какъ съ деньгами?

— Я принесъ жалованье за мѣсяцъ,—сказалъ онъ, передавая ей деньги:—да изъ моихъ прогонныхъ можешь истратить 30 руб. Вотъ 230 руб. Соберешь мнѣ вещи, и завтра утромъ я ѣду.

Ольга Карповна съ трудомъ сдерживала свою радость. Она была особенно ласкова съ мужемъ въ этотъ вечеръ, а когда наступило утро, радостно и торопливо собрала его вещи, а потомъ поѣхала его провожать и крѣпко и долго цѣловала его.

— За тѣми деньгами, что у тебя,—сказалъ онъ:—придутъ изъ правленія. Тамъ 650 рублей. Возьми расписку.

— Хорошо! Пріѣзжай скорѣй! — И она горячо обняла его на прощаніе.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее. Поѣздъ загромыхалъ, тронулся и медленно покатился. Ольга Карповна смотрѣла ему вслѣдъ и радостно думала: „свобода!" И мысль о предстоящей игрѣ въ лото заслонила у нея всѣ другія мысли.

Игра! Теперь она будетъ играть безъ Калеріи, одна,—и новая радость охватывала ея душу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новооткрытая статья Пушкина.

Замѣтка А. Ѳомина.

Въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ „Литературной Газеты" 1830 года *), посланномъ въ Парижъ Ал. Ив. Тургеневу издателемъ ея, барономъ Дельвигомъ, чрезъ ихъ общаго друга — князя П. А. Вяземскаго, сохранились замѣтки послѣдняго, раскрывающія авторовъ неподписанныхъ статей газеты.

Изъ 30 замѣтокъ кн. Вяземскаго—семь опредѣляютъ авторство А. С. Пушкина. Въ шести случаяхъ это опредѣленіе теперь оказалось только подтвержденіемъ того, до чего раньше, благодаря разнымъ другимъ соображеніямъ, дошли наши изслѣдователи **).

Въ одномъ случаѣ замѣтка кн. Вяземскаго указываетъ для насъ впервые на Пушкина, какъ на автора критической статьи, помѣщенной въ № 8 „Литературной Газеты" 1830 г., 5 февраля.

Статья относится къ отдѣлу „Библіографіи" и посвящена спеціально общей темѣ „Альманахи 1830 года".

Но Пушкинъ беретъ только одинъ изъ альманаховъ 1830 года— „Денницу" М. Максимовича, да и при разборѣ его останавливается исключительно на одной работѣ, привлекшей всецѣло его вниманіе, вызвавшей его восторгъ и полное сочувствіе.

Это—„Обозрѣніе Русской Словесности 1829 года" Ив. В. Кирѣевскаго *).

Пушкинъ начинаетъ свою статью съ того, что называетъ работу Кирѣевскаго „замѣчательнѣйшей" и „заслуживающей болѣе нежели бѣглый взглядъ разсѣяннаго читателя"; онъ увѣренъ, что „Обзоръ" Кирѣевскаго „сдѣлаетъ большее впечатлѣніе", и заключаетъ свою работу выводомъ, хотя и прямо противоположнымъ сдѣланному Кирѣевскимъ, но именно потому и интереснымъ, что его произноситъ такая литературная величина, какъ Пушкинъ.

„Тамъ,—пишетъ онъ:—гдѣ двадцати-трехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое „Обозрѣніе Словесности", тамъ есть Словесность — и время зрѣлости оной уже недалеко".

Пушкинъ въ правѣ былъ сказать это больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, такъ какъ онъ именно и былъ тѣмъ создателемъ русской литературной зрѣлости, начиная съ котораго рус-

*) См. подробно объ этомъ въ моей статьѣ въ „Русс. Библ." 1914 г., апр. „Къ вопросу объ авторствѣ Ал. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Д. Давыдова и др. въ „Литературной Газетѣ" 1830 г."

**) Кончая послѣдними цѣнными въ этомъ направленіи работами Н. Лернера.

*) Род. въ 1806 г., умеръ въ 1856 г.

ская литература стала твердой ногой на неустойчивой для нея до сихъ поръ почвѣ и заняла въ русской жизни положеніе, соотвѣтствующее достоинству и высотѣ міросозерцанія русскаго народа.

Ал. Ив. Тургеневъ получилъ этотъ экземпляръ „Литературной Газеты“ довольно поздно—2 іюня *) и тотчасъ же отозвался на нее съ присущей ему горячностью и даже страстностью, такъ какъ на него произвела особенно большое впечатлѣніе именно статья Пушкина о работѣ Ив. Кирѣевскаго, въ которой тотъ касается роли Н. И. Новикова въ исторіи русской мысли, общественности и просвѣщенія.

Отвѣтное письмо Александра Ивановича кн. Вяземскому можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ статьямъ и Кирѣевскаго и Пушкина, и дополненіемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что все, что сообщаетъ Тургеневъ, произошло у него самого на глазахъ, а во многомъ онъ самъ, его отецъ и братья принимали непосредственное участіе.

„Поблагодари Дельвига за журналъ (т.-е. за „Литературную Газету“). Право, давно не читалъ такой занимательной газеты. Въ ней столько оригинальныхъ статей: твои, Пушкина, Дельвига и другія можно прочесть и перечесть, хотя во многомъ я и не согласенъ съ тобою. Какъ много знаете вы о насъ, европейцахъ! Какъ умно многое судите или какъ дѣльно по крайней мѣрѣ о многомъ намекаете! „Газета“ Дельвига — петербургскій „Globe“. Кто таковъ Кирѣевскій? Пришлите мнѣ скорѣе его обозрѣніе въ „Денницѣ“. Не сынъ ли онъ пріятельницы Жуковскаго? Не онъ ли будетъ жить или уже живетъ въ Мюнхенѣ? Высылайте его скорѣе въ Европу: дайте ему дозрѣть! Я уже люблю его за Новикова...“

И далѣе, послѣ цѣлаго ряда интересныхъ мыслей о Новиковѣ и его значеніи въ русской жизни, Тургеневъ снова настаиваетъ:

„Еще разъ: присылайте Кирѣевскаго, въ лицахъ или въ „Денницѣ“...

Кн. Вяземскій, сообщая Тургеневу нѣкоторыя подробности о Кирѣевскомъ, прибавляетъ по поводу работы, такъ заинтересовавшей Пушкина:

„Статья его зелена слогомъ, а иногда и мыслями, но эта зелень—цвѣтъ надежды“.

Въ виду большой цѣнности этой статьи Пушкина, какъ матеріала, характеризующаго взгляды Пушкина на русскую литературу, помѣщаемъ ее полностью.

Библіографія.

Альманахи 1830 года.

„Денница“, Альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ.—М. въ Универс. типогр. 1830 (LXXVIV—256 стран. въ 16-ю д. л., съ гравир. заглав. листкомъ).

Въ семъ Альманахѣ встрѣчаемъ имена извѣстнѣйшихъ изъ нашихъ писателей, также стихотворенія нѣсколькихъ дамъ: украшеніе неожиданное, пріятная новость въ нашей Литературѣ.

Но замѣчательнѣйшая статья сего Альманаха, статья, заслуживающая болѣе, нежели бѣглый взглядъ разсѣяннаго читателя, есть „Обозрѣніе Русской Словесности 1829 года“, сочиненіе Г-на Кирѣевскаго. Авторъ принадлежитъ къ молодой школѣ Московскихъ Литераторовъ, школѣ, которая основалась подъ вліяніемъ новѣйшей Нѣмецкой Философіи, и которая уже произвела Шевырева, заслужившаго одобрительное вниманіе великаго Гете, и Д. Веневитинова, такъ рано оплаканнаго друзьями всего прекраснаго. Нѣсколько критическихъ статей Г. Кирѣевскаго были напечатаны въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и обратили на себя вниманіе малаго числа истинныхъ цѣнителей дарованія. Вѣроятно, „Обзоръ“ Г. Кирѣевскаго сдѣлаетъ большее впечатлѣніе не потому, что мысли въ немъ зрѣлѣе (что, впрочемъ, неоспоримо, несмотря на слишкомъ систематическое умонаправленіе Автора), но потому только, что нѣкоторыя изъ его мнѣній выражены рѣзко и неожиданно.

Г. Кирѣевскій, ставя успѣхи гражданственности выше славы воинскихъ подвиговъ, въ началѣ статьи своей признаетъ изданіе новаго Цензурнаго Устава „важнѣйшимъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Арзерума, и той славной тѣни, которую бросили Рускія знамена на стѣны Царьградскія“. Онъ приписываетъ сему Уставу уже замѣтное движеніе въ текущей Словесности прошедшаго года. „Наши Журналы заимствовали болѣе изъ Журналовъ иностранныхъ: переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей и отъ того вся Литература наша непримѣтно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ Журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости „негородскія“,—все это было похоже на нестройныя движенія разпелетаго ребенка: движенія, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья“.

*) См. „Остаф. Архивъ“, т. III, стр. 201, письмо № 723.

Сначала, разсматривая характеръ Словесности XIX-го столѣтія, Г. Кирѣевскій говоритъ о тѣхъ писателяхъ, кои по его мнѣнію опредѣлили духъ нашей Литературы; но прежде посвящаетъ краснорѣчивую страницу памяти того *„кто подвинулъ на полвѣка образованность“* нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества, кому и самъ Карамзинъ обязанъ, можетъ быть, своею первою образованностію. „Онъ умеръ недавно (говоритъ Г. Кирѣевскій), почти всѣми забытый, близъ той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь большей части нашихъ современниковъ, и если бы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти изчезла; участники его трудо́въ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности; многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живе́тъ, оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства.

„Новиковъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячъ рублей; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200.000. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; разпускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*“.

Признавъ филантропическое вліяніе Карамзина за характеръ первой эпохи Литературы XIX-го столѣтія, идеализмъ Жуковскаго за средоточіе второй, и Пушкина, поэта дѣйствительности, за представителя третьей, Авторъ приступаетъ къ обозрѣнію Словесности прошлаго года.

„XII томъ „Исторіи Россійскаго Государства“, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Рускаго, кажется, еще превзошелъ прежніе силою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ и этимъ ровнымъ блескомъ, этою чистотою, твердостью бриллiантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи ростетъ вмѣстѣ съ жизнію протекшихъ временъ. Чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе разкрывается передъ нами судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе отражается въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа“.

Въ число историческихъ сочиненій, Г. Кирѣевскій включаетъ и поэму „Полтаву“. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „изъ двадцати критикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ, дѣйствительно ли согласны съ Исторіей описанныя въ ней лица и произшествія. — Критики не могли сдѣлать большой похвалы Пушкину“. Признавая въ сей поэмѣ большую зрѣлость таланта, онъ осуждаетъ въ ней недостатокъ единства интереса, „единственнаго изъ всѣхъ единствъ, коего несоблюденіе не прощается законами либеральной піитики“. Этимъ изъясняетъ онъ малый успѣхъ, который имѣла послѣдняя и едва ли не лучшая изъ поэмъ А. Пушкина.

„Жуковскій“, продолжаетъ Авторъ, „напечаталъ въ прошедшемъ году свое „Море“, „Пѣснь побѣдителей“ изъ Шиллера, и связанные отрывки изъ Иліады. Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно, мужественно и трогательно; здѣсь все тепло, все возвышенно, каждое слово отъ души. Можетъ-быть это-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою“.—Авторъ имѣлъ въ виду Кострова; въ прошломъ году мы не гордились еще „Иліадою“ Гнѣдича.

„Море Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію. Тѣ же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, всѣ струны прежней его лиры отозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть однако отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи“.

Изъ молодыхъ поэтовъ Нѣмецкой школы, Г. Кирѣевскій упоминаетъ о Шевыревѣ, Хомяковѣ и Тютчевѣ. Истинный талантъ двухъ первыхъ неоспоримъ. Но Хомяковъ написалъ „Ермака“, и сія трагедія уже заслуживаетъ особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиленія внушило молодому Критику нѣсколько трогательныхъ строкъ. Онъ говоритъ о своемъ другѣ, о *лучшемъ изъ избранныхъ*, о покойномъ Веневитиновѣ.

„Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его Поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его Философіи. Кто вдумается съ любовью въ

сочиненія Веневитинова (ибо одна любовь даетъ намъ полное разумѣніе): кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, единственно одушевлявшаго ихъ существа, кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души поэтической, — тотъ узнаетъ Философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка; тотъ узнаетъ Поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслію, каждая мысль согрѣта сердцемъ: котораго мечта не украшается искуствомъ, но сама собою родится прекрасная: котораго лучшая пѣснь — есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами, и ихъ разнообразіе согласила равновѣсіемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное; отъ того въ познаніи самого себя находилъ онъ рѣшеніе всѣхъ таинъ искуства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданія. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца, онъ могъ

«Въ ея таинственную грудь
«Какъ въ сердце друга заглянуть.

„Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для Философіи, нежели для Поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами".

Тутъ критикъ сильно и остроумно доказываетъ преимущественную пользу Нѣмецкихъ Философовъ на тѣхъ изъ нашихъ Писателей, которые, не отличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство чужаго или пріобрѣтеннаго.

„Здѣсь господствуютъ два рода Литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары, слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Французы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ). Но мы находимъ у нихъ *игру словъ*, рѣдко, весьма рѣдко, и то случайно соединенную съ остроуміемъ, и шутки, почти всегда лишенныя вкуса, часто лишенныя всякаго смысла. И можетъ ли быть иначе? — Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ Писателей имѣютъ счастіе принадлежать къ нему?

„Напротивъ того, въ произведеніяхъ Литераторовъ, которые напитаны чтеніемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что-нибудь достойное уваженія, хотя тѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой тѣни".

Въ Князѣ Вяземскомъ Г. Кирѣевскій видитъ доказательство, что истинный талантъ блеститъ вездѣ, во всякомъ направленіи, подъ всякимъ вліяніемъ.

„Однако жъ", говоритъ Авторъ, „и Князь Вяземскій, несмотря на всѣ свои дарованія, несмотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ Писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ „уныніи", голосъ сердца слышнѣе ума".

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ людей, утверждающихъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго. Онъ видитъ въ немъ Поэта самобытнаго, *своеобразнаго*.

„Чтобы *дослышать* всѣ *оттѣнки* лиры Баратынскаго, надобно имѣть и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ Поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда, — вѣрный признакъ Поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи, многіе ли способны оцѣнить вполнѣ достоинство его стиховъ, эту мѣрность изящную, эту благородную *щеголеватость*?—Но если бы идеалъ лучшаго общества явился вдругъ въ какой-нибудь неизвѣстной намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другого языка".

Авторъ справедливо ставитъ „Эду", одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній элегической поэзіи, выше „Бальнаго вечера", поэмы, болѣе блестящей, но менѣе изящной, менѣе трогательной, менѣе вольно и глубоко вдохновенной. Опредѣляя характеръ поэзіи Барона Дельвига, Критикъ говоритъ: „Всякое подражаніе по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черты, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа? — Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда остаются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ; скажу болѣе: нѣтъ ни одного истинно-изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого состоянія души, котораго не знали наши праотцы по уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны Христіанству; романическая любовь, подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе, дитя Сѣвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ, необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію: наконецъ перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и оттуда стремленіе къ единству и сосредоточенію"... и пр.

Уголокъ мастерской Р. А. Берггольца. Къ 25-лѣтію его художественной дѣятельности. По фот. І. Глыбовскаго.

Разсуждая о нѣкоторыхъ произведеніяхъ драматической Музы нашей, Авторъ съ такою веселостію изображаетъ состояніе сцены, что мы, не раздѣляя вполнѣ его мнѣнія, не можемъ однако жъ не выписать сего оригинальнаго мѣста.

„Вообще нашъ Театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній Французамъ, и не смотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію Французскую ото всѣхъ другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ необходимостямъ хорошаго общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она *дома*, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и уборная: тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ Государствъ, и чтобы Рускую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

„Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще не измѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отъчасти въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова *) мы не имѣли ни одного истиннаго комическаго таланта, а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму: что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою: что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, противодѣйствующаго.

„Между тѣмъ можно бы замѣтить нашимъ комическимъ Писателямъ, что они поступаютъ неразчетливо, избирая *такое* напра-

*) Кажется, Авторъ выразился ошибочно. Не хотѣлъ ли онъ сказать: „кромѣ Фонъ-Визина и Грибоѣдова"?

вленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться, и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличностями ихъ удалыя шутки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохочетъ раекъ: но они никогда не достигнутъ до своего настоящаго идеала, и всѣ комедіи ихъ—любой извощикъ убьетъ однимъ словомъ".

Исчисляя переводы, явившіеся въ теченіе 1829 года, Авторъ замѣчаетъ, что шесть иностранныхъ Поэтовъ раздѣляютъ преимущественно любовь нашихъ Литераторовъ: Гете, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичъ.

Пропустивъ нѣкоторыя сочиненія, болѣе или менѣе замѣчательныя, но не входящія въ область чистой Литературы, Авторъ обращается къ сочиненіямъ въ родѣ повѣствовательномъ. Прошлый годъ богатъ былъ оными: но „Иванъ Выжигинъ", безспорно, болѣе всѣхъ достоинъ былъ вниманія по своему чрезвычайному успѣху. Два изданія разошлись менѣе чѣмъ въ одинъ годъ: третье готовится. Г. Кирѣевскій произноситъ ему строгій и рѣзкій приговоръ *), не изъясняя однако жь удовлетворительно неимовѣрнаго успѣха нравственно-сатирическаго романа Г. Булгарина.

„Замѣчательно", говоритъ Г. Кирѣевскій, „что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ азбуки Руской, около 60,000 азбуки Славянской, 60,000 экз. Катихизиса, около 15,000 азбуки Французской, и вообще учебныя книги расходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе, нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ Публика".

Спѣшимъ окончить сіе слишкомъ уже пространное изложеніе. Г. Кирѣевскій, вкратцѣ упомянувъ о Журналахъ, о духѣ ихъ полемики, объ Альманахахъ, о переводахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій, заключаетъ свою статью слѣдующимъ печальнымъ размышленіемъ: „Но если мы будемъ разсматривать нашу Словесность въ отношеніи къ Словесностямъ другихъ Государствъ, если просвѣщенный Европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: „Гдѣ Литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?"—„Что будемъ отвѣчать ему?—

„Мы укажемъ ему на „Исторію Россійскаго Государства"; мы представимъ ему нѣсколько одъ Державина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, нѣсколько басенъ Крылова, нѣсколько сценъ изъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и—гдѣ еще найдемъ мы произведеніе достоинства Европейскаго?

„Будемъ безпристрастны, и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ Литературы. Но утѣшимся: у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего Отечества!"—

Мы улыбнулись, прочитавъ сей меланхолической эпилогъ. Но замѣтимъ Г-ну Кирѣевскому, что тамъ, гдѣ двадцати-трехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое „Обозрѣніе Словесности", тамъ есть Словесность—и время зрѣлости оной уже недалеко.

*) См. Денница, Обозр. Р. С. стр. LXXII.

Академикъ Р. А. Берггольцъ. Къ 25-лѣтію его художественной дѣятельности. По фот. І. Глыбовскаго.

„Поэтъ дѣйствительности".

Послѣсловіе къ предыдущей статьѣ. **Н. О. Лернера.**

Пушкинъ оцѣнилъ въ И. В. Кирѣевскомъ, уже прежде привлекшемъ къ себѣ благосклонное вниманіе поэта и читателей замѣчательной статьей „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина" („Московск. Вѣстникъ" 1828 г.), своего надежнаго союзника и крупную литературную силу. „Онъ,—писалъ Кирѣевскій 15 января 1830 г. роднымъ:—сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ" (Сочин. И. Кирѣевскаго, изд. 1911 г., I, 18). Не ограничиваясь „комплиментами", Пушкинъ хотѣлъ обратить вниманіе публики на это замѣчательное литературное явленіе и въ рядѣ извлеченій изъ статьи Кирѣевскаго популяризовать его взгляды на современное положеніе русской литературы, а также высказать свой: что время ея зрѣлости приближается. Великій поэтъ не могъ не сознавать, что самъ онъ—вѣрнѣйшее знаменіе зрѣлости русской литературы. Тутъ онъ говорилъ подлинно, какъ „власть имѣющій". Почти нѣсколькими днями раньше онъ писалъ въ той же „Литературной Газетѣ" (№ 3): „въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что „Литературная Газета" у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жъ произведенія нашей литературы какъ ни рѣдки, но являются"... Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, вѣроятно, тоже 1830 года, онъ говоритъ: „какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою „Исторію" Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ „Иліады", такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло". Здѣсь Пушкинъ намекаетъ, между прочимъ, и на статью Кирѣевскаго. Въ слѣдующемъ году онъ опять вспомнилъ объ этомъ „краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности" и еще года три-четыре спустя писалъ („Мысли на дорогѣ") объ „опытахъ Кирѣевскаго, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews".

Едва ли Пушкинъ раздѣлялъ всѣ общіе взгляды Кирѣевскаго, который, обосновывая идеалистическое славянофильство, отдавалъ Россіи скипетръ духовнаго главенства надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, уже готовый выпасть изъ дряхлѣющихъ рукъ великихъ западныхъ народовъ, поперемѣнно владѣвшихъ имъ. Это положеніе трезвый и осторожный Пушкинъ обошелъ молчаніемъ,—тѣмъ болѣе, что у Кирѣевскаго оно лишено всякой аргументаціи и производитъ даже впечатлѣніе чего-то неожиданнаго. Оставляя въ сторонѣ „прогнозъ", Пушкинъ заинтересовался лишь „діагнозомъ", такимъ вѣрнымъ и мѣткимъ.

Замѣчательно опредѣленіе, которое даетъ Пушкинъ самому себѣ: „поэтъ дѣйствительности". Кирѣевскій характеризуетъ эпоху Пушкина, какъ періодъ „стремленія къ лучшей дѣйствительности", „уваженія къ дѣйствительности"; говоритъ, что его цѣль — „воплотить поэзію въ дѣйствительность", но краткая формула „поэтъ дѣйствительности" принадлежитъ самому Пушкину. Интересно мнѣніе поэта о своей „Полтавѣ":—„едва ли не лучшая изъ поэмъ А. Пушкина". Вскорѣ Пушкинъ говорилъ о ней: „сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся". Упоминанія объ „Ермакѣ" Хомякова, объ изучающихъ нѣмецкую философію московскихъ „любомудрахъ", о Баратынскомъ и его „Эдѣ", объ „Иванѣ Выжигинѣ" Булгарина связываютъ рецензію Пушкина съ многими другими, болѣе подробными его критическими заключеніями.

Новый мѣстный судъ и новыя правила веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Очеркъ **Г. Вольтке.**

Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда внесъ большія измѣненія въ устройство низшихъ судовъ, а также въ судопроизводство какъ мировыхъ, такъ и общихъ судебныхъ установленій. До изданія этого закона въ большинствѣ губерній Россіи (43 губерніи Европейской Россіи) судебная власть по менѣе важнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ принадлежала назначаемымъ правительствомъ земскимъ начальникамъ, городскимъ судьямъ и уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ, замѣнившимъ въ 1889 г. выборныхъ мировыхъ судей. Для крестьянъ существовали волостные суды изъ крестьянъ, назначаемыхъ земскимъ начальникомъ, совершенно оторванные отъ прочихъ судебныхъ учрежденій и руководствовавшіеся особыми, изданными для нихъ, правилами и судебниками, а главнымъ образомъ — мѣстными обычаями.

Земскіе начальники и городскіе судьи разбирали иски на сумму не свыше 300 р. и уголовныя дѣла, предусмотрѣнныя Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, а также менѣе важныя нарушенія Устава объ акцизныхъ сборахъ.

Уѣздные члены окружныхъ судовъ рѣшали гражданскія и уголовныя дѣла, превышавшія подсудность земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, но не выходившія за предѣлы подсудности бывшихъ мировыхъ судей, какъ-то иски на сумму отъ 300 до 500 р. и т. п.

Различны были и учрежденія, рѣшавшія дѣла по жалобамъ на упомянутые выше суды. Для волостныхъ судовъ, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей второй инстанціей являлись уѣздные съѣзды, состоявшіе изъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, уѣзднаго члена и товарища прокурора окружнаго суда и почетныхъ мировыхъ судей подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, а кассаціонной — губернскія присутствія, учрежденія административныя, въ коихъ предсѣдательствуетъ губернаторъ, при чемъ въ составѣ этого присутствія имѣются только два представителя судебнаго вѣдомства: предсѣдатель или членъ окружнаго суда и прокуроръ или его товарищъ.

Для уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ апелляціонной инстанціей являлись окружные суды, а кассаціонной—гражданскій или уголовный кассаціонный департаментъ Сената.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было введено Положеніе о земскихъ начальникахъ (города Вильна и Астрахань, губерніи: Юго-Западныя, Прибалтійскія, Архангельская, Измаильскій уѣздъ Бессарабской губ., Царство Польское, Кавказъ, Сибирь, Туркестанъ, Средняя Азія), дѣйствовали мировые судьи, назначенные правительствомъ. Лишь въ 8 значительнѣйшихъ городахъ Имперіи (Петербургъ, Москва, Одесса, Харьковъ, Саратовъ, Казань, Нижній-Новгородъ и Кишиневъ), въ Донской области и въ Петербургскомъ уѣздѣ Петербургской губ. мировые судьи избирались городскими думами.

Эту чрезвычайную пестроту судебныхъ порядковъ законъ 15 іюня 1912 г. въ значительной степени устраняетъ. Судебная власть по менѣе важнымъ дѣламъ сосредоточивается у мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ: земскіе начальники лишаются ея, городскіе судьи и уѣздные члены окружныхъ судовъ упраздняются. Хотя для крестьянъ остаются сословные волостные суды, но они введены въ связь съ безсословными мировыми судами, такъ какъ апелляціонной инстанціей является для нихъ верхній сельскій судъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ мировой судья (членами верхняго сельскаго суда состоятъ предсѣдатели волостныхъ судовъ по установленной очереди).

Кассаціонной инстанціей для верхняго сельскаго суда служитъ мѣстный мировой съѣздъ.

Такимъ образомъ волостные суды, состоящіе изъ выборныхъ крестьянъ и рѣшающіе дѣла главнымъ образомъ по мѣстнымъ обычаямъ, поставлены теперь въ связь съ мировыми судебными учрежденіями, дѣйствующими по закону. Къ тому же новымъ волостнымъ судамъ предписано обращаться къ постановленіямъ Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ во всѣхъ случаяхъ, когда волостной судъ затруднится рѣшить дѣло на основаніи преподанныхъ ему новымъ закономъ правилъ и установившейся въ волостныхъ судахъ практики. Прежніе волостные суды эти Уставами не руководствовались. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то новые волостные суды при опредѣленіи наказаній должны примѣнять Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Лишь въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ новые волостные суды не связаны общими гражданскими законами, изложенными въ X томѣ Свода Зак., и могутъ рѣшать дѣла по мѣстнымъ обычаямъ. Но постоянная связь, установленная между новыми волостными судами и мировыми судами, примѣняющими общіе гражданскіе законы, постепенно приведетъ къ тому, что новые волостные суды привыкнутъ основывать свои рѣшенія и по гражданскимъ дѣламъ на общемъ законѣ и примѣнять по всѣмъ вообще дѣламъ общія правила судопроизводства. Компетенція новыхъ волостныхъ судовъ сравнительно съ прежними значительно сокращена. Волостнымъ судамъ подсудны лишь самыя мелкія дѣла, а именно иски о движимости, по домашнимъ договорамъ (кромѣ векселей), о вознагражденіи за убытки на сумму не болѣе 100 руб., дѣла по наслѣдованію (не исковыя) и о раздѣлахъ между наслѣдниками крестьянскаго движимаго имущества цѣнностью не болѣе 500 руб., если оно, не составляя принадлежности крестьянскаго надѣла, оказалось однако въ предѣлахъ волостного судебнаго участка, и на неограниченную сумму, если оно входитъ въ составъ этого надѣла или составляетъ его принадлежность. Изъ дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ волостному суду подсудны иски о правахъ на надѣльныя земли, находящіяся въ общинномъ пользованіи, и о возстановленіи нарушеннаго или утраченнаго владѣнія такими землями, если со времени нарушенія или утраты прошло не болѣе года. Изъ подсудности воло-

Рис. 1. **Каѳедральный соборъ въ Санъ-Доминго, гдѣ покоятся останки Христофора Колумба.**

стныхъ судовъ изъяты иски крестьянъ о земляхъ внѣнадѣльныхъ и объ участкахъ отрубного владѣнія. Изъ дѣлъ уголовныхъ волостному суду подсудны лишь немногіе болѣе мелкіе проступки, указанные въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, наказуемые денежными взысканіями не свыше 100 руб. или арестомъ не свыше одного мѣсяца.

Кругъ лицъ, обязанныхъ судиться въ новыхъ волостныхъ судахъ, ограниченъ: 1) крестьянами, 2) лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію (мѣщане и ремесленники, постоянно живущіе въ селеніяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ), и 3) сельскими обществами. Если отвѣтчикомъ является лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, то волостной судъ не въ правѣ принять къ своему производству искъ крестьянина или лица, ему подвѣдомственнаго. Но лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, имѣетъ право предъявить искъ къ лицу, подвѣдомственному этому управленію, въ волостномъ судѣ. По соглашенію между истцомъ и отвѣтчикомъ иски, подсудные волостному суду, могутъ быть предъявляемы и у мировыхъ судей также и крестьянами и лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то волостному суду подсудны лишь преступныя дѣянія крестьянъ и лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, если они возникли въ предѣлахъ волостного судебнаго участка. Если въ совершеніи проступка участвовало вмѣстѣ съ этими лицами и лицо, волостному суду не подвѣдомственное, то дѣло это передается мировому судьѣ. Если потерпѣвшимъ отъ преступнаго дѣянія лица, подвѣдомственнаго волостному суду, является лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, то оно въ правѣ обратиться съ жалобой, по своему усмотрѣнію, или въ волостной судъ, или къ мировому судьѣ.

Такимъ образомъ законодатель предоставилъ самому населенію выбрать себѣ тотъ или иной мѣстной судъ: крестьянскій или мировой. Выборъ этотъ, конечно, опредѣлится въ зависимости отъ того, какой изъ этихъ судовъ пріобрѣтетъ больше довѣрія у мѣстнаго населенія.

Значительныя измѣненія введены и въ организацію мирового суда. Выборъ мировыхъ судей предоставленъ органамъ общественнаго самоуправленія: уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а въ нѣсколькихъ значительнѣйшихъ городахъ — городскимъ думамъ. Изъятіе изъ этого правила установлено лишь для девяти губерній западныхъ, а также Астраханской (кромѣ г. Астрахани), Оренбургской и Ставропольской. Кругъ лицъ, изъ которыхъ могутъ быть выбираемы мировые судьи, по новому закону значительно расширенъ.

Рис. 3. **Мавзолей Христофора Колумба въ соборѣ въ Санъ-Доминго.**

Прежде лицо, желающее баллотироваться въ мировые судьи, обязано было владѣть недвижимымъ имуществомъ опредѣленной цѣнности. Теперь отъ этого условія освобождены мѣстные жители, окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, если они въ той губерніи, гдѣ производятся выборы, занимали или занимаютъ не менѣе трехъ лѣтъ какую-либо судебную должность не ниже земскаго участковаго начальника, исполнявшаго до изданія новаго закона судейскія обязанности, мирового или городского судьи, судебнаго слѣдователя или товарища прокурора окружнаго суда, или состояли въ теченіе того же срока присяжными повѣренными или нотаріусами, или состоятъ старшими кандидатами на судебныя должности.

Если указанные выше мѣстные жители съ высшимъ юридическимъ образованіемъ не имѣютъ судебнаго опыта, пріобрѣтаемаго службою въ упомянутыхъ должностяхъ, то имъ разрѣшается все же баллотироваться въ мировые судьи, если они сами, родители ихъ или жены владѣютъ не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, стоящимъ вдвое менѣе той суммы, которая требуется для другихъ лицъ, не обладающихъ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Размѣръ этой суммы (имущественнаго ценза) для всѣхъ вообще лицъ, желающихъ быть избранными въ мировые судьи, уменьшенъ вдвое противъ прежняго въ отношеніи земельныхъ имуществъ внѣ городовъ: прежде надо было имѣть для этого земли вдвое противъ того, что требуется для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія; теперь достаточно имѣть только такое количество земли, которое имѣетъ каждый земскій избиратель. Только для столицъ и городовъ съ населеніемъ свыше 100.000 человѣкъ имущественный цензъ повышенъ: для первыхъ — съ 6.000 руб. до 15.000 руб., а для вторыхъ съ 3.000 руб. до 6.000 руб.

Наконецъ отъ образовательнаго ценза, необходимаго для всѣхъ вообще мировыхъ судей (высшее или среднее образованіе), и служебнаго судебнаго опыта (но не отъ полнаго имущественнаго ценза) освобождены предводители дворянства и секретари мирового съѣзда, а также служившіе до введенія закона о преобразованіи мѣстнаго суда земскіе участковые начальники и секретари уѣзднаго съѣзда, если всѣ эти лица занимали упомянутыя должности не менѣе шести лѣтъ. Только въ случаѣ недостатка лицъ, которыя могли бы быть избраны въ участковые мировые судьи, недостающее до установленнаго комплекта число судей назначается, и то лишь временно, до слѣдующихъ выборовъ, I-мъ Департаментомъ Сената по представленію министра юстиціи изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть выбранными въ мировые судьи.

Рис. 2. **Серебряная дощечка съ надписями, два винта, которыми она была прикрѣплена, и пуля, остававшаяся въ тѣлѣ Колумба, — вещи, найденныя въ свинцовомъ ящикѣ, вырытомъ въ соборѣ въ Санъ-Доминго.**

Гдѣ покоятся останки Колумба?

Предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ въ семи городахъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Кишиневѣ, Одессѣ и Казани) избираются мировыми судьями изъ своей среды, а въ прочихъ мѣстностяхъ — назначаются Высочайшей властью по представленію министра юстиціи изъ лицъ, прослужившихъ мировыми судьями не менѣе трехъ лѣтъ или имѣющихъ право на занятіе должности по судебному вѣдомству не ниже члена окружнаго суда.

Судебныя права мировыхъ судей по закону 15 іюня 1912 г. очень расширены. По гражданскимъ дѣламъ мировые судьи могли рѣшать дѣла по искамъ на сумму не болѣе 500 р. Теперь эта сумма увеличена вдвое: до одной тысячи руб. Прежде мировой судья не имѣлъ права рѣшать дѣла по спорамъ о правахъ на недвижимое имущество, какъ бы незначительна ни была цѣнность оспариваемаго имущества. Теперь мировому судьѣ подсудны и споры о правахъ на недвижимое имущество, если цѣна его не свыше одной тысячи рублей. Прежде мировой судья не имѣлъ права разбирать дѣла, въ которыхъ заинтересованы казенныя управленія (иски этихъ управленій и иски къ нимъ). Теперь это право ему предоставлено. Прежде мировой судья могъ разбирать дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія только въ томъ случаѣ, если со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ. Теперь этотъ срокъ увеличенъ до одного года. По уголовнымъ дѣламъ мировой судья могъ разбирать только проступки, перечисленные въ особомъ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. По этому Уставу наказанія за проступки назначены слѣдующія: выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія не свыше 300 р., арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ и заключеніе въ тюрьмѣ не свыше одного года и шести мѣсяцевъ. Впослѣдствіи мировому судьѣ предоставлено было право разбирать и другіе проступки, предусмотрѣнные въ Уставахъ казенныхъ управленій, а также нѣсколько преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ Уложеніи о наказаніяхъ и даже въ Уголовномъ Уложеніи *), каковыя дѣянія облагаются наказаніями, не превышающими упомянутой выше подсудности.

Законъ 15 іюня 1912 г. предоставилъ мировымъ судьямъ право присуждать къ денежнымъ взысканіямъ и пенямъ не свыше одной тысячи рублей, къ аресту независимо отъ его срока и къ тюремному заключенію на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ $1^1/_2$ года, если только оно не соединено съ лишеніемъ правъ, и если вообще эти наказанія не влекутъ за собою воспрещенія участвовать въ общественномъ или сословномъ собраніи, высылки изъ мѣстъ жительства, закрытія или уничтоженія фабрикъ, заводовъ или иныхъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, или машинъ и орудій ихъ производства, закрытіе аптекъ и учебныхъ заведеній, или лишенія права производить торговлю или промыселъ, или заниматься опредѣленнаго рода дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ мировые судьи получили право разбирать и такіе преступленія и проступки, которые упомянуты въ Уложеніи о наказаніяхъ и въ различныхъ Уставахъ, напечатанныхъ въ другихъ томахъ Свода Законовъ, если высшее наказаніе, опредѣленное въ законѣ, не выше того, которое является предѣльнымъ для власти мирового судьи. Нѣкоторыя однако преступленія, которыя по размѣру назначеннаго за нихъ наказанія могли быть подсудны мировому судьѣ, законъ 15 іюня 1912 г. изъялъ изъ подсудности мировыхъ судей особымъ постановленіемъ, въ которомъ перечислены всѣ изъятыя статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Уложеніе о Наказаніяхъ — составленный въ 1845 г. и впослѣдствіи дополненный и измѣненный вновь изданными законами сборникъ законовъ о преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ и другимъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Уголовное Уложеніе — утвержденный въ 1903 г. сборникъ уголовныхъ законовъ для всѣхъ вообще судовъ Имперіи, который долженъ былъ замѣнить устарѣвшее Уложеніе о наказаніяхъ. Однако введеніе въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія было отсрочено до изданія другихъ законовъ, а затѣмъ введены были въ дѣйствіе лишь немногія части его (о преступленіяхъ политическихъ, религіозныхъ и др.).

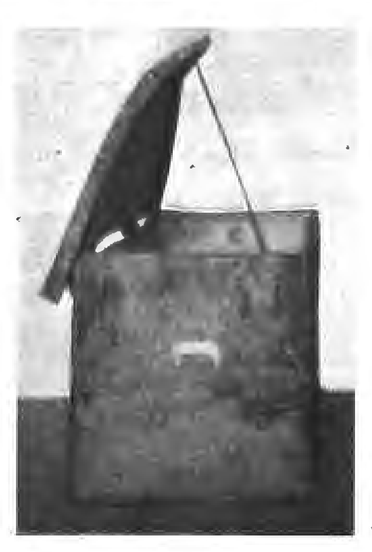


Рис. 4—6. **Свинцовый ящикъ, найденный въ соборѣ въ Санъ-Доминго, на боковыхъ стѣнкахъ котораго сохранились начальныя буквы имени Христофора Колумба, и въ которомъ нашли его останки.**

Рис. 7. **Останки Христофора Колумба, хранимые въ его мавзолеѣ: свинцовый ящикъ, въ которомъ ихъ нашли, а на его крышкѣ—хрустальный ковчежецъ съ останками Колумба—кусочками его костей: на крышкѣ ковчежца—два гвоздя и пуля.**

Гдѣ покоятся останки Колумба?

(Съ 7 рис. на стр. 435 и 436)

Въ біографіяхъ знаменитаго „descubridor'a“ (открыватель) Америки, какъ его называютъ испанцы, обыкновенно сообщается, что онъ умеръ 10 мая 1506 года, въ возрастѣ 65 лѣтъ, въ Вальядомедѣ, что его останки были погребены въ одной изъ севильскихъ церквей, а затѣмъ перевезены на островъ Санъ-Доминго и съ тѣхъ поръ покоятся въ тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ, который у испанцевъ считается примаціональною, т.-е. какъ бы домашнею церковью примаса, архіепископа Индій (испанцы называютъ Индію—las Indias, во множественномъ числѣ).

Но это мѣстонахожденіе останковъ Колумба не всѣми признавалось несомнѣннымъ. Иные думали, что его трупъ остался въ Испаніи. Вопросъ этотъ поднимался много разъ, поднялся еще разъ въ самое послѣднее время по очень своеобразному поводу и нынѣ считается уже окончательно рѣшенымъ въ пользу Санъ-Доминго.

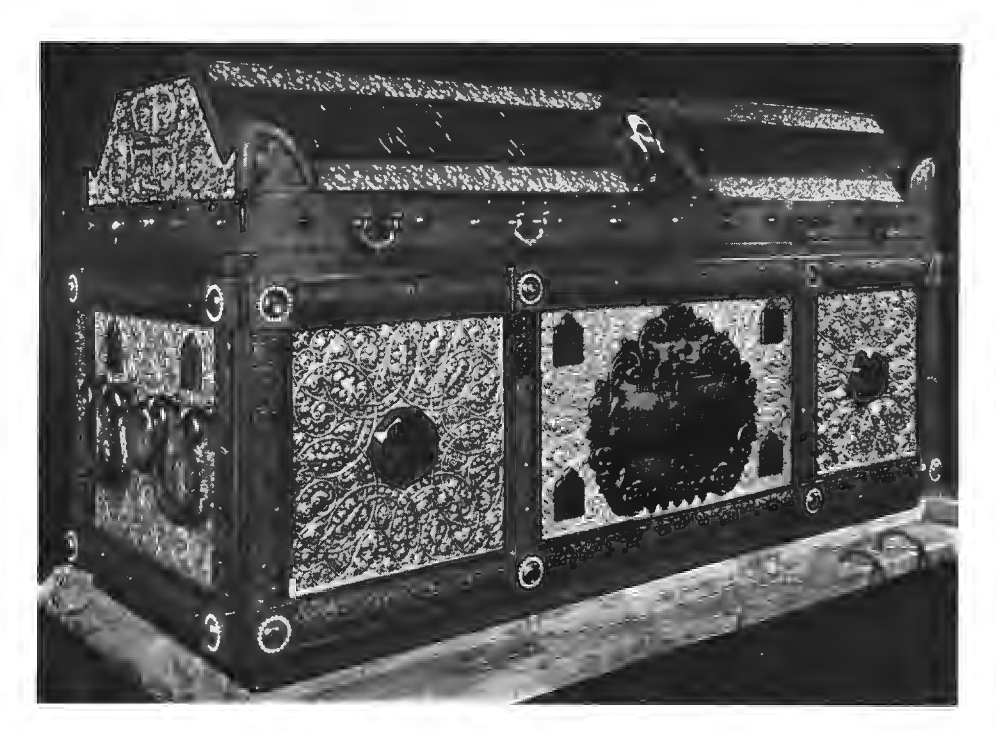
Вотъ какъ было дѣло. Приготовляясь къ торжественному открытію Панамскаго канала, американцы задумали рядъ самыхъ пышныхъ подробностей этого торжества и, между прочимъ, возымѣли мысль провезти останки Колумба во главѣ того кортежа, который первый пройдетъ по каналу, а затѣмъ направить въ Санъ-Франциско, гдѣ будетъ въ то время открыта всемірная выставка, и оставить здѣсь эту реликвію на все время выставки, чтобы публика, собравшаяся со всего свѣта, могла поклониться праху великаго мореплавателя. Правительство Соединенныхъ Штатовъ уже вошло по этому поводу въ переговоры съ правительствомъ республики Санъ-Доминго. Но прежде чѣмъ начать эти переговоры, американцы, помня, что мѣстонахожденіе праха Колумба подвержено сомнѣнію, произвели самое тщательное разслѣдованіе. И вотъ каковы были результаты этого разслѣдованія.

Какъ извѣстно, наградою за труды Колумба была черная не-

Гдѣ покоятся останки Колумба?

благодарность со стороны испанцевъ. Послѣ первыхъ его тріумфовъ начались противъ него жесточайшія придворныя интриги, нашедшія откликъ въ сердцѣ сухого и замкнутаго эгоиста Фердинанда. Великій адмиралъ Индій умеръ бѣдный и покинутый. Его сынъ и наслѣдникъ всѣхъ его пышныхъ титуловъ могъ стать во главѣ правительства Индій лишь четыре года спустя по смерти отца, въ 1509 года. На него тоже взвели обвиненія въ превышеніи власти: онъ вернулся въ Испанію, цѣлыхъ десять лѣтъ хлопоталъ о возстановленіи своихъ правъ и умеръ въ 1526 г., ничего не добившись. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и сынъ его, тоже Діэго, послѣдній адмиралъ изъ Колумбова рода: съ нимъ прекращалось мужское потомство Колумба.

Тѣло Колумба, какъ удалось точно выяснить, первоначально было погребено въ мѣстѣ его кончины, въ Вальядолидѣ, въ монастырѣ св. Франциска, и лишь въ 1513 году перенесено въ Севилью, въ монастырь las Cuevas. Но



Серебряная рака для св. мощей святителя Ермогена, сооруженная по повелѣнію и иждивеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, по проекту художника С. И. Вашкова, фабрикой Т-ва П. И. Оловянишникова С-я.

Облаченіе для св. мощей святителя Ермогена. Епитрахиль.

Колумбъ еще при жизни постоянно высказывалъ желаніе быть погребеннымъ въ Санъ-Доминго; объ этомъ онъ ясно упоминалъ и въ своемъ завѣщаніи. Санъ-Доминго было колыбелью его славы. Это былъ второй островъ, открытый имъ послѣ того, какъ онъ переплылъ Атлантическій океанъ: первый былъ Санъ-Сальвадоръ, второй — Санъ-Доминго, который онъ назвалъ Испаньолою.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти общественное мнѣніе въ Испаніи приняло очень сочувственное ему настроеніе. Раньше этого „иностранца" (какъ извѣстно, Колумбъ былъ итальянецъ, родомъ изъ Генуи) за то и тѣснили, что онъ чужакъ имъ: теперь же стали имъ гордиться. Вспомнили перенесенныя имъ обиды и захотѣли отплатить ему, за неимѣніемъ лучшаго, хоть исполненіемъ его послѣдней воли. И вотъ тогда-то останки его самого и его сына Діэго были перенесены въ Санъ-Доминго и погребены въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ. Хранилось преданіе, что останки Колумба зарыты въ соборѣ рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ хранится Евангеліе.

Въ 1795 году по Базельскому трактату Испанія уступила Франціи часть острова Санъ-Доминго, которая еще оставалась въ ея владѣніи. Испанцы, конечно, вспомнили о томъ, что прахъ Колумба покоится на территоріи, уступленной другому народу, и рѣшили взять его къ себѣ. Съ этою цѣлью 20 декабря 1795 г. была произведена раскопка въ томъ мѣстѣ собора, гдѣ, по преданію, былъ зарытъ прахъ Колумба. При раскопкѣ нашли кости, смѣшанныя съ обломками свинца, но не нашли ни надгробнаго камня ни надписи. Но всѣ принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ слѣпо вѣрили въ преданіе и не позаботились произвести необходимую провѣрку. Найденныя невѣдомыя кости перевезли на островъ Кубу и 20 января 1796 г. торжественно помѣстили ихъ въ мавзолей, воздвигнутый для нихъ въ каѳедральномъ соборѣ города Гаванны. Когда же Куба была уступлена Соединеннымъ Штатамъ — и погребальная урна съ прахомъ Колумба была отправлена въ Севилью, гдѣ и пребываетъ поднесь.

Облаченіе для св. мощей святителя Ермогена. Мантія.

Торжества открытія мощей Святителя Ермогена въ Москвѣ, 11 мая 1914 года.

Но обстоятельства, при которыхъ произошло вырытіе останковъ въ 1795 г., возбудили сомнѣнія въ обитателяхъ Санъ-Доминго. Могло ли быть, чтобы останки Колумба были столь скромно погребены? Шли толки о томъ, что тогда вышло какое-то недоразумѣніе. И вотъ скоро послѣ послѣдняго переноса останковъ эти толки подтвердились.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Санъ-Домингскомъ соборѣ приступили къ большому ремонту и, производя при этомъ раскопки, натолкнулись на свинцовый ящикъ, сильно пострадавшій отъ времени, и въ немъ кости. Въ первое время этой находкѣ не придали значенія. Но мѣстный археологъ Карлосъ Ноуель, заинтересовавшійся находкою, отчистилъ этотъ свинцовый ящикъ, и тогда на немъ обнаружилась надпись: „Адмиралъ донъ Луисъ Колумбъ, герцогъ де Верагуа". Этотъ Колумбъ былъ не кто иной, какъ внукъ Христофора. Тутъ только хватились и начали продолжать раскопки въ томъ же мѣстѣ, но уже съ величайшимъ тщаніемъ. Около могилы бригадира дона Хуана Санчеса Рамиреса нашли пустую могилу, вѣроятно, ту самую, изъ которой была сдѣлана выемка костей и свинца въ 1795 году. Раскопки продолжали и скоро вырыли прямоугольный свинцовый ящикъ, стоявшій на двухъ кирпичныхъ подпорахъ, шириною въ 22 сантиметра и длиною въ 44. На его крышкѣ послѣ ея отчистки выступила надпись: „D. de la A. P-er A-te", сокращеніе словъ: „Descubridor de la America, Primer Almirante" (открыватель Америки, первый адмиралъ). Внутри на крышкѣ была надпись готическими буквами: „Ill-tre y Esdo Varon Dn Cristóval Cólon", т.-е. знаменитый и славный мужъ донъ Христофоръ Колумбъ. На двухъ поперечныхъ стѣнкахъ ящика и на передней стояли буквы: „C. C. A.", т.-е. Cristóval Cólon Almirante. Внутри ящика нашли лишь осколки и пыль костей въ очень небольшомъ количествѣ. Нашли еще серебряную дощечку въ 87 милиметровъ длиною и 33 милиметра шириною съ надписями: на одной сторонѣ: „U...a p...te de los r...stos del p...mor Al-te. ON Cristoval Colon Des" (точки замѣняютъ стершіяся буквы), т.-е. Ultima parte de los restos del primor Almirante Don Cristoval Colon Descubridor" (Послѣдняя часть останковъ перваго Адмирала дона Христофора Колумба, открывателя). На другой сторонѣ той же серебряной дощечки была надпись: „A... Cristoval Colon" (адмиралъ Христофоръ Колумбъ). Пластиночка эта (всѣ остальные предметы изображены на прилагаемыхъ рисункахъ) была снабжена двумя дырочками и, вѣроятно, была привинчена внутри ящика двумя винтами, которые тутъ же и нашли. Слова „ultima parte" были истолкованы въ томъ смыслѣ, что тутъ все, что осталось отъ праха великаго человѣка послѣ его переносовъ изъ Вальядолида въ Севилью, а изъ Севильи—въ Санъ-Доминго. Въ томъ же ящикѣ нашли еще овальную свинцовую пулю вѣсомъ въ 30 граммъ. Какъ извѣстно, Колумбъ въ молодости долго плавалъ въ восточной части Средиземнаго моря, ведя борьбу съ мусульманскими морскими разбойниками, свирѣпствовавшими въ тѣ времена, участвуя во множествѣ схватокъ съ ними. Въ одной изъ нихъ онъ былъ раненъ пулею, которую при его жизни не могли извлечь; рана отъ этой пули у него разболѣлась въ послѣдніе годы жизни и, причинивъ ему не мало страданій, вѣроятно, ускорила его смерть.

Протоіерей о. Константинъ Изразцовъ. Настоятель церкви при Императорской миссіи въ Агудинъ-Айресѣ, Южная Америка. По поводу 25-лѣтія заграничной службы, начатой въ Гаагѣ въ 1889 г.
По фот. К. Булла.

Тотчасъ вслѣдъ за этою находкою была образована спеціальная комиссія для строжайшаго обсужденія этихъ останковъ, которая и пришла къ заключенію объ ихъ несомнѣнной подлинности.

Жители Санъ-Доминго, желая почтить память великаго морехода достойной его могилою, воздвигли въ соборѣ великолѣпный мавзолей, украшенный барельефами, изображающими главныя событія его жизни. На этомъ-то мавзолеѣ, въ роскошной хрустальной, въ серебряной оправѣ, урночкѣ, положенной на тотъ же перегорѣвшій отъ ржавчины свинцовый ящикъ, лежитъ та ничтожная щепоть костяныхъ обломковъ и пыли, которая осталась отъ Христофора Колумба.

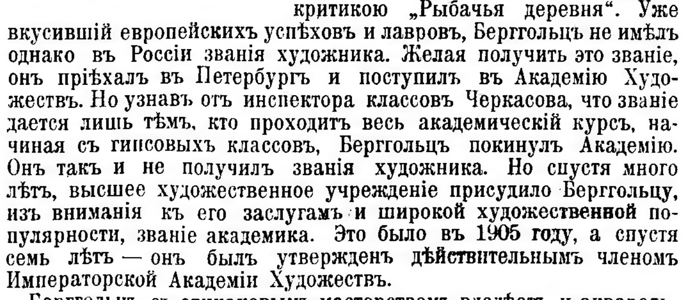
Надо полагать, что тѣ кости, которыя были выкопаны испанцами въ 1795 году, представляли останки старшаго сына Колумба, Діэго. По преданію, его прахъ былъ перевезенъ на Санъ-Доминго вмѣстѣ съ прахомъ его отца и, конечно, погребенъ рядомъ съ нимъ. Между тѣмъ, теперь около могилы Колумба оказалась пустая могила; тутъ, вѣроятно, и покоился прахъ его сына, его и вырыли испанцы въ 1795 году.

Академикъ Р. А. Берггольцъ.

(Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности).

Академикъ живописи Р. А. Берггольцъ, четверть-вѣковой юбилей дѣятельности котораго недавно исполнился, безспорно принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ пейзажистовъ. Берггольцъ—русскій художникъ и русскій академикъ, однакоже картинами своими онъ гораздо ближе примыкаетъ къ западной, французской школѣ. Недаромъ онъ жилъ и работалъ во Франціи, пользуясь совѣтами и указаніями такой крупной величины въ области ландшафтной живописи, какъ Пелюзъ. Но отъ этого перваго профессора своего Берггольцъ не унаслѣдовалъ ни техники ни манеры подходить къ природѣ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи Берггольцъ напоминаетъ скорѣе умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ французскаго пейзажиста Казэна. Если бъ понадобилось какъ-нибудь однимъ, двумя словами характеризовать Берггольца и его талантъ, назвавъ его русскимъ Казэномъ, никто ничего болѣе мѣткаго и лучшаго не придумалъ бы. Та же мягкая, меланхолическая поэзія, обволакивающая безхитростные, застѣнчивые пейзажи. Та же недоговоренность, неопредѣленность контура въ нѣжныхъ и мягкихъ акварелях, тѣ же деревья, тоненькія, чуть-чуть убранныя листвою. Словомъ, Берггольцъ, подобно Казэну, какъ настоящій художникъ-поэтъ, никогда не искалъ красивыхъ, декоративныхъ ландшафтныхъ мотивовъ, отлично понимая, что настоящая художественная красота не въ живописности того или другого уголка, а въ томъ, какимъ настроеніемъ одухотворенъ хотя бы самый скромный, самый невыигрышный, въ смыслѣ перваго впечатлѣнія, „кусокъ" или даже „кусочекъ" природы.

Берггольцъ не ограничился Парижемъ. Парижъ не могъ ему дать тѣхъ сокровенныхъ знаній природы, вѣрнѣе—средствъ получить эти знанія, какими владѣлъ знаменитый „дюссельдорфскій отшельникъ" Дюккеръ. Уроженецъ Прибалтійскаго края, Дюккеръ былъ профессоромъ Дюссельдорфской академіи по пейзажному классу. Около двухъ лѣтъ работалъ Берггольцъ подъ наблюденіемъ Дюккера, сформировавшись въ законченнаго мастера-пейзажиста, картины котораго могли бы украсить любую международную выставку. Да оно такъ было и на самомъ дѣлѣ. Берггольцъ выставлялъ и въ парижскихъ салонахъ, и въ мюнхенскомъ „Glas-Palast", и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ. Послалъ онъ въ Россію на академическую выставку рядъ картинъ. Среди нихъ въ 1887 г. обратила вниманіе и была отмѣчена критикою „Рыбачья деревня". Уже



вкусившій европейскихъ успѣховъ и лавровъ, Берггольцъ не имѣлъ однако въ Россіи званія художника. Желая получить это званіе, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію Художествъ. Но узнавъ отъ инспектора классовъ Черкасова, что званіе дается лишь тѣмъ, кто проходитъ весь академическій курсъ, начиная съ гипсовыхъ классовъ, Берггольцъ покинулъ Академію. Онъ такъ и не получилъ званія художника. Но спустя много лѣтъ, высшее художественное учрежденіе присудило Берггольцу, изъ вниманія къ его заслугамъ и широкой художественной популярности, званіе академика. Это было въ 1905 году, а спустя семь лѣтъ — онъ былъ утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ.

Берггольцъ съ одинаковымъ мастерствомъ владѣетъ и акварельной техникой и техникой масляной живописи. Но самъ художникъ тяготѣетъ больше къ акварелямъ, и Берггольцъ-акварелистъ извѣстнѣе Берггольца-живописца не только у насъ, но и за границей. На Западѣ нѣтъ, кажется, ни одного общества акварелистовъ, гдѣ Берггольцъ не былъ бы приглашенъ въ почетные члены. Въ „Обществѣ русскихъ акварелистовъ" Берггольцъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несетъ обязанности предсѣдателя. Кромѣ того, видное участіе принимаетъ онъ въ „Товариществѣ художниковъ", создавшемся послѣ раскола въ кружкѣ „Петербуржцевъ".

Въ пейзажахъ своихъ Берггольцъ избѣгаетъ веселыхъ, жизнерадостныхъ настроеній, съ яркимъ воздухомъ, солнцемъ и сочной зеленью. Излюбленные мотивы его—осень и ранняя весна, когда еще бѣлѣетъ снѣгъ, еще скована ледянымъ панцыремъ вода и голы деревья. Эти настроенія съ тихой и грустной поэзіей увяданія природы и медленнаго возврата къ жизни удаются Берггольцу, и въ этой области онъ чувствуетъ себя полноправнымъ хозяиномъ.

Женщина-врачъ Н. А. Добровольская, первая въ Россіи, получившая званіе приватъ-доцента, читаетъ лекціи слушательницамъ Женскаго Медицинскаго Института. По фот. Я. Штейнберга.

Иногда отъ этой „реальной поэзіи“ Берггольцъ уходитъ къ полуфантастическимъ мотивамъ въ духѣ балладъ и „беклиновскихъ“ настроеній. Это—угрюмыя башни, вымершіе фантастическіе замки, пустынно-скалистые острова и холодное, безпріютно тоскующее море. Иногда эти мрачныя баллады-пейзажи Берггольцъ оживляетъ фигурами, хотя слово „оживляетъ“ не идетъ сюда. Наоборотъ, одинокія фигуры лишь подчеркиваютъ окружающую пустынность. Въ своей техникѣ и манерѣ Берггольцъ не примыкаетъ ни къ старому направленію ни къ новому. Идя вровень съ вѣкомъ, много и вдумчиво работая, Берггольцъ сумѣлъ сохранить собственную физіономію. Живопись его свободная, смѣлая, но онъ никогда не вдавался въ модернистическія крайности и никогда не пренебрегалъ формой. Наоборотъ, вѣрный ученикъ Дюккера, онъ всегда клалъ форму въ основаніе своего творчества и, уже владѣя ею, позволялъ себѣ предаваться мечтамъ.

Берггольцъ—западникъ не только въ смыслѣ техники своей, но и по мотивамъ, его вдохновляющимъ: русскую природу вы не часто встрѣтите на картинахъ Берггольца. Ежегодно талантливый художникъ путешествуетъ по Италіи, Швейцаріи, Нормандіи и Бретани и возвращается въ Петербургъ съ этюдами, которые и обрабатываетъ въ своей мастерской—къ слову сказать, стильной, съ убранствомъ въ духѣ временъ Имперіи—въ картины.

25-лѣтній юбилей засталъ Берггольца въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, и впереди еще—непочатый уголъ интереснаго, продуктивнаго творчества.

Какъ человѣкъ, Р. А. Берггольцъ хорошій, доброжелательный товарищъ, занимательный собесѣдникъ, много видѣвшій, много читавшій, образованный и отлично владѣющій иностранными языками.

Политическое обозрѣніе.

Пріѣздъ венгерскихъ гостей.—Албанскія разочарованія.

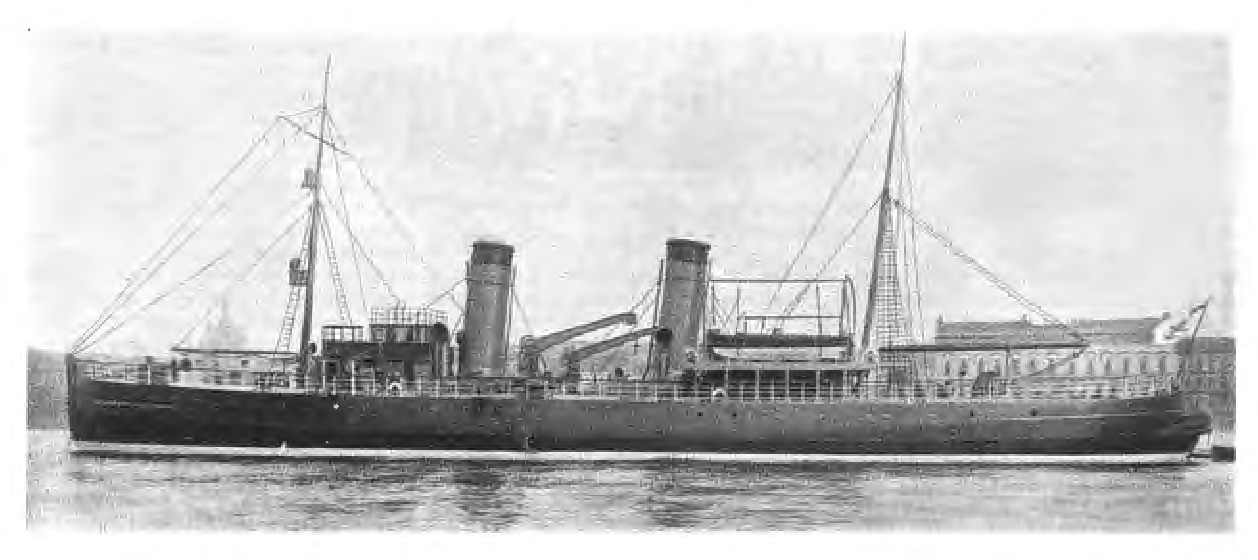
Вѣнская и берлинская печать весьма сурово и неодобрительно отнеслись къ мысли графа Корольи о поѣздкѣ представителей венгерской оппозиціи въ Россію. Съ своей точки зрѣнія нѣмецкіе органы совершенно правы: сближеніе Венгріи съ Россіей и славянствомъ отнюдь не входитъ въ расчеты германскихъ политиковъ, руководствующихся старымъ правиломъ: „раздѣляй и властвуй“. Нѣмецкая гегемонія надъ юго-западомъ Европы въ значительной степени держится именно искусственнымъ раздѣленіемъ и натравливаніемъ мѣстныхъ народовъ, маккіавельевскимъ раздуваніемъ ихъ взаимной вражды. Поскольку вражда между племенами благопріятствуетъ австро-германской гегемоніи, постольку установленіе нормальныхъ человѣческихъ отношеній между ними дѣйствительно угрожаетъ благополучію Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ германское торжество и на Балканахъ и на всемъ юго-западѣ Европы является по самымъ условіямъ своего существованія какъ бы синонимомъ торжества глупости и звѣрства. Австро-германскіе всенѣмцы не придумали для своего господства болѣе прочной, болѣе культурной и болѣе человѣчной основы и тѣмъ самымъ заранѣе обрекли его на неизбѣжное разрушеніе. Разумъ и справедливость въ концѣ концовъ неизмѣримо могущественнѣе тьмы и насилія. Сближеніе венгровъ съ Россіей имѣетъ пока огромное культурно-нравственное, но не политическое въ узкомъ смыслѣ слова значеніе. Имъ ликвидируется долголѣтняя вражда, начало которой положено великой политической ошибкой Россіи, чтобы не сказать—великимъ грѣхомъ ея передъ возставшимъ за свою національную свободу венгерскимъ народомъ, который въ 1848 г. былъ приведенъ русскими штыками къ повиновенію Габсбургамъ. Печальная ошибка императора Николая I давно оплакана всею русскою печатью безъ различія направленій, давно искуплена въ словахъ покаянія русскою общественною совѣстью, но нашей глубоко-человѣческой скорби за прошлое до сихъ поръ не зналъ и не чувствовалъ венгерскій народъ, затаившій съ тѣхъ поръ глухую ненависть и къ Россіи и къ славянству. Непосредственное общеніе венгерскихъ представителей съ русскимъ обществомъ откроетъ ему наше сердце и заставитъ его вырвать изъ своего сердца остатки застарѣлой вражды. Вмѣсто слѣпой вражды другъ къ другу, не имѣющей за собою никакого иного повода, кромѣ давно уже искупленной покаяніемъ ошибки, начнется сознаніе братской солидарности народовъ, страдающихъ отъ общаго гнета. Крайніе славянофилы, не особенно глубоко вдумывающіеся въ причины явленій, протестуютъ противъ радушной встрѣчи венгерскихъ гостей изъ опасенія, какъ бы въ этомъ радушіи не прозвучало предательское равнодушіе къ преслѣдованіямъ родныхъ намъ угрорусcовъ, обнаруженнымъ въ цѣломъ рядѣ судебныхъ процессовъ. Но, во-первыхъ, венгерская оппозиція, представителей которыхъ собираются чествовать въ Петербургѣ, сама относится весьма отрицательно къ звѣрствамъ венгерскаго правительства, а главное нельзя забывать того, что всякое сближеніе венгровъ съ Россіей неизбѣжно повлечетъ за собою сближеніе ихъ и со славянами вообще и тѣмъ самымъ сдѣлаетъ невозможнымъ продолженіе нынѣшняго славянскаго курса въ Будапештѣ. Въ этомъ отношеніи пріѣздъ венгерскихъ гостей открываетъ передъ нами ясныя перспективы. Онъ знаменуетъ грядущую побѣду права и тѣсно связанное съ нею торжество славянства. Рано ли, поздно ли, всѣ населяющіе юго-западъ Европы народы должны размежеваться въ своихъ этнографическихъ границахъ и торжественно признать другъ за другомъ право на національную свободу. Сейчасъ всѣхъ ихъ подавляетъ германскій гнетъ, находящій себѣ союзниковъ въ частичномъ угнетеніи каждымъ изъ подвластныхъ народовъ болѣе слабаго сосѣда. Наступающая эра славянскаго освобожденія тѣсно связана съ торжествомъ иныхъ этическихъ и правовыхъ началъ. Жаждущее свободы славянство никого не хочетъ угнетать и не угрожаетъ ничьей національной свободѣ, оно превосходно мирится и съ существованіемъ независимой Румыніи и съ существованіемъ независимой Венгріи. Вотъ почему къ отстаивающему его требованія тройственному согласію начинаютъ постепенно примыкать и румыны и венгры, до сихъ поръ поддерживавшіе гегемонію Германіи и тройственный союзъ. Въ жизни европейскихъ народовъ начинаютъ осуществляться

Стипендіатки Императорскаго Общества Поощренія Художествъ, г-жи: Плевако (1) и Бакулина (2) съ директоромъ Художественнаго Училища Общества, академикомъ Н. К. Рерихомъ (3). Г-жи Плевако и Бакулина получили заграничныя поѣздки. По фот. М. Брейткасъ.

новыя комбинаціи, политическое значеніе которыхъ станетъ яснымъ только тогда, когда мы поймемъ сокровенную связь политики съ моральными принципами. Новое направленіе народныхъ симпатій знаменуетъ новое распредѣленіе міровыхъ силъ и заново перекраиваетъ карту Европы.

События въ Албаніи упали, какъ снѣгъ на голову, европейской дипломатіи и раскрыли ту внутреннюю борьбу, которая втайнѣ давно уже кипѣла подъ личиной внѣшняго спокойствія и благополучія на этой части Балканскаго полуострова, опекаемой Италіей и Австріей. Борьба велась не только между различными элементами пестраго населенія края, которое рѣзко раздѣляется на взаимно враждебныя племена и вѣроисповѣдныя группы, между малиссорами, эпиротами, турками, магометанами, католиками и православными, но также и между соперничающими дипломатами союзныхъ державъ-попечительницъ, не безъ замѣтнаго, хотя и хорошо маскированнаго, участія Турціи. Еще передъ воцареніемъ принца Вида младо-турки пытались произвести маленькій революціонный переворотъ въ пользу возсоединенія Албаніи съ Турціей и съ этой цѣлью послали нѣсколько сотъ переодѣтыхъ вооруженныхъ солдатъ, которые должны были арестовать Кемаля, но вмѣсто того сами очутились подъ арестомъ на австрійскомъ суднѣ. Константинопольское правительство отказалось отъ всякаго соучастія съ неудачными революціонерами и сдѣлало видъ, будто бы покорно склонило буйную голову передъ волею Европы, посадившей на албанскій престолъ германскаго принца. Однакоже втайнѣ всякіе подкопы велись попрежнему. Власть офиціальнаго правителя, совершенно чуждаго народу и неизвѣстнаго странѣ, оставалась, разумѣется, въ значительной степени фиктивной.

Такъ какъ во главѣ привѣтственныхъ депутацій находился бывшій комендантъ Скутари—Эссадъ-паша, то новоприбывшій правитель, разумѣется, вынужденъ былъ опираться главнымъ образомъ на Эссада и сдѣлать его фактическимъ руководителемъ албанскаго правительства въ офиціальномъ званіи военнаго министра. Корреспонденты рисовали князя Вида коронованнымъ плѣнникомъ Эссада. Послѣдній помѣстилъ въ своемъ дворцѣ остальныхъ членовъ кабинета и пускалъ ихъ къ принцу не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія. Въ то же время въ качествѣ военнаго министра и подъ предлогомъ мобилизаціи для борьбы съ возставшимъ Эпиромъ Эссадъ постепенно собиралъ боевыя банды вѣрныхъ ему албанцевъ, ядромъ которыхъ служили вѣрные коменданту защитники Скутари. Однакоже энергичная дѣятельность министра показалась подозрительной австрійскимъ опекунамъ принца, и совершенно неожиданно по приказу Вида Эссадъ былъ арестованъ въ своемъ домѣ многочисленнымъ дессантомъ съ австрійскаго судна, разгромившимъ дворецъ Эссада нѣсколькими артиллерійскими выстрѣлами. Не успѣла Европа ахнуть передъ этой революціей, устроенной правителемъ противъ своего министра при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, какъ судьба приготовила ей цѣлый рядъ новыхъ, столь же неожиданныхъ, сюрпризовъ. Италія въ незаконномъ арестѣ Эссада увидѣла захватъ руководящаго вліянія Австріей и потребовала передачи плѣнника на итальянское судно. Водворившись подъ защиту итальянскаго флага, диктаторъ Албаніи заявилъ, что онъ не устраивалъ никакого заговора противъ принца, но, напротивъ того, самъ сдѣлался жертвою заговора и австрійскихъ интригъ. Возмущенные албанцы вооруженной толпой двинулись на столицу, разбили высланный противъ нихъ отрядъ жандармеріи, захвативъ въ плѣнъ всѣхъ голландскихъ офицеровъ. Католики-малиссоры, охраняющіе княжескій дворецъ, при первыхъ выстрѣлахъ разбѣжались въ разныя стороны, а самъ князь съ семьею поторопился перебраться на итальянское судно. На другой день возставшіе албанцы послали парламентеровъ съ требованіемъ возстановленія Эссадъ-паши, уваженія къ магометанской религіи и признанія оттоманскаго владычества. Арестъ Эссада способствовалъ росту его популярности и сразу сдѣлалъ многихъ изъ его враговъ его крайними сторонниками. Такія же вспышки обнаружились и въ другихъ пунктахъ Албаніи. Въ Ковайѣ 500 мятежниковъ изгнали правительственныя власти, подняли турецкій флагъ и провозгласили Эссада королемъ. Въ Разбулѣ близъ Швака мятежники разбили правительственный отрядъ. Валлона занята приверженцами Решидъ-паши. Въ Тиронѣ провозгласилъ свою власть Арифъ-Хикмедъ. Движеніе, начатое противъ Эссада, постепенно пріобрѣло религіозный характеръ и направляется въ его пользу. Его считаютъ національнымъ героемъ и мученикомъ австрійскихъ интригъ. Вообще анархія съ легкой австрійской руки охватила всю Албанію. Въ довершеніе всего, австрійская и итальянская дипломатіи вступаютъ между собою въ конфликтъ на почвѣ взаимнаго соперничества и взаимной подозрительности. Англія разсматриваетъ событія, какъ явное нарушеніе европейскаго равновѣсія въ пользу и по иниціативѣ Австріи.



Новый ледоколъ „Царь Михаилъ Θеодоровичъ“, торжественно освященный въ маѣ с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 12“.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями; потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее. **Д-ръ Доріанъ.**

ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.

1917

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ „РЯБОВО". УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА.

Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село

Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.

FERRO ТРЕБУЕТСЯ ПРОДАВЕЦЪ.

Съемный лодочный моторъ FERRO представляетъ собой новѣйшій и наилучшій съемный моторъ для моторныхъ и гребныхъ лодокъ, построенный въ величайшемъ и наилучше оборудованномъ морскомъ машиностроительномъ заводѣ въ мірѣ. Моторъ можетъ быть приспособленъ ко всякаго рода лодкѣ — къ гребной, къ челну, къ ялику, къ парусной лодкѣ въ теченіе одной минуты и такъ же быстро можетъ быть удаленъ, не повреждая лодки и не примѣняя инструментовъ. Вѣсъ мотора около 50 фунт. Скорость движенія лодки съ такимъ моторомъ отъ 7 до 10 миль въ часъ.

Bosch Магнето-карбураторъ.

Этотъ моторъ того же доброкачественнаго матеріала той же работы и той же тщательности въ чертежахъ и постройкѣ, какъ машины FERRO. Онъ имѣетъ съемные балки, руль, поплавокъ, карбураторъ. По желанію доставляется реверсивный, непромокаемый магнето высокаго напряженія.

Этотъ моторъ наилучшій изъ существующихъ въ продажѣ.

Далѣе нами строятся полный рядъ машинъ для флота и постоянныхъ двигателей.

Обращайтесь сейчасъ же къ намъ съ предложеніемъ на представительство для Вашей страны.

Наше вполнѣ оборудованное экспортное отдѣленіе поможетъ Вамъ использовать съ успѣхомъ представительство. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ. Пишите еще сегодня:

THE FERRO MACHINE & FOUNDRY CO.

CLEVELAND, OHIO, U. S. A. Адресъ для телеграммъ: FERRO—CLEVELAND

ФОРТУНА МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

въ 10, 14, 18, 25, 40, 50, 85, 110, 120, 150 р. и дороже. Доставляютъ не только прекрасное развлеченіе, но и способствуютъ развитію музыкальнаго слуха и любви къ музыкѣ. Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

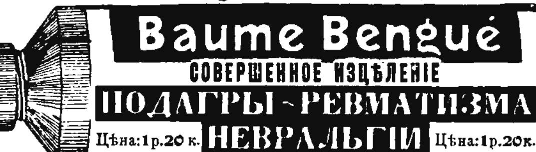
С.-Петербургъ, Москва, Рига. 3011

Настоящія Фортуны имѣютъ надпись: „Fortuna. Jul. Heinr. Zimmermann".

Бильца Санаторія ДРЕЗДЕНЪ-Радебейль

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke. 2401 26 12

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.



Депо въ С.-Петербургѣ: Русск. Общ. Торг. аптек. товар.—Москва: Общ. Б. К. Феррейнъ. — Одесса и Ростовъ-н/Д-ну: Лемме и Ко. 2143

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

4—5 ПОЛѢНЪ ДРОВЪ

обогрѣютъ 2 комн., если постр. печь по моей сист. Печь изящна, прочна, проста по устр., обход. не дор. 18 руб. Отлич. отъ общепр. констр. и матеріал. Послѣдній вездѣ имѣется. Подр. выс. безпл. Жлобинъ, Мог. губ. Отд. 3. І. И. Сапонько. 3117

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Баранцевичъ, К. С. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Чужакъ", 26 разсказовъ. Т. II. „На волю Божью", 36 разсказовъ. Т. III. „Тихое счастье", 20 разсказовъ. Т. IV. „Петербургскій случай", 22 разсказа. Т. V. „Закатъ", 32 разсказа. Т. VI. „Послѣдняя воля", 16 разсказовъ. Т. VII. „Побѣда", 18 разсказовъ. Т. VIII. „Раба", 24 разсказа. Т. IX. „Муть" 32 разсказа. Изящное изданіе in 8⁰. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Свѣтловъ, В. Я. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Змѣя и чаша". Романъ и др. разсказы. Т. II. „Колхида". Повѣсти и разсказы. Т. III. „Звенья цѣпи". Т. IV. „Даръ слезъ". Романъ и др. разсказы и повѣсти. Т. V. „Темный блескъ". Т. VI. „Внутри". Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Потапенко, И. Н. СОЧИНЕНІЯ. Т. I. „Счастье поневолѣ". Т. II. „На дѣйствительной службѣ". Т. III. „Живая жизнь". Т. IV. „Здравыя понятія". Т. V. „Побѣда". Т. VI. „Пьесы". Т. VII. „Два счастья". Т. VIII. „Одинъ". Т. IX. „Записки стараго студента". Т. X. „Свѣтлый лучъ". Т. XI. „Любовь". Т. XII. „Сильфида". Изящно издан. книги in 8⁰. Цѣна каждаго тома 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; въ перепл. 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 85 к.

Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Мертвое тѣло". Т. II. „Разбитая жизнь". Т. III. „Ольшанскій молодой баринъ". Т. IV. „Грызуны". Т. V. „Грезы". Т. VI. „Грачевскій крокодилъ". Изящное изданіе in 8⁰. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Полевой, П. Н. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Съ портретомъ и критико-біогр. очеркомъ П. В. Быкова. Т. I. „На роковомъ просторѣ". Т. II. „Среди перелетовъ". Т. III. „Братья-соперники". Т. IV. „Избранникъ Божій". Т. V. „На рубежѣ поколѣній". Т. VI. „Въ туманѣ величія". Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава) СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8⁰, съ критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ и съ портретомъ автора. Цѣна 12 р., съ перес. 12 р. 75 к.; въ перепл. 15 р. 60 к., съ перес. 16 р. 50 к.

Стернъ, А. В. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Вышли изъ печати: Т. I. „На конкурсѣ". Т. II. „Выродокъ". Т. III. „Забытая тетрадь". Т. IV. „Гордость семьи". Т. V. „Изъ гнѣзда". Т. VI. „Бракъ по любви". Т. VII. „Очнулась". Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Боборыкинъ, П. Д. СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ, въ 12-ти т., съ портретомъ и автографомъ, 4153 стран. in 8⁰. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к.

Гамсунъ, К. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 5 т. съ критико-біогр. очеркомъ А. А. Измайлова и съ портретомъ Гамсуна. Цѣна 5 томовъ 7 р. 50 к., съ перес. 8 р.; въ перепл. 10 р., съ перес. 10 р. 50 к. Отдѣльно по 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Горбуновъ, И. Ѳ. СОЧИНЕНІЯ. 2-е изданіе подъ ред. и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Въ 2-хъ том., съ портретомъ-геліогравюрою И. Ѳ. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, 1049 стр. in 8⁰. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

Собранія сочиненій РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ: 1) А. С. Грибоѣдова, 2) А. И. Полежаева, 3) Импер. ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. Козлова, 5) А. В. Кольцова, 6) М. В. Ломоносова, 7) Д. И. Фонвизина, — составленныя, провѣренныя и дополненныя подъ ред. А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ. Цѣна за 1 экз. каждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій—1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб. Сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова, Грибоѣдова и Ломоносова) отпечатаны на лучшей веленевой бумагѣ, по цѣнѣ за экземпл.—2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1606 Адресъ: (28)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

Уайльдъ, О. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4-хъ т. съ критико-біогр. очеркомъ и портретомъ автора подъ ред. К. И. Чуковскаго. Цѣна I—III томамъ по 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. Цѣна IV тому 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.; въ перепл. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Данилевскій, Г. П. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. 9-е изд. въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и біографич. очеркомъ. Изящное изданіе, на прекрасной бумагѣ. Цѣна 15 р., съ перес. 16 р.; въ переплетахъ 18 р. 50 к., съ перес. 19 р. 50 к.

Мольеръ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4 т., съ портретомъ Мольера. Подъ ред. П. Вейнберга и П. Быкова. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.; въ перепл. 2 р. 35 к., съ перес. 2 р. 60 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

Н. (Щедрина).

4-е изданіе, въ 12 томахъ in 8⁰, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильнаго памятника.

Томъ I. Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова. **Губернскіе очерки.** Приложенія. — Томъ II. **Господа Головлевы. Сатиры въ прозѣ.**—Томъ III. **Помпадуры и помпадурши. Невинные разсказы.** — Томъ IV. **Благонамѣренныя рѣчи. Культурные люди.** — Томъ V. **Мелочи жизни. Сборникъ.** Томъ VI. **Сказки. Пестрыя письма. Недоконченныя бесѣды.** — Томъ VII. **Исторія одного города. Убѣжище Монрепо. Признаки времени.**—Томъ VIII. **Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. За рубежемъ.**—Томъ IX. **Господа Ташкентцы. Пошехонскіе разсказы. Круглый годъ.** Томъ X. — **Въ средѣ умѣренности и аккуратности. Господа Молчалины. Отголоски. Письма о провинціи. Итоги.**—Томъ XI. **Современная идиллія. Письма къ тетенькѣ.**—Томъ XII. **Пошехонская старина. Брусинъ.**

Цѣна 12-ти том. **24 р.**, съ перес. **25 р. 50 к.**; въ 12 перепл. **31 р.**, съ перес. **32 р. 50 к. Отдѣльно** за каждый томъ по **2 р. 25 к.**, съ перес. **2 р. 50 к.**

СОЧИНЕНІЯ

Вильяма Шекспира

ВЪ ПЕРЕВОДѢ и ОБЪЯСНЕНІИ **А. Л. СОКОЛОВСКАГО.**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, пересмотрѣнное и дополненное по новѣйшимъ источникамъ ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ Шекспира, вступительной статьей „Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ" и съ приложеніемъ къ каждой пьесѣ историко-критическаго о ней очерка и объяснительныхъ примѣчаній.

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ переводъ А. Л. Соколовскаго удостоенъ ПОЛНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ.

Цѣна 12-ти томамъ **15 р.**, съ перес. **16 р.**; въ перепл. **21 р.**, съ перес. **22 руб.** Цѣна каждому тому безъ перепл. **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 р. 50 к.**

ТРЕБУЙТЕ
„НЕСТОРЪ"
ВЕЗДѢ.

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

ВЕЛОсипеды отличн. качества дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Ш. Гальперинъ, 3092 Либава, пр.-к. безпл. 8-1

ФОТОГРАФИЧ. СТУДІЯ СЪ НАТУРЫ. Модели для художн. Роскошн. катал. съ 2000 миніат. лишь по получ. 1 руб. франко въ закр. пакетѣ чр. экспортн. контору „Novitas" 34 Rue Bellefond, Paris 9/a. 3008 3-1

Француженокъ, англичанокъ, нѣмокъ выписываетъ изъ собственныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи перворaз. контора Ясинской, Варшава, Владимирская, 19, реком. учителей и учительницъ.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-4
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ
В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 2001 16-1
Лейпцигъ-Голисъ.
Проспекты высылаются безплатно.

2021 18-3

100 рублей въ мѣсяцъ 2851 (3) **ВѢРНАГО обезпеченнаго заработка** для всѣхъ при удобн. домашн. раб. Развт. не мѣн. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл. **1-ое Западн. Т-во** Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.

2835 10-10

Пленки высшей скорости, цвѣточувствительны, противоореольны, не свертываются.
Получать можно во всѣхъ Фото-Складахъ. Проспекты безплатно.
ОПТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ К. П. ГЕРЦЪ.
Берлинъ-Фриденау, 19.
Вѣна Парижъ Лондонъ Нью-Іоркъ
2851 6-1

Удвойте Вашъ Теперешній Приходъ

Одинъ человѣкъ заработалъ 500 руб. за 3 мѣс. Другой заработалъ 600 руб. за 90 дней. Это то, что и Вы можете сдѣлать. Кто бы вы ни были и гдѣ бы вы ни жили Это Вашъ случай удвоить Вашъ приходъ при посредствѣ

«МАНДЕЛЬ»
Почтовыхъ Карточекъ Камеры.

Чудесный одноминутный фотографъ. Дѣлаетъ карточки въ 5 различныхъ видахъ,—3 размѣра,—фотографическія открытки и медальоны. Карточки вполнѣ закончены на мѣстѣ снимка, въ теченіе одной минуты и со скоростью трехъ въ минуту. Новый, научный способъ.

Снимаетъ непосредственно на открыткахъ. Не требуется ни фотографическихъ лентъ, ни негативовъ, ни темной комнаты.

Аппаратъ усоверш. Переносная фотографія. Безграничное поле для зарабатыванія денегъ. На карнавалахъ и ярмаркахъ; на гонкахъ и скачкахъ; на военныхъ парадахъ и другихъ торжествахъ; на многолюдныхъ улицахъ, словомъ, каждое мѣсто, гдѣ только люди собираются, является мѣстомъ заработка для обладателей нашихъ аппаратовъ. Вы можете начать малымъ капиталомъ.

Полный приборъ 25 руб. и больше.

Изъ нашихъ разнообразныхъ аппаратовъ Вы навѣрное выберете одинъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ Вашимъ условіямъ. Каждая камера превосходна. Каждый аппаратъ деньгодѣлатель. Пишите сегодня. Подробныя свѣдѣнія безпл. Адресъ: 2953 4-3
The Chicago Ferrotipe Co.
262. Ferrotipe Bldg. Chicago, U. S. A.

BADEN-SUISSE

Сезонъ: МАРТЪ по конецъ НОЯБРЯ.
Всемірно извѣстный курортъ и воды. Радіоактивныя сѣрныя ванны 48° Цельс. 2917 2-2
НЕСРАВНЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЛѢЧЕНІЯ:
ПОДАГРЫ, РЕВМАТИЗМА, ИШІАСА, СТРАДАНІЙ СУСТАВОВЪ, ГОРЛОВЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.
Діагностико-терапевтическій институтъ. **Ингаляціи Вассмута.**
Оркестръ. Театры: опереточный и драматическій. Курзалъ, окруженный большимъ паркомъ.
Проспекты чрезъ посредство конторы газеты **„Биржевыя вѣдомости"**, С.-Петербургъ, Невскій, 50, а также изъ **Управленія курорта въ Баденѣ.**

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 23. XLV г. изданія

Выданъ 7 іюня 1914 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за іюнь.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 23 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 7 iюня 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) **„Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенiя“** за Iюнь 1914 г., 2) **„НОВѢЙШIЯ МОДЫ“** за Iюнь 1914 г. съ 28 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 69 рис. дамскихъ рукодѣлiй.

И. Владимiровъ. „Не переѣхать!“ XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

Сколько ужъ дней онъ странствуетъ въ поискахъ работы, изъ деревни въ деревню, изъ одного городка въ другой, длинная лента дорогъ тянется передъ нимъ, распрямляется и загибается, и снова вырастаютъ новыя деревни. А онъ идетъ все дальше, его отсылаютъ за его работой все куда-то впередъ безъ конца— въ даль и въ неизвѣстность. Усталыя ноги сгибаются, одежда его въ клочьяхъ, и лицо поблѣднѣло, но нужно итти. И идетъ.

Когда онъ вышелъ изъ города, его ласкали мечты объ одиночествѣ, свободѣ и поляхъ, его ободряли надежды на работу, которую онъ найдетъ, непремѣнно найдетъ, потому что онъ шелъ въ Турень, въ благословенный край, обремененный виноградомъ, ожидающимъ собирателей, и его увлекалъ къ себѣ душевный отдыхъ, котораго онъ давно не зналъ. Сзади, тамъ, остались за нимъ голодная мансарда, жара и душная пыль города, ненавистные разговоры, больные, подневольно бездѣльные люди и—нищета. И вотъ онъ шагаетъ по дорогѣ длинными ногами.

Долина рѣки передъ нимъ и холмы, какъ ожерелье, по краямъ ея; свѣтло-сѣрыя каменистыя вспаханныя поля ползутъ по склонамъ, врѣзаясь въ виноградники, и уходятъ впередъ, пока ихъ хватаетъ глазъ вдали; а сбоку синѣетъ рѣка вороненой синью, холодѣетъ и плещетъ, морщась бѣгучими складками. Сентябрь теперь, роняющій свой безпріютно-скучный дождикъ.

Но онъ все идетъ подъ дождемъ, несмотря на усталость. Денегъ нѣтъ, вечерѣетъ. Ночевать ему не на что, негдѣ и не у кого. И вотъ еще одна послѣдняя деревня впереди, послѣдняя надежда на ночлегъ и на ѣду, на табакъ, безъ котораго въ тѣлѣ ноетъ какая-то неутолимая, несмолкающая тоска.

— Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли работы по сбору винограда?

Но крестьянинъ отвѣчаетъ ему, не спѣша, и смотритъ внимательно:

— Нѣтъ, — я не думаю. — А потомъ онъ еще разъ смотритъ на него и прибавляетъ:—Нѣтъ вамъ работы. Винограда мало у насъ.

— Но я слышалъ—теперь урожай, виноградъ хорошій.

— Хорошій, но мало его. Не найти работы.

И снова нужно дальше, дальше... докуда же? Снова еще одна новая деревня осталась позади. Платье его отсырѣло и стало шуршать, какъ шелкъ, при каждомъ шагѣ, итти стало труднѣе.

Тогда возмущеніе и злоба охватили его, и онъ остановился. Ѣсть! Хочется ѣсть, нужно ѣсть, много ѣсть, потому что силъ съ каждымъ днемъ становится все меньше, нужно найти хоть немного тепла, хоть немного человѣческаго покоя, потому что жить такъ нельзя.

И онъ опустился у большого каштана, который стоялъ на краю дороги, и прислонился къ его стволу.

Онъ долго шарилъ въ своей котомкѣ остатки хлѣба, который купилъ утромъ на послѣдніе гроши... Нѣтъ, такъ жить нельзя. Постепенно происходитъ отсѣканіе его отъ жизни—даже отъ друзей... И это—нищета; она швыряетъ его, какъ мертвый камень, разбивая его тѣло, она измучила его, унизила въ глазахъ людей и въ глазахъ друзей унизила его. Однимъ онъ какъ будто сдѣлалъ одно, другимъ — другое, но это не онъ, а нищета, которая бьетъ его. И—онъ одинъ среди людей, и безъ нихъ, все равно, онъ одинъ...

А дождь все шелъ кругомъ, и чернѣла тьма, и какъ будто вмѣстѣ съ пришедшей тьмой дождь припускалъ все больше; какой-то большой листъ надъ ухомъ безпрерывно трещалъ подъ ударами крупныхъ капель, и вода подтекала со всѣхъ сторонъ украдкой и беззвучно.

Онъ лежалъ, прислонившись къ стволу каштана, утомленный и голодный, почему-то уныло вспоминая о разговорѣ съ однимъ кабатчикомъ, который разсказывалъ ему, что дѣла его идутъ совсѣмъ недурно.

„Все такъ же ли хорошо пойдутъ дѣла его? Вѣдь у старыхъ хозяевъ дѣла были въ упадкѣ“,—вспоминалъ онъ, вздыхая, и дождевая вода стекала подъ него отовсюду струями. „Вотъ винограда, быть-можетъ, будетъ отъ этого больше“, — думалъ онъ.

Но холодъ все сильнѣе его мучилъ, и все сильнѣе хотѣлось курить—до тоски.

А потомъ вдругъ разорвались нежданно облака на небѣ; осенняя, холодѣющая луна покатилась тамъ, серебря угловатые клочья; блеснула капля на листѣ, потомъ рядомъ съ нею загорѣлась другая, и онѣ взглянули на него, точно холодные, злые глаза лѣсного звѣря.

И наконецъ онъ заснулъ, дрожа тяжелой и крупной дрожью.

Утромъ онъ проснулся и долго не открывалъ глазъ, отдохнувшій немного и приласканный, все глубже укладываясь въ согрѣтую его тѣломъ ямку; гдѣ-то у самаго его лица разливался острый ароматъ раздавленной мяты съ бархатными листами, и онъ радостно вдыхалъ его. А потомъ открылъ глаза,—это солнце со свѣтлаго неба навѣвало на него тепло, золотые ломкіе лучи потоками били въ древесные стволы, и казалось, что стволы эти колышутся и грузнутъ въ тепломъ свѣтѣ, блистая корой и пятнами покрывающихъ кору мховъ.

И плыли облака, облака. Онъ смотрѣлъ на нихъ. Они тихо пролетали въ высотѣ, наклоняя къ землѣ свое бѣлоснѣжное лицо, и смотрѣли спокойно на все—на рощи, на поля и на рѣчки и такъ безъ конца летѣли надъ землей и все видѣли. И покой ихъ вдругъ растрогалъ его. Онъ провожалъ ихъ влажными глазами и думалъ: „Отчего я не могу смотрѣть на все такими спокойными глазами, и отчего глаза мои плачутъ? Выходя изъ города, я уже зналъ, что глаза мои будутъ плакать. Отчего?“

А потомъ онъ всталъ и опять пошелъ по дорогѣ между рядами влажныхъ деревьевъ. Середина сентября; посвѣтлѣло, позолотѣло солнце, и свѣтъ его сталъ нѣжнымъ и прозрачнымъ; отдыхъ разлился въ перелѣскахъ и необъяснимая, неописуемая тишина. Что она дѣлала съ его душой, эта тишина осени? Непостижимо она овладѣвала ею, она заставляла его дышать полной грудью, глубоко вздыхая; тяжесть давящихъ его ненужныхъ, безполезныхъ мыслей исчезала...

И вотъ онъ шелъ теперь и свисталъ, довольный и радостный; денегъ не было, работы не было, но онъ свисталъ, шагая по дорогѣ.

При входѣ въ деревню онъ звонко поздоровался съ первымъ встрѣчнымъ:

— Есть ли работа для меня?

И его ждало счастье; оно, какъ всегда, пришло къ нему нежданно.

— У тетки Минье не хватаетъ работниковъ...

И онъ пошелъ къ этой теткѣ Минье. Черезъ полчаса онъ былъ уже нанятъ, послѣ полудня начиналась его работа, и онъ могъ отдохнуть еще, онъ могъ еще нѣжиться цѣлую вѣчность — въ комнатѣ, въ своей комнатѣ и на своей постели. Онъ сейчасъ же поднялся туда по узкой лѣстницѣ на чердакъ. И какъ тамъ было чисто, хорошо, все было прекрасно. Онъ видѣлъ въ окно, какъ высились рядами старые тополя, и какъ блистало надъ ними солнце, и какъ разстилались скошенные, уже вновь позеленѣвшіе луга.

„Блистаетъ солнце, — думалъ онъ: — и это прекрасно однимъ своимъ существованіемъ; такъ и жизнь. Господи, такъ и жизнь. Зачѣмъ я такъ много думалъ о ней и такъ надъ нею безконечно мудрствовалъ? Теперь я упиваюсь ею“.

А потомъ онъ бросился въ постель и заснулъ среди блаженства чистоты и ласкающаго тепла.

Въ полдень его разбудили. Онъ торопливо надѣлъ сухую рубашку и спустился, чтобы умыться. Маленькая дѣвочка показала ему водокачку во дворѣ; она смотрѣла на него, не отрываясь, какъ онъ долго умывался и какъ вытирался полотенцемъ, освѣженный водой колодца.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ ее.

— И она отвѣтила ему тонкимъ голоскомъ:

— Меня зовутъ Луиза.

— А меня зовутъ Борисъ, monsieur Борисъ,—сообщилъ онъ ей.—И я русскій,—ты знаешь?

Тогда вдругъ удивленіе ея достигло сразу крайняго предѣла. Она только придумала сказать ему въ отвѣтъ:

— Это маму мою вы видѣли сегодня, когда пришли. У меня есть еще сестра Мари, но она гораздо меня больше, гораздо выше.

И черезъ минуту они уже стали друзьями, прежде чѣмъ ихъ позвали къ завтраку. За завтракомъ было много народа: сама хозяйка, старый братъ ея, работникъ — парень съ широкимъ ртомъ, Луиза и двѣ дѣвушки. Всѣ ѣли не спѣша, много другъ съ другомъ говорили и смѣялись. Одна изъ дѣвушекъ смѣялась всего больше, она была большая и крупная, съ алымъ ртомъ и высокой грудью, звали ее Жерменъ. Смѣясь, она закидывала голову назадъ, и отъ этого грудь ея казалась еще выше.

Другую дѣвушку хозяйка назвала Мари, и онъ понялъ, что это—сестра Луизы. Мари не очень много была выше сестры своей, она была худая и тонкая.

Р. Берггольцъ. Тишина. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

— Monsieur Борисъ будетъ работать съ братомъ, а ты, Мари, съ Марселемъ, мы—съ Жерменъ.

Хозяйка такъ распорядилась съ работой на день.

И вышли всѣ на виноградники.

Они расцвѣтились отъ осени своей пожелтѣлой, краснѣющей пятнами, листвой; подъ небомъ тихаго сентября закончился въ природѣ трудъ произрастанія, время созрѣванія завершилось: плоды наполнились соками и тяжело повисли на склоненныхъ недвижныхъ вѣтвяхъ. Это была отдыхающая природа среди богатства, и трудъ людей начинался.

И вотъ они разошлись среди лозъ, среди висящихъ гроздей, то аметистовыхъ, то золотистыхъ, увитыхъ вѣнками листвы, затаенныхъ въ сплетеніяхъ вѣтвей. Люди двинулись по правильнымъ рядамъ, шурша каменистой почвой; срѣзались сочныя кисти, ведра наполнялись, работники на спинахъ относили доверху полныя корзины, чтобы съ тяжелымъ шелестомъ опорожнить ихъ въ приготовленныя бочки; и горы аметистовъ, горы золотистыхъ хрусталей все наростали, все наполняли бочки одну за другой, все высились, пока не увозили ихъ, чтобы вернуться съ бочками снова и снова наполнить ихъ.

— Эй, слышите ли вы, вѣдь скоро отдыхъ!.. Слышите?

Но всѣ работаютъ. Идутъ по сосѣднему ряду Минье-хозяйка и Жерменъ, а дальше, далеко впереди, Мари съ Марселемъ. Она поетъ тонкимъ голосомъ—о чемъ поетъ? Она поетъ безъ отдыха, смѣняя пѣсню пѣсней, одну за другой: „Отвѣть моей милой", „Ахъ, не мѣшай мнѣ поплакать" и „Если ты хочешь..."

Но Борисъ отстаетъ отъ нихъ все дальше, его наполняетъ страхъ потерять работу въ одинъ день, опять итти, все въ даль и въ даль... Его товарищъ по работѣ, хозяйскій братъ — старикъ, приводитъ его въ отчаяніе...

— Эй, monsieur Борисъ, гдѣ же вы?—кричитъ издалека Минье.

А старикъ его мучитъ безпрерывно. Онъ безъ конца говоритъ, что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и каждую минуту придумываетъ отдыхи — чтобы поправить что-нибудь, чтобы пощупать свою спину, погладить свою лысину, чтобы передохнуть немного... И они отстаютъ, Борисъ яростно работаетъ, но не догнать ихъ... Гдѣ-то вдали за лозами скрылась Мари, далеко отъ него иногда распрямляется сильная Жерменъ, чтобы поправить прядь развѣянныхъ волосъ, и тогда на мгновеніе онъ видитъ ея высокую грудь. И старикъ все говоритъ, говоритъ, и сердце Бориса переполняется горечью до слезъ.

Потомъ начинается отдыхъ, большіе ломти хлѣба съ виноградомъ для работниковъ. Надъ Борисомъ шутятъ и надъ нимъ насмѣхаются:

— У насъ тутъ, въ нашей странѣ, всѣ торопятся. А вы нѣтъ?

Но онъ вдругъ блѣднѣетъ весь и подымается.

— Если я не въ силахъ успѣть за всѣми, вы можете убавить то, что я здѣсь получу за трудъ.

И ноздри его вздрагиваютъ при этомъ, къ общему удивленію; онъ разсерженъ и стоитъ передъ ними враждебно и упрямо.

Тогда смѣхъ разомъ смолкаетъ, и хозяйка говоритъ ему тихо, она почти обижена:

— Въ нашей странѣ понимаютъ шутки, а въ вашей, вѣроятно, нѣтъ. Я знаю, съ кѣмъ вы работали. Хорошо, теперь вы будете работать съ Мари. Вы довольны?

— Я доволенъ,—бормочетъ онъ. — Я дѣлаю все, что могу, я буду работать еще лучше...

И нѣсколько мгновеній всѣ молчатъ, а потомъ снова дѣвушки что-то шепчутъ другъ другу и снова смѣются, и снова всѣ говорятъ и шутятъ. Лицо Бориса разглаживается, исчезаютъ морщины у его рта, и черезъ минуту онъ даже пытается разсказать съ своей стороны что-то смѣшное и смѣется со всѣми вмѣстѣ.

— Ты веселый,—говоритъ ему старый братъ хозяйки и хлопаетъ его по плечу:—ты добрый мальчикъ, я сразу это видѣлъ. Мы съ тобой поладимъ.

— Ну, ужъ конечно, мы поладимъ...

Борису улыбаются, и онъ улыбается всѣмъ—такъ всѣ кругомъ добры отъ работы и полевого вѣющаго вѣтра.

А потомъ снова началось срѣзаніе тяжелыхъ гроздей. И Борисъ былъ съ Мари. Она больше не пѣла, она боялась его и все спѣшила быть отъ него подальше, торопливо срѣзая виноградныя кисти впереди его и всякій разъ переходя дальше, когда онъ ее догонялъ. А онъ все догонялъ и догонялъ,—онъ такъ наскучался со своимъ старикомъ, онъ такъ былъ радъ этой счастливой перемѣнѣ, и боязнь Мари такъ забавляла его. И онъ работалъ изо всѣхъ силъ, смѣясь надъ этой гонкой. Когда на мгновеніе они сближались, онъ хитро караулилъ, посмотритъ ли она, и если она смотрѣла на него, онъ говорилъ себѣ:

„Ну, это все хорошо, хорошо такъ работать здѣсь..."

И они все чаще и чаще встрѣчались у общаго ведра, чтобы сложить туда свой виноградъ, потому что кисти его становились все крупнѣе.

Иногда онъ спрашивалъ Мари о разныхъ сортахъ — ихъ было много вокругъ: аметистовыхъ, съ бѣлымъ и съ краснымъ сокомъ, зеленыхъ, крупныхъ и мелкихъ. Она ему отвѣчала торопливыми губами и снова устремлялась впередъ. Но съ каждымъ часомъ она работала все тише и медленнѣй. Онъ скоро догадался, сталъ обгонять ее и работалъ оттуда ей навстрѣчу; тогда они сходились и цѣлую минуту были вмѣстѣ, и вотъ тутъ онъ непрестанно говорилъ съ нею, чтобы посмотрѣть, какъ она краснѣетъ.

Но она стала работать еще тише, часто распрямлялась и трогала свою усталую спину. И онъ распрямлялся, оглядываясь на засвѣтлѣвшіе жидкой зеленью перелѣски; сжатыя поля вдали пустынны, и по краямъ ихъ кусты качали вѣтвями подъ свѣжѣющимъ вѣтромъ...

— Эй, окончить кусокъ сегодня нужно!.. Торопитесь!

Тогда онъ сталъ помогать ей, онъ заботливо самъ переносилъ ведро со срѣзанными гроздями, низко, до самой земли, наклонялся, чтобы собрать самыя нижнія кисти, самъ поднималъ ведро съ виноградомъ и самъ его опоражнивалъ въ корзину работника, который несъ ее до бочекъ.

Мари распрямилась, пользуясь минутой. Лицо ея слегка поблѣднѣло, и грудь ея, свободная, ничѣмъ не стѣсненная, сильно дышала.

Она говорила ему, извиняясь:

— Столько работы для васъ, вотъ сколько вамъ работы сегодня, для начала...

И улыбалась безпомощно.

А онъ откидывалъ мокрые волосы со лба назадъ—онъ былъ радъ. Онъ не усталъ еще, нѣтъ, онъ не усталъ еще.

— Эй, относчикъ, ждемъ!—выкрикивалъ онъ.

Н. Химона. **Рыбаки въ Финскомъ заливѣ.** XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И все работалъ и работалъ — такіе ли дни работы видѣлъ онъ?

Когда закатилось солнце, всѣ кончили. Разомъ всѣ двинулись, собрались у большихъ двухколесныхъ телѣгъ, сложили свои ведра у корзины; заговорили дѣвушки, заболтали, заскакали по словамъ, какъ птицы по вѣтвямъ. И телѣги двинулись обратно; дѣвушки сидѣли на нихъ, скрестивъ свои опущенныя ноги, и говорили, говорили, качаясь на толчкахъ дороги среди полей. Они тамъ всѣ говорили вмѣстѣ и перекликались,—мужчины и женщины,—они всѣ были свои и знакомые.

А Борисъ шелъ одинъ. Онъ не слышалъ, о чемъ они говорили. Ему видна была только Мари, которая сидѣла сзади, и какъ ея глаза скользили по всему вокругъ съ усталымъ довольствомъ— и по нему они тоже скользили.

Возвращались съ полей чужія телѣги одна за другой, наполненныя бочками съ виноградомъ, выѣзжали со всѣхъ сторонъ на дорогу; работники, хозяева встрѣчались, поклоны и привѣтствія безъ конца, смѣхъ въ сумракѣ, въ дымкѣ поля. Сквозь облака у самой земли далекій закатъ, золотисто-оранжевый, щурился все и меркнулъ, и тучи, какъ темныя брови, тянулись надъ нимъ. А потомъ одна заря осталась и долго всѣмъ, какъ дѣвушка—милому, краснымъ платкомъ на краѣ неба помахивала. Потомъ и она потускла.

Утромъ онъ проснулся отдохнувшій. Но спина его съ непривычки къ работѣ болѣла, хотѣлось потянуться и все тянуться куда-то въ безконечной сладости и истомѣ отъ этой незнакомой боли.

Е. Дюкеръ. **Осенью.** XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

А. Орловъ. Весной повѣяло. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

пристальнѣй, смѣясь, и она краснѣла до слезъ. Тогда онъ былъ доволенъ.

Работникъ увезъ виноградъ, и Борису теперь приходилось носить корзину. Онъ переходилъ съ нею отъ однихъ къ другимъ, наклонялся, и ее наполняли изъ ведеръ тяжелымъ виноградомъ. А когда онъ подходилъ къ Мари, ей кричали:

— Новенькому положи хорошо, положи ему побольше!

И она несмѣло исполняла эту старую шутку. Въ то время, какъ онъ наклонялъ свою корзину на спинѣ, она надавливала на края ея, и это заставляло его откинуться назадъ всѣмъ тѣломъ. Тогда она смѣялась.

Въ свободныя минуты онъ возвращался къ ней, работалъ съ нею рядомъ и болталъ.

Она была легко одѣта, и вѣтеръ раздувалъ ея платье. При этомъ она прикрывала ноги свои быстрымъ и забавнымъ жестомъ рукъ. Но вѣтеръ снова и снова шевелилъ складки ея платья.

„Ну, я радъ... — думалъ Борисъ.— Ну, что же. Я молодъ, вдругъ оказалось, что я молодъ, и я готовъ кричать объ этомъ на весь міръ...“

Хозяйка Минье, которая разбудила его, спросила черезъ дверь:

— Вы совсѣмъ проснулись? Пора!

— Совсѣмъ проснулся.

И онъ слышалъ, какъ она пошла будить дѣвушекъ. Онъ лежалъ на спинѣ, все еще не рѣшаясь встать, и думалъ, какъ онѣ будутъ просыпаться, какъ оборвутся ихъ сны,—какіе сны, о чемъ?—какъ свѣтъ вольется въ ихъ глаза, и онѣ потянутся долго и протяжно, и что онѣ вспомнятъ изъ сновъ своихъ, и какъ снова закроютъ глаза, и какъ будетъ трудно имъ стряхнуть съ себя истомную, сонную лѣнь.

А когда онъ пошелъ внизъ, чтобы умыться, маленькая Луиза опять стояла тамъ, у водокачки, и дружески улыбалась ему. Осеннее ясное утро охватило его, оно клубилось вокругъ, свѣжее и крѣпкое.

— Здравствуй, маленькая Луиза.

— Здравствуйте, monsieur Борисъ.

Онъ взялъ ее за подбородокъ мимоходомъ и тронулъ слегка ея волосы.

— Ты вѣдь очень красива, маленькая Луиза.

И она порозовѣла отъ его словъ. Пока онъ умывался, ходилъ взадъ и впередъ, пока онъ расправлялъ руки со сна, она трижды становилась на его дорогѣ, тогда ждала, что онъ повторитъ ей свои слова и снова приласкаетъ ее. Но онъ былъ занятъ какими-то мыслями.

Когда пошли въ виноградники, на деревенской церкви зазвонили „Angelus“ торопливо и радостно, и утренній вѣтеръ игралъ летучими звуками.

Такъ налеталъ этотъ вѣтеръ, когда они стали работать съ Мари. Онъ поминутно развѣвалъ ея волосы, сдувалъ у нея шарфъ съ головы и ронялъ его на глаза, и она поправляла украдкой, подвязывая покрасивѣе его, и думала, что ее никто не видитъ. Но Борисъ смотрѣлъ на нее. Тогда она встрѣчала его взглядъ и смущалась все больше и больше по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ на нее. Но онъ смотрѣлъ все

А потомъ, неловко повернувшись на каменистой землѣ, Мари потеряла деревянный башмакъ и подскочила, какъ птица, на одной ногѣ, чтобы поднять его. Но Борисъ сдѣлалъ это быстрѣе, онъ схватилъ его и размахивалъ имъ надъ головой.

Тогда она стала умолять его:

— Нѣтъ, отдайте же, пожалуйста... Отдайте его мнѣ.

Она боялась, что онъ далеко заброситъ его въ виноградныя лозы. А онъ хохоталъ.

— И вы повѣрили, что я отдамъ его? Это я-то отдамъ его?

И онъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока и она не начала смѣяться съ нимъ. Голосъ у него при этомъ былъ молодой и звонкій, когда онъ выговаривалъ ей всѣ свои глупыя слова.

Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ. Внутренній видъ церкви Павловскаго дворца. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Послѣ этого они снова стали быстро работать. Щеки Мари розовѣли, и она часто повторяла:

— Вотъ. Все улыбаетесь. Право, цѣлый день. Отчего?

— Ну... Ну, я глупый и смѣшной человѣкъ, отъ этого я улыбаюсь. А вы чему улыбаетесь, я это съ утра замѣтилъ?

— А я тому, что вы смѣшной, monsieur Борисъ...

И когда они стали совсѣмъ друзьями, онъ взялъ тяжелую кисть винограда и брызгалъ на нее розовымъ сокомъ, раздавливая ягоды въ рукахъ, а она спасалась отъ него и закрывала лицо руками:

— Я не хочу... Не хочу... Monsieur Борисъ!

Но это такъ ему нравилось, что онъ не могъ остановиться. Когда же она, въ свою очередь, стала брызгать на него, онъ схватилъ ее за руки и приблизилъ къ себѣ. Да, она тоже играла съ нимъ, она этого хотѣла, и онъ задержалъ ея руки въ своихъ... Раньше она всегда торопилась ихъ отдернуть, когда онѣ случайно встрѣчались съ его руками, но теперь она не сдѣлала этого, она вдругъ оглянулась кругомъ, видитъ ли кто-нибудь ихъ, — она шалила...

Но всѣ склонились надъ своей работой, разбросанные между рядами лозъ.

Альбертъ Бенуа. Морской берегъ въ деревнѣ Бобыльской.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И она еще на одно мгновеніе оставила свои руки въ его рукахъ, потому что ихъ никто не видѣлъ. И такъ они работали и говорили цѣлый день, и говорили еще больше, когда этого никто не слышалъ и не видѣлъ. Вечеръ быстро и крадучись подошелъ къ полямъ и началъ раскладывать свои тонкотканныя, темнѣющія ткани.

Е. Лазарева. Портретъ Озеровой.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

А Борисъ наговаривалъ себѣ: „Господи, пошли сегодня вечеръ потемнѣе, я пойду съ Мари по дорогѣ вмѣстѣ до деревни, будь милостивъ ко мнѣ...“

И онъ сказалъ Мари:

— Правда, вѣдь очень трясетъ, когда ѣдешь на этихъ двухколесныхъ телѣгахъ по такой ужасной дорогѣ въ поляхъ?

— Да,—отвѣтила она.

Онъ наклонился и робкимъ голосомъ спросилъ ее:

— Можетъ-быть, вы сегодня захотите пойти вмѣстѣ со мной... и со всѣми... пѣшкомъ за телѣгами?

— Да, хорошо, — опять отозвалась она коротко и отвернулась въ сторону.

Быстро чернѣли деревья, и быстро утопали въ сумракѣ прозрачныя дальнія дали. Всѣ собрались поспѣшно и отправились домой. Темнота надвигалась и прикрыла собою все, только слышенъ былъ стукъ телѣгъ въ неизвѣстности, заплакала гдѣ-то собака, и за рѣкой далеко ей отвѣчала другая.

Борисъ подошелъ къ Мари, онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, чтобы тихо поговорить съ нею о чемъ-нибудь...

Но онъ былъ огорченъ—Марсель и Жерменъ вдругъ сошли съ телѣги и неожиданно пошли съ ними рядомъ въ двухъ шагахъ. Борисъ почувствовалъ, что веселость его уменьшилась; ему стало скучно.

А когда всѣ вошли въ деревню, и свѣтъ изъ лавочки прорѣзалъ улицу яркой полосой, онъ взглянулъ на Мари, и ему показалось, что лицо у нея тоже невеселое. Она безпомощно взглянула на него, перегнувъ посрединѣ свои брови.

Тогда онъ сказалъ:

— Я буду работать сегодня вечеромъ въ прессѣ, m-elle Мари,—такъ онъ сказалъ ей.—Вѣдь сегодня меня назначили туда.

Вечеромъ онъ пошелъ въ погребъ, гдѣ дѣлали вино. Въ этой пещерѣ, прорытой въ холмѣ, былъ сумракъ, тамъ горѣла одна свѣча, прикрѣпленная къ краю чана; зіяли тьмой пустыя бочки въ сторонѣ, и на черномъ полу шуршали и вились, какъ змѣи, тонкіе прутья, приготовленные для починки обручей.

Въ полутьмѣ ходили неясныя фигуры, были свои и чужіе — зрители, взрослые и подростки. Когда онъ вошелъ, онъ слышалъ, какъ шептали вокругъ:

— Вотъ русскій... Посмотрите, посмотрите на него.

Особенно одинъ, красивый черный парень, совсѣмъ близко

Альбертъ Бенуа. **Въ паркѣ санаторіи Рауха.**
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

подошелъ къ нему и сталъ его разсматривать вплоть со спокойной развязностью и не смущаясь. Онъ долго смотрѣлъ на него.

Когда онъ отошелъ, Борисъ спросилъ Марселя:

— Кто это? Онъ, кажется, замѣтилъ, что у меня три уха.

— Это Альфредъ Мерсье, богатый парень. Ему—что, онъ можетъ чужія уши считать. Э, пріятель!

Телѣги съ бочками подкатили къ самымъ люкамъ прессовъ, и виноградъ сталъ падать сочными массами, все громоздился и громоздился, выше и выше, съ богатствомъ и роскошью, люди вскочили сверху на него, въ своихъ тяжелыхъ деревянныхъ башмакахъ ходили по нему, давили его живыя гроздья, и сокъ его брызгалъ, какъ кровь; нѣжная красота его угасала. Подъ тяжелыми лопатами они сгребали виноградъ въ правильныя кучи и выходили изъ пресса, отряхнувъ свои башмаки на краю его, и за башмаками по полу оставались кровавые слѣды.

Борисъ работалъ у давильной машины, толкая длинный рычагъ съ однообразнымъ звукомъ, который издавали закладки механизма. Противъ него былъ Марсель, и они попеременно бросались другъ на друга, надавливая на рычагъ, они наклонялись впередъ и падали назадъ, какъ будто боролись другъ съ другомъ, танцовали дикій и неустанный танецъ, и груди ихъ разгорались отъ этой борьбы, и дышали они жарко. Борисъ увлекался этой живой работой.

Но вдругъ онъ увидѣлъ Мари, которая была недалеко. Она совсѣмъ близко стояла у пресса съ другими. И глаза ея смотрѣли непривѣтливо—она взглянула мелькомъ на него, какъ будто уколола ими, какъ будто постаралась обидѣть его своей усмѣшкой, и отвела ихъ. Почему? Она тамъ говорила съ кѣмъ-то изъ сосѣдей, все говорила, говорила... Нѣтъ, теперь она совсѣмъ не смотрѣла на него, и, можетъ-быть, она нарочно не смотрѣла на него—только чтобы его позлить немного или помучить. „Ну, посмотри же на меня, посмотри! Ты видишь, что я тебя прошу объ этомъ, очень прошу объ этомъ! Ахъ, какъ я прошу тебя объ этомъ!..“

И онъ неслышно хохоталъ надъ нею, содрогаясь грудью, и все выплясывалъ свой танецъ съ Марселемъ, падалъ назадъ и снова бросался ему навстрѣчу.

„Ну, посмотри же, прелесть моя, посмотри!..“

Но потомъ онъ еще разъ подумалъ, за что она не хотѣла смотрѣть на него.

„За неловкость, да, за глупую его неловкость. Да, за глупое возвращеніе со всѣми вмѣстѣ,—вдругъ сказалъ онъ себѣ.— А я вѣдь такъ приглашалъ ее съ таинственной миной, такъ ее упрашивалъ, о чемъ? Я долженъ быть ловкимъ, я былъ обязанъ... Я — дуракъ“.

И вдругъ она ушла куда-то, съ кѣмъ-то разговаривать —съ кѣмъ? Но онъ не могъ сообразить этого сразу. Онъ все смотрѣлъ по сторонамъ, кого не хватаетъ, и не видѣлъ въ полумракѣ. Да, она съ кѣмъ-то одна, съ кѣмъ-то теперь одна она...

Но давленіе пресса все возрастало, работа становилась тяжелѣе. Свѣжій выдавленный сокъ, сладкій, какъ сиропъ, — будущее нерожденное вино,—стекалъ съ журчаніемъ въ бассейнъ; онъ сначала капалъ звонко, капля за каплей, потомъ полился говорящими струями; понизилась груда винограда въ прессѣ, и рабочіе купались въ винѣ, смывая свою трудовую грязь. Работа становилась тяжелѣе, тяжелѣе.

„Онъ работалъ здѣсь, а она— одна?.. Съ кѣмъ она одна?.. Нѣтъ, съ кѣмъ же она?“

Хлопнула громко пробка бутылки у хозяйки. Отдыхъ, бросили тяжелый рычагъ машины. Всѣ собрались вокругъ m-me Минье и пили вино изъ серебряныхъ старыхъ стаканчиковъ, свои и чужіе.

Теперь онъ видѣлъ, какъ вернулась Мари, и кто-то вернулся съ нею,—это Альфредъ вернулся съ нею, красивый черный парень,

И. Мацкевичъ. **На базаръ.**
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

и еще богатый парень притомъ. Это съ нимъ она долго разговаривала.

Выбравъ минуту, онъ спросилъ ее:

— Съ кѣмъ это вы такъ долго разговаривали?

— Съ моей подругой.

Его этотъ отвѣтъ разсердилъ немного, и онъ отвернулся.

Черезъ мгновеніе она сказала, смотря на него съ простодушнымъ видомъ:

— Нѣтъ, слышите, я не хочу обманывать васъ. Это былъ Альфредъ, я говорила съ нимъ. Но вѣдь это почти все равно, что подруга, я такъ съ нимъ говорю.

И онъ остался со своими мыслями: „отчего она прибавила свои послѣднія слова? Она хотѣла оправдаться передъ нимъ въ этомъ уединенномъ разговорѣ? Нѣтъ, ей это ненужно—оправдываться передъ нимъ, они ничѣмъ не связаны; или она не хотѣла огорчить его?“

Онъ усмѣхнулся себѣ протяжно и безъ ясной мысли. „Забавно. Господи,—жизнь“.

Они сѣли съ нею рядомъ на опрокинутый желобъ для сливанія вина. Ни разу онъ не посмотрѣлъ на нее въ то время, когда другіе видѣли ихъ; онъ сѣлъ къ ней близко, очень близко придвинулся къ ней, и она все же не отстранялась отъ него въ этой полутьмѣ погреба, освѣщеннаго одинокой свѣчой. Онъ слышалъ ея близость до біенія своего сердца, такъ, что не хотѣлъ поднять на нее своихъ глазъ подъ взглядами людей, чтобы всего происходящаго какъ-нибудь не замѣтили другіе, а онъ былъ увѣренъ, что происходитъ что-то, хотя и ничего не происходило.

Потомъ они вышли изъ погреба послѣдніе, когда за ними гасили свѣтъ.

Это было воскресенье, балъ въ деревенскомъ кафе. Сборщики винограда отдыхали; ихъ ждали тамъ въ этотъ день съ заработанными деньгами.

Борисъ съ утра старательно одѣвался, брился, расчесывалъ заросшіе волосы, рубашка его блестѣла и сіяла чистотой. И, можетъ-быть, потому, что онъ отвыкъ заниматься собой, интересоваться своей внѣшностью, можетъ-быть, отъ этого онъ чувствовалъ себя необычно, по-праздничному, и даже нѣсколько волновался. Цѣлый свободный отъ работы день онъ никакъ не могъ найти для себя занятія, ходилъ по деревнѣ, выходилъ въ поля, оглядывался вокругъ и снова возвращался домой. Но дома не было никого, кромѣ хозяйки, и онъ скучалъ; ему было трудно остаться безъ движенія, безъ какихъ-нибудь разговоровъ, безъ людей, безъ развлеченія.

Въ концѣ концовъ это разсердило его, онъ круто повернулся и зашагалъ въ холмы далеко отъ деревни, вверхъ, откуда даль разстилалась передъ нимъ, города виднѣлись въ туманной дымкѣ, и ближній замокъ дремалъ надъ Луарой.

В. Навозовъ. Гулянье. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Онъ долго пробылъ тамъ одинъ и поздно явился въ кафе, когда зала уже была полна народа, стука и криковъ, и музыка играла на возвышеніи. Всѣ танцовали, кружились, двигались, перекликались и смѣялись. Въ первую минуту свѣтъ послѣ темной улицы ослѣпилъ его, шумъ разомъ наполнилъ его душу, и онъ растворился среди него безъ мыслей и желаній.

А потомъ онъ отошелъ въ сторону. Съ нимъ никто не перекликался и ничего не кричалъ ему. Даже Марсель, проходившій мимо, только мелькомъ взглянулъ на него и прошелъ дальше, не сказавъ ни слова. Тогда ему стало грустно, и онъ еще дальше отодвинулся отъ всѣхъ, чтобы не сидѣть на виду и не показывать всѣмъ своего одиночества.

Но вдругъ онъ увидѣлъ Мари и Жерменъ. Онѣ только-что пришли и были однѣ. Онѣ оглядывались во всѣ стороны, ища кого-то.

Тогда онъ сразу всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Вы будете танцовать? — спросила его Мари.

— Да, буду. Можетъ-быть, я съ вами могъ бы протанцовать что-нибудь?

— Да, если хотите.

Онъ колебался нѣсколько мгновеній, а потомъ сказалъ имъ:

— Можетъ-быть, это будетъ не слишкомъ смѣло съ моей

„Кончина патріарха Ермогена". Картина академика А. Н. Новоскольцева, недавно имъ законченная. По фот. Я. Штейнберга.

стороны, если я предложу вамъ и m-lle Жерменъ посидѣть со мной одну минутку, я такъ одинокъ здѣсь. Можетъ-быть, вы выпили бы стаканъ лимонада или чего-нибудь другого, что вамъ понравится?

— Да, но только не здѣсь, а рядомъ, въ большой комнатѣ. Здѣсь такъ толкаютъ со всѣхъ сторонъ тѣ, кто танцуетъ.

И онъ низко кланялся имъ и благодарилъ за согласіе — вѣдь онъ былъ только пришлый рабочій, и его не знали тутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотворенія Сергѣя Михѣева.

I. Моя Весна.

Улыбкой, розовой вуалью
Не принесешь Весны мнѣ ты —
Свята безмолвною печалью
Моя Весна... Мои цвѣты,
Понявъ печаль въ глазахъ Мадонны,
Опустятъ долу лепестки,
Не глянувъ въ синіе затоны
Весенне-радостной рѣки,
И вся ты будешь только эхомъ
Давно отцвѣтшей и другой...
Пойми жъ и... дѣтскимъ звонкимъ смѣхомъ
Не тронь Весны моей святой!..

II. Мои цвѣты.

Мои цвѣты—мой ароматный ядъ...
Уставшіе отъ ласкъ далекаго... былого...
Счастливцы, знавшіе влюбленно-нѣжный взглядъ
И косы русыя и шопотъ у порога...
Я взялъ ихъ, брошенныхъ на заспанномъ роялѣ.
Ужъ блекли крылышки ихъ шелковыхъ рѣсницъ,
А въ глубинѣ лазоревой эмали
Свѣтились новыя, нездѣшнія печали
И тайны, взятыя съ прочитанныхъ страницъ.
Теперь они со мной, здѣсь, на столѣ моемъ,
Стоятъ, поникшіе въ хрустальной блѣдной вазѣ.
Ихъ грезы, какъ мои, всѣ въ прошломъ... всѣ въ быломъ...
Въ обыденныхъ словахъ, въ заученномъ разсказѣ
Намъ нечего другъ другу передать,
Намъ не о чемъ молить, намъ не о комъ гадать...
Но мнѣ они родны, родны, какъ ихъ печаль,
Какъ ихъ безропотность предъ близостью ненастья.
Я съ ними погрущу—и мнѣ уже не жаль
Ни старости своей ни прошлыхъ слезъ и счастья.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть А. Зарина.

(Продолженіе).

XII.

Въ этотъ день она едва дождалась вечера и, едва только уложила дѣтей спать и напилась чаю, какъ быстро одѣлась, взяла съ собою 50 руб. и поѣхала въ клубъ. Совершенно новое ощущеніе испытывала она, входя въ залу. Ничто не давило ее. Въ этотъ вечеръ она не прибѣгала ни къ какой лжи и пришла одна, самостоятельно, какъ настоящій игрокъ. Она оживленно раскланивалась направо и налѣво, ласково подала руку Пинкусу, который впился въ нее губами, улыбнулась Скрипкѣ и сѣла на стулъ, кивнувъ своему визави, накрашенной полногрудой дамѣ, съ которой она давно успѣла завести дружескія отношенія.

— Не везетъ?—спросила дама.

Не везетъ,—въ тонъ ей отвѣтила Ольга Карповна: — но сегодня я надѣюсь. Самое важное — бодрое настроеніе духа, а я именно сегодня въ радостномъ настроеніи.

— Счастливица!—сказала ей дама.—А мнѣ не везетъ, и нѣтъ никакой радости. Недавно купила, знаете, такихъ зимородковъ съ носами и — ничего не выходитъ. Рѣшительно! Бросила ихъ и растоптала ногами. Надо, говорятъ, найти карту съ номерами 66 и 90, а гдѣ ее у чорта отыщешь?

— Игра начинается! Тихо!—раздались кругомъ голоса, и мягкій голосъ барышни сталъ выкликать числа.

Ольга Карповна погрузилась въ игру и замирала въ ожиданіи, но и въ этотъ вечеръ она оставила всѣ деньги, сохранивъ только рубль на извозчика.

Въ мрачномъ настроеніи она легла спать и проспала тяжелымъ сномъ до поздняго утра. И, проснувшись, она не занималась съ Катей, и вяло потянулся для нея день.

Какое-то проклятіе было въ этомъ азартѣ. Стоило ей посидѣть дома, и она просыпалась веселая, бодрая, способная работать.

Стоило ей пробыть въ клубѣ, и на другой день она была усталая и разбитая. Ея умъ охватывали суевѣрныя мысли: ей казалось, что въ ея проигрышѣ больше всего виновата Калерія. Слава Богу, что она ее не видитъ въ клубѣ.

Но въ тотъ же день Калерія сама пріѣхала къ ней, ураганомъ ворвалась въ комнаты и весело заговорила:

— Тебя нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я и пріѣхала. Получай свои 15 рублей! Что ты такая сердитая?

Ольга Карповна встрѣтила ее холодно и сурово.

— Я? Нисколько,—сдержанно отвѣтила она.

— Ну вотъ, не вижу!.. А я пришла къ тебѣ съ радостью. Костя-то мой вдругъ разбогатѣлъ! Вообрази себѣ, поймалъ какихъ-то трехъ дураковъ и сразу застраховалъ ихъ жизнь. Каждаго на 15 тысячъ. Получилъ проценты. А потомъ четыре диктовальныхъ машины продалъ; и пошло, и пошло. Прямо повезло! А эти дураки говорятъ: „мы вамъ еще другихъ приведемъ!“ Если каждый по три, то тогда вотъ заработаемъ, ой-ой-ой! Богатыми людьми сдѣлаемся. И все онъ ихъ по клубамъ ловитъ. Теперь въ лото мы ѣздимъ въ другой клубъ. Знаешь, подлѣ цирка Модернъ на Каменностровскомъ. Тамъ хоть помѣщеніе и отвратительное, — скетингъ былъ, такъ въ этомъ сараѣ играютъ,—а все-таки весело играть. Игроковъ мало, всѣ знакомые. Выдачи небольшія, но зато часто выигрываешь. Я уже выиграла 3 раза. Больше 30 рублей не бываетъ. Хочешь, туда поѣдемъ?

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Ольга Карповна:—я играю въ этомъ клубѣ.

— Ой, нѣтъ! Ты дуешься, дуешься и дуешься. Милая моя, скажи, душечка, за что ты дуешься?

Ольга Карповна съ неудовольствіемъ сказала:

— Ты сама должна знать, за что...

— Ну, скажи, за что?

— Въ тотъ разъ я съ тобой подѣлила послѣдніе 30 рублей.

— Я же тебѣ отдала ихъ.

— Не въ томъ дѣло. Но когда ты достала какія-то деньги, ты мнѣ кинула, словно нищей, жалкій рубль, а сама осталась играть.

— Я? Играть?..

— Ну да! Ты же осталась. Скажи, ты достала больше?

— Ну такъ что же?

— Ты должна была со мною точно такъ же раздѣлить ихъ пополамъ. Сколько у тебя было денегъ?

— Ну, если хочешь знать правду, такъ пять рублей. Я тебѣ дала рубль. Себѣ оставила тоже рубль и проиграла, а домой принесла три рубля. Скажи, развѣ я могла сдѣлать иначе? У насъ дома не было ни гроша. Утромъ бы проснулась—на булки дать нечего. Я и оставила три рубля на обѣдъ. Ну, что я сдѣлала худого?

Ольга Карповна смягчилась:

— Худо то, что ты мнѣ сказала неправду. Словно боялась.

— Ахъ, глупая! — всплеснула Калерія руками.—Чего же говорить-то было? Дала тебѣ рубль и сама сыграла за рубль. Ну, не сердись!

Ольга Карповна улыбнулась:

— Досадно тогда мнѣ было.

— И нечего было досадовать. Если бы ты знала, какъ мы все это время бѣдствовали. Теперь, какъ онъ принесъ мнѣ сразу 500 рублей, такъ мы и ожили. Я отъ скуки граммофонъ купила. Приходи ко мнѣ граммофонъ слушать. Завожу пластинку—Тартаковъ поетъ, а я пасьянсъ раскладываю. Костя опять Богъ его знаетъ гдѣ мечется. То туда уѣдетъ, то сюда. Вчерашній день съ компаніей пріѣхалъ, я имъ завтракъ устраивала. Пришлось на одинъ завтракъ 12 рублей истратить. И скучно съ нимъ, и весело съ нимъ; и досадно на него, и люблю его. То по цѣлымъ днямъ въ газетѣ торчитъ, то своихъ кліентовъ ловитъ; одного страхуетъ, другому диктовальную машину продаетъ. Теперь пріѣзжаютъ къ нему студенты съ этой машиной, а онъ съ ними изъ дома въ домъ. И выручаетъ. Машину продастъ—65 рублей получитъ. Все прибыль. Не держатся только у насъ деньги.

Калерія болтала безъ умолку. Ольга Карповна слушала ее разсѣянно и думала о томъ, что надо непремѣнно отыграться, потому что скоро вернется мужъ. Калерія ушла съ такимъ же шумомъ, съ какимъ пришла. Наступила томительная тишина. Ольга Карповна сѣла за обѣдъ, а потомъ стала писать письмо мужу. Онъ уже прислалъ ей четыре письма, а она успѣла написать только одно и теперь писала о томъ, какъ занимается Катя, какъ играетъ Петя, какъ ихъ здоровье, какъ они проводятъ время и скучаютъ безъ него. Запечатавъ конвертъ, она подумала: „Нянька все равно про клубъ скажетъ... И откуда она знаетъ, куда я ѣзжу?“— и вздохнула. Нянька становилась ей все больше и больше непріятной. Она съ укоромъ слѣдила за нею подслѣповатыми глазами, въ ея присутствіи вздыхала и охала и всегда приговаривала, что теперь кругомъ безпорядокъ. Ольга Карповна однажды ее окрикнула:

— И что это ты, няня, все каръ да каръ? Словно ворона.

— А съ чего радоваться мнѣ,—отвѣтила нянька:—нешто порядокъ у насъ въ домѣ? Посмотри сама, что дѣлается. Лушка теперь фордыбачитъ, что твоя барыня. Просыпаешься ты въ часъ, а то и въ два. Порядку дома никакого; Катя либо учится, либо нѣтъ. Тебя въ глаза не видно. Нешто это дѣло?

— Замолчи, это тебя не касается,—съ раздраженіемъ сказала Ольга Карповна, и отношенія между ними стали еще хуже.

— Кабы не дѣти, бросила бы все, и ушла.

— И иди, дѣти плакать не будутъ.

— Сказала тоже. Плакать не будутъ, а брошенныя совсѣмъ будутъ.

— Не смѣй со мной такъ говорить, а то уходи сейчасъ вонъ!

— Ужъ и испугалась!—сказала нянька и хлопнула дверью.

Счастье оставило Ольгу Карповну. Случалось, что она выигрывала, но всегда ничтожную сумму или дѣлила выигрышъ съ другимъ окончившимъ. И всегда возвращалась домой, имѣя въ кармане послѣдній рубль. Каждый вечеръ, уѣзжая въ клубъ, она со страхомъ открывала туалетный ящикъ и видѣла, какъ уменьшаются и уменьшаются деньги. Уже прошло шесть дней, какъ уѣхалъ Павелъ Аркадьевичъ, и отъ всѣхъ денегъ осталось только 25 рублей. Она съ трепетомъ взяла ихъ, поѣхала съ ними въ клубъ, но въ этотъ разъ счастье настолько отвернулось отъ нея, что она не закрыла ни разу даже трехъ номеровъ подъ рядъ. Унылая, растерянная, она проиграла послѣднія деньги и встала отъ стола почти безъ сознанія. Завтра надо жить, послѣзавтра надо жить: пріѣдетъ мужъ, и что она ему скажетъ? И въ такомъ состояніи она вернулась домой и легла въ постель, стараясь заснуть и забыться. Остается послѣднее средство: закладывать и играть. Можетъ-быть, счастье еще улыбнется.

XIII.

Ольга Карповна проснулась съ больной головой и совершенно разстроенными нервами. Мысль, что дѣлать, какъ быть,—мучила ее. Она съ завистью къ прошлому вспоминала свои первые выигрыши и съ недоумѣніемъ думала о проигрышахъ. Ей казалось, что совершается какая-то несправедливость, которая будетъ исправлена; что она должна продолжать игру и добьется прежней удачи. Только надо достать денегъ. Она перебирала въ умѣ вещи, за которыя можно было бы получить значительную сумму, и не находила ни одной цѣнной. Напившись чаю, она встала съ постели и не захотѣла ни одѣться ни причесаться. Въ ночномъ капотѣ, съ распущенными, наскоро подобранными, волосами, съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ, отчего глаза ея стали больше и горѣли лихорадочнымъ блескомъ, она производила впечатлѣніе больной. И сейчасъ же, вставъ съ постели, она словно для успокоенія сѣла писать письмо мужу.

„Милый Павля",—начала она письмо и задумалась. Что она ему напишетъ? И стала писать обыденныя, банальныя фразы о томъ, что у нихъ все благополучно, что всѣ здоровы, всѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, а потомъ прибавила: „А за этими деньгами изъ правленія никто еще не приходилъ“,—и вдругъ остановилась, словно увидѣла передъ собою призракъ. Кровь сразу прилила ей въ голову, потомъ медленно отлила. Она провела рукою по лицу.

Въ это время въ комнату вошла Луша:

— Барыня, на расходъ пожалуйте.

— Сейчасъ.

Ольга Карповна выпрямилась, отложила перо, встала, твердой поступью подошла къ туалетному столу, выдвинула ящикъ и, доставъ оттуда конвертъ, выдернула изъ него сторублевую ассигнацію и, подавая Лушѣ, сказала:

— Смотри, не растеряй денегъ. Видишь, здѣсь сто рублей.

— Будьте покойны, барыня,—сказала Луша и, бережно сложивъ бумажку, вышла.

Съ шумомъ захлопнула Ольга Карповна ящикъ туалета, защелкнула замокъ и безсильно опустилась въ кресло.

Растрата! Что же это такое? Кошмаръ? Она вскочила и побѣжала въ кухню, чтобы вернуть Лушу и взять отъ нея деньги, но Луша уже ушла. Ольга Карповна вернулась въ спальню.

„Я заложу какое-нибудь платье и покрою эти 5—6 рублей“,— подумала она и слабо усмѣхнулась, потому что уже знала, что этого не будетъ дѣлать.

Она прошла къ письменному столу мужа, окончила письмо, вложила въ конвертъ, запечатала, надписала адресъ, прилѣпила марку и пошла въ дѣтскую.

Катя уже окончила уроки, и Ольга Карповна стала ее спрашивать. Петя возился со складными домиками, нянька занималась осмотромъ костюмовъ.

— Гулять пойдемъ,—сказала она.

— И хорошо сдѣлаете, — отвѣтила Ольга Карповна вяло, а въ головѣ ея уже проносились мысли объ игрѣ. Въ это время раздался звонокъ.

— Кто бы это?—спросила Ольга Карповна.

— Сейчасъ узнаемъ.

Нянька пошла, и черезъ минуту раздались радостные возгласы:

— Вы, барыня?

— Я, я, няня! А что, твоя барыня дома?

— Дома, дома, пожалуйте. Ужъ какъ рады будутъ!

Ольга Карповна сразу узнала голосъ Карелиной, входившей уже въ столовую.

Дѣти повскакали съ мѣстъ и побѣжали къ ней навстрѣчу съ крикомъ:

— Тетя Надя, тетя Надя!

Ольга Карповна вышла слѣдомъ за ними. Большая, толстая Надежда Захаровна уже цѣловала дѣтей.

— Васъ нужно ждать, какъ свѣтлаго праздника, — заговорила она съ упрекомъ:—ждала, ждала, да вотъ и сама... Господи!—воскликнула она:—что это съ вами, голубушка?

Ольга Карповна виновато улыбнулась:

— Я еще не одѣлась, поздно встала.

— Да не то, не то. Лицо-то, лицо-то у васъ какое, словно мученица. Больны были?

— Нѣтъ,—сказала Ольга Карповна, смущаясь.

— Потому все это съ клубомъ,—заявила нянька.

— Молчи, няня!—остановила ее Ольга Карповна.

Карелина засмѣялась:

— Она у васъ менторомъ.

— Распустили мы ее. Вотъ и все.

Катя и Петя прижались къ Надеждѣ Захаровнѣ, и она ласкала ихъ, продолжая разговаривать съ Ольгой Карповной. Няня пошла хлопотать о завтракѣ. Въ это время вернулась Луша. Ольга Карповна облегченно вздохнула.

Да, это былъ сонъ, кошмаръ. Она сейчасъ эти деньги положитъ назадъ. Потомъ заложитъ свое шелковое платье и вернетъ, что истратила Луша. Надежда Захаровна говорила протяжно и пѣвуче:

— Все съ исторіей возимся. Каждый день выписки, выписки, а сегодня я ему сказала: „Нѣтъ ужъ, голубчикъ, довольно. Я на два дня дѣлаю себѣ отдыхъ",—и поѣхала по знакомымъ. А и то такъ всѣ обижаются: ни къ тому ни къ этому. Все занята да занята. Въ воскресенье самой дома побыть хочется. Вѣдь мы Степу отдали учиться. Въ пансіонъ. Мой Сергѣй тамъ сталъ преподавать. Ну, а когда же вы къ намъ, голубушка?

— Да ужъ когда мужъ пріѣдетъ.

— То-то. Безъ мужа скучно, да и дѣлъ больше какъ будто.

— Ну,—улыбнулась Ольга Карповна:—когда мужа нѣтъ, дѣла всегда меньше.

Трудъ всегда облагораживаетъ человѣка. Въ Надеждѣ Захаровнѣ было что-то ласковое, бодрящее, что оживляло всѣхъ. Дѣти слушали ее внимательно, широко раскрывъ глаза, и она, говоря съ Ольгой Карповной, время отъ времени перекидывалась съ ними шутками. Ольга Карповна на время забыла удручающія заботы и увлеклась бесѣдой. Нянька охотно прислуживала Надеждѣ Захаровнѣ и угощала ее, какъ свою добрую пріятельницу, на что та ласково говорила ей:

— Спасибо, няня... Благодарю... Хорошая она у васъ,—говорила она Ольгѣ Карповнѣ. Эти старыя добрыя няни напоминаютъ мнѣ время, когда мы были маленькими, и насъ баловали эти добрыя руки, и улыбались намъ эти сморщенныя старческія лица.—Она вздохнула:—Теперь почти нѣтъ такихъ.

— Зато она меня постоянно то учитъ, то ругаетъ,—капризно сказала Ольга Карповна.

— И есть за что,—ворчливо вмѣшалась няня.—Хоть бы вы сказали ей, барыня. Что это такое?

— А что?—спросила Надежда Захаровна.

Ольга Карповна топнула ногой и не шутя разсердилась.

— Замолчи, няня, и уходи!—сказала она.

Надежда Захаровна тактично перемѣнила разговоръ. Она заговорила о знакомыхъ и потомъ сказала:

— А помните вы высокую такую барышню, стройная блондинка, которая къ намъ приходила тотъ разъ, еще въ лото играла, подлѣ васъ сидѣла? Учительница городская, не только учительница, а и завѣдующая. Вообразите, стала въ лото играть и проиграла казенныя деньги. Въ какомъ была отчаяніи, если бы видѣли! Проиграла-то совсѣмъ нечаянно. Понимаете: одиночество, скучно, пошла, увлеклась. Тамъ, говорятъ, очень оживленно. Проиграла и стала проигрывать день за днемъ, а когда очнулась, оказалось, что проиграла 100 рублей. Хорошо, что нашлись друзья, успѣли помочь ей, а то бы лишилась мѣста и опозорилась. Какъ она плакала, если бы вы ее только видѣли, въ какомъ она была ужасномъ состояніи, когда прибѣжала ко мнѣ и разсказала эту ужасную исторію...

Ольга Карповна вдругъ поблѣднѣла, у нея перехватило дыханіе, и она тутъ же рѣшила, что никогда не дойдетъ до этого состоянія и никогда не вызоветъ этихъ словъ состраданія.

Надежда Захаровна просидѣла до самаго обѣда. Когда она уходила, Ольга Карповна крѣпко ее расцѣловала, а дѣти повторяли:

— Приходите, тетя Надя, къ намъ скорѣе.

Нянька проводила ее до самой площадки лѣстницы и тамъ что-то шептала ей, пока Ольга Карповна не закричала:

— Няня, иди дѣтей кормить!

Няня вернулась. Ольга Карповна пообѣдала и почувствовала непреодолимую слабость. Ломбардъ открытъ до 10 часовъ. И она пошла въ спальню, чтобы прилечь.

Когда она проснулась, кругомъ была тишина. Въ комнату падалъ слабый свѣтъ отъ уличныхъ фонарей. Она подумала, что уже ночь, но въ это время часы гулко пробили десять, и она сразу встрепенулась, сѣла на постель и испуганными глазами стала смотрѣть въ темноту.

— 10 часовъ. Напиться чаю и итти.

Какъ разъ къ самому разгару игры. „А ломбардъ? Деньги?"— мелькнуло у нея въ мысляхъ и тотчасъ заслонилось страстнымъ желаніемъ играть.

Она сбросила ноги съ постели, рѣшительно встала, повернула кнопку электрическаго свѣта и подошла къ зеркалу. Сонъ подкрѣпилъ ее, и теперь щеки ея казались полнѣе и румянѣе, а глаза смотрѣли безъ тревожнаго блеска. Она прошла въ дѣтскую, гдѣ уже спали дѣти, оттуда въ кухню, гдѣ нянька сидѣла у стола и что-то бубнила Лушѣ, которая разогрѣвала самоваръ.

— Давайте чай,—сказала Ольга Карповна.—Самоваръ не надо. Я одѣнусь, выпью и уйду.

— Опять?—не вытерпѣла нянька.

Ольга Карповна сердито отвѣтила:

— Няня, разъ навсегда брось ты эти разговоры!—и прошла къ себѣ въ спальню.

„Это безобразіе, до чего можно распустить человѣка! Она, кажется, дѣйствительно, воображаетъ себя въ правѣ дѣлать мнѣ замѣчанія и говорить укоры. Охъ, ужъ эти старыя дуры!"

Ольга Карповна торопливо одѣлась, торопливо выпила чаю, торопливо, почти не глядя въ конвертъ, на ящикъ съ деньгами, взяла оттуда четыре бумажки, заперла ящикъ и, сунувъ деньги въ портмонэ, вышла изъ дома.

Трепетно билось ея сердце, когда она сидѣла въ вагонѣ трамвая, и она старалась прогнать тѣ мысли, которыя вихремъ кружились у нея въ головѣ. Мелькало сознаніе, что она взяла чужія деньги; что растратой ихъ она лишитъ чести мужа; что нѣтъ чернѣе поступка, чѣмъ тотъ, который она сдѣлала. Но тутъ же загоралась надежда, что она выиграетъ и поправитъ свои дѣла.

Она то волновалась, хотѣла выскочить изъ вагона трамвая и итти назадъ домой; то вдругъ замирала и закрывала глаза, представивъ себѣ шумную залу, играющихъ, тѣ номера, которые она закрываетъ одинъ за другимъ, и желанный выигрышъ. Дни ея удачъ, когда она приносила домой деньги, ярко вспоминались ей и сулили возможность новой удачи. Она уже стремилась только скорѣе пріѣхать, войти въ эту залу и погрузиться въ игру съ ея номерами, съ ея таинственной судьбой.

Но отвернулось отъ нея счастье.

Она была въ залѣ, она дышала этой скверной атмосферой, она играла, трепеща и замирая, весь долгій вечеръ и, когда сказали, что игра кончилась, увидѣла, что дѣйствительно игра кончена: у нея осталось въ кошелькѣ три рубля съ мелочью.

Съ мертвеннымъ лицомъ, медленно, какъ автоматъ, пошла она къ выходу.

XIV.

Кошмарными видѣніями наполнилась темнота ея спальни, когда она загасила свѣтъ, и Ольга Карповна металась по своей постели, съ ужасомъ переживая грядущій позоръ и упреки мужа. Она зарылась головой въ подушки и плакала скорбными слезами.

Будь проклята эта игра!.. Затѣмъ сонъ смежилъ ея вѣки, она заснула крѣпкимъ, мертвымъ сномъ, а когда проснулась, и въ окно брызнули яркіе лучи солнца, отъ которыхъ она зажмурила заспанные глаза, къ ней вдругъ вернулось тихое спокойствіе. Такъ бываетъ съ тонущими, выбившимися изъ силъ: они опускаютъ руки и погружаются въ бездну, думая, „будь, что будетъ". Она вдругъ рѣшила, что еще есть возможность отыграться, а если это не удастся, то все равно, что 50 рублей, что 200.

И съ этими мыслями она спокойно позвала няню, дала денегъ на расходъ Лушѣ; напилась чаю, встала, умылась и расчесала свои волосы. Днемъ она занималась съ Катей, потомъ повела дѣтей гулять и катала на извозчикѣ. Она вернулась домой спокойная, только веселья не было въ ея глазахъ, и черты ея лица какъ бы окаменѣли. Она сѣла писать мужу письмо, написала: „Милый Павля" и изорвала бумагу. Слова не сходили съ ея пера, но сегодня это не волновало ея. Ее больше волновала возможность выигрыша, и рисовался предстоящій вечеръ.

Теперь она уже шла играть, словно на сраженіе. Она спокойно отсчитала пятьдесятъ рублей денегъ, медленно одѣлась и неторопливо вышла изъ дома. Въ головѣ ея бродили странныя суевѣрныя мысли:

„Если встрѣтится первой женщина, то непремѣнно выиграетъ; мужчина—проиграетъ".

Улица, какъ нарочно, была пустынна. Вдругъ изъ-за угла выскочилъ мальчишка и быстро пронесся мимо. Она вздрогнула, но тутъ же слабо улыбнулась: „Это не женщина и не мужчина, а мальчикъ. Что дальше?" Потомъ она встрѣтила сразу мужчину и женщину, идущихъ подъ руку, и снова успокоилась: „ни мужчина ни женщина;" а потомъ встрѣтила мужчину, вздрогнула, но тутъ же мысль, не желающая допустить проигрыша, подсказала ей: „я думала о первой встрѣчѣ, а это уже третья"...

И когда она сѣла въ трамвай, то задумала на номеръ: получитъ билетъ съ номеромъ четнымъ—выиграетъ, нечетнымъ—проиграетъ, и конечныя цифры ея билета оказались 42. И опять у нея явилась мысль: „Я буду искать карту съ 42,—она выиграетъ", Идя въ клубъ, она задумала: „Ступлю правой, или лѣвой? Постараюсь наступить правой". Встрѣтится ли ей знакомый, или незнакомый: „постараюсь встрѣтить знакомаго". Сниметъ пальто Петръ или Иванъ,—и нарочно подождала, когда освободился Петръ и снялъ съ нея пальто. И, успокоенная этими примѣтами, она вошла въ комнату для записи величественно, спокойно.

Пинкусъ словно поджидалъ ее, и его отвислыя губы расплылись въ улыбку, а глаза засверкали масленымъ блескомъ.

— Какъ вы всегда очаровательны!—произнесъ онъ, жадно цѣлуя ея руку.

— Дѣйствительно,—сказалъ, расшаркиваясь и цѣлуя ея другую руку, Скрипка.

Ее коробило отъ этой фамильярности, но она спокойно перенесла ее и вошла въ игорную залу, гдѣ уже были заняты почти всѣ мѣста. Игра была въ полномъ разгарѣ. Выдача дошла до 48 рублей.

Ольга Карповна поздоровалась съ нѣсколькими играющими и прошла на свое любимое мѣсто, откуда была видна доска и ясно доносился голосъ, произносящій номера. Она сѣла, дождалась окончанія игры и взяла себѣ три карты.

Сидящая противъ нея барыня съ накрашенными бровями закивала ей, какъ старой знакомой, и спросила:

— Что такъ поздно?

— Поздно? Я всегда прихожу въ это время, — отвѣтила Ольга Карповна.

— А здѣсь только-что исторія была,—сказала барыня съ накрашенными бровями.

— Какая?

— Двое играли, мужъ и жена: знаете, старикъ со старухой? Поругались, да такъ, что ихъ вывели.

Ольга Карповна слабо улыбнулась.

Что ей эти интересы, всѣ новости, которыми заняты здѣсь играющіе между собой? Теперь у нея одинъ интересъ: выиграть и покрыть всѣ расходы, которые влекутъ ее въ позоръ.

И она жадно погрузилась въ игру, когда стали выкликать номера. Это была какая-то мука, агонія.

Она проиграла и первую, и вторую игры. Тогда она обратилась къ сидящей противъ нея старухѣ и сказала:

— Хотите заработать деньги?

— А какъ?—спросила та, перегнувшись черезъ столъ.

— Берите за меня три карты. Если вы выиграете, я дамъ вамъ пять рублей.

Старуха радостно закивала, отчего наколка на ея головѣ слбвѣще закачалась.

— Я выиграю, выиграю!—радостно сказала она и жадно схватила три карты.

Если бы Ольга Карповна предложила ей просто слѣдить за номерами, то она и тогда съ жадностью согласилась бы, потому что ей нравился самый процессъ игры.

Игра началась.

Судьба зло посмѣялась надъ Ольгой Карповной. Она взяла за руку Счастье и передвинула его отъ нея вонъ къ той, въ простой сатиновой кофтѣ, гладко причесанной, съ бархаткой на шеѣ, дѣвушкѣ, которая каждый разъ кричала: „довольно“ и радостно хлопала въ ладоши. Молодые окружающіе ее люди весело смѣялись и хлопали ее по плечу. Кто-то съ другого конца стола закричалъ:

— Теперь, Анюта, будешь шампанское пить!

Лысый толстякъ съ брильянтомъ въ галстукѣ хрипло сказалъ:

— Пусть Анюта захочетъ—и ее выкупаютъ въ шампанскомъ.

Старуха сердито прошамкала:

— Вотъ всегда везетъ этимъ шлюхамъ. Приходятъ сюда, чтобы кого-нибудь замарьяжить, да еще выигрыши отбиваютъ.

— Завидно, старушка?—сказалъ молодой купчикъ въ черномъ бархатномъ жилетѣ съ толстой серебряной цѣпью на шеѣ.

— Я съ вами не разговариваю, — сердито отвѣтила старуха и обратилась къ Ольгѣ Карповнѣ:—Будемъ еще играть?

Ольга Карповна раскрыла портмонэ и увидѣла въ немъ три рубля съ мелочью. Она покраснѣла, торопливо вынула три рубля и отвѣтила:

— Сыграемъ!

Старуха радостно закивала.

Ольгѣ Карповнѣ она показалась зловѣщей птицей въ своей наколкѣ съ загнутымъ носомъ.

Она взяла три карты, и вдругъ лицо ея оживилось: на всѣхъ трехъ картахъ было 42,—номеръ трамвайнаго билета. Ну, теперь она выиграетъ!

Но она не выиграла и теперь.

— Это совсѣмъ плохая система,—раздался подлѣ нея слащавый голосъ.

Она оглянулась и увидѣла противное лицо Пинкуса, его отвислыя губы и жадные глаза:

— Берите пять картъ, десять. Разъ нѣтъ счастья—все равно ничего не выйдетъ. Играйте всегда на одной. Вотъ выигрышъ! Здѣсь берутъ 400 картъ. Что значитъ одна или двѣ?

Ольга Карповна холодно отвернулась отъ него, машинально вынула портмонэ и заглянула въ него.

— Позвольте одолжить вамъ до завтра, — вкрадчиво сказалъ Пинкусъ, вынимая бумажникъ.

Краска прилила къ ея лицу.

— Дайте!..—отвѣтила она, не сознавая, что говоритъ, и тотчасъ увидѣла въ рукѣ 25 рублей. Она подняла глаза и вздрогнула при видѣ его плотояднаго лица.

— Благодарю васъ,—сказала она какъ можно холоднѣе и тотчасъ спросила шесть картъ.

— Будемъ играть дальше,—сказала она старухѣ.

— Теперь мы навѣрное выиграемъ. Выдача 68 рублей! — воскликнула старуха и жадно взяла карты.

Ольга Карповна сдѣлала попытку улыбнуться, но если бы она играла теперь не на шести, а на шестидесяти шести картахъ — она все-таки проиграла бы все. Равновѣсіе духа, здоровье и равнодушіе къ выигрышу всегда оцѣниваются Судьбой.

Когда раздался звонокъ, и игра кончилась, Ольга Карповна вышла изъ клуба и остановилась на панели въ раздумьѣ:

„Что же это такое? Завтра уже не отыграться...“

— Будете завтра? — раздался вдругъ подлѣ нея старушечій голосъ, и она съ отвращеніемъ увидѣла свою партнершу, въ полинявшемъ капорѣ, въ драномъ пальто, съ облѣзлой мѣховой шалью на плечахъ. Она ничего ей не отвѣтила и поспѣшно сѣла на извозчика:

„Домой, домой...“

Она ѣхала по пустыннымъ улицамъ, и въ головѣ ея не было никакихъ мыслей: все сбилось въ сплошной хаосъ. Представлялось передъ нею страшное, противное лицо Пинкуса, сіяло радостное наивное лицо дѣвушки, хлопающей въ ладоши, слышались пошлые возгласы, и вдругъ вставала противная старая вѣдьма.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. И. Макушинъ.

(Съ портр. и рис. на этой стр.).

Бываютъ на землѣ счастливцы, которые, озираясь на пройденный жизненный путь, имѣютъ право съ гордостью сказать: „Нѣтъ, весь я не умру!..“ Это—тѣ люди, жизнь которыхъ была посвящена какому-нибудь хорошему дѣлу, мысль и чувство которыхъ не теряли связи съ насущными задачами вѣка, которые понимаютъ, что жизнь только тогда достойна и прекрасна, когда она есть трудъ, озаренный свѣтомъ идеи. Къ числу такихъ избранниковъ принадлежитъ видный сибирскій работникъ на нивѣ просвѣщенія народнаго—П. И. Макушинъ. Его имя знаетъ вся Россія, но оно особенно популярно и любимо въ Сибири, гдѣ много культурныхъ начинаній обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ чуткому сердцу и дѣятельному уму этого въ истинномъ смыслѣ слова хорошаго человѣка.

П. И. Макушинъ. Сибирскій общественный дѣятель. По фот. П. и Л. Пеньковыхъ, въ Томскѣ.

Главный фасадъ зданія, выстроеннаго П. И. Макушинымъ въ г. Томскѣ для Народнаго университета съ аудиторіями на 1.200 человѣкъ.

„Николай Ставрогинъ". Марья Тимоѳеевна и Ставрогинъ. (М. П. Лилина и В. И. Качаловъ).

„Николай Ставрогинъ". Шатовъ. (Н. І. Массалитиновъ).

Петръ Ивановичъ Макушинъ, по происхожденію пермякъ, вышелъ изъ глуби народной. Онъ—сынъ бѣднаго дьякона, но на мѣдныя деньги образовалъ золотой умъ и воспиталъ золотое сердце. Въ юности готовился къ духовному званію, но со студенческой скамьи духовной академіи вступилъ въ жизнь, не ожидая диплома, и въ 1865 г., двадцатилѣтнимъ, полнымъ силъ и надеждъ, молодымъ человѣкомъ увлекся дѣломъ распространенія и утвержденія христіанства на Алтаѣ и присоединился къ Алтайской церковной миссіи для приготовленія миссіонеровъ изъ среды тамошнихъ инородцевъ. Онъ тогда же поставилъ своей ближайшей цѣлью устроить при миссіи училище, которое послужило бы началомъ цѣлой сѣти инородческихъ школъ на Алтаѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ организованное имъ центральное училище дало миссіи хорошо приготовленныхъ учителей для пятнадцати новыхъ школъ. Занятія въ будни съ дѣтьми, бесѣды съ взрослыми въ праздничные дни, разъѣзды по краю, изученіе мѣстныхъ языковъ, быта, вѣрованій глубоко захватили молодого работника, не смущавшагося при этомъ самыми тяжелыми матеріальными лишеніями. Въ 1868 г. П. И. покинулъ Алтай, гдѣ устроенное имъ училище было поставлено такъ прочно, что уже могло существовать безъ него, и переѣхалъ въ Томскъ, на должность смотрителя духовнаго училища. Онъ занималъ ее пять лѣтъ и запущенное учебное заведеніе сдѣлалъ образцовымъ, изгналъ розгу и ввелъ ручной трудъ, учителей научилъ дѣйствовать на дѣтей не страхомъ, а довѣріемъ. Но и это поприще казалось ему узкимъ. „Грамотность, даваемая школой, — говорилъ онъ: — еще не образованіе, а только ключъ къ сокровищамъ знанія". А богатая Сибирь была тогда еще очень бѣдна этими сокровищами. Во всей странѣ не было ни одного книжнаго магазина, даже въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, не было общественной библіотеки. П. И. рѣшилъ заняться распространеніемъ книги и, оставивъ для этого свое училище, открылъ библіотеку, а вскорѣ (1873 г.) и книжный магазинъ. Нельзя было вѣрнѣе сознать потребности края: лѣтъ черезъ пятнадцать магазинъ насчитывалъ рядъ отдѣленій въ разныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири и имѣлъ постоянныя сношенія съ четырьмя тысячами корреспондентовъ. Изъ рѣдкаго товара книга, благодаря П. И., стала однимъ изъ самыхъ ходкихъ въ Сибири. Избранный въ 1875 г. гласнымъ томской городской думы, П. И. и на этомъ новомъ служебномъ поприщѣ занялся прежде всего своимъ любимымъ дѣломъ, обративъ вниманіе на городскія школы, и сталъ во главѣ учрежденной по его почину исполнительной училищной комиссіи. Онъ самъ работалъ и другихъ умѣлъ увлекать, — число учащихъ и учащихся стало быстро расти, школы обзавелись лучшими помѣщеніями, открылись спеціальныя библіотеки для учениковъ, педагогическій музей. Уже въ 1833 г. въ Томскѣ одинъ учащійся приходился на 35 жителей, — цифра внушительная, особливо, если принять во вниманіе, что въ Москвѣ въ 1886 г. одинъ ученикъ начальной школы приходился на 75 человѣкъ. Одна изъ городскихъ школъ недаромъ названа „Макушинской". Но П. И. мало показалось вовлечь въ

„Николай Ставрогинъ". Лиза. (Л. М. Коренева).

„Николай Ставрогинъ". Варвара Петровна. (Н. С. Бутова).

„Николай Ставрогинъ". Даша. (В. В. Барановская).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ", „Мысль" и „Хозяйка гостиницы".

По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

„Николай Ставрогинъ". Петръ Степановичъ Верховенскій. (И. Н. Берсеневъ).

школьное дѣло представителей города и профессіональныхъ работниковъ, — онъ заразилъ своей энергіей и обывателей и основалъ (1882 г.) „Общество попеченія о народномъ образованіи" и первыя десять лѣтъ безсмѣнно состоялъ его предсѣдателемъ. Не говоря о моральныхъ результатахъ дѣятельности этого учрежденія, стоитъ упомянуть, что въ свое первое двадцатилѣтіе оно собрало на дѣло народнаго образованія 200.000 руб. Затѣмъ послѣдовали безплатная общенародная библіотека, музей прикладныхъ знаній, общество содѣйствія вечернимъ общеобразовательнымъ классамъ, „Общество содѣйствія устройству сельскихъ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Томской губерніи", открывшее уже болѣе 350 библіотекъ, на которыя П. И. единолично пожертвовалъ 40.000 руб., регентскіе лѣтніе курсы для учителей народныхъ школъ, содержимые на средства П. И., и т. д., и т. д., и т. д.,—настоящій потокъ добрыхъ дѣлъ, оправдавшихъ девизъ П. И.: „ни одного неграмотнаго!"... Еще въ 1889 г. Вольное Экономическое Общество единогласно присудило П. И. „за выдающіеся и многолѣтніе труды на пользу народнаго образованія въ Сибири" рѣдкую почетную награду—большую золотую медаль.

Вѣнцомъ дѣятельности П. И. является томскій „домъ науки", народный университетъ, объ утвержденіи устава котораго хлопочетъ въ настоящее время неутомимый семидесятилѣтній старецъ, нынѣ почетный гражданинъ города Томска, который столькимъ ему обязанъ. На содержаніе народнаго университета П. И. пожертвовалъ двѣсти тысячъ рублей и выстроилъ для него спеціальное зданіе стоимостью въ сто десять тысячъ. Съ скромностью, которую мы назвали бы чрезмѣрной, въ рѣчи, произнесенной на торжествѣ открытія этого зданія, 7 октября 1912 г., П. И. назвалъ народный университетъ „ручейкомъ, проводящимъ живую воду знанія"... „По мысли учредителей, — говорилъ П. И.: — университетъ долженъ служить широкому распространенію общаго и, въ частности, высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій населенія къ наукѣ и знанію. Проектируемый университетъ, кромѣ академическаго отдѣленія, преслѣдующаго цѣли систематическаго высшаго образованія, будетъ имѣть научно-популярное отдѣленіе, которое служило бы подготовительною школою для лицъ, желающихъ получить образованіе на академическомъ отдѣленіи, но не обладающихъ къ тому достаточною подготовкою. Въ задачи этого отдѣленія должно входить сообщеніе, въ объемѣ программъ средней школы, научныхъ знаній лицамъ, которыя, по недостатку средствъ, времени и по другимъ обстоятельствамъ, не имѣли возможности въ годы юности получить среднее образованіе. Народный университетъ имѣетъ въ виду обслуживать просвѣтительныя нужды по преимуществу пасынковъ русскаго просвѣщенія, т.-е. обездоленные въ культурномъ отношеніи слои общества. Онъ идетъ навстрѣчу всѣмъ, въ комъ есть серьезное стремленіе къ знанію, но кто лишенъ возможности проходить регулярную школу... Учиться можно и должно всю жизнь отъ юности до старости. Поистинѣ, счастливы тѣ, въ комъ сохраняется эта жажда знанія. Задача народнаго университета—поддерживать и раздувать этотъ священный, животворящій огонекъ. Мы всѣ собрались здѣсь подъ знаменемъ идеи широкаго всеобщаго распространенія свѣта и знанія. Унесемъ же отсюда горячее сочувствіе къ этой идеѣ и въ частности, дѣятельное и живое сочувствіе къ возникающему въ нашемъ городѣ народному университету и постараемся зажечь это сочувствіе въ сердцахъ нашихъ знакомыхъ, отсутствующихъ здѣсь. Это будетъ актомъ проявленія нашей любви къ родинѣ, актомъ Христовой братской любви къ сидящимъ во тьмѣ".

„Николай Ставрогинъ". Лебядкинъ. (В. Ф. Грибунинъ).

„Мысль". Керженцевъ. (Л. М. Леонидовъ).

„Мысль". Савеловъ (И. Н. Берсеневъ).

„Мысль". Татьяна Николаевна. (В. В. Барановская).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ", „Мысль" и „Хозяйка гостиницы".

По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

„Хозяйка гостиницы“.
Графъ д'Альбафіорита (А. Л. Вишневскій).

Пожелаемъ старому благородному труженику до конца дней своихъ, долгіе, долгіе годы хранить, не угашая въ своемъ сердцѣ огонь дѣятельной любви къ добру, и съ прежней неутомимостью, несмотря ни на какія препятствія, служить народному просвѣщенію, исторія которого никогда не забудетъ имени П. И. Макушина. **Н. Л.**

Московскій Художественный театръ.

(Съ 13 рис. на стр. 453—455).

Московскій Художественный театръ, руководимый К. С. Станиславскимъ и В. И. Немировичемъ-Данченко, пользуется большими симпатіями у нашей театральной публики. Нечего и говорить, конечно, что слава, которую Московскій Художественный театръ пріобрѣлъ, вполнѣ имъ заслужена: рѣдко можно видѣть гдѣ-либо въ другой театральной труппѣ такую артистическую сплоченность, такой художественный ансамбль, какъ у москвичей.

Въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ москвичи привезли три новинки: „Николая Ставрогина“ (инсценировка „Бѣсовъ“ Достоевскаго), „Мысль“ Леонида Андреева и „Трактирщицу“ К. Гольдони, переименованную москвичами въ „Хозяйку гостиницы“.

Московскій Художественный театръ уже не въ первый разъ инсценируетъ Достоевскаго. Всѣмъ намъ памятна постановка на его сценѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“. На этотъ разъ москвичи взяли чуть ли не самый сложный и глубокій изъ романовъ нашего великаго психолога. „Бѣсы“, въ сущности, просто не могли бы уложиться въ сценическія рамки, даже при условіи введенія чтеца-истолкователя, какъ это было въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“: такъ сложна, пестра и многогранна фабула „Бѣсовъ“. Но въ то же время образы и типы этого романа настолько интересны, самая судьба ихъ такъ захватываетъ читателя, что становится вполнѣ понятнымъ искушеніе инсценировать и это произведеніе Достоевскаго.

Художественный театръ, впрочемъ, значительно ограничилъ самъ себя въ этой инсценировкѣ. Вмѣсто всего романа намъ показали только частичный эпизодъ его—исторію Николая Ставрогина—„Ивана Царевича“, этого страннаго аристократа-революціонера, загадочнаго въ своихъ тяготѣніяхъ и отталкиваніяхъ отъ революціонныхъ „бѣсовъ“ и таящаго въ себѣ черты своеобразнаго демонизма, за которымъ скрывается просто душевная болѣзнь. Москвичи поставили Ставрогина въ главу пьесы, окружили его наиболѣе выдающимися персонажами изъ романа и дали картину его переживаній. Но самихъ „бѣсовъ“ мы почти не увидали.

Во всякомъ случаѣ и то, что намъ дано сейчасъ, представляетъ значительный интересъ. Правда, не зная романа, не читавъ его, трудно понять сплошь все то, что происходитъ на сценѣ. Но съ этимъ приходится считаться: слѣдуетъ предположить, что зритель уже знакомъ съ романомъ „Бѣсы“. И тогда зрителю становится крайне интересно слѣдить за развертывающейся на сценѣ картиной душевныхъ переживаній Ставрогина, Лизы, Верховенскаго, Шатова и Дашеньки. Этими лицами, включая сюда еще Варвару Петровну, Верховенскаго-отца, капитана Лебядкина и несчастную хромоножку-сестру его, и ограничивается сценическій антуражъ „Николая Ставрогина“.

Лица выбраны, пожалуй, наиболѣе характерныя. Въ особенности капитанъ Лебядкинъ, хромоножка Лебядкина и старикъ Верховенскій, въ лицѣ котораго Достоевскій, какъ извѣстно, пытался изобразить одного изъ видныхъ русскихъ писателей. И лица эти превосходно изображены артистами Художественнаго театра. Они сумѣли до такой степени войти въ художественные замыслы самого Достоевскаго, что когда мы читаемъ „Бѣсовъ“, именно такими представляемъ себѣ героевъ романа, какими явились они предъ нами на сценѣ Художественнаго театра.

„Николай Ставрогинъ“ поставленъ въ Художественномъ театрѣ въ 11 картинахъ. Инсценировка начинается сценой на паперти, когда Варвара Петровна увозитъ къ себѣ домой хромоножку. Затѣмъ воспроизводится рядъ событій, вытекающихъ изъ женитьбы Ставрогина на хромоножкѣ, кошмарный романъ его съ Лизой, убійство Лебядкиныхъ въ Зарѣчьѣ и наконецъ—гибель Лизы и самого Ставрогина. Въ этихъ рамкахъ умѣщается также извѣстное жуткое посѣщеніе Ставрогина ночью Шатова и изумительный по своей внутренней силѣ разговоръ съ Шатовымъ о „народѣ-богоносцѣ“.

Мы уже говорили о типахъ. Но и обстановка и декораціи (худ. М. В. Добужинскаго) изумительно стильны и характерны. Чего стоитъ хотя бы паперть у монастыря, съ толпой богомольцевъ, съ барышнями и дамами въ костюмахъ 70-хъ годовъ, съ множествомъ мелкихъ характерныхъ подробностей... Ради одной этой картины стоитъ посмотрѣть „Ставрогина“. Далѣе, рядъ изумительныхъ interieur'овъ у Варвары Петровны, у Шатова, у Лебядкина... И какъ поразительно передано настроеніе той осенней, дождливой ночи, когда Ставрогинъ путешествуетъ по городскимъ захолустьямъ къ Шатову, къ Лебядкинымъ. Какой безпросвѣтный мракъ и невылазная грязь и холодъ осени чувствуются за стѣнами. Эти картины поистинѣ лучшія во всемъ спектаклѣ.

О постановкѣ „Мысли“ много говорилось и писалось. Отъ пьесы ждали очень многаго, потому что разсказъ Л. Андреева на ту же тему и съ тѣмъ же названіемъ пользуется заслуженной популярностью. Вѣроятно, черезчуръ повышенныя ожиданія привели къ тому, что критикѣ пьеса не особенно понравилась. И совершенно незаслуженно.

Произведенія Андреева можно любить или не любить, но съ ними всегда приходится считаться, какъ съ произведеніями яркаго и своеобразнаго таланта, у котораго все—даже ошибки—интересно и достойно вниманія. Разсказъ „Мысль“, кажется, признанъ всѣми — и врагами и друзьями Андреева: онъ слишкомъ говоритъ самъ за себя. Что касается пьесы, то въ ней есть кое-что надуманное, чувствуется тезисъ, къ которому кое-что подгоняется съ нѣкоторой долей искусственности. Но за всѣмъ тѣмъ мимо этой пьесы равнодушно пройти невозможно. И нельзя уйти съ ея представленія, не досидѣвъ до послѣдняго момента,—она захватываетъ.

Докторъ Керженцевъ живетъ въ „блестящемъ одиночествѣ“, во власти своего „царственнаго ума“, одинъ-на-одинъ съ своей гордой мыслью. Для него нѣтъ никакихъ моральныхъ запретовъ, потому что мысль побѣждаетъ все. И чувствуя свое умственное превосходство надъ людьми, зная, что ихъ можно покорить и усыпить силой своего ума и внушенія, онъ идетъ на преступленіе. Но мысль ему измѣняетъ: докторъ Керженцевъ не можетъ удержаться на скользкой грани между умомъ и безуміемъ и, воображая, что

„Хозяйка гостиницы“. Мирандолина и маркизъ ди-Форлипополи.
(О. В. Гзовская и Г. С. Бурджаловъ).

„Хозяйка гостиницы“. Фабриціо.
(Р. В. Болеславскій).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ“, „Мысль“ и „Хозяйка гостиницы“.
По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

заставить людей повѣрить въ свое мнимое сумасшествіе, оказывается дѣйствительно сумасшедшимъ. И до послѣдняго заключительнаго момента пьесы терзается страшнымъ душевнымъ раздвоеніемъ: онъ ли побѣдилъ мысль, или она его побѣдила?..

Изумительно играя Керженцева, артистъ Леонидовъ далъ такую выпуклую фигуру сильнаго человѣка, впадающаго въ трагическое безсиліе душевной болѣзни, что сумасшествіе доктора встаетъ предъ нами во всей ужасающей полнотѣ. И тѣ сцены, гдѣ сумасшествіе только еще зарождается (1-й и 2-й акты), гдѣ докторъ еще говоритъ языкомъ здравомыслящаго человѣка, производятъ особенно потрясающее впечатлѣніе. Грань между безуміемъ и здравымъ смысломъ еще не пройдена, но докторъ уже говоритъ такія пугающія вещи, что мы чувствуемъ позади его какую-то черную яму. Жуткость все нарастаетъ. Леонидовъ съ истинно-художественнымъ тактомъ оттѣняетъ это нарастаніе. И когда онъ схватываетъ прессъ-папье и идетъ убивать Савелова, крича ему: „Опусти руку, я тебя убью!"—зритель видитъ остановившійся безумный взглядъ доктора и самъ попадаетъ подъ гипнозъ этого страшнаго взгляда. И ему становится понятно, почему Савеловъ опустилъ руку, почему его жена молча стоитъ и смотритъ — и только потомъ кидается съ крикомъ къ убиваемому... Мысль на этотъ разъ какъ будто побѣдила. Но черезъ минуту она уже падаетъ, какъ подстрѣленная птица: докторъ Керженцевъ идетъ домой, хохочетъ, потираетъ отъ удовольствія руки—и вдругъ начинаетъ галлюцинировать... Онъ упалъ въ черную яму.

Весь интересъ пьесы, весь цвѣтъ ея — въ основной фигурѣ Керженцева-Леонидова. Пьесу надо смотрѣть хотя бы ради одного Леонидова. Что касается постановки и обстановки, то и здѣсь, какъ всегда и вездѣ, москвичи показали себя съ самой блестящей стороны.

Послѣ той тьмы, въ которой протекаетъ жуткая исторія доктора Керженцева, особенно ярко сіяетъ солнце Флоренціи въ веселой и незатѣйливой комедіи Гольдони „Хозяйка гостиницы". Эта комедія хорошо извѣстна петербуржцамъ: въ ней играла покойная Коммиссаржевская, въ ней же мы видѣли и интересную итальянскую артистку Тину ди-Лоренцо. Московскій Художественный театръ остановилъ свой выборъ на пьесѣ Гольдони по той же причинѣ, по какой онъ поставилъ и комедіи Мольера: какъ Мольеръ, такъ и Гольдони принадлежатъ къ классическимъ драматургамъ. Ихъ произведенія—тотъ родникъ, изъ котораго вытекаетъ вся современная драматическая литература. Настоящій, серьезный театръ никакъ не можетъ миновать этой классической литературы-родоначальницы, тѣмъ болѣе, что въ произведеніяхъ Гольдони сверкаетъ сама жизнь: Хозяйка гостиницы", какъ великолѣпная даже въ чисто техническомъ отношеніи пьеса и какъ неизсякаемый родникъ живого смѣха и милой сатиры, никогда не умретъ.

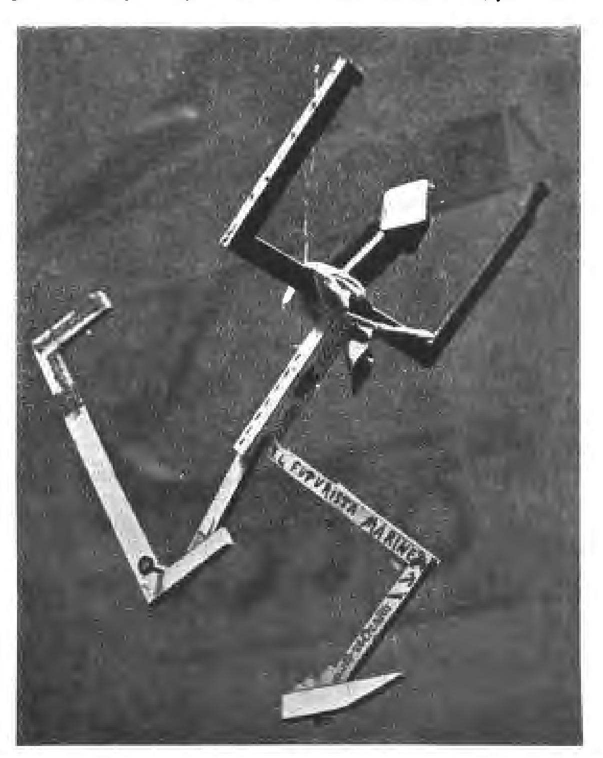
И надо видѣть, какъ много жизни вложилъ московскій театръ въ эту пьесу, и безъ того насыщенную жизнью. Какія живыя фигуры создали здѣсь Станиславскій (кавалеръ Рипарфратта—„ненавистникъ женщинъ"), Вишневскій (маркизъ Форлипополи) и Гзовская-Мирандолина, очаровательная хозяйка гостиницы, за которой взапуски ухаживаютъ и маркизъ, и графъ, и даже, въ концѣ концовъ, самъ „ненавистникъ женщинъ". Нельзя безъ смѣха видѣть это всеобщее ухаживаніе, въ результатѣ котораго Мирандолина одурачиваетъ и графовъ и кавалеровъ и объявляетъ своимъ избранникомъ Фабриціо, слугу ея гостиницы...

Москвичи-художники сумѣли вдохнуть въ пьесу такой темпераментъ, какого въ ней и не чувствуется, когда ее смотришь въ иномъ исполненіи. Въ театрѣ царилъ живой, беззаботный смѣхъ, сіяло итальянское солнце. Московскіе артисты сумѣли придать этимъ сценамъ характеръ непосредственной и милой веселости. Художественный театръ рѣшилъ здѣсь почти невыполнимую задачу: сочеталъ безшабашное итальянское буффонство съ художественнымъ тактомъ и чувствомъ мѣры. Значительно помогли въ данномъ случаѣ, конечно, изящная игра Мирандолины-Гзовской и ея грація. Гзовская и Станиславскій уже одни обезпечили бы этой пьесѣ успѣхъ. Но и всѣ остальные исполнители въ этой пьесѣ безподобны.

Нельзя не прійти въ восторгъ и отъ изумительныхъ декорацій „Хозяйки": онѣ исполнены по эскизамъ Александра Бенуа. Въ нихъ бездна колоритности и солнца, и передъ зрителями встаетъ такая дивная панорама старой Флоренціи съ голубѣющими и розовѣющими холмами Фіезоле, съ бѣлыми домами и узенькими улочками, что нельзя оторваться отъ этой красоты.

Изъ всѣхъ новыхъ постановокъ Художественнаго театра „Хозяйка гостиницы" имѣла въ Петербургѣ наибольшій успѣхъ. Это, въ общемъ, совершенно понятно: пріятнѣе видѣть на сценѣ солнце, слышать веселыя остроты и смѣхъ, чѣмъ созерцать тяжелыя картины душевнаго распада или надрыва. Но, конечно, душа московскаго театра все-таки тяготѣетъ къ Чехову, Достоевскому, Тургеневу, Андрееву. И никакой другой театръ такъ не ставилъ и не сможетъ поставить этихъ авторовъ, какъ Московскій Художественный.

Театръ идеи, театръ духа, этотъ театръ отдыхаетъ на комедіяхъ старыхъ буффоновъ, упиваясь ихъ смѣхомъ и живительнымъ темпераментомъ. Но для своего коренного зрителя, живущаго запросами духа, онъ готовитъ и ставитъ иныя пьесы, — пьесы гр. А. Толстого, Тургенева Чехова, и Андреева,—пьесы, которыми онъ началъ свое бытіе, и которыя его прославили.



Футуристская скульптура. Автопортретъ Маринетти. Наши читатели знакомы уже съ исторіей возникновенія футуризма по статьѣ А. Дейча «Въ станѣ разноголосыхъ» (въ Лит. Прил. №№ 1 и 2 1914 г.). Мы помѣщаемъ здѣсь «скульптурный портретъ» главы футуризма, изготовленный имъ самимъ изъ старыхъ коробокъ, деревянныхъ планокъ и кусковъ листового желѣза.

Новый мѣстный судъ и новыя правила веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Очеркъ **Г. Вольтке.**

(Окончаніе).

Въ порядкѣ веденія гражданскихъ дѣлъ какъ у мировыхъ судей, такъ и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ законъ 15 іюня 1912 г. внесъ слѣдующія главнѣйшія измѣненія. Установленъ новый порядокъ понудительнаго исполненія по опротестованнымъ векселямъ и нотаріальнымъ договорамъ о платежѣ денегъ вообще и за наемъ недвижимаго имущества въ частности, о возвратѣ движимаго имущества, или о сдачѣ недвижимаго имущества нанимателемъ вслѣдствіе истеченія срока найма и наконецъ по надлежаще засвидѣтельствованнымъ актамъ соглашеній между потерпѣвшимъ отъ несчастнаго случая рабочимъ или служащимъ и хозяиномъ предпріятія. Просьба о понудительномъ исполненіи подается, смотря по цѣнѣ иска, мировому судьѣ или члену окружнаго суда, назначенному для рѣшенія такихъ дѣлъ общимъ собраніемъ суда. Искъ предъявляется по мѣсту жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика, или по мѣсту совершенія исполнительныхъ дѣйствій, или по мѣсту нахожденія недвижимаго имѣнія. Просьбы эти удовлетворяются, если только обязательство, очевидно, не погашено давностью, если исполненіе направлено не противъ казеннаго управленія, и если просьба заявлена надлежащимъ истцомъ противъ надлежащаго отвѣтчика, немедленно, безъ вызова отвѣтчика, надписаніемъ резолюціи судьи на самомъ актѣ. Актъ съ резолюціей вмѣстѣ съ копіей для отвѣтчика передается судебному приставу, который назначаетъ должнику трехдневный срокъ для исполненія. Удобство этого порядка заключается въ ускореніи производства по безспорнымъ документамъ и въ лишеніи недобросовѣстнаго должника возможности затягивать окончаніе дѣла неосновательными спорами. На случай однако, если у отвѣтчика имѣются серьезныя возраженія противъ предъявленнаго требованія, законъ предоставляетъ ему право: 1) въ теченіе семи дней со дня врученія первой повѣстки объ исполненіи просить мирового судью или члена окружнаго суда, рѣшившаго дѣла, непосредственно или

Возстаніе въ Албаніи. Портъ Дураццо. На рейдѣ стоятъ австрійскія и итальянскія суда.

торые пользуются правомъ бѣдности. Они освобождены отъ обязанности вносить кассаціонный залогъ при подачѣ жалобы (десять руб. по дѣламъ мировой подсудности и 100 р. по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій). Большое облегченіе для бѣдныхъ тяжущихся дастъ новое правило

Возстаніе въ Албаніи. Князь Вильгельмъ Видъ отправляется на аванпосты противъ повстанцевъ.

черезъ судебнаго пристава, исполняющаго рѣшеніе, — о пріостановленіи понудительнаго исполненія: 2) въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня врученія копіи акта, подвергнутаго понудительному исполненію, предъявить искъ къ взыскателю для опроверженія его требованій и одновременно просить о пріостановленіи понудительнаго исполненія. Подача такой просьбы останавливаетъ, до разрѣшенія ея, выдачу взыскателю денегъ отвѣтчика, продажу описаннаго имущества, сдачу или очистку нанятаго помѣщенія или иного имущества. Просьба эта должна быть разрѣшена въ теченіе трехъ дней. Если она признана, по разсмотрѣніи возраженій отвѣтчика, не заслуживающей уваженія, распоряженіе о пріостановленіи исполненія теряетъ силу. Если же просьба уважена, то исполненіе пріостанавливается. Однако и это распоряженіе теряетъ силу, если оно не будетъ подтверждено въ теченіе мѣсяца опредѣленіемъ суда, которому долженъ быть предъявленъ искъ отвѣтчика объ освобожденіи его отъ взысканія.

Другое существенное измѣненіе порядка производства гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей заключается въ допущеніи апелляціи (жалобы по существу дѣла) даже для самыхъ мелкихъ дѣлъ, тогда какъ раньше иски на сумму менѣе 30 руб. рѣшались мировымъ судьей окончательно, и на эти рѣшенія можно было по-

Возстаніе въ Албаніи. Албанскіе жандармы и итальянскій матросъ у княжескаго дворца въ Дураццо.

Возстаніе въ Албаніи. Князь Вильгельмъ Видъ съ супругой, покинувъ дворецъ въ Дураццо, переходятъ на итальянскій крейсеръ.

давать мировому съѣзду только кассаціонныя жалобы (въ случаѣ нарушенія порядка производства или закона). Съ другой стороны, закономъ 15 іюня 1912 г. ограничено право кассаціоннаго обжалованія рѣшеній мирового съѣзда исками на сумму болѣе ста руб., такъ что по дѣламъ меньшей цѣнности жалобы Пр. Сенату приниматься не будутъ. Существенное облегченіе дано теперь тяжущимся, ко-

о допущеніи свидѣтельскихъ показаній въ подтвержденіе мелкихъ займовъ и

Возстаніе въ Албаніи. Члены международной контрольной комиссіи ведутъ переговоры съ повстанцами съ балкона дома въ деревнѣ Сіякъ.

Военный летчикъ штабсъ-капитанъ П. И. Нестеровъ, первый изъ авіаторовъ сдѣлавшій мертвую петлю и совершившій 11 мая с. г. блестящій перелетъ изъ Кіева въ Петербургъ (1.200 верстъ) въ 18 часовъ съ пассажиромъ унтеръ-офицеромъ Нелидовымъ. По фот. М. Брейткасъ.

залоговъ на сумму не свыше 30 руб. Прежде требовалось письменное обязательство, тогда какъ въ житейскомъ обиходѣ сплошь и рядомъ на такія небольшія суммы расписокъ не берутъ.

Считаясь съ отсутствіемъ въ большинствѣ мѣстностей Россіи надлежащей юридической помощи, законъ 15 іюня 1912 г. расши-

Русскіе авіаторы А. Е. Раевскій и Е. Ф. Шпицбергъ, извѣстные своими смѣлыми полетами и „мертвыми петлями“. По фот. Я. Штейнберга.

рилъ самодѣятельность суда въ гражданскихъ дѣлахъ въ цѣляхъ отысканія истины. Раньше судъ могъ рѣшать дѣло только по тѣмъ даннымъ, которыя ему представляли стороны, и не въ правѣ былъ помогать тяжущимся своими указаніями или собирать доказательства помимо заявленій сторонъ. Теперь изъ этого правила, которое сохранено, какъ основное, допущены значительныя изъятія. Мировой судья можетъ пріобщить къ производству находящіяся въ

Извѣстный французскій авіаторъ Пуаре, совершившій рядъ смѣлыхъ полетовъ надъ Комендантскимъ аэродромомъ въ Петербургѣ, въ авіаціонную недѣлю—серію непрерывныхъ „мертвыхъ петель“ очень низко надъ землей, воздушное „танго“, спускъ винтомъ, скольженіе на крылья.
По фот. Я. Штейнберга.

другихъ его дѣлахъ всякаго рода справочныя свѣдѣнія, не касающіяся существа этого дѣла, но полезныя для его разъясненія.

Мировой судья можетъ предложить тяжущемуся представить въ опредѣленный срокъ доказательства въ подтвержденіе его заявленій для рѣшенія существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Съ другой стороны, если сторона ссылается на доказательства, по закону не допускаемыя или же излишнія для разъясненія дѣла, то судъ въ правѣ устранить такія доказательства. Суду предоставлено право назначать вознагражденіе по иску о доходахъ и убыткахъ по своему справедливому усмотрѣнію, если доказать размѣръ этого вознагражденія обычными доказательствами оказывается невозможнымъ.

Принятъ новымъ закономъ и рядъ мѣръ для устраненія судебной волокиты, создаваемой недобросовѣстными тяжущимися. Такъ, мировымъ судьямъ предоставлено право вызывать публикаціями отвѣтчика, мѣсто жительства коего истцу неизвѣстно (раньше это право принадлежало только общимъ судамъ), рѣшать дѣла и, въ случаѣ неврученія повѣстки тяжущемуся, если она послана по первоначальному адресу, впослѣдствіи измѣненному, но суду не сообщенному. Рѣшеніе не считается заочнымъ, хотя бы отвѣтчикъ и не давалъ объясненій въ послѣднемъ засѣданіи, если онъ присутствовалъ въ залѣ засѣданія и отказался представить потребованныя судьей объясненія, или если онъ ранѣе принималъ какое-либо участіе въ дѣлѣ лично или черезъ повѣреннаго.

Знаменитый французскій авіаторъ Пегу, летавшій въ Петербургѣ во время авіаціонной недѣли и прославившійся своими „мертвыми петлями“, „скольженіями на хвостъ“, спускомъ внизъ головой и полетомъ (на аэродромѣ въ Москвѣ), стоя на краю аэроплана, не держась и не управляя рулемъ.
По фот. Я. Штейнберга.

Существенное значеніе въ жизни должно получить новое правило, разрѣшающее должнику внести предсѣдателю мирового съѣзда, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — въ окружный судъ деньги и другія цѣнности или документы въ исполненіе обязательства, если кредиторъ или его представитель находятся въ отсутствіи или уклоняются отъ принятія этихъ вещей. Кредиторы или его правопреемники вызываются повѣсткой или публикаціей и, по явкѣ ихъ, получаютъ внесенное должникомъ имущество по представленіи обязательства должника. Движимое имущество, внесенное должникомъ, можетъ быть, по его просьбѣ, продано

съ публичнаго торга, если оно подвержено скорой порчѣ, или если храненіе сопряжено съ значительными издержками или затрудненіями, а кредиторъ, несмотря на сдѣланное ему предупрежденіе, имущества не принимаетъ.

Соотвѣтственно расширенію предѣловъ подсудности мировыхъ судовъ по исковымъ дѣламъ расширены права ихъ и по исполненію рѣшеній. Недвижимыя имѣнія, оцѣненныя не свыше 1.000 р., продаются при мѣстномъ мировомъ съѣздѣ, а деньги, вырученныя отъ этой продажи, распредѣляются между кредиторами предсѣдателемъ мирового съѣзда, тогда какъ раньше деньги эти распредѣлялись окружнымъ судомъ, что очень замедляло полученіе ихъ. Соотвѣтственно этому расширена подсудность мировыхъ судей и по раздѣлу наслѣдства: если оно стоитъ не свыше 1.000 р., оно дѣлится мировымъ судьей.

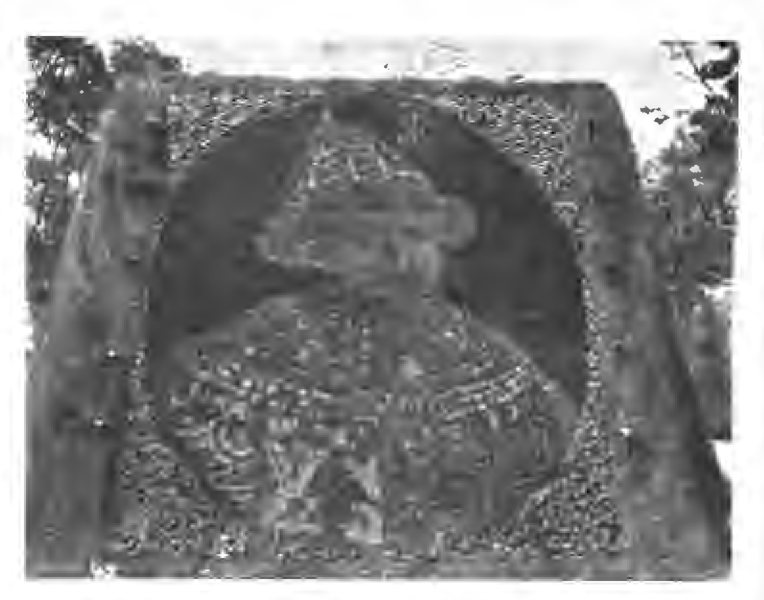
Вводъ во владѣніе всѣми вообще недвижимыми имѣніями предоставленъ теперь исключительно мировымъ судьямъ съ большимъ упрощеніемъ всей процедуры.

Въ производствѣ дѣлъ уголовныхъ также введены существенныя измѣненія.

Самое значительное—*судебные приказы*. Они установлены для ускоренія производства по маловажнымъ проступкамъ. Мировому судьѣ предоставлено право приговорить обвиняемаго къ денежному взысканію или пенѣ до 50 руб. или къ аресту до 15 дней безъ вызова обвинителя и обвиняемаго и выслушанія ихъ объясненій въ ближайшемъ судебномъ засѣданіи, но не ранѣе сутокъ по полученіи сообщенія полиціи, присутственнаго мѣста или должностного лица, если мировой судья найдетъ въ этомъ сообщеніи достаточныя, не возбуждающія сомнѣнія, доказательства обвиненія. Если обвинитель или обвиняемый явились къ объявленному, наравнѣ съ прочими дѣлами, до начала засѣданія разбору дѣла, то они допускаются къ объясненіямъ. Судебные приказы не допускаются по дѣламъ, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ, по которымъ предъявленъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступнаго дѣянія, или требуется устраненіе или исправленіе совершеннаго вопреки закону. Обвинителю и осужденному немедленно посылается копія судебнаго приказа съ поясненіемъ о правѣ просить, въ теченіе семи дней по полученіи копіи, о судебномъ разборѣ дѣла. Если же такая просьба не поступитъ, то судебный приказъ признается подлежащимъ исполненію, какъ вступившій въ законную силу приговоръ.

Для устраненія искусственной затяжки дѣла путемъ неявки (лично или черезъ защитника) къ судебному разбору, назначенному по одной лишь просьбѣ обвиняемаго, судебный приговоръ не считается заочнымъ, если обвиняемый не представилъ уважительныхъ причинъ неявки. Не считается онъ заочнымъ и въ томъ случаѣ, если обвиняемый, находившійся въ залѣ засѣданія при разборѣ дѣла, удалился до его окончанія.

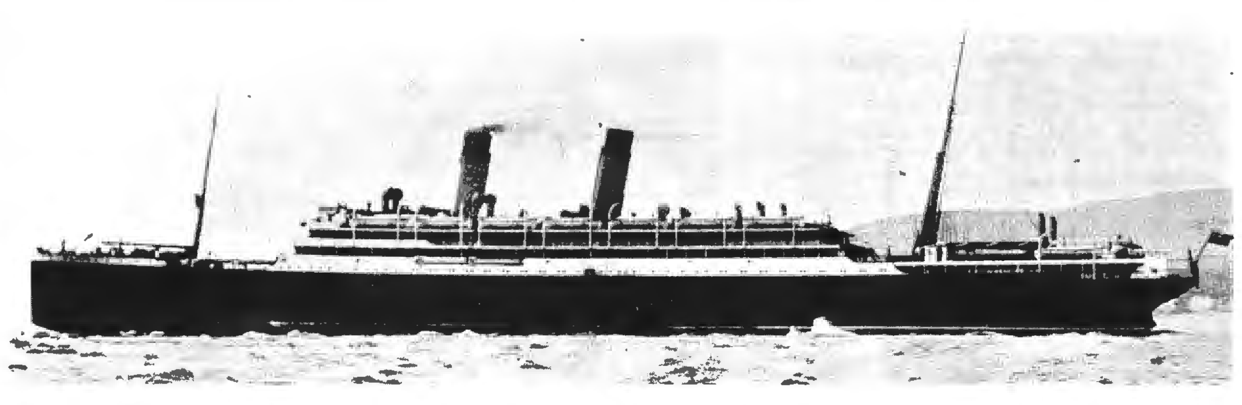
Срокъ для подачи отзыва на заочный приговоръ (просьба о новомъ разсмотрѣніи дѣла мировымъ судьей, вслѣдствіе невозможности явиться къ первому засѣданію по уважительной причинѣ) сокращенъ съ двухъ недѣль до семи дней. Новое разсмотрѣніе не производится, если мировой судья признаетъ причину неявки неуважительной. Въ такомъ случаѣ обвиняемый можетъ принести лишь апелляціонную жалобу въ съѣздъ; если же срокъ изъ-за подачи отзыва уже пропущенъ, или до истеченія срока осталось менѣе трехъ дней, мировой судья долженъ продолжить срокъ для обжалованія еще на три дня со дня полученія извѣщенія объ оставленіи отзыва безъ послѣдствій.



Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Изображеніе царя Михаила Θеодоровича, сдѣланное изъ цвѣтовъ художникомъ-садоводомъ Бежановымъ (изъ Москвы). По фот. К. Булла.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Павильонъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. По фот. К. Булла.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Экспонаты Императорской Таврической оранжереи и бельгійскаго садоводства Биръ и Анкерсмитъ въ Гентѣ (Бельгія). По фот. К. Булла.



Пароходъ Канадской линіи „Императрица Ирландіи", погибшій при столкновеніи съ угольнымъ судномъ въ устьѣ рѣки св. Лаврентія у береговъ Канады. На пароходѣ погибло свыше 1.000 человѣкъ.

Такъ же, какъ и по гражданскимъ дѣламъ, расширена самодѣятельность суда для отысканія истины независимо отъ воли сторонъ.

Такъ, мировому съѣзду предоставлено право вызвать новыхъ свидѣтелей, а также свидѣтелей, въ допросѣ которыхъ мировой судья отказалъ, или передопросить уже допрошенныхъ имъ свидѣтелей, хотя бы стороны о томъ и не ходатайствовали. Отмѣнено запрещеніе суду разрѣшать дѣла, которыя могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ, по какимъ-либо даннымъ, не указаннымъ сторонами. Мировому съѣзду предоставлено право, независимо отъ указаній сторонъ, возстановить нарушенную подсудность или освободить обвиняемаго отъ отвѣтственности, если онъ осужденъ за такое дѣяніе, которое по закону не наказуемо, или измѣнить наказаніе, если обвиняемый присужденъ мировымъ судьей къ такому наказанію, которое закономъ за судимое дѣяніе не назначено.

Законъ 15 іюня 1912 г. освободилъ и по уголовнымъ дѣламъ лицъ, за коими признано право бѣдности, отъ внесенія кассаціоннаго залога.

Существенное значеніе имѣютъ правила, установленныя новымъ закономъ для устраненія излишнихъ стѣсненій свободы обвиняемаго. Лица, задержанныя полиціей въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ это дозволяетъ (при совершеніи преступнаго дѣянія и непредставленіи удостовѣренія о своей личности и мѣстѣ жительства или при наличности опасенія, что обвиняемый, которому грозитъ тюремное заключеніе, скроется до суда или уничтожитъ слѣды преступленія), должны быть въ теченіе 24 часовъ послѣ задержанія или освобождены, или приведены къ мировому судьѣ, а если это невозможно по дальности разстоянія отъ мѣста постояннаго пребыванія мирового судьи, то срокъ этотъ увеличивается на время, необходимое по мѣстнымъ условіямъ для привода задержаннаго къ мировому судьѣ. Послѣ привода обвиняемаго мировой судья обязанъ въ теченіе 24 часовъ допросить его и, соотвѣтственно результатамъ допроса, или освободить задержаннаго, или составить постановленіе о дальнѣйшемъ его задержаніи.

Мировой судья получилъ право прекратить всякое уголовное дѣло даже и безъ выслушанія объясненій сторонъ, если онъ усмотритъ, что въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ признаковъ преступнаго дѣянія, увѣдомивъ лишь обвинителя въ этомъ случаѣ о своемъ постановленіи. Дѣло прекращается безъ постановленія приговора и въ томъ случаѣ, если обвиняемый внесетъ могущее причитаться съ него по закону денежное взысканіе или пеню въ высшемъ размѣрѣ и судебныя издержки, а также удовлетворитъ заявленный потерпѣвшимъ гражданскій искъ. Приводъ неявившагося по вызову обвиняемаго разрѣшается теперь лишь въ томъ случаѣ, если не представлены уважительныя причины неявки. Прежде обвиняемый не имѣлъ права отлучаться изъ города или участка, гдѣ производится дѣло, безъ разрѣшенія мирового судьи. Закономъ о преобразованіи мѣстнаго суда это правило отмѣнено: обвиняемый долженъ только увѣдомлять судью о всякой перемѣнѣ своего мѣста жительства.

Очень гуманная мѣра установлена новымъ закономъ по отношенію къ арестованнымъ обвиняемымъ. По ихъ просьбѣ, мировой судья обязанъ предписать полиціи о принятіи первоначальныхъ мѣръ по охранѣ ихъ имущества и попеченію объ оставшихся безъ надзора малолѣтнихъ дѣтяхъ обвиняемаго. Новый законъ допускаетъ также и отсрочку исполненія приговора о лишеніи свободы по особо уважительнымъ семейнымъ, хозяйственнымъ и т. п. обстоятельствамъ до ихъ минованія.

Закономъ 26 іюня 1913 г. постановлено ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1914 г. законъ 15 іюня 1912 г. въ полномъ объемѣ въ десяти губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической. Съ 1 января 1915 г. законъ этотъ предположено ввести въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ въ слѣдующихъ десяти губерніяхъ: Витебской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Воронежской, Орловской и Тамбовской и въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Саратовѣ и Астрахани.

Къ рисункамъ.

Всѣ воспроизводимые въ настоящемъ № „Нивы" рисунки взяты съ послѣдней выставки Акварелистовъ. Какъ всегда, среди нихъ встрѣчаемъ много пейзажей; такъ, напримѣръ, колоритные пейзажи А. Бенуа *„Морской берегъ въ деревнѣ Бобыльской"* и *„Въ паркѣ санаторіи Рауха"*, затѣмъ противоположныя по настроенію, но одинаково изящныя акварели А. Орлова *„Весной повѣяло"* и Е. Дюккеръ *„Осенью"* и наконецъ—полный сосредоточенной молчаливости пейзажъ Р. Берггольца *„Тишина"*.

Отдали акварелисты дань и жанру. Много движенія и живыхъ типовъ въ акварели В. Навозова *„Гулянье"*: праздничная толпа около карусели, лавочки, незатѣйливый балаганъ—все играетъ яркими и свѣжими красками... Много жизни и въ сценкѣ И. Владимірова: *„Не переѣхать!"*. Трудно перебраться черезъ залитую весеннимъ разливомъ гать, и смущенно остановились и люди и лошади передъ неожиданнымъ препятствіемъ... Почти въ такомъ же затрудненіи оказался и *„Рыбакъ въ Финскомъ заливѣ"* (Н. Химона): ему тоже приходится брести по водѣ, таща по мели тяжелую рыбачью ладью.

„На базаръ" И. Мацкевича—типичное женское лицо изъ простонародья, очень выразительное. А въ мягкой дымкѣ окружающаго зимняго пейзажа чувствуется раннее холодное утро.

Изъ остальныхъ акварелей обращаютъ на себя вниманіе красиво написанный intérieur Е. В. Князя Игоря Константиновича *„Внутренній видъ церкви Павловскаго дворца"* и *„Портретъ г-жи Озеровой"* работы Е. Лазарева.

Содержаніе.

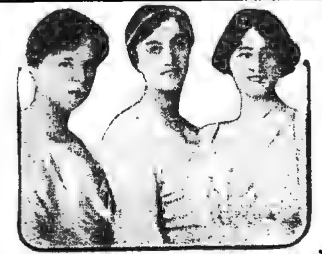
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за іюнь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за іюнь 1914 г. съ 28 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 69 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Не переношу водочнаго и виннаго запаха.

Симъ удостовѣряю, что я принималъ „Ситровинъ-Эмбрей“ и вполнѣ излѣчился отъ пьянства, даже не переношу водочнаго запаха, за что большое Вамъ спасибо. Всѣмъ своимъ товарищамъ рекомендую „Ситровинъ-Эмбрей“, но только настоящій. Онъ стоитъ въ аптекѣ очень дешево. Съ почтеніемъ къ Вамъ Г. А. Кастеринъ. Новозыбковъ. На каждой коробкѣ настоящаго Ситровина имѣется наклейка: „Издѣліе лабораторіи К. В. Эмбрей“. Остерегайтесь поддѣлокъ.



ОБЪ УХОДѢ ЗА КРАСОТОЙ.

„Замѣтили ли Вы въ послѣднее время какія-либо улучшенія въ цвѣтѣ лица знакомыхъ Вамъ дамъ?“ — такъ спросилъ меня недавно одинъ господинъ изъ высшаго общества. Тысячи женщинъ примѣняютъ теперь новый методъ всасыванія. Дѣло очень просто: онѣ идутъ въ ближайшую аптеку и покупаютъ приблизительно 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ и накладываютъ его нѣсколько ночей такимъ же образомъ, какъ и кольдъ-кремъ. Вы тогда замѣтите, что ихъ изношенный цвѣтъ лица постепенно всасывается и освобождаетъ молодой слой, находящійся непосредственно подъ нимъ. Вслѣдствіе этого, лицо становится моложе и красивѣе, а такъ какъ этотъ способъ очень простъ, дешевъ и успѣшенъ, онъ очень подходитъ для улучшенія потрескавшихся, жесткихъ и покраснѣвшихъ рукъ. Новый методъ все болѣе укореняется. Говорятъ, что можно лицо сохранить постоянно выглядящимъ юнымъ, если примѣнять вышеуказанный способъ.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка.

3029

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, **во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ.** *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT**, Ph[ien] 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

МОЛОДОСТЬ

достигается отъ употребленія

МЫЛА „КОНЕКЪ“
Цѣна куска 50 коп.

КРЕМЪ „КОНЕКЪ“
Изъ молока лиліи. Туба 40 коп.

ПУДРА „КОНЕКЪ“
Изъ молока лиліи. Ц. за короб. 1 р.

Юный и нѣжный цвѣтъ кожи лица и рукъ достигается вѣрно и быстро.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Содержитъ избытокъ жира нѣжна, держится хорошо на кожѣ, выгодна въ употребленіи, представл. собою среди другихъ косметич. препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку **Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ.**

Главный складъ для Россіи:
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Малая Конюшен. № 10.

БЫСТРЫЙ ПОДЪЕМЪ СИЛЪ и ДУХА ПОТОМУ ОСВѢЖЕНІЕ ВСЕГО ОРГАНИЗМА
УСПОКОЕНІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ
ВОЗБУЖДЕНІЕ АППЕТИТА. УЛУЧШЕНІЕ ПИЩЕВАРЕНІЯ
ВСЕ ЭТО ДАЕТЪ **ГЕМАТОГЕНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ**
ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАР. МАГАЗИНАХЪ. ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-РА ГОММЕЛЯ
ЛИТЕРАТУРА И БРОШЮРЫ СЪ ОТЗЫВАМИ ВРАЧЕЙ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Заводъ ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ. СПБ. Смоленская, 33

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

Адресъ: (29)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

KALODONT

Необходимый Зубной Кремъ и Эликсиръ
Сохраняетъ зубы бѣлыми, чистыми и здоровыми
Требовать вездѣ.

ЗДОРОВЬЕ СИЛА

Вино Віаль

(VIN DE VIAL)

Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести

СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ, дѣтей и стариковъ

Продажа во всѣхъ аптекахъ.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Основанъ въ 1875 г. Въ 1913 учебн. году 1689 слушат. (290 русскихъ).

Polytechn. Institut Strelitz in Meckl.

Политехническій Институтъ Стрелицъ въ Мекленб.
(2 часа отъ Берлина.)

Отдѣленіе А для архитект., инженер. механ., электр., строит., желѣзн. конструкц., желѣзобетон. сооруж., отопл. и вентиляц., газоваго производ., водоснабж. и межевыхъ.
Отдѣленіе В для техниковъ тѣхъ-же спеціальн.

Условія пріема:
- на планъ А: VI кл. реальн. уч., гимназ. или др. уч. завед.
- на планъ В: IV кл. реальн. уч., гимназ. или др. уч. завед.

Для иностранц. спеціальн. курс. нѣмец. языка. Начала механ. и статики по-нѣмец. въ связи съ русск. — Лабораторіи. Подробн. русск. програм. безплат. высыл. секретаріатъ.

КНЕЙППСКІЙ СОЛОДОВЫЙ КОФЕ КАТРЕЙНЕРА

САМЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ НАПИТОКЪ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
ЗАВОДЫ ВЪ РИГѢ.

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ

Мнимая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнять свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопрождается множеств. пояснительн. и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художествен. комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіеся къ области искусства.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ Издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ.

Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. налож. платеж. 2 р. 20 к.

Подробн. проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Издательское Т-во „БЛАГО“.
С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.
2900 **НУЖНЫ АГЕНТЫ.** 3-2

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы“. № 2. „Украинскія сказки“. Цѣна каждой книги 30 к., съ перес. 40 к.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ
2914 **ВЪ ГАЗЕТЫ?** 50-5
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ“, отд. 3.

ЗАИКАНІЕ

излѣчив. **радикально** патентов. в Россіи, Бельг., Франц., Венгріи аппаратом. Пров. М. Вагнер, СПБ., Пантелейм., 11, брош. безп.

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. **ЗЕМСКЕРУ.** Тел. 223-14. 2293

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** (Испанія).
2999 15-2

ФОТОгр. снимки парижск. красавицъ для **любителей**; новый каталогъ на 1914 годъ съ подробн. описан. серіи высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр. **М. ЛИПМАНОВИЧЪ,**
2996 Лодзь 5, ящ. **526.** 3-2

Фотографич. снимк., подобно нашим по исполненію, не получите **ни у кого!!** Роскошн. каталог с **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаем **только по полученім 95 коп.** почтов. рус. марк. Корресп. на русск. яз. **Charles**
3-2 **Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A 29.** 2978

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. БЕЗСЛѢДНО въ 1—2 недѣли МОИМЪ безвредн. ДОМАШНИМЪ средст. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11,**
3039 **кв. 9—3. Марія Е. Чурбанова.** 2-1

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ.

2979 **Всѣ разныя.** 5-3

135. Голландія и колоніи.	Р. 2.75
100. Французскія колоніи.	„ 1.40
100. Португальскія колоніи	„ 2.—
30. Сіамъ	„ 1.60
60. Бразилія	„ 2.30
1000. Всего міра	„ 6.20

высылаются франко по полученіи почтов. перевода. Рекомендуется всѣмъ коллекціонерамъ требовать безплатную высылку иллюстрир. газеты и прейсъ-кур.
M. Z. Booleman. Rokin 54. **Amsterdam.**

Конторскую **скоропись**, рондо, готикъ обучаю **заочно** каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы

БУХГАЛТЕРІИ

2849 (существуютъ съ 1894 г.) 10-3

скоро и основательно выуч. всякій лично и посредст. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія высыл. безплатно.
А. П. БОБЫРЬ, Кіевъ.

2950 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-2

БУХГАЛТЕРІИ

И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ
Условія и пробн. лекція безплатно. Адресъ:
Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.

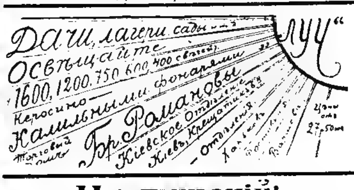
ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ **АРТИСАЛЬ**

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и
18-14 лучш. апт. магаз. 2563

ЛИКВИДАЦІЯ ДЕПО ОТКРЫТОКЪ

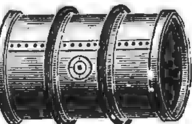
100 разныхъ откр. писемъ за **95 коп.**

художествен. Третьяк. галлер. виды, ландшафты и пр. Высыл. налож. плат. безъ задатка. За пересыл. и упак. присчит. 40 к. При выпискѣ 300 шт. и болѣе перес. за нашъ счетъ. Адрес.: **В. ФРИДМАНУ,**
3035 **г. Лодзь 11, Каменная, 9.** 15-1



Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.**
Москва, **Мясницкая**, Кривоколѣнный, 3.
(40) Прейсъ-курантъ безплатно. 27005

2313 8-5

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ!

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ (открытки остаются безъ отвѣта), и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ, ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Лит.—26.**

РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОѢЗДКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ И ОТДЫХА.

Черезъ Фіуме въ Далмацію.
Черезъ Фіуме въ Венецію и Анкону.
Черезъ Фіуме въ Албанію и Грецію.
Всюду спокойное и пріятное морское путешествіе на первокласcн. и комфортабельныхъ пароходахъ.

2654 **Справки въ Агентствахъ Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ.** 12-6

Венгерско-Кроацкое пароходное общество въ Фіуме; Австрія.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей и живописно-художественнаго письма, готовыя и на заказъ, можно пріобрѣсти въ иконной лавкѣ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской Иконописи. СПБ., Надеждинская, 27. Тел. 201-29. Прейсъ-курантъ по первому требованію
2899 высылается безплатно. 4-3

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористъ. шрифт **Цѣна** съ перес 1 р 50 к.

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арием. **Ц. 40 к.** съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ. Невскій. 92— 3.

ФИЛИКОНЪ

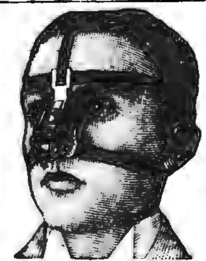
ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., ГОРОХОВАЯ, 9.

2971 23-3

ГРАММОФОНЫ

Замѣч. чистота и ясность звука
Безшумный ходъ — Точная конструкція
Дешевыя цѣны — Изящныя модели

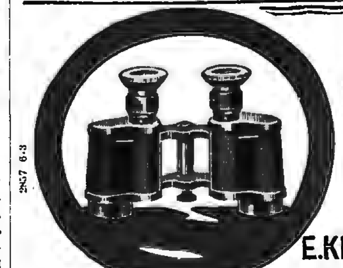
Нашъ новый каталогъ № 21 высылается безплатно. Требуйте на 4 к. открыткѣ:
Континентальному Экспортному О-ву
П. ЭРФУРТЪ и Ко. БЕРЛИНЪ, 30. 7024



До употребл. Послѣ употреол.

НОСОВОЙ ФОРМОВЩИКЪ!

Фотогр. снимокъ новаго **„Целло“, модель № 16.** Этотъ геніально конструированный аппаратъ исправляетъ всякую форму носа (за исключ. костныхъ недостатк.). Горячо рекомендованъ между проч. **корол. надворнымъ совѣтникомъ профес. мед. фонъ-Экъ.** Цѣна **2 р. 70 к.**, съ точнымъ регуляторомъ — **5 р.**, такого же съ каучукомъ — **7 р.** Высыл. налож. плат. До сихъ поръ разослано 60.000 штукъ. Закажите, указывая недостатокъ, непосредственно **спеціалисту: Л. М. Багинскій**
2849 **въ Ригѣ 45, Романовская ул., № 29.** Отдѣленія въ Берлинѣ и Лондонѣ. (4)



2857 6-3

БИНОКЛИ КРАУСА

ПОЛЕВЫЕ и ТЕАТРАЛЬНЫЕ
КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО
Е. КРАУСЪ - ул. ГОГОЛЯ 5 - С.ПЕТЕРБУРГЪ

ОЖИРѢНІЕ И ЕГО ЛѢЧЕНІЕ.

Характерной чертой ожирѣнія является чрезмѣрное нагроможденіе жира въ тканяхъ, который мѣшаетъ исправному функціонированію органовъ, является источникомъ тягостныхъ ощущеній для больного и постоянно грозитъ цѣлости здоровья.

Наблюденіе показываетъ, что женщины чаще заболѣваютъ ожирѣніемъ, чѣмъ мужчины, вслѣдствіе большей наклонности женскаго пола къ этому страданію, зависящей отъ спеціальной особенности ихъ организма.

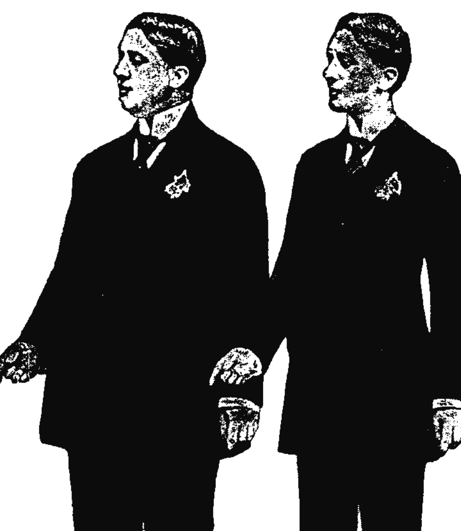
Съ другой стороны, ожирѣніе не представляетъ рѣдкости и среди дѣтей, у которыхъ оно иногда достигаетъ значительнаго развитія.

Лѣченіе ожирѣнія дало поводъ опыту создать цѣлую массу способовъ лѣченія этого страданія, по большей части лишенныхъ научнаго основанія и потому совершенно непригодныхъ, которые сдѣлались богатымъ источникомъ, откуда щедрой рукой черпало шарлатанство всякаго рода. Въ виду этого при выборѣ средства въ данномъ случаѣ необходимо быть крайне осторожнымъ.

Необыкновенно важнымъ является требованіе, чтобы лѣченіе ожирѣнія было ведено постепенно и осторожно: потеря 5 до 7 фунтовъ въ мѣсяцъ, наблюдаемая въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, должна вполнѣ удовлетворить больного. Такая постепенная потеря вѣса является болѣе прочной, чѣмъ быстрое его паденіе. Поэтому-то послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія необходимо прекратить его на 12 дней и только послѣ окончанія этого перерыва приступить къ лѣченію вновь.

Среди многихъ средствъ, примѣняемыхъ противъ ожирѣнія, особенно достойнымъ вниманія является вполнѣ безопасное для человѣческаго организма и дѣйствующее вѣрно, которое въ теченіе своего шестилѣтняго примѣненія позволило убѣдиться прописывающимъ его врачамъ въ его полной цѣлесообразности: **Іодиринъ Д-ра Дэшана (Iodhirin du D-r Deschamp)** является тѣмъ именно средствомъ, о которомъ мы въ данномъ случаѣ упоминаемъ.

Іодиринъ увеличиваетъ количество выдѣляющейся желчи, усиливаетъ обмѣнъ веществъ и на самомъ дѣлѣ возрождаетъ организмъ, сообщая ему вновь потерянную энергію и живость движеній, представляющихъ теперь рѣзкую противоположность съ прежней сонливостью и тяжестью движеній. Больной начинаетъ чувствовать себя болѣе сильнымъ, обладаетъ большей энергіей и дѣлается способнѣе къ болѣе значительному и продолжительному напряженію силъ; походка его становится болѣе живой, больной менѣе потѣетъ, перестаетъ быть сонливымъ, лучше переваривает пищу, благодаря чему спитъ превосходно.



Результатъ 3-мѣсячнаго лѣченія Іодириномъ Д-ра Дэшана.

Основываясь на шестилѣтнемъ опытѣ самыхъ выдающихся врачей міра, мы имѣемъ полное право увѣрить, что примѣненіе Іодирина противъ ожирѣнія представляетъ единственно раціональный способъ лѣченія этого страданія, способъ, вполнѣ безопасный для организма больного и основанный на данныхъ науки.

Тысячи благодарственныхъ писемъ, постоянно получаемыхъ Д-ромъ Дэшаномъ, составляютъ настоящую „Золотую книгу Іодирина". Упомянутыя письма тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они присылаются по собственной иниціативѣ больныхъ, вслѣдствіе чего могутъ быть объявляемы только съ разрѣшенія автора.

Іодиринъ Д-ра Дэшана не только является специфическимъ средствомъ противъ ожирѣнія, но и противодѣйствующимъ развитію этого страданія у артритиковъ, подагриковъ, у страдающихъ ревматизмомъ, малокровіемъ, у женщинъ, приближающихся къ періоду мэнопаузы (прекращенія регулъ) и т. п., словомъ, у всѣхъ, которымъ въ скоромъ времени угрожаетъ ожирѣніе. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ не слѣдуетъ слишкомъ опаздывать лѣченіемъ, такъ какъ такое опаздываніе влечетъ за собой нѣкоторыя неудобства и нерѣдко становится опаснымъ для организма.

Emile Gautier,
докладчикъ по научной части парижскаго журнала „Le Journal".

Іодиринъ Д-ра Дэшана находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ по цѣнѣ **4 р. 25 к.** за коробку, вмѣщающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При коробкѣ приложено подробное описаніе со способомъ употребленія на русскомъ языкѣ. 2383 4-3

Генеральное представительство на Россію:
Торгов. Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко, Варшава, Журавья, 40.

Названіе „Альсъ" имѣется на каждой пилюлѣ

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащія исключительно растительныя вещества и не вызывающія никогда ни коликъ, ни поносовъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.
2349 9-9

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

BRIEFMARKENSAMMLER!
Verlangt **gratis** meine grosse illustrierte Preisliste № 14. Correspondz. deutch, englisch, französisch,
CARL KREITZ, Königswinter, 4, Deutschld 2757

ХОДИ ПРЯМО!
2163 **НЕ СГОРБИВШИСЬ!** 13-11

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

ЕСЛИ ВАСЪ ИНТЕРЕСУЕТЪ

ВЫГОДНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ КАПИТАЛА

и земельная собственность на берегахъ Волги,

обратитесь въ Управленіе новой дачной мѣстности и курорта на **Волгѣ**

„БАРБАШИНА—ПОЛЯНА".

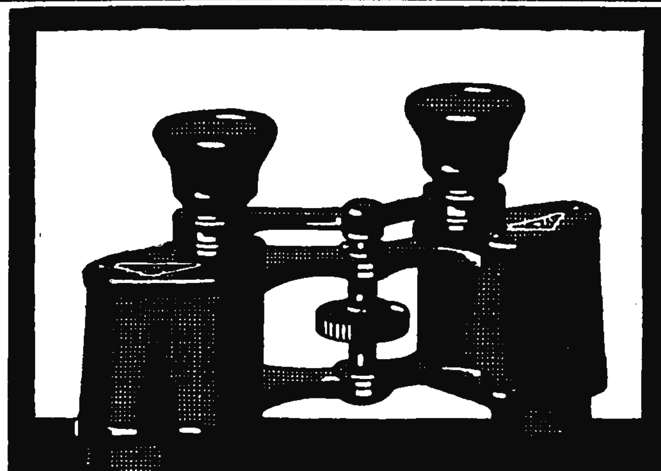
Тел. 421-22. С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., 80. Тел. 538-36.

При самой незначительной матеріальной затратѣ Вы можете на выгодныхъ для Васъ условіяхъ при широкой и льготной разсрочкѣ платежа пріобрѣсти въ полную собственность на чудномъ берегу Волги близъ г. Самары участокъ земли и на такихъ же условіяхъ выстроить на немъ домъ, дачу и службы не только для лѣтняго отдыха, но и для постояннаго жительства. Климатическія, природныя и другія условія новой дачной мѣстности и курорта **„Барбашина-Поляна"**, гдѣ уже въ настоящее время имѣются электрическое освѣщеніе, телефонъ, водопроводъ, гостиница, ресторанъ, театръ, яхтъ-клубъ, аптека, общественный паркъ, купальни и проч., гарантируютъ громадный успѣхъ этой будущей

„РУССКОЙ РИВЬЕРѢ НА ВОЛГѢ",

гдѣ черезъ 2—3 года цѣны на землю несомнѣнно утроятся. Выборъ участка не требуетъ поѣздки на мѣсто и можетъ быть сдѣланъ по плану безъ всякаго риска войти въ невыгодную сдѣлку, такъ какъ задаточныя и другія суммы за пріобрѣтенные заочно участки во всякое время могутъ быть возвращены покупщику обратно. 3034

Проспекты и планы мѣстности и дачъ выдаются и высылаются по первому требованію БЕЗПЛАТНО.



GOERZ

БИНОКЛИ „ТРІЕДЕРЪ"

увеличенныя поле зрѣнія свѣтосила и рельефность

имѣются во всѣхъ оптическихъ магазинахъ.
Прейсъ-куранты высылаются безвозмездно

ОПТ. ЗАВ. К. П. ГЕРЦЪ АКЦ. ОБЩ.
БЕРЛИНЪ-ФРИДЕНАУ
ПАРИЖЪ ЛОНДОНЪ ВѢНА НЬЮ-ІОРКЪ

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 24.
Выданъ 14 іюня 1914 г.

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 13.

3037

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА, ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!

10 шт. 10 коп.

Османъ

А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К°

С.-П.-Б.

3114 2-1

Торговый Домъ **К. ЛОРЕНЦЪ и К°**, Москва, Мясницкая, 22—42

предлагаетъ въ РАЗСРОЧКУ:

Фотограф. отдѣлъ:

фото-ГРАФИЧЕСК. аппараты, объективы, призменн. бинокли и проч. лучшихъ моделей.

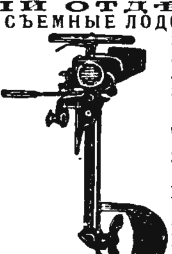
Полный прейсъ-курантъ и условіе продажи за 21 коп. марками, краткій **безплатно.** 3057 3-1

ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Самоходные токарные Станки Англійскіе для любителей и точныхъ работъ.

Требуйте проспектъ п. г. и условіе продажи **безплатно.**

СЪЕМНЫЕ ЛОДОЧНЫЕ МОТОРЫ



новѣйш. конструкціи. **„Кобан"** 2-хъ цилиндров. уравновѣшанн. 3 дѣствит. лош. силы. **„Макъ"** 2½ дѣйствит. лош. силы. Зажигъ батарейный и отъ магнето. Цѣны отъ 220—300 рублей. Проспектъ „М" и условіе продажи высылается безплатно.

3004 6-2

Все для фотографіи! Поступили новѣйшія модели лучш. англійск., герм. и франц. фабрикъ. Продажа въ розницу по **фабричн. цѣнамъ.** Нашъ 35 лѣтній опытъ по фотографіи даетъ гг. кліентамъ возможность безукоризн. исполненія ихъ порученій.

О-во Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ

Риттерштрассе № 50, соб. домъ (Германія).

Каталогъ № 26 безплатно.

2776 **Первоклассныя іодо-бромистыя купанья.** 4-4

Старѣйшій и цѣлебнѣйшій іодистый источникъ Европы. Сезонъ съ 1 мая по 1 октября. Свѣдѣнія и проспекты высыл. дирекція правительств. лѣчебн. завед. въ купаньи Галль. Санаторія д-ра фонъ-Герстеля открыта круглый годъ.

2303 12-2

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

2921 18-7

2687 4-4

ВСЯКАЯ ДАМА можетъ имѣть ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

12-10 1902

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку **„БЕЛЛА-ФОРМА"**, прилагая 14 коп. марками на почтов. расходы и мы Вамъ вышлемъ таковую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.

и самое совершенное самопитающееся перо. Не течетъ и не брызгаетъ; служитъ вѣчно. Золотой наконечникъ удобенъ для каждой руки.

Продается повсюду въ писчебумажныхъ и ювелирныхъ магазинахъ.

Л. и К. Гартмутъ, Лимитедъ,

ЛОНДОНЪ, АНГЛІЯ. 2167 2-2

старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечных марки, только что вышедшая книга „Цѣлительные силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2138 12-6

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 24 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА**, 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній**, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 14 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 13.**

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

(Продолженіе).

Въ большой комнатѣ они сѣли за столикъ; тамъ было еще нѣсколько такихъ же столиковъ, занятыхъ молодежью; пили, шумѣли и курили.

Онъ сразу развеселился, пересталъ думать о себѣ, смѣялся, оглядывался и смотрѣлъ на Мари восхищенными и благодарными глазами; онъ больше не боялся смотрѣть на нее такъ откровенно и не слѣдилъ за собой, потому что она все время глядѣла куда-то въ сторону.

Но вдругъ онъ хлопнулъ себя по лбу: — она видѣла его! Все время видѣла его, это она въ зеркало смотрѣла такъ внимательно, она туда смотрѣла, и какое нелѣпое лицо его она разсматривала тамъ, какая неосторожность...

Она сразу повернулась къ нему и начала смѣяться — и въ послѣднюю минуту она видѣла лицо его, его послѣднюю и самую глупую мину.

— Я знаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь.

— Не знаете.

— Надо мной.

Жерменъ куда-то ушла, и въ это время за сосѣднимъ столомъ зашумѣли, тамъ поднялся какой-то споръ... И всѣ обернулись туда съ жаднымъ любопытствомъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Тогда онъ положилъ руку на руку Мари. Она чуть вздрогнула, и рука ея двинулась отъ него, а потомъ осталась, и онъ задержалъ ее подъ своей рукой, и только тогда, когда шумъ за сосѣднимъ столомъ смолкъ, и всѣ обратно повернули головы, Мари убрала свою руку. Но она сдѣлала это нерѣшительно, тихо и извиняясь и какъ будто бы объясняя ему, почему она это сдѣлала.

Р. Берггольцъ. Albogasio на Lago di Lugano. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Онъ взялъ какое-то печенье, которое подали имъ, приложилъ его къ своимъ губамъ и такъ разсѣянно держалъ его, все еще жадно смотря на нее. И вдругъ онъ обрадовался: она сдѣлала то же. И она приложила къ своимъ губамъ печенье, и это былъ— точно неразсказанный, невидимый никому поцѣлуй среди чужихъ людей, тайный обмѣнъ, посланная ему ласка,—ласка губъ ея, на которыя онъ смотрѣлъ, не отрываясь, и тамъ онъ читалъ неясное желаніе, и ему казалось, что она смотрѣла на его губы, и въ глазахъ ея было то же неясное желаніе. Такъ странно—онъ чувствовалъ, какъ будто бы, въ свой чередъ, его губы краснѣли, молодѣли, становились свѣжими и зовущими, такъ непонятно она возбуждала въ немъ жизнь.

— M-lle Мари, я не могу сказать вамъ, какъ я благодаренъ вамъ.

— За что?

Но онъ сразу не могъ найти нужныхъ ему словъ и нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Я благодаренъ вамъ за то, что я радъ сегодня, и вчера я былъ радъ, и всѣ дни, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ. Нѣтъ, если бы вы только могли это себѣ представить, хотя это немножко и смѣшно. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я кажусь себѣ полнымъ силъ, глубокихъ мыслей и разныхъ, еще невысказанныхъ, возможностей. Представьте себѣ, что я уже нѣсколько дней радуюсь самъ себѣ; если бы вы знали, какъ давно уже не было этого со мной.

— Ну, а за что же вы мнѣ благодарны?

— Это все вы, это все приходитъ ко мнѣ отъ васъ. Это съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, m-lle Мари.

И послѣ этого она наклонила свою голову, и щеки ея порозовѣли. Но онъ видѣлъ также, какъ передъ этимъ метнулись ея глаза на него, съ какой остротой и блескомъ они метнулись и спрятались. Она поняла его слова и не отъ смущенія и робости опустила голову — она только не хотѣла, чтобы онъ видѣлъ ея лицо съ полураскрытыми алыми губами и съ ея побѣдоносными глазами. Вотъ почему она опустила голову.

Но тутъ подошелъ къ нимъ Альфредъ. Онъ властно, слишкомъ близко и развязно наклонился надъ нею — онъ былъ богатъ и красивъ, этотъ черный парень. И сейчасъ же онъ началъ надъ нею смѣяться, намекая на что-то, какими-то полусловами, полуфразами, которыя онъ говорилъ ей тихо на ухо; рука его была на ея плечѣ, и щеки ихъ почти касались. Но она отстранялась отъ него.

— Ты сегодня совсѣмъ, какъ роза, ты... Такъ ты съ чего-то красива сегодня, что я не утерпѣлъ и подошелъ къ тебѣ.

— Оставь меня, Альфредъ.

— Сегодня ты хочешь, чтобы я тебя оставилъ? Почему же сегодня?

— Я всегда хотѣла этого.

— Я оставлю тебя, конечно, оставлю. Ахъ, что у тебя сегодня за прическа, если бы ты знала! Не прическа, а цвѣтокъ, нужно только сверху вставить стебель, чтобы онъ торчалъ до потолка. Ну, и прическа! Вотъ такъ прическа...

Лицо ея померкло, и когда Борисъ увидѣлъ это, онъ сказалъ Альфреду, чтобы прекратить эту сцену, которая его мучила:

— Присядьте съ нами. Я хотѣлъ бы угостить васъ стаканомъ хорошаго вина. Хотите?

Но Альфредъ только мелькомъ взглянулъ на него и не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ разговаривать съ Мари, не обращая на него никакого вниманія—вѣдь это былъ только бродячій рабочій, который смѣетъ навязывать свои приглашенія, это былъ никто для него.

И онъ все насмѣхался надъ Мари, дразнилъ ее на разныя манеры, а когда на глазахъ ея показались слезы, онъ небрежно повернулся и ушелъ.

Борисъ былъ чѣмъ-то обиженъ, не на него,—а на Мари; ему не было жаль ея, хотя лицо ея и сдѣлалось печальнымъ. Поэтому онъ тоже сталъ шутить надъ нею. Онъ говорилъ, что ей нужно уйти отъ него и пересѣсть къ Альфреду; что она неравнодушна къ нему,—ну, конечно, неравнодушна,—это же каждому ясно съ перваго взгляда: что онъ даже что-то мелькомъ объ этомъ слышалъ, когда пріѣхалъ.

Мари сначала слушала его, стараясь улыбаться. Но онъ шутилъ такъ много, такъ неумѣренно много и долго, мысль объ этой любви такъ ясно трогала его и такъ очевидно раздражала, она стала ему такой до отвращенія и униженія вѣроятной, что лицо его больше не было въ его власти, оно сдѣлалось напряженнымъ, неискреннимъ и озлобленнымъ. И онъ все шутилъ свои придуманныя шутки.

Тогда и она вдругъ загорѣлась озлобленіемъ.

— Перестаньте!—рѣзко сказала она, сжимая губы.—Я не хочу. Замолчите, пожалуйста.

За сосѣднимъ столомъ Альфредъ разсказывалъ парнямъ что-то веселое и забавное. Они поминутно хохотали, откидываясь на спинки стульевъ. Нѣкоторые изъ нихъ при этомъ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ сидѣли Борисъ съ Мари.

Лицо ея темнѣло все больше и больше—почему? Почему ея губы стали дрожать, и что-то прошло надъ бровями, отчего ея лицо совсѣмъ запылало гнѣвомъ?

— Вы понимаетъ ихъ, что они говорятъ? Вы понимаете?— злобно спросила она.

— Нѣтъ, я не все понимаю,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.—Они говорятъ на мѣстномъ говорѣ, это такъ трудно для меня.

— Они говорятъ, что вы бродяга, что васъ никто не знаетъ, что вы въ нищетѣ,—понимаете? Они говорятъ, что одинъ крестьянинъ видѣлъ васъ утромъ въ тотъ день, какъ вы пришли, когда вы спали оборванный у края дороги...

— Что же они еще говорятъ?—спросилъ онъ, и жилы на его лбу стали явственно надуваться.—Что же еще?

Тогда она крикнула ему почти со слезами:

— Они говорятъ, что хорошая дѣвушка не должна сидѣть съ такими, какъ вы! Развѣ они могутъ сказать о комъ-нибудь эти слова, кромѣ какъ о васъ!

Онъ круто повернулся и пошелъ туда, гдѣ сидѣли парни. Проходя мимо, онъ толкнулъ ихъ столъ; бутылка съ виномъ закачалась, упала и пролилась. Всѣ вскочили на ноги, началась ссора и шумъ, его окружили со всѣхъ сторонъ и яростно кричали ему въ лицо одно оскорбленіе за другимъ.

— Эй, проходимецъ, какъ ты смѣлъ разбить нашу бутылку! Кто заплатитъ за нее? Эй, ты, нищій!.. Кто?

Онъ бросилъ имъ франкъ на столъ потомъ бросилъ еще одинъ:

— Я плачу еще одну бутылку...

Но въ общемъ шумѣ ничего нельзя было разобрать, безполезно было говорить что-нибудь, потому что никто никого не слушалъ. Хозяинъ кафе ворвался въ самую середину этой свалки.

— Я не допущу скандала!—кричалъ онъ.—Прекратить! Сейчасъ же прекратить!

И всѣ мало-по-малу смолкли.

Тогда Борисъ сказалъ имъ:

— Вы напрасно здѣсь такъ дурно говорили обо мнѣ, когда я сидѣлъ съ моей дамой. Я долженъ былъ сдѣлать что-нибудь, чтобы вы замолчали наконецъ.

Онъ оглянулся кругомъ, но Мари уже не было. Можетъ-быть, она не видѣла всего этого и ушла раньше?

Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ безобразнымъ шумомъ, который произвелъ, и отошелъ въ сторону. На душѣ его было отчаяніе.

Потомъ онъ сѣлъ за отдѣльный столикъ и заказалъ себѣ бутылку дорогого вина; онъ не зналъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это,—но онъ заказалъ себѣ вино въ пять франковъ—половина денегъ, которыя у него были. Онъ быстро выпилъ его и опять всталъ, не въ силахъ оставаться на мѣстѣ—съ такой тоской онъ думалъ обо всемъ, что случилось. Вино только возбуждало его и обостряло его чувство.

Послѣ минуты колебанія онъ снова вернулся въ танцовальную залу. Тамъ Мари танцовала съ кѣмъ-то и смѣялась, смѣялась, сверкая зубами подъ свѣтомъ лампъ.

Онъ увидѣлъ Жерменъ и сѣлъ съ нею рядомъ. Онъ началъ говорить ей одну любезную фразу за другой, наклонялся близко къ ней, заглядывая въ глаза, старался выдумать что-нибудь интересное для нея и тоже смѣялся,—онъ старался дѣлать это какъ только возможно громче.

Жерменъ иногда взглядывала на него и охотно хохотала, вздрагивая высокой грудью. Она разгорѣлась отъ жары и

танцевъ и сидѣла вся томная, въ какомъ-то безмятежномъ довольствѣ и радости. Время отъ времени они танцовали, и онъ снова садился рядомъ съ нею: кавалеръ ея, Марсель, много пилъ въ этотъ вечеръ и исчезъ куда-то очень рано.

Но вотъ танцовала Мари совсѣмъ близко отъ нихъ, дуновеніе отъ нея налетало и окутывало его всего, на мгновеніе онъ въ него погружался и пьянѣлъ. Тогда онъ сжималъ руки, чтобы не видѣли, какъ онѣ дрожатъ... Зачѣмъ она въ третій разъ проходитъ мимо, въ третій разъ кружитъ его голову?

И онъ съ жаромъ обращался къ своей дамѣ, онъ все больше и больше ухаживалъ за нею у всѣхъ на глазахъ,—нѣтъ, онъ былъ влюбленъ въ нее; положительно, онъ былъ влюбленъ въ нее...

И вотъ Мари прошла мимо нихъ еще разъ. Какъ она нахмурила свои брови, какъ она презрительно сдвинула ихъ...

Нѣтъ, онъ любилъ не свою даму, а нахмуренныя брови. И Боже мой, какое презрѣніе, какъ сверкаютъ глаза, какое отвращеніе на устахъ... Вотъ этому отвращенію онъ радъ,—да, онъ радъ ему, онъ страшно радъ ему...

И онъ утопаетъ въ шумѣ и сумбурѣ бала, въ стукѣ башмаковъ и въ вихряхъ душнаго воздуха. Возрастаетъ всеобщее опьяненіе, всѣ пьютъ гдѣ-то, приходятъ, уходятъ, танцуютъ дико и быстро, пока не задыхаются, пока не падаютъ въ усталости на скамьи, и снова встаютъ и снова падаютъ.

И трудно уже понять, что кругомъ совершается.

Онъ ушелъ изъ кафе очень поздно, когда тамъ почти никого уже не оставалось. Уходя, онъ купилъ себѣ еще одну бутылку вина и сѣлъ съ нею у воротъ своего дома. Была полная ночь и тишина вокругъ; играла луна черными отливами въ его бутылкѣ, изъ которой онъ отпивалъ глотокъ время отъ времени.

И. Мацкевичъ. Въ морозный день.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И вдругъ онъ усталъ среди этого молчанія, душа его разомъ поникла. Какъ онъ измученъ жизнью, какое отчаяніе, и какая жалостная улыбка кривила его губы. Все это —только забава и средство провести время; не все ли равно, какъ проводить его? Здѣсь или тамъ, или гдѣ-нибудь? Или, можетъ-быть, лучше вообще остановить это время для себя разъ и навсегда, какъ останавливаютъ стрѣлку часовъ, чтобы она больше не двигалась? Или, можетъ-быть, нужно просто отвернуться отъ жизни, лечь и лежать, пока не умрешь, ждать этого часъ за часомъ и день за днемъ, терпѣливо и неподвижно?

Потомъ онъ сталъ думать о текучести, обманѣ, недостижимости и безсиліи любви. Зачѣмъ она, если она не можетъ измѣнить жизни, если она приходитъ и уходитъ мгновенно, если она лжетъ, если послѣ нея остается отвращеніе?.. И долго думалъ объ этомъ.

Онъ услышалъ скрипъ ступеней на лѣстницѣ въ домѣ, ниже и ниже, все слышнѣе. Это она спустилась изъ своей комнаты внизъ, вышла во дворъ и взглянула на улицу.

Онъ вздрогнулъ, когда звякнула калитка рядомъ съ нимъ.

— Вы еще не спите?—успѣлъ онъ спросить Мари, но она не отвѣтила. Она почти сейчасъ же скрылась обратно во дворъ, онъ слышалъ ее тамъ.

И онъ подумалъ объ этомъ: „Зачѣмъ она спустилась внизъ? Она бы должна быть давно въ постели, спать спокойнымъ сномъ, потому что завтра работа“. Но вотъ она спустилась внизъ. Она какъ будто улыбнулась ему, выглянувъ изъ калитки, онъ это мелькомъ видѣлъ при лунѣ, и когда онъ сказалъ ей свои слова, она посмотрѣла на него. Можетъ-быть, она только затѣмъ и спустилась, чтобы онъ заговорилъ съ нею, можетъ-быть, она хочетъ ему что-нибудь сказать...

И онъ вошелъ сейчасъ же въ калитку; въ кладовой у дома онъ увидѣлъ свѣтъ. Тамъ была Мари. Онъ подошелъ почти къ самой двери. Мари сейчасъ же заговорила, не оглядываясь на него. Она спустилась потому, что у нея былъ порѣзанъ палецъ; да, она искала внизу что-нибудь, чтобы промыть и обвязать его; она только-что искала тутъ что-нибудь подходящее; она для этого переставила всѣ банки въ кладовой, но она ничего не нашла. Какъ жаль!

Тутъ она обернулась и вдругъ улыбнулась ему:

— Можетъ-быть, мой палецъ излѣчится просто потому, что я переставила такъ много банокъ, такъ много пыли на всемъ этомъ... Можетъ-быть, отъ этого онъ и излѣчится. Вы не думаете?

И она опять улыбнулась ему, точно хотѣла извиниться, задобрить и приласкать его.

А онъ стоялъ, не двигаясь. Можно тысячу разъ думать обо всемъ—и о томъ, что палецъ у нея порѣзанъ, но все-таки — зачѣмъ она спустилась?

Онъ сразу вошелъ въ кладовую, гдѣ была она, и они остались одни, совсѣмъ близко другъ къ другу. Какъ она стала громко дышать, когда они остались одни,—казалось, что ея дыханіе наполняетъ маленькую комнату. Онъ задыхался и старался не захватывать воздухъ слишкомъ сильно, и ничего, ничего не могъ придумать, что бы сказать ей. А она все трогала и переставляла какія-то ненужныя банки, наклонялась иногда, и въ это мгновеніе онъ слышалъ шелестъ ея подымающейся груди, въ которомъ больше не было тайны и не было силъ скрываться дольше.

Онъ что-то сказалъ, несвязное и непонятное, она взглянула, отвернулась—глаза у ней были робкіе, испуганные... Она на мгновеніе широко раскрыла ихъ и потомъ ихъ опустила, онъ больше не видѣлъ ихъ влажной чистоты...

Онъ подошелъ къ ней вплоть и обнялъ ее. Она слегка вскрикнула, тѣло ея задрожало, и талія ея отстранилась... Но онъ не отнялъ своей руки, онъ медленно и все сильнѣе и сильнѣе прижималъ къ себѣ ея дрожащее тѣло, и оно все уступало ему, все уступало—и вдругъ совсѣмъ покорилось, переставъ сопротивляться. Теперь оно было въ его рукахъ, гибкое и послушное его усиліямъ, оно прислонилось къ нему съ довѣріемъ и робостью.

— Ты—радость и прелесть моей жизни!.. Зачѣмъ ты мучила меня?—сказалъ онъ ей на ухо.—Зачѣмъ? Зачѣмъ? Нѣтъ, ты не будешь, ты никогда не будешь... Ты больше никогда не сдѣлаешь.

Но вдругъ вверху у матери стукнули, она рванулась отъ него

и исчезла, какъ видѣніе: онъ слышалъ шелестъ ея платья дальше и дальше, пока все не смолкло.

— Ты больше никогда не сдѣлаешь...—еще разъ шепталъ онъ, задыхаясь.

Но уже никого не было вблизи него.

Утромъ онъ проснулся въ радости, полный весь непонятнаго блаженства, несознанныхъ, несказанныхъ самому себѣ воспоминаній: они гдѣ-то въ глубинѣ его существа таились и распространяли оттуда тихое, неясное колебаніе, въ которомъ качалась душа его, какъ въ танцѣ. Что чувствуетъ оно теперь, ея быстрое сердце, послѣ того, какъ оно такъ близко билось отъ его сердца, когда все раскрыто, все ясно, послѣ всего, что между ними случилось?

И онъ думалъ о себѣ: „Я ничего не сказалъ ей вчера, ни одного слова, но я краснорѣчивъ на своемъ родномъ языкѣ, если бы знала она... Я бы могъ придумать ей ласкающія, чудесныя слова на моемъ языкѣ, шипучія, какъ вино: я бы разсказывалъ ей безъ конца все, что видѣлъ въ жизни, и забавлялъ бы ее долгіе часы: я бы заставилъ ее смѣяться, откинувъ голову назадъ, полной грудью, пока двѣ маленькихъ слезы не показались бы на ея глазахъ отъ смѣха: тогда я вдругъ вспомнилъ бы что-нибудь, трогающее сердце, и разсказалъ бы ей о немъ тихо и медленно, и тогда ея глаза начали бы меркнуть все больше и больше и стали бы устремляться печально вдаль, и снова я заставилъ бы ее смѣяться... Ахъ, какъ я радовался бы этой власти надъ нею: я разложилъ бы всѣ богатства моей души—все, что есть въ ней красиваго, хорошаго, любимаго мной, и я бы тихо улыбался при этомъ. Но это невозможно для меня,—нѣтъ, это невозможно! Я не знаю такъ хорошо ея языка, слова ея языка не рождаются въ моемъ сердцѣ — они приходятъ ко мнѣ извнѣ, они падаютъ, какъ мертвыя птицы, всякій разъ, какъ я хочу послать ихъ, чтобы они летѣли къ ней. Нѣтъ, это для меня невозможно“.

И. Куликовъ. Деревенская дѣвушка.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И отъ этихъ мыслей ему сдѣлалось грустно.

Когда онъ утромъ вышелъ изъ комнаты пить свое кофе, одѣтый совсѣмъ, чтобы итти на работу, онъ встрѣтилъ маленькую Луизу.

Она звонко болтала ему о томъ и о семъ, о своихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о вчерашнемъ балѣ.

— А гдѣ же m-lle Мари? — спросилъ онъ ее.

Въ отвѣтъ она засмѣялась съ хитрымъ видомъ:

— Ахъ, Мари... Ну, сегодня она не скоро покажется, она мечтаетъ. Будьте увѣрены, что она не скоро покажется...

— Но о чемъ же она мечтаетъ? — спросилъ онъ и съ испугомъ подумалъ, что кто-нибудь могъ ихъ видѣть вчера въ кладовой и разсказать объ этомъ.

— Ну, о чемъ же мечтаетъ? — спросилъ онъ растерянно.

— О чемъ? Конечно, объ Альфредѣ.

— Почему?

— Потому что вчера я видѣла ихъ, какъ они цѣловались тихонько отъ всѣхъ... Ахъ, они не видѣли меня, а я видѣла, какъ Альфредъ обнималъ ее... Она говорила ему: — „Оставь...“ А онъ все обнималъ ее.

— Гдѣ?

— Во время бала, они вышли на улицу и обнялись, я видѣла...

И глаза Луизы стали еще хитрѣе.

— Правда, monsieur Борисъ, она теперь должна бы мечтать объ этомъ? Я думаю, что она мечтаетъ... Я бы мечтала на ея мѣстѣ объ этомъ.

Но въ это время вошла Мари. Она вошла къ нимъ, и на лицѣ у нея была увѣренность. Она такъ улыбнулась ему, подавая руку, такъ счастливо посмотрѣла и отвела свои глаза. Теперь, въ этотъ день, она чувствовала, что завладѣла имъ, и это ее радовало. Онъ былъ покоренъ, онъ былъ въ ея власти—зачѣмъ? Зачѣмъ она добивалась этого?

Онъ даже вздрогнулъ отъ радости, и веселый холодокъ пошелъ у его сердца, какія-то нѣжныя слова совсѣмъ просились съ его языка. Но вдругъ онъ взглянулъ на ея прическу, — увидѣлъ ее и сразу разсердился, гнѣвъ вдругъ залилъ его лицо: прическа у нея была другая.

— Зачѣмъ вы причесались такъ? Нѣтъ, вы скажите, зачѣмъ вы измѣнили вашу прическу? Это онъ вчера говорилъ вамъ, я же слышалъ.

— Кто — онъ?

— Альфредъ.

— Какіе пустяки!

Но онъ уже не владѣлъ собой.

— Луиза, возьми эти деньги и купи мнѣ табаку, тогда я дамъ тебѣ маленькую монетку...

И они остались одни.

Онъ смотрѣлъ на нее со злобой и пренебреженіемъ.

— Есть у меня одна маленькая исторія,—исторія съ рукой Альфреда, и обнималъ ли онъ васъ, и какъ вы цѣловались?.. Я уже слышалъ объ этомъ веселые разговоры и сколько я думалъ о нихъ... Правда ли это? Но мнѣ со всѣхъ сторонъ повторяли одно и то же.

— Кто?

— Всѣ. Ну, конечно, всѣ.

— Неправда! — крикнула она и сразу распрямилась передъ нимъ, холодно и высокомѣрно.

А онъ все повторялъ одно и то же:

— Нѣтъ, рука Альфреда, и обнималъ ли онъ васъ? Нѣтъ, мы оставимъ другіе разговоры, потому что они мнѣ неинтересны. Нѣтъ, разскажите-ка мнѣ объ этой рукѣ, которая обнимала васъ...

И въ отвѣтъ она твердила упорно два только слова:

— Неправда! Неправда! Ложь!

Онъ вдругъ грубо схватилъ ее за руки и сказалъ ей съ отвращеніемъ:

— Вы уже лжете мнѣ, уже на второй день вы начали мнѣ лгать.

Тогда она оттолкнула его съ силой отъ себя, отстранилась и стала въ дальній уголъ.

— Уходите... откуда вы пришли! Какъ вы смѣете! Уходите въ эти двери сейчасъ же! Уходите навсегда! Слышите!

И вдругъ онъ понялъ, что совершилось нѣчто непоправимое. — „Уходите отсюда сейчасъ же, навсегда!..“ Она ничего не придумала другого, ея сердце ничего не подсказало ей, и ея голосъ не дрогнулъ, чтобы сказать ему эти слова, она еще при этомъ рукой указала ему на дверь,— да, на дверь, чтобы онъ вышелъ черезъ нее навсегда... И это привело его въ ярость.

Онъ заговорилъ, запинаясь и спѣша, онъ уже больше не разсчитывалъ своихъ словъ. Онъ говорилъ ей, какъ ее всѣ обнимали на этомъ отвратительномъ балу, какъ ея щеки горѣли, какъ блестѣли глаза, какъ ея грудь подымалась для всѣхъ этихъ людей, какъ она для всѣхъ улыбалась... Нѣтъ, въ цѣлую вѣчность она не пойметъ, что̀ она дѣлала, что̀ тогда совершалось. Она не можетъ представить самоё себя, вообразить себя на минуту, — нѣтъ, она тогда неспособна была сдѣлать это. Ахъ, если бы она была способна сдѣлать это... Она тогда сейчасъ же подошла бы къ зеркалу, чтобы по крайней мѣрѣ собрать свои волосы, потому что они у нея до отвращенія распустились въ тотъ вечеръ; она бы это сдѣлала немедленно, такъ было непріятно смотрѣть на нее... Но она этого не сдѣлала.

Н. Подберескій. Павловскій дворецъ весной. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И онъ еще долго говорилъ ей все въ этомъ родѣ, одну фразу за другой, все злѣе и обиднѣе, пока она не ушла отъ него, и онъ не зналъ, почему она не сдѣлала этого раньше.

Какое безмѣрное отвращеніе. Груба ко всему на свѣтѣ любовь. Приходитъ онъ къ ней съ ненужной для нея любовью, и она говоритъ ему безъ жалости и пощады: „Уходи, откуда ты пришелъ! Ну, уходи же скорѣе, потому что ты мнѣ наскучилъ“. И онъ уходитъ, согнувшись, въ ея двери, и видъ его не вызываетъ въ ней сожалѣнія. „Уходи! Ну!“ И у двери ждетъ другой.

Нѣтъ, не нужно, все равно...

И такая усталость и безразличіе охватываютъ его при мысли обо всемъ этомъ.

На другой день она уѣхала; ея не было три дня, она гостила у какой-то тетки.

И. Владиміровъ. У водопоя. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И когда она вернулась, онъ почувствовалъ боль и ревность при взглядѣ на нее. Нѣтъ, чтобы такъ измѣниться въ нѣсколько дней, стать совсѣмъ другой! Откуда же снизошло на нее нѣчто, что такъ измѣнило ее, гдѣ она взяла новый блескъ своихъ глазъ, гдѣ она нашла въ три дня какъ будто бы нѣсколько лѣтъ, чтобы стать старше и еще прекраснѣе?

И вотъ — когда она вернулась, она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія, она шутила съ другими и нарочно позволяла имъ разныя маленькія вольности; она постоянно вспоминала объ Альфредѣ, говорила о немъ съ воодушевленіемъ и при всякомъ случаѣ хвалила его; она устроила такъ, что больше не работала съ Борисомъ—онъ работалъ теперь съ Жермень.

— Вы не устали, m-lle Жермень?— спрашивалъ онъ ее ласково.

Тогда она распрямлялась и тоже ласково смотрѣла на него:

— Нѣтъ, я не устала, m-r Борисъ.

— Я очень счастливъ, что мы немножко подружились съ вами, — говорилъ онъ черезъ минуту.—Я такъ счастливъ отъ этого. Вы чудесная дѣвушка, m-lle Жермень, и я никогда не встрѣчалъ такой, какъ вы.

М. Балунинъ. Зима въ деревнѣ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Она смотрѣла мечтательно вдаль, слушая его слова, и онъ говорилъ ей все горячѣе съ каждымъ днемъ. Онъ такъ волновался въ эти дни, лицо его часто горѣло отъ горя и негодованія, но онъ старался выразить на немъ наслажденіе минутой, порывомъ, случайно найденной любовью. И иногда онъ поворачивался въ ту сторону, гдѣ была Мари. Нѣтъ, удивительно, какая она некрасивая сегодня: положительно, лицо ея не нравилось ему. Никогда онъ не думалъ, что оно можетъ быть такимъ вялымъ, такимъ невыражающимъ ничего, такимъ лишеннымъ всякой прелести. Нѣтъ, лучше бы она не показывалась ему сегодня, было бы лучше для нея. Ужъ лучше бы ея совсѣмъ не видѣть.

Но какъ она взглядывала иногда въ его сторону среди своей дешевой болтовни со всѣми!

„О, я теперь знаю твои высокомѣрные глаза,—говорилъ онъ себѣ: — они дѣлаются холодными, какъ горный камень, когда я разговариваю съ другой женщиной, они останавливаютъ на ней свой взглядъ и измѣряютъ ее всю, съ головы до ногъ. Но мнѣ все равно, рѣшительно все равно... Я пою и работаю, я вотъ болтаю здѣсь съ другой дѣвушкой, которая нравится мнѣ... А остальное меня не касается“.

Но проходилъ день, наступалъ вечеръ, работа кончалась, и вмѣстѣ съ нею кончалась дѣловая суета, исчезало множество мыслей, которыми онъ занималъ себя. Поднявшись къ себѣ наверхъ, онъ оставался одинъ.

Боже мой, какая боль,—отчего? Оттого, что она не смотрѣла на него сегодня; оттого, что она смѣялась съ другими, садилась отъ него далеко; оттого, что ея взгляды скользили по его лицу, не останавливаясь и съ презрѣніемъ, когда онъ встрѣчалъ ихъ— отъ этого?

„Нѣтъ, зачѣмъ ты меня заставляешь страдать такъ, если ты не хочешь, чтобы я страдалъ?—думалъ онъ.—Но ты по другой причинѣ поступаешь такъ — у тебя, должно-быть, чудесное сердце, и ты не заставила бы меня страдать напрасно. Ты просто забыла обо мнѣ съ ними, со всѣми этими людьми, забыла о моемъ существованіи, о томъ, что я живу вмѣстѣ съ тобой; твои улыбки обратились къ другимъ, и твои прекрасные глаза отвернулись отъ меня. Я теряю тебя въ этотъ день, каждый день все больше, ты удаляешься все дальше, какъ чужая и неизвѣстная мнѣ. Остановись!“—думалъ онъ...

И силы его падали въ вечернемъ одиночествѣ, онъ склонялся и принижался самъ передъ собой.

„Кто я? И кто всѣ другіе? — думалъ онъ. — Нѣтъ разницы. Все такъ ужасающе все равно. Такое всеобщее уравненіе“.

Обнималъ ли Альфредъ ее? Ко-

Н. Уконинъ. Въ Павловскомъ паркѣ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

А. Юдинъ. Сестры. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

бивая, и, не оглядываясь на обломки—все итти.

Онъ содрогался въ удивленіи и думалъ безъ конца: онъ былъ одинокъ у себя наверху.

И онъ думалъ еще:

„Нѣтъ, если бы я хотѣлъ писать о любви — я писалъ бы о дикихъ звѣряхъ, о крови, о горячей крови, которая пролилась, и еще — о бѣшеной собакѣ. Писалъ бы о томъ, что любовь и мучительство любимаго своего—неразлучны; писалъ бы еще о томъ, что ея собственное кроткое сердце имѣетъ когти, чтобы терзать того, кто любитъ...“

И проходили долгія минуты.

О униженіе, униженіе!..

Онъ цѣлыми часами мечталъ о томъ, чтобы случилось какое-нибудь несчастье, ужасная катастрофа, и чтобы онъ вдругъ явился спасителемъ для нея, мечталъ о томъ, чтобы разбиться, сломать для нея себѣ ногу, быть изувѣченнымъ навѣки и погибнуть. Все это онъ мечталъ сдѣлать для нея.

Но катастрофы не случилось.

И проходили дни за днями въ работѣ.

Иногда онъ мелькомъ видѣлъ Мари дома,—когда собирался уходить на работу. Онъ смотрѣлъ на нее, когда она садилась гдѣ-нибудь на окно, и не могла замѣтить, что онъ смотритъ на нее. Тогда она такъ напоминала ему какую-нибудь лѣсную птицу. Она оглядывалась вокругъ, поворачивая головой,—на небо, на поля, на людей и на дома, жмурила брови и снова смотрѣла куда-нибудь въ другую сторону. И глазъ ея сбоку казался чернымъ, какъ у птицы, и остро-блестящимъ, а все ея тѣло—готовымъ сейчасъ улетѣть.

Однажды онъ встрѣтилъ ее неодѣтой. Это вышло такъ: однажды утромъ онъ быстро спустился внизъ съ лѣстницы и неожиданно увидѣлъ ее—она перебѣгала отъ сестры въ свою комнату

нечно, обнималъ, обнималъ, обнималъ!.. Какая отвратительная тоска!

Опять сегодня Луиза встрѣтила его: она старалась остаться съ нимъ какъ можно дольше и все придумывала разныя дѣла и предлоги, чтобы не уходить.

Онъ ласкалъ ее:

— Маленькая, и ты, еще нераскрытый цвѣтокъ,—и ты тянешься къ тому же солнцу; скрытая въ немъ необъяснимая сила подымаетъ тебя, какъ тянетъ она въ лѣсу стебель къ свѣту, и вотъ ты тянешься, тянешься ко мнѣ—совсѣмъ какъ стебель...

Тайны жизни, тайны жизни. Таинственная любовь. Ему все казалось недавно, что это онъ творилъ чудеса и былъ волшебникомъ; что это его глаза походили на двѣ чарующія флейты, вызывающія ея улыбку своимъ взглядомъ, владѣющія властно ея душой. Да, это онъ еще недавно былъ волшебникомъ. И вотъ теперь — это не его, это ея власть, это ея глаза—и вотъ онъ готовъ упасть на землю передъ ними, если они прикажутъ, и по волѣ ихъ губы его искажаются отъ боли, и по ихъ же волѣ онѣ радостно дышатъ, и по ихъ же волѣ подымаются его руки, чтобы схватиться за волосы въ минуту отчаянія. Таинственна любовь. Прошли надъ нимъ немногіе часы, и онъ узналъ ее, еще и еще разъ узналъ ее.

Онъ снова узналъ, что значитъ любить. Это значитъ — итти въ странномъ снѣ, съ огнемъ въ глазахъ, наталкиваться на все по пути, ранить себя и не замѣчать, мучить свое тѣло жестокими мученіями — и все итти и итти съ устремленными впередъ горящими глазами, шагать черезъ всѣ вещи міра, роняя ихъ и раз-

Н. Уконинъ. Ясный день. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Ѳ. Сычковъ. На базарѣ весной. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

и была въ одномъ только лифѣ. Боже мой, какая она была тоненькая и гибкая!

Она только сказала ему тихо:

— Не входите, пожалуйста...

Но вѣдь онъ уже вошелъ и растерянно остановился на порогѣ.

Тогда она вдругъ закрыла лицо руками и бросилась изъ коридора; она крѣпко ударилась о косякъ двери, пробѣгая, и на мгновеніе остановилась... А потомъ убѣжала. И онъ видѣлъ ее, видѣлъ. Боже мой, какая она была тоненькая, какая она легкая! Нѣтъ, какая легкая. Развѣ это возможно, чтобы она была такая легкая?.. И онъ схватился за голову.

Дойти до того, какъ онъ, — чтобы любить всѣ вещи, которыя принадлежатъ ей, до которыхъ она касалась, обожать звукъ ея голоса, шаговъ, обожать тѣ часы, въ которые онъ видѣлъ ее, дни, когда она сказала ему что-нибудь безъ гнѣва, и отмѣчать эти дни старательно, какъ школьникъ въ своей книжкѣ... Еще такъ недавно казалось ему, что онъ могъ бы любить только раскрытую, властную, побѣдоносную красоту. И вотъ онъ любить тоненькую дѣвочку съ невинными глазами, неловкую и неумѣлую. И онъ говорилъ теперь себѣ, что это—глубокая его любовь—единственное, данное ему судьбой восхищеніе, единственное преклоненіе, вызывающее на его уста самыя чудесныя человѣческія слова, и ни одно изъ этихъ словъ не кажется ему слишкомъ красивымъ.

— Жерменъ, — говоритъ онъ каждый день въ поляхъ своей подругѣ по работѣ: — я люблю тебя, моя дорогая, я тебя люблю...

И губы его кривятся при этомъ, и на лицѣ неразсказанная мука.

— Я тоже тебя люблю.—отвѣчаетъ она простодушно.

— Но за что же, Жерменъ? За что ты любишь меня?

— За то, что ты добръ ко мнѣ.

И она глубоко вздыхаетъ съ радостью.

— Я тебя люблю,—повторяетъ она.

А онъ смѣется тихо и неслышно, — про себя, содрогаясь грудью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина**.

(Окончаніе).

XV.

— Барыня, а барыня! — услышала Ольга Карповна спросонья голосъ няньки и лѣниво открыла глаза.—Письмо!

— Что же ты будишь изъ-за пустяковъ?—раздражительно сказала она, беря конвертъ съ крупнымъ напечатаннымъ бланкомъ.

— Человѣкъ пришелъ со службы барина и говоритъ: „непремѣнно“,—объяснила нянька.

Словно ударъ хлыста ожогъ Ольгу Карповну и сразу вернулъ ей сознаніе.

— Скажи, чтобы подождалъ. Иди отсюда!—торопливо сказала она, сѣла на постель и быстро разорвала конвертъ.

Огненными строками запрыгало передъ нею короткое сообщеніе: „М. Г... Правленіе покорнѣйше проситъ васъ передать артельщику подъ расписку деньги, оставленныя вамъ супругомъ, въ размѣрѣ 650 рублей. Съ почтеніемъ: старшій бухгалтеръ...“—и затѣмъ неразборчивая подпись, буквы которой, казалось, кривлялись и прыгали.

Она безсильно опустила на постель письмо, и лицо ея застыло въ ужасѣ. Мысли вихремъ закружились въ головѣ.

Сколько она истратила? — она не помнитъ. Взяла одинъ разъ и другой... Все равно...

Она быстро встала, вдѣла ноги въ туфли, накинула капотъ, наскоро закрутила волосы и вышла въ переднюю.

Тамъ стоялъ молодой человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ. Она сдѣлала смущенное лицо.

— Простите меня, но мужъ уѣхалъ и заперъ ящикъ стола; я не могу безъ него открыть. Онъ писалъ, что скоро вернется. Скажите въ правленіи господину бухгалтеру, что я ничего не знаю.

— Слушаю, — сказалъ артельщикъ, взялъ въ руки котиковую шапку и вышелъ, вѣжливо поклонившись.

Ольга Карповна подождала, пока за нимъ закрылась дверь, потомъ провела рукой по лицу и вяло прошла въ спальню, гдѣ снова легла въ постель.

— Мы къ тебѣ!—закричала Катя, вбѣгая слѣдомъ за ней.

— И я!—сказалъ Петя.

Они забрались къ ней на постель и стали ее цѣловать. Она лежала неподвижно, съ устремленными въ потолокъ глазами. Никакихъ мыслей, никакихъ ощущеній, какъ будто плита навалилась на ея грудь и давила ее; какъ будто туманъ наполнилъ ея голову и закуталъ всѣ ея мысли. Няня внесла чай и поставила на спальный столикъ. Она не притронулась къ чашкѣ. Дѣти наперерывъ говорили:

— Сегодня я буду хорошо учиться, потому что я сегодня веселая. Я видѣла во снѣ папу.

Ольга Карповна вздрогнула.

— Что ты видѣла, дѣточка?—слабо спросила она.

— Папу! Онъ пріѣхалъ и привезъ много игрушекъ и пряникъ, большой пряникъ. Такой круглый, и посерединѣ орелъ. Ты встрѣтила папу и цѣловала. Потомъ папа посадилъ меня на одно колѣно, а Петю на другое, и мы всѣ прижались другъ къ другу.

— И ты опять будешь съ нами, не будешь ходить въ клубъ,—сказалъ Петя.

— Кто сказалъ тебѣ про клубъ?

— Няня сказала...

— Глупости говоритъ няня, — проговорила Ольга Карповна и опять погрузилась въ оцѣпенѣніе.

Звенѣли голоса Кати и Пети, звучалъ голосъ няни, затѣмъ раздался голосъ Луши:

— Позвольте денегъ!

Все равно...

— Катя, возьми со стола портмонэ,—слазала Ольга Карповна. Катя побѣжала и принесла ей портмонэ. Она раскрыла его. Тамъ оставалось 12 рублей. Прикасаясь къ деньгамъ, Ольга Карповна вздрогнула: это отъ тѣхъ денегъ, которыя далъ Пинкусъ.

Она дала Лушѣ шесть рублей.

— Теперь уходите, дѣти. Я вставать буду.

Дѣти ушли.

Она встала, невыспавшаяся, утомленная, и начала заниматься съ Катей, разсѣянно слушая, что та ей разсказываетъ, разсѣянно диктуя ей слово за словомъ; потомъ прошла къ себѣ, и вяло потянулось для нея время до обѣда.

Послѣ обѣда она легла въ постель и заснула тяжелымъ, мертвымъ сномъ. Сонъ—лучшее спасеніе, если онъ посылается утомленной душѣ. Ольга Карповна была еще молода, и потребность сна не могло побороть никакое волненіе.

Она проснулась нѣсколько освѣженная и съ рѣшительнымъ видомъ подошла къ туалетному столу.

„Все равно“,—подумала она, вынимая оттуда деньги.

— Чай готовъ,—сказала няня, входя въ спальню.

— Сейчасъ я выйду,—отвѣтила Ольга Карповна, положила въ портмонэ деньги, медленно одѣлась и вышла въ столовую.

Когда она допивала чашку чая, раздался звонокъ, а слѣдомъ за нимъ Луша вошла въ комнату и подала ей телеграмму.

Она быстро черкнула свою фамилію на квитанціи, потомъ разорвала телеграмму и впилась въ нее глазами: „Пріѣду завтра утреннимъ поѣздомъ 8 час. Цѣлую, Павелъ“.

Она скомкала телеграмму и бросила ее на столъ:

— Вотъ послѣдняя ставка!..

Потомъ она снова взяла телеграмму, выправила ее, прочитала вновь, аккуратно сложила и отнесла на туалетный столъ.

Спустя четверть часа, она медленно шла къ трамваю.

Неудержимая сила влекла ее въ клубъ. Надежда на выигрышъ слабой искрой теплилась въ душѣ.

И все время, пока она ѣхала до рокового мѣста, въ душѣ ея было пустынно, и въ головѣ ея былъ туманъ.

Она медленно поднималась по лѣстницѣ, когда сзади нея молодой голосъ весело проговорилъ:

— А „будь, что будетъ, все равно. На святое Провидѣнье положился я давно“... Идемъ, Костя! Есть шесть рублей—и вали!

Ее перегнали два молодыхъ человѣка.

„Словно отвѣтилъ на мои мысли“, — подумала она и вошла въ помѣщеніе клуба. Снявъ пальто, она вошла въ залу, быстро отыскала глазами Пинкуса и подошла къ нему, открывая портмонэ.

— Вотъ ваши деньги. Благодарю васъ, — сказала она, передавая ему 25 рублей.

Пинкусъ схватилъ ея руку и, цѣлуя, воскликнулъ:

— Ну! И зачѣмъ торопились? Развѣ это такъ важно? Фа! Я вамъ всегда готовъ служить.

— Благодарю васъ,—повторила она, выдергивая отъ него руку и направляясь къ мѣсту.

Старуха точно сторожила ее и тотчасъ вышла ей навстрѣчу:

— А я васъ ждала. Будемъ сегодня играть? Сегодня выиграемъ. Я загадала.

Ужасомъ повѣяло на Ольгу Карповну отъ этой страшной старухи, но она побоялась отказать ей: „вдругъ что-нибудь наколдуетъ“, и отвѣтила:

— Будемъ. Опять на шести.

— Мы навѣрное выиграемъ!—Старуха широко улыбнулась беззубымъ ртомъ, и Ольгѣ Карповнѣ показалось, что этотъ беззубый ротъ поглотитъ все ея счастье.

Сядемъ тутъ.

Ольга Карповна опустилась на стулъ. Недалеко отъ нея сѣла старуха и закивала ей:

— Ищите такую, чтобы было 66 и 12.

Ольга Карповна ничего не отвѣтила ей и сказала служащему:

— Я плачу за себя и за нихъ.

„Будь, что будетъ—все равно"...

— Выиграла! — крикнула она, едва произнесли первые 12 номеровъ, и радость волной хлынула въ ея сердце.

Старуха закивала, перегибаясь черезъ весь столъ, и шамкала:

— Я говорила, я говорила...

Ольга Карповна снисходительно улыбнулась ей.

— Теперь я выиграю!—крикнула старуха.

Началась новая игра. Во время игры барышня принесла деньги. Всего 21 р. Ольга Карповна опустила въ кружку рубль, а остальное положила въ портмонэ. Она знала, что это—пустой выигрышъ, но если повезетъ, и она выиграетъ раза два за полтинникъ и хоть разъ за рубль, тогда съ лихвой покроетъ всю растрату.

— Довольно!—черезъ нѣсколько игръ раздался неистовый крикъ старухи.

Ольга Карповна радостно кивнула ей.

— 46 рублей!—сказала она громко, не стѣсняясь окружающихъ.

— Знаю, знаю,—прошамкала старуха.— Теперь вы не платите. Я сама.

И снова началась игра. Ольга Карповна ободрилась и жадно слѣдила за номерами. Сидящая противъ нея полногрудая дама сказала:

— Вамъ, кажется, опять повезло, а то долгое время совсѣмъ не шло.

— Да, да, — отвѣтила Ольга Карповна и продолжала слѣдить за игрой. Вторая, третья, четвертая — и ни въ одной даже намека на счастье. Она оглянулась и вдругъ вздрогнула. Мѣсто старухи было пусто.

Она дождалась, когда окончилась игра, и торопливо спросила у служащаго:

— Вы не видали этой дамы?

— Старухи-то? — отозвалась полногрудая. — Да она уже двѣ игры, какъ ушла. Получила деньги и ушла. А что?

Ольга Карповна ударила рукой по столу.

— Вы съ нею въ долѣ были?

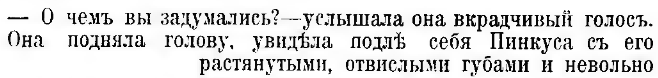
— Она играла за мои деньги! Я обѣщала ей пять рублей, — сказала Ольга Карповна.

— Вотъ, душечка, нашли, кому довѣриться! Да она вѣдь извѣстная. Она, если кто проглядитъ, прямо деньги крадетъ. Вотъ у меня одинъ разъ золотой лежалъ, вотъ такъ, — полногрудая показала, какъ лежалъ золотой.—Она вотъ здѣсь сидѣла, а потомъ пересѣла на другое мѣсто, такъ что и говорить было совѣстно. Прямо изъ-подъ руки украла! Ее давно выгнать надо. Пропали ваши денежки.

— Все равно,—блѣдными губами произнесла Ольга Карповна и стала продолжать игру на трехъ картахъ.

Игра шла за игрой, и она не видѣла даже у себя кварты—и вдругъ почувствовала утомленіе. Она отодвинула карты, встала, медленнымъ шагомъ прошла между играющими и вышла въ одинокую гостиную. Тамъ она сѣла въ глубокое кресло и погрузилась въ безрадостныя думы.

„Завтра утромъ пріѣдетъ Павелъ и... Развѣ это можно пережить?" Передъ нею вдругъ промелькнулъ образъ старухи. Это она принесла ей несчастье.



— О чемъ вы задумались?—услышала она вкрадчивый голосъ. Она подняла голову, увидѣла подлѣ себя Пинкуса съ его растянутыми, отвислыми губами и невольно отодвинулась въ сторону, а онъ взялъ стулъ и придвинулся такъ, что колѣнками прикоснулся къ ея ногамъ.

— Милая барыня, — заговорилъ онъ съ акцентомъ:—о чемъ вы задумались, я знаю. Вы все проигрываете, а много ли проиграли? Ну, скажемъ, двѣсти; ну, скажемъ, триста рублей. Фа! Скажите только: „Генрихъ Германовичъ, одолжите мнѣ 300 рублей",—и я вамъ сейчасъ дамъ. Милая барыня, не огорчайтесь! Скажите: „Генрихъ Германовичъ, одолжите 500 рублей",—и я скажу: „возьмите 500 рублей".—И онъ торопливо раскрылъ свой бумажникъ:—Берите!

— Какъ вы смѣете! — истерически крикнула Ольга Карповна и такъ быстро встала, что Пинкусъ едва успѣлъ отодвинуться со студомъ.—Нахалъ!

И она выбѣжала изъ гостиной, вся содрогаясь отъ сдерживаемыхъ рыданій. Служащіе поспѣшно подали ей пальто; она одѣлась и почти бѣгомъ выбѣжала изъ клуба. Ей казалось, что за нею гонятся Пинкусъ и всѣ эти противные наглецы, которые смѣются сейчасъ надъ нею. А сзади корчится съ ужимками, какъ старая обезьяна, безобразная старуха.

Она бросилась въ первую попавшуюся пролетку, сказала адресъ и закричала:

— Гони, гони!

Извозчикъ помчался; она забилась въ уголъ пролетки и не чувствовала ни холоднаго вѣтра ни мокраго снѣга, который билъ ей въ лицо. Дрожащая отъ внутренняго волненія, съ замирающимъ сердцемъ, она поднялась въ темнотѣ по лѣстницѣ; позвонила и, едва Луша открыла дверь, вошла въ переднюю и быстро прошла въ спальню. Тамъ въ темнотѣ она опустилась въ кресло и застыла въ недвижной позѣ.

XVI.

Тьма окружала ее, и въ такую же тьму была погружена ея душа, охваченная ужасомъ, и только одна мысль, одна фраза долбила неотвязно ея голову:

„Какъ это вышло? Какъ это вышло?"

Она заломила руки и сидѣла недвижно. Никакихъ мыслей,—но въ темнотѣ вдругъ вспыхивали передъ нею яркіе образы: зала, освѣщенная огнями, лица, склоненныя надъ картами. Вотъ мелькнула дѣвушка Анюта, она хлопаетъ въ ладоши и радостно кричитъ: „выиграла, выиграла!"

— „Какъ это вышло?.."

Человѣкъ въ красномъ галстукѣ раскланивается и цѣлуетъ ея руку. Грязный Пинкусъ мокрыми губами присосался къ ея рукѣ.

„Какъ это вышло? Какъ это вышло?"

Зашамкала страшная старуха и закивала наколкой на накрашенныхъ волосахъ, а толстая дама съ накрашенными бровями склонилась къ ней черезъ столъ и говоритъ: „У насъ, душечка, и не то бываетъ".

Ольга Карповна застонала.

„Что же будетъ?" И представился ей мужъ съ расширенными отъ ужаса глазами: „Воръ!"

„Какъ она его встрѣтитъ? Что она ему скажетъ?"

Она быстро вскочила съ кресла и освѣтила спальню. Нервно сбросила съ себя шляпу и пальто, подбѣжала къ туалетному столу и выдвинула ящикъ. Тамъ лежали разбросанные деньги.

Э. К. фонъ-Липгартъ, хранитель Императорскаго Эрмитажа.

Э. К. фонъ-Липгартъ. „Моленіе о чашѣ". Картина съ послѣдней выставки „Товарищества Художниковъ".

Къ 50-лѣтію художественной дѣятельности Э. К. фонъ-Липгарта. По фот. Я. Штейнберга.

Академикъ Беггровъ. Недавно покончилъ самоубійствомъ академикъ живописи Беггровъ. Причина—невыносимыя физическія страданія, долго и мучительно не дававшія покоя художнику. Беггровъ по воспитанію — морской офицеръ, впослѣдствіи вышедшій въ отставку и цѣликомъ отдавшійся живописи. Это—одинъ изъ старѣйшихъ передвижниковъ, на протяженіи многихъ лѣтъ бывшій виднымъ членомъ Товарищества. Спеціальность Беггрова — море. Онъ любилъ его и мастерски изображалъ, превзойдя въ этомъ отношеніи своего перваго учителя, профессора Боголюбова. Беггровъ исполнилъ на своемъ вѣку много офиціальныхъ заказовъ, что не мѣшало ему писать небольшія интимныя вещицы, при чемъ онъ неоднократно изображалъ свой родной Петербургъ. Многія изъ картинъ Беггрова находятся въ Русскомъ Музеѣ, въ Третьяковской галлереѣ и въ частныхъ коллекціяхъ.

Академикъ А. К. Беггровъ за работой въ своей мастерской, въ Гатчинѣ.

Она высыпала туда все содержимое портмонэ и трепетными руками начала считать деньги. Сто рублей, сто рублей, пятьдесять, двадцать пять, десять, еще десять... опять сто, сто... 412 рублей; 412 рублей. А было? Сколько онъ оставилъ?—650 рублей.

Она схватилась за виски. Нѣтъ. Она сообразить не въ силахъ. Сколько же она истратила? И она стала считать снова. Взяла бумагу и карандашъ.

228 рублей денегъ чужихъ и своихъ 230 рублей. 228 рублей—вотъ растрата! Гдѣ же ихъ достать? Онъ пріѣдетъ сейчасъ, и позоръ ея откроется. Она заметалась по комнатѣ, захлопнувъ ящикъ.

Потомъ вдругъ на нее напало спокойствіе.

Она тихо вышла изъ спальни, крадучись прошла черезъ столовую и проскользнула въ кухню. Тамъ она зажгла огонь. Луша спала: изъ-за занавѣски торчала ея большая нога, и слышался ея протяжный храпъ. Ольга Карповна подошла къ кухонному столу, открыла шкапъ и стала внимательно пересматривать находившееся тамъ, а потомъ жадно схватила бутылку съ уксусной эссенціей и тихо прошла назадъ въ столовую. Такъ же осторожно она открыла буфетъ и вынула оттуда винный стаканъ.

Вотъ! Словно голову ея озарилъ яркій свѣтъ. Это одинъ исходъ.

Какъ же она можетъ теперь смотрѣть на порядочныхъ людей чистыми, открытыми глазами? И со смертоносной бутылкой и стаканомъ она прошла назадъ въ спальню и поставила ихъ на туалетный столъ. Потомъ прошла въ столовую и сѣла къ столу мужа.

Передъ нею лежали бумаги и перья. Она твердой рукой обмакнула перо въ чернила и стала выводить ровныя строчки:

„Милый Павля, я не могла пережить своего позора. Этотъ позоръ упалъ бы на твою голову, а теперь ты покажешь это письмо, и всѣ тебя пожалѣютъ и оправдаютъ. Я безъ конца виновна передъ тобой, передъ дѣтьми, и мнѣ стыдно жить. Какъ я могу быть честной женой, какъ я могу быть матерью своихъ дѣтей послѣ такого позора? Милый, прости! Изъ

А. Беггровъ. Петербургъ ночью.

А. Беггровъ. Москва (храмъ Спасителя).

Къ кончинѣ академика А. К. Беггрова. По фот. І. Глыбовскаго.

Академикъ І. Крачковскій.

тѣхъ денегъ, которыя принадлежатъ правленію, я растратила 228 рублей. Остальныя деньги ты найдешь въ туалетномъ столѣ. Ключъ я кладу въ конвертъ. Деньги, которыя ты оставилъ мнѣ на расходы, я тоже растратила. Я предалась позорной страсти, падала все ниже и ниже и дошла до воровства. Прости, милый! Я никогда не думала, что я такая дурная. Люби дѣтей и скрой отъ нихъ мой... мой... Милый, цѣлую тебя. Люби меня... и не...— она написала:—„презирай"—и провела черту. Перо прошло по мокрому слѣду отъ слезъ, и чернила расплылись въ кляксу. Она откинулась и закрыла лицо руками.

О чемъ же думать? Исходъ возможенъ только одинъ.

И, вытеревъ глаза, она съ тихимъ вздохомъ сложила письмо, положила его въ конвертъ вмѣстѣ съ ключомъ, надписала твердымъ почеркомъ: „мужу" и положила письмо на видномъ мѣстѣ стола. Потомъ поднялась и прошла въ дѣтскую.

Катя спала, положивъ подъ голову обѣ руки. Петя разметался, сбросивъ съ себя одѣяло. Она тихо склонилась надъ Катей и долго смотрѣла на ея тонкія черты и прислушивалась къ ея ровному дыханію. Слезы струились по ея щекамъ и неслышно капали на одѣяло. Потомъ она подошла къ Петѣ и склонилась надъ нимъ, но тотчасъ встала и поспѣшно вышла. Она боялась разрыдаться и разбудить дѣтей. Она вернулась въ столовую и снова опустилась на стулъ подлѣ мужнинаго стола.

„Что я дѣлаю, что будетъ?"—мелькало у нея въ головѣ.

То внезапный просвѣтъ мыслей озарялъ ея умъ, и представлялся весь ужасъ смерти, то ужасъ позора заслонялъ эти мысли.

Часы гулко пробили семь.

І. Крачковскій. Осенній вечеръ. (Русскій Музей Императора Александра III).

Она вздрогнула и подняла голову. Почти въ ту же минуту раздался у дверей рѣзкій звонокъ.

Она вскочила, хотѣла бѣжать, но ноги ея точно приросли къ полу, и она окаменѣла, прижавъ руки къ замершему сердцу.

Послышался кашель Луши; дверь изъ кухни отворилась, и Луша, шлепая босыми ногами, добѣжала до входной двери и открыла ее. Въ переднюю вошелъ молочникъ.

— Получай свои двѣ бутылки, — сказалъ онъ:—и давай расчетъ за два дня.

Ольга Карповна опустилась на стулъ, и сердце ея забилось съ бѣшеной силой.

Глупая! Теперь еще 7 часовъ, а онъ пріѣдетъ не ранѣе 9. А она думала... И слабая улыбка мелькнула на ея лицѣ.

Она успѣетъ.

Изъ дѣтской послышался протяжный вздохъ проснувшейся няньки, кряхтеніе и дрожащій голосъ:

— Охъ, грѣхи наши, грѣхи, Господи!

— Няня! — закричалъ Петя.

— Не кричи, всѣхъ разбудишь, баловникъ!

— Катя, проснись!

— Не смѣй будить дѣвочку, если она спитъ!

Ольга Карповна, крадучись, скользнула въ спальню и услыхала шумъ просыпающейся жизни. Петя смѣялся, няня ворчала, Луша

І. Крачковскій. Весна въ Крыму. (Послѣдняя картина художника на выставкѣ Товарищества Художниковъ 1914 г.).

Къ кончинѣ академика І. Е. Крачковскаго. По фот. І. Глыбовскаго.

ворочалась и шумѣла въ кухнѣ, растапливая плиту. Затѣмъ раздался звонкій голосъ Кати:

— Согодня пріѣдетъ папа. Я пойду и разбужу маму, чтобы она ѣхала встрѣчать папу.

— Я хочу встрѣчать папу,—закричалъ Петя.

— Тебя не пустятъ, ты маленькій.

— Я хочу!

— Тихо вы, дѣти!—говорила няня, и потомъ слышно было, какъ она прошла черезъ столовую въ кухню и тамъ говорила, чтобы Луша скорѣе разогрѣла молоко и готовила первый завтракъ.

Ольга Карповна испуганно заперла на задвижку дверь и сѣла въ кресло, на которомъ такъ часто сидѣла, разговаривая съ мужемъ, когда онъ возвращался со службы или лежалъ въ постели. Недалеко отъ нея на туалетномъ столѣ стояли страшная бутылка и стаканъ. Она налила въ стаканъ эссенціи, и горлышко бутылки судорожно билось о края стакана.

Вотъ избавленіе и искупленіе за весь позоръ: въ этомъ—оправданіе ея мужа. Оправданіе ея передъ дѣтьми, передъ совѣстью, передъ людьми.

Трепетной рукой она подняла стаканъ и поднесла его къ губамъ. Острый кислый запахъ коснулся ея дыханья. Она отодвинула стаканъ и сморщила тонкія брови. Въ эту минуту зашумѣла ручка двери, и за нею раздался звонкій голосъ Кати:

— Мама, мамочка, пора вставать! Папа пріѣдетъ, ты проспишь.

Ольга Карповна затаила дыханье.

— Мама, вставай!—снова закричала Катя, стуча въ двери.

Ольга Карповна собралась съ силой и ровнымъ голосомъ сказала:

— Сейчасъ, дѣточка, не шуми.

Ужасъ охватилъ всѣ ея члены, холодный потъ выступилъ у нея на лбу. Страшно умирать...

Петя со всего размаха ударилъ ногой въ дверь и закричалъ:

— Мама, вставай! Папу проспишь, папу проспишь!

— Тихо, буянъ, что ты дѣлаешь!—заворчала няня, стоя подлѣ самой двери.

„Пора!“ — рѣшила Ольга Карповна, подняла стаканъ и залпомъ опрокинула его въ ротъ. Рука ея дрогнула, жидкость расплескалась. Острая, жгучая боль, словно раскаленный прутъ, прошла черезъ всѣ ея внутренности; кислота обожгла ея губы, ея ротъ, огненнымъ потокомъ пробѣжала по подбородку. Она хотѣла вздохнуть, пронзительно вскрикнула и упала въ кресло, а съ него на полъ.

— Господи, что такое?—воскликнула нянька, отшатываясь отъ двери.

Дѣти испуганно стали колотить въ дверь и кричать:

— Мама, мамочка, отвори!

Нянька дернула ручку двери.

— Нѣтъ, не отворяется. Что же это такое? Лушка, Лушка! — закричала она.—Бѣги сюда скорѣе, дура!

Въ комнату вбѣжала Луша. Она была еще босикомъ и растрепана.

— Толкай дверь!

Луша толкнула запертую дверь, но она не поддавалась.

— Дура, плечомъ ударь! Ну!

Луша съ размаху ударила плечомъ, задвижка отскочила, и дверь распахнулась. Нянька вбѣжала въ комнату, увидѣла лежащую Ольгу Карповну и заметалась.

Катя и Петя бросились къ матери.

— Уйдите прочь!—очнулась няня и торопливо увела дѣтей.

— Луша, бѣги поскорѣе, напротивъ тамъ, по парадной, докторъ живетъ. Веди его, бѣгомъ! Ахъ, ты, Господи! — И, увидѣвъ бутылку съ уксусной эссенціей, она всплеснула руками, ударила ими по бедрамъ и опустилась передъ барыней на колѣни. — Барыня, барыня, что ты надъ собой сдѣлала? — Старческій голосъ ея задрожалъ и оборвался.

Катя и Петя стояли въ столовой и ревѣли въ одинъ голосъ. Луша опрометью побѣжала изъ квартиры.

XVII.

Поѣздъ прошелъ станцію Преображенскую и быстро мчался по направленію къ Петербургу. Блѣдный разсвѣтъ осенняго утра пробился черезъ окна вагоновъ и погасилъ тускло свѣтящіеся огни фонарей. Пассажиры уже убрали свои вещи и увязывали послѣднія связки.

Павелъ Аркадьевичъ умылся, одѣлся, уложилъ вещи и съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда остановится поѣздъ.

Сердце его замирало. Сейчасъ онъ увидитъ жену, пріѣхавшую къ нему навстрѣчу. Радостно поѣдетъ съ нею вмѣстѣ, разсказывая объ удачной поѣздкѣ, а тамъ его встрѣтятъ веселыми криками дѣти, и онъ станетъ одѣлять ихъ игрушками и подарками. Онъ прижался къ окошку и жадно смотрѣлъ въ молочную тьму осенняго утра. Промелькнулъ семафоръ, длинной цѣпью потянулись вагоны на запасномъ пути. Промелькнула товарная станція. Съ глухимъ шумомъ прошелъ поѣздъ подъ сводами дебаркадера, вздрогнулъ и остановился. Пассажиры пошли къ выходу. Павелъ Аркадьевичъ, захвативъ легкій чемоданъ и пледъ въ ремняхъ, сошелъ на платформу, ища жаднымъ взоромъ стройную фигуру жены, и въ недоумѣніи остановился.

Пассажиры понемногу расходились.

То тутъ, то тамъ онъ видѣлъ встрѣчающихъ, которые обнимались. Онъ былъ одинъ.

Растерянно онъ оглянулся, прошелъ до конца вдоль опустѣвшей платформы, и тайная тревога проникла въ его сердце. Онъ поспѣшно вышелъ, потомъ вернулся, прошелъ черезъ буфетную залу и, не увидавъ жены, съ тревогой вышелъ изъ вокзала, сѣлъ на извозчика и погналъ его къ далекому отъ вокзала дому. Извозчикъ мчался, и, чѣмъ быстрѣе сокращался путь, тѣмъ тревожнѣе и тревожнѣе билось сердце Павла Аркадьевича.

Ему представлялись больными то жена, то дѣти; въ испуганномъ воображеніи представлялись всякіе ужасы. Ему казалось, что извозчикъ ѣдетъ медленно, и онъ поминутно толкалъ его:

— Скорѣе, скорѣе!

Вотъ и знакомая улица, вотъ домъ...

— Стой!

Онъ захватилъ вещи, сунулъ извозчику деньги и поспѣшно пошелъ черезъ дворъ къ лѣстницѣ. Но когда онъ вступилъ на первыя ступеньки, ноги его словно подкосились. Онъ опустилъ чемоданъ и перевелъ духъ. Не можетъ быть, чтобы была какая-нибудь бѣда. Вѣроятно, жена заспалась; можетъ-быть, не пришла телеграмма. Онъ войдетъ радостный и не покажетъ виду, что былъ недоволенъ. Онъ взялъ чемоданъ и сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Дверь въ квартиру оказалась отворенной. Онъ вошелъ. Луша не видала его и суетливо на кухнѣ наливала изъ самовара горячую воду въ бутылку. Въ столовой у стола сидѣла нянька, и снова Павла Аркадьевича охватила тревога. Онъ опустилъ чемоданъ. Луша увидѣла его и вскрикнула.

— Что такое?—быстро спросилъ онъ.

— Баринъ, баринъ,—страшнымъ шепотомъ произнесла Луша:—бѣда у насъ...

— Возьми пальто, возьми шляпу.

Онъ быстро сбросилъ пальто и прошелъ въ столовую.

Няня увидѣла его и бросилась ему навстрѣчу.

— Баринъ нашъ, баринъ нашъ!—тревожнымъ шопотомъ произнесла она.

— Дѣти?..—испуганно спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Барыня...

— Что съ нею?

— Охъ, Господи! Грѣхъ случился...

— Что, няня? Скажи скорѣе!

Онъ взялъ ее за плечи, потомъ оттолкнулъ и быстро вошелъ въ спальню.

Ольга Карповна лежала въ постели, подлѣ нея, склонившись, стоялъ, повидимому, докторъ.

Павелъ Аркадьевичъ съ недоумѣніемъ остановился. Докторъ обернулся и сказалъ:

— Не волнуйтесь, все благополучно.

— Что случилось?—спросилъ онъ, переступая порогъ.—Вы докторъ?

Онъ кивнулъ.

— Чѣмъ она заболѣла?

— Она?.. Это ваша супруга?

Павелъ Аркадьевичъ молча кивнулъ и подошелъ къ женѣ. Она лежала, запрокинувъ голову съ блѣднымъ лицомъ. Углы рта и подбородокъ были покрыты красными полосами. На лбу каплями выступалъ потъ; она порывисто, со свистомъ дышала, а глаза ея были закрыты. Онъ взялъ ея руку. Она была холодна. Онъ быстро обернулся къ доктору и спросилъ:

— Что съ нею?

— Она выпила неосторожно уксусной эссенціи.

— Что?

— Видимо, она хотѣла отравиться,—отвѣтилъ докторъ:—но выпила недостаточно, половину разлила, и меня вызвали почти тотчасъ. Мы ее спасемъ.

— Отравилась?

Павелъ Аркадьевичъ пошатнулся. Мысли роемъ закружились въ его головѣ. Что могло случиться, чтобы его жена, Оля, могла покуситься на такое страшное дѣло? Ревнивое подозрѣніе на мигъ обожгло его мозгъ, но онъ тотчасъ же отогналъ его и въ недоумѣніи, растерянно провелъ рукой по лицу. Страшнымъ усиліемъ воли онъ совладалъ съ собой и обратился къ доктору:

— Я былъ въ отъѣздѣ и только-что пріѣхалъ. Скажите, въ какомъ она положеніи? Угрожаетъ ли ей опасность? Что съ нею и что съ нею будетъ?

Докторъ сочувственно взглянулъ на него:

— По-моему, всякая опасность миновала. Какъ я уже вамъ сказалъ, она приняла недостаточное количество. Понятно, обожглась; я успѣлъ нейтрализовать дѣйствіе кислоты, и теперь остались только ожоги рта, гортани, слегка пищевода, но это скоро залѣчится. Теперь ей нельзя давать никакой твердой пищи, вѣроятно, недѣли двѣ. Все пройдетъ; можете быть покойны. Первое время только не надо ее тревожить. Сейчасъ она, вѣроятно, придетъ въ себя. Лучше бы вамъ не показываться. Говорить ей нельзя. У нея припухли гортань и языкъ.

Павелъ Аркадьевичъ кивнулъ, докторъ сѣлъ къ столу и написалъ рецепты.

— Съ этимъ пошлите въ аптеку; я навѣщу ее еще разъ вечеромъ.

Павелъ Аркадьевичъ проводилъ его до дверей и вернулся въ столовую. Къ нему осторожно подошла няня. Онъ взялъ ее за руку и сѣлъ на диванъ.

— Няня, что было?—спросилъ онъ.

— Что?—тихо повторила няня.—Не иначе, какъ какая-нибудь бѣда. Она безъ васъ все уходила; каждый вечеръ. Никогда раньше трехъ часовъ домой не ворочалась. А теперь вотъ и случилось. Безпокойная была все время, задумчивая. По пустякамъ сердилась. Съ дѣтьми ласковая, а какъ только одна — сидитъ, хмурится, руки ломаетъ. Не иначе, какъ клубъ этотъ...

Павелъ Аркадьевичъ сразу все понялъ. Онъ быстро всталъ и началъ ходить по столовой.

— Господи, какое счастье, что захватили во-время! А гдѣ дѣти?

— Въ дѣтской... плачутъ...

Онъ пошелъ въ дѣтскую и вдругъ увидѣлъ на письменномъ столѣ конвертъ. Онъ быстро схватилъ его, разорвалъ, вынулъ письмо, въ которомъ слезы перемѣшались съ чернилами, и сталъ разбирать написанное. И, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его прояснялось, и на глазахъ показались слезы. Онъ опустилъ письмо, зажалъ въ рукѣ ключъ и тихо покачалъ головой.

„Боже, Боже! И какое могло быть несчастье изъ-за такого пустяка. 228 рублей,—развѣ это деньги? И изъ-за этого она подняла на себя руку! Бѣдная, сколько она выстрадала, какъ она мало понимала его“...

Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней и сказать: — Оля, Оля, что ты сдѣлала?—но воздержался и быстро прошелъ къ дѣтямъ.

Катя и Петя увидали его и съ крикомъ бросились къ нему. Катя прижалась и горько заплакала, а Петя сказалъ:

— Привезъ мнѣ игрушки?

— Привезъ, милый!—А Катю онъ прижалъ къ груди и сталъ гладить ея шелковистые волосы.—Вотъ мама выздоровѣетъ, тогда я вамъ игрушки и дамъ. А теперь не до игрушекъ. Мама вдругъ захворала, — сказалъ онъ серьезно.—Теперь сидите тихо, будьте умные; я уйду и скоро-скоро вернусь назадъ... Я пойду, няня,— сказалъ онъ, выходя: — и вернусь черезъ какой-нибудь часъ. Ты посмотри за всѣмъ.

— Идите, идите; за всѣмъ погляжу.

Она любовно проводила Павла Аркадьевича, помогла ему одѣться, и онъ быстро вышелъ изъ дома.

Онъ взялъ извозчика и приказалъ ѣхать на Сѣнную площадь. Тамъ у него былъ знакомый купецъ, для котораго онъ завелъ правильное счетоводство. Съ этимъ купцомъ онъ имѣлъ давно дружескія отношенія.

Когда онъ пріѣхалъ и вошелъ въ магазинъ, Акинфіевъ сидѣлъ за конторкой и просматривалъ книги. Павелъ Аркадьевичъ постучался въ дверь и вошелъ. Акинфіевъ поднялъ голову, и молодое лицо его радостно улыбнулось:

— Павелъ Аркадьевичъ! Сколько лѣтъ! Наше вамъ съ кисточкой. Чайку не прикажете ли?

— Благодарю васъ. Я къ вамъ по большому и важному дѣлу.

— Что такое?—спросилъ онъ, и лицо его тотчасъ же стало серьезнымъ. Онъ погладилъ русую бороду, подвинулъ стулъ и сказалъ:—Садитесь, дорогой.

Павелъ Аркадьевичъ опустился на стулъ и прямо сказалъ:

— Петръ Яковлевичъ, у меня произошла въ домѣ большая непріятность. Мнѣ необходимо нужно сейчасъ 300 рублей. Будьте добры, дайте мнѣ ихъ; я вамъ напишу вексель.

Петръ Яковлевичъ широко улыбнулся:

— Почтеннѣйшій! Я-то думалъ, что серьезное что. Какіе промежъ насъ векселя и расписки. Сдѣлайте ваше одолженіе. Говорите: 300? А можетъ-быть, больше надо?

— Нѣтъ, только 300 рублей. И все-таки, знаете, я вамъ напишу бумажку; такъ, для вѣрности...

Акинфіевъ кивнулъ:

— Что же,—деньги счетъ любятъ. Хотите, такъ пишите. Только совсѣмъ лишнее.

— Я—счетоводъ. Въ деньгахъ всегда нужна аккуратность,— сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Коли угодно, садитесь!

Акинфіевъ всталъ и очистилъ мѣсто подлѣ стола. Павелъ Аркадьевичъ пересѣлъ и быстро написалъ расписку. Акинфіевъ раскрылъ бумажникъ, вынулъ три бумажки и передалъ ихъ Павлу Аркадьевичу. Тотъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, теперь чайку!

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ некогда.

— Некогда, держать не могу. А хотѣлось бы покалякать малость. Давно не заглядывали ко мнѣ.

Павелъ Аркадьевичъ еще разъ пожалъ ему руку:

— Вы меня извините. Я потомъ какъ-нибудь навѣдаюсь.

— Навѣдайтесь, Павелъ Аркадьевичъ! Я хотѣлъ бы кой-о-чемъ поговорить.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ и вышелъ изъ двери.

„Все такъ просто. Если бы она знала объ этомъ!..“

XVIII.

Онъ вернулся домой успокоенный. Теперь только лишь бы она поправилась.

— Что, няня, съ ней?—спросилъ онъ.

Няня заговорила шепотомъ:

— Узнала, что вернулись, и безпокоится. Видѣть хочетъ. Руками показываетъ...

Онъ тихо, на цыпочкахъ, прошелъ въ спальню. Ольга Карповна повернула къ нему голову, и онъ увидѣлъ, какъ ея лицо исказилось страданіями, какъ на глазахъ выступили слезы, какъ она протянула къ нему руки, а потомъ закрыла ими лицо. Онъ порывисто подошелъ къ ней, опустился на колѣни, обнялъ ее и прижался лицомъ къ ея груди, а потомъ, положивъ руку на ея голову, тихо сталъ говорить:

— Оля, милая, да какъ же ты могла рѣшиться на это? И изъ-за чего: — изъ-за такихъ денегъ? Вотъ онѣ! — Онъ вынулъ и показалъ ей 300 рублей.—Какъ могло это притти тебѣ въ голову? Бѣда бываетъ со всякимъ, всякіе вихри кружатъ насъ въ нашей жизни. Отчего же ты не дождалась меня, отчего не сказала мнѣ прямо: вотъ что было со мной. Неужели мы не могли бы вдвоемъ поправить этой бѣды? А то, что ты хотѣла сдѣлать, развѣ было бы поправимо? Милая, милая! Да и какъ же можно было, моя дорогая...

Голосъ его прервался.

Пережитыя волненія осилили его, и онъ глухо разрыдался, прижавъ лицо къ ея груди. Онъ содрогался отъ плача. Ольга Карповна положила руку на его голову, гладила его волосы, и по ея лицу струились слезы, но это были уже слезы умиленія и радости за возвращенную жизнь.

На другой день Павелъ Аркадьевичъ ушелъ на службу, и жизнь потекла своимъ чередомъ.

Ольга Карповна медленно поправлялась отъ ожоговъ. Первыя слова, которыя она сказала, были:

— Милый, прости...

— Перестань говорить объ этомъ, Оля,—отвѣтилъ онъ и сказалъ серьезно: — Все прошло, и хорошо, что такъ кончилось. Продолжайся твое увлеченіе, и не будь этой катастрофы, которая, слава Богу, оказалась пустой, ты бы разорила насъ совсѣмъ, извелась бы сама и Богъ знаетъ во что обратила бы нашу жизнь.

— Это правда,—тихо проговорила она.—Я все это время была плохая жена и дурная мать.

— Слава Богу, что это было такое короткое время. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Если бы только прошло это пятно,—указала она на подбородокъ, на которомъ остались слѣды ожога.

— Это—печать антихриста, — сказалъ онъ, смѣясь и цѣлуя красное пятно.

Она задумчиво покачала головой:

— Правда, печать антихриста! Когда выраститъ Катя, я покажу ей это пятно и разскажу свою страшную исторію...

Академикъ Э. К. фонъ-Липгартъ.

(Къ полувѣковому юбилею художественной дѣятельности).

Сыграть свою золотую свадьбу съ искусствомъ рѣдкому художнику выпадаетъ на долю. Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ счастливцевъ является академикъ декоративной живописи и хранитель Императорскаго Эрмитажа А. Э. фонъ-Липгартъ.

Ровно полвѣка назадъ въ парижскихъ салонахъ выставлена была большая миѳологическая композиція, обратившая вниманіе какъ публики, такъ и художественной критики. Что-то воздушное, легкое было въ этихъ летящихъ средь нѣжныхъ облаковъ богахъ и богиняхъ, сопровождаемыхъ пухленькими крылатыми амурами.

Авторомъ миѳологической картины былъ семнадцатилѣтній Эрнестъ фонъ-Липгартъ, въ такомъ раннемъ возрастѣ уже настолько овладѣвшій техникой, что она позволяла ему безъ труда справляться съ многофигурными и сложными композиціями.

Родина Липгарта—Остзейскій край. Онъ—сынъ художника, отличавшагося, помимо таланта, культурностью и образованностью. Эти два качества вмѣстѣ съ дарованіемъ живописца частью унаслѣдованы сыномъ, частью благопріобрѣтены имъ.

Юность Эрнеста Липгарта связана съ Флоренціей. Здѣсь, среди прекрасныхъ памятниковъ вѣчно юнаго флорентійскаго Ренессанса, Липгартъ-сынъ занимается рисованіемъ и живописью подъ наблюденіемъ отца и знаменитаго портретиста Ленбаха. Ленбахъ привязался къ своему живому, воспріимчивому и талантливому ученику и внимательно слѣдилъ за его художественнымъ ростомъ.

Онъ вмѣстѣ съ Липгартомъ совершаетъ образовательное путешествіе по Европѣ. Учитель знакомитъ ученика съ выдающимися музеями и галлереями Вѣны, Парижа, Мадрида, Брюсселя, Амстердама.

Путешественники на лошадяхъ объѣхали всю Испанію, живя подолгу въ Севильѣ, Толедо и Гренадѣ.

Годы бѣгутъ, и вмѣстѣ съ ними растетъ популярность Липгарта. Онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ, несмотря на соперничество французскихъ художниковъ, имѣлъ много портретныхъ и декоративныхъ заказовъ. Онъ писалъ знатныхъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и расписывалъ ихъ особняки и отели.

Спустя много лѣтъ, уже немолодымъ человѣкомъ, уже завоевавъ европейскую извѣстность, Липгартъ переселяется навсегда въ Петербургъ. И здѣсь остается все тѣмъ же изысканно-салоннымъ декоративнымъ живописцемъ и великосвѣтскимъ портретистомъ.

Изъ его мастерской, всегда съ такимъ комфортабельнымъ вкусомъ обставленной, вышло много царскихъ и великокняжескихъ портретовъ. Липгартъ не только прекрасный живописецъ, но и самъ тонкій знатокъ живописи всѣхъ странъ и вѣковъ. Въ особенности обширны его познанія въ итальянской школѣ. Его опредѣленіе и экспертизы старыхъ картинъ за рѣдкимъ исключеніемъ вѣрны, обоснованы и непогрѣшимы.

Послѣ этого понятно, что именно Липгартъ и никто другой приглашенъ былъ на постъ хранителя Императорскаго Эрмитажа.

Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Западную Двину въ Ригѣ, открытый весной с. г. Мостъ имѣетъ въ длину 400 саж., онъ арочной системы и состоитъ изъ 9 пролетовъ. Стоимость его около 6 мил. руб. По фот. Н. Т. Миронова, въ Полоцкѣ.

„Висячій домъ." Необыкновенный ростъ уличнаго движенія въ послѣдніе годы сдѣлалъ невозможной жизнь въ домахъ, окаймляющихъ наиболѣе оживленныя улицы Парижа. Дребезжаніе стеколъ, дрожаніе стѣнъ, половъ и мебели дѣлаютъ не только невыносимымъ пребываніе въ домахъ, но и заставляютъ опасаться за цѣлость самихъ построекъ. Обстоятельства эти навели парижскихъ архитекторовъ на мысль создать типъ постройки, опирающейся не на фундаментъ, покоящійся на верхнихъ слояхъ почвы, а на громадныя бетонныя колонны, опущенныя въ глубочайшіе колодцы. Первый домъ „висячаго" типа сооружается теперь на Avenue Victor Hugo. Рядъ колоннъ, стоящихъ въ колодцахъ, но не соприкасающихся со стѣнами этихъ колодцевъ, поддерживаютъ поперечныя сооруженія, на которыхъ выведены стѣны. Такимъ образомъ, зданіе не касается земли. Колонны же упираются въ землю на глубинѣ 16 метровъ, туда не достигаютъ колебанія почвы, вызываемыя уличнымъ движеніемъ. Для того, чтобъ ослабить шумъ, доносящійся съ улицы, стѣны дома выложены особымъ цементомъ, въ составъ котораго входитъ пробковое дерево. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Несмотря на свои безъ малаго семьдесятъ лѣтъ, Липгартъ все еще весьма бодръ и крѣпокъ.

Художникъ-европеецъ съ ногъ до головы, Липгартъ систематически работаетъ каждый день, и отвѣтственный и отнимающій много времени постъ хранителя Эрмитажа не мѣшаетъ ему нѣсколько часовъ ежедневно посвящать живописи

І. Е. Крачковскій.

(Некрологъ).

Мѣсяца не проходитъ, чтобы смерть не унесла какого-нибудь художника. Недавно умеръ въ Италіи академикъ Крачковскій.

Работоспособность этого талантливаго пейзажиста была исключительная. Во время своего заграничнаго пенсіонерства Крачковскій научился въ Парижѣ писать картины и этюды изо дня въ день. Это привилось ему навсегда. И онъ, работавшій съ поздняго петербургскаго разсвѣта, до густыхъ потемокъ на протяженіи многихъ лѣтъ, постоянно сѣтовалъ на отсутствіе времени. Ему все не хватало.

И этотъ человѣкъ, вѣчно кипѣвшій и горѣвшій, задыхавшійся въ рамкахъ двадцати четырехъ часовъ, которыхъ ему было мало, вдругъ умираетъ чуть ли не зрѣлымъ только человѣкомъ.

Немалую роль въ болѣзни Крачковскаго, такъ быстро перешедшей въ смерть, сыграла, вѣроятно, катастрофа, приключившаяся съ нимъ наканунѣ открытія выставки.

У Михайловскаго манежа автомобиль Крачковскаго, по милости зазѣвавшагося шоффера, столкнулся съ другимъ мчавшимся автомобилемъ. Кабинка, въ которой сидѣлъ художникъ, разбилась, а самъ онъ, выброшенный страшнымъ толчкомъ, упалъ на мостовую и потерялъ сознаніе. И когда его привели въ чувство, онъ, забывъ про ноющую во всемъ тѣлѣ боль, поспѣшилъ на выставку, гдѣ нуженъ былъ его опытный хозяйскій глазъ.

Вообще, этотъ маленькій, сухонькій человѣчекъ отличался изумительной выносливостью и силой воли громадной.

Крачковскій—польскаго происхожденія.

Въ юности своей Іосифъ Крачковскій жилъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ Гаршинымъ. И они вмѣстѣ занимались живописью. Но сначала Крачковскій тяготѣлъ больше къ музыкѣ. Онъ учился въ консерваторіи и навсегда остался превосходнымъ піанистомъ.

Уже въ первые годы своего академическаго образованія онъ получалъ одну за другой преміи въ Обществѣ Поощренія Художествъ, конкурируя со старыми академиками и профессорами.

Въ двѣ недѣли написалъ онъ программу на большую золотую медаль и былъ посланъ за границу на четыре года. Это—крупный пейзажъ съ партіей могучихъ дубовъ на первомъ планѣ.

Крачковскій попадаетъ въ Парижъ. Тамъ уже его старые пріятели по Академіи—Новоскольцевъ и Маттэ.

Крачковскій увлекается Пеллюзомъ, Казэномъ, увлекается барбизонцами и самъ ѣздитъ въ Барбизонъ на этюды. Онъ удивлялъ французовъ своей техникой, удивлялъ быстротою письма.

Возвратившись въ Петербургъ, Крачковскій женился на дочери популярнаго художника-архитектора Н. Ф. Беккера. Беззаботное пенсіонерство кончилось. Крачковскій попадаетъ въ лапы настоящей, суровой жизни. Онъ работаетъ, выставляетъ, продаетъ, получаетъ званіе академика. Но это все не то. Ему тѣсно. Онъ мечтаетъ о новыхъ, болѣе широкихъ, горизонтахъ...

Случайно въ Крыму Крачковскій знакомится съ княземъ Юсуповымъ, тогда командиромъ Кавалергардскаго полка. Князь Юсуповъ вводитъ понравившагося ему художника въ кругъ знати. Пейзажистъ, такъ бездподобно передававшій красоты и очарованіе крымскаго побережья, засыпанъ заказами.

Но у Крачковскаго не закружилась голова. Онъ остается добрымъ, внимательнымъ товарищемъ и ревниво печется о тѣхъ живописцахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ идутъ рука объ руку.

Въ смыслѣ организаторскихъ способностей это былъ рѣдкій человѣкъ. „Товарищество Художниковъ" дѣйствительно понесло въ немъ незамѣнимую утрату.

Работоспособность Крачковскаго, мы уже говорили, была изумительная. Въ смыслѣ строго систематической работы, ежедневной, съ утра и до ве-

«Висячій домъ» Видъ колодца сверху; по обѣимъ сторонамъ его видны опущенныя въ него колонны. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Автомобильные кузова изъ бетона. Послѣдней новинкой въ области автомобильной промышленности являются автомобильные кузова, обшитые вмѣсто обычнаго листового желѣза особымъ цементно-бетоннымъ составомъ. Остовъ кузова обивается легкой проволочной сѣткой, поверхъ которой накладывается бетонная мастика, скоро затвердѣвающая. Бетонные кузова не только легче и прочнѣе желѣзныхъ, но и красивѣе ихъ, такъ какъ допускаютъ скульптурную обработку. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

чера, онъ напоминалъ западныхъ, французскихъ художниковъ. Если бъ собрать вмѣстѣ всѣ картины и этюды, написанные за тридцать пять лѣтъ его творческой жизни, получилась бы грандіозная выставка изъ нѣсколькихъ тысячъ полотенъ.

Онъ устраиваетъ самостоятельную выставку въ Парижѣ. Знаменитый Арсэнъ Александръ посвящаетъ ему цѣлыя статьи. Успѣхъ для художника—небывалый.

Дорога въ Ниццу превращается въ тріумфальное шествіе. Въ Ниццѣ Крачковскій пишетъ рядъ новыхъ картинъ и устраиваетъ и здѣсь свою выставку.

И мы не успѣли оглянуться, какъ Крачковскій уже въ Петербургѣ, уже принимаетъ горячее участіе въ посмертной выставкѣ Крыжицкаго.

Вырвавшись изъ Петербурга въ Италію, словно въ погонѣ за смертью, Крачковскій оттуда, изъ своего прекраснаго далека, живо интересовался ходомъ выставки, въ длинныхъ, обстоятельныхъ письмахъ давалъ совѣты, руководилъ.

И все это до самаго послѣдняго момента. Онъ умеръ на посту, какъ солдатъ.

Н. Брешко-Брешковскій.

„Канонъ" поэтовъ въ честь М. И. Глинки.

Замѣтка **Н. Лернера.**

Такъ какъ вопросъ о томъ, что̀ именно въ этой коллективной шуткѣ принадлежитъ Пушкину, до сихъ поръ еще не былъ точно выясненъ, мы приводимъ ее всю цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ первомъ изданіи „Канона" („Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки". Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ СПБ. 15 декабря 1836 г., въ листъ; перепечат. въ „Запискахъ" М. И. Глинки — „Рус. Стар." 1870 г. и отд. СПБ., 1887, стр. 118 — 119).

Пушкинъ.
Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наша Глинка —
Ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Кн. Вяземскій
За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея - Глинку
Отъ Неглинной — до Невы!

Жуковскій.
Въ честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвеину — стаканъ!

Гр. Віельгорскій
Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь!

Затѣмъ опять повторяется первый куплетъ. Самъ Глинка говоритъ въ своихъ запискахъ (изд. 1887 г., 118): „считаю нелишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ". Но Глинка не привелъ стиховъ ни въ подлинной рукописи записокъ, ни въ провѣренной имъ копіи. 26 ноября 1855 г. онъ писалъ Д. В. Стасову: „у князя Одоевскаго хранятся куплеты на меня, написанные зимою съ 1836 на 1837 года Пушкинымъ, Жуковскимъ и К. Вяземскимъ. Если не ошибаюсь, то должно быть 4 куплета — всего 16 стиховъ. Соблаговолите вооружиться исполинскою настойчивостію, чтобы получить копію съ этихъ стиховъ" (ibid., 366 — 367). 23 іюня 1856 г. Глинка опять проситъ Д. В. Стасова „пріобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго" и, „получа, присоединить къ запискамъ". Память, повидимому, измѣнила Глинкѣ, который не вспомнилъ, что стихи были напечатаны, и въ запискахъ назвалъ Соболевскаго однимъ изъ ихъ авторовъ. Приведенный выше текстъ былъ сообщенъ редакціи „Русск. Старины" (1870 г., т. II, стр. 312 — 313) С. А. Соболевскимъ при слѣдующей замѣткѣ: „Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ 13 декабря 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ — Жуковскаго, второй — Вяземскаго, третій—Жуковскаго, четвертый — Пушкина, и что музыка — кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона — названъ Глинка), обо мнѣ — ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, назвавшему меня въ числѣ творцовъ шутливаго „канона"; я съ августа мѣсяца 1836 года былъ за границею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года". Редакція „Русск. Старины" здѣсь прибавляетъ: „отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона куплеты приписаны авторамъ въ такомъ порядкѣ: 1-й — Віельгорскаго, 2-й — Вяземскаго, 3-й — Жуковскаго, 4-й — Пушкина. На спискѣ, принадлежащемъ г. Соболевскому, наверху надпись „Canon à l'unisson", внизу отмѣтка: „13 декабря 1836 года, на обѣдѣ у Всеволожскаго". Итакъ, здѣсь говорится о двухъ спискахъ: одномъ, найденномъ въ бумагахъ Одоевскаго, и какомъ-то другомъ, бывшемъ у Соболевскаго. Какъ распредѣлены куплеты между авторами, въ послѣднемъ не сказано, но списокъ Одоевскаго расходится въ этомъ отношеніи съ печатнымъ изданіемъ,

Автомобильные кузова изъ бетона. Кузовъ въ готовымъ видѣ. Его остается только отполировать и покрасить. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

хотя оба они согласно приписываютъ Пушкину четвертый куплетъ. Намъ нигдѣ не удалось достать первое изданіе „Канона“, но въ позднѣйшемъ изданіи Стелловскаго [(„Романсы и пѣсни М. И. Глинки“, № 27, — „Появилася новинка (Канонъ)],“ такъ же, какъ въ томъ, не обозначенномъ точно, на которое ссылается „Русск. Старина“, 1-й куплетъ приписанъ Віельгорскому, 2-й — Вяземскому, 3-й — Жуковскому и 4-й — Пушкину (цензурное разрѣшеніе — „С.-Петербургъ 15 декабря 1836 г.“).

На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 г. въ Петербургѣ Комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (см. ея „Каталогъ“, СПБ., 1880, стр. 55), фигурировалъ автографъ Канона, сочиненнаго въ честь Глинки 13 декабря 1836 г. на завтракѣ у Александра Всеволодовича Всеволожскаго графомъ Віельгорскимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ и положеннаго на музыку княземъ Одоевскимъ. Рукою Пушкина написанъ послѣдній куплетъ, сбоку. Все остальное, карандашомъ и чернилами, написано кн. Одоевскимъ. Автографъ этотъ принадлежалъ управляющему имѣніями Всеволожскихъ А. И. Колмыкову (ум. въ 1880 г.), отъ котораго пріобрѣтенъ въ 1873 г. въ Перми Елис. Никит. Зенковичъ. Упоминаемая въ „Запискахъ М. И. Глинки“ („Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 312) рукопись А. В. Всеволожскаго, найденная въ бумагахъ кн. Одоевскаго, есть копія съ этого автографа. Собств. А. Сигунова“. На петербургской Пушкинской выставкѣ 1899 г. этотъ автографъ опять былъ выставленъ, и въ Альбомѣ выставки (текстъ, стр. 24, № 765) еще разъ указано: „послѣдній куплетъ написанъ рукой Пушкина“. Надо думать, что А. В. Всеволожскій, хозяинъ дома, гдѣ Глинку чествовали друзья, оставилъ подлинникъ себѣ на память, и печатались куплеты съ не совсѣмъ исправной копіи. Во всякомъ случаѣ имъ подтверждается принадлежность Пушкину четвертаго куплета („Слушая сію новинку“...) На той же выставкѣ („Каталогъ“, стр. 23—24) находился печатный экземпляръ Канона съ нотами. Странно, что П. А. Ефремовъ (см. его изд. Сочин. Пушкина, 1880 г., III, 456; 1882, III, 472; 1903—1905, II, 389, и VIII, 376) списалъ текстъ не съ автографа, а съ печатнаго экземпляра, и въ первыхъ двухъ изданіяхъ приписалъ куплеты авторамъ согласно указанію печатной редакціи, а въ третьемъ прибавилъ, противорѣча самому себѣ: „1-й куплетъ приписывается Пушкину (или гр. М. Ю. Віельгорскому)... 4-й — гр. Віельгорскому (или Пушкину)“ (т. II, l. c.), а въ примѣчаніяхъ (т. VIII, l. c.): „кажется, вѣрнѣе предполагать, что Пушкинъ написалъ 1-й куплетъ, а не послѣдній“.

Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, въ домѣ котораго друзья-поэты почтили Глинку веселымъ „Канономъ“, принадлежалъ къ извѣстной своимъ богатствомъ, умомъ и остроуміемъ родовитой семьѣ. Пушкинъ былъ въ большой дружбѣ съ его братомъ, Никитой Всеволодовичемъ, блестящимъ красавцемъ, которому посвятилъ одно изъ своихъ лучшихъ посланій (1819 г.). Въ Никитѣ Всеволожскомъ Пушкинъ высоко цѣнилъ умѣнье жить и наслаждаться жизнью; „счастливый сынъ пировъ, балованный дитя свободы“, „знатокъ въ невѣдомой наукѣ счастья“,— такъ величалъ поэтъ своего друга. Вполнѣ подъ стать Никитѣ былъ Александръ. Оба брата принадлежали къ числу основателей общества „Зеленой Лампы“, членомъ котораго былъ Пушкинъ: у нихъ въ домѣ и собирались „ламписты“. Въ 30—40-хъ годахъ эти хлѣбосольные, умные и во всемъ изящные люди собирали на своихъ пирахъ въ петербургскомъ имѣніи Рябовѣ, близъ Охты, сливки лучшаго столичнаго общества.

Событіе, по поводу котораго написанъ „Канонъ“,—постановка „Жизни за Царя“. Пушкинъ присутствовалъ на первомъ представленіи оперы 27 ноября 1836 г. Тѣсной близости между Пушкинымъ и Глинкой не было. Познакомились они еще, когда Глинка воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ при Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ учился братъ Пушкина, Левъ, котораго поэтъ иногда тамъ навѣщалъ (1817—1820). По возвращеніи Пушкина въ Петербургъ, они встрѣчались дружески у А. П. Кернъ, Дельвига, Жуковскаго; бывалъ Пушкинъ и у самого Глинки. Пушкинъ написалъ на его музыку текстъ „Не пой, красавица, при мнѣ“... Глинка надѣялся по его указаніямъ составить либретто „Руслана и Людмилы“ (Пушкинъ говорилъ ему, что „многое бы передѣлалъ“ въ поэмѣ): сочинилъ нѣсколько романсовъ на слова Пушкина („Ночной зефиръ“... „Я помню чудное мгновенье“... „Я здѣсь, Инезилья“... „Кубокъ заздравный“... „Гдѣ наша роза“... „Пью за здравіе Мери“... „Адель“ и др.). Въ 1840 г. онъ писалъ А. П. Кернъ (Записки, 292): „какъ вы поживаете въ Тригорскѣ? Сообщите мнѣ подробное описаніе вашего тамъ пребыванія, въ особенности о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Пушкина“.

Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

(Портр. на этой стр.).

28 мая с. г. исполнилось 50-лѣтіе военно-служебной дѣятельности Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, извѣстнаго всей Россіи своей плодотворной и разносторонней дѣятельностью не только въ военной сферѣ, но и на другихъ поприщахъ общественной жизни.

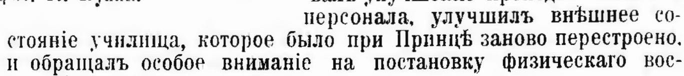
Полвѣка тому назадъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, второй сынъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, началъ свою службу въ офицерскихъ чинахъ въ Преображенскомъ полку, куда былъ записанъ въ прапорщики еще въ день своего рожденія (21 мая 1844 г.) Фактически же военная служба Принца началась въ 1864 году.

Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. По поводу 50-лѣтія военно-служебной дѣятельности. По фот. К. Булла.

Послѣдовательно проходя воинскіе чины и должности, Принцъ былъ произведенъ въ 1871 году въ генералы, а въ 1877 году принялъ участіе въ турецкой войнѣ въ качествѣ командира бригады гвардейской пѣхотной дивизіи. Наравнѣ съ простыми воинскими чинами, Принцъ переносилъ всѣ тяжести походной жизни и сражался при Филиппополѣ, подъ Горнымъ Дубнякомъ, подъ Арабъ-Конакомъ и въ другихъ дѣлахъ съ турками. Послѣ войны Принцъ Александръ Петровичъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, затѣмъ—уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи—былъ призванъ въ 1896 году году къ участію въ работахъ Высшаго законодательнаго учрежденія.

Имя Принца А. П. Ольденбургскаго связано съ цѣлымъ рядомъ работъ и учрежденій на поприщѣ мирной культурной дѣятельности: онъ много и плодотворно потрудился для развитія просвѣщенія и помощи страждущему человѣчеству.

Будучи назначенъ въ 1881 году попечителемъ надъ Императорскимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, Принцъ поставилъ это учрежденіе на небывалую дотолѣ высоту, способствовалъ улучшенію преподавательскаго персонала, улучшилъ внѣшнее состояніе училища, которое было при Принцѣ заново перестроено, и обращалъ особое вниманіе на постановку физическаго воспитанія воспитанниковъ.



Одновременно съ этимъ Принцъ завѣдывалъ дѣтскимъ пріютомъ имени отца, Принца П. Г. Ольденбургскаго, затѣмъ Свято-Троицкой общиной сестеръ милосердія, а съ 1890 года состоялъ попечителемъ надъ Домомъ призрѣнія душевно-больныхъ имени Императора Александра III. Тогда же Принцъ А. П. Ольденбургскій создалъ одно изъ наиболѣе видныхъ и полезныхъ ученомедицинскихъ учрежденій — Институтъ Экспериментальной Медицины, надъ которымъ онъ также состоитъ попечителемъ. Въ связи съ этимъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій много потрудился надъ „Комиссіей о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою“ и состоящей въ вѣдѣніи ея противочумной лабораторіей на фортѣ Императора Александра I, у Кронштадта. Своей энергичной дѣятельностью и экстренными мѣрами охраны Принцъ А. П. Ольденбургскій не разъ спасалъ Россію отъ страшной грозы чумы, время отъ времени вспыхивающей эпидеміей въ ея очагахъ—въ низовьяхъ Волги.

Въ завѣдываніи Принца состоятъ также столичное Попечительство о народной трезвости и Народный домъ съ цѣлой сѣтью просвѣтительныхъ учрежденій, имѣющихъ своей цѣлью отвлекать населеніе отъ пьянства, предоставляя ему разумныя развлеченія и занятія. Дѣятельность Принца въ этой области у всѣхъ на виду: борьба съ народнымъ пьянствомъ нашла въ немъ стойкаго и энергическаго дѣятеля и руководителя.

Въ тѣхъ же видахъ отвлеченія подрастающаго населенія отъ пороковъ столичной жизни, Принцъ учредилъ извѣстное просвѣтительное общество для молодежи „Маякъ“. Это общество пользуется заслуженной извѣстностью и является дѣйствительно маякомъ-прибѣжищемъ для многихъ молодыхъ людей въ нашей столицѣ.

Имя Принца А. П. Ольденбургскаго связано также съ основаніемъ извѣстной климатической станціи-курорта въ Гаграхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прелестное побережье Чернаго моря,

Памятникъ „отцу авіаціи" — физику-математику Марэ, работы французскаго скульптора Обана, освященный 21 мая с. г. въ Булони-на-Сенѣ, въ паркѣ Интернаціональнаго Физическаго Института имени Марэ.

гдѣ теперь раскинулся изящный и жизнерадостный цѣлебный городокъ, совершенно пустовало. Благодаря энергіи Принца, Гагры изъ захудалаго рыбачьяго поселка превратились въ обширный курортъ, вполнѣ благоустроенный и цвѣтущій.

Такова въ краткихъ чертахъ культурная дѣятельность Принца на пользу общества. Ко дню истеченія ея 50-лѣтія дѣятельность Принца была отмѣчена актомъ Высочайшей милости: въ этотъ день Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому былъ Высочайше пожалованъ титулъ Императорскаго Высочества.

Марэ—„отецъ авіаціи". (Съ 2 рис. на этой стр.).

Авіація родилась во Франціи... Имена Блеріо и его отважныхъ соратниковъ въ дѣлѣ завоеванія воздуха начертаны рукою французскаго генія. Франція же вскормила и „отца авіаціи", знаменитаго ученаго Марэ.

Это имя врядъ ли знакомо русскимъ людямъ. Между тѣмъ всѣ интересующіеся успѣхами авіаціи должны знать его. Марэ, въ сущности, создалъ авіацію — по крайней мѣрѣ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она начинаетъ процвѣтать въ наше время: авіацію „тяжелѣе воздуха". Онъ теоретически разработалъ движеніе живыхъ существъ и указалъ законы этого движенія. Авіаторы, создавая свои летательныя машины, руководствовались именно работами и схемами Марэ.

Знаменитый математикъ, Марэ создалъ такъ называемый графическій методъ въ экспериментальныхъ наукахъ и изучилъ „психологію движенія". Какъ анатомъ, онъ схематически разсѣкалъ и разлагалъ живое движущееся существо на отдѣльные моменты и фазы движенія и устанавливалъ точные законы для соотношенія этихъ моментовъ и фазъ и искалъ ихъ корни и отголоски въ живомъ мозгу и въ психикѣ. Въ результатѣ онъ создалъ теоретическую картину движенія — настолько ясную и точную, что оказалось возможнымъ воспользоваться ею и для установленія принциповъ летанія на искусственномъ аппаратѣ.

Благодарная Франція дважды почтила память своего знаменитаго согражданина. Въ прошломъ году въ родномъ городѣ Марэ — Бонѣ — былъ воздвигнутъ въ его честь памятникъ. Теперь, 21 мая с. г., французы поставили Марэ второй памятникъ въ Булони, въ паркѣ Интернаціональнаго Физическаго Института его имени, на авеню Виктора Гюго.

Этотъ второй памятникъ представляетъ собою настоящій шедевръ скульптурнаго искусства: знаменитый ученый представленъ въ задумчивой созерцательной позѣ среди бѣгущихъ лошадей и людей и летящихъ птицъ,— онъ изучаетъ ихъ движенія.

Памятникъ былъ торжественно открытъ въ присутствіи президента республики, директора института Марэ, Шарля Ришэ, и большого числа ученыхъ профессоровъ Парижскаго и другихъ европейскихъ университетовъ. Французская нація сумѣла достойнымъ образомъ почтить память одного изъ своихъ замѣчательныхъ людей

Къ рисункамъ.

Въ предыдущемъ № „Нивы" мы уже познакомили нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ акварелей съ послѣдней Выставки Акварелистовъ. Здѣсь читатели найдутъ еще рядъ снимковъ съ картинъ съ той же выставки. Ѳ. Сычковъ даетъ яркую, залитую солнцемъ, картину *базара* въ маленькомъ городкѣ въ погожій солнечный весенній день. Много цвѣтовъ, зелени, овощей, много характерныхъ живыхъ лицъ и яркихъ красокъ въ этой жизнерадостной сценкѣ. Такъ же много свѣта въ акварели А. Юдина „*Сестры*", въ картинѣ Н. Подберескаго „*Павловскій дворецъ весной*" и въ пейзажѣ Н. Уконина „*Ясный день*". Другой пейзажъ того же художника—„*Въ Павловскомъ паркѣ*"—полонъ зимней свѣжести и чистоты тоновъ, равно какъ и пейзажъ М. Балунина „*Зима въ деревнѣ*". Рядъ этихъ пейзажей завершается красивымъ „*Albogasio на Lago di Lugano*" Р. Берггольца, съ эффектнымъ замкомъ на скалѣ и волшебными тонами озерной Италіи.

Жанровая сценка И. Владимирова „*У водопоя*" не лишена своеобразнаго настроенія, хорошо знакомаго всякому, кто ѣздилъ зимой въ окрестностяхъ Петербурга—на Острова, въ Лѣсной и т. д. Сѣрое небо, блеклые тона зимнихъ сумерекъ, медлительный извозчикъ и нищіе...

Портретные эскизы И. Куликова „*Деревенская дѣвушка*" и И. Мацкевича „*Въ морозный день*" выразительны и типичны.

Европейскія затрудненія.

(Политическое обозрѣніе).

Общее положеніе Европы омрачилось цѣлымъ рядомъ совершенно неожиданныхъ осложненій. Возстаніе албанскихъ магометанъ противъ навязаннаго имъ концертомъ великихъ державъ правителя; полное пораженіе правительственныхъ войскъ; захватъ инсургентами столицы и вторичное малодушное бѣгство отвергнутаго князя Вида на бортъ итальянскаго корабля—ясно указываютъ на полное банкротство австрійской попытки создать изъ Албаніи противовѣсъ быстро растущей сербской государственности. Поскольку австро-итальянское соперничество въ Албаніи, выразившееся уже въ формальныхъ столкновеніяхъ по поводу ареста одного отставного итальянскаго офицера въ Албаніи, подрываетъ эфемерный союзъ между обоими правительствами, постольку горестныя неудачи австрійской политики на Балканахъ

Интернаціональный Физическій Институтъ имени „отца авіаціи"—Марэ въ Булони-на-Сенѣ.

могутъ смѣло быть истолкованы, какъ симптомъ упроченія мира въ Европѣ.

Такое же значеніе имѣетъ, разумѣется, и торжественное свиданіе Его Императорскаго Величества съ Королемъ Карломъ въ Констанцѣ, принявшее характеръ національнаго румынскаго торжества. Общій тонъ Монаршихъ тостовъ, бурныя ликованія румынской толпы при встрѣчѣ русской Царственной Четы и полныя высокаго энтузіазма заявленія румынской печати стоятъ на уровнѣ того народнаго подъема, которымъ сопровождались историческія посѣщенія Государемъ Парижа. Тотъ горячій отзвукъ, который встрѣчаютъ офиціальныя торжества въ общественномъ мнѣніи, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ огромномъ политическомъ значеніи Монаршаго визита.

Спускъ съ аэроплана на парашютѣ. Героиня этого смѣлаго прыжка съ высоты 800 метровъ — г-жа Кайе де-Кастелла, пожелавшая испытать изобрѣтенный ея мужемъ парашютъ, благополучно опустилась на аэродромъ въ Неверѣ.

Всѣмъ становится яснымъ, что рѣчь идетъ о полномъ разрывѣ Румыніи съ Австріей и Германіей по присоединеніи ея къ Россіи и тройственному согласію.

Одновременно состоявшееся тайное свиданіе шведскаго короля съ императоромъ Вильгельмомъ съ участіемъ правителя Швеціи въ совѣщаніи начальниковъ германскаго и австрійскихъ генеральныхъ штабовъ свидѣтельствуетъ о переходѣ Швеціи къ активно-враждебной политикѣ противъ Россіи, но уже по самымъ миніатюрнымъ размѣрамъ военныхъ силъ крошечнаго государства едва ли можетъ утѣшить политиковъ тройственнаго союза въ утратѣ Румыніи, располагающей прекрасною полумилліонною арміею.

Грозными по своимъ послѣдствіямъ обѣщаютъ быть новыя недоразумѣнія между Турціей и Греціей, возникшія на почвѣ массовыхъ избіеній христіанъ по всему турецкому побережью. На ультимативныя требованія греческаго кабинета, поддержанныя естественнымъ заступничествомъ русскаго посла въ Константинополѣ за избиваемыхъ фанатиками-магометанами христіанъ, младо-турецкое правительство отвѣчаетъ только любезными обѣщаніями, но отнюдь не энергичными мѣрами по прекращенію возмутительной рѣзни. Несомнѣнно однако, что, какъ и раньше въ подобныхъ случаяхъ, звѣрскій фанатизмъ турецкихъ масульманъ встрѣтитъ властный и рѣшительный отпоръ со стороны Европы. Никакая рознь политическихъ интересовъ не можетъ подорвать естественной солидарности христіанскихъ государствъ въ защитѣ основныхъ требованій цивилизаціи и гуманности. Допущеніе массовыхъ избіеній въ Малой Азіи ляжетъ кровавымъ пятномъ на совѣсть всей Европы. Властное вмѣшательство великихъ державъ заставитъ Турцію покорно подчиниться законамъ цивилизаціи и тѣмъ предотвратитъ психологически неизбѣжный въ противномъ случаѣ греко-турецкій конфликтъ. Гораздо меньше основаній ожидать благопріятнаго для насъ разрѣшенія правительственнаго кризиса во Франціи. Благодаря расколу въ партіи радикаловъ изъ-за трехлѣтняго срока службы, многіе изъ умѣренныхъ и консервативныхъ избирателей вотировали за крайнихъ соціалистовъ, и послѣдніе завоевали въ новой палатѣ много новыхъ мѣстъ. По капризу судьбы и чисто случайныхъ политиканскихъ комбинацій глубоко-буржуазная Франція осуждена переживать парламентскую диктатуру соціалистовъ. Даже союзное имъ министерство Думерга было вынуждено подать въ отставку изъ-за нежеланія выступить противъ закона о трехлѣтней военной службѣ.

Передъ спускомъ съ аэроплана на парашютѣ. Смѣлая авіаторша Кайе де-Кастелла съ парашютомъ за спиною, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ подъ аэропланомъ, которымъ управляетъ авіаторъ Пелтье, въ ожиданіи подъема аэроплана. Спускъ этотъ съ 800-метровой высоты—рекордный; въ прошломъ году совершилъ такой же спускъ знаменитый авіаторъ Пегу, но лишь съ высоты 300 метровъ.

Принципіальное разногласіе по тому же вопросу между соціалистически-радикальнымъ большинствомъ и независимымъ соціалистомъ Вивіани помѣшало послѣднему образовать лѣвый кабинетъ. Тогда президентъ Пуанкарэ поручилъ составленіе новаго кабинетъ заслуженному и авторитетному парламентскому дѣятелю Рибо, сумѣвшему объединить вокругъ себя лучшія политическія силы оппортунистической партіи въ лицѣ Буржуа, Делькассэ и пр. Однако новый кабинетъ не встрѣтилъ довѣрія палаты и, просуществовавъ всего четыре часа, вынужденъ былъ подать въ отставку. Пуанкарэ, формально заявившій себя въ послѣдней рѣчи непоколебимымъ сторонникомъ военнаго закона, могъ не принять отставки кабинета и, распустивъ палату, назначить новые выборы, которые могли дать рѣшающее и окончательное большинство или его сторонникамъ, или его противникамъ. Само со-

Спускъ съ аэроплана на парашютѣ. Изобрѣтатель парашюта—Кайе де-Кастелла. жена его — испытавшая парашютъ мужа смѣлымъ спускомъ съ высоты 800 метровъ, и авіаторъ Пелтье, управлявшій аэропланомъ во время этого смѣлаго опыта.

бою разумѣется, что побѣда радикально-соціалистической партіи вынудила бы и самого президента республики, принципіально разошедшагося со страной, немедленно же подать въ отставку, но зато и весьма вѣроятная побѣда сторонниковъ военнаго закона значительно укрѣпила бы положеніе президента и власть патріотическаго большинства. Покойный князь Бисмаркъ, опиравшійся на императорскую власть, всегда при отклоненіи рейхстагомъ военныхъ законовъ обращался къ суду страны и на новыхъ выборахъ неизмѣнно получалъ желаемое большинство. Хотя для современной Франціи съ военнымъ закономъ связанъ вопросъ о безопасности ея границъ и о сохраненіи союза съ Россіей, тѣмъ не менѣе не чувствующій за собою никакой поддержки президентъ Пуанкарэ не рѣшился апеллировать къ патріотизму страны и сталъ искать компромисса съ враждебными ему парламентскими партіями. Послѣ паденія Рибо онъ снова обратился къ тому же Вивіани, заявившему на этотъ разъ въ своей министерской деклараціи объ условной готовности отказаться отъ закона о трехлѣтней службѣ, если другія военныя реформы дадутъ возможность сократить срокъ пребыванія подъ знаменами безъ риска для безопасности границъ. Въ переживаемыхъ затрудненіяхъ съ образованіемъ министерства обнаруживается глубокій внутренній политическій кризисъ современной Франціи. Мертвое безразличіе французской демократіи къ вопросу внѣшней безопасности страны воспиталось и выросло на почвѣ безнадежно буржуазнаго и типично плутократическаго характера французской государственности. Своимъ равнодушіемъ къ защитѣ родины пролетаріатъ какъ бы мститъ ей за ея равнодушіе къ его мукамъ и страданіямъ. Въ то время, какъ германскіе соціалъ-демократы насквозь проникнуты чувствомъ національнаго патріотизма, ихъ французскіе коллеги не желаютъ приносить слишкомъ тяжелыхъ жертвъ на алтарь отечества, которое не потрудилось обезпечить ихъ старость государственнымъ страхованіемъ рабочихъ, не охранило ихъ интересы справедливымъ распредѣленіемъ податной тяготы въ видѣ прогрессивнаго подоходнаго налога, не ввело охраны фабричнаго труда и пр. и пр. Дальнѣйшій ростъ антипатріотическаго направленія демократіи грозитъ или внѣшней гибелью Франціи, или смертельной опасностью ея республиканскому строю, потому что торжество антипатріотическихъ партій въ парламентѣ неизбѣжно создастъ могущественный толчокъ къ буланжистскому или монархическому перевороту. Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній онъ представляетъ огромный рискъ въ смыслѣ ослабленія тройственнаго согласія, охраняющаго миръ Европы.

Международная торгово-промышленная выставка въ Ліонѣ. Павильонъ Россіи.

Смѣсь.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ имѣетъ цѣлью оказаніе помощи учрежденіямъ, поставившимъ себѣ задачею призрѣніе неимущихъ сиротъ и полусиротъ сельскаго населенія безъ различія племенъ, состояній, сословій и вѣроисповѣданій, какъ въ сиропитательныхъ пріютахъ для дѣтей отъ двухлѣтняго возраста и старше, такъ и въ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ, ремесленныхъ и сельскохозяйственныхъ школахъ. Кромѣ тѣхъ средствъ, которыя будутъ отпускаемы Комитету изъ Государственнаго Казначейства, онъ разсчитываетъ на широкую помощь частныхъ благотворителей. Безпризорныя, находящіяся въ бѣдственномъ положеніи сироты, лишенныя ласки и попеченія родителей, имѣются повсюду, они насъ окружаютъ, куда бы мы ни обратили нашъ взоръ, и трепетно ожидаютъ облегченія своей участи,—вотъ почему Комитетъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что общественные круги откликнутся на призывъ съ высоты Престола.

Списокъ всѣхъ поступившихъ пожертвованій будетъ публиковаться въ газетахъ, каждая доброхотная копейка пойдетъ непосредственно на осуществленіе благотворительныхъ цѣлей Комитета, близкихъ Сердцу Монарха.

Пожертвованія просятъ адресовать въ Канцелярію Комитета (С.-Петербургъ, Жуковская, 59). Пріемъ личныхъ пожертвованій тамъ же, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. дня до 6 час. вечера.

Содержаніе. **ТЕКСТЪ:** Среди виноградниковъ. Разсказъ (Продолженіе). Тихій азартъ. Современная повѣсть А. Зарина. (Окончаніе).—Академикъ Э. К. фонъ-Липгартъ. (Къ полувѣковому юбилею художественной дѣятельности).—І. Е. Крачковскій. (Некрологъ).—„Канонъ“ поэтовъ въ честь М. И. Глинки. Замѣтка Н. Лернера.—Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.—Марэ „отецъ авіаціи“. — Къ рисункамъ.—Европейскія затрудненія. (Политическое обозрѣніе).—Смѣсь.—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Albogasio на Lago di Lugano.—Въ морозный день. Деревенская дѣвушка.—Павловскій дворецъ весной.— У водопоя.—Зима въ деревнѣ.—Въ Павловскомъ паркѣ.—Сестры.—Ясный день.—На базарѣ весной.—Къ 50-лѣтію художественной дѣятельности Э. К. фонъ-Липгарта. (1 порт. и 1 рис.). — Къ кончинѣ академика А. К. Беггрова (3 рис.).—Къ кончинѣ академика І. Е. Крачковскаго. (1 портр. и 2 рис.). — Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Западную Двину въ Ригѣ. — „Висячій домъ“. (2 рис.).—Автомобильные кузова изъ бетона. (2 рис.).—Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. — Памятникъ „отцу авіаціи“ физику-математику Марэ.—Интернаціональный Физическій Институтъ имени „отца авіаціи“ Марэ въ Булони-на-Сенѣ.—Спускъ съ аэроплана на парашютѣ (3 рис.). Международная торгово-промышленная выставка въ Ліонѣ. Павильонъ Россіи.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 13“.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

ВСѢМИ ЛЮБИМЪ.

Шлю свою фотографич. карточку въ знакъ своего спасенія отъ дурныхъ привычекъ, которыми я страдалъ 18 лѣтъ. Много я потратилъ силъ, никогда не былъ веселъ, все что-то меня тяготило, а сейчасъ у меня появилась веселость. Я былъ стыдливъ съ женщинами, былъ недоволенъ собой, а теперь принимаю участіе въ какомъ угодно обществѣ и всѣми любимъ. Сто разъ спасибо за вашъ цѣлебный препаратъ „Біолъ-Ласлей“. **Т. М. Н.** 3062

Если Вы страдаете общею и половой неврастеніей, головными болями, безсонницей, малокровіемъ, дурными привычками и ихъ послѣдствіями, робостью и слабой памятью, послѣдствіями дурныхъ бол., если Вы нервны, раздражительны, переутомлены,—спросите въ аптекѣ коробку „Біола“ но только настоящаго „Біола-Ласлей“. Вы получите такіе же блестящіе результаты, какъ г. Новиковъ. Это извѣстное средство противъ неврастеніи, которое совершенно безвредно.

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke. 2411 26 14

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

постепенно, а потому незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращаетъ натуральный цвѣтъ и мягкость безвредное средство **ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ**

„ОРІАНТИНЪ“

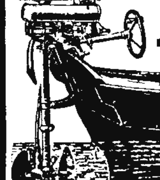
фирмы **Parfumerie d'Orient.**

Примѣненіе этого безподобнаго средства очень простое. Множество самыхъ лестн. отзывовъ. Продается по 3 р. **(двойная коробка 5 р.)** въ парфюмерн. магазинахъ, или высылаетъ налож. платеж. В. Жолновскій. Варшава, почт. ящикъ 440.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

Постоянно на складѣ въ оптов. фирмахъ.

2419 **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДРАЖАНІЙ.** 12-5



Усовершенствованные переносные

Лодочные моторы „ВАТ“

Быстрота. Экономичность. Простой уходъ. Каждая лодка въ двѣ минуты можетъ быть превращена въ моторную. **Зажиганіе Магнето (блиндированное).** Рулевое колесо служитъ равно для полученія обратнаго хода.

Модель I въ $2^1/_2$ лош. силъ	**225** руб.
Модель II въ $2^1/_3$ лош. силъ	**255** руб.
Модель III въ $4^1/_2$ лош. силъ	**378** руб.
Всѣ цѣны съ пошлиной и пересылкой по желѣзной дорогѣ.	

Общество Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68.

Риттерштрассе № 50, соб. домъ. (Германія).

Иллюстр. каталогъ № 8 безплатно.

Безпомощна, какъ дитя. Случай съ одной дамой.

„Я нашелъ что Кефалдолъ-Сторъ дѣйствуетъ прекрасно, — пишетъ намъ одинъ господинъ изъ Москвы. — Первая трубочка подѣйствовала на мою жену, какъ волшебство, я былъ въ такомъ восторгѣ, что разсказывалъ объ этомъ каждому знакомому, и я знаю четырехъ изъ нихъ, которые приняли Кефалдолъ-Сторъ съ такимъ же замѣчательнымъ успѣхомъ. Случай съ моей женой былъ прямо исключительнымъ. Она лежала пять недѣль въ постели безпомощная, какъ дитя“.

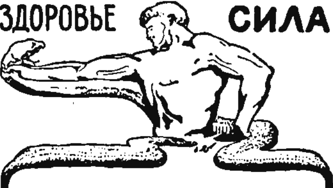
Если вы страдаете ревматизмомъ, ишіасомъ, подагрой, болью въ поясницѣ, невралгіей, головной болью, возьмите въ аптекѣ немного Кефалдола-Сторъ, и Вы будете поражены быстрыми результатами. 3361

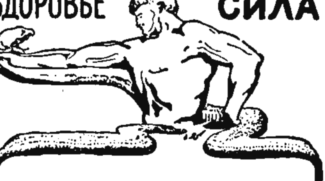
Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца 5-1

являются веснушки. Особенно обильно являются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — этотъ обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ—относились къ разряду тѣхъ золъ природы, съ которыми человѣкъ еще безсиленъ бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность Крема **КАЗИМИ** Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполнѣ основательно, ибо кремъ КАЗИМИ радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ. 3349

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скоропись, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ **НЕВСКІЙ**, 92—11.





Вино Віаль

(VIN DE VIAL)

Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести

СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ, дѣтей и стариковъ

Продажа во всѣхъ аптекахъ.

3378 8-7

Электрическій аппаратъ для разрушенія волосъ.

Фирма Л. М. Багинскій выступила съ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Дамская борода и нежелательная волосатость тѣла безслѣдно уничтожаются съ корнемъ. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе при помощи нажатія кнопки, и сейчасъ же волосы выпадаютъ, и корни погибаютъ. Новый волосъ не можетъ болѣе вырасти на томъ мѣстѣ. За полный успѣхъ фирма ручается возвратомъ денегъ. Аппаратомъ можетъ пользоваться всякій безъ какого-либо подготовленія. Стоимость его 5 р., лучшаго качества 8 р. Съ заказами обращаться къ спеціалисту: Л. М. Багинскій, Рига, 45, Романовская ул., № 29.

2865 (Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ). (4)

BRIEFMARKENSAMMLER!

Verlangt **gratis** meine grosse illustrierte Preisliste № 14. Correspondz. deutch, englisch, französisch, **CARL KREITZ, Königswinter, 4,** Deutschld 2757

Русская калифорнія

Страна самоцвѣтн. камней и золот. издѣл. Иллюстр. каталогъ безплатно. Г. Екатеренбургъ, „Уральскій Экспортъ“, соб. гран. и ювелир. мастер. 3060

Не опасаетесь ли Вы

ПОСЛѢДСТВІЙ СѢДОСТИ ВОЛОСЪ?

Недооцѣниваютъ Вашу рабочую способность, считаютъ Васъ истощеннымъ и не вѣрятъ больше въ Вашу трудоспособность, хотя Вы себя отнюдь не старыми чувствуете.

Краски для волосъ В. Зеегера

возвращаютъ **сразу** Вашимъ волосамъ ихъ **первоначальный** цвѣтъ.

Если желаете **возстановить** цвѣтъ Вашихъ волосъ **медленно,** незамѣтно для окружающихъ, то **В. ЗЕЕГЕРА „Нюансинъ“** превосходно исполнитъ эту задачу.

Краски для волосъ В. Зеегера красятъ **всегда правдиво.**

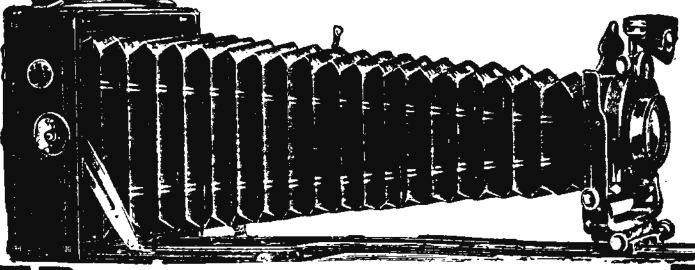
Крайне простое употребленіе.

Всемірно извѣстная спеціальность фирмы отъ 30 лѣтъ. 2861 2-2

Безвредность всѣхъ препаратовъ гарантирована. Получать можно во всѣхъ Аптекарскихъ и Парфюм. Магазинахъ.

Главный складъ для Россіи: В. ЗЕЕГЕРЪ, Варшава, Журавлиная, № 31.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричное клеймо „Летучая рыбка“.



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякій заслуживающій довѣрія можетъ пріобрѣсти лучшіе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными **взносами.** Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренціи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.

2995 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10—7. 8-6

Сосновый деготь и Экстрактъ Бай,

связанные особымъ способомъ съ химически чистыми сѣрой, нефтью и стираксомъ,—вотъ главныя составныя части англійскаго жидкаго мыла для волосъ „**Бай Санагри**“. Пріятное ощущеніе свѣжести отмѣчается при первомъ же обмываніи. Волосы принимаютъ свой естественный блескъ, пріятны на ощупь и не сѣкутся. Мыло „**Бай Санагри**“ рекомендуется какъ идеальное, не раздражающее обмываніе волосъ, какъ для здоровой кожи, такъ и пораженной обоими видами перхоти. Цѣна флакона 1 р. 20 к. (хватаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ). Требуйте вездѣ. Брош. безплатно.

Депо: С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 10. Тел. 102-36. 2801 2-2

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебн. заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн., нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „ГИМНАЗІЯ на ДОМУ“ (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. 2812 3-4

Курсъ „Гимназія на Дому“ состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО

опытн. преподават. исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руковод. ихъ занятіями. Популярн. изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ ученик. нашихъ мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія“:
АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.

Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО“, С.-Петербургъ, Николаевская, 44/29.

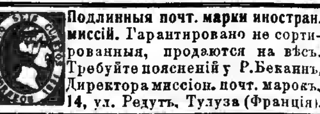
= НУЖНЫ АГЕНТЫ. =

1000 марокъ для кол. пересылка нал. пл. по тар. **1 р.**
П. ВАРЧЕНКО, Кіевъ, Банковая, 7. 3047

250 снимковъ съ натуры парижск. **жанра**, высыл. по получ. 1 р. 75 к. деньг. или марк. Москва. фирмѣ „**Экспрессъ**“, ящ. 2240.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-6
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. **Адресъ**: Москва, редакція журн. „Соколъ“, отд. 3.



Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей**: новый каталогъ на 1914 годъ съ подробн. описан. серіи высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр. **М. ЛИППМАНОВИЧЪ,** Лодзь 5, ящ. **526.** 2996 3-3

БЛИЗЪ ПСКОВА
300 дес. за 7,000 руб.

безъ болотъ съ озер., въ самой высок. части Пороховск. у. **прод. нем.**, въ 17 в. отъ ст. Новоселье, СПБ. Варш. ж. д., близъ Владим. лагеря. Земля не залож. Подр. у влад. **К. Е. Кометса**, СПБургъ, Ждановка, Офицерскій пер., 4, кв. 13, тел. 473-53. Лично до 9 у. и 7—8 веч. 3050

300—600 руб.

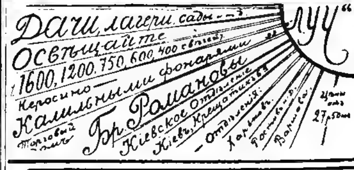
3055 **въ мѣсяцъ** 2-1
могутъ зарабатывать мужчины легко у себя дома. Совершен. новые пути къ богатству. Требуйте немедл. безпл. проспекты № 7. г. ЛОДЗЬ, почт. ящ. 36/7.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
Крахмальныхъ, паточныхъ,
декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ
В. Г. УЛАНДЪ,
об. съ огр. отв. 3001 16-2
Лейпцигъ-Голисъ.
— Проспекты высылаются безплатно. —

Наилучшій подарокъ для дамъ!

3064

Послѣдн. всеобщая мода—браслетъ съ часиками изъ настоящ. золота „Дубле“, котор. цѣнятся наравнѣ съ золот. 56 пр. Браслетъ этотъ извѣстенъ въ **Парижѣ** подъ имен. „**рука красоты**“, растягивается автоматич. и подходитъ къ кажд. рукѣ, придавая ей особен. эффектъ. Механизмъ час. наилучш. конструкціи. Браслетъ съ часиками высыл. въ изящн. футлярѣ всего за 4 р. 25 к., 2 шт. 8 р. Такой же браслетъ нечернѣющ. гарантир. на 10 лѣтъ 6 р. 50 к. и 7 р. 50 к. Такой же серебр. брасл. съ сер. часик. 84 пр.—7 р., 8 р. 50 к., 11 р. Всѣ часы лично провѣр. до минуты съ ручат. за вѣрн. хода на 6 лѣтъ. Высыл. налож. платеж. и безъ задатка. Пересылка 50 к., а въ Сибирь 80 к. Адрес.: Торгов. фирмѣ **Бр. Грозовскихъ, Варшава, Грибная ул., № 7, с. д.**



3116 12-6

100 рублей въ мѣсяцъ 2851 (4) **ВѢРНАГО обезпеченнаго заработка** для всѣхъ при удобн. домашн. раб. Разст. не мѣш. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл. **1-ое Западн. Т-во** Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.

ФОТО гр. снимки **парижск. красавицъ** новые **интересные** каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.). 2908 12-6

ЗАИКАНІЕ

КАРТАВОСТЬ.

Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва,** ул. Воронцово поле, № 5. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію— 5 руб. съ пересылкой.

✚ ПОТѢНІЕ ✚

НОГЪ, РУКЪ, ПОДМЫШНИКОВЪ и друг. частей тѣла, хотя бы самое злокачеств., УНИЧТОЖ. НАВСЕГДА въ нѣск. дней изобрѣт. мною ДОМАШН. средств., которое съ подробн. настав. высылаю налож. плат. за 1 р. 25 к. (перес. и упак. 50 к.). Не рекл., а **серьезн. и честн.** предл. Адр.: **Москва, Долгоруковская ул., № 1, кв. 9—3. Марія Е. Чурбанова.** 3043 2-1

Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: „**УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ**“ научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974, **Г. Давыдову.** 2-1 3068

НЕОБХОДИМО ВЪ КАЖДОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

Приборъ для точки ножей.
Цѣна на лакиров. подставкѣ **1 р. 40 к.** съ пересылкой, 2 экз. — **2 р. 40 к.** Въ Сибирь на 30 к. дороже. Нал. плат. 25 к. 3083 Шуя, Владим. губ. Почт. ящ. 14. 2-2

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.

2971 32-4

ПРОТИВЪ ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ
въ особенности хрон. воспаленій, разстройства менструаціи, безплодія, а также **болѣзней крови, подагры, ревматизма, нервныхъ болѣзней** и проч.

ПРОТИВЪ БОЛѢЗНЕЙ СЕРДЦА
недостаточности сердца (ослабленія сердца), воспаленія сердечнаго мускула, неправильностей сердечныхъ клапановъ, невроза сердца, артеріосклероза, ожирѣнія сердца и проч.

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Подробный и богато иллюстрированный **проспектъ** высылаетъ **безплатно Правленіе Курорта.** 2981 2-2

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧАЯ

Всегда неизмѣнно высокое качество чаевъ фирмы **И. Е. Дубинина** создало для фирмы завидную извѣстность по всей Россіи. Во всѣхъ даже глухихъ уголкахъ великой Россіи пьютъ и наслаждаются нашими знаменитыми чаями: **чай Янхао № 14—2 руб., чай Царская Роза № 5—2 руб., чай Моюне № 18—2 р. 40 к. и чай Небывалая Рѣдкость № 8—2 р. 80 к.** Если кто не пробовалъ эти необыкновенно высокіе чаи, тотъ пусть требуетъ ихъ у мѣстныхъ торговцевъ или выписываетъ изъ Москвы изъ нашихъ складовъ. На пробу высылается 1 фун. по ¼ фунту каждаго сорта за 2 руб., четыре фунта по 1 фунту каждаго сорта за 7 руб. 55 коп. Пересылка во всю Европейскую Россію за нашъ счетъ. 3069 4-1

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ И. Е. ДУБИНИНА. МОСКВА, Покровка, 51.
Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. П. ЧЕХОВА.

Вышло въ свѣтъ 13 томовъ.

I, II, III, IV, V, VI, VIII, IX, XII и XIII — „**РАЗСКАЗЫ**“, т. VII — „**ПЬЕСЫ**“, т. X — „**ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ**“ и т. XI — „**РАЗСКАЗЫ и ПЬЕСЫ**“.

Цѣна каждаго тома по 1 р. 50 к., съ перес. по 1 р. 75 к.; въ перепл. по 2 р., съ перес. по 2 р. 30 к.

„Тамбовскій Случай“

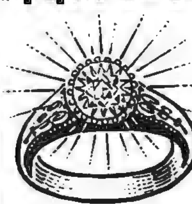
мин. 1 д. **А. ГРАБИНЫ.** Цѣна 50 коп. Лучшая изъ соврем. 1-актн. комедій. 3058

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени, у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко сдѣлаете. Рецептъ и наставл. высылаю немедл. за 1 р. 25 к., можно марк. или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3.**

2845 **МАРІЯ ЧУРБАНОВА.** 4-3

3056 **ДАРОМЪ** 2-1



Для ознакомл. съ нашей фирмой высыл. всякому новѣйш. фасона **массивное золотое кольцо 56 пробы** съ чудн. имит. бриліантомъ, мужск. или дамск., ничѣмъ не отлич. отъ кольца стоим. 200 руб. Высыл. только за вознагражден. рабочей платы въ 2 р. 25 к. за штуку. За перес. нал. плат. присчит. 35 к. При заказѣ 3-хъ колецъ и болѣе перес. за нашъ счетъ. Адрес.: **О-во „Меркурій“, г. Лодзь—2.**

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористь шрифт. **Цѣна** съ перес. **1 р. 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арием. Ц. 40 к. съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ, Невскій, 92—3.

МЕБЕЛЬ НА ХРАНЕНІЕ

принимается въ Товарныхъ Складахъ А. Е. ПРѢЛОВСКАГО.

Имѣются отдѣльныя кладовыя отъ 10 руб. и общія отъ 1 р. 50 к. за кв. саж. и обширная площадь двора для громоздкихъ товаровъ. **Складами завѣдуетъ отвѣтственная биржевая АРТЕЛЬ.** На склады подаются вагоны со всѣхъ желѣзныхъ дорогъ.

Адресъ: **близъ Балтійск. вокз., Михайловскій пер., № 4.**

Телефоны: 159—51 и 629—55. 3046

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Брейеръ. Изящныя работы съ цвѣтнымъ синдетикономъ, съ 19 рис.—30 к. **Гордонъ.** Художественное выжиганіе, съ 25 рис.—40 к. **Груберъ.** Какъ выучиться лѣпить, съ 25 рис.—50 к. **Іенике.** Живопись масляными красками — 80 к. **Ковальскій.** Тисненіе по кожѣ, вытравливаніе по стеклу, дереву и т. д., съ 31 рис.—30 к. **Красовскій.** Лѣпныя работы изъ глины, съ 54 рис.—30 коп. **Леонардъ.** Тисненіе и живопись по кожѣ, съ 30 рис.—30 к. **Леонардъ.** Тисненіе и выжиганіе по бархату и живопись на тканяхъ, съ 10 рис.—30 коп. **Маликовъ.** Металлопластика, съ 35 рис.—50 к. **Михайловъ.** Живопись по фарфору, міоликѣ и кожѣ — 50 к. **Михайловъ.** Живопись акварелью и масляными красками, съ 11 рис. — 50 к. **Незнамова.** Живопись брызгами, съ рис. — 30 к. **Незнамова.** Изящныя работы изъ перьевъ, съ 7 рис.—30 к. **Рейманъ.** Работы выжигательнымъ карандашемъ, съ рис. — 30 к. **Ротъ.** Металлопластика, съ 83 рис. — 40 к. **Роуботамъ.** Живопись акварелью—40 к. **Серебряковъ.** Художественное выжиганіе—всѣ новости пирографіи, съ 41 рис.—60 коп. **Ротъ.** Интарсія или мозаика по дереву, съ 18 рис.—30 к. **Сигаринъ.** Живопись масляными красками, акварелью и пастелью, съ рис.—80 к. Художникъ-любитель, съ рис.—50 к. **Александровъ.** Инкрустація и мозаика, съ рис.—30 к. Большой выборъ альбомовъ рис. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ

Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА“, СПБ., Екатерингофскій пр., 10/19.

Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 коп., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Полный каталогъ художественныхъ и ремесленныхъ книгъ и различныхъ альбомовъ рисунковъ изящныхъ ремеслъ, высылается безплатно. 3045

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Вслѣдствіе появ. поддѣл. час. фирмы „МОЗЕРЪ“, предостерегаемъ почтен. публику и предлагаемъ всѣмъ желающимъ пріобр. часы всеміно-извѣстн. швейцар. фабр. час. „T. Moser & Co“ выпис. непосредств. ТОЛЬКО ИЗЪ ПЕРВОЙ РУКИ, изъ Швейц. Всѣ убѣждены, что часы „Мозеръ“ являются сам. лучш. и отлич. прочн. механ., вѣрн. ходомъ и изящ. Часы „Мозеръ“ черн. ворон. стали, НАСТОЯЩІЙ АНКЕРЪ, НА 28 КАМН. „ЛЕЪЪ ВЕРЗИБЛЬ“, съ серебрянымъ волоскомъ „Noc Magneth“, не имѣющимъ магнитной воспріимчивости, отъ чего ходъ часовъ не измѣняется въ теченіи долгихъ лѣтъ, плоск. „Ремонтуаръ“, заводъ разъ въ 48 ч., вывѣр. до секунды, механизмъ изъ чист. никкеля, съ полн. фабр. гарант. на 10 л. Желая дать возможн. всѣмъ пріобр. означен. часы, мы рѣшили прод. таковые въ розн. по оптов. цѣн. и назн. цѣну ТОЛЬКО 6 Р. Такіе же съ 3-мя крышк. 7 р. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! На высыл. нами часахъ имѣются на циферблатѣ, черная надпись и на 2 крышк. золот. надп. „T. Moser & Ко“. Высыл. налож. плат. и безъ зад. Перес. вм. съ пошл.—50 к., въ Сиб.—80 к. Письмо въ Швейцарію оплач. 10 к. марк., откр. 4 к. Адр., который просимъ вырѣз. и наклеить крѣпко на конв. или откр.: 3065 2-1

Я. П. Фишельсонъ	I. P. Fischelsohn, Schweitz
Швейцарія, Біель, 79.	Biel, Centralstr., 68.

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЯСЪ

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ.

ПРЕДУПРЕЖДАЕТЪ БРЮШНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ. СПОСОБСТВУЕТЪ ПРАВИЛЬНЫМЪ ОТПРАВЛЕНІЯМЪ ЖЕЛУДКА И КИШЕЧНИКА. ВЫЗЫВАЕТЪ ХОРОШЕЕ САМОЧУВСТВІЕ. ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТОЙ ПРИ ЧРЕЗМѢРНОМЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ НАПРЯЖЕНІИ. СОЗДАЕТЪ КРАСИВУЮ ФИГУРУ И ЭЛЕГАНТНУЮ ПОХОДКУ.

Анатомическій поясъ д-ра НАМИ

НЕОБХОДИМЪ ВСѢМЪ МУЖЧИНАМЪ, въ особенности начинающимъ полнѣть, страдающимъ ожирѣніемъ и болѣзнями желудка, кишечника и почекъ. Онъ рекомендуется, какъ предохранительный поясъ при всѣхъ видахъ спорта.

Онъ утончаетъ талію, сокращаетъ бока и животъ, почему онъ незамѣнимъ элегантнымъ мужчинамъ, желающимъ сохранить красоту фигуры и изящную походку.

Весь поясъ цѣликомъ вытканъ на особыхъ станкахъ. Онъ изготовляется изъ совершенно новой, спеціальной, эластичной ажурной ткани, очень практичной въ ношеніи и не задерживающей испаренія. Поясъ легокъ, удобенъ и гигіениченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ устранены всѣ недостатки всѣхъ существующихъ мужскихъ поясовъ и корсетовъ.

Анатомическій поясъ д-ра Нами оказываетъ постоянную раціональную поддержку брюшнымъ органамъ, иммобилизируетъ ихъ въ правильномъ анатомическомъ положеніи, не стѣсняя при этомъ ихъ функцій. 3067

ЕГО НОШЕНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ И НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЭЛЕГАНТНОСТИ ТУАЛЕТА.

Исключит. продажа въ Отдѣлен. парижск. фирмы

А. КЛАВЕРИ,

МОСКВА, ПЕТРОВКА, 8, отд. Н. 34.

Иллюстриров. каталогъ высыл. безплатно.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.

П. КОМИСАРЕНКО. 3036

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужч. и женщ. вылѣч. навсегда въ 10 дней испыт. вѣрн. средств. мазь **„Геморенъ“** проф. **„Гучардъ“**, Парижъ. Цѣна 1 банки съ перес. 2 р. 50 к., высыл. нал. плат. Адр. Главн. Представ. Блюштейнъ, **Лодзь, Каменная, 3. Н.**

3051 5-1

3041 5-3

ВЕЛОсипеды отличн. качества дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Ш. Гальпернъ, Либава, пр.-к. безим. 8002 3-

Француженокъ, англичанокъ, нѣмокъ выписываетъ изъ собственныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи первораз. контора **Ясинской, Варшава, Владимирская, 19,** реком. **учителей и учительницъ.**

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** (Испанія). 2999 15-3

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ **АРТИСАЛЬ**

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз. 18-15 2569

ЕСЛИ **ЗУДЪ КОЖИ** безпокоитъ Васъ такъ, что Вы чешетесь до крови и не находите сна, употребляйте 2773

ТІОПИНОЛОВУЮ Д-РА МАТЦКА МАЗЬ изъ БРАУНШВЕЙГА.

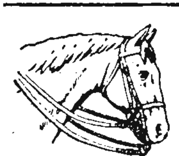
Она быстро дастъ Вамъ облегченіе. Вѣрное средство отъ **экземы, чесотки, лишаевъ, прыщей** и др. накожныхъ болѣзней. Банка 1 р. 75 к., 3 банки 4 р. 75 к. Въ аптек. и аптекар. маг. Гл.Скл. П. Вегенеръ, С.-Петербургъ, Невскій, 3—Н.

40 ИНТЕРЕСНЫХЪ КНИГЪ и 44 СНИМКА ПАРИЖСКАГО ЖАНРА за 2 РУБ. съ пересыл. налож. плат. (можн. марк.)! 3046

Адрес.: Москва, Книжн. скл. П. Селезнева, Комм. ящ. 244/В.

КТО ХОЧЕТЪ? безъ помощи учителя подготовиться

КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ: на аттестатъ зрѣлости, полный курсъ реальнаго училища, кадетскаго корпуса, на званія: учителя, учительницы, чинъ 14 кл., вольноопред. 1 разр., священника, нотаріуса, частнаго повѣреннаго и проч. или въ учебное заведеніе высшее или среднее. Требуйте **безплатно** условія и программу. Адр.: **Москва, Шаболовка, 1-й Михайловскій пр., собств. домъ № 1, редакціи журнала „Самообразованіе".** 3052



УПРЯЖИ, СѢДЛА.

П. Я. Александровъ съ С-ми,

Москва, ул. Балчугъ, д. 13.

Требуйте прейсъ-курантъ 1914 г. 3058

ВѢНСКІЯ ГАРМОНІИ

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ.

ДВУХРЯДНЫЯ съ мѣдными планками о 21 клап., двухголосныя.

№ 4553—10 бас.,	гол. нов. серебр., выш. 6½ вер. . . .	12 р.
№ 4556—12 „	гол. нов. сер., корп. орѣх. дер., выш. 6¾ в.	15 р.
№ 4559—12 „	лучшей работы, съ двойнымъ мѣхомъ. .	18 р.
№ 4562—12 „	со стальн. гол.. . .	20 р.
№ 4566—12 „	со стальн. гол., корп. палис. дер. съ инкрустаціей, густые, низкіе басы..	30 р.
№ 4573—12 „	Трехголосная, концертная, стальные голоса, корпусъ палис. дер., выш. 6¾ вер. .	40 р.

ТРЕХРЯДНЫЯ въ 35, 45, 50, 60 р. и дороже до 250 руб.

РУССКІЯ: Невскія въ 2, 3, 4, 5 и 7 р., **Ливенки** въ 5½, 7, 8½ р. и дороже, **Итальянки** въ 5, 6 и 8 р., **Азіатскія** въ 8½ и 11 р., **Вятскія** въ 11, 13 и 15 р., **Нѣмецкія** однорядныя отъ 4 до 25 р., двухрядныя отъ 11 до 25 р. 3042

Школы-самоучители 75 коп., 1 р. и 1 р. 50 к. Пр.-кур. высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. **Москва,** Кузнецкій м. **Рига,** Сарайная, 15.

НЕОСПОРИМО,

что „Сенъ Рафаэль" есть тоническое, укрѣпляющее, возстанавливающее силы, способствующее пищеваренію и превосходное на вкусъ **ВИНО.** 2380 3-3

Требуйте только вино Компаніи вина „Сенъ Рафаэль" **ВАЛАНСЪ,** Дромъ (Франція) съ этой подписью:

St. Raphaël

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,**

КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.

Предл. единственно вѣрное средство для массоваго истребленія

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес. 2987 6-2

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (30)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings)

ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.

СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.

СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.

Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.

складъ у **И. ГЛАЗУНОВА.** Москва, Столешниковъ, № 8. 2960 8-4

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ

въ Оружейномъ складѣ **Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,**

Москва, Тверская, д. № 15, близь Газетнаго пер.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

по доступнымъ цѣнамъ.

НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРѢШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

—— Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости. —— 2763 8-4

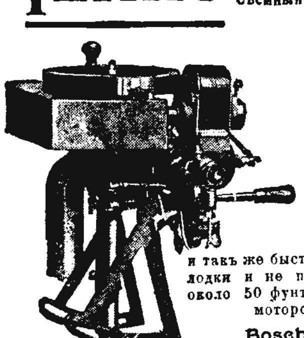
ОБЩЕУКРѢПЛЯЮЩЕЕ и КРОВЕТВОРНОЕ СРЕДСТВО.

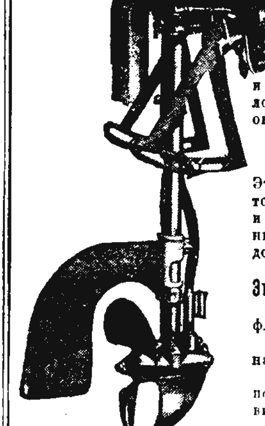
На основаніи клиническихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій съ успѣхомъ примѣняется при МАЛОКРОВІИ, ХЛОРОЗѢ, РАХИТѢ, ЗОЛОТУХѢ и ИСТОЩЕНІЯХЪ на почвѣ различныхъ заболѣваній. Рекомендуется какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и для взрослыхъ.

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ. 2961

FERRO ТРЕБУЕТСЯ ПРОДАВЕЦЪ.

Съемный лодочный моторъ FERRO





представляетъ собой новѣйшій и наилучшій съемный моторъ для моторныхъ и гребныхъ лодокъ, построенный въ величайшемъ и наилучше оборудованномъ морскомъ машиностроительномъ заводѣ въ мірѣ. Моторъ можетъ быть приспособленъ ко всякаго рода лодкѣ—къ гребной, къ челну, къ ялику, къ парусной лодкѣ въ теченіе одной минуты и такъ же быстро можетъ быть удаленъ, не повреждая лодки и не примѣняя инструментовъ. Вѣсъ мотора около 50 фунт. Скорость движенія лодки съ такимъ моторомъ отъ 7 до 10 миль въ часъ.

Bosch Магнето-карбураторъ.

Этотъ моторъ того же доброкачественнаго матеріала той же работы и той же тщательности въ чертежахъ и постройкѣ, какъ машины FERRO. Онъ имѣетъ съемные балки, руль, поплавокъ, карбураторъ. По желанію доставляется реверсивный, непромокаемый магнето высокаго напряженія.

Этотъ моторъ наилучшій изъ существующихъ въ продажѣ.

Далѣе нами строятся полный **рядъ** машинъ для флота и постоянныхъ двигателей.

Обращайтесь сейчасъ же къ намъ съ предложеніемъ на представительство для Вашей страны.

Наше вполнѣ оборудованное экспортное отдѣленіе поможетъ Вамъ использовать съ успѣхомъ представительство. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ.

Пишите еще сегодня:

THE FERRO MACHINE & FOUNDRY CO.

CLEVELAND, OHIO, U. S. A. Адресъ для телеграммъ: **FERRO—CLEVELAND**

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 25.

XLV г. изданія

Выданъ 21 іюня 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 14.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ.

1743 39-17

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!

При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Все остальное безъ медали и безъ атестата подделки.

БАЗАРЪ МАРОКЪ НЕВСКІЙ 20 КВ

1391 17-8

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.

Изданіе **С. Я. ЯМБОРЪ.**

Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл.

2169 (20)

ПРИМѢРЬТЕ

эластичный корсетъ **Руссель** и Вы увидите, что Ваша фигура, которую Вы уродуете и калѣчите обыкновеннымъ корсетомъ, пріобрѣтетъ изумительную стройность и гибкость: эластичный корсетъ **Руссель** великолѣпно стягиваетъ фигуру и не причиняетъ при ношеніи ни малѣйшихъ неудобствъ.

ЭЛАСТИЧНЫЕ

Корсеты Руссель	. . . отъ	22 р.
Полукорсеты „	. . . „	18 „
Пояса Руссель	. . . . „	10 „

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНУЮ БРОШЮРУ.

Высылка и продажа только изъ собственныхъ съ особыми дамскими отдѣленіями, магазиновъ **ПРЕДМЕТОВЪ ГИГІЕНЫ.**

Отд. Пар. фирмы **Ж. РУССЕЛЬ.** Москва, Столешниковъ, 5. СПБургъ, Невскій 66, входъ съ Фонтанки 29.

3018 8-3

ПРИ РАЗЛИТІИ ЖЕЛЧИ и БОЛѢЗНИ ПЕЧЕНИ весьма важно, чтобы отправленіе желудка происходило регулярно. Научными наблюденіями въ вѣнской Всеобщей лѣчебницѣ установлено, что употребленіе въ теченіе восьми дней подъ рядъ натуральной горькой воды Франца-Іосифа въ количествѣ одного стакана ежедневно, вмѣстѣ съ очищеніемъ желудка, приносило и ту пользу, что желчь замѣтно уменьшалась. Продажа въ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.

3011 10-1

НОВОСТЬ изъ репертуара **Ѳ. И. ШАЛЯПИНА:**

„Къ родинѣ“. Сюита для баса съ фортепіано **Ю. Сахновскаго.**

№ 1. Ой, стоги, стоги—ц. 60 к. **№ 2. Ходитъ смерть. № 3. Кузнецъ**—ц. по 50 к. **№ 4. Къ родинѣ**—ц. 75 к.

Списокъ романсовъ и арій, исполняемыхъ Ѳ. И. Шаляпинымъ, и полный каталогъ для пѣнія, съ обозначеніемъ голосовъ и діапазона, высылаются безплатно.

П. ЮРГЕНСОНЪ,

3077 Москва, Неглинный пр., 14. 3-1

BRIEFMAPKENSAMMLER!

Verlangt **gratis** meine grosse illustrierte Preisliste № 14 Correspondz. deutch, englisch, französisch.

CARL KREITZ, Königswinter, 4, Deutschld.

2757

2129 13-2

Инженерное училище въ Мангеймѣ (Германія).

Субсидируемое городомъ высшее спеціальное техническое учебн. заведеніе по

3070 26-1

машиностроенію, электротехникѣ, литейн. и металлургическому дѣлу.

Программы высыл. безплатно.

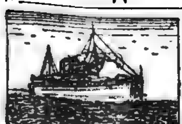
Слабительныя пилюли Ара

нѣжное, безъ боли

дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ.

Коробка 95 коп.

РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОѢЗДКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ И ОТДЫХА.



Черезъ Фіуме въ Далмацію.
Черезъ Фіуме въ Венецію и Анкону.
Черезъ Фіуме въ Албанію и Грецію.

Всюду спокойное и пріятное морское путешествіе на первоклассн. и комфортабельныхъ пароходахъ.

2654 Справки въ Агентствахъ Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ. 12-7

Венгерско-Кроацкое пароходное общество въ Фіуме, Австрія.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА

превосходная пища, рекомендуемая врачами для дѣтей въ возрастѣ отъ 7-ми мѣсяцевъ, въ особенности во время отлученія отъ груди и въ періодъ роста. *Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обусловливаетъ правильное развитіе костей.* Весьма полезна для стариковъ и выздоравливающихъ.

Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПАРИЖЪ

6, rue de la Tacherie

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-7

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ“. отд. 3.

ЛѢЧЕБНИЦА д-ра мед. НЕТКАЧЕВА,

для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ.**

Пріемъ ежедневно. •• Имѣется пансіонъ. Психологическій способъ лѣченія.

2934 **МОСКВА.** 4-3

Новый Переносн. Лодочн. Моторъ

превращ. въ 1 минуту кажд. обыкн. лодку въ (4) моторную. 2814

Цѣна 230 руб. съ пошл.

Exp. Bureau I. Feinstein. Berlin-Chtbg. Mommsen. 19.

3037

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!
10 шт. 10 коп.
ПАПИРОСЫ
Османъ
ТВ-ТАБАЧ. ФАБ.
А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К°
С.-П.-Б.

ФОТОграфическія снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).
2309 15-3

ЛѢЧЕБНАЯ СОЛЬ **АРТИСАЛЬ**

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз.
18-16 2569

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА — РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ — ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2121 16 8

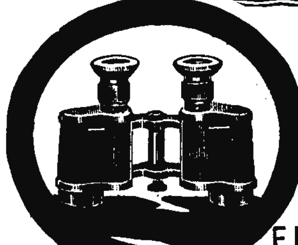
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
(основана 1860 года).
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 27.

О-де-колонъ двойной,
О-де-колонъ тройной,
О-де-колонъ № 4 (Экстрактъ),
ПЕРВЫЙ ПО КАЧЕСТВУ
ВЪ ПРОДАЖѢ ВЕЗДѢ.

Общество „С.-Петербургская Химическая Лабораторія" проситъ, въ виду повторяющихся поддѣлокъ, обращать особенное вниманіе на наименованіе фирмы, состоящее только изъ трехъ словъ
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ",
и на марку съ изображеніемъ памятника Императору Петру Великому.
Золотая медаль Парижъ 1900 г.

═ ХОДИ ПРЯМО! ═
2163 **НЕ СГОРБИВШИСЬ!** 13-12
„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

2857 6-4



БИНОКЛИ
КРАУСА
ПОЛЕВЫЕ и ТЕАТРАЛЬНЫЕ
КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО
Е. КРАУСЪ — ул. Гоголя 5 — С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Названіе „Альсъ" имѣется на каждой пилюлѣ.

Наилучшее Слабительное
Пилюли д'АЛЬСЪ
содержащія исключительно растительныя вещества и не вызывающія никогда ни коликъ, ни поносовъ.
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.
Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) вечеромъ передъ ѣдой.
Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.
Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.
2349 9-10

ВЕЗДѢ ИЗВѢСТЕНЪ.

Когда Вы отправляетесь въ отпускъ, не забудьте взять съ собой „ЖИЛЛЕТЪ"-аппаратъ. Съ помощью сгибаемаго лезвія-„ЖИЛЛЕТЪ", Вы можете сами вездѣ и во всякое время скоро и безопасно бриться.

Бритв. аппар. ЖИЛЛЕТЪ цѣна Руб. 10.— и дор. Продается вездѣ.
Лезвія запасн. за 1/2 дюж. Руб. 1.15 и за 1 дюж. Руб. 2.25.
GILLETTE SAFETY RAZOR Ltd., Boston U. S. A. and Leicester (England).
Единственный представитель для всей Россіи: **Рихардъ Гардеръ и Ко, Гамбургъ, 14.**
Представитель для С.-Петербурга: Робертъ Ромпе, Фонтанка, № 58.
2-1 Представитель для Москвы: В. Я. Маціонъ, Мясницкая, № 13, кв. № 1. 3076

Gillette Не требуетъ точки
Не требуетъ правки
Аппаратъ для бритья

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Спермин**ъ**-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

2306 12-6

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

XLV г. № 25 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 21 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 14.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

(Окончаніе).

Наконецъ это становилась нестерпимымъ. Съ каждымъ часомъ воля его слабѣла. Онъ уже больше не могъ сдерживать своего желанія—схватить ее въ свои руки, обнимать и цѣловать ее, забыть обо всемъ, обо всѣхъ, говорить ей невозможныя, несбыточныя слова и прижимать ея горячее тѣло, и чтобы весь міръ въ это время ушелъ куда-то дальше отъ него и не мѣшалъ ему, и чтобы онъ надолго остался одинъ съ нею, и чтобы часы такъ текли...

Нѣтъ, если разсказывать все!.. Онъ подбиралъ за нею то, что она бросала, роняла или забывала. Онъ украдкой и унизительно быстро подбиралъ все это, чтобы его никто въ это время не видѣлъ; онъ дрожащими руками пряталъ въ какой-нибудь карманъ, а потомъ дома не зналъ, куда положить все, чтобы не нашли ни дѣвочка ни хозяйка, которая прибирала комнату, и никто, никто—потому что для него это было страшно, если бы нашли все. И иногда онъ долго стоялъ надъ всѣмъ этимъ— и что думалъ! Что думалъ, что думалъ.

. . . .

Но — не нужно думать такъ, потому что кончится это дурно. Успокоеніе, успокоеніе. Подумаемъ о зелени и солнцѣ и еще о чемъ-нибудь. Подумаемъ обо всемъ прекрасномъ, что утѣшаетъ всѣхъ людей. Не нужно дѣлать шума только потому, что на душѣ такъ тяжело и такъ горько. Нужно чѣмъ-нибудь развлечься. И всѣ эти собранныя вещи нужно однажды уничтожить—навсегда.

Когда онъ идетъ утромъ по лѣстницѣ на чердакъ, онъ слышитъ, какъ она нарочно придавливаетъ крѣпко ступени каблукомъ ботинокъ, чтобы онъ услышалъ ее, что она идетъ, и чтобы онъ не упустилъ мгновенія посмотрѣть на нее въ двери, когда она будетъ проходить мимо. И онъ не пропускаетъ этого мгновенія, онъ уже бываетъ одѣтъ всегда въ этотъ часъ и готовится итти на работу. Нѣтъ, онъ не пропускаетъ этого мгновенія.

Игнацiо Зулоага. Танцовщица Моренита.

И онъ слышитъ еще, какъ она замедляетъ шаги, когда приближается къ его двери, и такъ она проходитъ, не торопясь и не смотря на него.

Съ нѣкотораго времени она перемѣнила прическу, у нея теперь другая,—не та, изъ-за которой они ссорились, она почти не заботится о ней. И все худѣетъ и худѣетъ, глаза ея больше, и она становится все красивѣе. Это отъ непрестанной, утомительной работы — такъ много всѣмъ приходится работать теперь. Она теперь рѣже смѣется и кажется тихой и трогательной отъ этого.

— Здравствуйте!—говоритъ онъ ей утромъ.

И она отвѣчаетъ ему:

— Здравствуйте...

И не подымаетъ при этомъ головы.

Всѣ заняты въ деревнѣ, никто не приходитъ въ ихъ домъ, только свои. И отъ этого они стали часто встрѣчаться съ нею. Онъ не уговаривался съ нею объ этомъ,—конечно, они не уговаривались. Господи, они враги съ нею, каждый день одно и то же...

Но онъ встрѣчаетъ ее на лѣстницѣ, на его дорогѣ, утромъ и вечеромъ, и какъ будто бы эта дорога всегда тѣсна — такъ близко онъ проходитъ около нея; онъ пугается этой мгновенной близости и тянется къ ней, и съ каждымъ днемъ они все ближе и ближе, его руки подымаются уже къ ней, и недалекъ тотъ мигъ, когда онѣ подымутся, чтобы обнять ее... Но что же дальше, Господи, что же дальше? Они—враги.

Любовь его возрастаетъ. Обнимать ее, цѣловать ее, ласкать ее, чтобы она одно мгновеніе помнила о немъ — потомъ, когда его здѣсь не будетъ. Какое ему дѣло до всего остального! Какое дѣло, какое дѣло!..

Въ этотъ день его опять послали въ погребъ на работу. Тамъ, въ полутьмѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ, шло движеніе и непрестанный трудъ. У погреба лежали перевернутыя бочки, въ которыя вливали съ журчаніемъ воду, качали изъ стороны въ сторону, перекатывали на боку, чтобы вымыть ихъ. Разносился ихъ грохотъ, стукъ кусковъ дерева, которые бросали съ мѣста на мѣсто, приготовляя подкладки для бочекъ.

И густѣла тьма вокругъ. По угламъ стояли громадные чаны, наполненные доверху виноградомъ, и раздавался сдавленный ропотъ бродящаго вина—точно носились въ немъ, блуждали, тосковали, стѣсненныя, — всѣ смутныя грезы, всѣ сладкія мечты и всѣ преступленія крови и любви, которыя суждено породить ему. Одуряющій запахъ броженія, виннокаменной кислоты струился отъ чановъ и кружилъ голову.

А на площадкѣ пресса работалъ Борисъ съ голыми ступнями ногъ, въ деревянныхъ башмакахъ, забрызганныхъ кровью вина. Онъ собиралъ метлой остатки сегодняшней выжимки и складывалъ ихъ въ кучу.

Когда онъ кончилъ эту работу, ему не приказали больше ничего,—была минута отдыха... И онъ отошелъ въ уголъ за бочку и сѣлъ тамъ въ темнотѣ, разглядывая всѣхъ изъ этого убѣжища. Опять были чужіе и свои, маленькая Луиза, совсѣмъ завернутая въ платокъ отъ ночного холода, m-me Минье, работникъ, работница и—Мари.

У стѣнъ уже было много бочекъ съ новымъ краснымъ виномъ; въ нихъ просверливали маленькія дырки, и вино стекало оттуда въ подставленныя ведра. Всѣ пробовали его, глотали, выплевывали, разсуждали о его будущей цѣнѣ. Но Борисъ ничего въ этомъ не понималъ, онъ ихъ не слушалъ.

И Мари была тамъ. Сегодня она веселится, и глаза ея горятъ. Она тоже пьетъ изъ серебрянаго стараго стаканчика, въ которомъ пробуютъ вино. И онъ не можетъ терпѣть ея губъ, когда она дѣлаетъ это. До чего дошелъ онъ, до какихъ порывовъ и желаній!

Онъ видитъ, какъ ей даютъ этотъ стаканчикъ, наливъ его до краевъ, и какъ она отпиваетъ нѣсколько глотковъ, а потомъ ставитъ стаканчикъ обратно на перевернутую бочку. И этотъ недопитый стаканчикъ мучитъ его; онъ встаетъ и долго вокругъ него расхаживаетъ, все ближе и ближе къ нему, и боится, чтобы кто-нибудь не взялъ его или не увидѣлъ, какъ онъ ходитъ вокругъ него; онъ что-то говоритъ въ это время кому-то... А потомъ вдругъ рѣшается, подходитъ и беретъ стаканъ; тихо и медленно онъ выпиваетъ его весь, до дна, все, что остается въ немъ; онъ старается при этомъ взять его такъ же, какъ она его держала, чтобы найти слѣды ея губъ, и когда онъ дѣлаетъ это, его охватываетъ странная радостная сладость. А потомъ онъ ставитъ стаканъ обратно, ему уже больше не стыдно другихъ людей, онъ просто радъ и улыбается — если видѣли его, пусть ихъ, все равно! Ахъ, Господи,—ну, пусть ихъ!

— Эй, monsieur Борисъ, загляните-ка въ третій чанъ, высоко ли поднялось вино?

Онъ подымается по деревянной лѣсенкѣ до краевъ высокаго чана, его голова кружится,—кружится отъ любви и отъ паровъ, которые ударяютъ ему въ лицо, и все плыветъ передъ нимъ въ невѣрномъ свѣтѣ, среди рѣющаго полумрака.

— Да, высоко поднялось, почти до самаго края...

Въ бурлящемъ чанѣ розовая пѣна клубится пышными полосами въ прорѣзы давящей ее рѣшетки, вздувается воздушно-легкими грядами, какъ закатныя облака, и пузыри идутъ со дна съ тихимъ бульканьемъ.

Мгновеніе онъ смотритъ на нѣжно-розовую пѣну, точно готовую улетѣть, слегка синѣющую и погашающую легкой синевой своей радость розоваго цвѣта своего. И онъ отводитъ медленно глаза отъ розовой пѣны, онъ вверху надъ всѣми, а тамъ, внизу, все влажно блеститъ подъ слабымъ свѣтомъ, чернѣетъ, таинственно сверкаетъ, какъ царство густѣющей крови; все ею покрыто—ведра, бочки, ноги, руки, даже лица. И кружится голова, и голова все больше кружится.

Онъ кричитъ оттуда сверху внизъ, весь освѣщенный свѣчой, которую держитъ, кричитъ Жерменъ, съ которой онъ такъ близко сдружился въ эти дни:

— M-lle Жерменъ, вы не хотите посмотрѣть на эту пѣну? Вотъ красиво, какъ красиво!.. Посмотрите же, m-lle Жерменъ.

И она подымается къ нему, она стоитъ совсѣмъ близко отъ него и тихо говоритъ, почти шепчетъ:

— Да, красиво...

— Я люблю тебя, дорогая моя,—отвѣчаетъ онъ ей.

Но голова его кружится все больше и больше, и онъ спускается внизъ, почти шатаясь. Тамъ отчаяніе охватываетъ его.

— Моя единственная любовь, никогда жалоба не сойдетъ съ

Игнацiо Зулоага. Автопортретъ.

моего языка,—шепчетъ онъ:—я не позволю себѣ, я не хочу этого, но я страдаю. Ты не знаешь. Жизнь моя ужасна, и я одинокъ въ мірѣ. У меня есть теперь только ты, ускользающая отъ меня, которую я долженъ завоевывать непрестанно, вѣчно быть побѣдителемъ, чтобы однажды не быть побѣжденнымъ. Только ты у меня, и, Боже мой, какъ была непрочна моя власть, какъ было хрупко мое счастье! Но я никогда не омрачу твою жизнь. Нѣтъ, я уйду отсюда съ моимъ одиночествомъ...

И вдругъ внизу она подходитъ къ нему. Въ первую минуту она не знаетъ, что сказать, а потомъ говоритъ нерѣшительно, глядя въ сторону, чтобы съ чего-нибудь начать:

— Вотъ, посмотрите, я больше не причесываюсь по-старому, monsieur Борисъ. Вы не находите, что такъ лучше? Скажите...

И при этомъ она всячески старается улыбнуться, но губы ея дрожатъ.

— Ну, что же... Ну, хорошо, теперь очень хорошо...

Другого онъ ничего не придумалъ отвѣтить ей.

А кругомъ было все меньше работы, все больше шума и говора, все больше густѣли виннокаменные пары, все глуше разговаривали круглые толстые чаны гдѣ-то внутри, въ глубинѣ своей.

Тогда всѣ перешли къ новому бѣлому вину. Оно было изъ краснаго винограда, еще бурлящее въ бочкахъ, сквозь отверстія которыхъ сочилась его блѣднѣющая пѣна, непрестанно выступала оттуда, какъ будто изъ яростно страстнаго рта съ жадными губами, и падала на землю погребовъ, уходя въ нее. Люди пили сладкое, тяжелое вино среди шума и говора; жадная къ жизни горячность лицъ все возростала, какое-то стремленіе томило всѣхъ, и звонъ голосовъ все густѣлъ.

А въ сторонѣ отъ всѣхъ былъ строгій и нѣжный допросъ. Мари совсѣмъ подошла къ Борису, она спрашивала его безъ отдыха: почему не говорилъ съ нею все это время и уходилъ отъ нея, почему былъ злой и молчалъ, почему не подошелъ ни разу? Почему не простилъ, если былъ за что-нибудь обиженъ на нее? Почему не вѣрилъ словамъ, и для чего вся эта драма?

Но отвѣтить на все это онъ не могъ. Не могъ онъ сказать ей, что ревновалъ, что смотрѣлъ на нее и мучился, что она смѣялась, улыбалась, говорила слишкомъ ласково и много—не съ нимъ, а съ другими, что она Альфреду нравится, что для него она дѣлаетъ все, чтобы еще больше понравиться ему: для него она мѣняетъ свою внѣшность... И Альфредъ ей тоже нравится, и она хочетъ увлечь его, быть-можетъ, даже не сознавая этого, а о немъ она забыла все это время, и Альфредъ обнималъ ее... Не могъ же онъ разсказать ей всего этого,—нѣтъ, этого онъ не могъ.

Но она все больше просила его своими глазами, во взглядъ ихъ она вкладывала столько привѣта.

— Сегодня, если хотите, послѣ ужина подождите меня во дворѣ. Я хочу сказать вамъ...

Кругомъ шумѣли и веселились все больше, и всѣ глаза уже блестѣли. Тогда его охватило нетерпѣніе. Онъ не могъ одинъ уйти отсюда, и онъ не могъ позвать ее съ собой, онъ не хотѣлъ даже снова подойти къ ней у всѣхъ на глазахъ, и обѣщаніе ея жгло его, онъ мучился и томился.

Послѣ ужина онъ ждалъ ее на свиданіи. Онъ спрятался во тьмѣ наступающей ночи подъ густой смоковницей во дворѣ. Освѣщенныя окна дома роняли длинныя полосы золотѣющаго свѣта, смѣхъ и голоса доносились откуда-то въ тиши вечера, и онъ ждалъ ее, считалъ одну минуту за другой, какъ она выйдетъ къ нему, уловивъ мгновеніе, чтобы скрыться отъ всѣхъ. И все смотрѣлъ передъ собой безъ конца, пока полосы яркаго свѣта не стали слѣпить его.

Но минуты медленно проходили, и ея не было. Онъ уже хотѣлъ вернуться обратно въ домъ, онъ уже двинулся впередъ...

Но вотъ она сходитъ къ нему со ступенекъ, легко соскакиваетъ съ нихъ, какъ птица, и тихо идетъ въ темнотѣ, осторожно и беззвучно. Дойдя до него, она останавливается.

И мгновеніе они стоятъ неподвижно.

— Я хотѣла сказать вамъ... — начинаетъ она и обрывается.

Свѣтъ изъ окна теперь прямо падаетъ на нее; какъ-то поблѣднѣли вдругъ ея губы, какъ будто бы стали нѣжными и свѣтлыми и безпомощно-дѣтскими; она не могла продолжать. Ея глаза за-

Игнаціо Зулоага. Севильскіе тореадоры.

блестѣли, и тонкіе пальцы худыхъ рукъ дрожали, когда она распрямила ихъ.

— Я хотѣла сказать вамъ...—начала она снова.

Тогда онъ двинулся къ ней и разомъ обнялъ ее.

Она прислонилась къ нему и въ то же время боялась каждаго стука, все отрываясь отъ него, отстраняя его безсознательнымъ жестомъ рукъ, и его желаніе надолго обнять ее оставалось мучительнымъ и неудовлетвореннымъ.

Тогда онъ сталъ умолять ее:

— Я не могу, я не могу этого, пойми!..

Онъ звалъ ее отойти дальше, въ глубину двора, въ плодовникъ, около котораго струилась сонная рѣчонка въ крутыхъ берегахъ.

— Нѣтъ, тамъ такъ хорошо... Господи, какъ я умоляю тебя объ этомъ, какъ я прошу тебя! Ради того, что я такъ люблю тебя! Нѣтъ, послушай же...

И она согласилась на его мольбы. Они отошли въ глубь сада.

Тамъ было удивительно тихо, совсѣмъ у ихъ ногъ на сонной водѣ луна лежала, какъ свѣтлый серебряный тазъ, и на его мерцающемъ кругѣ лопались пузырьки воздуха, которые подымались со дна; они сейчасъ же умирали, сливаясь съ водной гладью.

Начался любовный лепетъ словъ,—о чемъ—неизвѣстно. Разговоры и вопросы, и такъ было трудно отвѣтить на нихъ.

Когда онъ гладилъ и цѣловалъ ея руки и лицо ея и грудь ея, онъ спрашивалъ ее:

— Тебѣ не очень скучно, когда я такъ долго глажу и цѣлую твои руки? Я дѣлаю все одно и то же, одно и то же... Тебѣ не скучно?

Она закрывала глаза, прижимая крѣпко рѣсницы къ щекамъ:

— Хорошо. Мнѣ такъ хорошо.

— Скажи мнѣ...

— Зачѣмъ говорить?..

Они придвигались другъ къ другу все ближе, все больше.

— Мы неразлучные, — шепталъ онъ ей: — мы неразлучные, потому что ты—прелесть жизни, и я не могу позволить разлучить меня съ прелестью жизни, и я не могъ бы пережить этого, я защищался бы до самой смерти! Да, я защищался бы, чтобы не жить безъ тебя. Ты это понимаешь все, что я говорю тебѣ, понимаешь ли ты это своимъ чудеснымъ сердцемъ?

И она кивала ему: — да, она понимала это своимъ сердцемъ.

Началось очарованіе тепла, полнаго жизни, очарованіе ласкъ и мимолетныхъ прикосновеній, прелесть бѣлой руки, когда рукавъ скользитъ по ней внизъ, и обнажается чудесное ласковое тѣло, и нерѣшительно прячется оно въ одно мгновеніе и вдругъ все исчезаетъ... Какимъ ароматомъ дышитъ она, какой властью, какимъ пьянымъ виномъ наполнена она, какимъ богатствомъ обременена, отчего она такъ полна до боли, до тоски, до безконечнаго ожиданія, такъ упруга, такъ богата теплотой своей! Нѣтъ, отчего она похожа на быстрое качаніе взволнованныхъ вѣтвей, на вечернія закатныя облака, на любовь его, которую онъ не можетъ взять въ свои грубыя руки — такъ она легка, такъ она чутка, такъ она нѣжна, такъ она дорога, и такъ она легко могла бы страдать въ тоскѣ.

И улыбка ея, улыбка ея, — чего же ждетъ она? И отчего ея

Игнаціо Зулоага. За прялкой.

Игнаціо Зулоага. Странникъ.

руки блуждаютъ по ея груди безъ сознанія и безъ цѣли? И это движеніе, устремленное къ нему,—ахъ, это движеніе, которое будетъ сейчасъ ласкать его пылающія щеки, и лобъ, и пряди волосъ, и зажжетъ всю душу...

Нѣтъ, не приближайся такъ близко и быстрыми, говорливыми, влажными губами не улыбайся мнѣ и не смотри глазами твоими съ жаркой лаской!.. Потому что я не могу разомъ обнять любовь мою, и снести ея я не въ силахъ...

Прошелъ день радости въ поляхъ, окутанный любовью.

Утромъ они проснулись: онъ—у себя наверху, и она со своей старой матерью. И когда нужно было пить утреннее кофе передъ уходомъ на работу, Мари позвала его къ нимъ, чтобы пить его вмѣстѣ съ'ними; она устроила такъ, и, на мгновеніе остановившись въ дверяхъ, она сказала ему тихо:

— Приходи...

— Ты будешь сегодня работать съ дядей, — сказала ей за кофе мать.

Но она покраснѣла и сразу отвѣтила:

— Я больше не могу работать съ нимъ, я отстану.

— Это почему?

— Я больна...

Но она солгала. Еще вчера они условились съ Борисомъ цѣлый день работать вмѣстѣ, и такъ она рѣшила поступить... За кофе она закрывалась отъ матери листомъ газеты, смѣясь отъ радости, закрывала и Бориса вмѣстѣ съ собой, дѣля этимъ съ нимъ маленькую тайну, и она радовалась этой шуткѣ,—серьезенъ ли былъ секретъ, серьезно ли закрывались они, и что все это значитъ, и къ чему приведетъ... Господи, приведетъ ихъ къ счастью.

И онъ началъ съ нею работу въ поляхъ. Огненное озеро было на небѣ въ эту утреннюю зарю, и берега тамъ со скалами въ вышинѣ, и корабли въ сіяньѣ на развѣянныхъ парусахъ.

Ахъ, она работаетъ, а сама все смотритъ на него, и онъ дѣ-

Игнаціо Зулоага. Сеговія.

Отъ этого можно пѣть и смѣяться цѣлыми часами. Въ эти дни онъ могъ бы это сдѣлать; онъ могъ бы остановиться передъ кустомъ, растущимъ среди лѣса, или передъ человѣкомъ, котораго онъ не знаетъ, или даже передъ тѣмъ, котораго онъ не любитъ, и улыбнуться имъ во весь ротъ, глупо и безъ смысла,—не все ли ему равно? Улыбаться Альфреду, своему врагу, улыбаться ему привѣтливо и жарко. Отчего все это произошло? Отъ любви? Можетъ-быть, это произошло просто оттого, что она близко прошла вблизи него и улыбнулась ему, когда этого никто не видѣлъ; можетъ-быть, въ этой улыбкѣ было что-нибудь для него и ни для кого другого на свѣтѣ, что-нибудь такое, что говорило съ нимъ безъ словъ. Или, можетъ-быть, просто, какъ бѣлый снѣгъ, упало на него съ неба счастье,—вѣдь должно же оно падать когда-нибудь, гдѣ-нибудь, гдѣ кто-то проходитъ въ это мгновеніе случайно. Почему бы это

лаетъ то же, повернувъ къ ней голову: каждое мгновеніе они могутъ себѣ обрѣзать пальцы, срѣзая виноградъ, потому что руки ихъ дрожатъ и встрѣчаются. Но они не обращаютъ вниманія ни на что.

Его сердце бьется, и радость наполняетъ его; онъ говоритъ ей похолодѣвшими отъ любви губами:

— Вѣрно, маленькая грудь твоя теперь ужъ порозовѣла отъ этой работы. Скажи, Мари...

И онъ видитъ, какъ рѣзвый вѣтеръ полей облегаетъ ея тѣло подъ мягкимъ платьемъ.

— Скажи же, скажи ты, найденная!..

Но вмѣсто отвѣта она низко наклоняется къ лозамъ

— О моя радость,—моя, потому что я владѣю тобой безконечно, сейчасъ владѣю, въ эту прекрасную минуту... И я такъ счастливъ.

Солнце сегодня смотритъ въ глаза имъ—никакъ отъ него не спрячешься. Тихо поютъ подъ вѣтромъ верхнія гибкія вѣтви ближняго перелѣска, а потомъ подъ порывомъ качаются тѣ, что ниже и крѣпче, сильнѣе и сильнѣе зашумятъ и разливаются въ широкомъ густомъ журчаніи.

— Такъ ты — моя? — говоритъ онъ подъ шумъ листвы.

— Вѣдь видишь, видишь... Ну, посмотри же — видишь ты? Я — твоя.

Чего же больше въ душѣ? — поклоненія. Больше всего въ его душѣ мольбы къ ней о будущемъ и крика о его любви и благодарности.

— Будь благословенна моя жизнь за то, что она послала тебя ко мнѣ, будьте благословенны всѣ страданія, униженія, обманутыя надежды, которыя я пережилъ, пусть будутъ благословенны всѣ мои часы безутѣшной тоски, потому что я увидѣлъ тебя, потому что ты прошла вблизи меня, потому что шелестъ твоего дыханія обвѣялъ меня!..

И закатное солнце раскинуло надъ ними по небу свою пылающую мантію, и сквозь листву виноградныхъ лозъ они видѣли, какъ оно тамъ сіяло и гасло, тускло, пока не окунулось совсѣмъ въ далекія поля.

Познать прелесть странничества и край его. Вотъ проходятъ дни, проходятъ дни. Странствовать и искать все неизвѣстное, невиданную женщину, прелесть которой въ томъ, что она невѣдома и таинственна, и гдѣ-то караулитъ ее предназначеніе этой встрѣчи, гдѣ-то сторожитъ ее, стережетъ ее. И это должно произойти. И вотъ оно на твоихъ глазахъ происходитъ...

былъ — не онъ?

Влѣзаетъ на него букашка—онъ смотритъ на нее: врагъ или нѣтъ? Нѣтъ, не врагъ, и онъ успокаивается. И снова онъ лежитъ среди лѣса и ждетъ ее.

Высоко съ древесной вершины надъ нимъ срывается осенній

Игнаціо Зулоага. Портретъ г-жи Брэваль.

С. Соломко. Дѣвочки.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

огненный листъ и долго падаетъ, кружась, прямо на его лицо, и онъ слѣдитъ за нимъ глазами, пока листъ не коснется краемъ своимъ земли. Такъ идутъ часы.

И потомъ она приходитъ къ нему; она такъ торопится, что запинается по дорогѣ, почти падаетъ и краснѣетъ. Онъ видитъ, какъ она показывается вдалекѣ, въ пролетѣ высокихъ стволовъ, какъ качается ея тонкое тѣло, какъ легко ступаютъ ея ноги, и какъ голова ея радостно поворачивается во всѣ стороны, закидываясь назадъ... Она ищетъ его жадными глазами, это его она ищетъ съ такой любовью.

— Господи, моя хвала Тебѣ пусть будетъ горяча, какъ солнце, пусть будетъ такъ горяча она!..

Если бы можно было разсказать человѣческій взглядъ, взглядъ любви! Но это невозможно,—нѣтъ человѣческихъ словъ, чтобы разсказать красоту его, нѣтъ неслыханно прекрасныхъ словъ, такихъ воздушныхъ и нѣжныхъ, такихъ легкихъ, какъ летающая паутина, такихъ сверкающихъ и такихъ хрупкихъ. Можно только вспоминать взглядъ любви, закрывъ глаза. О своей любви онъ не могъ бы разсказать человѣческими словами.

И вотъ они говорятъ еще и еще разъ наивныя, невинныя, незначущія слова, они сами не знаютъ, что говорятъ они. Часы текутъ.

А потомъ подходитъ къ нимъ ночь, лучистая ночь съ хрустальнымъ воздухомъ, свѣтлымъ и холоднымъ, какъ снѣга вершинъ.

Мари подымается, она прощается съ нимъ нѣжно, съ сожалѣніемъ, съ колебаніемъ, снова возвращается и наконецъ уходитъ отъ него, скрываясь за вѣтвями кустарниковъ, все еще посылая ему привѣты и часто оглядываясь, пока кустарники не поглотятъ ее сумракомъ вѣтвей своихъ.

И онъ долго еще остается одинъ, лежитъ и смотритъ въ тишинѣ на звѣздное небо. Часъ этой тихой ночи посвященъ Венерѣ, владычицѣ зеленыхъ изумрудовъ, и мѣди и любви, сіяющей ярко и побѣдоносно, какъ обнаженная красавица въ синемъ небѣ. И онъ думаетъ въ это время о своей любви, о своемъ счастьѣ, и онъ радъ.

— Господи, моя хвала Тебѣ пусть будетъ горяча, какъ солнце!..

А когда онъ поздно возвращается къ себѣ, одежда его покрыта узорами приставшихъ колючихъ сѣмянъ, и въ его спутанныхъ волосахъ—сѣмена. И въ душѣ его—ожиданіе.

Однажды онъ ждалъ ее такъ въ лѣсу; проходило время. Онъ смотрѣлъ на небо, на поля и на далекіе холмы въ просвѣты лѣса. Потомъ онъ начиналъ смотрѣть на травы, которыя были около него, на вѣтви деревьевъ съ дрожащими листами. Потомъ онъ снова смотрѣлъ на дальніе холмы. Такъ медленно проходило время, точно упала какая-то плотина, заградивъ его теченіе, и время скоплялось въ его душѣ, бурлило, душило его своей силой—какъ запруженная рѣка.

Но Мари все не было. И онъ думалъ: „Ее задержали, не могла. Конечно, случилось что-нибудь, мало ли что могло случиться нежданно! Господи—жизнь... Но она придетъ, она, можетъ-быть, уже идетъ ко мнѣ. Прелесть моей жизни, ты спѣшишь теперь, ты часто шагаешь, и грудь твоя дышитъ жарко. Торопись же, торопись же, потому что я тоскую здѣсь одинъ. Ну, вотъ ты сейчасъ покажешься, ты придешь ко мнѣ черезъ минуту...“

Но она не приходила.

Тогда губы его стали страдальчески сжиматься, онъ старался сложить ихъ съ покоемъ и счастьемъ беззаботности, съ каждымъ мгновеніемъ силился больше и больше разсѣять приходящія въ голову мысли, но скоро онъ уже былъ не въ силахъ сдѣлать это.

„Обѣщала,—думалъ онъ:—но она не исполнила. Господи, подумаешь, что это значитъ? Я жду ее, я жду ее... Но мнѣ больно—отчего? Отчего я не могу, какъ всѣ, однажды ждать безнадежно, однажды ошибиться въ своихъ надеждахъ, однажды быть на мгновеніе покинутымъ? Я—какъ и всѣ?..“

Но черезъ минуту онъ уже думалъ съ холодомъ на душѣ:

„Развѣ можетъ опоздать на минуту тотъ, кто любитъ? Нѣтъ,

Н. Химона. У сѣнныхъ барокъ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

онъ не можетъ, онъ не можетъ. Если бы совершались въ мірѣ великія событія, если бы шумѣли толпы народа,—нѣтъ, и тогда онъ не можетъ".

И онъ подымается и идетъ обратно въ горѣ и униженіи, — почему въ униженіи? Но почему же въ униженіи? Онъ не знаетъ этого, но голова его опущена.

Нѣтъ, онъ не въ силахъ видѣть людей въ такую минуту, не въ силахъ разговаривать съ ними: они тяжелы для него и чужды. Онъ пойдетъ къ себѣ тихо наверхъ, и, чтобы не видѣть ихъ, онъ прокрадется какъ-нибудь украдкой, черезъ калитку, сзади, чтобы не видѣть никого.

И когда онъ дѣлаетъ такъ, проходя черезъ плодовникъ сзади дома, онъ видитъ ихъ сразу — Альфреда и Мари, — они стоятъ тамъ вмѣстѣ подъ старой яблоней, прикрытые вѣтвями.

Альфредъ упрашиваетъ ее:

— Останься...

А она все хочетъ уйти отъ него и говоритъ объ этомъ, боязливо взглядывая на него. Но онъ веселъ,—какъ онъ веселъ, и какъ онъ сіяетъ своимъ весельемъ!

— Нѣтъ, не уйдешь. Отъ меня не уйдешь, ужъ разъ ты вернулась ко мнѣ, моя дорогая, самая дорогая, самая изъ всѣхъ любимая!..

А. Ганзенъ. Въ открытомъ морѣ.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И она глубоко вздыхаетъ и остается съ несмѣлой улыбкой; брови ея при этомъ, какъ всегда, слегка посрединѣ подымаются.

— Господи, но я должна итти, Альфредъ...

Но онъ хватаетъ ее сильными руками,—онъ съ такой силой хватаетъ ее, что кажется, будто тонкая талія ея надломится, и онъ крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ. . . . .

. . . .

Нѣтъ, зачѣмъ онъ видѣлъ?.. Зачѣмъ онъ видѣлъ все это, чтобы грезить о немъ долгими ночами, чтобы сжимать руки въ безсильной ноющей тоскѣ, чтобы метаться въ жару и выкрикивать кому-то:—„О моя небесная чистота, мое сокровище, моя любовь, какъ твои щеки тогда горѣли, какъ ты оглядывала его, и какъ онъ на тебя смотрѣлъ!.. И сколько еще, сколько еще ихъ смотрѣло такъ на тебя, ужъ сколько разъ ты измѣняла своей будущей единственной любви, которая снизойдетъ, быть-можетъ, на тебя, сколько разъ, сколько разъ!"

— Я ухожу, m-me Минье.

— Но почему?

— Я ухожу, m-me Минье.

И онъ ушелъ изъ этой маленькой деревни, и больше ему никогда не случалось вернуться туда.

КОНЕЦЪ.

В. Постниковъ. Переяславль-Залѣсскій. (Владимірской губ.).
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Красный человѣчекъ.

Историческій силуэтъ.

Льва Жданова.

I.

Весна 1812 года.

Тихій, ясный день догораетъ. Рдѣя кусками пламени между сквозистыми вѣтвями каштановъ Тюльерійскаго парка, закатное солнце кровавымъ отблескомъ заливаетъ окна западнаго фасада дворца. Послѣдніе косые лучи ласково озаряютъ тихіе покои.

Въ обширномъ кабинетѣ, гдѣ тисненые обои оживлены золотистыми пчелами, геральдическимъ знакомъ новаго императора Франціи, — за большимъ, темнымъ письменнымъ столомъ сидитъ Наполеонъ, блѣдный, со сжатыми губами и сдвинутыми бровями, устремивъ тяжелый взоръ за окно,—прямо туда, гдѣ пламенѣетъ пурпурное солнце уходящаго дня, медленно отступающаго передъ неясными еще, но быстро густѣющими тѣнями наплывающей безлунной вешней ночи.

Письменный столъ заваленъ бумагами, докладами, кипами газетъ. Всюду пестрѣютъ обложками послѣднія книжки политическихъ и научныхъ журналовъ, брошюръ

и памфлетовъ, которые императоръ проглядываетъ въ свободное время, особенно внимательно останавливаясь на мѣстахъ, очерченныхъ цвѣтнымъ карандашомъ его личными секретарями, обязанными слѣдить за всѣми новинками, выходящими изъ печати.

Массивный бронзовый письменный приборъ, украшенный наполеоновскими орлами, тонулъ въ этомъ морѣ бумагъ, полунакрытый краемъ огромной стратегической карты Европы, брошенной поверхъ остальныхъ бумагъ и развернутой въ той части, гдѣ необъятнымъ просторомъ раскинулось Россійское царство, подавляя размѣрами всѣ остальныя земли, острымъ клиномъ, зазубреннымъ по краямъ, уходящія далеко къ западу отъ имперіи славянъ.

Короткое, грузное тѣло „маленькаго капрала", — теперь — великаго императора и полководца, — откинулось на спинку стариннаго рѣзного кресла.

Лѣвая рука удачника-корсиканца, соскользнувъ съ поручня, повисла книзу и застыла неподвижно, какъ бы впивая теплоту сосѣдняго камина, гдѣ съ разсвѣта и до поздней ночи, ярко пылая, весело потрескиваютъ толстыя полѣнья.

Правая рука тяжело опустилась на полуисписанный листъ бумаги, лежащій передъ императоромъ поверхъ груды другихъ, четко исписанныхъ, листовъ. Гусиное перо, судорожно зажатое короткими пальцами, слабо вздрагиваетъ время отъ времени, словно отражая удары неугомонно-порывистаго, вѣчно-напряженнаго пульса, неумолчно выполняющаго лихорадочную работу подъ смугловатой, изнѣженной кожей этой пухлой, маленькой и сильной руки.

Отъ напряженія мысли вздулись, яснѣе проступили извивы жилъ, пульсирующихъ на вискахъ и среди высокаго, прекраснаго лба. А смугловато-блѣдное, безусое лицо, съ начинающими тяжелѣть щеками, съ бритымъ, раздвоеннымъ подбородкомъ, неподвижно застыло, словно мраморное изваяніе одного изъ прежнихъ цезарей, повелителей древняго Рима, слегка пожелтѣлое подъ дыханьемъ времени.

Въ нагрѣтомъ воздухѣ покоя еще слышенъ острый запахъ мускуса и другихъ, какихъ-то пряныхъ, возбуждающихъ ароматовъ.

Это — послѣднія, не унесенныя тягой камина, волны крѣпчайшихъ духовъ, которыми поливаетъ себя старый распутникъ Фушэ, чтобы чаровать наивныхъ парижскихъ гризетокъ и лукавыхъ дворцовыхъ камеристокъ, за которыми волочится напропалую всесильный министръ полиціи.

Нѣсколько минутъ тому назадъ, выслушавъ докладъ Нарбонна, своего чрезвычайнаго посла, прискакавшаго изъ Петербурга съ недобрыми вѣстями, Бонапартъ убѣдился, что война съ Россіей неизбѣжна...

А. Соколовъ. Казбекъ. Выставка „Современная живопись" въ Москвѣ.

М. Лебланъ. Портретъ композитора Подгорецкаго. Выставка „Современная живопись" въ Москвѣ.

Александръ тайно, но тѣмъ рѣшительнѣй и напряженнѣй готовится къ послѣдней борьбѣ. Единственная возможность облегчить ударъ, это — предупредить соперника и напасть теперь же, пока тотъ не готовъ. Пока превосходство силъ и стройная организація даютъ преимущество Наполеону и Франціи съ ея добровольными и вынужденными союзниками...

Отпустивъ Нарбонна, императоръ призвалъ старую лису Фушэ, почти вѣчно дежурящаго въ пріемной дворца, даже не въ урочную пору докладовъ.

По выраженію лица уходящаго Нарбонна, съ которымъ министръ обмѣнялся поклономъ почти на порогѣ кабинета, по блеску глазъ корсиканца и его настороженной позѣ, идущей въ разрѣзъ съ неподвижнымъ, каменно-твердымъ лицомъ, — пронырливый старикъ догадался, что предстоитъ нѣчто важное, грозное.

Должно-быть, новая война и, скорѣе всего, — съ Россіей. А хитрецъ любитъ покой по природѣ. Да и онъ убѣжденъ, что теперь еще „не время" схватиться съ огромной имперіей славянъ.

Поёживаясь, покряхтывая, хватаясь ежеминутно за колѣни, будто бы пронизываемыя ревматическими болями, усѣлся на стулъ противъ императора министръ, выслушалъ вопросъ:

— Что̀ слышно въ столицѣ и въ странѣ вообще?..

И въ отвѣтъ на этотъ, обычный, казалось бы, вопросъ, старикъ, прищуря хитрые глазки, вытянувъ шею, постукивая сухими пальцами по крышкѣ золотой табакерки, началъ докладъ, прерывая его покашливаньями и вздохами, чтобы лучше уловить впечатлѣніе своихъ словъ на государя, очевидно, принявшаго уже рѣшеніе, но еще ожидавшаго подкрѣпленій со стороны для окончательнаго шага.

Сегодняшній докладъ вышелъ особенно мраченъ и безнадеженъ, какъ бы въ разрѣзъ свѣтлому, ликующему дню весны, догоравшему за окнами.

...Голодъ въ странѣ... Недостатокъ хлѣба, мяса и топлива въ самомъ Парижѣ...

...Отсюда—недовольство, опасное броженіе въ низахъ народа, на которые только и могъ до сихъ поръ твердо опираться императоръ... Потому что... кхм... кхм... высшій свѣтъ.. и эти учителишки... кхм... и писаришки... и военная аристократія... хотя бы и созданная милостями великаго императора... она... кхм... кхм...

...Государь самъ знаетъ, какъ надо ихъ остерегаться, завистливыхъ, лукавыхъ предателей, опасныхъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ аристократическія организаціи, тайныя и явныя... А такъ ихъ много расплодилось, особенно за послѣднее время... несмотря на всѣ усилія его, министра полиціи, ловить «красную

Н. Поманскій. Тишина. Выставка „Современная живопись" въ Москвѣ.

дичь»... Но враговъ слишкомъ много... друзей такъ мало... Газетчики, писателишки проклятые, особенно вредны... Всюду суютъ носъ, волнуютъ мирныхъ буржуа... А тутъ война за австрійское наслѣдство подошла такъ некстати... А тутъ Бернадотъ, ставленникъ императора въ Швеціи,—явно измѣнилъ своему благодѣтелю. Словомъ, надо всѣ силы обратить на внутреннія дѣла... Оставить на время замыслы относительно какихъ-либо новыхъ походовъ и завоеваній... какъ бы легки и блестящи ни казались результаты...

Такой выводъ возникалъ самъ собой изъ осторожной, ловкой рѣчи докладчика.

Полуобернувшись къ Фушэ, пріопустивъ, по обыкновенію, вѣки надъ блестящими, пытливыми глазами, Наполеонъ не столько слушалъ рѣчь министра, какъ старался вглядѣться въ его худенькое, оживленное, вѣчно измѣнчивое и потому покрытое маской, лицо.

Старался отгадать побужденія и мысли, не выраженныя словами, затаенныя въ глубинѣ и руководящія ловкой рѣчью хитреца.

И вдругъ, словно отыскавъ желаемое, разобравшись ясно въ извилистой душѣ продажнаго, но умнаго слуги,—Наполеонъ отрывисто заговорилъ:

— Ты правъ... положеніе отчаянное... Давно ужъ не было у насъ ничего подобнаго... И природа съ ея неурожаями, и люди—

Царственный Узникъ—Наполеонъ на островѣ св. Елены. Къ литературному силуэту „Красный Человѣчекъ“ (стр. 488—492).

все противъ моихъ старыхъ плановъ и грозятъ разрушить то, что создано мною въ теченіе десятковъ лѣтъ... цѣною нечеловѣческихъ трудовъ и крови, ручьями пролитой на поляхъ сраженій... Предательство взамѣнъ благодарности... Ехидны и змѣи вмѣсто друзей и родни. Дѣлать нечего. Надо начинать новое... Или, вѣрнѣе, приниматься снова за старую работу... Все создано было борьбой... И приходится продолжать, вести ее, безпощадно и впредь, чтобы спасти династію... спасти Францію отъ позора и униженія, какіе ждутъ страну, если не будетъ меня. Ни мгновенія терять больше нельзя! Ты убѣдилъ меня въ этомъ, старый, надежный другъ. Я не имѣю права колебаться и медлить долѣе. Видишь это перо? На кончикѣ его виситъ судьба Франціи... цѣлаго 30-милліоннаго народа, прославленнаго мною... и, въ свой чередъ, озарившаго имя Наполеона безсмертнымъ блескомъ... купленнымъ цѣною безчисленныхъ жизней, потоками собственной и вражеской крови!.. Итакъ, за дѣло. Нѣтъ хлѣба?.. Его дастъ намъ война! Заговоры?.. Громъ пушекъ, рокотъ барабановъ заглушатъ шипящіе голоса дворянчиковъ и военной, бездарной швали... А народное недовольство?.. О немъ не досужно будетъ вспоминать среди лагерной суматохи... на поляхъ сраженій... Вотъ...

Быстро выведя свою короткую, причудливую подпись на приготовленномъ указѣ, собственноручно набросанномъ еще до появленія Фушэ, онъ подалъ листокъ министру.

Привычнымъ глазомъ старикъ быстро разобралъ невнятныя, короткія, причудливыя строки, набросанныя размашистымъ, нервнымъ почеркомъ Бонапарта.

— Кхе... кхе... кхх!—закашлялся сразу хитрецъ, прежде чѣмъ заговорить.—Наборъ не въ очередь?!.

— Ну, да... И немедленно сдай копію въ Монитэръ, чтобы завтра же указъ тамъ появился во всеобщее свѣдѣніе. Мы не боимся и не таимся отъ нашихъ враговъ... Война—такъ война!.. Ступай... и... постарайся когда-нибудь выздоровѣть, старый пріятель. А то твой кашель, который вѣчно некстати,—порою прямо раздражаетъ меня...

— Слушаю, сиръ! — покорно отозвался Фушэ, сдерживая раздраженіе, откланялся и вышелъ, все-таки покряхтывая и потирая мнимо-больныя ноги...

А императоръ, проводивъ взглядомъ министра-предателя, слегка потеръ указательный и большой пальцы обѣихъ рукъ другъ о друга и подумалъ:

„Такъ будетъ хорошо!.. Раньше чѣмъ даже сдать указъ въ печать, проныра покажетъ его русскому агенту, и сегодня же поскачетъ курьеръ въ Петербургъ... Тамъ узнаютъ, что я не боюсь борьбы... рѣшилъ первый нанести ударъ... и, можетъ-быть, это заставитъ Александра быть поосторожнѣй... посговорчивѣй... склонитъ его скорѣе къ миру, чѣмъ наша уступчивость... А если нѣтъ? Пусть пеняетъ на себя... Донынѣ удача служила мнѣ неотступно... Неужели измѣнитъ теперь,—теперь, когда три четверти пути завершено... и осталось сдѣлать такъ немного, чтобы передать моему малюткѣ... моему сыну міровую имперію... укрѣпить династію, новую, сильную среди отживающихъ, дряхлѣющихъ династій міра?.. Такъ будетъ... иначе не можетъ быть! Судьба не измѣнитъ мнѣ".

Такъ думалъ императоръ... А у него въ ушахъ вдругъ противъ воли зазвучали слова далекаго Царя Россіи, только-что переданныя ему при докладѣ Нарбоннomъ.

— Вашъ императоръ—воистину геній войны! — говорилъ Александръ.—Счастье и удача служатъ ему съ удивительнымъ постоянствомъ. Недаромъ рокъ поднялъ и возвеличилъ своего избранника надъ народами земли. Но и я вѣрю въ моего Бога, поставившаго меня на царство... и власти своей не уступлю никому! Пусть явится завоеватель полуміра! Я приму борьбу! Я не сдамся, пока останется у меня хотя бы единый солдатъ, и мнѣ придется отступать не только къ Казани, а дальше, вглубь безпредѣльной Сибири! Годы протянется война... Время и пространство—вотъ мои союзники. Пусть одолѣетъ также и ихъ непобѣдимый Наполеонъ... Тогда только и я признаю себя побѣжденнымъ, повинуясь указанію свыше!..

Вспоминаетъ эти гордыя, многозначительныя слова корсиканецъ, суевѣрный, но не вѣрующій ни во что, кромѣ своей воли, и кажется ему, что онъ видитъ передъ собою говорящаго... съ красивымъ, блѣднымъ и женоподобнымъ лицомъ... съ этими мерцающими синими глазами, которые обычно смотрятъ такъ безучастно, почти сонливо и только изрѣдка загораются, даже чернѣютъ отъ сдержанной силы ощущеній... Наполеонъ словно слышитъ его слегка картавый, мягкій, вкрадчивый голосъ, глуховатый обычно, но звучащій, какъ мѣдная труба, въ рѣдкія минуты волненія... Молчаливый, внимательный, склонивъ ближе къ Наполеону свое здоровое ухо, часами слушалъ его Александръ и на плоту, въ Тильзитѣ... и потомъ, при дальнѣйшихъ свиданіяхъ. И со всѣмъ онъ соглашался... все обѣщалъ... А потомъ? А сейчасъ!..

Не бѣда. Если даже придется начать борьбу. Наполеонъ не поддастся на удочку, не повторитъ промаховъ великаго македонскаго царя... Онъ не заведетъ свои войска вглубь пустынной вражеской земли, не обезпечивъ за собою обратныхъ путей... Польша, вѣрная союзница Бонапарта, кровный врагъ Россіи—обезопаситъ тылъ... И, разбивая силы врага, отрядъ за отрядомъ, на плечахъ россійскихъ полковъ введетъ онъ свои легіоны въ стѣны древней Москвы... Тамъ—подпишетъ славный миръ... или двинется дальше и захватитъ самого Александра въ его далекомъ, блестящемъ приневскомъ дворцѣ, какъ захватывалъ и плѣнялъ королей и императоровъ въ ихъ столицахъ не разъ...

— Управлять, это—провидѣть!—шепчутъ беззвучно полныя, красивыя губы корсиканца...

И онъ, одаренный даромъ ясновидѣнія, обратилъ взглядъ на карту, лежащую передъ нимъ...

Совершилось чудо: кружки, означающіе города Европы, измѣнились... стали расти... Каждый обратился въ знакомый императору рядъ улицъ и домовъ. Вотъ Вѣна... Берлинъ, Дрезденъ... Лейпцигъ и Копенгагенъ... Вотъ затемнѣли берега, омываемые морями Европы... И отъ этихъ городовъ движутся стройными рядами, словно многочисленные драконы, отряды людей подъ разными знаменами... Тутъ и австрійскіе, и прирейнскіе легіоны... и польскіе удальцы, и тяжелые саксонцы съ жадными вестфальцами... И бранденбургскія пушки тянутся за другими... грозныя, но ненадежныя, готовыя при первой неудачѣ Наполеона повоpотиться жерломъ противъ него... Но пока удача служитъ Франціи и Бонапарту—будетъ служить имъ и вся трусливая, продажная Европа!..

И видитъ вождь, какъ по волнамъ идутъ сотни кораблей, подвозя запасы и военные снаряды для милліонной арміи, которую успѣлъ сорганизовать „маленькій капралъ" для борьбы съ Колоссомъ Сѣвера... И, тяжело влачась разными путями, словно влекомые таинственной силой притяженія,—въ извѣстный день соберутся всѣ отряды и обозы къ одному пункту... Къ нимъ явится Наполеонъ—и начнетъ свое побѣдоносное наступленіе на непріятельскій край... Затѣмъ — славный миръ!.. Россія, побѣжденная и обезсиленная, тѣмъ не менѣе будетъ стоять надежнымъ оплотомъ на Востокѣ, оберегая отъ варварскихъ нашествій Европу, единымъ властелиномъ которой на дѣлѣ будетъ Бонапартъ... Англія—раздавлена... Ея индійскія владѣнія съ несмѣтными богатствами—добыча побѣдителя... Ихъ, вмѣстѣ съ властью надъ полуміромъ, передаетъ онъ наслѣднику — сыну, чело котораго увѣнчаетъ не тройная тіара, въ родѣ папской, а многоярусная корона пяти-шести величайшихъ имперій міра...

Все это ясно видитъ императоръ... И вдругъ онъ вздрогнулъ отъ мимолетной, невольной мысли, промелькнувшей въ умѣ:

„А если неудача?!.. Все можетъ быть... Тогда... тогда гибель!.. Погибнетъ не только то, за чѣмъ тянутся жадныя руки завоевателя... Погибнетъ и то, что уже такъ прочно, сдается, лежитъ у него въ рукахъ... Что ожидаетъ его и династію въ случаѣ неудачи?.. Гибель!"

Холодъ прозмѣился по спинѣ при этомъ мысленномъ вопросѣ... Пошевеливъ дрова въ каминѣ, чтобы огонь ярче пылалъ, императоръ уставился въ окно и застывшимъ взоромъ загляделся на угасающее солнце, словно отъ него ждалъ отвѣта на роковой вопросъ... Пока не поздно, пока есть еще возможность уладить съ Александромъ... Уступить кой въ чемъ, чтобы не потерять всего...

Правда, раньше никогда такъ не поступалъ Наполеонъ. Всегда шелъ на рискъ, напроломъ... Но тогда — при неудачѣ—онъ могъ потерять лишь свою жизнь и—генеральскіе эполеты или жезлъ диктатора... А теперь—скипетръ и держава, судьба династіи поставлена на карту! Неужели же поставлена на карту?.. Неужели же постыдно будетъ и теперь уступить, и надо съ прежней безумной отвагой броситься въ борьбу?..

Кто рѣшитъ?.. Отъ кого ждать совѣта, если онъ, онъ самъ не можетъ разобраться въ этотъ страшный мигъ...

Одинъ только... тайный, невѣдомый міру, нездѣшній совѣтникъ и другъ могъ бы сказать свое „да" или „нѣтъ"!..

Но онъ не идетъ... Духъ является, когда самъ того хочетъ, а не тогда, когда зоветъ его смятенная душа Наполеона...

Порывистымъ движеніемъ отвернулся онъ отъ окна. Оторвалъ взоръ отъ кусковъ пламени, какими кажется изъ-за обнаженныхъ вершинъ парка дискъ заходящаго солнца...

Зеленыя и золотистыя пятна поплыли, заплясали въ глазахъ Наполеона... Обращенный теперь лицомъ къ камину, онъ прищурилъ глаза, прикрылъ ихъ... Въ глубокихъ впадинахъ быстро собралась ласковая теплота... Казалось, сквозь вѣки онъ видитъ пламя... А усталость, вызванная могучимъ напряженіемъ мысли, навѣяла легкую дрему, въ которую начало погружаться сознаніе.

И вдругъ Наполеонъ вздрогнулъ, широко раскрылъ глаза. Онъ увидѣлъ, что пламя въ каминѣ заплясало, закружилось, словно отъ налета вихря. И среди этой маленькой огненной бури стали выявляться знакомыя очертанія небольшой, неуклюжей фигуры, похожей на фигуру гнома, какъ ее рисуетъ себѣ народъ...

— Красный мой Человѣчекъ!.. Ты пришелъ? — беззвучно, но радостно пронесся вопросъ въ умѣ галлюцинирующаго человѣка...

— Я пришелъ!—послѣдовалъ внятный, хотя такой же беззвучный отвѣтъ.

— Благодарю... Я знаю: ты не надолго... Говори же скорѣе! Правъ я или нѣтъ?.. Борьба неизбѣжна?..

— Неизбѣжна!

— И мнѣ слѣдуетъ начинать, да?..

— Начинать... да!..

— На Петербургъ сперва?.. Москва за этимъ?..

— Сперва... Москва... Петербургъ...

— И правъ я, не такъ ли?.. Судьба за меня?.. Правда восторжествуетъ?.. Поруганъ будетъ врагъ?!

— Восторжествуетъ... будетъ поруганъ!..

— Постой!.. Не блѣднѣй!.. Не исчезай!.. Еще одно слово!.. Кого ждетъ гибель?.. Меня... или врага?..

— Ждетъ гибель! — уловилъ Наполеонъ послѣдній отвѣтъ—и Красный Человѣчекъ исчезъ, расплылся среди пламени.

Блѣдный, съ крупными каплями пота, проступившими на лбу, сидѣлъ словно въ забытьѣ Наполеонъ... Легкая пѣна проступила въ углахъ губъ... Широко раскрытые, остеклянѣлые глаза глядѣли тускло и, казалось, ничего не видѣли передъ собою.

Но могучая воля сдѣлала огромное усиліе, стряхнула эту, почти эпилептическую, неподвижность съ оцѣпенѣлаго тѣла. Взоръ засверкалъ, мысль заработала ярко и четко, какъ всегда, съ удвоенной мощью.

— Побѣда ждетъ... Гибель врагу!—вполголоса проговорилъ корсиканецъ.—О, теперь я найду слова, которыми всколыхну мою Францію, заставлю цѣлую Европу ринуться за мною въ эту послѣднюю, опасную борьбу!..

Взявъ чистый листъ, онъ быстро сталъ выводить свои загадочныя, неровныя строки, набрасывая воззваніе къ войскамъ и странѣ.

Одна за другою ложились на бумагу строки. А самъ онъ въ то же время, нервно выбивая тактъ ногою, напѣвалъ старинную солдатскую пѣсенку, слышанную имъ давно у огней на бивуакахъ, когда онъ совершалъ свои первые походы:

La Victoire, en chantant,
Nous ouvre la barrière!..

Мурлыча пѣсенку, выводилъ императоръ строку за строкою. Въ это время раскрылась дальняя дверь, и небольшое существо, одѣтое въ красное, кинулось къ столу.

— Santa Maria Virgine! — цѣпенѣя отъ ужаса, забормоталъ императоръ.

Привычный призракъ въ пламени не казался ему страшнымъ, онъ ждалъ его, вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Но на мигъ представилось смущенному уму, что этотъ же „Красный Человѣчекъ" можетъ войти въ дверь обыкновеннымъ путемъ, во плоти, — и леденящій ужасъ проникъ въ отважное сердце корсиканца. Но только на одно мгновеніе. Среди прозрачныхъ сумерекъ, начинавшихъ заливать углы покоя, онъ все же быстро узналъ, кто этотъ вбѣжавшій „Красный Человѣчекъ." Его сынъ, Шарль-Франсуа-Наполеонъ, прелестный принцъ-малютка, гордость и надежда отца!

Вскочивъ навстрѣчу, онъ принялъ мальчика въ объятія, крѣпко прижалъ къ груди и снова опустился съ нимъ на прежнее мѣсто, чтобы продолжать работу, держа сына на колѣняхъ, какъ это дѣлалъ не разъ.

Отецъ былъ убѣжденъ, что присутствіе мальчика приноситъ удачу всему, затѣянному въ такія минуты...

Расцѣловавъ отца, мальчикъ звонко болталъ, пока перо съ легкимъ скрипомъ скользило по бумагѣ.

— А мы катались... Такъ хорошо... съ мамой... Она сейчасъ придетъ... А я потихоньку побѣжалъ впередъ. А миссъ меня ищетъ тамъ и не можетъ найти... А это что̀ за новая книга у тебя, папа? Я не видалъ ея раньше. Какая большая... красивая...

Крохотной рученкой онъ коснулся большого фоліанта въ сафьяновомъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ, выглядывавшемъ изъ-подъ карты, которую недавно разсматривалъ Наполеонъ.

— Это—сочиненія Тацита. Онъ писалъ о славныхъ царяхъ и герояхъ прежнихъ временъ, мой мальчикъ. Погоди... дай мнѣ кончить работу... Еще пару строкъ... Твои поцѣлуи освѣжили мнѣ мысли... Хорошія слова идутъ подъ перо... Не мѣшай же.

— Хорошо... Дописывай скорѣе... и потомъ почитай мнѣ эту книгу... А я послушаю... Я очень люблю, когда ты мнѣ читаешь... Я тогда все вижу, о чемъ тамъ написано... Читай же!

— Ты не поймешь, малютка

— Нѣтъ... пойму... читай!..

Ребенокъ поцѣлуемъ подкрѣпилъ просьбу.

Нѣжно поцѣловавъ сына въ глаза, Наполеонъ съ улыбкой откинулъ перо, поправилъ книгу, усадилъ мальчика поудобнѣе на колѣняхъ, сдѣлалъ понюшку табаку изъ табакерки, лежавшей подъ рукою, и при слабомъ свѣтѣ уходящаго дня орлиными глазами заскользилъ по ровнымъ строкамъ раскрытой наудачу страницы.

„Грозная пора настала для Рима. Силы Республики были истощены въ конецъ. Мечъ галльскаго воинственнаго вождя, брошенный на вѣсы,—рѣшалъ дѣла цѣлаго міра, раньше подвластнаго сенату римскому и его когортамъ... Тогда въ груди римскихъ гражданъ, во всемъ народѣ проснулись прежняя отвага и доблесть. Подобно рѣкѣ, которая подъ грозою становится еще бурливѣе и мятежнѣй, чѣмъ въ дни затишья, воспрянулъ Римъ, желая свергнуть чуждое варварское иго"...

Звучный голосъ императора, привычнаго къ ораторству, наполнялъ покой ровными, красивыми звуками. Но, взглянувъ случайно на ребенка, отецъ сразу оборвалъ монотонное, баюкающее чтеніе.

Опьяненный весеннимъ воздухомъ и долгой прогулкой, ребенокъ уже успѣлъ опустить пушистыя рѣсницы и ровно, глубоко дышалъ во снѣ, налетѣвшемъ сразу, какъ это всегда бываетъ у дѣтей.

Не мѣняя положенія, отецъ поправилъ голову мальчика, помѣстивъ ее удобнѣе на своей груди, и, чуть покачивая спящаго, сталъ тихо, ласково напѣвать колыбельную пѣсенку, которую пѣвала мать надъ нимъ самимъ тамъ, на далекой родинѣ, подъ синимъ, знойнымъ небомъ Корсики:

Fra Martino, fra Martino,
Dormitu? Dormitu?
Suona la campana... Suona la campana:
Bim-bam-bom!

Еще не кончилъ онъ куплета, какъ широко распахнулась та же дверь, черезъ которую вбѣжалъ принцъ-дофинъ. Мать его, Марія-Луиза Австрійская, стройная, молодая, очаровательная, какъ весна, показалась на порогѣ и громко проговорила:

— Добрый день, сиръ. А нашъ баловень снова мѣшаетъ вамъ работать?.. Мы только что...

— Тише... тсс... моя дорогая!.. Полміра дремлетъ у меня на рукахъ. Не разбудите его владыки... Тише!—остановилъ жену Наполеонъ и продолжалъ допѣвать баюкающую пѣсенку:

Fra Martino, fra Martino,
Dormitu?..

Мать тихо подошла и тоже залюбовалась на спящаго...

II.

Декабрь 1820 года.

Неполныхъ девять лѣтъ прошло послѣ этого памятнаго весенняго вечера, когда Наполеонъ рѣшилъ повести на Россію народы Европы.

Зимнія непогоды и дожди разразились надъ скалистымъ островкомъ Св. Елены, затерянномъ въ безграничныхъ просторахъ океана... На этомъ островкѣ, въ унылолъ Лонгвудскомъ за̀мкѣ, ужъ много дней томится Наполеонъ Бонапартъ, бывшій императоръ французовъ, владыка полуміра, а теперь—„Узникъ Европы", какъ его величаютъ повсюду, лишенный власти, трона, семьи, свободы, отданный подъ надзоръ своимъ врагамъ-англичанамъ въ лицѣ коменданта сэра Гудсона Лоу.

Императрица Марія-Луиза вернулась въ родную семью, довольная тѣмъ, что освободилась отъ нелюбимаго мужа... Съ нею же, въ Шенбруннскомъ за̀мкѣ, на положеніи не то узника, не то нахлѣбника при вѣнскомъ дворѣ, проживаетъ принцъ-дофинъ, Римскій императоръ, чья колыбель уже была осѣнена тройной короной.

Вечеръ сочельника.

Небольшая свита слугъ и друзей, оставленная „Узнику Европы" на пустынномъ островкѣ, нерадостно встрѣчаетъ Святую ночь Рождества... Всѣ разошлись по своимъ угламъ и вспоминаютъ прежніе свѣтлые дни... когда цѣлая страна, ликуя, поминала въ молитвахъ и на рождественскихъ пирахъ имя героя-императора.

Тяжелый, неизлѣчимый недугъ — ракъ желудка—словно поспѣшилъ притти на помощь врагамъ низверженнаго императора. Изнемогая отъ мукъ, страдая тѣломъ и душою, не спитъ цѣлыми ночами страдалецъ, бродитъ по комнатамъ тѣсной темницы. Уже многихъ нѣтъ съ нимъ изъ тѣхъ, кто сначала рѣшился посвятить свою жизнь бывшему государю, посланному въ изгнаніе.

Уѣхалъ маршалъ Гурго, обиженный раздражительнымъ повелителемъ, который и здѣсь не можетъ позабыть того, чѣмъ онъ былъ еще такъ недавно... Нѣтъ Ласказа... Хитрый іезуитъ уѣхалъ не то по неволѣ, не то тайнымъ посломъ „Узника", чтобы подготовить ему пути къ освобожденію.

Правда, „Узникъ" могъ бы бѣжать съ острова, несмотря на зоркій надзоръ сэра Лоу. Но что̀ ждетъ бѣглеца въ Америкѣ, куда онъ можетъ скрыться?.. Жалкое прозябаніе въ видѣ богатаго рантье, благо нѣсколько милліоновъ успѣлъ припрятать бывшій императоръ, помѣстивъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ.

Нѣтъ! Не этого хочетъ „Узникъ"... Онъ ждетъ иного освобожденія, надѣется, что тотъ же Александръ сжалится надъ прежнимъ союзникомъ и другомъ, послѣ ставшимъ врагомъ, что эксъ-императору французовъ позволятъ доживать вѣкъ въ болѣе почетномъ положеніи, на покоѣ, а не подневольнымъ заточникомъ, лишеннымъ проблеска свободы, отданнымъ на произволъ грубоватаго коменданта-врага.

Врачи Антомарки и О'Мэара, мужъ и жена Бертранъ, камердинеръ Маршанъ, мажордомъ и шефъ кухни Чипрези, землякъ Бонапарта,—вотъ ближайшіе къ нему люди. Но ихъ тоже не часто любитъ видѣть и слышать больной, измученный „Узникъ".

Днемъ онъ спитъ, а ночью бродитъ по комнатамъ своего домика или гуляетъ по части парка, отведенной въ его распоряженіе и отгороженной стѣною, охраняемой рядомъ часовыхъ отъ остального человѣческаго мірка, населяющаго скалистый островокъ...

Полночь близко... Озарены свѣчами и масляными лампами пустые покои, по которымъ бродитъ „Узникъ".

Большой каминъ горитъ въ комнатѣ, замѣняющей столовую и гостиную. Отблески пламени играютъ на широкомъ окнѣ, за стеклами котораго шумитъ ненастье, льетъ дождь, воетъ вѣтеръ, принося издали тяжкіе, протяжные вздохи бушующаго моря, которое хлещетъ валами въ высокіе скалистые берега...

Непроглядная ночь чернѣетъ за стеклами, по которымъ круп-

ныя капли дождя скользятъ непрерывно одна за другой, словно неутѣшныя слезы...

Думаетъ Наполеонъ о прошломъ, которое такъ отчетливо, ярко проносится въ памяти, и убѣждается все больше, что единственной ошибкой, повлекшей за собой всѣ бѣды, былъ этотъ роковой походъ на Россію...

И вспоминается „Узнику" весенній вечеръ... Каштаны Тюльерійскаго парка... Мучительныя колебанія духа передъ тѣмъ, какъ подписать манифестъ... И появленіе „Краснаго Человѣчка".

Что это было?... Обманулъ ли его враждебный Духъ, принявъ обликъ дружественнаго Генія?.. Или онъ, Бонапартъ, не понялъ загадочныхъ словъ предостереженія добраго Друга?..

Стоя у окна, глядя въ темноту, слушая отдаленные мятежные вздохи и стоны бушующей пучины, думаетъ все объ одномъ и томъ же „Узникъ"... И даже не чувствуетъ обычной тупой боли, теперь не оставляющей его ни днемъ ни ночью, вѣчно сверлящей тамъ, внутри...

Вдругъ онъ услышалъ, что за его спиною, въ глубинѣ комнаты, осторожно пріотворилась дверь. Въ оконномъ стеклѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилось, что тамъ происходитъ... Сперва просунулось впередъ жирное, съ большимъ краснымъ носомъ, съ тройнымъ подбородкомъ, лицо Чипрези, потомъ и весь онъ выкатился въ столовую, перешагнувъ порогъ короткими, толстыми ножками, и сталъ у дверей, осторожно покашливая въ деликатно сложенную ладонь лѣвой руки.

— Que voi, imbecille? (Что надо глупецъ?)—не оборачиваясь, кинулъ ему „Узникъ".

— Ничего, ничего! — съ обычной жестикуляціей, причмокивая и пришепетывая беззубымъ старческимъ ртомъ, затараторилъ старикъ.—Хочу только сказать: развѣ не пора поѣсть чего-нибудь?.. Или старый Бенно сталъ ужъ такъ отвратительно готовить, что его стряпню и въ ротъ нельзя положить?.. Или я не стряпаю все, что только любитъ мой императоръ?.. Или я...

— Или ты—тройной глупецъ и оселъ въ квадратѣ, и я не стану ѣсть даже тебя, если ты умудришься изготовить себя подъ кислымъ соусомъ!.. Понялъ?

— Ну, зачѣмъ вамъ мое старое мясо... Я бы лучше зажарилъ синьора коменданта,—онъ помоложе... Но его и тигры не станутъ ѣсть... Хе-хе-хе... А я что-нибудь другое изготовлю вашему величеству... Стуфато... Жаренаго цыпленка... Или свѣженькую рыбку... Утромъ намъ привезли... Конечно, это не форели Сен-Клу. Но на этомъ проклятомъ островѣ...

— О проклятый островъ!—какъ эхо отозвался „Узникъ" подходя къ накрытому столу, куда такъ настойчиво призывалъ его преданный старикъ.

Здѣсь, поковырявъ вилкой въ одномъ-другомъ, „Узникъ" скоро оставилъ ѣду и погрузился въ прежнія думы, почти не слушая, что болтаетъ Чипрези.

Но понемногу и самъ онъ разговорился. Съ отъѣздомъ Ласказа, которому онъ долгое время диктовалъ свои „Воспоминанія", Наполеонъ не имѣлъ, кому открыть тяжелыхъ думъ. И только земляку, преданному Чипрези, порою говорилъ о своихъ мукахъ, съ нимъ вспоминалъ прошлое.

Рѣчь въ этотъ вечеръ зашла о сборахъ въ Московскій походъ... Вспомнилъ и разсказалъ „Узникъ" о появленіи „Краснаго Человѣчка", толкнувшаго императора на рѣшительный послѣдній шагъ...

Торопливо осѣнивъ себя крестомъ и прошептавъ краткую молитву, Чипрези нерѣшительно спросилъ:

— А потомъ онъ являлся вашей чести... этотъ... огненный... „Красный Человѣчекъ"?..

— Раза два еще... Послѣдній разъ—давно... на берегахъ Березины, черезъ которую мнѣ кое-какъ удалось перейти,—помнишь?.. Ты былъ тоже со мною... Казаки настигли насъ въ одной хатѣ, гдѣ лежали на столѣ два трупа... и была красивая дѣвушка... Она укрыла меня въ своей свѣтелкѣ... У нея провелъ я ночь... Она отогрѣла меня, полузамерзшаго, растеряннаго, загнаннаго врагами, какъ раненаго звѣря... И тогда-то онъ приходилъ въ послѣдній разъ... И не былъ съ тѣхъ поръ... Хотя я жду его еще... чтобы узнать, что будетъ со мною?.. Дождусь ли я свободы... или нѣтъ?..

„Узникъ" умолкъ... Чипрези, стоя поодаль, опустилъ полусѣдую голову и старался незамѣтно смахнуть слезы, набѣгавшія на его вѣчно воспаленныя мясистыя рѣсницы.

— Я тамъ... Я пойду... еще есть кое-что хорошенькое у меня для вашей чести!—пробормоталъ онъ невнятно и быстро вышелъ.

А „Узникъ" унесся памятью къ прошедшему.

Вотъ ставка подъ Шевардиномъ... Ночь наканунѣ Бородинскаго боя... Онъ боялся, что русскіе и тутъ не примутъ вызова, отступятъ безъ сраженія... Но явился въ пламени костра знакомый обликъ, шепнулъ какое-то невнятное, но ободряющее обѣщаніе— и почти немедленно прискакалъ вѣстникъ отъ маршала Нея съ добрыми вѣстями: русскіе рѣшили биться здѣсь, подъ Бородиномъ...

Правда, исходъ сраженія остался невыясненъ... Потери съ обѣихъ сторонъ оказались громадныя... Но все же русскіе попятились, разступились... Открыли путь на Москву...

Потомъ лишь понялъ вождь, какая ловушка была для него эта столица... Но тогда—ликовалъ... и благодарилъ тайнаго друга, загадочнаго Генія, предсказавшаго успѣхъ...

И теперь одинъ бы только разъ еще увидѣть и побесѣдовать съ нимъ... кинуть укоръ за обманы... вольные или невольные— кто знаетъ?.. И попросить одного предсказанія... одной вѣсти о желанной свободѣ...

Такъ думалъ „Узникъ", глядя въ яркое пламя высокаго, грубо сложеннаго камина, гдѣ пылали цѣлые смолистые чурбаны, обогрѣвая воздухъ.

И, словно въ отвѣтъ на призывъ души,—на основѣ танцующихъ, невѣрныхъ языковъ пламени стали вырѣзаться знакомыя очертанія неуклюжей, полупризрачной фигуры...

„Онъ" пришелъ... Не ожидая даже вопроса, беззвучно, но внятно шепнулъ оцѣпенѣлому, блѣдному страдальцу:

— Свобода... близко... близко...

И быстро растаялъ, исчезъ.

— Близко... Свобода близко! — повторилъ, трепеща, „Узникъ", поднялся со стула, кинулся къ окну, глядя въ черную даль, словно тамъ уже видѣлъ среди пѣны и волнъ прибоя подходящее судно, которое увезетъ его съ этого проклятаго острова.

— Я покину эту ужасную скалу... Буду свободенъ... Увижу моего малютку... Его!..

„Узникъ" подошелъ къ портрету сына, висѣвшему на стѣнѣ, и осторожно, ласково сталъ гладить шероховатый холстъ, словно проводилъ по щечкамъ ребенка... Грустно улыбнулся, вспомнилъ далекій вешній вечеръ, каштаны парка съ ихъ голыми вѣтвями, малютку у себя на колѣняхъ и тихо, нѣжно запѣлъ:

Fra Martino... Fra Martino...
Dormitu? Dormitu?..

А непогода ревѣла за окномъ, пролетая надъ просторомъ морской пучины... И крупныя, частыя капли дождя, словно слезы, неустанно скользили снаружи по стекламъ, за которыми чернѣла непроглядная ночь.

„Красный Человѣчекъ" на этотъ разъ не обманулъ страдальца-„Узника".

Прошло еще четыре мѣсяца съ небольшимъ—и онъ получилъ полную свободу отъ земныхъ страданій:

5 мая 1821 года не стало Наполеона.

Онъ умеръ въ своемъ Лонгвудскомъ домикѣ отъ рака, источившаго его желудокъ, какъ тоска и скорбь—точили неугомонную душу геніальнаго корсиканца...

Чернецовская галлерея русскихъ дѣятелей 1830-хъ годовъ.

Очеркъ проф. **С. А. Венгерова**. (Съ 9 рис. на стр. 493—496).

Благодаря любезности библіотекаря Академіи Художествъ Ѳ. Г. Беренштама, мнѣ удалось ознакомиться съ чрезвычайно интересной коллекціей портретовъ извѣстнаго художника Николаевской эпохи Григорія Чернецова, недавно поступившей въ библіотеку Академіи. Портреты представляютъ большой интересъ для иконографіи русской вообще. Это—настоящая галлерея выдающихся людей 1830-хъ гг. Тутъ и высшіе чины государства, и просто значительные люди, и балерины, и пѣвцы, и, наконецъ, писатели. Я лично заинтересовался Чернецовскими портретами въ той мѣрѣ, въ какой они даютъ новый матеріалъ для русской литературной иконографіи, и снялъ съ нихъ для своего архива фотографіи.

Происхожденіе огромной серіи Чернецовскихъ портретовъ такое.

Видимо, въ 1832 году Чернецовъ получилъ заказъ нарисовать картину для Зимняго Дворца, изображающую парадъ на Марсовомъ полѣ по случаю окончанія польской кампаніи.

И онъ отнесся къ своей задачѣ со свойственной ему старательностью.

Какъ и братъ его Никандръ, Григорій Чернецовъ представляетъ собою одно изъ многочисленныхъ доказательствъ того, что основной обликъ человѣка далеко не всегда опредѣляется „средою" и „обстоятельствами". Чернецовъ происходилъ изъ русской крестьянской семьи, но, право, могъ бы быть нѣмцемъ. Въ такой мѣрѣ онъ педантично-аккуратенъ въ своихъ художественныхъ пріемахъ и навыкахъ. Рисунки его суховаты, но чрезвычайно правдивы и точны. Совершивъ съ братомъ путешествіе по Волгѣ, онъ нарисовалъ огромное количество видовъ. Такъ, со стороны впечатлѣнія, эти путевые эскизы скучноваты и совершенно не передаютъ очарованія пейзажа. Но въ смыслѣ точности они едва ли въ чемъ уступаютъ фотографіи.

Свойства, присущія творчеству Чернецова вообще, сказались и въ „Парадѣ". Въ картинѣ нѣтъ движенія, нѣтъ бьющагося пульса жизни. Передъ нами почти барельефъ, холодный, застывшій. Все правильно, идеально выдержана перспектива, а въ общемъ малоинтересно; картина не волнуетъ, вы не переживаете того, что часто переживаете, когда смотрите на парадъ, который, какъ ни какъ, вѣдь есть подобіе сраженія.

Все это, повторяю, если подойти къ картинѣ съ точки зрѣнія эстетическаго наслажденія.

Но если отнестись къ ней, какъ къ нѣкоему историческому документу, то значеніе „Парада“ становится очень большимъ.

Дѣло въ томъ, что Чернецовъ, по мысли императора Николая, рисовалъ картину по такому плану:

Происходитъ парадъ, и его смотритъ то, что называется—„весь Петербургъ“. Чернецовъ включилъ въ толпу всего менѣе только тѣхъ, которые дѣйствительно были на Марсовомъ полѣ во время парада. Тутъ просто была использована возможность дать галлерею видныхъ современниковъ. У художника было опредѣленное намѣреніе дать не вообще „зрителей“ и глазѣющую толпу, а именно портретную галлерею. По нѣкоторымъ указаніямъ, картина была нарисована въ два пріема. Когда она была закончена первый разъ, императоръ Николай остался доволенъ исполненіемъ своего заказа, но выразилъ сожалѣніе о томъ, что среди публики, смотрящей на парадъ, не видитъ знакомыхъ лицъ. Тогда Чернецовъ взялъ картину обратно и превратилъ ее въ портретную галлерею „всего Петербурга“.

И онъ далъ ее по всѣмъ правиламъ портретности. Всякое лицо срисовано съ натуры. Значительная часть изображенныхъ на картинѣ лицъ, повидимому, перебывала въ мастерской художника. Нѣкоторые же зарисованы при особыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ всякій разъ указано на оборотѣ эскизовъ.

фрейлина М. П. Кикина. П. А. Кикинъ. С. Н. Болоховской. И. П. Шульгинъ. М. Т. Каченовскій. А. Р. Венеціановъ. В. Н. Семета (цензоръ).
И. А. Крыловъ. Н. И. Уткинъ. А. С. Пушкинъ. Н. И. Гречъ. В. А. Жуковскій. Н. И. Гнѣдичъ.

Группа писателей, ученыхъ и художниковъ на картинѣ Григорія Чернецова „Парадъ на Марсовомъ полѣ“.
(По фотографіи, снятой для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова. Воспроизводится впервые).

Неизданный портретъ Пушкина, точно опредѣляющій его ростъ.

Рисовалъ свои эскизы Чернецовъ не въ краскахъ, а только въ карандашныхъ очеркахъ и не отдѣлывая подробностей.

И вотъ эти-то карандашныя зарисовки и „прориси“ (контурные эскизы) поступили теперь въ Академію Художествъ.

Здѣсь воспроизводится рядъ такихъ карандашныхъ зарисовокъ писателей, помѣщенныхъ въ числѣ зрителей парада, а также другіе эскизы, рисованные позже „Парада“. Сверхъ того, дается: сама картина „Парада“ и одна деталь изъ нея — то мѣсто въ правомъ углу, гдѣ Чернецовъ помѣстилъ группу выдающихся литераторовъ и художниковъ того времени.

Цѣликомъ „Парадъ“ Чернецова еще никогда воспроизведенъ не былъ. Что касается группы, то отчасти она извѣстна, но не въ томъ видѣ, въ какомъ она дана здѣсь. Извѣстенъ именно первоначальный эскизъ, налитографированный отдѣльно и затѣмъ помѣщенный въ „Листкѣ“ Тима 1861 г., а оттуда перешедшій во многія изданія *).

Въ такомъ же видѣ, въ какомъ она выдѣлена здѣсь непосредственно изъ самой картины, группа, повторяю, воспроизводится впервые. Такъ она и гораздо живописнѣе и, кромѣ Пушкина, Крылова, Жуковскаго и Гнѣдича, даетъ еще рядъ другихъ портретовъ: Н. И. Греча, И. П. Шульгина (ректора Спб. университета), извѣстнаго проф. Московскаго университета М. Т. Каченовскаго, художника А. Р. Венеціанова, основателя Общества поощренія Художествъ П. А. Кикина (съ дочерью), гравера Н. И. Уткина.

„Прориси“ и другіе эскизы Чернецовской галлереи имѣютъ не только иконографическое, но и историко-литературное значеніе.

Въ иконографическомъ отношеніи прежде всего, конечно, интересна „прорись“ во весь ростъ Пушкина. По ней Чернецовъ нарисовалъ Пушкина и въ „Парадѣ“ и въ группѣ четырехъ писателей. Затѣмъ цѣнны портреты извѣстнаго поэта Дениса Давыдова, знаменитаго юриста, создателя Свода Законовъ гр. Сперанскаго, извѣстнаго баснописца И. И. Дмитріева, извѣстнаго историка проф. М. Т. Каченовскаго и извѣстнаго драматурга и новеллиста Нестора Кукольника.

Интересъ этихъ эскизовъ въ томъ, что, за исключеніемъ Дениса Давыдова, они зарисованы не въ обычныхъ, напряженныхъ „позахъ“, а запросто. При всей сухости Чернецовской манеры, получается впечатлѣніе болѣе интимное.

Благодаря чисто-нѣмецкой аккуратности, о которой я говорилъ выше, эскизы снабжены записями о днѣ, когда были сдѣланы зарисовки, а также о ростѣ тѣхъ лицъ, съ которыхъ Чернецовъ писалъ портреты. Получается рядъ очень интересныхъ, такъ сказать, литературно-антропологическихъ данныхъ. Мы узнаемъ, что Жуковскій былъ 2 аршинъ $6^1/_2$ вершковъ, Кукольникъ — 2 арш. 8 вершковъ, Дмитріевъ—2 арш. 9 вершковъ, и наконецъ—что всего важнѣе — *впервые и вполнѣ точно узнаемъ ростъ Пушкина.*

Вотъ эта драгоцѣнная запись:

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ
рисовано съ натуры, 1832-го года
Апрѣля 15
ростомъ 2 арш.
5 в. съ половиной.

Не всѣ великіе люди, выходитъ, были и великаго роста: 2 аршина $5^1/_2$ вершковъ — это почти ниже средняго.

*) Ср., между прочимъ, редактированное мною роскошное изд. соч. Пушкина (Брокгаузъ-Ефрона), т. IV.

Живописецъ-тореадоръ.

(Игнаціо Зулоага и его творчество).

(Съ 7 карт. на стр. 481 — 485).

Очеркъ **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

Кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ европейскаго искусства, тотъ не могъ не замѣтить, что на протяженіе многихъ лѣтъ въ парижскихъ Салонахъ, этихъ годичныхъ отчетахъ міровою художества, ярче всѣхъ горятъ и сверкаютъ представители испанской школы.

Игнаціо Зулоага — типичный сѣверный испанецъ-кастилецъ. Онъ совсѣмъ по-своему, угрюмо и мрачно, воспѣваетъ выжженную солнцемъ, скованную неподвижной дремою минувшихъ столѣтій, клерикально-монашескую Кастилію. Картины Зулоаги — вѣчный мистическій трауръ о быломъ величіи спящей, вымершей католической Испаніи. Замкнувшійся въ суровомъ величіи былого, онъ — испанецъ-инквизиторъ, испанецъ-монахъ, испанецъ-солдатъ...

Зулоага — художникъ случайный, что не мѣшаетъ однако ему быть однимъ изъ величайшихъ мастеровъ современной Европы.

Онъ родился въ бѣдной кастильской семьѣ. Какъ всякій испанскій мальчикъ-простолюдинъ, Игнаціо мечталъ сдѣлаться матадоромъ, чтобъ на аренѣ цирка, на глазахъ многотысячной толпы, въ нарядномъ, серебромъ и золотомъ

И. И. Дмитріевъ.

Изъ неизданныхъ эскизовъ Чернецовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.

По фотографіямъ, снятымъ для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова.

расшитомъ, костюмѣ колоть быковъ шпагой.

Мечты его сбываются наполовину. Онъ работаетъ въ циркахъ большихъ городовъ, хотя до премьера-матадора ему еще далеко. Онъ пока только скромный тореро, не больше.

Неожиданно у Зулоаги просыпается талантъ къ рисованію. Сидя въ кафэ съ товарищами-тореро, Зулоага на клочкахъ бумаги весьма удачно набрасываетъ ихъ портреты. Иногда изъ-подъ его бойкаго, увѣреннаго карандаша выходятъ цѣлыя группы, композиціи, сцены, одухотворенныя жизнью и стремительнымъ, говорящимъ о несомнѣнной искрѣ Господней, движеніемъ. Своимъ рисункамъ Зулоага не придавалъ рѣшительно никакого значенія. Онъ раздаривалъ ихъ на память или уничтожалъ.

Однажды въ мадридскомъ кафэ „Левантэ" Игнацію, по обыкновенію, шаля карандашомъ, набрасывалъ сидящаго за столикомъ пожилого пикадора. Прихлебывавшій по сосѣдству въ кафэ благообразный сѣдобородый старикъ заинтересовался чудеснымъ наброскомъ.

Старикъ похвалилъ рисунокъ и спросилъ молодого тореро, не желаетъ ли онъ серьезно отдаться искусству. Зулоага, усмѣхнувшись, отвѣтилъ, что искусствомъ онъ считаетъ искусство тореро, рисованіе же въ его глазахъ баловство, и спеціализироваться въ этомъ направленіи у него нѣтъ ни малѣйшей охоты.

Сѣдобородый старикъ, пожавъ плечами, выразилъ искреннее сожалѣніе, что таланту, очевидному и несомнѣнному, увы, не суждено расцвѣсть!.. Старикъ оказался придворнымъ королевскимъ портретистомъ Виллэгесомъ, авторомъ большихъ историческихъ картинъ, украшающихъ Музей Новыхъ Искусствъ въ Мадридѣ. Виллэгесъ въ то время былъ крупной художественной величиною...

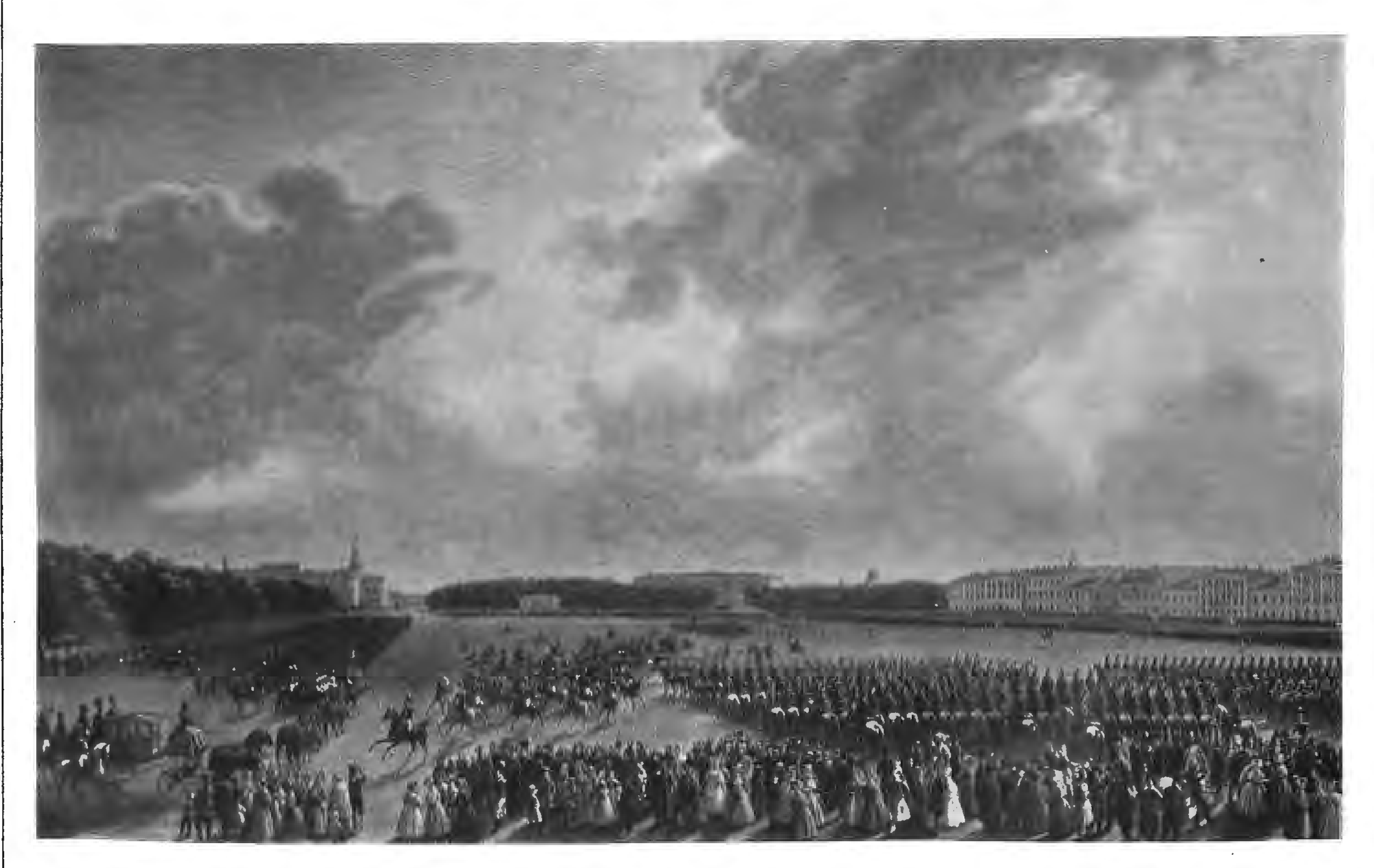
Время шло. Виллэгесъ на своихъ портретныхъ сеансахъ въ королевскомъ дворцѣ забылъ про молодого тореро. Зулоага, кочуя изъ города въ городъ, изъ цирка въ циркъ, забылъ про Виллэгеса. Но вскорѣ они вспомнили другъ о другѣ, столкнувшись лицомъ къ лицу, и на этотъ разъ уже не въ кафэ „Левантэ", а въ мастерской королевскаго живописца.

Во время одной изъ корридъ въ Гренадѣ Зулоага, по обыкновенію, игралъ съ свирѣпымъ, взбѣшеннымъ быкомъ, дразня его цвѣтной капой. Но, къ несчастью, вѣрнѣе это было въ концѣ концовъ къ счастью, Зулоага, наступивъ на брошенную кѣмъ-то изъ амфитеатра сливу, поскользнулся и упалъ ничкомъ на песокъ арены. Быкъ принялся его бодать, и въ результатѣ — искалѣченная нога, сдѣлавшая молодого тореро навѣки хромымъ. Ходить онъ могъ, но для арены, для „ра

Несторъ Кукольникъ.

М. М. Сперанскій.

Изъ неизданныхъ эскизовъ Чернецовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.



Парадъ 1830-хъ годовъ на Царицыномъ лугу. Картина Григорія Чернецова въ Зимнемъ Дворцѣ.

(Съ фотографіи, снятой для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова. Воспроизводится впервые).

В. А. Жуковскій.

боты“ Зулоага сдѣлался инвалидомъ.

Отлеживаясь въ больницѣ, Игнаціо рѣшалъ насущный вопросъ: чѣмъ жить, не имѣя никакихъ средствъ, не зная никакого ремесла, кромѣ искусства тауромахіи?..

Тогда онъ вспомнилъ свои рисунки, вспомнилъ встрѣчу съ благообразнымъ сѣдобородымъ старикомъ. Покинувъ больницу, Зулоага поѣхалъ въ Мадридъ. Въ мастерской Виллэгеса ждалъ его радушный, сердечный пріемъ.

Быстрыми шагами идетъ Игнаціо Зулоага къ славѣ. Неудавшійся матадоръ въ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ сдѣлаться общепризнанной извѣстностью не только въ Европѣ, но и за океаномъ, въ Америкѣ. Зулоага имѣлъ въ Парижѣ свою мастерскую, много работалъ и ежегодно выставлялъ въ Салонахъ. Онъ вошелъ въ международное искусство самобытный, съ глубоко оригинальной творческой физіономіей, такъ непохожей на все окружающее. За свои картины онъ получалъ и получаетъ бѣшеные гонорары.

Разбогатѣвъ, — у него теперь состояніе въ десять милліоновъ франковъ, — Зулоага рѣшилъ, что настало время позволить себѣ роскошь писать для самого себя, а не для продажи. И — фактъ почти безпримѣрный въ исторіи искусства — Зулоага, продуктивный и много работающій живописецъ, вотъ уже два или три года какъ не выпускаетъ на рынокъ ни одной изъ своихъ картинъ. Коллекціонеры и поклонники закидываютъ его просьбами хоть что-нибудь уступить имъ. Но Зулоага непреклоненъ, и его картины прямо съ выставки возвращаются къ нему.

Въ настоящемъ нумерѣ „Нивы“ воспроизведенъ рядъ снимковъ съ картинъ Зулоаги, бывшихъ на его, сначала московской, затѣмъ петербургской выставкахъ. Эти обѣ выставки — первый визитъ Зулоаги въ Россіи,— визитъ, оставившій прекрасное и глубокое впечатлѣніе.

М. Т. Каченовскій.

Однако въ чемъ же обаяніе Зулоаги, его сила и прелесть его техники? И почему всѣ картины его такъ чаруютъ истинныхъ любителей?

Тѣмъ болѣе, что бѣглое впечатлѣніе—не въ пользу Зулоаги. Съ перваго впечатлѣнія на международной выставкѣ въ Римѣ онъ даже какъ будто проигрывалъ отъ близости своего соотечественника Соролля и Бастида. Но чѣмъ внимательнѣе всматриваться въ картины Зулоаги, тѣмъ сильнѣе плѣняютъ онѣ глубиною содержанія.

Зулоага надолго овладѣваетъ вниманіемъ, подчиняя себѣ мысль, заставляя думать... И если вначалѣ зритель находитъ фигуры его картинъ, пожалуй, условными, вытянутыми, длинными, то потомъ убѣждается, что такъ, именно такъ надо изображать то, что изображаетъ Зулоага.

Въ картинахъ своихъ онъ прежде всего художникъ, а затѣмъ — испанецъ. Творчество Зулоаги и его родная Испанія неотдѣлимы другъ отъ друга. Это—глубоко національный художникъ, но, какъ талантъ исключительной величины, онъ одинаково всѣмъ интересенъ, одинаково понятенъ.

Вотъ большая пейзажно - архитектурнаго характера композиція „Сеговія“. Каменный городъ, пустынный, древній и вымершій. Въ этомъ нагроможденіи старинныхъ домовъ, храмовъ и колоколенъ много монументальной, величаво застывшей поэзіи. Это — тяжелая непробудно-сонная греза о быломъ, навсегда угаснемъ, величіи клерикально - монашеской Испаніи.

Возьмемъ „Танцовщицу Мариниту“. Портретъ—несомнѣнно писанный съ натуры, но въ то же время и портретъ—символъ. Это—и данная танцовщица Маринита и въ то же время обобщенный типъ испанской гитаны.

Въ этой легкой, воздушной фигурѣ угадывается въ то же время какая-то незыблемая монументальность. Это—застывшій сквозь вѣка типъ гитаны, не тронутой цивилизаціей, умѣющей лишь плясать съ дикими горловыми выкриками. Это—пережитокъ мавританской женщины, плотно закутанной въ драпировки, скрадывающія линіи гибкой змѣиной фигуры, подводящей глаза и обильно румянящей лицо. И при этомъ—такой строгій, „монументальный“ пейзажъ. Вообще чувство монументальности развито у Зулоаги необычайно. Такой же монументальный пейзажъ и въ картинѣ „За прялкой“. А эта худая труженица-старуха, типичная кастильская женщина, добрая набожная католичка, чудесная мать, для которой дневной заработокъ въ песету—цѣлое богатство!..

Портретъ г-жи Брэваль—наглядный показатель, какой великолѣпный рисовальщикъ Зулоага, и какая у него „желѣзная“ форма. Достаточно взглянуть, всмотрѣться въ голову этой жгучей, съ крупными чертами, женщины, въ пальцы ея руки, упирающейся въ подбородокъ, чтобъ убѣдиться, съ какой безподобной виртуозностью чувствуетъ Зулоага линію и владѣетъ ею.

Хотя Зулоага—одинъ изъ самобытнѣйшихъ художниковъ, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ, но и онъ иногда находится безсознательно подъ вліяніемъ Веласкеза. Что-то веласкезовское въ пріемѣ, съ которымъ подошелъ Зулоага къ своему „Страннику“. И эта одинокая фигура, и складки грубаго плаща, и сильная лѣпка головы, и скупой околичностями пейзажъ—во всемъ этомъ чувствуется Веласкезъ. Въ автопортретѣ Зулоаги въ благородной простотѣ его живописи тоже угадывается веласкезовское настроеніе.

Съ перваго впечатлѣнія, съ поверхностнаго взгляда, картины Зулоаги кажутся темными, даже черноватыми въ смыслѣ общей гаммы. Но если вы всмотритесь внимательнѣе — вы убѣдитесь, какія тонкія колористическія задачи рѣшаетъ художникъ.

И если портретъ г-жи Брэваль характеренъ для Зулоаги-рисовальщика, то картина его „Севильскіе тореадоры“—краснорѣчивѣйшее доказательство въ пользу Игнаціо Зулоаги-колориста. Всмотримся въ группу этихъ феерически нарядныхъ тореро. Цвѣтные панталоны и куртки, расшитыя золотомъ и серебромъ, лиловые чулки, все богатое, нарядное убранство—какой это соблазнъ для колориста, гоняющагося за внѣшностью? Мы не сомнѣваемся, что серебро и золото горѣло бы у него умопомрачительно, а атласъ и шелкъ блистали бы до иллюзіи — и въ концѣ концовъ все свелось бы къ мастерскому „nature-morte“. Но Зулоага умышленно „погасилъ“ яркую дерзость праздничныхъ красокъ. Погасилъ ровно настолько, чтобъ не проиграла картина, и въ то же время зритель чаруетъ свой глазъ праздничной гаммою, въ которую приведены всѣ сказочные костюмы этихъ людей.

Поэтъ-партизанъ Денисъ Давыдовъ

Изъ неизданныхъ эскизовъ Чернецовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.

По фотографіямъ, снятымъ для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова.

Къ прибытію Его Величества Короля Саксонскаго Фридриха-Августа III въ Россію, 6 іюня с. г. Его Императорское Величество Государь Императоръ (въ формѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка) и Августѣйшій Гость—Саксонскій Король (въ формѣ 4-го пѣхотнаго Копорскаго Своего Имени полка) изволятъ обходить почетный караулъ, выстроенный на дебаркадерѣ вокзала въ Царскомъ Селѣ. По фот. К. Булла.

Англо-русскія торжества.

(Политическое обозрѣніе).

Въ нашей иностранной политикѣ наступила весенняя эра миролюбивыхъ демонстрацій, многознаменательныхъ тостовъ и торжественныхъ дружескихъ встрѣчъ. Вслѣдъ за посѣщеніемъ Государемъ Императоромъ Румыніи, Россія приняла визитъ англійской эскадры, а въ началѣ іюля приметъ главу Французской республики. Сердечныя рукопожатія съ Франціей давно уже вошли въ нашъ политическій обиходъ, сдѣлались обязательными при всякомъ составѣ министерствъ и при всякихъ комбинаціяхъ международной жизни. Но другое дѣло всемірныя демонстраціи англо-русской дружбы и англо-русскаго военно-морского братанія. Еще недалеко ушли тѣ времена, когда появленіе англійскихъ броненосцевъ въ русскихъ водахъ могло носить враждебный и угрожающій характеръ, а теперь оно привѣтствуется, какъ дружескій визитъ, какъ радостное событіе, и сопровождается несмолкаемымъ гуломъ пушечныхъ салютовъ съ бортовъ и русскихъ и англійскихъ кораблей.

Такъ мѣняются отношенія людей, такъ капризная судьба играетъ сердцами народовъ. Посѣщеніемъ англійской эскадрой Кронштадта ликвидируется длительный періодъ вѣковой вражды между Англіей и Россіей, — вражды, которой нѣкоторые пытались придать даже культурно-расовый характеръ. Однакоже именно съ культурной и даже съ психологически-расовой точки зрѣнія между враждовавшими цѣлыя столѣтія націями, къ искреннему удивленію обѣихъ сторонъ, неожиданно оказывается несравненно больше внутренняго сродства и сходства, чѣмъ отчужденности и противоположности. Это глубокое сродство душъ рѣзко отмѣтилъ посѣтившій Россію прошлою зимою популярный англійскій писатель Уэльсъ, поразившійся даже внѣшнимъ сходствомъ русской и англійской толпы. Всего больше и всего рѣзче оно сказывается, разумѣется, въ общности высшихъ морально-религіозныхъ исканій обѣихъ расъ, напримѣръ, въ огромной популярности великаго славянина Льва Толстого среди англосаксовъ и въ огромной популярности идей великаго англосакса Генри Джорджа среди славянъ.

Тѣми же высшими стремленіями къ соціальной правдѣ и справедливости вдохновлялось правительство Россіи въ періодъ великихъ реформъ по освобожденію и земельному устройству крестьянъ и вдохновляется нынѣшнее англійское правительство Асквита и Ллойдъ-Джорджа въ программѣ соціальнаго обновленія современной Англіи. До сихъ поръ и русскій консерватизмъ и русскій либерализмъ черпали вдохновеніе изъ опыта политической культуры Англіи, точно такъ же, какъ и обратно: самое смѣлое реформаторское движеніе въ Англіи идетъ по пути коренныхъ соціально-правовыхъ преобразованій, впервые протоpенному незабвеннымъ Преобразователемъ Россіи. При внутренней согласованности моральныхъ стремленій достаточно было малѣйшей солидарности внѣшнихъ интересовъ для того, чтобы искусственно возникшая вѣковая вражда смѣнилась искреннею и нелицепріятною дружбою народовъ. Такая солидарность интересовъ возникла съ того момента, когда германская промышленность, щедро орошенная золотымъ потокомъ пятимилліардной контрибуціи, стала успѣшно

Адмиралъ Битти.

Къ прибытію англійской броненосной эскадры въ Россію. Командующій эскадрой адмиралъ Битти со своимъ штабомъ. По фот. К. Булла.

ность дипломатовъ смѣняется растущей не по днямъ, а по часамъ горячей пріязнью народовъ. Въ чествованіи англійскихъ моряковъ приняли участіе не только русскіе моряки, русскіе дипломаты и члены правительства, но также и почетные избранники нашего молодого народнаго представительства въ лицѣ членовъ Гос. Думы и ея предсѣдателя. Подъ гулъ пушечныхъ салютовъ милліоны сердецъ слились въ одномъ мощномъ порывѣ взаимной любви и взаимнаго пониманія. Подъ угрозой общей опасности братство по духу перерождается въ братство по оружію. Изъ мирнаго дипломатическаго согласія самъ собою выростаетъ оборонительный союзъ. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ: когда въ

Вступленіе англійской эскадры въ Кронштадтскія воды. Русскіе миноносцы указываютъ судамъ эскадры фарватеръ.

конкурировать на всѣхъ рынкахъ съ англійской промышленностью, и когда на защиту грядущаго торговаго первенства Германіи на разстояніи двухдневнаго перехода отъ англійскихъ береговъ неожиданно выросъ могущественный германскій флотъ. Англія увидѣла, что ея морскому и торговому первенству и даже самому бытію ея угрожаетъ смертельная опасность, и почувствовала необходимость опереться въ самозащитѣ на союзъ съ континентальными державами, съ которыми не такъ давно враждовала по сравнительно ничтожнымъ или даже мнимымъ поводамъ. Недоразумѣніе

Флагманское судно англійской эскадры, сверхъ-дредноутъ „Лайонъ“ (Левъ), 27.000 тонъ водоизмѣщенія; одна подводная часть его имѣетъ 4 сажени глубины.

Броненосный крейсеръ сверхъ-дредноутъ „Кюинъ Мери“ („Королева Марія“). Длина—95 саженъ; скорость хода — 28 узловъ (около 50 верстъ) въ часъ. Вооруженъ, какъ и остальные крейсера, восемью 13½-дюймов. пушками, каждый снарядъ которыхъ вѣситъ 21 пудъ.

дипломатическихъ демонстраціяхъ принимаютъ участіе флотъ и армія, какъ представители самого народа, стихійный порывъ беретъ верхъ надъ дипломатическимъ этикетомъ, и вмѣсто писаныхъ договоровъ неожиданно возникаетъ братскій союзъ крови, союзъ рыцарскихъ народовъ, давшихъ другъ другу клятву на жизнь и смерть.

Полковникъ П. К. Козловъ.

(Портр. на стр. 499).

Знаменитый ученикъ и продолжатель работъ великаго русскаго

съ Франціей по поводу Фашоды смѣнилось полюбовнымъ размежеваніемъ англо-французскихъ интересовъ на Африканскомъ материкѣ, и вражда съ Россіей была покончена мирнымъ раздѣломъ сферы вліяній въ Азіи и въ Персіи. Съ устраненіемъ искусственныхъ мотивовъ къ недоразумѣніямъ, дружба между всѣми этими странами съ каждымъ днемъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Холодная любез-

Легкій крейсеръ „Blond“ („Блондъ“). Вмѣстѣ съ другимъ того же типа крейсеромъ „Boadicea“ („Боадичеа“) прибылъ изъ Кронштадта въ Петербургъ. Остальныя суда въ Неву войти не могли.

Къ прибытію англійской эскадры въ Россію. Сильнѣйшіе въ мірѣ сверхъ-дредноуты и крейсера, составляющіе первую линейную дивизію судовъ Атлантической эскадры. По фот. К. Булла.

путешественника Н. М. Пржевальскаго, полк. П. К. Козловъ въ августѣ этого года отбываетъ въ шестую по счету экспедицію въ Центральную Азію для изслѣдованія Монголіи и Амдосскаго нагорья, а также въ провинціи Сы-Чуань и Гань-Су.

Имя полковника П. К. Козлова получило европейскую извѣстность въ особенности послѣ исключительной по успѣху его пятой экспедиціи — „Монгольско-Сы-чуаньской экспедиціи въ 1907—1909 г.г.", когда П. К. Козлову посчастливилось открыть среди безплодныхъ песковъ центральной Монголіи таинственную погибшую столицу Бохайскаго царства—„Хара-Хото".

П. К. Козловъ произвелъ въ Хара-Хото обширныя археологическія раскопки, давшія въ его руки богатѣйшую коллекцію рукописей и священныхъ буддійскихъ предметовъ, нынѣ изучаемыхъ спеціалистами въ Этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III и въ Императорской Академіи Наукъ.

Настоящая экспедиція, какъ и всѣ предыдущія, снаряжается Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, при чемъ на расходы ея по Высочайшему повелѣнію отпущено 50.000 рублей.

Экспедиція продолжится два года, и путь слѣдованія ея намѣченъ такой: сборный пунктъ экспедиціи — гор. Кяхта, куда П. К. Козловъ отбудетъ изъ Петербурга въ половинѣ іюля. Послѣ завершенія всѣхъ подготовительныхъ работъ экспедиція отсюда двинется къ г. Ургѣ, затѣмъ вступитъ въ пустыню и пересѣчетъ Монголію, минуя гор. Хара-Хото, который послѣ П. К. Козлова уже посѣтили иностранныя экспедиціи, и пойдетъ къ средней части горнаго хребта Нань-Шань, къ западу отъ озера Куку-Норъ, оттуда — въ область Цайдамъ, составляющую сѣверную границу недоступнаго для европейцевъ Тибета, затѣмъ въ провинціи Гань-Су и Сы-Чуань, совершенно не обслѣдованныя въ научномъ отношеніи. Обратный путь на родину выяснится въ концѣ работъ экспедиціи.

По примѣру своего великаго учителя Пржевальскаго, П. К. Козловъ идетъ въ путешествіе съ горсточкой людей: вся экспедиція состоитъ изъ 20 человѣкъ.

Ближайшими помощниками П. К. Козловъ беретъ своихъ спутниковъ по предыдущимъ экспедиціямъ: географа, ботаника и знатока восточныхъ языковъ В. Ѳ. Ладыгина и этнографа и оріенталиста—хорунжаго Забайкальскаго казачьяго войска бурята Ц. Г. Бадмажапова. Въ составъ конвоя экспедиціи войдутъ: 8 человѣкъ лейбъ-гренадеръ Екатеринославскаго полка, въ которомъ П. К. состоитъ на службѣ, и 9 казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска, въ томъ числѣ фельдшеръ и препараторъ.

За свои выдающіеся труды по изслѣдованію Центральной Азіи П. К. Козловъ Высочайше пожалованъ чиномъ полковника, и ему повышена пожизненная пенсія. Императорское Русское Географическое Общество присудило ему „медаль Пржевальскаго" и высшую награду — „Константиновскую золотую медаль" и избрало своимъ почетнымъ членомъ. Парижская Академія Наукъ присудила ему почетную награду — „премію имени Чихачева", учрежденную нашимъ соотечественникомъ для изслѣдованія Азіи, а географическія общества англійское и итальянское присудили П. К. Козлову большія королевскія золотыя медали.

Д. Я.

Полковникъ П. К. Козловъ. По поводу предпринимаемой имъ новой экспедиціи въ Центральную Азію.

Николаевскій соборъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. По поводу 300-лѣтія существованія собора.
По фот. А. Савельева.

Къ рисункамъ.

Кромѣ картинъ И. Зуолоага, мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала нѣсколько снимковъ, дающихъ представленіе о двухъ недавнихъ выставкахъ нашихъ русскихъ художниковъ: выставкѣ Общества Русскихъ Акварелистовъ и выставкѣ „Современной Живописи" въ Москвѣ. Среди акварелистовъ наши читатели встрѣчаютъ уже знакомыя имена С. Соломко („*Дѣвочки*"), Н. Химоны („*У сѣнныхъ барокъ*" — зимній петербургскій пейзажъ), А. Ганзенъ („*Въ открытомъ морѣ*"—живая, полная движенія и воздуха картина волнующагося моря) и В. Постникова („*Переяславль-Залѣсскій*"—площадь

Николо-Угрѣшскій монастырь (въ Московскомъ уѣздѣ). По поводу 300-лѣтія существованія Николаевскаго собора, построеннаго Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Крестный ходъ вокругъ монастыря послѣ торжественной литургіи, совершенной высокопреосвященнымъ Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. На церковное торжество собрались тысячи богомольцевъ. По фот. А. Савельева.

въ старинномъ городкѣ, уцѣлѣвшемъ еще отъ эпохи удѣльныхъ междоусобицъ).

На выставкѣ „Современной Живописи“ обращали на себя вниманіе пейзажи Н. Поманскаго („*Тишина*“) и А. Соколова („*Казбекъ*“). Въ первомъ изъ нихъ много своеобразнаго настроенія, охватывающаго насъ предъ лицомъ природы. Во второмъ—грандіозная картина горной области, надъ которой вздымается, уходя въ небо, бѣлоснѣжная шапка Казбека.

Много живой выразительности въ *портретѣ композитора Подгорецкаго* работы худ. М. Лебланъ.

Смѣсь.

Самый опасный изъ ядовитыхъ пауковъ. Ядовитыхъ пауковъ существуетъ очень много породъ, и особенно въ тропическихъ странахъ. Но иные изъ нихъ совсѣмъ неизвѣстны европейскимъ ученымъ, объ иныхъ лишь отъ туземцевъ получены неопредѣленныя, сбивчивыя, часто преувеличенныя свѣдѣнія. Такъ, въ Мексикѣ, по разсказамъ туземцевъ, водится какая-то порода тарантула, которому даже дали тамъ особое названіе «бродяги»; о немъ повѣствуютъ настоящія чудеса; онъ будто бы сосетъ кровь изъ спящихъ на открытомъ воздухѣ людей, которые отъ его укусовъ неизбѣжно умираютъ. Но всѣ разсказы объ этомъ паукѣ такъ и остаются непровѣренными. У насъ, на югѣ Россіи, водится небольшой паукъ, котораго киргизы называютъ каракуртъ (черная букашка). Этотъ ужасный паукъ хорошо изученъ; онъ послужилъ даже предметомъ докторской диссертаціи русскаго врача г. Мочульскаго. Его научное названіе Latrodectes 17—punctatus; онъ такъ названъ по 17 краснымъ точкамъ, усѣивающимъ его черное тѣльце. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень ядовитъ, гораздо опаснѣе тарантула; его укусы иногда сопровождаются и смертью; скотъ же, напримѣръ, верблюды въ южной части Киргизской степи, почти сплошь гибнетъ, будучи имъ укушенъ. Родственная Latrodectes мальминьята, водящаяся въ Италіи, также считается тамъ опаснѣе тарантула. Есть свѣдѣнія, что въ сѣверной Африкѣ водится паукъ того же рода Latrodectes, но онъ еще ядовитѣе нашихъ европейскихъ видовъ этого рода. Но самый ядовитый паукъ этого же рода и, быть-можетъ, самый ядовитый изъ всѣхъ пауковъ, водящихся на земномъ шарѣ, это Latrodectes terribilis, водящійся въ Чили. Самымъ ядовитымъ его надо признать не потому только, что онъ самый крошечный изъ извѣстныхъ ядовитыхъ пауковъ,—длина его тѣла не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ сантиметра. Этого паука имѣлъ случай наблюдать и изучать чилійскій естествоиспытатель Борне во время своего путешествія черезъ первобытные лѣса сѣверной части Чили.

Балерина А. П. Павлова, со своею труппою (танцовщицами Пласковецкой, Бутъ и Абикромбовой), совершившая съ колоссальнымъ успѣхомъ турнэ по Америкѣ и Западной Европѣ и нынѣ вернувшаяся въ Россію. По фот. К. Булла.

Однажды,—какъ разсказываетъ Борне:—во время этого странствованія его караванъ остановился среди лѣсной лужайки на ночлегъ. Утромъ люди увидѣли двухъ лошадей каравана мертвыми. Ихъ тщательно осмотрѣли и никакъ не могли понять, отъ чего онѣ погибли. Тѣмъ временемъ въ лагерь вернулся проводникъ-индѣецъ, который уходилъ на охоту. Осмотрѣвъ павшихъ коней, онъ спокойно и увѣренно объявилъ, что они погибли отъ укуса паука, который водится въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ тутъ же и представилъ доказательство своихъ словъ. Онъ раскрылъ ноздрю одной изъ погибшихъ лошадей, и Борне увидѣлъ тамъ какого-то паучка невиданной имъ раньше породы. У него было желтовато-сѣрое тѣло и волосатыя ноги. Индѣецъ увѣрялъ, что кони погибли отъ укуса этого паука. Борне рѣшительно не хотѣлъ этому повѣрить, но однако, движимый чувствомъ натуралиста, нашедшаго новый видъ насѣкомаго, онъ рѣшилъ всесторонне его обслѣдовать, провѣривъ, между прочимъ, и слова индѣйца насчетъ его ядовитости. Въ его распоряженіи были два паука; они крѣпко вцѣпились въ мясистыя части ноздрей обѣихъ лошадей. Борне осторожно извлекъ ихъ оттуда, выкуривъ ихъ дымомъ. За день передъ тѣмъ путешественникамъ удалось взять живымъ маленькаго оленя. Борне посадилъ обоихъ пауковъ ему на животъ. Пауки вцѣпились челюстями въ кожу, и олененокъ черезъ часъ погибъ, корчась въ страшныхъ судорогахъ.

Борне сталъ собирать о паукѣ свѣдѣнія у туземцевъ. Въ одной индѣйской деревнѣ, населеніе которой горькимъ опытомъ извѣдало свойства этого паука, Борне много разсказали о немъ.

Напавъ на свою жертву, паукъ выбираетъ такое мѣсто на тѣлѣ, гдѣ ему легче прокусить кожу; вотъ почему онъ такъ охотно и забирается въ ноздри, въ ротъ. Борне видѣлъ трехъ козъ, погибшихъ отъ латродекта; пауки забрались къ нимъ въ уши. Индѣйскія женщины разсказывали ему, что паукъ иногда нападаетъ на дѣтей, спящихъ на землѣ; всѣ укушенныя дѣти неизбѣжно погибали. Замѣчательно, что дѣйствіе яда этого паука проявляется совсѣмъ иначе, чѣмъ другихъ ядовитыхъ пауковъ. Обычно укушенное тарантуломъ мѣсто невыносимо болитъ и быстро опухаетъ. Укусъ же Latrodectes terribilis не вызываетъ ни боли ни опухоли. Его ядъ отравляетъ всю кровь: появляются судороги, теряется сознаніе, наступаютъ неправильная дѣятельность сердца, обильная испарина и водяночный отекъ кожи. Взрослый человѣкъ гибнетъ черезъ 5 — 8 часовъ послѣ укуса латродекта, крупный скотъ—черезъ 8—12 часовъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 14“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Новый способъ для улучшенія цвѣта лица.

Интересуются ли Ваши читательницы новымъ успѣшнымъ домашнимъ средствомъ, посредствомъ котораго цвѣтъ лица очищается и лицо сохраняется юнымъ?

Этотъ процессъ измѣнить плохой цвѣтъ лица въ хорошій состоитъ въ томъ, чтобы удалить тонкій покровъ некрасиваго, сморщеннаго верхняго слоя. Тогда выступаетъ наружу свѣжій, крѣпкій и красивый цвѣтъ лица, находящійся непосредственно подъ нимъ. Много женщинъ примѣняютъ для этой цѣли немного полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ, который они накладываютъ на ночь, какъ кольдъ-кремъ. Онъ дѣйствуетъ пріятно и всасываетъ завядшій верхній слой въ микроскопически малыхъ пылевыхъ частицахъ.

Точно такъ же можно поступить и съ потрескавшимися жесткими и покраснѣвшими руками, а такъ какъ этотъ способъ простъ, дешевъ и успѣшенъ, то онъ и является въ широкихъ кругахъ самымъ излюбленнымъ. Для достиженія же совершеннаго успѣха, слѣдуетъ предварительно умыться теплой водой съ хорошимъ мыломъ и хорошенько вытереться.

Этотъ методъ можно примѣнить дома безъ вѣдома другихъ, и я часто наблюдала при этомъ очень хорошіе результаты.

Вы можете въ каждой аптекѣ получить полукрѣпкій Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ, и количества приблизительно въ 30 граммъ достаточно, если вы хотите на себѣ произвести этотъ интересный опытъ. Женщина выглядываетъ значительно моложе, если она обладаетъ хорошимъ, чистымъ и натуральнымъ цвѣтомъ лица.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка. 3079

Мыло „Конекъ“

для полученія нѣжной бѣлой кожи и прелестнаго цвѣта лица. Цѣна куска 50 коп.

Кремъ „Конекъ“

Изъ молока лиліи
Туба 40 коп.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Пудра „Конекъ“

Изъ молока лиліи
Цѣна коробки 1 руб.

Содержитъ избытокъ жира, нѣжна, держится хорошо на кожѣ; выгодна въ употребленіи представляетъ собою среди другихъ косметическихъ препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку

Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ. Главный складъ для Россіи.
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшенная № 10

3868 17-4

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца 5-2

являются веснушки. Особенно обильно являются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — этотъ обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ—относились къ разряду тѣхъ золъ природы, съ которыми человѣкъ еще безсиленъ бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность Крема **КАЗИМИ** Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполнѣ основательно, ибо кремъ КАЗИМИ радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ. 8149

ЗДОРОВЬЕ СИЛА

Вино Віаль

(VIN DE VIAL)

Хининъ, мясной сокъ, лактофосфатъ извести

СИЛЬНОЕ УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

Необходимое для анэмическихъ выздоравливающихъ для женщинъ дѣтей и стариковъ

Продажа во всѣхъ аптекахъ.

3278 9-8

Вѣстникъ здоровья.

Испытанный мною „Стомоксигенъ Д-ра Мейера“ дѣйствуетъ вѣрно и прекрасно при хронической атоніи кишечника и желудочно-кишечномъ катаррѣ, прекращая броженіе и тѣмъ прекращая отрыжку и метеоризмъ, нѣжно и естественно очищаетъ кишечникъ 1—2 раза въ сутки. Не останавливаясь на научномъ объясненіи дѣйствія „Стомоксигена“, я рекомендовалъ бы товарищамъ его испробовать при возможныхъ заболѣваніяхъ желудочно-кишечнаго тракта. Думаю, что „Стомоксигенъ“ займетъ видное мѣсто среди новыхъ лѣкарственныхъ средствъ. Д-ръ Т. Н. Старш. врачъ Х-кой больн. 3078

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ или на правилахъ пользованія не написано полностью имя Докторъ Антонъ Мейеръ, если адресъ Екатерининск. кан., 29, не указанъ, то предъ Вами, несмотря на всѣ другія надписи и подписи, явная поддѣлка.

ЗАИКАНІЕ

излѣчив. **радикально** патентов. в Россіи, Бельг., Франц., Венгріи аппаратом. Пров. М. Вагнер, СПБ., Пантелейм., 11, брош. безп.

БОЛЬ ЗУБОВЪ.

Зубная гниль, специфическая болѣзнь зубовъ, самая распространенная въ народѣ, съ незапамятныхъ временъ томила человѣчество. Она—результатъ всѣхъ образующихся въ полости рта вредныхъ факторовъ, которые, дѣйствуя сообща и безпрерывно, могутъ, наконецъ, разрушить совсѣмъ даже столь устойчивый органъ, каковыми являются зубы. Существуетъ однако способъ прекратить распространеніе этой зловредности и устраненія ея послѣдствій: гигіена полости рта и раціональное питаніе въ дѣтскомъ возрастѣ. Слова эти, писанныя зубнымъ врачомъ Карломъ Техмеромъ изъ Касселя для людей несвѣдущихъ, заставляютъ насъ вновь указать на то, что въ Зарга зубномъ кремѣ „Kalodont“ и въ его же эликсирѣ для полосканія рта у насъ имѣется первоклассное средство, которое соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ, необходимымъ для раціональнаго и гигіеническаго ухода за зубами и полостью рта. Зарга „Kalodont“ получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. По причинѣ многочисленныхъ подражаній просимъ отчетливо требовать Зарга „Kalodont“. 3091

Пироксин заж. а сам не сгор. Самовар можно ставить без щепок или струж. Чисто, удобно, дешево, служ. годами. Ц. в Европ. Россіи 1 р. 20 к. франко. Тов. А. К. Рихтер, отд. В. г. Θеодосія.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

VICHY

Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.

CÉLESTINS
GRANDE GRILLE
HOPITAL

Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.

Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.

Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ: SELS PASTILLES COMPRIMÉS } VICHY-ÉTAT

Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

2178 18-10

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ЛИКВИДАЦІЯ ДЕПО ОТКРЫТОКЪ

100 разныхъ откр. писемъ за **95 коп.**

художествен. Третьяк. галлер. виды, ландшафты и пр. Высыл. налож. плат. безъ задатка. За пересыл. и упак. присчит. 40 к. При выпискѣ 300 шт. и болѣе перес. за нашъ счетъ. Адрес.: **В. ФРИДМАНУ,**
3038 **г. Лодзь 11, Каменная, 9.** 15-2

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностраннаго языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.", Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец. и англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностр. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произвед. даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 р. (за налож. плат. 20 к.).

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія":
ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. (Заочное подготовленіе ко всякимъ экзаменамъ) 30 томовъ по 1 р. 50 к.
АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ. (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.
ИСКУССТВО для ВСѢХЪ. (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.
ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ. (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.
Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, вы-
2825 сылаются безплатно. 8-8
Изданія наши можно выписыв. и по одному тому съ налож. платеж.
Издательское Т-во „БЛАГО".
С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.
НУЖНЫ АГЕНТЫ.

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр.
ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская
БУХГАЛТЕРІЯ
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скорописью, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.** **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ НЕВСКІЙ, 92—11.

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. **ЗЕМСКЕРУ.** Тел. 223-14. 2292

Только $3^{1}/_{2}$ рубля порто безплатно при высылкѣ впередъ

ЖЕЛАНІЕ КАЖДОЙ ДАМЫ.

Эти великолѣпные эспри—имитація, и едва ли возможно ихъ отличить отъ настоящихъ стоимостью въ 20 руб. Не изнашивается. Чудо техники. Патентъ. 1000 признательностей со всѣхъ частей міра. Каталогъ страусовыхъ перьевъ и эспри съ 90 рисунками. Порто безплатно въ нѣмецк. и русск. извѣстнаго Дома HOFFMANN. Экспортъ страусовыхъ перьевъ. Straussfedern, Export STRASSBURG i/Els., 96, Германія. 3061
Строго солидное. Безъ разочарованій.

Первый грязевой Курортъ въ мірѣ
Желѣзныя минеральныя грязи, недосягаемыя по качеству и количеству: 30,000,000 куб. м. собственныхъ грязевыхъ залежей.
Испытанный Курортъ для болѣзней сердца
Исключительно только натуральныя углекислыя ванны въ самой совершенной дозировкѣ. Ровный теренъ.

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Подробный и богато иллюстрированный проспектъ высылаетъ
2993 безплатно Правленіе Курорта. 2-2

2950 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-8
БУХГАЛТЕРІИ
И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ
Условія и пробн. лекціи безплатно. Адресъ:
Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы
БУХГАЛТЕРІИ
2849 (существуютъ съ 1894 г.) 10-4
скоро и основательно выуч. всякій лично и посредст. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія высыл. безплатно.
А. П. БОБЫРЬ, Кіевъ.

2557 6-2

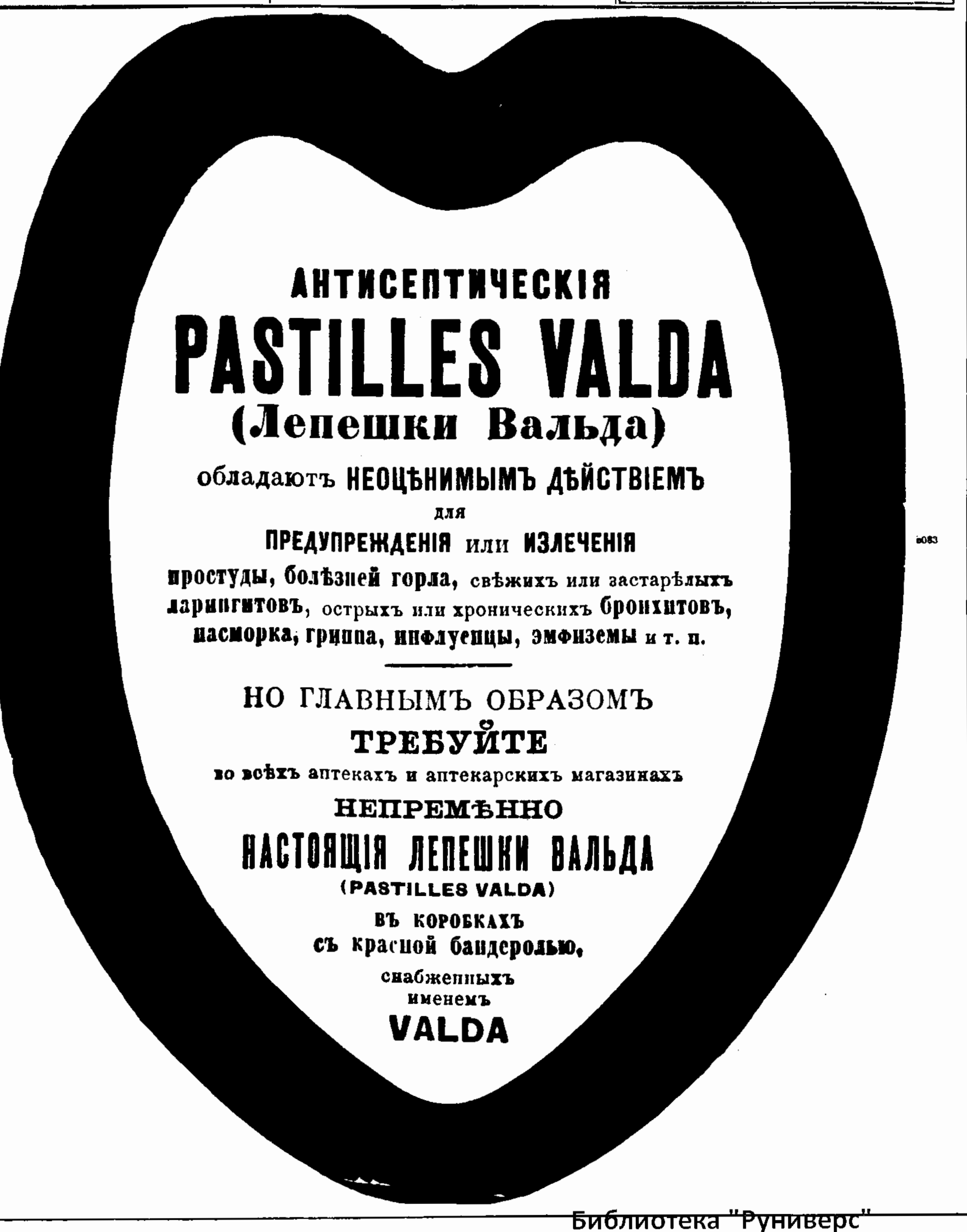
Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли" противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ
2240 магазинахъ. 46-11



3063

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА
И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями; потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

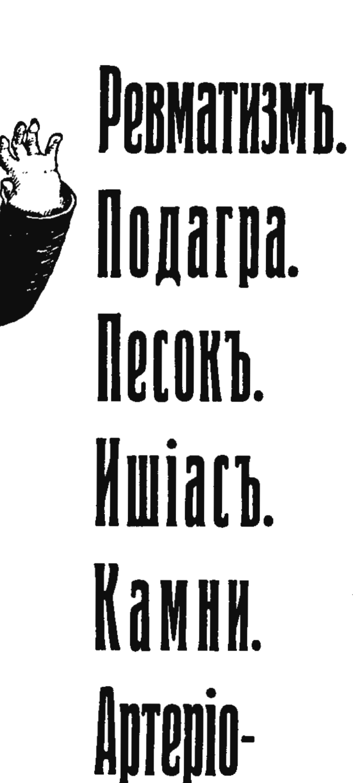
Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ. Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее.

Д-ръ Доріанъ.



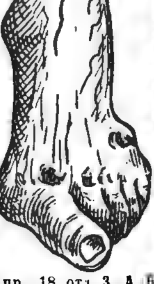
ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.

КТО СТРАДАЕТЪ РЕВМАТИЗМОМЪ? 3090



пусть напишетъ мнѣ и потребуетъ у меня иллюстрирован. брошюру, которую высылаю всѣмъ немедленно **БЕЗПЛАТНО.**

Я открылъ средство, совершенно безвредное, но незамѣнимое при лѣченіи ревматизма, подагры и родственныхъ болѣзней, и оно помогло тысячамъ страждущихъ.

Это средство избавитъ и Васъ отъ Вашихъ тяжелыхъ мученій.

Достаточно написать открытое письмо, и я вышлю Вамъ вмѣстѣ съ книгой пробный пакетъ моего средства совершенно **БЕЗПЛАТНО.** Адрес.: **ВИЛЬЯМЪ ГАЙДЪ ВОЛЛАНСТОНЪ,** С.-Петербургъ, Невскій пр., 18, отд. 3. А. Б.

300—600 руб.

3055 **ВЪ МѢСЯЦЪ** 2-1

могутъ зарабатывать мужчины легко у себя дома. Совершен. новые пути къ богатству. Требуйте немедл. безпл. проспекты № 7. г. ЛОДЗЬ, почт. ящ. 36/7.

Фотографич. снимк., подобно [illegible] шим по [illegible], не получите **ни у кого!!** Роскошн. каталог с **2000** [illegible] тыв. [illegible] высылаемъ **только по полученіи 95 коп.** [illegible] на русск. яз. Charles Wohll. Paris XV-e. Boite de com. A 29.

Дачи, лагери, сады — „Лучъ"
Освѣщайте 1600, 1200, 750, 600, 400 свѣчей
Керосино-калильными фонарями
Бр. Романовы
Кіевское Отдѣленіе Кіевъ, Крещатикъ
Отдѣленія: Харьковъ, Ростовъ, Варшава
Цѣна отъ 27 р. 50 к.

ФОТО

[illegible] новые интересные каталоги съ подробн. описан. [illegible] выс. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ. Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.). 12-7

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерч. образов.

Заочные КУРСЫ. по самой [illegible] программѣ
СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ.
ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ. Разсрочка. Проспектъ безплатно. С.-Петербургъ, „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ" —

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига [illegible]. [illegible] прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно **извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ.** Письменно и лично: **L. DEQUEANT,** Phien, 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться [illegible] подражаній и поддѣлокъ. [illegible]

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ.

2979 **Всѣ разныя.** 5-5

135.	Голландія и колоніи.	Р. 2.75
100.	[illegible] колоніи	„ 1.40
100.	[illegible] колоніи	„ 2.—
30.	Сіамъ	„ 1.60
60.	Бразилія	„ 2.30
1000.	Всего міра	„ 6.20

[illegible] франко по полученіи почтов. перевода. Рекомендуется всѣмъ коллекціонерамъ требовать безплатную высылку иллюстрир. газеты и прейсъ-кур.
M. Z. Booleman. Rokin 54. **Amsterdam.**

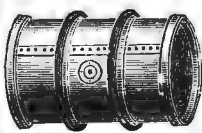
Неврастенія

[illegible] Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (31)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.**
Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3.
(41) Прейсъ-курантъ безплатно.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей и живописно-художественнаго письма, готовыя и на заказъ, можно пріобрѣсти въ иконной лавкѣ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской Иконописи. СПБ., Надеждинская, 27. Тел. 201-29. Прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно.
2899 4-3

ДАМСКІЯ БОРОДЫ.

1868

[illegible] отъ примѣненія [illegible] новаго америк. [illegible] рекомендован. врачами, всякій нежелательный ростъ волосъ **тотчасъ** исчезаетъ **безболѣзненно** и [illegible] **навсегда,** [illegible] разрушенію корней. Самостоятельное примѣненіе. Гарантія: въ случаѣ неуспѣха, деньги обратно. Цѣна [illegible] р. 50 к. налож. плат. Химико-Косметич. Институтъ, „Д-ръ Балловицъ и К-о" въ Ригѣ, А. В. Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ.

Саксонія, Герм.

ТЕХНИКУМЪ МИТТВЕЙДА

Директоръ: **Профессоръ А. Гольцтъ.**
Высшій техническій институтъ для электротехники и машиностроенія.
Спеціальныя отдѣленія для инженеровъ и техниковъ.
Электротехническая и механическая лабораторіи. Учебныя мастерскія.
Старый и извѣстн. институтъ.
Программы и пр. свѣд. высыл. безплатно канцеляріей.
3090

А. БИТКОВЪ

МОСКВА, Лубянка, 8-20. **ВСЕ ЛУЧШЕЕ**

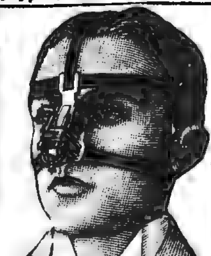
ВСѢ НОВОСТИ МІРА
ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА И ПУТЕШЕСТВІЙ,
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.
УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.
Требуйте расцѣнку
3071 5-1

СРЕДИ ПУБЛИКИ

существуетъ превратное мнѣніе, что чѣмъ рѣже мыть голову, тѣмъ лучше. Медицина доказываетъ, что такое понятіе привело къ тому, что среди людей добрая половина обладаетъ плохими волосами, обезображивающими лысинами и страдаетъ злѣйшимъ врагомъ волосъ — перхотью. Мойте голову одинъ-два раза въ недѣлю мыломъ противъ перхоти за № 3374 провизора А. М. Остроумова въ Москвѣ. Этимъ вы избавитесь отъ перхоти и сохраните ваши волосы. Это мыло можно получить во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. 3085

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ

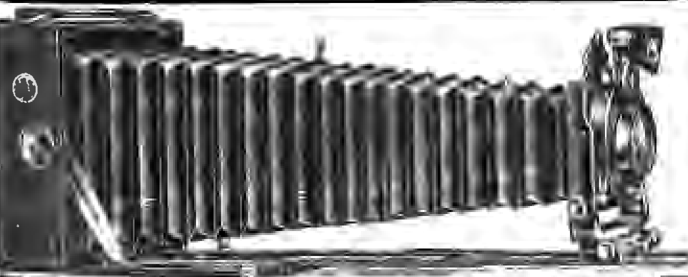
[illegible] Рондо, Готичъ, Батардъ и пр., [illegible] рис и черт въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ на конторск скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод для самообраз, со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ, и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористь. шрифт **Цѣна** съ перес 1 р 50 к.
СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин, употребляем въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.
ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. аріом Ц. 40 к. съ пер.
СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес 1 руб. При посылкѣ налож. плат дороже на 25 коп.
Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ. Невскій. 92 — 3.



До употребл. После употребл.

НОСОВОЙ ФОРМОВЩИКЪ!

Фотогр. снимокъ новаго **„Целло", модель № 16.** Этотъ геніально конструированный аппаратъ исправляетъ всякую форму носа (за исключ. костныхъ недостатк.). Горячо рекомендованъ между проч. **корол. надворнымъ совѣтникомъ профес. мед. фонъ-Экъ.** Цѣна 2 р. 70 к., съ точнымъ регуляторомъ — 5 р., такого же съ каучукомъ — 7 р. Высыл. налож. плат. До сихъ поръ разослано 60.000 штукъ. Закажите, указывая недостатокъ, непосредственно **спеціалисту: Л. М. Багинскій въ Ригѣ 45, Романовская ул., № 29.** Отдѣленія въ Берлинѣ и Лондонѣ. 2941 (5)



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякій заслуживающій довѣрія можетъ пріобрѣсти лучшіе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными взносами. Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренціи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.

2995 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10—7. 5-4

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧАЯ

Всегда неизмѣнно высокое качество чаевъ фирмы **И. Е. Дубинина** создало для фирмы завидную извѣстность по всей Россіи. Во всѣхъ даже глухихъ уголкахъ великой Россіи пьютъ и наслаждаются нашими знаменитыми чаями: **чай Янхао № 14—2 руб., чай Царская Роза № 5—2 руб., чай Моюне № 18—2 р. 40 к. и чай Небывалая Рѣдкость № 8—2 р. 80 к.** Если кто не пробовалъ эти необыкновенно высокіе чаи, тотъ пусть требуетъ ихъ у мѣстныхъ торговцевъ или выписываетъ изъ Москвы изъ нашихъ складовъ. На пробу высылается 1 фун. по ¼ фунту каждаго сорта за 2 руб., четыре фунта по 1 фунту каждаго сорта за 7 руб. 55 коп. Пересылка во всю Европейскую Россію за нашъ счетъ.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ **И. Е. ДУБИНИНА.** МОСКВА, Покровка, 51.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 4-2

КАКЪ МОДНЫЙ ЧУЛОКЪ НОСОКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ДЛЯ МАССОВАГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПОМОЩИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ МАШИНЫ **ВИКТОРІЯ**

Т-ва ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°

Торг. Марка Утв. Деп. Торг. и Мануф. за №23012.

ТРЕБУЮТСЯ немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ частяхъ имперіи мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаній не требуется. Пріемка работы гарантируется контрактомъ.

Мы предлагаемъ каждому 50—100 р. въ мѣсяцъ въ теченіи круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 200 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

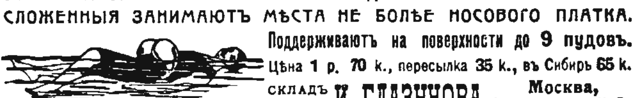
Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и К°

МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44. Отд. 11.

3074 6-1

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings)



ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.
СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.
Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.
Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
складъ у **И. ГЛАЗУНОВА**, Москва, Столешниковъ, №8.

2900 6-3

РУБЕРОЙДЪ

ЛУЧШАЯ КРЫША и ИЗОЛЯЦІЯ
ЛУЧШАЯ ЗАМѢНА ТОЛЯ и ЖЕЛѢЗА, НЕ ТРЕБУЕТЪ НИ ОКРАСКИ, НИ РЕМОНТА.
Русск. Акц. О-во „РУБЕРОЙДЪ“
С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 13. Тел. 407-83.
Адр. для писемъ, почт. ящ. 227, для телегр РУБЕРОЙДЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

2058 6-2

Пейте только **охложденный** „Бенедиктинъ“

Buvez la Bénédictine toujours glacée.
Trinkt Bénédictine stets gekühlt.

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн.. дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.**
Адр.: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3. Марія Чурбанова.
3040 2-2

ХУДОБУ,

страшное малокровіе, безсиліе и ужасн. недуги наборъ майскихъ травъ удаляетъ навсегда. Тысячи благодари.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ: страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы.
Пишите: МОСКВА, изобрѣтателю П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ.
2928 6-3

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей и плечъ у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ, и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ, и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ, и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала, вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время. 2909

25-11

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 45, rue de l'Echiquier, Парижъ.

Розничная продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Генеральное Представительство и Депо для Россіи у „Леона Бернгардта и Сынъ, Варшава“.

GOERZ TENAX-PACK

ИДЕАЛЬНАЯ перемѣна пленокъ на свѣту.

60% ЭКОНОМІИ ВЪ ВѢСѢ.

Совершеннѣйшая замѣна стеклянныхъ пластинокъ.

Пленки высшей скорости, цвѣточувствительны, противоореольны, не свертываются.

Получать можно во всѣхъ Фото-Складахъ. Проспекты безплатно.

ОПТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ К. П. ГЕРЦЪ.
Берлинъ-Фриденау, 19.
Вѣна Парижъ Лондонъ Нью-Іоркъ

2581 6-5

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 26.
XLV г. изданія
Выданъ 28 іюня 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 15.

Требуйте КОНЬЯКЪ ШУСТОВА Вездѣ. 1743 39-18

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ „РЯБОВО“. УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА. Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село. Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.

ДЕНЬГИ

большія теперь платятъ за нѣкоторыя монеты съ 1425 до 1913 гг., которыя попадаются случайно каждому, но по незнанію Вы старинныя бросаете, а новаго чекана передаете и этимъ лишаетесь той пользы, которую бы могли имѣть. Напримѣръ, платятъ за мѣдныя: 1, 2, 3 и 5 к. 1871 г. СПБ. 15 р., 5 к. 1740 г. п. 200 р., 10 к. 1760 г. 20 р. за кв. руб. 1726 г. 1000 р. за серебряныя: 5 к. 1904 г. А. Р. 30 р., 50 к. 1845 г. п. Н. 40 р., 1 р. 1825 г. п. К. 900 р. за золотыя: 5 р. 1907 г. 100 р., 15 руб. 1895 г. 60 р., за платиновыя: всѣхъ год. плачу въ 6 разъ больше ихъ стоимости. Монетъ болѣе 2.000 названій.

Многіе удивляются, почему теперь такъ цѣнятся нѣкоторыя монеты, а иные даже съ недовѣріемъ относятся къ оцѣнкѣ старинныхъ монетъ. Считаю долгомъ разъяснить, что есть много любителей, собираюшихъ коллекціи старинныхъ денегъ. Въ прежнее время эти коллекціонеры могли недостающія монеты отчеканить въ Монетномъ Дворѣ (по особому разрѣшенію), теперь же этотъ способъ запрещенъ, и деньги искать приходится по всей Росссіи. Существуетъ уже много магазиновъ, которые занимаются исключительно покупкой и продажей старинныхъ монетъ. Обыкновенно эти магазины разсылаютъ своихъ агентовъ въ провинцію, и тѣ скупаютъ цѣнныя монеты за самую ничтожную сумму, а другіе прибѣгаютъ къ такому способу: разсылаютъ безплатно листки, въ которыхъ цѣны уменьшены въ 20—50 разъ. И въ самомъ дѣлѣ, каждый съ удовольствіемъ возьметъ рубль-два за какую-нибудь ненужную ему, завалявшуюся монету, не зная того, что за нее можно получить 50 — 200 рублей и даже больше. Чтобы устранить это зло и дать болѣе точную и справедливую расцѣнку монетамъ, чѣмъ разсылаемые безплатные листки, мною издано доступное для каждаго и самое точное руководство въ видѣ альбома въ 18 таблицъ съ рисунками монетъ, служащее къ собиранію на десятки лѣтъ монетъ мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ и платиновыхъ съ 1425 по 1913 г.г. съ указаніемъ адресовъ фирмъ и любителей, покупающихъ монеты. Покупаю лично и я, но со скидкою 10 % комиссіонныхъ.

Высылается альбомъ за 75 к. (можно марками), нал. плат. за 90 к. Выписывающіе 3 альбома 4-й получатъ безплатно. **Предложеніе серьезное.** Масса благодарностей. Остерегайтесь подражателей, восхваляющихъ свои изданія передъ таблицами, а также безплатныхъ листковъ. Коммерческой цѣли не преслѣдую, а иду навстрѣчу публикѣ. 6-е изданіе издалъ съ рисунками монетъ, добавивъ монеты до-Петровскаго періода, **т. е. съ 1425 года**, не повышая цѣны на таблицы, а также желающимъ посылаю юбилейные рубли въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ (1613—1913 г.г.) по 2 руб. съ пересылк. за штуку, нал. пл. на 20 к. дороже. Въ таблицы вошли всѣ существующія монеты. Лично принимаю отъ 6 час. вечера: (тел. 433-54). СПБ., Звѣринская, д. № 9, кв. 30. **Владиміръ Васильевичъ Низовцевъ.** Книгопродавцамъ особая уступка. 8113

Просп. безпл.

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke. 2401 26 15

МОСКОВСКАЯ КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ НЕВѢСТЪ,

Москва, Фуркасовскій пер., д. Кононовой. Телефонъ № 1-91-14.

Существуетъ съ 1 мая 1902 года, обезпечиваетъ приданымъ отъ 100 до 3000 руб. Къ обезпечиванію принимаются дѣвочки въ возрастѣ отъ рожденія до 10 лѣтъ. Плата отъ 15-ти коп. въ мѣс. Уставъ утвержденъ Правительствомъ и высылается за 7 коп. марку. Касса не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей и насчитываетъ въ своемъ составѣ 1500 участниковъ на сумму приданаго около **1.500.000 рублей.** Всѣ капиталы кассы хранятся въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. 2576 6 5

МИКУЛИНО-ГОРОДИЩЕНСКІЕ ДВУХГОДИЧНЫЕ КУРСЫ ВИНОКУРЕНІЯ 1914—1915 уч. г.

Курсы учреждены Александромъ Федоровичемъ Бухмейеръ при принадлежащемъ ему Микулино-Городищенскомъ образцовомъ Винокуренномъ заводѣ, пользующемся по ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ особыми льготами, облегчающими обученіе винокуренію. Для лицъ, желающихъ получить профессіональное образованіе, курсы винокуренія представляютъ особыя преимущества, т. к. должности винокуровъ-ректификаторовъ хорошо оплачиваются. Кромѣ того, винокуреніе обычно продолжается только отъ 5 до 8 мѣсяцевъ въ году, что даетъ возможность пользоваться значительнымъ отдыхомъ.

За тринадцать лѣтъ полный курсъ окончило 385 человѣка, которые всѣ получили по рекомендаціи курсовъ мѣста на заводахъ. Какъ видно изъ отчета за 12-лѣтнее существованіе курсовъ (высылается за три семикоп. марки), большинство лучшихъ мѣстъ винокуровъ заняты въ настоящее время окончившими Микулино-Городищенскіе курсы. Нѣкоторые занимаютъ должности по Акцизному Вѣдомству. Начало занятій 1-го Сентября, пріемъ до 1-го Октября. Число вакансій ограничено. Условія пріема высылаются безплатно. Адресоваться: Почт.-тел. отд. Микулино-Городище, Тверской губ. Директору Курсовъ. Телеграфный адресъ: Микулино-Городище. Курсы. 3107

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ. Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ. Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл. 2169 (21)

АЛКОГОЛЬ и ТАБАКЪ при постоянномъ употребленіи раздражаютъ слизистую оболочку кишекъ, въ виду чего пищевареніе ухудшается. Опыты, произведенные въ клиникѣ по внутреннимъ болѣзнямъ королевскаго университета въ Будапештѣ, показали, что пьяницы, совершенно потерявшіе аппетитъ, возстановили таковой въ теченіе изумительнаго короткаго времени, благодаря ежедневному употребленію натуральной горькой воды Франца-Іосифа. Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 3095

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени, у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко сдѣлаете. Рецептъ и наставл. высылаю немедл. за 1 р. 25 к., можно марк. или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.** Адр.: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3. МАРІЯ ЧУРБАНОВА.** 2845 4-4

3004 6-3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 26 | г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 28 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 15.**

М. Блохъ. Кладъ. Весенняя выставка. (Первая премія).

Сердце жизни.

Повѣсть В. В. Муйжеля.

I.

Осенью былъ проложенъ первый рельсовый путь, по которому зимою разсчитывали подвозить матеріалъ. Для того, чтобы быть въ курсѣ дѣла, завѣдующій пятымъ участкомъ, Максимъ Павловичъ Прохоровъ, рѣшилъ переселиться поближе къ постройкѣ—въ село Заполье, въ трехъ верстахъ отъ станціи.

Прежде Заполье было имѣньемъ, и до сихъ поръ среди кривыхъ, перекосившихся избушекъ сельскихъ мѣщанъ и мужиковъ возвышался барскій домъ съ большимъ садомъ, надворными постройками и заброшенной пасѣкой. Въ домѣ лѣтъ пятнадцать уже никто не жилъ. Прохоровъ списался съ владѣльцами и снялъ его на три года.

Со временемъ Заполье должно было сдѣлаться узловой станціей — здѣсь сходились три дороги, и Прохоровъ разсчитывалъ остаться начальникомъ одной изъ нихъ. Поэтому онъ перевезъ изъ Петербурга всю мебель и завелъ лошадей. Чтобы не утомлять жену переѣздкой, онъ отправилъ ее за границу, а самъ ѣздилъ, устраивалъ, нанималъ рабочихъ и въ то же время работалъ на дорогѣ; къ посту, когда все было устроено, онъ выписалъ жену, и въ старомъ, давно нежиломъ домѣ началась новая жизнь.

Антонина Александровна никогда не жила зимою въ деревнѣ и мало знала уходящую теперь помѣщичью жизнь. Старый, съ растрескавшимися печами и разошедшимся кое-гдѣ паркетомъ, домъ казался ей уютнымъ и поэтическимъ; большой, заваленный снѣгомъ, садъ напоминалъ декорацію изъ какой-то забытой и милой пьесы, а корельской березы мебель, купленная мужемъ по случаю, восхищала ее тѣмъ, что была похожа на мебель, красующуюся на сценѣ Художественнаго театра въ тургеневскихъ пьесахъ.

— Какъ мило, какъ хорошо!.. — говорила она, переходя изъ комнаты въ комнату и оглядывая стѣны, на которыхъ знакомыя давно картины, перевезенныя изъ петербургской квартиры, казались новыми и тоже странными. — Я очень, очень рада...

Въ спальнѣ, огромной, раздѣленной колоннами и съ тяжелой занавѣсью, комнатѣ, она обняла мужа за шею и заглянула въ его сѣрые, слегка заплывающіе толстыми складками, глаза.

Они были женаты уже пять лѣтъ, знали другъ друга съ дѣтства, когда оба жили въ родномъ городѣ и учились: она—въ гимназіи, онъ—въ реальномъ училищѣ, и теперь между ними были отношенія, напоминающія серьезную, прочную и довѣрчивую дружбу.

— Тебѣ нравится, да?—спрашивалъ онъ, улыбаясь такъ, какъ улыбаются старшіе, когда видятъ, что привезенная ребенку игрушка доставляетъ удовольствіе.—Я радъ... Очень радъ!...

Домъ былъ большой, съ пустыми гостиными, угловыми диванами, зелеными боскетными, какими-то галлерейками, чуланчиками. Топить въ немъ надо было двѣнадцать печей, и, несмотря на то, что дровъ не жалѣли, въ комнатахъ всегда было холодно, и Антонина Александровна завела себѣ мѣховой халатикъ. И этотъ халатъ такъ же, какъ самый домъ, какъ тишина, стоявшая цѣлыми днями въ комнатахъ, какъ засыпанный снѣгомъ садъ, она приняла съ той же ожидающей улыбкой, какъ будто онъ несъ съ собой глубокую и важную перемѣну...

Ей нравилось все: и тройка привезенныхъ откуда-то издалека лошадей, и кучеръ Александръ, и то, что она бѣгала по утрамъ на лыжахъ, и самая тишина пустынныхъ комнатъ. Даже то, что по ночамъ ей бывало страшно—спальня мужа была далеко, и ихъ раздѣляли двѣ гостиныхъ, столовая и кабинетъ—ей тоже нравилось; кое-какъ закутавшись въ скользящее одѣяло, босикомъ, она стремительно бѣжала черезъ темныя, страшныя комнаты, пугаясь внезапнаго треска паркета или смутно бѣлѣющей въ сумракѣ печки, врывалась къ мужу и прыгала къ нему на кровать, задыхающаяся отъ бѣга такъ же, какъ отъ страха... И путаясь и сбиваясь, торопливо говорила ему, какъ страшно гудитъ вѣтеръ въ трубѣ, какъ шумятъ за окномъ деревья, какъ ей послышалось, что кто-то ходитъ въ залѣ...

А онъ обнималъ ее, старался укрыть потеплѣе и смѣялся—снисходительный, ласковый и сильный...

Прохоровъ то и дѣло уѣзжалъ—то въ Петербургъ, въ главное управленіе, то по участку, не бывая дома по недѣлѣ и больше. Когда же бывалъ дома, онъ ѣздилъ на станцію за три версты, и бывало такъ, что, уѣхавъ съ утра, онъ не возвращался до вечера, не обѣдалъ, а когда возращался, то, наскоро поѣвъ, валился спать и спалъ по одиннадцати часовъ подъ рядъ. А утромъ уже несли телеграммы, и, лежа въ постели, заспанный и угрюмый, онъ читалъ ихъ, и Антонина Александровна слышала, какъ онъ ворчалъ на лакея Владислава и приказывалъ:

— Александру вели въ маленькія сани заложить... И чемоданъ мнѣ приготовь, сюртукъ, двѣ сорочки и все, ты знаешь...

Она оставалась одна, ходила по молчаливымъ комнатамъ, принималась читать, но величественная тишина стариннаго дома, эти просторныя гостиныя, помнившія былую жизнь, увлекательную и таинственную, какъ страницы полузабытаго романа, холодный бѣлый свѣтъ мертвыхъ полей—все было, какъ высокая стѣна, окружившая ся молодую жизнь...

II.

Какъ-то уже послѣ Масленой, когда солнце свѣтило ярче, и небо порой открывалось такое голубое и глубокое, что, глядя на него, хотѣлось плакать и смѣяться,и все чувствовало, что гдѣ-то, еще далеко, за тридевять земель, идетъ весна, Прохоровъ пріѣхалъ изъ Петербурга. Онъ не далъ телеграммы и вернулся неожиданно, добравшись до станціи на мужицкихъ дровняхъ, забрызганный жидкой грязью, отъ которой почернѣли дороги, и когда она выбѣжала въ столовую, только что проснувшись и скорѣе угадавъ, чѣмъ услышавъ его пріѣздъ, онъ замахалъ руками и не пустилъ ее къ себѣ:

— Не подходи, не подходи. Три дня не мылся, честное слово!.. Чортъ знаетъ что̀ такое, изъ Питера я выѣхалъ еще въ четвергъ, вечеромъ пересѣлъ на нашу костоломку, тащились всю ночь, вдругъ стопъ! Что̀ такое? Оказывается, оттепели, насыпь поползла въ болото—три станціи отсюда, тамъ болота такія, загрузка большая... Началась исторія! Жилъ то въ вагонѣ, то въ избѣ, телеграфъ не работаетъ, безобразіе!

Онъ спѣшно прожевывалъ сыръ, запивая его крѣпкимъ, совсѣмъ чернымъ чаемъ, и, поглядывая на Владислава, въ пиджакѣ съ поднятымъ воротникомъ, суетившагося у буфета, разсказывалъ о постройкѣ.

— Понимаешь — разнесъ Невѣрина, подрядчика, написалъ въ Питеръ, ругался, какъ три ломовыхъ извозчика, и въ результатѣ — полагаю, что мнѣ придется и за тѣмъ участкомъ смотрѣть...

Онъ улыбнулся одними глазами, какъ улыбался всегда, когда ему что-нибудь удавалось, и посмотрѣлъ на жену. Она уже давно привыкла къ мужу, къ его немного вульгарнымъ выраженіямъ—этому „Питеру", „разнесъ", и т. д. и, какъ всегда, когда онъ говорилъ о дѣлахъ, не совсѣмъ понимала его. Обычно по его разсказамъ выходило такъ, что работы, положеніе, деньги—все текло ему само собой, силою какихъ-то совпаденій, при чемъ обстоятельства всегда складывались въ пользу Прохорова. Начавъ дѣятельность на этой постройкѣ простымъ завѣдующимъ однимъ изъ участковъ, онъ черезъ нѣкоторое время почему-то оказался наблюдающимъ за цѣлой дистанціей—и въ то же время не бросалъ своего участка; потомъ вышло такъ, что изъ Петербурга то и дѣло стали получаться телеграммы, зовущія его на совѣщаніе по поводу постройки примыкавшихъ дорогъ, и, когда жена спросила его объ этомъ, онъ нехотя объяснилъ:

— Да вѣдь какъ же—выбрали въ комитетъ, черти бы ихъ брали!.. Возись теперь съ ними... И такъ работы по горло!

И единственное, что̀ она хорошо знала, это то, что работалъ онъ дѣйствительно много. Если онъ не пропадалъ на своей станціи или въ разъѣздахъ—онъ ночами сидѣлъ въ большой, унылой комнатѣ, примыкавшей къ кабинету, надъ чертежами, сложными вычисленіями, спалъ, не раздѣваясь, на диванѣ, и утромъ Владиславъ, служившій у нихъ со времени ихъ женитьбы, высокій и

тощій полякъ, подавая барынѣ чай, сокрушенно качалъ головой и шепталъ таинственно:

— Опять всю ночь не спали! Какъ были въ пиджакѣ, такъ и привалились на диванъ въ кабинетѣ, спятъ теперь... Въ четыре часа разбудили меня—велѣли, чтобъ въ девять чай имъ и разбудить, а я, говорятъ, прилягу на минутку... Долго ли такъ здоровье разстроить!..

— Что жъ, такъ нераздѣтый и спитъ?

— Такъ и спятъ... Я уже покрылъ ихъ пледомъ; зашелъ поглядѣть, а они скорчившись,—холодно, видать...

Антонина Александровна пыталась вообразить себѣ высокую, широкоплечую фигуру мужа, скорчившуюся, какъ озябшій во снѣ ребенокъ, и чувствовала, какъ на глаза навертываются теплыя слезы... Она шла посмотрѣть на мужа, тихонько пріотворяла дверь въ кабинетъ и, кажется, никогда не испытывала такого прилива нѣжности, любви и жалости къ этому большому, сильному мужчинѣ, какъ въ эти минуты, когда онъ, странно измѣнившійся отъ безсильной позы, лежалъ комочкомъ въ углу дивана.

Въ тотъ день Прохоровъ, несмотря на то, что не спалъ двѣ ночи, долго сидѣлъ за чаемъ и говорилъ. Похоже было, что съ нимъ случилось нѣчто очень пріятное, и ему жаль потерять это впечатлѣніе и забыть первую остроту удачи. Но въ чемъ было дѣло, онъ не говорилъ и только улыбался сѣрыми умными глазами и потягивался чуть-чуть, подсмѣиваясь надъ той грязью, въ которой прожилъ столько времени.

— Понимаешь, избы у нихъ еще курныя, утромъ какая-нибудь старуха, скрюченная, какъ Баба-Яга, затопитъ печку—святыхъ вонъ выноси... У меня борода,—онъ поднесъ клокъ бороды къ носу:—борода дымомъ пропахла!..

— Чего же ты сидѣлъ тамъ въ деревнѣ, не понимаю?

— А тамъ свое дѣло было,—ухмыльнулся онъ:—все дѣла, дѣла... Ну, однако пора и честь знать—спать надо! Владиславъ, мыться мнѣ и все такое...

Онъ поднялся уходить, но вдругъ остановился.

— Да, я не сказалъ тебѣ,—проговорилъ онъ, взглядывая на нее:—я взялъ себѣ новаго чертежника. Этотъ мой десятникъ никуда не годится!

Десятникъ былъ малоросъ, и фамилія его была Середа. Онъ былъ медлительный и забавный человѣкъ, и, подсмѣиваясь надъ нимъ, Прохоровъ звалъ его Пятницей, а себя Робинзономъ.

— А какъ же твой Пятница?—спросила жена.

— Будетъ попрежнему десятникомъ... Я взялъ исключительно для чертежей, и, знаешь кого? — Березскаго! Помнишь его?

— Какого Березскаго?—переспросила Антонина Александровна, —хотя тотчасъ же вспомнила.

— Ну, Господи Боже мой, да что со мной учился еще,—помнишь, реалистъ? Еще за тобой мы оба ухаживали... Потомъ онъ ушелъ, или его уволили, кажется; теперь вотъ будетъ у меня...

— Ахъ, этотъ!..—равнодушно проговорила она, почему-то дѣлая видъ, что только-что вспомнила Березскаго.—Что же онъ?

— Случайно встрѣтилъ... Забѣгаю въ механическій ресторанчикъ выпить рюмку водки, завтракать некогда было,—смотрю,—сидитъ человѣкъ за бутылкой пива и смотритъ на меня... Приглядываюсь — а онъ такъ спокойно, словно мы вчера видѣлись, кивнулъ головой и, не вставая, бросилъ: — Здравствуй, Максимъ! — И по этому я и узналъ его.—Боже мой, Березскій, какими судьбами? — Кое-что разсказалъ о себѣ, оказывается—„подходящихъ занятій“ ищетъ... Я предложилъ ему.

— Онъ какой-то неудачникъ...—замѣтила Антонина Александровна:—ничего не кончилъ... Я помню, какъ онъ пріѣзжалъ домой—рѣзкій, какой-то презрительный... Одѣтъ хорошо?

— Странно немного. Какая-то верблюжья куртка до колѣнъ, вязаная шапка... Сильно постарѣлъ, но, знаешь, неглупый человѣкъ... Я съ нимъ присѣлъ, поговорилъ немного—такой же непримиримый... Этимъ онъ мнѣ и понравился. Я сказалъ, что ты—моя жена,—просилъ передать свое почтеніе...

Прохорова чуть-чуть сжала губы, отчего лицо ея сложилось въ легкую гримаску. Мужъ усмѣхнулся одними глазами, подошелъ-было къ ней, но вспомнилъ, что онъ три дня не мылся, и махнулъ рукой. Она провела его до кабинета, гдѣ Владиславъ уже ждалъ съ полотенцемъ и водой.

— Да, Нинушка, — прощаясь, проговорилъ Прохоровъ: — вели, пожалуйста, Александру приготовить лошадь, чтобы послѣ завтрака ѣхать...

— Опять на станцію?

— И туда... Нужно-то мнѣ въ деревню тутъ одну за девять верстъ...

III.

Зимою, на Рождествѣ, когда въ деревнѣ было особенно глухо и тихо, Антонина Александровна хотѣла поѣхать въ Москву. Она немного устала отъ тишины и молчанія, и ей захотѣлось шума, свѣта, захотѣлось сходить въ оперу, надѣть новое платье...

Но вышло такъ, что самъ Прохоровъ могъ пробыть дома недѣли двѣ; ей стало жалко терять это время — такое длинное свиданіе съ мужемъ, котораго она рѣдко и мало видѣла, и она отложила поѣздку. Но, чтобы заполнить какъ-нибудь пустоту времени и отмѣтить праздникъ, она придумала сдѣлать елку деревенскимъ дѣтямъ.

Мужъ немного посмѣялся надъ ея сентиментальной затѣей, сталъ называть ее дамой-патронессой, но по ея просьбѣ тотчасъ же написалъ кому-то въ Петербургъ,—у него всегда и во всѣхъ областяхъ находились знакомые, считавшіе за честь услужить ему, исполнить порученіе,—и черезъ недѣлю Антонина Александровна получила изъ почтоваго отдѣленія повѣстку на посылку.

А. Лаховскій. Базаръ въ старомъ городѣ. Весенняя выставка. (Поощрительная премія).

Почтовая контора была тутъ же, въ селѣ, и она пошла сама, захвативъ на всякій случай горничную. Но она плохо прочла повѣстку, потому что посылокъ было три и въ общей сложности на два пуда.

— Барыня, да тутъ Александра съ санями надо, гдѣ жъ намъ однимъ снести?.. — смѣялась Нюша: — да еще сани-то надо роспуски!..

Ждать Александра съ лошадью было долго, и Прохорова велѣла найти какого-нибудь мужика. Начальникъ почтовой кон-

Е. Столица. **Сѣрая туча.** Весенняя выставка.

Е. Чепцовъ. **Надъ моремъ.** Весенняя выставка. (3-я премія).

торы, толстый, любезный человѣкъ, съ особенной вѣжливостью обращавшійся къ пріѣзжей дамѣ, предложилъ услуги сторожа — и ящики были взяты.

Когда Антонина Александровна шла домой, поглядывая на кряхтѣвшаго подъ тяжестью громоздкихъ сундуковъ сторожа, она уже мечтала о томъ, какъ будетъ вскрывать эти ящики, разбирать наивныя, милыя игрушки, дѣлать пакетики со сластями, привязывать нитки къ конфеткамъ и хлопушкамъ... И, улыбаясь своей наивной радости, она въ то же время силилась подавить вздохъ привычной, старой печали: такъ тихо и пусто было въ большихъ комнатахъ, когда уѣзжалъ Максъ, такъ одинока была ея комната, гдѣ не раздавался топотъ маленькихъ ножекъ, не звенѣлъ стеклянным колокольчикомъ задорный смѣхъ, такъ замкнуто было невысказанное чувство, ищущее выхода въ наивной елкѣ для дѣтей, которыхъ она никогда не видала...

Для того, чтобы организовать эту елку, ей пришлось познакомиться съ учительницей школы, и тутъ она въ первый разъ почувствовала, какъ мало и плохо она знаетъ жизнь.

Сельскіе учителя и особенно учительницы ей представлялись борцами за идею, самоотверженно посвятившими свою жизнь народу, съ святымъ терпѣніемъ мирившимися съ невозможными условіями обстановки; ей случалось читать — почему-то въ большинствѣ случаевъ въ рождественскихъ разсказахъ—о томъ, какъ несчастныя интеллигентныя дѣвушки сидятъ по зимамъ въ холодной избѣ, подъ окнами которой воютъ волки; лишенныя какого бы то ни было общества, ведутъ онѣ героическую борьбу съ темнотою, грубостью, жестокостью „и сѣютъ разумное, доброе, вѣчное“...

Безъ книгъ, безъ журналовъ, затерянныя въ темнотѣ осенней ночи, когда все кругомъ спитъ, и жутко гудитъ вѣтеръ въ трубѣ, тоскуютъ одинокія дѣвушки и

И. Владиміровъ. **Весной.** Весенняя выставка.

С. Колесниковъ. На слѣду. Весенняя выставка. (6-я премія).

вала рукой Полина Сергѣевна. — На двадцать пять рублей не очень разлѣчишься. Я въ прошломъ году выпросила у земства пособіе на лѣто—дали полтораста рублей, съѣздила въ Малороссію, а нынче не придется... Была у земскаго врача, но онъ не нашелъ ничего особеннаго... А мнѣ говорили, что на кумысъ хорошо съѣздить.

— Какъ не нашелъ ничего особеннаго, помилуйте!.. — возмущалась Прохорова, съ болью глядя на некрасивое, острое лицо учительницы.—Вѣдь это безчеловѣчно...

Съ момента появленія въ домѣ Полины Сергѣевны молчаливыя комнаты оживились, и въ нихъ рѣзко и сухо зазвучалъ непрерывный смѣхъ учительницы. Она разсказывала забавныя исторіи о селѣ, о мѣстныхъ жителяхъ, крестьянахъ, купцахъ — и въ концѣ неизмѣнно повторяла, слегка подергивая костлявымъ плечомъ:

— Что же вы хотите отъ нашего народа?!.

Антонина Александровна слушала не столько самые разсказы, сколько хрипловатый, сухой голосъ дѣвушки,

дѣлять унылый досугъ съ полуграмотнымъ мужикомъ-сторожемъ, но не бросаютъ святого дѣла и несутъ тяжелый крестъ...

Учительница Запольской школы была высокая, черноволосая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ губы казались слишкомъ яркими, какъ будто нарисованными. Она была невыразимо худа, и Прохорова не могла безъ чувства болѣзненной жалости смотрѣть на тонкую, сухую, какъ птичья лапа, руку учительницы, съ рѣзко намѣчающимися костями и сухожиліями. По этой худобѣ, по блестящему взгляду, такъ же, какъ по лихорадочному румянцу, иногда вспыхивавшему на лицѣ учительницы, можно было безошибочно сказать о неизлѣчимомъ недугѣ, медленно подтачивавшемъ молодую дѣвушку.

— Послушайте, вамъ лѣчиться надо... — испуганная всѣмъ видомъ учительницы, такъ же, какъ ея необычайной разговорчивостью и быстрыми нервными движеніями, неувѣренно говорила молодая женщина:—вѣдь такъ невозможно, вы больны...

— Ахъ, что тамъ больна,—угловатымъ движеніемъ взмахи-

И. Мацкевичъ. За работой. Весенняя выставка.

К. Мюнцеръ-Нейманъ. Кукла. Весенняя выставка.

разспрашивала ее о родныхъ, о томъ, гдѣ она училась и почему пошла учить дѣтей въ деревню. Она отвѣчала подробно, вспоминала мать—вдову сельскаго священника, иногда плакала отъ этихъ воспоминаній и тотчасъ же, какъ всѣ очень нервные, нездоровые люди, быстро переходила на смѣхъ. Она окончила епархіальное училище, ждала два года мѣста учительницы и теперь угасала отъ скуки, одиночества и болѣзни.

Разсказывая по вечерамъ о ней мужу, Прохорова не могла удержаться отъ слезъ и потомъ долго не спала, смутно ощущая какую-то вину, которой никакъ не могла охватить.

Разъ вечеромъ, послѣ ухода учительницы, Прохорова поговорила съ мужемъ, и онъ обѣщалъ ей выхлопотать даровой билетъ по желѣзной дорогѣ въ Самарскую губернію; Антонина Александровна мечтала отправить туда больную дѣвушку и только не знала, въ какой формѣ предложить ей денежную помощь; она знала, что безъ этой помощи Полина Сергѣевна не могла бы поѣхать, и каждый разъ, когда учительница бывала у нихъ, и обѣ

онѣ сидѣли въ столовой за большимъ столомъ, заваленнымъ игрушками и конфетами,— она заводила рѣчь о томъ, что у нея есть знакомые, содержащіе кумысо-лѣчебное заведеніе, что съѣздить туда и прожить тамъ два мѣсяца будетъ стоить очень немного... А когда однажды она поговорила съ учительницей и сказала, что она все устроила,—обѣ онѣ расплакались и, обнимая другъ друга, плакали долго, сами не зная, отчего...

Елка удалась, цѣлый вечеръ дѣти пѣли, играли, бѣгали, и Антонина Александровна, измученная хлопотами цѣлаго дня приготовленій, съ начинающейся головной болью, любовалась на нихъ. Ее огорчало только то, что игрушекъ, кулечковъ съ вещами—всѣми этими валенками, сапожками, кусками ситца на рубашки и платья, что были заготовлены для дѣтей, — не хватило: дѣтей набралось такъ много, что не было возможности удовлетворить всѣхъ, а отказывать нѣкоторымъ потому, что они были не Запольской, а Подосенской школы, находившейся отъ Заполья въ двухъ верстахъ, она не хотѣла.

А. Кайгородъ. Порывъ. Весенняя выставка.

Возвратившись домой, она думала о людяхъ, живущихъ въ городахъ, посѣщающихъ театры, любующихся выставками, бросающихъ бѣшеныя деньги на удовлетвореніе своихъ минутныхъ желаній, иногда увядающихъ отъ скуки и пустоты жизни — и ни разу, ни на одну минуту не задумывавшихся о всѣхъ этихъ обдѣленныхъ, разбросанныхъ на всей огромной странѣ труженикахъ-учителяхъ... Ничтожная доля того, что они бросаютъ каждый день за ужиномъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, могла бы дать счастье, самое подлинное счастье сотнямъ этихъ людей, но ни одинъ изъ нихъ не подумаетъ даже объ этомъ...

„Какая черствость, какой эгоизмъ!.. — думала она, шагая изъ угла въ уголъ по гостиной и слегка вздрагивая отъ залетавшаго въ открытую форточку сырого вѣтра. — Какъ нехорошо“...

И ей казалось, что она въ первый разъ въ жизни увидѣла настоящую жизнь, что все, бывшее до сихъ поръ—было только длиннымъ вступленіемъ въ настоящее, такъ неожиданно вскрывшееся отъ внезапной и несерьезной мысли—устроить деревенскимъ ребятамъ елку...

М. Блохъ. Идиллія. Весенняя выставка.

IV.

Пасха была ранняя, но весна въ томъ году началась съ конца марта, и такъ дружно, такъ неожиданно пришло тепло, что всѣ удивлялись, и старики бормотали, что не запомнятъ такого года... Въ одну недѣлю сбѣжалъ снѣгъ, черезъ нѣсколько дней стали подсыхать поля, а еще черезъ недѣлю на южныхъ склонахъ овраговъ, на пригрѣтыхъ солнцемъ вершинахъ холмовъ уже наивно и трогательно зазеленѣла молодая трава; и всѣмъ казалось, что зима была уже давно, и трудно было вообразить дышащую влажнымъ тепломъ землю покрытой снѣгомъ, мертвой и спящей...

По ночамъ еще были крѣпкіе заморозки, и раннимъ утромъ дорога звенѣла подъ проѣзжавшей телѣгой, но днемъ солнце грѣло, какъ лѣтомъ, и, гуляя, Прохорова снимала пальто и шла въ одномъ платьѣ, съ особенной, грустной радостью смутнаго воспоминанія подставляя лицо упругому, теплому вѣтру...

Заполье стояло на горѣ, кругомъ были широкіе овраги и пологіе скаты, покрытые лѣсомъ, внизу билась радостная, возмущенная рѣчка, и много было наивной, простой красоты въ нѣжной зелени, въ черной землѣ, въ бурной рѣчкѣ.

Уже пасѣчники вынесли ульи въ сады, и плотное, еще неувѣренное, но радостное гудѣніе уже звенѣло надъ вербами, увѣшанными длинными сережками.

Антонина Александровна часами слушала пробуждающуюся жизнь гдѣ-нибудь на лѣсной полянкѣ или у себя въ саду—и та же свѣтлая, похожая на воспоминаніе, печаль сладко сжимала сердце, и мысли текли, смутныя, свѣтлыя, какъ рѣдкія облака на весеннемъ небѣ.

Антонина Александровна жила одна, и весенніе дни, настойчиво зовущіе къ невозвратному, проходили въ молчаніи; и отъ этого рождалось впечатлѣніе, какъ отъ забытой сказки: сидитъ одинокая царевна въ прекрасномъ теремѣ, и пусто и свѣтло идутъ длинной чередой солнечные дни—и бродитъ царевна молчаливо по гулкимъ покоямъ и съ тайнымъ вопросомъ смотритъ въ высокія окна...

Попрежнему заходила Полина Сергѣевна и, наполняя весь домъ трескучимъ смѣхомъ, разсказывала о священникѣ, который бьетъ въ школѣ учениковъ, переходила на его дочку, которую всѣ звали Жаворонкомъ,—и съ таинственнымъ видомъ сообщала, что она разсчитывала выйти замужъ за сына мѣстнаго купца, а тотъ женился на другой и теперь все-таки ходитъ съ нею по вечерамъ,

Н. Шестопаловъ. Элегія. Весенняя выставка.

Другой мальчикъ, Коля, былъ сыномъ молочницы, носившей въ домъ молоко. Судя по тому, что у нея было три коровы, большая изба, которую во время призыва она сдавала новобранцамъ, пріѣзжавшимъ въ село съ отцами и матерями, плодовый садъ и большой огородъ,—семья была не бѣдная; но оттого, что мужъ у нея недавно умеръ, а дома жили еще сестра и старуха-мать—баба постоянно на что-нибудь жаловалась, часто плакала, называла Колю сиротинкой, почему-то прибавляя къ этому слово „безродный", и, всхлипывая, повторяла:

— Мы такіе бѣдные, такіе бѣдные—просто ни покрыться ни согрѣться... И Господи жъ Боже мой, и что это такое — такая бѣдность, такая бѣдность, что и сказать невозможно!..

Колю Антонина Александровна начала учить азбукѣ; мальчикъ былъ толковый, очень скромный и, какъ большинство одинокихъ въ семьѣ дѣтей, развитой. Было въ немъ что-то мягкое, ласковое, хотя и диковатое немного, и даже самая шаловливость его была трогательна... Часто, глядя на него, на игры его на коврѣ, Прохоровой почему-то становилось жалко его, и она какъ будто начинала понимать всхлипывающую бабу-молочницу и то, почему она говоритъ:

— Мы такіе бѣдные, такіе бѣдные!..

Послѣ уроковъ она ходила съ ними гулять куда-нибудь къ рѣчкѣ, пускала вмѣстѣ кораблики, сдѣланные неумѣлыми женскими руками изъ щепочекъ, волновалась по поводу бумажнаго паруса, намокавшаго въ водѣ, потомъ вела ихъ къ себѣ и поила чаемъ съ мягкими булками, съѣдаемыми въ неимовѣрномъ количествѣ, приводившемъ Антонину Александровну въ восторгъ, кормила вареньемъ и конфетами.

Потомъ Владиславъ или Нюша отводили ихъ домой, а она долго еще сидѣла одна въ сумеречной комнатѣ съ забытой улыбкой на губахъ, чуть-чуть подавленная внезапнымъ молчаніемъ опустѣвшей комнаты.

Разъ подъ вечеръ, когда было уже время поить ребятъ чаемъ,

а жена его грозится облить сѣрной кислотой Жаворонка и пишетъ анонимныя письма... Но это уже не казалось забавнымъ Антонинѣ Александровнѣ, и она слушала, думая о другомъ и только изъ вѣжливости вставляя короткія замѣчанія:

— Да? Скажите, а я и не думала... Вотъ какъ?.. Это любопытно!

Но если бы учительница спросила ее неожиданно, о чемъ она разсказывала,—Прохорова смутилась бы и покраснѣла. Порою она слышала только громкій, увѣренный голосъ Полины Сергѣевны, напоминающій немолчное стрекотанье какой-то большой и безпокойной птицы, упорно долбящей длиннымъ носомъ одно и то же, и изъ всего, что она говорила, въ ушахъ оставалось только:

— Конечно,—что же вы хотите отъ нашего народа?

Единственной радостью молодой женщины были послѣобѣденные часы. Сидя передъ столомъ въ своей большой, просторной спальнѣ, раздѣленной толстыми колоннами съ тяжелой занавѣской, она издали слышала робкіе шаги осторожно постукивающихъ по скользкому паркету ногъ.

Она уже заранѣе улыбалась и, обернувшись къ двери, ждала. Показывался Владиславъ — высокій и тощій, снисходительно улыбающійся, и открывалъ портьеру. И на порогѣ останавливались два мальчика — семи и девяти лѣтъ, смущенные всей обстановкой, важнымъ Владиславомъ, котораго они считали за барина, скользкимъ паркетомъ, даже тонкимъ запахомъ духовъ въ комнатѣ барыни.

— Наконецъ-то вы пришли, я ужъ заждалась,—говорила Антонина Александровна, улыбаясь.—Ну, здравствуйте; входите, входите!

Старшій изъ этихъ мальчиковъ учился въ школѣ во второмъ отдѣленіи, и она даже плохо знала, чей онъ сынъ. Какъ-то гуляя, она встрѣтила его, разговорилась и затащила, потомъ на Рождество онъ пришелъ славить Христа и съ тѣхъ поръ сталъ бывать. Когда пришло время экзаменовъ—Прохорова стала заниматься съ нимъ, подготовляя къ переходу въ старшее отдѣленіе, и онъ приходилъ каждый день послѣ обѣда—частью для занятій, частью затѣмъ, чтобы выпить чаю съ вареньемъ. Звали его Женей.

С. Исаковъ. Охота. Эскизъ. Весенняя выставка.

Л. Мардеросовъ. Кокетки. Весенняя выставка. (12-я премія).

Прохорова возвращалась съ ними домой, немного утомленная возней на сухой лѣсной лужайкѣ, гдѣ они играли въ прятки. Коля разсказывалъ, какъ къ нимъ приходила учительница Клавдія Васильевна и, просмотрѣвъ его тетрадку съ буквами, поставила ему внизу страницы три единицы и еще прибавить.

— Что такое?—не поняла Антонина Александровна:—какія три единицы?

— Ну да, она сказала, что я хорошо пишу, и поставила три единицы и еще прибавить...

— Ничего не понимаю—ты что-то путаешь,—проговорила она. — Что еще прибавить?

— Это онъ говоритъ, — вступился Женя серьезно и обстоятельно, какъ все, что онъ дѣлалъ и говорилъ:—что ему поставили три съ плюсомъ. Понимаете, насъ такъ учатъ: сложить три единицы—будетъ три, а плюсъ—это говорятъ, когда стоитъ на доскѣ плюсъ, то—еще прибавить... Это значитъ, что еще прибавить...

— Ахъ вотъ что!—засмѣялась Прохорова.—Такъ, значитъ, тебѣ поставили три единицы и еще прибавить?..

— Да, такъ и въ тетрадкѣ стоитъ, — серьезно подтвердилъ Коля.

— Три единицы и еще прибавить!.. — повторяла Антонина Александровна, чувствуя внезапныя, неизвѣстно почему появившіяся, на глазахъ слезы.—Ахъ, ты, милый мальчишка!..

Она вошла въ переднюю, все еще смѣясь, и вдругъ увидѣла на вѣшалкѣ чужое пальто. Она съ удивленіемъ оглянула его, косясь въ темный уголъ, гдѣ оно свѣтлѣло желтымъ толстымъ сукномъ, и негромко спросила у отворившаго дверь Владислава:

— У насъ есть кто-нибудь?

Владиславъ таинственно наклонился и, указывая на гостиную, отвѣтилъ:

— Какой-то господинъ къ барину... И съ мѣшочкомъ... Бородатые!

Дѣти остановились у дверей и нерѣшительно поглядывали на нее. Они стѣснялись чужихъ и, когда кто-нибудь приходилъ, или дома былъ самъ Прохоровъ, котораго они звали бариномъ,—они краснѣли, молча пыхтѣли и торопились домой.

— Идите въ столовую, я сейчасъ...— сказала имъ Прохорова.—

И. Дряпаченко. Поминальный день во Флоренціи. Весенняя выставка.

Владиславъ, проведите ихъ и налейте имъ чаю. Съ вареньемъ!— добавила она, проходя въ гостиную.—Я сейчасъ...

Въ гостиной было уже темновато, кружевныя занавѣси закрывали гаснущій вечерній свѣтъ.

Съ маленькаго диванчика поднялся высокій человѣкъ. Въ полумракѣ лицо его казалось необычайно смуглымъ, и на немъ странно намѣчались глубокія впадины глазъ и черная, ровно обстриженная борода.

— Я пріѣхалъ къ Максиму Павловичу... по его просьбѣ, — проговорилъ человѣкъ, и Прохорова вздрогнула отъ неожиданно громкаго, какъ будто немного суроваго голоса.—Его, кажется, нѣтъ.

— Да, онъ въ отъѣздѣ... Кажется, на постройкѣ...—немного путаясь, съ страннымъ смущеніемъ отвѣтила она.

— Вы меня не узнаёте?—проговорилъ онъ тѣмъ же глухимъ и громкимъ голосомъ.—Я—Березскій.

— Ахъ, вотъ какъ, я дѣйствительно не узнала васъ... Но, впрочемъ, что же мы стоимъ въ темнотѣ?—оправляясь, заговорила она болѣе звучнымъ, увѣреннымъ голосомъ.—Пойдемте въ столовую, тамъ самоваръ... Владиславъ!—крикнула она, дѣлая движеніе къ двери. — Владиславъ, гдѣ же вы?..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Профессоръ Ю. Ю. Клеверъ и его картина „Золотая осень". (Къ 35-лѣтію художественной дѣятельности).

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

Десять лѣтъ прошло, а я до сихъ поръ не могъ написать о немъ ни строчки. Въ то время какъ другіе уже написали о немъ такъ много...

Меня часто спрашивали: почему?—и я самъ спрашиваю себя объ этомъ и вижу только одно: потому, что это тяжело.

Легко писать объ умершемъ, глядя со стороны: легко было писать о немъ, какъ о художникѣ, разсказчикѣ, драматургѣ. Но всѣмъ этимъ онъ для меня былъ не больше, чѣмъ для другихъ: предметомъ восхищенія. Главное же, чѣмъ онъ былъ для меня: человѣкомъ, котораго я нѣжно любилъ.

Не другомъ, — это я считаю нужнымъ сказать въ самомъ началѣ и думаю, что у него не было ни одного друга,—но товарищемъ въ самомъ прекрасномъ значеніи этого слова. Было у насъ много общей жизни, и, должно-быть, въ этомъ и отвѣтъ.

Какъ писать объ умершемъ, котораго любилъ живымъ? При всякомъ воспоминаніи плакать хочется. Еще недавно пошелъ смотрѣть его „Вишневый садъ", и хотѣлось плакать, — не отъ пьесы, не надъ судьбой героевъ, а о немъ.

Его судьба такъ похожа на судьбу вишневаго сада: и его также срубилъ безпощадный топоръ въ самомъ роскошномъ цвѣту.

До сихъ поръ не могу примириться съ тѣмъ, что его нѣтъ. И даже не съ фактомъ, который нелѣпъ, нелогиченъ и грубъ, какъ все въ жизни, а съ ужасной несправедливостью...

А впрочемъ—безполезный разговоръ.

Юности я его не знаю. Моя первая встрѣча съ нимъ произошла, когда у него было уже хорошее литературное имя. Онъ выпустилъ нѣсколько книгъ, былъ написанъ и поставленъ на сценѣ „Ивановъ". Зародилась мысль о поѣздкѣ на Сахалинъ.

Я говорю только о встрѣчѣ. Какъ это ни странно, но знакомство наше началось не съ первой, а со второй встрѣчи.

Первая же была что-то смутное. Я жилъ тогда въ Одессѣ, писалъ въ мѣстныхъ газетахъ, служилъ въ городской управѣ. Моя прикосновенность къ литературѣ была самая скромная: нѣсколько повѣстушекъ, не остановившихъ на себѣ ничьего вниманія.

Гостила въ городѣ труппа московскаго Малаго театра, и пріѣхалъ онъ. Обо мнѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но ему напѣлъ про меня жившій тогда въ Одессѣ его товарищъ по Таганрогской гимназіи, писатель, впослѣдствіи извѣстный толстовецъ, П. А. Сергѣенко, и привезъ его ко мнѣ на дачу.

По всей вѣроятности, онъ и самъ былъ удивленъ незначительностью и ненужностью этой встрѣчи. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ и ждалъ отъ него чего-то особеннаго.

Но онъ былъ не изъ тѣхъ, что любятъ производить впечатлѣніе. Напротивъ (это ужъ я потомъ, гораздо позже, разглядѣлъ), когда онъ замѣчалъ, что отъ него ждутъ, и что называется, смотрятъ ему въ ротъ, онъ какъ будто старался какъ можно меньше отличаться отъ всѣхъ. Онъ тогда пряталъ себя.

Поговорили о чемъ-то мѣстномъ и случайномъ, и онъ уѣхалъ, должно-быть, пожалѣвъ о потраченномъ времени.

Когда потомъ, года черезъ четыре, мы встрѣтились въ Москвѣ, мы точно въ первый разъ увидѣли другъ друга. Одесская встрѣча не оставила никакихъ слѣдовъ.

Е. Я. Чехова, мать писателя.

Сближеніе наше шло очень медленно, — въ этомъ отношеніи мы оба были люди трудные. У меня это происходило скорѣе отъ неувѣренности въ себѣ, у него же, какъ я думаю, отъ осторожности.

Его всегдашнее спокойствіе, ровность, внѣшній холодъ какой-то, казавшейся непроницаемой, броней окружали его личность. Казалось, что этотъ человѣкъ тщательно бережетъ свою душу отъ посторонняго глаза.

Но это не та скрытность, когда человѣкъ сознательно прячетъ что-то такое, что ему неудобно показать и выгоднѣе держать подъ прикрытіемъ. Нѣтъ, это было нѣчто совсѣмъ другое, чего я долго не могъ понять въ немъ, а потомъ — не знаю, понялъ ли, или только придумалъ для себя правдоподобное объясненіе.

Мнѣ кажется, что онъ весь былъ творчество. Каждое мгновеніе, съ той минуты, какъ онъ, проснувшись утромъ, открывалъ глаза, и до того момента, какъ ночью смыкались его вѣки, онъ творилъ непрестанно. Можетъ-быть, это была подсознательная творческая работа, но она была, и онъ это чувствовалъ.

П. Е. Чеховъ, отецъ писателя.

Творчество стыдливо, и у него это было выражено ярче, чѣмъ у кого другого. Никогда онъ не писалъ въ присутствіи кого бы то ни было.

Каждому художнику слова вѣдомо это ощущеніе: работая въ присутствіи другого, онъ чувствуетъ, какъ будто тотъ слышитъ его мысли, видитъ образы, возникающіе въ его головѣ, слѣдитъ глазами за ихъ чеканкой, отдѣлкой, за всѣмъ интимнымъ процессомъ творчества. Это—мучительное чувство, котораго обыкновенно не понимаютъ и не признаютъ домашніе, близкіе.

„Я тебѣ не помѣшаю?.."—говоритъ жена или сестра, садится рядомъ и читаетъ книгу и... мѣшаетъ, потому что мысли и образы стыдятся, блѣднѣютъ, прячутся.

Но я зналъ писателей, которые свыкались съ этимъ,—конечно, по необходимости, за отсутствіемъ мѣста, и работа ихъ теряла въ качествѣ. Я зналъ одного, который долженъ былъ писать, держа на колѣняхъ ребенка, потому что иначе было нельзя. И это была трагедія, которую онъ покорно переносилъ съ улыбкой.

Творческая работа Чехова чужого глаза совсѣмъ не переносила, и такъ какъ онъ творилъ всегда и даже въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью и съ людьми вступалъ какъ-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вотъ почему самые близкіе люди всегда чувствовали между нимъ и собою нѣкоторое разстояніе.

И потому я утверждаю, что у Чехова не было друзей. То обстоятельство, что послѣ его смерти объявилось великое множество его друзей, я не склоненъ объяснять ни тщеславіемъ ни самозванствомъ. Я увѣренъ, что эти люди вполнѣ искренно считали себя его друзьями и по своему настроенію таковыми и были, т.-е. они любили его настоящей дружеской любовью и готовы были открыть передъ нимъ всю душу. Можетъ-быть, и открывали, и навѣрно такъ—у него было то неотразимое обаяніе, которое каждую душу заставляло отдаваться ему,—потому-то онъ и зналъ такъ хорошо тончайшія извилины человѣческой души. Но онъ-то свою не раскрывалъ ни передъ кѣмъ.

Можетъ-быть, это-то знаніе, эта изумительная способность видѣть человѣка насквозь и была причиной того, что онъ не могъ никого близко подпустить къ своей душѣ. Душа эта была какая-то необыкновенно правильная. Бываютъ счастливцы съ изумительно симметрическимъ сложеніемъ тѣла. Все у нихъ въ идеальной пропорціи. Такое тѣло производитъ впечатлѣніе чарующей красоты.

У Чехова же была такая душа. Все было въ ней—и достоинства и слабости. Если бы ей были свойственны только одни положительныя качества, она была бы такъ же одностороння, какъ душа, состоящая изъ одникъ только пороковъ.

Въ дѣйствительности же въ ней на ряду съ великодушіемъ и скромностью жили и гордость и тщеславіе, рядомъ съ справедливостью—пристрастіе. Но онъ умѣлъ, какъ истинный мудрецъ, управлять своими слабостями, и оттого онѣ у него пріобрѣтали характеръ достоинствъ.

Удивительная сдержанность, строгое отношеніе къ высказываемымъ имъ мнѣніямъ, взвѣшиваніе каждаго слова придавали какой-то особенный вѣсъ его словамъ, благодаря чему они пріобрѣтали характеръ приговора.

А. П. Чеховъ въ 1879 г. тотчасъ по полученіи аттестата зрѣлости.

Читая многочисленные воспоминанія о Чеховѣ, я получаю странное впечатлѣніе: всѣ какъ будто боятся, чтобы онъ хоть на минуту не показался человѣкомъ съ горячею кровью, съ живыми человѣческими страстями и человѣческими слабостями.

Можетъ-быть, это оттого, что наиболѣе искреннія воспоминанія относятся къ послѣднему періоду его жизни, къ тому времени, когда полную власть надъ его организмомъ взяла болѣзнь, и онъ, сознательно или нѣтъ, тщательно берегъ свои силы. Обстоятельства такъ сложились, что въ эти годы, прожитые имъ въ Крыму, я его не видѣлъ.

А. П. Чеховъ—студентъ (1881 г.).

Въ тотъ же періодъ, когда мы съ нимъ встрѣчались въ Москвѣ и Мелиховѣ, отчасти въ Петербургѣ, онъ не былъ такъ бережливъ. Можно жалѣть объ этомъ съ точки зрѣнія нашей художественной жадности. Если бъ онъ и тогда берегъ свои силы, можетъ-быть, организмъ его смогъ бы дольше бороться съ недугомъ, и мы владѣли бы еще нѣсколькими чудными художественными созданіями.

Можетъ-быть. Но жизнь предъявляетъ свои права, и художника, носителя божественнаго огня, такъ же неотразимо влечетъ къ ней, какъ и простого „поденщика ненужнаго“.

Можетъ-быть, я не знаю Москвы, или пребываніе мое въ ней въ теченіе двухъ-трехъ зимъ какъ-нибудь особенно сложилось, но у меня осталось такое впечатлѣніе: тамъ люди дома работаютъ въ одиночку, посѣщаютъ другъ друга по дѣламъ и въ семейные праздники. Когда же хотятъ собраться тѣснымъ кружкомъ для дружеской бесѣды, то идутъ въ ресторанъ, обыкновенно по окончаніи всѣхъ дѣлъ, послѣ театра, поздно за полночь и сидятъ долго, до утра.

А въ ресторанѣ — вино, и съ каждымъ получасомъ бесѣда становится живѣй и горячѣй. Подъ утро ѣдутъ за городъ слушать цыганъ, а возвращаются домой подъ звонъ колоколовъ, призывающихъ къ заутренѣ.

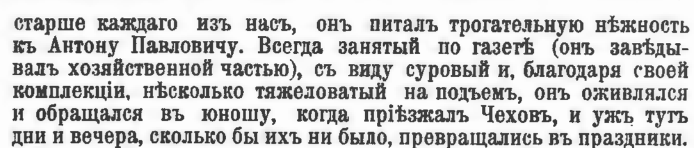
А днемъ какимъ-то чудомъ встаютъ во-время, откуда-то набираются бодрости и силъ и занимаются дѣлами.

Чеховъ жилъ тогда въ Мелиховѣ, своемъ имѣньицѣ, которое купилъ нѣсколько лѣтъ раньше, и довольно часто пріѣзжалъ въ Москву. Останавливался онъ обыкновенно въ Большой Московской гостиницѣ, но мнѣ, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось наконецъ уговорить его останавливаться у меня.

А жилъ я на Большой Никитской, занимая двѣ скромныя меблированныя комнаты въ нижнемъ этажѣ.

Признаюсь, всякій его пріѣздъ былъ для меня праздникомъ, да и не для меня только, а и для всѣхъ членовъ небольшого кружка.

Сейчасъ же объ этомъ посылалось извѣстіе въ „Русскія Вѣдомости“ Михаилу Алексѣевичу Саблину, который почелъ бы за обиду, если бы узналъ объ этомъ не первый. Созидатель „Русскихъ Вѣдомостей“, почтеннаго возраста человѣкъ—лѣтъ на двадцать



старше каждаго изъ насъ, онъ питалъ трогательную нѣжность къ Антону Павловичу. Всегда занятый по газетѣ (онъ завѣдывалъ хозяйственной частью), съ виду суровый и, благодаря своей комплекціи, нѣсколько тяжеловатый на подъемъ, онъ оживлялся и обращался въ юношу, когда пріѣзжалъ Чеховъ, и ужъ тутъ дни и вечера, сколько бы ихъ ни было, превращались въ праздники.

Намъ и безъ того приходилось завтракать и обѣдать въ трактирахъ. Но это дѣлалось, какъ нѣчто неизбѣжное, а тутъ все это пріобрѣтало своего рода торжественность.

Москвичъ и знатокъ Москвы, М. А. Саблинъ зналъ, гдѣ что нужно ѣсть и пить. Завтракать, напримѣръ, было необходимо у Тѣстова, и притомъ въ видѣ закуски ѣсть не иначе, какъ грудинку, вынутую изъ щей.

Другой великій знатокъ этого дѣла, Вуколъ Михайловичъ Лавровъ, зналъ потаенные уголки, гдѣ можно было получить какую-то необыкновенную ветчину и изумительную бѣлорыбицу, которая таяла во рту, какъ масло. Съ этой цѣлью ѣздили куда-то далеко, на невѣдомый мнѣ край Москвы, въ мѣста, куда я безъ посторонней помощи ни за что не попалъ бы.

Въ дальнѣйшій репертуаръ входили Большой Московскій, „Эрмитажъ“, а иногда и путешествіе за городъ на тройкѣ.

Любилъ отдыхать съ нами В. А. Гольцевъ. Попивая красное вино, которое было вредно для его сердца, онъ держалъ остроумныя, подчасъ ѣдкія рѣчи и поддерживалъ дружески-высокій тонъ.

А. П. Чеховъ—студентъ (IV курса).

Послѣ спектакля иногда урывалъ часъ-другой и пріѣзжалъ А. И. Южинъ; вмѣстѣ съ нимъ выступали на очередь театральныя темы, а красное вино замѣнялось шипучимъ.

А. П. Чеховъ въ 1884 г., тотчасъ по окончаніи курса университета.

Антонъ Павловичъ иногда ворчалъ и слегка упирался, но его легко было уговорить. Не могъ же онъ не принимать въ расчетъ, что все это — по случаю его пріѣзда, и не рѣшился бы нанести кровную обиду М. А. Саблину, который въ его обществѣ молодѣлъ на двадцать лѣтъ.

И онъ, легонько покашливая, съ чуть-чуть сердитымъ лицомъ, покорно ѣхалъ, а потомъ оживлялся, вступалъ въ дружескій споръ съ Гольцевымъ и былъ неистощимъ по части очаровательныхъ, до-упаду смѣшныхъ, глупостей и милыхъ неожиданностей, въ которыхъ онъ былъ неподражаемый мастеръ.

В. М. Лавровъ, нашъ общій пріятель, бывалъ съ нами рѣдко, и то это ужъ означало какой-нибудь тяжеловѣсный обѣдъ съ сложной программой и „посторонними“ участниками, т.-е. людьми хорошо знакомыми, но не близкими.

И ужъ тутъ была обязательна его рѣчь — своеобразная, почти отъ начала до конца казавшаяся безнадежно-запутанной, съ отступленіями, съ попутными анекдотами, съ невѣроятными, но необыкновенно характерными словеч-

А. П. Чеховъ.

ками, но всегда кончавшаяся какой-нибудь яркой и уморительной неожиданностью.

Раньше, когда я мало зналъ его, я всегда при началѣ его рѣчи испытывалъ опасеніе, что вотъ человѣкъ зайдетъ въ такія дебри, откуда ему никогда не выпутаться. Но потомъ я бывалъ спокоенъ за конецъ и всегда находилъ въ его рѣчахъ своеобразную прелесть.

Не могъ обойтись безъ рѣчи, конечно, и В. А. Гольцевъ, великій мастеръ дружескихъ рѣчей, щедро расточавшій краснорѣчіе, умъ, а также и ядъ, которымъ, впрочемъ, онъ никого не отравлялъ.

Зато домосѣдъ В. М. Лавровъ иногда ознаменовывалъ пріѣздъ Чехова изъ деревни чѣмъ-то въ родѣ раута у себя дома. Это были безконечно длительные, вкусные, сытые, съ обильнымъ возліяніемъ и достаточно веселые обѣды, многолюдные и рѣчистые, затягивавшіеся далеко за полночь и носившіе на себѣ отпечатокъ самобытности хозяина. Чехова они утомляли, и потому (однакожъ единственно поэтому) онъ шелъ на нихъ неохотно, но личность В. М. Лаврова его сильно интересовала.

А. П. Чеховъ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. И. Н. Потапенко.

Это былъ самородокъ „своей собственной складки". Человѣкъ, образовавшій себя исключительно своими личными усиліями, отдавшій состояніе на литературу и затѣмъ весь ушедшій въ свой журналъ—„Русская Мысль".

Къ изумленію, я узналъ однажды, что онъ также и самоучка-математикъ и, въ качествѣ таковаго, въ молодости получилъ даже какую-то почетную премію въ Англіи за рѣшеніе объявленной математической задачи.

Страстный любитель литературы, онъ читалъ все, выходящее въ свѣтъ. Писатели были его первые гости: подаренный ему экземпляръ съ автографомъ онъ принималъ трепетными руками и несъ въ свой шкапъ бережно, какъ святыню.

Но это, разумѣется, не мѣшало ему въ издательскомъ дѣлѣ быть купцомъ, а гдѣ надо—слегка и поприжать того же самаго писателя.

Онъ прекрасно зналъ польскій языкъ (кстати, никогда не хотѣлъ объяснить, гдѣ онъ ему научился) и былъ не только почитателемъ, но и несомнѣнно лучшимъ переводчикомъ польскихъ авторовъ.

Помню, какъ однажды, благодаря этому своему пристрастію, онъ поставилъ въ довольно странное положеніе цѣлое общество препочтенныхъ писателей, въ томъ числѣ, если память мнѣ не измѣняетъ, и Чехова.

Въ Польшѣ праздновали юбилей (кажется, 25-лѣтней литературной дѣятельности) Генриха Сенкевича. Лавровъ, который перевелъ и помѣстилъ въ „Русской Мысли" почти всѣ произведенія этого автора и находился съ нимъ въ перепискѣ, разумѣется, не преминулъ и въ Москвѣ устроить юбилейный обѣдъ. Въ Эрмитажѣ собралось человѣкъ двадцать пять литераторовъ, говорились рѣчи, и пили за единеніе народностей, за польскую литературу и за талантливаго ея представителя, польскаго юбиляра. Все было искренно, трогательно и хорошо.

Въ заключеніе послали юбиляру въ Варшаву сердечное поздравленіе, подъ которымъ всѣ подписались поименно.

На слѣдующій день на имя Лаврова была получена отвѣтная телеграмма отъ юбиляра:

„Благодарю, если это искренно".

Бѣдный Лавровъ долго послѣ этого ни съ кѣмъ не заговаривалъ о польской литературѣ.

Въ Москвѣ Чеховъ оставался по нѣскольку дней, но въ эти дни ничего не писалъ. Его манера работать вдали отъ людскихъ глазъ—здѣсь, гдѣ онъ былъ постоянно на виду у всѣхъ, была неосуществима. А главное—здѣсь не было его уютнаго кабинета, съ которымъ у него было связано уже столько творческихъ воспоминаній.

Зато и уѣзжалъ онъ внезапно, словно по какому-то неотразимому внутреннему побужденію. Вотъ сегодня собирались въ театръ, взяли билетъ, и онъ интересовался пьесой, стремился. Или кто-нибудь позвалъ его вечеромъ, и онъ обѣщалъ. Все равно—неотразимое побужденіе было сильнѣе всего.

Просто ему надоѣло довольно-таки безсмысленное шумное времяпрепровожденіе московское, и потянуло въ тихое Мелихово, въ его кабинетъ, или, можетъ-быть, въ душѣ созрѣло что-нибудь, требовавшее немедленнаго занесенія на бумагу. И онъ уѣзжалъ, несмотря ни на что.

А случалось и такъ, что внезапно уѣзжалъ онъ, чтобы избѣжать чего-нибудь предстоящаго, что было ему непріятно.

Надо сказать правду, надоѣдали ему очень, особенно, когда онъ останавливался въ Большой Московской гостиницѣ. Стучались въ дверь люди, которыхъ онъ не зналъ, и которые, въ сущности, не имѣли никакого права отнимать у него время и покой.

У многихъ есть такой взглядъ на писателя, что не только произведенія его, но и онъ самъ есть общественное достояніе. И приходятъ и сидятъ, по русскому безобразному обычаю, часы, цѣлый вечеръ, говорятъ о себѣ, задаютъ умные вопросы или молчатъ, заставляя такъ или иначе занимать ихъ.

Конечно, можно не принять или, принявъ и убѣдившись, что попустому, отвадить, и есть такіе рѣшительные писатели, что даже на дверяхъ дѣлаютъ устрашающія надписи.

Но Чеховъ этого не умѣлъ и не считалъ себя въ правѣ. Онъ страдалъ неизлѣчимой боязнью: какъ бы не обидѣть человѣка.

А въ гостиницѣ у него былъ „свой" номеръ (кажется, пятый), который и потомъ долго еще назывался „Чеховскимъ номеромъ", и это знали, и туда стучались.

Но съ незнакомымъ человѣкомъ еще какъ-нибудь можно раздѣлаться, если занятъ,—ну, сослаться на эту занятость. Но бывало хуже: друзья, вотъ именно изъ тѣхъ, что впослѣдствіи, послѣ его смерти, почувствовали себя его друзьями и повѣдали объ этомъ міру.

Иной „другъ" пріѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ Петербурга и, благополучно окончивъ свои дѣла, рѣшилъ провести вечерокъ съ Чеховымъ. Тутъ ужъ, при его исключительной боязни обидѣть,—для него была настоящая бѣда.

Я зналъ, напримѣръ, одного писателя (нынѣ умершаго), который считалъ себя закадычнымъ другомъ Чехова, и Антонъ Павловичъ относился къ нему искренно и сердечно, но совершенно не могъ выносить его, какъ онъ говорилъ, „трагическаго смѣха".

И помню, что однажды, пробывъ въ Москвѣ только одинъ день, А. П. пришелъ домой и объявилъ, что сейчасъ же уѣзжаетъ въ Мелихово.

— Почему?

— Встрѣтилъ N. Вчера пріѣхалъ. Остановилъ извозчика, заключилъ меня въ объятія, узналъ, что я живу здѣсь, и объявилъ, что сегодня придетъ къ намъ на весь вечеръ. Вотъ и тебѣ велѣлъ кланяться. Ну, такъ ты ужъ его прими, а обо мнѣ скажи... ну, скажи, что хочешь.

И сколько я ни доказывалъ ему, что это можно устроить какъ-нибудь проще—уйти куда-нибудь, послать N. записку—онъ оставался непоколебимъ:

— Все равно, онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любитъ смѣяться,—а это трагедія.

И онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ деревню, несмотря на то, что у него въ „Русской Мысли" было дѣло, для котораго онъ вновь пріѣхалъ въ Москву дней черезъ пять.

Но къ чему онъ чувствовалъ непобѣдимый, почти паническій ужасъ, такъ это къ торжественнымъ выступленіямъ, въ особенности если подозрѣвалъ, что отъ него потребуется активное участіе.

Мнѣ памятенъ одинъ пріѣздъ въ Москву покойнаго Д. В. Григоровича. Въ Петербургѣ передъ этимъ былъ справленъ его юбилей. Было что-то необыкновенно торжественное, кажется—единственное и небывалое въ лѣтописяхъ литературы.

Такъ какъ писатель иногда помѣщалъ свои вещи въ „Русской Мысли", то В. М. Лавровъ захотѣлъ устроить ему въ Москвѣ „филіальное чествованіе"

Конечно, это не могло быть даже и тѣнью петербургскаго юбилея, но все же—„Эрмитажъ", нѣсколько десятковъ приглашенныхъ, заранѣе предусмотрѣнныя рѣчи.

Само собою разумѣется, что былъ спеціальный расчетъ на присутствіе въ Москвѣ Антона Павловича. Съ одной стороны, хотѣлось показать петербургскому литератору лучшее, что есть въ литературной Москвѣ, и чѣмъ она гордится, а съ другой—имѣлись въ виду особыя отношенія между Чеховымъ и Григоровичемъ.

Вѣдь старый писатель первый замѣтилъ талантъ Чехонте въ его маленькихъ разсказахъ, печатавшихся въ сатирическихъ журналахъ, обратилъ на него вниманіе Суворина, написалъ ему трогательное отеческое письмо.

Наконецъ, разочарованіе Лаврова и всѣхъ прочихъ...—И тутъ онъ началъ приводить свои доводы:

— Вѣдь это же понятно. Я былъ открытъ Григоровичемъ и, слѣдовательно, долженъ сказать рѣчь. Не просто говорить что-нибудь, а именно рѣчь. И при этомъ непремѣнно о томъ, какъ онъ меня открылъ. Иначе же будетъ нелюбезно. Голосъ мой долженъ дрожать, и глаза наполниться слезами. Я, положимъ, этой рѣчи не скажу, меня долго будутъ толкать въ бокъ, я все-таки не скажу, потому что не умѣю. Но встанетъ Лавровъ—и разскажетъ, какъ Григоровичъ меня открылъ. Тогда подымется самъ Григоровичъ, подойдетъ ко мнѣ, протянетъ руки и заключитъ меня въ объятія и будетъ плакать отъ умиленія. Старые писатели любятъ поплакать. Ну, это его дѣло, но самое главное,

Редакція и сотрудники журнала „Русская Мысль". Группа, снятая во время пребыванія А. П. Чехова въ Москвѣ.
Сидятъ: И. И. Иванюковъ, М. Н. Ремезовъ, А. П. Чеховъ и В. М. Лавровъ. *Стоятъ:* В. А. Гольцевъ, И. Н. Потапенко, М. А. Саблинъ.

Антону Павловичу все это было поставлено на видъ—и ужъ само собою разумѣлось, что онъ будетъ украшеніемъ „филіальнаго чествованія".

А. П. впалъ въ мрачность. Цѣлый день съ нимъ ни о чемъ нельзя было говорить. Онъ, обыкновенно ко всему и ко всѣмъ относившійся съ добродушной терпимостью, для всѣхъ находившій извиняющія объясненія, вдругъ сдѣлался строгъ ко всему и ко всѣмъ, просто огрызался, такъ что лучше было къ нему не приставать.

Къ вечеру онъ сталъ мягче. Къ нему вернулся его обычный юморъ, и онъ отъ времени до времени прерывалъ свое молчаніе отрывочными фразами изъ какой-то невѣдомой, повидимому, рѣчи:

— „Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здѣсь тѣсной семьей..."—Потомъ, послѣ молчанія, опять:—„Наша дружная писательская семья, въ вашемъ лицѣ, глубокочтимый..."

— Что это ты?—спросилъ я.

— А это я изъ твоей рѣчи, которую ты скажешь на обѣдѣ въ честь Григоровича.

— Почему же изъ моей? Ты бы лучше изъ своей что-нибудь.

— Такъ я же завтра уѣзжаю.

— Куда?

— Въ Мелихово.

Я возмутился:

— Какъ же такъ? Григоровичъ, его письмо... Такія отношенія...

что и я долженъ буду плакать, а я этого не умѣю. Словомъ, я не оправдаю ничьихъ надеждъ. Вѣдь ты же на себѣ испыталъ, что значитъ не плакать отъ умиленія.

Тутъ А. П. имѣлъ въ виду маленькую исторію, которая произошла со мной года три раньше, когда Академія поощрила меня половинной Пушкинской преміей. Д. В. Григоровичъ, участвовавшій въ засѣданіи, оказалъ мнѣ совершенно исключительную и ужасно трогательную любезность: прямо изъ Академіи пріѣхалъ ко мнѣ, котораго къ тому же не зналъ и никогда не видалъ,—чтобы сообщить о лестномъ для меня событіи.

И что же? Я огорчилъ его. Смущенный, растерявшійся, я только и могъ пожать его руку и простыми словами, какъ умѣлъ, высказать ему благодарность. И старикъ потомъ кому-то жаловался, вспоминая, какъ въ прежнія времена писатели были отзывчивы, приводилъ извѣстный разсказъ о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Достоевскимъ...

А все то, что говорилъ Чеховъ, совсѣмъ не казалось ему шуткой. Онъ дѣйствительно испытывалъ страданіе, представляя себя героемъ нарисованной имъ сцены. И въ сущности, сцена была изображена вполнѣ правдиво. Такъ именно и должно было произойти.

И вотъ за два дня до юбилейнаго обѣда, когда изъ Петербурга была получена телеграмма, что юбиляръ пріѣдетъ, Антонъ Павловичъ уложилъ свои дорожныя вещи и уѣхалъ въ деревню, сдѣлавъ мнѣ на прощанье такого рода отвѣтственное порученіе:

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ (Таганрогъ, Чеховская улица 47), написалъ первыя свои произведенія и проживалъ во время пріѣздовъ въ Таганрогъ.

— А ты тамъ какъ-нибудь ужъ... улadь. Главное, успокой Лаврова.

Но уладить было трудно. В. М. Лавровъ чуть не заболѣлъ, когда узналъ о бѣгствѣ А. П. Самый главный кирпичъ изъ его великолѣпной постройки выпалъ, и самая постройка грозила развалиться.

Но, разумѣется, все обошлось. Григоровичъ пріѣхалъ, обѣдъ состоялся.

Я на немъ оскандалился на всю жизнь: внявъ увѣщаніямъ В. А. Гольцева, покусился на рѣчь о Чеховѣ, т.-е. о томъ, какъ онъ страстно желалъ быть на обѣдѣ, чтобы самому лично и т. д. — но болѣзнь заставила его уѣхать въ деревню. И Господь наказалъ меня за ложь.

Съ первыхъ же словъ я, никогда еще въ жизни не выступавшій съ публичными рѣчами, сбился. Я только и успѣлъ упомянуть объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ, который...

А милый старикъ, видя, должно-быть, мое затрудненіе, сейчасъ же и выручилъ меня и самъ заговорилъ о Чеховѣ, о томъ, какъ онъ открылъ его талантъ, о его письмахъ, словомъ—все то, что мы теперь такъ хорошо знаемъ.

Въ Мелиховѣ А. П., окруженный родными, велъ тихую жизнь, наполненную чтеніемъ книгъ, которыхъ выписывалъ множество, и неторопливой работой. Жили тутъ отецъ его, Павелъ Егорычъ, мать, Евгенія Яковлевна, сестра, Марья Павловна, и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ.

Но, несмотря на присутствіе въ домѣ старшихъ родныхъ, главой его былъ А. П. Во всемъ господствовали его вкусы, все дѣлалось такъ, чтобы ему нравилось.

Къ матери своей онъ относился съ нѣжностью, отцу же оказывалъ лишь сыновнее почтеніе, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. Предоставляя ему все, что нужно для обстановки спокойной старости, онъ помнилъ его „былой деспотизмъ въ тѣ времена, когда въ Таганрогѣ главой семьи и кормильцемъ былъ еще онъ. Въ иныя минуты, указывая на старика, который теперь сталъ тихимъ, мирнымъ и благожелательнымъ, онъ вспоминалъ, какъ, бывало, тотъ заставлялъ дѣтей усердно посѣщать церковныя службы и при недостаткѣ усердія не останавливался и передъ снятіемъ штанишекъ и постегиваніемъ по обнаженнымъ мѣстамъ.

Конечно, это вспоминалось безъ малѣйшей злобы, но, видимо, оставило глубокій слѣдъ въ его душѣ. И онъ говорилъ, что отецъ тогда былъ жестокимъ человѣкомъ.

И не только того не могъ простить А. П. отцу, что онъ сѣкъ его, — его, душѣ котораго было невыносимо всякое насиліе,—но и того, что своимъ односторонне-религіознымъ воспитаніемъ онъ омрачилъ его дѣтство и, вызвавъ въ душѣ его протестъ противъ деспотическаго навязыванія вѣры, лишилъ его этой вѣры.

„Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ И. Л. Щеглову: — то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ. Религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо „Да исправится“ или же „Архангельскій гласъ“, на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками.“

И далѣе, говоря о школьникахъ извѣстнаго въ то время педагога Рачинскаго: „если въ ихъ душахъ радость, то они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ“.

И хотя въ то время все это уже давно кончилось, и старикъ уже совершенно пересталъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ его жизни, а только сидѣлъ и, постоянно молясь и читая душеспасительныя книги, беззаботно доживалъ свой вѣкъ, радуясь знаменитости своего сына, и хотя А. П. относился къ нему дружески и почтительно и ни единымъ намекомъ не напоминалъ о прошломъ, но прошлое оставило слишкомъ глубокій слѣдъ въ чуткой душѣ и не было забыто.

И мнѣ всегда казалось, что къ отцу онъ относился безъ той теплоты, которая согрѣвала его отношенія къ матери, сестрѣ и братьямъ. Особенно же къ матери, которая при таганрогскомъ главенствѣ Павла Егоровича едва ли имѣла въ семьѣ тотъ голосъ, на какой имѣла право. Теперь, когда главой семьи сдѣлался А. П., она получила этотъ голосъ.

И ужъ платила она ему какой-то благоговѣйной нѣжностью. Казалось, забота о томъ, чтобы всякое желаніе А. П. было тотчасъ же, какъ по щучьему велѣнью, исполнено, составляла цѣль ея жизни. Всякая перемѣна въ его настроеніи отражалась въ ея лицѣ. Его привычки и маленькіе капризы были изучены. Ему, напримѣръ, не нужно было заявлять о томъ, что онъ хочетъ ѣсть, и пора подавать обѣдъ или ужинъ, а стоило только остановиться передъ стѣнными часами и взглянуть на нихъ. Въ ту же минуту она била тревогу, вскакивала, бѣжала на кухню и торопила все и всѣхъ.

Братья его въ то время были уже взрослые люди, и каждый занималъ опредѣленное положеніе. Старшій, Александръ Павловичъ, жилъ въ Петербургѣ, и я не имѣлъ возможности близко наблюдать его отношенія къ А. П. Другіе же, Иванъ и Михаилъ, къ которымъ онъ относился по-товарищески, помимо чисто братской привязанности, выдѣляли его, какъ главу семьи, благодаря таланту котораго скромное и дотолѣ невѣдомое имя — Чеховъ — было окружено почетнымъ ореоломъ.

Когда въ Мелихово пріѣзжали гости, которые были Антону Павловичу пріятны, онъ превращался въ заботливаго хозяина и проявлялъ самое радушное гостепріимство и главное—заботу о томъ, чтобы всѣ были сыты и хорошо спали.

Въ изданныхъ письмахъ А. П. онъ часто упоминаетъ о томъ, что я пѣлъ въ Мелиховѣ. Это правда. Музыкой и пѣніемъ въ Мелиховѣ были наполнены наши дни. Хорошая музыкантша Л. С. Мизинова, большая пріятельница А. П. и всей его семьи, садилась за рояль, я пѣлъ. А Антонъ Павловичъ обыкновенно заказывалъ тѣ вещи, которыя ему особенно нравились. Большимъ расположеніемъ его пользовался Чайковскій, и его романсы не сходили съ нашего репертуара.

Но въ письмахъ А. П. стыдливо умолчалъ о томъ, что и онъ самъ пѣлъ, — правда, не романсы, а церковныя пѣснопѣнія. Имъ научился онъ въ дѣтствѣ, когда подъ руководствомъ отца пѣлъ въ церкви.

У него былъ довольно звучный басокъ. Онъ отлично зналъ церковную службу и любилъ составлять домашній импровизированный хоръ. Пѣли тропари, кондаки, стихиры, пасхальные ирмосы. Присаживалась къ намъ и подпѣвала и Марья Павловна, сочувственно гудѣлъ Павелъ Егорычъ, а Антонъ Павловичъ основательно держалъ басовую партію.

И это, видимо, доставляло ему искреннее удовольствіе. Глядя на его лицо, казалось, что въ такіе часы онъ чувствовалъ себя ребенкомъ.

Таганрогская мужская гимназія, въ которой учился А. П. Чеховъ.

Я не знаю, какъ онъ работалъ, когда былъ одинъ. Этого, кажется, никто не зналъ. Можетъ-быть, тогда онъ сидѣлъ за столомъ, не отрываясь. Но въ тѣ дни, когда въ Мелиховѣ бывали гости, онъ почти все время былъ съ ними.

Но несомнѣнно, онъ и тогда работалъ. Творческая дѣятельность не покидала его ни на минуту. И случалось, что во время шумнаго разговора или музыки онъ вдругъ исчезалъ, но не надолго, черезъ нѣсколько минутъ онъ появлялся, и оказывалось, что въ это время онъ былъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ написалъ двѣ-три строчки, которыя сложились въ его головѣ. Такъ дѣлалъ онъ довольно часто въ теченіе дня.

Но вечеромъ, когда, около полуночи, всѣ расходились по своимъ комнатамъ, ложились въ постели, и въ домѣ потухали огни, въ его кабинетѣ долго еще горѣла лампа. Тогда онъ работалъ, какъ хотѣлъ, иногда засиживаясь долго, а на другой день вставалъ позже другихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жиганы.

(Разсказъ инженера о быломъ въ Манчжуріи).

Н. Жаринцовой.

Наступало Рождество.

Мнѣ приходилось провести его вдали отъ своихъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра, въ глуши Манчжуріи, съ партіей рабочихъ на постройкѣ желѣзной дороги отъ Пограничной въ Харбинъ.

Трудное то было время. Въ Манчжуріи, какъ извѣстно, населеніе очень смѣшанное: здѣсь и ботогоны въ своихъ мѣховыхъ шапкахъ съ опущенными наушниками, и дауры съ остроконечной бородкой, всегда въ бѣлыхъ одеждахъ, и манегры въ длинныхъ халатахъ, подпоясанные ремешками, переплетенными конскимъ волосомъ и металлическими украшеніями, орочены въ звѣриныхъ шкурахъ, чинготты, олотты, гольды и корейцы... Всѣ бродятъ по этому краю.

Для насъ, русскихъ инженеровъ, особенно затруднительно было то, что всѣ эти народы говорили на разныхъ языкахъ; и китайскіе переводчики, сопровождавшіе нашу партію, не всегда могли объясняться съ ними. Много было изъ-за этого тяжелыхъ и смѣшныхъ эпизодовъ... Одинъ разъ, напримѣръ, шаманы, культъ которыхъ соблюдается нѣсколькими изъ перечисленныхъ племенъ, распустили слухъ, что русскіе пришельцы вошли въ союзъ съ шайтаномъ и кладутъ на землю цѣпи въ знакъ того, что они поработили ее... А земля на это разгнѣвалась, и боги открыли шаманамъ, что за это она перестанетъ родить хлѣбъ. Приборы, употреблявшіеся при съемкѣ, считались орудіями шайтана для отогнанія тучъ и устройства засухи.

Но отвѣчать на подобные слухи, ожесточавшіе противъ насъ населеніе, мы не могли, не зная языка.

Однако не одни инородцы тревожили насъ. Еще труднѣе и солонѣе приходилось подчасъ отъ своихъ же соотечественниковъ—бѣглыхъ каторжниковъ или уже вышедшихъ на поселеніе—«жигановъ», какъ ихъ тамъ называютъ.

Сплошь и рядомъ, не находя работы, они начинаютъ бродяжничать и тогда уже видятъ въ каждомъ человѣкѣ на своемъ пути только добычу.

По уставу о ссыльно-каторжныхъ и поселенцахъ убійство жигана не преслѣдуется, его смерть никого не удивляетъ, и никакого слѣдователя изъ-за него не безпокоятъ. Умеръ—и концы въ воду. „Вѣдь ёнъ не человѣкъ, а жиганъ... Собакѣ—собачья и смерть"...

Съ появленіемъ русскихъ рабочихъ партій на постройкѣ Манчжурской дороги начали появляться тамъ и жиганы.

Можете себѣ поэтому представить мое настроеніе при перспективѣ длиннаго рождественскаго вечера въ глуши тайги, вдали отъ человѣческаго жилья, одному съ партіей рабочихъ.

Но дѣлать было нечего. Бросали жребій, кому изъ насъ оставаться при служебныхъ обязанностяхъ, и жребій палъ на меня; а мои болѣе счастливые товарищи разъѣхались—кто въ Харбинъ, кто въ Хабаровскъ, а кто къ семьямъ во Владивостокъ. И начальство куда-то укатило, уже безъ всякаго жребія. На то оно и начальство, а мы люди маленькіе. Да и то сказать, большинство въ партіи были люди семейные, а я бобыль-бобылемъ, ни кола ни двора. Что на мнѣ, то и при мнѣ—и весь тутъ.

Правда, въ тѣхъ краяхъ ѣздятъ въ гости, на чашку чаю, безъ всякаго приглашенія, за пятьдесятъ и за сто верстъ—въ кибиткѣ или верхомъ—какъ тутъ ѣздятъ на извозчикѣ въ другой конецъ того же города. Дѣло самое обыкновенное. И черезъ нѣсколько часовъ возвращаются во̀-время на службу. Но въ этотъ вечеръ разсчитывать на чье-нибудь подобное „вдохновеніе" было напрасно.

Бѣлыя стѣны китайской фанзы, украшенныя лишь кое-какимъ оружіемъ и нѣсколькими кастрюлями на деревянной полкѣ; сложенная изъ кирпича кана вдоль стѣны, служащая лежанкой и диваномъ, по-китайски нагрѣтая чуть не до каленія (какъ составляющая часть печи)... Правда, мы отвели по крайней мѣрѣ дымъ черезъ жестяныя трубы, такъ что не сидѣли въ немъ, какъ китайцы,—но онъ все-таки пробивался сквозь щели каны и висѣлъ въ воздухѣ то густыми, то тонкими слоями. Печь была набита черезъ наружную топку кизякомъ, но при такой системѣ развлекающаго огонька не бываетъ видно... И моему глазу оставалось отдыхать на собственной дохѣ, буркѣ, походной постели, двухъ-трехъ самодѣльныхъ табуретахъ и—къ счастью—на рядѣ любимыхъ книгъ, жавшихся на полкѣ.

На простомъ столѣ горѣла неразлучная со мною лампа Домберга; но штор не было, и сквозь стекла окна видна была бѣлая мгла метели, несшаяся, съ вѣтромъ, волнами и смерчами, между которыми иногда пробивался свѣтъ запрятанной луны. Завывалъ вѣтеръ, и трещали сосны, одиноко стоявшія на обрывахъ скалъ, жадно цѣпляясь корнями за каждый вершокъ земли, отвоеванный у скупой природы. Все кругомъ коченѣло, стонало, гудѣло и свистѣло на тысячу ладовъ, словно прося пощады,—и еще больше заставляло чувствовать одиночество и оторванность отъ всего остального міра.

Приставленные ко мнѣ для услугъ два казака, набросавъ подъ кану топлива сколько влѣзетъ, зажгли все это второпяхъ и, отпросившись, ушли въ расположенную въ полуверстѣ общую фанзу рабочихъ.

Я отпустилъ ихъ, не считая себя въ правѣ мѣшать веселью въ такой вечеръ, но отпустилъ нехотя. Кромѣ одиночества, была и другая причина. Только наканунѣ мнѣ привезли изъ Хабаровска довольно значительную сумму денегъ на продовольствіе рабочихъ, жалованье и другіе расходы.

Эти деньги немного безпокоили меня. Правда, съ рабочими мы жили дружно: несмотря на разницу въ общественномъ положеніи, я постарался сблизиться съ ними и ввести въ ихъ жизнь нѣкоторый интересъ, расширивъ ихъ кругозоръ. Моя недурная библіотека, всюду слѣдовавшая за мной, была всегда къ ихъ услугамъ. Въ ихъ внутреннемъ быту была введена полная автономія—къ великому ужасу урядника при отрядѣ казаковъ, составлявшихъ нашу охрану. Эта автономія, полное довѣріе къ лучшимъ сторонамъ характера рабочихъ и мои бесѣды съ ними заставляли ихъ подтянуться, болѣе сильныхъ помогать болѣе слабымъ и воздерживаться отъ разгула и дракъ—этихъ обычныхъ спутниковъ всякой „партіи". Все „начальство" было у рабочихъ выборное; почти всѣ инструкціи касались не того, что̀ запрещается дѣлать, а того, что̀ надо дѣлать. Всѣ внутренніе порядки устанавливались большинствомъ голосовъ, и рабочіе сами ревниво наблюдали, чтобы разъ принятое рѣшеніе соблюдалось. По общему рѣшенію накладывались штрафы и взысканія. Довольно долго пришлось провозиться съ азартными играми и спиртными напитками, но въ концѣ концовъ и то и другое удалось искоренить, и отношенія между мною, какъ завѣдывавшимъ партіей, и рабочими не оставляли желать ничего лучшаго.

Но мало ли что̀ можетъ случиться, помимо нихъ, въ такой глухой тайгѣ, по которой шатаются жиганы и вообще „темные" люди!.. И я почти раскаивался, что отпустилъ казаковъ и остался такъ далеко отъ моихъ рабочихъ—съ этой метелицей за окномъ и ящикомъ денегъ въ углу комнаты.

Было душно, жутко. Хотѣлось уюта, свѣта, веселья и радостной ласки любимаго существа. И картины, рисовавшіяся въ воспоминаніяхъ со всѣми отголосками милаго дѣтства, были такъ непохожи на окружавшую обстановку и въ то же время такъ ярки; что, подымая тяжелую голову, приходилось прищуриваться и вглядываться, чтобы увидѣть дѣйствительность.

Метель гудѣла все сильнѣе и сильнѣе, словно стараясь заглушить мои „старомодныя" сожалѣнія, мечтанія и бросаемые судьбѣ вопросы... Но мнѣ чудилось въ ея стенаніяхъ что-то общее съ моимъ настроеніемъ; мнѣ слышалось, что и она ищетъ, ждетъ чего-то и мечется въ безсиліи разгадать стоящаго передъ нею сфинкса жизни, смыслъ всего сущаго...

Вдругъ все это настроеніе было сорвано: въ окна мелькнулъ блескъ фонаря—и исчезъ, какъ молнія.

Кто бы это могъ быть?.. Не вѣстовые же воротились такъ рано. Или, можетъ-быть, что-нибудь случилось?..

Я подошелъ къ двери и въ ту секунду, какъ хотѣлъ открыть ее, услышалъ снаружи громкій стукъ.

— Кто тамъ?

— Мы... Пахомовъ и Заремба, то-ись, до вашей милости...

Я открылъ дверь. Снѣжный вихрь и стужа ворвались въ комнату такъ же непривѣтливо, какъ непривѣтливы были лица вошедшихъ. Высокіе, коренастые, съ широкими скулами и маленькими, бѣгавшими по сторонамъ, глазками, эти двое изъ партіи рабочихъ были, несмотря на мое одиночество, наименѣе желанными гостями: оба были изъ жигановъ и поступили къ намъ всего двѣ недѣли тому назадъ; оба пришли съ золотыхъ пріисковъ, наиболѣе развращающимъ образомъ дѣйствующихъ на рабочихъ. Я сначала не хотѣлъ даже принимать ихъ на работы. Но убогій видъ ихъ и жалкое выраженіе на грубыхъ лицахъ говорили, что они давно уже „стрѣляютъ", т.-е. бродятъ безъ работы, питаясь чѣмъ попало,—и, скрѣпя сердце, я пріютилъ ихъ.

— Такъ что, ваше бродь, рабочіе говорятъ, книжки у васъ

есть интересныя... Намъ бы насчетъ этого самаго социлизма, да позадушевнѣе, чтобы слеза прошибла.

Книгъ о соціализмѣ, которыя вызвали бы слезы, у меня не было. Кромѣ того, я видѣлъ, что оба пришельца сильно пьяны, и потому имъ не до серьезнаго чтенія.

Первой моей мыслью было велѣть имъ уйти, но я сейчасъ же раздумалъ: пьяные легко раздражаются, ихъ двое, дома никого нѣтъ... Стрѣлять въ нихъ не хотѣлось, вступать въ рукопашную тоже... И мнѣ пришло въ голову, что, давъ книгу, можно будетъ уговорить ихъ уйти совершенно спокойно. Поэтому я замѣтилъ:

— Если хотите, такъ вотъ посмотрите тутъ сами,—и подвелъ ихъ къ полкѣ, хотя сильно сомнѣвался, въ состояніи ли они разглядѣть и выбрать что-нибудь сами.

Поискавъ на полкѣ, рабочіе ничего подходящаго не нашли, но взоръ ихъ привлекла лежавшая на столѣ книга Джерома въ красивомъ кожаномъ переплетѣ, только-что полученная мною въ подарокъ отъ одного друга изъ Петербурга.

— „Трое въ одной лодкѣ, кромѣ собаки...“ Это что̀ такое, ваше бродь?.. Должно-быть, занятное. Дозвольте посмотрѣть.

Рабочіе стали внимательно разсматривать картинки.

— Такъ что Темзу, это мы знаемъ... рѣка такая аглицкая. Кажись, не то Парижъ, не то Лондонъ на ней стоитъ. Семка-матросъ сказывалъ, а Семка-матросъ все знаетъ, вездѣ бывалъ!..

Мои посѣтители пустились-было наперерывъ разсказывать Семкины похожденія, но я ихъ перебилъ, сказавъ, что книжки этой сейчасъ дать не могу, такъ какъ самъ ее читаю. Но, съ упрямствомъ пьяныхъ людей, они не хотѣли объ этомъ и слышать.

Видя ихъ интересъ и не желая вызвать вмѣсто него раздраженіе, я предложилъ прочесть имъ нѣсколько отрывковъ вслухъ, надѣясь, что къ тому времени вернутся мои вѣстовые, и тогда можно будетъ выпроводить непрошенныхъ гостей.

Рабочіе почесали въ затылкѣ, переглянулись, постояли нѣсколько секундъ въ нерѣшительности... Я уже думалъ, что они уйдутъ, какъ вдругъ старшій изъ нихъ, Заремба, словно что-то понявъ, тряхнулъ головой и замѣтилъ:

— Если ваше бродь окажете милость!.. А мы ничего... мы такъ, то-ись... посидимъ маленько, да и до хаты... Дозвольте, ваше бродь?..

Онъ распахнулъ полушубокъ, но не снялъ его и присѣлъ къ столу. Другой послѣдовалъ его примѣру.

Мнѣ оставалось только сѣсть за книгу. Вышло такъ, что пьяные жиганы оказались между мною и дверью, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю. Да можетъ-быть, они и случайно такъ сѣли... Въ крайнемъ случаѣ—на стѣнѣ висѣло ружье, хотя я и зналъ, что стрѣлять врядъ ли рѣшусь.

„Самое плохое, что сундучокъ съ деньгами въ другомъ углу комнаты!“—невольно подумалъ я и сейчасъ же отогналъ прочь эту мысль: „Какое право имѣлъ я подозрѣвать моихъ гостей? Ну, напились ради праздника, это такъ; но отсюда до грабежа—дистанція огромнаго размѣра“.

Я открылъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ читать.

— Вы говорите, что знаете Темзу... Такъ вотъ, три молодыхъ англичанина собрались на эту рѣку на прогулку, на цѣлыхъ двѣ недѣли, какъ это тамъ у нихъ дѣлается. Одинъ изъ нихъ былъ выбранъ товарищами „провіантмейстеромъ“ и началъ укладываться...

И я началъ читать потѣшную сцену укладки, переходящую въ исторію со „спѣлыми“ сырами.

— Это значитъ, съ душкомъ, ваше бродь? Это мы, то-ись, понимаемъ! Занятно написано... Все одно, что̀ баба съ селедкой: какая расфуфыристая ни будь, за версту отъ нея убѣжишь!—и оба расхохотались пьянымъ смѣхомъ.

Я продолжалъ читать. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше они закатывались хохотомъ—въ особенности къ концу исторіи, гдѣ разсказывается, что сыры пришлось вырыть изъ земли на кладбищѣ и зарыть въ песокъ на морскомъ берегу, такъ какъ иначе отъ нихъ невозможно было отдѣлаться.

— Значитъ, самимъ покойникамъ не по вкусу пришлось, ихній духъ перебило!..—загоготали мои гости, раскачиваясь и утирая слезы пьянаго смѣха.

Я пропустилъ нѣсколько страницъ, выбирая наиболѣе занимательныя для нихъ.

— Читай, ваше бродь! Подрядъ читай!.. Мы выпили, это точно, но все понимать можемъ. Вотъ воды холодной выпьемъ и совсѣмъ будемъ молодца...

Жиганы выпили изъ кадки два полныхъ ковша воды, обтерли водой лица и устремились снова къ столу.

— Теперь мы совсѣмъ въ аккуратѣ. Читай, ваше бродь!

Понемногу ихъ лица дѣлались сознательнѣе, пьяный тонъ смѣха исчезъ. Водворилась тишина, нарушаемая лишь моимъ чтеніемъ и, по временамъ, замѣчаніями слушателей.

— Мастакъ, одно слово, мастакъ!.. И востеръ же этотъ Джеромъ расписывать, нелегкая его побери!.. Какъ это онъ ловко насчетъ этихъ самыхъ пьяницъ, что̀ въ кровать другъ къ дружкѣ ногами полегли и одинъ другого повытолкали!.. Извѣстно, что пьяному море по колѣно.

Часы тикали, время шло. Одинъ изъ жигановъ облокотился на столъ, жадно впившись въ книгу глазами. Другой откинулся на спинку стула и, затягиваясь трубкой, которую закурилъ съ моего разрѣшенія, меланхолично задумался. Я инстинктивно читалъ все лучше и лучше, совершенно забывъ опасенія о сундукѣ съ деньгами и безсознательно втягиваясь въ странный аккордъ...

— А что̀, этотъ Джеромъ изъ господъ будетъ или изъ нашего брата?—спросилъ вдругъ Пахомовъ.

— Извѣстно, изъ господъ. Вишь, они пироговъ, да яблоковъ, да варенья накупили. Просто баловаться, значитъ, по рѣкѣ поѣхали.

— Извѣстно, господа: имъ жисть легкая, не то что̀ нашему брату... Живешь, маешься, а потомъ протянешь ноги гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ собака, или въ тайгѣ звѣри съѣдятъ... Да и самъ человѣкъ словно въ звѣря превращается, мохомъ обрастаетъ... Вонъ хотя бъ сегодня, какая ночь-то!.. Всѣ другіе вмѣстѣ, тары-бары разводятъ, веселятся, а жигану нигдѣ мѣста нѣтъ. Рабочіе—наша же черная кость—а и тѣ, небось, въ компанію не примутъ... Да и мы тоже хороши... чего въ такую ночь задумали...

— Молчи, червь, тля полосатая!—оборвалъ Заремба изліянія товарища и, насупивъ брови, отчего его обвѣтренное лицо приняло прямо звѣрское выраженіе, вдругъ рѣшительно заявилъ: — Читайте, ваше бродь. Очинно антиресная книжка.

Я въ недоумѣніи взглянулъ на обоихъ моихъ слушателей. Что̀ они задумали? Зачѣмъ остались и сидятъ настойчиво здѣсь, вмѣсто того, чтобы итти въ общую избу? Дѣйствительно ли ихъ такъ заинтересовала книжка, или у нихъ что-нибудь скрытое на умѣ?

До возвращенія вѣстовыхъ оставался почти цѣлый часъ. Я посмотрѣлъ въ окно. Буря начала улегаться. Луна пробилась-таки и висѣла въ небѣ яркимъ дискомъ, уже хладнокровная къ уносившимся остаткамъ тучъ.

— Читайте, ваше бродь!—еще настойчивѣе повторилъ Заремба.

Я еще разъ внимательно оглядѣлъ ихъ обоихъ, невольно придвинулся ближе къ углу, гдѣ висѣло ружье, потомъ рѣшительнымъ движеніемъ приблизилъ книгу къ лампѣ и продолжалъ.

Прошло четверть часа. Время точно вдругъ остановилось. Какія-то тѣни протянулись черезъ комнату и легли на противоположную стѣну странными узорами.

Пахомовъ жадно сосалъ трубку и какъ-то сосредоточенно молчалъ. На лбу у Зарембы выступили крупныя капли пота, и видно было, что въ немъ происходила напряженная работа мысли.

— Вы бы сняли полушубки, вѣдь жарко,—замѣтилъ я.

— Ничего, и такъ посидимъ. Читай, ваше бродь!—почти повелительно повторилъ Заремба.

Мое настроеніе читать уже упало къ этому времени. Странное упорство моихъ гостей и вообще что-то напряженное во всей атмосферѣ, словно физически висѣвшее въ комнатѣ, совершенно парализовало для меня интересъ чтенія.

— Вотъ это ладно!—вдругъ воскликнулъ Пахомовъ, когда я прочиталъ эпизодъ о дарованіи Хартіи вольностей.—Вотъ кабы намъ такъ! Рабочему люду сразу легче бы стало.

— Молчи ты, мозглякъ, не твоего ума дѣло!—снова перебилъ Заремба.—Чего читать мѣшаешь?..—И такъ свирѣпо посмотрѣлъ на своего товарища, что у меня невольно мурашки пробѣжали по тѣлу и началъ усиленно биться пульсъ.

Отчего онъ разсвирѣпѣлъ?.. Впрочемъ, на всякій случай, у меня есть револьверъ—тамъ, на полкѣ, подъ книгами... Я бросилъ быстрый взглядъ на полку.

Револьвера тамъ не было.

Мой взглядъ, вѣроятно, не укрылся отъ жигана:

— Не слушайте его, ваше бродь! Я ужо ему накостыляю. Продолжайте. Очинно занятная книжка.

До прихода вѣстовыхъ оставалось еще полчаса. А вдругъ они загуляютъ?..

Я уже не сомнѣвался, что мои гости что-то замышляютъ—иначе револьверъ былъ бы на мѣстѣ. Я отлично помнилъ, что, возвратясь съ прогулки, положилъ его туда. Очевидно, онъ исчезъ въ первыя же минуты появленія рабочихъ, когда они выбирали книгу на полкѣ. Правда, есть ружье,—но его еще надо было зарядить...

Но дѣлать было нечего. Я подавилъ волненіе и голосомъ, которому постарался придать безпечность, принялся снова читать. Но съ буквами, словами и строчками что-то словно случилось: онѣ прыгали и летѣли куда-то, какъ бѣшеныя... Я едва поспѣвалъ за ними... Въ вискахъ стучало... Я читалъ однотонно, безъ удержу, залпомъ—лишь бы разглядѣть и не сбиться!—останавливаясь на мгновеніе лишь тогда, когда уже совершенно не хватало дыханія.

Лица слушателей были передо мной какъ будто въ туманѣ. Я уже не могъ ясно наблюдать за ними. Сквозь туманъ только изрѣдка вспыхивало пламя трубки Пахомова и рисовались впившіеся въ край стола кривые пальцы Зарембы.

Не знаю, сколько времени прошло въ этой кошмарной волнѣ, словно уносившей меня въ какихъ-то тискахъ.

Вдругъ Заремба ударилъ кулакомъ по столу и вскочилъ.

Чтеніе оборвалось на полусловѣ. Еще не очнувшись, я уставился на жигана.

— Довольно, ваше бродь. Уважили. Хорошій этотъ твой Джеромъ, а только будетъ теперь. Слышно, народъ идетъ... пѣсни поютъ.

Я прислушался. Издалека дѣйствительно доносилась не то пѣсня, не то гармоника, но такъ слабо, что только изощренный слухъ жигана могъ поймать звуки, несмотря на мое чтеніе.

Такъ что̀ жъ! очнулся я: — идутъ съ пѣснями, такъ и мы къ нимъ пойдемъ.

— Нѣтъ, намъ съ ними не рука. Дороги разныя... Давай по красненькой... Мы, значитъ, расчетъ просимъ и сейчасъ уйдемъ.

— Куда? Зачѣмъ?

— Дѣло есть. Говорю, давай по красненькой! Вѣдь, чай, работали.

— Для этого вы и пришли? Отчего же сразу не сказали?

— Некогда тутъ разговаривать! — перебилъ Зaремба пытавшагося что-то отвѣтить Пахомова. Пришли для того, чтобы ограбить тебя,—вотъ и все тутъ. Для того и къ партіи примкнули и двѣ недѣли сторожили, потому знали, что къ празднику долженъ деньги получить. Ну, а теперь, ваше бродь, скорѣй подавай деньги! Намъ съ народомъ встрѣчаться нечего!

Я вытряхнулъ на столъ изъ кошелька все содержимое, около тридцати рублей, и придвинулъ ихъ къ жиганамъ.

— Не надо столько. Сказано, заработали по красненькой—ее и возьмемъ.— И Заремба отсчиталъ двадцать рублей.—Вотъ только книжку давай, безъ книжки не уйдемъ. Твое счастье, что книжка хорошая попалась, а то порѣшили бы тебя.— И онъ спокойно сунулъ книгу въ карманъ. Ну, вотъ и все теперь. Желаемъ здравствовать.

Онъ сильно потянулъ за рукавъ товарища, все еще пытавшагося выговорить что-то, и черезъ секунду оба исчезли за дверью.

Да и пора было. Пѣсня докатилась почти до моей фанзы, со смѣхомъ и говоромъ въ перемѣшку...

Ея Величество Королева Румынская Елисавета (извѣстная своими литературными работами подъ псевдонимомъ „Карменъ Сильва") встрѣчаетъ Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыню Императрицу Александру Θеодоровну и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, выходящихъ съ Императорской яхты „Штандартъ".

Его Величество Король Румынскій Карлъ и Ея Величество Королева Елисавета вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Наслѣднымъ Принцемъ Фердинандомъ и Наслѣдной Принцессой Маріей и Августѣйшимъ сыномъ Каролемъ (недавними гостями Россіи) привѣтствуютъ Августѣйшихъ Гостей.

Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Θеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны Ольга, Татіана, Марія и Анастасія Николаевны въ моментъ прибытія Императорской яхты „Штандартъ" въ румынскій портъ Констанцу.

Высочайшее посѣщеніе г. Констанцы (въ Румыніи) Ихъ Императорскими Величествами и Ихъ Императорскими Высочествами 1 іюня с. г.

Я стоялъ, какъ ошеломленный. Черезъ минуту въ дверяхъ появились вѣстовые:

— Такъ что позволите доложить, ваше благородіе, рабочіе пришли колядовать. Дозвольте впустить.

Черезъ нѣсколько дней жигановъ подобрали, замерзшихъ въ пьяномъ видѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей стоянки. Въ карманѣ у Пахомова былъ мой револьверъ, а у Зарембы—книга.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ нумерѣ мы продолжаемъ знакомить нашихъ читателей съ послѣдней Весенней выставкой въ Академіи Художествъ. Прежде всего здѣсь обращаютъ на себя вниманіе своеобразныя произведенія скульптора М. Блоха съ его характерными и рѣзкими фигурами первобытнаго человѣка, нашедшаго *„кладъ"*, и разнѣжившихся обезьянъ—*„Идиллія"*. Много жизни и энергіи и въ скульптурной группѣ С. Исакова *„Охота"*.

Изъ картинъ отмѣтимъ цѣлый рядъ жанровыхъ сценъ: *„Базаръ въ старомъ городѣ"* А. Лаховскаго—пестрая картина базарнаго незатѣйливаго торга въ провинціальномъ городкѣ. Далѣе, группа ребятишекъ, купающихся въ морѣ и въ солнечномъ свѣтѣ: *„Надъ моремъ"* Е. Чепцова, изящная фигурка молодой швейки *„За работой"* П. Мацкевича, уголокъ дѣтской съ забавными фигурками дѣвочки и ея куколъ—*„Кукла"* К. Мюнцеръ-Нейманъ, кокетливыя женщины въ старинныхъ платьяхъ—*„Кокетки"* Л. Мардеросова и наконецъ трогательная и живая сцена изъ итальянской жизни—*„Поминальный день во Флоренціи"* И. Дряначенко. Тотъ, кому приходилось бывать на итальянскихъ кладбищахъ съ ихъ художественной, необыкновенно продуманной и прочувствованной надмогильной скульптурой и съ ихъ нѣжнымъ и трогательнымъ культомъ умершихъ, тотъ найдетъ въ картинѣ Дряначенко характерныя черты итальянскаго „Campo santo": бѣлѣютъ памятники и мраморные столбы оградъ, тускло краснѣетъ пламя лампадъ и свѣчей подъ стеклянными колпаками, зеленѣетъ листва вѣнковъ—и надъ могильными плитами усопшихъ людей склоняются въ день поминовенія пережившіе ихъ родные...

Изъ пейзажей, появившихся на Весенней выставкѣ, мы воспроизводимъ въ настоящемъ нумерѣ „Нивы" поэтическій *„Порывъ"* А. Кайгородова, *„По слѣду"* С. Колесникова, *„Сѣрую тучу"* Е. Столицы и *„Весной"* П. Владимірова. Въ каждой изъ этихъ картинъ чувствуется жизнь природы въ ея различныхъ проявленіяхъ и настроеніяхъ.

Совершенно своеобразное впечатлѣніе производитъ фантастическій эскизъ Н. Шестопалова *„Элегія"*: въ причудливомъ рисункѣ линій, въ задумчивой сказочности пейзажа, въ грустно склоненной женской фигурѣ чувствуется музыка, словно въ красивомъ стихотвореніи.

Недавно исполнилось 35-лѣтіе художественной дѣятельности извѣстнаго художника Ю. Ю. Клевера. Кисти талантливаго пейзажиста принадлежитъ цѣлый рядъ интересныхъ по колориту и эффектныхъ картинъ, въ которыхъ живо возстаетъ предъ нами вѣчно-прекрасная и вѣчно-разнообразная природа. Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала мы воспроизводимъ одинъ изъ послѣднихъ пейзажей Ю. Ю. Клевера—*„Золотая осень"*. Въ этой картинѣ талантъ художника сказался всѣми своими типичными сторонами и чертами: рѣдкой колоритностью, жизненностью, красотою рисунка.

День „бѣлаго цвѣтка" въ Крыму. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Августѣйшими Дочерью и Сыномъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, продаютъ въ Ливадіи бѣлый цвѣтокъ въ пользу „Лиги борьбы съ бугорчаткою". По фот. Запунниди въ Ялтѣ.

Закрытіе думской сессіи.

(Вопросы внутренней жизни).

Зимняя сессія Гос. Думы, омраченная рядомъ рѣзкихъ конфликтовъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, закончилась несравненно болѣе мирно и счастливо, чѣмъ можно было ожидать, судя по зловѣщимъ слухамъ, распространяемымъ органами реакціонной печати. Послѣ обостренныхъ споровъ по смѣтамъ наименѣе популярныхъ вѣдомствъ—Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія—обсужденіе бюджета пошло ускореннымъ темпомъ и закончилось вполнѣ своевременно, не внося никакой задержки въ дѣятельность государственнаго механизма. Въ закрытомъ засѣданіи были приняты усиленныя ассигновки на флотъ и армію, долженствующія поставить нашу военную оборону на уровень тѣхъ рессурсовъ, которыми располагаютъ наши западные сосѣди. Партійная рознь не нарушила единства патріотическаго порыва, соединившаго голоса почти всѣхъ думскихъ фракцій въ принятіи колоссальныхъ расходовъ, необходимыхъ для защиты нашихъ границъ. Грандіозныя вооруженія Германіи и Австро-Венгріи сдѣлали неизбѣжными и для насъ соотвѣтствующія затраты на флотъ и армію. Въ общемъ итогѣ довольно оппозиціонно настроенная Гос. Дума оказалась на

высотѣ своего патріотическаго долга. Обнаруженная ею политическая зрѣлость нашла справедливую оцѣнку въ Высочайшей телеграммѣ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ: „Поручаю вамъ,—сообщалось въ Монаршемъ посланіи:—передать Государственной Думѣ изъявленіе Моего искренняго удовольствія по поводу принятаго Думою патріотическаго постановленія объ отпускѣ средствъ на усовершенствованіе обороны государства.

НИКОЛАЙ".

Милостивыя слова Государя Императора по тону своему представляютъ разительный контрастъ съ тѣми рѣчами, съ которыми обращались къ высшему законодательному учрежденію имперіи нѣкоторые изъ министровъ, и которыя дали основаніе обществу предполагать о какой-то принципіальной враждѣ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Правительство и народное представительство могутъ враждовать лишь постольку, поскольку не подчиняютъ своихъ стремленій общенаціональнымъ цѣлямъ и высшимъ народнымъ интересамъ, но какъ только обращаются сердцемъ къ заботамъ о родинѣ, вымышленная вражда и выдуманный антагонизмъ тотчасъ же смѣняются чувствомъ взаимной солидарности и полнаго патріотическаго единства. Отрадно видѣть, что полная тревогъ и борьбы думская сессія закончилась такимъ примирительнымъ аккордомъ. Онъ разгоняетъ зловѣщія опасенія и открываетъ въ будущемъ свѣтлыя и широкія перспективы дружной совмѣстной работы на благо отечества. Именно реальные интересы отечества и въ вопросахъ мирнаго преуспѣянія и въ вопросахъ военной подготовки требуютъ самаго строгаго контроля народнаго представительства надъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ употребленіемъ ассигнованныхъ на военныя нужды сотенъ милліоновъ рублей. Хотя для войны нужны деньги и деньги, но сами по себѣ онѣ еще не даютъ побѣды. За десятилѣтіе передъ войной съ Японіей Россія затратила на постройку военнаго флота и подготовку арміи цѣлые милліарды, неизмѣримо больше, чѣмъ затратила на подготовку своей арміи и флота нищенски бѣдная Японія, но преизбытокъ затратъ не спасъ насъ отъ пораженій ни на сушѣ ни на морѣ. Если народное представительство проявило свой патріотизмъ въ щедромъ и безпрекословномъ ассигнованіи на военныя нужды, то и высшая военная власть обязана проявить свой патріотизмъ въ разумномъ использованіи ассигнованныхъ милліоновъ именно на нужды государственной обороны, въ подъемѣ своей патріотической организаціонной работы, которая гарантируетъ Россію отъ повторенія пережитаго ужаса.

Сараевская драма.

(Политическое обозрѣніе).

Престарѣлаго австрійскаго императора Франца-Іосифа, пережившаго такъ много потрясающихъ семейныхъ драмъ, поразилъ новый ударъ судьбы: наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его супруга были убиты въ столицѣ аннексированной Австріею Босніи юнымъ фанатикомъ-гимназистомъ изъ боснійскихъ сербовъ. Покойный эрцгерцогъ пользовался репутаціей непримиримаго врага сербской народности: еще при жизни императора Франца-Іосифа онъ умѣлъ использовать все свое быстро возраставшее вліяніе во вредъ всему славянству и Россіи. Тѣмъ не менѣе въ лицѣ почившаго врага справедливость обязываетъ почтить человѣка, обладавшаго необычайной активностью, выдающейся энергіей и инціативой. Еще не облеченный властью, онъ уже направлялъ весь ходъ австрійской политики, вдохновлялъ австрійское и венгерское правительства на систематическое преслѣдованіе славянства, подготовлялъ армію и флотъ къ рѣшительной борьбѣ и съ ненавистной Сербіей и съ грозной Россіей. Въ его сердцѣ зрѣли широкіе и смѣлые до безумія планы, угрожавшіе гибельной катастрофой прежде всего его собственной родинѣ. Онъ сочеталъ въ себѣ

Ставшій Наслѣдникомъ австро-венгерскаго престола, послѣ злодѣйски убитаго 15 іюня с. г. въ Сараевѣ Эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эсте, внучатный племянникъ императора Франца-Іосифа и племянникъ убитаго (сынъ покойнаго его брата, Оттона), Его Высочество Эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Іосифъ (27 лѣтъ) съ Супругой Эрцгерцогиней Зитой Принцессой Бурбонской (22 лѣтъ) и дѣтьми: сыномъ—будущимъ наслѣдникомъ престола Францемъ-Іосифомъ-Оттономъ (2-хъ лѣтъ) и дочерью — Эрцгерцогиней Адельгейдой.

Къ убійству австро-венгерской наслѣдной четы въ Сараевѣ, въ Босніи, 15 іюня с. г. Ихъ Высочества Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте и его Супруга, Герцогиня Софія Гогенбергъ въ кругу Своей семьи: старшей дочери—принцессы Софіи и сыновей—принца Максиміліана-Карла и принца Эрнеста.

безпокойный и предпріимчивый духъ съ какой-то почти истерической нервностью и порывистой, женственной неразсчетливостью. Богато одаренный, типичный неврастеникъ въ политикѣ, онъ положилъ починъ многимъ широкимъ и рискованнымъ начинаніямъ въ родѣ, напримѣръ, созданія такъ называемаго Мазепинскаго движенія, но едва ли былъ въ силахъ довести ихъ до благополучнаго конца. Безразсудный даже въ рыцарскомъ чувствѣ храбрости, онъ смѣло явился въ самый центръ враждебнаго лагеря и послѣ брошенной въ его автомобиль бомбы продолжалъ ѣхать по узкимъ улицамъ Сараева, безъ всякихъ предосторожностей подставляя свою грудь подъ выстрѣлы фанатиковъ. Славянство должно признать, что его врагъ почилъ славною смертью храбраго воина. Считая крайне опаснымъ для всей Европы и элементарно ошибочнымъ все направленіе покойнаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, мы не можемъ не роздать должной дани почтенія его кипучей энергіи и не можемъ не выразить глубокаго сочувствія личному горю маститаго императора, которому суждено было быть свидѣтелемъ опустошенія всего императорскаго дома. Исторія почти не знаетъ участи, болѣе трагичной. Лично маститый монархъ пользуется горячей любовью всѣхъ своихъ подданныхъ, въ томъ числѣ и славянъ, получавшихъ за время его долголѣтняго царствованія не мало вынужденныхъ уступокъ своимъ справедливымъ требованіямъ. Императоръ Францъ-Іосифъ понимаетъ, что нельзя благополучно править страной, подавляя національныя права значительнаго большинства ея населенія, и потому всегда держался примирительной политики и видѣлъ себя вынужденнымъ передать власть наслѣднику съ неуравновѣшенно-агрессивнымъ темпераментомъ. Самое существованіе Австріи и царствующей австрійской династіи тѣсно связано съ возможностью примиренія со славянствомъ. Будемъ надѣяться, что тяжелыя раны, нанесенныя въ разгаръ внутренней борьбы, скоро заживутъ, горе забудется, и, вернувшись въ колею благоразумной примирительной политики, многоплеменная Австрія найдетъ при новомъ престолонаслѣдникѣ — молодомъ эрцгерцогѣ Карлѣ-Францѣ-Іосифѣ тотъ миръ и то спокойствіе, которые могутъ дать государству только справедливое отношеніе власти къ человѣческимъ и національнымъ правамъ всѣхъ народовъ.

Ю. М. Шокальскій. (Портр. на этой стр.)

Среди современныхъ выдающихся географовъ крупной извѣстностью пользуется генералъ-лейтенантъ Юлій Михайловичъ Шокальскій, ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи и Женскаго Педагогическаго Института, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, редакторъ журнала „Спасаніе на водахъ“.

Извѣстный географъ генералъ-лейтенантъ Ю. М. Шокальскій, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, почетный (honoris causa) докторъ физической географіи Императорскаго Новороссійскаго университета. По фот. К. Булла.

Ю. М. Шокальскій родился въ 1856 году. Образованіе онъ получилъ въ Морскомъ училищѣ и въ Николаевской Морской Академіи, въ которой онъ блестяще окончилъ курсъ въ 1880 году. Будучи спеціалистомъ по гидрографіи, онъ началъ свою служебно-ученую дѣятельность въ Главной Физической обсерваторіи, гдѣ завѣдывалъ отдѣленіемъ морской метеорологіи. Въ 1890 году Ю. М. Шокальскому было поручено произвести гидрографическое изслѣдованіе и съемку нашихъ сѣверныхъ рѣкъ — Сѣверной Двины, Сухоны и др. Блестяще выполнивъ это порученіе, Ю. М. Шокальскій заинтересовался нашимъ сѣверомъ и его водными путями и сталъ изучать и изслѣдовать морской путь изъ Европы въ Сибирь. Результатомъ этого изслѣдованія явился солидный трудъ, напечатанный въ „Морскомъ Сборникѣ“ и создавшій автору почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Затѣмъ Ю. М. Шокальскій много потрудился надъ изслѣдованіемъ Ладожскаго озера и Сѣвернаго Ледовитаго океана. Изъ трудовъ его извѣстны: „Океаны“, „Охотское море“ и др. Изслѣдовалъ онъ полярныя страны и южнаго полушарія и въ этой области далъ много новаго и поучительнаго.

Слѣдуетъ отмѣтить труды Ю. М. Шокальскаго въ области картографіи: его гипсометрическія карты Европейской Россіи и рельефная карта странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ 60 градуса сѣверной широты. Крупный вкладъ въ науку представляетъ редактированіе Ю. М. Шокальскимъ „Большого Всемірнаго Настольнаго Атласа Маркса“, единственнаго въ Россіи изданія, начатаго подъ редакціей покойнаго профессора Э. Ю. Петри и законченнаго подъ редакціей Ю. М. Шокальскаго. Съ 1882 года онъ состоитъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ теченіе цѣлыхъ семнадцати лѣтъ онъ былъ въ немъ секретаремъ отдѣленія физической географіи, а съ 1902 года занималъ въ томъ же отдѣленіи должность помощника предсѣдателя, а затѣмъ и предсѣдателя.

Въ нынѣшнемъ году Ю. М. Шокальскій избранъ на освободившійся за смертью П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго высокій научный постъ вице-президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а затѣмъ удостоенъ рѣдкаго академическаго отличія — единогласно избранъ почетнымъ докторомъ физической географіи Новороссійскаго университета (въ Одессѣ).

Нынѣшній годъ — годъ блестящаго признанія отечественной наукой выдающихся заслугъ Ю. М. Шокальскаго — застаетъ почтеннаго ученаго въ полномъ расцвѣтѣ его силъ и энергіи, и можно надѣяться, что талантливый ученый подаритъ русской наукѣ еще много блестящихъ трудовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за **„Ниву“** сего 1914 г., къ 1 іюля слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 5-го іюля — съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 15“.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл.** просп., № 29. Изд. **Т-ва А. Ф. Марксъ,** СПБ. … № 22.

Самое лучшее, что я пробовала. Это подарокъ каждому больному.

Г-жа Станкова пишетъ: „Кефалдолъ-Сторъ таблетки избавили меня отъ мигрени и ревматическихъ страданій въ ногахъ. Это истинный подарокъ для каждаго больного“.

Это сказано вполнѣ ясно. Если Вы страдаете и сдѣлаете то же, что сдѣлала г-жа Станкова, Вы получите такое же облегченіе отъ ревматизма и головныхъ болей. Кефалдолъ-Сторъ дѣйствуетъ также прекрасно отъ подагры, ишіаса и невралгіи. Если Вамъ нужно, совѣтуемъ взять его у Вашего аптекаря немедленно. 3098

Письмо сапожнаго подмастерья.

Мое пьянство довело меня до болѣзни и нищеты. Я былъ извергомъ, мучилъ семью и не владѣлъ собою, за то, какъ я счастливъ теперь, что избавился отъ своего пагубнаго порока. Моя жена прочитала въ газетѣ о средствѣ и купила въ аптекѣ коробку „Ситровинъ-Эмбрей“. Послѣ первыхъ пріемовъ я сталъ чувствовать отвращеніе къ вину и пиву, а теперь въ ротъ не беру. Я далъ изъ своей коробки немного товарищу, страдавшему запоемъ. Онъ готовъ былъ цѣловать мнѣ руки за перемѣну, которая съ нимъ произошла. Такіе блестящіе результаты даетъ настоящій „Ситровинъ-Эмбрей“. Остерегайтесь поддѣлокъ. 3099

Специальное заведеніе для устройства и перестройки **крахмальныхъ, паточныхъ,** декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ

В. Г. УЛАНДЪ,

об. съ огр. отв. 3001 16-2

Лейпцигъ-Голисъ.

Проспекты высылаются безплатно.

НЕ ЗАПУСКАЙТЕ НИКОГДА ПРОСТУДЫ

НО ПРИНИМАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО

ГРИЗАНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ

при **КАШЛѢ, ХРИПОТѢ, КАТТАРРАХЪ** вообще при **ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ и ГОРЛОВЫХЪ ОРГАНОВЪ.**

ТРЕБУЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЯ Д-ра ГОММЕЛЯ.

2168 11-3

ГРЫЖА.

Всѣ страдающіе грыжей должны прочесть новое изданіе книги извѣстнаго парижскаго спеціалиста **А. Клавери:**

„КАКЪ ЛѢЧИТЬ ГРЫЖУ“.

Въ этой научной книгѣ изложенъ драгоцѣнный способъ, какъ быстро и вѣрно можно устранить боли и всѣ непріятности, сопровождающія появленіе грыжи. Текстъ иллюстрированъ многочисленными анатомическими рисунками, которые наглядно показываютъ всѣ стадіи развитія этой мучительной болѣзни.

Чтеніе этой книги укажетъ больнымъ, какъ легко и просто можно получить немедленное облегченіе и скорое избавленіе отъ тягостной болѣзни.

Книга высылается за 2 7-ми копеечныя марки. 3096

А. КЛАВЕРИ: Москва, Петровка, д. 8, отд. 525.

Мин. Торг. и Пр.

ПЕТРОГРАДСКІЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

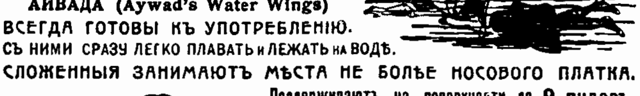
Пет. ст., Большой пр., 40—61.
Тел. 615-37.

Широкая программа. Льготн. разср. Полная подгот. для практич. бухг. и комм. дѣят. и на право препод. спец. предм. въ комм. учебн. зав. Въ тек. уч. г. обучалось обоего п. 454 душ. Общежитіе. Аттест. Рекоменд. на мѣста. Просп. безпл. Пріемъ на ост. вак. лѣтн. курса и осенняго продолж. Съ осени открыв. отдѣленія курсовъ въ Тифлисѣ и Одессѣ. Обр. вним., рѣдко публик. 3074 2-1

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings)

ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.
СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.



Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.
Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
Складъ у **И. ГЛАЗУНОВА,** Москва, Столешниковъ, № 8.

2980 9 6

Лѣчебная соль **АРТИСАЛЬ**

Эмсъ, Виши, Карлсбадъ, Вильдунгенъ и др. По составу и лѣчебному дѣйствію не отличаются отъ натур. водъ. Весьма практичны, удобны и дешевы. Продажа въ аптекахъ и лучш. апт. магаз.

18-17 2563

Велосипеды и мотоциклетки „ВАТ“ лучшіе въ мірѣ.

Долголѣтняя гарантія.

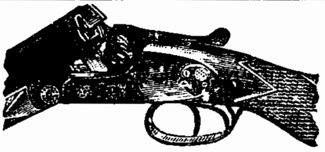
Цѣны велосипедовъ . . . отъ **86** руб.
Цѣны мотоциклетокъ . . . отъ **270** руб.
Каталогъ № 15 безплатно.

Общество Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68.

Васъ всѣ полюбятъ.

Наша новая книга подъ заглавіемъ: **„УСПѢХЪ ВЪ ЛЮБВИ“** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. Любовн. напитки и приготов. ихъ. 20 секретовъ любви. Магія любви и множество другихъ полезныхъ совѣтовъ. Цѣна съ пересылкой въ закрытомъ пакетѣ съ наложен. плат. 1 руб. 75 коп. Адресъ: Москва, абонементный ящикъ № 974,

2-2 **Г. Давыдову.** 3068



Оружейный складъ и магазинъ И. И. ЧИЖОВА

СПБ., Литейный просп., № 51

извѣщаетъ Гг. Охотниковъ о выходѣ новаго прейсъ-куранта № 12 на 1914—1915 г. Содержитъ послѣднія новости. По требованію въ провинцію высылается, а въ Петербургѣ выдается безплатно.

8-1 3072

ОЖИРѢНІЕ.

Прочь обременительный жиръ! Стройная фигура, благодаря рекомендованному врачами **пріятному на вкусъ травяному чаю.** Значительное убавленіе вѣса **безъ соблюденія діэты. За успѣхъ и безвредность ручается фирма.** Единственное правильное лѣченіе отъ ожирѣнія. 1 пакетъ 2 р., 3 пакета 5 р. Химическая фабрика **Д-ръ Балловицъ и Ко, Рига. Отд. А. В.** Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Ежедневно поступаютъ благодарственныя письма. Такъ, г-жа Т. пишетъ: „Мнѣ убавилось 40 фунт.“. Г. С.: „Убавилось въ теченіе 3-хъ недѣль 26 фунт., буду Васъ всюду рекомендовать“.

3108 8-1

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Спερминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья, С.П.Б.

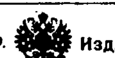
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2953 13-4

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской **ОБУВИ** по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 **руб.**

„Книга о консервахъ". Практич. и теоретич. руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестянкахъ и бутылкахъ, съ **13-ю рис.**, составленное **Маріей Ределинъ.** 116 стр. въ 16 д. л. **Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.  Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ

МУЖСКАЯ НЕВРАСТЕНІЯ

МОЖЕТЪ БЫТЬ РАДИКАЛЬНО ИЗЛѢЧЕНА ТОЛЬКО ТѢМЪ СРЕДСТВОМЪ, КОТОРОЕ

1) снабжаетъ истощенную нервную систему неврастеника фосфоромъ,
2) производитъ систематическое укрѣпленіе всей нервной системы и
3) устраняетъ нервную мышечную разслабленность органовъ.

ЭТИМИ **ТРЕМЯ КАЧЕСТВАМИ** ВЪ НАИБОЛѢЕ ПОЛНОЙ СТЕПЕНИ ОБЛАДАЕТЪ ТОЛЬКО ПРИЗНАННЫЙ КРУПНЫМИ ПРОФЕССОРАМИ ЗА ЛУЧШЕЕ НЕРВОУКРѢПЛЯЮЩЕЕ ЛѢКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

СТИМУЛОЛЪ

Д-РА ГЛЭЗА.

Профессоръ Ланге на основаніи многочисленныхъ наблюденій офиціально рекомендуетъ Стимулолъ Д-ра Глэза, какъ выдающееся средство при лѣченіи мужской неврастеніи.

Стимулолъ Д-ра Глэза устраняетъ головныя боли, сердцебіенія, общую усталость, душевную подавленность и, укрѣпляя всю нервную систему, возстанавливаетъ нормальную дѣятельность органовъ.

Главное представительство для Россіи:

Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 76/5.

При общей и мужской неврастеніи принимайте только

Стимулолъ Д-ра Глэза

Большой выборъ сѣделъ:

дамскихъ, англійскихъ, скаковыхъ, охотничьихъ, казачьихъ, офицерскихъ, форменныхъ и проч.,

сбруи и англійск. шоръ въ готов. видѣ и на заказъ.

Всѣ конюшенныя и манежныя принадлежности.

ОФИЦЕРСКОЕ ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНІЕ.

Прейсъ-курантъ высылается по требованію. 3102

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ,

С.-Петербургъ, ул. Гоголя, № 4, телеф. 62-66.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ". Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2909 15-4

ПРОРОКЪ АЛИ МАГОММЕДЪ

Докторъ индусской философіи и египетскихъ таинственныхъ наукъ.

Могущественный совѣтникъ и повелитель духа, послѣ паломнической поѣздки по различнымъ странамъ, возвратился въ избранное имъ отечество. Онъ не дилетантъ въ своемъ искусствѣ, ибо состарѣлся и посѣдѣлъ въ исполненіи своей задачи, предсказывать судьбу человѣка и націй. Сей человѣкъ нашелъ многихъ послѣдователей, однако-жъ пресса и народы всѣхъ націй считаютъ его единственнымъ. Онъ предлагаетъ открыть вамъ прошлое, настоящее и будущее, указываетъ вамъ путь для избѣжанія заблужденій, помогаетъ утѣсненнымъ и предлагаетъ воспользоваться его мудростью, сдѣлавшеюся изреченіемъ для всего міра. Читайте, что другіе про него говорятъ, и пишите о безплатной высылкѣ Вамъ пробнаго жизнеописанія.

Мр. С. Д. Эдге, побѣдитель приза Гордонъ Беннэтъ, 1912: „Прямо изумительныя открытія науки, которая отчасти, къ сожалѣнію, еще не понята, но содержитъ цѣлую массу сюрпризовъ и предсказаній, точность которыхъ достойна удивленія".

Госпожа Герда Ф. Робертусъ, извѣстная поэтесса: „Эскизъ, который Вы приготовили на основаніи гороскопа о моей жизни, абсолютно меня изумилъ и убѣдилъ до того, что я не медлю заказать у Васъ подробное толкованіе".

Реф. Б. Р. Хамберсъ. Оопобо Гиферъ, Эгванга, Зутернъ Нигерія: „Я считаю себя обязаннымъ Вамъ сказать, что всѣ Ваши предсказанія сбылись, и искренно благодарю Васъ за Вашу помощь. Я вполнѣ убѣжденъ, что Вы мастеръ въ своемъ искусствѣ и что Вы внѣ всякаго самолюбія".

Миссъ Мари Перреа, знаменитая актриса: „Я нахожу описаніе замѣчательнымъ. Я прямо поражена, какъ можно съ такой точностью описать прошлое, настоящее и будущее".

„Невѣроятно", говоритъ Д-ръ Элистонъ Бингхамъ, „какъ можно быть такъ одареннымъ, какъ этотъ человѣкъ, отгадывать жизнь людей, не видя ихъ самихъ".

Не присылайте денегъ, лишь только напишите день рожденія, господинъ или дама, женатъ или свободенъ, равно какъ и собственноручно адресованный конвертъ съ вашимъ адресомъ. Если желаете, приложите 25 коп. почтовыми марками на пересылку и письменн. расходы. Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать. Всѣ письма въ Англію оплачиваются 10 коп. марками. Писать къ его секретарю.

(10) **Roberts Morley II, 23 Bedford Street, Strand, London, ENGLAND.** 1230

Робертсъ Морли II, 23 Бедфордъ Штрейтъ, Штрандъ, Лондонъ. Англія.

2599 6 5

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «**АРМАТИНОМЪ**», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гоноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ:

МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ“.

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Лугансkъ, 22/2—1913 г.“.

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ, спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.“. 2830 (5)

Торговый Домъ **К. ЛОРЕНЦЪ и К°**, Москва, Мясницкая, 22—42

предлагаетъ въ РАЗСРОЧКУ:

Фотограф. отдѣлъ:

ГРАФИЧЕСК. аппараты, объективы, призменн. бинокли и проч. лучшихъ моделей.

Полный прейсъ-курантъ и условіе продажи за 21 коп. марками, краткій **безплатно.** 3057 3-2

ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Самоходные токарные Станки Англійскіе для любителей и точныхъ работъ.

Требуйте проспектъ п. г. и условіе продажи **безплатно.**

СЪЕМНЫЕ ЛОДОЧНЫЕ МОТОРЫ

новѣйш. конструкціи. **„Кобан“** 2-хъ цилиндров. уравновѣшанн. 3 дѣствит. лош. силы. **„Макъ“** 2½ дѣйствит. лош. силы. Зажигъ батарейный и отъ магнето. Цѣны отъ 220—300 рублей. Проспектъ „М“ и условіе продажи **высылается безплатно.**

Гитары въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 125 и 150 руб.

Мандолины въ 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125, 150 и 200 р.

Балалайки въ 4, 5, 6, 9, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р., дешевыя 2 и 3 руб.

Гармоніи въ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и дороже до 175 руб.

Граммофоны усовершенствованной конструкціи въ 15, 18, 25, 35, 45, 55, 75, 100 р. и дороже.

Фортуна лучшія музыкальныя шкатулки въ 7½, 10, 18, 25, 40, 50, 60, 85, 110 р. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію. 3100

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. **Москва**, Кузнецкій м. **Рига**, Сарайная, 15.

Thüringisches

Technikum Jlmenau

Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ. 2105 10-5

Дир. проф. Шмидтъ.

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.

ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ

С.П.Б., ГОРОХОВАЯ, 9.

9-26 1262

Предм. общеполезные, хозяйственные, для подарковъ. **ЭЛЕКТРОТЕХНИКА:** динамо, эл.-двигатели, аккумуляторы, элементы, батареи, эл. лампочки, медицинск. аппар., электрическ. и др. звонки, электрич. фонари и пр. **ФОТОГРАФІЯ:** аппараты, камеры и принадлежн. **ОПТИКА:** кинематографы, микроскопы, стереоскопы, зрительн. трубы, бинокли, очки, барометры. **РАЗНЫЕ ПРИБОРЫ:** хозяйствен. принадлежности, занятія, игры и проч., *прейсъ-курантъ* высыл. безплатно. 3100

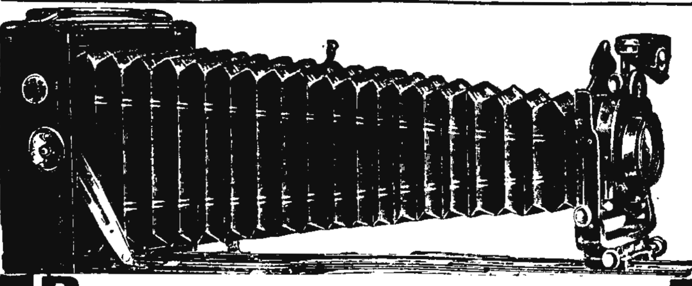
К. ПОЛИВАНОВЪ. МОСКВА, Коммерческій, № 103.

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца 5-3

являются веснушки. Особенно обильно являются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — этотъ обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ — относились къ разряду тѣхъ золъ природы, съ которыми человѣкъ еще безсиленъ бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность Крема **КАЗИМИ** Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполнѣ основательно, ибо кремъ КАЗИМИ радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ. 3149

17591 (96)

Никуда негодную подделку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма Dr. Bayer és Tårsa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякій заслуживающій довѣрія можетъ пріобрѣсти лучшіе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными взносами. Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренціи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.

2995 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10—7. 5-5

КНЕЙППСКІЙ СОЛОДОВЫЙ КОФЕ КАТРЕЙНЕРА

САМЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ НАПИТОКЪ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

ЗАВОДЫ ВЪ РИГѢ.